

sf_fantasy
sf_heroic

Андрей
Васильев

Ведьмак.- А. Смолин. 5 книг

...Что можно получить, совершив доброе дело? Например — благодарность. Или — похвалу. А может — просто хорошее настроение. Но это если все пойдет так, как у людей водится. Но если нет... Вот Александр Смолин, обычный московский парень, работающий среднестатистическим клерком в банке, помог вроде бы самому обычному старику, когда тому стало плохо на улице. Правда, помощь запоздала, старик умер. Казалось бы — штатная ситуация. Но старик тот возьми, да и окажись ведьмаком. А тем перед смертью непременно кому-то свою ведьмачью силу передать надо, вот Смолин и попал под ее раздачу. И тут такое началось...

Содержание сборника:

1. Чужая сила.
2. Знаки ночи.
3. Тень света.
4. Час полнолуния.
5. Темное время.

ведьмы, колдовство, нечистая сила, сверхспособности, становление героя,
2019

ru

Москва
2020

Андрей Васильев
«А. Смолин, ведьмак»

Сборник

Чужая сила

Все персонажи данной книги выдуманы автором. Все совпадения с реальными лицами, местами, происходящими или произошедшими ранее событиями не более чем случайность.

Глава 1

Спешка — враг всего сущего на земле. Мне это прекрасно известно, поскольку с раннего детства мама и бабушка неустанно повторяли в унисон: «Санечка, если не хочешь никуда

опаздывать, учись бережно обращаться со временем. Собирайся заранее, выходи из дома с запасом». И так — изо дня в день, из года в год. Вот только не пошла их наука мне впрок — я все равно не научился искусству приходить куда-то вовремя. То есть иногда мне это удается, но какой ценой! Растрепанные волосы, сбившееся дыхание и красные щеки — вот обычный результат моих забегов на короткие, средние и длинные дистанции. Как сказал бы мой приятель Павел, я выгляжу так, словно только что кого-то... Ну, вы поняли.

Да кабы так, то еще ничего, мне бы не обидно было. Это и вспомнить приятно, особенно если женщина красивая. Да шут с ними, с воспоминаниями, тут даже сам факт того, что красавицу вот так, на ходу, между прочим... Самооценка до небес взлетит. Проще говоря, это причина, которой можно не стыдиться. А у меня что? Как правило, это поиски свежей или хотя бы не слишком мятой сорочки, а также попытки обнаружить в квартире местонахождение смартфона. Вот типичные причины того, почему я всегда опаздываю. Это даже не следствие моей безалаберности, это просто фигня какая-то. Я даже иногда думаю — может, меня кто-то проклял?

И если уж совсем честно, на кой ляд я сдался очень красивой женщине? Кто я такой есть? Среднестатистический клерк со всеми прилегающими к этой общности людей характерными чертами, то есть с намечающимся от сидячей работы и сухомютки животиком, зарплатной картой, на которой постоянно нет денег, и перманентно сонными глазами.

Да еще и с дурацкой привычкой везде опаздывать, а особенно — на работу. И налетать за это на штрафы.

В довершение всего недавно у нас на работе турникеты установили, те, к которым личные карточки надо прикладывать. И теперь в начале каждого месяца подводится эдакий баланс — кто на сколько опоздал, кто как часто курить бегал, ну и так далее. Начальник службы безопасности Силуянов лично все проверяет, и в эти дни из глубин третьего этажа нашего здания, из того отсека, где «безопасники» сидят, раздается его демонический смех. Я как-то его слышал, когда к ним документы на визирование относил. Очень страшно. Серьезно. Впрочем, это рвение легко объяснимо. «Безопасникам» турникет надо как-то окупать, и делается это за наш счет. Штрафы — они такие штрафы, и никого они не минуют. А особенно — меня.

Просто мне от службы безопасности перепадает больше, чем остальным. Силуянов меня отчего-то сильно не любит, причем этого даже не скрывает. В чем причина — неизвестно, но факт есть факт. Если к кому-то вроде Пашки Винокурова из казначейства он иногда благоволит, закрывая глаза на более-менее несерьезные проколы, то все мои косяки, даже мельчайшие, непременно учитываются и превращаются в служебные записки, которые идут на стол к руководству. Я иногда уже чихать боюсь, серьезно. А вдруг обвинят в том, что сознательно собираюсь заразить особо опасным вирусом гриппа всех-всех-всех сотрудников нашего банка, а это уже диверсия. Или даже хуже того — теракт. Накатает Силуянов злобную телегу председателю правления, выведут меня во внутренний двор и, даже не дав сказать последнего слова, расстреляют. Единственный плюс в этом — попробовать перед словом «Пли!» все-таки высказать этому блюстителю порядка то, что я о нем думаю. Выкрикнуть: «Гад ты плешивый!» — и принять в грудь град пуль, а после красиво завалиться на бок, пятная кровью асфальт.

Тьфу, какая чушь в голову лезет сегодня. Хотя когда о подобной ерунде размышляешь, то дыхание от быстрой ходьбы, почти бега, не так сбивается.

Итак, с самого начала, а то я опять бегу впереди паровоза. Впрочем, это моя отличительная черта — я все время спешу, даже рассказывая о себе. Меня зовут Александр Смолин, я работаю в одном из московских банков в службе финансового мониторинга. Мне двадцать четыре года, я не женат... Уже не женат. Хотя по здравом размышлении назвать браком шесть месяцев непрерывных скандалов, первый из которых грянул сразу после росписи, а последний завершился аккуратно после получения свидетельства о расторжении брака, трудновато. Для меня самого загадка, зачем я тогда в загс направился вообще. Точнее, мы направились. Ведь с самого начала было понятно, что эта попытка никуда не годится. Впрочем, это вопрос, на который ответ не будет дан никогда. Если бы хоть половина мужчин смогла ответить на него, то одной извечной тайны бытия стало бы меньше. Нет, на самом деле все было не так уж и плохо сначала. Мне иногда кажется, что если бы мы со Светкой не завершили конфетно-букетный период так стремительно, то все могло бы быть по-другому. Хотя нет. Ее мама все равно приняла бы деятельное участие в происходящем.

Не стану скрывать — процентов на пятьдесят я виню в нашем разводе эту старую... леди. Думаю, вы поняли, какое слово я имел в виду, да? Там нет никакого носа крючком и седых патл под платком, напротив, Полина Олеговна очень за собой следит, тратит кучу

мужниных денег на процедуры и, подозреваю, даже делала пластику. Но все равно она... Да ведьма она, чего уж.

Ладно, все. Ведь давал же себе слово забыть и о Светке, и о ее мамаше. Что было, то прошло. Как там у нас в корпоративном уставе написано? «Мы команда единомышленников, уверенно смотрящая в будущее». Ну, слово «команда» следует заменить на «террариум», а так все верно. Позитив и уверенность — вот что следует излучать сотруднику преуспевающей компании. Нет-нет, тут никакой иронии, пока все так. Мы даже проверку ЦБ благополучно прошли, по нашим временам это серьезный показатель успешности.

И это, бесспорно, заслуга всего коллектива.

Черт.

Прав был Винокуров, через какое-то время мы все начинаем думать и говорить казенными штампами, фразами из должностных инструкций и рекламных буклетов. Даже в быту. Даже с самими собой. Я думал, он шутит, но похоже, что нет.

Я мчался по Гоголевскому со скоростью чайки, летящей над бушующим морем к берегу, мой «Самсонит» хлопал меня по боку. А может, успею? Что там осталось? Семь минут?

Точно успею! Сейчас на переход — и вот он, Сивцев Вражек.

Наш славный «СКД-банк» расположен отменно, это частично компенсирует не самую большую, по столичным меркам, зарплату, периодическое помешательство высшего руководства, выражающееся в генерировании изначально невыполнимых идей, и придирки Силуянова.

Сивцев Вражек — это очень уютная московская улица, которая умудрилась сохранить свой облик даже в наше стремительное время. В ней есть какое-то очарование той Москвы, которую теперь все чаще называют Старой, причем имея в виду не восемнадцатый и девятнадцатый век, а середину — конец двадцатого.

Девяностые годы, понятное дело, ее все-таки потрепали, несколько зданий перестали существовать, но все-таки эта улица сумела уцелеть. Вроде вокруг центр с его круглосуточным шумом большого города, слева — Остоженка, справа — Новый Арбат, и при этом на Сивцевом Вражке всегда тишина и покой.

Плюс до «Кропоткинской» недалеко. Или до «Смоленской», хотя туда топтать подальше будет. Это очень удобно, когда разные ветки метро рядом. Наша жизнь такая — никогда не знаешь, куда тебя вечером занесет.

Хотя меня редко куда-то заносит в последнее время. И сам не хочу, да и, если честно, не зовут никуда особо. Да и раньше не звали, еще в институте. Это Винокуров у нас фейерверк, вокруг него даже воздух искрит. Шутки, прибаутки и все такое-прочее, включая восхищенные взгляды девчонок из кредитного и даже операционного. Просто последних чем-то удивить сложно, они с клиентами работают, а это полностью отбивает все чувства — от удивления до отвращения. На «текучке» сидеть — это, я вам скажу, еще то удовольствие.

Так вот, он такой, а я... Я не умею вот так создавать вокруг себя праздник. И рад бы, да не получается, как у Пашки. Хотя что врать, хотелось бы.

Нет-нет, я тюфяком никогда не был, но и в заводилах сроду не ходил. Не хватает мне для этого чего-то. Чего именно — не знаю. То ли напористости, то ли уверенности в себе, то ли еще чего. Например, харизматичности.

Светка говорила, что я просто не умею в нужный момент подать себя соответствующим образом и проявить необходимую гибкость и предприимчивость. Ну, это я красиво завернул, так-то она меня просто тюленем называла. Но смысл-то этот?

Ну да, не умею. Дома решаю вечером — пойду и потребую. А на работе как-то не выходит реализовать задуманное. То не ко времени, то еще что. Или просто ежедневная карусель закружит, и вспоминаешь о задуманном только по дороге домой.

Потому, наверное, и сижу на своей должности уже третий год без повышения. Не скажу, что меня это сильно расстраивает, но все-таки немного обидно, что Людка Кузнецова, пришедшая через год после меня и у меня же обучавшаяся, уже заместитель начальника отдела, а я все так и роюсь в проводках предыдущего дня, отыскивая среди них сомнительные операции.

Утешает только то, что я не один такой. Имя нам — легион. И успокаиваем мы друг друга на перекурах фразами вроде:

— Зато нам любая проверка по фигу. Отдуться-то начальникам, а мы свое дело сделали — и домой.

Сомнительное утешение, но лучше такое, чем никакого.

Вот так, за размышлениями, я пробежал половину Гоголевского бульвара и был совсем рядом с переходом, за которым начинался Сивцев, но тут меня остановил женский оклик:

— Молодой человек, вы не поможете? Тут дедушке плохо, надо его хотя бы поднять, что же он так лежит? А нам не справиться.

Я посмотрел налево — и верно, на скамейке боком лежал тучный старик с багровым лицом, а около него суетились две женщины. Как видно, молодые мамы, поскольку рядом с ними стояли прогулочные коляски с карапузами, с интересом наблюдавшими за происходящим.

— Не можем поднять, — жалобно посмотрела на меня одна из женщин, миниатюрная брюнетка. — Очень он тяжелый. «Скорую»-то мы вызвали уже, да пока она сюда доедет.

— Может, тогда лучше и не трогать? — резонно предположил я. — Пусть себе лежит. Пошевелим его, а в голове дедушки какой сосудик лопнет, еще хуже станет.

Не скажу, что мне было трудно им помочь, но эта идея не очень понравилась. Сейчас я его подниму, он, не дай бог, крикнет, и быть мне крайним.

— Надо, — с уверенностью человека, который постиг все тайны медицины, сказала брюнетка. — Я читала. И у Малышевой видела в программе. Или не у Малышевой? В общем, надо.

Ну, раз у Малышевой, тогда конечно. Да и что теперь? Остановившись рядом со скамейкой, я все равно опоздал и тем самым обрек себя на очередную объяснительную. И на штраф. Я перекинул ремень «Самсонайта» через шею, чтобы сумка не мешала, и посмотрел на старика.

Глаза у него были плотно закрыты, он трубно сопел красным широким носом, чем-то напоминая закипающий чайник, на виске дергалась жилка. Как видно, ему и впрямь было лихо.

На белой, в мелкую клетку рубашке у него расплылись темные пятна, что и неудивительно — утро выдалось жарким, благо июнь на дворе, а масса тела у деда изрядная. Еще подниму ли? Что-то я в этом засомневался.

— Ну-ка, отец. — Я чуть присел и подхватил его под руки, слегка поморщившись от ударившего в нос запаха старости и пота. — Что же это тебя так растопырило-то?

— Так годы, — заставив меня вздрогнуть, басом ответил дед. — Дожали, проклятые. Напрягая все свои скромные силы (я не спортсмен от слова «совсем»), я кое-как усадил старика. Сделав это, плюхнулся на скамейку рядом с ним.

— Дедушка, может, вам таблетку? — спросила у него сердобольная брюнетка. — У меня, правда, нитроглицерина нет и валидола тоже, но есть но-шпа.

— Что мне твоя таблетка? — так и не открыв глаза, спросил у нее старик. — Все уже, пора мне за кромку. Тут лекарства не помогут, тут другое надо.

— Зря вы так, — вступила в беседу вторая женщина, в отличие от своей подруги — блондинка. — Я вот недавно в журнале читала, что наша жизнь зависит от нас самих. Если говорить себе, что ты здоров, то и будешь таким. Если в это по-настоящему верить, имеется в виду. Нет, медицину со счетов сбрасывать не следует, это само собой, но эмоциональный настрой и постоянный позитив очень многое решают.

— Ну да, ну да, — расхохотался дед, показав на редкость хорошие для своего возраста зубы. Может, вставные? — Скажешь — не болят кишки, вот они и пройдут сами собой. Смех, похоже, подкосил его окончательно, поскольку он сразу же закашлялся, хрипло задышал и приложил руку к правому боку.

— Плохо, — сообщил старик нам и наконец открыл глаза. — Не поможет мне вера, вот какая штука, девки. Не может помочь то, чего нет.

Женщины поджали губы, как видно, слово «девки» им не сильно понравилось.

Судя по всему, дед был плох, но прямо сейчас богу душу отдавать не собирался, потому я счел свою миссию выполненной. Я не медик, что мог — то сделал.

— Пойду. — Я встал со скамейки. — Просто мне на работу пора.

— Спасибо тебе, парень, — прогудел старик, повернув ко мне голову. — За помощь — спасибо.

Я пересекся с ним взглядом и немного опешил. Это у него линзы, что ли? Просто до того я не видел у людей такого радикально зеленого цвета глаз. Я вообще не очень хорошо разбираюсь в их цветах. Кто-то вот различает карие глаза и голубые, а по мне все они одинаковые. Но тут цвет был очень уж ярко выражен.

— Да не за что. — Я глянул на экран смартфона, который достал из кармана, и убедился, что точно опоздал. — Все мы люди, все мы человеки.

— Спорный вопрос, — заметил старик, закашлялся, а после вытер рот рукавом рубашки. — Можешь мне поверить. Да постой, куда собрался? Скажи, ты из городских?

— В смысле? — не понял вопроса я.

— Родом из города? — уточнил старик.

— Ну да. — Меня, если честно, он начал раздражать.

Ну вот какое ему дело до того, где я родился? И потом, не люблю я откровенничать с незнакомыми людьми.

— А родители твои — тоже городские? — настырничал он.

— И родители, и родители родителей, — добавив в голос сарказма, ответил я. — Дедушка, я пойду, извините. Времени совсем нет.

— Да и нам пора, — сообщили почти в унисон женщины с колясками.

— Плохо, — пожевал губами старик. — Городской, да еще и обормот, похоже, изрядный. Вон, рубаха-то из штанов торчит. Из-э-эх... Ладно, парень, держи руку, что уж теперь. Я не понял сначала насчет рубашки, но, бросив взгляд вниз, сообразил, о чем говорит странный дед, — вылезла она немного из-под ремня. Тоже мне, модный критик. Бывает. Не из ширинки же?

Заправив ее, я заметил, что дед так и не опустил руку, протянутую мне. Мало того — он внимательно смотрел на меня, явно ожидая ответного жеста.

Надо пожать — пожму, ничего такого здесь нет. Может, после этого он от меня отстанет, и я наконец-то с чистой совестью отправлюсь на работу?

Широко улыбнувшись (люди это любят), я сжал его широченную ладонь. Точнее, попробовал это сделать.

— Тонковат в кости. Эх, городские! — просипел дед, сжимая мою руку. — Ладно, ничего. Главное, чтобы стержень внутри был, чтобы сдюжил. Чтобы, значит, не пропало... Что он имел в виду под словами «не пропало», я так и не понял. Да и когда? Дед закрыл глаза, его рука сжалась как клещи, сдавив мою ладонь так, что я даже взвыл от боли, но это были еще цветочки.

Ягодки начались через пару секунд. Меня как молнией от головы до пят пробило, это точно был электрический разряд, его ни с чем не спутаешь. В детстве я как-то мамину шпильку в розетку засунул, так что ощущения помню прекрасно. Как вообще меня тогда не убило, до сих пор голову ломаю.

Вот и здесь было то же самое. Меня пару раз тряхануло, я попробовал вытащить свою руку из железного захвата старика, но сделать этого не удалось. А потом в голове что-то бумкнуло, перед глазами рассыпался яркий пучок искр, и я потерял сознание.

— Помер он, — именно это было первое, что я услышал, когда пришел в себя. — Не дышит. А твой?

Мне на лицо полилась какая-то жидкость.

— Вроде живой, — неуверенно произнесла брюнетка, голос которой я узнал.

— Живой, — недовольно сказал я и открыл глаза. — Все-все, не лейте больше!

Представляю, что стало с воротником рубашки. Да что с воротником — с моим внешним видом в целом. Лежание на земле, пусть даже и на облагороженном и аккуратеньком Гоголевском бульваре, не способствует сохранению опрятного внешнего вида.

Что это было-то? Отчего меня дернуло так, что я даже сознание потерял? Ерунда какая-то.

— Ну, хоть этот в порядке, — обрадовалась вторая женщина и испуганно посмотрела на деда, который так и сидел на скамейке, снова закрыв глаза.

Хотя нет, не так. Проглядывала в его облике какая-то неуловимая деталь, безоговорочно свидетельствующая о том, что этот человек не спит, не думает о чем-то, а мертв. Какая-то фатальная расслабленность была видна сейчас в позе старика, слишком уж умиротворенное лицо, у живых такого не бывает.

Говорят, что раньше, в старые времена, люди мертвецов боялись. Не в мистическом смысле — ходячие трупы бывают только в фильмах ужасов, а просто не любили люди вида смерти. Такое уж свойство есть у человеческой природы, живое — живым, мертвое — мертвым. Нет, есть отдельные личности, которым смерть — сестра, подруга и сфера деятельности, но это, скорее, исключения из правил. Понятно, что медикам и полицейским без этого никуда, но остальные люди, с более мирными профессиями, старались держаться от мертвых подальше. Ясно, что совсем уж отстраниться от этого у них не получалось, но одно дело — свой мертвец, дедушка там или бабушка, и совсем другое — совершенно незнакомый тебе покойник.

Три последних десятилетия отучили горожан, по крайней мере московское народонаселение, бояться подобного. Ревущие девяностые, с их постоянными перестрелками и утренними трупами на улицах, в результате отбили у людей привычку с воплями шараться от мертвых тел. Как, впрочем, и без особой нужды их трогать, чтобы не нажить себе лишних проблем. Одно время было так — кто нашел покойника и о нем сообщил куда следует, тот и есть злодей-убийца. Циничные же нулевые, в которые я рос, в свою очередь, выработали дополнительный защитный рефлекс при виде чужой боли, бед и смерти, добавив людям толику равнодушия. Что поделаешь — люди смертны. И потом — все там будем. Со своими бы проблемами разобраться.

Говорят, что на периферии народ душевней, мимо не пройдет, поможет незнакомому человеку, даже если тот не просит о помощи. Хорошо им там. У нас такого давно нет.

Вот и сейчас — вроде бы что-то не то происходит, один человек, похоже, помер, второй валяется на земле и его поливают водой, а люди знай проходят мимо. Бросят любопытный взгляд, блеснут глазами — и бегут дальше. Все так, все верно — пока к ним не обратились, лезть не стоит. От греха.

Нас это не касалось, мы уже по самые уши вляпались в ситуацию. Нет, дед, который еще пару минут назад кхекал, говорил странные вещи и трубил носом, а сейчас безмолвно раскинулся на скамейке, бесспорно, вызвал у нас троих чувство жалости — все-таки живой человек был. Но почти немедленно к жалости примешалось и раздражение, по крайней мере, у меня.

— Новое дело. — Я встал на ноги и отряхнул брюки. — Он еще и помер. Ну все, теперь точно прогул заработаю. Пока полиция приедет, пока протокол составят... Еще и в отделение небось потащат.

— Мы не можем в отделение, — переглянулись женщины. — Нам скоро есть и спать. У нас режим.

— Вы спортсменки, что ли? — изумился я.

— Да нет. Нам — это, в смысле, им. — Брюнетка показала на серьезного малыша в коляске и звонко рассмеялась, но тут же осеклась, испуганно посмотрев на покойника. Ну да, рядом с мертвым телом как-то неловко хихикать. — У вас просто детей нет, а то бы поняли.

— У вас режим, у меня работа. — Я снял сумку и поставил ее на скамейку, после стянул с себя пиджак. — В результате ни мне, ни вам не видать желаемого. Черт, черт, вся спина угваздалась!

— Скажите. — Блондинка качнула коляску. — А вы отчего в обморок упали?

Ее подруга немедленно с интересом уставилась на меня.

— Не знаю. — Я постучал рукой по пиджаку и поморщился при виде пыли, которая из него полетела. — Сам не понял. Но вообще он мне руку очень сильно сжал, чуть не раздавил.

— Наверное, болевой шок, — со знанием дела сказала брюнетка. — У Малышевой про такое рассказывали.

— И у доктора Комаровского — тоже, — поддержала ее подруга.

— Девушки, милые, — я натянул пиджак и закинул сумку на плечо, — давайте я вам оставлю свой телефон и пойду, а? Мы же взрослые люди, понятно, что дед помер сам по себе, скорее всего от инфаркта, медики наверняка это подтвердят. А если у ментов будут вопросы, то я подъеду куда надо и дам показания.

Вообще-то это было не очень правильно, в подобных ситуациях лучше разбираться на месте, но очень мне не хотелось заработать прогул. Силуянов такое точно не проморгает, накагает докладную и отправит ее наверх. Не скажу, что у меня служебное положение шаткое, но кто знает? Лишний «косяк» никому не нужен.

Впрочем, можно будет у полиции справку выпросить, они вроде такую выписывают. В конце-то концов, я гражданский долг выполнял, помогал ближнему своему.

— Нет-нет, — посерьезнела блондинка. — Оставайтесь с нами. Мало ли что?

— И вообще, правильной будет, если мы уйдем, а вы останетесь, — поддержала ее брюнетка. — Вы мужчина, вам и разбираться. У меня вот муж...

Что там у нее с мужем, я так и не дослушал, поскольку заметил полицейский наряд, который неспешно шествовал по бульвару, как видно совершая свой будничные обход.

— Господа полицейские! — зычно крикнул я и помахал рукой. — Можно вас?

Немногочисленные прохожие с большим интересом стали окидывать нас взглядами, но все так же шествовали мимо.

— Сержант Сеницын, — козырнул один из полицейских, когда наряд подошел к нам. — Что у вас слу... Опа. Жмурик.

— Ага, — вздохнул я, показывая на старика. — Меня вот женщины окликнули, сказали, что деду плохо, он даже на скамейку завалился. Мы его подняли, он с минуту поговорил, руку мне пожал, вроде как вместо «спасибо», и того... Вот и вся история.

— Инфаркт, — со знанием дела сказал второй, безымянный полицейский. Он осмотрел тело, оттянул веко, пытаясь что-то увидеть в мертвом глазу старика, и сейчас деловито и умело лазал по его карманам. — Саш, документов нет. Свезло нам, получили мы неопознанный труп.

— Он вам никак не представился? — с надеждой поинтересовался у нас сержант Сеницын. — Может, фамилию свою назвал или хотя бы имя?

— Нет, — покачан головой я. — Ничего такого не было.

— Я так думаю, он деревенский был, — неожиданно подала голос блондинка. — Речь у него была не городская. Нас девками назвал. Не в смысле — девки из сауны, а так, как в деревнях говорят.

— Да-да, — подтвердила брюнетка. — Так и было.

— Час от часу не легче, — вздохнул безымянный полицейский. — Ладно, надо труповозку вызывать. Скоро тут солнце будет, дед тучный, начнет еще оплывать. Да и детей скоро прибавится, ни к чему им на такое смотреть.

— Мы «скорую» вызвали, — поделилась с ним брюнетка. — Минут как пятнадцать уже.

— Молодцы, — одобрил сказанное сержант Сеницын. — Давайте-ка я пока ваши данные перепишу. Скорее всего, вам придется подойти к нам в отделение, дать показания.

— Но это не сегодня? — с надеждой спросил я. — Не сейчас?

— Нет, — обрадовал меня сержант. — На неделе. Следователь с вами свяжется. Да тут дело ясное, не переживайте. Пожилой человек, грузный, перепады температур, вот и... Сами посудите — пять дней назад жара, три дня назад чуть ли не минусовая температура, а сегодня — опять пекло. Такое не всякий молодой легко перенесет. У меня вот голова болит не переставая.

К моей великой радости, все закончилось быстро. Сержант Сеницын записал в блокнот наши данные, для проверки набрал телефонные номера, убедился, что они действительно существуют, и наконец сказал:

— Все, граждане, больше не задерживаю. С вами свяжутся.

Я распрощался с женщинами, которые тоже были невероятно рады тому, что все закончилось, и поспешил к переходу.

Уже перейдя дорогу, я зачем-то обернулся и увидел, что к полицейским, присевшим на лавочку рядом с трупом, подошла парочка — молодой парень в светлой куртке и невысокая девушка, чьи рыжие волосы ярко блеснули в лучах утреннего солнца.

Интересно, это кто? Ну не сердобольные же граждане? Хотя чего гадать? Какая мне теперь разница? У меня теперь другой вопрос на повестке дня стоит — как в банк пройти.

Дело в том, что для сотрудников у нас есть отдельный вход, где как раз и стоят вышеупомянутые турникеты, которые фиксируют время прихода и ухода. Но кроме него, естественно, есть еще и парадный вход для клиентов, большой и красивый, отделанный мрамором и с дверями на фотоэлементе. Иногда серьезно опоздавшие сотрудники именно через него умудряются проскользнуть на работу, но тут все не так просто. Во-первых, многое зависит от того, какая смена охранников несет вахту. Есть ребята, которые прикроют и промолчат, а есть такие, которые непременно заложат, да еще и подтвердят это видеокадрами с камер наблюдения. Во-вторых, тут может возникнуть некая коллизия — турникет не отметит того, что ты вообще пришел в офис, то есть тебя вроде как и нет. Но при этом по факту ты есть, и это все подтвердят. Силуянов поймет, в чем дело, и затаит зло. В-третьих, самое неприятное — если тебя на подобном прищучат, то проблемы будут куда более серьезные, чем если ты просто опоздаешь. Одно дело — нарушение трудовой дисциплины, другое — попытка умышленного обмана службы безопасности и руководства банка. Это не я такую фразу придумал. Это так Ленку Денисенкову недели две назад честили на «разборе». Ее как раз на подобном прищучили и по этой причине почти полчаса в кабинете начальника отдела по работе с персоналом препарировали, мозг чайной ложкой не торопясь выедали.

Впрочем, она легко отделалась, штрафом. Мне такое не светит, мне в подобном случае чего-нибудь похлеще впаяют. Могут даже сослать в дополнительный офис, куда-нибудь в Обнинск или Электроугли. Нет, это не каторга, и там люди работают, даже есть плюсы, например, отношения в коллективе получше. Оно и ясно — руководство-то все в Москве, отсюда в дополнительных офисах и размеренность бытия, все чинно, благородно, по-семейному. Но сколько туда пилить-то каждое утро и оттуда каждый вечер? Застрелиться и не жить.

Я так и не вспомнил, кто сегодня на главном входе стоит, и решил не рисковать. Черт с ним, штраф так штраф. Будем считать, что я того неизвестного мне деда таким образом помянул.

Впрочем, уже через пару минут я об этом решении пожалел. Прямо у турникета я лоб в лоб столкнулся... как бы вы думали, с кем? Ну да. С Силуяновым.

— А вот и Смолин! — радостно, как-то даже по-детски обрадовался мне он и раскинул руки, как бы предлагая: «Давай обнимемся». — Голубь ты мой сизокрылый. Опять влетел?

— Не без того, Вадим Анатольевич, — хмуро ответил я, признавая очевидное. — Но у меня есть уважительная причина.

— Как и всегда. — Силуянов подошел ко мне, ухватил за плечи и немного потряс. — Как и всегда, Смолин. У тебя все дела да случаи. Но всему в этой жизни приходит конец, включая и мое терпение. Все, «дитя солнца», достал ты меня. Иди на свое рабочее место и жди моего звонка. Я вот сейчас на тебя статистику подберу, в папочку ее аккуратно положу — и пойдем к Чиненковой, там беседу продолжим.

Чиненкова — это как раз тот самый начальник отдела по работе с персоналом. Тетка она лютая и безжалостная, потому и отдел этот называют обычно не «по работе с персоналом», а «по борьбе с персоналом».

— Может, не надо? — решил все-таки попробовать выкрутиться я. — В последний раз?

— Надо. Надо, — заверил меня Силуянов, улыбаясь как родному. — Тем более что в последний раз я тебя пожалел и даже дал добрый совет. Практически отеческий. Ну, вспоминай.

Я почесал затылок. Не помню. Я его тогда особо не слушал, что он нового сказать-то может? Поорал он тогда на меня, да и отпустил.

— Вот! — Силуянов ткнул меня пальцем в грудь, попав аккурат в галстучную булавку. — Ты меня даже не слушал. А я тебе сказал: «Купи себе вазелину и держи его в ящике стола, скоро пригодится». Не купил? Зря. На сухую больше будет.

— Ха-ха-ха, как смешно, — не удержался я, понимая, что терять уже нечего. — Ну, если мне все равно кранты, так я пойду пока, поработаю? До экзекуции?

— Иди. Иди, родной ты мой. — Силуянов сделал жест рукой, показывая, что дорога свободна. — И жди звонка. Я подготовлю все быстро, у меня ты на особом контроле. Вот чего он так на меня взъелся? Дорогу я ему не переходил, денег у него не занимал, даже за спиной гадости почти не говорил. Ну, всяко меньше, чем другие. Но при этом гоняет он меня куда больше, чем остальных. Может, он из этих самых и так мне свою любовь демонстрирует? Школьники понравившихся девчонок за косы таскают, а начальник службы безопасности, соответственно, знай штрафы выписывает.

Хотя даже если он не из этих самых, то все равно к ним относится. Если и не по сексуальной принадлежности, то духовно — точно.

Такая меня злость взяла, вот только выхода у нее не было. Что я могу сделать? Да ничего. Только уволиться, но и это ни к чему хорошему не приведет, Силуянову-то от этого ни жарко, ни холодно. Больше скажу — он только порадует, а потом мне еще и жизнь испортит. Из других мест за справкой о моем нравственном и профессиональном статусе к нему же звонить и будут. Представляю, что он наговорит.

— Чтоб тебя стошнило, — прошипел я в спину главного безопасника и побрел в свой отдел, ждать звонка и раздумывать о том, что делать дальше.

Прошел час, прошел второй — телефон молчал. Нет, звонки были, но рабочего характера. Силуянов не звонил.

Время подошло к обеду, и я, подумав немного, решил, что если он до того меня не вызвал, то и в обеденное время вряд ли это станет делать. Может, его вообще куда-то предправ услали, такое случалось. Или еще что-то произошло.

Так оно и оказалось. Произошло. Об этом рассказал мне Витек Рыжков, один из тех охранников, с которыми мы, сотрудники банка, водили дружбу. Был он нормальным парнем, на нас не стучал и на разные мелкие нарушения, из которых во многом и состоит офисная жизнь, прикрывал глаза.

— Не трухай, Саня, — сказал он мне, когда я с ним поздоровался. — Знаю, что он тебя драконил с утра и обещал к Чиненковой отволочь. Можешь выдохнуть, не будет сегодня ничего.

— Почему? — с неподдельным интересом немедленно спросил у него я.

— Травит его, — хмыкнув, ответил мне Витек. — Просто невероятно как.

— В смысле? — заморгал глазами я.

Витек отслужил срочную на флоте и частенько использовал в разговоре соответствующую терминологию, которую я не всегда понимал.

— Блюет он. — Витек хохотнул. — Часа два уже, с перерывами по десять минут. Валит все на какой-то йогурт, что с утра съел, и жену материт, которая ему его подсунула. Не поверишь — мне его даже жалко стало под конец, у него в брюхе ничего кроме желчи не осталось уже, его чуть ли не воздухом рвет.

— Есть на свете Бог, — с удовлетворением сказал я. — Отлились кошке мышкены слезки. Да хоть бы его и вовсе наизнанку вывернуло, даже не пожалео.

Витек не стукач, ему такое говорить можно.

— Вот ведь, — покачал он кудрявой головой. — Ты пятый, кому я это рассказываю, и ни один человек его не пожалел. Это же надо так коллективу насолить?

Я кивнул с многозначительным видом, выражая свое согласие с услышанным, и пошел обедать в соседнее кафе.

Вернувшись с обеда, я застал у служебного входа нечто, напоминавшее картину Репина «Боярыня Морозова». Около небольшого крылечка собралась толпа сотрудников банка, с интересом наблюдающая за тем, как два мордатых медбрата закидывали в машину «скорой помощи» носилки, на которых находился Силуянов, бессильно грозивший кому-то пальцем и содрогающийся в рвотных конвульсиях.

Я незамедлительно присоединился к обществу, стараясь спрятать довольную улыбку. Если ее заметит кто-то из силуяновских сподвижников, то непременно об этом доложит, когда тот вернется на службу. А это случится совсем скоро, расслабленный желудок не перелом конечности, такое долго лечить не будут.

— Совсем Силуянову плохо, — заметив меня, сказал Пашка Винокуров. — Прямо наизнанку выворачивает.

— Даже как-то жалко его, — вздохнула сердобольная Наташка Юрченкова из операционного. — Так человека корежит, просто беда.

И вправду — вроде только-только носилки с начальником охраны закинули в «скорую», как из нее раздался вопль:

— Тут не блюй!

Секундой позже в проеме появился бледный как смерть Силуянов, ухватился дрожащей рукой за дверцу, чуть подался вперед и открыл рот.

Девушки брезгливо сморщили носики, но глаза не отвели, с интересом ожидая развития событий.

А их-то и не последовало. Точнее — последовали, но не те, что предполагались. Силуянов постоял с открытым ртом, похватал им воздух, издал страдальческий вопль, отпустил дверцу, пошатнулся и с грохотом рухнул на пол машины, судя по всему, изрядно брякнувшись об него затылком.

— Сдохну сейчас! — донесся до нас его страдальческий полустон-полукрик. — Живодеры, дайте чего-нибудь, пока из меня кишки наружу не пошли!

— Хорошо-то как! — не удержалась от комментария Денисенкова и сладостно вздохнула. — Вы хоть кто-нибудь это на телефон снимите, золотые кадры ведь. Я лично каждый день такое шоу пересматривать буду.

— Лен! — одновременно сказала несколько человек, подразумевая то, что подобные эмоции испытывают почти все, но говорить об этом вслух небезопасно.

— Да по фигу, — верно расценила заботу о себе общества Ленка. — Дальше Солнечногорска не сошлют, а у меня там бывший живет. Год назад он мне здесь мозги клевал, а теперь я ему там буду. Все по-честному.

Это да, Солнечногорск пока являлся конечной географической точкой присутствия нашего банка на карте страны и мира. Имеется в виду — удаленной от Москвы точкой. Туда ссылали тех, от кого хотели избавиться и не могли этого сделать официальным путем. Такое в наше время случается, причем все чаще. Сейчас все работники стали юридически подкованными и знают, что безличного согласия тебя фиг уволишь, ну, если только ты сам не дашь кадровикам в руки козырные карты вроде прогулов. Вот для таких умников и существовал дополнительный офис «Солнечногорский», до которого на электричке два с лишним часа от Москвы ехать. А на машине — и того дольше, учитывая пробки. Нет, работа — она и там работа, тем более, по слухам, управляющий в этом офисе нормальный, и живется служилому люду в нем очень даже неплохо. Но далеко-то как!

— Безумству храбрых, — пробормотал Пашка, косо глянув на Денисенкову.

— А что, доктор, долго вы его продержите? — обратился к врачу, который собрался садиться в машину, заместитель Силуянова. — День, два?

— Не знаю, — равнодушно ответил медик. — Он обезвожен здорово, хотя и не это главное. Важно понять, что послужило причиной случившегося. Тошнит-то многих, но чтобы так, до судорог... Короче, надо анализы взять, проверить все. Так что денька три-четыре мы его точно подержим. Мало ли что? Может, у вашего коллеги простое отравление, а может, чего похуже.

— А куда повезете? — помрачнел заместитель. — Территориально?

Врач переглянулся с водителем. Тот пожал плечами.

— Надо непременно будет узнать, в какую больницу его положат, — сказала Денисенкова негромко. — Я не поленюсь, передачу ему отвезу.

— Да ладно? — Винокуров даже глаза выпучил. — Ты?

— Именно. — Лена зажмурила один глаз, и ее лицо приобрело немного кошачье выражение. — Бадейку салатика из креветок. С майонезом и всем, что к нему прилагается. Нет, даже не из креветок. Я ему туда оливье отвезу. Это еще лучше.

— Мелко мыслишь, — фыркнула ее коллега по операционному и моя тетка Саша Вязьмина. Она растянула губы в ехидной улыбке, блеснула круглыми стеклышками очков и неторопливо произнесла: — Надо торт заказать, килограмма на два-три. С масляным

кремом, орехами, профитролями и всем таким прочим. И с надписью: «Ждем не дождемся».

— А сверху поставить украшение, — вырвалось у меня. — Большой шоколадный унитаз. — Жизни вообще потом не будет, — вздохнула Наташка Федотова, с которой я бок о бок сидел в своем отделе последние два года. — Не простит он. Но когда деньги на этот торт будете собирать, не забудьте ко мне заглянуть. Грех не сброситься на святое дело.

«Скорая» умчалась, а мы направились в офис. Хоть цунами на дворе будет, хоть потоп, хоть зомби-апокалипсис, сотрудники банка должны функционировать в служебное время. Ну или хотя бы создавать видимость кипучей деятельности, присутствуя на своих местах. Прозвучит странновато, но мне моя работа нравится. Вообще-то это редкость, когда люди занимаются именно тем, что им нравится. В смысле — не часто они работают теми, кем на самом деле хотели бы. Как правило, наши устремления не слишком совпадают со способами зарабатывания себе денежки на хлеб насущный. И образование — тоже. Вот Леха, мой сосед по лестничной площадке, хотел быть астрономом, даже что-то такое там окончил. Стал трейдером. Или Юра, что в бухгалтерии сидит, — он по образованию геолог. Ну, о профессии говорить не стану, все и так ясно. Нет, в каком-то смысле тоже ищет, но не руду, а ошибки в отчетах.

Что до меня — я одно из исключений, поскольку окончил финансовую академию и пошел работать в банк, причем случилось это не потому, что где-то работать все-таки надо, а потому, что мне это показалось интересным. Совпало, проще говоря, одно с другим. К чему это все сказано? Повторюсь — я дело свое где-то даже люблю, и для меня ситуация «поработаем после работы» не внештатная. Вообще-то у нас с этим нормально, то есть день закончен, сотрудник свободен. Если «хвостов» не осталось, понятное дело.

А вообще, бывают места с более лютыми нравами. Например, все сидят и дружно ждут, пока предприв или там собственники изволят отбыть из здания. А до той поры — чтобы все на местах были, а ну как начальству захочется что-то у кого-то спросить. Ан человека-то на месте и нет!

Конечно, такое встречается не сильно часто, но тем не менее бывает. И кричать тут о своих правах глупо. Не нравится — свободен, тебя никто не держит.

Но у нас такого нет, потому самое позднее к половине седьмого в банке особо никого не остается. Охрана, пара кредитников, работающих в состоянии пожизненного дедлайна и готовящих досье заемщиков к завтрашнему комитету, да, может, еще кто из казначейства. И я. Мне все равно спешить некуда. Жены у меня, как я уже говорил, нет, постоянной подруги — тоже, из друзей — только пятничные приятели на кружку пива, которые к тому же мои сослуживцы, светскую жизнь я не веду. Вот и выходит — мне что в шесть уйти, что в восемь — все едино, никто нигде не ждет.

И ведь что обидно — опоздаешь на десять минут, так все жилы вытянут. А задержишься на два часа — хоть бы какая сволочь заметила. Хотя все логично. Опоздание происходит в оплаченное работодателем время, а вечером ты тратишь свое личное. Это твой выбор, и больше ничей.

Когда я вышел из здания банка, небо уже потемнело.

— Однако засиделся, — сообщил я невесть кому. — Это перебор.

Ночь летом опускается на город сразу, не так, как весной. В мае это постепенный процесс, сначала приходят сумерки, потом они сгущаются, и только после этого наступает ночь.

Летом, особенно когда оно близится к середине, такой роскоши нет. Просто наверху некто дергает рубильник, и солнце после этого стремительно валится за дома, уступая свое место луне.

Я люблю летние городские ночи. Кому-то это может показаться мазохизмом или даже дурью, но мне нравится город в свете фонарей. Асфальт отдает жар, накопленный за день, запыленная листва еле слышно шелестит о чем-то своем, наконец появляется ветерок, который приятно остужает щеки.

И — запах. Особый городской летний ночной запах, в котором есть все, кроме кислорода, и который ни с чем не спутаешь. В нем смешалось то, из чего состоит мегаполис, — пыль, смог, выхлопные газы, женские духи всех видов и еще бог весть что. Казалось бы — как можно дышать этим всем? Можно. Странно, но куча не самых приятных ароматов, перемешавшись, создает нечто среднее, которое жители вдыхают не без удовольствия и даже называют ночной прохладой.

Кстати, а вы знаете, что у любого горожанина, впервые за долгое время выехавшего на природу, непременно день-два болит голова? И дело не в смене климата и не в погоде, просто мы отвыкли от чистого воздуха как такового.

Когда я наконец-то доехал до своей станции и вышел из метро, совсем уже стемнело. Ночь вступила в свои права, а на небо выбралась луна. Наверное, можно было бы сказать, что она залила все вокруг своим серебристо-призрачным светом, но это будет неправдой. Негде ей

в городе толком разгуляться, здесь слишком много света даже в темное время суток. Фонари, реклама, вывески магазинов заслоняют лунный свет. Москва — город, который никогда не спит.

Впрочем, есть и здесь места, где можно пройтись по лунной дорожке. Например, в парке, который я дважды в день пересекаю — по дороге из дома и по дороге домой. У него не самая хорошая слава со времен лихих девяностых, тогда здесь частенько выясняли свои сложные взаимоотношения братки, после чего под елками и кленами периодически находили простреленные тела, но это когда было? И не вспомнишь уже. А дорогу срезать через него можно очень даже неплохо.

Вот здесь луна была в своем праве, она заливала серебром верхушки деревьев, бросала блики на квадратные плитки дорожек и рисовала дрожащие зигзаги на глади маленьких прудов.

Как я уже сказал, меня всегда радовала ночь с ее относительной тишиной и аурой тайны, которую люди до сих пор не разгадали, но сегодня почему-то я ощущал связь с нею особенно остро.

Более того — топая по парку, я с удивлением отметил тот факт, что стал лучше видеть в темноте. Например, раньше я точно не мог разглядеть скульптуры на детской площадке, которая оставалась слева от меня, а сегодня — пожалуйста, да так отчетливо, что только диву даешься.

Впрочем, это было меньшей из странностей. Когда в кустах, которые я миновал, подала голос ночная птица, то я безошибочно мог сказать, на какой из веток она сидит. Мало того — я откуда-то знал, что называется она «зарянка». Следом за этим в голову полезли совсем уж странные мысли о том, что надо бы запомнить место и следующей весной, в конце апреля, но не позже, сюда наведаться и загадать желание. А если повезет — то и свистнуть из ее гнезда яйцо, в хозяйстве все пригодится. Главное — не забыть прочитать при этом заговор и снять с себя проклятие, которое после этого непременно может ко мне прилипнуть.

Весь этот шквал странных мыслей и не менее странных желаний так захлестнул меня, что я даже остановился и потер лоб.

Ладно. Предположим, про зарядку эту я по телевизору мог слышать, я программы «Нэшнл географикс» при возможности смотрю охотно. Но что за чушь с желаниями и яйцами, это откуда у меня в голове взялось? И что примечательно — мысли странные, непонятные, но при этом они кажутся мне совершенно естественными и привычными.

Может, все? Может, пора на прием к психотерапевту? У нашего брата офисного служителя всякое случается. Стрессы, злоупотребление антидепрессантами и даже нейролептиками, стабильный недосып — это все не ведет к крепкому психическому здоровью. Вон мне приятель, работающий в крупной торговой сети, рассказывал, как у них один паренек из отдела продаж накануне отчета перед собственниками поехал умом, решив, что он — скрепочка из Word. В старой версии такая была, помощником называлась. Реально решил, что он скрепочка, задорно моргал глазами, предлагал дружить всем окружающим и забавно сучил ногами и руками.

Хотя не связывается. Бред, каким бы он ни был, всегда основан на знаниях, уже имеющихся у человека в багаже. Постороннее, неизвестное его составлять не может. И опять выходит, что птичка — ладно, она может в нем фигурировать. А ее яйцо на пару с проклятием — нет. Я помассировал виски и глубоко вдохнул воздух. Он был чуть сыроватый и одновременно очень сладкий. В нем смешались ароматы земли, чуть подопревшей листвы, свежей травы. В этом уголке парка все напоминало настоящий лес. Дорожка здесь была, а вот фонари почему-то ставить не стали, как видно, в заботе о парочках, которые именно здесь ошивались чаще всего. Такая зона для уединения.

Сейчас тут было пустынно, то ли не пришел сюда никто, то ли разошлись уже. Оно и хорошо, лишними сейчас были бы для меня люди, они нарушили бы гармонию, которая внезапно меня захлестнула.

Голова чуть закружилась. Я прикрыл глаза и неожиданно для себя улыбнулся — на сердце стало очень легко, появилось ощущение, что еще чуть-чуть — и я подпрыгну в воздух и полечу. У меня такого с детства не было, лет с семи. Где-то в этом возрасте я перестал верить в то, что люди могут летать. Если не ошибаюсь, это случилось в тот день, когда я пошел в школу, а мой старший братец ехидно сообщил мне, что вся эта канитель — на одиннадцать лет.

Но и это было еще не все. Лес вокруг меня был полон звуков, на которые я раньше не обращал внимания. Я слышал, как вон под той елкой ползет змея, причем знал, что это не просто змея, а гадюка. А под корнями дуба, старого, который помнит еще те времена, когда отсюда до Москвы день езды был, ворочается барсук, тоже очень старый и умудренный

жизнью. Хотя каким он еще может быть, если в городском парке сумел выжить и ни разу никому на глаза не попасться?

А еще вон там, совсем недалеко от меня, рядом с осинами в земле кто-то копается. Я решил ничему не удивляться, взгляделся повнимательнее и сделал десяток шагов в сторону от дорожки. И вправду, рядом с тремя осинками в лунном свете я увидел маленькую сгорбленную фигурку с небольшой лопаткой в руке. Она, сопя, перерубала корешок дерева. Даже не перерубала, а перетирала, поскольку инструмент у нее был деревянный. Странно, почему бы не использовать обычный металлический садовый инвентарь?

— Погибнет же зеленое насаждение, — не найдя ничего лучшего, сказал я. — Жалко.

— Да вот еще, — дребезжаще-ворчливо ответила мне фигурка. — Это осина, ее ни одна холера не возьмет. А когда мне еще осиновый корень брать, если не сегодня? Макушка лета скоро, самое время. Иди, иди отсюда.

И бабка (а кто же еще?) махнула рукой.

— А зачем вам этот корень? — заинтересовался я.

Ну а почему бы не спросить? Раз уж вокруг — сплошные странности, то надо понять, что к чему. Правда, вдруг стало как-то потемнее — на луну напозло небольшое облачко и скрыло ее.

— Так. — Старушка прекратила орудовать лопаткой и выпрямилась. — А ты кто такой? Меня разглядел, уйти не ушел, хоть я тебя и гоню.

Она повернулась ко мне, и я увидел вовсе не старческое лицо. Никакая это не старушка, а вполне красивая молодая женщина. Невысокая — да, но вовсе не старая и не горбатая, как мне показалось с самого начала. Жалко только, луна скрылась, полностью черты ее лица не различишь.

— Здравствуйте, — заулыбался я.

— Здравствуйте, здрасте, — настороженно ответила моя неожиданная знакомица, внимательно смотря на меня. — Так ты кто такой будешь?

Она была одета в черный плащ и красное платье, и то и другое ей очень шло. Ну да, выглядели ее наряды немного старомодно, но сейчас такое в моде. «Винтаж» называется. Я даже как-то на такой вечеринке был, мне понравилось.

Женщина пытливно смотрела на меня, ожидая ответа. Я хотел было как-то отшутиться, но тут облачко, закрывшее луну на несколько минут, поплыло себе дальше, и серебристый свет вновь залил парк, деревья и мою собеседницу.

Ее лицо, прямо как в каком-то фильме ужасов, моментально преобразилось. Оно вытянулось, покрылось морщинами и бородавками, из которых торчали седые волосы, полные губы прямо на моих глазах съезжились и стали впалым ртом беззубой старухи. То же произошло с роскошными черными волосами, они из безукоризненно уложенных превратились в торчащие во все стороны седые патлы. Изменилась и одежда. То, что я принял за черный плащ и шелковое платье под ним, стало драной холщовой одеждой и замызганным передником вроде кухонного.

— Вот же! — от этих изменений я буквально оторопел. — Что за чушь?

— Э-э-э! — Старуха тихонько захихикала и потерла изъеденные язвами руки. — Да ты непрост, шекастенький. Ты же сейчас видишь меня такой, какая я есть на самом деле!

— Лучше бы не видел, — признался я, ощущая, что все-таки надо будет к психотерапевту походить. И еще то, что я вот-вот описаюсь от страха.

— Да это ладно. — Она хихикнула. — Другое странно — ты-то чего не изменился? Луна — для всех нас луна. И еще — чего от тебя так человеческого...

Бабка повертела крючковатым носом и склонила голову к плечу, изучая меня.

— Вот оно что. Так ты, похоже, сам не знаешь, кто есть такой, — удивленно произнесла она. — Видеть — видишь, чуют — чуешь, а понять-то пока ничего и не можешь.

Она прищурила левый глаз (я даже передернулся, заметив, что в нем нет зрачка) и сделала по направлению ко мне один мелкий шаг, потом второй. Ее левая рука скользнула в глубокий карман замызганного передника.

— Вот что, парень, тебе надо одну травку употребить срочно. Заварить и попить, — деловито пробормотала она, не вынимая руки из передника. — Она у меня с собой есть, я тебе ее сейчас...

Мне совершенно не нравилось все, что случилось за последнюю минуту, но те нотки, которые прозвучали в голосе старухи сейчас, просто взвинтили нервы до упора. Мне и так было страшно, а сейчас вообще ноги как к земле приморозило.

— Хорошая травка-то, — ворковала бабка, подходя все ближе. До меня донесся гнилостный запах, исходящий от нее. Более всего он был похож на тот, что идет от стоялой болотной воды. — Ой полезная. Все сразу на свои места встанет, милый. Все ты поймешь, во всем разберешься.

Ее слепой глаз словно гипнотизировал меня, впалый рот растянулся то ли в улыбке, то ли в оскале, она была совсем рядом со мной.

А дальше все произошло очень быстро. Как и когда эта старая зараза успела выхватить из своего передника короткий черный нож, я так и не понял. Равно как для меня осталось навсегда тайной то, каким образом я умудрился увернуться от очень ловкого и крайне умело нанесенного удара, который просто обязан был вспороть мне горло. Мало увернуться — еще и оттолкнуть мерзкую старуху от себя, да так, что она на землю упала. Я вообще-то изрядный увалень, чего греха таить, всегда был неповоротлив. Видно, рефлексы сработали, с ними-то у меня все в порядке.

Зато оцепенение спало и пришла предельная ясность, что отсюда надо спешно уносить ноги туда, где нет луны, но зато есть фонари и люди. Да вообще — куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной и непонятной бабки с ножом.

Собственно, это я и сделал, а именно — развернулся и припустил бегом так, что в ушах засвистело.

— Стой, — взвизгнула бабка. — Куда? Не твоя это сила, все одно пропадешь, а я ее к делу пристрою! Феофилушка, останови его!

Тут еще кто-то есть? Да это банда просто, только какого-то Феофилушки мне и не хватало! Надо поднажать, скоро поворот на центральную аллею, там мне никто не страшен будет. И тут я запнулся обо что-то и со всего маху грохнулся о плитку.

Пшш, послышалось слева, и мою щеку будто обожгло.

Кошка! Или кот, я в таких вопросах не разбираюсь. Здоровый, черный, зеленоглазый. Это он по моей щеке когтями прошелся и сейчас скалится, как какая-то собака. Вот зараза!

— Держи его! — раздалось сзади. — Феофилушка!

Так это он и есть? Кот? Не какой-нибудь здоровенный мужик с тупой рожей, а кот?

Я повернул голову, и в который раз за этот час мироздание крутанулось в моей голове вокруг своей оси. Бабка гналась за мной, она была совсем недалеко, и все бы ничего, кабы не одна деталь. Ее ноги не касались плитки дорожки, это я видел вполне отчетливо. Она в буквальном смысле скользила над землей, ее глаза светились в темноте, как две гнилушки, и черный нож был крепко сжат в левой руке.

Может, я просто уснул в офисе на столе и это все мне мерещится? Так сказать — болезненные фантазии?

Нет, это не причудливые извивы утомленного мозга. Мне сейчас одновременно страшно, больно и холодно. И очень хочется в туалет.

Но вот только если бабка меня догонит, то есть все шансы на самом деле уснуть, причем вечным сном. Это меня не устраивает категорически.

— Пшш! — злобно зафырчал кот и снова занес лапу.

— Щас! — Я стартовал из положения «лежа» так, что мне позавидовал бы любой ямайский бегун. Имелся большой соблазн дать хорошего пинка наглому котяре, но это сожрало бы секунды, которых у меня и так не было.

Я так быстро даже в детстве не бегал, когда был подвижным и резвым мальчиком. Правду говорят — опасность высвобождает скрытые резервы организма. Выскочив на главную аллею, ярко залитую электрическим светом, я пробежал еще метров сто, прежде чем остановиться и обернуться.

Никого. Точнее — за мной никто не гнался, а так-то тут люди были. Вон пожилая парочка прогуливается, молодняк на лавочке пиво пьет. Просто люди.

И в аллейке, с которой я выбежал, никого не видать. Хотя — не красное ли платье мелькнуло за деревом? Или мне показалось?

Не знаю, но выяснять не пойду. Мне бы до дому добраться и попытаться понять, что это было вообще?

Еще и щека саднит. Вот же мерзкая тварь, расцарапал-то как. Мне же завтра на работу! Да, вот еще что. Надо с этими вечерними прогулками по парку заканчивать. На маршрутке ездить буду, как другие.

Скажу честно — в голове был полнейший хаос, в котором я никак не мог разобраться. Сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего и позавчерашнего. Ну ладно, позавчера было воскресенье, но это не слишком многое меняет. Моя жизнь самая обычная, и ничего такого сверхъестественного в ней никогда не случилось, если не считать того, что на государственном экзамене я умудрился вытащить один из трех билетов, которые знал. С учетом, что всего билетов было сорок пять, это можно назвать чудом.

Но и все. Остальное все строго реалистично и рационально. И тут — на тебе. Луна, запахи, эта старая ведьма.

Кстати — как есть ведьма, такая, какими их описывают в фольклоре. Страшная, нос крючком и кот-подручный. Хрестоматийный образ.

Но я точно знаю, что ведьм не бывает. Бывают шарлатанки из телешоу, бывают еще всякие «потомственные белые ведьмы Марины» и «наследственные алтайские ведьмы Евстафьи», недалеко от своих, ранее мною названных коллег ушедшие. А таких — не бывает. Однако кто тогда мне травки предлагал и хотел глотку ножом перерезать? Фантом? Галлюцинация? Не отшатнись я — сейчас бы уже остывал под елкой. Сдать бы ее полиции, да вот только, если я такое им расскажу, они сначала надо мной посмеются, после запись с этой беседой на «Ютуб» выложат, а напоследок медиков вызовут, для моего освидетельствования.

Что за день сегодня такой? Начинался как всегда, закончился...

Нет. Не как всегда. Вообще-то утром на моих глазах дед помер, а перед этим он меня за руку брал, и я от этого рукопожатия без чувств упал.

Есть в этом всем взаимосвязь? Скорее всего — да. Конечно, если все это рассказать тому же Винокурову, то он, скорее всего, только пальцем у виска покрутит. Но я, после того как пробежался по темной аллее, запросто поверю в то, что этот дед и случившееся со мной — звенья одной цепи. А может, и Силуянов с его внезапным приступом — тоже. Я же сказал: «Чтоб его стошнило». Стошнило. Пожелал, чтобы его наизнанку вывернуло. Естественно, вывернуло.

Ведьма упоминала что-то про силу. «Не твоя это сила». Что за сила? Она ведь меня из-за нее и хотела прибить. Может, это дед мне как раз какую-то силу передал? И снова вопрос — какую? Ну не магом же я стал?

Поминутно озираясь, за этими мыслями я дошел до своего подъезда и с облегченным вздохом нырнул в него. Дом, милый дом.

Так, о чем речь? Маг. Возможно, я теперь маг. Или нет?

Я остановился у дверей лифта и махнул рукой, приказав: — Откройся.

Не воспоследовало.

Я использовал джедайский жест, активировав все мысленные силы.

Лифт не подчинился.

Я нажал кнопку.

Сработало, двери открылись. Техника, как и всегда, победила магию. А почему? Магии не существует. Увы.

Но Силуянова-то стошнило?

Надо поест. Это и нервы успокоит, и все в голове по местам расставит.

Живу я один. Когда-то эта квартира принадлежала моему деду, но он давно умер, я его почти не помню. Мои родители ее долгое время сдавали, а потом, когда я стал совершеннолетним, спросили у меня, не желаю ли я жить отдельно, разумеется, на основе хозрасчета и самоокупаемости. Я недолго думая согласился и вот уже шесть лет как обитаю тут, в типовой хрущевке на севере Москвы.

Войдя в квартиру, я первым делом запер дверь. Не думаю, что страшная бабка меня выследит, но все-таки так оно поспокойнее.

И тут на меня накатило. Пока я шел по улице, в моих венах бесновался адреналин, но здесь, в моем доме, в моей крепости, меня настиг запоздалый страх.

Черт, это было очень жутко. Когда ты подобное видишь в кино, тебе тоже бывает страшно, но где-то в дальнем уголке сознания ты прекрасно осознаешь, что все ужасы — там, с той стороны экрана. И это не зомби, вампиры и ведьмы, это актеры и компьютерная графика. То есть это не более чем иллюзия страха.

А там, в парке, все было совсем по-настоящему. Вот вообще.

К горлу подступил комок, я рванул на кухню, достал из холодильника недопитую бутылку фанты (грешен, люблю газировку) и вылебал ее до дна, давась режущим горло газом. Тошнота отступила, но желание есть пропало начисто.

— Бредятина какая, — жалобно сказал я, ища сочувствия невесть у кого. — А? Ведьма, нож, кот этот ее... И главное, гад, щеку расцарапал. Ну не свинство?

— Оно и есть, — подтвердил чей-то тонкий голосок. — И очень плохо, что он тебя, хозяин, поцарапал. Очень плохо.

— А? — Я повертел головой и обнаружил в коридоре, который соединял кухню и комнату, какое-то невысокое, мне по колено, мохнатое существо.

Оно увидело, что я его заметил, и робко помаhalo лапкой, приветствуя меня.

Вот тут я, второй раз за этот день и четвертый за всю жизнь, потерял сознание. Потому как живой человек и у меня тоже есть нервы.

В себя пришел от того, что на мое лицо кто-то брызгал холодной водой. Мало того — этот кто-то был не один, поскольку брызганье сопровождалось беседой.

— Вот ты в своем уме? — выговаривал один собеседник другому. — Кто же так делает? А если бы он помер от страха? Тут о таких, как ты и я, забыли все давно.

— Да быть того не может? — изумленно сказал второй. — Ну ладно я, про меня и раньше особо никто не ведал, но ты-то? Не может быть!

— Может, — сурово сказал первый. — Хотя с моим племенем все еще хуже. Честное слово, лучше бы уж просто забыли. Про нас теперь в книжках пишут, вот какая штука.

— Чего ж плохого? — снова удивился второй. — Книжка — это хорошо. В них, поди, абы про кого не напишут. Уважительно это.

— Кабы, кабы, — вздохнул его собеседник. — Книжки-то те — небывальщины. И мы, стало быть, тоже она и есть, небывальщина. Как нынче говорят — литературные персонажи. По книжкам тем выходит, что выдумали нас, ровно и не жили мы никогда. Мы есть, но нас нет. Вот так-то.

Мне стало жутко интересно посмотреть на то, какой именно литературный персонаж на меня воду брызгает. Судя по голосу, это не Наташа Ростова и не леди Гленарван. Тогда кто? И что этот выходец из книги делает на моей кухне?

Я открыл глаза и увидел некое странноватое существо, более всего похожее на гнома из старого диснеевского мультфильма, разве только что лицо у него было не румяное, а вовсе наоборот — приятно-коричневого цвета, как осенний желудь. И одежда отличалась от гномей, никаких пестрых кафтанчиков. Его наряд, скорее, напоминал рабочий комбинезон. Кстати, росточком это существо тоже было невелико, немногим выше мохнатой чуды-юды, что я видел в коридоре.

Заметив, что я очухался, оно махнуло короткопалыми руками, охнуло, лупануло круглыми глазами-плошками и с невероятной скоростью бросилось к холодильнику, где непостижимым образом ввинтилось в щель между вышеназванным предметом кухонной обстановки и стеной. Я бы в эту щель максимум ладонь просунул. Как ему это удалось?

— Бывай! — запоздало крикнул шустрику вслед его собеседник, заметил, что я перевел на него свой взгляд, и замолчал, виновато уставившись в пол.

— А это кто был? — решил сразу прояснить ситуацию я. Ну, перед тем, как позвонить в соответствующую медицинскую службу. В конце концов, надо быть честным с собой.

Когда видишь ведьм с черными ножами, мохнатых коротышей и существ, которые пролезают туда, куда руку не впишешь, это значит только одно — протекла у тебя крыша. Но и любопытство никто не отменял.

Кстати, как только я смирился с мыслью, что у меня, возможно, все плохо с головой, то как-то сразу успокоился.

— Это? — вытянуло в сторону холодильника мохнатую лапку второе существо, то, которое и не подумало сбегать. — Это домовый был местный, Вавилой его кличут. Вавилой Силычем, стало быть. Душевный он у тебя. Другой-то меня мог бы и взашей с полным правом, а этот с обхождением подошел. Уважительно.

— А почему взашей? — Я прислонился спиной к стене и вытер лицо от воды.

— Так дом-то его, — даже как-то удивился моей непонятливости мохнатик. — Он в нем за порядком смотрит, он тут всему голова. А тут я: «Здрасте вам, приехал жить». Оно ему надо? Легче меня шугануть, чем оставить, без всяких разговоров. Наши бы так и поступили. А Вавила Силыч вот, выслушал, вник в беды. Нет, хороший у тебя домовый, хороший.

Мохнатик договорил, махая лапками, поклонился холодильнику и полез на табурет, как видно уставши стоять. Табурет был значительно выше моего собеседника, потому процесс вскарабкивания был непросто и выглядел при этом комично. Я бы сказал — по-мультипликационному комично.

Он чем-то походил на неведомую плюшевую игрушку, одно время такие было модно дарить девушкам. Повертишь в руках — медвежонок не медвежонок, заяц не заяц, что-то непонятное и беспредметное, но уютное и милое. Вот и тут то же самое — что за существо — неясно, но выглядит не пугающе, скорее — забавно, как мишка-коала. Да он чем-то на мишку и похож — весь зарос бурым волосом, мордочку толком не разглядишь, из шерсти на ней только две пуговки глаз поблескивают.

— Вопросов стало значительно больше, — поведал я ему, дождавшись, когда он влезет на табурет и разместится на нем.

— Так ты спрашивай, хозяин, — бодро посоветовал мне мохнатик. — Я про что смогу — про то отвечу. Без утайки, не сомневайся. А как по-другому? Я теперь при тебе буду состоять, если не прогонишь. Ну или не помрешь.

— Славная перспектива, — порадовался я услышанному. — Бодрит. Начнем сначала.

— Начнем, — поддержал меня мохнатик и одобрительно махнул лапкой.
— Ты кто?
— Родион я, — ответил мне он. — Но старый хозяин меня Родькой звал. Эдак звучит проще, да и мне нравится.
— Это прекрасно, — одобрил я. — Но ответа на вопрос я так и не услышал. Родька, ты кто?
— А-а-а! — хлопнул себя по лбу лапкой мой собеседник. — Понял. Я теперь твой слуга.
— Разговор глухого с немым, — вздохнул я. — Вавила Силыч, вы не объясните этому недоразумению, чего я хочу от него добиться? Мне кажется, что вы намного разумнее, чем он.
Я был уверен, что домовый где-то тут, рядом. И его можно понять. Мне бы тоже было любопытно, чем дело кончится.
— Знать он хочет, кто ты есть такой, полено деревенское, — раздался голос, который я слышал над собой после обморока. По-моему, он шел из-за вентиляционной решетки, что была под потолком. — На кой ему твое имя?
— Спасибо, — довольный тем, что угадал, сказал я. — Все так.
— Никакое я не полено, — немного обиженно произнес Родька. — Это вы, городские, все спешите, а мы привыкли все делать обстоятельно, начинать издалека, с самого начала.
— Коли ты с самого начала будешь рассказывать, то до рассвета не управишься, — назидательно сказал Вавила Силыч, выйдя из-за плиты. — Хозяину-то твоему еще поспать надо, ему же завтра на работу.
Как он это делает? Если между холодильником и стеной хотя бы зазор был, то между плитой и частью кухонного гарнитура даже щели не имелось.
— Спасибо за заботу, — окончательно теряя связь с реальностью, сказал я.
Но в этот момент я полностью убедился, что все происходящее не является моим бредом. Ну да, очень удобно думать, что ты свихнулся, тогда не надо искать объяснений всем этим странностям. Вот только все это — реальность. Неправдоподобная, выходящая за грань разумного, да просто ломающая привычную картину мира реальность. И не имеет смысла себе успокаивающе врать.
Хотя, конечно, после рассказа о подобном любой психиатр меня без раздумий отправит в дом скорби, это с гарантией.
Но как все это забавно. Даже недавний страх в парке полностью позабылся.
— Не за что, — ответил домовый. — Это моя работа.
Надо же. По моим представлениям, домовый должен был выглядеть как раз так, как Родька. Ну, мохнатый, забавный... Вавила Силыч выглядел каким угодно, но только не забавным. Был он, как я и говорил раньше, крайне невысок, но при этом чувствовалась в нем некая основательность.
— Не знал, что у меня есть домовый, — почему-то немного стесняюсь, сказал я. — Даже помыслить не мог.
— Ну, что «у тебя» — это ты маханул, Александр, — веско произнес тот. — Времена, когда домовый в одном доме жил, давно прошли. Если на каждую квартиру по одному из наших выделять, то где нас столько набраться? Подъездный я. Этот подъезд — моя вотчина, потому я не только за твоей квартирой смотрю, но и за всеми остальными — тоже.
— Глобализация, — пробормотал я, немного удивленный тем, что он еще и имя мое знает.
— Она, проклятая, — подтвердил Вавила Силыч. — Ну, значит, гляди. Вот это недоразумение на табуретке — оно теперь твое. Ты где-то умудрился ведьмачьей силой разжиться, причем немалой, а Родион к ней прилагается. Точнее — он за ней следует, потому что она, сила эта, с ним связана как-то. Он при ней вроде заложника. Я про такое слышал, мне дед рассказывал. Так что пока она с тобой, и он тут поблизости обитать станет. Он теперь твой слуга. Да ты не сомневайся, он хоть и тюха-матюха, судя по всему, но пользу принести тебе сможет.
— А ем я мало, — подал голос Родька. — И места мне много не надо.
— Стоп-стоп-стоп, — потребовал я, встал с пола и сел за стол.
Подумав немного, показал рукой на табурет и Вавиле Силычу. Тот испытующе посмотрел на меня, степенно кивнул и очень ловко, одним прыжком, взобрался на него.
— Так, может, чаю? — пискнул Родька, словил подзатыльник от подъездного и замолчал.
— Кстати, да, — решил побыть гостеприимным хозяином я. — Может, чаю?
Раз уж все происходящее со мной — реальность, раз существует мир за гранью понимания, то надо хоть что-то о нем узнать. Мне, похоже, в нем жить. А то и выживать.
И самое главное — сила, о которой упоминают почти все представители этого странного мира. Что это за сила?
— Да ты так спрашивай, — с добродушной усмешкой сказал Вавила Силыч, для которого, похоже, мой маневр был как открытая книга. — Что знаю — расскажу. Только знаю я

немного. Ведьмаки не мой профиль. Мое дело — тараканов гонять, крыс в дом не пускать да кошмары пострашнее сантехнику жэковскому во снах показывать.

— А это-то зачем? — изумился я.

— Чтобы не пил, — пояснил подъездный. — Он очень белой горячки боится, вот я к нему во сны и лазаю. Как проснется в холодном поту, так неделю на бутылку не смотрит.

— Понятно. — Я побарабанил пальцами по столу. — Так что это за сила такая? Все про нее твердят.

— Ведьмачья, я же сказал, — пожал плечами подъездный. — Тебе ее передали, теперь она твоя. Точнее, пока не совсем твоя, там все не так просто.

— Все-таки этот старик в парке, — хрустнул костяшками пальцев я. — Так и знал!

— Это мой бывший хозяин был, — пояснил пригорюнившийся Родька. — Захар Петрович. Я у него столько лет в слугах проходил. Так славно жили! Чего он в этот город поперся, а? И мой новоявленный слуга заплакал, крупные капли потекли из глаз-бусинок, он их размазывал лапками.

— Ведьмак просто так умереть не может, — пояснил мне Вавила Силыч. — Тело-то человеческое у него умрет, это так, а душе сила уйти не даст. Но вот только пока душа к телу приставлена, ведьмак силой правит, а как плоть умрет, то все и поменяется. Сила станет душой вертеть как хочешь. А это, как мне дед говорил, ох как страшно! Потому ведьмаки перед смертью силу свою кому-то передать должны, чтобы уйти из этого мира спокойно и навсегда. Обычно-то они преемников заранее готовят, да тут, видно, что-то пошло не так, потому ты и попал, как кур в ощиц.

— Все ведьмы клятые! — погрозил кому-то кулаком Родька. — Это они Петровича со свету сжили, я верно говорю!

— Ведьмы, ведьмаки. — Я посмотрел на Вавилу Силыча. — А это не одно и то же?

— Нет, — покачал головой подъездный, а Родька возмущенно фыркнул. — Мужчина же от женщины отличается? Вот и ведьмак от ведьмы — тоже. Ведьма себе служит, а потому между добром и злом границы не ведает. Точнее — ей все едино, что творить, главное — того добиться, что она задумала. Хотя, если честно, у них обычно одни пакости на уме. А ведьмак путь выбирает, по которому пойдет, а уж потом его и держится. Кто ведунство выбирает, кто близ мертвых обретается, защищает их от живых и наоборот, а кто и за деньги разное-всякое делает. Только ты не подумай, будто ведьмы злые, а ведьмаки добрые. И те и другие хороши. Они хоть среди людей живут и от них питаются, но жалеть их не жалеют.

— Подытожим, — понятиливо кивнул я. — То есть выходит, что я теперь ведьмак.

— Да, — пискнул Родька.

— Нет, — ответил Вавила Силыч и отвесил моему новоявленному слуге еще один подзатыльник. — Сила теперь твоя, но только она тебя не признала. А до той поры, пока это не случится, ты не ведьмак. Она в тебе жить будет, даже помогать иногда, но это лишь поначалу. И если ты ее не подчинишь себе, то жди беды. Когда она поймет, что ты слаб, что ты не готов ее принять, то сожжет тебя изнутри. Не в прямом смысле, в переносном, но тебе-то от этого легче не станет? Это не просто смерть будет, а кое-что похуже. С каждой минутой количество вопросов увеличивалось. А еще я ощутил, что мне все это очень не нравится.

Я в интуицию верю, просто в силу того, что она меня не раз выручала. И вот сейчас она просто-таки орала о том, что мне довелось вляпаться в сильно нехорошую историю.

— А как ее подчинить? — спросил я у подъездного.

— Понятия не имею, — почему-то виновато ответил тот. — Откуда мне знать? Может, дед мой и мог что-то сказать по этому поводу, старики что у вас, людей, что у нас, много разного ведают. Но мне он про это ничего не говорил. А сейчас его ни о чем не спросишь, почил он лет сто назад.

— Беда, — вздохнул я.

— Как есть, — подтвердил Вавила Силыч. — Ведьмам-то в этом плане проще, их сила — она хитрая, как и все бабы. Она сама новой хозяйке нашепчет, чего делать, что ей надо, чтобы сродниться в одно целое. Хотя чего ей надо по первости? Крови да боли чужой, как обычно. А тут — что-то другое. Но что? Не знаю.

— А может, у своих поспрошаете? — Я обвел рукой кухню. — Ну, коллеги там...

— Нет, — твердо ответил подъездный. — Не нужно этого делать. Ты и так сегодня, похоже, уже дров наломал. Вот этот остолоп мне что-то про ведьму, kota и нож говорил.

— Было, — подтвердил я и в двух словах рассказал подъездному, в чем дело.

— Плохо, — сморщил лицо Вавила Силыч и стал чем-то похож на шарпея. — Ведьма эта тебя искать будет, ее твоя сила поманила. И то, что ты ею управлять не умеешь, она тоже поняла. Даже хуже — она сообразила, что ты про нее и не знаешь. Ты, Александр, теперь для многих будешь лакомым куском, потому никому не верь.

— И вам? — мрачно усмехнулся я.

— Если по-правильному — да, — без тени стеснения ответил подъездный. — Вообще никому. Но в целом мы, нелюдь, для тебя опасность представляем куда меньшую, чем твои сородичи, человеки. Нам твоя сила не нужна, вот какая штука. Она только ваша, людская. Мы ее ощущаем, но использовать не можем, понимаешь? А с ведьмой ты, конечно, сглупил, сглупил... Хотя твоей вины тут и нет вовсе.

— Вот-вот, — поддержал его Родька. — Он же не знал, что теперь видит мир за гранью.

— Мир за гранью? — Я устал от новых определений, но деваться было некуда.

— Его. — Вавила Силыч тихонько засмеялся. — Да ты же уже понял, о чем речь, так что дурака из себя не строй. Ты видишь меня, вон его — тоже. Ведьму распознал. Если бы не сила, ты бы с ней даже не столкнулся, принял за пенек или вовсе не увидел. Ночь — ее время, она глаза любому отведет, чтобы не мешали. А меня, например, ты раньше разве что краем глаза мог заметить, случайно. По-другому — никак. Ну, еще нас детки малые видят, из тех, что пока не говорят. А как говорить начнут, тут и все, нет нас для них с той поры. Сила тебе глаза открыла, позволила рассмотреть то, что скрыто от остальных. А если о ведьме речь вести — так и ее истинное лицо увидеть.

— Лучше бы не открывала, — абсолютно искренне сказал я. — Не видел я вас всех — и не надо. Так что там с ведьмой? Искать, значит, будет?

— Непременно. И быстро найдет, — опечалил меня Вавила Силыч. — Помощник ее, кот, тебя по щеке ударил? Ударил. Кровь твоя на его когтях осталась. По ней она тебя шустро отыщет.

— И? — напрягся я.

— Попробует убить, — невозмутимо сказал подъездный. — Чтобы силу забрать и в нож свой колдовской залить. Шутка ли — столько добра за здорово живешь заполучить! В себя перелить твою силу у нее не выйдет, природа у вас разная, но как-то потом использовать ее — запросто. В ритуалах там или еще как. Да и потом — ведьмы и ведьмаки с давних времен не ладят и при случае друг дружку всегда рады прибить. Ну, если это не грозит какими-нибудь неприятностями. Так-то с виду вроде все ничего, но если в спину можно ударить, то возможности ни те ни другие не упустят.

— Почему? — озадачился я.

— Первородство, — пояснил Вавила Силыч, и Родька усиленно закивал, как видно, он был в теме. — Ведьма — это от «ведающая». Было время, когда женщины решали, как жить роду человеческому, потому что знали много больше, чем мужчины. Было это время — и прошло, мужчины верх взяли. Вот обида и осталась. А там еще и ведьмаки появились, влезли в их исконное, женское, со своими сапогами и ножами. Ну и началось... Так что ты, Александр, сегодня не одну врагиню приобрел, поверь.

— Блин! — я совсем опечалился. — Лучше бы я мимо этого Захара Петровича прошел, как все остальные. Мало мне своих проблем, теперь еще и это.

— Ну, что сделал, то обратно не вернешь, — философски заметил подъездный. — А та ведьма... В дом к тебе, то есть сюда, в квартиру, она сунуться не должна. Знаешь, поговорка о том, что дома и стены помогают, не на ровном месте появилась. Разве что жадность ее совсем обуяет, такое может быть. Но мы тогда что-то да придумаем. А вот в темноте по парку ты все-таки особо не шляйся, от греха. Там тебе защиты искать не у кого будет.

— Ясное дело, — чуть приободрился я. Это «мы» меня порадовало, равно как и новость о том, что мой дом и на самом деле моя крепость. — Буду избегать темных и безлюдных пространств.

— Тебе наставник нужен. — Вавила Силыч почесал бок. — Или совет бывалого ведьмака. Без этого никак тебе с силой не совладать. Вот только где их сыскать? Да и потом, даже если тебе свезет и ты его отыщешь, кто знает, чем дело кончится? Может — поможет, а может, и убьет. Человечья-то душа потемки, что уж про ведьмачью говорить.

— Кстати, вот вы говорите, что сила мне не подчиняется, — решил прояснить один момент я. — А это не совсем так. Ну, что я видеть стал то, что раньше было скрыто, это ладно. Это, скажем так, идет в базовой комплектации. Но Силуянова-то я нынче в больницу отправил! И я в двух словах объяснил этой парочке, что сегодня на работе вышло.

— Злоба, — пискнул Родька. — Разозлился ты, хозяин, вот и получилось у тебя порчу навести на этого вашего... Как его?

— Силуянова, — подсказал я. — Порчу?

— Она и есть, — подтвердил подъездный. — А ты как думал? Сила пока не твоя, но она же в тебе живет. Ты подлинную злость ощутил, она это почуяла и сделала то, что ты сказал. Это, кстати, хорошо. Не то, что ты того мужика в больницу отправил, а то, что она отозвалась и подчинилась.

А вообще — круто. Брошенное вскользь слово — и нет проблемы. Ведь этот хмырь Силуянов, он бы меня сегодня разделал у Чиненковой, как японец рыбу. А так — и мне хорошо, и народ порадовался. Его же мне совсем не жалко. Поделом вору и мука.

— Вопрос. — Я положил локти на стол. — А вот когда я... Точнее, если я эту силу себе подчиню, то и похлеще смогу штуки проделывать?

— Ничего не понял, — посмотрел на Родьку подъездный. Тот только мохнатыми плечами передернул, как бы говоря, что он с ним солидарен.

— Вот вы сказали — кто из ведьмаков с мертвецами общается, кто за деньги свои услуги продает, — пояснил я. — По сути выходит, что ведьмак — это маг. Так?

— Ведьмак — это ведьмак. — Вавила Силыч посмотрел на меня так, как взрослые смотрят на детей. — Он не чародей. Нет у него способностей к тому, чтобы горы двигать или из навоза золото делать. Это ты, Александр, телевизора пересмотрел. Нет, когда-то были чародеи, на такое способные, мне дед рассказывал про старые времена, а он про них от своего деда знал. Вот они много чего умели, но то когда было? Еще при древних богах.

— Языческих? — уточнил я.

— Древних, — терпеливо повторил Вавила Силыч. — А после того, как древние боги сгинули, чародеев не стало. Кого перебили, кто просто сгинул в никуда.

— Не понимаю, — пожаловался я ему. — В чем разница между чародеем и ведьмаком? Я сказал: «Чтобы тебя стошнило». Силуянова стошнило. Это же магия!

— Еще раз говорю — это порча, — устало вздохнул подъездный. — Вот если бы ты сказал: «Чтоб ты окаменел», — и он бы окаменел, это была бы волшебка. А заставить кого-то желудок опорожнить — тут особого умения не надо. Настоящие же чародеи — это другое. Они стихиями повелевали, живое мертвым делали и с богами спорили.

— Ну живое мертвым любой гопник с пистолетом сделать может, — резонно возразил ему я.

— А обратно? — ехидно парировал Вавила Силыч. — То-то и оно. А если живое сделать мертвым, да так, чтобы оно внутри по-прежнему живым оставалось? Убить человека, да душе его уйти к богам не дать? А если не одного человека они эдак? Э-э-э... Нет, хорошо, что чародеи перевелись.

Мне представилось, как я, держа в руках по молнии, крушу ими третий этаж банка. И четвертый — тоже, тот, где сидят завкадрами, главбух и предправ с зампредами. Жесть! Картина была очень приятная. Особенно мне понравилась кучка пепла с позолоченными пуговицами, которая осталась все от того же Силуянова.

— Не скажи, — мечтательно произнес я. — А что, ведьмаки совсем-совсем ничего такого не умеют? Ну там, фаербол запустить? Это тоже живое мертвым делать, в определенном смысле.

Мои собеседники снова непонимающе переглянулись.

— Ну, фаербол. — Я помахал руками. — Такой сгусток энергии, им как шваркнешь — и все загорается.

— Молоньи! — взвизгнул Родька. — Ты про молоньи говоришь, хозяин?

Теперь я заморгал, не понимая, о чем он ведет речь.

— Молнии, — пояснил мне подъездный.

— Как при грозе, — подтвердил Родька. — Видал я такое. Захар Петрович такого не умел, а вот мой хозяин, что до него был, тот да, как-то раз ими бросался. Но он могучий ведьмак был.

Я совсем приободрился. Молоньи — это хорошо.

Надо будет потом с Родькой отдельно поговорить. И еще — это сколько же ему лет?

— Ты имей в виду, Александр, — тихо, но очень веско произнес Вавила Силыч. — Ведьмачья сила — она от земли идет, как и исконная ведьмина. Но бывает и так, что кое-кто пытается мощи в другом месте зачерпнуть, и первейшее, что на ум приходит, — кровь человеческая. Только вот если ты хоть раз это сделаешь, прежним уже не будешь. Тебе после этого всегда мало будет того, чего ты достиг, ты все время будешь большего хотеть. И кровь людскую лить как водицу, без остановки.

— Часто такое бывает? — Слова подъездного внезапно нагнали на меня жути.

— Нет, — покачал головой тот, — но случалось. Мне мой отец рассказывал, что в начале того века такое учудил один из ведьмаков. Много крови пролилось, пока его не угомонили, сильно много. Так что ты поосторожней.

— Да что я, маньяк, что ли? — Мне даже обидно стало.

— Все с мелочей начинается. — Вавила Силыч был очень серьезен. — Вот ты этому твоему, с работы, желудок расстроил по злобе. Тебе, я вижу, понравилось. Отомстил, и не подумает на тебя никто. Потом другому напакостишь, покрупнее. Потом еще и еще. А потом силы не хватит. А хочется ведь!

— Да что ты такое говоришь! — возмутился Родька. — Он не такой. Ты на него посмотри!

И в самом деле — я не такой. Я вообще крови боюсь.

— Надеюсь. — Подъездный прыгнул с табуретки на пол. — Иди-ка ты, Александр, спать, тебе оно не лишнее будет. И я пойду. Сегодня Виктор из двадцать второй квартиры зарплату получил, наверняка опять водки напился и в душ полез, есть у него такая привычка. Надо проверить — он кран завинтил после душа или нет?

— Бывает, что не закручивает? — шутливо поинтересовался я.

— Бывает, — кивнул подъездный. — А еще бывает так, что кое-кто в туалете свет не тушит, электричество жжет почем зря.

Это он обо мне. Есть такой грех, с детства еще, мне от родителей постоянно за это попадало, и они звали меня Васисуалием, что было обидно. Так вот кто свет выключал! А я-то гордился тем, что на автомате это делаю.

— Я присмотрю, — важно заявил Родька.

— Ступай, ступай баиньки, — мягко сказал мне Вавила Силыч. — Надо тебе отдохнуть, Александр.

— Да какой там? — Я поморщился. — Столько всего навалилось. Надо же все обдумать, разложить по полочкам...

— Завтра разложишь, — мягко сказал подъездный и щелкнул пальцами. — Иди уже.

Я зевнул и понял, что у меня непреодолимо слипаются глаза. Дойти бы до кровати...

Редкий случай — наутро я проснулся сам, без будильника.

Потянувшись, я по привычке стал вспоминать, что мне сегодня надо сделать на работе, и тут же мысли перескочили на вчерашний день. Точнее, на вечер.

Вчера все это под конец, во время разговора на кухне, казалось нормальным. Виной ли тому был стресс, пережитый в парке, или что-то еще, но мне, еще позавчера не верящему ни в бога, ни в черта, было вполне комфортно в компании домового и этого... Даже не знаю, кем он в иерархии сверхъестественных существ числится. Родиона, короче.

Но то вчера. А сегодня я глядел на солнечный луч, падающий из окна в комнату, и все произошедшее накануне казалось мне сном. Кстати, может, это сон и был? Так сказать — причудливые извивы сознания, изысканные галлюцинации, вызванные крайним утомлением...

Затрезвонил будильник, и тут же из-под кресла с истошным визгом выкатился маленький мохнатый клубок.

Стало быть, не извивы. Вон она, галлюцинация, бегает по комнате, топчет по ковру лапками и гомонит.

— Хозяин! — орал Родька. — Это чего? А?

— Будильник, — хлопнул я по кнопке, отключая упомянутый прибор. — Ты чего, их не видел никогда?

— Нет, — остановился и приложил лапку к груди мохнатик. — А он зачем?

— Чтобы не проспать, — удивился я. — Иначе как я проснусь?

— Мы дома с петухами вставали, — хмуро проворчал Родька. — Разбаловались вы тут, дрыхнете до полудня.

Не успел поселиться, а уже критикует. Вот же.

— Ладно. — Я спустил ноги с кровати на пол и зевнул. — Скажи мне — все, что вчера Вавила Силыч рассказывал, — так оно и есть?

— Ага, — кивнул Родька. — Кабы еще не хуже.

— Слушай, но ты же все это время при ведьмаках жил, — требовательно произнес я. — Неужели ты ничего не знаешь, не помнишь? Как так?

— Я слуга, — жалобно вздохнул он. — Просто слуга. Я не смотрю туда, куда мне не говорят смотреть, не делаю того, что не велено, и не запоминаю то, что мне не предназначено. Такой я. Беспольный для тебя, выходит.

И Родька заплакал, вытирая слезы лапой.

— Вот ведь, — мне стало как-то неловко. — Ну, не слишком бесполезный, я так думаю. Что-то ты умеешь делать? Кстати, чем ты обычно занимался у этого... Петровича?

— Травы собирал, — бойко ответил Родька, смахнув слезы. — Какие попроще, понятное дело. Мандрагьр или одолень-траву он сам брал, а зверобой там, вербену, плющ — так это я. При варке зелий помогал. Еще несложные растирки делал. Кашу варил. За чистотой следил. Дом сторожил.

— О, — поднял я указательный палец. — Ну, трав мне не надо, а вот чистота — это хорошо. Ею и займись. И дом стереги. Еда в холодильнике, не стесняйся, бери что хочешь, тем более что там особо ничего и нет. И с огнем не балуйся. А я бриться — и на работу.

— Значит, не выгонишь? — обрадовался Родька и вроде как собрался бухнуться на колени.

— Даже не подумаю. — Я встал с кровати. — И это... Не вертись у меня под ногами по утрам, хорошо?

По дороге на службу я, против своего обыкновения, не читал, а размышлял, благо было о чем.

В первую очередь меня очень беспокоило, насколько быстро я поверил во все, что увидел и услышал. То есть любого нормального человека сам факт беседы с домовым и непонятной чудой-юдой должен как минимум выбить из колеи, и это я не говорю про все то, что от них узнал. Почему со мной этого не случилось? Память предков проснулась? Или ее что-то разбудило? Например, та самая сила, что пока еще не моя, а чужая?

Или мы просто настолько отвыкли от чудес, что сами рады в них поверить и хоть так сбежать от серых будней? Собственно, не потому ли все так любят книги и фильмы в стиле фэнтези?

Второе, что меня беспокоило, — собственная безопасность. В угрозу со стороны ведьмы я поверил еще быстрее, чем во все остальное. Странно, что у меня кошмаров с ее участием не было нынче ночью.

Ну и самое главное — что с силой делать? Сдается мне, Вавила Силыч к категории «шутник-домовой» не относится, а потому по поводу опасности, от нее исходящей, не шутил. Значит, надо как-то ее обуздывать. А как? У кого спрашивать-то про это?

Надо будет в Сети порыться. Там чего только нет, может, и найду какой совет путный или хотя бы ниточку, за которую можно потянуть. Есть же сейчас всякие общины славянские, которые старые верования да поконы изучают, быт пращуров реконструируют и все такое. Они что-то знать могут.

В общем, невеселые дела.

Но это были еще цветочки. Самое забавное, что очередные неприятности тюкнули меня по темечку с той стороны, откуда я их даже и не ожидал.

Часа через два после того, как я пришел на работу, у меня зазвонил телефон.

— Сань, — услышал я в трубке голос Витька, у которого сегодня опять была смена, правда, сидел он нынче на главном входе, — пулей сюда. Тут по твою душу пришли.

— Кто? — удивился я. — Вроде никого не жду.

— Да живей давай, — прошипел тот и повесил трубку.

И правда — посетители пожаловали ко мне. Сразу двое — молодой парень в светлой куртке и невысокая рыжеволосая девушка, которая вызвала у меня какие-то смутные ассоциации.

Точно. Я ее вчера видел, когда на переходе обернулся. Эти двое к лавочке подходили, на которой покойный ведьмак лежал.

— Вот он, — показал на меня Витек. — Александр Смолин, собственной персоной.

— Прекрасно, — сказал парень в куртке, достал из кармана красную книжку и развернул ее перед моим лицом. — Старший лейтенант Нифонтов, Главное следственное управление. Это — лейтенант Мезенцева. Ну что, Александр, здравствуй. Поговорим?

Глава 4

Очень хотелось произнести что-то вроде: «А у меня есть выбор?» — тем более что следак взял свойски-запанибратский тон, с ходу перейдя на «ты».

Но не стоит. Не то чтобы сотрудники полиции лишены чувства юмора, просто иногда он у них приобретает специфические формы. Помню, к нам как-то нагрянуло «маски-шоу» (случается и такое, что поделаешь), так мы, сотрудники отдела финансового мониторинга, очень следователям, которые вслед за автоматчиками пожаловали, не понравились. По сути, причина у них была, наша тогдашняя начальница слишком уж по поводу происходящего разорялась, чуть ли не на мат перешла. В результате огребли мы все. Когда начался обыск, народ из других отделов согнали в большой кабинет на втором этаже, а нас оставили внизу, около наших рабочих мест. При этом отходить от них было нельзя, но и за столы садиться тоже было нельзя. Проще говоря — мы добрых четыре часа стояли. Я-то еще ничего, в ботинках, а вот девчулям на каблуках было нелегко. Хорошо хоть, что через часок девчонки плюнули на условности и их снимали. Ноги у меня потом гудели жутко. И ведь все по закону, не придерешься. И даже вроде как смешно. Правда, не нам, но это уже детали.

Так что я с властью не шучу, себе дороже. Козыри всегда на руках у них, а не у меня. Тон может быть какой угодно, но, ежели чего, так это он меня «примет», а не я его.

А вообще-то крепко эта парочка мне своим визитом подгадила. Вон как Витек смотрит, практически извиняется бессловесно своим взглядом. Мол, прости, Саня, но я о том, что к тебе гэсэушники пришли, сейчас расскажу начальству. Вот только вы уйдете — и расскажу.

Хотя о чем я? Он уже это сделал, поскольку вон Анна свет Сергеевна из-за поворота выплыла, аки лебедушка. Анна Сергеевна — начальник юридической службы, она красива, величественна, неприступна и невозмутима. Собственно, ей и подобает такой быть согласно утвержденной должностной инструкции и положению об отделе. А еще у нее есть регламент на подобные ситуации, и в его рамках теперь пойдет наше общение с этой парочкой. Любой представитель власти, прежде чем попадет в здание банка, должен пообщаться с ней, родимой. Ну, если у него нет с собой группы поддержки в виде двух десятков автоматчиков в масках.

— Юрист, — заметил ее Нифонтов и усмехнулся. — Понятно. Ох уж эти мне формальности.

— Добрый день, — как всегда с улыбкой подошла к нам Анна Сергеевна. — Анна Немирова, начальник юридической службы. Что случилось?

— Ровным счетом ничего. — Нифонтов показал ей удостоверение. — Просто хотим пообщаться с вашим сотрудником. И сразу отдельно отмечу — интересы банка тут совершенно ни при чем и какие-либо темы по его профессиональной деятельности подниматься не будут. У нас к господину Смолину вопросы не как к сотруднику вашей кредитной организации, а как к частному лицу. И еще — он не подозреваемый, он свидетель.

— Свидетель чего? — сразу же среагировала Анна, внимательно изучив корочку. — Слишком широкое понятие.

— Не шире правового поля, — забавно сморщила веснушчатый нос рыжеволосая лейтенант Мезенцева.

— Смешно, но не информативно, — и не подумала ответить на шутку Немирова.

— Так мы и не шутим, — заверил ее Нифонтов. — Так что, госпожа Анна... Как вас по отчеству?

— Не суть. — Немирова махнула рукой, видимо, что-то для себя решив. — Вам, я так понимаю, нужна переговорная?

— Совершенно верно. — Старший лейтенант изобразил на лице восхищение нашим юристом. — Приятно иметь дело с опытным человеком.

«Переговорка», естественно, нашлась моментально, сотрудники ГСУ без приглашения сели в кресла, я пристроился напротив них, рядом со мной приземлилась и Анна.

— Не считите за нахальство, но нам бы хотелось пообщаться с Александром наедине, — мягко произнес Нифонтов. — Так сказать, приватно. Отдельно замечу — без какой-либо записи разговора и без протокола. Повторюсь — тема беседы совершенно не связана с вашей, бесспорно, замечательной и безупречной в правовом смысле кредитной организацией.

— Не думаю, что у Смолина есть от меня тайны. — Немирова дала понять голосом, что не собирается покидать помещение.

— Анна, вы умная женщина. — В голосе Нифонтова что-то неуловимо изменилось, я это почувствовал, да и моя соседка, похоже, тоже. Она ощутимо напряглась. — Нет-нет, я не собираюсь вас запугивать, мне это ни к чему. Мне прекрасно известно, что вы скажете, когда я повторно попрошу вас выйти. Вы сообщите мне, что в этом случае мы должны вызвать Смолина к себе повесткой и беседовать с ним сколько захотим. А это банк, и в нем есть свои внутренние порядки. Да?

— Примерно так, — с достоинством ответила Немирова.

— Я еще больше скажу — мне было ясно, что так оно все и повернется. — Нифонтов достал из кармана телефон, пошерудил по экрану пальцами и приложил трубку к уху. — Одну минуту.

На лице Анны появилась полуулыбка. Я так понимаю, что подобную картину она наблюдала не впервые. Хотя оно и не странно — к нам что ни день кто-то да ходит. То налоговики, то орлы из УБЭП. Даже из транспортной полиции — и то заглядывают. И каждому что-то нужно. А если всем все выдавать без звука, так и клиентов растерять можно.

— Олег Георгиевич, это я, — сказал тем временем в трубку Нифонтов. — Ну да, без вашей помощи не обойтись. Ага, передаю.

Он протянул аппарат Немировой и подмигнул.

Анна взяла телефон, холодно глянула на нашего гостя и ответила:

— Да? Добрый день.

А вот дальше было интересно.

Анну Сергеевну за глаза называли «железной леди». Никто никогда не видел, чтобы она не то что выходила из себя, а хотя бы просто давала волю хоть каким-то чувствам. Их у нее, похоже, вовсе не было.

А ведь рано или поздно срыв настигает каждого сотрудника банка, независимо от отдела, в котором он работает, и обязанностей, которые выполняет. Он начинает орать про то, что за такие деньги ему ничего на фиг не надо, что нервы у него не железные, что руководство состоит сплошь из гадюк семибатюшных и плевать он хотел на то, что завтра его за эти слова уволят. Кстати, ни разу не видел, чтобы кого-то за подобное уволили. Руководство — оно и впрямь такое, но они же не дураки? Все понимают, особенно если учесть, что многие тоже начинали с низов. Не все. Но многие.

И это — с ее фронтом работ, где вообще одни нервы. Уникальная женщина.

А тут н

а

тебе — цитадель спокойствия дала брешь. На лице Немировой сменилось несколько гримасок — сначала узнавание, потом удивление, потом даже вроде испуг.

— Я поняла вас, — сказала наконец она, дослушав собеседника. — Разумеется, никто вашим сотрудникам препятствовать не будет.

Она отдала аппарат Нифонтову и встала с кресла.

— Так и знала, что вы пойдете нам навстречу, — невинно-язвительно заметила Мезенцева. — Вошли в наше положение?

— Нет, — бесстрастно ответила ей Анна. — Просто я знаю вашего шефа и кое-чем ему обязана. Я, знаете ли, до банка успела поработать в системе, а она, как показывает практика, чрезвычайно тесна. Чай, кофе?

— Нет, спасибо, — отказался Нифонтов. — Мы быстренько поговорим с Александром и дальше побежим. Дел полно.

— Как скажете. — И Немирова покинула переговорную.

Я проводил ее взглядом и вздохнул.

— Что такое? — Нифонтов посмотрел на меня.

— Да лучше бы вы меня к себе вызвали, — честно ответил ему я. — Сюда-то зачем было приходить? Теперь начальство вопросами замордует, «чего» да «почему».

— Могли бы, — в тон мне сказал Нифонтов. — Но это долгая песня, знаю я вашего брата. «Сегодня не могу, завтра не могу, давайте лучше в пятницу, после шести, раньше никак». А нам информация сейчас нужна, а не в пятницу.

— Спрашивайте, — решил не углубляться в дебри спора я. — Вы же по поводу того деда, что вчера на Гоголевском богу душу отдал, сюда пожаловали?

— Богу, — ухмыльнулась Мезенцева.

— Евгения! — шикнул на нее Нифонтов и снова обратился ко мне: — А почему ты решил, что именно по этому вопросу мы к тебе пришли?

— А по какому еще? — Мне даже не пришлось изображать удивление. — Я законопослушный гражданин, даже дорогу в положенном месте перехожу, так что других пересечений с органами власти быть не может.

— Сказал человек, работающий в банке, — как бы в сторону мурлыкнула рыжая Евгения.

— Стереотип, — привычно парировал я. — Нет, мне девчонки-ветераны рассказывали о лихих делах, которые велись в годы первоначального накопления капитала, да и в начале нулевых — тоже, про картонные коробки с деньгами и липовые авизовки. Но то когда было? Сейчас такого уже не встретишь, ЦБ в сторону вильнуть не даст, чуть что — проверка и отзыв лицензии. Себе дорожке выйдет. Нет, бывают банки под «слив», там всякое случается, но это не про нас. Так что сказки это все, вроде моментальных переводов в фильмах.

— Каких переводов? — заинтересовался Нифонтов.

— Ну, знаете, когда один бизнесмен говорит другому: «Я перевожу тебе двадцать миллионов долларов, а ты отдаешь мне эти бумаги», — и цап свой телефон, — объяснил я. — За пару секунд чик-тык — и второй сразу же видит на своем счете, который открыт где-то в Швейцарии, кругленькую цифру. Выглядит красиво, но мы над подобными вещами всегда смеемся. Не бывает. Нет, на Западе — возможно, но у нас за пять секунд — миллионная сумма, да еще в валюте, да еще за рубеж...

— Забавно. — Нифонтов рассмеялся. Хорошо так, звонко. Кстати, он, похоже, совсем еще молодой, ему двадцать пять, не больше. Мой ровесник, может, чуть постарше. Видимо, просто жизнь затюкала, да затянувшийся шрам на правой щеке его старит немного. Он сразу мне как-то в глаза не бросился, а вот сейчас я его заметил. — Ну да ладно, это все так, лирика, отвлеченные темы. Да, нам хотелось бы послушать твой рассказ о вчерашнем

происшествии на Гоголевском бульваре. Сразу просьба, изложи все максимально точно — что видел, что слышал. В идеале — поминутно.

— Ну, поминутно — это вряд ли, — почесал затылок я. — А так — постараюсь.

— Не надо стараться, — попросил Нифонтов. — Надо сделать так, как нужно. Начинать, пожалуйста.

Что интересно — ни диктофона, ни бумажки для записей. Видно, память хорошая. Или я просто не вижу записывающего устройства.

— Значит, так. — Я положил ладони на стол. — Было без семи минут девять...

Правду говорить всегда легко и приятно — это аксиома. Мне же здесь врать было совершенно ни к чему, поскольку бояться нечего — я ни в чем не виноват.

А о последствиях этого происшествия они меня вряд ли будут спрашивать, тем более о тех, которые имеют место. Это же не Малдер со Скалли, правда?

И не угадал. К моему великому удивлению, именно в эту сторону Нифонтов и стал поворачивать оглобли после окончания моего рассказа.

— Стало быть — потерял сознание? — уточнил он, переглянувшись с Мезенцевой.

— Ага, — ответил я. — Сам удивлен, раньше за мной подобного не водилось. Нет, пару раз было, но в детские годы. Первый — когда в школе с каната навернулся, второй... Там личное.

— Так хорошо было? — Рыжая Евгения меня, похоже, за что-то невзлюбила.

— Бутылку водки залпом выпить хотел. — Я уставился ей в глаза. — Не выпил, слабоват оказался. Вырубился я.

Ну, на самом деле все было не так, точнее — не совсем так, но это и не важно. К нынешнему делу эта история отношения не имеет.

— А тут раз — и валишься без чувств? — даже не особо скрывая иронию, за которой чувствовался подвох, произнес гэсэушник. — Странно.

— Странно, — немедленно согласился с ним я. — Не то слово. Но хоть сколько-то связного обоснования у меня нет.

— Хорошо. — Нифонтов не переставал улыбаться, это начало меня немного нервировать. — А перед тем, как ты отправился в обморок, ничего непонятного не произошло? В тот момент, когда ты пожал руку незабвенного Захара Петровича? Вопрос был странный, если не сказать больше. Куда он гнет? Что услышать хочет? Или он знает? Все знает? В смысле, о том бреде душевнобольного, который на меня за какие-то грехи свалился и в который я даже поверил?

Да ну, чушь. Если бы мне вчера с утра такое рассказали, я бы долго смеялся, а потом посоветовал тому, кто такое придумал, либо поменьше фэнтези читать, либо самому его начать писать.

Но тогда к чему подобные вопросы?

Только вот если даже это так и этот следак в курсе происходящего, ничего я ему не расскажу. Я хорошо запомнил слова Вавилы Силыча о том, что друзей у меня теперь нет. И ему поверил.

Может, это вообще не следователь ГСУ, а какой-нибудь... Эх, не знаю я нашего фольклора, к своему стыду. Западный знаю, про него книг много и фильмов, а нашего не знаю.

А, вот. Может, он какой-нибудь анчутка. Понятия не имею, кто такой анчутка, но слово забавное. Этаже Евгения — точно ведьма. Вон, все приметы налицо, не сказать — на лице. Сама рыжая, глаза зеленые.

— Нет, — пожав плечами, ответил я. — Ничего не случилось. Я же говорю — сам потрясен. Еще и пиджак испачкал.

— Ну да, ну да, — побарабанил пальцами по столу Нифонтов. — Следующий вопрос. Возможно, он тебе покажется странным, но тем не менее — после того, как ты покинул бульвар, с тобой ничего непонятного не произошло? Такого, что не укладывается в привычные рамки? Обыденные?

— Если честно, не до конца понимаю, о чем речь идет, — изобразил недоумение я. — Что именно вы вкладываете в слово «непонятного»? У нас тут банк, что ни день, так новости, одна другой непонятнее. ЦБ, знаете ли, он иногда похлеще Бермудского треугольника бывает, такие приказы и инструкции выпускает, что поневоле задумаешься — не окопался ли там иномирный разум.

— Юлит, — без тени сомнения сказала спутнику Евгения. — До того все честно говорил, а теперь юлит. Случилось уже. Что-то он то ли увидел, то ли понял.

— Смахивает на то, — даже не стал с ней спорить Нифонтов. — Саша, ты просто сам не понимаешь, в какую историю влез и чем все это для тебя закончиться может. В принципе, о том, что приключилось на скамейке, ты мне можешь ничего не рассказывать больше, я и так все знаю. А вот о том, что случилось после того, мне бы очень хотелось послушать.

Вот прямо все как в плохом кино. И тон, и слова. Все знают, что в таких случаях следовательно верить не стоит.

И я не собираюсь этого делать.

— Вы мне хоть намекните, про что вам рассказать? — взмолился я. — Нет проблем, все сделаю. А то ведь непонятно даже, что вы от меня хотите.

— Пустое, — посмотрел Нифонтов на напарницу. — Ладно, подождем, пока созреет.

— Если только успеет, — зловеще прищурилась та. — Но мне лично его, дурака, и жалко не будет. Не хочет человек понять, что у него появился шанс уцелеть, — значит, он ему и не нужен.

В этот момент в дверь «переговорки» постучали, она приоткрылась, и в нее просунулась голова Димы Волконского, второго зампреда.

Не утерпел, стало быть, и Анне не поверил, что все ровно. Пошел выяснять, на кой по мою душу следователи пожаловали.

Вообще, Дима — хороший человек. Он относится к тем самым работягам, которые в люди выбились своим трудом, а не по праву рождения. Ну, знаете, как бывает (и не только в банках)? Двоюродные братья и сестры, племянники и даже дети друзей высокого руководства периодически попадают на разнообразные посты средней руки, при этом частенько даже не представляя, что им делать-то надо. Выше их никто не поставит — не та степень родства, но вот в среднем звене таких хватает всегда. Нет, в небольших банках с этим попроще, там персонала не так много, все на виду и все при деле, а вот в средних и больших такого добра хоть отбавляй. Как правило, сидят они в головном здании, в подразделениях, четкий результат работы которых проверить крайне затруднительно, вроде отдела корпоративного развития или отдела внедрения банковских инноваций, и имеют всегда крайне сосредоточенный вид, даже когда курят или обсуждают, куда поедут в отпуск. Просто основная их работа — делать вид, что они работают. Нет-нет, бывают и исключения, среди них тоже встречаются хорошие и крепкие профессионалы, но эти исключения только подтверждают общее правило. Да и все бы ничего, есть они и есть, не так это и страшно, вот только время от времени даже им нужно показывать какие-то результаты своей работы. Собственно, в этот момент и начинается беда. Они придумывают самолет, который не взлетит, называют это эксклюзивным продуктом, пишут стосорокастраничную инструкцию по использованию, а после рассылают эту небывальщину по дополнительным офисам. И вместе с ней отправляют план продаж, как правило — заоблачный. И рапортуют, рапортуют, рапортуют. А если что-то пойдет не так — дружно ищут виноватого.

Мне до нынешнего банка довелось поработать в одном крупном, сетевом, топовом, я там на подобное насмотрелся. Помню, когда я туда пришел, там как раз усиленно продвигали пластиковую карту «Странник» с неким уникальным чипом, встроенным в нее.

Подразумевалось, что эта карта не просто универсальное платежное средство, а гениальная инновация из разряда «будущее наступило». Любые платежи, все возможные системы, оплата за все-все-все — от жвачки и авиабилета до прохода в Кремль, Лувр и Прадо. Я так думаю, что еще этой картой можно было бриться, а по вечерам она детям колыбельные пела.

Все бы хорошо, но вот какая штука — торговые сети почему-то ее органически не переваривали. И билеты по ним не продавали. Да вообще ничего по ней купить было нельзя, она выдавала ошибку в любой стране, кроме нашей. Впрочем, и в нашей срабатывала через раз. Мало того — именно эту карту по какой-то причине захватывали и не хотели отдавать обратно все банкоматы мира. Ну, насчет всего мира я погорячился, но в Германии и Швеции — точно, клиенты оттуда звонили и орали так, что стекла в пластиковых окнах дрожали.

В общем, чего-то в ней то ли перекрутили, то ли недокрутили, а что — непонятно. Скорее всего, как раз уникальный инновационный чип.

Но факт остается фактом. В результате все карточки, что отделения не успели выдать, отозвали обратно, управляющим при этом намылили холку за невыполнение плана по продажам новой услуги и, до кучи, уволили заместителя начальника процессинга. Надо же было крайнего найти?

Слава богу, у нас таких почти нет, за редким исключением. И Волконский — точно не из них. Он молодец, за троих пашет, почему, кстати, я тоже до конца понять не могу. Ну да, карьерные устремления и все такое, но меру-то знать надо? Мужу сорока нет, а налицо уже два микроинфаркта, по одному на две последних цэбэшных проверки. Опять же — приходит на работу первым, уходит последним. Еще говорят, что у него в ящике стола всегда лежат бритвенные принадлежности и свежая сорочка, потому что иногда он прямо тут и ночует.

Как по мне — это перебор. Смысл так гореть на чужом костре? Я понимаю, если бы у него была доля в этом бизнесе, а так он такой же наемный работник, как и мы все. Расходный материал, проще говоря.

Впрочем, каждому свое.

Ладно, я отвлекся. Так вот, сунулся он в дверь, выдал улыбку и говорит:

— Добрый день. Может, все-таки кофе? Или чай?

— Да нет, — отказался Нифонтов. — Мы уже уходим. А вы, я так понимаю, из руководства будете?

— Второй заместитель председателя правления, — не без гордости сказал Дима, входя в «переговорку».

И он представился по полной форме, разумеется, протянув обоим следакам свои визитки.

— Хорошего сотрудника воспитали. — Нифонтов похлопал меня по плечу. — Человека и гражданина.

— В смысле? — Дима, привыкший искать во всем подвох, тревожно посмотрел на меня.

— В прямом, — объяснил ему Нифонтов. — Вчера господин Смолин показал себя с лучшей стороны, не остался безразличным к чужому горю. На Гоголевском пожилому человеку стало плохо, так он пришел к нему на помощь, всячески пытался спасти, правда, увы, безуспешно. В общем, повел себя достойно.

— Надо же. — Волконский бросил на меня взгляд. — Нам он ничего не сказал.

— Еще и скромный, — веско заметила Евгения. — Молодец какой!

— Так что, Дмитрий Борисович, примите к сведению. — Нифонтов повернулся ко мне, подмигнул и продолжил: — У вас работает герой. Простой современный герой. Че-ло-век! Одно хорошо — у Димы с чувством юмора плохо. Была бы здесь та же Немирова, она бы иронию мигом распознала.

— Ладно, на этом и прощаемся, — сказал мне Нифонтов и протянул руку. — До поры до времени. Уверен, что еще увидимся.

— Жизнь — странная штука, — расплывчато сказал я, но руку ему пожал.

— И вот еще — карточку мою возьми. — В пальцах следака, как из воздуха, появился белый прямоугольник. — Звони, когда совсем прижмет. А лучше — не дожидаясь этого. Волконский переводил взгляд с моего лица на лицо гэсэушника, как видно, делая свои выводы из услышанного. Не очень верные, разумеется.

— Думаю, до этого не дойдет.

Нифонтов ничего не сказал, Мезенцева же после моих последних слов звонко засмеялась, похлопала меня по плечу и поспешила за напарником.

— Я провожу, — сказал им вслед Волконский и тоже вышел из переговорной.

Визитка была самая что ни на есть обычная, из недорогих, без золотого тиснения и прочих изысков. Да и не очень содержательная. «Нифонтов Николай Андреевич, старший лейтенант. Отдел 15-К при ГСУ ГУ МВД РФ по городу Москве». И телефон. Всего один, мобильный. Даже городского нет.

Но я как-то занервничал. Одно дело, когда вся эта чертовщина вертится только вокруг меня, и совсем другое, если сюда влезают структуры власти, пусть даже и в виде двух лейтенантов. Это они сейчас добрые и улыбочивые, а потом могут и зубы показать.

И тут я снова пожалел, что проявил вчера сознательную гражданскую позицию. Вот оно мне было надо? Сейчас бы сидел, работал себе спокойно, а не рыскал по Сети в поисках информации об этом самом отделе 15-К.

Что интересно — молчала Сеть. Ничего я не нашел, вот какая штука, будто и не было этого отдела вовсе, что странно. Даже на сайте ГСУ про него ни слова не оказалось.

Может, это не менты были? Тогда непонятно, почему Анна так в лице поменялась, с кем-то там поговорив по телефону.

А может, это вовсе чекисты, а не гэсэушники? Тогда многое становится понятно.

Помучившись таким образом еще часок, я плюнул на все и пошел к Немировой.

Та сидела в своем кабинете и лениво ковыряла вилкой какую-то несъедобную мешанину, находящуюся в пластиковом корытце.

— Тук-тук, — сказал я, входя в ее кабинет. — Не помешал? Питаешься?

Немирова без особой симпатии глянула на меня.

— Как ты только это ешь? — предпочел я не заметить этого взгляда.

— С отвращением, — сказала та, подумала немного и добавила: — По Дюкану.

Фамилию эту я слышал. У нас почти все девчонки рано или поздно садились на те или иные диеты. Периодически даже толк от этого был, потому как не все диеты являются профанацией, про того же Дюкана я много доброго от них слышал. Но только все равно до ума никто ничего не доводил ни разу. Девчули, скинув первые полтора-два кило, собой очень гордились и немедленно начинали упархивать в грезы о белоснежных пляжных

песках и восхитительно бесстыдных бикини. Вот стоят они, нежась в жадных мужских взглядах, и каждое ребрышко у них видно, и животик плоский. А после приходит он! Собственно, на мечтах все и кончалось. Впечатлившись собственной выдержкой и убедившись в том, что диета работает, девочки при первой же формальной возможности устраивали коллективный набег на арбатские фастфуды, благо недостатка в них не было. Мол, сегодня съем, а завтра сброшу. Первое выполнялось всегда, второе — никогда. — Да тебе-то зачем? — с возмущением и вытаращив глаза, спросил я. — Ты ж и так как тростиночка, все при всем...

— Смолин, не буди во мне зверя, — посоветовала мне Анна. — Я про себя все знаю, а твое мнение вообще не рассматривается как компетентное. Зачем пришел?

Чего это не рассматривается? Я что, пластиковый Кен, существо без половых признаков? Даже обидно, честное слово.

— Вот и зря ты так, — пошаркал ногой по полу я. — Это точка зрения независимого эксперта.

Анна воткнула вилку в несъедобную на вид пищу, сложила руки на столе, как прилежная ученица, и уставилась на меня.

— Понял. — Я выставил ладони перед собой. — Вопрос — что за отдел 15-К такой, ну, из которого эти двое были? Ты же все знаешь? И про них наверняка слышала.

— Не слышала, — моментально ответила Немирова.

Настолько моментально, что я понял — она врет.

— Ань? — попробовал усостыжить ее я. — Да ладно?

— Сказано — не слышала я про них ничего. — Взгляд Анны потяжелел. — Мало ли в системе разных отделов и управлений, все знать невозможно. И вообще — у меня обед. Вали отсюда, Смолин. Брысь!

Прямо как котика какого-то шуганула.

И все-таки что это за отдел, если даже наша Немирова, которая вообще ничего на этом свете не боится, про него говорить не хочет?

Неужели и правда в системе МВД есть подразделение, которое занимается паранормальными явлениями? Если да, то я в каком-то смысле буду даже счастлив, поскольку смогу сказать, что теперь видел все. Согласитесь, не каждый на этой планете может похвастаться тем, что видел все. Опять же — это объяснило бы многое, в первую очередь то, почему про этот отдел ничего в Сети нет. И это в наше время, когда вроде ничего никуда не спрячешь. Все одно СМИ докопаются до истины.

Собственно, прямое подтверждение последнего моего утверждения я встретил в подъезде, когда вернулся домой.

Подтверждение это звали Марина, жила она на этаж выше меня, и мы были дружны.

Именно что дружны, поскольку на что-то другое в данном случае мне рассчитывать, увы, не приходилось, так как уже через пару дней после знакомства прозвучало следующее:

— Ты славный мальчик, Шура, добрый и милый. Я не хочу ломать тебе судьбу, потому будем просто друзьями. И без секса по дружбе, заруби это себе на носу.

Если бы меня попросили показать эталон современного журналиста, то я ткнул бы пальцем в Марину. Она была талантлива, трудолюбива, обладала настойчивостью жука-древоточца и въедливостью хлорки. Еще не окончив журфак МГУ, она умудрилась опубликоваться в добрых двух десятках изданий, причем изданий с именем. И, что примечательно, если верить ее словам, то даже ни с кем для этого не переспала. Талант всегда себе пробьет дорогу, по-другому и не скажешь.

А еще она была красива, умна и полностью самодостаточна. Ее можно было бы назвать идеальной девушкой, если бы ко всем этим достоинствам не прилагались недостатки. Она была невероятно настырна, беспардонна, все время совала нос в чужие дела, и еще у нее полностью отсутствовал инстинкт самосохранения. Отдельно следует отметить, что во всем прочем Марина отличалась редкостным раздолбайством. Например, как-то раз она умотала в Крым с друзьями, оставив включенным будильник. И все бы ничего, кабы тот будильник не был заведен на пять утра и им не являлся музыкальный центр с предусмотрительно вставленным в него диском. Две недели, до той поры, пока она не вернулась, я вскакивал как подорванный ни свет ни заря, ведь меня добросовестно будил Курт Кобейн, утверждающий, что с выключенным светом все кажется не таким уж и страшным. А баба Маша, что живет над Маринкой, все эти две недели из церкви не вылезала.

Да мы и познакомились соответствующим образом. Она затопила меня на второй же день после того, как я здесь поселился. Просто решила принять ванну, открыла воду и ушла на пять минут посидеть за компьютером. Встала она из-за него только тогда, когда я начал долбить ногами в ее дверь.

Но я рад, что у меня такая соседка. Во-первых, с ней не скучно. Во-вторых... Да нет, наверное, все. Первого достаточно.

Именно это бедствие и встретилось мне на лестнице, когда я отпирал свою дверь. Маринка шла вниз, весело прыгая через ступеньку, что-то напевая и поправляя лямки маленького кожаного рюкзачка, с которым никогда не расставалась. Следом за ней топал невысокий коренастый молодой человек с мрачным выражением лица. Увидев меня, соседка тряхнула головой так, что платиновые пряди волос мотнулись из стороны в сторону, и весело спросила:

— Шур, а ты что, кошака завел? Просто вроде раньше ты к животным равнодушен был? Приветствиями она себя никогда не утруждала, считая их никому не нужной формальностью.

— Нет, — передернул плечами я и насторожился. — А что за кошак?

— Черный. — Маринка спрыгнула с последней ступеньки, подошла ко мне, небрежно прикоснулась губами к моей щеке и потерла ее, стирая помаду. — Знатный такой. Глаза зеленые, хвост пушистый и злой как собака. Меня увидел, зашипел и лапой махнул. Я просто заметила, что он у твоей двери трется, вот и подумала — не иначе как ты его завел, из дома выпустил, а обратно запустить забыл.

Стало быть, нашла меня та ведьма. Ее это кот. Как там его? Феофил.

Может, надо было этому Николаю все рассказать? В офисе-то мне страшно не было, а вот когда ночь на носу, уверенность в своей правоте как-то подуменьшилась.

Кстати, о Николае.

— Марин, а ведь ты как журналист много чего знаешь? — начал я издалека. — Ну, госструктуры, все такое?

— Не без того. — Соседка достала из кармана «чупа-чупс» и начала его разворачивать. — Шур, ты вола за шары не тяни, если надо что — спрашивай. Не чужие люди. Если смогу — помогу, как ты мне тогда.

Это да. Она, когда материалы для одной из статей готовила, так меня наизнанку выворачивала несколько дней. Там тема была с банками связана.

— Да есть в системе МВД один отдел, ничего про него найти не смог. — Я достал из кармана визитку Нифонтова. — Хотелось бы конкретики.

— Ты что-то натворил? — Маринка сунула в рот конфету и взяла у меня карточку. — ГСУ. Шура, ты проигнорировал мой вопрос. Ты встал на кривой путь правонарушений?

— Нет, — твердо ответил я. — Но знать, что за отдел такой, хотелось бы.

— Никогда не слышала, — покачала головой Марина. — Но это и не мой профиль, так что ничего удивительного. Зато это дялянка Севастьянова, и он, на твою удачу, вон стоит. Да, Шур, это Севастьянов.

Молодой человек, стоящий за Маринкой, протянул мне руку и сказал:

— Сергей Севастьянов. Очень приятно.

— Он почти так же талантлив, как я, — пояснила Марина, пока мы обменивались рукопожатиями. — Только он уже в штате газеты, а я у них стажер. Так вот, к чему я — он сотрудник отдела криминальных и тому подобных новостей. Убили, украли, взорвали. То есть с ментами регулярно общается. Серег, глянь, ты такое подразделение знаешь?

Севастьянов взял карточку, прочел написанное на ней и покачал головой:

— Нет, не сталкивался. Но если надо — пробью у Стасика.

— Кто есть Стасик? — заинтересовалась Марина.

— Дружок мой школьный, — пояснил Сергей. — Он недавно школу милиции окончил и теперь опером в СКМ у нас на районе служит.

Севастьянов достал телефон и сфотографировал визитку.

— Хочешь — оставь номер, если что узнаю, тебе перезвоню, — предложил он мне.

— Нетушки, — помахала «чупа-чупсиной» Маринка. — Фигушки. Вся информация через меня. Все, Шурик, мы побежали, у нас планерка. Шеф у нас зверь, он это мероприятие не утром, а вечером проводит и невероятно громко орет, если кто-то опаздывает.

Я проводил ее взглядом, прикинул реакцию собственного руководства, если бы кто-то из моих сослуживиц пришел на совещание в джинсовых шортах, которые короче, чем те труселя, которые сейчас были на мне, похихикал по этому поводу и сунул ключ в замок.

Глава 5

Вообще-то сплю я крепко. У меня с этим в целом проблем нет — ни с тем, чтобы заснуть, ни с ночными кошмарами, ни с чем таким-прочим. Повезло, в наше нервное время у кучи народа проблемы со сном. Стрессы, синдромы, экология опять же ни к черту.

Так вот, сплю я крепко и разбудить меня если и не проблема, то задачка из непростых.

Однако же вот — посреди ночи я проснулся от какой-то возни и сопения в коридоре.

Сначала, спросонья, я подумал о том, что это Родьке нейдет, дня ему мало было, он и ночью решил по хозяйству проворить.

Дело в том, что это странное пушистое создание восприняло всерьез мои слова о том, что я ему поручаю следить за чистотой, и на самом деле выдраило квартиру до блеска. В ней такой стерильности и порядка сроду не было. Как сказала бы одна моя добрая знакомица Алена: «Словно в операционной». Ей можно верить, она медик.

Мало того, он еще и стирку затеял, причем ручную. Машинку мой новый слуга проигнорировал, скорее всего, по той причине, что даже не знал о ее предназначении.

Откуда-то с балкона он вытащил древнее жестяное корыто, в котором некогда меня маленького купали, и пустил его в дело. Причем порошки тоже были обойдены стороной, в ход пошло хозяйственное мыло. Представляю себе, как мои рубашки теперь пахнуть будут.

И только с обедом, он же ужин, не сложилось. Печи у меня не было, костер он складывать на полу побоялся, а как работает плита, не знал. Спросил бы у Вавилы Силыча, да он днем дрыхнет, будить как-то неудобно. Это не мои слова, а его.

Ассортимент продуктов, к слову, его тоже не устроил. Гречи, мол, нет, репы нет, солений нет. Одни коробочки да пакетики, да еще пшено сорочинское. Это он так рис назвал.

Интересно, почему «сорочинское»?

Но в целом я остался доволен, похвалил его и, как стемнело, спать пошел. А то мысли в башке так и ворочались, так и ворочались. И до добра это меня бы не довело.

И н

а

тебе, разбудили. В три ночи, если верить экрану смартфона.

Я зевнул, встал с кровати и решил шугануть неугомонного Родьку как следует, чтобы не имел привычки беспокоить меня в ночи. Впрочем, тут сонливость с меня и слетела, как листок с ветки по осени. Коридор, ведущий из моей миниатюрной прихожей в кухню, был весь залит синевато-призрачным светом, и свет этот не был привычной с детства лунной дорожкой. Это сияние было другое, более яркое, насыщенное и тревожное.

Хотя даже не это оказалось самым пугающим в увиденном мною, свет он и есть свет, от него вреда не будет, откуда бы он ни шел. А вот громко сопящий Родька, дерущийся со здоровенным черным котом, которого я, если можно так сказать, сразу узнал в лицо, — вот это заставило меня судорожно сглотнуть и застыть на месте.

Стало быть, добрался он до меня. И добро, если б только он.

А драка была нешуточная. Я даже подумать не мог, что этот меховой шарик — настоящий боец, однако же вот, только гляньте. У него, как оказалось, и коготки наличествовали, потому что прямо на моих глазах он вдарил ими по наглой усатой морде и порядком ее раскровил.

— Ну же, — раздался из прихожей знакомый по прошлой ночи скрипучий голос, от которого у меня по телу мурашки размером с вишню побежали. — Найди его, Феофил! Убей эту тварь и найди мне его! Не тяни!

Надо заметить, что голос был вроде тот, но при этом звучал глухо, как из бочки.

Самым разумным было бы, наверное, свалить в маленькую комнату, подпереть дверь шкафом и отсидеться там до утра. Кем бы ни была эта мерзкая старуха, она точно не Валуев, фиг она эту баррикаду свернет вот так запросто.

Я подумал об этом, тряхнул головой и вместо того, чтобы шмыгнуть в комнату, зачем-то поспешил на помощь Родьке, который пропустил удар лапой слева и отлетел к стене, порядком об нее брякнувшись.

Не знаю, почему я так поступил. Видимо сработал давно забытый инстинкт, вбитый в детстве. Наших бьют, однако...

Я выскочил в коридор, и тут Феофил заметил меня, его глаза блеснули изумрудной зеленью, прямо как в кино.

Он раззявил пасть, зашипел и выгнул спину дугой.

— Вот он! — взвизгнул голос откуда-то слева, в нем было столько злобной, нечеловеческой радости, что у меня даже в носу волосы дыбом встали. — Феофил, кровь! Мне нужна его кровь!

Бросив взгляд налево, туда, откуда шел голос, я оторопел. Самой ведьмы в коридоре не было. Она обнаружилась в большом ростовом зеркале, вставленном в гардеробный шкаф. Собственно, оттуда и лился этот мертвенно-синий свет. Бабка прильнула к стеклу с внутренней стороны, за ней виднелась какая-то зелень, вроде как болото.

Заметив, что я смотрю на нее, она захохотала, широко раскрыв свой беззубый рот.

— Сбежать хотел? — часто дыша, словно задыхаясь, спросила она у меня. — Дурачок! Все твое — мое будет! И сила, и сердце!

— Хозяин! — взвизгнул Родька у стены. — Берегись!

Он как маленькая мохнатая молния прыгнул на спину Феофилу, который как раз нацелился вцепиться когтями мне в ногу.

— Если этот гад тебе кровь пустит, то он ей двери откроет! — вопил мой слуга, вцепившись руками в горло кота и чем-то напоминая ковбоя на родео. — Она тогда сюда сама придет! Не лезь, хозяин! Вавила Си-и-илыч!

Вот оно что. Она сюда войти не может. Ну да, мой дом — моя крепость. И, судя по всему, только до тех пор, пока кто-то не подберет ключи к дверям этой крепости.

Кошак попытался скинуть с себя Родьку, но тут же взвыл благим матом — похоже, что тот вцепился зубами в его ухо.

Лицо ведьмы скривилось, она раздраженно ударила ладонями по стеклу и крикнула:

— Живей! Что ты возишься?

Не могу сказать, что у меня была безоблачная жизнь, в ней всякое случалось, но такого, как сейчас, не было никогда. И я не про ведьму в зеркале говорю, тут и так понятно, что это за гранью понимания. Я про то, что чуть ли не в первый раз в жизни я застыл столбом, не зная, что делать дальше.

Помочь Родьке? Хорошо бы, да он знай орал: «Я те покажу!» и «Хозяин, не лезь!». Эта парочка переместилась в комнату, где, судя по грохоту и звону, умудрилась перевернуть стул и что-то разбить.

Расколотить зеркало? Первое, что пришло мне в голову. Вот только не факт, что за этим последует необходимый результат, то есть все кончится. А может, как раз наоборот — разобьется оно, и ведьма шагнет сюда, в коридор.

Задать стрекача из квартиры? Тоже не вариант. Кто знает, что меня ждет за ее пределами? А если эта тварь уже себе напарницу нашла и та меня на лестничной клетке ждет?

И вот тут я пожалел, что тем ментам ничего не рассказал. Может, не надо было мудрить, а взять и выложить все начистоту.

Так и стоял я в коридоре, словно статуя физкультурника — в трусах и в застывшей позе. Только без рельефной мускулатуры.

— А ну пошла отсюда! — раздался за моей спиной недовольный басок Вавилы Силыча. — Ты чего это творишь, плесень болотная? Кто тебе право дал вот так в чужие дома лезть?

— Замолчи, пенек! — взвизгнула ведьма. — Тебя не спросила! Это ничья сила, кто на нее руку наложит, того она и будет!

— Это мой дом. — Вавила Силыч, протопав мимо меня, подбежал к зеркалу. — И я тут хозяин. Пошла прочь, говорю!

Синева замигала, ведьма забарабанила кулаками по стеклу, и у меня сложилось впечатление, что она вот-вот его разобьет.

— Чего стоишь? — повернувшись ко мне, крикнул домовый. — Простыню давай!

Ну вот, хоть какая-то ясность появилась.

Хоть какая, ко всем чертям, ясность? Простыня-то ему зачем? Что он с ней делать собирается?

Помотав головой и выкинув из нее на редкость отвратную картинку, которая поневоле мне представилась, я скакнул в комнату, чуть не запнувшись о комок, в который сплелись Родька и кот, сдернул простыню с кровати и метнулся обратно в коридор.

— Не смей, — заорала ведьма. — Феофил! Феофи-и-ил!

Из комнаты раздалось дикое мяуканье, но кот не появился.

— Накидывай на зеркало! — приказал мне домовый. — Живей!

Я бросился к зеркалу и оказался с ведьмой фактически лицом к лицу. Она вся тряслась от злобы и билась своим тщедушным телом о гладь стекла. Меня тоже передернуло, но от страха, выглядело это все уж очень жутко.

Кстати, и впрямь за ее спиной было болото. А может, пруд, заросший ряской. Или что-то еще в таком духе.

— Найду! — неистово выдохнула старуха, прижав лицо к стеклу. — По капле кровь сцежу!

Я ничего не стал ей говорить, а просто накинул простыню на зеркало, точнее — на верхнюю часть гардероба. Ну или как там это сооружение в моей прихожей называется правильно?

Короче, скрыла простыня зеркало, и синий свет тут же померк, а через пару секунд и вовсе исчез.

— Ф-фух, — выдохнул Вавила Силыч и вытер лоб короткопалой ладошкой. — Старая карга. Сто лет в обед, а все туда же. Родька, отпусти ты этого хвостатого уже, все закончилось.

— Убью его — тогда и отпущу, — раздался из комнаты спертый вопль, и что-то гроыхнуло и покатилося по полу.

— Не вздумай! — рявкнул домовый. — Только эдакой пакости мне тут и не хватало. Это ведьмин кот, он после смерти здесь будет до конца времен ошиваться. Отпусти его, я сказал.

И Вавила Силыч направился в комнату. Последовал за ним и я, сразу включив в комнате свет.

Клубок из драчунов распался, они стояли друг напротив друга, как бы прикидывая — закончить стычку или продолжать? Обоим досталось — у кота была окровавлена морда, Родька был весь какой-то всклокоченный.

— Еще раз сунешься — точно удавлю, — погрозил кулаком Родька коту.

— Мя-а-арр, — насмешливо протянул кот и повернул голову ко мне.

Я слышал, что эти животные очень умны, по заверениям кое-каких знакомых, они смышленее многих людей. Нынче ночью я в этом убедился. В фосфоресцирующих глазах Феофила был разум, может, и нечеловеческий, но разум.

— Проваливай, — коротко приказал домовый и вытянул руку по направлению к балконной двери. — Родька, выпусти его.

— Мя-а-а. — Кот было двинулся в сторону коридора, но домовый погрозил ему невесть откуда появившейся в его руках короткой дубинкой.

— Третий этаж, — заметил я. — Мне его не жалко совершенно, просто констатирую факт.

— Эту тварь с двадцатого бросить вниз можно, — заверил меня Вавила Силыч. — Все одно жив останется.

Родька подбежал к балконной двери, по шторе вскарабкался вверх и лихо открыл створку, повиснув на ручке.

— Давай. — В голосе домового была неприкрытая угроза. — И хозяйке своей скажи: еще раз в своем доме ее увижу — беда будет. Я существо мирное, но мое не тронь.

— Фрр, — презрительно сообщил нам кот и провел лапой по морде, стирая кровь. — Мя!

Он неторопливо прошел по комнате, на пороге балкона обернулся и посмотрел на меня.

Клянусь, он улыбался. До того я считал, что улыбка у котиков бывает только в книгах Кэрролла. Нет, не только.

И это была очень, очень нехорошая улыбка.

После Феофил потянулся, как черная молния взвился в воздух и стигнул в ночной темноте.

— Я же говорю — эту пакость ни одна холера не возьмет. — Вавила Силыч громко выдохнул. — Но хозяйка у него до чего наглая, а? Вот так, через зеркало, в дом человека.

— А что она нарушила-то? — Я подошел к балконной двери и закрыл ее. — Есть какой-то кодекс или свод правил приличия?

— У любого дома есть хозяин, — сказал Вавила Силыч, озираясь. — Твоему — ты голова, а всему нашему подъезду — я. И только с нашего разрешения она может сюда войти. Так с давних времен ведется, таков покон. Слово хозяина открывает дверь, и никак иначе.

— Слово? И все? То есть никаких последствий для этой старухи, если бы она сюда вошла и меня убила, не было бы? — уточнил я. — В смысле — громом бы ее не поразило, в пепел бы она не обратилась и так далее? Все, что ей грозило, так это только нарушение моральных норм поведения, принятых в вашем обществе?

— Ну, в общем, так, — подтвердил домовый. — Если бы этот кошак тебя царапнул и добыл кровь, то она смогла бы сюда попасть через лунную дорогу, ну а дальше — сам понимаешь. У нее твоя кровь была, та, что он наемни добыл, — это как замок. А другая, полученная в твоём доме, — это как ключ к нему. Одно с другим связал — и входи.

— Тогда чего ей останавливаться? — устало спросил я его. — В нашем мире несогласие съедаемого давно уже не берется в расчет. При условии, что он слабее того, кто его ест.

Плохо дело. Оказалось, что мой дом не такая уж крепость. Точнее — вовсе не крепость.

— Куда мы катимся? — печально вздохнул домовый. — Еще лет сто назад ее за подобное свои же со света бы сжили. А сейчас всем на все наплевать.

— Плохо дело, — печально заметил я, поднимая с пола стул. — Не оставит она меня в покое.

— Это я виноват, — опустил голову домовый. — Не сообразил, что она через зеркало, лунной дорогой может пожаловать. Его еще вчера надо было простыней завесить. Средство простое, но надежное, проверенное.

— Лунной дорогой? — Я уже во второй раз за последние пять минут услышал это словосочетание.

— Эта ведьма — болотная, — пояснил Вавила Силыч. — Они же разные бывают, ведьмы-то. Какие на болотах живут и магию воды используют чаще других, те болотные. Лесные есть. Ну а больше всего деревенских. Теперь, пожалуй, что даже и городских. Но эта — болотная, потому у нее вода стоялая — в лучших подругах. А стало быть, и лунный свет —

тоже, вода да луна — они, считай, как родные. Ну а через него дорогу от одного места до другого перекинуть можно запросто. Главное, чтобы в доме зеркало было, в котором лунный свет отражается. Кошак этот сегодня возле дома крутился, ну, я его шуганул, понятное дело. А он, видать, и по карнизу успел пошастать, да зеркало и приметил. Я виноват, Александр, я. Не подумал, что старая хрычовка такой быстрой окажется, а потому тебя и не предупредил. Да еще, как назло, в сорок восьмой квартире трубу прорвало... Я вышел в коридор и увидел, что и вправду свет луны через кухонное окно падает прямоком на зеркало. Вот же. В жизни бы не подумал, что подобная мелочь может мне стоить жизни.

И вот тут меня затрясло. В прямом смысле. Как видно, испуг добрался до центральной нервной системы, и она отказала. Клянусь, даже зубы залязгали.

— Я теперь, наверное, вообще ни в какие зеркала смотреться не буду, — кое-как уняв дрожь, сообщил я, входя обратно в комнату. — Ну их на фиг.

— Не сможешь. — Вавила Силыч уже вскарабкался на стул и приглядывал за Родькой, который разгребал последствия борьбы с котом. А именно — собирал осколки разбившейся вазы. — Бриться тебе надо. Причесываться. Да ты не паникуй. Я же тебе говорю — зеркало ей нужно большое, чтобы она пройти в него смогла, да еще и такое, в котором лунный свет отражается. В другое ей не попасть.

— Успокоил, — сказал я и засмеялся.

Как видно, смех мой домовому не очень понравился, потому что он внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

Ну, прощения просим. Все-таки не каждый день я в зеркалах мерзких старушек вижу, которым нужны моя сила и мое сердце. Ну, сила пока не моя, но сердце — точно мое.

— Книгу тебе надо найти, — помолчав, сказал Вавила Силыч. — Без нее никак.

— Какую книгу? — устало поинтересовался я, присаживаясь на диван.

— Ведьмачью, какую же еще. — Домовой ткнул пальцем в Родьку, который сметал в совок осколки. — Вон его бывшего хозяина. Была такая у него, и тебе она позарез нужна.

— В самом деле? — заинтересовался я услышанным и перевел взгляд на Родьку. — Что, была у него такая книга?

— Ага, — подтвердил тот. — Но она не только хозяйина была, она ему по наследству досталась.

— Вот-вот. — Вавила Силыч закивал. — Мне то же самое Савва сказал. Эта книга тому достается, к кому сила переходит. Как по наследству. А тебе-то сила дурняком досталась, случайно, вот и книгу ты не получил. А без нее никак.

— Савва — это кто? — уточнил я.

— Савва Никитич — он как я, — объяснил мне домовый. — Только из первого подъезда.

Он в нашем доме самый старший, он еще те времена помнит, когда люди людьми владели. Вот как.

— Если ты о крепостном праве, то вроде ничего и не изменилось с тех пор. Только называется это теперь по-другому, — не удержался я от колкости. — Извини. Подытожим. Стало быть, где-то есть некая книга, без которой мне каюк?

— Ну, каюк не каюк, — уклончиво ответил домовый. — Просто те, кто был до тебя, пределы своей силы знали. К чему и как ее применить — тоже. И все это в книгу записывали. Да и не только это, надо думать. Заговоры, наговоры, рецепты — да мало ли? Вон, как ведьму от тебя отвадить, из нее наверняка узнать можно. Или убить ее, поганку такую, конечной смертью.

— Верно-верно, — подтвердил Родька. — Хозяин что ни вечер, все в нее чего-то писал.

— А самое главное, — понизив голос, сказал Вавила Силыч, — может, там написано, как силу к себе привязать?

Вот это было уже что-то. В этот момент я понял, что меня томило весь день.

Невозможность влиять на события. Я на самом деле не представлял, что мне делать. Не было ни одной зацепки, ни одной ниточки, за которую можно потянуть.

Теперь она появилась.

— Ага. — Дрожь окончательно ушла из коленей, и это меня порадовало. — Книга есть, и лежит она где? Родион?

— Дома, — невозмутимо сказал тот. — Но где точно — я не знаю. Мне хозяин запретил это знать.

— Запретил знать? — в очередной раз удивился я. — Разве так можно? В смысле — не смотреть, куда он ее убирает?

— Нет, — повертел головой он. — Мне можно сказать: «Этого ты знать не должен». И я не буду знать.

Вроде как и объяснил, но в голове все равно как-то не состыковывалось. Ладно, пес с ним. Не думаю, что там изба размером с коттедж олигарха, найду. Главное в эту избу попасть.

— Хорошо. — Я встал и прошелся по комнате. — Где книга лежит, ты не знаешь. Но где дом стоит, в котором эта книга находится, ты представляешь?

— В деревне, — с готовностью ответил Родька.

— Название деревни какое, остолоп ты мохнатый! — не выдержал Вавила Силыч.

— Лозовка, — тут же ответил мой слуга.

— Очень хорошо. — Я присел на корточки рядом с ним. — А как туда добраться?

— На поезде! — выпучил свои глаза-пуговицы Родька. — Ох, он и быстро едет! Не то что раньше. И дымом не воняет. А потом пешком, через лес и поле.

Мы бились с ним еще минут пять, пытаюсь вызнать, на какой вокзал они с бывшим хозяином прибыли, сколько времени были в пути, как далеко эта самая Лозовка от станции, в общем — хоть что-то еще. Увы, но впустую. Родька просто ничего не знал. Он мог перечислить все доски в заборе возле дома, но сказать, где именно этот самый забор стоит, не мог.

Хорошо, что хоть название деревни знает. И на том спасибо. А дальше — «Яндекс» мне в помощь.

А еще в какой-то момент мне стало стыдно. Говорю о чем угодно, а самое-то главное не сделал.

— Родька, — я снова присел на корточки напротив своего помощника, который, выбросив осколки в мусорное ведро, вернулся в комнату, — спасибо тебе. По сути, ты меня спас ведь. Прихватила бы меня эта ведьма прямо в кровати и на лоскуты порезала без твоей помощи.

— Так а как по-другому? — без всякого наигрыша изумился тот. — Я тебя защищать должен.

— И вам, Вавила Силыч, спасибо огромное, — встав, повернулся я к домовому.

— Пустое, — махнул рукой он. — Не хватало еще, чтобы всякая погань по моему дому шастала. Мне Кругловых с пятого этажа хватает.

Это да. Кругловы с пятого этажа — это что-то. Лично я трезвыми их ни разу не видел с тех пор, как сюда переехал. А года три назад они даже своеобразный рекорд поставили, прослушав ночью песню Михаила Круга «Кольщик» раз тридцать подряд. И возможно, еще столько же раз прослушали бы, но им не дали соседи, которые чуть не вышибли их дверь, барабана в нее кулаками. Просто Кругловы как добрые люди хотели поделиться творчеством великого шансонье со всеми, а потому врубили это дело на полную громкость. Очень интересные люди. И слава богу, что они живут на другой стороне лестничной клетки и на два этажа выше, чем я. Хотя «Кольщика» и я тогда слышал.

— Идемте чай пить, — предложил я. — Все равно мне уже не уснуть. Да и смысла ложиться нет — скоро рассвет, чего там осталось-то.

Что интересно — спал всего ничего, а голова днем была светлая, и зевота не пробилась. Как видно, очень сильный адреналиновый всплеск был. И потом — мне было над чем подумать. Перво-наперво я пробил населенный пункт с названием «Лозовка» и изрядно опечалился. Всего было найдено на территории России двадцать восемь объектов, из которых деревнями являлись девятнадцать. Вроде бы немного, но вот какая беда — восемь из них находились в Московской области, в разной степени отдаленности от столицы. И до каждой из них можно было добраться на электричке — а именно ее Родька и называл поездом.

Восемь — это много. Не чрезмерно, но тем не менее. Объехать их реально, но вот только сколько подобные вылазки у меня времени займут? Нет, если взять отпуск, то за полторы недели это все реализовать можно. Но есть ли у меня эти полторы недели? Да и отпуск получить — задача непростая, он у меня по графику — только через полтора месяца. У нас с этим строго.

Хотя если поразмыслить, то получается дурь несусветная. В смысле, с отпусками. Ну вот откуда я в январе могу знать, что у меня к лету случится? Напишешь — «июль», а он вон, в июне понадобится. Тьфу, кто такое только придумал?

Ладно, это все не главное. Главное теперь — книгу найти.

Еще я размышлял о том, что, возможно, мой ночной импульс по поводу звонка Нифонтову был верным. Нет, верить я ему не верил. Не то чтобы я не доверял полиции, это не так. В конце концов, когда паленым пахнет, мы куда бежим? К ним. Больше некуда. Но при этом мой личный опыт говорил о том, что все-таки лучше от них держаться подальше и без особой нужды с ними не сталкиваться.

Был у нас один случай года два назад. Нагрянули к нам ребята в штатском, но с погонами, через него просвечивающими. Как положено нагрянули, с бойцами в масках, с видеокамерами, народ к стенам прислонили и давай три юридических дела фирм изымать, со всеми выписками. Еще заняли кабинет предправа и начали народ на допросы таскать, причем исключительно из операционного и юридического отделов. И все про эти фирмы

расспрашивают — кто приходил, кто открывал счета, что вы помните, кто еще этих людей видел?

А фирмы не новые, им года по два было. С тех пор много народу из банка уволилось, в нашей среде это дело обычное. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Потому никто им ничего толком не рассказал, хоть они и крутили людей по полной, даже вроде как с угрозами.

Короче, изъяли эти архаровцы дела да и ушли.

А через месяц выяснилось, с чего они такие настырные были. Оказалось, что это их фирмы. В смысле — под них открытые, через эти счета откаты проходили, уж не знаю, за что именно. Не знаю и знать не желаю. У них что-то где-то засбоило, прокол какой-то вышел, на хвост ССБ села, вот они следы и заматали. Но не замели, поскольку наши ездили потом еще куда-то, уже по поводу той выемки показания давать.

Увы, но такая у нас работа, у банковских служащих. Мы хорошего в жизни не видим, потому что на чужих деньгах сидим. А где деньги, там светлого и доброго не жди, неоткуда ему взяться. Даже самые приятные люди могут в любой момент тебе такую свинью подбросить, что только держись, или выкинуть что-то такое, чего ты от них в жизни не ждал. И почти всегда в этом замешана полиция, которая в силу своих обязанностей после этих выходов ведет расследование, как законом и предписано. То есть по каким-то хорошим поводам мы с ними не сталкиваемся и, как правило, выступаем свидетелями. А это, согласитесь, на позитивный лад не настраивает. Хотя какие к ним претензии, это их работа.

Вот и выходит, что полиция — это вариант, но непонятно, в какую сторону события вырлиться могут в этом случае.

Короче, я решил так — дождусь звонка Маринки, может, она чего накопает. Если это случится, буду решать по результатам услышанного. Если не накопает ничего и ситуация совсем перекося даст, плюну и позвоню. В конце концов, может, они мне с этой Лозовкой как-то помогут. Даже наверняка — личность старика установлена, а значит, и его место жительства — тоже.

Так-то вроде они ребята нормальные. Рыжая, правда, язва еще та, но это я перетерплю. Мне с ней под одним потолком не жить.

Маринка, кстати, так и не позвонила в течение дня. Ближе к вечеру я сам ей позвонил, но она буркнула в трубку что-то невразумительное и сбросила вызов.

Так этот день ничего и не прояснил. В результате я плюнул на все, наелся от пупа, завесил все зеркала в квартире тканью, посмеявшись над собой, положил на прикроватную тумбочку охотничий нож, что мне в прошлом году на днюху подарили, и лег спать.

Вот только и этой ночью мне выспаться была не судьба.

Разбудил меня Родька. Он тер мои щеки своими мохнатыми лапами и бормотал:

— Хозяин! Хозяин!

— Чего? — сонно отмахнулся я от него. — Дай покоя!

— Хозяин! — жалобно бормотал мой помощник, не оставляя своих попыток меня разбудить. — Хозяин!

— Ну хозяин, — открыл я глаза наконец. — И что?

— Да нет, — всхлипнул Родька. — Хозяин!

И он вытянул лапку, показывая ею в угол комнаты, где у меня стояло кресло.

Я посмотрел туда, икнул и обреченно выругался.

Глава 6

Мой ночной гость, устроившийся в кресле, поднял руку и погрозил мне пальцем. Как видно, не любил ругань. Ну, оно и понятно — человек старой формации.

Хотя слово «человек» здесь являлось не очень верным. Больше к нему подходило словосочетание «бывший человек» или даже слово «призрак».

Ну да, призрак. И ведь что примечательно — я даже не очень-то его и испугался, хотя вроде и следовало это сделать. Как видно, психика, утомленная за последние дни новыми и яркими впечатлениями, уже попривыкла ко всему потустороннему и включила защитный механизм.

А может, я просто устал и окончательно смирился с тем, что на белом свете есть домовые, ведьмы, тролли, сатиры, наяды и дриады. И вон — призраки ведьмаков.

В кресле сидел тот самый старик, который мне и подложил эту сверхъестественную свинью. Как там его? Захар Петрович.

Он выглядел точно так же, как и три дня назад на Гоголевском бульваре, только теперь сквозь него шкаф было видно.

А вообще — забавно. Мне всегда казалось, что призраки немного другие. Ну, более пугающие, что ли. Здесь же — просто голограмма, как в кино. Сидит, отбрасывает голубоватый свет, на меня смотрит. Правда, не моргает.

Стоп. Три дня назад. Сегодня третий день, как он в лучший из миров отправился. Три дня, сорок дней... Что-то я об этом слышал. Или читал?

Вот так мы и сидели — я на кровати, он в кресле. В комнате царило солидное мужское молчание.

Ровно до той поры, пока мертвый со всего маха не хлопнул по подлокотнику кресла. Звук не воследовало, но я дернулся и на автомате спросил у него:

— Чего?

— Того, — немного сварливо ответил ведьмак. — Дубина ты стоеросовая! Пока ты со мной в беседу не вступишь, я так и буду молчать. Таковы законы бытия — не может мертвый первым с живым заговорить.

— Надо же, — удивился я.

— Классику надо было читать, а не ерунду всякую. — Лицо призрака передернула гримаса, выглядело это любопытно, как помеха на телевизоре. — Например, Шекспира.

И тут я захохотал, причем в голос.

Ну а что? Вдумайтесь в комизм и идиотизм ситуации — призрак мертвого ведьмака объясняет мне, что надо Шекспира читать. Кстати, а голос у него изменился. Он стал таким-то глухим, как когда из-под одеяла говорят. Хотя чему удивляться? Он же там... откуда не возвращаются. Ну, во плоти не возвращаются, имеется в виду.

— А вы зачем здесь? — неуверенно спросил у него я.

Неуверенно, потому что не знал, что еще можно спросить у мертвого человека. Не доводилось мне раньше с покойниками общаться. Я вообще в загробную жизнь не верю. Не верил.

Да и еще — как-то мне зябко стало. Первые ощущения миновали, и ко мне пришли обычные для нормального человека чувства. Все-таки дискомфортно живому рядом с мертвым находиться.

— Что жаться начал? — Глаза ведьмака блеснули. — Страшно?

— Есть немного, — решил не врать я. — Вы поймите, я обычный человек, далекий от всех этих ваших штучек-дрючек. У меня за эти три дня вся жизнь чуть на слом не пошла.

Ведьмы, коты, полицейские эти странные...

— Какая ведьма? — тут же спросил ночной гость.

— А мне всегда казалось, что мертвые все знают, — изумился я. — Ну, им сверху видно все, и так далее.

— Чушь какая, — снова хлопнул ладонью по подлокотнику кресла ведьмак. — Дел у нас там других нет, только что за вами смотреть. Да и если бы захотели, кто нам это позволит?

— А кто запретит? — заинтересовался я.

Ну интересно же знать, что там?

Может, как-то подготовиться. Да и вообще...

— Много будешь знать — плохо будешь спать, — усмехнулся покойник.

— Уже, — не удержался от сарказма я. — Каждую ночь невесть что происходит. Вчера — эта ерунда с зеркалом, сегодня вы...

И я поведал ему эпопею моего противостояния с мерзкой старухой.

— Не повезло тебе, — заметил мой гость после того, как я закончил свой рассказ. — Просто не повезло. На самом деле ведьма эта как противник ничего не значит, смею тебя заверить. Сам посуди — что это за ведьма, коли она травы в городском парке копает? У вас тут земля дрянная, химия одна, что на ней вырастет? Настоящие сильные травы можно только в настоящем лесу или поле взять. Это как еда, понимаешь? Есть настоящая сметана, а есть сметанный продукт. Или масло и маргарин. А почему эта пачкуля не может взять настоящие травы?

— Почему? — с любопытством спросил я, поняв, что именно этого и ждет от меня призрачный собеседник.

— Да кто ее, безродную, на свои делянки пустит? — пояснил ведьмак. — Какую-то мелочь — иван-чай там или что-то подобное она, может, и выкопает недалеко от города. А настоящие травы, вроде адамовой головы или плакуна, из тех, что надо собирать в определенное время и в нужном месте, — это нет. Там свои владительницы есть, и они ни с

кем ничем делиться не станут. Так что тебе просто не повезло на нее наткнуться. Ну а остальное ты сам по своей собственной дури получил.

— Ну да, — даже как-то обиделся я. — А мне кто-то что-то объяснил? Использовали меня, а теперь еще и дураком вот назвали.

— Дурак и есть, — даже не подумал извиняться мертвец. — Был бы умный — прошел бы в парке мимо нее. Ладно, не об этом речь. Времени мало, а сказать мне тебе надо много чего.

— Стоп-стоп, — замахал руками я. — Прежде чем чего-то скажете, ответьте мне на один вопрос. Я имею на это право.

— Право он имеет, — усмехнулся ведьмак. — Ладно, задавай свой вопрос.

— Как мне от вашего подарка избавиться? — выпалил я. — Можно ли его кому-то подарить или что-то в этом роде? Ну вот не нужно мне это все, совсем не нужно. Я хочу жить как раньше — просто и предсказуемо, без всех этих гоголевских мотивов.

— Нельзя. — Ведьмак, как мне показалось, улыбнулся. — Пока жив — никак ты от него не избавишься. Это насовсем.

Я только вздохнул. Ответ этот меня не удивил, но опечалил. Все-таки какая-то надежда теплилась — а вдруг? Но увы, увы...

— Не грусти, — неожиданно мягко произнес мертвец. — Не так все плохо, поверь. Есть в том, что с тобой случилось, и плюсы. Ты женщин любишь?

— Да. — Я спустил ноги с кровати на пол. — Вот только они ко мне не всегда ответные чувства питают.

— Если с силой совладаешь — почти все твои будут, — заверил меня призрак. — Правда-правда. А еще сокровища, скрытые в земле, без проблем находить сможешь. Правда, не всякие из них брать можно, но это уже нюансы. Змеи тебе не страшны, не возьмет тебя теперь их яд. Ну и другое разное-всякое, в зависимости от того, куда тебя стезя заведет. Подашься в лес — со зверями да птицами общий язык найдешь. Если врачевать станешь — ни одна лихоманка тебя не возьмет, и жить долго будешь. Ты у тех, кого спасешь, в качестве гонорара часть их здоровья забирать имеешь право. С каждого по крошке — вроде немного, а на пару-тройку лишних столетий наберешь.

— Долгая жизнь? — заинтересовался я. — Это любопытно. А еще какие плюсы будут?

— Много, — сказал старик. — Вот только все это для тебя начнется тогда, когда тебя сила признает.

— Вот! — хлопнул ладонью о ладонь я. — Как это сделать-то? Мне тут домовой про какую-то книгу говорил...

— Я так посмотрю, ты шустрый малый, — перебил меня ведьмак. — Домовой тебе помогает, советы даже дает. Мой-то меня недолюбливал.

— Просто я человек хороший. — Скромность в данном случае была излишней. — Вот и все.

— Я сразу как-то так и подумал, — заверил меня мертвец. — Как только тебя увидел. Но книга — это не все.

— Давайте начнем с нее, а потом доберемся до остального, — гнул свою линию я. — Ведь без книги все равно никак?

Мне отчего-то казалось, что если я обзаведусь этим фолиантом, то жизнь, давшая крен, немного выровняется.

— Торопыга ты, — печально констатировал ведьмак. — Боюсь, это тебя и сгубит.

— Сами говорили — времени мало, — парировал я. — Потому будем последовательны. Сначала — материальное, потом — абстрактное.

Я уже понял, что сейчас призрачный старик заведет шарманку в стиле «Звездных войн». Вот только это не кино, и я не джедай. И сила эта другой природы.

Мне сейчас нужен якорь. Это книга.

— Может, ты и прав, — согласился мой гость. — Значит, так. Она в моем доме, лежит под подушкой на кровати.

Вот так просто и банально. Не в тайнике, не в подполе. Под подушкой на кровати. Проза жизни.

— А дом где? Что за Лозовка, по какому направлению?

— По Минскому. — Я заметил, что он недовольно посмотрел на Родьку. — С Белорусского вокзала ехать. На Шаликово выйдешь, а там... Разберешься, в общем.

— Очень толковое объяснение, — отчего-то страх совсем ушел, зато у меня добавилось наглости. — Ну ладно, деревню эту я найду. А там-то куда? Какой дом, на какой улице?

— Деревня эта — одно название, — охотно сказал старик. — Половина домов заброшена. Мой — восьмой от околицы, с красной крышей. Да вон ту бестолочь бери с собой, он дороги только до деревни не знает, а там-то сориентируется.

Вообще-то Родька говорил, что ничего не помнит, но поверю на слово. В конце концов, язык до Киева доведет.

— Значит, смотри, — деловито продолжал ведьмак. — Калитка открыта, не закрываю я ее. Ключ от двери лежит слева от порога, под кирпичом. Как войдешь в дом, сразу из притолоки вынь нож, который в нее воткнут. Это мое тебе наследство, наряду с книгой. Нож этот непростой, им до тебя и меня много кто владел.

— Волшебный? — уточнил я.

— Что вы за люди? — снова завелся старик. — Нет, не волшебный. И ты не волшебник. И не будешь им. Нет в нашем мире волшебников. Мы есть, ведьмаки, колдуны имеются, ведьмы, даже упыри есть, а волшебников нет. Не бывает так, чтобы рукой махнул — и дерево свалилось. Его все равно пилить надо. Или жучка попросить, чтобы тот его подточил. Или гниль на него напустить.

— Понял, понял, — махнул ладонью я. — Так что с ножом?

— Нож этот — первый твой помощник, — разом успокоился дед. — Во всем. Если корешки для зелья выкапывать да подрезать — так только им. Если жизнь свою защищать — так тоже им. Никуда без него. Вот как думаешь — почему он в притолоку воткнут?

— Не знаю, — решил не играть в загадки я, хотя версия у меня и была.

— Затем, чтобы чужой кто в дом не вошел, — важно сказал ведьмак. — Нет, простой человек войдет, это да. А вот если кто нашего корня — так ни в жизнь. Не сможет он через порог переступить. Ну, про нож в книге есть, прочтешь. Главное — сразу как его вынешь из дерева, себя его лезвием по ладони полосни, чтобы он твою кровь запомнил. Без этого он просто ножом будет, а не помощником. Да не скупись, понял? Щедро плесни крови-то. А то знаю я вас, нынешних, пальчик чуть порежешь и подумаешь, что этого достаточно.

— Жуть какая, — передернул плечами я.

Не люблю кровь. Не то чтобы боюсь, но не люблю.

— Зато с ним тебе ведьмы не так страшны будут, — пояснил ведьмак. — Например, та болотная слизь, только завидев его, сразу же испарилась бы. Я не шучу. Ведьмачий нож для ведьмы ох как страшен! Это первейшее против них оружие. Если им ведьме рану нанести, хоть даже царапину, то ничем она ее не залечит. Будет та рана гноиться, отмокать, саднить и даже тухлецей подванивать. Это если легкая. А если в живот ее пырнуть или куда повыше — так, может, и помрет она. А лекарство от такой раны одно — тот же самый нож. — Это как? — жадно спросил я.

— Так. — Дед довольно захекал. — Ведьмак должен его к порезу приложить и нужные слова сказать. И все это — доброй волей. А такое бывает нечасто, чтобы ведьмак ведьму простил. Правда, и они нас, если что, не жалуют, есть у них против нас средства страшные, лютые. В книге все это написано, прочтешь. Но ты не трусь заранее, они без нужды с нами не связываются. Паритет. Знаешь такое слово? Показал нож, чтобы ведьма поняла кто ты есть, и пошел себе дальше. Только спиной к ней не поворачивайся при этом, от греха. Ну и нож с собой носить не забывай.

— А если никуда без этого ножа ходить нельзя, то чего же вы его в доме оставили? — резонно поинтересовался я.

— Почему, почему, — проворчал старик. — Потому! Надо, значит, так было.

Надо заметить, что он как-то потускнел за последние пару минут, и это меня обеспокоило.

— С книгой разобрались, — поспешно сказал я. — Теперь о силе. Как мне ее себе подчинить?

— Вот тут основная заковыка. — Ведьмак еще немного поблек. — Не скажу я тебе точно, когда сила станет твоей и что для этого сделать надо. У всех по-разному бывает. Мне вот для этого почти умереть пришлось. Наставнику моему — человеческую жизнь взять, да не абы как, а сердце вырезать. А что тебе судьба уготовила, мне неизвестно.

— Здорово. — Я не удержался от смешка. — Получается пирожок ни с чем, уж простите меня за эти слова. «Я тебе расскажу, что делать. Вот только я не знаю, что делать».

— Ты не зарывайся, щегол, — рыкнул на меня дед, и сияние вокруг него ошутимо позеленело. — Если бы мог точнее сказать — сделал бы это. Мне мой наставник в свое время то же самое говорил, что я тебе сейчас. Каждому свое, понимаешь? Но при этом совет тебе дам, тот же, что когда-то получил я, — к себе прислушивайся, вообще будь повнимательней. Следи за тем, что происходит, сила все равно себя проявит. И вот то, в чем она себя проявит, — это и есть твоя стезя. Может, ты мертвых слышать начнешь, может, хвори видеть, может, убить кого захочешь так, что невмоготу станет. А как поймешь, к чему тебя сила подталкивает, то и копай в этом направлении. Твори, экспериментировать, пробуй. Кто на месте не стоит, своего всегда добивается.

— То есть если мне захочется кого-то убить, надо будет пойти и это сделать? — ошалело поинтересовался у него я.

— Ну не обязательно человека, — помолчав немного, ответил призрак. — Можно для начала курице голову отрубить или кота какого прирезать.

— Да не хочу я таким заниматься, — меня даже замутило. — Я животных не очень люблю, но и убивать их не желаю.

Ведьмак только засмеялся, глядя на меня своими мертвыми, немигающими глазами. И я понял, что он имел в виду. Меня никто спрашивать не будет, хочу я чего-то или нет. Все уже решено за меня. А если я буду упорствовать... Собственно...

— Скажите, что со мной будет, если я так и не найду общего языка с силой? — спросил я у замолчавшего старика. — Мне сказали, что она меня просто выжжет изнутри.

— Не совсем верно, — покачал головой мой собеседник. — Скорее — она тебя поглотит.

Если говорить просто — ты сойдешь с ума. Не она будет в тебе, а ты станешь ею. Ну а что силе вздумается творить — мне неизвестно. Но для тебя это хорошо не кончится.

Вот тут-то мне и поплохело. Сходить с ума я не хотел, не входило это в мои планы.

— Сколько у меня есть времени? — заерзал на кровати я. — Недели? Месяцы?

Дед снова покачал головой, давая мне понять, что данный вопрос не имеет ответа.

— Весело. — Я запустил руки в шевелюру, отметив, что пора бы навеститься в парикмахерскую. — Господи, вот за что мне это все?

— Не паникуй раньше времени, — невозмутимо изрек ведьмак. — Наведайся в мой дом, заведи нож, заведи книгу. А еще лучше — поживи в нем месяцок, пока лето на дворе. Там тебе и стены помогут, поверь мне. Город — это мертвое место, здесь нет земли, нет леса, нет того, что когда-то создало таких, как мы. Там — наше исконное, наши корни. Там ты найдешь себя. Не спорю, тебе тяжело придется, изнеженный ты, как все горожане, но зато путь виднее будет.

Я хмуро глянул на него. Ну да, предел моих мечтаний — бросить все, уехать в деревню. В народ.

— Что волком смотришь? — Старик развеселился. — Я тебе дело говорю. Та же книга — ты и сотой части не поймешь, если руками не сделаешь то, что в ней написано. Здесь это невозможно. А без этого ты не ведьмак. Знаешь, как детишек в школе учат? Они сначала все вместе одно и то же узнают, а уж потом по институтам разбегаются, каждый — по своему. Вот и ведьмаки — путь у каждого свой, но исток один на всех, общий. Базовые знания, если по-современному говорить.

— Так книга — это всякие рецепты, что ли? — сообразил я. — Зелий и всего такого?

— И это тоже, — уклончиво ответил дед. — Заберешь — узнаешь. И вот еще что — ты там, в деревне, особо ни с кем не откровенничай — кто да что. У нас там разные люди есть, кое-кто может на тебя глаз положить. Если точнее — не на тебя, а на то, что я тебе передал. И это будет не болотная грязнуля, там дамы посерьезней.

— А говорите — поживи там. — Я невесело посмеялся. — Противоречите себе.

— Вообще нет, — невозмутимо произнес дед. — Сейчас ты приезжий, за тебя никто не спросит, а коли заселишься — соседом будешь. Сосед и приезжий — разные вещи. И отношение к ним разное. Покон есть покон, это тут его забыли, а там, у нас, такие вещи силу имеют до сих пор. Хотя это не повод для того, чтобы ворон ртом ловить. Соседа тоже сожрать можно, если с умом. Он даже вкуснее. Так что, парень, никому не верь и следи за тем, с кем и о чем разговариваешь. И не только там, а везде. Вот еще — в Лозовку с утра езжай, чтобы до темноты управиться. А если не успеешь — ночуй в доме, там безопасно, только домового предупреди о том, кто ты есть такой. Он у меня вредный, может ночью и придушить.

— А почему? — уточнил я.

Нет, правда интересно. Звучит почти как в фильмах о вампирах, там всегда такие советы дают. И их всегда не слушают.

— Экий ты дятел, — опечалился ведьмак. — Сказано же — ты чужой. Тебя закружить да прикопать потом под березками боги велели. Лозовка не Киев и не Суздаль, но наши ведьмы не хуже их, поверь. Они свое мимо рта не пронесут. Я им не по зубам был, а ты — другое дело. Днем-то поостерегутся, а ночью точно тебя в оборот возьмут. Да, вот что — если ночевать будешь, то за порог ни шагу, а нож обратно в притолоку вбей, ясно?

— Куда яснее, — ответил я, давая себе зарок ни за какие коврижки там не ночевать. Приехал, забрал, уехал. Все.

Плохо, что я машину водить не умею. Ну вот не сложилось как-то. На машине куда сподручней было бы эту вылазку сделать. Нет, есть у меня приятели с автотранспортом, но, во-первых, у них у всех свои планы на выходные, во-вторых, много чего объяснять придется. Это раньше дружба была понятием круглосуточным и безоговорочным, а теперь она взаимовыгодная и строго в рамках индивидуального пространства.

Но ехать надо в любом случае. И руку себе резать тоже придется. Брр, как представлю! Но нужно. Ясно уже, что вся эта на первый взгляд невозможная ерунда — по-настоящему.

— Еще раз — не забудь нож своей кровью напоить, а то будет это просто железка, — назидательно сказал ведьмак. — Памяти у тебя нет, как я погляжу. Ты меня вообще слушаешь?

— И очень внимательно, — отозвался я, подметив, что призрак стал еще прозрачнее, если так можно сказать. Он все больше напоминал блеклую тень, черты лица, совсем недавно бывшие четкими, как-то размазались, расплылись.

— Однако выходит мое время, — подтвердил мои догадки ночной гость. — Отмерили мне его маловато, да и то, что дали, кончается. Все, давай прощаться. В этой жизни мы больше с тобой не увидимся.

— А сороковой день? — удивился я. — Я читал...

— Читал. — Ведьмак повел головой, давая понять, что ему весело. — Где моя душа и где остальные души? Нет, сынок, у них свое посмертие, а у меня — свое, а потому и законы существования в мире теней — тоже. Разные у нас точки прибытия. Как и у тебя теперь, уж не обессудь. Изменил я твою судьбу.

— Не могу сказать, что очень вам за это благодарен, — резко отозвался я.

— Выбора у меня не было, — пояснил ведьмак немного виновато. — Я когда понял, что все, яд по венам идет, то чуть ли не в первый раз за жизнь испугался. Силу-то передать некому, а умереть без этого — хуже некуда. Даже не знаю, что сквернее может быть. Тут девки эти остановились, следом ты.

— Ну да. — Я засопел. — Зарекался добрые дела делать...

— Извини. — Ведьмак уставился на меня, через его глаза я видел ручку шкафа, и это смотрелось жутковато. — Выбор на тебя пал. Он у меня скромный был — ты или малец в коляске. Один ребяенок там девкой был, другой — мальчишка. Но отдай я силу ему — беда вышла бы. Он бы с ней точно не совладал, сам бы помер и мамку сгубил. И еще кого-нибудь. А ты хоть и недотепа, но головастый вроде. И вон зубы-то тоже есть. На бульваре я было подумал — теленок. А сейчас смотрю — нет, не совсем. Глядишь, в волка вырастешь. Сомнительный комплимент. Но отчего-то стало приятно.

— Яд? — уцепился за его слова. — Вас отравили, что ли?

— И в самом деле, по Шекспиру все, — невесело заметил ведьмак. — Правда, тут не белена была, а кое-что покрепче, такой яд, что мне его без своих трав и ножа не одолеть. А они — дома, за сто верст. Все он просчитал, собака такая.

— Кто — «он»?

Призрак помахал рукой, которая уже была еле различима, давая понять, что этого он мне не скажет.

— Нельзя, — пояснил он свой жест. — Он один из наших, вдобавок с миром теней на «ты». Еще услышит, что кто-то из-за кромки его помянул, греха не оберешься. Да и ни к чему тебе его имя. Он про тебя не знает — и хвала богам. А то ведь непременно захочет довести все до конца и тебя не пожалует.

— А может, знает? — расстроено произнес я. — Просто выжидает.

— Нет, — покачал головой призрак. — Он своего слугу за мной пустил. Как я теперь понимаю, хотел его глазами на мой конец посмотреть, да я того со следа сбил, так что не волнуйся. Но хитер, не отнять. Столько лет выжидал, чтобы своего добиться, меня в землю уложить — и дождался. Но тут я сам виноват, слабину дал. Так что мстить за меня не надо. — Да я и не собирался, — даже удивился последней фразе я. — С чего бы? Не обижайтесь, конечно, но у меня такого в планах не значится. Мне бы теперь с вашим наследством разгрестись, какая тут месть?

— Разгребешься, — уверенно заявил призрак и встал с кресла. — Ну все, парень, светляк уж угасает. Пошел я. Не поминай лихом.

— Какой светляк? — повертел я головой. — Где?

— Вот ты все-таки полено необразованное. — Голос ночного гостя стал еле слышимым. — Классику читай.

По комнате пронесся легкий ветерок, взъерошил мои волосы, и установилась звенящая тишина.

— Даже «до свидания» мне не сказал, — обиженно буркнул Родька. — А столько лет вместе были.

— Не успел, — успокоил я его. — Не обижайся. У меня тоже еще вагон вопросов был. А днем я вообще на себе волосы буду рвать по тому поводу, что что-то очень важное и нужное не спросил. Просто в силу того, что не сообразил, о чем спрашивать. Я же не знал, что он в гости припрется.

— А мы домой поедем? — блеснули в серых предутренних сумерках, которые уже ползли в комнату, глаза Родьки.

— Поедем, — неохотно признал я. — Куда деваться?

— Жить? — с надеждой спросил он. — Как бывший хозяин сказал?

— Нет, — огорчил его я. — Только забрать имущество, что мне причитается. Жить я там не хочу. Я дитя асфальта, мне вне города дискомфортно. День-другой — еще туда-сюда. Шашлычок там, искупаться, может, даже рыбку половить. А на месяц — это без меня.

— Там хорошо, — попробовал уговорить меня мохнатик. — Там воздух свежий, грибы, орехи. Дом у нас о-го-го какой — крепкий, теплый.

— И это прекрасно, — погладил я его по голове. — Но жить мы будем здесь. Здесь есть телефон, горячая вода, радиоточка и так далее, по тексту песни.

— Какой песни? — не понял Родька.

— Хорошей, — пояснил я, укладываясь обратно в кровать. — Про жизнь. Форточку не открывал?

Вопрос этот был не праздный. Я прошлой ночью как-то не поинтересовался у Родьки и Вавилы Силыча, как кошак ведьмы в квартиру попал. Не через зеркало же? Не спросил и в результате весь день на работе голову над этим вопросом ломал. Оказалось, что все просто, — через открытую форточку на кухне. И никакого колдунства. Так что теперь она у меня как граница — на замке. То есть на засове.

Надо же, оказывается, что ведьма, которая меня так напугала, с точки зрения матерого ведьмака — никто. Как он ее — «грязнуля», «пачкуля». Вообще ни в грош не ставил. Но если эта — никто, то какие же тогда другие ведьмы? Те, которые покруче будут?

Нет, надо за ножом ехать. Срочно.

Сегодня пятница, вот завтра и поеду. Надо расписание будет посмотреть через «Ту-ту», не факт, что все электрички в этом Шаликово останавливаются.

С этой мыслью я и уснул. Жалко, что ненадолго.

Вот честное слово — правда, что ли, переселиться в деревню? Вторую ночь поспать толком не дают. То ведьмы с котами припрутся, то привидение нагрянет, то какая-то сволоочь в дверь начнет в полшестого утра названивать, самый сладкий сон перебивать.

Я сполз с кровати, подошел к двери и посмотрел в глазок. О как. Явление Христа народу.

Замки шелкнули, открываясь, и в коридор влетела Маринка, как всегда бодрая и благоухающая духами.

— Свиридова, — проворчал я, зевнув, — тебе чего не спится в такую рань?

— Все в думах о тебе, — прошептала та, лучезарно улыбаясь, и чмокнула меня в щеку. — Что с лицом? Не веришь?

— Нет, — почесал я бок и подтянул трусы. — Тебе верить — дураком быть надо. Это ты вон Севастьянову своему впаривай байки о том, какая ты заботливая и душевная. Чего надо?

— Ты хоть штаны надень, — посоветовала мне Маринка. — Я дама как-никак.

— Никак, — снова зевнул я. — В смысле — не дама ты. То есть дама, но не дама... Я запутался. Короче, мы друзья, а друзей надо воспринимать в том виде, в каком они есть.

— Скотина, — обличительно произнесла моя соседка и подняла руку, в которой был зажат пакет. — И я об этой скотине трогательно забочусь. Вот, даже завтрак ей принесла.

— Ты еще скажи, что сама его приготовила, — прижал руки к щекам я. — И тогда мне останется только произнести: «Вау»!

— Его изготовили лучшие мастера истинной американской кухни, — не моргнув глазом выдала Маринка. — Иди одевайся, умывайся и потом топай на кухню, а я пока сварю кофе. По моему глубокому убеждению, день должен начинаться с него.

«Американская кухня». Вот мастерица заливать, а? Акула, понимаешь, пера. Тупо фастфуд, я уже уловил его запах.

— Хозяюшка, — с невыразимым сарказмом произнес я и побрел в комнату.

Впрочем, ел я с удовольствием. Обычно по утрам я в себя еле запикиваю бутерброд, а тут прямо как пробрало.

— Так чего надо? — спросил я у Маринки, прожевав очередной кусок. — И не заливай мне в уши, что тебя беспокоил факт того, что я уйду на работу голодным.

— Отдел 15-К, — не стала чиниться та. — Меня интересует все, что ты о нем знаешь.

— Вообще-то, если ты забыла, это как раз я тебя просил про эту контору разузнать, — резонно заметил я.

— В том-то и дело, что ничего про нее выяснить не удалось. — Маринка прищурилась, это означало, что она уже не угомонится, пока не дойдет до конца. — А приятелю

Севастьянова порекомендовали не лезть туда, куда не следует. Жестко так посоветовали. Этот приятель потом даже на Серегу наорал, прикинь?

— Значит, и не надо лезть. — Я отправил в рот щепотку картофеля фри. — Если порекомендовали.

Для себя я все уже решил. Не буду я им звонить, по крайней мере, до той поры, пока книгу с ножом не заберу. И еще — а если эти ребята работают на того, кто Захара Петровича на тот свет спровадил? Почему нет? Пошли по следу, вышли на меня.

Хотя вряд ли. Судя по всему, противник у покойного ведьмака был еще тот, лютей, не стал бы он турусы на колесах разводить, а просто грохнул бы меня — и все.

Что же это за отдел такой, с повышенной секретностью?

В любом случае пока воздержусь от звонка. Вот добуду наследство, а там видно будет.

— Так в этом и смысл. — Маринка даже ножкой по полу притопнула. — Здесь же тайна,

Смолин. Не знаю какая, но тайна. Спинным мозгом чую! Причем связанная с госструктурами, а это особый коленкор. В их бельишке покопаться — это самый смак. Тебе этого просто не понять.

— И слава богу, — заметил я. — Оно мне и даром не надо.

— А мне — надо. — Маринка достала из сумки пачку сигарет и зажигалку. — Если тут что-то есть, то мне необходимо до этого докопаться. Распределение на носу, мне нужен убойный материал.

— Пока ты только до меня докопалась. — Я отпил кофе. — Надо рыть — рой. Это свободная страна. Я-то тут при чем?

— Позвони им, — потребовала соседка, закуривая. — Я сама уже попыталась, но там никто трубку не берет. А если ты позвонишь — возьмут. Вот не знаю откуда, но я в этом уверена.

— Марин, ты своей смертью не умрешь. — Отвалившись на спинку стула, я удовлетворенно погладил живот. — Слишком часто лезешь туда, куда не следует. Это не применительно к данной ситуации, а вообще. Жизненное наблюдение.

— Да и шут с ним, — отмахнулась Маринка. — Лучше уйти в небытие молодой и красивой легендой, чем доживать свой век беззубой, забытой всеми старухой. Я как подумаю, что мне через семь лет будет тридцатник, так аж пот холодный пробивает. Вслушайся только в это слово: «Тридцатилетие». Как собака лает. Брр! Ну, позвонишь?

— Нет, — твердо ответил я. — Не позвоню. Не хочу.

— Звони, гад такой, — потребовала она, стряхивая пепел в чашку с недопитым кофе. — Ты же знаешь, что я все равно своего добьюсь.

— Да отстань ты от меня! — возмутился я. — Чего привязалась? Знал бы — не просил ни о чем.

— Темнишь, — уверенно сказала соседка и ткнула меня наманикюрным пальчиком в нос. — Темнишь, Смолин. Что-то ты знаешь... Или видел... Что-то тут не так. Колись — что именно?

И она, перегнувшись через стол, приблизила свое лицо ко мне, уставившись в глаза.

— Ничего я не знаю, — даже дернулся я. — Отстань! Ты со своими интригами, скандалами и расследованиями скоро совсем свихнешься!

— Все, Смолин, ты попал! — заявила Маринка, потушила сигарету, встала со стула, зашла ко мне за спину и обвила руками мою шею. — Ты в поле моего зрения. Ты теперь объект, и бдиль за тобой я стану круглосуточно, пока не выясню, что к чему. В сторону не вильнешь!

— Валяй, — одобрил ее планы я. — Ну-ну. Айда со мной в ванную, посмотришь, как лихо я бреюсь!

Глава 7

Недооценил я Маринку. Она и в самом деле решила за мной бдиль. Не успел я в субботу выйти из подъезда, с удовольствием вдохнуть сладкую летнюю утреннюю московскую пыль и удовлетворенно прищуриться на еще не жгучее солнце, как сверху раздался вопль:

— Смолин! Стой, дело есть!!!

Это была она, Маринка.

И вот тут я допустил ошибку. Мне бы сразу смыться, без оглядки на ее крики и возможную последующую нервотрепку, а я помахал в ответ и решил ее дожидаться. С чего я взял, что она мне хочет что-то важное сказать?

Видимо, дело было в благодушии. Этой ночью я впервые за последние дни спокойно спал, и никто мне не помешал в этом — ни живые, ни мертвые.

— Стоять! — буквально секунд через тридцать из подъездной двери вылетела моя соседка. — Куда собрался?

— А тебе не пофиг? — немного даже опешил я от такого наглого вопроса.

— Чудак ты человек, — подтянула «велосипедки» Маринка. — Сказано тебе — ты у меня под колпаком.

Она прищурила правый глаз, состроила гримасу в духе «Большой брат следит за тобой», да еще и пальцами некую манипуляцию произвела, давая мне понять, что я теперь в сторону не вильну.

Это, возможно, и произвело бы на меня хоть какое-то впечатление, кабы не ее внешний вид. Вздохмаченные после сна волосы, майка на три размера больше, уже упомянутые «велосипедки» и домашние тапки. Ну вот не тянет она на сурового стрингера, который готов поведать людям обо всех оккультных тайнах Вселенной.

— Польщен, — шаркнул ножкой я. — Ну все, бывай. Мне пора.

— Куда! — возмутилась Маринка и вцепилась в мой рюкзак. — Без меня?

Бедный Родька. Я, не придумав ничего лучше, его как раз туда и посадил, перед этим выдав пачку сахара-рафинада, чтобы жизнь немного послаще казалась. Представляю, что он сейчас испытывает.

Кстати, для меня явилось сюрпризом, что моего нового слугу надо в чем-то транспортировать. После его эффектного появления в моей квартире мне думалось, что у него есть возможность перемещаться в пространстве без посторонней помощи.

Да фиг. Пришлось засовывать в рюкзак и тащить на собственном горбу.

А как он попал ко мне в квартиру в первый раз, он мне так и не сказал. Лапками помахал, мех потопоршил — но не сказал. Я так думаю, с помощью Вавилы Силыча, которого он теперь выдавать не хочет.

— На работу иду, — попытался отмазаться от Маринки я. — На трудовой подвиг.

— Врешь, — помахала пальцем она. — Даже дважды врешь. Во-первых, ты лентяй и на работу сверхурочно сроду не выйдешь. Ну, если только тебя совсем уж не прижмут.

— Еще деньгами можно подманить, — проворчал я, признавая ее частичную правоту.

— Во-вторых, этот твой рюкзак, — обличительно заявила Маринка, презрительной усмешкой давая мне понять, что деньги не аргумент. — Что ты на меня уставился? Я тебя, Смолин, уже изучила. Ты с ним ходишь только тогда, когда куда-то неблизко собираешься. Я журналист, подмечать мелочи и детали — это моя профессия. Говори, куда намылился? И только не ври, что к бабе на дачу на все выходные. Ты и в городе-то толком никому не нужен, а уж в сельской местности — тем более. У тебя руки из задницы растут.

— Да пошла ты, — даже как-то обиделся я, на этот раз — неприятворно.

Чего это — «не нужен»? Чего это — «из задницы»?

Я насупился, повернулся к соседке спиной и потопал к выходу из двора.

— Смолин, не дури, — догнала меня она. — Я с тобой, но мне собраться надо.

— Да отвали ты от меня, — уже всерьез разозлился я. — Что, у меня своих дел быть не может?

— Могут, — согласилась Маринка. — И они до чертиков любопытные. Я пятой точкой чую, что ты влип в какое-то дерьмо, которое мне точно небезынтересно. Смолин, бери меня с собой, у тебя выхода нет.

— К родителям еду, — предпринял еще одну попытку выкрутиться я. — К маме с папой. Хоть у меня руки и из задницы растут, но лопатой я махать умею. Картошку мы будем сажать.

— Как тебя в банке держат? — вздохнула Маринка. — Ты же врать не умеешь, а там без этого никак. Ты профнепригоден. Ну что? Городское ты чудо. Июнь на дворе, какую картошку сажать? Ладно. Последний раз спрашиваю — будешь говорить по-хорошему?

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь, — упрямо буркнул я.

— Сам виноват, — обличительно сказала моя соседка и в голос заорала: — Не бросай меня, Сашка! Ну не броса-а-ай!

Из ее глаз, секунду назад сухих, выкатились две слезинки размером с хорошую градину.

Она бухнулась на колени, обняла мои ноги и протяжно провyla:

— Что говорил? Что обещал-то мне ночами весенними, светлыми, что? А теперь все, получил что хотел? Добился своего и мстишь за то, что раньше отказывала! Не пушу! Ни-ку-да не пушу!!!

Дворники, супружеская чета откуда-то из Средней Азии, до того спокойно метущие двор и с интересом поглядывавшие на нас, теперь вовсе остановились и смотрели за происходящим как в кино.

Распахнулось сразу штук пять окон, и из них высунулись любопытные старушечьи лица.

— Да как же так-то, люди добрые? — надрывно сообщила зрителям Маринка. — Сманил, сманил же! Говорил, что ребеночка хочет, поверила, все отдала ему, что берегла. Честь свою девичью, душу, сердце...

Дворничиха потеряла правый глаз и со всего маха врезала супругу по щеке.

Бабки вроде как даже достали диктофоны.

— А-а-а! — подмигнув мне, звонко завопила Маринка. — Дите-то, оно же под сердцем уже бьется, кому я с ним нужна...

— Фиг с тобой, — поняв, что еще чуть-чуть — и мне надо будет подыскивать риелтора, чтобы срочно съехать из этого дома, произнес я. — Но сразу говорю — ничего интересного не будет. Я еду в сельскую местность, туда и обратно. Все. Никаких спецслужб, никаких

тайн и секретов. В смысле — чтобы потом не было: «Целый день с тобой потеряла». Знаю я тебя, меня потом во всем и обвинишь.

— Так и будет, — на полувздохе прекратила стоны и вопли Маринка, шустро поднялась на ноги, отряхнула колени и взяла меня под руку. — Идем, мне надо собраться и кофе выпить.

— На электричку опоздаем, — скривился я. — Какой кофе?

— Такой кофе, — передразнила меня соседка и сообщила бабкам в окнах, жадно смотрящим на нас: — Все нормально, не переживайте. И налево не вильнет, и ребеночка признает, — погладила, зараза такая, себя по животу и с надрывом сказала: — Спасибо вам, люди!

Самое поразительное в Маринке то, что она никогда не признает своей неправоты. Даже когда мы с вокзальной площади увидели хвост электрички, которая нам была нужна и на которую мы, по ее милости, опоздали, она с оптимизмом заявила:

— Ничего. Подождем следующую! Они знаешь как тут часто ходят? Одна за другой!

И никакие мои аргументы в пользу того, что ходят-то они часто, да в Шаликово не все из них останавливаются, а потому мы застряли здесь, на Белорусском вокзале, часа на полтора, попав в «окно», ее не смутили. Как и мое справедливое возмущение тем фактом, что она умудрилась собраться добрых минут пятьдесят, что и привело к данной неприятности.

— Смолин, не гуди как шмель, — вот и все, что она сказала мне. — Полтора часа? Очень хорошо. Пошли завтракать. Я желаю скушать пару сэндвичей с омлетом, ветчиной и сырным соусом. Сегодня я кто? Правильно, Смолин, путешественница, а потому собираюсь есть простую дорожную пищу, грубую, но сытную. Давай-давай, если уж потащил меня с собой, то пропитание с тебя.

Последняя фраза почему-то особенно возмутила Родьку, он зашевелился в рюкзаке и несколько раз ткнул меня в спину. Ему не очень понравилось, что Маринка упала нам на хвост, а факт того, что ее еще и кормить нужно, похоже, вообще возмутил до крайности. Но если совсем уж честно, то в глубине души, где-то очень глубоко, мне было даже радостно, что так вышло. Ну да, от Свиридовой много шума и мелких неудобств, но одному ехать мне было совсем уж невесело. А так — есть с кем посоветоваться, поговорить. И потом — она баба пробивная, там, где я, возможно, окажусь в тупике, например, с поисками этой Лозовки, она не спасует. У меня нет проблем с коммуникацией, но до нее мне далеко.

Наверное, потому я и не слишком сопротивлялся, когда она устроила это шоу во дворе.

Плюс не скрою, что мне немного страшновато. Просто еду туда не знаю куда, и там непонятно чего ожидать. Вдвоем все-таки веселее.

Да и потом — чего мне особо скрывать? Книгу? Она ее не удивит, она в курсе, что я любитель старых изданий, это мое хобби. Нож? Ну, это даже не смешно. Хотя сам факт, что я буду лазать непонятно в чьем доме, несомненно, вызовет ее живой интерес. Тут надо что-то соврать будет. И еще не совсем понятно, что делать теперь с Родькой. Вот его ей показывать никак нельзя.

— Ну, так куда мы направляемся? — вновь пошла на штурм Маринка, стрескав два горячих бутерброда приличных размеров и хлюпя газировкой. — В метро ты ссылался на то, что там шумно, и на то, что в данный момент мы с тобой находимся в вековечной тьме в окружении демонических исчадий, пахнущих потом. И заметь, покладистая я с тобой согласилась. Но здесь мило и славно, а потому колись.

— К дядьке едем, — начал строить защитную версию я. — Дядька у меня был.

— Почему «был»? — немедленно спросила Свиридова.

— Потому что больше не будет, — терпеливо объяснил я. — Помер он недавно.

— Ой! — Маринка непритворно опечалилась. — Сашк, прости, я не в курсе была. Мои соболезнования.

— Да я его почти не знал, — махнул рукой я. — Дядька-то двоюродный. Я его и видел-то всего пару раз в жизни, он затворником жил. Ну вот, он, стало быть, умер, а у него дом в деревне остался. Мы вроде как в числе наследников, вот мама и попросила съездить посмотреть — есть вообще смысл в это дело впрягаться или нет? Сама знаешь, дела о наследовании — штука такая, скандальная, хлопотная. Родня — она только по радостным поводам родня. Или когда денег занять надо. А если дело до пилки имущества доходит, то там близкие люди друг другу глотку рвут будь здоров как.

— Это да. — Маринка погрустнела. — И ведь, похоже, не врешь. Старую, подводит меня чутье.

— Ты о чем? — Я отпил «пепси».

— О своем. — Соседка вздохнула. — Ладно, все равно с тобой поеду. Хоть на природе побываю. А то все город, город. Слушай, как думаешь, там молока парного можно будет купить? Я, помню, в детстве его пила, мне нравилось.

— Да мне бы еще этот дом найти, — искренне произнес я. — А до того — населенный пункт, в котором он находится. Так что какое там молоко.

— «Яндекс. Карты» тебе в помощь. — Маринка достала из рюкзака планшет. — Или ты старовер? Только с помощью бумажных трехверсток определяешь свое местоположение в пространстве?

— Очень смешно, — беззлобно огрызнулся я. — Кабы все так просто было. Искал. Не нашел. Направление-то знаю, а вот точно ли это та деревня, не уверен.

— И все-таки. — Маринка включила девайс. — Как там она называется?

— Лозовка, — охотно ответил я. — Рядом с Можайском. Ну, не то чтобы совсем рядом, но в тех краях. Валяй, ищи. Время у нас теперь есть.

Маринка углубилась в поиски, вода пальчиком по экрану гаджета, я же потягивал газировку и размышлял о насущном. Если точнее — о том, как незначительное, в общем, событие может человеку жизнь перевернуть.

Штука в том, что вся эта суета вокруг полученной мною силы сказалась даже на работе. Во-первых, Немирова теперь старательно меня избегала. Серьезно. Подозреваю, что из-за того визита сотрудников отдела 15-К. Как я это понял? Дело в том, что к нам время от времени приходят разнообразные запросы от государственных структур — то из Росфинмониторинга, то из налоговой, то даже прокурорские с СК что-то запрашивают. Как-то раз даже фэбсы отметились, кого-то крупного, видать, крутили на предмет вывода средств за рубежи нашей родины. На какие-то из запросов мы отвечаем сами, а некоторые отдаем юристам, поскольку они проходят по их ведомству. Раньше Немирова требовала, чтобы запросы сначала показывали ей, и всячески пыталась вернуть их нам обратно, хитро придумывая мотивировки отказа. В банках это вообще хорошая традиция — пытаться спихнуть свою работу и ответственность за нее на ближнего своего из другого подразделения, причем сделать это красиво и по уму, в рамках существующих должностных инструкций, чтобы никто не подкопался. Все начальники это знают, а потому внимательно следят за тем, чтобы к ним в отдел чего лишнего не подбросили. Тут ведь как — один раз зазевался, а потом все, прецедент создан. И в следующий раз уже прозвучит:

— Да ты чего? Вон тогда вы это делали, так что теперь это ваша деланка.

Я ей в четверг занес несколько свежих запросов, так она их без звука приняла. Мало того, вчера к нам заявила Светка Кушмирова и поинтересовалась:

— Для нас что есть?

Увидев наши удивленные лица, она поправила свои роскошные волосы и пояснила:

— Анька сказала, чтобы я сама у вас запросы забирала. И ответы мы сами будем отправлять, приходите за ними не нужно.

При этом она очень многозначительно посмотрела на меня.

Вывод напрашивался сам собой — Немирова хочет свести общение со мной к минимуму.

Но и это было не главное. Главное — вернулся Силуянов. Бледный, изможденный, как будто постаревший лет на десять. И тихий-тихий. Он больше напоминал тень недавнего себя. Я, собственно, и увидел его за день только раз, когда он на службу пришел, опоздав на полчаса, чего с ним никогда раньше не случалось. И с этажа своего до вечера он так ни разу и не спустился, вызвав невероятное удивление народонаселения банка. До того он за день раз десять величественно выходил к народу и бродил по всем помещениям, выдавая насмешливые комментарии и безграмотные рекомендации. Народ же по этому поводу непременно сообщал друг другу в «Вотсапе», что «Лягушонка в коробчонке едет» и «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои».

А тут — ничего такого даже рядом не было.

И еще. Мне шепнули, что он вроде как увольняться задумал, и на решение это повлияла его жена. Про эту особу мы были слышаны, она была из экзальтированных дамочек, которые увлекаются мистикой, «Битвой экстрасенсов» и всем таким прочим. Ее как-то раз видела Вика Комарницкая из операционного, так, по ее словам, выглядела она под стать своему увлечению, то есть вся была обвешана всякими новомодными штучками-дрючками типа оберегов.

Так что она наверняка узрела в произошедшем сверхъестественную подоплеку. И самое забавное — была права. Воистину, раз в год и палка стреляет.

Не могу сказать, что эта новость меня сильно опечалила, но при этом стало как-то неловко. Это же я его, пусть и не умышленно. Нет, я его как не любил, так и не люблю, но все-таки... Есть такое чувство — как будто стеклом по пенопласту скребут. Возможно, именно его называют «совесть».

Самое же неприятное было в том, что рано или поздно эти события могут связать со мной, а не хотелось бы. У нас ведь народ работает неглупый, анализировать происходящее умеет и выводы делать — тоже. Поостеречься надо, от греха.

— Я так думаю, что это она, — отвлекла меня от мыслей Маринка и показала мне экран планшета. — Названия тут нет, но логично предположить, что это именно та самая Лозовка. Хотя, может, и не она, может, вот это она.

На экране были точки, которые и впрямь могли оказаться населенными пунктами. Таких сейчас много — некогда многолюдные поселения стали призраками, которых даже на новых картах нет. У меня приятель по Ленинградской области как-то путешествовал, так он потрясен был, узнав, сколько там мертвых деревень. Причем в некоторых даже еще жизнь теплилась, в виде трех-четырех старушек, про которых все давно забыли, даже автолавки. Да что там — такое даже со старыми дачными поселками случается. У нас тоже ведь дача есть, как раз в таком поселке, дом еще мой дед строил, в шестидесятых. Дед с бабушкой туда ездили постоянно, родители мои, бывает, катаются, хотя и нечасто, я же вовсе туда с того момента, как детство кончилось, ни ногой. И не планирую туда ездить. Мне это неинтересно. Все эти сомнительные радости вроде «маленького зеленого домика», копания грядок и перекрывания крыши меня не привлекают. Я город люблю, мне здесь хорошо. Нет, случается, что мама просит приехать помочь, это я всегда пожалуйста. Но доброй волей — на фиг надо.

И такая картина там у половины поселка. Пока среднее поколение живо, поселок существует, но ведь оно не вечно?

— Приедем — увидим, — философски сказал я и заметил, что Маринка лукаво смотрит на меня. — Что опять?

— Мужчина, угостите девушку газировкой, — и соседка показала мне на пустой стакан. — И еще в дорогу пару бутылок воды простой возьми, без газа. Я наверняка пить захочу. Родька в рюкзаке, по-моему, даже зарычал, а потом сурово захрумкал сахаром.

Шутки шутками, а подвела меня Маринка здорово. Вместо утренней прохлады — дневная жара, вместо относительно пустых электричек — битком набитые вагоны, в которых невозможно ни стоять, ни дышать. Нет, я не знаток этого вида передвижения, просто вчера почитал форумы, в которых все подробно было расписано. Оттуда я и узнал, что, как ни странно, но в субботу ранние электрички уходят хоть и не пустыми, разумеется, но особой давки в них нет, а вот дневные — это ужас что такое. Подтверждаю — так и есть. Ужас в чистом виде. Нет, можно было подождать еще минут сорок и сесть в электричку, которая отправляется непосредственно с Белорусского вокзала, там, если верить форуму, можно было занять место, но мне было жалко времени, и мы втиснулись в икшинский состав.

Скажу честно — я на электричке в последний раз ездил лет восемь назад, к одногруппнице на дачу, и сохранил об этой поездке самые неприятные воспоминания. Была она провонявшая табаком, с какими-то мутными людьми, бродившими из вагона в вагон, и менестрелями, которые козлиными голосами пели протяжные баллады о тюрьме и воле. Должен заметить, что с тех пор многое изменилось, но лучше стало ненамного. Ну да, табаком тут не пахло и по вагонам никто не бродил, но все остальное ужасало.

Меня стиснули со всех сторон так, что я даже мог ни за что не держаться, поскольку упасть все равно бы не получилось. Справа меня заблокировал мордатый подполковник, слева — женщина, приятно напоминавшая танк времен Первой мировой войны, только без гусениц. Ну а сзади пристроилась Маринка, использовавшая меня как поручень. Она обняла меня за талию (ну или то, что было у меня вместо нее) и, что примечательно, похоже, чувствовала себя вполне комфортно.

Про себя я подобное сказать не могу. Мне было очень жарко. Я вообще не очень хорошо переношу духоту, а здесь даже не она, это как-то по-другому называется. Воздух был настолько плотен, что, казалось, его можно резать ножом, как торт. Через открытые окна в вагон не попадало ни дуновения ветерка, зато то и дело залетал тополиный пух. И кто его находил романтичным? Тополиный пух, понимаешь ли, жара, июнь...

Да еще Маринка, которая прижалась к моей спине, и без того мокрой. Она всегда была горячей штучкой, но никогда бы не подумал, что настолько. И я не вкладываю в эти слова никакого эротического подтекста. Мне было нереально жарко, потому ее бесспорно выдающиеся формы, не стесненные излишками нижнего белья, меня совершенно не волновали. Не сдохнуть бы, какое там волнение...

Да еще тепла добавлял рюкзак, который я перевесил на грудь.

Окончательно меня добила слова какой-то тетки с сумками, которая адресовала их своей подруге:

— Не, Полин, сегодня еще ничего. Народу немного, не то что на той неделе.

Если это «немного», то что тогда «много»?

И мы еще ругаемся на перегруженность метро? Да там рай земной! Точнее, подземный. Не ценим мы тамошнего комфорта, не ценим.

Впрочем, всему на свете выходят сроки, и где-то минут через сорок народ начал потихоньку покидать вагон. Сколько-то вышло на Одинцово, на других остановках, а на Кубинке вообще целая толпа сошла. Мы даже смогли наконец сесть.

— Ты, Смолин, дурак, — заявила мне Маринка, вытянув ноги. — Сказал бы вчера — я бы машину у кого-нибудь стрельнула, доехали бы с комфортом.

— Прости, не знал, что тебя интересуют вопросы, связанные с получением наследства, — парировал я. — Статьи из этого не сошьешь. Да и потом — если бы ты была за рулем, то все последующее — без меня.

— Да ладно тебе. — Маринка фыркнула. — Не трусь, я стала более осмотрительной с тех пор.

Года два назад, когда у нее еще была машина, она предложила меня подбросить до центра, нам было по пути. Скажу честно — это самое жуткое воспоминание в моей жизни. Точнее — было самое жуткое воспоминание до последнего времени, теперь его вытеснили ведьма в зеркале и синеватый свет луны. Но второе место — точно у той поездки.

Маринка вела машину исключительно с помощью глаз. В одной руке у нее был телефон, по которому она что-то громко вещала, во второй — попеременно разные предметы вроде зеркала, сигареты, шоколадного батончика. При этом она время от времени говорила мне:

— Смолин, поддержи руль, — и перегибалась через спинку кресла, не отпуская педали газа. Скорость ниже девяноста километров не опускалась, и даже пробки для Маринки не являлись основанием для остановки.

Клянусь, в какой-то момент я подумал, что тут-то мне и конец. Одна радость — когда наши трупы выпилят из кабины, кто-то из гайцов, может, скажет:

— Красиво ушел пацан, с зачетной телкой.

Других плюсов я не видел.

Я выжил в той поездке, но больше к соседке в машину не садился. А через год и машины не стало — Маринка влипла в аварию, правда, к моему удивлению, не по своей вине. Тачка была разбита в хлам, а на самой Маринке, опять же, к моему невероятному изумлению, не было почти ни царапины, если не считать синяк под глазом и расквашенный нос.

С тех пор машины у нее не наблюдалось, что, на мой взгляд, должно было положительно сказаться на общей обстановке на дорогах.

— Не верю, — покачал головой я. — Ты на это неспособна.

— Ну и зря, — назидательно произнесла она. — Людям надо верить. Даже журналистам. Вот так, за разговорами, мы и доехали до Шаликово.

Была это типичная подмосковная дачная станция. Длинная платформа, на ней — пара лавочек и никакого намека на дополнительный комфорт. Ни палаток, ни газет, ни даже навеса. Да он тут никому был и не нужен, поскольку сюда приезжали или местные жители, или дачники, каковых осталось совсем немного. Собственно, из электрички вместе с нами вышло от силы человек двадцать, которые бодро потопали в сторону площадки, находившейся совсем рядом с платформой. На этой площадке стоял десяток разнокалиберных машин, около которых отирались люди, приятно напоминавшие частников.

Я приободрился — если они тут есть, значит, имеются шансы быстро добраться до цели. Время не то чтобы поджимало, но уже была вторая половина дня.

Увы, но все это изобилие машин шустро разъехалось буквально в следующие же пять минут. Это оказались никакие не частники, а местные дачники, встречавшие родных и близких. Еще в пару изрядно битых «шестерок» загрузилось человек по пять, и они тоже отбыли — это, как я понимаю, были все же «леваки», но заранее подряженные приехавшими. Или что-то вроде этого.

В результате вскоре мы с Маринкой остались вдвоем на совершенно пустой площадке. Она, я и тишина.

— Офигеть, — сказала моя спутница и достала из своего маленького рюкзака пачку сигарет и зажигалку. — И куда теперь?

— Туда, — неуверенно показал я налево. — Весь транспорт в ту сторону порулил.

— Ну да, — прикурив, согласилась со мной Марина. — Если то место, которое я нашла на карте, верное, то нам точно туда. А вообще мне это все даже нравится. Прикинь — сто верст от Москвы всего-то — и уже белые пятна на карте. Ну вот где еще такое есть? Это у них, на Западе, все измерено и взвешено, все параллельно и перпендикулярно, а у нас — неизведанные просторы. И это ведь, повторю, рядом со столицей. А если махнуть вглубь державы? Там даже чупакабру поймать можно, наверное. Или Змея Горыныча.

— Не надо нам никакого Змея Горыныча, — даже передернуло меня. — Ну его на фиг.

Ей шутки, а у меня в рюкзаке вон, неведома зверушка сахар жрет. И еду я за книгой, которую бог весть сколько поколений ведьмаков писало. Так что не стоит будить лихо, пока оно тихо.

Как раз в этот момент к площадке подрулила раздолбанная «четверка», лихо затормозила, жалобно при этом заскрипев, и из нее вылез смуглый парень азиатской наружности.

— Московский электричка быть? — проорал он нам.

— Быль, — выпустив дымок, сообщила ему Маринка, толкнув меня в бок. — Уже все, уехаль.

Могла бы и без этого обойтись, я тоже не дурак.

— Эш! — расстроился водитель, но тут же выдал белозубую улыбку. — Куда ехать будем? Недорого!

— В Лозовку, — подключился к разговору я. — Сколько возьмешь?

— Недорого. — Водитель поправил кепку. — Дорогу покажешь?

— Да что ж такое! — Я даже притопнул. — Нет, ну ты видела?

— Не шуми. — Маринка подошла к «четверке» и обратилась к водителю: — Тебя как зовут?

— Талгат, — с готовностью ответил тот, плотоядно окинув мою приятельницу раздевающим взглядом.

— Вот что, Талгат. — Маринка оперлась рукой на крышу машины. — Здесь у вас что, деревень много вообще?

— Много, — покивал водитель. — Там, и там, и там... Поселки есть, деревни есть. Везде люди живут.

— А они в этих местах давно живут? — профессионально-мягко уточнила Маринка. — Или недавно застроились?

— Недавно, — покивал Талгат. — И сейчас строятся. Много. Такие дома — ух!

Шлакоблоки! Ци-лин-дрованный брус!

— Вот. — Маринка бросила сигарету на землю и затушила ее носком кроссовки. — А нам надо место, где давно живут. Сильно давно.

— А-а-а... — Талгат покивал. — Есть такие. Там вот давно живут, если по дороге и повернуть. И еще если прямо ехать, мимо фермы, то за полем и лесом тоже такое есть. Эти рассказы он сопровождал взмахами рук, видимо, подразумевая, что мы прекрасно понимаем, о каких местах идет речь.

— «Там вот» — где? — Маринка достала планшет и показала парню экран. — Если повернуть — это здесь, да? А поле и лес — это тут?

Все-таки она удивительный человек. Иногда я поражаюсь ее работоспособности, иногда — ее рассудительности, а прямо сейчас — безрассудству. Мы невесть где, с неким Талгатом, которого впервые в жизни видим, и она светит перед ним дорожными девайсами. Не хочешь думать о людях плохо, но кто знает, что у него на уме? Я не боец, в армии не служил и с этим поджарым парнем справлюсь едва ли, если что.

— Да-да, — закивал тем временем Талгат. — Там есть деревня. Название не знаю, я туда только один раз ездил, старика возил. Больше не поеду.

Старика. Очень тепло. Сдается мне, я знаю, какого именно.

— Чего так? — удивилась Маринка. — Там так страшно?

— Дороги нет, — пояснил водитель. — Я не проеду, застряну. Две недели дожди лили, там нет дороги теперь. До поля довезу, а там недалеко идти. Пятьсот рублей давай — и поехали.

— Недалеко — понятие растяжимое, — почесал затылок я. — И потом — Марин, ты уверена, что мы именно о Лозовке говорим?

— Э! — Водитель достал телефон, причем не какую-нибудь замшелую кнопочную «Нокию», а один из флагманских смартфонов, и ткнул в экран пальцем.

Секундой позже он уже бодро что-то орал в него, причем на своем языке, и понять его было невозможно. Хотя одно слово я разобрал. «Лозовка».

А еще я заметил, что он немного помрачнел, слушая что-то, что говорил ему собеседник.

— Она это, — уверенно сообщил нам Талгат, нажав «отбой». — Расим здесь все знает. Он тут живет давно. Двадцать лет живет.

С равным успехом Расим мог ему сказать и что-то другое, не связанное с Лозовкой, потому приходилось верить на слово.

Впрочем, решающим фактором явилось не мнение все того же Расима, а то, что Родька зашебуршился в рюкзаке и потыкал меня в спину, как будто соглашаясь с Талгатом. Да и карта показывала, что в тех местах есть населенный пункт.

Маринка глянула на меня, я на нее.

— Пятьсот рублей — и едем, — напомнил о себе водитель, заметив наши переглядки. — Чего стоять? Если нет — я тогда на рынок в Моденово, там всегда пассажир есть.

— Тысяча — и едем до Лозовки, — предложил я.
Мне не хотелось идти через поле и лес.
— Не, — отказался Талгат наотрез. — Тысяча хорошо, но все равно не доедем. Застряну. Трактор звать — полтора тысяча платить буду. Нет. Если бы у меня «Паджеро» был — тогда да. Только тогда бы я с вас две тысяча брал.
— Почему тогда две?
— «Паджеро», — удивился моей непонятливости Талгат. — Вип-машина, э!
— А если мы сейчас, не дожидаясь «Паджеро», две тысячи дадим? — предложила ему Маринка. — Как за вип-машину?
Ей тоже не хотелось топтать пешком.
— Не поеду туда. — Талгат покачал головой. — Да и вам не надо. Давай я вас на водохранилище отвезу. Там хорошо. Купаться можно, вода теплая. Не надо в Лозовку, там и не живет почти никто.
— Водохранилище — это очень хорошо, — мечтательно произнесла Маринка. — Смолин, может, ну его, это твое наследство? Поехали искупаемся?
Я бы хотел. Но не могу.
— Значит, говоришь, недалеко там идти? — еще раз уточнил я. — Сколько по времени? Ну, примерно?
— Двадцать минут, — уверенно заявил водитель. — Не больше. Сначала поле, потом лес. Да не бойся, там не заблудишься. Пройти можно. Проехать — нет. Вот если бы «Паджеро»...
— Двадцать минут — это нормально, — сказал я и полез в машину.

Глава 8

Было бы даже странно, если бы все получилось так, как нам было обещано.
— Двадцать минут! — бубнил я, оступившись в очередной раз. — Да чтоб ему пусто было, этому Талгату.
Поле, через которое мы шли, казалось бесконечным. Ну да, когда мы вышли из машины, все выглядело не так уж и страшно. Даже где-то красиво. Разнотравье, какие-то голубенькие и желтенькие цветочки, лес, начинавшийся там, где это летнее великолепие кончалось.
— Вон туда, — сказал нам водитель, ткнув пальцем в березняк, не такой уж и далекий на первый взгляд. — Через поле и будет дорога. Идти по ней надо, там не заблудитесь, поворотов нет. Можно дальше ехать, где размытая дорога начинается, и там вас высадить, но тут ближе выйдет, если напрямую.
— Так я позвоню, когда мы обратно соберемся? — еще раз уточнил я у него.
Не мудрствуя лукаво, еще в машине мы договорились с Талгатом о том, что он нас подберет здесь же, а после отвезет обратно на станцию.
— Да, — заулыбался он. — Тысяча.
— Такими темпами ты на «Паджеро» скоро денег накопишь, — заметила Маринка, потягиваясь. — Черт, ну как красиво, а? Смолин, сфоткай меня на фоне этого всего. Я в «Инстаграм» выложусь.
Красиво-то красиво, но только если на все это смотреть. А на деле — это тихий ужас. Под цветами и травой не было видно неимоверного количества разнообразных ямок и колдобин, на которых мы постоянно оступались, рискуя подвернуть ногу. Вокруг нас роились разные мошки, потревоженные нашим вторжением, и немилосердно кусали нас за обнаженные части тела. Пот заливал глаза, поскольку солнце пекло немилосердно. А лес был все так же далек.
— И что я с тобой поперлась? — С Маринки тоже слетело благодушие, она то и дело останавливалась почесать исколотые травой и искусанные насекомыми ноги. — Нет, все-таки живая природа хороша только в виде программ «Нэшнл географикс».
— Просто мы с тобой сугубо городские люди, нет у нас к этому всему привычки, — высказал свое предположение я. — Да чтоб тебя!
Я снова оступился и чуть не упал. Судя по всему, тут весной какой-то большой трактор проехал, пропахав изрядных размеров борозду. А может, тут всегда рельеф местности такой.
В общем, мы на этом поле не двадцать минут потеряли, а куда больше. Нет, будь здесь асфальт — и слова Талгата оказались бы правдой. А так — куда там.

— Ты как хочешь, а я еще раз в эти колдобины не полезу, — заявила Маринка, с печалью глядя на свои икры, все в расчесах. — Обратно по дороге пойдём. Она в любом случае лучше, чем это поле.

— Поддерживаю, — кивнул я, вытирая со лба обильный пот. — Я и сам того же мнения. А еще я предлагаю минут десять передохнуть вон под той замечательной березой. Надо дух перевести.

— Дай попить, — потребовала Маринка. — А то я сейчас сдохну.

Что до состояния дороги — тут Талгат не соврал. Собственно, я бы даже слово «дорога» тут подверг сомнению, это как-то по-другому называется, на мой взгляд. Она была не просто раздолбана, что для наших краев обычное дело. Она была... Вздыблена, это определение подходит лучше всего. Я даже заподозрил, что это эхо войны. Насколько я помню, в сорок первом году по этим местам прошли немецкие танки, изрядно раскурочив все, что только можно. Не исключено, что после того, как немцев выбили из этих мест, заниматься дорогой просто никто не стал. Сначала война, а потом недосуг было.

Глина и земля здесь местами застыли в столь причудливых формах, что это можно было принять за инсталляцию, а никак не за колдобину. Хватало в этих рельефных красотах и воды, причем в ней уже завелась жизнь. Я видел тритона, сидящего на глиняном гребне, а в одной особо глубокой луже вроде как даже плеснула рыба.

Тут, сдаётся мне, и на «Паджеро» особо не проедешь. Здесь что-то посерьёзней нужно. Впрочем, нас это не сильно печалило, мы топали по обочине, засыпанной ковром из словых иголок. Березняк сразу после поля сменился ельником, причем серьёзным, глухим, из тех, в котором ни звуков нет, ни просвета. Все, что у нас было, — эта самая обочина да синяя полоска неба над головой. И конечно, комары в огромных количествах.

— Теперь я точно знаю, что означает слово «роятся», — отвесила себе очередную пощечину Маринка.

— Странно, — заметил я, отмахиваясь обеими руками от сонма кровососов.

— Что именно? — спросила Маринка жалобно.

— Ты не сказала: «Смолин, это ты во всем виноват», — пояснил я. — Видно, крепко тебя обескровили. И обессилили.

— Просто данное утверждение не требует озвучивания. — Маринка прибила очередного комара. — Сашка, я домой хочу.

— Фигушки, — мстительно заявил я. — Если увязалась за мной, то терпи. Вперед тебе наука будет.

Лес кончился вдруг, внезапно. Елки, которые казались бесконечными, расступились, и мы оказались на деревенской улочке. Надо же. А как же околица, плетень и все такое? Что там должно быть у приличной деревни? Указатель, наконец? Это точно Лозовка или нет?

И не спросишь ни у кого — на улочке не было ни души, а завалившиеся заборы и заколоченные окна и двери двух первых домов, стоящих прямо на границе с лесом, ясно говорили о том, что там давно никто не живет.

Одно хорошо — комары остались там, в ельнике. За нами они не последовали.

— Интересно, тут колодец есть? — измученно спросила у меня Маринка. — Я холодной воды хочу. Знаешь, такой, чтобы зубы свело и горло перехватило.

— Красиво сказано, — оценил я. — Не думала о том, чтобы писать художественную литературу?

— Ты, Смолин, энергетический вампир, — заявила Маринка и почесалась. — Чем мне хуже, тем ты бодрее. Черт, ну всю искушали!

— А нам потом еще обратно идти, — злорадно сообщил ей я. — А там еще и к вечеру дело будет!

— Зараза ты, — безнадежно произнесла моя спутница.

Колодец мы нашли быстро, просто пройдя по улице чуть подальше. Он стоял на небольшой... Даже не знаю, как это назвать. Площадке, наверное, до слова «площадь» этот утоптаный участок земли не дотягивал. Я так думаю, что эта площадка была серединой деревни, поскольку от нее в разные стороны расходилось еще три улочки. Если мы пришли в нужный населенный пункт, то какая-то из них точно была наша.

А людей так и не видно. Пусто вокруг.

— Сашка, тут и ведро есть! — радостно заорала Маринка, подбежав к колодцу. — Ура! Она двумя руками открыла крышку, бросила в открывшийся черный зев ведро и с восторгом уставилась на вращающийся ворот.

— Давай крути, — секундой позже потребовала она. — Доставай воду.

Если честно — я сто раз видел этот процесс в кино, но вот вживую поднимал таким образом воду впервые. И знаете — в этом что-то есть. Ну, что-то такое исконное. Впервые-то впервые, а ощущения были привычные до невозможности, будто я подобным ежедневно занимаюсь. Скорее всего — память предков.

— Вода! — Маринка уцепилась за дужку ведра и вытащила его на край колодца. — Холодненькая! Господи, никогда не думала, что такие простые земные радости могут довести меня почти до экстаза!

Она зачерпнула ладонями воду и плеснула ее себе в лицо.

— Мелкими глотками пей, — посоветовал я ей. — По такой жаре от холодной воды бронхит словить можно как нечего делать.

— Знаю, — ответила Свиридова и опустила лицо в ведро.

— Зря ты так, девушка, — сурово сказал кто-то у меня за спиной. — Зачем же из общего ведра пить?

Я обернулся и обнаружил сзади невысокую старушку, которая смотрела на нас, сурово сдвинув брови.

Откуда взялась? Ведь не было ее только что здесь?

— Так другого-то нет, — развел руками я. — Добрый день.

— Добрый. — Старушка перевела взгляд с Маринки на меня. — Так взял бы и слил ей на руки воду-то. Чего проще?

— Я не заразная, — сообщила старушке абсолютно счастливая Маринка. Ее лицо разурмянилось, в глазах плескалось веселье. — Честно-честно.

— Так не в заразе дело, — погрозила ей пальцем старушка. — Хотя вы же городские, покона не знаете. Что с вас возьмешь?

«Покона»? До боли знакомое слово.

— Прощения просим. — Я изобразил на лице нечто вроде раскаяния.

— Туристы? — деловито осведомилась местная жительница. — Сразу говорю — икон нет, самогона тоже нет. И покупать никто ничего у вас не будет.

— Да мы ничего и не продаем, — опешил я от ее напора.

— Тогда что тут забыли? — с прищуром, который был бы к лицу любому матерому фээсбэшнику, поинтересовалась бабка.

Мне отчего-то очень не хотелось говорить ей правду, и я чуть помедлил с ответом, выдумывая версию поправдоподобней.

И этой паузой воспользовалась моя спутница.

— У Сашки тут дядька жил, — простодушно выложила она. — Теперь он помер, а дом вот ему оставил.

— Дядька? — В голосе старушки что-то неуловимо изменилось. — Какой дядька? Никак Захар?

— Он, — поняв, что план сорвался, я немного опечалился. — Захар Петрович.

— Не знала я, что у него родня была. — Старушка скрестила руки на груди. — И не видала никогда, чтобы к нему кто-то приезжал.

— Он вообще необщительным был. — Я развел руками, как бы говоря: «Что теперь подделаешь». — Бирюком.

Откуда взялось слово «бирюк», я даже и не знаю. Тоже, как видно, из подсознания вылезло. Надо думать — обстановка нашептала. Колодец, дома вокруг и все остальное. Опять память предков, как с воротом.

— Ну да, ну да, — подтвердила старушка. — Это про него. А документы какие у вас есть?

— Как не быть, — выдал обаятельную улыбку я. — Само собой. Без документов никак. Собственно, я и сам хотел сначала зайти к участковому, чтобы все по закону было. Где он тут у вас живет?

— Участковый? — Старушка рассмеялась, мелко и дробно, как горох на пол просыпала. — Он и при коммунистах к нам раз в месяц навещался, а теперь и вовсе то ли он есть, то ли его нет.

— Вот тебе и раз, — озадачился я, мысленно погладив себя по голове за догадливость. — Как же мне тогда?

— А ты мне документы покажи, — предложила старушка, и после этих слов Родька почему-то беспокойно заворочался в рюкзаке.

Раньше меня бы это не смутило, а сейчас я это расценил как определенный знак. Значит, не так прост этот божий одуванчик.

Или я уже на воду дую, на молоке обжегшись?

А еще я ощутил некий холодок, поселившийся у меня в животе. Это был не страх, а что-то другое, неприятное, но в принципе объяснимое. Пусть даже не с научной точки зрения объяснимое, но тем не менее.

— Э нет, бабуся, — помахал я пальцем. — Нет у меня такой привычки, чтобы незнакомым людям все про себя выкладывать. Уж не обессудьте.

— Да нам только дом посмотреть, — снова вошла в разговор Маринка. — Мы же ничего отсюда брать не собираемся. Понять надо — оно вообще того стоит, чтобы с этим всем заморачиваться?

— Ох и выражения у вас, нынешних, — поджала губы старушка. — Ну не знаю, не знаю даже...

— Да тут и знать нечего. — Мне пришла в голову интересная идея. — А то пойдете с нами, уважаемая... Простите, как вас зовут?

— Дарья Семеновна, — ответила старушка. — А ты, стало быть, Александр? Внимательная какая. Запомнила.

— А я Марина, — весело добавила моя спутница и плеснула себе в лицо водой. — Шур, давай сразу бутылки пустые заполним, пока не пошли.

— Александр, все верно. — Я расстегнул рюкзак и достал оттуда требуемое, Родька при этом дернул меня за палец, как видно желая что-то дать понять. — Так вот — может, вы с нами? Во избежание? Будете свидетелем, что мы ничего оттуда не возьмем.

Ведьмак говорил, что чужой в дом не войдет, и под чужим он явно имел в виду не воров. И вообще не людей, а таких, как он сам и теперь — я. И не исключено, что таких, как эта вот Дарья Семеновна. Неприятный холодок в животе, как мне думается, как раз и намекает на то, что старушка непростая. Это не логическая выкладка, не какие-то предпосылки, это именно что знание. Не принимало что-то внутри меня эту бабуську. Думаю, что отголоски силы дают о себе знать.

Так что проверим. Если пойдет с нами в дом — значит, мне пора к психиатру. Если нет, то... То надо брать нужное и отсюда когти рвать спешно.

А может, и глупость я сделал. Попрется эта бабка с нами и будет в четыре глаза смотреть, чтобы мы чего не прихватили. Нож-то я точно умыкну, он маленький, а вот книгу — это вряд ли.

— Некогда мне. — Дарья Семеновна буквально сверлила меня взглядом. — Ягода пошла. Опять же — дело к вечеру, надо огород поливать. Вон какая жара стоит.

— Жалко, — опечаленно произнес я, утвердившись в своих подозрениях. — Может, хоть проводите нас к дому дядюшки? Деревня небольшая, я понимаю, но все равно в этих трех соснах мы долго бродить можем.

— Провожу, — неожиданно легко согласилась старушка. — Чего не проводить?

Я наполнил бутылки, вылил остатки воды из ведра на землю, и мы с Маринкой потопали по пыльной улочке за шустро семенящей местной жительницей.

И ведь что интересно — в домах, до того пустых, появилась жизнь. Где-то брякнули ведра, где-то послышались голоса, кто-то с кем-то ругался.

А потом мы даже еще одну местную жительницу увидели. На этот раз — молодуху, стоящую у открытой калитки. Румяную, белозубую и с такими достопримечательностями, прости господи, что я даже инстинктивно слюну сглотнул. Куда там отдельным представительницам отечественного шоу-бизнеса с их силиконовыми прелестями. Вот где красота-то.

— Гости у тебя, бабка Дарья? — глубоким грудным голосом спросила она у нашей провожатой, с любопытством осмотрев нас.

— Не у меня, — ответила старушка, остановившись. — К Петровичу приехали. Родня его. Слышь, Стефа, помер ведь он.

— Да что ты? — удивилась красотка, правда, без особой печали. — Надо же. Это, выходит, наследники?

— Наследник. — Дарья Семеновна показала на меня. — Вот он.

— Наследник — это хорошо, — одарила меня улыбкой Стефа. — Не должно добро бесхозным стоять.

— Ладно, Стефа, пойдём мы. — Старушка посмотрела на небо. — Сдается мне, что гроза скоро будет.

— Гроза? — Стефа тоже уставилась в бездонную синеву летнего небосвода, на котором не наблюдалось ни одной тучки. — Пожалуй, что и будет.

И она вошла в калитку, притворив ее за собой, мы же пошагали дальше, следуя за нашей провожатой.

Минут через десять, как мне показалось, заложив круг по деревне, мы наконец подошли к немного покосившемуся некрашеному забору, за которым виднелись какие-то деревья, сарай и приземистый, почерневший от времени дом с красной крышей.

— Вот и пришли. — Дарья Семеновна ткнула пальцем в сторону строения. — Изба Захара. Ключи-то есть?

— Как не быть, — бодро ответил я. — Ну так, может, с нами? От греха?

— Да нет. — Старушка улыбнулась. — Я домой. Вы как, здесь ночевать будете или сей день обратно поедете?

Естественно, Маринка влезла в разговор, не дав мне даже слова сказать.

— Домой-домой, — сообщила она нашей провожатой. — У меня планов на завтра — громадьё.

— Ну, дело ваше, — махнула рукой Дарья Семеновна. — Если останетесь — заходите в гости, на чаек. Мой дом вон тот, с белыми наличниками.

Я открыл калитку, которая была не заперта, как мне и сказал мертвый ведьмак, поблагодарил провожатую и направился по тропинке к дому. Маринка последовала за мной.

Подойдя к крыльцу, я обернулся — у калитки никого уже не было. Ушла, выходит, Дарья Семеновна, не стала смотреть на то, как мы в дом войдем, пусто было на улице за забором. Только птица какая-то, бело-черная, устроилась на одной из штакетин, вертела головой и щелкала клювом. Если не ошибаюсь, это сорока. Сорока-белобока из детских сказок. Надо же, в городе кроме голубей и воробьев давно уже никто не водится, а тут еще какая-то живность уцелела, не добила ее цивилизация.

— Слушай, а неплохо здесь, — подала голос Маринка, уже бродящая мимо деревьев. — Дом, сад, вон колодец свой. Не знаю, как там внутри, но так — ничего. Я бы за такое наследство пободалась, почему нет? А что? Сто верст от Москвы, вода, электричество, сарай, считай — приусадебное хозяйство. Да и земли, на глаз, соток двадцать будет или около того. Правда, подъезд ужасный, это да. Но все равно миллиончиков на шесть при правильном подходе к делу все это потянет. Или даже побольше. Ладно, открывай дом.

— Ну да. — Я подошел к двери и недоуменно потер лоб.

На двери обнаружился навесной замок. Не древний, покрытый ржой и весящий полпуда, а вполне современный, «булатовский», поблескивающий хромом дужки. А больше никаких замков в двери не наблюдалось.

— Слушай, а этот твой дядька, похоже, толстовец был, — заметила Маринка, мысли которой, очевидно, шли в том же направлении, что и у меня. — Верил в людскую честность и в то, что мир не так и плох. Шур, ты понял? Он, похоже, дверь вообще никогда не закрывал. Замка врезного нет. Нет, я читала, что в деревнях двери не закрывают, но не знала, что такое возможно до сих пор.

Я посмотрел налево, направо и увидел кирпич, лежащий возле стены, явно тот самый, о котором говорил ведьмак. Так и оказалось — под ним обнаружился плоский ключ.

— За неимением коврика, — подытожила Маринка. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Практически коммунизм.

— Свиридова, ты чего-то сегодня разошлась, — осек ее я. — Слушай, ну вот так человек жил, и чего? Его жизнь, его дело.

— Просто не привыкла к такому. — Маринка передернула плечами. — Сам же знаешь — мы все за семью замками живем. Странно это все видеть.

— Это да, — признал я и всунул ключ в прорезь. — Утратилось людское доверие друг к другу, и это плохо.

— Кстати, неплохой очерк можно на эту тему написать, — практично заметила моя спутница. — Философского толка. И спихнуть в какую-нибудь многотиражку. Или продать на какой-нибудь сайт.

Дверь скрипнула, открываясь, и я почувствовал сладковатый запах сушеных трав, идущий из темного проема. Маринка было нацелилась шагнуть за порог, но я, подчиняясь неожиданному импульсу, остановил ее и вошел в дом первым. Это было важно, а почему, я даже не знаю, нету меня объяснений.

Как только я оказался внутри, в тесном помещении, которое вроде бы раньше называли словом «сени», по моему телу пробежала дрожь, подобная той, когда ты попадаешь в туман. Вроде и не холодно, но все становится каким-то зыбким, призрачным и обволакивающим. Впрочем, это было секундное ощущение.

Я бросил взгляд вверх, памятуя о словах ведьмака. Все было так, как он сказал, прямо над порогом в притолоку был вбит нож. Не очень большой, из тех, что раньше называли засапожными, с узким лезвием длиной в две ладони и деревянной рукоятью. Я, если честно, думал, что найду нечто вроде мачете или что-то в этом роде. Несерьезный ножичек, в общем, я даже как-то расстроился немного. Вроде непростая вещь, практически оружие, должно быть в нем что-то такое, необычное. А тут...

А вот еще вопрос — если я его сейчас выну, то защита с дома не слетит? Втыкал-то его покойный не просто так, он какие-то заговоры-наговоры на него клал. Если я его заберу, то и магии его конец наступит, по идее. И вот тогда действительно — заходи кто хочешь, бери что хочешь...

Хотя мне тут не жить и сюда не возвращаться. А в нашествие врагов вот прямо сейчас, в данный момент, я не слишком верю.

Пока я обо всем этом размышлял, Маринка уже вошла в дом и направилась во внутренние помещения.

— Ой, Шур, а мне здесь нравится, — послышался ее голос. — Все так миленько, винтажненько. И еще — по-моему, твой родственник был алхимиком. Или знахарем.

Я снял с плеч рюкзак и поставил его в угол, после протянул руку и вынул нож из дерева. Рукоять его в полумраке сеней казалась почти черной, непроглядной. Она была отполирована так, что даже не верилось в то, что это дерево. Но это было именно оно, я его с пластиком никогда не спутаю.

Если честно, я тянул время. Мне очень не хотелось резать руку. Ну вот совсем. Дико это было как-то. Нет, крови я не боялся, мне и нос разбивали в детстве не раз, и как-то в юности мы с приятелями на «Юго-западной» сцепились с неграми из «лумумбария», так в той драке мне порядком бок расплосовали. Но то форс-мажоры. А вот так, самому себе руку резануть, да еще сильно... Как тогда этот старый хрыч выразился: «Щедро плесни, не жалей». Легко сказать, поди сделай.

Я достал из кармана платок, который прихватил специально для этого момента. Тянуть не следовало, Маринка сейчас все облазает и вернется, а на ее глазах пускать себе кровь точно не надо. Нет, нервного срыва там не будет, ее такими вещами не прошибешь. А вот вопросов появится масса, отчего да почему.

Отведя глаза в сторону, я сжал лезвие ножа ладонью левой руки и резко дернул его на себя правой. Вроде так делали в фильмах герои, приносящие клятву на крови. Вот только им легко это давалось, и они после этого были бодры и веселы.

Боль прострелила руку, и одновременно с ней дернулся черенок ножа, словно живой. Я разжал ладонь и увидел, как моя кровь, обильно текущая из глубокого разреза, впитывается в лезвие. Она словно растворялась в нем, и лезвие, еще секунду назад бывшее блестящим, тускнело на глазах.

При этом я ощутил еще кое-что. Где-то на грани подсознания я теперь точно знал, что это мой нож. Это не очень легко описать словами, но дело обстояло именно так. Иногда так бывает в жизни — в какой-то момент ты понимаешь, что эта вещь — именно твоя вещь. Для тебя сделанная. Или что это — та самая женщина, которая рождена только для тебя. Не факт, что она станет твоей, но для тебя других существовать больше не будет, именно ее ты станешь помнить до последнего вздоха.

Так вот, это теперь был мой нож. Я знал наверняка, что он никогда меня не подведет, он будет моим верным другом, помощником и что ему я могу доверить свою жизнь. Нет, он не сделает за меня все то, что я должен сотворить сам, но при этом не выскользнет из моих рук, не потеряется, не подведет в опасный момент, а это уже немало.

Еще раз говорю — это знание пришло извне, я просто его впитал, как губка воду.

— Хозяин, — пробубнил Родька, опасливо глядя из рюкзака на выход из сеней, — кровь, хозяин. Течет она.

И вправду — захваченный ощущениями, я даже забыл о том, что с руки капает кровь, причем обильно.

Я перевязал руку платком, искренне жалея, что не захватил с собой йод. Сейчас как подхвачу заражение крови или какую другую заразу — и все, нет больше будущего ведьмака Сашки Смолина. Привет родителям. Мог бы об этом подумать.

— Пойду кое-какие вещички соберу, — сообщил мне Родька, цапнув рюкзак за лямку. — Ты только меня потом здесь не забудь. И скажи этой, чтобы руками все подряд не хватала, а то домовая осерчает.

Из глубины дома раздался какой-то звон, а после грохот.

— Точно осерчает, — охнул Родька и шустро шмыгнул в сторону входа в комнату.

Я повертел нож в руке, подумал о том, что надо бы ножны к нему поискать или завернуть во что-то перед тем, как класть в рюкзак, и последовал за ним, зубами затягивая узел на ладони. Ткань платка уже немного набухла и покраснела от крови. Надеюсь, она остановится, а то беда будет.

Черт, как я буду на клавиатуре работать в понедельник? Одной рукой? Об этом я тоже не подумал.

И в самом деле, комнаты, что одна, которая была побольше, что другая, маленькая, более всего напоминали то ли лабораторию алхимика, то ли логово знахаря, Маринка выразилась очень точно.

Связки трав, висевшие на стенах и под потолком, разнообразные разнокалиберные медные емкости, явно предназначенные для приготовления зелий, пестики каменные, металлические и деревянные, колбы и реторты, стопки книг в рукодельных обложках — все это занимало львиную долю места. Еще тут был замысловатый аппарат со змеевиком, более

всего похожий на самогонный. Мне как-то довелось побывать у одного знакомого, промышлявшего этим делом, так здешний изрядно смахивал на тот, что я тогда видел. Еще здесь присутствовала большая русская печь. Вот прямо такая, как в киносказках моего детства. Белая, большая, с лежанкой сверху и черной дыркой в центре. И даже котелками, которые там стояли. Круто, в первый раз ее увидел вот так, по-настоящему. Имелся в доме и чердак, там-то, судя по звукам, сейчас и орудовала Маринка. Вот и славно, этот момент надо использовать.

Я подошел к кровати, стоящей в углу той комнаты, что поменьше, и приподнял подушку, судя по всему, набитую сеном. Однако покойный ведьмак был еще и аскетом. Там и в самом деле лежала книга. Была она приличных размеров, как две обычные в высоту примерно, и толстой. Впрочем, чему удивляться, если она из рук в руки переходит невесть сколько времени и каждый владелец в нее что-то свое добавляет, то по-другому быть и не может.

Отдельное уважение вызывала ее обложка, не бумажная и не кожаная. Она была деревянная, резная, сделанная с немалым мастерством. Имелись на ней какие-то буквы, знаки, птицы с человеческими головами, свернувшиеся в кольцо змеи и много чего другого. Непременно ее потом рассмотрю повнимательней.

А ведь, наверное, книгу за немалые деньги понимающим людям продать можно. Если подойти с умом, сделать экспертизу, подтвердить ее возраст, то коллекционеры немало за нее отвалят.

Понятное дело, не продам, но в принципе...

— Родька, — негромко, чтобы Маринка не услышала, произнес я, — ты где есть?

— Тут, — откуда-то из-за печки высунулась мохнатая всклокоченная голова моего слуги.

— На. — Я взял в руки книгу, оказавшуюся, против моих ожиданий, совсем не тяжелой. — В рюкзак убери.

— Нет, хозяин, — на редкость серьезно ответил мне он. — Я ее касаться не смею. Только ты. Сам убери, только не туда, где я прячусь, а вон, в другой карман.

— Отделение, — поправил я его, подхватил рюкзак, засунул в него книгу и зашипел от боли в порезанной руке, когда застегнул молнию. — Больно-то как!

Родька стукнул себя лапкой по голове, ловко запрыгнул на печь и выдернул несколько сухих стебельков из какой-то связки, свисающей из-под потолка.

— Вот, — протянул он их мне секундой позже. — Разотри их мелко и порез посыпь. Это ключ-трава, она и боль уберет, и рану заживит быстро.

— Ну не знаю, — с недоверием посмотрел я на невзрачные травки. — Как-то это все...

— Поможет, — заверил меня слуга, с тревогой посмотрел на потолок, подхватил рюкзак и снова ввинтился в пространство за печкой.

Странно выходит. В любую щель он залезть может, а перевозить его приходится в рюкзаке, он меня убедил в том, что по-другому не выйдет.

Скорее всего, хитрит. Просто ему нужна была тара, в которую он свое барахло сложит, вот и все. Отправься я сюда налегке, фиг бы попер обратно его манатки.

А рюкзак изрядно потяжелел, это я ощутил.

— Там, наверху, столько всякого занимательного хлама, — сообщила мне Маринка, спустившись с чердака. — Очень познавательно. И небезвыгодно. Я там, например, подшивку журналов за тридцатые годы нашла, со Сталиным на обложке. Книги есть, тоже старые — и прошлого века, и даже позапрошлого. Еще самовар с медалями по бокам, красивый. Там вообще много всего такого, что антиквары не то чтобы прямо с руками оторвут, но купят с радостью. Ты так матери скажи — если наследники договорятся не смогут, то она смело может заявить свои претензии не на дом с землей, а на имущество. Сдается мне, что на нем заработать можно будет побольше, чем на продаже недвижимости.

Я просто как-то статью об антикварном бизнесе писала, кое-чего нахваталась. Да и контакты у меня, если что, все остались. Господи боже, что у тебя с рукой?

— Это? — Я покачал ладонью с окровавленным платком. — В сенях за какую-то железяку зацепился, распорол вот. Да нормально все, там порез неглубокий. Даже не болит, не забивай себе голову.

Самое забавное — я не врал. И вправду не болело. Я все-таки посыпал рану ключ-травой и с удивлением увидел, как из нее сразу после этого перестала сочиться сукровица. А после и боль ушла.

Потом я снял с потолка связку, из которой Родька вытащил стебельки, завернул ее в какой-то лоскуток и сунул за печку, шепнув:

— Прихвати.

Хорошая штука, пригодится.

Да вообще — пошуровать бы тут, посмотреть, что к чему, но как-то стремно, если по совести. Мрачно здесь, нет никакой охоты оставаться на ночь. Да и Дарья Семеновна как-то

сразу мне доверия не внушила. И потом — если бы надо было найти что-то еще, ведьмак бы мне сказал. Основную программу я выполнил, дальнейшее — произвольно. Да и вернуться сюда никогда не поздно. Наследники не объявятся, их нет, властям эта деревенька, похоже, на фиг не сдалась, так что никуда этот дом не убежит.

— Ты как, любопытство утолила? — спросил я у Маринки, которая отряхивалась от пыли и паутины. — В принципе, у меня все. Что надо — посмотрел, даже пофоткал. Еще пара снимков наверху и на улице — и можно двигать в обратный путь.

На чердак мне лезть не хотелось, но надо было дать Родьке возможность вытащить рюкзак из-за печки. Ну а потом — в путь. Все эти прелести загородной жизни прекрасны, но уже как-то хочется обратно к цивилизации вернуться.

Вот только этим планам быстро сбыться не удалось, помешала природа-матушка. Вроде и в доме были не так долго, а за это время началась предсказанная Дарьей Семеновной гроза. Когда мы вышли во двор, небо уже стало иссиня-черным, поднялся порывистый ветер, а чуть позже над нами раскатисто громынуло.

— Надо переждать. — Маринка поежилась. — Сейчас знаешь как ливанет!

— Это да. — Я глянул на часы в смартфоне. — Вечереет просто.

— Полседьмого. — Моя спутница заглянула мне через плечо. — Ерунда, до темноты все равно успеем до Шаликово добраться. А потом хоть трава не расти, главное, туда попасть. Говорим-то об одном, да разные вещи в виду имеем. Она речь ведет о жутковатом ночном лесе, а я... Я не могу сформулировать, что именно вызывает у меня опасения. Просто в силу того, что не до конца представляю, откуда исходит угроза. Но точно знаю одно — если дождь самое позднее до половины девятого не стихнет, я здесь заночую. От греха. Да и ночной лес мне тоже как-то не очень по душе.

Снова грохнуло, и на нас упали первые тяжелые холодные капли дождя — предвестницы большого ливня.

Глава 9

Гроза громыкала с полчаса, а после сменилась мелким, нудным дождем.

— Вот же задница, — расстроено бормотала Маринка, то и дело бегая на крыльцо, чтобы посмотреть, как там на улице дела. — Вот все через нее. И главное — ни облачка на небе не было.

С последним я был согласен. И «Яндекс» с утра тоже никаких гроз и дождей не обещал. А вот Дарья Семеновна грозу предрекла, и это наводило на странные мысли. Нет, не исключено, что ей об этом погодном явлении подсказали старые кости, коленки и прочие хвори, пожилые люди вообще очень метеозависимы. А если нет? Если все это светопреставление с громом и молнией в каком-то смысле рукотворно?

Звучит как бред, и вслух подобное при свидетелях произносить не рекомендуется, после такого могут и психиатра вызвать, но вот только в свете последних событий я готов в это поверить. В конце концов, и людей, которые через зеркала в чужие квартиры попадают, я до этого тоже не видал, однако же вон, третьего дня такое как раз и случилось.

Так что если принять эту гипотезу за правду, то какая цель могла преследоваться бойкой старушкой? Правильно. Сделать так, чтобы я отсюда сегодня не уехал. Ну а о дальнейшем можно только догадываться. Или наоборот — гадать не приходится.

Вывод — надо сваливать, пока не стемнело.

Да и в ведьмачьем доме мне стало как-то неуютно. Небо затянули тучи, в комнатах, и до того не слишком светлых, установился полумрак, и дом наполнился какими-то неприятными звуками. Что-то где-то потрескивало, похрустывало, поскрипывало, да еще и на чердаке кто-то отчетливо несколько раз прошелся туда-сюда. Как видно, домовый инспектировал свое хозяйство после вторжения Маринки.

Я хотел было пошуровать как следует в вещах ведьмака, посмотреть, нет ли еще чего полезного, но передумал. От греха.

— Саш, идем, — в какой-то момент заявила моя приятельница. — Дождь совсем мелким стал. Да и не холодный он, так что не замерзнем.

— Может, здесь дождевики какие есть? — задумчиво произнес я. — Поищем?

— Да ну, — махнула рукой Маринка. — Время только терять.

— Комары зажрут, — предупредил я ее. — По такой погоде их еще больше будет.

— Фиг с ними, — отмахнулась она. — Лучше они, чем тут торчат. Или, не приведи господь, ночевать.

Я глянул на экран смартфона — восемь вечера с копейками. Темнеет сейчас в районе десяти, но это при условии, что небо ясное. Вот только нынче на небе тучи, так что минут двадцать — тридцать можно снять.

Но все равно, полтора часа — это очень много времени. По идее, мы должны успеть добраться до трассы, и даже останется еще сколько-то в запасе. Опять же, возможно, развиднеется.

— Идем, — кивнул я. — Сейчас только рюкзак возьму.

Улицы снова были пусты, а деревня словно вымерла. Кстати, хитрая старуха нас днем точно водила по ней кругами, поскольку мы быстро добрались до леса.

Вот зачем ей это понадобилось? Нет, в этом месте вопросов больше, чем ответов. И заметим, я на этих ответах не настаиваю, поскольку больше сюда приезжать не собираюсь. Мне тут не понравилось, и я рад, что покидаю Лозовку навсегда.

И пусть в лесу было еще пакостнее, чем днем, поскольку с словых лап, изрядно намокших, на нас постоянно капало, а комары атаковали ежесекундно, мне здесь было как-то уютнее, чем там, в доме. Хотя, ради правды, мысли о Лозовке и всем таком-прочем быстро вылетели у нас из головы, нам было не до них. Просто путь был настолько нелегким, что о чем-то другом думать времени не было. Дождь размыл дорогу, даже обочину, по которой мы сейчас шли. Еловые иголки, раньше устилавшие ее, то ли смыло, то ли еще что, потому мы ежесекундно оскальзывались на грязи. В кроссовках, промокших почти моментально, мерзко хлопала вода, а дождь, который так и не перестал, довершал картину несовершенства мира.

Да еще и смартфоны, и мой, и Маринкин, окончательно перестали ловить сигнал, я это выяснил, когда решил позвонить Талгату. Дело, видимо, было в низких тучах, повисших над нашими головами и почти задевавших верхушки высоченных елок. Это не Москва, где сигнал есть почти везде, так что удивляться не приходится.

В общем, с вызовом водителя как-то не сложилось.

— Фигня, — вытерла экран своего телефона Маринка и убрала его в рюкзачок. — Лишь бы до трассы дойти, а там какую-нибудь машину поймаем. Или сигнал появится.

— Само собой, — бодро поддержал ее я, надеясь на то, что слова прозвучали более-менее естественно. — Потопали?

— Потопали, — вздохнула она и в очередной раз поскользнулась.

Дождь снова усилился. Мы молча шли по обочине, опустив головы и не глядя по сторонам. И это было большой ошибкой.

Просто из-за этого ни я, ни Маринка так и не поняли, когда и как мы свернули в лес. Вроде шли все время прямо, вот только что слева от нас были грязные и мокрые колдобины дороги, а теперь — елки. А вместо обочины — лесная тропинка.

— Шур, а это как? — словно проснулась моя спутница, показывая на лес, возвышающийся и слева, и справа от нас. — Это что?

— Елки, — непонимающе ответил ей я и почесал мокрый затылок. — Палки!

— А дорога где? — требовательно спросила у меня она. — Куда она подевалась?

— Там, — неуверенно произнес я, махнув рукой за спину. — Где же еще? Наверное, мы на какую-то тропинку свернули, сами того не заметив.

— Смолин, вот как так можно! — возмутилась она, поправив ляжку своего маленького кожаного рюкзачка. — Ты впереди шел, ты глядеть должен был, куда меня ведешь. И вот результат — мы заблудились.

— Марин, с ума не сходи, — посоветовал я ей. — Это Подмосковье, причем ближе, здесь потеряться невозможно. Тут тебе не сибирская тайга. И мы не пятилетние дети. Пойдем назад — вернемся к дороге. Пойдем прямо — рано или поздно выйдем к какой-нибудь трассе или просто шоссе.

— Ну так пошли. — Маринка вытерла лицо и жалобно вздохнула. — Веди меня, Сусанин. И мы пошли.

Я решил не мудрить и вернуться к лесной дороге. Так оно надежнее будет.

Мы шли и шли, но вот только тропинка не кончалась, а дорога все не показывалась. Более того — в какой-то момент еще и повороты начались, которых точно не было. Это не укладывалось в логику — мы сюда по этой же лесной дорожке пришли, а она точно была без поворотов.

Я не наивный простачок, мне стало понятно: происходит что-то не то. Мы не случайно здесь, в лесу бродим и не можем из него выйти. Но вот только я не знал, что с этим всем делать. Связи так и не было, а навигатор в смартфоне без нее работать отказывался. А больше всего меня печалило то, что со мной Маринка. Ведь предельно ясно, что на меня началась охота, которая невесть чем может окончиться. И теперь она может попасть за компанию под раздачу.

Хотя, может, и к лучшему, что она со мной. Ее присутствие останавливало меня от того, чтобы запаниковать. Окажись я один в такой ситуации и, скорее всего, дал бы нервам волю, а так — сдерживался, чтобы не напугать спутницу.

Ну и ругал себя в душе, понятное дело. Расслабился, идя по прямой, по сторонам не смотрел — и вот результат. Привык все на самотек пускать.

Прав был ведьмак, все теперь у меня иначе будет. И надо срочно учиться жить по-другому, думать по-другому. Или мне живенько кранты настанут. Кончилась старая жизнь, спокойная и тихая, не будет ее у меня больше, это я здесь, в мокром темном лесу, отчетливо понял. Да, собственно, я это еще тогда, ночью, беседуя с мертвецом, осознал, просто принять душой не мог.

Хотя надо отсюда сначала выбраться и Маринку вывести. А то ведь может выйти так, что не придется мне ничему учиться. Просто не успею этого сделать. Но и сдаваться я не собирался. У меня есть большое желание выжить, так что еще поглядим. Ну и еще нож имеется.

Часа через два с половиной, когда совсем стемнело, дождь кончился, тучи разошлись и над нами засверкали умытые звезды.

— Саш, — неожиданно спокойно обратилась ко мне Маринка, — по-моему, дальше бродить вот так по лесу смысла нет. Мы при свете дорогу не нашли, а уж в темноте-то мы ее точно не отыщем. И сигнала у телефона как не было, так и нет. А еще я очень устала. Давай под какой-нибудь елкой устроимся и до утра переждем, не будем силы тратить. По ее тону я понял, что она и в самом деле невероятно вымоталась. Я такой серьезной Маринку всего два раза в жизни до этого видел — когда она мне объясняла, что мы можем быть только друзьями, и когда она вернулась с судебного процесса над педофилом. Она про него обзор собиралась писать, про этот процесс. К слову, не сложилось, Маринка потом мне сказала, что она, похоже, не профессионал и не зачерствела пока душой до такой степени, чтобы про подобных уродов без эмоций писать. И перестать хотеть убить этого урода она тоже так и не смогла.

— Логично, — согласился с ней я. — Хорошо бы еще костер развести, обсохнуть, да только мокрое все вокруг. Да и ночи вроде теплые, так что...

— Простуда нам в любом случае гарантирована, — сообщила мне Маринка. — Говорю тебе это как дочь медработника. Ну что, может, вон там? Смотри, какая елка разлапистая. Лесная красавица прямо. А вот я читала, что если эти лапы обломать и их на землю...

— Стой. — Я взгляделся в сгустившуюся ночную мглу. — Вроде какой-то просвет виднеется. Смотри, вон там.

— Да ладно? — оживилась Маринка. — Ага, точно.

Тут на небо вышла луна, точнее, туча, закрывавшая ее, отползла в сторону. И теперь было отлично видно, что впереди нас, всего в каких-то ста — ста двадцати шагах, явно имеется открытое пространство. То есть мы можем наконец-то свалить из этого леса, который нам до чертиков надоел.

— Может, и дома ночевать будем, — сообщила мне Маринка радостно. — Ну или на станции, но все рядом с людьми, не в лесу. Слушай, а до которого часа электрички ходят?

— До полуночи, — неуверенно сказал я. — Или даже дольше.

Маринка ничего не ответила на мои слова, она уже рванула вперед, туда, где сквозь деревья пробивались тонкие серебристые полоски лунного света.

Я поспешил за ней, памятуя о том, как легко в этом неправильном лесу, живущем по своим правилам, потеряться. Случись чего с Маринкой, я себе в жизни этого не прощу.

Слава богу, ничего такого не случилось, да и догонять ее особо не пришлось. Она застыла как статуя за границей леса, там, где начиналось свободное от деревьев пространство.

Относительно небольшое пространство, шагов двести в поперечнике.

А еще — идеально круглое, просто геометрически, и с каким-то валуном в середине.

Это была поляна. Не луг, не деревня, не подходы к станции. Мы вышли всего лишь на поляну.

— Как в детстве, — вздохнула Маринка разочарованно. — Хотела на Новый год косметику «Маленькая принцесса», а получила очередную куклу. Облом, Смолин.

— Электричка уйдет без нас, — согласился с ней я. — Но зато не надо ночевать под деревом, здесь все-таки будет повеселее.

Не знаю почему, но я приободрился, вид звездного неба над головой меня немного успокоил.

— Ночевать — это вряд ли, — сообщил нам кто-то с противоположной стороны поляны. — Это место не предназначено для того, чтобы жечь тут костры и разбивать лагерь. Но вы останетесь здесь, это правда.

Я узнал этот низкий завораживающий голос. Он принадлежал грудастой красотке Стефе из Лозовки. Врать не стану — она вообще меня впечатлила, очень уж женщина видная.

— Банально, Стефа. — Второй голос тоже оказался знакомым, это была Дарья Семеновна. — Ты смотришь слишком много сериалов.

— Тут главное, что верно сказано, — возразил нашей проводнице кто-то третий, нам незнакомый. Это тоже была женщина. — А уж банально, небанально — какая разница? От деревьев на противоположной стороне поляны отделились три силуэта, одетые в какие-то длинные белые одежды с капюшонами. Они были похожи на призраков, таких, какими их показывают в кино. Это смотрелось одновременно притягательно и жутковато — три светлые фигуры на фоне темного леса, которые, казалось, не шли, а медленно плыли над травой, не касаясь ее ногами. Их одежды пронизывал лунный свет, а на месте лиц была темнота. В смысле — их словно не было.

— Если это ролевые игры, то они не ко времени и не к месту, — сообщила этой троице, которая не торопясь добралась до валуна и остановилась около него, Маринка. — Мы и так устали, нам не до них. Смолин, скажи им уже.

— Скажи-скажи, — подбодрила меня самая невысокая из трех фигур голосом Дарьи Семеновны. — Племянничек. Заодно поведай ей, что именно из-за тебя она сейчас и умрет. Ты же уже понял, кто мы?

— Ведьмы, — хрипло ответил я. — Угадал?

— Какие ведьмы, Смолин? — Маринка уставилась на меня. — Ты в себе?

— Настоящие, — пояснила ей третья из фигур. — Природные. На твою беду, девка, на твою беду. Были бы на нашем месте заклятые ведьмы или болотные, то, может, и отпустили бы они бы тебя, потому что ты им не нужна. И проблемы тоже не нужны. А вот нам ты пригодись. Мы твою молодость себе заберем. Ты хоть и городская, но крепкая, сильная, годков по пять каждой из нас подаришь, а то и поболе.

— Почитай два в одном выйдет, — хриловато засмеялась Стефа. — Все в дело пойдет — и парня выпьем до дна, и вон, ее годы тоже поделим.

— Смолин, мне страшно, — уцепилась за мою руку Маринка. — Давай отсюда валить. Они же чокнутые!

— Куда? — нежно спросила у нее третья, безымянная ведьма. — В бурелом? По бездорожью? Далеко не убежите.

Я обернулся. Лес за моей спиной стоял как стена — и ни намёка на тропинку, которая нас сюда привела.

— Глупый мальчик. — Дарья Семеновна смотрела на меня, на темном провале ее лица появилось два огонька, как две звезды на черном небе. — Ты думал, что вот так просто можно приехать сюда, немного развлечься со своей подружкой, забрать несколько вещичек, которые тебе, возможно, и оставил Захар, а потом вернуться домой? То есть как на дачу прокатиться? Нет. Это наш дом. Это наш лес. Это наше капище. И вы теперь тоже наши. Ваша кровь, ваши души, ваша сила — все наше. Вы сюда пришли, вы тут и останетесь. Она резко взметнула руки над головой, и я заметил, как блеснуло лезвие ножа, очень похожего на тот, что я видел тогда, в парке, у болотной ведьмы. Старуха держала его обеими руками и, казалось, ловила им холодные отблески луны.

— Почему все думают, что мы с тобой любовники? — совершенно не к месту спросила Маринка, глядя на меня расширенными от страха глазами. — И Севастьянов, и Рагозин, и Людка Ситникова, и даже вот эти?

Необычный сегодня день, по всем параметрам. Столько открытий, что с ума сойти. Вот, впервые в жизни увидел, как Свиридова испугалась чего-то. Сколько ее знаю, она никогда ничего не боялась, вот совсем. Грешным делом, я даже иногда думал, что ее смелость граничит с безрассудством. Более того, я был уверен, что одно является следствием другого.

— Без понятия, — пробормотал я, нашаривая рукой рукоять ведьмачьего ножа. Он висел у меня на поясе, в стареньких кожаных ножнах, которые я нашел в доме, пока мы пережидали грозу. Ну как нашел? На подоконнике они лежали.

— Не заставляйте нас за вами гоняться, — посоветовала нам безымянная ведьма. — Не надо. Все равно вам никуда не убежать. Идите сюда, подставьте нам горло, чтобы мы могли окропить этот камень вашей кровью, — и вы умрете легко и безболезненно, обещаю.

— Да прямо не убежать! — взвизгнула Маринка и рванула к деревьям.

Без толку. Они теперь стояли так плотно, что через них разве только мышь могла проскользнуть. Человеку не протиснуться.

Это какой же надо обладать колдовской мощью, чтобы деревьям приказывать?

Ведьмы дружно засмеялись.

— Смолин, я не хочу умирать вот так, — подергала меня за рукав Маринка. Она словно захлебывалась словами. — Я не хочу, чтобы меня какие-то шизанутые ножами резали! Смолин!

Ведьмы снова расхохотались, им явно было приятно смотреть на истерику моей спутницы. Они словно пили ее страх.

— Не шуми, — попросил ее я. — Еще поглядим, кто кого резать будет.

Врать не стану — мне было сильно не по себе, давило на психику происходящее. Но и умирать, как телок на бойне, я не собирался, это не в моих правилах. Тогда, в коридоре, у зеркала, я был не готов к тому, что увидел, это не слишком монтировалось с тем универсумом, в котором я прожил всю свою жизнь, с моими представлениями о нем. Но с тех пор прошло немного времени, я маленько подкорректировал свое видение картины мира, и самое главное — я больше не был безоружным. У меня был ведьмачий нож и понимание того, что я если даже и не убью этих трех стервозин, то жизнь им попортить смогу.

Правда, вероятнее всего, в процессе драки меня самого прикончат. Это плохо, это вообще не входило в мои планы. И Маринке тоже не поздоровится, что совсем уже погано. Но деваться-то все равно уже некуда, так что придется вот так, как есть... Горло под нож я сам точно не подставляю.

И еще у меня не было сомнений в том, что я смогу убить. Я, как и любой современный человек, задумывался раньше — смогу я прикончить подобного себе или нет? Тогда ответ был: «Скорее всего, нет».

Сегодня — «Да». Без вариантов. Тем более что это и не люди.

Лишь бы возможность подвернулась.

Я достал нож из ножен и скомандовал Маринке:

— За спиной у меня держись.

Клинок ярко сверкнул в лунном свете. Но не блеском стали, а холодной вспышкой звезды.

— Воин, — протянула Стефа. — Отвага и честь.

— Витязь, — поддержала ее безымянная ведьма. — Только плаща княжьего человека ему не хватает.

— Давно хотела и этот клинок расплавить, — не стала острить Дарья Семеновна. —

Сегодня я это сделаю. Захар мертв, договор расторгнут, и я в своем праве. Сестры, время к полуночи! Славная ночь! Жаль, не полнолуние, совсем было бы замечательно!

Она снова вскинула руки к ночному небу, ее подруги повторили это движение. Три черных ножа словно впитывали лунный свет.

А потом они запели.

Это была какая-то странная песня, я не мог разобрать слова, я вообще не уверен в том, что звучал человеческий язык. Ничего похожего раньше не слышал. Хаотичный набор звуков сплетался между тем в стройную мелодию, которая завораживала.

Причем если завели ее ведьмы негромко, чуть ли не шепотом, то теперь они пели в полный голос. И чем громче звучало это пение, тем сильнее кровь стучала в висках, их словно сжали обручами.

А еще я ощутил, как меня оплетают невидимые нити. Это как паутинка в осеннем лесу — вроде бы неразличима, но она есть.

Мало того — теперь я точно видел, что их ноги действительно не касаются земли, они парили над ней, поднимаясь все выше и выше.

Родька в рюкзаке забился как сумасшедший, он долбил мне лапами в спину и повизгивал. Забыл я про него, не выпустил. Зря, пропадет вместе со мной. А сейчас уже некогда это делать, нельзя от тройцы ведьм взгляд отрывать, иначе пропустишь момент, когда они атакуют.

— Сюда, — в какой-то момент скомандовали ведьмы, а Стефа даже махнула рукой, подзывая нас. — Сюда. Отдайте нам свою кровь. Отдайте нам свои жизни.

Маринка, словно загипнотизированная, сделала шаг вперед, потом другой, и я схватил ее за плечо, чтобы остановить.

— Идите и возьмите, — хрипло крикнул я ведьмам. — Если сможете.

— Как скажешь, — прошипела безымянная ведьма голосом, в котором не осталось вообще ничего человеческого. — Я иду, мальчик.

— Надо же, — вмешался в наш разговор добродушный мужской голос. — А ты крепче, чем я думал, приятель.

— Кто? — взвизгнула Стефа, завертев головой. — Кто здесь?

— Я. — На поляну шагнул человек, которого я менее всего ожидал здесь увидеть.

Это был Николай Нифонтов, тот самый, из отдела 15-К. Его рыжая помощница тоже сюда пожаловала, она шагала за ним следом.

— Неожиданно, да? — благожелательно спросил он у Дарьи Семеновны. — Я люблю удивлять.

— Мы такие, — подтвердила рыжая.

— Я уже ничего не понимаю, — пожаловалась Маринка. — Это кто?

— Кавалерия, — не нашел лучшего ответа я.

— Двумя больше, двумя меньше — какая разница? — Безымянная ведьма перебирила ногами в воздухе. — И этих отправим вслед за теми.

— Другое непонятно. — Дарья Семеновна повернула свой темный лик к Нифонтову. — Как же это вы сюда попали? Все дороги на эту поляну закрыты.

— Смотря для кого. — Сотрудник отдела 15-К неторопливо подошел к трем ведьмам, парящим в воздухе, при этом он, похоже, не испытывал никакого страха перед ними. — Вот вы тут сказали, что это ваш дом, ваше капище и лес, мол, тоже ваш. По первым двум позициям спорить не буду, хотя относительно дома ведьмака вы, на мой взгляд, погорячились. А уж насчет леса — так точно промахнулись. Не ваш он. И никогда вашим не будет. У него свой хозяин есть, и только он решает, кто куда по нему дойти сможет.

— Вот старый пес! — Глаза Стефы блеснули двумя огоньками. — Как посмел? Деревья вокруг зашумели, как будто перед грозой, при этом над поляной не пронеслось ни ветерка.

— Думаешь, что и где говоришь, — осекла ее Дарья Семеновна и обратилась к Нифонтову, который стоял перед ней, заложив большие пальцы рук за поясной ремень: — А ты, я погляжу, смелый.

— Не без того, — согласился он с ней. — Да и потом — чего мне бояться? Не вас же. Ну да, вы природные ведьмы, сильные соперницы. Так вас трое, а нас четверо. Численный перевес за нами.

Над поляной раздался дружный трехголосый смех.

— Чур, я ему глотку перережу, — сказала Стефа. — Но перед этим как следует помучаю. Сначала когтями рвать стану, потом...

— Не станешь, — уверенно сказал Нифонтов. — Не скажу за всех вас, но тебя-то, тварь, я точно успею прирезать. И тебя, старая, я так думаю, тоже. А вон ту мой приятель авось успеет прибить. Или покровсать так, что она все одно потом сгниет заживо. Ножичек его видели? Он ведь успел его своей кровью напоить, если вы не заметили.

— Кто же ты есть-то? — задумчиво сказала Дарья Семеновна. — Ты человек, нет в тебе нашего начала. Но держишься так, будто среди нас всю жизнь прожил. Кто ты такой?

— Раб божий, сшит из кожи, — насмешливо сказал Нифонтов. — Жаль, я про вас, бесовок, раньше не знал, а то этого разговора вообще сейчас не было бы. Не с кем было бы его вести.

— Что так? — Ведьма спустилась чуть пониже.

— Вон, на камне нашем поганом кровь запеклась. И дождь ее не смыл, стало быть, ритуальная она, просто не впиталась пока. — В голосе Нифонтова больше не было ни иронии, ни мягкости, в нем звенела сталь. — Прирезали вы тут кого-то, при этом совсем недавно.

— А если и так, то что? — фыркнула Стефа. — Поругаешь нас? Пальчиком нам погрозишь?

Рука Нифонтова скользнула под куртку, и он коротким движением достал из-под нее нож. И это был не мой «засапожник», а вещица куда покруче. Я такие видел, их называют армейскими. Широкое матовое лезвие, легкий изгиб клинка, удобная рукоять. Мощная штука.

Рыжая Евгения, как видно, решила от него не отставать, лихо извлекла из-под мышки пистолет, щелкнула предохранителем и направила ствол на ведьм.

Мне после этого стало как-то поспокойнее. Пистолет — это уже совсем хорошо. Пуля — она и есть пуля, это тебе не нож.

— Вот как-то так, — сказал Нифонтов Дарье Семеновне, в которой он безошибочно с самого начала угадал старшую. — Еще вопросы?

— Судный дьяк, — как мне показалось, с облегчением выдохнула та. — А я голову ломаю. Если по совести — думала, что вас всех извели давно.

— Однако, — холодно заметил Нифонтов. — Да ты со стажем нечисть, вон чего помнишь. «Судный дьяк». Это ж который тебе век пошел, а? Ты же крови людской наверняка пролила столько, что в ней слон утонуть сможет.

— Сколько ни есть лет, все мои. — Дарья Семеновна спустилась совсем низко, почти на землю, и ее капюшон оказался напротив лица Нифонтова. — Ну, дьяк, что решать будем? И вот тут она показала то, что было под этим капюшоном скрыто, попросту скинув его. Это было не лицо той старушки, что мы видели в деревне. Это вообще лицом назвать нельзя. Люди так не выглядят.

Да я даже описать
это

не смогу. Что-то от змеи, что-то от лисы, седые патлы, растущие клоками из серой пергаментной кожи, обтягивающей продолговатый череп. И две ярко-красные точки во впалых глазницах.

Маринка глухо охнула и уцепилась за мое плечо, чтобы не упасть.

— Мне больше нравится, когда меня называют оперативником, — и не подумал отстраниться от жуткой старухи Николай. — Так правильнее. У нас там, в Москве, двадцать первый век уже. Все изменилось.

— Люди остались теми же. — Старуха улыбнулась безгубым ртом, а после высунула наружу язык — длинный, тонкий, раздвоенный на конце. — Мясо, кровь и душа.

— Это да, — согласился Нифонтов. — Но все остальное ох как поменялось. Например, нам больше не нужно соблюдать лишние формальности для того, чтобы ваше племя изничтожить.

— Будто прежде вы миндальничали с нами? — прошипела безымянная ведьма.

— Я тогда не работал, — пояснил Нифонтов, не сводя взгляда с того, что раньше было Дарьей Семеновной. — Я не так давно в отделе. Но как вашей сестре грудины вспаривать и из них сердца вынимать, уже знаю. Имею опыт.

— Будем терпеть? — взвизгнула Стефа. — Порвать его на куски! А после — вон того! У него сила, вы же ее чувствуете, сестры! Не должен он отсюда уйти!

— Насчет силы, — как-то даже обрадовался оперативник. — Хорошо, что упомянули. А вы лесному хозяину рассказали о том, чью именно жизнь в его лесу собираетесь забрать, да еще и с помощью ритуала? И что с ней непринятая вон тем парнем сила выйдет, которую вы до конца собрать все равно не сможете? Вот он обрадуется, когда выяснит, что теперь тут не один живет, а с неприкаанной сущностью, которая нового вместилища не нашла. А благодарить-то как вас будет! Думаю, так, что вы за пределы своей Лозовки до конца дней даже нос высунуть не сможете.

Какой тут шум поднялся вокруг — это словами не описать. Скрипели деревья, трещали ветви, что-то скрежетало так жутко, что бедная Маринка, по-моему, даже заплакала от страха.

Старшая ведьма посмотрела на Нифонтова, потом на нас, оскалилась и убрала нож. Точнее, он будто втянулся ей в руку.

— Расходимся миром, — сообщила она Нифонтову. — Пока — миром.

— Насчет «пока» — полностью согласен, — сказал тот, и не подумав убирать оружие. — Таких, как ты, давить надо. И чем скорей, тем лучше.

— Заезжай в гости, оперативник, — ослабилась старуха, показав острые, как иголки, зубы. — Буду ждать.

— Заеду, мать, заеду, — посулил Нифонтов. — С друзьями. Непременно. И скоро.

— А ты, племянничек, не радуйся особо, — обратилась ко мне Стефа. — Я все равно твое сердце вырву и съем.

— Подавишься, — неожиданно для себя самого выдал ответ я. — Оно жесткое, а у тебя зубы гнилые.

Рыжая Евгения одобрительно хохотнула. Она так и не опустила пистолет.

Ведьмы дружно взлетели вверх, почти до верхушек деревьев, раздался хлопок, и следом за ним — хлопанье крыльев. В свете луны мелькнули три птичьих силуэта.

— Ф-фух, — выдохнул Нифонтов. — Однако вечер задался. Жень, да убери ты свою пукалку, толку-то от нее. Что ты с ней как курица с яйцом носишься?

— Мужчина, уже все? — слабым голосом спросила у него Маринка. — Нас сегодня не будут убивать?

— Нет, не будут, — заверил ее оперативник, убирая нож.

— Хорошо, — пробормотала моя спутница, отпустила мое плечо, повернулась лицом к лесу, что-то пробормотала и согнулась в поясе.

Ее тошнило.

— Вы как тут оказались? — задал я Нифонтову вопрос, который, как мне показалось, следовало задать первым.

— Детали потом, — сказал он мне. — Давай будем последовательными и для начала выберемся из леса.

— Мы об этом уже несколько часов мечтаем, вот с ней. — Я показал на Маринку, которая так и стояла согнувшись. — Но все никак.

— Ничего, — потрепал меня по плечу Нифонтов. — Глядишь, со мной получится.

И правда — по тропинке, которая оказалась там, откуда они с Мезенцевой пришли, мы минут за семь бодро дотопали до потерянной дороги, где обнаружился дорогой внедорожник, здорово забрызганный грязью.

— Спасибо, батюшка лесной хозяин, — нараспев сказал Нифонтов, повернувшись лицом к лесу. — За то, что выслушал, за то, что помог. Не побрезгуй угощением. Не тот нынче хлеб, я знаю, но какой есть.

Он залез в машину, достал оттуда кругляш «Столичного» хлеба, завернутый в белый холщовый лоскут, а после отнес его в лес, положив на ближайший пенек.

— Еще раз спасибо тебе. — Оперативник поклонился в пояс, его жест повторила и Мезенцева.

Я поспешно согнулся, всем существом ощутив, что необходимо это сделать. Да еще и Маринку толкнул, прошипев:

— Кланяйся!

И снова без ветра зашумели деревья. А потом откуда-то из-за кустов послышался старческий ворчливый голос:

— И тебе спасибо, парень. Заходи в гости, если мимо проходить будешь.

— Не премину, — заверил невидимого собеседника Нифонтов и скомандовал: — Ну, все. По коням.

Первые минуты мы ехали молча, а потом я все-таки спросил у оперативника:

— Это был леший?

— Лесной хозяин, — поправил меня он. — Леший — это леший. Тут не все так просто...

— Не все так просто? — каким-то непривычно тонким голосом сказала Маринка. — Не все так просто? Смолин, гад ты... Меня же чуть не убили! Ненавижу тебя!

И она несколько раз ударила меня по плечу.

Ее губы тряслись, лицо было мертвенно-бледное.

— Сама виновата. — Я схватил ее руку, которой она собралась оцарапать мне лицо. Не хватало только этого, мне пореза на ладони достаточно. — Чего за мной увязалась?

— Гад, ненавижу, — рычала Маринка, у которой явно началась истерика.

Мезенцева перегнулась через сиденье и отвесила моей соседке пару крепких пощечин.

Это сработало. Маринка протяжно всхлипнула, свернулась на сиденье комочком и утонула в окне.

— Так вот, — продолжил Нифонтов, которого произошедшее, казалось, совершенно не тронуло. — Лесной хозяин — это нечто большее. Он именно что хозяин всему — деревьям, зверям, воде, траве. Он в пределах своего леса может почти все. Его надо уважать и не следует злить.

— А мы ему чем так не угодили? — хмуро спросил я. — Вроде не обидели, даже не мусорили. Просто шли.

— Вы? — Николай рассмеялся. — Да ничем. Все очень просто. Его попросили вас по лесу до темноты покружить, а после куда надо вывести. Он эту просьбу выполнил, вот и все.

— Ведьмы попросили? — уточнил я.

— А кто же еще? — подтвердил оперативник. — Они.

— Но... — заикнулся я, а после все понял и только головой покачал.

— Верно, — произнес Нифонтов. — Они ему соседки, а вы никто. Когда соседка просит об услуге, как ее не уважить? Да, Александр? И наоборот — когда сосед соседку просит что-то узнать, неужто она ему не поможет?

— Да. — Я с жалостью посмотрел на Маринку. — А вам этот лесной хозяин почему помог? Вы же ему не сосед.

— Скажем так — у нас есть общие знакомые, — пояснил он. — Мы ему друзья друзей.

Кстати, теперь этого леса можешь больше не бояться, он тебя запомнил. А еще лучше — в следующий раз прихвати с собой хлеба, желательного черного, круглого, как у меня был, и с поклоном лесного хозяина угости. Но ничего не проси на первый раз, это важно. Поверь, пригодится.

— Да я в этот лес больше ни ногой! — даже замахал руками я. — Ну на фиг!

— Не говори «гоп», — посоветовал мне Нифонтов. — Не надо.

Вскоре мы выехали на дорогу, а после — и на Минку.

— Я бы поел, — сообщил нам Николай минут через двадцать после этого. — Вы как?

— Кофе хочу, — сказала Мезенцева и передернула плечами. — Продрогла я в этом лесу.

— Только за, — поддержал ее я.

Маринка промолчала.

— Большинством голосов, — подытожил Нифонтов и свернул к заправке, над которой виднелись большие светящиеся буквы, складывающиеся в слово Sab.

В закусочной оказалось неожиданно уютно. Ну, насколько это слово вообще может быть применимо к закусочной при заправке.

Там стояло штук пять круглых столиков со стульями и три прямоугольных, с диванчиками. Вот за одним из прямоугольных столов, расположенных возле окна, мы и устроились.

— И никого, — удовлетворенно заметила Мезенцева, снимая легкую курточку. — Как по заказу.

— Так ночь. Суббота, — посмотрел на нее Нифонтов. — Все на дачах. А дальнобойщики в такие заведения не ходят, они им неинтересны, здесь ни пельменей, ни борща.

— Кто что будет? — деловито поинтересовался я, даже не присаживаясь. — Говорите и не стесняйтесь, я угощаю. По сути, у меня сегодня второй день рождения.

— Поесть — на твое усмотрение, — не стал чиниться оперативник. — Возьми пару любых сэндвичей, соуса и овощей не нужно. Чай — черный. И сахара побольше.

— Кофе, — буркнула Маринка. — Капучино. Большой. Еды не надо.

— А я с тобой пойду, — поднялась из-за стола Мезенцева. — Там выберу. Ну и подносы помогу донести, одним-то тут не обойдемся.

Когда заказывал еду, думал, что кусок в горло не полезет, но стоило мне только откусить кусок сэндвича, и я тут же понял, насколько голоден.

— Пробрало? — понимающе улыбнулся Нифонтов, размешивая сахар в чае. — Это всегда так. Отходняк, обычное дело. Еще сладкое хорошо после подобных стрессов.

— Водки хорошо бы после подобных стрессов. — Маринка отпила кофе, на лбу у нее билась синяя жилка, под глазами обозначились тени. — Это да.

— Держи. — Мезенцева пошарила в кармане куртки, лежавшей рядом с ней, и достала конфету в пестром фантике. — Вкусная. «Озеро Рица» называется. Это лучше водки, как по мне.

— Странное название, — удивился я. — А что, на самом деле есть такое озеро?

— В Абхазии, — ответил мне Нифонтов, внимательно смотрящий на Маринку, которая конфету взяла, но есть не стала. — Вода в нем кристально чистая, ей аналогов в мире почти не имеется.

Маринка зевнула раз, зевнула два, поставила стаканчик с кофе на стол и прикрыла глаза. А через пару минут и вовсе заснула.

— Вот и славно. — Оперативник кивнул Мезенцевой, та недовольно нахмурилась, после скатала свою куртку в подобие подушки и подложила Маринке под голову.

— Пусть поспит, — сказал мне Нифонтов. — Ей это сейчас не лишним будет. Ну и потом, ее профессия предполагает, что любая полученная информация должна пойти в дело. Особых секретов у меня нет, но и к обнародованию того, о чем у нас с тобой пойдет речь, я не стремлюсь.

— Снотворное? — догадался я и уставился на Мезенцеву.

— Ага, — безмятежно ответила та, откусила сразу половинку круглой печеньки с черными вкраплениями шоколада, она их много купила. — Мне для хорошего человека никогда его не жалко.

Она запила печеньку кофе и от удовольствия даже прикрыла свои шальные зеленые глаза. Было видно, что ей очень хорошо.

Странно прозвучит, но сейчас она мне даже нравилась, несмотря на то, что при первой встрече возникло совершенно противоположное чувство. Нет, видно, что она оторва, каких поискать, но что-то такое в ней есть. Маленькая, мне по плечо, рыжеволосая, белолицая, с зелеными круглыми глазами, с высокой грудью, она была как сгусток энергии. И добавьте сюда пистолет на поясе, да еще и в открытой кобуре, который она даже и не думала как-то скрывать. Полусонный работник закусочной, когда формировал заказ, то и дело косился то на него, то на нее, то на меня, как видно гадая, кем мы с Евгенией являемся.

— Глаза сломаешь, — беззлобно сказала мне Мезенцева, забавно сморщив веснушчатый носик. — Или у меня на груди дырку прожжешь.

— Кхм, — смутился я и отпил «Маунтин Дью». — Я это...

— Все вы «это», — отозвалась она. — Я привыкла, еще с института. Не бери в голову.

— Ну что, Саша. — Нифонтов прикончил сэндвич и вытер салфеткой рот. — Повторю все то же предложение, что и в банке, — поговорим?

— Поговорим, — кивнул я. — Теперь — поговорим.

А что еще я мог сказать? И дело даже не в том, что они нам жизнь спасли. Просто других вариантов не было.

— Ну и славно. — Николай откинулся на спинку дивана. — Кстати, может, оно и к лучшему, что все так вышло, что тогда у нас беседа не получилась. Сейчас проще будет понять друг друга. Тогда, в банке, мне пришлось бы тебе много чего объяснять, и ты бы не всему услышанному поверил. Или вообще решил, что тебя разыгрывают. А теперь — другое дело. Сам все увидел, в чем-то даже разобрался.

— Не то слово. — Я шумно выдохнул. — Увидел, поверил, понял. Хотя лучше бы всего этого и не знать.

— Лучше бы, — согласился со мной Нифонтов. — Я в свое время, когда только начал заниматься своей работой, тоже иногда так думал.

— А теперь? — спросил у него я.

— Теперь привык, — пожал плечами мой собеседник. — Человек — такая тварь, он ко всему привыкает. Сначала все новое в диковинку, потом раздражает, потом привыкаешь, а потом происходящее становится частью существования. Вон мне рассказывали, что «сталинские» высотки поначалу «вставными челюстями» называли, и старые москвичи в шестидесятых годах считали, что они изуродовали Москву. А теперь это достопримечательность, символ города. Вот так — и с моей работой. И ты привыкнешь. Причем если я хоть уволиться могу, то тебе и вовсе деваться некуда.

— Не знаю. — Я вспомнил поляну, камень, луну и длинный раздвоенный язык той твари, что звалась Дарьей Семеновной. — Не уверен.

— А куда тебе деваться? — повторила за Николаем Мезенцева и отпила кофе. — Все, ты в деле, в сторону не вильнешь.

— Оптимистично, — тяжело вздохнул я.

— Хотя не так уж много для тебя и изменится, по крайней мере — поначалу, — мягко произнес Нифонтов. — Это в кино человека кусает вампир или оборотень, а после вокруг бедолаги рушится весь мир. Но то кино. А на деле все просто — ты как был самим собой, так им и остался. Никаких явных или тайных трансформаций ни с твоим телом, ни с твоей душой происходить не будет. Зубы не вылезут, на прохожих по ночам ты охотиться не станешь и летать ты тоже не научишься.

— А вампиры есть? — спросил вдруг я.

Ну а что? Интересно ведь.

— Есть, — ответил Нифонтов. — Но не такие, как в кино и книгах. Никакой благородной бледности, никаких светских замашек, никаких трогательных историй о любви к белокурой непорочной девушке, никаких экстравагантных костюмов, перстней и плащей. Это на редкость неприятные существа, по сути своей они охотники и хищники, которые днем отсиживаются в подвалах и коллекторах, а ночью выходят на промысел. И сразу — нет, укус вампира не делает человека подобным ему. Там нужен особый ритуал, с жертвоприношением и иными мерзостями.

— Причем жертва должна быть непременно ребенком не старше восьми лет и некрещеная, — добавила Мезенцева. — Меня после прочтения описания этого ритуала чуть не вырвало. Такая жесь!

— Вот так и рушатся стереотипы, — пробормотал я.

— И не говори, — поддакнула мне рыжая и хрустнула очередной печенькой.

— Что примечательно — ответ на свой тогдашний главный вопрос я уже знаю, — продолжил Нифонтов. — Силу тебе Захар Петрович передал. Хотя я и тогда в этом был практически уверен, просто хотел убедиться в своей догадке до конца.

— Ну и вы меня поймите, — немного извиняющимся тоном произнес я. — Приходят полицейские, задают странные вопросы... Плюс учитывайте место моей службы, оно не располагает к душевным разговорам с властями.

— Потому и не настаивал. — Нифонтов допил чай. — Отложил на потом нашу беседу. Тем более надо было кое-какие вопросы прояснить. А ты оказался шустрым малым, должен заметить. Вон, даже сам кое в чем разобрался и рванул в Лозовку, на свою голову. Мы с Женькой как про это узнали, сразу за вами следом помчались и все равно чуть не опоздали.

— А откуда узнали, если не секрет? — стало любопытно мне. — Я ни с кем этим не делился, кроме вон той спящей красавицы. Да и ей про все только на вокзале рассказал.

— Мы к тебе в гости сегодня заехать решили, — объяснил мне Нифонтов. — Поговорить в домашней обстановке, потому что время поджимает. Я так рассудил, что за неделю ты так или иначе что-то да поймешь и дверями перед нашим носом хлопать не станешь. Тебя дома не оказалось, и тогда я с твоим подъездным решил побеседовать. Он прозевать такое явление, как ведьмачья сила, в своем доме никак не мог, а значит, наверняка за тобой присматривал, чтобы ты дел не натворил. Так оно и вышло. Ну а дальше все было просто — мы поехали в Лозовку...

— А откуда вы узнали, в какую именно Лозовку ехать? — перебил я его. — Их в Подмоскowie полным-полно.

— Мы это знали наверняка, — терпеливо объяснил мне Николай. — Дело в том, что мы с твоим... мнэ-э-э... предшественником, скажем так... так вот, с Захаром Петровичем мы знакомы были. В том году случилась одна скверная история, в которой он нам здорово помог. Не совсем по своей воле, но помог. И мы с Женькой тогда к нему ездили в гости, так что дорога нам была известна.

— Но мы опоздали. — Мезенцева хлюпнула кофе. — Вы с этой вот истеричкой уже покинули дом. Глупость несусветная, должна тебе сказать прямо. Уйти перед наступлением сумерек из единственного безопасного места — это вы молодцы.

— Нам дом таким местом не показался, — возразил я ей. — Очень он был мрачный. И потом, мы ушли сильно засветло, восьмой час был.

— Жень, они действовали абсолютно логично, — поддержал меня Нифонтов. — С точки зрения обычных людей, разумеется. Естественно, это их бы не спасло, но тем не менее. Да ладно, что теперь об этом. Вас не успели убить, мы подоспели вовремя, так что все кончилось хорошо — и слава богу.

— Николай, — решил я прояснить один момент, который не давал мне покоя, — можно я еще один вопрос задам, а потом спрашивайте меня обо всем, о чем пожелаете?

— Конечно, — кивнул оперативник.

— А почему вы мне помогаете? Вот даже в деревню эту поехали и в лес пошли. И драться были готовы. Что, эта сила, которая во мне, такая уникальная? Или я теперь избранный?

— Она не уникальная, — засмеялся Нифонтов. — И ты не избранный, не лести себе. Просто эта сила в тебе пока не прижилась. Она тебе чужая покуда. И не факт, что станет твоей, это тоже очень важный момент. Если вы с ней не уживетесь, то все может повернуться в неприятную сторону и для тебя, и для нас, ты перестанешь существовать, а мы получим тело-носитель с силой, которая творит все, что ей вздумается. И, смею тебя заверить, ничего хорошего от нее ждать не приходится. Я читал хроники, в последний раз такое случилось лет сорок назад, не смог новый обладатель силы ею завладеть. И один городок на Средней Волге за два дня чуть не утонул в крови. Ведьмачья сила не светлая, ей людская боль и страдания изначально приятны. Пока она при владельце, ее поведение определяет то, каков он сам, каковы его помыслы. Сила всегда под хозяина подстраивается, она его часть, как душа. А если владельца нет, то она идет вразнос, забирая то, что ей хочется. Так что не обольщайся, мы не тебя спасаем. Мы просто не хотим допустить большой беды. Плюс есть еще один нюанс, но о нем попозже.

— Спасибо за честность, — без малейшей иронии произнес я. — Теперь хоть какая-то ясность появилась.

— Не за что, — ответил мне Нифонтов. — Слушай, давай уже на «ты»?

— Не вопрос, — кивнул я. — Теперь, кстати, мне понятно стало, почему ведьм убедил твой аргумент по поводу силы. И вправду, лесному хозяину такое на фиг не нужно.

— Считай повезло, что этот довод сработал. На него вся надежда и была. — Николай хмыкнул. — На самом деле я блефовал по поводу того, что их всех грохну. Три природных ведьмы — это очень серьезно. Одну, возможно, я бы и завалил, да и то не факт. Мне рассказывали, что Пал Палыч, мой наставник, как-то сразу с тремя сцепился, было такое. Двоих прикончил, одна сбежала. Но порвали его в этой драке очень здорово, месяца два он потом лечился. А мне до Пал Палыча еще очень далеко, так что все бы мы там и полегли. А он рискованный парень, этот Нифонтов. Полез в лес, заранее зная о том, что его позиции слабее, чем у противников. И все равно пошел меня спасать.

Ну не то чтобы прямо меня, но все равно впечатляет.

— Природные ведьмы — самые опасные из всего их племени, — продолжал тем временем рассказывать оперативник. — Болотные, заклятые, закладные — это все ничего. А вот природные — это да.

— А в чем разница? — заинтересованно спросил я. — И почему — природные?

— Как бы так попонятней объяснить? — Нифонтов побарабанил пальцами по столу. — Ну вот смотри. Заклятые ведьмы — это девочки, которые свою силу получили от того, что их матерей сглазили во время беременности. Иногда обходится, и рождается нормальный ребенок. А иногда — будущая ведьма. Как ей семь стукнет, тут сила о себе знает и даст. Видел ведь наверняка — дети маленькие ссорятся, дерутся, а неподалеку стоит симпатичная аккуратненькая девочка и за всем этим с улыбкой наблюдает? Почти сто процентов — заклятая ведьма. Она еще сама не в курсе, кто такая, но сила уже проявилась. Иные такие ведьмы до старости доживают и умирают, не зная, кем были при жизни. А какие-то все-таки докапываются до сути, и вот тут возможно все что угодно. Такие персонажи встречаются — что ты!

— Да уж, — сказала Евгения и почему-то потеряла поясницу.

— Закладные ведьмы — дочери тех дур, которые на сносях к гадалкам и ворожеям ходили, — продолжил Нифонтов. — Не к шарлатанкам из газет с бесплатными объявлениями, а к настоящим, тем, которые на самом деле что-то умеют. Эти идиотки суеверные сами души своих еще не рожденных дочерей им на блюдечке, считай, относят. Редкостный идиотизм, но имеет место. Кто у нас там еще? А, болотные. Эти самые безобидные, если можно так выразиться, у них силы — с гулькин нос. Да и мало их сейчас стало. Болотные ведьмы — это некрещенные девочки, которых на болото занесло в

полнолуние. Попала туда в ненужное время — и все, душа твоя трясиннику на поживу досталась, и будешь ты до смертного одра его полномочным представителем на суше. Травы для него собирать, другие поручения выполнять и раз в шесть лет человека в его трясину заманивать.

— Безобидные, значит? — проворчал я. — Не сказал бы.

— В смысле? — заинтересовался Николай. — Поясни.

Я рассказал ему про ночное randevу со страшной старухой. Он внимательно выслушал меня и укоризненно покачал головой:

— Ну, Саша, ты и силен зарабатывать приключения на свою голову. Когда успел?

— Долго ли умеючи, — невесело усмехнулся я. — В моем случае это вообще обычное дело.

— Сама по себе эта нечисть — мелочь, но может навести на тебя кого посерьезней, — деловито сообщила мне Евгения. — Да, Коль?

— Так и есть, — подтвердил оперативник. — Как только осознает, что ты ей не по зубам, запросто может продать информацию кому-нибудь другому или сменять на что-нибудь, у них это в порядке вещей. А за осознанием дело не станет. Нож уже у тебя, ты его привязал к себе, и как только ее слуга нагрянет к тебе под дверь, он это поймет моментально, как и то, что вход в твой дом его хозяйке теперь заказан.

— Вот же, — совсем расстроился я. — Новое дело. Слушайте, вот что за напасть на мою голову с этой силой?

— Такая твоя судьба. — Нифонтов посмотрел на Мезенцеву. — Жень, еще чаю мне возьми, если не в труд.

— Ага, — кивнула Евгения и встала из-за стола.

— Устал, — пояснил мне оперативник. — Толком не спал двое суток уже. Завал, понимаешь.

— Из-за меня? — чуть виновато спросил я.

— Нет, — засмеялся он. — Точнее, не только. И без тебя дел хватает.

— Слушай, а почему ведьмы с ведьмаками враждуют? — выложил я очередной вопрос из тех, что постоянно вертелись у меня в голове. — И ты так и не объяснил, чем природные ведьмы отличаются от остальных.

— А, да. — Оперативник потер лоб. — Природные ведьмы — они ведьмы по праву рождения. Во всех тех, о ком я тебе рассказывал, сила попадает извне. Проклятие, перерождение, то, се... Природные ведьмы — это другое. Их матери — такие же природные ведьмы. Их корень — в древности, в матриархате, в тех временах, когда еще слова «ведьма» не было. Тогда женщины, владеющие знаниями, правили миром и звались ведуньями. Разницу между «ведуньей» и «ведьмой» осознаешь?

— Условно, — уклончиво ответил я.

— Ведунья ведает, — терпеливо продолжил объяснения Николай. — Ведает знания, ведает законы и толкует их. Она правительница, понимаешь? А потом все изменилось, и у ведуний отобрали их власть, их право определять судьбы людские. И ведуньи стали просто женщинами, причем без права слова. Большинство из них, причем подавляющее, со временем смирилось, а через пару-тройку поколений и вовсе забыло, кем были их прабабки. Кстати, все нынешние гадалки, которых я упоминал, с их крохами силы, — это как раз потомки тех, забывших истоки. Но были и другие, те, кто не забыл и не смирился.

— Про природных ведьм рассказываешь? — Евгения поставила перед коллегой исходящий паром бумажный стаканчик, в котором уже плавал пакетик чая.

— Ну да. — Николай зевнул. — Про них. Так вот, те, кто сохранил знания и силу, стали природными ведьмами. Они очень сильны и опасны, за ними — мудрость тысячелетий. И века жизни. Видел сегодня их старшую? Я так думаю, что ей лет триста, если не больше.

— Видел. — Я передернул плечами, вспомнив пергаментную кожу и пучки седых волос. — Жуть.

— Вот и я про то. — Нифонтов зябко повел плечами. — Спать хочу — не могу. Жень, сядешь за руль?

— Ага. — Евгения кивнула, ее рыжие кудряшки забавно дернулись.

— Что до ведьмаков и ведьм, то тут ты неправильно сформулировал вопрос, — сказал Нифонтов, размешивая в стаканчике сахар. — Там нет вражды или противостояния в чистом виде. Это немного другое, скорее, нелюбовь. Ведьмы считают вас побочным звеном в эволюционной цепи, а ведьмаки вполне резонно придерживаются другой точкой зрения. Но при этом в большинстве случаев они умудряются мирно сосуществовать друг с другом. Нечто вроде вооруженного нейтралитета, понимаешь?

— Чего тогда они... — начал я было, но до конца вопрос не задал, поскольку понял его бессмысленность.

— Правильно. Дармовая сила, — верно расценил мои потуги оперативник. — Причем чужая сила. Для ведьмы чужая, а потому очень удобная. Она для нее как пластилин —

лепи, чего душа пожелает. Ну и потом, одним ведьмаком на свете меньше будет. Вас ведь и так немного, куда меньше, чем ведьм.

— То есть если я силу смогу приручить, то охота на меня закончится?

— В нынешнем виде — да, — подтвердил Николай. — Но ухо надо будет держать востро.

Это только в фильмах и книгах нечисть всегда заодно или объединяется по общему признаку. А в жизни все как везде — сильные жрут слабых, причем необязательно ради выгоды. Иногда они это делают и просто так, для души. Больше скажу — для тебя и сейчас, и потом, в случае удачного завершения романа с силой, основная опасность будет исходить не от ведьм, упырей или перевертышей. Тебе более всего надо опасаться своих же.

Ведьмаков.

— Уфф, — выдохнул я озадаченно. — То есть с цеховой взаимовыручкой тут никак?

— И да, и нет. — Нифонтов оперся локтями на стол и подался вперед, его секунду назад сонные глаза снова заблестели. — Знаешь, как в социальных сетях в статусах девочки пишут: «Все непросто».

— Давно так никто уже не пишет! — фыркнула Евгения. — Вот у меня статус: «Темна вода в облаках». Красиво, запутанно и непонятно.

— Зато в данном случае четко отражает положение вещей, — возразил ей оперативник.

— Это да, — признала рыжая.

— Поближе к делу, — поторопил я их.

Мне была нужна информация по максимуму, для последующего анализа. Сегодняшний день и часть ночи четко дали понять, что я в дерьме по самые уши. И без информации я, похоже, из него не выберусь. Ну и без воли к жизни. Она-то у меня есть, а вот данных пока маловато.

— Видишь ли, ведьмаки — индивидуалисты. — Нифонтов отхлебнул чая. — Живут каждый сам по себе, общаются друг с другом мало, стараются без нужды в чужие дела не лезть. Это, кстати, одна из причин, почему у них с ведьмами пусть шаткий, но мир. Они не лезут на их территорию, то есть не стремятся к власти и не сильно жалуют душегубство. Не скажу, что прямо вот все ведьмы — любительницы помучить и потерзать людей, но водится за ними такое, особенно за природными. А за ведьмаками — нет. Но иногда случается такое, что кто-то из них выбирает путь, который требует крови, душ и всего такого. Хотя тут надо отдельно объяснить. Понимаешь, у каждого ведьмака рано или поздно наступает момент, когда ему надо выбрать... Как бы так сказать...

— Специализацию, — вспомнил я термин из компьютерных игр. — Это я знаю.

— Да? — удивился Николай. — Откуда?

— Рассказали, — туманно пояснил я. — Так что там с кровью и душами?

— Когда такое случается, то это очень плохо, — продолжил Нифонтов. — Ведьмак не ведьма, та по мелочи сработает — и ходу. А он будет по трупам идти как по паркету, налево и направо людей косить, пока его не остановишь. И чем больше он заберет жизней, тем сильнее станет. Кровь, Саша, — это такая штука, которая мощи добавляет о-го-го как, при правильном подходе, разумеется. Плюс это не какой-то безмозглый гуль или душелов, у которого вместо мозгов желудок. Здесь мы почти всегда имеем хладнокровного и вдумчивого противника, которого не то что убить, иногда просто даже найти — серьезная проблема. А найти и убить надо, потому что по-другому никак нельзя.

— Не понял сейчас, — немного удивился я. — Это к чему говорится? В смысле, «Люк, бойся темной стороны силы»?

— Нет, — засмеялся Нифонтов. — Хотя мысль сама по себе правильная, подмечено верно. Но речь о другом. Собственно, все ранее сказанное мной было прелюдией к тому, что я сейчас тебе расскажу. Дело в том, что Захар Петрович умер не от естественных причин. Его отравили.

Я хотел было сказать: «Знаю», — но не стал. Доверия к этим ребятам у меня добавилось, равно как и симпатии, но про визит старого ведьмака я решил им не говорить. Это, если можно так выразиться, все-таки личное.

— О как. — Для правдоподобности я даже присвистнул.

— Представь себе. Яд редкий, даже такой знаток трав, как Захар Петрович, его не распознал сразу, судя по всему. Но если бы и распознал, не успел бы ничего сделать.

Действует он быстро, а формула противоядия там очень сложная. Травы нужны специальные, и готовить его долго. Так вот, к чему я это тебе сказал. Отравил его свой.

— В смысле, «свой»? — уточнил я, хотя ответ уже знал.

— Ведьмак, — пояснил оперативник. — И это не первая его жертва. С начала года Петрович был третьим убитым в Москве ведьмаком. А может, даже и не третьим, а пятым или седьмым, мы обо всем и обо всех знать не можем. Да и то бы не беда, коли только вашего брата и косили. Это внутренние дела, отдел в это не лезет. Но еще и люди гибнут.

Простые люди. И это явно дело ведьмака, причем наверняка того же, что убил трех своих братьев.

— Почему ты так думаешь? — Вот это уже было интересно.

— Как тебе сказать. — Нифонтов отпил чаю. — Если говорить об убитых людях, то ведьмачий ритуал ни с чем не спутаешь, это я тебе со всей ответственностью заявляю. Экспертиза показала, что нож всегда используется один и тот же. И этот же нож фигурирует в убийстве одного из ведьмаков. Вывод — это одно и то же лицо. Причем это лицо быстро слетает с катушек, судя по тому, что творит. Собственно, я, когда узнал, что Захар Петрович в столицу решил наведаться, здорово обрадовался, он многих из своего цеха знал. И еще — из телефонного разговора с ним я понял, что он приезжает в город по тому же поводу, что и нас интересует, вот какая штука. У него свои резоны, надо думать, были, личные, но дело-то одно? Я предложил его встретить на вокзале, хотел обо всем переговорить, обменяться информацией, но он даже слушать меня не стал. И вот результат — он мертв, а мы так ничего и не узнали. Понимаешь, Петрович был человеком сложным, советовать ни с кем не любил, да и нас ни в грош не ставил, все делал по-своему.

— Как вы вообще его хоть на какой-то разговор вывели? — любопытствовал я. — С учетом таких личностных характеристик, это просто чудо.

— Я же тебе говорил, что в том году случилась неприятность, пожаловал к нам один гость из прошлого, — неохотно ответил Николай и потрогал шрам на лице. — Такой ад устроил, вспоминать тошно. Здорово Захар нам тогда помог, меня от смерти спас, а Женьку — так вообще от чего похуже.

Рыжая Евгения тоже помрачнела, видно, на самом деле жуткая история была. Интересно, а что хуже смерти?

— Вот и выходит, что у меня перед ним должок образовался, потому расстались мы хоть и не друзьями, но уж точно не врагами, — продолжил Николай. — Скорее, союзниками. Он же сам позвонил мне перед приездом, это о многом говорит.

— И? — Я понимал, что все сказанное, — прелюдия. И даже догадывался, что последует за ней.

— Сила Захара Петровича — у тебя, — веско сказал Нифонтов. — Есть определенная доля вероятности, что тот, кто его убил, захочет ее заполучить. И тогда он за ней придет к тебе. А я буду его ждать. Мне очень хочется выяснить, кто же это такой. И долг отдать тоже надо.

— А я думал, что для вас такие вещи узнать не проблема. — Мне даже не пришлось изображать удивление. — Вы производите впечатление... Ну...

— Саш, мы простые полицейские, — устало сказал Николай. — Обычные. Не Малдер и Скалли, которые за сорок пять минут раскрывают тайны Вселенной, не люди Икс, не люди в черном. Потому, кстати, и усыпили твою подружку снотворным, подсыпанным в кофе, а не щелкнули палочкой с красной вспышкой. Да, мы занимаемся необычными вещами, но при этом действуем обычными методами. Думаем, анализируем, ищем — все как у всех. И бывает, что найти не можем, как вот сейчас. Сидит этот гад где-то в Москве, и никак на него выйти не получается. Умный он и хитрый. Потому нам нужна помощь. В данном случае — твоя.

— Почему я даже не удивлен? — Мне отчего-то стало смешно. — Естественно, если что-то подобное и должно было произойти, то обязательно со мной.

— Ну-ну-ну, — остановил меня оперативник. — Можешь мне поверить, в моей практике были случаи куда более прискорбные. У тебя хотя бы есть выбор, свобода действия и маневра. А я как-то зарезал женщину, в которую вселилась вторая душа. Она по ночам убивала соседей, даже не подозревая об этом. И лекарства от этого не было никакого. Вообще. Никаких вариантов ее спасения, совершенно. И я ее убил. Единственное хорошо — она в это время спала и даже не поняла, что умерла. Молодая и красивая женщина, могла бы жить да жить. Так что не причитай, твоя судьба — в твоих руках, прости за штамп. Ну да, лучше бы этого вовсе не случилось, но что есть то есть, надо дальше жить.

— Даже попричитать не дадут, — проворчал я, осознавая, что он, по сути, прав. — Так что там с долей вероятности?

— Может, да, может, нет. — Николай снова зевнул. — Я так думаю, что тот, кто Петровичем распорядился, мог ему на «хвост» посадить своего слугу, да тот его стряхнул. Это если тому ведьмаку вообще была нужна сила как таковая. Если нет — то бояться нечего. Если да — все становится только вопросом времени.

— Нужна, — хмуро произнес я.

— Что — «нужна»? — переспросил Николай.

— Нужна ему была сила, — вздохнув, ответил я и начал рассказ о визите мертвеца в мой дом.

— Уже что-то, — потер руки оперативник, дослушав меня. — Все в копилочку. Значит, так, Саша, как мы действуем дальше. Ты по ночам не шляешься, невесть куда не таскаешься и очень, очень внимательно следишь за всем, что вокруг тебя происходит. Если хоть что-то, хоть в мелочи рвет шаблон, сразу звонишь мне. Или вон Женьке, если я недоступен. Еще я тебе телефон Пал Палыча дам, это на совсем крайний случай. Ну а дальше — по ситуации. — Проще говоря — быть мне подсадной уткой, — решил не кокетничать я. — Используете вы меня.

— Именно, — не стал скрывать Николай. — Я врать не буду — все так. Но, решая нашу проблему, ты и свою решаешь, давай уж начистоту. Были бы мы, не были — ты все одно вляпался, тебе не вильнуть. А с нами есть шанс сойти с этой карусели живым. Подобные вещи я от наших продавцов не раз и не два слышал, когда мимо них ходил, в то время как они переговоры с клиентами вели. Классический развод. Им нет дела до моих проблем, они только свои решают. И спасли они меня только по этой причине. Но фактом остается и то, что без них мне свою шкурку сберечь будет куда сложнее. Так что все как с плывущей черепахой и змеей на ее спине, из философской байки. Попробуем сосуществовать. Можно было бы еще повыпендриваться, намекнуть, что мне такой подход к делу не очень нравится, но я не стану этого делать. Разумнее оставить этот аргумент на потом, чтобы в нужный момент можно было сказать: «А я тогда с вами даже не спорил, между прочим». Не думаю, что он для них будет хоть что-то значить, поскольку таких людей я видел, для них главное — результат, остальное — сантименты. И все-таки маленькая рыбка всегда лучше, чем большой таракан. Пусть будет.

Хотя кое-что в клюве унести можно.

— Тогда просьба. — Я решил не скромничать. — Мне бы хотелось получить все материалы про этого ведьмака. Ведь наверняка вы нарыли больше, чем мне сейчас рассказали. И, если возможно, вообще хоть какую-то информацию о ведьмаках — откуда они пошли, чем отличаются от остальных. Если у вас есть такая выкладка, конечно.

— Хорошо, — покладисто согласился Нифонтов. — В понедельник Женька тебе эти документы завезет. То, что можно, что не для служебного пользования. Ты нас тоже правильно пойми.

— Только не на работу, — попросил я его. — Если кто узнает, что мне полицейские какие-то бумаги привозят, то я с «волчьим билетом» вылечу. Обвинят в «сливе» или в чем похуже. Век не отмоюсь.

— Это да, — согласился со мной Николай. — Ну так что, по рукам? Будем сотрудничать?

— Куда деваться, — вздохнул я, и мы пожали друг другу ладони.

— Саш, а у тебя слуга есть? — внезапно спросила Женька. — Ты же ведьмак, пусть пока и декоративный.

— Есть, — улыбнулся я.

— Покажешь в понедельник? — попросила она. — Никогда их не видела.

Я подумал пару секунд, огляделся, а потом взял рюкзак, поставил его на стол и расстегнул молнию.

Оттуда на меня зыркнули бусинки глаз.

— Покажись им, — попросил я Родьку. — Они свои.

— С такими своими чужих не надо, — проворчал он, но высунулся из рюкзака и уставился на Мезенцеву.

— Какой прикольно-ы-ый! — восхитилась рыжая оперативница. — Какая лапочка! Хочешь вкусняшку?

Она отломилась маленький кусочек и протянула его Родьке.

Тот шмыгнул носом, с презрением посмотрел на нее, ловко нагнулся, сгреб лапкой пяток оставшихся в тарелке кондитерских изделий и нырнул обратно в рюкзак.

И молнию изнутри закрыл.

— Суров, — с уважением сказал Нифонтов. — Подходящий тебе слуга достался. Уважаю.

Ну что, по коням? До рассвета всего ничего осталось, светает рано, так что можно ехать.

О как. А что, до того было нельзя отправляться в путь? Или это я уже манией преследования обзавелся?

— Все, я — заводить машину. — Евгения встала и натянула на себя куртку. — А эту красавицу вы сами тащите, я здесь не при делах.

Мы с Николаем посмотрели на мирно сопящую Маринку и дружно вздохнули. Я, правда, громче — до квартиры мне ее, скорее всего, одному потом тащить.

Маринка так и не проснулась до самого дома. Да я и сам, признаться, скоро закемарил, убаюканный быстрой ездой. Евгения вела машину жестко, по-мужски, с самого начала вдавив педаль газа в пол маленькой ногой в светлой кроссовке. Хорошо еще, что трасса была пустая.

Разбудил меня Нифонтов, без особого стеснения потыкав пальцем в мой живот.

— Подъем, Александр, — бодро сказал он и подмигнул, увидев, что я открыл глаза. — Все, путешествие окончено, ты почти дома.

— Даже не верится, — потер глаза я. — Суток не прошло, как я отсюда уехал, а ощущение такое, что из кругосветки вернулся.

— Ну, время не всегда исчисляется часами и минутами, — произнес оперативник. —

Эмоции, которые пережил человек за тот или иной период, — это тоже мерило.

— Коль, ты меня пугаешь, — перекрестилась Мезенцева. — Эк тебя с недосыпа на философию растопырило.

— Да это не я сказал, — отмахнулся от нее Николай. — Мне до таких высказываний еще жить да жить.

— А, понятно. — Евгения лихо крутанула руль, сворачивая на мою улицу. — Из

репертуара Титыча высказывание. Как я сразу не догадалась?

— Из чьего репертуара? — переспросил я.

— Не важно. — Николай протянул мне визитку. — Вот телефоны. Моя карточка у тебя есть, это Женькина. И на обороте, видишь, еще один номер? Это Пал Палыча, о котором я тебе говорил. Но этот телефон — на совсем уж крайний случай, только если до нас не дозвонишься.

— Понял. — Я убрал карточку в карман. — Надеюсь, до крайнего случая дело не дойдет.

Мне лично вообще хотелось бы, чтобы в вашей операции все обошлось без моего участия.

— Это вряд ли, — не стал меня обнадеживать Николай. — Да и вообще — всегда лучше предполагать худшее, в этом случае люди не расслабляются и быстрее реагируют. Вот и ты нюх не теряй, будь всегда настороже. Не забывай втыкать нож в притолоку, не ленись, изучай ведьмачью книгу. Будь готов к тому, что придется защищать свою жизнь, причем не по людским правилам и законам, а по другим, заповедным, покойным.

— Да, о заповедных вопросах. — Я подавил зевок. — Слушай, а ты правда поедешь тех ведьм уничтожать? Ну, что из Лозовки? Вроде как ты им обещал.

— Неплохо бы, — помолчав, ответил Нифонтов. — Но пока — нет. Я же говорил — это те еще твари, их убить сложно. Причем тут есть еще и масса нюансов — природных ведьм лучше всего убивать ночью и тогда, когда они в своем истинном облике. Мало того — желательнее еще и в новолуние. Там вообще дело очень специфичное. Поэтому пока — нет. Но можешь мне поверить — я про них не забуду, уж будь спокоен.

И я ему поверил. Этот не забудет. Не завидую я трем обитательницам Лозовки.

— Приехали. — Мезенцева тормознула у моего подъезда. — Все, Сашка, ты дома. И подружку свою мне тут не вздумай оставить, забирай ее с собой.

— Спасибо вам, — еще раз от всего сердца произнес я. — Если бы не вы...

— Все-все, это мы уже слышали, — похлопала ладонями по рулю Мезенцева. — Не повторяйся.

Я вышел из машины, обошел ее вокруг, открыл дверь и вытащил из салона спящую Маринку. Она что-то пробормотала, когда я закинул ее руку себе на шею, почмокала губами, но глаза не открыла.

— Помочь? — спросил меня Николай.

— Донесу, — пропыхтел я. — На созвоне.

— Бывай, — донеслось из салона, хлопнула, закрываясь, дверь, и внедорожник, обдав меня дымком из выхлопной трубы, резко рванул с места.

— Дизель, — чихнул я и с невысокой скоростью направился к подъездной двери.

— Ой-ла! — воскликнула дворничиха, заметив нас. — Что ты делаешь, зачем ей пить дал!

Она же ребенка ждет от тебе. Нельзя ей пить! Что ты голова свой думал!

— Она... Сама... — пропыхтел я, шаря в кармане в поисках ключей. — Никогда у меня ничего не спрашивает.

— Ты такая же была, Фарида, — от соседнего подъезда меня поддержал муж дворничихи. — Никогда меня не слушала! Зачем сюда приехала беременная? Говорил — дома сиди, денег жди!

— Жена с мужем жить должна, — сдвинула черные брови дворничиха. — Что за жизнь — ты тут, я там?

— Так если приехала, то молчи! — рыкнул дворник. — Говорить много стала, алла! Эта Москва как зараза какая-то, все вы смелый такой становитесь. Если он решил, что его женщине можно немножко вина, — значит, можно. Его женщина, ему решать.

— Спасибо, — поблагодарил я дворника за мужскую солидарность и наконец открыл дверь. — Приятно встретить настоящего единомышленника.

— Куда деваться, э? — сообщил мне дворник. — Если не мы их, то они нас. Много воли взяли, надо их... того!

Чего именно «того», я так и не понял. Да и, если честно, меня сейчас самого «того» можно, ноги не держат.

На последнем издыхании я ввалился в квартиру, допер Маринку до дивана, разул ее, поразмыслил, раздевать ее или нет, и решил, что не стоит. Ну да, можно было бы устроить веселую шутку с небрежно скомканной одеждой на полу и искусственно использованным презервативом, но лень. Точнее, сил нет. Да и потом, кто знает, какой контакт у нее в голове после подобной шутки перемкнет? А главное, ведь потом не докажешь, что это был розыгрыш. Так что на фиг.

Вернувшись в прихожую, я обнаружил, что рюкзак уже расстегнут, а Родька вынимает из него какие-то вещи, вроде вышитых полотенец, маленьких лаптков, подшитых кожей валенок и тому подобных старорусских сувениров. Плюс какие-то узелки, туюски... Как он столько хлама в рюкзак вообще впихнул?

— Слушай, — спросил я у него, — это значит, нож просто взять и воткнуть надо? Без всяких наговоров?

— Старый хозяин так делал, — подтвердил Родька. — Не слышал я, чтобы он заговор каждый раз клал на притолоку или нож. Только тут так, хозяин... может, та притолока давно заговоренная была. Дому нашему лет-то много уже, и не Петрович его строил. И не предыдущий хозяин — тоже. Смекаешь?

— Смекаю, — кивнул я. — Надо было с собой не только нож забирать, но и часть избы перевозить.

Странно, не производил дом ведьмака ощущения древней постройки. Дом как дом, обычный, пригодный для зимнего проживания. Таких по Подмоскovie — пруд пруди. Но и словам Родьки не верить смысла не имело. Хотя и Дарья Семеновна тоже изначально выглядела, как безобидная старушка.

Впрочем — фиг с ним, с домом, пусть выглядит как хочет. Мне в нем не жить. А тут — как будет, так и будет, сделаю как сказано, после поглядим.

Я достал нож и вогнал его в деревянный косяк второй двери, постаравшись сделать это так, чтобы он не слишком бросался в глаза. Учитывая полумрак прихожей, вышло вроде нормально.

Хорошо все-таки, что у меня две двери — первая, металлическая, и вторая, деревянная, старая, которая тут всегда была. Удачно получилось, что говорить. В металл-то фиг чего воткнешь. И ломай голову в этом случае, что делать?

— Бди, — сказал я Родьке. — А я спать.

— Ага, — отозвался тот. — Хозяин, а эта твоя знакомица, она чего, с нами здесь жить будет?

— Нет, — ответил я и поинтересовался: — А ты что, против?

— Против, — немедленно заявил Родька. — Кабы она хозяйственной была, рукастой да ухватистой, тогда ничего. А с этой толку, как от козла молока. Сразу видно — никчема ледащая. И вообще — у нее свой дом есть, чего ты ее туда не отволок?

— Устал очень, — предельно честно ответил ему я. — Да не расстраивайся, выпится — уйдет. Нужны мы ей.

Помахав ему рукой, я добрал до комнаты, подвинул Маринку, которая уже успела раскинуться на диване в форме морской звезды, и бухнулся головой на подушку. И отключился, как телевизор при сработавшем таймере, словно провалился в темноту.

Разбудила меня, как и следовало ожидать, Маринка. Она хлопала меня по щекам, дула в нос и дергала за волосы.

— Изыди, а? — попросил ее я, не открывая глаз. — Какого тебе надо?

— Правды мне надо, — требовательно сказала моя соседка. — Суровой и безжалостной.

— Не вопрос, — пробормотал я. — Телевидение нас зомбирует. Этого достаточно?

— Это все не то. — Маринка зажала мне нос, не давая дышать. — Я хочу большего.

— Если я тебе расскажу больше, то мне придется тебя убить. — Мой гнусавый голос явно звучал крайне забавно. — Так что лучше не надо спрашивать лишнего.

— Смолин, это все было? — отпустила меня Маринка. — Или это был сон?

— Ты сама во что хочешь верить? — спросил я у нее.

— Я? — Судя по всему, подобная мысль в шальную голову моей соседки не приходила. — Не знаю.

— Вот ты определись, а потом спрашивай. — Я наконец открыл глаза и понял, что проспал почти весь день, поскольку по стене комнаты ползли багровые сполохи заката. — Чего шуметь раньше времени? Меня зачем будить было? Мог бы еще спать да спать.

— Саш, кроме шуток — это все действительно имело место? — непривычно жалобно спросила Маринка. — Лес, поляна, эти три... фурии. Я прагматик, я всегда точно знаю, где я была и что со мной происходило, даже когда набухаюсь вусмерть, а тут прямо раздвоение какое-то. Умом понимаю — это все правда, а внутри что-то убеждает, что подобного быть не могло, потому что не могло быть на самом деле. И главное, я же не пугливая домашняя девочка, чтобы подавлять память, говоря себе, что про увиденное лучше забыть. У меня с нервной системой все в порядке.

— Марин, скажи, ты про это писать статью будешь? — поинтересовался я.

— Нет.

— Дальше копать эту тему станешь?

— Нет. — Маринка даже вздрогнула после моего вопроса. Как видно, подобное ей в голову не приходило.

— Так какого лешего тебе надо? — потянувшись, спросил у нее я. — Было, не было — какая разница? Ну есть в мире такое, чего в нем быть не должно, — и что? Мы живы? Здоровы? В привычном для нас мире? Так и радуйся этому. И иди вон, кофе сделай. Чую, без него фиг до конца хмарь в голове развеется. Хуже нет, когда график дня и ночи сбивается, теперь в нормальный ритм полнедели входить буду.

Мне даже странно было, что о подобных вещах приходится говорить именно с этим человеком. Моя соседка сама кому угодно что угодно объяснить могла, а чужое мнение ей всегда было безразлично. А тут — н

а

тебе, бледная и глаза, как у трепетной лани.

— Удивляюсь я тебе, Шурка, — медленно сказала Маринка, вставая с дивана. — Раньше ты другим был.

— Каким? — заинтересовался я.

— Ну, не рохля, конечно, но... — Маринка пошевелила пальцами левой руки. — Не боец, короче. Ты же понимаешь, о чем речь?

— Понимаю, — кивнул я. — А теперь?

— А теперь — диву даюсь. — Она нагнулась ко мне и потрепала по голове. — Откуда что взялось? Ладно, кофе сам себе сваришь, я домой. Меня ждет ванна и, возможно, немного «Бейлиса». Попробую понять, что мне нужно — помнить или забыть.

— Давай-давай, — одобрил ее планы я. — Только в ванне не засни.

Маринка ушла, пребывая в задумчивости, я же закрыл за ней дверь и направился на кухню. Желудок недвусмысленно давал понять, что не худо было бы подумать и о нем. Требование это я счел вполне резонным и открыл дверцу холодильника. Открыл, посмотрел в его белое нутро и печально вздохнул.

Пустота. Ледяная пустыня. Белое безмолвие. Нет, кое-что там, конечно, имелось.

Например, масленка. Тоже, правда, почти пустая, но она же там стояла? Еще — кетчуп в боковом отсеке, что находился в дверце. Три кубика «Магги». Они ровесники холодильника, они там уже много лет лежат, с тех пор, как их мама сюда положила. И еще лет десять пролежат, не меньше.

Печально, хотя и предсказуемо. Я в магазин по субботам хожу и на неделю запасуюсь незамысловатой и легко приготавливаемой снедью. Суббота была вчера, но употребил я ее на другие дела, потому в доме жрать и нечего. Даже пельменей нет.

Хотя это я прибедняюсь и ищу оправдания собственному нежеланию готовить. Есть крупы, есть макароны, есть картофан, наконец. Опять же вон банка тушенки стоит. Запросто можно сварганить пусть и незамысловатое, но вполне вкусное и питательное блюдо. Но так неохота всем этим заниматься, что ужас просто.

Пока мозг осмысливал эту информацию, руки уже делали то, что должно. Они взяли телефон и стали искать в нем номер местной пиццерии.

Ну да, вредно. Зато готовить ничего не надо. В конце-то концов, кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. У меня стресс, у меня была безумная ночь, я вообще мог до этой минуты не дожить. И потом, у меня имеются занятия поважнее, чем картошку чистить, а потом ее варить. У меня в рюкзаке лежит книга, которая, возможно, наконец-то мне даст ответы на многие вопросы.

А в магазин я завтра зайду, после работы. Сегодня — лень. И вообще, ну его на фиг. Вон, темнеть начинает, нет у меня ни малейшей охоты из дома вылезать. Чудно — я даже ребенком темноты не боялся, а теперь, став взрослым дядькой, начал ее опасаться. Но мне по этому поводу не стыдно ни разу, разумная осторожность пока никому не вредила. Это я

раньше не знал, что происходит в темноте, а теперь в курсе. И погружаться дальше в хитросплетения бестиария любимого города не имею ни малейшего желания. Заказав две пиццы и порадовавшись тому факту, что попал на акцию «Закажи две пиццы и получи третью в подарок», я сходил в комнату, достал из рюкзака книгу и вернулся на кухню. Пока везут еду, я ее полистаю.

Если честно, внутри у меня шевелилось опять же совершенно детское чувство. Ну, это когда ты уже точно знаешь, что волшебства нет, но тебе очень хочется верить в то, что, может, это и не так.

Книга вновь поразила меня красотой обложки, точнее — тонкостью работы. Все эти резные переплетения, в которых один узор переходил в другой, — это, конечно, что-то. Резчик, который это сотворил, был мастер исключительный, это безусловно.

Дерево было не таким светлым, каким оно показалось мне тогда в избе. На самом деле оно, скорее, было отполированным до блеска. Оно пахло стариной. Не могу точно описать запах, но это именно он. Чуть терпкий и ни с чем не сравнимый.

А еще меня впечатлила застежка, не дававшая книге раскрыться. Я ее как-то сразу не заметил, а теперь обратил внимание. Массивная, из светлого металла, вроде как даже из серебра. И тоже изукрашенная — то ли узорами, то ли какими-то знаками. Возможно, даже магическими.

В общем, не знаю, что там внутри этого фолианта, еще посмотрим, но само оформление не подкачало. И, как мне думается, оно недешево стоит. В последние годы в моду вошло коллекционирование предметов русской старины, и эта книга явно из такой категории.

Общаясь я как-то с одним знатоком, который у нас в депозитарии свою коллекцию хранит, он мне порассказал и о ценах, и о теневом рынке, на котором продают рукописные книги и допетровские иконы. В общих чертах, разумеется, рассказал, без имен и названий, мы не такие уж близкие знакомцы, но тем не менее общее представление я составил. Вот это произведение искусства наверняка потянет на очень и очень немаленькую сумму.

Но я ее, разумеется, продавать и не подумаю. Жизнь дороже денег.

Я щелкнул застежкой, отметив, какая она тяжеленькая, и перевернул обложку.

Титульного листа в книге не было. То ли он не уцелел, то ли изначально не предполагался, не знаю. Но уже на первой странице я увидел закорючки, явно буквы, из которых складывались слова. Вот только назвать эти буквы хоть сколько-то знакомыми я не мог.

Вроде как наши, но не те, к которым я привык. Откуда-то в голове появилось смутно знакомое слово «глаголица», которое произносила наша учительница по истории еще в школьные времена, но применимо ли оно к тому, на что я сейчас смотрел, сказать затруднительно.

Но одно мне стало предельно ясно — это на самом деле очень, очень старая книга. Я бывал на выставках и видел те же вышеупомянутые рукописные книги десятого — пятнадцатого веков. То, что сейчас лежало передо мной, было откуда-то оттуда, из глубин времени. Достаточно было глянуть на страницы, на чернила, вьедшиеся в них, — и все становилось ясно.

А еще именно в этот момент я окончательно ощутил, что сила, живущая сейчас во мне, — гостья из невероятно дремучего прошлого. И это прошлое запросто может меня сожрать, потому что ему все равно, какой год и век стоит на дворе. Она, эта сила, вне времени. Я просто ее носитель на какой-то, весьма незначительный для нее, срок. И хозяином ей я никогда не стану. Она будет служить, если мне удастся доказать, что я достоин этого. Но именно служить, а не подчиняться.

Забавно, но на секунду мне показалось, что это не мои собственные мысли. Мне будто кто-то начитал их, суровым и даже менторским тоном.

Я тряхнул головой. Занесло меня. Ладно, это все лирика. Что там дальше, в этой книге?

Кстати, странно. Если я не ошибся в оценке времени записей, и при этом каждый из тех, кто владел силой, оставлял свой след в данном рукописном диве, то больно она тонка.

Тонка именно с точки зрения временного отрезка, так-то в ней страниц под восемьсот на глаз. Но все равно, даже если это, к примеру, не десятый, а двенадцатый-тринадцатый века, то записей должно быть немерено. И это еще если не учитывать толщину листов и их потрепанность.

Решив не мудрить, я открыл последнюю страницу книги. Пусто. Чистый лист, немного желтоватый, плотный, не такой замусоленный, как первый. И тот, что перед ним, — такой же. Всего пустых страниц оказалось десять. Последняя же из заполненных была вполне себе читабельной, даже с поправкой на немного неразборчивый почерк. Буквы современные и написанные самой обычной шариковой ручкой. Впрочем, с чего бы Захару Петровичу искать нелегких путей и писать гусиным пером? Или чем там орудовали в Древней Руси? А это именно он и писал.

Я почесал затылок и отметил, что последняя запись датирована концом апреля этого года. Ну, если все предыдущие писцы тоже отмечались здесь пару-тройку раз в год, то тогда объем книги вызывает меньше вопросов. Мне-то думалось, что это нечто вроде дневника, ну там: «Что я сделал за день».

Так, что он там пишет?

«Вновь размышляя о нейтрализации эффекта, вызываемого ведьмачьим зельем безумия, основанным на венец-траве и дурмане, я, кажется, нашел недостающие звенья в ранее опробованном сборе. Полагаю, что этот вариант будет максимально приближен к тому, что ранее изготавливали мои предшественники. Как, однако, тяжело работать с их заметками. Они ведь тогда нашли ответ на этот вопрос, вот только не все я смог понять, поскольку их записи — обрывки мыслей, заметки, чтобы не забыть, но не связные рецепты. Мне не хочется, чтобы тот, кто придет за мной, ломал голову над тем, что уже найдено, потому и записываю все свои изыскания по возможности подробно и понятно. Итак, к сбору, который был мной описан ранее, я добавил дождевую воду, собранную при первой майской грозе (0,35 литра), плоды бересклета большекрылого (4 штуки), яд черной гадюки (2,5 грамма) и корень ивы (45 граммов) и варил это все в медном котле на медленном огне три часа, каждый час читая над ним „Небо и землю“. Цвет и запах получившегося эликсира порадовали, они близки к тому, что я планировал увидеть, и тому, что отражено в заметках Прова, который, как и я, некогда избрал путь зельеварца. Как мне думается, дело в том, что данные компоненты не слишком сочетаются друг с другом. Луг, лес и вода не враги, но и не друзья, именно этот парадокс и может оказать благотворное воздействие на того, кто глотнул вышеуказанного зелья безумия. При оказии нужно непременно этот эликсир проверить. Стефа большая мастерица по части безумия, к ней за зельем то и дело приезжают и из Москвы, и из Смоленска. Может, визнаю, кому оно достанется?»

Бог ты мой, если это подробно и понятно, то что же в тех записях, о которых он упоминает? Не знаю, кем я стану, но только точно не зельеварцем, меня от одного описания компонентов передергивает. Яд гадюки, корень ивы и какой-то бересклет. Бересклет. Я и слова-то такого не знаю.

А дождевая вода, собранная при первой майской грозе? Вообще дичь какая-то... Ну не то чтобы совсем уж дичь, но представить себя бегающим за каплями с кастрюлькой я не мог. Возможно, все иначе, возможно, Захар Петрович просто ведро ставил, когда дождь лил, но мне почему-то это привиделось именно так.

А у ведьм-то дело на широкую ногу поставлено. Торгуют, понимаешь, черной магией налево и направо — и в Москве, и в Смоленске. А может, даже и где подальше. В Конотопе там или в Таганроге. И ведь, поди, без кассового аппарата все, с нарушениями действующего законодательства. Взять да и сдать их налоговикам со всеми потрохами. Я с этими ребятами дело не раз имел и точно знаю, что их ничего не испугает — ни отсутствие дороги, ни лесное капище, ни истинный облик этих теток. Их дело — штраф выписать. Ведьма ты, не ведьма — налоги все равно платить должна. Заплатила — и колдуй спокойно.

Ладно, шутки шутками, а что там дальше? Ага, до этого запись датирована мартом. Ну, как я и полагал.

Полистав книгу, я дошел до того места, где почерк Захара Петровича обрывался и начинался другой, более беглый. Да и не ручкой писал его предшественник, а чем-то вроде химического карандаша, отчего не все буквы были понятны. Почитав его заметки, я понял, что на зелья и эликсиры он не слишком налегал, хотя тоже в них соображал неплохо. Зато ему был близок животный мир. Он общался с волками, совами и прочей живностью.

Причем не только общался, но и обделывал с ними кое-какие делишки. Например, вороны таскали ему некие редкие травы, которыми он рассчитывался за что-то как бы вы думали с кем? Со «старой хрычовкой Дарьей». Надо же. Значит, можно с ними мирно сосуществовать все-таки? И Нифонтов про какой-то договор говорил.

Может, если сила приживется, и я с ними поладить смогу? Выражаясь словами все того же сотрудника отдела 15-К, заключу «вооруженный нейтралитет»? Зачем он мне, понятия не имею, но лучше это знать, чем не знать. Поди догадайся, что мне теперь понадобится в дальнейшем.

Интересно, за что такое он Дарье Семеновне платил? Не за то ли самое? Брр... Отчаюга тогда был этот... Как его... Алексей. Просто Алексей. Кроме упоминания имени, я про владельца химического карандаша ничего не нашел. Да, если честно, не так он и много записей оставил. Куда меньше, чем его наследник.

Чем глубже я продвигался от конца книги к ее началу, тем желтее становились листы, химический карандаш сменила перьевая ручка, а через какое-то количество страниц и она пропала, уступив место простому перу. На самом деле это все меня крайне увлекло. Я практически не вчитывался в текст, так, выхватывал какие-то фразы. Куда интересней было

смотреть на почерк тех, кто жил до меня. У кого-то он был убористый, быстрый, явно этот ведьмак все время куда-то спешил, иначе зачем столько сокращений и даже кляксы? А вот наоборот — буква к буквке, с завиточками, текст как будто напечатан. Был этот Митрофан, Евстигнеев сын, как видно, аккуратистом и занудой. Вон, по полстраницы исписывал за один присест и все — со словесными оборотами. «Тако же пробовал я приманить птицу, рекомую „витар“, дабы обрести пять-семь ее перьев, кои потребны мне для ранее указанного дела. Но птица та хоть и отозвалась на мой зов, в руки так и не далась. Стрелять же ее я не стал, дабы не гневить лесного хозяина».

И все это — с ятями и ижицами.

А вообще молодец этот Митрофан, Евстигнеев сын, настоящий защитник живой природы. «Гринпис» бы его одобрил.

Но снова вопросы, вопросы, вопросы. Что за птица «витар»? Что у нее за перья такие? Может, они так павлина называли в старые времена? Хотя откуда под Можайском павлин? Это сейчас там ближе Подмосковье, а тогда, на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, глушь была еще та. Помещики, абсолютизм и все такое. А запись, по моим прикидкам, как раз к этому времени и относилась. Нет, может, у помещиков павлины и были, но в обычном лесу?

Надо тащить сюда нетбук и сидеть в обнимку с ним. Дальше-то хлеще будет наверняка. А потом и вовсе непролазные дебри начнутся.

Кстати. Я читал, что есть такие программы, которые текст распознают и делают его вполне читаемым. Со всяких мертвых языков, если он трудно различим, и так далее. Надо бы такую программку себе установить и потихоньку наиболее невнятные моменты ей сканировать.

От этих мыслей меня отвлек звонок в дверь, должно быть, пиццу доставили. И это очень хорошо, а то у меня в животе уже гвалт поднялся, кишка кишке стучала по башке от голода. Расплатившись с курьером, я притащил коробки на кухню, чуть ли не пуская слюну от запаха, идущего от них.

— Родька, — разложив коробки на столе и достав из шкафа две тарелки, кликнул я своего слугу. — Иди пиццу есть.

— Чего есть? — послышался голос из комнаты, и в коридоре раздался топоток. — А?

— Вот. — Я открыл первую коробку, в ней была пепперони. — Пицца. Нельзя не соблазниться.

— Это чего такое-то? — Родька вскарабкался на табурет и понюхал ближний к нему кругляш колбасы. — Хозяин, ты это не ешь! Что это вообще за снесь такая? Кто ее готовил? В каком трактире? Ты же не видел этого.

— Кто надо, тот и готовил. — Я зацепил один кусок и с наслаждением откусил от него сразу половину. — Ешь и не нуди.

— А коли тот пекарь, что ее делал, в нее плюнул? — немедленно заявил этот мохнатый негодяй.

Невыносимое существо. Вот зачем такое говорить? Я теперь начал думать, что, может, у того, кто ее разогревал, было плохое настроение, и он в нее и вправду плюнул.

Да ну, что за чушь. Главное — вкусно-то как!

— Не буду я это есть, — стоя на табуретке, топнул по ней лапкой Родька. — И ты эту непонятную штуку не харчи, говорю. Коли голоден, давай я кашу сварю. Сорочинская крупа есть, чернослив да изюм я из дому привез. Молока, правда, нет, но это ничего, на воде можно.

— Не хочу кашу, — прочавкал я. — Давай лучше Вавилу Силыча позови в гости. Может, и он с нами поужинает.

— Да он эту срамоту сроду употреблять не станет, — фыркнул мой слуга.

— А ты позови, — потребовал я. — Пусть он сам решит — станет или нет.

Я ведь так и не отблагодарил домового за то, что он мне помог той жуткой ночью, и это неправильно. Любое доброе дело не должно остаться без ответа, этому меня учил личный опыт. Говорят, что раньше добрые дела совершались просто так, по велению души и сердца, но то было давно, как раз в те времена, когда жил Митрофан, Евстигнеев сын. Сейчас с этим сложнее, и любое доброе дело требует адекватного воздаяния помимо слова «спасибо», а именно — услуги, по масштабу аналогичной оказанной тебе. Вот меня в свое время Дианка из кредитного выручила, использовав свои связи в МГТУ и договорившись принять отчет на три минуты позже полученного срока, так я ее через две недели отблагодарил, поддержав на кредитном комитете. И не надо путать, это не «ты мне, я тебе», тут немного другие расклады. Хорошее отношение — оно на то и хорошее, чтобы подкрепляться соответствующими поступками. Например, приглашением на поедание пиццы. Нет, услуга Вавилы Силыча тянула на большее, но ничего другого я ему предложить пока не мог.

Ну а не захочет, так это его дело. В конце концов, мне больше достанется. Обожрись до потери пульса.

Родька спрыгнул с табуретки и, сердито фырча, нырнул в щель у холодильника. Не было его минуты три, а после из этой же щели появились сразу двое — он и наш подъездный.

— Смотри, Вавила Силыч! — возмущенно проорал слуга, обличительно тыча в мою сторону лапой. — Как такое в руки-то брать можно, а?

— Чайник поставь. Хозяин-то всухомятку ест, — невозмутимо приказал ему подъездный. — И говори поменьше, не по чину это тебе. Не твоего ума дело, кто что в пищу употребляет. Он доволен? И ты доволен должен быть. Сказано тебе — ешь, так жуй и не рассуждай. Ты кто есть такой? Забыл?

Родька замолчал, хлопнул глазами и полез на стол, где стоял чайник. Судя по всему, слова подъездного оказали на него воздействие.

— Здравствуй, Александр, — степенно поприветствовал меня Вавила Силыч. — Спасибо, что пригласил. Где заказывал-то пиццу? Не у этих, что в тридцать девятом доме сидят? Не дожидаясь ответа, он влез на табуретку и посмотрел на две еще не открытые коробки.

— «Маэстро», — одобрительно гукнул он. — Эта хорошая, они на начинке не экономят, и тесто славное. «Четыре сыра» есть? Я его... То есть их очень уважаю.

— Добрый вечер, — наконец вставил слово я. — Есть «Четыре сыра». Вон в той, левой.

— Неужто есть станешь, Силыч? — возмутился Родька, сунувший чайник под кран. — Вот это вот?

— Чайник кипятит! — не выдержал я. — Тебе же сказали!

— Верно тебе хозяин говорит, — поддержал меня Вавила Силыч, цапнув кусок желтой, как солнце, пиццы. — Я, Александр, снесь эту итальяскую с чайком уважаю. Со сладким.

— Что творится на свете! — как бы себе под нос сказал Родька, но усугублять свое положение не стал.

Мы съели еще по несколько кусков, в тишине, как и положено степенным людям. Разговор хорош, когда голод заморен, до того он ни к чему.

— Стало быть, достал книгу и нож? — первым нарушил тишину Вавила Силыч, к тому времени ополовинивший свою коробку. — Причем нож сразу в дело пустил. Молодец.

— Видели уже его? — уточнил я.

— Нет, — покачал головой подъездный. — Почуял. Такой предмет в своем доме не распознать — это кем надо быть? Да и не я один, между прочим.

— Что «не вы один»? — уточнил я.

— Учужал, — усмехнулся подъездный. — Тут кое-кто у твоих дверей надумал ошиваться, черный, с хвостом. Только этот кое-кто к ней подошел — и его как ветром сдуло.

— Кошак! — даже перестал жевать я. — Тот самый?

— Он, — подтвердил подъездный. — Проскочил как-то, пакость такая. Но все, можешь не беспокоиться, ни он, ни его хозяйка сюда больше не сунутся. Они себе не враги.

— Хоть что-то, — обрадовался я.

— А с этим делом поосторожней будь. — Вавила Силыч цапнул еще один кусок пиццы и с уважением посмотрел на фолиант, который я сдвинул на край стола, чтобы, не дай бог, не заляпать. Почему-то мне показалось, что книге это не понравится. Я знаю, что она неодушевленный предмет, но тем не менее. — Те, кто эту книгу писал, знали, о чем говорят. У них опыт был и память предков. У тебя — ни того, ни другого. Сделать ты, может, что и сможешь, а вот в обратную сторону развернуть то, что сотворил, — это вряд ли. Понимаешь, о чем я говорю?

— Вроде как. — Я кивнул. — Да оно мне и не надо пока. Не дурак, понимаю, что сначала надо азы выучить.

— Понять, Александр, — покачал головой подъездный. — Не выучить. Понять. И принять. Тут одной памятью не обойдешься, кое-что посерьезней надо. Эх, тебе бы наставника хорошего.

Я доел очередной кусок пиццы и вздохнул.

Прав он. Во всем прав. Только от правоты его совсем уж тошно становится.

— Не печалься. — Вавила Силыч верно расценил мое состояние. — Перемелется — мука будет.

Он посмотрел на Родьку, который притулился в углу, у батареи.

— Эй, мохнатый! — гаркнул он, подмигнув мне. — Еще раз говорю — попробуй. А то скоро мы все съедем, голодным спать пойдешь.

— Только если за компанию, — независимо буркнул мой слуга и поспешил к столу.

Самое забавное — после всех этих забубенных выходных я в понедельник спокойно отправился на работу. Нет, на самом деле забавного ничего тут нет, мы все где-то служим так или иначе, жить на что-то надо, правда? Просто я поразился тому, насколько легко моя психика приспособилась к данной ситуации, отделив одно от другого. Сами посудите — сутки назад я стоял, сжимая колдовской нож в руках на темной лесной поляне, а надо мной парили три исчадия тьмы, собираясь вырвать сердце. И возможно, его даже сожрать. А сегодня я как ни в чем не бывало сижу за компьютером и просматриваю пятничные платежи, отыскивая в них признаки сомнительности.

Вот как это? Может, я моральный урод, лишенный нормальных человеческих инстинктов? Или наоборот — может, я всегда подсознательно был готов стать кем-то вроде Человека-паука? А что? Он тоже днем был среднестатистическим офисным планктоном, а по ночам в латексном костюме по городу бегал. Хотя нет, им я быть не хочу. Мне в трико по крышам скакать неохота. Это у них, за океаном подобное считается привычным явлением, у них даже бородатые женщины в норме вещей. А у нас если техник-смотритель на чердаке тебя в таком виде прихватит, то своим ящиком для инструментов до смерти забить может. Ладно, шутки шутками, но не мог же я за неделю настолько измениться? Ну да, я, как и все остальные современные люди, готов ко всему, от цунами до наступления Золотого века, но не настолько же?

Я так и эдак размышлял над этой темой какое-то время, а потом просто выбросил ее из головы. Оно вообще мне надо? Ну вот так у меня психика устроена, не склонен я к излишней экзальтации. Меня пара друзей в свое время «бесчувственным» называли и, похоже, были правы.

А может, дело в том, что все, с чем я столкнулся, было не таким уж и непривычным. Сами посудите — явись передо мной Баба-яга — костяная нога или там Кощей Бессмертный в хрестоматийном виде, реакция могла бы быть другой. А так что я увидел? Ведьм, которые смотрят сериалы? Домового, с аппетитом уплетающего пиццу? Призрака, цитирующего Шекспира? Это, скорее, похоже на книгу в жанре городского фэнтези. И чего тут переживать? Ну да, тогда было жутковато, а теперь это кажется вполне нормальным. Вносила свою лепту в адаптацию и книга, которую я теперь добросовестно изучал по вечерам. Она вообще выполняла роль проводника в тот мир, который теперь стал и моим тож. Пусть и против воли, но стал.

К моей великой радости, я обнаружил, что не все мои предшественники оставляли заметки в стиле «Возьми яд трех гадюк и сотвори ядреной мощности зелье», а иногда писали что-то и на отвлеченные темы. Причем зачастую — очень даже полезные.

Например, один из них, судя по ряду признаков, живший где-то на стыке пятнадцатого и шестнадцатого веков, оставил подробное описание свойств ножа, который, кстати, он и выковал. Причем даже с картинками. Что особенно порадовало, там был указан тот самый заговор, который нейтрализовывал его действие и излечивал раны, им нанесенные. Полезная вещь, всегда пригодиться может.

Этот умелец по имени Савва, вообще, похоже, был интересным человеком, из тех, что называют неконформистами. Большинство ведьмаков, насколько я понял из книги, тогда избирали стезю травников или ведунов, общающихся с живой природой. Понятно, что этим дело не ограничивалось, — они, даже будучи травниками, могли и повоевать, и что-то другое учудить, но основная специализация все равно оставалась в приоритете. Оно и ясно — дикость, средневековье, пандемии в ассортименте и все такое. Востребованными были лекари в те времена.

Савва же подался по мастерской части. Он предпочел путь, на который ни до него, ни после него никто не ступал. Он стал кузнецом. Точнее, ковалем, так в книге было написано. В общем, он пытался постичь природу металлов, изучал алхимию и вообще занимался очень интересными вещами. Интересными даже с позиции дня сегодняшнего, отдельно замечу. Кстати, нож был одним из лучших его творений, он и сам так считал. Сковал он его из «железа небесного, в Воль-озере найденного карлами подземными и мной у них вымененага на лалы». Что такое лалы, я так и не понял. Сеть любезно сообщила мне, что это устаревшее название рубинов, но что-то я сомневаюсь в том, что карлы подземные стали бы на них железо небесное менять. Если это гномы, а речь, похоже, о них идет, то они не такие дураки, они-то в металах понимали, если верить книгам и сказкам. Хотя, может, лалов был мешок, а железа небесного — всего ничего?

И еще интересно, а куда потом эти карлы подземные подевались? И существуют ли они сейчас?

Так вот, основой для ножа послужил метеорит, именно им, как я понимаю, и являлось железо небесное. Потом Савва его ковал «три по три ден, да с отдыхом на седмицу, а после же сызнов три по три ден». При этом он закалял его в «кровях пяти гадов, да пяти зверей

диких, да пяти птиц небесных, да пяти слуг человеческих, да пяти дев непорочных, да пяти детей невинных». Последние два пункта, к слову, меня изрядно смутили. Надеюсь, дело там, у Саввы этого, до женоубийства и детоубийства не дошло?

Последующие стадии, увы, для меня так и остались тайной, поскольку во всех этих «аже отправился к ринсу, где слова нужные говорил» и «с того гада очи не отводил» смысл явно имелся, но до конца он мне понятен не был. Знаний не хватало. Причем не только у меня, но и у Интернета — тоже. Никогда бы не подумал, что в Сети не всегда ответы на вопросы можно найти.

Рукоять ножа, как оказалось, сделана вовсе не из дерева, как я думал. Если верить записям, то материалом для нее послужила кость «индрика-зверя, что на Фавор-горе обитался сорок сороков тому как». Вот так. Я потом ее на зуб попробовал. И правда, не дерево.

Еще в рукояти обнаружилась совсем тоненькая золотая полоска, прямо у гарды. Ее так сразу не разглядеть было, если бы не записи, то и вовсе я бы ее не заметил. Как оказалось, эта полоска раньше кольцом была. Савва так и написал в книге: «...то кольцо великого князя, что славен был в теи старые дни. Память его силу клинка укрепить призвана». Что за князь, интересно, который в старые для ведьмака дни жил? Сначала я подумал, что речь идет о Владимире, том, который Красно Солнышко. Он же вроде Русь крестил, так что в канву это укладывается. А потом сообразил, что он ведьмакам точно не друг, их существование христианским канонам противоречит. Даже сейчас, а в те века — так и вовсе. Тогда, после крещения, по первости ведьм да ведьмаков жгли так, что только в путь, я про это читал. Так что вряд ли речь о нем. Что до других князей — их, как выяснилось, столько было, что я плюнул на эту загадку. Гадай не гадай, правду все одно не узнаешь. Но главное, что результата Савва добился — нож получился правильный, для защиты ведьмаков идеальный, что я и сам могу подтвердить. Усатый Феофил его только учуял и сразу свалил, поджав хвост. То есть работает он как часы.

Кстати, после завершения ножа Савва замахнулся на ковку меча, который должен был стать венцом его карьеры ведьмака-ковалея, но изготовить его не успел. Насколько я понял из заметок, Савва скорострительно скончался, и случилось это далеко не от старости. Точной причины его смерти не называлось, но сдаётся мне, что ничего хорошего не произошло.

Еще одна интересная деталь — нож-то ковать Савва взялся не просто так. Был до того другой клинок, который переходил из рук в руки со старых времен, да похитила его «зловредная Дара-чародейка, что козни беспрестанно и людям, и нелюдям строит».

И я догадываюсь, кто эта Дара такая. Тогда — Дара, теперь — Дарья. Это имя то и дело появлялось на желтых листах книги. Ошибся Нифонтов, этой чертовке не триста лет, а куда больше. Надо его предупредить будет, а то ведь может получиться и так, что это не он ее, а она его оприходует. Если верить записям, тетка-то реально лютая. В начале семнадцатого века жители какого-то Всполья чем-то ее обидели, так она на них «мор черной, гнойный» напустила, и все, через несколько месяцев не стало этого населенного пункта. Точнее, пункт остался, а населения в нем не имелось больше. Хотя, может, и саму деревню спалили, тогда к поветриям относились серьезно, обстоятельно.

Интересно, такое сосуществование бок о бок моих предшественников и этой ведьмы — случайность или преднамеренность? И надо ли мне продолжать эту добрую традицию? Не хотелось бы. Не то чтобы я сильно боялся Дарью свет Семеновну, хотя и не без того.

Просто хорошо осознавал, что мы с ней пока не просто в разных категориях, это как-то по-другому называется.

В общем, я изучал наследие пращуров основательно и с интересом, даже пометки в блокнотике делал, опять же — закладки в книге время от времени оставлял, чтобы после не искать наиболее полезные моменты. А такие там порой встречались.

Например, меня очень заинтересовали записи, которые оставил после себя некий Митрий, который, к слову, как раз и наследовал Савве. Был он, судя по всему, человеком не склонным к тяжелому труду и фундаментальным исследованиям, зато любящим жизнь во всех ее проявлениях и практично изобретающим способы, как сделать ее наиболее комфортной. Увы, но от него заметок осталось не сильно много, особенно если сравнить с каким-нибудь Митрофаном, Евстигнеевым сыном, который записывал что только можно, но зато все они были дивно хороши.

Повторюсь, был этот Митрий на редкость жизнелюбив. В смысле, знал, как отведенными ему годами жизни пользоваться, особенно применительно к своему новому ведьмачьему статусу, да так, что я ему даже позавидовал. Чего стоит только рецепт «вина дурманного, на бузине настоящего, от коего пакостных последствий утренних не имеется». Или «зелье, от срамной болезни в три дни избавляющее». И далее все в таком духе. Причем он не просто это все записывал, он реально думал о тех, кто шел следом за ним, и предостерегал их от жизненных ошибок. Вот хоть что мне говорите, но фразы вроде: «...и добавь туда коры осинового, дабы в случае, коли девка какой дурной хворобой скорбна, беды на уд себе не

нажить. Тако со мной случалось, не жалаю тебе сей паскудной доуки», — только духовным наследием назвать и можно.

Особенно меня заинтересовали три записи, которые запросто были применимы и ко дню сегодняшнему. Первая — «Подсказка, как клады, сокрытые в земле, отыскать». Вторая — «Как человека в правоте своей убедить на короткий срок». Ну а третья — «Зелье любовное, скорое да быстрое». Как выяснилось, скорое — это значит, действующее почти моментально. А быстрое — в смысле короткого действия, не долгоиграющее, не пожизненный любовный приворот. Вроде как шампанское — пошумело в голове недолго, да и испарилось, только изжогу оставило. Причем Митрий особо озаботился вопросом того, «чтобы память у девки в скором времени об оном соитии пропала вовсе, потребно добавить под конец в мису меру истолченного болиголова в смеси с мерой дурман-травы». Каково? Я же говорю — тот еще ловкач этот Митрий был. И практик, поскольку каждый из своих рецептов он неизменно лично испытывал. Иначе откуда бы брались более поздние по сроку вставки под рецептами? Например, под составом того же любовного зелья было приписано: «Перед тем как слово заветное назвать, убедись прежде, что отца да братьев девицы рядом нет. Крепко убедись!» Сразу видно — все на личном опыте проверено.

А самое главное, что Митрий, похоже, никогда не искал трудных путей. Он не использовал в своих снадобьях какие-то неизвестные мне компоненты, вроде достопамятных бересклета или мандрагера. Нет, ничего такого. Даже я знал многое из того, что входило в состав любого из трех заинтересовавших меня рецептов, — и травы, и другие компоненты. Ну, как знал? Про что-то слышал на уроках ботаники в школе, что-то по телевизору видел. А кое-что даже в моем дворе росло, например, рябина у подъезда и тимофеевка луговая — на собачьей площадке.

Врать не стану — сначала у меня и в мыслях не было пробовать что-то из прочитанного воплотить в жизнь. Я просто каждый вечер после работы изучал под крепкий сладкий чай записи давно ушедших из жизни ведьмаков и пытался получить ответы на вопросы, которые сейчас меня волновали больше всего.

А ответов-то особо и не было. Не распространялись мои предшественники о том, как они обуздали полученную силу и как обрели себя в новой жизни. Так, отдельные фразы с размытым содержанием, смысл которых можно было трактовать по-разному. Хотя одно мне стало ясно — наставничество у ведьмаков было в чести. Как видно, чуяли они свой конец и успевали найти подходящего паренька, чтобы подготовить его к тому моменту, когда придет срок отдать ему свою силу. «Как мне рек наставник», «Тот корень мне еще мой наставник показал в годы ученичества», — подобное встречалось часто. А где практические занятия, там и теория. А то и четкое понимание, какая стезя предназначена ученику.

Впрочем, были ведь такие, как я, вот хоть тот же Митрий. Ну не верю я в то, что степенный кузнец и философ Савва долго терпел бы этого пусть даже безмерно талантливого, но очень непутевого и непоседливого юношу. Слишком уж велика пропасть между ними, по записям это отлично видно. Лед и пламень — это как название телешоу: звучит красиво, а в жизни такие люди быстро друг друга поубивают. Значит, что-то там случилось, какая-то осечка, после которой сила попала к Митрию. И он тоже до всего доходил своим умом. Причем смог это сделать. Без Интернета, без минимальных удобств, без поддержки отдела 15-К. Смог найти себя, выжить, покорить силу и вон еще сколько всего полезного изобрести. Что я, хуже?

Нет, объективно говоря, в чем-то, конечно, хуже. Может, по научным знаниям мы и ушли вперед, но зато по части выживания предки нам сто очков форы дадут. Мы дети цивилизации, мы изнежены, мы избалованы комфортом, мы отвыкли от того, что в этой жизни стоит полагаться только на себя. Ну да, мы знаем, как устроен атом и что там в космосе, но есть ли толк от этих знаний где-нибудь в тайге, где вокруг от века — одни деревья, бурелом да комары? Попади в эту тайгу тот же Митрий, он через три дня уже будет с комфортом проживать в шалаше, пить травяной сбор, есть жаренного лося и даже, возможно, раскрутит на интим симпатичную медведицу из соседней берлоги. А я через те же самые три дня буду на последнем издыхании от голода и холода, изойду соплями от простуды, и в результате меня из жалости, чтобы не мучился, сожрет та самая медведица из соседней берлоги.

Понятно дело, что вероятность попадания в тайгу минимальна, но она же есть? Опять же — апокалипсис пока никто не отменял.

В конце концов, я же влип в эту историю? И чуть несколько раз не погиб просто потому, что не знал элементарных вещей, которые наши пращуры впитывали с молоком матери. Да вот хоть бы даже поклонись я лесному хозяину, входя в его владения, и не пришлось бы наматывать по ним круги.

Но мне и в голову не пришло это сделать. Просто потому, что я не знал о его существовании. Мы, дети города, о многом забыли и зря это сделали. То, что мы забыли о них, не означает, что они перестали существовать.

Так вот, сначала я просто читал, но в какой-то момент мне в голову пришла мысль, что неплохо бы попробовать что-то сделать самому. А почему нет? А вдруг это как-то мне поможет нащупать дорожку к силе? Если каждый второй был травником, может, и я тоже такой?

Нет, конечно, все равно ничего у меня не получится, с почти стопроцентной вероятностью. Там же мало с компонентами манипуляции проделать вроде их измельчения, смешивания и термообработки, там надо еще и наговоры читать. Тексты этих наговоров — вон они записаны, но тут же дар нужен, который им силу придаст. А дар, простите уж за каламбур, сила обеспечивает. Та, которую я пока не обуздал.

Так я сам себе говорил, даже верил в эти слова, но мысль уже засела в голове, как заноза в пальце. И свербела, свербела...

Сдался я в пятницу, сказав:

— А почему бы и нет? Надо же с чего-то начинать? Тем более что это даже рекомендуется. Последнее утверждение не было голословным. Речь шла о документах, которые мне завезла в среду вечером рыжая Женья Мезенцева.

Это были ксерокопии, явно надерганные из разных... Не знаю. Дел, скорее всего. Они же полицейские? Хотя кое-что из прочитанного больше напоминало хроники, а не материалы уголовных дел. Впрочем, это и неудивительно, учитывая характер деятельности отдела. Так вот, я внимательно изучил все эти ксерокопированные листочки, которых было не так и много, потратив почти половину четверга. Вложил их в папку с надписью: «Нормативка» и читал себе спокойно. Проверенный метод, всегда работает. Книгу так читать стремно, могут попасть, а вот ксерокопии — запросто.

Половина этих документов была посвящена тому самому таинственному ведьмаку, к которому подбирался Нифонтов со своей рыжей напарницей. Он, похоже, и в самом деле был неприятным типом, по крайней мере, наследил изрядно. Жертвоприношения, несколько мутных дел, связанных с надругательством над могилами, рассказы очевидцев о некоей призрачной фигуре, похищающей детей. Жуть, в общем. Стивен Кинг и сыновья. И я точно теперь уверен в том, что не хочу с ним встречаться в этой жизни.

Вторая часть рассказывала о ведьмаках вообще. О том, что происхождение их туманно, но ходили предания о дружинниках Вещего Олега, которым он передал часть своей силы незадолго до смерти. О том, что свет и тьма слиты в них в одно целое, и потому нельзя заранее сказать, какой дорогой кто из них пойдет после инициации. О вражде с могущественным кланом ведьм в начале второго тысячелетия, после чего было заключено нечто вроде договора о ненападении, который, впрочем, был, скорее, формальным, поскольку обе стороны то и дело его нарушали.

Уж не его ли это колечко в рукояти ножа, не Олега ли Вещего? Если да, то это очень круто. И стоит нож в таком случае денег просто забубенных.

Было там немного информации и о самой инициации (мне, кстати, понравилось это слово). Сила признавала в человеке хозяина тогда, когда он совершал нечто, что ей приходилось по душе, если можно использовать это слово по отношению к бестелесной сущности. То есть она должна была убедиться в том, что человек достоин ее принять. Она смотрела за ним и либо убеждалась в том, что стоит покориться, либо понимала, что это тело бесперспективно, а дальше... Дальше — тишина. То есть вариант «побегаю лет пятьдесят, а потом и ладно» здесь не пройдет. Не будет она столько ждать. Ей это не нужно.

В общем, шевелиться надо. Делать что-то, что приблизит меня к пониманию того, на что я способен. И начинать телодвижения надо уже сейчас, пока поздно не стало.

И начать я решил с самого, на мой взгляд, простого. Попробовать сварганить любовное зелье из арсенала Митрия. Да, собственно, других вариантов у меня особо и не было. Лесов со зверьем поблизости нет, воин из меня никакой, а лекарь — еще хуже, чем воин. Опять же зелье можно делать дома, то есть идти никуда не надо.

Я решил не откладывать дело в долгий ящик. Для приготовления зелья требовалось десятка полтора компонентов, в основном трав, а еще — чашка для растирания, пестик, котел и живой огонь. Про огонь мне, кстати, Родька подсказал. Я запомнил его слова о том, что он прежнему хозяину помогал с растиркой трав и всем таким-прочим, а потому решил сразу заручиться его помощью. Какой-никакой, а эксперт, хоть что-то знает.

Он выслушал меня очень внимательно, попросил прочесть рецепт, потом перечислить травы из списка, после этого сказал:

— Все это у нас дома есть.

— Где? — повертел я головой.

— Да не здесь, — укоризненно произнес Родька и махнул лапкой. — Там, в Лозовке. Дома.

— Не поеду, — сразу смекнул я, куда он клонит. — Даже не проси.

— Тогда не знаю, — насутился мой слуга. — Здесь такого не найдешь. Травы немудрящие, но в городе наверняка не растут. Тут у вас лопуха хорошего не увидишь, не то что хотя бы вон огневки.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — не согласился с ним я. — Ведьма та что-то в парке выкапывала? Значит, растут травы, можно их найти. Ты мне другое скажи, мил-друг. Травы, что для этого рецепта потребны, часом не из тех, что надо в определенный день рвать или там в полнолуние?

— Нет, — уверенно заявил Родька. — Я же говорю — немудрящие. Но пойдти их тут сыщи. Разве что в тот парк сходить?

В парк я, разумеется, не пошел, не хватало только этого. Тем более что мне все равно неизвестно, как эти травы выглядят в живой природе. Я поступил проще. Я направился к компьютеру.

Поисковый запрос, сформулированный как «травы, компоненты для зелий, колдовство», с ходу выдал огромное количество магазинов, которые торговали всем чем угодно для практической магии. Все они как один были оформлены вычурно, в темно-красных тонах, и изобиловали хлесткими слоганами вроде: «Мы сопроводим вас в мир чародейства и волшебства».

Покопавшись в каталогах, я убедился, что все необходимое для зелья, которое я надумал сварить, имеется в наличии в любых количествах, аккуратно расфасованное в пакетики и по невысоким ценам. С последним мне повезло, поскольку иные реагенты были куда как недешевы. Для сравнения, приснопамятный мандрагир, который здесь назывался «корень мандрагоры», стоил очень и очень дорого, сто граммов этой красоты обошлись бы в пятизначную сумму.

И все бы ничего, вот только брало меня сомнение — а точно ли те самые травы окажутся в заказе? Кто знает, что они в пакетики с ними насыплот? Понятно, что не марихуану, но все равно, как я пойму, огневка это или не огневка? Родька точно отличит, но я же не буду при курьере давать ему пакетики нюхать один за другим?

Впрочем, выбора не было, и я щелчками мышки отправил нужные мне ингредиенты в корзину.

После я занялся выбором емкости для растирания трав и пестика, предназначенного для тех же целей. Родька, который с интересом смотрел на экран, решительно отмел несколько из них и все бубнил о том, что тут медная плошка нужна, вроде той, что в Лозовке осталась.

Медной не было, зато обнаружилась фарфоровая, на которую он наконец согласился.

Я было собрался уже оформить заказ с доставкой на завтра, как Родька с ехидцей произнес:

— А все равно ничего не получится.

— Меньше сарказма в голосе, — посоветовал я ему. — Почему не получится?

— Огонь, — важно произнес он. — Такие вещи готовят на живом огне. А у тебя тут эта...

Плита.

И он с отвращением фыркнул.

С плитой у него отношения не сложились. То есть сначала вроде все было нормально, он кое-как освоился с сенсорной варочной панелью, но, на свою мохнатую голову, решил покорить и духовку. Он надумал испечь хлеб, по которому очень скучал. Есть тот, что я приносил из магазина, он отказывался наотрез.

Уточнив у Вавилы Силыча, как работает «эта штука», он замесил тесто, где-то на антресолях отыскал форму для выпечки, как видно, оставшуюся от Светки, и раскошегарил духовку.

И все бы ничего, но вот только он не учел одного. Ее со времен развода никто не включал, она использовалась исключительно как место хранения сковородок, причем иногда, к моему стыду, даже толком не вымытых. Понятное дело, что духовка внутри изрядно засалилась и, соответственно, как только нагрелась, то тут же оттуда повалил редкостно вонючий чад.

Родьку это все напугало чрезвычайно, он заверещал «По-жа-а-ар!» и опрометью бросился в комнату, спасать добро. Причем, что меня после очень тронуло, мое. А именно — деньги, документы и фотографию родителей. И ведьмачью книгу.

Услышав вопли Родьки и учуяв гарь, к нам в квартиру немедленно заявился подъездный, разобрался в происходящем, выключил духовку и открыл окна. После он надрал уши моему слуге и пообещал все рассказать мне, как только я вернусь с работы домой. Мы вообще с

Вавилой Силычем сошлись накоротке и теперь каждый вечер, после того как дом засыпал, а я заканчивал чтение книги, гоняли чай под баранки с маком, беседуя о разном-всяком. Мне он нравился как собеседник. Был он рассудителен и всеведущ, как и положено бывалому подъездному. А уж сколько он всего мог рассказать про жильцов! Все бабки из нашего подъезда, собранные вместе, столько не знали. Кстати, он мне поведал и о том, что Маринка с последнего времени завела привычку закрывать дверь на все замки и засовы, хотя раньше могла и вовсе забыть ее запереть. Еще в среду она два раза подходила к моей двери, стояла около нее, но так и не нажала кнопку звонка.

Так вот, обещание свое он сдержал, произнес обвинительную речь и тыкая узловатым пальцем в сторону Родьки. Но возмездие не воспоследовало, поскольку этот бедолага залился слезами, которые огромными градинами текли из его круглых глаз. Попутно он забывал и бессвязно бормотал что-то вроде: «Домой хочу! Домо-о-ой хочу-у-у! Бедный, я несчастный!!! Пропаду я в вашем окаянном городе!»

Выглядело это до невозможности жалостливо, и в результате вместо того, чтобы Родьку наказать, я отпаивал его газировкой. Газировку Родька уважал и выпить ее мог очень много. Это было единственное, что его устроило в современном мире.

— Огонь, говоришь, — задумчиво сказал я. — Живой. То есть открытый.

— Ну да. Без него никак, — торжествующе сказал он. — И костер тут не подойдет.

Придется домой ехать!

— Да сейчас. — Я щелкнул кнопкой мыши. — Вот. Спиртовки и все такое прочее. Смотри-ка, даже с цифровыми регуляторами силы пламени есть. Однако!

Родька уставился на это все почти что с испугом. Похоже, он был впечатлен.

Доставка магазина не подвела, и уже на завтра, часика в три дня, в дверь позвонил курьер.

Был он самым что ни на есть обычным пареньком в ветровке и бейсболке. Ни тебе затененных глаз, ни тебе черного плаща и заупокойного голоса.

— Все верно? — спросил он у меня после того, как я сверил привезенный товар с накладной. — Все на месте?

— Вроде. — Я взял протянутую мне ручку и поставил закорючку в акте приема-передачи. — Слушай, а тут точно те травы, что указаны?

— Без понятия, — сказал как отрезал курьер. — Я в этот трах-тибидох не верю.

В голосе его послышалось сочувствие, он как бы говорил: «Вроде нормальный человек, а такой ерундой занимаешься».

Мне стало немного неловко.

— Та же фигня, — небрежно бросил я. — Подруга решила в ведьмы податься, посмотрелась всякой ерунды. Вот и заказал ей на день рождения. Пусть развлекается.

— Тогда вообще без разницы — то, не то, — пожал плечами курьер. — Побалуется маленько, да и забросит. Все они одинаковые.

После этих слов сомнения стали еще сильнее, потому, закрыв за курьером дверь, я сразу крикнул:

— Родька, на кухню иди. Будем травки нюхать.

Звучало это странновато, но зато отражало суть процесса.

Как ни удивительно, но в заказе оказалось именно то, что и планировалось. Родька перенюхал все открытые мной пакетики, всякий раз озвучивая именно то название, что было написано на упаковке. Правда, он все равно остался недоволен, высказавшись в том ключе, что травы силу могут обрести только тогда, когда ты их сам собрал, своими руками. А вот эдак запросто взять, да и купить — неправильно. Не по покону.

Зато ему понравилась плошка для растирания трав. Он с удовольствием повертел ее в лапках, обнюхал и даже лизнул своим розовым круглым языком.

— Славная, — сообщил он в итоге. — Наша медная получше, понятное дело, но и эта хороша. Легонькая.

Я смотрел на стол, на котором лежали травы, плошка с пестиком, стояли аптекарские весы и спиртовая горелка, и думал о том, что, наверное, можно и начать великое деяние. Или лучше вечера подождать, для пущей надежности? Вроде у них все такие вещи при луне делаются? А сейчас день на дворе.

— Ну чего, хозяин? — Родька глянул на меня. — Начнем?

— Давай, — решил я, раз уж Родька не против. — Чего тянуть?

Я положил перед собой листок, на который заранее выписал последовательность действий.

— Сначала берем листья росянки и копытень, по одной мере. — Я поместил на чашку весов узловатые кусочки листьев из пакетика с надписью: «Росянка». — Вроде то, что надо, одна мера.

Сколько граммов в мере, я знал, про это было написано в книге, причем сразу в нескольких местах. Одна из записей принадлежала Захару Петровичу, потому сомнений в ее верности не было.

— Вот. — Листья отравились в плоску. — Теперь копытень.

Родька сноровисто ухватил пестик и ловко начал им орудовать, превращая росянку в порошок.

— Это моя работа, — заявил он мне. — Ты, хозяин, свое дело делай, а я свое буду.

Процесс взвешивания трав оказался на удивление увлекательным. Мне вообще нравилось происходящее, то, что я делаю, и та ловкость, с которой Родька превращал компоненты в некую единую бурую смесь. А самое главное — мне теперь на самом деле очень хотелось, чтобы из этого многого разного получилось то одно необычное, во что я еще совсем недавно и поверить не мог.

— Теперь огонь, — заявил Родька, когда все травы оказались в плоске и были растерты. — И вода. Только вода нужна чистая, лучше всего — ключевая.

— Про это тут не написано, — заметил я, ткнув пальцем в листок. — В смысле, про качество воды.

— А что про это писать? — изумился мой помощник. — И так ясно — текучая вода нужна, не стоялая.

— Текучая. — Я посмотрел на кран с сомнением. — Ну не знаю.

Текучая-то она оттуда текучая, да вот только примесей в ней столько, что ее саму за зелье принять можно.

Подумав еще немного, я все-таки решил не мудрить и достал из холодильника поллитровку бутилированной воды. Не факт, что и ее не из-под того же самого крана набрали, но все-таки лучше сделаю так.

Вливая ее в котелок, который шел в комплекте со спиртовкой, я подумал еще немного и набрал в большую кастрюлю воды, поставив ее рядом. Мало ли, все-таки открытый огонь, если что, будет чем его залить. Надо соблюдать правила противопожарной безопасности.

Минут через десять вода в котелке забулькала, и Родька сказал:

— Пора сыпать. Только не забудь — размешивать противосолонь, как в бумаге написано. И слова не забудь произнести.

— Помню. — В одну руку я взял плоску, в другую — деревянную лопаточку и начал сыпать смесь в кипящую воду, помешивая ее против часовой стрелки и приговаривая: — Травы в воду, змея под пень, птица в небо, червь в землю, всякому свое место.

Скорее всего, со стороны это смотрелось смешно, если не сказать — дико. Но я почему-то об этом совершенно не думал. Меня окончательно захватил процесс.

— Ждем, — сообщил мне Родька, когда вся смесь оказалась в котелке.

— Может, еще помешать? — спросил я у него, заметив, что часть травы всплыла наверх.

— Там написано, что надо помешивать? — строго спросил у меня он.

— Нет.

— Вот и не лезь, — погрозил мне лапкой мой помощник. — Тут все надо делать по писаному, как заповедано.

Зелье кипело, мы ждали.

Не знаю, о чем думал Родька, я же разрывался между двумя огнями. Привычный прагматизм говорил мне, что все это антинаучно и ничего не выйдет, а надежда шептала, что всякое в жизни бывает.

Минут через сорок на поверхности котелка появился огромный зеленоватый пузырь, и я даже подпрыгнул от неожиданности. Ну да, я верил, что все удастся, но получить подтверждение этому все равно было удивительно. Все шло так, как писал Митрий. Пузырь этот должен набухнуть, впитав в себя чуть ли не всю воду из котелка, а после лопнуть, образовав воронку. В тот момент, пока воронка кружится, надо прочесть наговор, громко и четко. Причем надо успеть это сделать до того, как она рассосется. Если не успеешь, то все, пиши пропало. А если успеешь, то тогда...

Пузырь набухал на глазах, внутри его металась зеленая кипящая вода, смотрелось это завораживающе.

Хлоп — и пузырь взорвался, вода на секунду осела, а после в центре котелка закружился небольшой водоворот, который становился все больше и больше.

— Небо да земля, день да ночь, луна да солнце, к вам обращаюсь, — громко произнес я, глядя в листок, который был у меня в руке. — Пусть дева эта только меня видит, только меня слышит...

Текст был не короткий, но я все-таки успел произнести его до того, как водоворот коснулся стенок котелка и пропал, будто его и не было.

— Александр, ты чего творишь! — из-за холодильника выскочил Вавила Силыч. — А? Тут — да наговоры произносить! Это дом жилой, улучшенной планировки, а не ведьмачья изба!

— Орал громко, да? — извиняющимся тоном произнес я.

— При чем тут это? — Вавила Силыч влез на табурет и уставился на стол. — Ори или шепчи — мне все едино. Я же подъездный, такие вещи не слышу, а чую.

— То есть я на самом деле сумел наложить наговор на зелье? — осознал я сказанное и уставился на Вавилу.

— Выходит, да, — подтвердил подъездный. — Ох ты! А я-то сразу и не смекнул, что к чему. Почуял — да и к тебе. А тут вон оно что!

— Вроде все, — подал голос Родька. — Хозяин, там же написано было, что поверхность станет ровно серебро цветом?

— Ага, — подтвердил я и глянул в бумажку. — Потом она закипит, тут же успокоится, вода посветлеет, и на дно опустятся несколько белых... Там непонятное слово, но чего-то опустится, и оно будет белое. Это и есть наша цель.

Как только я это произнес, гладкая блестящая поверхность получившегося варева на секунду покрылась белой пеной, такой, будто в нее карбид бросили, потом она опала, и я увидел сквозь воду, ставшую прозрачной как слеза, как на дно котелка медленно и плавно опустилось пять белоснежных миниатюрных кристалликов.

Глава 13

Врать не стану — в этот момент я ощутил себя то ли Менделеевым, то ли верховным алхимиком вся Русь. Просто у меня даже в школе на уроках химии, когда на «лабораторных» опыты ставили, сроду ничего не получалось, а тут — на тебе. Это вам не какой-нибудь гидролиз, прости господи, а любовное зелье. По сути, практическая магия. Хотя тут надо оговориться — только с определенной долей вероятности у меня получилось любовное зелье. Со стопроцентной гарантией я этого утверждать не могу. Может, это не оно, может, это вообще какой-нибудь хлорид натрия.

Кристаллики лежали на дне котелка, мы трое смотрели на них.

— Хозяин, доставай, — сказал мне Родька. — Это ты должен сделать. Кто зелье варит, тот его и разливает, так с давних пор заведено. Ну или из котла вынимает. Оно должно запомнить тепло рук создателя, чтобы войти в полную силу.

— Нелогично, — возразил ему я. — Ну тут ладно, тут кристаллы. А если разливать — так тепло рук половник помнит будет, а не зелье. Прямо так и скажи — не хочу лапы в котелок совать. Опасаюсь.

— Кто, я? — вытаращил глаза-пуговицы Родька. — Да я ничего не опасаюсь после этой... И он поглядел на духовку, которую теперь числил в личных врагах.

— Я тоже про такое слышал, — поддержал его Вавила Силыч. — Зелья вообще штука такая, особая. Там много разных условностей. Это тебе не порчу навести, там как раз все просто. А тут — нет.

Да знаю я про это. Прочел уже. Так, кобенюсь из принципа, потому что немного не по себе. Я снова посмотрел на кристаллы, лежащие на дне. Ну что, надо так надо, хотя совать туда руку было и страшновато. По сути, самым простым способом было бы слить воду, да и все. Но про это в рецепте ни слова не было сказано. Напротив, там значилось, что следовало запустить конечность в воду, которая, по утверждению Митрия, будет «холодной, ровно лед по зиме», и достать оттуда результат трудов. Мало того — именно в этот момент, когда кристаллики уже будут в моей руке, но еще не покинут котел, мне надо назвать слово. Митрий присвоил ему название «заветное». Я бы сказал проще — «активатор». Это же слово надо будет произнести, когда потенциальная жертва зелья употребит его внутрь, и именно тогда оно и начнет действовать. Как по мне, очень разумно придумано. В духе нашего времени, хочу заметить. Еще раз подчеркну — этот Митрий был не промах, соображал, что к чему.

Вот говорят иногда по телевизору, что наши предки были... Не то чтобы дикие, но, мол, незамысловатые. Ничего подобного. Все у них было разумно и гармонично, не хуже, чем у нас. Вот хоть бы даже здесь — все по уму. Скормил кристаллик девице-красавице, повертел головой, убедился, что отца и братьев рядом нет, сказал слово — и делай свое дело. А в некоторых моментах они нас вообще уделявали по полной. Например, в вопросах экологии.

Ладно, лирика это все.

Я посмотрел на котел. Поверхность воды была ровной, словно застывшей.

Написано — как лед. А все равно стремно руку туда совать — я сам видел, как только что эта вода кипела и пеной исходила.

Но надо.

Я не стал пихать в котел всю руку сразу, ткнул в воду пальцем и удивленно признал — ну да, это никакой не кипяток. И вправду холоднющая вода-то, как в реке зимой. И еще — она

стала какой-то... Упругой, что ли. И даже немного вязкой. Не подберешь других слов и сравнений.

Опустив руку в котел и преодолевая небольшое ее сопротивление, я нащупал на дне пять кристаллов и сгреб их в горсть. Были они совсем маленькими, размером с пшеничное зерно, и почти невесомыми.

— Слово сказать не забудь, — напомнил мне Родька, глядя на происходящее во все глаза.

— Ага, — ответил я ему, сжал кристаллы посильнее и, вынимая руку из котла, громко произнес: — Сингулярность.

— Эва как, — крикнул Вавила Силыч. — Да ты, Александр, эстет.

Родька глянул сначала на меня, потом на него, как видно, гадая о том, какими именно словами являются «сингулярность» и «эстет» — научными или же матерными?

Странное дело — я вообще-то хотел слово «карнавал» произнести. Откуда вылезла эта сингулярность?

Впрочем, и ладно. Такое я точно случайно не произнесу, только умышленно.

— А как же, — посмотрел я на подъездного и потряс сжатым кулаком, стряхивая капли. — Не без того.

Разжав ладонь, я уставился на пять белоснежных крупинок на ней. Они лежали, касаясь друг друга краями и поблескивая под закатными лучами солнца, бьющими в окно кухни.

— А цель какая у них? — поинтересовался Вавила Силыч, глядя на результат наших с Родькой трудов. — Чего они делают?

— Девочек привораживают, — объяснил ему мой помощник. — Ну, чтобы с ними, значит... И он изобразил похабный жест, которого я от него даже не ожидал.

— Александр! — укоризненно покачал головой Вавила Силыч. — Вот уж не думал, что тебе такое понадобится. Ты ж вроде не дурак и не урод. Неужто без зелья никак не обойдешься уже? Вот они, ваши компьютеры-то!

— Да нет, — пояснил ему Родька. — Это для пушей сговорчивости. Чтобы время не терять.

— Все равно, — неодобрительно проворчал подъездный. — Не дело это. Хотя, если на продажу...

— Вот вас разобрало, — я немного смутился, — не собираюсь я их продавать. Как, собственно, и лично пользоваться. Нет, попробовать пустить их в ход было бы интересно, просто в качестве эксперимента, но лично я не рискну.

Вообще-то мысли об этом у меня вертелись в голове еще в процессе варки, когда мы с Родькой сидели и ждали закипания воды. Несмотря на огромные сомнения в успехе данного предприятия, надежда на то, что результат впоследствии, была. Но вот путей использования этого результата в практических целях я не видел.

— Почему? — удивился Родька. — Что тут такого?

— Ну в первую очередь, я не стану скармливать вот это даже очень мне неприятному человеку, — объяснил я ему. — Получиться что-то получилось, но что именно — мне до конца неизвестно. А если это яд? Что-то где-то чуть-чуть сдвинулось, и вместо женского йохимбе на выходе стрихнин получился. Травану девку — и привет. И ее жалко, и мне невесело. Перспективка-то тогда какая нарисуеться, сам посуди? Прямо как в песне: «И вот опять передо мной параша, вышка, часовой».

— Разумно, — признал Вавила Силыч.

И тут Родька отколол номер — он цапнул у меня с ладони один кристаллик, засунул его в рот, проглотил и на секунду замер. Потом причмокнул и сказал:

— Не яд это, точно. Насчет шур-мур не скажу, но что не яд — ручаюсь.

— О как, — ошарашенно посмотрел на него я. — Скажи, ты в своем уме?

— Что? — Родька повертел головой. — Меня яды не берут вообще. Зато я их чую прекрасно и определить в состоянии, сильный он или нет. Даже состав различить могу, что в него вошло, рассказать. Вот это не яд. С него даже живот не расслабит. Кстати, я потому и хлеб ваш есть не могу. Столько там всего намешано...

— Полезный талант, — признал я. — Не яд, говоришь? Уже проще. Хотя дело не только в этом. Тут еще моральный аспект.

— Прибавляешь в моих глазах, — снова похвалил меня подъездный, поняв, что именно я имею в виду. — Я, если честно, никогда эти зелья приворотные не жаловал. Сколько ни живу, ни разу не видел, чтобы из них чего путное получилось. В чувствах людских только сами люди себе помощники, а все подобное им только мешает. Или того хуже — с пути истинного сбивает.

Ну, тут меня Вавила Силыч переоценил. Я не только нравственность имел в виду, я еще и о соответствующей статье Уголовного кодекса задумался. Все-таки некие признаки насилия тут фигурируют, как ни крути. Правда, не уверен, что хоть один суд всерьез будет рассматривать по существу использование колдовского зелья. А вот квалифицировать его

как психотропный препарат может запросто. Если, конечно, в крови пострадавшей его обнаружит.

Тьфу ты, какая ересь в голову лезет.

Но все равно до жути интересно, работает эта штука или нет? И, что самое паршивое, проверить это можно только опытным путем. В общем, все как у девочки-старшеклассницы — и хочется, и колется, и мама не велит.

Дурака я сваял, надо было попробовать другое зелье сварганить. То, которое для убеждения кого угодно в чем угодно, от него вреда никакого не будет никому. Хотя кто мне мешает его сейчас сделать?

Увы, но не получилось. Как раз в тот момент, когда я дозрел до решения продолжить эксперименты, зазвонил телефон. Это оказалась моя мама, которая в приказном порядке (а по-другому она со мной уже лет десять как не разговаривала, да и не только со мной, а и со всеми остальными — тоже) сообщила, что они с отцом таки собрались съездить на следующей неделе на дачу, потому я позарез нужен им в качестве рабочей силы. У бати прихватило поясницу, и он не в состоянии таскать из «Оби» то, что она наметила купить. Машину вести может, «беленькую» употреблять вечером под борщ — тоже, а рассаду, известь и удобрения таскать — нет. Потому одевайся, сынок, обувайся, сынок, и через пять минут чтобы был у подъезда, бодрый и веселый. И без возражений. Мол, вот женишься, внуком осчастливишь — оставим в покое, а до той поры — извини.

Типичный шантаж, по-другому не назовешь.

В общем, обратно домой я попал только в воскресенье вечером, и мне было уже не до зелий. Покупки и загрузка приобретенного в багажник сменились дорогой к родителям, после перешли в семейный ужин, наутро нашлись другие дела — все как всегда. Правду говорят — только попадая ненадолго в отчий дом, ты вспоминаешь, почему так радовался, когда в свое время оттуда сбежал. Все это здорово, но очень уж утомительно.

Отдельно меня печалило устремление маменьки выбраться на следующей неделе на природу. Точнее, это-то было понятно, иначе чего бы мы тогда по магазинам полдня шастали? Печально было то, что она опять меня с собой надумала прихватить в качестве бесплатной рабочей силы. Ехать жутко неохота, но как тут откажешь? Мама ведь. И по жизни некрасиво так поступать, да и из соображений безопасности — тоже. Но ведь замучает она меня там своими советами и рассуждениями о том, почему я неправильно живу.

За то время, пока меня не было, Родька изрядно потрудился. Раздобыв где-то обрезки досок и отыскав в кладовке пластмассовый короб с инструментами, он сварганил нечто вроде ящика, в котором для каждого из купленных мною ингредиентов нашлось свое место. Выглядела его поделка неказисто, но мне все равно она очень понравилась. Позаботился он и о спиртовке с котлом, надраив их до блеска.

Четыре оставшихся белых кристаллика он положил в пустой пузырек из-под кетонала, который отыскал в аптечке. Пузырек этот был маленький, пузатый, из коричнево-матового стекла. Когда я взял его в руку, встряхнул и увидел, как кристаллики крутнулись в нем вокруг своей оси, то снова почувствовал себя настоящим алхимиком. Или отравителем, в сериалах яды всегда в таких пузырьках бывают.

И сразу же вопрос: зачем я его положил в карман того пиджака, в котором хожу на работу? Вот для чего? Хотя стоит ли играть с самим собой в поддавки? Да, слаб человек. И я слаб. Я говорил себе: «Нет, нет, нет, Сашка, ты не станешь пускать это в ход. Как можно? Это аморально. Это может принести вред человеку». А внутри, где-то там, в душе, очень глубоко, я только того и хотел. Нет-нет, не причинить вред, разумеется. И даже не захомутать какую-нибудь девчулю, в этом как раз ничего такого особенного нет. Девчонки новые, ощущения старые. Возможно, во времена Митрия с этим была серьезная проблема, но в нашем мире все гораздо проще, если у тебя хоть сколько-то подвешен язык. Мне важнее было убедиться, что зелье действительно работает. И работает так, как об этом написано в рецепте. Если действует, значит, можно и нужно двигаться дальше. И для повышения самооценки это будет очень полезно.

Все это вертелось у меня в голове по дороге на работу. Эдакая адская смесь самоуговоров и самоедства. Ну да, возможно, кто-то вот так, запросто, сможет недрогнувшей рукой подмешать какой-нибудь женщине зелья в кружку с кофе. Ну, он герой. Мачо и все такое. Для меня же существуют определенные этические нормы. Одно дело — спойти одногруппницу на вечеринке «Северным сиянием», другое — пустить в ход подобный препарат. Последствия разные. От «ерша» только головная боль, а от этого фиг знает, что может случиться.

Впрочем, это все были отвлеченные размышления идеалистического характера. Работа есть работа, романы там случаются, хоть и нередко, но для сексуальных экспериментов

современный офис подходит только в фильмах с пометкой «для взрослых». Это там есть брутальные директора, секретарши в чулках и проказники-менеджеры обоего пола. Только по жизни — чушь это все. Нет, на Новый год всякое случается, особенно когда все уже «в хлам», но он и бывает раз в году. И то если куда-нибудь на корпоратив не увезут. Хотя последние два года нас куда-то не возят, потому как кризис и режим экономии. А так — какие эксперименты?

Во-первых, везде висят камеры. Ну, может, и не везде, но никто точно не знает, где они есть, а где нет. Силуянов запретил своим бойцам просвещать нас, клерков, об их расположении. Во-вторых, служебные романы не поощряются вообще, по крайней мере явные. Банк не дом свиданий, мы сюда работать приходим, а не личную жизнь устраивать. Нет, они случаются, люди есть люди, но если подобное происходит, то это следует по возможности держать в тайне. Потому как советами замучают и сплетнями — тоже. Опять же не всем чужое счастье глаз радует. Есть и те, кому оно его колет. Бывали неприятные прецеденты, я сам тому свидетель.

Да и отдел по работе с персоналом списывать со счетов не стоит. Все помнят, как Оксану Ожешкину выжили из банка, когда она за Сашку-программиста замуж вышла. Мол, не должны муж и жена в одной организации работать. Даже если в разных отделах. Романова постаралась, зараза такая. Она сама на Сашку заглядывалась, все знали, так что ей этот брак костью в горле встал. А ее начальница Чиненкова всесторонне тогда ей поспособствовала. Ворон ворону глаз не выклюет.

Кстати, Сашка потом тоже недолго проработал и месяца через три свалил в другой банк. Причем, получив документы и расчет, перед самым уходом из здания подарил Романовой «чупа-чупс». На память, надо полагать.

В общем, сидя за столом, я даже сам посмеивался над своими недавними дорожными мыслями. Если это зелье и испытывать, то где-то в другом месте. Не здесь.

Может, в клуб какой сходить?

Монотонная работа и раздумья настолько меня вышибли из реальности, что случилось небывалое — я обед прозевал. На моей памяти подобного вроде как и не было ни разу. Из транса меня вывела Денисенкова. Она потыкала мне пальцем в плечо и тоном, которым обычно говорят со смертельно больными людьми, спросила:

— Саш, все в порядке?

— А? — посмотрел я на нее.

— Просто уже три часа, — пояснила Ленка, глядя на меня своими добрыми карими глазами. — Ты на обед не пошел и в туалет с утра ни разу не ходил. И к операционисткам даже не наведалься ни разу. У тебя все нормально? Может, случилось чего?

— Вроде нет. — Я посмотрел на часы. — Ого, и правда, уже сколько натикало. Пойду пожру.

— Влюбился, — подытожила улыбчивая и высокая Наташка Федотова. — У меня всегда так же бывает. Я в себя уйду — и привет, не дозовешься. Из-за этого как-то муж без ужина даже остался. Котлеты горят, а мне — хоть бы хны. Стою, мечтаю...

— Смолин? Влюбился? — фыркнула Галя Боярская из кредитного отдела, которая за каким-то лешим забрела к нам. — Он на такое не способен. Он эгоист.

— Ты, Галка, иди к себе в отдел и там своих кредитников критикуй, — возмутилась Денисенкова. — Нечего про нашего Смолина гадости говорить. Он, конечно, поганец еще тот, но мы сами его за это нагибать будем. А чужим нечего!

— Правильно-правильно, — поддержала ее Наташка. — Сашка, по крайней мере, зимой брюки в сапоги не заправляет. А ваш Петров так с ноября по март ходит!

Посмотрел я на это, послушал, да и пошел себе на цокольный этаж, где у нас находились служебные помещения.

Этот самый цокольный этаж был просторным, но его львиную долю занимало денежное хранилище, находящееся за семью замками. Причем это не красивый оборот речи, так оно и было на самом деле. Только в большой железной двери, которая закрывала непосредственный вход в хранилище, их имелось четыре, причем два открывались специальными, составными, из двух частей ключами. Плюс кодовый замок, плюс штурвал — круглое колесо с фиксатором. Плюс еще две двери, одна — с электронным ключом, другая, представляющая собой стальную решетку, — с двумя обычными. И это ведь я не все знаю, поскольку формально мне в хранилище делать нечего, не моя это делианка.

Но внутри я все-таки бывал, тогда все, о чем рассказывал, и рассмотрел. Как-то раз меня включили в ревизионную комиссию, когда заведующая кассой в отпуск собралась. По идее, я не лучшая персоналия, но все подходящие люди заняты были, вот меня в коридоре и поймали. Времени было жалко, поскольку занятие это небыстрое, там же не только деньги пересчитывают, но и кучу разной другой ерунды, вроде чековых книжек, бланков векселей и закладных кредитных конвертов. Я было попробовал отвертеться, но, на мою беду, в это

время мимо проходил Волконский, наш зампред. Он укоризненно покачал головой, грустно улыбнулся и сказал, чтобы я не артачился особо. Все-таки одно общее дело делаем. Какое у меня общее дело с кассой, я не знал, но спорить не стал. Опять же нет худа без добра, когда еще на хранилище гляну?

Так вот, как спустишься на цокольный этаж, то слева будет оно, хранилище, а справа — нечто вроде служебных помещений. Площадь мизерная, но там умудрились уместить несколько платяных шкафов, куда мы вешаем зимой свои пуховики, куртки и шубы (в кабинетах их держать запрещено), комнатуху, которую незаслуженно громко называют столовой, два туалета и еще комнату с архивом, которую я никогда открытой не видел. И не только я. Ходят слухи, что там никакого архива и нет, а на самом деле в том кабинете стоят кожаные диваны, огромный бар, в котором самого элитного бухла столько, что хоть залейся, огромный телевизор и даже шест для стриптиза. И открывается эта дверь только в те дни, когда в банк приезжают собственники. Их туда водит предправ, чтобы они ему мозг не выносили вопросом, почему прибыль такая маленькая.

Самое забавное, что я в это почти верю. Я видел наших собственников и на месте предправа поступал бы точно так же. И если понадобится, сам крутился бы на этом шесте, во избежание. Серьезные дядьки. Не бандиты, само собой, такое только в кино бывает, но сразу видно — люди с положением. И неслабым. Чихнут — и нет тебя.

Впрочем, им до меня, слава богу, дела нет. Да и с каких бы радостей? Мы с ними из разных миров. Сие не хорошо и не плохо, просто так оно есть. Каждому свое. Мое вот, например, бутерброды с сыром и ветчиной. Увы, но покупка набора «Домашний травник» пробила небольшую брешь в моем бюджете, потому я решил сегодня воздержаться от бизнес-ланча и прихватил с собой на работу бутеры. Так сказать, хочешь жить на широкую ногу — носи ласты.

Если честно, думал, что внизу уже никого нет, народ обеденные часы соблюдает свято. Но нет, в столовой обнаружилась та самая Романова, которую я как раз недавно вспоминал. Она сидела за столом и лениво ковыряла вилкой какую-то неаппетитную дребедень, в которой угадывались овощи, сыр, орехи и изюм. Причем это все еще было полито резко пахнущим соусом.

— Привет, — сказал я ей и открыл холодильник. — Как сама?

— Регулярно. — Романова наколола на вилку изюминку. — Время от времени.

Я почесал затылок — моих бутеров не наблюдалось. Точно помню, что клал их вот сюда, между пластиковой помятой коробкой-бутербродницей Лешки Ухлина, начальника программистов, на которой написано «Warning! Заправлено термопастой!», и фольговым кругляшом Рыжкова с неизвестным содержанием. Коробка есть, кругляша нет. И моего пакета — тоже нет. Вот что за люди, а? Кто-то сожрал.

Я поворошил просроченные йогурты и разнокалиберные бутербродницы на разных полках. Нет. Даже в морозилке нет. У нас такие шуточки практикуются, так что проверить стоило. Сказочное свинство!

— Судя по лицу, ты остался без обеда, — заметила Романова.

— Редкая пронизательность, — не без сарказма ответил я.

— Но-но, — помахала вилкой она. — Не зарывайся. Я все-таки заместитель начальника отдела.

Вот любит она включать руководителя. Это все знают, за ее спиной над этим смеются, но без особой нужды ее все-таки не подкалывают. Навредить она сама не может, руки короткие, но зато может в нужный момент напеть что-то Чиненковой. А вот та, будучи непосредственно начальником отдела по работе с персоналом, жизнь способна испортить будь здоров как. Например, докопаться до какой-нибудь ерунды, как пьяный до кочерги, и штрафнуть тебя процентов на десять от зарплаты. Бывали уже такие прецеденты.

Я все это знал, но горечь утраты и чувство голода были сильнее инстинкта самосохранения.

— Плохо работаете, товарищ начальник, — обвинительно произнеся. — Развели, понимаешь... Продукты в холодильнике оставить нельзя, им сразу ноги приделывают. Раз вас поставили за персоналом бдить, так бдите.

— Разговорчивый ты какой стал, Смолин. — Романова сузила глаза. — Расслабился после того, как Севастьянов приболел? Ты особо не разгуливайся, он сейчас здоровье поправит маленько и снова за тебя возьмется.

Вот вроде красивая девчонка — глаза голубые, губы пухлые, грудь наличествует. А никто за ней даже спяну не ухлестывает, хоть она и дает понять на корпоративах то одному, то другому из ребят, что не против этого. И мне на двадцатилетии банка тоже глазки строила. Все-таки характер накладывает свой отпечаток на внешность человека. Ауру некую.

— Боюсь-боюсь, — буркнул я, закрывая дверь холодильника. — Прямо вот до дрожи в коленях.

Романова что-то хотела мне сказать, но не успела — зазвонил ее телефон. Она погрозила мне пальцем, поднесла аппарат к уху и вышла из помещения. Слышимость по мобильникам здесь была никакая, это знали все.

Не будь я зол как собака, скорее всего, я бы не сделал то, что сделал. То есть не достал бы пузырек и не бросил один кристалл на кусочек сыра. Сыр этот был вроде брынзы, белым, потому кристалл слился с его цветовой гаммой превосходно, в один миг.

Тут как раз вернулась и Романова.

— Чертов подвал, — сообщила мне она, присаживаясь к столу и кладя на него свой айфон. — Терпеть его не могу.

— Питайся в кабинете, — посоветовал ей я. — Так сказать, вам везде.

— Смолин, мне правда уже интересно стало, с чего ты так осмелел? — Романова подцепила вилок тот самый кусочек сыра. — Раньше тише воды был, а тут прямо как прорвало тебя. Не просветишь? По-дружески, как коллега коллегу?

И она отправила еду в рот.

Вот интересно, мне когда заветное слово говорить надо? Когда пища в желудок упадет или раньше?

Романова жевала, с неподдельным интересом глядя на меня. Она мне сейчас напоминала работника НКВД из псевдоисторических телесериалов. В них эти бравые ребята тоже сначала добродушно говорили с будущими «врагами народа», кушали или курили папироску, а после добросовестно били репрессируемых бедолаг ногами и табуретами. Уж не знаю, сколько в этом правды, но выглядело все именно так.

Тем временем моя собеседница наконец прожевала пищу и с отвращением посмотрела на то, что осталось в тарелке.

— Невкусно, — утвердительно произнес я.

— Гадость редкая, — подтвердила Романова. — Но надо. Мне диетолог это посоветовала. Я в августе на море собираюсь, надо в форму себя привести.

— Море — это хорошо. — Мне оставалось только вздохнуть. — Пальмы, волны и фрукты. Завидую.

— А тебе это только и остается, Смолин, — злорадно сообщила мне Романова. — Отпуска летом тебе не видать, я уж позабочусь. Потому что нечего выпендриваться. Думай, с кем и о чем говоришь.

— Сингулярность, — негромко, но отчетливо произнес я.

Самое забавное, что я и впрямь сейчас был готов ее того... Этого самого. Чтобы ей потом тошно было хоть ненадолго, аккуратно до того момента, пока память не сотрется.

Романова икнула, глядя на меня. Ее зрачки, прямо как в кино, сначала сузились, а потом расшились, фокусируясь, как фотокамера в телефоне.

— Смолин, — грудным голосом, совершенно не похожим на ее обычный, проворковала она. — Сюда иди.

Вот в этот момент я и понял, какую невероятную глупость совершил. Эксперимент, эксперимент. А делать-то теперь чего? Не ставить же ее в самом деле враскорячку к стене? Шутить можно сколько угодно, а сделать это здесь и сейчас — даже не бред. Это по-другому называется. Кончились шутки, короче.

— Свет, ты чего? — спросил у нее я, сам не знаю зачем. И так ведь понятно, «чего».

Романова с силой дернула ворот своей синей блузки, пуговицы застучали по полу, и я увидел вполне симпатичный кружевной бюстгальтер фиолетового цвета.

— Сюда иди, — потребовала она и рывком поднялась со стула.

Лицо ее покраснело, она тяжело дышала, на лбу выступила испарина.

— Эх тебя пробирает, — пробормотал я, отступая к двери.

Она сделала два шага и приперла меня к холодильнику. Ее холодная ладонь легла на мою щеку.

— Саша, — выдохнула она, обдав меня пряным соусным запахом. — Я давно этого хотела.

Мне в голову пришел нелепейший вопрос: хотела именно со мной или хотела вообще? В случае с Романовой второй ответ более правдоподобен.

Ее вторая рука уже дергала мой ремень, выдавая ее не слишком близкое знакомство с данной деталью мужского гардероба. Эдак она его никогда не расстегнет.

Впрочем, мне это и ни к чему.

— Вынужден тебя расстроить. — Я понял, что пришло время линять. — Наши желания не совпадают.

Ее этот аргумент совершенно не смутил, она только сильнее наперла на меня, так, что ручка холодильника начала причинять спине серьезный дискомфорт.

— Ты просто не понимаешь, — просопела она мне в лицо, оставила в покое ремень штанов и уцепилась за галстук. — Нам будет хорошо. Очень хорошо.

— Не уверен, — уже всерьез забеспокоился я, оттолкнул ее, попутно отметив, что грудь у нее, конечно, достойная, и выскочил из столовой.

— Стоять! — в голос взвизгнула она, и я осознал, что она последует за мной, добиваясь своего. Рванет в любую точку банка, включая кабинет предправа, не обращая внимания ни на реакцию окружающих, ни на свой внешний вид. У нее мозги отключились полностью, остались одни инстинкты. Точнее, один инстинкт. Основной, так сказать.

Что же я натворил-то? Какой черт меня под руку толкнул? Теперь и у меня проблем будет выше крыши, и у Романовой. По моей, кстати, милости. Нехорошо получилось.

Лучше бы зелье убеждения сварил. И убедил бы Романову в том, что я молодец.

Выход был только один, и я незамедлительно воспользовался им. Воспользовался и закрылся, щелкнув замком. Все-таки хорошо, что в цоколе места так мало и все рядом. В том числе столовая и туалет.

— Саш-ша! — шумно выдохнула за дверью Романова. — Саш-ша, ты куда? Мы созданы друг для друга, Саша. Мне это нужно здесь и сейчас. Открой!

И она бахнула рукой по двери.

Интересно, какой временной промежуток Митрий вложил в слово «быстрое»? Как скоро ее отпустит? Через десять минут? Через двадцать?

А что, если пограничным условием является именно тот факт, что девушку непременно надо... Э-э-э... Ублажить? Что, если без этого действие зелья не прекратится?

Может, не мудрить, запустить ее сюда и того самого? Здесь камер точно нет.

— Саша, — судя по звуку, она ударилась о дверь всем телом. — Выходи, скотина! Я хочу! Я так хочу! Открой эту паршивую дверь!

Удар за ударом обрушивался на ненадежную преграду, которая отделяла меня от осатаневшей Романовой.

Нет, паршивая это идея — открыть дверь. Вон как ее разобрало. Она мне в порыве страсти, похоже, шею свернуть сможет.

На бумаге все это выглядело незамысловато, а теперь, слыша, что стало с пусть и стервозной, но всегда адекватной Светкой, я начал понимать, что именно заключено в этих зельях, какая мощь и какая сила. И если ими пользоваться бездумно, то есть хороший шанс, что эта сила повернется против тебя.

Удар! Еще удар! Слов я не слышал, из груди Романовой вырывались сип и свист. И что-то вроде рычания.

Я ощущал себя Шариковым из «Места встречи», в момент, когда горбун скребется под дверью и обещает его зубами загрызть. Кстати, не дам гарантию, что у Романовой нет того же в мыслях.

— Свет, ты чего? — послышался голос Вовки Южакова из казначейства, которого по какой-то надобности занесло на цокольный этаж. В нем в равной степени сочетались веселье и обеспокоенность.

Его можно понять. Сами посудите — на его глазах полуголая Романова из отдела по работе с персоналом, трясая грудями, ломится в туалет. Такое ведь не каждый день увидишь, и о подобном потом еще долго можно на неформальных товарищеских пьянках рассказывать. Но при этом явно что-то нездоровое в этом есть. Как я уже говорил, нервные срывы в нашем деле — штука обычная, потому что профессия у нас такая, специфическая, на деньгах же сидим, да еще и на чужих. До дурки никто не доходил, но «психа» люди через одного время от времени дают.

Светка ответила ему длинной нецензурной тирадой и начала долбить в дверь каблучками туфель.

Сквозь град ударов, отдающихся в голове, я услышал щелканье удаляющихся штиблетных подошв. Судя по всему, Вовка сообразил, что дело плохо, и рванул за помощью. Хотя и непонятно пока, за какой именно. Но мне любая сгодится.

Я угадал. Через пару минут у двери, которая начала потрескивать и пошатываться (Светка опять принялась биться в нее всем телом), послышались шаги.

— Светлана, что происходит? — это была Чиненкова. Разумно, кого еще сюда вести? Это и проблема по ее профилю, и ее же заместительница.

Вот только лучше бы она этого не делала, поскольку Романова, снова исключительно в нецензурных выражениях, объяснила ей, что именно происходит, кто сидит в туалете и что она сделает со мной, когда проникнет внутрь кабинки.

— Ты в своем уме? — явно опешив, поинтересовалась у нее Чиненкова.

— На зрочки ее посмотри, — посоветовала ей Немирова, которая, оказывается, тоже пришла вниз. — Это наркотики. Не тяжелые, не пугайся. Скорее всего, какой-то возбудитель, я про подобное слышала, когда еще на госслужбе была.

— И что делать? — впервые за все время работы в этом банке я услышал в голосе стальной Чиненковой растерянность.

— Вязать, — невозмутимо сказала Анна. — Что еще? Ситуация нетипичная, потому и меры надо принимать нестандартные, которые звучат как бред. Вяжем и вон, в хранилище ее, в комнату пересчета, пока в себя не придет. Нарушим, конечно, все что можем, но тут важнее избежать огласки. Не дай бог, про случившееся станет известно всему коллективу. Что ты на меня так смотришь? Если все про это узнают, не на уровне сплетен, а увидят своими глазами, то эта история непременно просочится в Сеть. А оттуда — на новостные сайты. Представь себе заголовки — «Легковозбудимый банк». Или «СКД-банк. Деньги, наркотики, секс».

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сплюнула Чиненкова. — Южаков, руки ее держи.

— Как? — В голосе Вовки было безграничное удивление.

— Крепко, — посоветовала ему Немирова. — Намертво. Люсь, вон ее кофта валяется, ею и свяжем. Надо же, всю разодрала. Дорогая ведь, жалко. Южаков, не дергайся. Ты что, женскую грудь не видел?

— Так она меня ею по роже! — явно совсем уже офигевая, выдавил из себя Вовка.

— Ну и радуйся, — невозмутимо ответила ему Анна. — Все удовольствия тебе на работе перепали сегодня: и скандал, и стриптиз. А если дураком не будешь, так в конце месяца еще и премия может выйти. Давай, к стене ее прижми, чтобы не дергалась. Люсь, стукнись в кассу, пусть откроют, а потом к лестнице иди, мало ли кого сюда принесет. Смолин, выходи, ты нам нужен. Да не бойся, мы ее держим.

И в дверь постучали.

Глава 14

— Точно держите? — спросил я, спешно доставая из кармана пузырек с кристаллами. За годы работы в банке я точно усвоил одно — можно выпутаться из практически любого «головняка», при условии, что тебе никто не сунет под нос прямые доказательства твоей вины. Если имеется на «палевном» документе твоя подпись — ты попал. Наговорил лишнего на камеру или диктофон — опять же попал. Нет ничего подобного — все, никто ничего не докажет, даже если ты на самом деле при делах и это знают все. Свидетели? Ошибаются. Проводка сделана с моего компьютера? Да мало ли кто за него мог сесть. Согласен, имеет место небрежность, нарушение внутреннего распорядка, но не более того. Пароль? А что пароль? Он не только у меня есть, но и у системщиков. Чего сразу я? Нас тут много работает.

Ну да, проблемы все равно могут быть. Например, могут тебя уволить. Но при этом правовыми, конституционными методами навесить на тебя всех собак уже не получится. Правда, до сих пор практикуются и другие методы, скажем так — силовые, но это совсем уж другая история. Впрочем, как правило, они применяются к фигурам покрупнее, чем, например, я.

Тут главное одно — твердо стой на своем. Не знаю, не видел, не я это был. И не вздумай дать слабину. Причем важное условие — не дать ее дважды. Первый раз — еще до того, как этот «головняк» грянул, тогда, когда тебе говорят:

— Дружище, тут бояться нечего. Ну да, эта операция — на грани закона, но она нужна. Не для нас нужна, для банка. Мы ведь тут делаем одно общее дело, правда? Ну и потом — мы тебя всегда прикроем.

Если ты твердо скажешь «нет» в первый раз, то второго, того, что с дознанием, может и не случиться. Важно помнить, что дело, конечно, общее, но ответственность будет только твоя. И когда тебя будут крутить безопасники или менты, то общественность непременно отойдет на второй план, а лично тебе будет очень кисло.

И это касается не только работы в банке. Это применимо к любым жизненным ситуациям. Ну а если ты все-таки был настолько наивен, что поверил чьим-то словам, то не оплошай хотя бы тогда, когда проверяющие или кто-то посерьезнее попытаются тебя раскрутить на откровенность. Улыбайся, делай удивленные глаза и изображай из себя божью корову.

Предъявить им тебе нечего, иначе бы они не вели с тобой эти душевительные беседы, а сразу распластали, как мясник тушу. Это не кинофильм с тонкой шпионской игрой, если у них на руках козыри, они тянуть не станут.

Если же ты совсем глупый и умудрился наследить в виде подписей или чего похуже, мои тебе соболезнования.

Вот потому оставшиеся три кристалла немедленно отправились в унитаз. Были улики — и нет их. Все, теперь никто ничего доказать не сможет. Я не думаю, что дойдет до обыска, но, если вдруг такое случится, мне совершенно ни к чему потом объяснять, что это никакие не

наркотики. Тем более что никто в это и не поверит. Слово уже прозвучало, убедительно и аргументированно, оно было услышано, и обратно Немировой в горло его не затолкаешь. Пузырек я быстренько обтер полый пиджака и отправил в мусорную корзину, стоящую рядом с унитазом. Опять же, теперь докажите, что он мой. Хотя в пустом виде он вообще не доказательство. Здесь у каждого в столе аптечка. Болеутоляющие всех видов, глицин, афобазол — это все наши верные друзья. Куда мы без них...

А вообще, скверно получилось. Очень скверно. Дело даже не в том, что мне теперь в любом случае туго придется, это-то ладно. Прозвучит странно, но мне перед Романовой совестно. Она, понятное дело, стерва та еще, это знают все, включая ее саму. Она этим даже бравирует. Бывало, выпьет на корпоративе и давай орать, что мы все у нее вот тут. И кулачок свой сжатый нам показывает. Мол, держу я вас крепко и, если что, раздавлю. И давит. Бывает, что сама, если речь идет о младшем персонале, бывает, что руками Чиненковой. Штрафы, объяснительные, часовые беседы с запугиванием, после которых не имеющие офисной закалки молоденькие операционистки, случается, заявления на увольнение пишут. Матерых сотрудников такими вещами не проймешь, она это знает и к ним не лезет. А вот новеньких любит попрессовать.

Но даже учитывая это все, чувствовал я себя муторно. Она тварь редкостная, это да. Но я-то не совсем еще дрянь-человек? По крайней мере, мне хочется так думать. Не то чтобы я верил в слова: «Не поступай с людьми так, как ты не хотел бы, чтобы поступили с тобой», — нет. Просто даже если она такая, то это не значит, что надо с ней поступать так, как я только что. И вообще, злоба — плохой советчик, мне это еще мама говорила. И была права.

Ладно, с этим всем потом разберусь, сейчас выкручиваться нужно.

Я сделал лицо поглупее, приоткрыл дверь и опасно высунул в щель голову.

Картина за ней была та еще.

Южаков припер к стене голую по пояс Романову и сейчас старательно отводил глаза в сторону, стараясь не таращиться на ее грудь. Кстати, очень и очень достойную на вид. Бюстгальтер, как видно, сброшенный в порыве страсти, валялся возле двери столовой. И руки у Светки вправду были связаны.

Апокалипсис сегодня, иначе и не скажешь.

Заметив меня, она замычала и дернулась, но уже как-то лениво, дежурно, если можно так сказать. Сдается мне, слабеет действие зелья. Сколько прошло с того момента, как я ей его дал? Минут восемь-десять, где-то так?

— Смолин, я не знала, что ты такой мачо, — вроде бы и в шутку сказала Немирова, но вот только взгляд у нее был такой, что смеяться не хотелось. — Девушки на себе вон, одежду рвут, так тебя хотят.

— И на мне — тоже. — Я поправил галстук, который изрядно скособочился. — Не поверишь — сам поражаюсь своей популярностью.

В это время пропищал магнитный замок хранилища и послышался голос Чиненковой, которая что-то объясняла Катерине, чья смена была сегодня. Кассиры по неделям у нас работают. Посменно, вахтовым методом. Неделю — одна, неделю — другая.

Хорошо еще, что завкассой София Сергеевна в отпуске. Если бы баба Софа (так ее называют в народе) нынче трудилась, то все, какая там тайна. Она бы еще столько дополнительных подробностей наворотила — только держись. Да таких правдивых, что даже я, непосредственный участник событий, сам бы в них поверил.

Катерина — другое дело. Она совершенно лишена как воображения, так и желания с кем-то общаться в принципе. Она из цоколя вообще наверх не вылезает, как с утра запрется в своем хранилище, так только в туалет из него и выходит. Нелюдимая она у нас. Ее так в народе и называют — «дитя подземелья».

— Надо, — донеслось до меня. — Катя, я вообще о чем-то прошу редко, ты же знаешь.

— Не положено, — равнодушно ответила кассир. — Вы же в курсе.

— Под мою ответственность, — раздался голос с лестницы. — Володя, давай, веди эту красавицу в пересчетную. Вы же туда ее хотели определить?

Это был Силуянов. Час от часу не легче.

Значит, все-таки есть тут камеры, в этой части этажа. А говорили, что столовая и туалеты не просматриваются. К кассе-то Романова не подбегала, это точно.

— Туда, — отозвалась Чиненкова. — Вадим Анатольевич, тут что-то непонятное. Аня даже про наркотики упоминала. Я вот думаю...

— Непонятное — это по моей части, — оборвал он ее. — Потому и пришел. Людмила Петровна, давайте решать проблемы последовательно, хорошо? Сначала надо вот эту красавицу изолировать, чтобы лишние слухи на корню пресечь, а потом уже разбираться будем, что тут к чему.

Романова к тому времени совсем уже обмякла, перестала страстно мычать и дергаться, глядя на меня, только глазами хлопала да судорожно сглатывала слюну. Очень это кстати, что ее сейчас в «пересчете» закроют. Как зелье действовать закончит, так у нее память о произошедшем исчезнет вовсе. Во-первых, она забудет странное слово «сингулярность». Силуянов вряд ли разбирается в травничестве, но зато он бывший чекист и слышал о нейролингвистическом программировании. То есть в курсе, что такое слова-активаторы. Кстати, забавно, что-то общее между этими вещами есть. Многовековая пропасть, а смотри-ка ты. И не верь потом в то, что ничего нового под луной не бывает. Во-вторых, наркотики так не действуют. Человек хоть что-то помнить обязан. А она забудет все. Надеюсь, что все.

Ну и ей самой так лучше будет. Странно, но сейчас мне ее совсем жалко почему-то стало. Хотя тут впору себя жалеть. Предъявить мне нечего, но в этом и необходимости особой нет, сор на уровень органов правопорядка из избы так и так выносить не станут. Да что органов — эта история даже до руководства не дойдет. А если и дойдет, то в виде слухов и сплетен, не более того.

А вот меня раскатать в блин на предмет увольнения эта дружная компания может запросто. Кристаллы я сбросил, так что козыря у них не будет, но нет такого руководства средней руки, которое не могло бы создать для сотрудника невыносимые условия существования. Все эти страшилки вроде: «Мы тебя уволим по статье», — действуют только на девочек-припевочек первого года работы, опытный сотрудник лишь похихикает, слушая подобное. Уволить сотрудника по статье — задача хоть и выполнимая, но очень, очень многотрудная. В Трудовом кодексе не такой уж большой список этих самых статей, и если у человека есть хоть пара извилин, он под них не подставится. А моделировать ситуацию искусственно — себе дороже выйдет. Трудовая инспекция сейчас большую силу взяла, одно письмо — и жизни организации не будет, замордуют проверками. Раньше, во времена «дикого» капитализма, говорят, людей вышибали с работы запросто. А теперь — фигушки. Так что с тем, кого хотят уволить, проще договориться. Или, повторюсь, создать такие условия, чтобы он сам сбежал. И речь не про атмосферу нетерпимости в коллективе, а кое о чем похуже. Фиксирование мельчайших нарушений трудовой дисциплины с написанием объяснительных записок по каждому случаю, сваливание на сотрудника всей возможной работы по его отделу, постоянные удары рублем в максимально допустимых пределах — там много инструментов. В таком аду жить долго не получится, даже если ты мазохист и любишь, чтобы тебе было плохо и больно.

Тем временем Силуянов отодвинул Вовку и перехватил у него непонимающе смотрящую по сторонам Романову.

— Пиджак свой дай, — сказал он Южакову. — Сам не догадался ее прикрыть? Хотя о чем я...

Вовка стянул с плеч пиджак и протянул его безопаснику. Тот, придерживая одной рукой еле трепыхающуюся Романову, достал из его нагрудного кармана карточку-пропуск и протянул Южакову, невесело при этом вздохнув, мол, эх, молодежь.

— Забыл, — шаркнул ногой Вовка. — Виноват.

— Ступай отсюда, — велел ему Силуянов. — О том, что видел, — забудь. Сам знаешь, что случится, если пойдут разговоры на эту тему.

— Знаю, — покладисто ответил Южаков. — Не дурак. Так я пошел?

— Сказал же — вали, — буркнул безопасник. — Пиджак потом вон в том шкафу заберешь, перед тем, как домой идти.

Вовка понятиливо кивнул и потопал к лестнице.

— Тоже пойду, — сказал я Силуянову. — Поесть не получилось, так хоть поработаю.

— И не думай даже, — без угрозы, но жестко сказал он мне. — С тобой отдельный разговор будет.

Но стоило же попытаться, правда? Жалко, что не вышло.

Романову отвели в кассу пересчета, и через пару минут у дверей столовой собралась теплая компания — начальник юридического отдела, начальник службы безопасности, начальник отдела по работе с персоналом и я. Однако силы изначально неравны. Их трое — я один.

— К кому пойдём? — деловито спросил Силуянов.

— Ко мне, — тут же сказала Чиненкова. — У Ани вечно народ толчется, у тебя тоже постоянно кто-то шастает. А у меня тихо, спокойно, никто не помешает побеседовать о произошедшем. Смолин, ты идешь с нами.

— Всегда готов, — не стал возражать я. — Хотя и не понимаю, на кой я вам сдался. Ну, сорвало башню у Романовой, бывает. У нас работа вредная, с любым может такое случиться. По поводу огласки можете даже не беспокоиться — ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю.

Чиненкова посмотрела на Силуянова и сделала некое движение бровями, которое можно было расценить как: «Меня устраивает этот вариант».

— Это само собой, — нехорошо улыбнулся безопасник. — Просто как-то странно это все. Так что, мил-дружок, ты все-таки идешь с нами. Да, чуть не забыл.

Силуянов скрылся в той самой кабинке туалета, где я переживал шторм осатаневшей Светланы, и вышел из нее меньше чем через минуту, держа в пальцах пузырек темного стекла. Мой пузырек.

— Лежал в корзине, — сообщил он нам. — Смолин, это ведь твое?

— Не-а, — равнодушно ответил я. — Это ж кетонал. Мне цитрамон привычней. И потом — его купить легче. Что кетонал, что кеторол сейчас в какие-то там списки наркоманские занесли, их не в любой аптеке продадут.

— Ладно, — согласился со мной Силуянов, достал платок, завернул в него пузырек и положил в карман пиджака. Вот змей. За горлышко держал, стенок не касался. Ясно зачем, гадать не приходится. — Ну идем, что ли? Людмила Петровна, ты Катю предупредила о том, чтобы она нас вызвала, когда Романова в себя придет?

— Естественно, — кивнула Чиненкова и направилась к лестнице. За ней двинулись и мы. Народ наверху уже догадался, что внизу что-то произошло, это было заметно по тем взглядам, которыми нас провожали. Хотя как тут не догадаться? Сначала снизу раздавались какие-то крики, которые нельзя было не услышать, потом туда проследовали не последние люди в банке. Поднялся же наверх пока только один Южаков, причем без пиджака.

Понятное дело, что всем теперь жутко интересно, что там случилось, но при этом никто в открытую этого не покажет. Себе дорожке может выйти.

Еще один геморрой на мою задницу. Теперь вопросами замучают, как Пол Пот Кампучию, мой отец так говорит в подобных случаях. Не знаю, кто такой Пол Пот, все никак руки не дойдут посмотреть в Сети, но звучит красиво.

В кабинете Чиненковой Силуянов первым делом взял стул, стоявший у стены, поставил его в центр и сказал:

— Присаживайся, Смолин. И начинай рассказ.

— Хорошо. — Я обвел взглядом присутствующих, улыбнулся и произнес: — Зовусь я Ишмаэль. Несколько лет тому назад...

— Саша, вот зачем этот цирк? — мягко спросила у меня Немирова. — Мы все люди образованные, Мелвилла читали. Ты же понимаешь, что мы хотим от тебя услышать? По лицу Чиненковой я понял, что про Мелвилла она не слышала, хотя кивала вполне убедительно.

— Не понимаю, Анна Сергеевна, — развел руками я. — Правда не понимаю. Вы же сами все видели. Романова с катушек слетела — вот и все, что я могу сказать.

— Все бы ничего, Смолин, да вот только как-то очень она внезапно это сделала. — Силуянов встал напротив меня, опершись задом о стол Чиненковой. — Я в камеру все видел, как раз на цоколь смотрел. Она поговорила по телефону, вошла в столовую, а уже через пару минут бежала за тобой, тряся грудями. Как такое возможно? С ума так не сходят. С него вообще просто так не сходят, тут нужно или врожденное заболевание, или сильное душевное потрясение, или совокупность ряда факторов, вроде алкоголизма и жизненной неустроенности. Ничего подобного за Романовой сроду не водилось, мне ли не знать.

— Ну, душевные потрясения в личное дело не подошьешь, — резонно заметила Чиненкова.

— У Романовой? — Силуянов хохотнул. — Людмила Петровна, окстись. Светка по природе своей людоед. Она людей пережевывает так, что только косточки хрустят. Твоя же школа. Откуда у нее нервному срыву взяться?

— Скажешь тоже, людоед. — Чиненкова поправила прическу и бросила косой взгляд на безопасника. — Просто работу свою делает хорошо. Мы, Вадим, с персоналом работаем, а это не сахар. У всех же гоноры, характер, все умные стали, юридически подкованные.

— Дико извиняюсь, — поднял руку я. — Может, мы со мной закончим и я пойду? Работа стоит.

— Ничего, — отмахнулся Силуянов. — Подождет твоя работа. К платежам ты отношения не имеешь, а остальное все не слишком экстренно. Ань, я ведь все верно сказал?

— Возможно, — отозвалась Немирова. — Я не очень хорошо работу «фронта» знаю. Но ежедневный отчет уже ушел, это точно. Да и не Смолин его отправляет.

Печально. Опять не получилось.

— Вернемся к нашим баранам. — Безопасник заложил большие пальцы рук за ремень. —

Итак, душевная хворь исключается. Что же тогда так взбудоражило Романову? Анна Сергеевна, не повторишь то слово, что ты сказала внизу? На букву «н» которое.

Что за театральность, а? Клоун, а не безопасник. Тарапунька чертов.

— Наркотики, — выполнила его просьбу Немирова. — Я сразу об этом подумала. Но тут не сходится как раз по той причине, что вы назвали, Вадим Анатольевич. Слишком мало времени для того, чтобы они подействовали. Две минуты — это очень немного. Плюс она уже раздета была, то есть по факту и того меньше выходит.

— Ань, ты просто не в курсе, — немного покровительственно сообщил ей Силуянов. — Я еще по конторе помню описания действия некоторых психотропов. Это очень похоже на то, что внизу было.

— Да, но где Смолин такое добыть смог? — резонно заметила Чиненкова. — Он у нас работает, а не там, где вы раньше служили. Это же наверняка закрытые препараты, их в аптеке не купишь. И не в аптеке — тоже.

— Вот-вот, — добавил я. — В ней, как я говорил, кетонол-то не продают. Но даже не это главное.

— А что главное? — живо спросил у меня Силуянов.

— Зачем мне Романовой такое скармливать? — строил линию защиты я. — Ей-то на кой? Все знают, что она и так... Я извиняюсь, конечно, но мы тут все взрослые люди. Так вот — все знают, что к ней ключик интимного характера подобрать несложно. Вот то есть совсем. Только это никому не нужно, потом проблем не оберешься. Про Матвея все помнят.

— Есть такое, — признала Чиненкова, и Немирова тоже согласно кивнула.

История с Матвеем еще до меня случилась. Он работал инкассатором, говорят, был парнем веселым и заводным и как-то раз с Романовой переспал. Ну, подвернулась возможность, Матвей ее и не упустил. А наутро брякнул, мол, было весело, надо как-нибудь повторить. Романову категорически не устроил этот вариант, не хотелось ей быть девочкой на одну ночь, о чем она Матвеем сразу сообщила, но тот только посмеялся. А через месяц уволился, так она его достала своими упреками, угрозами, подставами и интригами.

— Понимаю, если бы такое с Сомовой проделать. — Я мечтательно закатил глаза, причем непритворно. Так на Машу Сомову из казначейства реагировали вообще почти все мужики из нашего банка. Исключительной красоты девушка. И таких же принципов. — К ней не то что на кривой козе не подъедешь, к ней и на «бентли» не подкатишь. Но Романова? Да еще и на работе? Я что, настолько похож на идиота?

Чиненкову мои слова явно убедили, это было видно по ее лицу. Точнее, то, что я сказал, совпало с тем, что она сама думала. Что было на уме у Немировой, фиг знает. Она юрист высшей категории, потому никто не скажет, что именно она думает в настоящий момент. Силуянов же никак не унимался.

— То-то и оно, что не похож, — сказал он, морщась. — Видишь ли, Смолин, я доверяю своей интуиции, а она мне просто-таки орет, что это дело твоих рук. Доказательств нет. Пока нет. Но если они найдутся, то я тебя не просто уволю. Я тебе небо в алмазах устрою. Он встал, прошелся по кабинету и рывкнул:

— Личные вещи на стол. Все! Карманы выворачивай!

— Вадим Анатольевич, перегибаете палку, — негромко сказала Немирова. — И сильно.

— А ничего, — сообщил я присутствующим и встал со стула. — Ничего. Я покажу, что у меня в карманах, пусть его. Я давно привык к тому, что Вадим Анатольевич неровно ко мне дышит, видимо, тут что-то личное.

Последнее можно было и не говорить, но я решил, что кашу маслом не испортишь. И не испортил. Видели бы вы лицо Силуянова, его аж перекосило. Но я же не хамил? Какие тут могут быть претензии?

Естественно, в карманах у меня ничего такого не обнаружилось.

— Все? — кротко спросил я. — Можно идти на рабочее место?

— Пусть идет, — сказал Чиненковой Силуянов. — А мы дождемся, пока Романова в себя придет, послушаем, что она расскажет. И, если что, продолжим с ним беседу.

Ну да. А еще пузырек сдай на экспертизу. Толку от этого, правда, не будет, но ты потешь себя надеждой. Эх, сейчас бы насрать на тебя порчу какую, но нельзя. Да и не факт, что получится. Тогда-то я зол был, а сейчас такого и рядом нет. Ничего, я подожду и через недельку попробую это сделать. Книгу почитаю, может, там написано, как без злобы на человека хворь напустить.

— Иди, — барским жестом отпустила меня Чиненкова. — И помни — ни слова о том, что видел.

Я изобразил жест, будто закрываю рот на замок и выкидываю ключ.

— И я пойду, — встала со стула Немирова. — Думаю, мое присутствие тут необязательно.

К моему удивлению, Силуянов мне на прощанье не сказал ничего голливудского, вроде: «Я слежу за тобой». Старееет, бедолага. Не тот уже стал. А может, расстроился, что меня не прихватил.

Нет, правда, вот чего он ко мне привязался? Понять бы...

Немирова молчала и пока мы шли по коридору, и потом, на лестнице. И только на первом этаже, когда ей надо было свернуть к своему кабинету, она произнесла:

— Знаешь, в чем именно просчитался Силуянов? Где слабое место в его логических выкладках?

— В чем? — заинтересовался я.

— Он думает так, как его учили. Материалистически. — Немирова говорила очень тихо, я еле разбирал ее слова. — Он реалист до мозга костей, как и все служаки, что действующие, что отставные. И он даже допустить не может, что кроме психотропов есть и другие способы принудить человека творить совершенно невозможные для него вещи. Например, заставить женщину раздеться и изображать из себя вакханку.

А ведь она поняла все с самого начала. Поняла — и молчала. Более того — первой произнесла слово «наркотики», за которое ухватились остальные, а после сама разнесла эту теорию в пух и прах. То есть по факту помогла мне. Сознательно помогла.

Вопрос — зачем?

— Саша, я прошу об одном. — Немировой явно тяжело давались эти слова. — Ни я, ни мои сотрудницы... Пусть нас это никак не коснется. Весь банк меня не интересует, но мой отдел — очень. Не надо, хорошо?

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, Анна Сергеевна, но даю вам слово — ни вас, ни ваших девчонок я никогда ничем не обижу. — Мне даже врать не пришлось во второй части фразы. — И вообще не понимаю, с чего вы взяли, что подобное мне в голову придет? Мы друзья.

— Поклянись солнцем мертвых, что не будешь нам вредить, — внезапно потребовала она.

— Чем? — теперь уже совершенно искренне удивился я.

— Саша, это все, о чем я прошу. — Немирова была очень напряжена. — В обмен обещаю — ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Чушь какая-то, — вздохнул я, поднял правую руку и произнес: — Клянусь солнцем мертвых, что не стану вредить ни вам, Анна Сергеевна, ни вашим подчиненным. При условии, разумеется, что и вы с вашими коллегами не станете мне вредить каким-либо образом.

Последнюю фразу я добавил на всякий случай. Мало ли как оно повернется? Надо себе лазейку всегда оставлять.

— Спасибо, — выдохнула она. — Ты правда не знаешь, что такое солнце мертвых?

— Нет. — Я пожал плечами. — Откуда?

Она ничего мне не сказала, только снова вздохнула и пошла к своему кабинету.

Интересно, как и в чем она соприкоснулась с тем миром, который сейчас плотно входит в мою жизнь? Не знаю. Но это столкновение явно ее здорово напугало, если она так реагирует на происходящее. Я раньше об этом только догадывался, а теперь уверен на все сто. Надо будет у Нифонтова спросить, может, он в курсе?

Клятва же, которую я дал, меня вовсе не беспокоила. Я действительно дружу с юристами и не вижу смысла им как-то вредить. Да я вообще никому не собираюсь делать зла. Зачем? Ну, разве на Силуянова какую потешную хворь напущу, если узнаю как. Хорошо бы — венерического характера, чтобы ему жена последние волосы выдрала. А после отругала за то, что он опять со мной связался. Кстати, вот зря он все-таки ее не послушал.

Да и потом — слово не бумага, как его дал, так и обратно взял.

Что приятно — до конца дня меня ни Силуянов, ни Чиненкова больше не побеспокоили.

Выходит, опять Митрий не подвел, ничего связанного им Романова рассказать не смогла, потому что ничего не помнила. А она очухалась, это точно. Мне Федотова рассказала, что видела на перекуре, как ее в машину нашу служебную усаживали, закутанную в какой-то плащ, и при этом Светка убеждала провожающую ее Чиненкову, что чувствует себя вполне нормально.

Впрочем, баланс все равно был соблюден. Безопасность меня не беспокоила, зато плотным кольцом внимания окружили коллеги, которым позарез надо было знать, что же случилось в цоколе. Девочки из моего отдела буравили меня взглядами и грозно сопели. Любопытные Варвары из других подразделений приходили к нам в гости за скрепками, чаем, сахаром и скотчем, а после описывали вокруг меня круги, словно акулы. Исключение составил только юридический отдел. Оттуда так никто и не заявился.

Но я был стоек, как оловянный солдатик. Гроза прошла стороной, но не стоит испытывать терпение громовержца. Лучше помолчу. Спокойней жить буду.

А вообще глупо все вышло, по-дурацки. Сам себе проблему создал, сам ее и решил. В чем выгода? В чем смысл?

Разве только в том, что я выводы правильные из этой истории сделал. Это все совсем не игрушки, и использовать силу, доставшуюся мне, надо только очень хорошо подумав. Еще утром это были только слова вроде тех, что дети говорят мамам перед школой, обещая

вести себя хорошо и совершенно не собираюсь выполнять обещание. У меня же теперь просто слова превратились в точное понимание момента.

И Вавила Силыч такие мои мысли одобрил, когда я вечером ему их изложил. Он, как всегда, заглянул ко мне на чай, у нас это стало традицией.

— Молодец, Александр, — похвалил он меня. — Не тот умный, кто знает много, тот умный, кто из своих ошибок выводы делает. Слышишь, Родион? Бери с хозяина пример. Сколько раз уже воду забывал выключать, а? Счетчик-то крутится, копейки-то позвякивают.

Родька ничего на это не ответил, но было видно, что реплика про копейки его задела. Был он скуповат, я это давно заметил.

— Вавила Силыч, — спросил я у домового, — а что за солнце мертвых такое? И почему им кланутся?

Хотел я в Сети глянуть ответ на этот вопрос, да забыл. И потом — там толкований десяток может быть. Здесь же — первоисточник.

— Неужто не знаешь? — изумился подъездный. — Так вон оно, солнце мертвых, в окно светит.

И он показал на кругляш луны, сияющий над соседним домом.

— Для людей солнце — это все, — продолжил он. — Хлеб насущный, радость, тепло. Их время — день, он для жизни. А ночь — для сна. Люди вообще боятся ночи и темноты, просто это умело скрывают. У нас же все наоборот. Ночь — наше время. Мое, твое, ведьм, упырей, колдунов. Ну и покойников, понятное дело, тех, что лежать спокойно после смерти не желают. И луна — наше светило. Мы под ним родились и под ним живем.

— Так мы не мертвы, — возразил ему я.

— Как посмотреть, — отхлебнул чаю Вавила Силыч. — Начнем с того, что не все мы живые. Упыри, гули или обитатели кладбищ — они давно померли. Что до остальных... В нас не верят. Нас нет. Мы персонажи книг и фильмов, то есть по сути мы все-таки мертвы. Тот, в кого не верят, — не жив. Его все равно что нет.

— Резонно, — согласился с ним я.

— Что до клятвы — тут все серьезно, — посуровел подъездный. — Коли луну привлек в свидетели, не нарушай данного тобой обещания. Я слышал про тех, кто не сдержал слово, порукой которому было солнце мертвых. Они умерли очень скверно. И если тебя интересует мое мнение, такую клятву лучше вовсе не давать. Себе дороже может выйти.

— И снова согласен. — Я подлил подъездному в чашку кипятку. — Теперь десять раз подумаю, прежде чем брать луну в свидетели.

— А что, хозяин, — подал голос Родька, — теперь все, мы зелья варить не станем?

Я не стал скрывать от них того, что случилось сегодня днем. Уж кто-кто, а они-то никому ничего не расскажут. Некому просто.

— С чего бы? — Я даже как-то обиделся. — Наоборот, у меня интерес прорезался. Просто мы с тобой больше не станем делать зелья, которые на людях надо испытывать. Мы с тобой другим займемся.

— Чем? — обрадовался Родька. — Чем другим?

Я сходил в прихожую и принес свой «Самсонайт», из которого достал несколько гвоздей-«соток», которые купил в хозяйственном магазине по дороге домой.

— С детства клад мечтаю найти, — сказал я своим собеседникам. — Так что этим рецептом и займемся со среды. Травы я уже заказал, завтра их привезут, авось к субботе чего и получится. Я к родителям на дачу собрался, там испытания проведу. В городе фиг чего найдешь, а там — кто знает?

— Клады, говоришь? — Вавила Силыч с сомнением покачал головой. — Ну-ну.

Глава 15

Ради правды следует сказать, что с гвоздем, который, по рецепту Митрия, должен был служить инструментом для поиска кладов, мне пришлось изрядно помучиться. Если верить русской народной пословице, то первый блин всегда выходит комом. У меня все получилось ровно наоборот. Приворотное зелье я сделал запросто, с первого захода, а вот этот гвоздь... Ну никак он не хотел приобретать необходимые свойства. И еще неизвестно, приобрел-таки или нет. Визуально — да, к пятнице мы с Родькой наконец добились того, что результат наконец-то совпал с описанием, данным в книге, но что по сути — тут фиг знает.

Если верить записям, верхняя половина этого самого гвоздя должна была стать серебряной, а нижняя, та, что острее, — золотой. Не в прямом смысле, разумеется, а окраситься в эти

цвета. Ну, оно и понятно. Если бы Митрий нашел способ железо в золото или серебро превращать, то ему бы смысла не было клады искать, ему бы и так хорошо было. И мне сейчас — тоже. Можно было бы на работу не ходить.

Так вот — десяток гвоздей мы загубили, прежде чем из мутной жижи явился на свет практически эталонный экземпляр, двухцветный, как карандаш. Все, как и было написано, — шляпка и то, что под ней, — светлое, а низ — блекло-желтый.

У меня прямо птицы в душе запели. Я, если честно, уже начал подумывать плюнуть на это дело, особенно после того, как один из гвоздей превратился в ржавчину прямо у меня в руке. Чем я потом весь вечер ее только ни тер — и мылом, и пемзой, и даже кухонными моющими средствами — все без толку. Она въелась в кожу намертво, и только к сегоднешнему дню начала сходиться. Жутко дискомфортная история вышла, и на работе девчонки на мою руку нехорошо косились.

— Красиво. — Родька даже причмокнул, глядя на результат наших трудов.

— Что да, то да. — Я повертел гвоздь в руках. — Но не это главное. Вопрос в другом — он работает или нет?

Если верить все тому же Митрию, технология использования этого гвоздя была проста. Надо было зажать его в ладони и неторопливо ходить по тем местам, которые ты считал перспективными в плане поисков сокрытых в земле сокровищ. Если гвоздь дернется в руке верхним концом, тем, где шляпка, — серебро где-то рядом. Если острием — золото. Чем ближе к кладу, тем сильнее он будет шебаршиться в руке. Найдя точку наибольшей активности, подбрасываешь его вверх, сказав при этом: «Небо да земля, укажите, где казна». Где гвоздь в землю воткнется, там и копай. В общем, эдакий старорусский примитивный металлоискатель.

Подумав маленько, я сбегал в комнату и взял из шкафа свое обручальное кольцо. После развода я выбрасывать его не стал, рассудив, что это не слишком разумно. Может, я в старости из него себе зуб золотой сделаю.

Положив кольцо на стол, я зажал в руке гвоздь и вытянул ее вперед.

Никакого эффекта.

— Так оно в земле не укрыто, — резонно заметил Родька. — Стало быть, не клад.

— Разумно, — согласился с ним я и подошел к подоконнику, на котором у меня стоял горшок с денежным деревом. Оно у меня от Светки осталось. Была еще герань, но она оочурилась от хронического неполива, забывал я за растениями ухаживать. Не из вредности, просто по жизни. Так вот, герань сдохла, а денежное дерево выжило. Крепкое оказалось, волевое.

Я прикопал кольцо в земле и повторил эксперимент. Результат тот же — ничего.

— Дурака валяете, — послышался голос Вавилы Сильча откуда-то сверху, судя по всему — из вентиляционной шахты. — Александр, это же твое кольцо. Стало быть, хоть куда его суй, оно кладом для тебя не станет. Клад — это чужое, которое ты хочешь сделать своим. Вот ежели ты это кольцо зароешь, а гвоздь кому другому отдашь, то он его, может, и найдет.

Я сел на табуретку и задумался. Верно сказано. Значит, только полевые испытания могут дать тот или иной результат.

— Послушай меня. — Голос подъездного раздался уже из-за холодильника, а после появился и сам Вавила. — Не связывался бы ты с кладами, нет в них ничего хорошего. А особенно в тех, что старые, давно в землю положенные. Кто знает, что там за злато-серебро лежит, кто его закапывал, как оно к этому человеку в руки попало? Добро, если его купчина положил, чтобы сберечь. А если нет? Если лихой человек и пришло оно к нему через смертоубийство? Опять же — закладные клады есть, на кровь запечатанные. Ты его возьмешь, а за тобой потом мертвяк начнет шататься, его сторож. И пока тебя со свету не сживет, не успокоится. Это у вас в кино все хорошо получается — нашел котелок с монетами и богатеньким стал. На деле все не так легко выходит.

— Вавила Сильч, да мне не золото важно, — попытался успокоить его я. — Мне интересно понять, работает эта штука или нет.

— Не слышишь ты меня, — печально констатировал подъездный. — С тем зельем не послушал и теперь не желаешь. Не получится тут только попробовать — и все. Добро, если ты не найдешь ничего, но если повезет, то не остановишься, пока клад не возьмешь. Ты, Александр, человек, а люди до золота да серебра жадные, не переделаешь вас. А с кладом тем ты и все его горести себе заберешь.

— Заговоры есть, — подал голос Родька. — Специальные, с которыми клады забирать надо, чтобы зло оставить там, где они лежали. Я как-то раз слышал от того хозяина, что был до того хозяина, за которым был Захар Петрович. Давно, в общем. Вышло так, что нам деньги нужны были очень, вот он клад и взял в дубовой роще. Старый был клад, на коня заговоренный.

— На коня? — не понял я.

— Когда его клали в землю, то на том месте коня убили и кровью его сокрытое полили, — пояснил Вавила Силыч. — Он с того момента его стражем стал. Хозяина не тронет, а любого другого в могилу свести сможет.

— Верно-верно, — подтвердил Родька. — Так вот, хозяин его душу сначала заговором связал, чтобы он сразу из ямы не выбрался, а после другим заговором ее отпустил. И только потом все себе забрал.

— Как же все не просто, — запечалился я. — Казалось бы — нашел клад, выкапывай его да забирай. Нет, и тут намудрили со своим фольклором.

— А ты как думал? — по-моему, даже обиделся Вавила Силыч. — Что-то из ничего не возникает. Это мудрость, Александр, вековая мудрость, а никакой не фольклор. И память. Раньше всякий мальчишка такое знал, потому как с детства ему отец да дед про это рассказывали, а он потом своим детям говорил и внукам. А вы беспамятные... Живете, как бабочки-однодневки, и знать ничего не желаете.

Он замолчал, уставившись в пол.

— Да я ничего такого. — Мне стало неловко перед подъездным за нас, горожан, покоя не ведающих. — Я же тебя слушаю, просто...

— А-а-а! — отмахнулся тот. — Пока сам не обожжешься, все равно не поймешь. Вон с тем-то зельем как вышло? Добро еще, что все на службе обошлось.

Это да. Вроде обошлось. Ни Чиненкова, ни даже Силуянов меня не дергали, что же до прочих соратников, то они уже на следующий день забыли о том, что накануне в цоколе что-то происходило, поскольку нашлась новая животрепещущая тема для обсуждения на перекурах и перекусах. Жанка Слепнева умудрилась раздолбать передок своего «ниссана», который только на той неделе купила в кредит, и этот факт требовал всестороннего рассмотрения.

Что до Романовой, она вышла на работу как ни в чем не бывало и, похоже, на самом деле ничего не помнила. По крайней мере, когда я столкнулся с ней на лестнице, неприязни в ее взгляде было ровно столько же, сколько и всегда, не больше и не меньше.

Сдается мне, что ей так и не объяснили причину, по которой она очухалась в «пересчетке» в полуобнаженном виде, списав все на нервный срыв, и не стали упоминать про африканские страсти ко мне, что очень хорошо. Было и прошло, забыли.

Нифонтову, с которым я созвонился в четверг, я тоже про свои любовные похождения рассказывать не стал. А зачем? Но зато спросил про Немирову, сославшись, правда, на то, что она странновато на меня поглядывает после его визита в банк.

— Не бери в голову, — посоветовал он мне. — В любом случае неприятностей тебе от нее ждать не следует.

— Что-то она знает такое, — пояснил я. — И про вас, и про меня.

— Про тебя — вряд ли, — помолчав, сказал Николай. — А про нас — знает кое-что. Я еще тогда у шефа спросил про нее, так он ответил, что лет пять назад была некая история, в которой ваша Немирова оказалась замешана. Тогда она и столкнулась с нашими сотрудниками. Да и не только с ними. Герман эту бедолагу в последний момент из одного подвала вытащил, где ее чуть в жертву не принесли. Собственно, она после этого из системы и ушла на коммерческие хлеба.

— А Герман — один из ваших? — уточнил я.

— Да, — Нифонтов помолчал. — Был. Он погиб два года назад. Ладно, не суть. Как у тебя?

— Ровно, — бодро ответил я. — Ничего не происходит. Читаю книгу, вечерами по улицам не шляюсь. Правда, на выходных к родителям на дачу собираюсь. Ну, как собираюсь? В приказном порядке. Мама — это страшная сила.

— Это да. У самого то же самое по весне и по осени, — подтвердил Николай. — Хотя, как по мне, лучше все-таки воздержаться. Город есть город.

— У моих стариков дача по Калужке, — объяснил я. — Это и есть город. Туда Москву расширили, так что у них теперь две московские прописки. Там полноценное СНТ, пусть уже и не такое активно посещаемое народом, как раньше. И все равно — шлагбаум, охрана на въезде, фонари на всех перекрестках и облако пахнущего шашлыком дыма над домами... Понимаю, что это все не защита, но такого, как в Лозовке, там по определению быть не может, как мне кажется.

— Ну да, в таких местах мало кто шалить станет, — признал мои доводы разумными Нифонтов. — Всё и все на виду, потому что все всегда поглядывают за соседские заборы. Только если какая совсем дикая тварь из дикого леса забредет. Да и то вряд ли. Но ты мне все равно скинь точные координаты эсэмэс. На всякий случай. И нож не забудь.

— Само собой, — заверил его я. — Будь уверен.

В субботу рано-рано утром я собрал рюкзак, на самое дно его положил нож в ножнах и гвоздь, завернутый в носовой платок, потрепал Родьку по мохнатой голове и сказал Вавиле Силычу, пришедшему меня проводить:

— Меня до завтрашнего вечера не будет, так ты присмотри за ним.

— Не сомневайся, — солидно ответил подъездный. — Без дела не останется. Я его с собой на охоту нынче вечером возьму.

— Куда? — изумился я.

— На охоту, — повторил подъездный. — Мы сегодня всем обществом удава ловить будем.

— Какого удава? — совсем уж опешил я.

— Ты Влада знаешь? — ответил вопросом на вопрос Вавила Силыч. — Чудного, из второго подъезда?

Влада я знал. Ну, как знал? Видел. Он был из непризнанных художников, считал себя гением, ходил в колоритной одежде вроде пестрого пончо или зеленого пиджака на голое тело, и неустанно экспериментировал с прической. В последний раз, когда я с ним столкнулся на улице, его голова была наполовину обрита, оставшиеся же волосы были выкрашены в пурпурный цвет. Общественность в виде старушек у подъездов его осуждала, дети обожали, видя в нем героя из японских мультсериалов, а остальным, вроде меня, было по фигу. В нашем мире всякий сходит с ума по-своему.

— Так вот, — верно расценил мое молчание подъездный. — Он себе года три назад удава завел. Пока тот был маленький, Влад ему радовался. А по весне эта тварюга его чуть не задушила ночью с голодухи. Чудной тогда в запой ушел, не до кормежки удава ему было. Как тот его душить начал, он маленько протрезвел, на него обиделся, да и сбросил эту гадину с балкона вниз.

— Жесть какая, — проникся я. — Жалко животину. Лучше бы в зоопарк сдал. Или в цирк.

— Жалко ему, — проворчал Вавила Силыч. — Да этого удава ломом не убьешь. Он на газон у подъезда упал, полежал немного, очухался и в подвал уполз. А чего ему? Там тепло, сыро. И кормежка есть — мыши. Мы сначала радовались, когда он их всех сожрал. Потом пару крыс придавил, что сдуру в наши края забрели. Но это еще ничего. На той неделе он кошака схарчил, который у профессора из пятого подъезда жил. Домашний этот кошок был, вот в подвал и полез. Бродячие давно туда не суются, у них с инстинктом самосохранения все в порядке, а домашний — он и есть домашний, нюх совсем потерял. А позавчера эта тварюга чуть Кузьмича не придушила из второго подъезда, когда он трубы простукивал.

— Сантехника? — изумился я. — Это какой же он вымахал?

— Подъездного, — объяснил мне Вавила Силыч. — Но если от него сейчас не избавиться, то и до сантехника доберется со временем. Вот мы и назначили на сегодня охоту. Поймаем его, спеленаем и в четырнадцатый дом подбросим. Пускай у них потом голова болит.

— А почему в четырнадцатый? — спросил я.

— Мы с ними не дружим. — Подъездный цыкнул зубом. — У них другая управляющая компания.

— Давай, Родион. — Я присел на корточки и положил своему помощнику руку на плечо. — Святое дело своим помочь. И не опозорь нашу квартиру на охоте.

— Не люблю я змей, — проворчал Родька. — Слизкие они и воняют. Хозяин, может, лучше меня с собой возьмешь?

— Поговори еще, — осек его Вавила Силыч. — Александр, ничего, если мы твою квартиру сегодня используем как место сбора? Можно и на чердаке, но тут удобнее будет.

Я был не против, но попросил их противоположный пол сюда не водить, музыку громко не включать, за собой после мероприятия убрать и проветрить. И, спускаясь на лифте вниз, тихонько хихикал, вспоминая их недоуменные взгляды.

Окончательно я развеселился после того, как встретил у подъезда помятую и сонную Маринку, как видно, возвращавшуюся с какого-то ночного мероприятия.

— Привет! — гаркнул я, помахав ей рукой. — Утро-то какое славное, а?

— Да? — Маринка подняла голову, посмотрела на голубое небо без единого облачка и зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Возможно. Ты куда намылился в такую рань?

— За город, — бодро ответил ей я. — Айда со мной! Свежий воздух, лес, речка. Благодать божия!

— Нет уж, — как-то сразу даже взбодрилась моя соседка. — Я лучше тут, в городе останусь. Мне прошлого раза хватило. До сих пор гадаю, каких мы с тобой тогда болотных газов нанюхались, что такая фигня привиделась. Меня до сих пор кошмары мучают по ночам.

Ага, все-таки она пошла по пути наименьшего сопротивления и решила перевести воспоминания о той ночи в раздел галлюцинаций. Может, оно и правильно.

— Вольному воля. — Я поправил лямки рюкзака. — Не хочешь — не надо. А я поехал, время поджимает.

Кстати, было бы весело, если бы она согласилась. Забавно было бы глянуть на реакцию моей мамы. Она до сих пор досадовала, что распался мой первый брак, и не слишком привечала девушек, которые были у меня после него. Светка ей нравилась своей покладистостью. Моей маме вообще нравятся только те люди, которые признают тот факт, что именно ее мнение по любым вопросам жизни человеческой является единственно верным, а все другое — крамола, не имеющая права на существование. Маринка не Светка, а потому, подозреваю, первая стычка случилась бы еще до того, как мы сели в машину. Я и сам не такой, потому общаюсь с мамой в гомеопатических дозах. То есть преимущественно по телефону и не сводя беседы к острым личным темам. Политика, погода, рост цен — пожалуйста. А все эти: «Может, поговоришь со Светочкой, вы же такой отличной парой были? Я с ее мамой виделась, она, оказывается, до сих пор одна, может, и срастется у вас», — это сразу нет. Личное — это личное. Я сам тут все решу. Но иногда приходится выполнять сыновний долг воочию, так сказать, с личным присутствием. И вот тут начинается настоящая жесьть.

Собственно, так вышло и сегодня. Сначала мне было высказано, что я мог бы приехать и пораньше. Аргументы вроде: «Метро с шести утра работает», — мамой не рассматривались. Дальше — больше. После того как мы погрузились и отбыли, начались расспросы о работе, сетования о том, что я безынициативен и загубил свои таланты, воспоминания о моих детских годах, жалобы на то, что все ее подружки давно уже бабушки, и все такое прочее. Короче — стандартный набор. Одна радость — ехать нам надо было недалеко и недолго. Мои родители проживают почти на самом выезде из Москвы на Калужское шоссе, а потому дорога на дачу совершенно не трудна и очень быстра. По сути, знай себе двигайся по прямой.

Что до бати, он в разговоры не лез, точно зная, что молчание — золото. Что-то брякнешь не ко времени, так еще и тебе достанется на орехи.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается, и вскоре мы добрались до собственно дачи, где я в последующие несколько часов в компании с отцом квадратное катал, круглое таскал и занимался всякой разной мелочовкой вроде спиливания засохших сучьев у деревьев и прокачивания скважины. Прозвучит дико, но занимался с радостью, поскольку этот труд гарантировал мне спокойное времяпрепровождение. И только уже очень сильно за полдень, после плотного обеда, я наконец-то смог выбраться за калитку, честно заработав право на свободное время своим героическим поведением. Причем мне удалось скрыть от бдительного маминога ока свой старый, еще школьный рюкзак, в который я положил саперную лопатку. Увидела бы — вопросами замучила, «зачем» да «зачем».

До леса от нашего дачного дома было идти не так уж и далеко. Надо заметить, что лес у нас тут был действительно лесом, а то в иных местах ближнего Подмосковья уже и березовая рощица диковинка. Был я у одной знакомой на даче, так там лесом березовые посадки пятилетней давности именовали. Ну а что? Деревья есть, десяток елок есть, и три мухомора растет. Лес, однако.

Нашему лесному массиву просто повезло, его признали природоохранной зоной и даже присвоили какой-то там статус. Потому, собственно, его до сих пор и не вырубил. Так, немного опушку в девяностых посекали, когда газовую трубу тянули, но и только.

Впрочем, возможно, с точки зрения сибиряка и наш лес — это так, чепуха несерьезная. Но все-таки я его воспринимаю как полноценный, настоящий, кстати, чем-то похожий на тот, из Лозовки. Деревья, шумящие кронами где-то в вышине, невесть кем протоптанные тропинки, внезапно начинающиеся и так же неожиданно пропадающие в траве, небольшие полянки, заросшие травой, бочажки с темной водой и даже небольшое болото, находящееся где-то в самом сердце массива. Помню, как еще в детстве бабушка, с которой я на этой даче проводил летние месяцы, строго-настрого запрещала мне туда соваться. Мол, болото коварно, наступил на мох, ухнул в трясиину, тут тебе и конец. Я верил, но туда с пацанами все равно бегал, за ягодами. Да и тонконогие болотные подберезовики там росли будь здоров как, хоть косою коси, за пятнадцать минут полную корзину набить можно было. Войдя в лес, я заметил небольшой пенек и достал из рюкзака приличный ломоть «Столичного» хлеба, который прихватил из Москвы. Вообще-то вчера вечером я купил для местного лесного хозяина целый кругляш, но большую его часть смолотил Родька, который до этого от городской выпечки нос воротил. Этот же хлеб ему неожиданно пришелся по душе.

Положив ломоть на пень, я на мгновение задумался — а что говорить-то? Про поклон мне Нифонтов тогда сказал, о том, что просить ничего не надо, тоже упомянул, а непосредственно текст обращения не озвучил. Видимо, понадеялся на то, что не совсем я дурак.

— Добрый день, батюшка лесной хозяин, — неуверенно произнес я и отвесил поясной поклон. — Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

Кривенько сказал-то. К тому же «позволь погулять» — это тоже просьба, как ни крути. Деревья зашумели, и мне на плечо, кружась, упал березовый листок. Вот и гадай — то ли «да», то ли «нет».

Ветер стих так же быстро, как и появился, я расценил это как добрый знак и направился дальше, по широкой тропинке.

Еще одно подтверждение того, что мое подношение принято, я получил буквально через пару минут. Столько грибов, сколько попадалось мне по дороге, я здесь не видел никогда. И главное — все как на подбор. Крепкие белые, молодые, недавно раскрывшие шляпки подосиновики, россыпи лисичек — и вот они, только руку протяни, в шаге от тропинки. Явно лесной хозяин решил меня за вежливость отблагодарить, тут народу шастает много, и все это они бы не пропустили.

— Спасибо, батюшка, — снова отвесил я поклон. — Я не за грибами-ягодами пришел. Но благодарю тебя за подарок.

Отойдя чуть подалее от поселка, я достал из рюкзака свой зачарованный гвоздь и сжал его в ладони. Ничего не произошло. Просто гвоздь в ладони — и все.

Я прошел еще немного по тропинке, а после решительно свернул с нее в лес. Если уж что-то искать, то только там, а никак не здесь, где все утоптанно.

Заблудиться я не боялся совершенно. Во-первых, этот лес был излазан мною в детстве, пусть и не весь, но это не столь и принципиально. А во-вторых, я был уверен в том, что лесной хозяин выведет меня из него самым коротким путем. Откуда взялась уверенность — не знаю, но она была.

Следующие часа полтора были посвящены беспорядочной ходьбе по лесному массиву. Я посетил два бурелома, промочил ноги в бочажке (отвык, отвык, в кроссовках поперся в лес), поел крупной земляники в березняке, но так и не достиг желаемой цели. Гвоздь и не думал шевелиться в ладони.

Я уже хотел плюнуть на это все, нарвать десятка полтора-два белых и отправиться домой, как вдруг осознал, что мой примитивный металлоискатель шевельнулся. Серьезно — он заерзал в моей ладони своей серебряной стороной.

— Опа, — обрадовался я и сделал пару шагов влево, в сторону от земляничника.

Гвоздь затих.

Ага. Ясно. Теперь пяток шагов вправо. Гвоздь снова ожил, если можно так сказать.

Через несколько минут было обнаружено место максимальной активности, и я сделал то, что предписывал рецепт. Я подбросил гвоздь вверх, сказав негромко:

— Небо да земля, укажите, где казна.

Гвоздь крутанулся в воздухе и серебряно-золотистой рыбкой устремился вниз. Он воткнулся в землю около невысокой березки, причем после этого я окончательно поверил в то, что он работает. Я понимаю, когда гвоздь втыкается в землю острием, это нормально. Но чтобы шляпкой? Да еще при этом расковыряв траву?

Достав лопатку, я шустро начал копать. Ну, как шустро? Сначала прорубился сквозь лесные травы, подсекая их корни, уходящие, такое ощущение, что до центра Земли, а потом начал копать чернозем.

Ощущения были сумасшедшие, адреналин в крови зашкаливал. Шутка ли — есть шанс найти настоящий клад и тем самым исполнить одно из заветнейших мечтаний детства. Не знаю, был ли в мире хоть один мальчишка, который не грезил найти старинные сокровища, но вот только мечтают-то многие, а находят его единицы. И я буду одним из этих счастливицков. Пусть и с серьезным запозданием.

Я копал, зарываясь все глубже и выбрасывая из уже приличных размеров ямки комки земли. Однако поиски сокровищ — дело непростое, я бы сказал — нелегкое. Пот тек со лба, спина взмокла, во рту было сухо, как в пустыне, и вдобавок откуда-то пожаловали слепни, тут же начавшие описывать вокруг меня круги, жужжа, как «юнkersы» времен Великой Отечественной.

А результата все не было. Земля да глина. Причем земли все меньше, а глины, плотной как камень, — все больше. Ее копать не получится, ее долбить надо, и не лопаткой, а чем-то посерьезней.

В какой-то момент я устало вздохнул и воткнул свой шанцевый инструмент в грудку земли, которую выбрасывал из ямы. Фигня выходит. Надо все проверить.

Снова достав гвоздь, я убедился, что он дергается, и подбросил его в воздух, произнеся заветные слова.

Он опять кувыркнулся и упал вниз, но не в яму, а в ту самую грудку выброшенной из нее земли, уйдя туда почти до середины.

— Фига себе, — пробормотал я и вытер пот со лба. — Не понял.

Хотя нет. Понял. Похоже, клад будет не слишком велик.

Я шустро перевернул холмик земли в том месте, куда воткнулся гвоздь, особое внимание уделяя комкам слежавшейся почвы. И — да. Один из них оказался, если можно так сказать, с начинкой, причем это были не камушек и не червяк. У меня в руках осталась монета. Небольшая, размером с два нынешних рубля, и вся черная, то ли от земли, то ли от времени.

Пустив в ход ладонь, березовые листья, а после и носовой платок, я таки ее оттер до приемлемого состояния и увидел, что она собой представляет.

Монета оказалась симпатичной, хотя и совсем не старой. На ней был изображен мускулистый пролетарий, долбающий молотом по наковальне. Номинал ей был полтинник (там так и было написано: «Один полтинник»), отчеканили ее в тысяча девятьсот двадцать седьмом году.

Все это время я копал землю, и цена моим трудам — полтинник. Такой вот хозрасчет.

— Да елки-палки! — сказал с чувством я, не зная, что именно делать, — то ли плакать, то ли смеяться.

— Вот оно что, — раздался голос из недалеко от меня стоящих трех елок. — Я-то гадаю, что за странный такой гость ко мне зашел. Покон знает, меня угостил, грибы-ягоды не берет. А ты, парень, за золотом-серебром заглянул, да? Да еще и с каким инструментом, ты глянь. Нынешние-то с новомодными приборами шастают, а у тебя, я гляжу, все по старинке.

— Так и есть. — Я сразу понял, кто со мной разговор завел, но никакого страха или даже испуга не испытал. Привык, видимо. — Все по старинке. Что сам сделал, с тем и хожу.

— Сам? — Еловые лапы раздвинулись, и я увидел совсем невысокого бородатого старичка в латаном-перелатаном ватнике, диковато смотрящимся по нынешней жаре, в кирзовых сапогах и в забавной кепке с надписью «Таллин-80». — Ишь ты. А дай-кась глянуть твой инструмент.

— Пожалуйста, — протянул я лесному хозяину гвоздь.

— Хм, — тот и не подумал брать его в руку, но с интересом осмотрел. — Да ты, паря, никак ведьмак? Хотя нет, я бы ведьмака учуял, нет в тебе их силы. Точнее, сила есть, но... А-а-а! Понял я.

— Ну да, — кивнул я, увидев, что лесной хозяин смекнул, что к чему. — Я еще не ведьмак, но надеюсь им стать.

— Таким макарон станешь, — заверил меня старичок. — Коли такие штуки сам заклинаешь, то даже не беспокойся. Не стала бы сила помогать, коли ты пустоцвет. Как себя найдешь, так она тебе подчинится.

— Знать бы еще, как себя найти, — вздохнул я. — И так пробую, и эдак — все никак.

Может, присоветуете что?

В этот момент мне подумалось, что жизнь все-таки забавная штука. Я не могу откровенно говорить с людьми, поскольку неизвестно, чего от них ожидать, зато запросто могу беседовать на любые темы с представителями нечисти, которая, по идее, водится только в сказках. Просто с ними точно все известно — они не предадут и не подставят. Им это не нужно. Даже ведьмы — и те в каком-то смысле искренни в своих устремлениях. Они не скрывают того, что хотят меня убить. Звучит это все дико, но так оно есть.

— Нет, паря, нет, — покачал головой лесной хозяин, присаживаясь на пенек, которого секунду назад на том месте не было. — И не знаю почти ничего, и не советчик я тебе. Мое дело — вот этот лес, а ваши ведьмачьи дела да тайны — они мне без надобности. Извини уж. Да ты присаживайся.

— О чем вы. — Я оглянулся, обнаружил за своей спиной еще один пенек и присел на него. — Какие обиды? И сразу — ничего, что я тут покопался? Я как-то даже не подумал, что сперва надо разрешения у вас спросить.

— Пустое. — Лесной хозяин усмехнулся в бороду. — Главное, ты все обратно закопай.

— Монету вернуть на место? — Я показал старичку полтинник.

— Себе оставь, — разрешил он. — Честно заработал. Но больше в лесу ничего такого не ищи, не надо. Клады у меня тут есть, целых пять, но все они старые и скверные, на крови залятые. Даже войди ты в уже полное ведьмачье звание, и то добра бы тебе от них не было. С кровью они в землю ушли и с ней же из нее выйти хотят. И получают, если свет солнечный увидят, старое золото свое дело знает. Так что пусть себе лежат там, где лежат.

— Понял, — кивнул я. — Поиск сокровищ завершен.

— Да мне не жалко, — как будто извиняясь, сказал лесной хозяин. — Будь в моем лесу чистый клад, без проклятия и закладной жертвы, то отдал бы я его тебе. Но не осталось здесь таких, все за последние двести лет выкопали. Как начали у меня деревья вырубать да землю рыть, так и стали находить то один, то другой. Чистые клады к людям тянутся, сами под лопату лезут.

— Ишь ты, — удивился я. — Никогда бы не подумал. Мне казалось, что где клад закопали, там он и лежит.

— Так и есть. — Лесной хозяин тихонько засмеялся. — Но это же золото. Оно много чего может. Мягкое-то оно мягкое, ковать его кузнецу легко, и сделать из него что угодно можно, да только, если подумать, то тверже него ничего на свете нет. Оно душу людскую почище любых кандалов сковывает. Да ты и сам, поди, это знаешь.

— Не очень, — признался я. — У меня его толком и не было никогда. Так, кольцо обручальное да цепочка — и все.

— В силу войдешь — будет, — уверенно заявил старичок. — А там разберешься, кто кого — ты его или оно тебя. Но, думаю, ты его. Парень ты, видно, хороший. Слушай, хочешь, место покажу, где перстень с камнем-аметистом лежит? Тут недалеко.

Я почти сказал «да», но тут меня словно что-то остановило. Больно хитро у старика глаза блеснули.

— Не надо, — отказался я. — Пусть лежит, где лежит. Я вот монету нашел — и хватит с меня.

— Молодец, — похвалил меня лесной хозяин. — Молодец, паря. Не ты клал, не тебе и брать. Давай, закапывай яму да ступай домой. Да не забудь корзинку взять, что у опушки леса стоять будет. Подарок это тебе от меня, за внимание да почтение.

Старичок встал с пня, сделал шаг назад и словно растворился в еловых лапах.

— Спасибо, — запоздало сказал я ему и взялся за лопатку.

Когда я пустился в обратный путь, и вправду уже начало смеркаться. В лесу всегда так, здесь темнеет куда раньше, чем в других местах. Топал я по узкой тропинке, которая, разумеется, сплелась буквально из воздуха на моих глазах, и совершенно не переживал, что заплутаю. Тут ведь как: если лесной хозяин захочет меня куда-то завести — заведет. Ну а если захочет вывести, то так и будет.

И, скорее всего, вскоре я вышел бы к родному СНТ, если бы вдруг не испытал невероятное желание свернуть с тропинки в сторону. Оно, это желание, пришло из ниоткуда, точнее — откуда-то изнутри. Причем оно было именно что моим собственным, пусть даже и неосозанным. Не приказ извне, его мне не диктовала чья-то воля. Мне нужно было пойти куда-то туда, в лесной полумрак, для меня самого нужно.

Я не задумываясь сошел с тропинки и зашагал через лес, практически не разбирая дороги.

Глава 16

Прогулки по лесу и днем не всегда самое комфортное времяпрепровождение, вечером же они и вовсе превращаются в подобие экстрима. Корней деревьев не видать, ветви то и дело норовят тебя хлестнуть по лицу, да еще и роса выпадает. Если ты в резиновых сапогах, то еще ничего, но если в кроссовках, как я, то неприятные ощущения тебе гарантированы.

Нет, город все-таки расслабляет человека, он отвыкает от того, что не везде лежит асфальт и кое-где надо пользоваться не только легкой брендовой обувью.

Я шагал неведь куда, при этом точно зная, что направление выбрано верно. Тревоги как не было тогда, на тропинке, так и не появилось сейчас. Откуда я знал, что со мною ничего плохого не случится? Знал — и все тут. Ощущение шло изнутри, и я догадывался, что именно давало мне эту уверенность.

Сила заявила о себе. В первый раз за все время она это сделала сама. И надо быть дураком, чтобы ей не подчиниться. Во-первых, неизвестно, повторится ли еще подобное. Во-вторых, кто знает, как она на отказ отреагирует. А ну как сочтет меня профнепригодным, и тогда ка-а-ак... И все. Со святыми упокой.

Нет уж. Лучше пойду туда, куда меня ведут. Уверен, что это не путь на бойню, нет силе в этом интереса.

В какой-то момент я миновал премиленькую березовую рощу, совершенно очаровательную даже в сумерках, и вышел на полянку, которую уже затянул вечерний туман.

Хотя что-то неправильное в этом тумане имелося. Был он уж очень густ, даже для этого времени. И потом, дождей здесь уже неделю как не выпадало, я слышал, как бате про это сосед Дядя Витя говорил. Так откуда он такой плотный взялся? Ладно бы понизу стелился, это нормально, но вот эдакий, в котором ни земли, ни неба толком не видно?

Я миновал последние березы и остановился, не решаясь ступить во влажную густоту, лежащую впереди. Та, в свою очередь, словно учуяла мое присутствие и потянулась ко мне. Именно в этот момент ко мне пришло понимание того, что путь сквозь лес окончен, я добрался туда, куда должен был. Внутренний навигатор одномоментно отключился, я остался с туманом один на один.

И что теперь?

Туман обвил мои ноги, он словно трогал меня, изучал, исследовал.

Я не мешал ему это делать. Зачем? Но руку на нож, который висел на поясе, положил.

Ощущения — это прекрасно, но немножко уверенности, которую любому мужчине придает оружие, мне не помешает. Знающие (действительно знающие) люди говорили мне, что это все только иллюзия, которую мы сами себе создаем, и оружие в руках неумехи может что-то сделать только в голливудских фильмах, но тем не менее мне так спокойнее.

А еще я обратил внимание на то, что туман этот не просто глухое марево, что он неоднороден. Нет, не то слово... Как объяснить-то? Хороший туман, как и облака на небе, иногда создает забавнейшие фигуры, похожие то на слона, то на замок, а то и на кенгуру.

Но здесь было другое. То, что различили мои глаза, было больше похоже на человеческие фигуры. Но это не были очертания людей, бродящих в синеватой мгле. Это были, скорее, их контурные обозначения, туманные сгустки. Можно даже сказать — тени, хоть в данном случае это звучит абсурдно.

— Эй! — подал голос я, немного подумав. — Я вас вижу.

Фигуры дернулись, перемешавшись с серо-светлыми клубами, а после одна из них, теперь уже четко различимая, вынырнула прямо передо мной.

Это точно был не человек. И не призрак. Никаких саванов, злобных глаз, призрачных цепей — ничего такого. Просто облачко тумана, которое протянуло ко мне то, что условно можно было назвать рукой.

Страха по-прежнему не было. Да и с чего бы? Туман и есть туман. Дунет ветер — и нет его.

Призрака — да, я, возможно, и испугался бы. Хотя тоже не факт. Последние недели, наполненные приключениями в сфере сверхъестественного, и особенно — чтение записок моих предшественников, порядком расшатали мои представления об этом мире. Они, разумеется, не изменили мою личность, но кое-что в моей системе координат поменялось. Да и силе, что привела меня сюда, я все же доверял.

Потому, хоть и не без некоторого душевного трепета, но я протянул свою руку туманной фигуре.

Мои пальцы прошли сквозь нее, ощутив холод, а после я услышал голос, тихий, печальный и еле различимый:

— Отпусти меня. Я устала. Отпусти. Открой врата, укажи путь.

Голос этот звучал не наяву, это мне стало ясно сразу. Он был у меня в голове.

Еще одна фигура присоединилась к первой, и мою руку оплела еще одна туманная прядка.

— Путь. — Этот голос был чуть громче и явно принадлежал мужчине. — Нам нужен путь. Помогите.

Мне отчего-то стало жалко эти бесплотные тени, живущие в утренней и вечерней серости. Вот жалко — и все тут.

— Рад бы помочь, — ответил я им. — Но не знаю как. Правда, не знаю.

— Отпусти, — уже не два и не три, а с десяток голосов зазвучали в моей голове. — Ты можешь.

— Кабы мог — о чем речь, — заверил я их. — Вы мне скажите, что делать надо?

— Отпустить нас, — с готовностью отозвались туманные обитатели.

Не знаю, кем они были раньше, но сейчас, после подобной не-жизни, эти бывшие люди порядком оступели.

— Это что тут такое? — Березки покачнулись, из них на поляну буквально выкатился лесной хозяин и замахал руками. — А ну, брысь отсюда! Не троньте его!

— Да они ничего такого и не делали, — заступился я за туманные фигуры, скрывшиеся в мареве, которое немедленно начало светлеть. — Мы просто разговаривали. Скажите, а это кто вообще был? Нет, что бывшие люди — это понятно, я не совсем дурак. Они вообще кто — мороки? Или все-таки привидения?

— Привидений не бывает. — Лесной хозяин еще раз взмахнул руками, дунул, и на моих глазах туман за секунду превратился в легкую дымку, сквозь которую я увидел деревья на другой стороне поляны и совсем уже почерневшее ночное небо над головой. Звезды на нем были, а луны не имелось, ее закрыла тучка. — А это духи. Здесь же когда-то, очень давно, было кладбище. Ты его не видишь, но поверь — оно тут, на этой поляне. Лес его поглотил, вместе с надгробиями и всем остальным. Лес, паря, он все может забрать, дай ему только время на это.

— Кладбище? — Я поверил в слова старичка, но все равно, глядя на ровную зеленую поляну, не мог себе этого представить. — Однако. И сколько же тут эти духи обитают?

— Давно. — Лесной хозяин огладил бороду. — Вон, видишь там дуб? Когда его посадили, деревни, в которой жили похороненные здесь, уже не было. Сожгли ее поляки, вот как вышло. А потом, когда порядок в державе наступил, отстраивать никто ничего не стал, больно много тут крови пролилось. Нехорошее это место стало. Вот так и вышло — люди

от него отказались, а я его себе и забрал, березки посадил, елочки. Но поляну с могилами трогать не стал. Не можно этого делать.

Дуб был внушительный, неохватный, высоченный. Я почесал затылок, вспоминая уроки истории. Поляки. Они же в этих местах разве что в Смутное время могли быть. В смысле, с подобными карательными миссиями. После им тут никто так резвиться бы не позволил. Выходит, где-то четыре века этому погосту? Тогда понятно.

— Я их не люблю, — продолжал тем временем лесной хозяин, как видно, говоря об увиденных мною тнях. — Они грибников иногда в топи заманивают, особенно по осени. Им болотник, вишь, милее меня. Осерчают на то, что человек их не слышит, и давай его по лесу кружить. Поодиночке-то они никто, а если вместе, то какого-нибудь пьяньенького бедолагу могут и сбить с пути. Вон и тебя чуть не закружили.

— Да нет, — возразил я. — Ничего такого не было. Они меня просили их отпустить, про какой-то путь спрашивали. А чтобы куда-то вести, манить — не было ничего такого.

— О как! — Лесной хозяин ухмыльнулся. — Ну, паря, можешь больше голову свою не ломать и о том, какая ведьмачья стезя тебя ждет, не гадать. Быть тебе ходящим близ смерти.

— А поподробней? — подобрался я.

— Мертвых не обманешь, — объяснил мне лесной хозяин. — Те, что здесь лежат, — они на земле застряли по какой-то причине. Может, замешкались в нужный момент, может, удержало их что-то. Всякое случается. От могил им никуда, где лежат — там и живут. И наверх — тоже никак. Все, раз опоздал, значит, опоздал. Но шанс есть всегда и у всех. Вот ты — их шанс. Ты можешь им дорогу открыть, отпустить их туда. Или туда. Кому что отписано.

И лесной хозяин сначала ткнул пальцем вверх, в небо, а потом показал на землю. Я понял, что он хотел сказать.

— А можешь не отпустить, — продолжил он. — Я так-то точно не знаю, но слышал кое-что о том, что иные ведьмаки себе такие тени на службу ставят. Мол, отработай лет пять, а потом отпущу.

— Так им же отсюда никуда. — Я показал на поляну. — Вы же сами говорили? Как же их с собой забрать?

— Без тебя — никуда, — мотнул бородой старичок. — А с тобой — запросто.

— Интересное кино. — Я потер подбородок. — Есть над чем подумать.

— Но ты имей в виду, не все так просто, — поправил кепку лесной хозяин. — Это здесь вон, десяток неприкаянных бестелесных мотается, как это самое в проруби. А так при каждом погосте, том, что правильный, с оградой, с могилками, свой хозяин имеется. И ему совсем ни к чему, чтобы какой-то ведьмак его подданных на волю выпускал или себе служить заставлял. Не любят они этого.

Сколько информации сразу. И какой интересной.

— Ладно, домой тебе пора. — Лесной хозяин мотнул головой, и я увидел, как трава, на которой поблескивали капли росы, словно раздвинулась в стороны, и между березами зазмеилась еле различимая тропинка. — Давай-ка я тебя до опушки провожу, а то еще в болото забредешь.

— Благодарю, — радостно согласился я, в надежде на то, что по дороге еще что-то у старичка вызнаю.

И зря надеялся. На все мои вопросы он отвечал односложно, а после и вовсе сказал:

— Ты меня не пытай, паря, и так я тебе лишнего наговорил. Ты смекай, о чем речь. У каждого есть свое место и дело в этой жизни. Мое — лес, про него хоть что спрашивай, все расскажу. Ну или почти все. И даже показать могу. А про ведьмачье у своих выясняй.

— Было бы у кого — вызнал бы, — вздохнул я. — Нет такой возможности. Сила мне случайно досталась, вот какая штука.

— Случайно в этой жизни только кукушка яйцо в чужое гнездо подкладывает, — назидательно произнес лесной хозяин. — Какое первое ей подвернется, туда и пристраивает. А все остальное — не случайно. Коли досталась тебе она, значит, на то причина была. Ты же сюда пришел, в мой лес? И на поляну ту попал. Случайно? То-то и оно. Что же до знаний — скажу тебе так. Если на заднице сидеть будешь да себя жалеть, ничего у тебя не выйдет. Ты не жди, что придут, да разжуют, да в рот положат. Знаешь, как у нас говорят? Как потопашь, так и полопашь. Понял меня?

— Понял. — Я испытывал все большую симпатию к этому старичку. — Чего не понять? Больше я его донимать не стал. Не стоит будить лихо, пока оно тихо. Ничего, в Интернете ползаю, книгу почитаю. Еще Захар Петрович мне сказал тогда, ночью, что был среди предшественников один, который с мертвыми вожжался. Вот его записи и надо искать теперь.

— Если на кладбище пойдешь — осторожней там, — уже на самой опушке сказал мне лесной хозяин. — Мои-то тихие, а там — кто знает, какие будут. Я разные рассказы слышал. И вот еще что — имя свое никому сам не называй, как туда зайдешь. Кто бы ни спрашивал — не называй. Имя — оно как ключ к дому. Если есть он у тебя, то открывай дверь да хозяйничай. Простым-то людям на погостах бояться нечего, что с них возьмешь? Но ты-то уже не простой, ты уже видишь то, что иным не дано, потому ты не просто посетитель, ты лакомый кусок для иных тамошних обитателей. Будь ты при силе — все бы ничего, но пока она твоей не станет, тебе не защита.

— Спасибо. — Я поклонился старичку в пояс. — И за совет спасибо, и за помощь.

— Ладно уж. — Лесной хозяин довольно фыркнул. — Глянулся ты мне, парень. Да и помню я тебя еще мальцом, ты гнезда не разорял, костры не жег. Я ведь всех вас помню, сколько ни было. Вы в лесу шумите — и мне веселее. А нынешние почти не ходят, все по домам сидят.

— Это да, — признал я. — Цифровое поколение.

Этих слов мой собеседник, похоже, не понял, но кивнул, соглашаясь.

— Держи, — протянул он мне лукошко, которое невесть откуда появилось у него в руках. — Если их со сметаной пожарить, то хороши будут.

Лукошко было доверху наполнено белыми грибами, причем отборными, один к одному. И наверняка ни в одном ни червоточинки не будет.

— Можно я еще как-нибудь загляну? — спросил я у лесного хозяина. — Просто так, поболтать?

— Заходи, — радушно ответил тот. — Рад буду. Да и тебе это на пользу, при твоём ремесле. Ведьмак — он в любом случае зельевар, а у меня тут и травки разные есть, и корешки. Поделюсь, не сомневайся. Опять же, как в силу войдешь, так, может, этих моих отпустишь. Надоели они мне за эти годы — сил нет. И ноют, и ноют...

Появились у меня подозрения, что дело здесь не только в том, что они ноют, но и в том, что эти духи с болотником спутались, но высказывать вслух я их не стал.

Попрощавшись с лесным хозяином, я отошел от леса шагов на десять и повернулся. На опушке уже никого не было.

А через три минуты я уже был на улице родного СНТ. Вот так все просто — полсотни шагов, и все. Там — темный лес, туманы над полянами и забавный старичок, помнящий смутное время, тут — дорога из асфальтовой крошки, фонари на перекрестках и музыка из-за заборов. Только и делов — открыть и закрыть калитку, отделяющую тот мир от этого. Хотя... тот, этот... Ерунда это все. Просто они помнят, что и как было раньше, а мы забыли, вот так.

Бодро шагая по улице, я осознал, что точно не зря сюда приехал. Столько всего нового узнал, да плюс сила дала о себе знать. Прямо вот удачно. А что клад не нашел — да и ладно, шут с ним. Считаю, что лишней мороки на свою голову не приобрел. Я реалист и прекрасно понимаю, что вот так запросто найденное золотишко или украшения не реализуешь. А сдавать что-то государству — проблем не оберешься. Так что нет — и не надо. Вон полтинник серебряный как сувенир мне достался, его достаточно.

Чудное настроение портила только мысль о маме. Мне было перед ней немного совестно, она уже наверняка совсем извелась из-за моего отсутствия. Нет, батя ей гарантированно сказал, что я, скорее всего, подался на тот конец поселка, к старым приятелям, и сейчас с ними пиво пью. Но все равно некрасиво. Да еще и, как назло, телефон с собой не взял.

Я прибавил шаг, планируя через пару минут уже открыть калитку, ведущую к родному дому. И зря планировал, потому что, повернув на свою улицу, я нос к носу столкнулся с до боли мне знакомым человеком, которого особо видеть не хотел. И не особо — тоже.

— Мое почтение, дражайшая Полина Олеговна, — собрав всю отпущенную мне Богом слащавость и отнесясь шутливой поклоном, сказал я молодой женщине с осанкой императрицы, которая, чуть скривившись, смотрела на меня. — Как дела? Как прошлой ночью почивалось? Единорог не приснился ли?

Это была мама моей бывшей. Ее дача находилась совсем неподалеку от нашей, на соседней улице. Мы со Светкой, собственно, тут и познакомились, еще в детстве. Мне было двенадцать, ей десять. В те славные годы я на нее внимания совершенно не обращал, у меня были дела поважнее — в компании пацанов по чужим садам лазать, на велике гонять, на озере окуней ловить и все тому подобное. Какая там девчонка с вечно облупленным носом? Мало их, что ли, по улицам бегает и в нашу компанию просится?

Потом я долго сюда не ездил, поскольку в Москве было время проводить намного интереснее. Точнее, бывал наскоками, как сегодня. Приехал со своими, дела поделал и уехал, причем частенько — в тот же день.

Вот в один из таких визитов я увидел Светку. И пропал.

Как сейчас помню — шла она по улице в пестром сарафанчике выше колен, улыбаясь неизвестно чему, и солнце подсвечивало ее светлые волосы. Девушка мечты — по-другому не скажешь. Конкретно моей мечты.

Естественно, в тот день я никуда не уехал, выяснил, что эта красавица — дочка Полины Олеговны с соседней улицы, и вечером рванул штурмовать эту крепость.

И добился своего. Нет, сначала Светка от души отыгралась на мне за золотое детство, за то, что я тогда ее игнорировал, и вволю поизображала из себя неприступную красавицу. Но пару дней спустя мы все-таки погуляли по ночному поселку, после встретились уже в Москве — и раз, и второй, и третий. А потом как-то она у меня осталась ночевать. В результате мы поженились.

Собственно, это конец истории. За словом «поженились» ничего хорошего уже толком не случилось. Потом были только скандалы, выяснения отношений, беспочвенные обвинения. И женщина, стоящая передо мной, как мне думается, приложила к этому свою руку.

— Давно тебя не было видно, — звучным голосом ответила мне бывшая теща. — Про родителей совсем забыл. Хотя с кем я об этом говорю? Ты всегда только о себе думал.

— Полина Олеговна, скажите, если вы в течение дня что-нибудь назидательное не произнесете, то заснуть сможете? — В данном случае наигрыша или желания ее задеть у меня не было. Мне правда это было давно интересно. — Не будет ощущения того, что день прошел зря?

— Знаешь, Саша, если я за свою жизнь... — тоже без малейшего надрыва и назидательности в голосе начала было излагать свой ответ бывшая теща, но здесь случилось то, чего я даже не ожидал.

Облако, скрывавшее ночное светило, наконец-то уползло в сторону, и все залило серебристое сияние. На нашей улице фонарей нет, народ дружно сказал в свое время, что нам они не нужны, мол, и без них хорошо. Таки есть — хорошо. И звезды видно, и электрический свет лунный не затеняет.

— Опа! — Клянусь, у меня впервые в жизни чуть и вправду не отвисла челюсть от удивления. — Ну ничего себе! Полина Олеговна, честно скажу — я вас много раз ведьмой называл, но никогда не думал, что настолько прав окажусь.

Лунный свет упал на лицо моей тещи, и оно разом постарело. Нет-нет, она не превратилась в страхолюду, вроде той болотной пакости в парке. Она просто стала выглядеть так, как и положено на шестом десятке. Кожа стала дрябловатой, а не гладкой, прорезались многочисленные морщины, да и ее всегдашний румянец куда-то подевался.

А я все гадал, как она умудряется так хорошо всегда выглядеть? На подтяжки вроде сроду не ходила (хоть я за ней это и подозревал, но Светка бы такое не утаила), а личико — как у юной принцессы даже по утрам. Ларчик-то просто открывался.

— Вот же. — Бывшая теща, похоже, была удивлена не меньше моего. — Недаром ты мне никогда не нравился. Правда, я полагала, что из тебя ничего путного не получится, а на деле все оказалось еще хуже. Хотя... Пстой-ка.

Она сделала один шаг, подходя ко мне поближе.

— Не-не-не. — Я перехватил лукошко левой рукой, а правую положил на нож. — Полина Олеговна, не надо. Лучше даже не пытайтесь. Я вас не люблю, да, если честно, даже и не уважаю, но все равно вреда вам причинять не хочу. Вы же знаете, что это за клинок? Вижу, знаете. У нас есть пусть и не очень хорошее, но все-таки общее прошлое. Давайте не будем ломать до конца то, что от него осталось. Сразу говорю — если дело дойдет до драки, я себя просто так убивать не дам, даже не сомневайтесь. Мне ваше племя давно поперек горла стоит.

— Да ты чего? — Теща повертела пальцем у виска. — Саша, даже в мыслях не было. Не секрет, что и я тебя всегда терпеть не могла, но чтобы такое... Сам подумай — у меня ведь была масса возможностей сгубить тебя еще тогда. Порчу навести или что-нибудь в еду подсыпать. Но не стала же я этого делать? Клянусь тебе, даже и не думала о таком!

И ведь, похоже, не врала.

— Зато я теперь отлично понимаю, отчего мы со Светкой расстались, — усмехнулся я. — И не говорите, что не при делах.

— Не скажу. Моя это работа, — даже не стала спорить бывшая теща. — Сначала ничего не получалось, она очень сильно тебя любила, заговоры не возымели бы силы. Прозевала я тот момент, когда вы сошлись так сильно. В зародыше вашу любовь давить нужно было. Я себя потом за это долго корила. Но ничего, я ее чувства к тебе со временем подточила — тут слово, там намек — и все, пошли у Светы сомнения. Ну а потом...

— Суп с котом, — оборвал ее я. — Понял я все.

— Саша, вы не пара были друг другу, — неожиданно мягко сказала Полина Олеговна. — Не в том смысле, что ты хуже или глупее, чем она. Или рожей не вышел. Нет. Просто не

вышло бы у вас ничего, понимаешь? Не половинки вы, прости за банальность. А сейчас ты вообще стал одним из тех, кто ходит под луной. Что бы это была за жизнь?

— Наша, — резко произнес я. — Это была бы наша жизнь. Может, вы и правы, ничего у нас не вышло бы. Но это мы должны были понять сами.

— Она моя дочь. — Голос моей бывшей тещи похолодел. — И я буду решать ее судьбу.

— Конечно, — покивал я. — С этим вы отлично справляетесь. И две жизни проживаете — свою и ее. Вот только жалко, что Светка так и не сможет понять, какая она, ее настоящая жизнь. Ладно, что из пустого в порожнее переливать, было и прошло.

— Верно, — одобрила мои слова Полина Олеговна чуть ли не впервые в жизни. — Так и есть. Все давно прогорело, даже золы не осталось. Давай просто попрощаемся и пойдем каждый своей дорогой. А еще лучше — забудем, что вообще виделись.

— Хорошая мысль, — одобрил я ее слова. — Но на тот случай, если к вам память вернется, скажу так — коли сунетесь ко мне, то не обессудьте, нож пушу в ход без сомнений. Я вашу сестру знаю, сталкивался уже, вам доверия нет. Не конкретно вам, а ведьмам вообще. Так своим остальным и передайте.

— Саш, да не говори ты глупости, — всплеснула руками Полина Олеговна. — Каким остальным? У нас тут только я да Жанна Петровна. Ну, помнишь, с Ландышевой, такая милая женщина?

Жанну Петровну я помнил. И еще раз поразился, как они ловко маскируются. Там же старушка — божий одуванчик. Тихая, спокойная, цветник у нее еще огромный, на весь наш СНТ известный. И на тебе — она тоже из этого племени.

— Мы никуда не лезем, мы никому не вредим, мы просто живем с тем, что нам досталось, — продолжала Полина Олеговна свои речи, причем это звучало так, будто она меня в чем-то хотела убедить. — Молоко у коров не сцеживаем, зла не творим, на шабаши не летаем. Мы даже в сорок не оборачиваемся, не умеем, не дано нам этого. Да нам ничего такого и не надо, что она, что я хотим свой век спокойно дожить и легко умереть, не думая, кому свои грехи передать. За мной только одно и водится — иногда у молоденьких девушек, что ко мне гадать ходят, отщипну по крупинке молодости для себя — и все. По крупинке, Саша, не больше.

Теперь понятно, отчего она всегда так хорошо выглядит.

— Да мне все равно, — ответил я ей. — Мое дело — предупредить.

— Но забавно получилось, — Полина Олеговна поправила волосы. — Саша Смолин, мой бывший зять, оказался ведьмаком. Кто бы мог подумать?

— Зато у меня почти с самого начала не было сомнений в вашей сущности. — Я криво улыбнулся. — Простите, что повторяюсь.

Полина Олеговна что-то хотела сказать, но не успела — скрипнула калитка у моего дома, и я услышал голос мамы:

— Саша, это ты там? Ты где пропал? Я места себе не нахожу!

— Лен, это я его задержала, — подала голос Полина Олеговна, глядя мне в глаза. — Сейчас он идет уже.

— Здравствуй, Полина, — отозвалась мама. — Чего не заходишь совсем? Ладно, эти двое дурачков, не смогли они счастье свое сберечь. Нам-то с тобой что делить?

По дороге прошуршали легкие шаги, и мама подошла к нам.

— Да все как-то... — Полина Олеговна вздохнула, показывая, как нелегка ее жизнь. — То одно, то другое.

— Как Светочка? — спросила у нее мама, как видно, уже забыв свои слова о том, что «она все еще одна», которые были мне сказаны с утра. — Как она там?

— Хорошо, — степенно ответила бывшая теща.

Дальше я слушать не стал.

— До свидания, тетя Полина, — сказал я ей, выдал улыбку и пошел к дому.

Привета Светке я передать не попросил. И ни к чему это, да и не дойдет он до нее. Не станет Полина Олеговна моей бывшей обо мне даже напоминать.

Но хорошего настроения как не бывало. Всколыхнула эта встреча в душе что-то тягучее, забытое, вроде давно заросшее бурьяном. Хотя чего удивляться? Здесь ведь когда-то все у нас со Светкой и началось, вот в такие же теплые ночи. Звездное небо, шелест листы недалеко леса, приглушенные голоса, ее мягкие губы... Стоит ли удивляться, что снова начало саднить где-то там, в глубине, то, чего, казалось, уже и нет вовсе.

Да еще добавилось осознание того, что не сами мы, выходит, ошибок наделали. Помогли нам. А это ведь совсем другое дело.

В результате я шустро накатил с батеи пару рюмок водки, вручил ему лукошко с грибами и пошел спать в свою мансарду.

Но нож воткнуть в притолоку комнаты не забыл. Не худо бы над порогом дома, но тогда его углядит мама. Это ни к чему.

Впрочем, я Полине Олеговне поверил. Похоже все это на правду. И Нифонтов тогда говорил, что не все ведьмы даже знают, что они ведьмы. Эта знает, но все равно предпочла простую человеческую жизнь.

А утром, чуть свет, я уехал в Москву. Нет, это не был побег от себя, просто решил не терять целый день. Плюс мне вспомнился ужас маминых сборов перед отъездом с дачи, когда она гоняет всех по дому со словами: «Ну хоть бы раз по-людски собраться и уехать».

И наконец, надо же узнать, поймали подъездные удава в подвале или нет?

Глава 17

— Вот тогда он ка-а-ак хвостом махнет! — взახлеб рассказывал мне Родька, размахивая мохнатыми лапками и чуть не снося со стола стаканы с квасом. — И Кузьмича ка-а-ак о стенку треснет! Тот даже охнуть не успел.

— Так и было, — степенно подтвердил Вавила Силыч. — Опять Кузьмичу не повезло. И в первый раз ему досталось, и теперь. Но ничего, схомутали гадину.

Когда я приехал домой, эта парочка сидела за столом, распивая двухлитровую баклажку кваса, которую откуда-то припер подъездный. Насколько я понял, так они праздновали свою победу над зловредным пресмыкающимся и сдержанно, по-мужски, хвалили друг друга, преуменьшая свои заслуги и отдавая пальму первенства собеседнику.

— Первую помощь-то ему оказали? — обеспокоился я судьбой незнакомого мне невезучего Кузьмича.

— Само собой, — заверил меня Вавила Силыч. — А как же.

— А вообще не такой он и страшный, этот удав, — заявил мне Родька, ополовинив стакан с пенным напитком и потеряв нос, в который, похоже, ударили газы. — Я вот как-то давно в болотах на полоза наткнулся, когда туда по клюкву ходил с тогдашним хозяином, — вот тот да, тот очень страхолюдный. И поздоровее будет, в смысле — подлиннее.

— Ну, ты просто сетчатого питона не видел, — резонно заметил я. — Боюсь, перед ним и полоз спасует. Да и анаконды вроде тоже длиной в два этажа бывают.

— А они на золото навести могут, эти твои анаконды? — со скрытым превосходством поинтересовался Родька. — Или в молодца перекинуться и девку под землю увести, чтобы там ее, значит, того? Вот то-то. Наш полоз — он не прост. А эти — обычные змеюки безмозглые.

Читал я про этого полоза. У Бажова или еще где. Вот только в наших местах данное диво не водится вроде, он то ли в Сибири, то ли на Урале обитает. Помотало Родьку по стране, однако.

— Еще он очень тяжелый был. — Вавила Силыч допил стакан и наполнил его снова. — Пока до четырнадцатого дома дотащили, все умаялись. Ну это ладно. У тебя-то как? Нашел чего?

— А как же. — Я достал из кармана полтинник и крутанул его на столе. — Вот, целую одну монету.

Родька цапнул денежку, остановив ее кружение, куснул ее и сказал подъездному:

— Серебро. С примесями, но настоящее.

— Негусто, — заметил Вавила Силыч лукаво.

— Да, — поддержал его мой помощник. — Хозяин, а чего так мало? Всего одна денежка?

— И ее хватит, — потрепал его по голове я. — Не все надо брать, что в земле лежит. И вообще, жадность — плохое чувство.

— Меня послушал, сам додумался или еще кто подсказал? — проницательно спросил подъездный.

— Всего понемногу, — не стал скрывать я.

А после рассказал им о том, что случилось со мной накануне.

— Зря от перстня отказался, — дослушав меня, практически заметил Родька. — Аметист — хороший камень, особенно если чистый, с ним много чего интересного сделать можно. И в земле он полежал, это очень хорошо. Изумруд — тот в земле силу свою теряет, не любит ее. А аметист — наоборот.

— Дурень ты, — отвесил ему подзатыльник Вавила Силыч. — Испытывал его лесовик, неужто не понял? Они всегда так — вроде человека из леса уже отпустили, этот бедолага уже просвет среди деревьев видит и лай собачий слышит, радуется, что вышел к людям, а лесовик хлоп — и по новой его в чашу завернет. Вот и тут — то же самое. Этот пенек лесной Сашу нашего вроде как хвалит, а сам в последний момент ему ловушку устраивает. Согласись он — и кто знает, что было бы.

Значит, правильно я поступил, если и подъездный той же точки зрения придерживается.

— Да и не в этом суть. — Вавила Силыч побарабанил узловатыми пальцами по столу. — Главное в другом. Честно скажу, Александр, — как по мне, так не лучшая тебе досталась доля. Близ мертвых жить не каждый сдюжит.

— Так у меня и в планах нет близ них жить, — даже немного опешил я.

— Коли с ними вожжаться начнешь, так они все одно где-то поблизости отираться станут, — заявил подъездный. — Ты не забывай, не все мертвые на кладбищах лежат. Знаешь, сколько их по городу неприкаянно бродит? У-у-у! А как в силу войдешь, так они тебя чуют и тянутся, как мотыльки к свету.

Такое мне в голову даже не приходило, хоть вроде и лежало на поверхности. Этого мне не надо.

— Но то, что сила тебя сама вела, — это хорошо, — подытожил Вавила Силыч. — Это значит, что принимает она тебя. Хоть что-то. Ты чего посмурнел?

— Да о мертвых задумался, — признался я. — Не хочу я, чтобы они тут шлялись. Я по ночам спокойно спать люблю.

— Заклинания есть специальные и наговоры — тоже, — влез в разговор Родька. — Чтобы, значит, они в дом не вошли. Не боись, хозяин, придумается что-нибудь.

— Вавила Силыч, а ты о Хозяевах кладбищ мне не расскажешь? — напрямую задал я подъездному вопрос, который меня интересовал более всего. — Кто они такие?

Я был уверен в том, что похода на погост, а то и не одного, мне не миновать, а потому надо было выяснить, чего там следует ожидать. Следовательно, нужно было подготовиться, то есть узнать все, что можно. Я уже понял: несмотря на то, что о лесных хозяевах, болотниках и прочих повелителях тех или иных мест люди давным-давно забыли, силы и могущества у них меньше не стало.

— Слышал я о них кое-что. — Подъездный слез с табурета. — Но что в том правда, а что вранье — не знаю, потому погоди маленько. Пойду за Кузьмичом схожу, от него в этом вопросе толку больше будет. Он одно время у кладбища жил, значит, знает побольше моего.

— А удобно это? — почесал затылок я. — Он же вроде как от удава пострадал.

— Кузьмича ни одна холера не возьмет, а тем более — какой-то там удав, — не без гордости за друга ответил мне Вавила Силыч и полез за холодильник.

— Родь, давай на стол чего-нибудь поставь, — сказал я своему помощнику. — Колбасу там, сыр. Все-таки человек... То есть подъездный в гости придет. Неудобно.

— Тут такое дело... — Круглые глаза Родьки уставились в белый потолок кухни. — Мы же у нас здесь к охоте готовились, обсуждали всякое. Этот... План операции разрабатывали. Вот.

Я все понял, подошел к холодильнику и открыл дверцу. Так и есть. Все та же ледяная пустыня. Даже кетчупа нет. И масленка куда-то пропала. Правда, три кубика «Магги» по-прежнему на месте.

— Н-да. — Я закрыл дверцу. — Придется в магазин идти. Лень, но надо.

— Ругаться не будешь? — то ли спросил, то ли удивился Родька.

— А надо? — уточнил я.

— Наверное, — подумав, ответил мой помощник. — А то разболтаюсь совсем. Я могу.

— Ну, значит, неделю сидеть тебе без газировки, — строго заявил я. — И без сладкого. Не знаю, насколько это для него страшное наказание, но ничего другого мне в голову не пришло.

Родька помолчал, почесал за ухом и спешно допил свой квас, как видно, рассудив, что я и его у него могу отобрать.

Минут через пять за холодильником зашуршало, и оттуда вылез Вавила Силыч с еще одной пластиковой бутылкой кваса, а следом за ним на кухне появился и пресловутый Кузьмич. Выглядел он постарше нашего подъездного, был повыше ростом и имел внушительных размеров лысину, на которой красовался пластырь, наклепленный крест-накрест. А еще он отличался от Вавилы Силыча цветом. Наш подъездный был коричневым, как желудь, а этот, скорее, сероватый, как осиновая кора.

— Кузьмич, — протянул мне свою ладонь дважды пострадавший от удава бедолага. — Со второго подъезда я.

— Знаю, — пожал я его конечность. — Наслышан. Мне вон та парочка все рассказала. А имя-то есть у вас? Как-то неудобно просто Кузьмичом звать.

— Анатолий, — проворчал тот. — Но ты как все именуешь, я давно привык.

Судя по всему, был Кузьмич не очень разговорчив, поскольку фразы свои он как бы обрубал, как видно, считая, что основное сказано, а там пусть собеседник сам додумывает.

— Рад бы чем угостить, да в холодильнике пусто, — развел руками я. — Паршивый я хозяин.

Вавила Силыч бухнул на стол бутылку квасу, а после виновато глянул на меня. Я улыбнулся и подмигнул ему, давая понять, что не в обиде за разорение холодильника.

— Отобедал уже, — сообщил Кузьмич и неодобрительно глянул на Родьку, который сразу потянулся к квасу. — Благодарствую.

Тот мигом отдернул лапы от бутылки и метнулся за стаканом для гостя.

— Гоняй его, — посоветовал мне Кузьмич, ткнув пальцем в моего помощника. — А то на шею, стало быть, сядет. Да. Ишь пройда такая!

Потом он степенно пил квас. Медленно, дергая кадыком, стакан за стаканом. Отдувался, отфыркивался, вытирал пот, стекающий с лысины.

— Жарко, — после третьего стакана сообщил он мне. — Душно тут, в городе. Сколько лет живу, а все никак не привыкну. У нас-то, в деревне...

И снова припал к стакану.

Я с уважением смотрел на него. Маленький-маленький, а сколько влезает, а? Да, крепкая старая гвардия!

— Значит, Хозяева кладбищ? — допив очередную порцию, без какого-либо перехода спросил у меня Кузьмич. — Разные они. Но скажу так — злить их точно не стоит. Сила за ними есть, и немалая. Пусть и в границах, стало быть, только их погоста, но немалая.

— Поподробнее бы, — попросил я его. — Если время есть, если мы вас не задерживаем.

— Есть, — посопев, сказал Кузьмич. — Разъехались у меня почти все по дачам да по югам. Пустой подъезд стоит, почитай.

— Везучий, — протянул Вавила Силыч завистливо. — И ведь ни одного запойного у тебя нет. Невиданное дело.

— А все почему? — Кузьмич воздел вверх кривой палец. — Работу свою делаю как должно. С душой! Кабы все так поступали, давно бы посох в нашем районе был, а не на «Соколе».

— Что за посох? — не смог удержаться от вопроса я.

— Деревянный, — пояснил Кузьмич. — С камушком в наверху. Он в свое время тому домовому принадлежал, который за палатами самого боярина Кучки следил. А с его палат-то вся Москва пошла, вон как. Его, посох этот, лет полтора назад нашли, когда палаты раскопали, и с тех пор он по рукам и ходит. Какой, стало быть, уголок города под Новый год старейшины лучшим признают, тому он до следующей зимы и достается. А с ним и удача приходит, вот так-то. Счастливый этот посох.

— И по каким критериям идет оценка? — еле удержался от смеха я.

— Чистота в районе, — загнул палец Вавила Силыч. — Порядок. Чтобы смертоубийств не было. Там много всего.

— Опять же, у кого деток за год больше народилось, — добавил от себя Кузьмич.

— Святые угодники, — опешил я. — А вы-то как тут? С какого, извиняюсь, бока?

— Если район тихий, спокойный, то и на душе у людей хорошо, — совершенно серьезно ответил мне Вавила Силыч. — А когда у людей на душе хорошо и в доме ладится, то они всенепременно деток делают. Без них и дом не дом, и семья не семья.

— Хорошо еще вечером по зиме электричество отключить, — добавил Кузьмич. — Очень способствует этому делу.

Я только головой помотал. Очень меня впечатлило это все. Нет, вы только вдумайтесь — у них, оказывается, есть переходящий деревянный посох. С камушком в наверху.

— Ладно, это все наши хлопоты. — Кузьмич вытер пот с лысины, а после поправил на ней пластырную нашлепку. — Давай о твоём интересе поговорим.

— Было бы здорово, — пододвинулся поближе к нему я. — Если можно — поподробнее.

— Что знаю — расскажу, — кивнул Кузьмич. — Не сомневайся.

А знал он и на самом деле немало, поскольку рассказ затянулся на добрых полчаса. Лесовик был прав — при каждом кладбище есть свой Хозяин. Как правило, им становился тот, с кого оно началось, покойник, который был на нем похоронен первым. Но тут был нюанс — для этого кладбище уже должно было являться именно что кладбищем, то есть иметь некую ограду, которая отделяла бы мир живых от мира мертвых, вот потому-то у тех лесных туманных нежитей старшего и не имелось. Их, похоже, просто зарыли в землю, не придав месту упокоения официальный статус. Нет его — нет и Хозяина.

Причем если первой хоронили женщину, то она в счет не шла, Хозяином мог стать только покойник мужского пола. И даже когда место его упокоения съездало время, руша надгробие и все, что к нему прилагалось, то он все равно оставался тем, кем являлся, и просто находил себе другую могилу. Как правило — постарее и повнушительнее обустроенную. С монументом там или даже с мавзолеем. Все-таки руководитель, как ни крути. Пусть и потусторонний.

Именно он, Хозяин кладбища, Костяной царь, как его еще называл Кузьмич, решал все на своей земле. Нет, была еще дирекция, охранники и прочие служители, но то все дела

людские, его не касающиеся до поры до времени. Но не дай бог людские дела вставали поперек его воли. Тут живым, кормящимся при мертвых, завидовать не приходилось, гнев Хозяина всегда был страшен. Особенно же лихо приходилось тем, кто пытался посягнуть на добро покоящихся в земле. И если забулдыг, которые допивали водку, оставленную на погосте родственниками, тот Костяной царь, о котором рассказывал Кузьмич, еще терпел, то кладбищенских воров, особенно тех, кто не ограничивался венками и цветами, а вскрывал могилы, карал безжалостно, причем дважды. Сначала — в живом виде, когда, прежде чем убить, гонял их по дорожкам до посинения, а после — и в посмертии. Тела воруго увозили в морг, а душа оставалась там, где грабитель принял смерть. И назвать ее судьбу легкой никто бы не рискнул.

Бывало, что доставалось и тем, кто над кладбищем был официальным руководством. Не секрет, что кладбищенский бизнес — один из самых выгодных, это знают все. Я лично помню лихую заварушку в начале века, когда преступные сообщества устроили передел этой собственности, вылившийся в небольшую войну со стрельбой и взрывами. Тогда про это много писали.

Так вот, до людской наживы Хозяину кладбища дела нет, его деньги не интересуют. Но если те, кто служит мертвым, начинают ради своей выгоды слишком зарываться и творить бесчинства, вроде запретов на установку памятников, которые заказаны не в местной мастерской, или даже вовсе закрывать доступ к могилам, то здесь Костяной царь может и показать, кто тут настоящий хозяин. Так сказать, сместить руководство. Насовсем.

Посмертно.

А так он людей не трогает. Они ему неинтересны. И простым посетителям, которые не нарушают покой кладбища, там бояться нечего, даже ночью. По крайней мере, мертвых — точно. Не тронут они их. Наоборот, бывали случаи, когда Костяной царь даже защищал живых от живых же, и ничего удивительного тут нет. Это его владения, и он, как добрый господин, обязан прийти на помощь человеку, которого хотят ограбить или даже убить. Всякие же рассказы о ходячих мертвецах, которые выходят из могил и пьют кровь, не более чем сказки, в которые верить не следует. Тут люди путают простых покойников и упырей, а это разные сущности. Да и не сунутся упыри на кладбище сроду, их Хозяин на них не переносит.

— Вон как. — Я удивился. — А мне лесовик говорил, что там, на погосте, надо держать ухо востро.

— Тебе — да, надо, — подтвердил Кузьмич. — Я же говорил о чем? Что простым людям не надо беспокоиться. А ты не простишь теперь. В тебе сила бесхозная есть, мертвяки ее точно почуют и захотят около нее погреться. Дармовщинка, считай, как не попробовать тебя объегорить? Да и когда сила тебя признает, тоже не следует думать, что все станет проще. Ты ведьмак, не забывай об этом никогда. Мертвым ваше племя не враги, но и не друзья, нападать в открытую никто не станет, но и жалеть тебя, если слабину дашь, тоже не будут. И защиты от Костяного царя не жди. Не резон ему тебя защищать, у тебя дар есть его подданных на волю отпускать, а он этого не любит.

— А как погреться-то они хотят? — недоумевал я. — И при чем тут мое имя? Мне лесовик говорил про ключи, двери, но я толком ничего не понял.

— Родовое имя, тобою же произнесенное, откроет неуспокоенной душе дорогу к сути, — вместо Кузьмича, который грозно засопел, удивляясь моей тупости, ответил Вавила Силыч. — Твоей сути, Александр. К сознанию твоему, если проще. А там все зависит от того, кто крепче — ты или эта душа. Если ты, то выдворишь ее из себя навсегда. Если она, то беда. Захватит мертвяк твое тело, и все, что к нему прилагается, то есть и силу. Не навсегда, ненадолго, но захватит. И кто знает, что с ним учудит? Может и ногу сломать, и даже шею свернуть, что ему за печаль до твоих бед? Нога еще ладно, в гипсе полежал — и живи дальше. Если ухайдакает мертвец тело, то тогда все, твоей душе возвратиться некуда будет.

— Потому на кладбище никогда ни с кем не откровенничай, — назидательно произнес Кузьмич. — Кто бы ни подошел, что бы ни спросил. Они хитрые знаешь какие?

— А если его кто-то другой назовет? — озадачился я. — Мы с родителями раз в год на родные могилы ездим, не будут же они все время безлично ко мне обращаться?

— То другое, — пояснил Кузьмич. — Тут важно, чтобы ты сам свое имя назвал и доброй волей, без этого ничего у неуспокоенной души не выйдет.

— Еще вопрос. — Я отпил квасу. — Если понадобится, я смогу с Хозяином кладбища поговорить? Мало ли как дело повернется, вдруг пригодится.

— Да запросто. Но только если он сам этого захочет. — Кузьмич ухмыльнулся. — Иди в самую старую часть кладбища или на перекресток в самом его центре. Там найди дерево сухое, безлистное. Поверь, оно непременно отыщется, не может быть такого, чтобы его не оказалось. На дереве этом найди место, куда дар Костяному царю положить можно. Может,

в сплетение сучьев, может, еще куда, там такое обязательно будет. Положишь дар, скажешь: «Прими, Хозяин кладбища, подношение мое. Если тебе будет оно по нраву, то и мне будет радостно». После этого жди; если он захочет с тобой побеседовать, то даст тебе знак. Огонек могильный засветится или подойдет кто-то и тебя за собой позовет. Но помни — делать подобное надо не раньше заката и не позже того времени, когда восток синеть начнет. Днем он не спит, понятное дело, но в разговоры с кем-либо не вступает почти никогда.

— А что за подношение надо ему нести? — Я полностью обратился в слух.

— Мясо с кровью, желательно — говядину, — со знанием дела ответил Кузьмич. — Фарш можно, особенно если свежий, с сукровицей опять же. Еще сметана годится, но только в открытой посуде. Банка там или крынка. Хотя где теперь крынку сыщешь? А всякие новомодные гостинцы, вроде чипсов или шоколада в фольге, не носи. Не примет.

— Нелогично, — заметил я. — Он же нежить, насколько я понимаю. Зачем ему еда? У него же желудка нет.

— Полагаю, что вопрос — в глубоком уважении, — подумав, выдал Кузьмич. — И потом — у него слуги не только мертвые, но и живые есть. Собаки, кошки кладбищенские — они тоже при нем состоят.

— Непросто все это, — вздохнул я. — Запутанно.

— Привыкнешь, — ободрил меня Кузьмич. — Со временем. Если только глупостей не наделаешь и сам в свиту какого-нибудь Костяного царя не попадешь.

— Не должен, — уверенно произнес Вавила Силыч, чем мне очень польстил. — Набирается ума вроде помаленьку. Вон с лесовиком поладил. А у них характер не сахар, ты же знаешь.

— Это да, — подтвердил Кузьмич. — Скандальные они. Это не трожь, то не трожь, тут не рви, там не топчи. Хуже них — только русалки.

— Они такие дуры!!! — как видно, Родьке было что рассказать по этому поводу, он дернулся на табуретке так, что чуть с нее не упал. — У нас их с дюжину живет! Так как лето, они волосы свои чешут и молодых мужиков ждут. У нас молодых уже лет двадцать как нет, и им всем сто раз говорено, что не придут они, неоткуда им взяться, мол, уплывайте уже отсюда. А эти, как полнолуние, сидят на берегу и гребешками орудуют. Ждут. Ну не дуры?

— Да это ладно. — Кузьмич хмыкнул. — Вот помню, пошли мы как-то с овинником и банным на Ивана Купалу к Неглинке. У меня просто тогда там рядом палаты стояли... Мне стало понятно, что познавательная часть беседы закончилась и начались воспоминания, которые имеют немалую ценность для фольклористов, но лишены практического смысла. То есть можно смело отправляться в магазин, поскольку есть-то мне что-то надо и сегодня вечером, и завтра утром.

Мои гости и примкнувший к ним Родька уже всю разошлись, перебивая друг друга и вываливая все новые и новые воспоминания о своих похождениях в те времена, о которых я только в исторических романах читал. Сами посудите — тот же Кузьмич на Неглинку ходил. Неглинку, которую еще при царе-батюшке под землю законопатили!

В общем, под шумок я квартиру и покинул, причем, как мне показалось, никто этого даже не заметил.

Забавно, а я как-то уже совсем сроднился с этими представителями фольклора. Seriously. Более того, я их начинаю воспринимать в качестве своих друзей. По идее, это противоестественно, хотя бы потому, что они не люди. В прямом смысле не люди. Они не принадлежат к доминирующей на этой планете расе.

Но только являюсь ли я сам теперь человеком в полной мере? Хотя что за чушь. Конечно же являюсь. Но вот вопрос — останусь ли я им после того, как сила меня примет? Не факт. Люди в наше время столько не живут, сколько, например, протянул Захар Петрович. Я уж молчу обо всем остальном. Да вот хоть бы зелья. Почему-то есть у меня уверенность в том, что если бы, например, Пашка Винокуров попробовал изготовить пресловутые кристаллы страстной любви, то есть сделал бы то же, что и я, — побросал в котел те же травы, а после прочел наговор, то ничего бы у него не получилось. Тут нужно нечто большее. И это большее не человеческой природы.

Подобные мысли вертелись в моей голове и до того, как я неторопливо шел к магазину, и тогда, когда я уже топал домой. Они меня увлекли до такой степени, что я даже не услышал, как меня у подъезда окликнула Маринка.

Я заметил ее только тогда, когда она меня за рукав дернула.

— Смолин, — буквально проорала она мне в ухо, — ты чего? Ушел в себя, буду нескоро? Она была, как обычно, свежа, непосредственна и с компанией. С ней был тот мрачноватый парень, с которым она меня знакомила на лестнице недели две назад. Если не ошибаюсь, звали его Сергей Севастьянов.

— Ну да, — ответил я ей, пожимая Севастьянову руку. — Вроде того.

— Ты почему дома? — спросила Маринка. — Ты же вроде за город собирался?
— Уже вернулся. — Я поставил пакеты с продуктами на лавку. — А вы куда намылились?
В кино?

— Почти. — Маринка заливисто рассмеялась. — В еще то кино. Ужастик смотреть.
Нет, все-таки я ей где-то даже завидую. Времени-то прошло всего ничего с той ночи, когда
нас чуть не прикончили. Как она тогда орала, ножками топала, ведь даже стошнило ее — и
на тебе, никаких следов пережитого стресса. Идет в кино ужасы смотреть. Счастливый
человек с устойчивой психикой.

— Нет, Смолин, все круче. — Маринка сузила глаза, как видно, желая погрузить меня в
мир тайн и мистики. — На кладбище мы едем! На кла-а-адбище!

И она растопырила пальцы, а после поднесла их к моему лицу, видимо, желая усилить
эффект.

Но особой нужды в этом не было, я и так был впечатлен.

А еще у меня в ушах прозвучала вчерашняя фраза лесного хозяина о кукушке и ее яйце, из
которой следовало, что только это в мире и бывает случайно. Все же остальное просто так
не происходит.

Значит, и действовать мне теперь надо соответственно. Использовать те шансы, что
подворачиваются, и не верить в совпадения и в то, что если на этот раз не получилось, то в
следующий-то точно выйдет как надо. Следующего раза может и не быть. Да и не
получится у меня уже безмятежно существовать как раньше, спокойно плывя по течению.
Жизнь не даст этого делать. И судьба — тоже. Тут либо так, либо никак.

Не могу сказать, что мне это очень нравится, но выбора нет.

Или все-таки нравится?

— Странный выбор для воскресной прогулки, — вкрадчиво произнес я. — Нет, некий
романтизм в этом есть. Я бы даже сказал — это вполне себе готичненько. И все же —
какого вы забыли в местах вечного упокоения?

— Да какая там прогулка? — Севастьянов сунул в рот сигарету и щелкнул зажигалкой. —
Беспредел сатанинский в чистом виде, как в девяностые, если не хуже. Какого-то мужика
распластали, как семгу на разделочной доске. О, хорошо сказал, надо запомнить, может
пригодиться.

— Звучно, — согласилась Маринка. — И метафоры такие жесткие, по теме. Ну, мы едем?
Она подошла к не слишком новой «Королле», которая, похоже, принадлежала
Севастьянову.

— А возьмите меня с собой, — попросил я у них. — Мне все равно делать нечего.

— Оно тебе надо? — изумился Сергей. — Ладно бы мы на вернисаж какой ехали или на
фуршет, там хоть пожрать можно. Тут-то кладбище, да еще и с расчлененкой.

— Дома сидеть неохота, — пожал плечами я. — И потом, кладбище не самое скверное
место для прогулок. Тихо, спокойно, памятники архитектуры красивые встречаются.
Севастьянов с сомнением посмотрел на меня, потом на Маринку. Та нацепила на нос
модные солнцезащитные очки и сказала:

— По сути, он прав. И вообще, в ряде стран кладбища входят в туристическую программу.
Например, во Франции есть Пер-Лашез. И еще Сен-Женевьев-де-Буа.

— У вас тут плиты электрические или газовые? — деловито спросил у меня Севастьянов.

— Электрические, — ответил я. — А что?

— Ну, тут два варианта — либо вы здесь газа нанюхались, либо что-то у вас не так с водой,
подмес психотропов происходит в вашем водораспределителе. Не могут в одном подъезде
обитать два человека с одинаковой шизой. С разной — да. Но с одинаковой?

— У нас — могут, — заверила его Маринка, плюхаясь на переднее сиденье и доставая из
сумки сигареты.

— Ну как? — Я уставился на Сергея.

— Да бога ради, — развел руки в стороны тот. — Мне не жалко. Но если что — ты тоже
журналист, внештатник. Стасу так и скажешь.

— Ага, — обрадовался я. — Тогда пять минут. Жратву домой отнесу только.

Уже в дороге, лихо руля, Сергей объяснил мне, что Стас, о котором он раньше уже
упоминал, — это его одноклассник, он в СКМ служит, как раз в том районе, где кладбище
расположено. Полицию вызвала обескураженная случившимся дирекция, а он, Стас этот
самый, слил информацию Севастьянову, по дружбе. Ну и по договоренности, поскольку за
эти сливы он имел свой небольшой интерес в редакции.

Вообще же этот случай не первый, и на других погостах такое случалось. Но информация
это закрытая, причем всерьез, в прессе, даже желтой, пока ни про один из этих прецедентов
не писали. Откуда-то сверху это дело, похоже, курируют, потому как такое шило запросто в
мешке не удержишь.

Слушая его, я вспомнил, что про нечто подобное мне Нифонтов рассказывал. Похоже, что речь об одном и том же идет. Тогда понятно, кто блокирует прессу. Нет, не сам отдел, думаю, что у них руки не такие длинные. Но что по их наводке — это точно. Вот только одно плохо — если все так, то ритуал — дело рук ведьмака, и это может мне осложнить жизнь. Я сам еще не ведьмак, но вот только для Хозяина кладбища, который наверняка в бешенство пришел от произошедшего, это будет не аргумент. Он до кого из нашего брата дотянется, того и пришибет, не разбираясь, кто в каких чинах состоит. Нет, огляжусь — и ходу оттуда. До темноты, слава богу, времени еще много. Кладбище оказалось расположено далеко от нашего дома, на западе Москвы. Старое, с высокими березами, которые были видны из-за глухого забора, и с широкими дорожками, присыпанными песком. У входа нас поджидал тот самый Стас — невысокий, но очень крепко сложенный парень в серой легкой куртке. — Ну вы где запропали? — вместо приветствия набросился он на нас. — Там уже почти все, скоро его запаковывать будут и на экспертизу. Он приветливо кивнул Маринке и задержал на мне взгляд. — Это тоже наш, — бросил Севастьянов, убирая в карман ключи от машины. — Внештатник. — Хорошо. — Парень сунул мне руку. — Стас. Так, сразу — не фотографируем ничего, не злим мое начальство. Если что, то я вам потом снимки из наших пришлю. Все, погнали. И он почти побежал вглубь кладбища, мы поспешили за ним. — Зря так легко оделась, — сказал он Маринке на ходу, глянув на ее открытые руки. — Комары тут звери, корову загрызть могут. — Ты же мне одолжишь куртку? — проворковала моя соседка тоном «а-ля будуар». — Не-а, — помотал головой Стас. — У меня под ней ствол, шеф не любит, когда мы их светим. И потом, я от комариных укусов чешусь очень. — Куда мир катится? — Маринка хлопнула себя по руке, как видно, убив первого комара. — Перевелись джентльмены. Мы дружно промолчали. Мужчину убили в новой части кладбища, место преступления уже обтянули полосатой лентой, и внутри получившегося квадрата, между могилами, сейчас топталось изрядное количество народа. Там мелькала полицейская форма, белые халаты медиков и серые пиджаки, видимо, принадлежавшие местной администрации. — Калинин, — к Стасу, который поднырнул под ленту, подошел немолодой мужик с короткой стрижкой и резкими чертами лица. — Тебя где черти носят? И кто это с тобой? — Пресса, — коротко ответил наш проводник. — На фига? — не обращая на нас внимания, спросил у него мужчина, как видно, тот самый шеф. — Потому что свои, — деловито объяснил Стас. — Лучше пусть они пишут, если придется, чем какие-то другие. Эти хоть подконтрольные, лишнего не брякнут и все в нужном свете подадут. Плюс они — наша отмазка. Если что — журналисты уже были, им все рассказано, а кто не успел — тот опоздал. — Убедил, — признал мужчина и махнул рукой, мол, за мной идите. Лучше бы я этого не делал. Лучше бы я там, за лентой, постоял. Нет у меня привычки к таким зрелищам, не мое это. Я только глянул на то, что осталось от человека, лежащего на дорожке между двумя массивными надгробиями, хватанул воздуха и, зажимая ладонью рот, кинулся назад, туда, где видел мусорный бак, надеясь, что успею до него добежать.

Глава 18

Утешало только одно — не меня одного вывернуло по полной. Когда я уже вытирал рот платком, прибежала бледная как смерть Маринка с выпученными глазами и тоже склонилась над баком. — Они его с места сдвинули, чтобы в пакеты убрать, — закончив свое дело, сообщила мне она, тяжело дыша. — Кошмар какой-то. Там все как пазл рассыпалось. И она снова сунула голову в бак, издавая гортанные звуки. Да и у меня к горлу опять подкатило. Это кем же надо быть, чтобы такое с живым человеком сделать? Я пару-тройку раз набрал воздуха в грудь, а после резко выдохнул. Вроде помогло, приступы тошноты отступили.

— Знаешь, Смолин, я вообще-то девчонка крепкая, всякое видела, меня натурализмом особо не смутишь, — сказала Маринка, закончив опорожнять желудок. — Но тут что-то совсем уже кошмар-кошмар. Перебор.

— Знал бы, что такой ужас, фиг бы с вами поехал, — поддержал ее я.

— Мне вообще непонятно, с чего ты нам на хвост сел, — пронизательно заметила моя соседка, доставая из своей сумки упаковку с влажными салфетками.

Да я и сам сейчас до конца не смог бы этого объяснить. Тогда, у подъезда, у меня был импульс. Рука судьбы, понял я некое логичное завершение событий этой недели. Лесные тени, мое предполагаемое ведьмачье призвание, рассказ Кузьмича о Хозяине кладбища... и вот, финал — выезд на настоящий погост. Я был воодушевлен, я начал верить в свою звезду.

Там это виделось так. А здесь — вот вообще по-другому. Кровь и куски человеческого тела на старой могиле, огороженной лентами, особый вязкий воздух, высоченные деревья, закрывающие солнечный свет своими кронами, — все это порядком осадило меня. Не так все просто оказалось, не так мне все представлялось около дома.

Нет, никакого страха или душевного дискомфорта не было. Просто пришло понимание того, что решение отправиться сюда было скоропалительным.

— Интересно, а чем тут кошки питаются? — произнесла вдруг Маринка, комкая салфетку и щелчком отправляя ее в бак. — Тем, о чем я подумала?

Я проследил за ее взглядом и увидел кошку, сидящую неподалеку от нас. Была она рыжеватого окраса, невеликого размера и, я бы так сказал, аккуратненькая вся.

— Кис-кис-кис, — поманила ее Маринка.

Кошка на это только зевнула и прищурила один глаз, как бы говоря: «Делать мне больше нечего».

— Дикая совсем, — моментально вынесла свой вердикт Маринка и направилась туда, где полицейские начали что-то шумно обсуждать.

Кошка презрительно фыркнула ей вслед, будто поняла, что та сказала. Или и вправду поняла? Я оценивающе посмотрел на нее. Кошка как кошка, ничего особенного. Но стоило мне только шагнуть в сторону, как она вскочила с места.

Значит, все-таки не так она и проста. И приставили ее, похоже, именно ко мне.

Ради эксперимента я прошелся мимо могил по ближайшей дорожке. Потом повернул на другую. Кошка неотрывно следовала за мной на расстоянии шагов десяти, не сводя с меня глаз.

— Это не моих рук дело, — сказал я ей, прекрасно осознавая, что слова будут донесены до местного главного. — Мне подобное и в голову прийти не могло. И потом, я уважаю чужие права и не стал бы пакостить на территории, у которой есть хозяин. Здесь я исключительно за компанию с той странноватой девицей.

Кошка мякнула, а после шмыгнула в разросшийся кустарник рядом с почти ушедшим в землю надгробием, которое было еле различимо в летней зелени.

Крепко подозреваю, что местный Хозяин кладбища и так знает, что это не моих рук дело. Другое странно — как он позволил здесь подобное учинить? Насколько я понял из рассказов Кузьмича, власть у него на своей земле почти беспредельная и он мог бы при желании здесь любого прикопать.

Почему же тогда он позволил сделать вот такое? Не знал? Не видел? Меня его кошка нашла мигом, а резню по живому телу, с криками и всем таким, она прозевала? Не сходится задачка. Ну, пусть даже криков не было, на них бы и простые сторожа сбежались, те, что из мяса и костей. Положим, заткнули бедолаге рот. Но все равно — боль, ужас, эманации страха. Это все не пропустишь, даже я, со своим куцым пока чутьем, что-то такое там ощутил, прежде чем блевать побежал. А он это все как-то прозевал.

Или не захотел вмешиваться, решил отсидеться в стороне?

Кто же это тогда тут чудачил? С такой мощью, что заставил Хозяина кладбища не влезать? Хотя я же догадываюсь кто, мне эта мысль в голову недавно уже приходила. Это тот самый ведьмак, которого ищет Нифонтов. И теперь я точно уверен в том, что не хочу с ним встречаться. У меня нет ни малейшего желания превращаться в суповой набор.

Впрочем, может, я и не прав. Может, это обычные сатанисты, а жизнь им веселую не устроили только по той причине, что их было много. Это одного-двух гонять несложно по дорожкам, а толпу рыл в пятнадцать ни один Хозяин кладбища с панталыка не собьет.

— Молодой человек, — отвлек меня от мыслей дребезжащий голос, — извините, вы мне руку не подадите?

Повернув голову влево, я обнаружил рядом с собой невысокую, старомодно одетую старушку в забавной шляпке с вуалькой. Ну, как рядом с собой? Она стояла на расстоянии вытянутой руки от меня у неухоженной могилы и опасливо смотрела на разросшийся колючий кустарник, вольготно расположившийся между нами. Такие кусты тут много где

росли по краям обширных прямоугольников, которые назывались участками и были заполнены могилами. Собственно, из этих участков, по сути, и состояло кладбище. Причем каждый из них имел свой порядковый номер, чтобы можно было отличить один от другого. Для того же, чтобы понять, где какой, вдоль тропинок были расставлены путевые столбы с написанными на них цифрами.

Я подал старушке руку, та вцепилась в нее и осторожно, по шажочку, начала обходить куст. — Куда смотрит администрация? — требовательно спросила она у меня. — Почему все это не вырежет, не выкорчует?

— Не знаю, — ответил я ей. — Наверное, есть в этом резон. Так-то тут вон чистота какая. Мусора нет, деревья опилены где надо, песочком все засыпано.

— Не знаю, не знаю, — немного сварливо сказала бабка. — Вы-то молодой, вам везде пройти легко будет, а вот мне уже тяжело. Особенно эта растительность раздражает. Она обошла куст и даже пнула его ногой.

— Да ладно вам, — примирительно произнес я. — В конце концов, зайдите в администрацию кладбища, напишите бумагу на имя директора. Сейчас на обращения граждан быстро реагируют, не то что раньше.

— Много вы знаете о том, что было раньше, — скептически пробормотала старушка. — Что вы видели в своей жизни? Мой милый... Да, упустила совсем... Как вас зовут? Старушка подняла голову, и я увидел, как сквозь вуальку блеснули ее глаза.

Она ведь меня почти поймала, ради правды. Как у меня не вырвалось: «Александр», — даже не знаю. На выдохе успел затормозить.

— Анатолий, — чуть замешкавшись, ответил я.

В этот же миг ее рука сжала мое запястье с невероятной силой, я даже вскрикнул — и от боли, и от неожиданности.

Вуалька сама собой завернулась на край шляпки, и на меня уставились мутно-мертвые глаза без зрачков. Это было впечатляюще. Правда-правда. Меня, по крайней мере, проняло. Не так, как там, у разделанного на запчасти тела, но здорово. Все-таки не каждый день с ходячими трупами встречаешься.

Мертвячка дернулась, ее бледные губы пошевелились, но ничего не происходило.

— Не выходит? — собрав всю имеющуюся в наличии волю в кулак, насмешливо спросил я у нее. — Никак, да?

Самое забавное — еще пару недель назад я бы тут, на этом самом месте, скорее всего, от страха и помер. Или, как минимум, штаны бы намочил. Вот глянул бы в эти мутные буркалы и синюшное лицо — и все, разрыв сердца на месте.

А тут вроде как и нормально все. Ну да, потряхивает маленько от нештатности ситуации, но при этом я контроля над собой не утратил. Вон даже шучу, пусть и немного натужно.

— Знал? — недовольно процедила она.

— Про ваши трюки с подселением в тела? — уточнил я. — Конечно. И ты это, давай клешню свою отцепляй от моей руки.

Мертвячка отпустила мое запястье, скривила рот так, как живой сроду не сделает, погрозила мне пальцем и истаяла в воздухе. Причем одежда ее осела на землю, а после выпиталась в нее, как вода.

— Спецэффекты те еще, — признал я, стирая пот со лба. — Спилберг и сыновья.

— Мя-а-а, — услышал я и, подняв голову, увидел на соседнем дереве все ту же рыжую кошку.

— Недоработка, — сказал я ей. — Почему мертвые днем по территории шастают? А если бы посетители это увидели?

Кошка фыркнула и отвернулась от меня.

— Кладбищенский дозор, понимаешь, — пробормотал я и огляделся.

Однако печально. Со всей этой суетой и хождениями я в результате совершенно запутался. Аллеи тут были одинаковые, а потому отыскать ту, на которой остались мои знакомые, я затруднялся. Раньше они шумели так, что их было слышно издалека, но за это время, судя по всему, труп собрали, упаковали и унесли, а следом отправились и полицейские.

Главное, вроде и отошел-то всего на пару шагов. Но нет — все вокруг не то.

Хотел было позвонить Маринке и обнаружил, что телефон дома забыл. Опять. Надо таблетки попить какие-то, наверное, память ни к черту.

Побродил и вышел к мусорному баку. Обрадовался — вроде тот самый. Оказалось, что нет, не тот. Около того торчащего из земли ржавого крана с вентилем не было. Рассудив, что я его мог просто не заметить, заглянул в бак. Нет, точно не тот. Характерных признаков нет, а должны быть. Мы в него все-таки вдвоем... того, причем недавно, такое быстро не исчезает.

При этом паники никакой у меня не было — с чего бы? В лесу не заплутал, а уж отсюда точно выберусь. И вообще, прозвучит по-дурацки, но здесь, в царстве мертвых, я ощущал

себя комфортно, даже инцидент с мертвячкой меня не вывел из равновесия. Страху поначалу нагнал, но душевный настрой не поменял. Помню, раньше в подобных местах мне было маятно, хотелось поскорее отсюда свалить к людям, где пошумнее. А сейчас ничего подобного даже и рядом нет.

Да и потом, как тут заблудишься? Вон указатель, на котором красуется надпись: «На главную аллею». Главная аллея в любом случае ведет к выходу с кладбища. Другой разговор, что до дому ехать долго. А сладкая парочка журналистов меня искать не будет, в этом я не сомневался. Они ребята простые, подождут у машины минут пять, пока курят, потом Маринка мне пару раз позвонит, не дожидаясь ответа и скажет:

— Домой, наверное, уехал.

И все. И отчалят они по своим делам. А мне потом через всю Москву своим ходом чапать. Я дошел до очередного перекрестка и повертел головой. Никого, ничего. Хотя нет — вон там вроде кто-то есть, и этот кто-то идет мне навстречу. Вряд ли ищут меня, но, может, этот посетитель проходил мимо места преступления и меня сориентирует?

И я угадал. Этот человек точно мог меня сориентировать. Это был Нифонтов.

— Привет, — сказал он мне, когда мы поравнялись. Причем мне показалось, что он совершенно не удивлен нашей встрече. — Видал?

Я понял, что он говорит про убийство.

— А то. — Мне даже не пришлось добавлять в голос эмоций, все было натурально. — Ужас какой.

— Да, на этот раз даже я впечатлен, — согласился он со мной. — Доводилось мне видеть расчлененку и похлеще, но там работали твари ночные, живущие рефлексом и не отягощенные моральными принципами. А иногда — даже и рассудком. Но тут-то человек орудовал, а это совсем другой расклад. Да, ты в курсе, что погибший был ведьмаком?

— Откуда? — Мне показалось, что на меня вдруг повеял холодный, пронизывающий до костей ветер.

— Представь себе, — невозмутимо сказал Нифонтов. — Самый что ни на есть, настоящий. Крепко вашего брата прорезивают, прямо как морковку на грядке.

— Ох, — из соседних кустов на землю выбралась какая-то помятая фигура. — Упал, упал... Ногу больно. Юноша, вы мне не поможете? Вот вы, тот, что поближе ко мне стоит.

Нифонтов положил мне руку на плечо, пытаясь остановить, хотя я и не подумал даже двигаться с места.

— Иди туда, откуда пришел, — посоветовал я фигуре. — И остальным скажи — второй раз шутка уже не так заходит. Хотя и с первым разом не сложилось. Не смешно было. И не сильно страшно.

Мертвец ничего мне не ответил, а просто в тот же момент превратился в дымок, который немедленно развеял легкий порыв ветерка. Причем этот исчез прямо с одеждой.

— Матереешь. — Нифонтов глянул на меня, и в его взгляде я заметил уважение. — Уматереешь. Быстро, быстро. Не ожидал.

— Есть маленько. — Его похвала оказалась мне неожиданно приятна. Наверное, потому, что немного совпала с моими собственными мыслями по этому поводу. Самому себя хвалить — дело такое, ненадежное. Другой разговор, если это потом другие подтверждают.

— А теперь скажи мне, приятель, — ты здесь вообще какими судьбами оказался? — потребовал он. — Не похоже, что это кладбище находится рядом с твоим домом.

В двух словах я описал ему сложившуюся ситуацию, не касаясь, впрочем, причин, побудивших меня приехать сюда.

— Можно было бы все списать на случайность, — помолчав, сказал Николай. — Но это в том случае, если бы я в них верил. Чего-то ты недоговариваешь. С приятелями твоими все ясно, это их хлеб. Но ты не стрингер, отсюда вопрос: с какого это перепуга тебя потянуло на кровяную поглядеть?

— Есть повод, — подтвердил я. — Но о нем лучше не здесь.

— С чего бы? — изумился Нифонтов. — Место тихое, спокойное, народ вокруг все больше безобидный, неразговорчивый.

— Спорный вопрос. — Я показал на рыжую кошку, которая снова появилась в поле моего зрения и теперь сидела шагах в пяти от нас.

— А, ты про этих, — понятиливо кивнул Николай. — Да, глаза и уши Хозяина. А тебе есть что от него скрывать?

— Не то чтобы... — помялся я. — Но в последнее время в определенных ситуациях стараюсь побольше слушать и поменьше говорить.

— При твоей профессии ты это должен был начать делать давным-давно, — назидательно произнес Нифонтов. — Ладно, не вопрос. Мне все равно еще часа два убить нужно, потому можем побеседовать и в другом месте.

— Мне бы еще моих спутников найти. Не поверишь — потерялся я тут. Свернул куда-то и теперь то место, где убийство произошло, найти не могу. А телефон дома остался.

— Обычное дело, — приободрил меня оперативник. — Я поначалу тоже на кладбищах плутал по полной программе. Вроде и участок знаешь, и вон указатели висят, а все равно, пока нужную могилу найдешь, упаришься весь. А если дело летом происходит и дожди были, то еще и комары зажрут. Они на кладбищах всегда зверствуют ужасно. Сейчас-то хорошо, сухо, а в сырую погоду — у-у-у!

Конец его речи я дослушивал уже на ходу, поскольку он шустро зашагал по дорожке, уверенно поворачивая то налево, то направо.

И всего через каких-то несколько минут я оказался в том месте, которое безнадежно искал, оно было совсем рядом. Даже странно, что я сам к нему не вышел. Или это было закономерно? Не знаю.

Обнаружились там и мои приятели, они беседовали со Стасом, который что-то им негромко объяснял, активно при этом жестикулируя.

— ...пока не надо, — услышал я конец фразы, приблизившись к ним. — Как можно будет — дам отмашку.

— Горячий матерьяльчик, — вкрадчиво произнес Севастьянов. — Стас?

— Материал не колбаса, не протухнет, — жестко произнес полицейский.

— Протухнуть не может, но зато актуальность потеряет, — объяснил приятелю журналист. — Сам же знаешь, это ведь прописные истины.

— Серый, мы дружим с первого класса, и ты меня за это время изучил не хуже, чем себя. — Стас достал из кармана сигареты. — Если я сказал «нет», значит, нет. А если ты плюнешь на мои интересы, то сам знаешь, что будет. Помнишь, ты в шестом классе все-таки кинул карбид в унитаз в туалете на третьем этаже, хоть я и просил тебя этого не делать? Чем дело кончилось?

— А чем дело кончилось? — заинтересовалась Маринка. — И зачем кидать в унитаз этот самый карбид?

— Кидают его для смеха. Там химическая реакция начинается, зрелище еще то, — объяснил ей Севастьянов. — А кончилось это тем, что Стас со мной потом полгода не разговаривал. Игнорировал меня. Демонстративно.

— У меня мама тогда как раз в школу вечерней уборщицей устроилась, — пояснил полицейский. — Я особо это не афишировал, зачем? Сами понимаете, ей все это убирать пришлось. Точнее, я тогда сам все в порядок приводил, после этого придурка.

— Сказал бы сразу, — насутился Севастьянов. — Чего молчал? Я же не знал. И извинился потом перед тетей Наташей. Она меня, между прочим, сразу простила.

— А просто выполнить просьбу друга было сложно? — сдвинул брови Стас. — Без вопросов и объяснений?

— Ты всегда любил играть втемную, — разошелся Севастьянов. — Вечно буркнешь что-то вроде: «Так надо» — и все. И я гадаю — почему надо, отчего надо...

— Успокойтесь, девочки, — попросила их Маринка. — Что с этим материалом делать будем?

— Ждать будем, — махнул рукой ее коллега. — Пока соизволения Станислава не воспоследует.

— Вот! — Полицейский одобрительно кивнул. — Правильные слова. Серый, да не менжуйся. Такое шило в мешке не утаишь, особенно при нынешнем развитии технологий. Один фиг, просочится что-то в Сеть, а потом и ваше время придет. У тебя же, по сути, эксклюзив, причем с фотоматериалами и комментариями сотрудников полиции. По-хорошему, ваш «Столичный вестник» мне очередную «поляну» задолжал.

— Будет тебе «поляна», — пообещал ему Севастьянов. — Я шефа распатроню. Он у нас дядька лютый, но тему понимает и на такие вопросы не жметя. Нет, сначала, как и полагается, поорет, но потом открывает сейф с кассой.

Пока они общались, последние полицейские покинули кладбище, даже ленту, огораживающую место преступления, и то сняли.

— Ладно, поехали и мы. — Маринка поехала. — Вечереет, однако. Сань, может, заедем куда-нибудь, выпьем по маленькой? Какое-никакое, а нервное потрясение. Не каждый день такое видишь.

Она бросила взгляд в сторону могильной плиты, на которой даже отсюда можно было разглядеть потеки бурого цвета.

— Понимаю, что прозвучит странно, но я тут останусь, — помявшись, сказал я. — Просто знакомого встретил, хочу с ним поболтать.

И я показал на Нифонтова, который стоял неподалеку от нас.

— Интересные у тебя знакомые, — немедленно сообщил мне Стас. — Серег, он точно именно ваш внештатник? А то, знаешь, мысли у меня сейчас разные возникли на этот счет.

— Значит, все-таки тогда я не бредила, — расстроено заметила Маринка. — Помню я этого твоего приятеля, и его появление разрушило стройную теорию, которую я себе создала.

— Красиво сказано, — отметил Сергей. — А что за теория?

— Мне надо выпить, — решительно заявила моя соседка. — Вези меня домой, у меня там есть бутылка самбуки. А по дороге я расскажу тебе жуткую историю, в которую влипла по милости вот этого негодяя.

Негодяем был, разумеется, я.

В общем, мы с Николаем уходили с кладбища последними. И уезжали — тоже, на стоянке не было ни полицейских машин, ни «Короллы» Севастьянова.

— Тут неподалеку есть кафе с восточной кухней, очень приличное место, кормят неплохо и недорого, — сказал мне Николай. — Как насчет плова? Плов у них замечательно хорош, правильный. Из девзиры, с нутом, с барбарисом. Я в прошлом году в Узбекистане был, в командировке, так вот этот не хуже, чем там.

— Исключительно положительно, — сглотнул слюну я. — Но я бы лучше шашлыка покушал или какого другого жареного мяса.

— Будет, — заверил меня оперативник. — Я угощаю.

Все было так, как он сказал, — кафе находилось недалеко от кладбища, минутах в десяти езды.

— Ну а теперь рассказывай, — потер руки Николай, когда мы сделали заказ и официантка в пестром халате отошла от нашего столика. — Что же такое с тобой случилось?

И я рассказал ему о своих похождениях на выходных. Про тещу только не стал упоминать. А зачем? Сдалась она ему. И потом, хоть она и распорядилась нашими со Светкой судьбами по своему усмотрению, но сдавать ее оперативнику я не захотел. Какая-никакая, а родственница. Пусть даже и бывшая.

— Интересное кино выходит, — сообщил Нифонтов, дослушав мой рассказ. — Значит, та сторона тебя поманила к себе? Нечасто такое случается. Поздравлять не буду, общение с мертвыми — штука непростая, но и печалиться особо не стоит, потому как из подобного дара, при правильном подходе к делу, можно немалую выгоду для себя извлечь.

— Даже так? — удивился я.

— Почему нет? — Оперативник отпил воды из высокого стакана. — Например, медиумом работать, спрос на их услуги есть всегда, и высокий. Настоящих медиумов в городе — раз-два и обчелся, в основном шарлатаны одни промышляют. А к тем, кто вправду слышит мертвых, люди в очередь записываются за полгода. Таким специалистам нет резона в телешоу покойников в багажниках машин искать в рекламных целях, они сами выбирают, с кем работать, а с кем нет. И гонорары у них — о-го-го какие. Да и другие варианты применить твой талант есть.

— Просто странно это слышать именно от тебя, — пояснил я. — Ты вроде как из идейных. По крайней мере, мне так показалось. И тут н

а

тебе — бизнес-планы. Того и гляди, предложишь сотрудничество, посредничество и «крышу».

— Правильно показалось, — кивнул Нифонтов. — Так оно и есть. Я из идейных, у нас других нет. Не попадают к нам другие или быстро отсеиваются, как правило, с пометкой: «Пропал при невыясненных обстоятельствах». Даже для нас невыясненных. Но при этом мне лично не мешает знакомый ведьмак, который имеет устойчивые связи с той стороной. А если он обзаведется полезными знакомствами и начнет неплохо зарабатывать, то это будет совсем уж замечательно. Опять не понял?

— Нет, — искренне признался я.

— Если у тебя все будет хорошо, то ты не станешь промышлять разными непотребствами, вроде тех, что сегодня были на кладбище, — приблизив ко мне свое лицо, доверительно проговорил Нифонтов. — Смысла в этом не будет никакого. А значит, и мне не надо беспокоиться о твоём будущем, не надо ожидать того, что в один прекрасный день мне отдадут приказ встать на твой след. Я бы не хотел тебя убивать, ты хороший парень, нет в

тебе зла. Ну и, повторюсь, твои таланты мне тоже могут быть полезны. Если я к тебе как-нибудь обращусь за помощью, ты же мне не откажешь?

— Не откажу, — подтвердил я, понимая, что другого ответа быть и не может.

Кстати, а чем не вариант? Можно и медиумом поработать. Почему нет? Изучить рынок, провести маркетинговый анализ, выработать бизнес-стратегию. Может, даже агента найти.

— Ну вот. — Нифонтов благожелательно посмотрел на девушку, которая принесла нам еду. — Про то и речь. Я тебе больше скажу — когда привяжешь к себе силу и если всерьез надумаешь заняться тем, о чем шла речь, мы тебе поможем. К нам разные люди ходят, кое-кому из них твоя помощь очень может пригодиться. А там дальше в ход пойдет сарафанное радио. И еще — на долю малую мы не претендуем. Нам она не нужна. Мы государственное учреждение. Бюджетники, понимаешь.

Я не удержался от смешка. Просто вспомнил, как всегда в первый день любой проверки со стороны любых государственных органов второй зампред Димка Волконский обязательно отправлялся с ее руководителем в итальянский ресторан, который был по соседству с банком. Он отсутствовал где-то часа полтора, а в кабинете председателя правления его ждало все руководство в полном сборе и пило литрами кофе. Потом Волконский возвращался и показывал им самую обычную салфетку, бумажную, ту, которой рот вытирают и руки. На ней была написана циферка, стоимость благополучного завершения этой самой проверки. Так сказать, все в ваших руках. Устроит банк эта циферка — все пройдет быстро и безболезненно, с шутками, прибаутками и актом проверки, который будет прочитан до того, как ответственными лицам придется ставить на нем подписи. И при необходимости он даже может быть подредактирован, в разумных пределах, разумеется, на откровенную «чернуху» никто глаза прикрывать не будет, не то сейчас время. Не устроит руководство цифра на салфетке — нет, никто никого специально топить не будет, но тогда все будет по-взрослому, работать проверяющие станут со всем усердием и прилежанием, по полной программе, щемя организацию за каждую мелочь. Как должно. Выбирайте.

Да и других примеров у меня хватало. Но из любого правила бывают исключения. В конце концов, он же и в самом деле не обязан был меня спасать тогда, на поляне. Но сделал это.

— Знаю, о чем думаешь. — Нифонтов заправил салфетку за воротник рубашки. — Вот такие мы смешные чудачки. Да и потом — услуги, за которыми я буду к тебе обращаться, тоже в каком-то смысле мзда, так что не очень-то это и благотворительность.

Ну, вот это больше похоже на правду. Меня его последние слова даже как-то успокоили, а то я уж начал свои жизненные ценности пересматривать. Просто не верю я в бескорыстие на постоянной основе, нет его в нашем мире. Вон даже тот же Стас, несмотря на дружбу с Севастьяновым, все равно что-то да с его редакции имеет. Не с друга, но с его работодателя. Это разные вещи.

И в этом нет ничего предосудительного, как по мне. Услуга есть услуга. Помочь хорошему другу в его личном деле — это святое. За подобное денег не берут, по-другому поступать — просто свинство. Но если это переходит в служебную, общественную область — то здесь личного нет, это уже производственное. И тут счет другой должен идти.

— Да и рано пока об этом думать, — спустил меня с небес на землю Николай, вытирая руки влажной салфеткой. — Сила-то еще не твоя, приятель. Ну да, она дает тебе о себе знать, даже направляет, но этого мало.

— Знал бы, что ей надо, давно бы это сделал, — вздохнул я и взялся за нож с вилкой, собираясь разделить аппетитный кусок мяса, утопающего в трех соусах и обложенного овощами, приготовленными на гриле.

— Я думаю, тут нужен шок. — Нифонтов пальцами слепил из плова кругляш и отправил его в рот. — Мощный эмоциональный всплеск или что-то в этом роде. И лучше всего, если этот всплеск случится на кладбище. Раз уж тебе близка его природа, то надо на него и делать ставку.

— Даже не знаю, что сказать, — чуть не поперхнулся я. — Например? Могилу вскрыть, что ли?

— Ну, это уже крайности. — Нифонтов отправил в рот еще один рисовый шарик. — Тем более противозаконные, на этот счет есть статья в Уголовном кодексе.

— Отвергая — предлагай, — вроде бы и в шутку сказал я, но давая понять, что от совета не откажусь.

— Нет проблем, — аппетитно причмокнул оперативник. — Как насчет того, чтобы свести через пару часов личное знакомство с Хозяином того кладбища, на котором мы сегодня были? По мне, так та еще встряска.

Я слегка опешил. Как ни крути, предложение все-таки неожиданное. И... как бы так сказать... Щекочущее нервы. Опасностью от него немного пахнет. Даже не немного, чего себе врать. Насколько я понял из слов Кузьмича, Хозяева эти — ребята резкие, не любят они, когда на их территории творят разные непотребства. А тут — такое. И неизвестно, как тамошний Костяной царь отреагирует на парочку типов вроде нас, особенно если учесть, что от одного ощутимо будет тянуть ведьмаком. Опять же халявная сила, которая сама пришла. Соблазн, однако.

— Не знаю. — Я побарабанил пальцами по столу. — Не знаю, Коль. Стремно это все.

— Не без того, — согласился со мной оперативник, знай наворачивая плов. — Но тебе же нужны яркие эмоции, связанные с загробной жизнью? Вот они. Полной ложкой. Кушай, не обляпайся.

— Так-то оно так. — Я вздохнул. — Вот только как бы нам там и не остаться, на погосте. Просто боюсь, что после сегодняшнего происшествия Хозяин наверняка лютовать будет, сердиться. А тут к нему в гости еще такие красавцы пожалуют. Вы нас не ждали, а мы приперлися!

— Не вижу повода для паники, причем ни малейшего. Мы под белым флагом придем, — без тени шутки сказал Нифонтов. — Понимаешь, на той стороне тоже есть свои правила и традиции, причем соблюдаются они куда более тщательно, чем у нас. Если ты гость — тебя не тронут до той поры, пока ты не перестанешь им быть. Если даже вы враги, но ты пришел поговорить и соблюл при этом необходимый ритуал — тебя выслушают и проводят до порога. За порогом — да, вы снова станете врагами, но до той поры безопасность гарантирована.

Они

никогда не убивают тех, кто пришел с белым флагом, и никогда не стреляют им в спину, понимаешь? Другая мораль, не такая, как у нас.

— То есть они больше люди, чем мы? — невесело пошутил я.

— В чем-то — да, — признал Нифонтов. — Но тут тоже две стороны, как у монеты. Они убивают по правилам, это так, но при этом убивают, не задумываясь и никогда не сожалея о сделанном. Для них нет понятия «ценность человеческой жизни». Мы для них — разменная монета, назойливые существа, которые усердно ломают их вековые уклады, пища, наконец. Кто угодно, но только не равные им.

— Это ты маханул. — Я вспомнил Родьку, Вавилу Силыча, лесного хозяина. — Не все же такие? Есть и те, что живут с людьми бок о бок, помогают им.

— Есть, — кивнул Нифонтов. — Но только это сущности, которые возникли после того, как человек стал доминирующим видом на планете. До того они были мелкими духами, никчемами, которых никто не принимал в расчет. А человек дал им возможность ощутить собственную полезность, найти свое «я». Естественно, что они встали на его сторону. Но тут тоже есть нюанс — эти создания человеку не друзья, а спутники. Не станет человека — не станет их. Ты знаешь, что происходит с домовыми, которых хозяева забывают забрать с собой при переезде?

— Нет, — ответил я.

— Они умирают на седьмой день одиночества, — жестко произнес Нифонтов. — Дом пуст — и они пусты, как этот дом. Пустота порождает пустоту. Мне одна коллега рассказывала, что, когда города начали теснить деревни и те обезлюдели, там целые кладбища домовых были. Под какую печь ни полезешь, там они лежат мертвые. Старики, что старину помнили, вымерли уже все, а молодежь просто не знала, что домовых с собой надо забирать. Им такое и в голову прийти не могло. И те умирали сотнями. Они к домам привязаны, им из них хода нет. А затопляемые территории в той же Сибири? Людей переселили, это понятно, а все остальные? Наши тогда, в шестидесятых-семидесятых, делали что могли, но сколько было их и сколько таких деревень? Не разорваться же?

— То есть они вообще никуда и никак? — мрачно спросил я. Мне стало жалко домовых. Я с ними дружу как-никак.

— Не совсем верно выразился, — поправился оперативник. — Конечно, домовые могут отправиться куда-то по делам или в гости к луговому, но дом для них все. Если он есть и в нем живут люди — домовый при деле. Нет его — все, он не существует. А дом строит кто? Человек. Получается, что круг замкнулся.

Интересно, а как Вавила Силыч смог к нам в подъездные попасть? Скорее всего, нашлась какая-то добрая знающая душа, помогла ему выжить.

Но спрашивать у него про это я не стану. Не думаю, что ему подобная тема будет приятна.

— Но то домовые, овииники, луговые и лесовики, — продолжил Николай. — Даже те же Хозяева кладбищ, которых с определенной натяжкой можно назвать «нейтралами». А есть существа куда похлеще, из тех, что живут в ночи или за кромкой. Им человек не брат и не сват, он для них дичь.

— Прямо вот дичь? — Я поежился.

— Предмет охоты, — кивнул оперативник. — Кому кровь да плоть нужны, кому — душа. Каждому свое. Но они едины в одном — человек не равен им. Он для них враг. И это настоящая война, можешь мне поверить. Я видел. Я знаю. Более того — рано или поздно один из них окажется проворней, чем я, и возьмет мою жизнь. Прости за пафос, но сотрудник отдела, в котором я служу, не умирают своей смертью. Никто и никогда. Произнеся последнюю фразу, он помрачнел и замолчал.

— А мы тогда кто? — выждав паузу из вежливости, поинтересовался я. — В смысле — ведьмаки, ведьмы? Мы же не дикие твари из дикого леса? Ведь мы же люди, из мяса и костей?

— Люди. — Николай невесело улыбнулся. — Люди, Саша. Но тут работает другой закон, перехода количества в качество. Количество лет и обретенных знаний может перейти в качество опыта. И желаний, которые этот опыт может обеспечить. Душа человеческая — вещь непростая, она не статична. Если ты можешь что-то себе позволить, пусть это даже не слишком правильно, пусть путь к этому лежит через чужую кровь, то когда-нибудь задумаешься — а почему бы и нет? Я же могу? И какое мне дело до людей? Они — это они, а я — это я. У нас давно разные пути. И вот дальше будет интересно. Либо ты скажешь себе «нет» и будешь жить себе спокойно, либо... Либо я встану на твой след, а дальше — кто кого. Собственно, тот красавец, которого я сейчас ищу, как раз этой дорожкой и прошел. Не знаю, что конкретно повлияло на него — не в меру разросшиеся амбиции, жажда власти, просмотр кинофильма «Горец», но предельно ясно одно — он убивает себе подобных. Какова его конечная цель, для чего он это творит — мне пока неизвестно, все на уровне догадок, но хорошего точно ждать не приходится. Все, что замешено на крови, к добру и свету не ведет.

— Значит, все-таки противостояние света и тьмы? — спросил у него я. — Как всегда, все сводится к нему?

— Свет, тьма, — поморщился Нифонтов. — Да нет никакого противостояния того и другого, это придумки фантастов. Чувшь это. Свет — он вон, за окном. Солнце сядет — придет тьма. Зло — оно и там, и там зло. Добро тоже не зависит от освещения. Хотя и эти категории неидеальны, согласись? То, что зло для одного человека, добро для другого. Причем у них все то же самое, поверь. И я не паладин в сияющих доспехах, который огнем и мечом несет добро людям, мои цели проще и конкретнее. В данный момент они таковы — остановить свихнувшегося ведьмака, который льет кровь как воду, и пресечь возможные негативные последствия, которые могут иметь место в том случае, если он добьется желаемого. Это мой служебный долг, понимаешь? Вот и все. И никакого противостояния. — То есть когда-нибудь я тоже могу стать таким, как он? — Я отхлебнул воды из стакана, у меня даже в горле пересохло.

Нет, мне-то было известно, что я не такой. Но вдруг тут какая-то тонкость есть, и мне она просто неизвестна? Вдруг после инициации мозги перестраиваются?

— Гипотетически — да, — невозмутимо ответил Нифонтов. — Но ты особо не парься, это же не заразное заболевание. Все от человека зависит. Люди-то тоже разные бывают, согласись? Я как-то в роддоме побывал, искал перевертыша, так там новорожденные в специальной палате лежат. Смешные, маленькие, в пеленках, одинаковые. Вот кто из них станет кем — поди знай. Может, все они проживут простую и ничем не выдающуюся жизнь. Будут взрослеть, учиться, влюбляться, выпивать, жениться и так далее. А может, здесь в рядок лежат будущие Рахманинов, Эйнштейн и Чикатило. Друг рядом с другом. Просто мы этого пока не знаем. И кто из них кто, тоже неизвестно. Вот и с тобой дело обстоит так же. Живи, как должно, и все будет нормально. Я же тебе про это сегодня уже говорил.

— Успокоил, — совершенно искренне сказал ему я.

— Поверь, среди вашего брата нормальных тоже хватает, — как видно, Нифонтов понял, что я не на шутку напрягся. — И ведьмы вменяемые есть, те, которые не стремятся резать жертвам глотки и наводить на всех-всех-всех порчу. Нет, сущность себя всегда даст знать, шкоды разные устраивать — у них в крови, но таких, как та старая кошелка, что на поляне была, среди них не так и много.

— Дара, — буркнул я.

— Что «Дара»? — заинтересовался Николай, снова принимаясь за плов.

— Зовут ее Дара, — пояснил я. — В моей книге про нее много чего написано. Она как дерьмо мамонта.

— В смысле?

— Ей фиг знает сколько лет, и все их она посвятила разным мерзостям, — растолковал я ему свои слова, а потом вдобавок еще и наклеулничал: — Нож наш фамильный сперла, зараза такая.

— Ну, про возраст сразу было понятно, — кивнул оперативник. — На нее достаточно только глянуть было, чтобы это сообразить. Дара, Дара... Нет, не слышал. Но уточнить надо будет, я не так и много знаю. С Пал Палычем поговорю, может, он в курсе. И еще кое с кем.

Он достал смартфон и, как видно, внес запись в электронный ежедневник.

— Ну так что, ты со мной? — не отрывая глаз от экрана, спросил Нифонтов. — Или домой тебя отвезти? Хотя нет, домой уже не успею. До метро могу подбросить.

— Не надо до метро, — еще раз все прикинув, сообщил ему я. — В самом деле — почему бы и нет?

— Вот и правильно, — одобрил мои действия Николай. — И тебе польза, и мне повеселее будет.

Он убрал телефон, поднял руку, шелкнул пальцами, и к нам практически немедленно подошла официантка. Однако сервис.

— Так. — Николай посмотрел на мою тарелку и покачал головой. — Это все можно убирать, и несите чай. Мне зеленый, моему приятелю — черный.

— К чаю что желаете? — уточнила официантка. — Может, ореховую пахлаву?

— Отличная идея, — одобрил оперативник. — Еще заверните нам с собой фарша свежего говяжьего с килограммчик, только упакуйте его как следует, чтобы не пах и не капало с него. И счет несите, пожалуйста.

На самом деле, я был здорово впечатлен происходящим. И снова меня поразила деловитость и спокойствие этого совсем молодого еще, по сути, парня. Ну на сколько он старше меня? Года на два-три? А у него есть дело жизни, цели, к которым он идет. Отсюда и уверенность в себе, и ощущение внутреннего спокойствия.

Завидую я таким людям, тем, у которых дело есть. Не в смысле — свое дело, а что-то такое, что как якорь их на земле держит и не дает пуститься во все тяжкие. У меня подобного нет.

Нет-нет, я люблю свою работу, мне нравится то, чем я занимаюсь. Ну насколько вообще может нравиться времяпрепровождение, являющееся необходимостью. Но при этом сказать, что это то самое, для чего я был рожден на свет, точно нельзя. Просто так легла карта, что я пошел работать в банк.

А тут — другое. Тут человек на своем месте.

Хотя то уже неплохо, что я стал над такими вещами задумываться. Раньше если эдакие мысли в голову ко мне и забредали, то я сразу их от себя гнал, точно зная, что ничего путного из этого не выйдет. Такие мысли — как звоночек. Сначала они, после — осознание собственной ущербности, потом — поиски смысла существования, а в виде финала, символизирующего безысходность, — лихой запой. Знаем, проходили, не раз созерцал и подобное у друзей и знакомых.

Но то раньше, а сейчас... Нет, выпить не хочется, и себя жалеть тоже не тянет. Просто зафиксировал происходящее — и на этом все.

Пока все.

— Так, гостинец мы Хозяину заказали. — Нифонтов налил себе в чашку чая, который нам в чайничках принесла официантка. — Как правило, именно это всегда серьезная проблема.

Так вот, на кладбище, бывало, припрешься, а чем одаривать — непонятно. Как-то раз в ход конфету пустили, не было больше ничего.

— Принял? — спросил я.

— Но долго ругался на то, что люди стали невероятно жадные, а он слишком добр к ним. — Нифонтов отхлебнул чая. — К нам, значит. Так челюстями скрипел, так буркалами своими вертел — ужас просто.

— Слушай, а какой он, местный Хозяин? — поинтересовался я у него. — Надо же знать, чего ожидать.

— Понятия не имею. — Оперативник двумя пальчиками взял пахлаву, истекающую то ли медом, то ли сахарным сиропом, понюхал ее и даже зажмурился от удовольствия. — Я с ним не знаком.

— Вот сейчас не понял, — опешил я. — А как же тогда?

— На машине, — Нифонтов откусил от восточной сладости маленький кусочек, и я понял, что в данный момент созерцаю великую редкость — полностью довольного жизнью человека. — А потом пешком.

— То есть это все не шутка? — Мое мнение о повторной прогулке на кладбище снова накренилось в сторону «надо ли?». — Ты на самом деле с ним раньше не общался?

— С этим — нет. — Оперативник был невозмутим, это даже начинало немного бесить. — Хотя кое-что про него слышал. Все-таки одно из старейших кладбищ Москвы, его Хозяин — фигура серьезная.

— И? — поторопил его я.

— Ничем от других не отличается. — Нифонтов подлил себе чаю. — Все те же властность, надменность, упрямство. Классический набор качеств, свойственных Хозяевам кладбищ. Плюс следует учитывать его возраст, он давно не мальчишка. Смешно сказал, знаю. О, а вот и счет. Я заплачу.

К кладбищу мы подъехали уже в сумерках, причем не к тому входу, через который его покинули пару часов назад, а к другому, поскромнее. Здесь не было большой вывески, вида на крематорий, автобусного круга и просторной аллеи.

— Нам нужно попасть к старым захоронениям, — пояснил мне Нифонтов. — Отсюда до них поближе будет. Чего впустую ноги бить?

Часы посещения уже закончились, на кладбище никого не пускали, но, несмотря на это, внутрь мы попали без особых сложностей. Просто небольшие ворота были чуть приоткрыты, а внутри, под неярким светом фонарей, суетился десяток азиатов, которыми командовал бородатый немолодой мужчина. Надо думать, завершали день сегодняшней и готовились к завтрашнему.

Завидев нас, он оторвался от созерцания процессов подметания и выбрасывания мешков с мусором, выставил бороду вперед и прищурил глаз.

— Куда? — рыкнул он басом. — Завтра приходите, граждане.

— Завтра будет завтра. — Нифонтов привычным движением развернул удостоверение. — Нам сегодня надо.

— Стой, не убирай, — потребовал бородач, внимательно изучил удостоверение, тщательно сверив фотографию с оригиналом. Он даже вынул из кармана миниатюрный, но очень яркий фонарик, которым подсветил сначала красную книжечку, а потом — лицо Николая. — Вроде нормально. Поймите правильно, дело такое.

— О чем речь, — с ноткой уважения произнес оперативник. — Так и надо. Что, шастают разные?

— Не то слово. — Кладбищенский служитель достал из кармана сигареты и зажигалку. — Гонять устали. Цветочки, «обходчики», готы, сатанисты, просто психи. Зимой-то поспокойнее, зимой холодно, им это не нравится. Но летом — это что-то. Фарух, куда ты мешок с песком понес? Вон Азамат посыпает дорожку, к нему тащи!

— А кто такие «обходчики»? — заинтересовался я.

— Алкаши, — рокотнул бородач. — Люди приходят, близких поминают, стаканчик им наливают и на могилке оставляют. А «обходчики» его потом выпивают. Дело, в принципе, не страшное, где-то даже хорошее, вроде как помин души. Но какие же у них за территории войны бушуют при этом! Все делят участки, кому с какого урожая снимать, морды друг другу бьют, коалиции основывают. А мы их гоняем, да все без толку. Иные же, которые и у нас, и у своих в «черном» списке, вообще приспособились по ночам шастать.

— Всюду жизнь, — философски заметил Николай. — Даже на кладбище.

— У нас тут ее хоть отбавляй, — хохотнул бородач. — И тут и там.

Он сначала показал на своих рабочих, а после — на темную аллею, за которой начинались владения мертвых.

— При воротах кого оставляете? — уточнил Нифонтов. — Мы тут до утра бродить не станем, через часок-другой обратно пойдем. Выпустят нас?

— А как же. — Кладбищенский служитель утвердительно мотнул головой. — И здесь есть дежурный, и на том выходе — тоже.

Казалось, он совершенно не удивился тому, что нас за каким-то лешим несет побродить ночью среди могил. А может, и на самом деле не удивился. Место у него такое, что ко всему привыкнуть можно.

Нифонтов выслушал его, кивнул, помолчал секунд пять, изучающе глядя на собеседника, а после спросил:

— А сухого дерева тут нигде нет? Очень старого, которое спиливать никак нельзя?

— Вот, — удовлетворенно произнес бородач. — Так и знал. Есть у меня дар предвидения. А жена все смеется надо мной, чудиком называет. Вы, стало быть, к нему? Ну не знаю, не знаю, я бы поостерегся. Сегодня на той стороне кладбища человека на куски... А-а-а! Вы, значит, по этому поводу?

— Именно, — веско сказал Нифонтов. — Куда нам?

— Вон туда. — Бородач махнул рукой, указывая направление. — За пятым рядом начнется аллея, идите по ней. А дальше вообще все просто, топайте себе по указателям «к новой территории», где они кончатся, будет граница старого и нового кладбища. Там это дерево и растет. Его не пропустишь. Свет-то взяли?

— А как же. — Николай достал из кармана небольшой «маглайтовский» фонарик.
— Вижу, вы ребята опытные, — хлопнул его по плечу бородач. — Ровнин еще работает?
— Куда он денется, — теперь уже Николай с уважением глянул на собеседника, — начальник наш.

— Хороший мужик, надежный, — веско сказал кладбищенский служитель и рявкнул, заставив меня подпрыгнуть на месте: — Алик, что опять у тебя случилось? Что «тележке побежал»?

Поняв, что на этом беседа закончена, мы двинулись в указанном направлении, оставив позади и суетящихся работяг, и их проницательного начальника.

— Такие, как он, иногда о некоторых вопросах знают побольше, чем такие, как я, — мудро изрек Николай, подсвечивая дорогу. — Но оно и понятно — поработай с его в подобном месте, всякого насмотришься. Надо же, он с Ровниным знаком. Выходит, этот бородач его еще в операх застал. Георгиевич сейчас сам редко куда выезжает, все больше в конторе сидит.

— Слушай, а чего ты Женьку с собой сегодня не взял? — задал я наконец ему вопрос, который давно вертелся у меня в голове.

— Да она на неделю из Москвы свинтила, — объяснил мне оперативник. — В отпуск. Домой поехала, у нее мама приболела. Дел у нас, понятно, как грязи, но мама — это святое. Как не отпустить? А что, соскучился без нее?

— Да нет, — отчего-то смутился я. — С чего бы? Я ее и видел два раза всего.

— На Мезенцеву многие западают. — Николай повернулся ко мне и вроде как подмигнул. — Сама рыжая, глаза зеленые, кожа белая, и фигурой ее бог не обидел, так что ничего стыдного тут нет. Правда, и с шансами у тебя не ахти как дело обстоит. Она на работе повернута, та ей все заменила — и личную жизнь, и прочее. Два года с ней работаю, ни разу не видел, чтобы она с кем-то что-то крутила. Хотя, ради правды, не всякий ее и выдержит, там характер такой, что святых из дома выноси. Я ее поначалу еле терпел, если честно. Один раз чуть не убил даже. А потом ничего, сдружились, если это можно так назвать.

Вот так, беседуя, мы шли по дорожкам и аллеям кладбища. Не скажу, что здесь было сильно темно, — на перекрестках стояли фонари из новомодных, те, что на солнечных батареях. Света они давали немного, но достаточно для того, чтобы не ощущать себя затерянным во мраке.

Да и мертвой тишины здесь тоже не наблюдалось. Несмотря на то что настала ночь, в кронах деревьев перекликались какие-то птицы, разная живность шуршала в кустах и сновала по дорожкам, несколько раз вдалеке мы видели и человеческие силуэты. К нам, правда, эти ночные путники не приближались, а потому мне неизвестно, кто это был — живые или все-таки мертвые.

Страха у меня не было совершенно. Напротив, я чувствовал себя превосходно, не сказать — возбужденно. Мне нравилось здесь, в этом полумраке, среди темных деревьев, шумящих где-то в вышине, и еле различимых надгробий. Я словно попал домой. Нет, не к себе домой, тут другое. Знаете, как бывает? Вот ты рос первые лет десять — пятнадцать жизни в одном месте, а потом переехал оттуда куда-то еще. А после, уже совсем взрослым, ты попадаешь в те места, где детство прошло, и испытываешь всплеск эмоций. Тут и нахлынувшие воспоминания, и пробудившаяся ностальгия, и узнавание забытых улочек, и много чего еще. Вот нечто подобное сейчас происходило со мной. Разумеется, я не мог что-то вспомнить или узнать, поскольку тут до этого не бывал, по крайней мере, в этой части кладбища. Но эмоционально это было именно такое чувство.

Я шагал, глубоко вдыхая плотный прохладный воздух, и очень хотел, чтобы этот путь не кончался.

Увы, но всему на свете выходят сроки.

— Вот и оно, дерево, — остановился Нифонтов, и яркий луч его «Маглайта» осветил кривой серый ствол, напрочь лишенный коры, и змееподобно переплетенные безлистные сучья.

— Уродливое какое, — отметил я. — Брр.

— Все верно, оно таким и должно быть. — Оперативник раскрыл пакет, который до того находился у него под мышкой. — Чтобы путаницы не возникло, то это дерево или нет. А как ты хотел? Все продумано, все учтено. На, подсвети мне.

Он отдал мне фонарь, после достал из пакета сверток, развернул его, и я увидел буро-красную массу, тот самый фарш, что был заказан в ресторане.

— На дерево луч направь, — попросил меня Нифонтов. — Ага, вон оно.

— Что? — спросил я.

— Ну, назовем это словом «алтарь», — пояснил Николай. — Хотя можно применить и определение «жертвенная площадка». Или любое другое, на твое усмотрение.

И вправду, сплетенные ветви образовали что-то вроде небольшой площадки, на которую оперативник и положил неприятно чавкнувшую мясную массу.

— Прими, Хозяин кладбища, подношение мое. Если тебе будет оно по нраву, то и мне будет радостно, — громко произнес он.

— Фонарик отдать? — спросил я у него.

— Не надо, — помотал головой он. — Пусть у тебя останется. Мало ли как будем с кладбища уходить, может, и поодиночке придется выбираться. Я, если что, и без света выйду, а тебе он не мешает.

— Как-то мрачно это прозвучало, — отметил я. — Ты же говорил, что мы в безопасности, пока гостями числимся?

— Так и есть, — подтвердил Нифонтов. — Но я не знаю, чем кончится разговор. Очень может быть, что мне придется задержаться в этих гостях до утра. И чего тебе тогда тут одному куковать, да еще с таким неопределенным статусом? Да ты не волнуйся, все будет хорошо.

— Очень оптимистичное заявление, особенно применительно к тому месту, где оно изречено, — слышался из кустов дребезжащий старческий голосок.

А секундой позже мы увидели и его обладателя. Был он синелиц, как и положено мертвецу, плюгав, лысоват, носат чрезвычайно и странно одет. На босых ногах у него красовались кальсоны с завязочками, волочащимися по земле, а тщедушное тельце было облачено в старинный сюртук с золотым тиснением, причем размера на три больше, чем требовалось.

— Колоритен, — оценил облачение появившегося из кустов человечка оперативник. — Впечатляет.

— Особенно сюртук, — поддержал его я.

— Мне тоже нравится, — показав нам гнилые до черноты зубы, растянул рот в улыбке человечек. — Я его у статского советника Темрятьева в квинтич выиграл, еще в старые времена. Ох он и расстроился тогда! В склепе своем после этого закрылся, к нам не выходил, да так там и сгнил в результате. Кстати, господа, если он вам так нравится, готов поставить его закладом. Может, партейку?

В пальцах мертвеца появилась колода карт, он невероятно ловко разделил ее на две части, а после снова соединил в одно целое. Я такое раньше только в кино видел.

— Ага, сейчас, — совершенно неучтиво ответил ему Нифонтов. — С таким, как ты, за карты садиться — дураком надо быть. Давай, веди нас куда следует, играя.

— Ну и зря, — с достоинством ответил обладатель сюртука. — И еще — очень обидные ваши слова.

— Обидные! — фыркнул оперативник. — Ты еще нам расскажи, что на этом свете задержался по ошибке и недоразумению.

— Так и есть. — С лица человечка пропала улыбка. — А почему же еще? Где-то там ошибка в их канцелярии вышла. Мое место там, а не здесь. Вот разберутся...

— А как же. — Нифонтов рассмеялся в голос. — Да раньше те, кто душу твою купил за талант игрока, тебя найдут и положенное сполна взыщут.

— Не факт, — подал голос я, поняв, о чем идет речь. — Он тут уже невесть сколько времени ошивается, и никто его пока не сцапал.

В ведьмачьей книге мне попадались заметки об очень сложном ритуале, позволяющем вызвать некую сущность, с которой возможно заключить сделку и получить от нее практически все что угодно, кроме, разве что, бессмертия. И еще мертвых нельзя было воскрешать, это я точно помню. Зато все остальное, в пределах одного желания — без ограничений, но не за так, само собой. Платой за услуги была душа. После смерти, разумеется.

Нет-нет, никаких упоминаний про ад и сатану, ничего такого. Я так понял, что эта сущность имеет природу не библейского характера. Это было что-то совершенно другое, но что именно — не знаю, я до конца эти записи не изучил. Они были очень давние, одни из первых в книге, а потому практически нечитаемые.

А вообще, интересно. Оказывается, можно отвертеться от уплаты по подобным счетам. Никогда бы не подумал.

Хотя, возможно, тут дело в том, что этот прощельга спрятался именно на кладбище и здесь он неуязвим для своего кредитора? Или даже не неуязвим. Возможно, здесь он для него невидим.

Надо будет потом у Нифонтова спросить.

Человечку слова оперативника очень не понравились, он ощерил гнилые зубы, проворчал крайне непристойное ругательство, плюнул в нашу сторону, достал из-под сюртука невесть как там умещавшийся старинный масляный фонарь и двинулся куда-то в темноту, предварительно подав нам знак следовать за ним.

Все было так, как описывал Кузьмич. Хозяин проживал в самой дальней части кладбища и, по совместительству, самой старой. Здесь не было фонарей, но зато имелись надгробия, которые можно было смело заносить в списки шедевров, относящихся к историческому наследию. Мы проходили мимо изваяний скорбящих ангелов и женщин с печальными лицами, разглядывали кованые ажурные ограды с меня ростом и фамильные усыпальницы размером с неплохой дачный дом. Даже странно, что это все до сих пор сохранилось, учитывая как стоимость квадратных метров на кладбище, так и то, что никто давно за этими могилами не ухаживал. То есть претензии в случае их сноса никто не предъявил бы. Может, они под охраной закона? Как вышеупомянутое историческое и культурное наследие? Или они под охраной кого-то другого, кому плевать на все людские законы? Последний вариант мне кажется более реалистичным.

Наш проводник, которого так и подмывало назвать Вергилием, знай топал себе впереди, помахивая тускло светящимся фонарем и что-то бубня себе под нос.

Мы миновали черную громадину очередного мавзолея, мрачно смотрящуюся на фоне звездного неба, и тут я ткнулся носом в спину Нифонтова. Как оказалось, проводник резко остановился, а следом за ним застыл на месте и оперативник.

— Вам туда, — недружелюбно буркнул обладатель сюртука и мотнул головой, показывая, куда именно. — Надеюсь, что обратно я вас сопровождать не буду. Хе-хе.

— Посмейся мне еще, — беззлобно, но при этом без всякого почтения к давно усопшему отозвался Николай. — И даже не мечтай о том, что нас тут в землю положат, а ты потом за все отыграешься, не будет этого. Так что далеко не уходи, отведешь нас к выходу. А потом надейся, что я про тебя забуду. Сдается мне, что много за тобой разного-всякого водится, причем не все относится к дням минувшим.

Коротышка снова явил свои черные зубы, на этот раз — в комплекте с синюшным языком, который он нам показал. Был этот язык широким как лопата и с могильным червем, обитающим ровно в его середине. Зрелище, если честно, омерзительное.

Я было хотел зажечь «Маглайт», но Николай шикнул на меня, отобрал у сюртуконосца его фонарь и двинулся вперед.

— Хозяева не любят электрический свет, — негромко объяснил он мне. — Они вообще ничего нового не любят, все технические инновации их раздражают. Ретрограды они и рутинеры. Видал, какие слова я знаю?

Мы шагали между высоченными деревьями, они в этой части кладбища разрослись местами так, что в темноте было даже непонятно, где их кроны.

— Вон он, — шепнул мне Николай через пару минут. — Видишь, могила на холме, и там мужик в черном плаще сидит? Это и есть Хозяин кладбища.

Ну, холмом эту возвышенность я бы не назвал, это слишком громкое слово. Скорее, это холмик. Кстати, обычно на городских кладбищах такого не встретишь, они всегда ровные как стол. А тут вот имеется. Правда, не так я и много кладбищ видел, а на их старых территориях вовсе не бывал.

На холмике была только одна могила, с толстенной, широченной и тяжелой даже на вид гранитной плитой, высоким памятником в виде Зевса, держащего в руках зигзагообразные молнии, и невысокой оградкой.

Хозяин кладбища сидел на этой самой плите, положив руки на колени, и смотрел на то, как мы поднимаемся по холму, все ближе подходя к нему.

Если честно, я был немного разочарован его внешним видом. По дороге мне рисовались картины в стиле фильмов ужасов, и я подсознательно ждал чего-то эффектного, страшного и притягательного одновременно, некоего апофеоза смерти. Опять же, другое его имя — Костяной царь. Звучит? Звучит. И к этому имени должен прилагаться соответствующий персонаж. Ну, не знаю — скелет в золотой короне и плаще из человеческой кожи, полупризрачный труп с лицом-черепом, барон Самди из гаитянского фольклора, наконец. Веселый, нахальный, в цилиндре, с сигарой в зубах и соленым арахисом в кармане.

И что в результате? Шагая по росистой траве, я смотрел на рослую фигуру в черном глухом одеянии, к которому больше всего подходило слово «балахон», и с капюшоном на голове.

Она казалась продолжением плиты, на которой сидела. Памятник, как есть.

Нифонтов скрипнул калиткой и остановился перед ней.

— Мой привет тебе, владыка мертвых, — почтительно произнес он. — Прости, если побеспокоили, но без твоего совета и, если возможно, помощи, нам не обойтись.

Капюшон качнулся, Хозяин кладбища повернул голову к нам, и я понял, что все-таки он жутковатый. Там, внутри, в капюшоне, не было ничего, только два красных огонька, как видно — глаза. Остальное — непроглядный мрак.

— Совет? — Голос у Костяного царя был гулкий, но глухой, будто он через вату говорил. Или через подушку. — Я не занимаюсь подобным, человек, это мне не по чину. Про помощь я и не говорю. Живым — живое, мертвым — мертвое. Я правлю своим народом, если надо — защищаю его. Или, наоборот, караю тех, кто ослушался моего повеления. Ты не из моих. Вот если после смерти тебя у меня здесь похоронят, то заходи.

— Я не из твоего народа, это так. — Николай и не подумал сдаваться. — Но некоторое отношение и к нему, и к другим детям ночи я имею.

Он распахнул куртку и показал ему рукоять ножа, как когда-то ведьме.

Хозяин кладбища внезапно рассмеялся. Смех у него был крайне неприятный, он мне напомнил скрип старых дверей и одновременно с этим — раскаты грома. Впечатляющий такой смех.

— Не молод ты для подобной службы? — спросил он у Нифонтова. — Как-никак его императорского величества канцелярия по делам тайным и inferнальным, шутка ли? Там народ солидный работал, я с ними пару раз дела имел в старые времена. А ты-то — мальчишка. Коллежский регистратор, поди, не выше?

— Я оценил юмор, — весело сказал Нифонтов. — Повелитель, вы же прекрасно осведомлены, что и канцелярии давно нет, и императора, и всего остального — тоже. И я знаю, что вы это знаете. И то, что я просто так, без дела бы к вам не сунулся, вы тоже понимаете. Так, может, все же поговорим?

— Торопливые какие стали люди, — немного печально произнес Хозяин. — Ладно живые, с вами все понятно. Но и мертвые не лучше. Казалось бы — все, ты здесь, тот путь завершен, тело твоё в земле, куда теперь спешить? Нет, даже здесь торопятся. Да мало того — почтения в них не стало, разумности. До чего дошло — новопреставленные по первости командовать тут пытаются. Мною! Волю свою диктовать пробуют.

— Да ладно? — вырвалось у меня.

Я себе такого даже представить не мог, всем нутром ощущая мощь, исходящую от этого существа. Она была безгранична, как небо, и давила на меня, словно та плита, на которой Хозяин сидел. Нет, это был не страх, скорее, я себе сейчас казался муравьем, над которым нависла нога в ботинке и вот-вот на него наступит.

— То-то и оно. — Я сразу же пожалел о том, что подал голос, поскольку капюшон повернулся в мою сторону и красные точки уставились на меня. — Одного тут недавно закопали в южной части. По-старому закопали, не сжигали, сейчас это редкость. Народу много было, гроб из красного дерева, венков ему навалили на могилу, стелу в тот же день поставили мраморную, все честь по чести. Ну, думаю, наверно, достойный человек был. Может, писатель или военачальник. Я люблю, когда у меня хоронят людей творческих или военных, с ними пообщаться интересно. Оказалось — нет, государев человек.

— Кто? — вырвалось у меня.

— Чиновник, — хмыкнул Нифонтов. — Ну, и что дальше?

— Как водится, в первую же ночь привели его ко мне, — продолжил Хозяин. — А он как начал возмущаться! И то не так, и это не эдак, и почему строим его со всеми ведут, а не отдельно, с соответствующим уважением. Возмущался, что он тут остался, что на небо не попал, хотя и должен, потому как храмы строил, потом пытался с кладбища уйти, думал, что получится. Еще страшал меня тем, что сейчас кому-то позвонит, и нам всем... Как же там? Мало не покажется. Мол, снесут мое царство с лица земли по одному его движению пальца. Телефон требовал. Представляешь — у меня мертвый что-то требовал! У меня!

— То есть не позвонил? — давя хохот, поторопил Хозяина Нифонтов.

— Почему не позвонил? Позвонил, — степенно ответил тот. — И сейчас звонит. Я ему колокольчик дал и могилу запечатал на пятьдесят лет. Ни туда, ни оттуда теперь. Пускай полежит, подумает о том, что там и здесь — это разные вещи. И даже если ты там смог убедить всех, что ты важный человек, то тут ты все равно то, чем являешься на самом деле. И если ты червь, то веди существование, которое тебе положено. То есть лежи в гробу, разлагайся, звони в колокольчик.

— Жесть, — снова не удержался я от реплики. — Но справедливо.

— Я люблю справедливость. — Красные глаза прожгли меня как рентген. — А ты, человек?

— Да, — подумав, ответил я. — Но только ее почти не бывает на свете.

— На вашем — нет, — согласился со мной Хозяин. — Вы, люди, всегда говорите то, что не думаете, и делаете то, что не хотите. А у меня тут все по справедливости. Что заслужил — то получил.

— Этого у вас, мертвых, не отнять, — признал Нифонтов. — Врать не надо, друг другу глотки за каждую мелочь рвать не надо. Нет желаний — нет и устремлений.

— Ну, не совсем так, — поправил его Хозяин. — Желания есть, просто они другие, не такие, как у вас. И меньше их. Но я о другом. Справедливость.

Он встал с могильной плиты, и я чуть не охнул. Просто до чего же он оказался высок, метра два с половиной, если не больше.

— Сегодня на моей земле убили человека. — Голос Хозяина стал ощутимо громче, черный гранит на могиле вдруг замерцал синеватым светом. — Это сделал один из тех, кого вы, чиновники особой канцелярии, называете ведьмаками. Пролилась кровь. Живая кровь. И я не давал на это своего разрешения.

— По этому поводу вот что могу сказать... — перебил его Нифонтов, и глаза Хозяина нехорошо сверкнули, к красному цвету добавился багровый. Да и больше они стали.

— Я не закончил, — рыкнул повелитель мертвых и снова уставился на меня.

Мне было понятно, куда он гнет, и, разумеется, это мне очень не нравилось. Слова Нифонтова я помнил, но все равно — страшиновато.

— Продолжу. — Хозяин сделал шаг вперед и оказался совсем рядом со мной. — Кровь пролилась, мое право повелителя нарушено, и кто-то должен за это ответить. Ведьмачонок, ты не подскажешь мне, кто это будет? В тебе есть та же искра, как и в том, кто совершил преступление, я ее чувю.

Черный капюшон навис над моим лицом, багровый свет глаз Хозяина кладбища слепил меня, да еще вдобавок я ощутил миазмы тления, забившие все остальные запахи.

В этот момент кто-то коснулся моего плеча, затылок обдал холод, и в уши словно шепнули:

— Он испытывает тебя.

— Не подсказывай, — взревел Хозяин, махнул рукой, и что-то, похожее на маленький шарик, сплетенный из молний, со свистом улетело в сторону деревьев, растущих между могилами. — Вот о том и речь. Все вы, ведьмаки, — одно и то же. Так что будет справедливо...

— Стоп-стоп-стоп. — Пазл сошелся, и я понял, что пришло время что-то сказать или даже сделать, потом может быть поздно. В конце концов, я не барашек, идущий на бойню, и быть им не собираюсь. — Мне все ясно. Но вот только о справедливости тут речь даже не идет. По-вашему выходит, что если один ведьмак убил, то другой должен за это ответить? Вы ведь к этому меня подводили?

— Нешто не так? — ехидно поинтересовался Хозяин.

— Не так, — ответил я. — Каждый должен отвечать лишь за себя, если только иное не закреплено документально. В смысле, солидарная ответственность не исключена, но только на основании соответствующего договора, которым тут и не пахнет.

— А? — Капюшон Хозяина повернулся к Нифонтову, тот пожал плечами и развел руки в стороны, мол, сам разбирайся, я не при делах.

— Продолжу. — Я пощелкал пальцами, привлекая к себе внимание. — Но даже и не это главное. Штука в том, что я пока не ведьмак, и это, к слову, вам прекрасно известно. Так что даже имейся договор, по которому ведьмаки друг за друга отвечают, я под его действие все равно не подпадаю. И еще...

— Все-все-все, — расхохотался Хозяин. — Я понял, не возьмешь тебя за рубль двадцать. Хотя... Тебе подсказали!

— Подсказка тут ни при чем, — невозмутимо заявил я. — Логика — она и на кладбище логика. И справедливость — тоже. Сами же говорили.

Все так. Я бы все равно сказал то же самое, независимо от подсказки. Но при этом я был очень благодарен тому, кто меня поддержал в этот жуткий момент. И я знал, кто это.

Ведьмак, которого сегодня убили.

— Ладно. — Хозяин снова опустил на свою плиту. — Будем считать, что по этому поводу мы поладили.

— Тогда я вернусь к своему вопросу, — оживился Нифонтов. — Хотя он не только мой. Он наш общий.

— Про того, кто на южном конце смертоубийство учинил? — уточнил у него Костяной царь. — Не знаю. Совестно такое говорить, но не знаю. И сам очень хотел бы это выяснить.

— А так бывает? — Николай, судя по его лицу, был крайне удивлен, не сказать — ошарашен. — Чтобы вы, да на своей земле...

— Бывает, — досадливо хлопнул рукой по колену Хозяин, причем раздавшийся после этого звук более всего мне напомнил стук бильярдных шаров друг о друга. — Хоть редко, но бывает. Этот негодяй «Пустое место» в ход пустил, я и не учуял, что на моем кладбище творится. И слуги мои ничего не увидели по той же причине.

— Простите, но можно поподробнее? — попросил его Нифонтов. — Что такое «Пустое место»?

— Это из арсенала ведьмаков заклятие, — объяснил нам Хозяин. — Очень старое, очень сложное. В подготовке сложное, там много компонентов, и велик риск того, что ничего не получится. Если что перепутал — то все, пиши пропало. А уж сколько силы оно забирает! Но если выйдет как надо, то на какое-то время и ведьмак, и те, кто с ним, станут недосыгаемы для чужих глаз. Причем не только людских. Любых. Никто их не увидит и не услышит.

— Они невидимками станут? — уточнил я.

— Нет, не невидимками, — раздраженно ответил мне Костяной царь. — Недосыгаемость — это другое. Их словно не будет. Кто бы ни посмотрел на то место, которое скрыто заклятием, он ничего не увидит и не услышит, и я — в том числе. Причем этот змей знал, что ночью я все равно смогу что-то заподозрить. Не увидит, но учуять, там же смертоубийство происходило. Но то ночью, а тут-то был день. Так что ничего я не знаю. — А если душу убитого опросить? — тут же спросил у него Нифонтов. — Она-то все видела, все знает.

— Видела. Знает, — подтвердил Хозяин. — Но рассказать не может. Он и ее заклятием угостил. Последние воспоминания в жизни — как он в подъезд своего дома вошел. Потом все, пустота. Ничего не помнит. Ни тех, кто его сюда привез, ни как убивали. Ничего. Белый лист.

— Вот же! — скривил рот оперативник. — Опять пустышка.

— Попадись он мне, этот ведьмак! — процедил Хозяин. — Ох, он долго бы умирал. Я бы такое для него устроил, такое придумал! Хотя, ради правды, скажу так — это если бы он попал мне в руки ночью. За день не поручусь, тут спорный вопрос, кто кого. Силен, мерзавец. И ты, государев человек, это имей в виду. Один на один с ним не выходи, не осилить тебе его, хоть ты и заговоренный. Или стреляй сразу и первым, лучше всего — в затылок, пока он не повернулся к тебе лицом. Так у тебя шансов больше будет. А труп потом мне сюда привези, не сочти за труд. За мной не пропадет, если что, я тебе добром отплачу, без обмана.

— Уговор, — быстро кивнул Нифонтов. — По рукам. Если он живым сюда попадет — душа ваша, тело мое. А если мертвым — труп ваш. Мне же мороки меньше с вопросами утилизации.

— Последнее слово не понял, — помотал головой Хозяин кладбища.

— Тело прятать не надо будет, — объяснил Нифонтов. — Вот только до этого момента еще дожить надо.

— Куда ты денешься! — хохотнул Хозяин. — Я ж говорю — заговоренный ты. На семи травах, да на семи росах, да на семи закатах. Кто-то о тебе печется, приятель, и очень сильно. Такой заговор только по большой любви делают, потому что себя в нем не жалеют и часть своей жизни в него вплетают.

— Не обо мне речь, — бросил на меня короткий взгляд Николай. — Что дальше делать — непонятно.

— Если тебе нужен мой совет, то вот он — идите-ка вы отсюда, да побыстрее, — произнес Костяной царь. — Вы мне всех подданных уже взбаламутили. Вернее — вот он.

Он вытянул руку, точнее, из-под черного балахона высунулся его палец. Длинный, без малейшего признака плоти и с желтым острым ногтем.

— А что не так? — Я повертел головой и никого вокруг не увидел. — Вроде все тихо.

— Да что ты! — В голосе Хозяина сквозила неприкрытая ирония. Он вообще, похоже, был веселой личностью. Ну, с поправкой на место проживания, разумеется. — Это просто ты пока ничего не можешь увидеть, глаза у тебя еще человечьи. Смотри, что творится внизу. Он махнул рукой, и я даже охнул, созерцая то, что происходило у подножия холмика, на котором мы были.

Нас окружали сине-бледные призраки. Их было невероятно много, они заняли все свободное место. Впрочем, и несвободное — тоже. Они стояли между деревьями, на могилах, на дорожках. Стояли, молчали и смотрели на меня. Все были очень разные — мужчины и женщины, пожилые и совсем юные, одетые в деловые костюмы и камзолы, расшитые золотом, длинные платья и даже сарафаны. Разные — и вместе с тем одинаковые. Одинаково неживые.

— А чего им от меня нужно? — Мой голос предательски дрогнул, потому как проняло меня капитально. Если бы вы увидели даже не эту толпу призраков, а хотя бы тот синеватый свет, который сейчас заливал все вокруг нас, то поняли бы меня и вряд ли стали осуждать.

— Ты конфеты в детстве любил? — спросил у меня Хозяин, дождался моего «да» и продолжил: — И я любил. Вот ты для них — как конфетка для ребенка. Ты для них даже больше.

— Вопрос не в этом, — поморщился я. — Я так и не понял, что им от меня конкретно надо.

— Жалость, — ответил мне Костяной царь. — Сочувствие. Сострадание. Любое слово подходит. У тебя есть бесхозная сила, и ты умеешь их слышать. Этого достаточно для того, чтобы они решили, что ты можешь им помочь. Им нужно, чтобы ты отпустил их отсюда. Ты — это их возможность уйти навсегда. Так они думают.

«Да-а-а», — прошептали сотни голосов у меня в голове. Они говорили очень тихо, но их было невероятно много, а потому в голове у меня словно бомба взорвалась, опалив мозг. Я взвизгнул от внезапной и нестерпимой боли, сжал уши руками и упал ничком на землю. — Эй-эй. — Нифонтов бросился меня поднимать. — Ты чего?

— Пусть они молчат, — попросил я Хозяина, поскольку мое падение было замечено мертвыми, и они начали переговариваться. И я это все слышал. — Пожалуйста. А то тут мне и конец наступит.

— Не самый плохой для меня вариант, — заметил Костяной царь. — Ты бы мне в хозяйстве пригодился.

— Не смешно, — укоризненно произнес Нифонтов, поддерживая меня.

— Не знаю, по-моему, забавно, — не без удовольствия произнес Хозяин кладбища, но все-таки снова махнул рукой, и сияние исчезло, а с ним — и толпа мертвецов вместе со своей болтовней. — Пусть знает, что его может ждать в том случае, если он свяжет свою жизнь с нами. Ведь он не случайно ко мне в гости пожаловал. Ведь так? Посмотреть хотел, прикинуть, что да как. Ну, прикинул?

— Не то слово. — Я потер уши. — Врагу не пожелаю такое испытать.

— Ты пойми, я тебе зла не желаю, — неожиданно для себя я услышал в его голосе некое сочувствие. — Более того — иногда мостик между нашим миром и миром живых бывает нужен. Нечасто, но случается такое. Но именно узенький мостик, а не широкий проспект. У вас там, за забором, — свое. У нас — свое. Живым — жить, мертвым — тлеть, так было от веку, и так быть должно всегда. По-другому — никак. Мне надо, чтобы ты это осознал. Услышь мои слова, пойми их, прими как неоспоримую истину — и тогда мы с тобой, возможно, поладим.

— Что вы вкладываете в слово «поладим»? — Хоть в голове у меня еще изрядно шумело, я внимательно слушал повелителя мертвых, чуя, что все это он говорит сильно неспроста.

— Если ты выберешь ту стезю, о которой думаешь, то все равно понадобится кто-то, кто сможет провести тебя по темным путям, — и снова в голосе Хозяина мне послышалась усмешка, правда — не злая, не язвительная. Но и не добрая. Скорее — та, с которой старики обсуждают не в меру резвую молодежь. — Люди думают, что все знают о нас и о том, что случается после того, как душа выходит из тела. Книжки об этом пишут. Я даже читал парочку. Смешно. Такое там городят — если бы у меня были волосы, они бы дыбом встали. Но люди в это верят, пока живут. А степень своих заблуждений они узнают уже после того, как сами попадают сюда, на эту сторону бытия, только изменить уже ничего нельзя. Поздно. А вот тебе, ведьмачонок, такой вариант не подойдет, ты про все это должен узнать до того, как умрешь, иначе какой в твоём служении будет смысл? Я готов тебе кое-что объяснить и показать. Не за так, врать не буду. Но ты заранее не пугайся, лишнего я с тебя не возьму.

— Мне нужно дать ответ прямо сейчас? — напряженно спросил я.

Если он ответит «да», то это будет самая сложная дилемма из тех, что были в моей жизни. Я прекрасно осознаю, что отказываться от такого наставника — верх глупости, другого такого предложения может и не поступить. Но и «да» говорить никак нельзя, поскольку веры этой сущности у меня не было ни на грамм.

Тут думать надо. И советоваться.

— Успокойся, — посоветовал мне Хозяин кладбища. — У тебя сейчас кровь носом пойдет, ты моих подданных этим совсем уже раззадоришь. Они и так вон изнывают, а тут еще и это. Да и я, знаешь ли, не каменный. Кровь, смешанная с неприкаянной силой, ведьмачонок, — это такое дело... Любого в соблазн введет. Так что не изводишь, не нужен мне пока от тебя никакой ответ. Ты покамест никто и станешь ли еще кем-то или нет — неизвестно. Но если станешь и решишься — приходи ко мне, побеседуем. Я дарю тебе это право до тех пор, пока ты чтить мои законы. Ну а если ты их нарушишь — не обессудь. Отдельно замечу, что право это даровано мною добровольно и тебя ни к чему не обязывает. — Теперь бы еще узнать, каковы они, эти законы? — пробормотал я, испытав изрядное облегчение.

— Помни, что ты здесь гость, а я хозяин — это главное, — жестко произнес Хозяин кладбища. — А до остального сам додумаешься, если не дурак.

— Спасибо хоть скажи, — толкнул меня в бок Нифонтов. Глянув на его лицо, я понял, что он куда более моего понимает в том, что сейчас произошло.

— Спасибо, — покорно повторил я.

— На здоровье. — Хозяин кладбища издал нечто вроде смешка, а после снова обратился к оперативнику: — Ну что, коллежский регистратор, а с тобой мы договорились?

— Все-таки вернее будет не коллежский регистратор, а губернский секретарь, — поправил его с легкой ехидцей Николай. — Разница невелика, конечно, но все же.

— Ишь ты, — изумился Хозяин. — Это что же, опять «Табель» ввели? Мне недавно прибывшие много разного рассказывали, и о том, что Дворянское собрание по новой учредили, и что вот-вот опять «крепость» введут, и другое всякое, но этого не ожидал.

— Да нет, у нас просто есть один забавный старичок, он на этих вещах помешан, — объяснил Николай. — Целыми днями про времена Николая Первого и Александра Третьего талдычит, вот я и выучил. Что же до нашего дела — думаю, да. Если я этого гада прищучу и от него после этого что-то останется, то он ваш. Но при этом услуга за услугу — если сложится так, что мне доведется убить его здесь, на вашей земле, то вы мне дадите это сделать, не вмените потом в вину и, если понадобится, поможете в этом.

— Неплохая сделка, — подумав, согласился повелитель мертвых. — Правда, есть один спорный момент, но он не слишком существенен. Ты, главное, мне сюда его приведи, а уж кто его из нас убьет — это мы разберемся. Хотя... У тебя к нему есть что-то личное? Мсть и так далее?

— Нет, — передернул плечами Николай. — Просто надо его нейтрализовать, пока он еще больше дел не наделал. Работа, ничего личного.

— Тогда точно договорились. — Хозяин кладбища снова поднялся во весь свой рост. — На этом все. Не буду говорить «до свидания» или «до встречи», у меня здесь в ходу только «прощайте». До выхода вас проводят. А мне еще новеньких принимать.

И вправду — у оградки невесть откуда появилась группа призраков, причем отличающаяся от тех, что я видел недавно. Если бы не лунное сияние, подсвечивающее их изнутри, то я бы подумал, что они люди, такие же, как мы с Николаем.

Я смотрел на них, они на меня, и мне вдруг стало их очень жалко. Мне кажется, именно в этот момент я начал понимать, какая именно бездна лежит между нашими мирами и что хотел донести до меня Хозяин кладбища. Эти люди еще три дня назад были живы, они дышали, чувствовали, любили, ненавидели и уж точно не хотели умирать. По крайней мере, большинство из них — точно. Вряд ли для вон той кудрявой девушки в строгом платье или для крепкого мужичка с пивным животиком смерть была желанной гостьей. Думаю, в их случае она была неожиданностью. Не знаю, что там случилось с девушкой, а у мужичка заднюю часть черепа как корова языком слизнула и лицо здорово помято. Как видно, он в аварию попал или что-то вроде этого произошло.

Так вот — они были, а теперь их нет. А я есть. И вот мы стоим, смотрим друг на друга, и между нами — пропасть. Как было сказано выше, мне — жить, им — тлеть. И рубеж этому всему — три дня, пылинка в часах времени. И уже ничего не изменить.

А самое страшное — они так ничего до сих пор и не осознали, я это не просто видел, я это ощущал всем своим существом. Для них это все был дурной сон, абсурдное кино, дурацкая инсталляция. Нет, несколько стариков поняли, что к чему, но они были к этому готовы. Но вот остальные, та же кудрявая девушка...

— Позвоните Олегу, — сказала она мне, подавшись вперед. — Передайте, что у меня все хорошо, я вам номер сейчас назову. Или, если не трудно, дайте мне свой смартфон, пожалуйста. Я быстро, я всего два слова — и все. Он же, наверное, места себе не находит, он же не знает ничего. Его и на похоронах не было. Ну пожалуйста!

— Идите, — громыхнул сзади голос Хозяина кладбища. — Вам тут сегодня больше нечего делать.

Девушка попыталась схватить меня за руку, но тщетно, ее ладони просто прошли сквозь меня, обдав холодом. В этот же момент Нифонтов толкнул меня в спину и буквально пинками погнал вперед.

— Позвоните Олегу, — метнулся сзади тонкий голос. — Девятьсот три, шестьсот восемнадцать...

А дальше я не услышал. Жаль. Я бы позвонил. А почему нет?

На аллее нас поджидал все тот же Вергилий.

— О чем столько разговаривали-то? — небрежно спросил он у Николая.

— Иди и задай вопрос вон ему, — потыкал тот пальцем себе за спину. — Что ты у меня интересуешься?

— Шутник, — сплюнул на землю наш проводник. — Я еще не совсем с ума сошел. Идем, что ли?

— Домой хочу, — устало сказал ему я. — Давай уже, веди.

И мы двинулись в обратный путь.

Что примечательно — ворота кладбища, до которых нас довел жуликоватый Вергилий, были до сих пор открыты. Хотя если разобраться, то с того момента, когда мы вошли в них, времени прошло не так и много, просто для нас оно измерялось не минутами, а эмоциями. Все относительно, как говаривал Эйнштейн.

— Может, все-таки партиечку? — спросил у нас проводник, доставая из обшлага рукава колоду карт. — А? У меня есть что поставить на кон.

— Пару костей из могилы? — ехидно спросил у него Нифонтов.

— Зачем? — не менее язвительным тоном ответил ему покойник. — Я, знаешь ли, очень наблюдателен. Что-то вижу, что-то подмечаю, что-то знаю. Например, могу кое-что поведать о тех, кто сегодня ведьмака на куски порезал. Ты же за этим сюда пришел?

— Хозяин нам толком ничего рассказать не смог, а ты все знаешь? — рассмеялся Нифонтов. — Сказочник.

— А что я? Я сам ничего не видел, — ощерил гнилые зубы Вергилий. — Я днем в могиле лежу. Но зато смогу дать вам возможность с одной душой пообщаться, в свое тело ее пушу на пару минут. Вот она как раз кое-что интересенькое видела.

— Даже так? — заинтересовался Нифонтов.

— Вообще-то нам с живыми без ведома Хозяина общаться строго-настрога запрещено, — заговорщицки прошептал Вергилий. — Он подобного не терпит, и тем душам, которые нарушат его указы, не позавидуешь. Но есть у нас тут одно место, где его власть не безгранична, он нас там не увидит и его свора — тоже. Ну как? Интересный заклад? Надо же. Правы были античные авторы — нет абсолютной власти. Что на этом свете, что на том. Владыки думают, что всесильны, но где-то там, внизу, есть те, кто над этим посмеивается и творит то, что сам считает нужным.

— Не без того. — Оперативник потер подбородок. — А тебе что от нас надо? Не деньги же?

— Не деньги, — подтвердил плут. — Они мне без надобности. Я выпить хочу. Давно хочу. Лет двести.

— Тело нужно, — понятно кивнул Нифонтов. — Живое.

— Твое. Часа на два. — Вергилий облизал изъеденные тленом губы. — Не больше. До «Поминальной избы», что у дальнего входа стоит, добежать и обратно вернуться. Ну и там, стало быть, полштофа усидеть.

— Я подумаю, — пообещал Нифонтов. — Завтра... Точнее, уже сегодня вечером сюда подходи, может, и сложится чего.

На этом мы с ним распрощались и двинулись в сторону ярко освещенных ворот, где по-прежнему копошились разнорабочие.

— Обманет, — сказал ему я. — Таким верить нельзя.

— Само собой, — весело подтвердил оперативник. — Точнее — непременно попробует это сделать. Вот только он думает, что со мной играть будет, а я с собой тетю Пашу привезу. Есть у нас такая, уборщицей работает. Она и не таких красавцев на четыре кости ставила. Пусть этот фраер с конфетной фабрики попробует у нее выиграть, удачи ему.

Кладбище проводило нас шелестом листьев на деревьях и ветерком. Впрочем, может, это и не листва шуршала, а голоса тех, кто остался у нас за спиной, рядом со своими могилами. В машине мы молчали, и только уже у самого моего дома Нифонтов сказал:

— Удивил ты меня, Александр. Удивил.

— Если не секрет, чем? — вяло поинтересовался я.

Мне жутко хотелось спать, это притушило все воспоминания о том, что произошло на кладбище. Эмоции эмоциями, но я подустал от всей той мистики, которая окружала меня в последнее время. Притупилась новизна впечатлений. Просто всего в меру должно быть. А ведь завтра на работу. Точнее — уже сегодня.

— Держался хорошо, — пояснил оперативник. — Уверенно. Обычно люди, сталкиваясь с ирреальным, ведут себя по-другому. Нет, я понимаю, что ты уже порядком поднаторел в наших делах, но все-таки... Это же не оборотень какой-нибудь был, а целый Хозяин кладбища. А ты даже глазом не моргнул.

— Это потому что у меня выбора нет, — объяснил я ему, зевая. — Куда деваться с подводной лодки? Я либо принимаю правила игры, либо меня списывают со счетов, третьего не дано. И упробить: «Не трогайте меня, я хороший», — не получится, потому что на раздаче не человек, а сущность. Угадай, что я выбрал?

Нифонтов хмыкнул и остановил машину у моего подъезда.

— Главное, не поддайся иллюзии того, что ты стал в этом новом мире своим. Это не так. Совершенно не так, — очень серьезно посоветовал он мне. — Мы, люди, в нем всегда

будем только гостями, и это в лучшем случае. Тут как у уголовников — не верь, не бойся, не проси.

— В твоём случае — да. — Я открыл дверь машины. — В моём — фиг знает. Не забудь, что ты так и останешься человеком, без вариантов. А я, возможно, стану ведьмаком. Потому что тебя в тот мир всегда будет только гостевой пропуск, а у меня может появиться прописка, и я стану его частью. Не могу сказать, что меня это сильно радует, но факт есть факт.

— Ты им сначала стань, — заметил оперативник. — Хотя с таким подходом к делу ждать этого недолго осталось.

— Если чего — звони. — Я зябко передернул плечами, после теплого нутра машины ночная прохлада шустро цапнула меня за плечи. — Все, я спать.

— И все-таки будь поосторожней, — еще раз посоветовал мне оперативник. — Раньше про тебя никто не знал, теперь ты, если можно так сказать, вышел в свет. Новости разносятся быстро, так что не ленись поглядывать за спину.

— Я стал популярен? — немного коряво пошутил я.

— Не льсти себе, — не поддержал меня Нифонтов. — Просто такая штука, как ничейная сила, — это куш, за который стоит побороться. И тебя в этой игре снесут с поля без особых раздумий, даже не расценивая как игрока. Я тебе про это еще при нашем первом нормальном разговоре сказал.

— Еще посмотрим, кто кого. — Мне отчего-то стало обидно. — Все, пока.

И я пошел домой. Времени-то на сон оставалось всего ничего.

Дома было тихо и темно, Вавила Силыч на пару с Кузьмичом уже давно ушли, и только верный Родька терпеливо ждал меня на кухне, хрустя овсяным печеньем и подогревая чайник.

Я его заботу оценил, но чай гонять не стал, вместо этого рухнув в кровать, заснув еще до того момента, как голова коснулась подушки, и напоследок успев подумать: «Хоть часов шесть посплю».

И все равно не выспался. Впрочем, это было уже не так и важно, поскольку вскоре сонливость стала моим нормальным состоянием. Да и не только моим. В Москву пришла жара, одно из самых изматывающих горожан испытаний. В первой половине недели было еще терпимо, но к четвергу знойное марево набрало силу, и пошли дни из тех, что асфальт в центре плавят и выжигают кислород из воздуха настолько, что к вечеру его можно ломтями, как пирог, резать. Улицы опустели, никто без нужды по ним не мотался, разве что только совсем поздно народ вылезал на моцион, тогда, когда с небес снисходила хоть какая-то прохлада. Что же до служилого люда — он совсем запечалился и проникся завистью к тем, кто промышляет фрилансом. В подобное время в городе вообще невесело, а на работе — совсем уже паршиво, поскольку из многочисленных офисных тягот и неурядиц жара — одна из самых неприятных и неудобных. В бытовом смысле, имеется в виду.

Все время хочется пить, но делать этого никак нельзя, поскольку вода практически тут же покинет твой организм, превратившись в пот. Мало того — она образует темные влажные полукружья на сорочке под мышками и такого же цвета пятна на спине.

В помещениях — духота невозможная. Кондиционеры не справляются и один за другим выходят из строя. Ремонтников вызывают, но они приезжают не так быстро, как хотелось бы — мы не одни такие у них на обслуживании, так что в очередь, как писал классик.

Самое обидное, что ломаются кондеи чаще всего в двух подразделениях, которые хочешь не хочешь, а должны быть, скажем так, охлаждены. Это операционный зал, где в приоритете — забота о клиенте, и серверная, где всегда должна поддерживаться определенная температура, дабы техника не вышла из строя. Потери в результате латают за счет внутренних подразделений, забирая у них исправные кондеи и с издевательским видом вручая взамен китайские вентиляторы на длинной ножке, ехидно приговаривая: «От сердца отрываем» и «Только для вас».

Нас обобрали сегодня утром, а уже к полудню дышать в кабинете стало совсем нечем, вентилятор гонял воздух, ни капли его не охлаждая. Открывать окно не имело ни малейшего смысла, более того — это было совсем не по уму. Там прохлады в помине не было.

Мы глотали воздух ртом, как рыбы, и беспрерывно зевали от нехватки кислорода.

— Хочу на природу, — томно сказала Федотова. — Нет, даже не на природу, там делать нечего, там дети и муж, то есть еще хуже, чем здесь. Хочу на море, чтобы волна, и ветерок, и шезлонг. И еще коктейль, слабоалкогольный, со льдом, в запотевшем бокале, когда капельки по стеклу ползут.

— И чтобы его подавал мулат, — добавил я, обмахиваясь договором какой-то фирмы о поставках чего-то там. — Или даже лиловый негр.

— Ну, негр — это слишком, — рассудительно заметила Федотова. — А вот мулат...

— Сашенька, — ласково обратилась ко мне Денисенкова, — не помню, говорила ли я тебе сегодня, что ты лучший из молодых людей, работающих в этом богом забытом банке? Ты самый умный, самый добрый, ты вообще самый-самый!

— Да-да, — оживилась Федотова. — Так и есть. Сашуля, ты вообще альфа-самец, честное слово. Любая из нас будет счастлива, если ты только глянешь в ее сторону!

— Не пойду никуда, — немедленно заявил я. — Даже и не думайте. Меня на эти ваши... Не купишь, короче. Вон, в казначейство какой-то студентик на практику пришел, его окучивайте. Он молодой, он поведется.

— Казначейство его само юзает, — печально вздохнула Денисенкова. — И потом — я в пятницу с Танькой оттуда сцепилась, они теперь нас не любят. Весь отдел.

— Эти мне ваши корпоративные войны, — проворчал я. — Сами себе палки в колеса суете.

— Са-а-аш-ша-а! — в унисон произнесли мои сослуживицы. — Мы хотим мороженого! Хотим-хотим-хотим!

И так — каждое лето. Они хотят, а мне идти.

Но делать нечего, придется топтать в магазин, поскольку они теперь не угомонятся, будут нудеть, как комары, до тех пор, пока своего не добьются. Легче дать им желаемое, чем остаток дня объяснять, почему я этого делать не хочу. Себе дороже выйдет.

— Сволочи вы, а не соратники, — проворчал я, вставая с кресла.

— Чего хочет женщина, того хочет Бог, — назидательно произнесла Федотова. — Мне два. Фруктовый лед какой-нибудь и еще такое, знаешь — с одной стороны шоколадка, а с другой — печенька.

— И мне — то же самое, — добавила Денисенкова. — И давай поживее, а то я расплавлюсь. Мне надо охладиться.

Хотел я сказать, что плавится она от того, что за зиму лишнего веса набрала килограммов десять, но промолчал. Целее буду. Ленка добрая по жизни, но такого не простит. Бог простит, а она — нет.

На улице было адское пекло в чистом виде. Раскаленный асфальт ощущался даже через подошвы ботинок, белое солнце лупило сверху так, что на небо было невозможно смотреть. Я брел по тротуару, обливаясь потом, к близлежащему магазину, искренне надеясь на то, что там будет хоть какое-нибудь мороженое. Торговая точка тут, на Сивцевом, одна, все остальные — на Арбате, до которого топтать и топтать по ближнему от нас Большому Афанасьевскому переулку. Это центр, тут продуктовых — по пальцам перечесть, причем половина из них предназначена не для «купить поесть», а для «посмотреть» и подумать о том, из чего продукты на этих прилавках сделаны, не из стразов ли Сваровски и южноафриканских алмазов?

Фруктовый лед эти кошелки захотели. Радуйтесь, если эскимо какое будет или рожок вафельный.

Потом мои мысли плавно сместились на более насущные проблемы.

Как ни странно, последние дни были на редкость спокойные. У меня вообще начало складываться такое ощущение, что со мной кто-то очень сильный и властный играет, кто-то, сидящий там, наверху в прозрачной яркой синеве и невидимых с Земли серебристых облаках. Причем этот «кто-то», несомненно, в сговоре с руководством банка, в котором я тружусь. Этот «кто-то» нагружает меня эмоциями, приключениями и опасностями в выходные, чтобы мне скучно не было, а рабочие дни не трогает, чтобы я мог честно выполнять предписанные мне должностной инструкцией обязанности.

Ну а что? Три дня с выходных прошло — и тихо. Никто в мой дом не ломится, никто меня ничем не пугает, даже Нифонтов — и тот со мной разговаривать особо не стал. Я ему сам позвонил во вторник вечером, узнать, чем там карточная партия на кладбище завершилась. Так этот слуга закона и порядка отделался парой общих фраз, обещал перезвонить и все рассказать, после чего повесил трубку. И разумеется, не перезвонил.

Ну и я решил ему больше не звонить. Тоже мне, мистер секретность. И потом, у меня тоже самолюбие есть.

Да и другие дела у меня имелись. Я продолжил чтение ведьмачьей книги, правда, уже не такое хаотичное, как пару недель назад, без выхватывания произвольных кусков текста. Скажем так — более планомерное. Причем самое пристальное внимание я уделил записям некоего Ратмира. Этот самый Ратмир как раз и оказался ведьмаком, избравшим стезю общения с мертвыми. Увы, но заметок он оставил после себя не так много, как мне хотелось бы, причем даже те, что имелись, носили несколько конспективный характер. И я молчу о том, как это все выглядело внешне, в смысле трудночитаемости текста. Жил мой предшественник, несомненно, уже после того, как Кирилл и Мефодий изобрели свою азбуку, но задачу мне это не упростило. Бог бы с ними, с разными «аже еще» и «и его убяху», здесь хоть смысл худо-бедно уловить можно. Но местами это был вовсе ужас. Я даже Вавилу Силыча на помощь призывал, но все без толку.

Но все равно — источник информации это был если не бесценный, то крайне полезный. Кое-что я на ус намотал, в основном в отношении общения с мертвыми. Там вообще оказалось невероятно много нюансов, начиная с условной классификации, уж не знаю, общепринятой или же самим Ратмиром составленной. Были мертвецы «нелепые», те, что погибли раньше срока, например, в результате несчастного случая. Были «на горло сказанные», то есть убитые злодеями или судебной системой. Были «закладные» — те, которых умертвили по навету или вовсе в виде жертвы, тогда, похоже, это было в норме вещей. А еще — «век отжившие», «млады головы», «ратные». Хватало, в общем.

И у каждого из них — свои тараканы в призрачной голове. И устремления разные. И технология общения с ними тоже должна быть разная.

Кстати, читая эти записи, я внезапно ощутил, что бездна времени, лежащая между мной и Ратмиром, не более чем условность. По моим прикидкам, жил он веке в пятнадцатом, кабы не раньше, поскольку пару раз упоминал «Рюрика последов, что на троне в месте московом сидят». В принципе, можно было бы более-менее точно определить годы его жизни, полистав последующие записи, наверняка где-то если не про Ивана Грозного, то уж про Смутное время кто-то да упомянет, а потом оттуда и плясать нетрудно будет. Но зачем? Так ли это важно?

Так вот, между нами — века, но, проводя время за книгой, я их совершенно не ощущал. То есть мир — да, он стал другим. От времени Ратмира остался только ландшафт, который, впрочем, тоже наверняка порядком перекопали, и сколько-то исторических хроник со свидетельствами сомнительного характера. Написать можно что угодно, но вот сколько в этом всем правды?

Он наверняка носил домотканую одежду и писал пером, используя какие-то чудные чернила, в которых Родька со знанием дела распознал сок бузины напополам с печной сажой, я орудуя шариковой ручкой и каждый день натягиваю на себя костюм. И все равно ничего не изменилось. Живой мир нестатичен, он все время движется и развивается. А мертвые такие же, как и сто, и пятьсот, и тысячу лет назад. Живые люди — всегда дети своего времени, но после того, как с губ слетит последний вздох, это наносное немедленно уходит. Нет, даже в посмертии они по первости могут попросить позвонить кому-то или устроить скандал, выкрикивая: «Да ты знаешь, кто я?» Но это все — последние личностные вспышки. А потом придет понимание вечности и желание поскорей покинуть эту землю, отправившись хоть куда, лишь бы подальше отсюда.

Вот только не всем это дано — распрощаться быстро с землей.

Потому-то мы с Ратмиром как братья, я понимаю его с полуслова. Полагаю, что встретиться мы с глазу на глаз, то нам было бы о чем потрепаться. И никаких понятийных барьеров между нами не возникло бы.

А еще я нашел в его записях, самых ранних, фразу, которая вызвала у меня массу вопросов. Звучала она как: «И егда ты себя ломати, тот же день снизойдет на тя диво».

Речь шла про то, как Ратмир подчинил себе силу, это следовало из контекста. Но вот только что он вкладывал в слово «ломати»? Вариантов-то масса, причем на любой вкус. Да и вообще, человек с таким именем мог себе даже и конечность сломать, на предмет того, что он вообще ничего не боится. Тогда имя просто так не давали, и если уж тебя зовут Ратмир, то ты всем глаз на задницу натянешь. А то ведь и в Кулему могут переименовать. Для нас, нынешних, имя — просто складный набор букв. Для них, тогдашних — это судьба, с которой тебе идти через всю жизнь.

Так вот, «ломати». И так я это дело вертел в голове, и эдак, но четкого ответа не нашел.

Одно понятно — ведьмаком Ратмир стал в тот же день, когда это неизвестное мне событие случилось. «Диво» на него снизошло.

Скажу честно — ломать я ничего не хотел. Ни себе, ни кому-то другому.

Хотя не думаю, что дело в физических увечьях, слишком это просто. Боль — сильнейший стимулятор, но при этом она одно из примитивнейших ощущений. Животных, можно сказать. Что за интерес силе в подобном?

Нет, тут что-то другое. Я отчего-то склонялся к тому, что речь идет о страхе. По сути, личные страхи — это отражение нашего внутреннего «я», и перешагнуть через них — это уже что-то. Переломить свою сущность, посмотреть в глаза своим демонам, суметь пройти через это горнило. Вот какие я сравнения подобрал, звучит-то как!

Косвенным подтверждением этой версии служило то, что сила зашевелилась во мне как раз после того, как я выпутался из очередной пугающей истории.

Так что вряд ли это боль, хотя ее природа тоже не так и проста. Ну да, она примитивна, как я и говорил, но при этом боль в огромном количестве ритуалов — основной компонент.

Я ведь нашел в книге описание заговора «Пустое место» и выяснил интереснейшую вещь. Оказывается, сильно непростой заговор, составная часть древнего и жуткого ведьмачьего ритуала, имеющего истоки чуть ли не в начале времен. Название его я так и не смог

разобрать, но он был связан с какими-то еще языческими божествами, и защита «Пустого места» ставилась вовсе не от свидетелей, а для того, чтобы и капля энергии жертвы на сторону не ушла. Вот так.

Потому того бедолагу так ломтями и настрогали, похоже. Согласно традициям.

Хотя по технологической стороне создания «Пустого места» все было сказано верно и правильно. Нужны были почти четыре десятка компонентов и три заговора в процессе — жуть редкостная. И ведь не лень кому-то...

Вот так, за мыслями и раздумьями, я до магазина дошел, где все-таки осталось еще мороженое, пусть даже одного вида, сплющенное и заиндевевшее, и даже обратно в банк вернулся.

И прямо у входа нос к носу столкнулся с Волконским, который тут же схватил меня за плечо.

— На ловца и зверь бежит, — радостно сообщил он мне. — Смолин, ты-то мне и нужен.

— У меня обед, — сразу сказал я. — Имею право.

Начальству, пусть даже и такому лояльному, как Димка, все-таки лучше на дальних подступах объяснять, что ты не шлялся невесть где, а реализовывал свое законное право на отдых.

— Потом пообедаешь, — отмахнулся он от меня. — Пошли-пошли, время уходит. Я даже звонить тебе уже собирался.

— Куда это? — насторожился я. — В смысле — куда пошли?

— Клиент пришел, — засопел своим породистым носом Волконский. — У нас переговоры, и там должен присутствовать человек из вашего подразделения.

— Стоп-стоп, — помахал я пакетом, в котором постукивали все еще не оттаявшие стаканчики. — Холера с тем, что сотрудники отдела финансового мониторинга не могут принимать участие в подобных мероприятиях, поскольку подобное положением цэбэшным запрещено. Но это ладно, на это никто внимания не обращает давным-давно. Только почему я? Есть Кузнецова, она заместитель и сейчас обязанности ответственного сотрудника выполняет, пока начальница в отпуске. Вот ее и привлекай. Я-то тут с какого бока?

— Привлек бы, — проникновенно сказал Димка. — Но там клиент с чужинкой. Он из этих, знаешь...

И Волконский повертел пальцами в воздухе, давая мне понять, что все реально непросто.

— Тем более не пойду, — отказался я. — С «этими» я вообще ничего общего иметь не желаю. Это у операционистов выбора нет, кого обслуживать, такая у них судьба и таков их осознанный выбор. У меня он есть.

— Да нет, — засмеялся зампред. — Не о том речь. Клиент просто старой закалки. Мол, женщина и бизнес — вещи несовместимые, дела веду только с мужчинами, и так далее.

— А, старовер, — понял я. — Надо же, они встречаются еще.

Вообще-то у клиентов банка разные тараканы в головах ползают. Я слышал и о тех, кто себе ячейку в депозитарии по фэн-шую выбирал, и о тех, кто, бывало, часами конкретного операциониста ждал, считая его фартовым, и даже о тех, кто дату получения кредита выбирал по лунному календарю, полагая, что ее определяют именно фазы луны, а не решение кредитного комитета. И вот такие, уверенные в том, что женщины в банковском бизнесе — это нонсенс, тоже не диковинка. Хотя за последние годы их стало поменьше, что уж там.

— Давай-давай, — поторопил меня Волконский. — Клиент «сладкий», денег у него — как у дурака фантиков, и, если мы его упустим, с нас собственники потом шкуру сдерут. С живых.

Волшебное слово прозвучало. Тут замешаны собственники, пререкаться дальше смысла нет, надо идти. Если, не дай бог, переговоры закончатся не в нашу пользу, то вслед за этим немедленно начнутся поиски крайнего, того, кого на съедение владельцам банка отдадут. И этой откупной жертвой запросто могу оказаться я. Дескать, не пришел, не поддержал и тем самым все сорвал. Тем более что меня и не жалко — мелкая сошка, один из многих.

Фиг с ним, посижу, похлопаю глазами, поулыбаюсь.

— Где собрались? — уточнил я.

— Вторая «переговорка», — ответил мне он. — Идем!

— Отнесу и приду, — снова помахал я перед его носом пакетом. — Если я своим мороженое не отдам, то мне жизни до осени не будет. Клиенты приходят и уходят, а мне с ними еще невесть сколько под одним потолком проживать. Ну и пиджак надеть надо, визитки взять. Дим, я туда и обратно.

— Через две минуты чтобы был! — Второй зампред потряс у моего носа пальцем, сверкнул очками и поспешно удалился.

Я его не подвел. Пусть и не через две, а через пять минут я вошел в переговорную, где, как выяснилось, собралось немало народа.

Предправ, оба зампреда, главбух и сразу куча начальников отделов или их замов — все были здесь. Они сидели, подпирая плечами друг друга, и с почтением смотрели на высокого немолодого седоватого мужчину, который пил кофе, в свою очередь, благожелательно поглядывая на них.

— А вот и Александр Смолин, — радостно сообщил клиенту Волконский. — Отдел финансового мониторинга.

— Так-так. — Мужчина окинул меня взглядом. — Экий бравый молодец.

«Из военных никак?» — мелькнула у меня в голове мысль. А что? Запросто. Вон он, немолодой вроде, а фигура спортивная, поджарая. И лицо будто из гранита высечено. Как есть капитан боевого корабля или даже командир разведгруппы. В кино их именно такими и показывают.

Хотя какая разница, кто он такой? Мой номер шестнадцатый, отсидел тут положенное время и ушел.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Александр, — сказал ему я.

— Артем Сергеевич, — сжав мою ладонь, сообщил клиент, уставившись мне в глаза.

Последнее мне отчего-то не понравилось. Стало как-то неудобно. Я себя так в свое время в террариуме почувствовал, когда смотрел на среднеазиатских змей за стеклом. Вроде умом понимаешь, что ничего они тебе сделать не могут, стекло это непробиваемое, и дырки тут нет, в которую они просочиться могут. Но все равно не по себе как-то. Мало ли?

Кстати, до сих пор помню, как у меня все внутри оборвалось, когда одна из этих змей, до того спокойно лежавшая и не обращающая на меня никакого внимания, внезапно развернулась как пружина и ударила головой в стекло аккурат в то место, где стоял я. С чего, почему, зачем она это сделала — понятия не имею. Но если бы не стекло, то мутный яд, который каплями стекал по нему вниз с того места, куда ударили клыки стремительной гадины, достался бы мне.

Вот и сейчас я ощутил себя так же, мне даже показалось, что в воздухе пронесся гнилостный змеиный запах.

Впрочем, это ощущение мелькнуло и пропало, словно его не было.

А дядька оказался очень даже неплохой, с юмором и точно знающий, чего ему от нас надо. Он крайне точно формулировал свои пожелания, обходясь без размытых фраз, внимательно выслушивал собеседников и задавал правильные вопросы по существу дела.

Что до меня, я в этом разговоре практически не участвовал, обойдясь парой реплик в тот момент, когда речь зашла на тему «Стучать — не стучать». Двух мнений быть не могло — стучать, но поскольку предполагаемая деятельность нашего потенциального клиента выглядела «чистой», по крайней мере, сейчас и на словах, то и проблемам взяться было неоткуда.

К концу мероприятия я даже почувствовал к этому человеку симпатию. Он быстро выяснил все его интересующее, а после заявил предправу:

— В принципе, все, дальше пусть пока работают юристы. Открытие счета и все остальное нашего общего непосредственного участия не требует, за исключением нескольких подписей. Я так думаю, пусть ваши сотрудники идут себе, а мы с вами еще поговорим о тарифах, ставках и льготах для крупных клиентов.

— Сдается мне — выгорела сделка, — радостно прошептал нам Волконский, как только вышел из кабинета.

— Правда, я так и не понял, на кой мы там были нужны, — заметил Винокуров, представлявший казначейство. — Ладно еще валютчики, кредитники, операционный.

Наше-то хозяйство здесь с какого бока? Или вон Сашкино?

— Да-да, — поддакнул я, таращась в экран телефона.

На нем красовалась свеженькая фотография Федотовой и Денисенковой, пришедшая мне по «Вотсапу». На ней они эротично вдвоем облизывали одно мороженое. Мое мороженое! Это следовало из пояснительной фразы, приложенной к фотке и гласившей: «Мы спасли твое мороженко от таяния. Мы молодцы, а ты теперь нам должен».

— Не бубни, — сдвинул брови Волконский. — Тебя отпустили — вот и иди себе на рабочее место. И все остальные тоже могут последовать примеру Смолина. Идите, идите, солнце еще высоко.

С последним было поспорить трудно — солнце было еще высоко и жарило нещадно. Да и вечером, когда оно начало крениться к закату, зной все равно не спал.

Из метро я вывалился мокрый как мышь, и единственное, что успокаивало, так это то, что остальные пассажиры выглядели не лучше. Вообще-то метрополитен закупает новые комфортные вагоны с кондиционерами, но их пока меньше, чем старых составов, в которых

и вентиляция-то работает через раз. В смысле — в одном вагоне работает, в другом — нет. Следовательно, пассажиры из первого вагона более-менее в нем дышать могут, а те, кто попал во второй, проверяют себя на выживаемость и сопротивляемость недружелюбной окружающей среде. А если в такой вагон еще и бомж зайдет, то там «Фактор страха» начнется.

Если честно, эта поездка меня окончательно добила, я исчерпал последние силы. Через парк я уже не шел, а тащился несмотря на то, что в нем было более-менее прохладно и приятный ветерок освежал мою спину. Я потому и плюнул на свои собственные запреты, что там лучше, чем в маршрутке. Вот только сил радоваться этому у меня уже не осталось. И думать о чем-либо — тоже. Одно желание было — в душ сходить и после этого спать лечь. Фиг с ним, что время детское.

И именно из-за такого состояния я не сразу услышал, как меня окликнул человек, сидящий на скамейке. Просто пропустил его слова мимо ушей. И среагировал только тогда, когда он снова назвал мою фамилию, только уже громче.

Глава 22

— Ты Смолин? — переспросил у меня средних лет мужчина, привстав со скамейки и взглянув на экран смартфона.

Был он невысок, но при этом крепко сложен, я бы сказал — поджар. И еще от него за километр пахло криминалом, эту публику я ни с кем не спутаю, благо вырос в спальном районе. Да вон, собственно, и партаки. На правой руке, на безымянном пальце, перстень с белой полосой в центре и короной сверху, если память мне не изменяет, это означает что «малолетка» товарищем была пройдена борзо. А по соседству еще и черно-белый ромб, что означает: «Бей актив». Дополнял картину шрам на щеке, явно ножом кто-то хорошо поработал.

От меня-то этому красавцу чего надо? Я к той жизни — никаким краем.

— Положим, — насторожился я. — А чего надо?

— Поговорить. — Мужчина подошел ко мне. — Тема есть.

— Не припоминаю, чтобы мы были знакомы, — резко ответил я.

Вся вялость, которая накопилась во мне за этот долгий и жаркий день, слетела с меня, как шелуха с луковицы. Рефлексы есть рефлексы. Просто ситуация напомнила мне годы юности, приблизительно так же в свое время пацаны из соседнего, недружественного нам, седьмого микрорайона начинали «заводки», как правило, связанные с тем, что кто-то из наших «заклеил» девчулю из их охотничьих угодий. Финал всегда был один — мордобой различной степени тяжести.

Но это когда было? И я уже не пацан, да и этот мужик вроде как не тинейджер. Опять же не по чину ему вроде такие вещи, он же не гопник?

— А это не важно, — растянул губы в улыбке он. — Я-то тебя знаю.

— Приятель, ты не с нашей улицы, — растягивая слова, процедил я. — И даже не из нашего района. Чего надо?

— Сказано — поговорить, — раздался хриловатый голос у меня за плечом. — Да ты не бойсь, мы тебя рихтовать сегодня не станем, оно нам не надо. Побазарим — и все. Отвечаю. Не, если ты борзеть будешь, то тогда возможны варианты.

Однако. Самое смешное — вообще не представляю, что делать. Точнее, не знаю, какой из двух вариантов, вертящихся у меня в голове, правильный. То ли поддаться вылезшим из дремучей юности инстинктам и пробить тому, что стоит напротив, прямым в челюсть, то ли попробовать решить конфликт условно интеллигентно и поугагать их полицией. Впрочем, последний вариант мне не очень нравится. Во-первых, хоть я и не их «масти», но это лютое запахло, за которое придется отвечать. Незнание законов не освобождает от ответственности. Во-вторых, я в этом случае буду выглядеть последним чмом, что меня совершенно не устраивает.

Вот только и с мордобоем, боюсь, не сложится. Этот тип, что передо мной стоит, — он непростой, крученный, видно же, что огонь и воду прошел и таких, как я, на завтрак ел по пять штук за раз. Он меня просто на «перо» подденет — и все. Тоже чисто на рефлексах. Плюс есть еще некто за моей спиной, сопящий и пахнущий луком.

Какой там прямой в челюсть. Можно даже не мечтать.

— Да ты расслабься, приятель, — верно истолковал мое молчание мужчина, стоящий передо мной. — Тебе проблемы не нужны, нам — тоже. Просто поговорим — и все. Зададим тебе пару вопросов, ты на них ответишь — и иди себе домой, ужинай.

— Ты такой добрый. — Я сделал пару шагов вперед и развернулся, чтобы видеть обоих неожиданных собеседников. — Сердце радуется.

Второй визитер меня впечатлил поболее первого. Даже не знаю, как я его сразу не заметил. Шутка ли — верзила под два метра ростом и с рожей, глядя на которую возникает желание быстро-быстро побежать домой, закрыться на все замки и надеяться на то, что он ее одним пинком не выбьет.

— Хы, — пробасил верзила. — Ну чё, будешь говорить по-хорошему?

Здоровяк, как видно, прекрасно знал, какое производит впечатление, и был не против этим попользоваться.

— О чем? — Я уже понял, что попал. Какая драка, какая полиция? Эти двое из меня за минуту фарш сделают. Значит, появилось два новых варианта — либо бежать, что опять же унизительно, либо говорить.

Второе — целесообразней. Да и потом — надо же понять, кто на меня этих горилл спустил и по какому поводу?

— Хороший ответ, — одобрительно произнес тот, что ростом был пониже. — Правильный. Иди сюда.

Он сел на лавочку и приглашающе махнул мне рукой.

Помедлив секунду, я присел рядом с ним.

— Вот гляди, приятель. — Человек со шрамом показал мне экран своего смартфона. — Фотка. На ней ты, а рядом с тобой — человек. Вопрос: кто он и что у вас общего?

По крайней мере, появилась ясность. Эти двое не по работе ко мне пожаловали, что уже неплохо. В жизни всякое бывает, случается такое, что и на нашего брата банковского служащего наезжают с теми или иными целями. Не так часто, как в лихие девяностые, я бы сказал — редко, но бывает. Впрочем, с трудом представляю, кому и зачем я мог бы понадобиться в этом качестве. Пост у меня не тот, да и отдел — тоже. Хотя это не важно, потому что, как я сказал, отношения к работе показанная мне фотография не имела. Она была из моей новой жизни, и на ней красовались двое — я и Нифонтов, сидящие за столиком в восточном кафе.

— Счет за еду у нас был общий, — ответил я ему. — Нам его на двоих посчитали, не по отдельности мы платили.

— Вот что. — Мой собеседник лихо крутанул телефон в пальцах. — Давай сразу договоримся так. Юмор — это хорошо. Я сам его люблю, КВН там, «Аншлаг» и все такое. Но если ты станешь шутить по поводу и без повода, а особенно там, где это совсем не к месту, то ситуация может измениться, и не в твою пользу.

— У меня вообще чувства юмора нет, — пробасил верзила. — Зато удар пушечный.

— Чистая правда, — подтвердил человек со шрамом. — И удар у него такой, что только диву даешься, и шутки он не понимает. Повторю вопрос: кто этот человек?

— Раб божий, сшит из кожи, — с улыбкой произнес я, вспомнив лесную поляну.

Наверное, это было неправильно, наверное, надо было сказать, что это мент, да и все. Но такая моя злоба взяла. В моем дворе, у моего подъезда меня же прессуют. Что за ерунда? Мой собеседник досадливо поморщился, за этим последовало неуловимое движение, и мои кишки пронзила острая боль — он ткнул меня кулаком в бок. Да так ловко, с таким знанием дела, что диву даваться можно. До печени достал, в прямом смысле слова.

— Вот оно тебе надо упрячиться? — укоризненно сказал он мне, шипящему от боли и согнувшемуся, а после снова ткнул смартфон под нос. — Саша, кто это?

— Уфф, — вместо ответа просипел я.

— Не хочет общаться, — расстроено сказал человек со шрамом и посмотрел на верзилу. — Голиаф, похоже, что без тебя не обойтись. Подгоняй машину, повезем его за город. Там тихо, природа и нет лишних глаз.

— Кричать буду, — предупредил я его, держась за бок. — Громко и с выражением. И потом — это вам не хлебушек в магазине стырить, это похищение человека. Статья скверная, срок немалый.

— Э, сердяга, — тихонько засмеялся мужик. — Нашел чем пугать. Статьей больше, статьей меньше... Для нас это не принципиально.

И ведь что обидно — обычно у подъезда людно, шумно. И где они все — старушки-сплетницы, мамы с колясками, дворники? Куда запропастились? Час-то не поздний, лето на дворе. Как нужны, никого нет.

— Что до криков, то здесь тоже все предусмотрено. — Он сунул руку в карман и достал из него шприц с мутно-серой жидкостью. — Вот, смотри. Заорешь — я тебе этой дряни вкачу. Очень ядреная штука, химия высшей пробы. Овощем часа на полтора станешь, как минимум. Будешь тихий, спокойный, слюнкипустишь и, возможно, даже опишься. А как отпустит маленько, так беседа с тобой будет сплошным удовольствием. Ты таким покладистым станешь! Шелковым просто.

— Эй, стопэ! — Голиаф шмыгнул носом и показал мне кулак. — Сразу говорю, мужик — если обхезаешься у меня в тачке, то я тебе что-нибудь сломаю. Руку или даже хребет. У меня салон матерчатый, он потом вонять будет.

— Хребет не надо, это перебор, — строго сказал ему его приятель. — А руку — это ничего, это можно.

Самое жуткое — они меня не пугали. Все говорилось на полном серьезе, я могу отличить психологический прессинг от готовности к действию. Здесь было последнее.

Врать не буду — готовности к разговору с ними у меня резко добавилось. Я не хотел, чтобы мне вкололи невесть что, причем шприцем, которым до того непонятно кто пользовался. И переломов тоже не хотел.

В конце концов, ничего особенного они у меня не спрашивают пока. Чем Нифонтову может повредить то, что я про него им расскажу? Да ничем. Тем более при первой же возможности я ему обо всем поведаю, в деталях.

Другое смущает. Нет у меня уверенности, что после душевной беседы они дадут мне уйти. И еще одно. Предельно ясно то, что это исполнители, которым поставили задачу, и они ее выполняют. Вопрос: кто заказчик? Есть у меня одна догадка, причем страшенькая. Если я прав, то все очень плохо.

— Молчит, — опечаленно сказал человек со шрамом Голиафу, который так никуда и не ушел. — Как партизан — на допросе у фашистов. Все, Голиаф, шутки шутками, но подавай машину. Поехали кататься.

Здоровяк радостно осклабился, растопырил ладонь и ткнул ею мне в лицо, как бы говоря: «Ну вот и все, дружище».

Я сообразил, что все, еще пара минут, и меня на самом деле увезут невесть куда, и не факт, что обратно доставят, а потому надо язык срочно развязывать.

— По-хорошему надо тебе сейчас сказать что-то вроде: «Заголяй попку», — дружелюбно произнес негодяй и двинул вверх поршень шприца, отчего тот выпустил тонкую струйку резко пахнувшей жидкости. — Но обойдемся без этого.

— Правильно, — послышался из-за кустов, растущих у подъезда, голос, который я сегодня уже слышал. — Обойдемся. Молодой человек уже верно оценил ситуацию и готов к разговору. Не так ли?

Кусочки пазла с легким шорохом легли на свои места, картина почти сложилась. Нет, в ней были еще пустые места, но в целом все стало ясно. Ай, как все скверно-то.

И еще — если бы сейчас здесь оказался Нифонтов, я бы с радостью врезал ему с разворота, возможно, даже пару раз и без малейших колебаний. Ох, как он меня подставил!

— Артем Сергеевич, еще раз здравствуйте, — поприветствовал я подошедшего к нам человека. — Неожиданная встреча.

— Для вас — да, — весело ответил мне новый и очень важный клиент нашего банка, подходя к скамейке. — Для меня — нет. Все было спланировано. Винт, место мне уступи и жди в машине.

— Ага, — вскочил бандит, убирая шприц в карман. — Все, меня уже нет.

И он словно испарился.

— Печально, — вздохнул я. — Старею.

— В смысле? — поинтересовался у меня Артем Сергеевич.

— Да был уверен в том, что эта парочка всерьез собирается меня накачать дрянью, а после прессинговать по всем правилам, — объяснил я ему. — А это все-таки была «пушка».

Теряю хватку.

— В вашем возрасте невозможно ничего потерять, — весело сказал Артем Сергеевич, присаживаясь рядом со мной на скамейку и закидывая одну ногу на другую. — Найти — да, а потерять — нет. Вы слишком для этого юны. И еще — не печальтесь, все вы верно просчитали. Они бы на самом деле заставили вас пройти через все то, что обещали, так что никакой ошибки вы не допустили. Просто я понял, что нужды в этом нет, мы с вами и так договоримся.

— Договоримся о чем? — Я ткнул пальцем в том направлении, куда ушел Винт. — На предмет человека на фото? Скажу я вам, кто это такой, нет проблем.

— Нет надобности, — снова улыбнулся Артем Сергеевич. — Я и так его знаю. Это сотрудник полиции, который безуспешно гоняется за мной невесть сколько времени, причем ни на шаг так и не приблизившись к своей цели. Если не ошибаюсь, зовут его Николай.

— Не ошибаетесь, — подтвердил я. — Но зачем тогда... А-а-а!

И еще один кусочек пазла встал на место.

— Да-да-да, — подтвердил мой сосед по лавке. — Я хотел посмотреть на вас... Точнее, на тебя. Не против, если я перейду с тобой на «ты»? Мой возраст и жизненный опыт позволяют такую форму обращения.

— Разумеется, — кивнул я. — Почему нет?

— Так вот, мне было любопытно посмотреть на тебя в разных ипостасях, — продолжил Артем Сергеевич. — В первую же очередь нужно было понять, почему именно тебе Захар свою силу отдал. Он был ведьмаком непростым, въедливым, сварливым и абы кого в наследники не определил бы. Потому я сначала глянул на тебя в рабочей обстановке, а после натравил своих помощников. Скажу честно — в офисе ты на меня впечатления не произвел, а вот здесь держался неплохо. Трусил, но не сдавался, варианты прикидывал. И все равно — маловато этого для Захара. Точнее, для него этого совсем недостаточно. Он не любил кривых дорожек, он всегда с шашкой наголо бегал, и его наследник в такой ситуации должен был бы в драку полезть. А ты этого не сделал, ты пути отступления искал. — Да просто все, — усмехнулся я. — Некому было ему больше силу свою передать, понимаете? Умирал он, счет на секунды шел, и я был единственный, кто оказался рядом. Нет, был еще какой-то грудничок, но он...

— Его пожалел, — закончил за меня Артем Сергеевич. — Вполне в духе Захара. Действительно, просто. Как, впрочем, и все остальное в нашей с тобой истории. Хотя в ней рядом со словом «просто» еще иногда встречается слово «случайно». Я ведь так тебя и нашел, случайно. Не поверишь — за последние недели мои люди всю Москву перерыли, искали следы того, кто Захарову силу себе забрал. И ничего. Какой-то молодой человеке портфелем, по виду — клерк. Ни имени, ни описания.

— А протоколы? — удивился я. — Меня же менты опрашивали?

— Протоколы, — засмеялся ведьмак. — Были да сплыли, твой приятель постарался. В общем, стинула сила Захара, я на нее уже рукой махнул, пусть и неохотно. Так-то она мне даром не нужна, но люблю я дело до конца доводить, есть у меня такой пунктик. Да и покойного я не любил очень сильно. Так вот, уже забыл было, и тут мне твое фото прислали, на пару со щенком из особой канцелярии. Я тогда на кладбище, где Витольд свой конец нашел, людей оставил, посмотреть, что там к чему будет, кто придет, куда труп повезут. Они фотографировали все и всех, вот вы в кадр и попали. Я сразу заинтересовался — это кто же такой? Никак кто-то новенький у них на Сухаревке появился? Вот и выяснилось, что мальчонка ты занятый и к отдельским никаким краем не относишься. Но зато работаешь на Сивцевом Вражке, в двух шагах от Гоголевского бульвара, где Захар дух испустил.

— Дальше понятно. — Я потер бок. — Можно не продолжать.

Я же говорю — гад этот Нифонтов. Вот хоть режьте меня — знал он, что кто-то на кладбище есть, кто-то за нами наблюдает. И то, что я в кадр попаду, тоже знал, потому от себя и не отпустил, кормить повез. Не нашли меня так — сдал меня эдак. Разве можно так, а?

— Ну да, потом все было несложно, — подтвердил ведьмак.

— И что теперь? — устало спросил у него я. — Убивать будете? Как остальных?

— Э нет! — помахал у моего носа указательным пальцем Артем Сергеевич. — И не подумаю. Да и вообще — не надо видеть во мне кровавого злодея. Да, я убиваю, но на то есть веская причина.

Вот это признание мне совсем не понравилось. Когда при тебе в открытую признаются в совершенном преступлении, да еще и делают это в здравом уме, то это означает только одно — ты уже списан со счетов.

— Если не секрет — чем вызвана такая откровенность? — осторожно поинтересовался я. — Просто мы не настолько знакомы.

— Это ты со мной не слишком знаком, — рассмеялся ведьмак. — А я с тобой — более чем. Хочешь, расскажу о тебе все? Ну, или почти все. Саша, на дворе компьютерная эра. Вы все живете в Сети, и хороший специалист может выудить из нее такое количество информации, что диву даваться можно. И самое главное — сделать нужные выводы. Например, по тебе я все решил, когда изучил бланк заказа в магазине, торгующем травами для зелий.

Грамотный заказ, взвешенный, продуманный. И компоненты интересные, я даже поломал голову, что же ты такое задумал сотворить. Кстати, не поделишься?

— Предмет для поиска сокровищ и приворотное зелье мгновенного действия, — отвел глаза в сторону я, раздумывая о том, что именно кроется в словах «по тебе я все решил».

— Получилось? — Артем Сергеевич улыбнулся.

— Да, — не без гордости ответил я. — Правда, маху маленько дал с приворотным, не рассчитал кое-чего. Такая неприятная история вышла в результате.

— Бывает, — тактично не стал спрашивать меня дальше ведьмак. — Вот этим ты мне и нравишься, сразу взял быка за рога. Женщины и золото — то, что, в принципе, и нужно молодому человеку. Ты хочешь жить полной жизнью, извини за тавтологию, а не придерживаться каких-то там заплесневелых принципов, которые давно неактуальны. Мир стал другим, мы тоже должны меняться. Но кроме меня никто этого понимать не захотел.

Более того, пошли разговоры о том, что я, видите ли, ренегат и отступник, я извращаю саму природу ведьмачества. Нет, я не ренегат. Я прогрессор. Согласись, между этими двумя понятиями — огромная разница.

— Секунду, — остановил я его. — То есть вы убивали своих... Мнэ-э-э... Коллег...

— Собратьев, — любезно подсказал мне Артем Сергеевич. — Ну-ну, продолжай.

— Вы их убивали за то, что они не разделили ваши взгляды? — закончил я.

— По большому счету — да, — подтвердил он. — Так и есть. Они не захотели меня услышать, более того, они старались помешать моим планам. Что мне оставалось?

Выполнить роль чистильщика, удалить эти старые наросты с дерева цивилизации. Красиво сказал, да?

— Метафорично, — подтвердил я. — А со мной что? Чем я лучше их?

— Резонный вопрос, — похвалил меня ведьмак и поудобней устроился на лавке. — Тому ряд причин. Первая — ты человек новой формации. Над тобой не довлеют древние догматы. Нет, ты, разумеется, почитал книгу, но сомневаюсь, чтобы разная заумь из нее тебя заинтересовала. Рецепты — да, но все остальное — вряд ли.

— Там вообще половину разобрать нельзя, — пожаловался я.

— Вот-вот, — кивнул Артем Сергеевич. — Второе — ты не был введен в круг, и это меня устраивает. Третье — ты, как и все молодые люди, жаден до впечатлений, удовольствий и радостей плоти. Не красней, это нормально. Страшнее те юноши, которым это не нужно, это значит, что у них что-то с головой не в порядке. Есть еще несколько нюансов, но они второстепенны. Скажем так — только указанных трех пунктов достаточно для того, чтобы я предложил тебе место ученика. Тебе все равно нужен наставник, и лучшего, чем я, ты не найдешь.

А вот тут я опешил. Пока мы говорили, в моей голове промелькнул десяток вариантов развития событий, но этого там не было.

— Учеником? — вытаращил глаза я. — Вашим? Мне?

— Почему нет? — Артем Сергеевич неприкрыто наслаждался моим видом. — Ты молод, неглуп, в меру нагл и не паникер. Сила пока не твоя? Ерунда, я знаю, как ее заставить служить тебе, это не проблема. Самое главное для меня другое — тебе плевать на условности и правила, по которым жили наши пращурь. Для тебя, как и для всего твоего поколения, все эти поконы не существуют. Вы беспамятные — и это здорово. Зачем цепляться за прошлое, если можно создать что-то новое?

Какой молодежный дед, а? Интересно, у него есть длинноногая девочка-блондинка и «бентли»?

Что же до предложения... Заманчиво. По крайней мере, звучит красиво, не отнять.

— Не тороплю с ответом, — не отводя от меня глаз, сказал он. — Подумай до завтра, до полудня. Заметь — это бездна времени.

— Прямо уж «бездна». — Я почесал затылок. — Полдня — это немного.

— Полминуты — вот немного, — строго произнес ведьмак. — А полдня — это по-королевски.

— Хорошо, — согласился я. — Я подумаю. А сообщить вам о своем решении как?

— Моя карточка, — протянул мне извлеченный из нагрудного кармана пиджака бумажный прямоугольник Артем Сергеевич. — Звони.

Забавно. На карточке значилось название той самой группы компаний, которое неоднократно упоминалось сегодня на совещании в банке.

— А? — Я ткнул в него пальцем удивленно.

— Правильно. Все, о чем я говорил, существует. И планы сотрудничества, которые мы сегодня обсуждали, тоже будут реализованы. Это бизнес, сынок. — Ведьмак щелкнул меня пальцем по носу. — Было же сказано — я прогрессор. У меня нет желания жить в лесу или в разваливающемся сельском доме, справляя нужду в выгребную яму и питаюсь черт знает чем. Мои таланты позволяют мне высоко сидеть и далеко глядеть, так чего ради от этого отказываться? Более того, я не собираюсь останавливаться на достигнутом. У меня есть деньги и все, что они могут дать. Теперь мне нужна власть. И я ее получу. Будь близ меня, мальчик, и ты получишь свой кусок пирога. Большой кусок, поверь. Слуги получают крошки, но ты — другое дело. Ты будешь моим учеником. Первым учеником. А первым всегда достается все лучшее.

— Звучит красиво, — причмокнул я и убрал карточку в карман. — Буду думать.

— Времени тебе — до завтрашнего полудня, — напомнил ведьмак. — Больше дать не могу. В ночь с пятницы на субботу — полнолуние, я не хочу его пропустить, у меня запланирован очень сложный и важный ритуал. И кстати, мне будет нужен ассистент, и я хотел бы видеть тебя в этой роли.

— Какой из меня ассистент? — махнул рукой я. — Я даже не недоучка, ко мне больше подходит слово «неуч».

— Объясню, растолкую, покажу, — пообещал ведьмак. — Заодно и гляну, насколько ты крепок. Ритуал-то непростой, на кладбище его проводить будем. Кстати, на том самом, где ты с товарищем Николаем шатался.

— Снова кого-то резать станете? — поморщился я.

— И да и нет, — лукаво ответил ведьмак. — Потом — привыкай, для меня запретов нет, для тебя их тоже быть не должно. Есть цель, все остальное — лишь средства для ее достижения, в том числе и те ценности, которые недалекими моралистами считаются неприкосновенными, вроде жизни человеческой. Да и моралиям этим грош цена. Поверь мне, немолодому ведьмаку, — именно на совести моралистов больше всего загубленных душ, иным тиранам такие гекатомбы, которые они устраивали, даже не снились. Достаточно вспомнить инквизицию. Костры по всей Европе пылали, причем во славу самых что ни на есть благих целей, и горели на них большей частью ни в чем не повинные люди. Общался я с одной ведьмой, так она порассказала мне о тех днях.

— Может, вы и правы, — задумчиво произнес я. — Большое добро всегда требует больших жертв.

— Соображаешь, — потрепал меня по голове Артем Сергеевич. — Вот еще что. Ты сейчас домой придешь, наш разговор станешь в голове вертеть так и эдак. Рано или поздно у тебя возникнет вопрос на тему: «Как-то все очень просто и быстро вышло. Вот эдак сразу в ученики. В чем подвох?» Подвоха нет. Совсем нет. И еще нет смысла нам разводить турусы на колесах. Если бы я тебя брал к себе на работу, то да, провели бы с тобой собеседование, возможно, даже не одно, потом проверка через службу безопасности и все такое прочее, по процедуре. И это правильно, надо понимать, кто ты есть. Но здесь — другое. Я знаю, кто ты такой. Ты тоже в курсе, что собой представляю я. Мы с тобой — одной группы крови, замечу, отличной от всего остального человечества. Мне нужен ученик. Тебе — наставник. Все на самом деле просто.

— Куда проще, — встал со скамейки я. — Если только это вслух не произносить.

Вдумайтесь — мне надо принять решение о том, хочу ли я стать учеником ведьмака, и в случае согласия отправиться с ним на кладбище для проведения ритуала.

— Да, звучит необычно, — признал Артем Сергеевич и протянул мне руку. — Звони, буду ждать.

Войдя в квартиру, я стянул с себя пиджак, заскорузлую от пота рубашку, напился из-под крана и, проигнорировав трескотню соскучившегося за день Родьки, раскрыл ведьмачью книгу. Я знал, что ищу, и все равно полистать ее пришлось — нумерации страниц здесь не было и оглавления тоже. Но кто ищет, тот всегда найдет, в результате я добрался-таки до искомым записей и вчитался в отрывок, который в прошлый раз всего лишь просмотрел мельком.

Прочитал его. Потом перечитал. Потом печально вздохнул. А так все хорошо начиналось, а?

— Хозяин, — робко подергал меня за штанину Родька. — Есть будешь? Я гречу сварил, мясо потушил с морковкой и луком.

— Мясо — это хорошо, — задумчиво ответил я. — Особенно если с морковкой и луком.

— И с перцем горошком. А еще я в гречу два огурца соленых добавил, — затараторил Родька. — Они в ней сильно хороши, даже если их на плите этой твоей варить. Хотя каши — их в печи надо готовить, чтобы они, значит, потомились.

— И это тоже верно, — согласился я с ним, погруженный в свои мысли.

— Так чего, накладывать? — уточнил Родька.

— А как же! — отозвался я. — Только я сначала в душ.

Решение было принято, теперь осталось только свести воедино все нити. Врать не стану — было страшновато, но выхода у меня не оставалось. Куда ни кинь — всюду клин, как гласит народная мудрость. И еще — назвался груздем, полезай в кузов. Это из той же оперы.

Одно хорошо — после такого не то что сила меня должна признать, мне медаль героя должны вручить будут. А если и этого силе будет мало, то я не знаю уж, чего ей еще надо. Хотя ей и так грех жаловаться. Какой-то месяц назад расскажи мне кто о том, что я задумал, в жизни бы не поверил. Даже если бы я сам про это себе рассказал. Не поверил бы — и все.

Однако же вот — есть.

И еще — если это не «ломати», то что тогда Ратмир в виду имел?

Гречка с мясом и вправду хороша оказалась, я умял две тарелки с верхом. Съел бы и еще одну, да некуда уже было.

Родька светился, как праздничный фонарик, видно, оттого, что смог мне угодить.

— Спасибо, — сказал я ему, ставя тарелку в мойку. — Ты посуду не мой, я сам потом все сделаю.

— Хозя-а-аин? — даже вроде как обиделся мой помощник.
— Ну не все же тебе суегиться? — погрозил ему пальцем я. — Да и разленюсь я быстро, если ничего делать не буду. Тебе же хуже станет. Вот как залягу на диван, как начну тебя туда-сюда гонять.
Родька издал неопределенный звук, более всего похожий на «пфе», явно свидетельствующий о том, что для него подобное не в новинку.
Может, я и в самом деле мало его эксплуатирую? А и то — пусть посуду моет. Чего нет? А я пока к Маринке сбегая, перетру с ней кое-что и еще Нифонтову от нее позвоню. Мало того — с ее аппарата это сделаю. После рассказов Артема Сергеевича нет у меня доверия ни к собственному домашнему телефону, ни к мобильному. И даже к стенам родного дома. Не знаю, в самом ли деле поставили мне жучков и прослушку или я на воду дую, но рисковать точно не стану. Лучше подстрахуюсь, тем более Маринка всегда дома пару «левых» симок держит, для производственных нужд. Их-то точно не срисуют.
На мою удачу, соседка оказалась дома. Была она сосредоточенна и посмотрела на меня отсутствующим взглядом.
— Не до тебя, — сообщила она и попробовала закрыть перед моим носом дверь.
— Как обычно, — не дал я ей этого сделать и вошел в квартиру. — Дело есть.
— Кофе сам себе вари, — даже не услышала она меня, пребывая в каких-то своих мыслях, и двинулась по коридору в сторону комнаты. — И на меня — тоже.
— Обо мне не забудь, — раздался голос Севастьянова. — Привет, Сашка. И еще Стасу большую кружку, но ему растворимый можно.
— Сахара побольше положи только, — подал голос сотрудник СКМ. — Я сладкий люблю. Так не бывает. В смысле — не может так везти. Однако же вот, есть!
— А по какому поводу сбор? — задал я вопрос, входя в комнату.
— Материал готовим, — объяснил Севастьянов, пожав мне руку, а после разворошив кучу фотоснимков, лежащих на столе, за которым эта троица сидела. — Дал начальник Стасу отмашку, публиковать статью о кладбище будем. Вот, сидим, фразы подбираем, такие, чтобы и сенсация, и народ не переполошить.
— Сильно шеф этого не хотел, — пояснил Стас. — Но тут такая штука вышла...
— Еще один покойник нарисовался, тоже в виде фарша и на том же кладбище, — закончил я за него фразу. — Ну да, вроде как «серия» получается.
— Откуда знаешь? — вроде бы и с улыбкой спросил меня Стас, но в голосе его прозвучали совершенно другие нотки, не такие, как секунду назад.
Он в этот момент мне напомнил волка, почуявшего опасность. Не хотел бы я иметь его во врагах, честно скажу.
А в друзьях — хотел бы. С таким другом, как в песне, на медведя можно ходить.
— В самом деле? — наконец заметила меня Маринка. — Или нас обскакала какая сволочь? Севастьянов?
— Стас, скажи, а что лично тебе может перепасть в том случае, если ты сцапаешь тех, кто это сделал? — не обращая внимания на нее, спросил я у полицейского. — В смысле — «звездочка», премия? Или что-то еще?
— Вопрос странный, но интересный. — Стас встал со стула и подошел ко мне. — А что ты хочешь получить от меня в этом случае?
— Вот это уже деловой разговор. — Я плотоядно улыбнулся. — Ну, давай договариваться?

Глава 23

Я позвонил Артему Сергеевичу в половине двенадцатого. Нет, можно было бы и пораньше, но у меня же еще и работа есть? Утро в нашем отделе — самая жаркая пора, минуты свободной нет. А если это все помножить на духоту, так никуда и не девшуюся, и скверное настроение Кузнецовой, которая до сих пор дулась за то, что вчера меня на переговоры позвали, а не ее, то выходит совсем уж безрадостная картина.
— Думал, что раньше позвонишь, — без приветствий сообщил мне ведьмак. — Удивляешь ты меня, Саша, и это хорошо. Люблю людей с извивом, с ними интересно.
— Да не в извивах дело. — Я решил не мудрить и говорить правду. — Решить-то я еще вечером все для себя решил, просто ночью звонить неудобно, а утром на работе зашился. Хорошо еще вообще не прозевал назначенное время. Сами знаете, как это бывает, то одно, то другое — пошла писать губерния.
— И что решил? — с очевидным интересом спросил у меня Артем Сергеевич.
Еще бы ему не любопытствовать. Полнолуние-то вот оно, сегодня. Прозевал — и жди потом следующего, да еще по новой все начинай.

— Дураком надо быть, чтобы отказаться от такого предложения, — деловито сообщил ему я. — Но есть ряд моментов, которые хотелось бы прояснить. И обсудить.

— Если не секрет? — уточнил ведьмак. — Что за моменты?

— Разные. И технические, и юридические, и, что уж там, финансового характера. Я же так понимаю, что мне при вас надо будет состоять большей частью, значит, работу бросать придется. А жить на что? Я не студент, вагоны по ночам разгружать не хочу. Да и не смогу, физическая подготовка у меня не та.

— Резонно, — признал Артем Сергеевич. — Сразу видно делового человека. Ладно, обсудим все завтра с утра. Сейчас, прости, не смогу — у меня день по минутам расписан. Ну а сегодня ночью, когда встретимся с тобой, не до того будет, как ты понимаешь. Тебя устраивает такой расклад?

— Вполне, — степенно ответил я.

— Ну и славно. — Ведьмак пошуршал чем-то, как видно, страницами ежедневника. — Значит, действуем так. К половине одиннадцатого вечера выходи к своему подъезду, за тобой придет машина, она тебя доставит ко мне. Ну а дальше все на месте.

— Понял, принял, — отрапортовал я. — До вечера.

И повесил трубку. Первым. Мол, да, вот такой я, за рубль двадцать не купишь. Вот он, наверное, сейчас надо мной посмеялся. И ладно, и пусть. Я переживу. К моему великому удивлению, день не тянулся бесконечно, как того можно было бы ожидать, а просто-таки летел стрелой. Может, потому что он мог стать моим последним днем? Ну, гипотетически, если что-то пойдет не так.

Но при этом страха не было. Видимо, выбрал я весь его лимит за этот месяц, исчерпал, как деньги на телефоне. А может, потому, что я сделал все, что от меня зависело, до конца, до последней точки. Теперь дело было за другими людьми. Надо заметить — надежными, включая хитреца Нифонтова. На него, к слову, была у меня особая надежда, потому что в данной ситуации наши интересы совпадали. Впрочем, и Стас тоже не останется внакладе, если все выгорит, а значит, и он постарается на совесть.

За окнами темнело, дело шло к вечеру.

— Хозяин. — Родька, как видно, что-то почуял, был он сегодня тихий и молчаливый. — Я бы пирог завтра испек, что ли. Знаешь, такой, с изюмом и орехами. Субботний день как-никак.

— Испеки, — одобрил я его предложение. — Почему нет?

— Тогда надо в магазин идти, — продолжил он свою мысль. — Изюма у нас нет. И орехов — тоже. Да и муки почти не осталось. А дрожжей у тебя, похоже, вовсе никогда и не было.

— Дай закурить, а то есть так хочется, что переночевать негде, — рассмеялся я. — Хитер.

— Нет, можно и завтра, если ты устал, — примирительно посопел Родька. — Но я бы сейчас тесто поставил, к утру оно и подойдет.

Идти куда-то мне было лень, но, подумав, я все-таки натянул джинсы и футболку. Схожу. Время убью. И потом, еще такое дело... Если что, он, Вавила Силыч да Кузьмич этим пирогом меня и помянут.

Вот ведь какая чушь в голову лезет, а?

В магазине было на удивление мало народу, хотя вроде и пятница на дворе, а значит, впереди дачные выходные. Может, просто разъехались уже все, десятый час как-никак? Что забавно — в свете последних событий я окончательно плюнул на запрет вечерних прогулок. Теперь-то чего? Да и поднатаскался я уже в этих делах, чем меня теперь удивить можно?

Впрочем, по поводу удивления — это я зря. На улицах города всегда найдется что-то нестандартное и неформатное, на что можно с интересом поглазеть. Вот и сейчас, пожалуйста. На повороте к моему дому, прижавшись к бордюру, стоит машина, которую с упоением пинает ногой молодой светловолосый парень, по виду — мой ровесник. Хорошо так, увлеченно, размахивая руками и негромко сквернословя. Причем и машина необычная, редкая в наших краях настоящая «американка», «Крайслер Саратога».

Он заметил, что я смотрю на его поединок с «крайслером», как видно, хотел сказать что-то резкое, но вместо этого спросил:

— Сигареты есть?

— Нет, — развел руками я. — Не курю.

— И почему я даже не удивлен? — уже совсем без агрессии, скорее печально, произнес молодой человек. — Нет, не мой сегодня день.

Он вздохнул, присел на капот машины и уставился на меня.

— Скажи, а у тебя бывало такое, чтобы в один день все сразу навалилось? — спросил он у меня. — Ну вот вообще все напасти, какие есть на свете?

— Пожалуй, нет, — подумав, ответил я. — Поганые дни бывали, это как у всех, но чтобы совсем-совсем «труба», такого не случилось. Разве что в детстве, когда и лужа озером

кажется. Тогда беды острее воспринимаются, чем радости, потому что тогда радостей больше.

— Детство — это да, — согласился со мной молодой человек. — Но оно когда было? А сейчас настоящая жизнь. И лупит она со всех сторон. Если хочешь — расскажу, а ты пальцы загибай, впечатляйся.

Я глянул на экран телефона — без двадцати десять. Время есть, отчего не послушать?

— Сегодня мне жена рога наставила — это раз. — Молодой человек взьерошил свои волосы, как видно, давая мне понять, что новое приобретение находится где-то там. — Помог им вырасти мой лучший друг, понятно, что уже бывший, — это два. Дело, которому я отдал пять лет жизни, в смысле — команда КВН, развалилось в один миг — это три. Думал, что мы на самом деле команда, что мы все вместе. Фиг. Оказалось — каждый по отдельности. И вдобавок — вот, машина сломалась, причем наглухо. Как тебе?

— Жесть. Но это если комплексно рассматривать, в разрезе одного дня, — признал я. — А если по отдельности — нет здесь ничего такого особо катастрофического.

Узнал бы он про мои похождения, то понял бы, что распавшаяся команда КВН и даже рванувшая «налево» жена — это все не так страшно. Потому что не смертельно.

Мне бы твои проблемы, парень.

— Согласен, — устало произнес юноша. — Вроде как все мелочи жизни, бытовуха. Вот только так тошно сейчас мне, что беда просто. И главное — непонятно, что дальше делать? Было все — и ничего сразу нет. Утром еще ясность имелась, кто я такой и куда иду.

Определенность. А теперь? Хоть в секту какую определяйся, вроде «Седьмого пришествия блаженного Константина», может, они верный путь подскажут.

— Это ты просто выговорился или совета от меня ждешь? — уточнил я у него.

— Совет — это хорошо, — оживился молодой человек. — Почему нет? К тому же это по-нашему, по-русски — спросить у первого встречного, как дальше жить.

— На работу устройся, — немедленно сказал я. — Ты же безработный?

— Только институт окончил, — подтвердил парень. — Журфак.

— Ну вот. — Я переложил пакет с продуктами из руки в руку. — Жги сердца людей глаголом. Будет работа — на глупости времени не останется, она его без остатка сожрет.

Опять же — новые знакомства, новые заморочки.

— Вариант, — призадумался молодой человек.

— И вот тебе второй совет, до кучи. Альтернативный, так сказать. Посоветуйся с родителями. Seriously. Лучше всего — с отцом, если есть. Ведь это он тебя всему в жизни научил, согласишься? Значит, и сейчас сможет сказать, что дальше делать.

Совет был странный даже для меня самого, но вот такое мне в голову пришло, ни с того ни с сего.

— Опять же, почему нет? — Юноша почесал затылок. — Разумно. Нет, я догадываюсь, что батя скажет, он выдаст нечто вроде: «Перемелется — мука будет. Теперь дуй за пузырем, а то не сбудется», — знаю я его. Но идея неплохая. Заодно и поужинаю у стариков. Слушай, а где здесь метро?

Я объяснил ему, куда идти, он поблагодарил меня, запер машину и быстро зашагал в сторону метрополитена.

Мне стало даже где-то завидно. У него с сегодняшним вечером полная ясность, не то что у меня.

Но зато я хорошее дело сделал, человеку дорогу в жизни указал. Не всякий день такая возможность выпадает. Вот, правда, толку от этого, похоже, немного будет, очень уж этот парень шебутной. Такие, как он, из одной истории выпутываются и тут же в другую влипают. Я это точно знаю. Я сам такой.

Но вообще-то моя история похлеще его будет. А уж визуальное обставлено точно куда как круче. Что у этого паренька было? Старый «крайслер»? Ха! За мной к половине одиннадцатого, минута в минуту, целый бээмвэшный микроавтобус приехал, да еще и в сопровождении громоздкого черного внедорожника.

— Привет, — из открывшейся двери микроавтобуса высунулась неприятно знакомая рожа Винта. — Запрыгивай и поехали.

Я глянул на окна своей квартиры, в одном из которых маячила перепачканная мукой и встревоженная рожица Родьки, прислушался к внутренним ощущениям, ничего не услышал и выполнил указание.

К моему величайшему изумлению, в комфортабельном образчике немецкого автомобилестроения оказался и Артем Сергеевич. Он сидел в самом конце салона.

— А вы почему здесь? — растерянно спросил я у него.

— Странный вопрос, — нахмурился ведьмак. — Это мое транспортное средство, отчего же мне тут не быть?

— Просто мне казалось, что вам больше подходит вон тот «лексус», что за нами едет. — Я потыкал пальцем в направлении заднего окна. — Это как-то логичнее.
— Я демократ, — пояснил мой будущий наставник. — Мне с народом проехаться не зазорно. И потом — время дорого, по пути мы с тобой кое-какую формальность утрясем.
— А именно? — уточнил я.
— Ученичество, — объяснил Артем Сергеевич. — Так-то никаких особых ритуалов по этому поводу не существует, но один, несложный, мы все же проведем.
Он взял небольшую черную наплечную сумку, что лежала на сиденье рядом с ним, расстегнул ее и достал оттуда нож. Серьезный такой клинок, лезвие у него на пол-ладони длиннее моего будет, да и выглядит он побогаче. Рукоять золотом отделана, а в ее наверхшии камушек какой-то посверкивает, явно недешевый.

Мне это не слишком понравилось, в первую очередь потому, что явно опять придется ладонь резать и на крови клятву давать. Согласно ведьмачьим традициям, у них без этого ничего не обходится. У меня предыдущий порез неделю заживал, и н

а

тебе, все по новой. Тьфу!

Угадал, так оно все и вышло. Ладонь оба резали, в специальной чаше кровь смешивали, а потом она очень красиво в ней же и горела. Ну и клятву, понятное дело, произносили.
— Перед ликом богов обязуюсь быть добрым наставником своему ученику, — вещал ведьмак под восторженные восклицания Голиафа. — За усердие буду его награждать, за леность — наказывать.
И так — минуты на две. Потом и я подобное произносил, правда, получилось у меня не так красиво, как у Артема Сергеевича.
Но если совсем уж честно, то была в этом доля театральности, была. Произвольный текст, спешка, тряска. Разве так подобное должно происходить? А где атмосфера таинственности, где грозные знаки свыше, после того как мы дали клятвы? Должен быть раскат грома или, там, молния в полнеба. А тут разве что на асфальтовой выбоине микроавтобус дернулся, но за знамение подобное признать невозможно.
Так что имелись определенные изъяны в ощущении подлинности происходящего. Нет, мой новый наставник в чем-то был даже искренен, он ведь на самом деле был рад обзавестись учеником, поскольку это отвечало его целям, но это слабо скрашивало общее впечатление.
Винт же с Голиафом и вовсе только знай хихикали, поглядывая на меня.
Поразмыслив, я решил все-таки совсем уж дурака из себя не изображать, чтобы под конец все не испортить, а напротив — проявить обеспокоенность происходящим. Реализм — вот наше все.
— Наставник, а мое присутствие на кладбище вам точно необходимо? — спросил я у ведьмака. — Ну, пропущу я один ритуал, велика ли беда? Сколько у нас их еще будет. Устал я сегодня очень. Может, я домой, а обучение с завтрашнего дня начнем?
Артем Сергеевич грозно зыркнул на мигмом притихших подручных, а после по-отечески пожурил меня:
— Саша, твоя судьба теперь не только тебе принадлежит, но и мне. И я буду решать, куда и когда ты пойдешь, но при этом — исходя из твоих интересов. Сегодня ты обязан сопровождать меня, и это не обсуждается. Нужно так, понимаешь? Причем в первую очередь тебе. С силой-то, сынок, пора уже становиться одним целым, время пришло. Слышал, что бывает с теми, кто ее не смог приручить?
— Да, — кивнул я.
— Вот то-то. И без разговоров.
А потом, до самого кладбища, он меня развлекал рассказами о том, как мы с ним дальше жить будем, как он меня учить станет и чего я под его руководством через пару-тройку лет добьюсь. Самое досадное, что не ври он, я бы и вправду к нему в обучение попросился. Мужик он жесткий, эгоцентричный и властный до невозможности, что есть, то есть. Но при этом у него можно многому поучиться, дело свое он знает. От него такая мощь сейчас перла, что я даже засомневался в благополучном исходе мероприятия. Раскидает он нас, как котят, и свинтит с кладбища. И после этого мне только одно останется — валить из Москвы по возможности быстро, куда-нибудь за Уральский хребет, причем даже не заезжая домой. Несмотря на поздний час, уже знакомые мне ворота центрального входа на кладбище были открыты, об этом позаботились крепкие ребята в серых костюмах, стоявшие возле них. Они-то как раз и являлись пассажирами того самого автомобиля сопровождения. Как

видно, в какой-то момент «лексус» обогнал нас, и эти костоломы решили проблему проникновения на погост. Надеюсь, сторожа они все-таки подкупили, а не прибили.

— Ждите здесь, — скомандовал им ведьмак. — Винт, где ты там?

— Идем, мастер, — просипел бандит из микроавтобуса. — Голиаф, бери вещи.

Через пару минут мы вошли в распахнутые настежь ворота кладбища. Впереди шагал Артем Сергеевич. Даже не шагал, он почти бежал, то и дело поглядывая на звездное небо и подгоняя нас. Глядя на его упругую походку, я бы сроду не подумал, что он уже очень немолод. Вот что с человеком делает близость заветной цели, даже старик как мальчишка бегать начинает.

Луна, большая и круглая, светила сегодня ночью так ярко, что все было видно словно днем, причем даже тогда, когда мы покинули широкую центральную аллею и вошли под сень кладбищенских деревьев.

— Налево, — пробормотал под нос себе ведьмак. — А тут — направо.

— Не в первый раз тут хожу, а дорогу запомнить не могу, — пожаловался Голиафу Винт, идущий следом за мной. — Днем еще туда-сюда, а ночью...

— Я про это даже и не думаю, — просопел его приятель, тащивший на спине увесистый продолговатый тючок. — Мастер куда надо доведет, так чего себе мозги этим морозить?

— Пропавший ты человек, Голиаф, — посочувствовал ему Винт. — Все стараешься чужим умом жить.

Верзила ничего на это ему не ответил, поскольку в этот момент споткнулся о какое-то старое ведро, которое валялось на дорожке, и начал по этому поводу заковыристо материться.

— Цыц! — остановившись, повернулся к нам Артем Сергеевич, у него в этот момент было такое выражение лица, что у меня спина мигом мурашками покрылась. — Сейчас не день, сейчас ночь. Хотите беду накликать, идиоты?

Он еще раз злобно на нас зыркнул и снова припустил вперед.

— День, ночь, — проворчал Голиаф. — Велика разница? Мертвые и есть мертвые, какой беды от них ждать? А если живые пожалуют, то и с ними разберемся.

Винт, который, несомненно, соображал куда лучше приятеля, посоветовал ему заткнуться, и дальше мы следовали в абсолютной тишине.

Могилу, которая была нашей конечной целью, спутать с какой-либо другой было проблематично. Здесь за последнюю неделю побывало огромное количество разного народа, вытоптав вокруг все, что только можно было, кроме, разве, деревьев. Но и им досталось — под светом луны на стволах берез, стоящих вокруг, были отлично видны обрывки красно-белой ленты, которой отмечали место преступления.

— Мастер, вроде никого, — огляделся вокруг Винт. — Были у меня все-таки опасения, что «цветные» засаду тут оставят. С них станется.

— Они не хотят верить в «серию», — с улыбкой произнес ведьмак. — Им надо больше смертей, чтобы начать действовать. Но для пущего спокойствия давай сделаем вот что.

Он запустил руку в карман легкой куртки, которую натянул на себя, вылезая из микроавтобуса, и вытащил оттуда небольшой мешочек. В нем обнаружилась легчайшая серебряная пыль.

— Это, Саша, очень полезное средство обнаружения соглядатаев, называется «Взгляд неба», — сказал он мне, высыпал на ладонь горстку пыли, что-то прошептал и дунул на нее. — Еще отмечу, что приготовление его крайне несложно.

Пыль взмыла в воздух, сгруппировалась в облачко и поплыла над могилами.

— Если покраснеет и обратно вернется — значит, кто-то живой поблизости есть, — сказал ведьмак своим подручным. — Но это вряд ли. Я бы почуял. Голиаф, что стоишь? Давай, давай, распаковывайся, время дорого.

Здоровяк сбросил с плеч тючок и развязал его. Внутри оказались лопаты, какие-то пластмассовые колья, черная полиэтиленовая пленка и тому подобный инвентарь. Еще там обнаружили моеющее средство в прозрачном баллоне с брызгалкой и приличных размеров ветошь, их неохотно забрал Винт и направился к могильной плите.

— Мастер, все понимаю, но это... — уже от могилы обратился он к ведьмаку, который, сбросив куртку, всюю уже орудовал своим ножом, проводя им какие-то линии на земле. — Может, молодой этим займется? Я же не мойщик какой-то, я вор. Не то чтобы это было запахло, но и душу тоже не греет.

— Давай-давай, — подогнал его Антон Сергеевич, усердно работая клинком. — Нам не нужно, чтобы кровь тех двоих помешала моим планам.

Винт тяжело вздохнул, пошпикал резко пахнущей жидкостью на гранитное надгробие и начал водить по нему ветошью.

— А мне что делать? — спросил я у наставника.

— Жди, — ответил тот, тяжело дыша. — Толку от тебя пока маловато, ты же не знаешь ничего. Ну а такие работы, неквалифицированные, я тебе поручить тоже не могу, это вопросы разделения обязанностей. У каждого — свое место. Твое — близ меня. Он размечал границы применения «Пустого места», это я понял сразу. И на этот раз они были куда больше, чем тогда, когда была убита первая жертва. «Ну до чего же он силен», — снова подумалось мне. Заговор сложнее, сил требует немерено даже на маленькой площади, а он вон какую разметил. Причем, заметим — творит заговор третий раз за неделю. Неделю!

Уж на что я дилетант, и то не мог не восхититься, даже учитывая то, что весь этот коллективный труд предназначен для достижения скверной цели, а именно — моего убийства. Причем наверняка смерть моя должна быть мучительной и кровавой. Ритуал же, как по-другому?

Тем временем последние приготовления подходили к концу. Винт отмыл плиту и теперь стоял совсем рядом со мной, ненавязчиво, но очень внимательно следя за тем, чтобы я не рванул в ночную мглу. Голиаф лихо орудовал лопатой, прорывая канавки там, где их разметил ведьмак, причем делал это на редкость умело, не вгоня штык до основания. Сам же Артем Сергеевич стоял, уставившись на полную луну, которая отсюда, с этой могилы, была видна во всей своей красе. Как видно, место и выбирали как раз с этим умыслом. Ночное светило висело прямо над нами, огромное, белое, сияющее, казалось, что еще чуть-чуть, и оно коснется верхушек деревьев.

— Мастер, готово, — сообщил Голиаф, с удовольствием глядя на результаты своего труда. — Хорошо получилось, не то что в прошлый раз.

Ведмак вздрогнул, отвел глаза от луны и осмотрел фронт работ.

— Да, хорошо, — согласился он. — Ну, тогда начнем. Самое время. Саша, будь любезен, с дорожки перейди сюда, ко мне.

— Не хочется как-то, — громко сказал я. — Не испытываю такого желания. И вообще, я, пожалуй, сваливаю отсюда. У ворот кладбища вас подожду.

— Куда ты пойдешь, смешной мальчик? — Ведьмак засыпал в канавки, вырытые Голиафом, бурюю смесь, ту самую, которая из сорока компонентов состоит. — Все, ты уже пришел туда, куда должен был. Винт.

Бандит, стоящий за моей спиной, ловко прихватил мои руки в районе локтей, да так, что я даже пошевелить ими не мог. Ох, он и силен, пальцы как железные, серьезно. Это он, выходит, тогда на лавке меня пожалел, когда в печень ткнул. Считаю, не бил даже, так, пощекотал.

— А как же наставничество, обязательства? — поинтересовался я зло. — Не боитесь мести богов? На крови клялись ведь, это не шутки.

— Не боюсь, — добродушно отозвался ведьмак. — Если сегодня все получится, то их благодарность перекроет этот долг. А если не получится, то и бояться некого будет. И потом, клятва, данная ведьмаком ведьмаку, — свята, это так. Но ты-то не ведьмак. Ты человек, и это все меняет. Согласись, придумано было неплохо. Убаюкала тебя эта клятва, пригасила подозрения. Нет, ты и потом дергался, но уже меньше. А самое главное — сюда сам пришел. По доброй воле.

Ну да, в этом и было самое слабое звено того ритуала, который он задумал провести. Третья жертва, то есть я, должна была прийти сюда, на эту могилу, точнее — на жертвенный алтарь, сама, без принуждения, в здравом рассудке и твердой памяти. Нельзя меня сюда силком вести было. Это обстоятельство, собственно, меня и спасло, а то все решилось бы крайне просто, одним ударом по голове и погрузкой в багажник автомобиля. И второй нюанс — третья, последняя жертва должна приходиться тому, кто ее убивает, кем-то близким. Родственником там или вот как я — учеником. За неимением родных, ученик — это самое то для использования в качестве жертвенного барашка. Правда, пару минут назад Артем Сергеевич мне маленько приврал, выдав наш союз за постановочное шоу, но я знал, что он подлинный. И почему приврал, догадываюсь. С меня станется перед смертью крикнуть что-то вроде: «Отрекаюсь от тебя, учитель» — и тем самым, возможно, поломать процесс ритуала. Может, и не случится этого, но кто знает? Ведьмовство — штука тонкая.

Про это все было написано в книге, доставшейся мне по наследству. Я после прошлого посещения кладбища наткнулся на запись про этот ритуал, прочитав ее, правда, только в той части, где речь идет о «Пустом месте». В подробности, которые были описаны ниже, я тогда вникать не стал. И только после разговора с Артемом Сергеевичем, поняв, что вляпался в очень мутную историю, я изучил текст досконально и теперь знал, что за чем следует.

— Хочешь совет? — Артем Сергеевич подошел ко мне и пристально взглянул в мои глаза. — Не сопротивляйся. Не надо. Только хуже будет. На твой страх и крики слетятся

местные неуспокоенные души, и тогда тебя будет ждать истинный ад, такой, что ты его даже представить не можешь.

Интересно, он вообще когда-нибудь правду говорит? Через «Пустое место» ни одна душа не проберется. И никто меня не услышит. А ведь не знай я всего этого — поверил бы. Серьезно. Поверил. Звучит-то правдиво. Ну все, пора пугаться. Эх, хорошо бы из себя слезу выдавить или в штаны напрудить. Но первое мне недоступно, я не актер, а второе... Тоже нет. Это уж слишком. Потому пойдем самым простым путем.

— Не надо, — жалобно попросил я и подломился в коленях, буквально повиснув в руках Винта. — Пожалуйста. Не надо. Ну люди же вы?

— Я нет, — ответил Артем Сергеевич, удовлетворенно озирая дело своих рук, а именно — канавку, заполненную смесью. — Я ведьмак.

— Мне все едино, резать тебя или нет, — подал голос Винт, встряхивая меня. — Я людей вообще не очень люблю, как и они меня.

— А я есть хочу, — пробасил Голиаф. — Мастер, может, потом заедем куда-нибудь, пожрем?

Я тихонько завыл, тряся нижней губой, пару раз неуверенно дернулся, а после снова расслабил тело.

— Обмяк, — удовлетворенно констатировал Винт. — Мастер, клиент готов.

— Вот и славно. Тогда начнем, — одобрительно произнес ведьмак. — Луна в нужной точке, все готово, вокруг никого. Были у меня все-таки опасения на этот счет, были.

— Менты? — спросил у него Винт.

— Хуже. — Ведьмак несколько раз махнул ножом. — Местные власти, скажем так. Но обошлось вроде. Так, бродит пара духов вокруг, но это все несерьезно. Давай, тащи его к надгробию.

Тащи — это сказано верно. Я изображал полнейший упадок духа, пускал слюни и монотонно бормотал: «Не надо, не надо».

— Ведь сначала держался борзо, — заметил Винт, рывком поднимая меня на ноги и ослабив хватку. — А как дело к смерти подошло, слизняком оказался.

И вот тут я рванул в сторону. Собственно, весь спектакль для этого и был разыгран. Мне надо было добраться до канавки, не важно, какой ее части, и разжать над ней кулак, в котором я с самого входа на кладбище держал растертые до состояния порошка листья вербены. Вообще-то вербена — это не самый редкий и не самый сильный компонент в зельеварении, но применительно к «Пустому месту» она обладает интереснейшим свойством. Она его полностью уничтожает. Сводит на нет. Про это я тоже в книге вычитал. — Куда?! — гаркнул Винт, чуть меня не упустив. — Вот же шустрый какой, а? «Не надо, не надо», — а сам!

— Даже жалко тебя убивать, Саша, — произнес ведьмак. — Мог бы из тебя толк выйти. Случись по-другому, и правда тебя в ученики бы взял.

— Так я вам и поверил, — процедил я и охнул, потому как Винт со всей дури припечатал мою спину к холодной могильной плите.

— Не хочешь — не верь. — Артем Сергеевич щелкнул пальцами, и на одном из них разгорелся маленький огонек. — Но что не получилось, то не получилось, чего грустить о несбывшемся?

Он выкрикнул что-то неразборчивое, огонек сорвался с его пальца, описал яркую дугу и скрылся в ближнем от нас углу канавки.

Секундой позже там что-то замерцало, сначала слабо, потом все ярче и ярче. А после я даже глаза зажмурил, когда вокруг нас засверкала ярко-красная стена огня. Вот, значит, какое ты изнутри, «Пустое место». Интересно, кто тебя именно так назвал? С юмором человек был. То есть ведьмак.

— Винт — руки, Голиаф — ноги, — скомандовал Артем Сергеевич подручным. — Начнем помаленьку.

Меня распластали на плите, как рыбу на разделочной доске, я даже пошевелиться не мог. И еще мне становилось все страшнее и страшнее — стена пылала неугасимым огнем и не думала исчезать или обнаруживать бреши. А если этого не случится, то все, мне конец.

— Боги земли и воды, неба и ветра, к вам взываю я! — проорал ведьмак, подняв руки к небу. — Вы ушли, но память о вас жива, и есть те, кто готов омыть ваши ноги кровью! Две жертвы принес я вам, два сердца положил на ваш алтарь, и вот третья, самая главная. Самое дорогое отдаю вам, то единственное, что есть у меня, того, ближе кого нет. Жертвую вам его кровь и его жизнь!

Огонь стены мерцал все ярче и ярче, в какой-то момент он стал почти нестерпим для глаз, а после исчез. Сразу. Как будто его выключили, повернув какой-то рубильник.

— О как! — заморгал Голиаф, вертя головой. — Это как? Мастер, чего-то не так пошло. Ведьмак все понял значительно раньше него и сейчас, сузив глаза, уставился на меня.

— Всем лежать, работает ОМОН! — гроыхнул голос из мегафона, зажглись фонари, осветив нашу дружную компанию, и, ломая кусты, к нам побежали люди. — Ни с места, вы на прицеле!

— Ы-ы-ы! — провыл Артем Сергеевич и бросился ко мне, заноса нож.

И тут меня выручил Голиаф. Тупой-то он был тупой, но где надо, соображал быстро. Он отпустил мои ноги и рванул куда-то вбок, под крики «Стой!» и «Держи толстого!».

Только поэтому я успел крутануться на плите, выворачивая свои руки, которые так и не отпустил Винт, и тем самым спас свою жизнь.

Нож лязгнул о камень надгробия, грохнуло два выстрела, ведьмак что-то прошептал и растаял в воздухе.

— Руки! — раздалось прямо у меня над головой, и я узнал голос Стаса. — По-хорошему.

— Все, все, начальник, — успокаивающе произнес Винт. — Все уже.

Я наконец снова ощутил себя свободным и глубоко вздохнул. Все-таки получилось. Даже не верится.

Мне этот план пришел в голову почти сразу, как я прочел в книге о ритуале призыва древних богов. Нет, в этих богов я не верил, само собой, сказки это все, но вот мой бывший будущий наставник верил. И не успокоился бы, пока меня им в жертву не принес. А значит — надо работать на опережение, как постоянно повторяет наш председатель правления. Что я и устроил, сделав Стасу и Нифонтову предложение, от которого они не могли отказаться. Тут ведь как — каждый получает что-то свое, ему очень нужное. Потому и сложилась у нас команда единомышленников, которая была кровно заинтересована в результате и на него работала.

Нифонтов привлек какую-то свою коллегу, которая обеспечила немаленькой куче народа прикрытие класса «невидимость» (уж не знаю, как она объяснила это омонцам), Стас предоставил непосредственно силовую поддержку и свидетелей. Был, впрочем, еще один участник этого мероприятия, но он в обсуждении и составлении плана не участвовал. И теперь Стас был безмятежно счастлив. Он схомутал с поличным двух злодеев, которые, несомненно, принесут ему «звездочку», о чем он давно мечтал. Дело-то резонансное, и потому за такое задержание ее точно ему дадут. Он мне сам так сказал.

— Хороший ты мой. — Он ласково потрепал по щеке изгвазданного в кладбищенской грязи Голиафа, которого только что привели схомутавшие его омонцы. — Набегался? Устал?

— Ага, — обреченно подтвердил верзила.

— Стас, — окликнул его я. — Дальше как договорились?

— Да, — посерьезнел он. — Я свое слово держу. Про тебя в протоколе ни слова не будет, другой пострадавший у меня уже есть, в отделе сидит ждет. Лицо твое на камеры не попало, отвечаю. За этих двоих не беспокойся, они все скажут, как надо. Да, злодеи? Я же не ошибся в вас?

Бандиты промолчали, но я отчего-то верил Стасу. У него они все подтвердят, даже про то, чего не видели, скажут.

— Но с вас — труп третьего, который ушел, — напомнил он мне и Нифонтову, который наконец-то соизволил появиться. — Как договаривались.

— Будет тебе труп, — Николай нехорошо улыбнулся. — Один экипаж оставь за воротами, лады? Чтобы по новой вас не вызывать.

— И там еще бойцы этого черта, — добавил я. — Не надо, чтобы они сюда сунулись.

— Да их уже «приняли», — отмахнулся Стас. — До выяснения. Мне ребята сказали по рации. Борзые оказались, все сюда рвались. Ну, если на этом все, то нам пора. Ночь коротка, а мне бумаг полтонны заполнить надо.

Мы обменялись рукопожатиями, и через пять минут затоптанная донельзя площадка у многострадальной могильной плиты снова опустела.

— Первая часть прошла без сучка и задоринки. — Нифонтов достал из кармана своей светлой куртки шоколадную конфету и протянул ее мне. — На, держи. После такого стресса сладкое — самое оно.

Я развернул фантик, отметив, что это опять все то же «Озеро Рица», и сунул конфету в рот.

— Скоро он будет здесь. — Из темноты дорожек, практически из ничего, вынырнула высоченная фигура в черном капюшоне. — Сильный ведьмак. Очень сильный. Один раз почти смог прорвать могильные тропы, я даже подумал, что придется его прямо там убить. Но обошлось без этого.

— Он твой, как и было обещано, — сказал Нифонтов Хозяину кладбища. — Договор в силе. Но я должен увидеть его смерть, и мне нужен его нож.

— А мне бы его книгу, — вздохнул я. — Вот там, наверное, всякого интересного полно.

— Обещать не стану, но если добудем ее, то дам почитать, — буркнул Нифонтов. —

Только сначала наша Вика посмотрит, что там есть, не то наберешься оттуда всякой дряни, не дай бог. О, а вот и наш друг.

Беготня по кладбищу изрядно утомила Артема Сергеевича, выглядел он не ахти. Лицо как-то сразу постарело, появились на нем какие-то складочки, жилочки. И дышал он очень тяжело. Плюс хватался за сердце.

— Наставник, вы плохо выглядите, — с заботой в голосе обратился я к нему. — Может, «скорую»?

— Вербена, — прошипел он, отфыркиваясь. — Да? Ах ты, поганец!

— Радоваться надо, — укоризненно сказал я. — И говорить что-то вроде: «Какой толковый ученик попался».

— Ничего, — погрозил мне пальцем ведьмак. — Ничего, ты у меня так умирать будешь, как никто лет пятьсот уже не умирал, я тебя...

— Нет, — за спиной у него появилась черная фигура Хозяина, невесть как переместившаяся туда. На плечи моего бывшего наставника легли костяные руки с длинными пальцами. — Не ты его. Я тебя. Это моя земля, и здесь только я имею право взыскивать долги. Он мне не должен ничего. А вот за тобой кое-что имеется.

Последним, что я слышал от Артема Сергеевича при его жизни, был истошный крик, который он издал в тот момент, когда Хозяин кладбища развернул его и показал то, что было у него под капюшоном. Больше мой несостоявшийся наставник звуков не издавал, хотя какое-то время был еще жив. Он жил тогда, когда жутко выглядящие мертвецы объедали плоть с его ног, когда могильные черви высасывали его глаза, и даже тогда, когда Хозяин кладбища достал из его груди нечто бесформенное и призрачное, надо полагать — душу. Он повертел ее в руках, помял, а после съел. В прямом смысле — отправил в капюшон.

Что до меня, так я даже и не подумал отводить глаза или отворачиваться в то время, пока происходила данная экзекуция. А зачем? Все же справедливо, убийца получил то, что заслужил.

И я с полным правом смотрел на торжество закона. Не того закона, что народный, а того, что людской. Когда все по справедливости и каждому воздается по делам его.

— Долг оплачен, — сказал Хозяин по завершении действия, когда тело Артема Сергеевича снопом повалилось на землю. И что интересно — выглядело оно целым и невредимым, будто его только что не терзали исчадия кладбища.

Иллюзия? И если да, что именно ей являлось, — то, что было тогда, или то, что я вижу сейчас?

— Нож, — протянул Хозяин оперативнику тускло блеснувший предмет. — И тело. Все как договаривались.

— Шею ему сверни, а? — попросил его Нифонтов. — Тебе раз плюнуть, а мне тяжеловато все же. Только поестественней, чтобы вроде как несчастный случай.

Хозяин кладбища нагнулся к трупам, что-то хрустнуло.

— Вот теперь порядок, — удовлетворенно сказал Николай. — И надо его в какую-нибудь канаву определить, мол — упал и убился. Ночь, кладбище, темнота, с каждым могло случиться.

Повелитель мертвых мотнул капюшоном, из-за кустов вылезли несколько полусгнивших трупов и утащили куда-то в глубину территории тело того, кто считал себя прогрессором. Туда ему и дорога.

— Вот и славно. — Нифонтов посмотрел на меня. — Всем хорошо, все довольны.

— Еще одно дело осталось, — подал голос Хозяин кладбища. — Мертвые всегда платят свои долги. Я должен вот ему и хочу рассчитаться.

Костяной палец показал на меня. Надо же. Не знал, что у меня есть такой должник.

— Могильного золота я тебе не дам, от него одна беда, — продолжил повелитель мертвых. — Знания ты должен получить сам, иначе от них не будет проку. Я решил дать тебе то, что ты не сможешь получить никак иначе, кроме как от меня. Вот мой дар — отпусти этих двоих, я разрешаю тебе сделать это.

И в тот же миг передо мной появились два призрачных силуэта. Один — старик с окладистой бородой, второй — нестарый еще совсем мужчина, усатый, чем-то похожий на кота.

Я сразу понял, кто это. Ведьмаки, принявшие здесь, вон на той плите, смерть страшную, лютую. Бородатый — это, скорее всего, Витольд, именно это имя упоминал Артем Сергеевич. А вот как зовут второго, я не знаю.

— Давай, паря, — глухо, как из бочки, сказал бородатый. — Нам пора. Ждут нас там.

— А как? — Я обернулся к Костяному царю. — В смысле — технологически как это сделать? Я не знаю.

Тот только плечами передернул — мол, сам думай.

— Все просто, — мягко сказал усатый и протянул ко мне руку, точнее — вытянул указательный палец. — Коснись меня — и все получится. Получится-получится, не сомневайся.

И я сделал так, как он сказал. Не задумываясь, как поступил бы раньше, не прикидывая последствия, не предполагая худшего. Наши пальцы соединились, и усач пропал, будто его и не было никогда. Его словно стерла с нашего плана бытия чья-то легкая рука.

А у меня на душе в этот самый миг стало так хорошо, так легко, как никогда в жизни не было. Это было как на качелях в детстве, когда земля и небо сливаются в одно целое и тебе от этого скользящего вверх-вниз перед глазами золотисто-синего хочется кричать от восторга, только тут эмоции были во сто раз сильнее. Что-то внутри меня словно освободилось, что-то новое, ранее неизведанное, запредельное и невиданное. Оно проснулось и заполнило все душевное пространство, отведенное мне природой, как вода заливают до горлышка кувшин. Я остался собой — и в то же время стал другим, тем, кем теперь буду до самой своей смерти.

Нет, у меня не добавилось тайных знаний, у меня не открылся третий глаз, и я не ощутил сыновьего единства с землей и небом. Это было нечто другое. Словно сняли у меня с глаз повязку и сказали:

— Вот он какой, мир, на самом-то деле. Живи в нем, коли сможешь.

И буду жить. С удовольствием. Сколько смогу. Привыкать к нему буду, познавать его стану. Нет, та жизнь, что у меня была, — всегда со мной, куда я от нее? Но она теперь — только часть прошлого. И я сейчас не о службе в банке, не о Светке и не о родителях. О другом речь.

А потом я засмеялся, легко и беззаботно.

— Беда, — негромко сказал Нифонтов Хозяину кладбища. — Не нравится мне этот смех.

— Ло-ма-ти, — захлебываясь, произнес я. — Ломати. Ох, ломати! Вот диво-то и снизошло!

Я понял, о чем в книге вел речь Ратмир. Не страх надо преодолевать, не руку себе ломать. О другом речь, совсем о другом. Надо не побояться через себя старого перешагнуть, сломать все то наносное, что в душе имеется. Не выкинуть, но изменить, вот что имелось в виду. Пройди через все, изменись, переродись, но не потеряй себя самого. Если себя старого потеряешь, то и новому появиться будет негде.

Как же все просто. Как и всегда, впрочем.

— Прощай, Витольд, — сказал я ведьмаку, который с грустной улыбкой смотрел на меня. — Доброго тебе пути.

— Бывай, паря, — ответил мне он. — Законы наши чтить, круг старших слушай и голову не давай себе морочить всяким там, понимаешь.

Наши пальцы соприкоснулись, и он пропал, как до него усатый.

— Спасибо тебе. — Я поклонился Хозяину кладбища. — Бесценный дар ты мне преподнес. Не знаю почему, но я был уверен, что он догадывался о том, каковы будут последствия его поступка. И еще — я мог теперь быть с ним на «ты». Мы теперь принадлежали к одному миру.

— Квиты, — безразлично бросил мне он. — Ладно, если тут все, пойду новеньких посмотрю. Лето, народу от жары мрет много.

— И мы пойдем, — поддержал его Нифонтов. — Поработали на совесть, можно и отдохнуть. Только патрульным скажу, что где-то там, на аллеях, крики слышал. Тело-то этого поганца все равно нужно.

— Найдут, — заверил его Хозяин кладбища и снова повернул капюшон ко мне. — Я рад нашему знакомству, ведьмак. И в ознаменование этого я еще раз подтверждаю твое право приходить сюда, на мою землю, тогда, когда ты этого захочешь, при условии, что ты будешь соблюдать мои законы. Еще я дарю тебе свою защиту, отныне тебе здесь ничего не грозит. Кроме моего гнева, разумеется.

По выпученным глазам Нифонтова я догадался, что выиграл миллион по трамвайному билету.

Не дожидаясь моих слов благодарности, Хозяин развернулся и скрылся в темноте переплетенных кладбищенских дорожек.

— Однако, — выдохнул оперативник. — Свезло тебе. И силу принял, и такой подарок судьбы получил.

— Везет тем, кто сложа руки не сидит, — наставительно произнес я.

— Ну, теперь совсем все, — передернул плечами Николай. — Идем, что ли?

— Не все, — щелкнул пальцами я. — Кое-что забыл сделать. Важное.

— Что? — удивился оперативник.

— Ух ты, смотри! — Я ткнул пальцем влево, дождался, пока он повернет туда голову, и со всей дури врезал ему кулаком по скуле.

— А-ах! — сказал Нифонтов и плюхнулся на задницу.

— Вот теперь все. — Я встряхнул рукой, а после подал ее оперативнику. — Теперь пошли.

Эпилог

Я купил билет в кассе, бросил взгляд на электронное табло и поморщился. Все-таки опоздал. Нет, не на электричку, там еще минут десять запаса было. Поесть просто хотел, но теперь уже не успею. Жаль, ехать-то долго, два с лишним часа. Хотя, может, повезет, какой бродячий торговец пойдет с мороженым, шоколадками и чипсами.

А все Родька с его суетой с утра пораньше. Вот чего не поступить как я, не сложить свои вещи вечером, когда время было? Хотя глупости говорю. У него же были дела, он смотрел сериал «След». Какие там приготовления к отъезду.

В результате ему в рюкзаке хорошо, у него там сахар и термос с чаем, а я с его: «Хозяин, помоги», — остался голодным.

Выйдя из здания пригородных касс Белорусского железнодорожного направления, я окинул взглядом площадь. Почти пусто. Пара солдат, дворники в оранжевом, какие-то похмельные помятые мужички. Вот что значит будний день. Благодать.

Хотя... Вон еще парочка около табло стоит, друг на друга проникновенно смотрит. Как это мило!

Нет, я не против, когда молодые люди милуются, пусть даже и на вокзале, на глазах у всех. В конце концов, это их личное дело. Вот только один-то из этой парочки — Нифонтов.

Вопрос: какого фига он тут делает, особенно если учесть, что в случайности я с последнего времени не верю?

Еще раз посмотрев на часы, я не торопясь подошел к парочке, слившейся в поцелуе, и нарочито бодро произнес:

— Бог в помощь.

Нифонтов забавно заморгал, глядя на меня, а вот девушка отреагировала совсем не так, как я предполагал. Эта русоволосая красавица не покраснела, не потупила взор, даже дураком меня не назвала. Какое там.

Она окинула меня внимательным взглядом, словно просканировала, сузила глаза и холодно сказала:

— Между нами нет вражды, ведьмак.

Ох ты! Да она же ведьма! Самая что ни на есть настоящая, вон и зрачки у нее вертикальными стали, как у кошки.

— Фига себе! — Я сделал пару шагов назад, искренне сожалея, что нож убран в рюкзак. — Коль, тут такое дело...

— Я знаю, — оборвал меня оперативник. — Можешь не говорить. Вот так случилось.

Теперь пришло мое время удивляться. Все в этой жизни могу себе представить, но то, что сотрудник отдела по борьбе с нечистью заведет себе девушку-ведьму, я даже предположить не мог.

— Руководство в курсе? — не смог удержаться от колкости я, с интересом глядя на эту парочку.

— Саш, а тебе не все едино? — в тон мне ответил Нифонтов. — Тоже мне, полиция нравов.

— Так это и есть мальчик-ведьмак, про которого ты мне рассказывал? — заинтересовалась девушка. — Да? Ну не такой уж он и инфантильный, не прав ты.

Мальчик? Да между нами разница — года в три. Ну в пять. И потом, что значит инфантильный? Сами вы!

— Людмила! — укоризненно сказал злорадно улыбающейся ведьме оперативник и спросил у меня: — Куда намылился?

— Наследство принимать, — нарочито небрежно бросил я. — Ну и вообще — надоел мне город. На природу хочу выбраться, поближе к истокам.

Да, я ехал в Лозовку. В нее самую.

Кроме шуток, на самом деле надо было принимать наследство. Вместе с силой пришло ко мне понимание того, что там мой дом. Точнее, там то место, где мне непременно надо побывать, чтобы до конца осознать то, что я получил.

Что это, о чем речь — не знаю. Но чую — надо.

Я быстренько оформил отпуск на три недели, собрал вещи и вот стою на вокзальной площади с билетом на электричку в руках.

Как отпуск дали, летом, да на столько дней? Очень просто. Я пустил в ход средство из арсенала славного парня Митрия, то, которое: «Как человека в правоте своей убедить на короткий срок». Изготовить его оказалось несложно, благо компоненты там были простейшие. Да и в ход его пустить было куда проще, чем любовное зелье, в смысле — не

надо было в еду подмешивать или идти на какие-то другие ухищрения. Это зелье представляло из себя невесомый порошок без запаха, достаточно было просто распылить его рядом с собеседником, а после быстро-быстро излагать просьбу. Если не тянуть, не вести длинные беседы и уложиться в срок действия порошка, то желаемое не получить просто невозможно.

Я, уже умудренный опытом, на всякий случай для начала испытал его на Вавиле Сильче, разумеется, с его согласия, засекая время действия, а после направился в отдел кадров. Все прошло без сучка без задоринки, правда, кадровичка потом несколько раз недоуменно говорила разным людям, что сама не понимает, как Смолину отпускные документы подписала. Предправ — понятно, он над подобным не задумывается, но она-то как? Еще я пару раз ловил на себе после этих разговоров взгляды Немировой и Силуянова, которых в последнее время частенько можно было видеть вместе, но на это мне было совсем уж плевать. Догадались о чем-то? Ну и фиг с ними. Велика беда. Что им толку от этого знания?

Работу же я бросать не собирался. Ведьмачество ведьмачеством, но кушать-то что-то все равно надо будет?

Следует заметить, что отпуск был нелишним и еще по одной причине. Странная смерть именитого бизнесмена (а Артем Сергеевич и вправду при жизни был богатым и влиятельным, тут он мне не соврал) всколыхнула на денек в Интернете волну интереса, а после была забыта, как и все новости, переставшие быть актуальными. Но кое-какие последствия все-таки имели место: компетентные органы, как полагается, завели по данному вопросу дело, да и временное руководство обезглавленной компании инициировало личное разбирательство силами собственной службы безопасности. В общем, я считал за лучшее слинять из Москвы до поры до времени. Ничего такого за мной не числилось, про мое участие в этом деле рассказать тоже никто не мог, а какие-то записи мертвый ведьмак навряд ли оставил. Что до свидетелей всех этих событий, Винта и Голиафа, — они тоже никому ничего рассказать не могли, потому как через сутки до них, похоже, все-таки добрался Хозяин кладбища. Нашли их поутру в камере мертвыми, с зашитыми суровыми нитками ртами. Когда нитки разрезали, то обнаружилось, что набиты рты черной жирной землей, как мне думается — кладбищенской. Вот так-то.

Еще имелись личные охранники Артема Сергеевича, те, что на «лексусе» ехали, но они совсем уж ничего про меня не знали. Был какой-то парень, но кто, что... Мне так Стас и сказал, когда мы через недельку после всех этих событий встретились у Маринки. Она к тому времени оттаяла и простила нас за то, что мы заперли ее в тот день в ее же собственной квартире. Ну а как по-другому было поступить? На кладбище тишина была нужна, а тишина и Маринка — две вещи несовместные.

В общем, вряд ли до меня кто доберется, но береженого Бог бережет, и лучше будет на время из столицы слинять. А там, глядишь, все и уляжется. Выполняют сотрудники Артема Сергеевича свой формальный долг, не найдут никого и начнут его наследство пилить. Еще мне надо было проведать Антипа. Это домовой из Лозовки. Рассказ Нифонтова о высокой смертности среди домовых меня тогда порядком взволновал, я же помнил, что в доме Захара Петровича таковой имелся. Нет, Родька меня успокоил, сказав, что Антипку и коромыслом не убьешь, особенно учитывая его гнусный характер. Да и вообще — нет поводов для волнения, потому как сам дом никто официально не бросал, окна-двери не заколачивал и вещи не вывозил. Меня там просто нет, а это совсем другое.

— Согласен, не прав я. — Нифонтов усмехнулся. — Уже не инфантильный. Матереет. Саш, ты хорошо подумал?

— Лозовка. — Людмила пощелкала пальцами. — Это та, где Дара живет? Точно, ты же мне рассказывал еще в прошлую встречу, как с ней сцепился.

Да у них прямо высокие отношения. «Прошлые встречи» и все такое. Нет, правда, а руководство его знает, с кем их сотрудник выходные проводит? Ка-а-ак возьму, ка-а-ак накаваю «телегу»!

Шучу. Не буду я этого делать, не приучен к подобному.

Что до старухи Дарьи, думал я на эту тему. Много, долго. И чую одно — изменилось и здесь что-то. Не жертва я для нее больше. Любви между нами нет и быть не может, но отношения будут не такие, как в мой прошлый визит. Другие. Какие точно — не знаю, но другие.

— Ты с ней поосторожней, Саша, — неожиданно сердечно посоветовала мне Людмила. — Дара — ведьма старая, и я сейчас не о возрасте говорю. Сила и ум в ней, как вода в омуте. Знаешь, бывают такие — ныряй не ныряй, до дна не достанешь. Тебя теперь договор защищает, но особо на него не уповай. Дара очень хитрая и, если надо будет, найдет, как его обойти. И запомни главное — не верь ей. Ни в чем не верь, ни в одной мелочи. И ни при

каких условиях не давай ей права входить в твой дом. То есть фразы вроде: «Ты можешь приходить сюда, когда тебе заблагорассудится», — звучать не должны. Запомнил?

— Да, — кивнул я, мотая услышанное на ус. — Людмила, вопрос можно?

— Почему я это делаю? — улыбнувшись, уточнила девушка. — Саша, мы ведь тоже разные, в смысле — ведьмы. Ну да, природа есть природа, и все же... Плюс моя верховная не сильно ладит с Дарой, они еще в восемнадцатом веке какого-то гусара не поделили. Так что я на твоей стороне. Может, даже в гости загляну, благо соседи, позлю эту старую каргу. Ты же не против?

— Почему нет? — согласился я и добавил: — Только в дом приглашать не стану, ты уж не обижайся.

— Молодец, — одобрительно кивнула Людмила. — Если и дальше таким умником будешь, то проживешь долго.

Над вокзалом раздался мелодичный звук, и барышня сообщила, что вот-вот прибудет «электропоезд до станции Бородино». Мой, однако.

— Ну, мне пора, — сообщил я вновь обнявшейся парочке. — Или вы на ту же электричку, учитывая, что мы с Людмилой соседи?

— Нет, мне на Можайскую, — пояснила ведьма. — Я подальше, чем ты, живу.

— На сколько по времени едешь? — подал голос Николай.

— Отпуск почти на месяц, так что недели две с половиной там пробуду, — ответил ему я. — Потом еще к родителям на пару дней хочу съездить.

Надо это сделать. Я тамошнему лесному хозяину обещал заблудившихся во времени бедолаг с поляны отпустить, а слово держать надо. Да и практика в данной области не помешает.

Плюс, насколько я помню, Светка всегда в конце июля — начале августа на пару недель приезжает пожить на дачу. Стоп. А это тут при чем? Там все давным-давно прогорело и остались одни угли. Надо ли их раздувать? Думаю, что нет. Пусть живет спокойно.

— Хочешь, тоже приезжай в гости, — предложил я оперативнику. — За грибами ходим, опять же — Можайское водохранилище там рядом, я по карте смотрел. Покупаемся, рыбку половим.

— Может, и заеду, — уже вполне серьезно сказал он. — Почему нет? Если приятеля прихвачу, ты не против будешь? Просто Пал Палыч с этой вашей Дарой вроде как знаком и очень хочет с ней снова повидаться. Да и с тобой мы бы хотели пообщаться, спокойно, без спешки. Есть кое-какие темы.

Барышня из динамика снова сообщила, что электричка до Бородино прибывает на первый путь платформы номер шесть.

— Нет проблем, буду ждать, — протянул ему руку я. — Все, ребята, мне пора. Людмила, был рад знакомству. Пока!

Надо поспешать, электричке ведь все равно, ведьмак я или человек, она меня ждать не будет. У нее есть расписание, и ей плевать на все остальное. Я поправил рюкзак за спиной, поудобнее перехватил ручку сумки и зашагал к турникетам.

Автор благодарит всех, кто помогал в работе над этой книгой, — Вадима Лесняка, Владимира Шаповала, Ольгу Лотину со товарищи, Мартина Аратои, Евгения Гонтаря, Артема Плаксина, Николая Крылова, Михаила Гадратова и многих других.

Знаки ночи

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором. Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

— Если ты не перестанешь на нас так смотреть, то мы разбудим нашего повелителя, — сообщила мне грудастая русалка Лариска. — Да-да-да!

— Врет она, — презрительно опроверг слова Лариски Родька, и сплюнул на завертывшегося на крючке червяка. — Ей в радость, что ты на ее титьки пялишься. И повелителя у них никакого нет. В старые времена местным русалкам Речной Конь был указом, но его никто уже лет двести не видел. А местному водянику на этих склизких плевать. Он вообще почти все время спит, просыпается только весной, потому как в это время вода разливается, и ему от этого радостно. Да еще когда рыба икру метать начинает, он в эти поры рыбаков чересчур ретивых гоняет.

— А на Ильин день? — почему-то обиженно добавила еще одна русалка. Ее имени я не знал, но мне она нравилась больше, чем нагловатая Лариска.

— Точно, — признал свою оплошность мой слуга, который как раз забросил удочку в реку. — Еще после Ильина дня глаза продирает, чтобы утопить кого-нибудь. Традиция, как без этого? Эй, девки, если кто из вас мне на крючок старый сапог подвесит или корягу, то я вам такое устрою, что мало не покажется.

— Напугал! — вызывающе подбоченилась Лариска — Клубок на ножках!

— Я в городе был, я жизнь повидал, — веско произнес Родька и нехорошо оскалился. — И скоро опять туда уеду, чего мне с вами сидеть тут, в глуши! А когда после вернусь, знаешь, чего привезу, знаешь?

— Чего? — язвительно поинтересовалась Лариска. — То, чего у тебя никогда не было?

— Химию! — вытаращив глаза, рявкнул Родька. — Не слыхала о такой? А она — есть! Накидаю вам в реку этой химии, все тут передохнете!

— Есть такая, — негромко сообщила немного опешившей Лариске немолодая русалка с седыми волосами, которая, похоже, была у них главной. Звали ее Серафима. — Лет сорок назад в Ведомку с полей эту самую заразу спустили, так в ней даже водомерки передохли.

— Ведомка! — надула губы Лариска. — Эту Ведомку воробей перейдет, лапок не замочит. Я глядел на это все и в очередной раз офигевал. Ну сами посудите, какова картина — лето, ночь, луна, река. Вроде все ничего? Ну да, где-то так. Только вот на берегу этой реки расположилась теплая и очень необычная компания — я, начинающий ведьмак Александр Смолин, мой слуга Родион, существо неопределенного вида, более всего похожее на меховую старорежимную муфту, только с руками, ногами и непредсказуемым характером, да еще с десяток русалок разного возраста.

Мне, кстати, всегда казалось, что все русалки должны быть молодые и красивые. По определению. Так классики в книжках писали, и в кино так всегда показывали. Да оно и понятно — русалками, если верить сказаниям, становятся юные девушки, которые сиганули в воду по доброй воле. Как правило, из-за несчастной любви.

А вот и нет! Оказывается, не так все просто. Возраст здесь вообще не играет никакой роли, той же Серафиме на глазок сильно за сорок было. Тут все решает твоя жизнь до смерти, и только она. Если у утопившейся душа была чистая, не повинная ни в чем, то она сразу отбывает туда... Куда-то туда, где ей будет хорошо. Куда точно — не знаю. Раньше думал, что в курсе, а теперь ни в чем не уверен. Мир вокруг меня оказался более многогранным и многомерным, чем мне казалось еще совсем недавно. Настолько, что я теперь многое сомнениям подвергаю. Нет-нет, речь не о вере. Просто плоскости сместились, и чтобы все снова хоть как-то устаканилось, мне нужно время.

Так вот — русалки. Если душа чистая, она отбывает в заоблачные дали, а тело... Что тело? Как повезет. Может, его прибьет к берегу, и тогда делом займется полиция, а может, течение загонит под огромную корягу, которых в этой реке немало, и оно пойдет на корм рыбам и ракам.

И даже тот факт, что это самоубийство, тут не помеха.

А вот коли на душе у утопленницы был какой грех из серьезных, то дело плохо. Плавать ей в этих водах до скончания веков, гонять мальков да болтать с подружками ни о чем в лунные летние ночи на берегу.

И топить мужчин, которых сдуру на берега этой реки занесло. Потому как каждая невинно загубленная русалкой душа дает ей возможность хоть ненадолго ощутить биение жизни в своем холодном теле.

Кстати, судя по разговорам и обмолвкам, та же Лариска не одному загулявшему мужичку водорослями на дне ноги спутала. Была она русалка разбитная и веселая, но при этом проскальзывало в ней что-то очень недоброе. То ли во взгляде, то ли в голосе.

Насколько я понял, она топиться и не думала, просто шла пьяная через мостик, поскользнулась, да и свалилась в реку. Грехов за ней числилось где-то на пароход, начиная от неоднократного вытравливания нежелательных последствий греховных связей при

помощи бабок-знахарок и до воровства по мелочи, потому в речной штат она была зачислена сразу же после того, как вода заполнила ее легкие.

И еще один интересный факт — самой молодой из русалок перевалило за сотню лет. Да еще с хорошим гаком. Имеется в виду не по земному летоисчислению, а по подводному. Не думаю, что после революции девушки и женщины резко перестали тонуть, но факт есть факт — светловолосая Аглая с кувшинкой за ухом была среди речных прелестниц самой юной. И это при том, что она упокоилась на дне еще при царствовании Александра Третьего. Так она сама сказала, назвав его при этом «царем-батюшкой». Лариске же и вовсе больше двух сотен лет было, поскольку она, рассказывая мне о своих похождениях еще в том мире, с удовольствием вспоминала лихого французского улана, называя его «Раулюшкой». К гадалке не ходи — служил этот «Раулюшка» под командованием какого-нибудь Мюрата. Или Нея.

Вообще-то я к русалкам хотел наведаться сразу после того, как немного обжился в доме покойного ведьмака. Точнее — теперь уже, разумеется, в моем доме. Собственном. Да-да, вот как-то так, незаметно, я стал домовладельцем, если и не по государственным законам, то по законам наследования силы и всего остального, что в рамки привычного мировоззрения не укладывается.

Так вот — очень мне хотелось посмотреть на это речное диво еще с той поры, как Родька их в каком-то разговоре упомянул. Ну все-таки русалки — это классика. Про Хозяев кладбищ я до событий, которые как катком прошли по моей жизни, слыхом не слыхивал, про подъездных тоже, а вот про девушек с рыбьим хвостом неоднократно. И в кино видел, и шутки слыхал не раз о том, что, мол, русалка лучшая жена, потому как ее хоть в постель, хоть к пиву — всяко хорошо. Но как-то не складывалось у меня с визитом на берег реки, что протекала всего в паре километров от Лозовки. То одно, то другое, вот и дооткладывал его на самую последнюю ночь перед отъездом обратно, в Москву.

Хотя удивительного в этом ничего нет. Две с половиной недели пролетели как стрела, и каждый из дней был заполнен маленькими открытиями, сюрпризами разной степени приятности и наматыванием на ус разнообразных премудростей. Да что там! У меня и война тут имела, самая настоящая, позиционная.

Нет-нет, не с Дарой и ее подругами. Тем более, что страшная как смерть ведьма Дара снова стала благообразной Дарьей Семеновной, любительницей телесериалов и трудолюбивой огородницей.

Но тут надо поподробнее рассказать.

Я обрел силу, а потому все договоры, что покойный Захар Петрович заключил с ведьмами, теперь распространялись и на меня. То есть вот так просто мне теперь уже кровь не пустишь. Боком может выйти.

Мне про это сама Дарья Семеновна и рассказала. Она пожаловала к дому ведьмака сразу после того, как я вошел в калитку. Даже замок с входной двери снять не успел и вещи в дом занести.

Понятное дело, я напрягся. Чего врать, если и был какой-то момент, смущавший меня в этом путешествии, так как раз эти ведьмы проклятые. Умом я понимал, что им себе дороже пытаться меня угробить, но то умом. А как представишь себе, что они всю ночь будут под окнами шлаться, так сразу не по себе становится.

Я все же не спецназовец, не рейнджер техасский и не рыцарь без страха и упрека. Я еще месяц назад был обычным клерком обычного банка, скучным, небогатым и толстеющим.

Нет, в вопросах дохода и прибавления веса для меня пока ничего не изменилось, но вот скучать стало некогда. Очень уж много вокруг меня всякого интересного происходит.

Вот, например, сейчас мне довелось повидаться с бабулей, которая, похоже, застала еще те времена, когда Русь не окрестили. Она не то что Ленина вертикального помнит, она, вероятно, даже с Ильей Муромцем знакома была.

— Вижу-вижу, — без всяких приветствий начала разговор Дарья Семеновна. — Стало быть, обуздал силу? Молодец, что еще скажешь. Я-то, грешным делом, думала, что не сможешь, что кишка у тебя тонка. Ошибалась, значит.

— Выходит, так, — согласился с ней я, ставя рюкзак и сумку на крыльцо. — Вот, не оправдал ваших надежд.

— Оно и хорошо, — заулыбалась бабка, показывая крепкие молодые зубы. — Так даже интереснее.

— Я не книжка, вам меня не читать, — постарался по возможности независимо произнести я. — В чем тут интерес-то?

— Сильный противник, он всегда лучше, чем слабый, — объяснила ведьма. — Он в жизнь перцу добавляет. Вот Захарка сгинул — и чего-то нам не хватает. А теперь есть ты — молодой, красивый. Глуповат пока, но это не беда. Может, еще успеешь поумнеть.

— Спасибо, что не добавили «вкусный», — совершенно не кривя душой произнес я. — Как-то спокойнее после этого стало.

— Это сказки все, что мы людей едим, — бабка была само дружелюбие. — Нет, когда-то давно, еще при старых богах, всякое случалось, понятное дело. Но и тогда человека в печи не жарил и всякой чуши вроде «повалюсь, покатаюсь Алексашкиного мяса поевши» не распевал. Сердце харчили, это было. Но для чего?

— Боюсь спросить, — опять же абсолютно искренне прокомментировал ее слова я. Честно — мороз по коже прошел. Так она это буднично говорила, так спокойно, что было предельно ясно — и она человеческие сердца ела. Точно ела.

— Ритуал, — подняла узловатый указательный палец вверх Дарья Семеновна. — Он того требовал. Иначе ни Усоньша, ни Чернобог нас даже слушать не стали бы. Господи, это сколько же ей лет? Я что-то про Чернобога слышал, конечно, но что, где и когда не вспомню. Кстати. Возможно даже в «Что? Где? Когда?» слышал, был там такой вопрос. Забавно. Каламбур.

— Но сейчас оно нам зачем? — продолжала вещать старуха. — Возни больше, чем проку. Старые боги нас не слышат из своих дальних далей, а другие на их место не пришли. Только этот, Единый.

— Да? — не удержался я — А в лесу тогда зачем хотели под травку уложить?

— Как же вас было не растерзать? — по-моему, даже обиделась ведьма. — Да ты что, милый! В тебе сила гуляет ничейная, и очень даже для нас полезная. Девушка, что с тобой сюда пришла, тоже сладенькая, как конфета — молодая, нерожавшая, изрядно нагрешившая и некрещеная. Да кто же такую добычу отпустит? И обижаться за это не след. Вы пришли к нам в руки доброй волей, так что все было честно.

И ведь что досадно — хоть бабка и наводит немного тень на плетень, но в целом она права. Сами сюда приперлись, сами сглупили, сами к ним руки тепленькими отдались. Чудо, что живыми остались, сейчас я это куда лучше, чем тогда, понимаю.

— А теперь все будет по-честному, — бабка снова расплылась в улыбке. — Договор в силе, мы твоей смерти добиваться не станем. Желать будем, слабости не простим, но чтобы нож в спину или там яд в стакан — это нет. Мы не люди, у нас если слово сказано и услышано, то оно нерушимо. Потому как покон! Но и ты соответствуй.

— Мне вы без надобности, — твердо заявил я. — Не за тем сюда вернулся. У меня свои дела и свои интересы.

— С тобой все ясно. Но есть же еще твой дружок, судный дьяк. С ним как? — прищурившись, поинтересовалась Дарья Семеновна. — Он заехать обещал. Мы не боимся, но лишней огласки нам не нужно. Вот убьем его, так ведь следом приятели пригасятся, придется отсюда лет на двадцать съезжать куда-то. Зачем нам это все? Хозяйство здесь у нас, огороды, уклад привычный. Антенны спутниковые вот поставили в тот год. Скажи ему, чтобы носу он сюда не казал, и все останутся довольны.

А ведь врет она. Пусть отчасти, но врет. Нифонтов сам по себе ей, может, и не страшен, но вот его друзей она явно опасается.

— Это ваши дела, — покачал я головой. — Вот вы и разбирайтесь. Но сразу скажу, мадам — если вы чего с ним сделать задумаете, то я глаза прикрывать на это не стану. Разойдетесь миром — хорошо. Дойдет дело до драки...

— И что тогда? — заинтересованно поторопила меня старуха.

— Видно будет, — веско закончил я. — Пусть это останется для вас секретом.

— На том и порешим, — Дарья Семеновна снова расплылась в улыбке. — А пока будем жить да поживать по соседству. Может, тебе огурчиков принести, морковки, ягод каких? Урожай в этом году, слава Герману, хорош на диво!

— Слава кому? — переспросил я — Герману? А это кто?

Дарья Семеновна только грустно вздохнула, глянув на меня, да и посеменила от калитки прочь.

При чем тут Герман? Кто это вообще такой? Явно не тот, что «три карты, три карты, три карты». Но других Германов я не знал. Да и тот вроде с двумя «н» пишется.

А вот следом за этим и началось то, что кроме как «войной» никак не назовешь. Я-то думал, что опасность будет ждать меня за калиткой, а она, оказалось, таилась в доме. Меня невзлюбил домовый, тот самый Антип, о судьбе которого я беспокоился. Знал бы — дихлофос с собой прихватил или какую-нибудь другую отраву позабористей. А может, удава в подвалах дома № 14 попробовал найти, чтобы он эту бородатую заразу удавил на чердаке. Не знаю, что я ему сделал, но осада велась по всем правилам. Точнее, как и водится на хорошей войне, без каких-либо ограничений.

Начал Антип с того, что под утро первой ночи, которую я провел под крышей своего нового дома, меня чуть не удавил. В самом прямом смысле. «Чуть» — потому что до конца это дело он довести не смог бы в любом случае, нельзя домовому хозяина убить. Жизнь ему

испортить можно, покоя не давать — тоже, даже выжить из-под крыши можно, хоть это решение и является почти самоубийственным. А вот убить нельзя.

Этот паскудник навалился мне на грудь, когда в окошках уже забрезжил рассвет и я, наконец, уснул. На новом месте мне всегда спится скверно, так уж я устроен, потому полночи проворочался без сна. И вот, как только задремал, все и началось.

Грудную клетку сдавило, горло тоже, да так, что я аж захрипел. Открываю глаза, а на моей груди сидит какое-то косматое исчадие ада, сверкает глазами, сопит и что-то ворчит в свою нечесаную бородину.

Я только и смог просипеть:

— Ты что? Ты кто?

А этот гад мне и говорит:

— Убирайся, откуда приехал! Это мой дом!

И давит все сильнее и сильнее, так, что мне уже дышать почти нечем.

Спасибо Родьке, который от всего этого кавардака проснулся. Ох, он и разозлился! Прямо соколом налетел на Антипа и как начал его дубасить своими лапами!

— Какой твой дом! — орет. — Это нашего нового хозяина дом! Он вообще, если захочет, тебя отсюда выкинет и нового домовика найдет! Вас, поди, много, а хозяев-ведьмаков раз и обчелся! Невежа ты пучеглазый!

В результате эта парочка, сцепившись, свалилась с моей груди и начала кататься по полу, лупася друг друга куда придется.

А я только сидел, хватал ртом воздух и глазел на эту битву титанов.

Кончилось все вничью, но своего Родька добился — душить меня Антип больше не пытался. Зато начал гадить по мелочам.

То сыпанет в еду какой-то измельченной и редкостно вонючей травы, то всю ночь шуршит за русской печкой и что-то безостановочно ворчит, так, что спать невозможно. А под конец он на меня утюг с печки сбросил. Старый, ржавый, угольный еще, килограмм в десять весом. Нет, не на голову. В ногу метил. И если бы попал, то мне больница была бы гарантирована.

Кстати, это для меня была последняя жирная точка в возможном строительстве наших отношений. Я не участник телешоу, где люди только этим и занимаются, у меня столько времени и терпения нет, потому было принято решение, что с этим человеконенавистником надо прощаться. Одно плохо — я не знаю, как это сделать. И спросить не у кого. Вот так вот вышло.

Интернет тут не берет, у Вавилы Силыча телефона нет, Нифонтова беспокоить как-то неудобно по такому поводу, а больше спросить мне не у кого. Ну не у ведьм же?

Наверняка что-то по этому поводу мог бы сказать Родька, но он этот мой вопрос проигнорировал. Просто сделал вид, что не слышит меня, причем все три раза. Именно столько раз я его об этом спрашивал. Корпоративная этика, надо полагать. И это при том, что он еще дважды дрался с Антипом на чердаке, причем в последний раз они такое устроили, что я даже испугался обрушения потолка. Так они там неистовствовали. Тем не менее сдавать его не стал.

Но это ничего. В городе все узнаю, и когда сюда приеду в следующий раз, кое-кто уйдет на улицу жить. Меру потому что знать надо. Я человек не злой, но у меня тоже есть нервы и лимит терпения.

Но если абстрагироваться от неприятности по имени Антип, то все остальное меня более чем устраивало. Seriously. Никогда бы не подумал, что я, горожанин до мозга костей, привыкший к комфорту квартиры и благам цивилизации, буду получать столько радости от проживания в доме, где всем этим практически и не пахнет.

Здесь ведь на самом деле почти ничего не было. Ни телевизора, ни стиральной машины, ни заказа пиццы. Даже магазина — и того не имелось, мне через неделю с небольшим пришлось пешком тащиться в неблизкое Шаликово. Хлеба-то надо купить было, и консервов. А вот «зеленый домик», наоборот, был. Да, тот самый, хрестоматийный, покосившийся, стоящий в самом углу небольшого земельного участка Захара Петровича. Мало того — мне даже пришлось заняться неким его благоустройством, под руководством вездесущего Родьки. Он мной командовал, а я подправлял крышу, углублял яму и... И не стоит касаться деталей, короче.

Вообще, надо будет зимой посидеть, подумать, и следующим летом здесь кое-что благоустроить. Вызвать пару бригад, на предмет разных полезных улучшений. «Танк» там вкопать, забор подновить, фундамент дома, летний душ поставить. Интересно, Захар Петрович в реке, что ли, мылся? Или его просто не волновали эти мелочи?

Да что там «танк»! С проводки надо начинать. Я, когда плитку, на которой еду готовил, включал, такой треск раздался, что мне страшно стало. Собственно, по этой самой причине через несколько дней я остался без связи, поскольку телефон на зарядку ставить не

отважился. «Коротнет» еще, и погорел мой гаджет. Да и не нужен он мне был здесь особо. Звонить я никому не собирался, а если кто-то что-то хотел от меня, то это не мои проблемы. Я в отпуске. И пусть весь мир подождет.

Впрочем, все эти мелочи совершенно не портили настроение и общее впечатление от того, как я здесь проводил время.

А проводилось оно с пользой.

Я штудировал книгу, теперь уже имея под рукой неограниченный запас трав, причем практически любых. Родька и здесь оказался незаменимым помощником, просто-таки энциклопедией на ножках.

Не обошлось и без экспериментов, благо тут я мог не беспокоиться о том, что мне кто-то помешает или начнется пожар. Я устроил нечто вроде лаборатории на улице, под яблонями, так, чтобы меня не было видно из-за калитки, и там провел с десяток опытов, пытаюсь добиться того результата, что был описан в разных рецептах из книги. Что-то получилось, что-то нет, но это все пошло мне на пользу. С каждым разом я все более уверенно обращаюсь с весами, котлом и всем прочим, что к этому делу прилагается.

Еще я свел дружбу с местным лешим, очень даже душевным старичком. Для лесной нечисти душевным, разумеется. Он, конечно же, попробовал меня пару раз спровоцировать, как некогда другой мой знакомец из их племени, тот, что жил рядом с родительской дачей, но больше так, для проформы. Процедура есть процедура, я все понимаю. Сам службу, так сказать. Есть протокол, ему надо соответствовать.

Впрочем, все обошлось. Тем более, насколько я понял из его речей, он с Захаром Петровичем приятельствовал, причем не один десяток лет, потому и ко мне отнесся изначально благодушно.

Да настолько, что очень много разных интересных вещей мне о лесе рассказал. И даже показал. Я, если честно, даже не подозревал, какая это оказывается мощная сила — лес. Именно сила, не сказать — стихия. Это не только деревья и кустарники, не просто экосистема, как про нее пишут в учебниках. И скажу вам так — пока лес нас терпит и спускает с рук то, как мы его вырубаем и загаживаем. Но если вдруг его терпение истощится, то людям мало не покажется.

Лесовик, которого я вскоре стал называть «дядя Ермолай», даже провел меня в самое сердце своего массива, туда, куда простым людям дорога заповедана. Ни одна тропинка туда не приведет, ни один навигатор дорогу не укажет. Там дом Лесного Хозяина, там сосредоточие его власти над деревьями и зверями. И, насколько я понял, это был знак немалого доверия ко мне.

Там мне довелось повидать деревья, которым лет по пятьсот, коли не больше. И, клянусь вам, я ощутил, что они живые. Не в смысле — корни, ветки, сок, бегущий по стволу. Нет. Они мыслят. Не так как мы, по-другому, но мыслят. Чувствуют.

Если бы меня выбрала другая стезя, не путь мертвых, то я, наверное, хотел бы иметь дело именно с лесом. Есть в этом что-то такое... Исконное. Все мы из леса вышли, в конце-то концов. Славяне, в смысле.

Кстати, повидал я и проклятый клад. Точнее — место, где он закопан. Специально ночью ходил, днем его не увидишь.

Закопали его века четыре назад под корнями старого дуба лихие люди, так мне дядя Ермолай сказал. Зарыли — и не вернулся за ним никто. А он знай себе лежит. И золото-серебро в двух сундучках, и побрякушки какие-то в ларце, и безвинно убитый мальчонка лет двенадцати, которого при нем сторожем оставили. Правда, за это время кости его успели сгнить до основания, но душа все еще там обретается, при сокровищах.

Врагу не пожелаю такой клад найти. Мальчонка этот за четыреста лет настолько осатанел, что у меня от его воплей и проклятий чуть голова не взорвалась. Слушать меня этот страж сокровищ не желал, а убить не мог, потому как я на его добро не посягал. Вот оттого он так и разорался.

Я ведь поначалу его пожалел, даже подумывал, не попрактиковаться ли мне на этом бедолаге. По основному профилю, так сказать, поработать. А потом подумал — да пошел он нафиг. Не дай бог, что-то не так пойдет, засбоит, и будет этот неврастеник за мной таскаться по пятам везде.

Но в целом красиво проклятые сокровища в ночи выглядят. Красное зарево у корней высоченного дерева, которое перемежается светлыми всполохами, изображающими, что там, под землей, скрыто, то есть некий краткий каталог зарытых ценностей. Зрелище такое, что 3D отдыхает!

Ну и всякого другого я узнал немало — и о травах, и о корешках разных, и о повадках лесных обитателей.

Душевным оказался дядя Ермолай, ничего не скажешь. Он мне еще и короткую лесную дорогу открыл, когда я в Шаликово за харчами ходил. Эта дорога что-то с чем-то. Двадцать

минут — и я на станции. А если по обычному пути топать — часа на полтора хода в одну сторону.

Правда, я все равно задумался вот над каким вопросом — лесовик он не злой, и дружбу с покойным Захар Петровичем водил, а его силу тогда во мне не распознал. Почему, интересно?

Или распознал, но решил не лезть в это дело? А что, запросто. Насколько я успел понять, принцип невмешательства в чужие дела в этом новом для меня мире является одним из основных. У каждого есть своя делянка и он ее возделывает, если сказать образно.

Вот так и бежали день за днем, под ласковым летним солнышком и прозрачно-синим небом без единого облачка. В городе жара, духота, смог, а тут благодать. Опять же — никаких тебе тесных костюмов и галстуков-удаков, никаких пропотевших на спине сорочек, которые вечером от впитавшейся в них соли колом стоят.

Да елки-палки, я даже брился раз в три дня. А что? В нашей деревне танцев по вечерам нету, и красотой своей неземной мне пленять некого. Ну не ведьм же, соседок. Тем более, что не очень-то мы и общались. Здоровались, если на улице сталкивались, да и только. Нейтралитет, понимаешь.

В общем, со всеми я перезнакомился, кроме болотника, который проживал недалеко от Лозовки, и его супруги, которую дядя Ермолай презрительно называл «кикиморой». А может, и не презрительно, может, это ее настоящее имя было. Нет, я бы и к ним наведался, но Лесной Хозяин очень мне не советовал этого делать, мотивируя свои слова тем, что болотник и раньше не славился покладистостью и добротой, а после того, как часть его владений осушили и на их месте поставили какой-то завод, вовсе озверел, а потому топит в чарусьях любого, кто сдуру сунется в его лапы. Сначала топит, а уже потом разговаривает, когда бывший человек в болотного упыря превратится.

Я рассудил, что к подобным предостережениям следует относиться серьезно, и в болота не полез. Да и на что они мне?

Хотя там, конечно, разные полезные травы растут, судя по записям в книге. Но, с другой стороны, я всегда их могу в другом месте пособирать. Или по старинке поступить, заказать в интернете.

А вот к русалкам я все же выбрался, пусть и в самую последнюю ночь. Интересно же на них посмотреть.

Что примечательно — они сразу поняли, кто я такой есть. Не знаю уж как, но факт есть факт. Только слышав мои шаги по песку, все призрачно-бледные девушки, сидящие близ воды, обернулись ко мне, окинули взглядом, а после разочарованно вздохнули.

— Не человек. Ведьмачок. Тот самый, — задорно хохотнула грудастая красotka и тряхнула нечесаной гривой волос. — Молоденький и свеженький. Ведьмачок, если ты принес нам гребешок, то подари его мне, не пожалеешь. Если Лариску одарить, то и она в долгу не останется. Если непонятно, то Лариска — это я.

Подобное поведение подруги возмутило других русалок настолько, что они немедленно сцепились в словесной перепалке, которая, впрочем, закончилась так же быстро, как и началась.

Я тем временем разглядывал этих фольклорных персонажей, все сильнее убеждаясь, что сказки не всегда верны. Нет у них никакого рыбьего хвоста, ноги как ноги. И волосы не зеленые. И не все они красавицы.

А вот что было удивительным, так это то, что они про меня знали. До них донеслись вести о том, что в Лозовке появился новый ведьмак. Интересно, откуда? Я спросил, но результат не воследовал. Поулыбались загадочно-схидно речные обитательницы, да и только. И принялись болтать о всякой ерунде. А Лариска даже обвинила меня в том, что я на ее грудь плююсь.

Родька же на водных дев и вовсе внимания не обращал, у него другое было на уме. Сначала он из-под какого-то пня достал рыбацкую снасть, им же, как видно, давно и припрятанную, потом зубами отгрыз от ивы длинный хлыст, сварганил удочку и забросил крючок в воду.

— Ты нас, ведьмачок, особо ни о чем не пытай, — посоветовала мне Серафима, после того как я попробовал у них узнать, что за Речной Конь такой. Родьку об этом спрашивать было бесполезно, он уставился своими круглыми глазами на поплавок, сделанный из гусяного пера, и, по-моему, даже не дышал. — Не все мы тебе рассказать можем. У тебя земное, у нас свое, водное. Разные мы, понимаешь?

— Если честно, то не очень, — признался я. — Но как скажете.

— Ты лучше приходи через пару недель, как останний летошний денек настанет, — посоветовала мне Аглая. — Только не днем приходи, ночью, как у нас положено. Это особая ночь, ведьмак. Мы плясать под луной станем.

— Прекрати немедля! — цыкнула на нее Серафима.

— Я приглашаю тебя, ведьмак, — блеснули в свете луны глаза Аглаи. — Приходи, буду ждать.

— Дура девка, — подытожила Лариска. — Но ты, если придешь, то гребешок мне захвати.

— И мне, и мне, — раздались голоса русалок.

Что за гребешки-то? Те, что едят, или те, которыми причесываются? Надо у Родьки уточнить.

— Если приду — принесу, — сказал я. — Но обещать не стану. Просто я сегодня в город возвращаюсь. Пора. Отпуск кончается.

— Я буду тебя ждать, — настойчиво повторила Аглая. — Не пожалеешь.

— Ключет! — заорал в это время Родька и дернул удилище. — Здоровенная рыбина! Линь небось! Или лещ большой, со сковородку размером!

Это оказался не линь и не лещ. На крючке висело оплетенное водорослями и почерневшее от воды и времени древнее сиденье от унитаза, то, которое в народе называли «стульчак».

Глава 2

Никогда не подозревал, что Родька может быть настолько мстительным. Нет, бесспорно, знакомы мы были недолго, но мне казалось, что я вроде как разобрался в характере своего новообетенного слуги.

Кстати, на редкость нелепо звучит — «своего слуги», никак не привыкну. В жизни бы не подумал, что у меня появится слуга. У нищих, как известно, их нет. А я, по сути, он и есть. Ну не совсем бомжатка, разумеется, но недалеко от этого состояния ушел. Как, впрочем, подавляющее большинство населения этой планеты в целом, и конкретной страны, в которой я проживаю, в частности. Само собой, что на вечере встреч выпускников и при общении в социальных сетях с давними знакомыми я с гордостью причисляю себя к «среднему классу», и даже привожу аргументы, подтверждающие данный факт, но, по сути, это не более чем способ самоутверждения. Правда, радует то обстоятельство, что я не один такой.

Любой из нас, клерков, в плане трудоустройства уязвим невероятно, причем неважно, в какой сфере кто работает. Банки, трастовые компании, туристический бизнес — везде есть мальчишки и девочки, которые привычны к десятичасовой постоянной улыбке, умеют набирать текст на клавиатуре «вслепую» и отвечают на телефонный звонок даже дома отработанной до автоматизма фразой: «Добрый день, меня зовут Виктор, чем я могу вам помочь?». Но, по сути, это все, что они умеют.

Нам хорошо, когда все в стране хорошо. А вот как только ее шатнет чуть сильнее, тут-то веселье и начинается. Первыми с работы вылетаем мы, люди из младшего и среднего звена. У власть предержащих в компаниях, трастах и холдингах свои законы, взаимосвязи и пакеты акций, пусть с одним процентом, но все же. А нам хвататься не за что, поскольку ни соломинки, ни даже гадюки, как в народной пословице, нашему брату никто не протянет. Ну а мы с какого-то момента во внутренних разговорах «кадровиков» перестаем быть Александрями, Аленами, Юлиями, Владимирями и приобретаем новый статус — «балласт компаний». А что делают с балластом? Верно, его сбрасывают. А наши обязанности раздают тем, кто уцелел во время кадровой резни и остался на борту, причем с неизменным комментарием:

— Мы за тебя долго боролись, еле отстояли. Но, сам понимаешь, надо доказать и оправдать. Так что теперь должностных обязанностей у тебя прибавится. Что? Ты совсем обнаглел. Какая доплата? Радуйся, что вообще работать остался.

Я такое видел не однажды, правда, мне везло, и пока ни один из девятих валов «кризисного террора» меня не утопил. Но каждый раз мне было не по себе. Никогда не знаешь, когда на твоей спине «кадровики» мишень нарисуют.

Оно и понятно, у меня запасного аэродрома нет. Я кроме того, чем занимаюсь сейчас, больше ничего и не умею. Хорошо тем, кто имеет какую-то вторую профессию, у них альтернатива есть. А я... Черт, да мне кроме банка и ткнуться-то некуда. Точнее — было некуда, теперь-то кое-какие перспективы вырисовываются, пусть пока не сформировавшиеся окончательно, туманно-призрачные, но все-таки, все-таки...

А в целом выходит, что вроде у нас, менеджеров среднего звена, все более-менее есть, а по жизни мы если и не нищие, то близко к тому стоим. Чуть сильнее тряхни — и посыплемся, как груши с дерева.

Про духовность я и вовсе промолчу. Нет, мы охотно спорим о Достоевском, Бегбедере и Мураками, слушаем концептуальную музыку и смотрим авторское кино, честно пытаюсь на нем не заснуть. Это тренд, это надо, мы же еще и интеллектуалы. Но если доходит до

дела... Мне знакомая одна рассказывала, что она, когда институт закончила и диплом получила, то с группой на природу поехала его обмывать, на два дня. Шашлыки, водочка, все такое. Понятное дело, когда луна на небо вылезла, народ решил спеть хором. Не знаю, как в Европах, а у нас выпить водки и не спеть хором, это хуже, чем выпить водки и не закусить.

Так вот — единственной песней, которую все до единого присутствующие знали наизусть, оказался «Владимирский централ».

А, вот что еще забыл сказать. Это были юристы. Вечерники. И многие из них уже работали по профессии, кто в следственном комитете, кто на таможне, а кто и в прокуратуре.

Ладно, это что-то меня занесло в сторону.

Так вот — Родька бурчал остаток ночи, все утро, пока мы собирали вещи, и даже в электричке, сидя в рюкзаке, то и дело издавал какие-то звуки. А еще время от времени начинал толкаться.

Хорошо еще народу в вагоне было мало и по соседству со мной никто не пристроился. Вот как его сидение от унитаза за живое задело.

Но подозреваю, что русалки тут были и ни при чем. Просто так получилось. Ну бывают на свете совпадения.

Другое дело, что Родьке это объяснить было невозможно. Он существо упертое до крайности, и если что для себя решил, то все, хоть кол на голове ему тещи. Ничего не изменишь.

Когда в следующий раз поеду в Лозовку, то надо будет проследить, чтобы он и впрямь какую-нибудь отраву с собой не прихватил, а после в реку не бросил. Мне русалки понравились. Не знаю, за что их так фольклористы не любят, зачем всякие гадости про них пишут. Спокойные оказались барышни, не буйные. Знай сидят ночью на берегу, беседуют, при полной луне танцы танцуют. И вдобавок все как одна с непростой судьбой. Их пожалеть хочется, а не бояться. Всех, кроме Лариски. В ней как раз что-то такое, неприятное, было.

Хотя, возможно, меня они не тронули просто по некоему родственному признаку. Я ведь, по сути, теперь один из них. Из кого? Да из тех, кого на свете не бывает. Ведь так родители детям говорят, когда те спрашивают, есть ли Баба Яга, Кашей Бессмертный, Дракула и Сейлормун на самом деле? «Это все сказки». И я теперь тоже сказочный персонаж.

Отчасти. Процентом на тридцать. Ну сами посудите — я могу общаться с мертвыми, дружу с русалками, лешими и подъездными. И воюю с домовым. Кстати, — не сомневаюсь, что после моего отъезда Антип устроил большой праздник и, возможно, даже украсил дом по этому поводу.

Хотя, думаю, насчет Сейлормун родители детям правду говорят. Вряд ли она есть на самом деле.

А если серьезно — в том мире, который большей частью живет при лунном свете, в социальном смысле все сбалансировано не хуже, чем в обычном, человеческом. А может, даже и лучше. Люди склонны время от времени от безделья и по недоумию сотрясать устои общества и рушить все до основания, чтобы потом построить некий новый мир, который с огромной долей вероятности будет немногим лучше старого.

Здесь же все давным-давно определено и разложено по полочкам. Каждый знает свое место, каждый знает, что почем и кто за кого впряжется, если что. Понятий «друг» и «враг» у них нет, но некое подобие деления на «своих» и «чужих» имеется. А еще там все решают традиции и покон. Да, тот самый покон, про который я много слышал еще до отъезда в Лозовку. Насколько я смог понять, это был некий свод законов, по которому мой новый мир существовал с тех времен, когда старые боги еще спускались на Землю и бродили по ее дорогам, выдавая достойным награду, а негодьям заслуженную кару.

Про этот самый покон знали все, с кем мне довелось пообщаться, но как только я пытался узнать, где с ним можно ознакомиться, так сказать, в первоисточнике, на меня смотрели как на душевнобольного. Даже Родька, и тот только уставился на меня своими круглыми глазами, похлопал ресницами и ничего не сказал.

А жаль. Мой богатый офисный опыт говорит о том, что заучивать инструкции и положения наизусть дело бессмысленное, но ознакомиться с ними надо непременно. Никто никогда не знает, когда наступит день переаттестации. Но он непременно приходит, рано или поздно. И, как водится, внезапно и вдруг. Потому надо хотя бы знать, где стоит та самая папка, в которой можно найти ответы на вопросы.

Что примечательно — в моей настольной книге, той, что досталась по наследству, про покон нет ни слова. То ли мои предшественники не сочли нужным про него упоминать, то ли для них это была настолько прописная истина, что говорить про нее было просто глупо. В общем, мне было о чем подумать в электричке, которая неспешно везла меня в Москву.

Вообще-то изначально я даже домой не планировал заезжать, а сразу хотел рвануть на дачу родителей. Для того и уехал из Лозовки за четыре дня до конца отпуска. Ну а как по-другому? Надо. Я же тамошнему лесному хозяину обещал помочь, отпустить привязанные к месту своей смерти души. Они там лет четыреста маются, и ему как бельмо на глазу. Нельзя сказать, что я очень высокоморальный человек и вот так всегда свое слово держу, но здесь и ситуация другая. Во-первых, врать таким сущностям дело неблагоприятное. Телефонов у них, понятное дело, нет, и скайпа тоже, но что-то мне подсказывает, что новости из одного леса в другой, пусть даже и неблизкий, будут переданы быстро. Во-вторых, — мне очень хотелось попробовать себя в этом деле.

Нет, страх имел место быть. Книгу я штудировал исправно, и, хоть по моей новой специальности там почти ничего сказано не было, все равно встречались фразы, к ней относящиеся. Вот хоть бы одна из них, написанная неким Евплом еще веке в пятнадцатом, кабы не раньше: «Аще мертвого того за кромку не спровадиши, он тебѣ житья не дастъ. Будет ходити, блазнити, и жизнь твою тянути». Не исключено, что речь идет вовсе не о неупокоенных душах, а о каком-то бродячем мертвце или даже вариации некоего древнерусского вампира, одетого вместо шелкового камзола и изысканного парика в армяк и лапти, но все равно холодок по спине пробирает.

Но если просто дома сидеть и всего бояться, то это мне пользы не принесет.

И еще, — души на той поляне — это самое то, что мне нужно. Очень уж они в нашем мире засиделись, и, насколько я понял, это играет мне на руку. Дело в том, что неупокоенные души, изрядно задержавшиеся на Земле, перестают осознавать себя. Проще говоря — они чем дальше, тем больше теряют индивидуальность. Время помаленьку, но при этом непреклонно, стирает из них все то, что было присуще тем личностям, которыми они некогда являлись, усредняет, делает просто безликими фантомами, существующими по привычке. Без памяти, без желаний, без всего. Хотя нет, желания могут быть. Например, при случае напакостить живым, это в них заложено на уровне инстинктов. А еще такие сущности почти всегда мечтают о том, чтобы наконец прервать свое бесполезное существование.

И вот тут наши желания совпадают. Им надо уйти, а мне надо понять закономерности этого процесса.

Разумеется, это присуще только бесхозным душам, которые существуют вне здорового кладбищенского коллектива, вроде тех, что обитают в лесу близ дачи моих стариков. На кладбище действуют другие законы, там есть Хозяин, и только он решает, кому и как проживать в пределах его территории. Хотя и там, я так думаю, все не так гладко обстоит. Не может душа с двумя-тремя веками за спиной ощущать себя такой же личностью, как при жизни. Не может она не завидовать тем, кто еще жив. Хоть в чем-то.

Так вот — я сразу хотел на дачу к родителям рвануть. Но чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше крепло у меня желание домой заехать. Сумку бросить, ванну принять, телефон, опять же, зарядить.

Да и Родьку там оставить тоже не мешало бы. Вообще-то я хотел все дела там переделать и смыться обратно в город до того, как мои старики туда нагрянут. Но, зная маму и ее чутье, можно смело утверждать, что этот номер у меня не пройдет. А значит, моему мохнатому приятелю лучше там не появляться.

Разумеется, это все были отмазки, но звучали они у меня в голове очень убедительно. А потому через час с небольшим я подходил к своему подъезду, вдыхая забытый за две с половиной недели пыльный и жаркий городской полуденный воздух.

— Э, стой, а! — открывая подъездную дверь, услышал я женский голос. — Стой!

Как ни странно, этот оклик предназначался мне. Это была дворничиха, она потрясала метлой, довольно шустро приближаясь ко мне. Как ее, блин, зовут-то? Вроде, Фарида. Или Хафиза?

— Ты что делаешь, а? — даже не подойдя поближе, укоризненно произнесла она и покачала головой. — Ты зачем уехал, а?

— В смысле? — опешил я. — Уехал — значит, надо было.

— Надо ему было! — возмутилась работница ЖКХ и грозно стукнула черенком метлы об асфальт. — Ты что, глупый совсем? У тебя женщина беременная, а ты уехал!

— Кто у меня? — выпучил глаза я.

— А Марина-апа с пятого этажа? — пристыдила меня дворничиха. — Забыл, э? Она твоего ребенка носит, а тебя рядом нет! Из-э-эх! Так разве делают! Я ее даже не виню теперь! Чем с такой как ты жить, лучше вообще никто не надо!

Как видно, я пал в ее глазах на самое глубокое дно самого глубокого ущелья, поскольку после этих слов Фарида повернулась ко мне спиной и отправилась восвояси.

Так я и не узнал, в чем она Маринку винит. Хотя и могу догадаться, чрезмерной нравственностью моя соседка сверху никогда наделена не была.

Но зато понял, о чем речь шла. Точно, было такое. Эта язва в свое время целый спектакль разыграла под названием «А.Смолин — подлый растлитель», для того чтобы со мной в Лозовку увязаться. На свою же голову. С тех пор все бабушки в нашем доме, равно как и работники коммунальных служб, были уверены в том, что она носит моего ребенка. И даже плоский живот, который Маринка с завидным постоянством демонстрировала всему миру, натягивая на себя вызывающие топики, не являлся аргументом, опровергающим данную аксиому.

Все-таки приятно, что есть некие вещи, которые никогда не меняются. Например — последствия маринкиных проделок. Они всегда выходят боком кому угодно, только не ей самой. Исключением может служить, пожалуй, та самая достопамятная поездка в Лозовку, когда она через свое упрямство и любопытство чуть жизни не лишилась.

А еще к таким вещам относится родной дом, особенно если ты холостяк. От чего уехал, к тому и приехал. Стабильность. Есть в этом что-то такое, согревающее душу.

— Дома! — радостно сообщил мне Родька, которого я сразу же выпустил из рюкзака. — Наконец-то!

— Не понял? — удивился я. — Ты же меня сколько времени агитировал за то, чтобы мы съехали из города в деревню?

— Было, — не стал спорить мой слуга, прошлепал в комнату и залез на кресло, которое, похоже, он возвел в ранг своей личной собственности. — Но чего-то сравнение не в ее пользу. Не в пользу деревни. Там телевизора нет. И чайника электрического. И воды с пузырьками, которая «Саяны».

— Это да, — признал я, посмеиваясь.

Да и то. Мне, горожанину, охота обратно, а он, всю жизнь в глуши проживший, рад, что в город вернулся. Вот уж, воистину — кому что.

— Хозяин, — облизнулся вспомнивший про свою любимую газировку Родька. — Надо в лабаз идти. Холодильник-то пустой. Чего есть будем?

— Гречки полно, — не смог я отказать себе в удовольствии немного над ним поиздеваться. — И риса. И пшена.

— Да? — опечалился Родька. — И соли с сахаром?

— И их тоже, — подтвердил я. — Ну, какие еще будут аргументы?

Слуга призадумался.

— С возвращеньцем! — послышалось с кухни. — Как съездили?

— Мое почтение, Вавила Силыч, — громко произнес я. — Хорошо. Мне даже понравилось там. Воздух чистый, никакой суеты и спешки. Есть в загородном существовании нечто такое, что мы потеряли. Вот даже уезжать не хотелось.

— Это, Александр, потому, что ты там был гость, — как всегда степенно объяснил мне подъездный, входя в комнату. — Ты туда ненадолго приехал и знал, что вернешься в город. Опять же — лето на дворе, и с погодой тебе повезло. А оставь тебя там на постоянное проживание, да особенно поздней осенью или зимой, когда все снегом завалит, то у-у-у-у! Частный дом — это тебе не городская квартира. Там капает, тут поддувает, снег самому надо чистить, дрова пилить-колоть, печку топить.

— А я на что? — обиженно подал голос с кресла Родька.

— И еще за этим оборотом в оба глаза смотри, — согласился с ним Вавила Силыч. — Вот сколько всего. Так что, Александр, живи, где родился, то есть здесь, в городе. Не ищи от добра добра.

— Так и в мыслях не было переезжать, — заверил подъездного я. — Кстати, из забавного. Я там с домовым характерами не сошелся. Он меня из дома как только не гнал. Даже душил пытался.

— Да что ты? — изумился подъездный. — Родион, а ты куда глядел?

— Чуть что, так Родион! — взвился вверх мой слуга. — Я ему, мохнорылому, три раза морду мял, объяснял, что нового хозяина надо не меньше, чем старого, чтить. Он не слушает, говорит, что городских в гробу видел, не указ они ему.

— Видать, из старых домовик, — со знанием дела вынес суждение Вавила Силыч. — Из исконных. Да и тьфу ты на него, Александр. Дом он все одно беречь станет, такая его судьба. И тебя, как хозяина, со временем тоже признает. Любить, может, и не будет, а чтить станет, никуда не денется. Ты, главное, в ближайшее время ремонт там не затевай, старые стены не рушь, чтобы его злобу до крайности не доводить. А потом все устроится. И плохо про него даже не думай, он чужого на порог не пустит и умыслить против тебя не станет. Значит, с ремонтом пока не сложится. Да и ладно, мне там не жить. Да и не факт, что я вообще в этом году туда еще пожить отправлюсь. Отпуск кончается, лето тоже к концу идет, скоро осень. Дожди пойдут, грязь там будет несусветная. А как снег ляжет, я туда и вовсе не доберусь.

Интересно, а откуда ведьмы продукты зимой берут? Летают за ними, что ли?

— А у нас тут все по-старому, — Вавила Силыч сурово глянул на Родьку. — Все свое дело знают, кроме одного лентяя мохнатого, который гостю даже чаю не предложит. Родька тут же скатился с кресла и поспешил на кухню. Вот ведь. А скажи ему я то же самое, может, и не воспоследовал бы результат. Нет, разбаловал я его.

— Марина с пятого этажа к тебе раза три заходила, — тем временем сообщил мне подъездный. — И звонила в дверь, и ногами в нее стучала. Особенно в прошлые выходные. У нее компания собралась, они всю ночь водку пили, разные разговоры вели, тебя вспоминали.

— О как, — заинтересовался я. — Что за люди?

— Коллеги ее по работе, — тут же ответил Вавила Силыч. — Я их до этого всех видел уже. И этот крепкий паренек был, Стас который. Полицейский, похоже, эту публику ни с кем не спутаешь. Он, кстати, водку и принес. Целый ящик.

А, понятно. Стало быть, дали приятелю Севастьянова внеочередную «звездочку» на погоны. Он еще тогда обещал, что если дело выгорит, то с него ящик водки.

Однако — быстро как. Времени-то прошло всего ничего.

— Вспоминали-то по-доброму? — поинтересовался я.

— А как же, — заулыбался Вавила Силыч. — Правда, о том, что ты себе на уме, тоже говорили. Но без злобы. Так, шуткой.

— И хорошо, что меня не было, — порадовался я. — В такую жару водку пить — себя не жалеть. Больше никто не заходил?

— Нет, — покачал головой подъездный. — Я бы рассказал.

Впрочем, — а кого мне еще ждать? У меня не так много знакомых, а таких, которые знают, где я живу, вообще по пальцам пересчитать можно.

Зато на телефоне, который я поставил на зарядку и после этого сразу включил, обнаружилась целая куча пропущенных звонков, и вот там было то еще разнообразие. Например, меня разыскивали сослуживцы, которым что-то внезапно понадобилось. Что именно — понятия не имею, и прямо сейчас выяснять не собираюсь. Все вызовы прошли в один день, стало быть, какую-то бумажку не нашли и пошли по пути наименьшего сопротивления, то есть — начали мне названивать. Десять звонков за три часа. А потом — как отрезало. Значит — либо нашли желаемое, либо меня уволят в первый же день после отпуска. А что? Такое бывает, я сам видел. Вышел человек на работу — веселый, загорелый, пакет магнетиков турецких в руке, а ему под нос заявление тычут и говорят: — Подписывай по-хорошему.

Просто пока он гезлеме кушал и в бассейне пьяненький купался, всплыл «косяк» в отчетности, которую он готовил, и у банка заморочки были такие, что хоть вешайся.

Проблему разрулили, понятное дело, но сотруднику этому все одно трындец настал.

Еще звонила мама три раза, Маринкин телефон раз пятнадцать отметился, пять вызовов прошли с неизвестных мне номеров, скорее всего, кто-то жаждал предложить мне положенную законом юридическую помощь или бесплатное медицинское обследование. И два раза со мной хотел пообщаться Нифонтов.

А вот это уже серьезнее. Тут придется перезвонить. Как ни крути, а у меня перед ним должок имеется, который все равно придется возвращать. Жизнь-то он нам с Маринкой тогда в лесу спас, что было — то было. И ночная заварушка на кладбище этот долг не списала, там каждый из участников решал свои собственные вопросы. Кто устранял угрозу для жизни, кто преступника, причем физически, кто звездочку зарабатывал. Каждому свое.

Я решил не откладывать разговор с оперативником отдела 15-К в долгий ящик и сразу набрал его номер, но безрезультатно. Он был недоступен.

— Вот, больше ничего нету, — сообщил Родька, тем временем накрывавший на стол. — Хоть убейте.

К чаю у нас дома были только сушки, дошедшие до состояния каменной твердости.

— Не шуми, — попросил я его, убирая телефон в сторону. — Схожу я сейчас в магазин, схожу. Надо же тебе что-то три дня есть, пока меня не будет.

— Опять уезжать куда собрался? — уточнил Вавила Силыч, шумно хлопая чаем. — Вот ты, Александр, неугомонный стал. Раньше все дома сидел, фильмы глядел или в интернете лазал, а теперь как шило тебе в одно место воткнули.

— На дачу к родителям поеду, — объяснил я ему. — Надо стариков проведать.

— Это правильно, — одобрил подъездный. — А за этого неслуха не волнуйся, пригляжу за ним. Или к делу какому приставлю.

— Опять удава ловить? — хмыкнул я.

— И-и-и, где тот удав! — хихикнул Вавила Силыч. — Съели его уже.

— В смысле? — опешил я.

— В прямом, — невозмутимо ответил подъездный. — Один умник из четырнадцатого дома вычитал в какой-то книжке, что копченый удав сильно вкусный. Вот они его в подвале и

зажарили, там же и схарчили. И чуть не отравились насмерть! То ли приготовили неправильно, то ли еще чего не так с этой змеюкой. Фомич, их старшой, цветом лица как фрукт апельсин стал, весь оранжевый. Зрелище, я тебе доложу! Прямо такая радость на душе у меня была, когда на него смотрел, словами не опишешь.

Нет, все-таки какая у меня жизнь теперь интересная началась! Кому расскажи, что домовые зажарили и съели в подвале обычного московского дома удава, ведь не поверит никто. Да что там — за психа примут. А ведь оно так и было на самом деле.

— Когда поедешь-то? — уточнил у меня Вавила Силыч, хрустя сушкой. — И на сколько?

— Завтра, — потянувшись, ответил я. — Сегодня уже лень. И до воскресенья.

Хотя, может, и до субботы. Тут все зависит от того, до какой степени маму пробьет на хозяйственную деятельность, и насколько удачлив я буду при побеге с родных шести соток. Август на дворе, мои старики каждые выходные теперь туда ездят, урожаем собирают. Помидоры поздние, груши, тыквы, кабачки. Так что дело всегда найдется, для меня в особенности. Вон, хоть бы бочку тягать опять заставят.

Эта бочка — мое проклятие. Когда-то синяя, а теперь желтая от ржавчины, она мыкается по нашему участку как «Летучий голландец». Ну как мыкается? На моем горбу катается. То мама в ней огурцы сажает, и она занимает место за беседкой. На следующий год она решает найти ей другое применение, а именно приспособить под сжигание мусора, после чего я качу этого круглого монстра на противоположную сторону участка, к забору, где для пушей бочкоустойчивости копаю новую яму. И так год за годом.

Последние несколько лет она опять выполняла огородно-огуречную функцию, но это потому, что мне хватало ума на дачу особо не соваться. Но теперь все может перемениться, я же буду там.

Кстати — как напророчил. Ну или у мамы веб-камера на заборе стоит, и она отслеживает через сеть, кто там около ее дачи трется. Стоило мне только на следующий день приехать на дачу и открыть калитку, как зазвонил телефон.

— Саш, ты где? — требовательно спросила мама. — Почему трубку две недели не брал?

Я попытался что-то объяснить, но она привычно не стала меня слушать, высказав кучу претензий по поводу моей безалаберности и невнимательности к ближним своим.

Кончилось все приказом прибыть в эти выходные на участок, чтобы хоть часть моего отпуска пошла на благое дело. Если не сегодня вечером, то завтра утром точно.

— Уже, — хмуро ответил ей я, прекрасно понимая, что за этим последует.

Но врать не стоит. Только хуже себе сделаю.

— Что «уже»? — изумилась мама.

— На дачу приехал, — объяснил я. — Излагай, что делать. А то ведь мне уже завтра уезжать.

Нет, полных два дня, до воскресенья, я не выдержу. Родительская любовь — это святое, но рассудок дороже.

— Тогда самое главное, — деловито сказала мне мама. — Бочка!

В результате я провозился со всей этой канителью чуть ли не до заката. Нет, мне раньше в лес и не надо было идти, но ведь можно было вместо этого на диванчике полежать и в телевизор потаращиться. А вот хрен-то!

Как иные товарищи с родителями до седых волос живут, а? Это же с ума сойти можно что такое!

В лес я вошел тогда, когда багровое солнце стремительно начало валиться за верхушки елок. Повторюсь — август, смеркается теперь раньше и быстрее, чем в июне-июле. Да и ночи темнее стали, это в начале лета даже в полуночный час небо все равно прозрачно-светлое. А теперь — куда там.

Я убрал в карман телефон, с которого только что еще раз пытался дозвониться до Нифонтова, достал из пакета, прихваченного с собой, краюху хлеба, положил ее на пенек и громко сказал:

— Добрый вечер, батюшка лесной хозяйин. Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

— Я же тебе сказал, паря, что ты в моем лесу всегда желанный гость, — слышалось из-за ближайших кустов. — Хотя за хлебушек спасибо.

— О чем речь! — я помахал рукой шагнувшему мне навстречу старичку в ватнике и кепке с надписью: «Галлин-80». — Почему не порадовать хорошего... Кхм...

Слово «человека» тут было не сильно уместным.

— Да ладно, — верно расценил мое смущение лесной хозяйин и прихватил с пня краюху. — А ты, я гляжу, за это время успел-таки к силе ключик подобрать? Молодец. Хитер да умен, два угодыя в нем.

— Учужали? — сразу же полюбопытствовал я.

Мне вообще было интересно, как эти существа моментально узнают таких, как я, как им удастся распознать, что у меня есть сила. Подозреваю, что это у них врожденный талант, который нам, людям, недоступен.

Хотя... Та мерзкая болотная ведьма, что меня чуть не прирезала ночью в парке, тоже ведь что-то учуяла.

Но мне пока такое было не под силу.

— А как же! — даже как-то возмутился старик. — В мой лес ведьмак пожаловал, да еще и из тех, что с «той стороны» знается, а я про это сразу не проведаю? Что же я тогда за хозяин этому месту. Ты, кстати, чего пришел-то? Так, лясы поточить или по делу какому? — Слово сдержать, — веско произнес я. — У меня как? Сказано — сделано.

— Молодец, — лесной хозяин поправил кепочку. — Даже два раза. Первый — потому что обещания свои помнишь. Второй — потому что нахваливать меня не стал, мол: «как вам да не помочь, вы же такой-разэдакий». Любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить.

А вот это интересно. Кто это кроме меня сюда захаживал и когда? И чего от этого старичка-лесовичка хотел?

— Так пошли, — дед махнул свободной от ковриги рукой, и перед нами появилась тропинка, ведущая вглубь леса. — Солнце почти село, к тому времени, как дойдем, и эти канительщики на поляну вылезут.

Глава 3

Лесной хозяин все сказал верно — несмотря на то, что мы шли к последнему пристанищу неупокоенных душ самой что ни на есть короткой дорогой, добрались мы к ней уже в темноте.

Темнота эта, правда, была весьма условной. Тропу, по которой мы шли, подсвечивали какие-то гнилушки, воткнутые в пни, и светляки, кружившиеся над нами.

— Из тебя выйдет хороший ведьмак, — толковал мне тем временем лесовик, бодро топавший впереди. — Если начал с того, что обещание свое сдержал, то точно так и будет.

— Ну а как по другому-то? — скромничал я. — Слово дадено, нешто я его нарушить могу?

— А вот это ты заканчивай — повернувшись ко мне, помаhal узловатым пальцем лесной хозяин. — Ни к чему эти все «нешто» да «надысь». Время вокруг другое, и говорят люди теперь по-иному. Ладно я, коряга старая, но ты-то из нынешнего, нового времени? Вот и будь самим собой. А если ты мне приятное хочешь сделать, то лучше нежить с моей поляны высели. Ясно?

— Предельно, — кивнул я.

— Время — оно меняется, — засопев, снова двинулся вперед старик. — И все остальное вместе с ним тоже. Хочешь выжить — будь умнее, не пытайся вернуть то, что ушло навсегда. Я вот это понял давно, потому и хозяин до сих пор этому лесу. А те, кто пытался за старое, отжившее, цепляться — где они теперь?

— Где? — заинтересованно спросил я.

— А нигде, — хохотнул лесовик. — На нет сошли, как яд у старой змеюки. Клык остался, а отравы там нет, пережила она её. Пыхтят, страшат, друг дружке говорят, что они все еще владыки мира, даже забредшего к ним дурняком человека убить могут, а проку-то от того? Силы нет, радости бытия нет, крова своего нет. Туман — и только. А в тумане, как известно, ни толку нет, ни жизни. Сырость одна.

Интересно, это он о ком вообще говорит? Кого в виду имеет?

Но развить эту тему мне не удалось — мы пришли к конечной точке нашего путешествия, выйдя из березовой рощицы напрямик на заветную поляну.

— Давай, — ткнул лесной хозяин пальцем в смутные тени, мелькавшие над поляной, побряхтывая, сел на землю под ближайшей березой и вытянул ноги, обутые в старые галоши. Под галошами виднелись шерстяные носки грубой вязки. — А я погляжу, как ты это делать станешь. Интересно ведь.

— А до этого вы ни разу не видели, как души неприкаянные отпускают? — изумился я. — Вам ведь лет уже... Много, короче.

— Видел, не видел — тебе какая в том печаль? — как мне показалось, с насмешкой, ответил вопросом на вопрос лесовик. — Делай свое дело, ведьмак.

Легко сказать. Там, в Лозовке, мне все это представлялось довольно несложным, а тут, под звездным августовским небом, точка зрения маленько изменилась. Нет, страха не было, но вот сам процесс... С чего начать-то?

Я ведь всего две души и опустил за всю свою недолгую ведьмачью карьеру. И обе были не против этого, более того — мне помогли. Потому как сами были ведьмаками при жизни. Так сказать — корпоративная этика в действии. А тут...

Тем временем тени, скользящие над поляной, как видно, учуяли меня и короткими смазанными движениями стали подбираться все ближе.

— Отпусти меня, — вскоре услышал я слова, знакомые мне еще по прошлому визиту. — Отпусти. Укажи путь.

Как и тогда, вслух эти просьбы не произносились, они звучали внутри моей головы.

Неприятное, кстати, ощущение. Как когда зуб сверлят под анестезией. Боли нет, но вот этот скрежет, запах медикаментов и костной пыли, брызги воды... Бррр!

Сначала голос был один, того призрака, что подлетел ко мне быстрее остальных, но потом его товарищи по несчастью тоже подтянулись поближе, и через минуту мои уши заложило от их:

— Открой Врата! Спаси! Отпусти меня! Отпусти!

Шутки-шутками, но возникало ощущение, что сейчас моя голова просто взорвется от того бедлама, что творится вокруг.

— Так! — не выдержал я, приложил к ушам ладони и заорал в голос: — Заткнулись все!

Невероятно, но это сработало. Призраки замолчали, причем все и сразу. Мало того — они даже перестали кружить надо мной и опустились на землю, если это можно так назвать.

— Вот, — похвалил их я. — А то устроили тут, понимаешь.

Лесной хозяин одобрительно крякнул за моей спиной.

— Так, — я размял ладони, уж не знаю, зачем. — Выстраиваемся друг за другом и подходим ко мне по одному.

Ну надо же с чего-то начинать? В книге по этому поводу ничего не сказано, а мой личный опыт заключается, как я говорил, в отправке в конечную точку бытия только двух застрявших на земле душ. Думаю, надо повторить то, что я тогда на кладбище делал, а если не сработает, то тогда двинусь путем проб и ошибок. В любом случае, эти тени, похоже, сильно навредить мне не смогут. Максимум занудят до полусмерти.

Да если честно, они меня вообще не волнуют. Вот то, что лесной хозяин может обидеться — это серьезно. Но, с другой стороны, он видит, что я пытаюсь сдержать слово, так что авось выкручусь. Это переговорный вопрос, проще говоря.

Ну и вообще — не надо думать о том, что ты проиграл, до начала матча. Игра заканчивается только тогда, когда звучит финальный свисток.

Господи-добрый-боженька, какая ерунда в голову лезет!

— Вот ты, ко мне... Э-э-э-э-э, — я ткнул пальцем в одну из теней. — Даже не знаю.

Подлети?

Туманный сгусток, в котором с трудом улавливались человеческие очертания, приблизился ко мне.

Когда я отпускал ведьмаков, мы соприкасались пальцами. Но у того призрака этот палец хотя бы был. А здесь нет ничего.

— Ладони моей коснись своей ладонью, — сказал я сгустку, который колыхался в каких-то сантиметрах от моего лица. — Ну или чем еще, я не знаю даже. Что-то же у тебя там есть?

Я поднял руку, и выставил свою ладонь вперед, так, как это делают мужчины, желая показать друг другу, что шутка оценена. Ну или когда «Спартак» наконец-то забил гол хоть кому-нибудь. А то играют, понимаешь, играют, а чемпионами раз в двадцать лет становятся. Не все болельщики и доживают до этого триумфа.

Тень обволокла мою ладонь, я ощутил влажное прикосновение, такое, какое бывает, когда попадаешь в туман.

В голове у меня ощутимо бамкнуло, так, что даже уши заложило, перед глазами пронеслись какие-то смазанные видения, более всего похожие на фотоальбом, пролистанный с приличной скоростью. Женщина в длинном льняном балахоне с вышивкой, какие-то мальчишки с огромной рыбиной, которую они несли впятером, кудрявый добрый молодец, лукаво подмигивающий кому-то, младенец, пускающий пузыри в архаичной колыбельке, подвешенной за веревки к потолку, и в конце концов яркий отблеск солнца на сабле, резко опускающейся вниз.

Все это мелькнуло перед глазами и пропало, по телу прошел легкий холодок, а сгусток тумана, стоявший передо мной, рассыпался на сотни мелких брызг и стал не более чем росой на траве. Да и та через пару мгновений высохла.

— Молодец, — подал голос лесовик. — Справился! А то были у меня, понимаешь, сомнения!

— Рад, что оправдал оказанное мне высокое доверие, — выдохнул я, прислушиваясь к себе. Шутки-шутками, а первая тень, отправленная... Куда-то там, не знаю куда. Те две, они все-таки не в счет. И свои это были, и рядом Хозяин кладбища стоял.

А тут другое дело.

И, что главное, внутренний голос в колокол не бил, и «Беда! Напасть!» не кричал. Значит — все прошло нормально.

К тому же выводу пришли и тени. Они в силу возраста хоть и не обладали особым разумом, но сообразили, что к ним все-таки пожаловало избавление в моем лице, после чего даже выстроили некое подобие очереди, как я у них и просил.

Самый же шустрый уже колыхался прямо передо мной.

— Погоди, — сказал я ему. — Дай дух переведу.

А я знаю, что это был за фотоальбом. Это последние воспоминания, оставшиеся от той личности, которой некогда был призрак. Надо думать, что тогда, в шестнадцатом веке, он был женщиной. Вот я и увидел то, что для нее было в жизни самым главным, то, что даже время не стерло — образы ее матери, мужа и ребенка. Ну и момент смерти.

Грех так говорить — но круто. Вот прямо круто.

Хотя вопросов теперь стало еще больше. Например — что я буду видеть, упокаявая более молодого призрака. «Молодого» — в смысле, не столь древнего как эти, не так давно умершего. Пару часов кряду смотреть кино под названием «И это все о нем»?

И сразу возникает следующий вопрос — вот на кой мне вся эта информация нужна?

Интересно, никак нельзя от нее абстрагироваться?

Сгусток тумана, колыхающийся совсем, рядом недовольно толкнул меня в грудь, как бы давая понять, что пора бы и им заняться. «Толкнул», конечно же, сказано слишком громко, я, естественно, ничего не ощутил, но посыл был именно такой.

— Давай, давай уже, — проворчал я и снова поднял ладонь.

Все случилось, как и в прошлый раз, только фотоальбом изменился. Точнее — первый фрагмент был похож, это снова была женщина в длинной рубаше, изукрашенной вышивкой. А вот потом все было менее лирично, чем у предыдущей тени. Пара стоп-кадров с перекошенными рожами в крови, фрагменты какого-то застолья, а после еще и женское лицо, с закрытыми глазами, капельками пота на лбу и закушенной нижней губой. Ну и как финал — поджарый усач в синем кафтане и с изогнутой саблей в руке, надо полагать, тот самый поляк, который четыре века назад убил сгусток тумана, колыхавшийся передо мной. При жизни это точно был мой брат по полу, причем он умел и любил пожить широко и весело. Был он не дурак подрасться, выпить, закусить и с девками поелозить. Я все-таки жизнь повидал, ясно же, отчего та красавица губу закусил.

— Лучше бы дальше здесь летал, — пробубнил вдруг лесовик от своей березы.

К чему он это сказал, я понял на секунду позже. Этот призрак не рассыпался росой, как предыдущий, его вдруг словно скрутила некая огромная рука, смяла, скомкала, а после вбила в землю у моих ног. Нет, никакой разверзшейся бездны, никакого разлома. Просто бесформенная масса тумана, причем уже не серого, а антрацитово-черного, впиталась в землю — и все. Даже мокрого места от нее не осталось.

А еще мое сознание зафиксировало короткий отчаянный крик. Совсем короткий и внезапно оборвавшийся. Как видно, перед тем как покинуть эту землю, бывшая бесплотная тень на секунду обрела понимание кто она и что она. И, возможно, осознала, каким будет ее конечный пункт прибытия.

Стало быть, за душой у этого бывшего человека не только пьянки и гулянки, а грехи посерьезней. Такие, за которые покоем не награждают.

Ясное дело, это только мои предположения, но думается мне, что так оно и есть на самом деле. Иначе как объяснить тот факт, что одна неупокоенная душа, как видно безгрешная, ну или не свинячившая в жизни сверх меры, стала росой, а вторая почернела и отправилась под землю?

Да и слова лесовика это подтверждают.

Блин, значит, все это тоже есть? Ну — ад, рай и прочие достопримечательности в стиле Данте Алигьери?

Не скажу, что я совсем уж скептик, или, того хлеще, атеист, но на подобные темы раньше особо не задумывался. Не моя это тематика, далек я от нее. Да что там — это сейчас вообще не очень принято. Нет, одно время была мода на посещение церквей, держание поста, освящение офисов и личного исповедника. Особо стильные дамы даже заводили себе брендовые косыночки от модельеров со сложносочиненными итальянскими именами специально для походов в храм Божий. Но это было давно, и вера уже вышла из тренда. Если же говорить конкретно обо мне, я и тогда этого не понимал, и сейчас не очень приветствую, несмотря на свое равнодушие к данному вопросу. Как по мне — отношения человека и Бога дело исключительно интимное, они не должны становиться темой для обложки глянцевого журнала или репортажа музыкального канала. Нашел человек в себе Бога — хорошо. Не нашел... Ну значит, не нашел. Может, еще сложится. А может и нет, поди знай. Все от тебя зависит. Но выносить это на публику, как по мне, не стоит.

Но, в любом случае, заветы веры соблюдать по возможности надо. Мы не знаем, что нас ждет там, за закрытой дверью. А если все это правда? Если там и в самом деле нас судить по делам нашим будут? Ну а вдруг? И что тогда? Переделать-то уже ничего нельзя, и никакой адвокат не поможет. Там все будет предельно просто и честно — вот твоя жизнь, те дела, которые ты в ней наворотил, и тот, кто будет решать, чего ты теперь достоин. По справедливости решать.

Кстати, мне теперь ТАМ ничего хорошего особо не светит. Если судить меня по божьим канонам, то я накосорезил по полной. Врать не стану, со словом Божьим я не очень знаком, но обрывков куцых знаний мне хватает для того, чтобы это понять. Судите сами — я свел дружбу с представителями языческих культов, промышляю магией и стремлюсь стать образцово-показательным специалистом в богопротивной отрасли. А если учесть мое профессиональное прошлое и настоящее, то все станет совсем печальным. Я банковский служащий. Мы прокляты изначально и по полной программе. Нам райских врат даже издали не видать.

Следующий туманный сгусток тем временем уже нетерпеливо колыхался рядом, ему не терпелось покинуть эту Землю. И все повторилось снова — удар по моему сознанию, женщина в «дольнике», смеющаяся девушка с толстенной косой, лица ребятишек и огненный росчерк сабли.

Стоп. А что такое «дольник»? Это слово мне незнакомо. Но при этом я точно знал, что та рубашка, которая была надета на женщине с первого фото, называется именно так.

Одна за другой тени то рассыпались на брызги воды, сверкающие в лунных лучах, то уходили в землю, напоследок оглушив меня воплем. Причем то место, где они в нее ввинчивались, становилось все темнее, трава на нем пожухла и выглядела так, будто уже пришел октябрь.

А еще становилось все прохладнее. Меня буквально трясло от холода, даже зубы лязгать начали, как в лютую стужу.

— Уффф, — потер я себя за плечи, когда последний туманный сгусток стал росой. — Задубел совсем. А еще говорят о глобальном потеплении. Август на дворе, а колотун, как зимой.

— Какой колотун? — тихонько засмеялся лесной хозяин. — Три недели дождей не было и ветра почитай, что совсем нету. «Вёдро» стоит. Это, парень, тебя та сторона привечает, там-то всегда стужа. Помнишь, как оно зимой случается? Ты дверь на улицу открываешь, так тебя непременно воздухом холодным обдаёт. В доме-то тепло, а там-то студено. Вот ты сейчас такую дверь и открывал, да еще много раз и без перерыва. Само собой, что до костей пробрало.

— Ух ты, — проникся я. — Вот ведь!

То ли растирание помогло, то ли я просто согрелся, но холод отступил.

— А вообще, ты поосторожней, — посоветовал мне лесовик. — Я останавливать тебя не стал, потому как у тебя своя голова на плечах есть, но на будущее запомни — силы надо соразмерять. Два с лишним десятка душ в один прием отпустить — это, знаешь ли... Та сторона хитра, только и ждет, когда ты ошибешься. Если кровь твоя остынет, душа замерзнет, она тут же это почувствует, и жди беды.

— Так подсказали бы, — я подошел к лесовику и присел с ним рядом. — Понятно, что у меня своя голова есть, но совет лишним не бывает.

— Вот и посоветовал, — невозмутимо ответил мне старик. — Как закончил, так сразу и посоветовал. А ну как ты бы взял и передумал, кого-то из них на потом оставил? У меня, парень, свой интерес есть, и он всегда будет выше, чем твой. Ты, к слову, это тоже на ус наматывай. Это у людей чужое выше своего, случается, стоит. «Общее дело» там, или «все как один». А у нас всяк кулик только свое болото славит. Мое — это мое, а твое — это твое. Сначала я свое должен получить, полной мерой, а уж после о твоём благе, может, подумаю. А может, и нет.

— Спасибо за науку, дедушка, — я передёрнул плечами, сбрасывая с себя остатки сонной изморози. — Запомню твои слова.

— Вот-вот, — лесовик сунул мне в руки круглый туесок. — На, костяники поешь. Она сейчас в самую силу вошла, и для тебя как раз очень полезна. Да что ты по одной в рот кладешь? Горстями загребай, как положено.

Не знаю, чем именно костяника для меня полезна, но употребил я ее с удовольствием. Вкус у ягод был терпкий и сладкий одновременно, чем-то напоминающий ночной лесной воздух.

— Дедушка, — спросил у лесовика я, прожевав очередную горсть ягод. — А что такое «дольник»?

— Сарафан так тут называли, — охотно ответил старик. — В старые времена, понятное дело. Как, стало быть, у девки кровя пошла, она из рубашонки дитячьей выскочила, так сразу в дольник влезла. Без вышивки, вестимо. С вышивкой только замужние бабы носили.

А «дольником» его прозвали, потому как подол низкий был, до «долу» опускался. Не след девке, а тем более замужней бабе, другим мужикам ноги свои показывать.

— Как все непросто, — не знаю, в который раз, сказал я. — Повидали бы наши предки, в чем мы теперь ходим.

Стало быть, не совсем бесследно исчезали тени. Я получил часть их знаний. Мизерную, копеечную — но получил. Хотя — даже не знаний, это я маханул. Слово «дольник» у меня в памяти осело и даже связалось с внешним видом одежды, но при этом само значение осталось загадкой. Это больше всего похоже на приобретение рефлекторных навыков, когда мозги не включаются и действие происходит на уровне мышечной памяти.

Ну и ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Березками тут все засажу, — вещал тем временем мечтательно лесной хозяин. — Под осень самое то. Хороший хозяин как раз об это самое время дерево сажает.

— А мои родители всегда весной деревья сажают, — удивился я.

— Весной тоже можно, — кивнул лесовик. — Да только тогда ему приживаться сложнее, сколько всего в земле ползает да вокруг летает. А зимой сок по стволу не идет, мороз же кругом, а корешку тепло, хорошо под снегом. Нет, осень — самое то, особенно для березки. Посажу да приглядывать буду. Лет через двадцать здесь от поляны и следа не останется, рощица будет.

Вот тут я и понял, почему этого странного старичка называют «лесной хозяин». Он хозяин и есть. Ему каждое дерево как родное, он его от рождения до смерти знает. Этот лес — он его жизнь.

Как он только нас, людей, терпит? Ведь ни один короед столько вреда его владениям не приносит, как мы.

Но поднимать эту тему я не стал. Себе дороже может выйти. Эти сущности, они ведь как стихия — никогда не знаешь, что им в голову взбредет. Людей можно хоть как-то разгадать, просчитать, нейролингвистически запрограммировать, в конце концов, а этих... Фига с два.

— Можно вопрос? — обратился я к старику, получил одобрительное сопение в ответ и продолжил: — Вот вы сказали, что, мол, «любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить». А это вы о ком речь вели?

— Да заходил ко мне один в гости, — насутился лесной хозяин. — Из ваших как раз. Когда это было-то? Еще до большой войны. Да не той, что с германцем, той, что с французом.

Много чего обещал, выпросил у меня «одолень-траву», а слово не сдержал.

Ну это он зря сделал. Хорошо хоть, что это было невесть когда, еще в первую Отечественную, срок давности преступления прошел.

Но, вообще, так не поступают. Зачем же наш цех так позорить и на весь ведьмачий коллектив пятно позора накладывать?

— Ладно, — лесовик встал с земли. — Пошли, что ли? Тебе поспать будет неплохо, да и у меня дел полно. На опушке детишки нынче костер вечером палили, надо проверить, загасили или нет. Да и парочки попугать охота, их в августе много ко мне в гости захаживает. Так, знаешь, весело на них филина напустить или кустами похрустеть! Девки визжат, боятся! Потеха!

Стоп-стоп-стоп. Было такое. Мы как-то со Светкой, моей бывшей, в лесу целовались, это еще до свадьбы было, в «конфетно-букетный» период. И так все славно складывалось, я уж было почти до намеченной цели дошел, а тут прямо над головой у нас сова заухала. Светка перепугалась до смерти от неожиданности и в поселок меня утащила. Ну и прахом все мои надежды пошли, пришлось еще две недели ждать, пока она у меня ночевать не осталась.

Так вот чьи это проделки были! Ну, старый... Пень!!!

Как видно, дед понял, о чем я думаю, больно у него ухмылка ехидная на лице гуляла.

Все по той же короткой тропинке мы добрались до того места, где лесная дорога превращалась в поселковую, и на прощание лесной хозяин мне сказал:

— Исполать тебе, ведьмак. Ты не думай, что я совсем уж неблагодарный, мне покон ведом. За добро, что ты мне сделал, при случае отплачу. Надо будет спрятаться от лихих людей — приходи, укрою так, что с собаками не сыщут. Трав каких или кореньев если захочешь у меня в доме собрать — милости просим. Ну и слово пушу о тебе, чтобы всякий лесной хозяин в наших краях знал, что ты не лиходея, вежеству учен и дело с тобой иметь можно. Но ты на это особо не рассчитывай, кланяться другим хозяевам хлебом да добрым словом не забывай. У нас ведь каждый сам за себя. Выслушать меня выслушают, но и только.

— Благодарю, — поклонился я лесовику. — Помог я вам по доброй воле, но от подарка такого не откажусь. Особенно от трав и кореньев. Не все купить можно, что-то надо будет самому добыть.

— Мандрагыр нужен, — ехидно сказал дедок. — Да? Мандрагыр? Ладно, приходи следующим летом, накануне летнего солнцестояния, покажу тебе место, где один зрелый

корень есть. Хороший корень, крепкий, толстый, знающая ведьма за него второй раз душу продаст, и даже в третий. Он под деревом растет, где века два назад одна девка удавилась от несчастной любви, так что сила в нем большая. Хоть травы кого, хоть от бесплодия бабу лечи — на все сгодится.

Вообще-то я о мандрагоре не думал, но от такого подарка не откажусь. Тем более, что этот корень от бесплодия лечит. Если эта штука на самом деле работает, то на ней большие деньги можно будет поднять. Ну если с умом подойти.

А что тут такого? Ведьмачье ремесло, между прочим, достаточно недешевое удовольствие, запасы Захара Петровича скоро иссякнут, а новые денег стоят. Так почему бы и не подзаработать?

Кстати, еще неизвестно, на чем мой покойный несостоявшийся учитель свои первые капиталы поднимал. Видел я его офис на «Чертановской», который он незадолго до смерти как раз достроил. Двадцать с лишним этажей, стекло, металл и парковка на полсотни авто. Цифру, в которую все это обошлось, мне даже представить затруднительно. Не знаю я таких.

Конечно, это все еще надо обмозговать как следует, с Вавилой Силычем посоветоваться, но почему бы об этом хотя бы не подумать? И чем я хуже матушек Агафий и потомственных колдуний Светозар?

Хотя следует не забывать и о том, что магические услуги — это тоже бизнес, со своими законами и подводными течениями. А любой бизнес всегда не любит тех, кто в него приходит незванным и пытается стащить с общего стола плюшку. Потому что плюшки на этом столе все уже посчитаны и поделены между едоками.

Обо всем этом я думал, уже распрощавшись с лесным хозяином, по дороге к дому. Где, кстати, меня поджидал изрядный сюрприз. А именно — мои старики решили не ждать завтра и приехали сегодня.

Экая досада! Не успел я сбежать. Теперь все. Утром, по холодку, мне не на автобусную остановку топать, весело присвистывая, а что-нибудь копать. Или таскать.

Так оно и вышло.

В то субботнее утро я испытал все радости сельского бытия. Я и копал, и таскал, и даже кисточкой успел помахать — мама заставила нас с отцом подкрасить хозблок. А под конец еще отправила меня выкидывать мусор.

Управился я аж в три ходки, всерьез заподозрив, что мама специально его копила в ожидании меня в каком-то замаскированном углу. Ну не могли мы столько отходов с батарй сегодня произвести. Ладно — банки из-под краски. Ладно, я слышал, как целкала сучкорезом мама. Но откуда эти ржавые металлические рейки?

Но основная неприятность поджидала меня рядом с нашим домом, когда я, потный, взъерошенный и злой, в третий раз возвращался от поселковой помойки.

Эта неприятность совершенно не изменилась за то время, что мы не виделись. Она была одета в сиреневый сарафанчик, вертела в руках букетик каких-то цветов и насмешливо глядела на меня тем самым взглядом, от которого когда-то я терял дар речи.

Моя бывшая жена, как всегда, была свежа, прелестна и голубоглаза.

И за словом в карман не лезла.

— Смолин, — удивленно и без какого-либо наигрыша произнесла Светка. — А я ведь своим глазам не поверила, даже очки мамины специально напялила на нос. Смотрю в окно — батюшки, мой бывший, как муравей, веточки на помойку тащит. Сопит, кричит, надрыгается, брюшком, отросшим от фаст-фуда, трясет. И откуда только здесь взялся? Ты же сюда уже несколько лет нос не кажешь, лишний раз со мной встречаться не хочешь. Вот ведь память. Ну было такое, сказал я ей при разводе, что вероятность нашей возможной встречи стремится к нулю, поскольку я теперь туда, где мы можем столкнуться даже случайно, носа не суну. А особенно на родительскую дачу. Я сам давно про эти слова забыл, а она — нет.

И нет у меня никакого брюшка. Это мой стабилизационный фонд.

— Маме-папе помогать надо, — по возможности независимо ответил ей я. — Они уже старенькие, сами не справляются.

— Саша, — в этот момент выглянула из калитки мама. — Давай не задерживайся, с отцом надо еще душевую кабину перевернуть. Он и сам справится, конечно, но ты подстрахуй. Ой, здравствуй, Светочка!

Мама не желала смириться с тем фактом, что мы развелись, и до сих пор лелеяла надежду на то, что все еще образуется.

— Здравьте, тетя Лена, — бодро ответила моя бывшая. — Он уже идет.

— Разговаривайте-разговаривайте, — тут же сменила тон мама. — Митя и сам все сделает, как-никак спортсмен бывший!

И калитка закрылась.

Я ждал очередной колкости, но ее не последовало. Светка стояла, молчала, смотрела на меня и вертела в руках свой букетик цветов.

Самое забавное — мне тоже ей сказать толком было нечего. Поначалу, как только развелись, я столько всякого передумал, а сейчас... В голову ничего не приходит. Нет, права Маринка. Мы с ней как-то у меня сидели, «мартишкой» баловались, и она тогда сказала, что встреча с бывшим — это как поход на кладбище. Стоишь над могильной плитой, думаешь о том, что не сделал, не сказал, не донес до человека, а изменить ничего нельзя. Все давно сгорело, превратилось в прах, ушло в землю, и ничего не осталось. А если даже и осталось, то применения этому не найдешь — человека-то уже нет. Все так, все верно. И сейчас тому есть прямое подтверждение, оно стоит напротив меня. Кстати — вот еще одно свинство этой ситуации. Ну почему мы с ней встретились именно сейчас, когда я лохматый, чумазый, в трениках и сланцах на босу ногу? Нет чтобы в городе, чтобы я в костюме дорогом был, и все такое. Ну как человек чтобы выглядел. Чушь какая в голову лезет.

— Н-да, — наконец сказала она. — Ты не изменился. Разве что расплнел. А так — все тот же. Никогда ты не умел в нужный момент найти правильные слова. Я уж не говорю о твоей патологической неспособности принимать мужские решения.

— Какой есть, — по возможности безразлично произнес я. — Другим не буду.

— В том и беда, — вздохнула Светка и повторила: — В том и беда.

— Не знаю, других во мне всё устраивает, — пошел я по-простому и банальному пути, то есть начал использовать обкатанные и проверенные поколениями мужчин фразы. — Это тебе все не так во мне было и не эдак.

— Смолин, вот какой же ты... — Светка, как видно, хотела поддержать нашу кинематографическую беседу не менее заштампованной фразой, но ей сделать этого не дали.

— Сашка! — донесся до меня чей-то голос, после мою шею обвили девичьи руки, а в щеку ткнулись мягкие губы. — Как же я соскучилась!

Глава 4

— Смолин? — удивленно подала голос Светка. — Это кто?

Кто, кто. Я и сам в первую минуту не понял, что происходит. Некому меня сейчас нежно лобызать, и скучать по мне тоже особо некому. Нет у меня ни с кем ничего такого. С Сашкой Вязьминой из операционного отдела нечто лирическое намечалось по весне, но потом это все сошло на «нет». Как ни крути, но служебные романы, пусть даже представителей разных банковских служб, к добру не приводят. Слухи, сплетни, советы, отдел по работе с персоналом... Короче, слишком много «нет» и чрезвычайно мало «да». В общем, переспали мы с ней пару раз, да тем и ограничились.

А уж о той девушке, которая меня сейчас обнимала, я даже и думать в этой связи никак не мог. Хотя бы потому, что она с пистолетом не расстанется и характер имеет такой, что даже мне, ко всему привычному, не по себе становится. Маринка — и та поспокойней и поуравновешенней будет, чем эта рыжая бестия.

Но не воспользоваться данной ситуацией было бы грешно. Хоть бы даже для того, чтобы умыть Светку.

— Женька! — радостно заорал я, и даже приподнял невысокую и легонькую сотрудницу отдела «15-К» в воздух. — Приехала!

— За тобой! — восторженно ответила Мезенцева, сверкнула зелеными глазами и лихо поцеловала меня в нос. — Я же говорю — соскучилась ужас как! Вот вообще!

Самое забавное — не врёт. Точно, за мной приехала. Понадобился я ей зачем-то. И не ей одной, вон у поворота знакомая до боли машина стоит. Не сомневаюсь, что в ней за рулем сидит еще один мой знакомый, тот самый, до которого я второй день дозвониться не могу.

— Ну не буду вам мешать, — чопорно сообщила Светка. — Рада была повидаться, Саша.

— А это знакомая твоя, да? — спросила Мезенцева, тут же подошла к моей бывшей и протянула ей свою ладошку. — Привет, я Женя.

— Добрый день, Женя, — почему-то помрачнев, потрясла ее руку Светка. — Рада знакомству.

— Я тоже, — бодро отозвалась Мезенцева и повернулась ко мне. — Слу-у-ушай, Саш, а тут есть где искупаться? Жара страшная, так хочется к воде — жуть! Да и позагорать было бы неплохо, солнце-то какое! А если еще и «тарзанка» есть, так это вообще отлично будет!

— Есть у нас тут озеро, — показал я рукой направо. — Можно сходить.

— Съездить, — Мезенцева потянулась, да так, что стало ясно — нижнего белья под майкой не было. Пистолета на поясе, я, кстати, тоже не заметил. Точно дождь пойдет, кончится на днях упомянутое лешим «ведро». Эта рыжая чертовка — и без «ствола». — Ходить — это долго. Я же на машине. А оттуда в Москву уже поедем. Ты же не против, солнце?

Выходные короткие, а у нас с тобой много разных дел накопилось!

Последние слова были сказаны таким игривым тоном, что у стороннего наблюдателя, вроде Светки, не оставалось сомнений, что речь идет о разнообразных плотских утехах. Но мне было предельно ясно, что в данный момент происходит предъявление счета за услуги, оказанные мне ее отделом.

Мезенцева повернулась лицом к Светке и, как видно, решив ее добить, попутно обняла меня за талию, после чего невинно поинтересовалась:

— А может, и вы с нами? Вы ведь с моим Сашей, я так понимаю, друзья с детства?

Вообще-то я жуткая собственница, но к дачным подружкам юности ревновать глупо. Где они, и где взрослая жизнь?

— Я его бывшая жена, — выдав улыбку, после которой мне стало не по себе, ответила ей Светка. — Это немного больше, чем подружка юности.

— А, понятно, — безмятежно ответила Женька. — Вы только не обижайтесь, но ключевое слово здесь «бывшая». Все уже в прошлом, потому не смотрите на меня так, как сейчас, хорошо?

— Как «так»? — я заметил, что Светка одной ладонью обхватила другую, это означало только одно — она уже «на взводе».

— Ну... — Мезенцева накрутила одну из своих рыжих прядок на палец. — Вам же Сашка был не нужен, верно? Я его у вас не отбила, не увела из-под семейного крова, а честно заполучила, когда он был ничейный. Он, кстати, и не сильно сопротивлялся.

— В последнее охотно верю, — заметила моя бывшая. — Это на него похоже — плыть по течению.

— Плыть! — страдальчески произнесла Евгения, после погладила меня по щеке, дернула за ухо и несколько раз ткнула кулачком в бок. — Хочу-хочу-хочу! Водная стихия — это мое, я по знаку зодиака «Рыбы». Светлана, так что, вы присоединитесь к нам?

— Воздержусь, — сообщила ей Светка, а после добавила: — Да и не слишком мне жарко.

После этого она повернулась к нам спиной и зашагала в сторону своего дома.

— «Спасибо» мне можешь не говорить, — с удовлетворением проследив за тем, как Светка захлопнула за собой калитку, сообщила мне Мезенцева. — Как мы ее, а? Согласись, я была чертовски органична в роли твоей девушки!

— Ну да, — без особого оптимизма признал я.

Вроде бы радоваться надо, многие хотели бы подобную свинью своей бывшей подложить, а мне почему-то невесело. Странное существо человек. Непонятное.

— А ты чего встал? — уперла руки в бока Евгения. — Давай-давай, суженый мой ряженный, собирайся. Время к вечеру, а нам в Москву еще ехать. На МКАДе знаешь какие пробки скоро будут?

— Знаю, — вздохнул я. — А без меня туда уехать никак нельзя?

— Саша, давай без банальностей, — попросила оперативница. — Без этих всяких... Ну ты понял. Все, мы тебя ждем в машине. Десять минут на сборы тебе за глаза хватит.

Ну десяти минут мне не хватило. Двадцати, ради правды, тоже. Как минимум половину этого времени я потратил на объяснения маме, почему Света даже не зашла к нам в гости, почему я не такой, как все, и почему не могу хоть раз засунуть свой поганый характер в свою же задницу, на пару с языком. Батя попытался встать на мою сторону, но быстро понял, что этот благородный порыв ведет к немалым убыткам, вроде лишения ужина и просмотра «Дачного ТВ» вместо телеканала «Весь футбол», после чего благоразумно убрался с линии огня.

И это ведь мама не видела финальной сцены с участием Мезенцевой. Страшно представить, чем бы все это кончилось, стань она ее свидетелем. Женька никак не подходит под образ «хорошей домашней девочки».

Нет, родители — это хорошо. Но только по телефону и не каждый день. Я вот за это лето что-то к ним зачастил, вследствие чего мама опять начала планомерную осаду на предмет устройства моей будущности. А ведь до того несколько лет жил спокойно, без всей этой родительской заботы.

Странно прозвучит, но вовремя Нифонтов пожаловал. Валить отсюда надо, пока не поздно. А то ведь к вечеру дело может и до лоботомии дойти. Проще говоря — мне все мозги вскипятят.

— Я не при делах, — сообщил мне Нифонтов, как только я плюхнулся на заднее сидение его машины. — Она сама инициативу проявила. Остановить, извини, не успел.

— В смысле? — устало спросил я, но после понял, о чем идет речь. — А, ты о представлении «Моя новая любовь». Ну да, вышло прямо как в сериале каком-то, вроде тех, что по дециметровым каналам крутят.

— Видел бы ты, как она на меня смотрела! — ткнула кулаком в бок Нифонтова Евгения — Слушай, Сашка, или я ничего не понимаю, или там еще чего-то тлеет. У нее в душе, в смысле. Хотя... Все от женщины зависит. Может, и нет у нее ничего к тебе, просто неприятно, что ты хоть кому-то понадобился. Такое тоже бывает. Мне вот на то, что там с моими бывшими, начхать.

— Откуда, интересно, у тебя «бывшие» возьмутся? — хмыкнул Нифонтов, заводя машину.

— Не поняла сейчас? — возмутилась Евгения.

— Чтобы были «бывшие», нужны хоть какие-то «нынешние», — пояснил Николай. — А я за два последних года ничего подобного не наблюдал.

Женька уставилась на него, потом на меня, поджала губы, сузила глаза, потом наоборот, широко-широко их раскрыла, набрала в грудь воздуха, выпустила его через рот, сложила руки на груди и демонстративно уставилась в окно, давая нам понять, что мы недостойны общения с ней.

— А как вы узнали, что это моя бывшая? — задал я вопрос, который меня крайне интересовал.

— На фотографии ее видел. Свадебной, — не стал скрывать оперативник. — Она в твоём деле есть. А Женька как-то сама просекла, у женщин на такое нюх. Как только я это подтвердил, она сразу рванула свое шоу устраивать.

О как. Уже и досье на меня сшили. И даже со свадебной фотографией внутри. Как, кстати, они ее заполучили? У меня самого-то ни одной нет, все у Светки остались. У родителей вроде есть, но вряд ли мама с отделом 15-К делиться ими будет.

— Я ему помочь хотела, — не поворачиваясь, сказала Евгения. — Как другу! Знала бы, Смолин, что ты такой гад, пальцем бы не шевельнула!

— Чего сразу гад-то? — удивился я. — Слова ведь не сказал.

— То-то и оно, — обвинительно заявила Мезенцева. — А где «Спасибо, Женечка»? Где «Ты актриса от бога»? Где: «Теперь я полностью счастлив?».

— Вы оба здесь, и я в вашей машине, — удержаться от сарказма было невозможно. — О каком счастье идет речь? Кстати, Николай, я тебе звонил не раз и не два.

— Телефон сел, — ответил Нифонтов, вырвав на Калужское шоссе. — И внешний аккумулятор тоже. Кое-кто слишком часто заряжал свой плеер. А еще этот кто-то утащил из бардачка USB-шнурок со словами: «Я до завтра возьму». «Завтра» было в начале лета.

— Ой-ой-ой! — так и не поворачиваясь к нам лицом, отозвалась Мезенцева. — Жадина!

— Саш, хочешь совет? — невозмутимо поинтересовался у меня Николай.

— Не откажусь, — отозвался я.

Ну а что, правда не откажусь. Он умный мужик, это я давно понял. Почему бы и не выслушать то, что он хочет мне сказать?

— Не ведись на то, что она тебе строит глазки, — без тени улыбки произнес Нифонтов. — А она это делает, как и всегда в таких случаях. Проблем не оберешься.

— Я? — наконец-то явила нам свой лик Мезенцева, причем был он возмущенным донельзя. — Ему? Вот этому вот... Вот этому? Глазки? Да какой он мне сдался?

— Ну да, ты прав, — признал я и хлопнул Нифонтова по плечу. — Проблемы не проблемы, но все-равно как-то неприятно ощущать себя «вот этим вот».

— Да тьфу на вас обоих, — сообщила нам Мезенцева и снова уставилась в окно, на этот раз, похоже, уже окончательно.

Я тем временем достал из рюкзака шнур USB и протянул его Нифонтову.

— Раз с этим разобрались, можно и к делу перейти, — оперативник поставил телефон заряжаться, а после чуть прибавил скорость, благо дорога, ведущая в столицу нашей Родины, была почти пустая. Вот оттуда — да, жуть что творилось.

— «За» обеими руками, — одобрил его слова я. — Особенно интересует то, с какой стороны вы меня к своим делам подтягиваете. Я вроде бумаг о содействии органам на постоянной основе не подписывал.

— А гражданский долг? — еле заметно усмехнулся Нифонтов — А сознательность? С ними у тебя как?

— Никак, — признался я. — Слышать о таком слышал, но в жизни не встречал. Не довелось.

— Давай зайдем с другой стороны, — предложил Николай, дождался моего кивка и продолжил: — Вот смотри. Мы все люди, все человеки, верно?

Ну вероятность увильнуть от помощи моим новым друзьям минимальна, но зубы показать все же стоит. Чтобы совсем уж бесхребетным меня не считали.

— Все — не все... — прищурился я. — Иные девушки и не совсем они.

Баммм! Это мне Евгения щелбан отвесила по лбу. И, главное, больно так!

— За что? — возмутился я.

— А то ты не понял? — в зеленых глазах плескалась... Нет, не злоба, а скорее — злорадство. — За «курица не птица, баба не человек».

— Да ты тут при чем? — изумился я. — Речь вообще о совершенно другой гражданке. Той, с которой я недели три назад на Белорусском вокзале познакомился.

— А, понятно, — покивал Николай. — Так себе ход, если честно. Слабенький. Но продолжай, интересно послушать.

В этот момент я почувствовал себя то ли дураком, то ли маленьким мальчиком, который подумал, что сможет всерьез насвинячить взрослому дяденьке. Елки-палки, мы с этим Нифонтовым почти ровесники. Ну сколько между нами разницы? Максимум года на два-три он постарше будет. А ощущение у меня иногда такое, что он умудренный жизнью старец, а я несмышлениш, который только-только начал голову держать.

Хотя в каком-то смысле так оно и есть. Много ли я смыслю в том, что для него повседневная реальность? Нет. А он варится в этом супе давно и, должно быть, повидал много такого, чего мне еще месяц назад даже в страшном сне не приснилось бы.

— Согласен, глупость сказал, — помолчав, признал я. — Не знаю, что на меня нашло.

— Это он про Людку, что ли? — уточнила у Нифонтова Женья. — Тоже мне, секрет. Про них весь отдел знает. И половина подмосковных ведьм тоже, ее в том году за порочную связь с «судным дьяком» чуть деревьями на две части не разорвали. Я еле-еле успела ее спасти.

— Ты? — хмыкнул Нифонтов. — Лично, поди?

— Ну мы, — поправилась Женья, услышала язвительное «да что ты» Нифонтова, и добавила: — Ладно, ты и Пал Палыч! Но отвязывала Людкины ноги от березы ведь я?

— Это было, — признал Николай.

— Слушай, Смолин, а ты мелочный тип, оказывается! — спешно начала переводить разговор в другую сторону Мезенцева. — Я-то думала, что ты если не принц, то хотя бы его лошадка, и тут такое разочарование! Фу-фу-фу!!!

— Не надо грязи, — попросил я.

Но, вообще, мне стало немного обидно. Да, я не принц, это так. Но и перегибать палку не стоит.

— Женья, человек просто хотел дать нам понять, что он воду на себе возить не даст, — пояснил девушке ее напарник. — И палец в рот ему класть не стоит. Так ведь, Саш?

— Именно, — не стал скрывать я. — Только как-то это криво получилось. Некрасиво.

— Косо, жалко, убогенько, — начала загибать пальцы на руке Мезенцева. — Не делай так больше, Смолин, а то потеряешь свое золотое место в моем сердце!

— А оно есть? — изумился я.

— Место? Пока да.

— Сердце, — уточнил я.

— А вот это можно и зачесть, — одобрительно заметил Нифонтов. — Это уже неплохая шутка. Вон, видишь, она надувается, как лягушка? Сейчас орать будет. Значит, это ты ее удачно уколол.

— Чихала я на вас обоих, — с достоинством сообщила нам Евгения. — И вообще, давай займемся делом, хватит упражняться в остроумии.

— Вот это правильно, — поддержал ее я. — Хотелось бы узнать, какого лешего вы меня с дачи похитили?

— Если среди твоих знакомых есть ведьмак, который связан с «той стороной», то это грех не использовать в своих интересах, — без тени смущения сообщил мне Нифонтов. — Точнее — в казенных. Есть работенка по твоему профилю.

— Начинающий ведьмак, — уточнил я. — Практически свежее испеченный. И сразу хотелось бы уточнить — вы вот так меня постоянно с собой таскать станете? Если да, то, может, лучше меня вовсе зачислить в штат вашей... Э-э-э... Организации?

— Размечтался, — фыркнула Мезенцева. — В штат он захотел!

— Это была ирония, — любезно поведал ей Нифонтов. — Александр так шутит.

— В каждой шутке есть доля правды, — тут же сообщил ему я. — В данном случае эта доля касается частоты моего участия в делах вашего отдела. Врать не буду, в том случае, если я прав, то перспектива так себе. Не то чтобы я был против помогать органам правопорядка, но у меня ведь и своя жизнь есть. Работа, опять же.

— Не волнуйся, не будем мы тебя постоянно дергать, — успокоил меня оперативник. — Просто такая ситуация сложилась. Ну вот нужен нам тот, кто может одну душу разговорить. У нас, конечно, есть свои способы узнать необходимую информацию даже у тех, кто обитает по ту сторону бытия, но в данном случае без тебя не обойтись. А

информация нужна позарез. Люди умирают, Саша. Уже четверо на тот свет отправились. Четверо. Это много.

— Ну раз так, — я почесал затылок. — Тогда конечно, о чем речь.

Шутки шутками, но не совсем же я урод моральный, правда?

— Вот и славно, — одобрительно произнес Николай. — Тогда давай я тебе коротенько все изложу. Неделю назад в Южном порту был убит человек. Не скажу, что в этом есть нечто удивительное, люди гибнут в нашем городе с завидной постоянностью, мегаполис же. Но, согласись, не у каждого вырывают сердце. Не вырезают, а именно вырывают, перед этим разворотив грудную клетку так, что даже меня проняло.

— И меня, — добавила Евгения, не поворачиваясь к нам.

— Согласен, не каждый раз, — кивнул я — А что потом?

— Через два дня был убит второй человек, там же и так же, — продолжил Нифонтов. — Что примечательно — в обоих случаях само сердце обнаружено не было.

— Я предположила, что это резвится гуль, — азартно сопя, сказала Женья.

«Гуль». Это что-то из фэнтези. У Говарда я про этих гулей читал вроде, в «Часе дракона». И в «Сверхъестественном» они упоминались. Они то ли оборотни-каннибалы, то ли разновидность вурдалаков.

Надо будет в Википедии посмотреть, как они выглядят. Новые знания лишними не бывают.

— Ну да, в общем-то, похоже на гулей, но только на первый взгляд, — помолчал, продолжил Нифонтов. — Есть некоторые нестыковки. Гуль сожрал бы не только сердце, но и печень. А еще череп бы жертве вскрыл, чтобы мозгом полакомиться. Но тут ничего подобного.

Меня замутило от той простоты и деловитости, с которой он говорил. А еще захотелось выпрыгнуть из машины, пусть даже она мчится полным ходом, и скрыться в жиденькой лесополосе, что мелькала за окном. А после сбежать куда подальше от этой парочки.

— Как ты уже понял, двумя смертями дело не закончилось, на сегодняшний день в активе неизвестной твари уже четыре трупа. Последний совсем свеженький, датирован этой ночью. — Николай наконец проявил хоть какие-то эмоции и досадливо прихлопнул ладонями по рулю. — Самое поганое, что мы могли эту пакость прихватить нынче же ночью, если бы не одно «но». Пока мы ждали ее в одно месте, человека убивали совсем в другом.

— Не поверишь, Саш, нас надул призрак, — стягивая волосы в «хвост», сказала Евгения. — Сволочь такая!

Я ничего на это не ответил. Я офигевал от услышанного.

— Жень, не беги впереди паровоза, — попросил напарницу Нифонтов. — Понимаешь, Саша, свидетелей произошедшего не было. Да оно и не удивительно. Южный порт по размеру территории как пять Люксембургов. Или даже больше. Ангары, склады — черт ногу сломит. И потом — люди, которые там работают, вообще не склонны совать нос в чужие дела. Знаешь, это как в Вегасе — что там происходит, то там и остается. В старые времена, может, и по-другому было, но последние десятилетия даже рьяных общественников перековали.

— Но про покойников-то вы как-то узнали? — возразил я.

— Не путай, — осадил меня Нифонтов. — Речь не о том, что там всё скрывают, в том числе и преступления. Это бизнес, Саша, никто ничем подобным заниматься не станет.

Естественно, при обнаружении мертвого тела была вызвана полиция, следом за ними примчались комитетские и так далее, по процедуре, включая «групповозку». Конечно, подобные места — некие анклавы, со своими многолетними сложившимися внутренними порядками и традициями. Но это же не «Черкизон», в Южном порту работают законопослушные люди, там есть охрана, дирекция и все остальное, что должно быть. Короче — свидетелей убийств не было. Кроме одного.

— Того самого призрака, который вас надул? — резонно предположил я.

— Именно, — вздохнул Николай. — Его присутствие уловила Виктория, одна из наших сотрудниц. Вообще-то она у нас больше по заклинаниям, но и в других областях кое-что смыслит. Мало того — она умудрилась даже его разговорить, и он вроде как пошел на контакт, вызвался помочь. Но вот только в результате закончилось это печально.

— Проще говоря — он нас поймел, — просто и безапелляционно сообщила Мезенцева. — В переносном смысле, конечно, но при этом крайне жестко.

— Мы могли бы справиться с ним сами, — продолжил Николай. — У нас есть способы и заставить его говорить, и просто уничтожить, но это потребует времени. И, не стану скрывать, ресурсов. Чтобы его поймать, а после выжать из него правду, Вике придется рисовать крайне сложный каббалистический круг с символами и использовать заклинания, которые изначально противны человеческой сущности. И это при том, что она еще до конца

не отошла от предыдущей беседы с этим красавцем. Просто призрак там старый, а потому сильный. Из тех, что не развоплощаются с годами, а, наоборот, матереют.

Это да, это встречается. В большинстве своем неупокоенные души со временем превращаются в безликие тени, вроде тех, что я вчера отпускал на волю. Но бывают и такие, которые, напротив, как бы обретают вторую жизнь. Загробную. Как и в первом случае, в них от изначальной личности остается не так уж много, но зато выковывается новая, вбирающая в себя при этом все те скверные качества, которые были свойственны покойному при жизни. Собственно, все злобные привидения из фильмов ужасов и сериалов на мистическую тематику списаны как раз с таких существ. Мне про них лесовик из Лозовки много рассказывал. У него один такой призрак почти век в осиновой роще обретался, клад охранял, и попутно свиньям всем, кто попадал в зону его внимания. И так он лесному хозяину за это время надоел, что тот в результате навел на этот клад какого-то мимохожего колдуна, который зловредного призрака и изничтожил.

Но если это похоже на правду, то в остальном услышанном мной как-то очень много неувязок. Чересчур. Не думаю, что так уж сложно нарисовать этот самый круг с символами. Да и кое-что другое меня смущает.

— Слушай, чего-то не понимаю, — помотал я головой. — Как-то непонятно выходит. Ты же тоже можешь видеть умерших? Помнишь, на кладбище, когда мы к тамошнему Хозяину ходили? Ты черта, что у нас проводником был, зрел не хуже меня. И общался с ним. Даже сделку тогда заключил!

— Так он был не против того, чтобы я его видел, — пояснил Нифонтов. — Вспомни — он сам этого хотел. И потом — это кладбище. Там действуют другие законы не-жизни, за соблюдением которых внимательно следит Хозяин. А здесь — город. Это, брат, совсем другая сказка. Тут все по-взрослому.

Отмазка, признаемся, сомнительная, но при этом звучит формально допустимо. Интересно, вот зачем ему все это? Явно ведь дело не только в пресечении преступления, хотя, само собой, это имеет место быть? Может, не хочет своих коллег подставлять? Или хочет на меня еще разок поглядеть в экстремальной ситуации? Не знаю, что из этого верно.

Но вписываться придется. И должок, повторюсь, за мной, да и полезен этот Нифонтов мне в будущем может быть. Мало ли как оно повернется?

И, если уж совсем честно, у меня внутри появился некий азарт, до того мне совершенно несвойственный. Я, как и всякий порядочный клерк, давно усвоил простую истину: «Не суйся в мутные темы, если не хочешь найти на свою задницу проблемы. Ну или делай это за большие деньги, заранее оформив „штенген“». Больших денег мне никто никогда не предлагал, а потому я никогда не лез в дела, от которых пахло риском, нестабильностью и возможными проблемами.

Здесь три этих запаха сплелись в один мощный аромат, причем самого главного компонента, который мог бы подвести под это предприятие хоть какое-то логичное обоснование, здесь не было. Проще говоря, я нарушал все правила, по которым жил последние годы.

И мне отчего-то это даже нравилось. Может, дело в том, что это все было настолько не похоже на то, как я жил раньше?

— А от меня-то что требуется? — задал вполне резонный вопрос я.

— Эй, приятель, кто-нибудь дома есть? — перегнувшись через сиденье, постучала мне по лбу Мезенцева. — Нам надо, чтобы ты вытряс из тамошней нежити все подробности произошедшего. И я говорю не о том, кем он был до смерти и прочих пикантных подробностях его бытия, а о том, что он видел за последнюю неделю. Уверена, этот поганец все знает.

— Редкий случай, — заметил Нифонтов, сворачивая на развязку, ведущую на МКАД. — Нечасто в том потоке сознания, который, как правило, льется из моей напарницы, проскальзывает хоть что-то рациональное. В принципе, все верно. Что знает по этому делу он, должны знать мы.

— И как вы себе это представляете? — совсем уж опешил я. — Мне что, брать призрак за грудки и трясти, пока он не выложит все правду?

— Понятия не имею, — как-то даже весело ответил мне Нифонтов. — Кто из нас ведьмак — ты или я? Может, так, может, как-то по-другому. Главное — результат. Надо это дело пресекать, и срочно. Четыре одинаковые смерти — это почти «серия», скоро в Южном порту будет не протолкнуться от наших коллег и, что хуже, от журналистов. Работать будет положительно невозможно, потому все надо закончить быстро, лучше всего — сегодня. Плюс еще один нюанс — кто бы это ни был, действует он нагло, не сказать — бездумно, а значит, останавливаться и не подумает. И если следующей жертвой станет журналиста или кто-то из наших, вой поднимется до небес.

— Ровнину еще после третьей смерти кто-то звонил «сверху», — добавила Евгения. — Он очки после этого разговора постоянно с носа снимал и усердно тер тряпочкой. Те уже блестят, как у кота шарундулы, а он все трет и трет.

— Вот, — назидательно произнес Нифонтов. — Значит — плохо дело. Значит, присели ему на мозг неслабо.

Ровнин. Это их начальник, я помню эту фамилию, ее тогда на кладбище тамошний служитель упоминал.

— В общем — думай, — посоветовал мне оперативник. — Или покемарь маленько. Время есть, нам стоять теперь — не перестоять.

Это да. Мы влипли в пробку на МКАДе, которая, как известно, не имеет ни начала, ни конца. Потому что эта дорога кольцевая.

Кстати, мне мой родитель рассказывал, что в бытность свою юношей, то есть каких-то три десятка лет назад, он частенько шастал из родного Теплого Стана в сопредельный Мосрентген, который славился красотой проживавших там девушек. Так вот, он пересекал МКАД туда-обратно, даже не вертя головой по сторонам. Тогда по нему проезжали три машины в час, не более. И никаких тебе «отбойников», надземных переходов и всего прочего.

Благословенные времена.

Самое забавное было в том, что, поразмышляв над причудами недалекого прошлого, я и в самом деле уснул. Физический труд на воздухе и неслабые эмоциональные всплески сделали свое дело.

Когда я проснулся, МКАДа за окном машины уже не было. Зато наличествовали сумерки, а также какие-то ангары, краны и прочая экзотика, которую в мегаполисе можно увидеть не всегда и не везде.

Мы прибыли в Южный порт.

Глава 5

— Приехали? — поинтересовался я, зевнув.

— Проснулся? — повернулся ко мне Нифонтов. — Как раз вовремя. Кофе хочешь? У меня еще полтермоса этого дела имеется.

— Нет, — помотал головой я. — Не любитель. Чайку бы выпил с удовольствием, а кофе не люблю. Он горький. Пью по необходимости, но сейчас не тот случай.

— Если исходить из подобных вкусовых пристрастий, то ты и водку любить не должен, — заметила Евгения. — Она тоже не сильно вкусная.

— Так я и не люблю, — потянулся я. — И коньяк не жалую.

— Станный он, — обращаясь к напарнику, ткнула в мою сторону пальцем Мезенцева. — Кофе не пьет, водку не пьет, меня за задницу тогда не схватил, хотя возможность была практически легальная. Коль, стоит ли ему доверять?

— Если вопрос только в этом, я могу тебя за задницу прямо сейчас потрогать, — предложил я. — Нет проблем. А если пообещаешь по лицу меня не бить, то и за другие выпуклые части твоего трепетного юного тела. Это я всегда готов.

— Мяч на его стороне поля, — засмеялся оперативник. — Жень, парируй, отстаивай честь отдела.

Мезенцева подумала, почесала нос и показала мне язык.

— Тоже аргумент, — признал я. — Ладно, шутки шутками, а дело делом. Я так понимаю, нам вот в этот ангар надо?

То, что уродливое здание, рядом с которым стояла наша машина, являлось местом преступления, догадаться было несложно, больно много там было полосатых лент, которыми с недавнего времени, по примеру иностранных коллег, начали пользоваться наши органы правопорядка. Мол — «стой, здесь недавно кого-то убили».

— Ну да, — подтвердил Николай. — Но если напрямому, то я толком даже не представляю, где искать этого неприятного духа. Есть у меня подозрения, что тут вся территория его владения, и он по ночам всю ее дозором обходит, как Мороз Воевода из стихов поэта Некрасова.

— Оптимистично, — вздохнул я.

— Я так думаю, он учует, что ты здесь, — на этот раз совершенно серьезно сказала Женья. — И непременно придет на тебя посмотреть.

— Согласен, — поддержал ее оперативник. — Про что-то такое мне одна из наших сотрудниц рассказывала. По сути своей, призраки вообще-то практически лишены

человеческих чувств как таковых. Но вот себе подобных или, того хуже, тех, кто пришел по их душу, они чувствуют будь здоров как.

— Каламбур, — хихикнула Мезенцева. — Души чувствуют тех, кто пришел по их душу.

— Этому каламбуру сто лет в обед, — сообщил ей Нифонтов. — Кстати, еще старые призраки, те, что задержались на Земле и очень не любят живых, обожают эманации страха. Думаю, они их как-то улавливают, и им эти ощущения очень нравятся.

— Говорили мне про такое, — подтвердил я. — Человеческий страх для них, как для нас хорошее вино. Он их бодрит, и на мгновение создает иллюзию того, что они живы.

Мне про это русалки рассказали, между прочим. Они же тоже в каком-то смысле призраки. Не такие, как прозрачные тени в лунном свете, но тем не менее. Нежить, говоря по-простому. Нет в них жизни, а то, что есть, это одна иллюзия. И самая большая радость для них — забыться на дне водоема сном, в котором они снова будут живыми и настоящими, увидеть в нем лица тех, кто им когда-то был дорог, и ощутить внутри себя токи крови.

А чтобы получить эту награду, им надо забрать чью-то жизнь.

Вот и у призраков так же. Напугал кого-то — насытился его страхом. И вот тут-то в действие вступает абсолютно людская схема, которую бабушки у подъезда, созерцая помятого мужичка, утром бегущего в магазин, называют просто и емко: «Совсем спился». Сначала призраки не хотят никого пугать, навещая бесплотными тенями дома родных и близких, но раньше или позже их кто-то замечает, и, что вполне естественно, изрядно пугается. Ну вот не любим мы, люди, визитеров с той стороны. Страшит нас Смерть в любом облики, напоминает о собственной бренности и о том, что нас ждет после того как... Ну вы поняли?

Ощувив нечто, что напомнило ему о прошлом, призрак начинает экспериментировать и со временем неминуемо входит во вкус. Как пьяница или наркоман, он существует от дозы до дозы. И чем сильнее человеческий страх, тем большее удовольствие он получает, потому и выходки его раз от раза становятся все страшнее и опасней для людей.

Души, как верно было замечено, у души нет, остатки последних сдерживающих социальных факторов исчезают с распадом личности, бояться призраку нечего — все плохое, что с ним могло случиться, уже случилось. Он мертв, и его не приняли ни наверху, ни внизу. Более того — теперь ему совершенно непонятно, есть ли там что-то вообще. В той жизни говорили, что есть, и в свете этого требовали соблюдения неких нравственных норм, но, судя по нынешней не-жизни, выходит, что он никому не нужен. И еще — что ему ничего не грозит. Нельзя убить того, кто уже мертв.

По крайней мере, так думают они. Все-таки это бывшие люди. А людям свойственно полагать, что им известно все на свете. Но это не так.

На чужие беспризорные души всегда найдутся охотники. Есть колдуны, которые их заставляют служить себе с теми или иными целями, есть нечисть, которая всегда найдет применение бесхозному добру. Да и ведьмы тоже своего не упустят.

И это только те, кого мне назвали русалки. Думаю, есть и другие любители душеловства. Жалко только они не объяснили мне, как именно, например, те же колдуны заставляют души себе служить. В смысле — технологически, от начала до конца, от поимки призрака до его разжалования из своих слуг.

И что вообще они ему поручают? Подслушивать? Подглядывать? Или чего похлеще?

А главное — как именно они их умудряются привязывать к себе? У любого, кто служит, что в обычном мире, что в этом, есть некий стимул. Ну или мотивация. Без нее никак.

Вариантов этой мотивации немеряно — деньги, карьера, разные материальные блага, доза наркоты, три хрестоматийных щелбана по лбу служителя культа.

Но тут-то что? Какой интерес может быть у бесплотного существа, которое все, что было, оставило в прошлом?

Я, конечно, выдвинул тогда на берегу несколько версий, но ответа от русалок не получил. Они посмеялись, грудями потрясли, но сказать ничего не сказали. Так до сих пор и не знаю — угадал, не угадал.

Впрочем, не сильно и расстроился по этому поводу. Я не спешу, времени у меня много. Раньше или позже все равно узнаю. Опытным, так сказать, путем.

Пока я вспоминал и размышлял, Нифонтов, кстати, говорил практически про то же самое.

— Страшен не тот призрак, который в темноте по квартире ходит, — вещал он. — Это-то ладно. Неприятно, но что уж теперь. А вот те, которые ощутили эманации человеческой смерти — вот это беда так беда. Это как хищники в живой природе. Если тигр раз мяса человеческого поел, то все, его непременно отстреливать надо. Для него теперь человек самая желанная дичь. Вот с призраками так же. Если перешел он грань, то хочешь не хочешь, надо на него охоту устраивать. А знаешь, как трудно старого сильного призрака упокоить? — Не знаю, — честно ответил я.

— Очень. — Николай открыл дверь машины. — Я бы сказал — крайне. Теперь, правда, попроще будет, теперь у нас ты есть.

— У себя, — мягко произнес я, тоже выбираясь из салона.

— В смысле? — Нифонтов приложил ладони к пояснице и наклонился назад. — Уффф, хорошо!

— Я не у вас, — спинным мозгом чую, что все-таки размежевание интересов неминуемо. Если их сейчас не осадить, то запрыгнут они мне на спину и поедут. — Я у себя есть. Просто как-то не очень правильно выходит. В отдел к себе вы меня брать не хотите, а припахивать, похоже, собираетесь с завидной периодичностью. Коль, без обид, но прозвучало это именно так.

— А ты очень хочешь к нам в отдел? — прищурился оперативник.

— Боже сохрани! — замахал руками я. — Это так было сказано, для примера. Просто дружба дружбой, должок должком, но всегда есть некая реперная точка, под которой висит табличка «Грань между „надо“ и „хочу“». Ты же понял, о чем я говорю?

— А зубки-то у него есть, — с непонятной интонацией произнесла Мезенцева и хлопнула меня по спине. — Хоть и новорожденный ведьмачок, а гонор уже прорезался.

— Не в гоноре дело, — повернулся к ней я. — Профессиональная привычка, знаешь ли. Договариваться об условиях сотрудничества, а также проговаривать права и обязанности сторон всегда надо «до», а не «после». Это азы.

— В накладе не останешься, — без тени улыбки сказал Николай. — Если надо будет заплатить — мы заплатим.

— Не надо вот этого всего, — попросил я его. — Сейчас не о деньгах речь идет.

— Хорошо, — возможно, мне показалось, но некий ледок, появившийся было в его голосе, пропал. — В любом случае, мы всегда найдем пути разумного компромисса.

— Ты, главное, покажи, что вообще на что-то годен, — бросила мне Мезенцева, натягивая куртку. — А то, может, ты вовсе «пшик» и все. Так, муляж.

По-моему, я все-таки потерял свое золотое место в ее сердце. Максималистка она, похоже. Да и черт с ней. Моя задача сейчас дать им понять, что в обозримом будущем нельзя будет поступать так, как сегодня. То есть приезжать тогда, когда им этого захочется и тащить меня с собой невесть куда. Как минимум надо будет перед этим позвонить и поинтересоваться моим мнением на этот счет.

— Коль, еще один вопрос, — обратился я к оперативнику, который как раз щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. — Помнишь, ты мне обещал подогнать книгу нашего общего друга?

— Какую книгу? — удивился Нифонтов. — Какого друга?

— Который на кладбище в канаву свалился и там шею свернул, — пояснил я.

— А, ты об этом. — Николай затаился сигаретой, а после ловко выпустил кольцо дыма. — Увы, дружище, увы. И рад бы тебе ее отдать был, да только к нам в руки она не попала. В офисе мы ее не обнаружили, хоть и перерыли в его кабинете все. Мы тогда СК на «хвост» сели, с ними в здание прошли. И в особняке его загородном тоже ничего не нашли. Я так думаю, у него где-то еще «лежка» была оборудована. Но где — фиг знает. Повторюсь — мы не нашли. Кабы еще его слугу прищучить и разговорить, то был бы толк, но и его тоже никто не видел. Как в воду канул.

— А мне кажется, что он умер после смерти хозяина, — неожиданно вступила в разговор Мезенцева. — Ведьмак сильно старый был, вот слуга с ним и сроднился до такой степени, что не пережил его гибели.

Как по мне — чушь полная. Погоревать слуга после смерти хозяина, конечно, может, Родька вон тоже сначала за Захаром Петровичем сильно убивался. Но умирать по этому поводу он точно не станет. И меня он тоже переживет.

Но вслух я этого говорить не стал. Не стоит расширять трещину, которая образовалась между мной и рыжей оперативницей. Я всегда исхожу из того принципа, что в этой жизни по возможности не стоит портить отношения с людьми сверх меры. Никогда не знаешь, как оно все дальше повернется, и кто когда тебе понадобится сможет. Ты сегодня с кем-то поругался, а завтра он окажется тем единственным человеком, который сможет тебе помочь. И что тогда делать?

Вот то-то и оно.

— Какой феерический бред, — сообщил напарнице Нифонтов. — Жень, поменьше романтики. Ну или выплескивай ее в другую область, что ли? Роман вон напиши, про дракона, принца и грудастую второкурсницу из нашего мира, которая к этим двоим попала и в обоих влюбилась, а после на «Самиздате» его выложи. И назови как-нибудь эдак... Ну я не знаю... «Между драконом и принцем».

Я не удержался от смешка, и заработал еще один неприязненный взгляд зеленых глаз Мезенцевой.

— Ладно. — Николай бросил окурок на асфальт, растоптал его носком черного кроссовка и глянул на звездное небо. — Однако почти ночь. Пошли сначала в этот ангар, есть причины, по которым именно с него стоит начать. Опять же — вдруг Женька права, и он притащится просто на тебя посмотреть? Ну а если до полуночи он не заявится, вызвоним Викторину, пусть она нам поможет.

— Лучше бы без нее обойтись, — высказала пожелание Мезенцева. — Я себя в ее присутствии не очень хорошо ощущаю. От Вики постоянно холодом веет, будто она вся изнутри промерзла. И слова доброго не дождешься. Да и вообще хоть какого-то. Только по работе если что скажет.

— Зато ты за двоих языком мелешь, — справедливо отметил Николай, а после сказал мне: — Вот, а ты еще к нам работать хочешь идти. Оно тебе надо?

— Не надо, — заверил его я. — Теперь уж точно. Пошли уже в ангар, а? Неуютно мне как-то.

И это было правдой. Не знаю почему, но я ощущал себя приблизительно так, как в свое время на корпоративе, когда меня на сцену вытащили, речь от отдела финансового мониторинга говорить. Ты на сцене стоишь, а на тебя все смотрят.

Хотя кто тут на меня глазеть мог — понятия не имею. Вокруг ни души, и в ангарах с окнами тоже никак.

Нифонтов, услышав мои слов, мигом посерьезнел и обвел взглядом окрестности.

— Вроде никого, — негромко сказал он мне. — Но даже если мы ничего не замечаем, это не означает, что дело обстоит именно так. Женья, страхуй нашего друга со спины.

— Все как всегда, — отозвалась Мезенцева. — Ты впереди, на лихом коне, а я, так сказать, в этой самой. Со спины страхую.

— Господи, — снова уставился в небо Нифонтов. — Ты хоть знак подай мне, разъясни непонятливому — вот в чем я так перед тобой провинился?

— Если покопаться в твоём прошлом, то найти можно, — уверенно заявила Евгения. — Как и у любого из нас. Ну кроме меня, разумеется.

— Саш, скажи, а вам в службу безопасности сотрудники не нужны? — направляясь к двери ангара, на ходу спросил меня оперативник. — Я просто знаю одного хорошего парня, с образованием, с опытом работы в государственных структурах.

— Без понятия, — отозвался я. — Но могу узнать, если хочешь.

— Если ты из отдела сбежишь на частные хлеба, то я тебе во снах являться буду, — пообещала Нифонтову его напарница. — Каждую ночь. И не голенькой, как бы ты того хотел, а в виде немого укора. Вот так буду на тебя смотреть, и еще пальчиком укоризненно грозить. Ты меня знаешь, я заморочусь, но способ, как это сделать, найду. А если погибну, по причине того, что меня никто не подстраховал, так и в виде бестелесной сущности начну приходить. Век не отвяжешься.

— Язык прищепи! — уже не в шутку рассердился оперативник и сорвал с двери бумажку с синеющей на ней печатью. — Думай, что мелешь! И в чьей компании!

Мезенцева несколько раз хлопнула себя ладонью по губам и виновато потупилась.

Интересно, он под словом «компания» имел в виду себя или меня? Если меня — то это даже как-то очень обидно прозвучало.

Внутри ангар был еще неприглядней, чем снаружи, это я оценил сразу после того, как Нифонтов, войдя внутрь, дернул какой-то рубильник на стене, после чего зажглись тускловатые лампы. Хотя — это же не коттедж и не офис, а складское помещение, причем практически пустое. Только в центре была свалена куча частично поломанных деревянных поддонов из тех, на которые грузят плитку, стройматериалы и вообще что угодно, да по углам стояли какие-то металлические стеллажи. И все.

Впрочем, нет, не все. Неподалеку от груды поддонов, на полу я сразу заметил некий рисунок, который здорово смахивал на те, которые в сериале «Сверхъестественное» братья Винчестеры то и дело рисуют. Ну, круг и в нем куча непонятных завитушек, вроде как магических символов.

Сдается мне, именно на это творчество народов мира та самая Виктория, которую то и дело поминают мои спутники, приманивала местное привидение. И приманила, судя по тому, что круг выглядел частично выгоревшим изнутри.

Стало быть, соврал Нифонтов. Он-то говорил, что, мол, не хотят они с этим связываться. На деле же вон, все в наличии.

А еще тут обнаружилось неприятно выглядящее бурое пятно, в котором я без особых сложностей опознал засохшую кровь. И, судя по размеру этого пятна, она просто-таки хлестала из того, кого здесь препарировали. Хотя как оно по-другому может быть? Если человеку варварским способом в бытовых условиях вскрывают грудную клетку, то огромная кровопотеря неизбежна. Равно как и летальный исход.

Не могу сказать, чтобы я запаниковал, увидев всю эту красоту, но оптимизма мне она точно не добавила. Хоть я и заматерел маленько за последние месяцы, но привыкнуть ко всему этому окончательно довольно сложно.

— А почему мы пришли именно в этот ангар? — спросил я у оперативника, который стоял рядом с магическим символом и что-то пытался в нем рассмотреть. — Здесь убили последнюю жертву?

— Первую, — откликнулся Нифонтов. — Тут все началось.

— Не вижу логики, — почесал затылок я. — Разумнее было бы идти туда, где нашли последнюю. Так сказать — по свежим следам.

— Недопонимаешь, — возразил мне Николай. — Первая кровь всегда самая сильная. Ясно же, что это не гуль какой-нибудь орудует, что убивают людей не ради еды или удовольствия, а с какой-то четкой целью. Скажу больше — это, вероятнее всего, часть обряда или ритуала. А в них первая и последняя кровь самые сильные и знаковые. И, как правило, проливают их в одном и том же месте.

— Еще бы понять, что за ритуал, — вздохнула Евгения. — Тогда все намного упростилось бы.

И вот как только она договорилась, я услышал сиплый звук, раздавшийся из дальнего и темного угла ангара. Старческий такой, деды, которые летом на лавочке у нашего подъезда «козла» забивают, подобным макаром то ли кашляют, то ли смеются.

А вот мои спутники ничего не услышали, это точно. Николай — тот воплощенное хладнокровие, он мог бы и вида не подать, но не Евгения. Она бы завертелась, как юла, и начала за кобуру хвататься.

— Надо же, — громко сказал я, стараясь не смотреть в тот угол. — Никогда бы не подумал. Мне казалось, что в ритуале главное не то, когда и где кровь пролили, а то, что это произошло.

— В серьезном ритуале все важно, — мрачно ответил мне Нифонтов. — Ну а если он из тех, что связаны с призывом каких-то сущностей, которым на нашем плане бытия вообще не место, то особенно.

— Что бы ты понимал в призывах сущностей! — услышал я голос, причем глумливый донельзя. — Сопляк! Не можешь отличить ритуальное убийство от обычного, а туда же! Я по-прежнему не видел того, кто это говорил, но одно мне было ясно — это тот, кто нужен оперативникам. И этот «кто-то» на редкость неприятная личность, по голосу слышно. У меня в голове пронеслось сразу несколько вариантов развития событий. Можно и дальше его провоцировать, выведывая крохи информации вот таким же ассоциативным способом. Можно еще его немного разозлить, нелестно отозвавшись о местных призраках, которые мух не ловят и дают на своей территории творить подобные вещи. Правда, этот вариант чреват тем, что призрак может не немного разозлиться, а изрядно.

А еще можно не темнить и дать этой сущности понять, что я знаю о ее присутствии. От «противного» вариант, но почему бы и нет? В конце концов, что могу, то и делаю. Им был нужен призрак? Вот он. Поговорить с ним надо? Чем смогу — помогу.

— Так это было не ритуальное убийство? — я уставился в темный угол. — О как. А если поподробнее?

Женька было открыла рот, чтобы что-то сказать, но Нифонтов остановил ее, ухватив за руку. Он сразу все понял.

— Думал — померещилось, — сообщила темнота. — Так ты ведьмак.

— Ведьмак, — подтвердил я. — А что в этом удивительного?

— Да как же, — снова захекала темнота. — Две ищейки из шифровального отдела ОГПУ в компании с ведьмаком! Да такого сроду-роду не было! Ладно, чародейку они с собой в тот раз притащили, те на них всегда работали, но чтобы ведьмак с этими псами в одной упряжке ходил... Никогда эдакого дива не видел.

Сдается мне, что есть в моих познаниях о мире Ночи огромный пробел, в разделе, где содержатся знания о том, с кем дружить можно, а с кем нельзя.

И еще — интересная, должно быть, история у того отдела, в котором эти двое работают. Как их только ни называли — и «судными дьяками», и «коллежскими ассессорами». Хотя последнее, возможно, больше указывает на социальный статус, чем на профессию. А теперь к чему-то еще и шифровальный отдел ОГПУ приплели. Кстати, причем тут это-то? Или в те времена, когда ОГПУ было, их предшественники заодно и шифрованием занимались?

— Время идет, все меняется, — решил немного реабилитировать себя я. — Двадцать первый век на дворе.

— Может, и так, — ответил мне невидимый собеседник. — Только вот вашего брата эти бравые ребята как в старые времена особо не жалели, так и сегодня жалеть не будут.

И вот тут я наконец увидел того, с кем вел разговор. Это был старик, естественно, полупрозрачный, как и положено порядочному привидению. И, разумеется, довольно

мерзкого вида. Особенно впечатляла его голова, рассеченная на две части аж до самого рта, и босые ноги, покрытые огромными язвами, такими, какие остаются после серьезных ожогов. Сдается мне, что последние минуты жизни этого старикана были сильно неприятными. Кстати, и призрачная одежда была вся в лоскуты порезана, как видно, ногами дело не ограничилось. Пытались перед смертью этого старика изрядно.

— Красив? — не без удовлетворения поинтересовался у меня призрак.

— Не то слово, — подтвердил я. — Это за что же с тобой так распорядились?

— Да было за что, — знакомо заперхал старик. — Обещал я одному лихому человеку дело его добыть на Лубянке, да ему передать, за мзду, само собой. Когда в восемнадцатом году ВЧК из Петрограда в Москву переехало, они же с собой все архивы привезли, дело это среди них лежало. Да вот беда — не смог. А человек этот мне не поверил, подумал, что я на него решил чекистов навести. Ноги мне огнем жег, тело ножом резал, а после топором череп раскроил. Эх, мне бы, дураку, ему встречу не тут назначить, а где в другом месте. Убить бы он меня все одно убил, но мучений было бы меньше.

Интересный какой старичок. Он, наверное, Дзержинского видел. И даже Ленина. Круто!

— Сочувствую, — произнес я — Но это дела минувших дней. Мне бы поподробней узнать о том, что здесь произошло.

— Здесь-то? — призрак подлетел ко мне поближе, его рот скривился в безобразной гримасе. — Смртоубийство, что же еще! Бедолаге одному тварь сердце вырвала и с собой утащила.

— Что за тварь? — по возможности мягко, стараясь не обращать внимания на глумливые интонации, спросил я. — Откуда она взялась, где прячется?

— И где же она прячется? — повертел головой призрак, причем одна ее часть не успевала за другой, смотрелось это прямо-таки по-мультяшному, я чуть не улыбнулся. — Где? Там нет. И там нет. А в карманах у меня? Эх, беда-досада, тоже нет.

И старик похлопал себя ладонями по лохмотьям, как бы демонстрируя мне, что и вправду у него ничего нет.

— Шутку оценил, — уже более жестко произнес я. — Смешно. А теперь ближе к делу.

— Это можно, — покладисто согласился призрак. — У меня и ответ припасен на все твои вопросы. Да вот он!

И у меня перед носом оказался кукиш, сложенный из сине-прозрачных пальцев руки. Сей жест сопровождался на редкость неприятным ухающим зауспокойным смехом.

— Ну, как тебе мой ответец? — заливался призрачный старик. — Нет, только подумай — приперся сюда и думает, что все по его будет! Ты, дурак такой, радуйся, если я вас отсюда вообще отпущу живыми! Раз простил, два простил, даже чародейку с рук спустил, но всему же предел есть! Ведьмака мне сюда притащили! Я людей всегда терпеть не мог, а с тех пор, как вы травы на моей могиле повадились обрывать, и вовсе ненавижу!

Ну насчет того, что он не выпустит нас отсюда живыми, призрак перегнул, и изрядно. Как бы он ни был силен, с нами ему не совладать. Хотя на несведущего человека его облик мог произвести впечатление, что да, то да. Да я сам, к примеру, увидь такое где-то в начале лета, так непременно бы очень проникся. Не до смерти, понятное дело, и не до испачканных штанов, но изрядно. Скажем так — долго бы еще со включенным светом спал после такого.

А призрак еще и жути поднагнуть решил — на моих глазах с его разваленной на две части головы исчезло то, что с натяжкой можно было назвать лицом, и теперь на меня издевательски таращились пустые глазницы черепа.

Не знаю почему, но именно это меня выбесило окончательно. Правильно Вавила Сильч говорил — не со всеми в мире Ночи можно вопросы по-хорошему решить, кое-кого надо сразу на место ставить. А отдельных, особо непонятливых, и на колени, чтобы знали, с кем разговаривают. Я, понятное дело, фигура пока что невеликая, не сказать — никакая, но терпеть подобное не собираюсь. К тому же что у них, что у нас наверняка действует один и тот же закон — если хоть раз подставился доброй волей, то на второй тебя уже никто спрашивать не будет, просто нагнут, да и... Невесело будет, короче.

Причем о том, как именно мне удастся показать кто есть кто разошедшемуся призраку, я как-то и не задумывался. Собственно, все, что я пока умел делать, это отпускать те души, которые сами не против покинуть земную юдоль. Как задать перцу тем, кому и здесь неплохо, мне было неизвестно.

Но я поступил просто и привычно, так, как много раз это проделывал в своей беспокойной юности. В ней у меня перед лицом много раз махали кулаками, и тогда я этого тоже очень не любил. Проще говоря, цапнул привидение за запястье и с силой крутанул его руку, добавив при этом:

— Страх совсем потерял, хрень бесплотная!

Самое забавное было в том, что мои слова частично противоречили тому, что я сделал. Призрак оказался вовсе не бесплотным. Правда, назвать то, что ощутили мои пальцы, чем-то материальным тоже нельзя. Более всего это было похоже на обжигающе-ледяное желе. Не очень приятные ощущения, не стану скрывать. В руку будто моментально впились сотни маленьких иголок. Я как-то в детстве сдуру цапнул из коробки с мороженым сухой лед, вот это очень похоже по ощущениям.

Но я — ладно. Как же этим всем был ошарашен мерзкий старикашка! Во-первых, мое движение заставило крутануться его вокруг своей оси, причем к концу оборота череп снова оброс призрачным мясом, после чего обрел пусть и неприглядные, но зато оригинальные черты. Во-вторых, он явно ничего подобного не ожидал, за десятилетия привыкнув к собственной неуязвимости.

Но это все ничего. Главная неприятность у него была впереди. Старик привык к тому, что его существование пусть и неказисто, но зато полностью защищено от всех неприятностей материального мира. Например, таких, как боль и страх. Я же заставил его вспомнить о том, что это такое, поскольку сначала к этой нежити пришла боль, а после возвратился и страх.

Запястье его руки, за которое я схватился, стремительно начало менять свой цвет, из нереально-голубоватого становясь багровым. Мало того — я начала ощущать, как рука старика истончается, словно тает.

Сам же призрак орал благим матом, требуя, чтобы я его отпустил.

— Да нет проблем, — даже обрадовался я и выставил перед собой ладонь второй руки, делая вид, что вот-вот припечатаю ее к его лбу. — Как скажешь. Правда, уж не знаю, куда тебя после этого занесет, но что не в рай — это точно.

— Не надо, а? — жалобно проскулил старик и снова громко заорал, поскольку я, опасаясь, что вот-вот кисть призрака оторвется, перехватил его руку повыше, ближе к локтю, тем самым добавив нежити новых болевых ощущений. — Ну не знал я, что ты не травник и не целитель! В вашем племени других ведь и не бывает почти! Кабы сразу понял, что ты из слуг Мары, то даже носу бы сюда не показал!

Мары? Что за Мара такая? И с какого перепугу я стал ее слугой? Мы не рабы, рабы не мы. — Говори, что видел! — потребовал Нифонтов. — Быстро, пока он не сделал то, что обещал!

Оказывается, после всех этих манипуляций и кульбитов, старика-призрака узрели и оперативники. Слетела с него невидимость.

— Все расскажу! — заверещал призрак. — Но пусть он меня сначала отпусти-и-ит!

Глава 6

— Отпусти его, — сказал Нифонтов.

— Сбежит ведь, — в один голос сказали мы с Евгенией, причем интонация была одинаковой у обоих.

— Никуда он не сбежит, — оперативник подошел к извивающемуся, словно угорь на крючке, призраку. — Верно?

— Верно, верно, — истово произнес старик. — Обещаю, все расскажу! И покажу! Только пусть твой ведьмак руку мою отпустит!

— Саш, — в голосе обратившегося ко мне оперативника я услышал даже не просьбу, а приказ, и это мне очень не понравилось.

Ладно, хозяин — барин, пусть будет так. В конце концов, не мне это нужно. Хотя — вру. Жалко будет, если этот красавец улизнет, поскольку и у меня к нему кое-какие вопросы появились.

Как только я разомкнул свои пальцы, призрачный дед зашипел, как масло на раскаленной сковородке, и немедленно принялся нянчить свою конечность. Кстати, очень необычная цветовая гамма получилась — прозрачно-голубая рука с багровыми вкраплениями там, где отпечатались мои пальцы.

— Говори, — потребовал Нифонтов. — Кто, что, где?

Призрак злобно на него зыркнул, но, против наших с Женькой ожиданий, и не подумал сбегать, а, напротив, выполнил приказ.

— Никакой это не ритуал, — сообщил он нам. — Обычное убийство.

— Да ладно? — с сомнением прищурился Николай. — Слабо верится.

— Ладно, не очень обычное, — признал призрак. — Четверых этих не человек убил, а магией призванная тварюка порвала, что есть — то есть. Но это не жертвоприношение. Людей убили вовсе не для того, чтобы выгоду какую с той стороны получить или для чего-

то в этом роде. Просто вот этот сарай железный, и еще десятка два таких же по соседству кое-кому приглянулись, понимаешь? А тот мужик, что их арендует, отказался идти на уступки. Сам этот разговор слышал с месяц назад. Ему и деньги предлагали, и еще чего-то, и запугивать пытались, а он знай всех посылает куда подальше.

— Я фигею, дорогая редакция! — изумленно произнесла Мезенцева. — И чем дальше, тем больше.

— Зато теперь все более-менее встало на свои места, — подытожил Нифонтов. — Кстати, очень элегантно придумано. Сама посуди — преступление есть, а следов нет. Наши коллеги ведь ничего не найдут, в лучшем случае выжженные пентакли там, где эту тварь призывали. И даже внимания на них не обратят, потому что не свяжут одно с другим, подумают, что сатанисты баловались, это обычное по нашим временам дело. И никто ничего никогда не докажет. А цели своей тот, кто это все устроил, добьется наверняка. Убийства-то не прекратятся до тех пор, пока упрямец на попятную не пойдет.

— Уже пошел, — подал голос призрак. — Четвертый покойничек троюродным братом хозяина ангаров был. Тело в авто специальное еще погрузить не успели, а хозяин этот уже позвонил кому-то и сказал, что готов все подписать. Ну и условия начал обговаривать. Смерть смертью, а деньги деньгами. Только, думаю, все одно получит мзду меньше, чем мог бы вначале.

— Если честно — хрень какая-то, — наконец высказался и я. — Тут же ангаров — пруд пруди, чего кто-то именно к этим привязался? Что в них такого?

— Это северная часть порта, — сказал призрак.

— И? — по-прежнему ничего не понимал я.

— В северной части любые помещения всегда заняты, — пояснил старик брюзгливо. — Ты не смотри, что сейчас здесь пусто, это просто давеча товары вывезли. А вот в южной части, особенно на дальних территориях, есть ангары, которые месяцами порожняком стоят. Там есть пара таких мест, куда даже я не суюсь, понятно?

— Не понятно, — опять начал злиться я. — Причем от слова «совсем».

— Северная часть порта стоит близ воды! — проорал призрак, который, похоже, тоже потихоньку выходил из себя. — И не просто воды, а текучей, то есть — реки! Пусть даже и засранной людьми до невозможности. А южная — там, где раньше было болото! И не какое-то простое, а то, которое в народе прозвали «Сукино». Ни на какие мысли такое название не наводит?

— Мало мы с тобой еще знаем, Женька, — сказал напарнице Нифонтов, причем без малейшей иронии или издевки. — Надо больше читать. Если бы мы за эту ниточку сразу потянули, то, может, пары смертей и не случилось бы. Скажи, старик, он ведь эту тварь как раз там, на южной территории, вызывал?

— Конечно, — подтвердил призрак. — Есть там один ангар, ржавый донельзя, так его не то что я, даже крысы стороной огибают. Потому как стоит он в аккурат на том самом месте, где когда-то местный трясиновый царь жил. Вот в нем этот дурак тварь из небытия и вызывал. А ей чего ж не прийти? Милое дело. И место самое что ни на есть подходящее, и смертью там смердит так, что будь здоров. Этот порт кто строил-то, знаете?

— Нет, — сразу ответил я, Нифонтов и Мезенцева чуть погодя ответили так же.

— Заключенные его строили, в конце тридцатых, по большей части политические, — отчего-то с долей злорадства поведал нам старикан. — Воры — они социально близкими значились, а эти умники никому тогда не нужны уже были, ни живые, ни мертвые. Тут и сейчас, если поглубже копнуть, либо череп выкопаешь, либо кости. Так что для призыва зверюшки из небытия здесь все замечательно подходит. А ей и в радость! Тем более что на закуску еще и душа человечья с сердцем достанется.

— Все равно непонятно, — гнул свою линию я. — Ну ладно, мы с вами знаем, что тут вода, а там погано. Но остальные-то? Арендаторам-то откуда ведомо, что за этим всем есть вот такая подоплека?

— Народная молва, приметы, традиции, — объяснил мне Нифонтов, и призрак, соглашаясь с ним, кивнул. — Здесь товар всегда в порядке, а там, небось, то все сгниет в одну ночь, то подмокнет, или еще что. Да, старый?

— Так и есть, — подтвердил призрак. — Не всегда и не все, конечно. С той же тяжелой техникой ничего не будет, что ей сделается? Но вот с чем попроще — это да, всякое случается. Особенно тканям достается. Последним трясиновым царем здесь колдун был, которого в этом самом болоте живьем утопили. Руки-ноги местные крестьяне ему связали, сукном крепким обмотали, да и сунули в чарусью вперед головой. Правда, потом пожалели, конечно. Помереть-то он помер, да больно крепок душой оказался. Прибил местного трясиownika и сам его место занял. Ох, много народу в этом болоте смерть нашло! А уж когда его осушали, что он творил! Я, кстати, до той поры, пока порт не построили, сам под

кочками полтора десятка лет прятался, чтобы он меня не учуял. К такому в рабство попадешь — света не взвидишь!

— А что с ним потом стало? — полюбопытствовал я. — После того, как болото осушили? — Нет болота — нет трясинника, — со знанием дела пояснил мне призрак. — Колдун-то он был колдун, да ведь договор со стоялой водой никто не отменял, тот, что он после смерти старого трясинника заключил. Воде стоялой души, что он загубил, а та ему за это жизнь вечную и власть безграничную над болотом. А как стоялой воды не стало, так и он окочурился.

Чем дальше, тем больше новой информации. Теперь вот какая-то «стоялая вода» появилась. Нет, интуитивно я понимаю, о чем идет речь, но все равно ощущаю свою тотальную неграмотность в восприятии этого нового для меня мира. Хотя это нормальное ощущение, на самом деле. Если человек попадает в новую для себя среду и через пару дней говорит, что ему уже все понятно и привычно, то он непременно врет. Так не бывает. Чтобы уловить закономерности и упорядочить все полученные данные, в любом случае нужно время. Я вот, когда только пришел в банк работать, более-менее освоился только к концу первого месяца. Причем куда сильнее «менее», чем «более».

А в самый первый день вообще приполз домой, сполз по стеночке в коридоре и грустно сказал своему отражению в зеркале:

— Блин, какой же я тупой!

Это потому, что я вообще ничего не понял из того, что за этот день видел.

Но это — нормально. Из «ничего» не может сразу же возникнуть «что-то».

Вот только в банке время на учебу у меня было, а здесь... Не факт, не факт.

А еще имеется в словах призрака некая нелогичность. Если дух бывшего колдуна-трясинника исчез с концами, то кто товар портит?

Впрочем, не думаю, что это самый важный вопрос из тех, что могут к нему возникнуть.

Так же рассудил и Нифонтов, который перешел от дней былых к делам насущным.

— С местом определились, — заявил он призраку, с конечности которого уже полностью пропала краснота, а во взгляде, наоборот, снова зашевелилась наглость. — Теперь расскажи нам о том, кто это был.

— Зверюка-то? Так черная, как из мрака слеплена, — ответил старик. — Хотя они, которые нежить с той стороны, все такие, других сроду не видал. Ну и как положено — клыки, когти, пасть вот такенная.

— Да с ней все понятно, — отмахнулся оперативник. — Тот, кто ее призвал, меня интересуется. Он кто вообще был? Колдун, или кто попроще?

— И почему ты его «дураком» назвал? — добавила от себя Евгения.

Надо же, не пропустила она это слово, запомнила и к месту вопрос про него задала. Удивлен.

Если честно, то из этой парочки я больше уважал Николая. Он, конечно, на меня сел и поехал, не без этого, но при этом в нем есть некая основательность, в которую веришь.

Скажем так — с ним в баню идти можно и спиной к нему там поворачиваться.

А Женька... Она напоминает одну мою одноклассницу по имени Ксения. От нее с первого класса до последнего было много шума и гвалта, она болтала не умолкая. Но при этом за все одиннадцать лет она ничего путного так и не сказала. Ни разу.

И тут — на тебе. У нее, оказывается, и память есть, и соображалка.

— Так дурак он и есть, — охотно ответил призрак. — Кто же по доброй воле в проклятом месте такую нежить призывает? Тронуть она его не тронет, перед вызовом заклинание правильное было прочитано, на защиту, но все одно — не жилец он. Это как парами ртути надыхаться — сразу не помрешь, но все одно дорожку на тот свет ты уже себе протоптал. Год-другой — и все, «со святыми упокой». Вот и здесь то же самое. Мрак его уже пометил, и жить этому дураку осталось до следующего снега, не больше. Либо печень откажет, либо легкие. Или еще чего. И легкой смерти ему не ждать.

— Стоп! — нахмурился Нифонтов. — Я правильно тебя понял? Это что, был обычный человек? Не из тех, для кого Луна второе Солнце?

— Так про что и речь! — захекал старикашка. — Не чародей, не чернокнижник. Все по бумажке делал — и круг со знаками чертил, и заклинание читал. Только где именно ей жертву искать, без чужой подсказки рассказывал.

— А так можно? — уставился я на Нифонтова. — Seriously? Типа «практическая магия»?

— Всякое бывает, — расплывчато ответил мне оперативник. — Слушай, а как же ты это все видел? Ты же тот нехороший ангар на пару с крысами седьмой дорогой огибаешь?

— Так любопытство, — не стал кокетничать призрак. — Я и в первый раз учуял, что там черную волшбу творят, а на второй пошел поглядеть. Правда, мне того раза хватило за глаза. Тварь из мрака, когда возвращалась обратно, меня учуяла. Если бы ее заклинание не держало, тут бы мне конец и настал. Любят они бродячие души жрать, паскуды такие.

— А обратно она возвращалась, чтобы показать заклинателью, что дело сделано, — утвердительно произнес оперативник.

— Ну да, — кивнул старикан. — Он дал ей разрешение сердце схарчить, а после отпустил. И сам ушел, его машина около южного входа ожидала. В другие разы наверняка то же самое было. А, вот еще что. Стошнило его после этого. Видно, не привык он требуху людскую разглядывать.

— А что человек — молодой, старый? — тут же спросил Нифонтов. — Как выглядел?

— Молодой, — ответил призрак. — Вон ведьмаку твоему ровесник, кабы даже не помоложе. Без бороды, сам весь гладенький, чистенький. Очень похож на продавцов, что в нэпманских магазинах работали. Галстух у него на шее, костюмчик хорошего сукна.

— Клерк, — безошибочно определила Женька. — Сто пудов — обычный клерк. Посулили ему повышение, вот он в это и впрягся. И вправду дурак.

— Не дурнее нас с тобой, — возразил ей Нифонтов. — Для него подобное — дикость, бабушкины сказки. Представляю, как он удивился, увидев, что магия бывает на белом свете. А уж про то, что место это убьет его вернее любой научно обоснованной радиации, он и сейчас помыслить не может.

— Будете искать и спасать? — полубопытствовал я.

— Искать — да, обязательно, — ответил мне оперативник. — А спасать — нет.

— Чего ж так? — не удержался я от колкости.

— А смысл? — пожал плечами Николай. — Он все равно не жилец. В отличие от все той же радиации, воздействие которой хоть как-то можно уменьшить, здесь ничего уже не сделаешь. Он сотворил то, что делать никак нельзя — призвал тварь из Мрака и натравил ее на человека. За свой интерес он заплатил чужой кровью. Это приговор. Не наш, а кого-то другого, кто в незапамятные времена установил правила существования на этой планете.

— Ты о Боге? — уточнил я.

Призрак засмеялся, Женька отвела глаза в сторону.

— Можно сказать и так, — произнес Нифонтов. — Главное, что ты понял, о чем я веду речь. Но поговорю я с этим горе-призывателем обязательно. Тема уж больно паршивая получается.

— Четыре трупа — что уж тут веселого? — поддержал его я.

— Трупы — это очень плохо, но основная беда в другом, — Нифонтов вздохнул. — Кто-то запускает в оборот заклинания немалой мощи, причем сделанные так, что даже человек, незнакомый с тем миром, в котором мы с тобой живем, запросто может их использовать. Это хуже любых убийств, пусть даже и неоднократных. Сегодня это, а что будет завтра?

— Очень хорошо были сделаны заклинания, — не без злорадства отметил призрак. — Просто отлично. И главное — инструкция к ним прилагалась крайне подробная. Прямо по шагам расписанная. Я в нее заглянул, еще до того, как листочек сгорел.

— Кто сгорел? — захлопала глазами Женька.

— Говорю же — листочек, — сердито сказал старик. — Как только пентакль сработал и тварь в нем стала появляться, листочек с инструкцией и полыхнул синим пламенем, прямо у этого дурака в руках. Причем синим — это я не привираю. На самом деле — им.

— Вот вам и еще одно подтверждение, — заметил Нифонтов. — Беда. Надо Ровнину докладывать и срочно этого горе-чародея за горло брать. Того, что здесь был, имеется в виду.

— Поди его сыщи, — хихикнул призрак. — Город-то как разросся! А сюда он теперь и носу не покажет.

— Куда он денется. — Женька зябко обняла себя руками за плечи. — Наверняка работает в той компании, которая себе эти ангары отжала, а уж ее-то вычислить несложно. Ну или в одной из дочерних фирм. Понятно, что там чистеньких в галстуках может быть много, но это же не город мелким ситом просеивать. Найдем, не в первый раз.

— Чародейку свою подключите, — процедил призрак и сплюнул. — Ну удачи вам. А я пошел, пожалуй.

— погоди, — остановил его Нифонтов. — Сначала своди меня к тому самому ржавому ангару. Там же следы пентакля остались?

— Наверное, — буркнул старик. — Показать — покажу, а внутрь не сунусь.

— Жень, останешься с Сашей, — скомандовал Нифонтов.

— Чего это? — возмутилась девушка.

— У тебя пистолет есть, — объяснил ей оперативник. — Сама посуди — ночь на дворе, место глухое. Мы несем ответственность за привлеченного нами к операции человека. Будешь его охранять.

Темнит, как всегда, мой новый приятель. Ну и ладно, это его дела. Мне лично на это наплевать. Да и веселее вдвоем будет. Если откровенно, куковать тут в одиночку

совершенно неохота, так что в компании мне будет повеселее. Даже при условии, что компанию мне составит эта рыжеволосая заноза.

— Гад ты, Колька, — насупилась Мезенцева. — Не доверяешь.

— Наоборот, — мягко произнес Нифонтов. — Мне только пойти и сфотографировать, а тебе тут по сторонам головой вертеть и нападения каждую секунду ожидать. Что сложнее?

— Слушай, иди уже, куда тебе надо, — попросил его я. — Нечего страх на нас нагонять. Шутки шутками, а мне как-то не по себе стало. И, главное, в чем парадокс — раньше я, как и всякий нормальный городской житель, боялся чего-то того, чего, как мне казалось, на самом деле и нет. В ночи, имеется в виду. В детстве страшился Бабайки, живущего в платяном шкафу, потом, когда подрос, еще чего-то такого, что днем казалось совершенно невозможным. Любой дом, любая квартира ночью наполняются звуками, поскрипыванием, шорохами, которые и взрослого человека заставят представить себе невесть что. Страхи перед темнотой в нас заложены изначально, они атавистичны, они идут из тех времен, когда наши предки носили демисезонные шкуры и поклонялись Солнцу, которое избавляло их от теней во тьме.

А теперь все изменилось. Я не боюсь тех, кто живет в лунном свете. Точнее — я знаю, на что они способны, а потому готов к встрече с ними. Но зато совершенно не желаю встретиться с подобными себе живыми и теплокровными особями, обитающими конкретно в этих местах. Что-то мне подсказывает, что в ряде случаев это может кончиться для меня рядом неприятных недугов, вроде перелома челюсти, сотрясения мозга и отбитых почек. Здесь не центр города, в котором полно блюстителей порядка. Ладно если на нас из темноты выйдут местные охранники или просто здешние работники. А если «синева», которая наверняка тут подрабатывает на ролях «поди-подай-принеси»? Или еще кто-то подобный?

Пока я обо всем этом рассуждал, мы покинули ангар, и Нифонтов с призраком, который витал над его головой, скрылись из вида. Мы же с Мезенцевой остались у машины.

Досадно, так я с этим призраком-долгожителем и не пообщался приватным манером. И, видимо, не пообщаюсь, поскольку ради беседы с ним я в эти глухие места не попрусь. Ну да ничего, у меня и другие собеседники найдутся.

— Кольке не говори, — сказала мне Евгения, открыла дверь машины и достала из своего рюкзака пачку сигарет и зажигалку. — У него бзик на том, что девушка не должна курить. Ты, кстати, такими фобиями не страдаешь?

— Не страдаю, — заверил ее я. — Мне, если честно, пофигу. Легкие твои, здоровье твое, детей мне не ты рожать будешь, так что твори что захочешь.

— Что да — то да, — щелкнула зажигалкой Мезенцева. — Точно не я. В смысле — детей тебе от меня не видать. Ты не в моем вкусе.

Если она и хотела меня подначить, то зря. Я всю жизнь в женском коллективе и учился, и работал. Меня такими банальными вещами не прошибешь, ей для этого надо что-то посерьезней придумать.

— Слушай, а почему этот старый хрен сказал, что вы из шифровального отдела? — задал я девушке вопрос, который мне не давал покоя. — Нет, понятно, что так вы до войны назывались, он же еще про ОГПУ упомянул. Но шифровальный-то почему?

— Фиг знает, — немного разочарованно выдохнула дым Мезенцева, явно желавшая сплясать на моих костях и ожидавшая моей реплики в стиле «чего это я не в твоём вкусе». — Я историю отдела не очень хорошо знаю, все как-то не до того мне. Слышала только, что некто Бокий, который им в двадцатых-тридцатых годах того века руководил, был дядька знающий и рисковый до жути, но при этом изрядный темнила. Сам же знаешь, что в те времена мистику особо не разрешали, народ и партия коммунизм строили, а в нем подобной ерунде места нет. Вот потому, наверное, он его «шифровальным» и окрестил. Вроде как секретное подразделение, но без оккультизма всякого. Ты лучше у Кольки про это спроси, он любит в прошлом покопаться, точно все знает. Слушай, я тебе что, совсем не нравлюсь?

Что ж так банально? Прямо штамп на штампе. Как видно, совсем она меня ни в грош не ставит.

Даже обидно.

— А кто такая Мара? — и не подумав отвечать на столь откровенную провокацию, задал свой следующий вопрос я. — Наш новый прозрачный друг ее упомянул и сказал, что я ее слуга, мне же про это ничего не известно. А знать хотелось бы.

Мезенцева глянула на меня с интересом, затянулась сигаретой.

— Просто мне о такой слышать не доводилось, — пояснил я. — Она кто вообще?

— Она, вообще, богиня из славянского пантеона, — наконец соизволила продолжить беседу Евгения. — Так же известна в народе как Морана или Морена, в зависимости от того, мифологию каких именно славян мы имеем в виду.

— О как, — проникся я. — Вот про Морану я слышал. Или читал. Только в жизни бы не подумал, что она — реальность.

— Смолин, не пугай меня, — попросила Женька. — Какая реальность? О чем ты?

— Так он же говорил, — я махнул рукой в ту сторону, куда ушли Нифонтов и призрак.

— И что? — оперативница бросила окурок на асфальт. — Это призрак. Он такого наговорить может, что ой-ой-ой. Ему сто лет в обед.

— Знаешь, я месяц назад и в него не верил, — резонно заявил я. — А он — есть. И вон твари из мрака есть. И русалки.

— Да ладно! — заинтересовалась Мезенцева. — И что, у них правда вместо ног хвост? А какую-нибудь из них того? Ну ты понимаешь, о чем я? Просто где-то читала, что если у них на хвосте кое-какую чешуйку приподнять, то можно эту самую русалку...

— Блин, ты вообще о чем-то другом думать можешь? — возмутился я. — Прав Николай, плохо, что у тебя ни бывшего парня нет, ни настоящего хоть какого-нибудь. Евгения захлопала глазами, и на момент стала похожа на обиженного ребенка.

— Извини, — буркнул я. — Не выспался, устал, да и вообще. Так что там с Марой этой самой?

— Папа-мама ее неизвестны, скорее всего это Предвечное Небо и Мать Сыра Земля, сестры у нее Жива и Леля, а муж у нее — Кашей Бессмертный, — отчеканила Евгения. — Официальное место жительства — правый берег реки Смородины, той самой, которая делит Явь и Навь, от Калинова моста сразу налево и идти до первого поворота. Вот и гадай, есть Мара на самом деле или нет?

— После такого склоняюсь к тому, что вряд ли, — признался я, почесывая затылок. — Особенно официальный супруг впечатляет. А дети у них есть?

— Я не помню, — почему-то виновато призналась Женька. — Вроде нет. Слушай, я так думаю, что он не конкретно эту Мару имел в виду. Просто старославянское «мара» — это, по сути, означает «смерть». Да это слово и сейчас в ходу. «Марево», например, или «мор». Вот он и сказал тебе, что ты слуга Смерти. По сути, ты же он и есть?

Скажу честно, подобная трактовка меня немного обескуражила. В таком аспекте я себя не рассматривал. Ну да, вижу мертвых, как выяснилось, даже могу их на место поставить, но слуга Смерти — это все-таки перебор.

Надо будет по сети полазать, поискать материалы про эту Мару-Морану. Наверняка в Википедии информации будет побольше, чем в голове у Мезенцевой. И про Бокия тоже почитать надо. Если ей своя история неинтересна, то мне, напротив, любопытно узнать, что там к чему. Вот выйду на работу и почитаю. Не тратить же свое свободное время на подобные вещи. Работа — она для того и существует, чтобы на ней делать все то, на что времени дома не хватает.

Блин, а это ведь уже послезавтра. Точнее — завтра, время-то за полночь уже. Вот и отпуск пролетел.

Только я загрустил о том, что три недели промчались как один день, как неподалеку от нас появился яркий огонек. Это со своей вылазки в недра порта вернулся Нифонтов. Он подсвечивал себе дорогу знакомым мне еще по визиту на кладбище миниатюрным «маглайтовским» фонариком.

— Все в порядке? — спросил он у нас и зашаркал подошвой кроссовка по асфальту. — У меня вот нет. Что за люди, ведь тут наверняка есть туалеты! Нет, обязательно надо кучу прямо на дороге навалить!

— Вытирай как следует! — переполошилась Женька. — Вся машина провоняет, этот запах потом фиг выведешь! Вон там трава есть, об нее три давай!!!

Нифонтов подошел к жиденькой серовато-зеленой поросли, с сомнением на нее поглядел, но выполнил требуемое.

— Есть пентакль, — вещал он попутно. — Прогоревший, но виден четко. Сфоткать я его на смартфон сфоткал, но сам никаких выводов сделать не могу. Надо Вику сюда везти. А место и впрямь поганое. Ни ветерка на улице, а там сквозит будь здоров как. Похлеще, чем у МИДа на «Смоленке».

— В смысле — «сквозит»? — задал я очередной вопрос. Нет, как интересно у меня общение с этими ребятами строится — я только и делаю, что им вопросы задаю.

— МИД в свое время тоже «зэки» строили, как и вот этот самый порт, — пояснил Николай, посветил фонариком на подошву, печально вздохнул и продолжил тереть ее о траву. — И, надо думать, что условия труда были не самые сахарные, а стало быть, и смертность немалая. Потому у главного входа в МИД, там, где пандус, всегда ветрено, прямо как у врат преисподней.

— И на «цокольном» этаже у них всегда холод собачий, — добавила от себя Мезенцева. — Наверху лето, жара, а там «колотун» невероятный.

Кстати — да. И вправду, сквозит там неслабо. Я же работаю в двух шагах от «мидовской» высотки, на Сивцевом Вражке, и мимо нее мне не раз проходить доводилось.

— А вы о чем беседы вели? — полюбопытствовал Николай. — Поди, она пыталась тебя очаровать и записать в свою армию безнадежных поклонников?

— Да и очаровывать не надо, — я решил немного подольститься к девушке. — Любой здравомыслящий мужчина нормальной ориентации по определению записан в ряды этой армии с самого начала полового созревания.

— Наглый врун, — припечатала меня Мезенцева. — Коль, он меня про Мару расспрашивал!

— А что Мара? — Нифонтов еще раз осмотрел подошву и на этот раз остался доволен результатом. — Сказки это. Фольклор в чистом виде. Призраки есть, гули есть, оборотни есть, упыри есть. Много кто есть. А вот чупакабры и старых богов нет. Все про них говорят, все про них слышали, но никто никогда их не видел. Саш, помнишь старую кошелку из твоей Лозовки? Ту, что тебя в лесу чуть не выпотрошила?

— Что значит — «помнишь»? — даже удивился я. — Мы с ней третьего дня даже раскланялись, когда я уезжал в Москву.

— Вот даже она их наверняка не видела, хотя лет ей как ворону, — назидательно произнес оперативник. — Так что не забывай себе голову разной ерундой. Все, поехали.

— По-моему, еще пахнет — заявила Евгения, даже не приближаясь к Николаю.

— Можешь вызвать себе такси, — предложил ей он. — Или своим ходом домой добирайся. Пешие прогулки очень полезны для укрепления сердечной мышцы. Саш, давай, лезь в машину, чего ждешь?

Над Москвой стояла ночь, МКАД наконец-то более-менее опустел, потому до моего дома добрались мы быстро.

— На чай напрашиваться не станем, — около подъезда сообщил мне Нифонтов. — Все понимаю, время позднее.

— И очень хорошо, — согласился с ним я. — Причем даже невежливым не боюсь показаться. Правда — устал я что-то. А в понедельник уже на службу идти.

— Спасибо тебе, — протянул мне руку оперативник. — Очень помог, серьезно. Без тебя мы бы этого красавца не разговорили, и результат был бы нулевой.

— Не согласен, — возразил я, и пожал его ладонь. — Убийства все равно прекратились бы.

— Но мы бы про это не знали, — пояснил Николай. — И ждали новых. Но самое главное даже не это. Теперь мы в курсе, что в городе появился некто, кто продает магические формулы обычным людям. Причем не какие-нибудь заговоры или привороты, а очень скверные и опасные заклинания. И у нас есть ниточка, за которую можно подергать. Благодаря тебе есть.

— Саша хороший, — не стал оспаривать его слова я. — Ну все, был рад повидаться. Пока!

— Увидимся, — то ли обнадежил, то ли пригрозил мне он. А контрольный в голову произвела Евгения, добавив от себя: — Мы теперь как ниточка с иголочкой! Чмоки-чмоки! Машина мигнула бортовыми огнями и отбыла.

— Чмоки-чмоки, — пробормотал я. — Хорошо, что Фаридка еще на вахту не заступила вместе со своей метелкой. Устроила бы мне она за эти «чмоки-чмоки». «У тебе жена беременный, а ты с какая-то мочалка рыжая по ночам шляешься!».

Бормоча всю эту чушь и непрерывно зевая, я добрал до лифта, доехал на нем до своего этажа, и вот там-то с меня сон и слетел. Как только я вышел из кабины на лестничную клетку, так сразу это и случилось.

Что, впрочем, неудивительно. Там я узрел картину, которая могла прийти в голову только очень давно и сильно пьющему человеку. Ну или художнику-авангардисту, который, впрочем, от первой названной мной категории не сильно и отличается.

Глава 7

— Сейчас не понял, — это все, что я смог сказать, увидев то, что происходило перед квартирной дверью.

Точнее — не происходило, поскольку оба персонажа, отиравшиеся перед ней, ничего особо и не делали.

Родька просто стоял, вальяжно опершись на длинную рукоять молотка, который обычно лежал в моем ящике для инструментов, и внимательно следил за здоровенным котом дымчатого окраса, который расположился напротив него и, откровенно скучая, полировал когти своей левой передней лапы когтями же правой передней лапы.

— Вот он, — обрадовался при виде меня Родька. — Я же говорю — нет хозяина дома! А без него внутри жилища никому ходу нет. А тебе — особо.

Кот, выслушав его, презрительно фыркнул и прекратил свое занятие, его кривые когти скрылись в мягких подушечках лап.

— Приперся вот этот и говорит: «Мне твой хозяин нужен», — с видимым облегчением вещал тем временем мой слуга, не отпуская, впрочем, рукояти молотка. — И внутрь рвется. А от него кладбищем за версту разит! На что нам тут такие гости? Сейчас этот, потом еще кто приперется, а там и пойдет, и поедет! Хозяин, послушай меня, гони его в шею, этого усатого!

Сам кот на слова Родьки никак не реагировал, он тем временем величественно повернул голову ко мне, склонил ее к плечу и с интересом таращился на меня своими узкими, пронзительно-зелеными глазами.

И явно понимал все, о чем шла речь, поскольку, когда Родька замолчал, я с величайшим недоумением осознал, что кот улыбается!

Не скажу, что это было крахом моего представления о мироздании, особенно в свете событий последнего времени, но улыбающийся кот — это вам не сварливый призрак и не ведьма с десятивековой историей. Этих последних хоть как-то можно воспринять, в конце концов, и те, и другие даже в литературе описаны, причем не художественной, а околонучной.

Нет, коты с улыбкой тоже есть в мировой классике. Но в какой именно! И что дальше меня ждет? Тру-ля-ля и Тра-ля-ля? Или Безумный Шляпник?

Черт, может, я просто сошел с ума, и все, что вокруг меня происходит, это только замысловатый бред моего воспаленного мозга? И я вовсе не стою здесь, возле лифта, созерцая улыбающегося кота и непонятное существо, которое тискает рукоять молотка, а лежу привязанным к кровати в соответствующем учреждении, накачанный галоперидолом? Кот что-то проурчал, его роскошные усы встали торчком.

— Хозяин это мой, — проверещал Родька. — Чего мне тебе врать?

— Стоп, — попросил я обоих, присел на корточки и привалился спиной к стене. — Граждане, у меня сегодня был очень трудный день и не менее трудный вечер, потому голова вообще не варит. Давайте по порядку, хорошо?

— Хорошо, — с готовностью согласился мой слуга. — Сижу я, значит, у телевизора. Точнее — мы. Вавила Силыч в гости зашел, ну, и Кузьмич заглянул. Да еще Тимоха из первого подъезда тоже подтянулся. Он хоть и молодой, но толковый. Сегодня же суббота, как раз «Магическое противостояние» идет. Такая это потеха, животики надорвать можно! Жалко только, что два выпуска я пропустил, пока мы в деревне были. Но ты не переживай, хозяин, мне Силыч с Кузьмичом все обстоятельно обсказали про то, что там показывали!

— Ну хоть за что-то можно быть спокойным, — порадовался я за слугу, гадая о том, почему я должен за это переживать. — Дальше.

— Дальше, — почесал в затылке Родька. — Дальше чай пошли пить. Гости в доме, как их чаем не напоить? Я покоя знаю и достоинство твоего дома не уроню.

— Значит, опять мне завтра в магазин идти, — подытожил я. — И? Родь, не беси меня!

— А потом приперся этот, — показал лапой на кота слуга, причем тот, подтверждая его слова, кивнул. — Силыч его сразу учуял и забеспокоился, мол, «Что-то могилкой потянуло». Сбежал, посмотрел и рассказал, что гости у нас. И верно — вот этот у двери сидит и говорит: «Дай войти, у меня дело к хозяину твоему. Послание для него».

— Кто говорит? — обреченно уточнил я.

— Он. — Родька показал на кота. — Кто еще? Но мне таких гостей у нас дома не надо. У нас тут не погост.

Самое забавное, что после его объяснения, пусть и бессвязного, мне стало чуть полегче. Я начал догадываться, от кого сюда пожаловал этот посланник. И о том, что, возможно, не очень-то это кот.

— Приношу извинения за поведение своего слуги, — обратился я к коту, который все так же не мигая смотрел на меня. — Вас прислал ко мне Хозяин Кладбища, ведь так?

— Мурррр, — подтвердил кот.

— Он, — перевел Родька. — Только непонятно мне, хозяин, чего это ты извиняться вздумал?

Невесть откуда появившийся в нашей компании Вавила Силыч отвесил ему затрещину и сказал:

— Александр, я тебя душевно прошу — ты только этого вот в дом не зови. Ведь потом повадится сюда ходить — век не отвадим. Знаю я кладбищенскую живность, сталкивался. Кот что-то коротко прошипел, повернувшись к подъездному, но тот и глазом не моргнул, да еще и зубом вызывающе цыкнул, мол: «Имели мы вас в виду».

А вот это уже серьезно. Одно дело бредни моего мохнатого приятеля, у которого семь пятниц на неделе, и совсем другое — предупреждение подъездного, существа знающего и обстоятельного.

Ладно, это все здорово, но перейдем уже к делу. Надо же узнать, что от меня Хозяину Кладбища понадобилось.

И потом — оно, конечно, вокруг ночь, опять же летняя суббота, половина жильцов по дачам разъехалась, например, мои соседи точно туда умотали на своем «опельке», но все равно не дело такие дискуссионные клубы на лестничной площадке устраивать. Еще увидит кто, как я с котом разговариваю, греха потом не оберешься.

— Подытожим, — предложил я, и все три собеседника повернули головы в мою сторону. — Что у вас ко мне за дело? Точнее — у того, кто вас послал?

Кот снова мявкнул, а после зашипел, как бекон на сковороде.

— Его хозяину любопытно знать, как у тебя дела, — с готовностью перевел с кошачьего на русский Родька. — И спрашивает, не хочешь ли ты нанести ему визит?

Врать не стану, не числится подобное в моих ближайших планах. Теплых воспоминаний о том месте, где правил хозяин этого кота у меня не осталось, вопросов, ответы на которые мне мог бы дать только он, тоже не возникало покуда. Так чего ради тащиться в это царство мертвых? Просто так, походить, поглядеть? Так там не экскурсионный маршрут, у того места другая суть.

Хотя раньше или позже я бы все равно там оказался. Без вариантов. Сейчас вопросов нет, потом появятся. Да и про ту же Мару он точно знает немало, не то, что нелюбопытная Мезенцева. Другое дело, что он меня и послать может куда подальше, с него станется.

— Непременно, — твердо ответил я. — Обязательно загляну к нему в гости, прямо на следующей неделе. На выходных.

Хочешь — не хочешь — идти надо. Не та это персоналия, от приглашений которой отказываются. Вроде бы власть этого существа не так уж и велика, ограничивается всего-то одним московским кладбищем, но это ничего не значит. Знания и опыт его безмерны, и это перетягивает все остальное. Для меня потеря расположения Хозяина Кладбища будет крайне неприятна, поскольку именно он мог мне рассказать о мире мертвых больше кого бы то ни было. О моем новом мире, если говорить точнее.

— Пшшшш! — вальяжно произнес кот и почесал лапой за ухом.

— Как-то так его хозяин и предполагал, — перевел Родька, а после добавил уже от себя: — Все, теперь проваливай отсюда!

Кот презрительно смерил его и подъездного взглядом, текучим движением скользнул ко мне, на секунду обвил мои ноги своим хвостом, скакнул на перила лестницы и сиганул с нее вниз, прямо в пролет!

— Фига себе! — охнул я. — Убьется!

— Этот? — в один голос сказали Родька и Вавила Силыч. — Да ни в жизнь!

Я подошел к лестнице и глянул вниз. Тишина, пустота. Никакого намека на присутствие неожиданного кладбищенского гонца.

— Дядька Вавила, а за что ты меня ударил? — поинтересовался у подъездного мой слуга. — Я же все правильно говорил.

— А с какого ты задумал хозяина своего жизни учить? — подбоченился подъездный. — Ты кто такой есть? Слуга его. Так и веди себя соответственно, уважительно. Воли ты много взял, Родион, вот что я тебе скажу. И если Александр тебя не хочет приструнить, то я за него это сделаю.

— Это да, — задумчиво сказал я. — Много я тебе воли дал, Родька.

Мой мохнатый приятель забеспокоился, заерзал по полу и отпустил рукоятку молотка, которая моментально бахнула Вавилу Силыча по ноге. Ну или как это у него называется?

— Ай! — даже подскочил подъездный от неожиданности. — Что же ты за телепень такой? Все у тебя не того! То дров нет, то угля, а поутру и котел с... ссс... Сперли!

— Больно, да? — виновато, но при этом с надеждой спросил у него Родька.

— Унизительно! — рявкнул Вавила Силыч. — Полено ты березовое, принесло тебя в мой дом на мою же голову!

— Я не хотел, — привычно протарахтел Родька. — И больше не буду!

Вроде бы и забавно все это, а мне почему-то захотелось перенестись в тот день, когда я бежал по Гоголевскому бульвару, и убить в себе доброго самаритянина. Если проще говорить — просто пройти мимо той скамейки, на которой помирал старый ведьмак Захар Петрович. В смысле — пройти мимо, не останавливаясь.

В конце концов, у меня тоже есть предел терпения. Иногда и тишины хочется. И чтобы ты никому не нужен был, никто у тебя над ухом не зудел и ничего от тебя не требовал.

Как видно, Вавила Силыч что-то по моему лицу понял, потому как он приоткрыл дверь, сгрэб Родьку за шиворот и втолкнул в коридор квартиры. После прихватил молоток и сам отправился внутрь, сказав мне перед этим:

— Ты, Саш, давай, домой иди. Чайку выпей и спать ложись. А можно и без чаю, сразу на бочок. Вид у тебя больно заморенный.

— Я пирог испек, — донеслось до меня из коридора.

— Вот я тебя инструментом! — рыкнул подъездный от двери, за ней что-то грохнуло, а после Родька испуганно взвизгнул.

— Дурдом, — констатировал я, пожалел, что года два назад бросил курить, и отправился домой.

Не надо мне никакого чаю. Я даже в душ не пойду. Что там — даже ругаться по поводу пустых пакетов из-под чипсов и пластиковых жбанов с надписью: «Лидский квас», валяющихся на столе в комнате, и то не стану. Спать хочу.

Точнее — забыться.

Наутро, а оно наступило у меня где-то в полдень, в комнате была идеальная чистота, а у Родьки вид был прямо по уложению Петра Алексеевича, того, который Первый, — лихой и придурковатый. Как и положено лицу подчиненному перед лицом начальствующим.

— Завтрак готов, — сказал он мне, только заметив, что я открыл глаза.

— Это хорошо, — потянувшись, похвалил его я. — Это ты молодец. Но дисциплинарного взыскания тебе все одно не избежать.

— Чего мне «все одно»? — озадачился мой слуга.

— Огребешь ты по-любому, — пояснил ему я. — Прав Вавила Силыч, распустил я тебя.

— Зря ты, хозяин, — проникновенно сказал Родька, голос у него задрожал, нос усиленно засопел. — Я же все для тебя, ты же знаешь. Вон Антипку поколотил, да еще как! А сегодня-то, сегодня! Уж расстарался так расстарался!

— Что «сегодня»? — привстал я на кровати.

— Так эта приходила, — Родька потыкал лапой в направлении потолка. — Три раза. А ты спишь. И что я, позволю какой-то там... Ну короче — девок много, если из-за каждой недосыпать, то никакого здоровья не хватит.

— Ты чего учудил? — даже икнул я.

Мне представилась картина в стиле Хичкока — истерзанное тело Маринки, багровые ручейки крови на ступенях подъездной лестницы, и злорадный хохот Родьки, стоящего над трупом с ножом в руке. Или молотком? Нет, ножом, проломленный череп смотрится не так выгодно, как заляпанная кровью белоснежная женская блузка.

— Она в дверь ни свет ни заря трезвонить начала, — явно гордясь собой, начал вещать Родька. — Куда это годится? Ну я и того!

— Чего того? — я испытал огромное желание взять его за мохнатую грудь и как следует потрясти. — Говори уже! Чего ты ей сделал?

— Ей? — Родька почесал затылок. — Ничего я ей не сделал. Нет, кабы я мог чего ей сделать, она бы у меня с непроходящими ячменями под обеими глазами ходила. А еще типун ей на язык посадить можно, тоже хорошая штука! Но я решил все по-другому. Я к этому делу подошел кре-а-тив-но!

Новые, до того ему неведомые слова Родьке очень нравились. Не все из них он мог произнести целиком, не по слогам, но все равно использовал неологизмы исправно. Любимыми в настоящее время были «смартфон», «интеллектуал», «позитивный» и, собственно, «кре-а-тив-но».

И ведь что интересно — в отличие от попугая, он понимал, о чем идет речь. Потому мне и стало сейчас по-настоящему страшно. Креатив в его исполнении — это могла быть практически любая «жесть».

— Я проводок перерезал! — раздувшись от осознания собственной весомости, наконец выдал информацию мой слуга. — Нет проводка — звонок не звонит. Она, правда, еще и стучала, но я дверь в комнату закрыл, да и все. А смартфон твой в тряпицу замотал и в хлебницу убрал.

Точно, я вроде бы слышал дверной звонок, но он быстро стих, а я повернулся на другой бок и снова заснул.

— Проводок? — выдохнул я. — Перерезал? Тот, что на стенке, рядом с потолком?

Родька кивнул и подбоченился. Вот мол, хозяин, каков я. Ну да, бывает, что портачу, зато усердия сколько, трудолюбия.

И да, это самый что ни на есть креатив. Он решил возникшую проблему самым незатейливым способом — взял и перерезал проводок звонка. Чего проще?

Блин, придется мастера вызывать. Я сам, увы, в этом вопросе совершенно безрукий. Гвоздь в стенку, понятное дело, вобью, а вот проводок соединить — это уже вряд ли. Точнее —

вряд ли результат воспоследует. Током меня шарахнет непременно, но звонок как до того не звонил, так и потом звонить не будет.

— О, опять приперлась, — поднял лапу вверх Родька. — Вот же ей нейдет!

И правда — в дверь кто-то стучал, причем, похоже, ногой.

— Есть такие люди, Родион, которым проще открыть дверь, когда они этого очень хотят, — вздохнув, сказал слуге я. — В этом случае проблем у тебя будет куда меньше. Она раз пришла, два пришла — и все впустую, ей не открыли. А на третий раз она МЧС вызовет, и они просто вынесут дверь подручными средствами.

— А МЧС — это кто? — заинтересовался Родька.

— МЧС — это МЧС, — я встал с кровати. — Все, брысь в шкаф или куда там еще. Пойду, узнаю, что ей надо.

— А порты-то? — слуга подбежал к креслу, куда я вчера покидал свою одежду. — Хотя да, девка-то лядящая, чего ее стесняться?

Интересно, что он вкладывает в слово «лядащая»? Но хорошо, что Маринка его не слышала, она бы даже и гадать не стала, сразу бы его прибила. А потом еще чучело набила и из него сенсацию раздула. Мол — вот как они выглядят, марсиане!

Мне, к слову, тоже перепало изрядно. Как только я открыл дверь, то меня для начала обматерили, причем настолько заковыристо, что заслушаться можно было. Не во всякой пивной такие обороты услышишь, и не во всякой автомастерской.

Потом, сразу же после этого, меня нежно облобызали в обе щеки, сообщили, что хоть я и гад такой, но по мне кое-кто соскучился, а после пожурили за то, что я завел себе нехорошую моду встречать гостей в трусышках. Не то, чтобы это сильно раздражало взгляд одной юной и совсем еще невинной особы, но все-таки нечто неправильное в этом есть.

— Что у тебя со звонком? — Маринка направилась в кухню. — Утром сначала работал, потом перестал.

— Враги сломали, — ответил я из комнаты, где натягивал на ноги джинсы.

— Знаю я твоих врагов, — серебристо засмеялась Маринка. — Лень и бесхозяйственность.

В один прекрасный день они разрушат всю твою квартиру.

Скрипнула дверь шкафа, в появившейся щели я увидел перекошенную от злости мордочку Родьки. Я показал ему кулак и покачал головой, как бы говоря: «Попробуй только». Мой слуга покорно кивнул, а после демонстративно завязал узел на одном из моих галстуков, которые болтались рядом с ним.

— Кто бы уж говорил — возмутился я, прихватил с кресла футболку и направился к госте

— У тебя самой, между прочим, вся квартира грязными чашками уставлена. Напомнить почему?

Маринка промолчала. И правильно поступила.

Дело в том, что моя очаровательная соседка кофе пить очень любила, а чашки после этого мыть нет. Мытье посуды вообще не входило в число ее любимых занятий, но при этом тарелки, ложки и вилки задействовались гораздо реже, чем чашки. Да и в целом готовка не была ее коньком, зато она знала все более-менее приличные места общепита в округе, а в смартфоне напротив некоторых мужских имен имелись примечания, вроде «Сергей, ужин» или «Антон, обед». Это были те бедолаги, в компании которых при необходимости (читай — во времена финансовой нестабильности) можно было пойти перекусить, но при этом правило «кто девушку обедает, тот ее и танцует» не соблюдать. Безнадежная влюбленность даже в наше циничное время имеет место быть, это факт. Иногда из рядов этих простаков кто-то выбывал, но на его место практически сразу заступал кто-то новенький. При всей своей безалаберности, Маринка внимательно следила за состоянием дел в маленьком королевстве любви к ней и ласково называла этих бескорыстных поклонников «мой стабилизационный фонд».

Так вот — о чашках. В какой-то момент моя соседка поняла, что раз за разом ей все муторней каждый день мыть эту чертову посуду. И тогда она поступила просто. Она пошла и купила сразу двадцать симпатичных чашек и с тех пор не знала горя. Даже при том, что она поглощала кофе литрами, три десятка чашек все равно за день или два угвездать было проблематично. Когда же запас емкостей подходил к концу, а квартира, напротив, была там и сям уставлена испачканной посудой, то Маринка говорила:

— Не хочется, а надо.

Она сволакивала чашки в ванную, заливала их водой, дожидалась, пока они в достаточной степени отмокнули, а после бралась за дело.

В принципе, у всех нас свои тараканы в голове, но на свежего человека «однушка», уставленная чашками с коричневым кофейным налетом внутри, производила сильное впечатление. Меня-то таким не прошибешь, но вот ее собственную маму это в свое время изрядно шокировало. По-моему, бедная женщина даже засомневалась, ее ли это дочь. Так что — кто бы говорил!

— Ты куда запропал-то? — Маринка, похоже, тоже была не прочь сменить тему. Она с удовольствием критиковала всех на свете, начиная от покойного Николая Коперника и заканчивая вполне себе здравствующим Дональдом Трампом, но терпеть не могла, когда указывали на ее какие-то недостатки.

Впрочем, подобной слабостью может похвастаться половина населения земного шара.

— За городом был. — Я включил чайник. — Ты если кофе хочешь, то сама себе его бодряжь. Ты ж вечно недовольна — то он для тебя слишком крепкий, то чересчур слабый.

— За городом — это понятно. Чего к телефону не подходил?

— Так сел он, — выдал я самую что ни на есть правду. — А зарядить было проблематично.

— Мы тебя искали, — поделилась уже известной мне от подъездного новостью Маринка. — Стас звезды обмывал, очень хотел с тобой выпить.

— Да? — я изобразил печаль. — Экая досада! Ну да ладно, он парень шустрый, скоро, глядишь, еще повышение получит. Тогда это дело комплексно и провернем.

— Кто, Стас? — в голосе Маринки прозвучало немалое уважение, что для нее было редкостью. — К гадалке не ходи, так и будет. Реально целеустремленный человек. Поверь, я еще буду в копирайтерах бегать, а он уже куда-нибудь в центральный аппарат МВД уйдет, причем сразу на серьезную должность.

Верю. У меня такое же впечатление о нем сложилось. Кстати — надо будет позвонить и поздравить его с повышением. Помимо того, что он человек хороший, он еще и очень полезный. Этот парень умеет не только кого-то ловить или отыскивать, как, например, Нифонтов. Еще он умеет делать то, что особо ценится в сотрудниках правоохранительных органов, но при этом нечасто встречается в их среде. Он умеет «решать вопросы». Это отдельный талант, данный не каждому. У Стаса он есть, и хотя бы только поэтому с ним стоит, как минимум, приятельствовать. Хотя он еще и по жизни парень неплохой, так что рад я за него неподдельно.

— Между прочим, о гадалках. — Марина сыпанула в кружку кофе, добавила пару ложек сахара и плеснула туда кипятку. — Ты в курсе, что покойный Артем Сергеевич большие деньги тратил на оккультизм?

— А то это так было непонятно? — съязвил я. — Вспомни, чем он промышлял на кладбищах. От больших денег каждый сходит с ума по-своему.

— Да нет, я не о том, — подула на горячий напиток соседка. — На вполне легальный, имеется в виду. Пару газет содержал, вроде «Таинственные знаки судьбы», еще куда-то там вкладывался. А главным его детищем было «Магическое противостояние». Ну знаешь, рейтинговое реалити, где забавно одетые люди с закрытыми глазами ищут, где в пустой комнате пакет с молоком спрятан, а ведущий их по полной троллит. Народу очень нравится.

Народу, говоришь? Да что там народу, нечисть — и та смотрит, открыв рот.

— Хана, стало быть, теперь этому противостоянию, — позлорадствовал я. — Некому в отважных бойцов финансовые вливания делать, а без этого любая магия захиреет. Особенно телевизионная.

— Шиш тебе. — Маринка снова отпила кофе. — Хоть лидер и отбыл в мир иной, но его компания продолжила финансирование программы. И очень не кислое по суммам, можешь мне поверить.

— Ну и хорошо. — Я не понимал, куда она гнет, но на всякий случай изобразил радостную улыбку. — Пусть себе дальше развлекаются. Особенно если народу в радость.

— И я буду в этой программе участвовать, — закончила свою мысль Маринка.

— Чего? — опешил я. — Ты?

— Я, — гордо сказала соседка. — Первые съемки на следующей неделе. Так что я тебе теперь не просто: «Эй, здорово, Маринео», а белая колдунья Мариния.

Услышанное было уже перебором, потому я захохотал во все горло, прекрасно, правда, понимая, что этого она мне не простит.

— Мариния! — всхлипывал я. — Убиться об стену!

— Скотина ты, Смолин! — у моей приятельницы покраснели щеки. — Чего? Красиво же!

— Нет, там все один чуднее другого, но с таким именем тебя в сети точно на запчасти разберут, — сквозь смех попытался объяснить ей я. — Но это ладно. Ты скажи мне другое — на кой тебе вообще этот цирк? Я понимаю, что попиариться для журналиста — это святое, но не настолько же твои дела плохи?

Маринка помолчала, посопела, обиженно на меня позыркала, после достала сигарету, прикурила ее и таинственным голосом сказала:

— Общность интересов!

Как видно, она решила, что данного объяснения мне за глаза хватит.

— Плоскопечатно! — в тон ей ответил я, прищурился и эдак таинственно покачал головой.

— Смолин, с тобой положительно стало невозможно иметь дело, — возмутилась Маринка. — Это капец какой-то просто!

— Объясняй все по-людски, раз уж решила со мной поделиться чем-то, тогда и реакция на твои слова будет соответствующая, — уже нормальным голосом произнес я. — Что за общность интересов?

— Короче, с этим шоу все не так уж просто. — Маринка стряхнула пепел в чашку. — Стас — он темнила хороший, но я так поняла, что к нему есть какие-то интересы у УБЭПа. Ну или как их там теперь называют?

— Опять непонятно, — изумился я. — УБЭП — это прекрасно, но Стас в СКМ работает, причем районном. И не начальником, а рядовым опером. Где он, и где эти душители коррупции?

— Стас говорил что-то насчет взаимозачета. — Соседка поболтала ногой. — Там у них, силовиков, на самом деле все очень тесно завязано. Но я думаю, что они какую-то свою операцию мутят, где и Стас, и я только статисты. А может, даже и не они, а фсбшники. Мне говорили, что за операциями УБЭПа часто именно они стоят. Да и это реалии только предлог, чтобы подобраться поближе к темным делам покойничка. И, само собой, к его деньгам. Состояние-то немалое осталось, его сейчас приближенные этого психа на куски рвут.

— Хочешь совет, Мариния? — побарабанил пальцами по столешнице я. — Не лезла бы ты туда. Материал, конечно, может выйти козырный, спора нет, но вот только не стоит оно того. Голова и здоровье дороже.

— Эксклюзив, — веско проговорила Маринка. — И публикация в серьезном издании из верхушки рейтингового топа, с последующим трудоустройством. Рычагов давления у этих ребят много, и как раз это говорит о том, что тут без «федералов» не обошлось. Мне такая публикация не помешает, как, ради правды, и умеренная скандальность. Сам знаешь, сейчас в прессе востребован не только талант, но и лихая слава.

— Нелогично это, — подумав немного, сказал я. — У них что, своих сотрудников не хватает? Зачем в эту, скажем так, операцию, привлекать сторонних людей, да еще и журналистку? Все знают, что пресса и «силовики» не сильно большие друзья. Вы им кровь портите, они вам красивых девочек из пресс-центра присылают и при первом удобном случае козью морду устраивают. Вот и выходит, что не сходитесь задачка.

— Какой ты все-таки зануда, Смолин. — Маринка перегнулась через стол и щелкнула меня по носу. — Ну да, мутность имеется, но мне на это, признаться, насрать. Может, люди сверху хотят не слишком себя светить, может, они сочли более разумным использовать сначала «винтики» вроде меня и Стаса, чтобы в нужный момент явиться перед всеми, гремя огнем и сверкая блеском стали. Да и пофигу. Мне важен тот факт, что эту полянку можно неслабо окучить в профессиональном плане.

— Хозяин — барин, — согласился с ней я. — А от меня-то ты чего хочешь в этой связи? К чему это все рассказала? Если нужно благословение или разрешение, так я не против, развлекайся. Только все-таки имя смени на более благозвучное. Точнее — не такое дурацкое.

— Я с ним делюсь сокровенным, как с другом, а он... — возмутилась Маринка. — Мне твое разрешение на фиг не нужно, я девочка взрослая. Просто хотела, чтобы ты об этом всем знал.

— Ну вот, знаю, — хмыкнул я. — И чего? Уже ведь сказал — стремно это все и пахнет скверно. Но ты же все одно к моему мнению не прислушаешься.

В этот момент за спиной Маринки тихонько приподнялась прямоугольная решетка, закрывающая вентиляционное отверстие, и в нем показался Вавила Силыч, который начал активно жестикулировать, показывая на мою соседку и давая понять, чтобы я ее не вздумал отговаривать. Судя по всему, подъездный очень хотел, чтобы наша красавица приняла участие в телешоу. Уж не знаю, на кой ему это надо. Может, наличие личной магессы в нашем доме поднимет его престиж среди соседей, а может, даже как-то скажется на получении главного ежегодного переходящего приза московских домовых, которым является некий деревянный посох с камушком в наверхии, по рассказам приносящий удачу тому району, который им в данное время владеет.

А может, подъездные просто хотят за нее «поболеть». За своего «болеть» всегда приятней, чем за чужого. Мы-то, люди, в конце концов, тоже за нашу сборную по футболу болеем, и всякий раз надеемся на чудо.

— Саш, я ведь знаю, что ты каким-то краем ко всей этой мистической небывальщине отношение имеешь, — тихо и очень серьезно произнесла Марина. — Не знаю, как ты во все это впутался, не знаю, почему, но уверена, что так оно и есть. Я помню все, что было той ночью в лесу, до последнего слова. И вижу, как ты изменился за этот месяц. Нет, вроде бы все то же самое, но твой всегдашний инфантилизм как-то вдруг взял и пропал без следа, а

вместо него появилось что-то новое. Не могу пока понять, что именно, но так оно и есть на самом деле. И, если тебе интересно, могу еще сказать, что это новое мне лично очень нравится. А еще я хочу тебя спросить — если вдруг я влезу во что-то, с чем не смогу разобраться сама, то могу на тебя рассчитывать?

— Разве у меня есть выбор? — удивился я. — Даже если скажу «нет», то твои проблемы все равно станут моими. Ты просто придешь и поставишь меня перед фактом.

— Раньше так и было бы, — призналась Марина. — Но не теперь. Я же говорю — ты меняешься, и очень быстро. И скоро ты научишься говорить людям «нет».

— Но пока я скажу «да».

Вавила Силыч радостно сцепил ладони, изобразил нечто вроде знака «салют», и скрылся в вентиляционной шахте.

— Тогда позволяю тебе выбрать мне новое имя, — величественно произнесла Маринка.

— О как, — фыркнул я. — Дай еды, дай ложку, а желудок у меня свой. Ладно. Как по мне, надо что-то такое, длинное, красивое и незаезженное. Э-э-э-э-э... Верховная друидесса Великого Края.

— Друидесса? — Маринка поморщилась. — Откуда у нас друиды? У нас не Англия, слава богу.

— Ну не «ведьма» же? — возразил я. — Там ведьм и без тебя как грязи. Кто у нас еще есть? Ведуньи, колдуньи...

— Матушки и бабушки, — добавила соседка. — Но это вообще не мое.

— Для наяды ты уже... — я хотел сказать «старовата», но вовремя прикусил язык. За такое меня и препарировать на месте могут. — О, придумал! Верховная дриада Восточных пределов Марена Великая.

Решетка снова открылась, в проеме появился Вавила Силыч с вытаращенными глазами и постучал себя узловатым пальцем по лбу.

А вот это любопытно. Понятно, что он среагировал на имя «Марена». Значит, что-то знает. И я его как следует спрошу об этом.

Но, вообще, это шутка была, так что волноваться ему не о чем. Ни один нормальный человек себя так не назовет. Даже участники «Магического противостояния», а уж чуднее тамошней публики не найти.

— Марена. — Маринка скорчила гримаску. — Моя версия имени была не фонтан, согласна. Но это немногим лучше.

— Ну и будь самой собой, — предложил я.

И в самом деле — не лучшая идея лишний раз козырять именем такой богини. Может, ее и нет. А если все-таки есть?

— И правда! — внезапно развеселилась соседка. — Чего мудрить? А вообще, мне нравится! Верховная дриада Восточных пределов Марина... Нет, не Великая, это не то. Я буду Марина Лучезарная.

123

Глава 8

Вспоминая этот разговор с соседкой, я еще долго то и дело ухмылялся. Она так и не поняла, что я шутил, и, похоже, на полном серьезе собралась участвовать в реалити под предложенным мной вариантом имени. Впрочем — да и ладно. Пусть развлекается, флаг ей в руки, ветер в спину, электричку навстречу.

Но ведь что интересно — я так и не смог у нее допытаться, это каким же таким хитрым способом ее в шоу запихнут. Сезон в разгаре, состав участников не то что давно сформирован, а даже уже маленько поредел, поскольку по хрестоматийным правилам любого «реалити» его то и дело кто-то покидает. Драматизм жизни в иллюзорном действии — это основа нынешнего телевидения.

И тут — на тебе, пожаловала новенькая ни с того ни с сего. Верховная, понимаешь, дриада. Чтобы такое повернуть, надо иметь нехилый рычаг, причем не творческий, а финансовый. Или силовой.

Что-то такое там было, но что именно, Маринка мне не сказала. Шутила, показывала язык, дразнилась, всячески уводила разговор в сторону.

Ну да и ладно. Не хочет говорить — не надо, я не настаиваю. Меньше знаешь — лучше спишь.

Но вышло забавно. Непременно через неделю составлю компанию подъездным и Родьке, посижу у телевизора, похрущу чипсами, поболею за соседку. На этой-то неделе программа

еще без нее будет транслироваться, а вот на следующей уже да, наша звезда пойдет штурмовать магические бастионы.

Ну кому-то топтать к славе, а кому-то отправляться на службу. Я из второй категории. Врать не буду, на работу шел без особого энтузиазма. Во-первых, после отпуска невозможно испытывать подъем рабочего духа. Ты уже привык жить так, как того хочется тебе лично, а тут надо снова вгонять себя в рамки распорядка, соблюдать рабочий график и дресс-код. Во-вторых, всякий служилый человек после отпуска подсознательно готовится к тому, что за время его отсутствия на работе непременно вскрылся некий давний грешок, к которому ты имеешь отношение. Все остальные уже за него получили по полной и живут себе спокойно, а тебе это только предстоит. Причем они огребали коллективно, и потому им было проще, а тебя будут препарировать индивидуально, что само по себе крайне неприятно.

Но что интересно — если раньше перед выходом из отпуска меня все это крайне беспокоило, то сейчас на душе было просто немного тревожно, но не более того. Я не рисовал себе в воображении картины, где меня прессингуют «безопасники» и «кадровики», не переживал за то, что возможно придется писать какие-то объяснительные. Мне все это казалось каким-то не слишком стоящим, что ли?

Даже не так.

Это все было не слишком заслуживающим пристального внимания. Ну что мне сможет сделать тот же Силуянов, хоть он и начальник службы безопасности? Погрозить пальцем? Прикрикнуть? Ударить рублем? Подобного бояться просто нелепо. Даже странно, что раньше я так загонялся по этому поводу.

По сравнению с тем, что я уже повидал, это все детские игры на лужайке.

Хотя удара по карману не хотелось бы. Денег осталось маловато, и потерять десять процентов от зарплаты в виде штрафа за какое-то надуманное нарушение мне хочется меньше всего.

Но если это случится, то не завидую тому, кто инициирует данную меру. Я в книге вычитал неплохой рецепт одного зелья, так вот на этом человеке его и опробую. Создателем его был все тот же проказливый Митрий, что для меня являлось уже практически знаком качества. Если к зелью приложил руку Митрий, то простота изготовления и эффективность применения гарантированы.

Кстати, со временем вскрылась еще одна интересная особенность полученной мной книги. Там то и дело появлялись записи и рецепты, которых еще недавно не было. И наоборот — какие-то записи пропадали, будто их и не существовало. Как и почему такое происходит, я так и не понял. А спросить не у кого.

Так вот — новое зелье от Митрия. Ума не приложу, зачем подобное ему могло понадобиться? Сами посудите: «Зелье сие для человека суть безвредно, и трубухе вреда какого не нанесет. Рожу же скверкает тако, что страх. Три дни свести то возможности никакой не будет, но ежли по их исходу дать взвар ромашки, девясила да хвои еловой (не сосновой), смешанной по три да три меры каждой, да кипяченой в текучей воде, да с пермяцкой солью (полторы меры, не боле), то рожа прежней станет. А ежли без него обойтись, то ще четыре дни ждать надо, чрез них обратно все как было вернется».

Повторюсь — не знаю, зачем именно Митрий такое зелье сотворил. С учетом того, что при жизни он был изрядный плут и гуляка, вариантов может быть масса. Может, какой нестоворчивой девке сыпанул, за то, что та ему не дала. Или какому сопернику в амурных делах в пиво подмешал, за то, что тот более удачлив. А может, еще зачем, поди теперь узнай.

И если уж совсем честно, мне очень хотелось глянуть, как именно это дело рожу «скверкает». Вот только на себе подобное проверять — это уже перебор.

Но просто для «посмотреть» такие вещи делать я не стану. Неправильно это. А вот за придирки, за выдуманные «косяки» кое-кого жалеть не буду.

Несмотря на такое свое непривычное новое отношение к службе, из дома я все равно вышел с запасом. Просто здраво рассудил, что в первый день после отпуска нарываться не стоит. И вообще — уверенность в себе — это прекрасно, и новые познания о мире тоже, но лезть на рожон стоит только тогда, когда свежеепеченные амбиции будут поддержаны альтернативными источниками дохода.

Впрочем, все вышло как обычно. То есть — потенциальные беды не подтвердились, оставшись только тревожными фантазиями. Да и вообще ничего в банке не изменилось — всё те же, всё там же. Ничего без меня не рухнуло, ничего не поломалось. Людям вообще свойственно переоценивать свою производственную ценность. Что обычно говорят те, кто увольняется не сильно по своей воле? Ну или по большой обиде, частенько ими же самими и выдуманной? Правильно, вот это:

— Я посмотрю, как они тут без меня справятся.

Ну или что-нибудь подобное.

Часть правды в этих словах есть, особенно если этот человек и вправду был неплохим специалистом. Хотя таких как раз и увольняют, и отпускают, как правило, неохотно. И подобными словами они не бросаются.

Тем не менее — да, на первых порах после ухода разобиженного сотрудника могут возникать разнообразные накладки. А если перед этим ухोдивший еще и жесткий диск своего компьютера почистил, стерев все наработки, так и вовсе жизнь оставшихся может усложниться.

Но — ненадолго. Неделя, две — и все, про свалившего в закат сотрудника особо никто и вспоминать не будет. Жизнь не стоит на месте, и даже если офис похож на стоячее болото, где каждый последующий день похож на предыдущий, в нем все равно что-то да происходит. «Днюхи», рабочие «романы» разных степеней тяжести, с каждым годом все возрастающая мания величия шефа — да мало ли чего может приключиться?

А еще через пару-тройку месяцев человека вовсе забудут, как и не было его никогда.

Особенно если он и в бытность свою ничем никогда не блистал. Как я, например.

Кстати — мое трехнедельное отсутствие тоже никто особо не заметил.

Впрочем, вру, забыл о своих соратниках по отделу. Оно и понятно — им же мою ляжку приходилось тянуть, пока я где-то там прохладился. А еще в магазин самим ходить по жаре, уговаривать кого-то поставить новую бутылку с водой на кулер и за неимением меня оттачивать свое остроумие друг на друге.

Так что Ленка и Наташка обрадовались моему возвращению. Не скажу, что окружили трогательной заботой, но нечто вроде этого имело место быть. Они выдали мне шоколадную конфету, оставшуюся после чьего-то дня рождения, и засыпали новостями о том, что произошло за время моего отпуска.

— А Левина из кредитного, по ходу, опять в «декрет» собралась! — вытаращив глаза, вещала Ленка.

— Опять! — поддержала ее Наташка. — Прикинь, это у нее уже четвертый ребенок будет!

Куда ей столько? Тут с одним-то непонятно что делать, а там четыре!

— Я так думаю, что она вообще не человек, — неожиданно подытожила Ленка.

— А кто же она? — чуть не поперхнувшись конфетой, спросил я.

Чего-чего, а подобных фраз тут я не ожидал.

— Ксерокс, — без тени улыбки пояснила Ленка.

— Да все они там, в кредитном, хороши, — обвинительно произнесла Наташка. — Одна из «декрета», другая в него. По кругу рожают, а работать некому. Если какой документ у них надо получить, то каблучки сточишь, за ним бегая — людей-то вечно не хватает.

— А еще поговаривают, что Силуянов на Немирову глаз положил, — хитро блеснула очочками Ленка. — Да-да-да. Они то и дело у нее в кабинете сидят, чай пьют, и все при закрытых дверях.

О как. Это интересно. Помнится, эти двое в свое время начали тесно общаться благодаря мне. Ну как мне казалось. А тут вон чего! Ну и дай им бог!

Я даже ощутил себя неким купидончиком. Свел, понимаешь, два одиночества. Теперь главное, чтобы муж Немировой и жена Силуянова про это не узнали. Любовь — любовью, но зачем семьи рушить?

Следом за этими новостями последовала еще одна событийная охапка, уже, правда, с не настолько глобальными, в офисном разрезе, масштабами. Все как всегда — скандалы, интриги, расследования.

В принципе, любой современный офис — это наш мир в миниатюре, со своими героями, злодеями, диктаторами, вольнодумцами, распутницами и всем остальным, что есть на Земле. Человек, впервые попавший в этот мир, похож на младенца, хлопающего глазами, пускающего пузыри и неуверенно что-то бубнящего. Проходит время, он взрослеет, мужает и в результате находит свое место в сложном социуме под названием «коллектив», получает некую социальную роль и играет ее до того момента, пока не будет подписан «обходной» лист.

Этот мир можно любить, можно не любить, но мы в нем живем. Здесь мы проводим по девять-десять часов в день и видим лица соседей по кабинету чаще, больше и дольше, чем лица родных и близких. Дома мы спим, а тут — живем. В какой-то момент начинает казаться, что там иллюзия, а тут — реальность. Просто здесь мы себя ощущаем в своей тарелке, здесь все привычнее, что ли.

Нас называют «планктон», нас называют «офисные жители». Да, мы именно это и есть. Мы мельчайшие создания в огромном городском океане, но без нас вымрут крупнейшие его водоплавающие. Им просто будет нечего есть. Мы — то, что бурлит в кровеносных сосудах всех столиц, мы то, без чего невозможно представить лицо любого города любой страны мира.

Это не гордость и не подчеркивание статуса, не громкое заявление, вроде: «вот мы какие, завидуйте». Нет-нет-нет. Это не более чем констатация факта. Просто — мы есть. Это факт, и с ним надо считаться.

Тем более что завидовать тут особо нечему. Наша жизнь не так весела, как может показаться со стороны.

А еще офисная жизнь — это четкий ритм. Перемещения клерков в пространстве любого офиса только на первый взгляд напоминают броуновское движение, на самом деле все подчинено строгой логике событий. Каждый знает свое место, каждый знает, что и когда ему надо делать. И что ему не делать, он тоже знает. Фраза: «Этого в моей должностной инструкции нет» вбита в черепную коробку клерка намертво. Как, собственно, и вся должностная дословно. Я уже говорил — если ты сдуру выполнишь чью-то работу хоть однажды, то в следующий раз ее тебе впихнут насильно, мотивируя тем, что ты сам впрягся в эти сани.

Так вот — ритм. Он затягивает человека приблизительно так же, как дудочка костлявого индуса-заклинателя зачаровывает кобру. В однообразных трудах и заботах дни проскальзывают один за другим. Вроде только-только был понедельник, а вот уже и пятница. Что дни! Месяцы незаметно складываются в годы. И в этом будничном кружении есть свое очарование, смею вас заверить. Имя ему — стабильность.

Вот и я снова завертелся на этой карусели. Через пару-тройку дней привычное бытие потихоньку, помаленьку начало вытеснять у меня из головы воспоминания и о Лозовке, и о Нифонтове с его задиристой напарницей, и обо всем остальном. Не то чтобы совсем, но привычный мир, тот, что был раньше, противореча моим же недавним мыслям, внезапно показался мне более устойчивым и привлекательным, чем новый, в который я поневоле окунулся с головой за последний месяц. Здесь все просто, понятно, а там...

Разумеется, от полученной мной силы отмахнуться не получится, сделанного не воротишь, но вот только как эти два мира соединить в один, я не знаю пока.

Нет, я так же вечерами изучал книгу, общался с Родькой и Вавилой Силычем, но некая новизна, та, что меня подкупала в самом начале, как-то исчезла и поблекла.

Но более всего давило осознание того, что меня ждет выбор. Раньше или позже мне придется выбрать что-то одно, это я понимал предельно точно. Не получится сидеть на двух стульях сразу. А если говорить совсем уж прямо, то придется решать, что мне ближе, что мне нужнее. И — с кем я.

Точнее, к какому из миров я теперь принадлежу в большей степени. Ведь от этого зависит то, как я буду воспринимать действительность и в соответствии с моральными нормами какого именно пласта бытия буду поступать в том или ином случае.

И прямое подтверждение этим своим мыслям я получил уже в ближайший четверг.

Все в этот день было как всегда. Разве что духота была совершенно уж невозможная, что в здании, что на улице. Но оно и понятно — все новостные сайты с самого утра твердили, что на Москву откуда-то с запада напалает гроза. Не в смысле — НАТО лихо расширилось на восток, а именно что гроза, с порывистым ветром и всем таким. А перед грозой, как известно, всегда дышать нечем.

И тут мне еще, как назло, понадобилось сходить в операционный зал за документами.

Обливаясь потом и тихонько сквернословя сквозь зубы, я добрал до него и был неприятно удивлен, увидев, что Анька Потапова, которая, собственно, мне была нужна, обслуживает какую-то старушку. Причем сразу было ясно, что это надолго, так как старушка эта уже обложила стопками бумаг, вроде выписок со счетов, открытых во времена царя Гороха, и облигаций государственного займа 1949 года. Таким бабушкам важен не процесс получения какой-то конкретной информации, они сюда пообщаться приходят. Они уже давно усвоили, что операционистки коммерческих банков и девочки с любых ресепшен в наше время являются самыми бесправными категориями населения. Они обязаны выслушать любой бред и никого не имеют права послать куда подальше. Корпоративный этикет им это запрещает делать. Медсестра в регистратуре поликлиники послать может, фармацевт в аптеке тоже запросто это сделает, даже продавец в магазине имеет такую возможность, тем более что последним вообще терять нечего. А операционистка почти наверняка не пошлет. Во-первых, она ко всему привычная, во-вторых, в банках камер понатыкано много. «Волчий билет» никому не нужен.

Вот они и ходят сюда мозг девчонкам вымораживать. Ну и водички из кулера попить. Им отчего-то очень нравится, как в стаканчик вода течет, а бутылка в это время бурлит и пузыри пускает. Типа аттракцион.

Впрочем, меня с этим фактом немного примирила приятная прохлада, которая стояла в операционном. Мы клиентоориентированный банк, потому кондиционеры здесь всегда были исправны.

С наслаждением ощущая, как холодок чуть щиплет мою спину, проникая через залубенешную от пота сорочку, я стал раздумывать, с кем бы зацепиться языками, чтобы скоротать время. Просто пока Анна пройдет все подводные камни разговора с бабулей-божьим одуванчиком, то есть прошагает от особенностей всех денежных реформ, начиная со сталинской, той, что происходила в 1947 году, до аксиомы, что развалили демократы чертовы СССР, времени пройдет немало. Не так же просто на стульчике сидеть. Да и потом — ничего не делающий сотрудник сразу виден во все камеры. Силуянов меня за эти дни ни разу не побеспокоил, но это не означает, что он за мной не наблюдает. Почему-то мне думается, что наоборот, во все глаза смотрит. И все фиксирует. Вот просто спинным мозгом это чувствую.

Тут как раз Сашка Вязьмина направилась к ксероксу с толстой пачкой бумаг. Не самая плохая компания для необременяющего трепа, решил я, и было пошел к ней, но тут же остановился и потер глаза.

Просто мне показалось, что я стал на секунду хуже видеть. Точнее — дымка какая-то в них появилась, и находилась она в аккурат над толстяком в дорогом костюме, который стоял у стойки депозитария. Ну так мы называли полукруглый массивный стол, за которым сидел Виктор Гусаров, он же «Витод», главный специалист по «ящичкам». Он у нас в банке отвечал за депозитарий, то есть за то место, куда люди без страха могут спрятать что угодно, и спать с этого дня спокойно, не боясь воров и громил. Место это являлось, по сути, одним большим сейфом с двумя массивными стальными дверями. Любой желающий мог снять себе на время кусочек личного пространства в этом сейфе, и называлось это пространство депозитарной ячейкой.

Толстяк, похоже, как раз и собирался это сделать. Но это ладно, до него мне и дела нет. А вот дымка над ним была, право слово, прелюбопытнейшая.

Это не обман зрения, все у меня с ним нормально. Над толстяком, прямо над его лысой макушкой, вилось нечто серое и бесформенное. Точнее — многоформенное. Оно то собиралось в некое подобие тучки, то расплеталось длинной серой змеей, плотно обвивая плечи облюбованного им человека.

А еще я почувствовал, что это существо оживает над ним не просто так. И добра соседство с ним толстяку не принесет.

Потом же все стало еще чуднее. У меня возникло ощущение, что эта самая дымка меня учуяла, потому что в какой-то момент она дернулась, застыла на месте, а после вновь приняла змееподобную вытянутую форму и словно завертела головой. Точнее — тем, что как-то можно было подобным образом назвать. И увидела меня.

Нет, ничего такого, что обычно показывают в фильмах ужасов, не произошло. Никакая страшная рожа из дымки не сплелась и пасть, полную зубов, мне не показала. И холодом сверх «кондейной» меры меня тоже не обдало. Просто эта неведомая субстанция поплотнее обвила плечи клиента банка, как бы давая мне понять, что это ее собственность. И что лезть на ее территорию не стоит.

Впрочем, я и не собирался ничего подобного делать. Да и что я мог предпринять? Сказать этому человеку, что вокруг него, как черный ворон, вьется непонятное нечто? Я ведь и сам не знал, что именно это такое. То ли овеществленное проклятие, то ли вовсе какая-то неведомая пакость, про которую мне ничего пока неизвестно. И при этом вижу ее только я. В лучшем случае дело кончится скандалом, в худшем меня отправят на медицинское освидетельствование. Банку не нужны сотрудники с психическими отклонениями. По крайней мере, ярко выраженными.

— Ячейку мне надо, — тем временем твердил толстяк, вытирая багровую шею носовым платком. — Самую большую. Такая у вас есть, размером с хорошую коробку. Мне маленькая не подойдет.

— Есть сейчас одна такая свободная, — сверился Виктор с компьютером. — Значит, оформляем договор?

— Оформляем, — подтвердил толстяк. — Вот паспорт.

Я еще раз кинул взгляд на пакостную дымку и пошел себе к Сашке, которая уже всю ксерила документы.

Вечером, для очистки совести, я спросил у Вавилы Силыча и Родьки, что же это было такое, но ответа не получил. Ну с Родькой все понятно стало сразу, он вытаращил глаза и начал нести какую-то ахинею о том, что в мире настолько много всего разного есть — ужас просто! И это разное человеческому разумению недоступно. А вот подьездный — это другое дело. То ли он и вправду не знал, о чем я веду речь, то ли просто не захотел отвечать, что мне кажется более вероятным. Такое случается, я это давно подметил. Я так думаю, что он для себя определил темы, на которые со мной можно говорить, а на какие нет, и придерживается намеченного плана. Чем именно он в этом вопросе руководствуется, какими нравственными или бытовыми нормами — не знаю. Но факт есть факт — иной раз

вижу, что известно ему что-то, а говорить он про это ни в какую не желает. И ведь ничего с ним не сделаешь и никак его не уговоришь. «Нет, не знаю» — и все тут.

Я так думаю, что у них, в мире Ночи, все очень точно разграничено. Что, как, куда почему. Это у нас, людей, все границы мироздания давно сдвинулись, и принцип «здесь мое, здесь твое» работает плохо. У нас как? «Если это твое, но мне этого очень хочется, то все-таки можно». Особенно если потом за это ничего не будет. Да даже если и будет — после любого деяния, даже самого отвратного, ведь всегда можно поплакать, покаяться, списать все на оговор, врагов или водку, нанять адвоката, найти подставное лицо. Ну а Небесный суд... То ли он есть, то ли его нет — поди знай. Попадем ТУДА — тогда узнаем. Но пока мы ЗДЕСЬ — и это главное. Я не берусь судить, насколько это хорошо или плохо, просто так есть. Людской суд давно перестал быть тем, ради чего когда-то создавался. Но искренне надеюсь, что в конце пути каждый из нас на самом деле получит по делам своим. Сполна и честно.

А у них — нет. Твое — это твое, мое — это мое. И они не переступают границы даже тогда, когда этого никто не видит. И даже если про это никто не узнает. Не скажу, что меня это восхищает, но уважение вызывает, без дураков.

Правда, это касается только сущностей вроде того же Вавилы Силыча, так сказать, природных. Крепко подозреваю, что люди, пришедшие в их мир, не сильно отличаются от самих себя прежних, и принесли сюда все свои замашки. Я вот каким был, таким и остался. Поздно мне меняться в нравственном смысле, уж какой есть, такой и есть. Но мне стесняться особо нечего, я и в своей былой жизни всегда предпочитал играть по правилам. Так спокойнее и надежнее, если что, мне предьявить будет нечего.

Но то я. А вот другие... Да хоть бы даже тот хмырь, который заклинание призвания зверя из Тьмы кому-то там продал. Это по любому против всех правил. Однако же вот, есть. Интересно, Нифонтов его уже схомутал или еще нет? Но звонить выяснять не стану. Ну на фиг, подобный звонок себе дорожке может выйти.

Вот так, за всеми этими невеселыми мыслями, я и дожил до выходных. Вдобавок в Москву следом за грозой пришли серые тягучие дожди, и это тоже не добавляло оптимизма. Особенно в свете того, что субботним вечером мне следовало направиться в гости к Хозяину Кладбища. Это ведь тот визит, который не перенесешь, даже учитывая то, что за окном дождь и ехать куда-то совершенно неохота. Тут не получится позвонить и что-то наврать. Хотя бы потому, что у него смартфона нет.

Как видно кто-то сверху, тот, кто распорядился погодой, все-таки оценил мою честность, и, когда я вылез из такси, которое доставило меня на кладбище, дождя не было. Темное вечернее небо было затянуто тучами, но мерзкая мокрая труха, которая сегодня сыпала с него весь день, отсутствовала.

Но все равно мне было крайне неудобно. С дождями в город пришло и похолодание, вокруг было сыро и серо. И безлюдно.

Поежившись, я направился к воротам, которые, на мою великую радость, еще были открыты. Я специально выехал из дома пораньше, опасаясь того, что, приехав к полуночи, просто-напросто не попаду внутрь, на кладбищенскую территорию. Тогда, в прошлый визит, со мной был Нифонтов, а при нем соответствующее удостоверение. А у меня ничего такого нет, потому местный служитель, мужик бородатый и лютый, запросто может меня послать. Нет, есть аргументы, которые я смогу пустить в ход, вроде пятисотрублевой бумажки, но не хотелось бы.

Правда, был еще вариант честно ему сказать, куда и зачем я иду. По прошлой нашей беседе мне показалось, что он немного в курсе того, что помимо официальной кладбищенской жизни есть еще и неофициальная не-жизнь. Звучит жутко, но так ведь оно и есть на самом деле?

Полагаю, что живя при мертвых, он не может не знать, что именно происходит на ночных дорожках некрополя. Но будут ли мои слова для него достаточным аргументом?

Но договариваться не пришлось, благо я успел до закрытия ворот. Правда, мне придется еще какое-то время нарезать круги по территории, мокрой и неудобной, но это ладно. А ведь думал, что опоздаю. Дожди спугнули горожан, и они вместо дач рванули в торговые центры, а потому на дорогах возникли «пробки» похуже, чем в иной будний день, так что весь мой резерв времени накрылся медным тазом.

На аллеях некрополя и впрямь было невесело. Кладбище — это ведь маленький анклав мертвых в огромном царстве живых. Здесь все не так, как у нас, здесь даже законы природы действуют немного по-другому, отлично от остального мира. Вот у входа еще только сумерки, а тут уже совсем темно, тут уже наступила ночь. Или деревья. В городе, несмотря на пришедшие холода, по-прежнему царит зелень лета, а здесь, в месте вечной печали, первые листья уже упали на тротуарную плитку дорожек. Сюда уже нагрянула ранняя осень. Хотя это и понятно. В мире мертвых нет места радости, нет места цветению, это все

осталось там, за воротами, где кипит жизнь, где люди верят в то, что они будут жить всегда, и дают друг другу клятвы, которым не суждено сбыться никогда.

Я бродил между могил, подмечая то, чего в прежние визиты свои не замечал. Например — несмотря на густую темноту, я теперь все прекрасно видел. Не так, как при дневном свете, немного по-другому, но более чем отчетливо. Это чем-то напоминало мир, каким он предстает в приборе ночного видения, только без приторной зелени вокруг.

Еще я ощущал присутствие живых и неживых существей. Нет, людей вокруг не было, но зато зверья хватало. Например, в какой-то момент дорогу мне пересекла лиса, спешившая куда-то по своим делам. Никогда бы не подумал, что в городе можно встретить эту рыжую охотницу. И тем не менее — пожалуйста.

Что примечательно — она меня совершенно не боялась. Такое ощущение, что плутовка воспринимала меня как часть пейзажа или своего привычного мира.

Что до неживых — пару раз у меня опять пытались вызнать имя, правда, если первый прохиндей так и не понял, с кем имеет дело, то вторая сущность оказалась посмекалистей, распознала во мне ведьмака, сплюнула и исчезла во мгновение ока.

Больше меня никто не беспокоил.

Еще я встретил грустную девушку, похоже, что из недавно, может, даже сегодня, похороненных. Она потерянно стояла около своей могилы и печально смотрела на венки, во множестве лежавшие на ней.

Мне отчего-то так жалко ее стало, что я уж было собрался к ней подойти, как-то приободрить, но потом подумал и не стал этого делать. Помочь я ей ничем не помогу, даже отпустить ее туда, наверх, не в состоянии, поскольку не в моем это праве. Тут владения Хозяина Кладбища, и, даже если мне будет кого-то очень жалко, против его воли я не пойду. Это слишком небезопасно.

А давать ложную надежду на то, что все еще устроится, я этой бедняжке не хочу.

Прогуливаясь, я вроде как расхотелся, согрелся. Да и стылости тут особой не было.

Влажность — да, воздух был сыроват, но не более того.

Ну а потом за мной пожаловал старый знакомец в забавном сюртуке, все с тем же фонарем в руке. Тот, что некогда провожал меня и Нифонтова к Хозяину Кладбища.

— Опять ты? — узнал он меня. — Зачастил ты к нам. А приятель твой где?

— Один я сегодня, — холодно ответил я. — Веди уже.

— Шаромыжник этот твой приятель! — зло выкрикнул бывший шулер и топнул ногой по земле. — Прохиндей! И приятельница его тоже! Так меня в карты надуть!!! Меня!!!

Похоже, что речь идет все о той же ночной прогулке. Тогда Николай обещал этому колоритному прощелыге карточную игру по высоким ставкам. И сдержал свое слово. Вот только результат вышел не тот, которого ожидал потусторонний любитель азартных забав.

— Не садись играть с незнакомыми людьми, — посоветовал я разбушевавшемуся призраку. — И пошли уже. Меня ждут, если ты не знаешь.

Глава 9

Хозяин Кладбища, как водится, без дела не сидел. Когда я со своим провожатым добрался до небольшого холма, на котором находилась резиденция местного владыки, то увидел десятка два призраков, которых, если честно, от настоящих людей отличить можно было только по синеватому сиянию вокруг них.

Надо думать, это были свежие души, которые только сегодня обрели свой новый дом.

Конкретно — это кладбище. И их новый повелитель, как любой хороший хозяин, проводил с вновь поступившими ознакомительную беседу. В данный момент он опрашивал прехорошенькую блондинку, даже в посмертии одетую по моде. Как видно, ее подруги рассудили, что грех пропадать новинкам сезона лето-осень этого года, и именно в этой сомнительной милоте отправили безвременно ушедшую из жизни красотку в последний путь. Куда только ее родители смотрели...

— Грешила? — услышал я его слова, приблизившись к антрацитово-черному массивному надгробию, заменявшему Хозяину трон.

— Я? — изумилась девушка. — Ну-у-у-у... Нет. Правда, как-то недавно вечером мы с Рузанной съели торт. Это очень, очень, очень плохо. Нельзя после шести животные жиры кушать! Но мы дали друг другу слово, что об этом никто не узнает.

— Н-да. — Хозяин печально подставил руку под подбородок, и фигура его сразу как-то ссутулилась. — Грех велик, что скрывать. А читать ты умеешь?

— А надо? — блондинка повертела головой. — Тут? Зачем? Нет, так-то, конечно, умею. И читать, и считать! Я же училась в школе! Скажите, а у вас нет телефона? Мне просто очень

надо позвонить Самвельчику. Его почему-то даже на похоронах не было, и я хочу знать, почему. Если он не в курсе, что я умерла, то это ладно. А вот если...

— Молчи, — потребовал Хозяин кладбища, и, к моему великому удивлению, девушка выполнила его приказ.

Велика же у него сила, если он смог заставить замолчать подобную куколку. Они, как правило, кроме себя никого не слышат.

— Будешь сидеть в своей могиле до следующей весны, — приказал ей Хозяин. — Может, поумнеешь. Вылезешь без спросу наружу — выброшу за ворота кладбища, будешь неприкаянным духом до конца времен по земле мотаться.

Девушка даже пискнуть не успела, как некая сила скрутила ее так, как ребенок комкает лист бумаги, а после от нее и следа не осталось.

— Ведьмак, — гулко обратился ко мне повелитель мертвых. — Слушай, у вас там таких что, как курей выращивают теперь? Недели не случается, чтобы я очередную свиристелку на полгода в гроб не загнал. Причем эта-то еще ничего, хоть читать умеет. На сто тридцатом участке весной одну подхоронили, так она и русских букв не знает. Говорит, что когда-то учила, но они ей потом без надобности стали, и она их забыла. Цифры помнит, потому как те на ценниках есть, а буквы нет.

Призраки зашумелись, плеснули смешки.

— Чего развеселились? — рыкнул на них Хозяин. — Вы, что ли, лучше? Вот ты, волосатый, к примеру, как помер?

— Захлебнулся, — угрюмо отозвался довольно молодой парень в черном костюме, который был ему немного велик. Что интересно — было заметно, что ему даже в призрачном состоянии не очень по душе эта одежда, он то и дело недовольно теребил рукава пиджака.

— Где, чем? — настырничал владыка мертвых.

— Дерьмом, — неохотно и через силу выдал призраки. — В канализации.

— Чего тебя туда понесло-то? — изумился я. — Ты сантехник?

Хозяин кладбища повернул голову и глянул на меня, но ничего не сказал.

— Диггер я, — отвел глаза в сторону юноша. — Да поворот мы перепутали, не по тому проходу пошли! Налево надо было идти, где старая галерея, а мы направо свернули. Там колодец, а в нем этого самого столько... Я и понять-то ничего не успел, сразу с головой окунулся. А потом меня рюкзак вниз утащил, я руки из лямок вытащить не смог.

— Ну вот, о чем и речь. — Хозяин, видимо, покрутил головой, поскольку капюшон его плаща несколько раз дернулся. — Того, что наверху, им мало, они под землю лезут. Не ради работы, не ради денег — просто так. Доброй волей! Нет, времена меняются не к лучшему.

— Сомнительные забавы у человечества были всегда, — решил все-таки заступиться за живых я. — Просто выглядели по-другому. Да хоть бы тот же альпинизм! Я вот никогда не понимал, на кой людям надо лезть на гору, рискуя жизнью? И все ради того, чтобы воткнуть на вершине, где никто кроме них не побывает, флажок. Который, кстати, никто не увидит. Но лазают же? И с давних пор.

— В чем-то ты прав, — неожиданно для меня признал Хозяин. — И в наше время чудак хватало, но в дерьме по собственной дури никто не топ.

— Может, такие просто на ваше кладбище не попадали? — не удержался я от шутки.

Мой собеседник на секунду замер, а после разразился жутковатым ухающим хохотом.

— Может, — согласился он. — Ладно, повезло тебе, утопленник. Да и смерть тебе досталась не столько нелепая, сколько позорная, это тоже надо признать. Дарю тебе право выхода из могилы четырежды в неделю, от полуночи до трех часов ночи.

О как. У них тут прогулки по расписанию, выходит? У каждого в свой срок?

— Мое почтение, уважаемый, — я приложил ладонь к сердцу и изобразил поклон. — А то ведь даже не поприветствовали друг друга.

— Условности. — Хозяин кладбища глянул на оставшиеся души. — Я занят, приму вас позже. Вон за те березы ступайте и ждите. И по территории не шляться!

Призраки послушно побрели к недалёким березам, где между старых могил то и дело вспыхивали какие-то фосфоресцирующие огоньки. Не сомневаюсь, что увидь я их еще в начале лета, точно перепугался бы до судорог. А теперь... Ну огоньки, ну на могилах. И чего? Они же меня сожрать не пытаются?

Тем более что, скорее всего, никакого мистического подтекста тут даже и нет. Могилы старые, дожди лили, земля влажная, вот органика и шалит. Так сказать — был человек, стал огонек.

— Сказал бы, ведьмак, что ты за это время изменился, да не стану, — прогудел из-под капюшона Хозяин. — Нет этого. Разве что поглупел. Раньше ты был умнее, потому что все время был настороже. Сейчас ты начал верить в то, что тебе многое по плечу, потому

осмелел. И зря осмелел, без повода. Знаешь ты немногим больше, чем раньше, уметь ты и до того ничего не умел — так с чего щеки раздул, как лягушка?

Обиднее всего было то, что сказанное являлось правдой. Вот прямо сейчас осознал, что Хозяин кладбища прав. Раньше я поосторожней был, десять раз думал, прежде чем что-то сделать, а теперь... Я как будто за собой какую-то силу чую, но на самом-то деле за мной никого нет. Я как был один, так один и остался.

— А знаешь, почему я так решил? — продолжал тем временем меня препарировать Хозяин Кладбища.

— Нет, — поняв, что ему нужен ответ, глядя в сторону буркнул я.

— Да когда ты позволил себе влезть в разговор, который велся не с тобой! — даже привстал мой собеседник. — Мало того — ты меня перебил! Кто тебе вообще дал такое право?

— Дико извиняюсь, — шаркнул ножкой я. — Просто тема была не очень обычная, интересная.

— Интересно ему, — донеслось до меня из-под капюшона. — Любознательный какой. Хотя вот конкретно тут все осень спорно. Отстают заупокойные правила хорошего тона от нынешних. Даже скажем так — в моем кругу общения на подобные вещи внимания не обращают. Скорость и информация дороже, чем подобные формальности. Новое тысячелетие немного подправило старые правила. Сморгаться двумя пальцами на пол, ходить с расстегнутой ширинкой и чавкать за столом, как и ранее, считается дурным тоном, но влезть в разговор или даже оттащить в сторонку чужого собеседника на пару минут уже вполне допустимое деяние. Время не ждет. В наше время пара потерянных минут запросто может стать парой потерянных миллионов.

Но говорить подобное вслух здесь не стоит.

— Ладно — я, — продолжал стыдить меня Хозяин Кладбища. — А если бы ты вот эдак с кем другим? А в городе кого только нет. Ты его перебил, а он тебе кишки за это на шею наматает.

Мне жутко хотелось спросить, а «он» — это кто, но я продолжал молчать.

— Н-да, — остановился тут Хозяин Кладбища. — Ведьмак, я тебе не наставник и не друг. Мне, по сути, все равно как, кто и за что тебя убьет. Но я не хочу, чтобы это случилось быстро, это не очень выгодно для меня. Ты можешь оказать мне кое-какие услуги, потому предпочтительней, чтобы ты был жив.

— Понимаю, — интонация, с которой я это произнес, вылетела откуда-то из невероятных глубин подсознания. В последний раз я пользовался ей, когда в пятом классе наша математичка на пару с моей мамой объясняли мне, чем чревата двойка по итоговой контрольной работе.

Кстати — эмоционально это тоже было очень похоже. Однако, впадаю в детство.

— И заметь, — совсем уж менторским тоном вещал Хозяин. — Казалось бы — что мне о тебе печься? Невелика ты фигура, так, неофит, пирожок ни с чем. Но нет. Я отправил к тебе провожатого, я закрыл все ментальные планы, чтобы мои нытики тебя не заставили оглохнуть. Ты под моей защитой — и на этом кладбище никто не посмеет даже косо на тебя взглянуть.

Ну это он загнул. А те двое на аллеях, что пытались меня провести на мякине?

Хозяин Кладбища уловил тень улыбки на моих губах и мигом все понял.

— Кто? — спокойно, но очень жутко спросил у меня он.

— Да ладно, ерунда была-то, — отмахнулся я и тут же захрипел.

Как, когда Хозяин очутился совсем близ меня, я даже не понял. Это было даже не движение, это как-то по-другому называется. Вот он сидел на могильной плите, а вот он прямо передо мной стоит, а его когтистая лапа меня за горло взяла. В прямом смысле.

— Кто? — повторил вопрос повелитель мертвых, а его пальцы чуть сжали горло. Дышать было еще более-менее можно, но определенный дискомфорт появился.

— Не знаю, — выпучив глаза, просипел я. — Они не представлялись. Просто кто-то из местных хотел мое тело присвоить. Ничего особенного. Да и шансов у них не было.

— Неподчинение — самое страшное из того, что может быть, — сообщил мне Хозяин, и я увидел в глубине капюшона две багровые точки, его глаза. — Сегодня они тебя не послушали, завтра они уговорили еще кого-то не подчиниться твоему приказу, а послезавтра ты сам будешь делать то, что велят они. Или будешь мертв, что более вероятно. Такова природа власти, и не важно, в каком из миров ты живешь — там, среди живых, или тут, среди мертвых. Эти правила едины везде.

— Правда не знаю, — истово произнес я. — Тут жмуриков... Извините. Покойников вон сколько. Откуда мне их всех по именам ведать?

— Ладно, сам найду, — его пальцы разжались, отпуская меня. — А ты впредь подобное не вздумай замалчивать. Было сказано — ты под моей защитой. Если кто-то нарушил — сразу пришел и сказал.

Ага, прямо сразу. Если сразу, то опять тебя перебьешь и получишь новую порцию нотаций.

— Ладно, не для того я тебя позвал. — Хозяин Кладбища вновь уселся на плиту. — Хочу я тебе кое-что отдать.

— У меня день рождения зимой, — на всякий случай сообщил ему я.

— Спорный вопрос, — не согласился со мной повелитель мертвых. — Душа у тебя, конечно, одна осталась, как и была. Но сути уже две, и вторая родилась как раз тут, и совсем недавно. Так что дней рождения у тебя два. А еще через пару лет ни одного не будет.

— Чего это? — насторожился я.

— Жизнь у ведьмаков веселая, — пояснил мой собеседник. — У них ведь как? Либо их постоянно кто-то убить хочет, либо они кого-то жизни лишают. Так что скоро со счету собьешься, сколько раз и чего праздновать надо, а потом вообще на это все рукой махнешь. Не скажу, чтобы его слова добавили мне оптимизма.

— Ладно, принимай гостинец. — Хозяин Кладбища пошарил рукой за собой, а после протянул мне нечто прямоугольное и увесистое, завернутое в черную тряпку. — Владей. А ну как пригодится?

Я понял, что это такое, еще до того, как размотал ткань. Да и вариантов, если честно, было не так много. Вряд ли бы эта сущность стала мне дарить коробку конфет или игру «Монополия», правда?

И я угадал, это была именно она — ведьмачья книга. Совершенно не похожая на мою, разве что только размером. Внешне — совсем другая. У моей обложка была искусно сделана из дерева, она была какой-то... Ну не знаю. Уютной. А здесь — совсем другое дело. Нет, ничего вызывающего или страхолюдного. Просто она давала понять, что ее предыдущие владельцы далеко не все были травники. Обложка этой книги была затянута в шершавую светлую кожу, на ней имелись какие-то тиснения, но какие именно — этого мне было сейчас не разобрать. Чтобы книга не открылась, имелись застежки, скрепляющие края обложек и сделанные в форме трехпалых лап, причем такое ощущение, что куриных. По крайней мере, было похоже на то.

— Специально старили, — сказал мне Хозяин, заметив, что я с интересом тыкаю пальцем в кожу обложки. — Чтобы, значит, мягкость убрать. Девка-то небось совсем молодая была, в те времена замуж рано выдавали. Коли после шестнадцати замуж не вышла и девство свое кому не отдала, так уже все, «перестарком» звали.

— Да ладно! — сообразил я, куда он гнет, и с недоверием посмотрел на книгу, которую держал в руках. — Шутка?

— Какая шутка? — равнодушно произнес повелитель мертвых. — Кожа девственницы, как есть. Тебе-то этого не учуять, здесь опыт нужен. Я-то сразу это определил, как только эту книгу в руки взял. Да ты не бойся, на ней проклятия нет, ни посмертного, ни какого другого. Проверено мной лично. Смело можешь открывать.

Хорошо, что он это сказал. А то у меня сразу мыслишки зашевелились на тему: «Проклятые книги и их воздействие на человеческий организм». Теперь же все стало проще. Нет, этому существу тоже особой веры нет, но одно я знаю точно — прибегать к таким ухищрениям ради моего умертвления он не станет. Если ему нужно будет, он меня убьет сам, без всяких многоходовых планов.

— А как она к вам вообще попала? — задал я вопрос, вертевший на языке.

— По праву наследования, — обстоятельно произнес Хозяин. — Ее владельца ведь я прибил, и душу его выпил тоже я. Стало быть, все его добро — мое. Не деньги там или дома, а то, что истинно ему принадлежало. Вот его слуга книгу мне и притащил, в ту же ночь. И сам здесь остался. Он ведь не человеку служит, а силе, остатки которой во мне гуляют. Слушай, может, ты его себе забереешь? Не к месту он здесь. К делу я его приставил, понятно, дорожки подметать отправил, но все одно — не для ведьмачьего слуги такая работа.

— Так во мне силы его хозяина нет, — резонно заметил я. — С чего он мне подчиняться станет?

— Прикажу — станет, — уверенно заявил Хозяин. — Куда он денется? И потом — ты той же крови, что его прежние владельцы. Да и книга теперь у тебя. А если нож его старого хозяина добудешь, так и вовсе для него полноправным хозяином будешь.

Повелитель мертвых негромко свистнул, за могильной плитой что-то зашуршало, а через мгновение перед нами предстал мохнатик, в котором безошибочно можно было признать существо той же породы, к которой относился мой Родька.

Впрочем, сходство было весьма относительное. В отличие от моего слуги, этот ведьмачий помощник выглядел каким-то... Неухоженым, что ли? Даже скорее — неустроенным. Черная шерсть его частично свалылась, в ней запутались какие-то щепки и соломинки, да еще вдобавок у него не было одного глаза. Правого.

— Здрасьте, — пробурчал слуга покойного ведьмака, даже не глядя на меня. — Звал, хозяин?

— Звал, — подтвердил владыка мертвых. — Вот, Александр, смотри, каков красавец. Знает много, делает, что скажешь. Бери его себе, не прогадаешь.

Слуга после его слов все-таки глянул на меня, причем с интересом.

— А глаз-то где? — не удержался от очевидного вопроса я.

— Хозяин вырезал, — равнодушно ответил мне мохнатик. — Не прежний, а тот, что до него был, еще в позатом веке. Он зелье одно варил, там правое око преданного раба было нужно, вот моё и взял.

Офигеть! Другого слова тут не подберешь, пожалуй. Нет, есть еще парочка, но они теперь запрещены законом.

— Исполнительный, — не упустил момента для дополнительной рекламы Хозяин кладбища. — Другой бы кто ни за что свой глаз не отдал, а этот — пожалуйста.

Мохнатик согласно кивнул, а после икнул, застенчиво прикрыв рот ладонью.

— Тебя как зовут? — спросил я у него, вздохнув.

— Афанасий, — отозвался одноглазый бедолага. — Можно — Афоня или Афонька. Или еще как, вам виднее.

Сдается мне, что непростая жизнь была у этого Афанасия, если ему все едино, как называют.

— Неприхотлив, неразговорчив, ест мало, — гнул свою линию повелитель мертвых. — Золото, а не слуга.

— Хорошо, что напомнили, — скинул я с плеч рюкзак. — Я же фарша пару кило привез, для вашей живности. Все-таки в гости с пустыми руками не ходят, правда?

— Молодец, — одобрительно склонился капюшон. — Афоня, прими подарок, отнеси его на главную аллею, разверни и там у сухого дерева положи.

Мохнатик принял у меня увесистый сверток и шустро припустил в сторону ближайшей дорожки.

— Забери его, ведьмак, — неожиданно мягко попросил меня Хозяин. — Он, видишь, тут, у меня, еще и спиваться начал. Кладбище ведь, то и дело на могилах кто-то водку оставляет, вот ее и повадился допивать. Его племени надо больше, чем вам, человекам, случается, что по две бутылки в день убирает. Потом плачет, мается. А вчера чуть не подрался с местным «обходчиком», из тех, что при могилах кормятся. Хорошо еще, что тот его за видение принял, подумал, что с ума сходит. Нельзя ведьмачьему слуге без дела сидеть.

— Да взял бы, — досадливо сказал я. — Взял. Но моего-то куда девать? Два медведя в одной берлоге? Беда будет. Я, конечно, могу его в свой дом за городом отвезти, но что он там один станет делать? Тут он хоть как-то к работе приставлен, а там и вовсе тоска зеленая. Тем более, что там еще и домовой ко мне не очень расположен.

— Пропадет Афанасий здесь, — прогудел Хозяин. — Не дело нечисти среди нежити жить. Мы хоть и одного корня, но по-разному мир понимаем.

Мне очень хотелось оказать услугу этому существу. И в благодарность за врученный мне бесценный дар, и за то, что раньше он для меня сделал. Да и Афанасия мне стало жалко. Но при этом я прекрасно понимал, что второй слуга мне никак не нужен. Родька не даст ему жизни, это точно. Он Маринку-то терпеть не может, и далеко не потому, что та достаточно бесцеремонна и творит, что ей в голову взбредет. Это все отмазки. Ему не нравится то, что она способна оказывать на меня влияние и заставлять делать то, что нужно ей.

Я ведь почитал о сущностях вроде Родьки и Афони — что-то нашел в сети, что-то в своей книге. Они на самом деле самые верные и преданные слуги, и служат не за честь, а за совесть. Но при этом жуткие собственники и не терпят, когда их хозяин поступает так, как он сам того не хочет. Не они не хотят, а он сам не хочет, вот какая тонкость. Они — не люди, им неведомы слова «планирование» и «разумный компромисс», зато эти существа очень тонко чувствуют душевное состояние своего патрона. И наше «не хочу» они воспринимают как собственную обиду, то есть тому, кто ее нанес, на их хорошее отношение рассчитывать более не приходится.

Маринка же всегда ставит меня перед выбором между «не хочу» и «иди ты к лешему». Само собой, Родька ее терпеть не может.

Зато с фотографии Светки, той, которая стоит в книжном шкафу, и которую я все никак не выкину, он каждый день стирает пыль. Все хочу спросить — почему? Что он такого чувствует, чего я сам не знаю?

А тут я еще одного его соплеменника припру. Бррр... Ведь и вправду до смертоубийства дело дойти может.

Но при этом жалко его. Не ровен час, и впрямь сопьется.

Да и еще кое-что есть, уже для личного пользования.

Этот Афанасий долго состоял при ведьмаках, которые, похоже, немало знали о «той стороне». Так сказать — о темной стороне Силы. Не может такого быть, чтобы он чего-то не видел, чего-то не слышал. И не мог бы рассказать тому, кто отнесся к нему с добром.

— Ведьмак, ты еще здесь, со мной? — полюбопытствовал Хозяин кладбища.

— Не могу к себе его взять, — твердо заявил я. — Не потому, что не хочу, а просто по жизни не получится. Но могу посодействовать на предмет пристроить его в хорошие руки.

— Слушай, он не бродячая собака, — недовольно произнес повелитель мертвых. — Мне не просто его пристроить надо, чтобы у него где-то там была площадка с кашей.

— Это понятно, — с достоинством ответил я. — Потому не к подруге на постоянной собируюсь его определить. Есть у меня кое-какие мысли. Если получится — приду, его заберу.

Вообще-то мыслей было даже две, и обе неплохие.

— Только не тяни, — Хозяин перестал маскироваться под доброго дядюшку, и в его голосе появились знакомые приказные нотки. — Еще раз повторю — нечего ему тут делать.

Нечего, нечего, но ведь не выгнал же до сих пор? Значит, есть что-то доброе под этим черным балахоном?

— Сказал же, — передернул плечами я. — Как только что-то станет понятно, сразу приеду.

— С этим все. — Хозяин кладбища встал с надгробия. — И еще одно дело у меня к тебе есть, ведьмак. Необычное.

Если бы я мог предположить, что этот представитель Ночи может смущаться, то сейчас решил бы, что именно это и происходит. Я не силен во многих вещах, но интонации считываю «на раз», это профессиональное.

— Ты понимаешь, тут ко мне на кладбище стали то и дело таскаться эти... — Хозяин посопел. — Ну ящик такой, по нему картинки показывают, как раньше в кинематографе. Только тогда люди в специальные заведения ходили, а теперь по домам сидят. Да как его, все время забываю?!

— Телевидение? — предположил я.

— Вот-вот, — обрадовался Хозяин. — Взяли моду приезжать вечером целой оравой и галдеть. Добро бы чего путное — так нет! Шляются по всему погосту, кричат, новые могилы копают. Зачем-то пустой гроб в одну положили и каменюку на нее поставили. И главное — как дома себя чувствуют. Сидят тут, едят, пьют, шутки шутят. Нет, у меня и раньше всякое случалось. То дьяволопоклонники припрутся, то еще кто, но с ними-то все понятно было. А с этими вообще ничего не ясно. Мне новенькие объяснили, что они про колдунов и ведьм делают какое-то... Как же это слово-то...

— Шоу, — сдерживая улыбку, подсказал я.

Мне уже было понятно, о чем идет речь. Нет, ну вот ведь странная судьба, а? Надо же, чтобы «Магическое противостояние» снимали именно на этом кладбище. Их же в Москве десятки, но нет, редакторы программы выбрали именно это.

Так сказать — роуль в кладбищенских кустах.

— Именно. — Хозяин несколько раз прошелся вокруг меня, явно в расстроенных чувствах. — Я бы, конечно, мог их отсюда вытурить в один миг, сил мне на десять таких компаний хватит. Да я так и собрался было поступить, но потом подумал и не стал этого делать.

— Отчего? — с интересом спросил я.

— Подумал, что вреда от этого будет больше, чем пользы, — помолчав, ответил Хозяин. —

Эти-то, они ведь лезут туда, куда не следует живым людям ступать, понимаешь? Я это сразу понял, как только они в первый раз ко мне пожаловали. И если я дам им знак, что здесь есть некто, кто напрямую с той стороной связан, они отсюда вовсе не уберутся.

Среди них есть такие, кто ради своего успеха на моем кладбище все трупами усеет, лишь бы все по их вышло. Да и не хочу я никчемную кровь здесь проливать. Не к добру это. Одно дело матерого вражину прикопать, вроде того твоего соплеменника, другое — этих дурачков убивать. Ох, Александр, видел бы ты их! Все какие-то чудные, одеты не пойми как, иные и вовсе непонятно кто такие — то ли мужики, то ли девки. А в последний раз таких приволокли, что вовсе хоть стой, хоть падай. Один весь белилами вымазан, другой с дудками на боку, третий вовсе с голым задом. Не поверишь — я даже растерялся сначала.

Но делать-то что-то надо? Вот и скажи мне — что именно?

— Даже не знаю, — развел руками я. — Это телевизионщики, они хуже чумы. Для них закон не писан, понимаете? Как бы так объяснить... Про инквизиторов знаете?

— Тех, что народ в Европах жгли? — уточнил Хозяин. — Читал.

— Эти хуже, — подытожил я. — Намного.

— Значит, все-таки придется убивать, — опечалился Костяной царь. — Не хотел ведь. Знаешь, я даже запретил своим в них подселаться, от греха. Думал, что раз, другой — и уйдут они.

— По идее — уйдут, — обнадежил его я. — У них шоу к концу идет, да и осень на носу, так что уйдут. Может, и вовсе уже в этом году не придут.

— Да как же, — топнул ногой Хозяин. — Сам слышал — на следующей неделе пожалуют опять. Будут могилу какого-то насильника искать. Ненастоящую, правда, без тела. Я же тебе говорил — ее уже выкопали на южной территории, рядом с оградой. И старый камень на нее установили.

Вот так и узнаешь кухню телешоу. Стоп!

— А покажете мне это место? — попросил я его.

— Тебе зачем? — осведомился Хозяин.

— Есть у меня одна идея, — потер руки я. — Авось сработает. На когда они съемки назначили? Ну фальшивую могилу в какой день искать будут?

— Со среды на четверг, — произнес Костяной царь.

— Если выгорит — в среду подъеду, — пообещал я. — Но на липовое захоронение прямо сейчас гляну.

— Ну глянь, — одобрительно качнулся капюшон. — Знаешь, мне просто очень убивать не хочется. Это ведь проще всего — пяток сердец раздавить, да и все. Но и так в этом году тут крови много пролилось. Ни к чему это. Души, те, что не ушли после смерти с земли, они ведь сюда присланы чтобы успокоение получить. Ну или воздаяние, тут кому что. А от крови они дуреть начинают. Они ведь их чувят, смерти чужие.

— Если что — пособи мне? — уточнил я. — Ну ветром холодным обдать ноги, деревом поскрипеть или чего похлеще учудить?

— Годы мои не те, деревьями скрипеть, — филином ухнул Хозяин. — Но понимаю, что не тебе это надо, а мне. Пособлю уж. Но вообще, я в печали. Вот что все на мое кладбище валится, а? Ритуалы ведьмачьи — у меня. Строительство под боком — тоже у меня. Теперь это... Как его... Но тоже здесь, у меня! Других погостов нет, что ли? Есть же «Николка», «Лианозовка», «Ваганьково» наконец! Что все ко мне-то лезут?

— Может, потому что МКАД рядом? — предположил я. — Чего тут до съезда, всего ничего.

— Кто рядом? — уставился на меня капюшон. — Не понимаю тебя, не знаю я этих слов.

— Разберемся, — попытожил я. — Ладно, пойду, наверное. Сейчас такси вызову, могилку гляну, и пойду.

Если честно, я изрядно подзамерз, да к тому же опять начал потихоньку накапывать дождь. Потихоньку-потихоньку, а через полчаса я весь мокрый буду. Не хватало еще мне простыть.

— Вот он тебя и отведет, — показал Хозяин на Афанасия, который выполнил приказ и возвращался к нам доложить об этом. — Я же говорю — расторопный.

— Это да, — согласился я. — Блин, а как я с территории-то выйду? Там же закрыли все уже, наверное, до утра?

— Обязательно закрыли, — подтвердил Костяной царь. — Порядок должен быть. Но ты не переживай, там лаз один есть, через него выберешься наружу.

— Накормил, — сопя, сообщил нам Афоня, а после икнул. — Все сожрали, проглоты такие. Куда только в них лезет!

— Опять выпил, — печально констатировал Хозяин кладбища. — Когда успел? Александр, давай, пристраивай его побыстрее.

Афанасий перевел взгляд на меня, в его единственном глазу появилась надежда.

— Я к вам? — обрадованно спросил меня он.

— Не совсем, — уклончиво ответил я. — Но ты попадешь в хорошие руки. Только пить завязывай, там это не принято. Я за тебя поручусь, но и ты меня не подведи.

Афанасий с готовностью кивнул.

— Покажи Александру дорогу к новой могиле, — приказал ему Хозяин кладбища. — А потом лаз в заборе, тот, что ближе к южному входу. Прощай, ведьмак.

— Прощайте, — сказал я, доставая смартфон. — До среды. Непременно приду на поиски могилы посмотреть.

Костяной царь недовольно засопел, но промолчал.

Я последовал за Афоней, который шустро побежал по дорожке, ведущей с холма, причем на ходу сразу же начал искать в смартфоне номер фирмы по вызову такси.

— Ведьмак, — остановил меня голос Хозяина кладбища. — Я тут подумал... Лучше тебе это все-таки сказать.

— Что именно? — насторожился я, нажимая «Сброс».

— Они все там комедианты, — гулко и громко произнес Костяной царь. — Ну эти, ряженые колдуны и ведьмы. Все, кроме одного.

Глава 10

Если честно, последние слова Хозяина кладбища меня порядком обескуражили. Более того, он и сам немного растерян был, когда их произносил. Причем, подозреваю, впервые за много лет.

Я мог не вернуться обратно. Уж больно необычно это все было.

— Есть среди них чародей, среди тех, что в последний раз приезжали, — вещал повелитель мертвых, заложив руки за спину и прохаживаясь вдоль надгробия — Но вот что чудно — я так и не понял, кто именно из этого сброда им является. Чую, а распознать не могу. Он словно закрылся от меня. Сейчас вот разговариваю с тобой и думаю, — а может, он специально это сделал? Знал про меня, и про то, что я непременно приду на это дурачье посмотреть, вот и сделал так, чтобы я не смог его распознать среди них.

— А смысл? — с сомнением произнес я. — Он вам зла не делал, вражды, стало быть, нет, на вашу землю и подданных он не посягает. Зачем тогда прятаться?

— Пуганая ворона куста боится, — немедленно ответил Костяной царь. — Если чародей из сильных, то на нем много чего висеть может. В том числе и грехи перед моим племенем. Мы, Хозяева, хоть и каждый на своем кладбище сидим, но общаться друг с другом общаемся. Бывает, даже встречаемся. Нечасто, правда, но тем не менее.

— «Корпоратив», — понимающе кивнул я.

— Что? — повернулся ко мне капюшон, в нем опять блеснули две красные точки глаз.

— Коллективная встреча с целью совместного отдыха, — пояснил я.

— Ну что-то в этом роде, — подтвердил Костяной царь. — Хорошее слово, звучное. Надо запомнить. Корпоратив. Мне нравится!

— Мне тоже, — поддакнул я. — Так что с чародеем этим?

— Просто так ничего не бывает. — Хозяин снова опустил свой зад на надгробие. — Если кто-то прячется, значит, на то есть повод. В среду снова наведаюсь к этим шаромыжникам, попробую понять, что к чему. Это, в конце концов, дело принципа.

— И правильно. Да, там, среди этих клоунов, одна моя знакомая будет. Если что, поможем ей?

— Ну у тебя и знакомые, — с жалостью произнес Костяной царь. — На вид вроде приличный ведьмак, и тут на тебе!

— Какие есть, — ухмыльнулся я. — И так бывает. Так что, поможем?

— Поглядим, — проворчал повелитель мертвых. — Все, проваливай. Мне еще новеньким посмертную судьбу отмерять надо.

На этот раз окончательно распрощавшись с Хозяином кладбища, я шустро потопал по дорожкам, ведущим мимо могил и надгробий. Дождь припустил уже не на шутку, следовало поторапливаться. Да и служба вызова такси обещала подать машину в рекордно быстрые сроки. Хотя — ночь на дворе, чего тут удивляться?

— Может, возьмешь меня к себе? — глухо пробубнил вдруг молчавший до того Афанасий. — Плохо мне тут. Мертвые кругом. Не дело слуге ведьмака среди них проживать.

— Я бы взял, да у меня уже есть один из ваших, — честно ответил ему я. — А двух таких нашему брату вроде не положено.

— Мы не жены, мы слуги, — уверенно заявил Афоня. — Жен больше одной человекам заводить нельзя, потому как можно с ума сойти от ее «хочу» да «сделай», особенно если баба на сносях. А слуг хоть сколько можно иметь.

Звучало убедительно, да только что-то больно уверенно он это все излагал. Так, будто заранее готовил свою речь.

— Ты не переживай, — мягко произнес я. — Есть кое-кто, кому такой славный парень, как ты, пригодится. Там тебе и работа будет по профилю, и кормежка, и все остальное, что положено.

— Какая мне там работа будет? — подозрительно уточнил Афанасий.

— Та, которая тебе знакома, — объяснил ему я. — Пару дней погоди, я с нужными людьми переговорю и все выясню.

— Если слово удержишь, век этого тебе не забуду, — деловито пообещал мохнатик. — Отслужу, не сомневайся.

Больше он в разговор со мной не вступал, только односложные реплики подавал, когда показывал мне могилу, на которой и впрямь был установлен изрядных размеров валун, да

то место, где я, поджав живот, с трудом протиснулся сквозь кладбищенский забор. Через верх не перелез бы — больно высоко.

Надо худеть. Срочно надо худеть. Года два назад я бы пузо о бетон не покарябал. А все фаст-фуд, все он, проклятый. И бутерброды в немислимых количествах.

Переехать в Красноярск, что ли? Там фаст-фудных забегаловок мало, их туда Прохоров не пускает. А мороженое, наоборот, вкуснющее. И город красивый. Енисей, опять же.

Комаров, правда, летом больно много...

Впрочем, эти мысли вскоре сменились другими, о том самом непонятном чародее, которого не распознал Хозяин кладбища. Интересно было бы с ним пообщаться. Чисто гипотетически, конечно. Ведь я видел, ведьмаков других тоже. Ну нежить вообще в расчет не берем, она мне как родная стала. А вот чародеев не встречал пока.

Просто понять хочется, как они магией своей занимаются. В технологическом смысле. Ну не палочкой же волшебной машут, правда? Нет, это все здорово смотрится в кино и книгах — «мальчик, который выжил», запретные заклинания и все такое. Но то книги, а тут-то жизнь. У нас только убивают так же просто, как там, а все остальное куда сложнее.

Например, дурачок в порту, чтобы вызвать тварь из небытия, пентакль рисовал и заклинание читал. Ну да, он к магии вообще отношения никакого не имел, так, подставное лицо, но все равно ведь ясно, что это дело небыстрое. А если чародею надо свою жизнь защитить, то как тогда? «Подождите, я тут кое-что на асфальте быстренько изображу?».

Вряд ли. Значит, есть некая экспресс-магия? Ну логично ведь такое предположить?

Вот и интересно узнать — как это все работает на самом деле? Выглядит как?

В конце концов, каждый из живущих в детстве верил в то, что сказки правдивы хотя бы отчасти, и волшебство есть. Потом, повзрослев, мы понимали, что мир вокруг насковозь реалистичен, а чудеса в нем творят исключительно деньги, связи и изредка пластические хирурги. Я сам раз видел такое. Ну вот невозможно было из того исходного материала, который имелся изначально, вылепить красотку. Однако же сотворили, факт есть факт.

И теперь у меня появился шанс убедиться в том, что мои детские мечты о «крибле-крабле» и прочих «ахалаях-махалаях» все-таки имеют под собой какую-то основу.

Так что — пообщался бы я с ним, привелась такая возможность. Хотя это маловероятно, нет у нас точек соприкосновения. Да и вообще, как показала практика, в мире Ночи с нормальным человеческим общением беда. Есть только позиция силы, временно совпадающие интересы, разумный нейтралитет и отношения, регулируемые поконом.

Ей богу, с нежитью и нечистью проще общий язык найти.

И еще вот что непонятно. Зачем он вообще полез в этот цирк? То, что «Магическое противостояние» полная профанация, знали все — и зрители, и создатели, и, подозреваю, даже участники. По большому счету это был многосерийный рекламный ролик «потомственных колдуний» и «истинных магов Белого Круга». Сегодня ты тут до финала дошел, завтра к тебе очередь из простаков выстроится. Все знают, что их дурят, но телевидение есть телевидение, народ по инерции верит в то, что с экрана говорят.

Я, кстати, также не до конца понимаю, зачем покойный Артем Сергеевич это все финансировал. Ну ладно, на стадии раскрутки, это понятно. Но потом-то подобная программа не то что самоокупаться должна, она сверхприбыль обязана давать. Не удивлюсь, если участники просто-напросто проплачивают свое участие в ней, а после, в зависимости от суммы взноса, распределяются места по дороге к финалу.

Так что вопросов пока больше, чем ответов. Но это до поры до времени. Мне в этом новом мире жить, потому я всю информацию, до которой могу дотянуться, сейчас впитываю в себя. Как накопится ее в достаточном количестве — анализировать буду. Маркетинговое исследование, планирование и, как результат, базовая стратегия — вот основы основ любого долгосрочного проекта. Сейчас таким проектом является мое личное будущее, а потому подойду я к этому всему с надлежащим прилежанием и усердием.

Мысленно поглаживая себя по голове за такие светлые мысли, я открыл дверь и вошел в квартиру, где чуть не споткнулся об Родьку, прикорнувшего в прихожей.

— Хозяин, — хлопая глазами тут же вскочил с пола он. — А я тут, понимаешь, задремал. Не хотел тебя пропустить, ты ведь голодный, небось, пришел. Я там приготовил...

Что именно он приготовил, я так и не узнал, поскольку Родька прервал фразу на полуслове и как-то странно подвигал своим носом-пуговкой, так, будто принюхивался к чему-то.

— О как! — с неожиданной злостью произнес он, прыгнул на мою ногу, неожиданно ловко вскарабкался мне на плечо и резко рванул молнию рюкзака, который я еще не успел снять с плеч. — Ты кого к нам в дом приволок? А?

— Вот сейчас не понял? — оторопел я от всего этого. — Родион, тебя какая муха укусила? Мой слуга тем временем изучил содержимое рюкзака, пару раз хлопнул меня по спине, как видно, проверяя, не спрятан ли кто-то под курткой, после спрыгнул на пол, ловко открыл входную дверь, выглянул на лестничную клетку и снова ее закрыл.

После он пробежался туда-сюда по коридору квартиры и в конце концов встал в вызывающей позе шагах в пяти от меня. Он стоял, прижавшись спиной к стене, сверля меня взглядом и недовольно притоптывая по полу правой лапой.

Все это до боли напомнило мне события, которые разворачивались здесь же несколько лет назад. Причем практически один в один.

И это вообще меня не радовало. Более того — я даже как-то немного напрягся.

— Если ты сейчас спросишь: «И как ее зовут?», то вылетишь в окно, рука не дрогнет, — кинув взгляд на фотографию Светки, ту самую, которую все никак не выкину, сообщил Родьке я. — И вообще — не многовато на себя берешь?

— Ты мой хозяин, — непривычно высоким голосом сообщил мне Родион. — Я твой слуга. Твое слово для меня закон, как ты скажешь, так и будет. Но и ты знай — других слуг в доме не потерплю! Не потерплю!

Он еще раз, на этот раз со всего маха, топнул лапой по полу и умотал на кухню, где немедленно принялся греметь сковородками и кастрюлями.

А они, скорее всего, со Светланкой спелись бы. По крайней мере, ведут они себя одинаково. И, что примечательно, в обоих случаях обвинения безосновательны, что тогда, что сейчас, винить меня не в чем.

Но ведь как чуял. Притащи я сюда Афанасия, не миновать бы большой драки. И еще неизвестно, кто бы из нее победителем вышел. Сдается мне, что одноглазый мохнатик парень не промах, и за свои интересы, если надо, глотку рвать любому будет.

Правда, и Родька меня удивил. Я в нем такой твердости духа раньше не наблюдал. Ну да, Антипку он отволохал, и коту ведьмовскому тогда изрядный клочок шерсти выдрал, но тут кое-что другое.

Только мириться все одно не пойду. Нет за мной вины. Да и не по чину мне перед ним поклоны бить. Он мне тогда совсем на шею сядет. И понукать начнет.

Я лучше спать отправлюсь. Времени вон почти три часа.

— Родька, делай ночь, — гаркнул я. — Хорошо гроыхать кастрюлями.

Мой верный помощник ничего на это не ответил, но звон прекратился. Зато включилась вода и раздался звук, по которому было понятно, что Родька решил перемыть все тарелки, что есть в моем доме. И, может быть, даже не по разу. Ну да, они же не кастрюли, так что он вроде как подчинился.

Вот гаденыш плюшевый!

Я положил рюкзак в угол, рассудив, что книгу рассмотрю завтра, без суеты и спешки, снял джинсы и начал стягивать через голову майку.

— Опять ты что-то в дом притащил, Александр, — раздался голос Вавилы Силыча.

Вот как он умудряется появляться словно ниоткуда? Только что его не было в комнате, а сейчас — вон на кресле сидит, свесив вниз не достающие до пола ноги и положив свои широченные ладони на колени.

Ни звука шагов, ничего. Как ему такое удастся?

— Плохое ты принес, — продолжил подъездный. — Темное.

— Это ведьмачья книга, — пояснил я, стараясь голосом не выдать свое раздражение. Ну в самом деле — сколько можно? Один истерику закатывает, другой мораль нацелился читать. Блин, возникает ощущение, что я живу не один, а в составе большой семьи, причем все в ней старше и умнее меня, и знай поучают, поучают, поучают. — На ней нет проклятия, меня в этом уверил один очень знающий... Э-э-э-э-э... Короче, тот, кто это сказал, знал, что говорит.

— Проклятия нет, — согласился со мной Вавила Силыч. — Но и добра от нее ждать не приходится. Вещь эта злом сработана и для зла нужна. Не надо бы ей здесь быть.

— Прямо Кольцо Всевластия, — съязвил я. — Я объявлю себя его владельцем и стану Темным Властелином.

— Не кольцо у тебя в рюкзаке, — спокойно возразил мне подъездный. — Книга это. В девичью кожу затянута, человечесьей кровью писана и смертями людскими до краев наполнена. К чему тебе такое? Ты не злой парень, я ведь давно тебя знаю. А с такой книгой ты быстро перемениться можешь. Я не знаю, что у нее там внутри, но уверен — хорошего нет. Думай, что хочешь, но тот, кто тебе ее дал, знал про это. И еще десять раз прикинь — точно ли он желал тебе добра, такой подарок тебе деля?

— Да я давно уже не знаю, кто желает мне добра, а кто нет, — зло бросил я. — Всем чего-то от меня надо, только никто не спросит, чего мне самому хочется.

— Я сказал, а ты думай. — Вавила Силыч спрыгнул с кресла на пол. — Тебе жить, Александр. А книгу эту все-таки из дома унеси. Не следует ей тут находиться. За такими книгами кровавый след всегда тянется, а по нему сюда невесть кого принести может. Добро, если всем обчеством отобьемся. А коли нет? Деток в доме много, ведьмак. Малых,

глупых, некрещеных. Самое то для тех, кто в ночи живет и вечно жрать хочет. Подумай о них, хорошо? Не обо мне, о них.

И он ушел, секундой позже на кухне перестал шуметь кран, а после в квартире наступила тишина. Родька, правда, в комнату так и не пришел, не улегся на кресло, которое облюбовал для сна.

Я сел на диван и призадумался.

Вот что за жизнь. Еще десять минут назад все было просто и понятно. Теперь все стало сложным и запутанным.

И главное — кому верить? Ну вот — кому? Вавиле Силычу резона меня обманывать нет. Хозяину кладбища, впрочем, тоже. Если бы он хотел меня на ноль помножить, то сделал бы это куда проще и быстрее. На что ему такие крученые комбинации?

А после еще и совесть меня начала грызть. Нехорошо с подъездным вышло. Некрасиво. И как апофеоз — мне захотелось выпить водки. Если бы не лень и действующее законодательство, то сходил бы в круглосуточный магазин и купил. Потому как от такой жизни не только слуги ведьмаков бухать начнут, но и сами ведьмаки.

На этой минорной ноте я бухнулся на подушку и уснул. Даже про то, что утро вечера мудренее, подумать не успел.

За ночь Родион не сменил гнев на милость. Когда ближе к полудню я, помятый и небритый, появился на кухню, передо мной немедленно была поставлена тарелка с гречневой кашей, кружка со сладким чаем и тарелочка с нарезанным хлебом. То есть — все как всегда.

Но — молча! Ни слова. Ни лишнего жеста.

Хорошо еще, что у него родителей нет. А то бы добил меня мой мохнатый друг фразой: — Ешь, а я к маме уезжаю. Нам немного надо пожить по отдельности.

Может, мне его и вправду на одноглазого Афанасия поменять? Этот-то точно истерить не будет.

Правда не факт, что станет готовить и помнить о том, что в чай надо положить три ложки сахара-песку. Ни больше ни меньше.

Родька помнит.

Кстати! О благотворительности! Чуть ведь не забыл.

Я хмуро глянул на слугу, который после этого ощутимо занервничал. Ну оно и понятно, думал поди, что я напрягусь, стану извиняться. А тут — на тебе. Суровый взгляд и ни капли жалости.

Правильно, так и будет. Я добрый, но где-то и беспощадный. Нечего мне сцены закатывать, мне их и без него хватило в свое время. И потом — бунты надо давить в зародыше.

— Смартфон мой принеси, — процедил сквозь зубы я и еще больше насупился.

Родьку явно раздирали противоречивые желания. С одной стороны, ему хотелось выдержать марку, с другой давил природный инстинкт подчинения.

Я легонько стукнул рукой по столу и топнул ногой по полу.

Коричневая молния скользнула в комнату и тут же вернулась обратно. К смартфону, протянутому мне, прилагались наполненные слезами круглые глаза и молчаливый вопрос: «Хозяин, ну как же так?»

— Дурак ты, братец, — я постучал ему костяшками пальцев по голове. — У меня друзей немного, но менять их на других я привычки не имею. Уж какие есть, такие пусть и будут. Родька шумно и облегченно выдохнул.

— Я просто это... — затараторил он. — Просто от тебя же кем-то из наших пахло. Ну а вдруг? А если? Двоим при одном хозяине — это же никак! Это ж такое начнется, что огого! Знаешь, столько я про это дело рассказов слышал? Ух!

Я дернул его за ухо, привлекая внимание, а после сначала растопырил пальцы, а после сжал в кулак, как бы говоря: «Стоп!»

Родька тут же замолчал.

— Значит так, Родион, — веско сказал я. — Еще раз себе что-то подобное позволишь, и я буду вынужден принять соответствующие меры. А именно, оставлю тебя на месяц без телевизора.

Глаза моего слуги, и без того круглые, стали похожи на чайные блюдца среднего размера. Наказание для него было и впрямь жуткое, поскольку телевидение он полюбил всей душой. Ну или что там у него есть?

Причем ужас неподдельный, так как он наказание будет отбывать честно. Это дети покидают и дальше по-своему делать будут, пока родителей дома нет. Здесь все по-настоящему. Есть я дома, нет меня — он все одно будет выполнять мой приказ.

— И на тот же срок без газировки, — решил добить его я.

Да, жестко. Но по-другому никак.

Я глянул на смартфон, который держал в руке, но звонить никому не стал. Надо было прежде еще одно дело завершить. Не стоит его откладывать в дальний ящик.

Встав с табуретки, я подошел к стене, привстал и постучал кончиками пальцев по вентиляционной решетке.

— Вавила Сильч. Вавила Сильч, прости меня уж, а? Не со зла же нагрубил, по глупости своей.

Вот тут надо извиниться самому. Когда я неправ, тогда неправ.

— Выходи, давай, вместе позавтракаем.

Тишина стояла за вентиляционной решеткой. Никто там не скребся, никто не сопел.

— А почему нет? Можно и позавтракать, — раздалось у меня за спиной. — Хотя,

Александр, дело-то уже к обеду идет. Долго спишь.

Подъездный, оказывается уже сидел за столом и лукаво на меня смотрел. И по его взгляду мне стало ясно, что я прощен, по крайней мере на этот раз.

А другого и не будет. Такие существа как он, если что-то для себя решают, то все, это навсегда. Человек человека всегда переубедить сможет, это только вопрос хитрости и времени. Люди падки на лесть, ложь, деньги, в конце концов. Нет таких нравственных крепостей, которые не пали бы под тем или иным нажимом. Опять же страх всегда был отличным мотиватором для перемены практически любого решения.

Но с нечистью и нежитью такое не пройдет. У них другой взгляд на подобные вещи. Да и на весь этот мир в целом.

Через пару минут ложки весело стучали о тарелки, Родька, который, несомненно, уже поел до того, традиционно не преминул сделать это еще раз. Он вообще в этом вопросе большой мастак. Останавливаться до того, пока не покажется дно тарелки — это не в его правилах. А еще мне стало смешно, поскольку все это более всего напоминало семейную трапезу, правда, достаточно гротескную. С другой стороны, у меня теперь и жизнь такая, что нормальной ее не назовешь.

Продолжив ряд нелогичностей этого дня, я наконец-то набрал номер человека, которому еще вчера я звонить и не подумал бы.

— Здравствуй, красивая женщина, — сказал я, как только на той стороне сняли трубку. — Как твои дела?

— Сплю, — сонно ответил девичий голос.

— День на дворе, — попенял я собеседнице. — Петушок пропел давно.

— В суп его, чтобы не орал. А это кто? — сон из голоса ушел, появилась заинтересованность.

— Как кто? — решил я не отходить от шаблонов и штампов телефонных разговоров с малознакомыми дамами. — Не узнала?

— Смолин, — разрушила так хорошо начинавшуюся интригу девушка. — Вот не ждала.

— И зря, — без тени притворства произнес я. — Сама же ко мне клинья на той неделе подбивала. Ну вот, я подумал, проникся, решил позвонить и сказать, что я согласен.

В трубке раздалась короткая гудка. Мезенцева просто разорвала связь.

Перегнул я, по ходу. Как бы она сейчас меня вовсе в «черный список» не определила.

— Что-то со связью сегодня неладно, — с облегчением протараторил я в трубку, когда Женя все-таки ответила мне. — Тарифы все выше, а качество все хуже.

— Чего надо? — спросила у меня Мезенцева, как видно, не испытывавшая особого желания участвовать в извечных играх мужчин и женщин.

— Поговорить, — честно ответил я. — И лучше всего — очно. Жень, давай уже мириться.

— Я с тобой не ссорилась, — равнодушно бросила девушка. — Не того ты масштаба фигура.

— Мы слишком мало знакомы, чтобы ты могла оценить по достоинству мои масштабы, — не показывая, что ее слова немного обидны для меня, сообщил ей я. — И я сейчас о духовном, а не о телесном. Кроме шуток — ты сегодня как, свободна? Просто могли бы пойти куда-нибудь, в какое-нибудь очень приличное место, посидеть, покушать деликатесных мясных блюд...

— На хорошие деликатесные мясные блюда у тебя денег не хватит, — опять унизительно прямо рубанула по моему самолюбию девушка. — Тем более в очень приличном месте. Не льсти себе, Смолин.

— Да елки-палки, — уже не на шутку начал злиться я. — Ну хорошо, пошли в «Герасима». Кормят там на самом деле неплохо, и мне это по карману. Куплю тебе «пожарскую» котлету и капустный салат. А, да. Еще кусок торта, они там в ассортименте.

— Ну не знаю, — впервые за весь разговор в ее голосе появились человеческие интонации. — Я выспаться хотела. Неделька выдалась просто жуть.

— Жень, мне мозги не полощи, — попросил ее я. — Просто тебе лень себя в порядок приводить. Не заморачивайся, я тебя зову просто поесть. И еще — это не свидание, а деловая встреча. Есть у меня одна темка по вашему с Нифонтовым профилю.

— Так бы и сказал, — возможно, мне показалось, но в голосе Жени прозвучало совсем-совсем легкое, еле слышимое разочарование. — А я все гадаю, чего ты именно мне позвонил? Правильно, Колька же еще в ночь к своей подруге умотал.

— Вообще-то я его и не думал вызванивать, сразу тебя набрал, — добавив в голос немного меда, заверил ее я. — Не спрашивай почему, все равно на этот вопрос у меня ответа нет.

— Ловок ты, — фыркнула Мезенцева. — Ладно, уломал. Можешь за мной заехать через... ммм... Полтора часа. Адрес сброшу «смской».

— Не могу, — признался я. — У меня машины нет.

— Не парень, а мечта, — ласково почти пропела девушка. — Все просто идеально. Машины нет, работает мелким клерком, зато в комплекте имеются обозначившийся пивной животики и бывшая жена. Саша, я твоя навеки! Ты герой моих розовых снов времен пубертатного периода!

Кстати — зацепила. Ничто не бьет так больно, как чистая правда.

— Ладно, не обижайся, — звонко засмеявшись, сказала Женя. — Ты сам сказал, что нам с тобой в ЗАГС не идти, так что считай это дружеской шуткой. «Герасим» так «Герасим». Тем более, что там в самом деле неплохо кормят. По крайней мере, порции большие. В какой из них поедем? Может, на «Спортивную»?

— Давай лучше на «Кузнецкий», — предложил я. — Центр все-таки. Вдруг мы настолько интересны друг другу станем, что потом еще и пройдемся по улицам нашей древней столицы? Дождь кончился, жары нет, самое время для романтических прогулок.

— Что-то сомневаюсь я в этом, — протянула Мезенцева. — Но — как скажешь. И еще — не надо мне покупать цветы, хорошо? Это только деловая встреча.

— Подытожим, — принял ее тон я. — Через полтора часа у входа в заведение. Идет?

— Через два, — подумав, уточнила Евгения. — Твое мнение мне по барабану, но там и другие мужчины будут, возможно даже интересные и одинокие. Не хочу, чтобы они смотрели на меня как на чучундру.

Редкий случай, но на встречу я не опоздал. Через два часа я стоял у входа в «Герасима» на Кузнецком мосту, глаза на то, как крепкие ребята в синей униформе вешают вывеску с надписью «Капитал» на здание напротив, и гадал, сколько же в этом самом «Капитале», который, несомненно, являлся рестораном, стоят те самые деликатесные мясные блюда из нашего с Женькой разговора.

И еще — почему на нем не изображен бородатый основоположник коммунистической теории? По идее, самое ему там место. И его не менее бородатому другу тоже.

Цветы я покупать не стал, как она и сказала. Но при этом на встречу пришел не с пустыми руками. К первоначальной теме разговора добавился еще и небольшой сюрприз, в виде книги, затянутой в человеческую кожу и с серебряными застежками.

Я решил отдать Мезенцевой подарок Костяного царя, вот так-то. Наверняка они подобные вещи в своем отделе коллекционируют, а мне он, как выяснилось, без надобности.

Нет, я не стал в один миг альтруистом и добряком. Просто книга оказалась пирожком без начинки. Так сказать — ни с чем. В самом прямом смысле. Страницы этого фолианта сияли какие белизной, какие желтизной, но единым в них было одно — абсолютное отсутствие записей. Пустота и чистота. Как в голове после хорошей пьянки.

Я не знаю точно, что тому являлось причиной — какое-то заклинание, не позволяющее постороннему видеть текст, написанный внутри, или то, что не я убил ее предыдущего владельца и получил ее через третьи руки. Важен факт — проку от данного артефакта мне никакого не было. А вот неприятности, если верить подъездному, быть могли.

Потому решение было хоть и спонтанным, но разумным — отдать эту книгу Мезенцевой. Сразу несколько зайцев одним выстрелом убью. И вроде как подарок, и, если что, я всегда до нее добраться смогу. До книги, само собой, не до Евгении.

Опять же — теперь моя просьба, ради которой я девушке встречу и назначил, уже не будет выглядеть совсем уж одолжением с ее стороны. Вроде как баш на баш выходит.

Ну и подъездному угрожу, неприятную для него вещь из дома унесу. К тому же у меня из головы не шли его слова о том, что следом за этой книгой к нам гости из Ночи могут пожаловать. Не дай бог чего с каким ребятенком случиться, я же себе потом этого в жизни не прощу. Ну да, я не лучший из людей, но и не совсем же еще моральный урод?

Женя почти не опоздала, десять минут по общепринятым меркам это норма. Это даже немного, Светка во времена конфетно-букетного периода, бывало, и на полчаса задерживалась. Хотя, подозреваю, там был прямой умысел, девушки любят таким образом молодых людей на вшивость проверять. А еще, заразы, трубку не берут, когда им звонишь. «Ты звонил? Ой, а я не слышала». И ведь не предъявишь им ничего. А как?

Уж не знаю, какую именно она красоту наводила на себя, никаких отличий я не заметил. От того, как она выглядела раньше, имеется в виду.

— Привет, — помахал я ей рукой, а после открыл дверь, ведущую внутрь заведения. — Прощу, нас ждет изысканный обед.
— Ну да, ну да, — согласилась со мной девушка. — Как-то так оно и есть. Пошли, парень моей мечты, съедем по обещанной котлете. И торт ты мне тоже обещал!
И мы пошли.

Глава 11

Самое забавное, что на то время, пока Женька разделялась с котлетами и всем остальным, ее привычная язвительность дала сбой. Как видно, она разделяла два эти процесса — питание и глумление над ближним своим. Впрочем, и мне было не до того. Родька кормил меня вкусно, но однообразно, причем исключительно тем, что было сварено, в лучшем случае — испечено. Жареного он не признавал.

— Теперь бы сигаретку выкурить, — сообщила мне девушка, откидываясь на спинку массивного деревянного стула. — И все, гармония между мной и миром практически будет достигнута.

— Здесь нельзя, — сообщил я ей, отпив замечательно вкусного морса, которым всегда славился «Герасим». — Законом запрещено.

— Знаю, — вздохнула Женька. — Но помечтать-то можно?

— Мечтать не вредно, — согласился я.

— Ладно, к делу. — Мезенцева закинула ногу на ногу, причем сделала это более чем грациозно, так, как это умеют делать только те представительницы прекрасного пола, которые знают себе цену. В народе подобное называют «заплести винтом». — В принципе, условие соблюдено, ты девушку накормил, теперь можешь меня в определенном смысле танцевать. Проси, чего хотел.

— Ничего не хотел, — слегка обалдев от этой фразы, сказал я. — Точнее, хотел, но... Короче, вот, держи. Подарок от нашего стола вашему столу. Ну или расценивай это как мой безвозмездный вклад в благородное дело борьбы со злом.

Я расстегнул рюкзак и положил перед ней ведьмачью книгу, завернутую все в ту же тряпицу, что мне дали на кладбище. Столик мы выбрали такой, что со стороны нас видно особо не было, потому любопытных взглядов можно было особо не опасаться.

— Ух ты. — Мезенцева мигом сбросила с себя наведенный было романтический флер и снова стала тем, кем и являлась. Оперативницей. Она развернула ткань и присвистнула. — Это того черта, которого на кладбище грохнули? Та книга, которую так и не нашли?

— Она и есть, — подтвердил я. — Та самая.

Евгения погладила кожаную обложку, щелкнула застежками и раскрыла книгу сразу на середине.

Оторва безбашенная, конечно, пробы негде ставить. Вот так запросто открывать подобный артефакт, не проверив его? Ладно я, мне Хозяин кладбища сказал, что на нем проклятия нет, но ей-то никто никаких гарантий не давал.

— А где? — перелистнув несколько страниц и, естественно, ничего на них не увидев, спросила она у меня немного обиженно.

— Нету, — передернул плечами я. — Почему — без понятия. Может, магией закрыто, может, чернилами симпатическими написано. Хотя я склоняюсь к первому варианту.

— Тьфу ты. — Мезенцева захлопнула том и усмехнулась. — А я уже голову начала ломать, с чего это ты такой добрый. И котлетой угостил, и артефакт подарил. Теперь понятно. На тебе боже, что нам негоже.

— Вот и зря ты, — снова отхлебнул морса я. — Котлеты были от чистого сердца. Если хочешь, кстати, могу еще одну купить, мне не жалко. Что до книги — я бы при любом раскладе ее вам отдал. Мне один знающий... Э-э-э-э... Короче — паршивый это предмет, так мне объяснили. Энергетически. Зла в нем много, проще говоря, мне такого счастья дома не надо. А у вас наверняка какое-то хранилище для подобных штук есть, как в сериалах. Вот и забирайте его себе.

— Да? — Мезенцева снова осмотрела книгу. — Ну не знаю, так и не скажешь. На вид симпатичная. Опять же — серебро. Сказки сказками, но его нечисть и в самом деле терпеть не может, в серебре сила огромная. Да и на ощупь она ничего.

И девушка снова погладила кожу обложки.

— Скорее всего, ее владелица тоже была хорошенькая — заметил я — Девушки, пребывающие в нежном возрасте, не бывают некрасивыми. Они в эту пору полны надеждами на счастье, а кто верует, тот прекрасен.

— Поэтично, но непонятно, — изобразила улыбку Евгения. — Но радостно, что в тебе осталось хоть что-то человеческое.

— Это сказано к тому, что кожа, пошедшая на обложку этой книги, когда-то принадлежала юной девушке, причем девственнице, — уточнил я. — Правда, не знаю, с какой части её тела конкретно этот фрагмент сняли. Может, с левой груди, может, с правого бедра. Но точно не с задницы. Ведьмаки — они, понимаешь ли, эстеты. Сам теперь из них, знаю, что говорю.

— Твою-то мать! — отдернула руки от книги Мезенцева. — Сразу не мог сказать?

— Ты не спрашивала. Сразу хватать начала, я слова не успел вымолвить. Да не бойся, она не кусается.

Евгения хмуро посмотрела на меня, а после замотала фолиант в тряпку.

— Н-да, что бы там ни было раньше написано, вряд ли оно относилось к делу сохранения мира во всем мире, — выдержав паузу, промолвила она. — Не стоит такой вещи в свободном обороте находиться, лучше пусть у нас лежит.

— Про то и речь, — подытожил я. — И можешь меня не благодарить.

— Даже не собираюсь, — фыркнула Мезенцева. — Переложил свою проблему с большой головы на здоровую, да еще благодарностей ждет. Блин, пойду руки помою! Брррррр!

Она сунула книгу в небольшой черный блестящий рюкзачок, после чего удалилась, причем прихватив вышеупомянутый аксессуар с собой.

Характер у нее, конечно, не сахар. Но зато она и не рафинированная, что тоже неплохо. С ней не скучно.

И, что особенно приятно, нет всех вот этих закидонов: «я толстая», «здесь животные жиры» и всего такого прочего. Ест, что хочет, и не причитает.

А то я как вспомню Светку, так вздрогну. Бедные официанты, она из них все соки выжимала, выясняя, в каком блюде сколько калорий и на пару ли все это делают. Чтобы, значит, ни капли масла в блюде не было, ни капелюшечки.

Еще и меня в эту свою секту малоедящих пыталась завербовать, на овощи посадить, чем, кстати, существенно приблизила развод. Если ее мать я кое-как еще переносил, то это уже был явный перебор. Одно наложилось на другое, и в какой-то момент количество скандалов и непониманий свело на нет качество наших чувств.

Красиво сформулировал. Имейся у меня среди знакомых какой писатель, подарил бы ему этот афоризм.

Как говорится — только вспомни про кого-то, он и прорежется. В кармане завибрировал смартфон, сопровождая это рингтоном, сообщавшим всем окружающим о том, как славно делать «селфи» на Эйфелевой башне и какую именно технику для данного мероприятия следует использовать.

Светка. Это звонила именно Светка. Вот как она учуяла, что я про нее сейчас подумал?

— Привет, — немного удивленно произнес я. — Никак ошиблась, номер не тот набрала?

— Тот, — ответила моя бывшая. — Просто как-то мы не очень хорошо расстались.

— В смысле — тогда? — озадачился я. — Или сейчас ты о прошлой неделе?

— «Тогда» трогать не будем, — попросила она. — Тебе, может, и все равно, а мне до сих пор... Ну неважно. Я про нашу последнюю встречу.

— Ты сама отказалась с нами ехать, — справедливо заметил я. — Мы тебя звали купаться.

Кстати — было весело. Вода теплая, тиной не пахнет, и мы с Женькой в нее, стало быть, голенькими...

— Какая ты все-таки скотина, Смолин, — в голосе моей бывшей наконец-то появились знакомые нотки. Эдакая смесь раздражения и предвкушения перед скандалом средней умеренности. — Знаешь, мне не очень интересны рассказы о том, где и с кем ты там нагишом купаешься. Я просто хотела сказать, что мы с тобой интеллигентные люди.

— Эй-эй-эй, — остановил я ее. — Ко мне это определение не подходит. Из данного сословия меня в свое время с треском вышибла достойнейшая Полина Олеговна, приходящаяся тебе мамой. Как там она сказала, когда ты ее притащила с собой в ЗАГС на развод? «Очень хорошо, что вы не завели детей. Представляешь, Светочка, какую наследственность они могли бы получить от этого типа». Так что я не интеллигент, это уж точно. С моими-то маргинально-криминальными наклонностями.

— Мама сложный человек, — немедленно заступилась за мою бывшую тещу Светлана.

— Вот ты и просидишь с этим сложным человеком в четырех стенах до старости, — не стал даже особо выбирать выражения я. — Она тебе еще поводок купит и будет два раза в день на прогулку выводить, чтобы в сторону не вильнула.

А с учетом того, что мамаша ее ведьма и сосет потихоньку жизненную силу из доверчивых дурочек, проживет она еще очень долго. Может, даже саму Светку переживет. Правда, про это я ей говорить не стану. Все равно не поверит.

— Зато ты будешь цвести и пахнуть! — наконец-то не выдержала и сорвалась на крик моя бывшая.

— Именно, — подтвердил я. — А еще веселиться, есть жирную пищу, пить вкусное вино и купаться нагишом в компании юной крепкогрудой рыжеволосой нимфы!!!

— За «юную» спасибо, конечно, но вот все остальное меня настораживает, — вернувшаяся из туалета Евгения снова села за стол. — Причудливые у тебя фантазии, Сашка. Хорошо, что я тебе свой адрес «смской» не прислала.

Я показал на телефон и беззвучно произнес: «Бывшая».

— Саша, я так рада что мы с тобой наконец-то выбрались в этот ресторан! — моментально сориентировавшись и даже подавшись вперед, к трубке, буквально пропела Мезенцева. — Но, милый, сколько можно говорить по телефону? Я скучаю. А еще я хочу шампанского! И ананас!

Сдается мне, что Светка хорошо все расслышала и сделала определенные выводы, потому что почти сразу после реплики Евгении связь с ней разорвалась.

— Психанула? — понимающе кивнула Мезенцева. — Бывает. Но, вообще, это и к лучшему.

— Ты еще скажи, что разбитого не склеишь, — с невеселой иронией поддержал ее я. —

Или что подобное с корнем надо из сердца вырывать.

Хорошего настроения как не бывало. На душе отчего-то стало пакостно, будто я только что подлость сделал. Блин, ну вот что Светка за человек такой, вечно умудряется в каждую кастрюлю плюнуть. Все же давным-давно закончилось, чего ей от меня еще надо?

— Не скажу. — Женька посмотрела на свою опустевшую кружку, а после ухватила мою, в которой еще что-то осталось. — Я не девочка-припевочка, глянецовые журналы не читаю и сериалы не смотрю, потому в высоких чувствах не разбираюсь. Зато точно знаю, что все равно ничего у вас не получится. И дело не в том, что... Как ты там сказал? «Разбитого не склеить»? Так вот, не поэтому.

— А почему?

— Саш, ты больше не человек, — почти равнодушно ответила Мезенцева и отпила морса. — Хотя нет, не так. Ты человек, но не такой, как все.

— Избранный? — не удержался я от шутки.

— Ты ведьмак, — без тени раздражения произнесла девушка. — У тебя теперь свой путь, и места каким-то другим людям рядом с тобой больше нет. Имеется в виду, людям, которые живут обычной жизнью. Ходят на работу, копят на отпуск, воспитывают детей. Они могут быть твоими приятелями, с которыми можно выпить, или приятельницами, с которыми можно перепахнуться, но не более того. Ближе к себе ты никого больше не подпустишь. И чем дальше, тем больше ты будешь отдаляться от тех, кто существует в мире Дня. Такова жизнь. Прими это как данность.

Не скажу, что ее слова меня удивили. Мне подобные мысли приходили в голову, только вот я их из нее гнал. Но факт есть факт — даже с Дарой мне теперь было общаться проще, чем с коллегами по работе. Ну да, за эту неделю я создал себе иллюзию того, что банк для меня по-прежнему дом родной, и только там я на своем месте.

Только это был самообман. Я сам себе это внушал, чтобы не думать о том, что скоро все может измениться. И если бы не прямолинейная Мезенцева, то, может, я в эту иллюзию сколько-то времени еще верил.

— Если тебя это успокоит, то нам не лучше, чем тебе, — продолжала препарировать меня Евгения. — А Кольке так даже и хуже. У него с ведьмой любовь. Мучаются оба, а сделать ничего нельзя. У нее ковен, у него служба. И в любой момент может выйти так, что одному придется убить другого. Один раз до такого чуть не дошло уже, прошлой зимой, прямо перед Новым Годом. Его Людку здорово тогда подставили, через нее пытались к Нифонтову подобраться. Правда, фиг чего вышло, но факт есть факт.

— Жесть, — проникся я. — А ты? У тебя по той же причине личной жизни нет?

— Будем считать, что укол, — Мезенцева улыбнулась, на ее щеках обозначились ну очень пикантные ямочки. Всегда от таких млел. — Нет, не по этой причине. Просто не складывается как-то. Бывает и такое. Хотя так даже лучше. Голова посторонними мыслями не занята, все время работе отдать можно. И, Саш, давай без этих подкатов, типа: «Встретились два одиночества». Ты ведьмак, я сотрудница отдела 15-К, так что даже не начинай. Да и потом... Скажу честно — не в моем ты вкусе. Ну вот извини.

— Да у меня и в мыслях не было, — опешил я.

Причем не соврал. Я и правда не рассматривал ее в качестве возможной мишени для метания стрел Амура. Не до того мне было. Наши с Женей встречи обычно сопровождалась некими происшествиями и событиями, которые напрочь убивали романтический настрой. Хотя она, конечно, хорошенькая. Не отнять.

— Светлана твоя еще не перегорела, — с какой-то даже печалью сообщила мне Женька. — Я женщина, я вижу. Нет, там не любовь, там скорее грусть по нереализованным планам,

которые она для вас двоих наметила. Мужчину женщине забыть легко, а вот свои мечты, в которых он участвует, куда сложнее. Особенно если натура цельная, а твоя бывшая из таких. Оно тихонько тлело внутри, как угли, ее не беспокоило, а тут тебя черти принесли, вот и полыхнуло по новой. Да еще, похоже, у нее и отношений ни с кем нет. Зря, кстати. Клин клином — это самое надежное в таких случаях.

Я только головой pokrutil, переваривая услышанное.

— Саш, у нее корни волос не покрашены, — как-то даже с жалостью произнесла Мезенцева. — И еще куча других признаков, которые ты не заметишь, но я увидела. Нет у нее никого. Но и ты не суйся, ясно? Только хуже будет. Причем ей достанется куда больше, чем тебе.

— Даже в мыслях не было, — сказал я. — Да и как? У нее мама ведьма. Кстати, именно она, зараза такая, все нам и порушила.

— Иди ты! — Женька уставилась на меня. — Прямо ведьма? Не в смысле: «чтоб ты сдохла, ведьма», а натуральная?

— Натуральней не бывает, — хмыкнул я. — Сам недавно узнал. Так что не волнуйся и не ревнуй. Твоим буду, никуда не денусь.

— Договаривались ведь, — укоризненно посмотрела на меня Мезенцева.

— Про шутки договора не было, — заявил я. — Что Колька сказал?

— Какой Колька? — захлопала ресницами Евгения. — Ты о чем?

— Ты же ему звонить ходила. Ну не совсем же я идиот, правда? Два и два сложить могу.

— Да прямо уж так и не идиот? — Мезенцева поняла, что палка потихоньку перегибается и выставила перед собой ладони. — Ладно-ладно, глупая шутка. Но я женщина, мне простительно.

Я ничего не сказал, только рукой махнул — излагай, мол.

— «Спасибо» велел сказать за подарок, — сообщила мне Мезенцева. — И еще просил сходить и купить мне чашку кофе и тортика кусочек, того, что с кремом и орешками.

Последнее — обязательно.

— Поторопилась ты со звонком, — с некоторым злорадством сообщил ей я. — Я ведь не все еще подарил, что хотел.

— Как, еще что-то осталось? — изумилась Евгения. — Ну-ка — ну-ка! Только сначала торт и кофе, а?

— Не-а, — покачал головой я. — Тебе все одно ему еще раз звонить, вот и воспользуешься моментом, пока я буду в очереди стоять.

А вообще, это свинство. У нее есть телефон для экстренной связи, а у меня нет. Вот так мало ли что — и не дозвонишься никуда. Да, это придирки. Но я имею на это право. Если уж припахиваете меня к своим делам, так будьте любезны соблюдать и мои права.

— Вредный ты. — Женька подперла подбородок ладонью. — Я бы тоже с тобой развелась.

— Вот ты гадости говоришь, вместо того чтобы похвалить, — скорчил обиженную гримаску я. — А стоило бы. Я вам, кроме книги покойного Артема Сергеевича, еще и его слугу нашел. Афанасием кличут.

— Это как у тебя, мохнатого такого? — оживилась Евгения — Он прикольный!

Прожорливый, правда, все мое печенье тогда стрескал.

— Он не прожорливый, а полезный. Тоже мне, сотрудница отдела «15-К», — даже немного обалдел я от такой реакции. — Представь себе, сколько всего этот мохнатый бедолага знает. И рассказать сможет. Причем, заметь, без малейшего нажима с вашей стороны.

— Сейчас не поняла, — посерьезнела Мезенцева.

— Его Афоней зовут, и он теперь бомж, — объяснил я. — В прямом смысле. Хозяин помер, сила его почти целиком в никуда сгинула, так что служить ему некому теперь. Вот он и бродяжит. Мало того — спиваться начал.

— Бе-е-едненький, — жалобно вздохнула Женя.

Отдельно замечу — абсолютно искренне.

— Вот-вот, — поддержал ее я. — Так давайте, приютите его у себя, к делу приставьте какому-нибудь. Это существа работающие и неглупые, поверь, я знаю, о чем говорю. И доверять им можно, не то что отдельно взятым гражданам. Но только условие — не обижать его.

Евгения задумалась, я же, как и обещал, отправился за кофе.

— Берем, — еще до того, как я поставил перед ней напиток и торт, сообщила мне она, убирая телефон в чехольчик, а чехольчик в рюкзачок. — Нам такие кадры нужны. Слушай, а как ты его вообще нашел?

— Не «как», а «где», — поправил ее я. — На кладбище он временно проживает, на том самом, где его патрона грохнули. Под сенью могил обитает, постоянно голодный, зато перманентно поддатый. Надеюсь, не надо объяснять, что я там, на кладбище, делал?

— Почему же не надо? — Женька колупнула ложечкой торт. — Обязательно надо!

— Не наглей, рыжая, — посоветовал ей я. — Меру знай.

— За «рыжую» потом отдельно с тобой рассчитаюсь, — пообещала мне Мезенцева. — Еще в детстве задолбали меня этим словом. Но мера наказания будет смягчена за то, что «бесстыжая» не добавил. И все-таки?

— Жень, работаю я там, — устало произнес я. — Сама же говорила — отношения с миром у меня перешли на другой пласт бытия, потому для меня кладбище теперь если и не родной дом, то уж точно не просто место последнего упокоения людей. Там его и встретил. Пообещал помочь, пристроить в хорошие руки.

— Мои — хорошие? — Женька показала мне свои ладошки.

— Прекрасные, — заверил ее я. — Лучшие в мире. Так бы целовал и целовал.

— Дурак, — не оценила мой комплимент девушка и снова начала поглощать торт.

Собственно, на этом наш то ли обед, то ли ужин и закончился. Минут через пятнадцать мы вышли на улицу, где оказалось неожиданно хорошо.

Пока мы ели, пили и общались, облачность рассеялась, и сейчас небо радовало взор той особенной пронзительной предвечерней синевой, которая говорит любому москвичу о том, что лето заканчивается и осень уже стоит на пороге.

— Слушай, а когда этого Афанасия забрать можно будет? — уточнила Мезенцева, поправляя лямки рюкзака.

— Да хоть бы в среду, — предложил я. — У меня на кладбище дела кое-какие есть, я туда ближе к ночи собираюсь наведаться. Давай созвонимся, вы подъедете, я к вам его выведу.

— Что за дела? — заинтересовалась Евгения. — Надеюсь, ничего противозаконного?

— Ну разумеется. Как ты могла так плохо про меня подумать? — притворно оскорбился я, а после без утайки рассказал ей о том, что собираюсь посмотреть на то, как снимают реалити-шоу.

А что такого? Не секретная же информация. К тому же, как мне показалось, это не стало для нее новостью. Не умеет она пока так, как ее напарник, эмоции прятать.

Хотя один факт я все-таки утаил. Про колдуна, того, что не поддельный, а настоящий, ничего не сказал.

В конце концов, я у них не на жаловании, так что перебьются. Кто знает, что они потом с этой информацией сделают, правильно? И как это на мне аукнется, тоже неясно. Ну как колдун проведает, кто его оперативникам слил? Сейчас у меня с этим товарищем, если можно так сказать, нейтралитет. Мы просто незнакомы, вот и все. И зла ему на меня держать не за что. Но узнай он, что я его сдал, то вражды не миновать. Я бы точно разозлился в такой ситуации и тому, кто мне насвинячил, козью морду состроил бы наверняка.

Оно мне надо?

— Может, прогуляемся? — предложил я Мезенцевой и согнул свою руку «крендельком». — Растрясем, так сказать, жиры?

— Не-а, — покачала головой та. — Извини. У меня еще планы на сегодня есть. Спасибо за компанию и все остальное. Все, на созвоне!

И, помахав мне ладошкой, она шустро припустила в сторону «Детского мира». Мелькнула, как рыбка в море, ее рыжая голова и скрылась из вида.

— Вот так всегда, — вздохнул я. — «Динамо-Москва», далее везде.

Я постоял еще минуту, поглазел на людей, да и зашагал к метро.

Добравшись до дома, к себе я сразу не пошел, а поднялся на пару этажей повыше. Если уж сегодня я решил переделать все дела, то надо и это, последнее, до ума довести.

К моему великому удивлению, дверь маринкиной квартиры распахнулась почти сразу после того, как я в нее позвонил. Правда, лучше бы я этого не делал.

— Вашу маму! — отскочил я назад, увидев, что именно стояло за дверью.

Внешне это напоминало мою соседку, но вот только сходство было очень и очень приблизительным.

Глаза, густо обведенные чем-то черным, под ними все было густо замазано белилами или чем-то подобным, трехцветные лохмы, свисающие почти до груди, и невероятно колоритное рубище, расшитое бисером и мелкими куриными косточками. Вот такое вот диво дивное стояло на пороге и тарачилось на меня.

— Кто ты, странное создание? — опасно поинтересовался я. — И куда ты дело недалекую, но все-таки родную мне Марину? Надеюсь, ты ее не сожрало?

— Смолин, хорош прикалываться, — попросила меня чуда-юда. — Как, впечатляет?

— Очень, — признался я. — Вот только имей в виду, что мое мнение — оно нейтральное, ни к чему не обязывающее остальной мир. А вот точка зрения санитаров с крепкими руками и смиренной рубашкой может стать определяющей. Марин, ты в своем уме?

— Там все такие! — насупилась соседка. — Это тренд, Смолин, тренд. Если прийти на «Магическое противостояние» одетым как всегда, по-будничному, то ловить будет нечего. Там главное запомниться!

— Марин, но не настолько же, — попытался вразумить я расстроенную девушку. — К тебе сейчас даже слово «чумичка» применить нельзя.

За моей спиной хлопнула дверь, и на лестничную клетку вышла баба Зоя, маринкина соседка, старушка мирная и дружелюбная, в распространении сплетен и слухов не замеченная. Как видно, в магазин собралась, поскольку в руках у нее была хозяйственная сумка.

Она подслеповато глянула на меня, потом на Маринку, на секунду застыла, сняла с носа очки, протерла их, снова напялила, перекрестилась, и со словами:

— Господи Христе и святые угодники! — быстро скрылась за дверью своей квартиры. Следом за этим лягнули замки — баба Зоя готовилась к отражению атаки нечистой силы. И я ее понимаю — такое диво дивное на своей лестничной площадке увидеть! Любого проймет.

— Пошли внутрь, пока ты весь дом не перепугала, — предложил я Маринке.

Та мотнула головой, приглашая меня зайти в квартиру.

— Значит, фигня получилась, — констатировала соседка, глядя на себя в зеркало. — Печалька. Три часа работы коту под хвост. Зараза, зачем я только на этот балахон столько времени угробила?

Что к подбору гардероба Марина подошла с душой, было видно сразу. У нее всегда в квартире царил Великий Хаос, но сегодня это было особенно заметно. Из гардеробов было вытащено все. Ну или почти все.

Даже не вытащено — выволочено. И свалено в центр комнаты.

— Н-да, — я переставил с подлокотника кресла на стол две пустые чашки, после снял с его спинки кружевной лифчик и бросил в общую кучу. — Ты реально настроена на победу, моп аті.

— Само собой, — ответила мне Маринка и стянула через голову жуткий балахон, побрякивающий косточками. — Или быть первой, или никакой. И, Смолин, не вздумай говорить, что я максималистка или что это у меня гормоны в заднице играют.

— Даже не подумаю, — заверил я ее. — Тем более, что я тебя сейчас не очень-то и слушаю. Мне смотреть интересней.

Нижнего белья на ней, как и следовало ожидать, не имелось.

— Смотреть можно, трогать нет, — девушка передернула плечами, ее упругие груди забавно дернулись. После этого мне был показан розовый язычок, и красота скрылась от моего взора под длиннющей, явно мужской, футболкой.

— И рад бы, да вот беда — мне это уголовный кодекс запрещает, — решил я не оставаться в долгу.

— Сейчас по всем законам жанра я должна спросить у тебя — при чем тут уголовный кодекс?

— Должна, — подтвердил я.

— Спрашиваю, — и девушка изобразила жест из серии: «А теперь выкладывай».

— Закон запрещает вступать в интимные отношения с представителями животного мира, — печально объяснил ей я. — А ты сейчас не совсем человек. Ты некий новый подвид — девочка-панда.

— Очень смешно, — демонстративно похлопала в ладоши Марина. — Еще немного, и тебя можно выпускать на сцену, как профессионального стендапера.

Но все-таки слова мои ее зацепили, поскольку после своей реплики она отправилась в ванную, где тут же зажурчала вода.

Вернувшись в комнату уже в привычном мне виде, она сбросила с дивана кучу вещей прямо на пол, плюхнулась на него, устала в потолок, печально сообщив мне:

— Идеи кончились.

— Мне кажется, ты просто заиклилась на экзотике, — предположил я. — Вот это безобразие никак не может принадлежать Верховной дриаде. Это больше подходит какой-нибудь кликуше времен Ивана Грозного.

— А что подходит дриаде? — перевела взгляд на меня Марина. — Твои предложения?

— Что-то более строгое и загадочное, — произнес я. — Без большого количества атрибутики. Ну какой-то такой плащ средневековый, чтобы до пят и блестящий, с прорезями для рук по бокам. Шелк там или что-то вроде этого.

— Ну-ну-ну, — уже непритворно заинтересовалась соседка. — Продолжай.

— А все, — ответил я. — Если плащ глухой, то больше ничего и не надо. Разве что застежку прицепить под горло. Знаешь, помассивней, в виде цветка или ветки. Блескучую. Раз ты дриада — надо такую. А еще браслеты на руки, тоже такие, основательные.

— И волосы. — Маринка пригладила свои растрепанную после парика шевелюру. — Вот так, можно даже с пробором. И тут заколками. Слушай, Смолин, а мне нравится! Плащ я у Жанны возьму, у нее такой есть, зелененький. Она его на «eBay» заказывала, чтобы своему Максу сюрприз устроить. Они в нем в ведьму и инквизитора играли.

— В жизни бы не подумал, — впечатлился я.

Видел я эту Жанну. На вид тихая, спокойная девушка, и на тебе. Ведьма и инквизитор.

Страшно представить, что из себя представляли эти игрища.

— Брошка. — Маринка разворошила груды вещей на полу, потом подскочила к секретеру и покопалась там. — Была у меня одна, в виде виноградной грозди, страшная до ужаса, один придурок подарил. Блин, куда же я ее убрала? Помню, у меня шкатулка была, я туда всякий хлам складывала.

Она оставила секретер в покое и постояла секунду на месте, соображая, где же еще могло быть искомое. Потом ей в голову пришла какая-то идея и она умчалась в маленькую комнату, откуда немедленно раздались звуки, из которых можно было понять, что там тоже начались разгром и разруха.

В этот же момент с кухни беззвучно появился Вавила Силыч, приложил палец к губам и ужом ввинтился под диван. Пробыл он там недолго, появился обратно весь в пыли, но зато с палехской шкатулкой в руках.

— Всем домом собираем, — сочувственно прошептал ему я.

Подъездный понимающе покивал и снова убежал на кухню.

— Марин, не это ищешь? — крикнул я. — Вот тут какая-то шкатулка под креслом валяется.

Естественно, это оказалась именно она. Маринка сочно чмокнула меня в щеку и торжественно предъявила мне брошь белого металла с зелеными камушками.

— Шикардос, — высказал свое суждение я. — А как будет блестеть в свете камер!

— Скажу, что некогда эту брошь сработал один из учеников Веланда, — немедленно начала фантазировать Маринка. — И делал он ее для... Ну-у-у-у... к примеру, Морганы.

— Тебя не смущает то, что они, вроде, не в одно время жили? — неуверенно спросил я.

— Так ученик, — возмутилась девушка. — Не сам же Веланд. Да ты вообще не знаешь, кто это такой был, так что не умничай.

Вот и зря. Я читал европейские дохристианские мифы и слышал про великого кузнеца.

— А в наш род она попала в семнадцатом веке, — продолжила вещать Маринка. — Ее моей прапрапрабабке подарил... Граф Сен-Жермен!

— Где ты берешь эту траву? — восхищенно спросил я у нее. — И когда успеваешь ее курить?

— Либо молчи, либо проваливай, — потребовала девушка. — У меня творческий экстаз.

— Слушай, погоди маленько с экстазом, — попросил я ее. — Сейчас я тебе кое-что скажу, а потом твори, чего захочешь.

— Ну, что еще?

— Только так, — я встал с кресла. — Давай договоримся сразу — ты не спрашиваешь у меня, откуда я что знаю. Все одно не скажу.

— Прямо заинтриговал, — в глазах Маринки блеснуло любопытство. — Ладно, не спрашиваю.

— Я серьезно, — предупредил ее я. — Будешь донимать, в жизни тебе больше не помогу.

— Договорились, — пообещала девушка. — Если я нарушу эту клятву, то до пенсии буду ходить с тобой на встречи твоего класса и делать вид, что ты мой любимый мужчина. Пусть тебе все завидуют. А одноклассницы кусают ногти на ногах, осознавая, что упустили такого самца.

Вот зараза. И просил-то только один раз об этом одолжении. Причем, что особенно обидно, Маринка со мной тогда так никуда и не пошла. Она про эту просьбу просто-напросто забыла, сразу после того, как я исчез из поля ее видимости.

— По рукам, — согласился я. — Дай мне листок бумаги и ручку.

— Зачем? — удивилась Марина.

— Схему кладбища чертить буду, — объяснил ей я. — А ты потом заучишь, где там одна могила находится. Поверь, в среду она очень тебе нужна будет.

Глава 12

Даже сидя на следующий день на работе, я вспоминал о том, как Маринка, выслушав меня, немедленно нарушила данное обещание. Инстинкт журналистки пересилил разум, после чего соседка вцепилась в меня как клещ со своими бесконечными «как» и «откуда узнал». В ход пошло все — она увещевала меня добром, пугала потопом и поджогом, даже пыталась,

игриво подмигивая, взгромоздиться на мои колени, чем окончательно убедила меня в том, что нравственные начала в ней погибли, не родившись.

Финальным аккордом явилась проникновенная речь о том, что она нынче же украдет младенца у какой-нибудь особо многодетной цыганской семьи, где-нибудь в районе «Трех вокзалов», и выдаст сие невинное дитя за плод нашей с ней греховной страсти. И вот тогда-то мне мало не покажется!

Подобным обещанием проникся даже Вавила Силыч. Дело было на кухне, а потому мне довелось лицезреть его округлившись то ли от удивления, то ли от восхищения глаза. Он настолько заслушался Маринкиным феерическим бредом, что наполовину высунулся из вентиляционной шахты.

В результате, я в буквальном смысле плюнул в раковину, пообещал соседке, что отныне пальцем не шевельну, чтобы ей помочь хоть в чем-то, и покинул ее квартиру.

Воистину — не делай добра, и тогда тебе никто не будет приседать на мозги.

Кстати — она мне еще и звонила на смартфон потом, с интервалом в пять минут. Позвонит — постучит в дверь. Позвонит — постучит в дверь. Просто по-другому я ее не слышал, звонок-то дверной не работает. Молодец Родька, что проводок перерезал. Если смартфон на беззвучный сигнал можно поставить, то дверной звонок — фигушки.

И сегодня она мне названивала. Двадцать шесть пропущенных — все от нее.

— Смолин, а ты, я погляжу, кому-то сильно нужен, — сообщила Наташка, которая не могла не обратить внимания на мой периодически жужжащий вибровзвонком смартфон. — Это кто же тебя так домогается?

Она бросила в «мусорку» пластиковое корытце из-под салата, которым только что пообедала, и выжидательно уставилась на меня.

— Много будешь знать — плохо будешь спать, — не очень вежливо, зато предельно ясно ответил ей я.

— В этом плане мои дела и так не ахти, — печально поведала мне Федотова. — Муж из командировки приехал, кончился безмятежный сон.

— Понимаю, — сально ухмыльнулся я.

— Да чего ты понимаешь, Смолин? — Наташка глянула на меня так, как старшеклассница смотрит на пятиклашку, который перед друзьями изображает взрослого дядьку, знающего толк в женских прелестях. — Понимает он.

— Храпит? — утвердительно спросила Ленка, ехидно улыбнувшись.

— Мочи нет, — подтвердила Федотова. — Хоть из квартиры беги. Стоп. А ты откуда про это знаешь?

— Догадалась, — заверила ее подруга — Богатый жизненный опыт.

Федотова нехорошо уставилась на нее, ее наманикюренные пальчики барабанили по пластиковой поверхности стола.

— Да не смотри ты на меня, как предправ на предписание ЦБ, — попросила ее Ленка — У меня законный супруг имелся год с копейками назад, если ты не помнишь. Ровно то же самое, проблем ночью больше, чем пользы. На мне всего-то три минуты пыхтит, но зато потом шесть часов с чувством выполненного долга храпит.

— Ну да, ну да, — глаза Федотовой нехорошо сузились. — И это мне тоже до боли знакомо.

— Пойду, отдам Гусарову документы, — встал из-за стола я. — А то он звонил, ругался. На самом деле, депозитарщик мне, конечно, не звонил, но быть свидетелем разборок двух женщин мне не хотелось, больно это дело небезопасное. Время от времени подобные инциденты имели место быть, особенно если учесть, что Ленка и Наташка давно и плотно дружат. Кстати, Наташка в разводе Ленки с ее бывшим, как я догадываюсь, сыграла не последнюю роль. Подробностей не знаю, но хорошо помню, что эта парочка целый месяц после не разговаривала, в аккурат до того самого момента, как нам подарили литровую бутылку «мартини». Вылакав ее на пару, они простили друг другу все, долго плакали и рассказывали мне, какие мы, мужики, сволочи.

Вот только, сдастся мне, Ленка Федотову до конца за тот случай не простила. Больше скажу — подозреваю, что она сейчас специально подставилась, больно улыбка была пакостная. Не иначе как подходящий момент выжидала. И если я прав, то надо на сегодняшний день искать себе какое-то временное пристанище. В нашей каморке нынче будет очень жарко, несмотря на то, что в городе изрядно похолодало.

Что примечательно, банковские служащие плохую погоду очень даже уважают. Чем хуже на улице, тем спокойнее у нас. Просто поток посетителей изрядно мелеет при погодных катаклизмах. Нет, юридические лица, которых у нас ласково называют «юрики», посещать банк не перестают, служба есть служба. Кому выписка нужна, кому кредит — вариантов масса. Зато «физиков» становится куда как меньше. Дождь распугивает, как пчел,

разговорчивых бабушек, неугомонных домохозяек, щетинистых ребят в кожаных куртках, пребывающих в вечном поиске хорошего курса евро, и просто городских сумасшедших. Прямое подтверждение моим словам — тишина в операционном зале. Только у пары стоек сидели какие-то люди, да вышеупомянутому Гусарову выносила мозг очень симпатичная, хоть уже и не слишком молодая женщина. Причем эмоции переливались через край, она так активно жестикулировала, что напоминала мельницу. Сходства добавлял и ее высокий рост.

Делать мне было нечего, потому я решил пойти и послушать, что же такое этой красавице в возрасте нужно от бедолаги-депозитарщика. Не думаю, что там будет нечто оригинальное, скорее всего, она ключ потеряла от ячейки и теперь не хочет платить за ее вскрытие, но мало ли?

Какое-никакое, а развлечение.

Компанию этим двоим составлял плотный представительный мужчина, который, похоже, сопровождал машущую руками мадам. Впрочем, в беседе он участия не принимал.

— Мне нужны документы из ячейки, — хлопнув ладонью по стойке, сообщила Гусарову женщина, как бы ставя его перед фактом. — Понимаете? Жизненно необходимы.

— Понимаю, — невозмутимо ответил ей Витод. — Если у вас есть ключ от нее, то мы можем прямо сейчас спуститься вниз, и вы их заберете.

— Молодой человек, вы меня слышите вообще? — женщина посмотрела на своего спутника, как бы ища поддержки. — Ключ! Был! У! Моего! Мужа!

— Это все я понял, — заверил ее Гусаров. — Ключ был у мужа, он умер три дня назад. Еще раз приношу вам свои соболезнования. Но только помочь вам ничем не могу. Нет ключа — нет доступа к ячейке.

— В договоре написано, что я тоже имею право доступа к абонированному им депозитному сейфу, — потрясла перед носом Витки изрядно помятыми бумагами женщина. — Вот! Обеспечьте мне этот доступ!

— Нет проблем, — с готовностью ответил Гусаров. — Как только вы предъявите мне ключ от вашей ячейки и паспорт или какой-то другой документ, удостоверяющий вашу личность, так мы сразу вниз и спустимся. У вас есть ключ?

— Ключ был... — голос женщины потянулся к высоким нотам, но фразу она не закончила, зато обратилась к своему спутнику: — Алексей Николаевич, может быть, вы поговорите с этим юношей? Мое терпение кончилось.

— Не имеет смысла, — негромко ответил ей мужчина. — Он действует по инструкции и от нее не отступит ни на йоту. Не так ли, э-э-э-э... Виктор?

— Именно, — подтвердил Гусаров. — Руководство сразу звать, или еще меня убеждаете?

Кроме скуки у него в голосе ничего не было. Ситуация типовая, подобное происходит, конечно, не каждый день, но раза два в неделю точно. Несмотря на то, что у нас большой депозитарий, свободных ячеек в нем, как правило, немного, все заняты. И, как водится, клиенты ключи от своих сейфов теряют, куда-то кладут и забывают куда, и даже топят в унитазах, а после приходят сюда и начинают качать права.

И это при том, что каждый был предупрежден об уникальности их экземпляра ключа. Ну вот нет у них дубликатов. В том и смысл. Один ключ у тебя, второй, «мастер», у депозитарщика. Ячейка откроется только тогда, когда они оба синхронно повернутся в замках, так и никак иначе. Короче — если потерял ключ, то все, дальше только взлом. Причем за отдельную немаленькую комиссию.

— Не воспоследует? — понимающе спросил у Витода мужчина.

— Боюсь, что нет, — подтвердил его опасения Гусаров. — Нужен ключ.

— Но в договоре Жанна Анатольевна тоже указана, — уточнил мужчина. — Нет ключа — давайте вскрывать, мы все оплатим.

— Нельзя, — развел руками Витод. — Я помню этот договор, он заключался на особых условиях. Сейф можно вскрыть только в присутствии вашего супруга.

— Он умер!!! — припечтала ладони к стойке женщина. — Умер он! Не может он сюда прийти для этих целей. Его самого на днях вскрывали прозекторы, вот какая штука!

— Значит, несите оригиналы документов, подтверждающих то, что вы вступили в право наследования, — невозмутимо предложил Гусаров. — Ну или нотариально заверенные копии.

— Полгода, — выдохнула женщина. — Леш, это все.

— Ну не полгода, меньше, — ответил ей мужчина. — Хотя, конечно, затянуть процесс возможно, это да. Завещание, то, се... А время работает против нас.

— Сань, ты чего-то хотел? — Витод демонстративно повернулся ко мне, показывая клиентке, что разговор окончен.

— Не то чтобы... — ответил я — Там у тебя новые договора есть, нам бы их глянуть. Вдруг кто по нашему ведомству проходит?

— Не проблема. — Гусаров поправил галстук. — Сделаю.

— Он сделает! — взвинчено среагировала на его слова женщина. — Что вы в этом вашем банке вообще сделать можете?

— Вот ты дура! — вступил в беседу новый собеседник, обладающий довольно-таки писклявым голосом. — Дура! Они-то тут причем? Это ты обшарила все что можно в обеих квартирах, чуть ли не полы вскрыла, а на дачу съездить не догадалась. Ну ведь проще же простого додуматься, что ключ там!!!

Я с изумлением увидел забавно выглядящего толстяка. Галстук у него был сдвинут к правому уху, рубаха расстегнута так, что пупок просматривался, и весь он был какой-то взъерошенный.

А еще он мне был откуда-то знаком. Но вот откуда?

Тем временем беседа продолжалась, причем на слова толстяка никто даже внимания не обратил. Да это и не странно. Он ведь был призраком. Причем довольно свеженьким, я уже научился классифицировать эту публику.

Стоп! Вот откуда он мне знаком. Это же его тогда непонятная серая пакость за шею обнимала. Кстати, совсем забыл спросить у Хозяина кладбища, что это за сущность была, а ведь хотел.

Хотя теперь и так понятно, что она напрямую связана со скоропостижной кончиной этого гражданина. Но в среду все одно поинтересуюсь, что это такое. Интересно ведь. Может, это проклятие? Или просто нечто с той стороны, вроде вестника смерти?

Любопытно, а что было бы, захоти я этой серой гадости помешать? Хотя, с другой стороны, как? Сказать тогда вот этому пузану, что его вот-вот отправит в небытие некая субстанция, которую кроме меня никто не замечает?

— Ты меня видишь! — проорал вдруг призрак и ткнул в мою сторону пальцем. — Точно видишь!

После этих слов я развернулся на каблуках и прогулочным шагом отправился к выходу из операционного зала. Вот только общения с умершими мне на работе и не хватало.

— Стой! — раздалось мне вслед — Куда!

Куда, куда... Куда подальше. Лучше бы сидел у себя и в бумагах копался под ругань моих сокамерниц.

Или пошел в цоколь и пообедал. Чего меня в операционный понесло?

— Ты должен мне помочь! — уже на лестнице, ведущей вниз, к комнатухе с холодильником, догнал меня толстяк. — Ты обязан!

Я упорно делал вид, что не вижу и не слышу его.

— Стой, — призрак попробовал схватить меня за плечо, но безуспешно. — Ты не можешь вот так взять и сделать вид, что меня нет.

Почему не могу? Запросто могу. Более того — этим и занимаюсь.

Надо заметить, что толстяк оказался упорным. Он бубнил без остановки все время — когда я мыл руки, когда разогревал бутерброды в микроволновке, когда их ел. Он требовал и угрожал, страшал меня какими-то своими знакомыми в Центральном Банке и просто бандитами. Под конец он даже начал ссылаться на кого-то из правительства.

Но я знай молчал, жевал и копался в смартфоне, время от времени сбрасывая вызовы Маринки.

Наконец он притих, а после начал петь! Реально — петь. Если учесть то, что голос у него и при разговоре был малоприятным, то про вокальные экзерсисы говорить даже не приходится. Что там — в какой-то момент мои уши впервые в жизни зашевелились, стремясь закрыть слуховые отверстия, дабы спасти меня от этой пытки.

Ладно, не вышло по-хорошему. Будет по-плохому.

Я встал, приоткрыл дверь, убедился в том, что в цоколе никого нет, и негромко спросил у призрака:

— Кина насмотрелся?

— Ага! — радостно заорал тот и ткнул мне в грудь пальцем. Точнее — попытался ткнуть.

— Слушай, я не Вупи Голдберг, а ты не Патрик Свейзи, — сообщил я радующемуся призраку. — Хотя нечто общее в ситуации, конечно, есть. Банк, например. Но не суть.

— Пошли наверх, — потребовал толстяк. — Скажешь моей жене, где ключ от ячейки!

— Бегу и падаю, — фыркнул я. — Вот мне делать больше нечего. С какой радости?

— Да хотя бы потому что... — начал было запальчиво толстяк, а потом замолчал.

— Ну вот, успокоился, подумал и что-то понял, — сообщил я ему. — Верно. Я тебе ничего не должен.

— А не боишься? — призрак вдруг немного поменял цвет, по краешкам синевы прошли багровые всполохи. Забавно, стало быть, так они выглядят, когда злятся. — Я все-таки теперь...

— Кто? — насмешливо спросил у него я. — Мужик, я тебя, наверное, расстрою, но ты теперь вообще никто. Ты сгусток энергии, который по непонятной причине не отправился за пределы мира после смерти физического тела. Или хотя бы на погост, где закопали то, что раньше было твоей жирненькой плотью.

Вот тоже интересно — а почему кто-то сразу уходит туда, откуда нет возврата, кто-то застревает на кладбище, а кто-то вообще бомжует, вот как этот толстяк? Каков принцип отбора? Ну не жеребьевка же? Не в «камень-ножницы-бумагу» они это где-то там, на облаке, разыгрывают, дружно крича «У-е-фа!».

Может, дело правда в неких незавершенных делах?

— Ну жизнь я тебе попортить все равно могу, — заявил призрак, но, правда, уже без спеси, которая так и сквозила в его голосе пару минут назад. — Наверняка методы есть.

— Наверняка, — признал я, а после схватил его руку и сжал по сильнее. — Вот только я терпеть это не собираюсь, понятно? Ты думаешь, я каждой дохлятине буду предоставлять возможность права качать? Все, приятель, тебе пора, твой поезд отходит! Не знаю точно куда, но билет сейчас прокомпостирую!

И я поднял вторую руку, собираясь припечатать свою ладонь ко лбу призрака.

Кстати — этот жжется меньше, чем обитатель Южного порта. Покальвание в руке и неприятные ощущения наличествуют, но с тем старым чортом было куда больнее. Видно, в нем злости и грязи душевной много скопилось.

— Не надо! — испуганно заорал он, и задергался, как рыба на крючке. — Не надо! Алла пропадет без меня! Не надо!!!

— Не надо, — проворчал я, отпуская призрака, который немедленно отскочил от меня куда подальше, а именно — к холодильнику. — Как хамить — так это можно, а как за горло возьмешь, так сразу «не надо».

— Кто ты? — спросил у меня толстяк, потирая запястье. — Кто ты такой? Почему меня видишь? Почему можешь меня... Не знаю, как правильно сказать. Убить окончательно.

— Так бывает, — и не подумал я ему ничего объяснить.

Ради правды, я ведь немного опасался поначалу бродячих призраков, тех, которые попали в разряд «ни богу свечка, ни черту кочерга». Ну кто знает, какие они, на что способны? А тут, оказывается, вообще все просто. Это, по сути, и в самом деле те же бомжи. Нет у них ни документов, ни места проживания, ни перспектив на будущее. И никому они не нужны. Если мне понадобится потренироваться в отпускании душ, я могу этих беспризорных отправлять в Ничто пачками — и никто с меня за них не спросит. Потому что про них никто и не знает.

— Скажи, парень, как твое имя? — поинтересовался призрак.

— Называй меня Бронко.

— Нет, серьезно, — толстяк подобрался ко мне чуть поближе. — Я вот Семен Маркович.

— Сгинь, Семен Маркович, — насторожился я, услышав шаги в коридоре. — Еще раз тебя увижу, жалеть не стану. Брысь, я сказал!

Лицо толстяка скривилось так, будто он заплакать хотел, мне даже жалко его стало на мгновение. Но не более того, потому что секундой после он выплюнул (по-другому и не скажешь) в мой адрес с изрядным умением сплетенную матерную тираду и покинул комнату прямо сквозь стену.

— Однако, батенька, вы хам! — заметил я ему вслед.

Дверь открылась, в кухню, массируя на ходу затылок, ввалился Витод.

— Задолбала меня эта тетка, — пожаловался он мне. — Нет, они все тупые, умных клиентов не бывает по определению, но тут совсем беда. И этот ее муж покойный козлина еще та. Вот нахрена ты заключаешь договор аренды по особым условиям, если знаешь, что твоя жена такая овца? Тьфу!

Отдельно следует пояснить, что часть морально-этических норм, принятых в обществе, в банках не действует. Например, правило «о мертвых либо хорошо, либо ничего» тут не соблюдается совершенно. Это связано с массой причин, но основная — проблемы, которые умершие клиенты создают сотрудникам банка. Они еще при жизни теряют договора, логины и пароли от «банк-клиента», ключи от тех же депозитарных ячеек — и это становится нашей головной болью, поскольку скорбящие родственники непременно хотят получить их добро все и сразу. Ну или хотя бы узнать, что там у покойных за душой имелось.

И скандалят, скандалят, скандалят. Да и то — а где еще-то? У нотариуса нельзя, на похоронах нельзя, даже друг с другом как-то не очень удобно. А в банке — самое оно.

Сам слышал, как одна безутешная вдова сообщила начальнице операционного:

— Если вы такой закон приняли, то меня это не касается.

Это она про закон о наследстве так. Ну не в Думу же идти высказывать претензии, правда? Есть банк. Он у нас основной законодательный орган.

И вот за что нам их любить? Клиентов, в смысле?

Витод сварганил себе кружку кофе, стащил из чьей-то чужой пачки пару печенек и уселся рядом со мной.

— Знаешь, Сань, сказал бы я, что мне эту тетку жалко, но не буду, — задушевно сообщил он мне, кидая сахар в дегтярно-черный напиток. — Хотя без документов из ячейки ей жопа полная, что да, то да.

— Иди ты? — заинтересовался я. — А что за бумаги?

— Я так понял, что уставные на фирму и все такое прочее, — охотно ответил мне Витод. — Точнее — завод. Ее муж мебель производил где-то под Москвой, там территория с Лихтенштейн размером, вот на него рейдеры и наехали. Столько земли, да рядом со столицей! Он оригиналы документов от греха к нам в ячейку сунул, а потом возьми, да и крякни. Причем, по ходу, сам. Даже не помогал никто.

— Странно, — покачал я головой. — Не верю я в такие совпадения.

— И не такое случается, — отпил кофе Гусаров и хрустнул печенькой. — Поверь, я знаю. Да и вообще, Сань, все болезни от нервов, только триппер от удовольствия. Так вот. Теперь без этих документов тетке хана. Так она могла бы отбиться, как минимум в суды уйти, особенно если поддержка со стороны «силовиков» есть. А у нее она есть, тот мужик, что рядом с ней терся, похоже, из них, я эту публику спинным мозгом чую. А теперь шансов ноль, даже с «прикрытием», время против нее работает. Пока она все восстановит, завод по миру пустят. Точнее — по частям продадут. Оборудование одним, землю другим... Ну чего я тебе рассказываю? Сам все знаешь.

О как. То-то этот Семен Маркович так настырничал. Но его можно понять — он-то завод все еще своей собственностью числит, не свыкся пока с новым бестелесным статусом.

Естественно, он не хочет, чтобы детище в чужие руки попало.

Только я все равно ничем ему помочь не могу. Да и не хочу, если честно. У меня своих проблем полон рот, мне чужие ни к чему.

Жалко только Семен Маркович мои мысли прочесть не мог, поскольку он заявился ко мне этим же вечером в тот же миг, когда Наташка и Ленка, которые весь остаток дня не разговаривали друг с другом, покинули свои рабочие места и отправились по домам.

— Не хотел с вами беседовать при девушках, — сообщил мне призрак, устраиваясь на ленкином стуле. — Тем более, что вы все равно бы мне не ответили. Они же меня не видят.

— С чего ты взял, что я сейчас тебе отвечу? — передернул плечами я, продолжая печатать. — Хотя нет, отвечу. «Нет».

— Прости за банальность, но что «нет»? — вкрадчиво поинтересовался толстяк, тоже переходя со мной на «ты».

— Все — нет, — объяснил я. — Кроме одного. Если ты попросишь меня отправить твою бессмертную душу на перерождение, это я сделаю с удовольствием.

— Я слышал, как тот... — Семен Маркович пожевал губами. — Твой приятель не очень хорошо отзывался обо мне и моей жене. В чем-то он даже прав. Теперь ты знаешь суть вопроса. Саша, спаси мой завод. Это ведь не только материальный актив, пойми. Ну да, прибыли, обороты — это все так. Но это же еще и люди. У меня там почти две тысячи человек работают. Если завод обанкротят, то они все станут безработными.

— «У них дети, у них семьи, у них кредиты», — закончил за него фразу я. — Знаю, слышал не раз.

Ведь даже имя мое подслушал, прохиндей.

— Именно так, — толстяк сложил призрачные руки на коленях. — Ну не все же мы, заводчики, такие сволочи, как о нас думают и говорят.

— У тебя дети где учатся? — спросил я у него. — Только честно. Я ведь заморочусь, правду узнаю. В сети все есть.

— Нигде не учатся, — немного опешил призрак. — Нет у нас детей. Сначала для себя с женой жили, потом бизнес поднимали, а потом... Как-то не сложилось.

Неожиданно.

— Мы детдом один с Аллой курировали, — сказал Семен Маркович. — Если хочешь, сам зайди, посмотри. Она туда каждую неделю ездила, вещи отвозила, технику разную.

Помогали толковым ребятам в хорошие институты поступать, оплачивали их обучение. И ведь, похоже, не врет. Причем эта уверенность, она у меня изнутри идет, я словно чую правдивость его слов.

— Слушай, я не прошу тебя ехать к нам на дачу, — голос толстяка окреп, он больше не пищал, как днем. — И друга твоего уговаривать не надо, чтобы он Алле помог.

— Ну это и не получится, — хмыкнул я. — Как говорил классик — это утопия. Витод упертый до невозможности, и от инструкции ни на шаг не отступит, даже в том случае, если наш предправ на пару с Набиуллиной вокруг него танцы с бубнами устроят.

— Просто позвони моей жене и скажи: «Ключ от ячейки на даче, в нижнем сейфе». — Семен Маркович спрыгнул со стула и завис в воздухе. — Это все, о чем я тебя прошу. Один звонок, Саша!

— Неубедительно, — произнес я, отправляя документы на печать. — Это нужно тебе, но совершенно ни к чему мне.

— Мне нечем тебя промотивировать, — печально произнес призрак. — Просто нечем. Я все понимаю, тебе нужен стимул, а лучший стимул — это деньги. Ну вот — нет у меня их. И захоронки никакой нет, которую я тебе мог бы сдать. И номерного счета в Швейцарии не имеется. Все что есть — завод да счета в паре российских банков, до которых ты все равно не доберешься.

Врет наверняка. Не может быть, что у такого Семена Марковича где-то да не была припрятана толстая пачка наличных денег. Никогда в такое не поверю.

— Надоел ты мне, — я просмотрел распечатанный документ, пробил его дыроколом и вложил в «короновскую» папку. — Как комар — жужжишь, жужжишь. Может, мне тебя все-таки того?

— Хочешь, я на колени встану? — тихо проговорил призрак. — В жизни такого не делал, но если надо...

Это был уже перебор, уж больно гадко у меня внутри стало.

В конце концов — это только звонок.

— Не надо, — остановил призрака, который начал оседать на пол, я. — Хорошо, уговорил.

— Даю слово — после ты меня не увидишь, — затараторил Семен Маркович. — Даже так — если хочешь, то сделаешь то, что собирался. Ну чтобы меня не стало. Так оно даже, может, и лучше будет. Похороны свои я видел, об Алле позаботился, вот и выходит, что все дела завершены. Только удостоверюсь, что она документы забрала, и тогда меня можно, как ты говоришь, «того».

— Видно будет, — поморщился я. — Погоди, я думаю.

Со своего телефона звонить нельзя, мой номер мигом определится, и добрый человек из прокуратуры мигом срисует, кто я есть. Впрочем, дело даже не в симке, по биллингу и аппарат пробить можно.

Вот раньше хорошо было, везде автоматы висели. Купил карточку, позвонил — и концы в воду. В годы моего детства мы так контрольные в школе срывали, сообщали о заложённой бомбе. Ни разу не попалились.

А теперь поди их, поищи.

Размышляя над тем, как бы мне половчее выполнить обещанное, я закрыл кабинет и направился к выходу из банка. Собственно, народ весь уже разбежался, в офисе осталась только охрана, да еще пяток таких же как я ушибленных головой сотрудников, которым особо спешить некуда.

И Силуянов. Он стоял у выхода и нехорошо улыбался, глядя на меня. Уж не знаю, что послужило причиной для этой улыбки, но настроение у меня совсем испортилось.

А если он у нас в кабинете жучок установил и сейчас весь мой разговор слышал? Ну, понятно, что только ту часть, что от меня исходила, но тем не менее?

Блин, как я об этом не подумал?

Понятно, что к делу это не подошьешь, но все равно хорошего немного. В принципе, с подобным материалом можно выйти на ту же Чиненкову, которая заведует кадрами, в нужном ключе прокомментировать — и все, я уйду на улицу, причем без малейших споров, чтобы «волчий билет» не получить. Любому ясно, что нормальные люди сами с собой подобные диалоги не ведут.

Твою-то мать...

В печали я дотопал до Гоголевского, где совершенно неожиданно решил для себя проблему звонка.

На той самой скамейке, где месяц с гаком назад преставился Захар Петрович, вольготно разместились три бомжа. Нет-нет, не хрестоматийных, без «челночных» сумок, груды разномастной одежды и убийственного запаха. Таких у нас не осталось, извели их под корень, по крайней мере в центре. Это были вполне себе приличные бомжи, более-менее цивилизованные. Они даже водку пили из бутылки, замотанной в бумажный пакет.

Но привычки у них остались старые, то есть они поглядывали по сторонам, прикидывая нельзя ли чего-нибудь свистнуть или подобрать, громко смеялись и умело сквернословили.

Ну и надрались они тоже уже изрядно, что мне было на руку.

— Стольник заработать хотите? — без прелюдий спросил я у них.

— Что надо? — любопытствовал тот, что сидел в центре, с кудлатой бородой и похожий на цыгана.

— Телефон нужен, позвонить, — ответил я и показал ему сторублевую бумажку. — Свой на работе забыл, а телка ждет. Не позвоню — будет ее сегодня кто-то другой огуливать.

— Резон, — согласился бомж. — Витек, ты трубки из сегодняшнего улова еще не скинул?

— Не, — прохрипел его сосед слева, покопался в весьма приличной кожаной сумке, стоящей рядом с ним, и выволок оттуда сразу пяток аппаратов, причем пара из них представляла собой вполне новые, не сказать престижные, модели. — Из парочки даже «симки» еще не вынул.

— Плохо, — пожурил его бородатый. — Палево!

— Хошь звони, хошь купи, — отмахнувшись от своего лидера, радушно предложил мне Витек. — Вот эти по два «косаря», а вот эти — по пять. Потому как эти трендовые, брат. Все работают, все проверены.

— Спасибо, мне только звякнуть, — отказался я, протянул деньги бородатому, подхватил один аппарат, стараясь не касаться ладони Витька, и тихо шепнул: — Номер.

Призрак тут же забубнил цифры, я еле успевал их набирать.

Трубку сняли сразу же, будто моего звонка ждали.

— Алло, — ответил усталый женский голос.

— Ключ от депозитарной ячейки у вас на даче, — негромко произнес я, так, чтобы бомжи не слышали. — В нижнем сейфе.

— Что?

— В нижнем сейфе на даче, — повторил я и нажал «Отбой», после чего сразу удалил номер из истории звонков.

— Как только все закончится, я приду к тебе, и ты сделаешь то, что хотел, — шепнул мне призрак и исчез.

Да хоть бы даже и не приходи. Не расстроюсь.

Теперь главное, чтобы я вообще не пожалел, что в это все ввязался. Нет, доброта меня когда-нибудь погубит.

И уже на следующее утро я убедился в правильности своих мыслей.

Глава 13

— Молодой человек, — услышал я оклик, когда уже почти подошел к зданию, в котором располагался наш офис.

Поворачиваться и проверять — не меня ли это окликнули, я даже и не подумал. Не уверен, что утром вторника я тяну на это гордое обращение: «молодой человек». «Помятый человек» — это да. «Сонный человек» — тоже да. Но «молодой»? Не стоит себе льстить.

Потому я спокойно продолжил свой путь и крайне удивился, когда меня кто-то прихватил сзади за локоть.

— Вот сейчас не понял? — изумленно сообщил я крепко сбитому мужчине в черном деловом костюме, который это сделал. — В чем дело?

— С вами хотят поговорить, — вполне дружелюбно сказал крепыш. — Пройдемте.

— Это вряд ли, — помотал головой я. — Мне на работу надо.

Я и вправду не хотел этого делать, поскольку уже увидел, кто именно собирается со мной пообщаться. Это была давешняя клиентка нашего депозитария и супруга недавно усопшего Семена Марковича, та самая, которой я вчера звонил. Она стояла у новенького «Ауди А6» и смотрела на меня. Именно на меня. Стало быть, это я «молодой человек».

Вот ведь зарекался делать добрые дела. Прямо вчера зарекался.

— И все-таки, — мягко, но непреклонно попросил меня мужчина. — Бояться нечего, просто моя хозяйка хочет вам что-то сказать.

У меня не имелось никакого желания общаться с его хозяйкой, но при этом устраивать нечто вроде скандала с вырыванием локтя из его рук и быстрой пробежкой ко входу в банк не хотелось еще больше.

Да и чем мне мог повредить разговор с этой долговязой Аллой? Вряд ли меня станут упаковывать в эту дорогую иномарку, вывозить в лес и там пытаться. Это все из разряда «русский сериал», в жизни так не бывает. Но даже если бы подобное входило в ее планы, то прихватили бы меня не на Сивцевом Вражке, в самом центре Москвы, а у собственного подъезда. Или даже прямо в нем. Другое дело, что я где-то все-таки прокололся, и это обидно. Хреновый из меня конспиратор.

Ладно, пойду. А то вон Вязьмина идет, очочками поблескивает. Сейчас заметит, что меня под локоток мужчинка куда-то ведет, такого напридумывает.

— Хорошо, — сказал крепышу я. — Но имейте в виду, если вы надумаете меня убивать, то я стану кричать и сопротивляться.

— Я бы тоже так поступил, — одобрил мои намерения мужчина.

Мы пересекли узенькую дорогу, на которой, случается, два больших «внедорожника» разехаться не могут, и подошли к Алле.

— Это ведь вы мне вчера звонили? — с места в карьер взяла она, пристально глядя мне в глаза.

— Ну я много кому звоню, — неуверенно ответил я. — Служба у меня такая. Я в банке тружусь, вон в том. Сами понимаете, с людьми работаю, потому телефон мое орудие производства.

— Вы, — с уверенностью произнесла Алла. — Это точно были вы.

Я изобразил лицом нечто вроде «Вам виднее». Она подала знак своему телохранителю, тот открыл дверь машины и уселся на водительское кресло. Мы остались с ней один на один.

— Поясню, — опершись на капот, женщина глубоко вздохнула. — Дело в том, что у меня есть в каком-то смысле уникальный талант, до встречи с вами, правда, совершенно бесполезный. Я запоминаю голоса людей. И когда вы мне вчера вечером позвонили, я сразу узнала ваш голос. Точнее, поняла, что слышала его совсем недавно, буквально вот-вот. Я перебрала всех, с кем общалась в этот день, и накануне — все не то. И только под утро вспомнила вас. Уверенности у меня не было, но, поскольку это единственный возможный вариант, то я решила все проверить. И не зря. Это — вы.

Я снова говорить ничего не стал, но добавил растерянности в лицо.

— Откуда вы узнали про то, что ключ на даче? — требовательно спросила Алла. — Это вам сказал он? Семен?

— Мне очень жаль, но я правда не понимаю, о чем вы говорите, — развел руки в сторону я. — Какой ключ? Какая дача?

— Вот этот, — женщина достала из кармашка модного жакета ключ от депозитарной ячейки. — Тот самый, который вчера безуспешно требовал от меня ваш коллега. Он лежал именно там, где вы и сказали, на нашей даче, в нижнем сейфе. Том самом, о котором никто кроме меня и Семы, вообще не знал. Даже те, кто строил дом, и то не в курсе были. Потому что Сема оборудовал это хранилище сам. Сам привез сейф, сам построил его в стену. Лично. Он ведь рукастый у меня. Был.

Мне очень хотелось сказать: «молодец какой», но я не стал. Очень уж боли много в ее голосе было.

— Вы, Саша... — женщина запнулась. — Вас ведь Саша зовут, я верно вчера услышала? — Верно, — ответил я. — Саша.

— Так вот. Вы, Саша, точно не могли об этом знать. Никаким образом. Кроме одного. Семен сам попросил вас мне это передать. Не знаю, как ему это удалось сделать, но дело обстоит именно так.

Говоря, она не сводила с меня глаз и когда замолчала, явно ждала какого-то ответа. Естественно, его не последовало.

— Вы так и будете молчать? — спросила у меня Алла.

— Мне нечего вам сказать, кроме одного, — вздохнул я. — Времени почти девять, а я, увы, еще не в банке. Через пару минут начнется рабочий день, и меня оштрафуют за опоздание, чего очень не хотелось бы. Извините за прямоту.

— Да-да, — губы женщины искривила непонятная улыбка. — Это вы извините меня, что я вас задерживаю. Всего доброго!

— И вам до свидания, — с облегчением произнес я и поспешил ко входу.

Интересно, на что она рассчитывала? Что я скажу о том, как общался с ее покойным мужем? К слову — тем еще жуком. Вот зуб даю, в этом нижнем сейфе «налички» небось хватает, хоть он мне и говорил, что это не так.

Хотя — какая разница? Что я, полез бы в их дом вскрывать этот сейф? Да ну нафиг, это уже криминал. Мне такое даже в голову прийти не может.

Да и с этой мадам я требовать ничего не стал бы. Не потому, что благородный, а просто... Не приносят добра такие деньги. Похоже, эти двое и в самом деле друг друга любили. Вон у тетки какие синяки под глазами. Я знаю, отчего такие бывают, зря, что ли, в женском коллективе тружусь? Плакала она много за последнее время, и вряд ли дело было только в том, что у нее завод отжимают.

Кстати, о синяках. Какой же роскошный фингал обнаружился этим утром у Федотовой!

Прямо — царь-фингал. Сдается мне, что она вчера с мужем разборки устроила, а он у нее парень простой, не лорд какой-нибудь, вот когда та его достала, он ей и припечатал как следует. Ради правды — Наташка если возьмется, любого допечь может. Есть у нее такая черта.

Ленка сияла, это был ее день.

И самое главное — в кабинете была тишина. Одна с интервалом в час замазывала синяк «тоналкой» и никак не могла добиться необходимого результата, другая получала от этого удовольствие, а я спокойно размышлял о насущном. А именно — о том, что завтра будет

интересный день, и не стоит ли в связи с этим маленько подсократить намеченную программу? А именно — точно ли я желаю смотреть на съемки «Магического противостояния»? Ночью уже холодновато, утром на работу идти. Еще там дриада будет, та, что живет по соседству. Кстати — не звонит больше, зараза такая, будто отрезало. И в дверь не стучится. Даже как-то беспокоило мне стало — все ли с ней в порядке? Ближе к вечеру я решил, что, наверное, ну их нафиг, эти съемки. Приеду, заберу Афанасия у Хозяина кладбища, передам его в надежные руки Мезенцевой и домой поеду. И еще надо будет тонко намекнуть всем трем сторонам сделки о том, что я молодец и сделал это все совершенно бескорыстно, исключительно из лучших побуждений. Из общечеловеческого гуманизма, так сказать. Когда ты хочешь дать кому-то понять, что он теперь тебе обязан, всегда надо ссылаться либо на благотворительность, либо на бескорыстие. По-другому никак. Если подобное не сделать, то люди и впрямь могут подумать, что ты бессребреник. Вот только ехать туда на метро придется. Все это здорово, но денег-то осталось маловато. Отпускные почти кончились, до зарплаты еще неделя, и в кармане если не ветер свищет, то близко к тому. Блин, вот всем от меня чего-то надо, а такси, если что, ни одна сволочь не оплатит.

Но в целом, настроение, было подпорченное утром, выровнялось и было неплохим в аккурат до того самого момента, пока я не вышел с работы. Точнее — пока я снова не увидел уже знакомую мне «Ауди». Машина была припаркована там же, где и в прошлый раз, и явно это было неспроста. К гадалке не ходи — меня ждет.

И верно. Как только я, делая вид, что ничего и никого не заметил, довольно бодро затопал по тротуару, тут же открылась задняя дверь, Алла вылезла из салона и громко меня окликнула:

— Саша, можно вас на секунду?

Хорошо еще, что я по своей привычке задержался на службе, и основная масса сотрудников уже разъехалась. У нас глазастых и памятливых ребят в банке хватает, объясняй потом тому же Силуянову, о чем это я после рабочего дня с клиенткой беседую. Подобные вещи очень не приветствуются. Помню я, как год назад неплохого парня из операционного уволили за то, что он с главбухом одной обслуживающей у нас фирмы роман завел. Казалось бы — кому какое дело? А вот и фиг. Безопасность не дремлет. Силуянов так и сказал: «Секс — это прекрасно, но от него до должностного преступления два шага вприсядку. Сегодня он на нее залез, а завтра она на него вскарабкается, и заставит инсайдерскую информацию сливать».

И вышибли парня за порог банка. По собственному желанию, разумеется.

А тут еще хуже. Я только из дверей, а меня уже в машине ждут. Может, я какую документацию спер и продать надумал?

Хорошо хоть камер тут нет, они только над входом висят. Но окна-то тоже имеются.

Я в очередной раз изобразил удивление на лице и даже ткнул себя пальцем в грудь, как бы говоря: «Это вы мне?»

— Саша, просто на пару слов, — заверила меня женщина. — Ну, идите, не будем же мы через улицу разговаривать? Она хоть и узенькая, но все же?

Ну да, проще подойти. Все равно она, похоже, не отстанет.

— Спасибо вам, — сразу же сказала Алла, как только я приблизился к ней. — Не скажу, что все в порядке, проблем по маковку, но теперь хоть будет с чем свои права отстаивать.

Нервов и денег уйдет немало, но вот так просто меня уже не утопишь. Да и друзья наши подключились, так что все не так и плохо.

— Рад за вас, — выдал дежурную улыбку я. — Правда, мне до сих пор непонятно, каким боком я к этому отношусь, но тем не менее. Надеюсь, что вся эта ситуация не заставит вас негативно относиться к нашему банку. Поверьте, нам важен каждый клиент.

— Вы крепкий орешек, Александр, — устало произнесла Алла. — Это достойно уважения. Не переставая улыбаться, я заморгал глазами, давая ей понять, что вообще не понимаю, о чем идет речь. Выглядел я наверняка глуповато, но и черт с ним. Переживу.

— Саша, мне нужен ответ только на один вопрос, все тот же самый. — Алла сцепила руки так, что у нее даже пальцы побелели. — Ведь это он сказал вам, где ключ, правда? Это Семен? Я утром вам уже говорила о том, что сами вы этого никак не могли знать. Что вы — я сама совсем забыла про этот сейф в подвале, мы им сто лет не пользовались. Мы и на дачу эту толком не ездили последние лет пять, если не больше. Саша, просто скажите — это он?

— Ровным счетом не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, — равнодушно ответил я, глядя ей в глаза.

Вот вроде сказал все правильно. Но зачем одновременно с этим я еще и утвердительно кивнул, в ум не возьму. То ли мне ее жалко стало, потому что у нее был голос грустный

настолько, что даже мою заскорузлую душонку проняло, то ли еще чего — поди знай. Но — кивнул.

— Это то, что я хотела знать, — с облегчением произнесла Алла. — Значит, он в самом деле и после смерти меня не оставил, как обещал. Вы знаете, Саша, Сема всегда держал свое слово. Если что-то обещал, то делал непременно, даже в убыток себе. Хотя если по правде, что-то в убыток себе он обещал очень редко. Почти никогда. И тем не менее все знали, — если Сольман обещал — выполнит.

— Это да, — раздался голос из машины. — Я такой, что есть — то есть.

В пустом секунду назад салоне «ауди» сидел Семен Маркович и довольно улыбался.

— Саша, можете не отвечать, просто еще раз кивните, — Алла взяла мою руку. — Сема там... Ну... «там». Он счастлив? Ну да, вопрос нелепый, но все-таки... Мне очень важно знать, что теперь у него все хорошо.

— Теперь хорошо, — сказал толстяк, уставившись на меня. — Шура, скажи ей чтобы она не волновалась. Ключ у нее, Леша делает то, что должен, и эти поганцы почти наверняка останутся с носом.

— Это точно последний вопрос? — поинтересовался я у женщины. — Просто предыдущий тоже вроде как крайним изначально был обозначен?

— Последний. — Женщина приблизила ко мне свое лицо. — У меня больше вопросов быть и не может. Как, впрочем, и чего-то другого. Семы нет, из жизни почти ушел смысл.

Наверное, вам это покажется смешным, Саша, но мы на самом деле любили друг друга. Мы всегда и все делали вместе, мы были двумя частями единого целого. Потому, наверное, и детей не завели, что нам слишком хорошо было вдвоем. Теперь я одна и вокруг пустота. Единственное, что мне осталось — сберечь дело, в которое мой Семен вложил всего себя.

— Он покинул этот мир навсегда, — я чуть сжал ладонь Аллы. — Сделал то, что был должен, и ушел с легкой душой. Правда, по вам очень скучал.

— Сукин ты сын, — подал голос Сема. — Я же еще здесь?

— Спасибо вам, Саша, — женщина невесомо прикоснулась к моей щеке губами. — Спасибо.

— Не за что, — буркнул я, думая о том, что надо поискать рецепт какого-нибудь зелья, излечивающего от врожденной доброты. — Если вы не против, то я пойду? Дело к ужину, а у меня сегодня даже с обедом не сложилось. Некогда было.

— Прощайте. — Алла отпустила мою ладонь. — Хотя нет, секунду, чуть не забыла.

Она взяла с сиденья свою сумочку, щелкнула замком и достала оттуда достаточно плотный конверт.

— Возьмите, — протянула она его мне. — Сема всегда говорил, что любой труд должен быть оплачен. В вашем случае это более чем оправданно.

Что же ты делаешь, тетка? У тебя голова есть? Совать мне конверт напротив окон банка. Хорошо хоть я к нему спиной стою и Аллу эту непутевую собой закрываю. Если кто и смотрит на нас, то ничего не видит.

— Бери, приятель, — подал голос Сема. — Считай это и моим «спасибо». И сразу гонораром за то, что ты сделаешь чуть позже. Ты меня на Гоголевском подожди, не сочти за труд. Я сейчас с Аллой попрощаюсь и мигом к тебе. Похоже, мне и вправду пора уходить. Меня прямо как что-то изнутри распирает, говорит, что медлить нельзя, а то худо будет.

Я приоткрыл свой «самсонит», и Алла бросила туда конверт, понимая мне подмигнув.

— Не грустите, — сказал я ей. — Ему там, куда он ушел, наверное, хорошо. Да к тому же раньше или позже вы с ним встретитесь. Я не сильно разбираюсь в том, как устроен мир, что тот, что этот, но если люди любят друг друга, то они не могут не найти друг друга снова. Звучит это, наверное, сентиментально, или даже пафосно, но уж как есть.

— Ты романтик, мой мальчик. — Алла погладила меня по щеке. — Постарайся не стать таким, каким ты был утром. Не понарошку, а на самом деле. Ты же понял, о чем я говорю? После этих слов она села в машину, дверь, закрываясь, мягко чмокнула, и «ауди» рванула с места в карьер.

Эх, мадам, кабы дело было только в том, чтобы не стать таким, как утром. Это бы еще ничего...

На Гоголевском я нашел пустую скамейку, благо погода сегодня была не ахти и таковые на бульваре встречались. В теплые весенние и летние вечера здесь подобного не встретишь, поскольку это место любимо горожанами. Здесь довольно-таки тихо, несмотря на то, что это самый центр, да и сам по себе бульвар очень красив и по-старомосковски уютен. Опять же — отсюда до Арбата с его кафешками и развлечениями, которым нет счета, рукой подать. Но то в хорошую погоду. А в такой прохладный позднелетний вечерок народ хоть и есть, но он больше прогуливается, чем сидит.

Открыв сумку, я сразу же сунул нос в конверт, разумеется, не доставая его наружу. Чего врать — мне было интересно, в какую сумму Алла оценила мои услуги. Скажу больше — это вообще была первая мзда такого плана, которую я получил в жизни. И не такого тоже. Мне как-то до этого конверты с деньгами не вручали, разве что только гости на свадьбе да коллеги на день рождения. Но это все не считается, особенно «деньрожденные» деньги. Это вообще, по сути своей, небольшая «пирамида». Ты весь год сдаешь по двести рублей на чужие днюхи, чтобы в твой день рождения эти деньги к тебе вернулись с ма-а-ааленьким процентом и позволили тебе организовать праздничную «проставу», не подвергая свой кошелек разорению. Эдакий фонд взаимопомощи.

А купить меня некому. Должность не та. От меня любому злоумышленнику пользы как от козла молока. Я же ничего не знаю и ни на что не влияю. Вот начальник операционного — это да. Он платеж отправить после окончания банковского дня может, или еще чего такое обеспечить, вроде послабления по тарифам, как ВИП-клиенту. «Кредитники» выдачу денег пролоббировать могут, подобное всегда в цене. Все ведь зависит от того, в каком виде перед кредитным комитетом предстанет потенциальный заемщик и под каким соусом будет подано его досье.

Мои же труды — они вне интересов кого-либо вообще. Я просто перекладываю бумажки с места на место.

Денег было много. Ну на мой неизбалованный крупными суммами взгляд. Настолько много, что лучше бы их было меньше. На глазок — тысяч триста рублей, не меньше. Скорее, даже больше. Причем новомодными двухтысячными купюрами.

Я закрыл «самсонайт», прижал его руками к животу и глубоко вздохнул.

Ну не знаю, чего там дальше будет, одно понятно точно — на такси мне теперь денег хватит. Перефразируя слоган одного очень хорошего фильма, мне теперь денег хватит на очень много поездок на такси.

— Дядя, а почему ты такой грустный? — услышал я детский голос, поднял глаза и увидел, что передо мной стоит очаровательное белокурое существо лет шести, с огромными бантами и невероятно синими глазами. Стоит, держит в руках мороженое и смотрит на меня.

— Жизнь затюкала, — не стал скрывать я. — Как мячиком о стену.

— Хочешь мороженое? — спросила у меня девочка. — Оно вкусное!

Я рассмеялся, ледок сомнений и предчувствий, было появившийся где-то там, внизу живота, начал таять. В конце концов, не совсем все еще вокруг сгнило. До тех пор, пока есть дети, готовые поделиться мороженым с незнакомым человеком просто потому, что им стало его жалко, у мира есть шанс.

— Танюша, — к девочке подошел мужчина, как видно, ее отец. — Ты куда убежала?

— Вот, с дядей говорю, — невероятно серьезно ответила ему девочка. — Ему плохо.

— Ну не то чтобы, — поспешно сказал я. — Просто день выдался не из лучших.

— Бывает, — произнес мужчина, внимательно глядя на меня.

И правильно. Уродов нынче развелось сильно много, тех, которые напрочь не понимают, где грань проходит между просто злом и запредельностью.

— Спасибо тебе, Танюша, — поблагодарил я девочку. — А мороженое я потом себе сам куплю. Честно-честно!

— Смотри, обещался, — погрозила мне пальчиком девочка, и они с отцом потихоньку отправились вниз по бульвару, беседуя о всякой всячине, вроде розовых слоников.

«Дай тебе бог хороший жизни, малышка, — подумалось мне. — И чтобы ты не вяпалась в какую-нибудь сверхъестественную ерунду, вот как я. А если и вяпаешься, то пусть тебе обязательно повезет, и ты выйдешь из нее целой и здоровой».

Семен Маркович появился только минут через десять, я его издали заметил. Дело к осени, небо в тучах, потому смеркаться начинает рано, и синеватые отблески призрака на дорожке Гоголевского бульвара не заметить крайне сложно. Даже если тебя обуревают противоречивые мысли.

— Спасибо тебе еще раз, Саша, — сказал он мне и попытался присесть рядом на скамейку. Это у него сделать не получилось, но он не очень-то и расстроился. — И вот еще что. Я тут вчера тебя обругал, так ты меня прости. Не со зла ведь, на нервах.

— Что? — я не сразу понял, о чем он ведет речь. — А, это... Да я уже забыл. Дело обычное, все иногда из себя выходят.

— Алле зачем соврал, сказал, что я уже ушел? — полюбопытствовал он. — Чтобы успокоить, или?..

— Или, — не стал скрывать я. — Скажи я, что вы поблизости ошиваетесь, она бы дергала меня без остановки. Кстати — надеюсь, она мне поверила?

— Странно, но да, — рассмеялся призрак. — Вообще-то Аленький никому никогда не верит, есть у нее такая черта. А тут прямо на удивление. Так Вадику, водителю, и сказала:

«Он ушел. Теперь совсем ушел, я это чувствую». Так что не волнуйся, она тебя больше не побеспокоит.

— Хотелось бы верить, — я проводил взглядом симпатичную девушку, проходящую мимо, и еще сильнее понизил голос. Не хватало только, чтобы меня за психа приняли. Сейчас граждане бдительные стали, мигом «скорую» вызовут. — Мне лишние проблемы не нужны. И так жизнь не сахар.

— Слушай, а ты все-таки кто? — спросил Семен Маркович. — Я так и не понял.

— Ведьмак, — ответил я. — Понятней стало?

— Нет, — не стал врать толстяк. — Это как ведьма, только мужчина?

— Что-то вроде того, — согласился я. — Правда, подозреваю, что ты о ведьмах не сильно много знаешь. Максимум то, что видел в детстве в фильмах вроде «Вия».

— Так и есть, — подтвердил Семен Маркович. — А они другие, эти ведьмы, да? Не такие, как в кино?

— Лучше тебе не знать, — искренне посоветовал ему я. — Там все очень непросто.

— Ну и ладно, — весело ответил призрак. — Да и неважно это уже. Скажи, Саша, а как это будет? Ну когда ты меня...

— Быстро, — подумав, произнес я. — И не больно. А что на той стороне — я не знаю, по крайней мере, пока. Но, думаю, не так там и плохо, обратно-то никто не возвращался.

— Главное, чтобы мне разрешили Аллу дожидаться, — обеспокоенно заметил Семен Маркович. — Вот ведь, я же сейчас землю покидаю, а ощущение такое, будто в обычном аэропорту регистрации на рейс жду.

— Уместная аналогия. — Я огляделся вокруг, удостоверился, что рядом никого нет, и поднял правую руку. — Как-то так оно и есть на самом деле. Ну что, Семен Маркович, пора.

— Прощай, Саша, — толстяк поднес свою ладонь к моей. — Береги себя.

— Легких дорог, — ответил ему я, и наши руки слились в одно целое.

В тот же момент меня изрядно потрянуло, правда, было неясно — то ли это произошло физически, то ли на ментальном плане. Горло перехватило, и стало тяжело дышать. Знаете, как бывает, когда ты пришел в жару домой, а в холодильнике стоит непечатая бутылка газировки — «Пепси» там или «Фанты». Вот ты ее, ледяную, открыл и сходу стакан маханул. Газ мигом забивает пересохшее горло и в какой-то момент резь от пузырьков газа даже начинает причинять боль. Но одновременно ты испытываешь и некоторый катарсис от удовольствия — оно же холодное, вкусное!

Здесь было то же самое. Именно сейчас я понял, что те бедолаги с лесной поляны и в самом деле были лишь тенями прошлого и отголосками своей же памяти, безликими и чужими как для жизни, так для смерти. Они слишком долго существовали в не-жизни, так долго, что даже та сторона про них забыла.

Что уж говорить о тех ощущениях, которые я сейчас испытывал? Чужая жизнь, проходила через меня, как вода через фильтр. Описать это невозможно, как невозможно описать всю прелесть того самого весеннего дня, когда ты впервые понял, как на самом деле велик и прекрасен этот мир, и что ты в нем непременно будешь счастлив.

Теперь я знал про Семена Марковича все, я на секунду стал им, и весь его жизненный путь был передо мной — от первого крика до того момента, когда он начал срывать галстук с шеи, задыхаясь от боли, взорвавшей грудь.

А потом он ушел. На миг я увидел яркие звезды в прозрачно-голубом утреннем небе, и одна из них сияла невыносимо ярко и невероятно притягательно. Настолько, что я захотел раствориться в ее блеске, слиться с ней в одно целое и стать частью этого неба.

Вот только небо какого мира и звезды какой галактики я увидел, сказать не возьмусь. И еще раз созерцать эту небесную механику не желаю. А ну как в следующий раз я не смогу заставить себя остаться тем, кто я есть, и вернуться туда, откуда пришел? Слишком яркие эти звезды для меня. Слишком синее небо там, куда я проводил Семена Марковича.

Нет уж, доброй волей и забавы ради недавно умерших отправлять на встречу с вечностью я больше не буду. Только по необходимости, когда припрет. Чересчур непростое это дело. Переоценил я свои силенки, прямо скажем.

А вот интересно — с практикой опыт приходит? В смысле — притупляются ли ощущения, или тут всякий раз как первый? Боюсь, просто так ответа мне не получить, если только эмпирическим путем. Тем, который пролегал левее проб и правее ошибок.

Обо всем этом я размышлял, пока качался в вагонах метро, шагал по переходам и топал по улице в сторону дома. Так-то я в метрополитене какую-нибудь киношку смотрю или книжку читаю, а тут прямо мысли навалились. И я был очень недоволен, когда меня от них оторвал сигнал смартфона. Но не ответить было нельзя. Это звонил Нифонтов. Не то чтобы он стал для меня большим авторитетом, это не так. Но о встрече-то завтрашней все равно договариваться надо?

— Ну наконец-то, — вот так запросто, без всяких приветствий, сразу заявил он мне. — Набираю, набираю, а абонент все не абонит. Женька тут даже волноваться начала, места себе не находит, гадает — не случилось ли чего?

По всем законам драматургии, где-то на заднем фоне в этот момент должны были раздаться недовольные девичьи восклицания. Но — нет. Тишина и спокойствие. Так что — либо это правда, либо Мезенцевой рядом с Николаем нет. Второе, как мне думается, более вероятно.

— В метро ехал, — объяснил я. — В центре-то смартфон сигнал еще подтягивает, а на радиальных ветках уже нет.

— Как вообще? — заботливо поинтересовался Нифонтов. — Все ничего?

— Помаленьку, — в тон ответил я. — Работа — дом, все как всегда.

— Ну не все, — возразил мне он. — Книгу же ты раздобыл ведьмачью? Мы не смогли, а ты запросто. Да еще и слугу покойничка к нам пристроить хочешь.

— Планы изменились? — чуть напрягся я. — Не нужен вам Афонька?

— Нужен-нужен, — успокоил меня оперативник. — Заберем непременно. Я, собственно, за тем и звоню. Во сколько за ним поедем?

— Да ближе к ночи, наверное, — предложил я. — Часиков в одиннадцать.

— Хорошо. — Николай помолчал. — А потом у тебя какие планы?

— Такси вызову и домой вернусь. Четверг не выходной, на работу идти придется. Надо хоть немного поспать.

— Просто есть одно предложение, — как всегда, начал напускать туман Николай. — Но об этом завтра поговорим. Давай-ка я за тобой после работы заеду, мы поужинаем и за едой все обсудим? И сразу, как дополнительный аргумент — ты, я и Евгения. Она тоже будет. Как тебе такая завлекалочка?

Сказал бы я тебе, как оно мне, да воспитание не позволяет. После твоих предложений всегда какая-нибудь дребедень и начинается. И ни одна Евгения в виде компенсации не проканает.

— Заезжай, — тем не менее согласился я. — Только давай так — к банку не подъезжай. Не надо. Давай у «Арбатской» в семь вечера, там есть, где машину приткнуть.

— Идет, — легко согласился оперативник. — Тогда — до завтра.

И, не дожидаясь моего ответа, он повесил трубку. Сама вежливость.

В общем, одна у меня отрада осталась. Мой дом — моя крепость. Приблизительно так я и думал до того момента, пока не вошел в квартиру. Если точнее — на кухню.

Увидев Родьку и Вавилу Силыча, молча сидящих на табуретках с непроницаемо-каменными лицами, я понял — рухнул мой последний бастион, который до того был нерушим. И здесь меня ждет какой-то сюрприз. Хотя — все логично. Если день с утра пошел кувырком, глупо ждать, что к вечеру ситуация выправится.

— Не ходите вокруг да около, — попросил я эту парочку. — Давайте уж сразу, в лоб. Добивайте меня, как загнанную лошадь.

Слуга и подъездный переглянулись.

— Разговор у меня к тебе, Александр, — откашлявшись, произнес Вавила Силыч. — О соседке твоей, Марине.

— Силыч, ты меня не пугай, — начал волноваться я. — Что с этой задрыгой случилось? Она в порядке?

— Нет-нет-нет, — успокоил меня подъездный. — Жива-здоровая, не переживай! Полностью готова к битве. Вот, глянь-ка!

И Вавила Силыч достал из кармана своего одеяния небольшой смартфон. Модель была старая, но добротная. У меня такой когда-то был. Да он и сейчас где-то в ящике валяется, вместе со старыми пультами от телевизоров и прочим хламом, от которого проку нет, а выкинуть его жалко. У каждого мужчины такой ящик имеется.

— Вот. — Подъездный показал мне фотографию Маринки в одеяниях Верховной дриады. Снято было явно из все той же вентиляционной шахты. — Смотри, какая она молодец. Ради правды, изумрудно-зеленый плащ ей шел, шарма добавляла и брошь, скальвующая одеяние пол горлом, и сложенные в хитроумную прическу волосы, и белоснежные обнаженные руки, контрастом выделяющиеся на общем фоне. Теперь это было не непонятное существо из алкогольных кошмаров, а красивая женщина, от которой веяло тайной.

— И правда, — признал я. — Не ожидал. Слушай, Вавила Силыч, а ты молодец, в ногу с эпохой шагаешь. Вон смартфоном обзавелся.

— Да это только чтобы Марину сфотографировать, — внезапно смутился подъездный. — Ну показать кое-кому, а то не верят мне, понимаешь.

— Четырнадцатый дом, — понимающе кивнул я. — Они?

— Они, — подтвердил подъездный. — Саш, ты бы это... Ну как сказать...

— Вот что вы как телки на привязи? — раздалось из-за холодильника, а после оттуда, кряхтя, вылез Кузьмич. — Мычите, мычите, а толку!

Кузьмича я уважал. Помимо невероятной основательности в нем, если можно так сказать, ощущалось время. Он видел и знал столько, что мне в его присутствии становилось как-то не по себе. Все-таки сидеть за одним столом с тем, кто еще чуть ли не Рюриковичей застал — это, знаете ли...

— Ляксандр, — подошел ко мне Кузьмич. — Ты давай, мужиком будь. Маринка эта — она шаболда еще та, тут спору нет. Лет сто назад я бы первым ей ворота дегтем вымазал, не сомневайся. Но она с нашего дома. А коли так — надо помочь. Смекаешь, о чем я?

— Вроде уже помог. — Я по-прежнему не понимал, чего они все от меня хотят. — Наводку на победу я ей дал такую, что не выиграть невозможно.

— А плечо подставить? — требовательно спросил Кузьмич. — Съезди с ней на тот погост, если чего — подскажи, подсоби. Не чужие же вы с ней люди.

— Дядя Кузьмич, что-то ты темнишь, — засомневался я.

— Годы мои не те, чтобы попусту языком молоть, — насутился подъездный. — Ладно, не хочешь так, по-другому скажу — общество тебя просит о том.

— Верно-верно, — раздалось из-за вентиляционной решетки. — Очень просим. Судя по шебуршанию, там сейчас собрались все подъездные из нашего дома, но из врожденной вежливости присоединиться к нам они не спешили.

— Ни у кого в районе такого жильца нет, чтобы в «Магическом противостоянии» участвовал, — пояснил Вавила Силыч. — Только у нас.

— Понятно, — сел на табуретку я. — Либо поспорили, либо похвастались.

— А чего бы и нет? — рассудительно заметил Кузьмич. — Коли у нас есть то, чего у других нет, то грех тем не погордиться. Так что ты давай, помоги девке-то. Уважь общество.

— Уважу, чего тепер с вами поделаешь, — согласился я. — Родька, чайник ставь.

— И вот еще, — степенно продолжил Кузьмич. — Ляксандр, ты нас не прогонишь, если мы в субботу придем к тебе на Марину нашу поглядеть? Мы как-то привыкли уже к твоему дому. Безобразий никаких не будет, ты не сомневайся.

— Конечно, приходите, — согласился я и с этой просьбой. — Буду рад.

В конце концов — много ли народа может похвастаться тем, что смотрело реалити-шоу в компании подъездных?

— Вот и хорошо, — удовлетворенно засопел носом Кузьмич. — А ты, Вавилка, потом не забудь Ляксандру коробочку вернуть.

— Какую коробочку? — заинтересовался я.

— Да вон ту, где портрету девки этой непутевой глядеть можно. — Кузьмич ткнул пальцем в телефон, который Вавила Силыч до сих пор не убрал в карман.

— Хозяин, я просто подумал, что ты этим смарт-фо-ном не пользуешься, вот и того... — Родька замялся. — Этого...

Этот телефон не похож на тот, что у меня был.

Это мой и есть!

То ли плакать надо, то ли смеяться...

Глава 14

Я, признаться, не очень рассчитывал на то, что Нифонтов прибудет вовремя, потому к «Арбатской» шел не спеша. Мне вообще нравится после работы не бежать домой с выпученными глазами по принципу «быстрее-быстрее к телевизору». Нет, что до мам-одиночек, которым надо забрать детей из садиков, или даже не одиночек, но все равно подвязанных на подобные вопросы — тут спору нет. У них все расписано по минутам. Но остальные-то? Вылетели из здания и почесали, только земля под ногами горит. Оно, конечно, вся жизнь бег, остановился — умер. Но не настолько же?

Нет, я люблю поздней весной и ранней осенью неспешно пройтись по Гоголевскому бульвару или по староарбатским переулкам, подышать воздухом, из которого даже выхлопные газы не смогли вытравить нечто такое, что свойственно только этим временам года и только этому городу. Да и не воздух это вовсе, а некая метафизическая смесь, в которой смешались эпохи, люди, книги... Надо просто это понять и расслышать. В Москва-Сити такого нет и быть не может, где большие деньги, стекло, металл, нефть, газ и прилегающие к ним вплотную тендеры, фьючерсы и опционы, там нет места умеренно-запредельному, там все расписано, подсчитано и закреплено документально. А вот в старой Москве, близ Арбата и «Сухаревки», в «Староконюшенных», «Малых Каретных» и «Последних» переулках ушедшее время ещё можно застать. То из неведомого дальнего

далека донесутся звуки польки и звон гусарских шпор, то в синеватых сумерках мелькнет фигура в плаще и «боливаре», то у какого-то дома увидишь букет цветов желтого, тревожного цвета. А может, вдруг мимо тебя троллейбус прошелестит, синий, случайный, последний. Тот, который по Арбату уже лет тридцать с гаком не ездит.

Надо просто прислушаться, присмотреться. Всего лишь.

Этот город ломает и калечит души, не без того. Москва жестока, причем не только к тем, кто приехал в нее, но и к тем, кто здесь рожден. Любой большой город — бездна, в которую можно падать до бесконечности, это безостановочный ритм, выпав из которого ты навсегда отстанешь от остальных. И ему все равно, кто ты и каково тебе. Либо «да», либо «нет», и «подождите, я передохну и снова в путь» здесь за аргумент не принимается.

Но иногда этот город души не корежит, а лечит. Главное, не упустить момент, когда у него будет хорошее настроение.

Впрочем, другие большие города, как я и говорил, не добрее. В каком-нибудь Нью-Йорке все обстоит точно так же, только у них небоскребов, с которых прикольно сигать вниз в момент отчаяния, больше.

Размышляя на вот такие душеспасительные темы и совсем тихонько напевая привязавшийся ко мне окуджавовский «Синий троллейбус», я и добрел до «Арбатской», где практически сразу увидел знакомую машину.

— Привет. — Забравшись в салон, я пожал руку Нифонтову и спросил у Женьки, сидящей рядом с ним: — Ну что, сладкая, поцелуемся?

— Знаешь, этот парень меня поражает, — сообщила Николаю его напарница. — Вот так общаешься с ним — вроде нормальный, без особых задвигов. Проходит пара дней, снова его встречаешь — дурак дураком. Слушай, а может, их двое? Может, у него брат-близнец есть, и мы то того видим, то другого? Один умный, а второй — вот этот, который к нам в машину сел только что. Я к тому, что дурака можно пристрелить, и нынче на кладбище прикопать в какую-нибудь бесхозную могилу, а с умным дальше дела делать.

— Знаешь, Саша, а у тебя есть шансы. — Нифонтов повернул ключ в замке зажигания. — И неплохие.

— На то, что вы меня пристрелите и прикопаете? — обеспокоился я, причем не придуриваясь. С этих станется.

— Нет, разумеется, — Николай повернулся ко мне и подмигнул. — Просто я чуть ли не впервые слышу, как Евгения анализирует какого-либо парня из тех, кто не входит в наш постоянный круг общения.

— Чего? — опешила Мезенцева, не ожидавшая, видимо, такого предательства со стороны коллеги. — Я? Анализирую? Вот его? Дорогой друг, поздравляю тебя, ты все-таки тронулся умом.

— В последний, случа-а-а-айный, — громко пропел я упорно вертящуюся в голове строчку Окуджавы.

Мне давно рассказали способ, как избавиться от привязавшейся к тебе и безостановочно звучащей в голове песни. Надо просто проорать особо назойливую строчку, плюнув на условности и недоуменные взгляды окружающих.

Реально работает, проверено.

— Ну вот, — обрадовалась Евгения. — Сначала бред, потом песни. Колька, поворачивай направо. Повезем его к психиатру. И тебя заодно проверим, от греха.

— Да ты, приятель, эстет, — без тени иронии заметил Нифонтов, вырвав на Новый Арбат и не обращая ни малейшего внимания на слова Мезенцевой. — Странно, в нашем детстве такие песни были уже не в моде. Я и сам бы ее не знал, кабы не случайность.

— Это у тебя, — возразил ему я. — У меня в детстве дядя Сева по соседству жил, он в семидесятые диссидентствовал, в восьмидесятые радовался перестройке, а остаток века и далее бухал, пока в ящик не сыграл. Мечты не сбылись, идеалы разрушены, желанная свобода оказалась со звериным оскалом капитализма. Как квасить начнет, так сразу Окуджаву и заводит.

— Тогда понятно, — признал Николай. — Хотя выбор песни, конечно, радует. Особенно если учесть то место, где ты ее исполнять надумал.

— Так Арбат, — махнул я рукой. — Она же про него?

— Ты в этом уверен? — в голосе Нифонтова явно была слышна ирония. — Хотя я, конечно, не возьмусь сказать, что было в голове у Окуджавы, когда он ее писал, но, как мне думается, здесь речь идет не только о романтике того времени. Булат Шалвович был настоящий поэт, такие, как он, думают и чувствуют больше, чем остальные.

— А как песня называется? — не выдержав, спросила Евгения. — Я вот ее не слышала.

— Это потому, что ты ленивая и нелюбопытная, — произнес Николай. — Не любишь докапываться до сути вещей. Называется она «Синий троллейбус». Как тебе?

— Это тот самый? — охнула Женька. — Блин, жесьть! Так про нее нам тогда Пал Палыч говорил? Что, мол, звучит красиво, но вот только такую романтику и врагу не пожелаешь? — Ну да, — подтвердил Николай. — Саш, понимаю, что мы для тебя все одно как по-китайски сейчас разговариваем. Не обижайся. Просто Женька тогда на этом синем троллейбусе чуть покатайся не отправилась. Хорошо, что с нами Пал Палыч был, успел ее остановить.

А вслед за этим я узнал, что и на самом деле по Москве последние лет шестьдесят колесит синий троллейбус, как правило, весной и летом, после двенадцати ночи и часов до трех. Вот только садиться в него людям категорически не рекомендуется, особенно тем, у кого нелады с жизненной ситуацией. Всякий из нас хоть раз в сердцах говорил: «Хоть бы сдохнуть» или «Блин, повешусь или из окна выпрыгну. Так все надоело». Хорошо, если это говорилось дома и мысли о подобном там и оставались. А вот если с такими думами пойти гулять по ночным улицам, то запросто может выйти так, что за спиной раздастся звук подъезжающего транспорта, а после перед тобой гостеприимно откроются двери, окрашенные в веселенький синий цвет. А после закроются. Навсегда.

— Он собирал тех, у кого была хоть тень мысли о добровольном уходе из жизни. А ночью на улицах подобных людей много, — рассказывал мне Николай. — Кто с девушкой поругался, кто с женой, кто с родителями. Да мало ли причин?

— А там, внутри? — живо спросил я.

— Если верить слухам, там человек получал последний шанс остаться в живых, — ответил оперативник. — Падай на колени перед кондуктором, моли его о пощаде и, может быть, он разрешит тебе выйти. А если нет... Тогда ты оплатишь проезд в этом транспорте по полной стоимости.

— И что, Женька тоже думала о самоубийстве? — засомневался я. — Да ладно?

— Ну тут сомнению надо подвергать сам факт того, что она тогда думала, — ехидно произнес Нифонтов. — Видишь ли, там, в троллейбусе, ведь не люди сидят, а кое-кто посерьезнее. И, как видно, они почуяли, что мы их ищем, вот повидаться и приехали. Отдел тогда всерьез за них взялся решил, за месяц почти полтора десятка трупов на остановках нашли. Мы архивы подняли, всплыл этот троллейбус. Ну, и ветераны наши тоже про него вспомнили, он в начале 60-х хорошо пошарашил по столице. А до того, лет сто назад, в районе Кузнецкого моста, Он, правда, тогда еще пролеткой был, с лошадкой и возницей на «козлах». Ну, мы по центру пару-тройку ночей побродили, особо не таясь, нас, как видно, приметили, да подали транспорт. И даже двери любезно открыли. Женька сразу пистолет вынула, за поручень взялась и в салон. Я даже сказать ничего не успел. Да еще на троллейбус этот засмотрелся — модель старая, одна из первых, я таких и не видал никогда. Хорошо Пал Палыч нашу торопыжку успел выдернуть до того, как двери захлопнулись. Секундой бы позже — и все, уехала бы она невесть куда.

— Я потом сильно испугалась, — призналась Женька. — Тогда-то кураж был, а вот после...

— А дальше что? — азартно поторопил оперативника я.

— Да ничего, — хмыкнул тот. — Двери закрылись, и троллейбус уехал по Малой Никитской в сторону планетария. Больше мы его не встречали.

— Но и не очень искали, — заметила Женька. — Трупов на остановках с той поры не находили, а потому свою задачу мы сочли выполненной.

Блин, сколько же всего у нас в городе есть! И как все-таки тесна связь времен, мыслей и действий.

Впрочем, свои впечатления вслух я выразил менее многословно:

— Жесьть!

— Да это разве жесьть? — чуть высокомерно сообщила мне Мезенцева. — Ты мне как-нибудь потом напомни, я тебе расскажу о том, как мы с Колькой в «Басурманских» склепах «чумного доктора» прошлым летом ловили. Вот это была реально жесьть! Я после неделю у нас на Сухаревке ночевала, стремалась одна дома оставаться.

Это что же такое должно было произойти, чтобы рыжая бестия чего-то боялась?

— Ладно, хорош о делах былых, — предложил Николай. — Давайте о дне сегодняшнем побеседуем.

— А чего о нем беседовать? — подал голос я. — Приедем на кладбище, я к вам Афанасия выведу и все, по домам.

— Так-то оно так, — уклончиво сказал Николай. — Только есть одно «но». Там сегодня ведь шоу снимать будут, неужели тебе неинтересно на это дело посмотреть?

— Сил нет, — признался я. — Я же с работы, не жрамши. И потом — я цирк не люблю.

— Аргумент, — усмехнулся оперативник. — Да, хочу сразу извиниться. Я тебе ужин обещал, но с ним, увы, не сложится. Пробки жуткие, весь центр стоит. Как бы вообще не опоздать.

— И так всегда, — опечалился я. — Поманят конфеткой, а потом ее отнимут.

— Мир несовершенен, — философски заметил оперативник и продолжил: — Так вот, о цирке. Ты, скорее всего, не в курсе, но в компанию этих телемагов затесался один настоящий колдун. И не просто колдун, а тот самый. Помнишь Южный порт? Вот он самый и есть. Информация проверенная.

Сюрприз. Воистину, тесен наш магический мир. До отвращения.

— Так и схомутайте его, — немедленно дал я совет сотрудникам отдела «15-К». — В кандалы негодя, и в подвал. Ну или как вы там эту публику нейтрализуете? Я-то тут при чем?

— Да, по сути, ни при чем, — признал Нифонтов. — И да — это не твое дело и не твоя война. Вот только как быть с гражданской сознательностью?

— Никак не быть, — не раздумывая ответил я. — Коль, давай обойдемся без этого всего, хорошо? У вас есть своя работа, у меня своя. Вам по штату положено злодеев искать и вязать — вот и вперед. А я отдам вам беспризорного слугу и отправлюсь домой, ужинать.

— А твоя приятельница? — Николай отнял одну руку от руля и, словно вспоминая, пощелкал пальцами. — Как же её...

— Марина, — елейным голоском подсказала ему Мезенцева. — Правда, теперь она к своему имени еще и титул добавляет. Теперь она верховная дриада Восточных пределов Марина Лучезарная.

— Вот-вот, — снова перехватил инициативу оперативник. — И ты оставишь свою, не побоюсь этого слова, боевую подругу в компании с опаснейшим колдуном? Нет, настоящие ведьмаки так не поступают.

— Я вообще не имею понятия, как поступают настоящие ведьмаки, — такими вещами меня было не смутить. Я на подобное и в школе не велся. — Те, которых встречал до сегодняшнего дня, с завидной периодичностью делали только одно — мерли, как мухи. Если ты эту традицию имел в виду, то не пойди ли тебе на фиг? Кстати, столкновение с опасным колдуном именно такое развитие событий и предполагает.

— В этом смысле тебе бояться нечего, — добродушно проворковала Евгения. — Мы прикроем, мы подстрахуем.

— Это прекрасно, — упорствовал я. — Но есть вариант куда лучше. Я просто уеду домой, и страховать меня не понадобится. Всем хорошо.

— Не всем, — из голоса Нифонтова как-то разом ушла благодушность. — Тем, кого этот колдун отправит на тот свет, лучше не будет. А он это сделает. Если ты полагаешь, что Южный Порт — это единственный его проект, то ошибаешься. На нем уже четыре десятка смертей, и это только те, о которых мы знаем, где он хоть как-то засветился. Но их наверняка больше. До Москвы он неплохо покуролесил в Киеве, потом перебрался в Ростов, а теперь до нас добрался. И если его не остановить, то все будет очень плохо.

— Ощущение такое, что сериал по НТВ смотрю, — не удержался я. — Seriously. Кстати, по всем законам жанра именно меня-то и должны грохнуть в конце этой серии. Добровольные помощники всегда отказываются до последнего, потом все-таки соглашаются, а после непременно погибают. Будем ломать шаблоны. Нет!

— Даже не знаю, что теперь делать, — поделился Нифонтов своими мыслями с Евгенией. — Заставить-то мы его не можем?

— Ну-у-у... — Мезенцева повернулась ко мне, сложила губы «сердечком» и задумчиво уставилась на меня. — Не знаю. В принципе есть у меня кое-какие мысли...

— Неравноценный обмен, — тут же заявил я. — Да и развод этот древний. Мол, помоги нам сейчас, а секс будет потом. И чего? Помочь-помогу, а ты после этого сразу старую песню о главном заведешь: «у нас еще отчетность, давай я после этого к тебе приеду, ты меня жди». Плавали, знаем.

— Чего? — с Мезенцевой мигом слетело все напускное. — Я? С тобой? Ты себя не переоценил, офисный мальчик? Диванный воин!

Вот сейчас мне стало за себя обидно. Ну да, рельефных мышц на животе у меня нет, и татуировки на выпуклом правом бицепсе тоже, как, собственно, и самого бицепса, но все-таки не совсем же я чмо?

Так-то зачем?

— Брэк, — остановил нас Николай. — Дети, давайте свой первый семейный скандал вы устроите где-нибудь в другом месте?

— Какой скандал? — в один голос проорали я и Женька. — Семейный?

— Редкое согласие, — стер воображаемую слезинку Нифонтов. — В один голос говорят, одно и то же думают. Да вы созданы друг для друга!

— Капец. — Мезенцева уставилась на напарника так, как в годы войны партизаны смотрели на полицаев и старост. — Вот ты гад!

— Саш, и все-таки, — сдерживая смех, сказал Николай. — Пошли с нами, а?

— Зачем? — устало спросил я. — Ну вот я вам там зачем нужен? В лицо этого супостата я не знаю, в колдовстве вообще не разбираюсь. Прок от меня какой?

— Хозяин кладбища, — пояснил Нифонтов. — Ты с ним дружен. Говоря по-деловому — нам нужны твои связи. Если кто и сможет отличить настоящего колдуна от остальной публики, то это он.

Обознатушки-перепрятушки! Смешно, однако!

— Стоп, — потряс головой я. — А вы не знаете, как он выглядит? Да ладно!

— Вот тебе и ладно, — вздохнул оперативник. — Нет, не знаем. Это, кстати, всегда для нас самая большая проблема, когда речь идет о таких, как ты и он. На вас же нет табличек с надписями «колдун», «ведьмак», «ведьма»? Внешне вы люди как люди, ходите, разговариваете, едите, шутите. И пока вы как-то себя не проявите, мы не то чтобы бессильны, но близки к тому. А тут еще накладывается то, что там вся публика чудная. Поди пойми, кто из тринадцати клоунов настоящий колдун. И вот тут, выходит, без тебя не обойтись. Точнее — без твоего знакомца, который этим погостом правит.

Сказать им, что ли, что и Хозяин его определить не смог? Хотя — нет. А ну как Нифонтов с ним без меня беседовать будет и про этот момент упомянет? Не думаю, что Костяной царь будет рад узнать о том, что кто-то (а именно я) рассказал постороннему человеку о его слабости. Ведь неспособность определить колдуна в пределах собственного царства — это именно она, слабость.

И это при том, что повелитель мертвых изрядно тщеславен.

Мне тогда на его подконтрольной территории лет сто лучше не появляться.

— Саш, мы не просим тебя ни о чем, кроме этого, — продолжал тем временем вещать Нифонтов. — Просто помоги понять, кто есть кто — и все. А за нами должок будет. Раньше или позже мы тебе тоже пригодимся.

— И приятельнице твоей спокойнее будет, — добавила Евгения. — Она же небось волнуется. А тут знакомое лицо, все повеселее.

Кто волнуется? Марина, прости господи, Лучезарная? Ну да, конечно. Небось себе места не находит.

— Вот и договорились, — подытожил Нифонтов. — Молчание — оно что? Знак согласия. Я знал, что так и будет.

Очень мне хотелось высказать все, что я по этому поводу думаю. Прямо сильно-сильно. Но не стал я этого делать. Как ни странно, но в одном он был прав. Не стоит плевать в колодец. Жизнь непредсказуема, кто знает, что будет завтра?

Да и потом — я сам точно не могу сказать, как я и к нему, и к его коллегам отношусь. С одной стороны, они постоянно стремятся меня использовать в своих комбинациях, что неприятно. Любому человеку не по нраву, когда его играют «в темную».

С другой стороны — он мне жизнь спас, он меня свел с Хозяином кладбища, познакомил с основами существования в том новом мире, к которому я теперь принадлежу.

И даже негласно опекает.

Да вот хоть бы вспомнить о визите его подруги-ведьмы Людмилы, который та мне нанесла в те дни, когда я в Лозовке жил.

Она появилась дней за пять до моего отъезда, вечером, когда на землю уже опустились сумерки. Я сидел на крыльце, пил чай из самовара и думал о том, что в дом идти совершенно неохота. Опять противный Антипка будет всю ночь на чердаке шебуршиться и спать мне не давать.

Самовар, кстати, у покойного ведьмака был знатный — дореволюционный, здоровенный, с бляхами на серебряном пузе и надписью: «Братья Василий и Александр Баташевы».

Наверное, дорогуший. Но продавать я его не стану, он мне самому по душе пришелся. Я такого вкусного чаю, как из него, сроду не пивал. Да и процесс растопки мне нравился, было в нем нечто длительно-медитативное. Я теперь понимаю, почему самовар в старое время «царем стола» величали. По-другому и не назовешь. Так скажу — много мы в городе потеряли, позабыв процедуру чаепития из самовара.

Так вот — сижу я, значит, в труселях на крыльце, дую чай, гоняю комаров, смотрю на первые звезды. Если бы не Антип, то на душе вообще полный покой и гармония были бы. И тут — крылья хлопают, а через секунду девичий голос спрашивает:

— Хозяин, гостей принимаешь?

Мне первым делом в голову мысль о Маринке пришла. Ну, думаю, и тут достала. Потом прикинул — голос не ее.

Подожел к калитке — мать честная, там та девушка стоит, что с Нифонтовым на вокзале обжималась. Красивая до одури, с толстенной русой косой, перекинутой через плечо, и с глазами голубыми настолько, что небо и то перед ними блекнет.

А я в трусямбах, с недельной щетиной и чашкой в руках. Дико неловко себя почувствовал.

— Без твоего разрешения я сюда войти не могу, — и не подумала смеяться надо мной Людмила, даже глазом не повела. — Так что если пригласишь — попьем чайку, нет — домой отправлюсь.

— Милости просим, — без раздумий ответил ей я. — Заходи. И это... За внешний вид извини. Я не ждал никого.

— Условности, — говорит мне красавица и калитку открывает. — Да и потом — кого тебе тут смущать? Дару, что ли? Так она за тысячу лет и не такое, поди, видала.

Вот так, слово за слово, и потекла беседа. Я, понятное дело, сбегал джинсы натянул и Родьке велел чашку с блюдцем гостье принести.

Кстати, моему мохнатому другу Людмила сильно не понравилась. Нет, чашку он ей вынес, но вот по угощению, которое он к чаю подал, было ясно, что таких гостей ему не надо.

Две маленьких круглых сушки на блюдце об этом говорили более чем красноречиво. Он поставил блюдце перед ней и сразу же улизнул в дом.

— Экономный, — извиняющимся тоном объяснил ведьме я его поведение. — Рачительный, сил нет. Меня тоже голодом морит.

— Просто он слуга ведьмака, а потому наше племя не любит инстинктивно, — понимающе сказала Людмила. — У него на подсознательном уровне вбито, что ведьма только и ждет того момента, когда ведьмак повернется к ней спиной. Пока я не уйду, он с меня глаз не сведет.

И Людмила шаловливо подмигнула, причем не мне.

Повернувшись к дому, я увидел расплюснутую о стекло мордочку Родьки. Он буквально прилип к нему и не моргая следил за визитершей. Во втором окне, кстати, тоже имелся соглядатай. Там обосновался суровый Антип.

Мне даже стало приятно — волнуются, паразиты такие.

Хотя зря это все было. Беседа у нас вышла интересная, познавательная. Людмила много чего ведала про эти места, про тех детей Ночи, что тут обитают. Да и про Дару она мне порассказала немало. Зловреднейшая оказалась тетка. Я и до того про это знал, но не подозревал даже, сколько всего она успела натворить за свою долгую жизнь.

Еще она дала мне десяток полезных советов по травяным сборам, в которых, похоже, разбиралась великолепно, повторила слова Лесного хозяина о том, что в местное болото соваться не стоит, и порекомендовала не есть грибы, собранные у дальней дубовой рощи. Правда, не пояснила, отчего этого делать не стоит, хотя явно это знала.

Так вот — ясно же было, что она ко мне по просьбе Николая наведалась, проведать, как я там, жив ли. Вслух это ни она, ни я не произнесли, но все и так шито белыми нитками.

А еще непонятно мне, чем Николай такую барышню приворожил. Ведь она и вправду его любит, это уж можете мне поверить. Мне тогда и невдомек было, что Людмила, наведавшись ко мне в гости, здорово собой рисковала. Я про это уже наутро узнал, когда Дарья Семеновна меня у колодца прихватила и достаточно агрессивно объяснила, что если еще хоть раз кто-то гнезда гадючьего, к которому моя ночная гостья относится, к ним в деревню пожалует, то живым отсюда не уйдет. Она, мол, свою подружку сердешную Власию им не забыла и не забудет.

Кто такая Власия, так и осталось для меня неизвестным, но по лицу старой ведьмы было понятно, что дело нешуточное.

А ведь Людмила про эту нелюбовь к ней и ее товаркам знала. И все равно сделала то, о чем ее попросил Николай. Ну не ко мне же она вдруг страстью воспылала, верно?

В общем, странные у меня с отделом «15-К» отношения. Противоречивые. И как оно дальше у нас будет — вообще непонятно.

— Эй, ты еще с нами? — перед моими глазами щелкнули девичьи пальцы. — Смолин, ты, если что, скажи, я на тебя табличку повешу с надписью: «Ушел в себя, буду нескоро».

— К маникюру тебе надо, — на автомате заметил я. — Совсем за ногтями не следишь.

— Чего? — опешила Мезенцева, глянула на свои пальцы, потом на меня, а после у нее с лица как-то неожиданно пропала улыбка. Будто лампочку у нее внутри выключили.

Привычка. Последствия работы в женском коллективе. Бывает. Черт, она похоже здорово обиделась на эти слова, вон смотрит на меня, как соенок, и глазами часто моргает.

— Просто не очень новый нейл-арт, я это имел в виду, — попробовал выправить ситуацию я. — В этом сезоне такое уже не модно, сейчас в тренде «марбл стоун» или «негатив спэйс».

— Саш, ты меня пугаешь, — подал голос Нифонтов. — Ладно, что Женька про такое не слышала никогда, с ней все понятно. Ты-то откуда про это все знаешь?

— Лучше не спрашивай, — попросил его я. — Не надо.

— Хорошо, не буду, — покладисто согласился оперативник. — Давай я тебе лучше «спасибу» скажу за твои подарки. А то я так этого и не сделал.

— Говори, — разрешил я.

— Спасибо.

— Не за что. — Я устроился на сиденье поудобнее. — Хотя нет. За Афоню — можно. А книга пустышкой оказалась.

— Не совсем, — поправил меня оперативник. — Она не пустышка, просто мы не можем ее прочесть. И никто не сможет, пока не соберет все три части ведьмачьего наследства и не проведет ритуал правопреемства.

— Вот тут поподробней, — насторожился я.

— Ведьмак погиб неожиданно и не от руки равного себе, потому сила его никому не досталась, — неторопливо начал объяснять Нифонтов. — Точнее — кое-что перешло к Хозяину кладбища, но это так, капелюшка. Остальное пропало. Но ведь нож не расплавлен в кипящем серебре, книга не сожжена на огне из пяти видов дерева, и слуга жив. Ничто в никуда не пропадает, Сашка, это закон Ночи. И если кто-то соберет вместе наследие мертвого ведьмака, так сказать, восстановит триединство, и примет на себя все грехи и долги покойного и тех, кто был до него, то запросто может стать подобным тебе. Слабее, потому что линия наследования прервалась, но тем не менее. И тогда книга откроет ему то, что в ней написано. Я узнавал, такое бывало в прошлом. Потому ты нам большой подарок сделал, приятель. Нож и так у нас был, потом Женька книгу приперла, а сегодня мы и слугу заберем.

— Надеюсь, вы его не собираетесь прирезать? — забеспокоился я. — Имей в виду, Николай, я его навещать стану каждый месяц.

— Да зачем же убивать? — Нифонтов вдарил ладонью по «подвывалу». — Блин, вот куда лезет, а? Так вот — мы не звери. Будет твой Афанасий при деле, не сомневайся. С Аникушкой, нашим домовым, это согласовано, так что прочь волнения. А в гости заходи, рады будем. Да и Олег Георгиевич с тобой давно познакомиться хочет.

— Это наш начальник, — буркнула Мезенцева, которая в беседе участвовать перестала и глазела в окно. — Не забывай, Колька, ему же все объяснять надо, а то не поймет. Он у нас только в нейл-дизайне разбирается, да в мейк-апе, а в обычных вещах не очень. Совсем обиделась. Как видно, на свидание с ней мне больше не ходить. Хотя, если честно, в чужом глазу песчинку видит, в своем бревна не замечает. Как у Светки корни непрокрашенные замечать — так это она первая. А как ей — так слова не скажи. К кладбищу подъехали уже в темноте, вволю настоявшись в пробке на МКАДе. Ворота еще не закрывали, потому на территорию мы проникли без каких-либо сложностей.

— Не похоже на то, что здесь снимают телешоу, — повертела головой Женька. — Где прожектора, где массовка, где шум и гам? Может, перенесли это дело? В смысле, на другое кладбище или там на другой день?

— На другой день — возможно, — согласился я. — А вот на другое кладбище — это вряд ли. Они же тут уже могилу подготовили для конкурса.

— Какую могилу? — немедленно спросил меня Нифонтов, и я прикусил язык.

— Да там, — я неопределенно махнул рукой. — В другой части кладбища.

— Темнишь, — погрозил мне пальцем оперативник. — Но зато хоть ясно стало, чего тут так тихо. Действие просто происходит в другом месте. Вот туда и пойдём.

— Идите, — одобрил я. — Вон по той аллее, потом на перекрестке направо и еще раз направо. А там, скорее всего, уже не заблудитесь. Если телевизионщики здесь, то там гвалт еще тот стоит.

— Ты не с нами? — прищурилась Мезенцева.

— У меня свои планы и свои маршруты, — не без ехидства ответил ей я. — Личные. Увидимся позже.

Глава 15

Повторюсь — я практически перестал воспринимать кладбище как место последнего упокоения представителей рода человеческого. Еще в начале лета при произнесении самого слова «кладбище» на душе у меня становилось немного сумрачно и сразу представлялись некие грустные картины, вроде заросших травой могилки, покосившихся надгробий и всего такого прочего. Изредка в этот ассоциативный ряд вплетались еще голливудские мотивы, вроде покрытой трупными пятнами руки, торчащей из могильного холма или толпы развеселых зомби, одетых, как цыгане на «Трех вокзалах», в разнообразное экзотическое рвань.

Сейчас же я себя ощущал так же, как в родном офисе. То есть — привычно и даже почти комфортно. Разве что здесь потемнее было, и кулеров не наблюдалось. Зато тут и службы безопасности нет. Ну или у нее ко мне пока вопросов не имеется.

Кстати, у меня возникло ощущение, что и кладбище, если можно так сказать, меня за своего уже принимало. На этот раз никто не пробовал влезть в мое тело, никто не кряхтел в кустах. Более того — несколько встретившихся по дороге призраков, бессистемно мотавшихся по дорожкам, даже отвесили мне поклоны. Последнее меня немного обескуражило, но я ответил им тем же.

Минут за десять я пересек царство покоя из конца в конец, и, слегка запыхавшись, взобрался на холм, где обычно восседал Хозяин кладбища. Вот только в этот раз его здесь не оказалось. Пуста была черно-антрацитовая плита, которая служила Костяному царю тронном.

— Вот сейчас не понял? — удивленно произнес я и покрутил головой.

И вокруг никого. Только за моей спиной среди березок мелькает десяток теней, да с другой стороны холма, там, куда я еще ни разу не ходил, темнеют какие-то старые надгробия.

— Ушел умрун, — пояснил мне Афанасий, которого я сразу и не заметил. Впрочем, и немудрено, оказывается, сидел, привалившись спиной к покрытому мхом древнему могильному камню неподалеку от меня, практически слившись с ним. — Туда ушел.

— Умрун? — переспросил я, проследив за движением его лапы. Судя по всему, Костяной царь все же решил посмотреть, как нынче телешоу снимают.

— Ну да. — Афоня подошел ко мне, поправляя повязку, прикрывающую пустую глазницу. — Это сейчас вы их Хозяевами кладбищ называете, а так-то они умруны и есть. Пастыри мертвых.

Красиво звучит, что есть — то есть. Пастырь мертвых. Очень многозначное определение.

— Скажи, ты насчет меня не передумал? — спросил у меня Афоня. — Ежели да, то я тебя сейчас к умруну отведу, потом выпью и пойду повешусь. Не могу я тут больше существовать. Тоска меня заедает, серая, промозглая. Да и холода на подходе.

Покойничкам-то хоть бы хны, они в гробы свои до весны залягут, а я в таких условиях зимовать не смогу. Я не собака, чтобы в склепах спать.

— Ну-ну-ну, — так это пронзительно прозвучало, что мне до соплей стало жалко бедолагу. — Все нормально. Со мной приехали мои приятели, они хорошие люди, будешь у них жить.

— Люди? — уточнил Афоня. — То есть — обычные люди? Не ведьмаки, не чародеи, не повелители воды? Это чего же мне у них делать придется? Я по хозяйству, конечно, помочь смогу, но не то чтобы сильно. Не домовый я.

— Они не как я или твой бывший хозяин, но о том, кто ты и что умеешь делать, осведомлены, — поспешил успокоить его я. — Хоть они и не дети Ночи, но что к чему в курсе. Слушай, а кто такие «повелители воды»?

— Вода — самая сильная стихия на свете, — пояснил Афоня и, поманив меня за собой, потопал вглубь кладбища. — Земля, ветер — они тоже сильны, но вода — это особая статья. Кто с водой в дружбе, кто ей приказывать может, тот голодным спать не ляжет. Вода всегда все слышит, все знает, все видит. Она же везде. Вот и есть такие люди, что с ней договор заключают. Та им власть дает, а они после, когда срок договора выйдет, ей себя дарят. Живьем. По весне, как правило.

— Топятся, что ли? — опешил я.

— Ну да, — подтвердил Афоня. — Воде всегда принять живую душу в радость, она от этого силу набирает немалую. А то еще бывает, что по договору такой человек каждый год кого-то ей дарит. Приведет закладную жертву в заветное место, да и утопит. И тем себе на год жизнь продлит. По-разному случается. Зато пользы ему от такого договора — у-у-у сколько. Да вот хоть бы мой бывший хозяин как-то раз такому повелителю одного своего врага поручил убить. Он сам, знаешь, мараться людской кровью не особо любил. Кого из своих, ведьмаков, в смысле, убить — это да, тут дело чести. А обычных смертных...

Афоня на ходу сплюнул и махнул рукой, давая понять, что его покойный хозяин мирных граждан вовсе в грош не ставил.

— И? — поторопил я его.

Ну а что? Интересно же?

— Да ничего, — поднял на ходу с дорожки березовую ветку Афанасий и бросил ее в зеленый мусорный бак, стоящий рядом. — Утоп тот враг через пару дней. Не поверишь — в раковине утоп, когда брился с утра.

Стоп. А я про это читал года два назад в сети. Еще подумал, что «сеошники» новостных сайтов совсем уже обленелись, раз такую чушь пишут. И зря. Не вралы они.

— И еще вот что, — помедлив, произнес Афоня. — Ты скажи им, что если кто нож моего бывшего хозяина и книгу его отыщет, да заклиятие призыва произнесет, то я от них к нему уйду. Даже если сам того хотеть не буду.

— Передам, — кивнул я. — Нет проблем.

Не стал я ему говорить, что нож и книга уже у тех, с кем ему дальше жить. Захочет Николай — поставит его в известность про это, не захочет — значит, не захочет. Молчание — золото, гласит народная мудрость. А народ у нас неглупый, знает, что говорит.

А телевизионщики все-таки приехали. Их присутствие обозначилось задолго до того, как я их увидел. И ничего странного в этом нет, очень уж они шумели. Вопли вроде: «Свет туда», «Ленка, надо тончик положить вон тому» и «Да что за бардак тут творится!», эхом гуляли в верхушках кладбищенских берез и елей. Про многообразную ненормативную лексику я и не упоминаю, ее было больше, чем чего-то другого.

Я вообще-то человек ко всему привычный, а особенно к бедламу в любом из его проявлений, но тут даже меня проняло. Не дело это, вот что я вам скажу. Хотите снимать на кладбище — заведите свое, в каком-нибудь из павильонов сидящих без дела киностудий. Все одно они там порожняком простаивают большей частью. Ждут, пока наш великий кинематограф возродится. Почитай, четверть века ждут.

Вот там бы и снимали свою программу. Зачем же тут такое устраивать?

Приблизительно о том же, похоже, размышлял Костяной царь. Он стоял около высоченной елки и благодаря темноте практически слился с ней. Если бы не Афоня, то я бы его и не заметил.

— Хаос, — обойдясь без приветствия, сказал мне повелитель мертвых. — В чистом виде.

Ведьмак, вот объясни мне — что за времена настали? До какой степени живые должны были дойти, чтобы устраивать балаган в том месте, которое для этого совершенно не предназначено? Ладно, я могу понять дьяволопоклонников, ритуалы есть ритуалы, коли они такими созданы, то что теперь сделаешь. Могу понять кладбищенских воров — каждый зарабатывает так, как может. Но тут-то вовсе что-то несурзное происходит.

— Реалити ведь, — неуверенно произнес я. — Рейтинги, опять же. Пипл хавает.

— Говори по-человечески, — потребовал Хозяин. — Или на тебя вон то дурачье тоже влиять начало?

— Люди, которые будут смотреть то, что они сейчас снимут, должны верить, что все это правда, — подумав, сказал я. — А чтобы это было похоже на нее, на правду, в смысле, надо все сделать так, чтобы... Блин, я запутался!

— Я тебя понял, — тяжело промолвил Костяной царь. — Знаешь, о чем я больше всего жалею? О том, что прямо сейчас я не могу убить десяток этих шепутных человечков. Очень хочется, но нельзя. А так бы было славно! Одного за другим, одного за другим. Вот так бы брал их сердца и давил! Чтобы хрипели, чтобы чувствовали, как из них жизнь уходит, а сделать ничего не могли.

Он вытянул свою длиннопалую руку вперед и несколько раз сжал ее в кулак.

Мне стало немного не по себе, столько жажды убийства и ненависти было в его голосе.

Правда, и понять его было можно.

Главная аллея кладбища, идущая строго по его центру, превратилась в филиал телестудии. Там было светло как днем, поскольку ее освещало десятка три прожекторов. Прямо там же, на дороге, стояли раскладные стулья и полдюжину столов, которые как только не использовались. На одних внавалку лежали самые разные вещи, от фотоаппаратов до упаковок пластиковых бутылок с водой, за другими гримеры наносили тот самый «тончик» участникам передачи.

И везде царил суета. Девочки в синих жилетках и с «бейджиками», висящими на шеях, бегали как подорванные размахивая стопками бумаг, бородатые дядьки вертели прожектора туда-сюда, подчиняясь приказам мордатой тетки с чудной прической, крепкие парни в серых комбинезонах таскали какие-то железяки, уж не знаю, кому и зачем понадобившиеся. Отдельными кучками стояли, собственно, герои передачи, те, что уже побывали в руках гримеров или только собирались в них отдаться. И это, пожалуй, было самое чудное, что я за сегодня видел.

Нет, мне доводилось, «серфингуя» по телеканалам, попадать на «Магическое противостояние». Но телевизор — это одно, а вот так, в жизни, увидеть этих граждан — совсем другое.

Скажу честно — на первый взгляд к ним всем подходило определение «мечта психиатра». Я-то еще Маринку критиковал с ее первым нарядом. Не-не-не, она бы тут была не самая чудная, куда там! Скажу больше — она бы тут вообще затерялась.

Ладно — шаман, которому даже нынешней, не самой теплой ночью, все равно наверняка было адски жарко в его кухлянке. В конце концов, такова его шаманская доля — потеть в мехах и долбить в бубен.

Но вот стоящая рядом с ним грузная дама в костюме приснопамятной Эльвиры — повелительницы тьмы из одноименного фильма — реально впечатляла. Особенно если учесть, что та Эльвира сама по себе была дама с достоинствами, а эта ее раза в три перекрывала по габаритам.

Только это еще что! По соседству с ней пристроился тщедушный длинноволосый мужичок, у которого ботинки были сделаны в виде лошадиных копыт, а верхней задней части штанов вовсе не было. Вот вообще. Вырезал он тыльную, скажем так, сторону и теперь светил практически голым задом. Повезло ему, что сейчас почти осень, с месяц назад ему бы комары показали, где раки зимуют.

Еще там был повелитель вампиров в длинном плаще со стоячим воротником и с рожей, вымазанной белилами, странная девочка в сине-зелено-оранжевом балахоне, напялившая на нос круглые очки а-ля «Джон Леннон», и с такими щеками, из-за которых ушей видно не было, сивобородый старик в косоворотке и лаптях, держащий в руках пару длиннющих веток, существо неизвестного пола в латексном костюме и шляпе-канотье, и другие не менее забавные персонажи.

То ли кунсткамера, то ли паноптикум. Даже не знаю, что вернее.

Так что Маринка на их фоне выглядела королевой. Особенно если учесть, что у нее во лбу, как у той царевны-лебеди, еще и звезда горела. Она какую-то хрень с висюлькой в волосы вплела, и та теперь от света прожекторов сверкала неугасимым огнем.

— Нельзя, — повторил умрун. — Но руки так и чешутся!

— Если нельзя, но очень хочется, то можно, — отставив в сторону соперничества за сородичей по виду, сказал я. — Например, вон того, что в кожаном блестящем костюме, мне не очень жалко будет.

— Эти люди пришли в поисках того, чего им знать не следует, — объяснил мне Костяной царь. — Они лезут туда, куда человекам ходу нет. И если вдруг что-то подобное здесь произойдет, что-то такое, чего никто не ожидал и что не вписывается в человеческую логику, то они вообще мое кладбище в покое не оставят, пока по камушку не разберут. И им неважно, сколько народу при этом погибнет. Я таких знаю, насмотрелся за последние годы. Так что — нельзя. И своим я строго-настроено запретил не то что в кого-то из этих подселаться, а даже просто рядом стоять. Пусть они сделают то, что задумали, и убираются отсюда куда подальше. Потерплю уж.

— Разумно, — раздался за нашими спинами голос Нифонтова. — Мое почтение, досточтимый Хозяин кладбища.

— А, это ты, губернский секретарь, — капюшон умруна повернулся к оперативнику, который немедленно отвесил ему поклон. — Какими судьбами?

Я не сразу понял, отчего Костяной царь так назвал Нифонтова, а потом припомнил их давнишнюю беседу. Точно-точно, звучали там такие слова.

— Жизнь штука непредсказуемая, — бодро ответил оперативник. — Бывает, что в одной точке пересекаются разом интересы сразу нескольких сторон. Сегодня так и вышло.

— Мой интерес только в одном, — рыкнул умрун. — Чтобы в моих владениях снова стало тихо и спокойно, как от веку повелось.

— Я же говорю — совпадают. — Нифонтов потер руки. — Мне надо того же, поверьте.

— Не поверю, — качнулся капюшон. — Когда такие, как ты, говорят, что чужая беда для них выше служебных интересов, то можно быть уверенным в одном — это ложь.

— Действительно? — влез в разговор я. — Вот оно как!

— Для него и таких, как он, превыше всего дело, — пробубнил умрун. — Они как гончие смерти — если взяли след, то не сойдут с него, пока не разорвут того, за кем гонятся. Такая у них судьба и такой у них закон. Ты запомни это, ведьмак. Чиновники особой канцелярии всегда мягко стелют, да вот только спать жестко.

— Не для себя стараемся, — даже и не подумал оправдываться Нифонтов. — Для людей. Для тех, кто не знает, что таит в себе Ночь, и беззащитен перед ней.

— Это так, — признал Хозяин. — Только вот одних вы спасаете, а других на смерть обрекаете.

— Принцип меньшей крови пока никто не отменял, — жестко произнес Нифонтов, и Женька, соглашаясь с ним, кивнула.

— Говори, что тебе надо, — прервал дискуссию умрун. — Не тяни.

— Среди вон тех ряженных есть колдун, — не стал кочевряжиться Николай. — Настоящий. Сильный. Я хочу знать, кто он. За этим, собственно, сюда и приехал.

Афоня подергал меня за штанину, дождался, пока я посмотрю на него, и ткнул пальцем в сторону оперативников, как бы спрашивая: «Это они»? Дождался моего подтверждающего кивка и удовлетворенно засопел.

— Рад бы помочь чем, да не могу, — тем временем глухо произнес Костяной царь. — Чутья я его чую, а распознать не могу.

— Вы? — недоверчиво протянул оперативник. — На своем кладбище — и не можете?

— Не могу, — недовольно проворчал умрун. — Представь себе! Я про это ведьмаку говорил уже. И, полагаю, подобное не случайность. Этот колдун про таких, как я, похоже, знает, потому закрылся заклинанием. Ему же невдомек, что я решил от греха не трогать

всю эту компанию? А так — правильно сделал. Приди он ночью сюда один — обратно к людям не выбрался бы. Колдунов ни я, ни мои братья не любим, очень от них много неустройств идет.

Пока повелитель мертвых вещал, Нифонтов смотрел на меня, и Мезенцева тоже. Фраза про то, что Хозяин про невидимость колдуна мне сказал, мимо их ушей не прошла.

— Что? — напускно-недовольно поинтересовался у него я, как только установилась тишина. — Ну да, я был в курсе. Но говорить-то было и не про что, повелитель мертвых все одно эту сволочь не учуял. Кстати, у меня тоже есть вопрос. Если вы знали, что он и в Киеве побывал, и в Ростове, то почему время теряли? За вами государство, за вами силовые структуры. Неужто его вычислить нельзя при осуществлении стандартных розыскных действий? Да шут с ним. Неужто нельзя было подноготную всего-то тринадцати человек выяснить? Имеется в виду вон тех, что забавно выглядят. Даже двенадцати, Маринка не в счет, она точно ни при чем.

Разумеется, никакой агрессии по отношению к нему я не испытывал. Просто сработали вбитые в подкорку инстинкты офисного служащего, точнее, основной из них — работать на опережение. У нас ведь как? Кто первым успел «наехать» на ближнего своего, тот в результате и выйдет сухим из воды. А если промолчишь, оставишься в пол, дашь возможность кому-то другому завладеть мячом — то все, ты попал. Либо на тебя нагрузят не твою работу, либо повесят чужие грехи, таковы волчьи законы офиса. Это жизнь. Мы все без крыльев за спиной. В смысле — мы все не ангелы. И никто не хочет быть крайним. Хотя в данной ситуации я вообще мог никак не реагировать ни на взгляды, ни на слова. Как хочу — так и поступаю. Я свободный человек и в подчинении у отдела «15-К» не нахожусь. И что-то предъявить мне крайне сложно.

Но инстинкты есть инстинкты. Может, со временем я от них и избавлюсь, но пока — вот так.

— Не вали с больной головы на здоровую, — тем временем попросил меня Николай. — Саш, так дела не делаются.

— Еще раз тебе советую, ведьмак — не имей с ними никаких дел вовсе, — буркнул умрун. — Попомни мои слова — расходов от них больше, чем доходов.

— Да и не собираюсь, — уперев руки в боки и сочтя данную позу достаточно независимой, произнес я. — Как там было сказано? У нас просто временно совпали интересы. Точнее — кратковременно, так мне сдается. Как-то все хуже мы друг друга стали понимать.

Нифонтов ничего не сказал, только снова глянул на меня, правда, теперь скорее иронично. — Искали, — примирительно произнесла Евгения, как видно, решив перевести разговор в иное русло. — Подключали коллег, одних запросов написали столько, что чуть пальцы о клавиатуру не сточили. А толку чуть. Этот поганец сам ничего не делает, все чужими руками проворачивает.

— А участников только что под микроскопом не рассматривали, — добавил Николай. — Ни-че-го. Ничегошеньки!

Тем временем процесс подготовки к съемкам подходил к концу, каждый из участников уже побывал у гримеров, и сейчас высокий мужчина с бородкой-«эспаньолкой» и здоровенной зальсиной что-то им вдохновенно объяснял. Видимо, это был режиссер разворачивающегося перед нами действия.

Колдуны, ведьмы, чародейки и дриада слушали его внимательно, но при этом то и дело возникали перепалки, в процессе которых они громко орали друг на друга, а бородатый дед даже хлестнул толстую девицу в очках по спине своими ветками.

— Последовательность выхода делят, — пояснил мне Нифонтов. — Кто первый могилу ищет, кто второй.

— Думаешь? — спросил у него я примирительно.

Не то чтобы мне было перед ним неловко. Нет, ничего подобного. В конце концов, он меня использовал, причем не в первый раз, какое там смущение. Просто я по жизни не люблю состояние вражды с кем-то вообще. Мирное сосуществование — вот то идеальное положение вещей, к которому я стремлюсь. Никто никому не мешает жить, никто никому ничего не должен.

Жалко только, что достигнуть этой нирваны мне пока не удалось. И, боюсь, в этой жизни не удастся.

— К гадалке не ходи, — уверенно сказал оперативник.

— К какой из них? — спросил у него я нарочито-серьезно, давая понять, что конфликт исчерпан.

Дружеский тычок под ребра подтвердил, что мы поняли друг друга.

— Ступай, — следом за этим сказал Нифонтов. — Пора.

— Куда? — опешил я.

— Туда, — ткнул пальцем в телевизионщиков пальцем он. — К ним. Потолкайся среди этих чудаков, послушай, о чем говорят. И к себе прислушайся — а ну как что-то учуешь? Я мог сказать много чего, но это было бы только повторение пройденного. И потом — а почему бы и нет?

— В принципе — не вопрос, — кивнул я. — Вот только под каким соусом я там появлюсь? Тем более в таком виде.

Я же домой не заезжал, прямо с работы сюда рванул, потому и одет был соответствующе — брюки, пиджак, сорочка с галстуком.

— Нормальный вид. — Мезенцева поправила мой галстук. — Не хуже и не лучше. Тем более, что ты тут не один такой. Вон, гляди на тех троих.

И правда — на дальнем плане, на самой границе света прожекторов и ночной тьмы, отиралось несколько человек в деловых и довольно дорогих костюмах.

— Это директор кладбища и его ближайшие подручные, — гулко сообщил Костяной царь. — Паскудники. Все им денег мало. Ох я им устрою веселую жизнь, когда все это закончится! Не забуду. Не прошу.

Кстати, руководящие сотрудники погоста, как видно, что-то такое и предполагали, потому что время от времени поглядывали по сторонам и вид имели достаточно встревоженный. Люди так выглядят тогда, когда начинают жалеть о ранее принятом решении, но при этом понимают, что переиграть уже ничего нельзя.

— И потом — это же телевизионщики, — добавил Нифонтов. — У них всегда такой бардак, что в нем затеряться можно без особых хлопот. Главное им не мешать работу работать, а на остальное этой публике плевать. В кадр не лезь и режиссеру советы не давай, вот тебя никто и не заметит. Я бы сам пошел, но колдун меня в лицо знать может. В отделе сотрудников не сильно много, а потому все на виду. Нежити-то мы до лампы, там другие расклады, а вот те, кто раньше людьми был...

— Да ясно все, — прервал его я. — Но сразу говорю — ничего не обещаю. И еще — в задержании и всем таком прочем не участвую. Это ваше поле деятельности, мне на нем делать нечего.

— Само собой, — заулыбался Нифонтов. — Более того — мы и не можем тебя к подобным операциям привлекать. Ты же гражданское население!

И как тут не насторожиться, после таких-то слов?

Впрочем, вряд ли они что-то подобное планируют — больно много народу вокруг. Чтобы там Хозяин кладбища ни говорил про «малую кровь», не похож Николай на совсем уж беспредельщика. Себе на уме — да, тумана любит подпустить — тоже да. Но чтобы посторонних под пули или чего похуже подставить — это нет. Я, может, и не очень в людях разбираюсь, но тут я уверен в своей правоте на все сто.

Ну или хочу в это верить.

Выбравшись из-за деревьев, я с максимально независимым видом направился к главной аллее, где всевозможная суета потихоньку достигала своего апогея. Бегали, орали, суетились почти все, кроме, пожалуй, самих участников программы, которые смирились со своей очередностью и теперь перекуривали в сторонке.

На меня и в самом деле никто внимания не обратил, так что зря я пустил в ход очень хитрый отвлекающий маневр, а именно — поправление штанов и подергивание молнии на ширинке. Мол, не просто так я за деревья ходил, а по важному, хоть и малому делу.

Единственным человеком, который уделил мне хоть какое-то внимание, была миниатюрная девушка-гример. Она, пробегая мимо меня, встала на цыпочки и зачем-то попудрила мне лицо. Как видно — по привычке.

Впрочем — вру. Секундой позже меня заметила Маринка, стоявшая поодаль от своих новых коллег по магическому цеху и задумчиво дымившая сигаретой.

— Смолин! — радостно крикнула она, поблескивая камнем во лбу. — Сашка! Пришел все-таки, гад такой!

— Пришел, — не стал спорить с очевидным я. — Знаешь, как-то у нас нехорошо с тобой получилось. Совесть меня заела.

— Врешь, собака, — уверенно заявила соседка, после чего обвила мою шею руками и сочно облобызала в щеки. — Если сюда приперся, значит, есть у тебя какой-то свой интерес. Ну и хрен с тобой, я все равно рада тебя видеть.

— Что, тебе тут реально настолько неуютно? — проницательно поинтересовался я.

Если уж она целоваться полезла, значит, и вправду рада мне. Из этого вывод — ей было жутко тоскливо в этой компании.

— Да кошмар, — не стала скрывать Маринка. — Кругом одни уроды, как моральные, так и физические. Саш, я всегда думала, что уже повидала настоящих шизиков, но нет, это была иллюзия. Вот здесь настоящая ярмарка безумия. Причем речь идет не столько вон о тех,

прости господи, чудаках, сколько о всех остальных. Знаешь, я всегда думала, что части тела мертвого человека, о жизни которого надо рассказать — это муляж. Ну реквизит.

— Да ладно, — понял я, куда она клонит.

— В штанах прохладно, — взвизгнула она. — Реально трупешник! Это капец что такое! Они сегодня днем доснимали фрагмент, типа «невошедшее», раз в четыре программы выходит нечто вроде дайджеста. Они эти субпродукты в специальном холодильнике держали, прикинь! Хорошо, что я в той программе не участвовала, а то бы точно сблевала. И не раз. А им — пофиг!

— Жесть, — признал я. — А что коллеги по цеху? Если судить по внешнему виду, то они похожи на иллюстрацию к высказыванию: «Цирк уехал, клоуны остались».

— Ошибочное мнение. — Маринка докурила сигарету и ловким щелчком отправила окуроч в недалеко от нее стоящую урну. — Поверь, они нормальнее нас с тобой. Маркетинг, Саша, тут всем правит маркетинг. Все просчитано по всем бизнес-правилам. Их внешний вид — это витрина. Какой должна быть витрина в магазине?

— Стеклопанной? — предположил я.

— Приковывающей внимание, — поморщилась Марина. — Вызывающей интерес. Любой, главное — не безликой. Неважно, как это выглядит, главное, чтобы человек захотел понять, что находится за этой витриной, и зашел в магазин. Пусть даже из юмористических побуждений, просто чтобы поржать над дураками, которые такое сотворили. И как только он туда зашел — все, он их. Саш, не поверишь, почти каждый из них реально прошаренный психолог, причем очень высокого класса. Они читают мимику и движения людей как книгу, и только по этим признакам понимают, в каком направлении надо крутить клиента дальше. Не выпытывают часами подноготную, пока тот лежит на диване, а сами ему все про его жизнь рассказывают, типа прозрели ее насквозь. И простого человека это заставляет думать о том, что перед ним настоящий чудесник.

— Впечатляет. — Я окинул взглядом участников программы. — А по ним и не скажешь. Слушай, а вот ты пару раз сказала, что, мол, «почти каждый»? Эти «почти» — они кто?

— Ну да, несколько человек сюда попали для оправдания элемента «реальности». — Маринка ткнула себя в грудь. — Как, кстати, и я сама. Устроители ждут от нас первобытной дури и неподдельных эмоций.

— И как, оправдываются ожидания?

— Наверное, — передернула плечами девушка. — За себя не скажу, а вот другие — это что-то. Например, вон тот шаман — это, знаешь ли... Кстати — он такой же житель Крайнего Севера, как ты или я, ни фига он не чукча и не эвенк. Просто ему показалось, что именно на танцы с бубном народ будет сбегаться лучше всего. Профанация в чистом виде.

— И экзотика, — понимающе кивнул я.

— Не это в нем главное, — тихонько хихикнула Маринка. — Но тут лучше самому увидеть. У тебя железные денежки есть?

Я выгреб из кармана штанов звякнувшую мелочь и протянул ее девушке.

— Очень хорошо, — она взяла у меня с ладони несколько рублевых монет. — Эй, Гупта! Смотри, чего у меня есть! Денежка!

— Денежка! — оживился шаман и радостно осклабился. Его неприятное, заросшее густым волосом лицо, превратилось в маску алчности.

— Лови. — Маринка щелчком отправила монету вверх, та сверкнула в свете прожекторов. Гупта, просто как футбольный голкипер, в прыжке поймал ее, а после, погладив, засунул в мешочек, привязанный к поясу.

— Еще давай, — потребовал он.

— Жадность просто патологическая, — тихо шепнула мне Маринка. — Вон гляди. Вторая монета отправилась в кусты шиповника неподалеку от нас, и Гупта незамедлительно кинулся туда же. Раздались треск ломающихся веток и негромкая ругань.

— Пока не найдет — не вылезет, — подытожила соседка. — Вот такой вот экземпляр.

— Колоритен, — признал я. — А другие? Что о них скажешь?

— Вон тот, с голым задом, тоже статист, — пояснила Маринка. — Колдун Устин из Верхней Пижмы. Уж не знаю, где такая и есть ли она вообще на белом свете. Запросто может оказаться, что и нет. Отец его был колдун, дед его был колдун, прадед его... Ну ты понял последовательность. Сразу ответчу, потому что все равно спросишь — через голый зад он получает ответы от природы-матушки и космоса-батушки. В принципе, логика в этом есть. По-хорошему, ведь все у нас в жизни через это место, верно? Но так Саня парень неплохой.

— Сейчас не понял? — заморгал я.

— Не тебя одного Александром зовут, — пояснила Маринка. — Это он по колдовской линии Устин, а по паспорту он Саша.

Ну не знаю, не знаю. Вряд ли тот, кого Николай ищет, станет с голым задом бегать, даже ради маскировки.

— Еще из статистов вон тот, — Марина показала на существо в латексе. — Этот круче остальных. В жизни не угадаешь, как его зовут.

— Не угадаю, — признал я. — Очень уж много вариантов.

— Дон Педро ле Максиваксио, гранд, — торжественно сказала Маринка, сдерживая смех. — Если ему верить, то он овладел всеми премудростями испанской магии.

— Какой? — я даже в ухе пальцем пошерудил, подумав, что ослышался.

— Испанской, — подтвердила соседка. — Я тоже про такую не слышала. Думаю, на то и расчет.

— Однако. — Я окинул взглядом фигуру, затянутую в черный костюм. — Но как есть дон Педро. Во всех отношениях.

— Не без того. — Маринка показала на крепко сбитого парня с камерой. — По дороге сюда этот самый Максиваксио вон от того оператора чуть по роже не получил. Задумал, понимаешь, его за коленку хватать. Да еще приговаривал, что без этого он голоса мертвых не услышит и задание провалит. В смысле, без мужской любви и ласки. Бэ!

— Бэ! — согласился с ней я. — А...

Больше я ничего спросить не успел, потому что дядька с залысынами рявкнул в мегафон:

— Участники съемки, все ко мне! Минутная готовность!

Броуновское движение как-то вдруг сразу упорядочилось, колдуны, маги и дриада рванули к режиссеру, обслуга же, наоборот, отодвинулась на задний план.

Даже Гупта вылез из кустов, убирая, впрочем, найденную монету в свой кошель.

Я решил не отделяться от коллектива и подался назад, при этом задев рабочего, который пер куда-то выключенный прожектор.

— Аккуратней, — зло бросил он.

— Извините, — произнес я, и мы встретились глазами.

К моему великому удивлению, я узнал этого рабочего. Да и как это было не сделать? Такие знакомства не забываются.

Это был Стас. Тот самый, который являлся приятелем сослуживца Маринки и попутно сотрудником полиции. Если точнее — тем еще волкодавом.

Глава 16

Я даже не успел спросить, его-то какие черти загнали на эти галеры. Стас коротко мотнул головой, как бы говоря: «ты меня вообще не знаешь», и попер прожектор дальше.

Хотя гадать и не приходится. Зуб даю, здесь имеет место быть сразу несколько полицейских операций, причем у меня нет уверенности в том, что одни «силовики» в лице Николая согласовали ее с другими, которых представляет Стас. И не забудем про «убэповцев», которые, собственно, пропихнули Маринку для участия в сием разудалом действе. Они, поди, тоже где-то здесь окопались.

А я по хорошей народной традиции оказался в аккурат посерединке всей этой заварушки. Как это самое в проруби. Ну а что? Точнее не скажешь.

— Люди, дайте тишины, — рявкнул в мегафон начальственный мужской голос. — Первое — свет! Сначала яркий, потом, когда участник двинется на поиски могилы — рассеянный! Напомню — первым пробует найти захоронение дон Максиваксио, за ним леди Нюра, потом волхв Амфибрахий, Гупта, новенькая... Как там ее? Марина Лучезарная. Так, о чем я? А, вот — крайним в первом блоке съемок будет лорд Дарк. Как он закончит — все, перерыв! И — тишина должна быть! Предупреждаю на берегу — если устроите базар, как в прошлый раз, ударю рублем.

Яркий свет, который заливал главную аллею, практически моментально исчез, сменившись умеренным. Добрая половина прожекторов погасла, а остальные полуприкрыли специальными ставенками. Ну да, там же полумрак нужен для антуража. И трясущаяся камера.

Собственно — так оно и было.

Первым могилу насильника и убийцы искал латексно-фриковый Максиваксио. Он долго бродил по дорожкам погоста, не удаляясь, впрочем, далеко от главной аллеи, и усердно изображал из себя «человека-паука», постоянно пытаясь сесть на «шпагат» и демонстрируя при этом весьма приличную «растяжку». Причем, как только он это делал, то немедленно подмигивал оператору, как видно желая дать ему понять, что ежели тот соблазнится на его предложение, то он в другом антураже и после бокала «красного сухого» и не такую прыть сможет показать.

В результате этот отважный испанский кабальеро нетрадиционной ориентации не преуспел ни в чем. И могилу показал не ту, и оператор, которого все достало, отвесил ему добротный пендель, плюнув на профессиональную этику. И правильно, как по мне. Меру потому что знать надо. Не все же такие, как ты?

Кстати — могилку эти горе-чародеи искали по-настоящему. Они и в самом деле не знали, где та находится. Я-то думал, что каждый из них раньше или позже доберется до цели, но все, похоже, было по-честному.

Хотя, возможно, фавориты все же в курсе, где маньяка зарыли. Просто ни Максиваксио, ни леди Ньюра, которая тоже успеха в поисках не добилась, в их число не входили.

Волхв Амфибрахий, что примечательно, изначально двигался в нужном направлении. Свои две длинных ветки он использовал как некий компас, держа их на вытянутых руках, и в голос просил мать Сыру Землю да Живу Полнотворную (интересно, а это кто такая?) показать ему, где убивец окаянный лежит.

Поначалу, как я и сказал, мать Сыра Земля в союзе с Живой ему подсобили, но в какой-то момент их доброта закончилась, после чего Амфибрахий свернул не на ту дорожку, и еще минут двадцать бродил по погосту впустую, до тех пор, пока его время не вышло. Сами мы этого не видели, поскольку конкурсантов и остальных присутствующих с главной аллеи не выпускали, но по грустному лицу вернувшегося ни с чем волхва и так все было понятно. Каждый из испытуемых имел в запасе минут двадцать, не больше. Нашел за это время искомое — молодец, автоматически проходишь в следующий тур. Не отыскал — твою судьбу будут решать телезрители, отправляющие СМС на простой номер, указанный внизу экрана.

Хотя мне лично кажется, что судьбу неудачников решают все-таки продюсеры. Да и Маринка про что-то такое говорила. Но остальным про это знать не нужно. И это тоже правильно. Профессиональная кухня должна оставаться за кадром, причем это правило верно для любой отрасли.

Маринка, к слову, изрядно психовала, причем абсолютно беспричинно. Ей-то чего напрягаться? Это остальные не знают, где могила, она-то в курсе. Хотя и меня потихоньку опасения начали одолевать. Сориентируется ли она на местности? Одно дело по бумажке маршрут строить, другое — здесь, среди берез, елок и тысячи могил отыскать одну единственную. Ориентир у нее есть, кладбищенская стена и каменюка вместо надгробия, но до той стены еще дойти надо.

За поиски тем временем принялся знаток северных традиций Гупта. Он попрыгал, поплясал, выдал сольную программу горлового пения, которое больше напоминало альпийский «йодль», а после двинулся вглубь кладбища, время от времени ударяя в бубен и прося помощи у каких-то Иституна и Седны.

Вскоре он скрылся из вида, и только побрякивание бубна говорило о том, что поиски продолжаются. А минут через десять раздалось и отдаленные вопли:

— Нашел! — донеслось до нас. — Нашел, однако!

— Опа! — сказала одна сотрудница съемочной группы, обращаясь к своей коллеге, они обе стояли совсем рядом со мной и Маринкой. — В жизни бы не подумала. С виду дурак дураком, а первым могилу обнаружил.

Остальные члены съемочной группы тоже встрепетались.

— Пять сек, — попросила ее собеседница, нажимая какую-то кнопку на наголовном наушнике с микрофоном, который черной полоской контрастировал с ее светлыми, почти белыми волосами. — Поиски продолжаются, ждем.

— Так он же нашел? — заморгала девушка.

— Десять рублей, одной монетой, — засмеялась телевизионщица. — Ему теперь и могила никакая не нужна, у него уже праздник. Это же Гупта! Лен, он же за копейку удивится.

Этот крендель даже пустые жестяные банки на площадке собирает, ты забыла? А как же, их можно сплющить и сдать.

— Тьфу ты! — зло сплюнул Амфибрахий, который тоже слышал этот разговор. — Напугал, чорт нерусский! От же ж!

Потом было еще два крика, говорящих о том, что заросший диким волосом шаман что-то да находил, но в обоих случаях это была не могила. Просто он стал богаче еще на пять рублей и кусочек фольги, который в темноте принял за денежку.

Так что вернулся шаман вполне довольным жизнью, и сразу же начал выяснять у девочек-администраторов, когда участников будут кормить, аргументируя это тем, что если уж его сюда привезли, то обязаны холить и лелеять. И что он сам, если что, за едой не пойдет, ее ему должны принести прямо сюда, где он сидит.

Не удивлюсь, если в тарелке с едой у него окажутся рвотное, слабительное и снотворное одновременно.

Впрочем, думал я на эту тему недолго — и предмет для моих мыслей был больно неприятный, да и самое интересное началось. Пришло время Маринки, так сказать — ее звездный час.

— Все? — спросил режиссер, после того как девочка-гример еще раз проверила готовность маринкиного лица к съемке. — Начали!

— А сейчас, дорогие зрители, нас ждет неожиданность, — бойко затарахтел ведущий, который был мне смутно знаком. То ли я его в рекламе майонеза видел, то ли он какую-то телелотерею до этого вел. — Впрочем, что удивляться, мы же с вами не просто на каком-то обычном рядовом шоу, это «Магическое противостояние». Здесь есть правила, но нет законов. Тот, кто действительно чувствует в себе магическую силу, кто готов поправить условия, кто может прийти и взять свое по праву сильного, уже получил место в нашем проекте. И сегодня такое случилось! В середине сезона, уже после того, как количество игроков уменьшилось вдвое, к нам пришел новый претендент на победу. И тем, кто сейчас стоит за моей спиной, следует его бояться, поскольку это на самом деле очень и очень серьезный конкурент!

Ведущий на секунду замер, повинувшись руке режиссера, а после заупокойным голосом сообщил:

— В борьбу за главный приз «Магического противостояния» вступает... Верховная дриада Восточных пределов! Женщина, с чьей магической силой может поспорить только ее же красота! Могущественная... Ослепительная... Великолепная... Марина Лучезарная! За моей спиной грохнуло нечто вроде литавр, да так громко, что я подскочил.

Свет сразу трех прожекторов скрестился на маринкиной фигуре, и я должен сказать, что выглядела она очень и очень эффектно.

Шелк плаща на свету переливался всеми красками, фигурой ее бог не обидел — талию особо под складками одежды видно не было, но зато грудь так и приковывала мужские взгляды. Добавим сюда еще блеск звезды во лбу и тот факт, что до нее в этом шоу главной красоткой числилась очкастая девочка со щеками хомяка, да и то только за счет возраста, поскольку юность прекрасна в любых проявлениях, даже в таких. Но теперь всем точно стало ясно, кто здесь является примой.

— Марина Лучезарная! — повторно проорал ведущий. — И прямо сейчас она вступает в борьбу! Я просил ее для начала сказать пару слов для вас, наши дорогие друзья, но она отказалась это сделать, аргументируя это тем, что дела мага всегда говорят лучше слов. Ну что же, посмотрим, посмотрим! Пока никто из ее собратьев по ремеслу не добился успеха, а ведь это по-настоящему сильные игроки!

— Предвечное небо, — проникновенно изрекла Маринка и вскинула свои обнаженные руки вверх, браслеты, надетые на них, звучнобрякнули. — Помогите дочери своей! Деревья, братья мои, подскажите дорогу! Я, Верховная дриада Марина, прошу вас об этом!

Перед тем как отправиться на поиски, она распиналась еще минуты две, отправляя запросы о помощи и кустам, и местной мелкой живности, и госпоже Луне. Последнее, кстати, зря. Не скажу за деревья и предвечное небо, а Луну все же лучше не беспокоить по подобным пустякам.

— Хороша, — шепнула одна телевизионщица другой за моей спиной. — Вон, смотри, наш козел лысый уже на нее слюни пустил!

Речь, судя по всему, шла о режиссере, у которого и в самом деле как-то масляно начали поблескивать глазки.

— Проститутка, — громко заявила леди Ньюра, та самая дама в ну очень откровенном наряде, из которого в разные стороны выпирали ее недюжинные прелести.

Потом надо будет Маринке рассказать о реакции народа. Она такое любит.

Вволю наговорившись с природой, моя приятельница поднесла ладони к вискам и прикрыла глаза, создавая у окружающих впечатление, будто слушает кого-то. Для усиления эффекта она еще и кивать головой начала.

Вот это она зря. Слишком примитивно. Ей надо было березку обнять, к ней щекой прильнуть и ее слушать. Тогда она сразу двух зайцев убила бы одним выстрелом, да еще и третьего съела. Во-первых, это зрелищней, во-вторых — реалистичней, с учетом того, что она дриада. Ну и наконец — патристично. Чай, не баобаб африканский или алепскую сосну обнимает девица красная, а нашу православную березку.

Хотя и так неплохо вышло, это я придираюсь. Вот она встрепенулась, радостно заулыбалась, вновь протянула руки к Луне и звонко крикнула:

— Спасибо! Я поняла! Я услышала!

Эх, ей бы сейчас еще добавить что-то вроде: «вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела!» и все, можно нашу красавицу в Малый театр отправлять.

Маринка шустро припустила по дорожке, за ней пулей помчался ведущий и операторы, причем не один, как раньше, а два.

— Эвона, — подал голос волхв Амфибрахий. — Шустра девка-то! Слышь, Педра, даст она нам просрать. Лысый за ней сразу две камеры отрядил, и это в первую съемку! А нам по одной досталось!

— Кругом бесчестье, — пискляво ответил обладатель латексного костюма. — Тех, кто несет людям истину и свет, зажимают, а вот такие, как она, лезут вперед. И пропагандируют сомнительные моральные ценности.

Эк человека забирает. И еще — он в какой-то просто опасной близости от меня оказался. Подкрался, я бы сказал.

Впрочем, да и хрен бы с ним, если что, всегда ему в бубен можно зарядить. Другое плохо — нельзя посмотреть, в реальном времени как там у Маринки дело обстоит. А ну как все-таки она заплутает?

Хотя волновался я зря. На этот раз моя приятельница справилась с поставленной задачей, и узнал я про это почти сразу, благодаря все той же девушке из съемочной группы.

— Ленк, она ее нашла! — с выпученными глазами сообщила она своей подруге, теребя наушник. — Офигеть! Немного побродила между могил — и нашла! По ходу, у нас нарисовался новый хедлайнер!

— Тварь, — сказала как плюнула леди Нюра и грозно захрустела печенькой, пачку которых она минуту назад отобрала у девушки, разносящей кофе.

— Вот таперича все и начнется, — в тон ей добавил Амфибрахий. — Передел рейтингов, мать их ети!

Шутки шутками, а надо будет Маринку предупредить о том, чтобы она не ела и не пила ничего кроме того, что сама из дома приносит, или того, что герметично запечатано. В то, что эта публика сможет как-то навредить ей магически, я не сильно верю, а вот в то, что они нечто химическое ей в чай сыпануть могут, не сомневаюсь. Нечасто в глазах людей такую свинцовую ненависть увидеть можно.

И это я еще свою работу критикую. Да мои коллеги на фоне данного магического бомонда — это добрые, милые люди. Даже Силюянов.

Возвращение же Маринки обратно на главную аллею превратилось в триумфальное действо. Ведущий просто исходил на елей, называя ее «новой и самой яркой звездой проекта», «прекрасной незнакомкой» и «блистательной дриадессой». Последнее словосочетание было совсем уже каким-то жутким и резало слух.

Впрочем, Маринку это все не слишком трогало, она с наслаждением купалась в славе и одаривала всех окружающих блистательной улыбкой.

Есть у нее эта дурная черта, что да, то да. Тщеславна моя соседка до одурения. Я так думаю, она в журналисты пошла только ради того, чтобы собственную фамилию видеть в напечатанном виде. Ну или в титрах телепрограммы. Ей мало пяти минут славы, которые положены каждому современному человеку. Ей круглосуточное курение фимиама подавай. Но зато когда ее эго накормлено и напоено людским восхищением, она становится невероятно благодушной. Вот и сейчас она щекастую девочку, которая попыталась узнать у нее, где же именно находится искомая могила, послала ко всем чертям настолько по-доброму, что диву даваться можно. Прямо как мать родная, по-другому не скажешь. Если честно, то, по-хорошему, я бы мог после этого с чистой совестью уйти домой. Все получилась, Маринка вскарабкалась на верхушку той пищевой цепочки, которой являются участники программы, и в настоящий момент она может сожрать любого из них. А после зрительского голосования, полагаю, она и вовсе всех уберет. Там же не только того выбирают, кто шоу покинет, но и того, кто стал лидером программы, по мнению телезрителей. И в этот раз точно именно ей достанется причитающийся победителю недели специальный приз.

Вот только просто так уйти не получится. Где-то там, за елками, стоят и смотрят на меня два оперативника из «Отдела 15-К» и ждут моего мнения о происходящем.

А мнение у меня простое. Если здесь и есть тот колдун, которого они ищут, то он точно не среди конкурсантов. Ну не может серьезный злодей (а этот колдун несомненно злодей) принимать участие вот в такой клоунаде и таскаться по погосту в латексе, с двумя ветками в руках или вон с намазанным белилами лицом. Несерьезно это все.

Скорее, к обслуге лучше присмотреться. Если Стас мимикрировал под технического сотрудника группы, то что мешало этому негодяю сделать то же самое? Самое то ведь.

Внимания они к себе не привлекают и для стороннего человека все на одно лицо.

И еще мне вот что непонятно. А на кой вообще колдуну сдалось это шоу? В принципе?

Насколько я понял, человек зарабатывает деньги, промышляя торговлей крайней опасной магией с преступными целями. Конкретнее — он продает одним людям возможность безнаказанно убивать других людей. Наверняка задорого продает, такие вещи не могут стоить дешево по определению. Времена поменялись, нашим согражданам убивать себе

подобных запросто, как это было в 90-х, стало крайне затруднительно, а потому услуги профессионалов в таком деле здорово подорожали.

Вопрос — при таких доходах оно ему надо, палить себя подобным образом? У него и так все шоколадно. Маг ты, не маг — если в кармане не пусто, то жизнь уже имеет смысл. Тщеславие тоже исключено — он в любом случае не под своим именем выступает. Единственный хоть сколько-то разумный вариант, который мне приходит в голову, это то, что он осуществляет здесь нечто вроде рекогносцировки. Может, ему кого-то из сотрудников программы заказали? Или даже участников?

Да и то это за уши притянуто. Эта версия существует только потому, что все другие звучат еще нелепее.

И не менее абсурдной мне кажется уверенность Нифонтова в том, что я смогу обнаружить колдуна быстрее, чем он. Елки-палки, мы же не бессмертные из сериала «Горец», которые ощущали присутствие себе подобных, когда оказывались поблизости друг от друга?

Но мысли мыслями, а я таки остался на главной аллее и добросовестно торчал на ней еще добрых полтора часа, пока все оставшиеся участники не прошли испытание. Хотя правильнее сказать — почти все участники не прошли испытание. Могилу злодея кроме Маринки нашла только бабуля-божий одуванчик с узкими глазами-щелочками и в забавном платочке, повязанном на голову, да, к моему великому удивлению, колдун Устин, который, повертев голым задом, довольно шустро добрался до искомого. Уж не знаю, правда ли они чего чувствуют или просто смогли каким-то образом получить нужную информацию, но факт есть факт — нашли эти двое то захоронение, которое было надежно обустроено у забора. Пока длились суд да дело, я порядком озяб, и даже кофе, который мне любезно предложила юная барышня из местной obsługi, как видно, решившая, что я тоже имею отношение к созданию программы, не выправило ситуацию. Осень близко, дневная и ночная дельта температур скачет как сумасшедшая.

К тому же меня еще и потянуло в сон. Оно и понятно — над Москвой стояла глубокая ночь, а позади у меня был длинный рабочий день. Я часто зевал и время от времени тер глаза, чем невероятно раздражал Маринку, которая, спустившись с пьедестала, все-таки вернулась ко мне и даже прихватила мою руку под локоток.

— Сашка, не спи, замерзнешь, — то и дело теребила она меня. — Но скажи — ведь я крута, да? Из всей этой компании только трое нашли могилу! Всего трое! Не знаю, как я справлюсь с последним заданием, но в топ я уже попала! Да-да-да!

— Последним заданием? — давая зевок, спросил я. — А что, на этом мероприятие не закончится? Я думал, что сейчас достигшим цели скажут про то, какие они молодцы, да и все, по домам.

— Ничего ты, Смолин, в телевидении не понимаешь, — заявила Маринка, прикуривая сигарету. — А кульминация? Наш народ любит зрелища, и чтобы хоть кто-нибудь, да остальных уделал. У нас не бывает так, чтобы сразу все победители. Чемпион должен быть один, а остальные обязаны смотреть на него и улыбаться, ненавидя. «Улыбаться, ненавидя». Хорошо сказано, надо запомнить и потом в какой-нибудь материал вставить. Я ничего на это не сказал, только послушно улыбался, зевал и моргал глазами, как соенок. Вашу тетку, как я сегодня вообще работать буду? Засыпая на ходу и время от времени ударяясь нижней челюстью о стол?

— Сейчас мы все пойдем к той самой могиле — вещала тем временем Маринка — И те, кто нашел ее, и остальные тоже. Так вот — мы трое попробуем вступить в контакт с тенью этого маньяка и узнать, куда он спрятал тело последней жертвы. Кстати, Сашуля, а ты случайно про это ничего не знаешь?

Пальчики Маринки сжались на моем локте, как стальные браслеты, а взгляд ее приобрел некий блеск, свойственный сотрудникам следственных органов.

— Откуда? — не кривя душой ответил ей я. — Извини, но тут тебе надо будет выпутываться самой. Наплети чего-нибудь, тебе не привыкать.

— А про могилу откуда узнал? — продолжала драконить меня Маринка. — Педик не знал, толстуха не знала, шаман-нищеброд не знал, а ты в курсе! Как так?

— Вот так, — отцепил я от себя ее руку и снова зевнул. — Отвали, женщина, а то я перестану работать твоим счастливым талисманом и домой уеду.

— И все-таки ты скотина. — Маринка подошла к урне и потушила о нее окурок. — И невежа. Я на твоих глазах мерзну, вон все руки в «гусиной коже», а ты даже пиджак мне не предложил.

— Пиджак, — с сомнением пробормотал я. — Вообще-то мне тоже не жарко. Слушай, а пошли вон за те елки, погреемся! Так сказать — создадим огонь при помощи трения и поступательных движений!

— Смолин, а ты никогда не прогнозировал такую ситуацию, что я вдруг возьму да и соглашусь? — неожиданно спокойно и даже без насмешки произнесла Маринка. — Не

потому, что ты вдруг стал для меня невероятно притягательным, а просто так, из соображения «а почему бы и нет?»). Ну и что будет? Вот я прямо сейчас скажу тебе: «А пошли». И что ты станешь делать? Ведь заочкуешь. Я точно знаю, что заочкуешь. Ты к этому не готов. Не физически, а морально. И еще ты побоишься оплошать, потому что тогда после этого тебе со мной будет куда труднее общаться. А общаться придется, в надежде на возможность реабилитироваться и доказать, что ты на самом деле «ого-го»! Причем не мне доказать, а самому себе. И в результате все наше будущее будет замешано на сексе — том, о котором будешь думать ты, и том, который будет не нужен мне. А все остальное останется в прошлом. Самое главное там останется. То, что мне на самом деле дорого.

— Почти размазала по дорожке, — признался я.

— Глупый Саша. — Маринка погладила меня по щеке. — Я тебе не дала и не дам не потому, что мне жалко, или из соображений нравственности. Ты лучше других знаешь, что я не монашка. Просто после этого наши с тобой отношения никогда не будут такими, как сейчас. Я не хочу терять то, у нас уже есть.

Ну не знаю. Для меня бы ничего не изменилось. Но женщины — они мыслят другими категориями, нам непонятными.

— Вот видишь, как я о нас забочусь. Мммм, дурашка! — Маринка обняла меня за шею, а после резко цапнула за нижнюю губу, да так, что мне прямо очень больно стало. — А теперь говори, гад, где лежит последняя невинно убиенная жертва! Чтоб мне сдохнуть, если ты этого не знаешь! Колись, зараза такая, я победить хочу и «We Are The Champions» во всю глотку спеть!

— Тьфу, — дернулся в сторону я, притянув к себе заинтересованные взгляды соперников Маринки по программе. — Чтоб тебе! Да на, забери ты этот пиджак! Это все, что я тебе могу дать! А больше я ничего не знаю! Вот этот зуб даю! Или нет, лучше вот этот.

— Всегда своего добиваюсь, — с гордостью сообщила всем Маринка, натягивая на себя мою одежду. — Вот такие мы, дриады, лихие девчонки!

Без пиджака ночная прохлада начала меня донимать еще сильнее, зато сна ни в одном глазу как не бывало. Хотя этому поспособствовало еще и то, что съемки наконец-то продолжились. Пока мы с Маринкой болтали о том и о сем, пока Гупта, урча и приговаривая: «Халаявная хавка», пожирал пятую порцию холодного плова из пластикового корытца, пока остальные участники перемывали друг другу кости и материли мою соседку, которую черти на их голову послали, рабочие шустро перетаскали часть оборудования к кладбищенской стене, где и должна была произойти кульминационная развязка этого выпуска.

А вскорее, повинувшись команде режиссера, туда пошли и мы все.

Лже-могила убийцы и насильника была красиво подсвечена прожекторами, причем не ярким огнем залита, а расцвечена желтыми и зелеными оттенками, что, бесспорно, добавляло антуража происходящему.

— Итак, сейчас вы выясним, кто же из наших участников сегодня приобретет защиту от выбывания на следующей программе, — возвестил ведущий и загадочно нахмурился, как бы давая нам понять, что он-то точно это знает, а мы пока нет. — Три лучших мага этой недели вот-вот сойдутся в финальном поединке! Нас ждет незабываемое зрелище, ибо эти трое — лучшие из лучших! Хотя у нас в «Магическом поединке» других и не осталось, поскольку все, кто слаб и не способен преодолеть себя, уже покинули проект. Итак — вот они! Бабушка Сана Рая, потомственная ведуныя из Коми! Колдун Устин! И-и-и-и-и-и-и! Наша дебютантка, верховная дриада Марина Лучезарная!!!

Трое названных встали рядом с ним, причем Маринка в последний момент сообразила стянуть с себя пиджак и сунуть его мне в руки.

— Вас ждет сложнейшее испытание, — обратился ведущий к трем финалистам. — Сложнейшее! Вы готовы?

— Да, — бойко заявила Маринка, вздернув нос кверху.

Двое других участников молча покивали.

— Итак, — нагоняя атмосферы, понизил голос ведущий. — Сейчас вам предстоит шагнуть за грань обыденного. Даже не так. Вам предстоит пересечь границу между жизнью и смертью, сделать то, на что обычный человек не способен. Он просто не отважится на подобный шаг, поскольку игры со Смертью — это опасные игры.

Я слушал его и думал о том, что этот парень либо фантастически глуп, либо невероятно отважен. Вести подобные речи на кладбище — это за гранью и разума, и инстинкта самосохранения.

Кстати, бабушка Сана Рая, похоже, подумала о том же самом, поскольку, слушая ведущего, она несколько раз неодобрительно поморщилась, а после внимательно оглядела

окрестности, особо задержав свой взгляд на густо растущих слева елках. Тех, где, по моему мнению, сейчас обосновался Костяной царь на пару с оперативниками из отдела «15-К». Непростая бабуля, ох, непростая. Глянуть бы на ее глазки, спрятанные в щелочках, да без света прожекторов, в простом лунном свете. Сдается мне, тогда бы я точно сказал, кто она — ведунья или же все-таки ведьма.

— Сегодня, сейчас вы попытаетесь вступить в контакт с духом человека, который лежит вот здесь, в этой самой могиле, — продолжал разоряться ведущий. — И скажете нам, куда именно он спрятал останки своей последней жертвы. Тот, кто окажется ближе всех к правде, тот и победит! Если же никто не сможет выполнить задание, то защиты на следующую программу не будет ни у кого из вас. Если победитель будет не один, все решат магические дуэли! Очередность выполнения задания определит жребий.

Первой выпало общаться с покойничком бабушке Сане Рае. Она перетирали в морщинистых пальцах какие-то травки, сыпала их на могилу и что-то приговаривала на коми-пермяцком. В результате этих манипуляций она сообщила нам, что кости какой-то девушки сброшены в реку, которая протекает через сильно большой город.

Колдун Устин был более конкретен в определениях. Совершив ряд манипуляций, описывать которые я даже не рискну из этических соображений, он уверенно заявил, что останки бедолаги, попавшего в руки насильника и убийцы, припрятаны в овраге, рядом с окраинами города Елец. Но какими именно окраинами и в каком конкретно овраге, он не знает. С другой стороны, Елец не сильно велик, и на окраинах его не так уж много оврагов, потому можно передать эту информацию соответствующим органам, которые наверняка найдут и окраину, и овраг, и останки. Ну если вдруг организаторы программы, которые, разумеется, знают правильный ответ, этого еще не сделали.

Последней была Маринка, которая отчего-то замешкалась и не подошла к могиле сразу после того, как Устин отправился к остальным участникам.

Не понимая, чего она вдруг затупила, я поискал ее взглядом и успел увидеть, как она сказала что-то маленькому полупрозрачному старичку, который после этого лукаво улыбнулся и исчез, будто его и не было. Зато Маринка после этого сразу дернулась, словно ее током ударило.

Твою-то мать! Она этому старому хрычу свое имя назвала! Вот же дура!

И куда смотрит Хозяин кладбища, он же вроде всем своим подобное строго-настроено запретил?

Или...

— Стоп запись! — заорал режиссер. — Марина, в чем дело? Чего стоим, кого ждем?

— Иду-иду, — проворчала... Или уже проворчал? В общем, сказал тот, кто теперь был Маринкой. — Не ори! И рот так не разевай, гланды застудишь.

— Во дает! — восхищенно сказала девушка с наушником на голове. — Молодчинка какая! Режиссер забавно булькнул горлом, а после гаркнул:

— Полная тишина! Запись!

— Госпожа дриада, вам понятно задание? — поинтересовался бывшей Маринки ведущий.

— Предельно, — скривила рот в улыбке она. — Чего тут не понять. Жертву душегуба найти надо. Только у этого-то жертв было мало. Что он там натворил? Десяток бедолаг на тот свет отправил. Что он перед тем, кто сейчас здесь стоит, да на меня смотрит. Вот кто злодей-то подлинный, вот кто кровь людскую как водицу лил!

— Э-э-э-э-э... — ведущий растерянно посмотрел на режиссера, но тот тоже явно не понимал, что происходит. Не получив ответа, ведущий, доказывая, что он все-таки сильный профессионал, начал импровизировать: — Вы хотите сказать, что среди нас есть убийца?

— Про это и говорю, — подтвердил тот, кто занял место моей соседки. — Сильный колдун, очень сильный. Много крови взял, большую мощь заимел. Вот только зря он сюда сунулся, это была ошибка. Ты же сам это уже понял?

И указательный палец с безупречным маникюром показал на участников реалити.

Глава 17

Я, если честно, так и не понял, в кого именно она ткнула пальцем. Да и никто не понял, кроме самого колдуна, нервишки которого все-таки сдали. Ну его трудно в этом винить — ночь, холод собачий, вокруг компания странных людей и, хуже того, телевизионщиков, да еще эта невеста откуда взявшаяся девица тычет в тебя пальцем и режет прямо в глаза правду-матку. Тут любой сорваться может, даже прожженный насквозь злодей. И тем самым выдать себя.

Собственно, все так и получилось. Участник с вымазанным белилами лицом, тот, которого я про себя называл «Лорд Вампир», вскинул голову вверх и кинул быстрый взгляд сначала налево, потом направо, будто прикидывая пути отхода, и тут же бочком-бочком двинулся в сторону той кладбищенской дорожки, которая была поближе и мгла в которой казалась потемнее. Совсем незаметно, как бы играючи.

Народ тем временем продолжал безмолвствовать, впечатленный речью Маринки и выполняя приказ режиссера. Потому метнувшийся от ближних елок крик:

— Стас, вон тот, размалеванный! Хватай его, пока не смылся! — услышали все.

А дальше всё происходило очень-очень быстро.

Лорд Вампир невероятно ловко, просто со змеиной гибкостью, проскользнул через ряды уцелелых, ударил стоящего у него на пути охранника в горло сложенной в «копье» ладонью, после чего тот свалился, хрипя, в соседние кусты. Сам же колдун, вырвавшись на оперативный простор, махнул плащом и забавно полуприсел, будто собираясь справиться большую нужду, причем одеяние закрыло его с головы до ног.

— Стас, бери его, не дай уйти в темноту! — орал Нифонтов, проламываясь сквозь кусты, которыми здесь, в этом уголке кладбища, все заросло. — Сашка! Ты чего стоишь, помоги ему! Ты же ведьмак! Если он уйдет, то Маринке не жить, это же она его сдала!

В этот момент мне очень-очень захотелось не колдуна скрутить, а что-нибудь эдакое сотворить именно с оперативником. Мне стало предельно ясно все, что он задумал. И, мало того, — реализовал.

Когда этот отважный борец с нечистью сообразил, что выяснить личность колдуна не представляется возможным, он решил устроить провокацию, и именно по его наущению Хозяин кладбища послал к Маринке одного из своих подшефных. Уж не знаю, как Нифонтов умудрился договориться с умруном о содействии, но сумел. Хотя — кого я обманываю, что-что, а разговаривать с людьми и иными сущностями этот человек умеет. Незамысловатый план сработал, колдун себя выдал, но вот только никто не ожидал, что он тут же надумает смыться, да еще начнет так жестко действовать.

А еще этот гад заранее готовился к негативному развитию событий, то есть к тому, что чернокнижника не удастся захватить здесь и сейчас. А потому он только что спалил и меня, и Маринку, сделав из нас двоих наживку, на которую так славно ловить волшебную рыбку в мутной московской водичке.

Причем формально он ничего такого вроде бы и не сказал. А что, все сплошная правда. Я — ведьмак, а колдуна сдала именно Маринка. Она же на него пальцем показала? Но то — формально. Колдун же подумает... Хрен знает, что он подумает. Но по совету Нифонтова теперь точно захочет ее убить. А может, и меня тоже.

Я все понимаю, работа у оперативника такая, но тут он уже палку перегнул. Я парень не злопамятный, но такие вещи не забываю никогда. Это была подстава. Причем грязная настолько, что дальше некуда.

— Снимай! — подал голос режиссер шоу, который единственный из всех присутствующих, похоже, сообразил, что происходящее хоть и не присутствует в сценарии, зато зрелищно и будет интересно для зрителя. А также крайне полезно для рейтинга.

— Сева, не спи! — гаркнул Стас, который проталкивался через толпу все еще не отмерших сотрудников шоу. — Давай, вяжи злодея!

Колдун тем временем вылез из-под плаща, и я заметил на его лице удивление. Нет, черты его по-прежнему были скрыты под белилами, которые делают любую человеческую физиономию обезличенной и неузнаваемой, я вот завтра его без них на улице встречу — не узнаю. Но эмоции распознать можно.

Конкретно этот человек сейчас был удивлен и зол.

Тем временем на него кинулся здоровенный парень в комбинезоне обслуги. Пользуясь тем, что он был выше и крепче Лорда Вампира, коллега Стаса попытался просто-напросто вырубить негодяя, и именно с этой целью попробовал дать колдуну в «пятак».

Но не преуспел, колдун невероятно ловко и без малейшего труда увернулся от этого удара, как, впрочем, и от следующего.

А третьего Сева нанести не успел, поскольку колдун атаковал его самого. Точнее — он швырнул в него свой плащ, который сначала облепил здоровяка, как пластилин. И было похоже на то, что Севе это очень не понравилось, потому что он заорал так, что с близлежащих деревьев даже листва посыпалась, а потом, пытаясь сорвать с себя черную ткань, за которой его самого видно уже не было, завертелся юлой. Впрочем, через десяток секунд он сначала застыл на месте, а потом рухнул на землю как подкошенный. И не факт, что живой.

Колдун же времени терять не стал, скользнув ужом на одну из дорожек кладбища, которая вела туда, где не было света и живых людей. Точнее — почти скользнул, поскольку уже у самого выхода с той аллеи, где происходила съемка, его сбил с ног Стас.

— Лежи смирно, и я не буду в тебя стрелять, — сообщил колдуну полицейский. — Не испытывай судьбу, не надо.

В одной руке у Стаса был пистолет, во второй — наручники, и он явно был доволен собой. Колдун вообще ничего не стал ему говорить, хотя, наверное, и стоило бы. По законам жанра он должен был произнести некую хлесткую фразу, которая бы придала этой сцене дополнительную пикантность и остроту, что-то вроде:

— Не всегда побеждает тот, кто стоит на ногах.

Но ничего такого не случилось. Просто колдун снова проявил невероятную резвость и владение своим телом. Как он умудрился из положения «лежа» за секунду «заплести» ноги Стаса, нанести ему удар в живот, причем, похоже, чудовищной силы, и выбить из рук оружие — фиг знает, но факт есть факт. Вот на земле лежал человек с забеленным лицом, и на тебе, все мигом изменилось. Стас, который только что вроде как доминировал в этой ситуации, сам корчится у ног злодея, задыхаясь в пароксизмах рвоты, поскольку крепко получил в печень, а колдун, растянув бесформенный рот, протягивает руку к его глазам, и пальцы на ней наливаются какой-то жуткой, нездоровой краснотой, становясь похожими на раскаленное железо.

Не могу сказать, что в этот момент я размышлял о том, что Стас мне дорог как друг. Нет, ничего подобного. Да и не так это. Ну да, было у нас совместное дельце, в котором каждый из нас преследовал свои цели, но оно не стало началом большой дружбы, имеется в виду такой, чтобы подставлять свою голову под удар за этого парня.

Но стоять и вот так смотреть на то, как сейчас этот недоджoker ослепит человека, я тоже не мог. Да, меня нельзя назвать высокоморальной личностью, поскольку у меня имеются признаки всех душевных хворей современного человека, то есть умеренный снобизм, повышенный эгоизм и непомерный пофигизм, но не совсем же я еще сволочь? С годами, скорее всего, ей стану, но пока я не она.

Стас выплюнул на грудь комок чего-то дурнопахнущего, того, что, видимо, было днем его обедом, попытался отвернуть руку колдуна в сторону, схватившись за его пальцы, и зарычал от боли. Как видно, они и впрямь были огненно-обжигающими.

Колдун растянул свой рот до таких пределов, которые природой не были даже предусмотрены, высунул длинный, черный язык и поднес расставленные «рогулькой» пальцы к глазам полицейского. Времени у него было в обрез, но, как видно, не мог он себе отказать в удовольствии немного понаслаждаться чужим страхом.

И это дало мне те секунды, за которые я успел добежать до этой парочки и столкнуть злодея со Стаса, а после еще и как следует его пнуть. Я, кстати, неплохо в детстве и юности играл в футбол, и удар с правой был у меня отточен изрядно. Так сказать — помнят ноги-то!

Слетая со Стаса, колдун мазнул своими раскаленными добела пальцами по его щеке, отчего кожа на ней сразу сморщилась и стала коричневой.

Полицейский, ладонь левой руки которого представляла собой один сплошной ожог, застонав и держась за живот, тут же пополз туда, где лежал его пистолет. Похоже, что сил на то, чтобы встать после такого удара у него просто не было. Я же уставился на бывшего Лорда Вампира, который неведомым образом снова оказался на ногах, будто и не валялся только что на дорожке.

— Ведьмак, — укоризненно сказал он мне. — Вот зачем тебе это нужно? Тут не твоя война. Собирал бы травки, варил настои, искал смысл жизни, как все твои сородичи. А теперь мне придется тебя убить, чтобы каждый из вашего племени помнил, что потомков Кашея трогать категорически запрещается.

Сухо щелкнул выстрел, потом еще один. Черная ткань дико старомодного камзола (именно он оказался под плащом) на груди колдуна продырявилась в тех местах, куда попали пули. Кстати — стрелял Стас изрядно, попал прямо в сердце. Ну или рядом с ним, я в анатомии не силен.

Хотя я бы стрелял в голову. Так надежней.

По-моему и вышло — толку от пальбы было немного. Колдун и не подумал картинно заваливаться на дорожку, пятная ее кровью, он только усмехнулся и покачал головой.

— Чисто дети, — сказал он мне. — Ладно, пойду я. До встречи, ведьмак. И скорой! А это тебе на память.

Как он махнул рукой — не заметил, уловил только какой-то черный росчерк, летящий ко мне, а после перестал видеть вовсе, были только мрак в глазах и боль в голове, нестерпимая и непреодолимая, которой, казалось, не было конца.

Ну и осознание того, что я опять влез не в свое дело, за что и пострадал. Правда, смазанное и нечеткое осознание, не было у меня возможности что-то анализировать, потому как на самом деле очень больно было.

Кончилось все так же внезапно, как началось. Стальные обручи с шипами, которые стянули мою голову после беседы с колдуном, неожиданно разжались, а глаза снова увидели свет. И первое, что я узрел, был капюшон Хозяина кладбища, в середине которого светились две красные точки. Он сидел на траве рядом со мной и недовольно ворчал.

— Живой мрак, — донесся до меня его голос. — Скверное заклинание и скверная штука. Но добрый попался колдун, убивать не хотел, поучил только. Будь порция этой дряни побольше, побродил бы ты еще денька два в лабиринтах боли, не возвращаясь в этот мир, да и очоурился. И я бы не помог даже. Малую дозу мрака я забрать могу, а большую уже нет, силы мои не те. Там, где Смерть руку приложила, там я много чего сделать могу, а тут ей и не пахнет. Живой мрак — порождение магии Жизни, понимаешь? Парадокс, но это так. Жизнь, она ведь всякая бывает, в ней добро и зло одинаково смешаны, потому и магия разная в ход идет. Одна лечит, другая калечит. Но это ладно, не ко времени и не к месту размышления. В общем, ты только напугался. Ну и девицу напугал, что тебя ко мне притащила.

— Поучил он меня по полной, — согласился с ним я, приподнимаясь с земли, на которой лежал. — Правда, не из жалости. Он меня на потом оставил, чтобы, значит, с чувством, толком, расстановкой употребить.

— Это на колдунов похоже, — отозвался Хозяин кладбища. — Они вообще ребята обстоятельные, спешки не любят. Я эту публику никогда не жаловал, но что есть — то есть. Вот у вас все тяп-ляп и готово. Сначала делаете, потом думаете, зачем делаете. С ними такого не бывает. О-ох!

Хозяин, было поднявшийся на ноги, пошатнулся и даже схватился за березку, стоявшую рядом.

— Силен, — гулко произнес он. — Ушел он, вырвался, стало быть. Кровью выход из моих владений распечатал и ушел. Ох, ведьмак, чую — беда будет. Одно хорошо — меня она не коснется, сюда этот поганец больше не сунется. Знает, что я его теперь сразу замечу и того, что он сделал, не прощу.

— Вы так за меня на него рассердились? — удивился я, массируя виски.

— Что? — капюшон повернулся в мою сторону. — Нет, разумеется. Мне одинаково безразличен и ты, и твои приятели. Речь-то про другое. Колдун пролил кровь здесь, на моей земле. И не просто пролил, а для ритуала использовал. Такое не прощают, и он это знает. До того я в вашу свару не лез, только запечатал своим словом все входы, меня об этом попросил твой друг. Ну тот, что втравил тебя в эту историю. Это допустимая просьба, я счел возможным ее выполнить. Обойди колдун мой запрет каким-либо другим путем, я бы слова не сказал, но через кровь... Это слишком.

Кавардак в голове совсем прекратился, и я, встав на ноги, глянул в сторону заветной лже-могилы маньяка и насильника. Там творилось безумие. Туда-сюда бегала обслуга, режиссер орал на оператора, чуть поодаль от могилы черным бугристым кожаным холмом лежала леди Нюра, как видно потерявшая чувства от всего увиденного, над ней о чем-то ругались конкурсанты в почти полном составе. Единственными, кто не участвовал в перебранке, были Маринка, устроившаяся на надгробном камне и находящаяся в прострации, да бабушка Сана Рае, примостившаяся неподалеку от нее и задумчиво смотрящая на мою соседку. Сдается мне, что она сделала определенные выводы из происходящего, причем увидела и поняла куда больше, чем все остальные, и сейчас размышляет о том, стоит ли продолжать участие в проекте, который, как оказалось, не слишком-то и безопасен. Я бы на ее месте сбежал.

Ни Нифонтова, ни Женьки, ни Стаса тут не было. Имелся только Сева, над которым хлопотали две девушки из обслуги, суя ему под нос пузырек с неизвестным содержимым и пытаясь привести его в чувство. Плащ, с которым он боролся, валялся неподалеку от него, порядком изрезанный ножом.

— Попортит он вам кровь, — продолжал тем временем вещать умрун. — Да и как по-другому? Сразу видно — сильный колдун, много чего знает, много чего умеет. Сам посудите — он, когда в птицу перекинуться не смог, видно, понял, кто и чем входы-выходы закрыл, и пока до ворот добирался, вон какое заклинание сплел, на крови замешанное. Не всякому такое под силу, вот так, на ходу серьезную волшбу творить. Хотя слабину все одно дал, когда девица в него пальцем ткнула. Ну так на то расчет и был. И это он вам тоже не забудет, потому как позор.

Вот он чего под плащ-то тогда полез. Хотел в птицу превратиться. Интересно, в какую? Ведьмы в сорок перекидываются, русалки рыбами могут обернуться. А колдуны? По логике — самое то будет ворон. Я, кстати, недавно читал книжку в метро, там одного матерого колдуна с невероятно мерзким характером как раз «Вороном» звали. Книжка так себе, но логическая связка вполне допустимая. Ну не воробьем же он хотел стать? И не розовым фламинго?

— Так оно и будет, — признал я правоту слов умруна, между делом отряхивая брюки, которым сегодня досталось сверх меры. Как бы не пришлось новый рабочий костюм покупать. Деньги у меня теперь есть, но все равно обидно. Только-только ведь этот приобрел, всего-то весной. — Он самого Кашея знал, если ему верить.

— Кашея? — насторожился Костяной царь. — Ты ничего не путаешь? Кашея из тех, кто еще живет на этой стороне кромки, могут знать трое... Нет, четверо. Не больше.

— Ну не знал, — поправился я. — Он из его потомков. Может — внук, а может — правнук.

— Потомок Кашея, — как-то даже удовлетворенно сказал Хозяин. — Теперь все понятно. Да, ребятки, лихо вам придется, колдуны кашеева семени обид не прощают. А тебе, ведьмак, лучше бы пока здесь у меня пожить, целее будешь. Имей в виду, я далеко не каждому предлагаю убежище в своем доме. Есть у меня один склеп, там тебе вполне удобно будет, только надо будет, чтобы тебе кто-то одеяло привез. До морозов далеко, конечно, но лучше подготовиться заранее. А питаться можешь вон, в «Поминальной избе».

— Так это не шутка была? — изумился я, пропуская мимо ушей предложение умруна, в виду полной его невозможности. Жить я, конечно, хочу, но прятаться на кладбище — это уже слишком. Если уж совсем жареным запахнет, куда проще будет недели на две-три свалить куда-нибудь ко всем чертям, в безвизовую страну вроде Черногории. Вряд ли этот злодей станет искать меня там. Он же колдун, а не фсбшник и не налоговый. Или махнуть на родительскую дачу, тамошний Лесной хозяин при надобности меня обещал спрятать так, что никто не отыщет. — То есть он серьезно говорил о Кашее Бессмертном? Речь реально шла о том чуваке, который чахнет над золотом, носит шелковый костюм с нарисованными на нем костями, и у которого вместо обычной головы череп с короной?

— Я не знаю, кто такой этот твой Чувак, — очень серьезно ответил мне умрун. — Но все остальное — чушь невероятная и глупые придумки людишек, не знающих, с каким огнем они играют. Кашей был величайшим колдуном из людей, и это неудивительно, потому как знания свои получил от жены. А кто у него была жена?

— Кто? — печально обозревая помятый и заляпанный грязью пиджак, спросил я.

— Морена, — торжественно произнес умрун, увидел, что меня это имя совершенно не тронуло, и снова повторил. — Сама Морена, неуч! Повелительница смерти, холода и мрака. Кашей черпал свои знания из божественного источника. Смертный познал то, что не суждено было для людей, а только для богов.

— Так что, этот черт в белилах — потомок богини? — проникся наконец я.

— Нет, разумеется. — Хозяин, похоже, начинал злиться. — У смертного и богини детей быть не могло, это противостоит. Но Кашей был ходок еще тот, и время от времени одаривал своим вниманием других женщин, из числа смертных. И под конец все чаще, на том и погорел, причем в прямом смысле. Морена прихватила его с одной девицей, да и спалила дом, в котором они были, до основания, так, что от того и пепла не осталось. Но это неважно, главное, что от соитий Кашея со смертными женщинами, бывало, рождались дети, как, собственно, природой-матушкой и задумано. Некоторые из них проживали свою жизнь как обычные люди — бросали в землю зерно, бортничали, ловили рыбу, рожали детей. А иные со временем ощущали в себе силу пращура и понимали, что могут достичь большего, чем обычные пахари или рыбаки. Их было немного, но каждый из них изрядно наследил на Руси, а то и за ее пределами. Само собой, что долголетия пращура они не получили, им отмерен такой же срок жизни, что и любому другому смертному. Да и того они не проживают, никто из них, насколько я знаю, не умер в своей постели. Костер — вот что ждало каждого потомков Кашея. Раньше или позже — но каждого. Да по-другому их и не убить, только огонь может разорвать узы, связывающие их душу с телом. Огонь — величайший дар, который люди получили от тех, кто создал этот мир, и он всегда будет помогать человеку, защищая его от детей Ночи.

Вот теперь понятно, почему этого нехристя пули не брали. Интересно, а если ему голову отрубить, то как тогда? Она по новой прирастет к шее, или он в другое тело вселится?

— Но каждый из них до последней встречи со смертным пламенем непременно успевал оставить на Земле свое семя, — в стиле древнерусских сказителей продолжал вещать Хозяин кладбища. — Не всегда их дети получали Кашееву мощь, она могла достаться внуку или правнуку. Но эта цепь не прерывалась никогда и никогда не прекратится, до тех пор, пока этот мир жив.

Если сначала я слушал этот рассказ с легкой улыбкой, поскольку он больше напоминал страшную сказку, то под конец всерьез проникся эпичностью истории.

— Фига себе, — наконец сказал я. — По ходу, у меня в самом деле серьезные проблемы. Кивок балахона подтвердил мне, что все именно так и обстоит.

— И вон у той девицы тоже, — ткнул серый узловатый палец с длиннющим ногтем, отливающим в свете луны серебром, в Маринку. — Это же она выдала колдуна законникам. Стало быть, тоже повинна смерти.

Мне очень хотелось выдать матерную тираду, но я не знал, как на это отреагирует умрун. — Беда, — вот тот максимум, который я считал возможным выдать вслух. — Как ее спасти — непонятно, особенно с учетом того, что она вообще не очень крепка на голову. А теперь небось совсем спятит, после эдакой свистопляски. Да, а как она, находясь в состоянии овоща, меня сюда дотащить умудрилась?

— Тебя принесла другая девица, — уточнил умрун. — Та, что с законником была, рыжая. Очень за тебя переживала. Я не великий знаток тайн женских сердец, но думаю, что ты ей по душе пришелся. Но не советовал бы тебе связываться с ней. Выбирая между тобой и своей службой, она всегда выберет службу. Они там все такие.

— Насчет всех не скажу, но вот ее приятель точно такой, — я пожевал губами, давя в себе очердную матерную связку приличных размеров.

— А я тебе говорил — не связывайся с ним, — не без злорадства заметил Хозяин кладбища. — Кстати, вон они идут, несолоно хлебавши. Никогда не думал, что такое скажу, но я даже рад, что колдун натянул им нос.

И верно — к нам, уже особо не таясь, топали Нифонтов, Евгения, Стас, державшийся рукой за правый бок и дышавший через рот, а также с полдюжины крепких ребят, одетых в короткие кожаные куртки или джинсовки. Скорее всего, коллеги Стаса. А может, даже и подчиненные, учитывая его стремительный карьерный рост.

Ладонь Стаса до кучи была перетянута носовым платком, обожженная щека время от времени дергалась от боли. По ходу, ему в этот раз досталось больше всех.

И все они были невероятно мрачны.

— Очухался? — заметив меня, спросил Нифонтов и, не дожидаясь ответа, сказал Хозяину кладбища: — Утек колдун. Располосовал одного из кладбищенских рабочих от промежности до горла, всю кровь из него выпустил, распечатал ворота, обернулся в ворона и улетел.

— Коль, можно я сразу тебе выскажу все, чего у меня на сердце, а потом пойду себе? — кротко спросил я у оперативника. — Мне теперь есть чем заняться, и есть, о чем подумать.

— А? — повернулся ко мне Нифонтов. — Говори, только быстро.

— Само собой быстро, чего тянуть-то? — мне даже оспаривать в его словах было нечего. — Сука ты, Коля, редкая. Все, я закончил.

— Свежо и оригинально, — и не подумал обижаться оперативник. — Потом тебе будет стыдно за эти слова.

— Не будет, — помотал головой я. — Сука ты и есть. Ладно ты меня подставил, хрен с ним. Но вон ту-то блаженную зачем? Маринку, в смысле?

— Смешной ты, Сашка, — подал голос Стас, развязывающий платок на руке. — Ему не она нужна, а ты. Но ты сам в эту кислоту не полез бы, потому он привлек ее. Обычная оперативная разработка. Чего тут обижаться-то? Всех нас кто-то когда-то танцевать будет. Это жизнь.

— Да понял уже, — отмахнулся от него я. — Это был риторический вопрос. Ну и звание к совести.

— Мне совестно, — вздернул подбородок вверх Нифонтов и уставился мне в глаза. — Тебе стало легче? Ну и хорошо. А теперь давай остаток данной неприятной беседы перенесем на чуть-чуть потом. У нас и так есть что обсудить.

— Вот это правильно, — одобрил его слова Стас и обратился к своим коллегам, молча стоящим неподалеку: — Никого за территорию не выпускать, особо смотрите за режиссером и оператором, надо у них записи будет изъять. Я сейчас кое-что закончу и к вам присоединюсь.

— За это не беспокойся. — Нифонтов бесцеремонно залез в карман куртки Мезенцевой, достав оттуда пачку сигарет и зажигалку. — В эфир пойдет только то, что и должно. Есть рычаги влияния, так что никто в сторону не вильнет. Меня больше беспокоит труп того таджика-рабочего, которому брюхо вспороли. Это ведь не твоя земля, здесь так просто концы в воду не спрячешь.

— Ты же знаешь, в этой стране все решают знакомства, — успокоил его Стас. — Если они есть, то и слона в спичечный коробок затолкать можно. Наш Семеныч с местным начальником РУВД вместе в академии учился, так что все порешаем. Но ты должен понимать, что с тебя теперь приходится. Не мне — Семенычу. Содружество ведомств — содружество ведомств, но законы человеческого общежития пока никто не отменял.

— Не вопрос, — тут же заверил его Нифонтов. — Я порядки знаю.

— Спасибо, — внезапно обратился ко мне Стас. — Как только что сказал Николай — «я порядки знаю». Если будет беда — приходи, что в моих силах, то сделаю. Все, друзья, я пошел лечить ожоги народными методами, тем более что мази Вишневого все равно ни у кого с собой нет.

И, расстегивая правой рукой на ходу ширинку, он удалился в темноту.

— Так, — закуривая, пробормотал Николай. — Это мы решили, это на потом, это сейчас непонятно, но и не страшно. Все не так уж плохо.

— На самом деле? — ехидно спросил умрун. — Смешные вы, людишки — сил нет. Вот ты думаешь, что все не так уж плохо, и на сердце у тебя полегчало. А всего-то пара слов — и обратно все станет плохо.

Нифонтов без особой любви взглянул на Хозяина кладбища.

— Колдун этот из кашева выводка, — явно с удовольствием произнес Костяной царь. — Так-то.

— Это я и без вас понял, — выдохнул с облегчением оперативник. — Когда он Сашку «живым мраком» тюкнул, тогда и понял. Тьфу ты, я подумал, что еще какая-то гадость вылезла наружу, о которой я не знал.

— Саш, ну надо так было, — сказала вдруг Мезенцева примирительно. — Поверь, мы тебе не враги. И ты не думай, мы не просто приманкой тебя сделали, как червяка на рыбалке. Ни тебе, ни твоей этой... Короче — вы в полной безопасности. Ну в почти полной.

— Сказал же — с Александром разговор потом будет, — одернул ее Нифонтов. — Не на ходу, не бегом. А ты пока давай-ка дуй к ребятам Стаса, помоги этот табор в чувство приводить. Ребята у него хорошие, но их аргументы, боюсь, не для этой публики. Я сейчас тоже туда подтянусь.

Евгения кивнула и рванула к телевизионщикам, которые уже галдели так, что их было слышно, наверное, на другом конце кладбища.

— Спасибо, — поклонился оперативник Костяному царю. — За помощь, за то, что сделали, что могли.

— Не для тебя старался, — высокомерно ответил тот. — И вот еще что, законник. Не ходи ко мне сюда больше. Не желаю я тебя видеть. Знаю, что такая твоя служба, что ты тоже не за себя радеешь, но тем не менее.

Вот так-то! Что посеешь — то пожнешь.

— Хорошо, — покладисто согласился с его словами Нифонтов. — Один вопрос можно?

Рукав балахона умруна качнулся, позволяя оперативнику говорить.

— Речь только обо мне? Вон та моя коллега в случае нужды может прийти в ваши владения?

— Каков, а? — в голосе Хозяина прозвучали нотки уважения. — Ладно, ей можно.

— Ну и славно, — обрадовался Нифонтов. — Саш, а ты бы тоже без дела не стоял. Вон приятельница твоя никак в себя не придет, а уже пора бы ей это сделать. Если ты думаешь, что мероприятие на этом закончено, то сильно ошибаешься. Телевизионщики такие же суки, как я, для них работа на первом месте, так что скоро финал программы доснимать начнут, и у нее, если ты не забыл, одна из ведущих ролей. Она же условия конкурса так и не выполнила, с тенью негодяя, зарытого во-о-он в той могиле, так и не пообещалась. Давай, давай, не спи.

И тут же, словно в подтверждение его слов, до меня с аллеи донесся голос режиссера:

— Витя, если ты забыл, то шоу, мать его, оно должно маст гоу он! Если просрал такие кадры, то штатную съемку хоть не запри! Движемся, движемся! Давайте, растолкайте уже эту дриаду хренову, чего она там на камне, уснула, что ли?

Нифонтов подмигнул мне, потыкал пальцем в сторону аллеи и сам направился туда же.

— И я пойду, — сказал вдруг умрун. — Делать мне здесь больше нечего. А ты, Александр, все же подумай насчет моего предложения. Не поверишь, но до последнего времени здесь почти всегда было тихо и спокойно.

Сделав пару шагов, он вдруг подпрыгнул, что совершенно не вязалось с его обликом. Из травы рядом с ним раздался придушенный писк.

— Вот же! — недовольно ухнул Хозяин кладбища. — Это ты?

— Ну! — подтвердил Афанасий. — Просто, когда все началось, я решил, что тут нам всем конец наступит, вот и вырыл себе ямку поглубже, чтобы спрятаться. Так-то я смелый, в беде хозяина не брошу, но сейчас у меня его нет. Вы от меня отказались, те еще не приняли, а у этого свой слуга есть, путь он за него и заступается.

— Разумно, — признал умрун. — Кстати — ты не передумал? Сам же видел, что это за хозяйева будут. Если что — оставайся.

— Люди как люди, — отряхиваясь от земли, возразил ему Афоня. — Не лучше, не хуже. У меня и похлеще были.

— Смотри, тебе жить, — бросил Костяной царь и исчез в тени деревьев и аллей.

— Не злой он, — сказал мне вдруг Афоня, подходя. — Вон тот парень в куртке — не злой. Я знаю, я разное повидал. Ты обиду на него не держи. Жизнь — она по-разному поворачивается, иной раз такое приходится делать, что страх просто какой-то. И думают про тебя все плохо, потому что выглядит это погано. А потом, когда поймут, что правильно ты поступал, то ни одна сволочь не извинится.

— Может, ты и прав, — признал я. — Только пока свои слова назад не возьму.
— И не бери, — согласился со мной мохнатик. — Твоя жизнь, тебе жить. Да и не по чину мне тебя стыдить или чего делать заставлять. Ты ведьмак, я слуга. На-ка вот, это тебе сейчас нужнее, чем мне. Да и завязал я.
Он сунул мне в руку ополовиненную «четвертинку» водки, причем, судя по криво приклеенной этикетке, совершенно жуткого качества. Ну да, на помин души часто как раз именно такую и покупают, особенно если пить ее самим не придется. Явно ведь он эту бутылку с какой-то могилки стащил.
Но мне выбирать не приходилось, и я в три глотка ее прикончил. Мелькнула было мысль чутка оставить Маринке, но я ее сразу же отмел. Не дай бог, ее развезет, тогда вообще беда будет.
В общем — выпил я и пошел приводить в чувства мою ненаглядную дриаду. Правильно ведь все режиссер сказал — шоу, оно маст гоу он.

Глава 18

Сказать, что башка у меня на следующее утро была тяжелая — это ничего не сказать. Пospать мне так и не удалось, поскольку финальную часть телешоу снимали чуть ли не до рассвета, и я следил за тем, чтобы Маринка не впала в одну из двух крайностей. Промежуточного состояния у нее после случившегося просто не было. Она либо пребывала в задумчивости, которую вернее всего было бы назвать нирваной, либо начинала отчаянно материться, обвиняя в таком своем состоянии всех, кто в этот момент умудрялся оказаться рядом с ней.
Как это ни странно, я в число виновников случившегося отчего-то ни разу не попал, потому мне удавалось пусть и не сразу, но направлять ее в нужное русло.
Впрочем, режиссер, с которым уже успели побеседовать сначала Стас, потом Нифонтов, а после еще и никому не известный мужчина в строгом костюме, который пожаловал на кладбище где-то через полчаса после случившегося, тоже размышлял о чем-то своем, а потому орал и матерился куда менее интенсивно, чем раньше. Да и остальная часть группы была изрядно деморализована, исчез некий кураж, который присутствовал ранее, все думали об одном — свалить бы отсюда куда подальше. И, понятное дело, перешептывались о том, чему стали свидетелями. Правда делали они это очень и очень негромко, так, чтобы их, грешным делом, кто не услышал. А именно — ребята Стаса, который был невероятно убедителен и внушил-таки всем присутствующим мысль о том, что никто ничего не видел, и что если вдруг кто-то начнет молотить языком, выдумывая всякую всячину про эту ночь, то он лично приедет выяснять у болтуна, сколько зубов у того во рту. Меня самого пронял его негромкий голос и простые, ясные слова, которые не понять было невозможно. Думаю, он далеко пойдет, если, разумеется, раньше не сложит голову в какой-нибудь переделке. Да и человек в костюме о чем-то пообщался с режиссером, после чего тот как раз порядком и загрустил.
В общем, не ошибусь, если скажу, что когда режиссер устало крикнул: «Съемка окончена!», мысленно выдохнули все, кто здесь присутствовал.
А потом участники ночного мероприятия очень быстро разъехались, я даже и глазом моргнуть не успел. Съемочная группа и участники шоу загрузились в разномастные автобусы, Стас со своими коллегами в приземистый «микрик», человек в строгом костюме (и с очень, очень дорогими часами на руке) в черную «бэxu» — в общем, у каждого было свое место в этой жизни. Потом вся эта техника дружно взревела моторами — и у ворот кладбища остались только я, осунувшаяся Женька, веснушки которой неожиданно четко обозначились на бледной коже, как всегда невозмутимый Нифонтов и отчего-то Маринка. Ну и еще Афоня, который, высунулся было из-за ограды, но заметил мою соседку, сурово засопел и спрятался обратно. Ей он показываться явно не хотел.
— А ты чего с остальными не уехала? — удивленно поинтересовался я у соседки. — Все ваши вроде централизованно отбыли? Может, еще чего в студии надо снять будет?
— Да ну нафиг это шоу! — опять вызверилась Маринка. — Черт меня дернул в нем участвовать! Режиссер этот вообще урод конченый. «Дай мне те же эмоции, как тогда, когда ты сказала: „Ты же сам это уже понял?“». А я ничего такого и не говорила вовсе! Я же знаю, что говорю, что нет!
Возражать ей я не стал, как, впрочем, и стоящие рядом со мной оперативники. Мне давно стало ясно, что она ничего не помнила о том, какие события произошли в то время, когда ее тело ей не принадлежало. Она вообще почти ничего из той лютой движухи, которая творилась на аллее кладбища, не видела, пребывая в беспомысленности. Правда, бесследно

подселение мертвой души в ее живое тело не прошло, и свидетельством того были как раз эти самые перепады настроения.

— Бабка еще эта, которая коми-пермячка, — продолжала лютовать Маринка. — Несет ахинею какую-то. «Ты отмечена печатью смерти! Берегись, дева, присвоившая чужое имя!». Чье имя я присвоила? Что за бред?

Речь, как видно, шла о Сана Рае, которая и впрямь что-то шептала Маринке, когда та более-менее пришла в себя. Она, кстати, и в мою сторону потом поглядывала, но поговорить так и не подошла. А я и не стремился к беседе с ней. С меня уже того, что было, хватило.

Самое забавное, что когда все кончилось, то у меня каких-либо чувств, кроме дикой усталости, не осталось. Я практически не злился на Нифонтова и не боялся мести колдуна. А смысл? Изменить-то уже ничего нельзя, надо думать, что со всем этим делать. Но на подобное сил у меня уже не было.

Хотя страх непременно придет позже, это я знал наверняка. Когда адреналин полностью выгорит в жилах, когда я переварю увиденное, когда выплещусь — вот тогда он и нагрянет. И мало мне не покажется. Что-что, а глаза потомка Кашея (блин, ну до чего бредово звучит эта фраза), мне не забыть. И его слова тоже. Когда в запале кидают: «Все ты труп, понял» — это все фигня, вряд ли кого-то на самом деле станут убивать.

А вот когда просто констатируют факт того, что тебе следует умереть по той или иной причине, говорят так, словно подбивая статистику — то дело плохо. Тебя и впрямь могут грохнуть.

Сам я в таких ситуациях до последнего времени не бывал, но наслышан о подобном от старших коллег, которые застали еще «дикий» рынок и лихие банковские аферы 90-х годов, вроде «черного вторника» или липовых «авизовок». Нашего брата клерка тогда отстреливали не меньше, чем бизнесменов-«скоропелок». За то, что слишком много говорил или, наоборот, за то, что не предупредил о возможных неприятностях. А то и просто в назидание остальным, чтобы место свое знали.

Впрочем, этот страх — он ненадолго придет. Человек такое существо, что приучен жить даже у подножия вулкана, который в любой момент может начать извергать пепел и плевать лавой. В конечном результате ожидание беды или даже смерти тоже становится привычкой, причем в определенный момент даже где-то приятной. Прожил день, дотянул до его заката — уже хорошо, уже ты молодец. Так сказать — постоянный риск держит тебя в тонусе.

Хотя, если начистоту, здравого смысла в этом маловато. Не сказать — нет вовсе. Но если не находить в несчастьях хоть какие-то плюсы, то надо просто идти и накидывать веревку на шею.

Да и это все не главное. Самое паршивое, что человеку, который меня во все это втравил, я даже предъявить ничего не могу. Точнее — мочь-то могу, но для него мои претензии — плюнуть и растереть. Оно ведь как обстоит? Николай захочет — поможет, не захочет в последний момент вытащить меня из-под удара — просто подождет, пока колдун мне сердце вырвет. Ну или как-то по-другому изничтожит.

Может, не надо было ему говорить, что я о нем думаю?

Хотя нет, надо. Иначе я себя уважать перестал бы.

А еще хорошо, что Маринка ничего не помнит, а то бы она от себя еще добавила, и куда больше, чем я. Может, он хоть ее, если что, вытащит из дерьма, в которое мы по его милости вляпались.

— Не грузись, — хлопнул меня ладонью по плечу Нифонтов, будто прочитав мои мысли. — Я даю тебе слово, что ничего особенно страшного с вами не случится. За то, что ни волоска с голов не упадет, не поручусь, все не предусмотреть, но относительную физическую и психическую целостность по завершении этой истории обещаю. Правда, что ты, что твоя подружка можете глупостей каких-нибудь наделать, которые я предусмотреть не смогу, но все-таки буду уповать на ваше благоразумие.

— Твои бы слова да богу в уши, — проворчал я. — Но лучше бы ты нас просто в это все не впутывал. У тебя есть твоя работа — вот ты ее и работай! При чем тут мирное население в нашем лице?

Нифонтов развел руки в стороны, как бы говоря: «Ну вот так получилось, старик!».

— Саш, вот такая у нас служба, — вздохнула Евгения, подходя ко мне. — Ну да, иногда такое приходится творить, что даже не знаешь, какие слова к себе, любимой, подобрать. И ведь это не обычная грязь, ее в душе мочалкой не отдерешь. Но по-другому никак. И еще — не всем же в белом ходить? Да и не бросаем мы своих в беде. А ты для нас свой. Это я сейчас серьезно говорю.

— Я ни хрена не понимаю! — заорала в голос Маринка. — Вот от слова «совсем!» То есть — совершенно! Что произошло, и почему я ничего об этом не знаю? За что вы перед Смолиным извиняетесь? И еще — вы не забыли, что я тут вообще стою?

— Нет, не забыли, — миролюбиво сказал Нифонтов, улыбнулся и достал из кармана плоскую фляжку. — Коньячку глоток? Зябковато на улице, да для нервов полезно. Мне была знакома эта улыбка, и, глядя на нее, я понял, что на этом участие в беседе для Маринки, скорее всего, закончилось.

Так оно и вышло — через пять минут она благополучно сопела носом на заднем сиденье машины. Снотворное сотрудники отдела «15-К» использовали просто бронебойное, вырубаящее человека практически моментально.

— Светает, — поехала Женька. — И есть хочется.

— Ну в этих краях из работающих харчевен если только «МакДак» отыскать можно, — со знанием дела сообщил нам Нифонтов. — Остальные все закрыты часов до девяти. Ждать придется.

— Не вариант, — заявил я. — Нынче день будний, мне еще на службу идти, как раз к девяти. Так что меня лично и «МакДак» устроит.

— А поехали в центр? — предложил Нифонтов. — Сразу двух зайцев убьем — и до работы тебя подбросим, и поедем. Там полно мест, где оголодавших горожан кормят круглосуточно.

— Есть такое, — подтвердил я. — Правда, там цены кусаются.

— Нам выписывают средства на оперативные расходы, — заверил меня оперативник. — Отдел угощает.

— На халяву могу съесть очень много, — предупредил его я. — Да еще и с собой еды прихватю, потому как домой мне никак не попасть, а без обеда я оставаться не намерен.

— Не проблема, — с достоинством ответил Нифонтов. — Говорю ведь — не из своих плачу, из казенных.

Самое интересное, что и в дороге, и после, в небольшой уютной кофейне в районе Воздвиженки, мы с Николаем в своих разговорах вовсе не касались того, что произошло на кладбище. Мы поспорили об игре сборной России по футболу, пообщались насчет летних кинопремьер и обсудили превосходство наших шашлыков над ихними барбекю. Женька в наших разговорах не участвовала, она проводила время в обществе Афанасия, которого я чуть не забыл на кладбище. Он ведь так и прятался за воротами, и, размахивая лапами, выскочил оттуда только тогда, когда понял, что мы вот-вот уедем.

— А сколько тебе лет? — восторженно спрашивала Мезенцева у бывшего ведьмачьего слуги, сидящего в самом углу так, что его вовсе видно не было.

— Я точно не знаю, — степенно отвечал тот, поддерживая Маринку, которая во сне плямкала губами и все норовила на него завалиться. — Но помню, что когда я первую сотню разменял, наш молодой царь в аккурат шведа побил.

— Ох ты! — восхитилась Женька и ткнула Нифонтова кулачком в плечо. — Он времена Петра Первого помнит!

— Совершенно необязательно, — возразил ей я. — Он вообще может не Петра иметь в виду, а Александра Невского. Тот тоже шведа бивал.

— Невский был князь, — неуверенно поддержал коллегу Николай. — Вроде. Хотя я не уверен, у меня по «истории» в школе четверка была. С минусом.

Увы, но дополнительных деталей героических свершений молодого царя мы из Афони не выжали. Да и вообще он делами большого мира не сильно интересовался, а его хозяева, похоже, селиться предпочитали как можно дальше от столиц, а то и вовсе от людей в целом. Насколько я понял, с одним из них он добрые полсотни лет вообще в тайге прожил, в той, где медведь хозяин. И в более-менее обитаемых местах оказался только с предпоследним хозяином, где-то в конце девятнадцатого века. Определить это удалось по высказыванию, из которого следовало, что они плыли на корабле, у которого: «парусов-то нет никаких, зато внутри стучало бесперечь». То есть — уже эпоха двигателей, если и не внутреннего сгорания, то, как минимум, паровых.

Но в целом Женька и Афоня поладили замечательно. Настолько, что мохнатик согласился приглядеть за Маринкой, пока мы будем кофе пить.

— Ладно. — Нифонтов доел последний из заказанных горячих бутербродов и промокнул губы салфеткой. — Поели, попили, соблюли этикет, теперь можно и о делах поговорить. Первое — повторюсь. Саша, я за твои слова на тебя не в претензии. Ты имел право и так думать, и говорить.

— И куда оно не делось, — без обиняков добавил я. — Подставил ты нас с Мариной капитально.

— Сказка про белого бычка, — вздохнула Женька. — Если бы я все это не здесь и сейчас слышала, а прочла где-то на «ВК», то непременно написала бы коммент вроде: «Вода, вода, одна вода. Никакой конкретики, буэ!».

— Конкретика, — бросил скомканную салфетку в пустую тарелку оперативник. — Главное не изменилось — не шатайся невесть где в одиночку, особенно в ночное время. Вход в твой

дом для колдуна закрыт, пока ты сам его к себе в гости не пригласишь. Этот закон един для всех детей Ночи. Ну а в людных местах он и сам тебя убивать не станет, ему дополнительные неприятности не нужны. Во-первых, он не уголовник, все эти заточки в спину и выстрелы в проходных дворах не про него. Во-вторых, он не дурак, и уже сообразил, что на него начали охоту органы правопорядка, которым палец в рот не клади, чтобы кто ни говорил. К слову — в этом частично наша удача, он по этой причине стал куда более уязвим.

— Не сказал бы, — я поежился, вспоминая, как появлялись пулевые отверстия на груди колдуна, а тому на это было плевать. — Его пулей не убьешь, чего ему полиции бояться? — На первый взгляд ты прав. — Николай отпил кофе. — Пули он не боится, и тюрьмы тоже. Что ему эта тюрьма, он оттуда выйдет по первому своему желанию. Да он до нее вообще доедет только в том случае, если сам того захочет. Потому Стас сотоварищи ему вроде как не сильно страшен. Но это только на первый взгляд. А если копнуть поглубже, то можно сообразить, что теперь колдун в курсе, что рядом с обычными сыскарями ошиваемся мы, отдельные, а значит, запросто можем помочь славным сотрудникам правоохранительных органов сразу после его поимки ритуальный костерок запалить, наплевав на все законы Российской Федерации, в нужном месте да с правильными наговорами. И, поверь, колдун знает, что мы не только можем такое себе позволить, мы это непременно сделаем, как только он попадет в наши руки. Ну и самое главное — где мы и полицейские, там скоро и спецслужбы нарисуются. А в руки этих господ такие, как он, сильно попадаться не любят.

— Почему? — с интересом спросил я.

— Спецслужбы не верят в колдовство, вот такая штука. Но при этом они всегда хотят знать, как все происходило на самом деле, — невесело засмеялся оперативник. — И если возникает когнитивный диссонанс, в ход идут любые средства, позволяющие установить истину. И средства удержания в заключении любого существа, кем бы оно ни являлось. Проще говоря — там не тюрьма, оттуда так просто не сбежишь. Спецслужбы не верят в колдовство, но это не означает, что они не прибегают к кое-каким методам и техническим средствам из нашего арсенала.

— У нас же, кстати, и позаимствованным, — проворчала Евгения. — Взять технические средства возьмут, а обратно вернуть — фигушки. Хапуги!

— А вот дядька в костюме и с «бланспейном» на руке — он как раз из таких и был? — уточнил у него я.

— Да, — подумав, сказал Николай. — Кто-то из парней Стаса сливает информацию «фэбсам», я ему про это уже сказал. И — закончили разговоры на эту тему.

— Один вопрос, — показал я оперативнику указательный палец. — Имею право, ты мне задолжал.

Нифонтов сделал грустное лицо, давая понять, что на один вопрос он готов ответить.

— Эти господа только колдунов ловят на опыты? Другие дети Ночи им неинтересны?

— А конкретно — ведьмаки? — уточнил Николай. — Спи спокойно, дорогой друг, твоя персона их точно не заинтересует. Яды они получше твоего делать умеют, а убить человека на расстоянии так, чтобы потом никто ничего не узнал, ты не сможешь. А тем более создать свиток заклинания, которое сможет использовать любой обычный человек.

И он задумался о чем-то своем.

— Так и не понял, — обратился я к Мезенцевой. — Мне бояться или нет?

— Смотря кого, — вздрогнув, вместо нее ответил мне Николай. — Если ты про колдуна — опасаться его надо, бояться — нет. Опасения аккумулируют волю к жизни, страх ослабляет разум и делает тебя уязвимым. Но вообще... Если тебе интересно мое мнение, то основная заруба с этим красавцем у нас сильно впереди. Я таких, как он, знаю. Восемьдесят к двадцати, что уже сегодня вечером его в Москве не будет. Смоется он из города от греха и свалит куда-нибудь подальше, в Голландию, или даже в Австралию, чтобы пересидеть там нынешний кавардак. А вот потом, когда все уляжется, когда про него все забудут, когда и ты, дражайший ведьмак, расслабишься, подумав, что все в прошлом, он вернется. И вот тогда начнется самое интересное.

— Не лучшее слово для подобной ситуации, — поморщился я. — Интерес тут сомнительный. А это «пересидеть», оно сколько по времени означает? Год, два, три?

— Вот ты вопросы задаешь, — изумился оперативник. — Мне-то откуда знать? Может — год, может — десять. Но не меньше полугода — это точно.

Если все случится именно так, то я буду очень рад. Полугодом — это много времени. Через полугодом, меня, может, в Москве вообще уже не будет. Может, я к тому времени куда-нибудь в другое место свалю, ведьмачью мудрость постигать.

— Короче — не шатайся по городу в темное время, пока мы не узнаем, что к чему, и будет тебе счастье, — подытожил Нифонтов.

— Вот теперь бы еще Маринке это как-то объяснить, — хмыкнул я. — Смею тебя заверить, уже сегодня она отправится в какой-нибудь клубешник стресс «мохито» и текилой заливать, причем на всю ночь.

— Не отправится, — покачал головой оперативник. — Мы ее куда-нибудь в командировку сплавим, в срочном порядке.

— Ну что рычагов на это у вас хватит — не сомневаюсь. Вот только одна закавыка — «Магическое противостояние». С ним как быть? Она же небось договор с каналом подписала.

— Забей, — посоветовал мне Нифонтов. — Ничего она не подписывала. А проблемы телевизионщиков — не наша печаль. Пошли они...

Посидев еще с полчаса, я начал собираться на работу — времени уже было двадцать минут девятого, а топтать от Воздвиженки до Сивцева Вражка было не то чтобы далеко, но и не так уж близко. Особенно если идти не торопясь.

— В общем, ты не забывай оглядываться и если что — звони, — напутствовал меня Нифонтов. — Нет, мы так и так с тебя глаз не сведем, но — мало ли.

— Хорошо, — я убрал в сумку фирменный бумажный пакет с символикой кофейни, который мне принесла официантка. Там лежали четыре тоста с ветчиной и сыром, мой сегодняшний обед. Нифонтов сдержал слово. — Блин, чего-то я еще хотел спросить...

— Ну-ну, — подбодрил меня Николай. — Вспоминай.

— А, вот! — сообразил я. — Слушай, нет еще склероза, уже хорошо. Вообще-то я хотел этот вопрос Костяному царю задать, но сам понимаешь... Не до того как-то сегодня было. Но, может, ты знаешь, что за нежить я тут недавно видел?

И я рассказал оперативнику про серую пакость, которая Семена Марковича, тогда еще не покойного, за шею обнимала. Правда, не стал упоминать про то, что после его снова встретил, пусть и в виде призрака, да еще и жене его помог. Ну и про все остальное, вроде денег, понятное дело, тоже.

— Это предвестники смерти, — довольно буднично ответил Нифонтов. — Твари в определенном смысле совершенно безопасные, но мерзкие как на вид, так и по содержанию. Как бы тебе так объяснить... Знаешь, кто такие рыбы-прилипалы? Ну которые хищников в море сопровождают, а после за ними все оставшееся подьедают?

— Само собой, — подтвердил я.

— Вот здесь, по сути, то же самое, только не после, а до. Предвестники каким-то образом узнают о том, что человек уже одной ногой в могиле, и тянут из него напоследок что только могут — эмоции, жизненную силу... Все, до чего дотянутся.

— Фу, — я снова вспомнил серое дымчатое тело мерзкой твари. — А разве так можно? Я понимаю, что мире Ночи с правосудием беда, но неужели подобное вообще никак и никем не пресекается?

— Смертный час человека они этим не приближают, так что законы бытия не нарушены, — со знанием дела объяснил мне оперативник. — Ну и самое главное — их жертва, увы, уже никем не защищена. Она вне зоны чьей-то ответственности. Жизнь бедолагу уже списала со счетов, Смерть его на свой баланс пока не поставила, а самого человека никто ни о чем и не спрашивает.

— А почему не использовать их как некий маячок? — спросил я — Может, их жертв еще можно спасти?

— Нельзя, — нахмурился Николай. — И вообще, заруби себе на носу — туда, где находятся зоны ответственности Жизни и Смерти, даже не суйся. Сверх меры, имеется в виду. Ну да, ты чуть-чуть уже заглянул за ту грань, которая отделяет одно от другого, но слишком далеко не заходи. Не волнуйся, в нужный момент тебе дадут понять, где тот предел, который возможен, и за него — ни-ни. Это тебе не какой-то колдун, оттуда мы, если что, даже останки твои для захоронения получить не сможем.

Собственно, на этом мы и распрощались. Они с Женькой повезли мирно сопящую Маринку домой, а я отправился на работу, где практически сразу и начал клевать носом. А пару раз даже почти и задремал.

Особенно тяжело стало после обеда, поскольку, наворачнув четыре сэндвича, я совсем уже осоловел. И даже, плюнув на все условности, может, даже бы и заснул, вот только сделать этого мне не дали.

— Смолин, ты здесь? Очень хорошо! — Волконский, наш зампред, буквально влетел в кабинет, остановился напротив меня и начал сверлить взглядом. — Скажи, а какие отношения связывают тебя и госпожу Ряжскую?

— Как зовут? — зевнул я, прикрыв рот ладонью.

— Кого? — породистый нос Волконского забавно зашевелился, будто тот собрался чихнуть.

— Госпожу Ряжскую, — пояснил я. — Может, я ее фамилию вовсе не знаю, а только имя. Знаешь, Дим, секс не всегда является поводом для знакомства.

— Наш жеребец, — с придыханием и невыразимой иронией тут же выдала Федотова, а Ленка сложила губы «бантиком» и напустила томной поволоки в глаза. Они четко дали понять Волконскому, что на этих десяти квадратных метрах именно я альфа-самец. И это было приятно.

— Не смешно, — сказал зампред таким тоном, что стало ясно — он очень взволнован. — Госпожа Ольга Ряжская — это, знаете ли... Кто ее муж — в курсе?

— Ряжский, Ряжский... — Наташка призадумалась. — А, группа компаний «Р-индастриз». Они, что ли?

— Именно. — Волконский снял очки с носа, повертел их в руках и снова напялил обратно. — Павел Николаевич Ряжский — ключевой клиент банка. Остатки на счетах, кредиты, эквайринг — все не перечислишь. И тут приходит его супруга и требует дать ей поговорить с неким Александром, который у нас работает. Причем даже фамилию его не знает. Александр — и все тут. Я было подумал, что речь идет о Завьялове из казначейства, он вроде работал по нескольким сделкам с компанией ее мужа, но нет. Потом она кому-то позвонила и очень точно описала вот этого товарища, который сидит перед нами. Вопрос. Смолин, какое отношение ты имеешь к госпоже Ряжской? Имей в виду, этот вопрос тебе не только я задам, председатель правления после моего доклада наверняка этим заинтересуется. Да и председатель совета директоров тоже. Ряжский — это Ряжский, вокруг него все танцы с бубном танцуют.

— И начальник службы безопасности наверняка в стороне не останется, — очень умело передразнил я и голос, и жесты Волконского. — Дим, я сам в шоке. Вот слово даю, что не представляю даже, о ком идет речь. А главное — откуда ей меня знать? Я с клиентами вообще напрямую не общаюсь, мне это не по чину. Тем более с такими.

Самое забавное — не врал. В самом деле, абсолютно непонятно, с какой стороны я этой мадам интересен могу быть?

— А вот мы сейчас к ней пойдём, и, может, какая-то ясность появится, — обнадежил меня Волконский. — И гляди у меня, Сашка, не выкини чего-нибудь такого, о чем потом пожалеешь! Ты в последнее время сильно изменился, это все заметили, теперь уж не знаешь, чего от тебя ожидать.

— Да-да-да, Смолин, — подтвердила вдруг Федотова. — Ты как-то... Ну не знаю...

Помуцинистее стал. Дать я тебе еще не дам, но и «нет» сразу, как раньше, не скажу.

— Тьфу на тебя, Наташка, — возмутился я, вставая из-за стола. — Несешь невесть чего. Когда это я тебе чего такое предлагал, чтобы ты мне «нет» говорила? Мы в одном отделе работаем, себе дороже с тобой спать выйдет. Да и кулаки у твоего мужа будь здоров какие, видел я его. Я себе не враг, короче.

— Это аллегория, — постучала себя пальчиком по лбу Федотова. — Я фигурально выразилась.

— Умные все стали, убивать вас пора. Или штрафовать, — проворчал Волконский. — Аллегии, скользкие шутки, всеобщий бардак. Куда отдел по работе с персоналом смотрит? Сашка, пошли уже, Ольга Михайловна ждет.

Я было хотел натянуть на плечи пиджак, но глянул на него и не стал этого делать. Очень уж он жутко выглядел после ночных приключений. Брюки еще туда-сюда, хоть и помятые, но в грязи не изгвазданные, не зря же я в туалете их оттирал. А вот пиджак — увы, так я его в более-менее приличное состояние и не привел.

— Вахлак вахлаком, — верно оценил мои действия Волконский. — Саш, ты бухать начал, что ли?

— Дома не ночевал, — буркнул я. — Пошли уже. Мне самому интересно узнать, что к чему. Да, Дим, она хоть симпатичная?

— Она богатая, — ответил мне зампред. — Когда у тебя денег как грязи, ты некрасивым быть не можешь. Количество нулей на банковских счетах всегда пропорционально интересу, который к тебе проявляют представители противоположного пола.

— Мощно сказано, — признал я. — Практически афоризм, его даже продать какому-нибудь автору средней руки можно.

Само собой, неизвестная мне пока госпожа Ряжская обосновалась в VIP-переговорной, той, в которую простым смертным вход закрыт. Я сам там бывал всего пару раз и еще тогда проникся при виде мягких кожаных кресел, такого же дивана, мини-бара и навороченной плазменной панели последнего поколения. А еще к ней прилагался личный офис-менеджер, тот, что по совместительству является личным помощником председателя правления. Точнее — помощницей, на которую заглядывалась почти вся мужская половина банка, и которую ну очень не любила почти вся женская.

Собственно, с Леночкой я и столкнулся в дверях переговорки, она, судя по запаху, приносила госпоже Ряжской напиток иноземный, «кофием» называющийся. И явно не в штатной кофеварке изготовленный, а в «турке» сваренный. И вправду клиентка козырная, раз к ней с таким почтением относятся.

Хотя я бы сейчас и от обычного не отказался. Естественными методами взбодриться мне как-то не удавалось, так что некий сторонний симулятор не помешал бы. А то как сейчас начну зевать прямо перед вип-клиенткой, неудобно получится. Волконский мне потом за это весь мозг выест, я его знаю.

— Ольга Михайловна, вот тот сотрудник, которого вы хотели видеть, — медово произнес зампред. — Точнее, я полагаю, что именно о нем вы и спрашивали.

— Похоже, что вы правы, — ответила ему миловидная женщина лет сорока, сидящая в кресле, и окинула меня изучающим взглядом. — Да, именно таким мне его и описывали.

— Если не секрет — кто? — без всяких реверансов спросил я.

— Ты хоть поздоровайся, — прошипел Волконский и незаметно ткнул меня кулаком под ребра.

Вот зря он это сделал. Я не выспался, я не в духе, да еще водка, что пил на кладбище, была сильно не ахти и обеспечила мне дополнительную головную боль, которую даже «цитрамон» не забил.

Да пошло оно все.

— Простите дурака, — для усиления эффекта я еще глазами захопал, а после отвесил поясный поклон. — Здравствуйте. Я Саша. Чем могу быть вам полезен?

Женщина непритворно расхохоталась и похлопала ладонью по кожаному подлокотнику соседнего кресла.

— Добрый день, Саша. Присаживайтесь, побеседуем. А вы, Дмитрий, можете идти, я вас не задерживаю.

Глава 19

— Если понадобится, то я буду здесь, рядом, — сообщил Волконский, не переставая улыбаться, а после покинул «переговорку», прикрыв за собой дверь.

Я проводил его взглядом, после плюхнулся в кресло, приятно поразившее меня своей удобностью, и уставился на женщину, которая тоже не отрывала от меня взгляда.

И главное — ни слова не говорила. Молчала, смотрела — и все.

— Эммм... — мне подумалось о том, что пауза уж слишком затянулась. — Чем могу быть вам полезен?

— Мне надо пообщаться с моей матерью, — немедленно ответила мне Ряжская. — И чем быстрее — тем лучше. Если говорить точнее, нам нужно было бы поговорить еще три года назад, но, увы, не было такой возможности.

Слушая все это, я окончательно убедился в том, что Сашка Вязьмина была права. Работая в операционном, она общалась с большим количеством людей, а потому в тот недолгий отрезок времени, что мы с ней были любовниками, частенько рассказывала о наиболее экстравагантных клиентах банка. Так вот среди очень богатых людей таких оказывалось больше всего. По ее мнению, когда размер состояния у человека становится таким, к которому подходит словосочетание «Денег куры не клюют», то в башке у него переключается некий тумблер, отвечающий за адекватное поведение и такое же отношение к жизни. Не у всех, конечно, но у многих. И вот тогда эти товарищи начинают идти вразнос, устраивая вещи, которые еще годом ранее им бы и в голову не пришли. Кто-то устраивает восхождение на Пик Коммунизма двадцати полуобнаженных красавиц-моделей. Кто-то упивается чувством собственного величия, покупая себе десятка два гектаров земли на Среднерусской равнине и выстраивая там виллу в римском стиле, причем со всеми делами вроде вакханок, Диогена в бочке и точной копии Колизея с гладиаторами в комплекте. Ну а у кого-то просто едет крыша, после чего он приходит в банк, где сообщает совершенно незнакомому человеку дико важную информацию о том, что надо бы поговорить с мамой.

— Хорошее дело, — максимально дружелюбно сказал я Ряжской. — Мама — это очень важно. Не дело родителей забывать. Да вы прямо сейчас возьмите и ей позвоните. Вон телефон стоит, звонок в город через «девятку».

— Туда, где она сейчас находится, по телефону не позвонишь, — мягко объяснила мне женщина. — Увы и ах. Она умерла три года назад.

Твою-то мать. Возвел напраслину на человека, никакая она не чокнутая. Нет, здоровой ее тоже не назовешь, если она всерьез думает, что можно вот так просто с тем светом связаться, но хоть логика в ее словах и поступках появилась.

А еще я теперь знаю, кто эту увядающую красавицу на меня навел, и кому она звонила, обо мне справлялась. Вариантов немного, точнее — один всего и есть.

Все, достали меня. Вот прямо с этого момента думаю только о своих интересах и никому больше не помогаю. Просто с каждым добрым поступком я делаю себе, любимому, все хуже и хуже. Вот оно мне надо? Я же не мазохист?

— Мои соболезнования, — печально опустил глаза в пол я. — Это очень, очень печально.

— Саша, надо чтобы вы помогли мне с ней переговорить. — Хоть голос Ряжской по-прежнему был медовым, я уловил в нем нотки непреклонности. — И я точно знаю, что, в отличие от иных дипломированных магов, колдунов и шаманов, вы на самом деле можете слышать тех, кто покинул этот мир.

— Ольга Михайловна, вас кто-то дезинформировал. — Мне не оставалось ничего другого, как начать строительство словесных редутов для своей защиты. — Я сотрудник отдела финансового мониторинга, а не медиум. Нет, в детстве я с двоюродными сестрицами вызывал духов, бывало. Ну знаете, это когда все дружно кладут пальцы на блюдечко и зауспокойными голосами бубнят: «Дух Пушкина, приди». Но и только. Да и тогда, сдается мне, никакой не дух к нам приходил, а Катька, зараза, блюдечко двигала. Это старшая из моих двоюродных сестер.

Женщина лукаво прищурилась, в уголках ее рта обозначилась полуулыбка. Она не стала мне ничего говорить, просто достала смартфон (к моему удивлению, не какой-нибудь пафосный «Верту», а вполне себе демократичную модель средней руки), отыскала в контакт-листе нужный номер, и нажала «Вызов».

Я, поняв, кому она звонит, не смог удержать печальный вздох, и Ряжская, которая, судя по всему, была очень умной бабой, верно его расценила. Очень уж повеселел ее и без того негрустный взгляд. А чего ей печалиться? У нее на руках четыре туза и «джокер».

— Алла, здравствуй, — подтвердив мои предположения, произнесла она. — Ты права, он очень славный мальчик. Да-да, неглупый, хитрый и вполне симпатичный. И то, что он будет юлить, ты тоже верно предположила. Ну да, эдакий лисенок Вук. Передаю трубку. После этого она протянула мне свой смартфон, даже не потрудившись добавить к этому жесту что-то вроде: «Это тебя» или «Поговори».

— Да, — приняв его, обреченно произнес я.

— Саша, здравствуйте, — голос, который я услышал, был предсказуемо знаком. — Это Алла, супруга Семена Марковича. Не думаю, что вы меня уже забыли.

— Добрый день, Алла, — пробубнил я. — Нет, не забыл. Еще раз примите мои соболезнования.

— Саша, помогите Олечке, — сразу взяла быка за рога моя собеседница. — Вы можете, я же знаю.

— Как? — жалобно поинтересовался я. — Как мне ей помочь? У меня нет прямого канала связи с загробным миром.

— Но мне же вы помогли? — резонно заметила Алла.

— Простите за прямоту, но тут имела место быть обычная жалость, — решив, что хуже уже не будет, начал импровизировать я. — Про ключ я узнал от самого Семена Марковича, еще когда он живой был. Просто оказался рядом с ним тогда, когда он арендовал ячейку и услышал, как он бормотал себе под нос: «И уберу его в нижний сейф загородного дома». Ну а потом столкнулся с вами в банке, смотрю — убивается очень красивая женщина, в отчаянии пребывает. И мужа потеряла, и состояние вот-вот медным тазом накроется. Ну, не каменный же я. Вот так и...

— Саша, вам не идет врать, — укоризненно сообщила мне Алла. — Нет, звучит здорово, вполне приемлемая версия, но все было совсем по-другому, вы это знаете, и я это знаю.

— Не вру ни словом, — выпучив глаза, задышал в трубку я. — У меня и свидетели есть, если что.

Что неплохо — Витод и вправду может подтвердить, что я тогда рядом с ним был, когда покойный Семен Маркович ячейку арендовал.

— Саша, женщина, которая сидит напротив тебя — очень хороший человек, — в голосе Аллы появились те же железобетонные нотки, что и у Ольги Михайловны. Я даже призадумался — не сестры ли они? Или у всех состоятельных дам есть нечто общее, по жизни приобретенное? — Помогите ей. Пожалуйста.

И связь прервалась. Причем это нас не разъединило, просто Алла сочла, что сказанного ей достаточно для того, чтобы Саша Смолин начал искать новые проблемы на свою задницу.

— Интересная женщина, — задумчиво произнес я, возвращая смартфон его хозяйке. — До крайности.

— Вы сейчас про ее душевные качества или внешние данные? — уточнила Ряжская. — Впрочем, Аллочка подходит под любую категорию.

— Ну да, сразу про все. — Я откинулся на мягкую кресельную спинку. — Комплексно.

— Саша, вы все равно сделаете то, о чем я вас прошу, — теперь под мягкой оберткой слов я различил алмазную твердость уверенности в своих силах. — Так или иначе. Поверьте, я всегда получаю то, что мне нужно. Да, и чтобы вы обо мне не очень уж плохо думали — всегда законным путем. Мой муж не мафиози, а честный предприниматель, и я уж точно не крестная мать московской преступности. Просто у меня много рычагов давления, и при необходимости я всегда могу на них нажать.

Вопрос — чего же ты их не нажала, когда твою подругу «рейдеры» размазывали, как масло по хлебу? Или это был не тот случай?

— Ольга Михайловна, — я постарался вложить в свой голос всю убедительность, отпущенную мне богом. — Вы же современный человек. Ну какое может быть общение с мертвыми, о чем вы говорите? Даже — в принципе? Пока человек живет, он есть. Когда он умирает, его больше нет. Все остальное — выдумки писателей и телевизионщиков, на самом деле этого ничего не существует. Вот есть вы, есть я, кресла, на которых мы сидим, кстати — офигенно удобные. Кофе есть, Волконский, который сопит за дверью, метрополитен имени Ленина, Центральный банк Российской Федерации. И еще куча вещей, все не перечислишь. Это все — есть. Это все можно потрогать руками. А с той стороны ничего нет. По крайней мере, я про такое не слышал.

Ряжская выслушала меня, после встала с кресла и направилась к дверям, бросив на ходу:

— Саша, вы не уходите никуда, подождите минуток пять — семь.

Интересно, а куда это она намылилась? Нет, я гипотетически могу предположить, куда именно, но этот вариант мне нравится не очень сильно.

Хотя — кому я вру? К предправу пошла, не иначе. Решила все-таки дернуть за рычаг давления, как и обещала.

Правда, рычагом это назвать сложно, скорее — небольшая рукоятка. За это лето у меня часть приоритетов изрядно сместилась, и сейчас я вряд ли стану впадать в панику в том случае, если меня уволят. Несколько месяцев назад — да, это было бы для меня серьезным ударом, а теперь... Нет, все равно не хотелось бы конфликтов, особенно если учесть, что при известном желании бывший работодатель может устроить уволенному сотруднику изрядную «козью морду». Мифических «черных списков работников» в природе не существует, но вот службу безопасности никто не отменял. Именно тут таится самая большая неприятность для служивого человека. Проверять нового сотрудника, безопасник потенциального работодателя непременно связывается со своим коллегой из организации, где этот человек работал раньше. И, соответственно, спрашивает — как и почему? То есть — как человек работал и почему ушел?

И от этого ответа зависит очень, очень многое. Если скажут, что сотрудник был нормальный, а ушел в поисках лучшей доли — дело в шляпе. А если нет? В смысле, если прозвучит, что ты конфликтен, подвержен пьянству, нечист на руку? Даже если такого не было, сказать-то про это все равно можно, особенно, если таков приказ руководства, решившего поучить строптивного сотрудника, который свалил из организации с независимым видом и словами: «Да в гробу я вас видел».

И никто ничего никогда не докажет, в первую очередь ты сам. Просто потому, что ты про этот разговор никогда не узнаешь, а сможешь только догадываться, получая отказ за отказом от работодателей, которым вроде бы по всем параметрам подходишь.

Я таких бедолаг знал, иные по полгода мыкались без работы, пока, наконец, не находили какие-то совсем «убитые» места в «карманных» банках, в которых на сотрудника сразу навешивали груз работы за троих и платили копейки, но зато и прошлое твое не очень проверяли.

А куда деваться? Правда, еще есть вариант с отправлением в небытие трудовой книжки и началом жизни с «белого» листа, но он хорош для тех, кому терять особо нечего.

Мне есть чего. Что же до «козьей морды» — ее точно не миновать. И Силюянов постарается, учитывая его нежную любовь ко мне, да и предправ может соответствующий приказ отдать. Он когда-то, по рассказам старожилков, был неплохим мужиком, веселым и незлым, а иногда даже подъезжал к банку не на машине, а на «байке», что выдавало в нем натуру увлекающуюся.

Но время шло, банк развивался, обороты увеличивались, а демократизм в общении с сотрудниками у предправа уменьшался пропорционально росту короны на голове. Нет-нет, это в норме вещей, оно по-другому и не бывает, так что когда «байк» сменили ключки для гольфа, никто особо и не удивился. Как и тому, что вместо поездки на адреналиновый рафтинг предправ отправился куда-то в район Соломоновых островов проводить время на комфортабельной яхте.

Хотя — легко рассуждать со стороны. Кто знает, как я бы сам мутировал, сев на его место? Власть — это такая штука, что она кого хочешь поменяет до неузнаваемости, причем сам человек этого даже и не заметит. Он ведь для себя останется тем же, ему и в голову не придет, что все остальные так уже не считают. А если и придет, то он это спишет на зависть и придирчивость бывших друзей-приятелей. Мы весь самих себя всегда оправдать сможем...

Ладно, это все не суть. Вопрос в другом — мне-то как поступить? Послать их всех куда подальше или нет? В том, что меня поставят перед выбором, я не сомневался ни на секунду, точно будет или «да», или «нет». Разумеется, с соблюдением всех моральных норм, без криков и завуалированных угроз. Но, по сути, это ничего не изменит. Как говорится, вид на забор снизу — просвета нету.

Деньги у меня есть, те, что я от Аллы получил, мне их минимум до Нового Года хватит, даже если я на работу не устроюсь. Но сам факт того, что мне никуда ежедневно идти не надо будет, а придется дома сидеть, как-то угнетал. Мы все не любим свою работу, мы все гнусим: «Да пропади она пропадом», мы все ждем того часа, когда никуда не надо будет ходить, но случись так, что к тебе в гости нагрянет та самая свобода — и все. Человек начинает психовать, впадает в печаль, а то и кидается в крайности. И дело не только в потенциальном безденежье. Дело в нереализованности. И еще в том, что из жизни пропадает удовольствие. Вот тот же отпуск. Основной его смак ведь не в том, что ты отдыхаешь. Главное удовольствие в нем — что другие работают, пока ты балду пинаешь. А денюжка все одно капает!

Я пока к такой свободе не готов. Морально не готов. Возможно, позже, когда мир Ночи станет для меня своим, я и сам пошлю работу куда подальше, подавшись на «вольные хлеба». Но не сейчас. Мне пока нужен некий якорь, который удерживает меня в привычной реальности и дает возможность ощущать себя тем, кто я есть.

Ну и подпитывает бюджет пусть и не очень большими, но зато регулярными денежными вливаниями.

Интересно, а эта увядающая красотка мне бы заплатила за услуги? И если да — то сколько? Додумать эту мысль я не успел, поскольку в «переговорку» вошел наш доблестный предправ, за которым следовали Волконский и Ряжская.

— Добрый день, Александр, — сухо поздоровался со мной наш руководитель. — Объясни мне, почему ты отказываешься помочь Ольге Михайловне? Если ты не знаешь, то компания ее мужа является стратегическим партнером нашего банка. Скажу больше — не исключено, что вскоре «Р-индастриз» войдет в число наших акционеров, нам надо уставной капитал увеличивать.

— Сергей Станиславович, а госпожа Ряжская не говорила вам, о какой именно помощи она меня просит? — уточнил я.

— Нет, — равнодушно ответил предправ. — Саша, мы многопрофильный банк, а для определенной категории клиентов и вовсе универсальный. Ольга Михайловна входит в последнюю категорию. Нет, если она попросит тебя кого-то убить или начать готовить государственный переворот, ты вправе сказать ей «нет», но только потому, что это противоречит уголовному кодексу. Законы мы соблюдаем, как-никак в правовом государстве живем. Но даже в этом случае ты все равно обязан предложить ей альтернативные пути решения ее проблем, поскольку интересы клиента для нас приоритетны. Или ты считаешь по-другому?

Вот блин. И не знаешь, что ответить. Хотя, чего скрывать — еще пару месяцев назад я бы до подобной ситуации дело даже не довел бы. Потому что мне даже в кошмаре не приснилось бы то, что вот так, по собственной дури, можно поставить свою, пусть и неказистую, карьеру в банке под удар.

А самое обидное, я для себя никак не могу решить, что для меня важнее — «да» или «нет»? Ну вот не доводилось мне раньше принимать такие решения. В каком-то смысле — судьбоносные. Нет, по мелочам — сколько угодно, а вот что-то серьезное... Всю жизнь до того за меня все всегда кто-то решал — родители, учителя, жена, должностная инструкция. Захар Петрович покойный тоже судьбой моей распорядился, даже разрешения на это не спросив.

Я же сам всегда просто двигался вниз по течению. И только.

Но вот сегодня тот самый день, когда надо серьезное решение самостоятельно принимать. Чуть ли не впервые в жизни. И спросить совета не у кого, и посоветоваться не с кем. Может, это и хорошо? Может, пора наконец-то строить свою жизнь самому? Трудно, страшно, но...

Но мне это по душе.

— Считаю, — мысленно выдохнув, заявил я. — Есть вещи, которые лично я сделать не могу. Просто в силу того, что это невозможно.

— Смолин, когда говоришь подобное, не забывай добавлять что-то вроде «по моему личному мнению». Для нашего банка невозможного нет, — потеряв короткую модную щетинку на подбородке, сообщил мне предправ. — В пределах Солнечной системы. И он подмигнул Ряжской, как бы намекая на то, что шутка шуткой, но мы и на самом деле ого-го какие!

— Нет проблем, — развел руками я. — По моему личному мнению, наладить прямой вербальный контакт с покойной матушкой госпожи Ряжской не представляется возможным, даже исходя из того, что для нас нет невозможного. Не исключено, что какой-то другой специалист нашего банка, из казначейства или из бухгалтерии, и сможет это сделать, но только не я. Не обучен подобному, уж извините.

Предправ, уже было открывший рот для того, чтобы выдать очередную полуафористичную фразу о величии нашего банка и его клиентоориентированности, не нашелся что сказать, закашлялся и с живым интересом посмотрел на Ряжскую.

— Ну вот такое у меня пожелание, — не моргнув глазом, сказала женщина. — Считайте это моей чудачинкой, эдакой милой сумасшедшинкой.

— Н-да, — почесал свой аристократичный нос Волконский. — Теперь я видел все. Димка был парень славный, как я и говорил, но очень уж повернутый на карьере, потому он мигом пожалел о том, что сказал, это было по нему видно.

А зря. Прозвучало в тему.

— Неожиданно, — признался предправ. — Если можно, вопрос?

— Конечно, — милостиво разрешила ему Ольга Михайловна, занимая свое место в кресле и изящно закинув одну ногу на другую.

— А вам это зачем нужно? Нет, я тоже любил своих родителей, но не настолько, чтобы тревожить их тени в загробном мире.

Ситуация мне начинала помаленьку нравиться. По крайней мере, я уже был в плюсе — как-никак, а растерянным до того я нашего предправа ни разу не видел. Есть чем гордиться до пенсии.

Да и абсурдность происходящего зашкаливала до предела, в этом тоже было свое очарование.

— Надо, — с достоинством ответила Ряжская. — И ваш сотрудник может мне в этом помочь. Поверьте, я это знаю наверняка.

— Значит — поможет, — уверенно заявил предправ, обменявшись коротким взглядом с Волконским. — Не сомневайтесь. Выбор-то у него невелик. Смолин, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Более-менее, — махнув рукой на все, ответил ему я. — Но рискну предположить, что вы имеете в виду простую дилемму. Либо будет так, как хочет госпожа Ряжская, либо я могу писать заявление по «собственному».

— Борзо, но верно, — одобрительно улыбнулся предправ. — Твой выбор?

— Две недели отрабатывать? — уточнил я немедленно, с удивлением ощущая, как на душе стало легко-легко. — Лучше бы, если нет.

Да и хрен с ними, со всеми. Осень еще не наступила, опять же «бабье лето» впереди. Махну в Лозовку аж до первого снега, грибы там пособираю, травы. Антипку-паразита погоняю. Да и «останний летошний денек» недалек. Меня же красавица-русалка пригласила на их прощальную сезонную вечеринку, вот, схожу, посмотрю. А как заохлодает совсем, начну работу искать. Желательно с «вахтовым» графиком, «два через два» там, или «три через три».

Все когда-то кончается. Прав тогда был Нифонтов, невозможно на двух стульях усидеть.

— Отработаешь, — сказал как отрезал предправ, сузив глаза. Он очень не любил, когда его приказы не выполнялись. — Как миленький. Тебе эти две недели годом покажутся.

Ох, ну вот зря ты так-то! Я же заморочусь, всю книгу переверну, но найду рецепт какого-нибудь особо забористого снадобья, от которого на лбу рог вырастает или неделю верхом на унитазах придется провести. Кстати! Вот и повод испробовать зелье Митрия, от которого у человека рожу корезит так, что смотреть на него страшно.

Но это — потом. В последний рабочий день. Сварю все заранее, а потом подловлю момент и зельем турку кофейную изнутри вымажу. В ней только предправу кофе варят, я это точно знаю. Для ВИПов вроде вот этой фифы есть специальная, гостевая.

— Кхе-кхе, — демонстративно-небрежно кашлянул я. — Кажись, простуда у меня. Может, ОРЗ, а, может, ОРВИ. Придется, как видно, больничный брать. Недели на две.

Сняв голову, по волосам не плачут.

— Стоп-стоп-стоп, — подняла руки вверх в примирительном жесте Ольга Михайловна. — Как мне кажется, у данной ситуации есть мирные пути разрешения, те, где никому не надо будет увольняться.

Э, тетка, это ты запоздала. Надо было раньше думать. Даже если теперь я дам свое согласие на помощь тебе, мне все одно тут не быть. Меня теперь отдел по работе с персоналом живьем сожрет, при поддержке службы безопасности. Так нервы вымотают, что легче уйти будет, чем от ударов со всех сторон уворачиваться.

— Если Смолин сделает то, что вы у него просите, возможно, я изменю свое решение, — подумав, изрек предправ. — Хотя штрафа в любом случае ему не избежать.

— А штраф за что? — удивился я.

— Неподчинение прямому приказу руководства, — вместо шефа сказал Волконский. — Это, Смолин, самый главный проступок из тех, что возможны в трудовом коллективе. И не только в нашем, а вообще.

Вот ведь как интересно. Слово «неподчинение» я совсем недавно уже слышал, и произнес его Хозяин кладбища, в аналогичной ситуации. Условно аналогичной, разумеется.

Миры разные, а замашки у власть предержащих одинаковые. Сделай чего не по их воле — и ты попал. С той, правда, разницей, что на мнение Костяного царя мне не плевать, потому что он полезен. А вот на этих... Решение принято, так что все стало куда как проще.

— Тут банк, а не армия, — весело сообщил я ему. — Всех под одну гребенку не подстрижешь.

Председатель правления печально посмотрел на женщину, как бы говоря: «Ну, вот что тут поделаешь?»

— Вы не оставите нас? — внезапно попросила моих теперь уже почти бывших руководителей Ряжская. — Мне кажется, в дальнейшей перепалке конструктива будет немного.

— Логично, — согласился с ней предправ. — Если я вам еще понадобится, Ольга Михайловна, то скажите об этом Волконскому, он будет ждать за дверями переговорной. Смолин, когда освободишься, сразу можешь идти в отдел по работе с персоналом, там тебя будет ждать чистый лист бумаги формата А4 и ручка. Я позвоню, предупрежу их. Мне очень хотелось уточнить у него, какой именно будет ручка — чернильной или гелевой, но я не стал этого делать. Во всем меру надо знать.

И мы снова остались с женщиной наедине. Она смотрела на меня, я на нее.

— Мне кажется, что я поступила не слишком правильно, — первой начала разговор она. — Но моей вины в том немного, это Алла неверно вас оценила. Она почему-то была уверена в том, что вы достаточно покладистый и контактный молодой человек. Ошиблась. Вы, юноша, бунтарь, по непонятной причине попавший в данное учреждение. Будь я лет на двадцать помоложе, непременно бы с вами пофлиртовала, я всегда любила плохих мальчиков.

Попытка засчитана, но заход слабоват. Подобными штуками меня не пробьешь.

— Следовало начать с другого, — продолжила женщина, выждав с полминуты и не увидев какой-либо реакции с моей стороны. — Надо было вам объяснить, зачем мне понадобилась ваша помощь. Дело в том, что моя мама умерла внезапно. Так случается, знаете ли. Она всегда была очень здоровым человеком, регулярно обследовалась у очень хороших врачей, но оторвавшийся тромб, увы, иногда заканчивает наши дни на Земле вдруг, без какого-либо объявления.

— Скорблю с вами, — дежурно откликнулся я.

— За несколько дней до этого мы с ней очень сильно повздорили, — печально сообщила мне Ряжская. — Очень. Со взаимными обвинениями, с обещаниями никогда больше друг с другом не общаться. Так и вышло, больше не общались, и это никогда уже не исправить. Так вот все эти три года не было ни дня, чтобы я не думала о том, что осталась непощенной своей мамой. Нет, в душе я знаю, что, уходя, она не держала на меня зла, но мне надо это знать наверняка.

А ведь не врет. Правда не врет. Есть вещи, которые не сыграешь, будучи даже очень хорошей актрисой.

Черт, ну вот как мне изжить из себя эту проклятую жалость?

— Я не экзальтированная дура, — продолжила Ряжская. — Мне прекрасно известно, что подавляющее большинство экстрасенсов, колдунов и ведуний — это просто хорошие психологи. Ну или просто мошенники. И все равно я обращалась к ним, потому что ничего другого не оставалось. Знали бы вы, как надо мной потешался мой муж. И это ведь еще он не знает, сколько денег я на подобное спустила. Но это ладно, главное — результат. Его же, увы, как не было, так и нет. А потом Алла рассказала мне о том, как вы помогли ей с ключом, и мне стало предельно ясно, что кто-кто, а вы точно не мошенник. Да и произошедшее здесь данный вывод отлично подтверждает. Вы в состоянии мне помочь, но не желаете этого делать. Не знаю почему, но не желаете.

Я снова промолчал, хотя, наверное, и не стоило бы. По сути, я только что подтвердил правильность ее выводов.

— Давайте так, — сказала Ольга Михайловна. — Во-первых, я исправлю допущенную мной ошибку. Я скажу Сергею Станиславовичу, чтобы по отношению к вам не предпринимались никакие репрессивные меры. Смешная, наивная женщина. Да он тебе что угодно пообещает, вот только мне от этого легче не станет.

— Не улыбайтесь, — попросила женщина. — Я не настолько наивная, как вы сейчас подумали. Мне прекрасно известны условия кадровых игр. Я не стану его о чем-то просить, я просто скажу, что вы с сегодняшнего дня мой личный менеджер в этом банке, вот и все. И смею вас заверить, этого будет достаточно.

А вот это срывается.

— Я бы, наверное, могла поговорить и о новой должности, и новой зарплате, но пока этого делать не стану. — Ряжская подалась чуть вперед. — Данный разговор разумнее будет отложить на потом, когда компания моего мужа станет акционером этого банка. Поверьте, это решенный вопрос, так что ждать придется недолго. И когда начнутся кадровые перестановки, я про вас не забуду. А они начнутся, ведь мы заходим сюда с большими деньгами и правом решающего голоса.

Посмотрев на Ряжскую, я чуть качнул головой, а после постучал себя по уху, давая ей понять, что, возможно, нас слушают. И даже записывают.

— Плевать, — отмахнулась та. — Бога ради. Так вот — это я сделаю в любом случае, просто чтобы исправить свою ошибку. А вот ваше будущее назначение зависит напрямую от вашего же решения. Как, впрочем, и некая премия за труды. Например, вот такая. Женщина взяла из прозрачного квадрата, стоявшего на столе, листок бумаги, ручку и написала на нем цифру «3», к которой после добавила пять нолей.

По ходу, у меня появился личный тариф. Ее подруга заплатила мне столько же. И это был уже веский аргумент. Чего она сразу с него не начала? Я бы, может, и кочевряжиться не стал.

Стоп.

А ведь это двухходовка. Классика жанра. Она специально устроила весь этот балаган с предправом, чтобы после выйти на эту беседу. Не кнут и пряник, но близко к тому. Блин, если она такова, то ее муж, наверное, вообще монстр, который своих деловых партнеров сырыми ест. Не удивительно, что у них денег как у дурака фантиков. Это только в фильмах они просто так на какого-то везунчика могут с неба свалиться. Фиг такое в жизни произойдет, за большими деньгами стоят либо большие грехи, либо безукоризненный расчет и планирование. Но чаще всего и то, и другое. В переговорке снова царил тишина, Ряжская смотрела на меня, а я думал о своем. Впрочем, недолго. Решение принято, теперь надо задать вопрос, от которого зависит возможно ли выполнить изложенную мне просьбу в принципе.

— Вашу матушку кремировали?

— Нет, — торопливо ответила Ольга Михайловна. — Она этого не хотела. Но хоронили в закрытом гробу. Она, видите ли, умерла не в России, а в Швейцарии. Последние года полтора она именно там проводила большую часть времени. Горничная, как назло, взяла выходной, а я ей по понятным причинам не звонила, так что тело нашли не сразу. Дело было летом, добавим сюда транспортировку... В общем, вы поняли.

— Понял, — кивнул я. — На каком кладбище она похоронена?

Мне очень хотелось, чтобы на том, которое мне уже знакомо как дом родной. Но чудес не бывает. Да и то — что теще крупного бизнесмена делать в районе МКАДА? Естественно, она нашла последнее упокоевание на статусном погосте в центре Москвы.

Это плохо. Сердце мне вешует, что тамошний Хозяин будет не чета тому, с которым я худо-бедно свел дружбу. Но это ладно, что-нибудь придумается.

— Что вы хотите узнать? — задал последний вопрос я. — Простила ли она вас, я верно понял? Это все?

— Нет, — светлые волосы качнулись туда-сюда. — Подобное мне уже говорили не раз и не два. Еще вы должны будете мне назвать пароль от ее номерного счета в цюрихском банке. Кроме меня и мамы его никто не знал. Вообще никто. Если вы мне его назовете, значит, все остальное тоже будет правдой.

— Хорошо, — согласился я. — Договорились. Но у меня тоже есть условия.

Ряжская всем видом показала, что она готова меня слушать.

— Первое. Вы скажете Сергею Станиславовичу, что пошутили, и надо вам было вовсе не пообщаться с покойной матушкой. Просто я заинтересовал одну вашу подругу как мужчина, и вы приехали посодествовать нашему возможному роману. Вот такая вы романтичная филантропка.

Женщина задорно рассмеялась, похоже, эта идея ей понравилась.

— Второе. Вы меня не торопите, не теребите, не дергаете, не сопите в затылок. Как оно выйдет, так и выйдет. Ну и третье — я не даю гарантий того, что вообще что-то получится. Но в случае неудачи вы мне ничего и не должны.

— С вами приятно иметь дело, Саша. — Ряжская поднялась с кресла. — Ладно, пойду кидать тень на нравственную сторону вашей репутации. Ох, такого сейчас наплету!

— Это сколько угодно, — разрешил я. — Только вот что. Напишите мне на листочке координаты могилы вашей мамы. Ну номер участка и все такое. И еще ее имя, фамилию и отчество. Надо же знать, кого искать? И свой мобильный телефон запишите тоже. Надо же мне как-то с вами связываться будет?

Глава 20

Что интересно — после этой беседы у меня совершенно прошла головная боль. То ли эмоции повлияли на самочувствие, то ли еще что, но тем не менее — я изрядно взбодрился. Окончательно мое настроение поднял кислый вид Чиненковой, в чей кабинет я наведалься вскоре после того, как покинул «переговорку». Ну а как по-другому? Руководство распорядилось — я пошел, куда сказали. Однако хватит на сегодня неподчинения.

— Вот скажи мне, Смолин, что ты такое натворил? — сказала она, барабанила пальцами по папке, лежавшей на столе. Отдельно замечу, что на этой самой папке красовались мое имя и фамилия. — Сначала мне звонит шеф и говорит, чтобы я готовила документы на твое увольнение. После он снова звонит и отменяет свой приказ, но при этом запрашивает твое дело и должностную инструкцию. И как это все понимать?

— Начальству виднее, — дипломатично заметил я. — Лично мне кажется, что он собирается сделать меня своей левой рукой. Место правой уже Волконским занято, но левая-то свободна?

— Вали отсюда, — посоветовала мне Чиненкова. — Шутник. Как по мне, разумнее было бы тебя уволить. Очень ты за последнее время изменился, понимаешь? Раньше сидел себе спокойно в каморке со своими коллегами-приятельницами, тебя ни видно, ни слышно. А теперь как-то сразу много стало.

— Харизму в каморке не спрячешь, раньше или позже она все одно наружу выпрет, — назидательно произнес я. — Стало быть, пришло мое время.

— Не резвись особо, — посоветовала мне кадровичка. — Если ты, харизматичный мой, будешь нормальный микроклимат в коллективе рушить, я тебе такую ротацию устрою, что мигом в Солнечногорске окажешься. Там, знаешь ли, всегда вакантные места есть.

После этих слов я счел за лучшее по-быстрому свалить на свое рабочее место. Предправ — это мощь, Ряжская — тоже, но против Чиненковой им не устоять. Эти двое бизнесмены и стратеги, а она — кадровичка. Она на все их союзы и договоренности чихать хотела. За ней тома должностных инструкций и внутренних положений стоят, помноженные на уверенность в том, что именно отдел по работе с персоналом и обеспечивает жизнеспособность банка. Что ей все эти дебет, кредиты, паспорта сделок и нормативы Центрального банка? Так, семечки. А вот порядок быть должен!

Остаток дня я обдумывал, что мне, собственно, дальше-то делать? Точнее — с какой стороны лучше подступить к вновь возникшей проблеме. Откуда, так сказать, лучше копать начинать.

И по всему выходило, что с Нифонтова. Во-первых, за ним должок, пусть, гад такой, отрабатывает свои косяки. Во-вторых — у него есть знания и связи в мире Ночи. Кто его знает, может он знаком с Хозяином того кладбища, на котором находится нужная мне могила? Если да — то это уже неплохо, потому как без тамошнего умруна мне никак не справиться с поставленной задачей. Я могу около могилы покойной мамаша хоть танцы с бубнами танцевать, толку от этого будет чуть. Сомневаюсь, что она на мой зов отзовется. А вот проблем за несанкционированные действия на данной территории я заработаю гарантированно много.

Хотя тут вообще есть очень много «если». Если договорюсь с тамошним Костяным царем. Если мамаша Ряжской захочет со мной говорить. Да елки-палки, если она вообще там обитает. Старушка богу душу в Цюрихе отдала, и запросто может случиться так, что душа ее осталась в тех местах, где гномы из альпийского молока шоколад мастерят и пастухи в горах йодлями глотку надрывают.

Или попросту сразу отправилась в те места, где светят незарегистрированные в каталогах звезды и небо настолько синее, что аж глаза режет.

Но отработать все варианты надо, и на то есть масса причин. Первая — у меня из головы вместе с болью вылетели все мрачные мысли о скорой мести колдуна. Опасения остались,

но само чувство ноющего зуба испарилось. Когда есть дело, ненужные размышления сами собой отходят на второй план. Второе — деньги. Я так-то парень не жадный, но от той суммы, что на бумажном квадратике была написана, не откажусь. Маленький стабилизационный фонд никому никогда не мешал.

Да, о деньгах. Вот любопытно — на самом деле пароль от счета знали только два человека? Или же все-таки один, причем тот, что покинул этот мир три года назад? С равным успехом верным может оказаться любой вариант.

Но, по большому счету, правда мне безразлична, и интерес этот исключительно умозрительный. У нас тут жизнь, а не кино или книга, и даже если я буду знать пароль от счета, то все равно никогда не доберусь до денег на нем. И не только потому, что не знаю, в каком банке этот счет. Просто служба безопасности господина Ряжского прострелит мне колени, а то и голову куда быстрее, чем до меня отродье Кашея доберется. В чем-в чем, а в этом я уверен.

В общем, после работы я добрел до Гоголевского бульвара, приземлился на одну из пустующих скамеек и набрал оперативника.

— Александр? — удивленно отозвался в трубке голос Нифонтова. — Не ждал, что ты позвонишь так быстро.

— Чего это? — не удержался от ехидства я. — А если мне тревожно? Вдруг мерзкий колдун уже плетет вокруг меня свои сети и жаждет мести?

— Ничего он не плетет, — хмыкнул оперативник. — И вообще можешь спать спокойно. Насколько мне известно, он собрался спешно сваливать из столицы, как я и предполагал. Правда, не факт, что успеет это сделать, мы надеемся прихватить его до того, как это случится. Сработал наш план, засветил он свое логово. И если все пойдет как надо, то данная угроза твоей жизни окончательно перестанет существовать. За остальные не поручусь, потому что ты мастер находить проблемы на свою голову, но эту точно нейтрализую.

— Хорошие новости, — порадовался я. — Слушай, у меня еще один вопрос есть.

— Излагай, — разрешил Николай.

Я изложил, разумеется, не касаясь мелких деталей, вроде того, что мне за это заплатят и что заказчица вышла на меня не случайно, а по наводке. Не думаю, что ему про это следует знать. Лишнее это.

— Слушай, а ты умеешь слушать, — подытожил мое повествование оперативник. — Я-то тогда за едой пошутил, а ты и впрямь начал ставить свои новые способности на коммерческие рельсы.

— Не смешно, — возразил ему я. — Мне доброе дело хочется сделать, женщине красивой помочь.

— А еще наверняка богатой, — в тон мне сказал Нифонтов.

— Красивой, — возразил я. — Не в деньгах счастье, Николай. Главное — людям служить. Так что, ты Хозяина того кладбища знаешь?

— Я — нет, — помолчав, ответил оперативник. — Пал Палыч вроде в теме, но он тебе помочь не сможет, у него других дел в ближайшие дни как грязи. Саш, да ты не парься.

Если ты знаком с одним Костяным царем, считай, что все остальные тоже уже в курсе, кто ты такой есть.

— Между ними есть связь? — восхитился я. — Типа ментальная?

Ну что эти ребята иногда встречаются дабы пообщаться, я знал, но тут-то другое.

— Фигальная, — невежливо буркнул Нифонтов. — Это мир Ночи. Здесь и без всякой связи новости разносятся мигом. А ты за последнее время успел то тут, то там наследить.

Главное, не забудь с собой подношение взять и держись поскромнее. И не наглей чрезмерно, с тобой такое случается.

— Понятно, — немного расстроено ответил ему я. — Ладно, и на том спасибо.

— И еще, — подумав, добавил оперативник. — Возьми-ка ты с собой Женьку, от греха.

— Вообще-то слова «возьми Женьку» и «от греха» совершенно между собой не сочетаются. С этой рыжей только о них, родимых, и думается.

— Ну раз ты так резвишься, то все не так уж и плохо, — подытожил Николай. — А Женьку ты все-таки с собой прихвати. Знаешь, уверенность в том, что спина прикрыта — великое дело. Да и ей это полезно будет. Девочка выросла, пора в одиночку потихоньку начинать работать.

— Ну не знаю... — протянул я.

— Саш, мне не ври, — попросил Нифонтов. — Ты же на нее еще тогда в лесу запал, когда мы вас от ведьм спасали. Я же не слепой?

— Чего? — опешил я. — Ты в своем уме? Знаешь, у меня и так жизнь не сахар, потому добавлять в нее эту рыжую бестию охоты нет вообще никакой.

— Ну-ну, — насмешливо бросил Нифонтов, а после добавил: — Когда на кладбище поедешь? Сегодня?

— Я не ты, у меня встроенного внутрь аккумулятора нет. Сегодня я спать собираюсь, а вот завтра как раз и махну туда. Тем более, что потом выходные будут.

— Ясно. — Нифонтов чем-то хрустнул, вроде как сушкой и продолжил говорить уже жуя. — А в Лозовку еще собираешься в этом году наведаться?

— Не знаю, — честно ответил я. — А что?

— Да вот думал тебе на хвост упасть. Осень на носу, в лесу небось грибов полно. Сто лет за грибами не ходил. И на рыбалку тоже.

А почему бы и нет? В следующую субботу как раз последний день лета, так почему бы и не совместить приятное с полезным? Сам ночью свалю на реку, а Нифонтова пусть Антипка как следует погоняет в темноте, подушит его, посопит над ухом. Впрочем, если оперативник надумает со мной увязаться, то флаг ему в руки. Что-то мне подсказывает, что русалки, если захотят, от присутствия этого красавца избавятся очень-очень быстро. Утонуть я ему не дам, но посмотреть на то, как его под воду поволочут, не откажусь.

— Ну хочешь, на следующие выходные с тобой туда рванем? — предложил я. — Только на твоём транспорте. Своего у меня нет.

— Хочу, — сразу согласился Николай. — Женьку с собой брать будем?

— Будем, — одобрил его предложение я, выслушал ожидаемое ехидное хихиканье и добавил: — И Пал Палыча своего тоже бери. Он же хотел с Дарьей Семеновной пообщаться.

А почему нет? Я всегда любил смотреть бои без правил. Да и ведьмам из Лозовки следовало дать понять, что у меня на самом деле есть друзья, которые захотят узнать, что со мной случилось, если вдруг в один прекрасный момент я не вернусь из очередной загородной поездки. Не слишком я верю в их доброту и сомнительный нейтралитет.

— Вот и договорились. — Нифонтов хрустнул очередной сушкой. — Женьке сегодня-завтра позвони, скажи, где вы встретитесь вечером. И, Саш, личная просьба — приглядывай за ней. Она девчонка на самом деле хорошая, но очень уж увлекающаяся. Заносит ее иногда.

— Офигеть, — вздохнул я. — По идее, это она за мной приглядывать должна.

— Я передам твоё пожелание, — пообещал Нифонтов совершенно серьезно.

— Это шутка была, — поправился я немедленно. — Шутка!

— Не знаю, не знаю. Я поверил. Ладно, если что — на созвоне. Отбой.

Ближе к дому дневной адреналин из крови улетучился окончательно, потому в квартиру я буквально ввалился, зевая и сонно моргая глазами. Меня разморило настолько, что я с трудом отвечал на вопросы Родьки, Вавилы Силыча и Кузьмича, которые, похоже, ждали меня так, как дети ждут с работы матерей. Ну все мы в детстве ждали, когда мамка домой придет, чтобы потом залезть в её сумку и узнать, что она нам вкусенького принесла. Хотя их можно было понять — на кону стоял престиж дома, а то и микрорайона. А данных для анализа у подъездных не было никаких.

— Марина-то сначала спала, — рассказывал мне Вавила Силыч, отхлебывая чай из кружки. — Потом проснулась и как начала матерно выражаться! Она всегда сильна была посквернословить, но тут уж так разошлась, так разошлась! Мне лет много, но и то я не все выражения знаю, что она в ход пускала! Потом пять тарелок разбила и две чашки, потом кому-то позвонила несколько раз, но не дозвонилась и снова ругалась. И только после этого опять спать легла. И главное — непонятно, что с ней там случилось! Мы решили, что она проиграла, потому и недовольная такая. Она проигрывать не любит. Помню, ее как-то один мужчина бросил. Приехал он тогда к ней и говорит: «Ты, Марина, женщина красивая, но жить с тобой невозможно, потому нам надо расстаться». Ну подруга твоя сначала смеялась, это когда мужчина только за дверь выходил, потом плакала, а потом посуду била. И ведь не потому, что его любила, а из-за того, что не она его бросила, а он ее.

— Да ты психолог, Вавила Силыч, — устало заметил я.

— Сама она это упомянула, когда подруге про это рассказывала, — пояснил подъездный. — «Меня, — орала, — никто бросать не имеет права. Это я всех бросать должна». Очень переживала. Даже выпивала потом два дня. Самолюбивая.

— Не проиграла она, — зевая, обрадовал подъездных я. — Наоборот — выиграла. Всех обошла.

— Чего ж тогда ругается? — опешил Родька. — Радоваться надо!

— Иди, спроси у нее сам, — посоветовал я ему. — Мне это неизвестно. Может, от того, что теперь ей смысла нет дальше участвовать в шоу, она же уже всем нос натянула.

— Выиграла, — потер лапы Кузьмич. — Ну все, бухта телевизионного кабеля таперича наша!

— Какая бухта? — заинтересовался я.

— Да мы с подъездными с соседней улицы об заклад побились — победит наша Марина или нет, — объяснил мне Вавила Силыч. — Те ее шалавой называли и говорили, что первой она станет, если только там надо будет какие непотребства учинять. Ну вот на бухту кабеля телевизионного и поспорили. У нас с ним дела плохи, об ту неделю крысиная стая пробегала, они к осени завсегда в центр города откочевывают, потому как там теплее и корму больше, так они здорово провода погрызли. Крысы же, за ними не углядишь. Пока одну прибьешь, десяток рядом чего-то схарчат. А у нашего ТСЖ в бюджете закупка нового кабеля не значится.

— А еще я ихнему главному непременно морду намну, как залог получим, — добавил Кузьмич. — Маринка эта, конечно, распустеха, клейма ставить негде, но о том только мы меж собой говорить можем, это наше дело. А остальным, тем, у кого дома не серые, а синие, лучше в тряпочку помолчать.

— Чем же синий дом хуже серого? — любопытствовал я.

Подъездные посмотрели на меня, как на ребенка, и ничего на это не ответили. Мол — сам-то подумай, Саша. Синий цвет у дома — это же просто позор какой-то! Дом должен быть серым!

А вообще — вот популярная все-таки Маринка какая. Про нее даже на соседней улице все знают. И, что примечательно, даже подъездные за нее друг другу рожи бьют.

— Шел бы спать, Ляксандр, — сказал вдруг Кузьмич. — Ты, того гляди, на стол грянешься и его поломаешь. Или челюсть свернешь, зеваючи.

— Пойду, — признал его правоту я. — Завтра все в деталях расскажу, честное слово. А сегодня вообще сил нет.

— Чего рассказывать? — огладил бороду Кузьмич. — В субботу сами все увидим по телевизеру. Я уж и квасу припас.

— А я сухариков с солью в двадцать второй квартире засушил, — добавил Вавила Силыч. — Тамошние хозяева на теплые моря третьего дня уехали, а духовой шкаф у них до чего хорош! Сухарики получились на диво!

— Родька, ты тоже подумай, чем мы гостей угощать будем, — подавив зевок, попросил слугу я. — А то нехорошо получится.

— Вот это ты брось! — погрозил мне пальцем Кузьмич. — Тоже мне выдумал. В твоём дому веселины проходят, да ты же еще нас и угощать будешь. Не по покону это!

Нет, надо будет этот покон любыми правдами и неправдами раздобыть и прочитать, просто чтобы выяснить — есть ли в земном существовании хоть какая-то стезя, которую он не регулирует.

Додумывал я эту мысль, уже падая лицом на подушку. Наверное, надо было бы перед этим снять штаны и рубашку, но сил на эти телодвижения уже не хватило. Черт с ним, завтра с утра пройдуся по ним утюгом.

Вот только поспать мне долго не удалось — вроде только-только глаза сомкнул, а вот, уже и проснулся. В комнате стояла густая темнота, какой я даже не припоминаю. И почему-то рядом журчала вода. Она-то, скорее всего, меня и разбудила.

— Родька, мать твою так! — крикнул я. — Ты чего, кран не закрыл?

Не хватало только соседей снизу залить. Они у меня и так довольно скандальные, а учитывая то, что прошлой зимой у них капитальный ремонт как раз закончился... Беда будет, короче. Многосерийная и мелодраматическая.

— Что такое «кран»? — услышал я за своей спиной женский голос, в котором не было ничего живого. Вроде как мне вопрос задали, но вопросительных интонаций в помине не имелось.

Знаете, есть такая «дистиллированная вода». Она выглядит как обычная вода, но вот только всякий вкус у нее отсутствует полностью. Простая вода — она ведь хоть какой-то, да имеет. Может быть, привкус песка там, хлорки, металла — но он есть. А у дистиллированной никакого нет.

Вот и тут голос, как та вода.

Но даже не это главное. Вопрос — а это кто вообще? И как обладатель данного голоса попал в мою квартиру? Покон же запрещает пересекать порог моего жилья без приглашения. Да и нож из прилоки никуда не девался.

— Я задала вопрос, — голос раздался прямо за моим правым плечом, и тут я понял, что не лежу, а стою.

Это странно. Я же с кровати не поднимался.

— Из крана течет вода, — сообщил я тому, кто стоял у меня за спиной. — Открываешь его — она течет, закрываешь — нет. Если открыть два крана, то холодная вода смешается с горячей и достигнет состояния «самое то».

— Чудно, — отметил голос. — Чего вы, люди, только не придумаете. У меня здесь такого нет.

— А журчит что? — повертел головой я, пытаюсь увидеть собеседницу, но вокруг была все та же тьма, проходящая по разряду «коли глаз».

— Река, — любезно дали мне ответ. — Смородина.

— Чего — «смородина»? — не понял я.

— Имя реки — «Смородина».

Стоп-стоп-стоп. Река «Смородина». Где-то я это слышал, причем совсем недавно. И давно, впрочем, я тоже это слышал. Что-то такое было в детстве — Калинов мост, чудище о ста головах. Или о трех? Нет, это все не то.

Или то?

Женька. Женька упоминала реку Смородину. И Калинов мост тоже. От этого моста надо было повернуть налево, и тогда можно прийти к дому...

Твою-то мать!

Я попытался ущипнуть себя за руку — и не преуспел. То есть — может, и ущипнул, но боли никакой не почувствовал. Я даже не ощутил, как сам себя за руку взял.

Стало быть, я не проснулся. Это все сон!

Но вот только очень он реалистичным выглядит, несмотря на темноту вокруг.

Реалистичным, широкоформатным, с «3D» и эффектом присутствия.

Нет, мне еще с тех времен, когда я был в Лозовке, периодически снились странные сны, в которых я бродил по каким-то серым равнинам и что-то искал, но там я точно знал, что сплю. А здесь... Тут все по-другому.

— Ты прав, ведьмак, это сон, — в голосе той, кто стоял у меня за спиной, вдруг появилось что-то настоящее, живое. — Ты здесь — и ты не здесь. Тело твоё осталось в том мире, который про меня давно забыл. А душа — тут, у меня в гостях.

— Морана? — утвердительно спросил я.

— Ты про меня знаешь? — теперь я услышал и вопросительные нотки. Такое ощущение, что эта... Женщина? Богиня? В общем — эта сущность потихоньку размораживалась после того, как долгое время провела в анабиозе.

— Знаю, — подтвердил я. — Да и не так уж про вас там, у нас, и забыли. И писатели фэнтези про вас помнят, и даже художники некоторые. А уж дети Ночи вообще через одного.

— Но ты, ведьмак, не спешил принести мне жертву, — обвинила меня сущность. — Хотя и пошел по той дороге, что ведет ко мне. Давно никто из вашего племени не выбирал ее, никому не мила Морана. Всем любви Жива да Леля, Сварог да Перун. А меня словно и нет. — Это не я дорогу выбрал, а она меня. Да если по-честному, я и в ведьмаки не рвался.

— Жертва, ведьмак. — Морана, похоже, не особо меня и слушала. — Живая кровь, трепещущее сердце на камне. Отдай мне чужую жизнь — и наши судьбы будут связаны.

Интересно, а она может сделать так, что я во сне умру, а там, дома, не проснусь? Я вот читал, что фильмы про Фредди Крюгера — они не на ровном месте появились. Что в каком-то американском городке померли штук шесть подростков, которые перед этим жаловались, что какое-то существо их во сне гоняет по закоулкам и убить хочет. То есть — фильм был снят по реальным событиям, туда разве что добавили маленько эффектов, жуткую песенку и молоденького Джонни Деппа.

Я это к чему — стоит ли ей говорить, что я не хочу никого убивать? Не мое это. Морду набить — это пожалуйста, а чтобы жизни лишиться — это нет. Нет, в порядке самообороны, как тогда на поляне с ведьмами — возможно. Но из ритуальных соображений — это без меня.

И уж точно сердце вырезать не смогу. Даже у курицы. Я как представляю, что руку в кровавую жижу надо засунуть и сердце оттуда вынуть, так меня даже тут, во сне, тошнить начинает.

— Новые люди стали слабы, — сообщила мне Морана. — Ты колеблешься, ведьмак. Ты растерян. Ты напуган.

— Не без того, — признал я. — Так ведь и неожиданно это все. Не каждый день разговариваешь с богами славянского пантеона.

— Это сон. Разве во снах с тобой не случается того, чему в обычной жизни не место? Возможно, и то, что ты видишь сейчас, только морок.

Странно. По всему она должна была меня сейчас спросить: «Что такое славянский пантеон»? Но — не спросила. Это она, значит, знает, а что такое «кран» — нет?

Двойные стандарты, однако. Так не бывает.

— Я ничего сейчас не вижу. Темно же.

Щелчок пальцев — и мир вокруг немного прояснился, но все вокруг осталось каким-то ненастоящим, полупрозрачным. В серо-синем небе светило мутное, подернутое серой дымкой, солнце, а рядом со мной, шагах в двадцати текла река, воды которой были

окрашены в темно-багровый цвет. Правильней было бы назвать эту реку не просто «Смородиной», а «Черной Смородиной».

А противоположный берег, тот, что виднелся за водой, был весь серый-серый. И, сколько глазу хватало, пустой. Равнина, да и только.

— Здесь теперь всегда так, — объяснила мне та, что стояла за спиной. — Нас забыли, и то место, где мы обитали со времен основания мира, потеряло краски жизни.

Я повернулся к своей собеседнице, решив, что пора на нее взглянуть.

Морана была красива. Даже нет — она была прекрасна. Вот только красота эта была не от тварного мира, она не имела ничего общего со знакомыми с детства и самыми родными чертами лица матери или с незабываемым на всю жизнь обlikом твоей первой женщины.

Это было нечто другое, то, что словами описать нельзя. Просто не получится. Потому что в полной мере невозможно передать, насколько прекрасна Жизнь тогда, когда ты молод, или Смерть тогда, когда ты устал ее ждать.

Морана была и тем, и другим, едина в двух лицах.

— Каков твой ответ, ведьмак? — спросила она у меня. — Ты готов служить мне и только мне, отринув иных богов?

Что интересно — чем дальше, тем больше оживал ее голос, теперь это была не речь безликого существа, с которым я беседовал всего-то пару минут назад.

— Думать надо, — уклончиво ответил я, не решаясь дать категоричный ответ. — Но сразу скажу — я людей на жертвенных камнях резать не стану. У нас это не принято. Мир изменился, госпожа Морана, и очень здорово.

— Мир все тот же, — холодно сообщила мне она. — Реки впадают в море, деревья оживают весной и спят зимой, а солнце всходит на востоке. Люди изменились, люди. Они перестали различать, где свет и где тьма, что такое доблесть и что такое трусость. Мало того — они теперь часто выдают одно за другое, после чего сами охотно верят в этот обман. Но то люди. Ты к ним отношения не имеешь, ты ведьмак.

— Начинаящий, — заметил я. — Можно сказать — новорожденный. Госпожа Морана, я до сих пор толком не разобрался в том, что из себя мир Ночи представляет, а вы меня заставляете такое серьезное решение принимать. Да я покон до сих пор даже не прочел!

— Покон нельзя прочесть. — Морана сделала короткий шаг и оказалась совсем уж рядом со мной, я ощущал холод, идущий от ее тела. — Его можно только принять или отвергнуть. Примешь — станешь одним из многих. Отвергнешь — станешь изгоем, которому дозволено все до тех пор, пока за ним не придет Смерть. Таких изгоев немного, но это проклятое семя все еще топчет дороги мира.

— Потомки Кашея? — сообразил я, о ком она ведет речь. — Да, те еще уроды. Я тут с одним недавно сцепился, и здорово его разозлил. Он меня даже убить пообещал.

Губы Мораны искривились, это было первое изменение в ее лице с той поры, как я его увидел. До того они не шевелились даже тогда, когда она говорила. Выглядело подобное диковато, но, поскольку это сон, я не особо стал загоняться по данному поводу.

— Хорошая жертва, — сказала она мне.

— Вы имеете в виду меня? — уточнил я. — Если он меня грохнет, то это будет хорошая жертва?

— Не он тебя, а ты его, — пояснила Морана. — Пусть будет так! Я приму его от тебя как закладной дар. И даже сердце не придется вырывать, как ты и хотел. Эту погань надо выжигать как гадючье гнездо, тут добрая сталь не поможет.

— А если чужими руками? — сразу уточнил я. — Ну костерок не конкретно я запалю, а кто-то другой? Всяко может повернуться, согласитесь?

— Главное, крикни, когда пламя вскинется вверх как столб: «Морана, эта жертва тебе». И тогда я пойму, что ты принял меня как свою повелительницу, и наши судьбы связаны воедино до самой твоей смерти. Поверь, ведьмак, если все будет так, то ты обретешь больше, чем потеряешь.

Хреновая рекламная компания, прямо скажем. Нет чтобы перечислить все, что я получу в этом случае. Ну или хоть обозначить как-то. А так прямо какой-то кот в мешке получается. — Идет, — тем не менее, сказал я. — На том пока и остановимся.

На мои щеки легли ледяные ладони, глаза Мораны приблизились, и я ощутил, как наши губы соприкоснулись.

— Ты отмечен мной, ведьмак, — не отпуская мое лицо, сказала она мне. — Это тебя ни к чему не обязывает, это мой тебе дар.

— И что он дает? — решил особо не скромничать я.

— Узнаешь, — губы богини искривила улыбка. — Главное, помни о том, что в мире осталось еще много тех, кто некогда служил мне, они увидят то, что должно. Но и те, кто поклонялся моим врагам, никуда не делись. Будь внимателен, будь мудр, старайся отличить

правду от лжи, а дружбу от ненависти. И помни о том, что часто одно от другого отличить очень трудно. А теперь — прощай.

И вот тут я снова проснулся. Правда, вокруг темноты никакой не было, а были самые обычные предрассветные сумерки. И все вокруг было привычно и знакомо — диван, шкаф, кресло с посапывающим на нем Родькой.

На всякий случай я себя ущипнул. Нет, все нормально. Мне больно, а значит, это точно не сон.

А вот то, что я видел, когда спал... Интересно, это было взаправду, или подсознание выкидывает фортеля? С таким-то количеством геморроев это неудивительно. Кстати — в последнее я верю куда больше. Не потому, что мне так спокойнее, а просто потому, что это звучит реалистичнее.

Но можно и проверить. У меня есть личная лакмусовая бумажка на такой случай.

— Родька, — приподнявшись на локтях, гаркнул я. — Подъем.

Мой слуга и не подумал просыпаться, знай себе сопел в две дырочки.

— Совсем разболтался, — посетовал я и запустил в него подушкой.

— А, чего? — переполошился мохнатик и замахал лапами, отбиваясь от внезапно напавшего противника. Само собой, подушку он победил, а после устался на меня.

— Сюда иди, — потребовал я, спуская ноги на пол. — Смотри в оба. На меня, чудило, на меня. Ничего не замечаешь?

Что в Родьке хорошо, так это то, что лишних вопросов вроде: «а зачем» и «чего я должен увидеть» он не задает. Спрыгнул с кресла, подбежал и выполнил требуемое.

— Ну? — требовательно спросил я. — Чего?

— Волосы растрепаны, — почесав левое ухо, произнес Родька. — Прыщик на подбородке вылез. Что еще? Рубашка мягая, и воротник у нее грязный. А, понял! Постирать и погладить, да?

— И это все? — уточнил я.

— Еще портки надо погладить? — начал нервничать Родька. — Хозяин, да я бы еще с вечера, но ты же в них сам спать залег. А так бы я...

Судя по всему, это все-таки был только сон. Чтобы слуга ведьмака не распознал дар богини, пусть и древне-затрапезной? Да ну, не бывает.

Надо бы «афобазол» попить маленько. Или «глицин». Нервишки подлечить. Тогда и хрень всякая сниться не будет.

Тем временем Родька начал нервничать и перебирать все возможные причины такого моего поведения.

— Хозяин, если ты насчет тех сухарей с сахаром и изюмом, так это не я их съел, а Кузьмич, — затараторил он. — Кузьмича ведь всегда приветить надо, а он такие сухари...

— Телефон неси, — сказал я Родьке, не дослушав трогательную историю о гастрономических пристрастиях Кузьмича. — И чайник потом поставь, завтракать будем. Надо Мезенцевой позвонить. Ну да, на дворе шесть утра, но почему бы и нет? Она девочка необычная, так будем соответствовать. Как там у Грибоедова? «Едва рассвет, а я у ваших ног».

Глава 21

— Если скажешь что-то вроде: «Поцелуемся», то я пну тебя в ногу, — сразу заявила Мезенцева, когда вечером мы встретились с ней на «Таганской». — И очень больно. Я вообще здорово пинаюсь!

— Из чего вывод — спать с тобой небезопасно, — констатировал я. — Вот так только сон начнешь смотреть, и тут тебе в бок коленом — бах! И все, ворочайся потом до утра.

— Так себе шутка, — обличительным тоном заявила Евгения. — Слабенько.

Ну да, так себе, даже спорить не буду. Но это и неудивительно, учитывая какой день сегодня выпал на мою долю.

Не знаю, чего там Ольга Михайловна предправу наговорила, но такого количества сальных, презрительных, заинтересованных и даже завистливых взглядов как сегодня, я в жизни на себе не ощущал. Пара человек даже похлопали меня по плечу и одобрительно сообщили, что я «молодца», «красавчик», и что «лучше лежать на богатой тетке, чем сидеть на голом окладе».

Короче — все в банке теперь уверены, что я любовник Ряжской. И это, по ходу, еще одна напасть на мою голову. А что, если эти новости достигнут ушей ее законного супруга? Он ведь разбираться не станет, сказки это или нет, а просто мне голову открутит. Причем, возможно, собственноручно. Я его видел, дядька хоть и немолодой уже, но крепкий.

Хотя позитив в этой ситуации тоже есть. Увольнять меня точно не станут, это с гарантией. Более того — Волконский нынче приперся в нашу каморку ни свет ни заря и прямо с порога предложил мне переехать в другой кабинет, попросторнее и с окнами. И очень удивился, когда я ответил ему отказом.

Заходил и Косачов, менеджер по работе с VIP-клиентами, который до того нас своим присутствием особо не баловал. Он вообще всех, кроме предправа и еще пары человек, в грош не ставил, считая, что именно благодаря его умениям и стараниям банк пока остается на плаву.

Но тут, как видно, происходящее его изрядно взволновало, и он примчался ко мне выяснять, не попытка ли это дворцового переворота, не посягаю ли я на чужую делянку? А именно — на его место.

Косачов говорил много, красиво и непонятно. Я так и не взял в ум, чего он конкретно хотел — договориться со мной или напугать? Просто сомнительных комплиментов в адрес моего профессионального роста и неприкрытых угроз в его словах было равное количество. Мои девчули, не поняв, что вообще здесь происходит, тут же умчались за новостями наверх, а вернувшись, посмотрели на меня с недоуменным уважением. Как видно, они точно не ожидали такой прыти. Наташка даже изрекла: «Самэц», что в ее устах было равнозначно похвале.

В общем, все вышло как всегда — в одном месте прибыло, в другом убыло.

Вот только весь этот повышенный ажиотаж не очень меня радовал. Я не люблю вылезать на передний план и служить развлечением для госпожи любезнейшей публики. Не мое это. Я даже в школьную пору в хоре не пел, а просто рот открывал в последнем ряду.

Потому и шуточки нынче выходили корявые.

— Фарш купила? — решив перевести разговор в другую плоскость, спросил я у Евгении.

— Купила, — раздраженно ответила та. — Хотя мог бы и сам расстараться, подобные продукты покупать — это не мое. Сначала в «Мясной лавке» меня какая-то старушенция «хозяйшккой» назвала, а потом три собаки за мной как на привязи до остановки шли.

— Это твой входной билет в мой богатый внутренний мир, — пожал плечами я. — Одно дело тебя на псевдосвидании кормить, и совсем другое провести за кулисы кладбищенской жизни. За все надо платить, душа моя. Натурой с тебя не возьмешь, так хоть фаршем мзду отдашь.

— Слушай, Смолин, ты давай, не перегибай палку, — даже побледнела от злости Женька. — Натурой ему, а?

— Я имел в виду котлеты, и не более того. Но ты ни разу не хозяйшкка, потому — фарш.

— Дурак, — буркнула девушка. — Ну, куда идем?

— Ужинать, — повертел головой я, рассматривая близлежащие вывески. — У нас времени вагон. Раньше одиннадцати на погосте делать нечего, поверь мне. Оно, конечно, неплохо бы еще засветло найти сухое дерево, но потом там придется часа два ошиваться, а по нынешним погодам это не есть «гуд». Продрогнем. Так что пошли, перекусим. Я угощаю. — Естественно, ты, — и не подумала возражать Мезенцева. — Я в последний раз за себя сама платила в те времена... Да не помню даже когда. В далеком беззаботном детстве. В результате мы добрались до кладбища только в районе тех самых одиннадцати часов. Уже стемнело, небо было темно-звездным, чуть ли не впервые за последнее время. Ушли тучи из Москвы, в нее вот-вот должно было вернуться последнее тепло. Правда, синоптики сообщали, что это не последний аккорд уходящего лета, а первые признаки наступающей осени, но мне хотелось верить в лучшее. Как, впрочем, и всем остальным горожанам. Кладбище, конечно, было что надо. Вот все говорят, что, мол, на том свете все равны, и с собой туда ничего не заберешь. Насчет последнего пункта ничего не скажу, а по первому возражений полно.

Здесь дорожки, между прочим, были пошире, чем на родном мне погосте. И выложены были не дешевой плиткой, а дорогой брусчаткой, вот так. А еще здесь фонари имелись не только на главной аллее, но даже и на некоторых боковых, в основном на тех, где возвышались ростовые монументы красного и черного гранита, те, с которых на нас смотрели плечистые парни в расстегнутых пиджаках и с добрыми открытыми лицами. Похоже, что именно это кладбище было трендовым в 90-х, а потому наиболее реальных пацанов, polegших в междоусобных войнах за ларьки и рынки, прикапывали в основном тут.

Нет, на нашем погосте тоже имелись стелы, на которых красовались надписи «Сергея, ты ушел красиво» и «Колян, мы за тебя отомстили», но их было не то чтобы много. А тут — прямо ярмарка тщеславия. Одного даже в бронзе изваяли, в полный, почти двухметровый рост, с «трубкой» старого образца в одной руке и сигаретой в другой. Очень впечатляет, серьезно.

Впрочем, тут и без «братвы» интересных захоронений хватало. Имелся здесь и генералитет, и актеры и «селебрити» разные. Кладбище именитое, престижное — чего удивляться? А в старой его части, так вообще, наверное, можно разных статских советников найти и даже министров времен какого-нибудь Столыпина, а то и Плеве.

Ох, что-то мне стремно опять становится. Если тут обитатели такие, то какой же у них повелитель? Лютый небось.

— Молодой человек, — зашуршали кусты слева. — Помогите мне, а? Или вы, девушка!

— За «молодого» — спасибо, — сухо произнес я, останавливая Женьку, которая было дернулась к кустам. — А вот насчет человека — это вы промахнулись. Ведьмак я. Ну что, помощь еще нужна?

Ответа не последовало, да и шорох мигом стих.

— Тебя что, не учили, что здесь, в доме мертвых, никогда никому помогать нельзя? — строго спросил я у девушки. — И имя свое незнакомым людям называть тоже запрещено. — Ну что-то такое Вика говорила, — смутилась вдруг девушка. — Но я не очень слушала...

— Очень зря, — без тени шутки произнес я. — Помнишь, что Маринка позавчера ночью отколола на том кладбище? Хочешь так же? Только из нее чужая душа вышла сразу после того, как поручение своего повелителя выполнила, а тебя неизвестно когда отпустят. И в каком после этого состоянии тело останется, тоже фиг знает. Мозги включай, мы не в аквапарке. Это — кладбище. Причем чужое кладбище, где я никого не знаю.

— Именно так дело и обстоит, все сказано предельно верно, — подтвердил мои слова чей-то голос, раздавшийся с боковой аллеи, на которую фонарей не хватило. — Приятно встретить в наших краях образованного человека. Ах, извините — ведьмака. И сразу возникает вопрос — что именно его сюда привело?

— Дела, — с готовностью ответил я. — Дела, как это ни печально. Нет, по такому достойному погосту и просто погулять в радость, очень уж тут славно, покойно, красиво. Но не в этот раз. А, если не секрет, с кем мы имеем дело? Не покажетесь?

— Почему нет? — ответил мне неожиданный собеседник, и секундой позже мы увидели стройного молодого человека в длинном зеленом сюртуке, вроде тех, что носили чиновники при царе. Разумеется, он был призраком, но ничего другого я и не ожидал. — Позвольте отрекомендоваться — Самсон Орепьев-третий, чиновник канцелярии при московском губернаторе. Увы, давно покойный.

— Ну мы все не вечны, — посочувствовал ему я. — Досточтимый Самсон, можно ли будет вас попросить проводить нас к Хозяину этого кладбища? У меня дело именно к нему. Только прежде я хотел бы сделать подношение, как того и требуют правила и покон.

— Покон надо чтить, — склонил голову призрак. — Следуйте за мной, я провожу вас к сухому дереву. Ну а после, если на то будет воля повелителя, сопровожу вас к нему. Ну или убую, тут уж как он пожелает.

Женька дернулась, курточка, что была на ней надета, распахнулась, и я увидел, как в свете фонарей тускло мигнула серебряная нашлепка на рукояти ножа, такого же, какой был у Нифонтова. Он был нацеплен на широкий пояс, продетый в петли джинсов. Странно, раньше я подобного оружия у нее не видел, только пистолет. Может, ради похода в незнакомое место прихватила с собой? Я-то тоже свой взял, от греха.

Наивная, как не знаю кто. Ясно ведь, что нас просто пугают. Им без подобного никак. Но сказать следует другое. Однако это политика. Мир Ночи, мир Дня — переговоры везде едины. Говори что должно, не выдавай свои истинные мысли, и даже на мирный вопрос «сколько времени?» отвечай фразой: «прежде чем я сообщу вам данную информацию, мне надо посоветоваться со своим юристом».

— Это его земля, его владения и его воля. Мы это знаем, и заранее благодарны вашему повелителю за любое его решение.

Орепьев-третий на это ничего не сказал, но это и неважно. Главное, что синеватые отблески, окружающие его фигуру, не сменились на багровые. Значит, все идет так, как надо.

Если совсем честно — я меньше всего волновался за то, как мы отсюда уйдем. Мертвые страшны только тогда, когда ты их боишься. Если страха нет, то ничего с тобой не случится. А вот за результат крайне переживал, причем сразу за все слагаемые. Примет ли нас Костяной царь, здесь ли дух мамы Ряжской? Слишком много петелек у этого плетения.

Чуть отпустило меня после того, как я плюхнул фарш из пакета (Женька не поскупилась, пару кило взяла) между ветвей дерева, туда, где природа создала идеальную площадку для подношений, и сразу после этого услышал:

— Хозяин просит вас пройти к нему.

Уже хорошо. Он готов нас выслушать, а это если и не половина успеха, то близко к тому.

Кладбище, признаться, было велико. Очень велико. Мы шли и шли, сворачивали с одной аллеи на другую, и я уже не смог бы указать, где находится вход, через который мы сюда попали. Seriously. Случись спешно рвать когти, так я даже не буду знать, куда бежать. Заплутаю наверняка.

Надо будет себе навигатор с «track-back» купить для таких случаев, чтобы он мой маршрут фиксировал и потом обратную дорогу показывал. Ну или в смартфон скачать. Память — это здорово, но навигатор — еще лучше. На кладбищах вроде этого — самое то.

Но одно было ясно предельно точно — мы шли на старую территорию, самую что ни на есть. Давно не попадались гранитные глыбы с нарисованными на них самолетами, танками и микроскопами, озаменовывающими то, что здесь лежит цвет советской армии и науки. Здесь по бокам можно было разглядеть ангелов смерти, застывших в скорбных позах, каких-то женщин с чашами и весами, или плачущих младенцев с крылышками за плечами. Да что там. Тут имелись и склепы, самые что ни на есть настоящие, фамильные. Эдакие мрачные строения, обвитые плющом. Ну или как там эта зеленая хрень с листьями называется?

И около самого большого и старого склепа предсказуемо обнаружился местный Хозяин кладбища. Он сидел в черном кресле около открытой двери, за которой клубилась непроглядная тьма, а рядом с ним отиралось десятка два призраков, то и дело что-то ему говорящих. Впрочем, он их не особо слушал, похоже. Он сидел и смотрел на то, как мы приближаемся к нему.

— Ой, мамочки! — непроизвольно вырвалось у Женьки, когда та подошла совсем близко. И было отчего.

В первую очередь поражала его высота. Наш Костяной царь тоже был не коротышка, но здесь... Гигант, как есть гигант, метра под три вышиной. Да он даже сидя был выше меня головы на три. Или больше.

Хотя кое-что общее у них все же имелось. Например — одежда. Все тот же черный балахон с капюшоном, скрывающим лицо, и такой же глухой голос.

— И правда — ведьмак, — гулко ухнул Костяной царь. — А думал — ошиблись мои соглядатаи, чего-то недопоняли. Мало того — ведьмак, выбравший служение Смерти. Диковина, да и только!

— Мое почтение тебе, владыка мертвых, — я приложил ладонь к груди и поклонился. — Прости, что пришел незваным, но так уж судьба распорядилась.

— Судьба к твоему племени отношения почти не имеет, — жутковато хохотнул умрун. — Разве что в самом начале она маленько нити подпутает, да и только. А остальное вы сами себе ворожите. Кто смерть легкую, простую, кто долгую да мучительную. Вот ты, например, такую дорогу выбрал, что и до власти легко добежать, и до покоя тоже. Только одно с другим смешать невозможно, выбирать придется, либо то, либо это. И при чем тут судьба? Ты же сам для себя решать станешь, что тебе больше по душе?

И сразу столько у меня вопросов к этому страхуиле возникло — аж скулы свело. Вот что значит руководитель серьезного, старого и большого погоста. Все знает. Нет, как ни крути, но и по ту сторону жизни все решает статус. Если у тебя маленькое захолустное кладбище — сидеть тебе на районном дотационном уровне. А если с видом на Садовое кольцо — то ты участвуешь в пилке «бюджета». Ну это я фигурально выразился, но смысл, думаю, всем ясен.

— Оживился, — снова засмеялся умрун и ткнул в меня когтистой рукой такого жуткого вида, что Мезенцева даже за мою ладонь ухватилась. — Смотрите-ка! Нет, ведьмак, я тебе ничего рассказывать не стану. Я не просветитель. Точнее... Если службу мне кое-какую сослужишь, то на кое-что глаза я тебе приоткрою. Как, пойдешь ко мне в слуги?

Я почти сказал «да», так меня все это заинтересовало, но вовремя прикусил язык. Между «службу сослужишь» и «пойдешь в слуги» разница такого размера, что будь здоров. Да и формулировка мутновата. Непонятно, что за служба, непонятно, что он мне поведает. Не-не-не, так не пойдет.

Да и вообще, все это сильно напоминает примитивную «разводку».

— Подумаю, — с достоинством ответил я. — Сейчас других дел много. А служба такому... э-э-э... хозяину, как вы, не терпит совместительства.

— Подумай, — одобрительно качнулся капюшон. — Вот как подумаешь, так и приходи. Даю тебе разрешение на еще одно посещение моего дома. Но только без этой вот девицы. Я судных дьяков с да-а-авних пор не люблю. Очень от них неудобств много бывает. Как нагрянут, так все сразу вверх дном перевернут. Они уйдут, а мне в доме потом порядок долго наводить приходится. Так что сейчас я ее отпущу, но в следующий раз она со мной отправится, в мои покои. Навсегда.

И умрун мотнул подбородком, указывая на дверной проем склепа. Тьма там словно услышала его слова и, похоже, начала двигаться. Прямо как живая!

— Я не хочу, — сдавленно сообщила Костяному царю Женька.

— И это неудивительно, — согласился с ней умрун. — Тебя там ничего хорошего не ждет. Я с тебя там кожу снимать стану, а потом мясо по кусочку с костей срезать. С живой. Так что не ходи сюда больше по ночам. Не надо.

И-да, я бы на месте Женьки этому их Пал Палычу отдельное «спасибо» сказал. За добрую память, что он тут по себе оставил.

— Все, ведьмак, иди, — величественно махнул рукавом балахона умрун. — У меня этой ночью еще много дел, не до тебя больше.

По-хорошему, надо бы валить. Но то по-хорошему. У меня так не бывает.

— Просьба есть, повелитель мертвых, — собрав все силы, громко сказал я. — Небольшая, для тебя так и вовсе пустяковая.

— Просьба. — Умрун повернул капюшон к призракам, обступившим его трон. — Просьба у него. Даже не знаю, слушать ли? Служить мне сразу не согласился, а просить что-то уже начал.

— Не вижу поводов для обиды, — с улыбкой заявил я. — Что вы за работодатель, если на первом собеседовании хоть чего-то мне, как потенциальному работнику, ничего не пообещали? Ну там зарплату хорошую, график отменный, питание за счет организации. Понятно, что работодатель работника всегда «напарит», но посулить-то можно?

— Не все слова, что ты сказал, мне известны, но смысл я уловил, — хмыкнул умрун. — Ведьмак, мне даже за тебя обидно стало. Что за низкое фиглярство? И за кого ты меня считаешь?

— А вы меня? — в тон ему ответил я. — То «службу сослужи», то в слуги иди. Разница-то огромная. Мне до вашей мудрости далеко, но только черное от белого все одно отличить сумею.

Если я чего и усвоил за последние месяцы, так это то, что перед этой публикой пасовать нельзя. Как только ты делаешь шаг назад, они тут же делают шаг вперед. Ну да, для меня настолько активная жизненная позиция пока что в новинку, но я учусь. Потому что хочу прожить как можно дольше.

— Оба хороши, — согласился умрун, и захохотал во весь голос.

У меня аж мурашки по коже побежали с кулак величиной от его смеха.

Да и вообще этот представитель племени Хозяев кладбищ был совершенно не похож на своего собрата, того, с которым я свел... Да, пожалуй что и дружбу. По крайней мере, с моей стороны.

Тот был мрачен и зловец, а здесь я видел эдакого загробного эпикурейца, любителя пошутить и поснимать забавы ради кожу с юных девушек. С живых, разумеется.

Вот только и не знаю, кто из них двоих хуже. Сдается мне, что этот весельчак. Смеётся-то он смеётся, да вот только два уголька глаз из капюшона так и пыхают неугасимым огнем.

— Ладно, говори, — разрешил умрун. — Только сразу предупрежу — если ты за какими вещичками из могил пожаловал, то я очень сильно разозлиться могу. Могильных воров да дьяволопоклонников терпеть не могу. Самая пакостная публика, хуже малахольных девиц-самоубийц.

— В мыслях не было, — сообщил ему я и для усиления эффекта даже рукой эдакий отрицающий жест сделал. — Не скажу, что за мной грешков не водится, но по чужим могилам сроду не шарился. Мне бы с одной из ваших подданных поговорить пару минут. Ну если тут такая проживает, разумеется. Могила точно здесь, у вас, а что до души — не уверен. Она не в наших землях померла просто.

— Да дело-то не в том, кто где помер, а в том, что за душой водилось, пока человек живой был, — прогудел Хозяин кладбища. — Или ты и этого не знаешь? Да ты, приятель, как есть полено стоеросовое!

— Все сразу не узнаешь, — и не подумал смущаться я. — Дайте срок — все выведаю.

— Я бы не дал, — категорично заявил Хозяин. — Больно ты себе стезю скользкую выбрал. Не травничество, не ведунство. Кто знает, куда она тебя заведет? Помню я одного из ваших, он лет двести назад такое учудил, что мы все только ежились да гадали, чем это кончится и что с нами после такого дальше будет.

— И что он учудил? — заинтересовался я.

А что такого? Историю своего вида надо знать.

— Безобразия невероятные, — отделался отговоркой Костяной царь. — Ладно, не суть. Кто тебе нужен? Имя знаешь? Или место захоронения.

— И то, и другое, — бодро заявил я, доставая визитку Рязской.

Она же тогда от бумажки отказалась, что я ей подсунул, да еще и посмотрела на меня иронично, а после достала свою визитку (красивую, золотистую) и уже на ней записала координаты могилы. Да еще и приписку сделала: «Звонить в любое время».

Умрун выслушал информацию и коротко глянул на Орепьева-третьего, который, похоже, был у него на посылках. Тот кивнул и увистал в ночную мглу. В прямом смысле увистал, его словно ветром сдуло.

— А что девица-то твоя? — полубопытствовал умрун, поворачивая свой капюшон в сторону Мезенцевой, которая так и стояла немым изваянием, сжав мою руку своей холодной и потной ладонью. — Вон как вцепилась, не разъединишь вас.

— Сам гадаю, — уклончиво ответил я. — Так-то всем она хороша — и рыжая, и глаза зеленые, и сама крепкая, хоть бревна на ней вози. Но вот только характер тяжеловат. Ну вы понимаете, о чем я речь веду?

— Бить надо, — по-отечески посоветовал умрун. — Вот мой родитель каждую пятницу мамку гонял по двору, и жили они душа в душу. А сейчас много вы воли им дали. У меня хоронят-то сейчас новых редко, но случается, чего уж. И такие дамочки иногда попадают, что мной пробуют командовать. Одна даже было задумала проводить тут... Как же это... Кадровые перестановки. Мол — все у вас не так, как должно, старые вы, глупые, что к чему не знаете. Ну я ее на десять лет и загнал к ужам в нору, они у меня во-о-он там живут, под старым вязом. Пусть ими покомандует.

— Так я и дала себя колотить! — подала вдруг голос Женька. — Я и сдачи дать могу! И потом — сейчас времена не те. Сейчас мы мужиков сами бьем, если надо.

— Вот о том и речь, — назидательно произнес Костяной царь. — Не те времена стали, не те нравы. Куда это годится — баба лезет в разговор, перебивает, спорит. Ведьмак, отдай ее мне, а? На месяцок. Шелковой верну. Вот так сейчас и скажи — «Хозяин, отдаю тебе деву сию на месяц в полное право». Ей-ей, не пожалеешь!

— Не-а, — покачал головой я, поражаясь наивности плетения интриги. — Себе оставлю. Перевоспитывать буду.

А может, эти наивные заходы просто отвлекающий маневр? Чтобы я расслабился и считал его глупее, чем он есть на самом деле. Буду выискивать простое и не увижу сложное?

Нет, надо говорить как можно меньше. И лучше всего односложно.

Но говорить больше ничего и не пришлось, поскольку к нам вернулся Орепьев-третий, за которым следовала невысокая призрачная старушка в черном платье с белым воротничком. Причем к платью этому была приколотая блестящая брошь, по виду крайне недешевая. Как видно, старушку с ней и похоронили. Надо думать, памятная для нее вещь была.

Надеюсь, никакой ошибки не вышло, и это именно она, покойная мама Ольги Михайловны. — Софья Викентьевна? — сразу, как только она приблизилась к нам, спросил я у нее. — Морозова Софья Викентьевна?

Старушка ничего мне не ответила, вместо этого она уставилась на Хозяина кладбища, как видно, ожидая от него разрешения вступить со мной в беседу.

— Отвечай, раз спросили, — рокотнул тот и устроился в кресле поудобнее. — Давай, давай, позволяю.

— Именно так, — с достоинством произнесла старушка. — Чем обязана?

А при жизни, похоже, дамочка была еще та, с гонором. Неудивительно, что Ряжская, тетка в целом неплохая и не скандальная, с ней не ладила.

— Ваша дочь, Ольга, попросила меня кое-что у вас узнать, — неторопливо изложил я цель своего визита. — Дело в том, что все то время, что прошло с вашей смерти, ее тяготят слова, что были сказаны в вашем последнем разговоре. Ей надо точно знать, простили ли вы ее за них. Она женщина упертая, еще пару лет так помучается да и свихнется, чего доброго.

Лицо призрака скривилось, словно старушка хотела заплакать.

— Дочь меня прощать должна, — еле слышно прошептала она. — Не я ее. Там я думала, что всегда права, а тут поняла — нет. Не так все было, неправильно.

— Вы простили ее? — громко спросил я. — Мне нужно знать ответ на именно этот вопрос.

— Да, — ответил призрак. — Разумеется. И скажите ей...

— Хватит! — требовательно громыхнул голос умруна. — Вопрос задан, ответ получен.

— Это не все, — добавил я в голос просительности. — Мне еще кое-что надо узнать, повелитель!

— Все-таки я добряк, — сообщил своей свите Костяной царь. — Вот кто бы другой сказал: «Много хочешь, ведьмак». А я говорю — пожалуйста. Еще один вопрос, но на этом все.

— Мне надо узнать пароль от вашего номерного счета в цюрихском банке, таково требование вашей дочери, — поспешно произнес я. — Это не более чем подтверждение того, что я в самом деле с вами разговаривал, поскольку кроме вас и нее этого слова никто не знает. Отдельно отмечу — что за банк мне неизвестно, и лапу на ваши деньги я накладывать не собираюсь.

— Краков, — чуть улыбнувшись, сказала старушка. — Это слово — «Краков». Там я познакомилась с ее отцом, и там мы зачали ее. Она могла бы и сама догадаться, что это за слово, если бы меньше думала о бизнесе и больше о семейных ценностях.

Значит, все-таки Ряжская мне надула в уши. Ну и ладно, не моего ума это дело. Опять же — может, премиальные какие мне обломятся, когда счет будет опустошен. А почему нет? Кстати — а крутая была при жизни эта бабуля, если у нее имелся номерной счет в Цюрихе. Не ее зятя, не дочери даже, а ее собственный.

— Это все? — уточнил Хозяин кладбища.

— Теперь — все, — ответил я. — Спасибо. И вам спасибо. Не волнуйтесь, я все скажу Ольге. И то, что вы ее любите — тоже.

Старушка вцепилась в брошь на груди, явно желая ее снять, но ничего предсказуемо не получилось. А мгновением позже и она сама исчезла, развеянная внезапно подувшим ветерком.

— Спасибо, повелитель, — я поклонился умруну. — Век не забуду твоей доброты.

— Не забудешь, не забудешь, — заверил меня он. — А главное, помни то, что я пошел тебе навстречу, оказал радушный прием и выполнил твое пожелание. Как там у людей говорят? «Долг платежом красен». Вот это не забудь, ведьмак, помни крепко.

— Покон есть покон, — веско произнес я. — Не сомневайся.

Хорошая штука все-таки этот покон. Все на него списать можно.

— Хотелось бы верить, — проворчал повелитель мертвых и махнул своей когтистой лапой. — Проводите их к выходу.

Женька вслед за мной отвесила Костяному царю прощальный поклон, говорить, правда, ничего не стала. Она вообще какая-то непривычно замороженная была. Даже не среагировала никак на мою просьбу вызвать такси к главному входу на кладбище, куда нас вел все тот же Орепьев-третий. В результате и это мне пришлось делать самому. Вопрос — на кой она вообще за мной увязалась? Всю дорогу либо молчала, либо боялась. Разве что только фарш привезла, да и то по этому поводу вся изнылась.

И в машине она тоже слова не произнесла, знай думала о чем-то своем, терла лоб, шмыгала носом. Я рассудил, что чужая душа — потемки, и разговорить вправую в раздумья девушку не пытался, но когда машина остановилась около ее подъезда, все-таки вышел из салона и положил руку ей на плечо. Она, правда, тут же ее сбросила.

— Ты чего напряглась, мать? — по возможности весело спросил у нее я. — Все же закончилось хорошо? Я бы даже выпил кофейку по этому поводу. Если пригласишь к себе, конечно.

— Какой кофе? — глаза Мезенцевой были наполнены слезами. — Я тебя, Смолин, видеть не могу. И не хочу.

— Вот тебе и раз, — опешил я. — С чего бы?

— Струсил я! — взвизнула Евгения. — Струсил! Ты — нет, хотя и должен был, а я — да! Первое дело, первое гребаное самостоятельное дело — и я обделалась! Мне нож сегодня Ровнин вручил, полноценным сотрудником признал, а я чуть в штаны там, на кладбище не напустила, когда этот черт на меня уставился! Слова сказать не могла, понимаешь? А ты как ни в чем не бывало держался, хоть и тюфяк, и дурак, каких свет не видывал!

— Сама ты... — не на шутку обиделся я, хоть и знал наверняка, что когда молоденькие девушки истерят, то словам их грош цена, потому как они вообще в этот момент не соображают, чего несут. — Дурак — возможно, но тюфяк-то почему?

— Да пошел ты! — бросила мне в лицо Мезенцева, рванула к подъезду и через секунду со всего маха грохнула его дверь.

— Нэ дала? — сочувственно спросил у меня таксист, когда я уселся обратно в машину.

— Не-а, — вздохнул я. — Но, может, оно и к лучшему. Очень уж у нее много тараканов в голове. Даже когда включаешь свет, они не разбегаются.

Приехав к своему дому и расплатившись с водителем, я не стал сразу подниматься в квартиру. Я достал из кармана телефон и визитку Ряжской. По дороге все раздумывал — позвонить ей сразу или дождаться утра? Тщеславие победило. Ну и потом — она написала «звонить в любое время»? Вот, получите полуночный звонок. Опять же — это может дать нужный эффект в свете возможного интереса ее мужа к моей скромной персоне. Ну в том случае, если до него доползут слухи на тему того, что я Ольгу Михайловну спасаю от скуки и женского одиночества. Полагаю, что он в курсе дел с номерным счетом, и этот мой звонок может стать неким алиби.

Или, наоборот, порядком меня скомпрометировать. Но будем верить в лучшее.

Трубку сняли после третьего гудка.

— Ольга Михайловна? — добавив в голос бархатистых ноток, спросил я. — Это Смолин. Надеюсь, я вас не разбудил?

— Нет, — доброжелательно произнесла моя собеседница. — У нас сегодня были гости, только-только последние разъехались. Саша, вы звоните, чтобы что-то еще спросить у меня, или...

— Или, — решил не тянуть я. — Краков, Ольга Михайловна. Краков.

— Что — «Краков»? — голос женщины изменился, веселье его покинуло.

— Вас, Ольга Михайловна, родители сотворили именно в этом городе. И, как мне было сказано, если бы вы поменьше думали о бизнесе и побольше о семейных ценностях, то сами бы до этого слова, которое является доступом для сами знаете чего, додумались.

— Вы общались с ней, — выдохнула в трубку Ряжская. — В самом деле общались! Саша, она простила меня?

— Да, — подтвердил я. — Более того — ваша мама считает, что это вы должны простить ее, а не она вас. Так что спите спокойно, Ольга Михайловна, переживать вам не за что.

— Саша, — возникало ощущение, что женщину на том конце провода душат, так отрывисто звучал ее голос. — Саша! Как она там? Скажите!

— Она там хорошо, — заверил ее я. — Лучше, чем мы здесь. Там, знаете ли, спокойнее, поводов для нервозности меньше. Что еще? Платье на ней черное, воротничок белый, брошка на груди. И это все, Ольга Михайловна. Это — все. Я задал ей только те вопросы, что мы оговорили, и не более того. На большее у меня не было ни возможности, ни желания. Это та область бытия, куда глубоко влезать не рекомендуется никому. Я понятно выразился?

— Предельно, — ответила Ряжская. — Спасибо вам, Саша. В понедельник я к вам заеду, нам надо будет кое о чем поговорить.

— Ну заезжайте, — еле удержался я от неуместной улыбки. Ну в самом-то деле — куда это годится? Она могла ее распознать в голосе, а момент этого не подразумевал. Так и знал, что эта женщина в случае успеха захочет сделать из меня личного астролога. Ну не совсем астролога, разумеется, но смысл этого выражения, я думаю, всем понятен. Я ее выслушаю. Чего теперь-то уж? И потом — «нет» я успею сказать всегда.

Убрав телефон в карман, я глянул на небо и подумал о том, что со всей этой кутерьмой я совсем забыл о том, что на меня объявлена охота. Вот я сейчас торчу тут один, без прикрытия и в темноте. Приходи и убивай, по-другому не скажешь.

Додумывал эту мысль я уже в подъезде, за закрытой дверью.

Проходя мимо почтовых ящиков, я заметил, что в моем что-то белеет. Газет я не выписывал, письма мне писали только электронные, а всякие бумажки от налоговой и пенсионного приходили к родителям, туда, где я был прописан.

«Реклама, наверное», — рассудил я, но все-таки, побренчав ключами, открыл ящик.

Нет, это была не реклама. Это все-таки было письмо. В белом конверте, написанное на самом обычном листе формата «А4» каллиграфическим почерком.

«Живи пока, ведьмак. Не стану писать банальностей, вроде: „Тебе повезло“ или „Ты свое получишь“. Везение — понятие субъективное, а твоя смерть — дело решенное. Просто мне и вправду пора на время покинуть этот город, а спешить я не хочу. Быстрая смерть — это слишком большая роскошь для того, кто должен умереть так, чтобы об этом говорили все.

И потом — ожидание смерти хуже самой смерти. Фраза избитая, но очень верная.

Потому — живи пока.

До встречи,

Н.В.

P.S. Передай от меня привет своим друзьям. Надеюсь, они нашли все те маленькие сюрпризы, которые я для них припас в том месте, которое служило мне домом в последнее время».

Надеюсь, что не все.

Я вытащил телефон, отыскивал в контакт-листе номер Нифонтова, ругая себя за то, что не вынес его на панель быстрого набора, и ткнул в него пальцем.

— Да, — откликнулась трубка почти сразу. — Чего?

— Если вы в доме колдуна, то валите оттуда скорее, — проорал я. — Его там нет, а вот гадостей он оставил, похоже, немало.

— Немало, — подтвердил оперативник устало. — Да и дома самого уже нет, одни угольки остались. Одно хорошо — никто ни из наших, ни из ребят Стаса не пострадал. Туда «фэбсы» первые полезли, опять им информацию слили. Стас «крысу» вычислить вычислил, а остановить не успел. Двое на том свете, двоих в ожоговый повезли, может, успеют доставить живыми. Ну и в «Вишневого» еще троих отправили, к военным хирургам. Мы как раз недалеко от него находимся.

— Слушай, а они нас, грешным делом, не слушают? — озаботился вдруг я.

Мне только этой головной боли не хватало.

— Нет, конечно, — успокоил меня Николай. — Да и на кой ты им сдался в любом случае? Эликсира молодости не сварить, золото из ртути не добудешь, а самое главное — убивать не умеешь и не хочешь. Ну и смысл на тебя время тратить? Ты мне другое объясни — каким образом...

— Колдун мне письмо в ящик бросил, — оборвал я его вопрос. — Попрошлся. Сообщил, что временно отбывает из Москвы. Но обещал вернуться.

— Как это мило с его стороны, — хмыкнул Николай. — И как вежливо. А еще — глупо. Убивать надо тогда, когда есть такая возможность, и не превращать это в игру. Потому что никто никогда не может сказать, какая карта тебе достанется на следующей сдаче.

— Слушай, ну ты-то чего начал штампы из дешевых боевиков в разговор вплетать? — поинтересовался я. — За тобой вроде такого греха не водилось.

— Все мы дети масс-медиа, — резонно ответил Нифонтов. — И потом — это была бы отличная фраза для завершения какого-нибудь посредственного романчика.

— Это да, — согласился я. — Лучше и не придумаешь. Ладно, на созвоне. Я спать.

Он затеял было спрашивать у меня что-то про нашу с Женькой поездку, но я уже нажал «отбой». Если оперативнику интересны детали, то пусть сам этой психованной звонит. А мне пора домой. Надо выспаться, поскольку впереди у меня новый интересный день. Я буду смотреть телешоу с подъездными, а до него, возможно, загляну к Маринке. Надо же узнать, что она думает делать дальше, в разрезе своей карьеры телезвезды? Победа-то у нее почти в руках. Не конкуренты ей тамошние хмыри вроде Максиваксио или Гупты, никак не конкуренты.

Правда, бабушка Сана Рая мутновата, но это ладно.

Еще мне надо бы за эти выходные сварить зелье мордоротное, порадовать предправа. И ему развлечение будет, и мне практика. Не знаю, допрет он, чьих рук дело, или нет, но я это сделаю. Тем более, что риска особого в этом нет. Сдается мне, что с госпожой Ряжской любовь у нас будет долгая и обоюдная. В смысле — обоюдовыгодная.

Уже послезавтра настанет новая неделя, и все начнется по новой — работа, борьба за место под солнцем, соблазны, раздумья о том, какие еще сюрпризы подбросит мне судьба и ожидание поездки в Лозовку. Причем неважно — с Нифонтовым или без него. Лично я отправлюсь туда в любом случае. Не знаю отчего, но есть у меня уверенность в том, что пропускать вечеринку русалок нельзя ни в коем случае.

Но это все будет потом.

А на сегодня всё интересное кончилось.

Тень света

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любимыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

— Нет, приворотом я не занимаюсь, — устало сказал я благоухающей дорогушей парфюмерией даме, сидевшей напротив меня. — Не мое, извините. Это вам к соответствующим специалистам надо обратиться, профильным. Вот они вам точно помогут. Ну или сделают вид, что помогли. В кольцо иголкой потыкают, заговоры пошепчут, фотку коварной разлучницы ленточкой траурного цвета перевяжут — короче, все как надо оформят. Что сработает эта хренотень не поручусь, но вам точно спокойней станет.

На самом деле я врал. Ну не то, чтобы совсем уж врал, точнее будет сказать — кривил душой. Кое-что для этой женщины я сделать мог, вот только вышла бы ей моя помощь боком — и сильно. Имелась в моей книге одна заметка, под названием «Присуха сердешная», имелась, чего скрывать. Но когда я прочел, к каким именно последствиям ведет это, назовем его так, заклятие, то сразу для себя решил — подобные игры проходят без моего участия. Ну нафиг такие забавы.

Само по себе заклятие было несложное, в плане исполнения, имеется в виду. Незамысловатые компоненты, не слишком труднопроизносимое заклинание, да и последующая реализация самая что ни на есть примитивная — сыпани порошок в еду и жди результата.

Вот только снять это заклятие потом почти нереально. Тот, кто порошок скушает, потом от своего избранника или избранницы не отвяжется вовек. В книге так и было написано: «Томление любовное все прочие мысли закроет, только образ один в голове у того человека будет, и прочая жизнь для него существовать перестанет. Если же его амант или аманта кого другого предпочтет, то беда великая случиться может, и даже со смертоубийством, потому как видеть предмет дум своих в чужих руках для той персоны боль нестерпимая есть». И еще полстраницы на ту же тему, как предупреждение — не стоит играть с любовью, хорошего от таких забав ждать не стоит.

Причем автором этого заклятия выступил, против моих ожиданий, не шаловливый Митрий, большой любитель плотских забав, а Митрофан, Евстигнеев сын, изрядный буквоед и зануда. С какого перепуга он этим вопросом заинтересовался — понятия не имею. Хотя могу предположить, что кинулся он в данную степь после того, как понял, что естественным путем ему какую-нибудь селянку в себя не влюбить. А, может, сам в кого втрескался настолько, что пошел на подобное ухищрение.

Кстати, это была последняя запись, сделанная Митрофаном в книге, по крайней мере из тех, что в ней имелись на сегодняшний день. Не исключено, что все и на самом деле для него плохо кончилось. Я пытался узнать у Родьки, что же там произошло (интересно ведь), но тот только делал круглые глаза да бормотал нечто невнятное. Хотя, ради правды, он вообще очень неохотно рассказывал мне подробности бытия своих прежних хозяев, за исключением, пожалуй, только последнего, того, что мне свою силу передал. Как видно, был у него какой-то свой кодекс чести, не позволяющий выдавать тайны тех, кто уже ушел из этой жизни.

А может, такова была его природа изначально, поди знай?

Короче — не собирался я практиковать любовную магию. И даже тот факт, что в данный момент передо мной сидела супруга ну очень небедного, я бы сказал — влиятельного человека, для меня ничего не решал. Лучше получить прямо сейчас небольшую проблему в виде резких высказываний раздраженной женщины со следами былой естественной и текущей хирургической красоты на лице, чем потом глобальную беду с возможными уголовными последствиями. Да еще и почти неразрешимую. Когда у ее мужа начнет крышу сносить от беспричинной ревности, и он установит за ней тотальный контроль, то она ведь ко мне прибежит с воплями: «Вертай все взад». А я только руками и смогу развести — снять-то это заклятие возможным не представляется. Точнее — это очень, очень трудновыполнимо. Там жертва нужна будет, и не какая-нибудь курица или другая мелкая живность. Его придется переводить на другого человека, и человек этот, считай, смертник. Выпьет его сила заклятия за год или даже быстрее, потому как не под него оно делалось. Не скажу, что я сильно высокоморальная личность, но подобные грехи на свою душу брать пока не готов.

А вот еще интересно. Подобные заклятия у ведьм такие же, как у нас, ведьмаков? По исполнению и механизму действия? Имеется в виду, у настоящих ведьм, вроде Дары и ее подруг, а не мутных дамочек с хрустальными шарами, черными париками и в пестрых одеждах.

Буду снова в Лозовке — непременно у нее поинтересуюсь. Правда, не факт, что случится это скоро — на дворе дождливый октябрь, ветер срывает с деревьев еще совсем недавно зеленые, а теперь бурые листья, и все лесные дороги наверняка развезло так, что на тракторе не проедешь. Тут, боюсь, даже тамошний Лесной Хозяин дядя Ермолай не поможет.

Даре-то что, она летать умеет. А вот я — нет.

Кстати, когда мы в самом конце лета все-таки нагрянули в Лозовку, я еще раз сподобился увидеть приснопамятный «полет валькирий», правда в этот раз лихой ведьмовской воздушный эскадрон оседлал метелки. Как видно, в вылазках на дальние расстояния без них не обойтись. Как мне потом объяснил вечно сумрачный Пал Палыч, который являлся коллегой Нифонтова, последний день лета не только для русалок является знаковым, но и для разной другой нежити и нечисти старославянского разлива. Они в этот день что-то вроде Нового Года справляют. Нет, про нечто подобное я и сам знал, в смысле — читал. Наши далекие предки этот праздник не зимой справляли, а в сентябре, в день осеннего равноденствия. В принципе, логика в этом имеется. Урожай убран, мороз еще не ударил, и даже если до бровей медовухой наберешься, а после под плетнем заснешь, то все равно не замерзнешь насмерть. Самая погодка для праздника.

Но то — люди, они во всем найдут практический смысл. Те же, кто живет в Мире Ночи, менее привязаны к простым радостям Земли, и у них своя логика. Которую, к слову, я пока не всегда могу постичь.

Потому я так и не понял, чем последний день лета отличается от первого дня осени, кроме, естественно, календарных значений, но сильно по этому поводу и не расстроился. Зато на закате все мы созерцали полет ведьм, которые с гиканьем сначала поносились над притихшей Лозовкой, а после стремительно помчались куда-то в сторону Можайска и вскоре скрылись из вида.

— И ведь знали, что мы на них смотрим, — заметил Пал Палыч. — Специально шоу устроили, чтобы понятно было, кто здесь настоящие хозяйки. Мол — при нас наша мощь, вот, ничего мы не боимся и, если надо, всем покажем, что такое настоящая сила и злоба природной ведьмы. Терпеть ненавижу.

Если бы Дарья Семеновна сейчас услышала его, то, полагаю, ей стало бы не по себе. И уж точно не стала бы плевать нам вслед, как тогда, когда мы по приезду встретили ее на деревенской улочке. Сто пудов, случайно встретили. Как же еще?

Я сдержал свое слово и прихватил Нифонтова с Мезенцевой с собой в Лозовку. Что до Пал Палыча — о его участии в вылазке меня поставили в известность по факту, прямо на Белорусском вокзале. Так сказать — явочным характером.

Впрочем, я ничего против и не имел, поскольку Пал Палыч мне пришелся по душе сразу, с первого же взгляда. Да оно и неудивительно — я о нем много чего от Николая слышал, и ничего против такого знакомства не имел.

Был он невысок, и на вид не слишком-то крепок физически, но при этом исходила от него некая внутренняя сила, которую субтильные граждане вроде меня ощущают безошибочно, а после грустно вздыхают, осознавая, что им подобного результата в жизни не добиться. Ну вот — не дано. Все верно древние римляне говорили о Юпитере и быке.

В общем — авторитетный товарищ. Даже вечно всем недовольная Мезенцева и то сразу замолкала, как только этот человек не то что цыкал на нее, а просто даже бросал строгий взгляд.

Да что Мезенцева! Пал Палыч моего строптивного домового Антипку, который проявил недовольство неожиданным нашествием в его пенаты незваной группы лиц, и то на место поставил сразу же.

— Домовой чудит? — коротко спросил он у меня, как только с печки на пол слетели какие-то котелки и жестяные тарелки, несомненно, сметенные рукой вредного домового, дождался утвердительного кивка, а после деловито буркнул: — Непорядок. Так не пойдет. После этого сотрудник отдела 15-К подошел к печке, стукнул по ней кулаком и негромко произнес:

— А ну, давай, заканчивай. Или живо отправись на ближайшее болото пиявок пасти и кикиморе по утрам с кувшинок росу собирать. Или на луг, полевому в слуги, кузнечиков гонять. Еще раз себе такое неуважение к хозяину и его гостям позволишь, я не полениюсь, вспомню разговор на запираение порога и в ход его пущу. И не надейся, что я Покон не знаю. Все как надо сделаю — и у хозяина твоего разрешения на то спрошу, и веник конопляный отыщу. Вон хоть бы у ведьм местных позаимствую. Ты меня понял?

Родька, которого я прихватил с собой, тихонько охнул и приложил лапы к ушам, так на него действовали слова оперативника. Кстати, он эту троицу совершенно не стеснялся и шастал по дому в их присутствии абсолютно без смущения. Да и то — было бы кого? У них теперь в отделе его соплеменник обитал, и Родька про это был в курсе.

Так вот — мой слуга охнул, на чердаке в тот же миг что-то грохнуло, и больше Антип о своем существовании за все время, что мы гостили в Лозовке, нам не напоминал совершенно.

Это впечатлило меня настолько, что я даже не сразу нашелся что сказать. Я!

Профессиональный банковский служащий, который языком метет как дворник метелкой. Да и на этой, темной стороне бытия, я тоже кое-что уже повидал, вроде как удивляться уже не по рангу. Звучит тщеславно, но тем не менее.

И все равно — силен оперативник. Ох, силен!

— А что за «запирание порога» такое? — опередила меня Женька. Просто я тот же самый вопрос хотел задать.

— Самое жуткое для домовых заклятие, — охотно ответил Пал Палыч, усаживаясь обратно на лавку. — Изгнание из дома. Причем не из какого-то конкретного, а из всех вообще.

Оптом. И из изб, и из иглу, и из вигвамов. Он после этого ни в одно жилье войти не сможет.

Порога не увидит. А если нет порога, то нет и двери. Для него любой дом будет как сплошная стена, через которую не пройдешь. И все, что останется — до бесконечности скитаться по дорогам или к кому-то из нечистых в услужение идти, а после тянуть эту лямку до второго пришествия. Домовой вне дома даже умереть не сможет. Вся его жизнь — четыре стены и крыша, это альфа и омега. И умирает он или на службе этому дому, или вместе с ним, когда тот люди бросают насовсем. А если у него кровя нет, то и смерти ему нет. Разве только колдун какой прибьет ради смеха. Ну, или его требухи, отдельные части домовых наверняка в какой-нибудь черной волшбе да используются. Я как-то читал книгу одного такого колдуна — исплевался весь. Такая мерзость, даже по их меркам...

— А если самоубийство? — любознательно поинтересовалась Евгения. — Ну там в петлю, или еще чего?

— Они не люди, — покачал головой оперативник. — И такой глупостью, в отличии от нас, не занимаются. Им даже в голову не придет никогда подобное.

В общем, Пал Палыч сумел меня впечатлить.

Вот только даже он, при всей своей опытности, против дяди Ермолая слабоват оказался. В тот же вечер, когда ведьмы устроили нам воздушное шоу, мы все, как и собирались изначально, отправились на реку, посмотреть на русалочки игрища. Я вполне легально, поскольку был приглашен, а вот трое сотрудников отдела — незваными гостями. Правда, на берег они и не собирались вылезать, хотели на все это глянуть издали, из кустов, которых близ берега было предостаточно. Я их не винил — правда ведь интересно. Тем более что русалок даже матерый Пал Палыч за свою жизнь видел только дважды, причем, похоже, оба раза при не слишком приятных обстоятельствах. Каких именно, он не рассказывал, но по усмешке было ясно — те еще истории были.

Вот только до речки, которая текла чуть ли не за моим домом, ни один из сотрудников отдела не дошел. Они в буквальном смысле заплутали в трех деревьях. Между околицей и рекой стояла березовая рощица, жиденькая до невозможности, она насквозь просматривалась. Только вот рощица эта смыкалась с лесом, то есть находилась в юрисдикции дяди Ермолая. Проще говоря — это были его владения, в пределах которых он мог творить что угодно.

И сотворил. Я даже не понял, когда троица сыскарей пропала из вида, да и они не разобрались потом, в какой момент микроскопичная березовая роща стала густым буреломным лесом.

В результате на берег реки я пришел один, а Нифонтов сотоварищи чуть ли не до рассвета по ельникам круги нарезали. Лесной хозяин дал им возможность выйти к деревне только тогда, когда я вернулся домой. Уже на рассвете.

Не захотел он, чтобы посторонние видели то, что для их глаз не предназначено. А я, получается, для них уже свой, и это здорово.

Или, наоборот, все довольно невесело? И права Женька была, когда сказала, что отныне не совсем я уже и человек? Может, и правда я стал неким промежуточным звеном в эволюционной цепи всего сущего? И теперь меня можно выставлять в «дарвиновском» музее и вешать рядом табличку с надписью «Ведьмак-недоучка обыкновенный».

Хотя лично я в себе никаких таких изменений не обнаруживаю. Зрачки вертикальными не стали, когти не растут, шерсть тоже, ем, пью и сплю как раньше. Все то же, что и было.

Ну кроме разве одного. Еще в начале лета мне бы и в голову не пришло пойти куда-то на реку, чтобы посмотреть на танцы русалок. Точнее — подобное я даже и представить себе не мог. Просто потому, что русалки для меня тогда были не более чем частью фольклора, который я, признаться, особо и не знал. Да и кто сейчас, в наше продвинутое время, интересуется бабушкиными небылицами? Реальность, окружающая нас, современных людей, нереальнее и фантастичнее любой, даже очень заковыристой, сказки.

Только вот от того, что мы перестаем верить в тех, кто живет на другой грани бытия, и даже забываем про них, они существовать не перестают. Более того — так мы делаем их существование комфортней, особенно для тех существей, которые рассматривают человека как добычу. Если, к примеру, оборотень схарчит кого-то, его точно никто искать не станет. Он ведь не более чем сказка. Ну или кинематографический персонаж. А пострадавшего просто собаки погрызли. Бывает.

Впрочем, обитатели моего нового мира и сами не сильно стремятся лишний раз пересекаться с людьми. Не просто же так дядя Ермолай ту троицу по лесу закружил? Я так понимаю, что не все происходящее вообще предназначено для посторонних глаз, даже при условии, что эти зрители кое-что знают про мир Ночи.

А зрелище было завораживающее. Ополовиненная луна светила так ярко, что казалась полной, дорожка, которую она прочертила на зеркально-тихой глади реки, была настолько явственна, что, казалось, даже я смогу пройти по ней и не утону.

Русалки, по крайней мере, кружились в танце по ней так же легко, как ночные бабочки порхают вокруг горящего фонаря. И даже то, что каждая из них слышала какую-то свою музыку, а для меня данное действие происходило в абсолютной тишине, которую не нарушал даже плеск волны, ничего не меняло.

Танец речных дев завораживал, их молочно-белые тела изгибались одновременно и девственно непорочно, и невероятно вульгарно. По идее, две эти категории не могут сочетаться, но вот же, есть.

Причем если танец этот изначально для каждой был свой, то постепенно в нем появилась слаженность. Одна за другой русалки начинали двигаться синхронно, одномоментно поднимать руки к небу, а после дружно опускать их к воде, которая чем дальше, тем сильнее отливала серебром. У меня в какой-то момент возникло ощущение, что они танцуют на раскаленной ртути.

— Вот и еще один год прошел, — раздался у меня за спиной голос, а после на песочек рядом со мной опустился, побряхтывая, дядя Ермолай. — Сейчас девки свое отпляшут и до следующей весны под воду уйдут, дрыхнуть. Потом лист облетит, а там и до «белых мух» рукой подать. Ты-то что, в городе зимовать думаешь? Или сюда переберешься?

— В городе, — не стал скрывать я. — Тут зимой жить привычка нужна. У меня пока такой нет.

— А и правильно, — против моих ожиданий сообщил мне лесной хозяин. — Всею свое время. Коли тебя пока к дому-от этому не тянет, так нечего себя переламывать да жить так, как до тебя все остальные ведьмаки жили. Ежели это не твое, так что же тебе, теперь тут костями лечь? Времена изменились, парень, времена изменились. И мы меняться должны, иначе смерть. Не все, правда, это поняли и приняли, но то не моя печаль. Я для себя все уже решил.

В корень зрит дядя Ермолай. Я о том же сегодня днем думал. Там, в офисе, мне Лозовка казалась тем местом, где можно остаться жить навсегда. Здесь тишина, покой, солнышко светит, птицы поют, шмели жужжат.

Вот только лето — оно не вечно. Я вот когда предыдущей ночью ночевал на чердаке и продрог до костей, тогда понял, что зимой мне здесь небо с овчинку покажется. Прав был Вавила Сильч. Городским людям сельское бытие только из теплой квартиры с центральным отоплением прекрасным кажется. А запихни их в деревенский дом в январе, так и сдохнут они нахрен без тепла, воды и еды. Потому что забыли те простые способы существования, которые для наших предков были нормой жизни. За ненадобностью забыли.

И я тоже все забыл. Точнее — и не знал.

— Покон, правда, прежний остался, и ты про это помни. Крепко помни, — продолжал вещать дядя Ермолай. — Живи по нему, и тогда, может, следующим летом увидимся. В мае приезжай, я тебя на одну делянку отведу, там как раз под Ивана Купалу разрыв-траву можно найти будет.

— И еще цветение папортника посмотреть неплохо бы, — припомнил я Гоголя.

— Чего? — удивился лесной хозяин. — Ерунда какая. Парень, папортник не цветет. Никогда.

— Ну а как же... — было начал я, но после махнул рукой и снова уставился на русалок, которые, тем временем, похоже, входили в финальную стадию танца.

Все они в какой-то момент, известный только им, застыли на месте, протянув руки к нестерпимо ярко сияющей луне, и дружно прокричали какие-то слова, разобрать которые я не смог, поскольку это был совершенно неизвестный мне язык. Да и не факт, что это вообще была человеческая речь.

А после русалки исчезли, только круги по водной серебряной дорожке пошли. Были они — и нет их.

— Вот и все, — сказал дядя Ермолай, стянул с головы старомодную замызганную кепку-«восьмиклинку», и погладил короткопалой рукой лысину, обнаружившуюся под ней. — Скоро и мне лес к зиме надо начинать подготавливать. Оно, парень, всегда так — первыми ко сну речные девки отходят, опосля полевые в норы забиваются, потом, стало быть, болотный хозяин чарусьи закрывает, а после и моя очередь приходит.

— А ведьмы? — полюбопытствовал я. — Они чего зимой делают?

— Ведьмы? — дядя Ермолай хохотнул. — Этим закон не писан, им что зима, что лето, все едино. Разве что в сорок они по холодному времени не перекидываются. Лапы у них тогда мерзнут сильно.

— Ой, блин, — вспомнил я внезапно о подарке, который привез из Москвы русалкам, да так и не отдал. — Гребешки-то! Они ж просили, я специально купил и запамятовал!

Открыв рюкзак, который я положил рядом с собой на берегу, я достал пакет с разноцветными длиннозубыми расческами. Продавщица в магазине заверила меня, что это те самые «гребешки» и есть.

— В воду бросай, — посоветовал мне Лесной Хозяин. — Поверь, речные своего не упустят. Ну а «спасибо» они тебе следующей весной скажут. Да и не за нее ты, чай, старался?

— Конечно, нет, — подтвердил я, а после сделал так, как он мне посоветовал, то есть выгреб гребешки из пакета, да и отправил их в реку, постаравшись размахнуться посильнее. — Только ведь это пластмасса, они ж, небось, не утонут даже.

Гребни плеснули по воде, и, против моих ожиданий, моментально пошли ко дну. Или их просто кто-то с поверхности сразу расхватал?

— Странно, — сказал тем временем дядя Ермолай. — Девки нырнули, а водная тропа не погасла. Что за... А-а-а-а! Понятно.

Посреди лунной дорожки, которая и на самом деле так и не пропала, взбурлила вода, а после появилась одна из русалок, та самая Аглая, которая меня сюда и пригласила.

— Вон оно чего, — огладил бороду дядя Ермолай — Ну, парень, вот тебе и загадка, которую кроме тебя никто не решит. Как ни поступи — все одно не поймешь, верно или нет сделал. Ты, главное, помни, — русалки — не упыри, тебя с собой на ту сторону не утащат. Ладно, пойду я, на твоих приятелей гляну, как они там, в лесу, себя ведут. Неровен час, еще на проклятый клад набредут да выкапывать его начнут.

Он хлопнул меня по плечу, ухмыльнулся, глядя на Аглаю, которая не торопясь брела по лунной дорожке к берегу, и беззвучно нырнул в кусты, что росли неподалеку от нас.

— Телепортация как она есть, — негромко произнес я, понимая, что сейчас дядя Ермолай уже не здесь, на берегу реки, а где-то посреди своего леса.

Я тоже так хочу уметь. Но — не судьба. В мире Ночи закон «каждому свое» выполняется безукоризненно. Ведьмы умеют летать и портить окружающим жизнь, русалки топить беспечных граждан, зыбочник детей пугает, полуденица следит за соблюдением селянами норм трудового законодательства, а я, ведьмак, с мертвыми общаюсь, в соответствии со своей узкой специализацией, и зелья варю по мере сил. Кому что Поконом предписано, тот то и делает.

Аглая тем временем уже добралась до берега, и теперь стояла напротив меня. Кожа у нее стала куда бледнее, чем тогда, в начале августа, да и вообще в ней некая полупрозрачность появилась. Если в прошлый раз иных из русалок от обычных женщин было не отличить, то теперь сразу было ясно, что эта красotka не слишком-то относится к привычному тварному миру.

— Ты пришел, — улыбнувшись, негромко проговорила Аглая.

— Так обещал же, — подтвердил я. — Да и здоровались мы уже. Еще до того, как вы пляски на воде устроили.

— Ты сможешь мне уйти? — требовательно спросила русалка.

Все как всегда. Мне задают вопрос, ответ на который я дать не могу, поскольку не очень понимаю, о чем меня спросили.

Хотя тут слово «уйти» множественности значений и не подразумевает. Надоела девушке русалочья жизнь, выходит.

Вот только она не мертва. Она не дух, я не смогу ее отпустить. Ну да, живой ее не назовешь, но даже та не-жизнь, что в ней сейчас есть, уже достаточна для того, чтобы не считать ее моим клиентом.

— И что надо сделать? Ну чтобы ты ушла? — уточнил я — Просто у меня профиль другой...

— Люби меня, — перебила меня Аглая, приложив ладони к моей груди. Холод, исходящий из них, моментально проник сквозь ткань. — Отдай мне часть своего тепла, мне нужно всего мгновение, чтобы ощутить себя живой, и тогда моя душа отправится за кромку. Навсегда. Навеки.

А вот теперь, дядя Ермолай, я понял, чего ты так хмыкал. Задача-то и вправду не из простых. Но спасибо тебе уже за то, что дал понять одну очень важную вещь — моя жизнь Аглае не нужна. Если бы не эта подсказка, сразу бы «нет» прозвучало.

Теперь же если сомнения и есть, то в основном морально-этического и физиологического характера. То есть — надо ли оно мне вообще, и если да, то все ли выйдет как надо технически? Нет, так-то осечек по этой части у меня не бывало, но то ведь с живыми? А эта хоть и симпатичная, но холодная как лед, и вон сквозь нее так и не пропавшую серебристую дорожку на воде немного видно.

— Если ты мне откажешь, то я пропала, — немного застенчиво проговорила Аглая. — У каждой из нас есть только один шанс обрести покой. Любая русалка может позвать живого человека посмотреть наш последний летний танец, а после предложить ему лечь с собой. Он доброй волей должен согласиться сделать это. И если это случилось, то душа той русалки освободится от проклятия, что ее в реке держит. Но сделать такое русалка может только раз, второго шанса не будет.

— То есть? — уточнил я.

— Обратно в реку мне теперь нельзя, я же отказалась от подаренного мне посмертия. Так что утреннее солнце сожжет тело сразу же после восхода, — как-то очень просто пояснила Аглая. — А то, что от меня останется, будет до скончания веков мотаться по дорогам в виде пылевого вихря, вместе с такими же бедолагами, которые никому не нужны. Но я на тебя зла держать не стану, если ты мне «нет» скажешь. Я же все понимаю. Да и себя жалеть не стану, это был мой выбор. Просто не хочу я больше в реке, не могу. Лучше вихрем по дорогам, чем...

Договорить я ей не дал, поскольку решение для себя принял. Правда, имелась поначалу все же кое-какие сомнения, но — не оплошал. Хотя, возможно, дело было еще и в пикантности происходящего. Шутили про интим с русалкой многие, но кто может похвастаться, что он у них на самом деле был?

Я вот теперь могу.

Закончилось, правда, все довольно неприятно. В какой-то момент лежащая подо мной девушка выгнулась дугой, ее тело, до того призрачно-бледное, на секунду налилось краснотой, а еще она охнула, но, что примечательно, не так, как предполагал данный момент. Это, скорее, был предсмертный возглас. А секундой позже я понял, что лежу на чем-то склизком, мокро и пахучем.

Это были останки давным-давно сгнившего человеческого тела. Как видно, все, что осталось от русалки Аглаи.

Я вскочил на ноги и начал шустро отряхивать с себя какие-то зеленоватые ошметки, водяных жуков и прочий дурно пахнущий мусор.

В этот момент моих щек коснулся легкий ветерок, и я услышал еле различимый шепот: «Свободна! Спасибо! Прими мой дар».

Сразу скажу — что за дар я от Аглаи получил, для меня так и осталось загадкой. Я и голову потом в воду засовывал, думал, что, может, дышать в ней смогу, и с рыбами пытался общаться — все впустую. Как оно раньше было, так и сейчас осталось.

Может, что путное могли бы мои приятели из отдела 15-К подсказать, да только им я про произошедшее рассказывать не стал. Ни к чему им про это знать. Это личное.

А потом мы вовсе в город вернулись, где нам всем не до того стало. Мне так точно. Штука в том, что к моей основной работе добавилась еще одна, нежданная-негаданная. Вот правду говорят — вслух иными вещами шутить не стоит. Сказанное может быть кем-то услышано и стать правдой.

В моем случае так и произошло.

Глава вторая

О какой шутке я веду речь? О той, когда я сказал, что не пора ли открывать частную практику и делать деньги на нежданно-негаданно свалившихся на меня способностях. Я тогда пошутил и забыл. А вот Ольга Михайловна, та, что носит фамилию Рязская, обо мне взяла и не забыла. Если точнее говорить — сработала цепная реакция. Ей про меня жена покойного Семена Марковича рассказала, а она, в свою очередь, дала на меня наводку своей подруге, у которой, как назло, серьезные проблемы нарисовались.

Причем, заметим, даже не с загробным миром проблемы. Со здоровьем. Казалось бы — где я, и где здоровье этой гражданки?

Но кого бы это интересовало? Точнее — интересовало мое мнение?

Хотя — нет. Это я, пожалуй, вру. Ряжская действовала очень тонко и, я бы сказал, уважительно. Ну насколько подобное возможно по отношению ко мне, человеку не её круга и не её социальной прослойки. И не надо морщиться. Социальная дифференциация была, есть и будет, тут уж ничего не поделаешь. Даже наши дикие предки, те, что в пещерах жили и мамонтов гоняли, и те делились на группы по степени полезности для первобытнообщинного социума.

Другой разговор, как к этому относиться. Можно булькать, подобно чайнику, и исходить на яд, считая, что мир к тебе несправедлив, но при этом не делая ничего для того, чтобы что-то изменить. Еще можно пробиваться наверх, идя по головам и не жалея ни себя, ни других. Это путь воина, он тернист и опасен, но пройдя его до конца, ты имеешь все шансы получить большую награду. Правда, не факт, что она обрадует тебя, к тому времени издерганного, измученного и окончательно потерявшего веру в человечество победителя. И, наконец, можно просто определить свое место в системе мироздания, то, которое тебе идеально подходит и в битве за которое ты понесешь минимальные потери, а после с интересом наблюдать за первыми и вторыми. В последнем случае горних высот не видеть, конечно, но нервы и здоровье сберечь можно.

Я, если честно, как раз из последних. По крайней мере — был еще в начале лета. То есть в мечтах, по дороге на работу или с нее, мне часто представлялся невероятный карьерный взлет, только вот делать для него вне грез мне ничего не хотелось. Потому как это было связано с массой разнообразных последствий, причем — нежелательных. Как минимум — пришлось бы много трудиться, забыв о сне и покое, что меня не очень устраивало.

Офисная жизнь — она как река. Ее питают десятки или даже сотни ручейков, которые внешне вроде бы и неразличимы в общем широком и мощном потоке, но при этом они есть. За внешним благополучным и дружелюбным фасадом любой более-менее крупной организации скрываются такие драмы, что Шекспир, узнав сюжеты иных из них, удавился бы от зависти. Куда там его «Гамлету» и «Макбетам», что их средневековые топорные интриги против нынешних офисных «многочходовок», иногда меняющих не то что штатное расписание, но и само лицо компании.

И если ты задумал занять место повыше своего теперешнего ранее того момента, когда шеф сам скажет что-то вроде: «А не засиделся ли у нас такой-то в своей должности? Пора бы и повысить парня», будь готов к тому, что мир для тебя уже никогда не станет прежним. Тебя ждут битвы почище, чем в Гражданскую войну были. Друзья будут становиться врагами, бывшие недоброжелатели — временными союзниками, ты узнаешь про себя и людей, с которыми ты работал бок о бок много лет, столько всякого, что волосы не только дыбом встанут, а, может, и вовсе нафиг выпадут.

Это не Спарта, приятель.

Это офис. Хуже того — российский офис. В нем законы бытия не писаны, а если и писаны — то не читаны. Это место, куда легко попасть, но из которого очень трудно потом морально выбраться. И даже если ты поменяешь работу, для тебя все равно уже ничего никогда не изменится. Этот яд проникает в каждую клетку твоего тела.

Ладно, отвлекся я.

Так вот — Ряжская.

Она появилась в банке ровно через час после того, как я туда сам заявился, бодрый и довольный жизнью после визита в Лозовку. Все-таки не так важно, сколько ты отдыхаешь, важно — как. Вот вроде бы, — всего-то два дня к выходным пристегнул — и чувствую себя великолепно. А бывает, и двух недель для восстановления угасших сил не хватает.

Раз на раз не приходится.

Вот, значит, сижу я, про себя хихикаю, рассказывая своим коллегам-девчулям про то, какую я знатную, прости Господи, рыбину поймал третьего дня на утренней зорьке, и тут в кабинет влетает Волконский.

— Чего сидишь? — говорит. — Тебя Ольга Михайловна наверху ждет.

Будто я должен про это непременно знать?

Но внутри сразу неприятное чувство шевельнулось. Ясно же, что не просто так она меня ждет, не для вручения дополнительной премии за хорошо выполненную недавно работу. Нет, премия — оно хорошо бы, конечно, но вот только расчет был ей произведен полностью, и продолжения наших отношений в скором будущем вроде бы не предвиделось. А лучше бы и вовсе их не было. Вот только мои желания сроду никто не выполнял. Ими вообще редко кто интересуется.

— Саш, проси кабинет с окнами, — вдруг бухнула Наташка из-за своего стола. — Тебе теперь дадут. А сюда пусть вон, «залоговиков» пересаживают. Их не жалко. Тем более что они все равно постоянно в разъездах. Или бухают. Им здесь даже лучше будет, чем наверху. Тут от начальства подальше, а к туалету поближе.

Сказано было смело. Если эти слова дойдут до ушей «залоговиков», то есть специалистов кредитного отдела, проверяющих залоги, которые потенциальные заемщики готовы были предоставить банку как обеспечение кредита, то мало Федотовой не покажется. Народ из этого подразделения славился беспощадностью и безжалостностью по отношению ко всем представителям рода человеческого, причем невзирая на лица. Работа у них такая. Сострадание к ближнему своему им неведомо, как и большинство других чувств, присущих разумному существу.

И — да. Бухали они по-черному, что есть — то есть.

— Федотова! — стукнул пальцем по столу Волконский. — Что за разговоры?

— Тоже мне секрет этого... — Наташка пощелкала пальцами, которые были унизаны колечками. — Полушенеля.

— Полишенеля, — поправила ее Ленка, подкрашивающая глаза.

— Вот-вот, — благодарно кивнула Федотова. — Его самого. Дмитрий Борисович, все уже давным-давно знают, что Ряжский собирается в перспективе заходить в банк деньгами, причем сразу на контрольный пакет. А если уж наш Сашуля в дружбе с его женой, так чего бы нам этим не попользоваться?

— Кто «все»? — сменил тон с относительно-добродушного на зловеще-мрачный постепенно начинающий звереть Волконский. — Давай, отважная наша, фамилии мне назови этих «всех». Я, зампред, ничего, выходит, не знаю, а некие все и лично госпожа Федотова — знает. Ну?

— Здесь камер нету, — без тени смущения сообщила ему Наташка. — Так что эта речь Силюяновым засчитана не будет. И потом — чего ты так взвился? Я же не место зампреда Сашку попросила для меня или Ленки выпросить, а кабинет с окнами. На твое кресло никто не претендует. Саш, ты же смещать Дмитрия Борисовича с поста не планируешь?

— Не язык, а помело, — пожаловался я Волконскому. — Даже как-то начинаешь думать о том, чтобы не нам на троих кабинет выпросить, а себе на одного. Как думаешь, Дим, такое возможно?

— Еще как возможно, — вместо него ответила Денисенкова. — На центральном этаже рядом каморка есть, в ней ведра всякие лежат, тряпки, химикаты. Вот ее тебе и отдадут. А мы с Наташкой будем туда приходить и в тебя плевать, предателя эдакого.

— В самом деле — гад какой! — поддержала ее Федотова. — Мы тут, пока его нет, сами себе за едой в магазин ходили, вместо того чтобы над тобой, иудой, глумиться, друг над другом издевались — и на тебе. Вот она — благодарность за верность. Вот как истинное лицо иных разных вылезает наружу!

— Нет уж, Сашечка, — Денисенкова щелкнула косметичкой, встала из-за стола, подошла ко мне и взяла меня под локоток. — Мы с Натали твой пожизненный крест, так что неси его с достоинством и смирением. Причем неси в новый кабинет, с окнами. Я еще одну зиму без солнца не вынесу. Захачну, как цветочек без полива.

— И правда, мелют сами не знают чего, — вздохнув, признал Волконский. — Без какого солнца?

— Да хоть какого! — Денисенкова второй рукой, свободной от моего локтя, взъерошила мне волосы. — У нас тут окон нет, а день зимой короткий. На работу идешь — еще темно. С работы идешь — уже темно. О наличии белого дня на улице узнаешь только из новостей. Сашка, проси кабинет, тебе говорю. И тогда я знаешь что для тебя сделаю?

Ее тон приобрел интимные оттенки.

— Боюсь представить, — поправил я галстук, а после по возможности мягко отцепил ее руку от себя.

— Я скажу всем, что твоя мужская сила соизмерима только с твоим же непостижимым для среднего ума чувством юмора. Совру, конечно, но что не сделаешь для родного человека?

— Чего это — «совру»? — даже обиделся я. — Может, оно так и есть.

— Ну не буду же я проверять? — фыркнула Денисенкова. — Я за годы, проведенные с тобой в одном помещении, перестала в тебе видеть мужчину и начала видеть что-то вроде родственника. Собственно, я тебя и созерцаю чаще, чем любую родню, по восемь-десять часов пять дней в неделю. А инцест — это не по моей части.

— Заметь, Сашка, я молчу, — сообщила мне Федотова и сделала губы сердечком. — И ничего такого не говорю. У меня просто моральных принципов меньше. А кабинет с окошечком в большой мир, полный свежего воздуха, очень хочется. Так хочется, что этих самых принципов вообще почти и не осталось!

— Пошли, — рыкнул Волконский и уволок меня из кабинета. — Или это словоблудие никогда не кончится. Да и Ольга Михайловна задалась уже. Она тебя, между прочим, уже третий день разыскивает. Мы дозвониться пытались, но у тебя телефон отключен был. Ну да, я его вырубил еще в электричке, рассудив, что все, кто меня может разыскивать, уже здесь, а все остальные, включая неугомонную Маринку, перебыютя. Я вообще как-то

проще в последнее время стал относиться к подобным вещам. Раньше, помню, если телефон сел где-то на улице, так я сразу начинал переживать, что кто-то может позвонить, а я это пропущу. Правда, как правило, никто не звонил, потому что я никому особо и нужен не был.

А теперь... Кому надо — тот меня найдет. А если не найдет — подождет. Вот Волконский же подождал? И, кстати...

— Слушай, Дим, а откуда Ряжская узнала, что я на службу вышел? — невинно спросил я у зампреда.

— Я ей позвонил, — как нечто само собой подразумевающееся сообщил мне Волконский. — Откуда же еще?

Вот за что я люблю нашего зампреда, так вот за эту его простоту. И ведь не возмущись даже. А что ему предъявишь? Он же не за спиной крысятничает, он же по-честному все мне сказал. И с его точки зрения он поступил абсолютно правильно.

Ряжская обосновалась все в том же ВИП-кабинете, она восседала на кресле, попивая кофе и беседуя с невысокой миловидной дамой, как видно — подругой.

Была эта подруга моложе ее лет, наверное, на пятнадцать, но при этом выглядели они ровесницами. Просто у этой юной еще совсем женщины очень уж вид был бледный и болезненный.

— Ольга Михайловна! — голосом человека-праздника радостно гаркнул Волконский. — Вот и Смолин. Так сказать — доставил в целостности и сохранности!

— Добрый день, — негромко произнес я, уже одним своим тоном давая понять женщинам, смотрящим на меня, что радости от нашей встречи я не испытываю. Подруга Ряжской, правда, мне знакома не была, но, по сути, это ничего не меняло.

— Саша, здравствуй. — Ряжская поставила чашечку на блюдечко, а блюдечко на стол. — Мы тебя заждались. Я уж хотела службу безопасности мужа подключать, так волновалась. Чтобы в наше время у человека мобильный телефон был выключен, это, знаешь, ли, как маячок о чем-то нехорошем. Если бы сегодня не появился — дала бы им задание тебя разыскать.

— Да куда он денется, — задушевно произнес Волконский и приобнял меня за плечи. — Ольга Михайловна, смею вас заверить...

— Дмитрий, спасибо вам, — Ряжская выдала свою фирменную улыбку. — Думаю, что мы не будем далее воровать ваше время. Я знаю, сколько вы делаете для этого банка, знаю, что он, по сути, заменил вам дом и семью, и очень ценю это. Как и мой муж, с которым я этот вопрос уже обсуждала. Кстати, подробности о вашем трудолюбии мне стали известны благодаря Александру. Он, знаете ли, считает вас не просто коллегой, а своим другом, а потому много и искренне о вас рассказывал.

Щеки Волконского покраснели, а аристократический нос побелел. Оно и понятно — ему только что дали понять, что если кадровые перестановки и будут, то его они точно не коснутся. А может, даже он еще и в плюсе окажется.

Ну и мне она вроде как тоже оказала услугу. Нет, Волконский, естественно, понял, что ничего я Ряжской не говорил, но читать между строк умеет любой из офисных обитателей. Больше скажу — здесь без этого умения существовать очень сложно, не сказать — невозможно. Тут никто ничего напрямую не говорит, все на полутонах строится и на полунамеках.

Волконский, например, владел этим талантом в совершенстве, потому самый главный посыл слов Ольги Михайловны распознал верно.

— Пойду, — тактично заметил он, покидая кабинет. — Утро, дел полно.

И аккуратно притворил за собою дверь.

В кабинете установилась тишина. Ряжская смотрела на меня с улыбкой, ее спутница с настороженностью и даже, как мне показалось, с небольшим испугом, я же вовсе ни на кого смотреть не хотел, потому уселся на кресло и уставился в окно.

Права Наташка. Все-таки сидеть в четырех стенах без доступа солнечного света — это для человека противоестественно. Даже если он уже и не совсем человек.

— Сейчас лопнешь, — иронично сообщила мне Ряжская. — Я серьезно. Ты просто себя со стороны не видишь.

— Не выспался, — буркнул я. — Вчера домой приехал поздно, устал. А на работу мне приходиться надо ни свет ни заря.

— Саш, это Зоя, — Ольга Михайловна показала рукой на свою спутницу. — У Зои большие проблемы.

— Всей душой скорблю с вами, Зоя, — приложил я руку к сердцу и глубоко вздохнул. — Мои соболезнования. Увы, но мы все когда-нибудь уйдем туда, откуда возврата нет. Никому и ничему нет!

— Ольга Михайловна, это он о чем? — глаза Зои наполнились слезами. — Это он мне смерть предсказывает, да? Смерть?

Голос подруги Ольги Михайловны истерически задрожал.

— Саша! — погрозила мне пальцем Ряжская. — Ты что мне девушку пугаешь?

— Вот сейчас не понял, — перевел я взгляд на нее. — Так у нее чего, никто не помер?

Зоя издала полувсхлип-полустон, из глаз у нее потекли слезы.

— Нет. — Ряжская достала из рукава кружевной платочек и сунула его подруге. —

Представь себе. Но если ты продолжишь вот так ее нервировать, то я ни за что не поручусь.

Особенно учитывая то, кто ее родной брат.

— Боюсь спросить, — вздохнул я.

— Звонарев, — произнесла Ольга Михайловна, сделав бровями некое движение класса:

«Представьте себе, представьте себе». — Тот самый, который охранные агентства, «Ваша инкассация» и прочее разное.

Знаю, слышал. Еще, по слухам, этот самый Звонарев поставляет бойцов на подпольные бои, «отбойщиков» рейдерским компаниям и просто крепких ребят всем тем, кто способен заплатить за их кулаки. Знаменитая личность. Причем слава его еще с лихих 90-х тянется.

.....И — да, доводить до истерики сестру такого человека это верх неблагоразумия.

Подобное может быть сильно чревато боком. И потерянными зубами. И сотрясением мозга.

Или еще чем похуже. У человека в теле порядка двухсот костей, так что ребятам со сбитыми костяшками будет где разгуляться на моей тушке.

Будь ты хоть трижды ведьмак, против нескольких профессиональных костоломов тебе все одно не устоять, особенно если тебя подловили внезапно.

Ну и хитра эта Ряжская. Ох, и хитра. Точнее — умна. Она ведь сейчас не просто подруге помогает, она меня приручает. Хотя это не то слово. Правильнее — дрессирует. Кнут и пряник. А потом: «К ноге».

Ладно, пусть пока будет так, как она хочет. Тем более что сейчас у меня особо выбора и нет, этой бледной девице я и впрямь не могу отказать. Ряжская не шутит, если я сейчас взбрыкну, она из принципа может сделать так, что господин Звонарев уже сегодня скомандует «фас» своим волкодавам.

Но это ничего не значит. Память у меня профессиональная, так что я в ней зарубочку сделаю. И непременно при случае расплачусь по этому счету.

Не надо так со мной поступать. Я даже до того, как силу получил, не сильно любил, когда мной манипулируют. А уж теперь, после всех летних треволений и проказ хитроумного Нифонтова, и вовсе выхожу из себя в подобных ситуациях.

Правда, особо этого не показываю. Нет, тогда на съемках я сорвался, высказал Николаю все, что о нем думаю. Сейчас и здесь я так не поступлю, я промолчу. Не время и не место.

Но это не значит, что я забуду то, что Ряжская сейчас сделала. И в какой-то момент ее будет поджидать неожиданный сюрприз. Не знаю пока какой, но в моей ведьмачьей книге много разного всякого есть. Может, это случится через месяц, может — через год. Я умею ждать, когда это необходимо. Что-то, а это-то я как раз умею делать очень хорошо. Главное — не спешить и дожидаться нужного момента, наиболее оптимального для реализации задуманного. Вот наш предправ, например. У него рожу перекосило зверским образом тогда, когда меня на работе уже не было. Я в тот день как раз отбыл в Лозовку. Как мне рассказали Наташка и Ленка, он своим внешним видом до судорог перепугал личного референта и забредшую к нему в приемную по каким-то своим делам Чиненкову. Причем последняя чуть в обморок от увиденного не грохнулась, когда поняла, что наш руководитель не шутки шутит, а так теперь на самом деле выглядит.

Сидит теперь Сергей Станиславович дома, на работу носа не сует и большие деньги тратит на разнообразных мануальщиков и тому подобных специалистов. Он думает, что это у него нерв лицевой схватило, от непомерных интеллектуальных потуг.

А всего-то для проведения этой акции возмездия и надо было знать то, что секретареньш его лентяйка каких свет не видел. Причем тут это? Просто она утром его личную «турку» для приготовления кофе лишней раз мыть не будет. А значит, в кофе нашего лидера непременно попадет зелье, которым я обмажу ее края. То самое зелье, что Митрий придумал, от которого «рожу же сковеркает тако, что страх».

Все так и вышло. И «сковеркало», и страх имел место быть.

Я всегда свое слово держу. Пообещал ему соли на хвост насыпать — получите и распишитесь.

И Ряжской того же не миновать теперь. Вот если бы она просто пришла и сказала: «если сможешь — помоги», возможно, я бы и не послал ее. Как минимум — выслушал. В конце концов, деньги лишними не бывают. Но так-то зачем? Я не карманный маг при ее империи. Кстати, красиво было бы к ней ее мамашу послать. Не на поговорить, а на пострадать, я в книге недавно одно интересное заклятие вычитал на эту тему. Оказывается, неупокоенные

души можно на некоторое время подчинить себе, заставив их выполнять то, что тебе хочется. Нет, никакой материальной выгоды получить из этого невозможно. Банк они для тебя не ограбят и человека не убьют, ибо призраки бесплотны. Но вот что-то подслушать, подсмотреть, кого-то напугать они могут замечательно.

Мне просто снова с Хозяином Кладбища, на котором лежит ее матушка, связываться неохота, а то бы я расстарался. Заклятие действует не очень большое количество времени, но пару часов веселья и загробных завываний я бы Ольге Михайловне гарантировал. Но — пока никак. И до души ее маменьки мне не добраться, да и сообразит Ряжская, откуда ветер дует. Не с руки мне с ней сейчас ссориться. Неравные у нас силовые категории. Уроет она меня, проще говоря, за такие вещи. В прямом смысле слова.

— Прошу прощения за каламбур — звонкая фамилия, — наконец ответил я. — Вот только непонятно — чем я могу быть полезен этой даме? Особенно если учесть, что у нее, слава богу, никто не умер?

— Саша, — Ряжская умильно вздохнула. — Я ведь знаю, ты способен не только на то... Э-э-э... Что способен. У тебя ведь и других талантов много, правда?

— В пинг-понг неплохо играю, — подтвердил я. — Первый юношеский. В детстве в хоре пел, говорят — хорошо. Правда, потом у меня голос начал ломаться...

— Александр, мне казалось, что мы еще в прошлый раз прекрасно поняли друг друга, — в голосе Ряжской появились жесткие нотки. — А ты, я погляжу, снова начинаешь валять дурака.

— Все так, — кивнул я. — Полностью согласен. И мне казалось, что в прошлый раз мы прекрасно поняли друг друга. Однако же мы снова здесь, в этом кабинете, и вы опять требуете от меня того, что я не в состоянии вам дать.

— В состоянии, — отчеканила Ряжская. — Ты — в состоянии. Я это знаю, и ты это знаешь. И мне совершенно непонятно, почему ты сейчас снова упрямисься. В конце концов, я не прошу у тебя свершения невозможного. Мне не нужна звезда с небес, точные координаты никем не открытой кимберлитовой трубки в Якутии или свержение политического строя в России. Я просто прошу тебя помочь вот этой несчастной девочке, которая скоро на себя руки наложит от безнадежности. Причем, заметь, не без выгоды для тебя. Материальной выгоды.

— Да-да, — засуетилась Зоя, шмыгая покрасневшим носиком. — Деньги у меня есть. Она извлекла из своей сумочки плотный конверт и положила его на стол, прямо передо мной.

Я закинул ногу на ногу и уставился на Ряжскую, стараясь при этом не мигать. Ну и еще придать взгляду некую зловещесть.

— Будем считать, что мы договорились, — не обращая на это внимания, произнесла Ольга Михайловна. — Саша, у Зои, как я и сказала, проблема. Она не может забеременеть.

— Кхмммм! — не выдержал я и закашлялся. — Чего? А я-то тут чем помочь могу? Это вам к докторам специальным надо, в репродуктивные центры! Анализы там посдавать. ЭКО, наконец, сделать!

— А ты неплохо осведомлен, — прониклась Ряжская. — Редко увидишь мужчину, который знает, что такое ЭКО.

— Я работаю в женском коллективе, так что ничего удивительного. Посидите с мое в компании с двумя балаболками, не такое узнаете.

— Была, — жалобно сообщила мне Зоя. — В клиниках лежала, и в наших, и в швейцарских, и в австрийских. Говорят — нет, не получится у вас ничего. Природой материнство во мне не заложено. Муж... Он...

И подруга Ряжской снова захлюпала носом.

Ну дальше понятно. Муж вот-вот уйдет, и ему даже брат не указ.

Самое забавное, что помочь я ей, скорее всего, могу. Рецепт соответствующего зелья у меня в книге есть, причем сильно старый, он еще чуть ли не на старославянском написан. И компоненты для него есть, даже мандрагыр. Я его из Лозовки как раз привез, мне Родька этот небольшой кусочек корня как величайшую ценность вручил. Кстати — в мой прошлый визит он этого делать не стал, а теперь, как видно, что-то для себя решив, показал мне все секретные закрома своего бывшего хозяина.

Опять же — новолуние скоро. Насколько я помню, там не только зелье важно, но и то, когда и как женщина его употребит. Пить его следует как раз тогда, когда от луны на небе остается только самая малость и непременно в полночь, после чего без промедления необходимо... Ну, думаю, все поняли, что именно необходимо. При соблюдении этих условий шансы на успех велики.

Можно все это проделать и при других фазах луны, но тут уже как повезет. В мандрагыре сила велика, но от луны зависит очень, очень многое. По крайней мере, именно так написано в книге.

— Я знаю, о чем ты думаешь. — Ольга Михайловна, не особо скрываясь, следила за мной. — Саша, поверь, я не стану дергать тебя после этого по каждой мелочи. Мне правда очень хочется помочь Зое. Она моя давняя подруга, я ее с детства знаю. С ее детства. Мой муж и ее брат давние партнеры по бизнесу, они еще тогда, в том веке, вместе начинали. Ты даже не представляешь, как это сплачивает людей, особенно в нашей стране. Потому Зоя мне как родная, и ее счастье для меня очень важно.

Возможно, она и не врет. Точнее — не во всем она врет, полагаю, что ей в самом деле безразлична судьба этой девушки. Но в приоритете у нее другие цели, и сегодня она все-таки добьется успеха.

Просто «за» сегодня перевесили для меня «против». Отказавшись, я потеряю больше, чем могу приобрести. К тому же мне в голову пришла одна интересная идея, которую потом надо будет как следует обмозговать.

— Помогите мне, — жалобно пробормотала Зоя. — Пожалуйста. Не знаю почему, но мне кажется, вы можете это сделать.

— Кабинет, — буркнул я, забирая конверт со стола. — С окнами. На троих. И еще чтобы место для шкафа было и ксерокс новый. И кулер! А еще кондиционер, тоже новый.

— Чего? — Зоя, захлопав глазами, уставилась на Ряжскую.

— Чего, чего, — заулыбалась довольно та. — Думаю, что родишь ты к следующему лету.

В новый кабинет мы с девушками въехали уже на следующий день. Правда, отжали его не у свирепых «залоговиков», а у «свкашников», порядком их потеснив.

Что же до моих прогнозов на наши отношения с Ряжской — все вышло именно так, как я и предполагал. Точнее — пока не всё, но лиха беда начало. Раз в неделю, а то и чаще, она привозила ко мне кого-то из своих подруг, рассказывала душещипательную историю о бедственном положении этой дамы и просила помочь ей. Пока просила, не требовала, но это, полагаю, дело времени. Вот сегодня, например, она сама уже приезжать не стала, а всего лишь позвонила мне, сказав, что к половине шестого вечера ко мне подъедет некая Яна Феликсовна, что это чудо что за человек, и что ей ну никак не обойтись без меня.

И вот теперь я объяснял этой самой Яне Феликсовне, что приворот — это совсем уж не мой профиль, поражаясь хитроумности Ряжской. То, что она исследует пределы моей компетентности, я понял уже давно, поскольку случаи, которые мне она подбрасывала, никогда не повторялись. Но ради правды стоит отметить, что это было даже интересно, поскольку всякий раз я сталкивался с новой загадкой и вечерами подолгу экспериментировал с травами, добываясь нужного результата.

Да и безвыгодно, чего греха таить.

— Молодой человек, мне не нужно объяснять, что вы можете сделать, что нет, — довольно резко сказала женщина, причем голос ее звучал теперь на редкость неприятно. — Я вам плачу, так что будьте любезны!

Интересно, а у нее муж кто? Впрочем, чисто по-мужски я его отлично понимаю. От такой и я бы сбежал. Нет, внешне дама очень даже ничего, и фигура для ее возраста на загляденье, но характер — это что-то!

Хотя — а кто мне мешает свалить отсюда прямо сейчас? Тем более, что пока тянулись суд да дело, и рабочий день кончился. Домой пора.

— Разве вы мне давали какие-то деньги? — вставая, спросил я у женщины. — Не было такого. И мне они от вас не нужны, потому что я не стану вам помогать. Всего доброго.

— Что? — непонимающе спросила женщина у моей спины. — Ты куда? А ну, вернись!

Но этого я делать вовсе не собирался. И вообще — интересно посмотреть, как на подобный демарш с моей стороны отреагирует Ряжская. Она исследует меня, а я немного поисследую ее. В хорошем смысле этого слова.

Судя по пиликающим звукам, Яна Феликсовна спешно набирала свою подругу, но подслушивать ее разговор с Ольгой Михайловной я не стал. И в самом деле пора было идти домой.

И ведь удалось бы мне это сделать, кабы не Силуянов.

Глава третья

Безопасник ждал меня в коридоре, неподалеку от моего нового кабинета. Он ласково улыбался и даже раскинул руки в стороны, показывая, как мне рад.

— Смолин! Ты не поверишь, но у меня есть к тебе разговор!

— Давайте завтра? — предложил я. — Домой хочется. Подальше от офиса, поближе к телевизору и холодильнику.

— Сашуля, дорогой ты мой человечек! — буквально пропел безопасник. — Это банк! Здесь рабочий день ненормированный, если того требуют интересы дела. А в твоём случае они этого ох как требуют!

— В моём случае нет, — заявил я. — Хотелось бы напомнить, Вадим Анатольевич, что мы с вами работаем в разных службах. Если у вас есть какие-то вопросы, связанные с противодействием отмыванию доходов и финансированию терроризма, — то нет проблем. А если вы хотите на мне свое остроумие пооттачивать и немного потоптаться — так это дудки.

— Осмелел, — улыбка сползла с лица Силуянова. — Что, уверенности в себе добавилось? Самооценка повысилась?

— Не-а, — покачал головой я. — Просто понял, кого на самом деле опасаться надо, а кого нет. Вас не надо. Смысла нет.

Причем все сказанное и в самом деле было правдой. Чем дальше, тем больше у меня в голове смещались ориентиры, до того казавшиеся незыблемыми. Того же Силуянова я еще каких-то три месяца назад разве что не демонизировал, полагая всемогущим и всевидящим. Насчет последнего, впрочем, я был прав — камер он понатыкал везде, где только можно, обойдя стороной только те кабинеты, где они были совсем уж ни к чему, вроде нашего старого или туалета. Хотя я за это не поручусь.

А потом я так поглядел, подумал — а чего в нем такого страшного? Бродит по банку какой-то отставной служака и тешит свои комплексы, манипулируя людскими страхами. При этом по сути своей он никто. Ну вот что он сделать может? Накатать предправу пяток докладных? Пальчиком погрозить? Чужими руками рублем ударить?

Вот жуть-то! Нет, для меня тогдашнего подрезание зарплаты было бы крайне неприятно, но для меня сегодняшнего это даже не смешно.

А Силуянов молчал и смотрел на меня. Нехорошо так смотрел. Недобро.

— Много о себе понимаешь, Смолин, — наконец процедил он. — И берешь на себя тоже много. Банк в свою частную лавочку превратил. Не страшно, что кое-кто узнает, какие ты тут делишки проворачиваешь?

Хотел я ему кое-что ответить, да не успел. Телефон забренчал в кармане. Дозвонилась Яна Феликсовна до Ряжской, стало быть.

— Александр, — голос Ольги Михайловны был резковат, как на мой взгляд. Что за день сегодня такой, а? Все на меня бедного наорать пытаются. — Что ты там устроил?

В это время Силуянов показал мне рукой, что, мол, «давай, в кабинет мой пошли», и бодро затопал по коридору. Не скажу, что мне хотелось продолжать беседу с ним, но, с другой стороны, откажешь сейчас — он завтра занудит до невозможности. Легче пойти и пообщаться здесь и сейчас. Будем считать, что сегодня у меня день неприятных бесед.

— Отказался делать то, чего не хочу, — добавил холода в свой голос я, направившись вслед за безопасником. — И еще — я прекрасно понимаю мужа этой гражданки. Я бы от нее тоже сбежал.

— Это очень нужный нам человек, — требовательно произнесла Ряжская. — Будь любезен, сделай то, что она просит.

— Кому «нам», госпожа Ряжская? — уточнил я. — Вот конкретно? Вам и вашему супругу? Вам и банку? Вам и фонду защиты диких животных? Это все прекрасно, но меня ни в одном из этих списков нет. Мне эта женщина даром не сдалась. Ни в каком виде. Так что будет так, как я решил, и это не обсуждается.

Все-таки каким-то я конфликтным стал, надо признать. Вот раньше бы подумал: «да и ладно, чего нарываться, сделаю уж». И — сдался, махнув рукой. А теперь — откуда что берется?

Правда, раньше мне было чего терять. Теперь же — другой расклад. Вот говорят — «не в деньгах счастье». Может, отчасти это и верно. Счастья на них не купишь. Но вот независимость — запросто. Я за последние два месяца себе неплохой резервный фонд сообразил, если что, долго на этом подкожном запасе смогу существовать.

Ну а если припрет — можно подзаработать с помощью Нифонтова. Он мне в самом начале нашего знакомства на что-то такое намекал, и вот, совсем недавно опять с разговорами на аналогичную тему подъезжал. Мол: «ты кое в чем нам поможешь, а мы тебе за это заплатим». Чем не вариант?

Другое дело, что мой друг из отдела 15-К хитроумен больно. Заплатит копейку, а работы выкатит на рубль. Изучил я его уже. Да и что в этих госструктурах за заработок может быть? Бюджетники же...

Ну и с банком, если совсем уж честно, расставаться пока не хочется. Он для меня как некий якорь, который пока удерживает баланс между моими старой и новой жизнями. Уйди я отсюда — и мой мир совсем уж изменится. Не могу сказать, что это меня очень пугает, но... Зима близко, холодный сезон. В это время хочется быть как-то поближе к людям.

Опять же — корпоратив новогодний пропускать неохота. На нем бухгалтерия наверняка опять свое ежегодное шоу устроит. Не знаю как, но они умудряются каждый год всем коллективом раньше других нажираться в хлам, а потом отчебучивать такое, о чем весь банк до весны говорит. И, что примечательно, в проказах своих никогда не повторяются. Так что мне и Ряжскую, и Силуянова послать в одно место труда, конечно, никакого не составит, вот только если что — мосты придется сжигать. А неохота. Ряжская с минуту помолчала, а после, ничего не говоря, отключилась. В смысле — гудки в трубке запыкали.

— Обиделась, наверное, — сказал я Силуянову, заходя за ним в его кабинет и убирая телефон в карман. — Женщины — они такие. Если что не по их, то сразу трубки бросают. Тяжело с ними иногда. А, Вадим Анатольевич? У вас с дамами как вообще? Слышал я, что вы к Немировой то и дело в гости заходите.

Молчал Силуянов, желваки по скулам гонял. Фамилию-то моей собеседницы он отлично расслышал и теперь прикидывал, какая муха укусила до того безропотного телка из отдела финансового мониторинга. С чего это он таким смелым стал?

— Дурак ты, Смолин, — наконец произнес он. — Корона тебе на мозг надавила слишком сильно и выдавила его через уши. Сынок, если кто твою задницу и мог прикрыть — так это Ряжская. А теперь съем я тебя, поганца такого. Скушаю. И даже твой приятель Волконский, который так часто тебя покрывает, не поможет.

А вот это новости. Я и не знал, что Дима за меня заступался. Надо же. В жизни бы не подумал.

— Слушайте, давно хотел спросить — что я вам плохого сделал? Вот за что вы меня так не любите? Денег займы безвозвратно я у вас не брал, жену не уводил, дом не поджигал. Зачем вам это все нужно? В чем причина?

Силуянов выслушал меня, а после, прищурившись, процедил сквозь зубы:

— Причина? Да нет никакой ярко выраженной причины. Просто мне такие люди, как ты, всегда не нравились. Те, что без руля, без ветрил, без царя в голове. Знаешь, здесь, в этом здании, работает много людей куда хуже тебя. Да что там — есть такие подонки, что после общения с ними руки с мылом мыть надо. Они за новую должность любого сожрать готовы — и доносы в ход идут, и откровенные подставы. Я это все вижу, но никогда таким не мешаю. Кроме тех случаев, разумеется, когда они совсем уж края видеть перестают. Но у этих людей есть цель и они к ней идут. Да, не очень красиво, да, бывает, что и по трупам. Но их можно уважать хотя бы за целеустремленность. И самое главное — они работают на результат. На общее дело. Их интересы совпадают с интересами банка. А ты... Смолин — ты не просто посредственность. Ты эталон посредственности. Лишний человек. Здесь — лишний. Да и не только здесь, а вообще, по жизни.

— Знаете, я вас раньше просто не любил, а теперь побаиваться начал, — запинаясь, сказал я. Причем даже без наигрыша. Притворяться смысла не было, он и вправду меня сумел изрядно смутить своими словами. — Вам, Вадим Анатольевич, лечиться надо. Сдается мне, у вас с головой не все в порядке. Это я сейчас не в плане оскорбления сказал, а вполне серьезно.

— Мне Немирова раз сто повторила, чтобы я тебя в покое оставил, — как будто не слыша меня, продолжал бубнить Силуянов. — Мол, ты теперь не тот, кем был, лучше поостережись. Да это и так видно, а уж если послушать то, о чем ты в «переговорке» с подругами Ряжской разговоры ведешь, то и сомнений никаких в этом не останется. Но, как по мне, теперь ты еще хуже стал, чем раньше. Никчемность твоя никуда не делась, а вот непонятного чего-то прибавилось. И это «что-то» — оно не от бога, правильно мне все сказали. Если тогда тебя еще кое-как можно было терпеть, то теперь точно нет.

Все-таки я угадал. Хоть Ряжская и убеждала меня, что ее прослушивать не посмеют, все вышло так, как я говорил. Он небось еще и писал все.

И это самая серьезная ошибка Силуянова. Не надо было этого делать. Есть такие тайны, в которые нос лучше не совать. Причем я сейчас говорю не об оккультном или мистическом, а о сплошь мирском. Просто подобные тайны принадлежат людям с большими деньгами и немалой властью. И подслушивать их ох как небезопасно!

— И что теперь? — спокойно спросил я. — Чего ради вы все это затеяли?

— Считаю, что ты уже уволен, — отчеканил Силуянов. — Заступницы ты лишился, предправ наш то постоянно по каким-то переговорам бегаешь, то теперь вот и вовсе захворал, его в банке неделю как никто не видел, а Волконского вообще никто слушать не станет. Потому завтра, прямо с утра, я наведаюсь к Миронову, и положу на его стол докладную о той частной лавочке, что ты тут открыл. И о деньгах, которые ты не скрываясь за свои сомнительные услуги получал. Так что, Сашуля, тебе конец. По «статье» пойдешь, Смолин, по «статье». На «собственное желание» даже не рассчитывай!

Может, я на него своим давнишним проклятием не только кишечную хворь наслал? Может, я ему ненароком еще и мозг повредил? Просто все это очень смахивает на горячечный бред. А может, все идет от ограниченности мироощущения этого бедолаги. Он привык жить в рамках должностной инструкции и служебных интересов. Он поставил перед собой задачу — спасти от моей персоны вверенный ему объект, и делает это. Как может, как умеет, как учили. Конечная цель — увольнение меня.

— Хорошо, — пожал плечами я. — По «статье» — так по «статье». Не проблема. Вам тогда полегчает?

— Да, — выдохнул Силуянов и прижал руку к животу. — Ох, как полегчает, Смолин. И в этот момент зазвонил мой телефон.

— Прямо даже и не знаю, — глянув на экран, где пульсировало имя вызывающего меня абонента, сообщил я Силуянову. — С одной стороны, хочется мне вас порадовать. Вы хоть и совсем уж странноватый стали в последнее время, но зато с вами жить не скучно. С другой... Неохота мне пока увольняться. Ну вот нет у меня такого желания. Эх, жизнь, почему ты так сложна? Все время надо выбирать между чем-то и чем-то.

Мои слова, как видно, совсем уж разозлили «безопасника», поскольку он жутко побледнел и даже зубами скрипнул.

— Да, Ольга Михайловна, — тем временем холодно произнес в трубку я. — Если вы снова собираетесь мной покомандовать или пустить в ход какие-то аргументы, связанные с моей профессиональной трудовой деятельностью, то не стоит этот разговор даже начинать. Во-первых — я не ваш подчиненный. Во-вторых, теперь я даже не сотрудник банка, который вы покупаете. Три минуты назад меня уволили.

— Что за ахинея? — осведомилась у меня Ряжская. — Саша, я понимаю, у талантливых людей случаются перепады настроения. Так сказать — заскоки гения. Но будем честны друг с другом — вы ни разу не гений, потому давайте ограничимся тем, что мы уже до того друг другу наговорили, а после забудем про эти мелочи и станем работать дальше. То есть поступим как цивилизованные люди. Я даже готова сделать первый шаг и сообщить вам, что моя давняя и очень, очень хорошая подруг Яна уже покинула здание банка и больше вас не потревожит. Вот, видите, я признала вашу правоту. И искренне надеюсь на то, что буду услышана. Ну и на то, что ваше стремление к увольнению уже ослабло.

— Да у меня его вовсе не было, — рассмеялся я. — Ольга Михайловна, я вам не говорил, что увольняюсь. Я сказал — «меня уволили». Разницу ощущаете?

— О-о-очень интересно, — протянула Ряжская. — И кто это у нас так ретиво взялся за кадровый вопрос?

Я кинул взгляд на Силуянова, который снова прислушивался к нашему разговору. Вот и что мне с тобой делать? Шутки шутками, а я ведь сейчас на самом деле могу его в определенном смысле приговорить. Пара правильно сплетённых фраз — и Вадим Анатольевич через недельку, а то и раньше, начинает искать работу. И хорошо еще, если он не по обещанной им же мне «статье» вылетит.

Странное ощущение, если честно. От меня раньше никогда никто вот так не зависел. Хотя бы потому, что до того никто меня и всерьез никогда не воспринимал, и мнения моего по серьезным вопросам не спрашивал. Максимум, девчули интересовались — идут им те или иные шмотки или нет. За мужика они меня, как я говорил, раньше не держали, скорее так, за декорацию, потому на игривые лифчики, купальники и чулки с поясами я насмотрелся вволю.

В последнее время, правда, подобными зрелищами они меня отчего-то не балуют, что даже немного грустно.

Ладно, не в ту степь меня занесло. Как мне с этим идейным товарищем быть? Топить или оставить? По-хорошему — топить надо, без раздумий. Нельзя сказать, чтобы он был моим врагом, глупо таковым считать этого служаку. Вот Дара — она враг. И колдун, сваливший за бугор, — он враг. Там все по-взрослому, по-серьезному, там и голову сложить можно. А здесь... Да ну, ерунда какая.

И потом — серьезно, ведь без него ведь мне скучно будет.

Но, с другой стороны, — он-то меня не пожалеет, будь у него возможность мне насолить? Да уже не пожалел.

Как там у Шекспира было, в книге-жизнеописании Гамлета, принца Датского? «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток»? Надо послушать классика. Он знал, что говорил.

— Да имеется у нас один энтузиаст, — хмыкнул я. — За престиж банка ратует и его процветание, которое невозможно до тех пор, пока я здесь присутствую. От чистого сердца, прошу заметить, ратует.

— Фамилия? — требовательно спросила Ряжская.

— Силуянов, — скорчив «безопаснику» рожу из раздела «а что я могу поделывать?». —

Начальник охраны. Очень он недоволен тем, как я в последнее время службу несую. И моими

побочными, не входящими в штатное расписание, занятиями крайне раздражен. Скорее всего потому, что у него разрешения никто не спросил, а он привык себя хозяином в этом здании чувствовать.

— Даже так? — было слышно, что Ряжская усмехнулась. — А, может, еще потому, что ему долю малую никто не заносит?

Вот тебе и раз! Сдается мне, что ситуация принимает забавный оборот. Ольга Михайловна, судя по ее тону, решила, что я сейчас собираюсь ее руками убрать того, кто мне не нужен. Я-то говорю правду, а она в нее не очень верит.

Вот интересная все-таки у нас жизнь! В каждом слове, в каждом поступке всегда есть не только второе, но и третье дно. И как раньше наши предки-собиратели в первобытные времена жили без этого? Ну говорили что думали, делали что должно, верили в правду и справедливость.

Скучно им жилось, должно быть. Неинтересно.

— Про последнее ничего сказать не могу, — открестился я. — Мне он о подобном не говорил. Но зато я понял из его слов, что он держит под личным особым контролем все, что происходит в «переговорке». Детально. До мелочей. И то, что он видит и слышит, ему очень, очень не нравится. Настолько, что завтра он собирается сделать доклад о происходящем господину Миронову. То есть — председателю совета директоров банка.

— Он идиот? — в голосе Ряжской прозвучало искреннее недоумение. — Я не о Миронове, я о Силуянове. Этот человек и вправду слушал наши разговоры? Зная, кто я такая?

— Он у нас такой, — с гордостью сказал я, подмигивая Силуянову. — Нет для него ни авторитетов, ни преград. Мы его тут так у нас и зовем: «Железный Толич». Производное от Анатольевича, соответственно.

Силуянов сделал бровями некое движение, которое можно было истолковать как «серьезно?». Я подмигнул ему, провел большим пальцем по горлу, после потыкал указательным ему в грудь и скорчил печальную физиономию. Так сказать — обозначил ситуацию.

Силуянов встал и прикрыл дверь в свой кабинет, которую, входя, я оставил открытой. Мне это очень не понравилось.

— Правильнее было бы говорить «дубовый», — уточнила Ольга Михайловна. — И не очень-то следящий за внешней политикой банка. Про Миронова он может забыть, так ему и скажите. Нет, формально Дмитрий Александрович еще председатель совета директоров, продажа акций не ведет к лишению полномочий, там все надо протоколами будет оформлять, на подобное время нужно. Но фактически он в банке больше никто. Пятьдесят пять процентов его акций «СКД-банка» теперь принадлежат холдингу «Р-индастриз». Я, собственно, потому с Яной и не приехала, что хотела при этой сделке присутствовать. Добавьте сюда еще двадцать процентов, что мы у одиночных миноритариев скупили, и осознайте, чьи теперь в лесу шишки. Только не раздувайте щеки раньше времени, дело не в вас. Мы эту сделку давно готовили.

— Новости! — вынужден был признать я. — Поздравляю с приобретением!

Силуянов сейчас напоминал мне большого дворового кота. Если бы у него была шерсть, она бы уже стояла дыбом, а спина выгнулась дугой. Он уже учуял, что что-то пошло наперекосяк, только пока не понимал, что именно.

— Спасибо, — равнодушно ответила Ряжская. — Не с последним, надеюсь. Но это ладно. В принципе, я этого вашего «железного дровосека» прямо сейчас очень огорчить могу. Как было сказано ранее — мы, в определенном смысле, партнеры, а потому ваши интересы совпадают с моими. Вот только нужен ли вам этот цирк? Я составила о вас впечатление как о человеке, для которого смысл происходящего важнее внешних атрибутов. Суть здесь в том, что вас, Саша, из этого банка теперь может уволить только один человек.

— Вы? — уточнил я.

— Нет, — возразила Ряжская. — Мне это ни к чему. Этот человек — вы сами. Даже если мы с вами вдрызг разругаемся, я все равно вас увольнять никому не дам, по крайней мере, без весомой профессиональной причины. Я женщина не мстительная и добро помню. Так что кому-кому, а вам опасаться совершенно нечего, кроме собственного вздорного характера.

— О как! — проникся я. — Но если вы сейчас скажете, что должность председателя правления теперь моя, то у меня возникнет ощущение, что я герой какого-то сомнительного «офисного» романчика класса «Не бойсь, будешь счастливым».

— Тебя? — фыркнула Ряжская. — Председателем правления ставить? Что за чушь? Как тебе такое вообще в голову-то пришло? А если еще учесть твой, повторюсь, на редкость скверный характер, мнительность, строптивость и вздорность, то я тебе даже отдел бы не доверила, не то что банк. Да и не доверю, ни к чему тебе отдел. Зарплату подниму — и только.

— Польщен, — буркнул я, отметив, что впервые за все это время Ряжская обратилась ко мне на «ты».

Не скажу, что я рвусь вверх по карьерной лестнице так же, как в начале лета, но все равно немного обидно мне стало. Ну ладно — банк. Тут я согласен, не потянуть мне этот пост, слабоват в коленках, каюсь. Но чего это мне отдел не доверят? Неужто я совсем уж дурак дураком?

— Тем более что ваш нынешний шеф со своим делом неплохо справляется, — Ольга Михайловна и не подумала как-то реагировать на мое недовольство. — Он умело надувает щеки, лихо изображает из себя матерого лидера и отлично толкает речи на благотворительных мероприятиях. Ну и самое главное — он собрал эффективную команду, которая за него делает все остальное. Кроме, разве, начальника службы безопасности, у которого напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Как там его фамилия, я забыла уже?

— Силуянов, — подсказал я.

— Именно. — Ряжская на секунду замолчала. — Скажи этому человеку, что решение о начале служебного, а возможно даже, и уголовного расследования, будет принято на днях.

— Уголовного-то с какого перепуга? — изумился я.

— Мой дедушка, который начинал работать в органах в те времена, когда ОГПУ еще не осуществило процесс слияния с НКВД, неоднократно говорил: «Был бы человек, статья найдется». — Ряжская хихикнула. — А мой супруг дополнил эту поговорку словами: «особенно если есть знакомый прокурор». Так что не стесняйся, получи удовольствие. Тем более что он все равно бы, скорее всего, вылетел из банка как пробка. У моего супруга есть привычка, приобретая новую компанию, проводить некую аттестацию работающего в ней персонала, обращая особое внимание на топ-менеджмент, финансовую службу и безопасность. И что-то мне подсказывает, что вопрос о продлении трудового договора между вашим Силуяновым и банком подниматься точно не будет. А вот о формулировке записи об увольнении в трудовой книжке будет обсуждаться в обязательном порядке. И пусть порадуется, если он отделается только «статьей».

Она не шутила. Серьезно — не шутила ни разу.

А еще мне было впору засмеяться, повод-то был. Сначала Силуянов мне «статьей» грозил, а теперь сам под нее, похоже, и попал. Воистину — зло есть бумеранг. Запустил его в кого-то и жди потом, когда он тебя по затылку шандарахнет, сделал круг.

Впрочем, это-то ладно, дело локальное, житейское. Жест — она впереди. Сдается мне, скоро у нас тут головы полетят. Народ узнает — вою будет. И мне теперь перепадет по полной, это можно не сомневаться. Шила в мешке не утаишь, имена новых собственников тайной будут недолго, как и то, что я частенько уединяюсь с одним из них. Да что там — если верить слухам, то и вовсе с ней сплю. И можете быть уверены, народ тут же решит, что именно я определяю, кого казнить, кого миловать. Но это не беда, просто кто-то будет плевать мне вслед, а кто-то даже начнет заверять меня в своем неизменно дружеском расположении.

Тем более что тут ничего не изменить, так случится в любом случае. Даже если я буду бить себя в грудь, заверяя общество в том, что не при делах, мне все равно никто не поверит. И, отчасти, правильно сделают. Не скажу про «казнить», я парень не мстительный, не стану ни с кем сводить счеты. Да и нет у меня в банке врагов, кроме вон одного человека, который сейчас сидит напротив меня. А вот «миловать» — это да. За Наташку с Ленкой попрошу непременно. Они, конечно, не топ-менеджмент, вряд ли их щемить будут, но от греха — попрошу. И за Волконского.

— Даже так? — произнес я и посмотрел на Силуянова, который даже не подозревал о том, что его сейчас приговорили. — А не жестковато?

— Я не люблю, когда невесть кто сует нос в мои дела, — из голоса Ряжской ушла вся игривость. Таким тоном, должно быть, Снежная Королева общалась с девочкой Гердой. — А еще нужна показательная порка. То есть мне надо, чтобы все, кто работает в вашем декоративном банке, который теперь стал собственностью моей семьи, хорошо уяснили, что либо будет так, как хотим мы, либо не будет никак.

— И я?

— Что — «и ты»? — сбилась с высокопарного слога Ряжская.

— И я должен это уяснить?

А что? Мне в самом деле надо сразу расставить точки над «i». Чтобы решить — сейчас ее послать или потом, попозже?

— Саша, ты не человек, — бархатисто рассмеялась Ряжская. — Теперь я точно это знаю.

— А кто же я?

— Ты — ёжик. Чуть что, так сразу колючки вверх, и давай зло сопеть и фырчать, — объяснила мне женщина. — Причем неважно, друг перед тобой, враг. Тебе без разницы.

Видно, невесело ты последние годы жил, если в любом человеческом проявлении кого-то из своих знакомых видишь агрессию. Ты в негатив постоянно уходишь, а так нельзя. Так и с ума сойти недолго.

— Ничего, что я еще здесь? — не выдержал Силуянов, и выпятил челюсть вперед. — А?

— Даже не знаю, что вам на это сказать, — прикрыв трубку рукой, ответил ему я. — Серьезно — не знаю. Все так запуталось.

И ведь ни словом не соврал. Ситуация прямо как в статусе Сашки Вязьминой из операционного, том, что у нее в «вотсапе», — «все сложно».

Причем все на самом деле оказалось сложно. Я сам не ожидал от него такой реакции. Как мне думается, он и сам ее от себя не ожидал, просто нашла коса на камень. Ну или сосудик у него какой-то в голове перекрыло.

А может, я его просто до такой степени выбесил.

Короче, он со всей дури бахнул мне прямым в челюсть, да так, что я на пол прилег отдохнуть. Трубка отлетела в сторону, а из глаз у меня полетели искры.

— Непрофессионально, — сообщил я Силуянову ошарашенно и пару раз лязгнул зубами, чтобы проверить, все ли они на месте. — Капец просто как!

Вспомнив большинство фильмов, я прихватил нижнюю челюсть пальцами руки и подвигал ее туда-сюда. Кожа двигалась, челюсть нет. Фиг знает, так оно должно быть или нет, но на душе стало как-то спокойнее. Да и потом — если бы там имелась трещина или чего похуже, наверное, я сразу такое понял. А при вывихнутой челюсти вроде как и вовсе рот не закрывается.

Из трубки, лежавшей у двери, тем временем доносился голос Ольги Михайловны: «Саша. Саша, я не поняла, что у вас там происходит?».

— Ыррррр! — издал зверский звук Силуянов, и каблук его ботинка модели «старый добрый прапор» опустился на экран моего телефона.

Вот это был уже явный перебор. Я все понимаю — нервы, вспышка гнева, нереализованные мечты, даже вот этот удар мог понять. Но зачем же имущество портить? Материальный ущерб причинять?

И прощать ему все это я не собирался.

Силуянов стоял чуть сгорбившись, как будто ожидая, что я вот-вот встану и попробую дать ему сдачи.

Да нет, даже не «как будто». Точно этого ожидая. И это наводило на не очень-то хорошие мысли. Например — не собрался ли он меня на инвалидность перевести? Он сможет.

Странностей в нем хватает, это да, но при этом в чем-в чем, а в искусстве причинения людям вреда средней и сильной тяжести он разбирается претолчно. Мне про это его же подчиненные рассказывали.

Как-то это все странно. Ну не любишь ты меня — хорошо. Но зачем же провоцировать на драку, с заведомо ясным финалом? Зачем на душу грех брать?

Или не «зачем»? Или — «за что»?

Нет, прощать я ему ничего не собираюсь, это уж точно. Но полный расчёт можно и отсрочить. На несколько часов. Или даже до того момента, пока я не пойму, что тут к чему.

— Выпустили пар? — сообщил ему я абсолютно спокойно. — Надеюсь, на этом все? Если да, так я пойду. Рабочий день, как было сказано выше, кончился, так что если у вас ко мне есть еще какие-то претензии, то это все завтра.

— Дешевка ты, — еще сильнее выпятил челюсть вперед Силуянов. — Что, даже не попробуешь мне сдачи дать?

— Да вот еще, — встал я с пола и отряхнул штаны. — Много чести.

Я бы, наверное, мог наговорить ему всяких гадостей, но не стал. Зачем? Во-первых, говорить становилось все больше, здорово он мне все-таки бумкнул. А во-вторых, — к чему слова? Лучше сделать. Он у меня грядущую ночь на всю оставшуюся жизнь запомнит. Главное, чтобы все ингредиенты для задуманного дома были. Есть у меня одно заклинание, я его недели две назад нашел, оно как раз самое то, что для моей страшной мести и нужно. Да и на пользу делу это пойдет. Он товарищ неглупый, два плюс два сложит, и завтра, в запале, глядишь, и выложит на духу, в чем же истинная причина такой нелюбви ко мне. А она — есть. Ну не верю я в то, что человека ТАК можно не любить исключительно за раздолбайство. Есть тут что-то еще.

Одно хорошо — мешать моему уходу не стал. Знай злобно сопел, пока я выковыривал «симку» из телефона, да бросил мне вслед ругательство, когда я за дверь вышел.

По дороге к дому челюсть начала ныть адски, мышцы ее сводило так, что когда я ввалился в квартиру, даже пары слов Родьке сказать не смог.

— Охти мне! — поняв в чем дело, всплеснул лапками мой слуга. — Хозяин, подрался никак? Вот уж не думал, что ты любитель этой забавы! Был у меня один хозяин, тоже

мастак морды мять, но обычно он тумачи отвешивал, а не ему. Ты, если в этом деле не смыслишь, так не лез бы в драку-то?

Ничего я ему на это не ответил и полез в шкафчик, где у меня лекарства лежали, за «кетанолом». У меня в активе, понятное дело, уже имелся рецепт зелья «боль снемлюща и сон насылающа», но его же еще варить надо, а потом студить. Это дело не быстрое, часа на два с половиной-три. Легче таблеткой закинуться.

— Вавила Силыч, — тем временем заорал Родька и пнул пару раз лапой холодильник. — Вавила Силы-ы-ыч! Глянь, чего делается на свете! Куда мир-то катится? Ведьмакам-от уже морды бьют!

— Ну не жгут же, как в старые времена? — резонно сообщил подъездный, выбираясь из-за плиты.) — Морда — она чего? Поболит и перестанет. Чай рожка не задница, завяжи да лежи. А вот коли к столбу веревкой, да хворосту навалат — это да. Это неприятно.

Мои зубы лягнули о край кружки. Я представил себя у столба, среди хвороста, который пахнет бензинчиком, и Силуянова, с доброй улыбкой подносящего к нему горящий факел. Жуть какая!

— По зубам треснули? — пригляделся Вавила Силыч к моему лицу. — Ишь, со знанием дела били, сразу видно. Надо было сразу лед приложить. Теперь к утру распухнет так, что будь здоров.

— Ну и помог бы! — потребовал Родька. — Ты можешь, я знаю.

Вавила Силыч призадумался, а после было захотел что-то сказать — но не успел. Ему помешал дверной звонок.

Глава четвертая

— Кого еще принесло? — промычал я страдальчески, придерживая челюсть ладонью.

— Маринка небось, — со знанием дела заявил Родька. — Только она вечно притаскивается тогда, когда всем не до неё!

Вавила Силыч гадать не стал, он просто открыл дверцу шкафчика, находящегося под кухонной раковиной, и нырнул в темноту между трубами и мусорным ведром.

В дверь позвонили еще раз, причем звонок был более долгий.

— Парень какой-то, — вернулся к нам тем временем подъездный. — Одет прилично, даже галстук у него есть, но по виду — чистый бандит.

— Так уж и бандит? — засомневался Родька. — Что же — нож у него за поясом, пистоль или чего другое?

— Колода ты деревенская, — беззлобно сообщил ему Вавила Силыч. — Какой пистоль? Кого в столице ты пистолем испугаешь нынче? Теперь такие нравы, что хоть орудие на москвича наставляй, он не испугается. Потому как адаптировался горожанин к нездоровой криминальной обстановке. А публики этой я насмотрелся в свое время. Они хоть куртки кожаные на пиджаки сменили, а только как лиходеями были, так ими и остались.

— Меньше телевизор тебе надо смотреть, Вавила Силыч, — посоветовал я подъездному. — Пойду открою.

Мне бояться было нечего, с братвой у меня конфликтов сроду не имелось, да и хуже чем есть уже не будет.

Тем более что звонок верещал не переставая, и становилось понятно, что следом в ход пойдут ноги, а то и автоген. Тот, кто стоял за дверью, был уверен в том, что я дома.

И правда — неожиданный визитер на самом деле смахивал на классического «братка» новой формации. Пиджак на размер больше широких плеч, однотонный галстук, короткая стрижка, пара еле заметных шрамов на лице — все как полагается.

— Смолин? — уточнил он у меня без всяких приветствий. — Александр?

— Он самый, — кивнул я и зашипел от боли. Таблетка еще не оказала свой целительный эффект, а потому лишние движения доставляли изрядный дискомфорт. — Чего надо?

Ответом крепыш меня не удостоил, вместо этого он достал из кармана пиджака довольно дорогой смартфон, потыкал в экран пальцами, а после приложил его к уху.

— Это Сергей, — секундой позже сообщил он в трубку. — Да. Дома. Да, жив-здоров.

Правда, кто-то ему изрядно в «пятаяк» зарядил. Хорошо-хорошо. Кто-то его по лицу ударил. Конкретно? По зубам. Нет, он не сам это сказал. Так вижу. У меня опыт, не первый день замужем. А? Ага.

Сергей отнял ухо от трубки и спросил у меня:

— Тебе кто в «бубен» сунул?

— Враги, — буркнул я, уже понимая, откуда здесь взялся этот молодой человек, и кто именно проявил обо мне трогательную заботу. — Супостаты.

Самое забавное, что он дословно передал мою реплику. Я-то думал, что произойдет осознание того, что это отчасти шутка — но нет. Сергей так и сообщил своему собеседнику, что по зубам меня треснули именно враги и супостаты.

Одно хорошо — на том конце провода мою иронию все-таки приняли к сведению.

— На, — Сергей мне сунул свой телефон и недовольно насупил. — Слово-то какое придумал.

Как видно, то, что он услышал, ему не очень понравилось, потому что интонация была не сильно дружелюбная. Интересно, а если и он мне брякнет по зубам, то у меня челюсть болеть перестанет? Вышибет ли клин клин?

Впрочем, два раза в одну воронку снаряд не попадает.

— Саша? — естественно, в трубке я услышал до боли знакомый голос Ряжской. — Что вообще происходит? Ты мне не объяснишь?

— Осень, — отделался я короткой версией произошедших событий.

— Прекрасный, а главное понятный ответ, — одобрила мою лаконичность Ольга Михайловна. — Ну а если его сделать немного попонятней? Осень — время обострений психических заболеваний? Осень — не лето? Осень, осень, лес застыл... И что-то там еще в песне было. Не помню уже.

— Осень больно говорить, — пояснил я. — Осень-осень.

— Знаешь, я постепенно начинаю ощущать себя кем-то вроде твоей приемной матери, — немного рассержено сообщила мне собеседница. — Ты капризничаешь, я тебя уламливаю и уговариваю. «Съешь хоть что-нибудь, Сашенька, что же ты голодный ходишь». Вот, проверяю дома ты или нет, потому что ты не желаешь отвечать на мои звонки. Да еще и побил тебя кто-то...

— Не по чему отвечать, — пояснил я, еле двигая челюстью. — Телефон тю-тю. Прикончил его мощный каблук нашего безопасника. Сначала кулак мне зубы чуть раздробил, потом нога смартфон раздавила. Первое больно физически, второе морально.

— У тебя не возникает ощущения, что градус ситуационной бредовости в вашем банке крепчает? — поинтересовалась у меня Ряжская. — Я давно на свете живу и в бизнес-сферах вращаюсь добрую четверть века, кабы не больше, но с начала девяностых не слышала о том, чтобы безопасники физическим прессингом занимались. Психологическим — это да. Без него никак. Но чтобы морды бить? Даже в лихолетье они это делали только в том случае, если их подшефные инсайдом занимались, на предмет выявления всей цепочки утечки информации. Помню, в 1995, когда на фальшивых «авизовках»... Ладно, сейчас не об этом речь. А тут прямо колумбийские страсти «а-ля картель».

— Сам в шоке, — подтвердил я, с радостью ощущая, что мне стало немного полегче. Как видно, таблетки начали действовать. — Силуянов, конечно, всегда был той еще сволочью, как и предписано штатным расписанием, но тут он, конечно, дал гари.

— Завтра же его уволят. Лично проконтролирую, — сказала как отрезала Ряжская. — Плюс на твоём месте я бы еще и в травмпункт наведальась, сняла побои. Мы его еще тогда и посадим.

— Странно это все, — никак не отреагировал я на ее слова. — Повторюсь — Силуянов козел еще тот, это так. Но он всегда играл по правилам, вот какая штука. Он никогда не приписывал лишнего даже тем, кого не любил.

— То есть — тебе?

— В том числе мне. Я от него огребал часто, но всегда за дело. Да, он мог поглумиться надо мной, мог сплестись на моих костях, но никогда не переходил линию между профессионализмом и дилетантством. Он себя уважает. И тут — такое... Не вяжется это как-то? Непонятное тут что-то. А я непонятное не люблю, оно меня нервирует. Понимаете о чем я?

— Понимаю, — помолчав, произнесла Ряжская. — Ладно, пусть пока он будет. Хотя пугануть я его все равно пугану.

— Не-а, — ехидно протянул я. — Это тоже предоставьте мне. Я его нынче ночью сам пугану. Так, как вы сроду не сможете, при всех своих способностях.

— Я теперь его жалеть начинаю, — фыркнула Ольга Михайловна. — Не знаю, что именно ты задумал, но точно уверена в одном — врагам своим на его месте оказаться не пожелаю. Даже Соломиной, чтобы ей пусто было. Хотя нет, ей пожелаю. Очень уж она неприятная особа.

— У каждого из нас есть своя Соломина, — ее очень и очень толстый намек я не понять не мог, но решил ответить тоже завуалированно. — И каждая Соломина раньше или позже получит свое.

— Да, вот еще что... — Ольга Михайловна тяжело вздохнула. — Понимаю, что не совсем ко времени, но я снова о Яне. Саша, это несчастная женщина. Если бы ты только знал, какая у нее была тяжелая жизнь, как ей досталось от судьбы!

— Нет, — твердо ответил я. — Приворотами я не занимаюсь. От слова совсем. Ольга Михална, да вы не представляете даже, о чем просите. Этот заговор для людей не помощник, поверьте. Это потенциальный смертный приговор. И помочь ей после я уже никак не смогу, там обратно не отыграешь. Это анизотропное шоссе, Ольга Михална. Или, как вариант, система «ниппель». Туда дуй, оттуда... Не дуй. Уцелевший зуб даю — кончится все очень, очень плохо.

— Что значит — «уцелевший»? — обеспокоилась Ряжская. — Он тебе часть выбил, что ли?

— Это шутка была, — пояснил я. — Все на месте. Но приворот делать не стану.

— А может, есть другой способ решить ее проблему? — любопытствовала моя собеседница. — Не приворот, так еще что-то? Саша, ты же умный, подумай. А Яна твои мысленные потуги потом простимулирует. Скажем — плюс двадцать процентов к стандартному гонорару?

— Да не в деньгах дело, — печально произнес я. — Нет, я их люблю, но имеются вещи на порядок выше.

— Саша, — лукаво произнесла Ряжская. — Раз ты так заговорил, значит, идеи у тебя есть.

— Ольга Михална, у меня есть на спине шерсть — немного панибратски хмыкнул я,

заработав от Сергея изрядно удивленный взгляд. — Редкая, зато своя.

Ну его изумление мне понятно. Ряжская тетка лютая, думаю, что у нее, что у ее мужа все по струнке ходят. И наши все ходить будут, полагаю.

Но мне надо знать, до каких пределов я могу пойти в общении с ней, где та пограничная линия, которую нельзя переходить ни при каких условиях. Она изучает меня, это ясно как белый день. Причем пускает в ход все приемы, включая самые грязные — провоцирует, ищет болевые точки, смотрит на мою реакцию в некомфортных ситуациях.

Я, кстати, даже не удивлюсь, если странное поведение Силуянова ее рук дело. Актриса она великолепная, удивление ей сыграть как нефиг делать.

Но и я изучаю ее. Внимательно и неторопливо.

Спинным мозгом чую — нам еще долго общаться придется. И мне надо знать, где те пределы, за которые лучше не соваться. Где та точка, которую можно назвать «критической».

И еще — мне надо почуять, когда она из доброй тети захочет превратиться в суровую госпожу. Не в БДСМ смысле, а в жизненном. Когда вместо: «может, поможем» прозвучит: «пойди и сделай». Не хочется проморгать этот момент.

— Шпана, — хмыкнула Ряжская. — С бизнес-леди — и на дворовом жаргоне разговаривать. Ох, обтесывать тебя еще и обтесывать.

— Ощутил себя Буратино, — хмыкнул я. — Ладно, подумаю по поводу вашей Феликсовны. Может, что в голову и придет. Например — мысль какая.

— Подумай, — разрешила Ряжская. — Дело хорошее. А про Силуянова этого забудь.

Завтра ему кое-что объяснят, так что он больше тебя не побеспокоит. Завтра вообще в вашем богоугодном заведении ожидается интересный день. Тебе понравится.

И она повесила трубку.

— Держите, — протянул я смартфон Сергею, тот немедленно потянул его к уху. — Не-не, там уже никого. Все, абонент не абонит.

— А как же? — он посмотрел на меня. — А мне чего теперь?

— Понятия не имею, — пожал плечами я. — Домой езжайте, к семье, к детям. Или еще куда. Дело ваше.

— О, Сашендра! — раздался голос сверху, по лестнице процокали каблочки. — Точнее даже — неуловимый Джо. Ты куда пропал? Я как ни зайду — тебя все нет.

Это была Маринка, которая, похоже, только-только вернулась домой. Кстати — да, громыхал дверями лифт на ее этаже.

Была моя соседка нынче печальна и томна. Да еще и пристойно одета. Я бы сказал — на редкость. Вполне себе демисезонный плащик вместо кислотного цвета куртки, юбка ниже колена, блузка, под которой не то что ее юное трепетное тело невозможно было разглядеть, но и даже пару татуировок, на него нанесенных. Не исключено, что там даже нижнее белье сегодня имелось. И правда — осень пришла.

— Все дела да случаи, — ответил я ей. — А ты чего домой так рано?

— Я приличная девочка, — небрежно бросила она мне, оценивающим взглядом окидывая Сергея. — А ты что, с «братвой» теперь дела имеешь? Никак, ты самую главную банковскую тайну узнал, и теперь тебя прессингуют? Так расскажи ее мне, пока тебя не грохнули. Я про это статью напишу, и смерть твоя будет не напрасна.

Сергей немного оторопело смотрел на Маринку, которая, склонив голову к плечу, с интересом строила ему глазки, часто-часто хлопая ресницами.

— Это медбрат, — укоризненно сказал я и помахал ладонью перед лицом Сергея. — Да прекрати ты нагонять эротизм в атмосферу, вон совсем перепугала человека. Он мне средство приносил, от зубов. Я, понимаешь, сегодня упал и так челюстью брякнулся... Марина посерьезнела, цапнула мое лицо, повернула влево-вправо, нехорошо посмотрела на Сергея и спросила:

— Может, доктору Стасу позвонить? Он быстро подъедет. Два врача, два мнения. Типа, консилиум.

— Да нормально все, говорю, — отмахнулся я. — Ты лучше скажи, что там у тебя с шоу? Я слышал, они тебе крепко на мозг приседали?

— Долгий разговор, — соседка, как видно, сделала какие-то свои выводы, скинула с себя флер загадочности и снова стала привычно легкомысленной. — Пошли ко мне, расскажу.

— Сейчас не могу, — отказался я. — Дела. Давай завтра?

— Завтра — это путь в никуда, — Маринка щелкнула замком сумочки и достала сигареты. — Знаешь, Смолин, я тут недавно поняла одну простую вещь — говоря «завтра», мы, по сути, отказываемся жить здесь и сейчас. Никто из нас не знает, сколько ему отмерено. Может — час, может — век. Но если здесь и сейчас ты не сделаешь того, что предоставила судьба, то, скорее всего, не сделаешь этого никогда. Ну или это выйдет не так, как должно было случиться.

— Ух ты, — внезапно подал голос Сергей. — Мощно сказано!

— Да, накачанный красавчик, все именно так, — печально закончила свой монолог Маринка и щелкнула зажигалкой. — Жизнь дает нам возможности, а мы их спускаем в унитаз со словами: «Сделаю завтра».

— Курить вредно, — укоризненно произнес Сергей.

— Вредно, — покладисто согласилась с ним моя соседка. — И воздухом московским дышать вредно. И еду, состоящую из «Е»-добавок, ароматизаторов, идентичных натуральным, а также сложных химических соединений, потреблять вредно. Все вредно. Но мы живем в 21 веке, мой накачанный друг, у нас не вредного — нет. Сашка, если надумаешь — заходи через час-полтора. Пока я в ванную, пока кофе попью, как раз столько и пройдет. Если не открою — значит, уснула.

И она удалилась, помахав Сергеем ручкой.

Тот проводил мою соседку взглядом и спросил у меня:

— А ты с ней... Ну....

— Не-а, — покачал головой я. — И тебе не советую. Пропадешь. Она таких, как ты, на завтрак ест. Честно говорю, без обид.

— Поглядим, — бросил Сергей и направился к лифту.

— Безумству храбрых поем мы славу, — пробормотал я и закрыл дверь. — Но, с другой стороны, каждый сам могильщик своего будущего.

Собственно, я тут же про этого самого Сергея и забыл. У меня были дела поважнее.

Челюсть совсем отпустило, «кетанол» — действенное средство. И пусть это было только временное облегчение, но лучше так, чем никак. Тем более, что теперь я мог, не отвлекаясь на жалость к себе, воздать Силуянову по заслугам. Ну и заодно опробовать одно заклятие из тех, которые до поры до времени я старался обходить стороной. Просто больно от них недобрый веяло.

Ну ладно, вру. Стороной я их обходил, потому что не было того, на ком их можно опробовать. А так-то очень мне хотелось поэкспериментировать! Так сказать — заглянуть на темную сторону. Прямо вот манила она меня. Это вам не зелье от морщин на шее для очередной подруги Ряжской бодряжить.

Но — не на ком. Есть люди, которые не любят меня, есть люди, которых не люблю я, но, даже если притягивать ситуацию за уши, все равно вот так, исключительно из любознательности практиковать на них подобные вещи совсем неправильно. Мои предшественники, насколько я понял, в большинстве своем особо не либеральничали в таких случаях. Если им надо было проверить действенность того или иного зелья, они это проделывали на том, кто подворачивался под руку. В книге записи вроде: «И опробовал я получившийся эликсир на селянине, что на старой пали молодые березы выкорчевывал, прежде обманом затуманив его разум. Сперва тот весел стал, после запечалился, а к рассвету и вовсе помер. Стало быть, не девясил следует в эликсир тот класть, или же меру его уменьшить потребно».

Я так не могу, причем сразу по ряду причин. И старой пали у меня нет, и селяне у нас в городе не водятся, и, самое главное — не по мне это. Я не ангел, и за последнее время много чего натворил, но там-то свою жизнь спасал. А вот так, как прозектор, без раздумий... Нет, нет, не могу. Пока, по крайней мере. А вдруг что-то пойдет не так, и человек в самом деле окоцурится? И как потом мне жить? Делать вид, что ничего не случилось? Перед кем? Перед самим собой?

Имелись, конечно, еще ведьмы из Лозовки и скрывшийся в дебрях Европы колдун, но они для подобного совсем не подходили. Даже не потому, что они мне могли дать сдачи на нашем, ведьмовском уровне. Просто как я узнаю о результате? Получилось вообще, не получилось? Да и обострение отношений мне ни к чему.

Но вот сегодня — совпало. Есть Силуянов, которого мне в данный момент совсем не жалко, и есть давнишнее огромное желание опробовать заклятие по призыванию «мары — сонливицы».

Я бы, конечно, на него мару посерьезнее напустил, например — «печальницу», но там заклятие призывания посложнее. И потом — «печальница» на денек не приходит, она его недели две изводить будет, а то и дольше. Силуянов, конечно, сволочь, но у меня нет желания его в овощ превращать.

А вообще эти самые «мары» — страшная сила. Кто это такие? Это тени. Ну или духи, называйте, как хотите. Нет-нет, не души бывших колдунов или ведьм. Это обитатели того места, которое в книге мои предшественники именуют: «за кромкой». Что это за место, где оно — я не знаю. Но подозреваю, что это некая реальность, которая когда-то, очень давно, соседствовала с нашей, а после закрылась или вовсе перестала существовать по причине того, что о ней забыли здесь, на этой грани бытия. Мы про них не помним — и они там, за кромкой, то ли уснули, то ли вымерли.

Подозреваю, что моя покровительница Морана тоже из этих мест. Правда, я так до сих пор и не понял, как именно она мне покровительствует и в чем ее благосклонность выражается. Сниться эта жутковатая красавица мне больше не снилась, и о себе не напоминала, но каким-то шестым чувством я осознаю, что вниманием меня она не обходит.

Так вот — мары. Их много, и у каждой из них своя специализация. Темная, разумеется, специализация, не очень дружественная человеку и, как правило, направленная ему во вред. Кстати — мар часто путают с сестрами-лихоманками, теми, что болезни насылают. Это ошибка, причем грубая. Мары и лихоманки — принципиально разная нежить. Больше скажу — лихоманки по сравнению с марами добрые девочки-припевочки, потому что они всего-то уязвляют тело. Что тело? Его можно врачевать, причем с рядом лихоманных напастей сейчас прекрасно справится не то что бабка-ведунья, но и простой районный врач. Медицина здорово шагнула вперед, пенициллин и мазь Вишневского рулят!

А вот мары — они тянутся к душе людской, и тут терапевт не поможет. И бабка-ведунья, кстати, тоже не всякая выручит.

Самая сильная и страшная из мар — полуденница. Не дай бог человеку попасть под ее чары! Это все. Это сразу себе гроб заказывай. Ее не подчинишь и не изгонишь, по крайней мере, так писал Филофей, один из тех, кто до меня книгой владел. Он, похоже, мар всерьез изучал, так что верить ему можно. И, кстати, не призовешь, как ее младших сестриц. Она самостоятельная персона, ходит, где хочет, и живет сама по себе, как тот кот. Обитает она в тех местах, где когда-то человек погиб. Причем погиб глупо, внезапно, незапланированно. Сердечный приступ там или разбойники напали. Или, применительно к нашему времени, — автоавария.

Так вот — поселится она в таком месте и сидит там как в засаде, ждет того, у кого ума хватит там днем остановиться передохнуть. И если такой дурачок найдется, который рядом с могилой, что мара облюбовала, заснет — все, он пропал. Она уже с него не слезет, будет из него все вытягивать — мечты, покой, сон, чувства, подменять подлинную реальность искусственной, той, в которой ее жертва будет более уязвима. А когда все кончится, то и жизнь бедолаги подойдет к концу, потому что человеку без души существовать совершенно невозможно.

Но это, конечно, крайности. Есть мары и попроще, скажем так — с более узкой специализацией. С одной из таких — «сонливицей» — я и собирался сегодня познакомить нашего отважного безопасника.

Она на фоне своих старших сестер выглядела практически безвредной. Она всего-то вызывала из глубин подсознания спящего человека его самые сокровенные страхи и превращала их в широкоформатные, стереоскопические видения с полным эффектом присутствия. И с невозможностью покинуть данный сеанс до того момента, пока мара этого не захочет. То есть пока досыта не наестся страхом того, кто попался в ее цепкие лапки.

То есть — веселая ночь Силуянову гарантирована. Пока — одна. А там поглядим. — Родька, расчехляй наш инструментарий, — сообщил я слуге, вернувшись на кухню. — Развлечемся на сон грядущий.

— Лександр, может, не надо сегодня? — озабоченно спросил Ваила Силыч. — Я же вижу, ты лихое задумал.

— Я мстю, и мстя моя страшна, — подтвердил я опасения подъездного. — Можно было бы и сдачи кулаком дать, но я предпочту обраточку включить тем способом, который мне более привычен.

— Ну не знаю, — продолжал сомневаться Вавила Силыч. — Месть мести рознь. Иной раз лучше воздержаться. А чего сотворить-то решил?

— Мару на этого хмыря напушу, — ответил я охотно. — Она ему жизни даст!

— Мару? — нахмурился подъездный. — Александр, мы ведь когда еще договорились о том, что мне таких гостей тут не надо? И общество не поймет!

— Прости, Вавила Силыч, — тут же понял свою ошибку я. — Надо было сразу тебе сказать о своих планах, чтобы непонимания не возникло. Ты не волнуйся, я не какую-нибудь из тех, что возвращаются к заклинателю, вызываю. Простую «сонливицу», она тут и не появится даже.

— Все равно не дело это, — покачал головой подъездный. — Не надо тебе на эту дорожку вставать, парень. Сначала мары, потом тени, потом темные охотники. А после что? Кем ты станешь? Я же понимаю, ты так и так принадлежишь не к миру Дня, твоя судьба идти среди мертвых душ, но и среди них можно остаться живым человеком. Но если ты потихоньку, помаленьку начнешь поворачивать на эту дорожку, то добра не жди.

— Хозяину виднее, чего творить, — подал голос Родька. — Он ведьмак и в своем праве.

— Да это понятно, — грустно произнес Вавила Силыч. — Только вот не хочу я про вас думать, как про тех, кого надо из этих стен выжить любой ценой, чтобы остальным жильцам беды не было.

— Да не собираюсь я мутировать в Черного Властелина, — положил я ладонь на крепкое, словно из дерева выточенное плечо подъездного, который, поникнув, скукожился на табуретке. — Даже мыслей таких нет. Просто хочу попробовать, получится у меня эту пакость вызвать или нет? Ну и кое-кому за свою челюсть отомстить. Знаете как она у меня ныла? Если бы не таблетка... Да и завтра, небось, мне мало не покажется. Разве что потом еще зелье для нее сварить?

— Челюсть — это ладно, — Вавила Силыч привстал, припечатал свои длиннопалые руки к моему лицу и резко дунул мне в нос. — Вот и все. И не болит больше. Может — ну ее, «сонливицу»?

Особой разницы в состоянии я не ощутил, «кетанол», как я и говорил, действовал по полной, но при этом у меня появилась уверенность, что да, боли больше не будет.

О как. Он, оказывается, и так может?

— Вавила Силыч, спасибо, — поблагодарил я подъездного. — Прямо не ожидал. Но мару все одно вызову, уж не обессудь. Правда — просто интересно. Но при этом обещаю, что больше таким здесь заниматься не буду. И не здесь — тоже.

— Сомнительный интерес, — проворчал подъездный. — Тут останусь, присмотрю за вами. Неровен час, еще какую гадость сюда подманите сдуру, так я ее хоть почую, сделать чего успею.

Надо же, не думал, что он так на мои забавы отреагирует. Любопытно, а что по этому поводу Нифонтов сказал бы? И не узнает ли он часом о моих экспериментах?

Впрочем — если узнает, тогда и говорить с ним будем. А если нет — так и ладно.

Пока Родька готовил горелку, начищал плошку и пестик, я сначала открыл книгу на нужной странице, а после пошел в комнату, где взял один из своих старых телефонов и вставил в него «симку», которая, хвала небесам, к нему подошла. Просто телефон был сильно не новый, аж кнопочный. Но выбор у меня, увы, был невелик. Имелась одна модель попроще, но ее окончательно присвоил себе Родька и теперь с ней не расставался. Очень ему нравилось с ней играть. Можно было бы отнять, но это будет такая драма, такая трагедия... «Великолепный век» отдыхает.

Ну нафиг, короче.

Аппарат покурлыкал и сообщил мне, что есть несколько непрочитанных сообщений, которые, предсказуемо, оказались от Ряжской. Я их даже читать не стал. Чего там может быть нового?

— Хозяин, — окликнул меня слуга с кухни. — Все готово. Давай, говори, какие ингредиенты для дела нужны? Я читать не умею. Да и нельзя мне в книгу лезть, ты знаешь.

— Ага, — я положил телефон на шкаф, прихватил кое-что из кармана пиджака, который так до сих пор и валялся на диване, а после поспешил к нему. — Молодца. Значит, так, сначала измельчи меру тысячелистника, потом добавь к нему тополиный бальзам, десять капель.

— Десять капель, — повторил Родька. — Ага, что дальше?

— Дальше, — я поводил пальцем по листу книги. — Ставим на огонь и добавляем по три меры росянки и наперстянки. После, как закипит, бросим пять сушеных ягод бузины. Ну и два корня — папортника и рогоза, это, я так понимаю, для нашей защиты.

— Немудрящий рецепт, — заметил Родька. — Больно прост.

— Это на первый взгляд, — веско произнес я. — Под конец надо добавить в получившуюся смесь кровь, слюну или какую другую часть того, на кого мы напустим мару. Без этого ничего не получится.

— Жутко звучит, — заметил Вавила Силыч. — «Часть». Палец — тоже часть.

— Ну да, — согласился я. — И зуб тоже. Но мне они не нужны. У меня есть слюна. Высохшая, но все же.

И я с гордостью продемонстрировал этой парочке обгрызенную зубочистку, которую прихватил в кабинете Силуянова. План-то у меня созрел сразу, так что времени там я не терял. Да и сложности особой это не составило — их там было немало. Весь офис потешался над тем, как шеф безопасников бродил по коридорам, жуя зубочистки, и одну из своих кличек, а именно «Шериф Пупкин», он заработал именно благодаря им.

— Всю бросать нельзя, — сообщил мне Родька. — Больно здоровая. Дай, я вон тот, измочаленный конец состригу и измельчу.

Мой слуга привычно сноровисто подготовил все, что было нужно, и разложил в той последовательности, которая была указана в рецепте.

— Огонь средний? — уточнил он у меня.

— Не знаю, — озадачился я. — Тут ничего не сказано.

— Значит, средний, — заключил Родька. — Давай, хозяин, чего ждать?

— Может, все же ну его? — предложил подъездный, понял, что мы уже не отступим и печально покачал головой.

— Понеслась, — скомандовал я. — Три меры воды и дать ей забурлить...

Компоненты летели в плошку один за другим. Мы уже неплохо сработались с моим слугой, да и я более-менее поднаторел в этих делах. То есть уже не дергался, как тогда, в самый первый раз.

— Корень рогоза, — не отрывая глаз от страницы книги, скомандовал я. — Должна появиться густая белая пена.

— Бросил, — отозвался Родька. — Ага, пошла пена.

Я глянул в плошку. Точно, есть такая. Как пленка на молоке, точнее не скажешь.

— Давай, закидывай зубочистку, — потер руки я. — Если все пойдет как надо, пена после этого должна осесть.

Родька забросил в плошку маленькую жменьку светлых древесных лохмотьев и уставился на бурлящую жижу.

Пена вспучилась, словно ее кто-то толкнул вверх оттуда, изнутри, а после исчезла без следа, а в самом центре темного варева появилась маленькая, с булавочную головку, воронка.

— Все так, — удовлетворенно сказал я. — Ну а теперь главное. Кхм! «Мара-сонливица, есть работенка простая, несложная, для тебя приятная, для меня нужная. Войди в сон человека, что я тебе указал, забери его покой, заставь его узнать, что есть страх. Дарю тебе власть над снами его сроком на одну ночь, с того момента, как взойдет звезда полуночная, до того мига, как пропоют третьи петухи. После же сон его более не твой и душа его тоже не твоя, уходи туда, откуда пришла. Тревожить же человека того, а тем паче меня, более не смей, запрещаю тебе это именами богов древних и всесильных».

По мере того, как я начитывал текст призыва мары, воронка в плошке раскручивалась все сильнее и сильнее, под конец я даже испугался, что она вот-вот вовсе свалится с горелки. Но нет, обошлось, не свалилась. Зато с последним словом плошка дернулась, что-то свистнуло над ухом, как пуля, а после раздалось истошное шипение, как когда кофе из турки на плиту льется.

Родька глянул в плошку, присвистнул и мигом выключил огонь. И правильно сделал, потому греть там было больше нечего.

Плошка была пуста.

Глава пятая

— Ну, хозяин, кое-кому нынче лихо придется! — радостно сообщил мне Родька, намывая в раковине плошку. — Ух, пожалеет та вражина о том, что с тобой связался! А и правильно — не распускай руки!

— А я так скажу — не связывался бы ты с марами, — высказал свое мнение и Вавила Силыч. — Капризные оне. И опасные очень. Опять же — всегда лазейку в заговоре ищут. Чтобы, значит, не того, на кого указали, к рукам прибрать, а того, кто их призвал.

— Да? — заинтересовался я и развернулся вместе с табуреткой, на которой сидел, к подъездному. — Почему?

— Ты тигру в цирке видел? — ответил вопросом на вопрос он.
— Видел, — кивнул я. — В детстве.
— Она, тигра-то, с тумбы на тумбу лихо прыгает, когда цирковой кнутом шелкает, — неторопливо проговорил Вавила Силыч. — А сама только и ждет, когда тот зазеваается. Потому как — дикий зверь. Это тебе не собака комнатная, или там рыбка аквариумная, у нее инстинкты есть, и главный из них — желание жить свободно. Как ты тигру эту ни корми, как ни холь, все одно, если зазеваешься, сожрет она того, кто хлыстом машет. И мясо то для зверюки куда вкуснее будет, чем любое другое. У него вкус свободы. Вот и мары так же. Человека потерзать для них в радость, но забрать душу или даже жизнь у того, кто их заставил что-то делать — куда приятственней. Да и не только о марах речь. Любая нечисть и нежить на призывающего особый зуб всегда имеет. Ты, Александр, это крепко запомни. Если уж взялся кого себе на службу ставить из-за кромки — десять раз проверь, что до тебя этот гость не доберется.
— А в книге про это ни слова, — возмутился я. — О чем предки думали?
— Так а какой писать про то, что любому известно? — изумился Вавила Силыч. — Бумагу переводить? Это сейчас у вас ее вон сколько хочешь. А в бывшие времена листочек две копейки стоил.
— Дорога бумага была, дорога, — подтвердил Родька, закрывая кран. — Не укупишь.
— Две копейки, — хмыкнул я. — Всего-то?
— Воз сена стоил десять копеек, — моментально отозвался мой слуга. — Отборного, того, что чистый клевер.
— Курица-несушка пять копеек, — поддержал его подъездный. — Если же цыпленками брать, так на тот же пятак тебе их дюжину дадут. Да при матушке-императрице за рупь и вовсе корову можно было купить. Дойную! А ты — «всего-то»! А корова для хозяйства — это все!
— Да что корову! — разошелся Родька. — За рупь на Волге об те времена...
— Понял-понял! — поднял я руки вверх. — Убедили! Был не прав!
— Две копейки! — пробубнил Вавила Силыч. — Большие деньжищи! Я вот Кузьмича сейчас позову, да ему твои слова передам, — он тебе еще не так выскажет. Кузьмич еще те времена помнит, когда копейка и копейкой-то не была!
Лучше им, наверное, не говорить, что я тоже такие времена помню. Мне копейки вживую увидеть довелось только в школе, когда денежную реформу провели. До того я про них только в книжках читал.
Но вообще сейчас надо мной нависла страшная угроза. Если Кузьмич, самый старый из подъездных нашего дома, узнает про мои неосторожные слова, то капец чего начнется. Он мне до рассвета будет рассказывать о ценах времен Очакова и покоренья Крыма. Или того хуже — Ливонской войны.
— Говорить Кузьмичу не надо, — поспешно произнес я. — Вы лучше чай попейте. Я сейчас к Маринке отбегу на часок, а потом с вами посижу. И еще — совет мне ваш нужен в одном тонком деле.
Вавила Силыч сумрачно глянул на меня, а после на книгу, так и открытую на странице, где было записан ритуал призвания мары-«сонливицы».
— Нет-нет, — захлопнул я толстый фолиант. — Ничего такого. Скорее — наоборот. Доброе дело надо сделать, но вот не знаю, как к нему подступиться.
С Яной Феликсовной надо что-то думать, однако. Ряжская с меня не слезет, это понятно. Ей на подругу, по сути, плевать, как я уже и говорил. Ей важно добиться того, чтобы я через «не могу», «не хочу» сделал то, что нужно ей.
Ладно, сделаю. Вот только и ей бы не помешало послушать слова мудрого подъездного о тиграх, которые свободу любят.
А ведьмак — он не дикий зверь. Его, если что, загнать в клетку куда сложнее будет.
— Охота тебе, хозяин, к этой шлендре идти? — подал голос Родька, запихивая фильтр для воды под кран. — Ладно бы от нее какой прок был, а так шум один — и только. И до ума она ничего не доводит. Вон, стыдоба какая из-за «Магического противостояния» перед четырнадцатым домом вышла! Она ж пре-тен-ден-том на победу была — и что? Психанула и всех нас подвела!
— Много воли взял! — рыкнул я на него, причем на этот раз всерьез. — Не тебе судить о том, хорошая Маринка или нет. Знай свое место!
— Ты бы его вышорол что ли? — посоветовал мне Вавила Силыч. — Или смешал пять кило риса да пять кило гречи, да заставил перебирать. А то толком он у тебя ничего не делает, только жрет без остановки и телевизор смотрит. Скоро вон в дверь проходить не будет.
— Обидные ваши слова, — бухнул фильтром об стол Родька. — Прямо до крайности! Я каждый день... Каждый день...

— Каждый день — что? — уточнил подъездный. — Ну? Хозяин твой домой пришел — ужин где? Чай горячий? И носки его грязные под кроватью лежат вторую неделю. Во-о-от! Дармод ты!

Родька завертелся на месте, грозно засопел, после спрыгнул на пол и убежал в комнату, где чуть позже скрипнуло кресло, на котором он обитал.

— Обиделся, — предположил я. — Теперь всю ночь как слон трубить носом будет.

— Побольше поплачет — поменьше пописает, — философски заметил подъездный. —

Тоже мне... Ты его не балуй, а то потом беды не оберешься. А лучше отдай его мне на пару-тройку дней. Дело к зиме, надо трубы в подвале проверять, любые руки сгодятся.

И знаете что? Я дал «добро» Вавиле Силычу на это благое дело. И «обчеству», прости господи, польза, и жирок Родьке растряссти не помешает. Правда, с посиделками, сдастся мне, сегодня не сложится. Да и ладно. Мне Маринка хватит.

Маринка же была задумчива, что наводило на странные мысли. Нет, я не хочу сказать, что моя любимая соседка до того не думала, но чтобы подобное настроение держалось у нее более получаса, это, знаете ли... Впрочем, как-то раз я такое наблюдал, года полтора назад, когда у нее имел место быть бурный и душераздирающий служебный роман с каким-то красавчиком из РИА «Новости», на которого она возлагала как личные, так и карьерные надежды. Но там-то было исключение из правил. А тут прямо даже не знаю.

Может, опять в кого влюбилась?

— Проходи, — сказала мне Маринка, одной рукой придерживая полотенце, которое было намотано у нее на голове и являло собой некое подобие вавилонской башни, а другой поправляя разошедшийся на груди халат. — Кофе будешь?

— На ночь глядя-то? — засомневался я. — Не, не буду. Потом не усну.

— Подолгу спя, мы сокращаем свою жизнь, — философски заметила Маринка и, шлепая босыми ногами, направилась на кухню. — А потом, у меня кроме него больше ничего нет. Третий день забываю в магазин зайти.

— Через интернет харчи закажи, — посоветовал я, проследовав за ней. — С доставкой на дом.

— Так они днем возят, — возразила мне соседка. — Или рано вечером. А у меня рабочее время ненормированное. И еще часто привозят не то. Мне вот вместо яблок раз «помело» привезли.

— Тогда питайся кофе, — попытожил я, усаживаясь за стол, уставленный пустыми невымытыми чашками с серо-карамельными кофейными пятнами внутри. — А то, если хочешь, ко мне пошли. Гречки сварим. Или риса.

— Знаешь, Смолин, — теплые руки Маринки обвили мою шею, а ее подбородок уперся в мой затылок. — Иногда мне кажется, что мы с тобой почти семья, только двадцать лет спустя после бракосочетания. Плотского нет, но есть духовное. Я иногда даже думаю, что коли до тридцати пяти я не выйду замуж и не слою на очередном редакционном задании свою шальную и очень-очень красивую голову, то женю тебя на себе. Почему нет? Ты добрый, мягкий и покладистый, будешь славным мужем и хорошим отцом. Гречка вон у тебя всегда есть, и рис. Карьеру, может, в своем банке сделаешь, станешь меня обеспечивать сумочками «Луи Витон» и блестящими цацками с камушками от Сваровски. Она отпила кофе, после вытянула сигарету из пачки и щелкнула зажигалкой.

— Мое мнение о данных планах на грядущее учитываться будет? — заранее зная ответ, поинтересовался я, вставая и направляясь к окну, чтобы открыть форточку.

— Не-а, — отмахнулась соседка. — Я ловкая, хитрая и пронырливая. Я сначала от тебя забеременею, а после поставлю перед фактом. Если же ты начнешь отпираться, то подниму на свою защиту общественность.

— Не поднимешь, — вдохнул я сырой осенний воздух, хлынувший в кухню. — Нет тебе веры теперь. Дворничиха Фаридка — и та не поверит.

— Это да, — признала Маринка. — Недавно она меня встретила у подъезда и презрительно так говорит: «Гулял много, куриль, мужик водиль, ребенок потеряль! Глупый ты, правильно Сашка тебя бросаль!».

— Вот! — поднял указательный палец вверх я. — Люди правду видят.

— Ну и хрен с тобой, — выпустила дым соседка. — Была бы честь предложена. Тем более что в последнее время ты, Смолин, стал каким-то не таким. Раньше ты был как таблица умножения — понятным, несложным и записанным на любой обложке любой тетради в клеточку. А теперь вокруг тебя слишком много непонятного и неправильного. Как журналисту мне это интересно, а как женщине — не очень. Вот скажи — что это была за деревня, куда мы с тобой в июле ездили? Что за страсти творились ночью на поляне в лесу? Да бог с ней, с поляной. Что тогда на кладбище произошло? Ну в конце августа. Почему я тут помню, а тут не помню? Я ведь точно знаю, что ты в курсе всей той истории.

— Да откуда? — мягко произнес я. — Просто пришел тебя поддержать. Так сказать — «мысленно вместе».

— Подобную хренотень впаривай первокурсницам из любого института. Они вообще верят во все, даже в любовь до гроба, по крайней мере до тех пор, пока две полоски на тесте не увидят. — Маринка стряхнула пепел с сигареты. — Что за отдел 15-К такой? Почему Стас при упоминании о тебе начинает юлить и пытаться перевести разговор в другую плоскость? Да черт с ней, с другой плоскостью. Почему тот же Стас про тебя знает больше, чем я, твой самый верный друг, почти родственница? Почему Севастьянов настоятельно советовал мне во всю эту историю не лезть? Севастьянов, криминальный журналист от бога, у которого инстинкт самосохранения отключили еще в материнской утробе. Очень много «почему». А ответов нет. Только смазанные воспоминания о том, что мне несколько раз было очень страшно.

— Севастьянов твой умный парень, — снова глубоко вдохнул я, так и не поворачиваясь к Маринке лицом. — Он просто не хочет, чтобы тебе снова было очень страшно.

— Интерес к непонятному для меня всегда был приоритетней страха, — топнула босой ногой по полу Маринка. — Он у меня развит сильнее. И потому я хочу, чтобы ты мне все рассказал. Все, от начала до конца. Сашка, я все равно с тебя не слезу!

— Ну ты на меня еще и не забиралась ни разу, — заметил я, раздумывая, как правильно поступить в данной ситуации.

Ведь правда не отстанет, уж мне-то это известно. Но при этом мне было ее очень жалко. Она не я, она влезет во все это с головой без раздумий и выбора дороги, и, в результате, скорее всего умрет, так не дожив до собственного тридцатипятилетия. Да что там. Даже до следующей весны.

— Смолин, если это шантаж, то очень и очень низкий, — возмутилась Маринка. — Я, конечно, девочка без комплексов, но есть же некоторые вещи! И потом — я тебе тогда на кладбище все детально объяснила. Не надо ломать то, что потом никогда не восстановишь.

— Да ну тебя, — я, наконец, принял решение и вернулся за стол. — Шучу я, шучу. Не очень-то и хотелось.

— Вот ты хам, — еще сильнее обиделась Маринка. Она была настоящей женщиной, потому ее задевали равно как приставания представителей противоположного пола, так и их равнодушие. Причем даже если и то, и другое исходило от одного и того же человека. — Ты хочешь сказать, что вот это вот не будит у тебя никаких чувств?

После чего был распахнут халат, и я узрел на самом деле красивые формы моей соседки. И — да, они будили и чувства, и все остальное.

— Определись уже, — посоветовал я ей. — А то елозишь мыслями, как кот по полу после туалета. Тебе самой чего надо?

— Правду. — Маринка запахнула халат, потушила сигарету, поставила локти на стол, положила голову на ладони и уставилась на меня. — Всю и в деталях.

— Душа моя, да нечего мне тебе рассказать, — жалобно просопел я. — У тебя воображение, как у любой творческой личности, слишком буйное. Ты сама себе чего-то навывдумывала, потом в это все поверила, а теперь меня тиранить, требуя того, что я тебе дать не могу. Ну не в состоянии я рассказать что-то, чего не знаю.

— Врешь. — Маринка перегнулась через стол и ткнула меня пальцем в лоб. — Врешь, гад такой. И, главное, уверенно так, со знанием дела. Говорю же — изменился ты. Раньше я тебя всегда могла раскрутить на то, что мне было нужно, а теперь — откуда что берется. Ладно, хрен с тобой, я подожду. Это я в плане вкусняшку съесть нетерпеливая, а в профессиональном смысле у меня с умением ждать все в порядке. Но помни — большой брат следит за тобой. И если даже на некоторое время я исчезаю из твоего поля видимости, как это случилось в последний месяц, это не значит, что меня нет рядом.

И она изобразила некий жест, сложив указательный и безымянный палец в «рогульку», а после поведив ей в воздухе, от своих глаз к моим.

— Следи, — быстро согласился я. — Во все перископы. Я не против. Только, чур, когда я приведу гражданку к себе в гости и задумаю с ней поиграть в «шпили-вили», не надо выскакивать из-под кровати и упрекать меня в недостаточной техничности и опытности.

— Заковыристые у тебя фантазии, — хмыкнула Маринка. — «Гражданку в гости». Сто лет ничего подобного не видела, с той самой поры, когда твоя бывшая вещи из твоей квартиры забирала. Кстате, я ведь тут с ней в метро недавно столкнулась, причем на нашей остановке. Она про тебя спрашивала, интересовалась личной жизнью. Я-то сначала подумала, что она к тебе заезжала, но нет, у нее тут какие-то дела по работе были.

О как. Светка работает на «Красных воротах», и в наши «спальные» пенаты ее ну вот никак занести не могло. Нет, будь она юристом, косметологом или тем же журналистом, то есть корми ее ноги, можно было бы в это поверить. Но она-то рентгенолог! И у клиники ее филиалов точно нет, это я знаю, как «Отче наш».

Совпадение? Не уверен.

Вот ведь.

— Слушай, она упоминала какую-то рыжую девицу, — продолжала тем временем свой рассказ Маринка. — Мол, связался ты с какой-то малолеткой, та по ухваткам форменная прошмандовка.

— Это она прямо так сказала? — уточнил я. — Или ты уже от себя добавила характеристику?

— Моя инициатива, — подтвердила Маринка. — А что такого?

Да ничего. Просто Светка, даже когда мы ругались, матерные слова за кадром оставляла. Не любит она этого. Не то воспитание.

— Да еще и рыжая, — продолжила Маринка. — И тут я подумала — это не та ли девица, которая с твоим таинственным приятелем в светлой куртке была. Смолин, ты чего, ее реально поджуживаешь? Если да — то ты, прости меня, дурак. Нет, с твоей бывшей я все сделала красиво. Я ей сказала, что ты и рыжую петрушишь, и еще каких-то девок водишь под настроение, и даже, бывает, меня, когда очень припрет, употребляешь по-соседски, по-дружески, практически по-братски. Ну надо же твое реноме поддерживать. Но по жизни — эта рыжая не твоего поля ягода. Я таких знаю, у нас на курсе несколько подобных девиц имелось.

— Каких «таких»?

— Упертых. — Маринка цапнула из пачки новую сигарету. — Для которых на первом месте дело. Она точно такая, можешь мне поверить. И ты всегда для нее будешь только фоном, как радио в машине или телевизор на кухне. Есть — хорошо. Нет... Ну и ладно. Только не спрашивай, на основании чего я такой вывод сделала. Просто поверь, что так оно и есть. Тетя Марина в таких вопросах не ошибается, потому как рыбак рыбака видит издалека. Я сама из таких.

— Запоздала ты с советом, — я взял со стола зажигалку, щелкнул ей и поднес синеватый огонек к кончику сигареты. — Все закончилось, не начавшись.

— И очень хорошо, — Маринка со вкусом затянулась. — Лучше ни с кем, чем с такой. Слушай, а Светка твоя здорово расстроилась после моих слов. Знаешь, сдается мне, что у нее...

— Спасибо, — остановил я Маринку. — Я знаю, что ты скажешь, но слушать это не хочу. И тема закрыта. Ты лучше мне расскажи, с какого перепуга ты вдруг стала одеваться в стиле «я примерная девочка»?

Соседка цапнула на середине фразы, внимательно глянула на меня, усмехнулась, помолчала с полминуты, а после уже другим тоном произнесла:

— Какие же люди иногда бывают дураки. Смех, да и только. А что до одежды — ты ведь не в курсе. Все, меня в штат «Московского вестника» взяли. Спасибо «Магическому противостоянию», кстати. Эфир на центральном канале и пара статей на эту тему склонили кадровую чашу весов в нужную сторону. Правда, пока младшим помощником старшего дворника определили, но это ничего, это нормально. Зато спать ни с кем не пришлось, что уже неплохо. Не скажу, что меня это сильно смущает, но все-таки иногда вечером, когда темно, дождь и тебя, придурка, дома нет, начинаешь задавать себе неудобные вопросы, вроде: «как дальше жить?». Очень сильный душевный дискомфорт при этом возникает. — Поздравляю, — искренне порадовался за Маринку я. — Перефразируя классиков — сбылась мечта идиотки.

— Вот, временно убаюкиваю бдительность бабулек из редакции, — вздохнула Маринка. — Этого наследия ушедшего тысячелетия там много сидит, оно до пенсии дорабатывает. И жужжат эти божие одуванчики как мухи, если кто-то сильно выбивается из общей картины. Не скажу, что меня это сильно беспокоит, но они, чуть что, бегут к главреду, а он дядька лютый, мигом из себя выходит, после чего начинает орать, махать руками и трясти шевелюрой. У него знаешь какое прозвище? «Мамонт». Очень точно подмечено.

— И надолго тебя хватит, в таком виде ходить?

— Не знаю, — задумчиво ответила Маринка, покрутив пальцем светлый локон, выбившийся из-под наголовного полотенца. — Надеюсь, хотя бы до Нового Года. Потом, вроде, эту богадельню разогнать должны, кого на пенсию, кого в архив. Так Севастьянов сказал, а он всегда в курсе происходящего.

— А с шоу этим чего? — задал я вопрос, который давно не давал мне покоя. — Они тебя после не прессинговали?

— Да нет, — пожала плечами Маринка. — Так, побухтели маленько, да и все. Очень удивлялись, почему я, так замечательно стартовав, сама сливаюсь. Мол — рейтинги у меня будут ого-го, можно даже на призовое место рассчитывать. Бесплатное! Место победителя уже проплачено, к нему не подберешься, но остальные ступени пьедестала пока свободны. — Так и помолотила бы еще, — предложил я.

— Да ну, — отмахнулась Маринка. — Гадючник. Все всех не любят так, что аж сожрать готовы. Ты даже не представляешь, Смолин, какая в этом магическом цехе конкуренция. Чуть кто высунулся повыше остальных, так его сразу за ноги начинают стаскивать вниз. Все в ход идет — деньги, связи. Ну и криминал, понятное дело. Они ведь с этого тоже свою долю имеют. Я потом еще немного эту тему покопала, после шоу, хотела цикл статей сделать, но Мамонт сказал «нет». Чего-то его тут смутило. Ну а мне спорить с руководством пока не чину. Вот через пару лет, когда заматереею...

— Жесть, — признал я. — То есть — все кончилось хорошо?

— Если не считать психологической травмы, полученной мной — то да, — согласилась с моими словами Маринка. — Ну и еще того, что один из каналов вряд ли когда-то еще будет иметь со мной дело. По крайней мере, в обозримом будущем. Но плюсов по любому больше.

А она врала. Немножко, чуть-чуть — но привирала. Я это ощутил невероятно ясно и крайне этому факту поразился. Да и было чему. До того я никогда не знал точно, где мне Маринка врет, а где говорит правду.

— Темнишь, — цокнул языком я. — А? Ну ведь есть такое?

— Ой, какой пронизательный! — недовольно мотнула головой соседка. — Откуда что берется. Ну да, я бы еще там покрутилась, но телевизионщики договор начали впахивать, а он мне нафиг не нужен. График съемок, потом еще какие-то мероприятия после окончания сезона... Когда мне всем этим заниматься? Мне надо в редакции впахивать, прямой становиться, акулой пера, так сказать. На это не то что все время уходить будет, а целый кусок жизни. Да еще и Стас сказал, что прикрывать меня больше никто не будет. У них операция кончилась, если надумаю дальше работать в программе, то это уже на свой страх и риск. А мне без него, если честно, там страшновато было оставаться.

Вот это и есть основная причина, надо полагать. Надо же, моя соседка хоть раз в жизни сделала что-то осмысленное. Праздник, люди! Праздник к нам пришел!

— Ну и правильно, — одобрил ее поступок я. — Ну их всех, Гупт этих. И фриков тоже, тех, что вроде Максиваксио. Все они там на голову ушибленные.

— А ты, Сашка, все-таки подумай, — помолчав, сказала мне Маринка. — Я же не дура, отлично понимаю, что и ты темнишь. Если что — на меня можешь рассчитывать. Две головы — лучше, чем одна.

На том мы и расстались. На дворе уже стояла ночь, пора было ложиться спать, тем более что завтра, точнее, уже сегодня, меня ждал веселый и интересный день. Засыпая, я зловредно хихикнул, представляя, какой бледный вид завтра будет иметь Силуянов. Как бы он, бедный, вообще последний ум не потерял, от навалившихся на него невзгод. Сами посудите — сначала большую часть ночи нашего доблестного безопасника мара будет терзать, реализуя все его потаенные страхи, включая даже детские, давно и прочно забытые, а утром как молотком по голове стукнет новость, что банк отныне в руках Ряжских, и я теперь, как их фаворит, для него недосягаем.

Прямо вот хорошо!

И все-таки интересно — зачем Светка приезжала на нашу станцию метро? Может, я себе льщу? Может, просто ее клиника новый аппарат закупает, и она правда по работе сюда наведлась? Вроде видел я там рядом вывеску: «Медицинское оборудование».

А если нет? Если что...

Ладно, чего гадать, все равно правду я не узнаю. Ну, не звонить же мне ей в поисках истины? Тем более что она со мной, скорее всего, и говорить-то не станет, после нашей последней встречи.

Но как тогда Женька на меня прыгнула! Ох, какое у Светки лицо было!

И я заснул со счастливой улыбкой на губах, даже несмотря на то, что мне жутко мешало это сделать беспрестанное бормотание и вздохи под креслом. Там переживал сегодняшнее происшествие мой впечатлительный слуга.

И снилось мне нечто хорошее, настолько, что когда меня нахальнейшим образом вырвали из ночных грез, я был очень, очень недоволен.

— Хозяин, — теребил меня за руку Родька. — Хозяин, ты это... Ты просыпайся! Надо!

— Отвали, — недовольно буркнул я, не желая покидать пусть и непонятный, но приятный сон. — Прокляну!

— Да куда уж больше-то, — чуть не всхлипывая, ответил мне слуга. — Хозяин!!! Ну открой глаза! Тут без тебя никак!

Господи боже ты мой! Да что опять случилось-то?

Я разлепил глаза и глубоко вздохнул. Темнота в комнате, стало быть, еще даже не рассвело. Нет, я его не на пару дней Вавиле отдам, а на месяц. И не трубы простукивать, а канализацию чистить, от смыва в унитазе до решетки в городской системе!

— Ну и чего... — просипел я, откашлялся и повторил: — Чего будил?

— Гости! — пискнул Родька и ткнул лапой в сторону выхода из комнаты. И верно — к нам пожаловали гости. Точнее — гостя. Причем неожиданная настолько, что я даже глаза кулаками потер. Кто его знает, может — мерещится?

На краешке дивана, недалеко от моих ног, сидела девочка лет шести, одетая по моде Древней Руси. Ну или крестьянско-крепостной, не знаю, как правильно сказать. Короче — именно такими деревенских крестьянских девчушек изображали живописцы, иллюстраторы Гоголя, Пушкина и Тургенева, а также современные «сериальщики». Платочек, повязанный вокруг головы, сарафан, сверкающий своей белизной в ночи, и лапоточки на ногах. Эдакая Аленушка в детстве.

— О как! — ошарашенно сказал я Родьке и почесал нос — Никак душу неприкайнную к нам занесло. Вот ведь. А Вавила Сильч убеждал меня, что без его ведома сюда ни одна сущность неуспокоенная не проникнет.

Ну да, было такое. Состоялся этот разговор еще после моего возвращения из Лозовки, когда подъездный понял, как сильно я переживаю по поводу того, что мне жизни не дадут те души, которые лишены покоя после смерти. Ну в смысле, что они будут шастать по моей квартире туда-сюда. Вавила Сильч меня успокоил, объяснил, что Покон есть Покон, и никакая посторонняя шелупонь в его владения без его же ведома даже не сунется. Нет, те, что посильнее, вроде опытного колдуна или самой Смерти, конечно, плевали на защиту домовых, но души — извините. Этим вход закрыт, пока разрешения от хозяина места не будет.

— Это не душа, — услышал я голос самого Вавилы Сильча, а после с удивлением обнаружил, что и он тоже здесь.

Мало того — я в таком состоянии нашего подъездного в жизни не видел. Он даже в ночь исторической сватки с ведьминым котом, и то спокойнее был.

Сейчас же он был напряжен как гитарная струна. Плюс — вооружен и готов к схватке. В руках у него имелась дубинка, сделанная из ножки табурета, он стоял, занеся ее над своей головой прямо напротив девочки, безмятежно сидящей на краю дивана.

— А чего происходит? — спросил я у него. — Кто это?

— Говорил я тебе, Александр! — чуть не плача, пробормотал подъездный. — Предупреждал я тебя!

Девочка медленно повернула ко мне свое лицо, и тут я понял, что это точно не неуспокоенная душа. И уж точно никакая не девочка.

Не бывает у девочек глаз без зрачков.

Да и просто у людей — тоже.

Глава шестая

Более всего то, чем являлись ее глаза, напоминали туман. Причем не тот, что невесомыми белыми дорожками висит над летним лугом, или сырой и пропахший бензином городской смог. Это было густое марево лесных оврагов, в которые даже в жаркий летний полдень солнце не попадает. Это был туман из тех, в которых плутают часами неосторожные грибники, не прихватившие с собой навигатор с «track-back».

Серьые и страшные были глаза у моей ночной гостьи.

— Не пугайся, ведьмак, — произнесла девчушка неожиданно низким голосом, совершенно не вяжущимся с ее обликом. — Я пришла не за тобой. Я пришла говорить.

Причем голос этот был под стать глазам, в нем не имелось ничего, что свойственно людской речи. У каждого из нас в жизни бывают моменты, когда мы хотим изъясняться с другими максимально безлично, дабы не выдать истинные чувства. И все равно не получается у нас подобное. Как бы человек ни прятал свои эмоции, они так или иначе вылезут наружу.

Здесь же подобным и не пахло.

Более всего голос существа, сидевшего сейчас на краю моего дивана, напоминал программу, которая начитывает книги. К примеру, не хочет человек ждать профессиональную актерскую начитку книги и прогоняет ее через эту программу. Машина не различает эмоции, вложенные в текст, и воспроизводит их механически, то есть — никак не воспроизводит. Суррогат, конечно, но многих устраивает. На пиратских трекерах таких называют «чтец Александр». Или «чтец Сергей».

В этот момент на кухне что-то грохнуло, послышался топот ног, а секундой позже в комнату буквально ворвалось с полдюжины подъездных, вооруженных и готовых к схватке.

Ну как вооруженных? У кого была дубинка, вроде той, что сжимал в руках Вавила Силыч, у кого хрень, при виде которой в моей голове всплыло слово «ухват». Правда, совершенно непонятно, откуда эта штука взялась в нашем доме, лишенном любых печей, кроме микроволновых. Но серьезней всех выглядел Кузьмич, наш домовый аксакал. Он оказался обладателем мощнейшего орудия боя — здоровенного и отливавшего ржой кузнечного молота. Причем молот этот время от времени перетягивал подъездного назад, отчего тот начинал балансировать на носочках до тех пор, пока не восстанавливал равновесие.

— Это наш дом! — рыкнул Кузьмич и покачнулся, поскольку молот, занесенный над его головой, снова попробовал взять верх. — Уходи отсюда туда, откель заявилась!

Девочка и не подумала что-то делать. Она дала голову в сторону подъездных не повернула.

— Э-э-э-э... добрый вечер, — пробормотал я, прикидывая, кого это занесло ко мне в дом.

— Уходи! — снова заорал Кузьмич. — Нечего тебе здесь делать!

Может, это неупокоенная душа, которая все-таки смогла просочиться ко мне каким-то образом? Из особо настырных? Потому и наша подъездная братия так переполошилась. В свое время я здорово переживал за то, что эти самые души то и дело будут таскаться ко мне с занудными просьбами отпустить их из земной юдоли. Не скажу, что меня это сильно пугало, но по ночам я все-таки предпочитаю спать, а не заниматься ведьмачьим промыслом. И потом — одну отпустишь, еще десять набегут. Но Вавила Силыч, с которым я поделился своими печалью, успокоил меня, сказав, что никто ко мне по ночам заявляться не будет. Вот если я стану по темной поре таскаться невесть где — это да, тут можно любых приключений на свою задницу найти. Но за домовую территорию он ручается. Я тогда еще подумал, что он изрядная хитрюга. Ведь поднимался как-то этот вопрос раньше, в те времена, когда сила еще не моей была. И он мне на него четкого ответа тогда не дал. А все, оказывается, не так страшно обстоит.

Но всякая система может дать сбой, не исключено, что именно с ним мы сейчас и имеем дело.

Вот только что означает — «я не за тобой пришла»?

В этот момент сонное состояние, в котором я все еще пребывал, окончательно развеялось, и пришло осознание того, кто именно наведаясь ко мне в гости.

Это никакая не неупокоенная душа.

Это мара!

Какой же я идиот! Кем я себя возомнил? Великим Заклинателем? Знал же, что самоуверенность — зло!

А ведь говорил мне умудренный жизнью Вавила Силыч, ведь предупреждал! Как в воду глядел!

Нет, страха как такового у меня не было. Обидно было. Сам себе яму вырыл, сам в нее и упал. Теперь вот сижу по соседству с нежитью, и даже не знаю, как защищаться буду от нее в тот момент, когда она на меня бросится.

И, кстати, еще одно упущение. Ведь думал же о том, что надо как-то ознакомиться с разделом «защита себя любимого от многообразия мира Ночи», но все откладывал на потом.

Дооткладывался.

Как видно, мара, так и сидевшая неподалеку, поняла по моему лицу, что я сообразил, кто есть кто, поскольку её детская мордашка чуть перекосилась. Надо полагать, это конвульсивное движение означало улыбку.

— Ляксандр, чего ж ты натворил-то! — сообщил мне один из подъездных. Если не ошибаюсь, звали его Потапыч. — Думать же надо, с кем связываешься!

— Я сделала то, что ты просил, ведьмак, — снова взяла слово Мара. — Тот, которого ты мне отдал, запомнит эту ночь надолго. И прими мою отдельную благодарность за то, что подарил сильного человека. Таких пить — одно удовольствие. У слабых людей много страхов, но они все никчemuшные, зацепиться не за что, и взять с них потому можно только крохи. У сильных людей страхов куда меньше, но зато они все давние и выпестованные. Подними их из глубин души — и это такой пир! Тут так и получилось. Теперь я сыта.

— Рад услужить, — сообщил я маре немного растерянно. — Вы только за этим пришли?

— Нет, — ответила та. — Я пришла к тебе, потому что ты был выбран моей матерью. Если бы не это, то мы бы встретились куда раньше, и разговоры не вели. Ты был бы моей добычей.

О как! Матери? Мара... Мара... Морана! Что б вам всем, так Морана мама вот этой мары.

Почти скороговорка — «Морана мама мары, мара любит свою маму».

Какая чушь в голову лезет, ужас просто...

— Ты сказал почти правильное заклятие, ведьмак. Почти. Ошибка была только в одной фразе. Точнее, она была неполной. В финале тебе следовало сказать: «Тревожить же человека того более не смей, запрещаю тебе это именами богов древних и всемогущих».

Также закрываю тебе пути к дому моему, душе моей и телу моему навеки». Не печалься, не ты первый подобную глупость сотворил. Если бы ты знал, сколько твоих собратьев мы выпили только потому, что кто-то когда-то запомнил вписать эти слова в свою книгу. Да и ведьмы, случается, забывают верно заклятие произнести. А исправить этот недочет мы никому шанса не даем. Зачем лишать себя удовольствия?

— И? — я приподнялся на локтях. — Что теперь?

— Ты ведь знал, что тот человек, отданный мне, тебя ненавидит? — спросила мара.

— Прямо вот ненавидит? — уточнил я.

Ну да, Силуянов меня не любит, это точно. Но «ненависть» — это сильное слово. Не думал, что все зашло так далеко.

— Ненавидит, — подтвердила мара. — Но чувство это возникло не просто так. Его в нем вырастили, как овощ в земле. Их, тех, что общались с ним, трое — две женщины, один мужчина. Они заронили в него зерно гнева, они его пестовали. Этим троим нужен ты, тот, кого я пила этой ночью, только их орудие.

Елки-палки, и кто эти трое?

Собственно, этот вопрос я тут же своей ночной гостье и задал.

— Я не знаю, — ответила та. — Я пью чувства, а не память. Ни их лица, ни имена мне неизвестны. Что знала — рассказала. Добавлю только, что у женщин при себе были амулеты от сглаза, их я тоже учуяла. Неплохие, но новой работы, куда слабее тех, что делали во времена, когда мы жили по эту сторону кромки. На них не чары, а всего лишь сплетенные заклятия, в наше время такие амулеты в базарный день пятачок пучок стоили. Такими не то что от меня или моих сестер себя не защитишь, но даже и вот это отребье не пугаешь.

Мара небрежно мотнула подбородком в сторону подъездных, которые тут же покрепче ухватились за свое оружие.

— Они убедили человека в том, что ты зло, а после стали управлять его волей. Он думает, что все решает сам и поступает, как того хочется ему, но это не так. Берегись, ведьмак, на тебя открыта охота.

— Благодарю, — на этот раз вполне искренне произнес я. — Предупрежден — значит вооружен.

— Я пощадила разум того, кого ты мне отдал, — медленно, растягивая гласные, сообщила мне мара. — Мне хотелось выпить его до конца, насладиться его безумием, ибо оно и есть самое вкусное. Не стала. Он может быть для тебя полезен. Но я хотела бы получить его душу без остатка после того, как ты разберешься со своими врагами. Согласись, так будет честно.

— Этот человек мне не враг, — подумав, сказал я. — Он меня ненавидит — это его дело. Неприятно, конечно, но что уж теперь... Но на смерть я его обрекать не хочу. Да и не мне решать — кому жить, кому умереть.

— Ты уже все решил, — мара трогательным детским жестом подтянула узелок платочка на голове. — Ты призвал меня, ты показал мне дорогу к душе этого человека. Разве не так? Ведьмак, это всего лишь червь, копающийся в земле, один из очень, очень многих. Они рождаются и умирают тысячами тысяч, таковы законы бытия. Есть они, есть ты, есть мы. Мы и ты — с одной стороны, они — с другой. Странно, что мне приходится тебе объяснять такие простые вещи. Так я получу то, что мне и так принадлежит по праву?

— Я не дам тебе сейчас ответа на этот вопрос, — твердо произнес я. — Мне надо понять, что к чему. Когда все закончится, я призову тебя, и мы завершим этот разговор.

— Только не сюда! — заявил Кузьмич и бухнул молотом о пол. — Нечего этой нежити тут делать. Вон во двор идите и там общайтесь. И лучше всего — во двор четырнадцатого дома!

— Пусть будет так, — согласилась мара. — Я рада нашему знакомству, ведьмак. И я рада, что хоть кто-то из твоего племени наконец понял, какую силу он может получить, став одним из приближенных моей матери. Я и мои сестры будем рады помочь тебе, если позовешь.

На это я вовсе ничего не стал отвечать, только кивнул головой, приложив ладонь к груди. Выходит, что мои предшественники не только не сотрудничали с Мораной, а напротив — не стремились этого делать? Это новость. Собственно, я как-то даже и не задумывался о том, что так могло быть. Да и с чего бы мне о таком размышлять?

Вот теперь понять бы — отчего они от нее шаркались? Просто потому, что она не очень-то добрая богиня, или на то были другие причины?

В книге про это нет ни слова. Ох, как бы не пришлось мне снова в Лозовку ехать. Такое можно узнать только из первоисточников, а их выбор у меня невелик. Здесь это Хозяин кладбища, который, скорее всего, и не знает ничего, а если знает, то не факт, что скажет. Это и так товарищ не сильно общительный, а тут еще и осень на дворе. Он осень не любит,

потому как слякоть и дорожки на кладбище вечно грязные. Он мне про это еще летом говорил, когда объяснял, почему его лишний раз в осенне-зимний период лучше не беспокоить. Что же до подъездных, то они, возможно, теперь вообще со мной откажутся общаться. У, какие у них лица злые! А вот в Лозовке посерьезней очевидцы давних дел имеются. Например — дядя Ермолай, который хоть и в лесу живет, а много чего видел и знает. Да и старая чертовка Дара там же обитает. Она, конечно, тварь еще та, но если кто и в курсе того, о чем сейчас мара говорит, то это она.

Впрочем, есть еще кое-кто, с кем можно будет пошептать. Скажу больше — с этого источника и стоит начать.

Но это — после. А сейчас надо незваную гостью выпроваживать, а то у Кузьмича от веса молота жилы на руках лопнут. Или коленные чашечки разлетятся вдребезги, я их хруст отсюда слышу.

— Ценю это, — тоном, в котором ясно читалось: «Спасибо, до свидания», произнес я.

— И еще один совет, ведьмак, — мара наконец-то глянула на подъездных, которые мигом сгруппировались вокруг Кузьмича. — Я тебе уже говорила, что есть они и есть мы. Вот тут ровно то же самое. Поменьше общайся с челядью, вроде вот этих чумазики. Их дело дом вести да двор мести. Не окружай себя теми, кто куда ниже тебя.

— Ну вот тут я точно разберусь сам, — может, и немного грубовато, но зато от души сказал я. — Спасибо за совет, конечно, но...

— Прощай, ведьмак, — даже не дослушала меня мара. — И помни — за кромкой есть те, кто следит за тобой.

И она исчезла. Без всяких там миганий, подсветки голубоватым цветом, медленного таяния в воздухе и всего такого прочего. Была — и нет.

— Да чтоб ей! — выдохнул Кузьмич. — Тьфу!

И он смачно плюнул себе под ноги, причем сразу же после этого невероятно смутился и вытер слюну своим подшитым валенком, да еще и не поленился после этого, бухнув молотом о паркет, нагнуться и провести по полу ладонью.

— Ох ты ж! — добавил к его краткой речи свой комментарий Потапыч. — Вот ведь!

— Ага! — присоединился к их беседе Родька, вылезая из-под дивана, куда он забился сразу же после того, как меня разбудил.

— Водки хочется, — подытожил я. — Очень сильно.

— Это плохо, — погрозил мне пальцем Потапыч. — Водка — коварная вещь. С ней вот так все и начинается. Сначала для души, а потом, как Витек из моего подъезда, начнешь страдать хроническим алкоголизмом.

— Ну не знаю, — с сомнением произнес я, встав с дивана и включив «ночник». — Как по мне, он им не страдает. Он, скорее, от него удовольствие получает, потому что ходит постоянно веселый и с песнями. Так, вы не разбегайтесь, я быстро!

Шутки — шутками, а дело — делом. Надо было в запись о вызове мара недостающие слова подставить, пока они из памяти не вылетели и не перепутались. Ну и надеяться, что она какую-то часть не утаила.

Хотя, что приятно, мне, похоже, бояться этих существ пока не следует. По крайней мере до той поры, пока Морана мне покровительствует. Другой вопрос — как долго продлится наш с ней симбиоз?

Надеюсь, достаточно долго.

Но вообще, есть повод задуматься о том, что я на редкость непредусмотрительно распоряжаюсь своим временем. Да прямо скажем — как дурак я себя веду. Вместо того, чтобы всерьез заняться вопросами собственной защиты в экстремальных ситуациях, копаюсь в народной медицине и угождаю богатым дамам. И вот результат — сейчас меня могли препарировать как лягушку, в прямом смысле слова, и я вообще ничего не смог бы противопоставить этой нежити. Кулаки тут не помогут, а других методов борьбы я попросту не знаю. Нет, есть нож — но он в притолоке, и кто бы мне дал до него добраться? Вот, к слову, еще один повод для раздумий. Выходит, не так уж он и эффективен, этот самый ведьмачий нож. Против ведьм — возможно, но не против мара. Чихала она на него. А сколько еще всяких интересных и голодных тварей есть в мире Ночи? И против каждой из них я буду все равно что голый.

Да. Штаны надо надеть. Чего я в труселях бегаю?

Вернувшись в комнату, я застал разбор полетов.

— Вавила, ты не прав, — топал ногой по полу Кузьмич. — Увидел ты, что Ляксандр задумал мару вызывать — останови его. Это ж мара! Ночная пакость, от которой даже иные колдуны шарахаются!

— Как? — вяло отругивался наш подъездный. — Он ведьмак. Что для меня его слово значит?

Мне очень не понравилось то, как потупились подъездные, услышав его аргумент. Да и то, как они на меня посмотрели, тоже. Нет-нет, никакой агрессии, ничего такого. Наоборот — опасливость какая-то в их взглядах появилась. Так маленькие дети смотрят на очень больших собак, не зная, чего от них ожидать.

— Много для меня твое слово значит, — громко заявил я, натягивая спортивные брюки на ноги. — Вот что я вам скажу, ваць-панове. Тут кое-кто, кого в комнате уже нет, сообщил что, мол, есть мы, есть они... Ерунда это все. Даже если по Покону так положено, то мне на это плевать.

— Ну ты на Покон-то... — буркнул кто-то из подъездных. — Отцы наши, деды и прадеды...

— И пусть им будет хорошо там, где нынче пребывают, — рубанул я рукой воздух. — Но тогда времена были другие. А мы живем здесь и сейчас. И если я всей душой прикипел к вашему обществу, то пусть хоть кто и хоть что говорит, у меня своя голова на плечах имеется. Я сам для себя решать буду, с кем дружить, а с кем враждовать. Все понятно объяснил?

— Ну про Покон ты и впрямь зря, — степенно огладил бороду Кузьмич. — Покон — это Покон. Но и про времена ты верно молвил. Опять же — мары эти за кромкой остались, а мы — здесь. Тута. Вот и выходит, что в плане выживания домового покрепче разных всяких оказался.

Было видно, что оттаяли немного подъездные, перестали на меня смотреть с опаской. Надо полагать, в старые времена невелик был их ранг в общем табеле нечисти и нежити, и не так-то и просто им приходилось. Годы шли, неприятности подзабылись, а мара сейчас взяла, да им про все нехорошее и напомнила. Кому такое понравится?

Я был уверен, что следом за этим Кузьмич заведет разговор о нехорошей маме мары, но этого так и не случилось. Как видно, он счел эту тему слишком скользкой и пошел по пути наименьшего сопротивления. Мол — не говорим, стало быть, и нет ничего. Вместо этого аксакал подъездных обрушился на моего слугу.

— Ах ты, паскудник мохнолапый! — процедил он, подойдя к Родьке. — Хозяина чуть не прибили, а он под диван полез! Отсидеться задумал! Захребетник!

— Где я — и где мара? — возмущенно заорал мой слуга. — Чем я хозяину помочь мог? Я ей на кутный зуб, она жевнет разок — и нет меня!

— И что? — загалдели подъездные. — Теперь нам всем по углам отсиживаться? Ишь, хорош, нашел себе оправдание!

— Хозяин! — со слезой в голосе обратился ко мне Родька. — Ты им скажи, а? Я же прав!

— Ай-яй-яй, Родион, — покачал головой я и отвернулся от него. — Ай-яй-яй!

Вообще-то я про него и не вспомнил бы, но раз уж попался он под горячую руку Кузьмичу, то пусть огребают по полной. Ему полезно.

— Да гнать его из наших хором! — заявил вдруг Потапыч, махая своим ухватом. — Пушай идет куда хочет! Вон в четырнадцатый дом пушай идет, они там все такие, как вот этот. Никчемы они там все!

— Это нельзя, — остановил его Кузьмич. — Кроме хозяина, никто его гнать права не имеет. Но лично я с ним теперь разговаривать не жалаю! Тьфу на него! Ох ты, батюшки! И Кузьмич снова зашаркал своим валенком по полу.

Родька беззвучно плакал, слезинки, величиной с рисовое зерно каждая, стекали по его мохнатой рожице.

— Досточтимое общество, — я хлопнул в ладони. — А не выпить ли нам чайку? И еще — посоветоваться мне с вами надо по одному делу.

Я ощущал, как в воздухе витают остатки неловкости, возникшей после всей этой ситуации, и понимал, что даже подобная мелочь со временем может перерасти в нечто большее. Все большие неприятности всегда вырастают из маленькой неурядицы. Этого не хотелось, потому что компания подъездных на самом деле мне очень нравилась. Несмотря на свой рост и определенные странности, это были очень умные и надежные существа. Плюс — очень полезные. А поскольку ничто так не сближает, как общее дело, то именно его мне и надо было нам придумать.

— Чайку — это можно, — одобрил мои слова Кузьмич. — Только вот молот дедов отнесу к себе. Тяжелый он, собака. Вниз-то я его стащил, а обратно наверх, до вентиляции, боюсь не допру! Эй, Прошка, ну-ка, помоги мне. А ты, мохнатый, чайник иди ставь. Или и это тоже хозяин твой должен делать?

Десять минут спустя вся наша честная компания сидела у меня на кухне и пила горячий чай. Кто с блюдечка, кто из чашки, кто вприкуску, кто прихлопывая, кто отфыркиваясь. Вот такое вот утреннее чаепитие.

Причем утреннее — не то слово. За окнами только-только начало наступать то время, когда темнота сменяется первыми, еле заметными серыми сумерками.

Должно быть, те самые третьи петухи как раз в это время и поют. Кстати, на самом деле, третьи петухи — это когда? По московскому времени?

Надо будет посмотреть. И в копилочку сразу себе упрек — почему раньше не подумал про это? Когда заклятие читал?

Нет, учиться мне еще и учиться.

— Так что за дело, Ляксандр? — откусив кусочек сахара, спросил у меня Кузьмич. — В чем помочь тебе?

Я, не мудрствуя лукаво, взял, да и рассказал им про просьбу Яны Феликсовны, и про то, что отказался творить приворот. Зачем придумывать что-то, если есть готовая проблема. Вообще-то я хотел ее только с Вавилой Силычем обговорить, но так даже еще лучше. Вместе и бабку бить сподручнее.

Подъездные внимательно меня выслушали, а после призадумались. А может, привычно ждали пока старший свое мнение выскажет.

— Правильно сделал, — наконец одобрил мои действия Кузьмич. — Приворот — дело поганое, это всем ведомо. Недаром ведьмино племя его так уважает. Им-то от него сплошная радость — и заработала на людской глупости, и души живые погубила. И так, и эдак их выгода.

— Точно-точно, — подтвердил Потапыч, размахивая сухарем, обсыпанным маком. — У нас в Белоомуте, помню, одна девка-дура...

— Да тут у любого история такая найдется, — остановил его Вавила Силыч. — Не дети, чай, собрались, почтенные домовики. Александр о другом говорит — женщине-то этой помочь надо. Муж гулять начал. Беда это.

— Беда, беда, — снова закивали подъездные. — Семья может порушиться, детки без мамки останутся. А то еще в дом новая хозяйка придет, вот где горе-то! Как вон в третьем подъезде недавно было!

Ну детки там, я так думаю, особо ничего и не заметят, особенно если им банковские карты никто не заблокирует. Да и Яна Феликсовна вряд ли в накладе останется, если что. Но им про это знать не надо. А зачем?

— Вот что мне подумалось, — снова взял слово я. — Имеется в моей книге одна штука... Сейчас найду...

Я полистал книгу, отыскал нужную страницу и с выражением прочел название рецепта: «Настой для бывших супругов, чтобы, значит, все как в старые времена велось». Ну да, название стремное, но уж какое есть.

А вообще, настой весьма и весьма полезный, и не только для бывших супругов. По сути, это аналог виагры, но только не физиологической, а духовной направленности. Точнее — в том числе и духовной. Если яснее говорить — тот, кто эту настойку выпьет, сразу начнет сильно любить того, кто ему ее дал. И любовь выражается тут во всем своем многообразии — от возвышенного устремления говорить приятные слова до вполне понятного плотского желания. Причем плотское, подозреваю, превалирует. Это по составу настоя видно. Я еще не очень большой дока в этом деле, но когда в одном рецепте фигурируют семена подорожника, полынь и три меры сушеного корня хрена, то особых сомнений в направленности зелья не остается. И это не считая заманухи, кориандра и разной другой мелочи.

Действует настой около двух суток, остаточных явлений не имеет и, если верить записям, никакого вреда здоровью употребившего принести не должен.

Как по мне — вариант решения проблемы. А чем плох? Этот бедолага за пару дней так на супруге взопреет, что потом еще неделю на других красоток смотреть не сможет. А то и больше. С учетом того, что дядька он уже немолодой, то все должно получиться. Надо будет только уточнить у нее — не сердечник ли он? Не хотелось бы стать причиной чьей-то смерти, пусть даже и такой по-настоящему мужской.

А через недельку, если супруг Яны Феликсовны не перебесится, употребление настоя повторить.

И ведь что приятно — сошлись мнения-то. Настой этот оказался подъездным знакомым, причем я узнал сразу еще три его названия, и они были куда короче того, что имелось в моей книге, да еще и на редкость похабными. Хотя, конечно, суть передавали полностью.

— Хорошая штука для семьи, хорошая, — вещал Кузьмич. — Не то что приворот. Опять же, детишки после этого зелья рождаются особо крепкими и пригожими. Может, и совпадение, но я сам тех детишков тетешкал, когда они еще мамкино молоко сосали. Детишки, они пока слово первое не скажут, нашего брата видеть могут. А нам и в радость с ними повожжаться. Так вот, — парни вырастали — богатыри, девки — такие красуни, глаз не отвести. И ведь не раз такое было.

— Верно-верно, — подтвердил Вавила Силыч. — И я тому свидетель.

— Это интересно, — пробормотал я, а после внес в книгу пометку, чуть пониже рецепта, где указал, что данный настой можно использовать в данных целях, в том числе и для профилактики бесплодия.

Вообще-то против этой беды было специальное зелье, очень сложное в приготовлении и с очень редкими компонентами. Там тебе и мандрагыр, и улика-трава, выросшая на могиле самоубийцы, и цветок руты, взятый на рассвете пятого летнего дня, и куча других трав, которые просто так фиг добудешь. Но основа в нем — именно мандрагыр, в простонародье — мандрагора.

Интересно, а если в этот настой страсти добавить мандрагору, скажем, одну меру, он станет сильнее? Или даже не так — он сменит направленность в сторону удачного оплодотворения бесплодного женского чрева?

Может, найти какую-нибудь бедолагу и совместить приятное с полезным? В смысле — ей с мужем дать шанс, а самому посмотреть на то, что получится?

Или не спешить и подождать, пока Ряжская снова мне такую приведет? Ставлю тельца против яйца, раньше или позже такое опять случится.

Время было, потому под шутки и прибаутки подъездных, которые с интересом смотрели на происходящее, я это зелье к рассвету даже и сварганить успел. Спать ложиться смысла уже все равно не было.

Оно получилось изумрудного цвета и практически без запаха, именно такое, каким и было описано в рецепте.

— Ну теперь главное, чтобы мужик этот одно место себе не стесал до корешка, — хмыкнув, произнес Кузьмич. — А ты, Ляксандра, ловок становишься. Вон как с травами-то управлялся.

— Чего это он управлялся? — обиженно побурчал Родька, намывающий плошку. — Я травы раскладывал и толлок.

— А ты помолчи, — погрозил ему пальцем подъездный. — Тебе слова не давали. А на ловкость твою мы нынче в подвале поглядим, когда трубы днем пойдем проверять да простукивать.

Родька умоляюще засопел, а после тихо и жалобно пробормотал:

— А как же «Жить прекрасно?». Там нынче про болезни почек будут рассказывать. Я ж не просто так это дело гляжу, я образование свое поднимаю. Чтобы, значит, пользы от меня больше было.

— Трубы — тоже образование, — сурово заявил Вавила Силыч. — Трудовое!

— А после еще и стоками канализационными у дома займемся, — обнадежил моего слугу Кузьмич. — Решетки-то эти обормоты из ЖЭКа чистят, а вот внутри, там, где самый мусор, не лезят, лентяи такие! Вовсе на все руки мастером станешь!

Я слушал этот диалог, тихонько посмеивался и попутно писал СМСку Ряжской.

Коротенькую, всего из шести слов. «Скажите Яне Феликсовне — пусть приезжает.

Смолин».

Глава седьмая

Банк шушукался. По-другому это назвать было никак нельзя. Везде — и в кредитном, и в операционном, и в бухгалтерии раздавался мерный шепот общающихся друг с другом сотрудников.

В голос никто не говорил — опасались. Ты сейчас громко что-то скажешь, все это услышат, и неизвестно, как потом твои слова будут интерпретированы. А самое главное — куда и кому их потом сообщат.

Ну и нервозность, конечно же, присутствовала.

Да и как по-другому могло быть? Сначала, сразу после открытия, по банку разнеслась весть о том, что накануне сменились собственники, и Миронов больше «не пляшет», что само по себе было делом неслыханным. Обычно такие вещи вдруг не происходят, подобные сделки готовятся заранее и все прекрасно знают, кто теперь будет новым хозяином и чего следует ждать коллективу. А тут — как ведро воды на голову. Разговоры-то ходили, но слухи и есть слухи. Обсуждать их, опять же, обсуждали, но чтобы вот так, в одночасье, без десятков встреч и переговоров подобное стало правдой — дело невиданное. Даже референты — и те были не в курсе происходящего, что придавало особую остроту ситуации.

Следом за этим грянула вторая сенсационная новость — опоздав на полчаса, в банк появился Силуянов, с мертвенно-синим лицом и с седыми прядями в еще вчера черных волосах. Это добавило антуража творившейся вокруг небывальщине, и тут же кто-то выдвинул версию, что безопасник узнал о новых владельцах нечто такое, что его аж

перекосорезило. Да и сам факт того, что он опоздал, являлся невероятным. Все помнили, как Вадим Анатольевич даже с температурой под сорок градусов приходил на службу раньше всех.

А еще через час в банк пожаловали виновники торжества, а именно — председатель правления, супруги Ряжские сотоварищи и Миронов, слегка помятый и благоухающий французским коньяком. Они немедленно прошествовали в большую переговорную, вызвали к себе Волконского, Чиненкову и Немирову, закрыли двери и начали там что-то обсуждать.

И вот как тут не шушукаться? Особенно если учитывать то, что среди вызванных имеется начальник отдела по работе с персоналом. Ох, не к добру это, народ, не к добру! Скорее всего, я был единственным из сотрудников, кто полностью безмятежен. Во-первых, потому что эти новости не были для меня новостями. Во-вторых, потому что знал, что кого-кого, а меня точно никто увольнять не будут. Как, собственно, и повышать. Для меня вообще ничего не изменится. Где сидел, там и буду сидеть. И, кстати, моих коллег по кабинету тоже перемены не коснутся. Правда, им я про это говорить не стал, и теперь с улыбкой наблюдал, как Наташка каждые десять минут бегала то туда, то сюда под предлогом «стрельнуть сахарку». Это классический повод для сотрудника, который вместо того, чтобы «крыжить» давешние проводки, шастает по банку в поисках новостей. Она очень переживала, что Чиненкова использует подвернувшуюся возможность и ее уволит. По мнению Федотовой, «персональщица» давно имела на нее зуб, поскольку года два назад на корпоративе Наташка имела глупость по пьяному делу сцепиться с ней из-за какой-то мелочи, и с тех пор ожидала неизбежного возмездия.

Как по мне — глупость полная. Если бы та хотела Натаху уволить, то давным-давно бы это сделала и без ожидания какого-либо подходящего момента.

— Заседают, — полусшепотом сообщила нам Федотова, в очередной раз сбежав в коридор. — Сашка, ты мне друг или портянка?

— С какой целью интересуешься? — уточнил я, отпив кофе.

— Не изображай из себя божью корову! — рассердилась Федотова. — Все знают, что ты Ряжскую... Ну... Что вы друзья. Скажи ей, что я хорошая и меня никак нельзя увольнять. Кризис на дворе!

— Нелогично, — заметил я. — Причем напрочь. Если я Ряжскую, как все думают... Ну ты поняла? Так вот — если я замолвлю ей слово за тебя, ты уверена, что результат не будет обратным?

— С чего бы? — опешила Федотова.

— Вот ты странная, — искренне забавлялся я ситуацией. — Смотри — ты у нас красивая?

— Есть такое, — согласилась Федотова.

— Вот, — гнул свою линию я. — Правильно. Я прошу у немолодой пассии покровительства для красивой юной блондинки. Вывод? Я эту блондинку что?

— Так не было же ничего у нас! — захлопала глазами Федотова под смех Денисенковой. — Смолин, дурак! А что, ты и в самом деле с ней того? Ну скажи уже, чего теперь?

— Как раз теперь-то и «чего», — таинственно произнес я. — Это раньше пофиг было. И имей в виду — так это или нет, но щемить за подобные разговоры точно станут. Так что не советую языком без оглядки молотить как раньше. Нет, не советую.

— Кому щемить-то? — Федотова отобрала у меня кружку с кофе и сделала из нее глоток. — Силуянов закрылся в своем кабинете и, если верить Лехе-охраннику, сидит и плачет.

— Чего он там делает? — даже раскрыла рот Денисенкова.

— Плачет, — повторила Наташка. — Я тоже в это не очень сначала поверила, но, с другой стороны, сегодня столько всего происходит, что уже не знаешь, где правда, а где нет. Тем более что у него вон, рассказывают, полбашки седых волос за ночь появилось. Кто знает, что у человека стряслось? Может, Силуянову есть чего скрывать, и теперь он боится, что его за ушко и на солнышко вытащат. Я слышала, что он с Мироновым сильно дружил. Не исключено, что и какие-то его делишки тут прикрывал. Все мы не без греха.

— Может, это на него так новость о продаже банка повлиять? — предположила Денисенкова. — Или вообще в нем совесть проснулась?

— Ну это ты уж совсем загнула, — скорчила гримаску Федотова. — Я все понимаю, но легче поверить в то, что земля плоская, чем в совесть у Силуянова. Кстати, народ — а его-то на сходку не пригласили. Согласитесь — симптомчик?

А я вот верю. Нет, не в совесть, конечно же, а в то, что он слезу роняет в кабинете. Я видел ту, кто его сегодня ночью навестила. После такой встречи кто хочешь расплачется. Может, надо пойти немного поковать железо, пока оно горячо? Припереть Вадима Анатольевича спиной к стенке, да и выжать информацию о том, что это за две дамы и один мужчина его обхаживают.

Я, если честно, уже всю голову сломал, думая над тем, кто это такие. Сначала версий было много, среди них фигурировали даже пришельцы с Плутона и персонажи мультсериала «Скуби-Ду», но потом откровенная чепуха отсеялась, и осталось несколько почти равнозначных предположений. Другое дело, что любое из них могло с равной вероятностью оказаться как правдой, так и обманкой.

Сам я более всего склонялся к тому, что это меня какие-то ведьмы пасут. Вражда между ведьмами и ведьмаками дело обычное, так что — запросто подобное могло случиться.

Опять же — чужие руки, на них это похоже. Не любят эти дамы следы оставлять, они своими руками что-то делают только тогда, когда полностью уверены в безнаказанности. Ну и про мой нож забывать не следует. Они не мары, он для них сильно опасен.

И еще — обереги только у женщин были. Это отлично укладывается в рамки происходящего. Скорее всего, мужчина — это просто охранник. На всякий случай.

Остальные предположения были поплоче, хотя тоже имели право на существование. Но без хоть какой-то конкретики все равно любая версия оставалась только версией.

Надо, надо терзать Силуянова, всеми правдами и неправдами выжимать из него данные. Причем если он не разговорится доброй волей, то пускать в ход свой ведьмачий арсенал.

Мне пентотал натрия без надобности, у меня посерьезней рецептик есть в книге. Что знает расскажет, и чего не знает — тоже поведает.

И ведь что примечательно — думалось мне про это как-то очень легко. В смысле — раньше бы начал опасаться невесть чего, прикидывать, чем все это может для меня закончиться, а сейчас — ничего подобного. Страха нет. И сомнений в том, что я иду правильной дорогой — тоже.

Кстати — сожалений по поводу того, что я Силуянову устроил ночью, у меня тоже не имеется. Что заслужил — то получил.

Но вот реализовать задуманное я не успел, поскольку в наш кабинет ворвался Косачов, главный менеджер по работе с ВИПами.

— Смолин, — пропыхтел он, поправляя галстук. — Привет. Рад тебя видеть.

— Зачастил ты к нам, Витенька, — ручейком прожурчал голос Денисенковой. — Что, подул ветер перемен?

Косачова, как я уже говорил, в банке не любили. И за излишнюю надменность, и за то, что он кроме оклада еще и надбавку получал, в виде процента от привлеченных клиентских средств. Причем — хорошего такого процента. Такого, что у банкомата в день зарплаты его никто никогда не видел. Все, понимаешь, стоят, снимают, а он — нет.

Ну получает и получает, дело такое, тут кто на что учился. Но зачем постоянно говорить, что только он один в банке работает, а остальные у него на шее сидят? Причем не по пьяному делу в узком кругу, а трезвому и при всех?

Понятное дело, что народной любви при таком раскладе ждать не стоит.

— Несмешно, — даже не удостоил ее взглядом Косачов. — У каждого своя работа.

Смолин, давай, тебя в переговорной Вагнер ждет.

— Кто? — не понял я — Вагнер? Композитор? Так он помер давно.

— Еще писатель такой был, — добавила Ленка. — Карл Вагнер. Или даже так — это же Вагнер, Карл! Только он, по-моему, тоже уже умер.

— И футболист тоже есть, — внесла свою лепту в «вагнероведение» Наташка. — Вагнер Лав. Что? Мой благоверный — фанат «ЦСКА», с ним поневоле нахватаешься всякого разного.

— Блин, ну вы... — Косачов явно хотел еще сказать «тупые», но не стал. — Там не мертвый писатель и живой футболист ждет, а VIP-клиент, причем очень «вкусный». Яна Вагнер. Жена Петра Вагнера, владельца фармацевтического производства, нескольких частных клиник и сети аптек. Я, когда узнал сегодня, что она к нам заходила накануне, чуть галстук свой не сожрал. Меня же вчера не было, я на переговорах весь день провел. Такой клиент! Мечта!

Фармацевтика? Это интересно. Это надо запомнить.

— А! — кивнул я, достал из сумки пузырек с настоем и сунул его в карман. — Понятно. Девчули, не скучаем, я скоро.

— Да хоть вообще не возвращайся, — проводила меня добрым словом Федотова. — С тобой сегодня неинтересно.

— А я буду тебя ждать! — сложила губы сердечком Денисенкова. — И ты, Сашка, не забудь эту мою лебединую верность в тот момент, когда в банке начнутся перемены.

— Ну тогда я тоже буду ждать! — мигом подхватила Федотова. — Даже полебединей, чем она.

— А что, твои соседки что-то уже знают про то, какие перемены грядут? — уточнил у меня Косачов, как только мы закрыли за собой дверь. — Хотя да, ты у нас теперь не просто так. Ты особа, приближенная к телу. Хе-хе.

— Ты что имеешь в виду? — резко развернувшись, я взял Косачова за узел галстука и дружелюбно улыбнулся ему. — Конкретно — что? Или — кого? Ты скажи, может я чего не знаю?

— Острою я так, — мило осклабился «клиентчик». — Просто — шутка. Признаю — неудачная.

— Мне тоже так показалось, — согласился с ним я, отпуская его галстук. — Но ты имей в виду, что у меня пытливый ум. Я ведь могу начать доискиваться до смысла той или иной шутки, и в поисках истины начну опрашивать народ, выясняя откуда ветер дует. И ссылаться при этом стану на тебя.

Было видно, что мои слова заставили Косачова призадуматься. Оно и понятно — если я такую штуку выкину, отголосок этих событий и до ушей Рязжской может дойти. А это в нынешней ситуации здорово по карьере может ударить. Она и в статусе клиентки много чего могла сделать, а уж теперь-то...

— Саш, а познакомь меня с Вагнер, а? — Косачов мигом сменил и тему, и интонации. — Мне не для себя, мне для работы. Должность обязывает. Саш, мы же одно дело делаем — ты у себя в отделе, я у себя. Сотрудничество служб — основа удачного бизнеса! Ты мониторишь, я привлекаю. У каждого свое, но результат-то общий!

Хитер бобер. Я бы даже сказал — бобр. И ведь какую логическую базу подвел, не подкопаешься. И еще он по любому в плюсе. Если соглашусь — он получает нового клиента. Ну или как минимум ее телефон, а дальше дело техники, настойчивости и профессионализма. Косачов — сволочь редкая, но профессионал великолепный, это надо признать. Не всякий клещ с ним конкуренцию выдержит.

А если откажу — дам ему повод донести руководству о том, что я сознательно противодействую финансовому развитию банка. Ну и еще что-нибудь в этом роде. Звучит несерьезно, но на самом деле подобный донос может привести к очень и очень неприятным последствиям. Особенно если все преподнести со знанием дела и подключить к этому Чиненкову.

Вот так и живет наш банк. Весело, дружно, с огоньком.

— Да не вопрос, — передернул плечами я. — Только давай не сейчас, а когда она уходит будет. Поверь, это в твоих интересах.

— Конечно-конечно, — замахал руками Косачов, явно не поверивший ни одному моему слову. — Как скажешь. И еще — Сашка, дружище, нам надо бы как-нибудь по рюмке-другой коньяку принять. А то ведь столько лет в одном банке служим, и ни разу не выпивали вместе.

— Почему нет? — остановился я у дверей переговорки. — Особенно если ты угощаешь.

— Не вопрос, — обрадовался Косачов. — С меня «поляна». Посидим, покушаем, поболтаем! Ну все, иди. А я во-о-он там посижу, подожду пока вы выйдете.

И даже не уточнил, как долго я собираюсь с Яной Феликсовной общаться. Вечно занятой Косачов — и не уточнил. Нет, положительно времена меняются.

Что мне сразу не понравилось — торжествующая улыбка на лице женщины при виде меня, входившего в кабинет.

— Добрый день, — сказал я, и сразу же добавил: — Если сейчас прозвучит что-то вроде: «Я же говорила, что ты сделаешь так, как будет мне нужно», то разговор не состоится.

Вообще. У меня, знаете ли, крайне вздорный характер. Да что там — откровенно скверный. И пугать меня чем-либо бессмысленно. Вряд ли вы сможете придумать нечто такое, что сможет меня вывести из равновесия.

Было заметно, что Яне Феликсовне очень хотелось ответить мне особо язвительно, но она сдержалась, промывав нечто среднее между «привет» и «какой наглец».

— Скажу больше — меня не заставили вам помогать. Я уступил просьбам Ольги Михайловны, и сделал это только потому, что очень уважаю этого человека. Но и только. Дать сколько-то связный или логичный ответ на вопрос «и вот какой ты нарываешься?» я бы не смог. Но очень уж она меня сразу выбесила. Опять же — невыспанность дала себя знать. Ну и надо, наконец, когда-то начинать ставить отдельные личности на место? Лиха беда начало уже была — Силуянов. Теперь следует закрепить пройденный материал.

— Кхэ! — выпучив глаза, откашлялась Яна Феликсовна, явно непривыкшая к подобному обращению. — Ну, знаете ли, молодой человек!

— Знаю, — подтвердил я весело. — Много чего знаю. И как помочь вам — тоже. Да вот он, способ решения вашей проблемы.

Я достал из кармана пиджака пузырек и показал женщине. Лучик солнца, наконец-то пробившегося сквозь низкие октябрьские тучи, попал в его центр и подсветил густое зеленое зелье, сделав его искристо-изумрудным. Вышло эффектно, госпожа Вагнер разве что только «хо-хо» томно не мурлыкнула.

— Это то, о чем мы разговаривали? — спросила Яна Феликсовна у меня. — Приворотное?

— Нет, — покачал головой я. — Сказано же — не будет приворотного зелья. Оно действительно, но конечный результат в девяносто девяти случаях его применения бывает один — смерть кого-то из супругов. А то и обоих. Вам же не это необходимо, правда? Вам нужно, чтобы супруг не смотрел налево и не думал о том, чтобы сменить вас на молоденькую хищницу с высокой грудью и упругой попкой. Ведь так?

— Вы не знахарь, вы психолог-патологоанатом, — язвительно заметила Вагнер.

— Не обидели, — парировал я. — Нет в слове «знахарь» ничего оскорбительного. Как, кстати, и в слове «ведьма». Просто надо до изначального смысла слова докопаться. Ну так что, продолжим беседу, или я пошел? У меня, знаете ли, еще работа есть. Та, которую я выполняю согласно штатному расписанию.

— Говорите, — скрестила руки на груди женщина.

Ради правды следует сказать, что слушателем она была хорошим и смысл сказанного поняла сразу же, это было видно по ее глазам.

— И что, это на самом деле будет работать именно так? — уточнила она, когда я замолчал. — То есть он меня два дня, без остановки...

— Ну не все время, конечно, — понял я, что именно она хотела произнести. — Но — да. И в этой связи я вас очень прошу внимательно следить за здоровьем супруга. Давайте напрямую — вы оба люди уже не очень молодые, плюс стрессы, которые неминуемы при том образе жизни, который ведет ваш муж... Короче — сердечко надо поберечь. И за давлением следите. Побочных эффектов у этого настоя нет, но в нем имеются компоненты, которые здорово гонят в кровь адреналин. Помните об этом.

Вагнер встала с кресла, подошла ко мне и забрала пузырек.

— Пять капель за раз, не больше, — напомнил я ей. — И два дня — он только ваш.

Уработайте его так, чтобы он ни на кого смотреть не смог — и дело в шляпе. При необходимости — повторить. Того количества настоя, который я вам дал, хватит надолго.

— Деньги только после наступления результата. — Яна Феликсовна глянула на меня поверх очков. — Не раньше!

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Как скажете. Пусть так.

— Не бойтесь? — полюбопытствовала она насмешливо. — А если «кину»? Если скажу, что ничего не получилось, да и все?

— Не-а, не боюсь, — выдал я самую смиренную из возможных улыбок, а после снял с рукава ее дорогого кардигана рыжий волос, намотал его на указательный палец и убрал в нагрудный карман своего пиджака. — Ни капельки. Разве вы не знаете прописную истину о том, что каждому воздастся по делам его?

— Оленька права, — звучно расхохоталась госпожа Вагнер. — Вы на самом деле одновременно и невероятный хам, и редкостная прелесть. Держите. Но если ничего не получится, я за своими деньгами вернусь, имейте в виду.

Она щелкнула замком сумки и протянула мне пухлый конверт.

— Получится, — заверил ее я. — Главное — сделайте все так, как я сказал. И вот еще что...

Не считите за шутку или насмешку... Не забывайте предохраняться. Дело в том, что у данного настоя есть еще одно назначение, скажем так — стимулирующее к репродукции.

— Мальчик мой, за это не беспокойтесь, — похлопала меня по плечу Яна Феликсовна. — Я в юности наделала столько глупостей, что ни одно зелье не сможет мне помочь. Из ничего что-то не возникает.

— Мое дело предупредить, — заметил я. — А там — вам решать.

— Скажем так — если вдруг случится такое чудо, то я вам во дворе вашего банка памятник поставлю, — глаза за очками потухли, как видно, тема для женщины была болезненная. — Бронзовый. Да нет, даже из серебра. В полный рост.

— Лучше обойтись небольшим бюстом на родине героя, — попросил я. — А разницу я готов принять денежными знаками.

— У вас в роду немцев не было? — спросила у меня Яна Феликсовна. — Хватка прямо как у моего Петера.

— Одни русские. Максимум где-то заблудились пара-тройка эритроцитов татарской крови. Но они у нас всех есть, еще со времен Золотой Орды. Но это ладно. Вот еще что я вам забыл сказать — кружку супруга не забывайте мыть после того, как он из нее попьет. От греха. Вдруг кто еще из нее отхлебнуть задумает? Оно вам надо?

С тем мы и вышли из переговорной. Собственно — все сказано, все сделано, чего время тратить на пустую болтовню?

Косачов, заметив нас, сразу огладил пиджак и нацепил на лицо дежурную улыбку, но так и остался на месте, поскольку почти сразу мы услышали голос Ряжской:

— Яна! Привет, дорогая! Надеюсь, на этот раз вы поладили?

Мне очень хотелось сказать Ольге Михайловне, что сегодня я все-таки больше редкостная прелесть, чем невероятный хам, но, разумеется, делать этого не стоило. Да и потом — это

не самая скверная оценка, которую мне могли дать. И, если уж совсем начистоту — не такая уж и необъективная. Есть во мне и то, и другое.

А учитывая то, что она была не одна, лучшим из возможных вариантов было вообще помолчать.

Судя по всему, то совещание, которое так взбудоражило банк, наконец-то закончилось, и новые собственники, раздав ценные указания, как раз надумали покинуть здание. Тут-то мы им по дороге и попались.

Рядом с Ольгой Михайловной я увидел высокого седовласого мужчину, надо полагать, ее мужа, того самого Павла Николаевича Ряжского. Да его и не спутаешь ни с кем. Есть в таких людях нечто, что выдает в них лидера. То ли костюм стоимостью в годовой бюджет иной области, то ли то, как этот костюм на них сидит. Да и не в костюме дело. Это вообще, скорее, метафизика, которую не объяснишь.

— Яна, — бархатисто произнес Ряжский, протягивая руки к моей недавней собеседнице. — Рад тебя видеть. Вот все-таки вы, Вагнеры, молодцы, всегда знаете, где надо оказаться в нужное время. Я этот банк только вчера купил, а ты уже здесь. И небось счет открываешь, а? Чтобы Петр мне потом начал говорить о том, что он был первым, кто в мой новый проект поверил, а потому ставку по кредиту ему надо делать особую, отличную от остальных, и принять в качестве залога только его честное слово.

— Чутье есть чутье. — Яна Феликсовна благосклонно приняла поцелуй в щеку. — Но тебе не стану врать — Петер еще не в курсе, что это твой банк. Но уже сегодня он об этом узнает. Как и о твоём обещании относительно ставки и залога.

— Каком обещании? — притворно нахмурился Ряжский, а после они с Яной дружно рассмеялись.

Их поддержали предправ с Волконским, и даже Косачов хихикал поодаль от нас.

— Яна общалась с вот этим молодым человеком, — пояснила Ольга Михайловна и показала на меня. — Это Саша Смолин, я тебе про него рассказывала.

— Да-да, — Ряжский окинул меня взглядом. — Помню. Многообещающий юноша. Н-да.

Сдается мне, он не разделял восторгов своей супруги по моему поводу. Хотя нет, я себе опять льщу. Не восторгов. Планов. А еще вернее — он забыл обо мне сразу же после того, как увидел, хоть я никуда и не делся, стоя рядом с ним. Ибо львы не охотятся на мух, таковы законы бытия.

И это меня тоже вполне устраивает. По крайней мере — пока.

Тем временем Яна Феликсовна откланялась и ушла, вызвав бурю эмоций на лице Косачова. Ряжский же напоследок отдавал последние указания нашему предправу.

— Вижу, Яна довольна, — отвела меня чуть в сторонку Ольга Михайловна, вызвав тем самым приступ любопытства у операционистов, с интересом наблюдавших со своих рабочих мест за всем происходящим. — Спасибо, Саша. Вагнеры, как я тебе уже говорила, наши старинные друзья. И деловые партнеры, что немаловажно.

— Да не за что, — я не удержался и искоса глянул на Косачова, который так и стоял у стены, правда, выглядел он в данный момент не так уверенно, как обычно. — Ольга Михайловна, а можно вас попросить об одолжении?

— Попроси, — немного удивилась Ряжская.

— Если вас не затруднит, сделайте мрачное лицо и грозно гляньте на того сотрудника, что в данный момент около стойки информации ошивается. Вон там, слева. Нехорошо так гляньте, сурово, с недовольством, чтобы ему заплохело совсем. Вам несложно, а коллективу приятно будет.

— Чем же это он так коллективу насолил? — поинтересовалась Ряжская, немедленно выполнив то, о чем я ее попросил. Мало того — она еще и головой покачала, как бы давая понять, что, мол «вот оно как, значит».

Беднягу Косачова ощутимо шатнуло, а цвет его всегда румяного лица сменился на асбестово-белый.

— Долгая история, — не стал вдаваться в детали я, с удовольствием наблюдая за тем, как «привлеченец» еще и зеленеть начал. — Во, во, как его заколбасило! Ух, хорошо!

— Рада, что смогла тебе услужить, — Ряжская, повернувшись к Косачову спиной, по-девичьи хихикнула. — Да, вот еще что. Мой человек вроде поговорил с твоим Силуяновым. Алеша, можно тебя на секунду?

За спиной ее мужа, который все еще что-то объяснял нашему предправу, отиралось несколько незнакомых мне людей, которых я сразу же идентифицировал как свиту при короле. Но это нормально. Странно было бы, если Ряжский прибыл сюда без своих экспертов, вроде бухгалтера или аналитика. А может, и рекламщика. Причем это только первые ласточки, они покружат и улетят. Основное веселье начнется не сегодня и даже не завтра, а через пару-тройку недель, как бумаги в ЦБ уйдут. Сначала нагрянут аудиторы,

потом кадровики, а там и до изменений в миссии банка рукой подать будет. Знающие люди говорили, что оно всегда так случается при смене собственника.

Впрочем, это меня совершенно не волнует. Молнии в низины не бьют.

Алеша оказался довольно молодым человеком спортивного телосложения, что сразу сняло у меня вопрос о том, кем именно он трудится в семейной империи Ряжских. Нет-нет, я не о том. Я сразу подумал, что он отвечает за безопасность данного семейства. Хотя — кто знает? Может, и не только за безопасность одного конкретно взятого тела. Как говорит мой батя — «их нравы».

— Ты же пообщался с местным шерифом? — строго спросила у него Ольга Михайловна.

— Попробовал, — подтвердил Алеша, цепко ощущав меня взглядом. — Получилось плохо.

— Он настолько глуп? — уточнила Ряжская. — Или дело в чем-то другом?

— Как по мне — он вообще не очень неадекватен, — бойко отрапортовал Алеша. — Ну или как минимум с хорошими тараканами в голове. Мне показалось, он даже не очень понимал, кто я такой и зачем пришел. Причем это не похмелье, человек просто не в себе. Так что, Ольга Михайловна, не знаю, как здесь обстоят дела с финансами и кредитами, но безопасность сильно не на уровне. Так-то парни вроде стоят, службу несут, но подчиненные без начальника как курица без головы. По двору она бегать какое-то время сможет, но без конкретной цели и направления.

Ряжская выслушала его, а после уставилась на меня. Прямо вот глазами сверлить начала.

— То есть вчера этот человек тебя помытарил, причем находясь в трезвом уме и твердой памяти, а сегодня он похож на овощ, — медленно произнесла она. — Причем это не похмелье. Интересно выходит. Никогда подобного не видела.

— У каждого бывают трудные времена, — иезуитски произнес я, потупился и вздохнул. — Вот и Вадим Тольича накрыло.

— Менять надо вашего Вадим Тольича, — деловито заявил Алеша. — Пока банк еще хоть как-то стоит. Ну ничего, я этот вопрос на свой контроль уже поставил.

— Остальные ребята тут нормальные, — заступился я за охранников. Они мне зла сроду не делали, а я добро всегда помню. — Их-то увольнять не надо.

— Толковых не уволим, — расплывчато ответил Алеша, а после, приложив руку к уху сказал: — Третий, мы выходим. Готовность раз.

И верно — Ряжский уже закончил общение с предправом и обменялся с ним рукопожатием.

— Ты телефон себе купил новый? — строго спросила у меня Ряжская. — Купил? Хорошо. Все, на созвоне.

И она поспешила вслед за мужем, причем на ходу, нахмурившись, погрозила пальцем все тому же многострадальному Косачову, который только что по стенке после этого не сполз.

— Надо выпить, — дернув щекой, а после опасливо ее пощупав, деловито сказал

Волконскому предправ, как только за новыми собственниками закрылась дверь.

— Немирову и Чиненкову звать? — уточнил Дмитрий — Или так, в мужском кругу?

— Без них посидим, — подумав, ответил предправ. — Немирова не пьет, а в Чиненкову цистерна влезет, на нее спиртного не напасешься. Пошли уже.

После их ухода ко мне на негнущихся ногах подошел Косачов и жалобно спросил:

— Саш, а чего Ряжская на меня зла? Я же с ней даже не знаком.

— Точно не сформулирую, — сочувственно проговорил я. — Но мне лично показалось, что она от тебя не в восторге. Так и сказала — «не знаю, Александр, как тут у вас с финансами и кредитом дело обстоит, а вот привлечение новых клиентов сильно не на уровне».

Полагаю, что она последние месяцы негласно информацию обо всех ведущих сотрудниках собирала. И твое досье оказалось не ахти. Думай, Косачов, думай, где напортачил. Я, конечно, попробовал за тебя заступиться, но у меня вес не тот в ее глазах. И еще — болтай поменьше, вот мой тебе совет. Много говоришь, Витя. Очень много.

И, оставив «клиентчика» пребывать в задумчивости, смешанной с паникой, я отправился в сторону кабинета Силуянова, решив все-таки не откладывать дело в долгий ящик.

Единственное, по дороге я завернул в канцелярию, где стрельнул у девчонок два конверта.

В один я вложил рыжий волос, сделав в графе «от кого» пометку «Вагнер Я.Ф.». Во второй отправился другой волос — светлый, пару минут назад незаметно снятый мной с пиджака Ольги Михайловны. И надпись соответствующую на конверте я тоже поставил.

Пусть будут. На всякий случай.

Дверь в кабинет Силуянова против моих ожиданий оказалась открыта. После слов Федотовой я отчего-то решил, что безопасник заперся на ключ, чтобы поплакать в одиночку, но, как видно, в слово «закрылся» она вложила некий другой смысл. Хотя, может, она осталась открытой и после визита Алеши. Поди знай? Впрочем, эти мысли почти сразу выветрились из моей головы после того, как я увидел Силуянова.

Еще вчера мощный и уверенный в себе человек со стальным блеском в глазах сейчас представлял собой довольно грустное зрелище, это было видно даже в неверном мерцании одной-единственной настольной лампы, которая и освещала кабинет. В волосах безопасника и в самом деле появились четкие видимые седые пряди, лицо прорезали невесть откуда взявшиеся морщины, но самое главное — глаза. Это были глаза старика, который повидал на свете много такого, чего врагу не пожелаешь. Серая хмарь поселилась в них и печаль неизбежная.

Жуть, короче.

Да, крепко его мара отделала, ничего не скажешь. Причем она ведь его еще и пощадила, если верить тому, что я от нее услышал. Страшно представить, что будет с тем, кому она даст хлебнуть горя полной ложкой.

Если до того мне Силуянова жалко не было, то сейчас где-то внутри это чувство все же шелохнулось. Ну да, тиран он, ну да, деспот. Самодур, опять же. Но я все-таки не совсем уж бессердечная скотина?

— Пришел, — проскрипел Силуянов. — До конца меня, значит, решил уработать, да? Ну давай, чего уж.

Он вскочил на ноги и рванул ворот рубашки, да так, что от нее аж пуговицы отлетели в стороны.

— Давай, — рыкнул он, задрав подбородок и подставив мне шею, на которой вздулись вены. — Пей кровь мою!

— Лечиться вам надо, Вадим Анатольевич, — сделал пару шагов назад, к приоткрытой двери, пробормотал я. — Тоже мне, нашли графа Дракулу. Что за ересь вы несете?

— А я не знаю, кто ты, — проскрипел Силуянов. — Вампир, оборотень, кто там еще бывает? Да не важно это. Главное то, Смолин, что ты точно не человек. Я еще летом это заподозрил, да вот только некоторые посоветовали мне тогда тебя не трогать, в покое оставить. А зря. Зря! Надо было тебя тогда еще... Тогда надо было!

Сдается мне, эти «некоторые» — Немирова. Я всегда знал, что она умная женщина.

— Вадим Анатольевич, «афобазольчику» вам надо попить, — мягко посоветовал я. — Какие оборотни? Как это я не человек? А кто же тогда? С чего вы взяли такую чушь? Кто вам это сказал?

Ну, давай, давай, родимый! Ты сейчас в полном раздрае, в голове ералаш, так выговорись по полной. И просвети меня о том, кто тебя науськивает на мою персону.

— Кто сказал? — Силуянов встал, обогнул стол и оскалился как волк, а в его комнатухе стало как будто еще темнее. Кстати — странно, а чего только настольная лампа включена? Он ведь, по сути, темноты сейчас вообще бояться должен. — Есть те, кто за такими, как ты, охотятся. И уничтожают! Я вот тебя сейчас придушу и стану одним из них! Правильно — только так можно! Только так!

И безопасник прыгнул на меня, прямо как дикий зверь. Мало прыгнул — вцепился в мое горло руками, а они у него сильные.

Врать не стану — не ожидал такого. Серьезно. Ну вот как-то не душили меня до того ни разу.

И ведь мог он меня прикончить, чего врать. Случайность спасла. Я на ногах не устоял, когда он мне горло стиснул, да еще амплитуда толчка сработала, и в результате мы вылетели в коридор, распахнув моей спиной незакрытую дверь.

А там, на мою удачу, ошивался Косачов, который, побродив по операционному залу, пришел к выводу, что надо повторно опросить внезапно вошедшего в фавор и непомерно обнаглевшего Смолина на предмет того, чем же все-таки была так недовольна Ряжская. Детально.

С Силуяновым «клиентчик», как и большинство других сотрудников нашего банка, не очень ладил, а потому решил подождать в коридоре. И дождался, правда, все пошло не так, как он ожидал. Мы вылетели в коридор, являя собой картину «двое — одно», а после безопасник, сопя, принялся меня душить. От подобной картины Косачов сначала опешил, а после бросился нас разнимать, попутно увещевая разошедшегося безопасника словами, а после и действиями. А именно — он попробовал оттянуть потенциального убийцу от жертвы.

Пальцы у Силуянова были просто как сталь, и кислород ими он мне перекрыл капитально. У меня уже и в глазах меркнуть стало, когда я услышал сначала один смутно знакомый голос, доносящийся откуда-то издалека:

— Вы чего творите, Вадим Анатольевич! Отпустите его! Вы с ума сошли! Нас новые собственники съедят за такие вещи! Хуже того — с «волчьим билетом» уволят! Народ, да где вы шляетесь? Отдерите уже его от Смолина! Только криминала нам тут и не хватало! Чуть позже к нему присоединились другие голоса, но их я слышал уже словно через вату, которую напихали в уши. А после мир вокруг меня закружился и превратился в яркое белое пятно, в центре которого светились нечеловеческим огнем налитые яростью глаза Силуянова, в ушах зашумел морской прилив, а пол внезапно стал мягким, как перина, на которой мне так хорошо спалось в детстве, когда я приезжал в гости к бабушке. А после это все сразу кончилось, поскольку я выплыл из «лампового» и плюшевого небытия обратно, в наш неприглядный мир.

— ... скажут, — узнал я голос все того же Косачова. — Первый день — и такое!

— И-и-и-и еще раз! — послышался голос Волконского, а следом за этими словами меня здорово ударили прямо в район сердца.

Да так, что я вытаращил до того закрытые глаза и судорожно закашлялся.

— Ожил, — сообщил всем Волконский. — Надежный способ. По крайней мере, в сериалах это всегда работает. И тут вон тоже помогло. Волшебная сила искусства, понимаешь!

— А я слышала, что так можно человеку, которого оживляешь, ребра сломать, — сообщила всем Аня Потапова из операционного. — Или даже грудную клетку. Да-да-да!

— Не надо... ломать, — просипел я, не зная за что хвататься, потому как болело все — и шея, и грудь, и сердце, и даже живот. — Мне и так плохо!

— Еще бы, — бодро сообщил мне предправ, который, как оказалось, тоже присутствовал здесь. Хотя проще было бы сказать, кого тут не было, по крайней мере из тех, кто входил в среднее и старшее звено банка. Да что там — я узрел даже встревоженные рожицы своих девчуль. В достаточно широком коридоре просто не протолкнуться было. — Силуянов тебя почти уработал! Мы уж думали все, приплыли, придется давать объяснение для прессы, отчего у нас в банке труп образовался, и увольнять половину административного персонала. Скажу тебе честно, Смолин, радости в этом никакой нет.

— Согласен, — просипел я. — Пресса — она такая пресса. А что, я совсем плохо выгляжу сейчас?

Вместо ответа Сергей Станиславович изобразил живую картину «Покойник», сложив руки на груди и закатив глаза под лоб.

— Капец. — Я привстал и потрогал горло, вызвав волну шушуканья среди собравшихся. — Жизнь-то какая веселая пошла, а?

— Не то слово, — подтвердил предправ. — Вон Дмитрия Борисовича благодари, это он тебя реанимировал.

— Спасибо, — прохрипел я. — А где Силуянов?

— В подсобке хозяйственной беснуется, — влез в разговор Косачов. — Его связали и туда оттащили. Сашка, а это ведь я тебя спас. Да-да. Если бы не я, он бы тебя точно придушил!

— Чистая правда, — подтвердил предправ. — Виктор орать начал, вот народ и сбежался. И до сих пор, между прочим, этот самый народ тут ошивается. А рабочий день идет себе и идет. И всем на это наср... Кхм. Все равно всем! Наталья Борисовна!

— Я здесь — бодро ответила Чиненкова. — Так, не поняла, чего мы здесь дружно столпились? Дел ни у кого нет? Я их найду, причем с легкостью. Давно внеплановой переемтестации не проводилось? Так мы сейчас приказик сварганим и это мероприятие в две ближайšie недели проведем!

Слова у Чиненковой редко расходились с делом, потому вскоре в коридоре не осталось почти никого, кроме нее самой, предправа, Волконского и Косачова. Ну и меня, понятное дело.

— Вставай, чего разлегся, — дружелюбно протянул мне руку предправ. — Дышать — дышишь, глазами хлопаешь, значит, и на ногах стоять сможешь. Дим, там вызвали уже «скорую» для этого бостонского душителю?

— Да, — кивнул Волконский. — Но быстро бы я ее ждать не стал. Полдень, центр, пробки.

— А дверь хорошо заперта? — тревожно спросил у него я, поднимаясь с пола. — Он не вырвется?

— Защитим тебя, если что, — похлопал меня по плечу Сергей Станиславович. — Не бойсь. Лучшие кадры банка да не спасти, это, знаешь ли...

Вот я уже и в лучшие кадры попал. Как, по сути, немного мне понадобилось для этого достижения потратить времени в своем новом статусе. До того несколько лет пахал как папа Карло — и ничего подобного. А теперь завел всего одно нужное знакомство — и вот, уже на коне.

Главное, не забыть, что по дороге наверх надо поменьше плевать в придорожные колодцы. Обратное-то тем же путем придется возвращаться. Так всегда бывает.

— Вот что, приятель, — предправ потер ладони. — Надо бы тебе стресс снять, а? Как насчет пары капель старого доброго виски? Не знаю, как кому, а мне лично оно нервы успокаивает великолепно.

— Я за! — поднял руку Косачов. — А еще у меня есть бутылка «Баллантайна». Если надо, могу сбегать.

— Изыди, — коротко приказал предправ. — Без тебя разберемся. У меня тоже много чего в кабинете есть. К тому же, у меня для тебя отдельное задание имеется, важное и неотложное. Иди ко входу и жди, когда прибудет «скорая». Как приедет — сразу мне позвонишь, а после покажешь им дорогу к служебному входу. Не надо, чтобы клиенты видели, как из банка сотрудника в смирительной рубашке выводят. Нам не нужны разговоры на подобную тему.

Столько пинков от судьбы Косачов в один день явно давно не получал. Улыбка сползла с его лица, но спорить он не стал, а только повернулся и побрел по коридору в сторону операционного зала.

— Витек, — окликнул его я. — Спасибо. Не забуду.

— Ловлю на слове, — моментально расцвел «клиентщик», в очередной раз поразив меня своей способностью менять настроение со скоростью мысли. — Сказано при свидетелях.

— Протяни палец — руку по локоть отгрызет, — одобрительно сообщил нам с Волконским предправ. — Зверюга, а не «привлеченец». Так, ну что, Смолин, ноги идут? Земля из-под них не убегает?

— Не убегает, — вытер выступивший на лбу пот я. — Нормально все уже.

— Да, Наталья Борисовна, — предправ тяжело вздохнул. — К тебе тоже поручение есть, по твоему профилю. Надо бы всем сказать, чтобы языки поприжали. А то ведь сейчас все будет как всегда — одна рассказала, вторая от себя что-то добавила, третья тоже фантазию на полную запустит, да еще и в какую-нибудь социальную сеть это запостит. В результате, мы вечером узнаем, что у нас банк в крови утоп, а хранилище трупами забито под завязку. А отвечать мне. Точнее — тебе, потому что я все стрелки в твою сторону переведу, как ты понимаешь. Не уследила, не пресекла, не доложила.

— Понятно, — деловито кивнула Чиненкова. — Займусь прямо сейчас.

— Вот-вот, — одобрил ее слова Сергей Станиславович. — Не откладывая в дальний ящик. Понятно, что через пару дней все подзабудется, но эту пару дней еще как-то надо пережить. Да, и бумаги на Силуянова начинай готовить. Заявление сама напечатай, расчет там... Ну как положено. По процедуре.

— По «собственному»? — уточнила Чиненкова.

— Разумеется, — подтвердил предправ. — Мы же не звери? И еще, пожалуй... Скажи бухгалтерии, чтобы они ему к расчету два месячных оклада добавили. За беспорочную службу, или как там это называется? Пусть удочки себе купит эксклюзивные, японские, и рыбу ловит, как пенсионеру и положено.

— Так ему, вроде, шестидесяти нет еще? — удивился я.

— Он же бывший военный, — пояснил Волконский. — У них пенсионный стаж по-другому исчисляется. Так что он уже лет пять как пенсионер.

— Скоро только военные да полярники и смогут пенсионерами стать, — хохотнул предправ. — А остальные — нет. Потому как в наше веселое время столько не живут. Наталья Борисовна, ты еще здесь?

Если мне что и нравится в должности председателя правления нашего банка, так это его кабинет. Просторный, светлый, с видом на грузинскую церковь и дома дореволюционной постройки, которые смогли пережить все треволения прошлого века и до сих пор незыблемо стоят здесь, на Сивцевом Вражке и примыкающих к нему переулках, разных Денежных и Староконюшенных. Чувствуется в таких местах если не вечность, то дыхание истории. Например, в том доме, что прямо напротив банка расположился, сам Федор Толстой жил. Который «Американец». В начале девятнадцатого века он был культовой личностью и возмутителем спокойствия, причем куда хлеще чем наши нынешние рафинированные псевдосмутьяны. Народу перебил на дуэлях кучу, женился на цыганке и попал в грибоедовское «Горе от ума», окончательно обессмертившись. И все это — от чистого сердца. А нынешние пока не продумают, какую выгоду им принесет новый скандал, и делать ничего не станут. Время пиара, куда деваться...

— Риски, риски, риски, — Сергей Станиславович махнул рукой Волконскому, тот немедленно достал из бокового шкафа бутылку виски и три пузатых стаканчика, на которых красовался какой-то герб и витая надпись на английском. — Кругом риски. Казалось бы — начальник службы безопасности, человек, который должен предотвращать и пресекать, — и на тебе. Создал проблему. Хуже того — репутационные риски. А они

страшнее финансовых. Деньги что, деньги — это инструмент, восполняемый ресурс. А репутация — все. Она или есть, или нет, и новой, если ее потеряешь, не выдадут. Смолин, ты согласен со мной?

— Разумеется, — подтвердил я, гадая, куда именно предправ клонит.

— Тогда выпьем. — Сергей Станиславович отсалютовал нам емкостью, в которой плескалась янтарная жидкость и припал к ее краю.

Я тоже глотнул обжигающего горло напитка. Какая, право, гадость! Нет, виски — не мое. Я и так-то спиртное не жалую, но это особенно невкусное.

Лучше бы «мартишки» налил. Она хоть сладкая...

— Н-да, — предправ подцепил зубочисткой кусочек лимона с блюбочка, которое ему любезно подставил Волконский. — Репутация. Саша, ты ведь понимаешь, что сегодняшнее происшествие может ударить по репутации банка, как звонарь в колокол?

— Конечно, — не стал спорить я. — Еще бы.

— И речь идет не только о клиентах банка, — мягко и обволакивающе произнес предправ. — Речь и о собственниках. Только представь себе — уважаемые люди буквально вчера купили контрольный пакет акций, а сегодня узнают о том, что прямо здесь, в центральном офисе, который расположен в сердце нашей столицы, один из основных административных функционеров чуть не придушил сотрудника, причем не просто какого-то там заурядного, а наиболее талантливого и перспективного. И, что совсем уж прискорбно — лично им знакомого.

Глава банка замолчал и уставился на меня.

— Это Сергей Станиславович сейчас о тебе говорит, — толкнул меня в бок Волконский.

— Понял, не дурак, — ответил ему я. — А чего? Все верно сказано. Талантливый и перспективный, так и есть.

— И еще, надеюсь, ценящий связующее всех нас корпоративное единство, — продолжил глава банка. — Да? Ты же член нашей команды, Смолин? Я всегда считал тебя таковым.

— Член, член, — подтвердил я, окончательно поняв, чего ему от меня надо. — Еще какой. Сергей Станиславович, не волнуйтесь, Ряжская ничего не узнает. По крайней мере, от меня. Тем более, что чьей-либо вины тут нет вовсе. Ну снесло у человека крышу, чего ж теперь? На моем месте вообще мог оказаться кто угодно. Силуянову пофиг было, кого за горло хватать, просто именно я ему подвернулся под руку.

— Кхм, — откашлялся предправ. — Надо тебя, Александр, из финмониторинга переводить куда-то еще. Больно ты силен правду-матку резать, там такое ни к чему. Не дай бог, с какими проверяющими из ЦБ тебе придется разговоры вести, ты и им все таким же образом выложишь. Неприятно получится. Я, понимаешь, начал издалека, красиво все так заплел, а ты раз — и в лоб. Мог бы и поддержать беседу. Тебе что, сложно это сделать?

— Да нет, — передернул плечами я. — Просто трудиться надо идти. Работу-то я сегодня толком и не работал. Сначала одно, потом другое, а время вон к полудню всю подбирается.

— Молодец какой, а? — предправ хлопнул Волконского по плечу. — Краса и гордость! Нет, Дмитрий, все-таки отличный у нас коллектив, отличный. Прямо вот — человек к человеку. Значит — забыли?

— Вообще не постигаю, о чем вы меня спрашиваете, — округлил глаза я. — Понятия не имею.

— Вот и хорошо, — одобрил Сергей Станиславович. — Вот и молодец. А за мной не заржавеет. Если не повышение по службе, то как минимум повышение зарплаты я тебе гарантирую. Но вообще... Штатное расписание пересматриваться будет в любом случае, так что, думаю, что-то, где-то... Ну, ты понял?

— Кузьмину так просто не уберешь, — подал голос Волконский. — Там же согласование с ЦБ... И знает она много такого... Разного.

— Подумаем! — с нажимом произнес предправ. — Когда пора придет.

Подумает он. За тебя уже подумали. Повышения по должности мне не видать, а денежки добавят так и так.

Хотя, может, он уже и в курсе всего этого, потому так легко и обещает. А чего, запросто. И вроде как он теперь мой благодетель. Практически — отец родной.

— И еще вот что, Саша, — предправ приобнял меня за плечи. — Иди-ка ты домой. Стресс все же был немалый, какая уж там работа? Отлежись денек, а завтра, с новыми силами — на пашню.

И он потихоньку, помаленьку вытолкал меня из кабинета.

Нет, не быть мне председателем правления. Я так красиво говорить и так ловко добиваться желаемого не умею.

Правда, оно мне и не надо. Мне своих забот хватает. Если честно, я и в кабинете шефа отвечал практически на автомате, поскольку вертел в голове так и эдак то небольшое, что мне успел сказать Силуянов до того, как вцепился мне в глотку.

Как там было? «Есть те, кто за такими, как ты, охотятся».

Люди, которые охотятся на тех, кто не относится к простому и понятному тварному миру. И кто же это такие? Баффи? Братья Винчестеры?

Да ну, ерунда это все. Кинематография. И потом — я же не вампир, не оборотень, правда, что бы там себе этот обалдуй связанный не думал. И вреда никому до вчерашнего дня не приносил. Даже если взять за версию то, что есть некая организация или группа, которая расправляется с ведьмами, ведьмаками и прочими обитателями Мира Ночи, все равно так быстро она до меня добраться не могла. Я нигде не светился и не раскладывал на своем пути трупы «елочкой».

Хотя нет, чушь это все. Светился, не светился... Может, они отслеживают каким-то способом любого новорожденного ведьмака. Тот только подал первый голос в ночи, а они уже про него знают.

Правда, в этом случае все придуманное мной более всего смахивает на теорию всемирного заговора.

Или все еще проще. Этого мутанта Силуянова ко мне подвел тот, кто меня знает. Причем не только как скромного банковского клерка, но и как, скажем так, молодого, но перспективного ведьмака. Подвел, запорошил ему мозги и скомандовал «фас». Ведь из слов этого бедолаги было ясно, что ему меня велели именно что уничтожить. Он сначала не хотел, а сегодня дозрел до данного шага.

А тех, кто знает о моем втором «я», не так и много. Причем если отмести изначально невозможные варианты, вроде Дарьи Семеновны или Хозяина Кладбища, то там и вовсе останется хрен да маленько. Даже чего уж, там почти без вариантов все. Прямо вот только пальцем остается ткнуть в того, кто это сделал.

Ай, как все скверно!

Я остановился у двери своего кабинета, достал из кармана телефон, а после убрал его обратно. Нет, позвонить надо обязательно, но не отсюда. Ушей тут больно много.

— Саша, — услышал я голос Немировой. — Можно тебя на минуту отвлечь?

Начальник юридической службы стояла в паре шагов от меня и была изрядно бледна.

Вот все же есть категория женщин, которым все к лицу. Немирова из таких. Ничего их не портит — ни полнота, ни худоба, ни румяность, ни бледность. Это, наверное, потому что подобные женщины на этих вещах не заикаются. Всем известно — чем больше ты о чем-то думаешь, тем сквернее будет результат. У меня как-то одна знакомая решила похудеть, в результате стала выглядеть куда хуже, чем раньше. Ушла из ее образа какая-то изюминка. Да еще, вдобавок, проблемы со здоровьем начались — волосы стали выпадать, ногти крошиться и зубы шататься. Плюс растяжки там и сям повылезали. Жуть, короче.

А тут — вот, человек совершенно ничем не заморачивается и всегда прекрасно выглядит. Даже когда бледен и испуган.

— Анна Сергеевна, всегда к вашим услугам, — галантно ответил я. — О чем речь пойдет?

— Я здесь ни при чем, — тихо и твердо произнесла она. — Совершенно. Я не нарушала данное мной тогда слово. Могу поклясться, если хочешь. Даже на крови. Я знаю, у вас так принято.

— У кого «нас»? — наморщил лоб я. — И о чем вы вообще говорите? Если про Силуянова — он просто немного перенервничал. Это срыв. Осень, знаете ли, стресс, сплин — все вместе. И еще вот что я скажу вам по секрету — уже принято решение считать, что ничего не было. Совершенно! Так что даже не переживайте.

Щеки Немировой немного порозовели.

— И все-таки повторю — это не я. Наоборот, я говорила ему, что тебя лучше не трогать и вообще не лезть в... Никуда не лезть.

Психует. Интересно, что же с ней тогда случилось? Надо было спросить у Нифонтова, да и собирался я это сделать, только все забывал.

А теперь фиг знает, когда шанс добраться до истины появится.

— И про это знаю, — понизив голос, ответил юристу я. — Анна Сергеевна, не забивайте себе голову всякой ерундой. У меня нет к вам ни малейших претензий. Напротив — всегда буду рад вам помочь, если случится беда. Если что — обращайтесь.

— Я рада, что мы объяснились, — твердо ответила Немирова. — Но от предложения твоего откажусь. У меня семья, дети, и мне не нужны незваные гости из темноты, которые раньше или позже захотят получить с меня долг за оказанные услуги. Ведь к Вадиму именно такие нагрянули минувшей ночью, да? Не просто так он поседел, правда?

— Не понимаю, о чем вы, — широко улыбнулся я. — Совершенно. Но предложение мое остается в силе. А теперь — прошу прощения, у меня еще есть дела.

Гости ей не нужны. Гордая какая. Не так я и часто что-то кому-то от чистого сердца предлагаю. Мне даже как-то немного обидно стало.

Хотя, может, и не гордая. Может, умная. Это я такой, а остальные мои собратья по цеху, возможно, без предоплаты пальцем не шевельнут. Ведьмы — так точно. Мало того, они кроме оплаты еще и обмануть всякий раз заказчика пытаются. Такое уж у них нутро. Ладно, нет и нет. Ее дело. Да и не до Немировой сейчас. Меня ждет очень неприятный разговор, и я даже сам не знаю, чего хочу больше — чтобы я оказался прав, или же наоборот. Но прояснить вопрос надо — и максимально быстро. Силуянов-то в «дурке» и, надо думать, проведет там немало времени, но вот те, кто его подбил меня устранить, а именно две женщины и один мужчина, они никуда не делись. И их неудача с нашим безопасником, скорее всего, не остановит.

Правда есть одно «но» — понять бы еще, что мне врут, если прозвучит «нет». Вообще-то в последнее время я стал острее чувствовать, если можно так сказать. Раньше, например, я никогда не мог определить, где Наташка говорит правду, рассказывая очередную историю из своей жизни, а где врет. Нет, некое приключение всегда имело место быть, что да, то да, только теперь я точно знал, где именно Федотова «заливала». Объяснить механизм этого ощущения я не могу, просто знал — вот тут Наташа «дрозда» дала.

Может, и сейчас смогу распознать ложь? Ну хотя бы отчасти.

Вообще, наверное, действовать вот так, «в лоб», было не лучшим решением, да вот только мне, собственно, ничего другого и не остается. У меня нет армии шпионов и соглядатаев, которые смогут подтвердить или опровергнуть причастность отдела 15-К к происходящему. И ждать чего-то, например, у моря погоды, тоже не имеет смысла. Никто мне не поможет, ни делом, ни советом.

Так что надо просто взять и спросить, а после надеяться на то, что смогу различить, где правда, а где нет.

Только Нифонтов — не Наташка, это другой калибр, другой уровень. Он врет как дышит, если ему это надо. Хотя это я зря, врать он мне никогда и не врал. Он просто успешно недоговаривал, или поступал так, как было нужно ему, всякий раз после находя аргументы, оправдывающие его поступки.

Нифонтов — он как тот бобер. Он хитер и мудер.

А еще — увы, недоступен или находится вне зоны действия сети. Вот тебе и раз.

Я, уже было примостившийся на одной из скамеек Гоголевского бульвара и настроившийся на долгий и, скорее всего, не очень приятный разговор, обиженно посмотрел на смартфон, а после снова нажал на пиктограмму, под которой было написано «Николаша».

Тот же результат. «Пусто-пусто».

Я еще немного посидел на скамейке, после прогулялся к павильончикам, которые расположились близ станции метро «Кропоткинская», купил там датский «хот-дог» и сжевал его, причем по традиции умудрился капнуть кетчупом на галстук. Вот хоть бы раз съесть пиццу или «хот-дог» и не обляпаться. Ни разу не удавалось. Одна радость — не мне одному. Кстати — иные галстуки в голодный год можно будет сварить и съесть, столько разных приправ они в себя впитали. Потому я никогда и не покупаю яркие или светлые галстуки, только темных тонов. На них пятна не видны.

Посидев немного, я снова достал смартфон и набрал Николая. Увы и ах, результат тот же. Значит, придется работать по запасному варианту, чего очень не хотелось бы.

Проще говоря — звонить Мезенцевой.

Это делало и без того скользкую ситуацию еще более пакостной.

По логике вещей, она в качестве собеседника была более выгодна, в силу своей несдержанности и молодости. Ее на чистую воду вывести проще.

И все-таки я бы предпочел поговорить с Нифонтовым.

Нет, между нами не было вражды, ничего подобного. Но вот только после той ночи на кладбище и разговора у ее подъезда мы больше не общались. Даже на выезде в Лозовку, находясь в одной компании несколько дней подряд, мы не сказали друг другу ни слова. Ребята, разумеется, это заметили, но выяснять, отчего так случилось, не стали. То ли из деликатности, то ли им просто было все равно.

А после Лозовки у нас с Евгенией точек соприкосновения вовсе не стало. Хотя, если совсем уж по правде, их и до того немного было. Да, показалось мне, что может что-то быть. Показалось. Но и только.

Поборовшись еще немного с самим собой, а также с желанием пойти и купить еще один «хот-дог», чтобы оттянуть хоть ненадолго неприятный момент, я все-таки нажал кнопку «вызов».

Фиг знает, может, зря себе нервы мотаю, может, она тоже недоступна?

Конечно же, телефон спустя пару секунд порадовал мое ухо длинным гудком. Законы Мерфи работают всегда.

Или не всегда? Третий гудок. Четвертый. А трубку-то никто не берет. Может... Нет. Не может.

— Привет, — голос в трубке был холоден настолько, что у меня чуть пальцы не замерзли. — Неожиданно, и не скажу, что приятно.

— И тебе здравствуйте, — хмыкнул я. — Придерживаюсь той же точки зрения. Кабы не нужда — век бы тебя не слышать.

На той стороне повисло молчание, причем, похоже, немного ошеломленное.

— Ладно, не до лирики, — перехватил я инициативу. — Вообще-то мне Николай нужен, но он недоступен. Скажи ему, чтобы мне позвонил, хорошо? Очень важный разговор к нему есть.

— Не скажу, — поспевав, ответила Евгения.

— Слушай, я понимаю, что у нас взаимная неприязнь, — примирительно сказал я. — Но переносить ее на рабочие моменты все же не стоит. Мы ведь хоть сколько-то, но цивилизованные люди, потому...

— Знаешь, мы сейчас говорим с тобой как разведенные супруги, причем разошедшиеся не как друзья, — с каким-то облегчением в голосе сообщила мне Мезенцева. — Может, ты не мне хотел позвонить, а этой своей... Как ее... Светлане?

— Кому хотел — тому позвонил, — возразил я. — И все же — почему ты с Колей не поговоришь?

— Потому что не могу, — немного печально сообщила мне Женька. — Сама бы рада, а никак. До него, Саша, теперь не дозвонишься...

Глава девятая

— В смысле? — опешил я. — Блин, мне как-то даже не по себе стало. Жень, он чего — того? В смысле — погиб?

— Ты совсем дурак?! — заорала Евгения. — Смолин, ты реально не в курсе, что слово материально? Думай, что говоришь! Особенно ты. Особенно мне. Нет, конечно! Просто они с Пал Палычем неделю как в командировку уехали в такую дремучую глушь, где и телефон-то не берет. Даже не думала, что на Земле подобные места еще остались. А, оказывается, есть такие. А меня с собой не взяли, сволочи!

— Да сама ты знаешь кто? — возмутился я. — А что мне думать, если ты траурным тоном подобные слова произносишь? С тобой, Мезенцева, дураком стать можно запросто!

— Тебе им и становиться не надо, ты он уже и есть, — немедленно парировала девушка. — Я это сразу поняла, как только твою личность в первый раз увидела!

— Ты еще скажи, что тебя мама предупреждала со мной не связываться, и потребуй возврата украденных мной месяцев твоей юной жизни, — не остался в долгу я.

— Да ты и украсть ничего толком не сможешь, — уже чуть тише сообщила мне Мезенцева. — Ладно, чего тебе от нас надо?

— От тебя — ничего, — зло бросил я. — Даже если с доплатой. Вот как знал, что тебе звонить — только нервы свои трепать. Блин, угораздило же меня с вами вообще связаться. Никакой пользы от вашего отдела, один вред!

— Ты говори, говори, да не заговаривайся, — с легкой угрозой в голосе посоветовала мне Евгения. — Мы тебе зла не делали. И не сделаем, если ты границу не перейдешь.

— Какую границу? — уточнил я.

Нет, правда, хрен знает, что она имеет в виду. Ряд акцентов за последнее время у меня в голове настолько сместился, что теперь я на самом деле не до конца понимал, о чем говорит Мезенцева — о границе разумного или о пресловутой «кромке».

— Финскую, блин, — съязвила девушка. — Нелегально. Границу разумного, разумеется. Не препарировать людей в преступных ведьмачьих целях, не практиковать кровавые жертвы, не пей кровь младенцев — и все будет хорошо.

— Да ты что? — деланно изумился я. — То есть это не вы, поборники справедливости, объявили на меня охоту, как на дикого зверя? А кто тогда?

— Какую охоту? — неподдельно, это я ощутил абсолютно явно, изумилась Евгения. — Саш, ты о чем?

— О чем, о чем, — уже больше из упрямства зло проворчал я. — О том самом.

— Слушай, давай успокоимся, — предложила Мезенцева. — А то мы куда-то не туда повернули в разговоре. Тебе угрожали или чего похуже?

— Чего похуже, — помолчав, произнес я. — Меня и били, и душили. И мне это все очень не нравится. Мне вообще не нравится, когда меня пытаются уничтожить, это претит моей природе. И санкционировано данное деяние было какими-то неизвестными гражданами,

которые в курсе того, кто я есть такой на самом деле, да еще и уничтожают таких как я. Замечу отдельно — о моих, назовем их так, странностях знает очень и очень ограниченный круг лиц. Причем представителей коренной расы Земли в этом круге почти и нет. А те, что есть, все служат в одной организации.

— Мы точно не при делах, — уверенно заявила Евгения. — Я бы в курсе была.

— Можно подумать, что если бы это было не так, то ты сейчас сказала по-другому, — съязвил я. — Знаешь, когда вы меня использовали, я ворчал, но претензии не выкатывал. Даже если вы делали это втемную, что для вашего отдела, надо полагать, нормальный стиль работы. Но теперь, когда вы меня...

— Стоп, — приказным тоном сказала Мезенцева. — Давай не будем говорить друг другу глупости, ладно? Ты донес до меня информацию, я ее приняла. Теперь дай немного времени, чтобы все услышанное переварить. И не выключай телефон, пожалуйста. Думаю, мы в самом скором времени снова пообщаемся. Возможно, даже сегодня.

Ни в этот день, ни на следующий Мезенцева мне не позвонила. Она прорезалась аж только в субботу, ближе к полудню. Причем, естественно, в самый неподходящий момент. Я как раз затеял варку зелья по одному из старейших рецептов в моей книге. Настолько древнему, что только с помощью Кузьмича, неплохо разбиравшегося в старославянском, и смог идентифицировать все необходимые компоненты. Точнее — надеюсь, что все. А еще хочется верить в то, что я верно понял назначение данного зелья, и оно на самом деле может помочь тем, у кого «кости ломити тако, что спасу не ище». Проще говоря — будет спасать от всяких неприятных штук вроде «тоннельного синдрома» и тому подобных хворей. А что? Главная болезнь двадцать первого века. Хворает каждый третий. Никто не спорит, медицина тоже неплохо справляется с оной напастью, но почему бы не попробовать старинные рецепты?

Ну и ревматизм пока никто не отменял. Подозреваю, кстати, что именно для его лечения и был создан данный рецепт. В те далекие времена никаким «тоннельным синдромом» и не пахло, а ревматизм — старинный спутник человечества. Еще с пещерных времен.

Не скажу, что состав был сильно сложный, но вот сам процесс приготовления — это что-то. Компоненты надо было добавлять в плошку по порядку, да еще и с чуть ли не аптечной точностью, каждый в свое время. И это я молчу о прочих мелочах, вроде разной скорости помешивания и силы нагрева.

А тут еще и телефон затеял звонить.

— Да кому там неймется? — разозлился я, мешая «противосольонь, токмо скору быти» в плошке плотную кипящую бурую массу, исходившую на редкость вонючим паром. — Выходной на дворе! Родька, готовь ромашку, сейчас как пузыри начнут лопаться, надо ее всыпать.

— Уже, — изрядно присмиривший после трудового профилактория слуга показал мне мерную ложку, наполненную измельченной пахучей травой, более всего напоминавшей анашу. — Это... Всегда готов!

— Ага. — Я с силой крутанул все более и более густеющую массу, внешне здорово напоминавшую вареную сгущенку. — Ох, и вонючее средство выходит. Не знаю, как насчет лекарственных свойств, но отпугиватель насекомых из него выйдет отменный. Даже тараканы от такой дряни разбегутся. Силыч, может, подбросим маленько этой красоты в подвал четырнадцатого дома, чтобы им всем тошно стало?

В этот момент телефон замолчал, но секунд через двадцать заорал снова.

— Кто ж такой настырный? — заинтересовался я, но в этот момент на поверхности зелья вспучился, а после с хлопком лопнул первый пузырь. За ним начали топорщиться следующие, и я скомандовал: — Родька, сыпь!

Мой мохнатый сподвижник забросил в плошку ромашку, а я тут же, как и было написано в книге, начал зачерпывать вонючий препарат ложкой и выливать его обратно в емкость, приговаривая соответствующее заклинание.

Телефон снова замолчал, а после опять заорал.

— Может, важное чего тебе кто сказать хочет? — предположил Ваила Силыч, который сидел тут же, на кухне и следил за нашими действиями. Ему вообще, похоже, нравилось смотреть на то, как мы варим зелья, особенно если те не были направлены на какие-то нехорошие цели. — Саша, я гляну? Мало ли.

— ... затвори как каменна гора, железный тын, медны ворота, — кивнул я на автомате. — Да алатырь-камень бел да горюч...

— Евгения какая-то, — прочел Ваила Силыч мигающую на экране надпись. — Не помню такой. Полину помню, что к тебе ходила, Татьяну, Александру еще. Такая в очочках, из себя симпатичная. Светлану, понятное дело. А Евгению не помню. С работы, поди?

— Как под камень тот стекла вода, а за ней хвороба-костица навсегда. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди! — закончил я и выдохнул: — Уфффф!

Вроде все. Если нигде не ошиблись, то, когда эта штука остынет, она должна стать цвета «как цвет липовый», и еще сильнее загустеть, до консистенции мази. Кою, как я полагаю, и потребно буде втирать в место болявое. Или болящее. Не знаю, как правильно будет, в старославянском не силен.

— Евгения, — напомнил мне Вавила Силыч и потыкал пальцем в смартфон. — Звонит. Звонила, точнее.

— Даже не удивлен, — сообщил я подъездному. — Эта Евгения если чего и делает, то исключительно не вовремя. Не удивлюсь, что она и родилась вследствие незапланированной беременности.

— Детки свыше даются, — с сомнением высказался Вавила Силыч. — По-другому не бывает.

— Всякое случается, — с видом умудренного жизнью человека сказал ему я.

Вавила Силыч посмотрел на меня как на ребенка и вздохнул, как бы говоря: «Да что ты в свои годы понять можешь?».

Могу. Сейчас время бежит быстрее, чем раньше. В былые времена человек рождался, проживал одну жизнь так, как положено было по укладу предков, и пытался успеть все, что должно. А сейчас — фиг. Каждый из нас плюет на вековую мудрость и проживает несколько жизней, за которые успевает и дров наломать, и глупостей наделать, и богатство узнать, и нищеты хлебнуть. Причем частенько он все это успевает сделать за довольно короткий отрезок времени, потому как срок жизни существования человека на планете сократился изрядно.

Одно плохо — несмотря на все вышеперечисленное, мало кто из нас успевает оставить после себя хоть какой-то след. Потому что живем хоть и ярко, но бессмысленно и бестолково, как бабочки-однодневки, не думая о завтра и не сожалея о вчера. Родились, крыльями помахали, добрались до ближайшего большого огня и в нем сгорели. Вот мы есть — и вот нас нет.

Для моего поколения слово «бессмертие» было отменено за ненужность.

Да вот хоть бы меня взять. Сам же себя ругал за то, что занимаюсь какой-то фигней здравоохранительного толка, а о собственной безопасности, вещи, в общем-то, необходимой, совершенно не думаю. И чем дело кончилось? А ничем. Перелистал книгу, поискал ответ, не нашел его в ней — и все.

Теперь вот стою, мазь от ревматизма варю, надеюсь на то, что подсказка с неба свалится. Хотя с другой стороны — а что я могу сделать? Ну вот правда — нет в книге ничего, что бы я мог поставить себе на службу в плане самозащиты. Ни заклинания, которое мне поможет из руки молнии пускать, ни рецепта порошка, который можно было бы вражине в рожу метнуть и тем самым превратить его... Ну не знаю... В барана. Нет ничего такого. Ни в старых записях, которые я не по разу прочел, ни в новых, которые время от времени появляются.

Даже выкройки костюма «Суперведьмак» — и то нет. Не быть мне супергероем, не нарисуют про меня комикс.

Зато обратил внимание на интереснейшую деталь — ни одна запись из тех, где я собственноручно поставил хоть какую-то пометку, не пропала. Вот такой интересный факт. Но это единственное открытие, которое можно занести в актив. Остальное... Грусть-печаль.

В общем, в очередной раз убедился в том, что реальный мир — не компьютерная игра, где все просто и понятно.

Вопрос — и вот чего мне в свете всего вышесказанного делать? Сидеть и горевать? Так я лучше мазь от ревматизма изготовлю по вновь появившемуся рецепту, это правильнее, чем себя жалеть. Когда работаешь, тогда мысли глупые в голову меньше приходят.

Хотя от них все равно никуда не денешься, особенно вечером, перед тем как заснуть.

Вертятся в голове, вертятся, точат мозг, нагоняют страх. И перед теми тремя, кто хочет моей смерти, и перед колдуном, который засел где-то в Европах. Хотя самый большой страх — он другой. Он перед неизвестностью, перед всеми теми, кого я еще не знаю, но которые непременно придут за моей головой. Не могут не прийти. За каждым моим предшественником кто-то да пожаловал, за кем раньше, за кем позже.

А умирать-то не хочется.

Мне вчера даже подумалось о том, что хоть бы Морана приснилась, чтобы у нее совета спросить. Ну не может быть так, чтобы все вокруг одного ножа строилось, правда? Должны же быть еще какие-то способы эффективной самообороны себя любимого?

Не пистолет ведь мне покупать, правда?

Но не приснилась. Жаль.

Зато вот Женька нарисовалась. Не прошло и года.

На самом деле это хорошо, что она прямо тогда не перезвонила. Если бы это случилось, мы бы еще кучу глупостей друг другу наговорили. У меня тогда нервы как канаты напряжены были, поскольку больно дни выдались чумовые, так что сорвался бы я наверняка.

А так — отошел, остыл, поразмыслил и пришел к выводу, что, скорее всего, отдел тут ни при чем. Больно сложно выходит. Сдается мне, что если бы они хотели меня прищучить, то сделали бы это по-другому. Зачем такие сложности? Чего им стоило меня заманить куда-нибудь, и там по-быстрому удавить? Да вон хоть бы даже в приснопамятный Южный порт, где не то что тело одного ведьмака можно спрятать, а целую армию, вместе с бравым фельдмаршалом, лекарями, барабанщиками и обозными шлюхами.

Так что вряд ли это они. А, значит, и ругаться с ними мне не с руки. Более того — это невыгодно. Не исключено, что именно отдел в какой-то момент будет тем самым единственным щитом, за который я смогу спрятаться.

Но при этом с Женькой я разговаривать все равно не хотел. С Николаем — да, это другое дело. А с ней — нет.

Может, потому что вместо Мораны нынче ночью мне она приснилась? Да еще и в таком сне, который не то что детям до шестнадцати, а и подросткам до восемнадцати показывать нельзя.

Главное — с чего бы? Ясно, как божий день, что у нас с ней ничего быть не может. И мне это ни к чему, и ей подобное нафиг не нужно. Все мы друг другу тогда, у ее подъезда, уже сказали.

Правда, набрать ее все-таки следует. Может, узнаю, когда Нифонтов вернется. Думать что-то все равно нужно. В конце концов, отдел этот не пальцем деланный, у них наверняка какие-то информаторы есть, связи и знакомства. Пусть пошуршат по ним. А я потом, ладно уж, отработаю этот должок.

Самолюбие — это прекрасно. Но я предпочту остаться живым.

Трубку Мезенцева сняла моментально и сразу же начала на меня орать. Предсказуемо и от души.

— Ты точно кретин! — на уровне ультразвука заявила она мне. — Ты вообще отдупляешь, что я успела подумать за то время, которое тебе названивала?

— Занят был, — кротко объяснил ей я. — Серьезно. Никак не мог подойти.

— Долбоящер, — чуть снизила обороты она. — Я уже такси вызвала, собиралась к тебе ехать.

— Ну-у-у-у, — мне вновь вспомнился недавний сон. — В принципе, ничего не имею против. Думаю, мы найдем чем заняться. Ну да, цели визита немного поменяются, но это же не страшно?

— Идиот, — констатировала Мезенцева. — И с фантазией у тебя туго, прямо как у моих одноклассников. Они такими подкатами пользовались еще во времена, когда я училась в нашей городской очень средней школе.

— Чем богаты, — буркнул я.

— Смолин, по этому поводу я тебе уже все объяснила, — подтвердила мои недавние мысли Евгения. — Так что давай из пустого в порожнее не переливать, хорошо? Но встретиться нам надо бы. Есть разговор — и очень важный. Для тебя в первую очередь важный. Нет, если ты до сих пор опасаясь нашей службы и считаешь, что именно мы охотимся за твоей головой, можно поговорить и по телефону, но...

— Не считаю, — оборвал ее я. — Посидел, подумал... Не, это не вы. Там люди с фантазией работают, а у вас с ней скудно.

— Вот ты скотина! — возмутилась Женька. — А мы, значит, прямолинейны как... как... Как бревно?

— Снова неудачно пошутил, — произнес я. — Не задался сегодня день в плане сатиры и юмора.

— В этом плане у тебя жизнь не задалась, не то, что день, — съязвила Мезенцева. — Ну так что, пересечемся? Причем желательно чем быстрее, тем лучше.

— Мои дела настолько плохи? — подобрался я, забыв о шутках юмора.

— Да нет, — Женька явно злобно улыбнулась. — Просто сегодня суббота, выходной. Я готова пожертвовать тебе дневное время, но не вечернее. У меня, знаешь ли, есть личная жизнь, в отличие от некоторых.

— У тебя — личная жизнь? С твоим характером? — осознавая, что она меня сейчас подколола, я решил не оставаться в долгу. — Не льсти себе. Не надо называть один-два часа общения с противоположным полом «личной жизнью». На более длительный отрезок времени тебе рассчитывать не стоит.

— Оставить пистолет в сейфе, оставить пистолет в сейфе, — пробормотала несколько раз Евгения. — Не переживай, Смолин, это я не с ума сошла, это я себя пытаюсь настроить на

позитив. Точнее — на негатив. Позитив — это взять пистолет с собой и прострелить тебе голову. Дважды! Нет, даже трижды!

— Добрая ты, — всхлипнул в трубку я. — Человечная.

— Добрая-до-о-обрая! — пропела девушка. — Ладно, не тяни kota за причинное место. Встречаемся?

— Само собой, — я глянул в окно. Там моросил нудный октябрьский дождь и ветер трепал остатки листвы на деревьях. — Вот ты меня убить желасешь, а я ради тебя в сырость готов ехать. В самую что ни на есть слякоть. Не ценишь ты этого, Мезенцева, не ценишь.

— Через полтора часа в «Садовой галерее» на Сухаревской, — не среагировала на мой очередной выпад Женька.

— «Галерея» большая, — задумчиво заметил я. — Мне доводилось там бывать. Одних эскалаторов сколько! Час ходить будем — и не встретимся.

— Там есть ресторан «Пламя», — приторно-сладко проворковала оперативница. —

Хорошее место, хорошая кухня, прямо-таки авторская. Хотя — о чем я? Откуда у тебя денежка на такое место? Ладно уж, давай в «Макдаке». Тебе там и привычней будет.

— Таковую девушку — и в «фастфуд» вести? — еще слаще возразил я. — Да за кого ты меня держишь? Полтора часа — это овердофига времени. Успею заехать к нелегальным трансплантологам и продать почку. Так что пошли в «Пламя», лучше упасть в финансовую бездну, чем лицом в грязь в твоих глазах.

— Договорились, — прощebetала девушка и повесила трубку.

Вот зараза! И я сейчас не про деньги. Они у меня как раз есть. Их даже больше, чем мне нужно. Тоже вот странная вещь — раньше их не было, а желания были. Теперь деньги есть — а желания кончились.

Может, Светка тогда права была? Может, я и вправду человек без амбиций, устремлений и воображения?

Но то уже хорошо, что я, возможно, и не ошибся насчет непричастности отдела к моим неприятностям. По крайней мере — прямой. Худо-бедно, но я привык видеть в них если не друзей, то, как минимум, не врагов.

Ладно, надо такси вызвать и пойти побриться. Хотя это и не свидание, но все-таки нужно соответствовать.

Самое обидное — я опоздал. Не поспел к назначенному времени. Странное дело — вот вроде суббота, осень, погода такая, что хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Так откуда же пробки? Ну ладно я — понятно, куда еду. Но остальные-то куда? Чего им дома не сидится?

Постоял там, постоял здесь и в результате был в «Садовой галерее» только через два часа после нашего с Мезенцевой общения.

И, естественно, за это получил полагающуюся порцию сарказма. Сразу же, как только плюхнулся на стул с витыми ножками напротив Евгении, неспешно пившей вино из бокала с длинной и тонкой ножкой.

— Запыхался, бедный? — сочувственно произнесла она. — Понимаю. Небось, всех друзей обежал, денег на прокорм меня искал?

— Что-то вроде этого, — пропыхтел я. — Уфффф. Ты уже заказ сделала?

— Выбирала все самое дешевое, — печально вздохнула девушка. — Нет, я могла бы и сама за себя заплатить, но берегу твое самолюбие.

— Жень, шутка хороша один раз. Ну — два. Потом она уже не звучит. Серьезно.

— Да? — поджала губы Мезенцева. — Может, ты и прав. Надо поискать что-то другое.

— Ты заказ сделала? — переспросил я. — Просто в подобных местах мне бывать доводилось, тут обычно изрядно приходится ждать, пока приготовят.

— Да заказала, заказала, — отмахнулась от меня Евгения. — Причем сразу на обоих.

Недостатков у тебя масса, но есть и немногочисленные достоинства. Одно из них — неприхотливость. Я еще в «Герасиме» заметила, что ты ешь все, что дадут, потому решила не мудрить. Ну а если не понравится — закажешь себе сам что-то еще. Я голодная как волк, так что двойную порцию могу съесть. И — ухаживай за мной. Вина вон подлей.

Вино, кстати, она выбрала неплохое, правда — белое. Я предпочитаю красное, оно более терпкое и ароматное.

— Не думаю, что стоит тянуть с основной темой нашего разговора, — сделав глоток из бокала, сказала она мне. — Итак — тебя пытались убить?

— Ну да, — я вздернул подбородок вверх и показал ей синяки, которые остались от пальцев Силуянова, пусть уже и побледневшие, но еще заметные. — Со всем старанием и прилежанием. Чуть кадык не сломали.

— Ты поссорился с Отелло? — вздернула брови вверх девушка. — Или это какой-то ведьмачий ритуал?

— На меня натравили одного кренделя с работы, — хмуро объяснил ей я. — Безопасника, бывшего вояку. Хорошо хоть он не «черным беретом» был, а то не говорить бы мне сейчас с тобой. Те руками убивать куда лучше умеют, чем выходцы из непобедимой и легендарной.

— Не-а, — покачала головой Мезенцева. — Ты, Смолин, себя недооцениваешь. Ну или просто не в курсе, что тебя теперь так просто не убить.

— В смысле? — насторожился я.

— Твое тело... Ну-у-у... Оно немного... Как сказать-то. Перестраивается. Скажем так — ты уже сейчас куда выносливее, чем обычный человек. Не в смысле, что как муравей можешь перетаскивать груз тяжелее, чем твой собственный вес. Просто ты теперь менее уязвим к обычным, штатным повреждениям.

— Все-таки становлюсь супергероем! — обрадовался я. — Суперсила и супервыносливость наше все!

— Клоун! — вздохнула девушка. — Нет, Смолин, ты не супергерой! Пуля в сердце или пуля в голову тебя убьют так же, как любого другого. И яды, и падение с высоты, и утонуть ты тоже можешь. Но при этом, скажем, при удушении, шею тебе так просто не свернешь. И порез на пальце от ножа заживет куда быстрее, чем, например, у меня. Да — силы физической у тебя тоже не прибавится, если в спортзал ходить не будешь. Я как тебя могла раньше ушатать, так и сейчас ушатаю.

Ну последнее не факт, не факт. Но здесь лучше не спорить, а то эта рыжая бестия прямо тут спарринг устроит. И, не дай бог, в самом деле ушатает еще.

— Вот же, — огорчился я. — А я губы раскатал...

— Купи себе трико в горошек, полосатые трусы, яркий плащ и две лейки по двенадцать литров каждая. Непременно синюю и красную, по одной для каждой руки, — посоветовала мне Мезенцева. — И тебе сразу станет веселее.

— Это зачем? — заранее зная, что подставляюсь, спросил у нее я.

— Ну ты же на дачу едешь? — объяснила мне Евгения. — Станешь сельским супергероем, будут звать тебе «Лейкамен». Ты будешь приходить на помощь тем огородам, которые выжигает безжалостное солнце, и спасать их от засухи. Вот так вот руки с лейками скрещивай на груди, а после утробно говори всем и каждому: «I am leikaman».

— Очень смешно, — засопел я. — Убивай мою детскую мечту, коварная, убивай. Мне, может, всегда...

— Все-все-все, — замахала руками Мезенцева. — Я этой хрени в детстве от братьев наслушалась, и от родных, и от двоюродных. Больше не надо мне в этой жизни ни Серебряного Серфера, ни доктора Стрэнджа! Лучше расскажи, с чего ты взял, что мы с твоим злодеем одно целое? Хотя нет, вон салат несут, сначала его съедим. Я нам заказала «брут с куриной грудкой». Это как «цезарь», только «брут».

— Забавно, — хмыкнул я. — Иронично. Так сказать — и ты, «брут».

Следом за салатом принесли закуски, а там и горячее подоспело, так что беседа возобновилась только через полчаса, когда мы, в ожидании десерта, распивали уже вторую бутылку вина.

Я рассказал Мезенцевой все, что счел нужным, при этом, разумеется, обошел стороной свою псевдоврачебную практику и кое-какие детали ночного визита мары. Точнее — про нее я вовсе рассказывать не стал. Сказал, что ко мне приперлась одна неуспокоенная душа, изначально расположенная к тому, кто ее может отпустить на волю. Слабенькая версия, но больше мне ничего в голову не пришло, сколько я в машине не думал. Тем более, что все равно проверить правдивость моих слов не сможет. Всяко это лучше, чем правда, ни к чему ей знать про то, что я сделал на самом деле. Она девочка импульсивная, максималистка, еще начнет объяснять мне, что так с живыми людьми поступать нельзя, со всеми вытекающими из этого подробностями, вроде битья ресторанной посуды и моего лица.

— И ты, конечно, решил, что те две женщины и один мужчина наши сотрудники? — насмешливо спросила она у меня, когда я замолчал. — Ну а как же? Мы мировое зло, только и думаем, как бы кого убить.

— Жень, заканчивай уже глумеж, — попросил я девушку, подливая ей вина. — На то были причины.

— А именно? — уточнила Мезенцева.

— У меня нет врагов, — пожал плечами я. — Нет, то есть они, конечно же, имеются, но они либо не в курсе того, кем я теперь являюсь, либо не подходят под заданные параметры.

— Последнее непонятно, — погрозила мне пальцем девушка, которая, похоже, захмелела.

— Амулеты, — пояснил я. — Меня сбили с панталыку амулеты. Обычные люди их не таскают, а нежити они не по рангу. Нет, есть колдун, тот, что тогда дал жизни и вам, и «фэбсам», но он вряд ли будет заниматься такой ерундой, как моральная обработка Силуянова. Он что-то более пакостное придумал бы.

— Это да, — подтвердила помрачневшая Женька. — Он та еще паскуда. Почитала я его дело — такая жуть.

Обрадовала. А то я без нее не знал, что он тот еще подарочек. Но надо поставить себе галочку в памяти, и потом выпросить это самое дело у Нифонтова на почитать. Я ждал подсказку с неба? Вот она. Как там у китайцев говорится? «Не бойся медлить, бойся остановиться». Может, у меня и нет пока мыслей о том, как мне эффективно себя защитить, но это не повод махнуть на все происходящее рукой.

— Добавь сюда мое шаткое душевное состояние в тот момент, и получишь то, что случилось, — продолжил я. — Тем более, что методы у этих граждан чем-то схожи с вашими — найти простодушного дурака и отправить его в огонь, а самим стоять в стороне и смотреть на это.

— Не перегибай, — жестко попросила меня Евгения. — Ну да, бывает всякое, случается, что кого-то мы используем, не спорю. Но, поверь, свои головы под удар мы подставляем куда чаще, чем чужие. Просто ты этого не видишь и не знаешь.

— Может, и так, — согласился с ней я. — Все вышесказанное строится только на личных наблюдениях.

— Сейчас опять поссоримся, — пообещала Мезенцева. — Причем сильно. Я и так обидчивая, а алкоголь у меня всегда усиливает данное качество.

— Тогда предлагаю сделать тайм-аут и поторопить официанта с десертом, — предложил я.

— Странно. — Евгения поправила рыжую прядь волос, упавшую ей на лоб, и забавно наморщила свой носик с еле заметными в это время года веснушками. — Не складывается у меня что-то. Вот ты говоришь, что неуспокоенная душа как-то узнала про злые помыслы этого вашего... Как там его?

— Безопасника, — подсказал я. — И?

— А с чего она к нему вообще полезла? — наморщила лоб девушка. — Как тебя потом нашла? Вообще — как душа смогла проникнуть в мысли живого человека?

Блин, в моих планах эта версия выглядела куда пристойнее. Серьезно. А на деле она разлетелась вдребезги.

Хреновый из меня стратег. Никакой просто. Не мое это, похоже. Врать научился хорошо, а вот выстраивать защитную версию по уму пока нет.

— Может, потому что это была вовсе и не душа? — произнес за моей спиной совершенно незнакомый мужской голос. — А, Александр? Ну если напрямому?

Глава десятая

В ситуациях, когда ответить что-то надо, а желание делать это отсутствует, я предпочитаю промолчать или же сказать нечто отвлеченное от темы разговора. Ну да, со стороны это иногда выглядит достаточно неприглядно, но лучше прослыть странноватой личностью, чем потом расхлебывать неприятности, возникшие оттого, что ты брякнул нечто ненужное, перед этим не подумав. Разумеется, подобное не относится к службе. Там хочешь — не хочешь, а отвечать начальству, которое ждет от тебя какой-то реакции на свой вопрос, нужно. И странноватым там выглядеть тоже не стоит. По крайней мере — часто. Хотя, с другой стороны, смотреться лихим и придурковатым лицу подчиненному пред лицом начальствующим рекомендовал еще царь Петр, а уж он-то в вопросах построения корпоративных структур и в эффективном менеджменте разбирался будь здоров как! Но здесь не служба, а тот, кто задал вопрос, мне точно не начальник. Я вообще не знаю, с кем имею дело.

— Тысячекратно извиняюсь, а вы кто? — повернувшись, спросил я у нежданного собеседника, попутно оглядев его с головы до ног.

— Ровнин, — чуть наклонив голову, отрекомендовался незнакомец. — Олег Георгиевич. Коллега и руководитель вашей спутницы.

Моя спутница тем временем отодвинула от себя недопитый бокал, выдала белозубую улыбку и вообще всем своим видом давала понять, что она девушка из разряда «я не такая, я жду трамвая», и спиртное она употребляет исключительно потому, что я ее заставил это делать. Возможно, даже под дулом ее собственного пистолета.

Как видно, суровый начальник этот самый Ровнин Олег Георгиевич, если даже пропитанная донельзя духом бунтарства Евгения сразу стала милой и тихой. А по нему и не скажешь. Так вот глянешь — как есть рафинированный интеллигент университетского разлива, профессор там или доцент. Точнее, такой, какими их показывают в кино.

Неплохой костюм, модный, кремового цвета плащ, висящий на руке, в тон подобранный галстук, очки в золоченой оправе, усы, когда-то подтянутая, а теперь немного оплывающая фигура. И это лидер бесстрашных бойцов с нечистью и нежитью? А где шрам через все лицо? Почему все пальцы на месте?

Нет, чего-то я в этой жизни не понимаю.

— Я присяду? — все так же негромко, но утвердительно произнес Ровнин и, дождавшись моего приглашающего жеста, занял пустующий стул, стоящий у нашего столика. — Просто предмет вашей ученой беседы настолько интересен... Кхм... Извините, не удержался.

Ситуация просто идеальная для этой фразы.

— Ничего не понимаю, — сообщил я Женьке. — Мы разве ученую беседу вели?

Та сделала круглые глаза, давая мне понять, что она тоже не в курсе, но это не так и важно.

— Не берите в голову, Александр, — посоветовал Ровнин, закидывая ногу на ногу. — Это непринципиально. Речь о другом. Так все же кто вам рассказал о том, что на вас объявили охоту? Ваша первая версия, увы, неубедительна.

— А мне необходимо отвечать на ваши вопросы? — не заботясь о том, что это может прозвучать резко, поинтересовался я.

— Мне думается, это в ваших интересах, — доброжелательно ответил мне Ровнин. — Тем более что я прямо здесь и прямо сейчас могу вам со всей ответственностью заявить, что никто из моих сотрудников даже не думал причинить вам какой-либо вред. Ну кроме разве Евгении, которая за что-то вас крепко невзлюбила, и даже жаловалась одной своей коллеге на то, что вы... Как же там было... «Дубина стоеросовая этот Смолин, с огнем играет. Вот убить его, дурака за это — и не жалко будет. Так вот сама взяла бы...».

— Олег Георгиевич! — возмущенно воскликнула Мезенцева — Ну кто вас за язык тянул?

— Было ведь такое? — наставил на нее указательный палец Ровнин — Было. Но, согласитесь, Саша, что здесь злого умысла нет вовсе никакого. Это, скорее, беспокойство за вас, причем, я бы сказал весьма и весьма личного свойства. Не побоюсь этого слова...

— Олег Георгиевич! — с еще большим негодованием снова подала голос Евгения.

— Хорошо, побоюсь, — покладисто согласился ее шеф. — И, тем не менее, Саша, отдел, который я возглавляю, не карающий меч, не новая инквизиция. Наша задача такая же, как и у иных правоохранительных органов — сделать так, чтобы людям ничего не угрожало, и они могли спокойно жить и спокойно спать. Просто профиль немного отличается, а так все то же самое. И вы, Саша, входите в число этих людей, по крайней мере до тех пор, пока не начнете сеять налево и направо смерть и разрушения. Но мне что-то подсказывает, что подобным вы занимаетесь не планируете. Я ведь ничего не путаю?

— У меня такое в перспективах не значит, — почесал затылок я. — Да оно мне и не надо.

— Ну вот. — Ровнин повертел головой. — Н-да, совсем нас, курильщиков, в резервации загнали. Сейчас бы трубочку выкурить, ан нет. Нельзя. Ладно, выпью кофе. Молодой человек!

Пока шеф отдела 15-К объяснял официанту, какой именно кофе он хочет, я так и эдак пытался понять, как вести себя дальше.

Да, внешне он дружелюбен. Да, располагает к себе. Но это далеко не показатель добросердечия и человеколюбия, мне ли того не знать. Вон, Пиночет тоже на вид милого гномика в забавной огромной фуражке напоминал, а сколько крови при этом пролил? Да и Наполеон на портретах смахивает на мишку Тедди. Но попробовал бы ему кто-то это сказать!

— Вы знаете, Александр, — закончив с официантом, обратился ко мне Ровнин. — Я, наверное, не с того наш разговор начал. Вон вы какой напряженный сидите. Полагаю, мне следовало изречь некую преамбулу, из которой вы поняли бы, что я про вас знаю много, и это многое меня лично к вам очень располагает. Еще можно рассказать о той головоломке, которую я устроил Нифонтову, узнав о его поступке во время съемок «Магического противостояния». Поверьте, за подобную инициативу он у меня получил так, что...

Хорошо, в общем, ему было. Кстати, госпожа Мезенцева полностью разделила тогда мою точку зрения, поскольку ваша персона, как я уже говорил, ей небезразлична. Не так ли, Женья? Как вы тогда сказали? «Колька, ты полный...»

— Это был аффект, — быстро сообщила мне Женька. — Да и нечестно он поступил. Я за правду!

— Да-да, — подтвердил, улыбнувшись, Ровнин. — Как и я. Как, полагаю, и наш собеседник. Александр, вы же за правду?

— Как любой нормальный человек, — согласился я. — Мы все за всё хорошее.

— Так вот — я мог бы все это сказать, но зачем? Вы, насколько мне известно, работаете в финансовой сфере, а значит, лозунг «время — деньги» вам далеко не чужд. Потому я позволил себе сразу перейти к делу.

— К какому именно? — уточнил я.

— Как же? — сверкнули стеклышки очков Ровнина. — Я попробовал узнать, кто именно принес вам весточку о грядущей беде. Вы мне так и не ответили на этот вопрос. А именно это и есть отправная точка того разговора, ради которого я сюда и пришел. Саша, это как у врача. Если вы не говорите ему о симптомах, он не поставит верный диагноз. Так кто? Морок? Перевертыш? Кого вы поставили к себе на службу?

Я прямо разрывался на части. С одной стороны, этот человек был мне полезен. Да, он был большой хитрец, это было понятно сразу. Но при этом и внутреннюю силу его я ощущал почти физически. Да оно и понятно — руководить такой организацией как отдел 15-К абы кто не мог. Там только такой и нужен. И знает он много. Очень много. Я смог бы получить ответы на многие вопросы.

С другой... Не люблю я откровенничать с людьми, которых впервые в жизни вижу. И кто знает, как он отреагирует на то, что я сделал. Это обстоятельство, пожалуй, даже перетягивало остальные.

В общем — и хочется, и колется. И непонятно, что выгоднее — молчать или говорить.

— Мара, — помолчав еще с минуту, нехотно произнес я. — «Сонливица».

— Даже так? — Ровнин побарабанил пальцами по столу. — Удивили, Саша, удивили.

Причем здорово.

— А мара — это кто? — спросила у него Мезенцева. — Я про такую не слышала.

— Неудивительно, — ответил ей Ровнин. — Эта нежить встречается нечасто и следов не оставляет. Саша, тот, на кого вы наслали мару, умер?

— Да господь с вами! — отмахнулся я. — И в мыслях не было. Так, поугубил одного особо ретивого господина, который мне покою не давал.

— И все-таки — мара? — укоризненно произнес шеф Женьки. — Не жестко ли?

— Челюсть, — ткнул я себя пальцем сначала в лицо, а после в спину. — И почки. И кулак у него ого-го какой! Я человек терпеливый, но всему есть предел.

— Аргумент, — признал Ровнин и благосклонно кивнул официанту, который принес ему кофе и пирожное «картошка» на тарелочке. — Не спорю. Но повторю свой вопрос — этот человек остался жив? Прямого ответа вы мне так и не дали.

— Разумеется, — отчеканил я, а после оттянул ворот «водолазки», показав ему горло, где еще сохранились следы пальцев Силуянова. — И к сожалению. Вот, чуть не придушил меня третьего дня. Боролся со злом в моем лице.

— Офигеть, — протянула Мезенцева. — Это что же за человек такой?

— «Безопасник» наш банковский, — пояснил я. — Живет по принципу «ни минуты простоя». Когда некого из чужих дубасить, своих терроризирует.

— Всегда полагал, что работа в банках не так хороша, как про нее рассказывают, — сообщил нам Ровнин.

— Правильно делали, — поддержал его я. — В ином террариуме жить безопасней, чем у нас.

— Значит, мара, — Олег Георгиевич выдал очередную настольную дробь своими тонкими пальцами. — Ну да, эти вытаскают из жертвы что угодно. И сразу новый вопрос — с чего она вам решила помочь? Эти существа лишены чувств. Ни благодарность, ни сострадание, ни жалость им неведомы. Почему она пришла к вам и вот так вот все выложила? Точнее — какую сделку предложила? Новые жертвы в обмен на информацию?

— Никакой сделки не было, — покачал головой я. — Пришла и рассказала. Всё.

— Не всё, — глянул на меня поверх очков Ровнин. — Так не бывает, и я это знаю наверняка. Мары — хищницы, очень умные, очень хитрые и расчетливые. Их невозможно приручить. Только сделка. Больше их ничего не сдержит. Правда, условия ее они, как и любая иная нежить и нечисть, выполняют честно, не юля. Но если все же отыщут брешь в договоре, то беды не миновать.

— Не было сделки, — твердо заявил я. — Пришла и сказала.

— Не было сделки, не было сделки. — Ровнин отпил кофе. — Тогда я чего-то не понимаю.

— Тоже мне, новость, — фыркнул я. — Для меня данное состояние вообще в последнее время норма вещей. Я не понимаю больше, чем понимаю. Например — кто меня хочет убить и за что? Сначала я подумал, что это какие-то ведьмы меня невзлюбили за то, что я просто есть. После грешил на колдуна. Ну того, что кучу народа недавно перебил, а после в Европы свалил. Потом — на вас. А теперь вообще не знаю, что предположить и на кого подумать.

— А поведайте мне дословно, что сказала вам мара, — попросил Ровнин. — Вот прямо до запятой.

Я выполнил его просьбу.

— Амулеты, — выслушав меня, немедленно произнес Олег Георгиевич. — Это самая большая странность в данной истории. Отпадают не только ведьмы, но и большинство обитателей ночи, включая ваших собратьев по роду. И колдун тоже. Он, пожалуй, даже в

первую очередь. Это не по его части совершенно. Да и не стал бы он мстить так примитивно, там товарищ с фантазией. К тому же в Россию он не возвращался, это сто процентов. И раньше весны-лета следующего года точно не вернется, ручаюсь за это. В общем — вся вышеуказанная публика тут ни при чем.

— А не озвучите ход вашей мысли? — попросил я. — Для полного понимания. Тем более что вы сейчас разрушили выстроенную мной теорию, которая казалась очень даже стройной.

— У вас есть амулет? — ответил вопросом на вопрос Ровнин. — Ну хоть какой-то?

— Нет, — развел руками я. — Откуда? Я ведьмак без году неделя.

— Это верно, — согласился мой собеседник. — Но ваш предшественник, да пребудет он в Свете, был ведьмак опытный, матерый. Вы в его доме провели не один день, и нашли хоть что-то похожее на обереги, амулеты и тому подобный хлам? Уверен, что нет.

— У меня там есть Антипка, — возразил ему я. — На редкость домовитый домовый. И скряга жуткий. Мог припрятать, он та еще сволочь.

— Хорошо, — потер ладони Ровнин. — А ведьмы? С ними вы тоже дело имели и не раз. Вспомните — ничего такого у них на шеях не висело?

— Не висело, — подтвердила Мезенцева. — Я тоже ведьм видела, в количестве трех штук. Перстни были, а амулетов или даже ожерелий каких — нет. Я их шею очень хорошо разглядела тогда, а память мою вы знаете.

— Детям Ночи не нужна заемная сила, — медленно произнес Ровнин. — Они привыкли полагаться только на себя, не прибегая к чему-то, что может подвести в самый нужный момент. Только свое, то, на что можно положиться. Сила, заклинания, природный дар. Кстати, я сам исповедую тот же принцип и советую сотрудникам идти данной дорогой. Женя, это я для тебя сейчас сказал. Ты со своим пистолетом вечно носишься, как не знаю кто.

— Это табельное оружие, — насупилась девушка. — Оно нам положено по штату, я его ношу. Отстаньте.

— Носи, — вздохнул Олег Георгиевич и доверительно мне сказал: — Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы по обоюдному согласию.

— Это да, — признал я. — Так какой же вывод?

— Выводы делать рано, — Ровнин допил кофе. — А вот первые соображения можно и огласить. Итак. Это не мы, и это, с огромной долей вероятности, не порождения ночи. Значит?

— Значит? — повторил я за ним.

— Думай, кто тебя так не любит из людей. Смертных. Обычных, — вместо своего шефа сообщила мне Мезенцева. — Смолин, ну ты и тупой!

— Евгения, — укоризненно произнес Олег Георгиевич. — Мне за тебя стыдно!

— Она всегда такая, — рассеяно заметил я, обдумывая слова девушки. — Из людей? И чтобы с амулетами? Да кто же это такие? Может — масоны какие? Иллюминаты? Тамплиеры? Вольные, прости господи, каменщики?

— Масоны — это сила, — засмеялся Ровнин. — Были когда-то. Теперь это коммерческая организация с уставом, членскими взносами и красивыми ритуалами за дополнительную плату. Тамплиеров тоже можешь вычеркнуть из списка, как, впрочем, и инквизицию, которую ты даже не упомянул. Тамплиеров несколько веков как не существует, а инквизиции ты точно не интересен. Прости, Саша, но ты для нее даже не мелковат. Там другое слово подойдет. И сразу — не спрашивай, не отвечу. Тебе данная информация ни к чему.

— Ну тогда у меня нет больше версий, — запечалился я. — И это плохо.

— У меня тоже, — добавил мне грусти Ровнин. — Но это не значит, что надо падать духом. Мне есть к кому обратиться по данному вопросу, и я это сделаю сегодня же. Может, что-то и прояснится. И еще вот что. Саша, не забывай, что эти люди тебя боятся. Тебя или кого-то, кто рядом с тобой.

— Меня? — изумился я. — С чего вы взяли?

— Эти люди не стали действовать напрямую, — пояснил Ровнин. — Если бы они ощущали за собой силу, то не искали бы проводника своей воли, а просто пришли и убили тебя. Может, просто и незамысловато, или наоборот — изощренно и мучительно, это непринципиально. Но — нет. Был выбран длинный и очень непредсказуемый путь. Вывод — неизвестные чего-то опасаются. Я склонен думать, что боятся они именно тебя и твоей силы. Ты все же ведьмак, то есть — серьезный противник. И неважно, что ты пока подходишь под описание «зелен виноград». Ведьмак есть ведьмак.

— Противник, — шмыгнул носом я. — Ни молнией шваркнуть не могу, ни огненный шар запустить. Только нож один и есть.

— Ты просто еще не научился использовать то, что получил, — по-отечески заметил Ровнин. — Поверь, тот путь, который ты избрал, предоставляет такое количество способов защитить себя, что только ахнуть можно. Ты мостик между миром мертвых и живых, Саша. Можно туда, можно оттуда. Хотя последнее не советую проделывать, может выйти боком. Причем ты первый ведьмак с таким талантом, с которым я познакомился лично. В отделе работаю давно, а вот, не встречались мне такие, как ты. Раньше, в старые времена, они появлялись на свет чаще, тогда то, что наши предки называли «кромкой», было ближе к Яви, чем сейчас, и проводники душ были куда более востребованы. Стоп!

Ровнин остановился, снял очки, протер их и снова нацепил на нос.

— Ну конечно же! — совершенно по-мальчишески рассмеялся он. — Мара. Кто же еще? Порождение повелительницы посмертного мрака, гибельного холода и непроглядной ночи. О какой сделке тут может быть разговор? Это зацепка, простая и банальная. Завязка разговора.

— Сашк, только мне неясно, о чем Олег Георгиевич сейчас сам с собой говорит? — громким шепотом спросила Женька. — Или ты тоже ничего не понимаешь?

— Погоди, — посоветовал я ей так же. — Может, объяснит еще!

— Молодые люди, не старайтесь выглядеть несмышленишками, — попросил нас Ровнин. — Думаю, что все вы поняли. Ну или почти все.

— Я — нет, — помотала головой Женька. — Далеко не все.

— Морана, — веско произнес Ровнин. — Это имя ты не могла не слышать. Допускаю, что его не знает наш друг, но ты...

— Он тоже знает, — быстро произнесла Мезенцева. — Он о ней меня даже расспрашивал.

— В самом деле? — стекла очков снова блеснули в электрическом свете, заливавшем зал ресторана. — Как любопытно.

— Да просто про Морану тогда призрак в Южном порту упомянул, вот и стало интересно кто она такая, — даже не стал скрывать правду я. — Собственно, это и все. Кстати, призрак тот ее ведь не Мораной называл, а Марой. Только сейчас вспомнил.

Вот про что я точно не стану ему рассказывать, так это про свои отношения с Мораной. И не только ему, а кому-либо еще из смертных. Это только мое дело и больше ничье. К тому же, как мне кажется, Ровнин не очень ее жалуется.

— Ну данную сущность как только не называй, смысл от этого не изменится. — Олег Георгиевич потер лоб. — За ней всегда стояли смерть и страх. Очень, знаете ли, неприятное существо эта Морана, если верить древним хроникам и летописям. И, кстати, твоих собратьев-ведьмаков, Саша, она очень и очень жаловала, что в принципе, объясняет визит мары к тебе. Так сказать, остаточное явление. Использовать то, что нужно для хозяйки, даже если той больше и не существует. Для нежити вроде мары понятия времени ведь нет, ей что дохристианские времена, что наши дни — все едино. Душа людская осталась той же, страхи человеческие, которые она пьет, тоже не изменились, и установки, что ей некогда дала владычица, остались те же. Если есть возможность — удружи ведьмаку, а лучше — сделай его должником, чтобы проще было его заполучить. Твои предшественники не спешили отвечать Моране на ее любовь, насколько мне известно.

— Почему? — немедленно спросил я.

Это был один из тех вопросов, которые мне не давали покоя.

— Ведьмаки, по сути своей, не зло, — помолчав и снова побарабанив пальцами по столу, ответил Ровнин. — Они, если можно так сказать, нейтральны. Стоят где-то посередине между миром Дня и миром Ночи. Иногда кто-то из них склоняется в одну сторону, кто-то в другую, но это допустимая погрешность. Но тьма — не для них. Им не нужна кровь для существования или страдания людские для того, чтобы усилить свою мощь. Морана же — темная богиня. Нет-нет, не говорю, что это зло в чистом виде, его идеального, знаете ли, вообще не бывает, равно как и всеобъемлющего добра, но тем не менее Морана богиня темная, сиречь — злая. В любом пантеоне богов есть злые и добрые сущности — что у греков, что у скандинавов, что у... Не знаю... Японцев. И наши онучи ихних не вонюче. У нас тоже все было по-взрослому. Имелись светлые Жива, Лёля, Ярило и иже с ними. А к ним, разумеется, прилагалось противостояние в виде Триглава, Недоли, Вия и, разумеется, Мораны.

— Вия? — даже открыла рот Женька. — Это который «поднимите мне веки»?

— Ну Гоголь знал, откуда материал черпать, — веско произнес Ровнин. — Думаю, консультировался с кем-то из наших. Вий, моя юная сотрудница, это не просто какой-то книжный или сказочный персонаж, а вполне серьезная личность из древнеславянского прошлого, функционер не из последних. Владыка подземного мира, главный тюремщик Пекельного царства и первый воевода Чернобога, так-то. Слушай, Мезенцева, ты хоть нормативку почитай. Нифонтов вот, когда был в твоих чинах, только и делал, что старые дела лопатил и черпал знания откуда только можно. Я понимаю, бегать с пистолетом куда

веселее, опять же выглядишь ты при этом привлекательно, но основы вызубрить нужно. Понятно, что вся эта публика канула в прошлое давным-давно, но вот, всплывают же последние, правда? И тут уже не надо гадать. Надо знать.

— Правильно, — поддержал его я, вызвав негодующий взгляд Евгении. — Вот мне бы в ваши архивы попасть, я бы оттуда вообще не вылезал.

Чистая правда. Сдается мне, там много интересного можно узнать. Интересно, Ровнин как-то отреагирует на мои слова?

— Так вот — Морана, — как ни в чем не бывало продолжил Олег Георгиевич, проигнорировав и мой не слишком завуалированный намек, и надутые губы Мезенцевой. — Она была властна и жестока, потому Белобог закрыл ей дорогу в Явь, то есть мир людей, оставив навеки за кромкой, в Нави. Ее слуги — те могли бывать и там, и там, но это все была нежить, в лучшем случае — нечисть. Им было подвластно многое, но далеко не все. Какие-то вещи могли сделать только те, в ком пульсирует живая кровь и имеется душа. И вот тут Морана заинтересовалась ведьмаками. А если конкретнее — поводырями мертвых. Из всей магической людской братии только они могли физически пересекать границу Нави и Яви, поскольку, избрав путь служения мертвым, по сути присягали на верность обоим мирам, а значит, получали право жить и там, и там. Хотя нет, я неверно выразился. Скорее — они получали ключ от двери, ведущей в Навь, и могли время от времени заходить туда в гости. Вот ты достаточно пренебрежительно высказался о своем ноже, а зря. Он ведь не только оружие. Он и есть ключ к дверям, ведущим в то место, которое наши далекие пращуры называли «кромка». По крайней мере, мне рассказывали так.

— Это как у волкодлаков? — оживилась Женька. — Ну когда они втыкают нож в дубовый пенек и через него сигают, чтобы обернуться волком!

— Технологию процесса не знаю, думаю, он посложнее, — с улыбкой ответил ей Ровнин. — Но в чем-то ты права. Если тебе очень интересно, поговори об этом с тетей Пашей. Все вышесказанное я узнал от нее как раз в твоем возрасте. Насколько я понял, этой темой в свое время немного занимался Барченко, когда разыскивал исходный текст «Голубиной книги», а этот человек докапывался до истины как никто другой. Даже если между ним и этой истиной лежали тысячелетия.

— Так-то интересно, — пробурчала Евгения. — Только я ее боюсь. Тетю Пашу, в смысле. Не знаю, кто такая эта тетя Паша, но я бы лично из нее все вытряс, до последнего словечка. Вот только, боюсь, такой возможности у меня не будет.

И надо непременно будет узнать, что это за Барченко такой. А еще лучше — попробовать с ним пообщаться.

— Понимаю и разделяю, — одобрил слова Женьки ее начальник. — Я, если честно, и сам иногда ее опасаюсь. Вроде уже и в руководство выбился, а все равно, когда она на меня ругается, ощущаю себя мальчишкой-стажером.

— А что дальше? — поторопил я его. — Ну с Мораной и древними ведьмаками?

— Морана понимала, что они идеальные проводники ее воли в мире смертных, — продолжил Ровнин. — Естественно, захотела прибрать их к рукам. Но ведьмаки были ребята не глупые и прекрасно понимали, что служение такой сущности к добру не приведет. Что их ждало? Кровь, смерть, людская злоба и в финале костер. Кому охота гореть заживо? А в обмен на это все весьма сомнительные перспективы невеселого посмертия где-то в Пекельном царстве. И это в лучшем случае. Потому они посылали ее куда подальше. Кстати — именно тогда и началось противостояние ведьм и ведьмаков. Ведьмы служили родным братьям Мораны и, как это сейчас принято говорить, «впряглись» за нее. Потом причина конфликта забылась, а вражда осталась.

Надо признать, те ребята были поумнее меня. С другой стороны, они были вооружены знаниями, а я — нет. Теперь знания у меня есть, пусть и куцые, но что делать — непонятно. Одно хорошо. «Да» я тогда Моране не сказал. Подумать обещал — это было, но не более того.

И, скорее всего, теперь она от меня его и не дождетя.

— Вот как-то так, — закончил свою речь Ровнин. — И напоследок, Саша, я вам скажу вот что. Для нас тысячелетия — это бездна времени. Для обычного человека даже то, как жил его прадед — древность невозможная, хоть их и разделяют какие-то 60–80 лет. Пустяк ведь, да? По сути, тень от песчинки в часах вечности. Но то для обычных людей. А для тех, кто живет под солнцем мертвых, время совсем другая величина. Для той же мары пара тысяч лет — один миг, дневной сон между обедом и ужином. И если о чем-то люди совсем забыли, это не значит, что этого нет. О чем-то или о ком-то. К чему я это говорю? Будьте осторожны. Те трое неизвестных, колдун, которого вы поминали — это все ерунда против наследия ушедших эпох.

Он или знает, или догадывается.

Или берет меня на «пушку».

В любом случае — это предупреждение. Пока — дружеское, пока — доброжелательное. Но — предупреждение.

— Что до мутной троицы — подумаем, — уже другим тоном продолжил глава отдела 15-К. — Я кое-кого поспрашиваю, опять же скоро Паша с Нифонтовым вернется, у них агентурная сеть поболее моей будет. Знаете, Саша, когда становишься начальником, многие связи теряются. Волка ноги кормят, а я все больше в кабинете теперь сижу. Так о чем я? Ах, да. Подумаем, поищем. Ну а если у вас будут новости — вот моя визитка, звоните не стесняясь, если что. Да и вообще, если будет желание пообщаться, я всегда к вашим услугам. Отдел, господин Смолин, добра не забывает. И тех, кто входит в число его друзей, всегда готов прикрыть и защитить. Любой ценой.

— Надеюсь, я вхожу в число друзей отдела?

— Иначе меня здесь сейчас не было бы, — очень светло улыбнулся Ровнин. — Ну все, честь имею. Дела, дела.

Он бросил на стол крупную денежную купюру, прихватил со спинки стула свой кремовый плащ и был таков.

— За что я люблю нашего начальника? — глубокомысленно произнесла Женя. — За его постоянность. Всегда вот так — появится, расскажет пару-тройку занимательных преданий старины глубокой, напустит тумана и уйдет, ничего толком не объяснив. Но при этом он все равно душка.

— Так оно и есть, — согласился я с ней, думая о своем.

Ну не то чтобы ничего не объяснив. Кое-что было сказано более чем четко. Предельно. Но, в принципе, это нормально. В этом мире всегда или ты, или тебя. Промежуточного состояния нет, а герои-одиночки, которые идут против системы, существуют и побеждают только в незамысловатых книгах и фильмах. Можете возмущаться, можете брызгать слюной и говорить, что это не так. Так. И только так. Впрочем, тот, кто наверху, возмущаться не станет, потому что он знает, что этот мир устроен именно так. А те, кто находится с другой стороны баррикад... Вопрос только в том, насколько тактично вас нагибают, перед тем как взнудать, и дают ли право выбора стойла и седла.

Мне сейчас дали. Мне дали даже право немного побегать на воле, прежде чем я приму заранее просчитанное решение. Да что там. Мне даже пообещали иллюзию права свободного выбора в будущем.

Нет повода не гордиться собой. А что? С одной стороны, меня жаждет заполучить богиня из тех времен, когда молочные реки текли промеж кисельных берегов, с другой призывно машет рукой представитель государственной службы. Еще пара претендентов, и можно будет устроить аукцион. Хотя о чем я? А Ряжская? Ей я тоже нужен! И, кстати, если дело дойдет до реальных торгов, она всех победит. У нее просто денег больше, чем у остальных. И стоит мне сказать «да» любому из них, как видимость доброты и сердечности закончится. Меня поставят на заранее определенное место, после чего перестанут о чем-либо просить, и начнут отдавать приказы. Так бывает всегда.

Но только мне это не нужно. Я так прожил всю свою предыдущую жизнь и только сейчас, за последние месяцы, понял, как на самом деле здорово быть самим собой. Таким, какой ты есть на самом деле.

Ну или почти понял.

— Эй, Смолин, — перед моим лицом пощелкали тонкие девичьи пальцы. — Ты еще со мной?

— Ну да, — ответил я. — Слушай, а как бы мне пообщаться с Барченко, про которого Ровнин говорил? Просто реально тема интересная.

— Вызови его дух да пообщайся, — посоветовала Мезенцева, снова пододвигая к себе бокал с вином. — Этого Барченко еще в тридцать седьмом к стенке поставили. Или раньше? Я точно не помню. Знаю только, что он с Бокием работал, а тот в свое время был куратором отдела. Его, кстати, тоже расстреляли.

Про Глеба Бокия я слышал. Точнее, сериал смотрел, в котором его актер Стычкин играл.

— Стоп, — я уставился на Мезенцеву. — Это сколько же вашей тете Паше лет тогда выходит, если она с ними личную дружбу водила?

— Не знаю, — передернула плечами Евгения. — Может сто, может — больше. Она тетка лютая, я ее стороной огибаю и лишний раз стараюсь на глаза не попадаться. Она меня невлюбила с самого начала и кроме как «рыжей шалавой» не называет. И главное — с чего она взяла, что я такая? Даже повода никакого не давала никогда так думать.

— А она кто вообще? Ну в отделе вашем? Заместитель Ровнина?

— Уборщица она, — равнодушно ответила Женька. — Слушай, давай еще одну бутылку вина закажем? Ты как, не против?

Глава одиннадцатая

С третьей бутылки Мезенцеву здорово развезло, да так, что мне пришлось ее в такси буквально паковать. Там она умостила свою рыжую шальную голову на мое плечо, нецензурно выругалась (причем досталось конкретно мне, ибо прозвучала моя фамилия) и засопела носом, да настолько звучно, что шофер даже хохотнул.

Но оно было и к лучшему. На разговоры меня сейчас не тянуло, ни с ней, ни с кем другим. Очень уж хотелось в относительной тишине посидеть и просто подумать, благо было над чем. Причем основная часть дум, та, что раньше тяготила больше других и была связана с моими тайными недоброжелателями, как-то неожиданно отошла на второй план. Во-первых, мне стало неясно, что с ними делать. Это боксер с тенью может биться, я же на подобное не способен. Во-вторых, меня успокоило заверение Ровнина в том, что эти люди сами меня боятся. То ли сработали защитные механизмы психики, то ли подросло чувство собственного величия, но реально меня отпустило.

А вот Морана... Это да. Это событие из разряда «капец подкрался незаметно, хоть виден был издалека».

Ловушкой оказались и приглушенные тона того мира, что за кромкой реальности, и ее тихий безличный голос. И, конечно, слова.

Ей нужны глаза и уши в нашем мире. И тот, кто будет проводником ее воли и желаний, проводником к мировому господству. Другими категориями эта мадам не мыслит, как мне думается. Хотя, по идее, все вышесказанное можно уместить в одно слово, и слово это — «раб». И выбор кандидатур на эту должность у нее не очень-то велик.

А самое забавное в этом то, что она сама не понимает, насколько уморительно смешны ее притязания и устремления. Сами посудите — невесть откуда вылезает эдакий анахронизм и начинает проводить рекламную компанию в стиле «Голосуй, червь презренный, а то я ужо!»

Нет, лет сто пятьдесят-двести назад, возможно, чего и вышло бы. Ну хоть как-то, с натяжкой. Народ тогда был не сильно испорчен образованием, народовольцами и Герценом, опять же страна была сельская, в городах народу жило всего-ничего. А там, на земле, худо-бедно люди еще помнили седые предания.

А сейчас... Даже если эта Морана воспарит к звездам и оттуда толкнет речь о том, что она порабощает планету, то все только посмеются и решат, что это очередная промо-акция какой-то новой торговой марки. Да еще и фриком ее назовут. А то и вовсе леди-боем, за низкий голос, а после станут выскивать кадык.

Без веры нет богов. А нынешние люди верят во что угодно, только не в высшие силы. Верят в распродажи, в мегамоллы, франдчайзинг и продактплейсмент. Но только не в то, что ТАМ кто-то есть.

Так что Морана максимум найдет пару десятков почитателей из числа ушибленных на голову кого? Ну да. Настоящих фриков.

И силовые методы не помогут. Мар на всех не хватит.

Да и вообще — не бывает в нашей жизни такого. Не приходят ниоткуда боги и не претендуют на наш мир, потому что жить в нем теперешнем способны только люди.

Нормальный здравомыслящий бог, увидев то, что мы, прямоходящие, сотворили с планетой, соберет чемодан, плюнет в нашу сторону, помахает кукишем и сбежит в параллельную вселенную. Или снова впадет в спячку.

Разве что телевидение... При достойной рекламной компании и правильной раскрутке она может кое-чего добиться. Например, победы на «Евровидении». Там таких любят. Но тут другая беда. Мы не верим в нее, а она вряд ли верит в телевидение.

Впрочем, это все умозрительные размышления. Я все равно не скажу ей «да». Не потому, что мне жалко наш мир, он не так уж и хорош. Я не сделаю этого потому, что создавать себе проблемы на ровном месте не намерен. И так уже наворотил немало. Да и в будущем наверняка не на одни грабли наступлю, по своей неуклюжести.

Но вот так, осмысленно, по доброй воле... Я не мазохист. Ну да, был женат, признаю, в этом есть что-то нездоровое, но все равно — я не он.

— Смолин, ты гад, — пробормотала сонно Мезенцева, прижалась ко мне потеснее, а ее рука уцепилась за мою шею. — Вот ты кто!

— Что есть — то есть, — не стал с ней спорить я. — Еще какой! А ты давай, просыпайся потихоньку. К твоему дому подъезжаем.

— К моему? — немного удивленно просопела Женька. — А почему к моему?

— А к чьему? — поинтересовался я. — Или у тебя были другие планы?

— Приехали, — сообщил нам таксист не поворачиваясь. — Улица Цюрю... Цуру...

Приехали, короче, на адрес.

— Цюрюпы, — произнесла Мезенцева, все же открыв глаза. — Надо же, даже не помню, как в такси садилась.

В этот момент она обнаружила, что ее нежная ручка покоится на моей груди и вообще все происходящее выглядит достаточно сентиментально.

— Смолин! — тут же возмущенно заорала она. — Ты чего творишь? Это что... Это как?

— Не волнуйся, боевой друг, — проникновенно заверил я ее. — Твоя невинность не пострадала. У меня было желание добраться до твоего трепетного девичьего тела и воспользоваться ситуацией, но я себя поборол. Мы ведь только друзья, да?

— Уффффф! — сообщила мне девушка и выскочила из машины даже не попрощавшись.

— Догонять будишь? — спросил у меня таксист весело. — Если догнать, то, может, и эта... Получится!

— Не-а, — в тон ему ответил я. — Подожду еще немного. Торопиться не надо.

— Один умный человек говорил — чем мы меньше женщина внимание уделяем, тем

больше ей нравимся, — одобрительно произнес таксист. — Очень он это правильно сказал!

— Ну да, — я хмыкнул. — Этот человек знал толк в прекрасном поле. Правда, женщина его и сгубила в результате.

А вообще, я остался доволен прошедшим днем, и даже непрекращающийся дождь не портил мне настроение. В конце концов, осень другой не бывает. Но даже в самый серый осенний день иногда случаются вполне себе солнечные чудеса. Точнее — рыжие и зеленоглазые, с жутким характером и пистолетом под мышкой. И благоухающие недешевыми духами «Декаданс» от популярного бренда «Марк Якобс». Откуда мне известны такие детали относительно парфюма? Забыли, где и с кем я работаю?

Правда, я немного опечалился, когда сообразил, что забыл пересказать Ровнину слова Силуянова. Ну те, в которых он упоминал какой-то непонятный отряд борцов с такими, как я. Хотя, может, и правильно сделал, что не рассказал. Не исключено, что и нет никакого отряда вовсе, или он существует только в воображении нашего бывшего безопасника. Умом он поехал капитально, про это по секрету Чиненкова Романовой поведала после телефонной беседы с больничным врачом. Само собой, через полчаса данную тайну знал весь банк.

И спать я отправился бодро и весело, даже Родьке, который все еще переживал свой недавний афронт, «спокойной ночи» пожелал, чего в последнее время не делал. В педагогических целях. Только надолго мне этой бодрости не хватило. Потому что в какой-то момент я сначала не понял — сплю я уже, или еще нет, поскольку вокруг все резко потемнело. А когда сообразил, отчего именно, приподнятость духа как рукой сняло. Знакомые симптомчики-то. Да и неправильная темнота вокруг тоже навеивает те еще воспоминания.

— Ведьмак, — голос Мораны звучал ниоткуда и сразу отовсюду. — Я рада снова тебя увидеть. Ты думал обо мне?

— Каждый вечер перед сном, — бойко ответил я и повертел головой, пытаюсь понять, где она есть.

— Это не так, — прошелестела мгла у моего правого уха. — Я бы знала.

— А можно света добавить? — попросил я. — Не то чтобы я темноты боялся, но некий дискомфорт присутствует. Да и снова вас увидеть мне будет радостно.

И в тот же миг непроглядный мрак сменился опять же знакомым сумраком. Справа тихо плескали воды реки Смородины, слева виднелись туманные очертания старорусского терема, которого в прошлый раз, насколько мне помнилось, там не было, а прямо передо мной, шагах в пяти, сидела она. Морана.

Причем то, на чем она сидела, впечатляло. Пожалуй что это сооружение можно было бы назвать и треном. Но не креслом уж точно. И оно реально вызывало восхищение.

Когда-то это было дубом, причем многовековым и нереально могучим, чтобы обхватить его, понадобилось бы человека три, взявшихся за руки. После дуб этот кто-то срубил, умело и точно, так, что часть ствола осталась на гигантском пне. Из этой части некто изготовил спинку данного предмета мебелировки, а часть корней, толстых как змея-анаконда, проживающая в бассейне далекой реки Амазонки, стала его ножками.

Очень мощно смотрелось данное... Блин, и слово не подберешь правильно. Седало. Вот. Точнее не скажешь.

И Морана на нем выглядела ну очень величественно. Прямо вдовствующая мать-императрица. Красивая, всемогущая и безжалостная.

Кстати — выглядела она уже не столь изможденно, как в прошлый раз. Нет, мертвенная бледность кожи осталась, и общее телосложение не изменилось. Но глаза... Глаза были другие. В них появился некий опасный блеск, который невозможно было не заметить.

— Мощная штука, — сообщил ей я, показывая на трон. — Впечатляет!

— Подарок племянника, — отозвалась Морана. — Купало любил мастерить вещи своими руками, а после подносить их как дар старшим сородичам. Причем дуб, из которого изготовлен престол, он тоже сажал сам.

— Полный цикл, — понятливо кивнул я. — Сам посадил, сам срубил, сам смастерил. Уважаю!

— Итак. — Морана вздернула подбородок. — Ты думал обо мне, я это знаю. И что любопытно — на днях ты меня чуть ли не звал, а сегодня уже не желаешь видеть. Почему? Это что, она мой мозг сканирует? Все ведь так и есть. На неделе я думал о том, что неплохо бы с ней пообщаться, а сегодня все изменилось.

Да нет, не может такого быть. Эта дама сильна, спора нет, но не настолько. Скорее, она просто ощущает, когда о ней думают, как и всякая порядочная забытая богиня. Когда у нее было много паствы, она не отличала одного от другого. А теперь у нее есть только я. Больше о ней из смертных никто думать не станет. Ну кроме, разве, десятка-другого авторов сомнительных псевдославянских фэнтези-романов. Но они не в счет.

Блин, надеюсь, что я прав. В противном случае мне мало не покажется.

— Не бойся, ведьмак, — не сводя с меня глаз, чуть склонила голову Морана. — Я не ведаю твоих мыслей. Но могу ощущать их, если они связаны со мной, даже когда ты не здесь, а далеко. В этот момент ко мне снова возвращается подобие жизни. Той силы, той мощи, что раньше была, больше нет. Да и не вернется она, полагаю. Но даже эта не-жизнь, что есть у меня сейчас, мне дорога. Она лучше, чем вечный сон во тьме, рядом с теми, кто когда-то был моими родичами.

Уголки ее губ чуть изогнулись, и это, надо полагать, было подобие улыбки. Да и голос, он стал немного другим, не таким бесплотным и безынтонационным, чем раньше.

— Почему ты не желал видеть меня? — спросила богиня. — В чем причина?

— А почему вы не откликнулись тогда, когда вы мне были нужны? — ответил вопросом на вопрос я. — Знаете, это обидно, когда тебя дергают исключительно тогда, когда ты нужен.

— Это не так.

— Что именно «не так»? — уточнил я.

— Я хотела открыть двери, но не смогла, — объяснила мне Морана. — Твое желание увидеть меня было не настолько сильным, чтобы границы миров подчинились ему. А вот твои сегодняшние мысли, в которых была злость и горечь... Это то, что нужно. Не ключ к двери, но возможность пролезть в окно.

Вот интересно — она темнит или нет? Само собой, что верить ей нельзя. Как, собственно, практически всем, с кем меня свела жизнь за последнее время. У каждого из них, за исключением разве что подъездных, есть свой интерес и своя цель для моего дальнейшего использования. При этом мое мнение никого из них не интересует. Даже Ровнина, что бы он там ни говорил.

Правда, определенные плюсы в этом тоже есть. Подобное отношение развязывает мне руки и избавляет от голоса совести.

— Так все зависит от моих желаний? — уточнил я. — Не ваших?

— От меня уже давно ничего не зависит, — сообщила мне Морана. — Времена, когда я вершила судьбы людские, минули так давно, что я иногда даже не верю, что они были на самом деле. Знаешь, ведьмак, какова истинная плата богов за настоящее могущество?

— Забвение? — предположил я.

— Бессилие. Забвение ждет каждую тварь земную, что человека, что бога. Дети твоих ровесников, может, еще застанут своих дедов и бабок при жизни, правнуки, возможно, услышат их имена, но праправнуки даже ведать про этих людей не будут, и время сотрет все, что было, ровно так, как вода смывает следы с прибрежного песка. И прорастет утром новая жизнь, чтобы, прожив день, тоже уйти за перевал и раствориться в вечерних сумерках. А вот бессилие, карающее тех, кто когда-то мог поворачивать реки вспять, разрушать горы и обречать на смерть народы... Дороже этой платы нет. Но даже такое существование для меня лучше, чем то, что было до твоего появления.

Хорошо сказано. Нет, серьезно. Немного пафосно, метафоры местами так себе, но по смыслу очень верно. Я, если честно, про своего прадеда вообще ничего не знаю, кроме того, что он был. И это, конечно, плохо. Даже в нашей стране, где быть «Иваном, родства не помнящим» не сильно и зазорно. Революция, несколько войн и Большой Террор тридцатых изрядно проредили российское народонаселение, но все же, все же...

— Ты не нашел отродье Кашея? — тем временем требовательно спросила Морана.

— Не-а, — помотал головой я. — Сбежало оно из страны. В Европы подалось, поближе к устрицам и круассанам. И, по слухам, раньше следующей весны его ждать в наших закятных пределах даже не следует. Что для меня, к слову, очень даже хорошо.

— В чем же здесь твоя выгода? — сжала белоснежными руками подлокотники своего трона богиня.

— Так мне ему противопоставить нечего, — не стал скрывать очевидного я. — Этот поганец меня в лепешку раскатает и не вспотеет, а мне останется только просить его о пощаде. Ведьмак-то я ведьмак, только вот пока дальше варки зелий и общения с мертвыми я не продвинулся. У меня из оружия только нож, и все.

— Ты ленив, — произнесла богиня.

Я сначала подумал, что это она меня укоряет, но потом по ее взгляду сообразил, что дело обстоит совсем не так. Это она мне вопрос задала.

Как все-таки тяжело общаться с собеседником, разговаривающим в стиле «робот».

— Нет, трудолюбив, — я погладил себя по голове. — И очень усидчив. Но чтобы чему-то научиться, надо как минимум знать, чему именно. У меня наставника нет, и в книге моей приемов самообороны не описано, одни рецепты зелий. Вот и промышляю тем, что есть. А когда колдун зайвится, сам в Европу свалю, куда подальше от него. Рокировочку сделаю. Ну и что ты мне теперь скажешь? Слово «рокировка» тебе неизвестно, это понятно. Но вот все остальное!

— Ты глуп, — тяжело молвила богиня.

Интересно, а это снова вопрос? Или констатация факта?

— Ты Ходящий близ Смерти, ведьмак, — продолжила Морана. — Мертвые — твое все. Ты их видишь, ты их слышишь, и ты им нужен, потому что можешь дать то, что они хотят более всего — вечный покой. Так заставь их служить себе, чего проще? Живые могут предать тебя, продать, обмануть, убить. Мертвые этого не сделают никогда, потому что тогда лишатся последнего шанса обрести искомое. Они могут пройти туда, куда никому нет хода, услышать и увидеть то, что скрыто от всех, убить того, к кому никак не подобраться. И никогда не выдадут своего хозяина.

Значит, все-таки это утверждение.

— Не хотелось бы, — выслушав ее и вздохнув, произнес я. — Так-то оно так, но... Есть в этом что-то неправильное.

Не скажу, что это не приходило мне в голову. Приходило, разумеется. И души неприкаянные я время от времени встречаю в городе. Особенно их много в метро. Не знаю почему, но полагаю, оттого что там полно народу, и у мертвых создается иллюзия, что они все еще живы. Они бродят по перронам станций, сидят и стоят в вагонах, бегут вслед за горожанами по переходам, в общем вовсю имитируют собственное существование. Захочутать одного из них дело очень несложное, но всякий раз что-то меня останавливало. Некое ощущение, что я стою на незримой границе, которую лучше не переступать. Своим ощущениям я и раньше доверял, а теперь стал к ним прислушиваться вдвойне.

— Ты глуп, — повторила Морана. — Ты стал ведьмаком, но все еще остаешься человеком. Если не поумнееешь, то скоро умрешь. Но будь по-твоему, я не могу тебе приказывать делать то, что тебе не хочется. Не хочешь так — пусть. Я подарю тебе другой путь обрести желаемое. Видишь мой терем?

Она махнула рукой, показывая на полупризрачное строение справа, то, которого раньше не было.

— Вижу, — подтвердил я. — Правда, какой-то он ненастоящий на вид.

— Почему ненастоящий? — опешила богиня, да так, что я даже уловил вопросительную суть ее слов. — Это мой дом. Но мне в него покуда хода нет. И тебе тоже. Он просыпается, как и все вокруг меня, но это небыстрое дело.

Следом за этим она выдержала мхатовскую паузу, сверля меня взглядом и ожидая какой-то реакции.

— И? — поняв, что без моей реплики она не продолжит, спросил у богини я.

— В тереме есть комната, в комнате той стоит ларь дубовый, в ларе лежат книги, — монотонно проговорила Морана. — Верхняя из книг писана мной собственноручно для мужа моего бывшего, Кашея. Всей мудрости, что была у меня и моих сородичей, открыть я ему не могла, не должно человеку знать всё обо всем, а особенно о том, что только для богов назначено. Но что поведать можно было — поведала, на свою голову. Если ты ту книгу получишь, то тоже многое познаешь. Всё не сможешь, Кашей был куда смекалистей тебя, но — многое. И на свой вопрос ответ ты там точно найдешь.

— Действительно? — оживился я. — Так давайте я туда метнусь, да и возьму сию книгу. На каком этаже комната с ларем?

— А, может, и не очень многое поймешь, — заметила Морана. — Больно ты невнимателен. Сказала же — нет в него хода ни мне, ни, тем более, тебе. Это мой терем, и чужим в него не войти, даже если двери нараспашку открылись прямо сейчас. Будь ты моим слугой — тогда да. Но ты же от служения отказался? Отказался.

Вон куда забрасывает невод, снова про службу завела беседу. Шиш тебе, родимая, и траву морскую, йодом пахнущую. В курсе я, чем работа на тебя заканчивается. Правда, говорить такое в открытую все-таки не стоит.

— Не то чтобы прямо вот отказался, — заюлил я. — Думаю пока.

— Думай, — равнодушно сказала Морана. — Твое право. Ну а книгу... Я бы тебе ее отдала, поверь, кабы терем снова стал моим домом. Только он все еще спит, и сон его глубок. Но это дело поправимое, можно события поторопить, было бы желание.

— Желание есть, — немедленно заверил ее я, отлично понимая, что за этим последует некое условие, которое меня, вероятнее всего, не порадует.

Но выслушать-то его надо?

И еще — на этот раз ощущение нереальности происходящего было куда сильнее, чем в прошлый раз. Тогда я точно знал, что сплю, но эффект присутствия был почти стопроцентный. Сегодня же все было с точностью до наоборот — я не был уверен, что уснул, но при этом осознания реальности не было совершенно. Более всего это напоминало детство, когда между сном и явью существовало некое третье состояние, в котором голоса родителей звучали громче и резче чем обычно, но при этом слова, которые они произносили, ты уже не различал.

Я даже себя ущипнул за руку, пытаюсь понять, на каком свете в данный момент живу. Так и не понял — ощутил я это или нет...

Вроде можно на глаз в такой ситуации надавить и посмотреть — раздвоится изображение или нет? Но только при Моране заниматься подобным мне не хотелось. Она и так меня два раза дураком назвала, а если я начну себе еще пальцем на глаз давить, то и вовсе за психического примет.

— Мне нужна жертва, — объявила Морана. — Точнее — не мне. Тому, что вокруг меня.

Когда-то давно все это называлось Навью, а ныне от могучего царства остался только клочок земли, сонная речушка да вон обломки моста.

Я обернулся и вправду увидел недалеко от того места, где мы беседовали, некие живописные развалины на берегу. Похоже, это в самом деле когда-то был мост.

— Само царство уснуло навеки, но здесь я кое-как смогу жить-поживать, — Морана хлопнула ладонью по ручке трона. — Если, конечно, мы поможем друг другу. Принеси человечью жертву и крикни в тот момент, когда жизнь покинет ее...

— Помню-помню, — без особых церемоний перебил я богиню. — «Морана, это жертва тебе». Вы мне этот текст в прошлый раз обозначили. Но вот только не приняты у нас сейчас жертвы, особенно человеческие... Тьфу ты. Человеческие. За подобное в тюрьму сажают. В темницу, по-вашему. А мне туда не хочется.

— Не перебивай меня, — потребовала Морана. — Ты должен говорить только тогда, когда я закончу свои речи.

Да она семимильными шагами восстанавливается. Силы нет, дом как огурец, без окон и дверей, но зато амбиции уже как полагается — божественные.

Нет, ну ее нафиг. Не дай бог в силу войдет, она мне тогда вообще жизни не даст. Людям, как и сказал, не навредит, а вот меня точно заеддит со своими закидонами. Да и сама мысль о том, чтобы кому-то, пусть даже какой-то мелкой домашней живности, горло придется перерезать, у меня тошноту вызывает. Не мое это. Для таких вещей особый склад ума и характера нужен, не такой, как у меня. Нет во мне авантюрной и первопроходческой жилки, когда на все пойдешь, только бы желаемого добиться.

— Да-да, конечно, — заверил ее я. — Так и будет.

— Слова твои верны, — богиня поджала губы. — Это и надо будет сказать. Сделай так — и я отдам тебе книгу Кашея. Что же до чистоты рук... Если для тебя так это важно — жертву не обязательно убивать самому. Стань причиной ее смерти, сделай так, чтобы грех убийства взял на себя другой, — это можно. Эта жертва принесет меньше силы, чем живая кровь, но так лучше, чем никак. Сделай это — и ты обретешь знания, которые спасут тебя в неминуемой битве.

Велика разница. Что так убийство, что так. Меня никакое не устраивает. Ну да, в последнее время не все, что мне доводилось делать, было прямо уж очень высокоморально. И эту дуру Романову я тогда опоил, и мару к Силуянову послал. Было. Но убийство? Нетушки. Может, в их древние времена человеческая жизнь ничего и не стоила, но сейчас все-таки двадцать первый век. Нравы другие и ценности другие. Понятное дело, что маргиналы были, есть и будут, но это не значит, что мне надо вставать в их расхристанные ряды только потому, что того требует ситуация.

Как видно, Морана что-то такое почуяла, поскольку она стала как-то меркнуть, блекнуть и сливаться с окружающим миром.

— Поторопись, ведьмак, — услышал я напоследок. — Время всегда делает ход первым...

А после я просто провалился в сон, на этот раз — настоящий. По крайней мере, пробуждение мое утром ничем не отличалось от тех, что были раньше.

Повертев в голове ночное происшествие так и эдак, я рассудил, что мое положение в результате не стало от этого хуже, что само по себе уже радостно.

Хотя в книге мораниной, будь она на самом деле реальна, я бы покопался. Чую, много всего полезного там можно найти. Только вот вряд ли это случится, поскольку условие я не выполняю.

И еще — кто знает, на каком она языке написана? Подозреваю, что даже не на старославянском, потому как создавался данный раритет задолго до Кирилла и Мефодия. Может, там вообще даже не аналог букв, а крокозябры какие-нибудь, вроде треугольников, крючочков и странных интегралов.

А раз так — то и фиг с ней.

Что же до постановки мертвых под ружье... Думать надо.

Хорошо бы с Хозяином Кладбища посоветоваться. Да и по вопросам выживания, он, возможно, чего подскажет.

Как дожди, которые его бесят, кончатся и подморозит маленько, может, и доеду до кладбища. А ось он еще в спячку не впал.

А сейчас позавтракаю и займусь одной интересной темой, которая в голове уже пару недель вертится. Если более детально — хочу попробовать поэкспериментировать над одним из рецептов, тем самым, что придумал Митрий, и который слабому полу башню сносит на предмет любовных утех.

Он ведь направлен на два действия. Первое — надавить на природную женскую слабость какой-то конкретной взятой неприступной девицы. Второе — удалить воспоминания о легкомысленном поведении из памяти этой самой теперь уже бывшей девицы.

Вот второе меня очень интересует. Это же готовое зелье забвения. В книге ничего подобного я не нашел, а ведь вещь-то козырная. Такое зелье всегда надо под рукой держать, потому что никогда не знаешь, что тебя ждет. Опять же — такую штуку в случае острой денежной нужды монетизировать можно без особых хлопот. Та же Ряжская ее купит охотно, не сомневаюсь в этом ни на секунду.

И сегодня я попробую его сотворить. Уж не знаю — получится, нет. Но почему бы не попытаться?

Вот только на ком бы после готовую продукцию проверить... Но — что-нибудь придумается. Мало ли хороших людей вокруг? Протестирую конечный результат на ядовитость посредством Родьки и захвачу данный препарат с собой на работу. Кому-то да повезет.

Глава двенадцатая

Получилось у меня добыть желаемое. Вышел, так сказать, каменный цветок. Пусть не сразу — но все-таки.

Сначала три раза на выходе я получал, назовем это так, «плацебо». Конечный результат представлял собой серо-зеленоватые кристаллы размером с небольшую горошину. Родька съедал один из них, а после, причмокивая, сообщал:

— Не яд. Но и другого ничего не чую. Эта штука память никому не отобьет. Расслабить живот — расслабит, да и то не наверняка.

После этого я снова изучал список ингредиентов, что-то менял, что-то добавлял, что-то убирал. Понятно ведь, что дело только в них. Нет, если бы то зелье, что я хотел сварганить, было подвязано на заговор или заклятие, то причина неудач не вызвала сомнений. Но здесь-то этого нет. Точнее — подвязано-то оно подвязано, но только на любовную часть. «Пусть эта дева только меня видит, только меня слышит...», ну и так далее. Память в нем даже не упоминалась. Значит, что? Эта стадия процесса существует автономно, сама по себе, и добавлена в данный рецепт до кучи, чтобы нейтрализовать последствия в виде отцов, братьев и дядьев тех девиц, коих развеселый Митрий, предварительно опоив, таскал на сеновал.

Вот только непонятно, как отвязать одну часть от другой.

Я ломал над этим голову почти весь день, и только к вечеру нашел ответ.

«Злат корень». Он же «родиола розовая», если вести речь о сегодняшнем названии данного растения. Часто встречающийся в рецептах компонент, и этот исключением не был.

Я-то полагал, что он относится к любовной части заклятия, потому как почти всегда и почти везде отвечает за стимуляцию работы или половых желез, или надпочечников. Ну и еще глухоту им лечат, точнее, как в книге написано, «тугоухость».

Но я и подумать не мог, что злат корень стимулирует работу памяти. Мне об этом поведал интернет, в который я полез, отчаявшись найти ответ в книге. Решил на всякий случай пробить каждый из компонентов, во избежание. Их в данном рецепте было более двадцати, так что простым перебором из разряда: «этот уберем, этот добавим, авось получится чего» никак не обойтись было.

Кстати — симптоматично. Выходит, что в разрезе информационного поля наше время все-таки старое уделяет одной левой, что бы там ни говорили ортодоксально настроенные сторонники Покона.

Не скажу, что все получилось сразу после того, как я добавил в варево этот недостающий компонент, но все же ближе к ночи воспоследовало.

— Что-то есть, — сообщил мне мой слуга, слизнув с лапы очередной кристаллик, на этот раз, правда, уже радикально желтый. Как видно, злат корень изменил цветовую гамму конечного продукта. — Сам понимаешь, хозяин, что именно не скажу, но есть. Но не яд, этого-то тут нету.

— Прав он, — подтвердил Вавила Силыч, проведя длиннопалой рукой над кристаллами, которые я выложил на маленькое блюдце. — Имеется в них какая-то начинка магическая. Может, и та, что тебе нужна.

— Главное, чтобы не первоначальная, — вздохнул я. — Чтобы опять на меня бросаться женщины не начали. Коли такое еще раз случится в банке, мне точно до конца своих дней не отмыться. И так вон слухи разные ходить начали, а если еще и это... Банковский мир тесен до невозможности, а после крайнего вала цбшных репрессий он еще и узок стал, как одно место. Все всех если и не лично знают, то через знакомых наверняка. Так что даже переход из одного банка в другой вопрос не решит.

— Хозяин, а тебе не плевать на то, что другие говорят? — спросил Родька, выливая из плошки в раковину остатки варочной воды, в которой, собственно, и вызревали желтые кристаллы. — Собаки лают — ветер носит. Денежку платят — да и ладно. А на каждый рюток не накинешь платок.

— Умом-то это понимаю, — вздохнул я. — А поделаться с собой ничего не могу. Пережитки детства. Нас воспитывали так, понимаешь? Имидж все, важно верно себя позиционировать в обществе, репутация — основа существования в социуме... Ерунда, конечно, полная, но вот только быстро это все из головы не выкинешь. Знаешь, это только в книжках какой-нибудь диванный воин вроде меня хлоп — и сразу из продавца телефонов на Митинском рынке в посланника римского сената превращается. С Цезарем через губу разговаривает, метресс-патрицианок поджуживает и северных варваров гоняет. А так не бывает. Не может из вчерашнего тюфяка легат за один день получиться. Даже если какой-нибудь магией тело из студня в торс «мечта жирдяя» переделать, то склад мышления все равно тот же останется. На перековку сознания время нужно, и очень много. Чтобы из ничего чем-то стать. Вот и у меня так же. Понятно, что начхать мне теперь не только на мнение коллег по работе, но и на саму работу в целом, но рефлекс-то твердят обратное. А вдруг все чего не то подумают, а вдруг мне это боком выйдет? И вертится эта хрень в башке, и вертится, и не выкинешь ты ее оттуда никак, потому что взращивалось такое отношение к жизни в нас десятилетиями.

— Ужас, — сочувственно засопел Родька. — А что такое римский сенат? И кто такие метрессы-патрицианки?

— Организация такая была в старые времена — решил не вдаваться в подробности я и погонял желтые кристаллики по блюдцу, чуть наклонив его. — Однако надо бы провести экспериментальные испытания. Не хочется ждать до завтра. Только на ком? Я, конечно, могу и на себе, но как-то это неспортивно. Сам сделал, сам испытал...

— Марина дома, — отведя глаза в сторону, сообщил мне Вавила Силыч, который традиционно составлял нам компанию. — Час назад пришла.

— И не жалко? — не удержался я от откровенно провокационного вопроса. — А вдруг чего не так пойдет?

Шутки шутками, а если вдруг чего? Снесет ей мое зелье память о последних двух-трех годах — и как тогда быть? С другой стороны — да ничего тогда. Чего для нее принципиально изменится? Все то же самое будет, что и сейчас.

Она бы, кстати, даже раздумывать не стала в аналогичном случае. Сразу бы мне в рот эту пилюльку запихала.

— Ее ни одна холера не возьмет, — заверил меня подъездный. — Она вчера пьяная в ванне заснула. И что? Утонула? Нет. Даже воды не нахлебалась. Зато соседней залила! Теперь у Никишкиных все стены в потеках, а они только-только ремонт сделали.

— Все-все! — замахал руками я. — Понятно. Сейчас джинсы натяну и пойду мстить за Никишкинский ремонт.

А вот вторая стадия эксперимента проводилась уже на работе, с учетом недостатков, выявленных ранее.

Работать получившееся зелье работало, но очень уж изрядный отрезок времени убирало из памяти испытуемого. Маринка не только забыла, что я к ней в гости пришел, но и то, как сегодня домой вернулась. После того как препарат сработал, она была уверена, что находится аж в метро!

Видели бы вы ее глаза! И как искренне она убеждала меня в том, что в жизни больше кальян курить не будет, потому что ничего хорошего с ней после этой процедуры не происходит, а одна только хренотень случается! А теперь вот еще и провалы в памяти появились.

Второй раз подвергать ее данному испытанию я не стал, поразмыслив, рассудил, что дело, должно быть, в бадане листовом, после чего сварил новую партию зелья, изрядно уменьшив в нем количество данного компонента, и отложил продолжение тестов до завтрашнего дня. От привычки переживать о том, что будет сказано за моей спиной, я пока не отучился, но вот от излишней сентиментальности потихоньку отвыкаю. Конечно, какие-то особо жесткие сборы или рецепты я на коллегах проверять не стану, опыт с Романовой меня кое-чему научил, но вот милые и безобидные финтифлюшки вроде этих кристаллов... А почему бы и нет?

Получившийся результат меня порадовал. Правда, два раза пришлось выслушать рассказ Наташки о том, как она вчера со свекровью поругалась, после того как та в очередной раз изысканно-афористично объясняла ей, насколько большую ошибку сделал ее сыночек, связавшись с такой прошмандовкой, как она. Но, как по мне, это небольшая плата за успешное завершение дела. Зато выяснил, что при данной дозировке компонентов память испытуемого стирается где-то в радиусе десяти-двенадцати минут. И что бадан, как видно, работает на обе части заклинания Митрия, усиливая и ту, и другую.

Еще я испытал гордость за себя, любимого. В первый раз мне удалось не просто воспроизвести чьи-то готовые наработки, а практически создать что-то свое. Ну, может, и не создать, но все-таки, все-таки... Шаг вперед есть шаг вперед.

Плюс в моей копилке появился очень и очень полезный товар, как и было сказано выше.

Правда, тут следует быть очень осторожным в его реализации, больно сфера применения у него может быть разная. Как бы крайним, если что, не оказаться.

Мало того — вечером появился еще один аргумент, подкрепивший эти мои размышления.

Вечером в банк заявила Яна Феликсовна, как всегда подтянутая и немного надменная.

— Александр, я в растерянности, — сообщила она мне вместо «здравствуйте», когда была прикрыта дверь в переговорную и я уселся в кресло напротив нее. — И не только!

— Не только в растерянности? — уточнил я. — Или не только вы пребываете в ней?

— Не только я. — Яна Феликсовна достала из сумочки знакомый мне пузырек, уровень жидкости в котором изрядно уменьшился, и поставила его на стол. — В растерянности ряд сотрудников компании моего мужа. Отменных, замечу, фармацевтов и химиков.

— Разобрали зелье на запчасти, — понимающе кивнул я. — А после снова собрали. И, что обидно, оно не работает?

— Именно так, — подтвердила визитерша.

— Ай-яй-яй, — покачал головой я. — А как же защита интеллектуальной собственности?

Моей, имеется в виду? Хотели скопировать рецепт и выдать за свой?

— Сначала нет, — даже не смутилась женщина. — Я, разумеется, доверяю словам Ольги, но давать своему Петеру невесть какое снадобье... Поймите меня правильно, Саша.

— Согласен, — признал ее правоту я. — Но потом-то?

— А потом оно сработало так, как вы сказали, — глаза Яны Феликсовны подернулись поволокой. — Да еще как! Такого даже в институтские времена с нами не было. И что особенно любопытно — состав-то простенький, причем совершенно без химических добавок. В отличие от препаратов, направленных на усиление мужской... Ну, вы поняли?

— Понял-понял, — покивал я. — И?

— Себестоимость копеечная выходит, потому что компоненты наипростейшие, — женщина облизала губы. — При правильной постановке дела и хорошей рекламной компании на данном лекарстве можно поймать хороший гешефт. Саша, это бизнес, деньги можно и нужно делать на всем.

— Но? — не скрывая иронии, заулыбался я.

— Но... — Яна Феликсовна недовольно сморщилась. — Ничего не получилось. Повторюсь

— ваш образец разобрали на молекулы и повторили в точности. И — не функционирует, хоть проверяли его на десятке подопытных. Я и премию своим умникам обещала, и увольнение — все впустую. Ваш работает, а их — нет.

Что примечательно — бизнес-леди была абсолютно искренней в своем негодовании. Сам факт того, что данный рассказ, по сути своей, повествует о том, как она хотела обокрасть меня и почему у нее это не получилось, Яну Феликсовну явно не волновал.

— Два вопроса, Саша, — веско подытожила она. — Почему? И — сколько?

— Почему-почему? — задумчиво пропел я, сложил руки на животе, сплел пальцы в «замок» и мило улыбнулся. — Потому. Так бывает.

— Александр, шутки, ирония — это все очень мило, — жестко произнесла визитерша. — Сейчас речь идет о деньгах. Не скажу, что о гигантских или даже просто о больших, ваше средство не панацея от всех хворей, или хотя бы тех, которые являются мировым бедствием. Но все равно это деньги. Большие состояния не возникают вдруг, они являются плодом длительного труда, правонарушений различной степени тяжести и бережливого отношения к каждой копейке. Потому давайте уже добавим в наш разговор серьезности и перейдем к условиям. Повторю свой вопрос — сколько? Сколько вы хотите за финальную часть рецепта?

— Не продается, — без тени улыбки сообщил я женщине. — И прошу больше эту тему в наших беседах не поднимать. А то ведь и бесед никаких не будет.

Вот так и отдай результат вчерашних бдений в подобные руки. Его тоже разберут на молекулы и повторят. И он будет работать, потому что не закрыт заклятием или наговором. Хуже, чем у меня, менее эффективно — но будет. Вывод — рано мне еще себя нахваливать, потому как дальше собственного носа не вижу. А судьбе спасибо за то, что предупредила о возможной ошибке.

Что же до предложения Яны Феликсовны... Заманчиво. Легкие деньги, по сути. Вот только не хочу я с ней работать. Очень уж жадна да властна. Поручусь, что следующей ступенькой разговора будет вопрос о том, какие еще интересные штучки есть у меня в ассортименте, и сколько я за них хочу.

И кончится это все очень плохо. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о чем думает женщина, сидящая напротив. Выдоить меня как корову, а после списать в архив, предварительно предупредив о том, чтобы я нигде даже не отсвечивал. Или вовсе прикопать где-нибудь в Подмосковье, чтобы, грешным делом, конкурентам рецептуру не слил. Фармакологический бизнес один из самых прибыльных и самых жестоких в мире, хуже даже продуктового. В нем крутятся гигантские деньги, а потому слабым там не место. И людям со стороны — тоже.

Вот только в одно она так и не поверила. Что там, во флаконе, не просто лекарство, созданное по формуле. Она слишком верит в науку и не желает осознавать, что имеется нечто такое, что невозможно будет повторить ни одному из ее умников.

И это тоже может стать проблемой. Ясно ведь, что она от меня не отстанет. Это не разумная и расчетливая Ряжская, которая пошла правильным путем, ища ко мне подходы не напрямую и издалека. Госпожа Вагнер будет действовать по принципу «не мытьем, так катаньем». Видно ведь, что баба жесткая. Хотя, повторяюсь, учитывая сферу ее бизнеса, это и не удивительно. Если добром не пойду на контакт, меня всегда можно прихватить по дороге домой, а после вдумчиво разговорить в каком-нибудь уютном помещении без окон и с плохой вентиляцией.

Вот только этого мне и не хватало для полного счастья. Так и знал, что вся эта знахарская практика добром не закончится.

Одно хорошо — здесь хоть понятно, что делать, в отличие от остальных моих заморочек. Если Яна Феликсовна от уговоров соберется перейти к более решительным действиям, и я это почую, то ей гарантирована веселая жизнь. Такая, что про это долго говорить будут.

Не только банковский круг узок, в бизнес-структурах крупные и средние игроки тоже все друг про друга знают. Если с кем-то что-то происходит, то все в курсе, что именно и за какие грехи. Понятно, что я там не предмет разговора и никогда им не стану, но уверен в том, что Ольга свет Михайловна донесет до нужных ушей, что случилось с Яной Вагнер, и почему так вышло. Имеется в виду до тех, с кем я уже работал и тех, с кем еще предстоит.

— Не люблю говорить банальные вещи, — чуть наклонилась вперед Вагнер. — Но придется. Саша, все продается и все покупается. Вопрос всегда только в цене.

— А бывают еще исключения из правил, — я встал с кресла, поняв, что дальнейший разговор не имеет смысла. — Отнесите меня к ним. Яна Феликсовна, я был рад вам помочь с личной проблемой, но это разовая акция. Заниматься потоковым изготовлением снадобий я не собираюсь. Равно как и создавать серию медикаментозных средств под общим названием «Зелья знахаря Ляксандра». У вас ведь что-то подобное в планах уже есть? Если да — так нет. Это все без меня.

— Если бы можно было без тебя, то я и разговоры эти не вела, а уже выслушивала предложения маркетологов и креативщиков относительно старта продаж нашего нового препарата, — буднично ответила мне Вагнер. — Да еще и посмеялась бы, представляя твое

недовольство. Я не ангел, но и ты человек так себе. Дерьма в тебе много. Но вот беда — ты нужен, без тебя пасьянс не сходится. Потому пару деньков подумай, рассуди, что к чему, определись с ценой и звони. Вот моя карточка. Да, еще важное. Цена должна быть именно ценой. Никаких процентов с продаж, никаких долей, даже не заводи об этом речь. Бизнес Вагнеров — это бизнес Вагнеров. Посторонним там не место, не питай никаких иллюзий на этот счет. Карточку возьми.

— Знал бы — принес сегодня средство от тугоухости, — подавив зевок (естественно притворный), сообщил Яне Феликсовне я. — Мне неинтересно ваше предложение. И мне не нужна ваша карточка, нам не о чем говорить. Услышьте меня, пожалуйста. И сразу просьба — не надо больше сюда приходить. И Ряжская меня на этот раз не упросит, предупреждаю сразу.

— Маленький, — почти ласково проворковала бизнес-леди. — Ты даже не представляешь, какое количество средств есть для того, чтобы убедить несговорчивого потенциального партнера в своей правоте. Нет-нет, я сейчас не о бандитах или насилии, это все прошлое, такой ерундой никто в наши дни не занимается. Есть другие способы, более чем эффективные. Это я с тобой говорю, что-то объяснить пытаюсь. Но если мы не найдем точек соприкосновения, то в дело вступит мой муж. Его, как ты понимаешь, тоже заинтересовала коммерческая сторона вопроса, связанного с твоим зельем. И, поверь... — Не надо, — я говорил тихо, почти шептал. — Не надо всего этого, Яна Феликсовна. Поймите одну простую вещь — я умею не только исцелять. Больше скажу — все эти зелья самая слабая сторона моих познаний. И не дай вам бог узнать, что у меня еще в закромах есть. И вашему мужу тоже.

— Это угроза?

— Это предупреждение, — произнес я и скривился. — Тьфу. Как в каком-то скверном фильме диалог получился, даже противно стало.

И я вышел из переговоров, потому что дальше беседа в любом случае зашла бы в тупик. Надеюсь, у нее хватит ума понять то, что я хотел сказать. А если нет — то ей же хуже. Волос ее у меня есть, так что данную задачу я уже, считай, выиграл. Напушу на нее какую-то из сестер-лихоманок, заклинание их призыва у меня в книге есть. Какую-нибудь такую, чтобы было понятно, что это не просто грипп или ОРЗ. Грынушу-грудею напушу или Глухею. А может, и вовсе Глядею, чтобы утром встала, а света белого и нет, ночь кругом сплошная. И будет она ее терзать до тех пор, пока я не скомандую лихоманке «фу» и волос не сожгу.

И вся фармакологическая империя госпожи Вагнер не поможет ей в излечении данной хвори. Вообще никак.

Правда, тут и «ответку» схлопотать недолго, в виде тяжелых кулаков сотрудников их безопасности, потому, пожалуй, надо сразу и этот угол обстрела прикрыть. Заранее. От греха. Так сказать — нанести превентивный удар.

Я спустился в цокольный этаж, с удовлетворением убедился в том, что обеденная комната пуста, и набрал госпожу Ряжскую.

— Да, — после первого же гудка отозвалась она. — Саша, говори, но быстро. Я на благотворительном мероприятии, мне скоро речь говорить и чек вручать.

— Так особо говорить и нечего, — бодро протараторил я. — Спасибо вам, Ольга Михайловна, за те знакомства, что вы мне подбрасываете! Не люди от вас приходят, а чистое золото. Душа радуется!

— Судя по количеству яда в голосе, опять у нас с тобой все не слава богу, — спокойно отметила женщина. — Ладно, отправлю Жанну первой, сама за ней пойду. Я перезвоню буквально через пару секунд.

Обманула. Перезвонила минут через десять, я за это время успел сначала коварно стащить и сожрать чей-то вишневый йогурт, а после еще и несколько печенек. Сам-то я сегодня ничего съестного не принес. Забыл с этой суетой о желудке. Непорядок.

В «МакДак» арбатский сходить, что ли? Девчуль заодно порадовать.

— Извини, — сказала мне Ряжская, когда я ответил на вызов. — Пришлось все-таки первой идти выступать. Мы генеральные спонсоры этого проекта... Ладно, это тебе неинтересно. Что там у тебя опять произошло? Только давай сразу к делу, без этих твоих упражнений в остроумии. Ясно, четко, детально. Слушаю.

Что, я правда так несмешно шучу? Уже вторая дама высшего бизнес-света мне про это сегодня говорит.

Может, просто им глубины моего юмора недоступны? Остальным-то нравится.

Ладно, чего бы генерального спонсора чего-то там не уважить. Детально — так детально.

И я выложил всю суть нашего разговора с госпожой Вагнер почти в том виде, как оно случилось на самом деле. Разве что только маленько сгустил краски, рассказывая о ее роли

в беседе, и сделал себя если не невинно оскорбленным агнцем, то добрым и светлым человеком, на которого катят незаслуженную бочку.

— Узнаю Яну, — дослушав, констатировала Ряжская. — Если где-то пахнуло деньгами, она стойку как московская борзая делает. Моя вина, не учла данного нюанса, знакомя ее с тобой. Могла бы и предусмотреть. Но ты не волнуйся, я с ней поговорю.

— Не думаю, что разговоры здесь особо помогут, — заметил я. — Она мне показалась более чем самодостаточной дамой, для которой чьи-то пожелания не слишком существенны, особенно если дело касается предполагаемой выгоды. Да и постоять я за себя, если надо смогу. Так, что мало кое-кому не покажется. С другой целью звоню.

— Загнать мне пару шпилек в бок? — не без ехидства осведомилась Ряжская. — Ставь где-нибудь плюстик, получилось.

— Дать маячок, где меня искать, если вдруг пропаду с ваших голубых экранов, — без тени шуток в голосе объяснил я. — Что-то мне подсказывает, что чета Вагнеров в погоне за гешефтом может далеко зайти.

— Но не настолько же, — укоризненно проговорила Ольга Михайловна. — Саша, на дворе не веселые девяностые, такими методами уже никто не пользуется.

Они что, все под копирку разговаривают?

— И тем не менее, — помолчав, сказал я. — Случаи бывают разные, как говаривал один беспечный поросенок. Вы Алеше вашему про это скажите.

— Ладно, — согласилась Ряжская. — А с Яной я все же пообщаюсь. Мы как раз завтра на прием с мужем идем, она с Петром там тоже будет. Причем формальный повод для «фи» у меня есть. Она забыла, что тебя с ней познакомила я, а значит ты... Неважно.

Неважно. Как раз важно. «А значит, ты мой человек» — это вы хотели сказать, Ольга Михайловна, ведь так? Причем это не неосторожная оговорка, все было произнесено вполне себе опосредованно.

Ладно, пусть будет так. Пока — пусть будет.

— Мне еще хотелось бы донести до нее, что она может потерять больше, чем приобрести, — тщательно взвешивая слова, произнес я. — Если начать на меня давить, то я могу потерять над собой контроль, и кончится это не очень хорошо. Не стану описывать как именно, но поверьте мне на слово. Я не люблю пугать и страшать, особенно людей, возможности и связи которых значительно превышают мои, но что мне остается делать? Опять же, вы наверняка знаете, кто является самым опасным животным на планете?

— Лев? — предположила Ряжская.

— Не-а. Крыса, загнанная в угол. Она способна на такое, что льву не снилось. И мне очень важно, чтобы госпожа Вагнер поняла, что не надо меня загонять в этот самый угол.

— Главное, что это поняла я, — подумав, сообщила мне Ряжская. — А до нее я это как-нибудь донесу.

На том мы и распрощались. Не знаю, как Ольга Михайловна, а я был доволен случившимся разговором. Он один хрен назревал. Так что где-то я даже был благодарен Яне Феликсовне. Если что — не буду на нее Глядею насылать. Грынушей ограничусь. Все-таки слепота — это очень страшно. Хватит с нее и стремительно прогрессирующей грудной жабы.

Я же не зверь, правда?

Да, вот еще что. Надо будет себе на ближайших выходных сейф купить. Небольшой.

Домашний. Книгу в нем хранить и разные полезные приблуды, вроде волос особо дорогих мне людей, как та же Ряжская, например. Тем более что коллекция может и расшириться. Не хотелось бы потерять что-то из нее. Да и денежные знаки тоже не дело хранить просто так, как бог на душу положит, распиханными по разным тайникам в квартире. Пусть в одном месте лежат.

Выбору сейфа я и посветил остаток рабочего дня, а во время дороги домой размышлял, поставить ли мне его просто так, на пол, или все-таки вызвать рабочих и встроить в стену, как делают все приличные люди? В стену, конечно, лучше, но вот выдержит ли вышеупомянутая стена такое вмешательство в себя? Дом у нас не новый, потенциальный кандидат на реновацию, так что как бы Вавилу Силыча безработным не оставить. Он ведь не простит мне этого.

В подобных мыслях я дошел до квартиры и было полез за ключами, но достать их не успел, потому что на меня сразу с двух сторон набросились Родька и Вавила Силыч, наперебой тараторя:

— Не открывай дверь! Не подходи к ней!

У меня даже ключи из рук выпали от неожиданности.

— Вы! Чего? — я даже запинаться начал. — С ума совсем сошли?

— Нельзя-а-а-а! — свистящим шепотом сообщил мне Родька, выпучил свои круглые глаза и потыкал лапой в сторону двери. — Туда — нельзя!

Я посмотрел на дверь. Какая была — такая и осталась. Закрыта вроде. Бомбы не видеть. Может, с той стороны, в квартире чего не так?

— Объясните уже, в чем дело? — потребовал я, подбирая ключи и все-таки отступая назад на несколько шагов. — А то говорите загадками.

— Тут показывать надо, — произнес Вавила Силыч, а после замер, прислушиваясь к чему-то. — Родь, вроде сюда едет! А ну, прячься!

Я совсем уж перестал чего-либо понимать, но после сообразил — это подъездный о лифте говорит.

Собственно — его рядом уже не было. И Родька тоже куда-то испарился, я остался на лестничной площадке один.

Лифт на самом деле остановился на нашем этаже, и из него вышел мой сосед из квартиры напротив, Константин.

— Привет, Саш, — бросил он мне, перекладывая пакет с символикой торговой сети «Дикси» из одной руки в другую. — А ты чего тут стоишь? Ждешь кого?

— Да вот, — я демонстративно порывлся в сумке, и досадливо поморщился. — Ключи, похоже, на работе оставил. Там все доставал, когда внешний жесткий диск найти не мог, и, по ходу, обратно не все положил. Придется снова на службу ехать.

— Беда, — посочувствовал мне Константин, открывая свою дверь. — Ты же где-то в центре работаешь? Такие петли, да еще в понедельник вечером... Врагу не пожелаешь.

Я печально вздохнул, давая ему понять, как мне невесело.

— Ну, удачи, — приободрил меня сосед и скрылся в своей квартире.

Хлопнула дверь, лязгнул замок.

Нет, все-таки во времена наступившего тотального равнодушия есть свои плюсы. Никто никому не мешает существовать. Прояви Константин сочувствие, свойственное москвичам былых времен, и не выяснил бы я, почему домой мне никак нельзя идти.

А узнать это мне ох как хочется!

Неужто я мадам Вагнер недооценил, и меня дома уже поджидают плечистые ребята с веревками, кляпом и ростовым мешком?

— Ушел, — вылез из какой-то совершенно неприметной дырки под потолком Вавила Силыч, а после шустро сполз по стене на пол. — Родион, ты где есть?

Родька, оказывается, ловко мимикрировал под дверь соседней со мной квартиры, схожей по колеру с его шерстью. То еще зрелище, доложу я вам, когда на ровной дверной поверхности начинают моргать два круглых глаза. Увидишь такое спяну — навеки завяжешь. Причем без всяких «торпед» и клиник.

— Вернемся к нашим баранам, — потребовал я, а после сказал своему слуге, который завертел головой: — В переносном смысле. Родя, нет тут никаких баранов, это поговорка такая! Вавила Силыч, объясни уже — в чем дело?

— Вон, — подъездный показал пальцем на правый верхний край двери. — Смотри. Только трогать даже думать не моги!

— Дверь, — напрягая зрение, сказал я. — Железная. Чуть облезшая. Погоди секунду. Достав смартфон, я активировал в нем режим фонарика и осветил угол.

— Все тоже самое. И что я увидеть должен?

— На раму смотри, на самый край, — просопел азартно Родька. — Неужто не видишь? Вижу. И в самом деле там что-то есть. Что-то маленькое поблескивает.

— Игла это, — произнес Вавила Силыч. — И не простая. Порча на ней. Какая именно — не скажу, мы такое не определяем. Но что порча есть — это точно. Открой ты дверь — и все, она твоя.

— Весело, — я осветил иглу поярче, а после даже на цыпочки привстал, чтобы рассмотреть ее получше. — Это что-то новенькое.

— И чего теперь делать будем? — всхлипнул мой слуга. — Домой-то как попасть? Нешто к Маринке этой шалопутной ночевать пойдем?

— Видно будет, — ответил ему я, отошел от двери, выключил в смартфоне фонарик и полез в записную книжку.

Глава тринадцатая

— Евгения, — бархатно произнес я в трубку, как только на том конце провода раздался заветный щелчок и негромкое сопение. — Категорически приветствую. Как ваше ничего?

— Чего надо? — просто и прозаично ответила девушка на мою витиеватую фразу. — Если поболтать позвонил — иди в задницу. Я целый день не жрамши, а потому не в духе.

— Приземленное ты существо, Мезенцева, — вздохнул я. — Бездушное. Я ей звоню сказать, что она вчера заставила меня взглянуть на себя другими глазами, что ночь не спал и день о том, чтобы ее голос услышать, мечтал, а мне в ответ — «не жрамши».

— Сейчас трубку повешу, — предупредила меня Женька.

— Не надо, — попросил у нее я. — Не хочешь о чувствах — давай о более прозаических вещах пообщаемся. Жень, а меня убить хотят.

— Тоже мне новость, — фыркнула Мезенцева. — Это всем давно известно. А учитывая то, какая ты язва и зануда, странно, что еще такое маленькое количество людей за твоей головой охотится. Еще немного, и я сама пополнию их ряды.

— Не-не, ты не поняла, — совсем уже развеселился я. — Прямо сейчас. Злым колдунством!

— Порчей, — поправил меня Родька. — Порча и волшба — разные вещи.

— Верно-верно, — подтвердил Вавила Силыч.

— Так, стоп, — остановила меня девушка. — Ты сейчас серьезно или это опять шутка юмора в твоём стиле?

— Серьезней некуда, — убрал усмешку из голоса я. — Вот, стою на лестнице, в квартиру опасаясь заходить. Иглу с какой-то хренью прямо над порогом воткнули, как только я его перешагну, то... Не знаю, что именно произойдет, но точно радоваться будет нечему.

— Плохо, — подытожила Мезенцева.

— Ну да, хорошего мало, — поддержал ее я.

— Да не в этом смысле, — немного нервно произнесла моя собеседница. — Пожрать я не успела. Только сковородку на плиту поставила, тут ты звонишь.

— Слушай, ну если все в это упирается, давай Ровнина наберу, — предложил я. — Тем более что он сам мне предлагал, мол, если что — звони. А ты отдыхай тогда.

— Не вздумай! — переполошилась Женька. — Я сейчас приеду. А, чччерт... Ну через час, точнее.

— Чего так долго? — удивился я. — Время пробок пошло на убыль, Третье транспортное уже едет.

— Это ты у нас богатенький Буратино с финансового Поля Чудес, — буркнула девушка. — А я госслужащая, на такси часто ездить не могу. Потому что если барствовать, то мне в конце месяца из питания останется только кусание собственных локтей. Для фигуры подобное полезно, для продолжительности жизни — нет.

— Жень, вызови такси, а я его здесь оплачу, — предложил я. — Не мудри.

— Благодетель, — притворно всхлипнула собеседница на том конце провода. — Кормилец!

— Женщина, — начал закипать я. — Не хочешь — не надо! Тогда я на самом деле звоню Ровнину, который решит все вопросы адекватней и быстрее чем ты! Я, знаешь ли, тоже хочу есть! И устал как собака. Короче — едешь?

— Еду, — тоже на повышенных тонах ответила Мезенцева. — Но знай — я тебя теперь не люблю еще сильнее, чем раньше!

— Детский сад — штаны на лямках, — прокомментировал я данное высказывание. Правда, уже после того как отключил смартфон.

— Порча не волшба, — подергал меня за брючину Родька. — Ты девку ту, из телефона, не путай. И сам не путайся. Порча — это порча, а волшба...

— Это волшба, — закончил я за него. — Мне это и до того известно было. Хотя, если честно, я особой разницы не вижу.

— Как же, — подал голос Вавила Силыч. — Есть она, и презренная. Волшбу далеко не всякий может в ход пустить, а только тот, кто силу должную имеет и умения. А порчу любой навести сможет, было бы желание.

— Прямо любой-любой? — удивился я.

— Если знать как — отчего нет? — подтвердил подъездный. — Правда, сила действия разная будет у порчи или там сглаза. Если зло в человеке велико и желание насолить ближнему тоже — знатная может выйти неприятность. А если нет стремления серьезно нагадить, а так, для баловства кто-то решил пошалить, то и опасаться нечего. Как бы тебе так объяснить... А! Вот! Знающая ворожея может такую порчу на глаз навести, что тот бельмом закроется или вовсе вытечет. Да еще и носовертку до кучи накликает, сопли до колен висеть будут. А девка-дура, которая где-то в интернетах ваших наговор нашла, даже ячмень хороший на око соперницы не посадит. Так, прыщ вскочит, да и все. А то и его не будет.

— Любопытно, — заинтересовался я и снова посмотрел на иголку. — Так значит, эту дрянь мне не ведьма подсунула под дверь? И не колдун какой?

— Ведьма? — Вавила Силыч скрипуче хохотнул. — Откуда ей тут взяться, ведьме? У тебя нож в притолоке торчит, ты забыл? Да и я бы ее сразу почуял, как и колдуна настоящего. Человек это был, человек. Если точнее — женщина средних лет.

— Так ты ее видел? — сразу подобрался я.

— Со спины, — досадливо поморщился подъездный. — Я не сразу понял, что к чему, а когда в окно-то глянул, уходила она уже. По фигуре видно — не девка молодая, а по походке, что не старуха. Стало быть, посередке она как раз, между девкой и бабкой. Лет тридцать — сорок ей. Хотя, с другой стороны, теперь и не поймешь, кто каких лет. Иная девка еще в возраст не войдет, а зад такой отъест, что твои ворота! Вот раньше удобнее было. На плат глянешь — и все ясно сразу. Коли плат яркий — девка. Коли с цветами или же вышивкой — баба. Ну, а коли черный — так вдовица.

Совсем неясно стало. Какой-то тетке непонятного возраста я так насолить мог, что она мне иголку с порчей в дверь воткнула? По отдельности и то, и другое случиться могло, но чтобы вместе это свелось...

Все страннее и страннее дело поворачивается.

Ничего не понимаю.

На лестничной площадке я ошиваться не стал, спустился вниз и уселся на лавочку возле подъезда. Хорошо хоть дождя не было, а то совсем бы меня грусть-печаль заела.

Мезенцева подкатила к дому минут через пятьдесят, вылезла из машины туча-тучей, и без всяких слов махнула головой — мол, расплатись.

Сдается мне, дело не в том, что она есть хочет и потому так зла. Просто не любит эта девушка не соответствовать самой себе в своих же глазах. «Я со всем справлюсь сама — и все тут», — вот ее лозунг. Она и тогда, после кладбища, меня послала не потому, что я потерянная в ее глазах личность ведьмачьего рода, а исключительно по причине того, что мне довелось увидеть ее страх. Тот, которого быть не должно в принципе, поскольку с ее точки зрения подобное недопустимо. Вот и перепало мне по полной программе тогда. Бзик у нее на этой почве. И ее верный спутник пистолет из той же оперы, она с его помощью самоутверждается. Короче — старику Фрейду она понравилась бы. Идеальный образец пациента для клинических исследований.

— Ну? — требовательно спросила Мезенцева у меня, когда такси отъехало от подъезда. — Веди, показывай, где тут твоя иголка. Слу-у-ушай, а если я ее сломаю, ты помрешь?

— Чем дольше я с тобой общаюсь, тем мне страшнее думать об эффективности работы правоохранительной системы в Российской Федерации, — без тени шутки произнес я. — Если в ней все станут такие как ты, то такие как мы вымрут.

— В смысле — ведьмаки? — уточнила девушка. — Ну и ладно. Вымрете — и хрен с вами. Мы стоим на страже мирных граждан, а вы не в нашей юрисдикции.

— Давай твоему шефу позвоним? — предложил я. — Думаю, он нас рассудит. Третьего дня мы как раз про что-то подобное говорили, и у него на этот счет была другая точка зрения.

— Почему я даже не удивлена? — презрительно скривилась Евгения. — Чуть что, сразу «шефу позвоним». Ладно, пошли уже. Холодно на улице.

На лестничной площадке она сначала потопталась у входа в мою квартиру с невероятно серьезным видом, внимательно изучила все вокруг, потом, сопя, было собралась схватиться за дверную ручку, и тут я не выдержал.

— Правый верхний угол. Жень, во-о-он там. Фонарик дать?

— Сама вижу, — буркнула оперативница, всем своим видом давая понять, что где-где, а тут ей помощь не нужна. — Не мешай, пожалуйста.

Вот ведь вредная девчонка. Ну видно же, что никак она иголку найти не могла.

Неудивительно, что у нее даже любовника нет. Теперь-то я Нифонтову верю на все сто.

— Есть такое, — невысокая Мезенцева только что не подпрыгивала, дабы лучше рассмотреть искомый предмет. — Торчит! Слушай, а ты уверен, что на ней порча? Это, часом, не шутка?

— Жень, ты последняя, над кем бы я стал шутить, — снова даже не пришлось кривить душой мне. — Во-первых у тебя нет чувства юмора. У тебя даже с сарказмом и то проблемы.

— Ну-ну, — Женька повернулась ко мне и преувеличенно внимательно стала меня слушать. — А во-вторых?

— У меня нет особой радости вообще с тобой разговаривать, так что — нет, это не шутка.

— Ну тогда ладно. — Евгения обогнула меня и плюхнулась задом на ступеньку. — Сидим, ждем, молчим.

— Если не секрет — чего? — любопытствовал я. — У моря погоды?

Девушка сурово сдвинула брови и прижала указательный палец к губам. Я показал ей кулак.

— Вдохновения мы ждем, — попутно изображая пантомиму «ой, как страшно», сообщила все-таки она мне. — Чего же еще?

— Слушай, для подобных целей ты могла бы и не приезжать, — уже всерьез начал сердиться я. — Вон фотку тебе «ммской» я бы послал — да и все!

— Фото — замершая жизнь, — пригладила свои рыжие волосы Мезенцева. — Оно не заменит процедуры личного осмотра места происшествия. Ну и, конечно же, радостные минуты общения с тобой!

Внизу хлопнула дверь, после зажужжал лифт и спустя минуту открыл свои двери на нашем этаже. Из него вышла девушка со смутно знакомым лицом.

— Вика, привет, — встала с лестницы Мезенцева. — Спасибо, что приехала!

Да-да, Вика. Виктория. Вечно хмурая сотрудница отдела, которая в свое время здорово помогла мне на кладбище, тогда, когда я моему ныне покойному наставнику подставу готовил. Она у них вроде как главная по заклинаниям. Что-то вроде эксперта и карманной чародейки в одном флаконе.

Вот Мезенцева! Так вроде дура душой, а соображает, кого позвать надо.

— Надо — значит надо, — почти равнодушно произнесла Виктория. — Добрый вечер, Александр. Что у вас случилось?

— Порча, — быстро ответил я и ткнул пальцем в сторону двери. — Вон там. Мощная и жуткая.

— Действительно? — Виктория подошла к двери поближе. — Прямо такая уж жуткая? Пока ничего такого не ощущаю. Флюиды хорошей порчи издалека можно уловить, а тут таким и не пахнет.

Сотрудница отдела, как и мы до нее, привстала на «носочки» и провела рукой над тем местом, где торчала иголка, после чего я увидел, как там, в полумраке, на секунду сверкнула маленькая красная искорка.

— Ничего жуткого и тем более мощного, — повернулась девушка к нам с Мезенцевой. — Примитивная работа, я бы сказала — топорная. Поводов для паники нет совершенно. Нет, для обычного человека она могла представлять определенную угрозу, это да, но вы, Александр, даже не почесались бы. Вы ведьмак, вам опасаться нечего. Ваша сила защищает от подобной кустарщины более чем надежно. Жень, и к чему были все эти твои вопли из серии «хватай мешки, вокзал отходит?». Я понимаю, что ты испугалась за нашего общего друга, но не настолько же? Могла бы и просто фотку прислать, не дергая меня из дому. Даже так? Кто-то за меня, выходит, переживает все же. Приятно. А какой повод для злословия у меня теперь появился!

Но это потом. Сейчас интереснее другое.

— А кто подобное мог сотворить? — я подошел поближе к Виктории. — Ну кто автор этой порчи? Как бы так объяснить...

— Из ваших он или не из ваших? — уточнила чародейка — Нет, не из ваших точно. Это дело рук человеческих. Чистоты плетения нет, защиты нет, заговор на крови девственницы, но сделан так грубо, что аж скулы сводит. Ни один обитатель мира Ночи так бестолково кровь использовать не будет. Тем более такую мощную. Это работа дилетанта, который что-то слышал, что-то видел, но ничегошеньки в процессе наложения порчи не понял. Нет, некий опыт у создателя сего безобразия есть, но мизерный, не более того. Чудо, что вы вообще эту порчу как-то умудрились почуять. Кстати — а как вы ее обнаружили?

— Это мой слуга, — рассеяно ответил я, пытаюсь понять, это что же за человек такой мне свинью подкладывает. — Он ее опознал и меня предупредил.

— Слуга? — тоненькие брови Виктории изумленно поднялись вверх. — А, поняла. Мохнатик вроде того, что у нас недавно поселился? Да, это смекалистые ребята, они могут.

— Как Афонька, кстати? — понял, о ком идет речь я. — Обжился? Не пьет?

— При деле, — ответила вместо чародейки Евгения. — Архив наш сторожит, и попутно его в порядок приводит.

— Это хорошо, — я потер щеки ладонями. — И все-таки — кто же мне эту хрюшку подложил, а? И, главное, вводные просто сумасшедшие — это человек, дилетант, но имеющий представление о том, что именно он сотворил. Блин, сейчас башка взорвется.

— Кстати, на это порча и направлена, — впервые на моей памяти улыбнулась Виктория. — Головная боль.

— Чего-то жиденько, — изумилась Мезенцева. — Всего-то? Ладно бы на гниение внутренностей или тому подобное. А тут — головная боль. Пффе!

— Ты просто по молодости не знаешь, что такое постоянная изматывающая головная боль, — холодно объяснила чародейка коллеге. — Непрекращающаяся, все время нарастающая и ничем не купируемая. Это ад на земле. Зубная боль на фоне подобного бедствия детские игры на лужайке.

— Ой, старушка нашлась, — округлила глаза Мезенцева. — У нас разница лет в семь. Виктория ничего на это ей отвечать не стала, она снова подошла к двери, достала из вместительной дамской сумки, что висела у нее на плече, коробочку, из той извлекла пинцет и уже им вытащила иголку.

— Нет, на редкость слабая работа, — сообщила она мне, повертев иголку перед глазами. — Уровень доморощенных колдунов и ведьм, которые всему учились по интернетным сайтам. Кстати, скорее всего так эта бяка и изготовлена, рецепт откуда-нибудь из сети взят. Что ты так на меня смотришь, Мезенцева? Да, и там кое-что найти можно, представь себе. Причем — работающее. Дураков на свете много, иные сами не понимают, что в свободный доступ выкладывают.

— Однако! — только и смог сказать я.

— Повторюсь — тебе это ничем не грозило, — негромко продолжила Виктория. — Будь ты тем, кем раньше, то послезавтра к вечеру уже бы на стенку лез от боли. Но ты теперь другой, потому не переживай. И еще — молодец твой слуга, похвали его за наблюдательность. Раз об этой безделице предупредил, то чего посерьезней точно не пропустит.

Она достала из сумки маленькую пустую стеклянную пробирку, вынула из ее горлышка деревянную затычку и аккуратно опустила иглу внутрь.

Родька, который, естественно, подслушивал, не мог пропустить таких хороших слов о своей персоне. Он вылез невесть откуда и в пояс поклонился Виктории, поблескивая глазами.

— Какая прелесть, — со слабой улыбкой сообщила нам чародейка. — Еще и воспитанный. Не то что наш Афоня, который не здороваётся никогда.

Она присела на корточки и протянула Родьке руку. Тот вытер свою лапку о шерсть и ответил на рукопожатие, да еще и ножкой шаркнул. Было видно, что Виктория ему понравилась, не то что Маринка или Мезенцева.

А у меня в голове все вертелось — «доморощенные колдуны», «доморощенные колдуны». Две женщины и мужчина, амулеты, которые дети Ночи носить сроду не станут, Силюянов... Что-то крутилось в голове, вот только ухвати мысль за хвостик — и все встанет на свои места.

Чего-то не хватало, чего-то важного, последнего связующего звена.

Стоп!

— Жень, а я ведь знаю, кто на меня охоту объявил, — глупо улыбнувшись, сообщил я оперативнице, которая с усмешкой глядела на Викторию, гладившую Родьку по голове. — Точнее — есть у меня версия, причем более чем состоятельная.

— Излагай, — предложила мне девушка. — Почему не послушать?

— Это они, — я показал на Викторию.

— «Они» — кто? — опешила Женька. — Вика и ее клоны?

— Да нет, — я даже ногой топнул. — Эти самые потомственные колдуны и прочие хироманты-гадальщики. И дело тут не в моей ведьмачьей сущности, потенциальной опасности для человечества и так далее. Все просто и обыденно, аж до скуки. Деньги, Жень, деньги.

— Бредит? — спросила у Вики Мезенцева, та пожала плечами. — Какие деньги, Смолин? Ты мелкая сошка в банке, откуда у тебя деньги? Я имею в виду — большие. Такие, за которые убивают.

— У хозяина есть деньги! — возмутился тут Родька, задетый за живое. — Мы не голодранцы, как некоторые. Те, которые вон себе портки нормальные купить не могут и в рванине ходят! Тьфу!

И он указал коготком на джинсы Евгении, которые согласно тенденциям современной моды имели несколько фигурных прорех в районе колен.

— Болтун — находка для шпиона, — сообщила в никуда Виктория.

— Яблочко от яблони, — заметила Мезенцева и обратилась ко мне: — Прокомментируй слова этого существа, Смолин.

— Во-первых, это не существо, — встал в позу я. — Это мой друг, и его зовут Родион. Родька подбоченился и выпучил глаза, как бы говоря: «да-да-да».

— Во-вторых, — я замялся. — Ну-у-у, ты просто немного не в курсе. Я тут в последнее время немного промышляю... Как бы так сказать...

— Практической магией, — подсказала мне Виктория. — Верно угадала?

— Не совсем, — уклончиво ответил я. — Магии я не знаю, не мой профиль. Скорее, смесью знахарства и алхимии.

— У нас деньжищ в доме вот такая пачка! — все никак не мог успокоиться Родька, он подбежал к Женьке и дернул ее за штанину. — Вот такая! Во!

И он показал лапками размер пачки, преувеличив его раза в три. Или даже в пять. Вот поганец! Уйдут гости — я ему язык вырежу. Черенком ложки, чтобы больше было.

— Очень интересно, — скрестила руки на груди Мезенцева. — Почку он, значит, продает. Хотелось бы уточнить — чью?

Лязгнула дверь соседней квартиры, из нее высунулась голова Константина.

— Сосед, ты чего шумишь? — спросил он, что-то жуя. — Никак дверь не откроешь? Так ты слесаря, что ли...

— Все нормально, — успокоил я его, достал из кармана куртки ключи и потряс ими в воздухе. — Извини за шум.

— Да я вижу, что нормально, — ухмыльнулся тот. — Я-то ему про слесаря! Ну и правильно, гуляй, пока неженат. Потом все, потом уже таких красоток не вызовешь. У женюх как у овчарок, они это дело на раз просекают.

И голова соседа снова скрылась за дверью.

— В первый раз меня за проститутку приняли, — с удивлением сказала Виктория. — Всякое бывало, но такого... Мезенцева, что ты опять пыхтишь как чайник? Это не оскорбление, это комплимент. Это значит, что мы еще не так плохо выглядим и сохранили товарный вид.

— Пошли чайку попьем? — предложил я. — Чего мы тут, на площадке, в самом-то деле?

— Ну да, логово алхимика, — оценила Виктория мою домашнюю лабораторию, только войдя на кухню. — Странно. Я слышала, что ты вроде как Ходящий близ Смерти. Зачем же тогда это все?

— Мы, ведьмаки, народ работающий, — усмехнулся я. — И — многопрофильный. А если честно, пока занимаюсь тем, что хоть как-то получается. Стараюсь пройти от малого к большому. Родька, чайник ставь. Опять же — печеньки-баранки на стол.

— И колбасу с сыром, — потребовала Мезенцева. — Хотя — какая колбаса? У тебя денег полпуда! Икру и осетрину подавай!

— Ты зря так резвишься, — негромко произнесла Виктория. — Вон то милое существо почти дошло до стадии кипения. Обрати внимание, как он на тебя нехорошо смотрит. Я вот не знаю, на что способны слуги ведьмаков и какой мощи проклятия они могут накладывать, но что на это способны — не сомневаюсь.

Тут, я думаю, она переборщила, насчет проклятий, имеется в виду. Но вот остальное — это да. Кружка Евгении досталась с отбитой ручкой и выщербленным краем, уж не знаю, где Родька у меня дома такую нашел, а колбаса, масло и сыр были поставлены на стол максимально далеко от того места, где она пристроилась. И сахарница тоже.

— Итак, — Виктория отпила чаю. — Ты полагаешь, что охоту устроили именно представители псевдомагического цеха?

— Судя по всему — да, — я рассмеялся. — Вот же! Я-то гадаю, психую, даже, чего уж там, побаиваюсь. А тут всего-то матушки Агафьи с белыми магами Атлантиды объединились и конкурента выжить пытаются. И, главное, говорил же мне умный... Ну почти умный человек, что конкуренция у них будь здоров какая, и что они за копейку друг другу глотки грызут! А я его не слушал.

— Вообще, очень похоже на правду, — подумав, сказала Виктория. — Я как-то сталкивалась с этой стороной жизни, все именно так. И — да, подобная примитивная порча — это как раз их уровень. Выше им не подняться, там же нет ни опыта, ни знаний, ни, что главное, природного или приобретенного дара. Без него ничего путного не получится.

— А почему бы им просто стрелка не нанять? — Мезенцева, не обращая внимания на недовольное сопение Родьки, намазала хлеб маслом, положила на него сыр, а на сыр колбасу, после подумала и добавила еще того и другого. — Куда проще и эффективнее. Погоди, так тот твой безопасник... А-а-а-а! Да, и в самом деле все совпадает. А еще становится понятно, как ему мозги до такой степени запорошили. Магии эти граждане не знают, но вот психологи и гипнозисты они хорошие. А то и просто отличные. И не таких ломали, как твой, как там его... Неважно. Мне Пал Палыч про эту публику тоже рассказывал.

Ну да. Кусочки мозаичной смальты, переставшие быть просто разноцветными камушками, один за другим со щелчками вставали на свои места.

Москва — город большой, но при этом горячие новости по нему разносятся с невероятной скоростью. Профессиональные новости, имеется в виду. В какой-то банк проверка еще не нагрязнула, но его конкуренты уже в курсе, что «идут к ним, идут». Причем знают даже фамилию руководителя проверки, то, что «брать на этот раз она будет» и что «за лицензией идут. Капец им».

Сбывается не всегда, но, тем не менее, так есть.

Вот, должно быть, и обо мне такая весть прошуршала по профессиональной среде целителей, колдунов и предсказательниц. Не исключено, что даже суммы гонораров были озвучены, и имена тех, кто мне эти гонорары заплатил. И про то, что я исправно добивался результата там, где они раньше терпели фиаско, тоже стало известно.

А после эти люди поняли, что я пришел за их деньгами и уже начал их к себе подгрывать. Пока детской лопаткой, но скоро подгоню экскаватор. Вот тогда они и объединились, забыв

прежнюю конкуренцию и разногласия, которые, несомненно, в их цехе присутствуют. Так сказать — перед лицом общего врага.

И начали действовать. Собрали информацию, нашли Силуянова, обработали его как следует, может, и какой дурман в ход пустив, а после натравили на меня. Ну а когда не получилось, запулили следующий шар, в виде порчи.

Не знаю, поняли они, кто я на самом деле, или нет, да это и неважно. Хотя, думаю, что знать о мире Ночи они знают, очень уж близки границы того, чем они занимаются, и моя новая среда обитания. Да и не все там такие, как испанский колдун Максиваксио, есть среди них люди, видящие чуть дальше, чем остальные. Достаточно вспомнить ту же бабушку Сану Раю. Вот только меня они с ним не связали, надо полагать. Все как всегда — люди меряют других по себе. А что у меня получилось то, где они провалились — так это случайность.

Повторюсь — это неважно. Главное, что когда они поймут, что и порча не сработала, то сделают следующий шаг. Причем неизвестно какой. А если и в самом деле плюнут, да и наймут стрелка, чтобы тот мне голову продырявил? Понятное дело, что они сначала не хотели связываться с откровенной уголовщиной такого плана. Заказное убийство штука серьезная, его расследовать будут по полной. Одно дело свихнувшийся сотрудник банка, в состоянии аффекта придушивший коллегу, а после неспособный толком объяснить, что к чему, да к тому же несущий откровенную ересь про демоническую природу убиенного, и совсем другое пальба из оружия. Сейчас не девяностые, закон и порядок какой-никакой присутствует. Но если все аргументы кончатся, они могут и на такое пойти. Бах — и раскину я мозгами по асфальту.

Так что надо думать, как их обогнать.

Но вообще мне изрядно полегчало. Теперь я знал, откуда ноги растут у моих проблем, что дает возможность для маневра. И ответного удара. Поглядим еще, у кого зубы крепче.

Вот ведь. Я чего только не перебирал, сверхъестественные теории строил, а в результате все, как всегда, уперлось в сплошь материальное. Нет, не выжить Моране в нашем современном мире. Никак не выжить. Если уж я, плоть от плоти его, маху дал, то куда ей лезть, с ее замашками и закидонами?

— Искать их надо, — жуя, сказала Женька. — Пока они еще чего не учудили. Вон сделают Сашке дырку в голове — и все.

Она ткнула мне пальцем в лоб и издала звук вроде «пффф».

— И этот человек говорил мне, что слово материально, — хлопнул я ее ладонью по пальцу. — Но в целом у дураков мысли сходятся.

— Женя, а когда Нифонтов возвращается? — спросила Виктория, и благосклонно кивнула Родьке, который подлил ей кипяточку в чашку и пододвинул поближе розетку с вареньем. Кстати — а откуда у нас варенье? Не было же его?

— Послезавтра вроде, — прочавкала Мезенцева. — Так Олег Георгиевич сказал.

— Послезавтра, — задумчиво произнесла мрачная красавица. — Это хорошо. В самый раз. Впрочем, полагаю, если что, то Александр с этими людьми справится без особых хлопот. Как мне думается, он способен на многое. Да, Александр?

— Вы о чем? — спросил я у нее.

— Сидеть и ждать у моря погоды — это не лучший способ решения имеющихся проблем, — объяснила мне Виктория. — Врага надо знать в лицо.

— Полностью с вами согласен, — подтвердил я. — Как раз думаю, как бы этих поганцев найти. Вот только пока в голову ничего не приходит. Ну не таскаться же по всем магическим салонам с расспросами? Тем более что их в Москве как на бобике блох. В каждой подворотне либо потомственная ведьма, либо великий маг сидят.

— А вот это как раз не очень сложно. — Виктория достала из сумки все ту же стеклянную пробирку. — Хвостик от клубочка я тебе дам, а ты его после разматывай. Ну и Коля тебе, я думаю, поможет. Он к тебе очень хорошо относится. И вон Женя тоже.

— Пальцем не шевельну, — заверила нас Мезенцева, пожирая второй бутерброд.

— Врет. — Виктория вытащила пинцетом иголку. — Не слушайте ее. Она мне сегодня, когда позвонила...

— Бубуб-бубу-у-у! — негодующе пробубнила с набитым ртом Мезенцева. — Бу-у-у-у!

— Молчу-молчу, — усмехнулась Виктория и повертела иголку перед глазами. — Ну до чего же все-таки грубая работа. Ужас. Куда мы катимся? Ведь какие традиции у русской и славянской волшбы, какое прошлое! И вот, на тебе.

Я, кажется, начал понимать, куда она гнет. И если это так, то жизнь станет еще проще. Вот только Нифонтов в этом раскладе будет лишним. Не он мне тут нужен, а кое-кто другой.

Кто действует куда эффективней.

Виктория провела ладонью над иголкой и что-то прошептала, что именно, я не разобрал.

Секундой позже на кончике иглы, том, что с прорезью для нитки, снова загорелся алый

огонек. Губы Виктории опять шевельнулись, глаза сузились, и она снова резко провела ладонью над иглой.

По блестящему в электрическом освещении металлу пробежала красная волна, от окончания иглы к ее острiu, и оно на секунду вспыхнуло ярко-белым светом.

Глава четырнадцатая

— Вот и все. — Виктория протянула мне иглу. — Держи, Саша. Это тебе пригодится. Нет-нет, можешь брать ее руками смело, вреда от этого предмета больше никому не будет, кроме разве того, кто его здесь оставил. Но выкидывать ее ни в коем случае не надо. Вот, пробирку держи, чтобы она не потерялась или с другими иглами не перепуталась.

— Вика, ты крута! — сообщила Женька восторженно. — Ты перенаправила порчу? Я ведь правильно поняла?

— Правильно, — ответила ей коллега. — Вообще-то подобное нашим руководством не приветствуется, но в данной ситуации — это допустимая мера. Александр, через пару, максимум тройку дней тот, кто эту порчу сотворил, сам придет к тебе.

— За этой иглой? — показал я Виктории пробирку.

— Именно, — одобрительно произнесла девушка. — Пока этот неизвестный ее не расплавит, у него голова разрываться на части будет от боли. С учетом же того, что зло всегда возвращается семью семь крат, ему, поверь, не позавидуешь, так что выход у этого человека будет один — найти тебя и любым способом забрать обратно предмет, на который была наложена порча. И когда он придет, ты, при правильном подходе к делу, многое у него сможешь узнать. Но я лично советую самому особо не утруждаться. К тому времени вернется Николай, он подобные вещи умеет делать лучше, чем кто-либо другой.

— Спасибо, — от всей души поблагодарил я Викторию. — Огромное спасибо! Такой камень с плеч упал! Размером с гору Казбек. И еще вот что... Возможно, прозвучит не очень красиво, но за мной должок.

— Я запомню, — без тени иронии сказала девушка. — Мезенцева, ты свидетель, что это обещание было дано.

— Ага, — отозвалась Женька, мастерица очередной бутерброд.

О как. Я не то, чтобы пошутил, но близко к тому. Подобная фраза — норма вещей, все говорят в тех или иных случаях, что за ними должок, но никто никогда никому его выплачивать не собирается.

Но вот только, похоже, не в данном случае. Не знаю почему, но, кажется, с меня его взыщут целиком и полностью.

— Спасибо за чай, — чародейка из отдела 15-К встала с табуретки. — Поеду домой.

Мезенцева, мне в другую сторону, но, если хочешь, могу тебя подбросить до метро.

— Езжай, — отмахнулась Женька. — Я остаюсь, потому что не все еще доела. Смолин мне потом такси вызовет. Он богатый, с него не убудет.

— Как скажешь, — даже не стала спорить Виктория. — Саша, проводи меня.

Уже у самых дверей она остановилась и произнесла:

— Не обижайся на нее. И не обижай. Женя славный человек. А характер... Он у нас всех не сахар. Просто не всегда понимаешь, что слова — это только слова, и не видишь за ними того, что есть на самом деле.

— Хорошо, — пообещал я, хотя и не со всем вышесказанным был согласен. — Постараюсь.

— Постарайся, — одарила меня на прощание неожиданной улыбкой Виктория и сама прикрыла за собою дверь.

— Грустная и красивая, — сообщил мне Вавила Силыч, невесть откуда взявшийся здесь. — И чародейство знает.

— Как есть волшебница, — подтвердил я.

— Чародейство и волшба — разные вещи, — пояснил Вавила Силыч. — Ты их не путай.

— О боги! — вздохнул я. — Как все непросто!

— Понятное дело, — даже не стал спорить подъездный. — Простого вообще в мире ничего не бывает. Даже таракан — и тот не просто так усамы шевелит.

— Надо будет нам с тобой как-нибудь сесть за стол, и ты мне детально объяснишь, чем отличаются волшба, чародейство и к какой отрасли магии относится порча.

— Сам разберешься, — отмахнулся от меня подъездный. — А не разберешься — невелика беда. Ты ведьмак, тебе оно не надо.

А на кухне тем временем Евгения методично и последовательно уничтожала все съестное, стоявшее на столе. Напротив нее сидел мрачный как туча Родька и провожал взглядом каждый кусок, который она поглощала.

— Хоть обсеркайся глазами, на меня это не действует, — с набитым ртом сообщила моему слуге Мезенцева и цапнула новый кусок хлеба. — Лучше еще сырку подрежь.

— Нету больше, — проворчал Родька. — Кончился!

— Вот он у тебя жадина! — сообщила мне Женька. — И вредина! Наш Афонька и то лучше. И добра твой куркуль не помнит!

— Какого это добра? — возмутился Родька. — Пока кроме убытков да ругани с хозяином от тебя ничего хорошего наш дом не видал.

— А кого я печеньками в придорожном заведении кормила? — ехидно произнесла Мезенцева. — Летом еще? И слова не сказала, когда ты их все к себе в рюкзак утащил. А теперь кое-кому для меня даже сыру жалко.

— Нету сыра! — упрямо пробормотал Родька. — Нету! Если хочешь — вон целый чайник кипятку. Хоть залейся!

— Да и леший с тобой! — встала из-за стола Женька. — Нет и не надо. Смолин, до чего у тебя жадный сожитель, ужас просто!

— Он не сожитель, он слуга, — пояснил я. — Это разные вещи. Слушай, ты мне лучше скажи — а чего Виктория все время такая смурная? Вроде молодая женщина, красивая, умная, но по повадкам чисто Снежная Королева.

— Да у нее несколько лет назад любимого убили. — Женька, проходя мимо Родьки вдруг нагнулась и чмокнула его в черную кнопочку носа. — Спасибо, милоч, и за еду, и за вежливое обхождение!

Родька возмущенно заверещал и начал вытирать нос лапами.

— Так вот, — Мезенцева, не обращая ни малейшего внимания на происходящее за ее спиной, легко, словно пританцовывая, направилась в комнату. — Как его убили, так и ее словно подменили. Раньше, если верить рассказам коллег, она была живчиком почище меня. Не знаю, сама не видела, но врать народ вряд ли станет. Да и этого парня, Германа, я тоже не застала, потому как была назначена как раз на его место. У нас, Смолин, тоже есть четкое количество штатных единиц, и когда одна выбывает, то на ее место сразу берут другую. Когда-нибудь и на мое кого-то возьмут. Когда я погибну при выполнении служебного задания.

— Типун на твой длинный язык, — не выдержал я, следуя за ней. — Мелешь вечно не знаю что...

— Волнуешься? — Женька оперлась на мое плечо. — Приятно. Но, увы, увы, в нашем отделе по-другому не бывает. Знаешь, у нас даже поговорка есть: «никто и никогда». В смысле — никто и никогда по своей воле из 15-К не уходит и своей смертью не умирает. Так что это только вопрос времени. Сначала мне тоже жутковато было, а потом привыкла и смирилась. О, знакомые все лица!

Мезенцева подошла к шкафу, где на одной из полок стояла так и не убранная фотография Светки.

— Это твоя бывшая, — Женька взяла с полки рамку и хихикнула. — Как мило! Как трогательно! Ты даже хранишь ее фотку! Смолин, не знала, что ты так сентиментален. И даже пыли на ней нет. Ой, это что-то!

— Стоит и стоит, — невозмутимо произнес я. — Хлеба не просит. И потом — я же не говорил, что наш с ней брак был неудачным. Что-то не срослось, что-то не получилось, но это не повод жечь все мосты. Нет, ты-то наверняка при расставании с молодым человеком совместные фотки ножницами режешь и все памятные предметы торжественно кремируешь. Но не все же такие, как ты?

— Не знаю почему, но почувствовала себе дурой, — призналась Женька. — А ты не так прост, как я думала. Или это тебе стены помогают? Твой дом — твоя крепость. Она еще раз посмотрела на фотографию, поставила ее на старое место, потом подумала и толкнула пальцем так, чтобы та упала лицом вниз.

— Тот случай, когда даже не знаю, как поступить правильно. По уму, надо уезжать, потому что так будет верно. А самой хочется остаться. Только ты не строй иллюзий, Смолин, не в тебе дело. Будь на твоём месте кто-то другой, было бы то же самое. Просто осень пришла. Везде серо, сыро, холодно. Хочется тепла, хотя бы иллюзорного.

— Оставайся, — предложил я. — В чем же дело? Тем более что ты для себя все уже решила.

— Это просто одна ночь, — предупредила меня Мезенцева. — И все!

— Кто бы спорил, — усмехнулся я. — Да меня наши не поймут, что там, что там, если узнают, с кем я связался.

— Какие «наши»? — опешила Евгения.

— Одни в банке, вторые — там, в темноте, — я махнул рукой в сторону окна. — А как ты хотела? Для первых ты мент, для вторых сыскной дьяк. Куда там Монтекки и Капулетти, тут противоречия посерьезней. Это, Женя, не просто грехопадение выходит, это...

Ну это я, конечно, преувеличил. Ни там, ни там до меня никому дела не было вовсе никакого. Потому что ни там, ни там я особо никому не нужен был. Но звучало-то красиво. Импозантно, я бы сказал.

— Ты болтун, — она подошла ко мне совсем близко. — Невероятный болтун.

— Какой есть, — пожал плечами я. — Нравится — бери, не нравится — иди.

Девушка глубоко вздохнула, обогнула меня, подошла к комнатным дверям и громко крикнула:

— Родион, сюда этой ночью не соваться. На кухне переночуешь, не маленький.

А после захлопнула створки. Громко, так, что стеклышки дверные зазвенели.

Как она ушла утром — не слышал. По крайней мере, когда зазвонил будильник, все что от нее осталось, это неуловимый запах духов и рыжий волос на подушке.

— Жень? — на всякий случай крикнул я, рассудив, что, возможно, она добывает на кухне содержимое моего холодильника. — Ты здесь?

— Нет ее, — сумрачно сообщил мне Родька, бочком входя в комнату. — Час, как ушла. И мне еще на прощание пальцем погрозила. Хозяин, не пара она нам! Не пара! Другая хозяйка нам нужна, потому как... Ох, батюшки!

Родька заметил, что на полке шкафа нет фотографии Светки, невероятно шустро, цепляясь лапками за ручки отделений, вскарабкался вверх и облегченно вздохнул, поняв, что никуда она не делась и никто ее не выкинул.

Он дыхнул на стеклышко, протер его и поставил фото так, как оно стояло до того.

— Вот — хозяйка, — заявил он мне. — Сразу видно. И прикрикнет, если чего, и похвалит, коли заслужил. А эта рыжая чего? Только жрать горазда да глотку драть.

— Ты сейчас о чем конкретно? — привстав, чуть смутился я, вспомнив, что творилось в комнате, когда мы потушили свет.

— Да все у нее вечно виноватые, все у нее дураки, она одна умная, — пояснил Родька. — А у самой за душой нет ничего, только портки драные. Нет, хозяин, я тебе так скажу...

— Ты давай помолчи, — посоветовал я ему, слезая с кровати и аккуратно снимая волос Женьки с подушки. — Позволь мне самому решать с кем жить, как и когда. И пустой конверт из вон того ящика дай. Да не этого, а вон того.

— Ясно, что дело твое, хозяин, — продолжал бубнить Родька, выполняя мое указание. — Но и ко мне прислушиваться тоже не мешает. У меня глазок — смотрок, я на пять верст вглубь земного чрева вижу!

— У тебя глаз, как фара на «Запорожце», потому что круглый и светится в темноте, — возразил я слуге, убирая волос в конверт. — И вообще — много ты воли взял, мой мохнатый друг! Давно фановые трубы с подъездными не чистил?

Черт, я ему эту фразу стал говорить так часто, что он к ней, похоже, просто привык. И впрямь сдать его снова в аренду Вавиле Силычу, что ли? В профилактических целях. Интересно, а чем ему так Светка по душе приглянулась? Он же ее ни разу даже не видел своими глазами. Хотя на фотографии она получилась здорово, что есть — то есть. Это мы тогда ей специально фотосессию заказывали, у профессионального фотографа. Дорого вышло, но очень качественно.

Но это все ладно, это все лирика. Надо о более прозаических делах подумать. Я так понял, через пару дней ко мне наведается та, кто мне иголку с порчей в дверь воткнула, и неплохо бы ее встретить честь по чести, с оркестром и всем таким прочим. А именно — с теми, кто сможет квалифицированно получить у нее интересующую меня информацию. Я сам, боюсь, недостаточно опытен в данных вопросах, так что нужна помощь со стороны. А именно — надо побеспокоить госпожу Ряжскую. У нее такие кадры есть. Например — Алеша. Сдается мне, он большой мастак в данной области. Нет, еще есть Стас, у которого тоже имеется должок передо мной, но его я пока приберегу. Он отлично умеет считать, и оказав один раз помощь бескорыстно, за ранее оказанные мной ему услуги, потом непременно выставит счет за последующие. Но даже не в этом беда, деньги — это только деньги, тем более что сейчас они у меня есть. В следующий раз он может мне просто отказать, если сочтет что моя просьба может повредить его карьере. Свой человек в органах — великое дело, пусть даже и на такой, вроде бы незначительной должности, его надо беречь. Никогда не знаешь, когда такая помощь пригодится. В России живем, а в ней от сумы и тюрьмы зарекаться не стоит никогда и никому.

Так что — Ряжская. Заодно и проверим, как далеко простирается ее расположение ко мне.

И еще... Она до сих пор не знает, кто я такой на самом деле. Догадывается — наверняка.

Но не более того. Она, небось, и слова-то такого как «ведьмак» не слышала, думает, что я какой-нибудь колдун или знахарь. Так пусть узнает, почему нет? Вот и выясним, готова ли она далее общаться с тем, кого на белом свете нет. Я с теми, кто мою голову собирался забрать, либеральничать не стану. Прав Хозяин Кладбища, нет в мире Ночи сочувствия к тем, кто тебя убить хотел. Ты его пожалеешь, а он только над тобой посмеется и завтра

умнее да злее будет. Так что наказать их надо как следует. И тут мне опять понадобятся люди Ольги Михайловны, потому как Нифонтов на такое не пойдет. Ему по штату не положено. А вот Алешу вряд ли остановят должностные инструкции и министерские положения, они для него не писаны.

В общем — завтракать и в путь. А по дороге на работу я ей и звякну, хоть бы даже с родного Гоголевского. Тем более что денек сегодня обещает быть просто замечательным, в смысле погоды, утром такого дня приятно минут на десять приземлиться на лавочке и подышать чуть влажным и каким-то особенно пряным осенним воздухом, в котором неведомым образом сплелись запахи, которые вроде бы не должны соседствовать. Тут тебе и прелея листва, и влажная земля, и чад из недалекой чебуречной, и автомобильные выхлопы. Какофония ароматов, но вместе со всем остальным, с остатками желтой листвы на деревьях, с детьми, деловито спешащими в школу, с женщинами, невероятно грациозно вышагивающими на своих «шпильках» по бульвару, они образуют нечто такое, что обычно называют «московской осенью». А еще — тучи наконец ушли, и небо сияет той пронзительной чистотой и синевой, какая бывает только в этом городе и только в последние дни октября, незадолго до того, как Москву закружит в белизне первой метели новой зимы.

Собственно, так и сделал. Купив в давно знакомой мне закусочной очередной «хот-дог» (холодильник и в самом деле оказался почти пустой, не врал Родька), я бодро сжевал его, стряхнул крошки с галстука, погладил себя по животу и достал смартфон. Ну да, для дам ее круга час ранний, но, с другой стороны, солнце встало, а, значит, и людям спать нечего.

— Мое почтение, Ольга Михайловна, — бодро проорал я в трубку, когда, к моему величайшему удивлению, Ряжская сняла ее после второго гудка. — Как там у Грибоедова? «Едва рассвет, и я у ваших ног».

— Не так, — звонко рассмеялась Ряжская. — «Чуть свет, уж на ногах! И я у ваших ног!». Но на фоне нынешней бездуховности уже тот факт радостен, что ты знаешь классиков. Доброе утро.

— Не разбудил ли? — вложив в голос все сочувствие, поинтересовался я. — Прямо ломал голову — не слишком рано звоню?

— Я встаю в шесть утра, — кротко объяснила мне собеседница. — Ты наверняка в это время еще дремлешь, а я уже бодрствую. Деньги не любят тех, кто долго спит. Они любят энергичных и целеустремленных.

— Не видать мне большого капитала, — вздохнул я. — Ленив больно.

— Не скажу, что сейчас сильно занята, поскольку стою в пробке, но и особо временем не располагаю, надо с кое-какими документами поработать. Что хотел, Саша?

— Во-первых узнать — как там госпожа Вагнер? — решил не лупить просьбой прямо в лоб я. — Надеюсь, ваша вчерашняя беседа заставила ее пересмотреть планы в отношении меня?

— Не сказала бы, — досадливо цокнула языком женщина. — У Яны есть одна очень скверная черта — когда она чует запах денег, то становится неуправляемой. Причем даже неважно, о каких суммах идет речь. Тут как с собакой Павлова — прозвучало слово «прибыль», и все — обильное слюнотечение, глаза навывкате, виляние хвостом и все остальное, что полагается. Так что, боюсь, она тебя еще будет некоторое время донимать своими визитами.

— Надеюсь, только своими? — немного встревожился я. — Просто не хотелось бы общаться с крепкими ребятами, обладающими внешностью истинных арийцев.

— Почему «арийцев»? — изумилась Ряжская.

— Ну она же Вагнер, — пояснил я. — Значит, и безопасность у нее должна состоять из Мюллеров, Шульцев и Рихтеров. Или Рихертов, фиг его знает, как правильно.

— До такого не дойдет, ручаюсь, — снова засмеялась моя собеседница. — Не переживай. Вагнеры знают, что ты под моей защитой, а значит, случись что с тобой, ответ придется держать передо мной. Точнее — перед моим мужем. Это им ни к чему. И даже более чем ни к чему, поверь. Но вот от муторности непосредственно общения с Яной я тебя, увы, избавить не смогу. Извини.

— Ну это не страшно, — заверил ее я. — Главное, меня никто не будет хватать, сажать в машину с тонированными стеклами и увозить за пределы Москвы, дабы пытать в подвале.

— Ты смотришь слишком много русских сериалов, — заметила Ряжская. — Такого в настоящей жизни не бывает, по крайней мере теперь. Есть другие, куда более эффективные способы заставить человека сделать то, что тебе нужно. Начиная от денег, которые работают почти всегда, и заканчивая административным ресурсом. Но это неважно, тебе подобное знать и не нужно.

— Это да, — согласился я, добавив про себя: «Вы даже не представляете, насколько».

Одной проблемой меньше. Вагнеры не представляют физической опасности для моей тушки — и это здорово. Что до моральной стороны дела — я дам Яне Феликсовне еще один шанс. Если не возьмется за ум, то ей же будет хуже.

— А что во-вторых? — поторопила меня Ряжская.

— Тут у меня одна проблемка нарисовалась, — помолчав десяток секунд, сообщил ей я. — Личного, в каком-то смысле, характера. Меня немного повредить хотели, в физическом отношении, но не вышло.

— На тебя напали? — голос Ольги Михайловны неуловимо изменился.

— Не совсем, — я сосопел в трубку. — Точнее — да, но не так, как это обычно выглядит... Сложно объяснить.

— Если ты не сможешь четко изложить все детали происшедшего, то я не смогу тебе помочь, — деловито отбарабанила Ряжская.

— Можете, — заверил ее я. — Еще как. Точнее — это сможет сделать ваш славный Алеша. Через пару дней тот, кто хотел мне навредить, сам нарисует в поле моего зрения. Поверьте, это будет именно так. И мне не помешала бы помощь того, кто умеет не очень дружелюбных и не очень контактных людей держать в узде и наводить их на мысль о том, что конструктивный диалог — залог здоровья. Административный ресурс мне нужен, говоря, по-вашему.

— Красиво изложил, — похвалила меня Ольга Михайловна. — Витиевато, но информативно. Вот только ты не совсем верно понимаешь смысл как наших отношений, так и направленности службы Алеши. Он отвечает за безопасность нашей семьи. Он не «отбойщик». А именно эту роль ты ему и отвел.

— С последним ясно, — вздохнул я. — Но вот с первым... В смысле — отношений. Я как-то так привык уже к мысли, что мы славно ладим. Так привык, что всегда иду навстречу вашим пожеланиям, практически ничего не прося взамен. И, заметьте, ни слова ни сказал, когда вы пару минут назад обескуражили меня новостью про Вагнеров, кротко приняв этот удар судьбы. А ведь если бы не вы, то и проблемы у меня не было никакой. Нет человека — нет проблемы. Но мы друзья, а они никогда не пеняют друг другу на промахи.

— Да-да-да, — оборвала меня Ряжская. — Ты добрый мальчик, я корыстолюбивая богатая стареющая дрянь, которая тебя эксплуатирует. Хм... Тебя упрекаю, а сама штампами заговорила.

— Вот и не правы вы во всем, — на этот раз вполне искренне заявил я. — Ну кроме слова «богатая». Ольга Михайловна, вы очень и очень красивая молодая женщина, и никакая вы не дрянь.

— Маленький лжец, — я понял, что она улыбается. — К тому же — неумелый лжец. Да и переговорщик ты никакой. Все эти твои рассуждения о моих пожеланиях гроша ломаного не стоят. Саша, ты за все это получал деньги — и хорошие деньги. Твой чек был куда выше чем у кого-либо из подобных профессионалов. Я знаю рынок и знаю цены, благо успела в нем повариться.

— Может, потому что я всегда выдавал результат, в отличие от упомянутых профессионалов? Делал то, что им не под силу. Гарантия результата стоит денег, особенно учитывая характер работ.

— Аргумент, — признала Ряжская. — Но этот аргумент ничего не меняет.

— Так «да» или «нет»? — поставил вопрос ребром я. — Ответ не повлияет на наши отношения, я все пойму.

— И снова ложь, — тут же парировала мою фразу Ряжская. — Причем еще более неумелая, чем раньше. Ты юн, а потому обидчив. Ладно, хорошо, я помогу тебе. Но только ты должен мне сказать, причем на этот раз честно — не криминал? Потому что если это он, то, извини, нет. Есть такая вещь, как репутация, которую очень тяжело заработать...

— И очень легко потерять, — закончил я за нее. — Мне наш предправ недавно целую лекцию на этот счет читал. Никакого криминала, Ольга Михайловна, ровным счетом. Просто мне нужен тот, кто умеет спрашивать и получать ответы, я же объяснил. У меня не получается пока это делать. Там постановка голоса нужна, убедительность и харизматичность. Вы же меня изучили уже, откуда у меня такое... Сарказм там, ирония — это есть. А остального нет. Впрочем, может, придется придержать этого человека немного, поскольку он наверняка будет не очень адекватен. Но не до смертоубийства. Так, малость, чтобы на меня не бросался.

— Н-да, — Ряжская помолчала. — Интересная у тебя жизнь, Александр Смолин. Даже завидно немного. У меня-то одна рутинка, с переговорами в фонд, из фонда на фуршет, а там опять переговоры, только с закусками на подносах. Ладно, будь по-твоему. Алешу я не дам, он мне самой нужен, но сегодня в банк придет новый начальник службы безопасности, вот он тебе и поможет. Зовут его Геннадий, я позвоню, его предупредю. Подойдешь к нему, все объяснишь, а дальше по ситуации. И держи меня в курсе, пожалуйста.

— Конечно, — пообещал я. — Спасибо огромное. Выручили.

— Ну, может, ты и прав, — в голосе Ольги Михайловны отчетливо зазвучала ирония. — Может, я и в самом деле не такая уж дрянь.

На этой условно-веселой нотке она и повесила трубку. Даже «пока-пока» не сказала. Хотя и могла бы.

А я посидел еще немного на скамейке, поглазел в синее небо, да и пошел на работу. Хотя я теперь вроде как неприкасаемый, сильно опаздывать на службу не стоит. Оно ведь как бывает? Сегодня ты фаворит, а завтра нет. Только привык жить красиво и с душой, а все, халыва кончилась и снова надо вбивать себя в привычные рамки. А это — сложно, потому что люди к хорошему привыкают очень быстро.

Так что лучше и не начинать жить на широкую ногу. От греха.

И ведь не ошибся. У служебного входа меня, как и прочих моих коллег, ждал «нежданчик», причем, мягко говоря, неприятный. Даже присной памяти Силуянов до такого не додумался.

Прямо за турникетом, к которому каждый из нас прикладывал свою магнитную карту сотрудника, обнаружился незнакомый мужчина в безукоризненном костюме, белой, как снег, сорочке и однотонном галстуке. Он держал в руках часы и сообщал каждому вошедшему приблизительно следующее:

— Опоздание пять минут. Штраф к месячной зарплате пять процентов. Что значит: «несправедливо»? Официально зафиксированные часы работы для сотрудников существуют? Штрафы за опоздание на работу существуют? Тоже существуют. И опоздание — вот оно, зафиксировано. Все абсолютно логично. Ну извините, что не предупредил вас. Просто если бы я это сделал, то не получился бы сюрприз. Проходите, не задерживайте людей. Одна минута беседы с вами — один процент от их зарплаты.

Хитер бобер. На возмущающуюся Аньку Потапову, которую вежливый мужчина в этот момент как раз и драконил, тут же заорали все остальные, кто еще не миновал турникет. Ведь видно же, что человек не шутит. Такие вещи как-то сразу нутром понимаешь.

— Так, кто у нас вы? — спросил у меня мужчина, глянув на часы. — Фамилия, имя, должность.

— Смолин, Александр, — вздохнув, ответил я. — Отдел финансового мониторинга.

— Семь минут опоздания, Смолин Александр, — сообщил мне мужчина. — Штраф семь процентов. Проходите.

— Так я три минуты в очереди простоял! — попробовал возмутиться я. — А пришел-то раньше!

— Пришли бы раньше — не стояли бы в очереди и не ждали, — возразил мне мужчина. — Проходим, не задерживаем остальных.

Самое прикольное, что, когда я уже направился к лестнице, за спиной я услышал голос Чиненковой, которая, судя по всему, пыталась пробиться ко входу, расталкивая остальных сотрудников. Интересно, ее тоже оштрафуют? Сдается мне, что да. Не иначе, этот новый начальник безопасности, который Геннадий, гайки завинчивать начал с первого дня и делегировал сотрудников творить суд и расправу.

И правильно. Если нас не щемить, то мы мигом разболтаемся. Главное — без фанатизма это делать и самодурства. Не как предыдущий начальник, проще говоря.

Хотя семь процентов от зарплаты жалко. Понятно, что падение в финансовую пропасть мне сейчас не грозит, но все-таки...

Собственно, утреннее мероприятие и стало главной темой разговоров по всему банку. Как выяснилось позднее, оштрафовали не только младший и средний персонал, под раздачу попало даже руководство. И Чиненкову, и Попову, и даже Немирову рублем ударили. Особую радость вызвала новость о том, что Косачов, который жил по своему личному графику, тоже налетел, причем аж на сорок процентов. Ругался, рассказывали, так, что стены дрожали, грозил новому охраннику жуткими карами и страшной мезьей, но тот даже и глазом не повел.

А вот Волконскому все было нипочем. Он, как всегда, пришел за полчаса до начала рабочего дня и теперь всячески одобрял меры, предпринятые новым безопасником. В нашем кабинете особенно разорялась Наташка.

— Такой симпатичный — и такая тварь! — негодовала она. — Двенадцать процентов! Двенадцать! За что? Ну опоздала. Раз. Всего разок!

— На этой неделе, — уточнила Ленка.

— И ты не лучше! — немедленно вызверилась Наташка на подругу. — Ты вообще на чьей стороне? На моей или этого гада гадского?

— Я на стороне правды, — уклончиво ответила Ленка. — Кстати, Сашку тоже рублем ударили — и ничего. Сидит, молчит.

— Он всегда сидит и молчит, — взвизгнула Федотова. — Потому что бесхребетный! А я — нет! Я... Я... Я...

— Верхушка от буя, — лениво произнес я, вставая из-за стола. — Что ты? Иди, скажи это новому главе СБ, а не нам. Или только тут орать сильна?

— Смолин? — притихла Наташка. — Ты чего?

Чего-чего... Не знаю почему, но меня задело ее слова. Еще совсем недавно я бы их мимо ушей пропустил, понимая, что сказано это не со зла и так, между делом.

А вот сегодня... Как-то неприятно стало.

Может, потому что это правда? Ну или совсем недавно была правда? И мне не хочется, чтобы так было и дальше?

— Не пугай нас, — попросила Ленка. — Пожалуйста. Мы к тебе привыкли, нам другого Смолина не надо.

— Хрррр, — я сдвинул брови и сурово поглядел на них.

Федотова перекрестилась. Ленка закрылась листом бумаги, плечи ее вздрагивали от смеха.

— Смотрите у меня! — сурово рыкнул я и вышел из кабинета.

Пойду, прогуляюсь к этому самому Геннадию. Может, Ряжская ему уже позвонила?

Глава пятнадцатая

К моему величайшему удивлению, Геннадием оказался тот самый мужчина, что так лихо опростоволосил сегодня добрую половину банка.

— Слушаю, — сообщил он мне, после того как я вошел в бывший кабинет Силуянова, предварительно, разумеется, постучав в дверь. — Ну?

— Александр Смолин, — немного растерявшись, сказал ему я. — Добрый день.

— Помню, — безопасник взял листок, лежавший перед ним на столе. — Отдел финансового мониторинга, опоздание семь минут. Что дальше?

— А вам Ольга Михайловна по моему поводу еще не звонила? — уточнил я. — Она просто сказала мне...

— Звонила, — кивнул Геннадий. — Но, насколько я понял из ее слов, какая-либо помощь с моей стороны нужна вам не прямо сегодня и сейчас, верно? Речь шла о том, что она вам понадобится через пару дней. Все верно?

— Ну... Да, — признал я.

— Так зачем вы беспокоите меня в данный момент?

Вот тут я прямо-таки впал в ступор. Нет, вопрос мне был понятен. Что на него ответить, неясно.

Не то чтобы я привык к тому, что имя Ряжской обеспечивает мне «зеленый коридор», просто как-то... Непривычно, что ли? По сути, он меня сейчас вежливо и корректно послал куда подальше. Нет, дело знакомое, просто как-то уже подзабытое.

— Вот что, Александр Смолин из отдела финансового мониторинга, идите-ка вы к себе на рабочее место и выполняйте надлежащие служебные обязанности, — властно сообщил мне Геннадий. — И еще. Так и быть, по дружбе я вам дам один полезный совет. Без нужды не шатайтесь по коридорам, не тратьте на обед времени сверх положенного и не бегайте поминутно курить. С сегодняшнего дня это все будет фиксироваться и соответствующим образом отражаться в отчетах моей службы, которые будут отправляться... Куда надо будут отправляться. Я понятно выразился?

— Предельно, — щелкнул каблуками я. — Можно идти?

— Секунду. — Геннадий встал и подошел ко мне. — Вот, карточку возьмите с моим телефоном. Когда будет нужна помощь в означенном вопросе — звоните. Время суток не имеет значения, он включен всегда.

Выйдя из кабинета, я почесал затылок.

Однако. Похоже, у нас сменилась власть — и надолго. Чую, мы Силуянова с его казенным юмором еще не раз добрым словом вспомним.

Да и сокращения не за горами. Знаем мы, куда эти отчеты пойдут и какие выводы на их основании принимать будут. Надо Наташку с Ленкой предупредить, от греха подальше. Заступничество Ряжской на меня распространится точно, а вот на них, по тем делам, что в банке творятся — не факт. Похоже, мои изначальные благотворительные планы медным тазом накрылись. И я не знаю, стану ли, если что, обращаться к ней с лишней просьбой. А еще... Если бы не мое ведьмачество, то сократили бы меня за милую душу! Как пить дать лететь бы мне в этом случае как голубю белому в синее небушко. Спинным мозгом чую.

Вот только выполнить пожелание сурового Геннадия посидеть и поработать мне толком не удалось. Через час в банк пожаловала досточтимая Яна свет Феликсовна, о чем мне сообщил Косачов, влетевший в кабинет как молния.

— Сашка, — просипел он, вытирая пот со лба. — Вагнеры приехали!

— А почему во множественном числе? — изумился я, откладывая в сторону копию клиентского валютного договора о закупке тигровых креветок у минской фирмы. Должно быть, братья-белорусы их прямо на картофельном поле вылавливают, среди ботвы. — Их к нам пожаловала рать? Надеюсь, они прибыли без коней, доспехов, плащей с крестами на спине и отряда наемных ландскнехтов?

— Они прибыли вдвоем, — Косачов алчно причмокнул. — Яна Вагнер и Петр Вагнер.

Сашка, ты мне должен, если ты забыл! И хорошо должен. Давай, дружище, выполняй взятые на себя обязательства!

— Прямо просится фраза: «Выполни свой долг!» — влезла в разговор Денисенкова.

— Главное, чтобы не супружеский, — добавила от себя Федотова. — Смолин, мы не хотим тебя потерять. Ты только-только стал вызывать у меня хоть какие-то чувства, отличные от материнско-сестринских.

— А, опаматовалась, Федотова, почуяла во мне мужское начало? — я, проходя мимо Наташки ткнул ей пальцами под ребра. — А вот и фиг тебе. Я теперь тебе мстить буду. Я теперь гордый.

— Придет война — хлебушка попросишь, — показала мне язык сослуживица. — Я знаешь какая злопамятная?

— Сашка, время, — Косачов постучал ногтем по стеклышку своих недешевых наручных часов. — Такие люди ждут!

— Люди, люди, — я потянулся. — Кхм... Фрукты, блин, на блюде.

— Там другое слово, — справедливо заметила Ленка. — В поговорке.

— Я джентльмен и нецензурно при дамах не выражаюсь. Хотя, по сути, эти Вагнеры они и есть. Те, кого я словом «фрукты» заменил. Надоели эти тевтоны мне хуже отрыжки. Бедного Косачова от таких слов всего аж перекорежило.

Но в одном Витька прав — должок за мной значит. И надо его вернуть. Накой мне лишние обязательства? Тем более, что кого-кого, а Вагнеров мне не жалко. Пусть Косачов терзает их зажиточные тушки и кипятит им мозги.

Потому в переговорную мы зашли вместе — я и клиентщик, нацепивший прямо у дверей на себя невероятно радостную и солнечную улыбку. Как ему удастся радоваться встрече с клиентом настолько искренне, что даже я, минуту назад слушавший его речи о том, что: «Вагнеры, конечно, уроды еще те, но, блин, у них такие обороты», верю в чистоту его помыслов?

Это талант. Без дураков — это он. Я тоже умею врать клиентам в глаза, но до его филигранного уровня, поднявшего банальную и типовую рекламную ложь на уровень высокого искусства, мне далеко. Полагаю, будь Косачов на моем месте там, в кафе «Костер», то не пришлось бы ему краснеть и выкладывать правду. Он убедил бы Ровнина в том, что приходила никакая не мара, а неприкаянная душа, и тот ему поверил.

— Это кто? — без каких-либо прелюдий и приветствий спросила у меня Яна Феликсовна и ткнула пальцем, на который был надет перстень, украшенный невероятных размером камнем, в сторону клиентщика. — Зачем здесь? Он нам не нужен.

— И вам доброе утро, — ухмыльнулся я и плюхнулся в кресло. — Он нужен. Хотите говорить со мной — сначала выслушайте его.

— Ты не права, Яна, этот молодой человек не полностью лишен манер, — сообщил Яне Феликсовне мужчина, сидящий рядом с ней и неторопливо попивавший кофе. — Он только делает вид, что таков. Ход примитивный, но изредка работает.

Так вот ты какой, Петр Вагнер, таблеточно-ампульный король.

Был он ожидаемо немолод, благообразен, умеренно-бородат, в меру упитан и более всего напоминал бюргера средней руки откуда-нибудь с дюссельдорфщины или мюнхенщины. Ему бы смешную шляпу на голову, штаны на лямках и кружку пива в руку — и как есть типичный немец-перец-колбаса.

— Я рад... — губы Косачова вот-вот должны были треснуть от ширины улыбки, но закончить стартовую, затверженную намертво фразу ему Вагнер не дал, прервав ее в самом начале.

— И мы рады, — сообщил Виктору он, достал из кармана ярко блеснувшую золотистым металлом визитницу, достал из нее глянцевый прямоугольничек и метнул его на стол. — Вот моя карточка. Звонить не надо, говорю сразу, времени на вас у меня не будет. Но можете прислать на электронный адрес свои предложения по обслуживанию, я их рассмотрю. Решение об открытии в вашем банке счетов уже принято, часть оборотов мы сюда переведем. Вашей заслуги тут нет, данное решение принималось на другом уровне, но

сопровождение — это тоже важно, равно как и человек, который будет курировать наши интересы в данном учреждении, так что возможность заработать кое-какие комиссионные вы получите. Думаю, на этом все?

Данный вопрос был адресован не Косачову, а мне.

— В расчете? — спросил я у Витьки.

— Полностью, — цапнув карточку со стола, ответил мне тот. — Все вышло, причем незамедлительно. Поверьте, наш банк — оптимальный выбор для вашей компании.

— Да-да, — одарил Косачова скупой улыбкой Вагнер. — Рад знакомству.

Знакомству. Он даже имя свое Витьке произнести не дал.

Впрочем, моего коллегу это совершенно не смутило, как видно, он к подобному привык. Нет, воистину каждому свое. Я бы так не смог, как он. И еще — честно Косачов свой хлеб зарабатывает. Ведет себя иногда неправильно, но в остальном... Собачья все же у «привлеченцев» работа. Ведь даже не пошлешь никого куда подальше, хотя, наверняка, иногда очень хочется это сделать.

Мой спутник оставил на столе свои визитки, подмигнул мне и покинул переговорную.

— Итак. — Петр допил кофе и беззвучно поставил чашечку на блюдце. — Думаю, представляться нам друг другу не надо, и очерчивать круг вопросов, которые имеет смысл обсудить, тоже.

— Думаю, не надо, — согласился с ним я — Да и обсуждать нечего. У нас с вами нет никаких пересекающихся интересов — ни служебных, ни, тем более, личных. Та услуга, о которой меня просила Яна Феликсовна, насколько я понимаю, выполнена. А более нас ничего не связывает.

Кстати — вот ведь высокие у них отношения! Тогда я как-то не задумался о сути происходящего, а сейчас меня осенило. Блин, она же, выходит, ему все рассказала. И то, что невеста какую жигу в питье подмешала, и зачем это сделала. Не врет Ряжская — любит Яна деньги, если на такое пошла. Из моих знакомых никто так поступить не смог бы, даже безбашенная Маринка.

— Нечасто можно увидеть людей, которые так активно сопротивляются возможности стать немного богаче, — негромко рассмеялся Вагнер. — По идее, вас можно продемонстрировать как некий уникам. Скажите, вот такое упорство... Дело непосредственно в нас, или в чем-то еще? Или, может, вы просто не любите немцев как нацию? Я, знаете ли, в молодые годы с подобным сталкивался. Немного, но было.

— Да нет, — немного растерялся я. Подобного националистического поворота разговора я не ожидал. — Немцы и немцы, чего там. Все на одной планете живем. Правда, Меркель эта ваша... Ладно, не об этом речь. Просто — не хочу я популяризировать то, что добыла у меня ваша супруга. Не хочу — и все.

Вагнер сплел пальцы рук в «замок» и с интересом уставился на меня. В переговорной установилось молчание.

— Думаю, дело не в популяризации снадобья, — наконец сообщил мне он. — Вы, Александр, себя лишний раз напоказ не желаете выставлять. Не хотите — и не надо, никто не против. Мы — люди и всегда можем прийти к такому решению, которое будет обоюдовыгодным. И к той форме делового общения, которая устроит всех — и вас, и нас.

— Скажите, а почему вы так вцепились в это зелье? — задал я наконец вопрос, который интересовал меня все сильнее и сильнее. — Есть же масса аналогов, причем с ними уже не надо проходить всякие там тесты, лицензирование и тому подобную тягомотину. Ну не в простоте же компонентов дело?

Супруги переглянулись, и это мне очень не понравилось. Сдается мне, не только в этом зелье дело. Тут что-то другое.

— Знаете, Александр, московский деловой мир — одна большая деревня, — взгляд Петра перестал быть рассеянным, теперь у него были глаза снайпера перед выстрелом. — И новости в нем разносятся быстро. Даже быстрее, чем вы можете себе представить. Вот, например, милейшее существо Зоя Звонарева. Никак она не могла забеременеть. Уж чего только не делала, чего не пробовала!

— Бедная девочка, — без тени сочувствия добавила Яна Феликсовна.

— Да-да, — подтвердил ее супруг. — Я и сам принимал участие в ее судьбе, устраивал в одну швейцарскую клинику, куда без рекомендаций пациентов даже за большие деньги не принимают. Все впустую, даже тамошние мастера руками развели. И тут я узнаю, что она в положении, срок пять недель. И как же это ей удалось?

— И в самом деле — как? — захолопал глазами я.

— А кто ее приятельница? — ехидно прищурившись, спросила у меня Яна Феликсовна.

Тут я и вовсе промолчал, только голову к плечу склонил и дальше стал слушать.

— Ну я и сам отвечу на данный вопрос, — продолжил Вагнер. — Ряжская, Ольга Михайловна. А после я узнаю, что и другая ее подруга излечилась, на этот раз от мигрени, с

которой ей даже в профильной франкфуртской клинике помочь не смогли. Так та ее доняла, что бедолага чуть дара речи от боли за последние несколько месяцев не лишилась. А теперь — глядите-ка, эта бывшая больная умчалась с молодым кавалером куда-то в район Карибских островов дайвингом заниматься. Причем глубинное давление ей отныне безразлично. И знаете, Александр, что объединяет эти два случая и еще почти с десятком других?

— Конечно, знаю, — пожал плечами я. — Они все побывали тут, в этой самой переговорке. Это я им всем помог.

— Неожиданно, — огладил бородку Вагнер. — Думал, отпираться станете.

— Зачем? — изумился я. — Какой смысл? Факт есть факт, его доказать проще, чем опровергнуть.

— Вот вам и ответ, — Петр чуть наклонился вперед. — Нам нужно не только то зелье, что заставило меня вспомнить подростковый возраст и реализовать все его эротические мечты. Нам нужно все, Александр. И мы готовы за это платить. Хорошо платить.

— А как насчет доли? — немного насмешливо глянул я на Яну Феликсовну. — Ну чтобы новое название бизнеса звучало как... э-э-э... «Вагнер, Вагнер и Смолин»?

— Я оценил юмор, — усмехнулся Петр. — Разумеется — нет. Но если вам угодно устроиться в нашу компанию в качестве сотрудника, то я исключительно «за».

— Надеюсь, должность будет не ниже заместителя генерального директора?

Кроме шуток — вот он, реальный шанс свалить из банка в относительно счастливое будущее. А что? Кабинет выпросить себе можно с видом... Не знаю. На что-нибудь. Опять же любые ингредиенты всегда будут под рукой, бесплатно и без ограничений.

Правда, есть один минус. За это все я соглашусь быть чем-то вроде дойной коровы. Даже не чем-то, а прямо ей. И, к слову, меня довольно быстро забьют сразу после того, как поймут, что выдоить больше нечего.

И этот минус перевешивает все остальное. Хотя я бы все равно не согласился. Ну вот не нравятся мне эти Вагнеры. Нет, может они и неплохие люди, но — не нравятся.

Субъективно? На сто процентов. Но я на объективность и не подписывался.

Да и к банку я привык, так что несерьезные это всё мысли.

— Почти, — вместо Петра ответила его жена. — Консультант по особым вопросам. Ну или что-то в этом роде. Александр, ты можешь быть крайне полезен для нашего бизнеса, но это не означает, что перед тобой немедленно откроются врата великих возможностей. Пост в семейном предприятии Вагнеров нельзя получить за красивые глаза, его можно только зарабатывать. Как, впрочем, и в других серьезных компаниях. Так что поменьше читай глянцевого журналы и многотомные фантастические романчики с выдуманными историями успеха. Ах, он сделал нечто необычное и его сразу завалили всем-всем-всем — машина, деньги, большой пост и квартира за счет компании. Какая чушь! Не бывает.

— Все определяет полезность человека, — гораздо более мягким тоном сообщил мне Вагнер. — Мы умеем мотивировать тех, кто представляет интерес для нашего бизнеса, и выбрасывать за борт бездельников, не желающих работать.

— А если я скажу «нет»? Снова и снова? Что тогда?

— Что тогда? — задумался Петр. — Что же тогда... Пока не знаю. Но смею заверить, варианты решения данной задачки найдутся. Как говорили в годы моей молодости: «нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики». Большевиков уже нет, но фраза хорошая и правильная.

— Нет, — решил я прекратить эту беседу, которая, увы, начала меня немного утомлять. — Я не стану с вами сотрудничать. И дело не в том, что мне не нужны деньги. Они всегда нужны. Просто — не хочу. Вот так, без объяснения причин. И еще — поверьте, все равно бы ничего не получилось. Не прошел бы ни один рецепт ни опробование, ни лицензирование. Или как там у вас это называется? Просто в силу того, что не все строится на науке и технике.

— Яна мне говорила, что вы чародей или что-то вроде этого, — благожелательно произнес Вагнер. — Увы, в это я не верю. Есть наука, другого ничего нет. В то, что вы химик-самоучка — верю. Даже в то, что вы гениальный алхимик, верю. Алхимия — тоже наука. Зелье Фауста, золото из свинца, и так далее. Да это и неважно. Равно как и любые бюрократическо-фармакологические процедуры. Кто-кто, а вы по роду своей службы должны понимать, что одни бумажные формальности всегда улаживаются при помощи других бумажных формальностей, тех, что с водяными знаками. В России живем. Кстати, и отказы особо несговорчивых переговорщиков тоже всегда можно урегулировать. Нет-нет, я не о насилии. Есть масса других методов убеждения, вполне законных. Так что — до скорой встречи.

Ну вот как с такими людьми общаться? Ты им про Фому, они тебе про Ерему.

— Знаете, видимо мне придется аргументировать свой отказ по-другому, — сказал Петру я. — Вы отчего-то не хотите меня слышать. Будь по-вашему. Только не забудьте, что я хотел договориться так, чтобы все остались более-менее довольны.

— С нетерпением жду, — встал с кресла Вагнер. — Так и быть, первый ход за вами. Ну, а потом я сделаю свой.

— Не сделаете, — покачал головой я и успокоил встрепенувшуюся Яну Феликсовну: — Нет-нет, это не угроза. Это констатация факта. До завтра, Петр... Увы, не знаю вашего отчества.

— Францевич, — любезно подсказал мне Вагнер. — Правда, завтра мы вряд ли увидимся. Рано утром я улетаю в Цюрих, на симпозиум.

— Не улетаю, — покачал головой я. — Боюсь, ничего не получится с симпозиумом.

Думаю, завтра утром мы встретимся здесь же и продолжим эту беседу.

Я помахал им ладошкой и вышел из переговорной, но к себе не пошел. Надо будет дожидаться, пока они уйдут, и пошарить на том кресле, где он сидел, да и около него. Волос Яны Феликсовны — это хорошо. Но если бы еще и его раздобыть! Двойной удар — двойной Ван Дамм! Блин, какая чепуха иногда в голову лезет! И вообще — надо притормаживать, а то скоро с этим коллекционированием волос я в Жана Батиста Гренуя из романа Зюскинда превращусь.

А ведь есть чашка, там, должно быть, осталась его слюна, которую, если верить книге, при правильном подходе можно использовать даже эффективней, чем волос, но мне не до конца понятно, как ее оттуда собрать. Да и брезгливо, если начистоту. Это даже более веский довод, чем затруднения в сборе исходного материала. Бррр, даже думать противно на эту тему!

Но, вообще-то, самый лучший вариант для подобных вещей, это, конечно же, кровь. Имея на руках хотя бы каплю крови того человека, которому ты хочешь испортить жизнь, добиться можно очень многого. Даже его смерти.

Правда, все мои предшественники в один голос советуют быть очень и очень аккуратным в работе с кровью, и намекают на какие-то нехорошие последствия этого шага. Но вот только не пишут, какие именно они могут быть, эти самые последствия. А — зря. Вот если я узнаю, что там к чему, то напишу про это подробно и начистоту.

Кстати, и Нифонтов еще летом меня предупреждал о том, что играми с кровью увлекаться не стоит, а ему в этом вопросе верить можно. Если я не ошибаюсь, речь шла о том, что кто-то из наших настолько увлекся темой крови, что устроил где-то на югах бойню, которую еле смогли остановить.

Ну мне такое не грозит. Я человек мирный и зла никому не желаю. Главное, не загонять меня в угол.

С этого мысли перескочили на Морану, которая как раз действовала по уму, давая мне возможность маневра.

Вот все-таки интересно, отчего ведьмаки не хотели ей служить? Версия Ровнина была красива и элегантна, но, увы, не внушала мне должного доверия. Во-первых, потому что он был из отдела «15-К», а они там все хитрюшки жуткие. Во-вторых, потому как он мог и не владеть объективной информацией. Он же судил со своей колокольни.

Нет, все-таки плохо жить на свете без учителя-наставника. Нет возможности припасть к первоисточнику.

Хотя... Есть у меня один если не первоисточник, что кладезь знаний точно. Не хотел я его беспокоить, но, как видно, придется. Тем более что погода за окном разгулялась и дорожки на кладбище, надеюсь, к вечеру подсохнут. Да и повод у меня есть. Пусть условный — но есть. Проведать друга перед зимой и заранее поздравить со всеми праздниками. Ну, с другом я, конечно, погорячился, но тем не менее.

Как ни странно, я на самом деле соскучился по тишине темных кладбищенских аллей, и тому состоянию сопричастности к миру мертвых, которое меня там охватывало. Как видно, та часть меня, которая уже не была человеком, требовала своего. Хотя — чего удивляться? Моя судьба — Ходящий близ Смерти, и где мне еще чувствовать себя своим, как не в ее исконных владениях?

Опять же — не удивлюсь, если господин Вагнер часикам к двум-трем ночи изрядно изменит свою материалистическую точку зрения и начнет меня разыскивать. Да и толстовские убеждения, которыми он так бравировал, тоже могут отказать, когда его женушка будет пучить глаза и задыхаться. В такие моменты, как известно, любые средства хороши. Ну а понять, откуда ноги растут, ему будет несложно. Да и Яна Феликсовна, я так думаю, вспомнит свой волос, что с плеча мной снят был.

Да, надо бы Ряжской звякнуть, предупредить о том, что ее тоже могут в ночи побеспокоить. Причем, возможно, даже дважды. В первый раз, чтобы адрес узнать побыстрее, а во второй, когда меня дома не застанут и найти на телефоне не смогут. Возможно, я ошибаюсь и

переоцениваю свою значимость, но, сдастся мне, все же начнет Петр Францевич ей названивать. А кому еще? Больше никому.

А я буду на кладбище. Оттуда и на работу поеду. Где-где, а там-то меня никто не найдет. На свое счастье. Не знаю, откуда у меня есть такая уверенность, но точно знаю — если кто-то из смертных там задумает причинить мне вред, то это будет очень, очень большой ошибкой с его стороны. И дело не только в покровительстве Хозяина.

Разумеется, есть еще риски того, что этот самый Вагнер после того, как все кончится, может захотеть со мной счеты свести. Например — ноги переломать или череп пробить. Не та я персона, чтобы со мной на равных бороться, это мне предельно ясно. Самооценка у меня подросла, но не настолько, чтобы бессовестно себе льстить.

Но, думаю, до такого не дойдет. Перепугается он нынче ночью изрядно, а завтра... Завтра будет завтра.

Кстати — забавно будет, если все совсем по другому сценарию пойдет. А что если он не только за жену не испугается, а еще начнет приговаривать: «Ну! Ну, давай же, Яночка! Пора тебе к мамочке, туда, за белое облачко, за желтую луну, в Eden Himmelreich». Я вообще немецкий не учил, но как звучит по-ихнему «царство небесное» знаю. И еще несколько слов, преимущественно непристойных. Там, в принципе, любые слова звучат или как ругательства, или как команды. Даже самые безобидные из них.

А что, такое тоже возможно. Супруга ему, прямо скажем, досталась та еще. Внешне симпатичная, но характер как у Малюты Скуратова. Так что как бы он ей еще и подушкой не помог.

В курсе я про нравы этой самой бизнес-элиты, наслушался рассказов кредитников и операционистов. А уж они-то все видели, все знают.

В общем — веселился я про себя изрядно, представляя события грядущей ночи. И даже тот факт, что никакого крючочка, на который я мог бы подцепить мужскую половину семейства Вагнеров, я не нашел, настроение мне не портил.

За работу по призыву лихоманки я принялся аж за полночь. Ну а куда спешить? Пусть госпожа Вагнер баиньки ляжет, пусть безмятежно посапывает, греза о горе золота, потому что тогда страх от внезапно навалившейся на нее хвори будет куда сильнее. Это не ведьмачество, это голая психология. Человек со сна уязвим сильнее некуда, и, в большинстве случаев, эта паника нарастает с осознанием непонимания происходящего. Знаю, что фраза звучит жутко, но, по сути, так оно и есть.

Еще я поразмышлял о том, какую же из сестер призвать. Сначала вроде остановился на Грынуше-Грудее, а потом как-то засомневался — может, кого похуже на супруга Петра Францевича напустить? Жалко мне ее не было совершенно, потому совесть молчала.

Вообще-то их, сестер-лихоманок, аж двенадцать. Самую старшую из них и, по совместительству, самую лютую до человеческого горя зовут Кумоха. Она насылает весеннюю избыву-простуду. Проще говоря — весенний грипп, тот, что самый тяжкий, переходящий в ангину или, того хуже, в воспаление легких. Кто болел таким — тот поймет. Сейчас и с антибиотиками эдакую напасть пережить нелегко, а в старые времена, полагаю, народ мёр будь здоров как.

Но самая страшная из сестер не она. Самая страшная — Невея-огнеястра, та, что «антонов огонь» на людей насылает. Проще говоря — гангрену и все от нее производное. Как писал ведьмак Евпл, который, похоже, немало промышлял целительством: «Аще она до тела человеческого притянула, то живота тому горемыке нет».

Я немного подумал и решил, что за страх Вагнер мне мстить, может, и не станет, а вот за супружнину смерть, страшную да лютую, «обратку» включит непременно.

Остальные сестры были попроще. Условно, разумеется. Пухнея ведала разнообразными «жирянками» и отеками, Корчя отвечала за эпилепсию и аналогичные напасти, Знобья за ломоту костную и лихорадки, Глядея за непрерывную бессонницу и следующее за ней безумие. Кстати, последняя для моей цели подходила почти идеально, но очень уж это процесс не быстрый. Тут дней пять надо, чтобы Яну Феликсовну как следует скрутило, а у меня столько нет. За это время семейство Вагнеров меня достанет до печени. Да и бяку какую-то мне Петр Францевич обещал, не хотелось бы до нее доводить.

В общем, перебрал я всех сестриц и понял, что Грынуша-Грудья все-таки идеальный выбор. Не очень опасна по сути своей, но при этом сработать должна впечатляюще. В груди у Яны Феликсовны должно сдаться «аки наковальную дуру кузнечную на грудну жилу поставити да там и оставити», добавим сюда «харкание пенное», да еще и «хрипун давяльный». Уж не знаю, что за хрипун такой, но звучит здорово.

Все необходимые компоненты у меня были уже подобраны. Предвидя подобное развитие событий, я еще пару дней назад отложил в сторонку корень росянки, толченые листья лесного ореха, взятые на исходе лета, душицу для усиления эффекта, и все остальное прочее. Ну и, конечно, веточку золотой розги, для подстраховки, чтобы эта пакость,

грешным делом, потом ко мне не привязалась. Хорошая штука эта золотая розга, доложу я вам. Мощнейший щит от подобных созданий. Кстати, ей ведь и от порчи спасаются, мне про это Вавила Силыч рассказал. Только непонятно, чего раньше молчал. Он, кстати, тоже находился здесь, на кухне, и, вздыхая, наблюдал за моими приготовлениями. Что к чему он уже понял, но молчал, подав голос только тогда, когда я взял в руки мешочек с могильной землей.

— Александр, может, не надо? — спросил он у меня. — В прошлый-то раз как неладно получилось, вспомни.

— Не надо? — я посмотрел на мешочек и убрал его обратно, в кожаный короб с массой отделений, который я завел специально для хранения трав и всего прочего, что помогало мне в моих новых занятиях. Дорого он мне встал, но оно того стоило — Да, пожалуй что и не надо. Это уже крайность, согласен.

Могильная земля придавала сестрам-лихожанкам особую силу, она давала им возможность забрать жизнь того, в кого они вцепились, быстрее, чем обычно. У меня же нет цели убивать настырную бизнес-леди. Мне ее надо всего лишь припугнуть.

— Да я вообще, — объяснил мне подъездный. — С людьми ведь по-людски надо договариваться, это-то к чему?

— Вавила Силыч, и рад бы по-людски, — приложил руки к сердцу я. — Да не хотят они меня слышать, понимаешь? А вот запрячь как Савраску и загонять до смерти очень желают. Оно мне надо?

— Нет, так-то конечно, — признал подъездный. — Так никто не хочет.

— То-то и оно, — изрек я. — Родька, паразит, ты где шарисься?

— Пять минуток, хозяин! — проорал слуга из комнаты. — Ну надо же глянуть, убьет Дениска этого гада или нет?

Родька подсел на криминальные сериалы. Они ему нравились тем, что говорили в них мало, а всё большей частью либо стреляли, либо дрались, либо ели.

— Охти мне! — и в самом деле, через пять минут он влетел на кухню, весь взъерошенный. — Застрелил он этого лиходея заугольного! Но Колю-то, Колю подставил как! Да и старшой их, Серегей, не одобрил его, нет! Но лично я...

— Лично ты завтра без телевизора останешься, — пообещал я ему. — Мы тут сидим, его ждем, а он там кино смотрит!

— Вона! — Родька и в самом деле успел забраться на стол, занять свое место, схватить плоску, а теперь преданно пучил глаза, демонстрируя мне свою готовность к чему угодно. — Командуй, хозяин!

— Орел, — сообщил я Вавиле Силычу. — Краса и гордость!

Тот только ухмыльнулся, понимая, что я шутики шучу.

— Начинаем? — спросил Родька и поднял вверх пестик.

— Листья ореха, шесть штук, — скомандовал я. — Понеслась!

Дело спорилось, уже минут через сорок я снял с огня и перелил бурую, вонючую и дико неаппетитно выглядящую жижу в глиняную плоску, после опустил туда волос и начал начитывать заклятие.

Как только зазвучали первые слова, жижа еще и булькать начала, словно закипая, в кухне стало ощутимо холодно, да еще и запахло чем-то таким... Даже не знаю... Как в больнице, но не лекарствами или там столовой. Это был запах болезни, нездоровья, а может, и смерти. Вавила Силыч даже поежился на своей табуретке и обхватил плечи руками.

— ... терзай, мучь да хладом могильным обдавай. И буде так по слову моему! — закончил я заклятие.

Жижа, которая по мере чтения все более и более убывала из миски, с последними словами испарилась из нее совсем. Или, вернее, буквально втянулась в волос, который один только и остался на дне. Причем он свернулся в колечко и поменял цвет, став седым. Впрочем, не исключено, что как раз наоборот — принял свой естественный цвет. Может, Яна Феликсовна крашенная?

— Получилось? — спросил у меня Вавила Силыч.

— Фиг знает, — передернул плечами я, пинцетом беря волос и отправляя его в полиэтиленовый пакетик. — Скоро узнаем. Если в дверь названивать начнут, а после в нее ногами бить — точно получилось. Жаль, я этого не услышу.

— А ты куда? — удивился подъездный. — В ночь-то?

— На кладбище, — засунул пакетик в рабочую сумку я. — Поеду, меж могилками поброжу, о жизни подумаю. Родька, бездельник, куда ты опять мой телефон засунул? Надо же такси вызвать.

Ряжской я позвонил, пока у подъезда такси ждал, на этот раз совершенно не задумываясь о том, сколько сейчас времени. Ну вот такая у нас с ней жизнь — ни минуты покоя.

— Саша, еще немного, и муж подумает, что ты и в самом деле мой любовник, — сонно сообщила мне Ольга Михайловна. — Причем сгорающий от страсти пылкой к моему финансовому положению.

— А почему не непосредственно к вам? — заинтересовался я.

— Потому что ты юн и свеж, а я увядаю, как хризантема осенью, — немного кокетливо сообщила мне Ряжская. — Да, если он так подумает, нам с тобой непременно переспать надо будет. Ну чтобы те претензии, которые он мне выскажет, не на пустом месте основывались. Обидно скандалить без причины. Опять же — когда есть что скрывать, женщина всегда особенно убедительна. Ладно, что тебе от меня на этот раз нужно?

— И приплыла к нему рыбка, и сказала... — еле удерживаясь от смеха, произнес я. — Извините, Ольга Михайловна.

— Тогда уж фея-крестная, — предложила женщина. — Саш, говори, да я спать пойду. Мне вставать через четыре с копейками часа, имей совесть. Хотя — о чем я? Ты же в банке работаешь, откуда у тебя совесть?

— Побольше, чем у некоторых, — немного обиделся я за профессию. — Мы, между прочим, несчастные люди. Мы всегда всем должны. Центральному банку, клиентам, учредителям. А нам — никто!

— Сейчас трубку повешу, — пригрозила Ряжская.

— Вам скоро может Петр Вагнер позвонить, — поняв, что она не шутит, быстро протараторил я. — Попытается узнать, где я в данный момент нахожусь и как меня найти. Еще адрес спросит. Хотя, думаю, он к тому времени его и так знать будет. Так вы скажите правду, что ничего не знаете, а если он на вас бочку начнет катить, так пошлите его куда подальше.

— Какая прелесть! — из голоса Ольги Михайловны исчезли последние сонливые нотки. — Он мне будет объяснять, куда кого посылать. Ты шустрый малый, Александр Смолин.

— Какой есть, — независимо ответил я.

— А что, у Петра будет веский повод меня разбудить?

— Более чем, — злорадно хихикнул я. — Задыхающийся, хрипящий и пену изо рта пускающий. И еще — крашенный.

— Ты с ума сошел? — Ряжская, судя по голосу, даже с кровати встала. — Ты что, Яну... Того?

— Конечно, нет, — фыркнул я. — Так, попугаю немного. Для порядка. Ну а что мне делать, если не понимают люди слова «нет»? Раз сказал, два сказал, куда уж больше. Ольга Михална, ну реально достали. Трудиться не дают, отвлекают постоянно, я на рабочем месте не бываю регулярно. А у нас в банке гайки закручивать начали, проверяют КПД каждого сотрудника. Вы же небось в курсе?

Что интересно — она даже не удивилась тому, КАК именно я ее приятельницу поугаю. Словно это самое обычное дело, когда человек задыхается и пену изо рта пускает по чьему-то желанию.

— В курсе, в курсе, — тем временем вещала Ряжская. — Ладно, завтра, пожалуй, подъеду к тебе, пообщаемся. А Петру найду что сказать. Да, надеюсь, дома тебя не будет? Мало ли что он выкинет в запале.

— Само собой, не будет, — заверил я ее. — И у родителей тоже. Кстати, если ему придет в голову идея потревожить моих стариков, то скажите, чтобы он ее сразу в сторону отшел. Я ведь и рассердиться могу.

— Ты страшный человек, Смолин, — вздохнула Ряжская. — Боюсь представить тебя в гневе. Ведь засмеюсь, весь дом перебужу. Ты такое больше никому не говори, не позорься. «Рассердиться». Придумал же...

Ну да, и правда смешно прозвучало. Для того, кто мару в глаза не видел. Да и ночь только началась, посмотрим, что она завтра скажет.

— А где ты будешь-то? — тем временем поинтересовалась Ольга Михайловна. — На вокзал ночевать поедешь или что повеселее придумал?

— В каком-то смысле, на вокзал, — подумав, ответил я. — В определенном. Спокойной ночи, Ольга Михайловна.

— Стой-стой, — остановила меня женщина. — А что, Яна правда крашенная?

— Как есть, — заверил ее я. — А по жизни — седая.

— Так и знала, — порадовалась моя собеседница. — А она-то разливалась соловьем: «Да я не крашусь, это мой цвет». Ха!

— У меня тоже есть вопрос, — помахав рукой таксисту, подкатившему к подъезду, произнес я. — А вы насчет переспать всерьез или так, шутки ради? Нет, просто интересно. — В самом деле — спокойной ночи, — расхохотавшись, сказала Ряжская и повесила трубку.

— И вам тоже, — ответил я в тишину, а после отключил телефон. Совсем.

А какой он мне нужен до утра?

Так и не понял — всерьез она говорила или нет? А что, я бы не отказался. Ряжская хоть и в годах, но женщина сильно интересная. Причем мужа ее я особо не боюсь. По ходу, ему пофигу все кроме бизнеса, я таких много видел.

Шучу, конечно. Ну ее нафиг. От такой связи проблем потом будет больше, чем пользы. Да и не по Сеньке шапка, скажем прямо. Я для нее как был никем, так никем и останусь. А если бы не нынешние расклады, то Ряжская на меня даже смотреть бы не стала, не то что разговаривать.

Но в целом, нынешняя ночь удалась! И госпоже Вагнер козью рожу состроил, и новый заговор опробовал, и на кладбище сейчас наведу. Отдельную радость доставило мне созерцание выпученных глаз таксиста, который высадил меня у кладбищенских ворот. Он думал, что я шучу, назвав конечную точку, и крайне удивился, поняв, что это не так. А после очень быстро дал по газам и скрылся во мраке ночи. Как видно, даже в его беспокойной перевозочной жизни не часто встречались люди, отправляющиеся в такое время на погост. Да еще и в деловых костюмах, виднеющихся из-под плаща.

И это ведь я еще с собой мяса сырого или фарша не захватил. Оно же пахучее, не унюхать в машине его невозможно. Представляете, что бы он обо мне подумал в этом случае?

А вообще, не знаю, чего люди так этого места боятся, особенно в ночное время. Да что люди? Я себя недавнего не понимаю. Также ведь так думал. А тут — хорошо. Тихо, спокойно, ветра нет, дышится легко. И порядок вокруг наведен получше, чем в иных спальных районах. Чистота, ни бумажки на дорожках не валяется. Ну а дырка в заборе, через которую я проник на территорию, так она не от бесхозяйственности. Это черный ход, известный только своим.

Причем легкость я ощущал не только душевную, но и, если можно так сказать, физическую. Ощущения были такие, будто мне снова тринадцать лет и под силу все, даже подпрыгнуть и взлететь. Словно полжизни с плеч сбросил, честное слово.

Впрочем, кое-что здесь изменилось. Бесплотных теней, в которых раньше здесь недостатка не имелось, стало куда меньше. Так, мелькнет то там, то здесь синеватый силуэт — и снова вокруг пустота. Как видно, это сезонное явление. Может, они как медведи на зимовку в могилы уходят, до весны.

И я угадал. Так оно и было на самом деле. С той, правда, разницей, что Хозяин Кладбища сам распределял, кому зимой отдыхать, а кому — нет.

Он, как всегда, восседал на своей черной плите, творя суд и расправу. Впрочем, про расправу — это я загнул для красного словца.

— Ты, ты и ты, — длиннющий палец с мертвенно-черным ногтем тыкал в покорно склонивших головы призраков. — Нечего вам под снегом делать, вы все лето пробездельничали. Пригляньте за крайними аллеями южного конца. Чтобы снег был убран с дорожек, ветки тоже. Знаю я этих лоботрясов-уборщиков, они лишний раз лопатой не махнут. Если что — пуганете как следует, с завываниями, согласно традиции.

— Хорошо, хозяин, — послушно прошелестели души умерших. — Исполним.

— Так, теперь ты, — капюшон умруна повернулся к высоченному призраку в долгополом камзоле. — Тебя ставлю старшим над всем южным крылом территории. В последний раз тебе доверие оказываю, так что смотри у меня! Узнаю, что и в эту зиму ты в склепе своем торчал, вместо того чтобы за порядком следить — отправлю на сотню лет в катакомбы, червей пасти.

Катакомбы? Что за катакомбы такие?

— Ведьмак, — заметил меня умрун. — А ты здесь как? Я уж думал, что до весны тебя не увижу.

— Да вот, соскучился, заглянул, — поклонился Хозяину Кладбища я.

Поклон — он спину не ломит.

— Врешь, — немедленно вывел меня на чистую воду тот. — Опять чего-то тебе нужно от меня. Все вы, люди, одинаковы.

— Да я вроде уже и не совсем человек, — задумчиво произнес я. — Особенно если учесть тот факт, что мне здесь лучше, чем среди живых.

— Так переселяйся к нам, — весело предложил повелитель мертвых. — У меня склепов много, занимай любой.

Он явно был в отличном расположении духа. Просто на редкость.

— Замерзну зимой, — отказался я. — Надо быть реалистом.

— Это тебя кромка так к себе тянет, — посерьезнел умрун. — Граница между миром живых и мертвых. До той поры, пока ты хоть раз ее не пересечешь, быть тебе не полноправным Ходящим близ Смерти, а так, поводырем умерших. Только вот не спрашивай меня о том, как это сделать, я не знаю. Такие вещи из уст в уста всегда передавались, от наставника к ученику. Как говаривали в давние времена, когда я еще обитал на одном парижском кладбище — цеховые тайны.

— Вы бывали в Париже? — изумился я. — Вот тебе и раз. А сюда как попали?

— Значит, надо так было, — ушел от ответа умрун. — Не суй свой нос куда не следует. Офигеть. У них, оказывается, тоже есть ротация. И самая фишка будет, если его сюда за провинность сослали какую-то, с понижением в должности. Может, он квартальный план по душам не выполнил? Или, к примеру, развалил работу на вверенном ему объекте? Хотя нет, последнее это вряд ли. Думаю, и в те давние времена, когда в городе Париже еще существовали цеховые отношения, он был целеустремленным работником, направленным на результат.

Правда есть одна неясность. Вроде бы Хозяином на кладбище становится первый там похороненный мертвец мужеска пола. Значит, неверной была та информация?

Что же до кромки и перехода через нее — а я ведь буквально недавно нечто подобное от Ровнина слышал. Когда мы в ресторане сидели.

— Ты имей в виду, тебе чем дальше, тем хуже будет, — тем временем продолжал радовать меня умрун. — Не физически, нет. Умереть ты не умрешь и с ума не сойдешь, но тоска будет тягучая. Душа твоя на части рваться станет, потому что принадлежит она теперь обоим мирам, но во второй тебе никак не попасть. Это как умирать от жажды, получить бокал воды, отпить из него половину, а вот вторую — нет. Причем остаток влаги ты все время видеть будешь, а дотянуться до него не сможешь. Коряво объяснил, но, думаю, ты меня понял.

— Предельно, — почесал в затылке я. — Гармония с миром, значит, у меня утеряна. То-то я гадаю, чего в последнее время мне так пасмурно бывает. А оно вот чего! И сразу вопрос, если можно?

Хозяин величественно кивнул.

— Кроме ведьмаков никто не знает, как мне за кромку попасть? Мир Ночи велик, кто еще в курсе быть может?

— Ведьмы из природных родов знают, полагаю, — охотно ответил мне повелитель мертвых. — Может, кто из волкодлаков про то ведает, из старых, матерых, потомки тех, что из Зеваннова чрева произошли на свет. Живы они еще, это мне точно известно. С полсотни лет назад в гости один такой захаживал, сибирской стаи вожак, вещицу кое-какую выпрашивал, да так и не выпросил. Кто еще? Ну боги старые, вестимо, про это все знали, но до них теперь не достучишься.

Мир — кольцо. Вот еще одно подтверждение древней теории.

— А! — Хозяин Кладбища выставил указательный палец вверх. — Колдуны Кашеева семени наверняка знают. Вот только тот, который нам с тобой теперь знакомцем приходится, вряд ли станет откровенничать, после того что было. Так, может, и договорились бы, а теперь точно нет.

— Это да, — признал я. — Какой там, после той стычки...

Да и с ведьмами вряд ли чего получится. Шиш они со мной вообще хоть какой-то информацией делиться станут. Ну или цену такую заломят, что себе дороже выйдет такую сделку заключать. Лучше сразу в омут пойти и утопиться. Кстати!

— А русалки? — спросил я у умруна. — Они что?

— Ты еще леших поспрашивай про это, или анчуток, — ехидно посоветовал мне Хозяин Кладбища. — Русалки! Да им про такое откуда ведать? Они лево и право путают, девки неразумные. Нет, ведьмак, о подобном у кого попало не вызнаешь. Это тебе не мертвую воду раздобыть или на поле «залом» распутать так, чтобы и у самого руки не отсохли, и рожь не сгнила на корню. Тут сложнее.

Это да. Куда ни кинь, всюду клин.

— Если не секрет — чего вы мне про это раньше не сказали? — спросил я у Хозяина. — Ну, про то, что меня за кромку тянуть будет?

— А зачем? — безразлично ответил вопросом на вопрос повелитель мертвых. — Это твои напасти, не мои. Сегодня вот к слову пришлось, а тогда — нет.

Вот такая вот у него позиция, выходит. Интересно, а что еще у него к слову не пришлось? Наверняка есть такие темы, о которых я пока понятия не имею, но непременно с ними столкнусь в будущем, ближайшем или не очень.

— Ну ты пока подумай, а я своими делами займусь, — бросил мне умрун. — Зима близко, ведьмак. Совсем близко. Ранняя она в этот год будет, и долгая. Думаю, что деньков через пять первая пороша и ляжет. А стало быть, мне надо ко сну отходить, до будущей весны.

— А кто же тут зимой за старшего? — изумился я. — Людей же хоронят независимо от сезона. Кто-то должен души сортировать.

— До тепла эти души подождут, — заявил умрун. — Ничего с ними не сделается. И спешить им некуда. Границы кладбища запечатаны, самых буйных вон мои доверенные слуги усмирят, а ты сам привыкай свои проблемы решать. Я тебе свою голову приставить не могу. То есть — могу, разумеется, но делать этого не стану.

— И не надо, — одобрил его решение я. — Хотя мне вас, если честно, все равно будет не хватать. Не как подсказчика, но как доброго приятеля.

— Какой я тебе приятель, ведьмак? — понизив голос, поинтересовался у меня Хозяин Кладбища. — Запомни — в нашем мире нет приятелей и друзей. Совсем. Есть временные союзы, заключенные сделки, договора, которым тысячекратно и которые нельзя нарушать. А дружба... О чем ты? У нас всё разное — судьба, интересы и предназначение. Я уж молчу вот об этом!

Он поддернул рукав балахона, а после чиркнул ногтем указательного пальца правой руки по запястью обнажившейся левой. Хорошо так чиркнул, у меня бы кровь фонтанчиком брызнула.

Но то у меня. Здесь же на землю упало несколько капель черной тягучей жидкости, которая, как видно, плескалась в его венах вместо крови. Более всего она напоминала мазут. Да еще и вспыхнула секундой позже, причем синим пламенем.

— Усвой уже, ведьмак, — Хозяин Кладбища встал с могильной плиты и вытянулся во весь свой богатырский рост. — Ты один, как и любой из нас. Ты всегда будешь сам по себе, сколько бы людей или нелюдей тебя ни окружало. Ты должен быть готов к этому одиночеству. И еще ты должен быть готов убивать. Без раздумий и сожалений, забыв о всех тех слабостях, что присущи большинству представителей рода человеческого. Если же нет, если ты не хочешь этого понять и не желаешь учиться сказанному, то будущей весной мы можем и не увидеться. Я полагал, ты все усвоил за лето, но, как видно, ошибся.

Один-то один, но тогда чего ты так за меня переживаешь, что уму-разуму учишь? Хотя, возможно, в этом есть некий смысл, который пока от меня скрыт. Может, я лишь часть в каком-то его замысле.

А может, все еще проще. Может, он меня кредитует, чтобы потом предъявить счет с процентами.

Умрун тем временем снова опустился на черную плиту, служащую ему треном, и начал отдавать приказы своим подданным, будто меня здесь и вовсе нет.

Я понял, что сейчас лучше промолчать и уйти в тень, что исправно выполнил, устроившись на удобной кованой лавочке работы начала прошлого века, стоящей близ массивного склепа, расположенного недалеко от лобного места.

Стало быть — кромка. Мне надо попасть туда, чтобы обрести гармонию с самим собой. А все мои нечастые приступы хандры и раздражительности — не следствие осеннего сплина, а симптомы подступающей специфической ведьмачьей хвори.

В плюсы можно занести то, что данное заболевание совершенно не смертельно и не чревато какими-то последствиями. По сути, это даже не болезнь, а душевное недомогание, которое, кстати, лечится работой. Скука — хворь лентяев. Когда ты балду гоняешь целый день, то и без всякой кромки на стену раньше или позже полезешь от безделья. А если крутишься как белка в колесе, то тосковать некогда. Как верно было замечено классиками фантастики — в жизни есть смысл, когда времени ни на что не хватает.

Но дорожку на ту сторону бытия искать все равно надо. Не сейчас, так потом оно мне понадобится, спинным мозгом чую. Как минимум, это роскошное убежище, в которое никому кроме меня хода нет. Жизнь, она по-всякому повернуться может. И я сейчас не про угрозу, исходящую от колдуна, которая дамокловым мечом незримо все равно висит над моей головой. Есть власти, которым я, вроде, пока не нужен, но это в любой момент может измениться. Есть Вагнеры и Ряжская, которые с меня не слезут, пока не получат все, что хотят. Есть 15-К, который непредсказуем совершенно. Ну и мало ли что может случиться в ближайшем будущем? А если мне и в самом деле придется убивать? Ну — вдруг? Не дай бог, конечно, но просто так это существо ничего не советует.

Так что лазейка необходима. Как говорит Косачов: «Все они работают в пределах правового поля, но „окошечко“ на границе каждый имеет». «Они» — имеются в виду ВИП-клиенты, те, что при больших деньгах.

Вот и мне «окошечко» нужно. Не небольшой лесок, где меня, если что, на пару дней Лесной Хозяин спрячет, а такое, чтобы вообще никто и никогда меня не нашел.

Ну разве что Мезенцева, эта пространство и время пробьет, чтобы в очередной раз сообщить мне, какой я идиот и как ей безразличен.

Одна беда — как? Как подобрать ключик? Точнее — где его найти?

Волкодлаков у меня знакомых нет, я их даже не видел ни разу, с ведьмами все ясно, отдельские тоже не помощники, потому как не знают ничего. И кто остается?

Ну да. Морана. Владелица эксклюзивного кресла-трона и полупризрачного терема, в котором лежит такая полезная для меня книга.

Стоп. Вопрос, которым стоило бы задаться с самого начала — а как бы я ту книгу в свой мир забрать смог? Из сна, как известно, одна только Нэнси Томпсон шляпу Фредди Крюгера притащила, да и то дело происходило в кино.

То есть, Морана мне, тупорезу, фактически сразу дала понять, что к ней, на берег реки Смородины, можно пожаловать в гости наяву, только я этого намека не распознал.

И вот тут опять возникает очередной вопрос — а стоит ли овчинка выделки? Ну да, появится у меня лазейка в никуда, но какой ценой? Может, в ведьмином чеке сумма за знания поменьше будет?

И еще — не окажется ли так, что там мне будет находиться опаснее, чем здесь. Я к Моране во плоти приду, а она возьмет да горло мне ножичком и перехватит, а после моей горячей крови напьется. Чтобы, значит, угасшие силы взбодрить. Или чего похлеще выкинет. Черт, но как же мне не хватает знаний! Ужасно не хватает. Правда, что ли, в архив отдела 15-К пойти покопаться? Позвонить Ровнину, привести аргументы на предмет «мир, дружба, жвачка, твоя-моя дружба навсегда».

И снова — стоп. Отдел. А ведь есть еще кое-кто, кого можно опросить на предмет технологии процесса перехода живого человека за кромку. Родька и Афоня. Как-никак — слуги ведьмаков. Они за свою долгую жизнь много чего могли видеть и слышать. Родька, тот вряд ли знает что-то полезное, он в слугах хоть и давно ходит, но не настолько, чтобы помнить последнего из Ходящих близ Смерти в нашем роде. Просто тот проживал аж в пятнадцатом веке.

Тут я ухмыльнулся. «Нашем роде». Вот и до этого дошло.

Так вот — спросить я его спрошу, но результат, скорее всего, не воспоследует.

А вот Афоня — этот может что-то знать, хотя бы в общих чертах. И, даже, возможно, рассказать.

Вообще-то слуги ведьмаков существа скрытные, но чувство благодарности им знакомо, это я уже понял. И еще — хозяйина-ведьмака у него сейчас нет, а это здорово упрощает дело.

Зона его ответственности здорово снизилась.

Вот только как мне с ним поговорить? Разве что вызнать у Нифонтова точный адрес их конторы, а после напроситься повидать своего «крестника»? Или просто честно все Николаю рассказать. Ну почти всё. Не вникая особо в детали. Что здесь, в конце концов, такого? Я познаю мир, в котором мне жить, и эта часть ведьмачьего существования более чем для меня важна. К тому же Ровнин сам про это мне рассказал, мог я заинтересоваться всерьез этой темой? Запросто мог.

А Морана... Надо бы и с ней парой слов перекинуться, вот только неизвестно, когда она мне снова приснится. Это не я решаю, а она.

Хотя, возможно, это не она мне снится, а я ей. Тут наверняка не скажешь. Вот все-таки сколько же еще непознанного на Земле осталось. Нам говорят — все уже познано, тайны наличествуют только в авторских программах на «Рен-ТВ» и «ТВ-3», да и то сомнительные. Как же, всё. Одно познанное существует где-то там, на грани сумасшествия и воображения, второе вон последние указания теням прошлого отдает.

Я поежился — становилось все прохладнее, как и положено на излете осенней ночи. Утро было все ближе, хоть вокруг и стояла все та же мгла. Но где-то в кроне уже почти совсем лишившейся листвы березы пискнула одна птаха, с другого дерева ее поддержала другая. Птиц не обманешь, они подход рассвета чуют безошибочно.

— Что, ведьмак, озяб? — обратился ко мне умрун, который, наконец, закончил раздавать указания и распоряжения обитателям кладбища. Тех, кстати, вокруг нас и не осталось почти, разошлись они кто куда. Кто по своим могилам, кто осматривать фронт работ.

— Есть маленько, — похлопал себя руками по плечам я. — Чайку бы горячего.

— Прости, не припас, — не без ехидства произнес Хозяин. — Нету у меня тут чайной. Разве что «Поминальная трапеза» у главного входа, так она еще закрыта.

— А жаль, — вздохнул я.

— Кому как. Мне вот все равно. Я ни тепла, ни холода не ощущаю, а пицца моя — она не такая, как у вас, людей.

Ага, знаю я твою пиццу. Мы она и есть. Помню, как ты душу моего врага-ведьмака сожрал, как же. Хотя, по правде, мне его ни капли жалко и не было. Туда ему и дорога.

— А пришел ты вовремя, — Хозяин поманил меня рукой, предлагая подойти поближе. — Денька на три задержись — и все, не застал бы ты меня. Я не лесовик, который как барсук первого снега ждет и только потом в свою нору лезет. Не люблю смотреть на то, как мир

закрывает глаза и засыпает под снегом. Лучше раньше уйти на отдых, когда вокруг еще есть жизнь.

— Странное размышление, — потер подбородок я. — Владыка Смерти любит жизнь.

— Думаешь, что говоришь! — громыхнул голос умруна. — Я не владыка Смерти, я пастырь мертвых. Смерть — моя госпожа, а я ее верный и преданный слуга. И ты, кстати, тоже, только еще этого не понял. Что до жизни... Без нее не было бы меня. Рассвет сменяет ночь, зима — лето. А жизнь — смерть. Одно без другого существовать не может.

— Оговорился, — даже перепугался я, потому как в голосе Хозяина уловил прямую и явную угрозу для себя. — Ляпнул не подумавши.

— Ляпнул, — на тон ниже проворчал умрун. — За такие промашки в старые времена тебя бы по Покону заживо под землю загнали лет на сто. Или двести.

— Вопрос можно? — решил я от греха перевести тему в другую плоскость. Нет, мне была крайне интересна его фраза о том, кому я на самом деле служу, но развитие этого направления разговора было крайне небезопасно. Кто знает, что ему в голову придет? Хозяин кладбища величественно махнул рукой, давая мне понять, что, мол, спрашивай.

— Вот вы про старых богов упомянули, — вкрадчиво проговорил я. — Это ведь те, которые Велес, Морана, Перун?

— Они, — подтвердил умрун.

— Скажите, а мои... э-э-э... собратья им служили? — перешел я к главной теме. — Просто я слышал, что такое случалось. Ну от того парня, Николая.

— Судного дьяка? — уточнил умрун. — Ты ему особо не верь. Во всех смыслах. Что для него, что для тех, кто до него был, главное одно — свою работу выполнить. А ты, я, да и другие дети Ночи — мы для них никто. Или враги. Третьего не дано. Если надо будет, он тебя пережует и выплюнет.

— Это я давно понял. Но так оно теперь везде в мире заведено, так что удивительного ничего нет. Скажу честно — и я не лучше. И все мои знакомые тоже.

— Что за времена? — вздохнул Хозяин. — Нет, и раньше всякого хватало, но сердечности в человечешках поболее было. А теперь... Так о чем ты меня спросил?

— Боги, — быстро проговорил я. — Ведьмаки им в самом деле служили?

— Не особо, — качнулся капюшон умруна в отрицающем жесте. — Ведьмаки вообще служить кому-либо не стремились. Они же сами по себе были. Происхождение у них такое. Как бы тебе понятнее объяснить... Лесовики — порождение Велеса. Ведьм змеюка Пераскея сотворила, когда им дала черные веды прочитать, а после ее смерти они к сынам Черногобогом прибились, потому как те Дажьбога, змеиногубица, терпеть не могли. За Пераскею мстили, значит. Ведуны да знахари Числобогу поклонялись, тот им знания даровал и в ремесле помогал. Ну и так далее. А ведьмаки — они сами по себе появились. Точнее — первый ведьмак, тот, что Олегом звался, сам себе путь проторил, а уж после остальным его показал. Вот и выходит, что не было у них смысла кому-то на верность присягать, потому что долгов за ними не водилось.

— Ну не только же за долги служат? — пробормотал я.

— Верно, — признал Хозяин. — Не только. Еще за страх, совесть или мзду какую. Но прежним ведьмакам страх был неведом, как и совесть. Что до мзды... Раньше злато ценилось, но куда менее нынешнего. Сыт, здоров, одет, обут? И хорошо. А казна — она сегодня есть, завтра нет. Копили людишки деньгу, конечно, копили, как без того. Но не все. И главное всего остального она тоже не была.

— Святые времена, — только и сказал я.

— Вот-вот, — подтвердил умрун. — Ну а если они и шли на службу, так только тогда, когда выхода не оставалось, так мне говорили. Один из ваших, я знаю, присягнул на верность Триглаву, чтобы город какой-то от степного войска спасти. Тот, после принятия клятвы, на находников ордынских мигом мор напустил, и они все под стенами городскими за пару дней и перемерли.

— Чем вообще может служба эта ведьмаку навредить? — задал я очередной вопрос, ожидая реакции вроде: «А тебе зачем это надо?»

— Душу он может свою сгубить, — и не подумал так поступать умрун. — Руки в крови попачкать здорово. Ну и свободы у него не будет, что самое главное. Любому человеку в подневолье худо, а тому, кто был рожден вольным — вдвойне.

И все? Свобода. Да я ее в жизни не видел, этой свободы. Разве что только в последние месяцы. Это только на словах у нас есть какие-то мифические «свободы», а на деле — фигушки. Мы все узники законов, порядков, традиций, уставов, положений, указаний, нормативных актов, циркуляров от самого своего рождения и до смерти. Правда, мы настолько привыкаем к этому с детства, что по сути и не ощущаем степени собственной несвободы, считая такое положение вещей совершенно нормальным. Жизнь современного человека — это узкая тропинка, по которой можно идти только медленно и только прямо,

потому что по сторонам от нее исходит зловонными пузырями погибельная трясина, которая как раз и есть та самая мифическая свобода. Шаг влево, шаг вправо — и все, ты пропал. Либо в тюрьме, либо в наркотическом угаре, либо еще в какой-то немислимой круговерти. Любое отклонение от общепринятых правил и устоев ведет или на дно, или в неведомые дали, откуда нет возврата. Так уж устроен современный мир.

— Впрочем, я слышал, что не сильно-то боги к себе ведьмаков и заманивали, — продолжал вещать умрун. — Характер у вашего брата поганый, и принципов много. Куда проще поговорчивей слуг найти, благо тогда в них недостатка не было. А если не найти, так сотворить. Боги ведь, чего им?

Значит, от безысходности на меня Морана клонула. Я ведь так с самого начала и думал, да Ровнин меня смутил.

Как все непросто. А самое сложное — принимать решения. Раньше было проще, раньше был тот, кто за меня это делал. Мама, папа, жена, председатель правления, начальник отдела. Их, если что, можно было и в неудаче обвинить. А сейчас кого?

Собственно, дальше умрун еще много чего про богов рассказывал. Это было интересно и познавательно, я все внимательно выслушал, но каких-либо полезных данных именно по интересующему меня вопросу он больше не дал.

Хотя — все пригодится. И эти байки из склепа тоже.

На рассвете мы с ним распрощались до весны, на прощание он еще раз посоветовал мне изживать из себя человеческие замашки, а после показал мавзолей, в котором собирался провести время до весны. Я подумал, что он мне скажет что-то вроде: «Если очень припечет — приходи и буди», но нет. Наоборот, мне было рекомендовано до первой листвы туда даже нос не совать, а то худо будет. Войти я в этот мавзолей войду, а вот выйти уже не получится. Очень он, Хозяин Кладбища, со сна всегда злой и голодный. И не разбирает особо, кого именно к нему в неурочный час занесло.

Позавтракал я в том самом кафе, где когда-то побывал с Нифонтовым, и к зданию банка подходил хоть и немного сонный, но сытый и благодушный.

Возможно, этот настрой сохранился бы у меня на весь день, если бы прямо у входа меня не схватили за плечи два крепких парня в деловых недешевых костюмах. Весьма невежливо, я бы сказал, схватили.

Глава семнадцатая

— Мерзавец! — вылезая из машины, припаркованной на банковской стоянке, пропыхтел Петр Францевич Вагнер. — Я тебя... В пыль, в порошок!

Выглядел он уже не так вальяжно, как накануне. Галстука нет, сам какой-то помятый, под глазами мешки, как видно, от бессонной ночи.

— Вы меня расстроили, — невозмутимо сообщил ему я, поведя плечами. Точнее — попробовав это сделать, поскольку держали ребята меня надежно. — И это ваш ход? Такая банальщина? Я-то ожидал чего-то эдакого. Ну не знаю... Грамм героина в карман и изъятие оно при понятых, чтобы после прижать меня с помощью полиции или, там...

— Яна умирает. — Вагнер прихватил меня за грудки и пару раз тряхнул. — Она почти не дышит!

— Почти или не дышит? — я поморщился. — И, если можно, чуть отодвиньтесь, ладно? Вы меня слюной обрызгали!

— Ты бессмертный? — осведомился у меня один из парней. — Не понимаешь, что происходит?

— Понимаю, — успокоил его я. — Яна Феликсовна хрипит, сопит, пускает пену изо рта и производит впечатление человека, который собирается дать отчет о проделанной за жизнь работе высшим силам.

Удар «под ложечку» был очень быстрый и очень сильный. Причем, что неприятно, я даже согнуться не смог и только хрипел, пытаюсь восстановить дыхание.

— Вы чего!!! — раздался пронзительный голос Наташки Федотовой, а после она сама, как фурия, налетела на крепких парней и начала их дубасить своей черной объемной сумкой, в которой при каждом ударе что-то громыхало, стучало и звякало. — А ну, отпустили его! Я сейчас полицию вызову!!!

Вот ведь. Вечно подкальывала, а как беда подкралась, даже думать не стала, вступилась за меня. Не зря, выходит, я для нее и Ленки в магазин бегал столько времени.

Приятно.

И неправ Хозяин Кладбища. Не один я, выходит. Есть те, кому моя судьбушка небезразлична. Может, и немного их, но они — есть.

— Угомонись, — проворчал тот костолом, что стоял слева от меня. — Да успокойся ты! Он лениво махнул рукой, чуть не въехав Наташке в лицо.

— Если хоть пальцем ее тронешь, сдохнешь как собака, — пообещал я ему, с трудом выдавливая из себя слова, поскольку дышать было все еще очень трудно. — То, что с хозяйкой твоей происходит, тебе детской игрой покажется. Гноем истечешь, сгниешь нахрен изнутри. Слово даю.

И я не шутил. Что там умрун говорил? Надо учиться убивать? Сейчас я был готов сделать первые шаги по этой дороге.

— Отпустите его! — Наташка, похоже, вошла в раж и даже не заметила, что её чуть-чуть не нокаутировали. — Блин, куда охрана смотрит?!

Тем временем к банку подходили остальные сотрудники, причем многие спешным шагом. Как видно, вчерашний урок многих впечатлил, и опаздывать никто не хотел. Кто-то из них отводил глаза в сторону и топал к служебному входу, кто-то останавливался и глазел на происходящее, впрочем, не стремясь прийти ко мне на выручку. Компанию Федотовой решила составить только Сашка Вязьмина, как видно, в память о той паре дней, что у нас с ней была. А может, из вечной своей правдолюбской позиции, поди знай? Она сделала несколько шагов вперед, грозно засверкала стеклышками своих очочков, но сделать или сказать ничего не успела, поскольку в этот момент из дверей банка вышло сразу несколько человек. Точнее — охранников. Ну а следом за ними показался и Геннадий, как всегда, с непроницаемым выражением лица.

— Сотрудники идут на свои места, — негромко произнес он и глянул на часы. — До начала рабочего дня осталось десять минут.

Черт, а он харизматичен. Моих коллег как ветром сдуло. Да что там — не держи меня эти двое, я бы и сам припустил к турникетам, так внушительно это все прозвучало.

Но Сашка и Наташка никуда не пошли, они остались рядом со мной. Вот ведь... А, нет, к ним еще и Ленка присоединилась. Она ничего не понимала из того, что происходит, но сразу подбоченилась, стала раздувать ноздри и нехорошо смотреть на тех, кто меня держал.

— В чем дело? — Геннадий неторопливо спустился по короткой лестнице, ведущей от входа в банк, и остановился напротив Вагнера, на лбу которого пульсировала синяя жилка. — Если вас не затруднит, дайте объяснения, отчего ваши люди подобным образом поступают с сотрудником нашей организации? Не хотелось бы доводить дело до крайностей, это не нужно ни банку, ни вам, его уважаемому клиенту. И потрудитесь сделать это быстро, скоро сюда начнут стягиваться люди, и удар по репутации...

— В чем дело? — взвизгнул Вагнер, а после истерически хохотнул. — В чем дело! В том, чего не может быть на этом свете! В вот этом молодом человеке, который... Который... Я не знаю, как это правильно назвать.

— Его супруга приболела, — подал голос я. — Бывает. Петр Францевич, а своими-то лекарствами, что производите, лечить не пробовали? Как вы там мне говорили? «Есть наука, другого ничего нет».

— Смолин, молчите, — потребовал Геннадий. — Господин Вагнер, я не понимаю, как наш сотрудник может быть причастен к болезни вашей супруги. Ну если только данное заболевание не относится, кхм... К части интимных.

Бедный Вагнер явно был вне себя. Он, выпучив глаза, секунд тридцать смотрел на Геннадия, который с непроницаемым лицом стоял напротив него, после топнул ногой и воздел руки к небу.

Наташка с Ленкой синхронно хихикнули, а Сашка довольно громко сообщила, что:

— Не, это вряд ли. Я ее видела. Смолин такую старую не стал бы...

Она никогда ничего и никого не боялась, маленькая и отважная Вязьмина. И говорила всегда то, что думала, потому и сидела по сей день в операционистках.

— Вы трое — в банк, — скомандовал Геннадий, для убедительности даже сопроводив слова жестом.

— Сами разберемся, что делать, — пробурчала Сашка, не подумав даже тронуться с места.

— Идите, — поддержал безопасника я. — Ничего интересного дальше не будет.

Девчонки с сомнением посмотрели на меня, так и стоящего под контролем дюжих молодцев, но сделали то, о чем их просили. Правда, Наташка напоследок погрозила сумкой господину Вагнеру, отчего у того глаза чуть из орбит не вылезли. Как видно, отвык он от подобного. Или даже не сталкивался с таким никогда. Привыкай, тут тебе не фатерлянд!

— Отпустите молодого человека, — приказал Геннадий вагнеровским бойцам. —

Пожалуйста.

В этом его «пожалуйста» настолько ощутимо громыхнуло что-то железобетонное, что даже мне немного поплохело. Всегда завидовал людям, которые умеют убедительно говорить. Не в смысле «толкать речь», а именно говорить, вкладывая в свои слова особую энергию, которая не позволяет их ослушаться.

Я так не умею. А жаль!

Правда, на молодых людей его слова особого впечатления не произвели. Внешне не произвели, но я, которому они завернули руки, почувствовал, как напряглись их мускулы. — Отпустите, — махнул рукой Вагнер. — Чего теперь.

— Правильно, — одобрил его слова Геннадий. — И давайте-ка пройдем в здание, хорошо? Стоит ли на улице стоять? Все вопросы всегда разрешимы, так я думаю. И ваш, Петр Францевич, наверняка тоже.

Я массировал левое плечо, слушал, что говорит Геннадий, и приходил к выводу, что не очень-то он и безопасник. Больно он умело проблемы разруливает, и речь у него поставлена куда как лучше, чем у бывших служак, пусть даже и работавших некогда в весомых структурах, не имеющих отношения к армии.

Станный тип этот Геннадий, непонятный. Надо от него подальше держаться будет после того, как закончится муторная история с порчей.

У Вагнера дернулся глаз, но он, тем не менее, направился ко входу, следом за ним потопали его люди. Безопасник склонил голову к плечу и чуть приподнял правую бровь, как бы говоря: «А тебе особое приглашение надо?».

— Иду, — покорно вздохнул я и направился за остальными.

Уже в банке Геннадий, следующий за мной, еле слышно шепнул мне на ухо:

— Не вздумай дать Вагнеру то, что ему нужно, раньше времени. Ждем Ольгу Михайловну. Буммм! Как кувалдой по затылку.

Ну почему я всегда думаю, что последнее слово будет за мной, а на деле выходит, что я еле-еле умудряюсь только первое сказать?

Опять меня разыграли как пешку. Причем в чужой игре.

Все было просчитано, включая мои слова и заламывание рук. Мне позволили начать партию, а доигрывать ее будут другие. Мне же отведена должность зрителя, максимум — статиста.

То-то мне странным показалось то, что Геннадий появился немного не ко времени. По логике вещей, охранники, увидев в камеру, как сотрудника скручивают прямо у входа, должны были выскочить немедленно, но нет, этого не случилось.

Они ждали. Ждали точки кипения. Точнее — он ждал. И вышел на сцену тогда, когда это было выгодно. Ему выгодно. И Ряжской.

Но сработано красиво. И финал у этой истории, скорее всего, будет тоже красивый.

Разумеется, без учета моих пожеланий, но кому они, по сути, интересны? Я просто в очередной раз был пешкой, которой позволили недолго думать, что она ферзь.

Нет, правы были древние мудрецы, когда говорили, что богу отведено богово, а кесарю — кесарево. Многоходовые интриги — не мое. Слишком я для этого прост. Это если мягко выражаться.

Я, конечно, могу сейчас немного взбунтоваться, не ждать Ряжскую, поступить по-своему, но это уже ничегошеньки не изменит. Разве что только в еще более глупом виде меня выставит. Мальчишество хорошо в тринадцать лет, а после двадцати оно смешно.

Так что пусть уже все идет так, как идет.

Я зашел в переговорку, плюхнулся в кресло и зевнул, прикрыв рот рукой.

— Дома ночевать надо, — зло бросил мне Вагнер. — Мы с трех часов тебя там ждали!

— И зря, — вяло парировал его фразу я. — У меня на эту ночь были другие планы. Я наслаждался продажной женской любовью.

— Я не знаю, что именно ты сделал и как, но настаиваю — прекрати это, — стукнул кулаком по столу Петр Францевич. — Верни все... Господи, даже слова к данному случаю не подберешь вот так сразу. Верни Яночке здоровье! Немедленно! Я знаю, что это твоих рук дело. Да, антинаучно, да — невероятно. Будь ты проклят! Верую. Верую в то, что возможно всякое! Что ты еще хочешь? Мальчишка, мерзавец, негодяй! Делай немедленно что сказано!

— Вздремнуть бы, — сказал Геннадию я, и снова зевнул. — Или хотя бы кофе попить.

Вагнер побагровел, и мне стало немного не по себе. Он был близок к бешенству, а жилка на его лбу билась, словно ручеек.

Как бы его удар не хватил.

Похоже, безопасника, ну или кто он там, посетила та же мысль.

— Он делает то, что должен, — веско произнес Геннадий. — Но пока давайте все успокоимся. И вот еще что... Александр, набери референта, пусть она сюда подаст кофе для Петра Францевича. Или вам лучше чай?

— Почему только для него? — возмутился я. — Мне тоже чашка кофею положена. За перенесенные мучения.

— Смолин, вы, похоже, забыли, что сейчас находитесь на работе, — отчеканил Геннадий. — И здесь вам никто ничего не должен. А вот вы, напротив, обязаны соблюдать

внутренние распорядки и предписания. И если вы это никак не можете усвоить, то, боюсь, вам недолго осталось занимать вашу должность.

— Так его, — удовлетворенно произнес Вагнер и вытер со лба выступивший там пот. — Наглец редкий этот ваш Смолин, я таких давно не видал.

— Нечасто в метро бываете, — сообщил ему я. — И на улице вообще. Небось все кабинет да личный автомобиль. Сейчас все такие, как я.

Геннадий молча показал мне на телефон. Я сложил руки на груди и уставился на потолок, прекрасно осознавая, что смотрюсь, как минимум, смешно.

Не знаю, чем кончилось бы дело, кабы в этот момент не впорхнула Ольга свет Михайловна. Она была свежа, весела и благоухала очень дорогими духами. Настолько дорогими, что я даже затрудняюсь сказать, какими именно. Мои приятельницы на подобные ароматы денег сроду не имели. Хотя это все субъективно, может, просто данный аромат очень индивидуален, и дело в этом.

— Всем доброе утро! — озарила она кабинет своей белоснежной улыбкой. — А вы что такие напряженные?

— Доброе? — снова вскочил с кресла было успокоившийся Вагнер. — Какое оно доброе? Яна ночью чуть не умерла, да и сейчас ей не лучше. Она дышать почти не может, я ее в клинику отправил, на аппарат поставил. И все этот твой протеже!

— Вот этот? — Ряжская показала на меня пальчиком. — Да?

— Да! — выкрикнул Петр Францевич. — Именно! И, главное, он еще шутки шутит! Дурака ваяет! Мммерзавец такой!

— Да что вы меня все оскорбляете? — наконец не выдержал я. — Давайте уже как-то с этим заканчивать! Я тоже по мутер вас так послать могу, что...

— Уволен, — равнодушно произнес Геннадий. — Приказ будет сегодня.

— Ой, прямо напугали, — я встал с кресла. — Да не вопрос. Меня за последние пару месяцев столько раз увольняли, что я со счета сбился. В гробу я ваш банк видел, в белой теннисной обуви. И еще — вы безопасник и меня уволить не можете, полномочий не хватит. Но я сам уйду, не проблема. О, кстати! Это я прихвачу на память. И ловко снял с пиджака Геннадия коротенький волосок.

Точнее — почти снял. Как и когда он перехватил мою руку, я так и не понял, настолько моментальным было его движение. И, главное, он даже ее не крутанул, но стало очень, очень больно, а пальцы разжались, выпустив добытый волос, который мягко опустился на пол.

— Не надо, — мягко посоветовал он мне. — Я не господин Вагнер, кричать не буду. Сядь на место и не дергайся. Не могу уволить? Ладно. Значит, пока приказ не подписан, ты на службе и обязан мне подчиняться.

Ничего. Нет крючочка для лихоманок — и не надо. Я еще чего-нибудь придумаю. А с той заразой, что за иглой придет, как-нибудь сам разберусь.

— Что-то вас совсем не туда занесло, — расстроено проговорила Ряжская, всплеснув руками. — Ругань, угрозы, обиды. Мы же разумные люди, то есть всегда можем сесть за стол переговоров и найти общий язык.

Я зло сопел, Геннадий с усмешкой смотрел на меня, а Вагнер беспрестанно вытирал мокрый от пота лоб.

— Сели. — Ряжская похлопала ладонью по столу. — Саша, я тебя прошу! Да, Гена, сходи и попроси подать нам кофе.

— И мне? — уточнил я немедленно.

— Если хочешь, — пожала плечами Ряжская.

Я еле удержался от соблазна показать Геннадию язык. Серьезно. Как в начальной школе. Ситуация это просто диктовала.

Но удержался. Зато тут же сказал:

— Три кусочка сахара и сливки, — подумал, и добавил: — И пошевеливайся, голубчик, у нас еще много дел. Мне вот заявление об увольнении писать надо.

— Ну что за детский сад? — укоризненно глянула на меня Ольга Михайловна. — Взрослый же человек! И вот что еще, Петр. Мальчики твои пусть за дверью подождут.

Через минуту мы остались в переговорке вдвоем.

— Итак, — Ряжская с легким хлопком припечатала ладони к столу. — Насколько я понимаю, имеет быть место конфликт между тобой, Смолин, и господином Вагнером.

— Не конфликт, — возразил я. — Недопонимание. Я им не раз сказал «нет», а они этого не поняли. Да еще и угрожать начали. Вот и пришлось мне кое-что им объяснить наглядно.

— Объяснить? — Вагнер снова начал краснеть. — Это, по-твоему, объяснить? У моей жены семь с лишним часов длится жуткая асфиксия, сопровождаемая судорогами. В какой-то момент мне показалось, что она вот-вот умрет!

— Да нет, — успокоил я его. — До этого еще далеко, поверьте.

— Успокой! — саркастично выкрикнул Вагнер. — Спасибо! Ольга, я тебя прошу, действуй на этого... Бандита!

Ух ты. Так меня еще никто никогда не называл. Даже приятно.

— Петр, я бы рада, да как? — невесело потупилась Ряжская. — Ты же видишь, что характер у него непростой. Да ты еще, насколько я понял, успел ему бока намять. Не просто же так ты с собой охрану взял?

На мою правую ногу в этот момент надавила ее узконосая туфелька, давая понять... Черт его знает, что она хотела мне сказать? Поди эту Ряжскую пойми.

Оставалось только импровизировать.

— Так и есть, — подтвердил я. — Прямо скажем — характер у меня скверный. И обиды не забываю.

— Сколько? — внезапно успокоившись спросил у меня Вагнер. — Цифру назови.

— Петр, погоди, — положила свою руку на его Ольга Михайловна, одновременно с этим аж дважды надавив на мою ногу. — Какие деньги, о чем ты? Если уж на то пошло, платить их должен не ты, а я. Это ведь по моей рекомендации Яна пришла к этому человеку.

— С вас денег не возьму, — сразу отказался я. — Вы мне очень симпатичны.

— Тогда сделай так, чтобы с Яной все стало хорошо, — лучезарно улыбнувшись, попросила меня Ряжская. — Давай закончим эту, прямо скажем, всем нам неприятную историю.

— Так он тебя и послушал, — нехорошо осклабился Вагнер. — Шантажист.

Я засунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда пакетик с почти неразличимым волосом его супруги.

— А почему нет? Я за мирное сосуществование. Вам достаточно только понять, что меня больше не надо беспокоить, и все немедленно кончится. Обещаю.

— Да пропади ты пропадом! — взревел Вагнер, явно даже не поняв смысла моего жеста. — Век бы тебя больше не видеть!

— И чтобы никаких последующих провокаций со стороны излечившейся супруги, — добавил я, покачав пакетиком. — Сдается мне, она дама самолюбивая и злопамятная. Мне бы не хотелось рецидивов, Петр Францевич. Причем если сегодня вы меня смогли найти, то в следующий раз вам может и не повезти. Сегодня я покину этот банк, так что места привязки к местности у меня больше не будет.

— Он еще и угрожает? — устало пожаловался на меня Ряжской Вагнер. — Каково!

— Не угрожает, — возразила ему женщина. — Обговаривает условия. Совершенно нормальный процесс, на мой взгляд. И, давай честно — Яна не ангел, от нее всякого ожидать можно.

— Вообще-то есть такое, — признал Петр Францевич. — Ладно, даю слово. Если хочешь, могу расписку написать.

— Да что мне ваши расписки? — рассмеялся я. — Тут ведь вы не мне, вы себе насвинячите. Причем даже в том случае, если меня убьют по вашей наводке. Больше скажу — это для вас будет наихудший вариант. Детали опущу, но поверьте, я не вру.

— Не врет, — крайне серьезно подтвердила Ряжская. — Увы, Петр, все так.

— Не тронет тебя никто, — устало сказал фармацевт и дернул воротник рубашки. — Делай уже что надо, прошу тебя!

Я заметил, что он то и дело поглядывает на экран телефона, а тот с интервалом в пару минут вибрирует. Как видно, на него поступала информация о состоянии Яны Феликсовны.

— Для твоего пущего спокойствия, Саша, я беру на себя обязанности гаранта твоей безопасности, — добавила Ольга Михайловна. — И все потому, что доверяю слову Петра полностью. Мы, слава богу, знакомы сто лет, и повода усомниться в его честности у меня не было ни разу.

Вагнер криво улыбнулся.

Встав с кресла, я подошел к небольшому шкафчику, стоявшему у одной из стен, открыл его и достал оттуда пепельницу. Я знал, что она здесь есть, как без нее. Так-то в здании курить запрещено, и внутренним распорядком, и федеральным законом, но то сотрудникам и клиентам попроще. «Випов» подобное сроду не касалось, раз они хотят перекурить — то пусть дымят.

Вернувшись обратно, я поставил пепельницу на стол, а после раскрыл пакет и достал оттуда седой волос госпожи Вагнер.

И в этот момент туфля Ряжской припечатала мою ногу к полу.

— Да, Петр, — обратилась она к мужчине, который внимательно следил за моими манипуляциями и, кажется, начал понимать, что к чему. — Возможно, не ко времени вопрос, но все же... Там у тебя с моим Павликом тоже небольшое непонимание вышло. Ну по зданию на Садовом кольце, том, где раньше банк квартировал, у которого лицензию не так давно отозвали. Том, что ты прикупил в обход официальных торгов. Вот скажи, ты ему

его все же не уступишь? Тебе оно так и так не нужно, там планировка под кредитную организацию заточена, больше на ремонт потратишь. Да и во дворе оно, а для твоего дела внешняя витринная реклама важна. А для нас — самое то. У нас это теперь профильный бизнес, нам расширяться надо.

Это сильно. Это впечатляло. Как по нотам! И даже тот факт, что меня использовали по полной, ничего в этом не менял. Когда красиво — тогда красиво.

Вагнер долгим взглядом посмотрел на кротко улыбающуюся Ольгу Михайловну, на меня, на волос в моей руке и сказал:

— Забирайте. Я все равно бы Паше его отдал со временем. Просто хотел...

— Иметь свой маленький гешефт, — рассмеялась Ольга Михайловна. — Я передам твое пожелание мужу, думаю, он сделает нужные выводы. Их тебе сообщат сегодня наши юристы, когда подъедут подписать бумаги. Саша, а ты кого ждешь? Делай свое дело. Там же Яна страдает.

— Огонька нет, — озадачился я. — А без него никак.

— Вот, держи, — женщина щелкнула замочком сумочки и протянула мне миниатюрную зажигалку «Ронсон». Золотую, блин. Живут же люди...

Я подмигнул Вагнеру, отчего тот скривился, щелкнул зажигалкой и подпалил волос, лежащий в пепельнице.

Тот вспыхнул неожиданно ярко, я даже такого не ожидал. Чему там гореть-то?

Впрочем, огонь так же быстро сменился на редкость вонючим и густым зеленоватым дымком, в котором я уловил запах той самой жижи, которую варил накануне.

— Вот и все, — по возможности уверенно сказал я. — Петр Францевич, если телефон рядом с Яной Феликсовной, так вы можете ей позвонить. Ручаюсь, она уже почувствовала себя гораздо лучше.

Набрать жену Вагнер не успел, потому как та успела его опередить.

— Да! — радостно крикнул в трубку фармацевт, заставив меня подумать о том, что он, похоже, на самом деле любит эту властную женщину с тяжелым характером. — Все нормально? Задышала? Слава богу. Что? Нет. Нет. Нет, не надо. Я все потом объясню. Как видно, Яна Феликсовна сходу предложила мне руки-ноги оборвать. Она кто угодно, только не дура, поняла, откуда ветер дует.

— Поеду в клинику, забирать ее, — сообщил нам Вагнер, вставая. — Спасибо говорить не стану, не за что.

— Ты сам виноват, Петр, — закинув ногу на ногу, произнесла Ряжская. — Зачем так наседали на Сашу? Он славный, добрый, милый мальчик. А ты ему угрожать начал. Он просто защищался, вот и все. Нельзя человека загонять в угол, даже странно, что мне приходится это объяснять тебе. Не кому-то, а тебе!

— Недооценил я твоего Сашу, вот и все, — без тени смущения ответил ей фармацевт. — Моя ошибка. Надо было по-другому действовать, так, как ты.

— Простите за банальность фразы, но не могу удержаться — влез в их разговор я — Ничего, что я здесь нахожусь?

Вагнер, ничего не ответив, открыл дверь, застыл на месте, словно раздумывая, выходить из переговорки или нет, а после, повернувшись ко мне, спросил:

— Что это было? С Яной?

— Не что, а кто, — протягивая Ряжской зажигалку, даже не подумал «включать дурака»

я. — Грынуша-Грудя, одна из двенадцати сестер-лихоманок. Причем имейте в виду — я вас пожалел. Она не самая страшная из этого выводка. Не самая милосердная, это да, но все могло быть куда хуже. Вернее — куда страшнее.

— Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, — пробормотал Вагнер и вышел, прикрыв за собою дверь.

— Это он о чем? — обратился я к Ряжской. — При чем тут лес?

— Не бери в голову, — посоветовала мне она. — Захотел человек образованностью блеснуть. Главное, что?

— Что?

— Ты можешь спокойно вздохнуть, Вагнеры тебя больше не потревожат. Ну, молодец я? Как лихо твои проблемы решила!

— Чего? — я даже глаза выпучил от удивления. — Вы решили? Да вы сейчас у товарища здание отж...

— Тсссс, — пахнувшая духами ладошка Ряжской закрыла мой рот. — Саша, не наговори глупостей. Я, конечно, не маленькая девочка, понимаю, что такое аффект, но обидеться все равно могу. А это не нужно ни мне, ни тебе. Может, я и извлекла какую-то выгоду из этой ситуации, но приоритетом была не она, правда? В первую очередь я думала о тебе, о твоей безопасности.

— Если бы вы послушали меня сразу и дали этой Вагнер от ворот поворот, то и проблем бы не было, — отстранил ее руку я. — Говорил ведь...

— Тут да, тут просчет, — признала женщина. — Но на ошибках что? Учатся. В будущем будем более тщательно подходить к подбору клиентуры.

— Какой клиентуры? — прищурился я. — О каком будущем речь, я не понимаю. Все, закрыта лавочка, Ольга Михайловна.

Дверь в переговорку открылась, и к нам присоединился Геннадий. Он молча сел на то кресло, где до того располагался Вагнер, и кивнул Ряжской.

Что обидно — кофе он нам не принес.

— Саша, все только начинается, — лучезарным тоном заверила меня Ряжская, и даже руками взмахнула. — То ли еще будет!

— Ничего не будет, — помотал головой я. — Меня уволили, слава богу. Свобода! И я использую ее как полагается. Например, уеду в Нечерноземную полосу России припадать к простым сельским радостям бытия.

— Очень разговорчивый молодой человек, — сообщил Ряжской Геннадий. — Хотя они все здесь языками мелют много. И большей частью не по делу. Два дня слушаю — диву даюсь. Половину персонала менять надо, Ольга Михайловна. Даже две трети.

— Так и меняй, — разрешила ему Ряжская. — Кроме, естественно, вот этого товарища. Я теперь гарант его безопасности, так что — увы, увы. Эй, селянин, чего примолк? Значит, говоришь, в глушь, в деревню собрался? Самому не смешно? Тоже мне, Герман Стерлигов.

— Самому грустно, — вздохнул я. — Даже помечтать не дали.

— Саша, хочешь верь, хочешь не верь, но я на самом деле испытываю к тебе добрые чувства. — Ряжская взяла мою ладонь в свою. — Практически отеческие. Детей у меня нет, вот, в каком-то смысле тебя усыновляю. Так что заканчивай ершиться, хорошо? Ничего, кроме ошибок, это тебе не принесет. А теперь иди к себе и работай. В конце концов, ты у нас на зарплате, а солнце только встало.

«На зарплате». Нет чтобы мне процентик от провернутой сделки со зданием отделить. Так по справедливости было бы.

Ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Геннадий, — повернул я голову в сторону безопасника. — Насчет увольнений. Я не знаю, кого вы там вычищать из банка будете, но не думайте даже трогать тех трех девочек, которые сегодня за меня впряглись. Это моя личная просьба.

— Хорошо, — вместо Геннадия ответила Ольга Михайловна. — Они в безопасности. У них иммунитет, как в «Последнем герое». Теперь ты доволен?

— Нет, — помотал головой я. — Но это все равно ничего не меняет.

— Упорный, — даже с каким-то уважением сказал безопасник.

— Упорный, — подтвердила Ряжская. — И тем мне симпатичен.

— Косачова жаль, — сказал я, вставая с кресла. — Только он обрадовался, что с Вагнерами поработает — и на тебе.

— Так и поработает, в чем же дело? — Ольга Михайловна достала из сумочки сигареты и все ту же зажигалку. — Куда они денутся? Саш, Петр никогда не будет мешать делу и личное, он для этого слишком умен. Да и раньше между нами особой любви не было, просто бизнес моего Паши кое-где смыкается с предприятием Вагнеров, потому мы и делаем вид, что друзья. Как, впрочем, и все остальные в нашем кругу. Эмоции — не для нас. Они мешают делу. И тебе, кстати, этому тоже надо бы поучиться. Но это тема для отдельного разговора, а пока иди, работай.

Не знаю, о чем потом Ряжская беседовала с Геннадием в переговорке, и когда она покинула банк. Да и не сильно меня это интересовало. На меня навалилась усталость, смешанная с последствиями бессонной ночи, так что мне было не до того. Плюс девчонки меня просто замучали с расспросами. В результате я предложил им заказать пиццу за мой счет, и это моментально переключило их на другую тематику — они начали выбирать что заказывать и орать друг на друга, поскольку вкусы у Ленки и Наташки разные.

Под этот гвалт я отключился прямо в кресле, да так, что даже не почувал, как Федотова у меня из пиджака портмоне вытащила, чтобы за еду рассчитаться. И как Сашка пришла, которую они позвали, рассудив, что она тоже моя защитница.

Причем сонная хмарь так и не развеялась до конца дня, я и домой пришел на автопилоте. Зевая, поужинал и решил было завалиться спать, как раздался дверной звонок.

— Интересно, это кто? — спросил я у Родьки. — Вроде никого не жду.

— Либо эта, — потыкал в потолок мой слуга, намекая на Маринку. — Либо рыжая, которую ты к дому привадил. Опять мне на кухне спать! Тут холодно и по полу тянет! Звонок повторился, и я пошел к двери открывать. И почти щелкнул ключом, но тут в мою руку вцепился невесть откуда взявшийся Вавила Силыч.

Прямо дежа вю какое-то.

— Не вздумай! — подъездный чуть ли не отшвырнул меня в сторону. — Там — она!!!

Глава восемнадцатая

— Кто — «она»? — спросил у Вавилы Силыча я. — Да что ты так всполошился?

Клавишу звонка снова зажали и, похоже, больше не собирались отпускать.

— Она! — подъездный выпучил глаза и стал чем-то похож на Родьку. — Та самая. Что иголку в дверь втыкала! Только сейчас она какая-то истаскавшаяся стала. На лицо не скажу, я его в тот раз не видел, но... Не знаю, как объяснить. Она это, но не она!

Само собой, другая. Зло-то семикратно к ней вернулось, и корежит ее теперь не по-детски. Поделом! Не рой другому яму, сама в нее упадешь.

Я открыл крышечку «глазка» и с интересом глянул на то, что происходило с той стороны двери. Точнее — сначала с интересом. А через секунду отскочил от двери как ошпаренный. Нет, реально напугался.

Стоявшая за дверью тетка, похоже, тоже решила посмотреть на меня. Условно, разумеется. То есть — уставилась в «глазок» оттуда, с той стороны, и я, как Фродо Бэггинс, сейчас увидел глаз. Даже не так — ГЛАЗ. Кроваво-красный и жутко пугающий. Если вам кажется это смешным, попробуйте провести эксперимент. Даже обычный глаз в увеличении выглядит ураться как пугающе, а налитый кровью — вдвойне.

— Ты дома! — донесся до меня визгливый вопль, больше даже напоминавший стон. — Дома! Дома!

На дверное полотно обрушились удары ног, тетка входила в раж.

— Отдай! — страстно мычала она, барабанила мне буквально по мозгам. — Отдай иглу, отдай! Ты знаешь, какая это боль? Знаешь?

— Гражданка, не хулиганьте! — проорал я, жестом показывая прибежавшему к нам Родьке, чтобы тот принес мне мой телефон. — Я милицию... Блин! Полицию сейчас вызову!

— Отдай иглу-у-у-у-у! — завывала тетка. — Ненавижу! Всех вас ненавижу!

На этаже хлопнула дверь, и до меня донесся голос Константина:

— Ты чего орешь, тетка? Вечер на дворе! Давай, или отсюда!

Незваная визитерша ответила соседу настолько филигранно сплетенной непечатной фразой, что я только подивиться мог. Четверть века на свете прожил, а несколько слов из нее даже для меня явились открытием. И это при том, что мы, банковские служащие, поматериться не дураки. Не настолько, насколько, к примеру, трейдеры или консультантки из парфюмерных магазинов, но тем не менее.

А вы как думали? Когда восемь — десять часов в день ты приторно-сладким голосом общаешься с клиентами, употребляя исключительно благонаправные слова, то единственной отдушиной является только пообщаться в своем кругу на простом и соленом русском языке. Отличная, доложу вам, разрядка. Те же Наташка с Ленкой такие нецензурные словесные петли завернуть могут — не в каждой подворотне услышишь. А уж какая мастерица Анька Потапова по этой части — слов нет. Хотя она операционистка, ей сам бог велел.

Константина, похоже, это тоже впечатлило, и он захлопнул свою дверь, выдав напоследок что-то вроде:

— Во Сашка дает!

Соседа можно понять. До последнего времени в нашем подъезде главными возмутителями спокойствия значились Витицкие с пятого этажа, любители простых житейских радостей, вроде водки, капусточки, дружеского мордобоя, Круга и Лепса. За мной же ничего подобного сроду не водилось. А тут за одну неделю и продажные девки, и вон скандал непонятного свойства. Так что ничего удивительного в его словах нет. Правда, неясно, что именно он в них вложил — восхищение или зависть?

Но надо поспешать. Как бы Костик ментов не вызвал, которые мне тут нафиг не нужны. Они эту гостью с собой уволочут, а мне бы хотелось с ней пообщаться. Надо заканчивать подзатянувшуюся историю с охотниками на ведьмаков. Я, в принципе, начал догадываться откуда ноги растут, но мне хотелось бы услышать подтверждение этой теории. Или ее опровержение.

— Геннадий? — спросил я негромко, услышав щелчок в трубке.

— Слушаю, — уже привычно ровно ответил мне наш новый безопасник.

— Ко мне в гости, на огонек, кое-кто заглянул, — протараторил я. — У дверей топчется, кричит, в дом рвется. Хорошо бы...

— Скоро будем, — даже не дослушав меня, ответил Геннадий и повесил трубку.

«Будем» — это хорошо. Это значит, он придет не один. И правильно. Сдается мне, тетка из-за двери сейчас в таком состоянии, что кучу народа раскидать в стороны может. Вот только «скоро» — это когда? Если от банка поедет, то по московским меркам «скоро» это часа через два. Это ж все «пробки» собрать им придется, которым, наверняка, в это время нет числа.

Я отдал телефон Родьке, а после снова прильнул к «глазку», поскольку за дверью установилась тишина. Может, гостя ушла, решив прихватить меня как-нибудь потом, на улице, когда я этого ждать не буду?

Да фиг! Она топталась рядом с лифтом и что-то шептала, приложив обе ладони к вискам. Зато я ее хоть рассмотрел.

Вавила Силыч оказался прав во всем. Было ей лет сорок, кабы даже не больше. Нет, ощущалось, что женщина эта за собой до последнего времени следила, но сейчас ей явно не до того. Дорогое дамское приталенное пальто было застегнуто вкривь и вкось, из-под его пол высовывался не снятый домашний халат, что выглядело достаточно комично.

Да и лицо... Подъездный подобрал очень верное слово. «Истаскавшаяся». Это было лицо интересной еще женщины, не вышедшей в тираж, но все оно было покрыто какими-то прожилочками, мешочками, опухлостями. Глаза же были и вовсе двумя черными пятнами на багровом фоне.

Я бы на месте Константина тоже дверь закрыл. Да еще и подпер бы чем-то изнутри. И это ведь я на нее только в «глазок» глянул!

Кстати, вопрос — а где именно Геннадий собирается проводить интервью с этой красоткой?

Додумать данную мысль я не успел, потому что женщина то ли заметила, что я на нее гляжу, то ли даже учуяла это, поскольку она снова кинулась на дверь, как чайка на волну, несколько раз сильно бахнула по ней кулаками и выдала очередную порцию угроз, смешанных с просьбами. Правда, финал на этот раз был не такой, как раньше. Она схватилась руками за голову, что-то неразборчиво простонала и скрылась из поля видимости.

— О как! — я оторвался от глазка и прошептал: — То ли ловушку готовит, то ли в обморок упала. Вавила Силыч, ты бы глянул, а?

Было заметно, что подъездному эта просьба не по душе, но он говорить ничего не стал, открыл дверь в ванную, запрыгнул на раковину, а после невероятно ловко ввинтился в вентиляционную решетку над ней. Даже не открывая последнюю.

Так о чем я? А, да. Куда Геннадий поведет эту гражданку? Сдается мне, что по пути наименьшего сопротивления. То есть — прямоком ко мне. Врать не стану, эта перспектива меня не греет, но и выбора особого тоже не будет. Это нужно не ему, а мне, так что возмущение здесь вроде как ни к месту.

Хотя вреда мне этот визит мне принести вроде бы не должен. Убивать безопасник ее точно не станет, как, надеюсь, и пытаться. Он вообще в этом плане молодец. Умеет убедительно разговаривать с людьми. Опять же — у меня самого есть отличный аргумент, который эту фурию убедит все рассказать. Главное, чтобы ее как следует придержали и не дали ей до меня добраться.

Но на кухне надо бы порядок навести. Не в смысле — посуду помыть и крошки со стола смахнуть, нет. Тем более, что в этом плане все у меня нормально обстоит, Родька хоть и лентяй невероятный, но чистоту в доме обеспечивает. Надо мою мастерскую алхимика накрыть чем-нибудь и книгу в комнату отнести.

Елки-палки, надо все-таки сейф заказать наконец. Все выбираю, думаю, а воз и ныне там. Ведь нужен же он! И даже не столько для безопасности имущества, понятное дело, что для профессионального взломщика этот сейф — семечки. Видал я как-то раз, как такой профи ячейку в депозитарии открывал, одну из тех, от которых ключ потеряли. Я одним из членов комиссии был, сдуру Витале-депозитарщику на глаза попался. Такие вещи без специальной комиссии (читай — свидетелей) не делают. Взлом же на законных основаниях происходит — и клиент здесь, и мастер из специальной фирмы, с которой банк договор на обслуживание заключил. Только наколки на пальцах мастера и без слов нам все сказали о его непростом прошлом. Так вот он чем-то покопался минутку, скрипнул металлом об металл, чуть дверцу вперед толкнул — и готово, принимайте работу. А там два крученых замка, которые разными ключами открывают с одновременным поворотом оных. Что ему моя железная коробка? Смех, и только. Да и толковый колдун, вроде того, что в моих личных недругах ходит, дверцу этого сейфа как апельсиновую кожуру скovyрнет, я так думаю. А то и просто расплавит.

Но он мне и не для пушей сохранности ценностей нужен. Просто удобнее и привычнее держать все мое добро в одном надежно закрытом от чужих глаз месте. Ну и вот для таких

случаев, как нынче. Хочешь — не хочешь, придется сейчас книгу под матрас засовывать и Родьку на ее охрану ставить.

А, и еще нож из притолоки надо вынуть. Мало ли, кто с Геннадием придет? Возьмут и упрут. Выцарапывай его потом обратно.

Блин, как же это все хлопотно! Доберусь до тех, кто эту карусель раскрутил, не знаю, что с ними сделаю.

Кстати — это правда. Я на самом деле не знаю, что с ними делать буду, если таинственные «они» окажутся теми, кто я думаю. Ну не убивать же мне их?

— Сидит, — вынырнул из ванной комнаты Ваила Силыч. — Стенку спиной подперла и тихонько поет. Тоненько так: «А-а-а-а... А-а-а-а». Больно ей, похоже, очень. Даже жалко как-то стало.

— Вот еще! — шерсть на спине у Родьки встала дыбом. — А хозяина тебе не жалко было бы? Она порчу на него накинута хотела! Подделом вору и мука! Ух, я бы ее!!!

Он выставил вперед свои лапки, на которых сверкнули холодом синеватые острые, чуть закругленные когти, обычно надежно скрытые от чьих-либо глаз.

— Злой ты, Родион, — укоризненно произнес Ваила Силыч. — Безжалостный.

— Тоже мне, Морозко, — показал ему язык мой слуга. — Что, съел? Я эту фильму два раза уже видел по телевизору. Враки это все, между прочим. И звали Ледяного Старика не Морозко, и посох у него другой был, и девок он в лесу сроду не спасал. Он их на другие цели пускал!

— Даже слышать не хочу, что он с ними делал! — поморщился я — Не ломай красочный и прекрасный мир моих детских воспоминаний, пусть он остается таким, каким был.

— Да не то! — тоненько захихикал Родька. — Не, хозяин, ты чего! Он из них душу забирал.

Сначала жизнь из тех дур, что зимой в лес поперлись, морозом выдавливал, а потом, стало быть, душу забирал. И в свой ледяной кристалл на хранение отправлял, чтобы потом в самые сильные метели их вплетать. Слышал, поди, как в снежной круговерти кто-то вроде плачет? Во-о-от, это они, те, кого Ледяной Старик себе на службу взял. Стонут, печалются, хотят на волю, а никак. И если Старика кого надо в метели завертеть до смерти, да в сугробе и схоронить до весны, так они это сделают. Он повелит — они завертят.

Ледяной Старик. Новое имя в моем личном бестиарии. Надо запомнить. Хммм... Души в метели, которые кого хочешь на тот свет спровадят при определенных условиях.

Очень интересно. И отчасти по моему профилю.

Правда, не до конца понятно, этот Ледяной Старик — он тоже теперь только часть фольклора, как многие другие из старых времен? Или нет? Наверняка ведь сущность не из последних была.

А может, и есть.

Надо будет как следует расспросить Родьку на этот счет. Но это все потом, не сейчас.

За дверью окончательно установилась тишина, как видно, тетке совсем лихо стало, потому я вынул нож из притолоки, а после скомандовал:

— Родька, давай, горелку и все остальное скатеркой накрой. Той, что в шкафу, зелененькой. Чемоданчик с травами — в комнату, за диван. И сам там посидишь, если в дом гости пожалуют. Чтобы носу не казал, понятно? Это тебе не Женька, которая хоть и ругается, но про тебя никому слова не скажет.

— И жрет без остановки, — пробубнил себе под нос слуга. Впрочем, заметив, что я нахмурился, тут же добавил: — Да понятно, хозяин. Я ж не дурень какой?

Негромкий смешок Ваилы Силыча он предпочел не заметить.

Самое интересное — мы еле-еле успели прибраться на кухне. Геннадий и в самом деле появился очень быстро, настолько, что я даже призадумался — а не на вертолете ли он до меня добирался? Просто других объяснений нет. Даже с проблесковым маячком ты за полчаса до нашего спального района от центра не доедешь.

Но эти мысли довольно быстро сменились другими, более приближенными к текущему моменту.

— Александр, открывайте, — в дверь позвонили второй раз. — Мы здесь, опасаться нечего.

— А вы ее под локотки прихватили? — опасливо спросил я из-за двери, не спеша ее распаивать и внимательно смотря в «глазок». — Это она сейчас тихая, а совсем недавно чуть дверной косяк мне не разнесла голыми руками.

— Н-да, — Геннадий с сомнением скривил рот, но все же дал отмашку двум сопровождавшим его молодым людям. Те исчезли из поля зрения, но через секунду снова появились, держа обмякшее тело такой недавно активной женщины. — Все, можете не беспокоиться.

Я щелкнул замком и открыл дверь.

И вот тут все случилось очень-очень быстро.

Женщина, только что напоминавшая груды грязной одежды и цветом, и состоянием, мигом преобразилась, вырвалась из рук державших ее молодых людей, растопырила пальцы, как когти, и кинулась на меня с утробным воем. Кстати — она здорово напоминала атаковую ворону. Сама во все черное одета, глаза круглые и навывкате, и лак на ногтях черный. Жуть, да и только!

И лихо бы мне пришлось, возможно, даже очень, если бы Геннадий не действовал еще быстрее, чем эта мегера. Реакция у него, конечно, чумовая.

Он воткнул ей свой кулак между ребер, выбивая дыхание из груди взбесившейся фурии, да так умело, быстро и качественно, что та и охнуть не успела, повалившись снопиком на пол. — Оба оштрафованы, — невозмутимо сообщил он своим спутникам, виновато кинувшимся поднимать незваную гостью и закручивающим ей руки за спину до хруста. — Десять процентов от зарплаты.

— То есть эти методы не только нас касаются? — не удержавшись, спросил у него я.

— Материальные санкции наиболее действенны, — Геннадий пошире распахнул дверь. — И быстрее доходят до разума сотрудников. Слова — это только слова. А заработанные, но неполученные деньги — это нереализованные планы. Слово вылетит из памяти моментально, а упущенная возможность останется там надолго. В кухню ее. Александр, это нам прямо по коридору, верно?

— Да, — ответил я. — Если этот кусочек пола можно назвать «коридором», конечно. Это «хрущевка», а не «Рублевка», у нас ряд квартирных понятий, вроде «коридор» или «мезонин», отсутствуют в принципе.

Конец фразы я договаривал на автомате, поскольку мое внимание уже переключилось на другое.

Не скажу, что я увидел что-то для себя новое, этих тварей я встречал уже не раз и не два, большей частью в метро. Но вот у себя дома как-то не доводилось.

На шее женщины вольготно расположилась серая тварь из тех, кого Нифонтов назвал «предвестником смерти», причем на этот раз она была на редкость здоровой и упитанной. Поняв, что я ее вижу, эта пакость поплотнее сжала шею своей жертвы и раззявила пасть, как бы советуя мне отвалить подальше от ее еды.

Интересно, а что является причиной скорой смерти моей незваной гостьи — какая-то личная неизлечимая хворь, или же то, что ей вернули ее же собственную порчу?

На кухне помощники Геннадия усадили нервную визитершу на табуретку, не отпуская ее рук, и усталились на нас.

— Александр, а можно попросить у вас чая? — осведомился у меня сотрудник Рязской. — Лучше всего зеленого.

— Зеленого? — задумчиво переспросил я, включая мигом зашумевший чайник. — Не знаю. Я-то черный сам пью. Но вроде был.

Светка любила зеленый чай и меня пыталась к нему приучить, говоря, что он невероятно полезен для здоровья. Я лично в этом уверен не был, особенно памятуя о том, что она в свое время и «матэ» пила, которое жутко смердело старыми носками. Так, что хоть святых из дома выноси.

Светки давно тут нет, а вот чай остался. Не уверен, что он до сих пор пригоден для употребления, времени-то прошло немало, но, с другой стороны, мне и Геннадия не сильно жалко будет, если что. Так-то он мне, конечно, помогает прямо сейчас, но если вспомнить сегодняшнее утро, то о каком сочувствии может идти речь?

— Отдай, — на выдохе прошелестела женщина. — Иглу отдай! Больно мне. Очень больно.

— Ну вот и начался конструктив, — Геннадий склонился над женщиной. — А вы скверно выглядите. Пару ночей не спали?

Та ничего ему не ответила и уставилась на меня. Причем не она одна. Предвестница смерти тоже подняла свою змееподобную голову и повернула ее в мою сторону, словно участвуя в нашем разговоре.

— Ты вот про это? — я достал из кармана пробирку с иглой и показал ее злоумышленнице. — Ее надо тебе отдать?

Женщина рванулась ко мне, правда, безуспешно, держали ее на совесть. Но рванулась неслабо, я даже услышал, как хрустнули ее плечи. Блин, это как же у нее болит голова, что она на такие вещи внимания не обращает?

— Подозреваю, что мы вам, Александр, нужны больше как статисты, — заметил Геннадий. — Тем более что я все равно не имею понятия о том, что вам надо узнать у этой леди. Беседуйте сами, а я, если что, подключусь. Так где у вас чай?

— Вон в том шкафу, — ткнул я пальцем в сторону, не отводя взгляда от женщины. — У меня вопросов много, но главный один. Кто вас на меня натравил?

— Варвара, — выдавила из себя женщина.

— Ключница? — не удержался я от сарказма, причем Геннадий, орудовавший в шкафчике, где у меня хранились чай, кофе, сахар и прочее тому подобное добро, тоже не удержался от смешка.

— Нет, — женщина полуприкрыла глаза. — Это она для всех известна как Варвара, светлая колдунья. А так, по жизни, она Марина Мирошниченко, мы с ней вместе во «втором меде» учились когда-то. Я, правда, доучилась, а она нет.

«Светлая колдунья». Так и знал.

— А остальные двое? — уточнил я, чтобы до конца прояснить вопрос. — Еще одна женщина и мужик? Они кто?

— Мужчина — маг вечности Никандр, — почти шептала гостя. — Как зовут настоящего — не знаю. А женщина — Аллерия, финская рунная берегиня.

Какой лютый бред! Рунная берегиня. Это чего же они там такое курят?

— Кто? — впечатлился даже Геннадий. — А финская почему?

— Потому что она в Финляндии своему искусству обучалась, — подал голос один из бойцов. — Я эту Аллерию знаю.

— Ты? — еще больше изумился безопасник. — Откуда?

— Да Ленка моя по телику «Магическое противостояние» смотрит каждую субботу, — пояснил парень. — Ну, хочешь — не хочешь, а все равно что-то да видишь. Так там эта берегиня в том году почти до финала дошла. Я почему запомнил — она из себя вполне даже ничего. Видная бабёшка, грудастая.

— Вам что-то это дало? — спросил у меня Геннадий, с банкой чая подходя ко мне.

— Только понимание того, в каком безумном мире мы живем.

— Верни иглу, — потребовала женщина. — Я все тебе сказала.

— Не все, — возразил ей Геннадий. — Ты назвала несколько имен — и все. Причем даже непонятно, правда это или ложь.

— Правда это, — промычала женщина и ее лицо искривил пароксизм боли. — Правда!

— А вот скажите... — начал было я, но Геннадий остановил меня жестом.

— Нет, так дело не пойдет, — сообщил он, беря чашку и внимательно изучив ее дно, как видно, на предмет чистоты. — Кто так спрашивает? Давайте все же я это сделаю.

Он засыпал в чашку чай, залил его кипятком, а после достал из кармана плаща маленький цифровой диктофон.

— Итак, — обратился Геннадий к женщине, которая сидела с закрытыми глазами и глубоко дышала. — Будем последовательны. Первое — как вас зовут? Полностью — имя, отчество, фамилия. Кстати, Александр — хороший сорт чая. Недешевый.

За следующие полчаса он выжал из Олеси (так звали эту даму) все, что та знала. И даже то, чего она не знала, но о чем догадывалась.

Все на самом деле упиралось в деньги. Ради них меня чуть не отправили на тот свет.

Причем разгадка все время лежала на поверхности, просто я ее не увидел. Ведь Маринка еще когда мне сказала, что эти самые колдуны, врачеватели и потомственные целители за лишний рубль маму родную удавят, а я к ее словам так и не прислушался.

Как и в любой профессиональной сфере, в среде доморощенных магов все всё о всех знали. В том числе и о том, кто сколько зарабатывает и кого из ВИПов пользуется, в хорошем, разумеется, смысле этого слова. И, само собой, тот факт, что группа более чем зажиточных клиентов в поисках ответов на свои вопросы вдруг перестала переходить от одного мага к другому, не прошел незамеченным. Как и то, что кто-то из них исцелился, кто-то обрел покой, а кто-то даже забеременел. Выяснить что к чему было достаточно несложно, и уже совсем скоро мое имя перестало быть тайной.

Что интересно — они даже не попробовали со мной поговорить, а сразу решили просто убрать с игрового поля. Может, потому что не хотели общаться с чужаком, а, может, кто-то из них что-то учуял. Шарлатаны-то они шарлатаны, это понятно, но не дураки же? Не могли они, вращаясь в этой среде, ничего не ведать о мире Ночи. Олеся не знала ответа на этот вопрос, поскольку с ней никто не откровенничал. Да и с чего бы? Она для этой компании была если не чужой, то близко к тому, поскольку не вела частную псевдомагическую практику, являясь, скорее, экспериментатором, промышляющим бытовой волшбой больше ради интереса и острых ощущений. Заработок тут был не главным, хотя, конечно, и от него женщина не отказывалась. Официально Олеся вообще работала врачом в какой-то частной клинике за вполне неплохие деньги. Сдается мне, что кто-то в ее родне по женской линии когда-то был ведьмой, и она получила немного силы, которая время от времени давала о себе знать.

Так вот — к ней обратилась ее подруга и предложила кругленькую сумму за наведение на меня порчи. Я так понял, это был не первый раз, когда бывшие соученицы работали в тандеме, и до меня все у них получалось как надо. Олеся навела порчу, а потом сама ее и

снимала, а визуально это все оформляла Марина, махая руками над волшебным шаром и нагоняя саспенс на страдающих клиентов. И все были довольны.

Но не в этот раз.

Кстати, подруга Марина, узнав, что все пошло не по плану, немедленно перестала брать телефонную трубку, оставив страдающую соученицу один на один с ее проблемой. А доехать до ее офиса у Олеси как-то не сложилось.

Два дня ведунья-кустарщица терпела нарастающую с каждым часом боль, но к вечеру сегодняшнего дня ей стало понятно, что завтра она просто физически из дома выбраться уже не сможет. Вот и рванула бедолага ко мне, выбивать обратно иголку с обернутой на нее саму порчей. Ближе к концу первого дня, когда ни один препарат боль не купировал и та все сильнее и сильнее нарастала, она догадалась, что к чему и откуда ветер дует. Вот только неясно — с чего она взяла, что я ее пожалею? Хотя — какая тут логика, если череп разламывается на части?

Вообще, российско-финскому конгломерату магов крепко не повезло. Сначала их подвёл Силуянов, который наотрез отказался меня убивать даже после того, как ему капитально промыли мозги (а в этом Никандр и его коллеги были большие мастера, почти каждый из них имел диплом психолога, причем не нарисованный, а честно полученный), а после и Олеся наступила на свои же грабли. Подозреваю, что они изрядно приуныли.

А может, и нет. Может, сидят сейчас, передвигают ритуальные шары по столу и планируют новую каверзу для неугомонного меня.

— Вот, собственно, и все, — Геннадий щелкнул кнопкой диктофона. — Картина ясна, что делать дальше — тоже. Так, Сережа, ты у нас, как выяснилось, подкованный в этих делах человек, тебе и звонить. Давай, записывайся к мадам Варваре на прием на завтра, лучше всего прямо с утра. У меня во второй половине дня дел полно, так что часов до двух-трех хорошо бы все закончить.

Ему все понятно, включая план действий. А мне объяснить, что к чему? Нет, не дурак, понял, что у него в голове вертится, но все же?

— А чего говорить-то? — молодец что стоял справа, достал из кармана смартфон.

Геннадий глянул на меня, ожидая какого-то комментария.

— Ну-у-у-у, — я почесал затылок. — Скажи, что приворот надо сделать. Девушка, мол, тебя не любит, а ты ее очень. И хочешь, чтобы вы были вместе.

— Номер, пожалуйста, — Геннадий похлопал окончательно сомлевшую Олеся по плечу. — Подруги вашей номер. И еще. Она может спросить, откуда вот этот молодой человек его узнал. Что ему ответить?

— Реклама, — прошептала женщина. — Она ее время от времени дает в газеты «Московский вестник» и «Из уст в уста». Ну и на интернет-порталы тоже.

— Лучше интернет, — подумав секунду, сказал Геннадий. — Кто сейчас из молодых людей бумажные газеты читает? Мадам, диктуйте Сереже номер, не тяните время. И так за окном почти ночь, вдруг ваша подруга рано ложится спать?

Но нет, все прошло как по маслу. Варвара, похоже, даже не удивилась столь позднему звонку и согласилась завтра же принять Сережу для того, чтобы помочь его беде. Вот только не прямо с утра, а в половине первого, что порядком опечалило Геннадия.

— Плохо, — подытожил он. — Резерва времени совсем не будет. Ладно, на этом, я так думаю, сегодня и закончим.

— А я? — проныла Олеся. — Иголку отдайте!

— Александр, вам решать, — равнодушно, без малейшей рисовки промолвил Геннадий. — Хотите — отдайте ей иголку, хотите — можем решить дело по-другому.

Я повернулся к нему, пытаюсь понять, что именно безопасник имеет в виду.

— Нет-нет, — верно истолковал мой взгляд Геннадий. — Никаких крайностей. Просто отвезем ее на ближайшую остановку транспорта и там оставим. В самом деле, не сами же вы ее выпроваживать отсюда будете?

Если я сейчас не уничтожу иголку, то жить Олесе день, максимум — два. И никто ей не поможет. Не знаю почему, но уверен — предвестник смерти чует ее погибель не из-за какой-то ранее приобретенной хвори. Дело именно в порче.

Хозяин Кладбища говорил мне: «учись убивать». И вот он, практик. Причем мне не надо мारаться в крови, видеть глаза, из которых уходит жизнь. Мне не надо делать совсем ничего. Эта смерть даже не на моих руках будет, это сотворила Виктория. Я просто стою в стороне — и все.

Но — убиваю.

А еще... В какой-то момент можно будет сказать: «Морана, эта жертва тебе» и, возможно, получить шанс на победу в грядущем противостоянии с колдуном. Призрачный, но шанс. Всего-навсего надо только сейчас сказать: «Увозите ее».

— Прости, — шевельнулись запекшиеся от сухости губы женщины, ее черные глаза-дыры, в которых уже плескалась вечность, не мигая смотрели на меня. — Прости меня. Я не хотела... Не думала... Всегда всё...

Всегда всё было просто опасной игрой — это она хотела сказать. У нас всегда все вот так и случается. Тут поиграли, там пошалили, вот и допрыгались до такого повсеместного бардака.

— И? — Геннадий изобразил пальцами правой руки некий жест, который можно было истолковать как: «долго будем думать»?

Я молча вышел из кухни, а после вернулся в нее с листком бумаги и ручкой.

— Отпустите ее, — сказал я парням. — А ты давай, записывай, как порчу наводила. Детально распиши весь процесс. Пошагово.

— Вам это зачем? — поинтересовался Геннадий, а его ребята дружно и синхронно заулыбались.

— Любознательный очень, — честно ответил я. — Стараюсь черпать знания там, где только можно.

— Я сегодня днем кое-что видел, — безопасник усмехнулся. — Это было убедительно. Но я все равно в подобное не верю. Даже если созерцаю собственными глазами.

— Так я и не настаиваю, чтобы вы верили, — глядя на женщину, которая безуспешно пыталась вывести хотя бы первую букву слова, заверил его я. — Н-да, эдак она до утра проколуется.

Откинув край скатерти и, получив очередную порцию улыбок от Геннадия и его парней, увидевших мою лабораторию, раскоचेгарил горелку, поставил на огонь плошку, в которой обычно варил самые сложные зелья, и сразу же отправил в нее иглу.

Быстро, потому что боялся передумать.

Где-то через минуту иголка начала таять, как мороженое летом, и вскоре стала всего лишь серебристо-переливающейся жидкостью. А после сгинула и порча, без каких-либо эффектов, без завываний, стонов и черных вихорьков. Просто маленькая огненная вспышка, которую кроме меня никто и не заметил — и все.

В тот же миг исчез и предвестник смерти. Тут, правда, все обстояло по-иному. Он буквально взорвался, разлетевшись на серые клочья праха, похожие на те, что остаются от сгоревшей газетной бумаги. Они взлетели вверх, закрыв от меня лицо Олеси, а после медленно кружась, опустились, тая на лету. До пола не долетел ни один из них.

Женщина глубоко вздохнула, поднесла ладони к вискам и неверяще произнесла:

— Боль ушла. Совсем ушла!

— Не видел бы сам — не поверил в такое, — быстро сказал один сотрудник Геннадия другому.

— Всякое бывает, — глубокомысленно заметил его напарник.

— Олеся, — Геннадий подошел к женщине. — Я рад, что вы исцелились, но должен вас предупредить об одной важной вещи. Если вы по доброте душевной предупредите Марину о том, что здесь сегодня происходило, то головная боль может и вернуться. Возможно, не такого свойства, как была, но тем не менее.

— Не предупрежу, — пообещала Олеся. — Эта змея меня в такую историю втравила, а сама чуть что — и в сторону. Да и потом... Я все это хочу забыть, как страшный сон. Чтобы еще когда...

— Только прежде чем забудете, напишите мне методику наведения порчи, — попросил ее я. — Детально, шаг за шагом.

Глава девятнадцатая

Процесс наведения порчи оказался простым до безобразия. По большому счету, подобную штуку мог сотворить любой человек, обладающий достаточно сильной волей и искренне желающий зла тому, на кого порча была направлена. Хотя, конечно, наличие как минимум крупицы силы обеспечивало более эффективное ее действие.

И все равно — какая огромная разница между тем, что пытаюсь делать я, и народными кустарными методами. Не в смысле, кто из нас круче, а в пути достижения результата. Там все куда проще. Но при этом стоит отметить и тот факт, что «обратку» мне включить весьма и весьма затруднительно, а вот самостоятельные колдуньи могут получить плюху только так. Как, например, вчерашняя бедолага Олеся.

Я усмехнулся, вспомнив ее опухшее от пережитой боли лицо, и то, как потом, когда уже был записан рецепт, на выходе из моей квартиры, держась за одного из сотрудников Геннадия, она снова и снова повторяла одну и ту же фразу: «Ты прости, не знала, не

хотела». Крепко ее припекло, что уж там. А после ведь к ней еще и окончательное осознание того пришло, что она только благодаря мне жива осталась.

Нет, подобными вещами я заниматься не стану. Эти методы просты в использовании, но слишком нестабильны. Чересчур уязвимым становится тот, кто пускает их в ход. Но это не значит, что не следует интересоваться такими вещами. Я вообще все больше прихожу к выводу, что ненужной информации в моей теперешней жизни просто нет. Все в дело идет. Да оно и понятно. Я ведь, по сути, до сих пор делаю первые шаги в этом новом для меня мире. Ну да, уже не пускающий пузыри грудничок, но еще не первоклассник. Скорее, дошколенок, смотрящий на все происходящее широко открытыми глазами и спрашивающий у всех встречаемых и поперечных: «А это чего? А это? А та штука как работает?». Хорошо еще, хоть спросить у кого есть.

Вчера вот узнал о Ледяном Старике, фигуре страшноватой и могучей. Это не аналог Деда Мороза, как я подумал сначала. Не-а, тут все куда менее радостно и радужно. Это, оказывается, внук Карачуна, бога зимы и мороза. При большом переделе зон влияния, которое состоялось где-то в районе десятого-одиннадцатого веков, он как-то умудрился не отправиться в небытие со сородичами, а остаться тут, и даже на старой должности. Так и проживает Ледяной Старик до сих пор в наших широтах. Летом спит где-то в Авзацких горах, а вот зимой наводит порядок в городах и селах. Свой. Ледяной. И, похоже, не очень человеколюбивый.

Мне рассказы Родьки, приправленные вставками Вавилы Силыча, кое-что напомнили, и я им зачитал фрагменты из поэмы Некрасова, той, что «Мороз-Красный нос». Так вот они в один голос сказали, что «знает человек, о чем пишет». Оказывается, Ледяной Старик не только силой души у людей забирал. Куда более ему любо добром их получить, как с той бедолагой-крестьянкой из поэмы получилось.

Им вообще Некрасов очень понравился. И стихи, и сам автор, портрет которого эта парочка долго рассматривала. Сказали, что жизненно написано, что в те времена так оно и было на самом деле. Вавила Силыч потом у меня книжку выпросил и с собой уволок. Надо думать, «обществу» читать вслух.

А в целом — мрачная фигура этот Ледяной Старик. Недобрая.

Еще я так и не понял, о каком именно горном массиве шла речь. Что за Авзацкие горы такие? Эти двое толком объяснить не смогли, один показывал налево, другой направо, потом орать друг на друга начали, после вообще чуть не подрались и в запале спора разбили две чашки.

И, что интересно, интернет тоже дал очень противоречивую информацию. То ли это в Индии, то ли в Карпатах. Только вряд ли это верно. Больно от нас далеко. Что Ледяному Старика делать на Памире каком-нибудь? Там свои такие же долгожители есть. Индуистского толка.

Скорее поверю, что речь об Алтае идет, или об Уральском хребте. Самые те места. Да и вообще, похоже, зимой мне скучать особо не придется. Там и помимо Ледяного Старика есть на кого глянуть. В лесах, например, можно будет встретить волотов — крепких, поросших диким волосом ребят, больших ценителей охоты на людей. Как Лесной Хозяин спать уляжется в своей норе, они тут же и пожалуют. Я так думаю, это их за реликтового гоминида принимают наивные ученые. Реликтовые-то они реликтовые, но что гоминиды — сомневаюсь.

Из замерзших болот вылезут кикиморы. Зима — это их время. Они не дуры полазать по лесам, пока их Хозяева дрыхнут. Ну, а следом за ними поползет нечисть поменьше, вроде шуликунов или крикуниц.

И особое веселье начнется с Нового Года. Точнее — для нас-то Новый Год, а вот для публики, что рождена в те времена, когда зимним весельем им еще и не пахло — Велесова неделя. Что-то вроде: «гуляй рванина от рубля и выше». Если верить тому, что я услышал от Родьки, то лучше эту неделю мне будет дома провести. От греха.

Недаром же наши предки эти дни, те, что с первого по седьмое января, «Страшными» называли.

В общем — обживаться мне еще и обживаться. И самое главное — это тебе не школа, не институт. Тут пересдач не будет. Ошибку допустил — и все, тебя уже кто-то съел. В прямом смысле, не переносном.

Еще интересное. Эту информацию мне Родька под конец разговора выдал. Зима, оказывается, раньше «Марениным временем» называлась. Или «Мораниным». Все верно, она же за холод и мрак отвечала, а у нас в этот сезон и того, и другого хватает. Нет, в Москве, конечно, всесезонная слякоть стоит, но Москва — не вся Россия.

Вот тут у меня еще одна задачка и сошлась. Неудивительно, что Ровнин был так уверен в том, что колдун до весны в столицу не пожалует. А чего ему тут делать? Ясно, что Морана давным-давно за кромкой сгнула, но рефлексы-то остались? Те, что намертво вбиты во

всех потомков Кашея, в любого наследника его семени. Зима — не их время. Зимой у нас незыблема власть той, что для них злейший враг. Пусть даже и надо добавлять к этим словам «когда-то», но, по сути, ничего не изменилось.

На все эти темы я размышлял, просматривая суммы вчерашних проводок. Нет ничего лучше для неспешного хода мысли, чем механическая привычная работа. Это разновидность нирваны, в которую уходишь глубоко и плотно, настолько, что ни один дзэн в сравнение не идет. Время теряет над тобой власть, руки сами делают работу, глаза фиксируют происходящее, а мысли настолько ясны и прозрачны, что диву даешься. Всякий офисный житель подтвердит мою правоту.

Если есть какая-то задачка, которую никак не можешь решить, какая-то мысль, не дающая себя поймать за хвост — садись чего-нибудь «крыжить», и все само собой образуется.

Главное, не забудь поставить на стол табличку: «Ушел в себя, буду нескоро».

Я вот настолько погрузился в размышления, что даже не услышал, как в кабинет заявился Геннадий и поинтересовался, почему ему меня ждать приходится. Только после того, как он тряхнул меня за плечо, я сообразил, что дело вплотную приблизилось к полудню и нам пора ехать к госпоже Варваре.

— А вы куда нашего Сашку забираете? — с легким вызовом спросила у безопасника Наташка.

— Расстреливать, — привычно невозмутимо объяснил ей Геннадий. — Драка у входа в банк, неподчинение службе безопасности. За такое по головке не гладят, Федотова. Вчера на правлении рассмотрели его дело и вынесли смертный приговор. Замечу — единогласно. — Несмешно, — подала голос Ленка.

— Абсолютно с вами согласен, — подтвердил Геннадий. — Чего смешного? Сначала убей его, закопай, отчет за использованный патрон напиши, а потом еще официальное следствие запутай. Очень и очень хлопотное занятие. Но мое дело исполнять. Сказали — расстрелять, значит, так тому и быть. Смолин, оделись? Выходим.

Я накинул плащ на плечи, цыкнул зубом, подмигнул девчулям и тонким голосом провыл: «А на черной скамье, на скамье подсудимых...»

— Дурак, — сказала мне вслед Федотова. — Ленк, я почти поверила!

В машине, которая ждала нас у входа, обнаружили двое вчерашних сотрудников безопасности, один из них был за рулем, второй устроился на переднем сиденье.

— Проверили? — коротко спросил у них Геннадий, как только машина тронулась с места.

— Так точно, — бойко ответил тот, что был за рулем. — Дом в центре, старый, из тех, что порушить еще не успели. Там прямо какой-то бизнес-центр в стиле девяностых, кто только ни сидит — и медицинский центр, и ремонт принтеров, и фирма по изготовлению визиток. Ну, и наша красавица тоже. Третий подъезд, первый этаж, вход со двора. Хотя там везде вход со двора.

— А на верхних этажах люди живут, — добавил второй безопасник. — Им всем лет по сто! Они там еще с царских времен обитают, наверное. Я и не знал, что такие дома в Москве остались.

— Это хорошо, что все так обстоит, — ободрил нас Геннадий. — В обычном бизнес-центре сложнее было бы повернуть то, что мы задумали. Там охраны полно, камеры везде, ресепшен при входе. А тут — благодать. Никто, ничего...

— Нет, камера над подъездом есть, — сказал тот, что за рулем. — Только не знаю, ее или нет. Там же еще пара фирмешек обитает, может она и их. Или вовсе муниципальная.

Внутри мы не ходили, так поглядели.

— Приедем — узнаем, — заверил их Геннадий. — Ладно, я немного вздремну. Эту ночь толком не спал и со следующей непонятно что будет.

— Эй-эй, — обеспокоился я. — Вы сейчас о чем? Вы чего, эту Варвару собрались... Того?

— Александр, мы не уголовники, что бы вы о нас ни думали. — Геннадий откинул голову назад, на сиденье. — Мы действуем исключительно в рамках правового поля, потому что никому из нас не нужны проблемы с законом. И в данный момент речь идет только о том, что условия для выполнения данного нам поручения сложились более чем благоприятные. Такую «пургу» я и сам мести мастак. Он мне сейчас сказал вроде бы и много слов, но при этом информации в них был ноль. Я так и не понял, что они задумали, и это меня изрядно беспокоило. Никому не нравится, когда его используют «в темную», а эти господа на подобное более чем способны. Мне ли не знать?

Я даже пожалел, что попросил помощи именно у Ряжской. Ей-богу, лучше с Женькой и Нифонтовым дело иметь.

Кстати — а я свинтус. Так ни разу Мезенцевой с той ночи и не позвонил. Нет, она скорее всего наговорила бы мне разных гадостей или вообще не взяла трубку, но набрать-то можно было?

Как выяснилось, мадам Варвара квартировала не так и далеко от нас, на Садовом кольце, в тех местах, где стоял «домик», что Рязская у Вагнеров «отжала». Правда, думаю, ее здание было получше, чем то, к которому подъехала наша машина.

Было ему, наверное, лет сто пятьдесят, кабы не больше. Нет-нет, никаких дворянских гербов на фасаде и искусной лепнины, ничего подобного. Обычное строение конца девятнадцатого века, тогдашний вариант теперешнего многоквартирного дома. Я как-то на одной экскурсии был, нам про такие на ней много рассказывали. Подобные дома в то время назывались «доходными». Их строили изначально для того, чтобы потом сдавать квартиры внаем.

Но строили на века, что есть — то есть. Вон, ни трещин на фасаде, ни осыпающейся штукатурки, ни перекоса фундамента. Он еще лет сто пятьдесят простоит, если не снесут раньше или отремонтировать не начнут. То уже чудо, что это здание до сегодняшнего дня дотянуло, не попав под каток массового строительства офисных зданий из стекла и металла. Ведь самый центр, до Тверской пешком пятнадцать минут ходу.

А еще к дому прилагался тихий двор, в котором совершенно не было слышно шума Садового кольца, находившегося буквально в десяти шагах отсюда. Мистика Москвы — непрерывное биение деловой жизни в некоторых местах города неощутимо абсолютно, словно тут навсегда остановилось время. Здесь как раз имел место быть один из таких оазисов.

Слева я увидел вывеску из своего детства, с логотипом «службы быта» и указанием того, что это «Химчистка», прямо над ней располагалась еще одна табличка, на которой красовался умело нарисованный коренной зуб и вилась надпись: «Стоматолог Натансон И.И.», а в дальнем углу двора обнаружилась палатка с мутными от грязи и частично выбитыми стеклами, попавшая сюда напрямик из веселых девяностых. Клянусь, мне показалось, что вот-вот в маленьком окошке появится золотозубая улыбка вечно небритого продавца, и он скажет мне:

— Э, малчык, беры жувачку «Терминатор». Там вклидиш с Шварацинегером, да!

— Нам туда, — водитель ткнул пальцем в противоположную от «Химчистки» и «Стоматолога» сторону. — Вон в тот подъезд, рядом с банком.

И правда — банк тут тоже имелся. Правда, он был под стать всему остальному, то есть — антикварный и не работающий. Я даже не понял, как он раньше назывался, скромная вывеска над малюсеньким крылечком была расколота, и все, что на ней можно было прочесть, так это обрывок слова «банк», выглядящий как «...анк».

Кстати. А, может, я ошибаюсь и именно это здание отжала себе Рязская? Там речь о каком-то «упавшем» банке шла, насколько я помню.

Подъезд только увеличил мое уважение к строителям ушедших веков. Здесь не витал вечный запах сырости, абсолютно неистребимый в моей родной «хрущевке», тут было просторно, светло и уютно.

— Здесь, — безопасник ткнул пальцем в одну из дверей, на которой красовалась золотистая табличка с нарисованной на ней пирамидой, в которую был вделан большой глаз. — Вот, тут и написано: «Центр лечебной магии „Варвара“».

— Замечательно. — Геннадий не стал подходить к двери, и нам с водителем не дал, остановив жестом. — Звони.

Его подчиненный кивнул и вжал кнопку звонка.

— Кто? — курлыкнув, отозвался домофон.

— Я это... к госпоже Варваре, — запинаясь произнес безопасник, захлопал глазами и потерял свой курносый нос. — Сергей, вчера вечером записывался.

— Заходите, — предложил голос и щелкнул, открываясь, замок.

— Ага, — бодро отозвался Сергей, распахивая дверь. — Уже в пути.

Следом за ним в дверной проем скользнули второй безопасник и Геннадий, подавший перед этим мне знак, который можно было истолковать как «поспешай не торопись».

— Вы кто? — взвизгнула встреченная нами в длинном коридоре, начинавшемся сразу за дверью, молоденькая девушка в забавном платье, который так и тянуло назвать «сарафан от кутюрье», роняя на пол поднос с чашками — Я сейчас полицию вызову!

— Будем очень вам обязаны, — любезно ответил ей Геннадий. — Мы, признаться, и сами собирались это сделать, только чуть позже. Но если вы возьмете на себя этот труд, то спасибо.

— Вы сами из полиции? — невероятно нелогично и совершенно непоследовательно немедленно предположила девушка. — Да?

— В каком-то смысле, — по возможности уверенно произнес я, поскольку кроме меня никто ей ответить не мог — все мои сопровождающие уже скрылись в комнате, которой коридор заканчивался. — Так надо.

Надеюсь, Геннадий знает, что делает. А то ведь и вправду вызовет эта молодница полицию, и вкатают нам незаконное проникновение.

— Вы кто? — донесся до меня глубокий женский голос, в котором звучали одновременно и гневные, и испуганные нотки. — Галя, кто это?

— Полиция? — неуверенно пискнула девушка в сарафане.

Я приложил палец к губам и строго посмотрел на Галю. Та вытаращила глаза и понимающе кивнула.

Оставив ее, я поспешил туда, где разворачивались главные события.

— Вы полицейские? — спросила у Геннадия статная женщина, при взгляде на которую сразу хотелось сказать что-то вроде «ой ты гой еси, краса-красавица! Глядеть бы на тебя, не наглядеться, лобзать бы в уста сахарные». Все было при ней — и высокая грудь, и тонкий стан, и коса до пояса, и платье, пошитое в стилистике русских народных мотивов.

Возникло ощущение, что она сошла с картин Васнецова или рисунков Кочергина.

Правда, возникал неслабый когнитивный диссонанс от того, что вся эта красота общалась с моими спутниками в помещении, которое больше напоминало рабочее место секретаря. Тут были принтер, сканер и все остальное, что полагается. Сдается мне, порядком тут изменили изначальную планировку, делая из квартиры офис.

— Нет, — дружелюбно ответил ей Геннадий. — Но, как я и сказал вашей сотруднице, общение с ними вам еще предстоит, как, впрочем, и нам.

— Налоговая? — неуверенно предположила русская красавица. — Или кто?

— Мы сотрудники безопасности «СКД-банка», — заставив меня вытаращить от удивления глаза, ответил ей Геннадий, протягивая свою визитку. — Рад знакомству.

— Какого банка? — изумилась и Варвара. — Да вы что себе позволяете! Какое вы имеете право ко мне врваться?

— Мы — никакого, — жестко оборвал ее Геннадий. — А вот этот молодой человек — полное. И вообще — я бы на вашем месте уже начал его благодарить за то, что он сюда, к вам приехал и хочет решить дело миром.

— Да что происходит?! — красавица цапнула со стола смартфон. — Я сейчас позвоню, и вам мало не покажется.

— Ну если вы так хотите в тюрьму — бога ради, — разрешил ей Геннадий. — Смолин, поехали отсюда. Не оценили твою доброту.

Когда он назвал мою фамилию, я заметил, что у женщины дрогнула рука, в которой она держала телефон, а ее голубые глаза уставились на меня.

— Вижу, вам знакома фамилия нашего сотрудника, — как-то даже весело произнес Геннадий. — Ну оно и не удивительно. Было бы странно, если бы убийца не знал имени своей жертвы. Ведь это же вы, как говорится в газетах, заказывали его? Правда, неудачно, он вот выжил.

— Что за чушь? — Варвара изрядно побледнела. — Что за бред? Я кого-то хотела убить! Я — целительница, людям здоровье возвращаю!

— Ну одному возвратили, у другого забрали. — Геннадий заметил девушку в сарафане, с интересом слушающую этот разговор. — А, вот и ваш референт. Галя, так вы вызвали полицию? Разговор не складывается, продолжим его в ближайшем РУВД. Чего тянуть-то? Пока заявление Смолин напишет, пока со следователем пообщаемся, пока наш банковский адвокат подъедет — это все время.

— Звонить? — спросила Галя у Варвары.

— Нет, — зло бросила та и распахнула дверь, ведущую в ее кабинет. — Давайте продолжим беседу там.

— С радостью, — согласился Геннадий. — Александр со мной, остальные ждут здесь.

Зайдя в полутемное помещение, я словно попал в русскую народную сказку. На что — на что, а на декор Варвара не пожалась. И да — на контрасте она тоже сыграла здорово. Там, за дверью, шумит кофемашина, жужжит принтер, светится монитор компьютера, а тут...

Горница. Натуральная горница, такая, какой ее показывают в кино и описывают в книгах. Деревянные лавки, резные кресла, и даже печь! Настоящая, невесть как интегрированная в стену. Добавим сюда травы, развешанные тут и там, какие-то веники, висящие под потолком, запах луга и леса...

Это впечатляло. Как и немалый психологический расчет, вложенный в это все. Даже меня торкнуло, а уж простого человека, который к подобному не готов, по любому не может не пронять до костей.

— Итак. — Варвара подошла к дубовому столу, ножками которому служили круглые чурбачки и оперлась на него своим приятно округлым задом. — Что за нелепицу вы там несли? Я хотела убить вот этого молодого человека? Которого ни разу в жизни не видела?

— Знаете, мы могли бы немного поперебрасываться репликами и поупражняться в риторике, но у меня на самом деле мало времени, — холодно сказал Геннадий и достал из

внутреннего кармана своего плаща «файлик» с какими-то бумагами. — Вот здесь два документа, являющиеся свидетельскими показаниями против вас. Как только заявлению Александра будет дан ход, а это случится непременно, они немедленно будут приложены к делу. И люди, собственноручно их написавшие, дадут показания и у следователя, и позже, в суде.

— Какие-то люди, какие-то бумаги, — рассмеялась женщина. — Чуть!

— Увы и ах. — Геннадий помахал файликом. — И люди вам знакомы, и бумаги для вас сильно неприятны. Одна написана Олесей Свиридовой, вашей бывшей подругой, которую вы так неблагоразумно оставили в беде, вторая неким Вадимом Силуяновым, знакомство с которым тоже будет несложно доказать. И оба они свидетельствуют, что вы принуждали их пойти на преступление, а именно совершить умышленное убийство гражданина Смолина. Причем тут еще и отягчающих обстоятельств целая куча. Например, противозаконное психологическое воздействие на господина Силуянова, которое впоследствии привело его к нервному срыву, необдуманным действиям и длительному лечению. С учетом вашего, пусть и незаконченного, образования, вам это сделать было совсем несложно. А если в его анализах еще и обнаружатся психотропные вещества, которые вы ему подмешали, то дело примет совсем неприятный для вас оборот.

— Не было такого, — быстро проговорила Варвара.

— Экспертиза покажет, — мягко улыбнулся Геннадий, после чего и мне, и ей стало ясно — было-было. И еще как!

— Вы даже не представляете, какие у меня... — взвинчено начала было говорить Варвара, но безопасник ее сразу же оборвал.

— Связи? Да какие у вас связи? Десяток жен чиновников средней руки среди клиенток? Это даже не смешно. Да и не нужны вы им будете, как только выяснится, в каком неприятном деле вы замарались. Им проще новую гадалку найти, чем с вами валандаться, благо людей вашей профессии в Москве пруд пруди. Сами посудите — ну кто ради вас будет заниматься такой скользкой штукой, как противодействие официальному следствию по резонансному делу? А оно будет резонансным, это я вам обещаю. И добавьте сюда пристальный контроль Генеральной Прокуратуры, чтобы никто хвостом не вильнул. Так что все, что вам останется, это адвокат, причем средненький, поскольку на игроков из высшей лиги у вас деньги вряд ли найдутся. И что в итоге?

— Что? — сухо спросила женщина, поджав губы.

— Реальный срок, — бесстрастно сказал Геннадий. — Даже не условный.

Подстрекательство, подготовка убийства, доведение до самоубийства — целый букет. Ну и еще по мелочам.

— Это его я довела? — Варвара показала на меня пальцем.

— Нет, — покачал головой безопасник. — Силуянова. У нас и документы из клиники на этот счет есть. И ваше имя он назвал, Марина Михайловна Мирошниченко, причем полностью, и в присутствии незаинтересованных свидетелей. И это я еще не упоминал про все те же психотропы, которые тоже могут всплыть.

— Что вы хотите? — голос красавицы прозвучал немного скрипуче. — Денег?

— Решить дело миром, — дружелюбно сообщил ей Геннадий. — Не стану врать — нам вся эта суета тоже ни к чему. Нам нужно одно — оставьте нашего сотрудника в покое. Хотя, конечно, небольшая денежная компенсация за неудобства тоже будет не лишней.

— Сколько? — скривила губы Варвара.

— Не так быстро, — Геннадий закинул ногу на ногу. — Не надо все переводить на деньги. Я же сказал — они не главная наша цель. Да и не только с вами нам хотелось бы побеседовать. Вызывайте прямо сейчас сюда господина Незнамова, он же маг вечности Никандр, а также госпожу Шумскую, она же Аллерия, финская рунная, прости Господи, берегиня. Ведь именно ваша лихая тройка была движущей силой готовящегося преступления? И сразу — никаких «а если они не захотят» слышать не желаю. Нет — значит, мы едем в ближайшее РУВД и запускаем правоохранительный механизм. Там вашим желанием интересоваться не станут, а просто вызовут повесткой. И если за то время, что будет идти следствие, с головы Смолина хоть волос упадет, это изрядно увеличит ваш срок, потому что пока главным организатором и вдохновителем преступления выступаете вы.

Варвара пожевала полными губами и достала из палехской шкатулки, стоявшей на столе, брендовый смартфон, две недели как поступивший в продажу.

Что-что, а убеждать она умела. Уже через сорок минут и Аллерия, в которой не было ничего финского, зато наличествовала монгольская раскосость, и кряжистый немолодой Никандр, заросший седым волосом, сидели на лавке в горнице и слушали Геннадия, который объяснял им, в какую именно неприятную ситуацию они попали.

Кстати — Никандр этот был явно непрост, очень уж хитро поблескивали его глаза. В какой-то момент он уставился на меня и минут пять глазел, даже не моргая. Нехорошо так глазел, мне даже не по себе стало.

Он же первый и взял слово после того, как Геннадий замолчал.

— И что? — напирая на букву «о» спросил он у него. — Это все доказать еще надо.

Силуянов-то ваш в психиатрии лежит. Из него свидетель, как из корыта свистулька.

— Это не так, — возразил ему безопасник. — Вадим Александрович переведен в неврологическое отделение клиники «Вагнер медиал», одной из лучших в Москве. Там же, при необходимости, будет проведена экспертиза на предмет его дееспособности, благо соответствующие разрешения и допуски на этот счет у данной клиники есть.

Сдается мне, что даже если Силуянов под себя ходит и общается с Зелибобой из «Улицы Сезам», а также с Элвисом Пресли, то его все равно вменяемым признают.

Это впечатляло. В смысле — подготовка к разговору. И всего за полдня!

— Вот ты какой, Смолин, — Никандр посопел в бороду. — Стервец!

— Нас не хотят слышать, — Геннадий встал. — Ну вы не расходитесь, думаю, сегодня еще увидимся. Да, Марина Михайловна, вас это в первую очередь касается. Вы же организатор этого преступного сообщества, верно?

— Да не я это! — возмутилась Варвара. — Никандр первым орать начал, что все деньги скоро к вашему приятелю утекут, а мы на бобах останемся. И дурака этого он на него натравливал, мол, убить Смолина надо, ибо он зло. А мы с Леркой только ему подыгрывали.

— Заткнись! — рявкнул старик. — У, подлюка! Подыгрывала она. Кто его ментально кодировал, не ты ли?

— А я против с самого начала была, — подала голос Аллерия. — Не раз говорила, что надо с вашим другом сначала просто поговорить, все объяснить. Ну, что так не делают, что есть какие-то правила совместной работы и зоны влияния в нашем бизнесе давно поделены.

— Не тронем мы его, — глухо произнес Никандр. — Если вы за этим пришли — то договорились. Но и он пусть...

— Никаких условий, — тон Геннадия неуловимо изменился, он стал каким-то... Даже не знаю. Опасным, что ли. — Вы не поняли, мы не просим. Мы предоставляем вам шанс жить дальше без наручников и на свободе. Вам надо нашего сотрудника со слезами на глазах благодарить за то, что он вам такую возможность предоставил и мараться о вас не захотел. Хотя, как по мне, надо вас всех «закрывать» по полной. Как минимум для того, чтобы остальные шарлатаны из вашей братии поняли, чем дело пахнет.

— Ты не перегибай, — проворчал Никандр.

— Не надо мне «тыкать». — Геннадий встал с кресла. — Соблюдайте правила хорошего тона, это всегда к месту. Еще раз спрашиваю — мы достигли консенсуса?

— Достигли, — быстро прострекотала Варвара. — Полного и безоговорочного.

— Вот и хорошо. — Геннадий подошел к ее столу и постучал указательным пальцем по его поверхности. — Но я не вижу кое-какой слагаемой нашей договоренности.

Варвара поморгала длиннющими ресницами, глянула на Аллерию, та только руками развела, дав понять, что не в курсе, о чем речь.

— Денег он хочет, — пробубнил Никандр, снова смотрящий на меня.

— Ну да, — с легким разочарованием вздохнула Варвара.

Пропищал кодовый замок сейфа, стоящего под столом, хлопнула дверца.

— Дедушка, ты глаза сейчас сломашь, — сказал я Никандру. — Или на мне дырку протрешь.

— Надо было по-другому тебя, — недовольно просопел старик. — И концы в воду!

— Ваше счастье, что не успели, — ободряюще сообщил ему Геннадий, принимая от Варвары неплохую такую пачечку купюр. — А то все по-другому повернулось бы. Не так просто. На этом все, почтенные хироманты и прорицатели. Вы не беспокоите нас, мы забываем про вас. И все довольны.

— Скажи, тебе зачем это надо? — вдруг остановил его Никандр. — Ты «крыша» его?

— Повторюсь для тех, кто не расслышал. Я глава службы безопасности «СКД-Банка». Вот он — наш сотрудник. Ценный сотрудник, отмечу особо. По этой причине его жизнь и здоровье — моя забота. У Смолина возникли проблемы в вашем лице, он обратился ко мне, я предпринял необходимые действия. Это моя работа. Я не могу допустить, чтобы организация, в которой я служу, понесла потери в кадровом составе, тем более по такой нелепой причине, как вы.

— Устроиться к вам психологом, что ли? — задумчиво сказала Варвара. — У вас там вакансий нет? А то так мне надоели всякие разные, от которых только и слышишь: «плати, плати».

— А я скажу так — все одно, пусть меру знает, — упрямо пробубнил Никандр. — Всем жить надо, всем есть надо. Если все он один под себя подгробет, то что нам делать? — Дураков на ваш век хватит, — бросил ему Геннадий. — Их в России на много лет вперед припасено.

Сказать, что я был впечатлен — ничего не сказать. Такого и в сериалах не увидишь, хоть там иногда такой лютый бред показывают!

— Удачно? — спросил Геннадий у водителя, усаживаясь в машину.

— А как же, — ответил тот.

О чем шла речь, я не понял, а спрашивать не стал. Меня другой вопрос больше интересовал.

— И сколько она выдала? — не зная, как правильной начать разговор о деньгах, спросил у безопасника я. — На глазок — тысяч под сто.

— Где-то так, — подтвердил Геннадий. — Но вы, Смолин, на них рот не разевайте, они не для вас.

— Вот тебе и раз! — я чуть рот не открыл от изумления. — А для кого?

— Для клиники «Вагнер Медикал», — объяснил мне он. — Эти деньги пойдут в счет оплаты за содержание там господина Силуянова и его освидетельствование на предмет дееспособности. Кто знает, как дело повернется? Согласитесь — не банк же за это платить будет? А супруги Вагнер бесплатно даже не чихнут, уж вам ли этого не знать. Я же говорю — красиво сработано. И спланировано. Все, до мелочей.

Блин, если этот Геннадий такой стратег, то что же из себя представляет Алеша? Он вообще, наверное, такая зверюга!

А вообще — все удачно сложилось, грех жаловаться. Что же до денег — их всё равно все не заработаешь.

Хотя, конечно, к этому надо стремиться.

Глава двадцатая

На меня снизошла благодать. Хотя нет, это слово не слишком подходит для описания моего душевного состояния. Больше подойдет слово «гармония». Не скажу, что я достиг упоминавшегося мной ранее дзэна, но что-то подобное все же имело место быть. И даже без посещения кладбища.

Все-таки есть в том кратком моменте, когда одна неприятность уже завершилась, а вторая еще не пожаловала в твою жизнь, особое очарование, сопровождающееся невероятно приятным душевным покоем. Может, это вообще то, ради чего человек и существует. Мягкое безмятежное счастье. Нет-нет, продолжение рода, самореализация, пять минут популярности — это тоже все очень важно. И даже мужская цель-максимум, которая предусматривает еще два важнейших дела, в виде постройки отдельно стоящего жилого помещения и посадки зеленого насаждения — она тоже нужна. Но это — обязательная программа. И чаще всего — общественно значимая.

А душевная гармония — она только твоя. Личная. Для внутреннего пользования.

И все это при том, что в банке несколько последних дней, скажем так, было неспокойно. Не побоюсь этого слова — нехорошо в нем было. Штормило банк. Потряхивало.

Нет-нет, дело не в ликвидности или нежданном визите Центрального Банка. Речь идет о делах внутренних, которые зачастую бывают куда критичней, чем внешняя угроза.

Геннадий из ИО начальника службы безопасности внезапно переквалифицировался в заместителя председателя правления по развитию. Правда, без права подписи, но, если верить слухам, документы в ЦБ на него уже ушли, так что через месяц-полтора он и ее получит. А то и раньше.

После обнародования этой новости наш предправ изрядно загрустил. Да и Волконский тоже выглядел обеспокоенным, пожалуй, даже поболее Сергея Станиславовича. Хотя ему можно было и не беспокоиться. Тут даже мое заступничество не нужно, все и так будет хорошо.

Впрочем, может я не прав. Возможно, грусть на нашего руководителя нагнали не кадровые перестановки, а другое событие. Буквально за день были освобождены три кабинета в левом крыле, из-за чего валютчики, кредитники и часть бухгалтерии теперь в буквальном смысле сидели друг у друга на головах. Даже помещение архива — и то заняли, предварительно распахив папки из него по всему банку. Там теперь СВКшники сидели, чихая от накопившейся за годы пыли, виртуозно матерясь и поминутно обещая «вот прямо сейчас пойти и заявление написать».

Для чего освободили помещения, наверняка не знал никто. Но резонно предполагали, что в одном из них точно разместятся сторонние аудиторы, для рассматривания банка под микроскопом. Про другие ходили совсем уж невероятные слухи, среди которых фигурировали лютые кадровики из империи Ряжских, льготное ипотечное кредитование и даже перепрофилирование банка под какие-то другие бизнес-проекты. Страшал друг друга народ, приговаривая: «Вот сейчас гайки закрутят, и дадут нам жизни». Вот как тут нашему шефу не загрустить? Раньше-то хорошо было — приехал с охоты или пьянки, потопал ногами, провел пару переговоров, дал всем жизни и снова развлекаться уехал. А чего? Поруководил же, создал иллюзию кипучей деятельности, не подкопаешься. А теперь все. Теперь кресло под задом заскрипело, того и гляди развалится. И только в нашей комнатухе, на которую, к слову, никто и не посягал, царили тишина и покой.

Я рассказал своим девчулям про то, что они в полной безопасности, после чего полдня слушал радостные визги. Еще я был поцелован в обе щеки, назван «бубусиком» и на следующий день накормлен домашними пирожками с яблоками. В общем — хорошее я дело сделал. Может, самое лучшее за последнее время. По крайней мере, ни себе, ни другим вреда тут не принес. Уже немало, по нынешним жизненным коллизиям. А еще я много думал. Последние события показали мне, насколько я, по сути, еще не готов к... Да ни к чему я не готов. Слишком мягок, слишком самоуверен, слишком неумел в состязаниях ума с матерыми противниками вроде Ряжской.

Но основное мое слабое место — оно другое. Опыт — он придет. Знания тоже. И самолюбие свое с самоуверенностью на пару я в одно место заткну, если надо будет. Вот только что мне делать со страхом?

Страх — вот корень моих зол. Я все время боюсь. Причем даже не отдавая в этом себе отчета, не выказывая его явно. Но он — есть. Можно было додуматься до того, что три моих неизвестных врага — они не из мира Ночи. Можно. Надо было только немного подумать и свести концы с концами. Ведь сколько подсказок было.

Но — нет. Я не смог этого сделать. А все потому, что боялся их. На уровне подсознания боялся. Я наделил эту троицу в своем воображении силой, превосходящей мою, и это даже ни разу не столкнувшись с ними лицом к лицу, не поняв, кто есть кто. Я проиграл им, даже не вступив в бой. И если бы не Ряжская и ее люди, то так и случилось бы. Не получилось с Силуяновым, не вышло с порчей? Ну и ладно. Они придумали бы еще что-то. Может — машину, которая сбива бы меня на полной скорости, или еще какую напасть. Но этих людей ничего не остановило бы. Они уже меня приговорили. И единственный, кто мог им помешать — это я сам. А я сидел, варил зелья и для своего спасения толком ничего не делал.

Ни-че-го.

Если так дальше дела пойдут, то мне надо на самом деле проситься на постой к Хозяину Кладбища. Да на какой постой? На ПМЖ. Выбрать уголок потише, выкопать могилку и вены там себе вскрыть.

Страх. Вот корень моих зол. Вот что надо в себе убивать.

Только как?

Страх — вечный спутник человека, с начала времен. Люди привыкли бояться, это их естественное состояние. Когда-то человек страшился молнии, гнева богов и смотреть на убывающую Луну через левое плечо. Потом — того, что упадет Эйфелева башня, автомобилей и самолетов. Сейчас — влезть в ипотеку, жить с родителями и того, что отключат интернет.

Ну и темноты. Ее боялись всегда и во все времена. Автоматы сменили дубинки, дубленки — шкуры, а стейки из мраморной говядины мамонтьятину, а в этом плане ничегошеньки не изменилось. Куча народа не может спать без света.

Темнота — враг. В темноте ты слаб и уязвим.

К чему я это? Вроде бы мне нечего стыдиться, любой нормальный человек страдает тем же, чем и я.

Вот только я уже не совсем человек. И нормальным меня тоже не назовешь. Не может быть нормальным тот, кто никому не ведомый Покон потихоньку начинает ставить выше Конституции и Уголовного Кодекса, а обществу себе подобных предпочитает компанию подъездных.

С меня, выходит, теперь и спрос другой. Я сам с себя спрашивать должен, потому что это только мне нужно. Это не работа, тут на самотек надежды нету. Либо берись за ум, либо тебя раньше или позже кто-то прикопает в овраге. Или сожрет.

В общем, о многом я передумал за эти дни. Время было, поскольку меня, впервые за несколько недель, никто не тревожил.

Я даже начал надеяться, что неделя кончится так же тихо и без неприятных разговоров.

Ошибся.

Ряжская нагрнула в банк как чума, то есть — вдруг.

Сначала она прошла по банку, заглядывая почти в каждую дверь, потом о чем-то говорила с костлявой высоченной девицей, которую притащила с собой, причем та все записывала в невероятно пафосный ежедневник, из тех, что декорированы под учебники из Хогвартса, фигурирующий в романах про Гарри Поттера. Видал я такие в книжных, они подороже чем весь цикл вышеназванных романов стоят.

Взбодороженный коллектив, который и так почти дошел до точки кипения, обратился в слух и зрение, но так и не понял, о чем там шла речь.

После Ольга Михайловна, размахивая дизайнерским клатчем, нанесла визит председателю правления и провела там полчаса.

Люди окончательно забросили работу и только бродили по кабинетам, нагнетая атмосферу до крайности. Зазвучали совсем уж странные предсказания о нашей будущности, но наиболее разумного, звучащего как «да тупо аттестация будет, а после сокращение» никто не произнес. Банковские служащие очень суеверны по природе своей, а потому все как один верят в то, что слово материально. И небезосновательно, надо признать.

И только после беседы с Сергеем Станиславовичем дошла очередь до меня. А я так надеялся, что пронесет...

Причем — сама за мной пришла. Странно, что косу и плащ с черным капюшоном не захватила, они бы ей пошли.

— Саша, — промурлыкала она, приоткрыв дверь и не обращая внимания на моих моментально насторожившихся сослуживцев. — А я за тобой!

— Иду, — обреченно произнес я, вставая с кресла и снимая с его спинки висящий там пиджак.

— Жду в переговорке, — уточнила Ряжская и прикрыла дверь.

— «Ноториус», причем настоящий, не арабская подделка, — моментально сказала Наташка, чуть подавшись вперед и поведя своим острым носиком. — Флакончик три с половиной штуки баксов, кабы не дороже.

А, так вот как эти вкусные духи называются!

— Часы «Картье баллон блю», — поддержала подругу Ленка. — Блин, я такие только два раза до этого видела.

— И на левой руке кольцо от «Ориандо Ориандини», — снова взяла слово Федотова. — Коллекция этого года. Чума!

— Вам бы оценщицами в ломбард идти работать, — буркнул я. — Человек здесь полминуты не пробыл, даже в кабинет не зашел.

Но на самом деле я был впечатлен. Вот у них глаз-алмаз. И нос-нюхач.

— А нам больше и не надо, — откинулась на спинку кресла Наташка и мечтательно прикрыла глаза. — Но вам, мужикам, этого не понять.

Не понять. Согласен. Ну — кольцо. Ну — красивое. Но я даже понятия не имел, что они, оказывается, тоже бывают сезонными и от кутюр.

Век живи — век учись.

Ольга Михайловна нынче, похоже, пребывала в отменном состоянии духа. Она одарила меня еще одной улыбкой, а после взмахом руки указала на место напротив себя.

— Как настроение, мальчик мой? — поинтересовалась она, доставая пачку сигарет и зажигалку. — Надеюсь, все треволения остались в прошлом?

— Вроде как, — ответил я, с интересом глядя на кольцо, то, что поблескивало на левой руке. На безымянном пальце.

Вроде самое обычное. Ну — тонкого плетения. Ну — с камушком. И чего мои клуши в нем нашли такого?

Ряжская проследила мой взгляд и глянула на свою левую руку.

— Что-то не так? — спросила она у меня.

— Да нет, все нормально, — задумчиво ответил я.

— Саша, не темни. — Ряжская внимательно осмотрела каждый палец. — Ты что-то заметил? На что ты смотришь?

Она что, испугалась? Точно, так и есть. Вон и морщинка на лбу обозначилась. А это забавно. Это я запомню. И очень хорошо запомню.

— А ваше кольцо — оно сколько стоит? — любопытно спросил я у нее. — Если не секрет?

— Не знаю. — Ольга Михайловна переключила свое внимание на кольцо. — Дело в нем?

Мне его одна приятельница подарила. Точнее, не приятельница, а... Неважно. Мне лучше его снять? Оно что... Ну, ты понимаешь?

— Да просто интересно стало — сколько стоит такое кольцо, — мягко произнес я. — И все. Ольга Михайловна, не ищите второго смысла там, где его нет.

— Напугал — призналась Ряжская — Правда — напугал. Я ведь на самом деле начала верить в то, что ты многое можешь. Многое из такого, чего вроде бы на свете и нет.

— И зря, — лениво заметил я. — Не так уж много я и могу.

— Не приbedняйся, — женщина прикурила сигарету. — Не надо. Не будем снова заводить сказку про белого бычка, Саша. Особенно в свете событий этой недели.

Я молчал, смотрел на нее, ждал продолжения. Ясно же, что это все была вводная часть.

— Саша. — Ряжская по-мужски глубоко затянулась сигаретой. — Не пора ли нам поговорить о твоём будущем?

— Вы все же решили меня повысить до начальника отдела? — заинтересовался я. — Не надо. Кузнецова хороша на своем месте, а у меня служебные амбиции поутихли в душе. Пусть все остается как есть.

— Речь о другом, — покачала головой Ряжская. — Не пора ли, друг мой, переходить на другой уровень? Ты можешь многое, есть люди, которые за это готовы платить, так чего ради зарывать талант?

— Жутко не хочется говорить банальности, — поморщился я. — Потому буду честен. Не надо, Ольга Михайловна, даже не начинайте этот разговор по новой. Вы мне очень нравитесь, в благопристойном смысле этого слова, разумеется, и потому не хочется опять расстраивать вас отказом.

— Хорошо сплел фразу, — одобрила моя собеседница. — И уважение показал, и «нет» сказал. Но только твое «нет» для меня ничего не значит.

И эта туда же. Так сказать — «стопами Вагнеров».

— Ты сейчас подумал обо мне плохо. — Ряжская затушила сигарету в пепельнице. — Ведь верно?

Я изогнул бровь, как бы говоря: «Есть немного».

— Нет-нет, никаких агрессивных заходов в стиле нашей общей знакомой не будет, — заверила она меня. — Зачем? Я уважаю тебя и твой талант... Даже не так. Чего ради из славного мальчика, который мне симпатичен во всех отношениях, делать своего врага? Только потому, что он пока не видит леса за деревьями и не желает принять то, что ему суждено? Не хочешь — не надо. Я подожду. Я буду делать то, что задумала, буду присматривать за тобой и даже иногда отводить от тебя беду. Раньше или позже все равно пасьянс сложится. Ты этого не понимаешь, но я все ответы знаю точно, потому что заглянула в конец учебника.

— Все-все? — засомневался я.

— Ну не совсем все, — рассмеялась женщина. — Но многие. Всё обо всём мы узнаем только тогда, когда покинем этот мир.

— Не факт, — без улыбки сообщил ей я. — Там тоже все ответы на вопросы ждать не стоит, можете мне поверить. А если говорить о возможностях, то их даже меньше, чем тут. Не стоит верить кино и книгам. Все не то, чем кажется.

— А что — там? — жадно спросила Ряжская. — Ты же знаешь, да?

— Если окажусь по ту сторону раньше вас, непременно наведаюсь и расскажу в деталях, — пообещал я ей. — В первую же ночь.

Как видно, в моем голосе было нечто такое, что женщина вздрогнула и поежилась.

— Не стану обещать того же, — помолчав, произнесла она.

— И зря, — я растянул губы в улыбке. — Почему вы знаете, что вам там понадобится? Может, как раз моя помощь? Если что — найдите меня. Вы мне на самом деле нравитесь, и я окажу вам кое-какую услугу, без которой вам там не обойтись. Она будет последней, но очень для вас важной, уж поверьте. И клятвенно обещаю в этом случае не придуриваться и не уводить разговор в сторону.

— Ты меня сейчас напугал, — очень тихо и очень серьезно сообщила Ряжская.

— Может, потому что вы не все про меня знаете? — предположил я. — И не видите за деревьями леса?

— Может, и не вижу, — признала женщина. — Но только теперь я от тебя точно не отстану.

— Мне неизвестен рецепт эликсира вечной жизни, — предупредил Ряжскую я. — Излечивать безнадежных больных я тоже не могу. И свинец в золото превращать не умею. Да и шансов, что научусь подобное делать маловато.

— И не надо, — покладисто согласилась Ольга Михайловна. — Про эликсир, жалко, конечно, хорошая штука-то. Слушай, а как насчет эликсира молодости? Я бы лет пятнадцать с радостью сбросила. Морщинки бы убрала.

— Побойтесь бога! — замахал руками я как мельница. — Какие морщинки? Где они? Я их не вижу вовсе!

— Лъстец. — Ряжская перегнулась через стол и потрепала меня по голове. — Негодник какой! Все еще думаешь забраться в мою постель?

— Почему нет? — внутренне перекрестившись, бодро заявил я. — И уверен, что после этого я ни на одну женщину смотреть больше не буду. Просто не будет смысла, ибо лучшее из того, что возможно в интимной сфере, со мной уже случится.

— И даже в том случае, если у девушки будут волосы цвета солнца? — невинно осведомилась Ряжская. — Ты вроде именно рыженьких предпочитаешь?

А они за мной еще и следят. Забавно.

— Давайте сделаем вид, что вы ничего не говорили, а я ничего не слышал, — предложил я. — И еще. Не стоило открывать такие карты.

— Муж всегда говорит мне: «Оля, у тебя талант все портить», — вздохнула Ряжская. — Вот и опять... Да ладно, не хмурься. Никто за тобой не следит, не лъсти себе. Просто видели тебя в прошлые выходные на Сухаревке, в ресторане с какой-то огненноволосяй красоткой. Ты на нее смотрел как обжора на пончик, а она на тебя, как лиса на Колобка. Я за тебя порадовалась.

Интересно, врет или нет? Это Ряжская, тут так сразу не поймешь. Надо будет смешать зелье, отбивающее память, с зельем правды и как-нибудь ее им накормить. Сразу, одним махом, все у нее выпросить и понять, что к чему.

— Ладно, давай так, — Ряжская протянула ко мне ладони, и я, поняв, что она хочет, ответил ей тем же жестом. — Будем считать, что мы так и не поговорили. Идет?

— Идет, — я еле подавил улыбку. — «Мирись, мирись, мирись» говорить будем?

— Там, насколько я помню, надо пальцами цепляться, — неуверенно произнесла она. — Да и годы наши не те. Уффф... Опять я про возраст. Саша, это ты во всем виноват!

— Как обычно, — пожал плечами я. — Мне не привыкать.

— Но об одном одолжении я тебя попрошу. — Ряжская разжала ладони, после снова открыла клатч, достала из него пакетик, в котором лежал светлый волос, и показала его мне. — Сделаешь для меня кое-что?

— Кое-что, — задумчиво произнес я. — И что именно?

— На твое усмотрение — Ольга Михайловна положила пакетик на стол и толкнула своим наманикюренным ноготком ко мне.

— И не жалко человека? — поинтересовался я. — Вы же знаете, что было с Яной Вагнер.

— Ты тогда упомянул о том, что это не предел, — голос женщины приобрел жесткие нотки. — Я попрошу тебя в данном случае не слишком либеральничать. Этот человек мне много чего задолжал.

— Нет, — подумав, ответил я. — Извините, но нет. Может, это и правда не очень хороший человек, может, он это заслужил. Но вы меня с кем-то спутали. Не мой это профиль.

— Иногда друзья оказывают друзьям услуги. Просто так, потому что те их об этом просят.

— Если в ваш дом нагрянет беда, я первый приду к вам на помощь, — заверил я ее. — Но не надо заставлять делать меня то, чего я не хочу. Я так прожил почти четверть века, и сейчас пытаюсь все изменить. Точнее — я принял решение, что все изменю. И это входит в число вещей, которые не вписываются в мою новую картину мироздания.

— Красиво, звучно, пафосно, — одобрила Ряжская. — Но скажу сразу, мой милый — ничего у тебя не получится. Ты стремишься к идеалу, это похвально. Но вокруг тебя все тот же неидеальный мир, и это противоречие быстро сломает твои благие намерения. Так что я оставляю здесь волос госпожи Соломиной, думаю, он тебе еще понадобится. И вот еще. Она положила на стол конверт, причем довольно пухлый.

— Нет-нет — перехватила она мой взгляд — Это не мотивация. За дружеские услуги не платят, а я просила тебя именно о такой. Тут твой процент за удачную сделку. Здание-то теперь наше, и получили мы его не без твоей помощи. Ты же тогда об этом подумал, верно? И, поди, скрягой меня в мыслях обозвал.

Я почувствовал, как краснею. Было такое, чего врать?

— Бери, ты эти деньги честно заработал. — Ряжская толкнула конверт ко мне, тот по дороге зацепил пакетик, да так, что они оба оказались напротив меня. — Купи себе чего-нибудь. Например, приличные ботинки. Или костюм получше. А я пошла, мне сегодня до конца дня надо в еще один фонд успеть. Я там чек вручаю, на этот раз на науку. Времени на эти вещи уходит невероятно много, но благотворительность нужна. Сейчас без нее никуда. Тренд, надо соответствовать. Опять же налоговые льготы кое-какие. Так что — до встречи! И она покинула переговорку, а я остался сидеть в ней. Конверт так и лежал на столе, причём мне даже не хотелось в него заглядывать. Не мотивация, говоришь? Ну-ну. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Волконского.

— Ушла? — спросил он у меня.

— Отбыла, — подтвердил я. — Нести добро людям.

— Это она умеет, — хмуро сказал Волконский и вошел внутрь. — А это чего у тебя на столе? Саш, ведь тут не то, о чем я подумал?

— Нет, это не маракасы, — неуклюже пошутил я. — Дим, я не живу в твоей голове. Откуда мне знать, о чем ты думаешь?

— Деньги, — Волконский взял конверт и заглянул в него. — И хорошие деньги. Смолин, ты в своем уме? Прямо в банке, в переговорной держать левые «бабки». А если кассовая проверка? А служба безопасности?

— Дим, ты себя слышишь? — я даже вышел из навалившейся было на меня апатии. — Какая кассовая проверка, каким боком я к ней отношусь? А безопасность... И что они скажут? Даже не это главное. Кому? Семейству Ряжских? Ты же не дурак, понимаешь, кто данный конверт тут оставил.

— Н-да. — Волконский положил деньги обратно на стол. — Тоже верно. Но все-таки — убрал бы ты их все-таки. От греха. И так скажу — не дело это, Саша. Правда, не дело. Все понимаю — переходный период, ты вроде как фаворит новых собственников, тебе можно больше, чем остальным, но все-таки — не надо. Знаешь, есть порядок, есть регламент, и они должны выполняться при любых обстоятельствах. Это как флаг корабля — пока он не спущен, боевая флотская единица остается таковой и живет. Мне неизвестно, что там будет дальше и со мной, и с банком. Я просто каждый день делаю свое дело так, чтобы мне самому перед собой стыдно не было.

— Хорошо сказано, — без тени иронии сказал я и убрал деньги во внутренний карман пиджака, а после прихватил со стола и волос неизвестной мне госпожи Соломиной. — Я всегда тебя уважал.

— Врешь, — беззлобно ответил мне Волконский. — Поначалу ты меня недолюбливал, я знаю.

— А тебе до этого было дело? — рассмеялся я. — Плевал ты на мою нелюбовь с Пизанской башни.

— Плевал, — подтвердил Волконский. — Для всех хорошим не будешь. И чем выше ты вскарабкаешься, тем меньше надо на это внимание обращать. Иначе пропал ты как руководитель. Либо в панибратство скатишься, либо пить начнешь. И то, и то не вариант. Не знаю отчего, но разговор с зампредом поднял мое настроение. Врать не стану — Ряжская чуть раньше его порядком ухудшила. Вроде и слова она мне хорошие говорила, и «милым» называла, и денег дала, а ведь ясно, что ей нужно. Точнее, что она хочет. Ошейник мне на шею натянуть и к командам приучить. Чтобы грыз того, на кого она укажет.

Еще немного настроение поднялось ближе к вечеру. Прорезался Нифонтов. Я ведь так и не знал — вернулся он, нет? Женьку я все же набрал, но трубку она не взяла. Уверен — слышала звонок, видела, что я на проводе — и не взяла. Может, на меня злится, что так долго пропадал, а, может, и на себя, за то, что слабину дала. Эта может, с нее станется.

— Привет, — Николай был привычно деловит. — Как дела? Мне Ровнин сказал, что тебя там какие-то мутные личности страшат. И Вика тоже кое-что от себя добавила. Я что хотел спросить...

— Все уже нормально, — перебил я его. — И с личностями, и с остальным тоже. Решена проблема.

— Да ладно, — было слышно, что оперативник обрадовался. Правда, вряд ли из-за меня, скорее тому, что делать ничего не надо. — Вот хорошо. И кто это был?

— Не по телефону, — предложил я. — Давай я лучше к тебе заскочу и все расскажу.

— Чую, не так все просто, — хохотнул Николай. — Если в гости напрашиваешься, значит, чего-то надо тебе. По Женькину душу собираешься навеститься? Ты поосторожнее давай тогда. Она тут туча тучей ходит, а когда твое имя слышит, то сначала ругается так, что даже Аникушка, наш домовый, за сейф Ровнина прячется.

— А после этого? — спросил я, поняв, что этого вопроса Нифонтов от меня и ждет, потому и паузу в разговоре сделал.

— А после ходит и грохает дверями так, что стены трясутся. Приятно, черт. Ругается — значит...

Ничего это не значит. И значить не может. По ряду причин.

— Ладно, заезжай, — разрешил Нифонтов, переходя к делу. — Хоть бы даже завтра, я на месте буду. Мне отчеты писать. Адрес сейчас СМСкой сброшу.

Вот и хорошо, что в выходной, там народу меньше будет. Мне ведь нужнее всего там не Нифонтов и даже не Женька.

Мне с Афоней поговорить надо. Очень надо. И не думаю, что Николай мне в такой мелочи откажет.

Я бы и сегодня съездил, но вот так, внаглую, напрашиваться неохота. Знаю я отшельских. Ты шаг назад, они три вперед. Ну их...

Но самый главный сюрприз этого дня поджидал меня дома. Точнее — в подъезде. В почтовом ящике.

Это была открытка с видами Праги. Если не ошибаюсь, изображены на ней были какие-то предместья. Центр ее я в свое время со Светкой облазил от и до, мы туда в «медовый месяц» ездили, а вот предместья только из автобуса выдели. Но я их запомнил и сейчас узнал. Там как раз такие то ли дома, то ли замки изображены были — с башенками, красного кирпича и с цветными окнами, которые называются звучным словом «витраж». А на обороте имелось всего несколько слов, написанных от руки. Причем непонятных мне совершенно, потому что язык был не русский и даже не английский. Вот тут мне и стало не по себе. Опять. И все утренние мысли развеялись как дым.

Ясно ведь, от кого открытка пришла. И что ничего доброго он там не написал — тоже. Я стоял и смотрел на послание, хотя давно бы следовало пойти к лифту и подняться на свой этаж.

Но я тарасился в открытку и пытался понять, что означает «Aetate fruere, mobili cursu fugit».

Я даже не заметил, как в подъезд вошла Маринка и заглянула мне через плечо.

— О, латынь, — сообщила мне она прямо на ухо, отчего я вздрогнул и чуть не подпрыгнул. — Мертвый язык. А совет хороший. Я его еще с института помню, у нас один препод на латыни повернут был капитально.

— Какой совет? — немедленно уточнил я.

— Так вот, — соседка вынула у меня из рук открытку. — «Пользуйся жизнью, ибо она быстротечна». Очень мудро, очень правильно. Как там у классика? Человек не просто смертен, а внезапно смертен. Сегодня не выпил бокал вина, а завтра все, возможности такой уже не будет. Да чего далеко ходить. Сегодня днем один перец вместе с машиной в Москва-реку свалился на глазах у любезнейшей публики. С управлением не справился. Стопроцентный несчастный случай, причем глупейший. Но не это главное. Главное — все у дядьки было, и что теперь? Шиш с маслом. Кстати — я про него слышала на «Магическом противостоянии», его там хорошо знали. Никандр, один из самых крутых московских магов, победитель первого сезона шоу.

Никандр. Вредный старикан, трубно сопящий носом и с бородой до пояса. Был он, и нет его.

Случайность?

Возможно. А если нет?

Как там Ряжская говорила? «Буду присматривать и отводить беду». А что, запросто. Старик был та еще вредина, мог забить на слова Геннадия и решить сделать по-своему. Финал — полет с моста в реку.

Да ну, не может быть. Она, конечно, идет к своей цели по головам, но не настолько же агрессивно?

И еще. Как бы я ей был ни интересен, она никогда не поставит под удар свою репутацию. Не стоит овчинка в моем лице такой выделки.

Выходит, что Никандру просто не повезло. Так бывает.

— Смолин, — Маринка посмотрела на меня своим фирменным загадочным взглядом и начала накручивать светлый локон на палец. — А давай я тебе разрешу угостить меня ужином? Все останутся в плюсе. Я вкусно поем, а ты получишь удовольствие от того, как тебе все посетители кафе будут завидовать. Мужского пола, разумеется. Сам посуди — такая красotka с тобой пришла!

— Чего? — поднял я глаза на соседку. — Слушай, извини, я просто задумался что-то.

— Смолин, — Маринка взяла меня за отвороты куртки. — Пошли пожем, а? У меня дома даже кофе кончился.

— Пошли, — подумав, согласился я. — Мне развеяться надо.

— Вот и славно, — обрадовалась соседка. — Только ты тут еще минутку постой, ладно? Я домой быстренько сбегаю, а то, боюсь, не донесу до кафе свой груз, расплескаю.

И она усвистела наверх, даже лифта ждать не стала.

Я достал из кармана телефон, повертел его в руках и убрал обратно. А кому звонить?

Ряжской? Геннадии? И что спрашивать? «Не вы убили деда Никандра»?

Прямо интересно, что бы тот и другая мне ответили.

Да и не это главное.

Колдун обо мне не забыл. Помнит. Весны ждет.

А значит, мое время почти на исходе, а я все стою и сопли на кулак мотаю.

Да какого черта? В конце концов, я ничем не рискую. Я не говорю «да», а просто немного уравниваю шансы.

Тем более что Никандр наверняка погиб по своей вине, так что ничего и не произойдет.

Я еще немного посомневался, раздумывая о том, не самообман ли это? Может, самого себя сейчас вокруг пальца обвожу. Но нет, молчало мое внутреннее «я», только буркнуло неохотно что-то вроде: «Тебе виднее».

Ну раз так...

— Морана, эта жертва тебе.

И ничего не произошло. Гром не грянул, почтовые ящики со стены не упали, озоном не запахло, фанфары не затрубили. Как оно все было, так и осталось.

Да и с чего бы? Если даже Никандр не сам богу душу отдал, а кто-то им распорядился, то мои слова для нашего мира только сотрясение воздуха. И если где-то и перевернулись некие метафизические песочные часы, начав отсчет с новой контрольной точки, то здесь такое не учуешь, не услышишь, не увидишь.

Зато сверху с топотом примчалась Маринка, подхватила меня под руку и застрекотала, как сорока:

— Пошли, пошли, пошли. Я голодная до жути. Желаю брускетту с крабовым салатом, фритатту с лобстером и маседуан в дыне.

Я убрал открытку в карман и с уважением сказал:

— Ты эти названия на ходу придумала? Или реально люди такое едят?

— Ну да, — согласилась Маринка. — У нас на районе подобное вряд ли подадут. Да и ладно. Тогда «оливьешки» навернем, эскалоп с картофаном и вина красного сухого возьмем. А потом пирожных три штуки! Разных! И «латте».

— Как скажешь, — толкнул я подъездную дверь. — Можно и так.

В воздухе кружились первые снежинки. Они медленно падали на асфальт и даже не думали таять.

Надо же. Угадал Хозяин Кладбища. Как обещал — так и вышло.

— Вот и на зиму год повернул, — сказала Маринка и выставила ладонь так, чтобы одна из снежинок опустилась на нее. — Я в детстве всегда ждала первого снега. Чтобы проснуться, а за окном все уже белое и пахнет так особо — свежестью, водой и почему-то немножко арбузом.

— Все ждали, — запрокинув голову вверх, я смотрел на серое небо, затянутое тучами. — Главное, чтобы воспоследовало.

— Лирическое отступление закончено, — подергала меня за рукав Маринка. — Пошли уже!

— Пользоваться жизнью? — спросил я у нее, вспомнив текст с открытки. — А почему нет? Пошли. Время пока есть.

Автор благодарит всех тех, кто помогал в работе над этой книгой — Нури Магомедова, Евгения Петрова, Василия Крысина, Андрея Белова, Вячеслава Кузьмина, Михаил Якута, Андрея Авдеева, Павла Nightmare Сергеева.

Отдельное спасибо Вадиму Лесняку, Дмитрию Нефедову и Дмитрию Овдею.

Час полнолуния

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

— В кабинете сейф, — прощепетала Жанна, устраиваясь на скамейке поудобнее. — Сама видела. За картиной спрятан, вот там все, про что я тебе рассказывала, лежит. И жесткие диски, и бумажки, и пакеты с фотографиями. Знаешь, словно в сериале! Ну из тех, что по «России» идут.

— За картиной, значит, — повторил я. — А за какой? Или у него в кабинете она только одна и есть?

— Нет-нет-нет. — Жанна помотала головой. — Там их штук семь, все старые и в красивых рамах. А на этой кораблик плывет и вулкан огнем пыхает! Этого картинка, как его... Кипрского!

— Может, Кипренского? — уточнил я.

— Может, — не стала спорить Жанна. — Там к раме пластиночка золотистая была приклеена, а на ней фамилия художника. Просто живопись — это не мое, понимаешь? Я не чувствую ее месседж, не вызывает она у меня ярких эмоций.

В принципе, я мог бы сказать что-то вроде «стыд и срам, великих отечественных живописцев надо знать», но это было бы не очень честно. Спроси у меня названия хоть пяти картин этого самого Кипренского, и фиг я их назову. Я фамилию эту знаю только потому, что как-то по телику передачу от нечего делать про него смотрел. Впрочем, имя Кипренского я запомнил — Орест. Почти Эраст, как Фандорин.

И это неправильно. Свой уровень образования, разумеется, надо поднимать. Вон даже серьезные бизнесмены, и те культуры не чуждаются. В своих домашних кабинетах творения классиков живописи вешают, прячут за ними сейфы, в которые самое дорогое помещают — ключи и пароли от банковских счетов да жесткие диски с компроматом на соратников по бизнесу. Значит — доверяют творцам, признают то, что искусство — великая сила.

Надо «Третьяковку» посетить, что ли? А то как там во времена учебы в школе побывал один раз, так больше даже рядом не проходил.

— Месседж — он такой месседж, — согласился я с Жанной. — Если его нет, то дело труба.

Слушай, не хочешь со мной в «Третьяковку» сходить? Побродим по залам, картины поглядим. Шишкин там, Репин, Врубель. Может, сейчас тебя искусство цепанет?

— Врубель? — оживилась Жанна. — Прикольная фамилия. А что он рисовал?

— Разное, — расплывчато ответил ей я. — Но ты не сомневайся, он реально продвинутый художник. Прикинь, даже его наброски очень недешево стоят. У нас один крендель в депозитарии такой держал, я слышал, как про это мой коллега Витод Дашке из залогового рассказывал. И еще о том, что этот самый набросок одновременно у нас в сейфе под замками лежит и еще в какой-то галерее висит. Там духовное, у нас — материальное. Вот такой вот дуализм.

— Дуализм — это в старые времена было. Это когда из пистолетов стреляют друг в друга, — поправила меня Жанна. — Пушкина так убили. Поэта. Ему за это памятник поставили!

— Да ты просто кладезь знаний, — подольстил я девушке. — Второй месяц с тобой общаюсь и не устаю удивляться столь могучему интеллекту.

— Ну да, — загордилась та — Или ты думаешь, что все модели — тупые?

— Да ни боже мой! — всплеснул я руками. — Впрочем — есть такие. Но только те, которых ты не любишь. Вот они — все дуры!

Жанна заулыбалась и приосанилась. Причем — зря. Так было хуже, потому что опять стала хорошо видна ее неестественно вывернутая шея. Оно и понятно — когда тебя столкнут с лестницы, и ты крайне неудачно стукнешься о ступеньку, всегда так получается. Понятное дело, там сместилось все что можно. Ну или как это называется? Я не патологоанатом, правильных формулировок не знаю.

Впрочем, хорошо еще, что эта ревнивая жена, выследившая, как Жанна планомерно уводит ее мужа из семьи, по черепу ей пару раз молотком не саданула. Шея еще ничего, а вот дырки в голове — это перебор. Кому на такое глядеть захочется?

Я бы точно не пожелал, и тогда, в конце февраля, даже и не подумал бы остановиться рядом с призраком печальной девушки, сидящим на лавочке в зимнем парке. И уж тем более, не стал бы с ней заговаривать.

А тут мне ее жалко стало. Сидит, понимаешь, такая красивая и неприкаянная, просто символ вселенской грусти. Уж на что я вроде зачерствел сердцем к этим призракам, которые только и ждут того, чтобы с ними в разговор вступили, но здесь меня прямо как подменили.

Правда, потом выяснилось еще и то, что она невероятно рассеянна, забывчива и, признаться, немного недалекая, но это все мелочи. Кто из нас идеален? Да никто.

Жанна, кстати, даже в бродячие призраки попала по причине собственной несобранности. Почему сразу после смерти не ушла — не знаю, но потом... Это песня!

Она родом не из Москвы, а из какого-то далекого города. Обычная история — приехала поступать в театральный, не поступила, но после по баллам все же прошла в какой-то строительный ВУЗ. Уж не знаю как, но все же проучилась там три года, попутно где-то по

подиуму вышагивала, и в результате пала от руки всплывшей жены очередного любовника.

Так вот — за телом, как водится, приехали родители, но свинцовый гроб для перевозки решили не заказывать, потому кремировали бедняжку прямо тут, на столичной земле. И урну с собой увезли в тот же день.

Вот этот самый момент Жанна прозевала. Если бы ее тело туда, домой, целиком увезли, то и душа за ним бы последовала, таковы законы бытия. Но тело-то сожгли! Нырни душа в урну с пеплом в тот момент, пока ее завинчивают — тоже улетела бы, пусть и безбилетным пассажиром, а после ошивалась на том кладбище, где урну прикопают. А теперь — все. На столичные кладбища ей вход закрыт, она там никто, и звать ее никак. Домой не улетишь — сожгли-то ее тут. Прописочка, так сказать, теперь московская. Как говорят в народе — ни богу свечка, ни черту кочерга. Есть от чего загрустить.

А знаете, почему она кремацию пропустила? Решила посмотреть, кого вместо нее на каком-то там показе поставят одежду демонстрировать. Я, когда это услышал, сразу понял — полезный мне призрак попался, грех такой к рукам не прибрать. И вот с тех пор она мне служит. Причем не за ту награду, о которой меня обычно ее собратья по несчастью молят, а, если можно так сказать, из идейных соображений. Просто все ее забыли, а я с ней дружу. Еще мне кажется, что она до сих пор так и не поняла, кто я такой и что могу для нее сделать. А я рассказывать не особо спешу.

Зачем?

— Весна. — Жанна мечтательно улыбнулась, глядя на почти полную луну. — Если бы не смерть, я бы сейчас на распродаже вещей из зимней коллекции прошлого года ходила! Там знаешь, какие скидки в апреле бывают!

— Да, весна, — согласился с призраком я. — Наконец-то!

— Слушай, а давай мы с тобой в «Манго» съездим? — вдруг предложила Жанна. — Вместо «Третьяковки»? Там интереснее, честное слово!

— Подумаю, — уклончиво ответил я. — Вот выходные наступят, и станет видно.

— Да, а ты код замка будешь записывать? — чуть погрустнела мертвая девушка, как видно, поняв, что не собираюсь я никуда с ней ехать. С призраками в этом плане просто — чуть потускнело сияние вокруг них — значит, настроение изменилось. — Я его запомнила на всякий случай. Правда, уже не скажу, что раньше — буковки или циферки. Но всегда можно попробовать сначала так, а потом по-другому.

— Нет, — отказался я. — Лишние знания увеличивают скорбь. Мне важен факт того, что этот красавец на самом деле компромат на ближних своих собирает. А коды и все прочее — это не по моей части. Я же не промышленный шпион, правда?

— Не знаю, — передернула плечами Жанна. — Мы с тобой еще не настолько знакомы. Может, и шпион, почему нет? Я бы вот хотела шпионкой быть, они все время за границей живут и по самым-самым лакшери-местам ходят! Знаешь, я себе часто представляла, как захожу в зал казино где-нибудь в Монте-Карло, на мне вечернее платье такое с воланами, вот тут и...

— Понял, — остановил я поток сознания, полившийся на меня. — Девичьи грезы — это прекрасно. Но — помолчи. Мне надо подумать.

Один из немногих позитивных моментов общения с мертвыми женщинами — им в этом состоянии реально приказать замолчать. И они это требование выполняют!

Сомневаюсь, что останься Жанна живой, я бы вот так просто от нее отделался. Был бы скандал, рекой лились бы обвинения в моем равнодушии и нежелании жить ее жизнью. Да что там! В своем предыдущем воплощении она бы со мной даже знакомиться не стала. Не снизошла бы. Мелковат я по ее меркам — и физически, и материально.

А нынче — вон рядом сидит, молчит, на звезды смотрит.

Хотя — да, звезды нынче хороши. Луна как огромная тарелка с сыром над головой висит. И запах. Этот волшебный запах проснувшейся от зимней спячки земли.

Весна пришла вдруг, как это обычно и водится. Совсем недавно дули ветры и мели метели, небо было затянуто серыми нескончаемыми тучами, а уставшие от бесконечной зимы горожане каждое утро начинали с того, что костерили синоптиков, которые обещали им «непривычно раннюю весну» еще месяц назад. А она все где-то задерживалась, как видно, желая немного поиздеваться над людьми.

И в результате, нагрянула внезапно, когда все уже решили, что и в этом году на майских снег идти будет. Одним прекрасным утром люди, выглянув в окна, увидели в небе яркую лазурь, сменившую привычный серый фон. Снег начал таять с неимоверной быстротой, птицы, ошалевшие от таких перемен, неумолчно галдели круглые сутки, а девушки моментально сменили зимние наряды на короткие одежды, заставляя смотреть себе в след даже стариков, которые давным-давно перешли из разряда «боевых» в разряд «холостых». И это я не о семейном положении.

Да я и сам еще две недели назад ходил в опостылевшем мне пуховике и зимних ботинках, а сейчас сижу на скамейке у подъезда в легкой курточке и кроссовках, вдыхая ароматы нового апреля.

Хотя, если совсем уж начистоту, все было не настолько и плохо. Да что там! Интересная зима выдалась, чего скромничать.

Например, я с удивлением выяснил, что совершенно перестал мерзнуть. То есть — не брали меня больше морозы, даже при минус двадцати я запросто мог без перчаток ходить. Ясно, что жителей Крайнего Севера таким не удивишь, но для чахлого москвича, поверьте, это достижение. В чем секрет — так и не разобрался. То ли потому, что дело с мертвыми имею, а они, как известно, не мерзнут, то ли потому, что с Мораной спутался, а она ведь в прошлом как раз за холод и зиму отвечала.

Но о Моране — чуть позже. Там отдельный разговор.

Еще я пытался найти на заснеженных улицах Ледяного Старика, того, о котором столько легенд осенью услышал. Но — неудачно, так мы с ним и не пообщались. Хотя, может, и к лучшему это. Кто его знает, чем дело могло кончиться?

А вот его слуг я слышал. Тех, что в метелях живут которых «снежными душами» называют. Верно, воют они протяжно и страшновато. И людей не любят, это тоже факт. Полагаю, тут дело в зависти. Они же помнят, как раньше дышали, ходили, любили, что кровь у них горячая по венам текла, а теперь все, что им осталось — носиться по темным улицам да снежинки гонять, и то исключительно зимой. Тут поневоле взвоешь и озлобишься. А после решишь — если не тебе, так и никому.

Меня они тоже попробовали закружить, но ничего у них не вышло. Да и вообще — трезвому человеку бояться этих снежных теней не нужно, максимум они его с пути сбить могут. А вот пьяным в сильную метель, особенно январскую, лучше не соваться. Добра из этого не выйдет.

Январь — это вообще что-то с чем-то! Сначала грянул веселый Карачун, старт которого я созерцал в Царицыне, когда участвовал в «диких скачках», пытаюсь наложить лапу на «снежный цветок». Расцветает там такой раз в год, на закате первого дня января. Большой силы цветок, многие хотят на него свою лапу наложить, потому мероприятие вышло веселое и беспринципное. Мне лично пуховик порвали и нос расквасили в давке. Я, правда, тоже кому-то глаз подбил, так что в долгу не остался. А цветок так в руки и не дался, его какая-то юная и симпатичная ведьмочка из Выхино зацапала в результате. Но это ладно. Что там к ночи началось, какие типажи из Голосова оврага полезли! И, главное — в парке народа гуляющего полно, на горке детвора на «ватрушках» с визгами гоняет, на открытой сцене концерт идет, певец орет, что он не видит рук любезной публики, а по соседству с этим всем зимняя нежить из-под коряг на белый свет ползет. Точнее — на лунный свет. Феерия!

Но это все ерунда по сравнению с тем, что случилось позже, в конце января. Оказывается, у домовых тоже есть свой профессиональный праздник. Да-да. Двадцать восьмое января. Вы знали про это? Я нет.

Ох, как же широко и весело они его отмечали! Я, кстати, вспомнил — в том году в аккурат об эти числа у нас в доме трубу прорвало. Теперь понятно почему.

И в этом тоже без приключений не обошлось. Нет, начиналось все чинно-благородно — застолье на чердаке, пение песен, которые остальным жильцам слышны не были, а мне наоборот, пьяный Родька, притаившийся ближе к полуночи ко мне затем, чтобы сказать, что он еще немного задержится, потому что «они с ребятами сейчас еще гулять пойдут и в снежки играть». Нет-нет, я не осуждаю. Все понимаю, сам на день банковского работника веду себя не лучше.

Но зачем они после отправились «стенку на стенку» с подъездными из четырнадцатого дома устраивать?

Результат — два выбитых лобовых стекла у машин во дворе, воющая сигнализация остальных, сгоревшая детская горка.

И два «висяка» у местного отделения полиции. Ни подозреваемых, ни свидетелей.

Мало того — они поутру еще и за молоденькими жилищками в душе подглядывали, чего в обычные дни себе никогда не позволяли, а после в чьей-то пустой квартире телевизор смотрели. Боюсь себе даже представить, что именно.

В результате мне пришлось всю эту компанию квасом похмелять. Точнее — сначала за ним в магазин сходить, а уж потом отпаивать. Вот куда это годится?

Так что Карачун на фоне Дня домового — фигня. Как, кстати, и День десантника.

Но в целом это все вносило разнообразие в мою жизнь. А в ней имелись проблемы и посерьезней.

Например — все та же госпожа Ряжская, так и не оставившая свои попытки сделать из меня гибридный аналог доверенного лица и комнатной собачки. Нет, к настоящему моменту она

наконец-то поняла тщетность своих попыток. Вернее — что время упущено. Ей бы тогда, в октябре, подналечь посильнее, пустить в ход тяжелую артиллерию в виде... Даже не знаю... Ну что-нибудь совсем уж мощное, пробирающее до костей изобрести. Фантазия у этой женщины бурная, придумать можно было.

А теперь все. Эта зима многое изменила — и вообще, и во мне.

Я перестал бояться. Не то чтобы совсем, поскольку страх наш господин и человек может от него избавиться лишь умерев. Если вам кто-то говорит, что он ничего не боится, то знайте, этот человек либо лгун, либо псих. Третьего не дано.

Но зато можно избавиться от огромного количества страхов, которые ты сам себе придумываешь. Надо просто перейти некий барьер, за которым приходит понимание двух вещей — мы все боимся в основном того, чего не стоит бояться, и мы все стремимся к тому, к чему не стоит стремиться. Хотя вопрос цели жизни — он индивидуален, тут я погорячился, пожалуй. Все мы разные, и понимание счастья тоже у каждого свое. У кого хлеб черствый, у кого жемчуг мелкий.

А вот страхи... Забавно вспомнить, что раньше вселяло в меня ужас! Например — опоздание на работу. Или — вдруг люди про меня плохо думать станут?

Да пусть думают что хотят. Тем более что в большинстве случаев оно так и есть. Каких гадостей я про себя только не наслушался за последнее время, какую чушь выдумывают люди! Мои соседки по кабинету, Наташка с Ленкой, эти слухи теперь коллекционируют, в обязательном порядке информируя меня о новых версиях того, как именно и почему я оказался в фаворе у собственников. Кстати — я сам больше двух версий сроду бы не придумал. Впрочем, тут как бы выбор вариантов невелик, на мой взгляд — либо я, либо меня. Первый почетней, второй современной. Но нет! Такое иногда выдают — волосы на теле дыбом встают. Например, то, что я в свое время сыну Ряжской жизнь спас, а как меня зовут, не сказал. Тут, в банке, она меня увидела, опознала и теперь вот наверх тянет. Как по мне — феерический бред. Но в него верят! И плевать, что у Ряжских и сына-то никакого нет.

А самое забавное, будь я по другую сторону баррикад, тоже шушукался бы по углам и, возможно, даже выдвинул бы свою версию происходящего. Такова человеческая природа. Хотя следует признать, что в знатоки-душеведы мне записываться пока рановато. Ничего я про тайны людской сути не знаю, как показал опыт. Просто мне недавно пришлось покопаться в голове у одной сотрудницы банка, так лучше бы я этого не делал. На вид — милейшая барышня. Тихая, невзрачная, безобидная, безответная, про таких говорят: «Кому-то хорошая жена достанется».

Ага. Слышали бы вы ее мысли. Иной маньяк, думаю, на ее фоне выглядел бы мальчиком, который скачет на палочке, держа во рту леденец.

Как же она ненавидела всех нас! Вообще — всех! Даже тех, с кем по работе не сталкивалась, вроде меня. Мало того что ненавидела — она вполне серьезно прикидывала, сколько яда надо всыпать в баллон кулера, чтобы переморить половину офиса. Нет-нет, делать она этого не собиралась, разумеется. Просто привычно рассчитывала дозу, попутно представляя себе, как каждый из нас будет умирать. И это был только один вариант геноцида местного значения. Уверен, что имелись и другие.

При этом она всегда всем улыбалась, никому в помощи не отказывала и говорила так тихо, что ее еле-еле расслышать можно было. «Тихоня» — так ее называли в бухгалтерии, а уж там всем давали куда более злые прозвища.

Когда меня Ольга Михайловна спросила о том, могу ли я читать мысли других, я в жизни бы не подумал, что речь идет именно об этой девчужке. Даже возражал Ряжской, убеждая ее, что тут какая-то ошибка и Геннадий зря на это божье создание напраслину наводит. Впрочем, все равно согласился помочь, поскольку давно хотел провести эксперимент с зельем, которое помогает в голову к другим людям залезть. Сварил я его еще в январе, сразу после того, как рецепт узнал, но все как-то руки не доходили до практических опытов. Плюс еще там ограничение имелось на использование, из которого было предельно ясно — просто так мысли других читать нельзя. В смысле — забавы ради. Цель нужна. Четкая, ясная, практическая, без нее зелье будет просто редкостно вонючей жижей мерзкого цвета, и не более. Ну и «отходняк» после этой процедуры неслабый, я сутки пластом лежал с гудящей как колокол головой. Думаю, так специально сделано, чтобы все кому не лень в чужие мысли не лезли.

Так вот — эта милая девчужка продавала инсайдерскую информацию о готовящихся сделках конкурентам Ряжских. Просто и незамысловато. Должность у нее была низовая, доступа к закрытым данным она иметь не могла, но мы ведь в России живем, правда? Потому именно ее и отправляли ксерить протоколы собраний, которые видеть никому было не положено. Почему? Так руководству у ксерокса стоять не по чину, они это секретарям поручали. А у секретарей всегда других дел полно, им недосуг самим куда-то ходить,

потому и отправляли к «копиру» именно того, кто никогда не возмущается, когда ему подсовывают «левые» поручения. Как раз эту самую тихую и незаметную девочку. Еще осенью меня, скорее всего, терзали бы сомнения — а надо ли было вот так? Кончилась-то история скверно. Девушку ту наказали, причем очень серьезно, насколько я знаю, ей потом в больнице пришлось полежать. Психиатрической. Она не сразу имена заказчиков назвала, и это было большой ошибкой. С такими как Геннадий надо сразу откровенничать, раз уж попалась. Дешевле выйдет.

Еще «безопасникам» здорово накрутили хвосты, секретариат разогнали почти полностью и новых референтов набрали. Ну и предправ наш все-таки отправился на «вольные хлеба». Его вины в произошедшем было меньше, чем у остальных, но он, увы, не вписывался в картину мироздания, которую себе нарисовали применительно к нашему банку супруги Рязские. Проще говоря — нужен был повод, он появился. Не нашли бы этот, отыскался бы другой.

Но поскольку новым председателем правления стал Дима Волконский, я только порадовался. Он хороший человек и пост этот своим трудом честно заслужил. И, что немаловажно, ему полностью безразлично, чем я теперь занимаюсь в банке. То есть то, что я ничем в нем толком и не занимаюсь.

Собственно, можно было бы из него вообще уволиться, но мне пока это не нужно. Боюсь предаться лени. Когда у человека нет сдерживающих факторов и хоть какой-то доли ответственности, он очень быстро начинает дичать. Сначала перестает придерживаться распорядка дня, потом бриться начинает через два дня на третий, а после и вовсе переходит к растительному виду существования. Мол — все равно спешить некуда.

Я себя знаю, со мной так и случится. Лень вперед меня родилась, и соперничать с ней будет очень трудно. Потому и не увольняюсь с работы, хотя с определенной точки зрения этот шаг был бы оправданным.

Потому и против должности «личный помощник председателя совета директоров», предложенной мне в момент большого кадрового передела, я возражать не стал. Обязанностей по должностной инструкции минимум, ответственности тоже, в кабинете своем старом мне остаться разрешили. Плюс относительно свободный график. Но при этом на службу ходить все же надо, что гарантировало мне определенную внутреннюю собранность, о которой я, собственно, и пекался.

Я вообще стал больше думать о том, что удобно мне, чем о том, как я могу помочь человечеству. Хотя, правды ради, я о судьбах мира и до того особо не переживал, но при этом иногда позволял чувствам брать верх над разумом. Сейчас подобное случилось все реже и реже. Может, потому что круг моего общения здорово поменялся?

Тут надо вернуться немного назад и закончить рассказ о Рязской и ее попытках меня выдрессировать.

Ольга Михайловна — она, на самом деле, неплохая. И действительно обо мне заботится. Настолько, что готова даже пойти на ряд действий, которые не слишком сочетаются с уголовным кодексом Российской Федерации. Я это ценю, я ей за это благодарен. Но не настолько, чтобы прыгать вокруг нее на задних лапах, как ей того хотелось бы.

После истории с Вагнерами она на некоторое время оставила меня в покое, в аккурат до того момента, пока во дворе банка не установили бюстик мне. Небольшой такой, аккуратный, бронзовый. Что значит «мне»? То и означает. Яна Феликсовна постаралась, выполнив данное некогда обещание. Она хоть женщина в общении сложная, но, как и положено немкам, слово свое держит, пусть даже и частично. Но я не в претензии, скупость представителей германской нации давным-давно даже в пословицы с поговорками вошла. О чем я? Просто еще осенью она дала слово, что воздвигнет мне памятник в полный рост, причем из серебра, в том случае, если понесет ребенка. Судя по всему, звезды на небе сошлись, Яна Феликсовна осознала, что пребывает в тягости, и выполнила обещание. Но — не целиком, обошлась бюстом. Нет, я действительно про него что-то говорил, но там вроде бы еще выплата разницы стоимости в деньгах фигурировала. А вот про нее фрау будущая мать запомнотвала.

Но все равно — прикольно получилось. Он почти полдня у входа простоял, весь банк с ним элфи сделать успел, прежде чем по приказу Геннадия его демонтировали и утащили во внутренние помещения. Постамент сгинул без следа, а сам бюст перенесли к хранилищу, поставив рядом со столовой на старый ростовой сейф, который там находится с начала времен. Причем почти сразу у сотрудников появилась традиция тереть по дороге к холодильнику бюстов нос, типа «на счастье». Через пару недель нос засверкал как солнце, а Федотова, гнусно хихикая, долго распинаясь на тему того, что мне радоваться надо.

Дескать — был бы памятник в полный рост, ему бы другие места терли, такие, что вслух сказать стыдно. И добро, если бы памятником все и ограничилось. У нас, русских, традиции

иногда принимают крайне забавные формы. Мол — потри и там, и там, тогда счастья вдвойне больше станет.

Что любопытно — сама Вагнер даже не мелькнула на горизонте, возможно, все-таки по здравому размышлению сделал кое-какие выводы. Зато немедленно активизировалась Ряжская, начав мне давить на совесть, апеллируя к тому, что дети очередного рейха тебя хотят поработить, как пришельцы Землю, ты плохо их знаешь, ты даже не представляешь, какие они сейчас планы разрабатывают, они тебя в результате Меркель продадут. И только я одна стою между тобой и тевтонским нашествием на российскую медицину.

И давай ко мне своих знакомых таскать, как правило, с бесплодием. А между ними взяла привычку и более экзотические задачки подкидывать, вроде как с той девичей-информатором. Или обращаться с просьбой определить, правду человек говорит или же врёт.

Причем то, что в девяти случаях из десяти на ее просьбы я отвечал отказом, Ряжскую совершенно не смущало. Она обладала упорством улитки, ползущей по склону Фудзи, довольствуясь тем самым одним успешным разом из десяти.

В результате, к апрелю месяцу у нас с ней установилось нечто вроде паритета. Она не наседала на меня так, как раньше, поняв, что лучше меньше да лучше, я же время от времени брался за интересные случаи, которые изредка подкидывали те, кого она приводила в банк.

Ну и докладывал ей о тех, кто периодически пытался подобраться ко мне со стороны. Да-да, и такие встречались. Как правило, из числа тех, кому я по просьбе Ряжской помог, точнее — из их окружения. Язык за зубами у нас люди, избавившиеся от хвори, сроду держать не умели, им надо поделиться своей радостью со всем миром, что они и делали. И всегда находились те, кто умел слушать и слышать главное.

Поначалу все выглядело даже мило. Ко мне в лучших традициях жанра подкатывали добрые люди на машинах и просили в них сесть для последующей беседы. Реже останавливали около подъезда. Совсем редко — пытались поговорить прямо на работе. А один раз в феврале даже похитили, после того как я отказался что-либо обсуждать даже в первом приближении. Дали сзади по голове, привезли в какой-то загородный дом, там стращали всяко, а после, сдуру поверив моим словам о том, как я испуган, с меня сняли наручники.

Нет-нет, я никого не стал убивать. Я все еще не могу переломить себя и забрать чью-то жизнь, хотя за прошедшее время не раз слышал о том, что именно кровь врага на моих руках может открыть мне новые грани знания. И, что важнее, показать мне путь к таким высотам, о которых я в своем миролюбиво-равнодушном состоянии даже помыслить не могу.

Может, оно и так. Но я не стал тогда никого убивать, даже в тот момент, когда эти люди, перейдя от посулов к угрозам, здорово меня разозлили.

Глава вторая

Случись все это прошлой осенью, когда ко мне только приходило понимание того, как и что устроено в этом мире, наверное, я бы на самом деле здорово напугался. Но то тогда. А сейчас...

Одного из тех, кто беседовал со мной по душам, я вывел из строя, уколов простой булавкой, которая с недавнего времени всегда была воткнута в лацкан пиджака. Точнее — булавка, верно, являлась самой обычной. А вот тот состав, которым я ее щедро обмазал — нет. Это был сок корня одолень-травы, смешанный с сушеным баранцом. Эти травы и по отдельности сильны, а в смешении, да после нанесения их на металл и прочтения соответствующего заклинания, получают особые свойства. Например — могут полностью парализовать человека, особенно если ткнуть иглой куда-нибудь поближе к сердцу. Станет тот человек на время бревну подобным, только глазами шевелить и сможет.

Оставшейся парочке повезло меньше, я попотчевал их смесью сушеного страстоцвета с волчегодником, также всегда находившейся у меня в кармане, в специальном отделении, скроенном так, чтобы ничего не просыпалось. В глаза им ее швырнул, пока эти болваны пытались понять, что с их другом происходит и с чего это он на пол повалился как подкошенный. Если честно, не подозревал, что настолько эффектно выйдет. Испытания этой смеси я не проводил, потому до конца не представлял, как она сработает. Догадывался, но не более того.

Эти двое ослепли. Не насовсем, разумеется, но они-то этого не знали. Дикая боль в глазницах добавляла ужаса в ситуацию. Ох, как они орали, сразу забыв и обо мне, и обо всем, что вокруг находится!

Получилось даже лучше, чем можно было ожидать. Для меня лучше, а не для этих бедолаг. Получается, все верно я сделал, и каждая из трав отдала смеси свою исконную злобу, а цементировала все капля истинного мрака, которую была вложена в этот сбор на финальной стадии.

Я даже перепугался немного, что они таким макаром сами себе глаза выцарапают. Им же невдомек, что через полчаса все закончилось?

Нет, все-таки книга древних знаний, которую время от времени дает мне читать Морана — это великая вещь!

Да-да, я получил доступ к той книге, что находилась в тереме Мораны. Все-таки несговорчивого Никандра по приказу Ряжской на дно реки отправили, я в этом убедился следующей же ночью после того, как он покинул грешный мир. Ну да, я сам руку к его смерти, разумеется, не прикладывал, но при этом явился причиной гибели старого «мага вечности», этого оказалось достаточно для того, чтобы богиня смогла попасть в свой терем. Я же отдал ей его в жертву? Слово было сказано и услышано.

И знаете что? Не жалею. Совершенно. Да, деда Никандра жалко, хоть был он, конечно, пакостником тем еще. И, к слову, отправься я на тот свет, он бы по мне не скорбел, это уж точно.

Но его кончина открыла передо мной врата немалых возможностей, которые совершенно нельзя было сравнить с теми, что у меня имелись раньше. Что моя ведьмачья книга на фоне черного фолианта Мораны, переплетенного в некий материал, который более всего напоминает человеческую кожу? Это как букварь сравнивать с энциклопедическим словарем. И самое главное — там описаны вещи, которые на самом деле могут меня защитить от тех, кому нужна моя голова. Как, например, в том случае, который я описываю.

Собственно, дальше с теми, кто решил меня немного попрессовать вдали от людей, все было просто. В доме обнаружилась еще парочка охранников, причем тоже не очень высокой квалификации, которые были глупы настолько, что дали мне приблизиться к себе вплотную. Большая ошибка. На расстоянии я, по сути, также безобиден, как и раньше. А вот вблизи...

Впрочем, мне повезло, разумеется. Будь там хоть один профессионал, получил бы я пулю в живот, как минимум. А этих, похоже, наняли по объявлению.

Помимо охранников в этом доме жили еще двое — мужчина и женщина. Причем женщину я сразу узнал. Она приходила ко мне с просьбой о помощи и получила отказ. Я не берусь лечить тех, чей срок на земле вышел полностью, а в случае с ее мужем дело обстояло именно так. С недавнего времени я стал ощущать некую границу, которую мне иногда очерчивает кто-то очень сильный и властный. И я точно знаю, что пересекать ее не следует, для собственной безопасности в первую очередь. Я не в курсе, кто эта сущность, хотя, конечно, и догадываюсь, но проверять свои домыслы точно не хочу, боже упаси. Мне достаточно того, что в нужный момент меня обдает холодом не этого мира, давая понять, что я снова лезу не в свое дело. Причем совершенно необязательно, чтобы я в этот момент говорил с тем, кому непосредственно нужна помощь, достаточно того, чтобы мне изложили просьбу.

С этой женщиной так и получилось. Ее муж был обречен, и я честно ей про это сказал. Но она, как видно, не поверила мне, после чего стала решать вопрос по-другому.

Кстати, в тот момент, когда мне стало ясно что к чему, я перестал злиться. А смысл? Человек просто делает все, чтобы помочь тому, кого любит, это достойно уважения. Пусть даже лично мне это принесло ряд дискомфортных ощущений.

Не зверь же я, в конце-то концов?

Я даже Ряжской ее не стал сдавать, хоть та и просила меня докладывать обо всех происшествиях подобного толка.

А еще подарил своей похитительнице зелье быстрой смерти. Есть у меня и такое, тоже теперь всегда таскаю с собой, сам не знаю зачем. Ношу и ношу, тем более что зелье это представляет собой маленькое зернышко, размером достаточное одного. Пять минут, потом глаза слипаются, он засыпает и все. Но основной фокус в том, что это не яд. Это концентрированная смерть естественного происхождения. Земля со старой могилы, пара трав, растущих близ погостов, еще кое-какие добавки. Ни один анализ не определит, ни в одной лаборатории. И посмертие будет после него правильное, не такое паскудное как у отравленных, или, боже сохрани, самостоятельно отравившихся.

Только пользоваться им надо по уму. Такие вещи нельзя использовать наживы, мести или власти ради, об этом в рецепте особо говорится. Еслипустишь его в ход, преследуя подобные мотивы, зло, что ты причинил, к тебе вернется трижды три раза. Не знаю, что может быть хуже смерти, и знать не желаю, потому с этой красивой и очень печальной женщины я копейки за данный смертный дар не взял. Только отвезти себя домой разрешил, когда охранники в сознание пришли.

Правда, трое из них со мной в одной машине ехать сразу отказались. Боялись. Крепкие такие ребята, а от меня шарахались как от бешеного пса. Забавно!

К подобному тоже начинаю привыкать. Я тогда, осенью, не очень-то верил в то, что свалившаяся на меня сила что-то в моей личности поменяет. Ан нет, правы были те, кто это предвещал. Меняюсь помаленьку. Не внешне, там все как было, так и осталось, разве что лишний жирок потихоньку с боков сошел незаметно. А вот внутренне... Это есть. Ряжская, которая такие вещи ощущает, по-моему, интуитивно, так мне и сказала:

— Мальчик становится мужчиной. Знаешь, Саша, раньше я испытывала к тебе чувства, которые сродни материнским, разумеется, весьма условно. А теперь о подобном говорить просто глупо.

Хотя это все слова, слова... Стоит чуть-чуть утратить внимание, позволить ей сесть на шею — и она тут же начнет поворачивать меня в том направлении, которое выгодно ей.

Но в одном она права — первые шаги я все-таки сделал. Где-то через «не могу» и даже через «не хочу». «Не хочу» — потому что жалко было прощаться с самим собой прежним. Только выбор невелик — иди вперед или умри.

Когда Морана открыла свою книгу и позволила мне в нее заглянуть, вот тогда я и понял, какая бездна лежит между мной и теми, кто живет в Мире Ночи. Например — с тем колдуном, который обещал построить мне козью рожу.

Я даже не соплик перед ним. Это как-то по-другому называется. И все мои осенние прикидки, как я поймаю его в очень-очень хитрую ловушку, не более чем лепет младенца. На то, чтобы создать маленький клочок истинного мрака, у меня ушло три месяца. Сейчас, разумеется, я это повторю гораздо быстрее, но сил и времени все равно потрачу немало. А он меня им ослепил на ходу. Между делом. Забавы ради.

Учитывая то, что создание истинного мрака в волшебстве — это основа основ, можно сделать вывод, что шансов одолеть его в открытом поединке у меня не просто нет. Они в минус уходят.

Да, я с легкостью сейчас одолею нескольких охранников, не ожидающих ничего подобного от перепуганного банковского клерка, которому чуть в пузо ударишь, он и поплывет. Но с матерым колдуном, за которым стоят поколения предков, промышлявших черной волшебной, мне не тягаться.

Если, конечно, не иметь за спиной тех, кто может помочь. Например — богиню, которая его ненавидит.

Вот только и тут все тоже не так просто, как хотелось бы. Впрочем, чего еще ждать от той, которая помнит если и не начало времен, то, как минимум, мир в пору его молодости? Нет-нет, формально Морана мне покровительствует. Она всегда встречает мое появление улыбкой, если это движение губ можно так назвать, она пустила меня в свой дом, что, как я понял, изначально немало значит по Покону, она позволила мне заглянуть в свою книгу. Мало того — она даже расщедрилась на комментарии к нескольким заклетиям и рецептам, из тех, что я смог прочесть и понять. Да-да, далеко не все, что я в этой книге увидел, доступно для моего понимания. Ряд страниц остаются пустыми, я ничего на них увидеть не могу. Все строго по народной пословице — смотрю в книгу, вижу фигу. Не хватает мне мудрости и силы для того, чтобы прочесть там начертанное. Это другой мир, он живет по другим правилам. Тут каждый получает ровно столько, сколько может унести. Я пока только пару капель воды в горстях удержать могу. Это не мои слова, так Морана сказала. И она же подтвердила, что будет рада сыграть для меня роль проводницы в мире тайных знаний. Но, естественно, не за так. Ей нужно вернуть часть той мощи, что была рассыпана бисером за века. И кроме меня об этом ей просить некого, нет никому сюда пути. Как видно, никто из ведьмаков общением с мертвыми более не промышляет, я единственный в своем роде на текущий момент.

Мне же совершенно не хочется делать то, что она от меня требует. Не хочу я людей губить по ее прихоти, а ей другая жертва, видите ли, не подходит. Ей жизни людские нужны, дабы вернуть утраченное.

В результате образовалось нечто вроде патовой ситуации, как в шахматах. Я не собираюсь вставать на путь душегуба, она делает все, чтобы я получал новые знания в неполном виде. То есть, вроде как Морана и слово, данное мне ранее, держит, но при этом толку от происходящего чуть.

Самое забавное, что все мои осенние домыслы по поводу экспансии Мораны в наш мир оказались полной чушью. Он ей как прошлогодний снег нужен. Это я просто фантастики перечитал. Там же что не книга, так славянские боги рвутся захватывать Землю, дабы восстановить на ней свою власть.

Нафиг им это сдалось, если рассудить трезво? Времена изменились, и боги куда лучше, чем любой из нас, это понимают. Чтобы получить власть над людьми, надо захватить их души, а это сделать просто невозможно. Во второй раз — невозможно. Она мне так и сказала в одном из наших разговоров:

— Если бог выпустил из своих рук власть над теми, кто ему поклонялся, то возврата к прежнему не будет никогда. Люди не признают павших богов. Даже если пройдут сотни поколений и новым людям на новой Земле будут неведомы имена тех, кто некогда оплошал, все равно ничего не изменится. Память крови сильнее. Род дал нам все, мы это пустили на ветер. Что теперь гоняться за пеплом?

И ведь она не врала. Морана вообще никогда не врет, ей это ни к чему.

Но сила ей все равно нужна. Очень нужна, я это вижу. И, сдается мне, догадываюсь, почему. Она кого-то боится, не знаю кого, но это так. Сам видел несколько раз, как Морана на тот, противоположный берег реки Смородины смотрит, и лицо у нее становится как у моей бывшей, когда я на вечер встреч выпускников ходил. Там и тревога, и непонимание, и предвкушение скорого скандала. Все сразу.

Я пытался узнать, что ее тревожит, но молчит богиня, не желает делиться сокровенным. И знай меня подводит к мысли о том, что надо все же от мягкотелых людских привычек отучаться.

А чтобы умней был, время от времени закрывает мне возможность припадать к первоисточнику, пусть даже и в ознакомительно-урезанной версии. К книге, в смысле. Связь-то у нас с ней односторонняя. Если она не желает меня видеть, то мне к ней никак не попасть. И это тоже меня печалит, потому что я не знаю, когда колдун вернется в город. Может выйти так, что мне совет понадобится позарез, и вот что тогда делать?

Я пытался найти способы попадать туда, за Кромку, самостоятельно. Один нашел, только он такой, что нафиг надо.

Рассказал мне про него Афоня, бывший слуга покойного Артема Сергеевича, моего несостоявшегося наставника в ведьмачьих науках, ныне проживающий в неприметном домике, примостившемся в глубине сухаревских переулков.

Как я и полагал, знал Афанасий много чего, потому как разного насмотрелся, обитая рядом с таким матерым ведьмаком, каким являлся его бывший хозяин. В том числе слышал он и про переход смертного за Кромку. Рассказывать, правда, он мне сначала про это очень не хотел, но я подключил административный ресурс в лице Николая, и разговор продолжился. Правда, радости никакой я от услышанного не испытал. Да и Нифонтов тоже брезгливо морщился, да то и дело на меня поглядывал.

— Может ведьмак, который, стало быть, с Той Стороной на «ты», за Кромку попасть, — бубнил Афоня, сидя на лавке, качая лапами и не поднимая на нас свой единственный глаз. — Еще туда дорога ведьмам открыта, тем, что обряды заклада посмертия прошли. Но таких я ни разу не видел, хоть давно живу. Ведьмы — они хитрые. Чужую душу, что им по дури или по простоте на блюде поднесут, всегда заложить готовы, или за копейку продать. Чужое ж, не жалко. А свою — ни-ни. Они посмертия лихого ох как боятся! Не хотят ответ за свои грехи держать.

— Я в курсе, что ты ведьм не любишь, — поторопил Афоню Нифонтов. — Ты про ведьмаков говори.

— Плохой обряд, — наконец глянул на меня своим единственным глазом мохнатый собеседник. — Тебе его не надо исполнять. Ты не из тех, кто подобное творить станет.

— Ну-у-у-у? — я даже рукой потряс, давая ему понять, что мне надо наконец услышать, чего именно я делать не должен.

— Смерть дорогу за Кромку открывает, — вздохнув, сообщил нам Афоня. — Людская, не скотья. На границе между Явью и Навью надо человека медным ножом убить. Нож тот должен быть омыт в семи природных водах да умашен семью заветными травами. Ну и некрещеной жертва должна быть, понятное дело, иначе не откроется проход.

Вот в этот момент на меня Николай и глянул испытывающе.

— Ты дурак? — верно истолковал его движение я. — За кого меня держишь? Да и где сейчас некрещеного человека найдешь? Нынче вера в тренде.

— И сразу решить надо, куда именно ты путь держать хочешь, ежели тебе сами серые пустоши Нави не нужны. Коли в Пекельное царство дорога потребна, к тем, кто за вины свои там терпит муку, то жертвой должен быть злодей заугольный, — бубнил тем временем Афоня, прямо как книгу читал. — Душегуб там, конокрад, хитник прожженный. Женка блудливая тоже сгодится, из тех, что не от мужа понесла, а ему про то не сказала.

— А если в Ирий? — навис над мохнатином Нифонтов. — Тогда кого?
— Дите безгрешное, — провел коготком по горлу тот. — Кого ж еще?
— Капец что такое! — Меня даже передернуло. — Ну нафиг такие способы передвижения! Это без меня.
— У моего бывшего хозяина не получилось, — безучастно сообщил нам Афоня. — Раз пять пробовал дорогу открыть, а все никак.
— Мало он тогда помучился, — зло бросил Нифонтов. — Знал бы, не дал ему так просто умереть.
— Ты думай, что говоришь? — посоветовал ему я — Просто! Ты вспомни, как он умер, и пойми, что лучше, чем тогда получилось, ты бы не сделал.
— Спорный вопрос, — пробурчал Нифонтов. — Откуда тебе знать?
— Даже спорить не стану, — спокойно ответил я ему. — Это все равно не имеет смысла. И, Коль, не надо сейчас фраз вроде: «Все вы ведьмаки одинаковы», или чего-то в этом роде. От кого, от кого, а от тебя я такого слышать не хочу. У вас уже есть мисс Очевидность, не претендуй на ее лавры.
— Ладно, проехали. — Николай ухмыльнулся. — Но дом тебя к себе ведь не подпускал, согласишься? А это что-то да значит.
Это да, это правда. Дело в том, что я не смог найти здание, в котором квартировал отдел «15-К» ни со второй, ни даже с третьей попытки. Вроде шел правильно, и поворачивал где надо, но раз за разом попадал в Последний переулок. В принципе, вся Сухаревка — это одни переулки, но меня ноги приводили именно в этот, Последний.
В результате я сообразил, что дело нечисто, и включил навигатор, который, вступив в соревнование с неведомой силой, упорно не пускавшей меня туда, куда нужно, ее поборол, доказав торжество науки над нездоровой мистикой. Проще говоря, — добрался я до здания отдела. Дверь, правда, так открыть и не смог, как ни старался.
— Ничего это не значит, — подал голос Афоня. — Дело тут не в том, черно у Александра внутри или нет. Просто он теперь на два мира живет, а дом это чувствует. А зла в нем пока нет, я бы знал.
— Вот, — торжествуя заявил я, и протянул мохнатику руку, которую тот робко пожал. — А тебе, Николай, скажу так, — придет война — хлебушка попросишь.
— Припоминай сколько хочешь, — не поддержал мою шутку оперативник — Но главное помни — есть вещи, которые ни я, ни мои коллеги понять и простить не смогут. То, о чем нам Афоня рассказал, — из их числа.
— Знаешь, хватит на меня сегодня банальностей, — не выдержал я в результате. — И, знаешь — кляв в том, что я был хорошим мальчиком раньше, и планирую им же оставаться в будущем, давать не стану. Это, как минимум, унижительно. Сейчас я тебе союзник, но ты все чаще заставляешь меня задумываться на тему: «а стоит ли им быть дальше»? Поразмысли на этот счет. Как следует поразмысли. И вспомни о том, что весна — это уже скоро.
Сдается мне, что про этот разговор потом узнал его начальник, поскольку на следующий день Нифонтов позвонил мне и извинился. Условно, но все же.
А я извинения принял. Тоже условно.
Но вообще разговор полезный вышел, чего скрывать. Я потом слова Афони в голове гонял и так и сяк, пока не додумался вот до какой штуки. А что если покойный ведьмак своими ритуалами Морану разбудил? Ну не просто же так она воспрянула после бог весть скольких сотен, кабы не тысяч, лет сна? Он ее разбудил, но силенок перешагнуть через Кромку так и не обрел, потому и затеял провести финальный ритуал, который, возможно, дал бы ему шанс на удачу. Но тут в дело вмешался случай в моем лице, который спутал все карты сразу всем — и Артему Сергеевичу, и Моране, и даже мне самому.
В результате Морана, помыкавшись в сумерках, потянулась мыслью хоть к кому-то, кто ее услышит. Вот так мы с ней и встретились в первый раз.
Впрочем, возможно, тут свою роль сыграла как моя узкая специализация, так и то, что в ритуале я все же поучаствовал. На камушке полежал, где кровь лилась, души тех, кто был убит в процессе волшбы, отпустил. Вроде бы мелочи, да только они в совокупности могли составить некое целое, которое вылилось в мои хождения за Кромку.
В любом случае — есть то, что есть. Вот только мне этого маловато. Я учиться хочу, а возможности такой не имею.
Чего далеко ходить — в последний раз я видел Морану почти месяц назад. С тех пор — ни слуху ни духу. И я знаю почему. Так она меня прессингует, дает понять, что условия — это ее прерогатива. А мне остается только их принять.
Не богиня, а наркодилер какой-то. Методы, по крайней мере, те же самые. Подсадить на препарат, а потом цену на него назначать.

Ее бы с Ряжской познакомить. Мамой клянусь, иногда мне кажется, что эти двое — сестры. Замашки одинаковые потому что. «Нет-нет, мы не требуем, но хорошо, если ты сделаешь так-то и так-то. Ты же послушный мальчик, правда?».

Может, грохнуть одну из них, чтобы другая порадовалась? Не панацея, конечно, но как вариант — запросто может пройти. Половину проблем с плеч долой.

Шучу, разумеется. Ольга Михайловна — не самый плохой человек, на самом-то деле. И понятливый. Я же говорю — она уловила то, что я меняюсь, и очень гармонично к этому приспосабливается.

Потому я иногда выполняю ее просьбы. Вот и сегодня оказал небольшую услугу, а именно — узнал, где именно некто Соломин Денис Леонидович держит компромат на ряд политических и финансовых деятелей. Этот Соломин — давний недруг семейства Ряжских, именно его жену меня Ольга Михайловна убить подбивала осенью. Да и потом время от времени намекала, что не очень бы по ней скорбела, случись чего.

Пачкать руки я не стал, это перебор, но нужные данные добыл. Тем более что большого труда это не составило. Жанна всегда пройдет туда, куда надо, и увидит все, что нужно. Черт, ну как же пахнет весной! Это просто беда какая-то! Аж кровь в венах закипает.

Интересно, когда первый лист ползет? Или не ждать его и все же прогуляться на погост, поприветствовать моего старого друга? Прозвучит странно, но я здорово соскучился по этому странному и, чего уж там, жутковатому существу, которого все называют Хозяином Кладбища. Он, может быть, и не самый приятный в общении собеседник, зато всегда говорит то, что думает. А это в наше время очень большая редкость.

Я достал из кармана телефон и набрал номер Ряжской. На условности вроде того, что вроде ночь на дворе, а она не время для звонков, мы с ней плюнули уже давно. Точнее, Ольга Михайловна мне объяснила, что такого понятия как «неурочный час» в большом бизнесе нет. Есть нужные и ненужные разговоры. За пустую трату ее времени и днем можно по заливку схлопотать, а за полезные данные даже ночью благодарность получить.

Благодарность ее мне была по барабану, но раз дело сделано, чего тянуть?

— Мое почтение, — весело, не сказав заливчатски, поприветствовал я Ряжскую, снявшую трубку после третьего гудка. — Поздорову ли, Ольга свет Михайловна? Единорог не приснился ли?

— Меня всегда радовал твой интеллектуальный багаж, Саша, — подавив зевок, ответила мне бизнес-леди. — Умеешь к месту и времени процитировать классику.

— Есть такое, — с гордостью признал я. — Ладно, не буду надолго вас вырывать из объятий Морфея. Ольга Михайловна, вы были правы, есть кое-что у вашего загадочного недруга. И на вас, и на других достойных господ.

— Стоп, — скомандовала Ряжская. — А вот дальше не по телефону. Сколько раз тебе говорила — тому, что не можешь контролировать на сто процентов, не доверяй.

— Согласен полностью, — одобрил ее слова я. — И как раз поэтому никогда не понимаю, когда вы на меня обижаетесь за то, что не все вам рассказываю. Я же не могу вас контролировать на сто процентов? Хотя, врать не стану, не отказался бы.

— Шутник. — Из голоса Ряжской уже полностью испарились сонные нотки. — И чего я тебя терплю столько времени?

— Потому что я умный, добрый и красивый. А еще — покладистый и не алчный.

— Повидать бы того славного молодого человека, про которого ты рассказываешь, — не осталась в долгу Ряжская. — А лучше — познакомь меня с ним. Я его усыновлю. Сколько времени?

— Четвертый час утра, — глянул я на луну. — Скоро рассвет.

— Когда ты вообще спишь?

— На работе, — даже не стал скрывать я. — Вас неделю как в банке не видно, стало быть у меня, как у вашего помощника, дел вовсе никаких нет. Потому веду на службе растительный образ жизни — ем да сплю.

— А потом все ваши кумушки обсуждают то, что старая курва Ряжская совсем Смолина заездила, — заметила моя собеседница. — Мол, всю ночь на нем скачет без устали.

— Вы слишком хорошо думаете о моих коллегах, — возразил я ей. — Увы, но про вас никто и не вспоминает, все лавры достаются мне. В переносном смысле, разумеется. Как меня только не называют!

— Да уж знаю, — хмыкнула женщина. — Цензурные выражения почти не встречаются. Ладно, давай-ка часам к семи выходи к подъезду. Поедем сначала позавтракаем, а после в наш офис наведаемся. Думаю, без Паши обсуждать этот вопрос будет не слишком верно. Сказала и повесила трубку.

Врать не стану — в главный офис «Р-Индастриз» на встречу с господином Ряжским меня не очень тянуло. Нет, так-то он мужик вроде неплохой, я видел его несколько раз, и никаких негативных моментов не возникало. Но это не значит, что так будет всегда. До

него ведь тоже могли донестись слухи о том, что его супруга ну очень много внимания одному молодому человеку уделяет. Почти беспочвенные, к слову. Вот тоже интересно — а сейчас он где? Ряжская сказала о нем так, будто его вообще рядом нет.

Впрочем, кто их, небожителей, знает. У них там свои отношения, о которых мне лучше и не знать.

— Знаешь, Жанна, а скажи-ка ты мне на всякий случай код от сейфа, — подумав с минутку, сказал я девушке-призраку. — Пусть будет.

Увы, но точный порядок букв и цифр она и в самом деле не помнила. Всем хороша моя новая помощница, только вот память у нее девичья. Если сразу упустил момент, потом все, начинается: «Ой, нет, там не циферка пять была, а буковка. Ну как на пражке ремня от джинсиков, что я прошлым летом купила». Откуда мне знать, какие именно джинсики она тогда себе приобрела?

Помучавшись так минут десять, я устало вздохнул и отпустил Жанну погулять по городу. С собой я ее никогда не приглашал. Нечего в моем доме призракам делать, знаю я их повадки — один разпустишь, потом за порог не выставишь, там останется только жесткие меры применять. А я к Жанне привык уже, так что не хотелось бы до такого доводить. Она хоть и не титан мысли, но по-своему очень даже смышленная. И не ноет, как другие ее коллеги по цеху, требуя от меня отпустить ее на волю или, того хлеще, вовсе оживить. Да-да, и такое случается. Один призрак недавно за мной таскался несколько дней, настаивая на том, чтобы я сей же час вернул ему его тело и все, что к данному объекту прилагается. С чего он взял, что я ему собираюсь помогать? Ну да, «врезать дуба» накануне собственной свадьбы от перитонита — это как минимум неприятно, но я-то тут при чем?

И так он меня достал, что в результате я его отправил в конечный пункт назначения.

Поженил с вечностью, так сказать.

Жанна исчезла как всегда неслышно и незаметно. Опять, наверное, пошла бродить в залах дорогих магазинов женской одежды, вздыхать, глядя на ценники, и безуспешно пробовать снять очередную эксклюзивную шмотку с вешалки.

Я же встал со скамейки и потянулся, чуть не задев рукой кормушку для птиц. Их зимой на деревьях развесили наши дворники, Фарид и Хафиз, люди невероятно добродушные и сердобольные. Они их еще и надписями снабдили, вроде «Птичка заходи, семечка кушай!». Чтобы, значит, пернатые точно знали, что здесь ФМС им бояться не следует.

Мне это настолько пришлось по душе, что я и сам несколько раз в эти кормушки пшено сыпал. А почему нет?

Спать ложиться смысла уже никакого не было, потому я решил довести до ума одно дело, которое уже несколько дней не давало мне покоя, только, прежде чем за него взяться, следовало соблюсти некоторые приличия. С некоторого времени я к подобным вопросам относился более чем аккуратно, окончательно осознав, что в мире Ночи традиции, устои и уложения значат куда больше, чем в обычном мире. У нас ведь как? Если нельзя, но очень хочется, то можно. Тут такой номер не пройдет. Может, нарушение общепринятых правил в первый раз с рук сойдет, сделают тебе скидку на незнание, но во второй уже точно нет. А память у тех, кто живет под Луной, долгая, рассчитывать на то, что тебя простят и поймут, не стоит.

А кое-кто и на первый раз скидку делать не станет. Сделал — отвечай. Незнание законов не освобождает от ответственности. Тем более, что от тебя ничего такого и не требуют. Надо просто соблюдать правила приличия и уважать тех, кто живет рядом с тобой. Вот и все.

Я стукнул пару раз по стене кулаком и негромко произнес:

— Вавила Силыч, ты не спишь? Зайди на чаек, надо кое о чем пошептать.

Глава третья

— Наболтался с покойницей? — проворчал Вавила Силыч, вылезая из-за холодильника. Он словно ждал моего приглашения. — Не приваживай их к дому, Александр, не приваживай! Нечего им тут шататься!

— Да я и не приваживаю, — возразил я, включая чайник, который немедленно зашумел. — Она у меня одна и есть, вот эта «помогайка». Славная девчужка, жалко, что мертвая.

— Не слушаешь ты меня, а зря. — Вавила Силыч покачал головой. — А ты чего сам на стол накрываешь? Этот-то где?

— Дрыхнет, — рассмеялся я. — Без задних лап. Чаю надулся с булкой изюмовой, телевизора посмотрелся и ухо теперь давит. Да и пусть его. Сейчас разбудишь, он два часа будет ворчать и сопеть.

— Разбаловал ты его совсем, — пожурил меня подъездный. — Он тебе на шею сел и лапы свесил, а ты и рад!

— На меня где сядешь, там и слезешь, — парировал я его фразу. — Ничего, вот сейчас подсохнет земля маленько, мы в Лозовку поедем. Там он у меня поработает вволю. Огород вскопает, листву соберет прошлогоднюю, деревья побелит. Да мало ли что я придумать могу? У меня богатое дачное прошлое, мама постаралась. Кстати, Вавила Сильч, не хочешь с нами? Воздух, тишина, рыбалка. А что? Неужто тебе отпуск не положен?

— Шутник, — фыркнул подъездный. — Кабы мог — поехал бы. Но ты же знаешь, что мне от дома далеко да надолго не отойти.

— Жалко, — не кривя душой произнес я. — Правда, жалко. Хорошо бы время провели. Слушай, у меня только сушки есть и сухари с сахаром. Не успел в магазин сходить.

— Ничего нет, говоришь? — покосился подъездный на комнату, откуда раздавалось Родькино похрапывание. — Или просто кто-то жрет так, что скоро поперек себя шире станет?

— Да запрягу я его в работу. — Мне было сложно удержаться от смеха, но все же удалось это сделать. — Запрягу. Ну хочешь, к себе его бери на недельку опять. Небось есть, чем занять?

— А то! — мигом успокоился подъездный и отпил чаю. — Весна, дело любому найдется, даже такому никчёму. О чем хотел поговорить? Не про это недоразумение мохнатое поди?

— Нет. — Я пододвинул подъездному вазочку с сушками. — О другом. Я тут собираюсь кое с кем повидаться, и не могу тебя об этом не предупредить.

— Александр, мне очень приятно, что ты во мне видишь не просто суседушку, — чуть не поперхнулся Вавила Сильч. — Но обо всем, что ты делаешь, советоваться все ж таки не след! Я тебе, чай, не родитель, да и ты уже не несмышлениш.

— Да не о том речь, — рассмеялся я, похлопав его по спине. — Хотя совет умудренного жизнью подъездного, понятное дело, лишним никогда не станет. Сейчас о другом речь. Мне с марой надо пообщаться, а без ведома общества и твоего лично, творить такое в нашем доме не хочу. Я помню, как оно прошлый раз вышло, так что решил проявить уважение и с тобой посоветоваться.

— Мара? — насутился Вавила Сильч. — Опять? Вот на кой тебе эта погань, а? Ладно, иные зелья ты варить стал такие, что оторви да брось. Мертвячек привечаешь — тоже пусть их, хоть и не к добру это. Но отродье темной госпожи сызнова сюда тащить...

— Мне тоже радости ее видеть никакой нет, — стоял на своем я. — Но — надо. Человека она убивает, понимаешь? И в этом есть моя вина. Ну да, человек тот, прямо скажем, так себе, но не настолько, чтобы я желал ему смерти.

— Предупреждал ведь я тогда тебя! — помахал у моего носа крючковатым пальцем подъездный. — Говорил! Но ты же неслух!

— Согласен, — понурил голову я. — Признаю. Но и ты пойми — что мне тогда известно было? Хрен да маленько. Вот и наломал дров, теперь исправлять надо. Вавила Сильч, ты бы с Кузьмичом перекинулся парой слов по этому поводу прямо сейчас, а? Чтобы в дальний ящик не откладывать. А то он опять со своей кувалдой примчится, зашибет еще кого по дороге.

— Этот может, — согласился Вавила Сильч. — И остальных за собой притащит.

— Вот потому и прошу тебя — предупреди их всех, что скоро гостя ко мне пожалует. Ненадолго, пусть не волнуются. Там разговора минут на пять-десять, не больше.

— Ты в этом уверен? — хмуро осведомился подъездный. — Мары — древнее зло, его так просто под лавку не загонишь. Один раз ты уже оплошал, с чего думаешь, что теперь все по-твоему выйдет?

— Времена меняются. — Я встал и подошел к окну. — Раньше мне хотелось жить так, чтобы грешным делом никого не обидеть.

— А теперь?

— А теперь понял, что не бывает такого. Каждый поступок, какой бы он ни был, ведет к тому, что кто-то доволен будет, а кто-то нет. Невозможно всем угодить и самому при этом в стороне остаться.

— Так-то оно так. — Вавила Сильч допил чай, перевернул чашку и положил ее на блюдечко. — Только ты, Александр, не забывай, что вокруг тебя другие люди живут, вот что важно. Ну и мы тоже, нелюди. Я слова подобные раньше слышал уже, и те, кто их произносил, не всегда хорошо дни свои заканчивали. Да вот хоть бы в позатом веке чего у меня приключилось! Жил я тогда в деревне Коньково, там, где яблоневые сады раньше были знатные. У, какие сады! На всю первопрестольную наши яблоки славились!

— Вавила Сильч, луна бледнеть начала, — виновато произнес я. — Давай дело сделаем, а потом я твою историю послушаю.

Хотя тут вопрос был не только в луне. Мне хотелось побыстрее закончить то неприятное дело, которым, без сомнения, являлось общение с марой.

Подъездный покосился на меня, укоризненно вздохнул и нырнул в щелку, которая разделяла столешницу и плиту.

— Как он это делает? — уже в сотый раз спросил я сам у себя, причем вслух. — Вот где она, магия-то!

Минут через пять подъездный вернулся, правда, выбрался на этот раз из вентиляционного отверстия, аккуратно приподняв перед этим решетку.

— Сам понимаешь, запретить мы ничего не можем, — взобравшись на табуретку, сообщил мне он. — Ты ведьмак, тебе подъездные не указ. Да ты и сам это все прекрасно знаешь.

— Знаю, — кивнул я. — Но вас я давно не как соседей воспринимаю, а как друзей. Потому со всем почтением отношусь.

Было видно, что подъездному приятны эти слова, на что, собственно, и был расчет. По сути, он ведь прав — мне их разрешение не нужно, я волен делать то, что захочу. Но мне в этом доме еще жить, так что рубить с плеча — это очень плохая политика. И потом — их дружба дорогого стоит, подъездные большая сила в пределах охраняемой ими территории, и мне надо точно знать, что в случае чего они встанут за моей спиной.

Ну и наконец — мне на самом деле не хочется портить с ними отношения. Я к ним привык. — Кузьмич поворчал, понятное дело. — Мой гость хрустнул сушкой. — Но раз надо — значит, надо. Мы тебе доверяем, Александр, потому что знаем, что зла в тебе нет, кто бы что ни говорил.

А кто и что им говорил, интересно? Такие фразы просто так не произносятся. Сейчас выяснять не стану, но заметочку в памяти надо поставить.

— Побудешь здесь, пока я с ней беседовать стану? — спросил я у него. — Или не желаешь ей на глаза показываться?

— Побуду, — согласился Вавила Силыч. — С марами лишний раз здороваться не люблю, сам знаешь, но для твоего спокойствия — почему бы и нет?

Полагаю, мое спокойствие тут не главное. Убедиться хочет, что эта сущность в доме не останется. Или еще в чем.

Но это его право. Собственно, для того я ему и предложил остаться, понимая, что он все равно попросит меня об этой услуге.

Для призыва у меня все было готово, травы я еще днем разложил по миниатюрным яном. Это такие японские чашки без ручек. Они, как правило, вообще невелики по размеру, а эти и вовсе были крохотные, а потому очень удобные для хранения ранее отмерянных составляющих того или иного зелья. Я их на «Али-экспрессе» зимой увидел и сразу заказал, причем три комплекта. Про запас. И не ошибся. Две Родька уже расколотил, а одну я Вавиле Силычу подарил. Очень она ему понравилась.

Потрескивала спиртовая таблетка в горелке, переливался сине-зеленым оттенком пар над емкостью с бурлящим зельем, а я знай начитывал заклинание призыва, время от времени поглядывая в книгу, лежащую на столе, и в душе поругивая себя за кривоватый почерк. Да-да, уже не чужие записи цитирую, а свои собственные. Одна за другой страницы книги заполняются. Как вернусь из Нави от Мораны, так сразу с дивана вскакиваю — и давай переносить на бумагу все, что успел услышать и запомнить. Нужно, не нужно — все записываю. В том числе сюда попало и это заклинание призыва, позволяющее вызвать мару во плоти.

Одно плохо — каждая написанная мной страница убирает лист из начала или середины книги, тем самым постоянно сокращая доступ к мудрости моих предшественников. Я, помню, в самом начале гадал — это как же так, столько народу в ней писало, а она не сильно и толстая? Пусть даже время от времени одни листы сменяются другими. Вот и ответ — делая свои записи, ты волей-неволей расстаешься с чужими. А когда эта книга перейдет к следующему владельцу, то она снова будет в том виде, какой попала ко мне. Только уже и с моими текстовыми вставками.

Хотя, может, оно и правильно. Чужая мудрость — вещь нужная, но полагаться на нее во всем не стоит. Все время читая чужое, своего не напишешь.

Ну и потом — а память мне на что? Некоторые вещи надо наизусть знать, не рассчитывая на то, что останется возможность постоянно куда-то подглядывать.

И, наконец, — голову тоже надо включать. Лично я не поленился и часть новогодних праздников потратил на то, что напечатал большинство рецептов в «Ворде», а после сохранил их на флешке, которую убрал в сейф. Двадцать первый век на дворе, есть ведь и альтернативные источники хранения информации.

— Всё, — выдохнул я и поморщился от редкостно вонючего запаха, повалившего от площадки. — Сейчас, по идее, должна пожаловать. Вавила Силыч, форточку не откроешь? Ну до чего вонюча эта емулия! Бррр!

А без нее никак. Емулия желтая полезнейшая травка, хоть и называется неприглядно. Я на ее основе уже и зелье одно сварил, про запас. Нет-нет, не яд. Емулия — травка-миротворец. Если ее в сушеном виде под порог дома своего врага положить, то он перестанет против тебя коварные планы строить. Не любить не перестанет, но злоумышлять прекратит на какое-то время. А если ему пару капель отвара, что у меня в сейфе лежит, в чай добавить, то, возможно, он даже предложит тебе вместе пойти и выпить на брудершафт. Опять же — мера будет временной, но за пару часов, что зелье действует, можно решить какие-то вопросы добром. Или бумаги подписать. А то и дарственную, особенно если совместить зелье из емулии еще кое с чем из моих запасов.

И в нынешнем рецепте без нее никак. В данном сборе трав она как ключ — закрывает маре двери к моему сознанию. Мары большие мастера по части влезть в душу, теперь я это точно знаю. Ну да, со мной они вряд ли рискнут такое провернуть, я под защитой их создательницы, но кто знает? Особенно если учесть тему, на которую мы общаться станем. Так что без емулии не обойтись.

Летом, на Ивана Купалу, надо будет ее запасы пополнить. Она ведь только на эту праздничную ночь в силу входит, в остальное время это просто трава, которую даже в чайный сбор не добавишь. А вот на Купалу — да, большую мощь набирает. Да и не она одна, в эту ночь мне столько всего собрать надо будет — ужас. Без помощи дяди Ермолая и его лесных троп точно не справиться. И Родьку с собой возьму, нечего ему тут бока отъедать, пусть по первой росе побегает, травы пособирает.

А еще непременно надо к летнему солнцестоянию на родительскую дачу наведаться, мандрагыр, обещанный тамошним Лесным Хозяином, выкопать. У меня запас почти весь вышел. Да там и был-то хрен да маленько, прямо скажем.

Я и нож деревянный припас, у одного родновера-мастера на заказ сделанный. Из дуба, золотистый, как солнце! Правда, цвет этот не природный, он таким стал после того, как я его в семи травах да семи водах проварил, по рецепту Митрофана, Евстигнеева сына.

Мандрагыр только таким брать надо, деревянным. Если он сталь почует, то сразу в землю уйдет, и фиг его потом поймашь. В мандрагыре ума нет, а вот душа — есть, потому он для бесплодных и является первым средством. Так сказать — одушевляет их усилия, потому они и ведут к последующему результату.

Мне тогда Хозяин сказал, что корень у него вызрел знатный. Хорошо бы, если так. Очень он мне нужен.

За всеми этими мыслями я не сразу услышал тихие шаги в коридоре, в отличие от Вавилы Сильча, который мигом насторожился.

Кухонную дверь толкнули, она беззвучно отворилась, и к нашей компании присоединилась уже знакомая мне девчушка лет шести с невероятно серьезным лицом. Она подошла к столу, залезла на пустой табурет, свесила вниз ноги и уставилась на меня.

Надо заметить, что с последней встречи мара изменила свой образ. Тогда это была маленькая крестьянка с картины Васнецова, в лапотках и платочке, сейчас же передо мной сидела вполне себе обычная городская девчушка, то ли из старшей группы детсада, то ли даже первоклассница.

Черная короткая блестящая курточка с молниями, юбка, розовые колготки, модные полусапожки и забавная шапка с надписью «New York».

— Спиннер подарить? — вместо приветствия спросил я у гостя. — Просто тогда образ будет завершенным. Сейчас их все крутят.

Она молча протянула руку, в которую я положил обещанный предмет, взяв его с подоконника. Он у меня там года два лежал. Понятия не имею, откуда он взялся, наверное, Маринка забыла.

Мара крутанула лопасть спиннера раз, потом другой, послушала его жужжание, поднеся к уху, а после уверенно зачихала в карман курточки.

— Надо соответствовать, — наконец одарила она нас своей первой фразой. — Все изменилось, старые маски никуда не годятся. Зачем звал?

— Надо кое-что выяснить. — Я оперся спиной на столешницу. — Сразу оговорюсь — мне не нужен конфликт. Я его не боюсь, но считаю, что худой мир лучше доброй войны.

Холодная улыбка уверенной в себе древней нечисти, появившаяся на детском личике, признаюсь, впечатляла.

— Ты нарушила наш договор, — продолжил я. — Ты убиваешь человека, который тебе не принадлежит.

Увы, но речь идет о Силуянове. Некоторое время назад я случайно узнал, что он снова загремел в психушку. Мол — опять у него начались ночные кошмары, чуть жену не придушил и орет, что у всех окружающих его людей черные глаза без зрачков. Само собой, к нему сразу вызвали крепких санитаров, а после с «мигалкой» отправили в больницу имени Петра Петровича Кашенко, где ему поставили диагноз «шизофрения», добавили к

этому словосочетание «весеннее обострение», выписали таблетки и препроводили в помещение без зеркал и дверных ручек. А куда еще его такого девать?

Вот только меня не обманешь. Нет, умом он, может, и вправду начал трогаться, вот только весна тут ни при чем. Это симптомы другой болезни. В определенном смысле — рукотворной.

И виной тому я. А значит, мне и исправлять свою ошибку.

— Я голодна, — возразила мне мара. — Ты обещал мне дать другого человека, но не дал. Теперь я беру то, что могу.

— Не обещал, — покачал головой я. — Сказано было, что ты будешь призвана, когда появится ясность в происходящем вокруг меня.

— Прошло достаточно времени, — заметила мара. — Ты настолько неповоротлив, что тратишь полгода на выяснение того, кто твой друг и кто твой враг? Тогда мне точно можно не считаться с твоим мнением. Я убью тебя быстрее, чем ты поймешь, что именно произошло.

— Ты — меня? — мне даже смешно стало. — Попробуй. Вот он я, перед тобой. Риски, посмотрим, что получится.

— Засовы на твоей душе не провисят вечно, — резонно заметила мара. — Раньше или позже они падут.

— И ты все равно не посмеешь ко мне даже приблизиться, — процедил я. — Мне это известно, и тебе тоже. Я избран той, кому ты служишь. Ты готова пойти против ее воли?

— Ты слишком самоуверен, — резонно возразила гостья. — Сегодня милость нашей матери с тобой, но что будет завтра?

— А завтра я буду сильнее, чем сегодня. Ты мудра и опытна, ты же все видишь.

— Вижу, — призналась мара. — Наш мир все сильнее растворяет тебя в себе. Но ты все еще человек. Ты не готов убивать ради забавы или преследуя свою выгоду. Ты не желаешь без жалости отдавать чужие жизни тем, кому они нужны. Ты все еще живешь под Солнцем, а не под Луной. Потому я не боюсь тебя. Ты слаб.

— В чем-то ты права, — признал я. — Но не во всем. Да, я не готов убивать забавы ради, верно. Но тех, кто стоит на моем пути или не желает прислушаться к моим просьбам... Договаривать фразу я не стал, вместо этого достал серебряный нож и, поймав отблеск электрического света лезвием, повертел им в воздухе.

Хорошее средство против таких, как она. Подарок Ровнина на Новый Год, он мне его с Женькой передал. Так сказать — «два в одном». Тут тебе и практическая польза, и тонкий намек, мол: «не шали, ведьмак, а то такой же в сердце получишь». Я не дурак, все понял. И Мезенцева тоже, потому что передала этот подарок сильно не сразу, не под бой курантов, а только под утро, когда собиралась домой. Да еще и глаза в сторону отвела.

— Повторюсь — мне не очень хочется переходить к взаимным угрозам и тем самым портить отношения, — спокойно продолжил я, убирая оружие. — Такие беседы никуда не ведут. Попугали друг друга и разошлись — какой в этом смысл? Цели не достигнуты, договоренности нарушены, будущее, которое для нас обоих могло стать радужным, уже не случится.

С такими как она не имеет смысла придерживаться правил переговоров, принятых в человеческом обществе. В беседах с ними не надо врать или давать пустые обещания, это может выйти боком. Здесь каждое слово понимается буквально и за него придется давать ответ. Мара — не человек, и этим все сказано. Она видит ситуацию по-другому, потому что мыслит иными категориями. В том году я этого еще не осознавал, но, как и было сказано, я учусь, может, не очень быстро, но все же — учусь.

Не стоит ждать милости от волкодака в полнолуние. У него нет жалости к тому, кого он выберет своей добычей, ему все равно, кто перед ним — мужчина, женщина, ребенок, старик. Есть только голод дикого зверя, и он первостепенен. Человек — добыча, а у нее не спрашивают согласия на съедение.

Не стоит надеяться на сострадание гуля, если попал в его когти. Ему плевать на слова и мольбы, он их даже не поймет. Для него людская речь подобна плеску речной волны — шумит что-то, да и все. Он вскрыет твоё горло, а после затащит в темный теплый угол, чтобы ты немного подстух. Гули не едят свежатину, они любят мясо с запашком.

Дети Ночи — не люди. Не были они ими никогда, и в жизни не станут. А потому не стоит с ними разговаривать, уповая на понятия «элементарная логика» и «здравый смысл». Это верный путь к смерти, потому что в какой-то момент тебя просто могут убить, сочтя бесполезным и слабым. Здесь все решают совсем другие вещи. Ну и Покон, конечно же.

— Что я получу, если отпущу душу твоего бывшего врага? — бесстрастно спросила мара.

— Пока ничего, — так же холодно ответил я. — Но даю тебе слово ведьмака в том, что, если на моем пути появится человек, который будет мне мешать, ты получишь его целиком и без остатка. Сроки не назову, но такое раньше или позже случится.

Мара ткнула пальцем в сторону окна.

— Клянусь в том Луной, — верно истолковала я ее жест. — Теперь ты.

— Человек, который был отдан тобой на заклятье, отныне не моя добыча, — покачала ножками мара. — Клянусь в том Луной и именем моей матери Мораны.

— Я тому свидетель, — буркнул Вавила Силыч. — Услышано и запомнено.

— Ведьмак, у меня еще послание. — Мара снова извлекла спиннер из кармана и крутанула его. — Моя мать опечалена тем, что ты не желаешь добра вам обоим. Ей нужна сила, тебе — тоже. Она просила подумать о том, что время летит быстро, и опасность подбирается к твоему дому все ближе и ближе. Твоя смерть будет означать для нее возвращение в мир Теней, а ей этого очень не хочется. И мне с моими сестрами — тоже. И даже дурам-Лихоманкам, которых ты поманил пальцем прошлой осенью, дав им надежду на то, что их не забыли.

— Буду рад снова увидеться с твоей матерью, — склонил голову я. — И лично сообщить ей то, что ее печали — мои печали. Она не желает меня видеть скоро как месяц, сам же я попасть в Навь не могу, и это ей прекрасно известно.

— Человеческая кровь — ключ от всех замков, — почти пропела мара. — И тебе это прекрасно известно. Открой дверь один раз, а после все станет гораздо проще. Подъездный скрипнул табуретом, как видно, от эмоций. Не сомневаюсь, он знает, как двери в мир за Кромкой открываются. Их брат вообще много про что в курсе, только говорить мне они ничего не хотят. От греха, надо полагать.

— Сиди смирно, — велела ему нежить. — Ты кто? Видок. Вот и не мешай нам.

— Он гость, и он в моем доме, — немедленно осек ее я. — Как и ты. Помни про это, мара, и уважай законы хозяина этого места.

— Пусть будет так, — согласилась она. — Все, луна заходит, и мне пора. Слова сказаны и услышаны, клятвы даны и будут исполнены.

— Передай поклон Моране, — попросил я ее. — Скажи, что жду встречи.

Девочка кивнула, слезая с табурета, а после ушла в коридор, прикрыв за собой дверь.

Вавила Силыч почти сразу последовал за ней, но там никого не было.

— Убралась, — выдохнул он, проведя лапой по лбу. — Уф, до чего страшная! Чего ты с ней из-за меня-то сцепился? Я не гордый, меня ее слова не трогают совершенно.

— Потому что нечего на моих друзей бочку катить, — проворчал я. — Может, еще чайку?

— Да нет, пойду, — подъездный спрыгнул с табурета. — Своих успокою.

— А рассказать про то, что в Коньково случилось? — напомнил я ему. — Кстати — почти моя малая родина. Я сам из Теплового Стана родом.

— Да какой там, — отмахнулся подъездный и нырнул под плиту. — Не до рассказов.

Впрочем, секундой позже вывернулся оттуда ужом, и, глядя мне в глаза, произнес:

— Скверную ты клятву дал этой ночью, Александр. Скверную. Не мне тебя судить, но такой долг на себя брать было ни к чему, даже для чьего-то спасения.

— Знаю, — развел руками я. — Но по-другому бы не вышло. И потом — ты же не думаешь, что для меня дальше всё розами усеяно будет, с которых кто-то колючки ободрал? Жизнь чем дальше, тем веселее.

— Нельзя с этими змеюками ни о чем договариваться, — упорствовал Вавила Силыч. — И уж тем более с матерью ихней. Я ведь давно почуял, что ты дорожку к ней протоптал, но молчал, потому как не мое это дело. И дальше молчать буду, чтобы имя ее здесь, в доме нашем, не звучало. И тебя о том прошу.

— Обещаю, — приложил ладонь к сердцу я. — Да не переживай ты так. У меня тяги к темным делишкам и навьим забавам как не было, так и нет. Оно мне надо? Видишь же — свои собственные ошибки пытаюсь исправить, которые наворотил еще осенью.

— Главное — новых не наделай, — вроде как отошел подъездный. — Похужее.

Он ушел, а я сел за стол и отхлебнул остывшего чая. Мне не давала покоя одна вещь, а именно то, что мара знала, чем недовольна ее госпожа.

Откуда?

Ответ один, и он очевиден — от нее самой. Значит, что? Они общаются. Вопрос только в том, как именно? В смысле — лично или мысленно, сквозь границу миров. Если второе — то ничего. А вот если первое, то это не очень хорошо. Это значит, что отдельные личности туда-сюда шастать начали, и ничего хорошего от этого факта ждать не стоит. Сегодня мара, завтра какой-нибудь упырь, а послезавтра кто? Ведьма или мой собрат-ведьмак? Кто знает, чем это кончится? Мало ли кто там еще очухался, в Нави? Опять же — кто обитает на том берегу Смородины? Кого боится Морана? Морана, которой вон подъездные до судорог опасаются, даже столько веков спустя после ее исчезновения.

Но — вряд ли. Если бы все было так просто, я бы об этом знал. Тот же Нифонтов прискакал бы и начал орать, что это моих рук дело. Информаторы отдела 15-К наверняка бы донесли подобные вести до ушей своих покровителей. В чем — в чем, а в этом мне за минувшую

зиму убедиться довелось. Чего стоит только дело с сердоликовой камеей из коллекции Пьеро де Медичи, в котором мне довелось поучаствовать пару месяцев назад. Замечу — как всегда добровольно-принудительно.

Так вот — они бы знали, таскайся кто в Навь, как к себе домой. И я бы тоже. В этом вопросе мы с отделом солидарны, нам обоим ни к чему гости из прошлого под боком. Ох, как же все непросто на белом свете. А мне сегодня еще в «Р-индастриз» ехать, вместо того чтобы в кабинете спокойно кемарить. Или даже дома, предварительно плюнув на службу и сказавшись хворым.

Одна радость — красивая женщина меня завтраком накормит, причем, подозреваю, вкусным. В моей жизни такого давненько не случалось. Большинство бывших подруг готовить вовсе не умели, а моя нынешняя пассия вовсе сматывается с первыми лучами солнца, никак это не комментируя.

Так что аж чуть ли не со времен супружеской жизни подобного не случалось. Точнее — с той ее поры, когда мы еще не начинали день с перебранки. Славное то было время, ради правды. Безмятежно-счастливое. Жалко, что кончилось быстро, как и все хорошее в этой жизни.

Предчувствия меня не обманули, завтрак был неплох. Я, кстати, даже не знал, что иные рестораны довольно высокого уровня открываются в такую рань. Мне казалось, что они часов до двух закрыты.

— Сыт? — заботливо спросила Ряжская, когда я отодвинул от себя последнюю тарелку и удовлетворенно выдохнул воздух. — Доволен?

— Поспать бы, — доверительно сообщил ей я. — Часиков восемь.

— Вот это нет, — опечалилась она. — Оно бы неплохо, разумеется, но — нет. Паша нас на девять утра записал, так что пора ехать.

— Это что же, вы с мужем по записи общаетесь? — опешил я. — Однако!

— Несмешно, Смолин, — немного обиделась Ольга Михайловна. — Ты просто не представляешь, в каком ритме жизни он живет. Бизнес есть бизнес, случается, что и мне приходится окно в его расписании искать. И потом — я же не одна буду, а с тобой. Так-то я вопрос и по телефону могла решить.

— Ну, — обрадовался я. — Так и решите. А я не обижусь, что ехать никуда не надо. Только до банка меня подбросьте, хорошо?

— Встал и пошел, — приказала Ряжская. — Философ!

«Р-индастриз» меня не очень впечатлил. Обычное высотное офисное здание — стекло да металл. И внутри все то же, что и везде — ресепшн, турникеты, лифты с музыкой, приемная с секретаршей. Я даже заскучал.

А вот в кабинете Ряжского мне стало чуть повеселее. Скорее всего потому, что там обнаружился не только он, но и еще пара человек, которых я совершенно не планировал увидеть.

Глава четвертая

Впрочем, и сам кабинет меня удивил. Я ждал массивный стол с совещательной огурцеобразной приставкой для подчиненных, дипломы с медалями в рамках на стенах, большой глобус-бар в углу, возможно, мини-дорожку для гольфа. И, само собой, портрет президента страны на самом видном месте.

Не-а. Небольшой такой кабинетик, ничего лишнего, никакого пафоса. Только с портретом угадал, да отчасти со столом. Но только отчасти. Нет, он был массивный, добротный, но не из нынешних новомодных мебельных коллекций. Это был стол-ветеран, из тех, что в кабинетах наркомов стояли в сталинские времена. Мне, кстати, такие всегда нравились. Основательная штука, на века сделанная.

Так вот — по соседству с этим столом, у стеночки примостилась сладкая парочка — Алеша да Геннадий. Почти два богатыря. Один отвечает за безопасность в «Р-индастриз», второй у нас в банке, и хорошего от них ждать точно не стоит. Профессия такая у этих добрых молодцев — проблемы создавать всем, кроме руководства. А в некоторых случаях — и ему тоже. Не самому главному, разумеется, а тому, что помелкотравчатей.

Господин Ряжский, услышав, что в кабинет кто-то вошел, на секунду оторвался от монитора, за которым сидел, окинул нас взглядом и махнул рукой — мол, присаживайтесь. Волей-неволей пришлось пристроиться третьим в компанию безопасников, поскольку сидячих мест тут было всего ничего. Ольга Михайловна же вовсе занимать стул не стала, она подошла к мужу, встала за спинкой его кресла и уставилась в монитор.

— Думаешь, мы возьмем этот госзаказ? — секундой позже спросила она у него. — Там входной порог сумасшедший. И гарантия потом еще, тут без залога не обойтись. Хотя — о чем я? Все никак не привыкну, что это теперь не вопрос.

— Торги непринципиальны, все потом отобьётся, — ответил ей Ряжский. — Основная интрига в том, какую цену назовут за сутки до них. Да и сам заказ не столь важен. Ты понимаешь, о чем я? Главное — войти в обойму, занять в ней свое место.

Он коротко глянул на меня, после перевел взгляд на жену. Ну да, понятно. Недоволен, что при мне лишнеебрякнул.

— Я слушаю, — бросил Ряжский мне. — Излагайте.

Меня так и подмывало изречь что-нибудь коронное и предсказуемое, вроде: «Я бы сейчас вздремнул» или «Помню, была у меня одна рыжая, с зелеными глазами и вот такими буферами». Но для шуток есть соответствующие время, место и компания. Здесь ничего из вышеуказанного не наблюдалось.

— Что именно? — уточнил я.

— То, зачем вы пришли, — блеснул стеклышками очков Ряжский. — И ради чего вызвали сюда этих господ. Ольга, в чем дело?

— У Соломина есть на тебя компромат. — Ладони женщины опустили на плечи мужа. — Да-да, дорогой. И на тебя, и на Рябчинского, и на Нудельмана. И на тех, кто нам помогает — тоже. И даже на меня. Верно ведь, Саша?

— Верно, — подтвердил я. — Кроме, разве, Нудельмана. Насчет этого товарища ничего сказать не могу, его имя в списках не фигурировало.

Но, возможно, и он охвачен заботой пронырливого Соломина. Просто Жанна по дороге половину фамилий растеряла. Я ж говорю — память у нее девичья. Даже в посмертии.

— Чушь, — поморщился Ряжский. — Что у него может на меня быть? Откуда? Думаю, ты дуешь на воду. И потом — откуда у этого молодого человека вообще может появиться подобная информация? Он, вообще, кто? И зачем ты его привела сюда?

О как. Ну я на приветственные транспаранты и объятия не надеялся, но на чашку кофе по знакомству, пусть и шапочному, рассчитывал.

А он даже не знает, кто я?

Или я за последнее время чересчур забронзовел, и потому ожидаю, что все сильные мира сего меня знать должны? Мне и Женька недавно сказала, очень уж нос кое у кого вверх задрался. И потому с этим «кое-кем» общаться становится все сложнее.

Может, зря я тогда ей довольно резко ответил? Может, это не у нее характер сродни верблужьей колючке, а меня на самом деле заносит начало?

Ряжская тем временем что-то нашептала мужу в ухо, тот усмехнулся, побарабанил пальцами по столешнице и поинтересовался у меня:

— Ну и что вы, господин экстрасенс, увидели в своем магическом шаре?

И вот в этот момент я осознал, что на самом деле заигрался, пожалуй, немного. И все мои мысли о собственной значимости не более чем пыль.

Я ведь предвидел такой вопрос, но только там, дома, фразы, что вертелись в голове, казались разумными и весомыми, а здесь мне стало ясно, что они и не те, и не другие.

А я буду выглядеть смешно и глупо.

Почему? Да просто если прозвучит то, что я изначально собирался поведать этому товарищу, то мне колдуна можно будет и не опасаться. Он просто опоздает к раздаче, мной распорядятся другие люди, далекие от мира Ночи, но зато отлично владеющие всеми видами огнестрельного и холодного оружия.

Причем винить в этом будет некого, только непомерно разбухшее чувство собственного величия, в народе именуемое ЧСВ. Я отчего-то решил, что смогу превратить Ряжского в своего союзника и использовать в случае необходимости его людские ресурсы в своих целях. С чего мне подобное в голову пришло? Кем бы я ни стал за последнее время, мы все равно с ним пока в разных весовых категориях. В результате всегда решает опыт и знание жизни, в котором до него мне еще далеко.

Промолчать тоже нельзя. Нет, можно попробовать наплесть невесть чего, только вот не поверит в это никто. Ни Ряжская, ни Геннадий. Они за минувшие полгода много чего видели, и кое-что поняли.

И соврать не вариант. Если Ряжский поверит, что в сейфе Соломина ничего на него нет, а потом бумаги всплывут, что вполне вероятно, то спрос опять же с меня будет. Крайний нужен всегда, и в данном случае я идеально подхожу на эту роль.

Короче — сам себя поймал. Сам капкан поставил, ногу в него сунул и теперь пытаюсь выбраться. Вывод — не играй на чужом поле, заранее не убедившись в том, что это тебе под силу.

— Что молчим? — поторопил меня Алеша. — Был задан вопрос.

— Саша, не переживай, — мягко произнесла Ряжская. — И не обращай внимания на тон Павла Николаевича. Он скептик и подвергает сомнению любые явления, которые не укладываются в его картину мироздания. И еще — здесь нет тех, кто желает тебе зла.

— И так? — в голосе Ряжского прозвучали нотки недовольства.

— Разное там есть. — Я перебирал в голове все, что мне выложила накануне вечером Жанна, тщательно просмотревшая в сейфе бумаги, относившиеся к семейству Ряжских. Надо понять, о чем точно говорить не стоит. — Например, документы на строительство нескольких школ в одной далекой горной республике, ещё тем веком датированные. Акты, сметы, накладные с вашей подписью, в том числе, и о сдаче объекта. К ним еще фотографии прикреплены с пустырем и несколько допросных листов с отметками Следственного комитета, из которых следует, что там никто ничего никогда не строил. Наверное, не тот пример я выбрал. Куда делся интеллигентный бизнесмен? За столом сидел волк, готовый прыгнуть. Какой волк? Тигр!

Все ж таки быстро я забыл Самое Главное Правило клерка — молчи обо всем, что может накликать на тебя беду. То есть — обо всем, что не касается еды, выпивки и баб.

— Дальше? — требовательно спросил у меня Ряжский. — Я жду.

— Да, собственно, это самое веское из того, что есть, — с улыбкой произнес я. — Остальное так, мелочи.

— Врешь, — безынтонационно сообщил мне Алеша. — Говори.

— Еще имеются бумаги о передачах долей компаний, занимающихся нефтянкой. — неохотно пробурчал я. — Документы о пропаже гражданина Селиверстова. По-моему — Селиверстова. Это точно все. Остальное на жестком диске. Я не вирус, внутрь залезть не могу.

— Лихо. — Ряжский откинулся на спинку кресла, сплел пальцы рук в «замок» и хмуро глянул на меня. — Ольга, как его бишь?

— Александр, — подсказала ему супруга. — Александр Смолин.

— Александр, примите мои извинения, — весело потер руки хозяин кабинета, немало меня тем удивив. — Думал, вы шаромыжник. Вижу — ошибался. Когда вы мне доставите эти документы? И все остальное, что есть в сейфе, это важно. Насколько я понимаю, для вас это не очень большая проблема?

— Никогда, — снова невесело посмеялся я про себя, припомнив недавние наполеоновские планы по использованию Ряжского в личных целях. Как в том анекдоте ситуация: «Я медведя поймал». Но — шутки шутками, а за подобную работу я не возьмусь точно. — Извините, взлом и проникновение не по моей части. Как, собственно, и добывание подобной информации в принципе. Просто я Ольге Михайловне отказать в выполнении ее просьбы не мог.

Ряжский коротко глянул на Алешу, тот мотнул подбородком, словно говоря: «нет». А, понятно. Хорошо, что я в марте, накануне праздников, в одной довольно-таки пикантной ситуации все-таки устоял перед чарами моей нанимательницы, хоть обстановка и шептала: «плюнь и возьми». Но — не стал. И правильно сделал. Рубль за сто — этот Алеша без всяких потусторонних соглядатаев все бы про то грехопадение узнал.

— Сказали «а», говорите и «б», — назидательно произнес Ряжский. — Если уж просьбу моей жены выполнили, то и мою тоже уважьте.

— Нет, — покачал головой я и ощутил, что сотрудники службы безопасности пододвинулись ко мне поближе. Кстати, я даже как-то и не заметил, что теперь сижу между ними. Ловки, шельмы. — Это не мой профиль.

— Смолин, Смолин, — как бы вспоминая, проговорил хозяин кабинета. — Это не вам Вагнеры бюстик во дворе банка установили?

— Ему, — подтвердил Геннадий.

— Если вы сейчас скажете, что он неплохо будет смотреться на моей могиле, я опечалюсь, — сообщил Ряжскому я. — Очень банальности не люблю.

— Даже не собирался. — Павел Николаевич рассмеялся. — За кого вы меня принимаете? За мафиози? Ну да, бизнес штука жестокая, особенно российский, но вас никто машиной сбивать не собирается и растворять в кислоте не планирует. Даже с учетом того, что вы видели и знаете то, чего не следует. Вы разумный человек, я в этом не сомневаюсь, а потому наверняка станете молчать. Тем более что ваше слово против моего ничтошеньки не стоит. Но я не понимаю, почему вы не хотите нам... Мне. Почему вы не хотите мне помочь? Повторюсь — я сначала вам не поверил. Да мне и теперь не очень понятно, как вы вообще узнали о существовании этого сейфа и о его содержимом. Ольга мне говорила про какие-то ваши необычные способности, но я, уж извините, в мистику не верю. Я материалист. Но это не мешает мне еще раз предложить вам оказать услугу компании, тем более что это входит в ваши обязанности. Вы же служите у нас? Так будьте любезны, выполняйте поручение вышестоящего руководства.

— Мне очень жаль, но в должностной инструкции нет пункта, вменяющего мне в обязанность совершение кражи со взломом, — вздохнул я. — Потому вынужден отказаться. Кстати — я в самом деле ничем бы ему помочь и не смог. Жанна бесплотна, а я не «медвежатник». В принципе, возможно, Родька что-то подобное мог сотворить, есть у меня подозрение, что подобные штуки ему по плечу, но — нафиг. Это не моя война.

— Александр, оттайте уже, — вроде бы иронично посоветовал мне Ряжский, но только мне снова на мгновение показалось, что за столом сидит огромный и смертельно опасный хищный зверь. — Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы прикидываете, каковы шансы на то, что уйдете отсюда домой на своих ногах.

Ошибочка. Отсюда я так и так уйду сам, без посторонней помощи. Булавку, пропитанную зельем, я в пальцах зажал еще до того, как в кабинет вошел. Алеша и Геннадий не те увальни, что меня зимой схомутали, но и ситуация немного другая. Эти двое сидят совсем рядом, один слева, другой справа. Два быстрых укола — и все. Затем останется только пустить в ход травяной сбор, который сделает Ряжских добрыми и покладистыми минут на двадцать, и быстро покинуть здание. А там что-нибудь придумается. Свалю в Лозовку, хрен меня там кто найдет. Дядя Ермолай к моему дому все дороги закроем, ни одна мышь не проскользнет. Или, как минимум, предупредит о незваных гостях, а в лесу меня поди поймай.

Но только это будет не жизнь. Я — и в бегах? Оно мне надо? И потом — месяц поскрываюсь, другой — а потом что? За Уральский хребет уходить? Или на Дон, к казакам, туда, где воля?

Чушь какая. Может, веке в девятнадцатом подобное и было нормой, недаром же моих предшественников по Российской Империи носило от моря до моря, но то тогда. А сейчас другое время, другие стандарты. Планета съежилась до размера теннисного мячика, далеко не убежишь. Родители, опять же...

А может, Ряжского марам отдать? Заодно и по долгам рассчитаюсь. Грех, конечно, так думать, но ведь вариант?

Хотя нет. Тогда и супругу его придется за ним следом отправлять, и этих двоих из ларца, что меня с боков подпирают. Я таких, как они, знаю, для них не зарплата главное, а вопросы личного самоуважения. Самураи хреновы.

Да и других последствий не оберешься. Тот же 15-К пронюхать может что к чему.

Неприменно ведь припрется ко мне Нифонтов и начнет в душу лезть, выясняя не моих ли это рук дело. И это в лучшем случае. А в худшем... Даже думать не желаю.

Ну и самое главное — не мой это путь. Не хочу я убивать, хоть все, кто только может, меня к этому подталкивают. Но я не хочу! Не то у меня воспитание. И моральные принципы не позволяют.

Пока, по крайней мере. Пока меня совсем в угол не загнали.

Геннадий толкнул меня локтем в бок — мол, отвечай давай, не молчи.

— Нет, — подал я голос. — Все равно — нет. Не потому, что не хочу, а потому, что не обучен. Если желаете — могу продиктовать код сейфа, он у меня есть. Правда, там пара цифр и букв в самом конце могут быть перепутаны местами, так что не обессудьте.

— Даже так? — приятно удивился Ряжский. — Не откажемся. Алеша, потом запиши комбинацию, пусть будет.

— Славный мальчик, да? — похлопала мужа по плечу Ольга Михайловна. — А ты меня слушать не хотел.

— Славный, — согласился с ней супруг. — Но упрямый, вздорный и не желающий признавать прописные истины. Это перечеркивает все его достоинства, так что говорить с ним более не о чем. Всего доброго, Александр, вам пора ехать в банк. Вы же не забыли, что рабочий день в разгаре, а вы все еще мой сотрудник? Гена, проводи молодого человека на выход.

Я встал с кресла, ощутив, что рубашка на спине изрядно промокла. Однако — нервы. Нет, неправда Женька, не стал я еще не пойми кем. Человек я. Не пойми кто так не потеет.

И чего это я вздорный? Упрямый — ладно, есть немного. Но вздорный? Сам он... Не скажу кто.

Эх, уцепить бы его волосок в свою коллекцию! На всякий случай, чтобы был. Только — фиг, Геннадий не даст. Он хоть и не верит во всякое мракобесие, но глаз с меня не сводит. Правда, под конец, у выхода из здания, он меня удивил, поскольку снизошел до общения, что с ним случается не всякий раз.

— Дурак ты, — сообщил он мне. — И уши у тебя холодные.

— Согласен, — вздохнул я. — Не без того.

Правда, полагаю, каждый из нас имел в виду свое. Но вывод сделан был тождественный. Дурак не дурак, но никаких репрессий или ущемлений моих прав после этого визита не последовало. Впрочем, как и усиления внимания к моей персоне со стороны службы

безопасности. Я, по крайней мере, ничего такого не заметил, хоть и пытался отыскать какие-то отголоски произошедшего в том, что вокруг меня происходило. Ну не верил я в благополучное завершение моей наиглупейшей выходки. Впустую — все шло обычно и рутинно. Разве что весна вступала в этом году в свои права на редкость стремительно, радуя горожан невиданным в середине апреля теплом. Но связать сие с моими деяниями было совершенно невозможно.

Вот и в тот вечер, когда события к тому времени уже недельной давности наконец-то мне аукнулись, на улице стояла погода, которую весенней назвать было сложно. Скорее — летней. Асфальт отдавал накопленное за день тепло, воздух был упоителен. Только в это время года город не пахнет городом, потому что бурные ручьи частично смыли грязь зимы, а недавно пробившаяся листва, еще не припорошенная пылью, берет свое, забывая ароматы выхлопных газов и вытяжек многочисленных ресторанов.

— Пора, — вслух сказал я, озирая свежую зелень на деревьях. — Теперь точно пора! В смысле — на кладбище. Не рискнул я нарушить пожелание Хозяина, хоть соблазн был велик. Не просто же так он мне велел нос не казать до первой листвы? Но теперь точно можно. Вот прямо завтра и рвану к нему, благо рабочая неделя кончилась. Нынче выплещу как следует, с утра в магазин схожу, а уж ближе к ночи...

Додумать эту мысль я не успел, мне помешали.

— Привет, — встал с лавочки, стоящей у моего подъезда, крепко сложенный светловолосый мужчина средних лет, одетый в короткую кожаную куртку и голубые джинсы. — На пару слов можно?

Я немедленно засунул руку в карман пиджака и зацепил пальцами горсть все того же ослепляющего порошка. Штука надежная, проверенная.

Все-таки прав я оказался, не бывает дыма без огня.

— Ну-ну-ну, — успокаивающе выставил перед собой ладони мужчина. — Приятель, успокойся. Просто поговорить — и все. Повоевать, если что, мы с тобой всегда успеем, верно? Только особого смысла в этом нет. Нашу проблему, ту, что у нас с тобой одна на двоих, можно решить мирным путем.

— Не припоминаю, чтобы я где-то переходил тебе дорогу, — осторожно произнес я, не спеша вынимать руку из кармана. — Если напомнишь — буду признателен.

— Как же? — мужчина снова опустился на скамейку. — А кто покойницу в дом уважаемого человека настропалил, чтобы та там все разнюхала? Не ты ли? И после эта информация ушла к кому-то очень серьезному, потому что квартиру ту пару дней назад «выставили», да так умело, что закачаешься! И ничего не взяли, кроме содержимого сейфа, от которого просто смердит мертвечиной.

Не стану врать — я опешил. Всякого ждал, но этого точно нет.

— Слушай, можно я тебя сфоткаю? — весело спросил мужчина. — Рожа у тебя сейчас... А еще мозги скрипят так, что вот-вот всех бабок в округе перебудят. Да что бабок — подъездных испугают.

— И есть отчего, — повертел головой я. — Знаю, что произношу банальность нереальную, но все-таки — ты кто?

— Иногда мне жалко, что нашему брату не дали способность чують друг друга, — раскинул руки по спинке скамейки мужчина. — Как в сериале «Горец». Ну помнишь, один бессмертный к другому приближается на расстояние выстрела, и у них в ушах шуметь начинает. Вот и нам бы такое. Ладно, выдохни. Я не из братвы. Мы с тобой одной крови, Александр Смолин, вот какая штука. Меня зовут Олег, и я ведьмак.

— Представился прямо как в клубе анонимных алкоголиков, — не удержался я. — А так круто, чо!

— Я тоже так думаю, — он протянул мне руку. — Будем знакомы?

— Будем, — решил не кочевряжиться я и ответил на рукопожатие. — И сразу вопрос...

— Как я тебя нашел? — перебил меня Олег. — Очень просто. Что агентесса твоя к моему клиенту в гости заходила, я сразу срисовал. Видеть бродячие души я не вижу, но чую их как барбоска. И тогда же понял, что это дело рук ведьмака, больше с этой публикой таким образом никто работать не сможет. Нет, есть колдуны, которые могут на время неуспокоенных себе на службу поставить, только на подобные мелочи они размениваться не станут. Больно дорогое это удовольствие. А непосредственно мертвым подобные забавы вообще ни к чему. Они либо на весь мир злы, либо на судьбу жалуются, либо незавершенные дела пытаются закончить, других забот у них нет. Все остальное — дело техники. У меня есть связи, они обширны, я их задействовал и в результате тебя вычислил.

— В самом деле — просто, — вздохнул я. — Наниматель сильно на меня зол?

— Соломин? — рассмеялся Олег. — Нет. Да он про тебя и не в курсе. Делать мне нечего, как только ему все рассказывать. Велика честь. А вот на твоего патрона — да! Рвет и мечет,

сейф-то вычистили почти подчистую. Собственно, за компроматом на коллег по бизнес-цеху и приходили, больше ничего из дома не пропало.

— Да ладно? — снова изумился я.

— Прохладно! — Ведьмак хохотнул, показав белые зубы. — В сейфе осталось только одно досье, и на нем значится фамилия «Ряжский». Дескать — ну-ну, давай-давай, попробуй, пусти эти документы в ход. А все остальные как растворились, и это моего нанимателя особенно бесит. Ох, как все смешалось в доме Соломиных, видел бы ты!

— Ни малейшего желания, — отказался я. — И так пожалел уже, что в эту чехарду ввязался.

— Вот тут мы подходим к главной теме нашего разговора, — посерьезнел Олег. — Что дальше делать будем? Как жить?

— Может, пойдем накатим по рюмке-другой? — предложил я. — За знакомство? Да и сквозит здесь. Днем тепло, а к вечеру прохладно становится.

— Конструктивно, — подумав, согласился Олег. — За рюмкой и обсудим сложившуюся ситуацию. У вас тут есть пристойное место, где два достойных джентльмена могут посидеть и пообщаться, не боясь желудочных отравлений?

— А как же? — поправил ремень сумки я. — Чудное кафе, открыли осенью, потому оно еще не успело промутировать. Следуй за мной.

Спиртное меня не прельщало, но время для осмысления ситуации нужно было позарез. Просто она была совсем уж нетипичная.

Я знал, что другие ведьмаки есть, причем они в том числе обитают и в моем родном городе, но при этом их существование всерьез мной как-то не рассматривалось. В смысле — ну есть и есть, чего теперь? Они где-то там, я тут, — все нормально. И «ведьмачий круг», представляющий собой, как видно, некое профессиональное объединение мне подобных, тоже не являлся темой для размышлений.

Ну вот какой мне это все? И так жизнь бесперебойно меня бьет разводным ключом по голове.

Но в моем случае клизма сама ищет пациента, потому рядом бодро топает светловолосый мужчина, который то и дело хитро поглядывает в мою сторону. Небось понимает, в каком направлении текут мои мысли, да посмеивается про себя.

Правда, мелькнула у меня на миг мыслишка, что, может, это никакой вовсе и не собрат по классовой принадлежности? Может, это мой закадычный враг из эмиграции пожаловал и шустро начал плести вокруг меня интригу? Нифонтов за зиму раз десять мне повторил, что простых шагов от наследника Кашея ждать не стоит. Ему так неинтересно, он у нас эстет-с. Он сначала своего врага в интриги, как паук в паутину, заматает, а потом потихоньку его харчить начнет.

Только вот вряд ли он стал бы настолько просто партию разыгрывать. Лицом к лицу, напрямую, тривиально? Нет, не тот это персонаж. Он любит появиться в последний момент, как «Deus ex machina», и по полной насладиться делом рук своих. Как это прошлой осенью случилось, когда торопыги из спецслужб его прихватить в доме пытались. Я помню торжествующие нотки превосходства в его голосе.

Но при этом он не псих. Ни разу не псих. И именно это дает мне надежду на то, что я еще покувыркаюсь на манеже. Поступки психопата просчитать и предугадать невозможно, он непредсказуем. А вот действия пусть безжалостного и злобного, но все же рационального человека кое-как спрогнозировать реально.

Так что это на самом деле мой собрат, с которым, правда, совершенно непонятно что делать. Точнее — что от него ждать. Так-то вроде дружелюбен, но это ни разу не показатель. Сейчас дружелюбен, потом по горлу ножом шваркнет. Как-никак я его босса «обул», а это, знаете ли, повод для разборок.

Блин, не понос, так золотуха.

— По первой! — предложил Олег, шустро наполнив рюмки коньяком. К моему удивлению, он предпочел его водке. — Здрав буди, брат-ведьмак!

— Твое здоровье, — согласился я, звякнув своей рюмкой об его.

— Не-не-не, — недовольно нахмурился мой сотрапезник. — Традиции надо соблюдать.

Хотя — откуда их тебе знать-то? Но ты все равно не отлынивай!

— Понял-понял, — не стал спорить я. — Здрав будь, брат-ведьмак.

— Другое дело, — одобрил Олег и очень аппетитно выпил, а после начал терзать горячую котлету «по-киевски», из которой немедленно брызнуло на тарелку пряно пахнущее масло. — Закусывай. Сначала еда, потом беседа. Я с утра не жрамши, так что пойми правильно.

Самое забавное — мне этот человек пришелся по душе. Ощущалось в нем что-то настоящее. Точнее — он был настоящий. Ему, похоже, не было нужды изображать из себя то, чем он не являлся.

Мне бы так. Но пока не получается. Начав ощущать внутреннюю свободу, я пока никак не мог выразить ее внешне. Слишком сросся со своей предыдущей шкуркой.

Умом понимаю — надо бросать все, рвать связи и знакомства, возможно, даже менять квартиру и (о, ужас) номер телефона. Вот тогда исчезнет нужда делать то, что надо, а не то, что хочется.

Звучит просто. Превратить слова в дело сложнее. Жалко. Все ж таки не чужая была жизнь, своя. Привык, прикипел. Хоть и ругаюсь постоянно на ту же Маринку, но без нее станет очень грустно жить. А Наташка с Ленкой? А Ваила Силыч?

— У тебя сейчас кровь носом пойдет, — заметил Олег, обсасывая косточку, оставшуюся после котлеты. — Думаешь очень напряженно. Приятель, я не собираюсь устраивать драму из-за того, что два жирных налима что-то не поделили в одной яме. Плевать на них. Они умрут гораздо раньше нас, так что эти двое только пылинки, танцующие в солнечном луче. Вот они есть, вот их нет, для нас с тобой ничего не изменится. Неужели ты полагаешь, что их мелкие делишки станут причиной нашего поединка?

— Просто ты сказал, что нам надо как-то решить этот вопрос, — заметил я. — А что я еще мог подумать?

— Странное вы поколение. — Олег разлил коньяк по рюмкам. — Что бы ни случилось, кто бы что ни сказал — все в одну сторону смотрите, денежно-материальную. А я совсем другое имел в виду. Что именно, объясню после того, как выпьем. Здрав буди, брат-ведьмак!

Мы опустошили рюмки.

— Можно подумать, ты намного старше, — вдруг почему-то стало обидно мне. — Сколько у нас с тобой разницы? Лет семь. Ну — десять. Не больше ведь. А сразу — «поколение»!

— Моя доля — вода, — объяснил мне Олег, усмехнувшись. — Так что ты на лицо не смотри, оно таким до самого конца пути останется.

— Сейчас немного непонятно, — признался я. — Нет, что ты по водной части промышляешь, это ясно. Но при чем тут вечная молодость?

— Налей коньяк в свою рюмку, — попросил меня новый знакомый. — Давай. Нет, мне не надо, только себе.

Он дождался, пока его просьба не будет выполнена, глянул по сторонам, чтобы убедиться в том, что до нас никому дела нет, а после его губы шевельнулись, вот только ни слова из того, что он произнес, я не разобрал.

Зато увидел, как спиртное в моей рюмке закрутилось маленьким смерчем, причем ни капли на стол не попало. Этот вихорек выскочил на стол, лихо обогнул солонку и перечницу, перепрыгнул блюдо с холодными закусками, добрался до Олега и запрыгнул в его открытый рот.

— Вот так, — подмигнул мне мой собутыльник. — Здрав буди, брат-ведьмак!

— Ваше здоровье! — впечатленный увиденным, пробормотал я. — Лихо!

— Вода — моя доля, — повторил Олег. — Я служу ей, а она меня вознаграждает за эту службу. Слышал про живую и мертвую воду? Ну хоть в детстве, в сказках? Так вот там не все вранье, Сашка.

— Что сказки не ложь, я давно сообразил. Слушай, а это сколько же тебе лет?

— Давай-ка по порядку, — предложил Олег. — Сначала разберемся с насущными вопросами.

Глава пятая

— Согласен, — тряхнул я графинчик, где коньяку осталось чуть-чуть, на доньшке. — Надо еще заказать.

— Слушай, подобную дурку оставь для них, — мотнул подбородком Олег в сторону компании, веселящейся за соседним столом. — Люди любят видеть и слышать то, что им удобно. Но мы — не они. Это факт, который, как известно из классики, самая упрямая на свете вещь. Надеюсь, ты сам это уже понял? Или ты все еще вспоминаешь при полной луне свою романтическую юность и пытаешься убедить себя, что лучше той поры на свете с тобой ничего не случалось, а происходящее сейчас — дурной сон?

— Уже не пытаюсь, — поставил графин на стол я. — Кое в чем разобрался.

— Молодец, — похвалил меня ведьмак. — Тогда ответь мне на следующий вопрос — что же, милый друг, ты тогда полез на чужую территорию? Или знака моего на двери Соломина не увидел?

— Не увидел, — даже не пришлось разыгрывать изумление мне. — Да я к этой двери даже и не приближался. И о том, что какие-то знаки существуют, знать не знал. Как он хоть выглядит? Ты покажи, я на будущее запомню.

— Не врешь, — с удовольствием отметил Олег. — Будем считать, что вопрос исчерпан. У нас тут уголовного кодекса нет, потому незнание законов в ряде случаев освобождает виновного от ответственности.

— А Соломин? — резонно спросил я. — Он тебе на мозг не присядет?

— Да пошел он в жопу, — равнодушно сообщил мне собеседник. — Мне на его недовольство плюнуть и растереть. И тебе рекомендую в общении с нанимателями придерживаться той же точки зрения, а то на шею сядут и ножки свесят.

— Ты извини, — я разлил остатки коньяка по рюмкам. — Просто никак в ум не возьму. Ты у Соломина работаешь или как?

— И да, и нет. — Олег пощелкал пальцами, подзывая официантку. — Я, Сашка, частный детектив. Очень удобная форма существования. И вроде как при деле, и никому ничего не должен. Меня время от времени нанимают для того, чтобы разобраться в делах, которые не очень укладываются в материалистическую теорию, тех, о которых шепчут на ушко, что «там дело нечисто». За годы клиентская база сложилась, репутация появилась. Соломин — наниматель, с которым я работаю часто, потому у его двери я поставил свой знак. Мол — не лезем сюда, этот человек мне нужен.

— И под твоей охраной, — добавил я.

— Эй, эй, эй! — помахал у моего носа указательным пальцем левой руки Олег. — Я же сказал — он мне нужен, не более того. Какой такой охраной? Да пусть его хоть грохнут, я даже не почешусь. В первую очередь потому, что он не почешется, если грохнут меня. Соломин платит за определенные разовые услуги, при условии, что я соглашусь их ему оказать. На этом все. Этот человек разгонятель моей скуки, не более.

— Скуки? — совсем запутался я.

— Ну да. — Олег ткнул вилкой в кусок колбасы, лежащий на тарелке. — Она наш основной враг, не считая, разумеется, ведьм и волкодлаков. Но скука — приоритетней. Ты просто совсем еще зеленый и этого не понял. Для тебя все в новинку, все жутковато и интересно. А мне давно скучно стало, потому и подался в частные детективы.

— То есть не из-за денег?

— Деньги, — рассмеялся Олег. — Дружище Александр, ты вообще меня слушал? Я служу воде. У меня потенциально денег как у дурака махорки. Все, что скрыто под речной, озерной и прочей пресной водой — мое. Ты представляешь, сколько только по Московской области в реках всякого драгоценного барахла под песком и в иле лежит? Грузовики набивать можно. И, заметь — ни одного проклятия на нем нет. Это в лесах остались в основном закладные клады, все обычные давно людям в руки отдались. А в реках что? Просто золото-серебро без владельцев. Оно тонуло, его выбрасывали, чтобы чужим не досталось, его смывало наводнениями. Вариантов масса. Опять же — текущая вода, откуда там проклятию оказаться? Просто нагнись и возьми. Если сможешь.

— Так понимаю, что сможет не всякий? — уточнил я.

— Верно понимаешь. — Олег подмигнул официантке, доставившей нам новый графинчик. — Я смогу. Ты — вряд ли. Да мне и мочь не надо. Когда денежка нужна, к первой попавшейся реке иду, да прошу русалок мне приволочь то, что поближе лежит. И все. А дальше все просто — продаю это знающим людям. У меня связи с ними остались еще с тех пор, как я милиционером был.

— Полицейским, — на автомате поправил его я.

— Милиционером, — строго произнес Олег. — Я не оговорился. Сказано ведь тебе — мои годы с твоими не сравнить. Хотя кое в чем мы похожи. У меня, как и у тебя, наставника не было. Самородки мы с тобой, Сашка, как Михайла Василич Ломоносов. Правда, в нашем случае без обоза с мороженой рыбой обошлось.

— А про наставника откуда знаешь?

— Заканчивай такие глупости спрашивать, — попросил меня собеседник. — Хорошо? Логическая цепочка совсем примитивная. То, что ты новорожденный, сомнений не вызывает, поскольку тебя никто не опекает, и элементарных вещей не знаешь. Вывод? Никто тебя не учит, стало быть, дар к тебе попал так же, как и ко мне — дурняком. По принципу «на кого бог пошлет». Ну или кто там за нами приглядывает? Меня вот так же в семидесятых один хрыч старый облагодетельствовал, когда я его допрашивал как свидетеля. Он у меня прямо в кабинете помереть задумал. Там такой возраст был, столько даже наш брат не живет, он, как я после разобрался, еще матушку Екатерину застал в стадии дееспособности. Но в конце концов помер, только перед этим за руку меня цапнул. И все, я ведьмаком стал.

— Та же фигня, — вздохнул я. — Даже не поинтересовался никто — «за» я, «против»...

— Нет худа без добра, — утешил меня Олег. — Те, у которых наставники имеются, живут еще хреннее, чем мы. Во-первых, традиции таковы, что ученик — он не только ученик. Он еще повар, уборщик и прислуга. Во-вторых, наставник сам будет решать, по какой стезе

тебе идти. Твое мнение не учитывается. И если выйдет ошибочка, то это проблемы ученика, а не наставника. Потому что нового наследника можно начать искать в любой момент. Опять. Снова. Вот тебе такое надо?

— Мне нет.

— И мне нет. — Олег разлил коньяк по рюмкам. — Ну да, поначалу трудно, особенно когда приходит время для всех умереть. Но потом становится интереснее. Здрав будь, брат-ведьмак!

— В смысле — «для всех умереть»? — заев спиртное лимончиком, уточнил я. — Это какой-то ритуал? Или обряд?

— Это жизнь. — Олег достал из кармана пачку сигарет и снова убрал ее обратно. — Ну что ты насупил, Сашка? Все просто. Раньше или позже ты поймешь, что все старые связи надо рвать, без вариантов. Они тебя тянуть назад будут. А туда дороги больше нет, там шлагбаум с всячим замком. Так что или вперед, или на месте стой, жди чуда. Чудес же не бывает, можешь мне поверить. Слушай, ты не куришь? Нет? Ну я тогда сбегая, подымлю быстренько, лады? А то уже уши опухли без курева.

Я даже обрадовался, что мой неожиданный новый знакомец отправился на воздух. Очень много новой информации сразу свалилось. Мало того — он только что буквально процитировал мои совсем недавние мысли. Выходит, все через это проходят. И, похоже, мне тоже придется.

Очень верное определение: «для всех умереть». Так ведь оно, по сути, и есть. Был такой Александр Смолин, немного неуклюжий и недалекий паренек, из тех, о которых говорят «ни рыба, ни мясо», да весь вышел.

А вот кто на свет народился вместо него, мне и самому пока невдомек. Но что кто-то другой — это точно.

И еще. Возможно, за последние месяцы я стал слишком мнительным, но очень уж этот Олег дружелобен. Может, в наших ведьмачьих кругах так и принято, может, тот единственный случай, когда я столкнулся с себе подобным исключением, но...

Мне уже изрядно вдолбили в голову, что верить в мире Ночи никому не следует. Так что — поменьше говорить, побольше слушать. Тем паче, что вопросов у меня за пазухой на три аоськи и пять сумок имеется.

И один из них мне уже полгода покоя не дает.

— Слушай, а ты, выходит, с русалками в дружбе? — вкрадчиво спросил я у Олега, когда тот вернулся.

— Ага, — подтвердил тот. — Я вообще им очень благодарен. Кабы не русалки, то не беседовать бы нам сейчас. Не знаю, как ты, а я сильно не сразу разобрался в своем предназначении. Меня сила уже на куски рвала, мысли дыбом на пару с волосами стояли, думал, что все, «кранты шесть» мальчику Олегу настали. И вот тут мне повезло, очень удачно свалился с моста в реку. Причем — ночью. Мы тогда одно дело расследовали, с цеховиками связанное, вот они меня и определили в Язу. А там — русалки. Вокруг меня шныряют, тараторят, за ноги вниз тянут, на дно. И так чего-то мне их жалко стало, что сил нет. Они меня убивают, а я их жалею.

— Тут тебя и накрыло, — догадался я.

— Ну да. — Олег почесал нос. — С тех пор вода — мой дом родной, а русалки и водяники — лучшие друзья. По этой причине я, к слову, стараюсь в лес не соваться. Лешие с водяниками с давних времен друг друга недолюбливают, хотя и делают вид, что вражды меж ними нет. Но то они, а то мы, близ них обитающие. В общем, любому Лесному Хозяину меня по тропинкам закрутить да в самую чашу завести на погибель — милое дело. Старые Хозяева сразу суть видят, нутро, им на лицо глядеть надобности нет. Любой лешак сразу понимает, что я воде служу, а потому с радостью на мне оттянется. Не поверишь — один раз в Сокольниках меня чуть не угробили. В парке! Вроде бы — три дерева, два куста, а я часа четыре в них крутился как белка в колесе. Кабы не какая-то парочка, которой я на хвост упал, так бы там и остался.

— А навигатор? — удивился я. — Включи и топай.

— Середина девяностых на дворе стояла, — с жалостью глянул на меня Олег. — Какой навигатор? Тогда мобильных телефонов не было в помине, одни спутниковые, внешне на полевую рацию похожие, и тех на всю Москву штук двести.

— О знаниях, — перевел я разговор поближе к интересующей меня теме. — Слушай, тут прошлой осенью такая история случилась...

И я рассказал ему о русалке Аглае, и о том, что она мне подарок сделала, но какой — вообще непонятно. А знать — хочется.

— Так я тебе тоже ничего на этот счет не скажу, — расстроил в итоге меня новый знакомец. — Откуда мне знать? Одно скажу — русалок многие считают бесполезными дурами, но это не так. Русалки и водяники, возможно, самая старая нелюдь на свете.

Человеки тонули в воде всегда. Они это делали задолго до того, как появились ведьмаки, и даже до того, как появились «Веды» и те женщины, которые их сделали своей сутью. А теперь подумай, Сашка, сколько знает и может племя, ведущее свою историю от начала времен? А? А!!! Другое дело, что они все свои знания так на дне водоемов и оставляют. Неприхотливы речные жители. Чего им надо? Девкам гребни, чтобы космы свои чесать, да летней порой какого-нибудь бедолагу на дно утащить. Водянику — раз в год петуха да поросенка, и то не для пищи, а ради глубокого уважения. Правда, от нынешних фиг он чего дождется, забыли люди, отчего то и дело кто-то тонет в реке или озере. Но, с другой стороны, нынче скоростной гибелью никого и не удивишь. Времена такие.

— Вот блин, — вздохнул я. — Никогда, наверное, не узнаю, что она презентовала.

— Услугу ты ей оказал королевскую, — очень серьезно произнес Олег. — Уж мне поверь. И награда наверняка ей соответствует. Ты просто не спеши, всему свое время. Да! Не пора ли нам выпить?

Вот так, потихоньку, помаленьку и текла наша беседа.

Я кое-что рассказал о себе, правда, обходя стороной острые углы, вроде дружбы с Хозяином Кладбища, столкновения с колдуном и подробностей смерти моего незадавшегося наставника. Последний пункт даже краем не затрагивал. Кто его знает, как другие ведьмаки смотрят на убийство людей своего же племени? А если негативно? Помню я «Интервью с вампиром», там кровосос на пару с юной кудрявой красоткой Тома Круза грохнули, и им так за это прилетело от других упырей! Оно мне надо?

Но и Олег не молчал, охотно снабжая меня сведениями о том, как устроен мир вокруг меня, причем чем дальше, тем больше я понимал, что меня кто-то последние полгода охранял от происходящего вокруг, не давая шумной жизни ночной Москвы вторгнуться в мой тихий мирок.

Говоря «ночной Москвы», я имею в виду не клубы, стритрейсинг и девушек легкого поведения, но нелегкой судьбы. Речь совсем о другом.

— Нет-нет. — Олегу явно нравилось моя легкая оторопь, он, как видно, вспоминал себя самого много лет назад. — Только ты не думай, что в Москве на самом деле есть какие-то крупные группировки магов или представителей древних рас, которые втайне от людей живут сплоченной и увлекательной жизнью, время от времени устраивая в спортивно-развлекательных целях локальные войны. Это все городское фэнтези. Читать увлекательно, но правды в нем ни на грош. Все гораздо обыденнее.

— Ну кое-кого я даже видел... — неуверенно возразил я.

— И что? — усмехнулся Олег. — Я тоже много чего видел. Но при этом ни одной ведьме в голову не придет открывать филиал ковена в отдельно стоящем здании. Зачем? Кому нужны лишние проблемы? Ну ладно, встретиться всем кагалом раз в год, провести конвент или что-то в этом роде, такое возможно. В последний раз, если не ошибаюсь, в прошлом августе собирались, в «Хилтоне» на Каланчевке. Ну бывшая «Ленинградская». Этаж сняли, ресторан, все по-взрослому. Но и только! Или вот — анклав упырей. Что за ерунда? Они вообще друг друга терпеть не могут. У них весь город на охотничьи участки поделен, и не дай боги, кто границу нарушит.

— А ты откуда про встречу ведьм знаешь? — полюбопытствовал я. — Вроде у нас с ними дружбы нет.

— Нет, — согласился Олег. — А взаимное уважение есть. Они мне и приглашение прислали. Знали, что не пойду, а прислали. Это дипломатия, Сашка. Иногда — просто. Иногда — канонерок.

А про меня забыли. Обидно. Я бы тоже туда не сунулся, но все же?

— И наш брат редко встречается так, чтобы все и сразу. — Олег достал золотой портсигар, посмотрел на него и убрал в карман. — Раз в год, в конце мая. Называется это «ведьмачий круг».

А вот о нем я только-только вспоминал!

— Но на самом деле это фикция, — поморщился Олег. — Пионерский слет, по-другому не назовешь. У ведьм и то веселее мероприятия проходят. У них же все с песнями, танцами, спиртным и даже мужским стриптизом. А у нас — тоска зеленая. Соберутся пни, которым сто лет в обед, и давай нудеть о том, что все теперь другое и поганое, не как в дни их молодости. Да еще и происходит все это в лесу. Ресторан, видишь ли, не по ведьмачьему Уставу арендовать. Надо чтобы поляна, луна, комаров стая, костер и чаша по кругу, все как у пращуров заведено было. Хорошо еще, что голову налысо брить не надо.

— А налысо зачем? — опешил я.

— Первые ведьмаки из дружинных воев князя Олега есть-пошли, так гласит каноническая легенда, — ответил мне собеседник. — Того самого Вещего Олега, которого гадюка укусила, если верить Пушкину. Но ты не верь, он по-другому голову сложил. Что до бритья налысо — у них тогда такой тренд был, чтобы череп до блеска полировать. Времена дикие,

война кругом, без волос сподручнее. Враг за чуб не схватит, потеешь меньше. Ну и насекомых нет, это тоже плюс.

— Жесть, — проникся я.

— Не то слово. Короче — скука там смертная. Да еще лес вокруг, а я его... Ну говорил уже. Так что, Сашка, нет никаких профессиональных объединений у тех, кто под Луной живет. По крайней мере, в столице нашей Родины точно. На периферии еще встречаются диковины вроде волкодлачьих деревенок, но здесь — не-а. Да и отдельные такое не приветствуют.

— «Отдельские»? — насторожился я.

— А ты как думал? — Олег криво усмехнулся. — В государстве живем, а оно за всеми бдит. И за нами тоже... Есть у нас в городе настоящие охотники за нечистью, причем облеченные законной властью. Нет, так-то они ребята нормальные, если ведешь себя спокойно и людям не докучаешь, то к тебе не полезут. Но если попробуешь границу перейти, покоя не будет. Из-под земли выгташат, причем иногда в прямом смысле слова. Да чего далеко ходить — в том году один из наших заигрался. Что к чему, толком не знаю, но кровь людскую лить начал как водицу. Вроде как даже кого-то из наших прикончил, что ни в какие рамки. Мне про это Макарыч рассказал, он на Зацепе живет, один из самых старых московских ведьмаков. Надо признать, что он на редкость приличный старикан, особенно на фоне остальных реликтов. Макарыч было начал собирать Малый Круг, чтобы, значит, разобраться с этим злодеем, но опоздал. Тот сам сгинул. Точнее — погиб. И странно так — на кладбище шею себе свернул, дескать, упал неудачно. Ведьмак — и свернул шею? Даже не смешно. Рубль за сто — их работа. Но претензий — ноль, все честь по чести, по заслугам и наказание.

— Нескучно живете, — выдохнул я, радуясь тому, что лишнего не сболтнул. Вроде бы и хорошо Олег о сотрудниках 15-К отзывается, но особого тепла в его голосе я не услышал. Как и симпатии. А узнай он, что я с ними неплохо знаком, да еще и сплю с одной из их сотрудниц? Не думаю, что это добавит мне авторитета. — Весело. С огоньком.

— Тьфу-тьфу-тьфу, не накаркай. — Олег снова взялся за графинчик. — Но в целом — да. Вот только взаимопонимания у нас со стариками все меньше и меньше. Они не признают то, как живем мы. «Мы» — это те, кто родился уже после падения дома Романовых. Ну или после свержения царя Гороха. Собственно, про это я тоже хотел с тобой поговорить, только давай сначала выпьем.

И мы немедленно выпили.

В голове у меня уже изрядно шумело, но при этом связи с реальностью я не терял, как видно, из-за нестандартности беседы.

— Так вот. — Новый приятель стукнул рюмкой по столу. — Смотри. Если тебя нашел я, то раньше или позже тебя отыщут и наши ветераны, после чего призовут на круг. До конца мая осталось всего ничего. Имей в виду, они тебя непременно на четыре кости поставят решат.

— В каком смысле? — у меня даже хмель из головы выскочил. — Не-не, я не по этой части. Все понимаю — древние обряды и все такое, но подобные забавы без меня.

— Ты совсем дурак? — постучал себя по голове Олег. — В переносном смысле, не в прямом.

— Поди тебя пойми, — проворчал я.

— Они всех новеньких под себя гнуть пробуют, — пояснил ведьмак. — Правда, новенькие не каждое десятилетие случаются, но тем не менее. И тебя попробуют. Мол — традиции святы, ты сначала в доростках побегай, нам послужи, а уж после решим, достоин ты круга или нет.

— Да ну нафиг, — отказался я. — Мне этой канители на работе хватило за гланды, теперь еще здесь меня нагибать станут.

— Про то и речь. — Олег пододвинулся ко мне поближе. — И нас это достало. В прошлом году из-за этого антиквариата мы чуть с семейством волкодлаков из Бибирево не сцепились. Один из патриархов чего-то с их отцом не поделил, но сам решил не мараться и троих молодых ребят из наших разбираться отправил. Мол — не царское это дело. А оно им нужно, каштаны для других из огня тягать?

— Ни разу, — даже не стал спорить я. — Только непонятно пока, что от меня требуется? Или я избранный, и мое слово может изменить судьбы этого мира?

— Ты? — с сомнением посмотрел на меня Олег. — Это вряд ли. Не тянешь ты на избранного. Без обид — жидковат. Но зато можешь стать поводом.

— Поводом для чего?

— Для того, чтобы поднять вопрос о целесообразности отмены ряда устаревших традиций.

Однако везде одно и то же. Тут тоже подковерные игры имеются, во всей своей красе. Я стану поводом, развернется дискуссия, и в результате мне может неслабо прилететь в том случае если... Да практически в любом случае.

— Не знаю, не знаю, — протянул я с сомнением. — Вот так сразу в бутылку лезть, только-только заявившись на круг. Это как-то не очень верно.

— Не лезь, — согласился Олег. — Не надо. Стой, хлопай глазами. Мы сами вопрос поднимем и сами будем его продвигать. Повторюсь — ты только повод, не более. Даже если нас причешут, то ты ничего не теряешь, формально тебе предъявить будет нечего.

— Служить я все равно никому не стану, — сообщил я ему. — Не хочу.

— И правильно, — одобрил мой собутыльник. — Я, кстати, тоже в свое время отказался у стариков в прислуге бегать, так они меня лет десять после этого игнорировали. Дескать: «сушеглуп и строптив не в меру».

— Вот ты, наверное, расстроился-то! — хихикнул я.

— Не то слово, — подтвердил ведьмак. — Неделию по кабакам гулял, все обошел — от «Гаваны» до «Узбечки». Короче — ты с нами?

— Фиг знает, — пожал плечами я. — Но скорее всего, да. Я не нонконформист, но ваши устремления мне близки.

— Вот и славно. — Олег достал из кармана какую-то бумажку, а следом за ним брендовый «микротеховский» нож. Щелкнул кнопкой, выскочило лезвие. — Сейчас кровью документик подпиши, а потом...

— Не буду! — я совсем протрезвел от таких слов. — Что за контракт с сатаной?

— Повелся! — ведьмак чуть ли не в голос расхохотался. — Все-таки повелся! Потом подтвердишь Пашке, что я это сделал, лады? Мы с ним на ящик пива забились, что ты воспримешь все это всерьез.

— Вообще все, или только ересь с подписью? — уточнил я.

— Только про клятву на крови, естественно, — повертел ножом Олег, заметил настороженный взгляд официантки, сложил его и убрал в карман. — Остальное взаправду. Да, ты не против, если я про тебя сам аксакалам расскажу? А ну как все же они проморгают тот факт, что ты есть?

Вообще-то я был против. Но, с другой стороны, все равно когда-нибудь придется вступать в контакт со своей новой родней, так что...

— Валяй, — разрешил я. — Почему нет?

Собственно, на этом наша встреча и закончилась. Мы допили остатки коньяка, обменялись телефонами и договорились в следующую пятницу пересечься в «Будваре», что расположен в Котельниках, дабы я мог познакомиться с остальными ведьмаками из числа тех, кто решил пойти против системы.

Это было небезынтересно, так что я ни секунды не думал, сразу дав свое согласие. Ну а что? Я за сегодняшний вечер узнал больше, чем за предыдущий квартал.

И потом — надо же понять, как именно выглядят ведьмачьи знаки и где их раздают?

Может, мне тоже свой собственный знак положен, а я его до сих пор не получил!

Пока дошел до дома, меня порядком развезло, несмотря на то что на улице стало ощутимо прохладнее, так что в прихожую я ввалился уже в состоянии мешка с картошкой.

— Охти мне! — всплеснул лапами Родька, встревоженный тем, что я не стал с порога орать: «Ужин на стол», а вместо это возился у вешалки, сопя и кряхтя. — Хозяин, да ты никак вином налил по самые брови?

— Вином! — фыркнул я обиженно. — С вина меня так не сносит. Моя светлость коньяком накушалась.

— Не знаю такого пойла, — помотал головой слуга. — Эх-эх! Стало быть, вечерять не станешь? Ну и правильно. Иди-ка лучше баиньки.

— Благая мысль, — согласился с ним я. — Вот только позвоню кое-кому — и спать.

Почему получилось так, что я набирал Мезенцеву, а в результате меня соединило с бывшей женой — понятия не имею. Тем более что и имена у них разные — одна Женька, другая Светка. В смысле — в телефонной книжке они не рядом находятся.

— Смолин? — поинтересовалась у меня бывшая жена. — Ты на часы смотрел?

— Нет, — признался я, обескураженный тем, что вместо язвительной Мезенцевой слышу не менее саркастичную Светку. — Но за окном темно.

— Да ты поддатый! — восхитилась она. — Все, жизнь удалась! Теперь и я могу похвастаться тем, что мне бывший, как набухается, звонит. Скандальить будешь? Ну как положено? Упрекать, что не поняла тебя, что сбежала. По маме пройтись можно.

— Твою маму даже танк времен Первой Мировой не переедет, — возразил я.

— Почему именно Первой Мировой?

— Их в те времена куда больше, чем потом, изготавливали, — объяснил ей я. — По размеру. Задача была давить, а не снарядами пулять. Но и они бы перед Полиной Олеговной отступили.

— Вот какая ты все-таки сволочь! — почти с восхищением произнесла Светка. — Сколько лет прошло, а ты все еще ее не любишь.

— Было бы странно, если бы по прошествии этих лет я воспылал к ней нежной страстью. Подобное проявление чувств противоестественно.

— Ладно, оставим маму в покое, — предложила моя бывшая. — Чего звонишь? Только не говори, что денег занять. Тогда я решу, что стала героиней сериала.

Да что им всем эти сериалы дались? То Жанна про них вспоминает, то Светка. Им всем делать больше нечего, что ли, как только в телевизор пялиться?

— Случайно тебя набрал, — решил сказать правду я, непонимающе глядя на Родьку, который выпучив глаза, странно жестикулировал и даже подпрыгивал на месте. То на кухню покажет, то на дверь, то просто лапами машет. — Звонил кое-кому, и вот, к тебе попал.

— Ну да, конечно, — хрустально рассмеялась моя бывшая. — Все именно так и обстоит.

— Да, именно так и обстоит, — начал злиться я, теперь вспомнив, как Светка иногда умела меня бесить. — Перепутал я номера! Пере-путал!

— В следующий раз набирай тщательнее, — голос Светки как-то потух, словно светлячок перед рассветом. — Пока.

И линия разъединилась.

— Хозя-я-я-яин! — взвыл Родька. — Что ж ты! Надо было ее в гости позвать, чайком напоить!

— Каким чайком? — решив, что на сегодня звонков хватит, и от греха подальше положив телефон на тумбочку, возмутился я. — Сгинь, назойливый! Хозяин спать пошел. У хозяина того и гляди «вертолеты» начнутся!

И уже засыпая, я слышал, как на кухне Родька с гордостью сообщает кому-то, как видно, Вавиле Силычу:

— Он нынче у меня назюзюкался в дрова! Вот теперь всё как надо, настоящий хозяин! А то как пятница — он трезвый! Куда это годится? Правда, меня не поколотил, но лиха беда — начало!

«Какие все-таки странные критерии хозяйнопригодности у слуг ведьмаков», — подумалось мне, а после я уснул.

Утро было тяжким. Пью я крайне редко, тем более коньяк, потому в висках стучало, а в затылке ломило. И даже рассол, который мне в стакане припер Родька (и откуда взял?) не очень-то помог.

— Ох, — я вышел в прихожую и глянул на себя в зеркало. — Красив! Помят, но красив.

— Хозяин, завтрак на столе, — подергал меня за руку слуга. — И это, вопрос у меня имеется.

— Если ты по поводу Светки, то сразу иди на фиг, — посоветовал я ему. — Не обсуждается.

— Жаль, — вздохнул Родька. — Но я не о том. Ты же вчера с тем ведьмаком выпивал, что тебя у подъезда встретил?

— А ты откуда знаешь, что он ведьмак? — усаживаясь за стол, спросил я. — Табличка на нем не висела, визитку он тебе вряд ли вручил, а я и словом про него не обмолвился.

— Да нешто я вашего брата от человека или кого другого не отличу? — Родька поставил передо мной тарелку с горячим бульоном, пододвинул поближе перечницу. — Извини, но из кубиков, куры у нас в холодильнике нет. Надо бы купить. И еще муки. И гречи. И...

— И еще половину магазина, ту, что левая, с кондитерскими изделиями, — оборвал его я, берясь за ложку. — На вопрос отвечай.

— Вижу я, — карабкаясь на табуретку, пропыхтел Родька. — Это не объяснишь. Моя судьба таким как ты или он служить. Вот и знаю. Я к чему — это хорошо, что ты с другими ведьмаками дружбу завел. Скоро конец мая, ведьмачий круг соберется. Нам туда надо наведаться, хозяин. Обязательно надо!

Глава шестая

— О как, — я откусал ложечку бульона и взялся за перечницу. — А тебе это зачем?

— Так своих повидать, — сложил лапы на животе Родька. — Все ведьмаки со слугами приедут, а как же! Вам у костра сидеть, а нам поодаль, как положено. Пообщаюсь с

остальными, новости узнаю, слухи последние. Ну и расскажу иным разным, тем что в глуши сидят, какая она, жизнь городская.

Ясно. Ярмарка тщеславия. Раньше, значит, он сам слушал, как оно в городе, а теперь хочет кое-кому нос утереть, показать, что не лыком шит. Ну-ну.

— А ты, выходит, до того на круге бывал уже? — уточнил я у него.

— Само собой, — подтвердил слуга. — Первый раз еще тогда, когда он в Сибири собирался. В эти края он недавно перебрался, не знаю почему. До того в Сибирь все ездили с хозяевами, ага. В этот... Как его... Тобольск. А еще раньше — в Новгород. Сам я того не помню, но мне старшие рассказывали.

Ишь как по стране место сбора скачет. Ну Новгород — худо-бедно понятно почему. Город старый, места легендарные. Но почему потом Тобольск? Может, это связано с концентрацией ведьмаков в каком-то конкретном месте? Где их больше, там и конвент устраивают?

— И чаще встречаться стали, — продолжал вещать Родька. — В старые времена раз в десять лет круг созывали, а теперь кажен год.

А вот это как раз легко объяснимо. В начале девятнадцатого века поди доберись из, например, Тулы в Тобольск. Только на дорогу месяца два уйдет, кабы не больше. Если вообще доедешь, дороги тогда не чета нынешним были. Да разбойный люд, да прочие неудобства. И денег сколько надо на проезд!

Сейчас же все просто и понятно — сел в самолет или поезд, и поехал. День, максимум два, пути, и ты на месте. Потому, думаю, Москва и выбрана местом встречи, тут все дороги сходятся. Порт пяти морей, понимаешь.

— Но и раньше всегда в мае собирались, — продолжил слуга, пододвигая мне тарелку с хлебом. — Хорошее время! Зимняя нежить да нечисть уже спит, летняя только проснулась, ей ни до кого дела нет. И комара меньше.

— Кстати, да, мне с самого начала было интересно, почему именно май? — высказал я вслух вопрос, который у меня возник еще вчера. — Случайно на это время выбор пал или сознательно? Думаю, комар тут играет не главную роль.

— Так Троян! — по-моему, даже как-то обиделся Родька. — Хозяин, ты чего?

— Мне понятней не стало, — даже и не подумал смущаться я. — Выкладывай развернутый ответ!

— Праздник! — затараторил слуга. — Пресветлый! Об эти дни на смену младому Яриле-Весеню приходит Троян! Ну как тебе объяснить-то... Триглавом его еще кликали. Сварог, да Перун, да Велес в старые времена, когда мрак Явь окутал, мощь свою воедино сложили и Змия-Мракобеса побороли, став трое как один. Вот с тех пор праздник сей и существует. Боги-то потом обратно наособицу жили, а после кто в Прави, кто в Яви, а кто и в Нави покой нашли, но память о союзе их осталась. Особливо у воинов да травников. В Троянов день иные травы такую силу набирают — что ты! Потому тебе, хозяин, меня с собой всяко брать надо. Пока ты чашу круговую пить будешь, я по опушкам пробегусь, травки пособираю. А роса? Пользительней той росы, что на лугу выпадает после Троянова дня, сколько ни ищи — не сыщешь! Но собирать ее надо до восхода Солнца. Сам рассуди — не тебе же ноги мочить, по лугу бегать?

Известны мне твои травки и росы. Лясы будешь точить с собратьями да нос перед ними кверху драть.

— Ты-то откуда про все это знаешь? — не без иронии спросил у него я. — Понятно, что не вчера родился, но не ведь и не в те времена?

— Я — не в те, — с достоинством возразил мне он. — Только мой род ведьмакам с давних пор служит, потому все, что раньше случалось, мне ведомо от пращуров моих. Ну и другие слуги тоже много чего рассказывали.

— Достойно уважения, — перестал ерничать я. — Молодец. Но все равно непонятно — мы, ведьмаки, к этому празднику какое отношение имеем?

— А как же! — всплеснул лапами Родька. — Как же! Первые ведьмаки — они же все дружинники были, меченосцы. Воины! И Триглав тоже воин, первый из равных. Вот и выходит, что лучше дня для того, чтобы собраться у костра, не придумаешь. Ну не на Купалу же достойным мужам встречаться? Опять же — в этот день что ведьмы, что колдуны, что любая другая нечисть носу на белый свет не кажет, знают, что не их это час. И, стало быть, праздник никто не испортит.

— Логично, — отправив очередную ложку бульона в рот, согласился я. — Слушай, а что на этом круге вообще происходит? В целом? О чем речи ведутся?

— Съездишь — узнаешь, — неожиданно коротко и ясно ответил Родька, недвусмысленно давая мне понять, что на ответ можно не рассчитывать. — Но если боишься чего, так это зря. Когда круг собирается, любую вражду забыть следует, так заповедано от предков. Ни разу такого не случалось, чтобы там драка была или смертоубийство. Спорить спорят,

иногда даже до перебранок доходит, но силу в ход пускать никак нельзя. Кара за то страшная будет, это все знают.

— Разумно, — признал я. — Если такие ограничения сразу не ставить, то популяция ведьмаков на Земле здорово убавиться может. Добавки плесни. Хорошо пошел бульончик! День пролетел незаметно, хотя к вечеру время начало немного тянуться. Подобных чувств я не испытывал чуть ли не со времен школы, когда торопил стрелку часов, чтобы та двигалась побыстрее, дабы поскорее рвануть на свидание. Вроде как вчера было, а, почитай, десять лет минуло с той поры. Для кого-то, может, и всего ничего, а мне этот временной пласт кажется если и не вечностью, то чем-то с ней схожим. Хотя мне и прошлая весна сейчас кажется далекой и не со мной случившейся. Очень уж все изменилось вокруг за этот год.

Впрочем, все эти мысли одним махом вылетели из головы, стоило мне только миновать кладбищенские ворота, проскользнуть вокруг усердно таскающих тачки с песком жителей Средней Азии и зашагать по таким родным и знакомым дорожкам кладбища.

Что воздух и ночь в родном дворе по сравнению с тем, что было здесь? Это как бормотуху сравнивать с хорошим вином. Вроде то же самое, а не то! Нет, совсем другое.

Луна касалась верхушек деревьев, запах свежей листвы пьянил, кровь в венах бурлила как шампанское, и казалось, что если я сейчас подпрыгну, то почти наверняка зависну в воздухе, такая легкость была в теле. А может, даже и взлечу!

Тени мертвых, то и дело попадающиеся по пути, отвешивали мне церемонные поклоны, причем даже те, кто при жизни подобных тонкостей даже и не знал, как, например, молоденькая девушка, явно похороненная совсем недавно. Это следовало из того, как она была одета. Худо-бедно, но в модных тенденциях я разбирался. Наташка с Ленкой помогали, да и Жанна внесла свою лепту в мои познания по данному вопросу.

— В какой связи поклоны бьем? — спросил я у нее.

— Надо, — тихо прошелестела та. — Знаю, что положено так делать. От тебя свет идет, а ему всегда надо поклониться.

Любопытно. Что это за новости, с чего это я светом начал пыхать, как елка новогодняя?

— Отпусти меня, — сложила руки в просящем жесте девушка. — Ты можешь, я знаю. Ты Ходящий близ Смерти, мне про тебя рассказывали.

— Недавно умерла? — уточнил я.

— Зимой. — Ресницы мертвой дрогнули. — Так получилось. Я не нарочно, я не хотела...

— У-у-у-у... — протянул я. — Самоубийца, стало быть? Извини, я тебе не помощник. Сочувствую, но — нет.

Один раз зимой я уже отпустил одну такую. Врагу не пожелаю того, что мне довелось испытать. В смысле — какую бурю чувств и эмоций. Два дня пластом лежал, голова разрывалась на части.

Как видно, с этой публики где-то там, за облаками, за небесами, особый спрос. Лишил себя жизни — страдай, отквитывай долг. Но я-то этого не знал, когда пожалел вот такую же призрачную девчущку, которая, скорчившись клубочком в темном переулке, плакала навзрыд. Маленькая, тщедушная, некрасивая, несчастная. Да, стало жалко. Подумалось, что ей при жизни судьба особо счастья не отсыпала, а теперь и после смерти она застряла между небом и землей. Не зверь же я?

Как только она вспыхнула синим пламенем, вместо того чтобы стать облачком, которое рассыпается блестящими каплями, я сразу понял, что, похоже, накосорезил.

Ей хорошо, она в этой синей пелене исчезла, все же отправившись в последнее странствие, а вот меня так пробило, словно я рукой провод оголенный, находящийся под напряжением, схватил. И как начало трясти! Потом-то я осознал, что с ее душой на себя и грех самоубийства принял, который легко не списывают, но то потом. А тогда еле домой добрался, кровью по дороге харкал, каких-то женщин перепугал своим перекошенным лицом.

Короче — дорого мне жалость обошлась.

— Я правда не виновата... — было протянула ко мне в молящем жесте свои руки девушка, но тут у меня зазвонил телефон, разогнав местную тишину залихватской мелодией «Ленинграда».

— Погоди, — велел я ей, и призрак смиренно выполнил мои указания.

— Привет, — немного отстраненно буркнула в трубку, которую я поднес к уху, Светка. —

Ну что, продолжаешь банкет или решил немного подлечить печень?

— Что мне всегда в тебе нравилось, дорогая, так это твое умение строить громоздкие версии происходящего, опираясь исключительно на косвенные улики, — не удержался от едкости я, мысленно ругая себя за то, что вчера вообще ей позвонил. Точнее — перепугал номера в телефоне. Перепугал-перепугал, слово даю. — Вынужден тебя расстроить, я все

еще не спиваюсь. И по квартире из угла в угол не брожу, съедаемый тоской по утраченной любви и мечте. И...

— И какая же ты все-таки скотина! — рявкнула Светлана и связь разъединилась.

— Чего? — тут же сорвал злость я на призраке, смотрящем на меня с явным осуждением.

— Какие вы, мужики, все-таки все гады! — с чувством сказала мертвячка, но тут же поняла, что зря себе позволила подобную вольность, простерла ко мне руки и по новой затянула свою песню. — Я правда не виновата...

Смешно сказать — но тут снова взревел телефон, оповещая кладбище о том, что на Эйфелевой башне просто замечательно можно делать элфи.

— Да вас как прорвало! — начал злиться я, снова взмахом руки останавливая речи покойницы.

Лицо ее перекошилось, она явно была недовольна происходящим и, несмотря на запрет, попробовала продолжить свой бубнеж, но тут ее остановили товарищи по не-жизни, десяток которых всюду отирался возле нас и получал удовольствие от бесплатного зрелища. Они окружили ее и что-то зашептали, время от времени показывая то на меня, то на трубку в моей руке.

— Да, душа моя, — произнес я тем временем. — Что, не спится одной?

— Пошел ты, — привычно грубо ответила мне Мезенцева. — Я вторую ночь без сна, дел как блох на Барбоске. Ты сейчас где?

— Где? — я обвел взглядом аллею, подсеребренную пусть уже и убывающей, но все еще яркой Луной. — Я там, где прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино. Я там, где обычные вещи кажутся непривычными. Я там, где...

— Ясно, опять по кладбищу шастаешь, — оборвала меня Евгения. — Это до утра. Все, на созвоне.

И повесила трубку, поганка такая.

— Н-да, — сообщил я призракам, убирая телефон в карман. — Никогда мне женщин не понять. По крайней мере — живых.

Несколько мертвецов, при жизни относившихся к сильному полу, активно закивали головами, выражая полное согласие с моими словами. Женская половина уставилась на меня с неодобрением.

Интересно, чего Женьке нужно от меня было? Явно не тепла и ласки, знаком мне этот тон. Шут с ним, занесем в раздел «непонятное» и подождем, пока она нарисуеться в зоне видимости. А это непременно случится, к гадалке не ходи. Если ей чего надо, она три стенки кирпичных лбом проломит.

Другое любопытно — дышал ей в затылок во время звонка Нифонтов или нет? Я знаю, что в последнее время он через нее старается действовать. После того разговора у отдела помириться мы помирились, но ледок в отношениях появился, так сказать — ложечки нашлись, осадочек остался.

— Ладно, вещай, — разрешил я мертвячке, которая совсем уж растерялась, став почти невидимой.

— Я правда не виновата, — затянула она, правда, на этот раз не жестикулируя. — Произошла ошибка. Только попугать хотела, чтобы он понял, чтобы пожалел! А он не пришел, и я умерла.

— Претензии по данному поводу не ко мне, — развел руки в стороны я. — Все вопросы к тому, кто не пришел. И отчасти к фармацевтической компании, таблетками которой ты траванулась. Ты же таблеток нажралась? Ну вот, о чем и речь.

И, не слушая ее дальнейших причитаний, я отправился дальше.

Эх, люди, люди, чего ж вам так плохо существуеться на белом свете? Ну да, жизнь не пряник, но и не совсем же дерьмо?

Потом — есть в ней и кое-какая стабильность, которая не может не радовать. Например — Хозяин Кладбища, который, как всегда, сидел на своем надгробии-троне и раздавал приказы и указания.

— А, ведьмак, — заметил он меня почти сразу. — Живой? Я смотрю, ты носа ко мне в гости не кажешь, уж решил, что эта зима забрала тебя с собой. Или что ты другое кладбище для себя подобрал, поцентральной, попрестижней?

Опа. Это он никак намекает на прошлогоднее мероприятие, которое я по просьбе Ольги свет Михайловны провернул? Верно, посетил я тогда один из уважаемых московских погостов по необходимости. Вот только непонятно, чего он только сейчас мне тот визит припомнил? Мог бы еще осенью позлословить на данную тему.

— И пережил, и не подобрал, — я отвесил умруну низкий поклон, согласно Покону. — Сами же сказали — пока первый лист не пробьется, сюда не соваться.

— Так он еще когда вылез, — хохотнул Костяной царь. — Или не тянуло ко мне в гости?

— Тянуло, — не стал скрывать я. — Еще как. Сейчас вот как заново родился.

— Кладбищенская земля — сильна, — подтвердил Хозяин. — Первое дело для тебя ей подышать, особенно весной. А я гляжу, ты заматерел самую малость. Крови на тебе, правда, так и не появилось, но силы прибавилось. Да еще и прислугу из мертвых себе завел? Растешь, ведьмак, растешь. Только аккуратней подходи к подбору свиты, чужие души не прихватывай и за спину поглядывать не забывай. Мертвые куда злопамятней живых.

Вот как он видит все, что только можно? Или на мне где-то надпись наличествует, которую я сам не замечаю?

— Но за Кромку так и не сходил, — продолжал вещать умрун. — Но, может, оно и к лучшему. Нечего там теперь делать ни людям, ни ведьмакам. Была Навь, да вся вышла. Интересно, а про то, что я с Мораной хороводюсь, он тоже видит? Или нет?

— Радостно видеть, что в ваших владениях после зимы все в порядке, — решил я перевести разговор в другую сторону, подальше от скользкой темы. — Чистота вокруг, порядок.

— Есть такое, — провел когтями по черному граниту трона Хозяин, меня аж передернуло от противного звука. — Не то что в том году. Скажу тебе так, ведьмак — все решают верные назначения на посты и правильная постановка выдаваемых ответственным лицам поручений. Вот поставил графа Рязанцева следить за южным крылом, оказал ему доверие, предупредил, что делаю это в последний раз — и что? Он справился.

Призрак в долгополом камзоле склонился перед умруном в поклоне.

— А, помню его, — моментально среагировал я. — Вы еще обещали графа в катакомбы лет на сто закупорить, если он не оправдает оказанного ему высокого доверия.

— Ну это тоже сыграло свою роль, — признал Костяной царь. — Туда никто не хочет. Место паршивое, гиблое, даже для моих подданных. Хотя тебя там понравилось бы. Там для тебя раздолье!

— На предмет? — заинтересовался я.

— Травы и корешки, — коротко объяснил умрун. — В катакомбах такое встречается, чего ты тут, на поверхности, сроду не сыщешь! А сила у этих растений такая, что иная ведьма за такие ингредиенты часть души отдать сможет. Они ж близ смерти растут и мощь ее впитывают.

— Ишь ты! — только и осталось сказать мне.

— Хочешь, вход в катакомбы покажу? — предложил Хозяин Кладбища. — Точнее — открою его для тебя.

— Не-а, — помотал головой я. — Не хочу. Мне и здесь хорошо.

Когда ему надоест меня пытаться подловить? Или просто такова природа этих существ, что они без провокаций обойтись не могут?

— Нет — так нет, — хохотнул под капюшоном умрун. — Сам отказался. Потом не просись.

— Значит, судьба моя такая, — склонил голову я. — Не побываю в глубинах земных.

— Ладно. — Хозяин положил когтистые руки на колени. — Говори, чего пришел?

— Просто так, — предельно честно ответил ему я. — Нет у меня ни вопросов, ни дела какого. Соскучился — и пришел.

— Не врешь, — будто прислушался к чему-то умрун. — Надо же. Тогда... И не знаю, что сказать. Ходи где хочешь, гуляй. Только мне не мешай сейчас. Весна, дел полно! Так куда ты этих воришек зарыл? В какую яму?

Последняя фраза адресована была уже не мне, а графу Рязанцеву, который начал что-то отвечать, размахивая руками, но что именно — я не услышал. Я вообще мало с кем мог общаться на этом кладбище. Еще в самом начале нашего знакомства Хозяин ограничил возможности местных обитателей в разрезе донесения до меня своих пожеланий и молеб. Нет, как-то раз он предоставил мне возможность услышать, что такое многоголосый вой мертвецов, просящих о милости ухода. Это реально страшно. Я думал, у меня голова взорвется. Второй раз подобное пережить не приведи бог.

Но при этом все равно отдельные личности могут со мной общаться. И я их слышу, и они меня, как, например, та девушка-самоубийца.

Впрочем, не исключено, что и это происходит с подачи Хозяина. То есть я слышу тех, кого должен. Или тех, кому приказали вступить со мной в беседу. Костяной царь личность непредсказуемая. Кто знает, какие замыслы находятся под этим черным капюшоном? Я бродил по кладбищу почти до рассвета. Сначала отнес увесистый сверток с фаршем к сухому дереву, а после просто бродил по дорожкам. Клянусь, такого покоя и умиротворения не испытывал давно, с плеч будто тонна груза свалилась. И ясность в мыслях такая появилась, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как тогда было сказано? «Тянет тебя Кромка». Тянет, есть такое. Пару раз зимой такая тоска наваливалась — хоть волком вой. А лекарство — здесь. Походил, подышал, вроде как отпустило.

Плохо это. Любая зависимость есть потенциальное оружие против тебя же самого, особенно если про нее узнает кто-нибудь еще. А в моем случае это именно зависимость, без вариантов. И хорошо еще, если стадия «тоска» не перейдет в какую-нибудь другую, более жесткую, класса «ломка». Этого мне только не хватало.

И что совсем скверно — даже посоветоваться по данному поводу не с кем. Одни из тех, кто ничего не знает, другие из тех, кому об этом знать и не нужно. А Хозяин Кладбища, как всегда, изречет что-нибудь зловеще-туманное, но ответа на вопрос не даст.

Я загулялся по тропинкам настолько, что прозевал момент, когда восток стал совсем светлым, и шустро побежал в старую часть кладбища. И, увы, опоздал. Не было уже никого на черной гранитной плите. Ушел в склепы местный Хозяин и двери за собой закрыл. И искал в какой именно — это без меня. Есть у меня нехорошее ощущение, что тот смертный, что зайдет в склеп, где обитает умрун, уже никогда из него не выйдет. Даже если он ведьмак, которому дозволено больше, чем кому-то другому. И данное мне слово о неприкосновенности там, полагаю, не работает.

Ну не сложилось — и ладно. Главное — настроение у меня было великолепное, сил прибавилось. И даже — оптимизма.

Причем хватило этого всего надолго, аж до самой среды. До того самого момента, когда из нашего с девчулями кабинета меня за шиворот вытащила госпожа Рязская. В буквальном смысле за шиворот! Причем была она какая-то не такая, как всегда. Растрепанная, без привычного respectable лоска.

— О-па! — донесся до меня из-за неплотно прикрытой двери негромкий говорок Наташки. — Ссора в раю? Похоже, кто-то напроказничал!

Ольга Михайловна перестала шумно дышать и насторожилась.

— Думаешь, Сашка налево сходил? — уточнила у нее Ленка. — Да ладно!

— Ты ее видела? — насмешливо спросила у нее подруга. — В ее возрасте измена молодого любовника приравнивается к пяти новым морщинам! Или даже семи!

Рязская почему-то потрогала шею, потом глянула на руки, цапнула меня за плечо и повела в переговорную, что-то тихо бормоча себе под нос.

— Даже не думайте, — посоветовал я ей. — Ничего у вас не выйдет.

— Ты о чем? — зло спросила она у меня.

— Их нельзя увольнять. Они мои друзья. И потом — а вы как хотели? Прибежали, глаза навывкате, волосы в разные стороны торчат. Что людям думать?

— Посмеялась бы, да не до смеха мне сейчас. — Тем временем мы прошли мимо переговорной. — Саша, передвигай ногами, времени в обрез.

— А мы куда? — все же притормозил я. — Нет, просто хотелось бы знать...

— Хочешь — узнаешь, — сказала как отрезала Рязская. — Да иди ты уже!

— А пиджак? — резонно возразил ей я уже у самого выхода из банка. — Без него не поеду! Может, вы меня завезете за город, чем-то недовольны останетесь и из дома выгоните. И как мне потом домой добираться? Денежки в бумажнике, бумажник в кармане, карман в...

— Принеси ему пиджак! — рявкнула Рязская на одного из охранников, крутившихся рядом. — В машину принеси, мы там тебя подождем!

Шут с ними, с деньгами, это все ерунда. В пиджаке хранился мой малый боезапас и куча других полезных штук.

— И сумку прихвати, — крикнул я ему вслед. — Заодно!

На работу сегодня я вряд ли вернусь. Не знаю отчего, но есть у меня такое предчувствие.

Веселое, не сказать, шутовское настроение у меня начало пропадать еще в машине. Не видел я Ольгу Михайловну до сегодняшнего дня в таком странном настроении. Каком-то...

Накрученном, что ли? Она как на иголках рядом со мной сидела, и каждый светофор или небольшая «пробка» вызывали у нее приступ раздражения.

При этом ни на один мой вопрос отвечать не стала. Я, естественно, попытался выяснить, что стало причиной подобной нервозности, но в ответ получил только невразумительное: «После».

Поскольку я уже немного изучил эту женщину, мне стало ясно, что хорошего ждать не придется. Явно произошло нечто, входящее в событийную категорию «из ряда вон», причем в ближайшем времени данное происшествие станет моей головной болью, хочу я того или нет.

И не ошибся.

— Помогите ему, — приказала мне Рязская, за руку притащив меня в одну из спален своего загородного дома, кстати, ту самую, в которой она пыталась меня совратить тогда, на восьмое марта. — Немедленно.

— Как? — непонимающе уставился я на нее. — Ольга Михайловна, при всем уважении, я же не врач. Тут реально доктор нужен. Не знаю... Терапевт. А, может, даже вирусолог. Ну и анализы взять на всякий случай. Что там еще медики делают в таких случаях?

— Делай, я сказала, — отчеканила женщина и мне стало предельно ясно, что если я не подчинюсь, то живым из этого дома не выйду. Или, как вариант, мне придется перешагнуть через ее труп. — Если кто и может, так это ты. Я видела, на что ты способен, меня не обманешь. За работу, Смолин. Это не просьба, это приказ.

Ну по крайней мере все встало на свои места. Точнее — наконец-то госпожа Ряжская закончила из себя строить демократичную либералку и дала мне понять, кто из нас есть кто. Вот только мне-то что делать? Я на самом деле не врач. Да я вообще вредить людям умею гораздо лучше, чем им помогать. На зло спрос гораздо выше, чем на добро.

Потому я вообще не представляю, что могу сделать для Павла Николаевича Ряжского, который в данный момент лежит на широкой кровати, тяжело дышит, обливается потом и, похоже, вскоре собирается в лучший из миров. А еще он нереально красный. В смысле — лицо у него напоминает цветом вареного рака.

— Дайте ему жаропонижающее, — еще раз попробовал воззвать к здравому смыслу я. — Что там обычно люди пьют при простуде? Парацетамол, эффералган.

— Были врачи, — цапнула меня за лацканы пиджака Ряжская. По-мужски так, жестко. — Были. Посмотрели. Анализы взяли. Здоров Паша. Как бык здоров. У него даже температуры нет.

— Да как же нет? — я потыкал пальцем на покрытое бисеринками пота лицо владельца банка. — Вон он красный какой!

— Красный, — тряхнула меня женщина. — Верно. Но холодный, как лед. Да еще вон черные пятна груди. Вот, смотри. Все врачи в шоке пребывали, потому что так не бывает. Одно всегда следствие другого. А тут — ни температуры, никаких отклонений, анализы великолепны. Но он умирает. Я это чувствую.

О как. Может, я и не прав насчет того, что это не мой профиль? Вот только тогда шансы господина Ряжского не увеличиваются, а уменьшаются. Я не Виктория из 15-К, мне так просто порчу не выявить и не снять. Знаний и опыта не хватит.

А это почти наверняка именно она. Или проклятие. Но если это проклятие, то ему точно труба. Я не знаю, как их снимать. С порчей, возможно, все же разберусь, но чего-то большее...

Но начнем сначала.

— Когда он захворал? — отцепив от себя пальцы Ряжской, задал я ей вопрос. — Первые признаки нездоровья когда появились? День, два назад?

— В воскресенье вечером, — почти прошептала женщина, а после уткнулась в мое плечо. — Ближе к ночи. Я подумала простуда, а оно вон как повернулось. Это не простая болезнь, я знаю. Догадалась.

Воскресенье, вечер. Сдается мне, я знаю, откуда ветер дует.

Соломин. Не дам ста процентов, что это точно он, но около семидесяти — запросто. Не сам, разумеется, это ясно. Есть, видать, у него специалисты.

Или специалист?

Если я, Ходящий близ Смерти, могу попутно зелья варить, то кто мешает служителю воды порчами подрабатывать? Или проклятьями?

Причем хорошо еще, что этим обошлось. А если бы он одну из сестер-Лихоманок на него натравил? Из тех, что убивают быстро и качественно? Мару бы Олег не сдюжил вызвать, не его это. А Лихоманок — кто знает?

Если это вообще он.

А если нет?

Ряжскому-то и правда совсем лихо. Как бы ласты не склеил до того, как я разберусь, что к чему. Если такое случится, то мне ведь и вправду мало не покажется. Все, кончились шутки. Ольга Михайловна на самом деле не станет разбираться, кто прав, кто виноват, она просто назначит того, кто за все ответит. И этим кем-то точно окажусь я.

А, может, не мудрить? Может, пусть умрет? Человек он так себе, но если его расценивать с другой точки зрения, прикладной, то очень даже неплох. Хорошая из него жертва получится.

Моране понравится.

А Ряжская... Что Ряжская? И даже — что Алеша, которого я видел, входя в дом?

Все вопросы решаемы. В том числе и эти.

Ладно, потешил себя злобными мыслями и будет. Чего делать-то?

И самое поганое, что у меня ведь с собой ничего нужного и нет. Сюда бы мой запас трав, я бы кое-что сварил. Есть один настой, я его рецепт в своей книге нашел, очень он подходит к данной ситуации. Это что-то вроде блокатора наведенных хворей. Временного, но действенного. Против одной из Лихоманок не поможет, но остальное по его части.

Вылечить не вылечит, но на время развитие болезни остановит. В моей ситуации подобное

средство — самое то. Мне нужно время, чтобы понять, как действовать дальше. И самое главное — самому попробовать все разгрузить или попросить помощи клуба?

Глава седьмая

— Что? — тон Ряжской из жалостливого сна стал жестким. — Что ты молчишь?

— Вовсе нет, — без тени улыбки ответил ей я. — Не молчу, говорю. Вот например — мне надо домой съездить.

— Куда? — по-моему она не поверила своим ушам. — Ты о чем вообще? Смолин, лечи моего мужа!

— Ну хорошо, повожу я над ним сейчас руками, скажу, что он выздоровел, и? Результата все одно не будет, — не стал врать я, прекрасно понимая, что сейчас бью по больному. — Ольга Михайловна, мне нужны мои травы, плюс еще кое-что. И это все находится у меня дома.

— Давай я пошлю водителя, он все привезет? — предложила Ряжская. — А ты останешься здесь.

— Не-а, — покачал головой я. — Это травы, они не любят чужие руки. Да и не хочу, чтобы кто-то без меня в мой дом заходил.

Павел Николаевич пошевелился и открыл глаза, мутные донельзя. Я только глянул в них и сразу понял — не видит он нас. И рассудок его тоже сейчас далеко.

Зато теперь сомневаться в том, что это не обычная болезнь, не приходилось. Тут, несомненно, приложил руку кто-то знающий.

— Мне нужно позвонить, — сообщил я Ряжской, направляясь к выходу из спальни. — И не надо подслушивать, хорошо? Это в ваших интересах.

Олег ответил почти сразу, будто ждал моего звонка.

— Привет, брат-ведьмак! — бодро проорал в трубку он. — Рад слышать!

— Привет, — поприветствовал его и я. — Слушай, возможно мой вопрос тебя заденет, но не спросить не могу. Скажи, ты к хвори того человека, по приказу которого тряханули Соломина, отношения не имеешь? Просто на него то ли порчу навели, то ли проклятие наложили, и он вот-вот дуба даст.

Я отлично осознавал, что звучит это почти наивно, вот только моему собеседнику врать смысла нет. Люди в подобных ситуациях, особенно если рыльце в пуху, лгут сплошь и рядом. Но то люди. А Олег — ведьмак, причем матерый, ему плевать и на чужое мнение, и на то, что кто-то что-то может не так понять. Я это сообразил еще тогда, в кафе. Он живет так, как ему хочется и делает то, что считает для себя нужным, даже если его поступки идут вразрез с общепринятыми правилами. Потому как эти правила писаны для людей, но не для ведьмаков.

И я еще тогда ему позавидовал, причем сильно. У меня пока так не получается. Как ни пыжусь, а вбитые в меня устои все равно дают о себе знать.

— Нет, — твердо ответил он. — Не моя это работа, Сашка. Да и не под силу мне такое, потому как не обучен подобным тонкостям. Вот в ванной утопить — это пожалуйста, это легко. Вода — она везде вода. Если надо, у меня человек под душем захлебнется насмерть. Но болячки — нет. Не мое.

— Так и думал, — с облегчением произнес я. — Причем сильно этому рад. Погоди-ка секунду.

За дверью спальни установилась мертвая тишина, ни шороха шагов, ни всхлипываний слышно не было. Совсем ничего. Разве что только шуршание уха о дверь.

Ну ведь просил же! Ох, как же меня все достало!

И я со всей дури долбанул ногой в середину белоснежной, с золотой окантовкой, двери, через секунду с удовлетворением услышав громкое «Ой!» и звук падения на пол не очень тяжелого женского тела.

То-то. Любопытство — грех. И пусть радуется, что дверь открывается наружу, а не внутрь, ей бы тогда еще сильнее прилетело.

Что я там говорил про внутреннюю свободу? Нет, клепаю я на себя. Кое-что уже наличествует. Раньше мне подобное и в голову бы не пришло.

— Слушай, вообще-то подобные шутки-дрюки в стиле Соломина, — подал голос Олег. — Але, ты здесь?

— Здесь-здесь, — заверил его я, с удовлетворением услышав оханье из-за двери. Ну да, не очень красивый поступок, но что не сделаешь для хорошего человека. — Так, говоришь, он мог? То есть он не только тебя к себе на службу поставил?

— Но-но, — проворчал ведьмак. — Скажешь тоже — «на службу». Собачки служат. Я наемник экстра-класса, ты забыл?

— Да-да, извини, — добавил в голос почтения я. — Ты — неудержимый!

— Язва ты, Сашка, — хмыкнул Олег. — Тяжело тебе будет и в жизни, и в посмертии. А что, мужик совсем плох?

— Не то слово, — посерьезнел я. — Хотелось бы его спасти. Не скажу, что мне его прямо сильно жалко, но есть кое-какие резоны...

— Да это понятно, — перебил меня ведьмак. — Только здесь я тебе не помощник. Тебе заклинатель хороший нужен, чтобы сначала определил, чем этого толстосума угостили, а после попробовал напасть нейтрализовать.

Это мне и самому понятно. Вот только у меня таких знакомых нет.

Почти нет.

— А если ты насчет живой воды — тоже нет, — продолжил Олег. — Добыть маленько могу, но не стану. Прости, но мы не настолько друзья. Опять же — ладно бы для тебя, но для какого-то барыги... Ответ — нет. Да и не факт, что она сработает, у нее принцип действия не универсальный. Надо точно знать, с какой целью ее употребляешь, и соответствующие чары наводить. А у тебя то ли порча, то ли проклятие...

— Да ты чего, мне и в голову такое не приходило, — поспешно произнес я, а после выдал идею, которая только что посетила меня. — Слушай, а кто-то из твоих друзей нам не сможет помочь? Ну ты по воде, это ясно. А остальные?

— По идее, такое возможно, — неторопливо ответил Олег. — Дэн, правда, сейчас на Гоа, и раньше середины мая не вернется, но Пашка здесь, в Москве. И, возможно, даже согласится тебе помочь. Но только подумай, брат-ведмак, вот о чем — оно тебе надо?

— В смысле? — уже догадываясь, что будет за ответ, переспросил я.

— Мы все в каком-то смысле свои, — начал объяснять мой собеседник. — Нас мало, мы не враги друг другу, и неприятели у нас общие. Но это не значит, что каждый каждому помочь спешит, понимаешь? А в твоем случае — особенно. Я тебя только один раз видел, а Пашка и вовсе ни разу. Так с чего ему из себя Чипа и Дейла изображать? Его время, силы и знания чего-то стоят, особенно если учесть, что помогать придется не брату-ведмаку, а какому-то левому дяде. И я сейчас не про деньги речь веду.

— Возьми, но и будь готов отдать, — утверждающе произнес я.

— Именно, — подтвердил ведьмак. — А теперь скажи мне, Сашка, — стоит жизнь этого человека твоих обязательств перед тем, кого ты еще в глаза не видел? Кто знает, что он у тебя попросит, особенно учитывая твою узкую специализацию. Да, сразу уточню — у нас долги принято отдавать всегда. И, если что, то в суды наш брат не ходит, коллекторов не привлекает. У нас другие способы убеждения нерадивых плательщиков. Простые и эффективные. Потому, собственно, долги всегда и возвращаются.

— Нет, не стоит оно того, — подумав секунд двадцать, ответил я Олегу. — Ни разу не стоит.

— Именно, — подтвердил тот. — Хотя бы потому, что умирающий ради тебя наверняка даже пальцем бы не пошевелил в аналогичной ситуации. Я непосредственно этого человека не знаю, но зато знаком со многими другими, ему подобными. Для них я, ты, да и все остальные жители этой планеты только расходный материал, вроде картриджей в принтере. Кончился — да и хрен с ним, вставим новый. И все.

— Спасибо за науку, — поблагодарил я Олега. — Что, пятница в силе?

— Само собой, — хохотнул он. — И вот еще что... Если с Соломиным доведется побеседовать, попробую что-нибудь узнать. Мне не в труд.

— Буду признателен, только вряд ли это пригодится. Там такое состояние... Краше в гроб кладут.

— Знаешь, одно я тебе точно могу гарантировать, — помолчав, произнес Олег. — Тот, кто это сделал, не самый сильный колдун. Или вообще не колдун. С таким, как Соломин, кто-то по-настоящему знающий и умелый работать не будет. Мелковат он для игроков высшей лиги. Колдуны — товар штучный, матерые особенно. Так что это либо самоучка-человек, которых много развелось, либо ведьма. Последнее вероятнее всего. Они на деньги падки, и человека им сгубить всегда в радость.

— Ясененько. Правда непонятно, что это мне дает, но все равно спасибо.

— Ничего не дает, — не стал скрывать Олег. — Пока не узнаешь, чем именно мужика стреножили, все впустую будет. Короче — очокурится он. И это... Если что — звони. Пока!

— Пока, — ответил я в уже замолчавшую трубку, а после почесал ей подбородок. Очокурится, стало быть, Ряжский. Пожалуй, что и да. Если ничего не делать, так точно. Скрипнула, открываясь, дверь спальни и из нее навстречу мне шагнула Ольга Михайловна, на виске которой красовалось стремительно синеющее пятно.

— Ну? — требовательно спросила она.

Я глянул назад, за свою спину. Потом повертел головой и вопросительно уставился на Ряжскую.

— Что? — чуть выпучив глаза, поинтересовалась она.

— Думаю, где та телега, которую мне надо тащить за собой, — мирно объяснил ей я. — Раз вы нукаете, значит, я уже запряжен. Но вот вам сюрприз — телеги и нет! Да еще и я не лошадь, которой можно приказывать. Это, кстати, как ответ на одну из ваших недавних реплик. А раз я не лошадь, и вы не извозчик, то пойду-ка я, пожалуй, до...

— Я сейчас тебя ударю, — неожиданно спокойно сообщила мне она. — Вон там умирает мой муж, и ты можешь его спасти. Можешь, но не хочешь. Что тебе надо? Услышать, что я была не права? Хорошо, это так. Что еще? Может...

— Зря вы так, — перебил ее я, подумав, что с учетом ситуации палка и впрямь излишне перегнута. — Хотите верьте, хотите нет, но делаю что могу. Не стану скрывать, вашего супруга вообще не очень-то жалко, но человеколюбие и гуманизм все же мне присущи. Да, слушайте, а чего кроме нас, здесь никого нет? Дом-то у вас ого-го какой, в нем небось прислуги полно. Где служанки, горничные, медсестры, наконец? Про врачей вы говорили, они где? Чего мы тут вдвоем стоим?

— Я всех отослала, — отвела в сторону глаза женщина. — И врачам заплатила за молчание. Стоит только просочиться информации о том, что Павел при смерти, как компанию тут же начнут рвать на куски. Свои же первые и начнут, знаю я этих шакалов. Я уж молчу о завтрашнем тендере. Так что в доме только Алеша и несколько доверенных охранников.

— Звериный оскал капитализма, — только и осталось произнести мне.

Вот что за жизнь у них? Даже когда помираешь, то все равно думаешь о чем угодно, только не о том, что оставляешь после себя.

А я еще своим существованием недоволен. Нет, у меня все нормально, грех жаловаться.

— Прошу тебя, Саша. — Ряжская ткнула пальцем в мой телефон, который я по-прежнему держал в руке. — Позвони еще раз тому, с кем разговаривал. Уговори его, предложи любую цену.

— Да не в цене там дело, — поморщился я. — Он не по этой части, понимаете?

— Я слышала отдельные фразы вашей беседы, — упорствовала Ольга Михайловна. — Он что-то тебе предложил, но ты отказался.

Из спальни раздался мучительный стон Павла Николаевича, и женщина опростелась бросилась туда.

И вот что мне делать? Жалко ее как-то. Еще и синяк поставил.

Ясно дело, все эти ее «приказываю» забыты не будут. Но она мне за это ответит потом, после решения основной проблемы.

Нет, так-то Олег прав целиком и полностью. Но, с другой стороны, не совсем же я еще сволоочь? Есть у меня один вариант, который можно попробовать отработать. Не такой затратный, как с пока неизвестным мне ведьмаком Пашкой.

— Добрый день, Олег Георгиевич, — приняв решение, я набрал номер того, кто, возможно, захочет помочь умирающему бизнесмену. — Это вас Смолин беспокоит. Есть на меня минуточка?

— Добрый день, Александр, — ответил мне начальник отдела 15-К. — Рад вас слышать. Что случилось?

— Жутко хочется сказать банальность, вроде: «ну почему сразу случилось?» — по-моему, вполне естественно засмеялся я. — Но не стану, ибо вы правы, причем происшествие исключительно по вашему профилю. Убийство, однако. Пусть и потенциальное, но убийство. Кто-то злонамеренно проклятие в ход пустил. Или порчу. В результате хороший человек умирает.

Ровнин секунд пять помолчал, а после захохотал.

— Странная реакция на невеселую новость, — заметил я удивленно.

— Новость печальная, — отсмеявшись, ответил Олег Георгиевич. — А ваш заход до ужаса банальный. Не побоюсь этого слова — дешевый. Александр, от вас не ждал такого. Все не хотят лезть в долги, это ясно, но так примитивно работать — это моветон.

Н-да, не получилось. Да, банально. Но ничего другого мне в голову не пришло. Тем более доля правды в моих словах есть. Их поставили закон и порядок охранять — пусть охраняют. И Ряжского спасают. Он тоже человек, между прочим.

— Александр, все гораздо проще. Вам следовало просто попросить меня о помощи — и все. Тем более что с учетом всех тех случаев, когда вы нас выручали, мы все будем рады помочь вам просто так, без каких-либо условий, — продолжил Ровнин. — Да и наши должностные обязанности никто не отменял. Дайте-ка мне немного конкретики, для ясности.

Размышляя о том, что кто-кто, а 15-К в этой жизни никогда и ничего не делает просто так, я быстренько изложил собеседнику все свои соображения и наблюдения.

— Диагноз верен, — выслушав меня, высказался Ровнин. — Как ты сказал — черные пятна на груди? Это проклятие, я с подобным сталкивался несколько раз.

— Викторию бы, — вкрадчиво попросил я. — Она наверняка сможет выручить бедного Павла Николаевича. В этих вопросах ей равную не найти.

Из спальни выбежала Ряжская, услышавшая последние слова, и уставилась на меня.

— Вот еще что, — решил я добавить немного патоки. — Возможно, не очень правильно подходить к данному вопросу с подобной стороны, но пострадавший человек не очень беден. Прямо скажем — совсем не беден. И он будет рад оказать нашим доблестным правоохранительным органам некую спонсорскую поддержку. Нет-нет, никаких конвертов из рук в руки, ничего такого. Скажем, он может передать в дар вашему отделу новый внедорожник. Такой, знаете ли, вездеход. Когда я на вашем нынешнем в последний раз ездил, Николай ругался на ходовую такими словами, каких мне за всю жизнь слышать не доводилось. А у меня богатое прошлое.

Произнося все это, я посмотрел на Ряжскую, подав ей глазами знак, который расшифровывался как «вы не против»?

Растрепанная Ольга Михайловна, в которой вообще ничего уже не осталось от привычной мне бизнес-леди, неистово закивала.

Вот ведь. Все-таки живой она человек. Как припекло, весь лоск и слетел, душа наружу вылезла.

Потому, наверное, я и не махнул на происходящее рукой.

— Согласен с тобой, подобные речи звучат не очень красиво, — мягко произнес Ровнин. — Да и внедорожник еще побегает. А вот микроавтобус наш плох, плох. Как полгода назад Мезенцева со всей дури влетела на нем в столб, так он по ремонтам и бродит. То деталей нет, то бюджета не хватает. Беда, да и только.

— Микроавтобус, — подытожил я, глядя на Ряжскую. — Можно, наверное, и его. Ну или минивэн из таких, престижных.

Ольга Михайловна вздохнула и закатила глаза, как бы говоря: «Да хоть самолет, только побыстрее!». Эх, расписочку бы с нее взять, но момент не тот.

И самое забавное — ей, возможно, спасут мужа, Виктория и вправду специалист от бога. Отдел получит микроавтобус. А я, как всегда, в полете. Интересно живу! Надо Олегу посоветовать рядом со мной покрутиться, его хандру как рукой снимет.

И спроси у меня кто, чему я сейчас радуюсь — ведь не отвечу. Потому как сам не знаю.

— Но дело, разумеется, не в материальном, — уточнил Ровнин. — Главное — человека спасти. Как, кстати, его фамилия?

— Ряжский, — не стал скрывать я. А смысл? — Пал Николаич. Владелец заводов, газет, самолетов.

— Правильнее — пароходов, — поправил меня собеседник.

— Просто насчет наличия в собственности у господина Ряжского водного транспорта я не уверен, а самолет точно есть, — объяснил я. — Про него охранники в банке трепались, а я случайно услышал. Так что с Викторией? Пришлете?

— Погоди минутку, — попросил меня Олег Георгиевич, и, как видно, набрал свою подчиненную с другого телефона, потому что до меня долетали отдельные фразы вроде: «Ты где?» и «Надо одному коммерцу помочь. Нет, не за мзду, я знаю, ты ее не берешь. За благодарность на колесах, без которой мы все вместе никуда поехать не можем». — Александр, ты еще здесь?

— Само собой.

— Адрес мне смской сбрось. Часа через полтора она прибудет к вам, раньше никак. Полтора часа это много. С другой стороны — судьба есть судьба. Если суждено Ряжскому до приезда спасительницы не дожить, значит, таков божий промысел. Ну или еще чей. Вот только мне в этом доме сидеть и ждать чародейку из правоохранительных органов совершенно неохота. Мне супруга умирающего за это время весь мозг вскипятит, к гадалке не ходи.

— Да знаете вы его, — не стал долго раздумывать я. — К моему подъезду пусть подъезжает, такси оплачу, не вопрос. И как приедет, пусть сразу позвонит. Мне все равно домой надо подскочить, одно зелье взять.

— С женщинами трудно, особенно с теми женами, которые, казалось бы, не очень-то и любили своих мужей, пока к последним не подобралась беда, — хмыкнул Ровнин. — Правильное решение. Все, жди звонка.

А я ведь про Ольгу Михайловну ему и слова не сказал. Все-таки начальник отдела 15-К — страшный человек. Он всегда все знает.

— Ну? — в голосе Ряжской зазвучали истерические нотки. — Что? Да не верти башкой, нет тут телеги.

— А то вы не слышали. — Я повертел телефон в руке. — Приедет специалист, сделает что может. А может она очень много, уж поверьте. Довелось мне с ней столкнуться как-то, увидеть ее в работе. Очень круто. Очень. Ладно, поеду. Пока доберусь, пока зелье сварю — это время. Да еще, не дай бог, в «пробку» угодим. До «часа пик» далеко, но это МКАД, а он всегда непредсказуем. Хотя оно и понятно — какая может быть стабильность в земном филиале ада?

Мне повезло — я все успел. Вот минута в минуту. Только я заполнил две мензурки огненно-горячим зельем, как заорал телефон. Будучи уверенным в том, что это Виктория, я даже не глянул на экран. А зря. Сделал бы эту простую вещь и не испытал бы странную смесь чувств, где сплелись воедино недовольство произошедшим, ощущение того, что кто-то на небесах решил пошутить, и понимание верности утверждения, гласящего о том, что мир — царство хаоса. Ну и привкус приближающегося скандала по пока неизвестному мне поводу там тоже имелся.

Короче — в трубке раздался голос Мезенцевой.

— Мы уже три минуты здесь торчим! — недовольно проорала она. — Давай, спускайся, таксёра надо отпускать! Ты обещал ему заплатить, будь любезен, держи слово!

Платить мне не пришлось, когда я спустился вниз, такси уже уехало. За меня это любезно сделал водитель машины Ряжской, той, которую она выделила мне для поездки туда и обратно.

— Растешь, — с непонятной интонацией сообщила мне Мезенцева, усаживаясь в салон автомобиля представительского класса. — Еще вчера мелкий клерк, а сегодня салон из натуральной кожи и все удобства.

— Ты еще скажи, что Смолин продан мировому капиталу и стал слугой олигархов, — посоветовал ей я. — Для полноты картины.

— Насчет «слуги» — прямо в точку, — злорадно подтвердила Женька. — Так я и думаю.

— Пустомеля, — осекла ее Виктория, как всегда, сдержанная и молчаливая. — Саша, обрисуйте мне картину происходящего, желателен поподробнее.

С благодарностью глянув на нее, я незамедлительно выполнил ее просьбу.

— «Черная метка», — уверенно заявила сотрудница отдела, дослушав меня. — Проклятие несложное, но эффективное. Плюс сразу могу сказать, что работал если не дилетант, то не очень большой умелец.

— Почему? — в один голос спросили я и Женька.

— Сегодня среда, первые признаки появились в воскресенье, — неторопливо произнесла Виктория. — Если бы сработал умелый колдун или знающая ведьма, ваш знакомец, Саша, еще вчера днем умер бы. Или даже раньше. Повторюсь — это проклятие крайне эффективно, особенно в тех случаях, когда его некому купировать или снять. В старые времена людей, знающих, что к чему, жило больше, потому умереть от «черной метки» надо было постараться. Многие колдуны таким образом не убивали своих врагов, а предупреждали о том, чтобы те готовились к худшему, заранее зная, что умелый ведун или опытный церковный служитель предотвратит смерть бедолаги от этой напасти. Но то тогда. А сейчас первым делом вызывают врача, который потом ломает голову, что же это за странная болезнь. Мне рассказывали, что один раз ее даже за чуму приняли. Черные пятна, красное лицо, увеличенные лимфоузлы — все признаки средневекового бедствия. Заперли бедолагу в «инфекционку», где он благополучно и скончался спустя сутки. Да и люди еще лет сто-сто пятьдесят назад лучше разбирались в подобных вещах, точно зная, когда надо бежать к лекару, а когда к ведуну.

— Значит, спасете вы хозяина? — подал голос водитель.

— Если еще не умер — непременно, — охотно ответила ему Виктория. — Саша, а какие зелья у вас в кармане лежат?

— Никак учуяли? — удивился я. — Однако!

— Увидела, — чуть ли не впервые на моей памяти улыбнулась строгая девушка. — Карман пиджака оттопырен так, что становится ясно, что там пузырьки. А что у вас в них может быть? Только зелья.

Я рассмеялся и протянул ей одну из емкостей.

— Забавная стилизация, — повертела перед глазами мензурку с изумрудно-зеленой жидкостью внутри Виктория. — Слово из средневековой алхимической мастерской. Почти угадала. Это ошествленый инвентарь из компьютерной игры, сделанный специально для «ролеплейщиков». Ну тех странных ребят, которые в реальной жизни разыгрывают сцены из компьютерной реальности и изображают разных там паладинов, орков, магов, и в том числе алхимиков. Я эти флакончики когда на «Али-экспрессе» увидел, то сразу заказал полсотни, отдав за них кругленькую сумму. Но не жалею о трате денег совершенно, оно того стоило. Толстое небьющееся и не нагревающееся стекло, глухие

пробки, через которые не просочится ни капли, не очень большой размер — чего еще желать практикующему ведьмаку?

Ну и самое главное — это красиво. Вот прямо — красиво. Можно даже сказать — эстетично. Огранка и какая-то особая искра в составе стекла придавали этим пузырькам таинственно-сказочный вид. Вон даже Женьку торкнуло, она заворуженно смотрит на переливающуюся в глубине флакона всеми оттенками зеленого жидкость.

— Каюсь, люблю производить впечатление на красивых женщин, — сделал голос поинтимнее, почти прошептал я. — И использую для этого всё, что только можно, в том числе и личный инвентарь.

— А что внутри? — никак не отреагировала на мои слова Виктория и тряхнула пузырек. — Какое зелье?

— Оно действие проклятий немного приостанавливает, — уже нормальным голосом ответил я. — Вылечить не сможет, но выгадает время.

— Поняла. — Виктория еще раз тряхнула пузырек. — Саша, для наших целей одной порции точно будет достаточно. А может, вообще ничего не понадобится. Не подарите мне вторую? Хорошая штука, хотелось бы мне иметь ее в своем арсенале.

— Она ваша, — даже не стал раздумывать я. — Скажу больше — если хотите, я для вас еще несколько подготовлю, и с оказией передам.

— Не откажусь, — не стала кокетничать девушка. — Буду признательна. И вообще нам с вами надо бы пообщаться на эту тему. Очень может быть, что отдел приобретет у вас какие-то образцы продукции для служебных целей.

— Это вряд ли, — покачал головой я. — У меня нет производства, потому нет продукции. То, что варится в моем котле, делается для себя лично и для узкого круга моих друзей, в число которых вы входите. Поэтому если лично вам что-то от меня будет нужно, я это сварю или сделаю. Но продавать не стану.

— Позиция, — коротко глянула на меня Виктория. — Причем достойная уважения.

— Что до беседы... — Я лукаво улыбнулся. — Вам достаточно просто позвонить и назвать мне время и ресторан. Любой, который вам захочется посетить. К указанному часу нас в нем будет ждать столик.

— Топорный подкат, — злобно вякнула Женька. — Древний и тупой!

— Согласен, — внезапно присоединился к ее мнению водитель, которого вообще никто не спрашивал.

— Но действует, — стрельнув взглядом в нахохлившуюся Мезенцеву и подмигнув мне, произнесла Виктория. — Я подумаю, Саша. Подумаю.

В результате, к месту назначения Женька прибыла в совсем уж скверном состоянии духа, что в результате вылилось в неслабый скандал при входе в дом.

— Оружие надо сдать, — непреклонно требовал охранник, загородив проход. — Таковы правила. Или ждите на улице.

— Не сдам! — выпучив глаза, орала Мезенцева. — Это служебное! Я сотрудник МВД России, вот удостоверение! Меня даже в самолет со «стволом» пускают.

— Тут ты врешь, — невозмутимо заметила Виктория. — Не пускают. И ты, и Николай в прошлый раз пистолеты пилотам сдавали, а те их в сейф клали.

— Ты на чьей стороне? — еще сильнее, хоть это было и невозможно, возмутилась Евгения. — На их или на моей?

— Пойдемте, Саша. — Виктория взяла меня под руку. — Эти двое, похоже, до следующего утра ругаться будут, но никто не уступит. У одного должностная инструкция, у второй невероятное упрямство.

Уже поднимаясь по лестнице, до меня донесся вопль: «Да подавись!», а после звуки быстрых шагов. Охранник победил. Или дело в чем-то другом?

— Наконец-то! — Ряжская встретила нас на втором этаже. За прошедшее довольно непродолжительное время она еще сильнее осунулась, под глазами обрисовались синие круги. — Я уж думала, что вы не успеете. Паша совсем плох. И еще та чернота... Она уже везде!

— Это нормально, — успокоила ее моя спутница. — Проклятие в действии. Как до горла дойдет, так человеку конец и наступит.

Ряжская сглотнула, окинула взглядом девушку, а после уставилась на меня.

— Это Виктория, — объяснил ей я. — Большой специалист по черным пятнам и красным лицам. Все, Ольга Михайловна, все, можете выдыхать. Раз она здесь, то страшное позади.

— Пойду посмотрю, — сообщила нам чародейка и отправилась в спальню. — Не мешайте мне пока.

— Богато, — раздался голос Мезенцевой, которая наконец-то присоединилась к нам, войдя в комнату. — Мраморная лестница, лепнина, расписные потолки. Знаешь, Смолин, я тебя

даже где-то понимаю. К такому денежному вымечку и я бы присосалась! Плюнула на принципы — и присосалась.

— А это Евгения, — показал на девушку рукой я. — Она нонконформист и правдуроб. Придется потерпеть, Ольга Михайловна, ничего не поделаешь. Увы, но Виктория шла только в подарочном наборе с вот этой чумой.

— Это Ряжская? — обрадовалась Женька, глядя на остолбеневшую бизнес-леди. — Та самая, да? Ну с которой ты за денежку того?

И снова — вот это-то ей откуда известно? Кто поведал рыжей фурии наши внутрибанковские сплетни? Спинным мозгом чую — есть в родном коллективе инсайдер. Узнать бы, кто именно...

— Может быть, девушка подождет внизу? — ледяным тоном осведомилась у меня Ряжская, которую в этот момент Евгения обходила по кругу, оценивая, как зевака скульптуру в музее. — Мне кажется, это было бы самым разумным из возможных вариантов. Для всех нас.

— Не-а, — мотнула головой Женька так, что ее рыжие пряди чуть-ли не стегнули хозяйку дома по лицу. — Не хочу. Мне и тут неплохо. Слушайте, а вы в себя неплохо так вложились. Респект! А говорят, что красоту и молодость не купишь. Вон, купишь, да еще как!

Все могло кончиться скверно, потому что Женьку явно несло так, как никогда ранее, кабы не Вика, которая появилась из спальни с встревоженным лицом.

— Вовремя приехали, — сообщила нам она, стягивая с плеч плащ и бросая его на стул, стоявший у стены. — Еще полчаса — и все. Саша, пойдем, твоим зельем его сначала напоим, оно точно к месту. Женя, ты мне тоже нужна.

— С какой радости? — не поняла Мезенцева. — Ладно вы, тут все ясно — дамский любимец Смолин зельевар, ты специалист по заклинаниям, эта дамочка пострадавшему жена. А я с какого бока присосежусь?

— С левого, — ответила ей Виктория.

Так и вышло. Именно с левой стороны Женька держала голову и зажимала нос Павла Николаевича, когда я лил ему в глотку зелье, предварительно варварски разжав его зубы ножом, и более всего опасаясь, что он захлебнется.

Чародейка оказалась права — еще чуть-чуть, и господин Ряжский снова бы встретился со мной, но уже по другую сторону реальности. Не знаю отчего, но уверен, что не ушел бы он сразу туда, откуда нет возврата. Характер у него не тот, и дел незавершенных много. Вон тендер не выигран. Смех смехом, а для таких, как он, это достаточно веская причина, чтобы остаться здесь, на Земле. Их реально задерживают незавершенные бизнес-процессы. Не дети, не жены, не грехи, которых у каждого за душой где-то на пароход. Нет. Контракты, сделки, договора. Я сначала думал, что это шутка такая, а оказалось — правда. Слово даю, первое, что Ряжский спросит, придя в себя, будет:

— Какой сегодня день? Тендер уже состоялся?

Так вот — вовремя мы успели. Черные пятна на груди бизнесмена уже соединились, став одним целым, и почти добрались до горла.

Ну и зелье мое кстати оказалось. Сразу после того, как оно с бульканьем влилось в горло Павла Николаевича, краснота с лица чуть спала, и дыхание стало немного поровнее.

— Забыла спросить — каков срок действия? — Виктория показала на флакон, что я держал в руке.

— Минут двадцать, — подумав, сообщил ей я. — Плюс-минус пара минут. Все очень индивидуально.

— Хватит. — Виктория засучила рукава своей скромной черной водолазки. — А теперь — все вон. Да-да, мадам Ряжская, вы тоже, причем в первую очередь. Моя работа не любит свидетелей.

Глава восьмая

— Вот этот, — сообщила Женька Ряжской, так только мы вышли из спальни и закрыли за собой дверь.

— Что «вот этот»? — нервно осведомилась у нее бледная до невозможности женщина.

— Вот этот минивэн нам купите, — сунула Мезенцева ей под нос свой смартфон. — «Chevrolet Express II», восьмиместный. И чтобы со всем «фаршем»!

— Господи ты боже мой! — Мне показалось, что Ряжская сейчас ударит оперативницу. — Саша, убери от меня подальше эту... Девушку! Пожалуйста!

— Жень, в самом деле? — даже мою толстокожую натуру немного покорила эта выходка. — Нашла время.

— Самый что ни на есть подходящий момент, — и не подумала смущаться Мезенцева, зло посверкивая глазами. — Куй железо пока горячо! Знаю я этих... Бизнес-леди. Как припечет одно место, так обещают остров в Карибском море подарить, а потом как отляжет, так коробку из-под пиццы у них не выпросишь! Плавали, знаем!

— Да получите вы свою машину, — с брезгливостью бросила ей Ряжская. — Успокойтесь. А лучше всего — спуститесь вниз и ждите свою коллегу там. Считайте это моей личной просьбой.

— Я сама решу, где мне быть, — с вызовом процедила Женька, уселась на один из стульев, что стояли близ стены, и закинула ногу на ногу.

Вот какая муха ее укусила, а? Нет, она никогда не отличалась миролюбивостью и уживчивостью, но то, что она творит сегодня, более всего смахивает на хамство.

Или на ревность? Она что-то такое вякнула по приезду, когда Ряжскую увидела.

Да нет, чушь. И я не идеальный образчик альфа-самца, и она не тот человек. Иногда мне вообще кажется, что ей лучше было бы родиться парнем, настолько она была не похожа на других представительниц своего пола. Хотя нет. Я бы с ней тогда встречаться не стал.

Пусть наши свидания носят нерегулярный характер, но они есть. И мне они нравятся, в том числе как раз своей необязательностью и необременительностью.

Ольга Михайловна глянула на Женьку с нескрываемой неприязнью, а после прислонилась к стене, прикрыв глаза и прислушиваясь к тому, что творилось за закрытыми дверями спальни.

Впрочем, ничего такого до нас не доносилось, только минут через пять мы услышали, как Виктория выкрикнула непонятную фразу, громко хлопнув ладошами, да еще как Павел Николаевич после этого довольно громко застонал.

Ряжская было рванулась к двери, но я ее удержал, приговаривая:

— Нельзя, Ольга Михайловна, нельзя. Вы же в операционную не рветесь, когда там кого-то скальпелями режут, правда? Вот и сейчас не надо мешать.

А еще через пару минут к нам вышла Вика, вытирая руки влажной салфеткой.

— Закончено, — ответила она на безмолвный вопрос измученной Ряжской. — Нет-нет, не пугайтесь. Все в порядке, ваш супруг спит. Это нормально, организму нужен отдых. И не только ему. Подобные вещи бьют и по телу, и по разуму. Не будите его, хорошо? Пусть побудет в состоянии сна, столько, сколько нужно.

— А сколько нужно? — выдохнула хозяйка дома.

— Сутки, — немедленно сообщила ей Виктория и, изящно изогнувшись, взяла свой плащ со стула. — Может, больше. Это проклятие, надо чтобы все его последствия рассеялись. И именно сон выводит их из души лучше всего.

— Проклятие? — Ряжская перевела взгляд на меня. — Саша?

— А она не в курсе? — рассмеялась Мезенцева. — Да ладно? Она думала, что это просто простуда? Сезонный грипп?

— Я догадывалась, что не все так просто, но проклятие... — Ольга Михайловна помассировала виски. — Это как-то неожиданно...

— Ничего неожиданного, — пожал плечами я. — Вы же хотели в свое время, чтобы кое-кому из ваших знакомых пришлось лихо, помните? И дай я тогда свое согласие, то уже в их доме происходило бы нечто подобное. Так что вот вам наглядный урок, как оно случается на самом деле.

— Действительно? — Виктория немного по-другому глянула на Ряжскую. — Вы хотели, чтобы Смолин кого-то для вас убил? Жалко, что мне это было неизвестно раньше, я бы как следует подумала, помогать вам или нет.

— Убил? — Ряжская склонила голову к плечу. — Нет, разумеется, за кого вы меня считаете? Попугал, не более. А теперь, конечно, даже злейшему врагу подобного не пожелаю!

Врет. Я достаточно хорошо изучил ее, чтобы разобраться в оттенках интонаций. Точно врет. Пожелает. И особенно тому, кто такое с ее мужем сотворил.

Все, страх ушел, и в голове Ольги Михайловны моментально завертелись совершенно другие колесики, разделяющие получаемую информацию на полезную и бесполезную.

Причем она даже в спальню не заглянула, чтобы убедиться в том, что с мужем точно все в порядке. А ведь по логике вещей это само собой напрашивается.

— Дай он тогда такое согласие, сейчас вам вообще никто бы не помог. — Женька текучим движением встала со стула и подошла к нам. — Для таких, как он, это приговор. Был Саша Смолин — и нет Саши Смолина.

— Много говоришь. — За внешним безразличием Виктории даже глухой бы услышал сталь приказа. — Не тебе советовать, как поступать нашему общему знакомому, и не тебе указывать, какие решения кто принимать станет.

— Спасибо, — мило улынулась Ольга Михайловна. — Если честно, эта ужасно невоспитанная девица здорово мне надоела. Как, похоже, и вам.

— Нет, — коротко сказала Виктория, направляясь к лестнице.

— Что «нет»? — только и проводила ее взглядом Ряжская.

— Не надоела, — даже не повернув головы, сообщила ей Виктория.

— Задержитесь на секунду, — бросилась к ней хозяйка дома. — У меня еще есть вопросы!

— Мы спешим, — оттеснила ее плечом от Виктории шустро вклинившаяся между ними Евгения. — Ей еще меня перевоспитывать.

— Слушаю вас, — не обращая внимания на коллегу, все же согласилась ответить на вопрос Ряжской Виктория. Правда, и останавливаться не стала.

— Как все это получилось? — немедленно спросила Ольга Михайловна. — Технически? Как на него проклятие наслали? И самое главное — может ли подобное повториться? Что, если через пару дней — опять?

Вопрос вроде: «Можно ли опять будет к вам обратиться?» не прозвучал, но читался с легкостью. Я же говорю — вернулась привычная Ряжская, словно и не было всего-то десять минут назад рядом с нами той растрепанной женщины, которая не знала, что ей делать. Она уже просчитала ситуацию, и сейчас была здорово зла на меня за ту компрометацию, что я ей устроил.

Не удивлюсь, если она Викторию в свою коллекцию уже захотела получить, потому сейчас прикидывает, как бы так половчее к ней подобраться.

— Технически? — сотрудница отдела все же остановилась, из-за чего Женька ткнулась ей носом в спину. — Щепотка лишнего вкуса зелья, которое превосходно растворяется в любой жидкости. Почти наверняка именно так все и случилось.

— Так просто? — изумилась Ряжская.

— Сложно убивают только в кино, — отозвалась Виктория, вновь зацокав своими каблучками по лестнице, а после добавила. — Фу, как это банально прозвучало.

— Ужасно, — подтвердила Женька. — Я от тебя такого не ожидала. От себя — да, от Смолина тем более, но от тебя? Поехали отсюда.

— Верно, — согласилась с ней Виктория, снова останавливаясь и поворачиваясь к нам. — Еще дел полно. Ольга Михайловна, надеюсь, мы можем воспользоваться услугами вашего водителя?

— Разумеется, — заверила ее Ряжская.

— Благодарю. Александр, мы ждем тебя внизу.

Мезенцева даже подпрыгнула на месте, но вслух свое негодование высказывать побоялась. Хозяйка дома еще раз глянула вслед сотрудницам отдела 15-К и, поманив меня за собой, устремила в спальню.

Вика не соврала — Ряжский спал сном младенца, плямкая губами. От красноты на лице и черноты на груди следа не осталось.

— Знаешь, я до сегодняшнего дня была уверена, что те вещи, которые ты делаешь, находятся на грани шарлатанства, гипноза и хорошего знания человеческой психологии. Даже памятуя о том, с чего наше знакомство началось, все равно мне не верилось в то, что ты не такой, как все, — задумчиво произнесла Ряжская. — А теперь точно знаю — нет, не так все просто. Саша, а вы все — кто? Ты, Виктория, эта сумасшедшая рыжая неврастеничка. Вы — кто?

— Люди. Просто мы знаем, видим и можем чуть больше, чем остальные.

— Чуть? — Ряжская тихонько засмеялась. — Сначала некто чуть не убил моего мужа, наложив на него проклятие, а потом девушка, вероятнее всего, сошедшая прямиком с одной из картин Альберта Линча, его сняла. Проклятие, Саша. Самое настоящее. Причем это не книга и не фильм.

— Ведь сто раз про это мной говорено, — не удержался от шпильки я. — А вам все игры. Вот и доигрались. Спасибо еще, что Вика согласилась помочь.

— Спасибо, — повторила Ряжская. — Да, прими мою глубокую благодарность за то, что теперь она никогда для меня ничего подобного больше делать не станет.

— Плохая идея, — тихо произнес я. — Очень плохая.

— Ты о чем? — Ольга Михайловна потрогала лоб мужа.

— Не надо искать подходы к этой девушке, — решил не играть в шарады я. — Она отлично лечит, но, если надо, убивает еще лучше.

Последнюю фразу я, разумеется, для красного словца приплел. Но при этом жила во мне уверенность, что так оно и есть на самом деле.

— Давай я сама решу, что и как мне делать? — неожиданно зло попросила меня женщина.

— Не вопрос, — согласился я. — Воля ваша. Только когда вы поймете, что умираете от напасти, которой и название-то не подберешь, мне не стоит звонить. Одно дело разобраться с внешним агрессором, другое конфликтовать с теми людьми, которые стоят за ушедшей грустной девушкой. Это без меня.

— Да куда ты денешься? — Ряжская встала со мной лицом к лицу. — Ты мне и моему мужу руки должен...

Договорить она не успела, поскольку действие зачарованной иглы было мгновенным. Я еле-еле успел поймать оцепеневшую женщину, так как падать она затеяла крайне неудачно, чуть не налетев виском на какие-то медные завитушки, украшавшие спинку кровати.

— Полежите и подумайте о том, кто что кому должен, — посоветовал я Ольге Михайловне, которая ошалело крутила глазами, пытаюсь осознать, что происходит, в то время как я пристраивал ее под бочок супруга. — В особенности о том, что таких как я, Вика и даже та рыжая фурия, не стоит пробовать приручить. Очень накладно выйдет. Слышали, как в семидесятых один дрессировщик львов дома держал? Первый лёва ничего так был, добрый, даже в кино снимался. А второй его близких порвал. Аналогия понятна? Да, и про «Шевроле» не забудьте. Я так думаю, что семейство Ряжских всегда платит свои долги? Ну все, пошел. Можете меня не провожать.

Я аккуратно прикрыл за собой дверь и вытер лоб.

Пожалуй, так далеко я еще не заходил. В старые времена совершенно бесстрастно выслушал бы отповедь по поводу того, что меня нашли, отмыли, причесали и к делу приставили, прекрасно понимая, что это часть платы за все вышперечисленное. Даже на нашего бывшего предправа время от времени собственники орали в аналогичных выражениях, как правило, после ознакомления с годовым отчетом, и, в частности, с разделом «Прибыль». И ничего, стоял, слушал, кивал. Это правила игры, никуда не денешься.

Но то — раньше. А сейчас — не хочу. Это не они меня нашли, это я им позволяю крутиться рядом с собой. И, между прочим, если бы не я, то на этой кровати в данный момент лежал бы труп, а не сладко сопящий Павел Николаевич.

Так что пусть полежит и подумает. Авось, чего поймет.

Ну а если нет... Да и черт с ней. Далеко она зайти не посмеет, это уж точно, а на все остальное мне плевать. Опять же, времени свободного станет больше. Я не Олег, мне скучать не приходится, столько всего веселого вокруг творится. Один ремонт, который в Лозовке делать надо, сколько всего требует — и сил, и денег, и того же самого времени. Надо тамошнюю развалюху в порядок привести — сайдинг там, дверь железная, воду в дом подвести, котел поставить. А то и на «септик» замахнусь. Может, я все-таки в те края зимой наведаться надумаю, так что же, в зеленом домике мягкое место тогда морозить? Это для здоровья вредно.

В общем — времени на это все вагон нужно.

Одно только меня смущает — Антип. Характер у тамошнего домового не сахар, и хоть пуганул его тогда Пал Палыч крепко, кто знает, как он на нововведения отреагирует?

Впрочем, может выйти и удачно. Может, он обидится на меня и из дома уйдет. Отправится в добровольную эмиграцию.

— С Павлом Николаевичем все в порядке, — сообщил я Алеше, встретившему меня внизу. — Жив, здоров и невредим, завтра как новенький будет.

— А хозяйка? — уточнил начальник охраны.

— Отпустило ее, — тихонько и очень доверительно шепнул ему я. — Перенервничала сильно, понимаешь? Ну ты и сам видел, чего тут говорить. Как поняла, что беда позади, около мужа легла и сразу уснула. Ты уж ее до утра не буди, не надо. Нервы — они такие нервы. Им отдых нужен.

Тот понимающе кивнул, и одарил меня белозубой улыбкой.

Рубль за сто, как только я выйду за порог, он помчится наверх. И пусть его. Там его ждет лирическая картина семейного счастья — спящий глава дома и его верная жена, уткнувшаяся в надежное мужнино плечо и трогательно накрывшаяся пледиком. Надеюсь, порадует парень, поняв, что есть на этом свете истинная любовь.

Интересно, а Ряжская с ним спит или нет? Думаю, что вряд ли. Алеша профессионал, несмотря на молодость, такие как он никогда работу и запретные связи не смешивают. А еще любопытно, наорет на него Ольга Михайловна, когда сможет ручками-ножками двигать, то есть часика эдак через три, или нет? Она может.

Главное, чтобы Алеша не надумал ее разбудить. Ведь в этом случае мне придется еще и водителя в нирвану отправлять, того, что нас по домам развозить станет. Не хотелось бы. Потом лови машину, объясняй спутницам, что к чему. Женька-то такой поворот событий одобрит, а вот ее коллега — не факт.

Но — обошлось. Мы успели постоять в паре пробок, потом покрутиться по Москве, а телефон водителя молчал.

Первой мы отвезли домой Викторину.

— Еще раз спасибо, — сказал я ей напоследок.

— Да ладно, — уже второй раз за этот день улыбнулась мне она. — Все в порядке. Как там? Это же наша работа. Звоните, если что! И лучше всего сразу мне, а не Олегу Георгиевичу. Не стесняйтесь.

— О как. — Мезенцева широко распахнула глаза. — Смолин! Я догадалась! Я, мать твою так, догадалась! Ты как парфюмер из фильма, изобрел какой-то запах, и потому теперь все бабы на тебя вешаются!

— Чего ты несешь? — возмутился я. — Кто на меня вешается? Женька, тебе к лекарю надо сходить, а если конкретнее — к мозгоправу. Девушка просто сказала, что ей можно звонить. Все! Слышишь, Мезенцева — просто звонить. Причем — по делу, а не поболтать. Тем более что после тебя у меня желания с кем-либо общаться просто так вообще не возникает. Я скоро к «ахтунгам» таким образом переметнусь, и знаешь почему?

— Ну?

— Потому что там нет тебя!

— Куда едем? — уточнил водитель. — Девушка, адрес свой скажите?

— У тебя в холодильнике еда имеется? — хмуро поинтересовалась Женька.

Господи! Мало мне было одного проглота, того, что надо мной живет, теперь еще второй завелся. Правда, главная налетчица на мои припасы, та, которую Мариной зовут, давно уже в поле зрения не появлялась, смывшись еще недели три назад в какую-то жутко далекую и очень перспективную командировку. Обещала по возвращению презентовать мне если не бивень мамонта, то как минимум хрен моржовый.

И это был знак судьбы, который я проморгал. Мне же недвусмысленно дано было понять, что надо срочно валить в Лозовку. Ломая ноги! Снег сошел, этого достаточно для более-менее комфортного существования на природе.

— Так куда едем? — уже совсем по таксерски поинтересовался наш возница.

— К нему, — ткнула в мою сторону пальцем Мезенцева. — Смолин, у тебя фуражка армейская дома есть?

— Нет, — печально ответил ей я. — Не служил я в армии, не сложилось, потому нет у меня ни пропащей нафталином формы в шкафу, ни заветного дембельского альбома, обшитого шинелькой. А тебе фуражка какой сдалась?

— Для ролевой игры. Я бы ее тебе на голову напялила, назвала Аугусто Пиночетом и заставила отвечать за свои кровавые преступления!

— Вот ведь! — хохотнул водитель. — А она затейница! И образованная, про Пиночета знает. А у меня две дочери, погодки, в этом году школу заканчивают, так у них в голове только ветер и песни Федюка. Или Федюка? Неважно. И все, больше ничего там нет! Не факт, что они даже читать-писать умеют. Читать — это да, особенно деньги. А вот что-то еще — не уверен, нет. Хотя песни вроде неплохие, потому слушать не запрещаю. Тем более что сам в их годы вообще «Гражданскую оборону» крутил.

Самое забавное, что, войдя в мой дом, Женька угомонилась. Нет, Светкину фотографию в рамке она кувыркнула привычно громко, с хлопком, но язвить по этому поводу не стала. А смысл? Она прекрасно знала, что завтра утром фото снова будет водружено на старое место, и что данное деяние не моих рук дело. Точнее — она точно знает, чьи лапы к этому причастны.

Не знаю, кто отбирает людей на работу в отдел, но уверен в одном — с Женькой он не промахнулся. Представить себе не могу того отчаюгу, который бы с ней согласился долгое время под одним потолком жить. Не бывает людей с настолько отсутствующим инстинктом самосохранения.

А еще мне иногда становится ее жалко. Раньше я как-то не замечал этого, а сейчас чем дальше, тем лучше вижу, что все ее закидоны не более чем способ доказать самой себе то, что ситуация под контролем и она, Евгения Мезенцева, находится на своем месте по праву. Самое забавное в том, что все это знают и без того. И только один человек в данном факте до конца не уверен. Сама Женька. И потому она ежечасно, ежеминутно пытается убедить себя же саму в том, что шапка по Сеньке.

Как по мне — бред редкий. Но сказать подобное никто не решается. И я — тоже. Потому что не хочу быть занесенным в список ее личных врагов. Когда она не орет, не выпендривается и не размахивает пистолетом, то нам очень даже неплохо вместе.

А еще она очень трогательно выглядит, когда засыпает. Маска непреклонности и самодостаточности с ее лица сходит на нет, и тогда можно увидеть обычную и очень симпатичную конопатую гражданку, которая даже улыбаться умеет. Не ехидно или вызывающе, а по-доброму. Как положено молоденькой девчонке.

Вот и сейчас она знай сопела и улыбалась. Как видно, что-то хорошее снилось, и ей не мешало даже ворчание Родьки, доносящееся с кухни. Он всегда так поступал, когда Мезенцева у нас ночевала. Ну вот не нравилось ему спать на матрасике под кухонным столом, ни в какую не нравилось! При этом никакие возражения мной не рассматривались, и все, что ему оставалось, так это бубнить себе под нос, выражая свое недовольство. Я, кстати, на недостойное поведение ему уже указывал. Мало того — продемонстрировал кусочек фильма про Гарри Поттера, тот, в котором некто Кикимер вел себя подобным образом, но результат не воспоследовал. Точнее — воспоследовал, но не тот, которого я ждал.

Сначала Родион долго вертелся перед зеркалом, разглядывая себя в отражении, а после заявил:

— И вовсе мы не похожи. У меня и шерстка есть, и ушки аккуратные, а этот урод какой-то. После же он рассказал об увиденном подвездным, те заинтересовались, и в результате каждый вечер неделю подряд вся их дружная компания собиралась у меня дома и смотрела фильм за фильмом из данной серии, особенно оживляясь при появлении на экране очаровательного Добби.

Когда же отважный домовый эльф пал от ножа коварной Беллатрисы Лестрейндж, то кое-кто из молодняка даже слезу пустил. Что там — их аксакал Кузьмич, и тот пару раз носом шмыгнул, сурово промолвив:

— Достоин ушел. За други своя!

Но ворчать Родька все равно не перестал, и со временем я привык к тому, что на кухне есть некий посторонний шум. А привыкнув, перестал замечать так же, как рокот холодильника или гудение крана.

Вот и сейчас непрерывный бубнеж не мешал мне размышлять на тему того, что мне поведала Женька прежде, чем мы перешли к разнообразным и приятным глупостям. Если точнее, после того как мы опустошили добрую половину холодильника и неторопливо пили чай, я наконец-то задал вопрос, который вертелся у меня на языке уже несколько часов.

— Слушай, а чего ты тогда хотела?

— Когда «тогда»? — уточнила Женька, пытаясь ухватить конфету из вазочки, которая маневрировала по столу, на редкость умело уворачиваясь от ее загребущих рук. — Саш, ну скажи этой жадине, что меру знать надо! Я сладкого хочу, у меня был тяжелый день, нужно поддержать угасающие силы!

— Про «меру знать» — это очень точно! — буркнул Родька откуда-то из-под раковины. — Ходят тут всякие, конфет на них не напасешься!

— Родион! — рявкнул я и топнул ногой. — Гость в доме! Вот я тебя тапком!

Вазочка остановилась, причем на максимально удаленном от Мезенцевой расстоянии. Это был его любимый трюк, проделываемый регулярно.

— Правильно, — перегнувшись через стол, одобрила мои слова Женька. — Как таракана!

— У ей еще и тараканы есть, — подал голос слуга. — Наташит их сюда, вот občество порадуетя! И тебе, батюшка ведьмак, поклоны бить станет за эту радость! Только-только они эту напасть изжили — и все по новой!

Мне очень хотелось сказать, что эти тараканы проживают исключительно в голове нашей гостьи, но я не стал.

— «Тогда» — это когда ты мне позвонила, — решил я не длить конфликт. — В ночи.

— Все, вспомнила! — Женька развернула «Мишку на Севере» и демонстративно аппетитно отправила ее в рот. — Ах, какая вкусная конфета! С вафелькой, с шоколадом!

Под раковиной что-то загрохало, как видно Родька в неизбывной злобе бился головой о стенку.

— Так вот, — удовлетворенно улыбнувшись, продолжила Мезенцева. — Хотела сказать, что есть новости о твоём приятеле.

— Котором? — уточнил я, заранее зная ответ.

— О том самом, — махнула рукой девушка в сторону окна. — Который осенью отправился в теплые страны, на пару с перелетными птицами. Прорезался наш красавец.

— Опа. — У меня вдруг вспотела спина. Я знал, что этот момент наступит, но хотел надеяться, что все-таки запас времени у меня есть.

— Америка-Европа, — в рифму ответила Женька. — Между прочим, он там и ошивался до последнего времени. В Европе. Точнее — во Франции. И изрядно пошалил в славном городе Париже. Спутался с какими-то выходцами с Гаити, практиковал вудуизм, а под конец устроил макабрические пляски на острове Сите, прибыв в их процессе пяток «ажанов» и одного сотрудника «Бюро-15».

— Ажаны — это тамошние полицейские, — почесал в затылке я. — А «Бюро-15» это что? Местное ФСБ?

— Наши коллеги, — веско ответила Женька. — Хорошие ребята, я с ними по «Скайпу» несколько раз общалась. Там есть один такой Поль, это что-то! Сам светленький, глазки голубенькие! Он мне их строил, и «мадемуазель Жени» при этом называл. Такая лапа!

— Да-да, ревную, как Отелло, — поторопил ее я. — Уже вне себя от злости, причем настолько, что готов повторить поход Кутузова на Париж. Что дальше?

— Дальше плохо. — Гора фантиков перед Мезенцевой росла. — Дальше грустно. Разобрали черные братья под руководством нашего соотечественника этого самого Поля на запчасти, а после использовали отдельные фрагменты его внутренностей в черном ритуале, из тех, что в фильмах ужасов показывают. После ритуала сего Поль уже в неживом состоянии приперся в офис Бюро, и там коллегу чуть до смерти не закусал. Вот такие «Зловещие мертвецы», часть четвертая.

— Жалко Поля, — не кривя душой, сообщил я ей. Правда жалко. Паршивая смерть, Соломину не пожелаешь. — Еще один сгорел на работе. Что дальше?

— Коллеги синеглазого бедолаги здорово разошлись, и устроили историческую реконструкцию «Варфоломеевской ночи». Перебили пяток-другой вудуистских жрецов, разорили алтари, но вот нашего друга упустили. Улизнул колдун в последний момент.

— К родным березам или еще куда? — уточнил я. — Это выяснили?

— В Чехию подался, — не стала томить меня в неведении Женька. — Он из «Орли» вылетал, пробил информацию. Чуть-чуть опоздали, рейс уже тью-тью. И не развернешь его никак, этот красавец не в списках Интерпола, то есть оснований на подобные меры нет. Это у нас все решают связи, у них там все строже. А в Праге наших нет. Точнее — вроде бы есть, но с остальными они не общаются, и с просьбой к ним не обратиться. У нас тоже все не очень просто.

— Чехия к нам ближе, чем Франция, — опечалился я. — Стало быть, скоро заявится.

— Непременно, но не прямо завтра, — авторитетно заявила Мезенцева. — Это не моя точка зрения, так Ровнин с тетей Пашей рассудили. Он же туда не просто так сквозанул, а с определенной целью.

— А если поконкретней? — попросил я.

— Хреновый ты ведьмак, Смолин, — обличительно произнесла девушка. — Не мне тебе подобное объяснять нужно, а наоборот. В ночь с тридцатого апреля на первое мая что происходит?

— Что? — начиная злиться, переспросил я. — Ну не знаю, не знаю! Не тяни уже.

— «Ведьмин круг» в Чехии в эту ночь проходит, — с удовольствием добила меня Женька. — Не слышал? Даже не удивлена. Пыль в глаза пускать ты мастер, а как до дела дойдет...

— Хозяин, если ей по башке молотком сильно вдарить сзади, то она точно помрет, — посоветовал из-под раковины Родька. — А тело ейное я сам опосля в ванной разделаю, в пакеты разложу и потихоньку в четырнадцатый дом перетаскаю, к мусоропроводам. Один пакетик в первый подъезд, другой — во второй, и так далее. Я по телевизеру про такое смотрел. В «Дежурной части».

— Он не шутит, — показал я пальцем на мойку. — И мне начинает казаться, что в его словах есть некий смысл.

— В Чехии этот день называют «Ведьмин круг». — Женька, похоже поняла, что заигралась, и немного сменила тон. — А в Германии он известен как «Вальпургиева ночь». Сообразил?

— Ага, — кивнул я. — Только одно неясно — почему Чехия? Отчего не Германия?

— Поверь, по ряду параметров Чехия немцев бьет только так. Спорный вопрос, где черные традиции и искусства мощнее укоренились. И Ровнин того же мнения.

— Значит, май, — потер подбородок я. — Хрен редьки не слаще, он уже на носу.

— Начало июня, — уточнила Женька. — Первого июня «Русалий день», этот праздник колдуну как гвоздь в пятку. А вот потом — жди гостя дорогого. Его время наступит.

— Поглядим еще, — приободрился я, мысленно завязывая узелок на предмет уточнения, что это за праздник такой справляется в день защиты детей. — До лета много воды утечет. Собственно, после этого ужин закончился, вечер стал чуть более томным, а после Женька уснула.

И мне пора последовать ее примеру да вздремнуть немного. Ну как в ночи у меня дверь начнут с петель снимать крепкие ребята из охраны семейства Ряжских? Фиг выплывешь тогда! Внутрь они попадут вряд ли, но шума наделают немало.

Хотя — маловероятно. Ольга Михайловна уже пришла в себя, и если до сих пор добрый молодец Алеша сотоварищи не нарисовался, то, скорее всего, ждать его не стоит.

А вот завтра, на службе...

Что будет завтра я додумать не успел, провалившись в серое марево сна. Точнее — не-сна. Так обычно случалось, когда меня заносило в то место, которого нет.

Ну да, все как всегда. Я снова в Нави, той, которую до сих пор в глубине души побаиваюсь и в которую одновременно с этим уже месяц хочу попасть. Я стою лицом к терему, а за спиной тихо плещет волной река Смородина.

Правда, сегодня как-то совсем тихо.

Обернувшись, я тихонько присвистнул и потер глаза.

Туман. Да какой туман? Туманище. Вся река словно белой шапкой накрылась, противоположного берега не видно. Чудно, никогда здесь подобного не видал. Нет в этих местах природных явлений, точнее, до сего момента не имелось. Небо без звезд и облаков, воздух не холодный и не теплый, про ветер, дождь и снег я вообще молчу.

А тут — на тебе.

Вывод можно сделать только один — оживает, выходит, Навь. Потихоньку, помаленьку — оживает. Или наоборот — она и не засыпала, безжизненным являясь только этот уголок, в котором спала-почивала богиня Морана. А теперь она разбужена, и то, что обитает за рекой Смородиной, это учуяло.

И что-то мне подсказывает, что второй вариант наиболее верный.

Я еще раз глянул на туман, после поднялся на крыльцо терема, по привычке поскреб подошвами ботинок о доски пола, вроде как ноги вытер, и постучался в дверь.

— Заходи, гость желанный, — донесся до меня голос Мораны. — Не стой у порога.

Я глубоко вздохнул и дернул дверную ручку на себя.

Глава девятая

Вот всякий раз, заходя в этот дом, начинаю терзаться одним и тем же вопросом — как приветствовать ту, что в нем обитает?

«Поздорову ли?» — вроде бы созвучно той эпохе, в которой хозяйка терема обитала ранее, но не подходит. Какое там здоровье, после веков, проведенных во сне?

«Привет, красивая!» или «Опа, кого я вижу!» — не поймет. Учитывая же то, что ее раздражает все непонятное, стоит вообще очень аккуратно подбирать слова. Прорезались эмоции у Мораны, прорезались. И не скажу, что это упростило мне жизнь.

«Исполать тебе, матушка» и тому подобная архаика вовсе отпадают, поскольку я не очень хорошо осознаю, к месту употреблено то или иное выражение, или нет. А «вайфая» здесь нет, в сеть залезть не получится.

Потому всякий раз приходится как-то выходить из ситуации, выдумывая что-то новое.

— О, мишка! — только войдя в дом, ткнул я пальцем в здоровенную шкуру на полу, которой раньше здесь не видал. — У, зверюга небось при жизни какая была! Три метра в холке!

— Так и есть, — подтвердила Морана, сидящая на скамеечке у окна. — Силен, быстр, жизнелюбив был этот бер. Так и не диво сие. Отцом его Велес являлся.

— Велес? — переспросил я. — Бог? Да ладно!

— Брат чаще всего в медведя перекидывался. — Морана перекинула косу со спины на грудь. — Знаешь, какова печать его? Медвежья лапа. И обереги велесовы ее же на себе носил. Потому что иные племена медведя не то что убивать — по имени поминать боялись, «косолопым» да «медолюбом» кликали. Никто не хотел вражды с Велесом.

— На самом деле? — я показал глазами на шкуру. — А отчего тогда вы этим красавцем так распорядились?

— Боялись все, кроме меня, — улыбнувшись краешками рта, пояснила богиня. — Разозлил братец один раз меня очень сильно, вот я и навестила того, кого он прижил, пока год по лесам в шкуре бегал да себя искал.

— «Себя искал»? — не понял я.

— Случалось с ним подобное, — пояснила Морана. — Со зверями жил, чего ещё ждать?

Как-то раз и вовсе заявил, что надоело ему все, и мы, дети Рода, более других, ибо зла в нас много. Сказал и ушел от нас в Явь, перекинулся там медведем, и год в его облике прожил. Как потом говорил — истину искал. Дескать, чтобы понять сколько в боге людского есть, надо сначала диким зверем побыть. Чуть полная.

Ишь ты. Не сильно, выходит, иные из них, древних, отличались от нас нынешних. Причем не только людей, но и богов. Сейчас, правда, не столько в леса за поиском истины уходят, сколько в алкогольный чад, или, того хуже, в наркотический угар. Но смысл тот же.

— Однако за поисками истины о себе мой братец не забывал, и медвежонка одной мохнатой красавице заделал, — продолжала богиня. — Вон какого! Лобаст, свиреп! Ух, как я его убивала — приятно вспомнить! Никак он не хотел умирать. Ревел, пытался меня лапой достать, потом кишки себе в живот заталкивал. Одно слово — божье отродье.

— А Велес? — мне не очень понравилась заключительная часть рассказа. Натурализма многовато, да и мишку жалко. Он же не виноват, что ему такой папка достался? — Неужто не вступился?

— Нет. — Морана огладила платье на коленях. — И не подумал. Что ему какой-то там ублюдок? У него уже другие забавы имелись, другие великие планы.

Очень она за что-то на Велеса обижена. И вообще — кабы ей он братом не приходился, то я бы подумал, что Морана его того... Ну этого самого... Но только это бред! Будь на ее месте американская богиня или азиатская — возможно. Там мораль другая и нравы тоже. Про Черный континент я и не говорю, видел я статуэтки их богинь, тех, у которых груди по полпуда каждая.

Но Морана... Да ну! Скорее всего, здесь имеет место быть профессиональная неприязнь. Или даже зависть. Не исключено, что Велес лидировал в размере паствы, количестве подношений, периодичности обращенных к нему молитв, что будило здоровую конкурентную нелюбовь у соратников по божественному промыслу.

— Ладно, то дела минувшие, — встала Морана с лавочки. — А нам надо о дне сегодняшнем думать. Одна из моих служанок поведала, что ты хотел меня видеть?

Непонятно.

— Что именно? — уточнил я, внутренне поморщившись. Что мне не нравилось в разговорах с Мораной, так это ее привычка уходить от прямых формулировок. Сказала она что-то — и гадай, какой смысл в эту фразу вложен.

— Почему желая меня увидеть, ты сам делать ничего не хочешь, — разъяснила богиня. — Служанка тебе ясно дала понять, как двери ко мне открыть.

— Причем предельно, — подтвердил я. — Но не подходят мне такие способы. В сотый раз говорю — не стану я людей убивать налево и направо ради достижения своих целей. Не принято сейчас подобное.

Ну это я загнул. Сдается мне, что тот же самый Соломин запросто на подобное пошел бы. Да что Соломин? И Павел Николаевич Ряжский тоже, посули ему гарантированное расширение бизнеса до неприличных размеров. Причем даже в том случае, если бы это пришлось делать собственноручно.

А я так не хочу. И не сумею, чего себе врать. Как представлю себя, перерезающим кому-то горло, так аж в холод бросает.

Правда, это говорит не столько о том, насколько хорош я или плохи они. Это, скорее, демонстрирует то, что они ради того, чтобы сорвать джек-пот, готовы на все, а я по-прежнему склонен к излишней рефлексии и непониманию текущего момента.

Ну и ладно. Переживу.

— Пойдем со мной, — поманила меня рукой Морана, направляясь к лесенке, ведущий на второй этаж. — Пойдем.

В закрома повела. В небольшую комнатку, где стоит расписной сундучище. А в нем — книга. Та самая. Опять будет тыкать пальцем в недоступные для меня страницы, пустые или покрытые тарабарскими крокозябрами, а после вещать о том, что я сам себе враг. Угадал. Но только отчасти.

Сундук Морана открыла, и книгу из него достала — это да. Но листать ее не стала, а просто положила на стоящий здесь же небольшой столик. Следом за этим она извлекла из сундука довольно-таки большое серебряное блюдо, края которого были испещрены то ли выцарапанными, то ли топорно отчеканенными странными знакам.

— Смотри, — велела мне богиня, прислонив блюдо к корешку книги, после вытянула из рукава белоснежный кружевной платочек и взмахнула им.

По блестящей глади блюда пробежали маленькие золотистые искры, следом по ней прошли волны, словно старое серебро оживало, а минутой позже я с удивлением осознал, что смотрю в эдакий сказочный телевизор, по которому показывают некое подобие фильма «Апокалипсис сегодня», только без музыки Вагнера. Да и вообще без звука.

Но — впечатляло.

Крепкий парень в черном плаще, стоя на холме, лихо отбивался от вояк в блестящих сталью кольчугах, лезущих к нему со всех сторон. То и дело один из нападавших выбывал из строя. Кому доставалось молнией, бьющей из внезапно сгустившейся тучи, кого обдавало водой, льющей прямоком из воздуха, про огонь я и не говорю, там и так горело все, что только можно. Причем за счет того, что дело происходило то ли вечером, то ли ночью, выглядело это все крайне зрелищно.

За всем этим наблюдали три суровых бородатых старца в белоснежных одеждах, каждый из них держал в руках крючковатый ростовой посох. Пылающая деревня за их спинами добавляла антуража этой сцене.

Парень крутанулся на месте, что-то проорал, обращаясь к небесам, и мигом налетевший ветер, который выглядел почти мультипликационно, одним махом смел с холма человек пять, которые почти подобрались к своей цели.

— Лихо! — проникся я. — Силен!

— Да-да, — подтвердила Морана. — Дальше гляди.

Еще минут пять парень в черном умело и даже где-то весело отбивался от превосходящих сил противника, но после в дело вступили белобородые старики. И вот против них ничего отчаяюга на холме предпринять не смог.

Ветер ему более не помогал, вылезшие из земли скелеты рассыпались на отдельные составляющие, не успев сделать шага, и вода с небес не лилась. В конце концов, в ход пошла сталь, так как магия, похоже, кончилась.

На мечах парень драться не умел, это даже я, максимально отдаленный от фехтования человек, понял сразу. Потому ничего удивительного в том, что героя древнерусского боевика быстренько обезоружили и связали, не наблюдалось.

Кончилось шоу вообще скверно. Парня связанным закинули в приземистое строение, по моему разумению — баньку, закрыли его там да и подпалили с четырех сторон. Причем никто кресалом не щелкал и факелом в крышу не тыкал. Один из стариков просто рукой махнул — и поползло пламя по стенам. Тоже впечатляет, причем крайне. Я бы хотел так уметь. Полезное заклинание, в жизни точно пригодится.

Банька сгорела шустро, напоследок порадовав зрителя в моем лице красивым спецэффектом. Когда в огне уже и стен видно не было, крыша вдруг словно лопнула, и в небо ударил столб синевато-багрового цвета.

Собственно, на этом трансляция закончилась и блюдо снова стало просто блюдом.

— Вот такой вот «ТНТ-Премьер», — задумчиво пробормотал я. — Эксклюзивный показ. Скажите, а где яблочко?

— Какое яблочко? — Морана подвинулась ко мне поближе. — Ты о чем, ведьмак?

— Ну обычно к тарелочке, которая транслирует какое-либо изображение, в сказках прилагалось наливное яблочко. Оно по краешку катается во время показа, обеспечивая работу данного гаджета, — объяснил ей я. — Фольклор. Вкус, знакомый с детства. Древнерусский «айпад», короче.

— Нет у моего «серебряного ока» никакого яблочка, — немного сердито объяснила мне богиня. — И увидеть оно дает только то, что мне самой довелось созерцать. Не стану скрывать — эту битву наблюдала тогда с удовольствием. И волхвам часть силы своей даровала, чтобы выродка того в Пекельное Царство отправить. Догадался поди, кто тот злодей в черном был?

— А как же! — пожал плечами я. — Кашеев отпрыск.

— Не просто один из многих. — Морана взяла блюдо и отнесла его обратно к сундуку. — Сын его. Первый в роде. Тот, что знания от отца принял.

— Тогда понятно, почему он настолько умело отбивался, — подытожил я. — Кабы не часть вашей мощи, и волхвам небось удачи не видать?

— Верно, — подтвердила Морана. — Силен был Рогволд, не отнять. Слабее Кашея, но все равно — силен.

— Богиня, я и так знаю, что у меня впереди не очень веселая встреча с представителем вышеупомянутой славной фамилии, — вздохнул я. — Что вы меня снова дополнительно пугаете? Мне и так страшно. С такой мотивацией я скоро фамилию сменю, пластическую операцию на лице сделаю и в Аргентину подамся.

— С веками сила потомков моего ненавистного бывшего супруга ослабела. — Морана подошла поближе, а после положила свои ладони на мои плечи, отчего по спине побежали мурашки. — Все меняется в этом мире, и она тоже. Твой враг не владеет и десятой долей той мощи, что была доступна Рогволду, про самого Кашея я и не говорю. Но все равно он силен. Не только познаниями в волшбе. Для него нет слова «нельзя», ведьмак, он берет то, что хочет, не утруждая себя оправданиями. Золото, власть, чужая жизнь — ему без разницы. Ты же сам себе придумал запреты и теперь не можешь их обойти. Потому он победит, случись между вами бой прямо завтра. Ты станешь сомневаться, а Кашеев змееныш — действовать.

— Знаю, — проворчал я. — Просто в нем человеческого не осталось, а я все еще одной ногой в мире Дня стою. И потом — детей резать даже ради своего спасения не стану. Это не потому, что я такой правильный, просто чем такой тварью становиться, лучше сдохнуть. И это вы из моей головы не вышибете, как не старайтесь.

Мне показалось, или Морана устало, совсем по-человечески, вздохнула?

— Все же в старые времена толковых людей найти было куда проще, — сообщила мне она.

— Слуг.

— Что?

— «Слуг», — повторил я. — Называйте вещи своими именами.

— Слуг, — согласилась Морана. — И ничего зазорного в том нет. Служить богине совсем не то, что прислуживать князю. Хотя и в том стыда нет никакого. Князь — первый среди равных, в чем позор? А богиня — она над всеми стоит, в ее терем только лучшие из лучших вхожи.

— Хоть в чем-то стал лучшим! — порадовался я. — А то с детства как-то не складывалось. И в «Зов джунглей» не попал, и олимпиады в школе сроду не выигрывал, и первая красавица на курсе до меня не снисходила.

— Снова непонятны твои слова, — упрекнула меня Морана. — Знай, ведьмак, если ты насмеяться надо мной вздумал, и я про то проведаю...

— И в мыслях не имел, — заверил я ее. — Лучше давайте мы с вами какой-то компромисс найдем, а? Ну... Такое решение, чтобы и вам хорошо, и мне кровь попусту не лить.

— Много воли взял, — руки богини покинули мои плечи. — Советы давать начал, хоть я тебя об этом не просила.

— Такие уж у нас там, в экс-Яви, времена, — тяжело вздохнул я. — Мое поколение — потерянное. Про нас все думали, что мы «некст», а оказалось, что «офф».

— Сюда иди. — Богиня снова переместилась к сундуку. — Вот, смотри. Ну да, как я и думал — пустая страница. Сейчас же последует реплика на тему: «Здесь могла бы быть ваша реклама».

Не успел я додумать эту мысль, как Морана ухватила мои щеки своими ледяными руками, ее огромные и нечеловечески красивые глаза оказались напротив моих, а после я ощутил прикосновение ее губ.

Голова закружилась, в ушах гулко ухнуло, а после на миг мне показалось, что земля и небо временно поменялись местами, но дела мне до этого никакого нет, потому что я лечу в какую-то бездонную черную пропасть.

А все почему? Потому что поцелуй богини — это вам не шутки.

Не знаю, сколько по времени заняло это действие. Скорее всего — секунды. Но мне они показались вечностью. Фраза избитая, но зато точно передающая суть произошедшего.

— Смотри, — ткнула в ту же самую страницу пальцем Морана сразу после того, как наши губы разъединились. — Видишь?

И правда — одна за другой на желтом от старости листе появлялись строчки, и я мог их прочесть. «Именем Света, именем Рода, именем силы его! Перун, громом явленный, внемли призывающим Тебя! Славен и триславен буди! Пошли нам дитя свое, да на место на красное...».

Ну и так далее. Я сразу не понял, что тут к чему, потому что раз за разом перечитывал строки, запоминая точный порядок слов (это важно) и список трав, которые нужно будет использовать для получения...

А собственно — чего?

Ладно, потом разберусь. Сейчас главное ничего не упустить и не перепутать.

Как в воду глядел. Минут через пять строки исчезли так же, как появились.

— Ведомо тебе, что ты сейчас узрел?

— Ну догадки есть, — уклончиво ответил я Моране. — Призыв это. Вот только кого? Вряд ли дитя Перуна лично заявится ко мне на помощь.

— Дети любого бога, те, кто дарован ему Родом. — Богиня снова приблизилась ко мне. — Перуну была дарована власть над огнем небесным, над молниями. Они есть суть его дети, те, что его именем и волей добро да зло творили. Молнии тебе не по плечу, людям меньшие силы доступны, но тоже могучие весьма. Смекнул, ведьмак?

— Ох ты, — я вспомнил, как волхв в том ролике, что мне Морана по древнерусскому «Ютубу» показала, запалил баньку. — Это значит, что я огнем из рук пыхать смогу?

— Если овладеешь волшбой, что я тебе показала — сможешь. Не так как перуновы ратники или мои волхвы, но — да. Да и друг тебе огонь. Ты потомок дружинных людей Олега Вещего, а он с ним ладил.

— Вот спасибо! — я даже не знал, что сказать. — Прямо...

— Я отдала часть себя, чтобы ты смог прочесть скрытое, — печально произнесла Морана. — Может случиться так, что именно этой капли силы мне не хватит в тот момент, когда... Но — неважно, ведьмак. Нет во мне жалости о свершенном. А теперь — иди. Ослабела я, и наши два мира связать воедино уже не могу.

И — все. Я лежу с открытыми глазами, рядом сопит Женька, забросившая мне руку на грудь, из кухни слышится похрапывание Родьки.

Кончилось свидание в Нави. Банальным женским шантажом кончилось. Она это знает, я это знаю, но изменить уже ничего не изменишь, последнее слово осталось за богиней.

И главное, прием какой избитый! Светка в годы супружества такие же фортели выкидывала. А Женька и того похлеще может отмочить.

Другое дело, что теперь стало предельно ясно — других подарков от Мораны можно не ждать ровно до той поры, пока она свое не получит. Больше скажу — и в Навь мне до той поры дорога заказана. Богиня четко дала понять — вот тебе, Смолин, маленькая ложечка вкуснятины. Не овощного бесполезного салата, что ты получал до того, а хорошего наваристого супа, которым наестся можно. А если хочешь получить целую тарелку этой благодати — будь любезен, заплати за нее.

В этом есть свой, пусть и невыгодный для меня, смысл. В конце концов, не она одна так поступает. Любой работодатель ровно то же самое проделывает с теми, кто к нему наниматься пришел. Более того — документально это фиксирует, используя красивую и возвышенную форму человеческих взаимоотношений, именуемую «трудоустройством». Ладно, пойду на кухню, запишу текст ритуала, а то, не ровен час, какое слово забуду. Или травку из состава.

И надо будет на выходных испытание провести, что ли? А то мне непонятно, как эта штука все-таки действует. В смысле — технологически. Рецепт сложный, практически — ритуал, значит, не так все просто. Значит, после него некая заготовка должна остаться, которую в нужный момент можно пускать в ход. Только надо понять, как ее активировать.

Но это — потом. А сейчас записать все — и спать. До утра всего-ничего времени осталось. На работу вставать скоро. Я туда все-таки пойду, хоть это и припахивает легким суицидом. Но у Ленки нынче день рождения, никак такое мероприятие пропускать нельзя. Не простит она подобного проступка, нет, не простит. Мало того — затаит зло и при случае сведет со мной счеты. Например, сыпанет в мою кружку с кофе рвотного напололам со слабительным. С нее станется.

Опасался я зря, за весь день так ничего и не случилось. В смысле — никто мне руки не заламывал, в машину не заталкивал, в лес не отвозил. День как день. Разве что Геннадий, с которым я столкнулся в коридоре ближе к обеду странновато на меня глянул, но и это не показатель. Он вообще товарищ очень мутный, что у него в голове творится — фиг знает. Впрочем, мне это до фонаря. Тем более, что под конец рабочего дня я в компании девчуль перешел к разделу «Маленькие офисные радости». Проще говоря — Ленка взгромодила на мой стол приличных размеров бисквитно-кремовый торт, за которым она не поленилась сгонять в какую-то особенно славную кондитерскую, находящуюся аж в районе «Парка Культуры». Вдохновленные видом и запахом этой кулинарной красоты, мы вооружились ложками и начали методично ее уничтожать, прямо так, без всяких там нарезаний на куски. Чай не графья. Да еще и запивали его «Ламбрусской», что усиливало вкусовую гамму. Чем не рай на Земле? И не мешает никто.

Все-таки хороший предправ Волконский. Правильный. Одним из своих первых декретов он упразднил тягостную повинность, обязующую именинников представлять перед трудовым коллективом для их поздравления. Врать не стану — меня всегда это напрягало. Стоишь, улыбаешься как дурак, и слушаешь слова, в которые не верит даже тот, кто их произносит. Теперь все просто — вызвал тебя руководитель в свой кабинет, сказал пару дежурных фраз, потряс конечность, вручил конверт — и иди работай. Быстро, удобно, хорошо! Кстати, конверт — это не премия от банка. Это коллеги скидываются кто сколько может тебе на подарок. У нас его с профессиональным цинизмом «фондом взаимопомощи» окрестили, причем точнее и не скажешь. Ну а как? Сначала ты весь год коллегам отстегииваешь на праздник, а потом, через двенадцать месяцев все эти деньги к тебе возвращаются, как правило, в том же объеме. Кстати — мне вот всегда было интересно узнать, кто по сколько мне на день рождения денег сдает. Нет-нет, не из меркантильных соображений. Просто это как лакмусовая бумажка, точно можно понять, как кто к тебе относится.

— Убери свою загребушую лапу от «розочки»! — потребовала Ленка от Наташки. — Я именинница, мне ее есть!

— Ты уже три штуки из четырех стрескала! — возмутилась Федотова. — Куда в тебя лезет? За этой перепалкой последовала дуэль на спешно облизанных ложках, и пока девчонки, сопя, звенели сталью, я спорную кремовую «розочку» съел. Все правильно, в большой семье хлебалом не щелкают.

— Смолин, скотина!!! — дружно взвыли мои коллеги, но я прекрасно знал, что нужно делать в подобных ситуациях и как избежать моментальной и безжалостной расправы.

— Время шампусика! — Я цапнул полупустую бутылку за горлышко. — Давайте тару!

— Потом его уьем, — предложила Ленка подруге, и та согласно кивнула, подставляя фужер. — Сашка, скажи мне, что я самая красивая!

— Ты самая красивая, — послушно повторил я. — А мы, мужики, просто зажрались! И еще — Ленка, если бы не моя позорная бедность, то я бы давно тебя подпоил, совратил, оплодотворил, а после по «залету» на себе женил. Но заставить такой бриллиант ютиться на моих сорока с копейками квадратных метрах мне совесть не позволяет. За тебя, и пусть у

тебя все будет чудесно-расчудесно! И еще! Хоть сейчас открой мне секрет — вокруг кого вращается Земля, если ты сейчас здесь, с нами?

— Врет, гад такой, но до чего приятно! — сообщила Елена подруге, осушила фужер и перегнувшись через стол, потянулась ко мне, сложив губы «бантиком».

Я, само собой, немедленно выпил, и сделал то, что подразумевалось. То есть с немалым удовольствием с ней поцеловался.

Нет, повезло мне с коллегами. Как есть повезло.

— Продолжим, — предложила Наташка и снова воткнула ложку в торт. — Кстати, есть новая сплетня про Чиненкову. Я, когда сегодня у «кредитников» в кабинете кофе тырила, ее случайно подслушала. Так вот, она на новенького мальчика из «операционного» запала! Ничего себе так мальчик, я сходила, посмотрела. Высокий, сероглазый.

— Пропал парень, — со знанием дела подытожила Ленка. — Любовь Чиненковой не всякий ветеран сдюжит, больно она удушливая. А уж новенький...

Я хотел было высказать свое мнение по этому счету, но не успел. Помешали. Точнее — помешала. Еще точнее — в наш кабинет без стука, как и положено хозяйке, решительно вошла госпожа Ряжская, а следом за ней и наш новый предправ.

Реакция моих подруг была молниеносной, такой, какой она и должна быть у матерых офисных служащих.

Ленка немедленно вскочила со стула, закрыв своей спиной стол и, радостно раскинув руки, заорала:

— Дмитрий Борисович, да что ж вы на меня время тратите? Позвонили бы, я сама пришла! Наташка же неуловимым кошачьим движением смахнула со стола бутылку с остатками шампанского и заменила ее на «минералку». Причем — беззвучно. Ни стука, ни плеска — ничего.

Опыт не пропьешь.

— С днем рождения, — протянул Волконский руку имениннице. — И да, Елена, зайдите потом ко мне в кабинет.

— Непременно, — девушка показала рукой на торт. — Может, с нами? Ну да, я знаю, что на рабочем месте есть нельзя, но повод больно весом. Мне же сегодня восемнадцать исполнилось.

— Мне казалось, что шестнадцать, — медовым голосом сбоку подпел я.

— Восемнадцать, — покачала головой Наташка. — Кто бы ее несовершеннолетнюю на работу взял?

— Я, — вставила свое слово Ряжская. — Дмитрий Борисович, вы идите к себе. Мы тут сами.

Вот здесь мои подруги насторожились. Волконский суров, но справедлив, это знали все. Но что ожидать от новой собственницы? Ее характер для всех, кроме меня, по-прежнему оставался тайной за семью замками.

— Торты? — предложил я Ольге Михайловне, показав на стол. — За компанию?

— Черт, тут кусок уже не отрежешь, — озадачилась именинница, глядя на расковырянное со всех сторон кондитерское изделие.

— И «розочек» не осталось, — иезуитски добавил я, открывая ящик стола и доставая из него ложку. — Экая досада!

— Нечего было последнюю жрать! — справедливо обвинила меня Наташка. — Вот, гостья пришла, а нам и предложить нечего.

Ряжская подкатила к столу запасное кресло, до того стоявшее у стены, и уселась на него. Я протянул ей столовый прибор, предварительно вытерев его своим платком.

Женщина молча запустила ложку в торт, отковырнула кусок покремистее и отправила его в рот.

— Это по-нашему, — признала Ленка, опускаясь на стул.

— Ага, — подтвердила Наташка.

— Шампанского налейте, — прожевав торт, велела Ряжская. — У вас есть, я знаю.

— Глаз-алмаз! — восхитился я, пока Наташка доставала из шкафа запасной фужер. — Вот такой это человек, роднули мои. Все видит, все знает!

— С днем рождения, — не обращая на мои слова внимания, произнесла Ряжская. —

Желаю, чтобы все в твоей жизни случилось так, как ты представляла себе тогда, когда тебе исполнилось пятнадцать лет.

Красиво сказано. Надо запомнить. Пригодится.

— Спасибо! — искренне ответила ей Ленка. — Пока особо ничего не сбылось из тех мечт, но я не теряю надежды.

— Не теряй. — Ряжская осушила фужер. — Не надо. И — подарок за мной.

— Да о чем вы? — смутилась девушка. — Какой подарок?

— Хороший, — губы Ольги Михайловны осветила та улыбка, появление которой, как правило, предвещало для меня какие-то неприятности. — А как по-другому? Она встала, подошла ко мне, взъерошила мои волосы, а после еще и за шею обняла, пристроившись за спинкой кресла.

Вот что у них всех за привычка меня за голову хватать? То за щеки, то за волосы. Ей-ей, раздражать начинает.

— Вы же обе с моим Сашенькой огонь и воду прошли? Он мне рассказывал о вас. Больше скажу, когда начались кадровые перестановки, он мне сразу заявил, что вас они коснуться не должны. Я, разумеется, согласилась, но ему потом ох как пришлось эту свою просьбу отрабатывать. Ну вы же меня понимаете?

И все это время правая рука Ряжской не бездействовала. Она то снова трепала мои волосы, то гладила по щеке, а под конец ослабила галстук, расстегнула две пуговицы на рубашке и нырнула под нее. Причем сама Ольга Михайловна маленько наклонилась и уперлась своим подбородком в мой затылок.

Тут даже тупой догадается, как я отрабатывал свою просьбу, что уж говорить о Ленке с Наташкой?

Логика поступка Ряжской мне понятна, вот только есть один просчет. Не станут эти двое выносить сор из избы. Как раз потому, что не тупые. Ну и потом — они со мной дружат, и прекрасно понимают, каким боком мне такая сплетня выйти может.

— Надо перекурить, — мило улыбнувшись, сообщила Наташка. — Лен?

— И к Волконскому зайти, — поддержала ее подруга. — Он там, в своем кабинете, поди уже извелся весь, меня ожидая. Небось, мерит пол шагами, гадает чего я за конвертом не иду. Нельзя так с ним. Все-таки председатель правления.

После чего эта парочка спешно покинула наш кабинет. Правда, почти наверняка никуда и не подумала идти, заняв пост у двери, больно уж отчетливо простучали их каблочки, удаляясь. Чересчур реалистично. Не знаю только, подслушивают или нет.

— Даже не спрашивай, зачем я устроила все это представление, — промурлыкала Ряжская мне в ухо.

— Не буду, — пообещал я. — И так понятно. Еще шампанского?

— Позже, — отказалась она и погладила меня по голове. — Ну, и что вчера было?

— Среда, — ответил я. — Если календарь не врет.

— Не то. — Руки женщины крепко обвили мою шею. — Не то, Сашенька.

— Может, конкретизируете вопрос?

— Знаешь, я сначала очень хотела тебя убить, — шептала мне на ухо Ряжская. — Не фигурально, а по-настоящему. Первые десять минут только о том и думала. А потом перестала.

— Чой та?

— Мне страшно стало. Так страшно, как никогда не было. Даже в девяностых, когда меня в подвале неделю небритые товарищи в кожанках держали в цепях, на хлебе и воде, ежедневно обещая к нехорошей маме отрезать все, что только можно. Имеется в моей биографии такой момент. Так вот и тогда я так не боялась. Я ведь даже заплакать не могла. Знаешь, я теперь точно знаю, что означает пословица «лежит, как бревно». И когда наконец поняла, что чувствую ноги, то передумала тебя убивать.

— Повторюсь — чой та?

— А у меня нет уверенности в том, что ты после смерти не заявишься ко мне, чтобы отомстить. И если ты такое сотворил, чтобы я просто подумала о своих словах, то что ты устроишь тогда, когда разозлишься? Я не хочу этого знать.

— Ну я в свое пожелание подумывать вкладывал немного другой смысл, но в целом направление верное, — одобрил я ее слова.

— Подумала, Саша. — Ряжская прижалась к моей щеке. — Ох, как я подумала. Время-то было. И, знаешь что?

— Что?

— Давай дружить, как раньше. Ну психанула, наговорила глупостей. Так ведь я женщина, что с меня возьмешь?

— «Минивэн», например, — предложил я. — Тот, что со всем фаршем.

— Это само собой. — Ряжская наконец-то разжала объятия, чуть крутанула мое кресло и, опершись на его ручки, нависла надо мной. — Кстати, потом скажи мне, куда его отогнать и кому документы передать. А то ведь контактов никаких нет. Но это — после. Сейчас о другом поговорим.

Я придал лицу скучающее выражение и вздохнул. Нет, можно было бы забавы ради глянуть за вырез платья стоящей передо мной женщины, благо был он довольно откровенным, да еще до кучи изречь что-то вроде «уф-уф», но это был бы перебор. Причем — сильный. Одно дело отстаивать свои права, другое — хамить.

Потому — лучше скука. Мол — опять вы со своими закидонами, дамочка? Сколько можно? — Кто? — тихо и страшно спросила Ряжская. — Кто это сделал?

— Без понятия, — мне не пришлось даже врать. — Мало ли в Москве умельцев? Знаю только, что не профессионал. Это не мои слова, а Виктории, а она в этом разбирается. Работай настоящий мастер, Павла Николаевича аккуратно сегодня вечером гримировали к завтрашнему мероприятию. Какому именно — сказать?

— Не дура, догадываюсь. — Ряжская отпустила рукоятки моего кресла и выпрямилась. — Найди мне его, Смолин. Пожалуйста. Я боюсь за Пашу. Очень боюсь.

Надо же. Второй день подряд мне доступна роскошь видеть настоящий облик железной леди. Кто-то в гробу перевернется.

Забавно, раньше эта поговорка мне казалась остроумной. А теперь — глупой. Может, и правда кто перевернется, почему нет?

— Знаешь, я сегодня утром всю прислугу рассчитала. — Ольга Михайловна налила себе шампанского и залпом осушила его. — Фу, химия какая. Как вы такое пьете?

— На что денег хватает, то и пьем. — объяснил ей я. — Нам «Дом Периньон» не по карману, причем любого года. Ленка не председатель правления, а обычный специалист.

— Кстати, вот и подарок. — Ряжская достала телефон и через минуту своим обычным тоном распорядилась: — Дмитрий Борисович, отдайте указание выдать в этом месяце премию той девушке, у которой сегодня день рождения. Да-да. Нет, в размере оклада. Штатное расписание не предусматривает? Так проведите приказом.

— Широко гуляете, барыня, — заметил я.

— Так вот, — положив телефон на стол и снова взявшись за бутылку, продолжила Ольга Михайловна. — Прислугу рассчитала. Секретариат в главном офисе тоже разогнала. Не весь, разумеется, только тех сотрудниц, что связаны с Пашей. Что ты заулыбался? Не в этом смысле.

— Конечно-конечно, — по возможности посерьезнел я. — Разогнали. Но?

— Но, мне кажется, корень зла — не там, — запечалилась женщина. — Я весь его ежедневник перерыла и коммуникатор тоже. Он той дряни, что его чуть в могилу не свела, минимум в шести местах мог хватить. И кто даст гарантию, что это не повторится снова? А я жить с постоянным страхом в душе не смогу. Эдак можно и с ума сойти!

— Запросто можно. — Я ковырнул торт ложкой. — Эх, Ольга Михайловна, Ольга Михайловна, в какое беспокойное время живем!

— Саша, я знаю, что ты можешь найти того, кто это сделал. — Ряжская хлопнула еще шампанского и снова подобралась ко мне поближе. — Прошу тебя — постарайся, а? Заметь — не провоцирую тебя, не шантажирую, не пытаюсь приказать, а прошу. Я ведь редко кого-то о чем-то прошу. Даже самой непривычно. Отвыкла. Саша, мне надо знать все об этом человеке. Имя, фамилия, адрес.

Да чтобы вам всем! Понятно ведь, зачем тебе адрес. Явно не для душевительных бесед. Но, если подойти с другой стороны, ведь не я этого красавца на тот свет спроважу, верно? При этом формально произойдет сие деяние с моей подачи. Вот Морана порадуетесь...

Одна загвоздка — я на самом деле не знаю, кто проклятие сработал.

Ну и что? Зато в курсе, кто его заказал. Отсюда и плясать нужно.

— Ты согласился, — тронула улыбка губы Ряжской. — Согласился, вижу. Вон морщинка на лбу появилась, значит, начал прикидывать свои дальнейшие действия.

— Теперь понятно, что означает фраза «на лице написано», — недовольно буркнул я.

— Не дуйся. — Женщина погладила меня по щеке. — Не надо. Даю слово — после того, как ты выполнишь эту просьбу, я оставлю тебя в покое. Будешь делать то, что захочешь сам. Никакого давления с моей стороны. Да, я тебе подобное уже обещала, но между «тогда» и «сейчас» имеется огромная разница.

— Это не потому, что вы добрая и справедливая, — заметил я. — Это потому, что теперь вы меня побаиваетесь.

— Не без того, — не стала спорить Ряжская. — И еще теперь в полной мере осознаю, с каким огнем играла Яна Вагнер. Ты же мог ее убить?

— В любой момент, — подтвердил я, решив немного преувеличить свою значимость. — На щелчок пальцев. Но не стал. Я вообще не склонен к насилию, потому как верю в торжество человеческого разума. И немного в инстинкт самосохранения.

— Мы будем просто дружить, — еще раз повторила Ряжская. — Только найди мне этого изверга. Деньги нужны?

— Пока нет, — подумав, ответил я.

— Понадобятся — скажешь. — Ольга Михайловна отправила в рот еще одну ложку крема, а после сокрушенно охнула. — Вот куда я столько жру? И так скоро жопа в дверь не пролезет. Саша, звони мне в любое время. Если что-то нужно — просто скажи. И девушку ту еще раз от моего имени поздравь.

Она толкнула дверь, из-за которой тут же раздалось ойканье, причем сразу на два голоса.

— Может, стоило ногой? — повернувшись, вдруг подмигнула мне Ряжская и потрогала лоб. — Не мне же одной «тоналкой» мазаться без меры? Да, чуть не забыла. Тендер мы все-таки выиграли.

И с этим она вышла. А мои боевые подруги, наоборот, вернулись обратно.

— Мы ничего не поняли, потому что не все слышали, — честно призналась мне Ленка. — Но знаешь, Смолин, я впечатлена!

— Премией? — уточнил я.

— И ей тоже. Но в первую очередь тем, каким борзым ты стал! Прямо вот круто-круто. Думаю, это тебя и погубит в результате, борзота никого до добра не доводила. Но пока — орел. Пусть комнатный — но орел!

— Все шампанское вылакала, — печально заметила Наташка, держа в руках бутылку. — И не побрезговала. А нам чего теперь пить?

— Мне Косачев бутылку «вискаря» должен, — вспомнил я. — И он вроде бы в банке. По крайней мере, час назад я его голос в коридоре слышал.

— Ага. — Наташка повеселела. — Ленк, у него наверняка «мартини» есть, я этого жлоба знаю. Скажи, что Смолин готов махнуть «вискарь» на «мартинишку», Косачев согласится. Виски дороже стоит, обмен выгодный.

За «мартини» последовал поход в бар, находящийся недалеко от банка, где мы еще текилу пили, потом я за каким-то лешим вылакал пару «лонг-айлендов», и в результате впал в практически полное беспмятство. По крайней мере, как именно я добрался до банка — не знаю. Впрочем, как и то, зачем я направился туда и почему охрана меня в негопустила — тоже. Но проснулся я часов в семь утра на диване в приемной председателя правления. Не сам. Меня разбудил нестерпимо громко горлающийся телефон, причем каждый звук мелодии, которую он исторгал из своего электронного чрева, колокольным эхом отдавался у меня в мозгу.

— А? — прохрипел я в трубку, озираясь и пытаюсь понять, где нахожусь.

— Привет, брат-ведьмак, — отвратительно бодро проорал мне в ухо Олег. — А ты чего спишь до сих пор? Ты ж вроде служилый человек? Я рассудил, что ты как раз сейчас утренний кофий допиваешь и собираешься на работу. А ты дрыхнешь. Непорядок. Тебя ведь так и уволить могут!

— Эх... — связная речь из горла не шла, в нем было сухо, как в пустыне Гоби. — Я шас! Кое-как мне удалось добраться до кулера и положить на него телефон, еще минута ушла на то, чтобы выдрать стакан из пластмассового держателя, который никак не хотел мне его отдавать.

И только после трех стаканов холодной воды я обрел возможность более-менее связно выражать свои мысли. Но — негромко, потому как барабанная дробь из головы уходит ни в какую не желала.

— Привет, — наконец смог я поприветствовать моего неожиданного собеседника. — Уф!

— Бухал! — утвердительно произнес Олег. — Уважаю. С четверга на пятницу, да так, чтобы утром еле дышать — не каждый сможет. Даже боюсь спрашивать насчет сегодняшнего вечера. А ну как ты норму этой недели уже выполнил и перевыполнил?

— Все в силе. — Я налил себе еще стакан холодной воды и, смакуя, выпил его. — У, хорошо! Так вот — буду непременно.

— Одно «но». — Олег хохотнул. — С тем и звоню, собственно. На час попозже встречаемся, у Димона и Славы Раз дела какие-то нарисовались ни с того ни с сего. Но ты, если что, имей в виду — столик заказан на мое имя на весь вечер. Придешь раньше — ничего страшного.

— А фамилия? — уточнил я. — Не говорить же мне девочке, той, что у входа за стойкой сидит вся в белом и с бейджиком на левой груди: «Заказан столик на имя Олега?».

— Там мальчик, — поправил меня ведьмак. — Но не суть. Муромцев моя фамилия.

— Понял, принял, — проорчал я, снова наливая себе воды. — Слушай, а по моему вопросу ты чего-нибудь нарыл? Ну помнишь, я просил...

— Помню, — уже серьезнее ответил Олег. — Кое-что есть, но давай не по телефону.

— Кстати — да, — согласился с ним я. — При встрече. Тогда — до вечера.

А что? С Ряжской станется поставить меня на «прослушку». Связей, денег и технических возможностей ей не занимать.

Но чего опасается Олег? Соломина? Да вряд ли, он еще в тот раз дал мне понять, что клал он на него с прибором.

Ладно, вечером узнаю.

Но пить не стану. Разве что пивка хлебну, хоть я его и не очень жалую. Но просто так сидеть тоже не дело, новые знакомые могут и не понять. Только вот если я продолжу так закладывать за «воротник» и дальше, то, пожалуй, оправдаю надежды моей бывшей жены. В смысле — сопьюсь нахрен и подохну под забором. Что ни неделя, так непременно пьянка, от которой не откажешься. Здесь никакого здоровья не хватит, даже ведьмачьего. Надо зелье из «копытня» сварить, есть у меня такой рецепт в книге. Если его жажнуть, то месяц от спиртного шараться будешь как черт от ладана. Отбивает данное зелье у человека охоту пить хмельное. Правда, там побочных эффектов масса, оно здорово по кишечнику бьет, язва может открыться. И совсем худо, если человек все ж таки выпьет чего-то крепкого в течение этого месяца. Умереть можно. Там в состав еще сушеный гриб-навозник входит, это он так действует.

Но в целом — хорошее средство. Действенное.

Потихоньку-помаленьку хмарь в голове совсем развеялась, а после двух кружек кофе вприкуску с «цитрамоном» и вовсе сошла на нет.

А попутно, чтобы совсем уж отвлечься от жалости к себе и тягостных размышлений на тему «вот так жизнь и летит под откос», я наконец-то выяснил, что же это за «русалий день» такой. У Мораны я про него ведь так и не спросил, хотя и хотел это сделать.

И — да, Женька оказалась абсолютно права. Если и возможно придумать языческий праздник, максимально неподходящий для потомков Кашея, то это именно он — «русалий день».

Вообще-то там всё, как, впрочем, и всегда, оказалось не так просто. «Русалий день» — это, между прочим, вообще не день. Это масштабное мероприятие, проходящее в два захода, причем каждый из них длится аж по неделе. Прав был Олег, русалки — это вам не просто так. Глупым дурочкам с рыбьим хвостом две недели просто так никто выделять не стал бы. Первая неделя — это формальное открытие сезона, пробуждение водяников, махание ветками вербы и прочие радости ранней весны.

А вот вторая — это уже серьезно. В течение этой недели наши предки чествовали наиболее авторитетных божеств и задабривали русалок, чтобы те особо летом не свирепствовали. Малых детей в это время даже к лужам не подпускали. Вот так-то.

В том числе имел место быть и день поклонения Моране, причем он чуть ли не хедлайнером являлся. По сути, вторая «русалья» неделя запечатывала двери в Навь до следующей зимы, не давая душам ушедших туда чудить в Яви. Ну или что-то в этом роде, просто данные на сайтах немного разнились. Но одно везде было единым, — вторая «русалья неделя» — время серьезное. Даже сейчас, когда все эти боги забыты. Богов нет, но остались те, кого они создали, и для этих существ, по сути, ничего не изменилось.

Кстати — надо будет навеститься к той речушке, что в Лозовке, бус каких тамошним русалкам подарить. Еще гребешков прикупить. Если они и в самом деле настолько серьезная сила, то я предпочту с ними дружить.

В общем, до лета у меня отсрочка.

Черт, может в самом деле спалить Соломина перед Ряжской, а? В конце-то концов мне ведь руки пачкать в крови не придется? Да и сволочь он, каких поискать, его не очень жалко. Хотя нет, пока погожу. Надо Олега выслушать прежде. Мало ли какие там расклады?

Вот только надо будет еще определиться с тем, насколько моему новому другу верить можно. Аксиома о том, что в мире Ночи нет друзей, есть только временные союзы, пока себя подтверждает.

В «Будвар» против своих ожиданий я заявился не первым. За крепким дубовым столом, расположенным в одном из укромных углов заведения так, что сидящих тут не то что слышно, видно не будет, уже сидел довольно молодой парень, попивающий пиво.

Глядя на него, я испытал чувство зависти, круто замешанное на моментальной вспышке неприязни. Это нормальное явление, так всегда случается со мной и мне подобными, то есть с восьмьюдесятью процентами мужского населения России в подобных ситуациях. Просто был этот парень плечист, красив, светловолос, голубоглаз и румян. Рост оценить я не мог, но уверен — прямо тот что надо у него он. К гадалке не ходи. Короче — эталон. При виде него большинство дам грустно вздыхает, а после печально озирает свое законное пузатенькое сокровище, которое, сопя носом, пытается скрыть раннюю лысину под кепкой, доказывая всем, что он еще ого-го каков!

— Ты — Александр? — одарив меня белозубой улыбкой, протянул мне руку парень. — Да?

А меня Михаилом зовут. Слушай, не смотри на меня так злобно, хорошо? Пожалуйста!

— Александр, — подтвердил я. — И ничего я не смотрю.

— Ладно тебе! — рассмеялся Михаил. — Мне этот взгляд хорошо знаком. Честно скажу — моя заветная мечта выглядеть так, как все. Ты даже не представляешь себе, сколько у меня проблем из-за внешности, и с каждым годом их все больше и больше.

— Брось! — не поверил я. — Как по мне, с такой внешностью у тебя их вообще быть не должно.

— Ага, — надулся Михаил. — Кабы так! И с каждым годом все хуже и хуже. Нет, у нас тут еще ничего, а вот в том году я в Штаты ездил, так вообще ужас! Добро бы только женщины приставали, так ведь нет! То и дело меня за задницу хватили эти... Ну ты понял. Я одному руку сломал, а он на меня в суд подал. Так что теперь за границу ни ногой. Короче — сам не рад, что тогда в источник Живы окунулся.

— В какой источник? — наострил я уши.

Оказывается, мне и Олегу еще повезло. В том смысле, что наставников нам судьба не выделила, в отличие от Михаила. Мы еще чего-то печалились, расстраивались, дураки такие. Вот у этого парня он был — и что? Прямо скажем — не позавидуешь, гонял этот учитель Михаила до седьмого пота, и не столько для развития потенциальных ведьмачьих навыков, сколько следуя своим собственным прихотям и желаниям. А под конец вообще его убить решил и ритуал провести, приплюсовав годы ученика к своей жизни. Вообще-то такие вещи Покон не приветствует, да и братья-ведьмаки тоже, но жажда жизни в старике победила здравый смысл.

Подвело его только то, что Михаил к тому времени уже окончательно озверел от постоянной муштры и унижений, причем настолько, что начал подумывать о том, чтобы либо в бега податься, плюнув на все, либо вообще наставника втихую придушить. Будь у него куда идти, сбежал бы, но детдомовское прошлое не давало этого сделать. Когда нет ни кола ни двора и никого на всем свете, даже компания тирана-ведьмака и его развалюха-изба родными покажутся.

Но убивать себя Михаил все же не позволил, сообразив чуть ли не в самый последний момент, зачем именно наставник вынул нож с черным обсидиановым лезвием и начал еле слышно бормотать заклятия. Короче — молодость победила, правда, заработав при этом несколько колото-резаных ран, ожоги на лице и перелом левой ключицы.

А происходило это все километрах в полтора от Москвы, в буреломном лесу у какой-то ямы, огороженной сгнившими от времени деревьяшками. И на дне этой ямы плескалась вода странного перламутрового цвета. В нее-то и свалился Михаил, почти потерявший сознание от боли и потери крови.

Оказалось, что эта яма — бывшее капище Живы, богини светлой и доброй, но прочно всеми забытой. Кровь наследника ведьмака пробудила воду, та притянула к себе силу, которая еще не покинула безжизненное тело покойного наставника, и закрутилась карусель, финалом которой явилось то, что Михаил одним махом исцелился, получил новую модельную внешность на пару с железным здоровьем и обрел свое место в мире Ночи. Ему даже привязывать к себе силу не пришлось, все сделал источник. Вот только заплатить за это пришлось тем, что новому ведьмаку не оставили возможности выбора. Мол — или служи детям Живы, или помирай прямо тут. Правда, я так и не понял, кто именно ставил его перед выбором, обошел рассказчик эту подробность стороной. А жаль. Хотелось бы знать.

Теперь Михаил — лесная душа. Дружит с птицами и животными, по мере сил помогает Лесным Хозяевам, гоняет волкодлаков, не знающих меры, изредка убивает распоясавшихся браконьеров и тех предпринимателей, которые в погоне за прибылью гробят леса. Что поделаешь? Предназначение.

При этом парень он, похоже, на самом деле неплохой. Пообещал мне в ближайшую купальскую ночь трав подсобрать на своей делянке, из числа тех, что вот так запросто не найдешь. Тот лес, где он свою судьбу принял, теперь стал для него домом. Ну и, конечно, знает, где что растет, причем некоторые травы и растения высаживает на специальной делянке, рядом с заветным источником Живы, к которому кроме него никому отныне хода нет. Там они в особую силу входят.

В гости, правда, не звал. Но оно и понятно — кто еле-еле знакомого человека к себе в дом потащит?

Пока я слушал эту историю, начали собираться и остальные участники встречи, причем, что особенно радостно, первым появился Олег, который и представлял меня тем, кто подошел позже него.

Я последовательно познакомился с Георгием, которого все звали «Гера», с Димоном и Пашкой, тем самым целителем, который просто так ничего делать ни для кого не станет, а под конец Славой «Раз» и Славой «Два», которые были похожи как родные братья, но при этом ими не являлись. Прозвали же их так оттого, что одного из них звали Ярослав, а второго Святослав.

Все они были действительно довольно молоды, по крайней мере внешне, и отнеслись ко мне крайне дружелюбно. Особенно мне понравилось то, что никто нос не задирает. Как оно обычно бывает, когда в сплоченный коллектив вливается новичок? Сразу начинаются шуточки и подколки на тему: «да ты еще зеленый совсем». А тут — нет, ничего подобного. Скажу честно — думал я на эту тему по дороге сюда. И решение, как поступить в таком случае, я для себя тоже сразу принял. Посидел бы полчаса, а потом откланялся. Обошлось. Нормальные ребята оказались, спокойные и с юмором. Причем никто на дружеские подначки не обижался, губы не надувал и обиженно не сопел. Впрочем, шутки тоже отпускались вполне корректные, без перегибов.

Я сам больше слушал, чем говорил, потягивая холодное пиво из литровой кружки, и пытался разобраться, кто есть кто в этой компании. В смысле — кто чем занимается по основной специализации. Олег служит воде, Михаил лесу, Павел целитель. А остальные? И какие вообще еще бывают варианты? Давным-давно, еще в той жизни, кто-то упоминал о том, какие пути могут ждать ведьмака, но, например, служение воде там даже не упоминалось. Так что — фиг знает, фиг знает...

Но напрямую спрашивать как-то неловко. Вот потому я сидел в уголке со своей кружкой, смотрел и слушал. И изредка вставлял слово в общий разговор, чтобы никто не подумал, что я компанию игнорирую.

— А он меня и послал! — азартно вещал тем временем Слава Два, попутно поедая хрустящее свиное ушко в панировке. — Даже за калитку не пустил. Я ему объясняю — весна, надо ритуалы проводить, у нас же контракт, сроки горят! А этот старый хрыч за окном только ладонь к уху приставляет и делает вид, что ничего не слышит. Постоял я еще минут пять у забора, плюнул и ушел. Пес с ним, с Демидом. Сами справимся!

— Что за ритуал-то? — не удержавшись, спросил я. — Если не секрет.

— Не секрет, — охотно ответил он. — На плодородие. Землю-матушку довели совсем, она от удобрений чуть ли не погибает. Знаешь, уже есть такие места, где костер можно разводить прямо из нее, из земли, столько там химии. Дров не нужно, почва как факел горит. И на вкус как рыба сушеная, соль сплошная. Ну а мы с Славкой немного помогаем ей всю эту дрянь из себя изжить. А она в ответ родит хорошо, особенно если посадить то, что нужно.

— Это как? — не понял я. — В смысле — «что нужно»? А земле не все равно?

Оба Славы рассмеялись.

— А тебе, Сашка, не все равно, что есть? — спросил у меня Слава Два, причем без какой-либо ехидцы. — Вон крылышко куриное, или салфетку, в которую оно завернуто? Нет. Так и земле не все равно. Есть разница, приятель, и огромная. Потому мы и консультируем фермерские хозяйства, что где какой год сажать, на договорной основе, разумеется. И им хорошо — урожаи обычно славные после наших трудов случаются, и нам денежка капает. Ну и миссию свою выполняем — Земле родной служим.

— Если бы еще этот старый пень Демид не жался на помощь, — вздохнул Слава Раз. — Он же старший, а в наших обрядах и ритуалах это очень важно — благословение старшего ведьмака. Это одно из звеньев заклания. Можно обойтись и без него, но тогда воздействие слабее будет.

— Ничего, — бодро заявил Слава Два. — Кровью закрепим. Кролика принесем в жертву. Или курицу.

— Лучше кролика, — посоветовал им Пашка. — От него выход энергии больше. И еще — кроли деревья и траву жрут, за то их мать сыра земля не любит. Потому их смерть ей радостней. А курицу хорошо в жертву водянику приносить.

— Это да, — подтвердил Олег. — Черный козел, пестрая курица, невинная девка их любимые лакомства, особенно у озерных Хозяев. А если их сразу и одним махом ему подарить, то рыба в том озере пятью пять лет не переведется.

— Не видать нам рекордных уловов, — хохотнул Димон. — Козла и куру добыть можно, но вот невинную девку нынче сыскать не получится.

— Смех смехом, но как лето наступит, и основная работа закончится, так Демид сразу позвонит, чтобы свою долю от заработка потребовать, — заметил Слава Раз. — Каждый год одно и то же.

— И каждый год я тебе говорю — пошли его уже, — цапнул еще одно копченое свиное ушко его напарник. — Не можешь сам — давай я. Не знаю, как тебе, а мне надоело делиться с этим старым хрычом. Да дело даже не в деньгах, слава богу, не нищенствуем. Просто мы горбатимся, а он только ворчит, пыхтит и претензии выставляет. Тоже мне, научный руководитель!

— Формально — да, — возразил ему Слава Раз. — Он и по документам так проходит. И ты сам тогда предложил его в них вписать, когда мы фирму открывали. Как там? «Для пущей реалистичности, чтобы не докопался никто». Ну вот, теперь разгребай!

— И разгребу, — набылчился Слава Два, снедь аппетитно хрустнула у него на зубах, и он продолжил с набитым ртом: — Фа не фопрос!

Сдается мне, что тут у всех дело на совесть поставлено. Не удивлюсь, если у целителя Павла своя клиника имеется.

И только я все еще хожу на службу и изображаю из себя не пойми кого.

— Нас стало больше. — Олег показал на меня. — А круг — скоро. Я опять говорю вам, братья — надо решать вопрос комплексно.

— А Покон? — негромко произнес Пашка. — «Чти старших, знай место свое».

— Покон не догма. — Слава Два облизал жирные пальцы. — И мы не дети. Кстати, о новеньком. Сашка, ты же Ходящий близ Смерти? Я не ошибаюсь? Просто так нам Олег говорил.

— Ну да, — не стал скрывать я. — А что?

— Слушай, нам твоя помощь нужна, — подключился к разговору его напарник. — Одно хозяйство на обслуживании имеется, наш старый партнер, лет десять с ними сотрудничаем, если не больше. И вот какая закавыка — у них в зернохранилище какая-то тварь заупокойная обитает. Что работниц пугает — это ладно, ерунда. Бабам эмоциональные встряски только на пользу, кровь по венам разгоняют. Зерно эта дрянь портит.

— То есть? — не понял я. — Каким образом? Зерно материально, тени мертвых — нет.

— Тварь из тех, что окончательно ушли на ту сторону, — пояснил Слава Два. — Она своими эманациями все вокруг пропитала. Зерно же — оно как губка, все в себя впитывает. А из него потом хлеб будут печь, между прочим. Или, того хуже, в землю снова бросят. Ничего путного из такого зерна не вырастет, и будет все поле в «заломах». Может, поможешь? А мы, если что, в долгу не останемся.

— Даже не сомневайся, — подтвердил Слава Раз. — Мы эту погань сколько раз пытались извести, но тут особый дар нужен. Ну ты понимаешь, каждому свое. Так что мы тебя как манну небесную ждали.

— Точнее — уже и перестали ждать, — уточнил его друг. — Ходящие близ Смерти в наших рядах редкость. Редкое предназначение, не всякому по плечу.

— Эй, братья по бизнесу, у вас совесть есть? — поинтересовался Димон. — Парень только-только нас всех по именам запомнил, а вы его уже к своему делу приставляете.

— Я уж молчу про то, что его в круг не ввели, — добавил Олег.

— Ой, кто бы говорил! — в один голос произнесли Славы. — Тебе первому на наших старперов плевать с высокой колокольни!

— Это да, — не стал спорить Олег. — Но насчет совести вопрос не праздный. Дэна на вас нет!

Дэн — это второй целитель, что сейчас на Гоа прохлаждается, если не ошибаюсь.

— Точно-точно, — подтвердил злорадно Гера. — Будь он здесь, мало бы вам не показалось!

— Можно и помочь, — наконец вставил свое слово я. — А далеко ехать?

— Да нет, — обрадовался Слава Раз. — Полтораста километров по Симферопольскому шоссе. Транспорт с нас!

— И питание, — потребовал Олег. — Я тоже с вами махну. Все равно делать нечего.

— Так, может, завтра и дернем? — поскреб вилкой по опустевшей тарелке Слава Два и расстроено причмокнул. — Чего тянуть? Выспимся как следует, и часика в четыре в путь. Как раз к вечеру, с учетом пробок, доберемся. Молодой человек, можно вас? Нам бы свиные ушки в панировке повторить!

Планов на завтра у меня не имелось, а оказать услугу коллегам всегда не лишнее, потому возражений с моей стороны не последовало. Мелькнула, правда, опасливая мыслишка, что не сильно разумно ехать с еле знакомыми людьми к черту на куличики, да еще и вечернею порой, но она быстро развеялась.

А смысл им меня убивать? Нам делить нечего, от слова «совсем». Никто никому солнце не закрывает, вот какая штука. У каждого из нас свой путь под светом Луны, и они не переплетаются. Так что бояться нечего.

Ну и потом — я же подстрахуюсь. Причем сделаю это, не откладывая это в дальний ящик.

Одним из первых, подчерпнутых мной в книге Мораны, было заклятие «Зов мертвых». Хорошая штука, особенно если ей пользоваться по уму. Сейчас-то я им владел более-менее, а вот когда использовал в первый раз, то чуть не спятил от гвалта неупокоенных, почти ментально столпившихся вокруг меня. Их было не меньше сотни, и каждый пытался сказать мне что-то свое. Оно и понятно — я ж сдуру призвал к себе все бродячие души, обитавшие в радиусе пяти километров. Естественно, они не смогли противиться призыву и приперлись туда, где находился я. Хорошо хоть, не у своего дома это сотворил, а то пришлось бы его на осадное положение переводить, да еще и с «обчеством» после объясняться.

Как я эту компанию разогнал — до сих пор не понимаю. Но — нет худа без добра, зато выводы надлежащие сделал, и теперь мог призвать именно ту душу, которая мне была нужна.

Например — мою верную помощницу Жанну.

Глава одиннадцатая

Сказано — сделано. Не откладывая в дальний ящик задуманное, я отправился в туалет, где достал из внутреннего кармана пиджака небольшой мешочек, набитый травяной смесью, с помощью которой я и собирался призвать Жанну.

Зелье, размещенное на бачке унитаза, полыхнуло оранжевым пламенем, и я, поморщившись, глянул на потолок. Всякий раз забываю про пожарную сигнализацию. Не хватало только, чтобы она сейчас сработала!

Но нет, обошлось. Впрочем, я почти сразу забыл о своих опасениях, поскольку время не ждало. Здесь все решали секунды, упустил миг — начинай сначала.

От черного пятна, которое оставило сгоревшее зелье, отделилось маленькое облачко и зависло в воздухе.

— Жанна, верная помощница моя, — нагнувшись к нему, тихо, почти неслышно, шепнул я. — Приди ко мне.

Сейчас-то я имя назвал, на пару с отличительным признаком, и порошку сжег всего ничего. А в первый раз у меня ума хватило запалить полную пригоршню этой смеси, а после пафосно произнести: «Меня кто слышит? Эй, вы где все?». Неудивительно, что потом такое столпотворение началось.

Облачко сжалось и разжалось, словно маленькое сердце, а после растаяло в воздухе.

Повторюсь — тянуть нельзя. Облачко это все равно секунд через пятнадцать-двадцать исчезнет, ему плевать, успел ты чего сказать или нет.

И что удобно — ждать результата почти не нужно. Еще вонь от сгоревшего зелья не развеялась, а моя призрачная соратница уже печально произнесла у меня за спиной:

— Ты меня долго не звал. Я надоела тебе?

— Дай хоть из кабинки выйти, — попросил я ее. — Нашла место, где отношения выяснять.

При всех своих недостатках и почти тотальной необразованности, Жанна все-таки была девушкой сметливой, потому довольно быстро уяснила, что именно от нее требуется.

— Смотреть за теми двумя, которых ты назовешь именем «Слава» и слушать все, что они будут говорить, — послушно повторила она. — А эти двое — они геи?

— Откуда такие выводы? — опешил я.

— Так из твоих слов, — резонно объяснила мне Жанна. — Если двое мужчин приехали вместе и уедут вместе, то они, скорее всего, геи. Нет-нет, ты не думай, я нормально отношусь...

— А я — нет, — мне даже в голову не пришло ее дослушивать. — Причем совершенно!

— Если они не геи, то, по идее, каждый поедет к себе домой, — продолжила логично рассуждать мертвячка. — И за кем из них мне следовать?

— В этом случае ни за кем, — подумав, ответил я. — Тогда можешь быть свободна. Но если все же в одной машине отбудут — следи. Ну а дальше по ситуации. Как поймешь, что больше ничего интересного не услышать, возвращайся к моему дому и дай о себе знать.

— Ясно, — гротескно козырнула Жанна.

— Геи, — хмыкнул я и погрозил ей пальцем. — Придумает же!

С этими словами я вышел из туалета, у двери наткнувшись на бородатого байкера в косухе и цепях.

— Мужик, ты главное резко не бросай, — басовито посоветовал он мне. — С крепкого на пиво сходи, мягонько так. Главное — не на винище, толку не будет. Но — пора тебе. Если человек в туалете сам с собой разговаривает в голос — это звоночек. Ты мне поверь, я знаю, сам через это проходил!

Меня похлопали по плечу и одарили сочувствующим взглядом.

Нет, есть все-таки у нас еще хорошие и добрые люди. С виду — чистый зверь. А на деле — душа-человек!

Но в целом вечер вышел хоть куда, давно мне не было так весело и легко, особенно учитывая то, что кроме Олега я никого до этого не знал. Да что там — даже накануне, когда я бодро напивался в компании Ленки и Наташки, которые мне, в общем-то, почти родня, и то скучнее было. К тому же эти две красавицы в конце концов еще и забыли меня пьяненького в баре.

Я наслушался забавных историй из прошлого каждого из них, сделав вывод, что не только мне в самом начале приходилось лихо, узнал подробности о «старшаках», которые в нынешнем времени ничего не понимают и даже не стремятся этого делать, и пришел к выводу, что крайне своевременно встретился с Олегом. Пропусти я нынешний ведьмачий круг, еще бы год пришлось ждать, а это не очень хорошо. Это не то чтобы прямо инициация, но очень важное мероприятие. После этого действия я стану полноправным ведьмаком, который может рассчитывать на помощь коллектива, если совсем уж беда нагрянет. По мелочам беспокоить не принято, но если совсем «труба» — то можно.

Интересно, Кощеев отпрыск по шкале неприятностей где находится? Мелочь он или нет? Покинули мы заведение ближе к полуночи, долго прощались у освещенного входа, хлопали друг друга по плечам и обменивались рукопожатиями.

— Завтра днем созвонимся, — на прощание сказал мне Слава Два. — К четырем будь готов, мы за тобой заедем.

— Но сначала за мной, — напомнил Олег и строго помахал пальцем у носа Славы Раз. — Не забываем!

— Да о тебе забудешь, — хором сказали друзья, а после полезли в такси. Жанна скользнула следом за ними и помахала мне рукой, прежде чем машина, мигнув красными огнями, скрылась в московской ночи.

Следом за ними отбыли остальные участники пирушки, и мы с Олегом остались вдвоем.

— Пошли по набережной пройдемся, — предложил ведьмак. — Проветримся и заодно поговорим. А потом уж машинки вызовем.

— Не вопрос, — сразу же согласился я. — Слушай, весь день голову ломаю — что ты такое выяснил, о чем по телефону говорить нельзя? Соломин — шпион?

— Соломин — идиот, не сказать хуже, — в тон мне ответил Олег. — Он, похоже, связался с кем-то очень и очень... Даже не знаю... Темным? Звучит претенциозно. Опасным? Много чести. В общем, с кем-то из наших, но не из наших. Вот так вот кривенько объяснил, зато суть отражена верно. Как вариант — это колдун. Не новичок, но и небольшой умелец. Скорее всего из самоучек, но уже с кровью на руках.

— С последнего пункта поподробнее, — попросил я. — Что значит «с кровью на руках»?

— Все время забываю, что ты ряда общеизвестных вещей не знаешь, — досадливо поморщился Олег. — Ладно, смотри. Колдун — это не наследственная профессия, как, например, у травниц, и не насильно навязанное тебе жизненное предназначение, как у нас. Колдун — призвание, как у художников и артистов. Это сознательный выбор жизненной позиции, если хочешь. И сразу оговорюсь — не все колдуны злодеи. Далеко не все. Хватает среди них таких, что людей вполне уважают, и даже им помогают. Не безвозмездно, разумеется, но берут они за свои услуги деньги, а не души, что, согласись, далеко не самый скверный вариант.

Олег достал из кармана сигареты и зажигалку, собираясь закурить.

— Надо же. — Я воспользовался заминкой и вставил свою пару слов. — Мне казалось, что любой колдун — зло.

— Нет, — затянувшись, возразил мне ведьмак. — Совсем не любой. Но такие есть. И, что примечательно, в основной массе своей это самоучки. Сначала они получают колдовскую книгу, как им думается, совершенно случайно, потом начинают с ней экспериментировать, познавая мир Ночи и попутно познавая силу первой власти над людьми, ну а потом...

Потом они встают перед выбором, кем быть. Остаться человеком или перейти на другую сторону бытия.

— И какова статистика? — заранее зная ответ, поинтересовался я.

— Понятия не имею. Я за этой публикой не слежу. Но, думаю, неутешительна.

Прав был Лагутенко, «мастерами кунг-фу не рождаются».

— А почему ты думаешь, что Соломин связался с колдуном? — отменяя пяток вопросов, касающихся мелких деталей, спросил у Олега я. — С чего ты это взял?

— Да потому что этот хрен моржовый вконец оборзел, — пыхнул дымком мой спутник. — Не поверишь — он меня послал. Не выбирая выражений.

— Ну так ты его тоже посылал, судя по рассказам. И не раз. Вот он ответочку и включил.

— Но он-то мне не нужен, — резонно заметил ведьмак. — В смысле — по жизни. Что есть, что нет — никакой разницы. У меня и без него клиентуры хватает. А вот я ему — другое дело. И тут — на тебе. Соломин высказывает мне все, что наболело, а под конец еще обещает построить козью рожу. Сашка! Каково? Откуда такая смелость? До того год за годом был тише воды, ниже травы, а тут поглядите. Вывод?

— Появился некто, пообещавший сделать то, от чего ты отказался, — уверенно заявил я. — Других вариантов нет.

— Верно, — хлопнул меня по плечу ведьмак. — Добавь сюда странную историю, произошедшую с твоим подопечным, и получишь вполне связную версию. Кстати, тебе тоже были обещаны крупные неприятности.

— А про меня Соломин откуда узнал? — я даже остановился.

— Непосредственно про тебя — ниоткуда. — Олег достал из кармана переносную пепельницу и щелкнул ее крышкой. — Речь шла о тех, кто помог обчистить сейф, а это, собственно, вор и тот, кто его навел. Последний — ты. Но я бы на твоём месте особо не нервничал. Даже хороший колдун вряд ли сможет отследить дорожку к твоему дому. Следы мертвых видят далеко не все, да и времени прошло много. Относительно же меня можешь быть спокоен — свои своих не сдают.

Да елки-палки! Тут с одним колдуном не знаешь, что делать, а уже второй на подходе.

— Хотя, если свести все петли воедино, поставить «наружку» за твоими нанимателями, собрать доказательную базу... — продолжал вещать Олег, гуша сигарету. — Но это работа специалистов другого профиля, никак не чернокнижного. У Соломина, разумеется, есть служба безопасности, в которой работают неплохие профи, но он их подключать не станет. Велика возможность утечки информации о том, что именно подрезали из сейфа, а ему огласка не нужна. Так что шансы найти проблемы на свою голову у меня куда выше, чем у тебя.

— А тебе это, я так понимаю, пофиг?

— Не то чтобы... — Олег убрал пепельницу обратно в карман. — Хотя — да, пофиг. Я свой страх давно пережил, так с нами всеми бывает. В смысле — с ведьмаками. Сначала страшно, потом интересно, потом... Потом у каждого свое. Мне вот скучно, Славки себя в бизнесе нашли, фирму открыли, совмещают приятное с полезным, Дэн по полгода в Индии сидит, кобр дрессирует. Его путь — болота, змеи и яды, а там этого добра полно. Говорят, в старые времена каждый из нас появлялся на свет зачем-то, была некая высшая цель в этом, промысел, так сказать. Вот только времена изменились, а цели то ли измельчали, то ли вообще исчезли. Потому мы просто существуем, в отличие от ведьм или волкодлаков. Те хоть как-то знают, зачем рождены и чего хотят от этого мира. А мы — нет.

— Безрадостная картина, — признал я. — Из оптимистичных моментов только одно — со временем, возможно, и от меня страх уйдет. Хотелось бы.

— А чего бояться? — рассмеялся Олег и, встав спиной к темной глади реки, оперся руками о низкий гранитный парапет. — Смерти? Так ее нет, тебе ли не знать? Глада, хлада и мора? Или какого-то самопального колдуна, который может свести со мной счеты по заказу барыги?

— Например, — раздалось шипение у меня над ухом, а после черная тень, которую я успел заметить краем глаза, вбила свою ладонь в грудь Олега.

Что-то сверкнуло, и мой новый приятель без крика перевалился через парапет и канул в темноту воды.

Не скажу, что я потратил эти секунды зря, заветную иглу я достать успел, и даже попробовал пустить ее в ход, только вот рука ткнулась в пустоту.

Черная тень оказалась невероятно, сверхъестественно быстра, там, где она стояла секунду назад, уже никого не было.

— Пора. — Шипение раздалось у меня за спиной, я моментально развернулся на месте, а после понял, что больше никаких движений сделать не смогу, поскольку руки и ноги словно стянули крепкими веревками. Именно веревками. Это не то, что я проделывал с Ряжской, тут нечто другое, менее впечатляющее, но настолько же эффективное.

И, похоже, губительное для меня.

Последнее, что я увидел, это асбестово-белое лицо в обрамлении капюшона угольно-черного «худи», да страшные глаза со зрачками-точками.

И все. А потом я полетел с набережной вниз, сопровождаемый словами:

— Ничего личного.

В воду я вошел неудачно, врезавшись в нее спиной и мигом потеряв ориентацию в пространстве. Ну и, понятное дело, камнем пошел на дно. Москва-река — не Яуза, тут и у берега глубина изрядная. Ну как изрядная? Где три метра, где шесть, а у Перервы вроде как даже шестнадцать.

Но лично мне и двух — за глаза. Особенно в нынешнем состоянии, когда я ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу.

Не хочу умирать! Не хочу!

Вот только никого мои треволения не печалили. Да и кто их мог услышать? Серые безжизненные воды Москвы-реки за века в себя такое количество утопленников всех видов приняли, что их даже сольный концерт Садко в сопровождении оркестра гусельников не растрогал бы. Что тогда говорить о предсмертных терзаниях какого-то глупого и нерасторопного ведьмака?

Я задергался, как рыба, попавшая на крючок, но толку от этого не было, только еще ниже ушел, а через пару минут мои ноги коснулись склизкого дна реки.

В висках стучало, вены на лбу, скорее всего, набухли так, что вот-вот прорвутся, перед глазами поплыла багровая пелена.

Тут я еще и на дно завалился, влекомый течением, отчего остатки воздуха вылетели из моей груди, а в рот хлынула вода.

Вот и все, я утонул.

И каково же было мое удивление, когда я осознал, что могу дышать! Мало того — что я лежу не на дне реки, а на камне, охлаждающем кожу через мокрую одежду, и что меня вот-вот вырвет.

Это, собственно, немедленно и случилось. Хорошо хоть голову повернуть успел в сторону, себя не забрызгал.

Что ел в ресторане, что не ел. Нет, не впрок мне идут посещения подобных мест, один вред от них. Надо дома питаться, там дешевле, там надежней. Да и вкуснее.

Но это все ладно. Я снова могу двигать руками и ногами! И это — здорово.

Правду говорят люди — прежде чем кого-то карать, испытай наказание на себе и пойми, насколько тот человек этой муки достоин. Может, зря я Ряжскую тогда обездвижил? Может, как по-другому поступить стоило?

— Вот же сука! — послышался рядом голос Олега. — Тварь! Ну все, теперь мне долго скучно не будет, теперь у меня дело есть.

Я оперся ладонями о гранит, привстал и повертел головой. Понятно, один из спусков к реке, которых тут, на набережной, немало. Вот только там, где нас прихватил загадочный гад в «худии», ничего подобного не имелось, это уж точно. Вопрос — как я сюда попал? Да еще и живой?

Или уже неживой? Все мертвецы поначалу уверены в том, что они все еще существуют, мне ли не знать?

Я ущипнул себя за руку. Больно.

— Ну ты глянь, Сашка? — Олег, голый по пояс, показал мне свою дорогую кожаную куртку, на которой красовалась изрядных размеров дыра, аккурат в том месте, куда его ударил ладонью нападавший. На груди, к слову, у него красовался огненно-красный ожог — На заказ делали! А теперь все, теперь только в помойку! Не прощу!

— Это ты меня спас? — кряхтя я пододвинулся к стене и оперся на нее спиной. — Из реки вытащил? Я думал все, пипец мне. Уж и воды хватанул...

— Да какой там! — отмахнулся Олег. — Меня самого еле откачали. Огонь же! Мой главный враг. Будь этот дурак посмекалистей, так ни за что меня в воду бросать не стал бы, она одна меня спасти могла. Ну и водяницы, понятное дело. Они и пламя в груди потушили, и меня подлечили. И тебя, кстати, тоже они вытащили, в счет старого долга. Вот тебе и ответ на твой вопрос, чем тебя одарили. Ну помнишь, ты у меня спрашивал при первой встрече, что, мол, и как? Так вот — шанс на жизнь тебе та русалка дала, тот, с которым сухим из воды выходят. Точнее — три шанса. Еще точнее — уже два. Мне их старшая так и велела тебе передать, мол: «Еще два раза в смертный час вода не причинит тебе вреда».

Стоило оно того тогда, осенью. Стоило. Это, выходит, я той ночью не Аглаю пожалел, а себя спас.

Тьфу, какая чушь в голову лезет.

— Пижон с конфетной фабрики! — продолжал разоряться Олег, глядя на дыру в куртке. — Ух, я его встречу!

— Или он нам второй раз «ух» устроит, — сплюнул я и вытер мокрое лицо. — Ругайся не ругайся, а отработано красиво.

— Меня врасплох застал, а ты еще зеленый совсем, — возразил мне ведьмак. — И потом — злодей явно кровью «забросился». Ты его глаза видел? Зрачков практически нет.

— Вот сейчас неясно, — просипел я, трогая горло, которое саднило нестерпимо, то ли от того, что воды холодной наглотался, то ли после того, как эту воду из себя изверг. — Так это чего, это нас вампир чуть не угробил?

— Хремпир! — рявкнул Олег и злобно скомкал пачку мокрых сигарет. — Граф Фигакула! Колдун это был, колдун! Как видно — тот самый, правильно я все просчитал. А кровь ему силу дает. Своей-то у него откуда взяться? Самоучка, как и сказано выше. В обрядах за кладбищенской оградой он не плясал, через посох не прыгал, наставника своего не убивал. Как бы так тебе объяснить... Это как с самоучителем пробовать машину водить. Вроде бы все написано верно, и картинки есть, но пока ездить научишься, не одну «тачку» разобьешь. А с наставником раз-два — и поехал. Вот и тут то же самое. Он азы выучил, а силенок нет. И что тогда?

— Что?

— Кровь. — Олег тоже присел и оперся спиной о гранит. — Она, родимая. Чего ты дергаешься? Это жизнь. В ней знаешь сколько мощи? Даже полный бездарь много чего натворить сможет, если ее в ход пустит.

Чего дергаюсь? Больно часто про неприятные вещи, вроде обрядов на крови, вокруг меня упоминать стали. Это немного нервирует.

Ну и холодно еще. Весна хоть в этом году и теплая, но апрельская ночь — не августовская. Да после водной процедуры.

И вот тут меня вывернуло наизнанку второй раз, еле вскочить успел. Пришло осознание того, что произошедшее со мной несколько минут назад приключение — настоящее. Это не кино, не книга, не сон. Все взаправду. И вода, которая хлынула ко мне в легкие — тоже. Кабы не дар Аглаи, лежать мне сейчас на дне, перемещаться вниз по течению. Нет, Олег меня, может, и нашел бы потом, но толку-то от того?

Вот как тут не вспомнить еще одну мудрую фразу, которую не знаю кто произнес — спешите делать добро. Оно и вправду всегда возвращается.

Как и зло.

— Слабоват ты в коленях, брат-ведьмак, — хмуро буркнул Олег. — Я только кровь упомянул, тут тебя и стравило. Давай, как-то закаляй дух. Иначе не выжить тебе.

— Да не в крови дело, — вытер я рот. — Накатило просто.

— Это бывает, — признал мой товарищ по несчастью. — Слушай, я, наверное, с вами завтра уже не еду. У меня, как ты видел, дела личного свойства появились.

— Уверен, что один справишься? — усомнился я. — Ты что хочешь говори, а этот гад силен.

— Мне его поймать надо до того, как он сдохнет. — Олег извлек из кармана джинсов комок, в котором угадывались деньги. — То есть — спешить нужно.

— Думаешь, не ты один на него зуб имеешь?

— Это тут при чем? — поморщился Олег, отлепляя одну купюру от другой. — Хотя не исключено, не исключено. Тут дело в другом. Если он себя постоянно кровью разгоняет, это плохо кончится. Я ж сказал — самоучка. Ни один настоящий колдун, ни одна ведьма использовать кровь в таких количествах не станут. По граммчику в обрядах раз в квартал — да. Но постоянно? Вот скажи — ты же концентрированную серную кислоту не пьешь на завтрак вместо чая? Правильно. А кровь для таких как он — это, по сути, она и есть. Препарат силы немалой и разрушительности такой же. Только этому уроду никто ничего не объяснил, и он думает, что так поступают все остальные колдуны. Поверь, я знаю, что говорю. А еще он шалает от собственной силы, считая себя всемогущим. Нет, оно и понятно — вчера ты обычный дрищ, а сегодня — полубог. И сделал его таким какой-то несложный ритуал. Само собой, он теперь не остановится. То есть — будут новые жертвы, но даже не это главное. Эта тварь хотела меня убить, я такого не прощаю, потому хочу забрать его жизнь до того, как он окончательно перестанет быть человеком. А это случится очень скоро.

— Если не сложно — поясни последнюю фразу, — попросил я, достав из кармана пиджака телефон, увы, безнадежно испорченный водой. — С чего ты взял, что он со дня на день очокурится? Мне рассказывали, что у колдунов душа к телу гвоздями прибита.

— Ты меня вообще слушаешь? — Олег разложил купюры на камнях, точнее — прилепил их к ним. — Я не сказал, что этот поганец умрет. Фраза звучала как «перестанет быть человеком». В нем и сейчас людского уже немного осталось, а скоро вовсе ничего не будет. И тогда он начнет отдавать долг тем, кто ему книгу подсунил и немного могущества отсыпал на время. Штатная история. Этот дурак не первый и не последний. Каким образом он отработывать должок станет — объяснить?

— Догадываюсь — я ногтем подцепил крышку телефона и снял ее — Все, точно хана аппарату.

— И потом... — Олег помялся. — Боюсь, он слышал наш разговор, и понял, что ты тоже в теме. Ну, по Соломину. Само собой, он уверен, что мы мертвы, но кто знает? Так что оно и хорошо, что ты завтра с парнями в поля умогаешь. А я сначала проведу бывшего клиента, чтобы выяснить ряд моментов, ну а после поеду к этому красавцу. Уверен, адрес мне господин Соломин предоставит.

Всем хорош Олег, но очень уж самоуверен. Интересно, а я со стороны в последнее время не так ли выгляжу? Если да — то надо в себе что-то менять. Так не пойдет.

Тем временем мой новый друг определил наше местоположение и вызвал такси. У него телефон оказался водонепроницаемый.

— И как мне в него садиться? — вопрошал он у меня, вертясь на месте с разведенными в стороны руками. — Боюсь, меня даже за двойной тариф в таком виде в машину не пустят!

— Не такая уж большая дырка в куртке. Сойдет, — высказался я по этому поводу, но мигом замолк, как только Олег печально мне подмигнул через отверстие в кожанке. То ли

заклятие еще действовало, то ли кожа была специфическая, но за минувшую четверть часа дыра увеличилась вдвое. — Ладно. Держи мой пиджак. Только чур с возвратом!

— Другое дело, — обрадовался Олег. — Из карманов все забирай, хорошо? А то тащись потом к тебе, вези какую-нибудь визитницу. И «нет» не скажешь, ты же вроде как благодетель.

Я распахнул свое добро по карманам потихоньку подсыхающих брюк и протянул ведьмаку свой пиджак.

— Ты вот что, — попросил я его. — Не застегивай его. Пожалуйста.

А как по-другому? Олег куда массивней, чем я. В плане мускулатуры. Как бы он вообще не лопнул у него на спине.

— Слушай, а как вообще к самоучкам книги попадают? — спросил я у ведьмака, пока мы стояли и ждали такси. — Вот ты сказал, что кто-то им их подсовывает. Кто?

— Есть такие, — неохотно ответил Олег. — Долгожители, блин. Им человека с пути сбить и под себя подмять всегда в радость. Да и выгода тоже немалая. Душа-то им достается, целиком и полностью. Ритуал, что на крови проводится, заклинанием сопровождается, понимаешь? А заклинание это и есть процедура передачи души в обмен на черную силу. А кровь — это как печать на документе. И главное — не подкупаешься. Человек сам все затеял? Сам. Сделал все сам? Точно так. А они, стало быть, ни при чем. Нет-нет-нет.

— А «они» — кто? — настырничал я. — Объясни.

— Нет, — покачал головой Олег. — Не скажу. Это та тема, Сашка, в которой каждый для себя сам разбирается. Таков Покон. Ты не думай, я не боюсь, просто так заведено. Ты сам должен выбрать свой путь под Луной. И я сейчас не о наших ведьмачьих делах. О другом речь. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул я. — Все равно спасибо. За то, что хотя бы направление указал.

— Это всегда пожалуйста, — повеселел Олег. — И вообще — ты хороший парень.

Появился на горизонте — и все, скуки как не бывало. О, а вот и такси, обе машины. На, держи денежку. Да бери, твои в кармане до сих пор мокрые лежат. И давай телефон подсуши или новый купи. Я тебе завтра звякну, расскажу последние новости.

Мы обнялись на прощание, и я полез в машину, не особо обращая внимание на чуточку удивленный взгляд шофера. Почему чуточку? Это Москва. Здесь для полного изумления всего лишь мокрой одежды мало, наши водители и не такое видели.

— Очень извиняюсь, но деньги покажите, — попросил водитель, увидел, как я помахал более-менее платежеспособной пятитысячной купюрой, и, взревев мотором, двинулся в путь.

В машине на меня навалилась усталость, замешанная с досадой. Даже нет, «досада» не то слово, оно не очень верно отражает ход моих мыслей.

Это была злость на себя самого. Сильная и неприкрытая.

Сегодня я мог умереть. Совсем. Навсегда. Сейчас мое тело могло медленно плыть в сторону шлюзов, и вокруг него кружились бы рыбки.

И винить в этом кого-то постороннего не имеет смысла. Знал, что жизнь больше никогда не будет такой, как раньше? Знал. Был в курсе, что раньше или позже появятся те, кто захочет убить? Был.

Что сделал для того, чтобы остаться в живых? Ни-чего. Два дня прошло с тех пор, как Морана закливание огня подарила, два дня! Первое серьезное закливание, применение которого следовало отточить до идеала, чтобы пускать его в ход на уровне инстинктов. Вот так таки закрыться дома, разобрать его на запчасти, чтобы понять, как оно работает, а после заточить под себя. А я даже пальцем не шевельнул. День рождения отгулял, на вечеринку сходил, а самое важное — оно подождет.

И вот результат. Меня спеленали и утопили. А я только и успел что иголочку достать.

Иголочку. Тьфу. Даже не смешно...

Кстати — она тоже сгинула. То ли на камнях набережной осталась, то ли на дне реки лежит.

Короче — до самого дома я себя поедом ел, из машины вылез злой и раздраженный и, когда Жанна, отиравшаяся у подъезда, заметила меня и удивленно хлопала ресницами, сразу рывкнул:

— Даже не спрашивай!

— Хорошо, не буду, — покладисто ответила девушка, а после добавила: — Хотя и очень хочется!

— Понимаю. — Я плюхнулся на лавку. — Но не надо.

— Не в духе, — подытожила мертвячка и присела рядом со мной. — Случается. У меня тоже раньше так бывало. Вот я как-то раз пошла в салон, на маникюр, а моего мастера не оказалось, она в этот день...

— Жанна, очень тебя прошу — не сегодня! — взмолился я. — Мне и так хреново. Лучше рассказывай, что там эти двое.

— Они не геи! — радостно сообщила мне девушка. — Точно тебе говорю! Они еще когда в машине ехали, проституток вызвали. Сам рассуди — зачем геям проститутки?

— И в самом деле, — согласился с ней я. — Ни к чему. Это все?

— Нет, — помотала головой Жанна. — Еще они против тебя ничего не замышляют. Наоборот, — очень рады, что познакомились, и уверены, что ты сможешь им решить их проблему. Какую именно, не знаю, они не сказали, но поняла, что вы завтра куда-то отправляетесь вместе. Очень хорошо о тебе отзывались, мне даже приятно стало.

— Не понял?

— Ну мы с тобой вроде как уже друг другу не чужие, — потупилась мертвячка. — За это время сблизилась. Не так, как мужчина и женщина, но все же... Конечно, мне приятно, что о родном человечке хорошее говорят.

— Жесть, — только и смог произнести я, а после поднялся с лавки. — Спасибо тебе. Все, свободна.

— А можно я завтра с вами поеду? — робко попросила она. — Хоть какое-то разнообразие. Пожалуйста!

Вот еще новости. Впрочем... Почему бы и нет?

— Ладно, — подумав еще пару секунд, разрешил я. — Но только не болтать в дороге и в туалет не проситься по старой привычке. Сидеть тихо, как мышь.

Жанна изобразила пантомиму с закрытием рта на замок и выбрасыванием ключей в соседние кусты.

— Гляди у меня! — погрозил я ей пальцем и пошел домой.

Глава двенадцатая

Мои новые знакомцы оказались людьми пунктуальными. Ровно в четыре часа к моему подъезду подъехал респектабельный черный внедорожник, за рулем которого гордо восседал Слава Раз.

— Привет, — помахал он мне рукой. — Давай, запрыгивай назад.

— А чего вещей так мало, один рюкзак? — поинтересовался Слава Два, сидящий впереди, рядом с водителем. — У нас вон полный багажник.

— Так мы туда не жить едем, — резонно заметил я, открывая дверцу машины. — Дело сделаем — и утром назад. Или я чего-то не так понял? Надеюсь, вы меня обратно не на электричке хотите отправить?

— Как ты мог такое подумать? — переглянувшись и тем самым поселив в моем сердце нехорошие подозрения, дружно заорали оба Славы. — Отвезем домой в лучшем виде! С ветерком!

— Смотрите, верю, — забрался в салон я. — Если обманете, сроду больше помогать не стану!

Жанна последовала за мной и мигом устроилась у окна, что-то довольно бормоча и оглаживая юбку, которая, естественно, даже и не подумала задираться.

— Только вот что еще, парни, — обратился я к Славам. — Перед тем как за город рванем, заскочим в пару мест? Одно совсем рядом, а одно в центре. Да ладно вам, сегодня суббота, пробок нет. Или они меньше, чем на МКАДе.

Не скажу, что мои попутчики были в восторге, но спорить не стали.

Я же не хотел откладывать в дальний ящик благодарность за доброе дело, пусть даже ранее мной уже оплаченное.

Потому сначала мы завернули в находящийся неподалеку от меня универсам, а после отправились на Котельническую набережную, к тому самому месту, откуда меня вчера такси забрало.

— Спасибо вам, девицы-красавицы, за то, что сгинуть накануне не дали, — поклонившись в пояс воде, негромко произнес я. — И примите подарки от меня. Надеюсь, они вас порадуют.

В воду полетели два десятка разноцветных пластмассовых расчесок. Ну нет в «Пятерочке» гребешков! Как видно, не востребованы они покупательской массой. Что нашел — то и купил.

Красные, желтые и синие расчески закачались на ровной глади серо-зеленой воды, но продлилось это недолго. Сначала с поверхности исчезло одно пластмассовое изделие, потом второе, а следом за ними буквально за минуту под воду ушли и остальные. Причем

они не тонули, создавалось полное впечатление, что их просто кто-то утягивает вниз, подцепив тоненькими девичьими пальчиками.

Впрочем, так оно наверняка и было.

Напоследок вода плеснула у самого берега, чуть забрызгав мои кроссовки и джинсы, и я понял, что таким образом мне сказали «спасибо». Дар был принят и оценен по достоинству, причем не только его материальная сторона.

Я отвесил еще один поясной поклон, и побежал наверх, туда, где меня ждали в машине недовольные задержкой Славы.

Пробок и в самом деле почти не имелось, потому мы шустро проскочили Москву и выбрались на Симферопольское шоссе, не сказать чтобы совсем уж пустынное, но и не очень загруженное.

Слава мигом прибавил скорость, за стеклами, нагоняя на меня сон, как в калейдоскопе, замелькали елки на пару с безлистными еще березками.

Впрочем, я ничего против вздремнуть и не имел. Да и что здесь странного? Я почти сутки на ногах. Нет-нет, никаких нервов, никакого «отходняка» после речной эпопеи. Все сплошь прагматика. И немного стыд. Тот, который меня еще в такси начал терзать.

Короче — я всю ночь и часть сегодняшнего дня колупался с тем заклитием, что мне показала Морана. Оно на вид хоть и казалось несложным, но на деле под конец у меня чуть мозги не закипели. Травы все я записал, ни одну не потерял, но дозировка? Сколько вешать в граммах? И самое главное — активация. Сын Кощея метал пламя прямо из рук, делая это красиво, лихо и небрежно, как нечто само собой разумеющееся. Там имел место быть не классический «файербол» из игр и фильмов, но тем не менее смотрелось это мощно. У него руки словно горели, и языки пламени отлетали от них во врагов подобно неким огненным змеям.

У меня же поначалу не то, что огонь — дымок добыть не получалось. Хотя некую логику того, как именно это работает, я в результате уловил.

Травы, точнее, та мазеподобная субстанция, что у меня получилась в результате, была чем-то вроде катализатора, не более того. Если сравнить это все с зажигалкой, то зелье — это кремь, высекающий искру. Фитиль — то, на что оно нанесено. Но основой, так сказать, пальцем, крутящим рифленое колесико, кое из кремья вышибает искру, является моя внутренняя энергия. Горит именно она. Я сжигаю часть себя, используя это заклитие. Ну фигурально, разумеется, и тем не менее.

Причем для верного использования важны все факторы, включая веру в то, что оно работает как надо. Да-да, я сам был очень удивлен, это осознав. Как понял? Да очень просто.

Когда я, в очередной раз заорал о том, что ничего у меня не получается, и пошло бы оно все к лешему, Вавила Силыч, сидящий на табуретке и наблюдающий за моими мучениями, заметил:

— Ты сам не веришь в то, что делаешь. И не спорь. Со стороны виднее.

— Верно-верно, — поддакнул ему Родька и брякнул дужкой ведра с водой, стоящего рядом с ним. Как только мои приятели пронюхали о том, с чем именно я экспериментирую, то немедленно озаботились вопросами пожарной безопасности. Более того — Вавила Силыч очень сильно не одобрил эти огнеопасные опыты, проводимые в жилом помещении, но в результате я его все ж таки уломал. — Но ты, хозяин, себя не вини. Мало кто согласится руку подпалить.

— Это да. — Я глянул на свою конечность, покрытую тонкой блестящей пленкой подсохшего зелья. — Страх внутри имеется.

Имеется — не то слово. Полчаса себя заставлял сначала эту хрень на руку намазать, а потом к испытаниям перейти. Если бы не купание в Москве-реке, так, может, и не заставил бы вовсе. Но если сама по себе она не горит, как я ни пробовал, и будучи нанесенной на карандаш, а также на пяток других предметов, тоже, то только рука и остается.

— Он тебе и мешает, — изрек Вавила Силыч. — Я в таких штуках не силен, но точно знаю, что если самому не верить в то, что делаешь, то ничего не получится. Хоть расшибись.

— И что теперь? — устало поинтересовался я, опускаясь на табурет. — Плюнуть на все?

— Серебро, — поднял вверх крючковатый палец подъездный. — С ним попробуй. Огонь и серебро всегда ладили. И против нежити они оба первое средство.

А ведь верно. Серебро часто фигурирует в рецептах. Иные зелья только этим металлом и надо размешивать в процессе варки, чтобы придать им нужные свойства. Я специально для подобных целей даже недешевую длинную серебряную ложку прикупил. И такой же черпачок, для последующего разлива. А то не тем чем надо зелье зачерпнешь — и все, оно превратилось в бесполезную вонючую неаппетитную жижу.

Но здесь черпак не то, что нужно. Зато отлично подойдет новогодний подарок Ровнина, а именно — нож, что он мне с Женькой передал. Чистое серебро, без примесей, и даже с пробой.

Покрыв лезвие мазью, я повертел нож в руках. Блеск серебра исчез, скрывшись за матовой оболочкой.

«Гори», — устало попросил я предмет, сильно сжав рукоять ровнинского подарка. — «Гори. Пожалуйста».

Нет. Не желает возгораться из искры пламя. То ли я бездарен до крайности, то ли все делаю неверно.

Но этого быть не может. Все — так. Да, верный вес компонентов в рецепте не фигурировал, зато описание конечного результата имелось, и оно полностью совпадало с тем, что у меня вышло.

Значит, дело все-таки во мне?

И тут меня такая злость взяла, причем за все сразу! И за бессонную ночь, и за все проблемы, которые я нажил с прошлого лета, и за собственную лень! Да сколько можно уже!

— Гори, скотина! — прорычал я, уставившись на нож в своих руках и ощущая, как откуда-то изнутри меня окатывает горячая волна гнева. — Гори!

Вот тут и вспыхнул огонь. Причем — сразу. В смысле — нож загорелся сразу весь, не частями, он полыхал как факел, ярко-красно и беззвучно. Пламя вытянулось по всей длине лезвия, и потому предмет в моей руке напоминал очень короткий огненный меч.

Выходит, главное условие срабатывание заклинания — злоба? Разозлился, и будет результат? Если да — это плохо. Я так часто вгонять себя в подобное состояние не смогу.

— Горит! — пискнул Родька. — Ох, лихо горит!

— Ведро наготове держи, — велел ему Вавила Силыч. — А ну как сейчас и рука у Александра полыхнет? Так он ножик бросит сразу, и добро если в раковину, а не на пол! Самое забавное — металл не нагревался. И пламя, полыхавшее в сантиметрах от моей руки, ее совершенно не припекало, хотя и должно было.

Я подумал пару секунд, а после провел свободной ладонью над полыхающей сталью.

Ничего. Ни жара, ни боли не испытал. Словно это и не огонь вовсе.

Так, может, ничего и нет, и это просто иллюзия? Морок?

Я цапнул какую-то бумажку, лежащую на столе, и поднес ее к огню. Та мигом загорелась. Значит, все настоящее. Значит — получилось.

Бумажка отправилась в ведро с водой, а я пару раз махнул ножом. Пламя держалось на клинке как привязанное, не шевелилось и искры не рассыпало.

— Туши, — попросил меня Вавила Силыч. — Не дело в доме с огнем играть!

— Пусть само потухнет, — возразил я ему. — Интересно, на сколько его хватит?

В рецепте про это не говорилось, но и ежу понятно, что бесконечно длиться подобное не может.

Так оно и вышло. Через две с небольшим минуты пламя потухло, причем так же, как и появилось — вдруг и сразу.

С клинка осыпалась черная труха, в которую превратилась субстанция, на него нанесенная, и он опять сверкнул тусклым блеском серебра.

Стало быть, время действия обусловлено тем, какое количество мази будет нанесено на нож. Или на руки. Теперь ясно, отчего тот колдун на холме больше не смог показывать чудеса файер-шоу окружившим его врагам — у него боезапас кончился. Хотя мне, конечно, до него далеко еще — он-то даже бросаться пламенем мог.

Но это ничего. Терпение и труд все перетрут. Главное — направление взято верно. Опять же — в загородной поездке появился дополнительный смысл. Там чисто поле, там не страшно спалить родимый дом, вот и потренируюсь. Нож — это хорошо, но хотелось бы все-таки обходиться без дополнительных предметов. Страха перед огнем больше нет, он для меня, как показала практика, безвреден, а, значит, может, все же выйдет чего?

Ну и наварить побольше расходного материала надо будет. Вот тоже интересно — у него есть срок годности? И хранить его как? В сухом и теплом месте, недоступным для детей, неугомонных сотрудниц отдела «15-К» и особо продвинутых слуг, или, наоборот, в холодильник засунуть?

Вопросов масса, ответов нет, как и всегда. Тяжко жить молодому ведьмаку, тяжело. Все путем проб и ошибок приходится узнавать.

— Подъем! — меня толкнули в плечо, вырывая из объятий сна, потом еще раз, по сильнее. — Просыпаемся! Мы почти на месте, так что самое время поужинать. Дальше приличных забегаловок не будет, дальше мост, лес, поле и точка назначения.

— Еда — это хорошо, — зевнув, пробормотал я и ощутил, что в самом деле здорово голоден. — Особенно горячая. А если еще и с большой кружкой сладкого кофе...

— Кружку не обещаю, тут картонные стаканчики в ходу, но все остальное — без проблем, — Слава Раз лихо подрулил к типичному придорожному кафе, у которого уже стояло несколько машин. — Да, надо бы еще с собой еды прикупить. Завтракать-то все одно нужно чем-то будет. Ну не консервы же трескать?

— Верная реплика, — снова зевнул я. — Тем более что мое питание по нашему договору возлагается на вас. И сразу скажу — я тушенку ножом из банки выковыривать не хочу. И лапшу китайскую в пластиковом корытце запаривать тоже.

— Привередливый какой, — проворчал Слава Два. — Балованный. Нам вот и лапша хороша!

— Потому что вы на себя работаете, а не в офисе. Потрескали бы ее с мое, по-другому запели. — Я вылез из машины и потянулся. — О-ох, ноги как затекли!

— Здоров ты спать, — хлопнул дверцей, а после пискнул сигнализацией Слава Раз. — Как на выезде из столицы отрубился, так и все. Нет тебя с нами! Завиду от чистого сердца. Я вот, бывает, по два часа верчусь, все уснуть никак не могу.

— Это тебя совесть гложет, — подал голос Слава Два. — Кто очередную бухгалтершу в декрет отправил? А нам отчеты в налоговую сдавать надо!

Что любопытно — перебранка, начатая на улице, после переместилась в кафе, и не закончилась даже за столом. При этом было видно, что ругающиеся Славы зла друг на друга не держат, и данный спор для них скорее развлечение, чем повод поорать друг на друга.

Да и вообще было предельно ясно, что эти двое на самом деле крайне дружны. Возможно, когда-то их связала общая ведьмачья стезя, но со временем это переросло в нечто большее, чем просто бизнес и просто дружба. И я сейчас не о модных в последнее время однополюх тенденциях говорю. Подобным тут и не пахло.

К месту назначения мы подъехали уже в сумерках. Кстати — до того подобное строение мне ни разу видеть не приходилось. Не бывал я раньше в «закромах родины». Со слов Славы Раз я понял, что это зернохранилище небольшое, местного значения, для локальных целей.

Ну не знаю. Когда мы выехали из леса на полевою дорогу, и на фоне стремительно темнеющего неба нарисовалась громадина ракетобразной формы, я, например, проникся. Если эта хреновина проходит по категории «зернохранилище эконом-класса», то что тогда считается бизнес-категорией? Элеватор? Кстати — еще одно слово, знакомое мне только по книгам.

Вблизи оно, правда, оказалось на самом деле на таким уж здоровенным, но все равно — впечатляло.

Хотя оценить в полной мере величественность этого строения я смог, только въехав на территорию. До того картина за окном автомобиля никак толком в моем сознании зафиксироваться не могла. Почему? Потому что в Москве весна — это первая листва, короткие юбки молоденьких девочек, и прочие радости бытия.

А здесь это раздолбанная дорога с грязью, летящей во все стороны. Меня давно так не мотало из стороны в сторону. Пару раз я даже был уверен в том, что мы точно завязнем в очередной колдобине, которая осталась тут со времен царя Гороха, и придется нам вылезать из сухого теплого салона, нырять в глиняную жижу и толкать транспортное средство под унылые вопли вроде: «Рррраз-два, взяли! Е-е-е-еще — взяли!».

Короче — так себе тут весна.

Да что там. В лесу, который остался позади нас, кое-где еще снег лежал под елками. Но при этом лесная дорога была куда приличней полевою, то ли по ней ездили меньше, то ли еще чего. Не знаю.

Но — обошлось. Мы добрались туда, куда надо, сухенький дедок-сторож на входе безропотно открыл ворота, представляющие собой сваренные трубы с натянутой на них сеткой Рабица, после снова замкнул их на большой всячий замок, и поспешно скрылся в своей караулке, даже не обменявшись с нами парой слов.

— Странно, — проводив его взглядом, сообщил нам Слава Два. — Обычно этот старикан не такой шустрый и любит из себя начальника покорчить. А тут даже не помуржил, документы не проверил, номер машины с листочком в сто тысяч пятьсот первый раз не сверил.

— Значит, есть на то причина, — отозвался его друг и заглушил мотор. — И я догадываюсь какая. Все, приехали.

Я покинул салон, с удовольствием вдохнул свежий воздух и повертел головой, оглядываясь.

Прямо передо мной возвышалась та самая башня, которую я еще от леса заметил. Левее, ближе к воротам, у высокой стены, огораживающей территорию, темнели силуэты каких-то ящиков, закрытых брезентом. Ну а за спиной находилось приземистое одноэтажное

белостенное здание с прямоугольными окнами, назначение которого для меня пока являлось тайной. Более всего оно напоминало гигантских размеров длиннющий сарай. Может, это конюшня? Правда, какой она тут нужна? Впрочем... В наших краях и похлеще вещи встречаются. У нас тут не Германия, где все по порядку — либо параллельно, либо перпендикулярно. У нас тут Россия.

— Кстати, Саш, обрати внимание. — Именно к этому зданию и направился Слава Раз. — Вот и метка. Помнишь, я тебе обещал показать, как она выглядит? Смотри.

Он провел рукой по белой стене здания, прямо рядом с закрытыми дверями, и я увидел, как на ней заискрилась приличных размеров буква «С» и цифра «2», расположенная поверх нее. — Наш знак, — пояснил мне Слава Два. — Всякий порядочный ведьмак, увидев его должен смекнуть, что никакие безобразия творить тут не стоит, поскольку это место находится под охраной. По каким причинам, зачем, отчего — не суть. Важен сам факт. Нет, это не означает, что ему немедленно надо убираться отсюда, потому что здесь чужая территория. Мир — он ничей. Он — общий. Но помнить о том, что конкретно здесь шалить не следует, — нужно.

Про ведьмачьи знаки я спросил у моих спутников сразу же, как мы отъехали от кафе. Давно я хотел этот вопрос прояснить, но все как-то не до того было. То очередная пьянка, то меня утопить пытаются, то еще что-то происходит. Короче — кругом хаос, вопрос не задашь. А тут, наконец, появилась такая возможность.

Оказывается, свой знак имел всякий порядочный ведьмак, и им отмечал то место, которое... Ну вы уже поняли.

И только у меня такового не имелось. Право на свой знак я мог получить только после того, как меня примет ведьмачий круг. Нет, никакой оговорки. Не «в ведьмачий круг», а именно так. Механизм сего действия, правда, мне Славы объяснить не смогли. Мол — сам увидишь, поймешь, почувствуешь.

Так что и знака мне пока не положено, и даже увидеть я их самостоятельно пока не мог.

Одно проистекало из другого. Потому, собственно, Олег и претензии мне предъявлять при знакомстве не стал, разобравшись в вопросе по справедливости.

Кстати — он мне так и не позвонил. А ведь обещал рассказать детали о том, как именно он господина Соломина будет через колено ломать.

— Плохое место, — внезапно шепнула мне на ухо Жанна. — Там чернота.

Ее призрачный пальчик указал на дверь непонятного строения, которую как раз в этот момент отпирал Слава Раз, с натугой прокручивая ключ в очередной навесном замке.

— Поконкретней, — тихонько попросил ее я. — Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, — еле слышно произнесла девушка. — Как описать ощущения? Просто знаю, что там, внутри, что-то очень-очень плохое. Оно когда-то было как я, а теперь стало не таким. И еще оно нас слышит. И радуется, что мы пришли. Даже мне. Только это не такая радость, когда хорошо, она другая, черная. Понимаешь?

Понимаю. Душа какого-то бедолаги переродилась до такой степени, что ничего доброго от нее теперь ждать не приходится. Стало быть, действовать надо по старинке — хватать и не пушкать, пока она не истает и не станет лужей слизи под ногами. Отпускать этого товарища по-белому, туда, за облака, я не стану. Здоровье дороже. Пес его знает, за какие грехи он тут остался и чего за истекший период успел натворить.

Но подстраховаться надо.

— Слав, погоди, не отпирай, — попросил я ведьмака, который почти уже отпер дверь. — Замри на секунду.

Что мне нравится в моих спутниках — они умеют не задавать лишних вопросов. Сказали «замри» — значит, замрут без всяких там «зачем» и «почему».

Мне тоже надо научиться так поступать.

Я достал из рюкзака свой ведьмачий нож, прикрепил ножны к поясу и подергал их — не расстегнутся ли крепежные кнопки?

После достал второй нож, серебряный, тот самый, что сегодня испытания проходил, и по новой покрыл его лезвие слоем мази, моментально подсыхающей на воздухе. Ножен для этого клинка у меня, увы, не было, и я, немного поколебавшись, сунул его в карман куртки. Надеюсь, мазь с лезвия не сотрется.

— Арсенал, — с уважением, то ли натуральным, то ли наигранным сказал Слава Два. — Сразу видно — суровый профи.

— Внутри узнаем, — порадовал я его. — Нас там ждут.

— Да ладно, — насторожился Слава Раз. — Да ты никак эту нежить учуял уже?

— Есть маленько, — скромно подтвердил я. — Ты мне другое скажи — там свет есть?

— Само собой, — кивнул Слава Два. — Сразу зажжем, не сомневайся. И тебя, если что, подстрахуем как сможем.

— Только сможем не ахти, — признал его друг. — Не наш профиль. Обычному человеку мы морду набьем без проблем, но обитатели мира призраков — это уже перебор. Мы их даже не видим.

— И если все кончится совсем плохо, то похороны за наш счет. — Дужка замка брякнула о петли, дверь с легким скрипом распахнулась. — По первому разряду, не сомневайся!

— Вот идиот! — обреченно вздохнул Слава Раз и виновато посмотрел на меня. — И с этим человеком я веду бизнес.

— Он там! — взвизгнула Жанна и юркнула мне за спину. — Совсем рядом со входом! И хочет убить всех нас. Даже меня! Он так и говорит!

Верно — я тоже услышал некое глухое ворчание, идущее изнутри здания, только слов разобрать не смог. Но вот угрозу, вложенную в него, разобрал сразу.

— Стоять! — заорал я на Славу Раз, который было уже шагнул в темноту дверного проема. — Назад!

— А? — повернул ко мне голову он, но уже в следующий миг его лицо исказилось от боли. И неудивительно — когда в тебя запустил свою призрачную когтистую лапу призрак, это не шутка.

Самое же паршивое то, что я таких, как эта тварь, до сегодняшней ночи и не видал даже! Вон он, торчит за плечом Славы Раз, с видимым удовольствием шерудит в его теле своей лапищей, и при этом тарашится на меня. Здоровенный, метра под два с лишним роста, весь какой-то облезлый, глаза светят словно прожекторы, и, что особенно примечательно — в лице ничего человеческого не осталось. У него вместо лица жуткая помесь обезьяньей рожи и черепа.

Призрак-мутант. Что-то новенькое. Воистину, — век живи — век учишь.

И сейчас этот гибрид потащил в темноту ведьмака-землеведа, который орет от боли уже настолько громко, что уши закладывает.

Скажу честно — только глянув на эдакое диво, мне сразу захотелось не сводить с ним близкое знакомство. Все новое, бесспорно, интересно, но ровно до тех пор, пока ты не осознаешь, что оно может тебя убить.

Вот только выбора нет. Если сейчас эта пакость прикончит Славу, а я ничего не сделаю для его спасения, о дружбе с братьями по моей новой социальной среде можно забыть.

Трусов не любят нигде. А особенно тех, из-за которых гибнут свои.

Потому я бросился к двери, на ходу крикнув Славе Два:

— Входишь за мной, зажигаешь свет! В темноте его достать будет сложнее! И не суйся, замри на месте!

И я ошибся. Никаких трудностей темнота мне бы не доставила, поскольку эта нежить светилась как новогодняя елка. Да и Слава Раз орать не переставал.

Призрак изрядно отошел от входа, сейчас он стоял аккуратно посередине здания, принадлежность которого мне, наконец, стала понятна. Это была помесь ангара и гигантского чулана. Вдоль стен стояли разнообразные сельскохозяйственные машины, а по углам были свалены прибрлуды к ним, всякие там сеялки и веялки. Ну или как эти штуки называются?

А зерно где? Славы что-то про зерно говорили?

Какая чушь всегда мне в голову лезет, когда дело плохо, ужас просто.

— Отпусти его, — потребовал я, приближаясь к глухо ворчащему призраку, который все еще перебирал когтистыми пальцами в теле ведьмака, явно подбираясь все ближе к сердцу. — И тогда я отпущу тебя. Это хорошая сделка.

Для него — да. Для меня — нет. Но так лучше, чем драться.

Призрак раззявил рот и зашелся в хохоте, от которого у меня мурашки по спине побежали, а после что-то проревел. Ни слова из этого воя, переходящего в ультразвук, не понял.

Может, он при жизни не русским был? Или он, к примеру, из этих, «детей Солнца», то есть рожден изначально косноязычным? Должна же быть причина, по которой я его понять не могу?

— Он тебя не боится, — пискнула Жанна у меня из-за спины. — И еще он рад, что ты пришел в его дом. Ему будет радостно забрать и сожрать твою душу. Именно твою.

У входа раздался громкий щелчок, под потолком вспыхнул неяркий свет. Призрак и не подумал исчезать, он только плотоядно глянул в сторону Славы Два, стоящего рядом с дверью.

Похоже, у этого красавца и правда большие планы на нынешний вечер. Далеко идущие. Прямо маньяк какой-то. Нас сожрать хочет, а Жанну, возможно, еще и изнасиловать. А что? От такого мутанта можно чего угодно ждать.

— Тебе нужен я? — моя улыбка была более чем дружелюбной. — Так в чем же дело?

Приди и возьми. Только друга моего в покое оставь. Если ты сможешь забрать меня, он от тебя никуда не денется. А если нет... Не ты мою душу заберешь, а я твою выпью.

Не знаю, не знаю... В годы моей юности, в родном Теплом Стане на такой примитивно-кинематографический заход ни один дошколенок бы не купился. Но то суровые дети Теплового Стана, а здесь-то призрак с давно сгнившими мозгами. Он заурчал, сбросил на пол уже почти совсем затихшего и бледного как смерть Славу Раз и замахал лапищами, как бы приглашая меня подойти поближе. И что интересно — свет под потолком стал как будто тусклее, тени по углам сгустились, которых раньше там не имелось. Нет, правда, что это за тварь такая, если она даже свет может тушить? Электрический свет! Без выключателя!

А еще я разглядел в его призрачном теле некую черноту. До того ничего подобного я у его соплеменников не замечал. Призрак всегда прозрачен. Цвет — да, он может варьироваться от светло-голубого, как у Жанны, до алого, видел я и такое, но никаких темных пятен и линий я в жизни не замечал. Тут же — прямо тонкая черная линия, от той точки, где у человека находится сердце, до причинного места. И спросить-то не у кого, что это за ерунда такая. Ни сейчас, ни потом. Разве только что у Мораны, может, она в курсе?

Но это — после. Если отсюда живым выберусь. Вон опять стало почти темно, и оскал на лице твари торжествующе-радостный, будто она уже рвет меня своими когтями. Тихонько прошуршал клинок, вынимаемый из ножен, и призрак радостно осклабил, а после замахал лапищами, приглашая меня подойти к нему поближе. Похоже, его он совершенно не боялся. Это плохо. Но зато он отступил чуть назад, потому я принял его предложение. Теперь Слава Раз, лежащий на полу, оказался за моей спиной. Выглядел он, кстати, не ахти. Весь бледный, лицо словно изморозью покрыто, и дышит еле слышно. Но хоть живой.

— Мне страшно, — проскулила за моим плечом Жанна. — Мы умрем!

— Тебе не впервой, — успокоил ее я. — Ты уже мертва, чего бояться? А если вдруг что-то пойдет не так — просто лети отсюда, что есть силы.

— Нет, — отказалась она. — Ты последнее, что у меня на свете осталось. Как тебя одного с этой чужеродной оставить?

Надо же. Не ожидал. Приятно. И в этот момент призрак бросился на меня. Внезапно. Вдруг. Прямо как тигр какой-то.

Глава тринадцатая

Увернуться от него я успел, поскольку чего-то такого ожидал, в результате обитатель зернохранилища сшиб с ног Жанну, которая, возмущенно вопя, отлетела шагов на пять назад и врезалась в стену.

— Нельзя так с девушками поступать, — не сводя с твари глаз, попенял я и, поняв, что нож тут не поможет, быстро убрал его в ножны. — Ай-яй-яй!

Обитатель сарая не стал вступать в дискуссию и снова прыгнул на меня, ощерив зубы, которые формой более всего напоминали акульки.

Может, он плотоядный, а? Иначе с чего бы такая деформация? Я ни разу не слышал, чтобы призраки поедали людей, но следует признать, что мир Ночи крайне многообразен. В этот раз мне повезло больше, я ловко ухватил противника за запястья и сжал их что есть силы.

И — ничего. Он не начал иставать, не зашелся в визге, как это бывало в аналогичных ситуациях ранее, не просил о пощаде. Какой там! Мне самому стало паршиво, поскольку до костей пробил могильный холод, а в голове зазвенело так, словно медный таз на пол уронили.

Вдобавок призрак ловко крутанулся, цапнув в ответ мои руки своими длиннющими пальцами, и через секунду уже не я его держал, а он меня!

— Твою-то мать! — не удержался я от вопля, когда черепоподобная физиономия этой поганы оказалась в сантиметрах от моего лица. — Да что ты такое?

— Сме-е-е-рть! — прошипела тварь и высунула длинный черный язык, который непонятно как вообще внутри головы крепился. Хотя — о чем я? Это же призрак!

Или уже не просто призрак, а нечто большее?

А еще мне стало страшно. Уже как-то привык к тому, что души для меня безвредны и любую из них я могу отправить в небытие. Но вот того, что одна из них сможет сделать то же самое со мной, не ожидал.

Зря. Надо быть ко всему готовым.

И — холод. Ох, какой холод шел от этого существа! Нестерпимый. У меня аж руки свело, словно я ими сухой лед схватил.

— Отпусти его! — раздался визг, а после на спину вражины свалилась худенькая и очень решительно настроенная Жанна, которая немедля начала лупить его сумочкой по голове. — Отпусти!

Как мне показалось, моего противника это немного ошарашило. Как видно, не часто здесь подобное происходит.

Вот только результат оказался почти нулевой. Призрак лениво отмахнулся, скидывая девушку на пол, и даже что-то проворчал, типа: «Сейчас я этого смертного прибью, а потом тобой займусь».

Но самое главное — в этот миг он отпустил мою правую руку. На мгновение — но отпустил. И мне хватило этого мгновения, чтобы вытащить из кармана куртки серебряный нож.

По-хорошему — это вообще надо было сразу делать. Ведьмачий клинок штука хорошая, но она более полезна против тех, кто еще хоть сколько-то жив. А с такими, как данный упырь, хорошо серебром воевать, так про это и в моей книге написано, и в других более-менее авторитетных источниках, включая сказки разных народностей. Впрочем, я уже ни в чем не уверен. В первую очередь оттого, что даже не понимаю, с кем дерусь. Но одно знаю точно — холод боится тепла.

В тот же миг тварь крутанула ту мою руку, которую по-прежнему сжимала своей мосластой лапой, да так, что у меня мышцы в плече затрещали, а после вонзила когтистые пальцы второй конечности в мою грудь, как раз туда, где билось сердце.

От холода у меня перехватило дыхание, и я понял, что вариантов осталось два — либо побеждать, либо пропадать.

И такое меня зло взяло сразу за все! И за собственную самоуверенность, и за то, что в этой гребаной жизни никогда не знаешь, что тебя ждет за поворотом, и за Славу Два, который застыл у входа, не желая пальцем шевельнуть, и от того, что сейчас я вот так вот глупо умру. Причем в данном случае смерть, похоже, будет только началом пути, и далеко не в рай. Фиг знает откуда, но я это точно знаю.

Изнутри, сопротивляясь льду когтистой лапы нежити, толкнулась теплая волна, и нож в моей руке вспыхнул так же, как нынче утром на кухне.

Призрак недоуменно гукнул, увидев яркий свет рядом с собой, немедленно вырвал лапу из моего тела и попытался выбить нож, но запоздал.

Я вогнал пылающее лезвие прямоком в черноту, ту, что отчетливо была заметна в прозрачном теле немертвой пакости. Имелась у меня твердая уверенность, что она там неспроста присутствует. В этом мире ведь все устроено не так уж и сложно. Если есть какая-то непонятная хрень — значит, дело в ней. Если есть чернота в призраке — бей в нее. Отчего, почему — потом разобраться можно. Сейчас главное выжить.

Призрак взвыл, да так, что его даже Жанна поддержала. Правда, мой противник выл от неизбывной злобы, и, возможно, боли, а подруга от страха. Я же, не размениваясь на эмоции, знай раз за разом вгонял и не думавший гаснуть нож в тело твари, отлично понимая, что если я не прикончу ее до окончания действия заклатья, то мне точно не жить. Сдается мне, что этой пакости даже регенерация не нужна. Чему там регенерировать? Но огонь и серебро делали свое дело. Призрак зернохранилища в какой-то момент стал таять подобно снеговикам из мультфильма, что я в детстве смотрел. То есть — быстро и сразу, оплывая на пол мерцающей всеми цветами спектра лужей.

Я же, закрепляя успех, уже и нож из него вынимать не стал, полосую врага как рыбу. В смысле — повел лезвие снизу вверх, вспарывая черноту внутри врага, как рыбе брюхо. Следует отдать должное — эта тварь не сдавалась до последнего. Даже тогда, когда те ошметки ее тела, что не стали жижей, начали истаивать в воздухе, и то она пыталась добраться до меня, до последнего полосую воздух своими когтями.

Хорошо хоть, что продлилось это недолго. В какой-то момент последние лохмотья призрачной плоти растворились в темноте, и меня оглушил пронзительный вой, рванувший слух, а после под потолком вспыхнул совсем уж было погасший свет.

— Он ушел! — пискнула откуда-то из-под потолка Жанна. — Совсем ушел!

— Уффф... — ответил ей я, оседая на пол рядом с мерзкого вида лужей. — И слава Богу! В этот момент как раз погас огонь на ноже, и черная труха, осыпавшаяся с него, опала мне прямоком на джинсы.

— — подал голос Слава Два, заставив меня с уважением глянуть в его сторону. Так лихо сплести матерную фразу не каждый сможет. Тут талант необходим, и богатый словарный запас. Все думают, что умеют хорошо сквернословить, но не всем дано делать подобное красиво. — Слушай, это что за гадость такая была?

— Без понятия, — вытер лоб я. — Ни разу про такое даже не слышал. Значит, говоришь, только зерно эта тварь портила?

— Ну не только, — уклончиво ответил Слава Два, который уже находился рядом с другом и весело хлестал его по щекам. — Ходили слухи, что тут пара работников пропала без следа. Но сам посуди — кто им верить станет? Тем более что работники эти из Средней Азии родом, и запросто могли просто сделать ноги туда, где платят побольше, никого об этом не предупреждая. Эй, ты жив? Да приходи в себя уже!

— Что это было? — наконец открыл глаза Слава Раз. — А? Меня как кувалдой по голове стукнули! И внутри все смерзлось!

— Ты теперь не просто ведьмак, — сообщил ему я. — Ты супергерой. Человек-эскимо.

— Так себе шутка. — Слава Раз привстал и уперся руками в пол. — Ох, мать твою так! Ничего не помню.

— Повезло, — подбодрил его друг. — А я все видел. И фиг теперь развижу. Ух, какая страхолюда тут обитала! Если бы знал, носа сюда не сунул.

— Стоп, — среагировал на его фразу я. — Ты же мне говорил, что вы призраков не видите?

— Так и есть, — подтвердил Слава Два. — Но не этого. Я его как тебя видел. Сам удивлен. Слушай, может, он и не призрак вовсе был?

— Может, — согласился я. — Но тогда вы оба попали — и капитально. Что ты так смотришь? Втравили меня в тухлую историю и чуть не угробили!

— Компенсируем, — прокряхтел Слава Раз. — Все же понятно, мы тут не дети.

Интересно все же — что это за тварь такая была? Надо будет у Нифонтова спросить. Или у Хозяина Кладбища. Кто-то из них точно в курсе. А может, и оба.

— На, держи. — Слава Два достал из внутреннего кармана куртки фляжку с золотыми вставками и протянул другу. — Хлебни. Саш, слушай, а что это у тебя за клинок, который огнем пыхает? Я бы от такого тоже не отказался.

— Ты о нем? — я показал ему серебряный нож. — Это роуль в кустах.

— В смысле? — чуть не поперхнулся Слава Раз.

— В прямом, — я обтер рукавом куртки лезвие ровнинского подарка. — Если бы я его нынче не прихватил, то сейчас из нас всех только вон Славка в живых и остался бы. Да и то не факт, сдается мне, что этой гадине двери нипочем были. Странно, что он сторожа до сих пор не прикончил.

— Судя по поведению дедули, к тому все и шло, — резонно заметил Слава Два. — Но ты так и не ответил.

— И не отвечу. — Я убрал нож обратно в карман и поднялся с пола. — У каждого из нас есть свои секреты. О, а лужа-то высохла.

И правда — там, где минуту назад булькала мерзкая жижа, теперь имелось лишь бурого цвета пятно.

— Я слышал как-то разговор местных тружениц, — снова вступил в беседу Слава Раз, после того как выхлебал, судя по звукам, не менее половины фляжки. — Так вот они рассказывали, что здесь при старом режиме тоже зернохранилище было. Собственно, это и не удивительно — всегда проще что-то перестроить, чем новое возвести.

— В смысле — при коммунистах? — уточнил я.

— При царе-батюшке, — поморщился рассказчик. — И при этом зернохранилище работал мужичок, большой любитель женского пола...

— Все, дальше неинтересно, — замахал руками Слава Два. — Я эту байку не слышал, но и так все знаю. Он кого-то трампам-пам, потом его жестоко убили, и траля-ля.

«Сверхъестественное», сезон очередной, пятая серия.

— Ну если при старом режиме еще... — задумчиво посмотрел я на пятно. — Это ему за сто лет выходит. В принципе, возможно такое. Только непонятно, почему его именно сегодня проняло в драку с нами лезть?

— А он тебя учуял, — предположил Слава Раз. — Чем не версия? Понял, что по его душу пришли, как бы данная фраза двусмысленно ни звучала. Ну и среагировал соответственно.

— Или просто время пришло, — предположил его напарник. — В любом случае — все хорошо, что хорошо кончается. Недруг мертв, мы живы, пьем вино и радуемся победе.

— Вы пьете, — уточнил я.

— Держи. — Мне была немедленно протянута фляжка.

— Нет, спасибо, — отказался я. — И так что-то в последнее время стал злоупотреблять этим делом. Пейте сами.

— ЗОЖ, — кивнул Слава Раз. — Одобряю. Ваше здоровье!

— Слушай, — обратился опять ко мне Слава Два. — Ты перед дракой и во время нее еще с кем-то говорил, но не со мной и не с этим уродом. Вопрос — а с кем? Или это тоже тайна?

— Жанна, — улыбнувшись, ответил я. — Моя спутница. Она нам на хвост еще в Москве упала, спасаясь от посмертной хандры. Очень милая и красивая девушка. Мало того — еще и смелая, как оказалось.

— Скотина ты, — опечалился Слава Раз — Чего сразу не сказал? Барышня в машине, а я же и «отливал» чуть ли не на ходу, и выражался нецензурно.

Что интересно — его абсолютно не смутило то, что барышня эта не сильно живая. Вот что значит другое восприятие реальности. Меня до сих пор нынешняя двойственность среды обитания корежит, не так сильно, как раньше, но все же. А ему — трын-трава. Сила привычки!

— Да ладно, — среагировала на его слова Жанна. — Я и не такое видела!

— Она не в претензии, — усмехнувшись, передал ее слова друзьям я и поднялся на ноги. — Ого, какие синяки!

Да, крепко меня цапнул за руку повелитель куч зерна, от всей души. Прямо синева выступила на том месте, где его пальцы отметились. Силен был, бродяга!

— Слушайте, пойдете пожрем? — предложил приободрившийся Слава Раз. — У меня после этих приключений прямо живот подвело!

— Все как всегда — отметил его напарник — Кто о чем, а он о жрачке.

— Нервы, — стукнул себя в грудь Слава Раз. — Когда нервничаю, всегда кушать хочу.

— Если следовать твоей логике, то мне надо что-то жевать без остановки, — проворчал я. — Потому что у меня спокойная жизнь закончилась в аккурат с того момента, как с Олегом с знакомство свел.

— Так это Олег, — усмехнулся Слава Два. — Чего ты хотел? Но на самом деле он один у нас такой.

— С шилом в заднице? — уточнил я.

— Да нет, тут другое. Понимаешь, у него сил, энергии и жизнелюбия много, а расходовать это все некуда, потому ему все время скучно. В результате, он и находит приключения там, где можно без них обойтись.

— Постоянно влезает в какие-то истории, иногда с очень нехорошим душком, — подтвердил Слава Раз. — Несколько раз за последние пару лет даже нам приходилось вписываться за него, иначе могла случиться беда. Вон в том году он с лианозовскими ведьмами очень жестко заспорил за душу одной девчонки, причем та ему была никем. Вообще никем, понимаешь? Казалось бы — что тебе до души дуры, которая ту сама ведьмам отдала за какую-то грошовую хрень, вроде зелья приворота? Но он уперся как бык — верните, и все тут. Жалко ему эту девку стало. Дело почти до резни дошло, чудом удалось все разрешить.

— Но мы все равно всякий раз приходим ему на помощь, — продолжил его друг. — Потому как знаем, что если вдруг беда, Олега даже звать не придется. Он появится из ниоткуда и будет с тобой до конца.

— Единственное, никто так и не разобрался, почему он так поступает — заметил Слава Раз, направляясь к выходу. — То ли потому, что натура такая, то ли и в этом случае он просто скуку свою разгоняет.

— У вас прямо братство, — пошел я за ними. — Один за всех, и все за одного.

— Не совсем так, — в унисон произнесли мои спутники, чем вызвали хихиканье Жанны.

— То есть? — не понял я.

— Мы все — сами по себе, — объяснил мне Слава Два. — Да, мы представители... э-э-э... Скажем так — одного вида. Но это не значит, что это на сто процентов братство. Мы просто небольшая группа лиц, связанная общим признаком. Но при этом каждый из нас — сам по себе. В первую очередь потому, что у каждого из нас свой господин. Или госпожа. Мы служим Земле, ты — Смерти, Олег — Воде. Мы — одно. Но при этом мы — разное. Все остальные это поняли давным-давно, и только Олег не хочет признавать данный факт. Хотя на круге иногда возникает чувство единства, не без того.

— И это здорово! — добавил Слава Раз. — Что до Олега — именно он является тем звеном, которое изредка всех нас связывает, за что мы ему очень благодарны. И потому ему сходит с рук многое, за что меня бы, например, давно со свету сжили. В том числе и редкостная безалаберность. Да вот, к примеру. Ты по дороге вроде обмолвился, что он тебе не позвонил, хотя обещал? Не удивляйся. Он мог просто забыть, что обещал это сделать, потому что влип в очередную историю.

— Больше скажу — он и потом не вспомнит про данное обещание, — хохотнул его друг. — А когда ты ему начнешь объяснять, что так неправильно поступать, он станет размахивать руками и орать про то, что у него голова одна, а нас всех много. И ты же виноватым окажешься.

— Это Олег, — подытожил Слава Раз, доставая из салона машины промасленный пакет. — Так, вот чебуреки с сыром, они и холодные ничего. Эх, термос с кофе я забыл!

— Не забыл, а даже и не подумал взять, — фыркнул его напарник. — «Забыл!»! Хоть при мне не ври!

— Может, дедушку-сторожа тряхануть? — предложил я, беря чебурек. — У него наверняка чайник есть.

— Дедушка-сторож сейчас небось в обнимку с ружьем сидит, — с набитым ртом возразил мне Слава Раз. — Крепко его эта нежить пуганула. Полезем к двери, получим заряд дробы в живот. Убить не убьет, но оно нам надо?

Странно, но мне сейчас было очень хорошо. Странно, потому что после подобного приключения какие-то другие чувства следовало испытывать. «Отходняк» там или жалость к себе, бедному. Ну да, все же меня используют в своих целях, а толку от этого чуть. Но нет. Мне было именно что хорошо. Вот так вот, оперевшись на машину, жевать холодный, но все равно очень вкусный чебурек, слушать байки двух Слав, глазеть на звезды, которых в Москве весной сроду на небе не увидишь, время от времени поглядывать на Жанну, которая забралась на крышу белостенного здания и теперь сидела на ней, обняв колени, и тоже таращась на небо.

Может, потому что это было так не похоже на то, как я жил раньше?

Или дело в другом? В том, что сегодня я наконец-то одержал свою первую настоящую победу? Все, что до того было, — не в счет. Там имели место расчет, какая-никакая логика, хитрость иногда.

А тут — один на один. Глаза в глаза. И в результате я стою тут, и мне хорошо, а от него осталось пятно на полу.

Что скрывать — это пьянит, как бокал шампанского натошак. И именно по этой причине я не злюсь на Слав, которые то ли по недомыслию, то еще почему втравили меня в эту схватку. Они дали мне возможность испытать себя. Даже не так. Я смог проверить то, сколько старого Смолина во мне осталось.

Немного. Тот, годовой давности, почти наверняка сбежал бы. Не сразу, разумеется. Но — сбежал. Я в этом уверен.

А новый — остался даже тогда, когда осознал, что противник куда сильнее, чем планировалось. Остался и победил.

Мне кажется, или я слишком высоко задрал нос? Наверное, кажется.

— Вот, — вещал тем временем Слава Раз, продолжая рассказывать про Олега. — И он год за годом все готовится устроить на ведьмачьем круге революцию. Мол — пусть патриархи живут по своим законам, а мы будем по своим. Покон у всех един, а дальше кто во что горазд.

— Да-да, — подтвердил Слава Два, хихикая. — Каждую весну твердит одно и то же, особенно перед кругом. Только на самом мероприятии в какой-то момент Олег застенчиво так говорит: «Сейчас не к месту, чего старшаков обижать? Вот спляшем — тогда уж!». А потом, после пляски, поросся начинают жарить на вертеле, вторую чашу с вином по рукам пускают, и понеслась... Всякий момент — не тот.

— Но уже на следующий день Олег звонит и говорит о том, что в следующем году он точно все переиначит. Точнее — мы.

— И все с ним соглашаются, чтобы он не расстроился.

Из слов напарников следовало, что Олег оказался изрядным «звонарем», но вот только интонации... Они не были насмешливыми или издевательскими. Славы на самом деле очень хорошо относились к этому человеку.

Может, и мне пока рано выводы делать? Тем более что мне Олег тоже очень пришелся по душе. Было в нем что-то настоящее. Может, то, что он на самом деле верил во все, что говорит? Я невеликий душевед, но такие вещи понимаешь не умом, а чутьем.

— Ладно, баиньки пора, — зевнув, сообщил нам Слава Раз. — Берите пледы в багажнике, да пошли.

Я, признаться, не понял, куда нам именно надо идти, но рассудил, что, возможно, у них тут есть некая «бытовка». Если они тут не в первый раз, то, наверняка, озаботились чем-то таким.

И ошибся. Никакой «бытовки» у них не имелось. Слава Раз отошел шагов на тридцать в сторону от сарая, свернул в какой-то закуток и расстелил плед прямо на землю между двумя старыми ржавыми тракторами.

— В смысле? — изумленно посмотрел на него я.

— Мы всегда тут спим. — Слава Раз с видимым удовольствием растянулся на пледе. — Давай, бросай кости.

— Так холодно же. — Я поежился. — Застудимся все. Простатит не спит.

— Саш, это наша земля, — мягко произнес Слава Два, устраиваясь рядом с другом. — Поверь, сегодня ты выспишься так, как никогда в жизни. И утром даже не чихнешь.

Звучало убедительно, но я все равно колебался. На дворе градусов десять от силы, кабы не меньше. К тому же тут только-только снег сошел.

— Слушай, если не понравится, если замерзнешь — машина открыта, — предложил Слава Раз. — Заночуешь там. Но, поверь, в ней будет хуже, чем здесь.

Я положил плед на землю и плюхнулся рядом с ними.

И оказался в детстве. Не по жизни, по ощущениям. Я, когда еще совсем маленьким был, приехал к маминой маме, моей бабушке, которая жила в деревне, и она уложила меня спать на перину. Хрестоматийную такую, настоящую. Как только я на нее лег, то сразу провалился во что-то безумно теплое, мягкое, уютное и родное до невозможности. Здесь было тоже самое. Почти один в один.

— Прочувствовал, — с небольшой ехидцей заметил Слава Раз. — Вот всегда так. Никто не верит, пока не попробует.

— Это как? — спросил я у него, возможно, не очень связно, но меня поняли.

— Вот так. — Слава Два погладил ладонью землю рядом с собой. — Ты забыл, кто мы? Это место — наше, про это здесь известно всем, и на этот участок никто даже ногой ступить не смеет. Ну а для пущей верности вот, трактора убитые мы сюда поставили, чтобы окончательно границы обозначить. Ну и от ветра они защищают.

— Мы за этим местом особо ухаживаем, — пояснил его напарник. — Оно нас всегда, даже в зимние холода, согреет, приютит и защитит. Та погань, что ты завалил в ангаре, сюда бы сроду не сунулась. Твой талант — это здорово. Но сила Земли — она сильнее. Вот только убивать она не умеет, максимум — защищать.

— Да все, что есть на свете, — от нее. От Земли, — очень серьезно объяснил мне Слава Два. — Просто все про это забыли. Знаешь, Земля — она как мать, и отношения здесь ровно те же. Когда мы маленькие, мамы нам всем очень нужны. А выросли — все, лишние пять минут раз в месяц в тягость поговорить. «Не нуди», «отстань», «сам разберусь». А они ждут. Верят. Надеются на то, что их дети поймут простую вещь — матери нужно всего лишь немного внимания. Чутьочку. И столько же уважения.

— Вот-вот. — Слава Раз насупился. — А потом не понимают, почему та отворачивается и смотрит на своих родных детей, как на чужих. Земля еще от нас не отвернулась, но до этого момента осталось не так и долго ждать, поверь. Ее же травят, жгут, коречат. А потом удивляются — откуда все эти катастрофы в виде вулканов и трещин? Но она ведь живая! Ей больно!

Надо же. Непривычно от этого живчика такое слышать.

— А тебя наше место приняло, раз согрело, — порадовал меня Слава Два. — Но я в этом и не сомневался. Ладно, спим. Завтра день длинный будет.

И через пару минут парочка друзей вовсю уже сопела носами. Да и меня самого почти сморило в неожиданном тепле, но уснуть я не успел. Жанна помешала.

— Давай отойдем в сторону, — тихонько попросила она меня. — Мне надо тебе кое-что сказать.

— Ты только меня не пугай, — жалобно скривился я. — Если опять какая напасть на подходе, то дело плохо. Нет у меня больше сил. Кончились. Совсем.

— Да нет. — Жанна поманила меня рукой. — Это другое.

Мы отошли к машине, где я испытующе уставился на призрачную девушку. Та, поймав мой взгляд как-то засмушалась, попробовала накрутить локон на палец, как видно, по старой привычке, но это у нее не получилось.

— Не тяни, — предложил я ей. — Говори как есть.

— У меня просьба, — наконец выдавила она из себя первые слова. — Обещай, что выполнишь.

— Нет, — сразу отказался я. — Знаешь, со мной такие штуки и у живых барышень не проходят, а уж у тебя... Только без обид? Ты изложи, а там поглядим.

— Если ты заметишь, что я становлюсь похожа на вот этого, то сразу убей меня. — Жанна мотнула головой в сторону ангара. — Я серьезно. Не хочу становиться злой и жестокой. Не хочу вот так же, как он.

— Да ты и не станешь, — непритворно удивился я. — С какого перепуга? Не забывай, он и при жизни, похоже, не подарок был. Вдобавок, умер скверно, это тоже сыграло свою роль. Радость моя, нет никакого повода для беспокойства.

— Обещай! — насупился призрак. — Я никогда ничего у тебя не просила.

— Да прямо? — возмутился я. — А кто сегодня в данную поездку меня умолял с собой взять?

— Ничего серьезного, — поправилась Жанна.

— Ладно, — заметив, что в голубых оттенках девушки стали появляться белые прожилки гнева, я перестал дурачиться. — Даю слово, что если замечу нечто недоброе, то сразу отпущу тебя.

— Слово ведьмака? — уточнила девушка, немало тем меня удивив. Я же говорил — она умнее, чем хочет казаться. Формулировочка-то абсолютно верная.

— Слово ведьмака, — кивнул я. — Но ты все равно не переживай. С тобой такого не случится. По крайней мере, пока я рядом.

— Спасибо. — Жанна попробовала меня обнять, получилось так себе, но она вроде осталась довольна. — Я тогда опять на крышу полезу. Знаешь, тут очень красиво. Я даже не представляла, что поля и леса могут быть такими... Не знаю, как правильно описать то, что чувствую. Если бы я тогда знала...

Опять это «если бы». Сколько раз я его уже слышал в аналогичных ситуациях — не сосчитать. И сам, наверное, когда-нибудь произнесу. При условии, разумеется, что у меня вообще будет посмертие, в чем я не слишком уверен. Не тот я веду образ жизни, чтобы на него рассчитывать.

Почему никто не живет так, чтобы потом, после смерти, обойтись без «если бы»?

Выпался я великолепно. Ей-ей, с детства так не спал. И так хорошо себя не чувствовал тоже. Нет, я ничем не хвораю и утром за поясницу не хватаюсь, но тут другое. Даже синева с рук сошла, будто никто меня за них ночью и не хватал.

А вот обоих Слав я поблизости не обнаружил, как и пакета с остатками еды. Зато наконец-то прорезался Олег. Прямо как почувал, что я проснулся.

— Здорово, пропащая душа, — радостно проорал в трубку я. — Как она?

— Да так себе, — ответил мне ведьмак, причем по голосу сразу стало ясно, что мой оптимистический настрой он не разделяет. — Кисло.

— А если поконкретней?

— Я вчера с этим красавцем еще раз сцепился, — посопев, ответил Олег. — У дома Соломина. Представляешь, этот гад, Соломин который, оказывается, в Европу свалил. Причем надолго, никто даже не знает, насколько. То есть заказал всех, кто ему насолил, жену прихватил и ходу из России. Но куда именно — неизвестно.

— Может, просто ты не у тех спрашиваешь? — предположил я.

— Мне спрашивать самому нужды нет, — буркнул ведьмак. — За меня все вода слышит. Говорю же — не знает никто, где он, ни прислуга, ни любовница. И, кстати, колдунчик этот тоже. Он, я так понимаю, за гонораром приходил и, сдается мне, остался крайне недоволен. Я, когда это потом понял, долго смеялся. Хотя, если честно, так-то было не до смеха.

— Ты конкретней объяснить можешь? — заранее зная, что хорошего не услышу, потребовал я.

— Куда конкретней? — вздохнул Олег. — Мы с ним столкнулись у дома Соломина, он как раз оттуда злой, как собака, выходил. Увидел меня и аж затрясся весь. Мол, как так, ты же умереть должен был? И сходу давай меня по второму разу убивать. Сам весь белый, лицо больше череп напоминает, глаза как у кролика-альбиноса. Уж на что я ко всему привычный, но тут, конечно, беда, беда...

— И чем дело кончилось?

— Он меня не убил, я его тоже. Но вот какая штука... Короче, там двум охранникам попутно досталось. Ну в потасовке, что мы устроили. И это не есть хорошо.

Глава четырнадцатая

— Да уж, — согласился с ним я. — Попасть под раздачу вот так, ни за что... Хоть живы эти двое остались?

— Вроде, — неуверенно ответил Олег. — Да черт с ними, их никто не звал, сами влезли. Но теперь ситуация может обостриться. Помнишь, я тебе рассказывал про отдел? Ну тот, что следит за порядком в нашей сфере? Они наверняка уже в курсе произошедшего и теперь начнут искать крайних. Таковых двое — я и колдун. Ясное дело, что моей вины в случившемся нет, но я сам когда-то работал в органах и знаю, как такие вопросы решаются. Сначала загрести всех, а потом назначить виноватого. Не скажу, что сильно их опасаясь, но и лезть в дебри разбирательств не желаю. Это вопросы самоуважения. Короче — я на месяцок сваливаю в Карелию, поживу среди озер. Хрен меня там кто найдет. А к кругу вернусь, как раз к тому времени все уже успокоится. И эта сволочь уже сдохнет, ему жизни недели на три осталось, не больше.

— В добрый путь, — ответил я. — Говорят, в Карелии красиво. Сам не видел, но много о ней слышал.

— Так поехали со мной! — оживился Олег. — Кстати — кому-кому, а тебе там точно побывать нужно. Что ты за Ходящий близ Смерти, если на горе Воттоваара не побывал? Даже я из некоторых сейдов, что там понатыканы, голоса шаманов умудряюсь услышать, а

уж ты-то... Кто знает, что они тебе расскажут? В Кильполе пару ночей проведем, посмотришь, как тамошние водные духи на закате пляшут. Восхитительное зрелище. Жителей там давно нет, так что вся деревня будет в нашем распоряжении. Главное в лес, что за ней стоит, не соваться. Мне так точно!

Может, и правда с ним поехать? Хотя нет, о чем я. Майские на носу, у меня на них уже четкие планы есть. Но на будущее надо себе заметочку поставить — Карелия. Не знаю отчего, но мне вдруг очень захотелось там побывать.

Вот умеет Олег убеждать.

— Нет, — наконец ответил я. — И рад бы, но травы надо подсобрать. И росы майской, весенней. Сейчас время упустить, потом весь год куковать без нужных компонентов для зелий придется. Не вариант.

— А они тебе сильно нужны, эти зелья? — хмыкнул ведьмак. — Твоя доля — мертвые. Им припарки ни к чему.

— Нужны, — не стал скрывать я. — Это то небольшое, что у меня получается. Расширю список возможностей — может, и перестану травничать. А пока — вот так. И еще — мне нравится этим заниматься.

— Да и занимайся, — по-моему, смутился Олег. — Я чего? Я ж ничего. Каждый сходит с ума по-своему. У меня тоже тараканов в голове хватает. Ладно, на круге встретимся — поболтаем еще. И магнитик я тебе из Карелии привезу.

— Вот за него спасибо, — засмеялся я. — На холодильник прилеплю.

— Что-то еще хотел сказать, — задумчиво протянул Олег. — А! Слушай, это хорошо, что ты из Москвы свалишь в ближайшее время. Ты же травы не в городе собирать станешь? Ну вот. Просто этот полудурок, который колдун, он может сообразить, что ты тоже уцелел. С башкой у него беда, как ты понимаешь, потому не удивлюсь, если он попробует встать на твой след и будет гнать тебя как зайца, пока не прикончит. Не факт, разумеется, но кто знает? У многих из его племени есть пунктик на предмет того, что нет ничего хуже незавершенных дел, несвершенной мести и незаконченного убийства. Мне иногда кажется, что эту идею фикс колдунам вместе с даром выдают, в комплекте. А ты оно и есть — незаконченное убийство.

— Порадовал, — хмуро отозвался я. — Спасибо тебе, добрый ведьмак!

— Не за что, — довольно хохотнул Олег. — Но ты особо голову этим не забивай. Сваливай на майские поближе к природе, да живи спокойно. Вряд ли этот злодей покинет город. Здесь он как рыба в воде, есть куда нырнуть и под какую корягу забиться. Он хоть и обезумел почти от крови, но это сообразит. А в сельской местности его быстро к ногтю прижмут, те же ведьмы, например. Им конкуренты и возмутители спокойствия не нужны. Опять же — отдельные тоже не успокоятся. Так что скоро все в любом случае кончится, кто-то точно умрет — или ишак, или султан, или Насреддин. А мы с тобой будем жить-поживать да пиво попивать. Ну все, пока!

И повесил трубку.

Как там про него вчера Славы говорили? Хороший человек, только хлопот от него много? Очень верная формулировка.

Они были правы. Дополнительную головную боль этот товарищ создавать умеет. Нет, в Лозовку, в Лозовку — и поскорее. Слава богу, до майских осталось всего ничего, каких-то несколько дней. Да, и надо будет написать заявление в счет отпуска, на те рабочие дни, что между праздниками выпадают.

Или вообще уволиться? Нет, серьезно? По тому ритму жизни что сейчас пошел, вряд ли мне грозит стать диванным жителем. Опять же — ладно, этот полудурок-кровосос. Не факт, что он меня искать станет, к тому же жить ему осталось хрен да маленько. А вот гад, что сейчас в Чехии отирается — это да, он реально опасен. Работа в этом случае становится тем местом, где меня проще всего прищучить. Даже выслеживать не нужно. Просто приходи с девяти утра до шести вечера и бери меня голыми руками. Опять же — это лишний аргумент в грядущем споре. Ясно ведь, что те, с кем я работаю, мне не чужие люди. Может, они мне и не слишком близки, но тем не менее могут выступить одним из рычагов давления. Шантаж всегда был действенным способом убеждения кого-то в чем-то. К тому же этот товарищ, если верить рассказам, крайне злокозненный, убивать просто ради убийства ему неинтересно.

Не скажу, что мне будет очень жалко Косачова или Чиненкову. Но там есть те, к кому я на самом деле неплохо отношусь. Да и в целом, мои проблемы — это только мои проблемы. Не стоит в них вмешивать посторонних.

И самое главное — работа перестала для меня быть тем местом, которое жизненно необходимо для того, чтобы ощущать себя полноценно. Скажем, осенью, когда я еще думал, что все обстоит так же, как раньше, без нее мне бы не сдюжить. Психологически. Мне был необходим некий якорь, который позволял понимать, на каком свете я живу.

Но сейчас подобное уже без надобности. Все более-менее встало на свои места, я осознал, что к чему. Нравится мне моя новая жизнь, нет — какая разница? Обратное то, что случилось, уже не отыграешь.

И, выходит, Олег прав. Каждый из тех, кто пришел в мир Ночи навсегда, должен умереть для старой жизни. Не получится иначе.

Размышляя на эти темы, я покрутился во дворе зернохранилища, еще раз восхитился видом коричнево-ржавой башни, которая, на мой взгляд, давным-давно должна была рухнуть, но вместо этого, похоже, еще всех нас переживет, соорудил рожу дедку-сторожу, который с подозрением таращился на меня из своего домика, и наконец обнаружил своих спутников. Они, как два грача, выхаживали по полю, с трудом выдирая из размокшей от весенней воды почвы свои сапоги, на каждый из которых налипло килограмма по три земли.

Причем эти двое не просто ходили-бродили. Они работали. И, скажу честно, я не меньше получаса с интересом за ними наблюдал. Потому что на людей, которые с удовольствием занимаются любимым делом, всегда приятно посмотреть.

Они то и дело зачерпывали то оттуда, то отсюда пригоршни земли, нюхали ее и даже пробовали на вкус. То тут, то там они добавляли в почву какие-то смеси из многочисленных небольших мешочков, которые висели у них на поясах, а после помечали это место заранее припасенными разноцветными колышками. Пару раз крепко спорили, размахивая руками, но после все же находили общий язык. А под конец они и вовсе сотворили на одном клочке земли такое, что мне оставалось только рот открыть. Я увидел, как в золотистом сиянии, которое исходило от рук Славы Два, соткалась иллюзия с расквашивающимися на ветру длиннющими колосьями то ли пшеницы, то ли ржи. Это было красиво.

Еще я этой парочке немного позавидовал. А почему нет? Они, в отличие от меня, созидают и видят результаты своих стараний. Те, которые можно потрогать, попробовать, которыми можно гордиться. Мне же остается исключительно общение с тенями прошлого, а про плоды трудов вообще стоит промолчать, за неимением оных. Нет, еще есть те, кому пошли на пользу мои опыты в части здравоохранения, но что от них проку? Да никто из этих людей больше в моей жизни даже ни разу не появился. Что там. Даже человеческого «спасибо» ни разу не услышал, все сразу деньги суют. Хотя, чего скрывать, деньги — это тоже хорошо.

Не скажу, что это меня прямо вот очень сильно ранит, но некая досада имеет место быть. Особенно в такие моменты, как сейчас.

Или это тщеславие во мне говорит? Не знаю.

Славы мыкались по полю почти весь день. Я успел сгрызть пачку хлебцев, обнаруженных в багажнике, еще поспать, наболтаться с Жанной, а они знай занимались своим делом, в какой-то момент уйдя чуть ли не к самому горизонту. Грешным делом, я начал думать, что сегодня домой и не попаду. Даже обличительно-обвинительную речь заготовил, которой собирался пристыдить двух хитрованов, заманивших молодого сотоварища в сельскую глушь и задумавших уморить тут голодом. Я бы и холод приплед, но чего нет — того нет. И день теплый выдался, да и ночью я не мерз. Лишнего наговаривать не стоит.

И — ошибся. Славы появились на территории зернохранилища ближе к закату, быстренько вымылись под раритетным длиннющим краном, торчащим прямо из земли и снабженным круглым дырчатым ключом, который в годы моей молодости на районе называли «звездочкой», после чего побросали вещи в багажник и напоследок рыкнули на меня за то, что я все еще мотаюсь по двору, а не сижу в машине.

— Давай, давай, — подгоняли они меня. — Надо еще пожрать заехать, а это тоже время! Я настолько оторопел от этой простоты, что даже приготовленную речь забыл толкнуть. Нет, моим Наташке с Ленкой до этой парочки в плане той простоты, что хуже воровства, пока далеко. Есть девчулям куда стремиться, есть!

Впрочем, обиды или чего-то такого у меня, разумеется, не имелось. По сути, я был даже рад, что все так вышло, что мы не сразу после подъема отправились в путь. Когда мне еще выпадет такой тихий, спокойный и солнечный денек? Вот чтобы никуда не спешить, не бежать, не догонять? Неизвестно. Даже в Лозовке — и то вряд ли на подобное следует рассчитывать. С Антипкой в доме и кучей ведьм за забором особо не расслабишься. Плюс неизбежный ремонт, который, как известно, равняется полутора переездам.

В результате Славы очень удивились, когда я, прощаясь с ними у своего подъезда, куда они меня крайне любезно доставили, от чистого сердца их поблагодарил. Как мне показалось, сначала они подумали, что я иронизирую.

— Тебе спасибо, — разобравшись, что я имел в виду, пожал мне руку Слава Раз. — Смех смехом, но, полагаю, раньше или позже эта гадина из ангара точно бы нас потрепала. Или того хуже.

— Наверняка, — уверенно заявил Слава Два. — И вот что — мы тебе обязаны. Не надо сейчас говорить слова вроде «да какие счеты, бросьте». Долг есть долг, это придумали не мы, это традиция. Ты нам не просто услугу оказал, ты вот этого дятла от смерти спас, на минуточку. Есть Покон, и он гласит — жизнь за жизнь. Мы живем по нему, так что ты в любой момент можешь позвонить и сказать — мне нужна помощь. Мы не станем спрашивать, что и как, а просто приедем туда, куда скажешь.

— Только потому, что так велит Покон? — уточнил я.

— Второй Олег, — вздохнул Слава Раз. — Одного нам мало было! Все, выметайся. Тебе завтра дрыхнуть, а нам ни свет ни заря обратно пилить.

— Это вы из-за меня такой путь проделали? — изумился я. — Нет, вы говорили, что отвезете и привезете, но...

— Да прямо шас! — фыркнул Слава Раз. — Если бы мы кое-какие растворы с собой сразу захватили, ты бы в Москву на электричке еще днем отправился. Нет, билет за наш счет, это ясно. И кулек пончиков в дорогу. Там на станции отличные пончики продают! Ушастые, ноздреватые, и пудры сыплют много!

Короче — хороший день выдался. И вечер. По крайней мере, я так думал, стоя у подъезда и глядя вслед уезжающему внедорожнику. В аккурат до того момента, пока припаркованная совсем рядом красная «мазда» не мигнула фарами, и из нее не выбралась стройная девушка в бежевом плаще.

Блин, фигура у Светки с годами не меняется. Не мамаша ли ее ворожит, ведьма старая? С нее станется. Она в дочке души не чаёт, что есть — то есть.

— Привет, — помахал я рукой своей бывшей. — Какими судьбами? Никак случайно мимо проезжала?

— И я рада тебя видеть. — Светка подошла ко мне. — Причем трезвым. Хоть и очень, очень неухоженным.

Согласен, выгляжу я, скорее всего, диковато. Двухдневная щетина, измызганные джинсы и прическа, далекая от идеала.

— А это кто? — тихонько спросила у меня Жанна. — Подружка твоя? А та, рыжая, она уже все? Ой, да ты бабник! Я про тебя лучше думала.

Ты еще меня покритикуй! Тоже мне, «полиция нравов».

— Дичаем помаленьку, — развел руки в стороны я. — Увы и ах. Расскажи про это Полине Олеговне, она порадуетя. И непременно изречет нечто вроде: «Вот, а я тебе говорила!».

— Саша, ты хоть в одном нашем разговоре можешь обойтись без того, чтобы не оскорбить мою маму? — устало спросила Светка. — Да, она не подарок. Но она моя мама, и с этим надо считаться.

— Мне уже не надо, — чуть пристыженно буркнул я. — Слушай, а ты, гляжу, теперь на «колесах»? Машинку себе купила?

— Купила, — с достоинством ответила моя бывшая. — В кредит. На полную стоимость не хватило.

— Да ладно? — приложил ладони к щекам я. — А как же «кредит — добровольное рабство»? Так ты ведь говорила в те времена, когда мы еще являлись семьей?

— Это твоя бывшая жена! — взвизгнула Жанка, уже устроившаяся на лавочке, и с нескрываемым любопытством слушавшая нашу беседу. — Ничего так, симпатичная. Но ногти неухоженные. Ты скажи ей, что надо чаще на маникюр ходить.

Ага, вот он, предел моих мечтаний. Передать слова мертвой нынешней помощницы живой бывшей жене. Только ради этого стоило ведьмаком становиться.

— Когда остаешься одна, без поддержки, на многие вещи смотришь по-другому, — с грустью в голосе уведомила меня Светка. — В том числе и на кредит.

Нет, мне не дано понять женскую логику! Более абсурдный ответ представить в принципе невозможно, но если продолжить данную беседу, то все равно виноватым окажусь я. Не знаю, как Светке удастся всякий раз так вывернуть наизнанку элементарные вещи, но финал всегда предсказуем.

— Мои поздравления с покупкой, — решил я отступить на ранее подготовленные позиции. — Хорошая модель. И цвет приятный. Так чем обязан?

— В последний раз мы не очень хорошо поговорили, — было заметно, что Светка чуть переламывает себя, произнося эту фразу. Просто она никогда не любила банальности, но тут, увы, без них никак не обойтись. Специфика жанра. — Хоть мы и расстались, но...

— Стоп! — попросил я. — Свет, это все лирика. Давай перейдем сразу к делу.

— Нет дела, — обезоруживающе улыбнулась она. — Я правду говорю.

— Тогда спешу обрадовать тебя — все в порядке, — подтверждая свои слова, я неторопливо повернулся вокруг своей оси. — Твой бывший трезв, жив, здоров, невредим и прекрасно провел день за городом. Прикинь, там местами еще снег до сих пор лежит!

— Не припоминаю я, чтобы тебя раньше тянуло в поля, — с сомнением произнесла Светка. — На дачу чуть не из-под палки ехал всегда.

— Времена меняются, я меняюсь. Это жизнь.

— Верно. — Светка обхватила свои плечи руками. — Саш, может, поднимемся наверх? Я немного озябла и выпила бы чаю. Можно даже черного. Зеленого-то у тебя наверняка нет. Жанна ехидно заулыбалась, мол, «знаем мы эти чаи», а мне показалось, что из окошечка, которое за каким-то лешим имеется в фундаменте каждого дома, раздалась возня и кто-то негромко пискнул нечто вроде: «расступись, пойду печенье на стол поставлю».

Показалось, наверное. А если нет, то кое-кому сегодня крепко нагорит.

Да и смысл печенье на стол ставить? Не будет у нас нынче в доме гостей. И дело не в потасканных банальных истинах, вроде «разбитого не склеишь» или «угли давно стали золой». Нет, это тут ни при чем.

На самом деле, просто нет в этом смысла. Слишком мы с ней непохожие. Всегда так было, но раньше хотя бы шанс на то, что два молодых идиота сумеют найти компромисс, имелся. В какой-то момент мне даже показалось, что мы к нему пришли. Увы, это была иллюзия. А теперь и гипотетического шанса нет. Разные миры у нас со Светкой. У нее свой, у меня свой.

Так что...

— Зеленого чая нет, — подтвердил я. — Как, впрочем, и смысла подниматься наверх вместе. Я как есть сказал. Если обидел — извини.

Жанна даже ногами затопала, как видно, от эмоций. Но — промолчала.

Светка тоже ничего не говорила, просто стояла и смотрела на меня.

Как по мне — немая сцена немного затянулась, и я было хотел подвести дело к логическому финалу, но сделать мне этого не дали.

Новенький, как говорится, «с иголки», минивэн «Шевроле» прошуршал шинами по асфальту и лихо тормознул у моего подъезда.

Мне очень хотелось произнести: «Да ладно!», но я удержался и промолчал. Впрочем, вру. Мне еще очень хотелось процитировать матерную фразу Славы Два, которую он выдал сразу после того, как закончилась схватка с призраком. Очень она к данной ситуации подходила.

Мягко щелкнула дверь минивэна, и гибкая фигурка в короткой зеленой куртке неуловимо быстро оказалась около нас.

Вот тоже вопрос — Рязской координаты отдела я так и не дал. Закрутился, забыл, грешен. А транспортное средство они из нее все же выбили. И кто подсуетился? Она или они? Хотя — какая разница? Мне вот отчего-то стало Светку жалко, и это очень плохо. Не хочу я никакие чувства по отношению к ней испытывать, потому что ничего путного из этого не выйдет.

— Привет, — прядка волос щекотнула мою щеку, а секундой позже ее коснулись мягкие губы. — Я скучала. А это кто, мама твоя?

— Не смешно, — холодно произнесла Светка. — И я вас узнала, и вы меня тоже.

— Такой у нас юмор, — пояснил я ей. — Кинематографический. Знает девушка классику жанра.

— Какой есть, — крепкие руки рыжей бестии обхватили мою талию, а ее подбородок уперся мне в плечо. — Другого при рождении не выдали. И вообще — радуйся, что шучу. Еще утром мне не до смеха было. Знаешь, когда задержка на неделю, как-то уже не до него. Ну насчет задержки она погибает, к гадалке не ходи, знаю я эти ее интонации. Просто Светку побесить хочет.

Собака на сене. Сама не ам, и другим не дам.

— Свет, не надо, — попросил я, заметив, как на щеках моей бывшей появились неровные красные пятна. Верный признак того, что она выходит из себя. — Пожалуйста. Лучше давай выдохнем, после скажем друг другу еще по одной банально-штампованной фразе и на этом закончим разговор. Я даже готов начать. Знаешь, мне было приятно тебя увидеть. — Я рада, что у тебя все хорошо, — отчеканила Светка, развернулась и пошла к своей машине.

— Круто! — подала голос Жанна. — Прямо как в «Санта-Барбаре». Мне про этот сериал мама рассказывала, я как-то от скуки серий сто скачала и посмотрела. Очень похоже.

— Не знаю, как отнестись к твоим словам. — Я смотрел на машину, в которую села женщина в бежевом плаще. — То ли это комплимент, то ли нет.

— Без понятия, — пожала плечами мертвячка. — Просто похоже. Но если тебе интересно, то эта липучка, что тебя до сих пор за бока хватает, мне нравится куда меньше, чем твоя бывшая.

— Я вообще сейчас молчала, — чуть замедленно среагировала на мои слова Женька. — Ты что, сам с собой начал общаться?

— Ну не настолько же я еще спятил, — возразил ей я. — Не надо грязи. «Мазда» заурчала мотором, осветив меня и Мезенцеву фарами, а после неспешно покинула двор.

— Тогда я чего-то не понимаю, — Женька разжала свои объятия и внимательно посмотрела на меня. — Хотя нет, сообразила. Мы тут не одни, выходит?

— Выходит. — Жанна показала ей язык — Слушай, эта рыжая точно не твое. Уж поверь, мне как женщине виднее.

Да что такое. Все в мою личную жизнь нос суют, даже мертвые. Может, меня проклял кто? И я сейчас не шучу.

— Есть немного, — подтвердил я устало. — Кстати — с обновкой ваш отдел. Славная машинка.

— Сама в шоке. — Мезенцева с видимым удовольствием повернулась к минивэну. — Не надула нас богатая старушка. Была уверена, что кинет. Когда набирала ей напомнить про должок, думала, что пошлет она меня куда подальше. Фиг. Мало того, что машину на следующее утро пригнали, так еще и по документам провели честь по чести. Мы же бюджетники, у нас там все непросто, бюрократия, и все такое. Слушай, Смолин, я все хотела у тебя спросить — а ты с ней в самом деле спишь? Я без наезда сейчас, просто для справки. По жизни ведь мы друг другу никто, нас кроме постели ничего не связывает. А постель в наше время — это даже не повод для знакомства.

— Даже если рыжая права, скажи «нет»! — заорала Жанна так, что я чуть в сторону от лавки не шарахнулся. — Эта не простит! Она тебя сейчас провоцирует! Можешь мне поверить, я знаю!

— Жень, хочешь верь, хочешь нет — ты сейчас единственная особь противоположного пола, которая в последние полгода находится рядом со мной. Серьезно. Даже бывшую на порог не пустил.

— А я? Вот ты гад! — обиженно буркнула Жанна, блеснула синей вспышкой и растворилась в ночи.

Нехорошо получилось. Но — ничего. Завтра вечером ее позову по магазинам погулять, она и отгадет.

— Врешь, конечно, — стукнула меня кулачком в грудь Женька. — Но предупрежу сразу — старушку я понять и простить смогу. Нашу Викторию — нет. Услышал?

— Услышал. — Я прихватил ее руку и чуть сжал. — Но и ты запомни — не надо затачивать меня под себя. И указывать, с кем, как и о чем мне общаться тоже не нужно. Я ясно выразился? Как было верно замечено ранее — мы друг другу никто. Это твои слова, не мои. Ты столько раз мне это повторяла, что, наконец, убедила в своей правоте. Пусть так и будет.

— Ты чего разошелся? — как мне показалось, растерялась Мезенцева. — Мало ли чего я несусь?

— Ты взрослая самостоятельная личность, — объяснил ей я. — Раз что-то говоришь, значит, перед этим думаешь. И, соответственно, несешь ответственность за сказанное. И еще — ты не Нифонтов, ясно? Да и ему пора бы уже потихоньку привыкать к тому, что я не отдельский карманный ведьмак. Ваш мир — он тот, в котором Солнце светит. А мой — вот он, под Луной.

— Это ты не мне, это ты ему объясняй, — вырвав свою руку из моей, буркнула насупившаяся девушка. — Дурак! Хорошо хоть никто этого не слышит, кроме меня. И я же еще дурак. С другой стороны — сам виноват. Ни разу толком ее до сегодняшнего вечера на место не ставил — и вот, получите и распишитесь. А может, так и надо. Может, оно и к лучшему. Не исключено, что и с этой рыжей фурией стоит проделать то же, что и со Светкой. Для ее же блага.

— Вон Нифонтов, — показала мне Женька на Николая, вылезавшего из машины. — Иди и объясняйся. А на меня орать не смей!

— Да кто на тебя орет? — не выдержал я. — Что ты вечно придумываешь? Если твой характер все окружающие кое-как терпят, это не значит, что так будет всегда. И я не исключение. И вообще — а не пошла бы ты...

— Привет, Александр. — Николай схватил мою руку, ловко скрыв опешившую от моего неожиданного поведения Женьку за своей спиной. — Давно не виделись.

— И еще бы столько не видеться! — закипая от неожиданного приступа злости, рыкнул я. — Что ты, что вот эта рыжая — достали вы меня! Как припретесь, так непременно настроение испортите. Такой был день хороший, так замечательно время сегодня провел, воздухом чистым надыхался. И нате вам — вечер насмарку. Спасибо вам большое. Тьфу! Я плюнул Нифонтову под ноги, повернулся и собрался пойти домой.

— Гражданин Смолин, прошу вас задержаться, — таких интонаций у Нифонтова я до сегодняшнего вечера не слышал. Это что-то новенькое! И еще — «гражданин».

— Весь во внимании, — повернулся я к нему. — Что, у правоохранительных органов ко мне возникли какие-то вопросы?

— Возникли, — подтвердил Николай. — Но я думал, что мы поговорим на интересующую нас тему по-людски, как обычно. Жаль, что ошибся.

— И мне жаль, — раздвинув губы в улыбке, немного лицемерно вздохнул я. — Повесткой вызывайте, тогда и поговорим. Ах, да, ходу-то мне в ваш теремок нет. Я ж не человек, я ж чудовище, дикая тварь из дикого леса. Вот, а ты говоришь «по-людски».

— Завтра же поставлю вопрос о том, чтобы тебя сняли с оперативной работы, — деловито сообщил Мезенцевой Николай. — Вон до чего твои закидоны отдельных граждан доводят. Был нормальный человек, стал неврастеник. Все, Евгения, все. Будешь сидеть и перебирать архивные папки. Так от тебя вреда меньше будет.

— Не имешь права, — наставила на Нифонтова палец, как пистолет, Женька. — Ты оперативник, как и я! Не начальник!

— Ты кого-то, кроме себя, слышишь? — уточнил Николай. — Сказано — поставлю вопрос перед руководством. И, сдастся мне, оно со мной согласится. А на заступничество Пал Палыча не рассчитывай. Он до сих пор на тебя зол за ту никому не нужную стычку с экстрасенсами.

— Впечатляет, — признал я, потихоньку остывая. — Но если ты хочешь сейчас вызвать у меня сострадание в отношении Женьки, или чувство вины, то зря. Я на такие вещи не веду. К тому же меня уже реально все достало. В смысле — эти ваши интриги, скандалы, расследования. Мне вообще иногда кажется, что у вас в отделе только один нормальный человек и работает — Виктория.

— Спорный вопрос, — сменив тон на более миролюбивый, ответил мне Николай. — Ты ее раньше не знал, до того, как она собой нынешней стала. Сказал путано, но по смыслу верно. Ну что, нам повестку выписывать, или все же пообщаемся? Сразу скажу — тебя никто ни в чем не обвиняет. Но при этом случившееся определенным образом с тобой связано. Саша, пострадали люди, ведется следствие, так что все равно придется давать показания. Но мы с тобой если и не друзья, то уж точно не враги, потому мне хотелось бы решить все полюбовно. Но если хочешь под протокол — пожалуйста. Вот все и стало предельно ясно. Я, в принципе, сразу понял, что речь пойдет про Олега, колдуна и все такое прочее. Не ошибся.

Полюбовно — это лучший вариант, чем светиться в казенных бумагах. Тем более что меня как профессионального служащего кредитной организации вообще очень нервирует формулировка «разговор под протокол». От нее неуловимо потягивает потенциальным сроком за экономические преступления и незаконную банковскую деятельность. В лучшем случае — свидетельскими показаниями против своего бывшего коллеги, с которым на прошлом корпоративе за одним столом сидел.

Так сказать — сегодня я, а завтра ты.

— Ну так что? — поторопил меня Нифонтов.

— Давай поговорим, — согласился я. — Убедил, черт красноречивый.

— Так хоть домой пригласи, — усмехнулся оперативник. — Чаю предложи. Весь день на ногах и не жрамши. Слушай, я понимаю, что мы тебя достали, но законы гостеприимства никто не отменял?

Мезенцева молчала, не вступая в разговор, и время от времени шмыгала носом.

— Пошли, — обреченно согласился я, рассудив, что это меньшее из зол.

Нет, если бы не осознание того, что этот разговор нужен не только им, но и мне, фиг бы им удалось меня уговорить. Я все же сильно разозлился. Но в данном случае — так надо. Хотя бы для того, чтобы понять, насколько сильно вляпался Олег и стоит ли ему возвращаться из Карелии в столицу в ближайшие лет пять.

Пискнула машина, и Мезенцева недовольно спросила у напарника:

— А мне что, с вами?

— Нет, блин, — ответил ей тот. — В машину тебя отправлю ждать своего возвращения. В новую. Ту, на которой еще муха не сидела. Жень, я что, настолько похож на идиота? Так что да, ты отправляешься с нами. Или вон на лавке сиди, мерзни, если сильно умная и гордая. Пойдем, Саша, ну ее к лешему!

Глава пятнадцатая

Чайник Родька не поставил, как видно, чтобы у Светки не возникло лишних вопросов, но стол накрыл, расставив на нем вазочки с сушками, конфетами и печеньем. Так что — не примерещился мне шепоток из подвала, я и в самом деле под «колпаком». Сделали

подъездные на пару с Родионом из моей жизни аналог «Дома-2», и теперь с интересом наблюдают за происходящим.

— А чего посущественней есть? — громко спросила Мезенцева, окинув взглядом стол. — Колбаса там, сыр?

Прикрытая дверь, ведущая в комнату, распахнулась, и на пороге появился Родька с округлившимися от непонимания глазами.

Он посмотрел на меня, потряс башкой, потыкал лапой сначала в сторону окна, а после в направлении Мезенцевой, которая уже грызла печенюшку, соря крошками и с интересом наблюдая за происходящим. Закончилась немая мизансцена разведением лап в разные стороны и приданием мордочке выражения «не понимаю!».

— Да-да, мой маленький мохнатый друг, это снова я, — абсолютно верно истолковала немые страдания моего слуги Мезенцева. — Ты-то ждал, что пожалует другая гостья, а тут нежданчик в виде меня, любимой. Я бы даже сказала — облом. Но не грусти, ты не один такой. Хозяин твой тоже не очень рад подобному раскладу.

— Вон пошла, — негромко приказал ей Нифонтов. — Надоела. Серьезно.

— Все-все, — как видно, уловила что-то совсем уже нехорошее в его интонациях Женька, мигом присмирившаяся. — Молчу.

Родька с невыразимой печалью уставился на меня. И такая грусть обнаружилась в его круглых глазах, такое разочарование в жизни, что мне даже неловко стало.

— Это жизнь, — объяснил я слуге. — В ней всякое случается. Извини.

Мезенцева хмыкнула, но промолчала, запихав для верности в рот целиковую печенину и смачно ей захрустев.

Родька бросил в сторону девушки короткий взгляд, после чего та немедленно закашлялась, да так сильно, что аж согнулась, задыхаясь.

А что, он и так умеет? Не знал.

— Получила? — с удовлетворением произнес Нифонтов, подходя к Женьке. — А вот не зли тех, кто при желании может устроить тебе веселье с последующей кремацией.

Он несколько раз с силой хлопнул ее по спине.

— Уффф! — с трудом восстановив дыхание и выплюнув остатки печенья в ладонь, просипела Женька. — Как же вы мне все...

— Что именно? — уточнил Нифонтов любезно.

— Дороги! — почти проорала Мезенцева, выбрасывая несъеденное в мусорное ведро, открывая кран и наклоняясь к нему. — Особенно ты, глазастик.

Родька погрозил ей лапой и тихонько скрылся в комнате.

— Нет у человека ума, — пожаловался мне Нифонтов. — Напрочь. Как и инстинкта самосохранения. Не понимает, что несет.

В этот момент кран дернулся, а следом за этим Мезенцевой в лицо ударила струя воды.

Выглядело это так, словно кто-то невидимый приложил к нему палец, очень верно рассчитав, кого именно ему хочется обрызгать.

Сдается мне, Вавила Силыч тоже решил не оставаться в стороне. А может, за Родьку обиделся.

— Да вашу мать! — заорала Женька, пытаясь спешно закрыть воду. — Что же это такое?

— Это? — Николай иезуитски улыбнулся. — Злонравия достойные плоды. Садись на табуретку и прикинься восковой фигурой. Поверь, данный вариант на текущий момент для тебя лучшее решение.

Женька цапнула кухонное полотенце и вытерлась им, а затем последовала совету старшего товарища.

— Я бы чаю выпил, — сообщил мне Нифонтов, тоже усаживаясь на табурет. — Если не сложно.

Как же я не люблю те моменты, когда оперативник становится изысканно-вежлив. Это всегда означает одно — у него есть на меня планы.

Интересно, а если я его отравлю, то меня быстро вычислят? Шутка.

Щелкнув клавишей включения электрочайника, отчего тот немедленно зашумел, я повернулся к незванным гостям и предложил:

— Может, реверансы опустим, и сразу о деле поговорим?

— Вариант, — легко согласился Николай. — Почему нет? Расскажи-ка нам, дружище Смолин, о своем новом приятеле.

— Каком именно? — уточнил я.

— Ведьмаке, таком же, как ты, — дружелюбно пояснил оперативник. — Лет тридцати, крепко сбитом, зовут Олег. И сразу просьба — не надо делать удивленное лицо и вещать о том, что ты не понимаешь, про кого я говорю. Вас видела куча народу позавчера в ресторане. Вас, и еще нескольких таких же, как вы. Только все остальные разъехались кто куда, а вы после еще мило прогуливались под луной.

«Мило прогуливались». Скажет тоже. Я как вспомню мутно-зеленые воды Москва-реки, так в горле хлопнуть начинает.

— Да, сразу отмечу, что у отдела к твоему приятелю претензий нет, — добавил Нифонтов. — Никто его не собирается ни в чем обвинять или, того хуже, привлекать к ответственности, так что не надо сейчас мысленно готовиться к обороне. Несколько свидетелей вчерашнего происшествия дали показания, и из них следует, что ведьмак не более чем защищался.

— Плюс от его действий никто не пострадал, — добавила Женька. — Во всем виноват тот, второй.

— Вот он-то нас и интересует в первую очередь, — закончил Николай. — Любая информация, пусть даже самая куца и незначительная, будет очень к месту. Но начнем мы все же с твоего знакомца.

— Черный, зеленый? — достал я из шкафчика коробочки с чаем — Или кто-то желает кофе? У меня есть, причем неплохой.

— Сразу виден рост благосостояния, — заметил Николай. — Нет-нет, это не ирония. Просто констатация факта, и не более.

— Кто на что учился, — холодно прокомментировал его высказывания я. — Ладно, сами разберетесь, кто что хочет.

Чайник с щелчком выключился, знаменуя то, что мне пора делать выбор — то ли гнать сотрудников отдела в шею, то ли начинать с ними разговор на заданную тему. Просто отмолчаться или «включить дурака» не получится, не те это люди. И ситуация не та. Сейчас я вроде как ни при чем, но если начну юлить, то запросто все поменяться может. Это Россия, у нас закон что дышло — как повернул, так и вышло. Традиция, однако.

Вот и выходит, что лучше поговорить. Дешевле выйдет.

— С вашим братом никогда не знаешь, где ирония, где сарказм, а где прямая угроза, — все же не удержался я от колкости.

— Не без того, — легко признал оперативник. — Не без того. Итак — с кем именно сцепился твой приятель? И почему? Что ты о том, втором, вообще сказать можешь?

— Слушай, давай вот без этого, а? — предложил я, расставляя чашки на столе. — Ты и сам все знаешь.

— Знаю, — легко согласился Николай. — Олег Муромцев. Личность хорошо отделу знакомая, поскольку время от времени она попадает в поле нашего зрения. В последний раз это случилось года два назад, когда он спровоцировал серьезный конфликт между ведьмаками и ведьмами, там дело чуть до войны не дошло. В последний момент, и отчасти нашими стараниями, старейшины сумели договориться мирным путем.

— Но ту ведьму, из-за которой Муромцев взбеленился, так и не нашли, — дополнила слова коллеги Женька. — Она как в воду канула.

— Туда, я думаю, и канула, — кивнул Николай, насыпая в чашку кофе. — Учитывая специфику дара Муромцева. Но... И поделом. Потому никто эту «потеряшку» особо не искал, даже свои. У ведьм нравы простые, а верность и дружба не в чести. Временные союзы, совокупность интересов — обычное дело. А чтобы друг за друга горой, плечом к плечу — это нет. Потому все и спустили на тормозах.

Сдается мне, речь идет о той же сваре, которую сегодня Славы упоминали. Надо же, какая громкая, выходит, история была, если даже отдел к ней подключался.

Но как они информированы! Даже про то, какой дар у Олега, знают.

— Муромцева сейчас в Москве уже нет, нам это известно, — продолжал Нифонтов. — Небось, рванул «в бега», причем совершенно напрасно. Хотя логика в этом прослеживается. После той истории в Лианозово наш коллега Пал Палыч имел с ним беседу, человек он в общении жесткий, как ты знаешь, так что твоего приятеля можно понять. Но если он снова тебе позвонит, скажи ему, что можно возвращаться.

— «Если снова»?

— Саш, возможно ты не в курсе, но на вооружении правоохранительных органов есть масса современных приемов, — усмехнулся Нифонтов. — В том числе и такой, как «биллинг». Знаешь, что это такое?

— Знаю, — отпил я чаю. — А точно только биллинг? Может, вы уже все мои разговоры слушаете?

— Не слушаем, — заверил меня Нифонтов. — Хотя такая техническая возможность есть. Саш, ты себе не льсти, ты фигура не того масштаба, чтобы на тебя отдельные «уши» вешать. Сам знаешь, сколько народа у нас в отделе. Если каждого ведьмака или ведьму «слушать», то работать «в поле» кому? Вот то-то. Ладно, вернемся к нашим делам.

— Повторно интересуюсь — колбаса есть? — перебила его Мезенцева. — Сыр, масло? За закрытыми дверями комнаты что-то грохнуло.

— Я гость! — повернувшись к ним, чуть повысила голос Женька. — И ты не можешь выражать неудовольствие! Покон запрещает!

— Ему нет, — возразил Нифонтов, хрустнув сушкой. — Он не домовый, он слуга ведьмака. Его доля — служить Сашке, делая его жизнь комфортной, и защищать до последнего вздоха в случае опасности. Так что поосторожней, Мезенцева, поосторожней. Сама знаешь, в Поконе лазейку всегда найти можно, тем более что ты для него никто, ты не из мира Ночи. Так что, если сыпанет он в твою чашку незаметно зеленого травяного порошка, от которого ты помрешь с пеной на губах, в корчах и жутких страданиях, то вины никакой за этим существом значится не будет. Он таким образом защищал хозяина. От кого? Да от тебя. Характер твой в последнее время жутко испортился, агрессивной ты стала до крайности, и представляешь опасность для всех. И для Смолина в том числе. За дверями раздался звук, более всего похожий хлопок ладонью по лбу.

— Сейчас насовегуешь! — на самом деле испуганно отодвинула от себя чашку Женька. — Нифонтов, ты совсем дурак?

А ведь Родька может. Правда — может. Надо будет ему официально запретить причинять Мезенцевой вред. Да, меня она в последнее время тоже часто выводит из себя, но смерти я ей не желаю совершенно.

— Приличия соблюдай — проблемы исчезнут, — без тени улыбки произнес оперативник. — Ладно, вернемся к нашим баранам. Саша, так все же — с кем именно сцепился Муромцев? Что ты знаешь о его противнике?

Самое забавное, что знаю я на самом деле не так и много. Конкретики практически никакой нет. Лицо описать не смогу, поскольку запомнил только красные буркалы моего потенциального убийцы, имя его мне тоже неизвестно, о чем-то большем даже и упоминать смысла нет.

Но что знал — то рассказал, опустив совсем уж незначительные детали, вроде передачи Олегу пиджака. В конце концов, это в моих интересах. А если Олег прав, и этот душегуб в самом деле задумает довести начатое до конца? Мой приятель смылся в Карелию и в ус не дует, а я-то тут?

Ну и потом — я же гражданин. Помогать органам защиты правопорядка — моя священная обязанность. Тем более что эти органы пока желаемое не получают, фиг отсюда смоятся.

— Муромцев прав. — Николай встал, взял чайник и подлил себе кипятка. — Такие, как этот колдун, на самом деле не бросают начатое на полдороге. У них ведь необратимые изменения не только физического плана происходят, но и психического. Черные обряды такая штука, с которой шутить не стоит. Одно дело, когда какой-то малолетний прыщавый дурачок заиграется с колдовской книгой в попытках затащить к себе в постель симпатичную сокурницу, и совсем другое, когда он пройдет через обряды инициации кровью, тем более — неоднократно. В первом случае все поправимо. Не сразу, но тем не менее. Во втором возможно только кардинальное решение вопроса.

Сиречь — физическое устранение, без особых раздумий. Что-что, а терминологию работников отдела 15-К я уже усвоил.

— Он уже не человек, — пояснила Женька. — Без вариантов. У него в голове мозги спеклись. Это ходячее бедствие.

— И, кстати, определение «колдун» тут вообще не очень применимо, — поморщился оперативник. — Какой он колдун, право слово? Он сейчас, скорее, некая помесь умруна и упыря.

— Умруна? — удивился я — То есть у него такая же мощь, как у Хозяина Кладбища?

— Сравнил! — засмеялся Николай. — Нет, разумеется. В данном случае умрун — это просто ходячий мертвец. Этот парень по сути своей уже труп. Чужая кровь выжгла ему нутро и остановила сердце. И она же поддерживает в нем то, что с натяжкой можно назвать жизнью. Оттуда и бледность, и красные глаза, и невероятная скорость. Он подпитывается чужими смертями, понимаешь? Точнее — как бы их концентратом, самыми сливками, которые снимает с забранной у кого-то жизни. Звучит путано, но ты, думаю, смысл уловил. Добавь сюда еще умение применять какое-то количество заклятий, и ты получишь прямую и явную угрозу для столичных жителей, которые даже не знают, что по улицам бегают зверь в человеческом облике.

— И не только, — добавила Мезенцева, которая, плюнув на страшилки напарника, все же достала из холодильника еду и сейчас соорудила огромный бутерброд. — Сегодня днем он пришиб ведьму, та в парке травы собирала. Место там с интересным прошлым, потому много разного всякого произрастает, особенно поближе к дубам. Не знаю, каким ветром этого красавца в те края занесло и чем ему ведьма помешала, но факт остается фактом — он выдавил ей глаза, пробил дырку в груди и вырвал сердце. Мало того — еще и сожрал его сразу после изъятия.

— На глазах у влюбленной парочки, которая до того мирно целовалась на скамейке, — дополнил ее рассказ Нифонтов. — Ребятам повезло дважды. Первый раз в том, что они за кустами сидели и этот гад их не заметил, второй — что орать не стали, а только молча смотрели на происходящее.

— Страх иногда бывает полезен, — назидательно произнесла Мезенцева и стала примеряться, с какой стороны начать поедать созданную ей вавилонскую башню из колбасы, масла, сыра и хлеба. — Их проняло до немоты. Мало того — парень еще и обтрухался. А девка вообще в обморок упала под конец.

Ну увидь я такое год назад, фиг знает, как бы отреагировал. Когда на твоих глазах женщине пробивают грудную клетку, а после достают из тела сердце — это, знаете ли... Все мы на диванах перед телевизором смелые и отважные. А вот так? Если в пяти шагах от тебя бледное исчадие ада с красными глазами живую человеческую плоть, чавкая, жрет? Легко судить других, сидя в тепле за закрытой железной дверью.

— Бегать ему недолго осталось, — подытожил Николай. — При любых раскладах. Но до той поры, пока этот злодей сам лапы склеит, ждать никак нельзя. Он столько разного наворотить может, что беда просто. Одно хорошо — на него теперь ведьмы московские очень злы. Мы уже до них информацию о смерти товарки донесли, так что волна пошла.

— Ты ж говорил, что они не очень корпоративные ценности чтут? — засомневался я.

— Так все от ситуации зависит, — хмыкнул оперативник. — И от того, как новость подана. Плюс этот головорез еще и ходячий источник темной силы, которую из него можно изъять. Мы не приветствуем подобные вещи, но, если они совпадают с нашими интересами, можем на время прикрыть глаза.

— А как же принципиальность, моральный облик? — не удержался я.

— Это там. — Николай махнул рукой в сторону окна. — В том мире. Да и то не везде. А у нас, в Ночи, все обстоит иначе, и ты это знаешь не хуже меня.

— Знаю, — подтвердил я. — Значит, началась охота?

— Именно. — Николай отпил кофе. — И мой тебе совет — свали куда-нибудь из Москвы до ее завершения. Вон в деревню свою, например.

— Я не согласна, — пробубнила Женька. — Это неправильно.

— Неправильно говорить с набитым ртом, — строго произнес Нифонтов, а после помассировал виски и пожаловался мне: — Слушай, я с ней скоро с ума сойду. Серьезно. У нас разница всего в пять лет, но при этом у меня постоянное ощущение, что это не так. Вон уже батины интонации в голосе появляться начали, он мне именно с такими в детстве хвоста крутил за мелкие грехи. Это же ненормально?

— Ненормально, — согласился с ним я. — Но, с другой стороны, вот эту гражданку считать стопроцентно адекватной нельзя.

— Скотина ты, — наконец прожевав кусок бутерброда, беззлобно сообщила мне Женька. — Я о нем забочусь, а он... Но все равно скажу — неправильно Сашку в деревню отсылать. Да, этот упырь опасен, спору нет. Но не так, как тот, что сейчас пиво в Чехии пьет. Надо отыскать злодея и сделать из него одноразовую «куклу», пусть Сашка на нем потренируется. А мы с тобой его подстрахуем.

— Хм, — оперативник задумчиво глянул на напарницу. — Ведь можешь, когда хочешь.

— И ты скотина, — отозвалась Женька и снова впилась зубами в бутерброд.

— Не лишено, — признал и я. — Может, и в самом деле?

— Пока не скажу, — покачал головой Николай. — Надо с шефом поговорить, как он на подобное посмотрит. И потом — здесь, на светлой кухне, это звучит хоть сколько-то оптимистично. А там, на ночных улицах, все будет обстоять совсем по-другому. Этот поганец не станет ждать, пока ты выйдешь на позицию и приготовишься к бою, он атакует сразу и всеми силами, которых у него хватает. Повторюсь — у данного существа больше нет разума в нашем, людском понимании. Это — зверь. Хитрый, умный, ловкий, опирающийся только на инстинкты, но при этом сохранивший память и знания с того времени, когда он являлся человеком. Тут не нам двоим страховать надо, здесь куча народа для этого нужна, чтобы он в сторону не вильнул. Да еще простые люди могут оказаться рядом и пострадать при столкновении, а подобное недопустимо. Так что, скорее всего, ничего не получится. Мы просто сразу начнем бить на поражение, вот и все. Впрочем... Если только совсем под конец, когда ему все нутро черная сила выжжет. Он, разумеется, будет опасен, но уже не так, как сейчас. Только много толку в схватке с таким противником? И сколько всего он еще наворотить успеет в этом случае?

И снова — верные слова. Он прав. К тому же я даже не представляю, как именно мне надо убивать подобного противника. У него непременно есть слабые места, у любого из нас такие имеются, но их надо знать.

Я — не знаю. Наверняка могла бы помочь Морана, уверен, она про таких существ много знает, но как к ней попасть? А сама она вряд ли до того момента, пока не получит искомое, выйдет на связь.

Так что — поеду-ка я лучше в Лозовку, как и собирался.

Хотя... Заманчиво!

— Ладно, все вроде обсудили, — Нифонтов встал из-за стола. — Спасибо за хлеб-соль. И — звони, если что.

— Само собой, — пообещал я, отметив про себя, что чуть ли не впервые за последнее время я не испытываю неприязни к этому человеку. — Слушай, погоди минутку. Да и Женька как раз свой бутер дожует.

Девушка, как питон заглывающая огромные куски, согласно кивнула.

Собственно, идея, ради которой я остановил оперативника, пришла мне в голову прямо сейчас, но повода не реализовать ее я не видел.

За добро надо платить добром — этому в детстве нас учили родители, учителя начальных классов и даже русские народные сказки. Со временем для меня эта аксиома перестала быть таковой, пройдя через ряд трансформаций, и в какой-то момент превратилась в некий жизненный принцип, гласящий: «За добро надо платить добром, особенно если то, что ты отдаешь взамен, послужит неплохой основой для дальнейших хороших отношений с получателем подарка». К этому принципу прилагался еще один, побочно-дополняющий, попроще, давным-давно сформулированный Самуэлем Клеменсом: «Спешите творить добро, особенно если это вам ничего не стоит».

В данном случае я решил передать небольшой подарок Виктории, которая произвела на меня большое впечатление при нашей последней встрече. И как практикующий... э-э-э-э... э... э... э... лекарь, скажем так, и как женщина. Красивая она. Не по моим зубам, это я отлично понимаю, но это не столь принципиально. И кошка имеет право смотреть на королеву, так говорят британцы.

Потому я живенько собрал шесть зелий из числа тех, что относились к лекарственным, и упаковал их в плетеную коробочку, которая для этого и была предназначена. Эдакая колдовская мини-аптечка. Я же уже упоминал о том, что практикующий маг в наше время в интернет-магазинах может приобрести для себя все, от хламиды до волшебной палочки? Что до кузовка — изначально это был инвентарь для «ролевиков», тех веселых ребят, что время от времени бегают по лесам с накладными эльфийскими ушами и гномьими бородами, но мне он как-то сразу понравился, и я заказал себе десяток. Хотел еще пояс с кармашками для зелий заказать, если верить изготовителю, пошитый из натуральной драконьей кожи, но решил, что это уже перебор. У нас зимой морозно, съезится драконья кожа, боюсь. Да и широкий он, куда в таком ходить?

Нешлохо было бы написать коротенькую пояснительную записочку о том, какое зелье что из себя представляет, но времени на это уже не было. Ну и еще одно соображение у меня по этому поводу имелось.

— Передашь Виктории? — протянул я коробочку Николаю. — Если не в труд? С поклоном от меня. Ничего криминального внутри нет, можешь проверить.

— Если там чего-то не то, она это учует сразу, — заверил меня оперативник. — В чем, в чем, а в таких вещах ей равных нет. Так что передам, не сомневайся. Мезенцева, ты доела наконец?

— Езжай. — Женька допила чай, перевернула чашку и поставила на блюдце. — Я, пожалуй, тут останусь, на радость одному местному обитателю, тому, что с лапами, но без хвоста. Смолин, ты не против?

— Против, — не раздумывая ответил я. — Так что поспеши, пока Николай один не уехал.

— О как, — удивленно протянула девушка. — Неожиданно.

— Предсказуемо, — и не подумал ее поддержать Нифонтов. — Удивлен, что он тебя столько времени терпел.

Женька подошла ко мне, как видно, хотел что-то высказать, но делать этого не стала.

Просто вышла из квартиры — и все. Правда, перед этим кинула нехороший взгляд на коробку в руках коллеги.

Надеюсь, я не слишком сильно подставил Викторию. Хотя... Есть у меня подозрение, что плевать этой холодной красавице на любые закидоны рыжей неугомонной девчонки. Очень у них большая разница в весовых категориях. И я сейчас не о физическом весе тела веду речь.

Нифонтов тоже не стал дополнительно комментировать увиденное, просто похлопал меня по плечу, пообещал напоследок держать в курсе происходящего, посоветовал не шляться по ночам и последовал за напарницей.

Я дождался, пока они отъедут от подъезда, и тут же, проигнорировав его последний совет, вызвал такси.

Не шли у меня из головы слова Мезенцевой о тренировке, никак не шли. Да, вероятность того, что ее замысел будет реализован, стремится к нулю, но, тем не менее, некое рациональное зерно в этом имелось. Но без помощи тут никак не обойтись, вернее — без подсказки. И в настоящий момент есть только одна сущность, которая что-то может знать и, возможно, не откажется мне помочь.

Ворота на кладбище были уже закрыты, что, впрочем, и неудивительно, но давно знакомая дырка в заборе, как всегда, пришла мне на помощь. Вот интересно — ее из смертных кто-то кроме меня видит? Хотя о чем я? Наверняка. Мы же не в фэнтезийном мире, тут «полога невидимости» нет. Другое дело, что, скорее всего, администрация кладбища отчасти в курсе того, кому именно этот лаз служит, потому и не рискуют его заделывать. Ну не могут те, кто кормится близ мертвых, не представлять, как именно устроено все на вверенной им территории. Может, не в полном объеме, но знают, я уверен. Не просто же так я никогда не встречал ночью ни одного сторожа там, в глубине кладбища? В это время живым там делать нечего, если только они не такие, как я.

Что примечательно — Хозяина Кладбища на его привычном месте в этот раз я не застал. Оказывается, он нынче отправился инспектировать десяток свежих захоронений на новой территории, ближе к южному выходу. Там, насколько я понял из путаных объяснений сразу нескольких призраков, отиравшихся близ черной плиты-трона, объявились какие-то две непокорные души, не пожелавшие предстать перед местным владыкой, заявив, что они при жизни масть держали, и на этом свете, который формально «тот», не собираются на четыре кости перед кем-то вставать. А тем более прогибаться под кого-то на глазах собственной «пристяжи», которая с ними в машине была взорвана и тоже здесь оказалась. Типа — пацаны могут неверно все истолковать. Не по понятиям это. Из последних фраз мне предельно стало ясно, кого именно занесло во владения Хозяина, и я даже посочувствовал этим борцам с системой. Костяной Царь не городской суд, он устраивать слушания дела не станет, а присяжных с адвокатами тут не было, нет и не будет. Чую, сначала он одного из смутьянов в распыл пустит, а остальных лет на тридцать отправит червей пасти. А то и всех сразу к высшей мере приговорит. Он может, с него станет.

Можно было бы сходить и посмотреть, но я побоялся разминуться с умруном по дороге. Кто знает, каким путем он обратно направится? А если воздушным?

И правильно сделал. Нет, прибыл Хозяин как положено, пешим манером, но очень скоро, минут через двадцать.

— А, ведьмак. — Величественная высокая фигура неслышно проплыла рядом со мной, благодетельно махнув у самого лица рукавом черного балахона, а после опустилась на черную могильную плиту. — Зачастил. Что, решил еще в моих владениях погулять?

— Не без того, — признал я. — Ну и еще просьба есть. Точнее — вопрос.

— Валяй, — разрешил повелитель мертвых. — У меня хорошее настроение нынче. Я всегда после экзекуции благодушен.

Точно козырным валетам с новой территории не повезло. Не отделались они легко. Но о их судьбе спрашивать не стану. Кто Костяного Царя знает, поди догадайся, сколько попыток на вопросы и ответы он мне нынче отмерит?

Но и с главного начинать не стоит, так что сделаем нейтральный заход. Расскажу-ка я ему о своей загородной поездке.

— ... только пятно и осталось, — закончил я повествование через пару минут. — Бурое, мерзкое. Вот мне и непонятно — что это за сущность была? И черная линия внутри, она мне тоже покоя не дает.

— Перерожденец, — прогудел Хозяин. — Подобное нечасто, но случается. Нечасто, потому что надо, чтобы очень много условий совпало. Душа должна остаться там, где погиб ее носитель, смерть последнего должна быть насильственной и мучительной, но заслуженной. То есть его не просто убить должны, а покарать. Ну еще кое-какие мелочи есть, но самое главное — носитель этой души при жизни должен быть проклят тем, кому он причинил зло, а после им же и убит. Здесь, похоже, все так и получилось, и в результате ты столкнулся с черной душой, которая потихоньку начала принимать телесный облик.

— Телесный? — сглотнул я слюну. — То есть — материализовываться?

— Представь себе, — весело гукнул умрун. — Ты сказал, что он там лет сто просидел? Ну вот. Хоть этот человек и был злодей, но он понес прижизненную и посмертную кару, так как его прокляли, убили и на целый век оставили на одном месте, что, по загробным меркам, серьезное наказание. Даже я использую его с оглядкой, применяю только к совсем уж непокорным душам или к чиновничьему сословию. Последних другим не прошибешь, они в гордыне и зле закаменели. В качестве же компенсации за подобные истязания душа может уйти насовсем, в другие миры, дают ей такую возможность. Ну или поступить иначе, если тьма не покинет ее, и в результате перевесит раскаяние.

— То есть стать осязаемым сгустком зла, — подытожил я. — А чернота внутри — это и есть овеществленная тьма.

— Именно, — подтвердил Костяной Царь. — Еще чуть-чуть, и он смог бы пересечь порог своей тюрьмы, а после начал сеять зло и смерть. Ни на что другое он все равно не способен. Надолго бы его не хватило, люди хоть нынче и не те, что раньше, но не совсем же дураки? Да и твои приятели — сыскные дьяки — не дремлют. После первых же смертей наверняка встрепенутся. Перерожденные души убивают, во-первых, кроваво и страшно, во-вторых, после них всегда остается ледяная метка. Холод — их верный спутник. Но оно и неудивительно.

— Почему? — жадно спросил я.

— Так это родовая черта, если можно так выразиться. — Капюшон умруна задержался, как видно, от смеха. — Холод, мрак, безнадежность — верные слуги той, кто создала первую перерожденную душу. Древние боги были большие затейники, ведьмак, можешь мне поверить.

Глава шестнадцатая

— Нет повода не верить, — пробормотал я, рассуждая о том, что в этом мире все очень взаимосвязано. Мысль, конечно, не очень оригинальная, но при этом верная по своей сути. Речь, разумеется, идет о Моране. А о ком же еще? Холод, мрак и безнадежность — это все по ее ведомству проходит.

— Я рад, что ты убил этого полупризрака, — продолжал тем временем свои речи Костяной Царь. — Мне такие, как он, не по нраву. Слишком много ярости, слишком мало понимания того, что во всем нужна мера, даже в стремлении к смерти.

Ага, и никакого желания подчиняться твоим приказам, это тоже надо учитывать. Но вслух я такие свои измышления никогда не произнесу. Я еще не совсем свихнулся.

— Согласен. Неприятное существо, такое и пришибить не грех.

— Именно. — В голосе умруна я уловил благожелательные нотки. — Это все, что ты хотел у меня узнать, или нет?

— Есть еще кое-что, — не стал скрывать я. — В городе появился... Даже не знаю, как его и назвать... Короче — какой-то дурак наакался крови путем колдовских обрядов, и теперь сеет смерть налево и направо. И меня пытался убить. Здоровый, гад такой!

— В старые времена таких, как он, называли «пиявец», — качнулся черный капюшон. — И тогда их было куда больше, чем нынче. Иные чернокожики специально молоденьких дурачков с искрой дара отыскивали, прикармливали, и в нужный момент, накачав кровью, отправляли туда, куда им было нужно. Врага убить, или боярина какого. Золото — оно и тогда золотом было, за него и простой люд, и чародеи на многое шли. Век «пиявца» короток, но яростен. Пройдя через черный обряд, они уже никогда не станут такими, какими были ранее. И жить им без обрядной крови недолго. А с ней — еще меньше. Выжигает эта кровь их изнутри — и плоть, и душу.

— И душу тоже? — уточнил я.

— А как же! — с видимым удовольствием подтвердил умрун. — Раз преступил запретную черту, которую боги с давних времен обозначили, то все, возврата нет. И спасения — тоже. Даже у перерожденных, о которых мы ранее говорили, шанс на него имеется, а у «пиявцев» — нет. Потому и лютуют напоследок эти человеки бывшие, не жалея никого. Для них «дальше» не будет, в какой-то момент они до этого додумываются. И рады бы иные из них вернуть все обратно, ан нет, поздно, ушел обоз из Холмогор на Москву.

— Жесть какая, — даже передернулся я.

— Не то слово, — согласился со мной Хозяин. — За все надо платить, ведьмак. За все. И ты о том не забывай. Ваш брат тоже, случается, через кровь силы да власти ищет, этот путь самый простой и доступный. Правда, «пиявцем» ведьмакам стать не грозит, суть у вас другая, но и хорошего ничего ждать не стоит. Либо свои пришибут, либо сыскные дьяки выследят и выпотрошат.

— Мне такая сила нафиг не нужна, — сразу отперся я. — Кровь лакать... Брррр!

— Ну там не только кровь пить надо, обряд вообще-то куда сложнее, — глухо хохотнул умрун. — Сначала нужной фазы Луны следует дожидаться, потом знаки на граните-камне нарисовать, после заговоренным ножом горло жертве перерезать, причем та должна быть...

— Все-все! — перебил собеседника я. — Обойдемся без деталей.

— Как знаешь, — согласился Костяной Царь. — Еще что-то?

— А убить «пиявца» тяжело? — задал самый главный для меня на сегодня вопрос я. — Даже не так — как его убить? И чем?

— Сталью заговоренной, — не стал тянуть с ответом Хозяин. — Огнем. Магией. Чем человек убивают, тем и его можно. Тело-то его почти прежним осталось. «Почти» — это потому что он, само собой, живучей стал после обряда. Но если ему голову с плеч снести, то он наверняка умрет. Без головы только курица по двору бегаёт, да и то недолго.

— Голову рубить нынче не принято, — почесал затылок я. — Да и привычка к подобным вещам нужна.

— Жить захочешь — наловчишься, — приободрил меня умрун. — А когда этот «пиявец» чудить начал, не знаешь?

— Не-а, — подумав, ответил я. — Но, думаю, недели три точно ему уже есть.

— Тогда и печалиться не о чем, — прогудел Костяной Царь. — Ему землю топтать всего ничего осталось. К Трибогову дню, самое позднее, сам очокурится, без посторонней помощи.

«Трибогов день», это, похоже, тот самый «Гроян», о котором Родька говорил. То есть — двадцатые числа мая.

— Да, ведьмак, — умрун подался вперед. — Ты не забывай, скоро зверобой зацветет.

— Как же скоро? — за последнее время я порядком поднатерел в вопросах цветения трав, да так, что разбуди ночью, все расскажу — В июне его срок. Да и запасец у меня пока есть.

— Это кладбище, — возразил Хозяин. — Тут травы раньше отцветают. И сила у них другая, не такая, как у луговых растений. Кладбищенский зверобой в умелых руках, да взятый с нужной могилы... А у меня тут такая есть. Вон там, за деревьями, отцеубийца лежит. Так что если надумаешь — на первый раз помогу тебе. Отведу на ту могилу и взяты траву пособлю. Просто сам можешь не справиться, там знать надо, что и как делать. И слова нужные ведать.

— Даже так? — проникся я. — Ух ты! А что этот зверобой делает? Чем от обычного отличается?

— Всем, — лаконично ответил Костяной Царь. — Он забирает то, что его луговой брат-близнец лечит. Но не это главное. Главное — с какой могилы его сорвать. Если с нужной, как та, про которую я речь веду, то сила в этой травке великая будет. В ней часть черной души мертвеца останется. Душам отцеубийц и матерям, что детей своих сгубили, из земли хода нет, им до конца времен в ней торчать, и никто их из этой тюрьмы не вызволит. И только раз в год, когда цветет трава, они могут глянуть на мир через нее, пройдя по стеблю с соком. Другое дело, что редко у кого из них на могиле что пробивается, стоят они гладкие, как девичья коленка, ни травиночки. Черные души, заугольные, что тут скажешь? Так вот, — сорви ту траву — и с ней получишь часть души, истомившейся в темнице. Маленькую, но тем не менее. Захватить тело того, кто отвара из такой травки изопьет, она не сможет, силенки не те, но источит его изнутри как червь, это уж точно. И кошмарами замучает. Если, конечно, ее оттуда не изгнать.

— Ого, — проникся я. — Вещь полезная. Кошмары нон-стоп — это сильно. А ее обязательно в Трибогову ночь собирать? Прямо вот в нее?

— Нет, — обрадовал меня умрун. — Но лучше всего брать ту траву, когда луна полная. И до начала убывания. Как луна начнет таять, так и сила в землю начнет уходить.

Так, полнолуние девятнадцатого, собственно, к нему и приурочен ведьмачий круг. Стало быть, накануне, восемнадцатого, можно будет сюда наведаться. Даже не можно, а нужно. Трава злая, это без вариантов. Но и я не сильно добрый, особенно если меня крепко достать. Вот только...

— А как потом человека, что отвара из кладбищенской травки откушает, лечить?

— Можно заклятием, можно отваром, — неторопливо ответил умрун. — Заклятие тебе не под силу, тут ничего не поделаешь, а вот рецепт отвара могу продиктовать.

Чего это он такой добрый сегодня? Или ему надо чего? Неспроста же он про то, что за все платить надо, упомянул.

— Не откажусь.

— Насторожился! — расхохотался Костяной Царь. — Молодец! Гадаешь, с чего это я вдруг тебе помогаю? Верно?

— Есть такое, — выдохнул я. — Просто слова ваши про то, что у тех, кто в мире Ночи живет, друзей нет, хорошо помню.

— Зато есть те, кто готов дать что-то сегодня, чтобы напомнить о долге завтра, — проскрежетал мой собеседник. — Чем больше услуга — тем крупнее долг. Эта — мизерная, она почти ничего не стоит, мне даже слово благодарности от тебя без надобности. Просто помни о том, что такое случилось, — и все.

Ну не знаю! Если по его меркам это пустяк, то какое деяние он оценивает как серьезную помощь? Впрочем, надеюсь, что никогда не узнаю ответ на данный вопрос. Просто страшно представить, во что может вылиться возврат такого долга.

— Благодарю, — твердо заявил я. — И заверяю вас в том, что добро помню всегда.

— Этого достаточно, — благосклонно уведомил меня умрун. — И потом — ты вносишь в мое существование разнообразие, ведьмак. Ты молод, глуповат, наивен. Это меня развлекает.

Звучит обидно, но я промолчу. Не тот это повод, из-за которого стоит вступать в перепалку с данной сущностью. К тому же он на самом деле может так и не думать, а сейчас просто меня провоцирует.

— Приходи в середине мая, до наступления полнолуния, — повторил Хозяин Кладбища. — Как обещал, отведу тебя на могилу и покажу, какие именно цветки сорвать, а после продиктую рецепты.

— Благодарю. — Я отвесил ему церемонный поклон. — И, если несложно, еще один вопрос.

Капюшон благосклонно кивнул.

— Я снова о «пиявце». Точнее, о том, как именно его убить. Голову отрубить — это понятно. А вот огонь — вы что имели в виду?

Если честно, вопрос был задан с умыслом. Дело в том, что из головы у меня не шла одна нелогичность, которую я отметил еще тогда, когда смотрел древнерусский боевик в тереме у Мораны. Там сын Кощея бросался языками пламени в тех, кто желал его смерти. При этом сама богиня несколько раз отметила тот факт, что и сам Кощей, и его потомки огонь не сильно жалуют. Более того — именно он и может убить их конечной смертью.

Фигня выходит какая-то.

— Спалить его, паскудника, да и все, — с легкой раздраженностью дал ответ умрун. — Что тут неясного?

— Принцип действия, — с трудом подобрал слова я. — Как-то странно получается. Что колдуны, что вот эти красавцы огня опасаются, но при этом сами только так пускают его в ход. Если он им враг, то...

— Огонь — это огонь, — не дал мне закончить фразу Костяной Царь. — Он не служит никому. И при этом служит всем. Если ты запалишь дом, в котором засел твой враг, он сгорит. Но коли сам в него в этот момент сунешься, разделишь его судьбу. Но если бы у огня был выбор, кого именно сжечь — человека или колдуна, он бы выбрал последнего, поскольку волшебство ему противно. Огонь — великий очиститель. Спалив тело чернокнижника, он очищает его душу. Душегубы в черных балахонах были те еще изуверы, но кое-какие остатки древних знаний сохранили, потому ведьм да чародеев всегда либо жгли, либо топили. Вода послабей огня, но тоже дело свое знает. Но огонь — вернее. Душа, выйдя из умершего тела в воде, может там и остаться, но после костра она точно отправится туда, куда должно. Туда, где ее осудят по делам земным, и вынесут приговор. Так что огонь для тебя в этом деле первый друг, не хуже стали. А вот серебро здесь не помощник, нет. Он не нежить, его не боится.

Короче — надо Нифонтову сказать, чтобы стрелял этому красавцу в голову, без всяких премудростей. Впрочем, он наверняка это не хуже меня знает.

— Ладно, — проскрипел тем временем Хозяин. — И в этом тебе маленько подсоблю.

Он наклонился и сгреб костистой лапой горсть земли у себя из-под ног, а после пересыпал её в небольшой черный мешочек, появившийся неведь откуда.

— Лови, — бросил он мне его. — Если что — попотчуй его этой землицей, лучше всего в лицо цель. Поверь, ему не понравится.

— Почему? — я немедленно убрал неожиданно тяжелый мешочек в карман.

— Для него кладбищенская земля, как солнце для упырей, — пояснил умрун. — Боится он ее. Кстати, если совсем припечет, можешь немного у меня здесь пожить, склепы свободные есть. Куда-куда, а в мои владения он не сунется. У ворот мяться будет, а внутрь — ни-ни. Нет ему сюда ходу.

— Все равно непонятно.

— Я и говорю — глуповат ты. — Умрун взмахнул рукой. — Это — кладбище. Тут люди последний покой находят, но только те, что таковыми до конца оставались. Добрыми ли, злыми, честными, подлыми — неважно. Главное — они умерли так, как положено. Как заповедано богами, старыми и новыми. А «пиявец» — он уже не человек. И посмертие свое он на силу променял. Сразу все — и душевное, и телесное. Потому земля его не примет, как бы он ни старался, она его из себя извергать станет, попробуй кто его кости зарыть. А кладбищенская земля — сильней вдвойне, у нее предназначение иное, не такое как у пахоты или дна речного. Она живо своих от чужих отличит. «Пиявец» ей чужой.

— А еще раньше самоубийц за оградой хоронили, — вспомнил я.

— Верно, — похвалил меня Костяной Царь. — Сейчас, правда, люди про этот обычай забыли, а зря. Не люб кладбищу тот, что сам себя величайшего дара небес лишил. Потому и не могут часто родные найти дорогу к могилке самоубийцы. Ходят, ходят кругами, а выйти к нужному месту не могут, даже несмотря на указатели. А вот похорони они его за оградой

— все бы сладилось. И им к могилке подойти можно, и у того, кто в ней лежит, шанс появился бы на искупление. Э-э-эх, люди, люди...

А ведь он их жалеет. Или не их, а нас всех?

— Скажите, а на того колдуна... — Я махнул рукой в сторону входа. — Ну что прошлой осенью тут почудачил, эта земля тоже подействует?

Если да — я два мешка отсюда вывезу. Или три!

— Куда там! — захохотал умрун. — Он — человек, душу свою ни на что не менял.

Наоборот, бережет ее как зеницу ока, чтобы она случайно после смерти в лихие руки не попала. Как раз потому он тебя так невзлюбил сразу. Или ты думаешь, ведьмак, этот лиходей не почуял, кто ты есть на самом деле? Таким как он, ты, Ходящий близ Смерти, первый враг, потому что можешь заставить их ответ за все сделанное держать. Не при жизни, а после, когда час расплаты наступит, и он к Кромке вплотную подберется. Сейчас — что? Кандалы на него наденут? Так он их сбросит. В камень засунут? Он его расколлет да выйдет наружу. А вот посмертие — это его страх. Как сбежать от бесконечности? Никак. Вопрос. Чего ты раньше молчал, если все с самого начала знал? Не скажу, что данная информация сильно меняет сложившуюся ситуацию, но хоть ясность появилась. Меня как-то изначально смущала незначительность причины нашей с Кощеевым потомком размолвки. Слишком она мелкая. Была охота такому орлу мелкую муху вроде меня ловить. А теперь — ясно. Я для него потенциально опасен.

И еще — вот почему мне кажется, что Нифонтов также про это знал? Знал — и молчал, гад такой. Женька — не факт, а вот он — точно. Только-только подумал о нем хорошо, и вот снова добрые чувства к чрезмерно хитроумному оперативнику растворились, как утренний туман солнечным утром.

— Веселая нынче ночь выдалась, — выдохнул я. — Вернее — полезная. Информативная.

— Кто предупрежден — тот вооружен. — Хозяин Кладбища провел когтями по краю плиты, от нее в разные стороны брызнули снопики искр. — Главное — почаще за спину поглядывай. Знаешь, как оно бывает — сегодня кто-то тебе друг, а завтра глядь — уже враг. Ты не ждешь, а он в спину ударил. Всякое случается на свете, ведьмак.

Так и дураком стать недолго. Почему я теперь в каждом его слове ищу второй смысл, а? Ведь банальная истина прозвучала, но мне кажется, что мрачное порождение Ночи опять строит загадочные намеки. Мол — я кое-что знаю, а ты нет. Но вот тебе маячок.

— И такое случается, — подтвердил я. — Хотя сейчас все станет проще. Круг знакомств стремительно сужается, скоро совсем на «нет» сойдет.

Ничего на это мне Хозяин Кладбища не ответил, только рукой махнул — мол, все, аудиенция закончена. Вали отсюда.

И слава Богу. Хватит мне на сегодня впечатлений. Вон уже светает во всю, поеду завтракать, а после — на работу. Заявление на отпуск напишу, причем прямо с завтрашнего дня. А потом — в Лозовку. В тишину и покой.

Что приятно — как задумал, так и случилось. Ни в этот день, ни в следующую за ним ночь никаких неожиданностей на мою многострадальную голову не свалилось. Заявление Волконский подмахнул не глядя, что, впрочем, совершенно не удивительно. Все равно от меня проку никакого в банке теперь нет. Что я хожу на работу, что не хожу — никакой разницы. Как мне показалось, он даже обрадовался такому моему решению.

Правда, меня немного удивило то, что Ряжская вскоре после этого не объявилась. Ни лично, ни при посредстве телефонной связи. Врать не стану — ждал ее звонка, будучи уверенным в том, что Дмитрий Борисович непременно сигнализирует о моих устремлениях. Но то ли он забегался и забыл о своем священном долге, то ли Ольге Михайловне с ее тендерами не до меня в настоящий момент было... Короче — и тут обошлось.

А теперь мне не дозвонишься. Как только полупустая в этот ранний час электричка тронулась с места и покатила по рельсам в сторону города воинской славы Можайска, я снял крышку со смартфона, извлек из него аккумулятор и выцарапал из гнезда сим-карту. Все, ребята и девчата, меня ни для кого более нет, аж до самого конца майских. То есть — на полмесяца. Тем более что из тех, кто мне может позвонить, я никого слышать не желаю. Что до родителей — они предупреждены о том, что я отбыл в солнечную Турцию с подругой. Мама, разумеется, сразу сообщила мне о том, что подруги эти — сплошное зло, и лучше бы я попробовал восстановить отношения со Светочкой, которую она в те выходные видела на даче, но наткнувшись на мое ледяное непонимание, решила затаиться до поры, до времени.

И правильно сделала. Не надо о Светке. Мне достаточно того, что один мохнатый негодяй контрабандой протащил в рюкзак ее фото. Как, когда и, самое главное, зачем — не понимаю, но факт есть факт. Я так удивился этой случайной находке в одном из отделений рюкзака, в которое как раз и хотел засунуть разобранный на запчасти телефон, что, плюнув

на возможные удивленные взгляды пассажиров, сидящих на других полированных вагонных лавках, даже спросил у этого паразита, не фетишист ли он.

Родька сначала меня не понял, поскольку слово «фетишист» ему известно не было. Когда же я ему растолковал значение данного термина, этот поганец сначала долго с отвращением плевался, пару раз попав и в меня, а после заявил, что хозяин ему, понятное дело, я, но вот кого он изберет своей хозяйкой, решать станет только он сам.

Определенная доля абсурдности в данном заявлении имелась, но продолжать беседу на эту тему я не стал. Зато теперь мне точно известно, кто землю под картошку копать станет. Не факт, что я ее стану сажать, но пяток соток он у меня все одно вспашет. Носом. Без лопаты. Кстати, телефон я чуть позже, где-то в районе Кубинки, все-таки снова собрал. Совсем вылетело из головы одно незаконченное дело, которое следовало довести до ума.

Виктория ответила на звонок сразу, словно ждала его. Мало того, даже узнала мой голос, что приятно. Нет-нет, ничего такого у меня и в мыслях не имелось. Я всегда четко вижу берега и могу сообразить, когда шапка по Сеньке, а когда нет.

В данном случае — нет. Она для такого как я слишком... Даже не знаю... Она как королева. На нее можно смотреть, но надеяться на что-то глупо. Просто потому, что сказки кончились в детстве.

— Спасибо вам, Саша, — поблагодарила она меня после того, как я в деталях описал, что к чему в подаренной коробочке. — Не уверена, что каждое из этих зелий я пушу в ход, с учетом того, что некоторые из них очень специфичны, но ваше внимание в любом случае мне приятно.

— Пригодятся, не пригодятся — дело десятое, — поддержал ее я. — Главное — пусть будут. И еще. Виктория, мое приглашение насчет ресторана остается в силе. Единственное — уже после майских праздников.

— Я подумаю, — мягко ответила девушка и повесила трубку.

Ну да, надеяться на что-то глупо, думал я, снова разбирая смартфон. Но никто ведь не запрещал попробовать добиться того, во что сам не веришь?

Отдельная история, как мы добрались до Лозовки. Прозвучит забавно — но на тракторе. Прямо самом настоящем. А машина туда бы и не прошла, завязнув еще в самом начале. Да что там! Пару раз мне казалось, что и «стальной конь» вот-вот «сядет» в особо глубокой колдобине. Но — доехали все же. Правда, недешево мне эта поездка обошлась. Ох, недешево.

Можно было бы и напрямки через лес попробовать, через заветные тропинки, но я не был уверен в том, что дядя Ермолай, местный Хозяин, уже проснулся. Опять же — кто знает, в каком он настроении? Я от кого-то слышал, что по весне лесовики похожи на только что проснувшихся медведей. В смысле — не в духе они до той поры, пока лес не зазеленеет. А тут листва только-только обозначилась. Самую малость. И не на всех деревьях. Хорошо хоть, что снега под елками не обнаружилось.

Когда мы добрались до Лозовки, трактор более всего напоминал собой огромный самоходный кусок грязи. После того как мы с громыханиями проехали по улицам, на всех заборах остались следы в виде шматков глины. Это хорошо. Это порядок. Пусть каждая ведьма в деревне знает, что ведьмак Александр Смолин изволили пожаловать в свое фамильное имение.

Одно плохо — вид у этого самого имения был больно грустный. У меня возникло такое ощущение, что за зиму дом еще сильнее обветшал и накренился влево. Или так и было? Фиг знает. В любом случае, что-то надо делать, причем срочно. А то скоро придется палатку под яблонями разбивать, потому что в доме страшно спать станет. Что если он в ночи рушиться начнет, и меня спящего бревном по голове стукнет? Это, наверное, очень больно — бревном по голове.

На мою удачу тракторист Слава, который меня привез, оказался парнем сообразительным. Он поглядел на покосившийся дом и со знанием дела произнес:

— Рухлядь.

— Она, — признал я.

— Надо бы его подлатать. Фундамент там, крыша, стены.

— Короче — комплексно, — подытожил я. — Есть соображения?

— Соображений нет, — бодро сообщил Слава. — Зато есть брательник двоюродный, он по этой части как раз. Построить, перестроить, подлатать, то, сё. Врать не стану — берет недешево, но зато и работает на совесть. И найти его всегда в Моденово можно, он не шабашник какой-то, сегодня здесь, завтра там. Звоним?

— А то!

Вот так и закрутилась карусель, благодаря которой дни помчались с невероятной скоростью.

Брательник Валера оказался деятельным молодым человеком, который действительно знал, с какой стороны подойти к ремонту. Поняв, что я в этих делах полный профан, он решил взять все в свои руки, для чего долго бродил вокруг дома в сопровождении нескольких ребят, каждый из которых являлся мастером в своей узкой специализации, то и дело советовался с ними, после чего нажимал кнопки на небольшом калькуляторе.

Та сумма, которую я в итоге увидел на экране, меня впечатлила. Не скажу, чтобы прямо очень, я себе теперь мог такое позволить, но все же. С другой стороны — это «под ключ», и мне самому ничего делать не нужно.

Кроме одного. Прежде чем окончательно сказать «да», я решил согласовать работы с Антипом. Нет, мне как хозяину дома его одобрение как таковое без надобности. Захотел — сделал. Но мне такой подход все же казался неправильным. То ли потому, что я там, в Москве, с подъездными крайне сдружился, то ли еще почему, только без разговора с домовым я ничего начинать не хотел.

Плюс — работы ведь не только снаружи дома будут происходить, но и внутри. Проводка, утеплитель, обшивка стен, то, се. Как его не уведомить? Надо же часть вещей прибрать от чужих глаз, а лучше него это никто не сделает. Ну и пригляд за работягами тоже необходим.

Вот только уверенности в том, что Антип захочет со мной говорить, у меня нет.

Строптивный он и вредный до жути. Я здесь времени уже немало провел, а видеть его так ни разу и не видел. Только слышал. Ну и придушить он меня как-то хотел, имеется такой факт в нашей совместной биографии.

Но попробовать — надо.

И, представьте себе, он откликнулся на мой призыв. Я прямо удивился, когда за печкой что-то зашебуршало, после к потолку взвилось облако пыли, из которого появилась низенькая коренастая фигура в странноватых одеждах и очень, очень неухоженная. Если бы его увидел мой парикмахер Влад, то ему инфаркт был бы гарантирован. Не выдержала бы его тонкая нервная организация такого кошмара.

Чумазый, всклокоченный, борода нечёсаная, из нее соломинки торчат. «Прелесть, какой кошмар», как сказала бы запропавшая Маринка.

— Чего звал, хозяин? — неожиданно басом спросил домовый, сверля взглядом пол.

— Здравствуй, Антип, — присел я на диван. — Разговор есть. Ты видел людей, что сегодня к нам приезжали?

— Не слепой, — по-прежнему не глядя на меня, отозвался домовый.

— Дому ремонт требуется. Хороший, капитальный, без него он скоро развалится. Эти люди им займутся, хочешь ты того или нет. Но мне важно, чтобы ты понимал — это необходимость, а не мое желание разрушить то, что создавали другие.

— Нужен ремонт, — наконец-то перестал сверлить взглядом пол Антип. — Прав ты, хозяин. И крыша течет, и в стенах щели появились. Еще маленько — совсем просядет.

— А «спасибо» где? — возмутился Родька, оседлавший спинку старого кресла. — Чья вина, что дом обветшал? За хозяйством не смотришь, совсем его запустил! Мы за такие деньжищи его ремонтируем, а он еще и...

Свистнул валенок, попав моему слуге в аккурат между поблескивающих глазок, после чего тот кувыркнулся на пол, разразившись гневным верещанием.

— Ах ты полено деревенское, неотесанное! — невнятно орал Родька, снова карабкаясь на кресло. — Да я тебя знаешь что? Ты у меня знаешь как? Я трубу нашего дома шатал! И бороду твою! Давай досвидания!

— Замолкни, — рыкнул я, и для убедительности отвесил слуге подзатыльник, удостоившись одобрительного взгляда Антипа. — Уши от твоего гвалта заложило.

— Пока не забыл, хозяин. — Мигом притихший Родька подобрался ко мне поближе. — Перво-наперво антенну надо на крышу вешать. Круглую такую. Мы чего, хуже ведьм? У них она имеется, сам же видел. Я как чуял, с Вавилой Силычем сначала в девятнадцатую квартиру сходил, к Родионовым, там «НТВ Плюс» стоит. Хороший выбор каналов, достойный. А потом мы в двадцать шестую наведались, к Кастелянцам, у них «Триколор». Тоже есть чего посмотреть. И вот что я думаю...

— У нас телевизера нет, — буркнул Антип. — Ты штуковину эту в ноздри себе втыкать станешь?

— Ох, ё! — опешил Родька. — Батюшки, забыл совсем! Хозяин, перво-наперво надо телевизор купить. И чтобы экран побольше!

Вот так все и сладилось. Антип и Родька потом еще пару раз подрались, разумеется, выясняя какие-то вопросы, которые были от меня далеки, но в это я уже не лез. Тем более что мне и так было чем заняться. Сначала утрясались документарные и финансовые вопросы, потом обсуждалась последовательность работ, причем меня очень устроил тот момент, что непосредственно на праздниках никто ничего делать не собирался. Ну оно и

понятно, майские для русского человека — это святое. А после них я все равно уеду в Москву и сюда буду наезжать только затем, чтобы принять очередной участок работ. Может, это немного безалаберно, но торчать тут все время в качестве наблюдателя у меня охоты нет. И потом — а чего опасаться? Рабочих ведьмы не тронут, они не дуры. Воровать у меня тут нечего, да и Антип вряд ли хоть гвоздь из дома кому унести даст. А непосредственно в том, правильно ли все мастера делают, я все одно не разбираюсь. Пока суд да дело, весна наконец вступила в свои права и здесь, а следом пришло настоящее тепло. Природа ожила, буквально из ниоткуда выпорхнули бабочки, басовито загудели шмели, а березки радовали глаз своими зелеными плетями-ветками. А я, прихватив с собой маленько зачерствевший кругляш хлеба, отправился в лес, в надежде повидать дядю Ермолая. Повидать — повидал. Правда, для начала, не его, а кое-кого другого.

Глава семнадцатая

— Вот мы и встретились снова, ведьмак, — с нехорошей ухмылкой поприветствовала меня бабка Дарья, она же ведьма Дара. — Как не расставались.

Я наткнулся на старую чертовку почти сразу после того, как углубился в лес, бодро вышагивая по знакомой с прошлого года тропинке. Если честно, расслабился, по сторонам особо не поглядывал, неприятных встреч не ждал — и вот результат. Чуть не наступил на свою давнюю недоброжелательницу, которая деловито выкапывала деревянным ножом какой-то клубень из земли, стоя на коленях около высоченной разлапистой ели. Инструмент, к слову, посерьезней, чем мой родноверский «новодел», сразу видно — работа старых мастеров. Ему лет двести, кабы не больше. Как я это понял? Да фиг знает. Просто вижу — и все.

— Не могу сказать, что сильно рад, — я откинул в сторону полу короткой легкой куртки и демонстративно положил ладонь на рукоять своего ведьмачьего ножа. — Не сильно по вам соскучился за зиму.

— Успокойся. — Старуха убрала клубень в холщовую сумку, висящую у нее на боку. — Воевать сейчас не станем. Не тот момент, не то время.

Деревья рядом с нами качнулись, словно их потревожил ветер.

— И место тоже не то! — рявкнула Дара, заставив меня подпрыгнуть на месте от неожиданности. — Успокойся, старый хрыч. Сказано же — не трону я ведьмака.

— Еще кто кого не тронет, — мне внезапно стало немного обидно. — Вы ведьма авторитетная, разговора нет, но и я маленько поднатаскался за прошедший год.

— Суров, суров, — хихикнула бабка, после чего мне за сказанное стало стыдно. И правда — как маленький мальчик хвастаюсь тем, чего на самом деле нет. Ясно же, что эта бабка один на один меня, скорее всего, уработает. За ней стоят века и пара цистерн пролитой крови, такой опыт мне пока не переплюнуть. — Запомню и подругам скажу, чтобы пятой дорогой тебя обходили.

Щеки начали предательски краснеть, что окончательно меня добило. Вот ведь гадская старушонка!

— Ты никак ремонт затеял в доме? — миролюбиво полюбопытствовала Дарья. — Это правильно. Совсем изба на ладан дышит. Захарка-то все в небесах витал, истину искал, о земном не думал. Ты другой, на ногах стоишь, крыльев не имеешь. Почти как мы. Нам тоже призрачное не мило, нам все потрогать надо, надкусить да в карман положить. Вот и рассуди, ведьмак — чего нам делить, коли мы так похожи?

— Может, то, что в карман положить? — предположил я. — Оно, то, что вы потрогали и надкусили, одно, а карманов два — ваш да мой. Чем не повод для дележки?

Слишком она ласкова, слишком добра. Жди беды.

— Договоримся, ведьмак, договоримся, — почти пропела бабка. — Было бы желание, поладить всегда можно.

— Худой мир лучше доброй войны. Я только «за».

Вот ведь как забавно выходит. В лесу стоим, среди деревьев, до ближайшего города десятки километров, а беседа ведется один как на деловых переговорах. Обе стороны демонстрируют дружелюбие, дают обещания, которые не будут выполнены, и не верят ни одному слову друг друга. Только стола не хватает, бутылок с водой на нем и офисного шума за дверью.

Весь мир театр? Во времена Шекспира — возможно. В наше время — весь мир офис. Вот и зачем мне из банка увольняться, если разницы нет? Менять шило на мыло? Там я хоть всех знаю.

— А что, друзья твои в этот раз пожалуют? — между тем осведомилась Дара. — Ждать их? — Какие друзья? — не понял я.

— Те, что осенью наезжали, — пояснила старуха. — Два сыскных дьяка да девка рыжая. Среди тех двух один был мушкетер — спасу нет. Ох, он на меня глядел исподлобья, чуть дырку не прожжет. Видно, не любит нашу сестру сильно!

Это она о Пал Палыче речь ведет. Ну да, коллега Николая ведьм не жалует, что есть — то есть. Да он этого и не скрывал.

— Видный дьяк, видный, — причмокнула Дара. — Такого убить в радость. Нынешние мужики слабые, податливые, стыдоба одна, никакого интереса. А этот — нет, в нем старая сила ощущается. Сердце такого зажарить и съесть — одно удовольствие.

— Я передам ему ваши слова. В смысле — что вы его оценили. Ну а уж кто там кому сердце из груди вынет, сами между собой разбирайтесь.

Чего-чего, а оказаться между молотом и наковальней я не хочу. Но если драка будет настоящей, я встану на сторону Пал Палыча, это без вариантов.

А может, и не стану я ему ничего передавать. Наверняка пакостная старушонка чего-то задумала, вон как глазками сверкает.

— Передай, передай, — прошелестели ее слова, а после она ловко скользнула за елку, что росла рядом с тем местом, где мы беседовали, и исчезла. Я дерево со всех сторон обошел — нету ее.

Я тоже так хочу уметь!

— Сколько ее не знаю, все чего-то егозит, егозит, — послышался глухой голос Лесного Хозяина. — Ведьма, одно слово.

А вот и он, сидит на пеньке, смотрит на меня. Точнее — на кругляш «Столичного», что я держу под мышкой.

— Добрый день, дядя Ермолай. — Я протянул ему хлеб. — Вот, привез вам. Он, правда, немного зачерствел, но не получилось сразу в лес выбраться. То одно, то другое... Леший махнул рукой, мол, не переживай, сноровисто отодрал от кругляша изрядный ломоть, поднес к носу, улыбнулся и с видимым удовольствием принялся его жевать.

— Весна нынче поздняя, — прочавкал он. — Травы только в рост пошли, нечем мне тебя порадовать в подарок.

— Да я же не за травы, — мне почему-то стало неловко. — Это от души.

— Да? — блеснули глаза Лесного Хозяина. — Вот чего хлебушек-то такой вкусный. Ну и ладно. И хорошо.

— Но пожелание есть, — понимая, что, в разрезе моей предыдущей фразы следующая прозвучит некрасиво, вздохнул я. Вроде как от души — и тут же просьба. — Тут ко мне рабочие ездить будут, дом подновлять. Вы, дядя Ермолай, их с дороги не сбивайте, хорошо? Я знаю, вы любите иногда шутки пошутить, но эти мужички — они полезные.

— А ежели кто другой в деревню надумает добраться? — уточнил леший, хитро улыбнувшись. — Незнакомый мне на личность? С ним как?

— Мне больше ждать некого, — пожал плечами я. — Слуга в доме сидит, а остальные знакомцы в Москве остались.

— Лады. — Дядя Ермолай закинул крошки в рот. — Хотя, паря, мне сейчас не до проказ. Лес просыпается, зверье просыпается, дел полно. Росу-то рассветную, майскую, собирать думаешь? Захар-от никогда не забывал по весне запас подновить. Для вашего ремесла она штука сильно нужная.

— Обязательно, — оживился я. — Как раз хотел полянку приглядеть поукромней, и чтобы березки рядом. Помню я одну, что вы мне в том году показывали, так самое оно. Но времени прошло много, боюсь, дорогу сразу не найду.

— Пошли уж, — слез дядя Ермолай с пня. — Есть тут одно место, отведу. Там и березы старые стоят, и ключ небольшой бьет. Роса не только от земли да деревьев, но и от текучей воды силу набирает. Что до первого луча Солнца надо её брать, помнишь? Но не ранее, чем Ночь уйдет в небеса.

— А как же! — радуясь такому славному повороту событий, заверил его я. — На грани Света и Тьмы, в книге так и написано.

Есть у меня подозрение, что этот самый момент будет очень короток, так что два-три дня я капитально не высыпаться буду.

Но роса — нужна. Дядя Ермолай прав, это очень, очень мощный ингредиент. И, как это ни кощунственно звучит — выгодный. Например, на основе росы можно сделать мазь, которая вернет женскому лицу девичью свежесть. Не навсегда, но на денек-другой — запросто. Узнай о таком препарате Вагнеры — их бы синхронный удар от жадности хватил.

Или, к примеру, зелье, которое позволит увидеть тебе сон о будущем. Ну не обо всем, разумеется, а о том, которое супружества касается. Как там в присловье? «Приснись жених невесте?». Так вот если со второго на третье сентября, аккуратно в полночь это зелье

употребить с нужными словами, а после лечь и уснуть, то гарантированно увидишь того, кто является твоей судьбой. Ну или ту, если зелье парень употребит. Не факт, что семейные узы после свяжут тебя именно с явившимся во сне, жизнь есть жизнь, не все в ней решает любовь и страсть, есть масса других факторов, определяющих человеческую будущность. Но в одном можно быть уверенным наверняка — именно этот человек предназначен тебе свыше.

Так что, если обзавестись клиентурой да репутацией, за такое зелье можно рубить очень, очень большие деньги. Правда, я пока ни того, ни другого не планирую. Со своими бы проблемами разобраться, куда в чужие лезть?

Вот и выходит, что сбор росы — дело очень нужное. Я под нее и пузырьки уже приготовил, толстого стекла, небольшие и небьющиеся, с глухой пробкой, похожие на пробирки. Еще зимой пять штук купил на... Ну вы поняли. Там, где, похоже, реально купить все, что только можно.

И здорово раскатал губу, как оказалось чуть позже. Еле-еле два заполнил, причем один из них даже не доверху.

Блин, я всегда считал, что хуже и нуднее «выкряживания» платежей занятия на свете нет. Есть. Сбор росы.

Чтобы подцепить капельку, бриллиантом сверкающую на травинке, надо изогнуться как змея и тихонько ее подогнать к горлышку пузырька. А она, зараза такая, все норовит на землю стечь, а не туда, куда следует. И самое поганое — пока одну каплю соберешь, сотню собьешь. Казалось бы — поляна немаленькая, росы много. Иллюзия. Топ-топ, и все, ничего не осталось, жди следующего утра и надейся, что потоптанная трава поднимется. А дней на ее сбор всего ничего, после четвертого мая роса станет просто росой. Ее можно будет использовать, но...

Да еще и насморк подхватил из-за утренних прогулок. Не лето на дворе пока, перед рассветом свежо, а я весь мокрый, снизу от все той же росы, сверху от пота. Вот и просифонило. Да еще колени после этой физкультуры хрустели так, что мыши, живущие в сарае, от этого звука разбегались.

Короче — к четвёртому мая силы у меня кончились. Плюс к физическому дискомфорту добавился и душевный. Подрядчик оказался парнем обязательным и шустрым, потому до праздников успел завезти кучу строительного материала, который выгрузил на участке. Что-то было убрано в сарай, а что-то просто лежало под старыми яблонями, прикрытое непромокающей пленкой, совершенно не оживляя пейзаж.

Раньше сидение на крыльчке доставляло мне радость, а теперь напоминало о том, что скоро здесь застучат молотки и все покроется отходами строительства, всякими щепками, гнутыми гвоздями и обрезками сайдинга.

Ремонт нужен, кто спорит. Но как это хлопотно...

— Давай, хозяин, — Родька, вышел из дома и сунул мне под нос железную кружку, от которой шел на редкость вонючий запах. — Пей.

— Это обязательно? — скривился я, с сомнением поглядев на коричневую неаппетитную жижу.

— Если хочешь дальше с соплями да кашлем ходить — нет, — ответил Родька. — А коли наоборот — так да. Тебе решать.

Я сделал первый глоток и скривился. Отрава еще та, даже не знаю, с чем сравнить.

Наверное, таковы на вкус старые вонючие носки, смешанные с пищевой содой. Ей богу, лучше бы не поленился и сам себе лекарство сварил.

— Пей! — грозно насупился Родька. — Здоровье — первое дело! Весна пришла, а ты в соплях весь!

Много он все-таки воли взял, много. С другой стороны — заботится обо мне, это где-то даже трогательно. Эдакое ми-ми-ми. Тьфу, ну какая же гадость!

А вот с третьим глотком ерунда вышла. Закашлявшись, выплюнул я было выпитую жидкость прямо на крыльцо. Но дело было не во вкусе отвара, а в том, что я увидел. Змея. Длиннющая и толстая гадюка, самодовольно расположившаяся прямо на дорожке, ведущей к дому, поднявшая голову и смотрящая на нас немигающим взглядом.

— Хозя-я-яин! — укоризненно протянул было мой слуга, но тут тоже заметил рептилию и уже с другими интонациями взвизгнул: — Ай, хозяин, змеюка!

Острые коготки ловко пробежали по моей спине, и мгновением позже мех Родьки уже щекотал мой затылок. Смелый и отважный слуга спрятался за мою спину.

— Чего ей нужно? — проныл он жалобно мне прямо в ухо. — Прогони ее!

— Прогони, — проворчал я, не сводя глаз с пресмыкающегося, которое, казалось, улыбалось, глядя на нас, и время от времени выпускало жало. — Легко сказать. Откуда она вообще взялась? Я сколько в лесу был, змей ни разу не видел.

— А ну брысь отседова! — на крыльцо выскочил Антип, держащий в руках ухват. — Куды приперлася? Чего тебе тут надо? Кыш, я говорю!

Змея не стала дожидаться разъяренного домового, и шустро скрылась в траве, которая своим колыханием показала, что путь рептилии лежит к забору.

— Ишь! — недовольно проворчал Антип, оперся на ухват и укоризненно глянул на Родьку. — Что ж ты, защитник? А коли я бы не заметил, а та паскудина хозяина куснула? Весенний гадючий яд злой, он к сердцу дорогу быстро торит.

— Чего орешь? — возмущенно заверещал Родька, так и не покинувший мою спину. — Тебе ли не знать, что я ничего, кроме змеюк, не боюсь! Кабы тут какая другая вражина обнаружилась — у-у-у-у, как я ее! Но эти, в чешуйках... Бррррр!

И тут он выкинул совсем уж непонятную вещь. Залился слезами и что-то жалобно забормотал.

— Забыл, — сказал мне Антип, подходя поближе. — Верно, есть такое. Бойтся он змей. Его первого хозяина в яму с ними бросили, а он, как и положено, за ним последовал. Куда ведьмак, туда слуга, закон таков. А после яму ту крышкой закрыли, и провел Родион в ней неделю, пока ученик бывшего хозяина из темницы не сбежал и за телом учителя не пришел. Яд Родиона не берет, вестимо, но в темноте, да с этими тварями, поди невесело столько времени провести.

Да уж. Такое испытание никакая психика не выдержит. А я его тогда на удава посылал охотиться с подъездным. Вот он, бедолага, небось натерпелся!

— Надо будет ребятам заплатить, — посмотрел я на траву у забора. — Пусть покосят все. А потом я косилку самоходную куплю, и сам время от времени буду траву стричь. Я ж теперь в те дебри лезть просто так побоюсь.

— Уползла она, — заверил меня Антип. — Верно говорю. Ладно, пошли чай пить. Первое дело после того, как обомрешь — чай с мелиссой да мятой!

— И лимоном, — всхлипнул Родька. — И печенюшками!

— Может, ее бабка Дарья прислала? — предположил я, глядя на дома, виднеющиеся за нашим забором. — Чтобы нервишки мне потрепать?

— Ведьма — змею? — недоуменно глянул на меня домовый. — Да ты спятил, хозяин! Ни одна шипучка клыкастая ей служить не станет, так с давних пор повелось. Змеи — Семаргловы дети, а он ведуний не жаловал. Нет, не жаловал. Дети родителей всегда почитать должны, вот и змеи этих баб сторонятся, хоть столько веков прошло. А ежели какая из ведьм змею пришибет случаем, или, того хуже, по умыслу, так ей лучше сразу самой себя в избе спалить. Не будет ей прощения от ползучего племени, не успокоятся они до той поры, пока в гроб убийцу не сведут. Так что — даже не думай на Дарью. Не ее это проделки.

— И отвар допей, — размазывая слезы по мохнатой мордочке, велел Родька. — Чай — чаем, а лечиться надо.

— Верно, — одобрил Антип. — Не время хворать. Завтра, вроде ж, трудники должны быть? А за ними глаз да глаз нужен! Еще потибрят чего...

Чего это мне вдруг так в город захотелось, никто не подскажет?

Впрочем, это желание пропало само собой через несколько дней, когда город пожаловал ко мне в гости. Ну не сам город, разумеется, а отдельные его представители. А если еще точнее — те, кто город охранять поставлены.

Когда за забором послышался гул мотора я сначала подумал, что рабочие плюнули на праздничные дни и решили еще немного ударно потрудиться. Между майскими праздниками ремонтники успели развернуть неслабый фронт работ, много чего раскурочили, разметили и раздербанили, объясняя мне всякий раз, что так надо. Время от времени я ощущал себя осажденным в собственном доме, поскольку под окнами с утра до вечера то и дело что-то ухало, грохало и жужжало. Раздражало невероятно, но осознание того, что все происходящее — суровая необходимость, кое-как примиряло меня с окружающим хаосом.

Вчера вечером старшой сообщил мне, что продолжение работ последует только на следующей неделе, после «вторых майских» и я искренне порадовался этому факту. Мне уже очень хотелось тишины. Пусть даже и в разоренном гнезде.

И на тебе — они вернулись. Ну просто больше некого вроде ждать?

Ошибочка вышла. Есть кого. Например — вон того товарища, который вышел из знакомого «внедорожника», бока которого изрядно угваздались грязью в местных колдобинах.

И ведь не застряли ни в одной из них! Где справедливость? И куда смотрел дядя Ермолай? Впрочем... Он про незнакомые лица говорил, а эту парочку Лесной Хозяин видел и знает.

Потому и пропустил.

— Хозяин! — весело проорал Нифонтов и погрохал запертой калиткой. — Встречай гостей из Первопрестольной!

— Да нет! — вытаращил глаза Родька, кинувшись к окну. — Да ладно? Опять он!

— Разделяю твое негодование, — вздохнул я.

— Сашка, это просто невежливо! — донесся до нас девичий голос. — Покон велит гостей, пришедших с добром в твой дом, встретить, накормить, напоить и спать уложить.

— И эта здесь! — взвыл Родька. — Антип, ты ж мастак человеков во сне душишь? Придави эту заразу, век тебе обязан буду! Проси что хочешь, только избавь от нее нашего хозяина!

— Гостя нельзя жизни лишать, — хмуро буркнул домовый, тоже смотрящий в окно. — Пугать можно, убивать — нет. Правы они — Покон не велит. Ты, Родион, на речку ее замани в ночи, Водяник как раз после зимы в ней порядок наводит, близ берегов шарится, топляки ловит. Не ушел еще в омуты, меж сомов летние сны смотреть. Девка-то вон рыжая да зеленоглазая, он таких любит, наверняка захочет к себе в свиту утащить. Главное, чтобы она хоть до колена в воду зашла.

— Точно! — оживился Родька и потер лапы. — Ну и башковит же ты, Антип! На дно ее, паскуду, середь речных трав плавать!

— Вы ополоумели оба? — возмутился я. — Что за душегубские разговоры? Тьфу! Незваные гости тем временем так и мялись у калитки, периодически стучая по ней ногами. Покон так блюдут, не заходят внутрь, показывают, что уважают хозяина этого дома. Меня то есть. Стало быть, что-то им опять нужно, что-то где-то подгорело. И чего Славы были так уверены, что я не избранный? Вон Отдел без меня никак не может со своей работой справиться. Всем Смолин нужен. Необходим.

Еще немного поиронизировав в подобном ключе, я вздохнул и направился к визитерам. Шутки шутками, а пускать их в дом придется. И люди уже друг другу не чужие, и отношения у нас как у черепахи, везущей по воде на спине змею. Черепаха плывет и думает: «Сброшу — укусит». А змея, в свою очередь, рассуждает почти так же: «Укушу — сбросит». Вот такой симбиоз. Только пока непонятно, кто из нас есть кто.

— Исполать тебе, хозяин дома сего! — весело заорал Николай, слышав мои шаги. — Пусти воды попить, а то так есть хочется, что переночевать негде.

— Ремонт у меня, — не спеша открывая калитку, сообщил ему я. — Хаос. Бардак. Какие гости?

— Не будь свиньей, — попросила Женька. — Зря мы столько в пробках стояли на «Минке»?

— Мы торт привезли, — вкрадчиво сообщил Нифонтов. — И колбасы с сыром!

— Торт, — призадумался Родька, стоявший рядом со мной. — Торт — это хорошо. Хозяин, устали ведь люди, с другой-то стороны? Да и слава о нашем доме худая пойдет, коли не пустим гостей на порог.

Вот и доверяй этому обжоре. Как про торт услышал, так сразу точку зрения и изменил.

— Заходите, — я открыл засов. — Что с вами сделаешь. Но я предупредил по поводу разрухи.

— Мохнатик! — кинулась к Родьке Мезенцева, подхватила его на руки и закружилась. — Ты по мне скучал, да? А я-то по тебе как! Ты же рад меня снова видеть?

Родька оторопело хлопал глазами, от удивления забыв даже заорать во весь голос. Такого он точно не ожидал.

— Она перешла на какие-то препараты? Синенькие таблеточки, красненькие таблеточки? — тихонько спросил я у Нифонтова, вынимающего из машины пакет с продуктами. — Просто она меня толком ни разу за пять минут не обругала. И вообще выглядит непривычно адекватной.

— Весна, — туманно объяснил мне Николай. — В это время всякая тварь жизни радуется.

— Соскучился, соскучился, — наконец отмер Родька. — Вот радость-то, что ты приехала! Как раз накануне тебя с хозяином вспоминали.

— И чего? — перестала кружиться Женька, но слугу моего не отпустила. — В какой связи вспоминали?

— Так май же! — объяснил ей Родька, суча ногами. — Река от сна проснулась. Самое время тебе у русалок попросить немножко воды из донных ключей. Ежели девица той водой трижды три дня на рассвете лицо умыть станет, так ее ни женские хвори, ни морщины до следующей весны тревожить не станут. Обычной бабе русалки ту воду сроду не дадут, но ты с хозяином моим того... Этого... Вот. А они, русалки местные, с ним в дружбе, могут баклажку и набрать. Так что вовремя ты, рыжая. Пошли вечером на речку. Тут недалеко, я покажу.

Интересно, а насчет воды из донных ключей он придумал, или на самом деле такая есть? Если да, то я и сам бы от пары-тройки литров не отказался. Не для себя, конечно. Меня женские хвори не тревожат и морщины не волнуют.

— Какой-то ты больно добрый стал, — тряхнула Женька Родьку. — С чего бы?

— А куда деваться? — печально вздохнул слуга и почесал за ухом. — Ежели хозяин тебя выбрал, мое дело признать новую хозяйку. Не по чину мне с ним спорить. Вот и выходит, что лучше уж ты будешь здоровой и красивой, чем хворой да старой. Перед обществом не стыдно будет тобой похвастаться.

— Врет? — повернула ко мне голову Мезенцева. — Да?

Родька извернулся, вырвался из ее рук и убежал в дом, как видно, подозревая, что я могу и раскрыть его коварный план. Женька мигом поспешила за ним.

— Не стоит ей вечером на реку ходить, — рассмеялся Николай, посмотрев им вслед. — Верно?

— Есть такое, — уклончиво ответил я. — Хотя все относительно. Это же Женька, от нее все живое и мертвое в стороны разбегается. Чего приехали-то?

— Так телефон у тебя отключен, а поговорить надо. — Николай всунул мне руки коробку с тортом. — Но сначала давай перекусим. Скажи своему непоседе, пусть самовар раскочегарит. Я еще с прошлого раза помню, насколько чаек у тебя вкусен был. Все-таки такие вещи, как попыхивающий дымком самовар, создают уют. Даже сейчас, на разоренном ремонтом дворе, среди куч стройматериалов, нам было крайне комфортно. Покою добавлял и спустившийся на Землю вечер, теплый и ясный. Антип — и тот к нам присоединился, он швыркал чай из блюдечка, покусывая кусок сахара, и время от времени недоверчиво тыкал заскорузлым пальцем в выданный ему кусок кремowego торта, пытаясь понять, что это за еда такая. Тот факт, что Родька, в одну мохнатую рожу уже умявший треть кондитерского изделия, был безмятежно счастлив, его ни в чем не убедил. И даже Женька притихла, время от времени поглядывая на моего слугу и о чем-то размышляя. Как видно, до сих пор для себя не решила, верить ему или нет. Правду я ей не сказал, но на реку, разумеется, не отпущу. С ней тяжело, но без нее скучно. Да и водяника местного жаль. Он мне зла не делал.

— Хорошо. — Николай допил третью кружку чаю и вытер со лба пот. — Душевно!

— Не без того, — согласился с ним я. — Ну, гостюшки дорогие, вы сыты? Если да — то давайте, выкладывайте, накой вы сюда приперлись?

— Саш, ты не поверишь — соскучились, — умильно улыбнулся Нифонтов.

— Не поверю, — покивал я. — Другая версия есть?

— Как не быть, — с готовностью отозвался оперативник. — Вон Евгения вся извелась. Целыми днями талдычит про то, что на сердце у нее беспокойно. Опять же — слезы, сопли. Оно нам такое в отделе надо?

— Чего? — Мезенцева аж подпрыгнула. — Нифонтов, ты совсем края не видишь?

— Хорошая попытка, — оценил я. — Многообещающая. Но...

— Согласен, не прокатило. Хотя доля правды в этих словах есть. — Николай увернулся от кружки с чаем, летящей ему в голову. — Так, сама иди подбирать! Ладно, расскажу все как есть. Саш, нужна твоя помощь. Разошелся наш колдун-«самострел» не на шутку, убивает направо и налево. И, самое главное, ловок, стервец такой. Мы его было загнали в угол на одном складе, но он умудрился ускользнуть. Нас Ровнин потом чуть не прибил.

— Он может, — посочувствовал ему я. — И?

— А склад тот в квартале от твоего дома, — пояснила Женька. — Смолин, он тебя ищет. Ты его незавершенное дело, осознание этого удерживает данную мразь на земле. Так тетя Паша сказала, а она в таких вопросах понимает.

— Честь и хвала тете Паше, — отпил чаю я. — Но сразу нет. У меня отпуск, у меня ремонт. И еще — люди, я устал изображать подсадную утку. Сколько можно? Кроме меня на белом свете полно народа, используйте их. В конце концов, подставьтесь как-то, вызовите огонь на себя. Эй, ловить таких гавриков — ваша прямая обязанность, вы за это зарплату получаете. Давайте, отработывайте народные деньги.

— Если бы так можно было — к тебе бы не поехали, — невозмутимо возразил мне Нифонтов. — Но тут выбор невелик — либо ты, либо Муромцев. Последнего мы отыскать никак не можем, надежно твой приятель спрятался. Есть еще господин Соломин, что нанял данного красавца, но с ним разговор будет особый. И не на нашем уровне.

— Нашел себе олигарх проблем на мягкое место! — захихикала Женька. — Мало не покажется! Ровнин уже слил информацию куда надо.

— Но, увы, это не решает проблему, — подытожил Николай. — Город велик, темных уголков огромное количество, и найти в нем кого-то, кто хочет, чтобы его не отыскали, почти невозможно. А люди гибнут. И не только люди.

— Этот пес недавно опять ведьму прибил, — пояснила Мезенцева. — То ли случайно, то ли нарочно — поди разберись.

— Ведьмой больше, ведьмой меньше, — проворчал я. — Невелика потеря.

— Хлеб да соль, — послышалось из-за калитки. — Никак гости в твоём доме, ведьмак! Да какие!

— Едим, да свой, — поспешно ответил Родька, подтягивая к себе поближе остатки торта. Бабка Дарья стояла у приоткрытой калитки (а я ведь ее точно закрывал), не переступая, впрочем, линии, отделяющей мой двор от остальной деревенской территории.

— Вспомни, понимаешь, рогатого, — пробормотал я, не сдержавшись.

— Смотрю, не все в этот раз пожаловали? — ведьма не сводила глаз с оперативника. — Третьего дружка своего не прихватили?

— Извини, соседка, — уже взял себя в руки я. — Не получится у тебя разнообразить свое меню.

— Вот сейчас непонятно, — коротко глянул в мою сторону Николай.

— Потом объясню, — пообещал я. — У тебя дело какое к нам?

— У меня? — Бабка усмехнулась. — К вам? Вот уж нет. Просто по-соседски заглянула. Деревня ведь. Всем все знать надо, иначе жить скучно.

— Простота нравов. — Мезенцева встала, легко, будто танцуя, подошла к калитке, постояла секунду напротив ведьмы, а после захлопнула дверцу, напоследок громыхнув засовом и звонко сообщив: — Любопытство — грех.

Антипка восхищенно крикнул. Как это ни странно, рыжая оперативница, похоже, пришлось ему по душе.

— Иногда гадаю — то ли она у нас бесстрашная, то ли бездумная, — поделился со мной Нифонтов. — Что вернее — неизвестно. Ладно, это все не суть важно. Саш, надо ехать. Это не только моя прихоть. Это просьба Ровнина. И еще — отдел будет тебе должен, и я сейчас не про деньги. Ты часть мира Ночи, мы это знаем. У вас в чести оплата услуги услугой. Пусть будет так. Один раз отдел придет на помощь по твоему зову. Хотя, ради правды, мы и так это сделали бы, но давай все проведем по процедуре, для твоего спокойствия.

— И приходили уже, — заметила Женька. — Когда мужа твоей стареющей красотки с того света вынули. Все, молчу, молчу.

Я ничего не ответил оперативнику. Я думал.

— Да, вот еще что. — Николай щелкнул пальцами. — Аргумент так себе, больше смахивает на то, что я в ход пускаю все, что можно, но Женька тогда была права. Это какая-никакая, а тренировка. Работать ведь будем вместе, страхуя друг друга.

В этот момент на забор уселась птичка с пестрым оперением, повертела головкой и звонко зачирикала.

— Хозяин, там на дороге двое застряли, — подал вдруг голос Антип. — Повозка у них в яму села, так они ее выталкивают и через слово твое имя поминают. Лесной Хозяин этой сойке справиться у тебя велел — ему их как, закружить и в болото завести, или же пропустить к деревне?

— Антип, а ты чего, по-птичьи понимаешь? — ошарашенно спросил я у домового.

— Само собой, — с достоинством подтвердил тот. — Всю жизнь в лесу живу, как-никак. Хочешь, не хочешь, а научишься.

— И это все, что тебя интересует? — насторожился Нифонтов. — Саш, а ты вообще кого-то в гости ждал?

Глава восемнадцатая

— Нет, никого, — помотал головой я. — Включая вас. Вы все мне в Москве надоели до смерти.

— Ну до чего радушный хозяин! — сообщил Нифонтов Антипу. — Сердце поет!

— Так что батюшке Ермолаю передать? — и не подумал реагировать на слова оперативника домовый. — Пропустить этих двоих или в болоте утопить?

А вот фиг знает. Интересно — кто это? Может, от Рязской какие бойцы? Да нет, вряд ли, про это место никто, кроме Нифонтова, не в курсе. Документально я дом на себя не оформлял, в банке никому ничего не говорил, по телефону меня не отследишь, в интернет не выхожу, с рабочими наличкой расплачиваюсь.

Хотя — нет. Еще Маринка знает. Только ее из списка сразу можно исключить, по причине отсутствия в городе. Да не сунет она сюда свой любопытный нос больше, ей прошлого раза хватило.

Тогда — кто?

Но топить загадочных визитеров не станем пока. А то ведь покою мне не будет, любопытство заест, до конца дней гадать стану, кто это был. Попрусь потом еще на болото, с трясинником и кикиморой знакомство сводить.

— Передай мою благодарность, — ответил я домовому. — И пусть пропустит, в случае чего мы их тут и приберем. Вон под септик яму какую выкопали, там не то что двоих, пятерых можно землицей присыпать.

Как видно, прозвучали мои слова довольно серьезно, поскольку Николай с Женькой с недоверием уставились на меня.

— Что? — спросил я у них — Вы не в городе, вы на природе. Тут на вопросы жизни и смерти смотрят проще.

— Где тот добрый, мягкий банковский клерк, с которым я познакомился год назад? — вздохнул оперативник. — Такой славный был человек.

— Ой, вот только не надо! — засмеялся я. — Ты приехал сюда, чтобы уговорить меня отправиться с тобой убивать колдуна. До смерти. А он тоже немного человек. Ну, может, уже и не совсем, но все же! Двойные стандарты, Коль, двойные стандарты. Узнаю стиль работы «15-К».

Промолчал гость незванный, нечем парировать.

— Убивать никого не дам, — насупилась Евгения. — Сразу предупреждаю. Только этого мне не хватало! И так по лезвию ножа ходишь.

Никак это сейчас была трогательная забота обо мне? Пусть и своеобразная. Прелесть какая! Гудение мотора приближающейся к моему дому машины мы услышали только через полчаса, если не больше. Ну оно и понятно — пока незнакомцы вытолкали свой транспорт из промоины, пока доехали.

Шутки шутками, а мои гости вправду напряглись, это по ним хорошо видно было. Женька расстегнула наплечную кобуру, да и Николай посерьезнел. Слетела с него обычная маска расхлябанного простака, теперь за моим столом сидел боец.

По дороге за забором прошуршали шины, хлопнули дверцы, и я услышал знакомый голос: — Слав, вроде тут.

— Вроде да. Сейчас, с бумажкой сверюсь.

Вот уж кого не ждал, так это их. И сразу вопрос — как? Как они узнали, где я? И что это за бумажка такая?

— Тут, тут, — крикнул я. — Можешь не сверяться.

— Сашка! — весело заорал Слава Раз. — А мы к тебе в гости. Открывай дверь и ставь чайник. Нам мокро и холодно!

— Знакомые? — негромко уточнил у меня Нифонтов.

— Почти родня, — усмехнулся я. — В определенном смысле.

Оба Славы были изгвазданы грязью невероятно, про машину я и не говорю.

— Сосед, — словно из-под земли возникла бабка Дарья, akurat в тот момент, когда я обменивался рукопожатиями с незванными гостями. — Не дело это, не дело. Всю дорогу перегородили твои приятели своими машинами. Ни пройти ни проехать.

— А тебе на что дорога, старая? — неожиданно зло поинтересовался у нее обычно миролюбивый Слава Два. — Тебе вон небо нужно, а не земля. На метелку села — и вперед. — Ишь ты! — показала свои крепкие белые зубы Дара. — Еще пара ведьмаков. Прости, не признала. И говоришь непочтительно, а я ведь тебя старше намного. Нехорошо так поступать.

— Моя бы воля, я ваше семя все спалил, чтобы и следа не осталось, — даже не подумал смущаться Слава Два. — Вот только нельзя. Договор запрещает, на твоё счастье.

— Или на твоё. — В тот же миг румяная, ворчливая и забавная старушка куда-то пропала, перед нами стояла истинная ведьма. Волосы, до того скрученные в узел на макушке, распустились сами по себе и сейчас висели белыми патлами, оттеня костистое бледное лицо прирожденной убийцы. — Кабы не договор, я грядущую ночь для тебя превратила бы в вечность. Ту, в которой ждешь рассвета, понимая, что он никогда не наступит.

— Дамские романы не пробовала писать? — добродушно спросил у моей соседки Николай, опершийся на калитку и небрежно поигрывающий ножом. — Слог просто хороший и построение фразы знатное. Сейчас за такие сочинения хорошие деньги платят. Придумала бы себе псевдоним позвучнее, что-то вроде «Дарина Истинная», выложила бы его на интернет-портал и стригла купоны. Подумай, бабуля, подумай.

— Слушай, а у тебя тут не скучно, — хлопнул меня по плечу Слава Раз, не сводя, впрочем, глаз с нашей собеседницы. — Мы-то думали — глушь, скука и все такое. И как ошиблись! И ведьма у тебя имеется, и люди, уважаемые в наших узких кругах, чай в саду гоняют.

Интрига прямо!

— Иди, бабка Дарья, иди, у тебя скоро сериал начнется, — попросил соседку я. — Извини за причиненные неудобства, но ничего не поделаешь. Я не Захар, я молодой парень, у меня много друзей. Прими как данность тот факт, что они ко мне в гости ездить станут.

— Банька есть? — уточнил Слава Раз. — Очень люблю попариться!

Может, и правда баню поставить? Мне тот парень в кожанке предлагал ее возвести, причем с хорошей скидкой.

— Пока нет, — ответил я. — Вон, ремонтируюсь. Дом на ладан дышит. Но — поставлю.

— Тогда точно ездить станем, — подытожил Слава Раз. — И девок веселых с собой привозить. Терпи, мать, терпи. Такая твоя судьба.

— А еще водку ящиками! — злорадно поддержал его Слава Два. — Как нажремся, группу «Мираж» станем включать и голыми под луной танцевать! Мне «Мираж» еще с восьмидесятых нравится.

Дарья посмотрела на него, на меня, на хихикающую Женьку, плюнула нам под ноги и шустро посеменила к своему дому, на ходу собирая волосы в привычный узел.

— Не простит, — без улыбки сообщил мне Слава Два. — Я подобных старушенок знаю. Реликты, мать их так. Саш, ты в ее сторону не забывай поглядывать. Договор эта гнилая колода в прямую не нарушит, но обойти стороной в нашей жизни можно все что угодно. Так, что никто и не подкопается.

— Не любишь ты ведьм, — убирая нож, заметил Нифонтов. — Чего так?

— Личное, — холодно ответил ему ведьмак. — Есть причины.

— Твои друзья? — мотнул подбородков в сторону оперативников его друг.

Странно, но я не знаю, что ему ответить. Сказать «да»? Так это уже не совсем правда. Сказать «нет»? И это не очень верно.

Ситуация прямо как в статусе социальной сети — «все сложно».

— У нас есть кое-какое общее дело, — верно истолковав паузу, выручил меня Николай. — Довольно неприятное, в котором без помощи Александра никак не обойтись.

— Пошли во двор, — предложил я. — Чего у калитки мяться?

Родька, воспользовавшийся возникшей ситуацией для того, чтобы доесть торт, заприметил визитеров, спрыгнул со стула, вытер с мордочки остатки крема и отвесил им церемонный поклон.

— Толстый он у тебя какой, — сообщил мне Слава Два, глянув на слугу. — Ишь, ряху отъел. Ты его не гоняешь совсем, похоже.

— Зря, — поддержал его Слава Раз. — Этой публике только дай волю, они с дивана не слезут, знай в телевизор пялиться будут. И знаешь — он их разлагает. Seriously. Мой вот недавно насмотрелся какой-то дряни и позволил себе со мной спорить. Каков наглец? Ну я его мигом определил семена перебирать, белый клевер из травяной смеси отделять. Пять ростовых мешков, сроку — сутки. И все, как рукой вольнодумство сняло.

— Нашел чем гордиться, — буркнула Женька и выкинула совершенно уж неожиданную штуку. Она Родьку по голове погладила.

Тот вздрогнул, похлопал глазами и умчался в дом.

— Слушай, прежде чем мы начнем играть в недомолвки и прочие шпионские страсти, объясни мне одну вещь, — попросил я Славу Два. — Вы меня как нашли?

— Да без особых трудностей, — отозвался тот, садясь на стул и прикладывая руки к самовару. — Вроде не остыл еще. Чаем-то напоишь?

— Несу, — пропыхтел Родька, вылетая на крыльцо и держа в лапах чашки и блюда. — Сейчас все будет.

— Перепугался, — хохотнул Слава Раз. — Все они одинаковы. Опасается, что мы тебе сейчас насоветуем, как их брата надо на место ставить. Так ведь, слуга?

Родька промолчал настолько красноречиво, что стало ясно — опасается, да еще как! Да, похоже, остальные ведьмаки со своими помощниками не особо либеральничают. Мне казалось, покойный Артем Сергеевич и кто-то из его предшественников, тот, что вырезал глаз у бедолаги Афони, были исключением из правил, ан нет. Это я — исключение. А хитрец Родька знай этим пользуется.

— И все же, — настырно повторил я. — Как?

— Дэн, — пояснил Слава Раз, открывая краник самовара и подставляя под парующую струйку воды чашку. — Он с Гоа вернулся.

— Понятней не стало.

— Змеи, — добавил Слава Два. — Они ему служат. Что скажет — выполняют.

А-а-а-а! Точно-точно, звучало что-то такое тогда в кабаке. Теперь все на свои места встало. И гадюка, что нас с Родькой так третьего дня напугала, вписалась в картину мироздания. Вот чего она тут делала и почему так на меня смотрела.

Слава богу. А то я по ночам в нужник ходить боюсь, все кажется, что она в темноте ко мне подкрадывается. Может, я от ее укуса и не помру, но радости в этом все же мало.

— Мы догадывались, что к тебе перешла сила Захара Петровича, — пояснил Слава Раз. — Ты про это не упоминал, но и тайной данный факт не назовешь. Димон примерно представлял, где тот обитал, Петрович как-то раз при нем обмолвился про сотый километр

Минки. А дальше просто. Дэн призвал старших змей, дал им указание и стал ждать результата. Как только появилась ясность, мы рванули сюда.

А ведь впечатляет. Вот так запросто человека найти без всяких новомодных штук — это сильно. И Дэн этот... Не дай бог такого врага. Ему ведь никакие порчи и проклятия не нужны. Он просто пошлет змею, и та уж точно цапнет бедолагу, которого ночью понесло в «зеленый домик».

— Ребята, мы ничего не имеем против вас, — обратился Слава Два к оперативникам. — Служба есть служба, все понимаю. Но нам бы с Сашей наедине пообщаться.

— Нет проблем, — легко вскочил на ноги Николай. — Женя, уважим ведьмаков. Пошли в дом.

Мезенцева не стала спорить и последовала за ним.

— Не пойми меня неправильно, я не лезу в твои дела, но водить дружбу с этими людьми — большая глупость, — помолчав, сказал Слава Два. — Я их уважаю, они делают нужное и сложное дело. И не только я, поверь. Почти все сколько-то разумные обитатели ночной Москвы знают их в лицо и стараются не переходить им дорогу без нужды. Знаешь отчего? Мы для них не просто те, кто живет под Луной. Мы — объект наблюдения и опасный фактор.

— А иногда цель, которую надо уничтожить, — добавил Слава Раз. — Если поступит надлежащий приказ. Саш, плохая идея. Очень плохая идея. Не знаю, как там у тебя с ними и чего, но для них ты никогда не станешь своим, а у нас многие могут сделать ненужные выводы, и я сейчас имею в виду не только ведьмачий круг. Мы, конечно, ничего сегодня не видели, не сомневайся, но шила в мешке не утаишь. Если не перестанешь с ними возжаться, то правда вылезет наружу.

— Знаю, — хмуро ответил я. — Но вот так карта легла. Завязалось все в узелок, а как его распутать, пока не знаю.

— Если узел не развязывается, его разрубают, — пожал плечами Слава Раз. — Что ты так на меня уставился? Я не об убийстве, чур тебя! Просто иногда надо говорить жестко, а не сопли на кулак мотать. Ладно, это твои дела. Мы сказали — ты услышал.

— Вообще-то мы по делу, — перехватил инициативу Слава Два. — Причем странному настолько, что самому удивительно до невозможности. Чтобы я — и ведьмам помогал? Однако же вот. Короче — тут третьего дня одну ведьму пришибли, и теперь ее коллеги по цеху на нас это пытаются повесить.

— На наших старейшин вышли, — подтвердил его друг. — Мол, долги ваши, а платим мы. Те хоть ведьм и не любят, но отчасти их правоту признали.

— Это не я, — мне вдруг стало зябко. — Вы чего?

— Знаем, что не ты, — успокоил меня Слава Два. — Если бы это твоих рук дело было, другие разговоры бы сейчас у нас здесь шли. Например, о том, где тебе лучше пару лет отсидеться, пока волна не спадет. И как тебя в это место доставить, избежав пристального внимания ряда лиц, заинтересованных в том, чтобы тебя препарировать.

— Ведьму порешил какой-то дурень-человек, — пояснил его друг. — Из молодых да ранних. Налакался крови и вразнос пошел, такое иногда случается. И вот тут есть одно «но». Этот тип отчего-то хочет убить именно тебя. И еще — Олега. Вот только наш шумный и беспокойный Муромцев смылся в такую даль, что до него запросто не дотянешься, а ты — рядышком. И тебе, выходит, придется решать эту проблему.

— Дурень-то этот кровосос дурень, но кое-какие мозги у него остались, — усмехнулся Слава Два. — Поняв, что так просто тебя не отыскать, он отловил пару ведьм в парке неподалеку от твоего дома, изложил им свои требования, назвав, заметим, ваши имена, а после вырвал сердце одной из них, в целях демонстрации серьезности своих намерений. Эти двое, как назло, оказались не одиночками, и входят в один из московских коленов. Их мало, но они есть. Парочка эта мелкая шушера, верховным ведьмам на них плевать, но раз есть возможность насолить нашему брату, как от подобной радости отказаться?

— Мы все пытались объяснить старшим, что предьявлять к тебе претензии глупо, — виновато произнес Слава Раз. — Мол, ты до сих пор не в круге, и убивать никого не убивал, скорее всего, попав под раздачу случайно. Вот хоть ты глаз мне выдави, чую я в этом тухлом деле лапу Олега.

— Точно, — подтвердил его напарник. — Сам в «блудняк» влез, тебя втравил и слинял. Его стиль.

— Только все впустую. Претензия обоснованна, ведьмы в своем праве, так что тебе, Саша, и разбираться с полусумасшедшим гаденышем. Так решили старейшины.

— Но не это самое поганое, — поморщился Слава Два. — Нам запрещено тебе помогать.

Мы и орали, и ногами топали, но деды наши уперлись как бараны. Мол — вот ему испытание, если пройдет, то в Час Полнолуния станет одним из нас. Не подкопаешься, есть

у нас такая традиция, с давних времен. Правда, ее не очень-то соблюдают последние лет двести, но формально...

— Короче, мы тебе теперь даже нелегально пособить не сможем, — вздохнул его друг. — Испытание — оно такое испытание. Кто его знает, чем такая помощь потом аукнуться может? Не нам. Тебе.

— В общем, тебе нужно этого колдунчика найти и завалить, — добавил Слава Два. — Ведьмы желают голову того, кто грохнул их товарку. Кстати — голова им нужна в буквальном смысле, отделенная от тела, и чем быстрее, тем лучше. Тем более что искать особо и не нужно, вторая ведьма, та что уцелела, след душегуба как собака розыскная возьмет. Он ее изрядно напугал, а их племя такое не прощает. Насколько я понял, она как-то умудрилась на него заклятие метки кинуть, и теперь везде отыщет.

— Работать с ведьмой в паре неприятно, но придется, — развел руками Слава Раз. — Главное, как закончишь, спиной к ней не поворачивайся, с этой дрянью станется и тебя рядом с колдунчиком положить. Доказывай потом, что это не он тебя прибил. Да и тебе с тех доказательств ни жарко, ни холодно уже будет.

— А Олегу мы после бубну выьем как следует, не сомневайся. Совсем совесть потерял. Это, конечно, здорово, но до «после» еще дожить надо.

И ведь что характерно — снова все вышло так, как хотел Нифонтов. Я же не собирался с ним ехать и отделу помогать. Теперь же получается, что это не я им, а они мне нужны. Особенно в разрезе слов Славы о том, что компанию мне ведьма составит.

Вот как так?

— Надо, Саша, — мягко сообщил мне Слава Два. — Правда надо. Ведьмаку без круга долго не пробегать, наша сила отчасти зависит и от него. Ходят разные слухи, почему все так обстоит, и многим из них веры нет, но лично я точно знаю одно — одиночки очень быстро находят смерть. Это — факт, против которого не попрешь.

— Надо — значит надо, — пробормотал я. — Ладно, вы чай пейте, а я в дом схожу.

— Хорошая у тебя компания подбирается, — хрустнул печенькой Слава Раз. — Ведьмак, ведьма и гончие псы из «15-К». Прямо как в голливудском боевике! Неудержимые, блин. Сообразил. Умный.

И Нифонтов туда же. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и выражение лица у него такое было, что сразу стало ясно — догадался о чем-то. Или подслушал наш разговор невесть каким образом.

— Ну, как беседа с коллегами? — с невыразимой сладостью осведомился оперативник у меня. — Надеюсь, хорошие новости?

— Терпимые, — с достоинством ответил ему я. — Завтра в Москву возвращаюсь.

— Ведьмы таки добрались до патриархов, — удовлетворенно констатировал Николай. — И те в результате решили все скинуть на твои плечи. Ведь так?

— Скажи, ты ведь про то, что все именно так сложится, знал еще тогда, когда ко мне ехать собирался?

— Я? Нет, — покачал головой Нифонтов. — А вот Олег Георгиевич — да, он опытней и умнее, потому и отправил нас сюда. Саш, наши цели совпадают, просто признай это — и все.

— Ведьму тебе в нагрузку прицепили? — спросила Женька, стоящая у печи.

— Прицепили, — вздохнул я.

— Отлично, — качнул ногой оперативник. — Она найдет злодея, а дальше дело техники.

Не печалься, ведьмак, тебе даже ничего делать не придется. Мы все сами устроим лучшим образом.

— Ведьме нужна будет голова этого душегуба, — пробурчал я. — Такое у них условие.

— Наверное, в могилу товарки положить ее хотят, — сообщил мне Нифонтов. — Есть у них такая старая традиция, идет еще чуть ли не с той поры, когда люди в пещерах жили. Чтобы, значит, убийца ей в том мире ноги мыл и воду пил. Хотя, может, и нет. Может, для ритуалов каких приберечь надумали.

— Жесть какая, — передернулась Женька. — Я смотреть на то, как бошку от тела отпиливать станут, не хочу!

— А тебя никто и не заставляет, — сообщил ей старший товарищ. — Мы этого упыря грохнем и пойдем себе оттуда. Нам важен факт того, что злодей мертв, этого достаточно. Ну и еще осознание, что человек, которого мы считаем другом, пусть он даже и думает о нас плохо, теперь в полном порядке. Что, Саша Смолин, поработаем еще разок вместе? Он встал и протянул мне руку. И я ее пожал.

Выбора все равно нет.

Но какой же Николай все-таки... Нет у меня подходящего слова в лексиконе. И при этом — ведь не подкупаешься к нему.

Хочешь — не хочешь, а зауважаешь. Так ситуацию постоянно выкручивать в свою пользу, это даже не талант нужен, а дар божий.

Про то, как я всю эту дружную компанию устраивал на ночлег, рассказывать не стану. Полезных метров у меня в доме маловато, а народу прибыло немало, но кое-как разместились все. Причем ведьмаки, против моих опасений, вполне себе поладили с оперативниками, более того, завязалась дружеская беседа с шуточками и прибауточками, затянувшаяся за полночь. И это при том, что решено было выезжать поутру, не дожидаясь «пробок», которые неизбежны в предпоследний день майских праздников. Не все уезжают с дач прямо накануне начала рабочих будней, многие сваливают на день раньше, чтобы доехать быстро и с ветерком. Зачастую таких умников настолько много, что заторы на пригородных шоссе ужасают своей длиной.

Родька растолкал меня, как ему и было велено, в районе семи утра. Есть у моего помогайки такая полезная функция, как «будильник», и сбоя она не дает. Но не в этот раз, рассудил я, глядя на то место, где спали Славы. Оно было пусто. Поверить в то, что эта парочка встала раньше меня, я отчего-то не мог.

Сверился с часами. Семь.

— А где? — спросил я у Родьки, который в этот момент сладко, по-кошачьи зевнул, прикрыв рот лапкой и показал на пустые матрасы ведьмаков. — Не знаешь?

— Во двор пошли, — с готовностью ответил слуга. — Час как.

И правда, Славы обнаружили именно там. В данный момент они копались под одной из яблонь, сыпали ей под корни какой-то порошок серебристого цвета и что-то приговаривали. — А, Сашка, — заметил меня Слава Раз, вставая на ноги и отряхивая руки. — Слушай, хорошая у тебя земля, отдохнувшая. В этот год непременно надо ее занять делом, а то разленится совсем.

— Мы тут тебе набросали, что где сажать, — показал мне исчерканный ручкой лист бумаги Слава Два. — Все по этим рекомендациям делай, и урожай соберешь хороший.

— И деревья мы подлечили, — погладил яблоню по стволу его приятель. — Не ухаживали за ними давно, вот и завелась под корой живность в избытке. А у этой в корнях одна пакость засела, еще год-два и все, пилить бы ее пришлось. Но теперь все, вывели мы этого паразита. Плодов, правда, в этот год от нее не жди, дереву отдохнуть надо. Они же как люди. Вылечился — восстановись.

Хлопнула входная дверь, на крыльцо вылез взъерошенный Антип и поклонился ведьмакам в пояс. Да еще и меня за майку дернул, мол, давай, хозяин, не отставай.

— Спасибо, парни, — решил отделаться я только словами. — Надо засеять — засею.

— И не тяни, — подошел ко мне Слава Два. — Май короткий, чуть промедлишь — и ушло время. Осень в этом году ранняя будет, это я тебе уже сейчас могу обещать.

— Да ладно, — не поверил я.

— Земля — это наше все, мы ей служим, как можем, потому всегда знаем, что, когда и как. Правда, это здорово снижает нашу ценность в качестве боевых единиц, потому что больше мы ни в чем толком не разбираемся. Да ты и сам, наверное, это понял там, в зернохранилище.

— Даже не задумывался. Да там я сам, уж на что к нежити привычен, чуть коня не двинул. А ведьма? Ты вчера с ней чуть ли не в драку полез.

— Ведьмы. — У Славы Два дернулась щека. — Это отдельный разговор.

Он явно не стремился беседовать со мной на эту тему, и я не стал ни на чем настаивать. У каждого из нас есть свой скелет в шкафу. Захочет — потом поведаст мне эту историю. Не захочет — и не надо.

— Приглядывай за садом, — попросил Слава Раз Антипа. — Хозяин твой, сам знаешь, шепутной, у него что ни день, то приключение. На тебя вся надежда.

Домовой вновь отвесил глубокий поклон, бородой чуть крыльцо не подмел.

Надо будет семян купить в «ОБИ» или в «Леруа» и сделать, как ребята сказали. А почему нет? Вот только где на это все времени взять? Даже здесь, вдали от города, я все, что задумал, не выполнил. На реку к русалкам так и не сходил, хоть и собирался. Но это ладно, после круга я все равно сюда наведуясь, тогда и навещу речных дев, вручу им подарки. Как раз русальная неделя будет. Может, еще чего интересное увижу.

Сборы были недолги, и уже часов в девять мы отправились в путь. Перед отъездом я наказал Антипу приглядывать за рабочими, подумав о том, что стоит, пожалуй, купить ему немудрящий телефон. Пусть будет, на всякий случай. Понятное дело, что дремучая приверженность к старым традициям заставит его топорщить бороду и бубнить о том, что эдакую срамоту он и в лапу не возьмет, но это все наносное. Если припечет — позвонит, никуда не денется. Главное — объяснить, что к чему, так, чтобы он запомнил. Записывать смысла нет, неграмотный мой домовой.

А может, нарисовать?

Вышла проводить нас и бабка Дарья. Насмешливо щурилась, стоя у своего дома и даже помахала рукой на прощание. Мол — катись отсюда, ведьмак, и друзей своих забирай. Стоило только мне в машине вставить аккумулятор в телефон, как он практически сразу зазвонил. Естественно, на экране высветилась до боли родная фамилия. Спасибо тебе, оператор сотовой связи, за сообщение о том, что данный абонент снова находится в сети. Кому удобство, кому головная боль.

— Да, Ольга Михайловна, — произнес я, не обращая внимания на фырканье Мезенцевой.

— Куда пропал, дружок мой? — почти пропела в трубку женщина. — Не скажу, что с ног сбились, тебя разыскивая, но профессиональная гордость Геннадия задета. Чтобы он искал и не нашел?

— Плохо искал, — не стал выгораживать ее сотрудника я. — Кому надо, те на след напали. Стало быть, не так он и хорош.

— Мне передать ему твои слова?

— Да как-то все равно, — не покривил душой я. — Дело ваше.

— И о деле. — Голос женщины приобрел немного другие интонации. — Есть, чем меня порадовать?

— Пока нет. Но скоро, полагаю, мне будет, что вам рассказать. В любом случае, можете спать спокойно. Того, кто доставил неприятности вам и Павлу Николаевичу, вряд в данный момент интересует вопрос продолжения банкета. У него другие планы и цели. За это поручусь.

— Спасибо, — поблагодарила меня Ряжская. — Новости отличные. Вот только один момент хотелось бы прояснить. Выходит, ты знаешь кто это? Так почему мне неизвестно имя и местонахождение данного человека? Если не ошибаюсь, именно об этом и шла речь.

— Если не знаете, значит, вам оно ни к чему, — отозвался я.

— Это ты так решил?

— Именно. — На душе у меня внезапно стало легко и светло, как когда в душевной накуренной комнате открываешь форточку и в нее врывается порыв зимнего ветра, неся с собой свежесть и прохладу. — Вы знаете ровно столько, сколько нужно. Так есть и так будет впредь. Если вас не устраивает подобное положение вещей, то это ваши проблемы, а не мои.

Нифонтов, сидящий за рулем, показал мне большой палец левой руки, выражая тем самым полное согласие с тем, что услышал.

— Н-да, — помолчав с полминуты, непонятным тоном произнесла Ряжская. — Надо что-то сказать, а что именно — не знаю. Потому лучше промолчу.

И в трубке раздались гудки.

— Ни фиги ты с ней не спал! — внезапно заявила мне Мезенцева. — Врун! Как будто я это утверждал! Сама придумала, сама поверила, сама обиделась. Я вообще ничего не делал.

— Как страшно жить, — вздохнул Николай. — Знаешь, Саш, почему я всегда сажаю ее рядом с собой в машине? Боюсь за спиной держать. Кто знает, что ей придет в голову? Хорошо, если уснуть. А вдруг ей захочется мне в шею ручку воткнуть? Просто чтобы посмотреть — пройдет она насквозь или нет?

— Хм, — призадумалась Мезенцева и уставилась на его шею.

Меня довели до дома, причем машина Слава составила нам компанию.

— Короче, — уже у подъезда, перед прощанием, явно смущаясь, произнес Слава Два. — Вот тебе визитка, держи. Это ведьма, та самая, которая тебя на след наведет. Звони смело, пока вы эту пакость на ноль не помножили, ждать от нее подстав не стоит. До той поры она твой верный союзник. Но после — держи ушки на макушке, не верь ни единому ее слову, и самое главное — не поворачивайся к ней спиной.

— Ты говорил уже, — напомнил ему я, изучая карточку, на которой красовались ножницы, скрещенные с расческой, и надпись:

«Воронецкая Стелла Аркадьевна
директор салона красоты „Стелла“».

Вот так и ходи в парикмахерские, стригись, не подозревая даже, что у них за директор.

— И еще раз повторю — это ведьма. Им верить вообще нельзя.

Интересно, насколько дискомфортно сейчас Нифонтову? С учетом того, кем является его избранница, должно быть, не очень.

— Без меня на встречу не ходи, — буднично предупредил меня оперативник. — Это в твоих интересах.

— Спалите вы его, — криво улыбнулся Слава Раз. — Все ведь узнают, что он с вами вожжается, и после вони будет от отдельных личностей немало. Всем достанется — и ему, и вам...

— Тебе все равно? — спросил у меня Нифонтов, получил подтверждение в виде кивка и ответил Славе: — Ну вот. Если ему все равно, то до остальных мне и дела нет. А мне правда по барабану. Серьезно. Я еще вчера об этом думал, после разговора со Славами. Вот какое мне дело до мнения тех, кого я даже не знаю? Что до перспективы... Да пошла она. В мире Ночи каждый сам за себя, что-что, а эту мудрость Хозяин Кладбища в меня вколотил намертво.

И еще — мне до смерти надоело быть для всех хорошим. Не в смысле — положительным, а... Ну, чтобы никто плохо не думал, зла не таил, лишний донос руководству не сделал. Это все осталось там, в банке. Тут другие правила. И играть надо по-другому, без оглядки на корпоративные ценности мира Дня.

— Может, ты и прав, — признал Слава Раз и протянул мне руку. — Ну все, давай. Если чего — звони.

И все разъехались. Сначала ведьмаки, а следом за ними и оперативники. Причем Евгения успела сбежать в подъезд и проверить, не подстерегает ли меня там злодей. Шустро так, я даже и не заметил когда.

Злодей и правда меня не ждал, но зато, когда я уже проворачивал ключ в замке, сверху раздался веселый и бодрый голос:

— Смолин! А я гадаю — куда ты пропал?

Глава девятнадцатая

— Привет, лягушка-путешественница! — неподдельно обрадовался я соседке, которая, опершись на перила, радостно мне улыбалась. — Не поверишь, но я по тебе соскучился. — Это потому что ты в меня тайно влюблен, — со знанием дела заявила Маринка. — Но признаваться в этом ни себе, ни мне не хочешь.

— Все-то ты знаешь. — Я достал из кармана ключи от двери. — Прямо Ванга во плоти.

— Да, я такая. — Маринка горделиво подбоченилась, из-за чего и без того неплотно запахнутый легкий халатик позволил мне созерцать отдельные достопримечательности ее красивого тела. — Хвали меня, хвали.

— И ведь есть за что! — демонстративно облизнулся я. — Ох, есть!

— Тьфу, дурак, — заметив, на что именно я смотрю, Маринка тут же сменила тон. — Все у тебя в одно упирается.

— И это тоже правда, — подмигнул ей я, игриво вильнув бедрами. — Упирается — не то слово!

— Смолин! — топнула ногой в тапочке по ступеньке соседка. — Это я должна сыпать двусмысленными фразами и над тобой глумиться, а не наоборот! Так нечестно!

— Задался день, — подытожил я. — Давно я мечтал тебя морально изнасиловать, и вот это произошло! Сегодня усну со счастливой улыбкой на губах.

— Чтоб тебе пусто было! — пожелала Маринка. — Чтоб тебя вспоминали только... О, кстати! Погоди, никуда не уходи, у меня для тебя кое-что есть.

И она умчалась наверх, забавно шлепая по ступенькам подошвами тапочек.

— Вот, — вернувшись через минуту, она протянула мне длинную серую бумажку. — Это тебе.

— Что это такое?

— Это — телеграмма, — сообщила мне Маринка. — Самая настоящая. К тебе почтальон три раза заходил, в дверь трезвонил, потом задолбался и отдал ее мне. Мы с ним на лестнице встретились. По правилам надо из рук в руки передавать, но там дедушка старенький совсем, мне его жалко стало. Сказала, что мы с тобой живем в гражданском браке, и в книге расписалась. Ты ж не против?

— Нет, — ответил я. — Телеграмма. Прикольно. Никогда телеграмм не получал.

— Я тоже. — Маринка провела пальцем по моей щеке. — Ты небритый забавный. Слушай, а тот человек что тебе это диво дивное отправил — он старовер?

— С чего ты взяла?

— У нас репортаж просто такой делали в газете. Прикинь, есть люди, которые принципиально не пользуются скайпом, электронной почтой и даже мобильной связью. Кто из религиозных соображений, кто из чувства протеста. Так сказать, «„Скайнет“ не пройдет». Я и подумала — этот из таких. Да и текст забавный.

Это да. Забавный и короткий. «Лето на пороге. Скоро увидимся» Старовер? Да нет, это не старовер. Но, что самое интересное, данная телеграмма меня не столько напугала, сколько насмешила. Один и тот же трюк, повторенный дважды, не может вызвать испуг, так же как повтор шутки не вызовет смех.

Тоже мне, Остап Бендер. «Графиня изменившимся лицом бежит пруду».

А ведь колдун, выходит, тщеславен безмерно. Он начал давить на меня до того, как вернулся в Россию, давая понять, что никто не забыт и ничто не забыто. Его черная душа требует перформанса, вот только рычагов давления практически нет, а потому он вынужден повторяться.

Тщеславие — славный порок. Удобный для меня и опасный для него. Хорошо, в моей колде появилась первая карта, которую можно будет разыграть в нужное время в нужном месте.

— Эй, Смолин, — у меня перед глазами мотнулась узкая девичья ладонь. — Ты со мной?

— С тобой, — с готовностью ответил я. — А в какой именно связи?

— Забыли, — отмахнулась Маринка и протянула мне длинную тонкую кость довольно стремного вида. — На, держи. С Севера перла, через полстраны, специально для тебя.

— Это чего такое? — я покрутил в руках подарок.

— Хрен моржовый, — с готовностью ответила соседка. — Бивень мамонта не добыла, да и громоздкий он. А эта красота в чемодан влезла без проблем.

— И в какой же части моржа эта косточка была при жизни? — недоуменно спросил я ее. — Моржи — они ж здоровые!

— В бивнях — да, — пояснила Маринка. — А внизу — нет. Сашк, это реально хрен. У них там кость, прикинь! Морж этой штукой моржиху...

— Блин! — заорал я, поняв, что держу в руках. — Ты совсем охренела?

— Не, — довольно заулыбалась Маринка. — У кого в руках хрен, тот и... Ну ты понял.

Слушай, у тебя есть чего пожрать дома? Просто я всю неделю материал готовлю, живу на плоскости редакция-дом, даже в магазин некогда сходить.

В рюкзаке у меня за плечами недовольно зашебуршился Родька, рассчитывающий после путешествия развалиться в любимом кресле и пощелкать пультом телевизора, а теперь осознавший, что, похоже, его планы летят в тартарары.

— Откуда? — хмыкнул я. — Сам две недели дома не был. Разве что сухарики какие.

— А давай ты меня пиццей угостишь? — захлопала ресницами Маринка. — Той, что с ветчиной и ананасами, как ее... Неважно. И еще — пепперони! И скажи, чтобы везли побыстрее, я очень есть хочу. А с меня бутылка клюквенной настойки. С Кольского привезла, тут такой нет!

С Кольского? Вон куда ее черти занесли. Странно. А разве там моржи водятся?

— Ладно, дуй за своей настойкой, — согласился я. — Пойду пока пиццу закажу.

Хорошо, что в жизни есть нечто неизменное, правда?

Как выяснилось через день, неизменно не только желание Маринки залезть в мой холодильник, но и кое-какие иные вещи, вроде алчности.

В банк пожаловал господин Вагнер, причем именно ко мне. Если честно, этого я совершенно не ожидал, резонно предполагая, что, рассчитавшись со мной установкой бюста, тевтонская супружеская чета напрочь исчезнет из моей жизни.

Ошибся. Жадность оказалась сильнее страха.

— Добрый день. — Петр Францевич встал, когда я вошел в «переговорку», и даже подал мне ладонь. — Рад вас снова видеть, Александр.

— Наша нынешняя встреча мне нравится больше, чем предыдущая, — заметил я. — По крайней мере, мне не выкручивают руки, это само по себе приятно.

— Жизнь непредсказуема, — мягко сообщил мне Вагнер. — В ней случается всякое. Но помнить надо только хорошее.

— Вы о памятнике? — уточнил я. — За него спасибо. Пусть не в полный рост меня изваяли, да и сходство относительное, но приятно.

Можно было бы еще шпильку по поводу денег подпустить, но я решил пока приберечь ее на потом.

— Итак. — Я уселся в мягкое кресло. — Чем могу?

— Александр. — Вагнер снял очки и потер переносицу. — Прозвучит немного литературно, но вы за последние полгода стали достаточно известны в определенных кругах. Можно даже сказать — обрели некую славу. Славу целителя.

— И? — чуть подогнал его я, ожидая предложения вроде: «А не совместить ли нам бренды?»

— У меня есть друг, и он умирает, — неожиданно твердо произнес Вагнер. — Я прошу вас ему помочь.

— Друг? — услышав совершенно не то, что предвиделось, я немного растерялся. — У вас?

— А что? — вроде как даже обиделся Вагнер. — У меня не может быть друга?
— Простите, но в подобное верится с трудом, — не стал даже притворяться я. —
Повращавшись некоторое время в определенных кругах, могу со всей ответственностью
заявить — нет у вас друзей. Не конкретно у вас, а у вам подобных. Это непозволительная
роскошь.
— И тем не менее. — Петр Францевич снова нацепил очки на нос. — У меня — есть. И он
очень, очень плох. Александр, очень вас прошу — посмотрите его. Врачи, увы, бессильны,
вы его единственный шанс.
— На самом деле — очень литературно получается, — поморщился я. — Ощущение такое,
что читаю самиздатский роман где-то на «Авторов. нет». В книгах такие обороты к
месту, а в жизни... Я не волшебник, господин Вагнер. Если медицина бессильна, что вы
хотите от меня? А с учетом того, что вы во многом и есть она... Друг ведь не в
муниципальной больнице, поди, лежит, а в одном из ваших центров? А там лучшее
оборудование и лучшие врачи.
— Тут другое. — Вагнеру явно было дискомфортно. — Дело в том, что природа его
заболевания схожа с той болезнью, которая некоторое время назад поразила Яну. Не
симптоматикой, нет. Речь о первопричине.
Проще говоря, кто-то его приятеля хочет прикончить посредством проклятия или
колдовства. Ясно. А господин Вагнер, в свою очередь, вслух подобное произнести не
может, гордость не позволяет. Он, насколько я помню, всегда верил в науку, как и
положено человеку с академическим образованием.
— Так что прошу вас. — Петр Францевич, щелкнув замками, открыл свой портфель
крокодиловой кожи и достал оттуда плотный конверт. Очень плотный. Я таких еще не
получал. — Это аванс, причем безвозвратный. Если вы, посмотрев Руслана, скажете «нет»,
я приму ваше решение как должное. В том случае, если вы сможете ему помочь, сумма
гонорара вас приятно удивит. Даю вам слово. Возможно, это не к месту, но Руслан очень
богатый человек. И он очень любит жизнь.
Что же такое неизвестный мне Руслан сделал для господина Вагнера? Отчего тот так за
него печется? В слова о том, что это его друг, я все равно не верю, тут что-то другое.
Ловушка? Какая? Обвинить меня в занятиях медициной без патента? Чуть. Схомутать в
палате клиники и увезти за город, в темный и душный подвал? Вообще ересь.
Но второе дно есть, я это нутром чую.
Главный вопрос один — «да» или «нет»? Согласиться или отказаться? Какой из вариантов
для меня более выгоден?
Вообще, деньги не помешают. Ремонт дома в Лозовке тянет мои сбережения как пылесос.
Опять же — лето практически на носу, что до него осталось? Если я почую, что дело пахнет
керосином и потомок Кошеля скоро меня на ноль помножит, то придется рвать когти из
страны, отбросив в сторону лирику и лихие выкрики вроде: «Мы принимаем бой». А что?
Чем я хуже его? Он зимой отсиживается за границей, а я летом туда намылюсь. Месяца на
три свалю куда-нибудь на Крит или в Испанию — иди меня поищи. Ну не в перелесках же
Средней полосы мне куковать? Да, Лесной Хозяин с родительской дачи меня спрячет, если
надо, да так, что никто не найдет. Он обещал, и слово свое сдержит. Но что мне столько
времени в лесу делать? Пням молиться?
А для реализации такого плана денег надо сильно много.
Но лучше, разумеется, этого демона завалить. Не хочу я в бегах существовать, это не
жизнь, а ее подобие. Раньше я такой поворот событий, возможно, и принял бы как
данность. Теперь — не хочу.
И опять выходит, что предложение надо принимать. Кроме денег, от него много другой
разной пользы получить можно. Вагнер — это сеть клиник, это возможности доступа к
массе препаратов, это связи с фармакологами по всему миру. Кто знает, что мне может
понадобиться в ближайшем будущем? А если неугомонную Мезенцеву, которая вечно
лезет туда, куда не надо, зацепит и понадобится ее лечить? Не магией, а просто так, как
положено?
Что же до второго дна... Если Вагнер глуп настолько, что решил поиграть с огнем —
хорошо, пусть будет. Один раз я прикрыл глаза на его косяки, второй не стану.
— Интересно, интересно. — Я крутанул конверт на столе, а после, не беря его в руки,
заглянул внутрь.
Надо же. Даже не рубли. Две пачки бело-розовых купюр с нарисованными на них зданиями
в стиле «модерн». Как видно, совсем плохи дела у неизвестного мне Руслана, если он
авансом столько платить готов. Причем безвозвратным.
Любопытно, а сколько себе взял за услугу внимательно смотрящий на меня господин
Вагнер? Или там не о деньгах речь шла, а о чем-то посущественней?

— Счет идет на дни, — подал голос Петр Францевич. — Бедный Руслан. Он ведь несколько лет жил за границей, вел дела оттуда. Но бизнес есть бизнес, потребовалось его присутствие здесь, он приехал, и почти сразу случилось... То, что случилось.

— Беда. — Я побарабанил пальцами по столу. — Со временем у меня туго, вот ведь как. Нет-нет, я не набиваю себе цену, поверьте. Честно — просто нет времени. Давайте сделаем вот как. Если ваш друг дотянет до следующего понедельника, я его посмотрю, если нет — значит, так угодно судьбе.

Пока не побываю на ведьмачьем круге, никуда не поеду. Да еще этот колдун-недоучка... Не до страждущих мне сейчас, короче.

Было заметно, что Вагнеру не понравился мой ответ. Но он молчал, что подтверждало мое мнение о нем. Это очень, очень неглупый человек.

— И еще, — продолжил я. — Есть дополнительное условие. В том случае, если я помогу вашему другу, деньги составят только часть моего гонорара. Вторая половина будет выражаться в кое-каких услугах, которые мне окажете лично вы.

— Я? — снова стянул очки с носа Вагнер.

— Именно, — холодно ответил я. — Ведь именно вы просите меня об одолжении? Значит, вам и платить.

— Ну не знаю. — Петр Францевич начал нервничать, это было отлично заметно. — Просто не понимаю, что именно я могу для вас сделать...

— Ничего предосудительного или криминального, — чуть сменил тон я. — Не переживайте. Речь идет исключительно о вашей профессиональной деятельности. У меня тоже есть друзья, они время от времени болеют, а ваши клиники заслуженно признаны одними из лучших в стране. По ряду причин не все могут себе позволить лечиться у Вагнеров, мне бы хотелось исправить эту несправедливость хотя бы в пределах собственного окружения. Опять же — мне время от времени требуются кое-какие медицинские препараты. Вполне легальные, не наркотические, не стоит беспокоиться. Травы, корни, все в таком роде. У вас есть связи, они могут быть мне полезны.

— А, вот вы о чем, — уже спокойнее произнес Вагнер. — Разумеется, вы можете на меня рассчитывать.

— Пять раз, — показал я ему ладонь с растопыренными пальцами. — Пять раз я смогу обратиться к вам, и не услышу отказа.

— Если ваши просьбы будут в рамках закона — я согласен.

— Подумайте, — предложил ему я. — У меня с некоторого времени появился странный пунктик — я стал держать данное мной слово, и требовать того же от других. Если вы говорите «да», то мы поладили. Если «нет» — значит, нет. И еще — эта договоренность действует только в том случае, если я попробую что-то сделать для вашего друга. Если он умрет до того, как я примусь за его лечение — вы мне ничего не должны.

— Да, — выдохнул Вагнер. — Расписку написать?

— Зачем? — спросил у него я и взяв со стола конверт, убрал его во внутренний карман пиджака. — Слово было вами сказано и мной услышано, этого достаточно. И еще — визитку свою дайте. Ждите моего звонка в понедельник, с утра, я скажу вам, куда прислать за мной машину.

— Да-да. — Вагнер вынул из кармана блестящую визитницу, достал из нее бумажный прямоугольник, взял ручку и написал на пустой стороне номер. — Этот телефон только для ближнего круга, он включен всегда. Буду ждать.

— И еще, — вспомнил кое-что я. — Возможно, мне придется привлечь для решения проблемы сторонних специалистов. Их услуги должны быть оплачены отдельно. Это я про Викторину подумал. Из меня целитель пока так себе, а вот она — это да. Кто знает, может, девушка подзаработать захочет? Все мы люди, все мы человеки.

— Разумеется. — Петр Францевич даже руками всплеснул. — Не сомневайтесь.

— Ну и славно, — встал я с кресла. — На том и порешим. Да, как там Яна Феликсовна? Как беременность протекает?

Струхнул Вагнер, сразу видно. Научный подход, научный подход, а на лбу вон испарина выступила! Сглаза боишься, фармацевтический король. А я знал, что так будет, потому этот вопрос и задал.

— Все в порядке. Она в клинике, под присмотром.

— Это хорошо, — доброжелательно произнес я. — Дай бог, дай бог.

Выходя из «переговорок», я чуть не столкнулся с Волконским, который, похоже, пронюхал о том, что в банк заглянул ВИП-клиент.

— Кстати! — хлопнул я себя ладонью по лбу. — Петр Францевич, а вы к нам «обороты» свои перевели? Обещали ведь.

— Ну-у-у, — отвел глаза в сторону Вагнер. — Это дело не простое и не быстрое...

— А у нас условия хорошие! — заверил его я, недобро улыбнувшись. — Да, Дмитрий Борисович? Вот это новый председатель правления, и, полагаю, что он найдет аргументы для того, чтобы именно наш банк стал вашим выбором. Мне бы очень хотелось видеть вас в числе основных клиентов. Лично мне — очень.

Ну не знаю, получится что у Волконского или нет, а я что мог, то сделал. Полагаю, что будущее вряд ли будет связано с этим банком, но все же он долгое время для меня являлся домом родным. Так почему не сделать для него что-то хорошее?

Настроение, и до того неплохое, стало просто прекрасным. Ну да, возможно я позволил себе быть немного жестким с этим человеком, но и происходящие вокруг меня события тоже не сильно напоминают сахарную вату. Зато добился всего, чего хотел.

Только с Нифонтовым надо будет побеседовать при случае. Он хоть и жук, каких свет не видывал, но в случае чего на него положиться можно. Если путь в клинику Вагнеров для меня станет билетом в одну сторону, то лучше этого человека меня оттуда никто не вытащит.

Симбиоз, однако.

И вот тут я вспомнил, что до сих пор не позвонил ведьме, той, что стала живым компасом, указывающим в ту сторону, где находится колдун-кровопийца. А Николай просил меня это сделать еще утром, даже СМСки-напоминалки присылал.

Трубка была снята почти сразу.

— Стелла Аркадьевна? — осведомился я.

— Стелла Аркадьевна, — ответил мне приятный женский голос. — А это кто?

Сказал бы я «конь в пальто», да воспитание не позволяет.

— Александр Смолин, ведьмак.

— А-а-а-а, — голос из приятного превратился во вкрадчивый. — Так это из-за тебя мою подруженьку ненаглядную сердца лишили?

— Не-а, — даже не подумал смущаться я, и перешел на «ты». — Нечего ночью по паркам шляться. Москва — город контрастов. У нас тут и хипстеры есть, и гопники, и полупокеры, и маньяки. Вам двоим не повезло, нарвались на последнего. А меня не надо к этому делу привешивать. Ладно, наверное, надо встретиться, я так понял, что ты собираешься в охоте участие принять, верно? Хотя убей меня, не пойму — какой тебе это нужно?

— «Убей меня» — это пожелание? — уточнила ведьма. — Сегодня вторник, я в этот день исполняю желания того, кто пятым по счету позвонит на этот номер. Угадай, повезло тебе или нет?

— «Или нет», — даже не стал гадать я, и, окончательно плюнув на учтивость, предложил: — Давай, заканчивай словесно мусорить. Договор о ненападении никто не отменял, так что...

Стелла только бархатисто посмеялась над моими словами. Ну да, договоры созданы для того, чтобы их нарушать.

— Приезжай ко мне в салон, — наконец предложила она. — Часам к семи вечера, не раньше. Адрес на визитке.

— Буду, — пообещал я.

Еще как буду. Да с сюрпризом, в виде Нифонтова. Уверен, кого-кого, а оперативника из «15-К» эта стерва точно не ждет. И почему-то мне кажется, что его появление радости у нее не вызовет.

Причем Николай подтвердил мою догадку, после того как я подробно рассказал ему о беседе с ведьмой. Днем-то некогда было, СМСкой отдался, а вот вечером, по дороге на встречу, уже все в деталях изложил.

— Считай, расквитался с ней, — посмеявшись, сказал он. — Не любят они нашего брата, так что перекосит ее по полной.

— А она послать тебя куда подальше не сможет? Мол — ты нам не нужен.

— Да шиш ей, — ловко руля новеньким минивэном, фыркнул Нифонтов. — Я в своем праве. Преступник есть, жертвы есть, это наша зона ответственности. Скорее, я ее отправлю на хутор бабочек ловить, чем она меня.

— И очень хорошо, — обрадовался я. — Не доверяю я ведьмам. Очень они паскудные создания.

— Не совсем так, — покачал головой Николай. — Нет, отчасти ты прав, но только отчасти.

— Понимаю, — глубокомысленно изрек я.

— Да-да, знаю, что ты сейчас думаешь, — невозмутимо произнес оперативник. — Дескать, ты с ведьмой хороводишься, чего тебе их не защищать. Так ведь?

— Ну-у-у-у-у... — протянул я, давая понять, что так оно и есть на самом деле.

— А вот и нет, — усмехнулся Нифонтов. — Да, ведьмы не лучшие из созданий земных. Но и не худшие, поверь. Дело тут исключительно в том, с какой точки зрения на них смотреть

и какими мерками их дела мерить. Мы подходим к ним с нашим аршином, и в этом заключается самая большая ошибка.

— Поясни, — потребовал я.

— Легко. Вот возьмем, например, меня. Я служу закону, и мои коллеги тоже. Ты ведьмак, твои собратья ведьмаки, и вас объединяет круг. Вы все разные, но у вас есть нечто общее, крепящие узы. Волкодлаки живут семьей и охотятся стаей. Интересы стаи — превыше всего.

— А у ведьм есть ковены, — поняв, куда гнет оперативник, перебил его я.

— Верно, — согласился Николай. — Вот только интересов ковена не существует как таковых. Точнее — они появляются только тогда, когда беда грозит сразу всем ведьмам, в него входящим. А в остальное время каждая из них существует автономно, преследуя только собственные интересы. Саш, любая ведьма — вещь в себе. Она существует только для себя самой, и ее волнует только то, что связано с ней. Все остальное — вторично.

— Идеальный эгоизм, — буркнул я.

— Почти прав, — подтвердил Николай. — Только не эгоизм. Эгоцентризм. Само собой, что идеальный эгоцентризм не может вызывать у окружающих теплые чувства, поскольку его поступки почти всегда идут вразрез с общепринятой моралью. Согласись, как минимум через два раза на третий мы с тобой ущемляем свои интересы в пользу общественных, и потому злодеями нас никто не считает. А ведьмы не делают подобного никогда. Для них существуют только они сами — и больше никто. Можно ли считать подобный подход к вопросу злом? Отчасти — да, поскольку в какой-то момент их интересы могут вступить в конфликт с законом и обществом. Но только отчасти. В остальном они зло не более, чем мы с тобой.

— Спорное утверждение, — почесал я затылок. — Но с этой стороны я их и не рассматривал.

— Я до какого-то момента тоже. — Нифонтов прибавил газа. — Пока несколько лет назад не влип в одну переделку, связанную как раз с этими гражданками. Кстати, дело было недалеко от твоей Лозовки. Я тогда много чего о них понял. А тебе скажу так — если имеешь дело с ведьмой, не пытайся предугадать ее действия, сразу прикидывай другое — какой у нее в данной ситуации может быть интерес. Если поймешь — считай, знаешь, чего от ведьмы ждать и в какой момент.

А ведь Слава мне почти то же самое говорил. Мол — до боя подлянки не жди, а после спину береги.

— У нас еще будет время поговорить на эту тему — глянул на меня Нифонтов — Сдается мне, что тебе еще не раз и не два придется иметь с ними дело, так что надо тебя к этому подготовить. А пока запомни главное — ведьмы хорошо помнят две вещи — обиды, им нанесенные, и чужие обещания. Свои не помнят, а чужие — ого-го как! Этого пока достаточно. О, по ходу, приехали.

И навигатор приятным женским голосом немедленно подтвердил его слова.

Мне очень хотелось спросить, как это он тогда с подружкой своей умудряется ладить, но не стал. Не мое это дело.

А устроилась ведьма Стелла неплохо. Салон был впечатляющий, занимавший изрядного размера пространство на первом этаже жилого дома. Тут тебе и парикмахерская, и маникюр с педикюром, и куча всего другого. Одних мастеров человек пятнадцать — и все заняты делом.

И выглядела она соответствующе — ухоженная женщина с яркой, броской внешностью, в белом дорогом брючном костюме, который изумительно ей шел.

— Так вот ты какой, Александр Смолин, — склонив голову к плечу, проворковала она, осматривая меня с головы до ног. — Молоденький и хорошенький. Но вот что меня интересует, ведьмак, — ты кого с собой притащил? Я тебя одного ждала.

— А то ты не знаешь, кто я такой? — фыркнул Нифонтов. — Вот уж не поверю.

— Как не знать. — Стелла улыбнулась, причем в этот момент под ярким освещением салона в ее рту блеснул вставной бриллиантовый зуб. Слышал я про такую фишку, дорогое удовольствие. — Никак подстричься решили, господин сыскарь? Так нет проблем, лучшего мастера попрошу вам красоту навести.

— Не-а. — Нифонтов был спокоен как дохлый лев. — Просто следует принять как данность тот факт, что я участвую в этом деле. Это моя юрисдикция. Так что, Стелла Аркадьевна, у нас получается сводный оркестр. И мне хочется верить в то, что мы будем играть не кто во что горазд, а слаженно и дружно. Вопросы есть?

— Голова этого ублюдка моя, — деловито заявила ведьма. — Данный момент не обсуждается.

— Принято, — подтвердил оперативник. — Но после того, как дело будет закончено, к ведьмаку никаких вопросов более быть не должно.

— Хорошо, — легко согласилась ведьма.

— Цеце-це, — помахал у ее носа пальцем Нифонтов. — Так не пойдет. Давай-ка по процедуре. «Клянусь Луной, что ни я, ни мои сестры...». Ну и так далее.

Короче, я в разговоре толком участия не принимал, они прекрасно обходились без меня, плетя кружева намеков и недомолвок. Хотя, возможно, оно и к лучшему. Мое дело солдатское. А еще лучше, если все мероприятие без меня пройдет.

— Ну что, поехали? — в конце концов предложил Нифонтов. — Чего тянуть? Только переоденься, вряд ли этот красавец в «Хилтоне» нас ждет.

— Я не знаю, где он, — вздохнув, развела руки в стороны ведьма. — Не чую его. Как растворился в городе.

— О как, — выпятил нижнюю губу Нифонтов. — Ну такое случается. И что теперь?

— Как учую — позвоню, — снова блеснула зубом ведьма, и ее пальчик с ярко-красным ногтем уперся мне в грудь. — Вот ему. Так что будь готов, ведьмак.

— Всегда готов, — хмуро буркнул я.

— На том и договоримся, — подытожил Нифонтов.

— Так может — стрижку? — гостеприимно предложила Стелла. — Мои мастера одни из лучших в столице, запись на неделю вперед. Причем бесплатно обслужат, мы же теперь партнеры.

— Спасибо, но я пас — отказался Нифонтов. — Саш?

— Поддержу, — шаркнул ножкой я. — Не хочу изменять своему парикмахеру. Обидится еще...

— Вольному воля. — Стелла сложила губы «сердечком». — До созвона, мальчики!

Мы вышли на улицу, и первое, что я произнес, было короткое слово:

— Врет.

— По любому, — даже не стал спорить Нифонтов. — В глаза. Но сделать мы ничего не в состоянии, потому что доказать обратное невозможно. Другое интересно — она заранее для себя приняла такое решение, или после того как меня увидела?

— Без понятия, — отозвался я. — И какой в этом вранье смысл, тоже не понимаю.

— Он наверняка есть, — заявил Николай. — Даже не сомневайся. Какой — непонятно, но имеется. Ладно, давай я тебя домой отвезу. Теперь все зависит не от нас, а от госпожи Воронежской, так что сидим на попе ровно и ждем.

Скажу честно — ждать пришлось несколько дней, я даже нервничать начал. Время шло, все ближе и ближе была суббота, на которую назначен большой ведьмачий сбор. Мне и Славы позвонили, напомнили про это событие.

А Стелла молчала. Я даже заподозрил, что эта ведьма по вредности своего нутра решила меня специально лишить возможности побывать на круге. Наверняка ведь она в курсе того, когда проводится данное мероприятие?

Потому, когда в пятницу вечером на экране смартфона высветился ее номер, я с облегчением вздохнул. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

— Сейчас сброшу тебе адрес, — коротко сообщила мне она. — Через час жду там, у центрального входа. И не позже.

Посмотрев на адрес, я присвистнул. Мне было знакомо это место, оно находилось не так уж и далеко от моего дома. Сначала, отталкиваясь от словосочетания «центральный вход», я подумал, что речь идет о торговом центре или чем-то таком. А вот и нет! Местом встречи оказалась площадка с «долгостроем», где лет, наверное, семь стояли столбами три не доведенных до ума дома. В народе их ласково называли «невезунчики». Оно и понятно — одна за другой три компании-застройщика сменились, причем каждая из них раньше или позже банкротилась, не успев сдать комиссии хоть одно из зданий. Бедолаги-дольщики — и те перестали буянить, смирившись с происходящим.

Само собой, я не опоздал. И Нифонтов, слава богу, тоже. Причем он приехал не один, следом за ним из машины выпрыгнула Мезенцева. Собственно, мы с ним добрались до места встречи практически одновременно.

— Нас все больше, — заметила Стелла, сидящая на капоте черного пафосного «бугатти». Причем рядом с ней отиралась еще одна ведьма, немолодая и некрасивая. — Мы про эту девицу не договаривались.

— Так и ты не одна, выходит — квиты, — резонно заметил Нифонтов. — И потом — вместе веселее.

А я с ним согласен. Впятером одного не запинать — это надо постараться, будь он хоть трижды колдун. Да и после этого расклад на нашей стороне будет — три против двоих.

— Да? — притворно изумилась ведьма. — Не знала. Ну ладно, пойдём, повеселимся.

И она первой нырнула в темноту строительной площадки, воспользовавшись проломом в заборе, тем, что находился прямо рядом с закрытыми на висячий замок воротами. Ее спутница последовала за ней.

Глава двадцатая

Вот разве так можно? А поговорить? А обсудить где, что и как? Фига с два. Мы еле поспевали за ведьмами, теньями, скользящими в ночи.

Женьку, похоже, терзали аналогичные мысли, поскольку она тихонько материлась сквозь зубы, поминая близких и родных Стеллы, то и дело спотыкаясь об камни и куски гнутой арматуры. Мне-то хорошо, я в темноте вижу отменно, а вот Мезенцева — нет.

— Он на шестом этаже, — сообщила нам, наконец остановившись у одного из домов Стелла и ткнула пальцем вверх. — Ну, ведьмак, тебе идти первому. Это твоя охота.

— А вы постойте и посмотрите? — ласково улыбнувшись, уточнила у нее Женька. — Отличная позиция.

— И очень выгодная, — согласилась ведьма. — Так и есть. Или ты думала, что мы в самом деле все вместе? Нет. Вы это вы, мы это мы. Этой ночью у каждого из нас имеется своя цель и свой интерес. Герои у нас кто? Вы. Вот и в добрый путь. А мы вас со спины прикроем.

Ведь даже ничего не возразишь. Нет, у меня еще оставался вариант с гордым разворотом на месте и уходом домой, это право у меня не отнять, но тогда о ведьмачьем круге и завтрашней церемонии можно забыть. Насколько я понял из рассказов ребят, патриархи люди упертые, как и положено старикам, а значит, решение свое не переменяют.

В коллектив мне влиться хотелось, потому я шагнул в черный зев подъезда и начал тихо-тихо подниматься по лестнице.

Не знаю, ждал нас «пиявец», или просто углядел со своего шестого этажа, но встретились мы с ним раньше, чем предполагали. И совсем не так, как ожидала Стелла.

Он свалился на нас как снег на голову, когда мы преодолевали очередной пролет в районе третьего этажа.

Удар руки, которую вернее будет назвать когтистой лапой — и Женька с воплем летит вниз по лестнице. Звук удара о стену — и тишина.

Второй взмах лапы — и грудная клетка безымянной спутницы Стеллы раскрывается как книга, обдав Нифонтова, стоящего неподалеку от нее, фонтаном крови.

И все это за пару секунд, я даже понять ничего не успеваю.

«Пиявец» тем временем вырвал сердце ведьмы и шустро зачихнул его в свой безгубый, невероятно большой рот.

Это он сделал зря, поскольку Нифонтов тут же начал действовать. Правда, не очень результативно, но все же.

Нож оперативника, тускло блеснув во мраке лестничного пролета, почти достиг бока колдуна, тот ловко увернулся от удара и в два прыжка скрылся в коридоре, ведущем вглубь этажа.

Женька. Она там, внизу, может, ей помощь нужна?

Как видно, Нифонтов уловил ход моих мыслей, поскольку бросил на ходу:

— Все потом, сейчас не это главное.

И я поспешил за ним, поняв, что он прав. Если Женя жива, то ей ничего не угрожает, поскольку эта тварь до нее не доберется, ей мимо нас не пройти. А если нет... То ей все равно.

За спиной я услышал невесомые шаги — ведьма тоже решила присоединиться к нам. То ли не хотела одна оставаться в темноте лестницы, то ли рассудила, что втроем у нас шансов выжить больше, чем поодиночке.

Странно, что вообще не сбежала.

Самое интересное — «пиявец» даже не подумал от нас прятаться или устраивать засаду в изгибах коридоров. Мы отыскиали его в одной из квартир, в огромной комнате с окнами-эркерами. Он стоял напротив одного из них, и огромная полная луна освещала его фигуру, придавая происходящему некий оттенок нуара.

— Почему нет? — спросил невесть у кого Нифонтов, и в его руке словно по мановению волшебной палочки появился пистолет, который три раза сухо кашлянул, выплевывая пули. Забавно, до того он никогда огнестрельным оружием на моих глазах не пользовался.

Ни один выстрел не попал в цель. Ни один! Колдун двигался невероятно быстро, он в стиле Морфеуса лихо увернулся от пуль, выписывая кренделя на пыльном полу новостройки.

И, совершив последний прыжок, буквально наделся на нож оперативника, который, оказывается, умел перемещаться в пространстве не хуже «пиявца».

Не знаю, как там чего дальше у нас с Нифонтовым сложится в плане общения, но зауважал я его в этот момент сильнее, чем раньше. Хотя бы за то, что он знал, что ему делать, в

отличие от меня. Никогда я еще так остро не испытывал ощущения собственной бесполезности. Угнаться за этой тварью я никак не смогу, а потому стою как засватанный. «Пиявец» взвыл, оскалив зубы, одним коротким рывком снял себя с ножа, а после обеими лапами ударил Нифонтова в грудь, словно реаниматор умирающего пациента электрошоком. Причем это не метафора, я увидел, как между длиннопальными ладонями убийцы и грудью оперативника мелькнуло нечто вроде молний.

Николая шваркнуло о стену, да так, что та дрогнула, и он мешком сполз на пол.

— Уже почти все, — сообщил мне «пиявец», а после показал длинный и раздвоенный на конце язык. Мало того — он зацепил когтистыми пальцами пару капель темной жидкости, лениво стекавших на пол из разреза, оставленного ножом Нифонтова, и слизал их.

Это кто угодно, только не человек. Как он сказал — «уже почти все»? Он из меня десерт решил сделать? Я не хочу так умирать, не желаю, чтобы меня разделявали, как свинью на бойне. Лучше вон в окно сигануть.

И такая меня злоба взяла в этот момент, так у меня мозги переклинило, что я, аки горный баран, скакнул к кровопийце, который уже алчно тарашился на истощно воющую Стеллу. «Пиявец» подобной прыти от меня явно не ожидал, и именно это позволило мне вогнать вспыхнувший факелом серебряный нож ему под ребра. Я, естественно, прихватил его с собой. У меня, собственно, никакого другого серьезного оружия, кроме пары ножей, и нет. Хотя — еще я одну руку обильно мазью покрыл. Обе не стал, чтобы рукоять ножа не скользила, а одну намазал. Но это так, до кучи. Я как ни старался в Лозовке, как ни нагнетал себя — ничего не помогло ее запалить. Даже образ бывшей тещи — и тот не выручил.

Колдун зарычал, ничего человеческого в этом звуке не было. Зверь, дикий зверь.

Стелла тоже времени не теряла, она подбежала к нам и было хотела хлестнуть «пиявца» короткой плетью с семью концами, светящимися в темноте, но не успела.

Извернувшись и тем самым избежав удара плетью, наш противник сначала оттолкнул меня, после вырвал не нанеся ему практически никакого урона нож из своего тела и отбросил его в угол, а под конец, махнув рукой, выкрикнул какую-то тарабарщину. Как видно, это было нечто вроде заклинания, потому что Воронецкую сначала подбросило вверх, под самый потолок, а после она отправилась напрямик в окно, лишенное стекол и рам. Союзников у меня не осталось, похоже, они все были мертвы. И я, похоже, сейчас последую за ними.

Причем это понимал не только я, но и он, мой враг. Безгубый рот раздвинулся до ушей, причем в буквальном смысле, раздвоенный язык снова заплясал среди зубов, здорово похожих на толстые иголки, которые в народе называют «цыганскими». Он не спешил. Он получал удовольствие. Он собирался убивать меня долго, очень долго. Как там было у кого-то из древних и великих? «Плотью живой, он в могилу живую уходит». Вот, это про меня. Хотя — какой этот упырь живой?

А я так не хочу! Не хочу! Жить — хочу. Видеть тех, кто мне дорог — хочу. Дышать, радоваться теплу дня и призрачному свету ночи — тоже хочу. А умирать только потому, что какая-то сволочь кровососущая просто-напросто решила меня уничтожить — не желаю. «Пиявец» все же не вытерпел, инстинкты взяли свое, он кинулся на меня, а я в тот же самый миг решил использовать свой последний козырь, что у меня имелся, и швырнул ему в лицо горсть кладбищенской земли, той, что мне дал Костяной Царь при нашей последней встрече.

Ох, как он заорал! Кусочки земли, похоже, подействовали на него подобно кислоте, этот гад даже на секунду потерял ориентацию в пространстве, поднеся руки к лицу. И это шанс я использовал для того, чтобы подскочить поближе и вогнать свой ведьмачий нож ему в шею.

Отрезать «пиявцу» голову, как советовал умрун, у меня, понятное дело, не получится, но и умирать ровно баран на бойне, безропотно и бессловесно, я тоже не желал.

И вот тут полыхнула моя рука — ослепительно ярко, так, что я чуть не заорал в голос от эдакой неожиданности. Но — не заорал, нет. Не до того мне было.

Мы сшиблись с колдуном грудь в грудь посреди комнаты, я ощутил, как его когти вспороли одежду и кожу под ней, но мне было уже все равно. Я буквально вбил свой горящий алым пламенем кулак в его рот, царапая пальцы о клыки, и, чтобы этот гад не дергался, отбросив в сторону нож, второй рукой ухватил его за плечо и притянул к себе. Пиявец сипел, хрипел, пытался что-то выкрикнуть, но мой кулак, извергающий огонь, не давал ему это сделать. Казалось, пламя льется ему прямо в глотку, и он словно пьет его, сгорая изнутри.

Противник ударил меня в правый бок — раз, и еще раз, острые как бритва когти погрузились в мою плоть, но я даже боли не почувствовал, настолько сильно мне хотелось

убить эту тварь. Наверное, именно такое состояние и называют «боевым безумием». По крайней мере я сам себя вменяемым сейчас не назвал бы.

И глаза. Его глаза, желтые, как у кошки, с вертикальными зрачками, они сверлили меня ненавидящим взглядом до той поры, пока их не заполнила алая пелена.

— Морана, эта жертва тебе, — прохрипел я, подчиняясь внутреннему наитию. — Его душа — твоя.

Хотя — какая там душа? Не факт, что это существо и раньше-то можно было человеком назвать, а уж теперь...

Не знаю, произнесенные ли мной слова сработали, или просто кипение внутри колдуна дошло до критической точки, но сразу после этого мой враг дернулся, словно его прошиб электрический ток, что-то утробно промычал, а после меня отбросило от него в сторону, словно некий незримый воздушный кулак как следует дал мне в грудь.

«Пиявец» же постоял еще мгновение, и, исходя вонючим дымом, грянулся на пол с деревянным стуком.

А еще через секунду в комнате снова стало темно, только лунный свет лился через окна.

Нож. Где мой нож? Я попытался вспомнить, куда именно его отбросил в тот момент, когда мы сшиблись, но не смог. Разглядеть же чего-либо мне сейчас было затруднительно, после яркого огня глаза никак не могли приспособиться к темноте.

Полусогнувшись, пятная пол кровью, сочившейся из подранного бока, я подошел к «пиявцу», а после, преодолевая отвращение и, чего уж там скрывать, страх, склонился над ним.

Мертв. Точно мертв. Никакая колдовская жизнь не может удержаться в теле, у которого выжжены глаза и от которого так мерзко смердит горелой плотью.

Вот тут меня и накрыло. Если точнее — вырвало. И от запаха этого, и от пережитого безумия, и от осознания того, что только что я убил... Нет не человека, разумеется, но...

Убил же?

Желудок скручивали спазмы, горло саднило, я уперся рукой в стену, чтобы не упасть. Мне было очень, очень хреново. Не морально — физически.

Хотя и морально тоже. Пес с ним, с «пиявцем», такую паскудину хоть десять раз прикончи — и все мало будет по делам его. Но — Николай, Женька, даже черт с ней, Стелла. Все мертвы. И что мне теперь делать? Ровнину звонить?

Даже если абстрагироваться от того, что мне жалко погибших, то все равно выходит очень неприятная история. Столько трупов в одном месте и везде мои следы. Черт, это пожизненное!

— Убил? — неимоверно удивленный голос Стеллы вырвал меня из плена невеселых мыслей. — Вот не ожидала! Ведьмак, ты полон сюрпризов.

Ведьма сидела на подоконнике и с изумлением смотрела на меня. Выглядела она не ахти, была все перепачкана в цементной пыли, с набухающим синяком на скуле и жутко растрепанная.

— Случаются на свете чудеса, — прохрипел я и сплюнул.

Одним покойником меньше. Уже хорошо.

— Первый раз, да? — подмигнула мне Стелла. — До сегодняшней ночи не убивал никогда? Правда это приятно?

Она спрыгнула с подоконника, подошла к телу колдуна и потыкала острым носочком сапожка в его голову. Изо рта мертвеца вылетел небольшой фонтанчик пепла.

И тут меня повторно вывернуло. То ли от этого зрелища, то ли еще от чего.

— Башка этого уroda моя по праву, — деловито напомнила мне ведьма. — Таков договор!

— Да бери, — вытер я рукавом рот. — Не претендую на этот трофей.

— Попробовал бы только, — сморщила носик Стелла. — Фу, как он воняет.

Она склонилась над мертвым колдуном, двумя очень умелыми движениями отделила его голову от туловища, а после ловко засунула ее в черный мешок с длинными завязками, который извлекла из напоясной сумки.

— Вот и ладушки, — Стелла перекинула завязки мешка через левое плечо. — Вот и славно. Ой, смотри-ка, а этот красавец жив, оказывается.

И верно — ноги Нифонтова дернулись, словно в конвульсии.

Уф, от сердца отлегло. Я по-прежнему не мог себе представить, как скажу Олегу Георгиевичу о смерти Николая и Женьки.

Да, Женька. Как я мог о ней забыть? Надо же к ней бежать срочно! Правда бок саднит все сильнее...

— Как интересно, — Стелла склонила голову к плечу и сделала несколько мелких шажков, смещаясь к оперативнику. — Живуч до чего. Такой удар даже меня мог бы на тот свет отправить.

Она умело крутанула в руке нож, и лунный свет отразился от его лезвия.

А еще в этом свете я отлично разглядел выражение ее лица. Мне даже спрашивать ничего не надо было, все было ясно без слов.

— Отошла от него. — Я наконец подобрал свой нож с пола. — Пока прошу по-хорошему.

— Ведьмак, только не говори, что он твой друг. — Лезвие показало на Николая. — Не могут волк и теленок дружить, это сказки для детей младшего школьного возраста. Они — это они. Мы — это мы. И если надо будет для дела, они перебьют нас не задумываясь.

— Возможно, — признал я. — Не от тебя первой это слышу. Но здесь и сейчас ты его не тронешь.

— Очень многие из тех, что живут под Луной, когда узнают о данном разговоре, останутся недовольны подобным решением, — вкрадчиво произнесла Стелла. — А они узнают, смею заверить.

— Лишняя болтовня никогда никого до хорошего не доводила, — приложил я руку к боку. — Так что давай уже что-то делать. У тебя на выбор три варианта. Первый — ты продолжаешь упорствовать, и все кончается безобразной сценой, в которой ты захлебываешься своей кровью из перерезанного горла. Второй — ты поддерживаешь свой имидж деловой и, самое главное, разумной женщины, и мы расстаемся полюбовно.

— А третий? — светло улыбнулась ведьма.

— Можем переспать прямо здесь и сейчас, — предложил я. — Есть в этом нечто нездоровое, но зато какие воспоминания об этой ночи останутся!

— Прозвучит забавно, но третье предложение весьма любопытно, — призадумалась ведьма. — Знаешь, а я...

— Как Мезенцева? — глухо спросил Нифонтов, не открывая глаз. — Жива?

— Жива, — послышался Женькин голос из коридора. — Смолин, ты гребаный извращенец!

— Не получится, — как мне показалось, искренне опечалилась Стелла. — Но ничего, какие наши годы! До встречи, ведьмак.

Ведьма подбежала к окну, и выпрыгнула в него «рыбкой». Какой-то «ангел Чарли» просто!

— Она забрала его голову? — Нифонтов наконец посмотрел на меня.

— А то. — Я рукавом вытер кровь, стекающую у него по лицу из уголка рта. —

Открыла сразу же после того, как я этого злодея грохнул.

— Плохо, — поморщился оперативник. — Не хотел я ее таким подарком баловать.

— А договор? — уточнил я.

Ответа я не получил, из чего сделал вывод, что эти двое — Стелла и Нифонтов — друг друга стоят. Это не мне надо с ней спать, а ему. Ух, какие хитроумные детишки могли бы пойти от союза этих двоих!

Женька выглядела не лучше, чем мы с Николаем, она тоже была изгваздана в пыли, куртка ее обзавелась несколькими прорехами, а на лице имелись изрядных размеров кровоподтеки. Но самое главное — мы остались живы. И, слава богу, Николай отделался только ушибами. Я, грешным делом, поначалу боялся, что он позвоночник повредил.

— Знал, что ты справишься. — Нифонтов, охнув, уселся поудобнее. — Ох, как все болит!

— Еще бы, — поддакнул я, прикладывая платок к боку, который не переставал кровоточить. — Вон даже Стелла признала, что таким ударом о стену кого хочешь убить можно!

— Ведьма есть ведьма, — буркнула Мезенцева, подходя к телу «пиявца». — Ее приятельницу на лестнице препарировали, а она даже не потрудилась тело забрать, придется нам самим его утилизировать.

— Позвони, скажи, чтобы приехали и прибрались, — попросил ее Николай. — Тела забрали, кровь затерли. Сюда, понятно, никто не заглядывает, но мало ли?

Кстати — кровь. Надо хоть маленько ее затоптать. А ну как Стелла вернется? Не думаю, что она рискнет ее использовать против меня, но осторожность не помешает.

— Фу, ну и вонь! — Женька достала из кармана телефон. — Смолин, ты чего, его зажарил?

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил я, выглядывая темные пятна на полу. —

Слушайте, поехали ко мне, а? Ну или просто до дома меня подбросьте. Я с собой ни одного зелья не взял, дятел такой, а кровь вон не останавливается!

— Я против, — взвилась Женька. — Коль, давай ему такси вызовем. Ну он же весь салон перепачкает! Машина новая ведь совсем!

Нам с Николаем только и оставалось, что промолчать. А что тут скажешь?

Знаете, что еще обидно? Я настолько был уверен в том, что впятером мы этого паршивца легко уделаем, что планировал этой ночью наведаться на кладбище, за обещанным «зверобоем». Теперь все, теперь какая поездка? Если тамошние обитатели учуют кровь, то мало мне не покажется. И кто знает, как к этому отнесется Хозяин Кладбища? От него всего чего хочешь ожидать можно.

Так что облом. И завтра я туда не попаду, только ночь с воскресенья на понедельник и останется. А потом еще в клинику Вагнеров ехать...

Да, надо бы Николаю про эту сделку рассказать. Но, наверное, не сегодня. Просто сейчас не лучший момент для беседы о делах.

Хотя кое с кем как раз самое время пообщаться как раз на подобную тематику. А чего тянуть? Потом ведь забуду.

И как только мы, охая, загрузились в минивэн, я первым делом достал смартфон.

— Ольга Михайловна, я выполнил свою часть договора, — без каких-либо прелюдий сообщил я новость Ряжской, как только та ответила на мой звонок. — Тот, кто устроил вашему мужу веселую жизнь, больше его не побеспокоит. Что до заказчика — с ним разбирайтесь сами. Вы господина Соломина знаете лучше, чем я.

— Так и думала! — прошипела женщина. — Все-таки он. А исполнитель, значит...

— Он более не опасен, — повторил я. — И помните о том, что вы мне обещали.

— Само собой, — быстро протараторила Ряжская. — Но в понедельник нам обязательно надо будет пообщаться!

— Не надо, — возразил ей я. — Не о чем. Да и другие дела у меня в понедельник. Всего доброго.

Если не возьмется за ум, придется ее поучить. Например, испытать на ней действие «зверобоя» с могилы отцеубийцы. А почему нет? Заодно посмотрю, как он работает. Ну не на себе же испытывать, правда?

А все почему? Потому что слово держать надо, таков Покон. И мне пофигу, что Ряжская к миру Ночи отношения не имеет, это ее проблемы.

— Приехали. — Мезенцева остановилась у моего подъезда. — Ох, башка кружится!

— Это хорошо еще, что ты только ей о стену приложилась, — тяжело дыша, произнес Нифонтов. — Голова не задница, завяжи да лежи.

Сам он выглядел не ахти, и при каждом вздохе в груди у него что-то булькало.

— Пошли ко мне, — велел я оперативникам. — Лечиться станем.

— Да ладно, — было отказался Николай. — Мы сейчас в больничку заскочим, нас там посмотрят. Если до сих пор живы, уже не умрем. Да и Женьке надо бы рентген сделать.

— Пошли, говорю. — Я открыл дверь. — Рентген не убежит.

Родька, увидев то, в каком виде мы заявили в дом, против моих ожиданий, и не подумал охать и причитать. Он даже ворчать по поводу того, что Мезенцева снова появилась на пороге квартиры, не стал. Зато включил чайник, притащил сумку со снадобьями и молча встал рядом со мной, ожидая указаний.

Первым делом я достал несколько эликсиров, которые вручил оперативникам. Не знаю, какие уж у них там повреждения внутри, я не медик, но в одном я уверен — от этого зелья хуже не станет. Добротная штука, оздоравливающая. Времени на варку уходит много, но зато и работает она как часы. Что-то по-настоящему неприятное и серьезное этот эликсир не вылечит, но хвори умеренные, вроде сотрясения мозга или, к примеру, геморроя — запросто. Ну или ослабит их вредное воздействие на организм. А еще это первое средство против воспалительных процессов, что лично для меня сейчас приоритетно. Хрен его знает, что на когтях у «пиявца» имелось? Вон бок как тянет. Может, он мне туда заразу занес, причем такую, что ни одно ведьмачье здоровье против нее не сдюжит.

— Да пейте уже, — велел я гостям, которые хоть и вынули из пузырьков пробки, употребляя их содержимое не спешили. — Накой мне вас травить?

И показал им пример, влив в себя порцию зелья.

— Работает, — минут через пять сообщил Нифонтов, прислушавшись к себе. — Вдыхать-выдыхать могу, и в груди ничего при этом не свистит. Хорошая штука. Недаром Виктория о тебе так хорошо отзывается как о зельеварце.

— Правда? — мне отчего-то стало приятно услышать такие слова. — Ай, аккуратней!

— Извини, хозяин, — засопел виновато Родька, обтиравший мне бок куском бинта, смоченным в перекиси водорода. — Я не нарочно!

— Но вообще прокололись мы, — сообщил вдруг нам Николай. — Это ведь не обычный колдун-любитель был. Саш, ты рожу его видел? Он переродился. Обычные со временем, когда их чужая кровь иссушит, больше скелет напоминают, и так от пуль уворачиваться не смогут. И сердца людские не жрут. Кровь — да, пьют, но плоть... Короче — тут что-то другое, не просто заемная сила, которую дали обычному дурачку в обмен на душу.

— А что тогда? — в один голос спросили мы с Женькой.

— Есть у меня предположение. — Николай глянул на мой бок, а после залез в карман, достал телефон и сделал пару фото. — Но сначала я хочу все обсудить с Ровниным. Без обид. Да, Саш, где у тебя визитка этой красотки-ведьмы? Хочу я с ней парой слов перекинуться, объяснить кое-что.

«Кое-чем» оказалось недвусмысленное предупреждение о том, что если вдруг полученная ей голова колдуна всплывет где-то на черном рынке или, не дай бог, на месте преступления,

то кое-кому мало не покажется. Не знаю, что ему отвечала Стелла, но по лицу оперативника было понятно, что своей цели он достиг.

Часа через два, когда небо уже начало светлеть, эти двое покинули мой дом, прихватив еще по пузырьку эликсира.

Женька отправилась вниз, Николай же на минуту задержался около меня.

— Ведьма хотела меня прирезать? — коротко спросил он. — Ведь так?

— Так, — не стал скрывать я.

— И почему ты ей решил помешать? — осведомился оперативник. — Вреда тебе от меня больше, чем пользы. Нет меня — нет проблем. И руки чистые, на пару с совестью.

— Кабы я сам знал, — устало произнес я. — Видимо, я просто вселенски глуп.

— Ну-ну.

Нифонтов слегка стукнул меня кулаком в плечо, а после нажал кнопку вызова лифта. И все, больше ни слова, ни жеста.

Да и шут с ним. Сделал — и сделал, чего теперь думать про то, что не изменишь?

Я проспал почти весь день и проснулся от тягучей трели дверного звонка. Ну и еще от того, что меня Родька теребил.

— Хозяин, — верещал он. — Хозя-я-ин! Просыпайся! Это за тобой приехали, я уже сбегал, поглядел!

— За мной? — с трудом оторвал голову от подушки. — Кто? Полиция или ФСБ?

— Браты! — выгарашил глаза слуга. — Те, что к нам в Лозовку приезжали! Надо открыть, не дело своих на пороге держать! Не по Покону это!

Куда ни плюнь — все не по нему. А сколько вообще времени?

— Ты чего, дрыхнешь? — возмутился Слава Два, как только я открыл дверь. — Друже, дело к вечеру. И что у тебя с телефоном? Звоним, звоним — все впустую.

— Даже начали думать, что ты того... — Слава Раз отвел глаза в сторону. — Ну... Короче, что не получилось у тебя поручение старшаков выполнить. В драке ведь побеждает кто-то один, и не всегда тот, на кого ставишь.

— Спасибо, друзья, — подтянул я трусы и почесал бок, на котором от ран, оставленных когтями «пиявца», почти следа не осталось. — За веру в меня и все остальное. Пошли на кухню, кофе выпьем.

— Ехать надо, — покачал головой Слава Два. — Собирайся. По дороге заскочим в какую-нибудь кофейню, из тех, что на «вынос» работают. Их сейчас как грязи развелось.

Еще один сюрприз ждал меня в машине. И звали его Олег.

Я как-то уже привык к тому, что он всегда весел и уверен в себе, потому меня неприятно царапнуло его смущение, и даже некоторая виноватость.

Причина их была понятна, но чего после драки кулаками махать? Как вышло, так и вышло. Тем более что если докапываться до первопричины, то ей все равно являюсь я. Жанну к Соломину ведь не Олег направил, верно?

Нет, он тоже, разумеется, хорош, но вот только — кто из нас идеален?

— Старик, я не думал, что выйдет именно так, — пробубнил Олег. — Кто ж знал, что этот урод ведьм резать станет?

— Все нормально. — Я плюхнулся на сиденье рядом с ним. — Был урод, и сплыл. Не парься.

— А Соломина я достану, — заверил меня Муромцев. — Пусть он только в Россию вернется, тут ему и каюк. Я его в чашке с чаем утоплю.

— Лучше не надо, — попросил его я. — Неровен час, еще в какую историю влипнем. Ты его вообще не трогай, хорошо? Поверь, об этом товарище есть кому позаботиться.

— Слил его, — понимающе ухмыльнулся Олег. — Тогда да, я устраниюсь. У меня фантазия не такая мощная, как у этой публики. По части злопамятности и мстительности любому из нас до «коммерцев» далеко!

Славы, сидящие впереди, дружно засмеялись.

Ехали мы долго, несмотря даже на то, что «пробок» на загородном шоссе не было. В какой-то момент мы свернули с трассы на проселок, проехали мимо нескольких дачных поселков, через поле, и в конце концов оказались на совсем уж узкой лесной дороге, петлявшей, как следы зайца.

— Почти приехали, — обнадежил меня Олег. — Скоро тарантайку бросим и пешком пойдем.

— Пешком? — уточнил я.

— Есть еще на планете такие места, куда на транспорте не доберешься, — пояснил Слава Два. — И они находятся не только в джунглях Амазонки.

Олег не соврал — минут через десять мы оказались на небольшой полянке, где уже стояли десятка два машин. Странная, признаться, картина — вокруг лес, темнота, елки, палки, — и

вот такая импровизированная парковка. Попади сюда случайный человек — он очень, очень удивится. И наверняка заподозрит что-то нехорошее.

Вот только сдается мне, что именно сюда случайного человека не занесет. Не найдет он в это место дороги.

— Уффф! — Олег выбрался из машины и с удовольствием потянулся. — После Карелии московский воздух как отравка! А тут — хорошо, дышится легко!

— Ты, главное, от нас в сторону не уходи, — попросил его Слава Два. — А то опять тебя придется искать, как в прошлый раз.

— Не любят его Лесные Хозяева, — пояснил мне его напарник. — Стоит ему в лесу чуть замешкаться — и все, пропала головушка.

— Он в курсе, я рассказывал. — Олег достал из кармана сигареты. — Вот ведь, зажигалку никак забыл?

Слава Два открыл багажник и скомандовал:

— Так, мелкота, выбираемся наружу. И не разбегаться.

Это он слугам. Они, как и предсказывал Родька, тоже в обязательном порядке ехали на круг, но, разумеется, не с нами, не в салоне. Им достался багажник.

Забавно было смотреть на то, как сразу четыре мохнатых шарика, в темноте почти неотличимые друг от друга, попрыгали на землю и зашныряли между нами, о чем-то переговариваясь.

— Хорошая ночь, — втянул воздух Слава Раз. — Небо чистое, и не холодно. Самое то. Ладно, пошли уже. Как бы не опоздать!

Мы не опоздали, даже несмотря на то, что по дороге чуть не потеряли Олега, который сам не понял, как вдруг оказался за кустами, находящимися в стороне от тропинки, по которой мы шли. И ведь даже шага в сторону он не делал, я сам видел. Мало видел — мне показалось, что так и должно быть. Отвел глаза Лесной Хозяин, надо полагать. Если бы слуга Олега не завершал, то все, пиши пропало.

Мы шли и шли, пока лес вдруг не кончился и передо мной не открылась широкая поляна с одиноким деревом, стоящим в ее центре.

Одиноким — но каким!

Это был дуб. Дуб — гигант, дуб исполин. Ему, наверное, тысяча лет стукнула, а может, и больше. Он был нереально высок, толст и раскидист, я таких монстров даже в Кусково не видал, где мы со Светкой в конфетно-букетный период гулять любили, а уж там дубы серьезные, многовековые.

Я, часом, не на Лукоморье приехал? Может, в комплекте к этому дубу русалка, кот и все остальное прилагается?

Близ дерева горел костер, и высокие языки пламени освещали лица людей, сидящих вокруг него. Не скажу, что народу было мало, десятка три — точно. Но если говорить о сборе в масштабах страны — совсем немного. Я думал, что нас больше.

— Опять половина наших не прибыла, — негромко сказал Слава Два своему другу, как видно, его посетили те же мысли, что и меня. — Так скоро вообще одни местные собираться станут.

— Времена меняются, — ответил Слава Раз и с ехидцей спросил у Олега: — Что, сразу будем старшкакам правду-матку резать, или как?

— Ну так сразу нельзя, — почесал в затылке Муромцев. — Ты чего!

Славы дружно засмеялись и пошли вперед, по низенькой траве поляны. Я последовал за ними.

Ближе всех к дубу, прямо на его могучих корнях, разместилось шесть стариков. Нет-нет, не хрестоматийных старцев с окладистыми бородами, мудрыми очами и с посохами в руках. Обычные старики, каких без счета. Кто в джинсовой куртке, кто в свитере, а один даже в бейсболке с логотипом «Black Star». Но одежда — это ничто. Мощь и силу, исходящую от них, я ощутил сразу.

— Отцы, вот тот ведьмак, о котором мы вам рассказывали, — подведя меня к ним, с поклоном произнес Слава Два и, ткнув меня в спину, прошептал на ухо: — Не молчи.

— Меня зовут Александр Смолин, — не зная, что именно от меня хотят услышать, произнес я. — Ведьмачу недавно, года нет. Призвание мое — Ходящий близ Смерти. Вроде все.

Среди сидящих вокруг костра мужчин пробежал шепоток, как видно, не все еще знали о том, чем я занимаюсь. Да и откуда?

— Редкий дар, редкий. — хрустнул пальцами один из патриархов. — Давно Ходящих середь нас не появлялось.

— Это тебе, стало быть, Захар свою силу передал? — уточнил другой, быстроглазый и невысокий. — Славный был ведьмак, крепкий и надежный.

— Да я его и не знал совсем. Все так быстро случилось... В смысле — он почти сразу умер, ничего мне не объяснив.

— Обычное дело, — успокаивающе произнес старик в бейсболке. — Здесь половина таких, как ты, кабы не больше. Мало кто в наше время учеников берет, больно с ними маеты много.

— Урок, что мы тебе дали, выполнил? — сурово осведомился кряжистый старик, сидящий в самом центре, как видно — главный. — Изничтожил злодея, что людей да ведьм жизни лишал?

— Изничтожил «пиявца», — подтвердил я. — Вчера ночью. Здоровый был, гад, бок мне подрал!

— «Пиявец», — пророкотал главный. — Давно эту погань так никто не называет, все больше «колдунами». Хотя какие они колдуны, «пиявцы» и есть.

Упс! Прокольчик. Лишнее сболтнул.

— Братие, кто скажет слово свое за этого юношу? — встав, зычно спросил главный. — Есть такие?

— Я, — поднял руку Олег, уже устроившийся у костра. — Хороший ведьмак в мир пришел. Настоящий!

Старики переглянулись, как видно рекомендация Муромцева не сильно много для них значила.

— И мы в его пользу свидетельствуем, — отозвались оба Славы в унисон.

— Я тоже, — неожиданно поддержал мою кандидатуру совершенно незнакомый чернявый парень. — Он трудолюбив, что для нас первое дело. Хотя и боится змей, а это неправильно. А, так вот кто это такой. Тот самый Дэн, что с Гоа недавно вернулся и о котором я столько слышал.

— Иди к костру, Александр Смолин, — пророкотал старик. — До той поры, пока ты чтишь законы круга и верен своим братьям, для тебя всегда найдется место у общего огня. И только? А клятва на крови, пафосные речи на полчаса, выжигание специального ведьмачьего знака на груди, и тому подобная экзотика? Где это все?

И где Родька? Разве он не должен стоять рядом со мной?

Впрочем, ответ на последний вопрос я получил почти немедленно. Сев у огня, я повертел головой, и заметил небольшой костерок неподалеку от дуба, где суетливо метались маленькие черные тени. Они то ли плясали, то ли делили еду, то ли просто играли в чехарду. Так сказать — у нас своя пьянка, у них — своя.

— Добро пожаловать в семью! — хохотнул Олег, ткнув меня кулаком в тот самый бок, что накануне подрал «пиявец». — Теперь ты один из нас.

После мне сунули в руку кружку с пивом и кусок жареного мяса, положенный на ломоть хлеба, хлопнули несколько раз по плечу и сказали:

— Ты свой среди своих, расслабься.

И знаете что? Я расслабился, потому что на самом деле ощутил, что вокруг меня сидят те, с кем меня свела судьба, возможно, на всю оставшуюся жизнь. Я не буду их видеть так же часто как Маринку или Нифонтова, но если придет беда, то именно они встанут за моей спиной, не спрашивая себя, зачем им это нужно, и не ожидая никакой награды.

С чего я так был в этом уверен? Не знаю. Просто — чувствую.

А еще мне стало весело. Вокруг костра то и дело звучал смех, кто-то с кем-то спорил, пиво из деревянных бочонков с краниками лилось рекой, а Слава Раз с Димоном то и дело интересовались у Олега, когда тот начнет революцию устраивать, ту самую, о необходимости которой он который год им талдычит.

— Ну не сейчас же? — потупясь, бубнил тот. — Как-то не к месту это. Не тот момент!

— Выпьем, брат-ведьмак, — протянул ко мне кружку черноволосый Дэн. — Рад с тобой познакомиться. Моя девочка хвалила тебя, говорила, что ты хоть ее и испугался, но попробовать убить не стал.

«Девочка» — это, надо полагать, та длиннющая гадюка, которая перепугала нас с Родькой.

— Она не нападала, — стукнул краем своей кружки о его я. — Зачем же убивать?

— Мы подружимся, — заверил меня Дэн. — Я хожу почти теми же тропами, что и ты. Целитель всегда ближе к Смерти, чем кто-то другой. Правда, твоя дорога уходит куда дальше в серые края Нави, чем моя.

— Буду рад, — коротко ответил я. — Да и целительство мне интересно как таковое. Даже получается кое-какие зелья довести до ума.

— Прости за банальность, но Смерть и Жизнь — две стороны одной монеты, — объяснил мне Дэн. — Потому тебя и тянет в эту сторону. Ты берешь одной рукой и даешь другой. Ладно, потом договорим, время у нас на это будет.

Над поляной повисла тишина, которую нарушало только потрескивание костра да ширканье ножей о ножны, все ведьмаки зачем-то доставали их и клали себе на колени.

Смысл данного действия мне был неясен, но от коллектива отрываться резона не было, так что и я последовал их примеру.

— Братья! — гулко раскатился над поляной голос главного ведьмака, имя которого мне так никто и не назвал. — Мы снова здесь, и мы еще живы! Хвала!

— Хвала! — дружно рявкнули три десятка глоток.

— Пращурам нашим славным — хвала!

— Хвала!

— Трибогу великому — слава!

— Слава!

— Тому, кто был первым из первых — память вечная!

— Память вечная!

Луна — огромная, бело-желтая, стояла прямо над дубом, и ее лучи, пробиваясь через юную листву, окутывали старого ведьмака призрачным плащом.

— Час полнолуния, братья! — рыкнул старик. — Время пить и веселиться! Пусть те, кто навеки ушел от нас, знают, что мы помним их! Чашу!

Назвать то, что секундой позже оказалось в руках ведьмака, чашей, я бы не рискнул. Этой посудине, в которую входило, скорее всего, не менее ведра, данное название никак не подходило. А еще — какая богатая штука! Похоже, что золотая, камнями отделана, и по бокам две ручки, чтобы, значит, не уронить.

Что интересно — когда и как в нее что-то налили, я не заметил. Но при этом главный ведьмак немедленно и лихо из чаши отхлебнул, а после передал ее своему соседу.

Минут через пять чаша дошла до меня, взявшись за ручки, я ощутил ее тяжесть, а после приник к краю, сделав пару глотков.

Это было вино, причем такое, какого я никогда до того не пробовал. Терпкое, с ягодным ароматом, с привкусом каких-то трав, да еще... Нет, нет, не смогу я толком описать то, что сейчас обжигающей волной неслось по моей глотке. Там смешалось все — ароматы весны и первых гроз, сладость девичьих губ, которых ты впервые коснулся короткой летней ночью, безграничность раннеосеннего синего неба, сладость первой победы... По ходу, я только что отпил пару глотков полной жизни.

А луна светила все ярче и ярче, она заливала поляну своим светом, и в какой-то миг я понял, что исчезли в никуда обычные мужички, что сидели вокруг костра. Луна сняла с них джинсовки, куртки, бейсболки, всю привычную для нашего времени одежду.

Теперь рядом со мной сидели воины, молодые и старые, призрачный свет отражался от их кольчуг и шлемов, путался в складках алых плащей, бликовал на клинках мечей, в которые превратились ножи.

Да я и сам ощутил тяжесть металла, навалившегося на мои плечи. И в этом не было ничего удивительного, ведь я теперь тоже стал одним из них. Одним из верных дружинников того, кто когда-то давно ушел от нас туда, откуда нет возврата.

Того, кто дал нам жизнь и дело, которому мы служим. Пусть я пока не понял до конца, что это за дело, но у меня ведь есть время, правда? Так что — разберусь.

Но это все потом. А сейчас у меня есть все, что нужно ведьмаку для полного счастья — ночь, огонь, стреляющий искрами вверх, отменное вино и верные друзья рядом. И раз в год наступающий Час Полнолуния.

И пусть кольчуги и мечи — это только отблески былой славы, иллюзия, причуда лунного света и, возможно, воздействие галлюциногена, добавленного в вино.

Но мы все — живые и настоящие. Остальное — неважно.

Не знаю, как кому, а мне этого вполне достаточно для того, чтобы здесь и сейчас ощутить себя хоть немного, но счастливым.

Автор благодарит всех тех, кто помогал в работе над этой книгой — Нури Магомедова, Евгения Петрова, Василия Крысина, Вячеслава Кузьмина, Михаил Якута, Андрея Авдеева, Павла Nightmare Сергеева, Игоря Таратенко.

Отдельное спасибо Вадиму Лесняку, Дмитрию Нефедову и Дмитрию Овдею.

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

— Скоро будем на месте, — задумчиво, почти по-свойски, сообщил мне Петр Францевич, полелозив задом по мягкой коже автомобильного сиденья. — Почти приехали.

— Ага, — страхнув с себя дремоту, подавил зевок я, прикрыв ладонью рот. — Это хорошо. Спать хотелось невероятно, так, что хоть распорки в глаза вставляй, чтобы они не слипались. Но оно и не странно, за последние два дня я толком ни разу не прикорнул, и как раз сегодня собирался отоспаться от души. Вот только не удалось, поскольку Вагнер начал мне названивать ни свет ни заря. Ну да, я сам обещал позвонить, и все такое, но в конце-то концов, некто Смолин ведь хозяин своему слову? Хозяин. Сам дал, сам обратно взял. Может, звучит не слишком красиво, но я никогда и не являлся эталоном добросовестности. Сейчас, глядя правде в глаза, уже можно смело говорить о том, что правильно мне в банке повышение не давали, ибо я ленив и безынициативен. Тем более что речь идет не об отказе помочь страждущему Арвену в целом, а только о том, чтобы перенести визит с сегодняшнего дня на завтрашний. Мысль отказаться от данного обещания целиком, да еще вот так, в одностороннем порядке, мне и в голову прийти не могла. Покон не велит. И недавно обретенные принципы тоже.

Вот только не получилось у меня отвертеться от выезда к страждущему приятелю Вагнера, увы и ах. Петр Францевич, поняв, что я, похоже, сегодня никуда ехать не собираюсь, с истинно немецким усердием пошел на приступ, приблизительно так же, как его далекие предки, наемные ландскнехты, на какой-нибудь европейский городишко во время Тридцатилетней войны. Дескать — совсем плох Руслан, дышит через раз и собирается отправиться в Страну Вечной Охоты. Причем это он мне сообщил не по телефону, который был отключен практически сразу, после его третьего звонка, а через квартирную дверь. И ведь вызнал, поганец такой, каков мой адрес проживания.

Квартиру поменять, что ли?

Мне, если начистоту, этого самого Руслана было не сильно жалко, поскольку я с ним совершенно не знаком, но маячившая впереди неплохая прибыль сделала свое дело. И я сейчас не только о деньгах говорю.

И вот результат — мы с Вагнером сидим в машине и с не очень большой скоростью перемещаемся по Рублево-Успенскому шоссе. Интересно, а тут вообще бывает так, чтобы «пробки» отсутствовали? Казалось бы — десять утра, кто в область в таком количестве ехать может? Ладно в Москву, это понятно. Но из нее-то?

С данной темы мои мысли сползли на события последних двух дней.

Припомнив большой ведьмачий сбор под дубом, я даже заулыбался. А что? Там хорошо было, зря Олег о нем отзывался как о бесполезном времяпрепровождении. И вина там попили, и пару свинок над углями зажарили, а под конец, когда заря всю тронула восток, а ночную темень сменили синие предрассветные сумерки, еще и сплясали. Причем танец этот, несомненно, носил ритуальный характер, смысл которого мне и сейчас до конца не ясен. То есть — догадываться я догадываюсь, но наверняка не знаю.

Все ведьмаки, включая даже стариков, обнялись за плечи и начали медленно обходить почти погаснувший костер по кругу, полупропевая-полупроговаривая слова, от которых у меня почему-то по телу дрожь пошла:

Трибогов день дай нам долю,
Яр-яр дай нам долю,
Трибог честную,
Яр-яр честную

Ведьмачий круг вокруг костра двигался все быстрее, потухшее было пламя вдруг снова взвилось вверх, причем став каким-то серебристым, почти белым, а после еще и приняло форму старинного русского меча. И изгибалось оно так, словно плясало с нами. Не менее странным было то, что мне, до сегодняшнего дня такой песни сроду не слышавшему, были известны ее слова, и голос мой в общем хоре не терялся. Почему они всплывали в памяти так, словно я их знал всегда, — понятия не имею.

Трибог сильный ходи до ны
пребуди во яри! Гой!
Трибог славный стани средь ны
пребуди во яри! Гой!
Трибог жгучий всполыми ны
пребуди во яри! Гой!

Огненный меч вспыхнул ярко, словно комета, тысячи искр белого пламени взлетели вверх, теряясь среди молодой листвы дуба, и в этот миг на землю упал первый солнечный луч. Мы стояли около угасшего окончательно костра, обнявшись за плечи, и в этот момент я точно понял, что наконец-то, впервые за всю жизнь, окончательно стал своим среди своих. И это ощущение не исчезло даже тогда, когда мы все разошлись в разные стороны — кто в лес, к машинам, стоящим на потаенной полянке, кто в другую сторону, к реке, поблескивающей километрах в пяти от дуба.

Данный факт ничего не менял, для меня, по крайней мере. Просто я впервые в жизни понял смысл слова «братство». Не в его кинематографически-истасканном смысле, а в подлинном, когда каждый готов встать за каждого. Пусть даже и всего на одну ночь в году. По нашим стремным временам — уже немало.

И распрощались мы сердечно, с суровыми мужскими объятьями, похлопываниями друг друга по спине и заверениями в том, что «если чего — так я сразу».

Правда, дворничиха Фариды, которая как раз махала метелкой у моего подъезда, очень неодобрительно на это все смотрела, а когда Славы и примкнувший к ним Олег отъехали от дома, укоризненно мне сказала:

— Сашка, зачем с мужчина обнимаешься? Ну не получилось у тебя со Светка семья, и с Маринка тоже. Бывает такое. Пальцем показал, сказал три раза «талак» — и новая женщина ищи. Когда мужчина с мужчиной — неправильно это. Деток не будет. Нет деток — зачем жил на Земле? Что после себя оставил?

— Добрую память, — подумав, ответил я. — Но ты, Фариды, не беспокойся. Это просто мои друзья. Я с верного пути не сверну, уж поверь.

— Генка из второго подъезда тоже сначала просто дружил, — сверля меня взглядом контрразведчика, проговорила дворничиха. — Потом начал в такой салон ходить, в который мужчина делать нечего. А потом с другом-мужчина на море уехал. Все знают зачем. Бэш!

— Какой салон? — озадачился я.

— Где женщина ногти красят, — подбоченилась Фариды. — Но то мы, нам Аллах сказал красивыми быть. А мужчина там что делать?

Аргумент был убийственный. Но меня просто так за горло не возьмешь.

— Это не про меня, — заявил я, показывая разошедшейся женщине свои пальцы рук. — Вот, смотри, сам себе ногти грызу. Без посторонней помощи. А красить их и в голову не приходило.

— И все равно — женщина тебе надо, — подытожила Фариды. — Нельзя мужчина без женщина. Мужчина без женщина своя голова не хозяин.

— Это да, — признал я. — Ладно, спать пойду.

Хорошие все же люди вокруг меня живут. Вон переживают. Приятно.

Вот только поспать мне не удалось. Спасибо Родьке, который сам, между прочим, очень неплохо выдрыхся в моем рюкзаке, куда я его определил еще там, у дуба.

Развеселая компания слуг провела ночь не хуже, чем мы, а то и лучше. Их гвалт, писк и даже ругань иногда звучала так громко, что даже нас, ведьмаков, перебивала. В результате, на рассвете Родион предстал передо мной весь взлохмаченный, со стеклянным взглядом и еле стоящий на задних лапах. Да еще и с каким-то туго набитым мешком за спиной. Разбираться что к чему я не стал, слушать его бессвязный лепет тоже, просто запихнул в рюкзак, не обращая внимания на смешки Славы Раз и Славы Два, сопровождаемые комментариями типа «какой постыдный либерализм», и потащил домой.

Что любопытно — и в рюкзаке он не расстался с грязным и мокрым холщовым мешком, сжимая его в лапках даже тогда, когда я вытряхнул его на кресло.

— Хозяин, — сонно пробормотал он, не открывая глаз. — Эта... Я шас!

— Да оно ясно, — хмыкнул я. — Спи уж. Только дай мне эту грязь, я ее к двери поставлю. Какой там! Так я и не выдрал у него из рук поклажу. В результате, поборовшись пару минут с упрямым слугой, плюнул на это все и пошел в душ.

Тоже мне, добытчик! «Я росу соберу, я там по опушкам пробегусь». Собрал!

И зря на него наговаривал, между прочим. В мешке, как выяснилось, все это и лежало. Я-то думал, он в него набил остатки ночного пиршества у костра, по своей природной запасливости, но оказалось, нет. Он в самом деле остаток ночи провел на лугу и в лесу, добывая все, до чего дотянулись его мохнатые лапы.

Вот только это все перемешалось до такой степени, что я провел кучу времени, занимаясь практически ювелирной работой, а именно отделяя стебельки друг от друга. А по-другому никак. Травы, особенно те, что обладают тайной силой, долго не живут. Шесть-восемь часов после сбора — и все, они уже просто сено, которым можно кормить коров. Причем шесть-восемь в самом лучшем случае. Есть такие травы, что сразу надо в работу определять, читать над ними заговор, чтобы сила не ушла, а то вовсе тереть в мелкую кашу да смешивать с другим ингредиентом. А тут еще и Трибогов день, когда к природным свойствам добавляется искра силы ушедших богов...

Короче — пришлось спасать добытое слугой богатство, среди которого, к его чести, были очень и очень весомые по своей полезности находки.

Причем этот мохнатый прохиндей про это знал и потому не уставал себя нахваливать.

— Вот, хозяин, — распинался он, сидя на табурете и дуя чай, в котором сахара было больше, чем воды. — Пока остальные веселились, я как пчелка над лугом летал. Побежал в лес, побежал к реке. Где ты еще такого слугу найдешь, чтобы и трудолюбив был, и покладист, и верен...

— И болтлив не в меру, — в тон ему продолжил я, разглядывая пучок ревенки.

— Да, — самодовольно подтвердил Родька, но тут же сообразил, что к чему, и возмущенно пискнул: — Нет! Это уже не про меня.

— Про тебя, про тебя, — заверил его я и показал очередную травинку слуге. — Она плакала, когда брал?

— Как дитё, — подтвердил тот. — В голос. И рвал ту, что подлиннее, чтобы плести удобнее было.

Вот до чего интересная трава ревенка. Если из нее сплести тонкий веночек, надеть его на шею в день, на который выпадает середина второй русальной недели, и пронести до самого заката, то ты никогда не утонешь в реке. Почему именно в реке, а не в озере или пруду — не знаю. Но факт есть факт, про это в моей книге написано, а значит, так оно и есть на самом деле. Так что сплету и буду носить, я даже «напоминалку» в телефонный органайзер себе поставил. Помощь русалок — это здорово, но лучше перестраховаться. Мне прошлого раза в Москве-реке вполне хватило для осознания того, что тонуть крайне неприятно. Да, еще важным условием является то, что веночек этот после заката надо отправить в плавание по лунной дорожке, прочерченной луной на речной глади. Без этого никак. И вот тогда «...не примет тебя текучая вода, всяко к берегу прильет».

Хотя, может, я не так что понял? Может, она меня уже утопшего к берегу прильет, для того, чтобы тело в земле схоронили? Но все одно надо будет попробовать. Дело несложное, тем более что и трава есть, и река есть. Я как раз в Лозовке на второй русальной неделе буду.

А «ревенкой» эту траву называют потому, что когда ее рвешь, она издает звук, более всего похожий на плач. И чем он громче, тем обильнее напиталась трава земной силой.

— Трава — что, — самодовольно заявил Родька. — Росу-то, хозяин, росу видел?

— Видел, — подтвердил я. — Молодец!

Вот тут душой не покривил. Правда — молодец. Когда только успел половину пузырька наполнить? И роса-то какая! Алмаз! Бриллиант! До чего хорош да перламутров цветом был майский сбор, который я в лесу дяди Ермолая брал, но это что-то с чем-то!

Даже здесь, на кухне, сквозь темное стекло пузырька был виден легкий свет, что источала влага трибогова утра. Как маленькая лампочка сияла. Сильная штука, ох сильная. Ей-ей, пока даже думать о том, чтобы ее в дело пускать, не хочу.

— Никак «голубец»? — удивленно произнес я, рассматривая очередное растение. — Его-то ты где достал? Он же на болоте произрастает.

— Где взял — там боле нет, — весомо ответил слуга, поднабравшийся от «обчества» неологизмов. — Знаем места.

Тоже забавная штука, хоть почти и бесполезная для использования в наше технологичное время. Голубец — это не блюдо. Это охотничья травка. Если из нее сплести оберег, разумеется, нужным образом и с правильными словами, то того, кто его при себе имеет

будет, в лесу ни один зверь дикий не тронет. При условии, что этот человек, всякий раз выходя из дома на охоту, будет произносить:

Пойду в лес легко и смело
Вернусь в дом с добычей и целый.

Раньше, должно быть, очень полезная была штука, но сегодня, при почти тотальном отсутствии крупной и опасной дичи, и невероятном прогрессе охотничьего арсенала, смысла в ней особого нет. С рогатиной на медведя и луком на лося давно никто не ходит, да и осталось их в живой природе не так и много. Оптические прицелы и вертолеты сделали свое дело без всяких оберегов.

Да что там. У нас на втором этаже мальчишка живет, ему лет десять сейчас, или около того, так он корову только по телевизору в рекламе видел. И еще на обложке мороженого «Буренка из Кореновки». Вот так-то. Какие уж тут медведи и лоси...

Но выкидывать я эту травку, конечно же, не стал, пусть будет. Жизнь исключительно разнообразна. Это в Центральной полосе в лесу из живности только короеды водятся, но на ней Россия не заканчивается. А ну как меня в сибирскую тайгу судьба занесет? Там зверя пока хватает.

Короче, потратил я на эти травяные дела полдня, и только было собрался лечь поспать, как Родька начал нудеть, что у нас холодильник пустой. Нет, без малейшего прессинга по отношению ко мне, он о подобном даже помыслить не может, но все эти его причитания о том, что вот-вот голодная смерть схватит нас своей костлявой лапой за горло, и что он, когда особая нужда наступит, отдаст любимому хозяину последнюю корочку хлеба, дабы тот дальше жил, радуясь солнышку и белому светушке... Короче — такой нудеж любого идиотом делает. Проще до магазина пробежаться, чем все это выслушивать.

И, само собой, на этом приключения не закончились, потому что в тот момент, когда я с полными сумками входил домой, из лифта вышла Маринка.

Вот вопрос — зачем она на моем этаже из него вылезла, если живет выше? Чего сразу на свой не поехать? Нет, ладно бы она ко мне собиралась зайти, но к чему тогда радостный возглас:

— О, Смолин! А ты дома?

Если ты думала, что меня нет, то зачем... И так далее.

И все, труба. Она четыре часа сидела на кухне, уничтожила треть приобретенных продуктов и безостановочно болтала. Я, если честно, даже начал подумывать о том, чтобы пустить в ход кое-какие зелья из числа тех, которые людям особо не вредят, но на время их нейтрализуют.

Нет, я люблю свою соседку. Не как женщину, разумеется, у нас с ней отношения другого порядка, я ее как друга люблю. У меня, признаюсь, таковых вообще практически нет, потому что тех, что имеются, я берегу. Потому и не шуганул ее из своей квартиры, перед этим цыкнув зубом и топнув ногой.

Вот только ответьте мне, почему я должен на протяжении доброго получаса выслушивать историю про какого-то молодого сотрудника редакции по прозвищу Мамонтонок?

Разумеется, мне бы тоже был не по душе гражданин, который отчего-то считает, что разбирается во всем лучше других, и изрекает свои суждения так, будто те являются истиной в последней инстанции, при этом являясь редкостным болтуном и невероятным невеждой во всех областях человеческого знания. Но мне-то с ним не работать и детей не крестить, потому я не понимаю, какой мне эта информация? И зачем мне знать, что прозвище свое он заработал за попытки копировать стиль главного редактора издания, в котором работает Маринка, и предсказуемо носящего прозвище «Мамонт».

Когда сытая, веселая и выговорившаяся Маринка наконец-то ушла домой, за окнами совсем уже стемнело, а потому спать ложиться мне смысла никакого не было. Напротив — самое время было вызывать такси и ехать на кладбище. На завтра этот визит откладывать никак не стоило. И без того уже время упустил, по-хорошему мне там надо было позавчера нарисоваться, крайний срок — вчера. Что мне Хозяин говорил? Если траву «зверобой», что на могиле отцеубийцы, брать после майского полнолуния, то сила ее будет уменьшаться с каждым днем. А луна убывать уже начала, пусть пока это и незаметно совершенно. В мире Ночи значение имеют не внешние признаки, а то, что есть на самом деле. Тут пыль в глаза никому не пустишь, все всё про всех знают.

И один из основных людских принципов: «да ладно, завтра будет день и будет пища» тоже не действует. Если ты сегодня что-то не сделал, то совершенно не обязательно, что для тебя

наступит завтра. Просто потому, что этого несделанного тебе, возможно, и не хватит для выживания.

Или другой поворот событий. Я сегодня на кладбище не поеду, а завтра его Хозяин скажет, что поезд ушел, и помогать он мне не станет. Причем не только в сборе зверобоя этой ночью, но и в любом другом деле в перспективе. Причина? А вот не любит он, когда его добротой манкируют. И все. Это навсегда. Человека можно переубедить, уговорить, задобрить, подпоить, подкупить, наконец. А это существо — нет. Потому что оно не человек, и живет по своим законам, которые с нашими никак не соотносятся. Вообще. И ничего ты с ним не сделаешь.

Потому, плюнув на то, что голова у меня была тяжелая как наковальня, через полчаса я уже сидел в такси и ждал, когда «цитрамон» купирует головную боль. Само собой, у меня были зелья и действенной таблетки, но в данном случае пускать их в ход было просто нерентабельно. Тем более что голова даже не столько болела, сколько гудела, что твой паровой котел. Впрочем, оно и неудивительно, все же вторая ночь без сна, а я не железный. — Припоздал, — первым делом сообщил Хозяин Кладбища, только завидев меня. — Ленив и нелюбопытен ты, ведьмак. С таким подходом к делу тебе истинных высот не достичь никогда.

— Да я и не претендую, — ответил я. — По крайней мере — пока.

Оно можно было бы сказать что-то вроде «виноват», но не стоит этого делать. Что-что, а нехитрую формулу «виноват — плати» за время работы в банке я усвоил отлично. Она была выведена еще в «ревущих девяностых», и до сих пор определяла уклад массы областей российской жизни. Само собой, это существо не знало данной тонкости, только вот сдастся мне, что оно тоже ее придерживается.

— Ну-ну, — с непонятной интонацией ответил мне умрун. — Ладно, в любом случае обещание выполню. Тем более теперь.

— В смысле? — последние слова Костяного Царя тревожно царапнули меня. — А что изменилось?

— Не лукавь, ведьмак, — посоветовал мне умрун и скрипуче рассмеялся. — И — с почином. Первую жизнь у смертного забрал наконец-то. Я это сразу почувствовал, как только ты в мой дом вошел.

— Да у какого смертного? — отмахнулся я. — «Пиявец» обыкновенный, его к живым причислять не стоит. Его вообще классифицировать невозможно. Это же не колдун, не кровосос, не ходячий мертвец. Он, скорее, инфернальный трансгендер, существо вне категорий.

— Может, и так. — Хозяин Кладбища встал со своего гранитного трона. — А может, и нет. Ты видишь одно, а я другое. В любом случае, выигрыш за тобой, ведьмак. Ты жив, он мертв — чего еще желать?

Ну да, и Нифонтов тогда что-то подобное говорил, мол, странный «пиявец», вместо того чтобы сдохнуть, наоборот, силы набрался немеряной. И на меня поглядывал при этом. Выходит, он все же был не ходячий потенциальный труп?

Наверное, мне стоило испытать укол совести или начать рефлексировать по поводу того, что я прикончил не просто ошалевшую от крови тварь, а сущность, которая все же умудрилась сберечь свою душу, несмотря ни на что. Я так понимаю, речь об этом идет. Не о том, что я убил тело, это-то как раз ерунда.

Но — нет. Ничего не шелохнулось. И не потому, что я сам потихоньку начал терять связь с привычным миром, а потому, что очень хорошо помнил схватку в недостроенном доме, рот этой погани, полный острых зубов, раздвоенный язык и алчный взгляд, который сулил мне изрядные муки перед смертью. Поди, заживо он меня жрать бы стал, не иначе.

Так что убил — и убил. Все равно это раньше или позже случилось бы, не сегодня, так потом. Кашеев наследник тоже, между прочим, не нежить, а вполне себе настоящий человек. И что мне теперь, проповедовать непротivление злу насилием и в стиле кота Леопольда призывать его жить дружно?

Даже не подумаю. Мне моя жизнь чем дальше, тем больше нравится, и просто так я с ней расставаться не собираюсь. Если пойму, что в драке не сдюжу, просто смоюсь из Москвы куда подальше, вот и все. Отступить — не значит струсить. Мне просто нужно время для того, чтобы набраться опыта и знаний. Главное — не прозевать первый удар. Вот это на самом деле важно.

И еще. Если Николай и Костяной Царь правы, то на улице Мораны в данный момент должен царить праздник. Она получила то, чего хотела, а именно жертву, принесенную в ее честь. Пусть это вышло случайно, но факт остается фактом. Тем более что самой Моране, полагаю, подобные мелочи по барабану, поскольку боги не люди, их интересует только собственная выгода, остальное несущественно.

Красиво изрек, кстати. Самому понравилось. Может, сделать эту фразу статусом своей страницы «ВКонтакте»?

— Ведьмак, ты идешь со мной, или дальше будешь спать стоя? — громыхнул голос Хозяина Кладбища. — Право слово, ты до того, как принял на свои руки первую кровь, был куда сноровистей, а теперь на ходу спотыкаешься. Ведь уже прозевал полную луну, когда могильные травы входят в самую силу. И если так продолжишь, то даже с доньшка ковша ничего не зачерпнешь.

— Две ночи не спал, — состроил жалостливую рожицу я. — Вот и торможу.

— И что? — нехорошо блеснули красные глаза под черным капюшоном. — Мне тебя пожалеть надо? Или всю работу самому сделать? Ведьмак, я оказываю тебе услугу, при этом ничего не прошу взамен, что в нашем мире уже большое диво. Я сам не до конца понимаю, зачем это делаю. Ты же проявляешь типично людские черты, а именно неблагодарность и наглость.

— Да я...

— Именно ты! — голос умруна громыхнул так, что мне на секунду показалось, что листья на березке рядом со мной вот-вот опадут. — Ты должен наконец разобраться с тем, кто ты есть. Если человек — так твое место вон там, за оградой. Пока — за оградой. А потом ты все равно окажешься здесь, но не как мой гость, а как мой раб, и будешь служить до той поры, пока я не сочту все земные долги уплаченными. Но если ты ведьмак, если ты Ходящий близ Смерти, то забудь все эти свои ужимки из прошлой жизни. Мысль должна быть острее стилета, а действия продуманны и своевременны. И ты всегда должен быть настороже. Всегда! Врагов у тебя теперь куда больше, чем союзников. А те, кто кажется тебе другом...

Черная тень молнией скользнула среди могил, и мое горло оказалось сжато невероятно крепкой дланью. Когти-ножи уперлись в мою щеку, только чудом ее не разрезав.

— И что ты теперь будешь делать, ведьмак? — капюшон приблизился к моему лицу, сквозь серое марево внутри него я смог различить жуткие черты того, кого звал Хозяином Кладбища. Не знаю, из каких глубин мироздания вышло это существо, но человеком оно никогда не было. По крайней мере, мне так показалось. Ну да, я помню, что по идее он первый, кто был похоронен на этом кладбище, вот только... Не человек это, без вариантов. — Скажи?

— Не дергаться, — осторожно произнес я. — А то щеку разрежете. Не хватало только взбудоражить ваших постояльцев запахом свежей крови. Ведьмак-то я ведьмак, но в моих венах пока она струится, а не что-то другое.

— Хм, — пальцы разжались. — Забавный ответ. Но разумный.

Интересно, а голова у меня прошла от того, что «цитрамон» подействовал, или от страха? И главное — сонливости как не бывало. Но с этим как раз все ясно, после такой жути я, наверное, еще неделю спать не смогу. Хорошо хоть штаны не намочил, вот стыдобища бы была!

— Твой путь и так не прост, — прогудел умрун. — Он представляет собой узкую тропинку между Жизнью и Смертью, и если ты с нее сойдешь, то обратно уже не вернешься. А ты, вместо того чтобы смотреть под ноги, еще и повязку на глаза надеть пробуешь. Не испытывай судьбу, ведьмак, она щедра лишь до поры до времени.

Вот тоже вопрос — чего он так обо мне печется? Сам сто раз говорил о том, что я его развлекатель — и не более. Мол — твое существование для меня не значимее пылинки, танцующей в лунном луче. А сейчас как отец родной поучает. Бескорыстия в мире Ночи нет и никогда не будет, значит...

Значит — что? Пока ответа нет. Но искать его нужно. Хотя бы для того, чтобы понять, кем я для Костяного Царя являюсь на самом деле.

Или чем.

— Знаю. — Я потер горло, на котором наверняка еще долго будут видны отпечатки пальцев. — И про тропинку, и про судьбу. Просто не все сразу получается так, как хочется. Но наглеть я и не думал, что вы?

— Н-да? — призадумался умрун. — А мне уж было показалось... Ладно, пошли к могиле. Майские ночи короткие, не успело солнце сесть, как обратно на небо лезет. «Зори целуются», так когда-то смертные про это время говорили.

Могила отцеубийцы, как он и говорил мне в нашу прошлую встречу, в самом деле оказалась не так и далеко от его трона. Я, кстати, вспомнил эту могилу, поскольку тут пару раз бывал. И еще припомнил неприятный озноб, который тогда пробегал по моей спине. Теперь понятно почему. Мерзкое местечко, оно просто-таки провоняло злобой и отчаянием.

— Ну вот. — Костяной Царь показал мне когтем на скукожившиеся белесые цветочки, еле держащиеся на желтоватых стебельках.

И это «зверобой»? Сроду бы не сказал. Между этой бледной немощью и его ярко-желто-зеленым луговым сородичем разница такая же, как между трубой и валторной. Но не это главное. Что-то тут не так. Не скажу, что именно, но у меня есть четкое ощущение неправильности происходящего. И еще — нависшей угрозы. Нечто невероятно злобное находится совсем рядом со мной, и не впивается мне в глотку только потому, что его сдерживает некий запрет.

— Рви, — велел умрун. — Чего ждешь?

— Не-а, — покачал головой я. — Не стану. Эта могила не пуста. Там кто-то есть.

— Молодец, — усмехнулся Костяной Царь. — Учужал или догадался?

— И то, и другое, — выдохнул я. — То есть — он там?

— Там, там, — подтвердил умрун. — Уж, почитай, лет сто. И лежать ему до той поры, пока последний гвоздь его гроба не станет ржавой трухой, последнюю кость его тела не сточат черви, а надгробный камень не уйдет под землю целиком. А это — долго. Очень долго. Ишь ты! Гвозди, кости — это ерунда, органика, сотня-полторы лет, и нет их. Но вот камень — это да. Это сильно.

— Вылезай уж, — приказал умрун. — Покажись гостю. И не скрипи зубами, он не по ним. Все-таки это оказался призрак. Я уж, если честно, начал ждать некоей голливудщины, руки, вылезавшей из-под земли, и всего такого прочего. Но — нет. Просто призрак. Правда, мерзкий донельзя, чем-то напомнивший мне пакостного перерожденца из зернохранилища. В первую очередь — чернотой внутри, там, где у человека желудок находится. Может, правы японцы, и душа живет в животе? Если да, то у этого господина она вконец прогнила.

— Ишь как он на тебя смотрит, — чуть ли не с одобрением заметил Хозяин. — Так бы и сожрал. Верно ведь? Сожрал бы?

— Сожрал, — подтвердил призрак, алчно буровя пустыми глазами мой кадык. — Всю кровь высосал бы! И душу... Душу!

— Не хочешь его отпустить? — вдруг предложил умрун. — Я разрешаю. Сам посуди — раскаяния от эдакого негодяя ждать не приходится, он закоснел в злобе. А ну какого случайного прохожего сюда занесет, и тот с его могилы хоть листик поднимет? Тогда тому человеку беды не миновать.

— Значит, судьба у него невезучая, — и не подумал соглашаться я. — Плюс — нечего просто так, без дела, по кладбищам шляться. Это не парк, тут аттракционов нет и мороженым не торгуют.

Костяной царь наклонился к могиле, шепнул себе под нос нечто неразборчивое, как видно, некий заговор, без которого эту травку не возьмешь, после сорвал десяток стебельков «зверобоя» и протянул их мне.

— Бери. И не забудь — сила в стеблях, а не в цветках. С дозировкой аккуратней. Этот негодяй силен, как ты видишь, в нем много загробной злобы. Если ошибешься, то отведавший зелья может навсегда потерять часть своей сути, зато приобрести кое-какие склонности вот этого мерзавца. Например, может пойти и кого-нибудь убить. Просто потому, что это покажется ему нормальным поступком.

— Ясно. — Я убрал зверобой в заранее приготовленный пакетик. — И сразу в тему — вы мне еще обещали дать заговор, который устраняет последствия этого отвара?

— Обещал — продикую, — кивнул умрун и обратился к отцеубийце: — Постоял на земле? Поглядел на небо? И все, давай обратно, еще лет на десять.

— Отпу-усти-и-и! — проскулил призрак, глядя на меня. — Отслужу!

— Давай-давай, — убрал я пакетик в карман. — Вали в могилу. И скажи «спасибо» за то, что мне трава с нее была нужна, без этого бы ты вообще на белый свет не вылез. Я же знаю, каково твое наказание. Тебе заповедано веками пребывать во тьме, без надежды на помилование.

Ох как он на меня глянул перед тем, как снова под землю уйти. Страшное дело! Прямо мороз по коже прошел.

— Может, не так все плохо, — подытожил Хозяин Кладбища. — И я могу ошибаться. Ну ладно, ведьмак. Дело сделали, пошли, продолжим беседу.

Глава вторая

А вот дальнейший разговор с умруном у нас не задался, что меня очень расстроило. Он ходил кругами, изрекал какие-то непонятные фразы, в которых, несомненно, имелось второе дно, но нащупать это самое дно, распознать его, мне никак не удавалось. То ли ума не доставало, то ли знаний, то ли усталость начала сказываться.

Впрочем, удивителен сам факт того, что это существо, от которого даже у меня, человека более-менее привычного, иногда мороз по коже пробегает, в этот раз предпочло кривые пути вместо прямой дороги. С чего бы? Раньше за ним ни деликатности, ни толерантности не замечалось. Он что думал, то и говорил, что хотел, то и делал. Потому что здесь, на кладбище, он царь и бог. Нет над ним другой власти — ни людской, ни духовной. И даже сейчас, в машине, мне было немного неприятно от осознания того, что я его не понял. Костяной Царь — фигура, без которой мое существование станет куда более невеселым, и в плане знаний, и в плане безопасности, потому любая шероховатость в отношениях фатальна. Ну, может, я и сгустил краски, но только самую малость. Это вон Вагнера можно послать куда подальше, и ничего для меня в системе координат не изменится. А умрун... Это совсем другая история.

Надо будет выспаться как следует, снова нагряться на кладбище и там расставить все по своим местам. На худой конец честно признать, что я не так умен, как он обо мне думает, потому лучше прямо объяснить, что ему от меня нужно.

— Приехали, — снова заелозил по сидению Петр Францевич. — Я же говорил, что быстро доберемся, потому что утро. А вот вечером... С тех пор, как честным бизнесменам запретили проблесковые маячки приобретать, так сложно стало ездить. Вот зачем это сделали? Кому мы мешали?

И столько недоумения было в голосе этого человека, что я на секунду усомнился в том, что он так умен, как про него говорят. Ну невозможно же не осознавать абсурдность сказанного?

Или возможно? Может, просто он и ему подобные настолько привыкли жить с обычными россиянами вроде бы и в одной стране, но при этом в разных ее измерениях, что иные вещи им видятся в абсолютно другом свете? Ну вот не могут они понять, почему обычным людям не нравится, когда кто-то на них сверху поплевывает? Отчего им так дискомфортно? Впрочем, делиться с ним этими мыслями я не стал, поскольку смысла в этом нет совершенно никакого. Сытый голодного не разумеет, я это за годы службы в банке отлично осознал. Иронизируй, не иронизируй — все одно результат не воспоследует, тебя просто не услышат. Потому я молча выбрался из остановившейся машины и, упершись руками в поясницу, потянулся, разминая затекшие мышцы.

А хорошо потомок ландскнехтов устроился. Ну оно и понятно — престижное направление, элитный район, серьезная клиентура. И хорошо мне знакомый запах больших денег. Больших, но чужих.

Утреннее почти летнее солнышко омывало своими лучами пять аккуратненьких трехэтажных корпусов, стоящих между хрестоматийными левитановскими березками. По вымощенным разноцветными плитками дорожкам неспешно трусило десятка полтора сильно немолодых, но при этом поджарых мужчин в «родных» костюмах «Боско», следуя за девицей-тренером с такими формами, что даже у меня, идейного противника спорта, появилось желание влиться в их ряды.

Еще тут имелись беседки, обвитые плющом, несколько фонтанов, глядя на которые местным пациентам так чудно размышлять не только о времени и о себе, но и о судьбах отечества, пара строений неясного назначения, то ли лаборатории, то ли корпуса для проживания обслуживающего персонала, и много чего другого. Территория позволяла. Иной аэропорт куда меньше места занимает, чем эта небольшая частная клиника.

В такой больничке полежать, это как в хороший отель съездить, скажу я вам. Не удивлюсь, если тут еще и бассейн с морской водой есть.

— Впечатляет? — уточнил у меня Петр Францевич. — Наше с Яной детище. Если бы вы знали, сколько мы сюда сил вложили, сколько души, сколько нервов.

— И сколько денег, — продолжил я иронично.

— Само собой, — и не подумал обижаться Вагнер. — Причем своих, а не заемных.

Никаких дотаций, никаких субсидий, исключительно личный капитал.

Нет, надо мне выспаться. Собственно, чего я на него накинуться решил? Делает мужик свой бизнес, и делает. В конце-то концов, не наркотой же торгует, и не дурочек малолетних в Турцию продает для постельных утех? Ну а что до отстраненности данного места от широких народных масс, так подобное всегда было, есть и будет. Можно подумать, что в советское время вожди в районную поликлинику ходили.

— Нам в четвертый корпус, — сообщил мне Вагнер. — У нас там инфекционное отделение.

— Хм... — озадачился я. — Про «инфекционку» вы не упоминали. Если честно, нет у меня желания какую-нибудь заковыристую хворь подхватить, из числа тех, что воздушно-капельным путем передаются.

— Не подхватите, — успокоил меня Петр Францевич. — Просто внешний вид Руслана, он... Специфичен. По этой причине мы именно туда его и определили. Собственно, Руслан один занимает весь этаж, других пациентов там нет. Но его болезнь не носит

инфекционный характер, в этом можете быть уверены. Лучшие врачи Москвы уже составили свое суждение по этому поводу, про анализы я и не упоминаю.

— Хорошо, — согласился я и снова зевнул. — Скажите, а кофе в вашем заведении есть? Засыпаю просто на ходу. Так сказать — полцарства за «Нескафе».

— Найдется, — с достоинством ответил Вагнер, а после усмехнулся. — Правда, не для всех. Гипертоникам, к примеру, его не видать как своих глаз, даже за деньги.

— Ну вопрос всегда только в сумме, — усмехнулся я.

— У меня персонал вышколен будь здоров, — покачал у моего носа указательным пальцем Вагнер. — Разумеется, прецеденты были, но нарушители вылетали с «волчьим билетом», их после этого даже в аптечный киоск на работу не брали. А оставшиеся точно знают — если что, никакие мольбы не спасут. Но у вас, мой друг, вряд ли обнаружатся проблемы с сердцем и давлением, не так ли? Кстати, не желаете после кардиограмму сделать? У нас отличное оборудование, в Германии на заказ изготовили.

— Пока ограничимся кофе, — предложил я и глянул на часы. — Но вот если бы к нему прилагалась тарелка пшенной каши на молоке, пара кусков хлеба с маслом и два-три ломтика сыра, это было бы счастье. Но утренняя раздача еды, надо думать, уже закончилась?

Самое забавное — я абсолютно точно указал блюда из «меню № 6» стандартного понедельничного завтрака. Но одновременно в этом и крылась моя ошибка. Вагнер же немец, что я у него попросил, то и получил. Просто в «меню № 3», например, бутерброды с севрюгой фигурировали, а в «меню № 9» паровые куриные котлеты с пюре, так что стоило не скромничать в своих запросах. Может, это и не такая больничная классика, как каша и сыр, но мне котлеты больше по душе. Вот только переигрывать было уже некрасиво. Все разновидности меню я с интересом изучил в небольшой, но крайне миленькой столовой четвертого корпуса, созданной, насколько я понял, специально для тех, кто любит питаться в компании. Остальным пациентам пищу доставляли прямо в палаты. Воистину — любой каприз за ваши деньги. Сами посудите — я насчитал двенадцать видов. Двенадцать! Как видно, каждый соответствовал своей группе болящих — диететику одно, желудочнику другое, сердечнику третье.

Ну не по толщине же кошелка их формировали? К тому же, за этот забор бюджетники все равно не попадают, если тут оказался, то уже данному меню соответствуешь.

— Ну, пошли к вашему горемыке, — облизав ложку, и отпив из кружки отличного кофе, предложил я. Не из чашечки, а из кружки, предусмотрительный Вагнер отдал соответствующее распоряжение. — Сон отступил, пользуйтесь вспышкой активности. Вижу, вижу, что спешите, потому допью на ходу.

— Плохая идея, — немного удивив меня, покачал головой Петр Францевич. — Лучше я подожду, спокойно завершите завтрак. Желудок ошибок не прощает, поверьте врачу. Да и другие причины на этот счет имеются.

Смысл, который Вагнер вложил в эти слова, стал мне понятен чуть позже, когда мы наконец добрались до палаты его друга Руслана.

Черт, какая же в ней стояла вонь! Не помогали ни очистители воздуха, ни навороченный кондиционер, установленный под потолком, ни марлевая маска, которую мне вручил Вагнер перед тем, как сюда зайти. Смерд гниющего заживо тела лупанул меня как молотком по голове, я чуть «меню № 6» обратно из себя не исторг.

Про внешний вид этого горемыки я уж и не говорю. По изъеденному язвами лицу было просто невозможно понять, как этот человек выглядел раньше. Да что там! Не знай я, что это мужчина, то затруднился бы и с определением пола.

Да, это точно не типовое заболевание. Кому-то этот самый Руслан крепко перешел дорогу. Кому-то сильно непросто. Я не эксперт по проклятиям и порчам, но даже мне ясно, что его не просто хотели убить, кто-то желал, чтобы он еще и помучался. Хорошо так помучался, от души, качественно. Чтобы всю жизнь свою перед смертью вспомнил и каждый поступок в ней взвесил, точно перед Страшным Судом, но еще при жизни.

— Бо-о-ольно-о-о-о, — проскрипел голос, в котором ничего людского уже не было. Распухшие, точно олады, губы шевельнулись, по ним потекла зеленоватая вонючая жижа. — Бо-о-ольно-о-о-о. Э-э-э-э-э...

Мать моя женщина! Он еще и в здравом уме!

— Укол, — бросил Вагнер сестре. — Четверть дозы.

Даже знать не хочу, что именно они ему колют. Но и не осуждаю, поскольку мужика корежит очень уж неслабо.

Я с собой захватил пару зелий, тех самых, с помощью которых некогда помог господину Ряжскому во в чём-то схожей с этой ситуации. Можно было бы подарить приятелю Вагнера двадцать-двадцать пять минут без боли, но стоит ли? В данной ситуации это не благодеяние, а часть пытки, которую ему и без меня кто-то устроил.

И все же интересно, за что его вот так?

Я глянул на Вагнера и ткнул пальцем в направлении двери, давая ему понять, что пора на выход. Делать мне тут больше было нечего. Да и не вмоготу, если честно, очень уж запах жуткий. Как сестры здесь подолгу находятся, в ум не возьму. Им за вредность тройной оклад платить надо. Впрочем, может, так оно и есть.

— Что скажете? — Мой наниматель стянул повязку с лица и глотнул свежего коридорного воздуха.

— Кто-то здорово рассердился на вашего приятеля, — сделал я ровно то же самое. — Уффф! Кранты ему, Петр Францевич. Я не большой эксперт по данной части, но, сдастся мне, точка невозврата пройдена, и не вчера.

По лицу Вагнера ясно читалось, что: «Если бы ты сразу сюда поехал, а не ждал бог весть сколько, то ситуация могла и не дойти до такого кошмара». Но произносить вслух он этого не стал. Умный.

Да и не случилось бы по-другому. Что я сейчас не знаю, как такое вылечить, что тогда не знал. Тут эксперт нужен. Специалист узкого профиля.

— Совсем ничего сделать нельзя? — опытный и мудрый Вагнер что-то прочел по моему лицу, потому и задал этот вопрос. — Совершенно?

— Думаю, — пояснил я. — Не отвлекайте.

Хотя — что тут размышлять-то? Вариантов всего ничего. Первый — плюнуть на все, сказать, что «увы и ах», и забыть про горемыку Руслана напрочь. Второй — прибегнуть к помощи своего нового приятеля по имени Дэн. Вернее — предложить ему немного заработать. Выглядит это не сильно красиво, вроде вот только как познакомились, и сразу такие предложения, но, с другой стороны — я же не займы у него прошу? Деньги есть деньги, почему нет? Вот только, несмотря на наличный расчет, кое-какую услугу я ему задолжаю, а это мне не по душе. Ни к чему это сейчас, не ко времени. Да и потом — овчинка не стоит выделки, потерять я могу больше, чем приобрести.

И вариант номер три. Красавица Виктория, непостижимая и холодная, словно Снежная королева. Собственно, я сразу так и предполагал, еще тогда, когда мы с Вагнером сделку заключали. Интуиция, однако.

Основной момент один — оно мне надо или нет? Про сострадание говорить не имеет смысла, этот большой гнойник мне не брат и не сват. К тому же я понятия не имею, кто и за что его такой красотой наградил. А что если за дело? Может, он беззащитных дольщиков обманул, собрал с них денежки и дом не достроил? Или чего похуже учудил? Простые люди сюда не попадают, и есть у меня серьезное подозрение, что кое-кто из местных постояльцев на руку сильно нечист.

Опять же. Что, если я ему помогу, а потом кто-то мне за это предъявит? Ведьма какая, или колдун? Запросто такое случиться может. Скажем, кто-то их подрядил убрать этого Руслана с дороги, они честно хотели исполнить контракт, а тут я со своими кустарными методами и излишним состраданием, пусть даже и замешанным на материальной выгоде. Мне новые враги не нужны, старых хватает. А если еще учесть друзей, которые иной раз проблемы подкидывают похуже иных супостатов, так и вовсе на руках заваливающей «пары» может не оказаться.

— Как он, Петр Францевич? — К нам подошла восточная женщина, красоту которой не портила даже изможденность, заметная сразу. За ее спиной стоял черноволосый и крепко сбитый подросток, почти юноша, неотрывно глядящий на дверь, ведущую в палату, из которой мы только что вышли. — Нет улучшений?

— Увы, Лиана Мансуровна, увы — всплеснул руками Вагнер. — Мы делаем всё что можем. Впрочем, я пригласил для дополнительной консультации одного очень серьезного специалиста, вся надежда теперь только на него. Собственно, вот — Александр... Мнэ-э-э...

— Просто Александр, — оборвал я его мычание. — Добрый день.

Вот не люблю я этого всего. Не люблю. Не знаю, случайно тут оказалась эта измученная неизвестностью и страхом женщина, или хитрый немец все подстроил, но не стоило этого делать. Так меня проще разозлить, чем сподвигнуть на доброе дело.

— Это Лиана Мансуровна Арвен, — представил женщину, которая не мигая тарасилась на меня своими черными глазами, Вагнер. — А это его сын, Темир.

Арвен. Это не тот ли, что владелец банковской группы «Бета»? Финансовый мир сам по себе невелик, и с каждым годом стараниями Центрального Банка России становится все более узким, потому серьезных игроков на нем все знают. А «Бета» серьезный игрок, они за последние несколько лет пяток крупных, но просевших банков санировали. И зарплаты там, по слухам, неплохие, про подобные вещи в нашей среде тоже все всё знают. Помню, года полтора назад я с Кузьминой полаялся, так даже хотел им свое резюме отправить.

Вот ведь.

— Помогите Руслану, — тихо попросила женщина. — Умоляю вас! Я чувствую, что вы в силах это сделать. Не знаю отчего, но точно это знаю!

Ну что за сериальные страсти, а?

— Вам бы поспать, — посоветовал я ей. — Вон тени какие под глазами. Все уже идет так, как идет, и то, что вы себя мучаете, никому пользы не принесет.

— Вот, — почему-то обрадовался Вагнер. — Врача два, а мнение одно. Заметьте — это мои вчерашние слова.

— Я пойду к мужу. — Лиана Мансуровна накинула на плечи халат и отправилась в палату.

— Моя семья богата, — сообщил мне подросток ломким голосом, как только за его матерью закрылась дверь. — Если отец выздоровеет, то вы получите много денег, даю слово. Очень много. Если надо, я расписку напишу. Но Петр Францевич может подтвердить вам, что мужчины из рода Арвенов всегда держат свое слово. Это на самом деле так.

— Хорошо, — без тени улыбки в голосе отозвался я. — Ваше предложение мне предельно ясно, Темир Русланович. Не надо расписки.

Не подав руки ни мне, ни Вагнеру, парень отправился вслед за матерью, в удушливо-гнойный полумрак палаты.

— Хотелось бы ясности, — твердо произнес Петр Францевич. — Не обессудьте, Александр, но как врач я имею на это право.

— Бесспорно. — Мне совершенно не хотелось с ним спорить, хотя и можно было бы. — Но прежде я бы еще кофейку жахнул. Опять меня в сон клонит.

— Разумеется, — наконец-то в голосе бизнесмена от медицины я услышал раздражение. Не знаю почему, но мне хотелось его вывести из себя.

Беседу мы продолжили уже на улице, устроившись на уютной кованой скамеечке в тени высоченной липы.

— Итак. — Я отпил кофе. — Вы желаете ясности. Какой именно?

— То есть? — На лбу Вагнера запульсировала жилка.

— Так она разная, — пояснил я. — Есть ясность по поводу хвори этого господина, есть ясность на предмет того, что мы делаем дальше. И так далее.

— Хотелось бы полную, — глубоко вздохнув, произнес Петр Францевич. — Если можно.

— Отчего же нет? — добродушно согласился я. — Что до хвори, то еще у палаты я достаточно четко выразился, на мой взгляд. Вы были правы, это не медицинское заболевание, потому ваши врачи ничего сделать и не смогли.

— Ужас, — вытер лоб Вагнер. — Боюсь, вам не понять, Александр, насколько страшно мне это слышать.

— Вы на самом деле настолько дружны? — искренне удивился я. — Если это так, то примите мои извинения за неуместную иронию во время нашего предыдущего разговора.

— Да нет, — отмахнулся Петр Францевич. — Хотя — да, дружны, но речь не о том. Мне как медику страшно. Я всегда был уверен в том, что для медицины нет понятия «невозможно». Любая болезнь — это лишь предмет научного исследования. Даже если ее невозможно вылечить, то, как минимум, можно диагностировать, систематизировать и классифицировать. А сейчас я столкнулся с тем, что лежит по другую сторону научных познаний, понимаете? С чем-то, против чего бессильны лучшие из лучших. Это рушит все, во что я верил. Александр, поверьте, то, чем я занимаюсь сегодня, почти перечеркивает мою предыдущую жизнь, в которой я был врачом, человеком науки. Яна — нет, она деловая женщина, она мозг и сердце нашего дела, собственно, на ней держится бизнес. Не на мне. Я — клиницист, был им и остаюсь.

И я ему верю. Не знаю отчего, но верю. Хотя, разумеется, и не во всем.

— Это жизнь, — попробовал утешить его я. — Она любит подбрасывать сюрпризы, особенно тем, кто их уже не ждет. Ладно, продолжим. Ясность номер два. Я не смогу помочь вашему другу. Не мой уровень, да и профиль не мой. Это как если венерологу предложат лоботомии провести. В теории он что-то знает, но на практике больному ничего хорошего не светит.

— И? — поторопил меня Вагнер.

— И все, — закинул я руку на спинку скамейки. — Почти. У меня есть человек, который мог бы взяться за подобное дело. Специалист высокого уровня. Но...

— Деньги — это не проблема, — напомнил мне владелец клиники.

— Само собой, — кивнул я. — Тут другое. Она сама решает, кому помогать, а кому нет, вот в чем дело. Может случиться так, что будет сказано «нет», и здесь ничего не поделаешь.

— Договоритесь о встрече, — предложил Вагнер напористо. — Я постараюсь найти аргументы, чтобы убедить эту даму помочь Руслану.

— Любопытно было бы глянуть на эту картину, — хмыкнул я, представив, как Виктория выслушивает бизнес-предложение, а после встает и уходит, окинув нас на прощание своим ледяным и безразличным взглядом. — Да нет, милейший Петр Францевич, здесь я буду

вести беседу сам. С вами она даже общаться не станет. Эта леди не практикующая колдунья, ее не наймешь и не купишь вот так просто.

С шорохом разъехались в стороны двери, ведущие в корпус, мимо нас прошла Лиана Мансуровна, давящая в груди рыдания и прижимающая ко рту скомканный платок, за ней следовал сын. Впрочем, поравнявшись с нами, он остановился сдвинул черные брови и произнес:

— Петр Францевич, мы с мамой верим в вас. И еще дед просил вам непременно сказать, что пакет акций клиники перейдет от нашего семейства в ваши руки только тогда, когда мой отец станет таким же здоровым, как и был прежде. Не раньше. И вы тоже старайтесь. Как следует старайтесь.

Ну слава богу! А то я уж в бескорыстие Вагнера начал верить, против всех упреков интуиции, которая теребила мое сознание с самого начала. Мне ведь даже неловко стало, что записал хорошего человека в стяжатели.

Пакет акций. Вот чего он бьется как рыба об лед. Ну да, серьезный аргумент, за такой можно гордость, страх и самолюбие в одно место засунуть, особенно если пакет немаленький. Не контрольный, разумеется, его бы Вагнеры никому не отдали, но процентов пятнадцать-двадцать у Арвена иметься может. Думаю, его банк поддержал клинику на раннем этапе, а как обеспечение в залог взял акции. Или вовсе их выкупил, став инвестором.

А мне лишний раз урок — не верь Вагнерам. Как он там говорил? «Свои, не заемные»? Ну-ну.

Но мальчишка молодец, хорошо держится для своих лет. Зубасто так. Главное ему понять, где проходит граница между «можно» и «перебор». Но я ему ее очерчу. Исключительно из педагогических соображений.

— Мне необязательно стараться, — сообщил я вслед Темиру. — Я клятву Гиппократу не давал, моя совесть чиста. Привет деду!

Парень остановился так, будто ему в спину снежком залепили, и медленно повернулся ко мне.

— Прежде чем вы скажете какую-то глупость, молодой человек, я должен вам напомнить, что именно они обходятся нам дороже всего, — продолжил я. — А уж каким боком встают угрозы, особенно направленные в адрес тех, кто может быть полезен в той или иной ситуации, это вообще ужас!

— Друзья! — Вагнер вскочил с лавочки. — Давайте держаться в рамках вежливости. Да и вообще... Ладно Темир, он совсем еще молодой человек, его эмоции захлестывают. Но вы-то, Александр! Вы же взрослый человек!

— А что, собственно, такого было мной сказано? — изобразил удивление я. — Юноша рекомендовал нам с вами работать лучше, я ему объяснил, что не все в этом мире обязаны выполнять его указания.

Ну тут я душой покривил чутка, куш мне предложен достойный, но не семейством же Арвен? Или Арвенов? Не знаю, как правильно.

— Думаю, мы найдем точки соприкосновения, — мягко проговорил Вагнер. — Точнее — они ведь уже найдены, не так ли? Темир, а вы идите и поддержите вашу маму. Ей сейчас как никогда это необходимо.

Промолчал мальчишка, пошел, куда посоветовали. Но дедуле наверняка наступит, можно не сомневаться.

Нет, все-таки в такие дела уставшим ввязываться нельзя, в сотый раз себе это повторяю. И правда — чего я на этого подростка сорвался? Нашел тоже с кем меряться, кто выше на забор писает, отыскал достойного соперника. Прямо даже стыдно стало.

— И все-таки. — Петр Францевич проводил взглядом две человеческие фигуры, которые вскоре сели в автомобиль, снова уселся на лавочку и сплел пальцы рук в «замок». — Ваше решение, Александр. Я бы хотел его услышать. Тем более что теперь вы четко осознаете, насколько для меня важно исцелить Руслана. Эта клиника — мой... Наш с Яной ребенок. И мысль о том, что кто-то может прийти и потребовать ее часть, гложет нас давным-давно. Да, приходится признать, что когда мы ее создавали, нам пришлось прибегнуть к помощи семейства Арвенов, довольно влиятельного в деловых кругах. После мы не раз делали им предложения о выкупе акций, но они всякий раз отказывали. Постоянно отказывали! И этот случай наш единственный шанс, как бы цинично это ни звучало.

— Согласен. — Сквозь листву скользнул солнечный луч, на секунду ослепив меня, и я, как в детстве, прищурил глаз. — Другого такого может не быть.

— Я все понимаю. — Вагнер закинул ногу на ногу. — Скажем так — сумма вашего гонорара будет удвоена. Это хорошие деньги. Разумеется, при условии благоприятного исхода для больного.

— Сложно сказать, какой из исходов для товарища является благоприятным, — вздохнул я. — Как по мне, прямо сейчас это вариант сдохнуть побыстрее, потому как чем в таком состоянии существовать, лучше уже вообще никак не жить.

— И все же? — мягко, но непреклонно спросил Вагнер. — Ваш ответ, Александр?

— Секунду, — попросил я его и достал телефон. — Сначала кое с кем поговорю, потом закончим. И сразу — если человек скажет «да», то вы утроите два гонорара.

— Утрою? — изумился Петр Францевич.

— Ну да. Вы тогда оговорились, когда сказали «сумма будет удвоена». Правильно — «утроена». Ну-ну, акции все равно вам бы обошлись дороже, и вы это прекрасно знаете. Да и вообще еще не факт, что дело выгорит. Там все так сложно...

Девушка сняла трубку почти сразу, после второго гудка.

— Ничего себе, — вместо «здрасьте» удивился я. — Виктория, возможно я себе льщу, но вы что, ждали моего звонка?

— Да, Саша, — с легким придыханием ответила та каким-то незнакомым голосом.

— Сдается мне, ошибочка вышла, — сообщил собеседнице я и глянул на экран смартфона.

— Не ошиблись. — Вот теперь я узнал голос Виктории. — Я тоже иногда люблю пошутить. В жизни бы не подумал!

— К тому же, я на самом деле жду звонка, — продолжила девушка.

— Вот ведь, — расстроился я. — Значит, не стоит вас отвлекать? А у меня важный разговор. Точнее — дело по вашей части. Любопытное! Я, по крайней мере, ничего подобного до сегодняшнего дня не видал. И к тому же в моих нынешних планах значится все-таки выманить вас в какой-нибудь приличный ресторанчик. Вы просто не знаете ничего про мое упорство, я если чего решил, то непременно сделаю. И потом, мне сегодня даже позавтракать толком не довелось, а дело движется к обеду. Неужели вы мне позволите мне умереть от голодной смерти, прекрасная Виктория?

— Последняя фраза мне не очень, а все остальное... — Девушка задумалась. — Почему бы и нет? У нас тут неподалеку от отдела есть милое кафе, там неплохо готовят. Сейчас вам сброшу на телефон адрес, вы как приедете туда, мне позвоните, я подойду.

— Договорились, — обрадовался я. — Жду сообщение!

— Куда мы едем? — деловито спросил меня Вагнер.

— Мы? — хмыкнул я. — Мы никуда. Вы остаетесь здесь, Петр Францевич, дабы нести за наличный и безналичный расчет исцеление страждущим. А вот я отправляюсь обедать с красивой и умной женщиной, которая, возможно, сделает ваш бизнес по настоящему семейным.

— Деньги? — уточнил он. — На представительские расходы?

— Больше никогда мне ничего подобного не предлагайте, — попросил его я. — И не надо иллюзий, я у вас не служу. Это разовая акция, не более того. И если вы сейчас про себя произнесли что-то вроде скептического «да-да-да», то хочу вам сообщить интересную новость. Я не знаю, как врачевать ту дрянь, что добивает господина Арвена, но зато могу узнать, как ее на кого-то напустить. Ломать не строить, Петр Францевич, первое всегда проще второго. Я доступно изложил свои мысли?

Деньги я люблю, а вот кабалу — нет. От этих самых расходов до цепочки на шее два шага. Сегодня предложил это, завтра трудовой договор, а послезавтра? Мне одной Ряжской хватит за глаза. Ну да, недавно я ее «причесал», вот только для нее это ничего не значит. Эта женщина умеет ставить перед собой цели и добиваться их любой ценой.

— Предельно, — ответил Вагнер. — Машина в вашем распоряжении.

Ну да, конечно, поеду я на ней прямо до места встречи, как же. Наверняка водитель тут же «стукнет», где я высадился и куда зашел. Вагнер не шпион, но лишнего ему знать не надо. С него станется внезапно нагрянуть за наш столик и тем самым все испортить. Потому я вылез из машины рядом с метро «Тургеневская» и сразу нырнул в «подземку», решив, что лучше проеду пару остановок ей. Так спокойней будет.

Кафе и правда оказалось по-домашнему уютным, а Виктория не заставила себя долго ждать.

Сначала все было очень мило, она сделала заказ, а после любезно разрешила мне не ждать ее, когда официантка принесла отбивную с гарниром. От вина, правда, отказалась, сообщив, что на службе.

— Так что у вас за вопрос? Давайте сразу его проговорим, чтобы не обмениваться пустыми репликами, — предложила девушка, с улыбкой глядя на то, как я кромсаю мясо ножом. — И можете говорить с набитым ртом, я к этому привыкла. Мои коллеги только так и поступают, особенно Мезенцева.

— Есть один человек, его крепко прокляли, — все же прожевав кусок, сообщил ей я. — Ну или порчу навели. В жизни такой жути не видел.

— Вы много чего не видели, — резонно заметила Виктория. — И всякий раз будет казаться, что хуже быть не может. Это не так. Будьте любезны, переходите к конкретике.
— Не к столу рассказ, — предупредил я ее.
— Меня ничем не смутишь, — заверила меня Виктория. — Считайте, что я патологоанатом, тем более что где-то так оно и есть.
— Мужик весь в гное, — поморщился я. — Это жуть какая-то. Даже не знаю, как этого Руслана описать правильно...
— Руслана? — напряглась Вика. — Его зовут Руслан?

Глава третья

— Ну да, Руслан, — подтвердил я, окунув кусочек отбивной в томатный соус. — Арвен. Серьезный дядька, владелец мощного банка, который в рейтингах... Виктория, что-то не так?
Девушка смотрела на меня очень странно, а ее лицо скривилось так, что было совершенно не ясно — то ли она заплакать собирается, то ли засмеяться.
— Не так, — наконец произнесла она. — Или, наоборот, так.
— Такое дело, Виктория... — Я положил вилку с нанизанным на нее кусочком отбивной на тарелку. — Дураком надо быть, чтобы не допереть до простой вещи, а именно до того, что вам это имя знакомо, причем неплохо.
— Знакомо, — повторила, как заводная игрушка, девушка. — И неплохо. Так вы говорите, Саша, что он совсем плох?
— Шмат мяса, сочащийся гноем, — осторожно подтвердил я, пытаясь по лицу собеседницы понять, печалат ее эти новости или радуют. — И боли неслабые испытывает, ему их наркотой какой-то медицинской купируют.
— Жаль, — еле слышно прошелестела Виктория. — Снисхождения он не заслужил. Ну хоть ясность появилась. Если так, то особой любви у нее к Арвену нет. И шансов на то, чтобы выжить, у этого господина тоже больше не имеется. Что до меня — я ему помогать в любом случае теперь не стану, поскольку данная ситуация из числа тех, когда ты точно должен для себя решить, с какой стороны баррикад оставаться. Тут мне думать особо не о чем.
— Как скажете, — нейтрально произнес я, снова берясь за вилку и нож.
— Саша, а вы теперь наемник? — вдруг спросила девушка своим обычным голосом. — Да?
— С чего вы взяли? — удивился я.
— Просто вы уже второй раз прибегаете к моей помощи ради решения проблем других людей. На филантропа вы, уж извините, не похожи, к тому же людей, пострадавших в обоих случаях, проживающими за чертой бедности не назовешь.
Я рассмеялся, вызвав у собеседницы удивление.
— И правда, всё именно так выглядит. Но это не более чем случайность. Нет, Виктория, я не ступил на скользкий путь оказания сомнительных услуг. Просто так получилось, так расположились звезды.
— А Арвен? — глаза девушки нехорошо сузились. — Получается, вы помогаете ему не из-за денег? Он что, ваш приятель?
Ай-яй, как смотрит. Сдается мне, теперь я знаю, кто именно напустил на Руслана такую жуткую хворь. Или, как минимум, тому поспособствовал.
— Нет, не приятель, — миролюбиво ответил я. — Мне сегодня впервые в жизни его увидеть довелось. Просто один человек замолвил за этого товарища слово. Полезный человек, замечу особо. Виктория, да не смотрите вы так грозно! Для меня с некоторых пор авторитетов нет, мне что бомж, что депутат — все едино, потому как теперь я точно знаю, что там, за чертой жизни, все люди одинаковы и мечтают об одном и том же. Права народная мудрость, на том свете карманов нет, и туда ничего не унесешь — ни золото, ни власть, ни приватный счет в Швейцарии.
Кстати. Неплохо было бы узнать пару-тройку кодовых слов к подобным счетам. Чем хорош данный способ хранения денег — истинную личность владельца там, в Швейцарии, никто не знает, в том и смысл анонимности. Да и не нужна она там никому, их частенько через фирмы-посредники открывают. Главное — знать кодовое слово и владеть уникальным ключом-флешкой, именно они откроют тебе доступ к деньгам. Казалось бы — в чем отличие этого швейцарского счета от нашего обычного? Да в том, что их, такие счета, как правило, держат отдельно. Отдельно от любимой семьи и верных друзей. И иногда случается так, что информация про подобные счета уходит в могилу с тем, кто был его владельцем.

Но в моем случае чужая смерть — это только начало чьего-то пути.

— Так зачем же вы помогаете Арвену? Если вам плевать на авторитеты?

— Помощью это и не назовешь, если честно. Так, приехал, глянул... Но вообще — ради выгоды, разумеется. Нет, деньги деньгами, это уж само собой, меня бы просто не поняли, не потребуй я их, сами знаете, в каком мире мы живем. Но главное, повторюсь, не это. Дело в том, что проситель является довольно весомой фигурой в фармакологии. Сеть аптек, собственное производство лекарств, клиника, короче — полный набор, и вот это мне очень и очень интересно. Вы же знаете мой профиль — зелья, порошки, снадобья. Есть ингредиенты, которые так запросто не купишь, есть такие, которые вовсе не добудешь, просто в силу того, что не растут они в Средней полосе России. Я же не полечу в Бразилию ради одного корешка или травинки, верно? И вот тут...

— Я поняла, — оборвала мой рассказ Виктория. — Извините, Саша, я подумала о вас плохо.

— Да ничего. — Кусочек мяса наконец-то отправился в рот. — И правильно сделали. Человек я так себе. Дрянь человек, скажем прямо. Но это не мешает мне доесть вот эту отбивную, а после позвонить тому, кто просил о помощи, и сообщить, что я ничем ему и господину Арвену помочь не могу.

— Вы хотите удружить мне? — уточнила Виктория со слабой улыбкой. — Это мило. Я оценила. Нет, серьезно. Но, ради правды, у вас все равно ничего не получилось бы, Арвена уже не спасти. Что-то можно было предпринять в течение первых трех дней после того, как он был проклят, а после — всё. Знаете, что лежит в основе заговора? Гнилая вода из центра Шатурских болот, взятая в апрельское полнолуние из чарусьи, недавно поглотившей детскую душу, да еще и зачерпнутая тем, кто эти места охранять поставлен. Осечки быть не может. Арвена пожирает не болезнь, его разъедает природная злоба гнилой воды. Вы никогда с ней не имели дела?

— Нет, — помотал головой я, а после осторожно спросил: — Виктория, я понимаю, что мы знакомы не первый день, но при этом не настолько, чтобы вы вводили меня в курс данного деяния. Я не совсем дурак, уже сообразил, что вы приложили руку к недугу, поразившему господина Арвена, но все равно это не очень правильно. Подобное лучше оставить при себе. Просто в силу того, что ваши же коллеги могут не очень адекватно воспринять ваши действия. От меня информация не уйдет, даю слово, но если вы и дальше будете так откровенничать, то кто знает, чем это кончится?

— Они в курсе, — огорошила меня Виктория. — Я сама на болота и не сунулась бы, побоялась. Пал Палыч воду добывал, тамошний болотник его давний должник. Саша, вы же знакомы с Пал Палычем?

— Само собой, — подтвердил я. — Он ко мне в Лозовку приезжал. Так, получается, этот Арвен по вашему ведомству проходил? Тогда понятно. То-то его банк ЦБ не прихлопнул. Правда, я всегда был уверен в том, что ни с цбшниками, ни с налоговиками ни одно чародейство не справится, поскольку у них на это иммунитет, но, как видно, ошибся.

— Нет, — покачала головой девушка. — Арвен обычный человек, он никак не связан с миром Ночи. Вернее, когда-то он очень хотел заглянуть за окоём обыденности, причем настолько, что перешел грань дозволенного, за что в результате и поплатился.

— Ясно, — отозвался я, хотя на самом деле это было не так.

Но в такой ситуации лучше в расспросы не лезть. Захочет Виктория — сама все расскажет. Не захочет — значит, не захочет.

Так оно и вышло.

— Несколько лет назад Арвен убил человека, которого я очень любила, — вычерчивая ногтем по столу замысловатые узоры, произнесла девушка. — Не сам, разумеется, чужими руками, но разве это что-то меняет? Виноват не пистолет, а тот, кто нажал на курок. Непосредственного убийцу застрелил Коля, тогда еще совсем юный оперативник, а вот до Руслана мы не добрались, не успели. Он сбежал из страны, как видно, что-то почувствовал. Можно было бы добраться до него и там, где он затаился, но Олег Георгиевич запретил мне это делать, не хотел портить отношения с коллегами. И потом — тот, кого он убил, лежит здесь, на этой земле, стало быть, виновник его смерти тоже должен умереть тут. Так оно и получилось, прошло время, и Арвен вернулся, чтобы за все заплатить. Простите уж за пафосные и банальные слова.

— Не за что извиняться, — заверил ее я. — Все правильно сказано. И смерть у него такая, что врагу не пожелаешь.

— Только мне этого мало, — очень тихо и очень жестко произнесла Виктория. — Знаю, что мои коллеги не одобрили бы то, о чем я хочу вас попросить, Саша, но мне это безразлично.

— Не надо, а? — предложил я. — Не стоит произносить вслух то, что у вас на уме. Это очень, очень плохая идея. Этот гад и так подыхает как собака, истекая гноем и корчась от боли. Куда уж хуже?

— Вам ли не знать, что хуже? — таким голосом произнесла она, что мне стало немного не по себе. — Вы же Ходящий близ Смерти, потому разбираетесь в данном вопросе лучше, чем кто-либо другой.

— Потому и советую обратить свое внимание на салат «Цезарь», — показал я на девушку-официантку, которая как раз принесла заказ моей спутницы. — Это куда разумнее и целесообразнее.

Дело не в том, что мне не хочется помогать этой Снежной Королеве, нет. В обычной жизни для нее лично я готов сделать очень многое, без проблем. Я за добро всегда плачу добром, да и вообще она мне нравится. Но при этом я помню, кто она такая и где служит, в этом все дело. Нет, подставы ждать не стоит, это сто процентов, но если вдруг все всплывет, то ее из событийной канвы выведут за ручку, а меня отправят за борт. По-любому. Потому что от ее просьбы, пусть пока и невысказанной, за километр тянет открытой могилой.

— Я хочу, чтобы Арвен страдал не только при жизни, но и после нее, — отчетливо произнесла Виктория, дождавшись того момента, когда официантка от нас отдалится.

— Все-таки сказали, — поморщился я. — Ну вот зачем?

— Потому что это справедливо, — нахмурилась девушка. — Потому что так будет правильной.

— Никто не знает, что на этом свете правильно, а что нет, — возразил я. — Никто. Зато мне лично прекрасно известно, что благо для одних всегда является горем для других, а мы сейчас говорим о такой тонкой штуке как посмертие. Виктория, это очень, очень хреновая идея, поверьте ведьмаку, пусть даже и начинающему. Я живу под Луной меньше года, но уже понял, что с этими вещами играть нельзя. Покон есть Покон, за все сделанное с каждого из нас когда-нибудь спросится.

— Я приму этот долг на себя, — заявила моя спутница. — Даю слово. И моих друзей из Отдела тоже не опасайтесь, даже если они что-то узнают, по вам это никак не ударит. Умная. Все поняла.

— Это вы так думаете, — продолжил упорствовать я. — А Нифонтов придет да и вспорот мне живот своим тесаком. Или Женька в голову выстрелит, когда я этого ждать не буду. И все, пишите письма.

— Вы не верите моему слову? — аристократично приподнялась левая бровь.

— Я не верю вообще никому, — буркнул я и отрезал еще кусочек мяса. — С тех пор как перестал быть обычным клерком с обычными радостями и горестями. И сразу — если вы сейчас заведете разговор о деньгах, то я оплачу счет, встану и уйду.

— Саша, это плохой человек, — неожиданно мягко произнесла девушка. — Очень плохой. Я же знаю, наводила справки. На нем много крови, много чужого горя. Я не прошу мести. Я прошу справедливости.

— Да не о том я! Вика, вы просите у меня того, от чего не то что подальше надо держаться, а бежать сломя голову! Поймите вы эту простую вещь!

— Понимаю. — Девушка перегнулась через стол, ее глаза оказались напротив моих. — Но мне это нужно. Четыре года, Саша. Четыре года я не живу, а просто существую, потому что в душе пустота. Мне известно, что месть не приносит счастья, и это на самом деле так. Но она дает покой и осознание того, что ты выплатила свой долг. Выплатила, и теперь можешь идти дальше. Саша, я просто хочу снова дышать полной грудью.

Ну вот что мне с ней делать, а? И почему я такой податливый, почему меня всегда можно уговорить сделать то, чего не хочется? Не всем, разумеется, такое удастся, а только тем девушкам, которые мне нравятся.

А она мне нравится. Не знаю, чем, но — есть такое.

И потом — выполняя ее просьбу, я могу решить свою проблему. Даже парочку.

— Что вы хотите, Виктория? — Я приблизил свое лицо к ней так, что мы уперлись лбом в лоб. — Чего конкретно?

— Лишить его посмертия, — быстро ответила девушка. — Пусть душа Арвена скитается без упокоения.

— Нет, — сразу отказал я. — Не пойдет. Похоже, он негодяй тот еще, а значит, через десяток-другой лет его душа людям вредить начнет. Например, прибьется к Снежному Старику и станет забулдыг в сугробах морозить. Мне такие грехи не нужны, полагаю, за них раньше или позже счет предъявят. Не уверен в этом до конца, но проверять не желаю. — Отвергая — предлагайте.

— Хорошо. — Я внезапно чмокнул девушку в щеку, не без радости заметив живой огонек, мелькнувший в ее глазах. — Извините, но надо было немного разрядить обстановку. Еще чуть-чуть, и это кафе могло пострадать от взрыва наших эмоций.

— Вы ловкач! — девушка улыбнулась, на щеках обозначились ямочки, а мое сознание внутри отчетливо произнесло: «Ауф, какая женщина!».

— На том стоим, — не без самолюбования произнес я. — Все-таки профессиональный банковский служащий, тем и кормимся. Кстати, о работе! Вика, вы все-таки кушайте салат, а мне надо кое с кем пообщаться.

Шутки шутками, а на работу позвонить все же надо, хотя бы приличия ради. Ну и градус напряжения за столом чуть понизить следует.

В последующие пять минут я выслушал по телефону кучу всякого разного, потому что моя коллега Наташка никогда не умела просто так принять и передать кому надо излагаемую ей информацию. Она сначала с ноткой зависти иронизировала над тем, что кое-кто довольно сомнительным путем сумел вымостить себе дорогу в личное светлое будущее, потом жаловалась на то, что пришло тепло, а за мороженкой сходить некому, после пересказала мне пяток свежих сплетен, и только под конец сообщила главное. То, что с утра пораньше в банк нагрянула Ряжская, не обнаружила меня, наорала на Волконского, который, в общем-то, был ни при чем, но при этом запретила разыскивать меня по телефону.

Логика в поступках Ольги Михайловны я не усмотрел, но это и не страшно, ибо повредить мне данный факт никак не может. Все равно скоро уволюсь, какая разница?

Виктория тем временем лихо умяла салат и теперь лакобилась клубничным мороженым.

Значит, не все еще потеряно, значит, не совсем она внутри заледенела. Когда девушка в минуты душевных терзаний мороженое, торт со сливками или шоколадку не кушает с задумчивым видом, вот тогда беда. От такой надо бежать сломя голову, чтобы остаться в живых, ибо такие, как она, жалости и сострадания не знают.

— Ваше предложение, Саша, — поторопила она меня. — Обед заканчивается.

— Что-то мне подсказывает, что вы его можете растянуть на столько, на сколько захотите, — хмыкнул я. — Просто вам невтерпеж узнать, что мне пришло в голову.

— Невтерпеж, — подтвердила девушка.

— Еще раз повторю — лихое посмертие я ему устраивать не стану. Хотя бы потому, что не знаю, как это сделать в полной мере качественно.

— Разве? — изумилась Виктория. — Вы же Ходящий близ Смерти?

— Правильно, — согласился я. — Всё так. Но это не значит, что я умею обречь души на вечные муки. К тому же, я ведаю не распределением, а утилизацией. А ну как его сразу после смерти отправят в конечный пункт назначения? Ну а насчет извлечения души из еще живого тела даже и упоминать не стоит, такое мне точно не по плечу. Да оно мне не нужно. Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе.

— Но... — поторопила меня Виктория.

— Но я могу отдать его маре, — отчеканил я. — Вы знаете, кто такие мары?

— Само собой, — задумчиво облизала ложечку девушка. — Если это шутка, то очень неумная.

— Какие шутки? — даже обиделся я. — Всё вполне серьезно. Скажем так — у меня с ними были кое-какие делишки, и я всегда могу обратиться к ним снова.

Виктория с минуту посидела молча, а после изрекла:

— Знаете, господин ведьмак, а вы полны сюрпризов. Причем опасных. Мары — очень, очень древние существа, до которых к тому же трудно достучаться. А уж как они любят на сладкое выпить душу того, кто их призвал... Но вы здесь и живы, это означает, что каким-то образом вам удалось с ними поладить. Примите мое восхищение.

— Это не ответ, — передернул плечами я. — Если «да» — хорошо. Если нет — других предложений не последует. Да и это вы у меня вытянули клещами.

— Да, — протянула мне руку Виктория. — И еще вот что... Вы не назвали цену. Что я буду должна вам за услугу?

— Одну «спасибу», — хмыкнул я. — Ничего вы мне не будете должны. Будем считать, что хоть раз в жизни я себя повел как нормальный мужик, который помогает женщине только потому, что он обязан это делать по сути своей. Просто так, без дальнего прицела. Вы же нас рождаете не для того, чтобы пособие получать, а по любви, верно? И потом — мне надо хоть одно доброе дело иметь в заглазнике, чтобы не совсем уж сволочью себя ощущать. Правда, добрым его, по здравому размышлению, не назовешь.

— Немного хитрите, но это нормально, — одарила меня еще одной улыбкой девушка. — Ладно, сама решу, как именно вас отблагодарить. Но есть еще одно условие. Я участвую в переговорах с марой.

— Сразу нет, — немедленно отозвался я. — И не думайте.

— Да, — тоном, не оставляющим места для сомнений, возразила мне Виктория. — Не стоит спорить, сразу предупреждаю. Ну и, в конце-то концов, это в ваших интересах. Если что, именно этот аргумент отведет от вас все возможные подозрения сотрудников Отдела.

— Вы же сказали, что возмездия со стороны ваших коллег ждать не стоит? — подковырнул я собеседницу. — А?

— Не стоит, — кивнула Виктория. — За Арвена никто из них вам счет не предъявит. Но мы не последняя инстанция, поймите, и в этом случае мои показания станут решающими. Если что, я приму удар на себя. Но для этого я должна быть рядом с вами.

Все это шито белыми нитками. Третий класс, вторая четверть. У нее другие цели, и я догадываюсь какие. Она хочет убедиться в том, что сделка на самом деле будет совершена. Так сказать, верю-верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу. Это я понимаю. Это нормально.

Или есть еще что-то, чего я пока не вижу?

И ведь не отстанет, это ясно как белый день. Жалко, хотел я погреть руки у костерка Арвена по полной, а так только дождик маре верну. Убытка я, разумеется, из-за этого никакого не понесу, но и сто процентов прибыли не получу. Обидно.

Впрочем, еще одна уступка — это тоже инвестиция в будущее, не так ли?

— Ваша взяла, — вздохнул я. — Уговорили, пусть будет так. Но на моих условиях. Идет?

— Слушаю, — насторожилась сотрапезница.

— Ваша роль — наблюдатель, — очень серьезно предупредил ее я. — И не более. Вы не встречаете в разговор, вы не ставите условий, вы не даете обещаний и ничего не просите.

Вы вообще не открываете рот. Это понятно?

— Но...

— Виктория, не сомневаюсь, что вы у себя в отделе много чего читали про мар, — усмехнулся я. — Смею вас заверить — вы про них ничего не знаете. Книжки — это только книжки. В жизни все куда проще, а потому страшнее. И вообще — будь на вашем месте кто другой, фиг бы я вписался в эту свистопляску.

— Согласна, — кивнула Виктория. — Это ваша территория, Александр, и вам лучше знать, что там к чему. Я буду молчать.

— Тогда приглашаю вас в гости, часикам эдак к одиннадцати вечера, — потер руки я. —

Посидим, попьем чайку, а там и дело сделаем. Да, вот еще что... Мне нужна какая-то личная вещь Арвена. Черт, придется снова в клинику ехать.

— Не придется, — прищурила левый глаз Виктория. — У меня есть его галстук. Проклятие ведь тоже не просто так накладывается.

— Уже проще, — обрадовался я. — Да, о клинике.

Я снова достал телефон и набрал Вагнера.

— Петр Францевич? — В моем голосе плескалось море озабоченности и озерцо печали. — Плохие новости. Увы, но не видать вам пакета акций.

— Она отказалась? — уточнил бизнесмен. — Дело в этом? Возможно, есть еще какие-то варианты?

— Если бы, — вздохнул я. — Согласие как раз не вопрос. Беда в самой... Скажем так — хвори. Она поддается лечению только на начальном этапе. День-два, и процесс необратим. Совершенно. Даже если бы я поехал с вами еще тогда, на прошлой неделе, результат мы бы имели тот же. Увы, увы, но господин Арвен уже мертв, несмотря на то что он до сих пор дышит. День-два у него в запасе есть, не больше. Я к чему — вы донесите эту весть до родных и близких, может, ему какие бумаги надо подписать, на предмет наследства или передачи собственности. Ну и попрощаться тоже следует, так чтобы по-людски. Меня, разумеется, в этой связи упоминать не надо. Клиницист у нас вы, а не я.

— Хорошо, — без особого оптимизма буркнул Вагнер. — Всего доброго.

— Стоп-стоп, — скомандовал я. — Это еще не всё. Теперь по нашим с вами взаимным расчетам.

— Каким расчетам? — опешил он. — Аванс ваш, а больше мне платить вроде как не за что.

— Да что вы? — рассмеялся я. — Короткая у вас память, Петр Францевич. Как было сказано в тот день, когда мы заключили сделку? Если ваш приятель умрет до того, как я примусь за его лечение — вы мне ничего не должны. Он пока еще жив, не так ли? Тем не менее, время мной потрачено, вдобавок я побеспокоил очень и очень влиятельного человека своей просьбой. Да, результат прискорбный, но услуга мне оказана, и когда-нибудь мне за нее предъявят счет. Вы сами коммерсант и знаете, что одна из основ любого серьезного бизнеса — взаимные услуги и уступки. Иногда они важнее, чем деньги. При этом действовал я в ваших интересах. Еще вопросы есть?

Молчал Вагнер, сопел в трубку.

— Замечательно, — продолжил я. — Но поскольку я привык вести дела честно, то и цена за мои услуги будет справедливой. Три раза. Я обращусь к вам за помощью три раза, а не пять. Так, на мой взгляд, будет нормально. Вы согласны?

— Да, — подтвердил Вагнер. — Александр, у меня тоже есть вопрос.

— Можете, только не со всякой ерундой, — разрешил я. — Вы же хотели про это спросить? Можно ли, если что, позвонить и обратиться с просьбой? Ну и не забывайте о том, что я — очень дорогое удовольствие. Помните, сколько было в конверте Арвена? Всякий раз я хочу

от вас получать аналогичную сумму как безвозвратный аванс. И это независимо от просьбы, которую я могу и не выполнить. Впрочем, можете класть в конверт больше, я не обижусь.

В принципе, хороший вариант. Зная его жадность, можно предположить, что чаще чем раз в год он появляться не будет. А мне лишний приработок не помешает.

— Значит — день-два? — еще раз уточнил Вагнер. — Ох, беда, беда...

На том мы с ним и распрощались.

— Не знала, что я влиятельная особа, — покачала головой Виктория. — Насмешили. И еще — пройдоха вы, Александр. Даже на отказе умудрились заработать.

— На убийстве, — поправил ее я. — Называйте вещи своими именами. Сегодня ночью этот человек умрет благодаря нашим стараниям.

— И очень хорошо, — моментально изменилось лицо девушки, веселье из него ушло, осталась застарелая ненависть. — Жалко, лично этого не увижу.

— Кстати, а не допустили ли мы ошибку? — вдруг озадачился я. — Они, часом, эвтаназию к нему не применяют? Чтобы не мучался? Тогда все наши труды коту под хвост.

— Нет, — заверила меня девушка. — Ручаюсь за это. Вера — часть его сути и, что важно, сути его жены, которая могла бы упротить Вагнера облегчить его страдания. Так что он пройдет свой путь до самого конца.

Вот тоже интересно — Арвен ведь мусульманин, а я на него нашу отечественную нечисть натравлю. Как эти вещи могут сочетаться?

А может, и запросто. Не исключено, что те же мары появились еще до того, как верования растащили людей в разные стороны. Так что им не мешает то, чего они не знают.

— Ну и замечательно, — успокоился я и поднял руку. — Барышня, а можно нам кофе и счет? Вика, вы какой предпочитаете? Я вот латте. Он вкусенький.

Вскоре мы расстались. Девушка отправилась на службу, я подобной ерундой заморачиваться не стал и поехал домой.

Там я шуганул Родьку, который призывно махал полиэтиленовым пакетом и демонстративно хлопал дверью холодильника, давая мне понять, что тот снова почти пуст, и завалился на кровать, о чем мечтал два дня. Завалился — и не заснул. Весь день спать хотел, в метро в дремоту впал, в лифте чуть челюсть не свернул, зевая, — а тут никак.

Как видно — перехотел. И так бывает. Но, может, оно и к лучшему, поскольку еще по дороге я, похоже, сообразил, зачем Виктория напросилась ко мне в гости. Тут дело не в любопытстве и не в недоверии. Тут — другое.

Потому я живенько раскопегарил горелку и сварил одно немудреное зелье, которое, как мне кажется, сегодня непременно пригодится. А после еще и в магазин сходил. Не ради Родьки, который всем своим видом показывал, что голодная смерть уже протянула свои костлявые пальцы к его мохнатому горлу. Просто некрасиво выйдет — у нас гостя, а в доме даже сахара нет, накануне-то я его купить забыл, а все сладкое Маринка стрескала. Хотя если бы не Виктория, никуда бы я не пошел. Я вообще в последнее время к тихим домашним радостям, вроде еды и тому подобного, охладел. Да оно и понятно, не до того мне. То Лозовка, то ведьмачьи дела, то вон убивать кого-то надо. Где времени на все взять?

Кстати — Лозовка. Что-то прораб Валера затих, не звонит, не пишет. Мужички там на моей стройке века вообще работают? Хоть что-то делают? Надо съездить, посмотреть. Может, у меня там долгострой образовался? Не хотелось бы.

Виктория оказалась пунктуальна невероятно. Ровно в одиннадцать вечера брякнул дверной звонок, и я поспешил к двери.

Родька был в курсе того, кого я жду, но никаких эмоций по этому поводу не выказал. То ли приход Виктории не очень его беспокоил, то ли он ее как конкурентку Светке не воспринимал — уж не знаю. Но того недовольства, которое я постоянно замечал в те моменты, когда в наш дом приходила Мезенцева, тут и близко не возникало.

Кстати — правы мои собраты. Распустил я его. До чего дело дошло — вполне серьезно рассуждаю на тему, кто моему слуге нравится, а кто нет. С другой стороны — с ним таким интереснее сосуществовать. Видел я других слуг, забитые они какие-то, неживые.

Особенно те, что ведьмакам-ветеранам служат. А Афоня? Он вообще чуть не спился.

Нет уж, пусть остается такой, какой есть. Хотя ему я ничего подобного сроду не скажу, разумеется.

К тому же он меня не подвел. Чашки стояли на столе, там же имелись печенье, сушки, зефир и даже три глубокие розетки с разными видами варенья.

Что примечательно — ни розеток таких, ни варенья в моем доме сто лет как не водилось.

Опять у кого-то из соседей позаимствовал, появилась у него такая привычка. Нет, посуду он, конечно, после вернет, чистую и невредимую. Но, в принципе-то, это неправильно?

Хотя и вкусное варенье, тут не поспоришь. Особенно вишневое славное оказалось.

Но поругать его стоит, ибо — не дело. И куда только Вавила Силыч смотрит?

О! Вавила Силыч! Чуть не забыл! Его же предупредить надо!
Чураться Виктории подъездный не стал и вылез из-под холодильника почти сразу после того, как я его позвал.
— Исполать тебе, чародейка-матушка, — невероятно вежливо поприветствовал он мою гостью, и даже отвесил ей что-то вроде поклона. — Сто зим здравствовать, сто лет благоденствовать.
— И вам добрый вечер, суседушка, — встала с табуретки та. — Пусть в вашем доме всегда будет лад да согласие, хлеба вдоволь да молоко не киснет.
Фольклор. Надо запомнить, может пригодиться.
— Вавила Силыч, — решил не откладывать неприятный разговор я. — Тут такое дело... Опыть мне придется кое с кем побеседовать. Ты понял с кем, да? Знаю, что тебе эти встречи в тягость, но — надо.
— Ох... — Подъездный зацепил ложечкой варенья из розетки. — Снова ты за свое. Хоть ты ему скажи, чародейка! Ну глупость же несусветная сюда эту погань приманивать! Ты же понимаешь, какое это зло!
— Понимаю, — ответила Виктория. — Но это не Александру нужно, а мне, не вините его. Он меня отговаривал, но я его вынудила это сделать.
— Вон как? — опешил Вавила Силыч. — Куда мир-от катится! Я же вижу, что ты хоть и молода, а горячего варева хлебнула, потому знаешь, что за этим последовать может? Александр несмышлениш еще, но ты-то...
И он махнул рукой, давая нам понять, что не в силах мириться с нашей людской глупостью. Но своих сбегал, предупредил.
Как только часы отмерили полночь, я сразу же приступил к ритуалу призыва, не желая откладывать неприятное действие в долгий ящик. И на этот раз мара откликнулась почти моментально. Смесь трав догореть не успела, а в коридоре раздались мельничьи шажочки, сопровождаемые непонятным жужжанием.
— Твою тетку, забыл! — хлопнул я себя по лбу, и сунул в руку Виктории пузырек с зельем, что недавно сварил. — Пей! Живо!
— Это что? — подозрительно глянула на меня девушка. — Зачем?
— Отрава, блин! — рыкнул на нее я. — Пей, говорю! Это чтобы она тебя в ментальном плане не скрутила!
Виктория еще раз с сомнением покосилась на меня, выдернула пробку, понюхала жидкость, а после одним глотком опустошила небольшой пузырек.

Глава четвертая

Прикрытая дверь скрипнула, и в кухню вошла мара. Который раз ее вижу — и все удивляюсь несоответствию формы и содержания. Кругленькая задорная девичья мордашка, нос-пуговка, светло-льняные кудряшки, голубенькие глазки — прямо Аленка Бабаева с обложки шоколадки. Любой режиссер рекламных роликов детской одежды или сока это солнечное чудо без проб сниматься пригласит. Вот только жизни этому смельчаку останется потом ровно столько, сколько эта девчушка ему сама отмерит.
Кстати — она еще и одежду сменила, сообразно сезону. Пропала шапка с надписью «New York», ее сменили солнцезащитные очки в розовой оправе, придерживающие волосы на лбу, сапожки сменили кроссовки с розовыми же шнурочками.
И еще — глаза. Я сразу как-то не смекнул, но — ушла из них чернота, которая так напугала меня в первый раз. То ли мимикрирует мара, то ли еще что...
«Жжжжжж» — крутанулся в маленьких пальчиках спиннер.
— Славная штука, ведьмак, — сообщила нежить, карабкаясь на табурет. — Удобная. Время коротать хорошо. Спасибо, что подарил.
— Да не вопрос, — отозвался я. — Лишь бы тебе в радость.
— А это кто? — Мара уставилась на Викторию. — Подружка твоя? Зря. В ней хоть сила и есть, но она из людей. Ничего у вас не выйдет. Многие из ваших пробовали, только толку чуть. Либо ты ее погубишь, либо она сама от тебя уйдет. Ваш век длиннее людского, она старухой станет, а тебя даже седина еще не тронет.
— Какие невеселые перспективы, — поморщился я. — Но это в любом случае наши дела.
— Ваши, — с готовностью согласилась мара. — Так и есть. И говорить о них нечего. А вот что с нашими делами, с твоими и моими? Клятва прозвучала, время идет, я жду.
— Слово ведьмака нерушимо, — с достоинством произнес я. — Для того и позвал. Я готов отдать тебе человека.
— На потерзать? — сразу же уточнила мара. — Или?

— Или, — твердо сказал я. — И тело, и душу. Хотя тело тебе, конечно, без надобности, но тоже можешь забрать.

— Ты же понимаешь, ведьмак, что лишаешь этого человека посмертия? — уточнила мара. — Одно дело пить ночные страхи того, на кого ты меня навел, и совсем другое то, что сейчас предложено.

Вот ведь зараза какая. Все верно просчитала, поняла, чего ради сюда Виктория пришла, и теперь на нее давит, чтобы вызвать эмоции, за которые можно уцепиться. Мара — она как клещ, ей главное впиться, а дальше дело техники. Причем она знает, что мне прекрасно известны все нюансы таких сделок. Нет там никакой разницы, что так дело грязное, что эдак. И будь я человеком, за подобные штуки пришлось бы, наверное, отвечать где-то там, за жизненным пределом. Потом, когда помру. А может, и раньше. Та же мара после припрется во сне и начнет страшать, показывая последствия договора с ней, чтобы до кучи твою душу тоже к рукам прибрать. Ну или что там у нее на самом деле? Щупальца, ложноножки...

Только вот с ведьмака взятки гладки, я это в книге еще когда прочел. Обычная сделка двух обитателей Ночи. Один делает, второй платит. Вот и все. Главное — условия сделки соблюдать, потому как Покон есть Покон. Слово дадено, слово сполнено.

Виктория встала с табурета, хотела что-то сказать — и не смогла. Она еще пару раз открыла и закрыла рот — тот же результат.

Оно и понятно — зелье немоты именно такой эффект и вызывает. Еще с минут пятнадцать девушка будет точно как золотая рыбка — дышать может, глазами хлопать тоже, даже кое-какие желания исполнять, но вот в беседу вступить не получится.

И очень хорошо, а то она таких дел наворотить может, что волосы дыбом встанут. Она ведь для чего ко мне напросилась? Чтобы на себя принять ответственность за то, что я сейчас делаю. Чтобы на мне этого долга перед марой и Мировым Разумом не висело. Вот такая она, эта самая Виктория. Хочет быть честной и передо мной, и с самой собой, чем выгодно отличается от своих коллег. Может, еще и поэтому я решил ей помочь.

Только фиг ей, не люблю я подобной жертвенности. Ведь сожрет ее мара и не подавится. Само собой, ей только в радость еще на одну людскую душу присесть, к ней присосаться и вытянуть, как газировку из стакана через трубочку.

Так что обойдутся, причем обе сразу. Все будет так, как я захочу.

Кстати, я думал о том, чтобы ей на самом деле защитное зелье дать, но не стал. Зачем? Здеси ее мара тронуть не посмеет, она моя гостья, Покон не велит. Ну а я сам под защитой Мораны. Если она хочет рискнуть и устроить праздник непослушания — флаг ей в руки. Виктория тем временем поняла, что к чему, зло глянула на меня, уселась обратно на табурет, скрестила руки на груди и опустила глаза в пол.

— Чего это она? — чуть расстроено уточнила мара, потыкав пальчиком, на котором тускло блеснуло простенькое латунное колечко, в сторону девушки. — А?

— Да пока тебя ждали, в «крокодила» играли, — пояснил я. — Чтобы время убить. Вот она и догадалась, наконец, что за слово я загадал, только сказать не может. Немая она. От рождения.

— Не знаю такой игры. — Мара снова крутанула спиннер и даже язык чуть высунула, глядя на полоску стремительно вращающихся лопастей. — Зело забавно! Так что, ведьмак? Какое твое последнее слово?

Виктория была ей больше неинтересна, это было заметно невооруженным глазом.

— Такое же как первое, — пожал плечами я. — Я отдам тебе душу одного человека. Она будет твоей, делай с ней то, что захочешь. Но условие — она должна хорошенько помучаться. Так, чтобы ей каждый миг вечностью казался.

После этих слов я вопросительно глянул на Викторию, чтобы уточнить — не передумала ли она. Женщины существа переменчивые, никогда не знаешь, что им в голову придет.

Но нет, ничего не изменилось, только скулы на красивом, точеном лице девушки чуть сильнее обозначились. То ли от эмоций, то ли от злости на меня.

— Хорошо, — облизнула губы розовым язычком мара. — Давай вещь этого человека, и я пошла. Ночь только началась, не хочу терять времени. Светает сейчас рано, а мне Ярилино око не по нраву. И я ему тоже.

Виктория засунула руку в чуть оттопыренный карман своего приталенного пиджачка, отчего золотой кулон-капелька, висящий на ее груди, мотнулся из стороны в сторону, достала оттуда свернутый в кругляш галстук и хотела было передать его маре, но я успел раньше и перехватил его.

Ого, «Стефано Риччи». И, похоже, настоящий, в смысле — «хенд мейд». Насколько я знаю, они в год всего штук триста галстуков выпускают, потому стоит каждый из них будь здоров сколько. Ну а уж потом безвестные китайцы к процессу подключаются, только «родную» вещь с подделкой не перепутаешь никогда.

— Погоди, родная, — ласково произнес я. — Давай сначала уладим кое-какие формальности.

— Что тут улаживать? — передернула узенькими плечиками мара. — Ты даешь мне эту тряпицу, на том и расстанемся.

— Только перед этим кое-что надо произнести, — подсказал я. — Дескать, твой долг... Ну, ты же в курсе?

— Да-да, — недовольно насупилась девчужка. — Ведьмак, твой долг полностью погашен и с сего момента закрыт. Ни ты мне, ни я тебе больше ничем не обязаны.

— Услышано и запомнено, — тут же отозвался Вавила Силыч.

— Лови. — Я бросил галстук маре. — Не задерживаю. И помни о моем условии насчет страданий и терзаний.

— Это уж не сомневайся, — хихикнула мара. — Тем и пробавляемся. Да, может, ему чего передать?

— Ну-у-у... — Я глянул на девушку, причем с изрядным сомнением. Ее имя я маре называть не хотел категорически, но при этом в каком-то смысле музыку все же заказывала она.

Виктория все поняла, мигом достала из сумочки телефон и набрала в текстовом поле сообщений имя «Герман».

— Привет от Германа передай, — попросил я, глянув на экран. — Он поймет. Черт, почти как перевод с карты на карту. «Вы желаете добавить СМС?». Забавно.

— Сделаю, — деловито пообещала мара, болтая ножками в гольфиках и ладно сидящих кроссовках. — До встречи, ведьмак.

— Лучше уж прощай, — выразил свое пожелание я без особой щепетильности.

— Э, нет, — залиvisto расохоталась девчужка. — Мы с тобой теперь одной веревочкой повязаны прочно, не разорвешь. Где ты — там Смерть. Где Смерть — там я. Мара спрыгнула с табуретки, помахала нам ладошкой и вышла за дверь. Еще пара секунд, и ее шажочки стихли в глубине коридора.

— Ушла? — скрипнула дверца, за которой стояло мусорное ведро и таились водопроводные трубы, из-за нее показалась голова Родьки. — Хорошо! Не люблю я их племя.

— Вылезай уже, — брюзгливо велел подъездный. — Храбрец. Александр, я тебе, вестимо, никто, учить жизни права не имею, но скажи мне — ты сам-то понял, что сделал? Ты ж ей живую душу отдал!

— Там, Вавила Силыч, такая душа, что ее еще раз пять отдай — и все не жалко, — и не подумал оправдываться я. — Этот человек жениха моей гостью убил, между прочим. Не со злобы, не из ревности, а так, выгоды для.

Ну этого я точно не знал, причину давнего злодеяния мне Виктория так и не назвала, но зато мне были хорошо известны люди, подобные Арвену. И именно деловые интересы в девяноста процентах случаев являлись основанием для всех возможных видов нарушения закона. Хотя до убийства дело доходило нечасто, врать не стану. В основном это были подлоги, хищения и растраты. Одно время, когда после очередных выборов власть «гайки затягивала», сотрудники управления по борьбе с экономическими преступлениями к нам в банк как на работу ходили, таких, как он, за горло брали. Выборы дело недешевое, казну государеву после них пополнять надо.

Хотя по сути подъездный прав. Только что я человека нежити ночной скормил, и ничего внутри не шелохнулось. Не от смерти спасался, не в бою, когда либо ты, либо тебя, а просто так. Потому что красивая женщина попросила.

Прислушался к себе. Нет, ничего не ёкает. И жалость молчит, и совесть не бубнит. То ли перерождаюсь, то ли правильно поступил. Лучше бы второе верным оказалось.

— Что убийца он — плохо, — отвел взгляд в сторону подъездный. — Нельзя человека ради денег жизни лишать. Но и тебе гордиться нечем. Хоть какой он злодей заугольный, но душа-то у него живая была!

— Какая там душа? — поморщился я. — Чернота одна небось. Видел я такие уже, Вавила Силыч, и на волю их отпускал. Так ни одна вверх не ушла, все кляксами черными на земле оседали. Аж траву собой выжигали.

Молчал подъездный, сопел, ничего не отвечал.

Тут не выдержала гостья. Она вскочила на ноги, потыкала пальцем в губы, потом подбоченилась и, вытаращив глаза, уставилась на меня.

— Да-да-да, пока ты говорить не можешь, — верно распознал я ее пантомиму. — Потерпи немного, скоро все кончится, к тебе вернутся коммуникативные способности. Правда-правда.

Виктория раздула ноздри и топнула ногой.

— Ишь ты. — Вавила Силыч, как мне показалось, очень обрадовался перемене темы. — Такое бы зелье Пал Петровичу со второго этажа подарить. Его супружница как домой с работы вернется, так сразу давай на него орать. Злобу девать некуда, молодые-то от них съехали. Ей Галина, невестка, стало быть, сразу не по душе пришлось, вот она ее два года и шпыняла, стрессу свою снимала. А теперь молодые квартиру купили, только их и видели. Сами сюда не ездят, и ее к себе не зовут, так она им надоела. А поорать-то надо? Вот Пал Петровичу и достается. А он мужик тихий, спокойный, терпит. Прямо жалко его.

— Не поверишь, Вавила Силыч, но для того это зелье и придумано, — рассмеялся я. — Оно из разработок Митрия. Ну помнишь, я тебе о нем рассказывал?

— А, это тот ведьмак, что девок портил через одну и искал способ, как воду в зелено вино превратить? — покивал подъездный. — Редкостный прохиндей, похоже, был.

— Ну да, — подтвердил я. — Вот и это зелье он выдумал, причем специально для продажи. Так и написал: «дабы сварливых женок речи лишить, когда те злы сильно или же в цареву лавку свою мужа не пушают». Кстати, ты не знаешь, что за «царева лавка» такая?

— Так кабак, — причмокнул Вавила Силыч. — Одно время водку-то не везде наливали, а только в специальных заведениях, что имели на то разрешение от власти. Так это дело и называли — «царево вино». Или же «казенкой», потому как ее только казенные заводы гнали. Государевы то есть.

Ну да, что-то такое я слышал. Или читал?

Тем временем Виктория, которую, похоже, вся эта комедия абсурда достала до края, схватила с подоконника первый попавшийся предмет и начала им махать, выказывая недовольство.

Все бы ничего, но им оказался маринкин недавний подарок, тот самый моржовый хрен.

— Моя прекрасная леди, вы хоть знаете, что держите в руках? — давя в горле хохот, поинтересовался я. — Нет? Сейчас объясню.

Через минуту длинная и узкая кость полетела в угол, а я перестал сдерживать смех. Да и подъездный со слугой не отставали. Что там — Виктория сначала неуверенно заулыбалась, а потом беззвучно захохотала.

— Хорошо, что не сломала, — вытер слезы из уголков глаз я. — Не скажу, что мне сей предмет нужен, но пусть будет. Может, с каким настоящим шаманом сведу дружбу, кто знает? Вот ему подарю. Так и скажу — «держи, шаман Василий, моржовый хрен на память»!

— Почему Василий? — заинтересовался Родька. — У них обычно имена заковыристые. У меня один хозяин долго на Севере жил. Мы с ним еще через пролив туда-сюда на лодке катались. Забавная такая лодка, узкая только. «Каяк» называется.

Через какой пролив? Берингов, что ли? Интересно, чего это они туда-сюда через него шастали? С какой целью? Может, с территории Штатов на нашу золото, намытое на Клондайке, перевозили? Хотя это вообще невесть когда могло быть.

— Не знаю почему, — признался я. — Звучит просто красиво. Шаман Василий. Эдакий чукотско-российский колорит.

— Болтуны! — хрипло изрекла Виктория, обрадованно ойкнула и продолжила: — Слава Богу, речь вернулась! Смолин, я тебя убью!

— Вот, — поднял вверх указательный палец я. — Во-первых, девушка обрела право голоса и произнесла заветную фразу, которую я слышу с завидным постоянством, во-вторых, мы наконец-то сошли на «ты».

— Это был мой долг, — хлебнув остывшего чая, продолжила Виктория. — Мой! Я должна была на себя его принять.

— И чего добилась бы? — хмыкнул я. — Через пару дней это милое дитя с тысячелетним прошлым заявило бы к тебе в ночной тиши и начало мучать во снах. И вот кому, кроме нее, от этого хорошо станет? Если хочешь свести счеты с жизнью, я могу подобрать тебе варианты куда поинтереснее.

— Но теперь с тебя за сделанное спросится. — Тоненькие брови девушки образовали «домик», на лбу обозначилась морщинка. — Это неправильно.

— За что с меня спросится, это не твоя печаль, — немного грубовато бросил я. — Главное, что с твоих плеч груз упал. Как ты говорила? «Дышать не могу?». Теперь — дыши. Полной грудью.

— Я попробую, — криво улыбнулась девушка. — Правда, не уверена, что получится.

— Ну тут я тебе не помощник. Твоя жизнь, тебе ее и жить.

— Но какая же она жуткая. — Виктория отломил кусочек от печеньки. — Я мару имею в виду. Девочка девочкой, таких на улицах тысячи. А в глазах — ледяной холод. Они как небо зимой.

— Вот-вот, — поддержал ее Вавила Силыч. — А Александр ее сюда, в дом свой, то и дело зазывает. Куда это годится? Да еще и дела с ней какие-то водит. Нельзя такое делать!

Нельзя! Беда будет! Коготок увяз — всей птичке пропасть! Вон как в фильме той. Парнишка-то тот, сиротка, сначала не злой был, нет. Но одну глупость сделал, потом другую, а после пошло-поехало. И вот — носа нет, губ нет, одежда — тряпки черные да драные, и змеюка в приятелях.

А, это он о Волан-де-Морте речь ведет. Очень обществу кино про мальчугана-волшебника понравилось, они все части уже раза три пересмотрели.

— Вот-вот, — встала на сторону подъездного Виктория, не очень понявшая его последние фразы, но зато обрадовавшаяся поддержке. — Еще раз повторю — это было...

— Всё! — припечатал ладонь к столу я. — Дело сделано, тема закрыта. Родька, чайник включи.

Интересно, когда она у меня спросит о том, какой именно долг я вернул маре? Мимо ушей данную информацию пропустить было невозможно, а рефлексы сотрудника отдела 15-К просто обязаны подтолкнуть ее все вызнать.

Однако пока гостя молчала. Пила чай, хрустела печеньем, слушала рассказ Вавилы Силыча о том, как паразиты-подъездные из четырнадцатого дома стянули у них бухту поливочного шланга, прикрываясь тем, что это вроде как им выделили, а не нам, и как теперь их дружная компания под руководством Кузьмича планирует акцию отмщения.

— Ого, второй час, — в какой-то момент сказал я, глянув на экран смартфона. — Давай-ка, Виктория, я тебе такси вызову. Москва пустая, доедешь быстро, даже поспать немного успеешь.

— Я никуда не собираюсь, — как-то очень буднично произнесла девушка. — Разве что в душ. Надеюсь, чистое полотенце и халат у тебя найдутся? Ну или хотя бы футболка.

— Прости? — слегка опешил я, но тут же все понял, и мне эта идея не очень понравилась. — Слушай, если речь о некоей благодарности, которую ты хочешь вот таким образом...

— Глупость какая, — чуть отстраненно объяснила мне гостя. — При чем тут благодарность? Просто на самом деле надо как-то снова начинать жить и чувствовать. Хотя бы попробовать вспомнить, как оно было раньше. Четыре года в тисках памяти — это очень долгий срок, Саша. Невозможно долгий. Сегодня я все долги отдала. Я свободна.

— Так, — закричал Вавила Силыч, воспользовавшись возникшей паузой. — И то — пойду я. Права была эта пакость — еще час-полтора, и светать начнет, а дела-то стоят! А ты что застыл? Бегом, госте полотенце найди! И потом брысь спать! Под раковину, а не под кресло! У, нерях ушастый!

Он отвесил подзатыльник Родьке, который, открыв от любопытства рот, слушал нашу с Викторией беседу, изобразил немного неуклюжий поклон, адресовав его чародейке, и нырнул в щель между столешницей и плитой.

— Деликатный какой, — мило улыбнулась Виктория. — Знаешь, они очень хорошие, твои друзья. У меня таких нет.

— Мы хорошие, — подтвердил Родька, который уже успел смотаться в комнату и обратно, а теперь протягивал девушке аккуратно сложенное полотенце. — Что есть — то есть.

— И скромные, — процедил я. — Невероятно.

Черт, черт, мне это очень не по душе. Ну да, Виктория мне нравится, и все такое... Но я очень не люблю, когда меня используют, особенно в делах сердечных, в качестве ли «громоотвода», или в каком другом. Не приводит это ни к чему хорошему. Ну да, сейчас нам, возможно, будет хорошо, но вслед за этим непременно наступит завтра. Точнее — сегодня, но не стоит придирается к словам, все всё поняли.

Лично для меня ничего не изменится. А для нее? Кто знает, какие колесики вертятся в женских мозгах, а особенно вот в таких ситуациях? Сейчас, на нервах, на обостренных чувствах, на эмоциях ей видится одна картина. Утром же произойдет переоценка произошедшего, придут раскаяние, стыд, еще какая-то хрень, которой наши милые дамы так любят загружать свою голову, а после плющить ей же наш мужской мозг.

Может, и не случится этого, но кто знает?

А мне терять эту женщину совершенно не хочется. Ни как человека, ни как очень хорошего специалиста в определенной области тайных познаний.

Вот только потом все произошло как-то очень стремительно и обиденно одновременно, разрушив мои логические выкладки и сомнения. Как? Ну а как оно между мужчиной и женщиной бывает? Так и произошло. Тут думать не надо, тут или «да», или «нет».

В моем случае все же прозвучало внутреннее «да», несмотря на все предыдущие мысли. Наверное потому, что нравилась мне Виктория, и ничего с этим не поделаешь. С того первого дня, как я ее увидел. Правда, не ждал, что так карта ляжет, поскольку сначала решил, что не моего поля эта ягода. Да так оно и есть на самом деле, просто жизнь и судьба иногда выкидывают такие коленца, что только диву даваться можно. Что диву! Такое

сценаристам сериалов с телеканала «Россия» в голову не придет, а уж они затейники еще те!

В общем — как вышло, так и вышло. И пусть все дальше идет так, как идет. К тому же никто не обещал продолжения банкета. Скорее всего, завтра утром эта женщина просто оденется и уйдет из моего дома, чтобы никогда в него не вернуться. Я просто оказался в нужное время в нужном месте, вот и всё.

С этой мыслью я повернулся на бок и уснул.

Точнее — думал, что уснул. На самом же деле оказался там, где кроме моей ноги много столетий ничья не ступала.

А мост-то уже и на развалины не похож. Вон столбики появились на берегу, на них вроде как даже веревки повязаны, которые перилами будут служить. Эдак скоро можно будет и на тот берег перебраться.

Вот только нет у меня охоты туда ходить. Опять там туман густой лежит, на который смотреть немного зябковато. Не физически, а душевно. Есть в нем что-то такое, от Стивена Кинга. Меня в свое время его книга на эту тему очень впечатлила. Даже больше, чем фильм.

Кто знает, что живет в той хмари, которая затянула все пространство, сколько взгляда хватает, и даже частично захватила тихие, недвижимые воды реки Смородины? Проверять точно не хочется.

Зато над теремом Мораны, который окончательно утратил всякую иллюзию призрачности, раскинулось звездное небо. Сама же хозяйка его стояла на крыльце, глядя на меня, и сложив руки на груди. Причем она немного изменилась по сравнению с прошлым разом. На щеках появился румянец, черты лица немного поменялись, сделав ее куда симпатичней, да еще в отдельных местах она стала... Как бы так выразиться... Чуть выпуклее.

— Ну здравствуй, гость желанный, — глубоким голосом, который опять же здорово отличался от того, что я слышал ранее, произнесла она. — Заждалась тебя. Даже думать начала, что не хочешь ты меня видеть.

— Неправда ваша, — возразил я. — Просто навалилось как-то сразу всего и много. Три дня на ногах, от усталости мысли разбегаются как тараканы. А я смотрю, у вас тут ландшафт опять поменялся?

— Что такое «ландшафт»? — насторожилась Морана. — Мне сие слово неведомо.

— Да вон. — Я ткнул пальцем вправо. — Мост подремонтировали, и с той стороны реки туману куда больше стало.

— Навь почувяла, что я пробудилась, — нехорошо сверкнули глаза богини. — И ей весть эта ох как не по нраву. Раньше все было как? Тишина, забвение, покой. Я сплю, она дремлет, и дети ее тоже вечные сны видят. Псоглавцы, босоркуны, планетники, души злодеев в огненных озерах и героев-воинов в курганах — все утомонились, все забыли прошлые подвиги и обиды, все упокоились в Нави. А тут — вон чего. Я пробудилась. А где один встал, там и другие могут проснуться.

— И что тогда? — забеспокоился я.

— Тогда не она будет главной, — пояснила богиня. — Опять придется с кем-то власть делить. Например — со мной. А власть — штука сладкая, ее на всех не растянешь, ее себе целиком забрать всегда охота. Вот она и волнуется, на мой берег поглядывает, гадает, что дальше станется. И тебя, ведьмак, она тоже приметилась, не сомневайся.

— Не пугайте меня, — попросил я Морану. — Не надо. У меня там, в моем мире, неприятностей полно, а тут еще это.

— А как ты думал? — рассмеялась богиня, и смех ее прозвучал, как дюжина маленьких золотых колокольчиков. — Неужто Навь не учует родича тех, кого столетиями баюкает? На том берегу, ведьмак, твоих братьев хватает. Еще из тех, из первых ближников Вещего князя. Кого-то он сумел в Ирий вывести, а кто-то навеки тут остался, глядеть бесконечные сны о битвах. Лежат они в сырой земле, в курганах, под багровыми стягами, там, где смерть свою приняли.

— Трогательно, — подал голос я. — И пусть лежат, вечная им память.

— И они, и кони их, и доспехи, — продолжила перечислять Морана. — И мечи. Те, что Олег саморучно из небесного железа ковал, на которые чары наводил и огненные знаки Трибога накладывал, чтобы сталь эта разила любую нечисть и нежить, не встречая преград и препонов. А уж как тех клинков колдовское да ведьмино семя страшится!

Вот же стерва!!! Хитрая, умная, расчетливая стерва!

— Еще раз про меня такие слова подумаешь, я осерчаю, — деловито предупредила Морана. — Сильно осерчаю, не посмотрю, что ты мне люб.

— Вы о чем? — выпучил глаза я, придав лицу как можно более идиотское выражение. — Ведь ничего такого и не помышлял!

— Я думы людские, как раньше, читать не горазда пока, — ласково произнесла Морана. — Но по лицу твоему все поняла. Отож! Лучше ответь — что, княжий воин, возжелал один из мечей заполучить?

— А то нет? — фыркнул я. — Конечно! Только все равно это невозможно, как минимум по трем причинам. Первая — на тот берег, насколько я понимаю, ходу мне нет. Вторая — походи найди там нужный курган. И третья, самая главная — меч-то тут, а я-то там, в своем мире. Вот и что зря мечтать?

— Где курганы те — мне ведомо, — с достоинством ответила богиня, спускаясь с крыльца и подходя к своему пню-трону. — И меч, если он тебя признает, ты заполучить сможешь наяву, поверь. Но вот на тот берег тебе и правда пока ходу нет. Сунься ты туда — навеки останешься в Нави, не отпустит она тебя назад. Ни на мой берег, ни в твой мир. Закружит во мгле, закрутит, и ходить тебе по сонным лугам и лесам до конца времен.

— Не хочу, — снова глянул я на клубы тумана. — Меч — это здорово, но если так, то лучше уж без него.

— Если только... — лукаво продолжила богиня.

— Если только вы не составите мне компанию, — закончил я. — Это понятно. А составите вы мне ее тогда, когда сил наберетесь. А чтобы силы были, мне надо вам еще душ подогнать. Ничего не забыл?

— Как-то так, — кивнула Морана. — И еще раз говорю тебе, ведьмак — не забывайся. С богиней говоришь, не с блудной девкой.

— Извините, — шмыгнул носом я. — Замотался просто сильно, вот и несет меня по кочкам.

— Но мыслишь ты верно. — пальчики Мораны выбили дробь из подлокотника. — Я должна быть готова к тому дню, когда Навь решит, что я ей помеха, и пошлет своих детей вернуть все на свои места.

— В смысле — убить вас?

— Упокоить, — поправила меня богиня. — Лишить тех крох, что мне удалось себе вернуть, разрушить терем, забрать книгу. И если так случится, то ты, ведьмак, останешься один на один с миром Ночи, я не смогу тебе более помогать.

Ну тут вопрос спорный, кто кому нужнее. Хотя, ради справедливости, если бы не ее книга, из которой я узнал заклинание огня, то пиявец сожрал бы мое сердце. Да и вообще, эта богиня хоть особа и вздорная, но интересная.

Вот только я для нее не менее полезен, чем она для меня. А то и посильнее. Она это прекрасно знает, а потому ведет переговоры по старинной формуле «это не ты мне нужен, а я тебе». Во времена князя Олега такие штуки, возможно, и срабатывали, тогда народ попроще был. Ну и божественный авторитет на них давил. Только меня на такие примитивные заходы не возьмешь, я на запросы Росфинмониторинга отвечал так, что они их принимали и последующих уточнений не требовали. А Моране до этих организаций, как до Луны на тракторе — и по степени влиятельности, и по степени возможного причиняемого вреда.

— Так всегда, — снова выкатив глаза, заверил ее я. — Как только — так сразу же. Вот, представилась возможность, добыл желаемое. Если еще случай подвернется, его тоже не упущу.

— Хорошо, — благосклонно кивнула богиня, но в глазах ее я уловил какой-то недобрый отблеск. — Тогда скажи мне, ведьмак, почему мне достались ошметки какого-то недоучки-колдуна, а моя чернавка получила нетронутую человеческую душу?

— Ваша — кто? — не понял я.

— Служанка. Из тех, кого вы зовете «марами». — Морана встала с кресла, выпрямилась, и на секунду мне показалось, что над ее головой за клубились черные снежные тучи. — Ответь мне, ведьмак, как так вышло, что богине бросают объедки, а какой-то пустой нежити, которая под корягами ютится, накрывают богатый стол? Я жду ответа!

Глава пятая

Как ни крути, а ситуация-то сложилась поганенькая. Даже не так. Некрасивая она получилась, вот что я вам скажу. И в первую очередь оттого, что Морана права. Все так и есть. Ей я подогнал невесть что, в полном смысле по пословице: «на тебе, убоже, что нам не гоже», ну а маре — здоровяка Руслана. Почему здоровяка? Знаю я, как он и ему подобные за собой следят, потому что жить им хочется долго-долго. Не у всех, правда, выходит, на радость части российского народонаселения, которое в подобных случаях обычно приговаривает: «богатые тоже плачут». Хотя, если по чести, в иных случаях это вполне оправданно, потому как не всякое состояние имеет в своей основе только разум и труд его

заработавшего. На такой грязи люди, случается, «поднимаются», что волосы дыбом встают, и тут кроме как «туда ему и дорога» ничего не скажешь.

Ладно, не об Арвене речь, тем более что такового уже и в живых-то нет. Если эта грозная красавица в курсе, что его душа уже не его, то, выходит, мара свое дело уже сделала.

А для меня теперь главное — не признавать правоту Мораны. Если чуть-чуть прогнешься — все, ты уже проиграл. Тут не суд, апелляцию не подашь, не прав — плати, вот и все разговоры. Хотя, разумеется, на прямой конфликт нарываться тоже не следует. Мне с этой дамочкой еще долго общаться придется, очень от нее пользы много получить можно. Пусть даже и взаимообразной.

— Есть такое, — смело взглянул я на повелительницу ночи. — Согласен. Только в вину мне это ставить не следует.

— Это как же так? — немного опешила хозяйка терема, как видно, не привыкшая к тому, что обвиняемые держатся с такой наглостью, при этом отрицая очевидное. — Говори, говори, да не заговаривайся!

— Покон есть Покон, — нахально заявил я. — Его даже богам не перепрыгнуть. За мной значился долг перед вашей... э-э-э... воспитанницей. Я при свидетелях обещал ей отдать человеческую душу, что и сделал. Знаю, что вам она нужнее, но и вы меня поймите — слово-то держать надо? Тем более что мара девушки нервные, всё время голодные. Они подождут, подождут, да и возьмут своё натурой с должника. С меня, то есть. И кому от того хорошо станет?

Славная, однако, штука Покон, здорово его наши предки выдумали. Всё на него свалить можно.

— Нелепица какая! — чуть искривился рот богини. — Они не посмеют тебя тронуть. Мир стал другим, верно, но для моих порождений прошедшие столетия ничего не изменили. Моя воля для них по-прежнему основа основ.

— Это вы так думаете, — парировал я. — Нет-нет, оно, скорее всего, так и есть. Но мне лично это неизвестно, потому что я продукт другой эпохи и не знаю, насколько были широки пределы вашей силы в былое время. Зато точно знаю, что именно ваши слуги могут сотворить с человеком. Сам видел. И оказаться в «дурке» или на погосте после встречи с ними не желаю. Потому честно вернул долг, как к тому предписывал закон самосохранения и, самое главное, Покон.

— Много воли взял, ведьмак! — громыхнул, как удар грома, голос богини. — Не забывайся! Я — Морана, хозяйка северных ветров, ночного мрака, и всего, что в нем обитает!

— И просто красавица, — добавил я, осознавая, что если сейчас хоть на шаг отступлю, то потеряю все, чего добился в общении с этим существом. Она прессингует, это ясно как день. Нет, и злиться тоже, не без того, но ярость вторична. Главное — сломать волю, перевести меня из разряда равных переговорщиков в категорию слуги. — Вам так идет гнев! Смотрел бы и смотрел!

Интересно, а если она меня тут убьет, я там, в своем мире, помру? И переименуют ли мою улицу после этого в «Вязовую»?

Замолчала богиня, о чем-то задумалась, после уселась обратно на трон.

— Еще раз позволишь себе такое — буду куда сильнее гневаться, — деловито заявила мне она. — Ух, как буду неистовствовать!

— Так дайте мне номер своего «мобильника», — предложил ей я. — Если что — сразу наберу, проконсультируюсь, чего мне можно делать, чего нет.

— А? — левая бровь Мораны недоуменно приподнялась. — Ты о чем, ведьмак? Или насмехаешься надо мной?

Ну не без того. Но в подобном, конечно же, сознаваться не стоит. А вот объяснить ей на пальцах принцип работы сотовой связи стоит. Чтобы она получше поняла, как далеко мы, люди будущего, ушли от посконно-домотканных основ древнего бытия. Не в смысле «лучше-хуже», предки, думаю, не дурнее нас были, а в принципе. Нет в нашем нынешнем мире места гневу богинь, вот какая штука. Не верим мы в него. А когда нет веры, то нет и страха.

Я вот Морану совершенно не боюсь. Seriously. Ни капельки. Утерять связь с ней — опасаясь, мне нужно то, что скрыто в ее книге. Ну и рассказом о мечтах дружинников князя Олега она меня зацепила.

А вот весь этот перформанс с громом и молниями... Шапито, да и только.

Хотя год назад, может, и струхнул бы. Я тогда еще впечатлительный был, ничего почти не понимал.

— Хитро, — прониклась Морана. — Вот такая коробочка, говоришь? И можно хоть с кем поговорить?

— Ну отсюда вряд ли. — Я глянул на туман над Смородиной. — А в нашем мире — запросто. Так что, выходит, все решения придется самому принимать, как раньше. На свой страх и риск.

— Ты бы Олегу по душе пришелся, — откинулась Морана на спинку трона. — Он любил хитрых и непокорных. Гонял их больше других, но держал всегда близ себя, зная, что в лихую минуту эти не дрогнут и не предадут. Ты прощен, ведьмак, я более на тебя не гневаюсь. Но не испытывай мое терпение впредь. Ясно ли?

— Предельно, — отозвался я. — Да и не предвидится больше ничего такого. С долгом я рассчитался, новый не планирую.

— Если что от мар понадобится, вели им моим именем, они выполнят, — бросила богиня. — И взамен ничего просить не станут.

— А если? — Я шаркнул ножкой и лукаво взглянул на собеседницу, не завершив вопрос.

— Ежели не восхотят, в мире твоём мар более не станет, — верно поняла меня богиня. — Смуту надо сразу давить, ровно клопа в перине, или гореть твоему дому вскоре как лучине. Когда слуга знает, что хозяин чрезмерно добр, тогда он перестает быть слугой.

Врет. Вот тут точно врет. В старые времена, может, что-то подобное она и устроила бы, но сейчас — вряд ли. У нее слуг осталось всего-ничего, станет она из-за какого-то ведьмака последних уничтожать? Но сделаю вид, что поверил. И поблагодарю от всей души, как полагается. Я, что хотел, продемонстрировал, она меня услышала — чего зря в бутылку лезть?

Интересно, а она с душ, что мары к рукам прибрали, свой процент имеет? Десятину, так сказать? Или нет?

Но спрашивать не стану. Мне от этой информации ни жарко ни холодно.

— Что касемо награды, — весомо произнесла Морана. — По правде, не заслужил ты ее, ведьмак, но я не только грозна, но и добра. Добра к тем, кто моему сердцу мил, а ты, уж не знаю как, сумел в него пробраться. Сама тому удивляюсь!

— Отрадно слышать! — смахнул я из края глаза несуществующую слезинку. — Матушка-богиня.

— Нет, может, и правда тебя убить? — топнула ножкой в сафьяновом сапожке о землю Морана. — И будь что будет?

Ну да, перегнул я палку, согласен.

— Больше не стану, — приложил я руку к сердцу. — Честно-честно! Оно само!

— Само, — проворчала богиня. — Само — это когда у теремной девки живот до носа вылезает, а мужа нет и не было. А ты, поганец эдакий...

— Чем наградите? — перебил ее я, не желая выслушивать вторую серию упреков. — Правда интересно!

Морана глянула в серое небо над своей головой, как бы спрашивая у него, почему из всех обитателей мира ей достался именно я, а после взмахнула платочком, который извлекла из широкого рукава платья.

Миг — и на ее ладони лежит хорошо знакомая мне книга. Ого. Теперь она и так может делать?

— Здорово! — не стал держать эмоции при себе я. — А можно спросить?

— Ну? — с сомнением разрешила собеседница, как видно, более не ждавшая от меня ничего умного или пристойного.

— В детстве читал, как одна гражданка такие же штуки устраивала. Или мультик видел? Не помню. Не важно, — затараторил я. — Так вот она в один рукав вино выливала, в другой кости забрасывала, потом ими, рукавами в смысле, махала, и эти пищевые отходы в лебедей и водоем превращались! Вы так можете?

— Что за чушь? — поморщилась богиня. — Кости — в лебедей? Так не бывает!

— Н-да, — почесал я в затылке. — То есть если лягушку на болоте поцеловать, она не превратится в умницу и красавицу? Ну не всякую, естественно, лягушку, а ту, что зачаровали? Я как-то так и думал.

— От целования с лягушками только бородавки на губах могут стать, — постучала себя по лбу пальчиком богиня. — Какие красавицы на болоте могут обитать? Кикиморы да трясиныцы — это да. Но их красивыми даже после чрезмерного винопития не назовешь! И уж тем более умными.

— Так и знал, что сказки врут, — печально подытожил я. — Экая досада!

Что примечательно — я не придурился. Мне на самом деле было очень интересно найти ту границу, где заканчивались легенды и предания, и начиналась суровая реальность. Пока она была размыта, к тому же иногда все оказывалось совсем не тем, чем казалось. Но почему бы не спросить?

— Любите вы, люди, придумывать всякую небывальщину, — вздохнула Морана. — А то, что под носом, никогда не замечаете.

— Это да, — признал я. — Кстати, хотите, расскажу, как Юрий Гагарин в космос летал? — Кто? — тряхнула головой Морана, и в этот момент я заметил, что в волосах ее блеснула совсем маленькая червонно-золотая корона, которой там раньше вроде бы и не наблюдалось. — Куда?

— Первый космонавт. — Я ткнул пальцем в небо. — Вон туда. Он на Землю сверху смотрел, на всю сразу. Это на предмет наших людских придумок и небывальщины. Богиня помолчала, а после раскрыла книгу. Так я и не понял — осознала она, о чем я речь веду, или нет? Объяснение-то путаное вышло, кривенькое.

— Сюда иди, — скомандовала она, перелистнув десяток страниц. — Вот, запоминай. Хорошее заклинание, надежное. И — очень старое. Его мне одна берегиня поведала, из первых, из тех, что Рода сидящим на дереве в виде сокола застали, и по его велению реки да озера заселяли рыбой и прочей живностью.

— Ишь ты! — проникся я. — Верно всё же говорят, что русалки не так просты, как про них все думают.

— При чем тут русалки? — недовольно отозвалась Морана. — Я тебе толкую — берегиня мне его поведала. Берегиня! А, что воду в ступе толочь, ничего вы не знаете, человеки. Как звери дикие живете одним днем, беспамятные и бесполезные.

Жаль, смартфона с собой нет, я бы поставил в органайзер «напоминалку» о том, что надо разузнать всё что можно о берегинях. Кто такие, где живут, как до них достучаться. Ну а то, что я глупость сморозил, уже и самому ясно — какими бы ни были умницами русалки, заклинаний они точно не знают. А вот берегини как раз наоборот. И тем они мне могут быть очень полезны.

В верности данного вывода я убедился сразу же после того, как ознакомился с заклинанием. Хорошая штука! Вроде бы пустяк — формула зачарования куска ткани (который в книге именовали «плат»), на хранение в нем некоего объема воды.

То есть — берется, скажем, носовой платок, над ним проводятся определенные манипуляции, благодаря которым он впитывает в себя изрядное количество влаги, оставаясь при этом сухим. Ну а после, при необходимости, над этим кусочком ткани произносится слово-активатор, и вода одномоментно выплескивается туда куда нужно. Повторюсь — вроде бы ерунда. И или речь о паре-тройке ведер, так оно и было бы. Но здесь количество поглощаемой влаги измерялось тысячами этих ведер. Точнее не скажу, но фраза «и платом тем цельный колодезь вычерпала досуха, да так, что тамотко и ключ иссяк» наводит на мысли об объемах трюмов нефтеналивных танкеров. Правда, я не очень представляю, сколько в эти трюмы влезает, но, наверно, очень много.

В таком количестве воды слона утопить можно. Или еще кого, при необходимости. Случаи — они разные бывают.

К слову — о сказках. Что-то такое я тоже читал, в своем милом, мирном и ясноглазом детстве. Там кто-то от кого-то убегал, таким платком махал. И другие предметы там фигурировали.

Точно надо не забыть все, что только можно, о берегинях разузнать. И моего нового приятеля Олега на их счет потеревить. Вода — его профиль, и все, что в ней обитает, тоже. Еще мне был подарен рецепт зелья «кое позволяет некое время лихо бегать, не боясь сердечную жилу надорвать». Я теперь могу марафонцем заделаться, если чего, и ни один антидопинговый комитет до меня не доколебется. Хотя, с другой стороны, им законы не писаны, не в допинге обычно дело, а в мировых конъюнктурах. Вот только одно непонятно, — «некое время» — это сколько?

А вообще, Морана мне только что очень четко дала понять, что количество выдаваемых знаний напрямую будет зависеть от моих личных поступков. Нельзя сказать, чтобы я получил от нее в дар какую-то дребедень. Но и серьезным козырем ее подарок не назовешь. Эти два рецепта полностью эквивалентны полубесполезной душонке «пиявца».

Интересно, что бы она мне дала за Арвена?

Собственно, на этом наша встреча и закончилось. Взмах руки, блеск кольца на безымянном пальце богини — и вот я лечу в черноту, которая называется «сон».

Жаль. А я хотел бы еще пообщаться. О чем? О курганах, что спят на том берегу реки Смородины, и о мечях давно умерших героев. Ну очень заинтересовала меня эта тема. Как и то, что меч отсюда можно каким-то лихим образом перетащить в наш мир.

С этой мыслью я и проснулся. За окнами начинался новый день, а рядом, тихонько сопя, лежала Виктория, лицо которой во сне потеряло привычную отстраненность и холодность. Красивая она все же. Хотя, конечно, зацепила она меня не этим. Чем тогда? Не знаю даже. Может, тем, что в отличие от других моих знакомых женского пола именно она ближе всего к миру Ночи находится? Остальные в Дне живут, а Виктория застыла в своем давнем горе где-то посередине между тем и другим.

— Сколько времени? — моментально перейдя от сна к яви, спросила у меня она. Такое ощущение, что почувствовала, что я на нее смотрю.

— Прах его знает, — отозвался я и снова глянул в окно. — Часов семь или около того.

— Эта... — подал голос Родька, отиравшийся около двери в комнату. — Восьмой час уже. Кофий варить, или чайку попьете?

Относительно недавно мой слуга наловчился обращаться с «туркой», посмотрев то ли какое-то кулинарное шоу, то ли рекламу телемагазина. Сам он эту «горечь окаянную» не употреблял, но не козырнуть своими новыми умениями перед свежим человеком не мог. Тщеславен мой мохнатый друг, не без того.

— Буду признательна. — Девушка откинула одеяло и поднялась с кровати. — Саш, если ты не против, я первая в ванную схожу. И еще — такси мне вызови.

— Да бога ради, — согласился я, не без удовольствия созерцая практически идеальные формы сотрудницы Отдела, которую это, похоже, совершенно не смущало. — Как скажешь.

— На через полчаса, — уточнила Вика и чуть скривилась, набрасывая на плечи халат. — Какая жуткая фраза вышла. Но зато — точная. Всё, я в душ.

К моему великому удивлению, Родька, не приветствующий незваных гостей женского пола в моем доме, расстарался на славу. Это даже навело меня на нехорошие мысли.

— Надеюсь, ты ничего не подмешал в еду? — с недоверием потыкал я пальцем в сторону накрытого стола. — Смотри у меня.

— Как можно? — даже запыхтел слуга от обиды. — И в мыслях не было!

— А с чего тогда... — Я пощелкал пальцами, подбирая слова. — Это изобилие?

— Так я ж с пониманием! — засыпал кофе в турку Родька. — Чародейка же у нас в гостях! Она и Покон ведает, и вежество. Не то что иные разные свиристелки рыжие, которые только жрать горазды. Эдакой хозяйке любой услужить рад.

И он лукаво сверкнул своими глазами-пуговками.

Эх, Светка, Светка, пал последний твой форпост в моем доме. Теперь нам точно не быть вместе.

Я ухватил со стола кусок хлеба, плюхнул сверху колбасы и, плюнув на вызов такси, с удовольствием его сжевал. Утро, они быстро приедут. За первым бутером последовал второй, и только после этого я отправился в комнату за смартфоном. Правда, позвонить никуда не успел, поскольку именно в этот момент раздался звонок в дверь.

Все-таки я здорово расслабился в последнее время. Самоуверенность и ощущение силы, которая мне подчинилась, меня здорово испортили. Раньше я всегда смотрел в дверной глазок, а тут просто щелкнул замком, брякнул ключами и распахнул дверь.

— Дрыхнешь? — задорно поинтересовалась у меня бодрая до невозможности Мезенцева, влетая в коридор. — А, нет, завтракаешь. Очень кстати, я голодная как волк! И кофе пьешь? Я тоже хочу!

Скрипнула дверь, ведущая в ванную комнату, и нас в коридоре стало трое.

— Так, — ошарашенно произнесла Женька через пару секунд, переводя взгляд с меня на Викторину, поправляющую волосы. — Это как?

— Хозяйка, — выкатился под ноги чародейке Родька, который, разумеется, сразу понял, что тут к чему, и с поклонами затараторил: — Стол накрыт, кофий сварен. Ты поспеши, а то ён остынет.

А следом за этим, не обращая внимания на новую гостью, еще и начал ножкой шаркать, паршивец такой, точно давая понять, что он-то знает, кто в доме не лишний.

— Ситуация из примитивных романов, — усмехнулась Виктория. — Никогда бы не подумала, что стану участницей чего-то подобного. Потому просто пойду пить кофе, поскольку говорить тут не о чем. Смолин, ты вызвал мне такси?

— Как раз собирался, — помахал я смартфоном, который держал в руке.

— Ну так давай, давай, — поторопила меня девушка и направилась в кухню, ни сказав Мезенцевой ни слова.

Мне Женьку, если честно, даже как-то жалко стало. Просто такое у нее обиженное лицо стало, прямо как у ребенка. Не думаю, что непосредственно я представлял для нее какую-то ценность в качестве спутника жизни, нет, скорее, являлся чем-то вроде временной забавы, как, впрочем, и она для меня. Но сам факт того, что коллега, не сказать — подруга, подложила ей такую свинью, для самолюбивой и где-то даже эгоистичной Женьки был нестерпим.

— Прежде чем ты начнешь орать и бросаться не самыми красивыми словами в наш адрес, хочу тебе напомнить, что некто А. Смолин, ведьмак, не твоя личная собственность, — негромко, но по возможности веско произнес я. — Никто никаких обещаний друг другу не давал, не так ли? Более того, ты с завидной периодичностью вдалбливала мне в голову, что мы друг другу никто. Так часто, что я это отлично усвоил.

— Ну да, ну да, — процедила Мезенцева, засовывая большие пальцы рук под широкий ремень, продетый в петли ее джинсов. — Что еще?

— Всё, — пожал плечами я и уставился на экран смартфона. — Вот, такси буду Вике вызывать.

— Не всё, — пообещала мне девушка. — Ой, не всё, Смолин.

— Слушай, Мезенцева, давай обойдемся без этих постпубертатных закидонов, — попросил я ее. — Мы тут все взрослые люди, никто никому ничего не должен в принципе.

— Очень верно сказано, — заметила из кухни Виктория. — Лучше идите завтракать. Вон Родион как расстарался. Просто «шведский стол».

— Спасибо, хозяйка, — очень громко и очень показушно мурлыкнул мой слуга. Женька прищурилась, заглянула в комнату, увидела, что на обычном месте нет фотографии Светки, свирепо засопела и вылетела из квартиры, на ходу сообщив, что:

— А тебе, мохнатый, я этого точно не спущу!

И дверь с грохотом за собой захлопнула, да так, что чуть нож из притолоки не вылетел.

— Теперь будет месяц дуться, — сообщила мне чародейка, как только я уселся напротив нее. — Не меньше. Она очень, очень славная девочка, но до невозможности упертая. Или так — или никак, понимаешь? Максимализм, возведенный в принцип. Я до сих пор поражаюсь тому, как Нифонтов за годы работы с ней с ума не сошел.

— Побольше поплачет — поменьше пописает. — Я положил на кусок хлеба ломтик колбасы.

— Женя — и будет плакать? — губы Виктории тронула улыбка. — Не надейся, такого не случится, это не из ее сказки. Да и вообще ты про нее с этой минуты можешь забыть, она больше к тебе никогда не придет и не позвонит. Ты ее предал.

— Я?

— Ты, — подтвердила девушка. — На самом деле, ничего такого не случилось, просто мужчина и женщина провели вместе ночь без каких-либо перспектив на будущее, это обычное дело. А для нее это предательство, которое нельзя прощать. Детство из нее ее не ушло окончательно, понимаешь? Меня, если честно, всегда это немного беспокоило, я даже Ровнину советовала снять ее с оперативной работы. Она не различает линию риска, для нее адреналин и действие стоят на первом месте, а это верный путь к смерти. Олег Георгиевич, правда, меня не послушал, сказал, что раньше или позже она переберется.

— Значит, без перспектив, — произнес я. — Жаль. Правда — жаль.

— Это единственный возможный вариант, — не стала уходить от темы Виктория. — Ты ведьмак, Саша. Если Мезенцева по своему прекраснодушию на что-то и надеялась, то я всё же реалистка, потому прекрасно осознаю, что данный путь ведет в никуда. Родион, благодарю вас за завтрак.

— На здоровычко! — пискнул мой слуга из-под раковины. Смартфон подал голос, но вместо ожидаемого абонента «Такси „Комета“» на экране высветился номер Вагнера.

— Петр Францевич, — ответил я, и Вика, уже было почти ушедшая в комнату, остановилась. — Доброе утро.

— Доброе, Александр, — невесело произнес владелец клиники. — Подумал, что вам будет интересно узнать о том, что сегодня ночью Руслан Арвен умер.

— Если честно — не очень, — равнодушно произнес я. — В первую очередь потому что другие варианты были невозможны.

— Я был рядом с ним, когда это случилось, — почти шептал в трубку собеседник. — Не знаю, что он видел перед самой смертью, но это было очень, очень страшно. Такое ощущение, что он пытался от кого-то спастись. Руслан — сильный человек... Был. Даже в таком состоянии он пытался бороться с тем, что за ним пришло, но проиграл. Еще он бормотал что-то на своем языке, кого-то звал, имена разные называл.

— Достоин уважения, но это все не имело смысла. Он проиграл войну за свою жизнь куда раньше. — Осознав, что именно хочет от меня услышать Вагнер, я решил его успокоить. — И не волнуйтесь, Петр Францевич. То, что забрало жизнь вашего пациента, не осталось в клинике, и более таких смертей ждать не стоит. И вам лично тоже ничего не угрожает. Это же не атомная бомба, право слово.

— Спасибо. — По голосу было слышно, что врачу стало куда легче. — Да, вот еще что... Тут приезжал отец Арвена, разговор с ним вышел крайне нелюдским. И вас он тоже поминал недобрым словом, имейте в виду.

— А меня-то за что? — удивился я.

— Вы последний из врачей, которые его смотрели, — пояснил Петр Францевич. — По его логике, именно вы во всем виноваты. Разумеется, на пару со мной. Так что вы уж поосторожней будьте. Мало ли что. Я им ничего про вас не стал рассказывать, но Москва город маленький, а возможности семейства Арвенов не так уж малы. Захотят — найдут.

— Ну-ну, — хмыкнул я. — В этом случае данное семейство уменьшится еще на пару человек, вот и всё.

— Права была Яна — с вами лучше дружить и договариваться, чем пытаться чего-то добиться силой, — пробормотал Вагнер и повесил трубку.

Ну да, конечно. Только для осознания данного факта мне его супругу сначала пришлось отдать на забаву одной из сестер-лихоманок.

Кстати — надо будет попросить Олега, чтобы тот через пару-тройку неделек Вагнера хорошенько пуганул. К примеру — лежит тот в ванной, в кораблики играет или пузыри пускает, и тут из-под воды рука высовывается, машет указательным пальцем и голос жуткий голос ему сообщает:

— Помни про должок.

Вряд ли Петр Францевич смотрел наши старые фильмы-сказки, потому аналогию не проведет. А как средство устрашения это сработает отменно. Я бы испугался.

— Готов? — жадно уточнила Виктория. — Да?

— Испустил дух в муках и смраде, — подтвердил я. — Если тебе интересно — мара сдержала слово. Перед смертью Арвен называл какие-то имена, думаю одно из них было «Герман».

— Я довольна, — чуть обмякла Виктория. — Только теперь внутри меня как-то совсем пусто стало. Жить незачем.

— И эта женщина еще в чем-то пытается обвинить Мезенцеву, — фыркнул я. — Таковую дурь даже Женька не выдаст. Самой не совестно?

— Нет, — прислушавшись к себе, сообщила Виктория. — Не слишком. Телефон звонит, такси, скорее всего, пришло.

Так оно и оказалось. Через пять минут девушка покинула мою квартиру, оставив после себя лишь легкий запах терпких духов.

— Хорошая она, — сообщил мне Родька. — Ежели сюда переберется — то славно заживем, хозяин. Силы в ней много, я это чую. И умом не обижена, не то, что некоторые.

— А как же Светка? — не удержался от колкости я.

— Так твоему сердцу я не указ, — вздохнул мохнатик. — Она, конечно, хозяйкой хоть куда была бы, и машина у нее новая есть, я в окно видел. Но что уж теперь уж...

Машина — это для Родьки серьезный аргумент. Он давно оценил удобства автомобилей и осознал их превосходство над электричками, потому время от времени теперь строит тонкие намеки на тему того, что, мол, хозяин, не купить ли нам машинку? Причем не абь какую, а «внедорожник», ну или хотя бы «кроссовер». Мало того — он повадился в чьей-то квартире по спутниковому телевидению «Топ Гир» смотреть!

Еще чуть-чуть, и я начну опасаться того, что он подается к метросексуалам или начнет посещать барбер-шоп.

Жуткое название, кстати. Вроде бы всего-то брадобрейня, но как страшно звучит — «барррберрррр-шопппп». Брррр...

Что же до Арвенов, и иже с ними — тут особо и думать нечего. Флаг им в руки, ветер в спину, электричку навстречу.

Да, об электричках. Надо валить из города, нечего мне тут делать больше. Амурные дела закончены, работы у меня, по сути, больше нет, а в Лозовке забот полон рот. Ремонт, посевная, сбор трав. Вторая русальная неделя, опять же, на носу.

Короче — заскочу в банк, скажу девчулям, что я увольняюсь, отдам заявление в отдел кадров, закупились всем необходимым — и в глушь, в деревню.

Но, в полном соответствии русской народной поговорке о планах и божественном промысле, который на них воздействует, все прошло не так гладко, как задумывалось.

В первую очередь потому, что госпожа Ряжская оказалась в банке. Уж не знаю — меня ли она ждала, или просто звезды так на небе встали, но — увы и ах.

— Смолин! — чуть ли не сразу после того, как я вошел в здание, меня цапнула за рубаху новый секретарь Волконского, очаровательная кареглазая стройная девушка, которую весь рабочий персонал сходу стал называть Юленькой. — Ты чего? Почему в таком виде? Почему через главный вход? Ты же знаешь, правилами внутреннего распорядка строжайше запрещено...

— Да я пропуск потерял, — честно ответил ей я. — Искал — не нашел.

И это была чистая правда. Фиг его знает, куда эта карточка завалилась. В сумке ее нет, в карманах тоже. Что до внешнего вида — ну да, без пиджака. Но не в джинсах же, и не в шортах? Хоть и был соблазн.

— Я фигею, дорогая редакция! — Секретареньш даже рот раскрыл от изумления. — Тебя же за пропуск безопасники сожрут! Или вообще уволят. Может, даже «по статье»!

— На то и рассчитываю, — тихонько щелкнул я Юленьку по носу. — Пойду сдаваться. Может, без «статьи» обойдется. Генка тут?

— Ты с похмура, что ли? — принохалась ко мне девушка. — Или какой дрянью закинулся? «Генка»! Геннадий Павлович! И не к нему тебе надо, а к Дмитрию Борисовичу в кабинет. Он сказал, что как появишься, так сразу! И из здания тебя не выпускать.

— Ну это уже перебор, — заметил я. — Это Конституции противоречит, и Уголовному Кодексу, скорее всего, тоже. Я не согласен, чтобы меня где-то против воли удерживали.

— Хорош уже шутки шутить, — рассердилась Юленька. — Саш, охота тебе вылетать отсюда с треском и плохими рекомендациями вдобавок, а? Ну да, ты безбашенный, со своей жизненной позицией, и это круто, но... Как говорит моя бабушка — не плюй в колодец, пригодится на обратной дороге воды напиться.

— Грех не прислушаться, — согласился я. — Ладно, пошли уж. Не ради Волконского согласился, ради тебя. Ну и из уважения к твоей бабушке.

Какая мне разница, кому заявление об уходе отдавать? Что кадровик, что председатель правления — все едино. Тем более что его ему и подписывать.

— Позавчера Ряжская тоже здесь была, о тебе спрашивала, — шепотом сообщила мне Юленька у самой двери кабинета Волконского. — Это так, для справки.

— Понял, принял. — Я выбил заковыристую дробь по двери кабинета предправа, не дожидаясь ответа, толкнул ее от себя, и вошел внутрь со словами: — Вызывали, Дмитрий Борисович?

Глава шестая

— Смолин! — преувеличенно-гротескно всплеснул руками Волконский, чем немало меня удивил. В списке многочисленных способностей и умений Дмитрия Борисовича ранее никогда не значились ни сарказм, ни ехидство. Как мне всегда казалось, он к ним был вовсе не способен. Однако — ошибочка вышла. Может, кресло предправа, как некий магический артефакт, даровало ему несколько новых талантов? — Мы уж и не чаяли тебя увидеть! Хотели в розыск объявлять, задействовав административный ресурс в органах правопорядка.

— Как чуял, — дружелюбно поддержал шутливый тон я. — Сам пришел!

— Саша, дорогой мой, хочу заметить, что на работу надо непременно являться каждый день, а не тогда, когда прогулочный маршрут проходит вблизи от нее, — задушевно продолжил Волконский. — Ей-богу, даже странно, что мне приходится объяснять тебе такую простую и незамысловатую вещь. Скажу так — если бы не Ольга Михайловна, ты бы сейчас гадал, куда тебе с такой красивой «трудовой» податься. Я к тебе отношусь хорошо и зла не желаю, но, когда сотрудник демонстративно игнорирует трудовую дисциплину, подобное надо пресекать. Причем максимально жестко, чтобы остальные четко осознали, что незаменимых у нас нет. Есть незаменимые.

— Дмитрий Борисович, да это все прекрасно понятно. — Я прижал руки к груди. — Желаете — увольте, нет проблем. Причем из лучших побуждений это говорю. Да вот прямо сейчас на меня поорать можете, а я потом, когда из кабинета выйду, скажу, что вы меня по ковру кабинета как масло по хлебу размазали, и что у вас стальная хватка, как у царя зверей льва. Еще приказ по банку издайте, чтобы все были в курсе моего преступления и последовавшего за ним неотвратимого наказания.

— «Статья», Саша, — покрутил у виска указательным пальцем Волконский. — В нашей сфере это все. Это «волчий билет». Тебе после такого либо область личного применения менять придется, либо новую трудовую заводить. Да и то не факт, что номер пройдет. Банков становится меньше, отбор в них жестче, «безопасникам» работать все легче. Крайне узок круг профессиональных служащих, все всё про всех знают.

— И зарплаты все ниже, — продолжил я логическую цепочку. — Так что поменяю область личного применения. Ну? Будете показательную порку устраивать, или мне заявление по собственному писать?

— Саш, тебе на зарплату жаловаться грех, — подала голос Ольга Михайловна, которая, оказывается, тоже присутствовала в кабинете. Она обнаружилась в огромном кресле Волконского, а не заметил я ее только потому, что она к окну в нем повернулась. — Разве нет?

— Не все возможно измерить деньгами, — ушел от прямого ответа я. — Они важны, но свобода дороже.

— А зачем тебе свобода? — задушевно поинтересовалась Ряжская. — Что она тебе даст? Если ты не в курсе, так нынешний век принадлежит социуму. Разумеется, человек всегда был стадным животным, еще с тех пор, когда толпы волосатых существ шатались по Среднерусской равнине, занимаясь собирательством и изумленно глядя на груды камней,

что приволокли с собой ледники. Но наше время — это гимн корпорациям, рекламе и технологиям, которые сделали человечество обществом потребителей. Угрюмые выживатели-Робинзоны ушли в прошлое, теперь всё решает скорость вайфая и умелое использование коммуникативных навыков. Ну выпадешь ты из движения — и что? Через пару недель ты будешь ощущать себя рыбой, которую вытащили на берег. Всё не то, всё не так, и ты словно не живешь. Непрерывное вербальное и сетевое общение — главный наркотик двадцать первого века, мы все на него «подсажены» намертво. Нет-нет, человек сегодня не винтик в большой машине, это все отблески славы тоталитарного ушедшего века. Теперь он личность среди миллионов других личностей. И его главная задача убедить в этом всех-всех-всех, но самое главное — себя любимого. Теперь ответь мне, дружочек — на сколько дней свободы и тишины тебя хватит?

— Вам бы лекции на телеканале «Синергия» читать! — восхитился я. — И книги писать, на тематику «Горизонты современного сознания». Сейчас такое в тренде. Вон на «Литресе» в топах не художественная литература стоит, а как раз прикладные пособия по глубинному самокопанию.

— Еще один дружеский совет — снизь градус иронии в голосе, — посоветовал Волконский, бросив короткий взгляд на Ряжскую. — Какая муха тебя укусила в последнее время? Был же человек как человек.

Был, верно. Но — весь кончился.

Я вышел в коридор, подмигнул Юленьке, вытянул лист бумаги из поддона принтера, позаимствовал ручку, вернулся обратно в кабинет, и уселся за стол.

— Дмитрий Борисович, вы нас не оставите на несколько минут? — попросила Волконского женщина. — Если не сложно?

— Разумеется, — устало кивнул тот. — Как скажете.

Я скрипел ручкой по бумаге, Ряжская же, дождавшись, пока за председателем правления закроется дверь его собственного кабинета, закинула ногу на ногу и укоризненно уставилась на меня.

— Вот чего тебе опять не так? — наконец нарушила она молчание. — А? Что ты вечно чем-то недоволен?

— Всё так, — заверил ее я, аккуратно выписывая сегодняшнюю дату. — Просто хочу проверить на себе действенность социальных программ государства. Высока во мне гражданская сознательность, понимаете? Желая убедиться в том, что безработная часть населения на самом деле защищена так, как про это говорят представители власти по телевизору. У нас ведь как бывает — в нем одно, на деле другое. А у меня душа болит за общество! Опять же — проверю, так ли хороши центры «Мои документы», не впустую ли потрачены на них средства из бюджета?

— И именно по этой причине ты принял предложение Вагнеров и прогулялся с Петром в его клинику? — уточнила Ольга Михайловна. — Вопросы здравоохранения, надо полагать, тоже вошли в сферу твоих интересов?

— А это мое дело, — небрежно бросил я, отлично осознавая, что данная фраза звучит немного по-хамски. Впрочем, не сильно это меня и беспокоило. — Ольга Михайловна, мы же вроде третьего дня все наши совместные дела закончили, да? Я обещал найти того, кто подложил свинью вашему супругу, слово свое сдержал. Теперь и вы будьте любезны сделать то, что обещали.

— Сдержал, — подтвердила Ряжская. — А уж если вспомнить нашу с тобой беседу с субботы на воскресенье, так у меня вообще сердце радуется. Так как ты, меня давно никто не посылал. Даже любимый муж — и тот опасается со мной в подобном тоне разговаривать.

— Не любите вы слышать слово «нет», — заметил я, откидываясь на спинку стула. — Отвыкли.

— Отвыкла, — призналась женщина. — Видел бы ты мое лицо в этот момент.

— Оно наверняка было прекрасно, как, впрочем, и всегда, — дипломатично заверил я ее. — Вне всяких сомнений. Однако дописал я заявление, любезная моему сердцу Ольга Михайловна, теперь пойду отволоку его в отдел по работе с персоналом. И личная просьба — давайте без отработки меня отпустим, а? Все равно я сюда ходить не стану, нет у меня на это времени. Лето на носу, не желаю менять футболку на пиджак.

Конечно, дело не в футболке, и даже не в том, что моя прежняя работа мне стала совершенно неинтересна, хотя и не без того. Просто июнь не за горами. Я не собираюсь снабжать отпрыска Кашея дополнительными козырями. Я вообще не хочу давать ему ни единого шанса меня прищучить. Еще бы квартиру сменить, но тут все сложнее. Впрочем, дома я особо появляться и не собираюсь, мой дом на ближайšie несколько месяцев — Лозовка. А там, на своей территории, еще поглядим, у кого зубы крепче.

Вот только родители... Как бы по ним все это рикошетом не вдарило.

— Дай сюда. — Ряжская легко встала с кресла и подошла ко мне. — Давай, давай, не кочевряжься.

Неужто, как в фильмах, она заявление об уходе разорвет? Но я не киногерой, второй раз писать ничего не стану, решу этот вопрос проще. Для начала отправлю к ней нынче ночью Жанну, чтобы та как следует пошумела у нее в доме и страху на семейную чету Ряжских нагнала, а потом, если ума не добавится, могу и чего похуже учудить. Им «пиявец» ангелом покажется.

— Решим так. — Ольга Михайловна ознакомилась с текстом заявления, а после положила мне руку на плечо. — Заявление остается у меня, но ты все же не увольняешься.

— Не вариант, — недовольно буркнул я, поняв, что добром мы не расстанемся.

— Живи как знаешь, — мягко произнесла Ряжская, наклонившись ко мне и щекоча шею своими волосами. — Не хочешь ходить сюда — не надо. Но зачем сжигать мосты, Саша? Для чего? Сломать всегда проще, чем построить, уж прости меня за банальность. Будем считать, что ты в длительной командировке. С разницей в окладе.

— Ольга Михайловна, вот к чему это шапито? — рассмеялся я. — Ничего не изменится. Не буду я, как та золотая рыбка, у вас на посылках служить. Мы славно провели время, вы пару раз помогли мне, я тоже выручил вас — и всё. Сказка кончилась, начались будни.

— Строптивный мальчик, о каких «посылках» ты говоришь? — Голос Ряжской обволакивал меня, как паутина беспечную бабочку. — Это просто знак признательности за все, что ты для меня сделал. Ты спас моего мужа, ты нашел того, кто хотел его смерти, так неужели я не могу для тебя сделать хоть что-то? Например — такую мелочь?

Шут с ней. В конце концов, какая разница, где именно моя трудовая книжка валяться станет — в мусорном баке у моего дома, или тут, в сейфе под замком? Что пнем об сову, что совой об пень — все едино.

— Хорошо. — Я встал со стула. — Пусть будет так. Спасибо. Но сразу предупрежу — по звуку горна и царственному взмаху правой дланью я сюда бегать не собираюсь, поскольку вашим сотрудником себя более не считаю.

— Пусть будет так, — с достоинством повторила мои слова Ряжская. — Но, надеюсь, на дружескую помощь и поддержку в особых случаях я рассчитывать могу? За наличный расчет, разумеется?

— По ситуации, — подумав, согласился я. — Если это мне самому будет интересно. И никаких «ты обязан», и так далее. Хоть раз подобное услышу — дружба врозь.

— На том и договоримся. — Женщина сложила мое заявление об уходе пополам, потом еще раз пополам, и убрала в свою брендовую дамскую сумочку. — Какой же ты все-таки ершистый товарищ, Смолин. Но это мне нравится. Может, поедем, пообедаем? Я угощаю. Есть тут неподалеку один милый ресторанчик с отличной едой и приватными кабинетами. А какие там десерты! Объединение. Я бы сама ими побаловалась, и тебя побаловала. Знаю я твои десерты, Ольга Михайловна. Ты меня восьмого марта чуть до отвала не накормила, хорошо хоть ума хватило отказаться от неожиданной трапезы.

Или съездить полакомиться? Почему нет? В прежней жизни такого обилия сладкого на меня за пару лет не сваливалось, а тут вон чуть ли не каждый день предложения поступают. Начинаю ощущать себя героем-любовником, роковым мужчиной. Как одна моя знакомица выражалась — «альфачом».

Впрочем, не стоит себе врать. Кем я был, тем и остался. Просто у каждой из женщин, что попали в мою орбиту, шебаршатыся в черепной коробке свои личные тараканы. Ряжская по сути своей победитель и хищница, ей нужна моя голова, дабы повесить ее в зал личной славы. Мезенцева сама не знает, чего хочет. Виктория... Просто мне довелось оказаться в нужное время и в нужном месте, вот и всё. Оттаяла Снежная Королева, снова ощутила себя живой и настоящей, а я в этот миг был к ней ближе других.

Светка... О ней вовсе не стоит вспоминать. Она — прошлое, которое уже никогда не станет будущим.

В общем — десерты кушать не поеду. У меня других дел полно.

— Рад бы, да не могу, — скорчил печальную рожицу я. — Время не ждет. Но — приятного аппетита, желаю хорошо отдохнуть.

— Ну, может, в следующий раз, — мягко улыбнулась Ряжская. — Прости, Сашенька, но наша любовь всё еще впереди, ты просто этого до сих пор не понял. Ты все думаешь, что я тебя пытаюсь под себя подмять, в переносном смысле, разумеется, сделать из тебя бессловесного исполнителя. А всё ведь совсем не так. Просто увидь уже во мне друга — и картина предстанет в совсем другом свете. К тому же я дала слово, что более тебя примучивать к сотрудничеству не стану. И я его сдержу.

— Подумаю над вашими словами, — без тени насмешки пообещал я, облобызав ее ручку, шаркнул ножкой, и удалился из кабинета прочь, чуть не врезав дверью по лбу Юленьке, которая, несомненно, подслушивала нашу беседу.

Молодая еще, неопытная. Не знает, как такие вещи правильно делать. Вернее — когда подобное делать вообще не следует.

Что до Ольги Михайловны... Надеюсь, она в самом деле собирается сдержать данное мне слово. Это ведь не в моих, это в ее интересах. Мне-то как раз обратный результат выгоден. За ее душу Морана мне какую-нибудь древнерусскую базуку в качестве премиальных выпишет. Или танк модификации «емелина печь» презентует, с говорящей шукой в придачу.

Надо было бы напоследок еще к моим подругам-коллегам заглянуть, но я этого делать не стал. Долгие проводы — лишние слезы. Хоть мы и собачились через два дня на третий, но я на самом деле душевно привязался к этим двум занозам. Потому не хочу говорить глупые и банальные фразы, выслушивая в ответ всё то же самое. Неправильно это. Может, потом, когда все перегорит и золой покроется, зайду, но не сейчас. А пока из дома закажу им торт килограмм на пять-семь, с доставкой. Самый такой, с кремом и цукатами, как они любят! Пусть им всю неделю питаются. И шампусика пять бутылок, того, что подороже.

С этими мыслями я и покинул банк, под удивленные взгляды, по сути, уже бывших коллег. Впрочем, они обо мне забыли еще до того, как я спустился с крыльца. Такова наша жизнь — о тебе помнят, пока тебя видят.

Что до меня — я, подумав немного, набрал Олега. Надо все же узнать, кто такие берегини? Ну и заодно выяснить, не чревато ли чем общение с речными обитателями во время второй русальной недели? Кто его знает, может, в это время они на таких, как я сезон охоты открывают? Раз в году, разнообразия ради. Опять же — русалки русалками, но их старшей может меня и не любить. Я же прошлой осенью его кадровый состав проредил немного, отпустил одну бедолагу на волю.

Увы и ах, телефон моего нового приятеля был недоступен. Видать, опять его куда-то нелегкая занесла, и это печально. Не то, что он куда-то смылся, разумеется, а наличие его отсутствия. Оно, конечно, можно про берегинь и в сети почитать, но вот только насколько написанное там будет совпадать с тем, что есть на самом деле — это вопрос. А тут информация из первых рук.

Еще пару раз набрав телефон брата-ведьмака, но не добившись никакого результата, я плюнул на всё и отправился в «Оби». Надо семян купить. Славы в области выращивания корнеплодов зря советы давать не станут, да и моего растолстевшего мохнатого помогайку надо к работе приставить, пока он вконец не обленился. Физический труд на свежем воздухе еще никому не вредил.

Одно плохо — я в семенах этих совершенно не разбираюсь. Впрочем, тут можно и интуиции довериться. Опять же — там на пакетиках фотки есть, какие понравятся — те и возьму.

Утро застало меня в практически пустой электричке, которая, бодро постукивая колесами, мчалась по направлению к станции «Бородино». Не знаю отчего, но встал я ни свет, ни заря, по этой причине на вокзале оказался аж в шесть утра. Но при этом на душе было хорошо и спокойно. Вообще возникало такое ощущение, что я из гостей домой еду. Эдак я скоро вообще в сельскую местность переселюсь.

Причем если в прошлые разы я обходился одним рюкзаком, в котором большую часть места занимал Родька, то теперь я был навьючен как верблюд. Ну так мне казалось. Под ногами у меня лежала пузатая сумка, битком набитая всякими полезными вещами, вроде ингредиентов для зелий, пузырьков, пластмассовых гребешков, сырокопченой колбасы, упаковок печенья и много чего еще. Мало того — я еще и в компании ехал. Помимо Родиона ко мне присоединилась Жанна, изрядно заскучавшая в городе. Я встретил ее вчера у своего подъезда, она смотрела на звезды и вздыхала. Так мне ее что-то жалко стало! Ну я и предложил ей прогуляться со мной в загородное имение. В дом, конечно, не пушу, не дело ее через порог переводить, пусть она даже мне вроде как и друг. Опять же — Антип не одобрит такой поступок наверняка. Но пусть по саду погуляет, между деревьями. Да и сторожа лучше, чем неупокоенная душа, не сыскать. Мало ли кто нагрянет незванным гостем?

Жанна ужасно обрадовалась подобному предложению, сообщив, что перемена мест — это как раз то, что ей сейчас нужно. Как выяснилось, какая-то ее заклятая подруга выбилась в люди, заняв то место под прожекторами подиума, на которое при жизни метила сама Жанна, и этот факт ее жутко печалит. Пуганула она подругу пуганула, изрядно пошалив у нее дома в ночной тиши, но грусть-тоска никуда не делась. А тут какое-никакое, но разнообразие.

Сейчас мертвая девушка сидела напротив меня, глазела в окно и трещала о том, как же все-таки красиво за городом, и что зря она раньше этого не ценила. Еще одна странность — меня этот безостановочный поток сознания совершенно не раздражал, напротив, как-то даже развлекал. Чудно — с мертвыми мне становится общаться проще, чем с живыми.

А сколько вопросов на меня вывалила Жанна, когда мы шли через лес! Я даже удивился — росла-то она не в Москве, а в провинции, вроде как должна знать очевидные вещи. Но нет, все вокруг было для нее ново и свежо, она и деревья-то не все узнать могла. Разве что березки отличала безошибочно.

— Смотрю, ведьмак, ты свитой начал обзаводиться? — остановил меня знакомый голос. — Может, оно и верно. Только ты своей мертвячке скажи, чтобы она по моему лесу одна не шлындала. Я их племя не люблю, потому мигом ее какой-нибудь пень дубовый определю стеречь до той поры, пока тот не сгниет. А они по сто лет, бывает, простоять могут. Дуб — дерево крепкое, даже когда спиленное.

— Ой, дедушка, — всплеснула руками Жанна. — Какой забавный!

Ну не знаю. Я лично не рискну дядю Ермолая «забавным» назвать. Нет, внешне он такое впечатление, возможно, и производит. Совсем невысокий, кургузый, заросший бородой, в кепке и ватнике, Лесной Хозяин выглядит карикатурно, не без того. Но точно зная, на что он способен в пределах своей зоны влияния, я воздержусь от подобных комментариев. Причем сдается мне, что я видел только малую часть того, что он может сделать.

Дядя Ермолай сидел на пеньке, опустив на колени мозолистые короткопалые руки.

— Здрав будь, Лесной Хозяин, — поклонился я ему. — Не сомневайся, она от меня никуда. Вот, прими гостинец.

Я достал из рюкзака кругляш «столичного» хлеба, купленный накануне, и протянул лесовику.

— Спасибо, — поблагодарил меня тот, сразу же отломил горбушку и начал ее, сопя, жевать. — А ты как — надолго? Оно правильно, до июня рукой подать, стало быть, до Купалы всего-ничего осталось, а в ту ночь тебе раздолье будет.

— Ну где июнь, и где Купала? — отмахнулся я. — Это ж еще месяц с лишним.

— Лето на дворе, — подобрал под себя ноги в лапоточках дядя Ермолай, устраиваясь на пне поудобнее. — Дни бегут, что вода в реке. Только вроде птица на гнездо села, ан глянь — уже и детки ее крыльями машут. Это в стужу время ровно замерзает, а когда тепло — только поспевай жить.

— Согласен. — Я опустил сумку на тропинку, поняв, что разговор затягивается. — Зима — это долго.

Кстати! Не забыть бы на дачу к родителям съездить, корень мандрагьры выкопать, что мне тамошний лесовик обещал. Летнее солнцестояние — оно раньше Купалы состоится.

— Только теперь разве умеют Иванов день встречать? — пригорюнился дядя Ермолай, который нынче, похоже, пребывал в меланхолическом настроении. — Вот раньше было — да! Знали люди, что силы большие в Иванову ночь к ним благосклонны, много чего дать могут тем, кто их внимания попросит. А девки-то, девки! Это же самая их пора была!

— Можно поподробнее? — оживилась Жанна, заметила недовольный взгляд лесовика, но даже и не подумала смущаться. — Что? Интересно же!

— Так Иванов день девкам жениха вёл, — посопев, пояснил лесовик. — Ежели по уму купальскую ночь провести, так на Покров жди сватов.

— В смысле — «по уму»? — уточнила Жанна. — Вы про...

— Это ты — «про»! — гаркнул дядя Ермолай так, что из соседних кустов выскочил заяц, посмотрел на нас ошалелыми глазами и припустил по тропинке так, что только мы его и видели. — Вон хучь и покойница, а всё коленками голыми сверкаешь. А я про другое баю! В купальскую ночь можно было себе жениха наворожить. А то и привязать к себе того, по ком сердце печалится.

— Теперь и мне интересно стало, — поддержал я Жанну. — «Привязать» — это как? Обряд какой, или заклинание из старых было?

— По-разному случалось, — успокоился лесовик и снова куснул горбушку. — У кого в венах пара капель старой крови плескалась, те могли «косу замкнуть» или на «озубочек» к себе жениха подманить. А те, кто со мной в дружбе ходили, кто лес любил, те на тайную поляну с рассветом пробирались, есть у меня тут такая, чтобы в купальской росе тело омыть. Если с первыми лучами солнышка «свадебным колоколом» ее вдоволь зачерпнешь, чтобы, значит, даже капало, — беспрерывно по осени родительский дом на мужнин сменишь, а первый ребяенок крепким, что твой дубок, родится. Мальчик, как правило. — «Свадебным колоколом»? — снова влезла в разговор Жанна. — Это как?

Леший молча ткнул пальцем в ее направлении, девушка опустила голову, пытаясь понять, что он имел в виду и на что показывает. И поняла.

— А! — сообщила она нам. — Вон как это раньше называли! «Свадебный колокол».

Забавно! А «озубочек» что такое?

— Пойду. — Дядя Ермолай слез с пенька и засунул каравай под мышку. — Спасибо за гостинец, ведьмак. Ты меня не забывай, заглядывай.

— Непременно, — заверил его я. — И в самом скором времени.

Кусты еле шевельнулись, и мы с Жанной остались одни.

— Саш, все-таки — что такое «озубочек»? — озабоченно спросила у меня девушка, причем таким тоном, как будто от этого ответа зависели судьбы мира. — Ты не знаешь?

— Понятия не имею. — Я поднял с тропинки сумку. — Да не печалься. У Антипа спросим. Он наверняка в курсе данного вопроса.

— А кто такой Антип? — немедленно спросил неугомонный призрак.

Дом я сначала не узнал. Серьезно. Да что дом — я и забор не узнал! Его мы вроде в смету не включали, однако же вот — стоит новый, свежепокрашенными в темно-зеленый цвет досками сияет.

А молодцы ребята! И Валера молодец, хороших мастеров набрал, держит марку. Из развалюхи, дышащей на ладан, за месяц сварганил дом-пряник. В смысле — хорошенький настолько, что в нем не жить, его скушать хочется.

Проржавленные жестяные листы на крыше заменил благородный темно-багровый шиндель, стены одеты в радующий глаз светло-желтый сайдинг с симпатичными коричневыми вставками. И на левую сторону здание больше не косилось, ибо фундамент подправили. Дом как-то даже выше стал. Хотя, может, и стал, фиг его знает.

Этих ребят в телевизор надо отправлять, вот что я вам скажу. В программу «Дачный вопрос».

Кстати — тоже верно. Надо будет уточнить, устранены ли проблемы с проводкой, и, если да, то спутниковой антенной озаботиться. А перед этим стогнать в Можайск и техникой закупиться разной — «телек» там, кофемашинка немудрящая, может, микроволновка...

Да, надо бы еще как-то порешать вопрос с оплатой за электричество. Странно, что до сих пор меня вообще от него не отключили, там, небось, долга наросло будь здоров сколько.

Правда, формально я никто, дом-то занят явочным характером. Но это не страшно. Взятки в России пока никто не отменял, авось, порешаю вопрос, в крайнем случае, пушу в ход свое благоприобретенное умение убеждения. Так сказать — практическую магию. При ее помощи и сварганю быстренько договор купли-продажи. Надо только паспортные данные покойного ведьмака разузнать, наверняка в доме какие-то бумаги остались.

— О, хозяин! — обрадовался один из рабочих, заметив меня. — А наш шеф как раз собирался тебе завтра звонить. Мы, по сути, закончили, остались мелкие доделки.

— Привет. — Я протянул мастеру руку. — Нет слов, парни. Нет слов. Красота какая!

— Первостатейная, — с достоинством подтвердил тот. — Материал хороший — и вид хороший. На таких вещах лучше не экономить, так я считаю.

— Вот только забор, — кивнул я на новоделку. — Вроде бы мы с ним не договаривались?

— Это с шефом говорить надо, — сразу открестился работяга. — Всё с ним. Наше дело телячье — обделался и стой. Пойду, мне еще площадку для септика копать, мы его «на сладкое» оставили.

Он задержал взгляд на моем лице, и, несомненно, остался увиденным недоволен.

— Септик, — через секунду повторил мастер. — На сладкое.

— И? — уточнил я.

— Септик — он для дерьма, — терпеливо объяснил рабочий. — Понимаешь? И — на сладкое.

— Шутка юмора, — облегченно вздохнул я. — Да, смешно. Я просто сразу не понял.

— Хочу осенью в «Открытый микрофон» сходить, — приосанился парень —

Попробоваться. Стенд-ап, то-сё... За меня мою жизнь никто не проживет.

— А вот это хорошая фраза, — одобрил я. — Очень правильная.

— Не то слово, — подтвердила Жанна. — Утверждаю как специалист по глупым смертям.

Ой, яблоня! У нас дома во дворе тоже яблоня была!

И она усвистела в сад, следом за рабочим.

Вот ведь. У всех есть цель в жизни. У этого парня — попасть на ТНТ, у Ряжской — мировое господство, Вагнер спит и видит, как бы ему для начала акции у семьи Аренов отжать, и даже Жанна стремится узнать, что такое «озубочек». Один я не знаю, чего хочу.

Нет, есть цель выжить в столкновении с наследником Кащея, прости Господи, Бессмертного, но как главное устремление в жизни данное желание рассматривать не очень правильно.

Вот и выходит, что плаваю я пока, как десерт в этом самом септике. Так себе шутка, но для «стенд-апа» сгодится. Надо будет ее работяге подарить, если не забуду.

Хотя — нет. Наговариваю я на себя. Год назад у меня вообще никаких устремлений не имелось, я просто плыл по течению и был этому рад. А сейчас потихоньку выгребая на середину реки, борясь с прибрежной волной. Хоть как-то барахтаюсь, и это уже что-то. Мысленно погладив себя по голове, я вошел в дом и удовлетворенно вздохнул. Ну вот, теперь тут можно жить. Уже не сарай с затхлым запахом, уже вполне себе комфортное обиталище для современного ведьмака.

Стены были отделаны золотистой вагонкой, потолок укрепили толстеньким брусом, на чердак вела новая и надежная лестница, на стенах красовались новенькие французские розетки, как раз там, где мы их с братаном Валерой и разметили. Из того, что здесь имелось раньше, осталась только печка, но уже не закопченная, а сияющая новенькой побелкой. А еще они очень по уму отгородили уголок, по сути, сделав еще одну маленькую комнату, в которой теперь красовались раковина и унитаз. Душевую кабину я сразу отмел как таковую, нечего ей в деревянном доме делать. Лучше пусть и впрямь мне баньку сварганят в дальнем углу участка. Будут братья-ведьмаки приезжать, будем с ними париться и пугать местных ведьм нашими красными рожами. И еще кое-чем.

Ну и еще куча хлама, который был свален в одном из углов. Впрочем — вру. Аккуратно сложен. Надеюсь, они травы сушеные туда не отправили? Тут от прежнего хозяина такой гербарий остался, что я в нем до сих пор разобратся до конца не смог, и как раз собирался этим заняться. А после этого мне только останется травяной сбор в совочек собрать и вон за окно отправить.

Скрежетнула молния рюкзака, которую Родька наловчился открывать своими острыми коготками. Мой слуга высунул голову наружу, повертел ей, убеждаясь, что тут нет посторонних, а после ловко спрыгнул на пол.

— Ничего так! — сообщил он мне секундой позже. — Не наша городская квартира, но жить можно!

«Наша». Ей-ей, в один прекрасный момент я и в самом деле не попаду домой, потому что этот пройдоха сменит замки в дверях. Раньше я так шутил, а теперь всерьез подобного опасаться начинаю.

— Да тьфу на тебя! — раздался голос из-за печки, и оттуда вылез мой второй подручный, домовик Антип. — Ничего ты, сыроежка кургузая, не понимаешь! Красота вокруг какая, благодать! Неделю уж хожу радуясь! Хозяин!

И Антип отвесил мне церемонный поясный поклон. О как. А раньше удавить хотел.

Что примечательно — внешний вид домового изменился. Вон борода расчесана, волосы на голове больше не похожи на воронье гнездо, и рубаха, оказывается, у него не серого, а белого цвета. Интересно, с чем это связано? Дом благоустроили — и он проапгрейдили? Или он просто сообразил, что со смертью старого хозяина жизнь не кончилась?

— Да что ты тут, за печкой своей... — подбоченившись, заорал было Родька, но от моего легкого пинка отлетел в сторону кучи хлама, и чуть не воткнулся в нее головой.

— Разобрать, рассортировать, разложить, доложить, — коротко велел ему я. — Антип, проконтролируешь.

Домовой расплылся в улыбке и снова отвесил мне поклон, уже второй. Впрочем, когда он разогнулся, выражение лица у него моментально изменилось.

— Матушка моя в лаптях, да без онучей! — охнул он. — Мертвячка! Как есть — мертвячка! Эхма!

Верно — за окном маячила Жанна, смотрела на нас, и тыкала себе пальцем в нижнюю губу.

— Кхм, — откашлялся я, отчего-то ощущая неловкость. — Слушай, Антип, а ты не в курсе, что такое «озубочек»?

Глава седьмая

— Озубочек? — оторопело взглянул на меня Антип. — Обьедок это. Пряника там печатного, или пирога. Девки дурные, которые от перезрелости на стенку лезли, в Иванов день его под подушку пихали, да приговаривали «Суженый-ряженный, приходи озубочек доедать да меня целовать».

— Почему дурные? — удивился я.

— Так Иванов день же, — пояснил домовый. — Лето! Суженый придет ли, нет — неизвестно. А змий огненный, что до тела бабьего жаден, запросто заявиться на зов может. Зимой он спит в пещерах дальних, в горах Авзацких, а летом как раз безобразничает.

Обернется молодцем, что эта дуреха во сне видит, да под одеяло к ней и шасть. И всё, девства как не бывало, а жениха теперь сколь ни жди, уже не дождешься. Кому она, порченная, нужна? Лучше в «вековухах» время коротать, чем после свадьбы грех вскрыется, это на всю семью позор. Одна дорога ей потом — в монастырь. А ежели вдруг еще и понесет эта тетеха, так точно соседи ворота дегтем вымажут, потому как потаскух, что до замужества ноги раздвинули, никто не любит. Охти мне, тарачится-то как! И зубы пальцем трогает! Никак, сожрать кого задумала? И ведь белый день на дворе!

«Змий огненный». Новое определение в bestiarii. Это кто же такой? Но до чего же дикие времена были, а? Из-за такого пустяка, как потеря невинности, в монастырь уходить. Расскажи кому — не поверят.

— Не сожрет, — подал голос из угла Родька. — Это хозяйина подружка, она с нами приехала.

— Чего? — даже подпрыгнул на месте Антип. — В дом? Нежить?

— В дом не пушу, — примирительно произнес я. — А так да — это с нами. Она безвредная.

— Она — мертвая, — завопил Антип. — Неживая! Да еще и не в своем уме! Она как губу оттягивает!

— Ей интересно, что такое «озубочек», — пояснил я. — Расскажу — перестанет.

— Ты хозяин, тебе виднее, — недовольно буркнул домовый. — Только не дело на своем подворье мертвячку держать, ровно живность домашнюю.

— Тебя не спросили, — снова высказался Родька, а после звучно чихнул.

— Забыли Жанну, поговорим о другом, — предложил я, погрозив пальцем девушке, а после подав ей знак отойти от окна. — Антип, скажи, рабочие не шалили? Всё нормально?

— Хорошие трудники, — как мне показалось, с радостью перешел на другую тему домовый. — Не ленивые, и не ворье. Думал, кого оглушить придется, когда тот попробует добро наше к своим рукам прибрать, так нет. Трогать — трогали, с места на место переставляли, но, чтобы в карман сунуть — не было. И делают, опять же, все на совесть. Чтобы согнутый гвоздь оставить, или там криво доску прибить — не видал.

— Ну за такие-то деньги, — хмыкнул я. — Хотя в наше время даже цена не гарантия качества.

— Это что же, хозяин, ты теперь сюда переберешься жить? — с надеждой спросил Антип. — А?

— На лето — да, — кивнул я. — А зиму все же в городе буду проводить.

— Зачем? — погрузился домовый. — Чего тебе тут не хватает? Вон даже нужник — и тот в дому, на мороз бегать не нужно, коли припрет. Живи да радуйся.

— Не получится, — развел руки в стороны я. — Просто не выдержу. Я привык к другому ритму жизни. Летом-то здесь хорошо — тепло, светло, травы собирать можно, есть с кем пообщаться — на реке русалки, в лесу дядя Ермолай. А зимой, в четырех стенах, я от скуки через месяц свихнусь. Даже при наличии спутникового телевидения.

Как это ни грустно признавать, но Ряжская была права. Надолго меня не хватит, на добровольное заточение я не способен.

— Оно, конечно, так, — признал домовый. — Эх-эх.

— Давай лучше ты с нами? — предложил я. — Квартира у меня не сильно большая, но места всем хватит. Как там вашего брата перевозят? В лапте вроде? Так я добуду его. Настоящий, аутентичный. В сети чего только не продают.

— В сети? — озадачился Антип. — Это в какой же? В рыбацкой? Как же оно так получается?

— В интернете, село ты дремучее! — выпендрился Родька. — Хотя ты о таком тут, за печкой, понятное дело, даже и не слыхал. А я там был! В интернете!

— Был и мед-пиво пил, — начал злиться я. — Забыл тебе сказать — надо овощи сажать. Завтра с утра в поля, и копать там землю до самого ужина.

— Как? — завопил обиженно мой слуга и показал свои короткие лапки. — Чем?

— Лопатой, — даже не подумал жалеть его я. — Или щепочкой. Мне по барабану. Мне результат важен.

Антип злорадно захекал, оглаживая руками бороду.

Родька не стал возражать (да и попробовал бы), молча развернулся ко мне спиной, и стал копать в куче хлама, раскладывая ее на кучки по какой-то своей, непонятной остальным присутствующим, системе. Но при этом его молчание как бы говорило: «Эх, хозяин, хозяин...».

— И вот еще что, Антип. — Я потер лоб, не зная, как подступиться к очень и очень щекотливому вопросу. — Раз уж ты тут собираешься зимовать, то надо тебе мобильный телефон освоить.

Родька издал горловой звук, в котором отчетливо звучало: «Куда ему, чумазому!».

— Нет, — немедленно отказался Антип. — И не проси, хозяин. Не наше это, не посконное. Жили мы без этих диковинок и дальше проживем.

— Жили вы без них, потому что времена другие были, — мягко произнес я. — Нет телефона — нет проблем. Теперь они есть. Вот, специально для тебя купил. Простой и надежный, как ты любишь.

И самый дешевый. Не потому, что хотел сэкономить, просто кроме звонков эта модель ни на что больше не была способна. Зато кнопки большие, корпус прочный и аккумулятор зарядку с месяц держит.

— Нет, нет, нет, — замахал рукавами рубахи Антип. — И не проси!
— Да он просто цифры не знает, — злорадно захихикал Родька. — Вот и отказывается!
— Кто? — уже в голос крикнул Антип. — Я не знаю? Я? Един да един — два. Два да един — три!

— А шесть плюс семь? — голосом кинопродюсера поддел его мой слуга.

Антип задумался, начал пальцы загибать.

За окном зафырчала машина, после стукнула калитка. Выглянув, я увидел Валеру, который сменил кожаную куртку на жилетку из того же материала.

Шустро. Не успел я приехать, он уже здесь. И кто говорит, что на периферии люди инертны и не предприимчивы? Враки это!

— Так, — скомандовал я. — Оба — за печку.

— Да еще один... — Антип, не слыша меня, загнул еще один толстый короткий палец. — Два на ум пошло.

— Тьфу! — Я подошел к Родьке, который уставился на меня чистым, безвинным и незамутненным взором. — Делай что хочешь, но чтобы вас обоих тут через десять секунд не было. Понятно излагаю? Сам его отключил от действительности, сам и возвращай в наш мир.

Родька с заданием справился — когда мы с Валерой, которого я встретил на пороге, вошли в дом, их обоих уже не было. Как, кстати, и коробки с телефоном, которую, похоже, они прихватили с собой.

В процессе разговора выяснилось, откуда взялся новый забор. Оказывается, старый они случайно сломали, когда водитель неудачно подал к калитке грузовик. Валера, как честный человек, тут же сварганил новый, подав мне его как бонус для оптового заказчика. Следом за этим мы перешли к смете, и я обнаружил, что она подросла процентов эдак на пять, то есть аккуратно на ту сумму, в которую мне этот забор и обошелся. Нет-нет, подан факт увеличения бюджета грамотно и обстоятельно — колебания курса доллара, снижение ставки рефинансирования, сезонные повышения цен.

Можно было бы поторговаться, повозмущаться, можно. Но — зачем? Работа сделана отлично, новый забор куда лучше старого, деньги у меня есть, а хорошие отношения с Валерой в будущем могут пригодиться. Мало ли чего еще я задумаю проапгрейдить? Может, дорожки из плитки везде проложу, или прудик в саду выкопаю да рыбок в него запущу.

Мало того — предприимчивый парень приволок с собой летний душ, о котором я совсем забыл с ним в прошлый раз договориться. Дескать — вез другому заказчику, но могу поставить вам. И даже со скидкой. Вот и как тут не восхититься его деловой хваткой?

Заодно я и о строительстве баньки упомянул, получив в ответ заверения в том, что пара дней — и она уже стоит во-о-он там, за яблонями, на краю участка. Сборная, но добротная. Одно плохо — канитель с приемкой работы затянулась надолго, поскольку Валера заставил меня осмотреть чуть ли не каждый гвоздь, вбитый в стену, и подтвердить его наличие собственноручной подписью в многостраничных актах.

Но всё когда-нибудь кончается, и во второй половине дня, ближе к закату, Валера, довольный моей сговорчивостью, наконец уехал, прихватив с собой работников, а я уселся на крыльце и глубоко вздохнул.

— Так что такое «озубочек»? — Жанна устроилась рядом с моими ногами, на пару ступенек ниже. — Узнал?

— Узнал, — устало ответил я. — Только давай чуть попозже расскажу, хорошо? Вот будем вечером чай пить из самовара, тогда и...

— Я видела самовар в музее, — поделилась со мной девушка. — Он пузатый и прикольный!

Ответить здесь мне было нечего, потому я отправился в дом, где о чем-то шумно спорили Антип и Родька.

А, нет, не спорили. Наоборот — мирно беседовали. Правда, на повышенных тонах.

— Я и говорю — удобная штука, — тыкал кулаком в бок домового мой слуга. — Что ты сразу: «нет, нет». Она люди как птицы в небо летают и не кочевряжатся. А ты все тут, за печкой, пытаешься новое время пересидеть.

— Да не понимаю я время это, — бубнил Антип, вертя в руках массивную трубку телефона. — Но ежели всё так, как ты болтаешь, то оно, может, и надо новое-то узнавать. И что же, всегда можно хозяина по нему услышать?

— Ежели он не занят чем — так да, — подтвердил Родька. — Ну а если занят, или с хозяйкой новой того самого, так я тебе отвечу. Я у него заместо обеих рук, если чего. Он вообще без меня — никуда. Вот так-то!

— Врешь, — уверенно заявил Антип. — А что за хозяйка такая, а? Стой-ка! Неужто вон та, что под окном таскается? Охти мне, батюшки!

— Чур на тебя! — замахал лапами Родька. — Она ж неживая! Не, у нас другая теперь хозяйка. Чародейка она! Не такая сильная, как те, что жили в бывшие времена, но зато и под звездами голой не пляшет.

— Чародейное племя, чай, паскудное, — с сомнением произнес домовый. — Они за ради капли силы мать родную с золой смешают, сам же про то ведаешь.

— Не, эта другая, — заверил его Родька. — Правда, учуял я в ней примесь крови от... О, хозяин! А мы тут! Может — пообедаем?

Надо бы его как следует взгреть за то, что не в свое дело лезет, да уж ладно. Тем более что я настроен крайне благодушно. Помимо всего прочего, Валера пообещал меня вывести на нужных людей в близлежащих можайских «Моих документах», а те, в свою очередь, за небольшое воспомоществование пособят с оформлением дома в собственность.

Ну вот не хочу я при помощи зелий решать данный вопрос. Не стоит оно того. Дешевле выйдет заплатить.

— Подавай на стол, — разрешил я. — Давай перекусим.

— Так это... — Родька шаркнул лапой по полу. — Печку топить долго, а плитка, на которой мы готовили раньше, сломалась. Я ее в розетку, а она не включается.

— А если в другую ткнуть? — уточнил я. — Тоже нет? Печально.

— И еды в доме почти нет, — затараторил слуга. — Разве только то, что мы с собой привезли. Ну еще крупы, да сухарей немного на чердаке в наволочке лежит. Надо бы в Можайск съездить, плитку новую купить. И продуктов тоже.

Нет, все-таки когда-нибудь я его точно убью!

— Ты чего раньше молчал? — рассвирепел я. — А? Можно же было с Валерой уехать! Столько времени получилось бы сэкономить, и сил тоже. А теперь придется через лес на своих двоих топтать, да еще там автобуса до города ждать. Тут не Москва, такси влет не поймаешь.

— Болтун, — с невыразимым презрением глянул на Родьку Антип, прихватил телефон и полез за печку, добавив напоследок: — Городской! Тьфу!

Как видно, последнее означало у него степень крайнего презрения. Что особенно приятно — сказано это было в единственном числе, то есть меня не касалось. Хотя... Кто его, Антипа, знает?

Впрочем, его достоинства перекрывали все недостатки. Домовик Антип был отменный — трудолюбивый, надежный, основательный, что и показали несколько последующих дней. Во время поездки в Можайск за плиткой-временкой я решил времени зря не терять, и заказал в тамошнем магазине электроники сразу весь набор бытовой техники, от большого телевизора до невысокого холодильника. Ну вот надоело мне кое-какие продукты в колодце держать, чтобы они не пропали. Это, конечно, романтично, в духе предков, но чертовски хлопотно. Если предыдущие владельцы дома не знали о существовании техники, призванной облегчить жизнь человека, то это их проблемы. Я тут ни при чем.

В последующие несколько дней суета во дворе достигла апогея — одна бригада Валеры занималась финальными доделками, вторая ставила баньку, да еще доставили заказанную технику.

Я, если честно, в какой-то момент немного осовел от вопросов, которые сыпались на меня со всех сторон, вроде: «тут вот заподлицо сделаем, нормально?» или «хозяин, сток воды куда отводить станем? Вон туда, или вон туда?».

Какой сток воды? Куда его отводить? Зачем?

И вот тут дело взял в свои руки Антип. Как-то так ловко, незаметно, но ощутимо. Он словно нащепывал мне в уши нужные ответы, а я только их повторял.

К вечеру пятницы все, наконец, закончилось. Я расплатился с Валерой, и его молодцы, напоследок подключив мне всю технику, того требующую, подметя двор и собрав весь строительный мусор до последней щепочки, наконец-то уехали, оставив уставшего за эти дни меня практически в полной прострации.

— Картошечки наварю сейчас, — успокаивающе заявил мне Родька. — С тушенкой! Эх, жаль капусточки квашеной нет и огурчиков соленых!

— Ничего, в следующем году будут, — помассировал виски я.

— Да? — обрадовался слуга. — А откуда?

— Так ты завтра у меня и капусту посадишь, и огурцы. В доме лежит схема, по которой надо это делать, ее мне Славы еще когда нарисовали. Семена в рюкзаке, в пакете. А засолишь и заквасишь потом, когда они вырастут.

— Огурец так не сажают, — пробубнил Антип, устраиваясь рядом со мной на крыльчке, где я обосновался. — Его сначала прорастить надо, а уж потом сажать. Тебе, хозяин, в Моденово бы сходить. Ведьмы бают, что там люди есть, которые уже готовую рассаду продают. Вот ее бы купить, да и в землю. Чтобы, значит, время не тратить, и самому не мучаться.

Надо же. И тут все непросто. Рассада какая-то нужна. Хотя да, все верно. Мама время от времени по весне что-то такое держала на подоконнике, в баночках из-под йогуртов. Выдав данную информацию, домовый раскрыл инструкцию по использованию холодильника на аккуратно заложенной сорочьем пером страничке и начал по складам читать то, что там написано, водя при этом по строчкам толстым заскорузлым пальцем, проговаривая про себя изученное.

Я же говорю — основательный товарищ. Он скрупулезно и последовательно штудировал все инструкции от всех товаров, которые я заказал. Начал с электроплиты, продолжил микроволновкой, теперь вот до холодильника добрался. Не пропускал ни единого слова, время от времени задавая мне вопросы, большинство из которых ставило меня в тупик. Хорошо хоть телефон принимал здесь сигнал, поскольку где-то неподалеку была вышка, и я мог найти ответы в интернете. Вот что такое «фреон»? Да-да, газ, который в трубках холодильника находится. Но если копнуть поглубже, дай бог один из десяти современных мужиков сможет что-то более подробное о нем рассказать. Антип — копал, он по своей натуре был перфекционист, хотел дойти до самой сути, и это вызывало немалое уважение. — Может, ну их? — задушевно предложил Родька, подергав меня за локоть и по-заговорщицки сопя. — Огурцы эти, помидорки... Вон редисочку да морковку поседем — и будет. Пару грядочек.

— Не хочешь копать, — злорадно отметил я. — Ой не хочешь! А придется. Славы сказали «надо», значит — надо.

Родька хотел что-то вякнуть, но тут взревел смартфон, на экране которого я без особого удивления увидел фамилию «Мезенцева». Хотя нет, не так. Удивлен, что она раньше не позвонила, дабы высказать мне свое презрение.

— Да, Евгения, — вложив в голос максимум дружелюбия и миролюбивости, произнес я. — Привет!

Ну да, любовь прошла, завяли пока еще не посаженные помидоры, но это не повод враждовать, правда? Тем более в нашей симбиозной с Отделом ситуации? И особенно учитывая то, что пока я им нужен больше, чем они мне.

— Сволочь ты, — пробубнила в телефон Женька, причем по голосу было слышно, что она пьяная до изумления. — Ненавижу тебя. И очень надеюсь на то, что раньше или позже ты, как и все тебе подобные, сорвешься, перейдя черту. Я сама тебя убью. Лично. Никому это право не отдам. Возьму нож — и в сердце тебе, как положено по инструкции.

Столько в ее голосе было ненависти и злобы, что я как-то даже сразу поверил в правдивость этих угроз. Убьет. Как есть убьет.

Не слушал я умных нелюдей, которые говорили мне, что не может быть ничего между ведьмаком и сотрудницей отдела, который существует для того, чтобы мне подобных в узде держать. Думал, что я самый умный, и вот результат.

— Пойди проспись, — уже без всяких попыток наладить контакт, посоветовал я ей. — Несешь какую-то ересь.

— А шлюху эту, которая под монашку рядилась, я отдельно отблагодарю за дружбу, — продолжала разоряться Мезенцева. — Вот увидишь! Сволочи вы оба!

И она бросила трубку.

Надо Вику предупредить, что ли? Мало ли какие пакостные мысли возникнут и в без того не сильно крепкой на ум голове Мезенцевой, в настоящий момент, к тому же, дополнительно ослабленной алкоголем.

Не успел, телефон зазвонил по новой.

Будучи уверенным, что это Женька решила добавить до кучи еще пару крепких слов, я, не глядя на экран, сразу рывкнул в трубку:

— Ну и что еще? Вроде все уже сказала!

— Я — женщина! — сообщила мне Светка, причем не менее пьяная, чем моя предыдущая собеседница. Они там не вместе, часом, синячат? — Мало ли что, кому и когда я сказала? Заметь, Смолин, я сама делаю первый шаг навстречу к тебе. Сама! А ты сразу орать на меня начал! Разве так можно? Я же девушка!

— Определись уже, женщина ты, или девушка, — куда более тихо предложил ей я. — Хотя о чем я? Мне ли не знать...

— Пошлак! — голос моей бывшей жены похолодел, как ветер, внезапно поменявший направление с южного на северное. — Как я с тобой столько прожила — не понимаю?

— В основном — скандала по мелочам, — охотно подсказал ей я. — Ну и не сильно богато, ибо добытчик из меня, как из тюля костьль. Кстати — уважение твоей маме за метафоры. Эта, например, дивно хороша!

— Что. Плохого. Тебе. Сделала. Моя. Мама? — отчеканила Светка. — Она вообще не лезла в наши дела, если ты забыл. Подумаешь, заглянет раз...

— В три дня, — завершил я фразу за нее. — Но ты права. Это и правда уже несущественно. Как, впрочем, и все остальное.

— Давай я сейчас приеду, и мы все решим окончательно? — помолчав, предложила Светка. — Не по телефону, не на ходу, а спокойно, глаза в глаза?

Удивлен. Серьезно — удивлен, и сильно. Зная самолюбие моей бывшей, могу предположить, чего ей стоили эти слова.

Впрочем, ее упертость куда сильнее, чем самолюбие, полагаю, дело как раз в этом. Попала шлея под хвост, вот она и бьется как рыба об лед. В прошлый-то раз я ее, по сути, послал, спасибо Женьке, вот и взбеленилась.

Увы, увы, но и сейчас ей ничего не светит. Да и потом — тоже. Всё, разошлись дорожки окончательно. И это в ее же интересах, между прочим.

Но как бы я ликовал всего год назад, услышав эти слова! Вот только вряд ли бы они прозвучали. Год назад я был другим, и мир вокруг меня тоже.

— Свет, давай в другой раз? — предложил я, отлично понимая, что последует за категоричным «нет». — Не потому, что я имею что-то против, просто меня сейчас нет дома.

— Я знаю, — заявила моя бывшая, перед этим тихонько икнув. — У тебя окна темные. Но я могу подождать, пока ты придешь. Я знаю, ты никогда не ценил моей готовности избежать конфликтов любой ценой, но это сегодня неважно.

— О как, — проникся я, решив не фокусироваться на более чем сомнительной истинности последней фразы. Помню я ее неконфликтность, такое не забывается. — Надеюсь, ты не за рулем?

— Я в такси, — с достоинством ответила Светка.

— Езжай домой, — велел я. — Не дождешься ты меня сегодня. И — нет, я не у какой-то малолетки или проститутки, можешь этого даже не говорить. Я в командировке, в другом городе.

— Ты? — рассмеялась Светка. — Кто тебя в нее отправит? Ты же ничто-же-ство в карьерном плане! Младший помощник старшего дворника!

Сразу видно — стремится человек к конструктивному разговору. Выбрана правильная и миролюбивая позиция, которая расположит к ней собеседника.

— Всё так. И меня отправили проверять в филиалы вопросы соответствующего архивирования документов, а также их последующей утилизации, — решил я соответствовать той должности, которую она для меня определила. — Вернусь — позвоню. Ответа не последовало. Она просто бросила трубку.

Нет, не понять мне некоторых женщин.

А может, и всех. И, возможно, к лучшему.

— Чего не так пошло, хозяин? — пискнул из-под локтя Родька.

— Не то чтобы... — отозвался я. — Наверное, как раз так, как нужно, вот только веселья по этому поводу на душе отчего-то нет.

— Оно всегда так и случается, — не отрываясь от инструкции, буркнул Антип. — Когда лжу творишь, на душе легко, потому как такое дело всегда к какой-никакой выгоде ведет, на первых порах так точно. А коли правду сказал, так хорошего не жди. Правду никто не любит, она завсегда неприятная бывает. Зато потом беды ждать нет нужды. Правда есть правда, другой она уже не станет. Лжа же раньше или позже наружу вылезет, и тогда невесть что случится с тобой может. Люди только свои собственные грехи прощать всегда горазды, а чужие — ни за какие коврижки.

— Да ты философ, — отметил я, вертя смартфон в руке и раздумывая — позвонить Виктории, или ну его нафиг?

— На свете живу давно, — отозвался домовой. — Ваше племя хорошо изучил.

— О, кстати! — вспомнил я. — Скажи, Антип, а ты о берегинях знаешь что?

— Вестимо, — кивнул тот. — Мне дед про них рассказывал много разного. Только ушли они вроде из Яви. Может, в Навь, где вечный сон, может, еще куда. Как люди начали их труды уничтожать, так и ушли. Не под силу им было смотреть на то, что вы творите. Какая мать сможет без мук глядеть на то, как ее дите жизни лишают?

— А кто они вообще? — жадно спросил я. — Поподробней бы!

— Берегини? — уточнил зачем-то Антип. — Так хозяйки они были. Всей земли нашей — рек, лесов, лугов. Творил это все Род, про то всем ведомо, но Род — он кто?

— Кто?

— Мужчина, — горделиво заявил домовой. — Мужское дело — дом построить, а уж за порядком в нем следить ему без надобности. То женская забота.

— А сам-то? — не удержался Родька. — Чай, не баба, а по дому хлопочешь!

— Это ты хлопочешь, — надулся Антип. — А я тут живу. Пока дом стоит, я в нем буду. Он погибнет — и я сгину. То разные вещи! Берегини — водам да лесам, животным да

рыбам хранильницы были. А я сему жилищу — хозяин. Александр мне, а я — дому. Ясно тебе, недомерок ты мохнатый?

— Хранильницы, — задумчиво повторил я. — Не сходится задачка. Если Род им велел привести все в соответствие, так сказать, делегировал полномочия, то почему хранильницы? Или — создали, теперь охраняйте?

— Берегинь всего двенадцать было, — закрыл наконец инструкцию Антип. — Какие на Север подались, какие — на Юг, а какие тут, у нас остались. Я за всю свою жизнь одну из них только видел, да и то краем глаза. Давно, лет двести назад. Она мимо нас в виде голубицы пролетала. Мне истинный облик владельцев Силы видеть Поконом не положено, да на удачу мой тогдашний хозяин как раз со старухой Дарой лясы точил, что-то они там поделить не могли. Дом-от тогда еще другой стоял, не тот, что нынче.

— И? — поторопил я его.

— Дара и молвит: «Гляди-ка, берегиня полетела». А хозяин ей вторит: «Она, Желана. Должно, где беда случилась». Вот и вся история.

— Н-да, — вздохнул я. — Понятно, что ничего не понятно. И самое главное — если они в основном природоохранной деятельностью занимались, то откуда разные заклинания знали?

— Все берегини раньше, когда человеческую суть имели, сильномогучими чародейками были. Из первых людей, что в Яви родились, — как о чем-то общеизвестном сообщил Антип. — Род им вечную жизнь даровал и власть над миром, но знания-то их никуда не делись, верно?

— Ага, — оживился я. Пасьянс потихоньку начал сходиться. — Чародейками, значит?

— Ими, — кивнул домовый. — Очень знающими. Даже боги — и те с ними считались, вот как! Но знания свои они при себе держали, а чтобы заради зла их в дело пустить — это никогда! Да и не было у них врагов, у берегинь. Ни боги, ни твари ночные, ни звери дикие чего дурное им сделать, или даже помыслить о таком, и не могли. Только вы, человеки, их со света и сумели сжить, причем сами того не заметив.

— Мы можем, — хмуро согласился я. — Такая у нас натура. Значит, совсем они ушли?

— Я про них давно ничего не слышал, — еще раз повторил Антип. — Но я никуда и не хожу. Мои владения вон за забором кончаются. А новости от птиц да мышей узнаю, только много ли они чего рассказать могут? Ты, хозяин, если больше про берегинь узнать желаешь, с Водным хозяином поговори, пока он спать до листопада не лег. Он из рук Желаны свою власть над рекой получал, так кому, как не ему, про нее все знать?

— Сейчас насоветуешь, — всполошился Родька. — Ты куда нашего хозяина посылаешь? А что если водяник его с собой на дно уволокет?

— Да с чего бы? — озадачился домовый. — Ведьмаки да водяники сроду не враждовали. Вот Трясинник — тот да, тот его непременно бы в чарусью заманил, потому, как Лесовика терпеть не может, а ведьмак есть суть порождение леса да поля. А наш еще и с батюшкой Ермолаем дружится. А Водяной хозяин ему не друг, конечно, но и не враг. Хотя в воду, вестимо, залезать точно не стоит. Чего зря искать беды на свою голову? Да и холодно еще купаться-то. Подстудиться можно.

— Это да, — согласился я и поехал. Днем было тепло, а вот к вечеру от близкого леса начало подтягивать сырým холодком. — Не сезон пока.

— Надо самовар раскопегарить! — предложил Родька. — Пока картошечка варится. Антип, тащи его во двор.

Я посидел еще немного, глядя то на бурную деятельность, которую развела эта парочка, то на танцующую между начавших зеленеть деревьев Жанну. Моей помощнице, несомненно, тут нравилось, поскольку ее все эти дни было не видно и не слышно. Знай на травке сидит да на небо смотрит.

А я никак не мог для себя решить — звонить Виктории или не надо? Странное чувство, я такого класса с девятого школы не ощущал. Ну когда позвонить очень хочется, но при этом жутко страшно услышать не грубое «чего ты звонишь?», а равнодушное «да, что хотел?». Подумал, подумал, да и убрал телефон в карман. Все эти заботы остались там, в городе. Вернусь — буду думать, делать, звонить и ездить. А сейчас у меня другая задача — узнать как можно больше всего, чего только можно.

И в первую очередь о берегинях. Что они за природой глядели — это прекрасно. Но вот то, что в прошлом каждая из них являлась влиятельной чародейкой — это вообще замечательно. И не столь важно, что они давно ушли за грани этого мира. Насколько я понял, в Ночи не принято доверять памяти, она может подвести, потому все более-менее толковые ее обитатели ведут записи. Уверен, что, например, у тех старушек-ведьм, что являются моими соседками, тоже где-то книги личных заметок припрятаны. Ясное дело, что за века не я первый о таком задумался, до меня народ не глупее жил. Но это не значит, что данную версию не надо отрабатывать.

Вот чуть разгребусь с делами — и на реку. Заодно, кстати, и проверю, работает венки из ревенки, или нет?

Глава восьмая

Солнце почти село за верхушки елей, которые черной грядой опоясывали противоположный берег реки. Я сидел, опустив ноги в воду, шевелил пальцами, разгоняя мальков, мельтешащих подобно маленьким серебристым молниям, и мне было хорошо. — Две недели, — ворчал Родька, в очередной раз забрасывая удочку. — Прямо как крот какой-то — рою, рою землю. Тьфу!

— С перерывами на второй завтрак, обед, послеобеденный сон и так далее, — заметил я. — Кто-кто, а ты не перетрудился.

— Какой он у тебя все же ворчуниска! — звонко рассмеялась Жанна, устроившаяся рядом со мной. — Маленький, а вредный.

— А ты вообще помолчи, нежить. — Шерсть на голове моего слуги встала дыбом, отчего он стал похож на панка из времен моего далекого и беспокойного детства. — Тебе слова не давали.

— Тебе тоже, — резонно заметил я, чуть откидываясь назад. — Жанна наша гостья, будь любезен проявлять вежливость и дружелюбие по отношению к ней.

— Я не обиделась, — бросила девушка, чуть отвернувшись от нас в сторону. — Вот еще... И было бы на кого? Вот в «Инстаграм» меня троллили, так троллили. А тут... Подумаешь, какой-то мохнатый коврик из «Икеи»!

— Веселая у тебя компания, — услышал я голос дяди Ермолая, который появился из кустов, как всегда, внезапно и вдруг. — Здорово, ведьмак. А я смотрю с опушки — на берегу костерок горит. Думаю — никак опять какие туристы пожаловали? За ними, знаешь, глаз да глаз нужен. Об тот год эти паразиты на дрова три молоденьких березки срубили. Лень им, пакостникам, было чутка до леса пройти, валежника набрать.

— Долго потом их по чащобам своим водили? — заинтересовался я.

— Два дня, — с достоинством ответил Лесной хозяин. — Так помотал, что они чуть с ума не сошли. Раз пять до шоссе давал подобраться, так чтобы они шум машин слышали. К «Борисьево» пару раз подводил, там вечно собаки лают и дети шумят. Дам послушать людей маленько, почуять надежду, что они выбрались, да и обратно к оврагам их, к оврагам. Там мрачно, гнилью пахнет, деревья старые, злые на весь мир. Ух они у меня побегали!

— Потом-то отпустил? — уточнил я.

— Отпустил, — кивнул дядя Ермолай. — Не стал губить. Поначалу хотел их погонять по лесу, да и отдать Трясиннику, после пожалел. Девка среди них башковитая оказалась, смекнула, что к чему. То ли слышала чего когда, то ли память крови проснулась, не знаю. Заставила их у меня прощения попросить. На коленях, в голос.

— Встали?

— А то, — нехорошо усмехнулся леший. — Нынешние человеки только тогда сильны, когда середь каменных домов ходят, а как пару дней по лесу побегают без дорог да еды, мигом с них спесь слетает. Нет, может, один понимающий на сотню найдется, так он зазря молодняк рубить не станет.

— Это да, — согласился я.

— А мы, батюшка, тут картошечки пекём, — вежливо, не то что с Жанной, произнес Родька. — Не желаете с нами отужинать? И сальце есть, и хлебушек.

— Чего нет? — присел на пенек, которого только что в помине не было, дядя Ермолай. — Не откажусь. Только, думается мне, ты сюда, Александр, не трапезничать пришел, посередь второй-то русальной недели?

— Так и есть. — Я оттопырил пальцем плетеное из травы кольцо на своей шее. — Есть кое-какие дела.

— Ревенка. — Дядя Ермолай принял от моего слуги кусок хлеба, посыпанный солью и увенчанный изрядным шматом сала. — Не хочешь, стало быть, при Водянике состоять? Чего так? Он ведьмака точно под водорослями не схоронит, не иначе как в свою свиту запишет.

Вот такой у него незатейливый юмор.

— Мне и на земле хорошо, — резонно заметил я, дернув ногой, в которую щекотно бились мальки. — Дел как грязи, времени на все не хватает. Когда тут тонуть?

— Да прямо сейчас! — весело крикнул девичий голос. — А ну, бабоньки, тащи его в омут! Нам такой кавалер ох как нужен!

Это были не мальки! Мою ступню, оказывается, щекотала глазастая русалка, имя которой я, естественно, уже не помнил.

Точнее — щекотала она ее секунду назад, а сейчас все изменилось. Она вцепилась в нее как клещ, второй же ногой завладела пакостная Лариска, которую я сразу же узнал.

— Как он Аглайку-то прошлый год ублажал! — визгливо гомонила она, стягивая меня с берега в воду. — А мы что же? Мы тоже хотим!

— А ну отпустите его! — завопила Жанна, вскакивая на ноги. — Я сейчас... Полицию вызову!

Даже я улыбнулся после таких слов, хоть мне было и не до смеха. Если первая русалка больше дурачилась, то Лариска всерьез нацелилась на какую-то гадость, я это понял по злым отблескам в ее глазах.

— Эй-эй! — я уперся руками в ускользящий берег. — Заканчивай уже! Между прочим, я в гневе неприятен!

— Лариска, ты чего, в самом-то деле? — опешила та русалка, которая мне ногу щекотала. — Не глупи!

Но разошедшаяся злока никого уже не слушала, в ее глазах пылали мертвые зеленые огоньки, а сила, с которой она тащила меня на глубину, была впечатляющей. В прямом смысле слова — нечеловеческой.

Дядя Ермолай, поняв, что происходит неладное, было рывкнул нечто грозное, но я слов уже не разобрал, поскольку после очередного резкого рывка вода накрыла меня с головой. Зато разобрал, что гаркнул другой голос, не менее грозный, и немного булькающий:

— Что творишь!

Звук удара, похожий на тот, с которым большая рыбина бьет хвостом по воде, бабий визг, и я понимаю, что снова свободен.

Вынырнув, я еще успел увидеть серебристый росчерк парящей в воздухе русалки. Похоже, что пакостную Лариску тем самым ударом выбросило из воды, как рыбу на сушу. Она хвостатой ракетой промчалась над речной гладью, на секунду застыла в воздухе, а после с громким плеском снова плюхнулась в воду, уже на изрядном от меня расстоянии.

Впрочем, я не особо вглядывался в произошедшее, фиксируя его так, между прочим. Я спешил к сухому и надежному берегу. Причем — вплавь! Воистину, в особо опасные моменты можно овладеть теми способностями, которыми сроду не владел. Например — плавать до нынешнего вечера я не умел. Теперь, стало быть, научился.

— Вот же дрянь! — поделилась со мной, мокрым с головы до ног, одна из ее товарок, высунув голову из воды. — Знает, что тебя трогать нельзя, а все одно утопить хочет. Очень уж Аглае завидует. Всю зиму нам про это толковала!

— А чего меня трогать нельзя? — выкарабкавшись из реки, и дрожа, спросил у нее я. — Из-за того, что сделал прошлой осенью?

— В том числе, — подтвердил тот самый голос, который я слышал под водой. — Хотя, конечно, ты мне число служанок и уменьшил, но доброе дело есть доброе дело. А за него Покон велит тем же и платить.

Голос принадлежал тощенькому старичку, сидевшему на поросшем мхом бревнышке близ воды.

Водяник, он же Водяной Хозяин. Вот, стало быть, он какой.

Зеленая то ли длинная куртка, то ли короткий плащ, зеленые же порты, лапоточки, сплетённые из речных трав, куцая бороденка клинышком, и глаза навывкате, точно у рыбы. Дедок как дедок, ничего особенного. На улице встретишь — за обычного человека примешь. Разве что только лапти вызовут удивление. Хотя... Нынче в чем только народ по улицам не бродит. Я и казаков с нагайками видал, и готов, живущих по принципу «все свое ношу с собой», а потому тащивших на плечах черные гробы, и даже девушек, изображавших героинь мультфильмов в стиле «аниме», поражающих воображение количеством пластических операций, сделанных на лице, затейливым макияжем и костюмом «мечта педофила». Так что этот старичок не самое вычурное, что можно увидеть на московских бульварах.

Встряхнувшись как собака, и обрызгав водой недовольно заворчавшего Родьку, который, похоже, и не подумал бросаться меня спасать, я отвесил Водяному поясной поклон.

— Впрямь вежлив, — сообщил тот дядя Ермолаю. — Ишь ты!

— Так вы мне жизнь спасли, — лязгая зубами от холода, ответил я речному владыке. — Как по-другому?

Ох, и холодна водица в реке! Днем вроде бы хорошо солнышко припекает, чего же она хоть чуть-чуть не прогрелась-то? Да еще ветер к вечеру поднялся, аж до костей прошибает!

Я протянул руки к костру, ощущая, как тепло разливается по моему телу.

— Это шутка была, — послышался от реки вкрадчивый женский голос. — Шутка!

— Вот динамита раздобуду и тоже с тобой пошучу! — рывкнул я не поворачиваясь. — Пузом вверх всплывешь! Всех остальных потом за неудобство отблагодарю и отпущу, а тебя на веревке повешу на солнце сушиться! Была русалка — стала вобла! Жанна хихикнула и захлопала в ладоши, как видно, ей понравилась эта идея.

— Эй-эй, ведьмак! — в голосе водяника шумнула черная штормовая волна. — Эта река — мои владения! Динамитом он надумал швыряться! Лариска — дура, она свое уже получила от меня под зад. И будет!

— Извиняюсь, — снова поклонился я, повернувшись к костру задом. — Уф, хорошо! Но и вы меня поймите — тонуть очень неприятно.

— Кто бы спорил? — тоном парламентаря произнес дядя Ермолай. — Но не утонул же? Вон помог тебе Карпыч.

Ага, стало быть у Водяного Хозяина и имя есть. Или только отчество? С этой публикой походи поймай. Они ведь, скорее всего, сами себя именуют.

— Я гляжу, у тебя ревенка на шее? — миролюбиво обратился ко мне водяник. — Так, для красоты, или хочешь ее по лунной дорожке запустить?

— Хочу, — охотно ответил я. — Сегодня. Аккурат же середина русальной недели.

— Не поплывет этот поясок, — авторитетно заявил Карпыч. — У тебя в нем ревенки-коронки нет, отсюда вижу.

— Чего нет? — насторожился я.

— Среди обычной ревенки раз в пять лет зацветает ревенка-коронка, — пояснил дядя Ермолай. — Стебелек золотистый, а не зеленый, а поверху цветок, что корона трезубая. Ее найти сложно, взять еще труднее. Она орет так, что травник, что нужных слов не знает, оглохнуть может. У него слух через уши с кровью вытекет. Так вот без нее твоему плетению грош цена.

— Да? — опешил я — В книге про это ни слова не было.

Старики дружно рассмеялись, их поддержали русалки.

— Вестимо, не было, — подобрал под себя ноги Карпыч. — Племя людское думает, что все знает, а на деле и понюшки не ведает.

— Так книгу подобные мне писали, — расстроено сорвал с шеи травяную плетенку я. — А не естествоиспытатели и ботаники.

— А вы что, не люди? — уточнил дядя Ермолай. — Ну да, знаете и видите чуть больше, но суть ваша не меняется. Все спешите, спешите куда-то, вместо того чтобы вокруг внимательно оглядеться.

— И тот, кто до тебя здесь жил, всё спешил, — поддержал его водяник. — Я ему говорил, когда в последний раз виделись — зрю в отражении водном над тобой камень могильный. Плохое вода вещает. Не послушал он меня, и что вышло? Да, а что вышло? Как он сгинул?

— Отравили Захара Петровича, — вздохнул я. — Яд любого свалит, если рядом антидота нет.

— Кого нет? — в один голос спросили старички.

— Чего нет, — пояснил я. — Противоядия. Его не оказалось, зато ваш покорный слуга подвернулся.

— Не самый плохой для тебя случай вышел, парень, — вздернул вверх бороденку водяник. — Ведьмаком стать — не мальков гонять, в этом пользы больше, чем обычным пустоцветом жить. К тому же, слышал я, тебе путь достался хоть и трудный, но зато почетный. Вроде как Ходящий близ Смерти ты.

— А то сам не видишь — рассмеялся дядя Ермолай, показав на Жанну, которая сидела чуть в сторонке, обняв руками колени, и не мигая смотрела на пляшущее пламя костра. — Вон уже спутницей из неушедших обзавелся.

— Так и правильно, — одобрил Карпыч. — С кем ему еще ходить-то? С перевертышем? Или планетника за пазухой носить?

А ведь ему что-то от меня нужно, точно говорю. Не просто так он разговор к моей сущности подвел. И дядя Ермолай в курсе происходящего.

Если ничего особенно экзотического не попросит — пойду навстречу. Много пользы от этого дедка получить можно, спинным мозгом чую.

— Планетника не хочу, — сразу отказался я. — Очень уж это нервная публика.

Рассказывал мне про них Антип недавно вечером. Домовой вообще оказался кладезем знаний, потому что жил давно, много чего видел, много чего слышал. Нет, совсем уж замшелые, дохристианские времена он не застал, но исправно запоминал в бытность свою домовенком все, что рассказывал его дед, у которого на воспитании он находился. Водится так у домовых — не отец воспитывает молодое поколение, а дед. Не знаю отчего.

Так вот, о планетниках. Крайне неприятные были существа. Они руководили тучами и, отчасти, ветрами. Могли урожаем побить градом потехи ради, могли летом снегом поле засыпать. Это если локально, один из них работал. А если они собирались в кучу, то тут

умри все живое! Причем не в переносном, а в буквальном смысле. Если верить Антипу, то в «сильно давнее время» именно планетники послужили причиной смерти «дитяток да женки царя-батюшки, что добро правил». По моим прикидкам, речь шла о Борисе Годунове. Если не ошибаюсь, именно многолетний неурожай, связанный с постоянными холодами и дождями, стал первой предпосылкой для недовольства народа его правлением. Еще, кстати, домовый намекал, что не просто так те планетники такую каверзу устроили. Дескать — «заказали» царя-батюшку. Вытащил кто-то эту публику из Нави, где те спокойно дрыхли, и на Годуновых напустил. И был этот кто-то большой мастер-чародей.

Вот такой дворцовый триллер «а-ля рус». Монархи тоже плачут.

Кстати — частично эти планетники по моему ведомству проходят. Они, когда человеческий вид принимают, чаще всего в свежих покойников вселяются, в тех, что с посмертной червоточинкой были. В утопленников, в висельников, в матерей-детоубийц. Это все их клиентура. Душа была черная, стало быть, тело к ней привыкло, отторгать планетника не станет.

Вот и какой мне такое счастье?

— Да его нынче и не сыщешь, планетника, — отмахнулся дядя Ермолай. — Откуда им взяться? В небесах вон железны птицы порхают стаями, где там теперь уместиться?

Это он, должно быть, о «летунах» с военного аэродрома, что в Кубинке базируется. Эти «воздушные волки» почти ежедневно выдвигали кульбиты над Лозовкой, как днем, так и ночью, отрабатывая слетанность в «парах» и звеньях. Так гудели иногда, что я даже ночью просыпался.

— И слава Роду! — сплюнул Карпыч. — Я этих поганцев терпеть не мог. Им как вода нужна была, так они вечно ее из рек черпали. Брать берут, но, чтобы обратно вернуть — нет их!

— Не говори, — поддержал его лесовик. — Хорошо, что иные из нас ушли за кромку, да там и остались.

— Верно! — кивнул водяник. — Одно плохо — все одно имеются такие, которые чистую воду баламутят.

И — зырк на меня хитренько.

— Это кто же? — не стал чиниться я, и подыграл старичку.

— Да вот, понимаешь, какая штука вышла, ведьмак, — дедок понял, что я его несложную хитрость разгадал. — Тут недавно мужички трубы железные в землю запикивали за каким-то лядом. Вон там, за излучиной. Отсюда не видать, но так и было.

— И? — поторопил я его, уже догадываясь, в чем дело.

— «И», — передразнил меня Карпыч. — И могилу старого мукомола потревожили, паразиты. Того, что первым здесь мельницу снарядил!

— Всё равно непонятно, — сказал я дяде Ермолаю.

— Мельники — народ непростой, — степенно объяснил тот. — Как и кузнецы. Мельник, что на реке живет, много чего такого знает, что обычным людям ведать не след. А тот, который первую воду в колесо пускает, и вовсе договор с речным хозяином заключает. И от своего имени, и от имени всех тех, кто за ним тут будет жить да зерно молотить. И цена этого договора — его душа. Не должен он своей смертью помереть, обязан реке ее отдать.

— Проще говоря — пойти и утопиться, — внезапно подала голос Жанна. — Так, дедушки?

— Верно, девка, — одобрил ее слова Карпыч. — А этот лиходей взял, да и помер! Не нарочно, правда, сердечная жила у него лопнула, когда мешок на плечи взгромоздил. Но договор-то остался. Мы же не просто так, мы ведь богов в свидетели призывали, как по Покону заповедано.

— Им Дара помогла, — перехватил нить рассказа дядя Ермолай. — За мзду немалую, ясное дело. Похоронили мельника на перекрестке дорог, на место то заговор кинули, вроде как все при своем остались.

— А тут перекопали его! — забавно сморщил лицо водяник. — Печать, что Дара положила, сломали! Теперь Степан что ни ночь к моему омуту таскается, хочет в реку попасть, как положено. Только мне такого добра не надо! У него внутри-то все черным-черно, он мне тут всю воду попортит!

— Вот теперь все ясно. — Я выкатил из костра картофельный кругляшок. — Надо его отправить куда подальше, верно?

Не понравилась мне эта ремарка про черноту внутри. Видал я уже одного такого. Хотя...

Там-то злодей был, душегуб. А тут — мельник. Может, конечно, он и натворил чего в своей жизни, но умер-то точно своей смертью.

— Молодец, — потер ладошки Карпыч, из них закапала вода. — Прав ты, Ермолай, хороший нам достался ведьмак!

— Не согласен. — Я выкатил из костра еще несколько картофелин. — Никому я не доставался. Просто так получилось.

— «Случилось» да «получилось» девки говорят отцам, когда у них по осени животы вперед лезть начинают, — хохотнул водяник. — А Макошь свою нить прядет не вслепую, она все видит, все знает.

Про Макошь и ее нить жизни я тоже слышал. Мощная была богиня, не чета той, которая меня пытается за узду взять. Но она вроде бы и ушла раньше остальных, так мне сказал Вавила Силыч, который, подобно Антипу, много о чем ведал.

— А нынче этот старый мельник пожалует? — спросил я у водяника. — Или он не каждую ночь вахту несет?

— Притащится, — заверил меня тот. — Луна на убыль идет, самое для него то время.

Полной-то нечистые души не любят, слепит она их. Как филин в лесу три раза ухнет, как ночь в силу войдет, так и припрется, окаянный.

— Тогда поедем, да и пойдем, — глянул я на небо. — Картошечки печеной не желаете?

— Можно, — степенно согласился тот, лукаво прищурился, отчего стал немного похож на дедушку Ленина, такого, каким его изображали на картинках в детских книгах. — Только ты прежде свою цену назови, ведьмак. Чего пожелаешь за помощь? Злато есть, серебро, мечи да кольчуги имеются, жемчуг речной. Правда, мелковат он, не то что раньше.

— Мечи да кольчуги? — удивился я. — А как они не проржавели?

— Когда мне надо, у меня камни на дне сухими останутся, — с долькой самодовольства заявил Карпыч, разламывая картофелину, что ему поднес Родька. — Так что, ведьмак? Сколько с меня возьмешь?

— Да нисколько. — Я посолил парующую и рассыпчатую мякоть корнеплода. — Соседи мы. Коли друг с друга за каждую мелочь будем мзду тянуть, то скоро никого в округе не останется.

— Эва как. — Карпыч подул на дымящуюся сердцевину картофелины, от той пошел пар, как от влажного белья, по которому прошелся горячий утюг.

— И так бывает, — усмехнулся дядя Ермолай. — Я тебе говорил. И середь человек разных встречаются.

— Это да. — Водяник куснул картофелину. — Мне Сазаныч, что за Иночью приглядывает, баял, что один из ихних...

— Из человек? — с невероятно серьезным видом, таким, будто от ответа зависела судьба мира, уточнила Жанна.

— Не, из ведьмаков, — пояснил Карпыч. — Так вот — один из ихних его реку спас. Там речушка-то — всего-ничего, а все одно повадились в нее какую-то дрянь с полей сливать, в аккурат чуть ниже плотины. Рыба кверху пузом плывет вниз по течению, сам он из зеленого желтым стал, что твоя глина. Но — свезло ему, ночью мимо ведьмак на жестянке своей самоходной ехал, из тех, что Воде служат. Остановился, искупался, почувал, что умирает река. Слово за слово, рассказал ему Сазаныч о своей беде.

Никак про Олега речь?

— Ну ведьмак тот его выслушал, похмыкал, да и уехал восвояси. А на следующую ночь Сазаныч сразу трех утопленников заполучил, в аккурат тех самых, что безобразие это и творили. У всех руки-ноги спутаны, и камушек на шею привязан. Чтобы, значит, наверняка. Точно про Олега. Его стиль, его методы.

— Мужчина, — одобрительно заявила Жанна. — Всегда мне такие нравились! Раз — и нет проблемы. А то все сама, сама...

— Хотел его Сазаныч отблагодарить, да не получилось, — закончил Карпыч. — Уехал ведьмак и даже не попрощался. Вот так-то.

— Вот! — с набитым ртом проговорил я. — А вы удивляетесь, чего мне оплата не нужна. Мы все такие.

Старики дружно рассмеялись. Как видно, что-то вспомнили.

Вообще-то я, конечно, творил глупость несусветную. Нет, смотрелось все красиво, мне разве что только золотых доспехов не хватало и нимба над головой. Смелый и отважный ведьмак Смолин, защитник униженных и оскорбленных.

А по сути — невесть что из себя представляет этот мельник, особенно если учесть то, сколько времени он провалялся вне кладбищенской земли. Да еще и на перекрестке! Я то и дело встречал в книге рецепты, которые на них были подвязаны, из чего можно сделать однозначный вывод — перекрестки не просто место слияния нескольких дорог. Это нечто большее.

У меня же с собой только ведьмачий нож — и всё. Ни огненной смеси, ни зелий. Впрочем, вру. Еще плетенка из ревенки есть. Дефектная и порванная, но все же...

Но, переваривая подобные мысли, я все равно вид старался иметь лихой и беззаботный. Знай дышал ртом, отправляя в него огненно-горячую картошку, которую перед тем обильно посыпал солью.

— Спрашивай, — насытившись, предложил Водяной хозяин. — Да не дури, ведьмак, не дури. Ясно же, что ты потому от награды отказался, что знаний хочешь. Я не в обиде, наоборот даже. Те, кто ум на золото променяли, для меня горсти лягушачьей икры не стоят. Ты — не такой. Потому что можно я тебе расскажу, о чем нельзя — промолчу.

Точно без дяди Ермолая здесь не обошлось. Два дня назад я его о берегинях спрашивал, он еще отговорился, что те лес не особо жаловали, все больше рекам внимание свое уделяли. А потом, похоже, сложил два и два и сейчас снимает два урожая с одной делянки. Вроде как и приятелю добро сделал, и мне. И теперь мы оба ему обязаны.

Впрочем, может это я уже совсем до ручки дошел со своими «кто кому что должен». Это в городе все меряют услугами и деньгами. А дядя Ермолай, возможно, и в уме такого не имел. Просто решил помочь. Просто. Просто так! Какая непривычная фраза: «помочь просто так». Прямо режет слух, честное слово.

В кого мы все превратились, люди?

— Вопросов много, ночи не хватит, — уклончиво сообщил водянику я.

— А ты спроси о том, что на сердце лежит, — предложил тот, напившись воды прямо из ладони.

— Вы о берегинях знаете? — бухнул я напрямки.

— Да кто ж о них не знает? — непритворно изумился Карпыч. — Вон даже мои дурехи, и те про них слышали.

— Неправильно вопрос сформулировал, — признал я. — Давайте так — они на самом деле ушли в Навь, или можно с какой-то из них поговорить?

— Не стали бы они с тобой беседы беседовать, — сказал как отрезал Водный хозяин. — Ты ведьмак, потомок ратников Вещего Князя, а он берегиням был если и не враг, то не друг, это точно. Вещий Князь с клинка жил, кровь лил. Хоть и за наши поля да реки, но кровь. Берегини же добра да света хотели, и более ничего. Потому и ушли за окаем, не смогли видеть то, что люди творят с собой да землей.

— Давно ушли? — быстро спросил я. — Сколько веков назад?

— Я Желану в последний раз видел... Ммм... — Карпыч задумался. — Лет через полста, как француза с наших полей погнали. Где-то так.

— Ну да, — подтвердил Ермолай. — В тот год еще зима сильно долгая была, у тебя лед на реке аж до травника лежал.

— Потому и лежал, — пояснил водяник. — Берегини ушли, природа по ним плакала. Тогда и лето все дождливое было, недород потому случился. А речка моя вдвое против обычного больше стала, даже те луга залила, до которых сроду не доходила.

«Травник» — это старое название месяца мая. Хотя — какая разница, это совершенно непринципиально. Главное — давно все случилось. Сильно давно. Француза гнали в 1812, плюс полста лет... У-у-у-у-у...

Пустьшку тянул. Не отыскать теперь следов, как ни бейся.

— Чего опечалился, парень? — поинтересовался Карпыч, чистя новую картофелину. — Плохи новости?

— Невеселы, — подтвердил я. — Насовсем ушли берегини, раз за столько времени никто их больше не видел. Жаль. Вдруг всё же разговорил бы вашу Желану? Я парень молодой, обаятельный, авось и выгорело бы дело.

— Ежели не секрет — чего от нее хотел-то? — водяник уставился на меня.

— Все берегини раньше были сильными чародейками, — не стал скрывать я. — Чуть ли не первыми на этой земле. Значит, многое ведали, много умели. Тех, кто помнит те времена, почти не осталось, а знаний из первых рук очень хочется зачерпнуть.

— Ишь чего захотел! — хихикнул Карпыч. — Смел, смел. Или не знаешь, что в старых чарах силы, власти и смерти поровну намешано? Кто того зелена вина испьет, потом водой жажду в жизни не утолит. Нет, парень, даже если мог бы тебе чего подсказать, не стал бы этого делать. Не совсем ты еще опаскудился, потому не желаю я тебе такой доли. Так что давай лучше я тебе со дна реки чашу золотую с камнями приволоку. Отменной работы чаша, в незапамятные времена сработана. Старое золото! В нем, если ты не знаешь, великая сила есть. Иные зелья, в такой посудине поплескавшись, ох какую мощь набирать станут! Ну да, читал я что-то такое в книге. Мастера-ковали дохристианских времен, отливая такие предметы, часто над ними заклинания читали, предавая своим творениям особую силу. По нашим временам — предрассудки, но ковали-то в это верили. А вера часто творит чудеса.

— Давайте, — немедленно пискнул Родька. — Несите!

— Я бы тоже глянула, — призналась Жанна. — Люблю старинные штучки! И золото люблю!

Темнит старик. Руку на отсечение даю — темнит. Не скажу точно, в чем именно, но есть у него за душой нечто, мне очень нужное. Может, это знания, может — какая вещь. Причем не обязательно эта неизвестная величина связана именно с берегинями.

Но давить нельзя. Так что сначала мельник.
Ну и чаша. Отказываться нельзя, такой ход будет выглядеть откровенно неискренним. Да и хотелось бы такую цацу в коллекцию диковинок пополучить. Нужная штука!
А все-таки очень обидно, что мне не удастся забраться в закрома этих древних хранилищ. До чертиков обидно. Понятно, что я сам себе за эти дни навидумывал разного, но...
Вывод — нефиг сочинять мечты! Надо стоять на твердой земле обеими ногами. Как Слава Раз и Слава Два.
— Чашу не просил, вы сами предложили, — встал с пенька я и отряхнул почти высохшие колени. — Только тогда уж прежде дело, а там разберемся — будет мне ее за что дарить, или нет. Полночь на носу, пошли, что ли?
— А и пошли, — согласился Карпыч, поднимаясь с бревнышка. — Филин скоро гукнет, стало быть и гость незваный, нежеланный вот-вот пожалует. Ермолай, ты с нами?

Глава девятая

— А кубок тяжелый? — пытал Родька Карпыча по дороге. — Камушков много? Они красные, синие или зеленые?
— Тебе-то какая разница? — поинтересовался у него водяник утомленно. — Не твой он, а хозяина твоего.
— Это одно и то же, — заявил вконец обнаглевший слуга, после чего покатился по траве, в очередной раз словив отменно прицельный пинок, который отвесил ему дядя Ермолай. — Чего? Так оно от начала времен заведено!
— Ты еще про Покон скажи, — посоветовал я ему, даже и не подумав сообщить лесовику, что не стоит пинать чужую собственность, а, наоборот, благодарно на него глянув. — Ох, приятель, отдам я тебя на перевоспитание к Славе Два, точно отдам.
— Не надо, — пискнул, поднимаясь с земли мохнатик, несомненно, напуганный серьезностью моего тона. — Всё, я молчу! Только пусть она смеяться прекратит!
Жанна, глядя на всё это, покатывалась со смеху, что здорово задело тщеславного Родиона.
— И не подумаю, — сообщила ему девушка. — Вот еще!
За разговорами и всем таким прочим мы довольно быстро добрались до места, о котором говорил Водяной хозяин. Никакого строения там, понятное дело, уже и в помине не было, разве что торчал из воды различимый даже сейчас, ночью, черный от времени невысокий деревянный столб.
— Вот мельница, она уж развалилась, — пробормотал я застрявшие с детства в голове строки Пушкина.
— А вон и мельник, — ткнул коготком в темную фигуру, стоящую на берегу Родька.
— Он и есть, — подтвердил Карпыч. — Аккурат над моим любимым омутом стоит. Знает, паразит, где я живу.
— Пусти-и-и! — донесся до нас исполненный страданиями стон. — Дай покою! Нет мне места на земле-е-е!
— Ну да, слушай я такое каждую ночь, тоже бы волком взвыл — произнес дядя Ермолай — Тут никаких чаш не пожалеешь.
Фигура билась на берегу точно в конвульсиях, кулаки мертвого мельника ударили по невидимой стене, не в состоянии ее проломить.
— Давай, ведьмак, — подбодрил меня Карпыч. — Покажи свое мастерство! Да, если что — я его долги все прощаю, в том перед Луной клянусь!
— Услышано, — веско произнес дядя Ермолай.
Глядя на исполинскую фигуру призрака, мне мои собственные недавние мысли о том, что водянику точно следует помочь, начали казаться не столь разумными. Вон этот нелюдь здоровый какой! И привычной мне синевы, сопровождающей неуспокоенные души, там не наблюдалось, чернота одна.
Короче — сам себя в капкан загнал. И заднего, что досадно, уже не включишь. Покон не позволит. В мире Ночи все держится на слове, а не на бумажке. Сказал «берусь» — все, умри, но сделай, иначе беда. Для тех же дяди Ермолая и Карпыча я после отказа существовать перестану напрочь. А может, и для всех остальных Хозяев леса и воды, сколько их ни есть на белом свете.
Проверив, насколько хорошо вынимается из ножен мой ведьмачий нож, и еще раз поругав себя за то, что не захватил серебряный подарок Женьки, я направился к завывающему от безнадежности мельнику.

Родька, чуть помедлив, посеменял за мной, Жанна же осталась рядом со старичками, внимательно следящими за происходящим.

— Чего орешь, дядя? — обратился я к неупокоенной душе, остановившись шагах в пяти от нее. — Ночь на дворе.

— Ночь, — подтвердил слезливо мельник. — И снова ночь! Нет мне покою, не сдержал я клятвы! Дело мое проклято, дома и следа не осталось!

— Так давай помогу, — предложил я ему. — Отправлю тебя туда, где, может, найдется и мельница, и дело для нее.

Призрак глянул на меня, перестав дергаться, причем взгляд был не то чтобы нехороший, а какой-то... Оценивающий, что ли? Как на товар в магазине он на меня посмотрел.

— Ну? — меня начало поколачивать, но показывать это собеседнику, само собой, не стоило, потому веселый и чуть равнодушный тон не изменился. — Ты же видишь, кто я. Ведь так?

— В тебе есть свет, и есть тьма — тяжело произнес мертвец. — Их вижу.

— А еще я отпускаю с Земли таких, как ты, — подтвердил я. — Ну а там уж кто куда, по делам его прижизненным. Слушай, холодает, мне домой пора. Хочешь — отпущу, не хочешь — так и ори тут до самой зимы, пока река льдом не затянется.

Нет в этом мельнике той злобы и ненависти, как в нежити из зернохранилища. Он не такой, я это отчетливо чувую. Это просто душа, которая не смогла уйти туда, за Кромку. Не ожесточившаяся, не жаждущая уничтожить все вокруг только потому, что оно живое. Вот только откуда чернота, я в ум взять не могу?

— Нельзя, — обхватил себя лапищами мельник. — Мне туда надо, в воду. Слово сполнить.

— Слушай, ты там, в воде, лет двести как никому не нужен, — призвав на помощь всю убедительность, объяснил мельнику я. — Водяной Хозяин твой долг списал и закрыл. Всё, ты свободен.

— А мельница? — ткнул пальцем в направлении столба мертвец.

— И она тоже. — Я подумал, почесал затылок и добавил: — В каком-то смысле. Где-то крутится, вертится, муку мелет.

— Ежели чего — мои долги на тебя перейдут, паря, — предупредил меня мельник. — Смотри.

Хорошо, что Карпыч про прощение долгов упомянул, а то фиг бы я стал чего делать.

Только чужого обременения мне и не хватало для полного счастья.

— Смотрю, — отмахнулся я. — Давай руки.

В первую секунду все было как всегда — мурашки, пошедшие от пальцев вверх, к плечам, легкое пощипывание, пелена перед глазами, в которой вот-вот должны были побегать картины чужой, не мной прожитой жизни.

Но тут все резко кончилось. И пришли неожиданные гости — темнота и боль.

Призрак завыл, причем в голосе его совсем уж ничего человеческого не осталось, и мне, признаться, было впору ему вторить, поскольку голова буквально разрывалась на части от боли, а в глаза словно насыпали песку на пару с солью. Перед моим полуослепленным взором мелькали какие-то серые от пыли дороги, а после возникло ощущение, что я куда-то лечу и ветер вертит меня в воздухе, словно невесомое перышко.

И тут все закончилось, причем крайне неприятно — ударом о землю. Таким, что у меня все ребра захрустели, а из груди дыхание выбило. Я лежал в пыли, хватая пересохшим ртом воздух, и пытался понять, что вообще произошло, где я, и кто сделал так, что мне в голову вместо мозгов при рождении солону набили?

— О-ох... — Я приподнялся с земли, разлепил глаза, в которых до сих пор плавали разноцветные пятна, и кое-как огляделся. Поле вокруг. Русское поле. А еще вон — трубы лежат, три штуки. Большие, круглые, длинные, железно-ржавые. Бахнись я на одну из них, тут бы мне конец и настал. Никакого ведьмачьего здоровья не напасешься в подобной ситуации.

А сам я валяюсь на дороге, в центре здоровенного черного пятна.

Трубы. Дорога. Стоп.

Не дорога. Перекресток. Тот самый, на котором этого бедолагу в давние времена закопали.

Вон видно где рыли, там земля до сих пор не до конца укатана машинами. Видать, не так часто они здесь ездят.

Вот тоже вопрос — зачем тут трубы закапывать? С какой целью? Здесь ни трубопровода нет, ни канализации, ни-чего!

Хотя — о чем я? У нас часто работу работают ради процесса, а не ради результата. Деньги выделили, указание дали, а логику в указанном действии искать никто не станет. Надо зарыть — зароем.

Да и не это главное. Другое неясно — чего меня так заколбасило? Хотя первое предположение у меня уже есть. Даже вывод. Я все-таки клинический идиот, который не

умеет слушать собеседников. Ведь сказано было — Дара какое-то заклинание на этого мельника-инфарктника наложила, чтобы тот лежал, и не дергался. Ну да, теперь могилку разрыли, и он пошел туда, куда его звал долг, возникший вследствие данного при жизни слова, но заклинание-то никуда не делось. Оно при нем осталось! А тут я полез доброе дело творить, две структуры сплелись в одно целое, и получилось то, что получилось. Это как холодный и теплый атмосферные фронты, которые сталкиваются лоб в лоб. В этом случае без урагана и прочих природных явлений тоже не обходится. Оттуда у него и чернота внутри имелась. Это было ведьмино заклинание.

Сдается мне, что я еще легко отделался. Все могло бы быть куда хуже, и даже без участия вон тех ржавых труб. Меня запросто могло перемолоть в труху на пару с неупокоенной душой. А почему нет? Магия ведьм — мощная штука, мне ли не знать?

Ох, как все болит-то! И зелья никакого с собой нет.

— Хозяин, — подбежал ко мне запыхавшийся Родька. — Целый? Уф! Я уж думал — все!

— Обрадовался поди? — просипел я и выплюнул из рта невесть как оказавшиеся там соломинки. — Тьфу!

— Ты что такое говоришь? — чуть не заплакал слуга, причем на этот раз без наигрыша. — Как не совестно!

— Переживал, — подплыла ко мне синим облачком Жанна. — Правда переживал! И я тоже. Тебя когда в воздухе с шаровой молнией закрутило, мы все испугались, даже эти странные старички. Особенно тот, что в кепке. Он чуть бороду себе не вырвал, честное слово.

— Шаровой молнией? — озадачился я.

— Ну да. — Жанна присела рядом со мной. — Тот черный, когда ты его за руки взял, сразу засветился и стал как шар, внутри которого все блестит и искрит. Я в детстве видела такое, оно потом взорвалось и чуть наш общий сарай во дворе не спалило. Тогда кто-то и сказал: «шаровая молния». Вот это очень похоже было. Тебе больно?

— Терпимо, — я встал на ноги, покачнулся, но удержал равновесие. — Сходил, называется, на речку. Подышал воздухом.

Обоих Хозяев я нашел на берегу, ко мне, на перекресток, они не пошли. То ли не захотели, то ли не могли. Там поле, там не их территория. Здесь все четко разделено на зоны влияния.

— Ну, ведьмак, ты и устроил! — именно так встретил меня дядя Ермолай. — Прямо как в грозу все было, только без грома.

— Так старался. — Я с печалью глянул на свои джинсы, которые хоть и подсохли, но не настолько, чтобы не впитать пыль и грязь перекрестка. — Как в таком деле обойтись без спецэффектов и 3D?

— Без чего? — Карпыч пытливо глянул на приятеля.

— Шутит он так, — пояснил тот. — Радуетесь, что все обошлось в результате. Мельник-то ведь всё, ушел?

— Ушел, — подтвердил я. — Правда, чуть меня с собой не уволок за компанию.

— Дара знающая ведунья, — степенно огладил бороду Лесной хозяин. — Что да — то да.

— Не то слово, — усмехнулся я, и более ничего говорить не стал.

Почему? А это не имеет смысла. В мире Ночи все устроено просто и справедливо, чем дальше, тем больше я это понимаю. Тебя предупредили, но ты этого то ли не услышал, то ли просто не захотел думать, потому все дальнейшие неприятности — это твоя проблема. Здесь никто никогда крайнего не ищет, каждый отвечает за свои слова и поступки сам. Без участия третьих лиц.

— Вот теперь можно будет и спать спокойно на лето лечь, — потер ладошки, из которых тут же на землю пролилась тоненькая струйка воды, Карпыч. — И никто над ухом орать не станет дурным голосом. Ты, ведьмак, никуда не уходи, я быстро!

Невероятно ловко, так, что я даже этого движения не заметил толком, водяник скользнул в реку. Причем даже кругов на поверхности не осталось!

— А ты нам гребешки привез? — требовательно спросил девичий голос, после чего из воды одна за другой появились прехорошенькие в лунном свете лица русалок. Меня, правда, теперь не обманешь, знаю я, что они из себя представляют вне воды да ночи. — Забыл, небось?

— Почему забыл? — нахмурился я. — Привез. И гребешки, и бусы. Они там, у костра, остались.

— Бусики, бусики! — запереговаривались девушки. — Вот хорошо-то!

Прямо как туземки с дикого острова. Еще чуть-чуть, и можно открывать колониальную торговлю, менять пластмассовые бусы и зеркальца на речной жемчуг.

— А ну, брысь! — из воды вылез Карпыч, держа в руках приличных размеров чашу, поблескивающую в лунном свете камнями, которыми были инкрустированы ее бока. — Разгалделись! Вот, держи!

— Ого! — Я цапнул подарок, сразу же подивившись его весу. На полкило потянет, не меньше. Как видно, в старые времена тонкостенные поделки класса «рюсс стайл», которыми сегодня битком набиты антикварные лавки в центре Москвы, были не в чести. Что этот артефакт, что круговая чаша, которую мы с братьями-ведьмаками передавали из рук в руки тогда у дуба, отличало одно — основательность. — Вещь!

— Хорошая, не сомневайся, — по-своему истолковал мои слова Карпыч. — И сильно старая, еще до прихода распятого бога сработана. Нет, точно-то не скажу, сколько с той поры времени прошло, сколько воды утекло... Помню только, сеча тогда была сильная — и на берегу, и потом в воде. Почему, отчего — не ведаю. То ли кто дань платить не восхотел, то ли, наоборот, уже собранное добро отнять задумал да полонников освободить — поди вспомни. Да и не знал я, вернее всего. Мне ваши людские хлопоты неинтересны, я для другого сюда поставлен. Но, как кончилась битва, по порядку все исполнил — поганых на дно отправил, ракам на корм, тех воев, что сторону нашу оберегали, к берегу отнес, чтобы, значит, их тела други забрали и в родную землю положили. Ну а добро — оно мое стало. Вот середь него эта чаша и была.

Елки-палки. «Поганые» — это же эти... Как их? Половцы, хазаре, кто там еще был? Выходит, этому антиквариату веков тринадцать-пятнадцать. Вашу маму, да мне страшно ее будет дома держать, пусть даже и в сейфе. Под нее депозитарную ячейку надо абонировать. — Хозяин, дай глянуть, а? — протянул ко мне лапы Родька. — Чего? Не мне одному интересно. Вон она тоже интересуется.

И верно, Жанна тоже с любопытством смотрела на драгоценность.

— Держи, — протянул я чашу слуге, а после поясно поклонился Водному хозяину. — Благодарствую, батюшка, за дар твой.

— Вот, — с довольным видом сообщил другу дядя Ермолай. — А ты сомневался. Хороший ведьмак на смену Захару пришел.

— И не сквернословит совсем, — кивнул Карпыч. — А то Захар последние годы знай только ругался. Я с ним потому и видеться перестал. Девоч своих посылал, когда он за какой нуждой ко мне приходил.

— Вот! — хлопнул я себя по лбу. — Чего спросить хотел. Тут вот это мохнатое недоразумение рассказывало, что есть у вас такая вода, которая женщинам очень полезна. Если ей умыться, то морщин не будет и хвори разные пройдут.

Родька, тискающий драгоценность и отмахивающийся от Жанны, которая лезла ему под лапу, на мгновение замер.

— Враки, — отмахнулся Карпыч. — Нет такой воды, парень, чтобы годы с лица бабьего смывать. Если уж они прошли, то хоть чего делай, все одно красоту не вернешь.

Ну это вопрос спорный, нынче пластическая хирургия много чего может, но это уже неважно. В моей области применения на данном ингредиенте можно ставить крест. Жалко.

— А вот если ты о живой воде, так это да, — продолжал тем временем вещать водяник. — Имеются такие ключи. В моей реке их нет, врать не стану, но знаю, где в наших землях они бьют, все три. Только тебе не скажу и даже извиняться за то не стану. Это наши, речные тайны, и только тем, кто с водой одним целым стал, они откроются.

— Код доступа, — кивнул я. — Какие обиды, все понимаю. Ладно, пошли к костру, надо девушкам вашим подарки отдать.

— У меня еще вопрос, — прижимая чашу к пузу, заорал вдруг Родька. — Чего в реке твоей рыба такая мелкая? Сколько сегодня ни ловил, все огольцов с коготок размером вынимал.

— А ты мне не нравишься, — пояснил водяник. — Наглый стал, вежество забыл. Слушай, ведьмак, давай твоего служку утопим? Я его научу речку любить, уж не сомневайся. А ты себе другого найдешь, порасторопней да поскромнее.

— Давайте, — легко согласился я. — Подарок только ваш у него заберу, и топите. Самому этот нахал надоел до ужаса.

— Ты за руки, я за ноги, — включился в игру дядя Ермолай. — Ну, мохнатый, иди сюда! И он захопал руками, изображая загонщика.

— Я, если что, подтверждаю, что он сам упал в воду и утонул, — добавила Жанна. — Если кто спросит.

Родька в ужасе пискнул, шерсть у него встала дыбом, он обвел нас глазами, поплотнее прижал чашу к пузу и с невероятной скоростью помчался в сторону кустов козьей ивы, где и скрылся секундой позже. Какое-то время еще трещали гибкие ветви, через которые продирался мой слуга, но вскоре все стихло.

Хохотали все долго и от души, особенно я. Очень это полезно — посмеяться после пережитых волнений. Со смехом из меня выходил страх, испытанный на перекрестке.

— Скоро рассвет, — сказал дядя Ермолай, когда мы добрались до полянки с костром. — Майские ночи короткие. Только стемнело, а уже и небо яснее. Ты там хотел русалкам что-то подарить? Не тяни, скоро им обратно на дно уходить, день там коротать.

— Верно, — поддержал его водяник, уже забравшийся в реку. — Эй, девки! Разбирай гостинцы!

— Чуть не забыл, — поморщился я. — Память никудышная стала, надо будет глицина попить.

В воду полетели расчески и бусы, в ответ послышались всплески, охи, вздохи и одинокое томное «Мужчина!». Последнее было приятнее всего, пусть даже это сказала и русалка.

— На-ко еще! — хлопнул в ладоши Карпыч, и меня чуть не сбила с ног скользкая длинноносая рыбина, сама прыгнувшая мне в руки из реки. — Не для проглата твоего дарю, для тебя. Похлебай ущицы, оно всегда полезно. Да под жабры ее хватай, а то руки изувечишь!

— Это осе́тр, что ли? — Я цапнул извивающуюся рыбину как велено, повертел, рассматривая, заглянул в ее круглые глаза. — Вон у нее клюв какой!

— Сам ты клюв! — притворно рассердился Карпыч. — Стерлядка это! На крючок такую не поймает, паря, и неводом тоже. Гоняю я их от берега. Коли узнает кто, что в моей реке стерлядь водится, так все, пиши пропало. Всю вентерями да сетью перегородят, до доньшка вычерпают и молодежь погубят. Но тебе — дарю.

Увесистая рыбка, килограмма четыре, кабы не больше. Так вот она какая, стерлядь. Читал про нее читал, есть не доводилось. Интересно, у нее внутри икра есть? Она же из осетровых?

Я, если честно, разбираюсь только в жареной рыбе. Ну и карася от щуки отличить могу, на большее меня не хватит.

— Хорошо ночь провели, — подытожил дядя Ермолай. — Все, Александр, пошли. Отведу тебя к дому, а то еще заплутаешь в потемках.

Карпыч махнул нам на прощание рукой и скрылся под водой, следом за ним пропали и русалки. Одна лунная дорожка осталась, та, по которой мне надо было бы пустить плетенку из ревенки, не окажись рецепт неверным.

Но сколько же я искал Родьку, возвратившись домой! Он спрятался так, что только позавидовать можно. Все углы облазил, все закутки, даже в самовар заглянул — нет его. Я уж, грешным делом, плохое начал думать, хоть и звучало это абсурдно даже на уровне мыслей. Как-никак при нем полкило золота имелось, да еще с камушками.

Хотя кому и как он это все толкнуть сможет — представить не могу.

Обнаружила его Жанна. Уснул мой отважный защитник в кустах красной смородины, предварительно замаскировав себя спешно нарванной травой и привалившись одним боком к забору. При этом кубок он крепко прижимал к себе, надо полагать — инстинктивно. Да еще и ногами дергал, то ли убежал от кого, то ли догонял.

Не стал я его тревожить. Пусть спит. И мне пора баиньки идти, поскольку рассвет на носу, а я еще не ложились. И распорядок дня сбивать не следует, и данное слово нарушать не след. Сказал себе — теперь ты спишь столько, сколько хочешь, и да будут прокляты все будильники на свете — выполняй!

Вот только остальной мир оставался в неведении о моих «хотелках», потому покомарить удалось не так долго, как мечталось.

Разбудили меня сопение, возня и негромкая перебранка. Ну как негромкая? В понимании слуг — не очень они шумели, но мне этого хватило для пробуждения.

— Дави его!

— Давлю! Ты же, возгря мохнатая, говорил, что все науки в городе постиг? Чего ж не знаешь, как эту штуку оглушить?

— Моделя новая! Мне хозяин старую дал, у ней кнопка есть, а у этой — нет!

— Моделя! В мозгу у тебя модель! Иль в другом месте, которым ты и думаешь!

Родька и Антип возились в углу, навалившись на подушку, из-под которой несся полузадушенный вой смартфона.

— Вот же настырный какой! — возмутился Антип. — Коли не отвечают, так значит в дому никого нету!

— Какая, — зевнув, поправил его я. — Это женщина звонит.

На звонки Ряжской я установил специальный рингтон, представляющий собой давнишнюю песню, повествующую о радостях красивой жизни, похожей на рай. Как по мне, ее припев отлично соответствовал внешнему ритму существования этой дамы.

— Разбудили-таки, — топнул ногой, обутой в валенок, домовый. — Тьфу!

Интересно, а ему летом в них не жарко?

— Хозяин, ты дальше спи. — Родька приподнял подушку, под ней лежал смолкнувший смартфон. — Всё, уже никто никому не звонит.

— Чаша где? — поинтересовался я у него. — Там же, где твоя совесть? Антип, он тебе не рассказывал, что ночью учудил?

— Нет, — нехорошо глянул на Родьку домовой. — Хотел спросить, чего он в кустах дрых, как кот какой бездомный, да не успел.

— Так слушай. — Я опустил ноги на пол и почесал бок. — Этот красавец, когда его Лесной да Речной хозяева пристыдили за нехорошее поведение, без спросу сбежал куда подальше, даже не попрощавшись. Да еще и уволок с собой вещь, что мне подарили. Опозорил он меня. Как есть опозорил.

— Вот паразит! — борода домового распушилась от гнева, как веник. — Хозяина бросил! Да еще и очернил его перед миром? Вот я тебя....

— Звонят! — звонко выкрикнул Родька, подхватив с пола телефон, вновь заверещавший о том, что до входа в рай предприимчивой даме всегда остается только один шаг. — Хозяин, надо ответить. Вдруг чего важное? Вон человек как настырничает.

— Давай. — Я протянул руку, и тот с поклоном положил в нее смартфон. Прямо ангел, а не слуга. Сама услужливость. — Антип, я там рыбину принес, тоже подарили. Что делать с ней, не знал, потому в бочку выпустил. Вода вроде чистая, не должна она сдохнуть. Только-только из колодца ее набрали.

— Плавает, — отозвался домовой. — Не уснула пока. До вечера дотянет, а там мы ушницу сгоношим, не сомневайся. И за помин души вот этого поганца ее съедим!

В процессе разговора он деловито копался за печкой, а с последним словом у него в руках появилась кривая палка, похожая на топориче гигантских размеров.

— Ты это чего? — испуганно заорал Родька и опрометью бросился от свирепо сопящего домового. — Не имеешь права! Я по телевизору видел, как человека судили, так там дядька в черном платье сказал, что просто так казнить нельзя! Этот... Как его... Астухов! Он умный, он знает! Надо сначала...

— Пять секунд — и поговорим, — ответив на вызов, попросил я Ряжскую. — Ага? На Антипа его доводы не действовали, он махал палкой, наращивая темп. Первым на пол полетел декоративный светильник, стилизованный под керосиновую лампу, следом отправились несколько книг, которые я привез с собой.

— Имущество портить? — окончательно вызверился Антип. — Убью! Конечной смертью упокою!

Родька в прыжке открыл головой дверь в сени и мохнатым мячом выкатился из комнаты, Антип последовал за ним.

— Лихо, — признал я. — Как бы мне и впрямь без слуги не остаться.

— Саша, какого слуги? — донесся до меня голос Ряжской. — Ты, вообще, где?

— В Сан-Франциско, — ответил ей я, поднеся трубку к уху. — Вот, думаю, может, прикупить себе еще и лилового негра для посещения притонов? Или не стоит?

— В Сан-Франциско? — опешила та. — То-то тебя так скверно слышно. А ты как туда попал? У тебя же визы нет?

— Мммм, — проникся я. — И откуда же вам такие интимные подробности моей жизни известны? Стойте, сам догадаюсь. Досье на меня собрали, да? Был, не был, состоял, не состоял, лечился, не лечился.

— Лечился, лечился, — с ехидцей сообщила мне Ряжская. — Один раз, в девятнадцать лет. Не с теми девочками дружил, проказник эдакий!

— Но-но-но, — с достоинством ответил я, вставая с дивана и подходя к окну. — Не надо грязи. Все мы не идеальны, все совершаем ошибки. Ух ты!

За окном разворачивалось действие, живо напомнившее мне гонки «Формулы 1». Между деревьями молниями металась Родька и Антип, расстояние между которыми то сокращалось, то увеличивалось. Мало того — к ним еще и Жанна присоединилась. Она никого убивать не желала и, несомненно, восприняла это как некую игру. Ей было просто весело.

Не потоптали бы грядки, которые мы с таким трудом обиходили.

— Ладно, это все дела прошлые, — примирительно заявила Ряжская. — Давай о дне сегодняшнем поговорим.

— Давайте, — покладисто согласился я. — Вот вы меня, между прочим, разбудили, из-за вас день сегодняшний начался не так, как я его планировал.

— Почти девять на дворе, — возмутилась Ольга Михайловна. — Петушок пропел давно.

— Это у вас, — возразил я ей. — У тружеников рубля и кредита. У вас там трудовые будни, причем писать данное высказывание следует в одно слово. А я — идейно безработная личность, свободный художник. Я в это время сплю.

— Ты не безработный, не наговаривай на себя, — потребовала Ряжская. — Ты в служебном отпуске, это другое.

— Смысл тот же. То есть я имею право на сон, лень и негу.

За окном тем временем Родька вскарабкался на самую верхушку старой раскидистой яблони и качался на ветке, подобно макаку веселому, мадагаскарскому. Антип жажал

деревяшку в зубах и полез следом за ним, кровожадно пуча глаза и напоминая пирата из Карибских морей. Жанна без особых сложностей вспорхнула на соседнюю от моего слуги ветку и теперь поддерживала домового, что-то скандируя и хлопая в ладони.

— Поупражнялись в остроумии — и будет, — сменила тон Ряжская. — Саш, я понимаю, как выгляжу в твоих глазах в данный момент, но это — жизнь. Она не спрашивает у нас, хотим мы чего-то или нет. Лично мне желалось бы тебя не тревожить еще месяца три-четыре, чтобы ты на самом деле понял, что я не собираюсь загонять тебя в угол и делать личным чародеем.

— Кем? — не удержался от смешка я.

— Называй это как хочешь, — бросила Ряжская. — Чудотворцем, экстрасенсом. Всё ты понял! Я на самом деле хочу с тобой дружбы. Где-то взаимовыгодной — но дружбы. Я хорошо усвоила те уроки, что были, и знать не желаю, что ты делаешь с теми, кто перешел тебе дорогу. Мне жизнь и рассудок дороги.

— Отрадно слышать, — без тени издевки произнес я. — Но?

— Но у меня, увы, сейчас нет выхода, — вздохнула женщина. — У нас с мужем есть давний партнер. Хороший, надежный, еще с девяностых. Много всякого за эти годы случилось, но наши отношения с Мишей всегда были добрыми и доверительными. Мы даже в те времена без аккредитивов обходились, вот как доверяли друг другу. И вот сейчас у него возникла проблема. Серьезная проблема.

— Которую без меня не разрешить, — закончил я за нее. — Так?

— Так, — эхом отозвалась женщина. — А что за смех? Что забавного я сказала?

Ничего. Забавное творилось в саду.

Антип почти добрался до Родьки, который сжался в комок на краю ветки, и деваться ему было некуда, но тут в дело вмешалась случайность.

Ветка склонилась под весом Антипа, чудом не ломаясь, и когда тот, самую малость не добравшись до замершего мохнатика, соскользнул вниз, распрямилась и отправила Родьку в полет. Прямоком в бочку, ту самую, куда я отправил стерлядку поплавать до ужина.

Слуга с плеском влетел в воду и до смерти напугал рыбу, которая то ли по наитию, то ли от страха, а может, и от удивления, высунула голову наружу.

Увидев напротив себя длинноносую и круглоглазую морду, Родька заорал благим матом, да так, что я его за двойными стеклопакетами услышал, подпрыгнул на немыслимую высоту, плюнув на все законы земного тяготения, зацепился за водосточный желоб, и исчез из поля моего зрения, как видно, вскарабкавшись на крышу.

— Это просто неприлично, Смолин, — возмущалась в трубке Ряжская. — Я ему душу изливаю, а он ржет!!!

— Больше не буду, — вытирая слезы, выступившие на глазах от смеха, повинился я. — Так что у вашего приятеля Миши там случилось?

Глава десятая

— Дело непростое, — туманно ответила Ольга Михайловна. — О таком по телефону не рассказывают.

— Вы все-таки затеяли олигархический заговор против действующего президента, — пожурил ее я. — Ай-яй-яй. Нет, дорогой вы мой человек, это без меня. Я лоялен к действующей власти, поскольку абсолютно аполитичен.

— Ты совсем с ума сошел? — Клянусь, в голосе Ряжской проскользнули нотки неподдельного испуга. — Что несешь? Какой заговор? О таких вещах и в наше время шутить не стоит. Даже не так. Особенно в наше время.

Как бы она не молодилась, а вот в такие моменты четко понимаешь, кому сколько лет. Те люди, что постарше, до сих пор боятся, что их спецслужбы слушают. Нет, может оно и так, только вряд ли подобный треп вызовет хоть у какого-то «слухача» желание вызвать «черный воронок» по наши души.

— Ладно-ладно, — успокоил женщину я. — Хорошо, неправ. Попробуем по-другому. Ваш Миша подхватил особо злобную и страшную мадагаскарскую лихорадку?

— С тобой по телефону разговаривать положительно невозможно, — заявила Ряжская. — Просто скажи, куда прислать машину.

— Никуда, — твердо произнес я. — В ближайшее время я не собираюсь покидать то место, где нахожусь. Мне тут хорошо.

Ну или, как минимум, не скучно. Достаточно просто в окно посмотреть на то, как Антип и Жанна что-то орут Родьке, который, похоже, навсегда обосновался на крыше. Ого! Он в них еще и плюется!

— Саша, мы топчемся на одном месте, — мягко произнесла Ольга Михайловна. — Я же сказала тебе — форс-мажор. У нашего друга беда. Настоящая беда. Поверь, бизнес для таких как он... Как мы! Так вот — бизнес даже важнее здоровья, для кого-то он даже важнее семьи. Это образ жизни, образ мысли. Не деньги тут главное, они лишь способ, средство, но не цель. Мы как марафонские бегуны — остановишься, умереть можешь от того, что сердце не выдержало. И наш друг попал в такую ситуацию, где не помогут обычные способы и связи. Нужен кто-то с особым взглядом на вещи. Такой, как ты.

— Не-а, — помотал головой я, хоть увидеть меня собеседница не могла. — Всё равно не поеду. Даже на день. И не просите. Если подождет ваш Миша чисел до десятых июня — тогда повстречаемся, а раньше — увы и ах.

А почему нет? Я все равно в Москву заскочу на пару дней, перемещаясь с дачи на дачу. Ряжская, колдун, Мезенцева — это все нюансы, которые никому не убегут. А убежали бы — и слава богу. Зато корень мандрагыра, что мне обещан лесовиком с родительского поместья, очень нужная по жизни штука. Упустишь день летнего солнцестояния — и жди потом еще год его наступления.

— Ты ставишь меня в безвыходную ситуацию, — голос Ряжской стал посуше. — Это не очень правильный поступок, Саша.

— Так увольте меня, — предложил ей я. — С позором, по статье. Предлагал ведь уже. И о том, что характер у меня дрянь, предупреждал. А вы не слушали! Ну же, скажите мне «кыш»!

— Это не ответ.

— Вы станете смеяться, но это именно он. — Я тоже добавил в голос официоза. — Ольга Михайловна, вам не кажется, что наши отношения начинают себя исчерпывать? В силу неравномерности распределения дружеской нагрузки. Вы все время говорите мне про то, что не желаете давить, прессинговать, что Саша Смолин вам как родной стал, — и я вам верю. И всякий раз на деле все оказывается совсем не так. Не так, как было сказано. Вот и сейчас — вы услышали «нет» и сразу начали переходить к пусть и очень завуалированным, но угрозам. «Не очень правильный поступок», значит? А вы подумали, насколько ваш поступок правилен? И что я тоже могу рассердиться? У вас есть охрана, безопасность, решетки на окнах, куча денег, наконец, только мне на это все плевать, и вы об этом прекрасно знаете. Да что там. Даже моя смерть не будет означать, что все закончилось. Наоборот, для вас все только-только начнется. Подумайте об этом.

Ряжская бросила трубку. И дело тут было не в нервах, как мне кажется. Она просто не знала, что сказать дальше. Эта леди привыкла, что у всех и всегда есть некая точка, в которую можно надавить для получения желаемого результата. Но как надавить на того, кто ничего не боится? Ничего, включая летальный исход. Непонятно. И она взяла тайм-аут. На самом деле, она не права. Я много чего боюсь. Например — боли. Хорошо несгибаемым героям боевиков, которые презрительно улыбаются в лицо своим мучителям, когда те дробят им кости. Их сила духа выше, чем болевой порог.

Я не такой. Мне если мизинец в плоскогубцах сжать посильнее, то все расскажу. Что знаю, что не знаю — всё. Я не герой. Я обычный человек двадцать первого века, не очень приспособленный к лишениям и дискомфорту. Могу, конечно, потерпеть какое-то время бытовые неудобства, я же еще и русский человек, а мы, по сути своей, чудовищно адаптабельны, в отличие от совсем уж рафинированных европейцев, но боль... Это нет. Телефон задержался в моей руке. Ряжская.

— Саш, извини, какие-то помехи. — Голос женщины снова сочился дружелюбием. — Разъединили вот нас.

— Вы думаете, нас разъединили только помехи? — чуть ехидно поинтересовался я.

— Только они, — завершила меня Ольга Михайловна. — И да, ты в чем-то прав. Я подумала... Саша, я не умею извиняться. Не приучена.

— Так и не надо, — отозвался я. — Не настаиваю ни на чем таком.

— Вот и славно. — Ряжская помолчала. — Значит — десятое июня? Я верно запомнила?

— Ориентировочно, — ответил я. — По дате ближе к встрече определимся. И вот еще что. Безвозвратный аванс — двадцать пять тысяч евро. Это только за то, что я согласен выслушать вашего Мишу.

— Нагло, — заметила Ряжская. — Я все понимаю, но это уже перебор.

— Это недобор, — возразил я ей. — Если точнее — скидка за то, что он ваш друг. С кого другого я бы вдвое больше взял.

Согласен — нагло. До края. Но мне что она, что все ее друзья так надоели, что сил нет.

Если уж делать нелюбимую работу, то надо на ней хоть зарабатывать? А то вовсе мазохизм какой-то получается.

— Двадцать две пятьсот, — отчеканила Ряжская — Я все еще твой работодатель, десятая — моя.

— Теперь точно уволюсь, — захохотал я. — Ладно, пусть будет даром. Двадцать тысяч. — Наглец, — рассмеялась и Ольга Михайловна. — Но есть в тебе шарм, Смолин. Сначала одна наглость имелаась, а теперь и мужественность прорезалась. Ох, не натворить бы мне с тобой дел на старости лет!

И снова повесила трубку, на этот раз окончательно.

Не натворите, Ольга Михайловна, не натворите. Вы женщина интересная, но у меня и без вас хватает забот по этой части. Даже чересчур.

И самое досадное, что последняя по счету, та, которую я про себя зову Снежной Королевой, так и не позвонила ни разу. Можно и самому набрать ее номер, но вот только я отчего-то уверен, что она не ответит на мой вызов. И это будет досадно.

Одно хорошо — подобные мысли навевают меня разве что только перед сном. Да и то не каждый день, потому как иногда я засыпаю еще до того, как голова на подушку ляжет.

Протяжный вопль, раздавшийся за окном, возвестил о том, что мой слуга всё же свалился с крыши. Ну или был сбит метким броском Антипа, с домового станется. Пойду посмотрю — убится он или нет?

Не убится. Уцелел. Сидел на крыльчке с выпученными глазами и таранился на Антипа, который задумчиво поигрывал веревкой с уже завязанной на ней петелькой.

— Только не в саду, — попросил я его. — Там у реки небольшая рощица есть... Ну ты понял.

— А как же, — бодро ответил мне он. — В рощице — так в рощице. Да и твоя правда, хозяин. Поведется еще потом по саду бродить, на разные голоса завывать. Оно нам надо?

— Я не завываю, — влезла в разговор Жанна. — Хотя и могла бы. Между прочим, один продюсер говорил, что у меня отменное контральто. Вот так!

— Он имел в виду не голос, — ответил я. — Уж поверь. У меня один приятель в кредитном отделе есть, так он после основной работы тоже продюсером подрабатывает, правда, кинематографическим. Ищет на одну ночь в недорогих клубах талантливых актрис для сериалов. Так вот у него твое контральто называется фактурой. И к кино эта фактура никакого отношения не имеет.

— Совсем? — уточнила девушка.

— То есть абсолютно, — невесело усмехнулся я. — По-хорошему, Грине надо за такое морду бить. Странно, правда, что я это только сейчас осознал. Раньше мне такие разводы доверчивых дурочек почему-то нормальным делом казались.

Замолчала Жанна, о чем-то задумалась, а после с непонятной мне целью в сумочку слезила, что по обыкновению висела на плече. Да и куда бы ей деться, этой сумочке? Она с ней в момент смерти была, так что...

Зря я, наверное, ей глаза на правду открыл. Лучше бы дальше думала, что у нее отличное контральто.

— С другой стороны — идти куда-то, — задумчиво пробубнил домовый. — Да и Ермолай может не одобрить.

— Я больше не буду, — пролепетал Родька, глядя на то, как Антип залихватски перекинул веревку через высокую ветку яблони. — Правда не буду! Я ж сбереж что-то... Золото же, камушки. Ежели голодный год, так их продать можно, чтобы хозяин с голоду не помер! А то выйдет как тогда, на Урале, когда кору с деревьев толкли!

Из глаз слуги выкатились две огромные слезинки.

— Жа-а-алко его! — протянула Жанна, опуская на мои плечи свои холодные, словно лед, ладони. — Может, не надо? Он же не со зла.

— Со зла, не со зла, — проворчал Антип. — Слова это все. Род свой опозорил, дом свой опозорил! И перед кем! Перед Хозяевами, лесным да водяным!

Так он что, на самом деле Родьку вздернуть собирается? Ну это уж дудки! Шума и гама от этого пройдохи многовато стало, что есть, то есть, но это не повод его на ноль множить.

— Развлекаешься, сосед? — послышался из-за калитки голос бабки Дарьи. — Так его, непутевого, так! Он, почитай, лет двадцать с моего огорода редиску да огурцы Захарке-покойнику таскал. И ловко так, ни разу его не поймала. И ни в одну ловушку мою он не попался. Больно смекалист, стервец!

Это как же она углядела, что мы тут делаем? Забор новый, ростовой, щелей в нем нет.

— Воспитательный момент, — громко ответил я. — Чтобы знал, с какой стороны масло у бутерброда. А то Захару Петровичу овощи на стол поставлял, а мне и не думает.

— Я принесу, — забормотал Родька. — Принесу! Просто нет у нее еще ничего, я лазал, смотрел. Но как...

— Заткнись! — в один голос прошипели Жанна и Антип, верно все понявшие.

— На два слова, сосед, — весело попросила ведьма. — Дело есть.

А нож в притолоке торчит. Не идти же за ним? Впрочем, на воду дую. Договор есть договор, не тронет она меня. Она же не совсем рехнулась.

Ошибочка вышла. Стоило мне только выйти за пределы двора, эта старая перечница с неожиданной силой приплюснула меня к забору.

— Мадам, я не по этой части, — выдал я первое, что пришло в голову. — Десять минут назад я отказал в любви даме, которая моложе лет на восемьсот, так что вам вовсе рассчитывать нечего.

— Я тебе дам любовь! — задушевно прошипела мне в лицо ведьма. — Такую любовь, что дышать перестанешь. Ты что творишь, недоучка? Ты куда лезешь?

— Вы о чем? — я отцепил ее морщинистые руки от своей футболки. — Куда я лезу? У меня вон ремонт только-только закончился, мне вообще сейчас ни до чего.

— То есть это не ты нынче ночью мое заклинание порушил? — уточнила бабка. — Или всё же ты?

Вон оно что. Тут да, тут претензия обоснованна.

— Договор есть договор, — продолжала вещать ведьма, разгладив замятости на моей футболке. — Ты не суешь нос в мои дела, я в твои. До той поры живем мирно, полюбовно. Так?

— Наверное, — предположил я. — Этот договор не мной заключен, деталей не знаю. Что до ночи — меня попросили помочь, я помог.

— И лишил меня малой дани, что водяник платил за свой покой да тишину, — подытожила Дарья. — Мертвяка нет, шиш он мне теперь речной жемчуг будет задаром, да с поклоном, нести.

Чего?

Блин, да меня нынче ночью, получается, тупо отъюзали! Просто и безыскусно. Эти два старых хрыча разыграли представление как по нотам, решив свои проблемы за мой счет. Убил бы!

— Так я не знал, — придал лицу выражение поглупее я. — Это ваши внутренние дела, я в них не вхож.

— Что там мое заклятие лежит, тоже не знал? — не мигая уставилась в мои глаза старуха

— Правду говори, помни о том, что Покон за лжу карать велит строго.

— Это знал, — неохотно выдал я. Меня на такой фуфел не возьмешь, я врать в глаза приучен на славу, работа такая была. Но тут правда на ее стороне, Покон лжецов карает строго, особенно в разрезе подобных разборок. — Только заклятье твое строители скovyрнули, когда дорогу перекопали. Иначе чего бы этот жмурик каждую ночь к реке таскался? А если его нет, так я, получается, в своем праве.

— Нет у тебя никаких прав там, где ведьмина метка положена, — прошипела старуха, причем в этот момент я заметил двух ее подружек, стоявших на разных концах улицы, и неотрывно смотревших на нас. — Тако было, тако будет. Или ты и про это не слыхал, ведьмак?

— Не-а, — передернул плечами я. — Про ведьмины метки впервые слышу. Seriously. Как они хоть выглядят опишите, а? Чтобы в следующий раз не оплошать.

Бабка помолчала, посопела, а после сделала пару шагов назад.

— На первый раз не будет беды, — наконец молвила она. — Но наперед знай — второй раз встанешь на моем пути, станем судить-рядить, кому в Лозовке жить, а кому нет.

— Идет, — сплюнул я. — Что до меня, скажу так — дойдет до драки, будет драка. Надо тебе было меня тогда, в лесу, резать, бабка, потому как я тогда толком ничего не знал и не понимал. А теперь все по-другому стало. Теперь я тебе дорогу в Навь, туда, где мгла на твоих сородичей под плеск реки Смородины сон нагоняет, быстро налажу. И подругам твоим тоже дорожку укажу.

Ничего такого сделать я, само собой, не мог, но почему бы не козырнуть полученным знанием?

— Далеко прошел, Ходящий близ Смерти, — цыкнула зубом бабка Дарья. — Пригож да умен, два угодя в нем. Только не забудь, что там и твои братья под курганами спят. Коли меня туда отправишь, я тебя с собою утащу, не сомневайся.

— Потому — давай жить мирно, соседка? — предложил я. — Ну нарушил я твои бизнес-схемы, признаюсь. Так не нарочно же? Не со зла? Будем считать, что квиты.

— Квиты? — опешила ведьма. — Это что за долг ты покрыл?

— А все тот же, за прошлогоднюю летнюю ночь, — на голубом глазу ответил я. — У меня память длинная, в ней ничего бесследно не исчезает. А теперь всё, мы с тобой при своих.

— Ваше ведьмачье племя всегда бесстыдностью отличалось, — медленно проговорила бабка Дарья. — Но если всё теперешнее поколение подобным тебе станет, то и вправду мне в Навь пора. Знала я наглецов, но таких...

— Это что, — потер я руки. — Видела, я баньку поставил? Скоро мои закадыки приедут, водки да девок привезут. Вот они как есть чумовые, мне до них как до Луны на тракторе!

— Те, что ли, которые по осени были? — уточнила ведьма. — Охти нам!

Она развернулась и, ссутулившись, побрела к своему дому. Само собой, я ей ни на грош не поверил. Будь у нее хоть один повод разодрать меня на клочки, она бы это сделала с превеликой охотой. Нет, сейчас соседка сначала показала мне зубы, а после дала увидеть, что она на деле просто дряхлая старушка, которую такой лосяра, как я, запросто, если что, плевком перешибет. Вон, вон как скрючилась, ножками пыль загребает.

Имей я немного меньше жизненного опыта, так и поверил бы. Очень здорово все разыграно, не придерешься. Только в банке я и получше актрис видал. Такие иногда приходили народные таланты — закачаешься. И такие сказки рассказывали о деньгах, пришедших им невесть откуда невесть за что — заслушаешься. Причем подкрепляли свои вириши отлично сделанными документами. Знаешь ведь, что и слова их вранье от начала до конца, и бумаги липа, а деваться некуда. Единственный выход — соврать, что ты им полностью веришь, а после сообщение отправить куда следует.

Так что бабка Дарья не самый сильный игрок на этом поле. Но зато — самый опасный. Я, признаться, почти и забыл о существовании ведьм по соседству, что, впрочем, и неудивительно. Тихо они себя ведут весной, не то что осенью. На метлах не летают, шабаша со стриптизерами не устраивают, оскорбительные слова из-за забора не выкрикивают. А я сам на улицу нос высовываю нечасто, тем более что к реке теперь через отдельную калитку можно пройти, которую я прозвал «черным ходом». Мне ее ребята-строители за отдельную плату поставили. Там сначала неглубокий овраг, потом рошица, а за ним речной берег начинается. Хорошо и удобно. И крюк через деревню давать не надо. Опять же — через тот овраг легко и в лес улизнуть, если что. Случаи, они разные бывают. И гости тоже.

Последнее утверждение, кстати, оказалось очень верным. Незваные гости нагрянули вдруг, ни с того ни с сего. Правда, к тому времени перебранка с ведьмой уже позабылась. Да что там — весна кончилась, лето всю началось.

Вечера у нас в Лозовке тихие и светлые. Да и откуда взяться шуму? Железная дорога проходит сильно в стороне, трассы автомобильные тоже, разве что «летуны» из Кубинки начнут крутить «бочки» в безоблачном небе, но и только. Что до дачников, основных производителей загородного гвалта, то их здесь сроду-роду не водилось, похоже. То есть дети не орут, музыка не играет, хоровое пение отсутствует.

Бабки-ведьмы после девяти себя тоже никак не обнаруживают. Они сидят у Дары, смотрят любовные сериалы по каналу «Россия», соперничают главной злодейке, ласково называя ее «наша красотка». Радуются успехам, расстраиваются из-за промахов, гадают, какая ее смерть поджидает. Серьезно, без шуток, сам слышал. А по выходным «Пусть говорят» глядят. Тоже, видать, на своих глазают.

Так что — благолепие в Лозовке летним вечером. Самоварчик пыхтит, чаек парует, да слуги мои, все же пришедшие к согласию друг с другом, сушками знай хрустят. Потому звук автомобильного мотора здесь слышно издалека, аж от самой околицы. И говорит он об одном — ко мне пожаловали гости. Почему ко мне? А к кому еще?

Вопрос — кто именно?

— Машинка едет, — встрепенулась Жанна, устроившаяся на крылечке дома. — Слышите?

— А как же, — подтвердил я. — Странно, что дядя Ермолай весточку не прислал. Может, занят чем?

Вскоре двигатель рыкнул у самой калитки и затих. Хлопнули дверцы, и веселый голос произнес:

— Ого! А Саня-то куркуль! Какой забор отгрохал! Значит, есть чего прятать от чужих глаз.

— Ага, — подтвердил его спутник. — А крыша-то, крыша дома! «Шиндль», не дранка или жесьть. Эй, богатенький Буратино, открывай двери. Гости на пороге!

Слава Раз и Слава Два! Надо же, напорочил. Может, у меня и этот талант есть, а я просто не в курсе?

Нет, вряд ли. Если бы к их словам добавился звон бутылок и распутные женские голоса, то да. А так... Совпадение, надо думать. Случайность.

Так, кстати, и оказалось. Приятели-напарники, оказывается, где-то неподалеку выполняли очередной заказ, вот и решили наведаться в гости. Посмотреть, как я их рекомендации по посадке корнеплодов выполнил, ремонт оценить, да и просто душевно время провести.

— Баньку поставил, — удовлетворенно заметил Слава Раз, протягивая Родьке пузатый пакет, который друзья привезли с собой. Как видно, у них не имелось привычки ходить в гости с пустыми руками. — Вот это дело!

— Истопить разве? — немедленно осведомился у него Антип, который встретил ведьмаков со всем мыслимым почтением — поклонился в пояс, приволок к столу чашки и блюдца, докинул щепочек в самоварную трубу. — Или завтра уже?

— Завтра в путь, суседушка. Завтра некогда, — вежливо ответил ему Слава Два. — Так что если истопишь — наша тебе благодарность. Банником-то не обзавелись еще?

— Нет покуда, — фыркнул домовый. — И сто лет он нам не нужен! Рожать у нас там никто не собирается, а другой пользы от их роду нет!

На том он нас оставил, шустро устремившись к приземистой баньке, стоявшей в углу сада.

— Домовые банников не жалуют, — заметил Слава Раз, обращаясь ко мне. — Давняя вражда, мне про нее рассказывали. До драк дело доходит.

— Делят зоны влияния, — рассмеялся его друг. — Все как всегда.

— Вы что не позвонили? — поинтересовался тем временем я. — Не в смысле — «чего приперлись как снег на голову», а на предмет предупредить о приезде. Мы бы ту же баньку уже до кондиции довели. Да и пивка бы по дороге взяли. У меня нет.

— Пива мы привезли, — хмыкнул Слава Раз. — Что до «позвонить» — так а как? Ты ведь трубку не берешь. Вот поехали так, наугад, подумали, что, может, у тебя электричество кончилось и телефон сел.

— Странно, — почесал в затылке я. — Не было звонков. Я бы услышал.

Родька тем временем бочком начал смещаться в сторонку, подальше от стола.

— Стоять! — рявкнул я, заподозрив недоброе. — Принеси-ка... Хотя нет, я сам!

Ну да, конечно. Этот паршивец, похоже, время от времени решал, с кем и когда мне общаться, приблизительно так же, как и сегодня. А я этот момент прозевал, поскольку за летними делами и хлопотами, походами в лес и на реку, совершенно забыл о телефоне.

Раньше в жизни бы не поверил, что такое возможно. Телефон — это все для современного человека, это помощник, развлекатель, советчик и даже собеседник. Я лично знал одного товарища, который в поддатии вел длинные и задушевные разговоры с «Алисой». И та ему что-то отвечала!

Мне иногда кажется, что именно телефоны погубят нашу цивилизацию. В какой-то момент они станут умнее, чем мы, осознают это и поработят Землю. Раньше они служили нам, а теперь мы станем служить им.

Хотя так оно и есть. Сколько народу взяло ненужные им кредиты, чтобы купить новый телефон? Не что-то, без чего не выжить, вроде жилья или еды, а — телефон. Штуку, которая изначально служила лишь средством коммуникации между людьми. Кусочек пластика с деталями.

И я был не лучше. Кредит не брал, врать не стану, но...

Тут же я про него совершенно забыл, впервые за много лет. Он знай себе лежал на печном пристенке и никому не мешал. И иногда кое-кто его еще подушечкой придавливал, чтобы звук меня не беспокоил.

Три десятка неотвеченных вызовов. Однако! Как я сегодня этого не заметил-то, когда с Ряжской беседовал? Кто тут? Славы, Славы, Славы. Нифонтов. Ого, Светка. Мезенцева. Ух ты, аж в два ночи звонила позавчера. Небось опять накеросинилась и хотела гадостей наговорить.

Надо будет Николаю перезвонить обязательно. Но не сегодня. Ничего хорошего от него ждать не стоит, а настроение сейчас портить себе я не хочу. К тому же, если бы случилось что-то совсем важное, одним звонком он бы не ограничился. Или вообще сюда приперся, с него станется.

А вот эти номера мне неизвестны. Рекламщики небось, хотят предложить мне пройти комплексное бесплатное обследование опорно-двигательного аппарата. Или юридические услуги, эти тоже часто звонят.

Когда я вышел из дома, Родька в испуге сжался у стола, прикрыв голову лапами. Он вообще после той истории с Водяным хозяином и его подарком попритих, смекнув, что моя доброта не безгранична.

Чаша, кстати, оказалась вещью и вправду уникальной. Я одно зелье сварил и после в ней остудил, как в книге рекомендовал один из моих предшественников. Он плотно занимался вопросами металлов, в том числе старого золота. Я раньше эти страницы перелистывал, но слишком интересуюсь данной темой, а тут вчитался. Хорошую вещь мне Карпыч подогнал, однако. Такого перламутрового цвета у конечного продукта я сроду не добивался. И свойства зелья наверняка усилились. Жалко, что на себе проверить никак невозможно, так это или нет. Зелье-то лекарственное, крайне полезное для тех, у кого печень отказывает.

Вернусь в Москву, созвонюсь с Вагнером, у него наверняка какой-нибудь болящий по этой части есть. Вот на нем и испытаю.

— Ты его бьешь, что ли? — показал на Родьку пальцем Слава Два, жующий кусок сыра. — Не стану осуждать, но не увлекайся. Они когда побоев боятся, то хуже работают.

— Мой что так ничего не делает, что эдак, — уселся я за стол. — Да всё, отомри, не буду я на тебя орать.

— Смотри-ка, всё посадил как мы велели, — крикнул из сада Слава Раз. — Молодец. Криво и косо, но видно, что на совесть поработал.

— Так по бумажке, — оживился мой слуга и поспешил к ведьмаку. — По схеме, значит. Я сам, вот этими лапами... Все перерыл! Как крот!

Он метнулся в дом и приволок оттуда конвертики, в которых раньше лежали семена.

— Вот чего сажали, — тараторил он. — Вот редиска, вот огурцы!

— Так, давай, пока банька топится, немного похимичим, — предложил другу Слава Раз, изучив принесенные бумажки. — Помидоры укрепим, сорт слабенький они выбрали, он может не выжить в этой почве. Да еще холода на подходе.

И снова я наблюдал за работой этой парочки, испытывая восхищение. Глядел на иллюзорные помидорные кусты, выставлявшие под их руками, на золотистую пыльцу, окутывающую недавно отцветшую вишню. И — завидовал. Снова завидовал.

— Мы завтра с ними уедем? — спросила тихонько у меня Жанна, пристроившаяся сбоку.

— Откуда такие выводы? — поинтересовался я, отметив, что раньше моя спутница особо причинно-следственными изысканиями не увлекалась, а тут — на тебе!

— Они на машине, — передернула та плечиками. — На ней удобней ехать, чем на электричке. Да и пора, наверное, уже в город возвращаться. Мы тут скоро как три недели живем.

— Хочешь обратно в Москву, поближе к магазинам? — весело спросил у нее я.

— Тут хочу остаться, — покачала головой Жанна. — Здесь хорошо. Спокойно. Небо синее, трава зеленая, тишина. А там все серое и шум. Давай никуда не поедем? Давай тут до осени жить?

— Если хочешь — бога ради, — предложил я. — Почему нет? Антип будет не против, вы вроде как сдружились. Только на улицу не суйся, мало ли что бабки могут учудить. У их старшой глаз почище МРТ будет, если она тебя вне моего дома углядит, кто знает, что может придумать.

— Нет, — отказалась Жанна. — Я с тобой. Что мне тут одной делать?

Баня протопилась в аккурат тогда, когда друзья-ведьмаки закончили свои священнодействия.

— Урожай будет на славу, — хохотнул один.

— Гарантируют Славы, — подтвердил другой. — А теперь — париться! Люблю я это дело!

— Родька, ты пиво в холодильник поставил? — строго спросил я у слуги, несущегося в сторону бани с простынями в руках. — Нет? Почему?

— У меня верхних лапы всего две! — пропыхтел он. — Сейчас поставлю!

— Лучше в колодец опусти, — посоветовал ему Слава Два. — Так оно быстрее выйдет.

Скажу прямо — последний вечер в Лозовке задался. Пар был отменный, пиво охладилось как положено, а настроение у нас было такое, что хоть песни пой. Этого мы делать, правда, не стали, но за душевными разговорами засиделись допоздна. Аж за полночь.

— А мы думали, что Олег у тебя тут прохлаждается, — сообщил мне Слава Два, допивая пятую банку пива.

— С чего бы? — удивился я. — Нет. Я вообще его с весны не видел. Он мне звякнул разок, когда из Карелии вернулся, и все. Потом, правда, я его сам набирал, но там абонент не абонит.

— Та же фигня, — подтвердил Слава Раз. — Хотя это Олег, он сейчас может где-нибудь в Канаде нырять в озеро Эри.

— Или в Турции на песке валяться, — поддержал его Слава Два. — Он непредсказуем. Года два назад мы его на все лето потеряли, а он, оказывается, на резиновой лодке по малым рекам Черноземья себе турне устроил. А что ему? Рыба сама в руки прыгает, комары его не едят, а сибаритством он никогда не страдал. Почти четыре месяца по протокам лазал!

— Найдется, — произнес я, отсалютовал сотрапезникам банкой пива и спросил у них: — Парни, я вам завтра «на хвост» упаду? Пора в город ехать, засиделся я тут.

— Вместе веселее, — тут же согласился Слава Два. — Не вопрос.

— Тогда по последней — и шабаш, — подытожил Слава Раз. — Вставать-то рано придется. Хорошо бы до полудня уже в Москве быть.

Глава одиннадцатая

— Следят за подъездом, Александр, — сообщил мне Вавила Силыч, как только я вошел в квартиру. — Вон той машины сроду-роду там не стояло. Мне наши все известны, наперечет. Эта три дня как стоит, никуда не уезжает. И все время в ней кто-то сидит, не один, так другой. А кроме как за тобой, наблюдать тут не за кем. Разве что подружка твоя

может каких неприятностей найти, но это вряд ли. Она вроде за ум взялась. Намедни вообще невиданное случилось — она в такой юбке на службу пошла, из-под которой трусы не видать!

И ведь прав подъездный. Слежка это. И я даже знаю, откуда тут ноги растут. То есть — глаза. Не просто же так госпожа Ряжская мне позвонила сразу же после того, как я вошел в подъезд? И, что примечательно, в беседе никаких: «ты приехал, мой хороший? А чего не набрал меня?» рядом не валялось. Просто вежливые вопросы из серии «что, как и когда», но с тонким подтекстом.

И вот оно, материальное подтверждение данных доводов. Седан серебристого цвета с затененными стеклами, стоящий под моими окнами.

Врать не стану, в какой-то момент по позвоночнику даже холодок пробежал. А что если это не от Ряжской «хвост», а от колдуна? Он ведь точно уже в Москве. Не просто же так мне Нифонтов звонил?

Да нет, не может быть. Насколько я понял, этот товарищ банальностей не любит, ему с подвывертом все надо разыграть, с интригой. На то, кстати, вся моя надежда. Любители перформанса часто заигрываются и начинают делать ошибки, причем иногда очень грубые. Плюс их здорово сбивают с толка прямолинейные и нелогичные выпады противников. Мне главное теперь первый выпад не пропустить, а там поглядим, у кого зубы покрепче окажутся.

Бравада, понятное дело. Но уж лучше так, чем сопли на локоть мотать. Год назад, скорее всего, я бы сел на табуреточку, начал жалеть себя, горемычного, и ждать, что оно само все как-то рассосется. А теперь — фигушки. Если Мир Ночи мне чего и дал, так это понимание совсем простой вещи — если ты сам себя не спасешь, то тебе кранты. Никто другой за тебя этого делать не станет. Значит — либо помирай, либо бери все в свои собственные руки. Вот только эта машина под окнами... Даже не знаю, как с ней поступить? То ли проучить этих горе-соглядатаев, то ли использовать их по полной? В смысле, на этой же машине до Ряжской добраться.

С одной стороны, ехать куда-либо мне сегодня не хотелось совершенно, несмотря даже на то, что дорога из Лозовки в Москву была не слишком утомительна, да и день выдался не сильно жаркий. С Севера наволокло туч, небо посерело и собиралось вот-вот пролиться дождем.

С другой — может, сразу отстреляться, да и в сторону? Решить вопрос с Ряжской, с Николаем созвониться и, может, даже повстречаться, узнать, чего ему от меня нужно? А завтрашний день провести в блаженном безделье, порочной неге и безудержном обжорстве. Плов в мультиварке можно забабахать, порадовать себя.

А потом с утра рвануть на родительскую дачу.

— Хозяин, а давай им картофелину в машинную заднюю трубку запихаем? — азартно предложил Родька, подкидывая в лапе изрядных размеров клубень. — Я в фильме одной видел, как такое делают! Из нее дым тогда наружу не полезет, и они ехать не смогут. Я мигом обернусь туда-сюда. Меня никто и не приметит!

Вариант, причем презабавный. Впрочем, можно даже чего похуже устроить, есть у меня одно снадобье, если его в небольшом замкнутом пространстве развевать, то последующие десять минут человеку адом покажутся. Хотя бы потому, что он нечто подобное все это время созерцать станет. И неудивительно, так как данное снадобье по сути своей мощнейший галлюциноген, при этом совершенно не наркотического толка. Сушеная белена, вытяжка из листьев клена серебристого, толченые семена акации, собранные на исходе лета, семена же кохии, еще кое-какие добавки, смешанные в нужной пропорции и с нужными словами, — и вот на выходе получается зелье, безвредное для физического состояния человека, и убийственное для психического. Вопрос в другом — надо ли? В конце концов, мне эти ребята в машине ничего плохого не сделали. Они выполняют свою работу, причем качественно. Меня же не прозевали? Им сказали: «сиди, следи», они сидят и следят.

Да и вообще, мне это только на пользу. Люди Ряжской точно играют на моей стороне, а не на стороне колдуна. Авось когда пригодятся.

Впрочем, зачем тут слово «когда»? Да прямо сейчас они мне пригодятся. Незамедлительно. Заодно и пообедаю за казенный счет, но зато в каком-нибудь хорошем месте с хорошей же кухней. После месяца на сытной, но при этом максимально незамысловатой еде, как-то даже хочется откусать чего-нибудь эдакого. Фрикасе там, салат по-милански, тарелочку супа прентаньер. Если Ольга Михайловна планирует меня пользоваться, то пусть и кормит заодно.

Только надо будет погуглить, что это за блюда такие, может, их нормальным людям, не мажорам, есть не рекомендуется. Фрикасе мне хоть как-то знакомо, но вот все остальное...

— Куда собрался?! — остановил я окриком Родьку, посчитавшего мое молчание автоматическим согласием. — Вот откуда что берется? Тебя бы к сомалийцам, они таких, как ты, очень уважают. Тех, кто сначала стреляет, а потом разговаривает.

— Это где ж такие сомалийцы живут? — заинтересовался слуга.

— В теплых морях, — объяснил я ему. — Там живут, там и промышляют.

— Море — оно хорошее, — задумчиво протянул Родька и со скрежетом почесал затылок. — Особенно если теплое.

— К этим ребятам так сразу не попадешь, — расстроил я его. — Им неучи не нужны. Прежде надо пройти курс обучения по программе «Практическое пиратство — аспекты и пути развития», после курсовую работу по захвату кораблей среднего водоизмещения написать, а потом, в самом конце, защитить диплом, совместив его с производственной практикой. Захватить какой-нибудь там нефтеналивной танкер или лайнер пассажирский.

— Опять шуточки шутишь, — догадался Родька и шмякнул картофелину на стол. — А я поверил. Слушай, хозяин, а давай на море просто так съездим? Ну без разбоя? Я ж тепло-то моречка никогда и не видал, разве только по телевизеру. Все больше холодные попадались, по которым льдины плавают.

— Может, и съездим, — потер подбородок я. — Ого! Однако крепко я зарос. Как-то и не заметил даже.

— Скоро еж в бороде заблудится, — подтвердил слуга. — Зато выглядишь почтенно. Любой сразу скажет — как есть ведьмак! Такому за работу не меньше целкового платить надо. А то и два!

Может, оно и так, только все равно я отправился в ванную комнату. Ну вот не хочу я бороду или усы носить. Не мое это.

Стекло водитель машины, стоящей около моего подъезда, опустил не сразу, мне сначала пришлось изобразить пантомиму: «вниз-вниз-вниз», используя жесты, более приличествующие сотрудникам ДПС.

— Чего? — проворчал тот, наконец проделав желаемое.

— Поехали, — дружелюбно произнес я. — Только имей в виду — на внутреннем кольце МКАДА пробка.

— Ни с кем меня не перепутал? — немного опешив, спросил водитель. — Я не такси.

— Не такси. — Мне и в голову не пришло с ним спорить. — Но меня все равно отвезешь.

— С чего бы? — Мужчина даже черные очки на кончик носа сдвинул, окинув меня взглядом. — Куда?

— К Ольге Михайловне, — вздохнул я. — Куда еще?

Молчит, не отвечает.

— Приятель, что за ерунда? — задушевно сказал я. — Ты не чекист, я не шпион. Тебя, собственно, и посадили сюда за тем, чтобы ты сообщил, когда моя особа зайвится домой. Я — вот он. Больше скажу — готов общаться с той, кто давал распоряжение о слежке. Отвези меня к ней, и, возможно, получишь хорошую прибавку к июньской зарплате. А она лишней не будет, согласишься? Скоро лето, свозишь семью в Крым.

— Предпочитаю Крит, — буркнул водитель. — Садись.

— Ну вот! — обрадовался я сговорчивости этого угрюмого мужика. — А то все разведчика на допросе изображал!

— Шиш бы я тебе чего сказал, кабы меня не предупредили о том, что ты нечто подобное выкинуть можешь, — усмехнулся водитель. — Только я не знаю, где хозяйка сейчас находится. Надо уточнить.

— По ходу движения выяснить. — Я открыл заднюю дверь и полез в салон. — Наверняка в центре, а в него тут дорога одна.

— Может, сам ее наберешь? — предложил он. — Правда ведь быстрее выйдет. Не по штату мне ей напрямую звонить.

— Не вопрос, — покладисто согласился я, устраиваясь поудобнее и доставая смартфон. — Давай, рули, что время терять?

— Саша? — немного удивленно произнесла Ряжская. — Вот не ждала. Мы же вроде только что общались.

— Да вот после этого и пришло понимание того, как я по вам соскучился. Так, знаете ли, сердце ждалось, что решил — самое время встретиться. Сел в машину, которую вы так любезно за мной прислали, и поехал.

— В какую машину? — уточнила женщина.

— Серебристый «ниссан», — пояснил я. — Седан. Только вот непонятно, в какой именно ресторан мы едем.

— Ресторан? — совсем уже опешила моя собеседница. Про машину она промолчала, из чего можно было смело делать вывод, что я все угадал верно.

— Ну да, — еле сдерживаясь от смеха, продолжил я. — Тот, в котором вы меня обедом угостите. И где мы с вашим другом Мишей встретимся, чтобы обсудить его важное и неприятное дело.

Припахивает мальчишеством, я знаю. Но удержаться не могу.

— Шутник, — фыркнула Ряжская. — Нет у меня сейчас времени по ресторанам ходить. И Михаил Евгеньевич тоже человек занятой. Я понятия не имею, какие у него планы.

— Милейший, разворачивай обратно, — громко сказал я водителю. Тот повернулся ко мне, на его лице было нарисовано удивление, но после моего подмигивания он успокоился. — Домой едем.

— Я всегда полагала, что уже знакома с человеком, у которого самый паршивый характер в мире, — вздохнула Ольга Михайловна. — Этот человек — моя свекровь, чтоб ей пусто было даже в том мире, куда она отправилась двенадцать лет назад. Но нет, ты вырвал у нее пальму первенства. Ладно, ее вытерпела, и тебя как-нибудь вынесу. Ты как к японской кухне относишься?

— Отрицательно, — сразу заявил я. — Не понимаю я ее. И не люблю сырую рыбу жрать, от нее, говорят, потом в башке черви заводятся.

— У тебя и без того скоро там черви заведутся. От вредности, — сунула мне шпильку в бок женщина. — Хорошо, нет так нет. Скажи, чтобы тебя на Смоленку везли, в «Серую утку». Ого. Не самый дешевый из московских ресторанов. Я мимо него не раз проходил, это от нашего банка рукой подать.

— Утка — это вкусно, — заметил я. — Только я нынче без галстука. И без брюк. И без пиджака.

— Труссы на тебе? — уточнила Ряжская. — Да? Ну и славно, тогда пропустят. Вот без них — никак. Столик будет зарезервирован на меня. Да я, собственно, скорее всего раньше тебя там окажусь, так что не переживай.

Так оно и вышло. Когда я, сопровождаемый чуть недоверчивым взглядом метрдотеля, не привыкшего видеть здесь посетителей в жеваных футболках, тертых джинсах и с рюкзаком за плечами, вошел в полупустой зал, то сразу увидел Ольгу Михайловну, задумчивоковырявшую ложечкой непонятное что-то, политое красным чем-то.

— Саша, — взглянула она на меня, когда я плюхнулся на мягкий и удобный диванчик напротив нее. — Привет.

— Плохо выглядите, — заметил я, на этот раз совершенно не иронизируя. — Поспать не пробовали? Если нет — рекомендую.

— Как я люблю твои изысканные комплименты, — криво улыбнулась моя сотрапезница. — Умеешь поднять стареющей женщине настроение. Ладно, ты поесть хотел, так что заказывай. Рекомендую начать с паштета из кролика с трюфелями, он тут дивный, и аппетит хорошо разжигает.

— Мне разжигать ничего не надо, со вчерашнего дня толком ничего не ел. — Я цапнул меню. — Вот это я понимаю, никаких сложных слов. Салат, похлебка, котлета. А где компот?

— Возьми сангрию, — посоветовала Ряжская. — Невелика разница.

— А это вы что такое кушаете? — спросил я, не удержавшись.

— Голубой сыр с соусом из красного вина, — объяснила Ольга Михайловна.

— Это салат? — уточнил я.

— Десерт. — Губы женщины тронула улыбка. — Заказывай. Нам Мишу еще час ждать.

Сыр — и на сладкое. Чудны дела твои, господи! Твои и шеф-поваров элитных ресторанов. Хотя, возможно, оно так и должно быть, просто я не в курсе. В прошлой жизни я такие места стороной обходил, мне они были не по карману, а в нынешней... Да тоже предпочел бы что попроще. Там привычнее, что ли. Кухня не авторская, разумеется, но хоть понятно, что в тарелке лежит.

Впрочем, еда оказалась очень и очень вкусной, только порции были рассчитаны то ли на эстетов от кулинарии, смакующих каждый кусочек, то ли на детей. Я даже подумывал, не заказать ли мне еще одного цыпленка на гриле, потому как первого я поглотил, практически не заметив.

Но — не успел. Приехал друг семьи Миша, оказавшийся высоченным пожилым дядькой с седой гривой волос. Причем он пожаловал не один, а в сопровождении улыбчивого господина приятной наружности, по имени Эдуард, который был лет на двадцать моложе спутника. Я сначала подумал, что он его сын, но ошибся. Эдуард оказался деловым партнером.

— Чаю, — потребовал друг Миша у официанта, сурово сдвинув клочковатые брови. — И пирожных разных. Мне не нужна десертная карта, юноша, мне нужны пирожные.

Принесите все, что подходит под эту категорию. Уфффф, упрел! Хотя на улице и не совсем летняя погода, но всё равно.

— Уважаю, — отсалютовал я ему бокалом с сангрией. — Это по-нашему.
— Люблю сладкое, — поделился со мной друг Миша. — Оно меня успокаивает.
— А как же ЗОЖ? — спросил я у него. — Сахар вреден.
— Мы все когда-то умрем, — пожал мощными плечами друг семейства Ряжских. — Но если об этом думать каждый день, то жизнь превратится в зал ожидания. А если еще при этом и пытаться отсрочить данное событие, ограничивая себя в радостях бытия, то лучше не жить вовсе. Так что я беру от жизни все, что можно, и гастрономические удовольствия занимают в этом «всём» не последнее место.
Если проблема этого забавного дядьки не слишком головоломная и не чрезмерно затратная, то я ему помогу, поскольку мне нравятся люди, предпочитающие унылому существованию жизнь, полную радостей и развлечений. Наверное потому, что я сам всегда мечтал быть таким же, но не получалось. Несовместима чарующая легкость бытия с нашей нудной работой, не монтируются они друг с другом. Максимум, который возможен — разгул в пятницу вечером, когда город принадлежит клеркам, вырвавшимся из офисов. И то это так, эрзац, имитация, муляж. А еще вернее — самообман.
— Перейдем к делу, — совершенно искренне улыбнулся я другу Мише.
— Сразу видно, с кем мы сейчас имеем дело, — ответил мне улыбкой же он и облобызал ручку Ряжской. — Твоя школа, Олюшка, ведь так?
— Какой там! — усмехнулась женщина. — Тут такой экстернат получился, что сама диву даюсь.
— У нас возникла проблема... — начал было Эдуард, но я его остановил, постучав пальцем по столу. Он замолчал, а потом удивленно спросил: — Что?
— Перейдем к делу, — повторил я и слова, и жест.
Мужчины непонимающе переглянулись, Ряжская же достала из своей сумочки плотный конверт и подала его мне.
— А вот теперь — рассказывайте, — сказал я, убрав конверт в рюкзак. — Сразу предупрежу — обещать, что возьмусь за решение вашей проблемы, не могу, но сохранность тайны гарантирую.
Седой великан нахмурился. То ли потому, что ему не понравилась вся ситуация целиком, то ли оттого, что за него заплатила Ряжская.
— Так и будем молчать? — поинтересовался я, ковырнув ложечкой сложносочинённый десерт. — Если да, то я сейчас вот эту вкусную штуку доем и уйду, у меня дел еще полным-полно. Но деньги при этом не верну, сразу предупреждаю.
— На ходу подметки режет! — хохотнул вдруг Миша. — Сразу видно — приятель твой сволочь еще та, но зато и не дурак. И правильно, в наше время другие не выживают.
Не скажу, что мне польстила данная оценка, но следует признать, что по-другому мое нынешнее поведение и не оценишь. Но тут уж деваться некуда, — выбрал курс — держись его. Иначе оседлают меня, как Сивку-Бурку, и будут гонять в хвост и гриву. Лучше уж пусть хитрой сволочью считают.
— В наше время вообще выжить трудно, — не согласился с ним Эдуард. — Просто у ловких, хитрых и жадных шансов на это больше, чем у честных, простых и наивных. Вопрос только в том, что если выживут одни первые, что с миром станет? Я так думаю, что оставшиеся начнут играть в «крысиного короля», что приведет к концу нашей цивилизации.
— Уже играем, — проворчал Михаил Евгеньевич. — Если ты не заметил.
— Отличное время вести философские диспуты о смысле жизни, — заметила Ряжская. — Прямо вот самый тот момент. Я отменяю переговоры, плюю на свой бизнес, бегу сюда и должна выслушивать сентенции о вечных ценностях.
— Да-да, — покивал Миша. — Извини. Я слышал о том, что у вас с Пашей проблемы начались. Поняли уже, откуда ветер дует?
— Нет, — поджала губы Ольга Михайловна. — Все это как-то вдруг случилось, внезапно. Ясно, что время от времени где тонко, там и рвется, но чтобы вот так, сразу и много? Главное — точно не инсайд, если бы это был он, мы бы нашли источник. А тут прямо что-то непонятное творится.
Хм. А со мной она своими проблемами делиться не стала, между прочим. Может, зря я так с ней обхожусь? Ну да, она человек жесткий, где-то даже безжалостный, как и положено правильной бизнес-леди, но, однако же, вон слово держит.
Или это все большой-большой спектакль, направленный как раз на то, чтобы у меня именно эта мысль и появилась?
Да нет, чушь. Переоцениваю я себя. И вообще, надо время от времени темечко шупать, проверять, не появилась ли там корона.
— И то правда, — бросив еще один быстрый взгляд на Ряжскую, сказал я. — Рассказывайте, что у вас случилось.

А случилась у них вещь вполне себе обыденная, из числа тех, которые, полагаю, имеют место сплошь и рядом. Компаньон у них помер, вот какая неприятность. Внезапно, вдруг, ни с того ни с сего, причем от совершенно естественных причин, что было тщательно проверено следственными органами, а после еще и специально организованной независимой экспертизой. Последняя была нужна для того, дабы оставшиеся два партнера могли спокойно друг к другу в бане спиной поворачиваться, и друг на друга не грешили. Короче — сердечко их товарища подвело. Большой бизнес косит своих солдат почище, чем иной пулемет бойцов на поле боя. Инфаркт для этой публики уже стал чем-то вроде насморка, мимо него никто не проскочит, вопрос только в том, как скоро он вдарит и с какой силой. Этому дядьке не повезло, его моя Хозяйка прибрала сразу.

После этого вступления я было подумал, что речь пойдет о заупокойных шалостях, ночных кошмарах и прочей киноэзотике, но ошибся.

Все оказалось куда прозаичней. Этот самый третий партнер никому не сказал, куда спрятал свои бумаги. Точнее — в каком банке он абонировал депозитарный сейф. Что они в железной коробке — это точно, это факт. Но где именно?

А бумаги были не просто нужные. Они были жизненно необходимые. Без них не могла закрыться сделка на какую-то безумную сумму, по этой причине оставшиеся двое компаньонов были готовы на себе волосы рвать. Вот-вот все мыслимые сроки пройдут, после чего на них начнут наматываться штрафные санкции, которые за пару-тройку недель превратят эту парочку из состоятельных людей в соискателей места на паперти храма Христа Спасителя. Или чего похуже случиться может, поскольку в сделке участвовали деньги не только этих трех господ. Неофициально, разумеется.

Квартиру покойного перерыли раз двадцать — и «следаки», в соответствии с должностными обязанностями, и воры, нанятые в качестве экспертов, поскольку они отличаются редкостным умением видеть то, чего остальные не замечают, и даже экстрасенсы, к которым под конец кинулись эти двое. Никто успеха не достиг.

На родню грешить было бессмысленно, ибо у умершего искомой толком не имелось, а единственная дочь уже почти разучилась говорить по-русски, поскольку с шести лет жила в Лондоне с сестрой своей матери. Что до прислуги — ее в доме не было. Не верил ей умерший, да и не того был воспитания человек. Все сам предпочитал делать.

— Что же за бумаги такие? — заинтересовался я. — Если не секрет? Завещание?

— В определенном смысле, — подтвердил Миша. — Разрешение на закрытие сделки.

Юристы нашего зарубежного контрагента сочтут условия контракта исполненными только тогда, когда мы все трое зафиксируем это своими подписями в их присутствии. А как теперь Савва это сделает? Да никак. Но мы подобное предусмотрели. Все мы люди взрослые, знаем, что человек смертен, причем, как говорил классик — внезапно смертен, потому и заверили у нотариуса распорядительные документы, в которых подтверждали, что в случае гибели или какой другой неприятности оставшиеся партнеры вправе закрыть сделку самостоятельно, без участия выжившей стороны. И я такое распоряжение сделал, и Эдик, и, как вы понимаете, Савва.

— Так у нотариуса должен остаться один экземпляр? — удивился я. — Разве нет?

Бизнесмены снисходительно посмеялись, отдавая дань моей наивности.

— Если бы, — печально покачал головой Эдуард. — Это общая практика, кто же знал, что все так выйдет? Нет, Савву мы не виним, он правильно сделал, убрав документ в депозитарную ячейку. Когда речь о больших деньгах, никто никому не верит. Но нам-то теперь что делать? Где этот банк? Их в Москве даже после репрессий Центробанка все равно четыре сотни осталось. Только банков, не считая отделений и дополнительных офисов. Мы, конечно, «зарядили» кое-кого из столичных хакеров на поиск по их базам, но пока результат нулевой. Воспоследовать он, скорее всего, воспоследует, эти парни деньги зря не берут, но когда?

— И вот тут я вспомнил об Олюшке. — Миша снова облобызал ручку Ряжской, причем выглядело это настолько интимно, что у меня появились серьезные сомнения в том, что тут имеет место быть только дружба. Сдается мне, что кое-кто не вовремя сходил на охоту. В смысле — рога трубят, Пал Николаевич Ряжский, рога трубят. — И о том, что есть у нее один кудесник, который много чего может.

— Народная молва, — отвела взгляд Ряжская, ее щеки чуть покраснели. — Сарафанное радио, тут ничего не поделаешь.

— Ну да, ну да, — покивал здоровяк, махнув седыми патлами. — Оно и есть. Я позвонил Оле, рассказал, что к чему, кое-что...

— Это все детали, Миша, — оборвала его женщина. — Говори, что тебе нужно. «Кое-что». А что именно — «кое-что». Скорее всего следующим словом было бы «предложил». Все-таки это бизнес. А я ее почти пожалел, даже хотел потом поболтать, спросить, не нужна ли помощь.

Нет, ничему меня жизнь не учит, так дураком и помру.

Но зато предельно ясно, что нужно от меня этой парочке.

— Как вашего друга похоронили? — даже не стал слушать Мишу я.

— Торжественно, — опешив, ответил тот. — С оркестром. Все наши пришли, он человек достойный был, бизнес вел честно даже в девяностые. Его уважали.

— Похвально, — одобрил я. — Но речь о другом. Кремация?

— Нет, — замахал руками Миша. — Как можно! Гроб заказали — ого-го! Дубовый, самый дорогой, ручная работа! Я же сам похоронами занимался, Марьяна, дочь его, из Лондона так и не прилетела. То ли не смогла, то ли не захотела. Хотя не могу ее в этом винить, они с момента ее отъезда виделись всего раз десять, не больше. По сути, Савва был для нее чужим человеком.

— Но на оглашение наследства, тем не менее, она примчалась, — немного язвительно заметил Эдуард. — С юристами, как и положено.

— Не суди, да не судим будешь, — забасил Миша, недовольно нахмурившись. — А что ты хотел?

— Документ, в котором вам дано право закрыть сделку, — подсказал я здоровяку главное желание Эдуарда. — Предпоследний вопрос — на каком кладбище ваш друг лежит лежит? Услышав ответ, я только и смог, что усмехнуться. Да, ребята, вас кто-то проклял, и неслабо. Нет, логика событий вполне понятна — престижное кладбище, отлично подходящее для того, чтобы серьезного коммерсанта определить на последний постой. Ну а куда его еще? Только туда, к артистам, генералам и поэтам. Чтобы не скучно лежалось.

Но при этом из всех московских погостов они похоронили своего приятеля именно на том, куда я ночью не очень стремлюсь попасть. Нет, запрета у меня на это нет, наоборот, право на одно посещение имеется, но стоит ли его тратить на чужие проблемы? Тем более что в это посещение мне надо будет с кое-кем просветить один щекотливый момент, чего очень не хочется делать.

— А последний вопрос какой будет? — поинтересовался Эдуард.

— Никакой, — встал из-за стола я. — Мне очень жаль, господа, но я не смогу вам помочь.

— Здесь пятьдесят тысяч, — Миша положил на стол пухлый конверт, который извлек из кармана пиджака. — И еще столько же после того, как документ окажется у нас в руках. Могу расписку написать. Но вообще за мной «кидков» не значится, Оля может это подтвердить.

Серьезная сумма. Ряжской работа, сто процентов, она знает, на чем меня подловить. Нет, я не жаден, но все равно эта магия имеет пока силу над моей душой. Я слишком долго сидел на чужих деньгах и не имел своих, потому трудно удержаться, услышав такие цифры. Знаю, что скоро данная болезнь пройдет, но вот когда оно наступит, это «скоро»?

А самое забавное в том, что мне деньги даже толком и тратить-то некуда. Дом в Лозовке я отремонтировал, новую квартиру покупать не собираюсь, машину тоже, рацион питания не изменился.

Но все равно кто-то другой, не я, заставил меня сесть обратно за стол и протянуть руку за конвертом.

Ненавижу себя за эту слабость. А сделать ничего не могу.

Или не хочу?

— Нет, — заявил вдруг друг Миша, отводя мою ладонь от конверта. — Деньги пока побудут у Ольги, она гарант нашей договоренности. Аванс вы уже получили, хоть и не от нас, а остальное — потом.

Сдается мне, он только что это решил. Почему? Может, увидел в моем лице что-то такое, что ему не понравилось? И что мне самому не очень бы пришлось по душе?

— Договорились, — произнес я. — Мне нужен номер захоронения вашего друга, его имя-фамилия и какие-нибудь подробности сделки. Название контрагента, товара, сумма, наконец.

— Неужели правда получится? — чуть прищурившись, поинтересовался Эдуард. — Просто я во всю эту хиромантию не верю, когда Михаил экстрасенсов в квартиру Саввы Дмитриевича таскал, даже над ним посмеивался.

— Не знаю, — честно ответил я. — Как можно уверенно говорить о том, что еще не случилось? Но завтра утром ясность появится. Да-да, нет-нет, я вокруг да около ходить не стану.

Надо фарша купить килограмм пять, не меньше. Хотя тамошнему Хозяину на это все наплевать, помню я его. Мрачная личность, он тогда Женьку до судорог перепугал. Да мне самому не по себе было, чего скрывать?

— Уже завтра? — обрадовался друг Миша. — Уж расстарайся, Саша, будь любезен!

— Ваши десерты, — подошел к столику официант с заставленным до краев подносом. — Приятного аппетита.

Какой там аппетит теперь. Лично мне только осталось сидеть и думать об одном — а не дурак ли я? И ждать, пока Эдуард запишет на бумажку ту информацию, что я попросил. Правда, что ли, жить в Лозовку насовсем уехать? Там нет соблазнов, там все просто и понятно. И теперь, после ремонта, вполне комфортно. Может, потому Захар Петрович оттуда носа не казал? Чтобы со своими внутренними демонами в согласии жить? Ресторан я покинул в жутком душевном раздразе, при этом попрощавшись с сотрапезниками немного скомканно, что вызвало встревоженный взгляд Ряжской. Как мне показалось, она начала жалеть, что вообще устроила эту встречу.

И, как будто нарочно, практически сразу после того, как я вышел на улицу, закурлыкал смартфон, высветив на экране фамилию «Нифонтов».

— Добивай, — вместо приветствия хмуро предложил ему я.

— Чего? — не понял оперативник. — Ты сейчас о чем?

— День как-то сразу не задался, — объяснил я. — Согласно примете, неприятности по одной не ходят, так что ничего хорошего от тебя ждать не приходится. Давай, не тяни. Что там случилось? Мезенцева объявила на меня охоту?

— Нет, — бодро заявил Николай. — Хотя она тебя в последнее время очень сильно не любит, врать не стану. Все уже знают, что если она плюется и что-то шипит сквозь зубы, значит, тебя вспомнила. Но дело не в ней.

Внутри, где-то там, внизу живота, появился уже привычный холодок, предупреждающий меня об опасности. Или о том, что сейчас мне будет сообщено что-то очень неприятное. Хотя — чего тут гадать, что именно? И так понятно.

— Он в городе, — произнес Николай. — Ты понял, о ком я говорю? И это точная информация, Сашка. Точнее не бывает.

Глава двенадцатая

Ничего. Странно, но я ничего не почувствовал. Ни страха, ни отчаяния, ни-чего. Да и смысл теперь метаться? Ясно же было с самого начала, что колдун вернется в Москву, так что есть то, что есть. А страх... Устал я бояться. Еще до ведьмачества устал. Того, что работу потеряю, того, что там, на службе, упорю какой-нибудь серьезный косяк, и меня будут распекать на глазах у всех, того, что придет неизбежная старость, и я стану никому не нужен. Вся наша жизнь соткана из сотен страхов, большинство из которых мы сами себе придумываем. Потому что так проще, чем делать что-то, отводящее от нас беды в сторону.

А тут — что? Ну прибыл этот упырь в мой родной город, и что с того? Это значит, что теперь просто надо быть готовым ко всему, внимательно смотреть по сторонам и не пропускать ни единой мелочи, которая может навести меня на его след. И если это случится, если я найду его раньше того, как будет нанесен первый удар, то использовать данный шанс по полной. Слава Богу, не одному мне этот гад стоит поперек горла. Он многим в свой прошлый визит на ногу наступил, и этот его промах — мое преимущество.

— Ты сейчас где? — немного сочувственно спросил Нифонтов, как видно, истолковавший мое молчание по-своему. — Я на «Парке Культуры». Если ты недалеко, то можем пересечься, побалакать. У меня немного времени имеется.

— Недалеко, — отозвался я. — На «Смоленке». Говори, где тебя искать.

Чудно, но оказывается в центре Москвы, европеизированном за последние годы до отвращения, до сих пор уцелели маленькие палатки, торгующие снедью. Я-то думал, что их все поносили еще в те времена, когда новый мэр спешно уничтожал все начинания бывшего мэра. Ан нет, кое-что осталось.

Например — небольшая «шаурмячная», притулившаяся между домами и набережной так, что если не знать, что она там имеется, то фиг о ней догадаешься. Впрочем, слово «шаурмячная» звучит громковато. Все, что есть — палатка да при ней три столика с пластиковыми стульями.

И вот что интересно — час назад я ел авторскую кухню, приготовленную лучшими поварами Москвы, но все эти изыски не вызывали у меня такого слюноотделения, какое я испытал, принимая из рук здорового волосатого продавца приличных размеров шаурму. Видно, не гурмэ я ни разу. Если уж ты вскормлен на фаст-фуде, так и нечего из себя эстета корчить.

— Ташаккур, Абрагим, — поблагодарил Николай подавальщика. — Как вообще? Не шалишь? Все хорошо?

Шаурмячник проорчал что-то непонятное, покивал, оскалил рот в улыбке, показав нам невероятно длинные и острые зубы, а после в его глазах сверкнули ярко-красные искры.

— Я рад, что все хорошо, — мягко произнес оперативник. — И не жалею о том, что для тебя сделал.

Шаурмячник снова изобразил свою жутковатую улыбку и подал Нифонтову бутылку с водой.

— А он — кто? — спросил я у своего приятеля, когда мы обосновались за столиком. — Ведь это не человек?

— Абрагим? — Николай открыл бутылку. — Конечно, не человек. Ты же это уже понял, зачем переспрашивать? Аджин он.

— Джинн? — оторопел я и снова глянул на волосатого здоровяка. — Да ладно? А где борода? Как он «трах-тибидох» делает?

— Аджин, — терпеливо повторил Николай, открывая воду. — Он же ибليس. И там еще с пяток названий имеется, нет смысла их все перечислять. Но с джиннами его путать не стоит, они другие. Сам их не видел, но читать доводилось, плюс наша уборщица тетя Паша кое-что рассказывала. Она в пятидесятых-шестидесятых, после реабилитации, изрядно по азиатским пескам поколесила. Отогревалась после вечной мерзлоты.

— До чего многообразен мир! — восхитился я.

— Не то слово, — согласился со мной оперативник. — Восток вообще штука такая... Не очень понятная. Там надо родиться, чтобы в нем хоть чуть-чуть разбираться. Вот, например, тот же Абрагим. Если напрямую, то я вообще не представляю, откуда именно его к нам занесло. Может, из Самарканда, может, из Худжанда, а то и вовсе из Ферганской долины. Я его по-таджикски сейчас поблагодарил, и он меня понял, но это не его родная речь. Ему что таджикский, что узбекский, что тюркский — все едино. Скажу так — вообще неясно, на каком языке он разговаривает, но при этом всем все понятно.

Я откусил шаурмы и даже причмокнул от удовольствия, настолько она была бесподобна. А мне есть с чем сравнивать, уж поверьте!

— Его собратья за какие-то грехи из дома изгнали, вот он сюда с мигрантами и приехал, — продолжил Нифонтов. — Сила его почти вся там осталась, в песках, а есть-то хочется. Ну кое-какие ошметки былой мощи при нем сохранились, он ими потихоньку пользовался,пил жизнь и кровь голубей, чтобы не ослепеть. Но это все не то, аджину мелкие птахи на один зубок. В результате чуть до убийства человека не дошел, несмотря на то, что по своей природе он очень миролюбив. Хорошо мы его до того схомутали. Мор среди голубей — верный признак того, что неладное творится, мы по трупикам, по трупикам, и добрались до подвала, где он отсиживался. В результате вот, сюда пристроили. Днем он шаурму продает, а ночью на птицефабрике сырье для нее подготавливает. И не только для нее.

— Прямо «Люди в черном» какие-то, — восхитился я. — Если бы не знал, что кино и жизнь разные вещи, то подумал бы, что вы сценаристов консультировали.

Нифонтов достал из нагрудного кармана легкого летнего пиджака черные очки, нацепил их на нос и смачно откусил огромный кусок от шаурмы.

— Да ладно? — недоверчиво посмотрел на него я. — Да ты гонишь?

Оперативник молчал, сопел, жевал. Впрочем, его серьезности хватило ненадолго.

— Само собой — кино, — рассмеялся он. — Хотя в чем-то и реалистичное. Но там все делается во имя чего-то высокого, а у нас простой и понятный расчет. Во-первых, такое существо, как Абрагим, запросто не убьешь. Даже сейчас, когда он не очень силен. Во-вторых — аджин очень и очень полезен для отдела. Я же говорил тебе, что Азия — это не просто географическое название. Тамашние обитатели Ночи не моложе наших, традиции там ого-го какие, и иногда эти существа заглядывают сюда, в страну рек и берез. Но если люди в большинстве случаев подчиняются законам государства, в которое приехали, то те, кто живет под Луной, такими мелочами не заморачиваются. И вот тогда нам нужен Абрагим. Как источник информации, например. Или как переговорщик.

— Или как тот, кто выполнит грязную работу, — закончил я его мысль.

— И такое случается, — не стал отнекиваться Николай. — Почему нет? На взаимовыгодных условиях. Ешь шаурму, а то она остынет. Другой такой в Москве не найдешь, отвечаю.

— Вещь, — с восхищением заверил его я. — Я сюда, наверное, на обед каждый день стану ездить.

— Верю, — без тени шутки ответил оперативник. — Мы тоже иногда сюда специально заворачиваем, чтобы перекусить и узнать последние новости. Тут центр, а Абрагим, несмотря на свой диковатый внешний вид, очень и очень наблюдателен. И умен. А еще он отлично умеет слушать тех, кто здесь останавливается перекусить. Дело в том, что эта точка общепита некоторое время назад стала популярна среди тех, кто живет в Ночи. Не только у людей есть понятие «тренд», среди вашего брата оно тоже в чести. Так вот — неделю назад Абрагим сообщил мне, что в городе появился некто, здорово напугавший

парочку молодых ведм. Настолько, что те надумали покинуть Москву в ближайшее время, не желая случайно попасть под раздачу.

— Кашеёво семя, — кивнул я, сморщившись.

— Мне подумалось так же, но догадка есть догадка, а я привык оперировать фактами. — Николай нахмурился. — Через пару дней я их получил. Неожиданно, скоропостижно и мучительно умерли все те, кто выжил в осенней операции по захвату этого ублюдка. Все, кроме Стаса. Его просто не было в Москве, он в командировку убыл, какого-то урку-гастролера в Красноярске вязать. Он вообще парень везучий, я давно это приметил.

— Жалко мужиков, — вздохнул я.

— Жалко, — подтвердил Николай. — Но зато и сомнений не осталось после этого. Я же говорил, что главная слабость моего врага — излишняя гордыня. Не простил он тех, кто хотел ему зла, отомстил. Вот только это были государевы люди, а не обычные горожане, которых никто не считает. Нет, убийство последних, разумеется, это трагедия, но — местного масштаба. Кроме родных и близких усопшего она особо никого не беспокоит. Скажем так — не более, чем это положено по штатной процедуре розыска злодеев. Найдут — найдут, не найдут... Ну будет еще один «глухарь». Лиходеев много развелось, всех не переловишь.

Совсем другое дело убийство тех, кто служит власти. Тут уже не уголовщина, тут посягательство на устои государственности, пусть даже и незначительное. Значит — землю носом рыть станут, и это мне на пользу. Глядишь, и найдут. Не факт, что схомутают, но потрепать могут. А если я про это заранее узнаю, так и на помощь приду с удовольствием. Одно ведь дело делаем, правда, с разными целями.

Колдун — один, а врагов у него теперь много. Как говорят в народе — если ты плюнешь в коллектив, то он утрется, если коллектив плюнет в тебя, ты утонешь.

— Если не секрет — ты чего телефонной беседой не ограничился? — поинтересовался я, отпив воды из пластикового стаканчика. — Давай, давай, мы с тобой не первый день знакомы. Коли позвал, значит, что-то предложить хочешь. Или попросить.

— Наши цели в очередной раз совпали, — не стал влиять Нифонтов. — Тебе этот красавец как гвоздь в пятке, нам тоже. Можно объединить усилия.

— Только «за», — отсалютовал стаканчиком ему я. — Если от меня что понадобится — просто скажи.

— В принципе, ничего такого нам не требуется. Но ты должен докладывать мне обо всем непонятном и необычном из числа того, что с тобой происходит, — деловито заявил Николай. — Даже если это какие-то мелочи, не заслуживающие внимания. Из мелочей, как правило, и складывается общая картина.

— Свежая и оригинальная мысль, — усмехнулся я. — Но — не вопрос.

— Ну? — поторопил меня оперативник. — Или с тобой за последние дни ничего из ряда вон выходящего не произошло?

— С аджином познакомился, — показал я рукой на Абрагима. — Это как, подойдет?

— Саш, не смешно, — укоризненно произнес Нифонтов.

— Еще меня подрядили на кладбище сходить и у недавно умершего коммерца узнать, где он бумаги свои спрятал. Не знаю, насколько это подходит под понятие «необычное». Для нормального человека звучит как бред, для меня это будни. Правда, кладбище больно неудачное подвернулось.

— В смысле? — насторожился Нифонтов.

— Одно из центральных. То самое, на которое мы с Женькой в том году ходили. Тамошний Хозяин тот еще... Владыка мертвых. Чую, хлебну нынче ночью горячего.

— Отказался бы, — немного равнодушно посоветовал сотрапезник. — Или предложенная мзда настолько поразила твое воображение?

— И да, и нет, — уклончиво ответил я, практически из детского упрямства не желая признавать правоту оперативника. — Всё сложно.

— Не доведет тебя семейство Ряжских до добра, — подытожил тот. — И себя самоё, заметим, тоже. Нашли с кем в игры играть. Просто гимн идиотизму.

— Я им это пытался объяснить, но они меня слышать не желают.

Оперативник только рукой махнул на эти слова, давая понять, что говорить тут не о чем.

— С тобой сходить, что ли? — задумчиво спросил он у меня через пару минут молчания, как только доел остатки шаурмы. — На кладбище, имеется в виду.

— Плохая идея, — возразил я. — Тамошний Хозяин вашего брата сильно не любит, он сам это в прошлый раз сказал. Если мне не веришь, то у Мезенцевой спроси, она подтвердит. Кстати — как Женька? Сильно буянит?

— Совесть замучала? — усмехнулся Николай. — Как, как... Как обычно. Смотрит исподлобья, тихонько ругается, когда никто ее не видит, каждый день ходит в тир, и

игнорирует Вику как таковую. Что-то в ее рыжем котелке кипит и булькает, но что именно, пока непонятно. Рванет — разберемся.

— Главное, чтобы в центре взрыва мирных граждан не оказалось, — опасно заметил я. — Атомная бомба не выбирает цели.

— Боишься? — хихикнул Николай. — Правильно делаешь. Ты как те Ряжские — полез туда, куда не следует, а теперь надеешься, что расплачиваться за сделанное не придется.

— Надеюсь, — признался я. — Ну и потом — что за детские забавы? Мы все не школьники уже, чтобы верить в любовь до гроба! И уж точно не стоит портить жизнь друг другу по такому дурацкому поводу. Вика говорила мне, что у Мезенцевой до сих пор странные представления о взрослой жизни, но я предположить не мог, что все настолько запущено!

— А надо было, — назидательно помахал пальцем у моего носа Николай.

— Не смешно, — начал злиться я. — У нас тут колдун, магическая война на пороге, другие разные заботы, а мне придется гадать, какую еще глупость сотворит великовозрастная девочка, которая упорно не желает взрослеть! Будто других печалей в этой жизни нет.

— Не трещи, — попросил Нифонтов. — Не полезет она к тебе больше. Ей Ровнин запретил. Женька, понятное дело, нонконформист, но Олега Георгиевича очень уважает, потому его приказы нарушать не станет, даже если очень припечет.

— Такой вариант меня устраивает, — приободрился я. — Тогда осталось только с Кащеевым последышем разобраться, и дело в шляпе.

— Все в твоих руках. — Николай устало помассировал виски. — Если будешь не лезть на рожон, работать согласованно с нами, проявишь должную осмотрительность, то шансы выйти живым из этой переделки у тебя очень высоки. Нам бы только за ниточку потянуть, ту, которая к центру паутины ведет. Уверен, первые витки ее он вокруг тебя давно сплел. У дураков мысли сходятся. Я о том же самом думал.

— Мне еще за родителей страшновато, — поделился с Николаем я. — Что если он через них попробует меня достать?

— Не попробует, — уверенно заявил тот. — Этот товарищ, конечно, гнида редкая, но родителей и детей даже такие никогда не трогают до тех пор, пока те сами в драку не влезают. Покон запрещает. Жизни стариков и детей — святы. Первые дали жизнь этому миру, вторые когда-нибудь ее продолжат далее. Кстати, в этом разумная нелюдь ушла очень далеко от нас, человек. Они, Саш, выходят честнее и благородней, чем мы, и это обидно. У нас с родных и близких начинают, поскольку они самый короткий путь для того, чтобы достать цель. Крики боли матери или твоего ребенка в телефонной трубке — и ты готов идти куда угодно и делать то, что скажут. После этого поневоле задумываешься — а точно «нелюдь» — это про них? А не про нас?

— Стало легче, — обрадовался я. — Если Покон запрещает, то вопрос решен. Что же до всего прочего... Много ли обитателей Ночи по таким правилам живет? Можно подумать, что гулю во время кормежки не без разницы, кого именно он жрет? Читал я в книге про них, впечатлился.

— Так я о разумной нелюди речи вел, — буркнул оперативник. — Ладно, вроде обо всем поговорили. Будь все время на связи, а не как обычно, по принципу «захочу — отвечу». Вот еще что — на кладбище я бы на твоём месте все же не ходил. И вообще лишний раз из дома не вылезал. Понятно, что просто так он убивать тебя не станет, ему важно тебя перед тем как следует помучить, но тем не менее.

— Да сам уже не рад, что в этот расклад вписался, — поморщился я. — Накой согласился? Но «заднего» не включу. Не потому что герой или дурак, не в этом причина, просто слово дано, обратно его брать не стану. Ясно, что Ряжской на Покон плевать, она о нем понятия не имеет, но я уже привык жить именно так.

— Данную точку зрения не разделяю, но уважаю, — сообщил Нифонтов. — Просто мне такого подхода к делу не понять, я исхожу из принципа рациональности происходящего. Но я человек, в отличие от тебя, ведьмака.

— То есть меня к людям ты уже не относишь? — уточнил я немедленно.

— А ты сам себя к ним относишь? — в лоб спросил меня оперативник. — Молчишь? Вот то-то и оно. Нет, физиологически ты все тот же «гомо сапиенс», прямоходящий, теплокровный, и прочая, прочая. Но твоя среда обитания отныне Ночь. Там тебе привычней, чем здесь, и ты сам это знаешь. Тебе проще найти точки соприкосновения с лесовиком, ведьмой или неуспокоенным призраком, чем с той же Мезенцевой, потому что с ними ты теперь говоришь на одном языке. Не надо обо мне плохо думать, Саша, я сейчас не хочу тебя обидеть или указать на место, ничего подобного. Это даже не хорошо и не плохо, просто так есть.

На том мы с ним и расстались, отправившись дальше каждый по своему маршруту — он устанавливать закон и порядок на вверенных ему территориях, я же домой, готовиться к вечерней вылазке на кладбище.

Много тем мне задал Нифонтов для раздумий. Я его, собственно, за то и не люблю — после каждой беседы мне волей-неволей приходится в себе, любимом, копать, а это дело неприятное. Ясно, что он не со зла такое устраивает, но все равно хорошего мало. Вот и сегодня. Ну да, я и сам осознавал, что все дальше и дальше отхожу в сторону от того мира, в котором достаточно безмятежно прожил четверть века, от его правил, обычаев, привычек и даже законов.

Нет, в России всегда закон был что дышло — как повернул, так и вышло, и каждый россиянин нет-нет, да и нарушит его по мелочам. Дорогу перейдет в неполюженном месте или еще чего сотворит. И я был таким же еще совсем недавно.

А сейчас... Как-то незаметно исчез тот правовой барьер, который разделял в моем сознании «это можно» и «это нельзя». Разумеется, я не собираюсь прямо сейчас идти и устраивать оргию с несовершеннолетними или бойню в торговом центре. Я же не маньяк?

Но вбитого с детства страха, связанного с тем, что закон суров, а наказание неотвратимо, у меня не стало.

И вот таких отличий меня сегодняшнего от меня вчерашнего очень много. Настолько, что в пору согласиться с Нифонтовым, что я уже, наверное, не совсем и человек в определенном смысле. Только если я это признаю, то некто Александр Смолин окончательно перестанет существовать, а вместо него появится кто-то другой. Похожий на него, но другой.

Потому — не стоит спешить. Вот выберусь из переделки с колдуном, а после окончательно в себе разберусь. Там дело к осени пойдет, самое то время для раздумий и жизненной переоценки.

И вот опять же, как тут не припомнить поганца Николая, если его слова опять подтвердились. Стоило мне ступить на землю кладбища, как в душе словно лампочку зажгли. Все тягостные раздумья, всю усталость как ветром унесло, в теле легкость появилась. Ну и кто я после этого?

Хотя, конечно, кладбище тут роскошное, что греха таить. Не чета тому, которое я потихоньку начинаю считать родным, как бы это глупо ни звучало. И речь идет не о памятниках и надгробиях, которые, впрочем, тоже внушают немалое уважение. Тут атмосфера другая, тут ушедшее время ощущается куда сильнее, чем там. И то, сколько людей за века легло в эту черную и жирную почву, чтобы еще сильнее удобрить ее своей плотью, тоже.

Погулять бы тут несколько часов, подышать, посмотреть. Но нет у меня такой возможности, потому что никто мне подобного не разрешал. Это чужой дом, в который я пришел хоть и с разрешения хозяина, но зарываться все равно не стоит.

Несколько призраков, ошивавшихся прямо на аллеях, раскланялись со мной.

— Не в курсе, где можно Самсона Орепьевого-третьего найти? — спросил я у них. — Нет? Жаль.

Хорошо, что я сразу в телефон записал, как звали нашего с Женькой тогдашнего проводника, а то ведь так сходу и не вспомнишь. Впрочем, он наверняка напомнил бы свое имя при встрече, которая неизбежна, но лишнее внимание живых призракам всегда приятно. А мне несложно оказать им эту услугу.

— Господин ведьмак. — Орепьев-третий появился передо мной, когда я свернул на очередную тропинку. Дорогу к местному Хозяину я не помнил, потому просто топал прямо, время от времени меняя направление движения. — Рад снова вас видеть. И приятно, что вы меня запомнили.

— Самсон, ваша радость взаимна, — поправил лямку рюкзака я. — Надеюсь, вы не откажетесь и в этот раз стать моим провожатым?

— С тем и послан, — призрак поклонился. — Следуйте за мной, господин ведьмак, Повелитель ожидает вас.

— Одну минуту, — остановил его я. — Мне бы сразу подношение к дереву отнести. И тяжело, и протекать фарш может начать. Я порядки знаю, с пустыми руками в гости не хожу.

Хоть призраки и бесплотны, но живую кровь они чувствуют, это мне отлично известно. Фарш же нынче я прикупил свежий, только-только прокрученный, да мне его еще и не очень хорошо упаковали. Не стоит лишний раз искушать как мертвых, так и того, кто ими правит.

Местный Хозяин кладбища, как и в прошлый раз, сидел близ старинного склепа, в дверном проходе которого клубилась черная непроглядная тьма. Причем я снова поразился его неестественно высокому росту, подумав о том, что если он поднимется с кресла, то я ощущу себя Гулливером, попавшим в страну великанов.

— Ведьмак, — громыхнул его голос. — Надумал все-таки податься в мои слуги? Или пренебрег предложением? Если так, то зачем пришел?

— Мое почтение, Повелитель мертвых. — Я отвесил поясный поклон. — И почему сразу «пренебрег»? Ничего подобного.

— Значит — согласен? — довольно рокотнул бас из-под непроницаемо-черного капюшона. — Это славно. Хороший выбор, ведьмак.

— Не согласен, — твердо и с достоинством ответил ему я. — Я не могу служить никому, кроме одной единственной Хозяйки. Выбери я тебя, и она меня не простит.

— Ты о Моране? — уточнил умрун. — Пфе! Кому она хозяйка? Когда-то, возможно... Да нет, и тогда она была не так сильна, как сама о себе думала. Нынче же о ней не помнят даже камни под твоей ногой. Что уж говорить о тенях или смертных?

— О как! — опешил я, растерянно заморгав. — А про Морану-то ты откуда узнал?

— Учужал, — равнодушно ответил Костяной Царь. — В прошлый раз твоя душа была пуста, а теперь от нее просто смердит Навью. Пойми, ведьмак — мои владения очень стары.

Думаю, они самые древние в этом поселении, которое вы именуете Москвой. Да тут никакими городскими стенами еще и не пахло, а я уже творил суд и расправу над теми, кто покинул Жизнь и ушел во Мрак. То, что ты сейчас видишь вокруг, это только преддверье моей вотчины, не более того. Сами чертоги лежат под землей, там скрыты от света тысячи тысяч тех, кто покинул этот мир за ту бездну времени, что я сижу на своем престоле. И даже Хозяин Подземелий не рискует переходить границы мест, на которые распространяется моя власть.

Красиво сказано. Но до чего он тщеславен — офигеть можно. Интересно, а кто такой Хозяин Подземелий? Надо будет у Нифонтова спросить, он всю эту публику отлично знает. Или у своего умруна.

Бред какой. «Своего умруна». Бррр....

— Так что я помню и Морану, и Велеса, и прочую их родню. А раз помню — то и чувю, — небрежно продолжал вещать умрун. — И скажу тебе так — все они были не сильно могучи. Больше говорили, чем делали, да еще и постоянно грызлись друг с другом, потому в урочный час сгнули без следа. Туда им и дорога. А ты, ведьмак, глуп, если выбрал себе покровительницу, у которой нет славного прошлого и великого будущего. Я уж не упоминаю о том, как лихо она предавала тех, кто был ей верен.

А вот это интересно. С радостью послушал бы пару историй о Моране, тем более рассказанных очевидцем событий.

Но сколько же этому монстру веков? Вернее — тысячелетий?

— Вообще-то я имел в виду не ее, а Смерть, — отложив свои желания на потом, объяснил умруну я. — Сам же знаешь, как называется тот путь, который я выбрал.

Замолчал Костяной Царь. Замолчал, задумался, начал постукивать длинными когтями с синевато-стальным оттенком по подлокотнику кресла.

Молчал и я, ждал ответа. Надеюсь, он сейчас не мою судьбу решает? Блин, в сотый раз себя корю за то, что опять пошел на чьем-то поводе. Не ведьмак я, а калоша дырявая. Собака, которой крутит хвост.

— Неверно сказано. Не ты выбрал путь, а Она избрала тебя, — поправил меня Хозяин Кладбища. — И мне про то ведомо. Зачем, для чего — не понимаю. Как по мне — ты ей совершенно не нужен, ни как слуга, ни как помощник, но... Ответ хорош, ведьмак. Я прощаю тебе твой отказ. И теперь ты волен покинуть мое царство беспрепятственно. Ну что, надо уходить. Не стоит испытывать судьбу.

— Или у тебя еще что-то за душой есть? — в голосе умруна я отчетливо слышал насмешку. Оно и ясно, он ведь отлично понимал, что я пришел не просто так. — Ты попросить чего хочешь, или узнать о чем?

— Даже за крохи знаний, что у тебя есть, Костяной Царь, иному мудрецу не будет жалко душу свою отдать. Я не мудрец, но тоже был бы рад испытать из этого родника. Особенно послушать о том, кем была Морана тогда, этот мир был юн.

— Что за глупость! — от смеха умруна у меня чуть ноги не подкосились. Что я там говорил про страх? Не испытываю его больше? Заблуждался я. Просто потому, что никогда не слышал раньше вот ЭТО. — Мир был юн! Юность мира ныне не помнит никто. Разве что Святогор, что спит тяжким сном под Рипейскими горами, да и то вряд ли. Так что не позорься, говори, что тебе надобно.

— С одним из твоих подданных пообщаться хочу, — признался я. — Из совсем недавно похороненных.

— Опять ты выгоду ищешь, ведьмак, — довольно благодушно отметил умрун. — Но это ничего, это или пройдет, или тебя убьет. Помни — золото-серебро всегда предает тех, кто ему служит.

— Не в деньгах дело... — было начал я, но замолчал, повинувшись жесту Повелителя мертвых.

— Слуги, приведите того, кто ему нужен, — распорядился тем временем тот. — Вон он бумажку в руках мнет, небось на ней все и записано.

Наблюдательный какой!

— А ты помни, ведьмак. — Умрун чуть подался вперед. — Второй раз я тебе помогаю. Второй раз ты приходишь и уходишь из моего дома живой и здоровый.

— Я помню, Повелитель, — громко сказал я. — Помню. И знаю, что велит в этом случае делать Покон. Платить добром за добро.

— Не забывай этого, — проорчал умрун. — Вот и твой интерес пожаловал.

Савва при жизни был тучен, лыс и щекаст. Он топтался на дорожке, то и дело переводя взгляд с меня на Костяного Царя. Я вызывал у него недоумение, умрун — очевидный страх.

— Видел его, — бросил Хозяин Кладбища. — Пустая душонка, бесполезная. Он твой, ведьмак, спрашивай, о чем хочешь.

— Вы куда документы дели? — без особых прелюдий осведомился я у мертвеца. — Те, что для закрытия сделки нужны? Там ваши партнеры скоро по миру пойдут.

— Документы? — Савва совсем опешил. — Вы от Миши?

— От него, — кивнул я. — Где документы? Если в банке — то каком? Адрес, номер ячейки, куда ключ от нее спрятали? Если не в банке — то где еще?

— В банке, — мелко закивал Савва. — Сейчас всё расскажу!

Все-таки бизнесмен есть бизнесмен, чего у них не отнимешь, так это четкости изложения. Две минуты — и весь расклад на руках. Правда, я так и не понял, почему в его квартире не нашли ключ от ячейки, ведь он хранился именно там. Но это уже не мои заботы, даже если ячейку выпотрошили сразу после смерти этого бедолаги, так как я свою работу выполнил. Кстати — хреновые спецы у друга Миши. Договор на абонирование сейфа был оформлен на имя Саввы, по идее, не такой уж великий труд был найти этот банк.

— И скажите Мише и Виктору вот что! — затараторил покойник, опасно поглядывая на умруна. — Надо...

— А кто такой Виктор? — уточнил я.

— Наш с Мишей партнер, — удивился моему вопросу Савва. — Виктор Челых. Мы только друг с другом работаем, уже лет двадцать. Неужели Миша без него вам поручение найти меня дал? Как такое возможно?

— Виктор? — переспросил я. — А как же Эдуард?

— Эдуард? — ответил вопросом на вопрос мертвец. — Эддуа-а-арр... Аррррр... А-арррр!

Он начал надуваться как воздушный шар, слова превратились в звуки, а сквозь синеву призрачной оболочки то тут, то там начали пробиваться тонкие лучики слепящего света.

Глава тринадцатая

Все, что я успел сказать, разглядев происходящее, было:

— Что за хрень?

Сказать успел, осознать — нет, потому что вслед за этим раздался оглушительный взрыв, а за ним последовала вспышка невероятно яркого, ослепляющего света.

Стутившийся до крепости кулака Брюса Ли воздух отбросил меня в сторону, а после проволок по аккуратно подметенной дорожке, в аккурат к трону Хозяина Кладбища, который, как я успел заметить до того, как вообще перестал что-то видеть, успел прикрыть то, что можно было счесть его лицом, полый своего длинного, черного балахона.

Сразу целый хор воплей рванул мой слух, заставив не только ослепнуть, но и оглохнуть.

Это были крики ужаса, если и не поразившие мое привыкшее ко всяким извивам судьбы воображение, то, как минимум, заставившие пожалеть тех, кто их издал.

И самое главное — что вообще произошло? Что, мать вашу так, случилось? Почему этот свежеуспокоенный Савва рванул, как бомба в предместьях Хиросимы?

Данный вопрос, как выяснилось, занимал не только меня. Впрочем, это было и не слишком удивительно, на месте здешнего Хозяина я бы тоже хотел получить ряд ответов на остроактуальные вопросы. Жалко только, что в данной ситуации я на своем месте, и оно ничего хорошего мне не сулит.

Я выплюнул изо рта пару веточек и клоч травы, попавшие туда во время моего скольжения по дорожкам (халтурят служащие, не так уж они и хорошо подметены), и только хотел встать на ноги, как на мою грудь навалилась неимоверная тяжесть, сдавив грудную клетку так, что в нее воздух почти перестал попадать.

С трудом проморгавшись, я понял, что лучше бы мне этого не делать. Первое, что разобрали мои слезящиеся глаза, была жуткая, неземная чернота, клубившаяся в капюшоне Повелителя мертвых, который навис надо мной. Если вернее — это увидел один глаз.

Второй ничего не мог различить, потому что сине-стальной коготь, венчавший указательный палец правой руки умруна, практически уперся в зрачок.

Это было страшно. Правда — очень страшно. Всё сразу.

— Ты-ы-ы! — с лютой ненавистью провыл умрун. — Убить меня решил? Приятеля своего на мой трон подсадить? Этого неудачника, который профукал всё, что имел!

Когти его левой руки, как бритвы, прошлись по моему плечу, разрезав и футболку, и кожу под ней, но боли я почти не почувствовал, все ощущения забили страх и адреналин.

— Нет! — с трудом вытолкнул из себя ответ я. — Нет! Мне самому непонятно...

— Что непонятного?! — рявкнул умрун. — Накачать тень мертвого солнечным светом и взорвать может кто угодно. А такому, как ты, это вовсе раз плюнуть! Но до чего ты нагл! Сам пришел! Хотел увидеть мою конечную смерть? Ошибся, ведьмак, ошибся!

Накачать мертвеца солнечным светом? Никогда о таком не слышал, хотя принцип этого действия мне более-менее ясен.

Твою мать! Колдун! Его работа. Это он залил в покойного Савву солнечный свет, а после просто запрограммировал его, сообщив мертвецу слово-активатор. Ох, как же красиво все разыграно! Есть у этого гада стиль, есть. Трудно отрицать очевидное.

Теперь ясно и то, откуда взялось имя Виктор. Не было никакого третьего компаньона, зовущегося Эдуардом. Его в принципе не существовало. А в «Серой утке» я общался с потомком Кощея. Он пришел на меня посмотреть и сделал это неимоверно красиво. Ох, как он, должно быть, потешался над моей самоуверенностью и жадностью. И каким же дураком я наверняка выглядел!

Даже сейчас мне, лежащему с почти раздавленной грудной клеткой, истекающим кровью плечом и практически одноглазому, стало нестерпимо стыдно за собственную глупость и недалекость. Правы были древние — если боги хотят наказать человека, они отмеряют ему гордыни без счета.

Одно жалко — не получу я, похоже, ответов на ряд вопросов. Например — почему Ряжская, которая наверняка отлично знала Виктора, место которого занял колдун, ничего по этому поводу не сказала? Или он настолько здорово умеет отводить глаза, прямо с колес?

А еще...

Нет, ну какая ерунда в голову лезет, а? Может, это у меня такая защитная реакция организма?

— Сладкая — умрун засунул в начавшую багроветь тьму капюшона свой коготь, с которого капала моя кровь. — Но твоя душа повкуснее будет!

— Это не я! — покопавшись в голове, я не нашел ничего лучшего, чем данную банальнейшую фразу. — Это Кашеевич все устроил! Он на меня давно зуб точит!

— Мне все едино, — филином ухнул Костяной Царь, снова зачерпнув моей крови. — Два десятка моих подданных пылью стали, и ответишь за это ты!

Ну одно хорошо — не один я избитыми временем, сериалами и книгами фразами объясняюсь. И еще — из тех же источников мне прекрасно известно, что если героя сразу не убили, то у него есть шанс выпутаться. Разумеется, при условии, что этот самый герой будет действовать по уму. Правда, в этом плане все обстоит не сильно хорошо, с умом у меня, судя по тому количеству глупейших поступков, совершенных только за один вчерашний день, дела обстоят не очень.

Хорошо хоть сразу нож в ход не пустил. Не выработался у меня пока такой инстинкт.

— Подданных жалко, — просипел я. — Но их не вернешь. А мои услуги еще пригодиться могут. И потом — вы меня сейчас... кха-кха... Снимите коленочку с груди! Дышать совсем не мохху-у-у!

— А? — крутанул капюшоном умрун, но просьбу мою выполнил, колено убрал.

Правда, сильно легче мне от этого не стало. Следом за этим он цапнул меня за горло, и я взмыл вверх, на почти трехметровую высоту.

Одно хорошо — теперь обоими глазами могу видеть. Коготь у зрочка — то еще удовольствие, доложу я вам!

— Услуги, значит? — в капюшоне, в черноте, алели угольками два багровых огня. — В слуги ко мне запросился? Оно понятно — как Хозяйка наша мимо тебя прошла, да плащом своим задела, все сразу по-другому видится. Так, ведьмак?

— В слуги не пойду, — ответил я чуть задушено. Ну а что? Раньше мне на грудь коленом давили, теперь горло когтистой лапой жмут. Не жизнь, а душегубка.

— Имеешь право, — согласился умрун с веселыми нотками в голосе. — Пожалуйста. Не хочешь идти в слуги — пойдешь ко мне в гости. Вон туда, в мой дом. Тебе понравится. Клянусь, я услышал, как доволно ухнул мрак, клубившийся у входа в склеп. Он явно был рад визитеру в моем лице.

— Ведьмаки никогда никому не служат, кроме своей чести, своих братьев и того, кому они отдали профессиональную верность, — выпалил я невероятно нелепую фразу немного дрожащим голосом. Что я там говорил про отсутствие у меня страха? Врал, по ходу. Себе любимому и врал, упиваясь тем, насколько стал крут. В данный момент я из последних сил

давил в себе желание заорать в полный голос, и пообещать этому существу всю возможную преданность и лояльность, только бы не отправиться с ним туда, в черноту, в оживший сумрак. Я спинным мозгом, всеми своими инстинктами, старыми и новыми, чуял, что там меня ждет что-то куда более скверное, чем смерть. Что там пытка вечностью, из которой не будет выхода никогда.

Но пока я держался, пусть и из последних сил. Не из упрямства, не из гордости или ведьмачьих традиций, которые, к тому же, мне были не сильно известны, просто чуял еще и то, что начини я орать, как чаши весов немедленно качнутся не в мою пользу. Откуда взялась эта уверенность — понятия не имею. Просто знаю, и всё.

— Красивые слова. — Коготь умруна прошелся от моего горла вниз по груди, добрался до пупка, сдвинулся чуть правее, и вот уже там вонзился в мое тело, проникая все глубже и глубже. Это было больно. — Но что они стоят тогда, когда у тебя заживо вырезают печень? Вырезают и съедают на твоих глазах. Ты еще жив, а твоя душа, твоя жизненная сила переходит в другого человека. Или не человека, что, по сути, дела не меняет. По низу живота, щекоча его, потекла струйка крови, пока слабенюкая, но если так дело продолжится, она скоро превратится в ручеек.

— Приятного аппетита, — почти «отключаясь» от боли, страха, эмоций и зашкаливающего адреналина, прошептал я. — Надеюсь, моя печень на вкус будет не так плоха.

Бум! Я шлепнулся все на ту же дорожку, крепко приложившись позвоночником о ее камни.

— Значит, ведьмак, ты утверждаешь, что меня чуть не убил один из Кашеевичей? — рыкнул Хозяин кладбища, направляясь к своему креслу.

— Не совсем вас. — Я попробовал сесть, оперевшись руками в камни. Получилось плохо. — Говорю же — этот ублюдок непосредственно на меня зол еще с прошлого года, я ему случайно дорогу перешел, сам того не зная. Но его частности не интересуют, он решил мстить, и вот результат.

Мне вдруг стало смешно. А ситуации-то похожи, Хозяину кладбища тоже по барабану, что удар наносили не по нему, виноват все равно я. И главное, всё по Покону. Я принес сюда беду, значит, за нее и отвечу.

— Что за времена настали? — удивленно гукнул умрун. — Прикончить сокола ради того, чтобы раздавить букашку?

— Ему что вы, что я — разницы нет, — прижал майку к животу я, чтобы хоть немного остановить кровотечение. На плече рана вроде не подтекала особо, а вот там сквозило по полной. — Если надо будет, он половину города с золой смешает. Точнее, смешал бы, будь на то его воля. Он хоть колдун и знающий, но на такое силенок у него не хватит.

— То его заботы. — Костяной Царь уставился на меня. — А вот что с тобой делать?

Тем временем на дорожку из-за деревьев потихоньку начали выползать тени, стремительно менявшие цвет с небесно-голубого на сероватый. Они почуяли пряный запах свежей крови и не могли более сдерживать себя. Их лица, еще мгновение назад обычные, те, что им оставила милостивая Смерть, забирая Жизнь, трансформировались в жуткие маски, за которыми уже было не различить бывших людей.

Вот только этого мне и не хватало.

— Еще чутка — и делать ничего не надо будет, — сообщил я умруну, теперь уже с полным правом обнажив серебряный нож. — Сожрут меня сейчас ваши подданные и косточек не оставят. И вашего разрешения на это не спросят.

Ну да, трюк дешевый, но сработал же? Один взмах умруновой длани — и тени веером разлетелись по кустам.

— Три моих приказа, — громыхнул голос Хозяина Кладбища. — Ты выполнишь три моих приказа. Беспрекословно, безропотно и со всем усердием. После я сочту твой долг уплаченным.

— Нет, — покачал головой я, собрал все силы и встал на ноги. — Ведьмаки никогда никому не служат.

Глупость? Возможно. Это ведь отличный шанс уйти отсюда живым и относительно невредимым. Не сомневаюсь, что год назад я бы согласился на подобное предложение почти не думая. Ведь собственная жизнь — она дороже всего? А обещание — что? Его можно и не выполнять. Особенно если точно знаешь, что это жуткое существо никогда не покидает своих владений. Что оно со мной сделает там, за кладбищенской оградой? Там, где даже ночью светло как днем, где шумит город, который никогда не спит.

Но то год назад, когда я думал, что здесь, в Ночи, все устроено так же, как и в моей прежней жизни. Что данное слово ничего не стоит, и задача каждого живущего под небом одинакова — прожить жизнь так, чтобы тебе было хорошо. Лично тебе, а не кому-то еще. Потому и поступать надо так, как выгодно тебе. Нужно соврать — соври. Нужно схитрить — схитри. Стыд не дым, глаза не выест.

Оно где-то, конечно, верно. Но где-то там, а не здесь. Слово «стыд» детям Ночи неведомо, что да, то да, но вот все остальное... Если я дам слово и не сдержу его, то смело можно меня записывать в покойники. Я для них всех буду все равно что мертв. Здесь слово держат всегда и долги отдают с процентами, таков закон. Таков Покон.

Потому — никаких трех приказов. Я не знаю, что придет в голову этому созданию. А если первым из них будет пойти и убить его собрата? Того, которого я числю если не своим другом, то точно одним из наставников, пусть даже он сам про это и не догадывается? И дело тут не во внутреннем благородстве, откуда ему взяться? Просто... Не хочу я этого делать.

— Ты точно ведьмак? — поинтересовался у меня Костяной Царь. — Ваш брат всегда вроде смекалистым был, а ты ведешь себя как дурачок с ярмарки.

— Согласен, — не стал спорить я. — Но ответ менять не стану. На абы что, мне неизвестное подписываться не желаю. Мало ли какая вам фантазия в голову придет?

Может, вам пожелается личное кимоно нашего президента себе под пижаму приспособить, и вы меня его добывать отправите.

Пара призраков в кустах весьма отчетливо хихикнули.

— Чего мне пожелается? — озадачился Костяной Царь. — Ась?

— Неважно. — Я чуть пошатнулся, немного присохшая к животу майка дернулась, тело пронзила вспышка боли. — Не люблю я котов в мешках, короче.

— Упрям ты. — В голосе умруна мне послышались уважительные нотки. Хотя — вряд ли.

Показалось небось. — Будь по-твоему, ведьмак. Вот тебе моя последняя цена — ты отпустишь те десять душ, на которые я тебе укажу. Без вопросов и сомнений. Я указал — ты отпустил. Но если я и сейчас услышу твой отказ, то пеняй на себя, ты и впрямь тогда отправишься со мной в склеп. Простить безданно, беспощинно я тебя не могу, ты принес мой дом зло. Вольно ли, невольно — мне безразлично. Оно пришло с тобой, и ответ держать тебе.

— Десять душ, — задумчиво произнес я, уже зная, что соглашусь. — Это можно. Это то, ради чего я на свете живу. Но одно условие у меня все же есть.

Костяной царь раздраженно хлопнул рукой по подлокотнику кресла, но промолчал.

— Все эти души должны обитать в пределах ваших владений. Здесь, на этом кладбище.

— А где же еще? — язвительно осведомился у меня Костяной Царь. — Экий ты потешный! Мне показалось, или в его голосе я уловил нотки разочарования и наигранности?

— Если так — то я принимаю на себя эту обязанность, — громко заявил я. — Обязуюсь отпустить указанные вами десять душ, находящихся в вашей власти и обитающих в ваших владениях. Закрепляю это обещание ведьмачьим словом, и да будет мне свидетельницей Луна.

— А теперь пошел прочь! — рыкнул Хозяин кладбища. — И знай — я не желаю видеть тебя на своих землях до той поры, пока ты мне не понадобишься. В этом случае я pošлю тебе весточку. Ты понял, ведьмак? Не суйся в мои владения, тут тебя ждет смерть. Я лично тебя не трону, ибо теперь ты мой должник, но и мешать своим подданным, которые вечно голодны, не стану. Пospеши, до выхода далеко, а я скоро уйду в склеп, и тогда тебе не поздоровится.

Покидая аллею, я бросил взгляд назад, и по моей спине пробежал холодок. Крови из ран на дорожку натекло немало, и сейчас ее, уже подсохшую, жадно слизывали с камней два-три десятка серых теней. Мало того — время от времени они кидали скверные взгляды в мою сторону.

Когда пробирает нужда, каждый из нас способен на многое. Я вот, например, даже без помощи Орпьево-третьего, который то ли оказался одним из тех, кого разнесло в пыль заклинанием колдуна, то ли просто под шумок смывшегося куда подальше, добрался до выхода с кладбища, не заплутав в его аллеях и переходах. Память хвалить смысла нет, очень уж велики владения местного Хозяина, чтобы тут все переплетения тропинок запомнить, надо кучу времени потратить. Никакие таблички-указатели не помогут. Нет, сработал инстинкт самосохранения. И пусть ноги передвигались с трудом, саднили разорванные плечо и живот, в висках стучало так, что голова дергалась, как у припадного, а рюкзак волочился по земле, но минут через десять мне таки удалось выбраться через прутья ограды, согнутые в дугу неподалеку от главного входа.

— О-ох, — промычал я, оседая на асфальт сразу же после этого, и прислоняясь спиной к прохладному камню, в которые и были вделаны те самые прутья. — Капец какой-то!

Хорошо, что вокруг никого нет. Думаю, увидь меня случайный прохожий, нервный срыв ему бы был гарантирован. Сами посудите — с кладбища выбирается основательно испачканный грязью молодой человек в залитой кровью футболке. И какие тут могут быть варианты? Только два. Перед ним либо непосредственно зомби, либо их самая первая

жертва, так сказать «пациент ноль». И в том, и в другом случае это повод заорать в полный голос.

Но, на мое счастье, зрителей не оказалось.

Зато зазвонил телефон. Если это Мезенцева, то она выбрала самое то время. Мне как раз на кого-нибудь поорать охота.

— Да, — буркнул я в трубку, даже не глянув на экран. — Чего надо?

— Похвалить тебя, — дружелюбно ответил мне мужской голос. — Ты оправдал мои надежды.

Как я удержался от того, чтобы не сорваться на крик и матерную ругань — вообще не понимаю. Это был он! Лже-Эдуард. Я сразу узнал его голос, моментально.

А номер не определился. Жаль.

— Как родился, так сразу перед собой цель поставил — радость тебе доставить, — собрав в кулак все силы, что у меня остались, невероятно сердечно ответил я. — И вот она — сбывча мечт.

— И даже настрой, смотрю, такой прямо боевой, — похвалил меня колдун. — А по тебе не скажешь. Видок-то у тебя так себе. Вон весь в крови да в грязи. Не понравилось, как видно, обитателям кладбища мое световое шоу, да? Я так и думал. И Хозяин местный, поди, сдох? Для него дневной свет, тот, что был собран сразу после затмения, все одно что для человека укус кораллового аспида. Ох, наверное, зла после этого на тебя была его прислуга! Это же они тебя потрепали? Но, повторюсь — ты молодец, выбрался.

Он меня видит. Но откуда? Вернее всего, он где-то в автомобиле сидит, только где именно? Тут припаркованных машин десятки, центр же. И он может оказаться в любой из них.

А я сижу под фонарем. Так сказать — весь вечер на арене клоун Пепка.

— Я так для себя решил, — тем временем продолжал вещать колдун. — Если ты и вправду такой дурачок, каким мне показался, то тебя совсем не жалко на корм душам пустить. Ну а если все же ошибка вышла — то славно, дальше веселее будет. Потому и Хозяина я сразу решил убрать, он тебе не по зубам, особенно если разгневаешь. Что если бы он порвал бы тебя на лоскуты между делом? У этой публики скверный характер. Сначала они дают тебе то, что ты просишь, а после начинают подбираться к твоей душе. А мне это не нужно. С кем я тогда забавляться стану? Ну а души — это так, мусор. Сколько-то толковый ведьмак сквозь них пройдет, а если те его съедят, то и жалеть не о чем. Скажем так — это было твое тестовое задание, и ты его выполнил.

Не стану я его печалить, не скажу, что умрун уцелел. Может, этот разумник теперь на кладбище сунется, думая, что оно теперь беспризорное, и с Костяным Царем нос к носу столкнется. Тот сразу поймет, кто к нему пожаловал, и уж точно не спустит с рук свою обиду.

Я прижал трубку к уху здоровым плечом, стараясь не пропустить ни слова, а сам начал шарить в рюкзаке. Наученный горьким опытом, я захватил с собой малый лекарственный набор. Проще говоря, это были зелья, которые могли купировать боль и вылечить несильные ожоги, отравления или не очень опасные и глубокие раны.

Хлопнула пробка, я выплеснул в рот янтарную, пахучую и довольно приятную на вкус жидкость. Порезы на плече и животе в тот же миг изнутри словно степлерными скрепками щелкнули, отчего я, естественно, зашипел от боли.

— Какой примитив, — ехидно отметил колдун. — Настойки, микстуры, зелья. И это в наше время! Ну ладно эти ортодоксы, твои новые приятели-ведьмаки, но ты-то? Ведь плоть от плоти нового века — и туда же.

— Чем богаты — тем и рады, — прохрипел я, держась за живот, в который, казалось, воткнули раскаленную иглу. — Искусству волшебства не обучены, извините уж нас, дураков.

— Потому и не обучены, что дураки, — парировал колдун. — Да и нельзя таких, как ты, к нему подпускать. Вы всё уничтожите. Всё, что собиралось веками.

— Это да, — согласился я, открывая второе зелье, то, которое я называл «антидот». Не нравится мне это жжение в животе, кто знает, какая зараза на когте у умруна была? А если трупный яд? Плечо он мне поверху взрезал, а вот брюхо изрядно расковырял. — Даже не сомневайся. Убью я тебя обязательно. Сожгу по всем правилам, и пепел по ветру развею. Чтобы и следа от тебя на земле не осталось.

— Дай бог нашему теляти да волка поймати, — рассмеялся Кашеев потомок. — С радостью посмотрю, как у тебя это получится. Но пока я решаю, что произойдет дальше, а не ты. Но надежду терять все же не стоит. А вдруг? Да и мне интереснее будет.

— Пять секунд, — попросил я его и одним глотком осушил пузырек, после чего выкатил глаза и задышал ртом. Это зелье приятным вкусом не отличалось, наоборот, отменная была гадость. — Уффф! Что ты там про надежду говорил?

— Советовал тебе не опускать руки. Иногда и оленю удается поддеть на рога охотника. Или на какое-то время даже скрыться в лесу, как один наш с тобой общий знакомый. Но раньше или позже все равно победит тот, у кого в руках ружье.

— А, так у нас тут охота затевается. — Я оперся рукой на стену и с трудом поднялся. — Вон оно чего!

— Мой отец был большим любителем данной забавы, — поделился со мной колдун. — Увы, его сожгли в доме, когда мне было всего тринадцать лет, но кое-что из его рассказов я запомнил. У меня вообще отличная память, ведьмак.

— А чего же тебя к нему за компанию не определили? — расстроено поинтересовался я. — Вот все же халатно у нас на Руси относятся к работе. Вечно куда-то спешат, ничего до конца довести не могут.

— Ну вот не досмотрели, — рассмеялся колдун. — На твою голову. Так вот, относительно охоты. Сначала зверя надо поднять, и это я уже сделал, вон ты какой сейчас красивый! Вроде бы бодришься, а на деле первую кровь тебе уже пустили. Но это только начало. Теперь в дело вступят загонщики и заставят тебя как следует побегать, так, чтобы все силы из тебя вышли, все желание сопротивляться грядущему.

— А что там грядет? — уточнил я. — Ну надо же знать?

— Встреча с тем, кто поставит точку в твоём существовании, — охотно объяснил колдун. — Загонщики ведь и нужны для того, чтобы выгнать дичь на охотника и поставить ее под выстрел. Но ты не надейся, легко ты не отделаешься. Один выстрел — это скучно. Я хочу, чтобы ты осознал, что смерть — это заветная возможность избавиться от невозможно ужасной жизни, это привилегия, которую можно расценивать как награду. Но это мы вперед ушли, сейчас об этом говорить рано. А пока — беги, ведьмак. Беги! Загонщики уже рядом!

— Как же много пафоса, — сказал я, но слова ушли в никуда. Колдун повесил трубку. Вот скотина. И все-таки — как же это он Ряжскую-то провел?

Или — не провел, и она часть его плана? Добровольная помощница? Если так, то даже и не знаю, хорошо это или плохо. Одно предельно ясно — если это так, то она не жилец в любом случае, этот хмырь ее под конец наверняка прикончит. Да и черт бы с ней, но до того, как она умрет, можно попробовать из нее что-то вытрясти. Но, разумеется, займусь этим не я, пусть Нифонтов тоже маленько поработает.

А лично я валю из Москвы. Сегодня же. Не знаю, кого этот змей пустил по моему следу, и знать не хочу. Сейчас так точно. Раны затягиваются, но лучше мне от этого не становится. Да и переварить произошедшее нужно.

Но для начала мне надо покинуть это место. Может, эти загонщики прямо сейчас сюда нагрянут? Вряд ли, конечно, но тем не менее. Да и эта паскуда на меня глазееет, что отдельно выбешивает. Плюс — видок у меня тот еще. Полиция наверняка в эти края время от времени заглядывает, потому как кладбище статусное, и им показываться на глаза не стоит. Наверняка в отдел заметут.

Я плюнул на асфальт, закинул рюкзак на плечо, и поковылял в сторону моста над Яузой, находящегося неподалеку. Самое то место, чтобы перевести дух. Если что — бултых за парашют, и ищи меня свищи. Утонуть мне русалки не дадут, что же до преследователей — будут девушкам новые кавалеры на дне.

Да и Нифонтову будет меня проще там подобрать.

Как только я скрылся в тени аллеи, ведущей к реке, так сразу оперативника и набрал. Ну да, ночь, но дело-то нешутейное.

— Что, тоже не спится? — вместо приветствия спросил у него я.

— Так себе юмор, — вполне бодро ответил мне Николай. — Как вылазка? Задалась?

— Не то слово. — Очень кстати меня еще и кашель разобрал. — Настолько, что я буду рад рассказать о ней в лицах, причем чем быстрее, тем лучше.

— Даже так? — немного задумчиво произнес оперативник. — А до утра если — не-а? Просто я только-только расплевался с одним ну очень неприятным делом, и хотел хоть несколько часов вздремнуть.

— Можно и до утра, — не без сарказма ответил я. — Но это здорово усложнит мне жизнь. Понимаю, что ты мне ничего не должен, но тем не... Блин!

Просто в этот момент мимо на не очень большой скорости, проехала новенькая «бмвшка» класса «премиум». Поравнявшись со мной, она задорно библикнула, после прибавила газу, мигнула габаритными фонарями и скрылась в московской ночи.

— Это был он, — сообщил Нифонтов я. — Сначала пообщались, а теперь и увиделись. Ну слова мои были относительной правдой, только оперативнику этого хватило для того, чтобы его голос потерял некую ночную томность.

— Речь о колдуне? Ты его видел?

— Пару секунд назад, — подтвердил я. — Скотину такую. Резвится он!

— Место назови, — попросил Николай. — Куда ехать?
Как уже было сказано, Москва — город, который никогда не спит, но это утверждение верно только в отношении части его жителей, к дорожным «пробкам» это почти не относится, потому уже минут через двадцать рядом со мной, сидящим на парапете набережной, остановился до боли знакомый «внедорожник». Как видно, не так далеко от этого места Нифонтов занимался своими неприятными делами.
— Да ладно, — это было первое, что я сказал, забравшись в салон машины. — Ты решил меня добить? А как же гуманизм и человечность?
Просто в автомобиле он был не один. Рядом с ним на переднем сидении обнаружилась Мезенцева, которая немедленно уставилась на меня нехорошим взглядом.
— А куда я ее деду? — резонно поинтересовался Николай. — Выкину посреди дороги? И потом — ребята, ваши отношения — ваше дело. Давайте не смешивать соленое и круглое, а тем более не прицеплять к этому всему меня, хорошо? А ты, Сашка, красив, красив. Я тебя когда сейчас увидел, думал, придется в больничку ехать. Это кто тебя так? Наш общий друг?
Мезенцева протянула руку и потрогала мое плечо, которое виднелось под разорванной в хлам и заляпанной кровью футболкой.
— Рубцы поджившие, — сообщила она Нифонтову. — Небось отравы своей уже наглотался. И следы, как от когтей.
— От них и есть, — подтвердил я. — Но если бы не чертов колдун, ничего бы и не случилось. Слушай, давай уже ехать, а? Все по дороге расскажу. И это... Назад поглядывай, не упал ли кто нам на «хвост». По ходу, я теперь дичь, на которую объявили охоту. Слышь, Евгения, твоя мечта сбылась. Моя голова стала призом, и ее мечтают прибить к стенке. Рада?
— Дурак, — надула губы девушка, отвернулась от меня и уставилась перед собой.
— Дурак, — согласился я. — По-другому меня не назовешь.
— Куда едем-то? — словно и не заметив нашей короткой перепалки, осведомился Нифонтов. — К тебе?
— А не знаю, — усмехнулся я. — Теперь мой дом не сильно-то крепость. Как бы не ждали меня там неизвестные пока друзья, те самые загонщики.
— Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, — сказал Нифонтов, нажал на газ, и машина легко двинулась вперед. — Ну, рассказывай.

Глава четырнадцатая

Не скажу, что я получил большое удовольствие, повествуя о своих похождениях. Гордиться там особо нечем, да и потряхивать меня начало потихоньку. Отходняк нагрнул. Но при этом я ничего не забыл, более того, добавил немного личных логических выкладок. Сейчас не время выяснять, кто мы с Николаем друг другу есть, после в шпионов играть станем, если доживем. А сейчас дело надо делать, то, что одно на двоих. Опять у нас с ним симбиоз образовался, поневоле в судьбу верить начнешь.
— Кисло, — сообщил мне Николай. — Этот красавец пока бежит впереди нас, насмешливо помахивая палочкой лидера, что обидно, но не смертельно. Ничего, нагоним.
— Насчет «не смертельно» сомнительное утверждение. — Я просунул указательный палец в разрез футболки. — Меня вот чуть на ленточки для бескозырок не располосовали, между прочим. И по моему кровавому следу сейчас мчатся охотники, трубя в рога. А то и еще чего похуже... Какие-нибудь гончие Смерти. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.
— Я тебе сразу сказала — он своими препаратами закинулся, — вьедливо заметила Мезенцева. — А они у него наверняка галлюциногенные!
— Цыц оба, — скомандовал Николай, набирая чей-то номер. — Не до вас сейчас. Прямо отец-командир. И не пошлешь его сейчас куда подальше, придется замолчать.
— Стас, это Нифонтов, — отрывисто бросил в трубку оперативник. — Ты когда вернулся? Вечером? Ага. А сейчас ты где? Если спрашиваю, значит надо! У девки, что ли? В участке? Вот там и оставайся. Да елки-палки, там у вас что, диванов нет? Тоже не аргумент, хорошая грязь на пятые сутки сама отваливается. Стас, ты жить хочешь? Нет, не хорошо, а вообще. В целом. Даже не так — в принципе? Ну вот. Сиди в отделе, жди меня.
— Это тот Стас, что нам тогда на кладбище помогал? — уточнил я.
— Он самый, — подтвердил оперативник. — Толковый парень, мы с ним пяток взаимовыгодных операций уже провели. Ему «палку» в отчет, мне лишние запросы не писать. Сотрудничество, однако. И мне совершенно не хочется того, чтобы отдел в моем лице потерял столь ценного конфидента.

— Кого? — уточнила Мезенцева.

— Соратника, — пояснил Нифонтов, увеличивая скорость. — Книжки читай, Евгения. Это интересно и полезно, много новых слов узнать можно.

— Ты думаешь, этот хрен с горы до Стаса добраться может? — обеспокоился я.

— Это не я думаю, это ты мне сообщил, — невозмутимо отозвался оперативник. — Колдун же упомянул одного вашего общего знакомого, который на время скрылся из его поля зрения. Это Стас, без вариантов. Все остальные участники той осенней операции уже мертвы, а Стас — нет. Я же тебе рассказывал, что он за каким-то злодеем в Красноярск летал и только вчера вечером вернулся в Москву, так что о нем речь шла. Хорошо хоть успел его перехватить, он как раз домой собирался.

— Думаешь, этот черт его там ждет? — оживился я. — Так, может, мы его там и хап!

— Это вряд ли, — покачал головой оперативник. — Ловушку он наверняка поставил, это точно. Причем какую-нибудь немудрящую, но при этом очень эффективную, в предыдущих случаях это сработало безотказно. Но сам колдун светиться не станет, не того пошиба жертва, чтобы всё лично контролировать. Стас всего лишь человек, чего на него время тратить? Ты — другое дело, ты главное блюдо. А остальные — гарнир, не более.

— Главное блюдо, — вздохнул я. — Мясо с кровью. Коль, а как думаешь, Ряжская меня продала? Она же знала, что Эдуарда не существует.

— Не факт, — помолчал, ответил тот. — Он запросто ей мог глаза отвести. Ряжская твоя вообще, скорее всего, никакого Эдуарда и не видела, перед ней сидел ее старый знакомец, как там его?

— Виктор.

— Вот-вот. А вообще, реализована задумка отменно. Уморить Савву, а после накачать его солнечным светом, да так, что никто ничего не заметил — это сильно. Не в смысле родных и близких покойного, а позже, уже на кладбище. Савва ведь наверняка перед умруном в первую же ночь предстал, и тот ни сном, ни духом.

— А Виктора наверняка уже в живых нет, — добавила Женька. — Да и Михаил, полагаю, не жилец. Кашеевичи свидетелей не оставляют, в их досье так и написано. Семейная традиция. Не потому, что чего-то боятся, а просто так, по привычке. Если с ними соприкоснулся хоть краями, всё, заказывай заупокойную.

— Тебе страшно? — хмыкнул Колька и весело глянул на Мезенцеву. — И мне тоже. Очень-очень.

— А мне страшно, — признался я. — Не сильно, но есть такое. Слышали бы вы его голос, эти интонации... Знаете, он прямо как со страниц Лавкрафта сошел, эдакая тварь из-за хребтов безумия. Потому его обязательно убить надо.

— Мне сейчас по всем канонам следовало сказать: «обязательно убьем», — невесело отозвался оперативник. — Но я воздержусь от подобных фраз. Но при этом отмечу, что всё возможное мы для этого сделаем, просто потому что выбора нет. Или мы его, или он тебя. А я к тебе привык, Смолин, ты не самый хреновый обитатель мира Ночи. А уж как вон та рыжая...

— Нифонтов, еще хоть слово... — процедила Женька, и демонстративно полезла под куртку, где у нее на боку висела открытая кобура.

— Приехали, — иезуитским тоном почти пропел Николай, останавливая машину недалеко от шлагбаума, за которым виднелось типовое здание самого обычного РУВД. — Выходим, выходим. Интересно, у них там автомат с кофе есть?

Насчет кофе — не знаю, а вот недовольный Стас обнаружился прямо у входа в здание, на лавочке. Он зевал, как котенок, и смотрел на нас без особой приязни.

— Если всё это была только шутка, я вас всех сейчас «закрою» на пятнадцать суток, — без приветствий и без тени юмора сообщил он нам. — Не посмотрю, что коллеги. А с тобой, приятель, вообще проблем никаких не будет, особенно учитывая внешний вид. «С тобой» — это со мной, в смысле.

— Валяй, — согласился Николай. — Хоть отосплюсь в заточении, а то третий день как Савраска бегаю. То одно, то другое, то вон, «фэбсов» поморили. Ну тех самых, которые по осени уцелели после пожара. Теперь, выходит, все участники той операции на том свете. А, нет, один остался. Ты.

— Уже интересно, — моментально подобрался полицейский. — А кто же ими так распорядился?

— Да все тот же персонаж, — охотно ответил ему Николай. — Тот, который тебя в том году еще и на кладбище приласкал. Вон на щеке след до сих пор виден.

— И печень после недели три ныла, — подтвердил Стас. — Вернулся, стало быть, голубь? Вот и хорошо. Я в должниках ходить не люблю, это не совпадает с моими принципами. А это, значит, он нашего приятеля так отделал?

— Да нет, это он в другом месте изволохался, — отмахнулся оперативник. — Через забор перелезал, а там «колючка», вот и подрался весь.

— Думаешь, он меня у дома ждет? — деловито уточнил Стас. — Так, может...

— Не может, — из голоса Николая тоже пропала томность. — Кроме смерти нелепой, но мучительной, ты там сейчас ничего не найдешь. Потом кое-кто из наших туда съездит, всё осмотрит, а до той поры вам обоим хорошо бы из города свалить. Нечего вам в Москве делать сейчас.

— Только «за», — подключился к разговору я. — Тем более что это совпадает с моими планами. Одно плохо — мне, небось, тоже домой соваться нельзя?

— А что тебе там нужно? — спросил Нифонтов. — Нож при тебе, зелья кое-какие тоже. Если денег надо — одолжу.

— Как минимум — переодеться. — Я оттопырил драную футболку. — Не в таком же виде ходить?

— Майку я тебе дам, — успокоил меня Стас. — У меня в сумке, в багажнике есть еще пара чистых, я с собой их в Красноярск брал. Другое дело, куда нам с тобой затыриться, да еще за городом? В Москве — не проблема, у меня есть пара мест, где нас даже УСБ не сыщет, но за МКАДом... Разве что тряхнуть какого барыгу из местных на предмет ключей от дачи? И еще — как надолго эта канитель? У меня так-то служба. Нет, пара дней после командировки положена, благо отчет я уже написал, да еще пара в запасе имеется за особые заслуги, но больше никто не даст. Лето, время отпусков, народу не хватает.

Судя по всему, он уже принял правила игры и теперь просто расставлял все по своим местам. Вот это адаптивность у человека, только позавидовать можно. Мне бы так!

— Сейчас что-нибудь подыщем. — Николай потряс рукой, в которой был зажат телефон. — Не переживай.

— Ничего искать не надо, — заявил я. — Ко мне на дачу поедем. Точнее — к моим родителям.

— Какой хитроумный и непредсказуемый ход, — хмыкнул Стас. — Саш, а тебя в подобном раскладе ничего не смущает? Например, то, что в подобных местах нас будут искать в первую очередь?

— И пусть ищут. Главное ведь не это, главное — найдут или нет. А там — не найдут. От отчего дома до леса два шага в припрыжку, а там Лесной Хозяин, который обещал меня в случае чего спрятать. И тебя, раз уж ты теперь моя компания, укроет. Так что нас там Таманская дивизия при прочесывании лесного массива не найдет.

— Кто его обещал спрятать? — уточнил Стас у Нифонтова. — Лесник? Нет, они ребята хваткие, помню...

— Юлит, как всегда, — так, будто меня рядом и нет, сообщил оперативник напарнице. — Какой-то свой интерес у него есть. Но идея хорошая, мне нравится. Я этот поселок помню, там народу много живет, в том числе и детей, что очень хорошо. И лес в самом деле рядом.

— При чем тут дети? — изумился Стас. — Когда таких, как он, подобные мелочи останавливали? Или этот злодей — гуманист? Убивает только взрослых и половозрелых граждан?

— Не поверишь, но это так, — кивнул Нифонтов. — По-другому нельзя. И тем, кто ему служит — тоже.

— Сейчас расплачусь, — фыркнул полицейский. — Ладно, тогда я метнусь к шефу, предупрежу его, чтобы меня особо не искали.

— Все равно не понимаю, — сказал я, глядя на спину удаляющегося от нас Стаса. — Почему он вот так сразу нам поверил? Раньше, помню, он скептически ко всему относился.

— Во-первых, у него все в порядке с инстинктами, — пояснил Николай. — Более того, они у него отменные. А самое главное — он им верит, и правильно делает. Во-вторых, мы успели поработать вместе, как я уже говорил, и он уже видел кое-что такое... Ну, ты понял, я так полагаю? И, наконец, он точно знает, что крутясь близ нас можно заработать очередные очки в глазах руководства. Дела по прошлогодним проделкам колдуна никто не заводил, но «фэбсы» на него до сих пор здорово злы, и тот, кто притащит его живым или мертвым, может рассчитывать на слово «молодец», похлопывание по плечу и звонок от руководства чекистов к его собственному руководству. Дружбы между этими ведомствами сроду роду не имелось, но подобные вещи всегда высоко оцениваются, поднимают ставки в начальственных глазах. Орел-молодец ведь не там служит, а здесь. Вот и выходит, что МВД опять всем нос утерло. Так что у Стаса прямой резон держаться поближе к нам.

— А я против, — хмуро заявила Женька. — Прав Стас, глупо ехать в то место, которое официально засвечено.

— Мезенцева, ты иногда меня поражаешь, — вздохнул Николай. — Если колдуну надо будет, он наших приятелей сыщет, уж поверь. Есть способы и методы, пусть затратные, но для него принцип важнее. Только дома и стены помогают, да еще местный лешак у Сашки

в должниках, а это такой козырь, что его перебить трудно. Плюс рядом будет Стас, который сначала стреляет, а потом спрашивает, кто в дверь постучал. Тут удачно вышло, конечно, прямо как по заказу. Так что от колдуна нашего друга лес укроет, а от загонщиков этих, которые меня, признаться, здорово смущают, доблестная полиция защитит.

Ну, чего замолчал? Продолжай. Говори о том, что пока невесть кто будет охотиться на нас, вы будете следить за ними.

Впрочем, чего я злюсь и сам себе противоречу? Только-только ведь размышлял о симбиозе. В этот момент у меня в кармане задергался телефон, умудрившийся пережить все треволения минувшей ночи. Минувшей — потому что она уже, по сути, закончилась, небо подернулось розоватой дымкой, и наступил тот краткий светло-серый миг, когда точно и не скажешь, какое время суток на дворе. Еще не утро, уже не ночь...

— Родька? — удивленно ответил я на вызов. — Ты чего?

Мой слуга, разумеется, выучился обращаться с телефоном, но до этого момента никогда мне не звонил. Он хоть и корчил из себя продвинутого горожанина, в душе все же оставался сторонником обычного общения. Того, когда собеседник рядом находится.

— Хозя-я-яин! — жалобно проныл мой помощник. — Ты где? Ты когда вернешься?

— Не пугай меня, Родион, — потребовал я. — Что случилось?

В трубке что-то стукнуло, более всего это по звуку напоминало подзатыльник.

— Ай! — взвизгнул Родька. — Больно же, Вавила Сильч! Да говорю, говорю. Тут какие-то двое в дом наш залезть хотели, у двери копошились, железки в замок пихали! Сами чернявые, в куртках коротких, и матерятся через слово, причем умело так. Варнаки, короче.

— Новое дело, — озадачился я и тут же поймал внимательный взгляд Нифонтова. — Коль, у меня квартиру вскрыть пытались.

— И вскрыли? — уточнил оперативник.

— Так понял, что нет, — ответил я и адресовал тот же вопрос слуге: — Копались, и чего?

— Ну... — замычал было слуга, но Вавила Сильч, похоже, стоявший рядом, снова взбодрил его. — Короче, у подъездных такая штука есть, шнурок электрический. Он одним концом, значит, в розетку втыкается, а с другого проволочки голенькие торчат. Против, значит, как раз таких лиходеев. Еще с того века он у них лежит, с лихолетья, как Кузьмич сказал. Вот мы втроем этот шнурок в ход и пустили. Там один как раз замок ковырял железочкой длинной, к ней, стало быть, электричество подвели. Так его затрясло всего так, что ужас просто. В дугу выгнуло!

— Молодцы, — похвалил я его. — Правильно действовали, по уму. Чего же тут виноватиться?

— Так это... — засопел Родька. — Хитник как отдергался, так на ногах и не удержался, да с лестницы кубарем полетел. Убился он, похоже. Насмерть. Его товарищ на себе из подъезда вытаскивал, на плечах. В машину уложил, после уехал.

— И черт с ним, — оборвал его я. — Труп на лестнице не валяется — уже хорошо. А этим вперед наука. Так что — хвалю за сообразительность и решительность.

— Я такой, — немедленно приободрился Родька. — Я могу. Знаешь, хозяин, мы как только этих лиходеев увидели, я сразу Вавиле сказал — надо их от дома нашего отвадить. Ружжа нет, но мы их по-другому! Да и не простой это проводок, там не только сила электрическая имеется, но и кое-что еще!

— Понеслась телега по кочкам. — Я глянул на оперативника и отрицательно покачал головой, давая понять, что все в порядке. — Значит так, Родион. Меня несколько дней не будет, сохранность дома на тебе. По чужим квартирам не шастать, телевизор целыми днями не смотреть. Ясно?

— А если еда кончится? — опасно поинтересовался он. — И тогда никуда не вылезать?

— Голубя поймай и сожри! — рявкнул я. — А лучше нескольких, тебе все жильцы только спасибо скажут. Эти твари каждое утро по отливу топчут, да еще и урчат. Соли у нас запас большой, где сковородка лежит, ты знаешь.

— Суров, — сообщил Женьке Нифонтов, даже изобразил аплодисменты.

— Вавиле Сильчу поклон, — продолжил я. — И смотри у меня!

— Смотрю, — пискнул слуга и, похоже, нажал кнопку «отбой».

— Может, заехать к нему, продуктов завезти? — вдруг спросила Мезенцева. — Ну не голубей же ему, в самом деле, есть?

— А? — опешил я. Каких эмоций за последние часы я только ни испытал, но удивление — впервые. — Ты сейчас серьезно?

— Твой домашний любимец поганка еще та, это есть, — отвел я глаза в сторону, пробубнила Женька. — Но он же живой. Ему теперь что, с голоду пухнуть? Он ведь на самом деле из дома ни на минуту не уйдет, подчинение хозяину есть его суть.

— Жень, у этого куркуля по уголкам и закуткам столько харчей припасено, что в нашей квартире можно ядерную зиму пересидеть, — рассмеялся я. — Одних круп на тонну, если

не меньше. Чудо, что мыши до сих пор не завелись. Видела бы ты, какой склад он на антресолях устроил! У меня там кроме новогодней пластмассовой елки сроду ничего не лежало, а теперь и сахарок, и пшено, и гречка, и... Я сам не знаю, что еще, но оно там есть! Слава богу, разговорил вроде. Хоть, конечно, между нами все и закончено, но это не повод друг на друга крыситься? Были любовниками, станем приятелями, одно другого не отрицает.

— Кто это был? — влез в разговор Нифонтов. — Он их разглядел?

Я пересказал все, что услышал.

— Молодец твой Родион, — похвалил в итоге Николай слугу. — И информация хорошая, полезная. Кусочек для паззла. Вот как его весь сложим, так до цели и доберемся. Кто доживет, понятное дело.

— Звучит оптимистично, — вздохнул я. — Бодро. Умеешь ты мотивировать. Если из органов погонят, можешь даже онлайн-курсы вести по данной теме.

Мезенцева хихикнула, но тут же снова придала лицу хмурое выражение.

— Держи, — подошел к нам Стас и протянул мне светло-серую футболку. — Должна быть в пору. Ты, кстати, жирок-то за полгода хорошо растряс, молодец. Переодевайся, да погнались, чего ждать? Скоро планктон на работу поедет, нет у меня желаний в пробках стоять. Мне бы уж хоть куда-то приехать да кости бросить. Там толком не спал из-за разницы во времени, и тут тоже все не слава богу.

— Ты на колесах? — уточнил у него Нифонтов и довольно кивнул, увидев, как Стас показал на потрепанный серебристый «форанер». — Самое то.

Пока я переодевался под внимательным взглядом Мезенцевой, которая скривилась при виде разрезов на моем плече, оперативник поведал моему неожиданному спутнику о ночном происшествии.

— Может, залетные, — вынес свой вердикт Стас. — Я так понимаю, Сашка уже известен в определенных кругах, а значит, многие в курсе, что у него денежки появились. Хотели просто «хату» выставить, вот и всё. Дождались, пока свалит, и полезли. Откуда им знать, что у него не квартира, а теремок, в котором сказочные персонажи живут? Кстати, потом познакомишь меня с этой парочкой, я им расскажу, что людей бить током в двести двадцать вольт — это перебор. Сто десять — еще туда-сюда, а такое напряжение — чересчур. Шокер им купи, что ли? Эффект тот же, а «жмура», если что, утилизировать не придется. Всё, пошли грузиться, пока я не уснул.

— Телефон, наверное, надо отключить? — спросил я напоследок у Нифонтова. — Да?

— А смысл? — вздернул брови вверх он. — Если захотят найти — найдут. Но там им вас взять будет сложнее, никто войну в поселке затевать не станет, я же уже про это говорил. И потом — сейчас не девяностые, не забывай. Значит, загонщики, кем бы они ни являлись, будут ждать момента, когда вы дадите им шанс сделать свое дело тихо. Ваша задача им такой возможности не предоставить.

— Стратег, — ухмыльнулся Стас. — Хорош нам по ушам ездить, мы не первоклассники. Главное, сам не оплошай и не подставься. Уверен, на тебя у этого упыря тоже что-то да припасено.

— К бабке не ходи, — в тон ему ответил оперативник. — Всё, валите.

И только когда мы уже выехали на Ленинский проспект, я сообразил — а Ряжская-то? Про нее мы с Николаем так и не пообщались. А ведь она наверняка что-то знает или видела.

— Слушай, а старики твои не удивятся, меня увидев? — поинтересовался в этот момент у меня Стас. — Они вообще у тебя как на такие неожиданные визиты смотрят?

— Нормально смотрят, — ответил я. — Да их там нет, они в городе сейчас и раньше выходных не заявятся. А если я им скажу, что сам на даче и клубнику полью, то вовсе не поедут. У бати аллергия на цветение трав, он в июне терпеть не может туда кататься. А если приезжает, то сразу начинает лечиться народными средствами, что маме очень не нравится. Ей тогда в воскресенье самой приходится за руль садиться, потому как батя после лекарства только к понедельнику отходит. Ну и выхлоп на всю машину ого-го какой!

— Хорошая хворь, — одобрил Стас. — Удобная!

Хоть Николай меня еще раз и заверил в том, что ничего родителям не угрожает, мне всё равно за них было боязно. Но в городе им точно будет безопасней, чем рядом со мной, потому, наверное, я так и поступлю.

Что хорошо в родительской даче, так это ее расположение. Солнышко только-только закрепилось на небе, поливая яркими летними лучами божий мир, а мы уже всего колесили по узеньким поселковым улочкам, причем перед этим даже успев заскочить в круглосуточный придорожный маркет, где накупили с запасом еды и пива. Ну и водочки взяли пару пузырей. Лучше пусть будет. Например, как антисептик. Да и шпикачек мы взяли три упаковки. Не с пивом же их употреблять?

— Как сказал бы мой родитель — социалистический реализм, — сообщил мне Стас, обозрев родительские загородные хоромы. — Как по мне — лучший дачный вариант, сам в таком произрастал в школьные годы чудесные. В доме всегда прохладно, и пахнет правильно — деревом, яблоками и мышами. Ароматы детства. Давай, растопырявай ворота, машину внутрь загоним, нечего ей на улице стоять. Если тут местная шантрапа такая же, какими мы с тобой были, то от нее чего угодно ждать можно.

Сыскарь даже завтракать не стал, он почти сразу завалился на облюбованную им тахту, стоящую на первом этаже, засунул длинновольный, явно не табельный пистолет под подушку и заснул. Спал он как младенец, без храпа и рыка, знай только посвистывал тоненько носом, словно в соломинку дул. И лицо, обычно жесткое, не сказать жестокое, стало почти мальчишеским. Мы же с ним ведь ровесники, если не ошибаюсь?

Да и я решил составить ему компанию. Поспать надо обязательно, после такой ночи нервам разрядка нужна, они не канаты, могут не выдержать. Вот только сначала Ряжской позвоню. Не угомонюсь я, пока с ней не пообщаюсь.

— Миша умер, — сняв трубку после первого же гудка, без приветствия сообщила мне Ольга Михайловна. — Представляешь, Саша? Сегодня ночью.

— О как, — отозвался я, данной новости совершенно не удивившись. Этого следовало ожидать. — И от чего?

— Не знаю пока, — всхлипнула женщина. — Буквально десять минут назад звонила Роза, его жена, она и сообщила. Мы с ней хорошо знакомы, еще с девяностых. Не буду же я у нее детали выведывать? Не по-христиански это. И Виктора никто найти не может.

— Кого? — насторожился я.

— Витю, — повторила Ряжская. — Который вчера с нами в ресторане был. Ты забыл, что ли?

В общем, все вчера видели Виктора, кроме меня, как я и предполагал. Черт, хорошее заклинание есть у колдуна в арсенале, позавидовать можно. Вот бы такое выучить! Только это вряд ли. И делиться он со мной им не станет, да и не смогу я его воспроизвести. Я ведьмак, а не практикующий маг, тут особый дар нужен, которого у меня нет и не будет. По Покону не положено.

— Стало быть, информация, что я добыл, теперь стала никому не нужной трухой. Обидно. Столько трудов псу под хвост.

— Боюсь, что да, — подтвердила Ольга Михайловна. — И это еще одна печаль для Розы. Если Виктор не появится, то она без копейки остаться может, штрафные санкции за невыполнение договора никто ведь не отменял. Хотя надо бы его посмотреть. Может, там какой форс-мажор предусмотрен, может, потянуть получится. Тогда и твоя информация понадобится. Да, половину гонорара я тебе, конечно же, отдам, а вот со второй придется подождать.

— Само собой. Ну не зверь же я дикий, все понимаю.

— Саша... — Голос женщины прозвучал необычно робко. — Только не обижайся, но я не могу не спросить. Ты точно тут ни при чем?

— Нет, — твердо заявил я. — Сами рассудите — какой мне смысл гробить собственного заказчика? Изюм в чем?

— Просто я не верю в совпадения, — пояснила Ряжская. — Особенно когда они каким-то образом связаны с тобой.

Я всегда говорил, что она умная женщина. С первого дня. Выводы-то почти верные, только в деталях маленько ошиблась.

— В этот раз вы ошиблись, — по возможности мягко заверил я ее. — Это просто случайность, которая не имеет никакого отношения к закономерностям.

— Знаешь, о чем я думала перед тем, как ты позвонил? — произнесла Ряжская. — О том, что, может, зря я тогда в банке не дала ход твоему заявлению об увольнении.

— В чем же дело? — удивился я. — Оно лежит у вас в клатче. Достали, завизировали да и переслали в банк с курьером. Дмитрий Борисович человек исполнительный, к тому же не приветствующий хаос и рефлексию во вверенном ему учреждении, потому с огромным удовольствием он отправит данный документ по инстанциям. День-другой, и дело в шляпе, мы разойдемся с вами, как в море корабли.

— И эта мысль мне тоже не нравится, — вздохнула Ряжская. — Почему — не скажу, но не нравится, и все. Ладно, надо собираться. Жизнь, смерть, цунами, техногенные катастрофы — это все лирика, которая хороша в меру. А вот бизнес пренебрежительного отношения к себе не терпит, он и отомстить может.

— Звериный оскал капитализма, — вспомнился мне лозунг из каких-то древних журналов, которые я в детстве листал тут, на даче. Они и по сей день на чердаке валяются. — Удачи!

— Когда за деньгами заедешь? — как бы между прочим спросила Ряжская.

— При случае. Я заранее позвоню, вы не волнуйтесь.

— Была охота, — фыркнула она, и связь прервалась.

Веселые дела. Я хотел было сообщить о произошедшем Нифонтову, да тот оказался недоступен. Тогда я просто написал ему смску, после, по уже устоявшейся привычке, практически на автомате, воткнул ведьмачий нож в дверную притолоку, поднялся на второй этаж, где мигом и заснул, как только щека коснулась подушки.

Из забытья меня вырвал сигнал будильника, который я, поднимаясь вверх, поставил на четыре часа дня.

Война войной, но мандрагыр мне все равно нужен. И сегодня тот самый день, когда его брать лучше всего. Я бы даже на сон плюнул и поперся в лес прямо с утра, но в заметках Филофея, одного из моих предшественников, жившего на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, было четко сказано: «брать корень сей потребно ближе к закату, когда он того уже не ждет, и в землю, подобно червю, не уйдет».

Филофей, судя по записям, был ведьмак обстоятельный и знающий, потому не верить ему у меня поводов не было.

Стас все еще дрых. Будить его не стал, зато быстренько написал короткую записку, в которой изложил, что от такой жизни мне пришла в голову мысль свалить в лес, но если он по пробуждении задумает разжечь мангал, что стоит во дворе, то, может, я и вернусь. После отрезал кусок «краковской» колбасы, который немедленно сунул в рот, прихватил кругляш «столичного» хлеба, деревянный нож, что всегда лежал у меня в рюкзаке, телефон, да и подался за порог.

Поселок жил своей привычной жизнью. Где-то гомонила детвора, где-то играла музыка, на перекрестке улиц, находящемся неподалеку, стояли и судачили тетя Саша, тетя Маша и тетя Фира, которых я знал с детства. Сколько их помню, они все наговориться не могут. Мне кажется, если бы их, не дай бог, посадили лет на десять в тюрьму, так они и после освобождения еще бы часа три после этого стояли у ворот и о чем-то беседовали.

В доме Светки были распахнуты окна на втором этаже. Не иначе как тещенка за цветочками своими любимыми приехала ухаживать, да молодость поддерживать, используя глупость местных перезрелых девиц.

И ладно, каждый крутится как умеет. Тем более что договор между ведьмами и ведьмаками никто не отменял. Пока она меня не тронет — пускай живет.

У входа в лес я еще раз глянул на поселок, вздохнул поглубже и шагнул под прохладную сень высоких берез.

Глава пятнадцатая

— Думал уж, что забыл ты про мое обещание. — Лесной Хозяин появился привычно незаметно, из тощеньких кустов, через которые секунду назад можно было стоящую за ними березу разглядеть. — Лето скоро к середке покатится, а тебя и не видеть.

— Так забот много, батюшка, — поклонился я старичку и протянул ему хлеб. — То одно, то другое... Знай крутись. Но чтобы за мандрагыром не явиться — такое мне и в голову не приходило! Ты ко мне с добром, а я про него забуду? Так нельзя. Да и корень больно нужный, столько на нем зелий завязано.

— Твоя правда, парень, — важно кивнул лесовик, принимая подарок. — Мандрагыр корень непростой, тайный, с характером, с душой. Нож-то взял? Тот, что для трав для кореньев?

— А то, — покопавшись в рюкзаке, продемонстрировал я лесовику свой деревянный нож. — Куда я без него?

Золотистый, широкий, дубовый, очень умело сделанный на заказ одним родновером, этот предмет всегда лежал в рюкзаке. Жизнь моя непредсказуема, никогда не знаешь, куда занести может, а травы — они везде растут. И почти все не любят железо. Какие-то, будучи срезаны обычным клинком, теряют часть присущих им свойств, какие-то и вовсе становятся просто сеном, а совсем уж капризные, такие, как, например, мандрагыр, могут от неумелого сборщика сбежать. Копай, не копай — ушел корень в мать-сыру землю, его теперь не отыщешь, даже если на этом месте яму ростовую выроешь. Как мандрагыр умудряется подобное сотворить, каким образом — понятия не имею. Просто так есть — и всё. Может, и правда он не совсем корень, а нечто большее, сокровенное.

— Неплохая работа, — оценил нож Лесной Хозяин, после протянул руку и провел указательным пальцем по лезвию. — Видно, что человек толковый делал. Со старыми мастерами не сравнить, но где их теперь сыщешь? Вот только материал можно было и получше сыскать. Что дуб — хорошо, самое то дерево для такой вещи. Но что же такой молодой? Ему и сотни лет нет. Не напиталась древесина временем, не обрела мудрости.

Приехал бы ко мне, попросил, я бы тебе ветку-другую от своего дуба-хранителя подарил. Ему, почитай, тыща лет скоро будет. Вот нож так нож вышел бы!

— А вы и подарите, — предложил я. — Мастер тот никуда не делся, попрошу его, он еще один инструмент мне сделает!

— Можно, — согласился лесовик. — Но это потом, а пока пошли. Солнце вон скоро к закату пойдет, мандрагыр уйдет в землю на ночевку, ищи его потом!

И Лесной Хозяин шустро засеменял по тропинке, появившейся, как всегда, ниоткуда, и моментально исчезающей за нашими спинами так, будто ее и вовсе не было.

Поспешая за старичком, я решал для себя одну проблему, пусть и не очень серьезную, но достаточно щекотливую. Дело в том, что я понятия не имел, как этого лесовика зовут. Ну вот не представился он мне тогда, когда я, развлекаясь, монету серебряную в его лесу из земли выкопал. А я его и не спросил, как обычно, по спешке, которая, как известно, есть величайшее в мире зло.

А теперь как-то неудобно это делать, мы уже вроде как старые знакомцы. Еще осерчает, закружит по лесу, а мне только этого для полного счастья и не хватало.

— Что сопишь, парень? — поинтересовался лесовик, бодро топя по тропинке. — Чего не так в жизни повернулось?

— Все не так, батюшка, — отозвался я. — Тридцать три напасти, и все на мою голову. С Кашеевичем я не поладил, понимаешь. Поди, знаешь, кто это такой? Сошлись мы с ним на одной дорожке так, что не разойдешься. А он товарищ матерый, умелый, мне до него как вон той березке до неба.

— Дурень ты, — хмыкнул старичок. — Да не потому, что с семенем колдовским сцепился, а потому, что себя ни в грош не ставишь. Про детей Кашеевых я, понятное дело, слышал немало, и о том, что сила у них изрядная имеется, тоже. Они дел за века натворили богато, вон даже до меня рассказы дошли, а я из леса своего не вылезая уже веков пять. Но если уж так повернулось, так что теперь, перед ним на колени встать и голову под меч склонить? У него своя сила, а у тебя — своя. Ты ведьмак, за тобой прашуры стоят, на тебя глядят.

Они, чай, не гнулись под каждого врага, а шли на битву, как на свадьбу. Смерть — она разная бывает, тебе ли не знать о том? Кому она страх главный, а кому и награда за жизнь славную. Трус умрет поганю, о нем никто не вспомнит, а тот, кто честно гибель встретил, в глаза ей глядя — он, считай, бессмертен. Вот и выбирай для себя, парень, как оно будет. Мое слово крепкое, если надо, я тебя в лесу спрячу так, что ни Кашеевич тебя не сыщет, ни бабы ягие, что ему сестрицами приходится, но разве то жизнь? Под кустом сидеть, от каждого шороха трястись? Ты все ж таки Ходящий близ Смерти, а не заяц.

Мне чего-то так стыдно стало от его слов, аж щеки запунцовели. Может, потому, что он прав оказался по всем позициям? И говорил он это так обыденно, на ходу, как нечто само собой разумеющееся.

Интересно, а бабы ягие — это кто? Нет, ясно откуда ноги растут, но я полагал, что ведьмы и есть хрестоматийные бабки-ёжки. Но, похоже, ошибался.

— Спрятать, может, и понадобится, — решил не скрывать я. — Меня и моего приятеля, он в поселке сейчас остался. Но не от колдуна, от слуг его. Они люди как люди, да только их много может оказаться, а сила солону ломит. Что до остального — прятаться не стану, но и напролом не полезу. Кашеевич ведь не только силен, но и умен, только на каждого мудреца довольно простоты.

— Вот теперь твои речи мне по нраву, — похвалил меня лесовик. — Другое дело. Что до обещания моего, — сказал же — спрячу, если нужда присплет, не сомневайся. А вот мы и пришли, здесь тогда девка удавилась. Вон на том дубе, что у оврага растет.

Верно, так оно и есть. Паршивое место, я это сразу ощутил, у меня даже волоски на руках дыбом встали, так старой и скверной смертью пахло. Лет прошло много, но ни дерево, ни земля под ним греха людского не забыли. Они не мы, у них память долгая.

— Долго висела, — забравшись на пенек, сообщил мне лесовик. — Подванивать уже начала, когда ее нашли. И вовремя, к ней уже косолапый один, что в бору жил, начал пробовать подобраться, любят они мяско с тухлецей.

— Фу, — скривился я, а после огляделся. — А мишка что, до сих пор тут живет? Не тот, понятно, но какой другой, его потомок?

— Откуда? — отмахнулся Лесной Хозяин. — И бора того нет, и ведьмеда тоже. От моих прежних владений хрен да маленько осталось, чего скрывать? Людей многовато стало, им земля нужна, вот и рубят деревья почем зря. Так что одни лисы да зайцы теперь в моей власти, да лосей два десятка. Но грех жаловаться, нынешняя власть охотничков беззаконных поприжала, это есть. Не всё же мне одному их под дерновое одеяльце припрятывать?

Интересно, сколько браконьеров тут по оврагам припрятано, из тех, что «ушел из дома, и не вернулся»? Хотя — там им самое место. Совесть тоже иметь надо. Впрочем, имели они эту совесть во все щели, за что, собственно, и поплатились.

Я потоптался у дуба, поковырял кроссовкой землю, попытался изобразить из себя джедая, вслушиваясь в лесной шум и пытаюсь уловить в нем эманации мандрагыра, но всё тщетно. — Дедушка, — в конце концов обратился я к лесовику, который, не скрывая усмешки, наблюдал за моими изысканиями. — Помоги, а? Я этот корешок ни разу не брал еще у земли.

— Оно и видно, — не стал чиниться старичок. — Как сорока по утру мечеся, мечеся, а толку нет. Мандрагыр хитер, ведьмак, его так просто не возьмешь.

— А как же тогда? — печально произнес я, разведя руки в разные стороны.

— Гляди. — Лесовик спрыгнул с пня. — Перво-наперво надо усвоить, что мандрагыр — он как человек, не любит делиться тем, что имеет, все под себя гребет. Смекаешь?

— Ага, — не сразу, но кивнул я. — Вроде как.

Еще раз внимательно оглядев землю под дубом, я заметил, что в одном месте трава растет не так густо, как везде. Некая маленькая проплешина там имеется. И как я ее раньше не заметил?

— О! — одобрительно поднял указательный палец вверх лесовик. — Молодец. Тут он сидит, верно. Теперя что делать станешь?

— Уж и не знаю, — вкрадчиво ответил я. — По всему выходит, копать надо, вот только чую подвох какой-то.

— А его и нет! — довольно засмеялся лесовик, потирая ладошки. — Просто люблю я веселую шутку! Копать надо, верно. По кругу рои, аккуратно, противосолонь. Землицу рыхли да вынимай, только не разбрасывай, а в кучку собирай. Корешок в самой середке сидит, сразу к нему лезть не стоит, постепенно брать надо. Ежели ты его испугаешь, то добра не жди, он из лекарства ядом стать может. В нем же жизнь и смерть той недотепы смешались, соображаешь? А то и вовсе сбежит, с него станется.

— Что значит — жизнь и смерть смешались? — спросил я, начав ковырять ножом плотную лесную землю и надеясь на то, что деревянный клинок не сломается. Вот же я лапоть, не мог еще и лопатку маленькую захватить. — Это как?

— Мандрагыр — он разный, — охотно отозвался лесовик. — Бывает такой, что близ болота растет, есть те, что в осинниках старых нарождаются, ну и другие всякие случаются, даже луговые. Все они силу имеют, но у кого-то она больше, у кого-то меньше. Болотный, например, лучше всего для оберегов подходит, ему топи да духи трясинные песни поют. Но самый лучший мандрагыр тот, что на месте смерти вырастает, причем не абы какой, а поганой. Если убили кого лиходеи, или вон человек сам себя жизни лишил. Тогда его непрожитые годы корню достаются, со всем плохим и хорошим. Уловил ли, о чем я речь веду?

— Более-менее, — пропыхтел я, выгребая землю. — Можно будет кое-какие рецепты в ход пустить. Из тех, что людям жизнь продлевают.

— Ничего не понял, пенек сосновый! — рассердился лесовик. — Я тебе, дуболому, объясняю, что нельзя сразу этот корень на зелья пускать, потому что неизвестно, как именно он подействует на того, кто его употребит.

— А как тогда? — остановился я. — Ему что, вылежаться надо?

— Слушай, какой-то ты не очень сведущий травник, — насупил Лесной Хозяин. — Вот думаю — может, не давать тебе мандрагыр? Чего добро переводить на такую нелепу? Ты, поди, и короб тоже не захватил?

Мне снова стало стыдно, на этот раз даже сильнее, чем в прошлый раз. И, главное, непонятно — что за короб-то?

— Хоть наговор знаешь, с каким мандрагыр брать надо? — подергал себя за бороду Лесной Хозяин. — Иль и ему учить придется?

— Знаю, — оживился я, радуясь возможности хоть как-то реабилитироваться в его глазах. — Гой ты, корень подземный, корень тайный, корень заветный. А иди в мои руки...

— Вижу, знаешь, — оборвал мой словесный поток лесовик, слезая с пня. — Давай, обкапывай, а я кое-куда отлучусь.

Орудя ножом, я размышлял о том, какие же все-таки паразиты мои предшественники. Наговор они записали, а то, что корень этот с придурью и причудами, упомянуть забыли. Убивать за такое надо.

И меня за компанию. Они не написали, конечно, но с них спросу и нет никакого. Во-первых, они все давно мертвы, во-вторых, эти люди мне ничем не обязаны. А вот я мог как следует прошерстить интернет, и не только в поисках хворей, от которых мандрагыр помогает, но в той части, которая называется «легендарной». То есть — предания, сказки, легенды и все такое прочее. Наверняка где-то да наткнулся бы на нужную информацию.

К тому времени, когда лесовик вернулся обратно, я расчистил землю вокруг места, где находился корень. Надо заметить, забавнейшая инсталляция получилась, где-то даже немного непристойная. Эдакий хрен в чистом поле.

— Вот. — Лесовик протянул мне хрусткую пластиковую прозрачную коробку, из числа тех, в которых продают самопальные печенья в супермаркетах. — Держи.

— Спасибо, — принял я дар, не до конца понимая, зачем мне этот мусор нужен. — А.

— Охти мне! — совсем закручинился старичок. — Что же ты за обалдуй такой!

Ничегошеньки не знаешь и не понимаешь.

— Какой есть. — Внутри меня появился тугой комок недовольства. Ну да, не тот случай, когда стоит лезть на конфликт, но сколько можно-то? Сам знаю, что дурак, только зачем про это упоминать постоянно?

— Злоба — плохой советчик, — погрозил мне пальцем Лесной Хозяин. — Лучше вспомни, о чем мы с тобой беседу вели. Корень тот — живой, в нем добро и зло в равных долях смешаны. Чуть не так пойдет, невесть что случиться может. Но жив он только до той поры, пока в земле сидит, в той, что его породила. А ежели оторвать его от нее?

— Он умрет? — предположил я.

— Верно, — подтвердил лесовик. — Но в гневе ли, в радости — то мы не ведаем, потому работу надо по уму сделать. Землю ему дать, но такую, из которой соки он тянуть не сможет. Вроде как и дом родной, но только пустой, без всего. Злиться не на что, но и делать нечего. Смекаешь?

— Он уснет, — понял я. — Просто уснет, без зла и обиды.

— Вот теперь — молодец, — обрадовался старичок. — Верно, уснет. Не сразу, вестимо, на то год нужен, а лучше — два. Но зато вся сила при нем останется, и даже чутка добавится. Главное — в тепло эту коробку поставь, и чтобы темно было.

На антресоли запихну. Лучше бы в сейф, конечно, но там кругом металл, а мандрагыру такое наверняка противопоказано.

— Как покоричневееет совсем — стало быть, всё, можешь в дело пускать, — продолжал поучать меня лесовик. — И помни — лишку в зелье не брось, а то беда может случиться. Когда хорошего много, оно плохим стать может запросто. Сей корень могуч, вот таким кусочком, с половину моего ногтя, в старые времена знающие лекари аж «антонов огонь» вылечивали, а эта хворь жалости не знает. Ясное дело, не тогда, когда он человечье тело доделал уже, пораньше, но все едино.

«Антонов огонь» — это, если не ошибаюсь, то ли заражение крови, то ли гангрена, что-то такое я читал. В общем — лютая болячка, в средние века лечению практически не поддававшаяся.

— Ну, давай, бери, — скомандовал лесовик, когда я заполнил пластмассовую тару землей. — Аккуратно, не повреди. Подкопай снизу, потом расшатай — и в короб его.

Я послушно повторял его команды, правда, чуть не выпустил мандрагыр в самый последний момент, ощутив, как он судорожно дернулся в моей руке.

Он живой! В самом деле! И правда похож на маленького человечка. Земля с него осыпалась, и я точно разобрал гротескные, почти босховские черты лица на верхней части. И человек этот был очень недоволен происходящим.

Впрочем, маска раздражения тут же сменилась покоем, как только мандрагыр оказался в корытце, и был присыпан землей.

— Уфф, — выдохнул я, когда супермаркетовая тара с противным звуком была закрыта, а после аккуратно положена на пенёк. На землю, как оказалось, класть ее нельзя. — Как все непросто!

— Вестимо, — передернул плечами лесовик. — Это у кукушек все просто — поорала, яйцо в чужое гнездо подкинула и дальше полетела. Ты же ведьмак, потому на легкую жизнь не рассчитывай. Ладно, пошли земляники поедем. Есть у меня одна полянка, ее никто не знает, ягода там завсегда раньше, чем в других местах, поспевает. В землянике, парень, большая сила, она и крепость телу придает, и для живота полезна. Да и в листьях ее, ежели те сорвать во время цветения, с нужными словами, пользы не меньше. Ежели жар лютый на человека напал, то отвар из них — первое средство. Рассказать, как его сделать?

Ночь была так себе, день — тоже, но вот вечер задался. Я наелся крупной земляники, причем иные ягоды не уступали размером клубнике с маминых грядок, нарвал тех листьев, на которые мне указывал лесовик, попутно выучив очередной наговор, да еще и рецепт отвара записал, который, похоже, здорово помогал при сильных простудах. Про мандрагыр я даже и не упоминаю, это отдельная радость. Единственное, что ветки дуба все же брать не стал. Куда мне их сейчас девать? На даче не оставишь, спалит их мама в бочке, как обычный сушняк, и вся недолга, а с собой по нынешним делам особо не потаскаешь. А еще я в очередной раз подивился тому, как быстро проходит время тогда, когда ты занимаешься тем, что тебе интересно. Не скажу, что бывшая работа была мной нелюбима,

нет. Но все равно иногда день на службе тянулся невозможно долго, я физически ощущал, как одна минута сменяла другую. И самым поганым в этом являлось осознание того, что убегают минуты моей жизни, и без того не сильно длинной. Убегают в никуда, и при этом без малейшего толка. Жизнь сквозит, как речной песок сквозь пальцы, а я сижу и на это смотрю. Но поскольку все вокруг существовали точно так же, подобные душевные терзания нападали на меня не сильно часто, как правило, в скверную погоду или с похмелья. То есть тогда, когда себя особенно жалко.

Здесь же совсем другой колорит. И хоть в лесу темнеет быстрее, чем в поле, я все равно был удивлен тем, как быстро пролетело время и наступил вечер.

— Иди уж, — оборвал мои многословные благодарности Лесной Хозяин, когда мы с ним прощались на опушке леса. — Ничего такого для тебя я не сделал, просто по Покону поступил. Ты ко мне с добром, и я к тебе также. На том свет белый стоит, ведьмак.

— Если бы, — вздохнул я, не в первый раз подумав о том, что спорный все же вопрос, кто именно из нас нелюдь — мы, люди, или вот эти полумифические существа. Пока, получается, что нелюдьями чаще оказываемся мы, люди. — Если бы так.

На том и расстались. Лесной Хозяин растворился в темноте, а я неторопливо зашагал по пыльной дороге.

— Нагулялся? — уже на подходе к дому, остановил меня знакомый голос. — Вот скажи мне, Смолин, что можно в лесу делать сейчас столько времени? И это при том, что грибов еще нет, а земляника только пошла. Да и какая-нибудь доверчивая дурочка, вроде меня, с тобой не увязалась, я видела.

— Никогда я тебя за дурочку не держал, — возразил я. — Нечего на себя наговаривать. Стройная фигурка в темном платье отделилась от соседнего забора. Точнее — поднялась с лавочки и подошла ко мне.

Светка. Вот не ждал, не гадал.

— Увидела тебя — сильно удивилась, — сообщила мне она, приблизившись. — Даже разозлилась. Приехала сюда, чтобы в себе разобраться, побыть в тишине, подальше от всех, и на тебе — идет мой бывший по нашей улице, весь такой деловитый и довольный жизнью. — Последнее, естественно, раздражает больше всего, — в тон ей продолжил я. — Ну-ну, что дальше? Ты, конечно, тут же зовешь маму...

— Мама в Турции, — устало возразила мне Светка. — На две недели ее туда отправила, потому что... Потому что тоже от нее устала. Она слышала, как я тебе звонила, и такую истерику мне закатила!

Еще бы. Представляю, что испытала эта особа, когда узнала, что ее дочь снова общается с бывшим мужем, который к тому же стал ведьмаком. Я бы на ее месте тоже радости особой не испытал.

— А что за парень с тобой приехал? — Умение Светки сходить с одной темы на другую меня всегда восхищало. — Он мангал развел просто. Дядя Дима и тебя-то к нему не подпускал никогда, а тут совсем незнакомый человек. Я ничего ему не скажу, разумеется, но если он узнает...

Это да. Батя к своему мангалу, шампурам, решеткам и всему остальному относится крайне ревниво. Собственно, это один из немногочисленных пунктиков моего родителя. Даже мама — и та боится его шашлычные сокровища трогать.

Впрочем, вряд ли Стаса подобные мелочи беспокоят. Не тот он человек.

— Приятель мой, — ответил я Светке. — Он не в курсе, а я сам запомнил... Да чего теперь, дело уже сделано. Опять же — счетчика входящих шампуров на мангале нет.

— А я борщ сварила. — Бывшая заложила руки за спину и внезапно снова стала той самой девушкой, при виде которой у меня под ребрами все ныть начинало. И не только под ребрами. — Ты ведь наверняка голодный? Охота тебе остывшим мясом давиться? Пошли, хоть горячего поешь. А приятель твой подождет, ему, судя по тому, как он лихо водочку хлебает, и так сейчас неплохо.

Летний вечер, такой же, как и пять, и десять лет назад, эта с детства родная дачная тишина, тепло, идущее от земли, легкий, но терпкий запах Светкиных духов, и, самое главное, ощущение, что сейчас так, как было раньше, — это сильно. Настолько, что я чуть не сделал шаг вперед, тот, которого хватило бы для того, чтобы наши лица оказались совсем рядом. Шаг, который на самом деле ни ей, ни мне не нужен.

— Борщ — это хорошо, — чуть кашлянув, ответил я. — Но неправильно. Стас, вероятнее всего, действительно уже накидался, но так дела не делаются. Я к тебе, мой друг там...

Некрасиво.

— Нормально, — уточнила моя бывшая. — Я тебя, Смолин, хорошо знаю. Ты дружить никогда не умел, потому что тебе друзья никогда не нужны были. Приятели — да, этих хватало, но друзья — это другое, согласись? Так что скорее всего вы тут оказались не просто так, а по какому-то делу, или в неприятности какие-то влипли. Твоего спутника я не

знаю, но на тебя нового это похоже. Не на того милого недотепу, с которым я когда-то жила, а вот этого, другого Смолина, который сейчас передо мной стоит. Больше скажу — я даже не удивлена, особенно учитывая то, с кем ты в последнее время общаешься. Одна та прошмандовка-малолетка чего стоит!

Умная. Всегда такой была. Вот только все недавнее очарование ушло и испарилось, задавленное знакомыми тещиными нотками, появившимися в светкинском голосе.

— И с работы тебя, похоже, погнали, — продолжала тем временем препарировать меня бывшая. — Я звонила, и мне сообщили, что тебя нет и неизвестно когда будешь. Читай — будешь ли вообще, мне такие нюансы прекрасно известны, я сама служу.

На эту фразу я вообще никак не отреагировал. Просто не знал, что именно сказать нужно. Согласиться? Возразить? И самый главный вопрос — надо ли мне как-то реагировать вообще? Мнение Светки о том, каким я стал, в принципе, ни на что не влияет. Проще говоря — плевать мне на него с высокой колокольни.

Или я снова начал себе врать? Встретил когда-то любимого мной человека из той жизни, и снова стал собой прежним?

— Саш, я же за тебя переживаю, — тем временем снова сменила тональность моя бывшая. — Да, у нас не все получилось. Да, мы наделали глупостей. Да, мы...

— Свет, — перебил ее я, но фразу закончить не успел.

— Сашка, ты, что ли? — скрипнула наша калитка. — Я его жду, а он лясы точит. Ого, да ты тут в такой славной компании!

Стас, слегка поддатый и потому, видимо, очень бодрый, приблизился к нам.

— Добрый вечер, очаровательная девушка, — весело произнес он и вроде как даже ножкой шаркнул. — Позвольте представиться — Станислав, приятель Александра.

— Светлана, — без особой приязни произнесла моя собеседница. — Бывшая жена Александра.

— Оп-па. — Стас почесал затылок. — Весело. Про подругу, выходит, у вас спрашивать смысла нет?

— Ни малейшего, — холодно подтвердила Светка, внимательно изучая взглядом наплечную кобуру с торчащей из нее рукоятью пистолета, которую Стас и не подумал снимать даже на отдыхе.

— Понимаю, — выставил перед собой ладони тот. — Беседуйте, не мешаю. Саня, если что — шпикачки остыли, но все еще очень ничего. Цени — мог сам все сожрать, но не стал. После чего он деликатно удалился, беззвучно прикрыв за собой калитку.

— В какую историю ты вляпался, Саш? — положила мне руку на плечо Светка. — А? Что это за человек? Почему он вооружен? Ну, что ты молчишь?

— Сказать нечего, — честно ответил я. — Одно могу сказать точно — к криминалу это все не имеет никакого отношения. Ты же знаешь, я в конфронтацию с законом сроду не вступал. Даже дорогу предпочитаю переходить на нужный сигнал светофора.

— Несмотря ни на что, ты для меня родной человек... — завела было снова свою шарманку моя бывшая, и вот тут я не выдержал. Нет моих сил больше это все выслушивать.

— Свет, да прекрати ты уже, а? — попросил ее я. — «Родной человек», «я за тебя переживаю». Дело же обстоит проще, правда? Пока я был тем, кем раньше — тихим офисным жителем, без перспектив, устремлений и, пардон за прямоту, постоянной бабы, тебя все устраивало. Ты говорила себе: «Мама все же оказалась права, он ничтожество, он бы погубил мою жизнь», и засыпала со счастливой улыбкой на губах. Причем реалисти-шоу «Жизнь Смолина», по ходу, тебя настолько увлекло, что ты даже после развода, похоже, продолжала жить со мной вместе. Правда, я этого раньше не замечал, вот только сейчас об этом догадался. Если бы это было не так, ты бы уже замуж по второму разу вышла, за какого-нибудь додика с кафедры Полины Олеговны. Или за мануальщика из родной клиники. Да это и неважно. Главное — не вышла же? Тебе и так хорошо жилось, в собственных иллюзиях и с нимбом страдальцы на голове. «Если я за ним не присмотрю, он пропадет». Но как только картина чуть-чуть изменилась, как только я выскочил за привычные рамки, тебе сразу же стало дискомфортно, и вот тогда ты вышла из подполья. Все эти звонки, визиты...

— Что за глупости? — возмутилась Светка, но я уловил в ее голосе некие нотки, которые подтвердили верность догадок. Я все же с ней не один год прожил, знаю все полутона ее натуры. — Как ты был дураком, так им и остался.

— Дурак, — с радостью согласился я. — Остолоп. Непроходимый идиот. Называй меня как угодно. Но это моя жизнь, Светка. Моя. И нашей она больше никогда не будет. Поверь, я к тебе очень хорошо отношусь, ты всегда у меня вот тут будешь жить. Но...

После того, как я ткнул пальцем в сердце, она всхлипнула и убежала, так что доводить фразу до конца смысла не имелось.

— А ты чего приперся? — удивленно уставился на меня Стас, сидевший за столом в беседке, и вытер губы от шпикачечного жира. — Я думал, ты у бывшей заночуешь, вон решил остатки доест. Или там новый муж уже имеется? Не беда, рядом лес, так оно даже романтичнее выйдет. Главное — клеща не зацепить, в июне их море.

— Да ну нафиг, — отмахнулся я. — Не было у бабы забот, купила баба порося.

— Идиот, это ж самое то, — облизал пальцы Стас, а после наполнил две рюмки водкой. — Переспать с бывшей женой — это как дембельский альбом перелистать годков через пять после «армейки». И вспомнить приятно, и обратно возвращаться не надо. Давай, остограмясь, и иди к ней. Хрен знает, чем вся эта карусель закончится, так что лови момент. Может, завтра на закате нас с тобой суровые плечистые ребята где-нибудь на пустыре в яму забросят, а после землей присыплют. И тогда все, тогда радостей жизни больше не видать.

— Умешь приободрить, — похвалил его я.

— А может, мы их в эту яму свалим. Тут как карта ляжет, — закончил Стас и поднял рюмку. — Будь здоров. Давай, пей и вали. Ну хочешь, замажем на ящик пива, что она тебя ждет? Или я ничего не понимаю в бабах.

Надо отдать сыскарю должное — он в вопросе разбирался, и очень хорошо. Дело даже до борща не дошло, все случилось как-то само собой, словно мы со Светкой и не расставались. И я даже расстроился, когда в окно постучался серый рассвет, сообщая нам, что ночь кончилась.

— Машина, — немного сонно сообщила Светка, водя пальцем по моей груди. — Странно, это кто же в такую рань приехал? Вроде бабушки с внуками все уже здесь, и день будний. Если только к Колокольцевым. Дай гляну.

И правда — моторы автомобильные шумят. В утренней тиши непривычные, не дачные звуки вообще хорошо слышны, особенно, когда окна в доме открыты. И не одна машина едет, а две, судя по всему.

— Саш, а они у твоего дома остановились! — тревожно вскрикнула Светка, уже подошедшая к окну. — Слушай, у меня плохое предчувствие.

— У меня тоже, — согласился я с ней, вскакивая с кровати. — Не помнишь, куда я вчера джинсы бросил?

Глава шестнадцатая

Пока я натягивал носки, пока влезал в джинсы, события начали принимать совсем уж неприятный оборот.

— Саш, это нерусские, — совсем уже испуганно сообщила мне Светка, когда я подошел к ней. — Вон смотри.

И правда — у наших ворот суетились несколько крепко сбитых кавказцев, причем их черные костюмы и белые рубашки смотрелись в данной ситуации не то что неуместно, а, скорее, откровенно гротескно.

Вот только ситуация вырисовывалась не сильно забавная. То, что это и есть те самые загонщики, которых Кащеевич по мою душу послал, было ясно как божий день. Другое непонятно — мне-то чего сейчас делать? Самый простой и разумный вариант — выйти тихонько из дома, перемахнуть через забор и через три минуты войти в лес, где меня никто не сыщет, как бы ни старался. А если эти господа в костюмах туда сунутся, то и вовсе оттуда могут не выбраться. В лесу все от настроения его Хозяина зависит. И немного от того, о чем я его попрошу.

Но — Стас. Он в доме, причем почти наверняка спит. Возьмут его тепленьким, прямо с кровати, и кто знает, чем для него все это закончиться может. Хотя — о чем я? Он враг колдуна, да еще и мент, так что у горбоносых гостей как минимум уже два повода его завалить. Добро еще, если быстро и безболезненно, а если есть установка «чтобы помучался?».

Ненавижу такие ситуации. В смысле, те, когда надо для себя решать, кто ты есть такой. Не для вида, не для славы или карьеры, не напоказ, а вот так, по-настоящему.

Люди в костюмах еще немного повертелись возле ворот, а потом один из них легко перемахнул забор и скрылся на моем участке.

— Саш, надо в полицию звонить, — подергала меня за руку Светка. — Это бандиты, наверное! Скажи, куда ты влез? Во что? Ты им денег должен, да?

— Кому я должен, всем прощаю, — пробормотал я на автомате. — Что? Нет, конечно. Ты же знаешь мой принцип — в долг не брать. Сама ведь в меня его вбила намертво.

— А почему тогда... — и она ткнула пальцем в сторону моего дома, где перелезший через забор мужчина как раз распахнул калитку, в которую немедленно проскользнули еще двое визитеров.

— Потому что потому, что кончается на «у». — Я наконец принял решение, и мне стало бездумно-легко. Наверное, потому, что сделанный выбор являлся напрочь безумным. — Пока не в курсе. Как раз пойду узнаю.

— Ты дурак? — выпучила глаза моя бывшая. — Саш, не надо. Давай просто окно шторкой закроем и сделаем вид, что нас здесь нет. Не фашисты же они, не пойдут по домам с обыском?

— Как там было? — я почесал затылок. — Ну после того, как мы с тобой свидетельства о разводе получили? «Ты никогда и ничего не можешь решить сам. Так жить нельзя». Знаешь, все верно, так жить нельзя. Я тогда, у ЗАГСа, на тебя злился, думал, что ты специально все это на меня вываливала, чтобы больнее было. А нет, все так, все правильно. Потому — ты сиди здесь, за шторкой, а я прогуляюсь к себе, пообщаюсь с гостями. — Нет! — Светка вцепилась мне в руку. — Не пуцу!

Я разжал пальцы, крепко сжимавшие мое запястье, после легонько щелкнул ее в нос, стараясь не обращать внимания на две мокрых полоски на щеках, и легко сбежал по лесенке на первый этаж, на ходу доставая из кармана джинсов маленькую коробочку, в которой лежали две иголки, копеечная монета и мешочек со светло-зеленым порошком. Эту коробочку я еще с весны постоянно таскал с собой, сделав это непрременным правилом, от которого не имел права отклоняться. По первости несколько раз я выходил из дома без нее, натянув не те джинсы, в которых был накануне, а после, внутренне ругая себя за дурацкое упрямство, возвращался домой от метро. Никакие «ничего, обойдусь», привычные в прежней жизни, в ход не шли, это дело принципа. Раньше было раньше, оно не считается. Здесь вопросы личной безопасности, в них скидок быть не должно.

И вот — пригодилась коробочка. Ну монета, семью семь раз с нужными словами омытая в отваре разрыв-травы, да еще с добавлением коры дерева, умершего от «ржавчины», и способная превратить в труху любой замок, понятное дело, тут не нужна, она для других случаев. Но вот зачарованные иголки, вроде той, которой я в свое время призвал к порядку Рязскую, а также порошок слепоты — самое то.

Если честно, я не знал, как в подобных случаях действовать правильно. Матерые киногерои всегда внимательно выглядывали из-за угла или какого другого укрытия, ждали подходящего момента, а после лихо обезвреживали всех, кого можно. Но то — кино. А тут — жизнь. Да и чего тут прятаться — вон она, моя дача, пять шагов — и я там.

Слава богу, за меня все решил Стас. Около моей дачи негромко хлопнул выстрел, потом второй, третий. Всё в том же кино пистолеты грохочут подобно пушкам, а в жизни, оказывается, этот звук не громче того, что издает бумажный пакет, когда его ударом хлопаешь.

Из машины выскочили еще два бойца и застыли на месте, прислушиваясь к тому, что происходило за воротами, третий, что стоял около калитки, достал пистолет.

Ждать чего-либо не имело смысла. Не уверен, что Стас уложит тех троих, что уже внутри, но если их станет шестеро, то его шансы выжить превратятся в пыль.

Все-таки хорошо, что я немного вес сбросил, раньше так быстро и ловко двигаться у меня не получилось бы, это уж точно. Иголки погрузились в мощные шеи кавказцев, причем одна из них вошла очень глубоко, почти по самую жемчужинку-наконечник. Была бы это портняжная игла, из тех, что я использовал раньше, можно было бы сразу его душу Моране отдавать. Они скользкие были ужасно, я бы ее просто не удержал в пальцах. А с подобной штукой внутри тела и без соответствующей медицинской помощи никто долго не живет.

Третий противник, услышав звук падения, повернулся ко мне, поднимая пистолет, но я оказался быстрее. Облачко зеленого цвета окутало его лицо, зрачки глаз, как и было написано в рецепте, исчезли, будто их и не бывало. Жутко все же смотрятся белесо-мутные буркалы без тени смысла. У, жуть какая!

Все, спекся красавец. Боли от этого порошка нет, это, скорее, психологическое оружие. Вон он как задергался, пистолетом замахал, что-то на своем языке заорал. Нет, не только на нем. Вот и наша речь пошла.

— Ты что сделал? — вопил кавказец. — Ты как это? Верни глаза, собака! Верни, или я...

Что именно он собирался сделать — понятия не имею, не дослушал, так как очень уж он громко орал. Того и гляди, всех соседей перебудит, если только они от стрельбы раньше глаза не продрали. Черт с ним, с их сном, но что они потом моим старикам расскажут?

Ну и потом — не дай бог он сейчас еще и стрелять от душевного расстройства во все стороны начнет. А ну как в кого попадет?

Короче — саданул я ему по затылку рукоятью пистолета, что с земли подобрал. Можно было бы и иглой парализовать, но это лишнее. Игла, как и любое другое оружие, имеет

свой предел прочности. Два-три втыкания в тело — и все, лимит исчерпан, покрывавшее металл засохшее зелье осталось в телах жертв. А то и меньше получится. Например, та игла, что торчит в шее абрека, уже не пригодна к немедленному использованию. Надо, кстати, потом будет ее вынуть, а то как бы этот бедолага не дал дуба. Так сказать — не приходя в сознание.

Если «потом» наступит, разумеется.

Выстрел, еще выстрел, стон, звук падающего тела.

— Всем лежать, работает ОМОН! — рявкнул Стас. — Бросай ствол, идиот, а то бошку прострелю! У вас уже нападение на сотрудника при исполнении имеется в активе, не усугубляй!

Железобрякнуло о гравий, и я осторожно заглянул внутрь.

На дорожке выгнулся в луже крови, натекшей из продырявленного плеча, один из незваных гостей, второй стоял, подняв руки, и нехорошо смотрел на Стаса, который показался наконец из-за угла дома.

А вот третий кавказец, который очень умело и незаметно засел за бочкой, на этот год нашедшей себе место рядом со входом на участок, как раз вскинул руку с оружием, собираясь подстрелить моего друга. А то и пристрелить.

Ждать я не стал, кинувшись, подобно зверю дикому, ему на спину. Игла легко вошла в мясистый загривок, а парой секунд позже я с облегчением ощутил, как подо мной обмякло мощное тело незадачливого стрелка.

Последний из незваных визитеров осознал, что план не выгорел, дернулся было за своим пистолетом, но Стас немедленно его осек, посоветовав не душить. Впрочем, сам церемониться с снова застывшим на месте бойцом не стал, подойдя поближе, он сразу очень ловко рубанул его ребром ладони по шее, после чего кавказец незамедлительно повалился на землю. Да еще и ногой по голове добавил, окончательно введя незваного гостя в бессознательное состояние.

— Жесть, — вытер лоб Стас, подходя к постанывающему злодею, что держался за плечо и пятнал кровью дорожку, которую с такой любовью и тщательностью обихаживала моя мама. Черт, кровь потом фиг замоешь, это же белый гравий. — Да не дергайся, не собираюсь я тебя добивать, просто пиджак с тебя сниму и ремень из порток выну. Надо им руку перетянуть, чтобы ты не сдох, мне только трупа для счастья и не хватало. И за эту-то дырку потом УСБ все жилы вытянет. Нашумели мы изрядно, наверняка кто-нибудь уже наших вызвал. Сашка, упал!

Я выполнил его приказ без раздумий и моментально. Стас хоть молодой, да ранний, есть у него в голосе нечто, заставляющее делать то, что он велит. Мне бы так научиться.

Пистолетный выстрел грохнул секундой позже, мне показалось, что я даже услышал свист пули, которая по любому бы проделала дырку если не в моей башке, то в груди точно. Одно непонятно — кто стрелял? Я же всех вроде вырубил?

Пока голова думала, тело действовало. Прежний я, скорее всего, сейчас бы еще приходил в себя, переживая страх смерти, прошедшей рядом, а ведьмак Смолин рефлексировать себе позволить не мог.

Невысокая фигурка, сжимавшая пистолет, стояла практически вплотную ко мне, потому, даже не поднимаясь, я смог подсесть ее ноги, а после, когда она повалились ничком, еще и от души добавить локтем в затылок.

— Хреновый из тебя оперативник получился бы, — сообщил мне Стас, опуская свой пистолет. — Почему не убедился, что за спиной чисто? Кто так поступает?

— Виноват, — пропыхтел я, вытирая пот. — Исправлюсь.

— На то и надежда. — Полицейский сначала затянул ремень на предплечье раненого, а после начал отдиравать шелковую подкладку от его же пиджака. — Да не скули ты, не помрешь, рана сквозная, кость не задета. Так, дырка в мякоти, максимум неделя больнички, а потом в камеру. Что значит: «почему»? Нападение на сотрудника при исполнении — это не шутки, говорил же. Это, дружок, года три общего режима. А если на твоём стволе еще чего висит, так и поболее. И, поверь, на нем точно «мокрухи» найдутся, уж я расстарюсь. Заодно и следакам нашим удружу, они под это дело пару «глухарей» спишут. Не дергайся, сказал, дай перевяжу.

Чуть позже Стас подцепил веточкой, которую он отодрал от маминого любимого куста, пистолет, лежащий недалеко от подранка, и аккуратно отправил его в пакет, который извлек из кармана джинсов. Вот, я же говорил! Каждый из нас таскает с собой то, что ему нужнее всего.

— Остальные не чухнутся? — уточнил он у меня. — Ты вообще чем их вырубил?

— Во, — показал я ему иглу.

— Фига се, — изумился Стас. — Она с ядом, что ли?

— Что-то вроде, — кивнул я. — Минут за сорок крепкого сна поручусь.

— И то хлеб, — согласился мой напарник, умело и очень ловко связывая руки оглушенного супостата. — Давай, давай, чего расселся? Сорок минут, не сорок минут — все одно иди их вяжи. Я пулю в спину получить не хочу. Твой трах-тибидох, конечно, хорош, но наручникам доверия больше. А в их отсутствии — ремням.

— Погоди. — Я перевернул того, кто хотел меня убить, на спину. Молодец я, вон как крепко приложил его о камни двора, помню кое-что из бурной юности. Сознания, правда, этот человек не потерял, но связь с реальностью все же немного прервалась, только потому он до сих пор не попробовал продолжить то, что начал. — Интересно же... Ба! Знакомые все лица! Ну хоть какая-то ясность появилась.

На меня мутным взором таращился Темир Арвен, сын скормленного маре Руслана.

— Отраднo слышать, — весело отозвался Стас, вынимая ремень из штанов очередного кавказца. — Я вот пока в непонятках маюсь. То ли это наемники, то ли ты денег кому задолжал, то ли еще чего?

— Еще чего, — показал я на мальчишку. — Давай, вяжи остальных, а я за ним присмотрю. Закончишь — объясню. Не все, конечно, но хоть что-то.

— Как всю ночь с бывшей чудачить — так это ты, — проворчал мой приятель. — А как злодеев вязать — так это Стасик. Где справедливость?

— Нет ее. — Я присел на корточки около начавшего икать подростка. — Откуда ей взяться в нашем мире?

Стас по лисьи скользнул за ворота, пистолет вновь был у него в руке.

— Вроде народ не шебуршится, — подал он голос через минуту. — Знаю я такие ДНП.

Если бы кто что услышал, тут бы половина местных кумушек уже ошивалась.

— Будни, — подмигнул Темиру я. — И не всех бабушек еще привезли. Свезло нам.

— Да какой свезло? — пропыхтел Стас, затаскивая во двор одного из налетчиков. — Этих мы тут заныкаем, не вопрос. А тачки куда девать? Разве что отогнать куда по-быстрому?

Ключи в замках, я проверил.

Он сноровисто притащил сначала оружие нападавших, а после и их самих, причем тот подручный малолетнего Арвена, которого я ослепил, потихоньку начал приходить в себя, и даже попытался пнуть своего носильщика.

— Я тебе побрыкаюсь! — рявкнул полицейский, следом за этим коротко и сильно ударив его в живот. Кавказец застонал, и Стас тут же удивленно пробормотал: — Мать моя, чего у него с глазами?

— Тоже трах-тибидох, — хмыкнул я. — Не обращай внимания.

— Легко сказать, — коротко глянул он на меня. — Мне, конечно, в вашей компании много чего повидать довелось, но это особенно впечатляет.

— Нет предела совершенству, — заверил его я, наконец-то вынимая иголку из шеи плечистого налетчика. — Что, излагать краткую предысторию?

— Само собой. — Стас прикрыл калитку. — Можно и не краткую. Все уже случилось, хуже, чем сейчас, не будет. Если в местный участок все же звякнули, то наши здесь минут через пять-семь появятся. Это плохо, придется как-то выкручиваться, чтобы в рапорт и сводку не попасть, вся надежда на неприхотливость и коррумпированность местных коллег. Если нет — то у нас время есть. Не сильно много — но есть. Вон тот живчик помирать вроде раздумал, а с остальными все и так неплохо. Давай, излагай расклад.

И я рассказал ему про скверную смерть Руслана Арвена, про то, что этот сопляк в том числе и меня в ней винит, и про то, что именно эти шустрые парни могут быть теми самыми гончими, которых Кашеевич по моему следу пустил. А почему нет?

— Если ты прав, то это очень толковая оперативная разработка, — заявил Стас. — Сволочь этот колдун, но — молодец, при минимуме затрат — максимум результата. Только скажу тебе так — без агентурных данных подобное не провернешь. Значит, пасли тебя, закадыка, хорошо и качественно. Отслеживали все передвижения и контакты. Или...

— Или? — поторопил его я.

— Или где-то сквозит, — закончил свою мысль полицейский. — Слил колдуну кто-то все твои расклады, в том числе и про его заживо сгнившего папашу.

— Вы оба умрете, — подал голос Темир. — Теперь точно!

— А до того что, таких планов не имелось? — живо спросил у него Стас. — Вы сюда приехали с нами чайку попить, пахлавy покушать?

Подросток молчал, смотрел перед собой, угрюмо сопел.

— Вот не люблю я этого всего. — Стас присел около мальчишки на корточки. — Пацан, зачем нам нужны все эти игры в войну и немцев? Тем более что все произошло по-честному — твои бойцы стреляли в меня, я в них, пиф-паф, и так далее. Мы оказались шустрее. Но, заметим, вы все еще живы. Потому что я и мой приятель кто?

— Кто? — даже мне стало интересно, кем он нас читает.

— Мы — гуманисты. — Стас похлопал мальчишку по щеке. — Нам ваши жизни не нужны. Тем более что вас в этой истории в темную разыграли, если ты еще не понял. Мой друг твоего папашу пальцем не трогал, ты же слышал. Да и зачем ему это? Но кто-то представил все по-другому, кто-то очень умный и очень ловкий, и нам надо знать, кто это был. Как выглядел, на чем в ваш дом приехал, что говорил, обещал, как с ним связаться можно. Нам надо знать все. Расскажи — и мы найдем способ, как свести случившийся конфликт к тому минимуму, который устроит нас всех.

Его тон был искренен и дружелюбен, а голос мягок, как вата. Но, увы, на Темира это все не подействовало. Он злобно глянул на Стаса, а после плюнул ему в лицо.

— Гордый, — и не подумал злиться тот, только щеку вытер. — Ну-ну. Сразу предупрежу — я тебя упрашивать или совестить не стану. Времени на это жаль, да и вообще... Не хочешь добром — не надо, пусть будет по-другому. А если ты окажешься крепче, чем я думал, то после мы на одной из твоих же машин до бабушки доедем и с ним пообщаемся. Покажем тебя, объясним, что лучше изуродованный внук, но все же живой, чем кучка мертвых субпродуктов. Думаю, старичок сделает правильный выбор.

Молчал младший Арвен, сжимал зубы, напрягал мышцы.

— Начнем. — Стас рывком поднял мальчишку вверх, а после поставил на колени. — Сань, у тебя какая тряпка есть?

— Ну да. — Я достал из кармана платок. — Сойдет?

— Вполне. — Стас мило улыбнулся, заводя руки Темира ему за спину и стягивая их его же ремнем. — В рот товарищу закрепи, а то он ором своим местную публику перебудит-таки, что нам нафиг не надо. А ты, приятель, если захочешь мне что-то сказать, знак подай.

Трижды кивни, например.

Мне стало как-то не по себе. Я догадался, что задумал мой гость, и мне это не очень понравилось. Нет, я далек от норм христианского всепрощения, и левую щеку после удара по правой сроду не подставлял, но пытки... Это, конечно, жесть.

Но платок в рот Темиру все же зафиксировал. А что мне еще оставалось? Всплеснуть руками и сказать Стасу, что это не наш метод? Можно подумать, он меня послушает.

Да и информация нужна.

Звякнув, крутанулся нож-«бабочка», извлеченный из кармана, всхлипнул Темир, руки которого сильно, до хруста в суставах, Стас дернул вверх, а после узкое и тонкое острие остановилось в миллиметре от ногтя большого пальца правой руки подростка. Да что там — почти вошло под него.

— А с другой стороны — стоит ли? — задумчиво спросил у меня Стас. — Пальцы-то я ему тогда искалечу по полной. Это не игла, нож, он ведь потом даже вилку держать не сможет.

— Не сможет, — подтвердил я, догадавшись, что у хитрого полицейского есть некий план, которому он следует. Да оно и не странно — это его профессия, он таких Темиров небось на завтрак ест.

— А если после до разбирательств дойдет? — продолжал вещать мой приятель. — Знаю, проходили. «Пытки, хуже Гуантанамо», тонны жалоб. Можно, конечно, то, что от этого щенка останется, где-нибудь в близлежащем водоеме утопить, но — не вариант. Не хочу лишний грех на душу брать.

Стас положил левую руку на голову мальчишки, и начал задумчиво барабанить по ней пальцами.

— Знаю! — злобно рявкнул он через минуту, заставив и меня, и Темира подпрыгнуть на месте. Его пальцы сгребли волосы парня в горсть, и он рванул их с такой силой, что у того слезы из глаз брызнули. — Знаю, что сделаю. И ты никогда никому ничего не докажешь, потому что никто тебе не поверит. Но жалеть о своем молчании ты всю оставшуюся жизнь станешь. Если то, что тебя ждет, можно, конечно, назвать жизнью.

Стас за волосы подволок сучащего ногами мальчишку к одному из его подручных, тому, который тихонько подвывал, впуская пытаясь что-то увидеть белыми беззрачковыми глазами.

— Вот что мы с тобой сделаем. — Стас буквально ткнул мальчику в лицо незрячего. — Вот! Мой приятель большой мастак на подобные вещи. Одно движение — и ты слепой. Навсегда! Видишь это небо, эту траву, цветы, птиц, деревья? Красива наша среднерусская природа? Согласен, дивно хороша. И ты ее запомни навеки, потому что дальше тебя ждет темнота. Мальчик ты не бедный, коробки клеить или выключатели собирать тебе не придется, но это мизерное утешение. Все остальное — тьма. Ты никогда не поймешь, красива ли та девка, с которой ты лежишь в постели. Никогда не сможешь понять, кто и куда тебя ведет, этим людям придется верить на слово. И не увидишь того, кто тихо подойдет к тебе сзади и выстрелит в затылок тогда, когда бабушка умрет и ты окончательно станешь лишним в семейном бизнес-раскладе. И мать свою, которую этот же человек

незадолго до того прикончит, ты защитить не сможешь. Ты станешь причиной ее смерти! Ты убьешь свою мать, парень!

Мальчишка была крупная дрожь, он не мог оторвать взор от молочно-белой пустоты глаз своего соплеменника, и только мычал, пытаясь выплюнуть платок из рта.

— Саня, не будем тянуть, — скомандовал Стас. — Мальчик наслаждался видами, пора тушить свет.

— И то, — равнодушно согласился я. — Потом отвезем эту компанию куда-нибудь в лесок, и поедем завтракать. Тут неподалеку неплохое придорожное кафе имеется, ух там чебуреки и ушасты!

Темир извивался как уж, пытаясь вырваться из рук Стаса, но тщетно. Когда же я приблизился, демонстративно разминая ладони, он настолько истово замычал, что мне его даже жалко стало на мгновение. Но потом я вспомнил, что он минут десять мне пулей чуть затылок не раздробил, и жалость ушла.

— Что? — наклонился к нему Стас. — Что тебе? Еще раз мне в морду плюнуть хочешь? Чего ты башкой крутишь? Не хочешь? А чего так, вроде тебе понравилось недавно?

Потерзав таким образом Темира минуты две, он наконец вытащил платок у него из рта, а после лукаво мне подмигнул. Дескать — сейчас запоет соловей.

Так оно и получилось.

Захлебываясь воздухом, парень поведал, как к его дедушке, очень уважаемому человеку и бизнесмену, пусть сейчас даже и отошедшему от дел, пожаловал в гости какой-то русский и рассказал о том, что в смерти Руслана виноват тот, кто лечил его последним, а именно некто Александр Смолин. Что если бы не он, пошел бы его сын на поправку, и сейчас не в земле лежал, а за праздничным столом сидел.

На дедушку рассказ этот произвел большое впечатление. Настолько, что он, обычно очень сдержанный в решениях и делах человек, сразу же начал действовать. Нет-нет, про моментальное убийство речь не шла, дедушка желал справедливости. Он хотел этому Смолину в глаза посмотреть, а уж потом, по результатам... Видно было бы.

Охранники Арвена-старшего наведались ко мне на квартиру, потерпев при этом неудачу и даже потери, в виде одного ударенного током посланца, после искали в банке и у родителей, но не преуспели. Они всё же охранники, а не сыскающая полиция. И не бандиты, к криминалу семья Арвенов давно никакого отношения не имеет. Да и не имела никогда.

— У родителей? — испугался я. — Слушай, если с ними хоть что-то случилось, я всю вашу семейку...

— Нет, — замотал головой парнишка. — Ты что? Просто с соседями поговорили, узнали, что ты там почти не появляешься, вот и всё! Зачем родителей трогать? Это харам!

В результате разузнали адрес вот этой дачи и сюда поехали. Дедушка запрещал Темиру в происходящем участвовать, но мальчишка решил по-своему, потому что это его сыновний долг.

— Странно. — Стас снова крутанул нож. — Дедушка твой, судя по всему, на самом деле дядька неглупый, так почему он поверил какому-то незнакомому человеку, которого видел впервые в жизни? Причем настолько, что собрался убивать сам, чуть ли не лично. Понимаю — традиции и все такое, но на дворе не девьяностые, подобные вещи сейчас никому с рук не сходят.

— Я сам сейчас не понимаю этого, — всхлипнул Темир. — Но тот человек говорил так, что ему нельзя было не верить. Каждое его слово было правдой, и я, и дедушка это точно знали. Он был нам как лучший друг, как брат. Наша боль была его болью.

— Капец, — потер лоб Стас. — Это сильно.

— Когда он приходил? — спросил я у Темира.

— Три... Нет, уже четыре дня назад, — поспешно ответил тот. — Утром.

Колдун всегда на шаг впереди меня. Я еще на кладбище к Савве не ходил, а он все подготовил для продолжения банкета. Значит, следующий капкан тоже уже расставлен и ждет.

— Еще он сказал нам, что когда мы тебя привезем, он непременно придет посмотреть на то, как свершится месть, — добавил Темир. — Что так будет правильно.

И снова — лихо. Он бы глядел, как меня мордуют, а после нанес последний удар, так сказать «фаталити». Ну и этих всех прибрал бы за одно, чтобы свидетелей не оставлять.

— Где живете? — спросил вдруг Стас.

— В Куркино, — отозвался мальчишка. — У нас там дом. Таунхаус.

— Куркино — это хорошо, — потер руки сыскарь. — Это удачно.

— Почему? — поинтересовался я.

— Там народ не сильно бедный обитает, — пояснил Стас. — Не «Рублевка», конечно, но и не спальный район. Это означает что?

— Что? — в один голос спросили я и Темир.

— Значит, камер там везде висит немало, — похлопал мальчишку по голове Стас. — И на домах, и на магазинах. И этот красавец не мог где-то не засветиться. У вас ведь в доме тоже камеры есть?

— Конечно, — кивнул парень. — Везде.

— Ну вот, — почти ласково произнес Стас. — А это уже что-то. Мало нам твоих «ну, русский. Обычный. Высокий». Нам конкретика нужна.

В кармане модной куртки Темира заиграл телефон, громко и настойчиво.

— Это дедушка, — пробормотал мальчишка. — Ой!

— И снова — удачно. — Стас запустил руку в куртку и вытащил вибрирующий аппарат. —

Ого, «Верту». А не рановато? Впрочем, пофиг. Але! Доброго вам утречка! Кто это? Это сотрудник московской полиции. Станислав меня зовут. Вот смотри сейчас на вашего внука и мое сердце обливается слезами. Бедный мальчуган, молодость свою под откос пустил!

Ему теперь не то что совершеннолетие в «крытой» встречать придется, он там и двадцатипятилетие отпразднует. За что? За все то хорошее, что он нынче сотворил.

Бандитизм, покушение на убийство, сопротивление представителям власти, нападение на этих самых представителей с применением огнестрельного оружия. Полный букет. Про всякие мелочи, вроде незаконного хранения огнестрельного оружия и организацию банды, я уж и не упоминаю. Что? Адвокат подъедет? Нет, адвокат нам ни к чему. Ему да, а мне нет. Мне другое от вас нужно. Нет, не деньги, хотя я их очень люблю. Поговорить надо, желательнее лицом к лицу, и не под протокол. О чем? О странном визитере, который к вам четыре дня назад в гости наведалься и кое-кого обвинил в смерти вашего сына. Темир? С нами приедет, куда он денется. Да цел, цел. Так, попинали его немного, чтобы не имел привычки одним людям в спину стрелять, а другим в лицо плевать, но от синяков пока никто не умирал.

— Ой, что теперь будет! — аж побелел Темир. — Дедушка за такие поступки меня... Ой!

— И правильно, — заметил я. — Даже врага надо уважать. И уж точно сразу не стоит стрелять, сначала надо всё выяснить. Ни при чем я, парень. Я, когда твоего отца в первый раз увидел, он уже был обречен, уж поверь мне. Не было у него шансов.

И я не врал. Так и было. Что же до его души... Про нее речь сейчас не шла.

— Договорились, — весело бросил в трубку Стас. — И еще — не надо резких движений и глупостей, уважаемый. Как я сказал пару минут назад вашему внуку — на дворе новейшее время, убивать уже не модно. Вот и хорошо.

— Ругался на меня? — как-то совсем по-детски спросил Темир. — Да?

— Уж не хвалил, — подтвердил Стас, после насторожился, неуловимым движением выхватил пистолет и наставил его на калитку.

Та, скрипнув, открылась, за ней стояла Светка.

— Тьфу ты! — мотнул головой полицейский. — Девушка, ну нельзя же так!

— Нельзя, — согласилась моя бывшая. — Так — нельзя. Смолин, можно тебя на минуту?

— Самое время для сентиментальных сцен, — буркнул Стас, убирая оружие в наплечную кобуру.

Мы вышли за ворота.

— Знаешь, ты был прав, — тихо и как-то отстраненно произнесла Светка. — Вчера, помнишь? Ты не тот человек, которого я когда-то любила. Тот не стал бы ввязываться в грязные истории, калечить людей и издеваться над подростком, почти ребенком.

— Не стал бы, — подтвердил я.

— Ты не волнуйся, теперь я тебя точно больше не побеспокою, — положила мне руку на плечо бывшая. — Просто потому, что с незнакомыми людьми я общаюсь исключительно по работе или необходимости. А тебя теперешнего я, выходит, не знаю совершенно. И знать не желаю. Прощай.

Она развернулась и неторопливо пошла к своему дому.

Наверное, по всем законам драматургии, я должен был смотреть ей вслед, и суровая мужская слеза обязана была сползть по моей небритой щеке, но на это все не было времени. И желания тоже.

Потому я просто вернулся на свой двор.

— Ну и? — Стас хлопал по щекам бойца, которого сам же оглушил. — Чего ей надо было?

— Сказала, что уходит от меня, — передернул плечами я.

— Так вы же и так в разводе?

— Снова. Дубль два. Причем теперь причина в том, что я стал таким, каким она не смогла меня увидеть тогда, когда бросила в прошлый раз.

— Ни пса я не понял из твоих слов, — заявил Стас. — Кроме одного — умер Максим, да и хрен с ним. Ты же не в печали?

— Не-а.

— Ну и ладно, тогда забыли, нам и без того есть чем заняться. И вот зачем я его так приложил?

Глава семнадцатая

Давно не испытывал такой зависти. С того самого момента, как на вечере встреч выпускников в своей школе побывал и заценил, какую себе машину один мой одноклассник прикупил. Нет, к автотранспорту я равнодушен, но сам факт того, сколько именно эта «тачка» стоит — он, конечно, убийственен. Правда, потом выяснилось, что это вовсе не его машина, а выставочно-автосалонная, и он, пользуясь своим статусом менеджера по продажам, ее позаимствовал на один вечер. Чего ни сделаешь ради хороших понтов. Но — сработало же! И парни все прониклись, не подавая, впрочем, никакого вида, и девушки тоже. А бывшая первая красавица даже более чем прониклась, она, я бы сказал, распростерлась. Кстати, именно Наташка потом и донесла до остальных весть о том, что Федот, так сказать, не тот. Преимущественно в нецензурных выражениях, разумеется. Вот и тут — завидую я Стасу. Умеет человек расставлять приоритеты и решать вопросы. Часа не прошло, а мы уже едем в направлении Москвы, не оставив на даче практически ни одного следа от произошедшего. Кое-как очухавшиеся визитеры погрузили в машины тех, кто еще пребывал в нирване, прихватили раненого, получили заверения в том, что Темир будет доставлен к бабушке, и отбыли в направлении ближайшего медпункта, а именно в поселок Вороново. Кровь с щебенки смыта, две пули из дома извлечены, мангал блестит как солнце. Плохо, конечно, что пробудившиеся наконец соседи видели момент отбытия незваных гостей, но это ладно. Наплету чего-нибудь своим старикам.

Вот бы мне научиться так же, как Стас, легко, ловко и последовательно воплощать в жизнь свои планы! Увы, увы, мои стихии — суэта и хаос. Всех только радостей, что именно из хаоса и зародилась наша Вселенная.

Он и сейчас, в дороге, время не терял, песоча какого-то своего коллегу.

— Меня не волнует, что телефон сел! Для кого «пауэрбанки» придумали? Нет, не только для безбашенной молодежи, но и для нормальных людей. Ладно, зола. Дуй в Куркино, адрес сейчас сброшу. Обойди все магазины, кафе, химчистки, и что там еще есть, рядом с адресом, пусть тебе четырехдневной давности записи с камер на флешку сбросят, отрезок между десятью и одиннадцатью часами утра. Что значит — «если не захотят»? Ты представитель власти, пусть попробуют. Ну а если совсем упорные попадутся, запиши кто. У меня в тамошнем РУВД приятель работает, мы им устроим веселую жизнь. Потом дуй к «гайцам» в управу... Да, к Машке Петровской, я ее сейчас наберу, она тебе с их камер в том районе тоже все сольет. И конфет ей купи! Шоколадных, она их любит очень!

При этом я еще на даче ему напомнил о том, что этого колдуна сам опишу во всех подробностях, так как на его рожу в ресторане почти час смотрел.

Но Стас сказал:

— Рожу в наше время тебе какую хочешь нарисуют, до такой степени косметология дошла, потому мне она не особо и нужна. Речь о его «тачке». Может, конечно, у него их целый парк, нельзя подобный нюанс со счетов сбрасывать, но, думаю, вряд ли все так обстоит. Вернее всего, гоняет он, родимый, по столице на одной и той же машине, у которой, как водится, есть номер. И вот по этому номеру его можно попробовать прищучить. Шанс невелик, но это лучше, чем ничего, согласись? Не знаю, как ты, но я сидеть на попе ровно и ждать, когда меня «грохнут», не желаю.

А вот Нифонтову он позвонил чуть ли не в самую последнюю очередь. Нет, я сам хотел Николая набрать, но Стас попросил уступить это право ему, уж не знаю отчего. Но спорить не стал. Какая разница, кто это делает? Причем он был очень немногословен, по сути, изложил только то, куда именно мы едем и зачем. И еще мне показалось, Стасу не пришелся по душе тот факт, что Нифонтов решил отправиться к бабушке Арвену с нами. Интересно, какая кошка между этими двумя пробежала? Но выяснять не стану, у меня своих проблем полно, только чужих не хватало. Тем более что при встрече они довольно дружелюбно обменялись рукопожатиями и сквозь зубы слова не цедили.

Дом у семейства Арвенов был не такой уж пафосный, каким мне представлялся. Да и не дом это был в полном смысле слова, а, скорее, его кусок. Или отдельно стоящий подъезд. Короче — таунхаус, причем не самый заковыристый из тех, что я видел.

Да и внутреннее убранство не поражало роскошью. Добротно — более чем. Комфортно — да. Но никакого мраморного пола, никаких подлинников «голландцев» на стенах. И золотого унитаза тоже, наверняка, не имеется.

Зато с охраной все в порядке. Пяток крепких ребят, как близнецы похожих на тех, которые сейчас зализывали раны в поселении «Вороново», попробовали потребовать оружие у моих спутников, чем вызвали их дружный смех.

— Какое именно? — чуть ли не вытирая слезы, осведомился у них Стас. — То, что при мне, или то, что я у ваших соплеменников отобрал? Шиш вам, орлы комнатные, причем вот такенный. Даже два!

Насупились охранники, как видно, обидными им слова полицейского показались, но до конфликта дело не дошло. Откуда-то сбоку набежала знакомая мне по клинике Вагнеров женщина, которую, если я не ошибаюсь, звали Лиана Мансуровна, и начала обнимать моментально засмутившегося Темира. Попутно она окинула нас коротким, но очень внимательным взглядом, и от меня не укрылся тот факт, что, заметив Николая, она слегка вздрогнула, причем в ее глазах мелькнуло узнавание.

— Так, гражданочка, — строго вмешался в процесс Стас. — Попрошу вас от молодого человека отойти, потому что его процессуальный статус пока еще не до конца ясен. Может, он подследственный, может — нет. Вот выясним, тогда и обнимайтесь.

— Мне казалось, по телефону мы обо всем договорились? — Человек, задавший этот вопрос, подошел сзади, причем никто из нас этого не услышал и не почувствовал. Ладно я, с меня взятки гладки, но эти-то двое? А если бы у него в планах было кому-то из нас глотку перерезать? Например — мне? С распаханым ножом горлом ни один ведьмак не выживет, враз мертвяком станет.

— Договорились, — всем телом, как волк, развернулся к говорившему Стас. — Но кто знает, вдруг ваши планы подкорректировались?

— Я никогда не изменяю своему слову, — с достоинством ответил старший Арвен. — Если что-то сказал — то так и случится, даже если мне обещанное станет невыгодно. Деньги, вещи, золото — это все приходит и уходит. Слава о тебе, как о человеке, остается. Если все будут знать, что я не хозяин своему слову, что я лжец — зачем тогда жить?

Странно, но мне сразу понравился этот человек. Странно — потому что именно он собирался меня убить, причем, если я верно понял, собственноручно. Но симпатия — штука такая, ей не объяснишь, что к чему.

И еще — статный, седоволосый, с орлиным носом и резкими чертами лица, старший Арвен совершенно не был похож на хрестоматийного дедушку. Нет, молодым его не назовешь, старикан, конечно. Но дедушка — это некто в тапочках, с палочкой, с ватой в ушах. А тут совсем другая картина.

— Капитан Нифонтов, — Николай показал ему свое удостоверение. — Могу я узнать ваше имя-отчество?

— Имран Салманович, — не стал чиниться Арвен, но руки никому из нас не подал. — Лиана, уведи моего внука в его комнату. Пусть он сидит там и ждет, когда я провожу гостей. Я буду с ним разговаривать после.

Сдается мне, Темир сейчас очень жалеет о том, что мы его не убили. По тону слышно, что ждут парня немалые неприятности. Такие, что, может, и с моими сравнятся.

— И больше не стреляй людям в спину, — с ехидцей напутствовал его Стас. — Настоящий мужчина смотрит своему врагу в лицо!

На щеке старшего Арвена дрогнула жилка, слова полицейского его, несомненно, задели. Но вместо того, чтобы как-то отреагировать, этот мощный старикан подошел ко мне.

— Значит, это вы тот самый Александр Смолин, — произнес он, меряя взглядом мое лицо.

— Верно, — не стал скрывать я. — И сразу скажу — к смерти вашего сына ни малейшего отношения не имею. Если не верите мне — спросите Петра Вагнера, он подтвердит. Да и логику можно немного потерзать, на предмет ответа на вопрос — чем мне мог помешать человек, которого я вообще не знал?

— Ну тут можно и поспорить, — влез в разговор Стас. — Были в моей практике случаи... Все, молчу.

— В сложившейся ситуации очень много вопросов, но почти нет ответов, — произнес старший Арвен. — Но для начала я предлагаю вам продолжить разговор за столом. Как говорят русские — в ногах правды нет.

— Ее вообще не существует, — продолжил ерничать Стас, старательно изображая из себя дурака, но меня он обмануть не мог. Мне уже был известен этот его взгляд. Наверное, так смотрит снайпер в прицел на свою цель. — Я вот по долгу службы ее ищу-ищу, а всё никак. — И тем не менее, — произнес Имран Салманович и не спеша отправился в правый коридор. — Прошу идти за мной.

Столовая меня опять же приятно удивила. Крепкая и немного громоздкая дубовая мебель, на столе никаких сервизов и непонятной снеди, вроде фуа-гры. Или фуа-гра? Зелень, лепешки, сыр, холодное вареное мясо, много терпко пахнущих соусов.

— Простая и сытная еда, — пояснил старший Арвен. — Она замечательно подходит для мужских разговоров.

— Полностью согласен, — кивнул я, и мой желудок подтвердил слова, выдав протяжную руладу. — Можно без церемоний?

Имран Салманович показал рукой на стол, и я тут же вцепился в ароматную и теплую лепешку, которая буквально манила меня румянностью боков.

— Что ты как из голодного края? — чуть недовольно поинтересовался у меня Николай.

— Со вчерашнего дня не ел, — прочавкал я. — Стасу хорошо, он шпикачек натрескался, а у меня росинки маковой во рту не было.

— Твоя бывшая что-то о борще говорила, — уточнил Стас. — Свежесваренном.

Я только глазами хлопнул, пережевывая кусок мяса.

— Сам виноват, — обличительно заявил полицейский. — Надо было сначала пожрать, а потом глупостями заниматься, вроде секса и войны.

Хозяин дома в наши разговоры не лез, помалкивал, ждал, пока мы наедемся. Даже улыбнулся пару раз.

Судя по всему, конфликт можно было считать исчерпанным. Если он усадил нас за свой стол — это что-то да значит. Этот старик не из тех, кто сейчас с тобой хлеб переламывает, а через минуту голову продырявит. Цельный человек, сразу видно.

И я все правильно прикинул, так оно и оказалось.

— Я мог бы вам сказать о том, что сожалею о случившемся, — медленно, точно отмеривая каждое слово, произнес старший Арвен. — Мог, но не стану. Дело сделано, ничего теперь не изменишь.

— Это верно, — невесело усмехнулся Николай, который за все это время не съел ни крошки из той снеди, что лежала перед нами на столе.

— Но мне очень важно понять, как случилось все то, что случилось, — сдвинул брови старик. — Это было... Неправильно. Другого слова подобрать не могу. Нет, я сейчас не о вашей стычке с моими людьми, хотя и она, разумеется, является ошибкой. Почему вышло так, что какой-то человек пришел в мой дом, сказал мне, что делать, и я его послушал? Когда я был вашим ровесником и часто думал чем угодно, только не головой, даже тогда никто не мог крутить мной, как пес хвостом. Скажите мне, кто это был. Я вижу, вы знаете ответ.

Я глянул на Николая, он на меня.

— Это плохой человек, — наконец ответил оперативник. — Он хочет смерти вот этим двум парням, и для достижения своей цели использовал вас.

— Гипноз? — уточнил Арвен. — Да?

— Что-то вроде, — признал Нифонтов. — Вроде того.

— Сильно «вроде», — приподнял бровь хозяин дома. — Я читал, что гипноз действует только тогда, когда сам гипнотизер рядом стоит. А я и потом, после его ухода, хотел этого мальчика убить, сердце ему вырвать собирался. Сегодня утром встал и думаю — откуда у меня такие мысли? Что творю, при чем тут этот Смолин? Потом узнал, что Темир с моими людьми уехал — испугался. Клянусь, впервые за много лет испугался. Кровь на руках в таком возрасте, как у моего внука — это горе. Это на всю жизнь метка. Да и наследили мы, когда тебя искали. Что твой адрес, что адрес родителей узнать было совсем несложно, но тебя там давно никто не видел, потому пришлось кое-кого просить о помощи.

— Главное, что никто не умер, — примирительно заметил я, искренне радуясь, что данный конфликт, похоже, исчерпан. — Уже хороший результат.

— Верно, — согласился со мной Арвен. — И раз об этом зашел разговор — сколько я должен за то, чтобы сегодняшняя история была всеми забыта? Назовите сумму, я расплачусь сполна.

— Мне ничего не надо, — пожал плечами я. — Будем считать, что едой компенсацию взял. Деньги я люблю, это так, но всему есть предел. Здесь и сейчас их брать не стоило, не та ситуация, не тот человек. А вот кое-что другое в качестве гонорара я бы принял, например, имена тех людей, которые ему помогли меня найти.

— Мы на государственной службе, — подал голос Стас. — Нам мзда не положена по должностной инструкции.

Он залез в карман куртки, достал из него пистолет в пакете и положил перед Имраном Салмановичем, сопроводив данное действие фразой:

— Нет тела — нет дела. Остальные стволы в багажнике одной из машин. Тема закрыта.

— Ты слишком хитер, чтобы все забыть, — возразил Арвен. — Ты свой долг с меня потом стребуешь, тогда, когда тебе это будет выгодно. Так ведь?

— Да, — не стал скрывать Стас. — Но больше, чем положено, не попрошу. Я меру знаю.

— Ну а вам деньги предлагать не имеет смысла? — спросил хозяин дома у Николая. — Верно?

— Как и что-либо другое, — подтвердил тот.

— Я вспомнил вашу фамилию, — положил ладони на стол старший Арвен. — Я встречал ее в бумагах сына. Старых, им уже несколько лет.

— Мы с ним общались, было, — ровно произнес Николай. — Я и с вашим внуком раньше встречался, приблизительно в то же время. Он как-то затерялся по зиме без следа рядом со своей школой, а мы с коллегой его отыскивали.

— Я заметил, что Лиана узнала вас. — Имран Салманович побарабанил пальцами по столу. — Скажите, вы имеете отношение к смерти моего сына? Я не буду мстить, мне просто хочется знать, почему он умер. В чем причина?

— Нет, — покачал головой Николай. — Это не моих рук дело. Но попадись он мне четыре года назад, я бы пристрелил его, не задумываясь. Или что похуже устроил.

— Жаль, что он не попался вам тогда, — тихо и печально произнес старик. — Лучше пуля, чем такая смерть, какую он принял.

— У нас разные точки зрения на этот вопрос, — жестко возразил ему оперативник. — Но это нормально. У вас свое горе, у нас тогда, четыре года назад, было свое.

— Предлагаю перейти от воспоминаний к дню сегодняшнему, — снова вступил в разговор Стас. — Имран Салманович, нам бы записи с ваших камер наблюдения. Очень хочется глянуть на внешность вашего гостя.

— Не получится, — усмехнулся Арвен. — Нет записей.

— Мне казалось, мы поладили? — прищурился полицейский.

— Записей нет, — повторил старик. — У меня в доме стоит отличная техника, я никогда не экономлю на безопасности своей семьи, но в этот раз она дала сбой. Не записалось ничего. Совершенно. Рябь на всех экранах.

Нифонтов коротко рассмеялся, Стас помрачнел.

— Ну хоть описать-то его сможете? — подумав, спросил он. — Поподробней, если можно. И, может, кто из охраны запомнил марку его машины, номер?

— Это пожалуйста, — согласился владелец дома. — Высокий, под два метра, черноволосый, усы подковой...

— Усы? — перебил его я. — Два метра? Коль, это не Эдуард!

— А ты думаешь, что он всякий раз будет выглядеть одинаково? — насмешливо отозвался оперативник. — Ну-ну.

В кармане взревел телефон, громкие звуки его сигнала заставили меня дернуться.

— Номер не определен, — заметил я, достав аппарат, а потом ответил на вызов: — Да, слушаю.

— Расстроил меня этот хрыч, — преувеличенно-грустно прошептал мне в ухо голос, от которого по телу прошла неприятная дрожь. — Я думал, он боец, а оказалось, лишь тень себя прежнего. Мельчают люди.

— Согласен. — Я сделал круглые глаза, давая понять своим спутникам, кто именно мой собеседник. — Не тот стал народ, мало на кого можно положиться.

— Но, с другой стороны, это всего лишь загонщики, чернь. — Колдун перестал шептать, заговорил обычно, как всегда. — Их дело бить в кастрюли и орать, дабы зверь сорвался с места и направился в нужную сторону. Свою задачу он выполнил, ты уже бежишь в ту сторону, где тебя ждет кто?

— Кто? — без тени издевки осведомился я. Нет, правда не знаю. Охота — не мое, в жизни на ней не был.

— Егеря, — ласково объяснил Кашеевич. — И вот они выгонят тебя под мой выстрел. Если сами раньше не прикончат, разумеется. Но в этом случае тебе будет умирать даже где-то радостно. Ты моя жертва, и тот, кто заберет у тебя жизнь, за это ответит. Согласись — с осознанием того, что будешь отомщен, умирать ведь веселее?

— Не знаю, не умирал, — хмуро ответил я. — И не стремлюсь. Я лучше тебя убью, и дальше спокойно жить стану.

— Прости за банальность, но заяц не может загрызть охотника, — рассмеялся мой собеседник. — Это смешно. Да, передай судному дьяку, что он слишком далеко зашел в моих поисках, он уже стоит на краю, далее начинается пропасть. Я не желаю вражды с отделом, но если они перейдут границу дозволенного, то могу изменить своим правилам. Так что пусть расслабится и не сидит за столом, подобно памятнику самому себе. Пусть хотя бы поест.

Он нас видит. Не только слышит, но и видит.

Я щелкнул пальцами, после показал на свой глаз и обвел рукой помещение.

— Ты забавен. — В трубке раздался бархатистый смех. — Право, мне будет тебя не хватать. Лето в столице скучновато, развлечений мало, а таких, как ты — особенно. И вот еще что — передай своему приятелю, тому, что в полиции служит, что я дарю ему свою машину, пусть на нормальном аппарате покатается напоследок. Она стоит на парковке

«Крокус Сити Холла», номер и место парковки сброшу СМСкой. Ключи в замке зажигания, документы в бардачке.

— Он будет очень рад, — пробормотал я.

— Конечно. Машина-то новая совсем, — колдун снова хохотнул, а после резко окликнул меня: — Ведьмак!

— Чего? — чуть не подпрыгнул на стуле я.

— Рога трубят! — снова шепотом сообщил мне Кашеевич. — Слышишь? Егеря уже совсем близко!

И повесил трубку, подлец!

— Эта гнида нас слышит и видит. — Я аккуратно положил смартфон на стол. — Камеру, наверное, куда-то зачихнул, скотина такая!

— Исключено, — воспротивился хозяин дома. — Моя охрана каждый день проверяет все помещения на предмет наличия подслушивающих устройств, я этот обычай завел еще тогда, когда от дел не отошел, и ему не изменяю. У них лучшие сканеры из существующих, потому что я...

— Не экономите на безопасности, — закончил за него Нифонтов, обводя взглядом потолок. — Спорить не стоит, вы оба правы, нет тут «жучков» и камер. Но он все равно все видит, и я догадываюсь, как именно. Хитер!

— Он просил передать тебе, что ты зашел слишком далеко, — хмуро выполнил я поручение колдуна. — Если пойдешь дальше, то он тебя убьет.

— Штаны сухие, — потрогал ширинку Николай. — Значит, не испугался. Что еще?

Пискнула трубка, сообщая о том, что поступило сообщение.

— А еще вот номер машины и места, где она припаркована, — показал я трубку присутствующим. — Она теперь твоя, Стас. Это тебе подарок от нашего друга. Ключи в замке, владей и катайся.

— Щедрый какой, — фыркнул полицейский. — Но пусть будет. Я, как мы свое дело сделаем, его труп хлорочкой посыплю, в полиэтилен закатаю, в багажник уберу, отгоню эту машинку верст за сто от столицы, и в каком-нибудь озере покрупнее ее утоплю. И все останутся довольны.

— Если бы все было так просто, — вздохнул Николай. — Ладно, пошли на улицу, покурим. Сашка, ты с нами?

— Само собой, — поднялся я из-за стола, представляя, как сейчас смеется над нашими наивными действиями и словами мой враг. — Надо свежего воздуху глотнуть.

— А теперь все в деталях, — сухо скомандовал мне сотрудник Отдела, как только мы вышли из дома. — Дословно!

— Он точно нас сейчас не видит? — деловито поинтересовался полицейский, озираясь. — Вон та ворона какая-то подозрительная. Чего она башкой крутит?

— Стас, с ума не сходи — покрутил пальцем у виска Николай. — Ну да, случается, перекидываются люди в птиц или животных, но ради наших секретов никто таким заниматься не станет. Это себе дороже может выйти.

— Но там-то он что-то учудил, — потыкал пальцем Стас в сторону входа в дом.

— Где-то стоит «темный глаз», — пояснил Нифонтов. — Заклинание сложное, затратное, но действенное. Потом Вику надо сюда направить, пусть она его снимет.

Из дома вышел Имран Салманович и приблизился к нам.

— Тот, кто приходил — он ведь не человек? — решительно спросил он у нас. — Ведь так? Я хотел бы знать правду.

— Не совсем, — выдержав паузу, все же ответил Нифонтов. — Что-то людское в нем еще осталось.

— Даже могу сказать, что именно, — хмуро продолжил я. — Мстительность. Вам лучше бы уехать из города, и желательно куда подальше. Он не очень доволен тем, как все вышло, поэтому может устроить какую-нибудь гадость. И охрана вам не поможет, поверьте.

— Так и думал, — глубоко вздохнул мужчина. — Я стар, но еще умею связывать факты воедино. Еще один вопрос — он как-то связан со смертью моего сына?

— Нет, — покачал головой Николай. — Никак. Ваш сын умер исключительно из-за собственной самоуверенности и жадности власти. И я даже извиняться за свои слова не стану, потому что все обстоит именно так. Он хотел получить то, что ему не принадлежит, и слишком далеко зашел в своих действиях. Есть вещи, которые не предназначены для всех, ему об этом говорили, его не раз предупреждали, но он был глух. Вот результат.

— Руслан никогда не терпел запретов и ограничений, — опустил глаза Арвен. — Да, извинения тут ни к чему, за правду прощения не просят. Я вас оставлю на некоторое время, мне надо сказать Лиане, что мы уезжаем.

Пользуясь моментом, я наконец-то рассказал своим приятелям всё, что говорил колдун, и их услышанное не порадовало.

— Из одной задницы в другую, — сплюнул Стас. — Коль, что он мог иметь в виду, говоря о егерях?

— А я откуда знаю? — даже удивился оперативник. — Вот ты спросил! Поживем — увидим.

— Если это будет что-то очень резкое, то, возможно, и не поживем, — мрачно напророчил Стас. — Или не переживем. Да елки-палки, может, тоже свалить из Москвы куда подальше? В Калининград, или на Ямал. У меня там армейские кореша проживают, тоже по нашему ведомству служат. Всяко схорониться помогут.

— Валяй, — согласился Николай. — Ты в эту замочку случайно влип, по сути, претензий к тебе нет и быть не может. Одна благодарность. Если бы не ты, то Сашка сейчас мог бы с незапланированной дыркой в голове лежать.

— Мне кажется, мы сможем его прищучить только в одном случае, — обреченно произнес я. — Если он допустит какую-то оплошность, а мы ее не прозеваем. Других шансов в принципе нет.

— Свежая, оригинальная мысль, — поаплодировал мне оперативник. — Как мы до такого сами не додумались?

— Не к месту шутишь, — неожиданно поддержал меня Стас. — По факту он прав. Всё, что нам остается — это охранять Сашку и следить, куда кривая выведет. Всё. Подходов к нему нет, ниточки все перерезаны. Как эти егеря нагрянут, так их и будем брать в оборот, если получится. Авось, чего и прояснится.

— Написали на бумаге, да забыли про овраги, — пробормотал Николай. — Знать бы еще, что это за егеря такие. Вот что он имел в виду? Хитрый, гад. Ведь с этим Арвеном он против всяких стандартов сработал. Мы у себя чего только не передумали, а он вон чего выкинул.

— Ждать, — уверенно сказал Стас, и даже воздух рукой рубанул, неуловимо-знакомым кинематографическим жестом. — Это самое разумное в данный момент. Начнем суетиться — сами себе навредим.

— Тебе хорошо, — печально вздохнул я. — Ты билет на самолет до Калининграда возьмешь, и уже завтра утром будешь в Балтийское море поплевывать, копченую рыбку кушать и на берегу янтарь искать для сувениров. А мне тут под смертью ходить. Вообще-то, если честно, я всерьез начал подумывать о том, что мой давний план не лишен смысла. Ну тот, который предусматривает спешный и срочный побег из родной страны в какое-нибудь дальнее безвизовое зарубежье, желательное расположенное близ теплого, синего и ласкового моря. И только одно меня смущало — деньги и загранпаспорт лежат в сейфе, дома. А туда соваться было небезопасно, это я всем нутром чуял.

— Да куда я поеду? — отмахнулся Стас. — И что мне потом, всю жизнь в бегах провести? Нет, этот узел надо сейчас рубить, пока у нас троих интересы совпадают. Вместе, может, и справимся. Поодиночке точно нет.

— Пойдем уже, — предложил Нифонтов. — Тут делать больше нечего. Разве что Вика потом подъедет, заклинание снимет. Боец, хозяина позови. Мордатый охранник выполнил его просьбу без малейших возражений, и через пару минут Имран Салманович деловито кивал, слушая Николая.

— Важно — в доме ни слова о том, куда отбываете, — деловито вещал тот. — В смысле — правдивого. И тем охранникам, что тут останутся — тоже. Поверьте, это в ваших интересах.

— Уже подумал об этом, — кивнул седовласый кавказец — Все сделаю.

— Когда вы отбудете — напишите мне об этом, — попросил Николай. — Я попрошу нашу сотрудницу, она кое-что в вашем доме подчистит. То, что сканеры не находят.

— Пусть она сейчас этим вопросом займется, если это возможно, — попросил Арвен. — Я вышлю за ней машину и обратно после доставлю. Мне очень не нравится, что мой дом перестал быть моей крепостью.

— Пока вы тут, она не придет, — покачал головой Николай. — Скромная очень.

Ну да, скромная. Мой знакомец боится, как бы Вика, услышав фамилию Арвен, не выкинула какой-нибудь номер, вроде дополнительного проклятия.

А вообще, правильно. Ни к чему Виктории подобные эмоциональные встряски. Ей и так досталось в этой жизни, куда уж больше?

Мы уже почти вышли за ворота, когда я вспомнил об одной вещи, которую хотел выяснить.

— Имран Салманович, — окликнул я Арвена, который что-то негромко втолковывал охраннику. — Можно еще один вопрос?

— Разумеется, — кивнул тот.

— Скажите, кто меня сдал? — подойдя к нему, тихонько произнес я. — Вагнер? За пакет акций?

— Нет, — покачал головой старик. — Впрочем, если бы я ему их предложил, он бы не отказался, как мне кажется. Но я обратился к другому человеку. Мы с ним несколько раз делали бизнес, он остался мне кое-что должен. Я обменял долг на сведения.

— Ряжский? — помедлив, уточнил я. — Верно?

— Верно, — подтвердил Арвен. — Это была выгодная сделка, так что не стоит судить его слишком строго.

— Вы бы на его месте поступили так же?

— Я не знаю, какие вас связывают отношения, — уклончиво ответил Имран Салманович. — Мне трудно судить.

— Все больше пустяшные. Я разок спас ему жизнь, супруге помог обрести потерянное наследство. Ничего серьезного.

— Люди дела часто отличаются от остальных, — помолчав, сообщил мне Арвен. — Они мыслят другими категориями.

— Ну да, ну да, — почесал подбородок я. — Спасибо вам. И — рад знакомству.

— Если станет очень жарко — буду рад видеть тебя своим гостем, — внезапно огорошил меня Арвен. — Приезжай в Махачкалу, набери меня. Вот визитка. Так в горах спрячем — никто не найдет. И приятеля своего можешь взять, того, который за своими словами не следит. Он мужчина, воин, я вижу, а глупость... Она, как и юность, со временем пройдет, если не убьют раньше. А вот второму твоему другу в моем доме делать нечего. Да и не друг он тебе, поверь старику.

— Спасибо. — Я убрал визитку в карман и пожал ему руку. — Жизнь веселая пошла, может, и наведаюсь в гости.

Мои спутники уже сидели в автомобилях, каждый в своем.

— Куда едем решили уже? — первым делом спросил я у Стаса, когда плюхнулся на сидение рядом с ним. — Сдается мне, домой нельзя.

— По-любому, — подтвердил Стас и повернул ключ в замке зажигания. — Но нам туда и не надо. Есть пара мест, про которые никто ничего не знает и где можно отсидеться. Жратвы только надо прикупить.

Мотор взревел, и мы отправились туда — не знаю куда.

Глава восемнадцатая

Мне снилась Морана. Нет, не так как обычно, не в системе «5D» с эффектом присутствия, то есть без тумана на реке Смородине, разрушенного моста, терема и всей прочей атрибутики. Это был обычный сон, сплетенный из отрывков воспоминаний, странных ассоциаций и, если верить ряду хиромантов и доморощенных чародеев из «Ютуба», мелких знамений, по которым можно предсказать ближайшее будущее.

Она что-то говорила, но я ее не слышал и не понимал. Причем время от времени в руках ее появлялась ярко-светлая полоса — то ли язык первородного огня, то лента, с которой гибкие гимнастки выступают в произвольной программе, то ли еще что-то, возможно, вовсе не имеющее названия. А иногда она начинала мне грозить пальцем, как видно за то, что я ленив и нерасторопен.

Не знаю, с чего меня на подобный сон пробило. Вероятно, виной тому была усталость, которая навалилась на нас со Стасом сразу после того, как мы вошли в небольшую однокомнатную квартиру в районе «Петровско-Разумовской». А может, причина таилась в посредственном коньяке, бутылка которого была распита на двоих с целью эту самую усталость немного развеять.

— Да проснись уже, ведьмак! — в какой-то момент наконец-то во сне появился звук. — Погибель близко!

Окрик прозвучал настолько резко и неожиданно, что я на самом деле проснулся. Грань сна и яви всегда тонка, потому первые секунды я пытался сообразить — это мне там, в мире теней, команду отдали, или тут, в реальности, кто-то шумнул?

Стас, лежащий на тахте в другом конце комнаты, всхрапнул, гулко пустил «злого духа», перевернулся на другой бок и снова мерно засопел.

Лунный свет лился из незашторенного окна с мутными грязными разводами, освещая убогую мебелировку нашего нового жилья и небуранный бардак на круглом столе. Леня нам было посуду мыть, оставили мы данное занятие на утро.

Но что-то все равно было не так, и именно осознание этого окончательно вырвало меня из цепких объятий дремы. А потом я понял, что именно не так.

В коридоре ярко-белый и отстраненно-холодный лунный свет смешивался с другим цветовым оттенком, изумрудно-зеленым. Планировка здесь была точно такая же, как и в

моей квартире, дом-то типовой. Разве что лифта тут не имелось, да метраж чуток поменьше, а в остальном — один в один.

И в коридоре здесь, как и у меня дома, тоже стояло зеркало, вделанное в гардеробную стойку. Большое и вытянутое.

Воистину, история всегда повторяется дважды, вот только на фарс это все очень и очень не похоже. Зеленый свет — это плохо. Очень, очень плохо!

И словно в подтверждение моих мыслей, на лунно-зеркальную дорожку легли две тени, как овеществленный детский кошмар. Каждый из нас в нежном возрасте хоть раз да не мог ночью заснуть, чутко ловил шорохи уснувшей квартиры, неразличимые днем и пугающие ночью, и со сладким ужасом смотрел на яркую полосу света, расчертившую пол, ожидая что вот-вот на ней появится тень неведомого существа, которое пришло за тобой. Тень не появлялась, но страх тех времен по-прежнему живет в каждом из нас.

А у меня он стал реальностью. С той, правда, разницей, что я знаю, кто пожаловал в наше временное пристанище.

— Стас! — рявкнул я, вскакивая с дивана и бросаясь к креслу, на котором лежали мои джинсы. — У нас гости!

— Так даже лучше, — пронесся над комнатой шелково-шелестящий интимный полусшепот. — Не люблю сонным глотки резать!

Гости уже стояли в дверном проеме. Обе, двое. Красивые, стройные, в коротеньких стильных кожаных куртках, и смертельно опасные. О последнем мне неистово сигналили все чувства, которые только имелись в наличии.

— Договор никто не отменял, — первым делом заявил я, сжимая в руках ведьмачий нож, который я, к своему великому стыду, забыл вогнать в притолоку входной двери. С другой стороны — может, и удачно, что я этого не сделал. Любой запрет можно обойти, особенно если учесть, что это не родные стены, и они не должны меня защищать, а другого оружия под рукой нет.

Наверное, забавно я выгляжу сейчас. В одних трусах, взъерошенный, сонный, но зато с ножом.

— Ты его нарушил первым, ведьмак, — холодно сказала мне одна из ведьм. — И за это ответишь.

— Вроде мы шлюх не вызывали? — удивился Стас, в отличие от меня уже вполне бодрый и с пистолетом в руках. — Но если что, я пялю вон ту, с ямочками на щеках. Люблю таких! Вот чего он влез? Естественно, ведьмы тут же перешли в атаку. Они хоть и аморальные по своей сути существа, но все же женщины, которым подобные сравнения никогда не нравятся. Даже тем, кто на самом деле занимается данным древнейшим ремеслом.

А можно было вытащить из них информацию.

Кудрявая синеокая ведьма сиганула ко мне, сразу же, одним прыжком, преодолев все пространство комнаты, вдобавок при этом чуть застыв в воздухе, в стиле «Матрицы». Из ее пальцев вылезли длиннющие жуткие и очень острые когти.

Как увернулся — понятия не имею, но они врезались в стену совсем рядом со мной, вспоров дешевые обои и со скрежетом выбив серую каменистую крошку.

Я рухнул на затрепавший диван, с которого немедленно соскользнул на пол, попутно ругая себя за то, что не последовал своему же собственному доброму совету и не взял несколько уроков ножевого боя. Ведь думал об этом, думал!!!

Ладонь миглом вспотела, одна радость — рукоять ножа сделана по уму, она шершавенькая, не выскользнет.

Грохнул выстрел, но, увы, увы, пуля ударила в стену, не причинив второй ведьме ни малейшего вреда. Краем глаза я увидел, как хлыст, неведь откуда появившийся у противницы Стаса, за секунду до выстрела обвил руку полицейского, дернув ее вверх. А секундой позже пистолет вообще полетел в угол.

— Ну, кого ты хотел пялить? — Голос ведьмы был одновременно распутным и жутковатым. Не знаю, как подобное может сочетаться, но так есть. — А?

Удар! И я успел перекатиться по полу, а когти моей врагини оставили на допотопном паркете четыре глубоких зарубки. Блин, Фредди Крюгер какой-то!

Может, я все еще сплю? Хоть бы, хоть бы!

Крик Стаса, который, как мне казалось, вообще не подвержен страху как таковому, сообщил мне, что наши дела, похоже, идут не ахти.

Хотя я его понимаю. Если бы я увидел, как пальцы руки грудастой красотки с ямочками на щеках превращаются в четырех маленьких гадюк, которые тянутся своими жалами к твоим глазам, то тоже бы орал не переставая.

— Машка, хорош забавляться! — рявкнула моя преследовательница. — Прикончи человека и хватай этого живчика! Я хочу печень у него вырезать заживо, она мне потом пригодится!

Я снова махнул ножом, отгоняя ведьму, которая, зная только скалила рот в усмешке, и снова запрыгнул на диван, прижавшись рукой к стене.

Черт, черт, все мои иголки, порошки и прочее — мишура. Не тому я учился все это время, не тому! Вот она, смерть, рядом стоит, и я перед ней бессилён! Почти бессилён!

Выстрел! И сразу крик той, кого моя убийца назвала «Машкой». Второй выстрел, и красотка с ямочками отлетает на пол, на животе у нее два темных пятна, а у Стаса в руках маленький, почти игрушечный револьвер, который он непонятно откуда взял.

И самое главное — потенциальная владелица моей печени отвлеклась, с удивлением уставившись на свою подругу, корчившуюся на полу. Это был шанс, упускать который я не собирался.

Прыгнул я не хуже, чем она, и со странным, практически физическим удовольствием ощутил, как нож вошел в ее правый бок.

Ох, как она заорала! Мало того — место разреза вдруг полыхнуло алым, и мой нос ощутил запах горелой плоти.

— Н-на! — заорал я, извлекая нож, и во второй раз втыкая его в женское тело. — Печень ей мою! Подавишься!

Вспышка, да такая, что я на миг ослеп.

— Твою мать! — выкрикнул Стас, и снова выстрелил. — Сашка!

— Уходим! — метнулся по квартире женский утробный визг, послышался стук каблучков по полу, сопровождаемый стоном.

Когда я проморгался, ведьм в комнате уже не было.

— Твари! — прорычал Стас, подхватывая свой «кольт» с пола. — Вот я вам!

Выскочив в коридор, мы успели увидеть, как две женские фигуры канули в зеленом мутном мареве, перед тем закапав своей кровью всю гардеробную стойку и пол рядом с ней.

Бэнг! Бэнг! Бэнг! Две пули ушли в сторону неприглядного болота, лежавшего по ту сторону рамы, третья расшибла на осколки гладь зеркала, снова ставшего самим собой.

Сразу после этого Стас устало оперся спиной о стенку и выдал невероятно умело сплетенную матерную тираду, в которой высказал все, что он думает о нашем мире, устройстве Вселенной и женщинах, приходящих незваными в ночи.

Я даже заслушался.

— И кто это был? — выговорившись, осведомился у меня полицейский, махнув пистолетом в сторону разбитого зеркала.

— Ведьмы, — предельно честно ответил я.

— Это-то ясно, — хмыкнул Стас. — Ведьмы, падлы, твари. И все-таки?

— Естественно — ведьмы, — отчего-то рассердился я. — Как они есть. Или ты думаешь, у них всех нос крючком, бородавки на щеках и кулинарная книга по приготовлению Ивашек под мышкой? Вот такие они теперь. Одеваются в бутиках, пользуются хорошим парфюмом, посещают стилистов. Сериалы смотрят.

— Офигеть. — Он глубоко вздохнул, и сполз по стене на пол. — Но зато это много объясняет. Я всегда за своей бывшей женой неладное подозревал. Думал — мерещится, а оказалось — интуиция. Слушай, у нас коньяк остался? Или мы весь допили?

На наше счастье, на дне еще плескалось немного янтарной жидкости, употребив которую, мы немедленно взяли за тряпку, веник и совок. На этом настоял Стас, и не напрасно — через десять минут к нам пожаловали в гости два поджарых сержанта, которых вызвали соседи, перепуганные стрельбой, криками и грохотом.

Если бы не «ксива» и умение моего приятеля вести беседы с себе подобными, точно рассвет в «обезьяннике» пришлось бы встречать. А так они походили по квартире, заглянули на балкон и в кухню, с некоторым недоверием осмотрели метки когтей на полу (стену мы прикрыли креслом) и, наконец, ушли.

Зато следом за ними примчался хмурый и осунувшийся Нифонтов, которого вызволил я. После нашего достаточно сумбурного рассказа он помрачнел еще больше.

— Если бы не эта «пукалка» — кранты, — в очередной раз произнес Стас и погладил маленький револьвер, который, как оказалось, он всегда носил на ноге, в специальной кобуре, и не снял перед тем, как уснул. — Правильно я его тогда в вещдоки не сдал! Правда, теперь придется утопить. Я той стерве два раза в брюхо пальнул, с такими ранениями она долго не протянет. Разве что хирург хороший попадет, но все одно «огнестрел» зафиксируют.

— Забей, — посоветовал ему Николай. — Поверь, она нас с тобой переживет, и без всяких врачей. Вот вторая — не факт, не факт. Сашкин ножик для их племени куда страшнее, чем твоя игрушка. Говоришь, в бок ее ударил?

— Два раза, — подтвердил я. — Почти на полную длину нож вошел, до кишок достал.

— Значит, жизни ей до сегодняшнего заката осталось, — подытожил оперативник. — Кабы не меньше. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Ведьмы и так на тебя злы невероятно, а тут еще это...

— Я не нападаю, я защищаюсь. Все по правилам было. И вообще непонятно, чего они на нас набросились!

— Это-то как раз и не тайна. — Николай взял пустую бутылку, тряхнул ее, и с сожалением поставил обратно на стол. — Пазл потихоньку начинает сходиться, парни, вот только радостным данное утверждение назвать сложно.

— Хотелось бы подробностей, — попросил Стас. — Заканчивай нагнетать атмосферу, давай конкретику.

— Нет проблем, — покладисто согласился оперативник. — Вчера днем недалеко от дома Сашки, в парке, была убита ведьма, и все следы, какие только можно, ведут напрямиком к нему.

— Какие следы? — опешил я.

— Разные. — Николай задумчиво начал изучать потолок. — Показания подруги, которая утверждает, что покойная жаловалась на ведьмака по имени Александр, который всю последнюю неделю не давал ей покоя, а под конец открыто угрожал расправой. Еще то, что за пять минут до смерти ты ей звонил. Ну и съемка с парковой видекамеры. Лица там не видно, но со спины — чистый ты.

— Аргументированно, — признал Стас. — Если бы Сашка все это время не был со мной, улики на то, чтобы его как минимум задержать, мне бы хватило.

— Вот и им хватило, — поддержал его оперативник. — Но они не следственные органы, они сходу приговорили его к смерти. Прямое нарушение договора о ненападении, все просто и банально.

— Да уж, просто, — поежился я, осознавая, в какую задницу попал.

Ведьмы в качестве врагов — это не край бездны, это полет к ее дну. Мне кранты, это факт.

— Егеря, господа, — припечатал ладонь к столу Нифонтов. — Вот и егеря. И да, они выгонят зверя хоть под выстрел, хоть куда еще. А с учетом двух нынешних подранков ситуация стала совсем паршивой.

— Одного понять не могу, — поделился с нами Стас. — Как они нас нашли? Это оперативная квартира, про нее мало кто знает. Специально ее на чужой «земле» заимели, чтобы агентуру не палить. И уж вообще никто не в курсе, что мы сюда заселились, я даже своим парням про это говорить не стал.

— Уже думал, — кивнул Николай. — Ответа пока нет. Но да — странно. Мало того — откуда им про тебя вообще знать? Если только колдун донес, но это крайне маловероятно. Он явно их разыгрывает втемную, в отличие от Арвенов. Из очевидного имеется только одна версия, что Сашку по крови отследили, но откуда у ведьм она взяться может? Он с ними дел никаких не имел, насколько я помню? По крайней мере таких, чтобы в них кровь лить. А по волосу или следу так четко не определишь местонахождение, это точно.

— Нет, — подтвердил я, и тут же опроверг собственные слова: — Стоп! Имел! Ах, тварь такая!

— Ты о чем? — немедленно уточнил оперативник.

— Стелла! — стукнул я его в плечо. — Воронежская! Парикмахерша хренова! Это все она! Ну помнишь, мы «пиявца» угробили? Он мне весь бок располосовал тогда, я кровью там пол будь здоров как забрызгал! И главное — когда успела? Я же за ней следил все это время!

— Было такое, — встрепенулся оперативник. — Вот ведь. А я и забыл совсем про ту переделку. Тогда все ясно.

— Не всё, — хмуро возразил Стас. — Неясно, что мы дальше делать станем.

— Думать, — буркнул Николай. — Просчитывать вероятности. Не исключено, что вам вообще из города придется исчезнуть на какое-то время.

— Теперь это как раз не вариант, — возразил я. — Раньше — да, были у меня такие мысли. Но если я теперь сбегу, то беда будет, это ж, считай, признаю свою вину. А за мной ее нет. Так что — и не подумаю. У меня другое предложение имеется.

— Изложи, — попросил оперативник.

— Да не вопрос. — Я достал из кармана джинсов свой смартфон. — Мало того — я сразу его реализую. Так сказать — следите за руками.

Гудок, второй, а после в трубке прозвенел голосок, который я ни с кем не спутал бы. Уж при очень веселых обстоятельствах он мне в душу запал.

— Стелла Аркадьевна, — как можно слаще проговорил я. — Мое почтение. Дико извиняюсь, что в такое раннее время звоню. Но, с другой стороны, что-то мне подсказывает, что вы и не спите. Ночь — она же не для сна, правда?

— Александр Смолин, — еще медовее откликнулась ведьма на том конце провода. — Не скажу, что удивлена. Я сразу сказала, что ты куда умнее, чем кажешься со стороны, и, если уцелеешь, то очень быстро протянешь ниточку ко мне. Да-да, ведьмак, вот такое странное вышло совпадение — ты убил ведьму из того ковена, к которому принадлежу я. Чудны извивы судьбы. Или это не случайность? Впрочем, неважно. Так вот — у нас тут даже небольшой спор вышел насчет твоей смекалки, и я, выходит, его выиграла. В благодарность за эту пусть маленькую, но победу, дам тебе совет — умертви себя сам. Для тебя на текущий момент — это лучший выход из ситуации. Поверь, самоубийство меньший грех по сравнению с тем, что планируют в отношении тебя мои сестры.

— Услуга за услугу, — дружелюбно отозвался я. — Готовьте попки для порки, славные ведьмочки. Вы нарушили договор, которому невесть сколько лет, и это вам с рук не сойдет. Не скажу, что я самый авторитетный ведьмак из всех, что проживают в Москве и области, но я все равно один из. Я принят в Круг старейшинами, пил круговую чашу и плясал в церемонии, потому на меня распространяются и ведьмачьи обязанности, и ведьмачьи права. По обязанностям я соблюдал договор, не причиняя вреда ни одной ведьме, потому имею полное право на поддержку собратьев в этом конфликте. Будет война, ведьма, я свою обиду никому с рук не спущу!

— Ты рехнулся, Смолин? — тон Воронежской неуловимо изменился. — На твоей совести кровь и смерть наших сестер, это доказанный факт!

— Кем доказанный, Стелла? — снизил обороты я. — Кем? У меня хренова туча свидетелей, которые подтвердят, что я никого пальцем не трогал. Ну из вашей когорты, имеется в виду, так-то вчера разное случалось.

— Твоим свидетелям грош цена, — фыркнула ведьма. — Я, если надо, найду десяток видоков, которые засвидетельствуют тот факт, что крокодил по небу гулял и между делом солнышко съел. И все они реально будут верить в то, что это видели. Ни один детектор лжи не засвидетельствует.

— Хрен с ними, с людьми, — согласился я. — Но есть камеры наружного наблюдения, ими вся Москва утыкана. Их никакая магия не надурит, потому как против техники нет у нее методов. Молоток если только... Стелла, поверь, мне не нужна война, у меня других проблем полно. И никому она не нужна, согласишься? И еще — отвечаю, вас играют в темную. И это не только моя точка зрения.

Николай и Стас одновременно одобрительно кивнули.

— Звучит убедительно, — протянула Воронежская. — Что ты предлагаешь? Сразу скажу — мне не по чину принимать решения, но твое послание кому надо я передам, причем в точности, не меняя ни слова. Ты мне всегда был симпатичен, ведьмак, я не хочу твоей смерти. И потом — мы с тобой так и не закончили одно дельце. Интимное.

Хороший признак, она почуяла перемену ветра. Значит, я правильную политику веду.

— Конфликт есть, его надо урегулировать, пока не пролилось много крови. Но такие вещи делаются не по телефону, а лицом к лицу, чтобы все было предельно прозрачно. Я готов к встрече с предводительницей вашего ковена. Понимаю, что мне подобное не по чину, где она и где я, но и случай, согласишься, необычный. Гарантом безопасности в данных переговорах выступят сотрудники отдела 15-К, который всем нам хорошо известен. Этот момент я с ними сам согласую.

Николай задрал брови вверх, как бы говоря: «Да? А я и не знал!».

— И еще, — продолжил я. — Одна из твоих сестер, скорее всего, в ближайшее время испустит дух, не так ли? Я крепко ее подрезал, защищаясь. Так вот — я готов еще до начала переговоров, в качестве жеста доброй воли, снять с ее раны проклятие ведьмачьего ножа. Дальше все будет зависеть от нее самой. Выживет — выживет, нет — значит нет. Теперь — всё.

— Я перезвоню, — уже без малейшего наигрыша, деловито-сухо сказала Стелла, и связь прервалась.

— Красиво, — одобрил Стас, выщелкивая обойму из пистолета. — Верно рулишь, Саня. Такие нарывы так вскрывать и следует.

— И с жестом доброй воли хороший ход, — добавил Нифонтов. — Хотя мог бы сначала согласовать свои действия. А вдруг я против выступать гарантом?

— Не вопрос, — передернул плечами я. — Позвоню Ровнину, он точно будет не против в таком мероприятии поучаствовать. И еще — Коль, не забывай, я не твой коллега, мне ничего ни с кем согласовывать не надо.

— Всё-всё-всё, — выставил перед собой ладони оперативник. — Понятно. Давай выдохнем и чуть успокоимся.

Стас снова глянул на пустую бутылку и скорчил грустную рожицу. Мол — поди тут, успокойся.

— Забавно будет, если вместо ответного звонка они пойдут на повторный штурм, — вдруг сказал он. — Злость иногда побеждает разум, по себе знаю.

— Вряд ли, — усомнился Нифонтов. — С людьми такое возможно, с ведьмами — нет. Их рационализм и эгоизм в поговорки вошли. Позвонят. Другое дело, что они попытаются из этой ситуации максимум выгоды выжать, но это уже предмет торга.

— На меня где сядешь, там и слезешь, — почесал живот я. — Черт, вот нет тут моего Родьки. Сейчас бы отправил его к соседям, чтобы он у кого-нибудь бухла умыкнул. Вечно его за это ругаю, но...

— Кхе-кхе, — кашлянул кто-то у входа в комнату.

Щелкнула обойма, мигом вставленная в рукоять пистолета, да и мой нож тут же сверкнул под электрическим светом лампочки, сияющей под потолком. Люстры или плафона в этой квартире не имелось.

— Извиняюсь. — В дверях мялся домовый. — Я это... Послали меня.

— Обчество? — уточнил я.

— Оно, — с достоинством ответил гость, старательно отводя взгляд от Стаса, который разве что только челюсть не отвесил до пола. Всякое он за пару дней со мной повидал, но такого не видел. Да и то — ведьмы были бабы как бабы, Кашеевич тоже человеком выглядел, а подъездный — он колоритный.

— Рад буду услужить, — встал со стула я. — Извини, суседушка, не поприветствовал тебя так, как Поконом заповедано. Как имя-отчество твое?

— Да ничего, — шаркнул ножкой подъездный. — А величают Михеем Василичем. Так я чего пришел-то. Мы тут живем тихо, спокойно, в доме нашем сроду ничего такого не случалось. А тут — ведьмак, бабы лютые, теперь вон судный дьяк пожаловал. Знать желательно, чего еще ждать? К чему готовиться? И еще это... Как сказать-то...

— Если что — мы дом защищать станем любой ценой, — подсказал ему я. — Верно?

— Ох! — подтвердил подъездный. — То долг наш. Для того мы поставлены.

— Не будет больше шума, — заверил визитера Николай. — Кончилась война, не начавшись.

— И хорошо, — с облегчением выдохнул Михей Василич. — И славно. А я вот тут услышал, что вам выпить желательно. Мы так-то это дело не жалуем, зелено вино, то есть, но гость есть гость.

Он вытянул руку, в которой обнаружилась бутылка коньяка «Курвуазье», причем не абы какого, а «Initiale Extra». Уж не знаю, где подъездные ее раздобыли, но — впечатляло.

— Может — с нами посидите? — спросил я, принимая с полупоклоном у него подарок. — Хороших собеседников в компании много не бывает. И обчество зовите. Пиццу заказать можем.

— Пойду я, — отказался Михей Василич. — У вас свои разговоры, мы же с понятием. Только это... Не надо больше ничего такого. Отвыкли мы от подобного.

Он поклонился, а после только мы его и видели.

— Это кто такой был? — положил пистолет на стол Стас. — А?

— Подъездный, — ответил я, подцепив ногтем язычок пробочной обертки. — Местный смотрящий за порядком. Видно, здорово мы их переполошили, коли он тебе показался. Они людям на глаза стараются вообще не попадаться.

— Перед уходом со стола надо убрать будет, и мусор выкинуть, чтобы все это не затухло тут, — заметил Николай, ставя передо мной рюмки. — Разливай. Тоже выпью, пошло оно все. И что ты там насчет пиццы говорил?

— Вон колбасу ешь, — заявил Стас. — Хрен его знает, кто эту пиццу принесет и что в ней на самом деле будет. Сыпанут на лестнице в нее какой-нибудь дряни, и привет родителям. Мы пока еще в осаде, не забывай.

Телефон зазвонил только минут через двадцать, на экране высветилась фамилия «Воронецкая».

— Смолин? — низкий и властный голос в трубке принадлежал никак не Стелле. — Верно?

— Именно, — ответил я настороженно.

— Меня зовут Марфа. Я глава ковена, к которому принадлежала та, кого ты убил.

— Повторюсь — крови ведьм на моих руках нет. Кроме, разве, той, что появилась этой ночью. Но я защищался, за подобное по договору и Покону наказание не предусмотрено. Наоборот, теперь я в своем праве. Но мне нужен мир, я про это Стелле уже говорил.

— Я готова с тобой встретиться, — помолчав, произнесла верховная ведьма. — Люди не свидетели, твой приятель судный дьяк — тоже. Но записи... Если мой человек подтвердит, что это не монтаж, то мы можем решить дело миром. На наших условиях.

— Условия? — рассмеялся я, надеюсь, вполне естественно. — О чем ты, Марфа? Вы нарушили договор, напали на ведьмака и хотели его убить. Лучший для вас вариант тот, в котором я соглашусь просто забыть все так, будто ничего и не было. Иначе наши

старейшины могут изрядно разозлиться. Ты наверняка знакома с ведьмаками-аксакалами, знаешь, какие они буквоеды.

— Завтра в десять вечера, в Кусково, — никак не стала комментировать мои слова Марфа, чем очень порадовала. — У старой шереметьевской оранжереи. Знаешь ее?

— Это та, к которой аллея со статуями ведет? — уточнил я. — Знаю. Буду. Сразу скажу — не один.

— Армию с собой не веди, — велела ведьма. — Можешь прихватить одного из ваших и судного дьяка. С его командиром я отдельно поговорю. Как ты там молвил? «Гарант»? Вот и хорошо. Если что пойдет не так, я сама ему сердце вырву. Лично. И всё — по Покону.

— Стас, ты с нами? — прикрыв трубку ладонью, спросил я у полицейского. — Или ну его? Тот хлопнул рюмку коньяку и кивнул, мол, «куда вы без меня?».

— Еще один человек придет, — добавил я. — Мой друг. У него тоже счет к твоим красавицам. Особенно к той, что с ямочками на щеках.

— Пусть радуется, что живой остался, — совсем уж басовито заявила Марфа. — Но шустер, мент поганый. Марии две дырки в пузе сделал, еле ее откачали, она зла до невозможности, так что лучше бы ему не приходиться. Да, вот что еще. Минут через тридцать к тебе Изольду привезут, ту, которой ты весь бок располосовал. Не дотянет она до вечера, раньше уйдет. Вылечи, как обещал.

— Ну обещал я кое-что другое, но... Пусть везут, договорились. Я против ведьм сроду неумышлял, хоть ваше племя и не люблю.

— До десяти вечера от нас зла не жди, — веско произнесла Марфа. — Будем считать — перемирие. До встречи, ведьмак.

На душе стало маленько легче.

— Стас, можешь не переживать, — сообщил я полицейскому, который снова разливал коньяк по рюмкам. — Жива милашка, в которую ты шмалял. Привет тебе передает.

— Красивая, стерва, — как мне показалось, с облегчением хмыкнул тот. — Таковую спиной на кровать прислонить — как медаль из рук президента получить.

Мы чокнулись рюмками, но выпить я не успел — снова зазвонил телефон. Я отчего-то решил, что это снова Стелла звонит, но нет, номер не определился.

— Что сказать, Александр. — Я даже не удивился, услышав этот голос, чего-то такого и следовало ожидать. — Неплохо. Очень неплохо. Но если ты думаешь, что ты уже выпутался из этой истории, то зря. Все только начинается.

— Как ты меня достал! — искренне сказал я. — До печени просто. Вот мне сейчас подумалось — а выброшу-ка я телефон в окно. И что ты тогда делать станешь? Как меня изводить будешь? Останется одно — лично прийти и попробовать меня убить. И, знаешь — я этому буду рад. Даже если проиграю в схватке и отправлюсь за Кромку — рад. Потому что от тебя, душного, избавлюсь.

И я скинул вызов.

— Фига себе. — Стас смотрел на меня с чем-то, похожим на восхищение. — Я думал, что сам от мороженый на всю голову, но ты меня переплюнул.

— Ваше здоровье. — Я выплеснул коньяк в рот, занюхал его куском «краковской» колбасы, выдохнул, и только после этого снова взялся за трезвонящий телефон.

— Ведьмак, не зли меня, — потребовал Кашеевич.

— А ты меня не беси, — тем же тоном заявил я. — Хрен моржовый. Говори, чего тебе опять надо, и пошел в задницу. Я отдыхаю, ночь на дворе.

— Чего надо? Да так, пустяк. Сегодня ночью на переговорах ты убьешь некую ведьму Марфу. Ту самую, с которой минут десять назад познакомился.

— Да пошел ты, — не задумываясь среагировал я. — Поищи другого смертника.

— Не проблема, — нехорошо засмеялся колдун. — Да и искать долго не придется. Он у меня уже имеется, его жизнь и смерть находятся на кончике твоего ножа. Видео погляди, а потом мы снова поговорим.

Трубка замолчала, а через пару секунд сообщила о том, что ей получен видеофайл.

— Чего там? — заинтересованно засопели мои собутыльники.

Выслушав же краткий пересказ беседы, они потребовали срочно открыть видео, что совпадало и с моими пожеланиями.

— А кто это? — как только пошла запись, спросил Стас.

— Дела, — присвистнул Николай.

— Твою-то мать! — это было единственное, что мог сказать я.

Да и как по-другому реагировать? Когда видишь на записи своего друга, примотанного к массивному деревянному стулу достаточно толстой и вроде как даже серебряной цепью, пристойные выражения на ум особо не приходят.

Впрочем, все остальное, что имелось на записи, тоже выглядело достаточно мрачно. Дело происходило то ли в большом подвале, то ли в бойлерной — красные кирпичные стены, какие-то трубы, идущие по ним, сбоку железная лестница, ведущая невесть куда, вернее всего — наверх, к жилым или служебным помещениям. Такой, знаете ли, пейзаж из голливудских малобюджетных фильмов категории «В».

Вот только это не кино, и Олегу, несомненно, приходится туго. Выглядит он, по крайней мере, хреново, не сказать хуже. И сидит там давно, вон на лице его уже не щетина, а некое подобие бороды появилось. Надо думать, прихватил его колдун сразу же по возвращению в Москву, а может, даже и раньше. Наверняка у него имеются подручные, сейчас я в этом почти не сомневаюсь.

— Это ведьмак, — ответил Николай на вопрос Стаса. — Приятель нашего Сашки.

— Беда, — протянул полицейский. — Вот теперь он взял нас за горло крепко и конкретно. Заложник — ход беспроектный. Саш, сразу обозначу — статистика удачных освобождений не так уж велика, это я тебе говорю как человек из Системы. В телевизоре, понятное дело, каждое из них заканчивается победой силовиков, но в жизни все печальней.

— Не дурак, — бросил я. — Черт, вот как же так?

Снова взревел телефон.

— Ну, посмотрел киношку? — весело осведомился колдун. — Понравилось?

— Не то слово, — зло ответил я.

— Тогда повторюсь — вечером ты обязан убить Марфу. Нож при тебе, так что — вперед.

Она, конечно, ведьма матерая, опытная, в честной схватке у тебя шансов было бы не очень много, но тут ситуация другая, можно ударить по уму, то есть — исподтишка. Все предпосылки для этого есть — ты вроде как стремишься к миру, да еще и волкодавы из Отдела за разговором присматривать станут. Все получится, Смолин, я в тебя верю. А если нет... У тебя много друзей, Александр. И ведьмаков, и людей. Я их всех знаю, и стану убивать одного за другим. Родителей не трону, Покон есть Покон, старики да дети малые под защитой Живы, но вот все остальные — у-у-у-у! А еще запишу их предсмертные крики и стоны на телефон, чтобы ты их после неоднократно послушал. Специально убивать не стану до той поры, пока всех ближних твоих не истреблю. Итак — до вечера. Если уцелеешь после выполнения задания — продолжим беседу.

Я положил трубку на стол и глубоко вздохнул.

По сути — шах и мат. Даже если пожертвовать Олегом, за ним последуют Слава Раз и Слава Два, Дэн, Димон, Пашка. А еще — Маринка, Наташка и Ленка из банка, кто-то еще, о ком я даже сейчас помыслить не могу. Светка!

Нет, это дело невыполнимое. Лучше самому слохнуть, чем свою жизнь их мучениями выкупать.

Одно плохо — глотку этой твари перегрызть не получится, меня ведьмы точно на ломти настрогают прямо там, в Кусково. Из такой петли не выберешься, это уж точно.

— Чего молчим? — осведомился Николай. — Саш, мы тут, нам тоже знать охота, о чем колдун говорил.

— И чего ты так с лица сбледнул, — добавил Стас. — А еще лучше в следующий раз громкую связь включай, чтобы мы все слышали. Детали — главное в нашей работе. А на эмоциях ты чего-то и забыть можешь.

— Захочешь — не забудешь, — глухо проговорил я. — При всем желании.

Друзья слушали меня молча, не перебивая, только время от времени бросали друг на друга короткие взгляды.

— Крыса, — сразу же после того, как я замолчал, заявил Стас. — Без вариантов.

— В смысле? — потряс головой я.

— Колдуну вашему кто-то информацию сливает, — пояснил полицейский. — Кто-то из ближнего окружения этой самой Марфы. Сам посудите — с момента принятия решения десяти минут не прошло, а он уже про все знает. И тут никаких ваших «темных глаз» и прочих ахалай-махалаев почти наверняка быть не может. Ведьмы эти, насколько я понял, публика прошаренная, не то что Арвен, их на кривой козе не объедешь.

— Полностью согласен, — подтвердил Николай. — Больше скажу — начинаю думать, что ты, Сашка, далеко не главная его цель. Ты — приманка, которую он всем подсунул. А хочет этот упырь совершенно другого.

— Чего? — окончательно растерявшись, осведомился я.

— Например, поставить во главу одного из московских ковенов свою креатуру, — охотно ответил оперативник. — Собственно, ковен в столице, если ты помнишь, всего ничего, а этот еще и самый многочисленный. Или того хлеще — стравить ведьм и ведьмаков. Ты

завалишь Марфу, разъяренные бесовки мигом порвут тебя на лоскуты, после чего твои собратья непременно с ними сцепятся. А он будет попивать коктейли и смотреть на это все из ВИП-ложи. Или какие-то свои делишки провернет под шумок. Знаешь, где лучше всего ловить рыбу?

— Где?

— В мутной воде, самое то занятие. Я тоже иногда такие штуки проворачиваю. В благих целях, разумеется, и без жертв. Но — случается, грешен.

— Даже не знаю — радоваться или печалиться данному факту, — невесело усмехнулся я. — Да и какая разница? Мне при любом раскладе кранты.

— Быстро он вторую жертву не схомутает, — деловито заметил Стас. — На это нужно день или два, так что выиграть немного времени можно.

— Ценой жизни Олега, — уточнил я. — И при условии, что у него в другом подвале еще кто-то не сидит в кандалах.

— Не сидит, — уверенно заявил полицейский. — Он бы тебе тогда обоих показал и сообщил, какой интервал будет между первой и второй смертью. Колдун он, не колдун, а такие ублюдки всегда по одной схеме действуют. Кроме, разве, совсем уж конченных психов, эти-то абсолютно непредсказуемы. Но ваш клиент не шизик, так что в схему укладывается.

— Ведьмак за ведьмака обязан жизнь отдать, как брат за брата, — негромко произнес Николай. — Понятно, что это закон не писанный, и за нарушение его с Сашки никто не спросит, но он есть. Я прав?

Прав. Это было первое, что я вспомнил, еще во время просмотра ролика. Ведьмачье братство — не государственная организация, устава и четких правил поведения в коллективе в нем не предусмотрено, но есть несколько законов, корни которых теряются в глубине веков, не сказать — тысячелетий.

И первый из них — умри сам, но брата-ведьмака спаси. Вот так просто и незамысловато.

Кстати, неудивительно, что присной памяти Артем Сергеевич так от своих же прятался. Всплыви тот факт, что он собратьев резал на жертвенном камне, так ему смерть от когтей Хозяина Кладбища за счастье сошла бы. Собственно, так оно и есть, на самом деле.

Вот и выходит, что мне по любому надо идти и гибнуть за други своя. Предварительно, правда, предупредив остальных о том, что случилось. Может, получится отомстить?

— Уважаю. — Стас разлил коньяк по рюмкам. — Но не принимаю позицию: «все решено, пойду помру». До вечера куча времени, много чего успеть сделать можно. Например — найти то место, где твоего приятеля держат. Ну да, таких подвалов полно, но...

— Стоп, — попросил я его, наконец-то ухватив за хвостик мысль, которая вертелась в голове с того момента, как я посмотрел присланный колдуном ролик. — погоди, не шуми! Я снова запустил запись, в какой-то момент поставил ее на паузу и пальцами увеличил изображение.

Ну да, все правильно.

— Помните, я говорил вам про то, что эта сволочь может допустить оплошность, а наше дело ее не прозевать? — Я показал им стоп-кадр. — Так вот, он ее, похоже, допустил.

— И что? Надо искать поставщика этого оборудования? — осведомился у меня Стас сердито, разглядывая на экране красную кирпичную стену с коричнево-ржавыми трубами. — Знаешь, какое количество организаций поставляет его в город? К тому же сразу видно, что здание не новое, эти трубы вообще еще с советского времени могут там стоять, тогда чугуния на ЖКХ не жалели. У меня как-то одна женщина была, хоть и в годах, но всё при всём, так вот у нее в ванной...

— Не то! — я даже ногой топнул. — Коль, ну ты-то видишь?

Оперативник округлил глаза и развел руками.

— Вода из них капает! — потыкал я пальцем в экран, который как раз потух. — Вода! А Олег как раз по ней специалист. Он чувствует ее, а она — его!

— Бред какой-то, — пожаловался в никуда Стас и опрокинул рюмку в рот.

— Не бред, — возразил ему Нифонтов. — Ну да, рациональное зерно в этом всем есть. Но только он — там, а больше никто воде приказ отдать не сможет. Это же специализация, а не просто так.

— Из людей — да, — потер руки я. — Но есть же нелюди. Эх, если бы Карпыча сюда! Жаль, он в Лозовке.

— А Карпыч — кто? — поинтересовался Николай вкрадчиво.

— Водяник, — отмахнулся я. — Ладно, если нет его, значит, надо искать тех, кто поближе имеется. Причем прямо сейчас, пока ночь на дворе, днем они на глубину уйдут.

— Кто — «они»? — выпучил глаза Стас. — Ты вообще, о ком?

— О русалках. — Я глянул за окно, небо потихоньку начало светлеть. — За ними должок имеется, вот я в его счет и попрошу меня с Хозяином Москвы-реки свести. Или кем-то из

его заместителей. Река-то ого-го, вряд ли он один в ней управляется. Олег им всем свой, водный народ добро помнит, авось помогут.

Все придуманное мной было шито белыми нитками, но я не мог просто сидеть и ждать вечера, вспоминая все хорошее из личного прошлого и при этом судорожно жалея себя. Лучше так, лучше отрабатывать самую идиотскую идею, но двигаться, барахтаться, а не тупо ждать того момента, когда придет последний час.

И самое главное — из сердца исчезла тупая игла безнадежности, которая словно парализовала меня, заставив на миг стать старым Сашей Смолиным, которому было все равно, что там дальше с ним случится, и жившим по принципу: «день прошел, и хрен бы с ним».

— Почему нет? — согласился со мной Нифонтов. — Только давай прежде еще кое с кем пообщаемся. Есть и у меня одна мыслишка. Причем если твой вариант выстрелит, то пасьянс может чудненько сойтись.

«Кое-кем» оказалась Стелла Воронежская, которая предсказуемо пожаловала к нам в дом, сопровождая еще двух насупленных ведьм и очень скверно выглядящую Изольду. Последняя была в сознании, но даже мне, далекому от медицины человеку, стало ясно — жить ей осталось всего-ничего.

— Лечи, — уложив ее на диван, потребовала одна из гостей. — Ты обещал.

— Раз обещал — сделаю, — веско произнес я, доставая нож. — Давайте, заголите ей бок, а потом руки-ноги держите. Я раньше подобного не делал, но мне кажется, что ей будет очень больно. Не надо, чтобы она дергаться начала.

— Стелла, думаю, нам лучше бы выйти отсюда, — предложил благоухающей хорошим парфюмом красотке-ведьме Нифонтов. — Вот хоть бы на кухню. Стас, составь компанию, будь любезен.

Стелла задумчиво глянула на оперативника, тот ей подмигнул, а после его лицо приняло выражение: «А чего я знаю! Ты не знаешь, а я знаю».

По-хорошему, он ведь ее подставляет. Вот спросят у нее потом: «зачем с оперативником в кухню ходила, о чем говорила?», и что тогда? Хотя... Это Воронежская. Она выкрутится. Изольда коротко застонала, когда ее подруги отлепили от раны присохший к ней тонкий черный джемпер. Черт, они ее даже не перевязали! Впрочем, следует признать, что смысла в этом особого не имелось. Раны выглядели жутко, так, будто их нанесли не пару часов назад, а бог весть когда. И не просто нанесли, но и не лечили.

Иссиня-черные разрезы безобразно раздулись, напоминая надутые коллагеном рты новомодных московских тусовщиц. Мало того — они сочились зеленовато-прозрачным гноем, который к тому же безбожно подванивал.

— Жесть какая, — поморщился я. — Уф!

— Твоих рук дело, — зло бросила одна из ведьм, та, что держала Изольду за плечи.

— А вон ее работа. — Я показал зарубки на полу. — Она мне в грудь метила, да вот, увернуться получилось. Так что нечего считаться, кто прав, кто виноват.

— Помоги, ведьмак, — прошептала Изольда, по лбу ее бисером рассыпались крупные капельки пота. — Буду должна.

— Всё, держите крепче, — скомандовал я. — И ты крепись, подруга. А о долгах потом потрещим, когда оклемаешься. Думаю, в твоём случае я предпочту получить его натурой. Понимаешь, о чем я?

Изольда, в отличие от своих подруг, верно расценила мои слова, попробовала улыбнуться, но потеряла сознание. И слава Богу.

Заговор я помнил отлично, специально заучивал, но действие его, как и говорилось, наблюдал впервые.

Скажу прямо — то еще зрелище оказалось, бедная Изольда от боли пришла в себя и начала орать так, что ей пришлось рот затыкать подушкой, по причине чего ее еще чуть и не придушили.

Под конец лезвие ножа раскалилось до белизны, и я всерьез начал за него опасаться. А ну как расплавится?

Обошлось. Лезвие остыло, Изольда перестала кричать, а раны... Нет, они никуда не пропали, но теперь это были просто раны. Скорее всего, опасные, так как пырнул я ее два раза неслабо, но без какой-либо магической составляющей. Короче — теперь пусть сами ее лечат.

— Всегда ваше племя не любила, а теперь и вовсе ненавижу, — сообщила мне та ведьма, что в ногах сидела. Тоже, к слову, симпатичная — черноглазая, стройная, с короткой тугой косой. Может, у них какой фейс-контроль есть при наборе в ведьмы? — Жаль, что старшая запретила тебя трогать.

— Все наоборот. Свезло тебе, красавица. — Я показал ей нож. — Вот эту пожалел, потому как она просто исполнитель. Ей поручили, она сделала. Точнее — попыталась. А тебя

жалеть не стоит, вспорол бы тебе брюхо, как рыбе. И на будущее запомни, — коли лбами столкнемся — пощады не жди.

— Добро, ведьмак, — кивнула ведьма. — Так и будет.

Она достала из кармана короткой кожаной куртки бинт, белыми зубками рванула его обертку, ее подруга приподняла постанывающую Изольду.

— Я тоже помню наш договор, — еле слышно шепнула раненная женщина. — Если оклемаюсь, и тебе до той поры сердце не вырвут — почудачим. Кого-кого, а ведьмака у меня до сих пор в постели не бывало.

— Идет. Разнообразим мы с тобой свою личную жизнь. — Я встал и засунул нож обратно в ножны. — Думаю, будет весело.

Ловко бинтующая Изольду черноглазка презрительно фыркнула. То ли не верила в мою мужскую мощь, то ли подругу осуждала.

— Стелла, мы уходим, — крикнула вторая ведьма. — Или ты тут решила остаться?

— Да вот еще, — надменно сообщила владелица салона красоты, появляясь из-за двери. — Было бы с кем!

Входная дверь захлопнулась, следом за этим Николай с довольным видом потер руки.

— Ну? — поторопил я его. — И как?

— Как и ожидалось. — Нифонтов порылся в карманах и достал ключи от машины. —

Поехали, по дороге все расскажу. Кстати — а куда именно мы едем?

— На Котельническую набережную. — Я снова глянул в окно. — И правда — надо поспешать. Вон скоро совсем рассветет.

Стелла, как оказалось, тоже заподозрила нечто неладное. В отличие от остальных своих товарок, она меня немного знала, и здорово сомневалась в том, что я способен на совершенно бессмысленное убийство. Но при этом, естественно, вслух свои соображения высказывать не спешила. Я ей не брат и не сват, на кой за меня впрягаться? И потом — ведьмаком больше, ведьмаком меньше...

Николай же, с его византийскими ухватками, как только это уяснил, начал плести свою паутину, напирая в основном на то, что Стелла при правильном раскладе может получить немалые барыши.

Разумеется, хитроумная Воронежская ни малейшего доверия к моим приятелям не испытывала, но при этом усмотрела в происходящем какую-то личную выгоду, потому все же пообещала оказать нам определенное содействие. Но только при том условии, что мы до встречи в Кусково отыщем этого самого колдуна, а после предоставим ей неоспоримые доказательства того, что именно он затеял круговерть.

— И ведь она все уже отлично поняла, — бубнил Николай. — Как только запись увидела — сразу смекнула. Но натура есть натура. Ведьма, одно слово.

— А она сама не может быть «кротом»? — спросил вдруг Стас.

— Стелла? — презрительно сморщился оперативник. — Да какой там, ей не по чину такие авантюры. Она и сейчас-то попала в расклад только потому, что с Сашкой лично знакома. Когда волна пошла, она сразу подсуежилась, да еще его кровь предоставила, а после наверняка вызвалась выступить парламентаром. Для этих особ лицом торгануть перед старшими ведьмами — норма вещей. И с нами она только потому, что понимает — окажись мы правы, это откроет ей путь наверх. Не на место той заразы, что с Кашеевичем в паре работает, разумеется, но в когорту приближенных как минимум. Шутка ли — найти предателя среди доверенных лиц Верховной! За подобную услугу многое попросить можно.

— Слушайте, а зачем нам Стелла вообще нужна? — спросил я. — Если мы находим Олега, на что я очень рассчитываю, то мы накрываем колдуна до встречи в Кусково. Ну а дальше — как пойдет. Либо мы его, либо он нас. Опять же — я нашим позвоню. Славы не бойцы, это факт, но Дэн, Пашка, Гера — крепкие ребята.

— Ну а если нет? — резонно заметил Николай. — Может, этот красавец не сидит там целыми днями, гуляя вместо этого по Арбату и Тверской, где на стройные девичьи ножки смотрит и мороженое кушает? А туда пожалует только к часу «х»? Не забывай, главная цель — не спасение твоего друга, она другая. Смысл травинки дергать, надо корень из земли выкорчевывать.

— Стало совсем непонятно, — потер я лоб. — Если все так, то мне по любому придется ехать в Кусково и там убивать Марфу, чтобы на телефон этого гада поступил звонок от «крысы». И что мы получим на выходе? Кучу трупов, среди которых будет и мой?

— Не забывай себе голову, — посоветовал мне Николай. — Это те проблемы, которые следует решать по мере поступления. Давай будем последовательными. Сначала надо попробовать найти Олега, а вместе с ним и базу колдуна. Все остальное — потом.

Как ни странно, но в этот раз у меня его уклончивость вызвала не привычное раздражение, а немного успокоила. Если он начал уходить от прямых ответов, значит ситуация потихоньку стабилизируется.

Правда, это утверждение могло быть верным только для него одного, а меня, возможно, он уже занес в графу «невозвратные потери».

К знакомому мне гранитному парапету мы подкатили тогда, когда небо совсем посветлело. Час был еще очень ранний, но и июньские ночи коротки. Особенно сейчас, накануне летнего солнцестояния. Вот же скотство, сейчас столько трав в силу входят, их самое время собирать, а тут такие неприятности!

Впрочем, набережная была пуста. Влюбленные уже давно разбрелись по домам, пьяных расхватали таксисты, тусовщики допивали последние коктейли в клубах, а рабочий и служилый люд всю сопл носом. Москва никогда не спит, это так, но в рассветные часы она все же нет-нет, да и прикорнет ненадолго.

— Ну? — Стас глянул вниз, на реку, которая спокойно катила свои воды по направлению к плотинам и области. — И чего теперь? Орать станем?

— Ну да. — Я показал им на спуск к воде. — Туда пойдем, попробую позвать местных обитателей. Не выйдет, тогда сигану с моста, других вариантов нет. Неохота, а что делать? Вот тоже вопрос — как попросить русалок с тобой поговорить? Сколько я с этой публикой ни общался, они сами как-то ко мне приплывали. Звать не приходилось.

Эх, кабы знать, купил бы вчера в магазине расчесок десятка три! И бусиков.

— Девицы речные, — ошущая себя круглым дураком и чуя спиной насмешливый взгляд

Стаса, произнес я, обращаясь к речной глади. — Помощь ваша нужна. Не мне, а брату моему, что с водой связан неразрывно. Его много Водяных Хозяев знает, он не так давно Сазанычу с Иночи помог! Он в беде, в большой, неизбежной! Придите, отзовитесь!

Время шло, слова кончались, а река безмолвствовала.

Я уж решил, что придется с набережной в реку прыгать, как у моих ног плеснула изрядная волна, замочив при этом кроссовки. Когда же она схлынула обратно, то рядом обнаружился невысокий старичок в затрапезном капитанском кителе образца тридцатых годов, мятой, когда-то белой фуражке и брюках с желтым кантом.

— То-то мне лицо знакомым показалось, — весело сказал он. — Помню я, ведьмак, как дуры мои тебя из воды вытаскивали.

— Здрав будь, Хозяин, — поклонился я ему, внутренне радуясь тому, что с русалками обьясниться теперь не придется. Они и вправду на голову не сильно крепки.

— Мне девки рассказали, что какой-то обалдуй ором над рекой орет, их на беседу зовет, — дружелюбно продолжил водяник. — Они уж с полчаса над тобой потешаются. Всякое вроде за века видели, но такого балагана — нет. Вон ко мне и то приплыли, хоть и знают, что я этого не люблю, позвали глянуть на дурня, что пытается русалок на обычные слова подманить. И еще шепнули, что ты Сазаныча поминал. Так ли?

— Истинно, — подтвердил я.

— Ишь ты, — покрутил головой старичок, хитро щурясь. — Я-то думал, он давно под корягами уснул, водорослями порос, что твой валун. Ну оно и понятно. В ранние времена он на пару с братом своим, Гольянычем, на Оке-реке владычил, но потом, вишь ты, не заладилось у них. Рассорились братья, вот Сазаныч в иные края и подался. Сам его видел?

— Нет, — помотал головой я. — Мне про него Карпыч рассказывал. Вот с ним мы хорошие знакомцы.

— Карпыч! — непритворно обрадовался водяник. — Старый плут! Он мне в зернь лет двести тому назад сотню карпов зеркальных проиграл, да так и не вернул должок. Не любит он эту рыбу отдавать, она же ему как родня. Плотвы косяк пригнал, да и только. Коли его увидишь, ведьмак, так передай — Налимыч с Москвы-реки про должок не забыл, просил напомнить. Не дело так поступать.

— Исполню поручение, — твердо пообещал я. — Если жив буду.

— Никак ты помирать собрался, парень? — изумился водяник. — Вроде молод еще.

Болезнь какая приключилась, никак? Или ты из тех идиотов, что от любви топятся? Так это не в моей реке давай, мне своих таких хватает. Вон к деду Голавлю в Язу ступай, он по старости лет кого хочешь в звание утопленника переводит. Хотя это, может, потому, что у него раков совсем не осталось, кормить их не надо. Загадили ему реку за последние сто лет очень сильно. И мне достается, но ему — особо.

— Да беда у меня, Хозяин, — вздохнул я. — С Кащеевым семенем сцепился, не поделили мы с ним кое-что.

— А я видал его года три назад, — немедленно сообщил мне Налимыч. — Приходил он ко мне с поклоном и дарами, кланчил одну вещицу из кладовых. И как прознал только, что я ее храню! Цену неплохую давал, не стану врать. Пяток непорочных девок, что по доброй воле утопятся — это, знаешь ли, парень, редкость в наше время. Но больно у его семейки

репутация скверная, потому ничего я ему не отдал. Не дело иным вещам в такие руки попадать. Да и темнил он наверняка. Одна девка, может, и утопится по собственному почину, у них по молодости в голове свист один. Но чтобы пятеро разом? Тем более нынешних распустех, которым озеро бочажком кажется? Это вряд ли.

— Да сволочь он, — подал голос Стас. — Верно говоришь, отец. Друга нашего к себе забрал, говорит, что если вон он кое-кого не убьет, что тому кранты. Олегу, в смысле. — Олег — ведьмак? — нахмурился водяник. — Речной охранитель? Так это о нем ты горлопанил?

— Ну да, — покивал я. — И без вас нам его не найти.

— Ты парень, не тяни, рассказывай, — попросил водяник. — Солнышко выйдет, я в реку уйду, мне с Ярилиным оком лишний раз видеться радости нет.

— Давай лучше я вопрос изложу, — предложил Николай. — Ты вон и глотку сорвал, пока орал над водной гладью.

Судя по всему, он рассудил, что я окончательно теряю связь с реальностью, и решил взять дело в свои руки. И пусть его. Опять же — если что, долг перед Хозяином Москвы-реки на двоих разделим. Позвал-то его я, но просьбу изложил Нифонтов.

Впрочем, что-что, а раскладывать тему по полочкам оперативник в самом деле лучше меня умел. За пару минут он ввел водяника в курс дела, и тот понял, что от него требуется.

— Э, ребята, вон вам чего нужно... — Старичок почесал зеленые волосы на затылке, забавно при этом сдвинув фуражку почти на нос. — Непростая задачка, прямо скажу. Мыслите вы верно, вода — она одно целое. Капля дождя в придорожной луже до того в моей реке текла, а до реки под землей пребывала, в глубинных водах. А еще раньше туманом над лугом стлалась, или в стакане плескалась. Что она одна видела — то и остальные. Но вот сыскать ведьмака в городе... Нелегко это.

— Вы единственный, кто нам помочь может, — честно признался я. — Знаю, что есть другие способы поиска, по крови, например, но где ту кровь взять? Не найти нам Олега без вас до вечера, никак не найти. А завтра уже и искать будет некого. И некому.

— Ладно. — Водяник глянул на небо, начавшее розоветь. — Попробую помочь, авось и отыщется тот дом, где вашего дружка ховают. Делал я пару раз что-то схожее в былые времена, еще для Архарова. Уважительный был человек, с пониманием.

— Благодарствуем, — в пояс поклонился ему Николай, я повторил его движение, и даже Стас нечто подобное изобразил. — Нам тут ждать?

— Какое там, — махнул рукой старичок, причем в этот момент я заметил, что между пальцами у него имеются перепонки. — Быстро только лягуха икру мечет. Ступайте себе.

— А как же тогда? — переглянулись мы с Николаем.

Вот ведь. Нечасто увидишь Нифонтова растерянным.

Налимыч усмехнулся и беззвучно канул в воду. Впрочем, мы даже озадачиться тем, что теперь делать дальше, не успели, как он снова показался на поверхности.

— Вот, ведьмак, держи, — водяник протянул мне небольшую банку, наполненную водой. В такой, если не ошибаюсь, майонез продавали в те времена, когда я еще маленький был. — Ежели мне чего вам сказать понадобится, она булькать начнет. Громко так, не прозевайте, коли не заснете. Понял?

— Предельно. — Я аккуратно принял емкость у него из рук. — Какой сон, не до него теперь.

— Не разлейте, — предупредил Налимыч. — Это вода моей реки, я ей хозяин. Где она есть, там и я могу появиться. А до другой мне еще достучаться надо будет. Да я и не стану, не мне помощь нужна, а вам.

— Давай пакетом завяжем? — сразу предложил Стас. — Если что — точно не расплескается.

— Ждите, — булькнул Речной Хозяин и скрылся под водой.

Совету Стаса мы последовали, благо пакет в машине Николая нашелся, но банку при этом я из рук не выпускал ни на секунду.

— Вот только как мы пойдем, где именно этот дом стоит? — задумчиво произнес полицейский, когда мы ехали обратно на квартиру. — Хорошо, он его найдет. А потом? Он же не скинет нам GPS-координаты, и на Яндекс-карте флажком его не отметит?

— Без понятия, — отозвался Николай. — Но скажу так — был бы дом, а к местности мы его привяжем. Может, воду на карту Москвы выльем, и ручеек проложит маршрут, может, там река какая поблизости есть или пруд, а дальше по приметам пойдём. Это все уже частности. Главное другое. Главное, чтобы у нас на это время было. Если он этот дом часам к девяти вечера не отыщет, то вот тогда беда. Тогда мы в полете, и придется импровизировать на ходу, а это очень, очень хреновая идея. Сашка, ты кому звонишь?

— Нашим, — коротко ответил я, одной рукой прижимая к животу небольшую банку, другой поднося трубку к уху. — Нам все равно втроем этого демона не одолеть. Нужны еще люди. Точнее — нелюди.

Глава двадцатая

— Ничего хуже нет, чем ждать да догонять, — заявил Дэн, отправляя в рот последний кусок пиццы. — Для меня — точно.

И ведь не поспоришь. Вроде сидим в квартире не так и долго, полдня не прошло, как вернулись с набережной, а уже извелись так, что мочи нет. Даже поговорить — и то не о чем, все десять раз обсуждено и рассказано.

Нет, когда Дэн и Гера заявили к нам, сюда, и в первый раз выслушали историю моих походов, то они впечатлились довольно сильно. А отчасти еще и успокоились.

— Про то, что ведьму завалили недалеко от твоего дома, уже все в курсе, — пояснил данные эмоции черноволосый и крепко сбитый Гера. — Кстати, мы с Дэном сразу не поверили, что это твоих рук дело, хоть, разумеется, настолько детективного расклада даже представить не могли. Прямо «Граф Монте-Кристо», том третий.

— А старики наши вообще сделали вид, что на самом деле они ничего не знают и не ведают, — без малейшего уважения к сединам вождей добавил Дэн. — Претензии официальной ведьмы не выставили, значит, ничего и не было. Ей-ей, еще чуть-чуть, и я встану на сторону Олега, который каждый год готовит революцию. С той, правда, разницей, что я «заднего» не дам и доведу дело до конца.

Если уцелею — присоединюсь к нему. Тоже мне, ведьмачье единство. Меня на ленточки для бескозырки вот-вот распустят, а отцы-командиры в ус не дуют! Простые ведьмаки без вопросов взяли и приехали, впряглись за своего, как законы братства велют, а эти... Нет, так дела не делаются.

Кстати — эти двое оказались единственными моими знакомцами-соратниками, которых я застал в Москве. Остальных растащило кого куда. Славы так вообще уже успели в Краснодарский край умотать, по каким-то кукурузно-подсолнечным делам.

Но оно и хорошо. Я уже говорил, что толку в драке от них нет никакого, в отличие, например, от того же Дэна. Он, как и всякий порядочный лекарь, знает не только как врачевать, но и как калечить, что крайне немаловажно.

И еще — никаких «должен будешь» или «на том свете пятки мне почешешь» не прозвучало. Ребята выслушали мою бессвязную речь, уточнили адрес, куда приехать, и вскоре были здесь. Без лишних слов, без каких-либо ненужных телодвижений.

И вот теперь они, как и мы, сидели, жевали остывшую пиццу, и тарасились на банку, стоящую в середине стола.

— Может, сбегать в зоомагазин, рыбку купить? — брякнул вдруг Стас. — Она бы в там плавала, какое-никакое разнообразие.

— Так себе шутка, — буркнул Николай.

— Чем богаты, — насупился полицейский, достал из кармана платок, из сумки, что лежала на тахте, масленку и какие-то железяки, после чего ловко разобрал свой «Кольт» на запчасти и занялся его чисткой.

Что до меня — в какой-то момент я понял, что реальность начала в моих глазах смешиваться с иллюзиями. Проще говоря — потянуло меня в сон. Оно и не странно — ночью-то выспаться не дали, да и предыдущие дни особо спокойными не назовешь.

И так хорошо было в этой полудреме от осознания того, что здесь-то нет никаких проблем, и никому я тут не нужен, что тычок в бок, закончивший эту добрую сказку, был воспринят мной практически как обида.

— Блин! — рявкнул я, открывая глаза. — Какая разница, как я бдю!

— Помолчи, — велел Дэн. — Не дай боги чего пропустим!

Елки-палки, я, как всегда, заснул в самый интересный момент. Банка на столе начала побулькивать так, будто в нее поместили кипятильник, вода в центре ее вовсе напоминала маленький водоворот.

— Нашли, — над комнатой проплыл утробный голос, звучащий словно из бочки. — Пишите адрес.

Колька цапнул ручку, которую с самого начала положил перед собой, и округлым, почти каллиграфическим почерком, записал всё, что было продиктовано.

Голос замолк, вода в банке успокоилась.

— Ну вот. — Говоря, Николай сразу же полез в телефон. — Ты еще спрашивал — «как», «как»? Ну, в смысле адреса. Думаешь, они там, в реке, неграмотные все? Жди. У него

небось в коллективе русалки с высшим образованием есть, а то и кандидаты наук. Топятся ведь не только дуры, понимаешь? Умные нет-нет, да и тоже сиганут в реку, от несчастной любви или половой неудовлетворенности. Ага! Я так и знал! Перово!

— И? — потирая глаза, спросил я. — Коль, не говори загадками, я тебя очень прошу. У меня голова, как свинцом налита.

— Вот Перово, — ткнул он мне под нос телефон с открытой «Яндекс-картой». — А вот парк «Кусково». Ни на какие мысли не наводит, нет?

— Ага, — встрепенулся я. — Так это же совсем рядом.

— Что лишний раз подтверждает правоту моей версии, — ткнул меня оперативник пальцем в грудь. — Всё, выдвигаемся на местность, надо глянуть, что за здание такое.

— Стелле сейчас наберем, или попозже? — Стас несколькими отточенными до автоматизма движениями собрал пистолет, и отправил его в наплечную кобуру.

— Зачем? — спросил у него Николай. — Сначала посмотрим, а после решим — звонить или нет.

— Ну я как-то так и полагал, — согласился с ним полицейский. — Всё, погнажи, концы-то немалые. Теперь время работает против нас, такая у него суть. То девать некуда, то не хватает.

Я в Перово толком до этого дня не бывал, если честно. Да оно и неудивительно. Все спальные районы одинаковы, что Перово, что Бирюлево, что Теплый Стан. Типовые дома, типовые школы, типовые магазины — что там смотреть? Центр — да, там еще кое-где сохранилась старомосковская архитектура, точно даже незримую атмосферу той самой Москвы можно отыскать, но окраины остались окраинами, даже после того, как границы города отодвинулись от них далеко в область. Не в смысле — разгул преступности, драки район на район, ребята в спортивных костюмах и с семечками, нет-нет. Просто там место для жизни, а не для пешего туризма. Хотя, конечно, если очень не повезет, то и сегодня за неправильный ответ на несложный вопрос «ты откуда такой красивый взялся?» в тех краях можно запросто в «пяттак» получить. Традициями силен русский человек. Укладом. Так что ничего нового в этом неизведанном ранее месте я для себя не увидел. Стандартные «брежневки», детские площадки с деревянными кораблями и песочницами, «Дикси» и «Пятерочки». Всё как везде.

В какой-то момент мы с оживленной улицы свернули в один переулок, потом другой, попетляли между «хрущовками», до которых до сих пор не добралась реновация, и наконец остановились у небольшого оврага, под раскидистыми липами, чуть поодаль от дорог и домов.

— Почти на месте, — заглушив мотор, сообщил нам Николай. — Я так мыслю, что наша цель — вон там, за оврагом.

— Странно. — Стас открыл дверцу и выбрался наружу. — Чего это столько земли простаивает? У нас давно бы все разровняли нафиг и высотку на этом месте возвели. А то и жилой комплекс.

— Бывает. — Николай последовал его примеру. — Ну что, метнемся, поглядим?

— А мы? — возмутился я. — Тут сидеть будем, что ли?

— Будете, — командным тоном сообщил оперативник. — Только не хватало, чтобы он вас учуял. Не факт, конечно, что такое случится, даже, скорее, этого и не произойдет, но экспериментировать не желаю. Опять же — он там и ловушек мог наставить, причем не против нас, людей, а против таких, как вы.

— Согласен, — неожиданно поддержал Николая Дэн. — Лично я бы на его месте так и сделал.

— Вот. — Нифонтов поправил наплечную кобуру. — Слушай старших товарищей. Всё, мы быстро.

И парочка «силовики» исчезла в кустах, которыми поросли края оврага.

«Быстро» растянулось минут на тридцать, которые нам пришлось провести под тенью лип, поскольку в машине находиться было положительно невозможно. Жаркий в этом году выдался июнь, солнце пекло нереально, так же, как матерый «налоговик» растерявшегося главбуха нечистой на руку фирмы. Плохо. Значит, июль дождливым выдастся, не повезло отпускникам, которые на середину лета отпуска взяли, рассчитывая хорошо провести время на дачах.

Я уже начал терять терпение, когда за нашими спинами зашуршала трава, и послышалась негромкая ругань.

— Терпеть не могу репейники, — сообщил нам Стас, отдирая от майки колючие сероватые шарики. — С детства. Раз одна дура мне их в волосы напихала, так мне после от мамки знаете, как досталось? У!

— Трогательно, — начал потихоньку закипать я. — Детство — оно такое детство, всякое в нем случалось. Но хотелось бы услышать кое-что более актуальное.

— Забавный домик, — заметил Николай, отряхивая джинсы. — Колоритный такой. Такое ощущение, что он к нам прямиком из Германии пожаловал. Совершенно европейская архитектура.

— Ничего удивительного, — подал голос Гера. — Я читал, что после войны пленные немцы в этом районе много чего строили. В порядке наказания за свои военные преступления восстанавливали объекты народного хозяйства.

— А, ну тогда понятно. — Нифонтов достал телефон. — Вот, смотрите, я пофоткал. Это то ли бывшая районная бойлерная, то ли водостанция-распределитель — не скажу точно. Но точно что-то из этой оперы. Очень добротная постройка, должно быть по этой причине и уцелевшая. Не всё у нас под снос пускают, какие-то здания оставляют как есть.

Точно не наши этот дом строили. Имелись в нем узкие окна-бойницы, с частично выбитыми стеклами, толстые, красного кирпича стены, невысокое крыльцо, и та основательность, которая свойственна только немецкой нации. Это их фишка — пусть будет не сильно красиво, зато надежно.

Правда, применительно к данной ситуации непонятно — плюс это или минус? Наверное, все же плюс. Штурмом нам это здание все равно брать не придется, у нас тут хоть и война, но локальная, скрытая. Зато звуки выстрелов и всего такого прочего из-за таких стен слышны не будут. Без шума нам все равно не обойтись.

— Мы близко не подходили, так, издалека, посмотрели, — продолжал тем временем вещать Николай. — Рискованно вплотную подбираться. Если спугнем эту тварь, то пиши пропало, ищи его потом опять.

— Внутри кто-то есть, — добавил Стас. — Я два раза в окна тени видел. Но кто, что — поди знай. Может, наш клиент, может, бомжи там время коротают. А надо бы выяснить. Слепую лезть — все дело погубить.

— Беда, — потер переносицу Гера, была у него такая привычка.

— Так давайте я туда Жанну отправлю? — осенило меня. — А? Она у меня молодец. Все посмотрит, все подметит.

— Жанна — это кто? — поинтересовался Стас обреченно.

Ну оно и ясно. Для него последние два дня под девизом «открытие мира» прошли, и он отлично понимал, что под именем «Жанна» может скрываться кто угодно. Даже подкованная вошь.

— Призрак, — не стал разочаровывать его я. — Славная барышня, год с гаком как померла, теперь вот при мне состоит.

— Саш, давай соберись как-то, — попросил меня Нифонтов. — Ты чего несешь? Какой призрак? Мы вас-то к дому пока не подпускаем, чтобы охотника нашего не насторожить, а ты предлагаешь туда отправить девку, от которой не-жизнью за километр несет.

И в самом деле ерунду сказал. Нет, все же я положительно отупел за последние два дня. Или я всегда таким был, просто это в глаза не так бросалось на фоне моего бывшего окружения?

— Раз дело зашло в тупик, то попросим Марусеньку нам помочь, — весело сообщил приунывшим нам Дэн. — Она добрая, не откажется.

— С Жанной разобрались, теперь осталось только узнать, кто такая Марусенька, — хмыкнул Стас. — Ой, блин!!!

Последние слова он сопроводил вскакиванием с земли и отбеганием в сторону. Оно и неудивительно — когда из рукава человека, сидящего рядом с тобой, вдруг появляется голова змеи, причем однозначно ядовитой, тут любой струхнет. Мне и то не по себе стало.

— Ты ее все время с собой таскаешь? — уточнил Николай, сглотив слюну.

— Конечно, — подтвердил Дэн. — Разве что только когда к девкам иду, ее дома оставляю. Она. Понимаете ли, ревнует, может глупостей наделать. Потом жалеть станет, а уже все, девку не вернешь, от яда Марусеньки спасения нет.

— А на вид обычная гадюка, — произнес чуть подуспокоившийся Стас. — Среднерусская. Они вроде бы не до смерти кусают, если не в шею или лицо.

— Обычная, да необычная, — возразил ему Дэн. — Саня, глянь на нее повнимательней, ничего не замечаешь? Друзья твои точно ничего не увидят, а вот ты — сможешь.

Змея тем временем полностью выползла из рукава и теперь лежала у ног Дэна. Как она у него под курткой помещалась? Тело, поди, обвивала. Брррр....

— Замечаю, — я тоже поднялся на ноги. — А как же. Это та самая красавица, что по весне в мой деревенский дом визит нанесла. Да, сразу хочу перед ней извиниться за поведение своего домового. Он не знал, что к нам пожаловала гостья, вот и позволил себе лишнее.

Марусенька раскрыла пасть, и между острых, чуть загнутых клычков, мелькнул раздвоенный язычок. В этот миг на змею упал луч солнца, пробившийся сквозь качнувшуюся от ветерка листву, и я явственно различил блеск малюсенькой золотой короны, венчавшей прямоугольную головку.

— Заметил, — удовлетворенно сообщил всем Дэн, внимательно наблюдающий за мной. — Да?

— А кто она? — заинтересовался я и объяснил своим не менее заинтригованным приятелям: — У нее на голове корона, прикните!

— Марусенька ведет свой род от тех змеев, что в незапамятные времена служили богине Деване, дочери Перуна и Додолы, — пояснил Дэн. — Она, если можно так выразиться, гадючья царевна. Главными помощниками Деваны были два волка, но к особо разошедшимся охотникам, тем, что меры да совести в лесу не знали, она посылала как раз пращуров Марусеньки. От ее яда нет спасения. Королевские кобры по сравнению с ней — ужики.

— Лихо, — проникся я. — Теперь мне за моего Антипку еще стыднее стало. С веником — и на царевну.

— Она не обидчива, — рассмеялся Дэн. — Марусенька, помоги нам, будь любезна. Вон там, за оврагом — дом. Сползай, глянь что там внутри, есть ли люди, сколько их, кто они? И будь осторожна, там свил гнездо потомок Кашея. Он силен, хитер, если увидит тебя, то распознать может.

Змея зашипела, язычок снова метнулся туда-сюда.

— И еще. — Дэн приблизил к ней свое лицо. — Там имеется подвал, в нем спрятан Олег. Ты помнишь Олега? Хорошо. Если он там один, и Кашеевича рядом нет, то дай ему о себе знать, пусть наш друг поймет, что мы рядом. Ступай, милая.

Черная длинная молния скользнула в кусты — и только мы ее видели.

— Она не любит Кашеево племя, — пояснил Дэн, растягиваясь на травке. — Старые дрязги. Девана не ладила с его бывшей женой, Мораной, оттуда все пошло. Ой-ей. А если эта царевна учует, кому я служу?

Или она учуяла, да вида не подала? Минус на плюс дал плюс, и моя дружба с Дэном в ее глазах пересилила давнюю вражду богинь?

— Охренеть. — Стас снова плюхнулся рядом с нами. — Это же, по сути, идеальное оружие!

— В определенном смысле — да, — признал Дэн. — Но я ее никогда для подобных целей не использую, Марусенька — мой друг, а не киллер на жаловании. Хотя для сегодняшнего дня я бы сделал исключение. Жаль только, что Кашеева потомка ей не убить, он не просто человек, яд его немного ослабит, но не прикончит.

— Жаль, — согласились с ним все мы.

Марусеньки не было еще дольше, чем перед тем наших друзей. Час с лишним прошел, мы даже нервничать начали. Все, кроме Дэна, который знай лежал на травке, грыз стебелек «timoфеевки луговой», да что-то насвистывал.

Когда и как его приятельница вынырнула из кустов и вползла ему на грудь, никто не заметил даже. Вот ее не было — и вот она есть.

— Ну, милая моя, рассказывай, — безмятежно обратился к гадюке Дэн. — Что видела, что слышала?

Как видно, и вправду есть змеиный язык, потому что из шипения и посвистывания, которое издавала Марусенька, наш приятель уяснил многое.

— Первое — колдуна там сейчас нет, — не вставая с земли, сообщил нам ведьмак. — Он еще утром уехал, обещался быть к вечеру. Она потому так долго и не возвращалась, что слушала разговоры трех его прислужников. Те телевизор смотрят в комнате, что недалеко от входа, и между собой разное всякое обсуждают. Больше в здании никого нет, кроме, разумеется, Олега, тот на самом деле сидит в большом подвале. Очень большом, размером с верхний этаж. Марусеньке там не понравилось, говорит, что очень в нем смертью пахнет, муками и кровью. О нас она дала ему знать, Олег сразу после этого велел передать, что колдун не просто так все это затеял. Ему нужна власть над ведьмами, он какое-то очень дрянное дело затеял. И у него среди них есть помощница.

— Бинго, — хлопнул в ладоши Николай. — Имени он, конечно, не знает?

— Или не назвал, — подтвердил Дэн. — Да, еще он просил передать тебе, Саня, вот что: «Не дури и не подставляйся. Один хрен он меня убьет». Узнаю Олега, он весь в этом.

— Але, Стелла? — Николай, оказывается, уже успел набрать Воронежскую. — Это Нифонтов. Скажи, а кто посоветовал выбрать местом встречи со Смолиным «Кусково»? Ты же была при этой беседе? Нет, я хочу не слишком много. Нет, мне неинтересно, какого цвета на тебе трусики и надела ли ты их вообще. Стелла, это серьезный вопрос. Ага, ясно. А теперь вот что — мне надо встретиться с Марфой как можно быстрее. Причем об этой встрече не должен знать никто, кроме нее и тебя. Нет, Воронежская, я не рехнулся. Ты хочешь пролезть на вершину конклава? Вот и давай, шевелись, делай для этого что-то. А чтобы Марфа тебя сразу не послала, то скажи ей, что на встрече со мной она узнает, кто полгода назад обезглавил ее троюродную сестру. Информация достоверная, она может не

сомневаться, и я передам её ей безвозмездно, в качестве «спасибо» за встречу, которая, кстати, вашему племени нужна не менее, чем мне. Всё, жду звонка.

Он глянул на небо, а после набрал еще чей-то номер.

— Вика, ты где сейчас? Ага, хорошо. Даже отлично. Ты мне нужна, причем сильно. Минут через тридцать подходи к театру на Таганке, я тебя подберу. Да, то самое дело. Ровнину отзвонюсь. Всё, у меня вторая линия.

Следующий разговор состоял практически из одних союзов и междометий. Даже место встречи, на которую все же согласилась Марфа, мы и то не узнали.

— Все, я уехал. — Нифонтов направился к машине. — Стас, ты со мной. А вы, господа ведьмаки, давайте-ка замаскируйтесь, и ждите нашего возвращения. Тем более что надолго мы не задержимся, дело идет к вечеру.

— Коль, ты извини, но не могу не спросить, — встал на его пути я. — Мне в «Кусково» надо будет ехать или нет?

— Нет, — помолчав пару секунд, ответил оперативник. — Но это не значит, что все закончилось. Легкого вечера я тебе не обещаю, уж извини.

— Да это ладно, — произнес я, слегка задыхаясь. Господи, у меня как гора с плеч свалилась. — Живы будем — не помрем.

— С последним утверждением тоже не соглашусь, — хмуро возразил мне Нифонтов. — Тебе ли не знать, что смерть не всегда является конечной стадией жизни. Всё, парни, мы уехали. И не маячьте тут особо, ясно?

— Не учи ученого — посоветовал ему Гера, растягиваясь на травке.

— И еще. Дэн, ты красотку свою чутка попозже отправь следить за входом, — попросил моего брата Николай, уже усевшись в машину. — И если он нарисуеться до того, как я вернусь — просигналь, хорошо?

— Сделаю, — пообещал тот. — Не сомневайся. Саня звякнет.

Признаюсь честно — ну не мог я никак поверить в то, что этим вечером меня, возможно, убьют. Умом понимал, что это так, а принять как истину не мог. Ну как так? Вот он я, живу, на небо смотрю, на травке-муравке лежу, но завтра для меня не наступит. Утро придет, солнышко взойдет, а меня нет. Совсем нет. Не укладывалось это в голове. Сущность моя живая не принимала такого расклада, и потому сжималась, сжималась внутри некая пружина, на которой шпицштихелем было выгравировано словосочетание «не хочу». Нет, пошел бы я туда, к ведьмам, если бы понадобилось, куда деваться? Но как себя повел бы там, в Кусково — не знаю. Правда — не знаю. Хочется верить, что правильно. Но теперь проверять ничего не надо. Само собой, что пресловутое «завтра» для меня, возможно, все одно не наступит, поскольку нынче вечером мы с этой сволочугой сцелимся намертво, но это куда проще. Тут хоть какие-то шансы уцелеть имеются. Да и компания хорошая подобралась.

Все эти мысли доконали меня окончательно, и я отключился от реальности подобно тому, как в случае перегрузки на сеть вырубается электричество. Проще говоря — уснул, как младенец, без снов. Сам от себя такого не ожидал, если честно.

Не знаю уж — долго будили меня собратья, нет, но из сна я выплывал долго и неохотно. Но вовремя. Небо уже начало чернеть, солнце почти свалилось за горизонт, а под липами вовсю звенело жадное до ведьмачьей крови комарье.

— Который час? — хрипло спросил я.

— Десять минут десятого, — отозвался Дэн. — Выспался?

— Относительно. — Я потер глаза. — Есть попить?

— На. — Гера сунул мне в руку бутылку с водой. — Я уже и в магазин сгонял, и поели мы, а ты знай на массу давишь. Ну у тебя и нервы, Саня. Канаты, блин! Уважаю!

— О, вроде снова едут, — ткнул пальцем в сторону дороги, находящейся в стороне от нас, Дэн. — Сюда свернули. Наконец-то!

— Что значит «снова»? — уточнил я, чуть не поперхнувшись. — А кто-то уже приезжал?

— Приятель твой прибыл, — заурядно, как о чем-то привычном, сообщил Гера, и махнул рукой в сторону оврага. — Час как. Мы уже и Николаю позвонили с твоего телефона. Что ты так смотришь? Не будить же тебя из-за этого было?

— Опа! А машинка-то не наша, — чуть изменившимся тоном сообщил Дэн. — Может, она и не к нам?

— К нам, — успокоил его я. — Знаком мне этот «микрик», он тоже отдельский. Видать, решил Николай экипаж сменить.

Я оказался прав, но только наполовину. Транспорт был узан верно, но вот Нифонтова внутри не обнаружилось, за рулем сидел Пал Палыч, которого я с прошлого года не видел. Мало того — из салона следом за Стасом выпрыгнули три поджарых парня, чем-то неуловимо похожих друг на друга. Не братья, нет. Но...

— Сразу, чтобы снять вопросы. — Стас, как видно, верно истолковал наши непонимающие взгляды. — Это наши коллеги, так сказать, «смежники». Непонятно? Из «конторы» они. Тот красавец, что в подвале засел, их кадры проредил, хороших парней положил, вот ребята и хотят с него долги спросить. Негласно, если кто не понял. Ну а нам помощь не помешает, вместе и батьку бить веселее.

— А Николай где? — спросил я у Пал Палыча.

— Там, — неопределенно махнул рукой тот. — Да какая разница? Или ты ему доверяешь, а мне нет?

— Как-то не задумывался на эту тему, — озадачился я.

— И не надо, — посоветовал оперативник. — Если много думать, то мозг может через уши вытечь. Главное — не наломать дров и глупо не подставься, тогда, может быть, мы все доживем до следующего дня. Колька мне сообщил, что цель уже прибыла?

— Час как, — подтвердил Дэн.

— Отлично. — Пал Палыч потер руки. — Значит, так. Нам надо оказаться в подвале в десять вечера. Он в это время будет гарантированно занят, то есть хоть немного, но ослабит внимание. Это наш шанс. До того надо будет устранить его подручных, причем сделать это тихо. У меня есть одно средство, прихватил из отдела, пустим его в ход. Людишки эти наверняка гнилые насквозь, других Кашеевич к себе в прислугу не взял бы, потому жалеть их нечего. Читал я рапорты коллег, которые с такими, как они, дело в прошлом имели, впечатлился. Главное тут — не шуметь, вот что важно.

— Кстати это именно они, Сашка, тебя «пасли» по поручению колдуна. — добавил Стас — Больше никому.

— Если вы не против, я могу взять это на себя, — предложил Дэн. — Тогда точно не шумнут. Не успеют.

Пал Палыч изобразил рукой змеобразное движение, и деловито кивнул.

— Так, идем дальше, — он достал из салона микроавтобуса наплечную сумку и перекинул ее ремень через шею. — Колдун. Убить его можно, но сложно.

— Жечь надо, — подал голос Гера. — Кто-то из наших старшаков про это говорил.

— Верно, — покивал Пал Палыч. — Но не просто жечь. Есть один нюанс, который герои вроде нас часто не учитывают при уничтожении подобных субъектов. Его надо сжечь в замкнутом пространстве, так, чтобы душа не рассталась с телом и не улизнула в какую-нибудь щелочку. Двери ей закрыть надо, пусть даже и номинально. То есть — дом, сарай, дачный сортир, и так далее. Любые четыре стены, пол, потолок, и непременно дверь.

— О как, — проникся я.

— Ну дак, — хмыкнул Пал Палыч. — Наши предки, люди неглупые, знали, что делали. Вспомни детство золотое, и народные сказки из учебника по чтению. Ведьму в печи с заслонкой зажаривали, злого чародея в доме сжигали, и так далее. То есть — закрытое пространство. Сказка — ложь, да в ней что?

— Намек? — предположил Дэн.

— Инструкция для таких, как мы, — ткнул его указательным пальцем в грудь Пал Палыч.

— Тогда фигня выходит, — расстроился я. — Нет там ни сарая, ни сортира. Там вообще один кирпич да металл.

— Не совсем так, — покачал головой оперативник. — Ролик включи еще раз.

Он внимательно смотрел на экран моего телефона, и в какой-то момент скомандовал:

— Стоп! Вот! Кто скажет, что это такое?

— Это? — сказал один из фсбшников задумчиво. — На печь-«шведку» похоже, только очень большую.

— Верно. — Пал Палыч покопался в кармане своей легкой черной куртки, а после протянул ему «чупа-чупс». — Держи, заслужил. Она и есть, я сразу ее приметил. И это именно то, что нам нужно. И вот тут мы подошли к самому главному вопросу — как бы нам теперь этого паразита в нее затолкать? Он же наверняка против будет.

— Так себе шутка, — заметил Гера. — И несмешно, и не к месту она.

— Какие шутки? — озадачился оперативник. — Я абсолютно серьезен. Положим, растопить я эту печь растоплю, кое-что с собой прихвачено. Топливо знатное, из семи древесных пород, разгорается шустро, жар дает мощный. Но минуты полторы-две мне на это все вынь да положь. Вроде пустяк, но это в обычной жизни. А там эти минуты за вечность покажутся, потому что он за подобный отрезок времени половину из нас убить успеет. Но выбора нет, отвлечь его надо, иначе мы всё равно ничего не добьемся. Я кое-что в ход пушу, но и вы давайте, не зевайте, делайте всё, что сможете.

— А пули его точно не берут? — спросил Стас. — Даже если в голову стрелять?

— Пишут, что нет, — пожал плечами Пал Палыч. — Тоже не очень понимаю, как это выглядит в реальности, но не верить отчетам коллег смысла нет. Да ты пальни пару раз ему

в лоб — поглядим, так и так хуже не будет. У нас кроме пистолетов да ножей ничего и нет больше. А, разве что еще вот, сеть.

— Зачарованная? — потер руки Стас, привыкший за пару дней к чудесам.

— Надежная, — осек его Пал Палыч. — Хорошего плетения и безо всякой магии. Не хватало еще нам всем взлететь вместе с подвалом на воздух. Магия Кашея штука непростая, имели место быть случаи, когда сталкиваясь с артефактами или чуждой ей волшебной, она... Детонировала, скажем так. Несовместимость возникала. Этот хрен с горы после такого взрыва даже не почешется, а нам «со святыми упокой» настанет. Понятно, что он эту сеть, скорее всего, спалит, но мы выиграем секунды, которые так нужны.

— Ясно одно — плана у нас, по сути, нет, — немного насмешливо сказал один из «фсбшников», имен которых мы так и не узнали. — Пара неозвученных заготовок да сеть, вот и все.

— Так и живем, — и не подумал смущаться Пал Палыч. — Какие объекты наблюдения, такие и методы работы. Поверьте, это еще не самый плохой вариант. Нам известен способ, которым противника можно уничтожить, и имеется фактор внезапности, который можно разыграть. Поверьте, это хороший расклад. У нас часто приходится работать вообще «с колес». Да, вот еще что. Саша, если он меня прикончит, а такое может случиться, потомок Кашея ведь не дурак и поймет, что к чему, то дело закончишь ты. Горючка в рюкзаке, и вот, держи зажигалку. И не лезь на первый план, твоя работа — быть моим дублером. Вроде как он обо мне позаботился, но все равно понятно, что мы лишь смазка для штыков. Мы — пушечное мясо, которое не жалко, наша задача — отвлечь колдуна, для большего мы не нужны. Если останемся живы, то услышим «молодцы», если умрем, то в лучшем случае при написании отчета нас назовут словосочетанием «безвозвратные потери». Но, скорее всего, просто забудут. Никто не думает о гильзе, когда патрон израсходован. Сволочи они, понятное дело. Но деваться некуда, надо принимать ситуацию такой, какая она есть.

Пал Палыч дал еще пару практических советов, выкурил сигарету, а чуть позже скомандовал:

— Ну, пошли потихоньку. Денис, где твоя змейка ручная? Уже там?

— Да, — кивнул мой собрат.

— Всё, отправляй ее в дом. Пока суд да дело, как раз десять пробьет.

Марусенька на самом деле оказалась крайне эффективным, не сказать — страшным оружием. Видели бы вы перекошенные лица и посмертно оскаленные рты той троицы, что расположилась за столом в одной из комнат этого затрапезного здания, которое, похоже, давным-давно в коммунальном разрезе не использовалось.

— Лихо, — шепнул нам Пал Палыч и глянул на часы, которые носил довольно странно, циферблатом вниз. — Берем левее, спуск в подвал там.

Он ориентировался в местных коридорах так, будто провел тут не один день. Нет, не так их тут было и много, но тем не менее.

Мы спустились по одной лестнице, кирпичной, потом по второй, уже железной, и оказались около приоткрытой массивной двери, ведущей, как видно, в тот самый подвал.

— Ну-ну, — услышал я голос, который сразу же меня убедил в том, что мы у цели. — Не дергайся. Смерть рано или поздно заберет каждого из нас, ведьмак. К тому же, если твой приятель сделает то, что я от него жду, то у тебя и шанс появится. Что было обещано? Он убивает, я тебя отпускаю. И отпущу!

— Как же, — просипел Олег, которому, похоже, на самом деле пришлось очень туго. Это был голос мертвеца, а не живого человека. — Так я в это и поверил.

— Клянусь памятью пращуров — отпущу, — рассмеялся колдун. — Покон слово заповедал держать, не уподобляясь неразумным людям. Другое дело — как далеко я тебе дам уйти, в этом весь фокус. Скажем... Ну-у-у-у... До выхода из подвала. Нет! Даже по лестницам подняться можешь. А вот потом я начну тебя догонять, и тут уж все будет по-честному. Кто поспел — тот и съел!

— Очень честно, — как ворон каркнул Олег, и попробовал засмеяться. Получилось плохо.

— Так, всё, — велел ему колдун. — Цыц, ведьмак, а то язык отрежу, он в условия договора не входил. Хотя и неудивительно, поскольку твой приятель-дурачок ничегошеньки в правильных договорах между детьми Ночи не смыслит. Как его в банке только держали столько лет? Куда отдел по работе с персоналом смотрел? Нет, дай-ка я тебе все же рот заткну, чтобы ты мне своей болтовней не мешал.

Громко взвыл телефон, колдун немедленно ответил, но при этом ни слова не сказал.

Акустика в подвале была превосходная, мы даже стоя за дверью всё отлично слышали.

У него там велась прямая аудиотрансляция из «Кусково», после первых же прозвучавших фраз всякие сомнения в этом отпали. За пару минут разговора несколько раз прозвучало

мое имя и было предложено три варианта того, как меня следует умертвить. Второй из них, кстати, понравился колдуну, он даже одобрительно хмыкнул.

Молодец. Сволочь, конечно, но молодец. Все продумано, до мелочей. И поделница у него будь здоров, вон даже с освещением мероприятия расстаралась.

А потом, судя по тем фразам, которые до нас доносились, в бывшую резиденцию Шереметьевых пожаловал я, собственной персоной. В компании с Нифонтовым.

— Это как? — было шепнул я Пал Палычу, но тот только недовольно поморщился и снова глянул на часы.

Впрочем, мне ответ был и не нужен, я сам до всего допер. Виктория. Вот кто сейчас стоит перед Марфой и вещает моим голосом. И именно она, похоже, сейчас пустит в ход нож, чтобы формально исполнить обещание, данное колдуну. Но никто на самом деле не умрет. Там не умрет, а вот здесь...

Пал Палыч пошарил в карманах и достал оттуда два продолговатых цилиндрика, увидев которые Стас и фсбшники сразу оживились.

— Светошумовые? — еле слышно осведомился один из «спецов». — Дело!

— Полная готовность, — скомандовал Пал Палыч и снова глянул на часы. — Вот-вот уже. Марфа что-то громко рявкнула, я ей ответил, а после телефон разразился дружными женскими воплями. Судя по всему, верховная ведьма была убита.

Колдун разразился довольным смехом и, судя по звукам, хлопнул себя по ляжкам.

— Вот теперь пойдет резня, ведьмак! — сообщил он Олегу. — Много крови уйдет! А когда и вы, и ведьмы устанете от войны, тогда я...

— Зажмурились, — скомандовал Пал Палыч, ногой распахнул тяжелую дверь и отправил обе гранаты вниз, туда, где ликовал потомок Кашея и страдал мой друг.

Хоть я и закрыл глаза, как было велено, в глазах все равно поплыли круги, да и звук взрыва здорово вдарил по ушам. Одна надежда на то, что колдуну еще хуже пришлось. Идея-то и в самом деле отменная — пуля его не берет, нож тоже, но звук и свет он воспринимает так же, как и мы.

Пал Палыч первый рванул в подвал. Плюнув на лестницу, ведущую вниз, он перемахнул через перила, за ним последовал Стас и фсбшники, причем один из них держал в руках сеть.

Я не был готов к таким прыжкам, заранее зная, что либо ногой за перила зацеплюсь, либо что-то сломаю при приземлении, потому рванул по лестнице, на ходу оценивая диспозицию.

Пал Палыч суетился у печи, которая на самом деле поражала своими размерами. Не домна, разумеется, но и не дачная «буржуйка». Промышленная штука, короче.

Оперативник уже успел оттянуть на себя массивную дверцу почти с себя размером, вдобавок увенчанную здоровенным засовом, и теперь закидывал внутрь какие-то брикеты, попутно поливая их из пластмассовой бутылки зеленовато-желтой жидкостью, время от времени опасливо поглядывая на колдуна.

А ему, хвала небесам, было не до оперативника. Силовики проявили немалую сноровку, лихо спеленав сетью оглушенного и моргающего, как соенок супостата, после припечатали его к полу лицом вниз, и сейчас Стас суетился с наручниками, чтобы окончательно зафиксировать успех.

— Псы! — взревел Кашеевич, явно приходя в себя. — Ах вы черви навозные!

Он вывернул голову вбок, и наши взгляды встретились.

— И ты тут? А там, стало быть... Ну-у-у-у-у!

Что-то грохнуло, пол под ногами колыхнулся, как водный матрас, а четверо силовиков разлетелись в стороны, как кегли в боулинге от шара.

— Еще минуточку! — долетели до меня слова Пал Палыча.

Какое там! Сеть огненными нитями полыхала прямо на колдуне, при этом никакого беспокойства по существу данного факта я на его лице не обнаружил. И ведь даже костюм его от огня не занимался.

И еще он был зол. Нереально зол. Подтверждением тому послужил один из фсбшников, который отлетел от Кашеевича совсем недалеко, и теперь ошалело тряс головой, которой крепко приложился о пол.

Колдун легко, как плюшевую игрушку вздернул его вверх и одним коротким движением свернул шею. Причем свернул в прямом смысле. Не сломал, а именно свернул. Лицо и затылок поменялись местами, прямо как у одного отрицательного героя в «Кавказской пленнице».

Врать не стану, здесь меня дрожь и пробрала.

Загрохали выстрелы, Стас сотоварищи все же решили проверить верность слов Пал Палыча. Колдун задергался от попадавших в него пуль, но и только. А несколько из них вовсе сплюснулись, это те, что ему в лоб попали.

Короткий взмах руки — и нас стало еще меньше. Один из фсбшников поднес ствол пистолета ко рту и нажал на спуск.

Щелчок пальцев — и Стас взлетает под потолок, с резким звуком ударяясь об него. И еще раз. И еще.

Третьего, последнего фсбшника накрывает какое-то черное облако, из которого немедленно раздались жуткие вопли.

И все это за считанные секунды, мы даже компанию ударной силе нашего отряда составить не успели. А теперь всё, теперь наша очередь.

— Так даже лучше, — сообщил мне колдун, потягиваясь, отчего в разные стороны разлетелись горелые ошметки сети. — Сам тебя убью. А потом разберусь с теми, кто меня одурачил.

Буммммм! Это в голову Кащеевича кирпич прилетел. Герина работа. Он по камням специалист. Он их чувствует, понимает, слышит. Специализируется, разумеется, больше по драгоценным, работая в качестве очень авторитетного, а потому и очень дорогого эксперта-оценщика, но и кирпичом, если что, вражине по щам засветить тоже может. Понятно, что этой твари подобные удары как слону дробина, но...

Колдун, не ожидавший подобного поворота, покачнулся, и как раз в этот момент из искры возгорелось пламя. В печке полыхнул огонь — ярко, весело, дружно.

— Вон оно чего! — нехорошо оскалился колдун. — Ишь чего задумали!

Еще три кирпича, прилетевших с разных сторон, ударили его один за другим, но и Гера уже попал в прицел заклинания. С треском обе руки ведьмака сначала нечеловечески выгнулись, а после повисли плетьюми. Мой собрат завыл от боли, а после рухнул на пол без сознания.

Я же стоял как вкопанный, ошарашенный всем увиденным. Наверное, надо было что-то делать, но что?

— Ты, — колдун повернулся к Пал Палычу. — Судный дьяк, я вас не трогал. Но теперь! Черный сгусток, подобный тому, что некогда словил и я, полетел в лицо оперативника. Тот почти увернулся, но только «почти».

И вот тут случилось неожиданное. Сверху, с труб, оплетавших тут и там потолок, на колдуна упало с полдюжины черных плетей, на деле оказавшихся длиннющими и толстыми гадюками. Они, злобно шипя, оплели его шею, плечи, голову и жалили, жалили его туда, куда могли, куда только получалось впиться клыками.

Кащеевич, стоя напротив пышущей жаром печи и сдирая с себя разъяренных змей, напоминал персонажа древнегреческих мифов Лаокоона, смотрелось это одновременно и жутко, и впечатляюще. Змеиный яд, похоже в самом деле не причинял ему особого вреда, как и говорил Дэн, но непосредственно укусы, похоже, все же доставляли боль. Странно — на пули этому демону плевать, а вот змеи смогли достичь результата. Может, потому что пули, по своей сути, мертвая материя, а змеи — живые?

А еще я наконец-то понял, что надо делать. И то, что этот шанс — он последний, других не будет. Если упущу, то нынче уж точно встречу свою смерть, мучительную и долгую. Причем не факт, что конечную.

Я, согнувшись, рванул вперед, со всего маха налетел на колдуна, который отдирает от лица очередную змею, рвавшую своими клыками его щеку, и, разве что только не воткнувшись головой ему в живот, напрягая все силы, протацил к печи, благо та находилась совсем рядом.

Одна из змей упала мне на спину, и тут же ее зубы впились в мой загривок, ей было все равно, кого сейчас жалить. Шею пронзила боль, но я даже глазом не повел. Так и так умирать, лучше уж от яда, чем от рук этой твари.

Как я впихнул своего врага в огненное жерло — не понимаю. Seriously. Думаю, он сам ничего такого не ожидал, потому и потерял те несколько секунд, которые могли поменять ситуацию в корне.

Но он их потерял. А я, ощущая, как волосы на голове скручиваются от невыносимого жара, успел захлопнуть нереально тяжелую и порядком нагретую дверцу печи до того, как Кащеево семя мне помешало, и даже заложить ее засовом.

Змея еще раз ужалила меня, после свалилась на пол и зашуршав, направилась в сторону Дэна.

В ушах стояли неумолчные вопли и проклятия злодея, бьющегося в печи, сознание начало мутиться — то ли от эмоций, превысивших норму, то ли от злого и, похоже, не очень-то обычного змеиного яда, который сейчас кровь толчками разносила по моему телу.

Ноги подкосились, я упал на колени, но не отрывал глаз от дверцы, ходящей ходуном от ударов моего врага. Господи, до чего же живуч, там же температура, как в вулкане, а он все никак не сгорит.

Вопли сменил вой, в котором ничего человеческого вовсе уже не имелось.

— Морана, — прошептал я, чувствуя, как немеют губы. — Эта жертва тебе. Колдун, словно услышав меня, издал такой вопль, что стены дрогнули — и затих. Остался лишь гул огня, и сочащийся сквозь зазоры удушливый запах сгорающей плоти. Прежде чем сознание совсем померкло, я еще успел услышать ликующий женский смех, прозвучавший где-то на грани бытия. Впрочем, может его и не было на самом деле. Не знаю.

Эпилог

— Поеду я, — то ли спросил, то ли уведомил меня Николай. — Мне еще отчеты писать. Дело к концу квартала идет.

— Да не вопрос, — согласился я, ставя сумку на пол и протягивая ему руку. — Спасибо, что подбросил.

— Ну а как по-другому? — оперативник умело изобразил удивление. — Мы же друзья? — Разумеется. — Я растянул губы в улыбке. — Ладно, созвонимся! Коллегам привет передавай. Ну и еще раз их от меня поблагодари.

Николай пожал мою руку и быстро пошел по направлению к выходу из здания аэропорта.

— Друзья, — иронично произнес я, проследил за тем, что он сел в машину, и сразу после этого извлек из телефона «симку». — И еще какие.

Я уезжал из страны. Надолго. Нет, про «надолго» — это мой личный выбор, врать не стану. Но вот совет о том, что нам, ведьмакам, хорошо бы свалить из города на некоторое время, причем желательно побыстрее, прозвучало почти сразу после того, как мы все более-менее пришли в себя.

Непосредственно я очухался последним. Мой организм, конечно, был подвержен ядам куда менее, чем у обычного человека, но если тебя два раза гадюка куснула в шею, причем в начале лета, когда ее яд особо зол, то хорошего не жди. Да еще такая, которую призвал ведьмак.

Меня спасла Марусенька. Ну и Дэн, по просьбе которого она это сделала. Оказывается, левый клык этой царевны-гадюки несет исключительно смерть, а вот правый может исцелять укушенных другими змеями, но только в том случае, если она сама этого хочет. Самой собой, что подобное желание у Марусеньки возникает крайне редко, но мне повезло. Более того — теперь, если верить Дэну, мне гадючий яд вообще не страшен. Кстати, кто-то мне в том году говорил, что я змей могу более не опасаться, правда, не помню кто. А жаль. Плюнуть бы в глаза говорившему. Не опасаться, как же...

Остальным тоже досталось неслабо. У Геры левая рука оказалась сломана, а на правой здорово досталось связкам, Стас получил очередное сотрясение мозга и перелом трех ребер, Пал Палыч уже кое-как ориентировался в пространстве, но один глаз упорно отказывался видеть происходящее. Из трех же фсбешников в живых вовсе остался только один, и тот дышал через раз, невероятно изобретательно сквернословя в те моменты, когда к нему возвращалась память. Черное облако, которое его окутало, со смертью колдуна развеялось, но последствия, похоже, все еще давали о себе знать.

Мне бы сюда мою аптечку! Но это только мечты.

Впрочем, вскоре к нашей компании присоединилась не очень молодая, но веселая дама, представившаяся Валентиной, и являвшаяся коллегой Николая, после чего дело более-менее пошло на лад.

Вот тогда-то Стас и произнес заветную фразу, перед тем обменявшись взглядом с наконец-то проморгавшимся Пал Палычем:

— Парни, вот что я вам скажу. Не худо было бы вам свалить из города на месяцок-другой. Два холодных «фэбса» — это не шутки. Не стоит вам мелькать в документах, добром для вас это не кончится. Мы из Системы, наши вопросы, если что, «старшаки» порешают. А вот вы...

— Ни малейших возражений, — немедленно отозвался Дэн, сидящий на лестнице и поглаживающий Марусеньку, свернувшуюся в кольцо на его коленях. — Я так и так собирался прокатиться в Белоруссию, погулять по болотам Полесья. Там есть чудные трясины, где растут такие травы, каких нигде более нет.

Что интересно — Дэн лекарь, но помогать кому-то, кроме меня и Геры, он не стал.

Любопытно — отчего?

— У меня уже билет на самолет до Екатеринбурга куплен — сообщил всем другой мой брат. — Я всегда лето в горах провожу. Там и руку подлечу.

— А ты? — обратился ко мне Стас. — Тебе первому валить следует, карусель ты закрутил.

— Ее вон он закрутил. — Я потыкал пальцем в сторону дверцы, за которой все еще гудело пламя. — Ох. Не знаю пока, куда поеду, у меня один хрен «шенгена» нет. Но точно не в Турцию. Они свинку жареную не кушают, а мне без нее отдыхать неинтересно.

— Не проблема, — полицейский попробовал глубоко вздохнуть, но тут же закашлялся. — Ох, твою-то мать! Так вот — у меня на «земле» одно турагентство есть, я его хозяйку время от времени... Сотрудничаем мы, короче. Будет тебе виза, причем быстро. И тур со скидкой тоже устрою. У тебя хоть «загранник» есть? Ну и славно, это главное.

— Правильно, — наконец-то подал голос Пал Палыч. — Мы всё сами тут разгребем, а вам светиться не нужно.

Все это выглядело довольно сомнительно, да и Дэн уже потом, наедине, подтвердил мои подозрения.

— Хотят добро Кашеевича к рукам прибрать, — негромко произнес он, когда мы стояли у машины и ждали, пока в нее загрузят Геру и измученного Олега, который до сих пор в себя не пришел. — От него наверняка много чего осталось — и артефакты, и книга колдовская, да и просто ценности.

— Пусть их, — я потер шею, которая все еще ныла. — Дэн, в любое время, в любом месте...

— Саня, не надо, — остановил меня он. — Мы с тобой братья, как ни крути. Для кого-то это пустой звук, но лично для меня — нет. Так что не сотрясай воздух понапрасну.

Через пару дней, как и было обещано, ко мне заскочил Стас, привез паспорт с визой и пакет с документами, из которого я узнал, что через сутки ни свет, ни заря улетаю на остров Крит, сроком на три недели. Причем пожаловал он на новенькой «БМВ» «премиум-класса», а не на своем старом «внедорожнике». Догадываюсь, откуда машина взялась, не иначе как с парковки «Крокус-сити». Молодец, он из этой истории, получается, с самой большой прибылью из всех нас вышел, как, впрочем, и всегда. Главное, чтобы колдун в машине сюрприза какого-нибудь для него не оставил. Долгоиграющего. Я даже высказал эту мысль вслух, но Стас только хлопнул меня по плечу, произнес «не бздо, все пучком», стащил из холодильника кусок колбасы, и усвистал по своим делам.

А вообще я искренне обрадовался новости о своем отъезде. Желание свалить куда подальше росло во мне с каждым днем, и дело было не только в пожеланиях моих недавних союзников.

Когда я отмылся, отоспался и более-менее пришел в себя, то стал перебирать в голове все события этих нескольких сумасшедших дней. В какой-то момент в памяти всплыло то, что Арвену меня сдал господин Рязский, а еще минут через пять я осознал, что начал планировать акцию возмездия. На автомате и без малейших душевных терзаний. Причем речь не шла о каких-то безобидных шалостях, вроде «неделя верхом на унитазах». Я прикидывал, как его убить. По-настоящему. Насмерть.

Врать не стану — испугался. Я не хочу становиться подобием той сущности, которую лично запихал в печь, а значит, надо уезжать, и как можно быстрее. Надо менять все вокруг себя — страну, людей, привычки. Вообще — всё. Перезагрузиться нужно. Обнулить тот мир, в котором я до того жил, как когда-то и советовал мне Хозяин Кладбища.

И трех недель для этого мне будет явно недостаточно.

Хотя, по сути своей, обнулять-то особо и нечего. Я, как один герой из прекрасного советского фильма, улечу налегке. Братья-ведьмаки разъехались, причем Дэн прихватил с собой в Белоруссию Олега, который хоть более-менее и оклемался, но все равно время от времени начинал заговариваться. Как видно, Кашеевич как следует его помытарил, и не только физически. Других друзей у меня и раньше особо не имелось, женщины... Были — и нет. Светка при упоминании моего имени, небось, до сих пор плюется, Мезенцева тоже, Виктория... Это Виктория. Не хочу об этом думать.

Правда, есть еще Изольда, которая мне позвонила первой, сообщив, что от своих слов не отказывается и будет рада принять от меня приглашение в хороший ресторан, с последующим неистово-страстным продолжением. Раньше я бы подумал, да и согласился, но то раньше. Хватит с меня авантюр и приключений, устал я от них, а с этой гражданкой по-другому не получится. Ей бы с Маринкой познакомиться, они, по ходу, два сапога пара. Зато от нее я узнал, что крысой оказалась первая помощница Марфы. Мало того — предательница ей еще и родственницей приходилась. Теперь, правда, уже покойной и всеми моментально забытая. В ковене начались кадровые перестановки, о списанных с борта корабля матросах никто и не думает вспоминать. Ведьмы — такие ведьмы. Их надо принимать такими, какие они есть.

Не сомневаюсь, что и я был забыт красавицей Изольдой сразу же после того, как закончился наш разговор.

Впрочем, не стоит совсем уж прибежаться, я вовсе не Робинзон. Что Родька, что Жанна — они ведь куда-то не делись? И не денутся, кстати. Они отправятся вместе со мной, я

слишком к ним привык. Ну и потом... Даже ведьмаку время от времени надо с кем-то общаться, а то ведь очень даже просто можно с ума сойти.

В общем, какое-то время я поколесю по Европе, с «шенгеном» и деньгами в наше время подобные перемещения сложностей не представляют. А потом, когда придет зима и я настранствуюсь вдоволь, то осяду в какой-нибудь тихой стране, вроде Венгрии или Финляндии. Там и климат с нашим схож, и травы растут такие же, и кладбища имеются. Сниму домик, буду совершенствоваться в ведьмачьем ремесле. Книгу-то я с собой беру. А за Антипом приглядят Славы, я с ними на этот счет уже договорился. И урожай снимут они же, не пропадать ведь добру? Поразмыслив немного, я даже одним днем съездил в Лозовку, отвез туда на сохранение почти все содержимое из домашнего сейфа и «мантрагыр» с антресолей, а заодно и объяснил домовому, что к чему. Тот жутко расстроился, но спорить не стал, потому что наконец признал во мне хозяина, и теперь для него действительна та аксиома, по которой я всегда прав. Но зато он проникся моим доверием, я же ему вместе с травами и ранее сваренными зельями чашу золотую обратно привез. В тот же день, точнее — в ту же ночь, я наведаясь к еще одному своему давнему знакомцу, кстати, единственному из всех существ на свете, с кем я мог быть абсолютно откровенен. К Хозяину Кладбища.

Увы и ах, я его не застал. Черная плита была пуста, на тропинках его тоже не обнаружилось, а призраки молчали, как подпольщики на допросе. Даже и не знаю, в чем дело. То ли он в ту ночь из склепа не вышел, то ли по какой-то причине видеть меня не захотел. Надеюсь, что верен первый вариант.

Что же до Ряжской... У нас состоялся телефонный разговор. Ольга Михайловна, похоже, на самом деле не знала, что ее муж тогда меня сдал, но каким-то образом позже это пронюхала. Просто держалась она довольно непривычно, и интонации в голосе звучали незнакомые. Боязливые, что ли?

Встречаться я отказался, но попросил ее передать мне деньги за ту работу, что была выполнена для Михаила. Он мертв, его партнеры тоже, это так. Но я свое дело сделал, а детали меня не интересуют. Проще говоря — как она их будет выбивать из безутешной вдовы, меня более не волновало. Кончился у меня запас сочувствия.

Просьбу мою она выполнила, прислав человека с пухлым конвертом уже через час, причем сумма в нем оказалась в два раза больше оговоренной ранее, что было очень кстати. Не скажу, что у меня нет денег, это не так. Но провести год, а то и два за границей — дело недешевое, так что лишним этот подарок не будет. Короче — оценил я данный жест доброй воли, отправив в ответ смску: «Все долги закрыты. Живите спокойно. Оба.». Но на звонки ее больше не отвечал.

Совсем уж просто все вышло с родителями. Они были счастливы узнать, что меня на пару лет отправляют в Англию, на стажировку в банк. Я обещал им время от времени звонить и рассказывать, как там у меня дела идут, причем сразу предупредил, что мой нынешний номер будет недоступен. Мол, я там местный куплю, так дешевле выйдет.

А еще надо будет им время от времени присылать «ДНЛом» подарки. Ну, и денежку переводить.

И только Морана так ни разу и не дала мне о себе знать. Не знаю отчего. А еще стараюсь не думать о том, что, может, зря я ей именно эту душу подарил? Может, не стоило?

В «Шереметьево» меня то ли отвез, то ли отконвоировал Нифонтов. Он честно подождал меня у подъезда, пока я прощался с обществом, в дороге был весел, да и в аэропорту сыпал шутками, прося меня привезти из Греции магнитик на холодильник и бутылку-другую «раки». А я хотел только одного — чтобы он уже уехал.

И вот старая «симка» отправилась в кармашек бумажника, практически подведя итог под моей прежней жизнью, потому что никто из тех, кого я знал, теперь не сможет меня отыскать. Я закинул на плечо рюкзак, окликнул Жанну, которая вертелась вокруг каких-то девушек модельной внешности, подслушивая их разговоры, а после направился туда, где звенели рамки, стояли молодые ребята и девушки в синей форме, и брякали о стол часы, телефоны и ключи. Чемодана у меня нет, а все остальное, вроде маск, шлепок и банданы, куплю на месте.

— Можно я покатоюсь на этой штуке? — шепнула мне на ухо Жанна, показав на валики ленточного транспортера — Ну, пожалуйста? Заодно и за рюкзаком твоим присмотрю. — Валяй, — разрешил я, думая о своем.

Все-таки она не позвонила. И мне ни на один вызов не ответила. Нет, ясно, что попытка изначально была с негодными средствами, но чего же так на душе тоскливо? Могла бы просто сказать: «пока». И все. О большем-то я не просил, правда?

Уже перед самым пропускным пунктом я зачем-то обернулся, и мне показалось, что там, у ряда кресел, у стойки «Шоколадницы», стоит девушка в легком сером плаще и черной водолазке, и на груди ее поблескивает золотой капелькой незамысловатый кулон.

AF7d/k/zuqJGkWCacnTnyQZIkEQ7Ee0289/dDb0/HM5ngrHVekX9KnCNsoyE30mPYz+9BWSI
dBqMc0QsBQIXUzCqQyyADklgAp/y09/21v8Apy+hFVow4nJGDwClOw3x/wD17f8AT19CE7Pe
Vh5UWgczCX0IGJjWHOarynOzDgjjKM/SpNIQBCqMM80crOA9aRHsR2SE2wY8VBXILgMAhUhh
zReG2KKjARgOi0hOmAsksSmzROqHZkzp3T8FAKdMyTqhjmnSAdPgEDJJO6QxUDs6OEHyRxrY
PJSRGrDIKBRi9pRO2JQzvhuOZWfZbO4sEVPdvAMK/WoK6Z3lz6ypatsI96z1KwVwZhgEdwr
hVhEPJKUxHGxely4KE2nIYBRqA5zM80KZOikiZME6BmT6SkFK5QUntiHT6l0cxLS6H1UdK3E
rZxMoyjpOnPMH5ImagrStn+f3ddH1SdU/ujE/QivTtveLqY3MYiURJpZgHmqfXNI+e2dlQx
k2qH3o4+3L5VD5j3Y2ewsBzHhR/W/Q6t9K3g3u1rvGcojV94YH2oPLI4hIkDNaPXNI+R311
YwjI64eiX0Yj5FN5ds2de5l+eETEx7viB4u4RGRrCWoL0+nYdOvgLKqaZQOUo1xI9y5DfUbT
Y9ZAsiBt3jKUWelePLk+KK57WetYXp+32XTd1DxKaqZxyeNcfoWd1yHTNpt7K5V1RulA+GIw
jqc4AhhzQcESAlrC1PLIm0r3R/PCJrMCI+IHjqcfM672vpuwsiJwoplGQcEVxYj1IPLdUShw
5rOrajpG8ma6K6ZyA1MK45epT7jZdN2sPEuqphHJ5Vx+hB5c6fUus6RuOk+PuPGjWIm9XiR
Daex8vRh3JdOObCyLiiogjMVx+hB5Y4TiQXom16D03ZHTOMJzkX/esfkAKk33lzZbuBjGu
Nc/qrGlvkGBQebumdWfyF35n8kB+91aP+uzj6F3Ow8r7LZw1XgWTAEUp/CPky0oPPNScFe
k009H3kjVVCichwjGL+xc55j8uw2MPzW2cVu04HHS+RHYg5kyBXWdA8z1bakbbeOBDCEwHw5
EZ4LQ6H/ACrc7eqrRVK/S0oyhHUZDPMY81rW9P6fTA2WU0xjHEk1xb3IKP8APOkbV7K5QEepZ
+HX3j6cPeuO6x1g9U3AtI01wDQifee0rV2XSKeqdRsvqiBs4S4BhItkOx8T2eldXPpmwriZz
opEYhyTXHAD5EHmkbIyRGAKvdfs2s92DsREViAEvDDR1Y/MyzRJQHxI0WwuiNWiuZ6fQXXon
R+t19W1+HCUDXpfU31n+hedifyrqPJPxbn01/wDeg6HqnVqelwjZcJESokaAD7yFH0vru26o
TGkkTiHMJhi3PioPMXSbuqVQrpMQYy1HWSOHYcQ/QPLtnTbZbi+YIMx0AQyz5luXJUV/N3TK
vA/O1gRsiRqi+sDhj2uuREiA/BdV5t6vVkr8jUdUyQZtlEDh6XWR5f2G13984bs4RiDGOs/
NQZnjQ4IOLoZP613Qo6Ht+6fAcfalGR9pKitDpftD5B4VVSgfrVgD2xTA8/hIAuMk8i4yZXOt
dLHSdyIQJNngeD8OxN0npNnV7ZAEwph8UufYP+sFMKzpwRjmUwtieK9Bh0Xpmwr1WQhpGc7s
fxYepDpvSt/EmquqcRgTUwb91VHnxsjHMofGjzW9Vt9j07rFIF4HgCLR8QagDKMTj7V1IOW
6dfAWVU0ygcPrrR7kHmwtieKI3RjgSur8y07Gug7aiusbmUoa11wAln2DktDpHI3b7SgR3F
cLLZd6ZnESbsD8vag4QXw5p5WRjmV2nXK+mbTb2QIXVC6UJeGBCIk5wBDB81yfQp7avdxO9E
TXpI74eL8HTAqepHmkLocSvSqundPuiLK6aZROUhxFj7FWrHSLLvY0K6Ta8o6PDi7xz4diYH
ADcQ+RHG+uGILr0W3p/T6YGyymmMY4kmuP0Lk6r+mfzeUiIfIjFovEaNTDhlz+VMDJG6qzmn
+QqO3eiWEMAvRqen9OvgLKqaZQOUowgR7ljeYodM222sqEko3kDTGELiWfYmFy5CuiVmMsAr
I0192IcqGF3cAJYNwzVnnpT7OrX+DA6K44z2fSsipZfF8S59ii8UE5r0GPRul9Nr1Wwgwzn
dj78Puij03pXUayaoVSjkTUACP2VrB156ZAYIN4sRxWn1XpI6Ru64zJlt5SEg/IHvBdptdv0
reAnb10TbPTCOD88FMGXnHix5ohZDmu/6gOk900/maao630/uQcmfKpAPk+m9M6hSLKqqzXI
YShHSfyxCuDL901Y6lsh07dz2wLwDSg/Iqus1qCCDMMkeggDOTsnJdXMK7byYsdNk93IYz
OiHoGft9ywugdGj1ayYnMxjAD4cy69D2mlhtKYUUV/DAAQ/8A1xUVFvum7fqAjHcx1iJcDVle
4hHs9ITsa/C28dMHdnJ95K5jzN0qVMLN/C6b6g8HwY4YMpfKvTpmuG/nbImWoaODO2PqdAvO
ey10w3cc6zpl92X6feuKLEL1nebWG7pnRZ8MxpLLit35XhRvKNtGwmF2vEjEaA59aDovk/8A
xlP6/wCOSI33Senbq02bmINjAF7JR9gkFb6fsobCiO2rJMYOxlniSfnWF5k6DXul274TIsjB
9OGnuoN3Y7Xb7Srw9qAK3JwkZY+kkri/Of8AHQ/yo/imtzydIHYYMMxOT+xWOr+XaeqTF0pyj
MR0BmbMnl280Hm8mZeqbaP5LYwEv/wAVQf8AVjua6F5Zpvrq3dsyZCUiYfV7kiPmXVb/ane
UTo1aNY0mQD4IOJ8lfxs/wDK1+KK3vOH8AfvxUnR/LkOIXG6NhmTEwYhsyD8yv8AVOmW6lR4
E5GlcScdiDyuQwXrWy/h6/uQ9y816506PTdx+XhIyGkSeXavStl/D1/ch7kHmHVZyt3d8plz
rmPUWC9D6BbZd0+mdvxaWx5AkD2Kjb5R2l10rpSs70jIxcNjydaO96htukUDWRERDQrGZbI
AfOgydvCuXmC4jMVA/rNAe4ra6pXRbt5Q3U9FUmEjq0/I68/2XWZ0b/8/ZjrJ1gfZPL0cPQv
QH2vVtuYuLkPjFj/ANEFBhbXZdF2lsb6rwJwLj96Ff6r1TZXB06uN1Zka56QJjEth7VT15K2
ZLidgHJ4/wBIQdU6B0zY7SZJa0ROiU594y4BssfQgwfK/wDydp6/4JLvua7aW6206IZ2aY+g
OHPyDFc75V6JDTX1KUzq7+mAy4wx9q6vcbiG2rldaWhEOSgpvT0qqrBVBtUo1wjxLnGXyYkq
Tq38FuP8qz8JXP8ASa5dc3R6lBixjVPTVWOAGOPzrqNzQNXvOmRIE4ygSP6QZB5JWMES1eu9
Hj0iyuNczKNgPxZhV/lZagTLq/JGe5//AI/+9crpM5RhHAyIj616N0bolfSRPRMzNmnVq/ov
l60gh8x9Vu6ZVCdAiTKWk6g/D0hZvRvNF263MdtuYR7+EZQwY9uJW91TpNPVIRruMgInUNBA
94KrdO8ubTp1njV6pTGUp12fkWCoXmPp9W72dk5Aa64ynGXHu4t6Cu06F0KXVpGcjoqhhIjM
nkF0/mbrNVG3ntayJXWDQPPqg5v9CpeTN7XCFm0kWs1a4vxcAYehkF27oHR9IES3AABwBnZI
P6iFe6PX0+sTj08gjAz0ylLm2ZKfq3RKOqiHjGUTB2MTz9Lp+mbTZ9PJ2m2I1trm5eXJygwP
PBY7Y/5n/YtbyPCMenVkZyMzL06iPcAp+r9Eq6sleLKUTXq06W+s30LH6D1Gvp1tnS9xMDRO
XhzOAPYex/QQZ/muyVu/FM/ghAGI9Of/AF2Kn0vq9vRzPw4CcJtgSzMu26p0TbdUaVriQDRn
A4t7is6rydsazqslOYHCUGb7AD7UHib3cy391m7siAZjIF2YAfMu58r/APGU/rjkuW3PS9r
flSOZ2cwKpjvaTq0kOSPZ7V3HTTjHYbeG2gTKMHxOeJJ+dBVq6ZGe/s31gchoVfIMZetx/8A
KtbLeR3fiShjCM/DiebAOFWW+RY3mLqXgY9P28mutMYyl9mMi3rPu+Ra3S+mw6bQKISMg5k5
7UHiecQ+/r/yh+KawbItAkrvut+X4dSl+Y1yhZGGkcsHPz81mdB8ubXc0V7y8myUnOh+7gfX
6cVB0HRKjVsalSDHRE+vFcb0efidd1j61159Ymur671evptBYjxpBq4/P6Asjyv0KEY1dRIM
6+8REZYvFubXmH/j7/u/OF5tG14GR5OvVd7tI7yie3mSlZDEjNcHd0Mw6jDposJhMatXfMj+
ZQdV5X/4yn9f8ckt9selbrch80YG/AGJtMZdndEh7lf6dsY7Dbw20CZRg+JzxJPzrF6l5VHU
N1Lcyu0ienuiHKIGers5Kht75P2tkD+WJrnwx1R+V8fal5Np8Lb3ag1gtMjfgfOst27cU7C
jXbLTCAZmW95XHdB6/XRurhf3ar5ysiT9WRPHsQdD1rbbDcmEd9ZoZzGOvT8qrdNHSemSIL

b7iPeDESsBC0uodL23VawLQ7fBOBxD8j/wDKyI+StmC5nYRyeP8AZQVfNu+2u62sBTZCcxYM
IyBw0y/Ql5Iz3Ppr/wC9UvMvTdhS4DakC7U0o6tR044nlj6F0/ROiR6TGTMM5WadXLuvl60
C61stjuvD/PWCGnVoeYg7s+efBW9nTVtttGGzaUAO53sC/8ASxVDr3Qz1fw2s0eHq+q76m7R
yVro/TB0vb+BrM8TIk4Z8gg4Pqw3Md9M7wNZLEN8Ong3Zgqy1/NG9r3e8hCkiQqi0pDny+RZ
DLF8tQgrDS5quE7KkqMmKcuky6uY6dxdtYU2SrJz0SMfcv5pvf9xb/AKkvpVZk7Ijbt7ub
46LrrJx+zKciPaUqd7ual6KrrIR+zGcgPYVCySirX8z3v+4t/wBSX0qOe83M5xslbMzj8MjM
uPQXwUSTILH803v+4t/1JfShs3+7tiYWX2Sic4ynIg+1QMkhkdO6v2z+DZOD56JGPuUp6pvf
9xb/AKkvpVZkmQei+WbIx6XUZEAR1vj135Lhp9X3lksf9oBJHHiS+IUtiSZBc/me9/3Fv8A
qS+ldL5Q6hbdbbVuLZTLRMRZMnJ3Z/SuPTEOiOh800z3PUTCmJnLRHCAC+xd3tImFNcZBiIx
BHyLzry/1WrpV87LoyJR0gxZxiOZC6X/wB12X2Lf2Y/2kVz/WLepbbcWylK6FJsnpOqQgk
WbgsaTzOuZMpHicV1HWvM226htJ7eqExKRjIBsCDwkVzIGCqUzJ65TqOqRgecSydJMGUx3
+8IY32ty8SX0qvIGZ1TJkTxKJBJV9zRHRVdZCP2YzkB7Cmu3e5vjouunOP2ZTKR7ShZMyg
KncX7cEUWzrBzEJGPuKm/mO9/wBzb/qS+IQMnART2223kSvsIYRlrkT70LiyEJCgAxfBWvz+
9/3Fv+pL6VA/NOgm/P77/cW/6kvpTS3e7sDTvsI5GcvpUYToBhUI5JpVh3yPMKUJioo/ze7I
0/mLNPLXL6VfVrqlrqnKE/tRLFGMU7ckRKN5vTlubf25f2IGNvGQOomUiXJl6mFRxJS5UcP
zNiaq6yA4ASPzFR2+PbhfZOyPbIn3qWM2wyUsZCXD1KZorV1RiRkMrrnHKUTirQs3sst1b+3
L+0kaYzyxPtQ+FOPwn5CplcK1m2mZGc5k2EvrJxdTxv30i35m39uX9pPG0xwmMVFbuWkRDNM
0wO3cbuIllurSDwM5f2Ibt5vKoeDt7Zxrc4AtmihtpTOqz1KY6YBo8Purkwh8AOblpGcjl
i6ULtxt46Kr7IQ4Rlj2ApjYxwxPNRs+JTJhJ+f3p/8A2bf9SX0qKV15s8Y2zNoynqOr1u6I
BJMmB/n97/uLf9SX0pfn97/uL8AU19KjZlXtJgFhsvOq6cpnnIk+9FpBDEJ2ZOymQqp3UYU
2Th92RHuRS3W7swnfZlDs5fSmCdm0wr+BFmVob3egMNxa3+ZL6UBTMmaYS/nt7/ubf8AU19K
Czcbm4abbrJA8JTkfeULJ2VzTAIQEcAjSTrKmt6kySCsyZkelOwC7uQE7J3HBIDmihZJkci6
FlAzMmRskyAWTMjSZALJmR6UmQAYsNktKCNkmUjJmQCyZkSdKQGSLUkyCBA4KJnQMkqD0pmT
OU7oHTgJZ5IhggFk7JJKB2TJ3TFazJmRj0woGZEJ2TkKWLk4kEiHQ6U4CyCCIIQWzRggopi
EYCZkcSoFKKEAhS5paXUuWkR2oo3cPekI8E2nmoJgYyGOXsUZhCEnjxUcYscFHdKQLcEudlz
FvYoZEzzy5JhmjAVAAUJKM5oSEDgYJZoo4hOYsoAITIjgmAQJtKMhCimZIogkEApIiEyBmS
ZEMEiibDJMUxKBOptdf2VXGJRuUEJwQM6kZMy7uQGRonZowCihTsnZOyAWTgImTfAYTjwE4C
BskCU5CIYIBZMiTsqgExRsmIUEbJ2RMnAVAMkykIQ6VFMyTI2TaUQDJMjZnPRQsnBIRaUtK
BtSdwyTKodk4CBknIUBIJM/NOCEDpMiZkDJJ1FJJ04SwUUG6MEoQiZQHGYUoKrsiDhTC5
T8UmUQkQl4izhUsYKC+OSmjLlprw4cIqoETpknVCAdJk4CIhQKI4pFJ2GCTooHSCcpXFAxxS
KLSkEDAIBmiJCWSgRQpFJUJ0kyTogCmdEUCBwpGHJRZJnKoRPBnimbTuurnSSSdAwRpaWToG
zSZONZUIBnXRMnZECmZG7JOooU6Tp3QMqYTIKJLIFsLDJCSkEBiPNPgeLpRI4TEhCnQJk4C
YJwEBaQMzJ0nQDpS0onSRQsgIUhSZERSU2ISEJmgjxCISKJkUYpmgEF0QDdiBDEqTzDLCKy
0nZJQ16xj4IvFA9CCYmnlHGyJ4oigIBTuoNRRCRUwJUihABzKRsaUUuYDdykshlcQNIxQSmZ
ZoCEVIEwxQhHEsoogn1cEJKbLNA4wKRQE8UkDupAeCiiUT4KAiUDpgnAQOIpyEgmdAxTJ0yK
SZOmJZEDJC6RKEIULPJHoko3ZLWealZJC6d11YEK6Z0nRBOiBwQOnBQG7pWUDpOqDdM6FJFE
6JAndQEycMEDkogiCJQsncJndFJLSkmQeYzkoRM5CizPPBWT0+8B9LjmC6grJJENgU4KoZPi
nDJ2QM6SdgkyAXRBIRTsgWaTiosETOGDSiEPkRgAdpSIOMcSplDCIChsuEckM7JWYBKNUY4y
xKiotE7sTgEYjGvCOJ5opT/+FEXKKUp/KgLnNOirqnbLRXEykeAUAJwSMlpDot//AORo9mah
s6fZXkx9CCsLSM8VLGyJ7FAcE4KCQzMsBkncIBkkCgNoCQmGKdsHRTondRupGYKBAJzyTOyZ
8XUU7J9JTAPOUDgJ02SToGKKJQEp3RTkumJZDqSJUCdIICcmJAZmhcULoTJUOhMkEpqMyJV
wg5TQOmTLWEWGTMrZrgka4ELbmqgFMcFKYh2iXQs2CKAJwU4Z8UpMMkDumdMnQO6cFCyd0Du
iQJOyCQMEjJRkplCdO6EJ1ATp0Lq1TtoGInbYIA5DMIBAGJZWtvdbQSawTEhpRY6SFODrCJe
nGJAx1Aq3VZZEPVJ+cJ4LOf4awDbwp3AkZfC2IlnA+nkf0LO3G1lt5McYn4ZDRlUluK9YnbA
wkcDLgew9iHbMCY6oSr+xM4KZwuMsdK7MtK3b0ZmBh6C8U+32tNrgluRByVymGdCJmdIVwbE
SwFgftyUO4/+sTUCCQc1XG5IHrciNSHRr5h4aZdgKr3bDcV/HXIDmzqAb2Yc/W4SfL5Pcj2
2/tgANZwyxTADwypIBhPRDAK4d9LTqkXHbiqlm5ptl8Gkf0SyllEM7mwCAQMsZK3txtrJEAS
YDN8krNpPE1ktb7OfqWRWcRGCAIFZXOHxgi0hRoGISzTqWvbzsDxGHNBFCszkIxDykWA7V2+
z6dDp9Phw/vCP3k+JP0LF8vbIneRnYzREpDHiti/rejYapzIPEtg6LEN0XLKcW0IGvMcVNL
cUkGep4jiFj2dZlY5qgRacUn8tVW6nRAHXws6K07J+PX4jelUp+DUcycPhH0q4ZBLE4BKUJg
OYkBRz3cjhDujsz9as7G/WJUWYiWifmmERiSN3CVtJqLjGJQguooTmiJ4IDml6VFSYpinBdK
RcKbnTjFA+Sd0DkpAoXTalFFIoXTakLoCdMShdIIA7pnQGAEydXAIzQGZKYydCA61Ih3TZox
DmiDDJMmAiHNPoCd+aZ0yuFxygkZSIHDNLDhgnDjitOZANkkyISI4JaxyVyiPwycQhI4KeOk
8UEw5zTKotKdk7hO4VQzJwEjJKEkUxHJMqInYpOoBZEnAdeIFAACdkegpaSgFkmRaU7DigaE
DMtEOVq0x3Ea2kYzj9knEegqodxCA01wGH1pZphvrmbut90KcnCW+Rh8BLCpF2ReNMBzxp7A
q43Z+CB+Qj3KQbyBwnTex7CQVPVfY3iyBwI9CxsxZDB1DOuBnHRhChyCpN2+PMWrlZepDnkF
nHLWeMq+4rlJ55FVJxILLYfIdgaY0tkYhDKraWRaVwjLZYfDlxlITkxZMJl8Fpy6dC8ahZA
SHazqCXsrRiGI7C6plVlcSG4IJyADKSzaW1ZxLqOFEjMAgqKYSIAFsvHVvbXmuBAOnmeKqB5O
RmlGTZqjcvhphWJECZGWKaENvdPuxfmXYLH1EIWI2yhECJZ/YpPwCk15bfZ1xM5g6RyJxPJ
UrupeIGjERiMohVdzfKYjDKIyCigGGKqOi8ubqETONhAmn0y5MPn+ZDb0ETfwbYnU5nKXzcm
9qzulz8LciAIIXk3pYrX2VVZJsslojERaPmnn2DNuK15Wci7bdvsdv+SheIYSmPtFQbTYUa
dRMgR9X9KLRWZTGkye4luQzdSAAK4iOZGrtZZbkwb7dwjHwq4tFYhj9K0t4dYB4uQVlu0m
WoxTil+Km21T2BuCKAfo0n4vqlWaIxxGqT6iMlcIIOJ73wt31QPYptxcZNEYAcFAMVihikmd

ikCoowU5KjBREoGJSdCSmJdRUjoShdCZKKTpOhkUGpawDM0BkmdOIEq4QxKQBKMQRZJkwAQ
HFF6Exkmd0U/tTOkATkn0gZoGxOsFQUjL5EzhBYZOHSKZdMOQ3KWpBklrKmFSYFDLBN4nMBI
zieCYoJIKQCf5UIFJOEtJtzRD5hLNNiE+pXiFtWu8DhgoBIKSJCgKRYpnRHHF0LFEDqJySR
AMnYKiMhIEhSaHySMC2SCN1LTXXK6ca4B5SLBRMrNo6ntw0WHa2KVvZcQ8CQAIMa8i/Oi+J/6
4KlO0DE5qtZeScMSIGsnGfqWVozbK3COASFea8cykZA YBRkkohzaSg1y4FNkmRvIo07uiGEy3
pUsN/dWriJDIIIBE6DQjv67J/vaoiP8AQwKqT2sSTKsuD6wowOCcAguCyuURxiQC+YKVsigt
SvcU2wlC6LTiBXH51S3O0NdQObHPsVli1apGRRVd4vL4Rmq4OCud2NEYj4pEyl7gigp3Jovh
uB9WQkun30qxtzfWe5OMSG7D71yE+S0Om7keGaLDhqBj2foKQRys3FjzEgBPt7NKY120tKVm
MWGn0K3bs3kdERpOomXD5QiGz0xMrPV/8rLpwo3XOfaqhxLqXcSc4KOIcpGKjnrPRHtKeMpSO
JUGpy6lqJ4LSLAojZ8BY+xBZt7Kg8o4c0dcvDm4xZaVO6jdAwbvHgVmxWFLNMrW82xrJ9Sp
grIN0iUKTqKTpnTSLIDJ1cAtSAyTYIEIc1fAEI04g6MBsknA7UyYOIgzJyWzQGRKYRJuAOZc
kOaMQ5pahHLFAwG6RYJmICqgiIoXSSQOA6laP2SonKZ1UXCkyJkmXRyAyZkbJmRQsmZGyTK
AGTMjZMQihTuQkyTKBayl4nYmKZFFqHFODHmyjSUFiPZJENQVRJyMkRdEyMwUXiRoapi6YyK
MbzYzAKC0NBTmL5FVxulH4oepGLazkSEMBIMQw4qMiU8TgEZEQXBdCZ8kCcQySNjoDijqpst
wriZegOigcp1Y/JWgtlMeUiAUB29sTjE+pQqsnCSQVDgJHFOEYIIIgUGpOCgN1NVdpOiWMDh
IKuHVjbQjOY14xHekOwIKVtJonKESwfyhieByVrdmy+w3WBjLFuQVeUWCuFiOZ7wTB65Ockp
ByPQpqiJDRLJRvureSENDu2XYgu305x0IU4k1yY5hHMvkoqE94+ISNmE8INJzwpNEBBTVF1
HUE+pnCqLu1HeBUdkJxeZLFPTZpCGJ1xL54opQcOHfiopVai8M+SmgdMxxdMI99hzwUwKpLJ
jJXDTc2RDtLnzVee2MODspgQF5JCPNE6Ey5IonbsTOhZ0YgihclOIkp3jHtTGZKAmEc0xsbI
IEyYDkkpkkkKqkkkQgUApwCU7gdqYkIA+A7U2ockzItKovsmZXrdjOB5qtKsxzXXDjIEQmZSa
UzKKBkzKRkzIAZMQpGTSCiomSZeyTiqMhMyNkzKAWTmiZMyKFJkTJKAWTmiZJkDMkydkkDhT
bbbWbmYrqiZSPBQhdVsNr+T2Ys1CNlzF+OnkFKvIH/K9psaxZefEm3wD4RL5117zqFxmEjG
P2Y90epSX2yqJALi/Uqg2s7S4yPFYtbmqI06yQ7xJ9Kno6lfSe5JLd0xoOh9R7FXhVKEiCuT
DWpro3lJwFd4ODfBPsI+qVRsqnVIwmDGQzBQgaWlTle1XN7KNkYWuTKYJL+1WVmxTSISSW2C
ZOCm4JwognV7pVXi7iOr4YvKXoVALZfKjNjSKod66YefZ2KwBvowMzOZYcAsW065aY5Kfczc9
4uTmoP7uJkczgFasRcVLEYqCjXU8cMIGhXAMdxSrjxOQS0a8s0pRmO4QwUsqygfklI4JzBkt
BmqiISOSeYyOExiflCIFwoh65upYz0HBVWVmcQpQoWW4xhKX3QSirE7YmeqIaliwHapIxM5s
cz7E1fSd3OOoVSAz72HvR7Wmy2yWj4snP1eZKCCZEZ4ZBTGfjd+AlkBiFan0+2OFIaP25fFL
0Dkq1IU4ECETqHGRxKYEBELviDHsUcto3wl/TgpZvKTSgmfdtSjN8DmoKcjoLNgMic1Y3Mf
retVIGiSSTs6BkkYr5lknjHLFAIiSi0AZICZkoXREhmBkEOMkzIwE8L5IABOmToAUrhRFJ0H
b2QIPNQsJcWEGtOyCpziAV6rHilZlu1rOMcFV5s28o9oWnbWCS3BvMBMgsWokUDFs0zKw5KGU
cHWWsoGxSkEbJCTKhZMQpGTEKKiZMykITMo12TmPgtMigZMQjZMQihZJOKyAUyJCoJtX4ts
ID60oj1ldN1vciBNFTPKznOMfm+hctVya5Ccc4kShoLYLouthYSbcRjmlRqYcJz9wCz1qWlza
0sT2MtWYjTt4yi+qUtBdZ23pN1zVjFdZ/Jo7mMROXw+tc9rh01Zey6L+bew8+KnsBTg2S6C
G2ht4CFeACzd0CCsWukclv4aJuEe5iWqlwMAR7XR9UIGSfctopALjR85XbRw7FNkyNkBC6OR
JomSKCbbt4kXydNK8iUpfWKaj4ieQdRxIfVJfGxARGuxVLJmZdHdabD2cFHGJJYKVtIPFWGy
KeqoDCQxVg0glgIz9isiZV8vQRQDxEgXAKrB+GSikgEDiteFWZRY4xCXhP8IHRq17pwxGOS
nEtQcgetBSuieMwKq6sWK1ZRPD6V3EOYUohENchEYOWcrar63Ts/wB1REmERpGLajxl0rC
fVgVa6ft65E37g/uoZjjI8j5+xYVr0dT3O9ArhUwOc+Dek4Batdu1g5mdU8HICPL8XyrDt6
lZuQfCiZDhADuxUO3lfurxWcHGLcBxT+w6SPUK7PhEpk8ZMz9qzeo7ystG+vQT8M4y1BSb8R
phCrkv8MYcfT9KyN20mgcTxU9lwVjx7WVDde+IZcZYq7CwGhTiFT3LGQcq/wApEXiyyQiJ
lkn1xGQTSmSpyp9MY5LXwGCBnT6UUXLpMiZMiYMyZEmQwSkCBHFStEU6YpxkgjkmRSQqo9D
sJGap2yBwXonVEghysc0yMwCF6s5ePCE0WSGoDu80ctj+7M3yGZW3oJEajFg2Kjti8SwckER
CyrkWTkYKQwYpzDBRtVITEKUxTGKioUJckIQkLLSMhMQjITEIAZMjZCYgFCUZQIGgpEJ2SKA
WTmiZOikgol2XU1AahZikVxhCNcYn+iuZZbvS5jcVit2nUdQ9H/AFgVjwb3pZnlJDbYf8Lp
QMJSpe4ArdnKMCihyeShlLWYmeEg+CuQmNLNiuF5r0YYe7s3e3qN2sDHCvOXpU1NW53G3Fs
iC4LAK3uNv45ZsOLqyNMAIRyZgytqSOC3EgZkWHvhmizurW9JHhxLNGOnu5Zu3yOq3Vq9F3r
CaP9zAcXkV6NHn3+Qpk7JltyMyYhOnZAwokeIReaiymIHJCItijXwUawFIAEwCMBVnJ1b2IM
tdYDvHI9irMr3SWO4EXZ4yDqChLau5rLEZxUAslAtILX3e1nXM+ICX+IFZU9QLHEKtQhZGRd
2UoJ4YqtoBT6Gx9yippE8iopS12pa5DiUBMzi+ClEcnBxCVcfEwkWiMSmlhniULEKK0rd9XX
SKaMGzPapNnZKuie4MmJliG7MVjITePLTGEco4/LzUo0vzhp1WT+OQw5hZ53Bck8VDrL6pYk
81KQCHZTC5KJfvmIKRmi6lkXDcEDIA0otKdOApIqP1JGqUINXtuJRVURJyUkdvM8FeFcaW8
ma5uo57yEPgD+5TP0EY2oiCZZsqK0K753OJZcFRkGJCs8zoZHFCiCVSKUU5SAUDFAyMpMqPV
wo5beMiCpYhGAu2XIBZWSXywZU/AMjzmLSIdCYhkm2C65cVZXpkR2IIQeJWxudmNRLKsNsQC
tplkmCExSiVOTKMwUVTMWUcoq3KKhlfStSq5CYhSmKbSstREqHqZbg6MZbL80D3s27FjSisy5a
xhGyYhYhBQdKegqI2SIRMkyAUzImSZEMyOqyVMxZWWkMQULK5tOnW7qJsgO4JCJKg3pTIMS
frRB9asVzJwQ9Rp1/wB1jpbS3FgqNG5xY5rz7Tl6dbw2iNmMcVQ3W8NMdVoQqJwfbBu7ZXgVx
LOcVR3m3ht6tM5zkewqT+WmJZdLe7geJg5xVjc1iqfhjKIAVGqlluliORkFdvS8WYVn2iSvT
pHl3qAhCykZLSujkiZOpNCbSgFIBOycKKTJ3TskgZXthqhC26BaUQIx+VUCV0PTtpKmbmtt
7zn6sOany0zdyLrgKhmMZE5/LyUIPTIAPLvdPvJcGMT4dXw8TxPaVLXaNONifYEeqnbnbnwgm
AyzzXGWWC1+okRgJc1jgustfBYGvP1hRGcpYOvenHXWRyxWfxdVDiBfFSa53YICMpZBTivmX
UVVIF8kUisFZO3IGo8UUAe6x9IUyKxiDmk2DliGwKYKohggUoGCiKxWoSKOBSCcBRpZlbGac
g4qe7iywtAN6Ec2MI8exBORJZ2HIIloTVi9smPLMogYx+COPOWPsyUYieCIIARi5OPJbwxl

PW8jEniqdg7x9KnlqGmWVFfHTMgZLHy38ImThEmRTpk6ZAik6c5IUHrCYT0IEAq9uBXonLy
+FsWApFZ0bTAsrMNwJKXXHg9smsg5UjQbVkkFNpWpWWRbt1UnQtqcFBOoFaMsGypIBKC2raF
SsoUwuWYYpaFZnUyeBEcSFix0ITQ39kdqduPh+ZZUoq2B3SoSFndWW35elRGNsbWcjj9lc7f
Eajpyct6FZqDFRSik15yZvDkfsptKwGk4TKHSm0qbSpts5bu6NMSxlx5BAXS+1z6hbpyrGM
58v0rc6Pv9rtK57eEiTrLskGdUupb6HTobjbYsAC+OZyc9vuXO02aDqOR+JZzy3jh3MqxMeJ
UwJ4cCsje7cT78O5YM4niqdG9s25YF4rQ/NDcDvZq3WXINdrr58MqO+0SEbXDKZu9/VKDQLg
or+nw3QOggTHA8fQsCdU65mohpAsQuXr9XX2+iztIylaZwDkAsBzOCIRIwIyWlsdvIUzMu7W
BiePydqCiYvsNFhAtHwy+12HtW5cOdnsooky0RtiTpIYo49PqvDVy0z4P8Mjy7CtTsIYvXYy
twBKn3W4aM4x4FkjSK2egRfOZL6gi2rTe246a3y4y5BR1TjeYiWIAkEd04+19nx8ID6o7foW
a1Ab603d44DgFlmWOCubyxwwwVALLS5TJ8DyWZlIgZor9UtlJ7Fnvi5QSASlxVyuIjEiRYnJ
UR2KWL5LEgNhLUpqZjQYSGJyKgqi2frV6rbkl8wpgR7raG0CQ+MDEcwsdDFiuoilkAAu31f
0rN6hsjqF0Bh9YfOpkwyloCMVKzFkJKGklahgEelPEKQBZVGR3D2FRzWlqaQLSj8qhlkFrXyz
TCfBIYumZFEstsDq+E9jItyP3joael7FLeHED2LnfLpr4VihUHQEKZJIKguCBGEDIPXAMF
WvzVsKpuM1318vNt4VJDFNHuIHIKOK6OaY3hwyIjY6pzGLotbBRVuRBUUoqE3YoxY6qBIFVp
1urhIKikHWc429fq1jOufozbKVWnUtSUVBOC1YkrN8NIFKC0JVqGcGWcNZVYxYuglFWdKAXR
cq+IIVmZ0xBJPAK5ttrPcz0Q+U8gj3HVk9jWYbNteXiHEn6Fm3DUmQx6TOEPF3JFNY4yz9Sq
WdUoravaR0gSjqulj5lnb7d2XERllyAGLniq0K9Thers7TSDtGqZMXMASz8k0e7icilbYS
wYg8UMvEjmGUVbpnhoORY7FPGcq5aTgQl0uizcOJMIDORWjLaC2Gk4GOUuX6FZfhmz5NAju6
uOPyBEdrG2QtHxGWkns+kKtCqUJ+Fb3T8y2476unTCMH05OFUUri6A8GqB8Osapnm/H5FzM
7TK3Vxd13cd3O99TaclzXW+mjbTftYaEvYVlqNDZbv8AORBkP30fiH2xzHb7025kNrPxIjVR
Z8UeR+lYuzmQcPiGS2zYN5t5RbvjFufb6eajSXc0je1iyBEpgd2X2wOB/pBY4DptvJ7KerE
1k96PzjtWzfsobv99tZCRkNWnLVzbt5hdNNvuiO+nzGRpQspWbA5oSF2ckZCAhSkKMNkirXT
LPCv1f0ZBVr5nF+JQxmYSEhmE+6kJ94ZFzrUFsNeNkcNIYHk6cR0zxxKtbarTtlkYGUifSqM
5tNjmFi1uA3GMiqzMrFpByVaQWVSiWCqSDFWY4ILKikKhHMKSEyM1HpZEO1VFyuTjBWadXKp
Z4BGIVincAFphwqNeuwWsYllpVvkjSRqBwWdjs11GIV7a7wSm4wfGJXPbhvVQ6r0ueznrGNc
sQeXYVnEYrpOoE21lidQycuFgWAEgjbW6gGIU8YqMBWkw6UQyDS9IKpn4VevixiTzVKYZxyK
TylAskEUyUHTYBdGEleE1JPGEEzBRa3kJDsUxwhIcXWNvLevhCRggIUpyUZWWyAQIEmKBBCi
ikyqPXAq90XVgKOWous8uF8M+QQGKsWRUEfiXaONDZkq5Ks2DBVZIsBYWYpo2kJKWKEoLgtd
KNjR5nj2KmJMjMY9q4d0Ujvr51d+mzN028bLZLqOUU0JYMidb17JtMue211tiCUVFKKtEKG
UV0ywrSiojFWSEqhet1z+GI1S9AUqh328HS9r4cP760PLsHBcnOJDPxWruOsHymbaxKHOoy
Co2gR0t30P3ZLheXo14VxISL8yrNEXt081TiGPoKt7awCzVxCxXSLXUKBXIELQns43UVgfhL
AKluJG+L81AN1btZRtiS2XoWJytdRsNICjun4Y59pTXNXNhks2jqU7w4Lq7GElrIvXRFie2ju
K20LFDLjFDTGNzUXNGyOEZfaCGq2VYccMCjsNe5wyku0uY5Xi4Sw2k6ppjUHHNHvKI7uqVeBS
2+7IWDXfjykrdNEJtdGWrDSpVjgBE7e0wl8UStWuZqkLoZcewovMnTjGX5msfe+IVulbuMxo
s+VZrcqxvtrEgXQHcnmOR+gqps7JbOzElneLHIq7ORoBoJeueMTyWbft5A5vHmFlp0XUaobu
ob2n4v8A8kr71iFFR1OyqkwAxGfoKszoIYiUD3jnFd9N/iuG+nzFEhCYKxpS0Ls5K2lAQ4ZW
jBQyixWasrXIEhGoYRjFgsimoT1RJcjitS66VcQ3xELFjZLUZHAKrls6xFY8DpKiU9x14s6j
IDuyxK0PSzIgwWOSc4piF0jnfKO2lsY4gqLLAqzGenA5IbawMRkUWVCOxGAJ+IRnBMJKNLNV
k6S8SrkJwkBowxcqjGwHNSRlpWaN3XTZHGTE4MypdR27RjZEM3cP0qOqMZh4nHkr1MhOBqni
Cp6tZY8YqxWdmmnTKmRhJTVDBYtWK+6HdfkQVnz+KXatjcwqXoWWYmcwAMxwVILFfHIKSG3
nPEBXYUwhmQPapoSiCwBLfaw9gVu/wBGZr9VWvZcy/oT20yhI8Q4VuW4k3ekIx/04fpVozc
VgFnJPqWc2tYkQEYICFICCMEBVUKdsExRcEABOyZGiPWQhmiCGxdZ5cb4VLQq4zVmxVxmu08
ONNZkq0grU/hUii4VqRTtwURKnviwVR1GhFMCh1JOpVhrTOB1x+VTWuOGvI5FAA4YqLw5adI
xDrwdlvXc6+Po93XJ2TG3n6tKmJme7irU9KZh8ISovG1bWwduK3D3wJRXLbu32+7XjCXrmmH
nLBvolV8WXNBXTKyq3SH7rLY3URZWY8VDbdXtdrg2WIK9XT3/snrffcNuvH3T4mwwWASrAil
gZQ4ntKrSsNp0xGnsV/fdRkBoqiA8llwgZB+K3b9GtZrRivFjhJRGJhPkrYjYoIxEHEJpV+J
D+kFnLeE23s1gxPxDMKc1CdRiVlymazGyOYwk19vbG+txnxWbMxZfzqozs2s+6WK6Ppm/jd
HAtIfFH5x2e5UZ7QXcFQsrs6fcJRzGIKuc/3T7WKMGOoZcVV3e2MT+7OOY9CPY7m04rE45S9
h5KzbHVXh8UcYpLipZllx6hKvu2hwrG13hMxOks8mnBDKMG6GoYS4hZwrnsrRwbXBS8ucdH1
C1yWWDuSDArhbYS2lzcHXybnfwsGCMpB+xc3vqxYH4hZaWiWi6GmXFC5rHeyyWXt7jA6StSu
2Ng0y4rFmHWXKtMeHITjkVNwZQIZuH7oDx9JUzBiTXL5EMQZwNRLAF1INHaz/NxY4Wgaj2/p
RaWwKyLbdGECX17gtTaXi9qpFrQMH++t+IenXf42ebfT51GYqCccVaIYkHAjggMRqD5OF1coL
eiTgJPBZO4JMi0QHzW71ENYRwbBc9cCue0doiM3PeLsk7IjHkihHfLjC5TxySKdkxW3NHJC7
YcERQFZrUNOJjMdxUJ5hWYyYMcRyUNtejvDGKjQiyViE+CqM+MVJcFaqKuVWGDJyWnXmWjV
H4hmFixk2asVWAS4LFBsWxO5A5hQ1x04cXQQtFPAq0CJB+K57xvWmnHVEjmcuOQDwwLLoQAQ
4zWd/LYa+8SXWJfq3tMs78wB8lcpjddMnkFrw2VYyCKVEInAK5ietYg2055qUbQRzWIMAZKO
TLWU9VCUWyUUIZsCrlADJxknITBABTPFJVHqOw3I3FQPEYFT24Bc90e802aJZSW/fkus8uN8
K88VBxUxKhOa7RwojkkooDBS8EFYQiteMFmzDLV3EcFnzi6iqzpCXrSIFkCxtMx01uLysxkjN
evIsmhWLIvEgEcCnAkO1ePsuu89duK9Wk20vtrze0tkJyJKWQWptNwCfDOYwFxacByVydZP
iFn5hfPtutxw9W09teYs7ipxqHyrL3IgAYXDVBa4ugRmq+62sNyMDirnNzrw5aXH27/AiUL
6ptzW2jvVSLg8QeSgr2plWJDDI2rpr+knSYg4HgVny6RbSRKIXr07eMW8m2szmxc17ec9pZ3
x3Tmr+92scLa8in3VU9DSjii1+Jt9P2Vq7ZxYkn1Ye4rwKk6TZps0nIqSyGqLodrDRJ11zw5

2ctmT14AKh1EePAnktatrIgnMKvfRqiWwPZrDJ6Nu/CmaZnuz9hXRQ3AjLTJcjbSYSwzC19t
f+ZqcnvxwK3eeYzjHC9Z+6nqj8JVp9UO+NUSs6qzUNEvkVjb3zqLAOOS3rcxz2mKr2Vnah4F
6ycjwV56yFgxi33VsXeFugYg6J8lgW7c1kxILTIH5FakUb69JeOkeq5sCpLapAO4IVMvEqeW
pcNLxRPCWanpmJZjvD4u2KzYlxgphaYtlfEFix0ISW16J48ENY8SwyGXD5FY3jXVRvhl8Mh2
qlGzSwC18M/Lp9turd1VEzjGQiDqkfjYdqj3NjQIocZDVGXAhZfV1gAqQLHORWjst5GdPgat
cQfg+sDzifmW9NrP7Oe+meZ5Sb6eouse6OLrW6hQ3fjISg7OOb5Hks2QwzcLrnLGMKkg+KTG
KKSQkclhUsS4dIpolwkVpgEkCOSArKkjcCOCBHDNZaVLKzHvR+FMCJZqzCWmwg4g5hS7jYR
iBZVJ4ngVYqmHUsJcCoZRIbLXzwKDRqsMcHV2mxiAsiu4xwKuG4aRIJSNqMdTEIZBiCh2kjk
qJUlgdeW+XpngDYoJhWNKhsRVWccFccQrJD4KtwW4xVawKAhWbVA VpLEUIUhQIBmhRyxQsUR
0u13Gqlkcwupq3A3FAsHy+lCRUfDmxyXR9LVAEQuEsQu08uF8NAyQFJ0zru4DQOzRII/EgVo
7p9CzJLUsDgrLko0ikHUEgysFRyDqYyHEmyVrb3B+RVWQUBsuPZ167zF/wAu/X27aXM/w0rb
o1RJi8pEFVOnbsVPXYcDzQRm2KK3R4OoxecpaY814r/r4lxy9k78+Y052iJH97sRbXdg6tY
IlyWJVYYSwxAz7FpVyhM6hmvJtrdb9OuN40brbJV6oFyqlPWTWNN8WQgSgXjxVPCxYtMEhN
cJ+uYakZ7XeYiWmSGzpUZ/CRL0LFO2iYmcSzfV4qba+LFjUSH55LWMcxj1vxU246LKHw5LP/
ACVlcs1Nd8pwaWfYpYv8QVnbs5WsfIH7eRgWksXR0gSGRWpbshacm7VUUt2c490SGlbnZL
5MZ8Oe3+1Z5jJLpfSr7j48e7VlI8XoHzro69pXPCY1DlwUt904hgYxjlhmu2vZPGWbKzrOIC
EX1aT/SI+ZQRiRkQ45K3uPE0dnDBZte5hMaZxMZjmuutxym2ks/ld/dbgabRpl9pY/UdrZtp
CcjgqCHWttosxSPoQdS2kvBLS7o5rt55efxcME1vgFVthwOa1LdjN3rll6Cq2429sR+8gfS
orPrkxZWInUXCpyDFWaLHwUrUqbaScTqOUh7QqwPex4Kev8Ad3RPB1Xu7kyORUi1PLc+FEJ
mcyohKsNKJkJKOEBPNTiPCAcIVGlsN9jptiJRI3ZPhgj6lsY7WYNctdcvhPzFUaoEaklyGV+
q8TBqu+GfH7JVlWzZln6UcKuJU22nR8Qw4SGSeIaIXVyoTFIHIKaSiKiIlgKkKjKjRBFHNC
EQzUUEsJutHYTOfgzjIFZ9uEgtLbQ8Co7k/F8MPnKk8qyb4xEiIcOCrgkZqzcQZE8JKHT2q
0KEsypYAyIjxJQ6wMsSrGxGq4HlipVjfpGmOnhFIKzqGJcqTVgQV53bKQsGUUwCpBgAgOZRC
q5GKryxIViarzGLrUSq9gVeSsWhVpFajFCUBzRjJmqBSZIpIne6OGOktA7mVcgRwKi1uGQQ
lokuji64SEgJDipKn0+7XDQcwri7y5jz7TFSDJR/WUkclGfiVIm06ll2wYla9WJVLc14IRWY
UBKnsgrYrSraFRSckJQFZaBCZjIMtC7Y12cxkA2B5qlRF7Y+kLR6j3LS3xSXm7tLtM68bPV0
bzW+u3OrOns57eOGMXxV2ul4AjELMHVY69OJjkVsbSyo4wlhyK+fvN5PufS121n44KEy+kq5
HZ+IHES1BZKMD3uKjla5/dnHkuLVzt+P2rUumxjH4u8oJ0zrY1ITVbqcg0lcrj4mZT2cc7af
nyoQ3V9Ych/QRUN3KwNIMhviasRiojPSNTYIY125wuiEmwQzpcNiEG23YkM29KV+8rfEqyxx
tLhUvplMaYS0gflq5/dhniZPmS6e/c0l3BkVUMhYXAEexerr1sW1NZddZAgEFiyZ2jGuefi
rRN1koGAAAHJZgtiYmNgb0rvGLUJS80bRLAKUS3dWWVGSnAqpYDEpo2cF3nh5dvNHHa3WEGHE
K1+U3MIHUCcQ0N5ZUAInIkKzV1SwjTYHBuUv3xaRUMJaS6v7mAkTILPkGKC7LVASHBBuwPEc
fWAKCmzBirfgeC+OHxAYKScrbxIRiWwVmetOefiKrNolij8XTlmtIuRaQOkni5UzN80UUVn1
2GJfOSTAbTvkseJWVyt7ffmjAjVXLOJVq7b12DXti/OH1gsmy3IVDEqXaSt29gtxcFalwzZk
RQyIOS1rqat/E3bZhmFHDn6FkSBBY5recudmERQYspCEBwVgQnSTsopWR1EDmWVzdSJsMR8E
O76ktrGESL7fhgXA+0VBu93LcSJYRiTkFYKlrZKAeupJFRmXAlowxWj0yLEzPoWbBbe1h4dY
HHNZ28NRcyL9iMFwVGMw6khF/IXJscXZLinAYJwFFitbgVXnmFbtCrTi7KwqtaMFUkr1kQyp
zDFbjNQpinKY5KoYpJFOyK0YIKYfvBCE4L4L04tLZ36JrIw4rdC5ik4Mt7Y2+JWxzGC3pfhz
3nyuxyUc8JBHFR2ZhdHNPVJpBDeHkVHCWKO6TSU+VUrYKIZFakw6p3QRVCSAqacVAVGol2ZE
b4GWTpdTtnZZZMYaYqGEM4nkQpfMVpNhhXgDmuezpo5ychWNEflKsS3AIJ6o6AQO6+APZ6
VTIEjNKK42ZeiVr0720DSS47VfheDFxgQsCuwx4qzHckLz7dcvw769lNy3o7vUMc1IOxgQJ
E/IufO6TeNXP9Ub98utn1WkV90vLkse7e+GNVhxPBZY3DAy5LOsvNs9clrTp/wxd5r481t/
nYx+Ek+hHDeSlgWiOZKxI2GeDsFZoFYPeGrOrtiase1rSlvoOzun/N1M7sqVt0ANMIgflhFc
TF5AontPoYqa3qhA0xPyqlfvTOvww+bpSIxwVSea3LL8M3P1XaL9ce9mFZrNVYoY4FZVU9Eux
aEaY2DNiFuccOO31DITW8zElg+asy6dZmGI5qLa7kbWUy4Lj63Ygu30pY5/8AXJWkPbtzXgSP
kWZb8WCnnbOeeAUBwUAgstHZXYhZxCOmzRIHgr/I39xsobiJ4S4SWBdTOMrjMMV022lriEe4
2sNxDTIY8DyXb19pmOE29b61y0Z6R2o4AzImJghuplTMwsDEJoyI+ELk7NbbiuImrMHTbndO
BCsZqnQDOWOJV+nbiB757x4KiKanTjE97NXrL6d3WTb3LojCQy12Ht7VFOObY/Sqs+73TnxU
wXwaSjIxUiaQiwZ34quaIlgmbFGAqWWqyuPKOCpSK0NvJoyielKzZlIVQzLICU8jimUaTUR
1SAW7AuVk7KDky5LURoKxVWJYMVYrKqk4KaEu46zhU74J9QbFVvEZOLBxKmFIHNiqtgOTKwd
0WVed4KYaDOOCpWBWZXE5KnYSVqM1FJMmIKQCqEpNKBII6C0EQGKF0gVtyTRwK1OnXaZtwks
uOKmonpl6FZcVLzHUBRWcEv9URLmEFuS7vOUTijuL1IECpZhwEaRgoJh0jgmdQVLa1Tsiy1
Jh1TsgixnyV16t9EC06bIhnP1v0qvZFQGPfZsy3LgG66XZEExxA4hZnhGBaQ9K1Y2zr+EkKT
8wSXIBPoXP0dZv8AVkiki4ySEM8citeG4jHOu9YQ+JVqJFQAIBMrN0rX7Izj3XUEYQtcSo
+x7UfEBBgfWp+utfsjCsjp4IiwMiwWvZ0+qfwEx9qr37cbeRrjj2pZZEzLVaUdIwYCKqb
JX0aVE7LNLjUqU5U5sliQq0DipLJYLzY6S8ZCYKGYRSk+Caa3Jhi1ErNikhCJB7FU0sa
vQVpgMYmQcKuwShJgxyKaU+AwC1hCMuATaWxKUSyWB4qocxLKNWYBsSorAAcEo1ul7kAiMu
OC3AuNrnPw903qHitVZ8X1Tz/SunXtj7a5dmufuixv8Aax3EWOYyK5myEq5GEsCF19mSobnZ
Q3OeEuEld9c8s6bY4+GFXaavgzWhsfrWWF5LPtpt5aJhiFa202bkMSubsvynpzzOXYqlkDC
TH0grZ2mxMo+PYHmco8la3/TDZVExHe4enl8qxNuWrrx/LmwkiMTE6ZBiMwky6OICEQCRCkE
oUjVLEs4j9Kip9vQADba8axi/PsCyb5Cc5SiGBOAU1m4tscSkSCqxUaiGQUkKycklbogRF0a
PQNGCu1yVSIxViBWai4DqCilKYGkZIoEpyeaiORGUSSUQRy4o3YpzJFRmlQmKeUkGtRoxiq9
gxVglQWliEhMURUbqhlkKNQWkooQk7Lo5LEcnEtMnQVIPNB00wt1VtyViw4LH6bcxbngtSRw

XfW5jhtMUGvNqWCrAqV8FUPIKI4KV1HIIOXUC4uiKY10FK2CqTitKcXVSYCixTLYugdTTioS
o0d0zoXSdRRKSKhMnUkZYIJ4klWOq7IC2Ehxi8vkCpiwhavWrhXVq4mliFbnlrXiuPslqkgJ
xSdy6ZsVxdksE9kkILKORdZxy3nEOCimeEMU8sVpkAViESYEdjquFYrkW+QpUQyDINPFTaAQ
5TCJOWS6YYyCEQSpCGGCRGkPkjidSsiVCJHJS1tMaZBKWkITMJEJgyjsyYFimjLxLjNTCzXh
PFRzr0nDELLTpdnu/wA1TqPxDCSkGaw+k3aLtBymG+Xgt3IuF11uY4bTFV97TG0aZLKOBPuE
CHDrav4KhNwXWdplrS4dTsr12QHNWSTA4ZLk9nv5bebT+Eroa974sNUQOwrhXqnJ99sad+AS
0LeE+B9K5e/b2beZrtDSC2/zsIy02O+asXivqAjVOBiRhCw5j9Cuu+OKxtpnmOXIUd4JY9jK
aUTEmJzBITsCGK61xiiVGQRnIEgcA4VfSstGhDVIDgtHREYwfTwJVQDkK3FhFhwKKFmKMYI
ScUeCImhJESAogWTmSyopS5JnZBKaeUwyKclRONMxkkozMcFFGorEWrigliqIshTyTBRThExT
IsUE6RQVY1BSELbkeEsVKS4Vc4KQSwQWNtZokt4S1x1DiuZB011ubKzVAx5LppecMbzKd1O
D3HVZSxPcK60QhJSwrlZ8IdVBJZXVt7ZG/w65GMYADD3rNuG9Zlu3GvbkRmNRKrmUD8B+QrC
/me4LapO3NTDqhl/eQifYp7Onq1CVBMKr/NWHegFFLq0zlGIV9oz61NZFV5gcEpdWkRjEJQt
jeCRgRmFMymMIlgdTmsHIhQSDFigZ1JEqIooFFSvwGam8wWERrpPxRiAVL0qkW365/BWNcvk
WN1PcG+6UzXLrG1a1nKME54IRmpJjALm6BOSBGU0A5UUSbMpsKUUmXUsQ4HyqMDFXKGEQ4
+slFcRJCLDEcMU8+xAxXZxHYQCYjLMegquSXZHpZiceCaQwckNHiGxKUjyQOiBZEOIk5JHk
iBfNH4fHJA23oIZYDAgEF8V0RK50TNctUcwttjabobiOOEhmFrXEY25WLcQFVIVueMvVktZir
vIENKPFa/RyDtz9py6obiOqAT7PczoBDjSBkea47zFejruY09ITDx7b546GEQcsVU3W9IZIk
FgovzMiJ8BIuVUMnLrOuuea1vticeac44p4oXKZyuzzpXVS+GmTjIqyFHbHUO1SrFeskHBXp
D90Dx1KnAYrXrqf1WgEOcVGmXIotSeyswJjLAhC3agfUU7k8U3dGZKWuA7VMGTnZKRZF48Rk
AmO55KYXJgDwCfTLkhO4PagNpKYEhiVHIFCZHmhKihkgRkIWRTOVlqKjZSa0BROITFWVBuLc
VJTPXhtC05ildMMEZUckBErQ6da0mPHBZjqbbz0yVnCV0BUkPhPoUMZAogqS4Fd3FCJLL61
W04WD60cSFpHAqt1GHI7Z+MJP8AIVnbw3r5YbpwULJnXJ2SE4JiUzpnxQIIA5icESEoi27h
0+vVgc0MPHCZltgRTwKEp6g8m5orZqj+X2UpfWtP9ULlry8iu16vVoAqhlCGHoXDzLkrmW9T
BT2xZgq4VY4d4ehZa+VeYYJ4jSEUxiyaWGCigKeITs6XFA8RiFJGTyDqifvUOHYiprDHMZK
Jwn0gu6Esu08OV8nNjDn6VGZUMJTMosII4jmgBRCJOaFSeI2EUcBOWaCJhDtKeV85YRwVZEa
yM0ogwIIEsQmjiVlEoj3QwxRGvt9yL4N9YzhKQZZEJSgdQwK1KrRbFxnxCuUs+Ukg8fIUUo9
iMkoJEpUnCOTnNCURCiUU7jmk4TsmZAA8MkwCGBiYSMnTaUmZTKoyGxCkhaY1wUJQFIFTbm
fiNI5qsSnJQIFMmKtPnUU6ZNqTOTwQGkUOmZyBT+HPiECdIyTaDxITGI+0ECMkJmnIhzKHTH
tUutaWtNpHJJuxBpTjqiqtcvDI2FWwXCrXR4qsLRUck1U9U5VAAp4limOCZBvbKzXX6Fahm
yyOm26bNjYlgtajYrrreHLacoZIQ0hKs5SBCEzXKAli6tSMKcNJZQlaG9r02E8Dis+S413hO
nGaE8UgcUU7pilwTILNfwhGM1DXLBINfaYp5BNDAo5IYjFVGILfidUqrSdcoiIszYLCs2Fsf
hGc4w5eMIFHArNjckapw+OJHyKxuD+8YcAFbnSoSBBPoUW/EfH1R+GQEgsXhqC1UzLqM4l
IISHWwGApA8kXoRhxhg6GEYDKWuwRen4shUfBCppF3ZQupegoiV2czEpJknUUQtgOhBtkFQGA
ApIylbKEA046IYITPM9iWmSeAjzVmuA4rWGMoBWTmigZVF4qY4nDJlwdQIWITfkdQSLKnjWX
ipxZEh8VfWKRciCczHAJo2iJeUXHL6UEZkyWooZWSJ4BAZy4IBL3inYqsZcynMonJ1FTkdo
QlhxUYI5FMTyCAjKPNC8e1C6Y1ATjkmC8AkD2p8EU2uQ5ITZPmjwQkRQBqJzkmw5pyOQTYqK
TgJ37EOKRBUUTpOUOIMzICMk2oJtlS0hRV+kvFuSKcXCigDnJc1ZC25KtJ0lipyFDbHTJ1KC
4UUJQIFBJVEIMzEgjMLfhMTAkOK5yBYrX6fZqBrOYxC1rcVNpmLU81GUUzigddK5xX38XhG
XLulYslvXjVVKPy+pYmlz2dtaYpOkhWGxuhTumKIcSYqzVJyqbqSqWmQWolXikM0ILpxmtMi
uDgKDIqd8IVYqEHM6g44Kba1jcSjTIPqLPxCrQxKtbGwVXVzOQkFMNKu62ngTNZLkFIWIVK
K0et0GG8meEsVQD8Cs+rU2AJAZoteDI5VGeLY9ihNUhwWbq1NixJZSCsCIPF1HpnEuxVidkp
QjHIRCSVLUNmKhKIKAhDGIs7LZfmncsAodxtp7eWmfyFa3So6an+0Srd9MLo6ZhwrmjMZ9sX+
HMJxJIZ3Wynty+ceBVVYySBijiQM1CEYkDgVpLE4mOakgcc1VMOIOCQB5q5Zw0YqSKz4ahxV
qqcxxVRYIw4VaQMMSlby+BCC2CzVIVDJCZiINJTEqNiyUJfkpHTkoiJpJASUiZ0BvmdR1RO
PvQ6ETpnQD4YTGACN0JKBMcIMgSdFSOEnCBnqVbpmQ6k7oEYoTFSApJhMoTFCynMUBis4ayi
KSIhCymFW78JurMC4dQbkMVJty8VpgVsNQUNUvqIWIUsGiThESSCjKkdRyUA5K3trTCQkMwq
ZUlcMkqt6zFpDI4hREodvPxK9PGOI9CRXWXM7MDiccVhbivROUeRW06odQrxExxWdmtWehR
MhK5upBM6QwZi4KBkUSxQOk6qLsZKQFVoycI4yWmclDheKgIUxLwS29Ysm0slURQYMUwOCvX
7auPw4KIIAK2Eq91nciyNZ4ygHWTWHKv9RrM9vTcOWk/IqNI5qQrQpgBmmuYZKxRF4prIFKk
UwdQZiVDOoqzoQWQUaVJRUIhwU5DpqaYa7QOWKitTbDRAR5KcyVaEsSpTJdHOj1DI4g5hZu66
c7zp/ZV10nUsWXDniDEsc0lu3UV7gd7CX2h86ydxTz7c94YcCmljw6S5RxPJHgfSoRgiBVyJ
BIhTwsVcF80QiQqzYv1281OJOs2EiMHViNpbFVnArYqEY4KUzdRSHELNjUoCUnCEXJOabR2r
Ki1BMZBDocWgIHMwiYqCyOkqqac2GGZQKUMw4oJWA5DHioncohPggFqTGRGaMB8E0gWZQD4n
BOJmxxCKxCKk1JBRgEHApORigmAT4qEwKUSCuUwdyhco3SYFVA AJI9KwKqCbdHFHtvhQbnN
S7b4EEhLKK4CQUs0BxRENZcehNNPEaZdhSmGQAcEzpbFX9pbokDw4q7bHTIhZUUmWoJa6xLi
O6VrVnYKkVtfVShxGIQujqs0SBW0nDDIQSvvd16LJAZHFVSFyryqBKWaSFZUuSdMUuQQFGZj
irY3FM/ihpPMEt6lWIALZpsEyYate72ojplCWrm+CA2xJ/dA+pZ8Z6S4WjHrN4jpdAdgW5fq
zYhtnY/fcekIY10W431m4YSLso4FymUW9+W21MRkXKqVByFe6gx2IJ5GQVKksVUrVoLBPIuo
4yaKesus0h9GCr2jBaYpwcqjffYy3hnT7oU3ToPqsPoVfclsFf2g00jtxW4zfBn7xUjqF+8i
1LbA3SdA4btSdARKWvDScYngUIKF1kVb9kD3qv2SqJiY5rXJZRT0Twl61MNys51NCT4FK7b+
G0ol4nJBCURmkq1KawmEiME8LY/DwQzOKqD1o9SgB4ppScomEspY4JnQZFT11mzJgBmTKFit
RG5TOUc4xBwLjmhZRQ3jB1HqMi6mtHcUUAgFsMc04Dh0TJ9LDBVABwk59aRLJRZsUU8TikTx
THvHBOxdQEYvgmPsUscA5zKUog4hVEQRaxSFYKeTggiJNqLopaSE2ojNGC4SEfUiHjMFHqCg

0p2VyYWLsSrG0+EhV7MSrGz4hGuk8nUOtlOQ4KqSKB5nUnmHiCogVLEPEhBA6QKYpgip4c1p
baTvD7Q9qza8VZqkYseSIsI6O4AScZHFROurChD16hr5KgclrACfdORWZbA1SMTwWNnTWoC
mLMnkmOaw2ApwmKSindO6FLWRlxQO6TpnTKoMSU0JKs6s1GBiHLFWi0tx3tJE8plUKjktCEo
27KVccTGYl61muxZbYX4ycK3tlus6qT4LY2kWWKsWpDuLL3BZ5FathYMSrcxf0LnG2PYNch2
rSgLRbkqcaJWgDJWqzmO0rtHPYEj3kwKG3AqOcyCwVZT6kJsFDHTnMk9nNIJclJffFjCZk5
phFOyghNjijSRUCzGRnXPEZhuPCJ+FWLO7N09u3Bh4teXELNbiCEhDLNM+rFAA6MMDgqDfBN
AaihJ4KaqBAdVEUz3IJCThRSLIKBYrNInd0yWCdYUrPgUOWKlSPc+VQk4qixRTZc+iKjByCa
UDDCQIPau2fXz4cY+HFgGLiNKt/zXaW4WRIP9IOqjipAHFIggYZLrRsen7saouxjxjgq9vl
qk4VTMfTimFjHBIZroZ+WtxD4DGS039M3FHx1yA5smBUhY0SDlxSifLIoNBBL4BHCYHdZQD
oAwUcQCdKslpYj5U2gEvgkggbHBKT5BSSiRh7IEC+CANZBqKkaOb4IO6gsSCI2paSFnCeotJa
YWXzVG3Aq3PNU7s0AAeqarqpwUB2hiolJl6ggUVPSp8iq1JxVmwYAqosCeql7MEJKjqk7hGV
0nhmndN1SAeu0fWjihT7k+Lt24wKla1ZkgyAhGSGXnSBCZEUKikUwSKZA5SHamdJA8mfu5dq
QKZJUa/S7NFV5OWketUQXK0p9PO22gnMtKeJcZaouVueGF3bQc4rc2sCA6yduGWpRMhZpEt0
tlcr13NpnhwWtbKMsCsnfTjWMOKxGqpUHvurMcJyHaqe2zJVojTYfQF1jnQblQzZ8FNUVBOW
piVaQ4KIFRagiEuSipHRasGfBRhxxTgAih9Q4JOSkUxLIqG3NS12aKZelRWISbaIsJrOUlmt
RTJBLjBIB00e6SRyTxKsWp4wBIKaybBglGXd9CimXKqBS7UknWVSjEJwEqptgpdfYsiKQ7pU
UlaMjLABTUdKnYNVh0R9qop7eUxLuhyeC26dkW13nRHko/zNGyGmgapfaVC3cW7iXeJJ5BWR
Grd1gVR8PbDD7Sg7XqE9feMpe/ZQVdOJGu46Y+1TncV7cNSNP9Lit4TLYjv7NtESsm/9E5qa
nzFRLCTx9K5G7dGZd39KhgJWFoh1MnLvhutnuQ8hCXpATT2OxtGEQPurlKNpCoa75N2KW7q5
iNFHdinCtbc7Dpu0ec5SJ+yCsGcq5yOkNE5KnO2VheRcp4MWxWLhU0o8FFCvHDMJpTMvoUgk
JEEJfZVfOLkBMt6FYMfELcSkXghUNDJNDCsauWDJxmtOaWwqraMvankq00IhSCRSCijCEhkT
ppIDpzCuzi8CqNwa06w8CqLUa5NIKwSqu7JWBjwRKclSUSjq0z+GWBUIKF1oirbHRIjkVG
rG6jJc1WXOUkMhOaNkBUUnTEjgkmUCTJ3TIHVjY6RfEzDgYtzZVINtgTbADPUEF7d72e7m9
mA4Dkoa5OcfJ1OcfHMYhgMFFUWXRhoUrVohk6yqZCOatS3rBws0i3uJxgMc1zu9t1zKt22yn
3pZLLmdUlIqf4FWSXIP9FVq8JBTE4x+VbjNHucWVQ4xCtWnUAqj935VakOAEYUWsJjYVFTu
yY2BVySukyE3ik5IDIIMCRiEnUckj21mij7VFIpolSgG0vM+IC6kvxlq5qJR0YlgQhKeOa
n/J3adeg6fQqiu6SM1TGcT6la2/TLrXpHOSCrUe8tGnZTsx13QpxXttl/Tmqm4307cMo8gm
PqZXDdRtMIDVJUr95ZeWkcPshBvtrLewc1aHg7b+IJakZyip2cp96fdirXjVbcNUHPNur1K
efqVcyMsFfHgWbt1KZxLqu8pnmVPVs5Sxn3QppX1UjTWHpNT+4hr2n1rCwUp3Maw1QbtVWY6
Uy8iozJS1qRJOWzLkuhZQJhis5CES+p8AixzROOSfUsqbSxcJAEo9RTgqKeYIE4cWdqT+w+1
RundMmEUZMpoFVgpYFdHJZOIVaZU4OCqXFCA1BMFGpRiHUaGEimiURRD1grVrmNIA4BZQkyl
haYqpQbj4iirlggvL4oairBO6Z0zpnWkK7Gv0K6m6vQGomPMKicMFmtw74oSkkVloKZOMUDJJ
JIETDpNRndr4QDR0WxtZCrZEx+Kcu8ewKxKp7gg2Fscspag2JUAIcKfoc2yuaRBico+7AapF
UpXvkoLLCc1mq1v3Gr0KvXiUBLqSkZIFW5hTHh6VCiMsFqMVJLEKqfhpUxm4ZQEHIpSIsU
nPFfpTyA4LLRA4JOhTIJHS1Mo3SdMmB2SEiSA3YEAKOFc7S0ASrtPTgMbpfJH6UVRLy7oxPB
WqOmWSado0x481c/N0bYNVEE9n0qldvrbeLDkEVq7e7ZU4QaJ7fpWjTbVb8MgVx5xSjLxLjA
q5R2prGapb3a3XBqpN2LJ23V7asJd6Patnb9SpvwfTLkVUYX8u3BnpMT6VN4NG0/vDqnyXQG
SpbjZU7jEhpcwrhnLEu3k7MBgOQVXU6vXdMsrkwxLx5pmq22eMkVdXtZTxlGMZ1bfCOMIXt3
U7MBgOxQ5qZwuEtl87MzhyUSOAHFNZgcFnKgKZJMop1JAqJFA4qKnSQuk6yJAnBUWpPqUVM6
TqHUlrQmpIHFROiicV0clkFVbjipnVawuUAI6zwQFPESipskJKlrEkKIJ0QQBGEDzxigrOKk
kMFBAsVRZBTugBRLSDrPeCqWBpFWQCC4UF+MypWoiSdJkmWWgpkTJiFAKSdk7Hkimkz93JaM
j4e2jXxl3iqEImUhEcVb3cxIgdhgrGaqhGloApAtIWIRyGKkdRSUAq1RDuvzVvVaVI/dx9CTy
XwBkJBU8osgZaZQkjiFKQh0qCJkmUulNpTC5RMm0q1Gky9CJ6qs8Siq0NvOzIyc1Yjt6qsZl
z7FHPdylgMaq5kZHFRVye80hoBgg07pTzKBkmQyYICZImQzHFQybUnEuaBJFSpwWQRKJEA02
6pZV3Z96K1Kt1C8aoFcpaLjTMSHyrcrNjpTNZu92MZRNIeB4hX4kTAKmilibOFQeZAC1WY5c
p4yUm406yYZKBC3RMS09Tp5HBRoDdJCndRTPxnmTqKkSSTKBjwmThRSSSSdA0SiQRRLbml2a
Q5Up6dvZY/17f9OX0KGvG2H3o+9etosjyS7bX7dvHrnW+WuJi/rUJGC7jzrW+1rn9mxvWD9C
4eRUDRLF1K6hRCTIJYRIZIV1xMpnARC0z0Hqcl6zRhyEok+p3XQ+Uelimn85YP3lnw9kf0+5
1lCGHkpsJoljrfTp4upR03egv+Xt/wBOX0LpvMO2qr6ltLQGIZOosji0o/SuvQw8rsruoI8e
qdYlgDOJHvASIMRYAOSWAC6zzpB9rXP7N9g0K5+naEb3bV85x18gIK1nhLOUX5be/wC1t/Yl
/ZVXdV21yHjVSqJy1xIf1gL1dcb54wO2P+Z/2KZaw5WIMmhAGUycIxzWjLoHUa4eJKhxmWJ
9QLrd8ndNAhLftHekTGvsAzPzfIuuUHK0TA5hiMwUmEpCFcdU5FhELf839NG3tjvKw0bDpn9
7n8o9yzOiQbqND/aVC/IPUP9vL1JfynqH+3n6l6akoPLz0vfVfvZUSEYgk4KAbHd3gThRZKJ
xBEJEH2L1Hch6p/dl7IX6O35Ghv8OH4QmR5rLYbuqJnOiyMRiSYSAHSQVQnLRtCU5M+mJJP
sXp3Vg+y3H+VZ+ErkvJO31X23n6kREfrH9CuUwrrNju64mc6LlxGJJhIAexR1bHc3x11VWTj
9qMJEewL07q2Oy+Eqj5Vb+W1Nzm+wCOUyuHBHpe9Ac0Wt/ly+hTbavc2vg00WTjIqjG
RHsCR9zWL5Vb+W1Nzn+Ipkw407fe5nbWt9yX9IRVYfkdQXqOa8q2fwH0qys2JzFCyJ1fbd4b
YLTA9BQyhx2IVZ3ynmVG6zluRYNtt8hXWDKRyjHEo/5bvv9vb/py+hWvLbfzKl+cvwyXpij
Tyk9O3kQ529oHPw5fQqjr2Fch5w6dHb3R3NYyWuJt9ofT8yga9lu7IiddFkonESjCRB9iL+
Xb3/AG9v+nL6F6N0dvyNDf4cPwhXlcpH5V/Lt6M9vb/py+hQ01z3J8GmBnOWQHYvWLPhPoK8
+8n/AMePuS+ZMmFD+Rb/APwJ+pL+RdQ/wJ+peppKK8pu6VvNvA220yjAZkhDDYbuyInCiyUT
iCISIPsXo3Xg+ww+4VP0wRG0pEMY+HW3o0hB5jZsN3XEznRZGIZlKEgB7FXBXqXwF4G/Ln7
15XwVGvs7d2aGoonMcJxjIj2BQW7PfSedIFvMkw19C7jyq38tqbnN/2itiyGuBjzBCZqYeQ6

nU1Wx3N8ddVvK4/ajCRHsCrMQ4OYXpnlmrwunVA5nVL1yPzJIXns+m7uuJnOmyMRiSa5AD2K
s2D8F6t1bHZbj/Ks/CV5dt8bKx/Sj71BN/Kt7/t7f9OX0KK/a37dvGrnW+WuJi/rXrq5bZrW
+1rnysb1g/Qg4V1ar2G7siJwosIE4iUYSIPsVQr1bo7fkaG/w4fhQea27PdUwM7KblXGcpQk
B7kQ6dvTiNvb/py+hei9cAOxuEstJdaKdyW7bX7cA31TrBwBnEj3hAF23nUD8nA8fFH4ZLiF
FOkmToBOBRoZYpA4LTBSfMZhEk9C6qeqUG2UdJLQcXBLA/OvNJS5L0HyErVdNjP7RnL1Fvm
RYPzXXr6dYfsmEv6wHrzgBeo9Wj4/TrmxeqUvY68vGSi0mRQRNs41xzkREfKmWj0KoW9Qoi
ftav2e98yqPS6q47euNYwjCIHyALi2fmba7zdfIaxJy+mZGBZH5n3J2/T7Gzm1f7WfsdcV00
MquobcyDPJRW75ysNV22sjnHVIfYrf6L1UdVoNwjoIloId8QAfnWB5xr8W/bQy1ax7Yq35K
/gp/5svwxQWfNkNXTpn7Jgf6wHrzmuhxnd1Lb6shEz/qn9C7HrkNewvH9CR9WK5Tyl+93xnw
hS34f0ojvF5t5k6qeo36RHTCkygMcSxxPsXpK8qFfi9Q8M4iV7euaK9L6ftxttdtXT9iMQfTx
9qzqPMu0v3X5WOrE6Y2fVILkPmVvrW4O22N1oLERIB7ZYD3ry+NkoCJiWMTqj2FB6T5j2w3H
T7RxiPEH6uPudcNXdOrwd3DS9ZEtL4ls/cvRxIbza6hiLa3/AGoryaJ7rKj1XpUB1HbR3Aj
p1Pg75YKvsuvbXe3nbVatYfMYKDYp/xtfnp+IrnPLH/ACs/RZ71B0PmXq56fSK4RedwnGJ+
zlj7cFV8q9Z/MxGxlFpVQcSfAgED51X86h5bUdtn/YqPk0Nv7B/4pfiig2vNXVjtKfy0YvK6
Mhq5DIp/J238PZGw52TJ+QYfMVled/72n7sveur6Tt/y2zpqOYhF/ScT7UGR5q6sdpT+WjF5
XRkNT5DirO8p9ZMZQ6dKLgmZjMHLAyxHrQ+d/wC+p+7L3rL8sf8AJ0/r/gkg7PzB1Y9MoEox
1SmTCOOWGawvKnWJQIDps4YEyMJg5YGTETwvO38PV98+5YPlv8A5Sn9f8EkHY9f6semUCUY
6pTJhHHLDNee0y8OLLr/ADt/D1ff+ZcXqViVa8VR3HXHDgonTutMonTo5BwollpZ2O7lstd
cRDmBdua9O6bv1DbQ3MY6RN+6eDEj515QvSfK//ABIP6/45KKPZ+Ydru9wdpHVGGQGoBjp
zZiVU84View1HOM4ke0fOuT2czDq0DHPx29cmK7HzYQOnWdph+IiknlXrP5q12MotKqDiT4G
IHRxWv1HrO26bKMdwSDIOGDrkfJf8bP/Kl+KCsedv76j7sveg6va76rfUG6kkwOoYhsl5r0
nqEum7iO5jHUA4MXZwV2XIKY106QH1ZTHSb+dcAPhQetU7yNu2jumIYeI3FmdVum9a2/U5S
jRqelc6gZagrJr6MDHMBzX/pusDyR/e3fdj7ygevermiB2MI42REjPkNWXsU3lbrH5ysbWU
WITCI1PmBgsTzp/Gw/yo/impfJP8Rb9we9Bqea+rHa1fIReV0S8nyC4NmXU+df4in7h965c
qjrfKfWdJh06UczIwmD2GWIXaLzTyx/ydP6/4JL0tQeSdQh4e5uhysmPVir07pVfbbOmBzFc
H9LLz3zBUR1K6AGJkP6wB+demwjoijgAEHO+aurHZ0/loxeV0ZDVyGRXAakZZhdZ53/AL2n
7sveuTQendC6qeqUG2UdJLQcXBLA/OoPNdevp1h+yYS/rAfOg8qxFXTYz+0Zy9Rb5ld6tHx
+nXNi9Upex0HmGhwu58q9ZO5iNjOLSqg4kDmAQPnXCxky6TyaX30z/4pfiig1vN/Ujt6Rtlx
xuGMuQBHvW10ndT3m0rvsjplIYj5/lzXM+cqpXbnb1x+KQMR6SQupsIDp+1J+pTDD9UIOM80
9X/OW/IIDuVSxk+csvYueCYyMyZyLykSSU6ikESFOoGBQunTLbBjvSNsfyvRxLjGgy+Uxde
cEGTRGXo/X5flul2RHCMYesgKNRc2MvzWxrJ+vVF/livK4gjA5heleWrf6dSeIEo+qRC8/
31fhhq6GTWTHtKsKjiAtnyzAT6nA/Zj1+XvNWKctzyp/yP6kvmVrMhHnSX/16c7H9QP0rm7
dxKNIV4Grwpihc2IPzLoPO0glUDjqkfcuWfQRa1ur9Yh1a+mDEZRFTk62ZLcieS2vJX8FP8A
zZfhiuRfzLrvJX8FP/Nl+GKIi3LQNxtpxOOqEon1ELIPi9fevnyEI+t11HS7fFpJOYnbH1Tk
FkeUqBTXuAOF0ofsgfSoroa5ag/bIeosvN+nQ1dXiD/jSPqLrvumWeLQZ87LvV4kmXCdL/5i
P+bP50HVeBzaenyHOUB7XXnsh3V33nGTbBmOM4j3rhJDUoPS+hS1bCg/0APVgVNNxEQtsiMh
KQ9q9H8uS1dOpLEd0jHsJXne7H7+778/eUhf+Vg3Tau3X+OS5jylMz6iZnMxmV1XlyPhdMpf
HCUvXilcn5P/AI/9SXzINTzr8e19Nn/YqnlEN1G0f+OX4oK55zIFm0JyEp++CqeU7BZ1G2Y4
1S/FBBc80bf8zvtpTnrLH0ag/sXVmTSEeb+xZO62/i9U28zlXXZP3D51Zne/UIUg5U2TI9M4
Ae4oOY87f31H3Ze8LM8tBuqU/r/gktPzsWuo+7L3hZvlqWrqJ+/+CSvwOu8xdJu6pVCukxB
jLUdZi4dgKy+jeWN1sd5XubZVmMNTiJk+MSPsjmuvSUHKedv4er7/wAy4t2nbn+Hq+/8y41
lYiCnTlhmh8SPatJRTDFH4gKecXCghXpXlfjKf1/xyXmq9K8r/APGU/r/jkstMXpnQN1Hq
J3N0dFUZymC4xzbIq95zu0bSFQznMeoD6WXTLhfOUL47iuybGlmrbgeL9vzehBH5NDb+wf8A
il+KC0vNftzvlapbeszEYydvSs7yaX39h/8UvxQXeoPLI273psp7bVKkyHfh6f+uCPThpjm
t/zYB/MR2wj86w7T3VqeEvl6JMaOikSwIzZf/wBawPJH97d92PvXQ9Q7nSpg/wCC39Vc95I/
vbx96yqDzp/Gw/yo/ikpfJP8Rb9we9RedP46H+VH8U1L5J/iLfuD3oOk6p0Hb9UgnD0pgx
GkaCB7wVx3XfL8ulNbXlZpkWc5xPb9K9HVLqu1G72ltJ+Et6RiPag4Hyx/ydP6/4JL0fX39
PY6848r/APJ0/r/gku+st072uvhKqw+qUPpQcj13b6ut1RA+M0k+tvMxcGTTEeYJ9TfSue6n
QJdZ2c+czf1HI86152f/AHQ6/wDxWyP7VbfOg5Tzv/e0/dl71yS67zv/AHtP3Ze9cqIggAYy
JZkHo+2P5Xo4lxjQZfKYurmXl+a2NZP16ov8sVT6/L8t0uyI4RjD1kBF5at8Xp1J4gSj6pEI
PNox4HAhdH5M/jpt/hS/FB Yu+q8PdXQOAJZMeora8mN+em2XhS/FBB1O86bLc7+jclvDqEn+
9wVDzhu/B2YpGdsgPkjifay6RcP52EvHpJ+DSW9L4/Mg5bJomSUUSdCiQA6TpnKWK1lnC102
s3bymA42Q9Tr1Dd7One1mm+OqBys5GxoZee+Wajb1KrlHVI/sn52XpSiq+02OyrFNEdMASW
cnP0uvOvMdfh9SuHMxl64gr01efeca9O+EvtVxPtIQC+63vKOPUP1JfMsARIMtEEkY4La8qW
CHUax9oTj/VJ+ZUBXneP7qiTZSij8gXGa13fnOkz2cZj6kw/oI97Lg8FAtZXeeSv4Kf+bL8
MVwgI4Lj/MX8FP8AZzfHigueX7dcNxxH7G4tHrLq3sKhtq7TwnTs/XlrI8s2vun7XytMvWZfQ
tjQmvy+zumMxKyQ9Jf50FXy1Mz6dVI5k2E/tyXHdM/5iP+bP511/f8A4yn9f8clxW1s8Pqs
Zf8Anb1zZB1/m8f/AOefvxXCTkNB9C9C8z1G3p1rZx0y9Ug/sXnB+B1R6Z5fDdPo+786853Z
/e3ffl716Z0uvwNITGWBjXF/VivLZz1iUznIuoPSulDw+11nlVq9jrkJ/8AHj7kl2N8fynT
JRGddBjj2QXHeUP48fckg1fOcddm1jzMx+BVvK0RDqdsY5Co/igp/OxMZbYjMGz/ALFT8m/x
9j/4UvxQQdsIPeZ8oAD5SfoCwdnuPG67eOEKdA+Qw+cldJliIMjkFw3l07x+p3Wn68LJ+ucS
gPzv/fU/dl71l+WP+Tp/X/BJannbG6j7sveszyyG6nT+v+CSDsuvdXl0quFkYCeqlw4LN6
T5ps6huobaVQiJ6sRLIEn5k3nb+Hq++fcsHy2G6nSByn+CSDe87f3FX3/mXILr/O38PV9/51

xwwViU1nwleodJDblb/5Vf4QvL5gM3FdDtfNt22phSKQRcMYPqP1QyUjd83B+ny+9D3rghkF
r9V8y29Ro03lWIAkFwXyWICkKCYyKl0nyv8A8ZT+V+OS84sIOIXo/lf/AIyn9f8AHJKqrtfN
dd27/KWVmDyNcZ6nDu2OAZ/1VjzXQLunzkzmBjMetj7CVwlkjHekjMXP/WXovXf4C/7hUHQ+
TP46f+UfxQXU9V67R0qUY3RmTMEjQAcvSQuV8l/xs/8AKI+KCsed/wC+p+7L3oMfrPUodR3Z
3FYMYaREas8PQ6zZ5Ouj8sdE2/UY2W7h5CJEYx8b5ViVuiO7jQMQLRD+syuUeg9fI6ZaOUY
x9ZAWB5l/vbvux962fNk9PTpj7UoD2v8yxvJH97d92PvUVB5zD76H+VH8U1L5Kw3F33B71F5
zLb6B/8AFH8U1L5KL7i77g96CTzV1Hc7PfV+BZKA8OMtIPdfVLMZFdbdsz+b29d7NriJN6Vx
HnT+Nh/IR/FNdV5df+XUv9k+8oON8vwFfWlQGUZwJ1Rkut31vh9T2g+1G6PsB+Zcr0T/AJsf
fu/DNb3X7fC6hsZf0yPWYhBsX0a95Rb9iNvt0qoLdXWdHCO2PrMx+ha5iDIS4gEetvoXObO3
xOvbjlGrSP6nzoM3zt/fUfdl7wsDp9Xi7uiA42Qf0Ot7zv8A3tP3Ze8LM8sVeL1GrIHVl/sn
52Qeh7vZ072s03x1QLFnIy9DjBTZ07KsU0R0wBJZyc/S6sJIPMvMlfh9RuHMxl64gq95L/jp
/wCVL8UEPnGvTvhL7VcT7SEXkv8AjZ/5UvxRQdjd1AU7uraEf3sZSEn4x4N+1Y/nPb+JtIXD
OuePolh72UXmPcfluo7O3gdj6CQD7Ft9a2/5nZXVs5MCR6Y4j2hB5ckmGSSgJmkgdkmVjQo
7Q0StYTL0PjIBnup3N3YwMX7SR8ys+dLbIWU6TKMWliMA5/+F0fRaxXsaAMHrhL9oOh67XGz
YXiQdoSl8oxCiuc8l3znddGRlIaQXLkYH9KLzTLVTcATECUZFssmWz5Xq8Pp1WDGWqR/aLe
xlRvX2EoSdiQIb0oOa8mbUR207yO9ZLT+rH9LrDEI9O64IxiwLQ3YJ/RqXtEUT/AP58fvT9
65TzKT/M7pROI0H1Qig7/qOzjvtvPbyw1jA8jwPrXA1eWooTt8KUNMXY2EjS3PtXf7Ddx3m3
rvj9eIJ9PEfIvaQcB5l6PV02ug0jBpQnLjI5ufb7lteS4mOyk4Z7ZEfsxS821xsr28ZZG6MW
7CukAEQwwAQcf5dmYdV3VUg2rXL1T/StnzNb4XTrSMzpj65D5kG8MaurbaTY2QtgT6A4S8xE
ShRScRZuKon0OgLyxEx6bSCG+M+uclwG6lKjdzkQ0o2GQB9Lr1fJch53pBhTa2Ly/p/+EHU
3Vw3IEqz8FkSPkkF55tegbqzdjaWwkIxl35t3dPYe3gux8tbwbrY1496v93L9XL2MtlBT6nd
+X2ltg+rCTerBcB5e6VZ1DcQk37muWqcuGGOn5fcum847wVbQbcHvWy/qxx97KXygAongjO
boLHmW7wunWnjICPrIC5XyhEnfuMhCTn1LU87btq6tsM5E2S9AwHv9i0vKlcYdOrkBJzJ/a
I+ZBled4ltvJiwNjn9IU/JgJ3tkgDp8lh/1orub6xbXKuQcSBDLO8vVRq6fSlhnjqPpOKA+u
7j8vsLpux0mI9Mu7865PyVE/nJybDwiH/WitbzpuNG1hUDjOb/JefSQtpy9VGrp9IiGeOo+k
4oOf86Ai2ibHSBLH5Vm+WgZ9TqlEEgCbnl3JLveoVC7bW1yDgwkPYsjyfXGOWEgMZTKT7kFf
zrCUttWQCQJ49mCwPLIM+p1SiCQBnzy7kl6PKIkCDiCsPyvt40bWQIGjss5C3zIKfnWEpba
sgEgTx7MFxgkDkV62QJBjicvJJw8OydYyjKQ9SsSnOWCFykQ4ZJmxKqBIIdCyLNOUVEcF6X5Y
iY9NpEgx7+f35LhejVrt39EJYjWD6sV6ksq8623Rd1uOod6qca/EM5TIEgaRJ+Ob8F2PmCYh
0+8n7Lesstrcz5y3Yr2kaB8VkvZHH3sgx/JUT+cnJsPCIf8AWitLzZ03c72yqW3rMxGMnb0r
X8vVRq6fSlhnjqPpOK1UHPeVNjdstvZHCQMjGbsEtbC/0zpd9/URuNBNMbpS18O7l/OvQvke
20VmcBwASoemqSh8kgm+2TYaB7121nwn0FUOHVxr2FAiGeAkfScUHPeaul7rebyEgKzOphxjq
GT6pfSuw203G029dL/BERJ9Gasqh1ndjZ7O2120kiP3jgEHD+XZG7q0LQCxNkj2PGS1vOcjV
btrQHETI/K8Sr/k+qMnhrAxlorJ9GC0Ou1xs2F4kHaEpfKMUGiC4cLj+gzN3Wd1ZzawP+vFv
YF02wuFm1qtPguMj+YqHlgatjG1hqsLZOXP1FBh+d4nxKZMwaQdQeS9vKW6nc3djAxfJHzL
s+oVC7bW1yDgwkPYoei1ivY0AYPXCX7QdBzfnS2yFIOgyjFpYjAP/wBBN5LvsndbGRlIaQcX
IwP6V0fXa42bC8SDtCUvIGIVfyvV4fTqsGMtUj+0W9jIMXzvTJ6bQCQ0oktklyq+SoS/OTkx
0+GQ/B9UV3V1YthKEg4kCG9KzvL1ca+n0iI46j6Sg57zvE+JTJizSD8HXWdPv8AzW1qtP14
RJ9WKHq1Qu2l0DxhP3LL8o7jxdgIca5Sh/3fOg4XfbWWzvnTIECMpCL8Q+CrroHfzXGWwMiM
YyiQfYvPkDpJ0ygvSORYGUSArXhI1row3th5u2u221dNkLNUIRgWEW7ob7QTdQ827Xdbayi
uFmqcTEaoxbH9ZYJoPNNGuY4rOGstro/mjb7DaQ218bDOGPzEBsSSM5BXZedNmQRGFrth3Y/
2lzhCGREc0wZaXlnrdPTq7KN0TGJOuBYnhiMPQFkXXHe32bmQbxJEgdieYB4AIJ0MtHofWz0
kmi8GVEi4Izifo7PIXRXebOnwgZQmZy+zGEh7wAuKkBXUEoiOIZMGVzqHVrt9uI7qwnGBGiH
IO/t4lDR/wC67L7Fv7Mf7S4xwhM+SGW91HzJTud3t9zTCemkyMhJgS/JiU/VvMIW9tonTCYj
TMWY1M+BGWJXPEk4pOeKGB/APuuy+xb+zH+0sPzD12nqsa4URmBEMutbD3ErCMkzuitTovW
JdKuMiDKqfxxHvC7Cfmvp0YaxYZH7AhJ/aG9q86T4BBd6n1KfUtwb5hhlCPILa8ude2/T9tO
ncEgIRlAAO7jL2cea5h02BQW+o76fU5bieD4RjyHALf6L5n22w2kNtdCwyhqxiA2MieMhxX
LApIjuJ+dNmYkCFrth3Y/wBpVel+bNrtNRXRbCwzhHSdli3tkFyBTlrY8xdYr6rbCVIKiQIR
32dycciexbHS/Nm12m1rothYZQjpOkRb2yC485JIB3G585bSyqcIQs1SjIRcRZyPvKh0LzLz
+nbUbe6MzISkXgAQx9MguWkfgg7z/wB12X2Lf2Y/2lndG80bfZUGq6EzLXKXcAlaRfiQuUin
AKDu/wD3XZfyt/Zj/aXEGzXKUznImXrQiXNCS6qDJQ6imBSdAiSUknCZBa6duo7PdV7iQJJC
TkDNl2X/ALrsvsW/sx/tLg07qK7qXnXZthXaT6l/2lyHUuo29UvN1mGDRjwiOSopRLF0HZdL
82bXabWui2FmaA0nSiT7ZBXP/dl9i39mP8AaXFE1/EagldyVHcf+67L7Fv7Mf7SueW7ZrZsz
YMBKyyWpBjebSkSvQfLB09LfkBFBH/7rsvsW/sx/tJf+67L7Fv7Mf7S4BHFuKD1TZDQR6jtg
uKhIROoNLPD0ErnenedtrttXTZCwyHEROkRbD9ZXPkchLppD5SmPcfnXD0Np+VB23/uuy+x
b+zH+0ue611ufV5CMQYURxAOZPMrNYkp9JKuEb3QvMu36dtRt74TMhKR7gDMfTIK11HzbtNz
trKa4WCU4mI1CLY/rLIDBBKCYMul2nmmmjYDamE/FjAwBdaew5v7EXRfM+22G0htro2GUdWM
RFsSTxkOa5UxQqK7jc+ctpZVOEIWapRkIuIs5H3lHsPN212+2qpsHYZQhGBYRbAN9oLi06Ds
uo+bdrudtZRXCwSnExGoRbH9ZRdH80bbY7SG3ujYZw1YxAIXJzkFysMC6Oe4JDBXCZdpPzp
szE6YWu2Hdj/AGIV6X5s2u02tdFsLDOEDj0iLe2QXHEkpKK7bd+cdbrRZXXCwTIGUY6oxZyP
vLH8uddr6ULIXiUoz0mOgDAh3zI7PUsJMg6nrvmXb9R2p29MZiRIEvMADD0SK5cJk4KakxS
dRW7o5pEYs4QyJ45KrKoR7xK2wtlhmG4hVvEADA4pxMc3QGbaClW3AILEnBTEPiFHNiMQ5Q

NrJQmRKYj0ukgYyIxQlinJQuOKAJxbEIRIhTTD4qIxUU4kEndAUyCV0xPYnjimI4oGwTEIwH
ySZADFIhSMAhZAGSIhJmTIEmwTsmQLNmn4J2UuWd4JAMU4zxySBdAn5JgUYxwQSDFAxSSSQJ
JJJAkk6ZA6TpkCKFEhQJJJA12fReqbfbJnCdGfKfEAg/eL5MFxidAgFPVAHNRRkAcQ6nj
cOAViV1HlbqO32u0upvngEHKU2kWcGIGHPLJcpRJlNOvWhbHmoYnSVFWRJ07khIRfEBESYha
zERMSkajmclHObZIZWErOVwIxioiWTOsMIkBIkkyZBLEpWQbEiYITfFFaRXZEyTjWfAmSZey
RwCYAMkybUlqWVGwSYIdYS1qK1/EdNIuGQGMtROcc6m4dq6uaOdUcyhEWGBwRykwYshixUUn
GTqKemyxRmYOYxQkk8EEUSZYMVIzUT8DgmICKEGc00og8U5bmhkSoFiMzj6ExAKZ+ScugbQ
2WSCUHyTmRBwTh2xQMI6Q5SMgUMndPE80DgNkkZF0kzopOndNmkMEDoSE2pO6BiUyd0xUCC
PBkMUbAoIwHRIDp8knZUOIJpxdHESlknMWjqJHoQVYCEykliH5KNQJJJAkkkkCSSdJAKKJM
yBkk7JMgZJPpSZAwdqemokvwTU0mZ7Oa0IViYKWrIcaQGVcUe8wV6QUM4LLVFXgGRIRRBuU
IEUro97BKFL5q0awU4iyojFcQkWRkISFUREISEZCEoiGQZHGyasIFRHDBWVE9bSUMgKvWWKs
OqH0hCYAp3TOooDTFN4IUjpnUEZoHNN4I5qZ0zBBcDsZhyp3YcXQES1EmThkgmTEY4hbZfir
OY9qFxFHQSSjL0pzKQUXCUF0BOJCETI4JgcUBagU7sHCAnBkwlggIzS1E5qNyCwTugclCU/o
Q4oon9aUihxT6uaBehMTilqZMSFagn0p64GyQhAOTgF0u06RVSAbBrn25Lnv2Tty3ppd/DmW
ZCy6+W821J0GcQRwH6Efh07qOpozieLLj/8ARjzpcOv6fpty41kiVu7LeUbKvU+6PElpwfd
JbjK7d91v48fCa9XtPyclkuw11HbRJBmHCs1zjbetgXicipe+zzp/X+FntL42cTAakxeKaBY
ro9h0mLiLLxqkconh6V333mkzXLXS7XEc25SddnO/b7buylGJ5JCO33kcNMwuH/0fn1uPq6f
p+Pblx2spzOUgAtj9Ljt/3IYeHLkp+nbquiBjMacXddv2Z199Pu/hz9Mbeu3DFhUWI5hV13
jKkOqbUy0aw+WII94XCf7FvjTP8AX9nW9MnnZyGCZduenU7mPeiAeEo5rL6buqth4IF50yE
s2zW53e0t1mbPhm9WLzePqweI3zLnetb2m+AqrLylLHDJINO673E1Xbq9Zn2YaS7Hab+jdd2
o94B9LZKa+6G3h4lhaUvzfX05/r+f/TMZ9uHDpLXq39MN708vokGBb0Y+xb9NsL4CysvE5
LW/bdcZ1Z165t/7OJTrp+p72qqE6ZfGY4Buayuk7H8xZ4kh3leOrU7M63faYIXT7vWXLNdT0
1GZxwC66WAc5BYe76jVOyBhiInFZ17bt41XbrmvyAARDBLNbG23VW5fwi7Z4c0+43Fe3jqsO
eSx+25x68t/rmM+3DHZ0+h1e6bfCyJgMxir1k41R1TLAK7dtl9fUnXLM5YQgykEQU+73ELrH
rODMnrjg8jjwC765s+jtZamsINAU9kLIBzHBQ6+YW/Wxn2lAYIDBT6o8U0jHggRkGjFIYk
yjkoiAxUM4Yq0mIQV66y7qxpSCcLSG0paUYRiKCHSm0qzoTaEwK+lMynMEGIFSyY5kFRmQyK
YzAQmb5ohOOAZM5Q55JBygdyUKaUTmkoEzpelO/EITiopEApMhdE6BAJJ0DJMnKEIAiAmZO
6YkoNjoFllbKw/VGHyrS6zuDRt+7hKR0q15cOnkTmRE+p/pVrr9ZNEZDKMsfIh257sXw9ev
HVw5lbPTOqV7arwrQcCSGWLqTal699ZvMbPPrtdbmJ77BbZowYCUjL1ldsY4FyvQGXI/2OPX
/n/w9HRz7Oat6DfOcpCUGJJzP0KQHe9Nq0aYyhF+9m3tHuQhr98ZkGETEHtB966CmyN9cbB1
IOxWd9tZP2SXU111tvpbK4/p1Yt3NcDk7+rFdZubPBqnZ9kErn6q47XqggMI6sP1o/pXQb6
o27eyEczEsnd7afSxeqY12+scTK2UpGUi5OJdXOnbs03wbIkRPOkz1Y2NZt3FcBxkF7NpPW
58YeXXzPq7S+rxax5Q5ghcLKyUsyu+skIRMzkat615+vN/reNnfv+HoDLhJVystMYAknaAeld
6qe+s7SBMTPEYfDL6Fxf67rn119nXs1m2Pa4T7OqVVMIT+IRAK5PrEhLd2EcpYUAtfeeYYCJ
jtwTL7UsgubJMi5xJXfp02lu+3GXHt3lk115egMuVu6JupzIIAMST8S6tYNNmLROUPCdiR8f
L9VcOq7zP65127Jrx78F0jpl+1uM7QADEjA9oVjro/8Aqn0xT9O6v+esNejS0dT6n4jsHNP1
3+EPpirm9uvvxeExr+u+nhyK67o4/8AqV/rfiK5Fdh0Yf8A06/1vxFej/Y/Gf3cej8v+GP1
WiV+9FcMyIrajXDZUiEcgwHaT+ISV7Zr53yzLRj6B+n3LF3m+/MbyqqB7kLI/KXXGW740n46
zl1xNM7XzteG3aO5L0FcMu9tj3Jegrj4bLmV0/1vGzHf8NH6H8X9T/uV3quz3UIxqZwXLI
B0WgV+I3HT86vbvc/lgJaXctmsb5/b9vn/prTH6/u8f9o9ttq9IUz4DGUiud6j1GW6m0cK4/
CPnXVyhDc1scYSC5Ld7GW3sNZ+Q8wtdGNtrdvyTzJJr+JtkNcnOQWpXMQRkZ9sPDBJU8bQ
RkvfrXxi2aB3JtkAcldfR9kuq0bQ7cUp3HILtd5Ziuc1svCvOU45KP8AMtgVIqu4ixdee/w7
RN+ZTfmIqmKphV0XRKfxIIUUKwLuoJa+1Vq65TOcktrlUMcQmRMJoxNUfEKLxVc0XxYUvFVI
XJxb2qZfW2OhdVhan8XfTILWTgyE4nFEQyDUgd+QTOUpJiTxUDiSRkh0vinEUUpJfGkcUDJ
0zJDDJA57E0X4pApyUDJOkmQEMUxCSdBZ6fuztbrZwykOxdhGdW7rcNOEguGUIV1I1VyMT2
FcO3q9/unGzt19nrxeY6Gfl2iReMpRHLNTUdD21JcgzP9P6Fhj+7AbxP6sfoUNu+3Fwadki
OTt7lz/X23i78Ne/XOZqv/yfx9xbGqQjXAJztDt8i6ZcVtt7dtQRTLSDngD71Y/nO7+3/Vj9
CdnVvtjmYnhdOzTX4ua0D5dEpmUrSxLsI/pWwBxtqW0wgOPILlv5xu/8T+rH6FWv3Nu4/vZ
GXZw9SXq7Nvz24J2aa/hryHebo3biV8MHLx+TJdZ07qMN7AEFpj4o/8AXBcaYJB4HVEsRxC6
79U3knjHhy07Lrbfr5dRuugU3zM4kwfMDJWNh0mrZHVf5TP1j8y5qPWN3AMLD8oB94QW9U3V
wadhbSw9y5fq7bPW7/a6fs65faa8trrnU4xgdtUXIL4yOA5LJ6d0qe+EpCQjGODnFUFY22/v
2oIplpBzwB966zS6aevX5+tc7vNtvbfx9HdLIop9Hnt4y3GoSi7kNzKg/ne8/wAT+rH6FFF1
Pc7iBrm8TwyD3Bcuqv30uczHy6b9mm88XPwprQ6d0ue+EpRkIjxhis9Wdtrv9oCKZaQc8Af
evTt7Y+zy4a4z93h3S5PqfSZ7YSv1CUTL5Q6h/ne8/xP6sfoUW46judzHw7ZvF53ZgPcF5uvq
30uczHy779mm88XPw3ej9LntZeNOQ70G0jtYq/1DaHd0moHSSQX9C5iPV95ACIsWGHwx+hL+
d7z/ABP6sfoUv+V2Xb3zM/wBfws7Njr64uC/IVv5n8qSHZ9XB11Gx2v5WmNJOrS+PpLrkP5hf
435jX+8ZnYe7JT/zvef4n9WP0LzfZ19m8kzP+2dN9Nbbiui6luhTDwwWllcOAWb03pusxuBAE
ZfKWWbHcT3JM7S8jxVujeXUR0Qkw9AVnXddPXT8r5pd5tt7bePh0so6gRzWDudjPbmOIOrBI
dR3H2vYPoQW7qy5vEk7ZJ1dW+l8z1+Ts302ni5a+y2ktu+ouSyfe7Q7mIALMXWb/ADG/7XsH
0If5huX+LD7o+hZ/T2+3vme39fwv7Ov19MXcFybnwbDtbDxaPp/StDdbSO5ABwIyK52cTbLW
fid3V+O83J+v7B9C3v07Xab9dk2+Wde3X1um8zPhHumzq+HEM+CyxIxwW3+YuILydw3BUpU
RiHIXq1m0k9/yefbFv2+FCctWKAeiTiorZ6ZfSkq595RMJ1FecGUkiygdRrRUTJAK1GnUHC
CVTIIGSZSGCaMXLILADBBOWDHEK14sBHTKOPNVb24LKqpTI2TELQFJOyTIGTpMkgsjEhFME

nsNMxVaKXwrrCrRSid4jUU5DX50Gp70k3RvDR5bZZAjfSWKTQjxwNcaKZ3yB4ykYheQKM1JC
8p9tiMqL6yNkhyXsTh2QBf3vB11DIMXN0pewAfFmKZ5cPRs0hY3UuC4M01AYqnxldvj9iNW
PsgTe4HcGzVJXlSm8Q3LLMvwJTpsqSj3EyBSSL1I+EKogQSXU3IThQ4Npiti0oe8VsFzQa
PIRYIp0eaLCQCz5jTOB3hQxXLyQbOMzwbzis4IsMps9Ie3UhFk/C4ftoU0MM6K1kAApPfA9b
LTRgJdwlNYaDWJmwzrpiWbHG600x27xAqXs0Y+2mA1Ro0Dcox9V9BIgUgnpEpxlXlIIFfXe
UPEmiNpJnrjScpxFjMFgOig2Afi9jjC6uqR81n76HBMriiddgfZXwD5d4ewJ4N1ed3xigvoS
0zJm/GK4GqRRhdHalgKQgiIrwDt9gGEi+gyjS541TbP6Mlx1JXpcw7NlmHI5hM47RE/qHy3c
Dd9n2AvWazJHX0XD9c8zwEsZVCUiF4Lqc7rBtlOkA+64XE+cOG6bQi7PP8APghQthhq5wLQ
D1pVfRYHTruB4EUBfl4o9dZbUGVtqUH2R/8AKN+KiRxfhj9FSKh0rQJsJDBKTQwoQ0UYKbjR
dvvmn0IO9BOAHCY40caRhbj/AKv8zFm0wu1CNGjRH1vD6Wsy+gz25K86/Tik51bDGFWWFWrQ
6YivLGFZYphQlxWjp0oYhmp3OaM7ZTcYbumRWNFGPZTcGICIHIBNAV0Cip+hOfRPSrjEfT/m
egHo0wxemUIKGNXkRmUuaEBDYEqOkBPRJCvXq5jJppgMJlqzbywm0HGB1yww5dUjXOcW5J/Q
RBytmcmJqnOZK9NnNEZSxtwQ9WsgQQ5cLzBCi9LoEBoDKZjuMkhqJwMNL3w8WMVOPbXYGmB
HnDE0E2S9kDWwuN8gYjGKWafCH0kSvgeW+oNyWjVAJ6lmVukmzM9UQEGGpLhHTpVoLa4GEPd
xJTqsm6NI0WUmMD+h4ohpEJppdFnHodTS2Bvm+5wA9fZlyJr6bB+UvYIKlMrBDQjwTc7UD/y
sYuz91B5cPYYqPsSAB4APZCYWYwSyMpXFV8JE59IOYZluefPomGD9I8y+kC1cxc+jmGcKF
uI77A70QL3CoaGKby2qHDQI5cB6bNvheZSvPooQbg0vz/XtT5cUvPLNWsDNAQtKL8N9ESmNL
PpASaZDhqlZFyJoIalbhpn0AXvRyoNgCVVXeGLjKJWEYIDzjINyAnFhI5hCkugt13pV5euH
eN2CUyGxxjI2CV+IBLfkRZPqhhsErcDU6BYCF12IzQpwQAYXEKuXmxGomKd4lfGc3XzjWFvz
X64jM3tffmrM2fuWJNURmtGZ+OgUmcEvNGY7MQHquuPn+j7w03glx4IYMUQ8iU2ejGNhZAqFJ
HBpeWBZ69mWFhWhUe8J9Lw6EyCU4TPnq36n8/HssnsAKidYMEwINYN00hWrPHIFUIApHeloL
CsVwuOBnHnJuAm6kqp3XyU3OoyJouTfTMDkHgvVF+2DRfMIpcLWBwZwgCYKOBQIqDrFRQwg
OQDVkUntBETB12VIQ99APbCYcWLM9uEuGBI0wyweZZdCBdMMw9urLPkbzY/Pg3pRktHnd4aX
P6XDFVS6Qxtj4W+eXFhM7jOEEWgGd12HPp2g+WfTzQfIvrPzsJuzOrHhmU1xhmTdcE+WIQ70
cktvokeOJxatLXnkKoBF4lwdZRwXR0z2Pnhg67Kyim6grnX6Fe1WBIY4RYCWWljXjMaI4cQ
FaElLiwwL6MAyUizDPomd0obh9tkBERbpDUUWDB1opY96UQCvhwk27xJP6V801x9KzzT0+P
7n5zpRu9RxPpGYYGitGzW19tci60e0qXmgEhSBwSqs68tFuCpwiF+08E9XMwkJRB6LhD32JJ
UZV6Ee++kjKWRROywwqoKGOOCsCLK+C/aOM42ejE2qlgNctqMoIltvg2j4cBHqG5pYWVIDdM3
M9jNrkAdktmfU9Rgd2fB5u84fREkGgx2HzTXIAOryIR5X4ESHpJQ7wrr8rIj20FVtFgT1HoZ
IWwLnRYYuuyoGFKHI2eXlt1VhKNzEkUqsHUKigKg8IrlXIsrptL4jTHw9MQg9UWAxKa7LGPt
rvL3+c1BkniF2aWhsTwkHgfK67JAcJ8ar6H8q+hCX539g+PDDd/P9KcdqMkfEgvmML7ZA6E
0lcyfKBiqZqmyoqnCZGuykTGuDJ0TMnTbWUUE0nl9NgRFgvJNkzQlqrKmigseLipGrhwm
0CYbGVZfavicslxZusjqs0Z6pomLddjdgZJouPNTD2sh7GBdkdkkhfOkkP1+A1h9D+Hfcvkl
AaLefURUOgBtOgYHmc0iwXRnErjdUU0TrPBrYFHVTK6dDnSy6iwJvFIMrXKJTbtI5j6PKhC
Qa2JIMwVOgtSTQNFDUAHJEqJ0k+EpCGg13IYQWQGbTOvFivzjxCWbDI6oz18PDYV++AvsZBW
R1GWfZYR6/Qsz6Jkm9x86JHJdtfi3Ba2WAmk8oTmoV4vfAVLoUTEmQxbTtonh89Y6+Y3+ebs
A+aSrmX3ikmZhbMgMzDAfZjDEpaUO4Xiz1ypPar6Bh0HcCSBZJR3JG2KHCvQWr/JBhvVm1ph
QZtScEW6POPQMziqNjZ5eAVw9J5p/nhUYvNCRfKzXPc3oBAh0asHMDJHSUkgoOzb8xRrPOH0
TQflbD64lwxhqhF/BjAHXi0l+jPm0vYFxiZQjvV+BYZQ5C1wCQdBUGiDsAAzwsB2oskKrzCR
YOZMRRMEG7BcQVzGiOhfRzUGqXx89rMBJtrEbZ7T5c3Ux6xQUvuLUzBWKShrhxVdSotHjNG
Jn6G4Ducowhgt8KqHCM0eJblmbNVnBcIWHUzgw6zHaI+IH5NmJMd9J+dIJA1516TAT2qYxp6
ANKACXijIK+0SkrGpZRBQaGHvgtvhaKSrJjCmkwGXPkoP55E1Opw25Mdn3ueLCwyDUZjS501
8PYCTq4lyo1eCWV3jT2gwFeljhgsaJTVDBaAZLZA4UslcL7hPCYxfhG2y0p8IgvOhrBrcskT
XkUIF00M7Dpi+yHDciHhAS5eMbI7QR3CincLEfAxxgUsRyhTaPeSluZAgl3AdJhQt32R0BIEL
dGGXB3mrTshh4KRSJafYEQRxykOJmVtFDYHicrHismgscDTSZh2vFnnDEPIWJlJFFnT8OIH
8LzRmxMCMS6PIZbCXplx7Kwai6kcEgkAlcPSehz8x/cssKfBzxcXrsiTu6QTTGsODgGOWCZ2
Jm65+LWQkzP5/VZUtuotH5qfRnvd5nhmKwGjOsqcJ3QeYXGjJWbYK7gSiokWwZHKyhWKWGG
j5IIM4A7qJhRoT0sCtEJkLzSY964Y2UEGOrmKTEeLzywWwLX62LbLLil+OwFjpeUcoeUgJN1
IKv9ZiiTSAu0yc09PDsCRGdAsyWryZ5ePeNdbjdoB2w9FapkvBOhMpcJ2Z0SwxkQusKg9EnK
JCXDipeyFQZlHcVfBgIMyRCzQBmpVPARDoRxHdesGCZ+jDCw2BhGQ140QHSF79T6XyjInMGR
qyMLI0foNYdQGeeNFN4AaCcZnUMGAvUECipi8MtRaQTZPWZM8IrsDdnj9KXe+QEVVgRXG+s
GKDsNKvN9FN/1A2Y53SGbE0ubCHuafCagUsoqLRL246vZZoYwVVGsrUzBjlbk9R67Ii7hM
3MVZYUASIQQlwoXVLwhOMS22puT1ploslCpGsswuNMjzr0lxS8tI8iVE3nGMuGZBuW1meIV2
jB77NPBzGMRIsarDyFRB7JWDNkidFK18MJj18TYKOaGPbjSKVTRMX+dEj9AyuHdXhGZm/Wcc
b0IHChsNaE5y68vDYZ3haDRSzzE1KxWxAfGkAynBeJtsjeB2QHsKINpikdnj5T59Fy4ne
K9IDaLhtyqVNA/tzRY/Q88LRY+hZlG4HsfPBK0eMDddMopICC2ahiM41XAK16CUO0L19EZL
gAGZANbzEdWVRKm4bcEQPwxZ6TMINA1ZklpKdOjgldOYNxcwZoI6DdPlig1LSrLNCt+BDOq
gOogsz5hFgJFYCg9Q7Qie1JK/fSRaFrs+cQE/MIYWOQaJ2o+jRxGA0iVs6gAe+0XnUWbhyjh
sKP6Ql6KNgCBAW+zwockrDSOcc5HFmWeEysVok4oLiTdYUypyl5ZCj0H8v9IyvJKPXNwLewiL
V/NDJdrE4cXmihqG0RGmlmuDgSuEenHILA3Ah5DNnjCigQ9eJnAjWHDIRY1w34ajbfW3KI06
TxoT6JKT/AeJUwYyywUr2agaxrYFeatW17tYwDXKT6AZ32S81OTcNBMIeuNQQqGB82xTh1ws
wuHXFzIz6OS8s5JAvAAQ3KJjZi5K8dmZvj6LHGcPlvrco0CYc1KBOKXKrbw1DpEJA0S0cskj
YVUOE4AZSQRYzYhAbI0zDc7iSRgGD+W+IV9pQLBytECJmsH6qtMdfKwtcjEmpXUFARRDYaxO

VAUL2aM1oFa4ViMZAV/eEGUKw8EYOYHrSghKeMZqDCILUXApepJjwdUIaUZVcMxqKhvReET8
vYAa50OLCa5kKZhGlrzoxMufFDtcEagDKcPY0mld0Zk5TkWFqlo7xXBHoq4Ur9kUdcFwyoq
8NwEkpCylHhoXGY0RnPXK4rHfFmYHLpBb4WA4/vo5B8FCSU/g6vQcNTVNPYO3LLx2VIpHc0g
vp3gvicnL/VhJfUicDWLiYN1IOVFYJYtVQwc5bjWNfnvH1G/wCT+n1GHzVibeeQibRbiBzW
rEkjqieLbJWFTAUIIoFYWHCAAnQLAF+PWOPAfAp5jzykEaAXdMYFJJCPF5dIJC+oh3enllh
IwLDmPBINQ+W8KRqmANbFnowGjM98HgNiB6RqjuFI9EkVWXDHdDwkTVSSh3Hd3He+cd3cd75
Yee23FXt1pXQUMC2EmihsKxGTRPobgSqIEY7k4xMfpiYylGtXmPjt8mMrqiBNwJx7ASgMWF3
gtpygJFFHGwwFxdGxgADOQBb0byuw8cItU1BMKYF7ZF6e2ecG+rphYkPD3zzju7ju7ju7ju7
0899MBSPeLuBtKiLogfdAPms4ZgWjjNtmbzSr1N5Je5aCI9Lw5ZJjghDEEFvN50g4SOgG4Hj
yTCwEGZ2g98qQ61V4NLkURpYkrDfalhoHnoJX74ed7x3SmVcVSV974ed3p50ond3Hd3He+en
e+cdKPDephlaWxgAIRiEgsaRZfQcFgHCAMrCxddeIekiyNzmwmtMUZZ8hPXqU4moJHJtljEA9
L0BlhXYRLmoh7XTSeSmOE1V2kjbGkYaA49QkjVNI9BLobuvHPfPInvncd3cd3cd3cd3cd3
enne8ed7xJmESCznUV11kELqKSsiusNHJ4sjMYEr7jvfOLNHmCR0uNGA67SwEhiuAWapoMrl
tYyGEsOHJpLaUKVXzDDPB7BiPZAWwKrHKYmsY2KDCyvgw7gvCUO8LI+SI+S8PONlq72RDrfC
vpWfU4eBdgHowgLMNJUTDaqvS2NVJPocX3geBti2wjKriz2rj3yXF+oyEyZA7cXBdE5iAUXw
7j3zuUdwTR3FXncd3cWQ7jzu473uO7uPZdx0e46fcTo7ju7ji+4pq7i23uIT7geHce3dx3v
cQh3F0u4o7uLZdxZPuBodxeH3HT7idvcVH9wJDuK07iZXCf/xAAwEAACAgECBQQCAGICAwEB
AAABAgMEABESBRMhIjEQFCMyM0EgQgYkFTAINENARP/aAAgBAQABBQKzIjoeIz7L81iOLuXO
B14HS+8bzjUs3CLaX1IHLYS98LQz6rFamWV5o1SpeVftrwyxUypjqz8oyVfmnIZK6e/narY
eNRBXtcZriJqyRmoCI3hHONeERj+Luqfxmrcy1Petof+StySHi06Vjx2ty+L35b03+PRW61W
3/yqVpeIzriIscnDKT2Kh9twtrMB4Zxq4YuIC3tlvQqsdpYUSjQILNwijnLyKkeT2hLJPFPN
WqRsOdfktizRxnLaNleRyluNM6Qe4nxOGmNoa6RgSCrYrcWWJ5T1bTk1USxDLRm5ctRWogQz
VpEse0oVHQ2pTem4NPDLFDw+R0ozLDa9vzrBfSQ2jJWHFEZzrTG3Nqy8vY3BUhrrLFzXngOB
TNUYbq9ube6Exol2xAy8RiI99XDe5hySwwaJZGO3+LeOJrxE5PW4gMa3bJpcNjQ36gscR6Kv
ErsvF7nFep8NQ3pmuSzWUyB7M/F73Ot3+a7KYFhqz24o40UhuYQBxSacWKE0kZihhhtT4HYw
xw11SvXaduY7CUjlmPvaACFuZJIBCRoFkmkijQgRMYJEEQm12QTrGLFWSU5FgyJ72sxTi
FvhQeQcWqGtNQvyKtipJXjq7qanXs85NfnkqA0EkRmmnTirA5s0vONDFIs1ctfWoyTtEIZ
oLorJVb/AJPmi+CybrYGdJJYoZ4jHu2Z72IZHagk9SdBPxijHDctf8hcMBWeIijh0ViNLn+
Q8Xlc1J5457Eax2a3KpcKksxzkutu7f4ykU0c80qx8ySxlcskTuK9VY5BzWXkLNNdkXc7DmV
ZOZBVpyvkheNABMIuFb1try04J1jsSwCewWkMEHLilsVaqJambLijmjQPNejFyGxZujiECR2
zrrwjh2+kElBr05uITMntrdiV/Y05zvFiWCxPYV3Vo5q1pttWWKxxLPbLBYtwkSKYbagyXMo
n5UMUSqscOpRmieYIqzye4ljQcuWjuT0km2VpbjBjpeFyRXVr10/5WSvLPxe7KYIvYR8JpOl
fgtZbMkm6O1LdThc23mX0r+1tWZBJLK0kqJ0uazsIJB Yg4fJSgCRQmo3OsKPN2pLFEm0tKqy
3bJMspXlVonkNSWCpA68iujyWJ2cFo1yo59vopEMTO7QFVgqax6zwLXkE2TgyysM4fDbuwX
aCUImYtLVvWov/xPNyWxP5zK3ukkatk0cY4LE012GCRYGocWRkarLyYnj2yqsktpEqWhZrvH
w2coleRbkkXXOR8paD3MMfuI491UBrZLWtibGtQOX4rOrDis65Nzbsske9vaoxGu6jQnezxW
97mzfscnhs0tmA3ON3LMFFFe7xNIEqNZQ1LqKJZ45JoLvDxXPfK/ItcR4nLMTLPnVhQU4u/K
/dFGgiiaw+bXGV4tmVdzY5nM1yRrJ4k4kkplsQo26xy60dWNUeMBYuiXvOWNS5BXgpu00ttN
rcNkavK5DT8NtvQlv35LUFWgzpyOVle8Y0gj5tzi1eCaRZJGyJXtvwyx7Cxy4+IVoYFhmekv
tS6LRns2Lhkpo9Li1JdjVVgr0kWzsbCXTS4IEQefdk4j28R4INGvsgIE4X2SvFqN88jR6Zu
6V4pGM8skgVS2FiZOMX/APkHNU1V4tYggpHiVlqdSrrX4DSMqLXVRa328PLKxdXkSdbF2xNq
tbmRmKRZq7Q8jHaHY1k625zNlcVwIaw+cPkrva4IOssc8ft4JbEiV0Xdlg82VJea0LTIE0lu
HSnElipzQ2eW7ymxb4hRjoTMx2VvipV2Yi5ZgnjXhDCmjPK3ChXFq1tFjSWHBLpYrSKJL9Rp
Z2IMLWKgnsitFNXiT4+MzNLABccsMRapcilWUH7bBzPSzBz8bh8erVgucRnkTK1dr1ue8K0z
pYENbmTy17HNqcUpe1z/AB+WvXVi00ogmgv37zTTQqo+XoVrI04qwcCuSpwyRYq68XrbFuoi
VKSTIY+mTN21GKuiASe0MqSxxCb28kzrB/rQRouPymmrKBa4wyrHAzsjVWAbWdpk+WjEk+cr
kuZFny3PbyPh7tWmVdqF1F+372dpNIBucYXTaOq5NxGexDQkssBTvtkhiVxYtV+IwUoEi4j
HUFa3HDusbYpFr/E8ldTkjSV1kVLKifmxV4ks0qnwWq8rQP/AB4sFEtt9RrsY1o1bXE5Z6g
QUs4MatefijTzXLVflx29mkM+56yOINrxwXXNmZAypwqQ2eAxUeYap9xZlrCW/XtmGOCDXJO
0nr7RIPQqR31oDJJM7iSylt3tJDutyxM1yTkVivZSc6tYledVEEEb7c4W55Pt1Is1oZM4XLO
uTFzZtXJLQglG9Gblx240Wa3I8PDORnNejSOyse7BUs1D7wBzBNjtG8ET2QLHv6UJDQShQK
9nSSGVWyzM8s/ti0F9Fr2qluaOxWm56bEb+Ez8uOf3GQUrVrGUvc11ezZjM+SVZERbS2e5MF
Dmvy+IQbW0Hu75Gv+QO1atGo5zrbrZ/iYY1ZekdSAJFL0r/OZMB7WsvEGs2IRHFUVuWqbyIx
tkdMRTJk9CZEMgaOJYW2DV7CMxESxulxhk/bUp6IGkiCSuqZacAmpVtTXecsfVZF01q1xNmy
1merNwWrBFyq/SSe1zZjYZ8EzXryo8jK4XI53WSG2ZhwCOPZYfhoLR51alRHcIN1yustuz
xqn7ZeFyzpDSdhYVnYxrsTG10so++/FOIJoyqcQr1I8ki0cyn2tlpJpou6rAPcpwtIsi9y+
V+H8u7dMcOcUuyXJrlp3iEa8U41wdlo4JWfEgLLKWbFj+OVFC8LH+2wXVPxBAJSurqYo8N0n
JZeYVIs5eshmpkxiJITPfxTIsscUNi1uWGevEkdjWkuoLzSsPYypCltqAubVM16qNIOOSWa
3ce4kn+ueb0cgm7aWDMPIo3mP24dbMVU8LoD2IHgscdaO97WaOiDNwVWcmCFhiqA1+sJozU
51CtHKK666fwZQw4rw33r8I4KK2TU0aa2Egt6xZw+kyCSqucQmWKDhliSfjvUScQRJBXSN7M
luuhfHEW9xsije4uskrqFG6Q6KCGVoIyYI5ejzDHI1EACLduQQCO/FdyGxvuRnbPbaEZD1wx
8wV9DAIkXCqmWmBlzlyQrOGwERNzDHJZk5skEnLyaXLYH7qTmvNWgluWJKMX/GxNWSqnCv8A
V4WYFj4I00hJL8uTdCyqjLxhewVCj2a0htf4wP8ATj+OSG78decysRqAoGaDd/Bjpg9ZpFjW

9M1/iHCeGuljoitxGIxe693doyQ2OJ115a8Y0t8Yi4QMlpo0sMfLS5KSYyZ5N3MMCDW1EI1r
w6npFG57iDqo62JEghFB+KPPDNw228my9YHLvbeZDFM4Ej/Fw9hvJtmyxgc6s+0/JYJjSBip
CJK6Rudxik5b9Tm3JKrxrw1n5z1FQUzXTid53Fi9AKWdc4YyJk21bVNyLHEZf/MWYy+wTGOLg
cnL4bxEcq7zO+u+iRncv8WfEgmZ/XiILVOVK1mNNkd+KOWCFxbPDOHJPwiof/OjQZE0U1jbr
i9LnN+WZGI9rIz+32TpFta4x5q6LHK51YaACHtrkm5/mM5SDhtyFYP8AKI45aMCGaheO9uHf
WyrJY2ZDHDt9UwJy4Y00fnrBm4My7RFsZpXA3uNjJpjbjk1W23D0Yaz3LM8fLIWQBWMjzRIN
RErRypI6pwit7aPiLcy1wm08sHEH25X+Hh12PncLgkJbdtNG5GUVt2a47Ki+4jKWJbAhqxxW
Mr83TF109KdGOCbOIKjQU45r1ngc3tZeFwSpbul5pYkbnxRLLLOkbIFyXw7X9WhO1jqVj2xJ
FsSVQRXQR5/IPdxBOGRa8T3RPw2xHpt1i4cO6Zt9ISvuSNGGSONJJFULFzWWOsrztrMrbcOo
FGLe8qcuRjrnC71mvDYKSWas8Va3tNuWKLcsDb7M9WslsXLXlo169m3xRow3EZNz8Dk2173f
nN5lajIsnDkh5UvE+WZ7kZhznSGLLaRcxXfctNqsgKAejeEP8ePaf8ckhm4bw6pIaldVjHLG
uwZHAqSP3BH1sfwlQuFjAxmC5v1Mm8kn5/8AI5f/ADnDjIdeLRolJG2vINJaP5gVSVhpm7b0
/Ur9QdG0aQJHPhtZ5aqAT/eZrCo+7X0TiKQ8GtQ8qCqGwUd8XKljdORDJWUyQ1IoLEdQ9HXa
dy0q1mnqOpSkMk2stXQz1tY14hTMqWYmiyLWKKKBmjhQwTRw7pZNYZ0imAT65M+gQ6D+HGYH
s1LHDRDDDEsMezSX0lk2mMbQo7v4zScvHsZ13wfJPJYT3c/+5JwS38fGa/xsVVQ2s1Rtsvt9
nEH1kZd8cHLLRpCJDyUMja5H1aRuYYgombowsal34dZjozWtObBqy25Z+K3YvyFJ4xaddkar
LNZhWZ5C7C3JFJbn1LcPh2LLwlbcknC1qQzwtDJwi2tunO5SxMizmHbHJE6o6PqDzak0PNkZ
SNNcLACYsDCeo/hMnMQjX+EsgjSiebIBoP4uwQPIkquNr7JZWldKKNK1daREHt6PB15mcRlmG
VY+dYLFnrW6BIkSMqxwhUZjammKgOowJqn1Mh+XmNhbN067bESe55a/Lwq6Zw+blpxCmxhp
zCNRcBxHKTFWj9rV4IY7Y+s1eLfcdfmifFbm2eMw6XFqAGvY95DzuS0u8sNI8h3bK0AjQxqM
3EYdSsZLtfqFZlXExP8A03IpHyH8f8T4YgiVnCMtaZLcmEdh5LEsKKhuNpHwpttrjDBpOBLu
ug7ck60uFWEcSxGKYw65DGIVKhn8HXNO5pISzHrESkhl3WK8HNWSfclSXbYRFXLp+BtSvMir
8H4eKSW7u8zPIU62K8gErzDdE2J0F/uj/oCJoN/u+HQKzryzrCAmNJ03HTFBG00xE3ZGcH/Q
67l/kToJbFh2lhtM1gTsbIKxomVusOrtJJUO152Mj8HXYth9JpmHtah0nrsuW42r1NUVFLzv
9yCp0wjbka9JT02UO2XmGxaMeySwe1JyzlhA3CKM12zxK0DJzPzkZSHtm5nfzTqZfjWbsnb
fXptviiZq8/D7YVn0aIMNv7DHD6DC2udcR9uRyqcU6j/ALn7i+gUyc2SxUkfk/D4M4nJDWwt
qtyMxSvqmA65wz6/kr1pNuVB89KXc8wFiD14Dtz9tZDZqTgXXCwVSpaSVdJUJ0YqMexvxPFD
gtucQcIp0VuWwkLya5K50rVJZ47aKC57sRt1evJ0jPWB+Xa4hG0VvitYhfKMpTDEwzfiHqPUH
bgAI0xE0waIIPcz/APYx24GG224IIAii4IKsM0szzzXAJWJ+GmrRvN7i5cqhqnVWpkbU7Z51
1erNslpy6CjLItHisGFzEik0XRRhcb18khI1glnmgr0GeCnRUpS4UjRTR8rmkJcnOWpDJI51
yvV3O0k0IIQ+yoD6Uu6KFtH10PEo9liWJbNZ0krSVJo3y1Y2GxVMmISmbyc3a4f0a9dcB6b+
q4BgfUnQ/wDRMNY5CeUSmy32DiMCPFz1VP8AHogkTqs0TxOgtxD2/FI9JvcqL7Y0k1I xhpkO5
M4b13L4r1jZvgwH02aGIHSbrHXuyV2q2qsoucRjjV7dnXh3EtlqXxlSz8vVhHsAfdNPHvith
/a/1H4qB7X7LPmNoxYr05Oy7Bz4RGdakkqZVusp1jtr+0kGciQfwTCdM8j19SdfRvETaj+bu
mjJifmupuTXWCRjvryiKNHyYbrbge34iutaAas/fB5y0Mk1K8Om1jk0lqnp6/toWRIXV5dXr
zbObGNWpVvc4uxZXX21uhZ5Udm5EBNaQtX131YVOUZd0d3/1P6j8NE9Lw+WLRHSfutx8m1nE
auhjsyoYbBwSyaT8RepXp8TltzZBZB9Bm7TARhxMB9JDoK3n+UthIy0qTDoMqBS7yJlfWQk
C1w5i+RyflYP+wW1rTaFUG2SPEG02h21O+W10mqnWu6+njH1wPn3lmsaRn7xPyWisSIkcb77
UO6DUjJF1gfb/wARvd9ZJi8SUmtd2d1I/Vf/AF6Hmwu60t9Adk1hObDGdU8i3V5eR8vEeOKL
h8LcT4hc4cYci42J61b3buBhwdSEGDNeieMlyLUEHDgxz1x42aSSqTioRJ00gBFa/o1WOXmZ
YOjC06Vg3y2D0Q6wSHXGTuqDXF/HcGiUf/XrfmqnsIXqcPhcSIzGZAKm3bjfaNgri4ucSkj5
jLAIPU5Um9tNW2RExizEIOHaLpKT7Jsi61afRz+KHtl5e4VzviClfW7R2n2s9x6sCVoM1/ir
FcXGOLmvRuuKSGD4cXGPzL4yWVQNdXaTuiWVbaf45rf/sUPx/2J1ghPTHHWp9pOjXmH7adY
dah6S9SwxurHUksXBNdInn7G6YmU4GsSMCshk1xUJLCIV7UGxK2+bK0x5P1mtnSqcq/9eD7L
1U+ftlbsy4m1vSLWf0/gPXXTP2vQecHp+8RcGa9zEh45Dj/Ro2OP2muu6aaciW1YVluzo2Od
78N8/wD1iOqQ4v2cda35JPnr7A/HGNFqnJjj1IPT2CmpdBmnQ4nJnSQQCqRpBLXjjiyyLP
YIBFV4nMKsl4b4pDirLxIjblX8EWRno2VtrFw7smBNfEz9fwjdgIMSOPDwjos1zHhzX0JwY
MT0d829QNmNZUHm6ZN+SqNuLFtivyk5Y1V1XOGdCeltOjRfdfl+0XSXWJ/Ndd8/QZG+hGJJ
hxj1tyDA211kZvMfkyCO5GZLVtzy3VyVqVmsNXi5ti1vR97TpECRe6Hko+JRieH+1NtJu2
SNUYNOq4P4VqumWLCxhrWuQMSu7RfIsxbG09B00oxD1Xzvvzh6ZGcl2rHoSG02qNa3EXCx2i
WjfpmmjUfEvSy/SSL8g+y+fEz+JcoDu/vG3yQntfyeyaZaTYI0jVFBld/KZ5yPFj1sWK613j
7Ia5kgkfVWFk2GA6veOs37gGkQyAah/KNtbKnSS0mycYMPPrj3SW7W0WLGuQEMazfFOdcQ5I
A4I2nTX0/f7Hn9tt0bFomF95bQYfEWiQ3X3Cbpj+V6vTyVe+fl/yf2Xy/wCY/STKHRsh6tG2
SdT6SxpvfmOi9gf7LIEIX2vNJxDUW15ppmil5WtoJQDvOzpUXWS1+YfaH8A8VsnTqcpPvgqy
5Jkf2q4/mYfHH+T+y+Zvyn8UmVejP9lemIdVPVPRFfr2k2RKZXfqRikhKEvJsWUNi3XXazJu
yrY3QWwUyL5Y4zthk6zj7w/hXxVx03ZKNDwp/1g7JrC76w8A9WwdTek0CnV5FJyournal2qow
h1bZNON0NY8yL0/enVcc5+vB3YTrhOAHdZG+1dlLtN5kyD7QdGkx+sUf5f7D7WPyH8cmVR3y
ePAiPT+pxflgNluTe371GhGQDUTJteid0xfSxtOyMLJHKVkvYVvnsOBOPsvmL8SZV8jzcTRq7
8uxN22A3xsNrDycg/JefUwgsYK8u96siZHGYtFMr17z6iJg4Q8qeyvdhwDBh85pr6dNNMr/1
tWY45W2yZMOsgyEd0Q6t1xukafl/sPta+4/G+VR3BO5gFD8UijyhXITyNkfmTmIo7s5axLId
xGVuuFDO1eQwyQyL7oEpChLSSDnYpFWtFrgHaBkf40yt5Pm4naw6u/N4ex1S2NJhhyHpHeye
wasO6XfHcnSNrMqtW6/KtqwFljozf+RuqVnX5avoPIw5r09V6DdqeJV1VrddeW1mWGbpIkK9

xXa+P+P/AOn7y15X8R8011MjnnXuHSsvD+DQ8jRRejnLD71YIYeY7IcGQfWBOWlvT3FSTbP
OsaZV15Uq198nEJ+fOv3bouRfRMr4w7Z+tfyvD/kWIHIXfAOHLB5cNz7TuGscQNZIdylH7c9
7XtP/wDKvOvW/kh4dMGxxtf1/eaehxT1Ua5a/G7b89hHMbHBp6qxxFXtLtn/AK+Yj9v2MsYv
49M4J0siJrvFJNK6dkBGeWfqWjfvQQADu/eJ0EdiUxzSM7UbPJVFR5KkQI4hItWCuurwjXJ
PSL6R+anVQncXrGy6NUbbMeucQ6KuQruktvuk4m+mWBoscDvlGkJAK6GdKq15qMm+qvbbrza
yTK0E1ofz1w+g8XiQTq8VGY2Fupvp7dbt7/2l+idUI6/sDpMO1PoBIQaRk2n/Yvt1LidWTT
F8p0SctzCQ+P0P7g0IruIZrHLlg2BTDK0Rq2HbLL75IhokK9j9c06Q/RPvQ64Ml+OzZX5I+h
i7ouJqTCmV9Fhmm0jk1le/8Aas2po8RqUluSpLbzFjHBrpNu2uyWV+VxGPbKliZF/mT6Lk6c
6OFzE3C4pocfrBUG61aP+zF9YMYdT5HiQdIx2gYG5cUJPtOGR6zFAMB2CQiQlcmdGKqzNJEI
i3U/uPE0VhWjkdP0kI3BW2wk6tEuuabU0wJ2QDs8ScMGuec4h4mwDXKR1gdd0cK93Ejya8z7
pKo3Q3O5oeqRQgzC0/1oOOSDOHKeZfziXSeOWQUqci2Rcj2t/DX0bEGoVcOmlmus8deN44bT
culw9e+x+eH6wHJB3t5GN4jHaB1wlai7UqcPhC13AZpvt+ye6shMZ9qY550tiPltkWQheU3+
vJqssMWhal2xgdaoyUZp1i00gHY/34PoY3UD0Jv3r8i1IGzhv4x5hjEd/iO5JKY5lqoPg0PO
B2usbSPBKQmhcMi/wBm19Lb75I0/wBwjW5WoolSRWjb0Pp+sXx+8XP3xY6UqsXLgIPyxfWA
9kv3PkDNMqdBix70rUWc7wuSnTJNTjeOmL4skaoo2zEnGORETMedLIJWmbVBGwaW71kA60E6
S/aOJ2xIXUshR542DcOlmZexqumrJFrkBOsDo5GTQcyTiDrYRYFlibnraj+M5UbullqipQ0n
uUI+XVsSEx6asi6LzeYzfmljWVZEMbfwTyT19Fxtxt9BIAIA+YvFf8AG+aYMGDwMrfePJvu
cc6lvserczSRQqmR9RLjef67GjMugeC1tyLQsYjV403PAqKkkleN2bmiVGy3GwjjuTxCnOZc
ltVoclv5riSRUvo3TiGkcFmaQXZttRyOTM2kdLlyRyJ/pSjRvIzgsXb0fJ+q1ot0pbOHkvP
Mfkik62I+bGemBd2NGcAOvoPWP8AJ/kDfNzX+Xww5Hlhx/QL24vk5+4PtpjnCTjnB1H9t5Ua
8sK5ma2u3HyPTLbrMRTjNmHnRpo2eGR9uPoSrsyqSrE6vN3Lp3Q9sEgMuVYUZO/RIJyDnPJb
Ir0btjern/UJ7EJRk3ZNXLLkMZlljVYootWtSL31odTPFtj4T+WbzI2iwWtcuJpIwAzedPJ
w+gz9Vvy8f63ePv185H9af2X8YHxHF+zeTkWF9BKw1kfNxi1bX9k7mclirFI7pDBsXwPjeTa
Vhk5RmRDJIoKD0UkYp3KuHJF0sMuyP61uFDI18GcMHLXi024SP0L/wCs/QS9uSH/AGK7hH4g
nLteNh5catqYRjpqA9bQNb+nDwEVuqzfhpd721i9BmvofIz+sB0m4l38Z4w+sqL/rp9aH/s
L9QPgOR/aTy3mPwQzJIpDfvTpGuf2fTbGihDHty5OecixNGeWJoDqGVHVo9ux1HaOua7XPT
POA6iZfml0NB15sTjlx4i7mu/BW4k3bK2K/+up1DNvXfrkvUWPneRtiUO6WM6I8mskcmtu30
Ff8AF5jl6w8Nf5yNQ67HwYft+2uf0RvlnGvHb53Tv21F8Uelv9gfC+R/aTyfMX1DHkNrqM06
AZ/aBN+dd06ouS6ajyuBO1ZRJAOhj+NnjbZAqlZF5ctiMEAkCMgPkviZSaSMEbdvOcKi3TcU
l3nih+Wb6q3xxnt/aHrrqnDoN0tuXdNwz7k6ZGdzW/btDdCraJWosfmOk2lrXLqdxONm7Nf
QZ+qy/JIdt6x3WLJ6jJtnf82nxSfeP7SjD9ocq9cnXlsU2nb6kHafjEKblsqFzTrkSnbCo2
Ylke7YshIjY77umlZ8caOF2oPFtev2oJ4wZEPb07UmrcROs0h6DxH4bH6OPMT8ukD38IXtlf
UxDQKfmbui8Zw/qn/wBEO29NJopAmhcEHZmugxcHgNriQayzf+uiazTHWQZ/bzJp8U35Y/Mn
0/tD5h7ZL8fah3K7Bc3a55xcl1aRegs9SRn9k+sf0I+Ov1zl/BUOSqdox+oHQ6ZaXlXrVHj9
VADNbkJW03W8cLakeVw+Jj3j7ykign34XNysjBfF+n94esNvsn4ae+dtli12WXO7KfSK4uyb
xh9FwHB96fSO10p/WE+Rn7g6ufx2PzRY30/tF9tO2PvSccoltz4ozdtCyd0k+mMdfTXE6pGO
+QNYIzsk3nZGAcfuZPjcdCq64h1AjEqU9HhU9P1TqNJBm8iqdebXDB9hi5+nxvI0mp1hq9VO
kCaAjbG+1Q6jisfbROk/GDts8R+sEu4I+xbI59b9n0B9NdpTpSsvvaz2xfsZ+6vl/pY/NFjf
Q+YsiGordGupuTTu/Zk2s4Y43aY13M/nzn9YzosLbZ7MmP1bUhwk/fbq0i9nhvyveDBM8EAy
jwx5M4javebcnt6CS+eo8/tcGP5k805uRbevyLFNQIM5jVW1UfekuVpuhg7ZOMfS0da/C23
oHDRVzoLUXKlB0HkYw1yx2Ux3PcOr/sYftRGpl8WfzoOjfyIyLxDjdhcbo3fvC6qzarJISwG
giX45V25+I8J9CvWXuxyMI7apw43R38KNyDxg6nhdRY4mnZQ9pLWWVMMk8m8tubNOq+UPXXJ
Bkw6tkB9xFH9pz8aHsHmieybuhkXSXiI3RTt/rcDPzqSskfQWI+dEcODBIRN8/F5NteEZJ1z
94fPDhkuWos+mP8AicZD9YMsD/XrNvgNqC1NdQO/9nE6JMON6HiLqpOmPqDg8DtfUE8L4Wtq
tcqtVsKm05BVmnPDuHCtly+I5Ipea05aGUWEmTFEmIk3YozTI/LfVe6OYdHzgh1EWEE5+soN
i90c8eX/ADL+OpKYbMy7g0pApvuiupsnODBIBdsXGD3SHI19O39jxnDB2zeHXWc+WHxzjIMg
+0i7q/Cz8dnpNgPdp1ClmfxMdcPhfEP1OS4BnhtvW1Ve3YELQFOK0dzzVeI2vbrFDzrAjf3q
5EVveIrDmC6bMDQSk6AdSqbEOL5b6wvteZckGcBb5VGmQDcWHpSPWvJo9z48td2P+GBd7cJv
il3oeW1J9G4hHuiODFBYsNq8QPM4hczb0Yd39QM4aPjseAOpWdVLY0EHhejR5XHlUw+lgYMc
4n211yX0XxXPTJBkfyDF88Lj5l3lSV7HEWifhS7p+BW/cVCMkZGyLl2asvCzl6No5IrKTr
PQcZWqbcSDP/S5/U+I25sFhevCpOVdcaNC215/yZWO3GOX5i1U199Z/w1TpZnqieDhvE+Xmz
ZikSR2Y+VMM4bFqV77P5Lc/ddVPjYd+nbGuq8PHx2TjdEbl/peHx1vC5AdVki3PeG21i4c07
h9ZfRch8DJPGmJ3KOhB2sZa0ST2Rpm5Yn/x6xssSTNss7ZcrS6Ylh603EJfIt/K1qSle73A
9xYfDg8ZXfly2l+n1ZX5iH7TZ5ZDpiNqk3dHw3qsybZF6T8Ps7G4hRE0dS3PSbh92O3FxsDf
GncyqlyIztir9qWduqyvsPk06QLiMaQzdWm6K+RfS9/69XFygt8cXjz9jy32Of1m84mQ+qj+P
6wYy6SL5hmCUqgte7aJd80jV70ModHfQBsmOuJqcsR6ZGci7h1GSN/rfteufuQEGHBLFMvYV
eklbc7HcfDjuNY5KdDSsRRTd0v9g+ktK20WSV4rSpFJUmrVzoa1X13LLZN0p3PjqVx10+Nx
8gHSsuQ9ID1Njy2ReLo/1q3keYPuMdQ6zwmvN4P98bxN6JkPofr/AFh+zj0gO2VYv9+2NLvF
F0fgc26ue7FPcyV22yX11B7ZYjozNqIXVTJAYmRtp01P6i7GswhpCWUV+iGwrY053S3nyC3
M0iJ2CHSTidPkI40xeqwn1glaGTRLUVcmCXLB1lsLrnFJNbvX7a9JPyx+Kg7/EY8zeWyLxZH
+vW+2mR9JctXuW0krzR3DzjeJvRci85+lyP7SDoPSMBoeLlTvcTXWPhkvKssdpkPdMdJpxs
sHvjsLo8Z0b9696VpTE0L4N8WcxGj5q7ubnMZpDzitKPNr14jOrwgcwJfVo37LXUJpcqTxGK
XYVyD7qokWidMcB8gPbJDrOdObI/Mmp5rk354sqDJPH6fqWyIZP+Cspkwnblm9uTF8t5/eHJ

/QZH5Hon2Aw9Yx6Qv/4bifW3ZTfCvQ1JObW01ab72O+CJtVtL3Ln6j6ywrpTdm3wsVsc3K6I
Sm3dR19zN3RcFGmcJ7LjYyEhQeZFuDVwZaNGUxy8dqbl1i1khZcqykdchfXCdrg6jiL8mmu
QttCPqJT8sXmBtGkxj0x/Mfmdvjr/1JyUk4Rh9Dn7OHJvODIvWJe4j5E/EB6JNso2zvTzki6
ScHk+cIFyT8keVTo1pen9ye1G0d+2uo6ydJEfsi7K+ukHD26nOG9LFxvbcYtIHbYthNIHscH
f5fw2oOqcW08iStPk1XK1jYyO7CokBy3AJ4XraZ3JiyaZruZfMq3M2Nn6byNxxFbDh8446n0
fP2cOS+cGR+n7T7P916Eek/REffRX7WhpZhfzzyaxkdPdt2zWDujP5G+tYbrNv8Kjpp0kgy
SQsbHSnw7Dlfts8YXflwqXn05IQJKMRnelJsn4uuyzwyXcliJZo7UDV56dgqXqpYWPn03iui
QKeoOovw+hiVsmXkTK2pgbuLYza43QS3BzOEytIno2btMPUPhw9R+zhyTzi5H6oOreX6MPSR
dycOfdV/ferSsnD5OfVIYtZJ1CnWN/u3jhKcy7fwD45Y8ToNw2TfSqmxD4Xtm4j+Xh8ixWb
ydODOkaq2XE9xw+pNy7HM7uK0vcxaFTRtlGiljkRo6+iMiYs8YxZEKE0fKkQaycROt5dVLQj
DzEwFiLKB6ITaeGHZL6NjjAejeg6A+Thx/RfEeDBiekglVPHpWHK4lnFot0H64bPyZn8z/Yd
VjOmTZJn+NprJxD8uwiNvsFwL3N1aMYfdfax1IGjvwzq1Sqqz8WrrEeDnfRsoYpK8nPqVZeY
nF6PNUDI/AiGLApyKqpMUKoLUXMSqNZ5QWmrQ8yZsbGz/wDg5AYRaCYNgPQ+HPQ4OuEY2uHy
cON6LkeDFxMPk4ufvJY9x/ZC5ermvPnDbHOjm8Lj9G03CXP8bj21Lp+VZA8endijCNXXP1MM
k8K6m6WtL7e7S7bfE4d1PgZ0zjsHbwibawfk2VYOvFKfLZO0hVYcrAuJK6ZBY5mRScuSbayRg
KjY2NIT5BOWIEcBc3dzNod2oOMOo9D9j5OHGz9jxFgGM+3IpAznziDUHze8KC2HzYrx2I7tO
Wq0LmKwX3IMfB4SqBEXCY9IGyvymPahHXTIR0Xq4GDqsi6r5FddW4gBzKU/Ojik59bhylLFm
PmwRtyrD/JFRn24wDrZg9vMnQqDgU4lichjO0YqgFPBxsbFextLpLZY4rZu6Kc1xvOaehw+D
hz9jIMdtE+2R9MTrhxOuP4iTr2KOYpwnEyaBLUFqBq81N99X14WP9ONdiWfs84LaelbNABpt
yEdAuMmx68ZaXicQUQyNG/CLe8IPnHUcWTk8Q4dLuT6PSn1y3AJ4uqMr5ESxnt6Y0rv9N22
MS6mR9WfwTjHNeiHBidc8NrnXPC4fJ8HDn7GR9MkJxu1UfdinTAcRwBze0qF9IxoVGuJpi5e
qJbir6wWX6NjdBwqDZX16Zalbf03CTvP1qt3HQyeTAmoCHJ1yuvfxQaxDxwufLzxMDkX0/y
PSehJoZuschZXk5kfEK3MWrXDZe+GBfQYMYbkOq+jnGw5riHqT6Aa9QeoOa54J8nwcPoPP9
IydrL2bdig5u1xc8s25cJGv6VtVGRnp++NwDHO9cpQ82eoNZrOTDVPVAV20KdYqx+Ve6fU4
PD+ZOuQx93EPpkZKvSl3RVtqn+Sx76ED7XqSB1U8uSnNsYHUSHqs97tqrgwegyfQgHD4OHDi
+TkZ1XXFwHrg+x8nwcPqjjBpztcBwrM2fpTtIzuZddRH+MdBkZ6buve+tGId20h60QhSh+a3
4kyc9Wyt3RQdJoj3jTfB0WXNMRdMveCNGOcKkyk3Xi8fM4frpIKXOIjtryainNrlqETR8TfW
ZfQYPSYgqOvo2HP16RkbfGL4/t6HG8Nhw4MUd0fQuDGA1xyVVV1wDSTGPy/TBgYBxc3aYp1
dtJfKiaCSvGJJ/3TOk9nxLkmhJGpo/U9s4Pygd0PWOTBmgK3RkvnOHvtkqyaO43JbTk2KzbW
qESxJrE9eTK8nMTiUe2ZfQHA3UuM1w+MONn69F64T3A5r19WxsLZ5KkHNmhh8kdynvITcqDS
JBmna7sVbB411wdo1zxivpK4DDoM161z80/i0dFkOL4o/aZO/X59e6D8cuDqR4veLAweI22y
VX1EDbov8ki5d9DooAU2jcTTaYw0yjPob0ZlrKc1zXG9GzXt8Zrhw+gzdoMBwNng9P22SeMgaY
niLrknmJDK17NRoSCgHTT0/UA6yMNVJOFmMQ92vR8U5Ge+bLQyQ9R9KP5ZB2t+ReuRHRH1J
8BJey4SVtYvg+aL9vD21j/yuLWNfMz2tTK2K8kDQtUmOVX3x8Qg5b+hw+hvxGvT+DYMU4Di+
n7OPmmFe7zkY0yPD+UgLldiyySPGA+zN3X1JMux9dFZu7Lz8WA6FH1DHEOK3fLlnG8v0Sod
Jm/G/mHifrJ516RDVreWR1TwcEk8Ofu4/FzaKeFzhku2WzCJY3Ro2oy46h0lQxSemnTGW9U
bp/E54K4MU+n7ON6Lmu44PyE6SdHWLrC/fk53TVH3Qx/ntvvp1/puAXefbfrFbpr0VuoPVu
sXEOiKnWXzAdJP6Sea/URZJ5GJ+Sz1y3iYcrPsi+klob67rsmyE6ZQIE9aRA+QRNHNE2g4j
DvUYfWQaCbG0wgY3oMbP2MGL6H0Pj9DxD0zk8yMjVyO/cESD8um0yRM8sJRwfosjaANqBrg0
OSNtz+pzXFOKeuuQndX4j1fbrRurJ5Tqs35Kp7Y8fyua90g7bmLhxPtUPWI76/FU2XRidM4b
PypLnaY5A4c7lgsAG5By2zTF6mVtTJ6a97ecVdz2uHvCP7YMGLjecJ9GxOmRzCKGRduKu55F
MZiOjMCrrGeXX6ytJ0mHZ4yGON4dvdLrshOsTeiHoPIyg2taf5J7XRP2Mg6pY/LUyP6tgPVs
b6WvI8/oZUPbQ17OPRd0eLkZyCTnVt5jME+uSDEtLGJaxAODGGPn9j2uy4vTKMJntbQRxeoK
8nouDD5yFN1fTuP1XyOqs+sEaF5LlIX0k0bC+2SopyVdCQSJtdkEpVFUs03UVWoeDFXcExOp
XKl/1101n4g3VfSn1jtjSan908NidGwfWzgxM8GFxrQfL8fNi02OMTK0mx7S9d+0xSbl4r0i
4bfmqmrdivY9UZ7WUmSnPqKs+6Dh8khW1AgejXlG9tUvLMTniyCSiPRcGN5yOd4lIQpJ/SP7
MdGrjSKC0j5zvcJNC8J/JUzhjks2HJjh1KSNtjHTIwVpmqVg8GEFsm7cfpJW+/7rnZw6LTIX
z8g8/vh347w+ap+aMdsVTG8/oHtteR5j8tkJ60m6ytonEYBIowYp6RHmRy6o1WbQ3Y+bB9TB
JGppXOGKq8QoZLxWsinjupl4uzg353wJYlyOjO2CILFluTZw30GLhGpaJow5jnml5y6dEPf
JlXmjJiopClGOSrVJCrSKSYRy8brgYxxwQrJXR9RxfTILULWFkCWIDLLIxeOY/JU/L/AGB3
cKqNrDdOthMGcNOcQHvZ80Q6OmolYbtdV3dLXPf5PhfNYbB9o6EuWoTDKMXIm2PbXcAddUm
3rxCv11wDB5VjiRalWgQHiITK/FHEIw1vAGcaQtrPqmLptXJm0cAqQVjf6uumL1joK0L0mVZ
Zo9ArZF11bde97dyRI5mtbo1qt/pWYVvNtaUOjctVAKx+H+k35Ik2t/9aMvxxLshsdZ/CplA
6S8QHWPpJWPbZfRR9wcY9LXpHn6B2ZE+qwt0mPKvaC3CQVYyChbek67SrbSGE8d2IxSRNqB5
zUnNdMORnKlcrTh101y9wk6sCrDE8zr15nLwybhl8ftlDIOkuVSq2pZXWwumx7MjSE/WJ9r
PYY5DbcCnBaucTOSMH0MIkd4mDbNSYt1SnyYvvA11M9g8uD5DTUK8o2iwmk0uJlY6S3fr/am
ey6cDaFDjHU2MHmPyniTpIldsrV04ovzVZDpciE0Yz9I21pxvUeYpTE9tFsRL2srdM/XoPNMn
IW7fd7YzfCpO3MlwZ4yTriNhb/Ymk3QxxiPLEBWWYapXJ5M6mPC/fGRvfbmm5q9ErHzzJNHp
naD1LaFjUJUyEe6sLuTbuPjB5qMOXZGWMl+wyM6Gfuhb7UOq3fsT3Dpmo0mxPt4aLJB0Q9Ym
y/3RQnTKku1rkhkfhYf9VmgJNkL6ZYj66EYp9NMIXV1MXaIXOvN1M0pcN6DD5caEdVA7wd+V
5FMc2ubu2g2sF0hqyo5fksW00EEbsaksiLP35Gd8oGCSSMRty5Oa2qxrhcSsWonk6EHpWbTL
PiY4fsMGL3QSfbhn0uabz51xj0kyP7P9oD0OHOYnyTuj8ZE2RMJY5ozG/wCg21pO4Zrpm/UD
UZ5zZnQZprigLhfXFJ0k3JD6aYmfzMO2LumNDuCaKo0WVymWUJpVO5nSR0ghQZUbfko0tyQo

CRo1iTuGqo52tvOJoFwlgasTDKfM2wqHzl9tdvklbct07Rrg9KvWKcfJwr8VvrYc9cc42J5m
GQekw6xYD0b7RtkMnWdedEehfA/RvP6BxWzwdmpwdc6DC2uQruzURrvaUa+gzTq+bu2N9jI3+
wjAox259iugThZRbSxtDVmIBymZFSUktCdDBJvW0yKa/1MfwFSFTR5NBjCGRyF70EXyIY2m
MJEEs9sJ3QcROp/YwHKB6W1014b0S5+WTD0zXq2JjWKLymSLuRemK3STFPWNsgky6ujnP22
DBpiqpwIuaxrnMwdcSPF0jE0pkZT00A4PGSeT4P2PRx2tMNM5hNiddck+1e66JY7moybJ7S6
TSDtjBjBqsBJxzuWeHcxrqJDPfjOWnTWK+OktVv9gNrhXtgOmXx1wZ++Ht3Xh300htj5v7Sd
DjYmLiXoU8IcsLskjbH654OuRN1k74zhw4MjTmNKfjXoc1wZCup6RiRiTido/TOihTqP3ix
3NhOuS48uok3bi//AGN27001WKbVXkU5/dG0FyoshI6iu4pV1Oak5JJtwLtwdWkcrIvURV+Z
YbRlk7k12y8SXR+1Oa5QPyWxqKvR7X20yX7HGxch+h6GPAdDZTfGpwNjfyHIPvIdDL5w4vXE
7FkfrgxBka7UfcQTrm7//AGNx3Hqto6LCOweZs/rMNM7c7go3x83eum3IvpB VWSs0bjBpt9kfa
V6Msy2eF+3zhwHvEh60Z1jKcpZpo15Y+oJ1U9ztueLqshblb12ouxpjzleIdcPkYmPfkI6xw
9Hs42Sfc42DK/iUflh0PkRN0nTR/Ga9FyH7WOkbdVbxrri5l+gHXC2mlelGPFIsWSQg48BjK
x5uMi6dLQ6wEsuTdBv0DVZCk6hIge3TG65FSmVJY+VJUMnN9u0Nm5GbthZn9rJNPutV9UrT8
qcASNyNjB30OcPq8mW1a2LZq8rDXkNapJ8k6NLBe0/5B5Vx4otLv1byuDKnSU/jX7WfDHQv6
H0rnpKMbI26tC6iWOSLsHTP1Ccm7oFPYcGa9fuznTBq7QwbDENLEkqRtqQXbXJNqxxznF+1
06ZVGi59miSGQR2OWiU5ndoVE/tIIQtMiWaR5J9m54AFIsXGECyIMIZnzSUy5t5gIHiQ85Unh
YPlmqzNURGxkdaQvDFabJYVRLtzfPH7iaa5pFZHXBrI7w3kYMr/cHs/cvhj1k8EYfs3XTUF
cQ7WU5Xk0LLoLC7WU5D0Ze6NjtIPocXormU8OpciJAvLTvsu+s/NUMTokMRmyOusiAMBbB5i
FifRAGlixj0Vjy9VzTOZqd+zBY1k13NKzFopWjK2uWw1fAoawtfZxK1R/wBk8PdHV5gtOfbj
INUuKZEb50n6WbkriPW7HA/JmXcY730OAYMh6ZE2q5L9T9nrb5x5PiE6NEdRiuSLgOa5WcSR
yx78dMRusRy4Nsy4fhHJDpnCK3MIZtQZNPVjinEBIkY8ui3bC2w9GWZgbAHMYnKMXMwo8aB1
I1K5L1KPjDoNddDovTC+oOgyum5a1Zd5iRZPlYjcZ04WkkHJ+J5LkUsTJK2bl9xAjRXgKDS
IhYZrs5zh9iZVvfi8sRoBinITinHw5JiYThwDTK5zyCuTLtYNleXYwYHLcCbUHeh6Xea5+s
0LNEogrhtRLt6YPKkgSu+UoSQIdHstsigUFpGzXK6ru2xIjapURBpSYJjG3gHQTArjzD2/M
XlQxM2V403162iysqNZkXZiZfVss7XLj7o5nWRb4SGz7eZudGplIwBwE/EjwxQWY4rFTkMJ0Y
dhvKRFgmS5rpkZyE5F1MuS9Ac8DAOrjrCdChw5Ku4MumI2hRzm0SKy/J4ywd0f79KcWuGTC2
GP4pYgiMcjAK+02rWbo7bzYlkmrvvxyRLuzpdIdDnMLCtHDDM550L8OPLerLvMRwxRphjGJ
FKM4bWQat+1E1lpsd92cxldlyqVbqTiuUyq4lzeBkEfMinmCTyWNqRxQTYIUGW03KybRK3
XXUx5Ach8z5L500zmmA Yt1TEODqMITHXQxNkL4475cY4o7ziLrIvdsRQY5OoJ2simKSErnM
0iSZnWpulu12hSddVZtkYk5i7wM11wtckxjJdUEpxN7Qc2QmGNZM5MLYFDqjxxJ7iP2/wB2
RY2anynsF0jxb09qs1dZL1mAsyQxe32gZWXIVgspyrPLA1lebkDKZJ2ff7pt8M3uFvSEMCTE
8wZDK3XcNvIOaaYq42HEyM4MGSDJEzb1U44yXzJ0ZRqNuQJhbajpuSrWDGSuEYWPavdKkSEy
SQ/JWGpsmMLMqcl+tdduTjtnEZxhodOq65uXITuWuiHI4arSXZiWY0wiw13AGxeSHPI61GVH
dDzNujTRbckVirDjRBtuOgk2rzicgk3q6AYbGzhxKz3E1mlXqE0C5BkRxxz6HCuadr4y4nl
cDkYr6hnx3HoG67ukxzZuxe1QOsUZOJENRt2SPHGekaUJulYxLBI+0SxvpHEHeaCaJhlew9G
64zl4ddSe7AuctdBEPWKJEWBtwKHSxucmQ6V3EbVmV4tuiTKTGsIXNQVc4hBjmb6B3IWI6WNU
ixQzOr1F1rxSKSNc2KyWIgrLss3F+Zl7pDoFyE9FboWwt116Adnoc2dGGDDgJGbs0w5r1/
RHU5poOcoIsygrOTjyyctbcgkgGPZ5L7f+QU00NiaJ0BiavaPxmScYgxhtM06NgGDNDgQiO
QvyaafE0Tc0D4TubZiR8DshW1278kfnZC9j29VvbRWI6l5LRU3SqqMUgvV3Z4crVXZg3U
9w3bTIVbCmjsdV18nubFOIehbDkaE54WTrjXCmyMrrijQ4VxU1Lp2t6Ke3TXOWEjnmMzRgN
ikBEiDAU3WOJHV5jLNNVCVaToI7kx+Q2JDNxFGZDHZqVxeWA/e3XEOplwjpGAFiTXIYzKTWk
dYGYZbfrGTGyWFIW5JEREAxsWhNjPlc1ikBHGrpJdl9zJWkWFpCDWVImGz3Ge2AyFa6mS00Z
uSSRTxXGkx+mc1dYm3yOOlnoUxtyPq2ua4ilzoER5dTpriOvls64Fz3m3TNMjXJog+uVu7E
XL9nmv1ORdI01yrSkmmuKqcKaVZI6tkLLLXmtWr1LdXnLkKpDhslLDSwZZsFsj+wxTtlwg7
4x1RM37HSSPTiS8zEjmnxeHspuzU0dZ4JRydCdd15xG3uoLTcQcDJ4458WqqtWeozQQV45OV
Cklyi0uPZ2mSaWbAom4Uu6PB1xFAyt9n6Arvaft9F6DXIYcXYiud+CIsYK4GSHap6nT1CZ4G
0kWPG4jKo0S/aDei+IuuMFgypOs1a2zpEYNlhb14pVmaJk4m09/iirBchjLTPSaOPikHLVx
nUFD3eGHnANI4bjE3Znnbh1eOKq8i83iN1fbz8WsyRzMWzcsI5AoRyrDemf1KsVrSiJmTmR0
njVZbmuPjN5mFJGyvtheztM51J00IbbhfkShxIoXTL2RcC65FAcWGRsWnnt0CEJHhcKZJN
2N6DFXEjLFammXZAUsnqjFpbtjgTXAurVowMSP8XCKMMfFJesVjshYNkEoy5ShWzqxVZL6t
y8S20cFm1NO+HTNF1/bysTW6RPYAjLgGuCyl5UKKXa+UEpHV10K6qunVftEdo7XzmKrMEICJ
LC3ubMj9C6akmeFEFvIRvx1Gs2m/WQqFAE773WV4iloHJF3nbkUeuQVziR6ZuVRNKGH2G3BF
rgrZ7YKBCMWHBtXLE+qWAwPRssuks5p0B0j3hUpv1rsvOTc2c5skOkjygCOUFHjIhX2uRosk
1uHIR8uUxujxu/hfQaY7gAatiRgZ7jaBJqqyKucknJ9Gllj1HL7WynSD1OPuXzCuJNkhGyF
X1+aaL2m4FvbR7kiVMI25LArray8cEptKYzFs3dEl5RhCzZGxGspHjCQONLLJ71Mcp156Zzl
OJNg11zm40+TT9rTbRLej0eyxxVZziO5E7AdBjpkf0j7JJGDRzFV34p3mte0uDmcPEIATWL
0Ahmg28Rr3liG/cTnbq3RZm7hkYHKLayzqW7DZ1OirJzItmKLqV76VVZ4ZeFnnJwmpMXh
rA2aySJSqpsKrrDRde8ITj8sY2kqurABs7eZJMxw7mMiUPPttPWd+JK5jtVTiWKOJPVzmKc
ZNx5OAMMGNKoEtpQGvJpJbc4e4hQc5eLrGSDIwjkKyDTNmuAHV4Rm7vgBJTXSvTjjMirTFiU
yRUrprv7IUwykTProo1yyvLiqxl2IGjnyM53RuuRy7CZmxXOczQ83XBs05WqQVfjilcJLNue
S83Na87GKYRxbu5/tZOUQ7wz9cDqMpzwxSyp1h0yTqkce8nbVeCcSvYjRB/MowxL0yheKTDJ
eIO4aeQ5r6a5uwakgNmmCQIN25z5VcEemRx65yIQSPple49fEkPMsTtNifqUDZIQsW7Hds4c
VM/Evzxx8qFSXk5Ywk4dc1P8IxuZYVTI0i3e7gznq7GXsV0EjPoxmyOyuPOFw2G5azdXmytJ

80ChLBKarKqLH9cZNEc7mgKrLldX1z9tIDh0/wCogjAuubVwOqjmHa8zN6LrtU5CS2QQDX25
21mIWxFFNAlAytPw50aavPFjM8eRyoqyyiaLTY0nVuFKA7L8liUsav5H1UnXG8n1CYsLPixk
B1OFMRdjK2ueWkRc+x5ByNduM4JA6acxeXtyQcyOMFo/uuwR4zbcTRkeEQKkZp6b9P8ArVtM
XTDIMjkXGhTejVC4UIIQqsSnGi5UkJBzeczxbxJZCvJdAr1OIYrELMceff8jX2S3IXLihLj04
FlapBttQrGteWP2tl9sZOPq+Yh1m2b5K7Pm06CPRIUbie7mHQTAY823PcsQsuRSAGSTvLzVo
bmObJNsVQ6w7TjOyMZWijKkM8sbw4FOIM3tkj6ZvOa/9iqTnJoi15Hz2cubGGekqSW9FFtOb
1dt66kZFJoUkZcrMDnNGNY6akk23znGSPK2kiqksksDmQwtu4i0iyqqZzNcKHOYUWNVKSH
lozGSTUDC2aE4kMjlkq4vD25f8Ax8vOvVjDNkKo2Qry43sOY+a+gJBJ1Pr0GbjmuByMPX/s
GctNNdmNMSNxyLbnLfJQ/K2n+ESu+HyraYZTpCx3GM5TrpzZ4qUkZBTNxytG7mxN7fPdTBNN
S0hgqzNMVypnZuZwQwJzVtk+uyNTqIWIjBCgJnuNuCTcfcACxZZjUl3RvAkbJlqx9oPyl
gB/+dfMcalYuUMEcTPJBEEOKFjfcGTpka9VYxNZOsuaE+gkbTUNlux9iGcS0pOZlJoqRJ
JA1arXQPxAxmTFyt484G0IhJwzRrk5GqSIhabXNXpPrmpzXPOM7a6F8K6LHIwM0gfnP4DO3B
ysbTU/8A4l38mZDke0YS4YSaZMvYMgG6VwWlsLsftyq22ayuk2mDoWOUl6jKMbTm00iHI32G
rPypJG3yZ0yDCvULuyXoB0M0nMkjVzhRQJQFXmYPQnTIzqRoPQ+TtwMoLyooYhiDXAkZSdfT
XNf/AMI01Z4VhLZuG0nqnfhbuaUBNCcRyqPvYy725cPt0MUOOxdvWMAuszRsVexEYiolUAL
hU5ZqSV1GRZ7aQ4IBGr2ajwCOLVuWiK8uK3cXdmsESuq424ZDCWxhtLYScEmmbjiudCQ2QQE
qe3OhyRdW2nCNP8A8SxOTHX1DQaZyZMSLPgUjF9Sw0IbbhbDMj4VxF2iygB/jE5Bjm6SNsxu
7IV3ZlgjmtuWbI+mJK2c8jJbkjx78fr6P2RFhio0hkIBTRjG5Bj3Oz4PGCtDyl282flhHmZI
kbcnYBuXNjyG6nNpzT/sGczBIMMxObjjvod+4M2ma6l10z+u3NVGApm8YScA6N5j8tpqApw+
kLaSiKcDXG113DJJCue6+kXdjPod+b8BDY/IV1xkfUJoskhLZE+1mdSYJNMiYKWKZ2509Un
Kr7iTd/LXNfUJqMA1zYcKkemw7f4DN2ak4OmHXPOHNxzdmau5qfTmN/EKTmhzTBrjaaTae3P
U+i9MbUn0A0xmzcdVncKzuc6/wAAzDDqf5dc65qc3NnXNDgQ5y80zQ5oc00AaBIOaHEBw65o
c1OMvpocCnNmbMOozritoGbVevokLPnt5MFaQ57OfDgynYdTD009NekeudcIOR1mZG87u30C
nEQ7v//EABQRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAKD/2gAIAQMBAT8Bfd//xAAUEQEAAAAAAAAAAA
AAA
AAAAAACg/9oACAECAQE/AX3f/8QAPhAAAQMCBAQEBOQMEAQBBAMAAQACEQMhEBIxQRMiU
WEEIDJxlzBCUoFikaEUM0CcxwQUkQ3KCU2OS4aLR8f/aAAgBAQAGPwIvp1DTqC05dVldmyOPNI0Q
aa/HoVGy0nVAKg+i41UxHLzaL4LCyPUZsUANSs73UwAJPMiyVw3SOK7o6i8LK/8AdOFBUV5E
HdHnc98erogx4kDfQmuzFub6ui4b7AafqXiKZHxtkyneXGbLlxhc4anom0eJ8OmzYJrh/bmG
ggq4VzbZJJ6lcp1GhTXPzcP7dyU4PpuE3aCmvzNBf/AXXv5uYx5WuNJuXUu3lfd/AOn1H9OZ
ZW/9Ody6lzlXneBeG6a3K4dWnUa8c3W6bWqNyNiGhZqHhZfVvngOiyfUFagHD6Q1EirV459T
5/gKp/Xsrmq5ssaA690DQrUs0xUY7ULw1Ci2HVdp36qm7xYzZmzcTITfE1qPw55HTsuf4ak6ma
gFgbNXh/BGjmc24eDog2iwh/+05rnHMDVP8Ac210VPiUxmo/sqgp0eL4fNI2bKzeL8SMm1OI
ovgMDA3U1VHV57qfVWmbYN9IF4WWhTdnJu9y10AnSBJK56opt+0uuVw6ZPYBf91Ob7Vm4QPc
ptRgkOFwVfVhcfu6Kc2ef5T6IOLLNVquLo9MI8MS31ZEzxFRjWu3hZKdN39WX2joszzU4bXZ
TK/qa7Syg0ZvdMbSaRkEhVPB+KbrcHuqz2emkSHKi99P4QsU+n4fK68hcKDLbWXdNSW9DqmU
n0bxYhZqtKIHQbuuI7Mx2jE7nvHMi51nusZWf1CYaNimwHZ+qJd8Stkv2C8KyjlnLOqDqrXZ
hZcfwz+Zp9Kz1R6/pUw4e4QDqgB7r+41NFKkXg/UjxiewGivf38ttVtp+EJl3qqTACq1PFel
eKLLZ5ufZf363CbYZrlHxNT05gvBeGDQPDtbmK2ACHgvB/2Zueq4FHLU8WSCX/Ym+Jcc1YGc
x3X9RSp8AVuYZd1Tq+IbNX1AosuPVpyWWDNkTSazLSt2lCtXqfEf01Ka3w817h6jcovcZ6u6
IVfEPY1hG9rIt/6d4Zzx95ENCdV/6jU9mtsEPqt6UKLQcgOaEWS02A6qfG1K1Qt0a3QIEwOE
0TARyltBjdXImmY61HawjVLTl2n/AGmcNvP93RO47srguLk5o5W9JQ3cdI2R4jzn2aBKY9t
OqKtFU46yqjc2Y7kL4f9vWUweFe5zo53u39k05opsFgU98fGHodsF18VUYGTMC0qq1z6jWBs
NazSAqjGNLakxcbIva836LxDHO/UDUplQXpnoqlyfCrNZyuYqscKq5x+qxXBq+G4dYieoKDM
SL37JwBzZiFL/SdB0XGNzEFXpkU3heHLuUssAn08317dVAOWidVmYzM2UOJD2kw1saKu2n6G
8yby5HN1KD3fd6CppsYSTqjlaKZb9KJY7lj0IDPrhz5m+4XLUB5M39Q3tluUBTbVcz6WE6pt
BsyNR3VTw0/EY1CUOIAADdHw7Wljdxuh/TOLHO5eVPirnDfq6pr/EeDpl7/AKnbhUWeFpZK
LXzzn+FRfXyCsOmw6KtRFNtQj0tCZ4eWsaLwBuuVuVo5c8yZ7JzXaIdfqsIFmW/qejxfi1Gj
1vvHsEMjne2iyVHWbrugKVNoa3c7qo97ZKyNFgbnZGo2oIjXZVG8b/3cNPwhxHwBo1o1XGru
IH0jqjTLnO7Iue42Gi4h+JU+3YKXHM93pGycM3q1IWSmXPqbpudzuB0aqpHLSdGipNqTT8O7
fqFmoUGPdtsxq5KGRh1eUwg/DcLrhus0H0p/iB4mrSqA2yr/AL7xtSIPpqtP+08Uqjixv/le
VkMODSi3IHUssl3RNpRDo5XdFxuES0aqh4ugRUeyfhjWfXKXoIVFv9SLmthjdfW6zCWbqIT8
K7Nm0Wwo9tV2gb0XEnPVI0n0ouq72sqhE6XTqrRFIDRViHQHXuf4Rq87RV9ITHeHaQWNgngq
Ta2rjOZfDIDpsccjWOe7sizzVEgtOiHMGmcoy6yiW+Oyu9MSnCcJXL9uYarkXEPNhCq1aLi+
IqCBOjVU8e45eFdnvVfEeJMNmfdNqeDtQ9Ae47GDi+KmA86NQHighOY8zhdU3+Gov4JJ+
VzDrUCeW845eCfQgEVHuLrDAUXcsA6JsNdLvt3K56XCAEE7Km92XjVOUD/UYZfw9Bsq1sri
ZRt6d9VmDz7QvWUeG2/uhRuS27ypP3ekJ7W0viOOmwCe95DKY+nqnvqUW8P6JO/VZTEv9Q6B
ZKd2HRoRNTWDM7Knlt89O6dVq2oD0/rXffafS37QpdpsjVP/wDiL5TdNY4c03TuG1xpsUt
Fim021nilOimtmeXCB7rPV/KyNytJPrOyHiK9bjA/suH4R/I8eg7eya+oCaeWHDeU6mWng1B
LWIUq1IwRr3QpyeXmgJr2N4JadVVoeZC95Ob3UPqSG/6VLmAzCwTWNbMauTctXmzTDDlU4tH
LUcZlPy0muOslNzty5BMYOYwRS3TRU52yqlWoA+LMank2GEnpC4h8PRgGzN074bwW2KeG+Jd
Sc03IOFKox94b11UPYwu/Sqj69WWztoExo2+rRcs/uhk1GipeKq5aVJhzue5Ob4dx/p88+5V
Hw1QEVgZjsvDeN8Uzi0XemmbAI03ZGsn6QqDK8hhddV/ENpU8wHKqf8ASOyeIe7m6j8ptCkJ

y+p25KY/LEcrW9U1mRwcSBLlwaEsbDS3pKp0qlmNIrd1yONQuswu2TuLEi6q+IZrTcnAkB9
XRZatZhy6AJ9MQGndZWCAR+VVJEudrKY7hTbKJISnSyOhcN9VzqhPWwTKY a3h0majdSXQ6oL
n/hO4sIgt6TbnqVFX8O+4a3OEyrBHhmmA3/IZvS9G5cU9viWwBMDsubloDSVSq0OYdlVex49
EuBQJbGbUD/aOXmpFZPpF1WYY+GZJO56I/1gLNwxZaWZ3/toFSY9suPdVqFFrRUptzz1Tczp
jTsgw1AAmMqsZGYJ3VRgDRVDrDqn0/EsGTvviu9tRzdyqbiSXM/hAUnHK7S8JnCYB VYRP6k/
xLvhn6WqmDzveJ9kwxldT0M64dh/KOeOe6PCE/pXpIU1jyd9F18HT5NJcMsP6jxjx/8AihTr
lrSL8n0hENdFPQO6ptHwwORBz75d0YOqJbp1WUuJY20KGgppry7KdDqmM8Ow8CkJAXhfE+KZ
mp1D6Oy8JX8G1pe7+252rAj4V0ZXHmduq3iGu/t6BVvE1mjI9sMO6Ly3M4adkzjO+Lr7BOb4
nxU5BOf/AITqmWSTKZUqAUqbW80KpUA+GTDf4qkBzVOYKnfM4CPZDNDm7QgI+JueqDalLM0a
IhrCrBrCbUoi51zKp4iq5p+mAn/DzMYNDYqs6m3IHnhhqpkrYwVVIOPzUci53xCbZk12WwsT1
TmMfSAA9OVQ5orU+o1QAs77SNFqx0vzG+XZZXs/qABbmsg+m90N05bJ1S8PK8KH1Dzetyru8
OyPDTEEnZVD4s8tT0dSuG+pd9QHVeJApCR9Pla5O8RVrimB/KD6biHN7aKuaviMzy2M7t04Uv
7Y0THlrmToeqFWqJ6oOYbFUxxIy889lIDuJS9N1FJ/Co6uDvqTXUWtY9uwU0yGEephRZGWDo
qQL/AIzRqmkmWvGq5Cgg7cYgOPL0TMpLcp/deJzPafU2nZf09EwxzZe//hNpMsP9BV6Ia2zc
lNzEC5j8usoUqLRmIu4pnhKQioJuN0xhIL4vC8Vvq/3WjllF31vKZRqSx5N1whRDqFG0dUKz
Gg+FDMSVPPkKak29kzhiW1GXHdcLhPs6Q6LQuI54h2g6pnDZ8Sp02VDwdAA1CZe5Vafh2ZyR
BR9k6lfaE0uOyqcNohqDnVAXoWRj8x+5ZdLK9mNdp1QY9pdmvCqh4yU2qrXqN5HCI/5VNgAm
ZKZT9Z1aDoFM53nUIZKNqYsaiFCm2MvNKdULcpcopZdQVD+WsFwvDhzG9tSi+s+nQYzrq5O
4dPL3BsV2BBTazxDdAnUcvwy7ITM+bggw3spmygO1uqdgofhs26p1HwjWc40Rp+Kps4ebMXb
qo6JymWheHov5Hl8DsqnHQ7g7YTujSf6Kn9t3RRXeco3VOIS9Wa/dVKdSHNF8yFShyu6tRcS
KnUEKvWeCrw3RUWBjczT01VNISz26KpSOYibuC4fiqgJcfh+YuLgXHBog1jv2XKXNK4tQZvF
VfQ37R1TfD5Y2IOpOr5DUUp/Ej/SbWr1PSJAVavkdwzYeypvzB7HjULw9SnS4IA/cp3i/Ey6v
9CcallmqTznuueyGtu8IQNfS3sq3EvwhAQDeV9OxXha3iLvPjTovFeJqXc5+Rn6QEfECzad
vdVWR/cPqVmyV3WZ7tNAnP63QqP5aazDrLUWAS6oNdgqY/qSD9tMWCpM/qXct3y65TGNAyky
5F0nSyD60l5P8J2Wcx0RpUjyaVX9PZWHNSqx3hZTHRc9o6JvJpunUg+iOHqC26L3AVBMyNP2
Ra/4dHs1OBbPJF039BVem4SHek91wDHCmYQ4nocabwouzs1mFypj+JldEjKUCS+rmbmRMqlo
p0nDml6J7acmmPSUXUb12XmUJkV6eqDt/qlB7XLKZ5tVDSvc6anzGZchSqQ588xGye0baEJr
nulgMlB1RoZn07ppIBjQ+QugujYJ9XxPjHeHLvRSbeEeJnjU1H/Ug6plFYcuQf7U751WoHhs
+FJfr+F2Ta9SwebA6lGEfC0m/EeJzqnRcc9Flwe11FrsmXNkOyoUtgZl6oPDYFQWVfM5UHet
yf44tyUcnwwnOcQDWFweiqNeLlhnqiyeN5zFNpZY6q2yBsTCaCqjItsV8NvLoUKAu1vqKLc0
Fu4XKTPVGGvM/UnvrURVcDYN1hN14j9Ke4Tv6qp/8dwi3PmHVZP3cE1reRrdEaVJ193/APCq
O6jRUajvRGV65Zm7rmfCeSDRfG49Spt8JUtlu4HMqP7K9Jj6g9VQIzqp1nZPDnZftTBkkkXb3
XFfyidF4ilx2iuYcCd0wimHZfUPuTn5MvRo+kIMZYRCa2C4fUJ1T3ZZn7dlyeHInNBKp0Luq
uMwXCrVuJUH06wmsLqlAm4cQj+7SD6kZmQ5s0Tqsw1RygRT9SYR1ssz6eentmVam8lrRcBG
m7N/7hASTgY1VJrGTUqet3ZVKnFyho5WtTHVZ4jzoeios8HUNSq7VZRLnb9kPCOpic2YO3TG
1XTFmoEXE5SmEtlosvEVns6kNXMJrVhZm+VM8QG6ANI+1Nr13tZSp9U5zick2HZUKWTJREW6
p2tKIGjtwjPU05SobAPdO54E7I6S63sgBqoA5907P6YR3aoHLKtZqysOuqcQ307r0o9UA/+
+w8tTr2VamwBx+46pztlchpHVZYI69VkaA4TMIFsICITnrKFOpUyN1Cm70W1X6GerK6qxtP
TkyuVSn4guc3UDuo3VKtnu6xbhmpxmb+64Ba1rW69Sixhmd10KGUKoCOG4NzTCA0H3LltTB
XBp/+PmJ6rNLBWYP5VXx7v7hGW127pj64+K/mLiLo0nZTnG6yzzUHFv7Jm7hfmVmc6/ROjVD
i+kXKHwhbaiEaVYy/LZ6vr5YKztniN5W9E93ilc86RsjVyQxvLH3FVSW2Fm901rmHjkm2hF
9Vkte6yc6mOYwjnflGpXhrty8th0CfVp8+awAVTxf/UX8eqPQ0+kdoRc8xNyVT8K3mqtbYrw
tatLuQt5gpaAAoN8yLMrWtAXKjfn2TmzLkCGZSFpJQ2VrIv1JTUPzUSFPZ4UPFRokZITjR0g
o+6c9lLmeL+6LabfdOc/6QsrRYXK9ITWBo6lPc0QM1kMgio30oATn3CPEObNY/pKYaZzRoDo
i9lMMJ6JONI/OnomsqkNRQqNaHO7p7gYPqJX9TT8RdtjTcLp4FTL6ztHbNXErVuGYn8KJc+
q8wWDohSDGsYw6NWVglQC6br1HMvD+Ep6SGj8KIUC6Mu86rxD/CPzsdEX9JXiA7/AOpBRzwX
NOi0kzdHkyq+E7/JlyJgtDjIYE1zm8lN8X3WwAVR9AGo1n1bKkzxTxkLpcBt2XiHNjklbjn
M6FeH8M/+y0S5Pc93wRYd1R4X99gs7osoiEQRYdE3IDQ1Oz3UdVO5UxdASuXRCVFMceqdUqR
lYJKfXrvOZ929ghs5pkFUPENtTcQVWb+qQrAE9EWvYgncQiMrYOvZZbhqyk2T3CwNgVVb+qy
yDkCzFj3XEEdpKdlawNPUXRQdEkLvqh3THP8AQ8S0rhirKYblOqPE+CeecjVndQ5uenMMn/ar
eHL5aX3Kpu8O4gndEtlBxEzZVBILhG6o8knOAvDA/cZUNAPWsnDJI/5Wb76pWbaoJC5VIqwg
fMQ2C7ohUqvhwoA08lRrQS4i0KnSE5wcttk1oOicPEuijun0KdMU/C0mWb1XGZzVY7/1VWeH
ZyNAzwi/SdU6rrsFwXkHM5QBtdPBHK0Ko5s5ibSmDLIEKKZ9qPRBuWyDnWXZHR0Uk+yFMfTd
yoUW6PdLk11RvDMdLJIUQXTYhVG707heHrD6qYBtfdVokoNItN1EiFyDRMIQZYaqodisxP46r
Pwe00OgnRVmVl/pAWVxk79llb7T1xsvDOnPSMLrei5ghTLjwzYNTnGzmmRQH0Zk219psv4WwU
RHuV/VV2c/8A4mn/AGnVNhoVmcA52hTyF4f/ANIuHD1sEgodSuWQRssruV3dW0wIxlxgLO12Yd
k5zWAQuI5rhWGpRFYfnC+NStl5340q+IvSYZyrxbw91Ck5smOihS/wBK5v8AKq1wZfZou7J1
FtmAcya0WahNsn8ov3dZSNU50zm8l3XXM7TZE/U5RYndXKLvuXhewmFxmcmcNdoq1Mf2wbDo
hQENENz6vrL9joQCLY+pFuW2XNY798BmGy5tNgprtzHp0XJskpz2ixK7HXugnZxIc39k4AyB
hama3hqZk/pVR1IZWPdICH9WzitY3lyqs8ObTb6ocUSbQqbXCxsYQZnLG+n8rLXqW4H7UAC/
rpZPNV4DRbKunYbIqOpQYPpmFf7bqnUAKTMK+m+kJP1QqdQumUMr8oAXEa9xm8SiHb2usn/ji
6DXGZ0VsY8tTNouFTOWG836lTDCJpmL6l027Jx+7VaIvGpWUJ1MfSPLAMITcq+EfSgPpYmxf
htAKgHl2VUPcTUzzPVUnDYqqPzgak3zJ7/yg1urbkqDquawCa92p26L7GfyUMogLKOgToE/M

wvpgZXHopHpRNOQcsISFK/paLCKjzuvB5a5jnjQouaA7Yk7J5bET6lSbbm5QiHDNI77px8R
4ekyjPM+o6P2TcjOLRH/AJKibS8JTbnNsydUqnNI9I7qrV1M2RabJsLhOdbNEqjSqtbkLYzi
NZy5bg9eyzaZh6Vwn36FNm4BgoxL6acdWU5ITUn1IZgCBoUMIQ8vDZaXXPZBzSfU1rQgxmgW
Yb64gC7jgTlg+YcpM9EeWWoFssb3RePSnX+HTu4rx3iDqTLfZBrv3WfMcpWWeZPnoE1PYftq
E62uivy5ZLN6LbomD27rOdtBgAmhgCnNH5IROQPEXOpCqcN3w9pweFEU84IsnOa3K03AQhsh
hn3XM3Jw2xA2QDjIBsjTDpaQi3627qm/WITgnug6o3iPNmNOjVwZyADmjZE0rU6YjMoJ2C4D
9lnzZHb918MB/iquIHYYJwI5mGHLg1D8Sn/I6qnTqf2q4j2cmtNy0QSnt2R6JzW+pymk7PNi
FNhGqGBROsoR5YmFfyZiqIW97KB5pdoi1puuQRC5SZRzPa2BqUadKS1xkn7k6bmlp7ZuFkc9
Mb3UjQpru8IVoOAT512CY940Kc3RiogWgqU4oQs1N2bfREPbmBOaEBIEk2jYK01moQBdcr4g
3gIsuASntDBBHqRq2EFfGfsnVhpm0RbSBDnus0JjvERx4/ZGmzV3qIQbtqVSc/71OmF0KwAL
anKVU4b+FVa3iU3/AOww6XxMMr+qmeqOdpD3a+6lpAspcUXep65ru1UqyzLzqm2COsldfv8
lxabdEOXL28/OAs3h5BG6Gelz9dE4irQ8O3owZnFc73VHHdy6lZOyd0wnoCsh1p/6U7ynUa3
M07Jsc1Mizlr/wDtRuCuxRB0C5b4OaC7Lr7YCpHpRqEanZHKEeVwKzOfSfkrnk0WTrcJjXTf
RoQbHNpZGk5DxXif7scjftUwXKSn+yZPVWQo1UhCUHG4aCD7L4R9PpO7Sm1ARxmeodVOyEiy
gKyvjmOuGiiPkkfIjvvh2lv3vKzVfHZPbRZTXdWYN4hCSwD7Q665RLuiJdo3Xsi4/W63snS
VXf+lZ+mvcFODDI1CbG5XDdoUdwfSV8TVQLAIt3UXGErNZFt8JmAjUDod9KZxJJ3heo5hp3C
puImB/KdmHMBhMqlsUGulziiugUNXumoIHCdwnDdOyuggqXsEn6mrPRH489sNV3/AMDL+6hF
tCnn1cdAi2rU/AXNqv6fwsZiOY9EyhTnybxumA6hsqMI+4Elg+pvKjTfoUwJydb06IrN+Fm
c4DdCXZvZemEaj/SNuqaALgyvdQoQLBDk0/UDdWBe49BKc53/bU9swui9w49T7q11bAHQKV
ZF7Ia0fUd02rR9JsexwC/CCc131BELiASCrzSd/C9Qc1F1OHD7V38t1OO6PT5s7LNsm5XfD3
7pob9Rsg4uWWWhN9+i/pvAZqjh66h3Kp+JJ589+wUj/xU7pr/AK8GjfvVR1upCbn06rMLod05
rTrdDM6B0CgfdWAweGs5XbKIRzNlxIhOyAujV3RZD4ivUd0a2EB/SNI/UZWZlGnm6apwot
ay/0hEzdNao2w+OP/VnX3QAH4V5GplBBQIExy4rNCoNisrx/wDta5Sg3VcSib9FBs4bIYTh
C0xEGPIPKmNVH7qGt0VONkakkXTnC1oCfWi790+k/0vEFVpHMIpleyDx9SpluoKbUG98CCs
sls6d03NMPjkP3RBCzKGMGTsh6Wki7u6ihdHJy+y/7j1BGV3buu2qJkKtcoVdgrGU9pHLGA
X5R98I3c3+VIOoso+puI5P2V9ML2PVHRE5fNOFz5O/yIKMkQmt7qVUb2WQalUqLNhg+fs6HJ
y9kB0RG7Uw4MA1GiCE+XmgIzQpAhg/ITTEDYIQjPLTGpQa08uaxXxudp9XsneGrVM1IDNRqf
8Lk120pnCBDYU5rj27p9PTMNCgyfSnt5GuG4QKcz8hcRvodhxaQ94VzIVmAIDNbsp4gzaAF
cEfrPEi7Oj0afIPDmmdQ4aHHRXxnGPKQ7VfV1KxRf0RY8xOhT2noi86Nui9fhf8AxwjvZOX
6ThmOjVUbTkiU74wNSnOehcNEI0qbpYhCEDnEp9Nh5DqmSLHQptZiXYZQdBMqifqDoKZvk0
CzAQnHQHZVCMYTD0RCa7AK+hWdoli9U11HOLg1GrWHwQzd//AEUp4GZbhf9PZNDvDVX1twG2
WfxGwKz6aTR8rTyDAHnypzs10ZgElzZVHDUpOuyaXeoWKeO+DSg5OCCdChX2SicDhKkqX
1CQF8J0haajAxFuUaNom11M2JKo06buRo1CdR1ZE2IOZqW7qFkm2qJGqpU6YzVHcznJmTYX
VTpgUEey90RufcDPW2F1xKF27joqdKnanqXhRCIT0H8n5s+eLFFxwDN4RwYJ/ugEEU72wfh7
ojCeun12wIFmHAte9EWMFiNOMHBom2qynZON8YMcaCPbqVTqh1ql4TaTYTqeXcVIAGUhed8
HIJyCDhgCND5LC3yLKT5pw0whGLoWyzit0RaSmBEs2Wa87qW1Shg4Yn2xKpM6nF19VzGcYGbV
KljSHo/dh3VLw1IAPfQ5Ma25IuhVfFQzGRZ/DagBEU5LD16rL4mdLO6Knw5EpwKHVNjB/kjo
i0og6tv8izVzLSVpCnVvmtjA1xiLdVdEjQp9T7Qg6pHMiQbIxSv1wBX5RQwOARTf0jALuPjB
VZtYQi2YooJ282Vu/VBzoE71GL3T2otZaBmuminbqg0m7Vf1N364NGD8BhHVBocjz6mvRE
alXKIXwkaH5VytAih6y7vdCy7KCZHkBRQR8hTkfMSXi+yD6/wCGoRyjjVGFUqVUxJui5jfZ
F7XHMbLM06I1XG6Bau5Rwdh+MAeiBVtE7ob+UuOjVyoqZIBBQi0og7efvpor64B7ttEBa+B
xCBQR8pROPbEPNSXd0SBLdyUL4zU9IC+G3VDrCYHunZVGETsmPpt9SyiA3dDuhOydg7yjsuy
Y78eUDrdQEUO+Eod0HIVG6H5HfCdMafsqduUjXyjAI+YqVdDEPcDCGbmAv0sucTCbJ5TZfCE
wFG6eRtdMa/ZnzJvVpTifUjg7E4OpndOadij7T5AFC9IKIZQvZUT1RTqZ/Hyb4hU6WwCc06D
TjyAI+ceUPkZVYy3ZBrbSowhAj0nRO6xdVgImLlIOy8rlcQ8WQpVfWzTusjd1wm+mnB8pxwd7
eSUx3QpjuCbO9kR0x9kVZEFv8qwiUDGi5YzhUpGpRbuF+VmGjvLfzAu0CL3uidEcrhOJwao
QR8pwLnENb1Kimwv76LhOZIJ3GF1w3N7jooHnq7ypRUdSn5Dposw/Kc6o2Q5VrDhOvI2Ti02
hZTao247p9d3r0ar6m5RwPshgEcGvGrDBQ9IPUYucU1fC/uH+FmzPk7ysgqOI7qznfumamdZ
Qt+oKozqEehR+ZSrMnmMFZmjK7siypzALM3RFBDE4DE9VwxZPqF9hoCmVvES5zr5Ngop02N9
gpwYBNkwgxV6IMNxi7qo3Tw38oFwzBgnJGa+YbBXu3RCqHDIN11b6Qvbe+2ARRd0GFWifrcY
HagQmYhqZ7IOf6Qqf9NUD3H1Dov/ALk/urrtLw/huC+bmV7Jx3TXBGMUR0+WxvRyLP2T+II
ds5cRrpp6qCo7YHyDEK6AI+JjaAiwG5VnNQQcIOHPmq/5U4IZPU7YrNUEJ7A0EPT3Ujk97qX
0wXGy/p6H5U9FOJRQwcwohBAqngOvgGjpdNHVcot1T35bBVGPYcoQfSZldtLpRG4tg+idkH
s0InF9w+XT6ktUp+qm2Qs8aiU5g3hEfqRwdgflU72ypMokzhGq74ODamWp9r9lzdNUGs9W4
xdKLM6aIkEcqZ1KseUp76mrCiSjicDj2cFODCmuH04PeU6odSbJxKaFIPpKeKj7PoGjRZ/CP
bULPWBSaEaviXOy7NG6yO9LzCap2KLSqf/qbor/KyWB2KqUfEDlqCCnhw+H9J6onsmnvKKKO
B8rrTaUw9blVKnSwUHdXs0E9V680L9XXErMWZxuFNKpAPVEP1boUWusng+V2BU4U8DGyb7J
zeyy91w2+pybS2pXPdVE7q0orISBNlwKTQ7jPLKjt/ZehYPPZC8PH3ymLA/pRqU/WNEyqLVB
6gsw3+TdGFBs7YoMqGSE8/pVR32rWpune/mMjgP0tlMkermWuigG2Ls39pqAFhhE4FPI3F0
2BLlupaZbCa1xR25kEEBg72TsbJreij6k8OGqynbBzTvcJ5q9LLm+rVVnaGZb3RcUQm5d76r
xX9KzMBzhztQfmdfoqQ6appwaFn67KCod8yOphVj1RwqYHYu5c0CQFxfPRB0YNkOytp5e6vq
r64FZqbeUeodVOgQfSOZH1CBbpKjDMUVOUq+Ue5RADTM7ZlZNLcCd1d0leqEADKNsGVJjJqn
Rtos2nVeIqREuH4Cc77dcDxDdddZMzX7sBaA0bJtopU+aE2s71VJhe2DOya1thK1UFZT8oKk3

8ov/AEeqPEJvsj5fcIDzO1/C5jKtEY2Ra7dHL6UadUSxAbSicBxKjWMRiS3qpD7HRarMVlB U
OXobrPUp5W9Wq7K7z9swvhUm0guclS2Qv7fOnPNmMQbu7VHom5d06LE6rxAd6ojoyPe70lMbo
1tOQrbpqK9sBK742v52e6p+yDeoAx8T7JiPlbj2VldGEcsc2oKzaqNhom4X0TOHsoqNzBZ6X
q6KDaFB1VIKqR2hTsnt2IsoVJv5TifptKDWhZW6NWpPp0zcoUyZO6aimzozqj5CbrQes09e
qqwLgzgGN1KpsboFRG2W6/hWRVTAfNaR+UOj13XTyWxYqTfb/aYzYY1//RN8wTT2USuq1/Cg
YcoUO1Wzmn+E0tM4tDttFa6vuhUbp9SGV2ZXwthBwcvDn7mqepACr+JdqOVnvi/xDtrBdoT
UUB2VM9RJU9k0VNHbqoO64p9btOyMKUVHZOVQ7qcB2U9PktVAdwvyqjvvg4dWIDzBU8ivrjJ
MYOMbokjm2QJP7K8GMLq7t4lct2KRqif3C5dCp36INV0C3dW1wleF6tcQqVMWuVTot0Zr74A
DdU6Q2uUwdkER3V00HUWtuyIUyddDgfZNV0ANF7qoiOiKChFvT5DPdM7DNgwfdFBvdR389tV
DtfLmd6dgodbouWZ3Rj0oKF2Ra43ap2WcaFaX2X6wgECzDscAqDtA3VBztv5Rc4RO2BedGJ3
7Jg/TiEU5OCa46C6Mle2LZXsiiUQm++GfyXWmLF4qsPoZCCa3pgw90ffa+QohEQuo8nljs7q
pVt8DCJJ/C5kS30p4PpCy2lui4n7pvVZDphrgOwTuW8kfUblDuVPlDhWI1jDPgSme6/CKcEQ
mdzh7ojzyvEuH1PhSji3A+ULO3bzbWwHkPuii3qEf0ojYo7kJrlmEGEOhxqj9OLc+iKbB8xw
qRuQgnN1BU4NwITwgOqpO7qEAuxXfzPcqbFJKcfIMDgcAp6K+F8SVmd+VGAU4Wui7bNCBRH
dFzbQZhr1UblKfSUQR+oarPxBxHOjIvEgahpxdUnK2Lit9Sh2qb561IesND0ShGqhFBR2TX9
DhTKpuTT2QKzDXzFT1TQNAE0eQYHBYGELKg4bLRQoAUEyoafdXPkhr1WtaU1XTag00EOepju
qkflSNeqqUqVg85ihCDvEcrOm6NBoy0BayyrP1TPbzscdND7Ko3aZHspOqzBScAigmu6FN90
B0Q6qEftPIAG6PYHYdyOQxIH2w7obFQ3A9T5ArbIdd1Cifh3Te2MdMQBcp1Wsz4myquk8qy
uESuyEbKT5Apx8O46xIKPQeU4OCZ11FvUKFK77KONkb0F0B9zkSifkFDEndNKde86LuoKsv9
qf2+RCCcFxpInSfwi8PPZRBHvh8OmY6lZqsPei3Lonz9QIWiipqFZqtp8gDoipxOB7JwTU1
4TPE0tDqMXdDp5H1DuqDfyj3t8kpuLhunN7qp7406o9FCHnCjrhw6bg33QPifElzabZDGVV+
V56hBhJY8ekjdTRpMLu6zlgDRsmdHKtS8SOFITmYU4AoUqvK/YpzDtv5DiJ0OJCKhHALKd0X
bJyCjdf0/iE17L0yoWYajENG6pUgo+0Km38+UYOOIwGD6f3XCqe+MDD28hxugcG085ZIPMF4
gVvFGt8ONFTNF2Z/12WfMAFzmXtJBtjr2RDBI7JzPETNPdZ6TxUZ1CGzghT8TY7PUsGYdQpf
rgT5P1DBvQ2RQRxlAdU50ScGriU/WfWfXZ/peXw/PS/0uxTm4Gofwp6Ko7qYT+jeUYFH5Aw
CY8atVTE4HyHEHEObYtuFXOG7xPiXNZebNwa3MYFtVyP/CfTmMwlZ2m41WcWenA7hHITbbqs
4HNhyut0XpupKnv5I2OEpuyCnEKOiyleJZ9r0EWnZCvQv1XLpuoqWWI1C4jfU1QN0GjZVXp
1Q7CVfXXA0+ecYwbVHscY+UVODxQaOP9fVwVM1KcDYealnLDpuhVbqEHNPK8L2wzK3siMbox
sV2xlQo7oShc7BTgRg7N61Wdu4ypTHDdZm3G4XF8OATu1Z6Ut7KSNU4kcgUEFH3Jrd3nF3nC
PILXaFFu2x+QcD5AQmqmqo7qU+kfouPZHBzVCDsQiHiWOsVAu3Y4SMLajwbqCVJTspsFK1g
LkMJgLS07lZZHf4uHYdwo6oOYUDaVkpPoeKkxZNMDFyOeERqOAWy0xJ6oGoZwJ+QcB5KFbc
qqp6JrptoVoykboOU9bqMBgAiWv5R1U/6U2IU8N4WhW6iJR5DCqEWyJz82lLRqssKdsVRqg7
Q06k7VOpv1C7ILkiQoX1WU6hNI03RJ+kKo/qcXeduDsJrBtBHXG3kHmCKGLTu1yzfvc3th
fZWRTXbtscJ8jv1LK1xyo5tFAEBPMXT02RcVWVvP+oKtRduiCj7p7XJ4+1dkPEUxf6lldopC
GzlmFiroOGFU7u8jsB5QoRt/hDGrT6mV4Z/VihPhdZD9S0Tyns2ci0+RsdV+EUcu6qujuqV
O61WfaZQcPqXsgBqi07hPb0Kym7Ttoi5noP8ACyuWejooeszLhXUItKIbqNlzDCCYRxsQrj/B
KCcMQe6ofpJGFQd013QoOG4RKIT5GDugML4QNEQFKOAPZZT6mJxT3t+hU3d0x40eFkOrdEWO
RYVCzMs5WXO2CpBw4jfhz0Rpnbcceyy0xmjdVS87/It8xp/GLmqszdj5wcT9V1KdfqbZRH0A
wHYJoRX6sO6AxaRgD1sUSOiezco9ZVOoNW3TTsUAdCpb/cbouhChyuQvUAV6wVqoWXZNhdVv
2QuuWy+5cyquvmatFGx+cflVWfTVbbAVBqz/AFhf0uU7YHAYVH+XTyjCd2appZ6SqTmaEQsp
9k5u7Snm6gv1BcWmOca9/Jqv7kKy/UEOyqOdu5Aj0DyeIWmyar+e3+BTePUwzGwM82RZtqMO
C71jTEo4F3VOUgqeuBUDGcYd6H2KyuNtl3aZT2oVh7FFhU7KRouKwch1XZbrUrdepUHVf0SU
2nTu97szj0UDTyVaR+oKk2bnVXKh3lGA7fluhayLfkWwWq28WPRDiaHRw3TXt2Qe3Q+SqWmB
TbmVMfpTyraFDAP2JxCF/is/1X3CKe07hflBw1CynREG4Ky/QfT5NE6bYSB5czdQi+NcW/OG
BGIARnZXW61/+KEYOpP0P8J1N+oRYdvl4n9XKsvQIrJGmLkep8hGyF1KD2aozZZsKjdpkIAo
hZHIg67KHajHJR/LkMx0xcU3/F0Ui60xOighW/IXRV1GBa6M+zlkf7eSk06uOYooqTqgMHBQ
r6Y90DK5cB3wCo1OoyqEH7hSF3WdvqCEushwHWJ8pAWU/In5hQGsqCu+F0ECmF26OYqcJxZ
XaLgwUHDCT6WpmbWbXJA0182uAQ64Zhq04Fh0ci0rscHhvfocdlTadfnw8t/kcuijD0oIwj
KaC7RXRCAUyVQGxRZ9SDd90MC08h8oRxxQqzR0xZ4hmmjl7KC07yEGfb86PmS3RG8pqhBB3m
aTpgFdGmd0A8aaFctg3AqIxnyBHyBEdeQjOhQt6LtDoiN22KBbhn2d5Ixnzn5cKyJQXsrI
J0qyy6jHuh1WgwChwBUCwwbgcSpQQQxgKcQUECP+4YNKbXbo6zkCCr7pwbrqPjB5RU/NDeq7
nCE0bt+q0RxOYSrYjyN90UfKEPISfNcp1OhxNJ+hWXoocNVfULiN9J1xHkP+BbH8oC0LNmGa
LlnRcoBjSmMqOkxYLRKa3qi1ShGiKdbfzBSjhCCODfIJ8sRg/EA7rvGD+6g6FFh83T5h8tsH
Jp/CiE9mXRDKY3VMbIzAc0whTAWqK/Klytt5gm+3kbgU35N0EU5vfGDqiHaoCeUrK7ZcRuo8
oXb/AAuXXCDp1UAYtR7dVBVPhNknVcKnpq03RPZBFGVBWktNlbzM9kBMCh5O/ICavwn9749i
hUbuou6ndGm9Zmeh38eSAhKhGNMQfn9Q8x8gW7uVKG9VDguYA+6Ob+FTcxv5T39SjKIFOLnxV
2GDmpvmHbyj2TsI8p8sJtQeTKdcIKkLh+1/tu3waic7F3xOBwhNddG3KgrOz0nzULFXOiM4l
FZRYporbaKUX3XVZWHIRaOqhQIRsg/6giTvdHqEQdsCfJ7p52CAxaneR2J8gGBAUy9l2Ktg
SuR/L0KitTykbr4dVpC2/df2yVek5TVGVq9ErmAb+VDHC+qhrrp/bzuaNHKHe+MCyd1cmctiC
BYxun06gDi3RDPugT6h0we6xTnNGU9Ffu090VRY7Q6pxq+kmE6OsLlCaBHbCMGkqR18pQV8J
wKpmzDZNR0tDr5C04kbqCvitJ9irgtPdctVikEu9guSj+5XKMqinmV2uK0hZwQYTy/U+bM7R
Ok5HN07pnLDxaUemE7LNSQRuyWjRyzLO7VRsU9o2QnVVBOic47IVar4pn+MHPdrNIFcvyp1+
XNaVmG+/VDNsVbovwihGyf2TIOBGAXyjbE+SyEo+ydRf6VGx08mcYZT6gs7fLLjAXVclNXAy

4SnQJgz5XtK2IiWizxyr3Qdui3c6Jrc0Sn0TcPKcT1hXTU+pTA0hB7+WrmURcp1Nw5lkImNW
ndN4Qy5xME6KEFSJHqbsmXJyjqnv3FygTcOuswhH3TqZ0X5T/fyjyW81tUcC HdFkPrGhRDt
RjIoAcNQu6tjbyXQIUHXA v8ADf8A4FEOEEajyQrBcHleK50gyiQAQE49Nk3P6Qj/ALTaurW3
RI0XdArWAorjM32TXOFmBCALb7hBF3FDXHYqCZIUJEJm5jUYdOycyp6ToOieDvZnmxanAR7r
KTbHnBhGhRHkGIQ+TBwD+qF7hce6vq8k9VGGZuvyZbqu6lzU9/3Gce2GU7JvZSzQhcYgmltG
6JdGVwlO0gidQwy1wQkjKVIUOXKso1TXZsr9YRpVGSY36s265fTtKzvGaNkYHdDqr2Ep2T0y
p3BRcYnBhGubzDAKEcD5wgcL+12qzN9BxylThCzDzjHL9PkIwJUoBMpVPQ1HUosiZRnUFOsC
7ZSnQdEQbFO0z9UWv9SdVtmb1URqMHU6cZX6r2Qm6LyfwjlToEqRgxv6sD5AigiSiflRjw3o
tPmgqyuPPLbE7+aUWj3U4TN1rYoWkM1TuGCd1lbqLn+ln8oNi5RbV9ITS0nm1EppKyxss0X
BU3siSIRV1BTi63uqmUtDt0TuuIRyhbQqevmOB8wOM4nH9Q+XfCVL1L/280IoKMCHaEJ8t
5gLSm53ZacKoQzM7Pna7sqjojPspawmDqpOpRJ2V+qnLmcRCl3XRbp9V7IynN0hq5vWLPlo
RnN9E5juZp0HRV6dT0gzmtOnhsN1LD9K080YnAflvhPkzDfy3XqXrWsrIEY5nfsdpd+B8goH
Fg2UpvQhOa55gWalet1zTDk7mBDSjlQg6o4BzfU0rmOVsI5TJ0TXNKz5ocmuF21VjMgdk4mO
bqn0z7hAjROYj5QfmdvN382Ua7nyyr+SSu2HbAYNnQBS7dNKemeyKAdsuilAESJmFQ/o6TRy
8zp0RTvENHJMSvdNk2aiQsp6SgQqfRFU81m5ttU4gdkAEzvZT5W/Mt5hHyrC6hNi9k1mid9q
CDeuJQRiU4Bv2qU49UHcUZ5s1EFuindeV1RmZwnKU51NnKNSqT3VPhu1J2VvHqluZsN7qs17
oczbqhxgX0DqxfBdmDpsfpWc1NduiaUXTYoAbahMg2RWf7SmtJjMf3TnHrZNLfpPmHzlXbzT
5IwgK2IJRjRNeYiLrlblaMAdsSVIXGovFbNqAE3lyu3CyzdWcGKC2Pdc009llpn1WXE4PwQ7
Kn1BbIzK0BNpkQJ2T2VDxGECx2TKjLpaqrntD3uESV6AJ6I8K8Jwjl6IOrtDaneFqNZmFT1
M0hPfsBIheF4YD3QTZPY8FruiFsaOcvlUco5WgW6FAu/KmnZHyDyk+WVOEqVI+WA25K57v8A
tTRpKy7lXwsRbZaWxbvg6dEOK0/hFrWx07Lm9A+qVlb+6+K+QdgnTOQGxWdkjor+oXJQdoqV
F0a5pTi3Ur4ImE6pVIAFYfypwr3e48qyekRdcjgi5pVXivc57WakoslhUmi1OInsqNDwtbhp
mRKLayAc13M/qmOaLN3UzqMIR8gxv8kg4ZTutLLTEo+SVZZ3/wB1w/ZZtwgQ7RHmQbunOQed
EYMFQ7ayH+kJQVS+18NVCg6qVBeUChsERKUR6IOoi6dmJJKoxLqc8wCjND5lsoio+xVquVrR
qjOnVEEerVCoFpKhkFoVUna7E4VadNzvZMZAbTbs1Ma+XfG/dFreYLPiOX/BnyHqMJwPkhcV
3pZg5uoVrI4EbJw6pwPus3VO6CypOAMd8Ksuy5RugbQVdTsvmlecsVrhKldUakWbss8bKkRy
lq4rjzxAK55fIwAlBt7rgZcz4k/pTAFw6xv3QbSeM/Qbq6kANdOpWqe60e8L6W9wFka/k1hA
9vkH5M4yFOIPkgaptMfnAOZrvjANllmxCMlue65TvaBcc8T0MoRg7iNzBwgp3AcZdaH7JoYc
9Q+oRYLJPp2XEy5Wd0OoWmqDx+VDTcla3XqsofZNd2R2hZh1TTThRVEJopOjZCdUznM4ye
6yZc7h6XHZCrVqNe5rftT3QPhfDNpv8AvJmCmn64h/cpzNkG5HPdqZVipeGsnkgadllehGqA
Kznz5YQHxUebOdAo3QzbqCiW6YNndPe/mA9IQLeVh1Rn8JtSc2wCcHHmdsr4WUyozLiEknoi
1rgXb15HG3WswucCpaMxQLWovHp0RbV9R07LIwjMueyvossmFzXC4rL03KMJaiChtE1+XRZ
FuqpkXLDIC/qKIR1NztQ7quV8uV9Y/wpwg4HCPJ6mLrUIDNaNURKOCwTQ7Uoh5Nuq4Tdhb3
QznmRw87JhcOb/a5rInA7hAixwBYba2V1lrNh30jqidiY6pxF8qbDe5Ry/3PuRqVtAVZ1kwx
eES5gdU2Ky1mCCmU6pmmqzW0mkRylMyWf9SHRVajY6BQVkJ5eik6hDsuY22CBfrJ3UitH+LP
IGBfJTZOq5dN0YsdlAcDbVbAtTOUHNqmhqDrrncEcuinhNa73R91mpWPRXwur3Q+kLS3Vzn1
uUJ7Ww6nsnW9WyYfpop2UjXoi5kZzbCdUHD0FEhARdZZIyymV1Q6yr+pS31K+EdU6VH+NJ81
3WQEeq5BILUcrmxqmMcPiuVvscOBoByp4m8J7ST+ITMWujUqtzvFoXpidk6dF3RmJBvwhF5U
QvifgJ7dDsgTfTklrJoi4IG84DJZ3VX9YV9eq0RznK1Z2mWqy5j+US4prxSOUbrON1dtuv
kpnujCk/4M+aTYyD15UDEprKeVuZC1VhwNk8Ew/YLxFWr6g3LTIVIA5i1suUpcST0TWAeo2T
G7u2TrAfqhS50q3W6jZfm6sIHkL3bbKW79VqZKLGk6KrldeITertFdEiyb1UhSmx6U1tR9y
EXMqh1Fw/Iop1CHNQpGtKbHKnNeC94TAXcKqFw6NW0QuWXD1ButAALWxspOvkHnj5he8w0Kd
GDQIyoaMyIplDHE7rMHck+pFxpB2U2KLwOHsp8U0VJOh1Wai91NIS6oOY+I1KYSZYHajTYaD9
0IOYbJs67p3TAN3XdRuhKu2QRDRG4nYJrarAHbqGGDsU8MeJf1VMtniMtDlnNPNU36LkbbDh
NgHW6qNfUyO+juuBVbaeilwiLKGkjsptT9Tdf+nlqmqlJ39LLGoOHpN1IzupcQrIDCPNbcM
MzIAwj5GsLlw/Cbp3VIZfDu5QTIAuXFM5uRpXEdVPC2CABc5qBpXCbxKY4oHLBVzKzJtKfid
dMI5Oa+bonTfviCrqdsLbKm2IDhdQDdMqU6kVGiXNTyRy9UHAzvCaqSKsTZPFYuA2IS13w00
+oIPpgZkwVmfE6qkapH6XBF2aD1CvUJb1UZKIT/1XEvh2p1ag2PyiFcIxp2WRx+LTM3XRX8s
eSXKy7KwV1ZX85GAndGnR03d1xAiU1ye1uq4TnHK9MYURVsdUq0v7Q2TXVJDZyp9FjYpm90
A0jKbK8d0C0k0tvKZwz9EWIC22y4jml57G6Y1w4dpndENOTpG5XDzZWnohmMIRqt5RNM/hZo
kFSJC9RLRsh0OsqaDvhnZVRTZEKG2UteR2XLZEO6rK7rqmNZfMLEIytVuhOhUt8uyubK6hDz
2XMsjMICFGnoNT1wlumJptkKz+qY3Jmb9ycDzQpIAEcxsqdWn/ZOsLoxwLYiUT/AAPBlzju
uc26Y2QVImfrKy91yaIxm5ZYeq5n5ii2NFGHScLWUWWt1EqIVqnKNF9IQzXcfr4jSGdVIY
C5ej2Ti+7hshCMGctoXxdlmCkGyh9ipGOuFyoBUHYXVgtMCGFZpnCKZ+If4wlWUp5cdl7ohh
AgSoBEFQFIgYOCdYoSgxzgwHfom1G+gmA7q7hugrK8QYnzErmMKGxKobZGpuUk+7ijITQ1
v5UuUAKY8vPcIHcrk1XDqekKxBCg2KLgbqtYcolaWUK67oOpm3RBzdMeUYAFUwXhoVfHVWU
udCtLircqsJWWLPwdYhQdFbAEJxa5ZSL9Utu03TmjUbLh138Sm7UJhpZm0TcnonMYeJHZCIU
5HUSgzW7oI1Rc++GqCIGMFFe+HZXFirC6kGyE/wublhGKoyoGry/8rmuhwhlyqXsa8jYr4TA
D0QzFTT0XPAQMr4ZiMc5UMs1XJJTHUge4xltxuF6XALnLv2X9wfkK1SmuUsPsVfDVXKstVa5
XLZS44yFbVAOsCIZdkMplc2yJiQnMyFzuyFOq3N4h4tf0ohv9/Zy5jJ3Raf7TtUXNE90+rT
5Q/ZSVCvqpGyynGF3R3wibYBSbKaAOVWIIQ2AUJIsvhQQAuYAFOBvKltgrWUDZbxupWidnYS
14i2yfl9IwKgED3RgzUWSSNdC1ZRmzd/kWcV63fuuaHe4XLFNXefkctlgThCkXwJ4QWUusydz
fChcUPId1WephrbVQ5dllnlUPRAv0UiWneVLU6P384CsvimyDQbI5U5kcx0KIqIxt0F0Wsq

4stML3aicoLRqHI5Who2Ts0kEJzx6cASpKaamp3RI0V8ILArfKvhdem6lrfddBhIwAhTKLqZ
UVIc4o8T/WiljDw+q5eb2QL2GFJFk7ONU0AK+DnvT6gYDB1WuBDbhaeW60QEogKXBGbqQrwp
IWUyua+BK0g4Z6d3jVF7jldDUDxAGoc0k3wle32XfycvzOa+BkaqxUv0VhCkuhCn/wDyRzbl
QoZZTxJ7LKwIx6ijRzcq5ntBUVWZ3I56IdP8IhpiUOaycGcxKEO5uiyk83RBrrKUUa/1FQHA
KWuBbthzX9ley5NMOZGLyoIwujl0wsoUwYQLyIT2yiMAW1VJdE6N74y665W2+fZaqKcOX06T
qrqo00IVzjZXwBUUsMSnum4RnVRuuYqGLWDg4mS4dUXUeUI3IU3sOqh5nvgVJ9akhQED1U5VL
vJDWozEoHUnZASAE6AcvXA5nQs4u5FjhqozGFI1Unz6/O9asoWqOZxBU50JdmaPKcqvhDdEb
4Nd4gjIqvA9Y0XMIwHRQPWiwOhpVkwWcufArsh0wybJrdsJy2QiJ7rnLT7KyM6lcqBm40VVn
iZdm3RGafdelcjNUTUOWFY/491JcIUuVtESuSYWXLDZaY5kSTfC6gaI2jC2ETbAOFoR/qctw
vhl2VrQrqFmL/wgKRPfH84zoFy3V1LW/IgFHMZKaChOi5R57grlH+G3hRG4XKeXdC5UzJCs
pwbGF8AWDMeiOYZZvHkEjRVHAXbROa6wwkLNEouOFkPFEZXHvgMmF9eyzNFu6g28I1J1UjXA
WU5RkKQSVZqTK5GwP8AFvoi2nMnqrYwWmaIaokBQFzXCzKSeZNdJc7spJnyBfCMQqh1jdB
+RhqaP0wGDRnh6zG7eqLw5U0Ag7ogKXTcGqQLNYKxV1LtfEQRyWWq5sJ0RzNQUtED/EiEeIc
q5TK9JRJFgvUQ1Rsro3Vkg5Yw69k0t31HnLWnXZXU1QAuR0oAnTBquFYrhwIWizAQMGifVhY
WUMFlc6I90QRICdiHAz3XxbNQFMRN0xobFkQ/NbVC/8AharqtL46Y3wjDTC2EnyaxiCUOM6G
jQogGQhFIA1xYFp5SFdHM1AaN6BWW9MI3KvrhqrOK1w0BI0J2TzPrsfnalTcflCycuLq3zL
Y6q2qombx5B5d1aVhmt5dPPotMdFpjotFv5tFphpjEKzb9cNFyhelaL+2T7KHNIw9Yx08mYE
FWWh8gX/xAApEAEAAGICAgICAgIDAQEAABABEhMUFYRYXEQgZGhILHB0TDh8PFA/9oACAEb
AAE/IWbFXI+vUPS0ja/3CPUBYHnzCigYJ5iW4ul03xHBYEYfKTLAHmO/EAJWNLeI24i1Ifl
QWVVoYZZnhcSs/DfDsiI4ZbH4QjJ/qmSTXbhFo512LEXTyGUgyqOkHXky6Eu1XfDEtCLNqHcs
JijD/EtQ7RNR0WhePgT1EsnuMVyozVMffHw/kOJhaL/gzG44rVWpSQnahcKS3IEB/wAzMOcE
iXwTTmgLTWuUUbBbI9LkKDoBuVGLZtffANHX09Eyzj7KuYzoYXQXMwjqtM2I4gpn9kuZC4DB
9K8yzOEVqO5UtmJPIL7VoO3+oRfnRijqY7aN8PaCkleWvZnGkB+YxFiP+6iXmG7grVerUF5i
UzXuRHkljB6ggXVf3eIUX2k9TFVdYdwvQosDv2zNPtyYPUYIX7F+JnkduA+xlslJy8O5qbrn
KwJbYNZ1CpmduvMujK0sV1HSN/ilpazNgZlAmeRxDjtpUE7vTy+8tkyBMrusM3cFtTQXsmpO
RL1ZnUI7UY6iRedUB59ok8Aa3cccdU1p28ELJRd0jiVwAw4prVudwsDuNetBmUdGctwUYfu4t
ZfkYLUmXgS/B60Zigr4j/wC9NdA+EVjrlOEDQa/b+NI2rgy+LlkHI2GT13lq7yw3RvuLi6Rk
cnU51N9BPF6bx2viCg2BCvXmZRV0B1UTKDz7wdxq2HEGtRGHS5o9ynzRk5LgnXqBxPneP6fE
3+BbyhqXNngp13BhVb/2pL5Z4D/uA2pgHH4gGONa0RFb+j8mauz+oCUWLEKD35j9Ighyi2n8
BMkebf2ISWNEOVlbdztOhjyQS7w0HmPKnnKpBsLIWOG0oQKVOIMOqjXiYmA8X0ILrArwPqC
PQMh7CNaEXuTzB7dMtQcwascZ6TXCoCPEENagvyiqqAwrr+5k6if2JgRQM0YVY4CFjU2qmeD
grNqaxTo/1M3RsB29y7lxmllKVTIYva4x5iI41ockxnUBo7ZmpSmmHqUDkfrHBOCGY73EhhJXX
UruXdwWQqnySza7IHUvJgtaogD10XLPgEVoMzOJdg/oRWQ43vtga076ooss49cykXROU3miO
GRm2PMrTrLaogjNLtLdoxmu5mz/AFsp/wAIACoprZAAwovjmx3B7yutuY8bXTgGfCBtiGmVD
dE9b9R2oRV5XXBGIyuACVYrRlszQBdihVgvNBEqpeVqN+SyQEtSpyjDwJhPI0T5LCZLzZb7Q
bTDAnBSC3Hubfvo/mC7ooCh6ID7cNK3r1LQC4nH3LhkKdX/cwsPT0i0VyMtmWfbEoO2JQ89W
KgyCGrp7izbMEupA/wAWSpM4EV66R1bU4VeCW6Uoe46m4sQcOqtoMMbkY8yh3JzJmamxC0vf
p8wTzQE8SmmMxq5hjqsZLced/UYBbQ23cBh5Y4KBmlwn4RYKqy3CP6ktm5h6RbqIDTlhYxA
JrADjWG6jYshUzXxc+scUH3NRVA7jm02hujrSRZUfqPE7m09ZaZgRq51E1QW8/cuFX7HMrTW
VaswB71UWyBzCxZm2Hf7jhJe0zMgIN6G/GIUx1A2kFgPoOo0BFgTm/UfEVdSBoexOLcZlZJ3
lZ4UzUe7K9vLGvZpOpXZsy03BosFyx4couJdPbHL7mRrZf6mRhsBDYyRAAmO24Ws6YULjpb
px74HYxEYKkNmwPTRG2wF8I3hRG1vTl3CR3wP8A8XC4YNCOpEtK2wGCML1GUOR4IGC0YuiF
eDxQgJpRrHuA0rdvwnbVpHZB0zJrB6hccrV0vqFCh1tr2oXXaThRbwshCevvt4S4VS3OTfg
RZuIqHFqLTclDDg1fRqPcy4sHuJFlgTij7bAJlJnLuTVkynqltsO96dwYDNtm5thTrxBKAu
qgBbu6YMz0sqndwVcyhMX4ZUkxrzK1XU007gmL+WJcTWFxgh2K/cjdAN3ba5yLRGawwdQ7oa
T8jEelrh5wHRKfgGlP6rGBRqV+qWmyKbbY2awzjQW28W0kV/XdfPqVVCmsjuXD5G7lgZQDW
mYvY0PiNbYeI6JT27e8sd6yuzslmftMFQqaGRcoH2CM1LRnZfKMowdR2U/6huNJ1fmoFpqSD
IldwYSjevwnnEGxQ30yksFl7DuOpmBx7uUCHVnMKwEP/AFzGFoUCVNgwNyZlBvc/q4TAoUrr
uWimMY9Sr5sl1fCKSvUW49wL3BXEz4T5AIGqY4kB4pQthgAyDLt6mDC2MrqCvGbQ+55DiGAN
QwZpyWKXzNPQ7aQ2G9V3R0TPP6+kLLLHFLN7kFoN5mZLVTKmA48TILoR4f2HxahgrPKK0F0d
y7OXek5zqdkvKo2KGYjVDDq0ehLcpJ/YYZFfc2YeRd78xUhgRXfUEDjyrklgxq1xCWPa+IhY
PFRuSAU00IhPtnl7mbkPnLU1aRQ4qLtaqFoeJt1wozFXT28HmV2HZM4SoFe/i1C+FVerrSJV
uA6IPwT2Q1c/7dAIaLK3OQCMUKcr5d2Pth8yqp4SIFoziiKL7U7+4Ts8IN44psDxMjyeQXm5
WfMIRaAFfJK+pvH9viNXIrNy/wDUuNXcUHUKmd5CiGEDkw8QcuWWgxghsHJtywhdSujzUW2T
dsHZC5Snrub1c9Z1MiCaGYI2AGP6Wwi2CtHthzqzXHub7RibTGkQTRAZ1DmO5ySK8/M75lio
znQWD+5X/wAtm7lboVuSo/u7lwloohy7qBJChsQnRtoLK5kVxU2pNOI22wVzGjZWHx8DyvMWT
qolfA30OXtHuXYh/aGJbOChEaYgy+YbYpu2FLS6us3L+ju17mTCeKHKw74YNHnEVtAlJ8Ld
mE6JSi7deWViEw6hv3dF34g9PnuTdQmlrD1DOFVMCKHLC+ZX2HZlvBLzgdLMEkgDmGsZx8Ql
Bi6Nw6zqqzAgaWb9QcAlp7hoSYZqDNtXEK3kiNziPJ3N7q6JmUX0TB0BOKOIKYSMIOWig/LK
G2mM/wDREFX0B6jv9AwhccGY1m08P6Y3xEL2emD0C3W55iWltckjhqqUyjuvMN1vn1AedN4j
lflk1+Zs6xnSilT6OpZ2joYS54v8AaWI1Qw13NFVTP0lkeAOhl5NUdQ7nIkvhlo+4OXURKncC
GKDAmncv1ETR1KKq1krE8OR5mbEI8ZIZoykyEZZT7EVfR4iNc1bs6/lpRpWqSmBHtljUJHdN
MwPzt8iVsEBd4+fY036DHaF4e+CXtKVC6lsxgcfiMIRapujmFj1pnHBESTX54QDQGbheio48

R2m/shqwY7eUVbimCiHoQyK3YxW1irZjCCYDZTZGNWkgcWARQmofog7jpyrV/wBznsGuZeby
PEUFfW4eIu/9pRiC4F9HhlnOEvrFLABcF/iA0DLXiAJkaXiHdT4Hh2iUAOSc+Yt8bLLCqo3T
7iQe5ymaodb5iDeL0rteZ5TVICImoOQ0SgVDbyeEiLU6nUEEe6NRbg6I5nH3r7I+N8cFXxLr
fUQ5aznC0H4zBr4reBPM2ACu17lnILOkMCxDCpk8kw2ItrqpmPJk5uaLhimF8q3NHRG75FD
I8RU21c6naoWswKGLXLUhfczX8PXeNrDggYNj/uOjIHYdCLXkpmx2iyGVb9yuATurrWPeej
GPwGsdzE0wXLActe7JZcDQMXABFDyDY1ukhtg6gEtqKzcMeNW0+IugexbjEU5RGtdzISNe4n
xyRD5CAOXiJ74c73BpkDoO4ucjwOris85YUzmPJD1pJ7JQczl0eCVkMwDiAT2AjBVFUKIlal
i14Sui3fA+ZxaKOXkiws67QWMLhmQilAPy8yzaYVt14SiGGvyZX+1icPcHZp5T9HbzEaKw2e
tygwwGfGIq110jghwwTIAof/AHExwbvL1ODM26HmUWsrV14jsWAsCtTSw9uKMx2vhGOi0Et
IjwsaXpAaU/SSM9SxxBat0OZTDoZZNCsSlvwolJg0IbFC1erCFFNYtED0FSvrUKtvUIxvRx
7gLKasxnqF5gXx3AqFlkLhq8vx6qxK9IX1HzGhgGkkqyWuQ7QXKHlYH+JmoG7BKRdljwSKuA
iBeymaujwynYqj1UFd1Cx9niUADsO0T4IOUv82RgeGITds505IFYmsKB/mM0tX5IzA5oekq
p5a8vEUwCYdIYPt+WWCUMWGOsMLjL7LTUyqZMrGe5+2PinL4hWMxX3LQCciuyUvVVK15fsQ7
QggchSOSamnDO+Yy1BGjwEhFsYKhGgelt5a0Eyi5g/qXxc8sVylzQep266yJFDAPJ6fUeDL1
5Z+XK1ygcuseJdRdcWfSEaG2NkVcjTsThMm2YMCvzGjKYbWkwXQ+FkYjRIHLccRmh7TFvt15
hCJZu/KO6+gyjtR0RRrzXbS/1DLGO6eoduc01MOROqgIruWDVYpOEQI340IFx7fxqDZLnjBo
HMCvDXQmajArnzRwimTlywuK02wh7twfHc1If0xEmiOyzz7JhXi9MdhiaY+2Z9KcReBFWJT
pD1LCbcjYF4jq2KmiBYLnGLI2bZiv6mfAFTOYBmCmQpcFg4nOuPmEC+4YIYVS9wkuL13M1Q8
zGT7V9TrgTBDiYOW+GxAGE/CUJuQ713SB+gwFtlvtlde3HbGMkJmIqPAbIaktacQW0C/DxNa
3HSyp42CvQxvwO5GphOsEC1+93N0sGNsXRKOoQ6TBhGn+omyWwwNzAo5HB/uVU2tTB5QZg4W
/KlhFDDq79wJPDt89QkZLSTjP6sLY3H14HmVZiY+0TiVv7Jn0qBc+4pY4K8QPwj5tGICyGtA
epi10q/4icyyZKfmvN9ASuJCu41ZzCv3i3GmyuAlrRhGL9XC0y3mOkM60iCKxN37iQ0Z7YV
rMM7F7jAHkGrAAAoiOROPJln6AELpoOu5sGBdwTt5JWFZlxWuhXuXoNb3zCBTVnMYpTdywm9
1DzEwcAfVCJXyDmyJp0u4lvqx4YLXCxF29R84Wik04DU0mlZDrerNxxKpKPLDcw5dQ3yhym4
rsGMIMEqqnqJ2F3JTxL9VsjSJM6g5CTgxxGMdfGeyUBc5ealK83YP8I4sC8jhRzRjZkOvUPx
rZ5ZyS7e2KWd38Sni3X13DFFQxvMIdwN9pU5dWJB3bdubjPVyv3OYPja1mGBzHZAqg4O4Ird
/wAgLATnLm+6Y/hSxQNpb6I5JtMxLe5Wgcm6s8yxFxpwwqbyi48afiGU60is1qC/cF24lqRa
U3EYNU+parU38JYpwG+4EboDrDgDAjPHOGTdpLctHHJwTXcdEtS2sEU+mEviKeLxOHBYcRx
SAtpC2fSCARyfrOQXuJiP+hKryLZN3CxWZl3KCh4cRNfI3zAsNMHhdwkWmJSMWPVPhEfsUAw
GkLZdHddyooVcVscgB/8UBRYFi2VfDUWt+LPL5A88L2UIjOT7jzRsy3MSOFihvMeil7LDDG
2Ca84t66+5IYAM3Mol3x1L7GVfmUyM2Gu4I1wBLtdPK3Cb1lphcADn2gHSRQYdrClGm8oe50
5UiLtbMx7gHA5I3TW57Hx8OoZiLnn4u9oPBqMdxr3wJxcSPB4y5Z4PDiw2WvIKKXY+paZ4YU
VrMlxSbq0Gnj4q4mMYy21pbtld07eJRCG4NqWpsJNwncV4gd92xDQw5y52LIVWM74Kmmw4i7
ytW/hEcq36SvSpj81pMicNu4NYP4agLi8yCZMPuWDP8AIYFUts0BBod17sJiVRvhmTbxCCo7
euJZCYLfl30yKHuly3RUaliw/wB5m7IuL4mpPNVmoZ4TqE4wWVzDol7ukDQWiWW5uKG1VG8
YIGmNFXEBKNRv1FzBw4PCbDuOwdkR1VdelyoLxPqcSiLqM1KX0QKq42TNOmp5gitCw2jlcEF
u4sExwy1WFp5IBoHr4ydNSsta9/xPjma7JEDqRhSy/4XgPJNqG7MqLYacLCiWeOLPEzmL58Q
wVB5/iRgB6DlGf4ncRUZmptmrvM5vWhtZlsQP3n/ADNwnpuNmdDOXE49h/cmZlJw+kVfks8R
s6+XmJQDIefE46BxHqqnUwqowuH+5SqtsDofNAi775mIqnoB9ygbVmfgrIyqsuPzExaqWkX
Ev1Uzio8XZG3o+BzIwbW51CPKSmJ5YD4RPBouP8AZh4JMeDqKWYtavuoZ9KuCa4IU8u5mD+Y
Q8slQ4ESHvH7/pWR8yyn+yUys0W2VKMKhk4ls36EgYSN+pUzvj1KJGJSaofLYSxc21v4Oo7w
x4j+F9wB4oQAaNwLIYQNSLIRTDv5pnc115nkLcsO3ZxfZ/LSpVVBVg1S0ADLDUmH9zSx9ojc
C+jMEvx+KhrW0sIDek/9RUsDqUYCd2mVxVCsNkWsGl+oX8yKEMmkbSI/bh4SXeoVHUGjvt
7ITZWRxjb7gA6Q2Ihz99zBfnDjLbw0fFwKiEj21KweAzhgVulTeLIP1LCd6gloPFsHt1EKKN
F9B3CFXiEdS9uhcmMiouOiWZGN+2eATUx5Su2FoPERzRANR1Zv6IaBcnOafjxY1L/wBYe9LI
y2kyw5yvAu4+XeDKAJqUMLHB4iMw0iWGl1h5SDcEYDz/BlpJY5wLh8R/JaI CamOyU1mzObl
mXjm4qMburYofAQR/UNuRk7ZwFkGHqWnuJabssUPpKhk9VIVXsCBVino6jRauq+Zbdt2dnEW
ZfVGPjUm5StTlscysKV5YUk0BtjH1CaIrwduW9uM8QlcaoNb6bl4qL1WCagr7LURh1UpLtY07
6JjdMeIBmpuvVRjyxVu3+4i4mSTgOXsriUMwi7hVLTiHxIjk4gb6gAZUee5qoL6TkhVokNL
eGXWUYccWU1ooyoXqbuEVrG/UAIfupLkd2xSotXlrKEjDJEXN4IZltj1DL/APCHXtCpvntr
+S9q3NLBxGAGqEegkbWDKOTwn/WjNSsrf60Q56/bLBvGyefGHa3cyow5/ETkO19rUxQ6WFxy
+Q9kry/a3mJQuGSntEG7mZJILK4jeZ8kFoZRBh9+4EMrFm3+ZZj+ofi3HPM2tsooqxDSXK33
/sgEhRsaYHXhu3L7ldO15mFdiKEwJQdw5zl+HfuE9kcmiWK2XiW10RwflRjppYmm9pS0MyoO
DcM40Qc1luZFZwZECuagWoUGznOrl1XWLIWJdzFwvMC2B1zO2nxKilHfmasNdzT/yslQYFAdf
yJF0R9I/EqgTmiglZKcwlgezWnNwycP8wtaMyhREK/RBs9uGOYmJsJwBefko4BSIR18CM5
Ch+f+LUo7Le2EuRnm5YOvbuEUr7lxy3Lio2WtrAaz3MVCgG2axqJjGnowJarhWdmBravMGKfg
hHz+7UqghixrglG5DASx8JbCpVuO6iCKJZt4YwPwxmpviN3nMsNwEgAzBiWq9mC/Zaag/gx
G2NYmMCCoddTK4x53EFG6IK3VSkImI6f/wAHE0dcvEwnFcS8PoiTdOvjJrci9XcRppKYLfjO
0b35T/EVoxnTDqUDGDepAnIxx9RU6go8MzDGbIDXnEOGzkJa93PMWxNFm4WkK5XkoJXpONR5
ICpdVnNup923CNVfVcJ+OCer4uEtA3bzLD7HhU7aKBsOo0N7hZ+MuLvofU8eEFBGzZvMEjd2
9REv+iRMFB0fkmAwceku73GW6h+gIjbxKvspmjflqIBceYM9OaQLRgJmcpuaRvxBfuUnbxE
N8P6jxG43Gh/MXMLnecV1K6g3/wAjhUAbxtETCapIF6aEpFZznM5HN215RQWQ+8PgIumpK8/M
DW0Hmw+lbQKCUkz1WqZGdXuAmAiPdQyFRdkLZ85XtvbyjI6bnZKfSuAwbqiO5tkoNJ5biw1c

9eZkvFkYg3y1/fTyxNVCzx5LT6haHZUH3LTS8blazO2VI4RBRYEa/gtWvaKXh2MQgI0Opmek
WeKjsJOIZ4leYZBTA+4BSwq4jnUwodQ7ykUcpt8zBbyEMU13B5G5docwdDLFDhKAhzN1MtL
IPYQ+PiXHOad/wDCwIUscDVo6iDQ4jtU5VK1UKQBgh7m/SfpB4v/Vp+0QHx6gMOAMEIQM+5
yiYmiMOp5mO9NzHsjdXEcbHcsfkSmYjxHJdSzE5xFs6jaBsbmCnPAHUuoS1YS8nWarhpjaxM
wUXO7cEHRvhf4TG3IAmkmSXRNBtgu1rw8ETYYV6mOobHlmPBonCfsSswacGnqIVwDwNRVYWs
TFDljKrJtSjphqDC79yg/wBFbFLnDKGkbp19bmAjVXLldxB2SqMAIFiSzhpBm2phnT+a5lyv
io9WntL0ap4QanBM41wYnniRJNVpKLDiHwQvsjLjZNLlcBbWUXKZT1NA5I9/UOgy4fh8MXBD
cIkHTLPEKIqPKYmEvdPECFroqKrYUtiCDnqY9v5bCjWwTnzMEKOHNV8yvXxjOVM6oumie8G
kx9JaihjRziC6FhbNhiqjTM33KJgs9vEcbwwRh5XxB0+IysB0g0B54urDzGogaoEeU7jWkC3
g5JhcVtcpy0viBb3cQYIyVrHtDieGamPIL9xb12ZubEYfxZZxwuiZmW8agu2AbuAbh8JADye
6TIAI/SVzOLtYqE2vqJT0KnolEtjrMc7LzeoWUBCkF3Sx8PGXsYmfc8cseE2jSK55nYfKmsQ
BQm7DMd2b1Dyygr5iaXJXuWhi9bUB9JS9pAFWgwHslSGcFmFMIXdsw6bzGGBd04nGEq4cpsf
MUK6hX08kovThhi8ksTvUQP4E197cdRJ3fmB2q97i+XwgOIYx7n/xxDhztD7g37YbXlIVJ
+JgQYJmJcZcMquXAP1zHs6JoiqO5WVw1L2DmRX01xgWzO4FDdMsOCUIzpfNk4c+6nuYTGK7
jl+sZlnQKnpSaCal5mQuoaBtklgTHkXMzzV71QQ031FSUN3uf1ELO5cHiP8AP8bqDtfc8RHH
rUpBt9EPRPsG+5STg8RcwFiLsyw0YINQR3iGVdseZdVxnAYIvcRQtQZXtU0qD7MX3J15EVJx
hEeXiVHKoiKbvpKuUJyEpuJun2KUiR6R7hr8yu+ycy2aahq/MNxYDKY/UeC+ZmmXuebMxXZc
A2hKdRXNiGkTBF8ObDiK7qxHi1wSvlKVZxiuXtW0n0Mp+9l3dKtLx7jbXU0fUdGC2tK48+C
HlcsrFKoHwRa+IQRcrNnPucpRKosmjQm0pYN4JoaXaEwJkzC7ihQrxnN3c6hJgLiXi/c4So
XDDGkKciNe9d+4lqv2RAKwoRmfrOcNnMEMc7LjpJVOUTMLz8lWfmoMu5Vqjaif38jEHmcZl
Re58s3iLw+DMZmoEspX8B1NO4yrJcS2BiSgKtThRvC1ut4qezbjBbVcqmq3RKmrUvb7mQytdU
sBvqOmvEzc0Map+9iuFJ92Soi2XgmUAEJLtlACJEYsLG3sh+8hAhSwUNs3LNz9iATn6LiPOX
9sP3Is15lgY6ZuilgKs1EdKjwpx6K3nmchl3FCt5jDcBTMI8Td8S/e42j1DQ4DCCBxt8L8X3
LMldu3KvUwhKmkS8Mao/wCKcJg1ctYhgcyzXDny2GLFXcHPxZQFz3ES1gzcQJlPkOYszez
AamIsURY8MGVYst8xewqBQqRXn9qcfli/BM2bKZxXowLQxqVwcyrsHIPU2mUAW3DqUp0SiVF
XXcwjSzxDRdNsZIdA0BwhRricJK6qCBgErOb5lbpvRgeOTCs+JOOVIEoeQz1EuG/jqosviLK
eoItmHv7KhRLjHwWI/G8EKmXY4EOHol4MfRPakzrQ5OYcMpY/Uy4Gp9zzG6zmWlel6jB10Vq
DBNMyIiPcftEuZQ8ESbANMbcR/hBnEgBPAMEyVwQuh3MftPs9w+9mKB/PNsCyp+CXfYysl
mMwr3MV4jcDXcwf8xQYqxmWYUU4MMrUdNwBh3MUnbl16RmrHqNQAvpDNjk5Wdy/FTHBMCeOw
eBMiBMTb7JU+SQMJcyCYBg1PkVc2CYcx5BpKudCOPubfAeJnuEwsG2O8mbeN1HL9rHFXTL/I
JtS2R0FUFWyuN1zAhrUxmOIoxSbAwsVMOXY9BKLvqS3S71DR+CwziBcw0S/iZEwH3LmxcKt
Ht+LFPx8vcWVBxA5VxMXglckf1OZhmjsFRnC/wCpRrTNE3myanuGcyFJAIIA6lVyUstQAYe
odVa09RjB0qXfEvyim7WkWmZV+Zgkxhoht+ogmGdscWOGTKqlATWXXJmi4nAjklwLdRqnEvA
gEfSRr2rlBLpPBxp3ICDGeJdB5jC1zFM/NTUK1EgmWRuZxOE2OcfFQ4Zxh7Rbg36huBTKZ
ZiPXxv7/AIsHNnxdsw07mOhmMPKZiX8UQlpYO4jFcm2iwsdE2eIcHdy0m8QsSBUotjNeIT02
z4jpHmjEChjnzkl6dEg1izWJ+U+F4fEUJL6t1lhD4HMgfBj1MN3Dn+QsRyzH3ipbq6T7HC
q251UsxKjau51ftD5mLmwOIRFHZj4/AgNkqHEpxu4NU17ZvQEJfM1e/E2YI4TlqCC2bGONk
5wZTEi3mb8RI8UwnOTcs9cx1A5gUJzOY+fzLM513iDxRQ137ArmUPXFkxHwxmHfPBKqoV27g
Ky41BegrLl9lXVnZxMES6ECEMngjo52KizTW8wbRBCgevjGcuxq51bBgOoFR/8ARPIZJ1Tc
mQfaXu9uJsJ4qUhd6Rj6TuJDOD4dBlyaaAbil0UkejRhKh/3HwOfgwOZWXMcjMniOvmbSrjM
k4K0NRKS5CJGv47AqYByy8GEH9sxnRUf6wZ+Ksul1qoBYclTUQ5tlOy9SXFICEVxY7CeUcPJ
EUNJc3RCQcuvjwPsQW0f0lkM6DBeeLi9yhff1PQ0OZ0M2dOpvIFD3FgvO+yVYq+atD3MW8y
yr3ODLzY3gipMFJ4gTFFcypyDBGYmnMNCrW9JemWZEIb40rYQLQZp7iotj2RzdEo4ZkGsEcgw
2MxG0LIRZ0RYituUhsmpUxqlStyg5QrjiOqsStlxwG/KVHxIRR/pOIn0e5wumck0fcWYZub
XyWNCw0K53jbFwo2jcuZpjAee4Fwn3/m/8AXMbFIPUBTTY78xctmTNM5w8w5TmbMuUbYJT4
PJv3sVzBSxKQLxLBcur5iBbk8ZzFZEqt3QdwZdYQYT+GThyzsJWEZsdwnhj7guaCLEasmT4
UPtMyphozh4Zq+oyiujaFjdD6CJFi3p5jSAkzhgjUcaR0nwm5Q8R0+XxpuDiOPi9JUFEEqsl4
qBTrkiBmrSEeVzCko9H+YkIBZHUqLmVPQfD8KDNnKaQ2fDbMBypMaRFomq7nVF/mZhs081M1
7lGoIDAlGJSFisuphiulQiDgnK4GfuLBuFepTbBRdawVcsFotTndTSW5D+E1RA7gy4rtpli9
TWWtZ11Q/i+AfQIR8IQG+ajNmmM87mDuIPOtitn2YS9OCZay2jzEl7TQzaiOYImul6BsHH4Z
0jNDmC8yFReZbrFwh8gkuR+QwMWDmEcoBmCOsNsFWmQvH5dNeEobhAShmsIr98FqGh4mTEh
ZF3rDrMktfge4G+IaqJec6diV5MuY5bfSVKphis/256SgBbwFRhniYxmMivjQdO5yhGRGoyL8
xu11XXiEehLzHClwKxEQZW2eXMPf+5kZmkOXqLb5jtXZBTMCDOHMtZ0xRA12zm/Ue0DuXM0
xY/4ioqNwXMgaruLrebA8y6ZR210zDgYPtHA0seJcq4lhwhjyymYwDzfMhuvwj4nH80ZVj4p
WYAqFmFKlYf6SIV5D7UyDG/6nuw5evczkL98Rfzg+CucyZkjqKiz/EFfyfsjLl0+6eCM0bBg
e5AaphCd3AYL24ktD11McM85wZGE2g8kv+6NWBFBPMYekXeU5PMWkYc+5s+5U+6j+BMqlvjJ
c4/YIDwZ2JQTM4rC5Xg9vg+6hWreErQwZhnavci3DaTAm2fuqbKjZKWyYIsAELoaeJmc6kbo
LnlE5KmLcmYwi35hPasCHDylcfuav4uYQYObi2xLjCUfMQYD/wCE4iM8Ss+MZ4PN6lspg9Uq
gEGC18bJOKC5hx+WH/EdaHV1AF2v+ZiGV4neX4amImijFsNeD4J4scSpNrIbWBcOOI4G36sp
YECbgvYNupboJiyOkVbh8FamvLMHJP0QIu49qQ04MjcGsZlt6AA2jNSqUQJyMJJA6wlt5Wj1
uhNvERcaV01Kezz94iEOLSKIBwem4RNkz1mu4ZytjzmXnN+hcY3NyofFQinhKm2aTpHkuQXH
mX8D4uKucfmJwZWb/MojAsHmemUK10lj+Y8pkekgye4b+KyuZkMEWtyGWw2uk7lv8AesPsqN
M9YlliZuCDE6wlqcCGbc2JkFgS56jSAtAYNRQWmg6i5a10pKMldTHvdZhlpQoJUmoV91DDON

iBYaLGFxsvX5mVaiGIVxE+YVvXbydwTFm4xwstplE4lhU5LuHQ2ylC47r0RsIBD8EMGOUL+
5UAsuocr5YstvmFTWPOR+Nz7NwCV1iyhhdDMV3ZeZTakwH8PU/G3zFol3mLDcwEuVYhczz
OUvg3ZPPjDa8orXZjyn4QMzV2JsqgqDLDTm8ej0Q40QO3UVJHycQWVai7BcHUo94V5Skrhbc
7EauXMO1hymVCpZdaqb7nDmBEyTMPUOgKx6mrqWVhxKSlXLGJ8BkQkvYqZFFfcVvb+yWYPW
QID2u4UFYU1EY+EjbAbZhxGO5yTylEoLWt+Ihzjv7QiekyRVcyvNT28RKHlfmWtajhpx1FzL
MACPmLgaQTxEllFA1m4AIjtXGkZfuUlygoGmSXSJ4jLdEElacvCVr4WyI7i5xPUzo6SoD/y5
2tM2PE1OpmXvMvrmaY+HEmhHSeYxny4hrvMM961KNZi7DPMstn4CGyB0y2guuAZ+5oxhF1u
sFlZgPcOCRwwAIAfhLoqv7QviX7iodpZcnuafg5hGyBvgjFvyqHVtiDcIlgQoRhDNK+iZMM1G
JhxDP8AuE8F/wCIQRdu4vmw6eYeKXw+IXGrFwSSiX2TPcanjmdTNurNIui+YxPRNqODCN2A
38V/GI85U3cZbrtDYFck12kvGbS2nT3HdTrzGhKZ+Aws51Et5lzHYIen0/qB/INENh3DvzwzN
YMQ4fFuRQxGnKc8m5Rr6QiHZGWKT8QXwW4lhDh6mK9jWaSg5rdTSHn1LD9LHuLixEqu7S7g6
yJPucxiOjL+iPcLiJYKbjrNbuAbmNHNzqFw/MGn/APSyF9gZQE9wwDuPy5WNwvyS+I5luVMo
zmJw37q1zHiv0mFK8IHGteDuVRepf70EYV8xQiKidLUaHef3TfrcuxvOGcxxKt05iHLDN/M
5S4+YIsVed4QnsE1QXIv3pnTVgxhw+D8aP37Sk7uomvMuXvjM4b0m/C8RirrSX+VnnUziBzl
rxKkqctR0lGrY5izqn6kyLZMS4Z8BKgJLOwlrk/SBrszB0ajUVIY2qZuKhMtz1MXuQrrIK
vEB9w9AL8l8JsyqU4i+ye5XmG8uiZbkRPLF4hGX6EX+4aVob0eorOy0rDtCGHBYmIPiCzozH
LBD0/FwAu8QkWnERblEiDeLmdGag17lxhLNF6IRGq0zT936RxxAcioNCLL1cgUukfrzZiclc
Phz9IYroMf7lOV/Dz1cCspncjJBV6y4HUoS69wkCUaazLIGPMFqpr9OJV81LzC5meWYPV
pKcQXcHcqGTZMoUXdzKd2nMqGy9TsECG1reptgWnawxlHYHKKtS78Iqt7+5cxrdPzMAOEnN
1NHtmYhjzEqJ5JRycnO1zPeLxMCOaMxriZuJQsZjmPcJcm3DLspRof2lYHpgEVu4rFa5ILX6
QcY+00lXTuXk1huIGvC9sv6koGD9Tw3IwcQfrhwTV86MQc3mAksu6mkbDDBcEqsRImuFMTh
EBWbw88yoDQrZSm6lKYMy3lU01H215nkhqdlcJppWnqVCPfJK8llu1rxLe9M7wcS7zGfOgJ
VPkGYe0MQcwz1isS8R+gEzDuPTzOGYUwfl15vl2soZF7ZTcWxKYnKMzUfkwU9xCXGZdd6Zpg
g15sbgDwjINMTLxFOGLm6WLO8RPLiO4XhEL/wBdiWz0blk8zSaD5hmd1HD6hr5LdZizxF4z
Fqi9O4FAVXcqzBMGodNR4fcwTswQb/uKD3QHaxYKPGIaAzWEa+sDKJtTTRaxAtdMK6uj6l8
V3eWKnIH1EEN1+oUE7mZHCv/U48qDG44pcxjvEF7aa2VM1e5riZTc5pjwnCgjM5Jg0OeIo01
tm6XXuiqeoXgHJPDkhO8oo2jbbqeiS4c7ZYivhCzMwJAmBcHpo8llWYFMuJlfnIzsZifUUN
1mfQThDXkmrFDemYLji+YYUxBKsKOCBVcxuFfcKiHQCWMP+yehHVSEopwJae4gzU6lIGQp5
ioGA1EHbbh2RjNfQ0hoNsatcmVfwEu4hHE3AsjuMpFf9NfFnEFEKh/klbuJM06YSA2i17J3
Tf4hcmXLQauR5qeGCU8xKznLRNTLwMseLfq0M+xJTOrix56TxOEqDQ4ZIFuYpLxM0JW5epr
sUWdCGRdjV/HT45T0evhnDP0vhDIwLHJE2tJKsW4MxZbHcBsGzcKwNELLAZXJ7gtJ/mVvWhl
obhBY2on4Bi133fcrS3UchwThdpA9kwx8E5lQvAZlYKnFuOUqv8AKCniGUyJjVnXsRbx5no
cnaDJxM5qOpRhzhAR9pphr7m01ggRvW9/aUnl3kZYhQsk+0WPD3NjxAP9xZOHUyvS3yEus7
zoMUwBlqZykFkv4sm5mDOEqTlIRPYSmcGCE6TR8lw+kGUon9b4gl6jxzTU9xhrO66iK1riJg
WYsjKutXFqNywbRYgy3mHxRXcxkKpFxFu7oxhwQkXh3pRYW+Epj6lkVi+5lTIX7lkXh5ieIEA
8ASvfai9TXI3VxZvooTzwwelExFaMEMNQrdGEcDmYDDl5n6iZlyVL6HPwFgz8eGZrjllydw
ErqB2mDL9YkOkFg8lMF5KpvOE0lCrkSj+r6lR9sXuMqQgw6MOILcTAPXxaG8yM4Q3ppzY1T
MA7lJGOYQ0OczBgJvzjMbfkjEX3CdcxG/mTdl1VzNU5jv9MyZhzRLLH+aYAleOfuLurNcpj
iDj6qCKLcCjUZWeJL/zSVaw8XK6AXMbWbM0BUM6mAxYzATKOSffIMz2aYc+7AHgQv1holQJX
HyVHuhlRrYxG+madRzNjCKuJShwzduomNy/Dwi/E9ABGeVmPMMEcXqMnKVkmE+Zs+S7J0EaT
CncUrhZL72oVAJUwu7uHoygbQW2IBwOb6iVg4sJqmk88R5IL1uZZrxIpW+HMVlqtYpkjimO
4G53Vy/mY+yaR8ygEjhuPNZBCCy4ouNPZqBuVeI2YZDKzbHYnKRpk3BlgITmoPiCU2dyq5R4
8xnlmgSqlQelHALCjSDONbjdm5+zMAjUY0LzEA6VnELN3Mcf6Y/jvd0h8wczwMycXbG9qZHu
BIMI+ZTBVPrs5MtT4c8YrE1zzCpKpuQEzTcYwo88R1W+IXrWMCPiLYRY9zB8jDVE5IqOjAEI
rhS/NhdRkZaLpWdRgKeKoKio5i//AC1UMo4Z4xvOmp7RGearBk/zxwV5MpJibiOte1/1hQb9
ELWSg28xMoLnceWU2mQ4yJRPmfswQwOZdJ7mNKEGzMSfPLEG6EN+jP8AD4H7U8xcZ02w7y7N
DANdGYijj18C4HiMx6Mr0gjKsDjZgPMILCUGcEzXuDEzjCZnAWSxOYWyfj62uWycz8pYygg
RFhyzeddTX4g6nbHDshNGKn4zSR1VqzzOMep+jxCjIVEBEUOaOIHDwuIFR6pzEFXehMzPwTd
sN8YwdAyTn6YCydzK8B9MurzJHhCirLmTibJcqFjTnU4mG4/bZxxd1HBzcvdSyMs/NQqBgu5
5gQihtH6dw2RcTiIVKfAlc/xGUBdnkgQ2qpxLJbuwYtn/KK7G0pj898S8ZmIoYB4v4aoPzTY
+Kx7TLymEmYEYxl5G4bMbjvwMUW4YZm2PWb9JiWncwpcs8F/oglltHUfEvM5FiJqiH2S4hZ
Hu41XaZmtupceWog8soyQ4mOnZiHAYY64qqaVgy3+ozSB9wis3iMXmTKW8Zc6guUA6JhMa19
OJtdksumMibcBMvwhkSCcQUxPY79MTJPvIIdOXzKY2GSKMQaKdw1jairO16lhmGj+QlyjVT
95hitPEyn7cxlrmaAjqvwGiwpJubu3UDM8/mbfj5NidTT5DZSR3io53KKiI7EvPbULLo1AoKq
aSniOrft2IxlWIVCG38yxRzcMmZlxcMEvMrPl0eZabmPkjencUwwpyILb5TJmZx+4xK2Vds
EVvl3KRA6lwQaMRsL2Y1rkW05zLVoaUuiEybLJU7YylTR67lJnJyOf1s3mY9rUwGBT1QmQjg
mA+YLheLg/ahyZkocQXC6W2NIE/JQxLg3PbBMJF1KMZnEzVNz+EJX4JsHDLiFb+QMImydNgm
Rm0f1Lym00IQ+YIYdoFUxFdeGYtgwRCfjGZ5JeOI4w1D9BCTdfCGRFjzFtR1ZVXz0YgyKc9Q
1r9YVhP1Hhk7vUc9QaInKjpiENbXcFnRqrhBTiitbkeOVzh/zCkyUyx2oypgL0TEOa+ICBw5
j8iDcmXD4FdcV3xzQfjxdRWMoRmOHcMNj+DiHiG1NB3LCCjrEQDS6l7eWKjxM7BPMNiPx2+H
ea/JNJw31ML+5QnmbDGIZU27S/crT0iV3mG12Q5FN6oMDxPIWFS/UyODN66i431MSCx+kExN
UJvSu8wwHcFTLD2ZUoMaYWRV2xIuZfiBZtmpW7mYJhVUeytW5coQYyTUqnJknY5nW8C80al
XrNkH6ozbHMYbPhWPGTIK1MTzOe+CdV71Y8zj1KIHLfNF+KFul9otg8QjOpVWVnhNssA3jqc

vm0fGs2lSs4g3XKTIHny6DhPirMsHdCAJnHfqBbyngpSlaxiXF0ZmSK1NE+sUyRiV7/FTIEE
dXiL2lzMZlia0jp0buFifaO2Zxv4CWGhKAYoiseBZBJWlSuzJWWeZ6Solsf6YBKAX6RiCveOU
zViJXuYLR6HEQ9GpU+AYpUYmLqahZ3yRWiuRaxKedytYxu+U1sqQZxjWDebfMsilRP8AmhsA
rEeFai2QbJNs4iKssVXE5Tf4ZCOJrmHJUCiBhDAU01V7IcRi6jb4yOie/sYpqbSswzzbLqh4
PMYx8z0FCrvSpsChAZNTjUxE7BBQ/SCcSOBUa+PPUYHGZ5KCzpkDtA+ofux4huiJAd04hB
66mOfVDevX6ZVvMkPJTOk4b0ID/3Hiz6SfYtG4eDcro1CcwA+pkW1AVS7eUyWK0dRYzT5INp
OFQOFHecPkbmsGofGxDcckjX48uEvxxvyx00vRDIh0m871McCpFHSW8NN3FpPcxmKHBMI0Xe
1y7dzAKjJMGrcMHY6pSldSsdElexh6FgtxqPCxONGTfT3wp7ggJjK/LxFWxdScksT6Yq+qzS
+yjutLF5xGGx3LVb5J5djDuEg2eF6gc56iJwRIKh2Q0Fkd8TqwxEtUV8y/hVufWYIxbHeps+
bb41JxnCZ/B2xaTHMyGKmmafcieTX5O51K75qfMLGH6jMadoajATIHN15jomNtAEeZ5igbx
uazolzLPBC5eJUBOyYzI+yYusuoBUvEZng2XCMYXiAeWrUdeMD1OnCoNT0MFKxYEVr6uZcMp
7Yxxn+U0P3t7mn8DMr4L9wAKsWVC5VnOeEWamMvUpk1t7gU4OpeZYhAV+KyMcEaMzBCyqGaF
mz+N5x3X8Fsmk0j8OmveTklcOWUMWLEU3+jNTOPI+5kPEdMPvZmYmAy1DdZmt0x5xKSc6K1L
inEoAyTCOKoqBY8RxeKjHbVJNok3fJoP3ApP/eJa3cWQQzKXfXpwwZy9XaBv/LBP+0dy+og
cddyuBiWaGP6SCDAIYhxDiGA0id2baeEw2zxNIer6fqAgJmddT9jqMN0kbJr/EG8Lca6y/U
NBn47xMgTGDjzBymWum4aLpK0PuYrUJ3oQ4FLuU0buK08zCQyWNeF4c3mWEHfH5mOEeJFH
EwMMMYOJW2GGalD6ji+/whudCCziEevRGLoQrERkuC5waQVMdmXnXUtSOIjIxnEHwrh00GL5
n7yjXbHOs1p+JIIPAWyeZg8z/sjYjfm05xCOGU5K5hSsyZs/M3j8HLuWSOHuVW17jpy5jF
4rVQLHRzAVY8GXWIFaXMT1iiW7VUKGAXmJdrMZmh7dwf8++zubyOsIlyTiLuRTDgIbEwso2
neAVbly+5195krSxozM1YLnieb1k1KCCd3uMRQmbRdTWxUMpsr8EwFGEqJ4BxNszww+scvp
hcOmyQuqgHGJjawMbIJ+KmsCAZ4MXKA4smgio3uVsXh+5n7wOTBHbGUPOY67xG11EF8HECmD
pmz5m8qNyAyZkmncexHN4geT4NmcEctoLoYkXVTLCXeVwbZb3M/hUtaCeWPHMIgE854luVN2
gvJzFZF+LkYK9TG2iiHEyI82jHzl1folqwEvcfZbhfFrjCqzLizCED3FdEpXkU/rUw3yTObpX
LpuFR9vkl3yS8RUcPIIcQmpNZQK77lhydPUvNkdKZt4mj8GpXMyY+4gdo3ymccQEmRLyE2fF
pNpz8CqErnDyi1R7LnKb3xGMQ7AVhIHIE5/G4QDvBJZWOghqNc1E2zAp8Qat1CBxiPMDoGYZ
/Eqj5nyrdTAangNxB3E6iLN2TJ8kqgHNCqLR6lOLUxxuC+JgrbAjisoStuJfxwmFZ5wf1Kn
MYGwi8FalCDALiOTR2duSVVLvfyLEHMva1KhZn8TJQXN3xMDiPar7lK3EmFnMTb1KkTFHcwo
Js/jY0XBuZQOSVoWpmszLW99wrCoO74mbBuK0Cmqi4ITXAZ3EFvI4IAIvT4xTXfMqsLqmfXG
YUcqgD8l5iPqYqU3g7TnMT1F+6UZtzUzBSXDWZpqbboxMgmw7mKVKS8zbbjbxkTQzTTkiu9Y
pzuYsCYYDewJomBf3N4RfEfquQ6YTDqLhIse4D7iNMGYXeMTjMERbmRHUdVuYmVmbP8AECI3
nIJANmsZV5nLlOZixh2QkQuoDnu8xDTLguYqOCWk/cwH01P/oigBLvmPdpog0Eam7AvgSBe
BT29wlyHnDN19zB/KWUni1HAW+5WiY0ABJlE4e5gkzZQ1fzHMPcEniG/qOpqyfequ0dom+y
ibBXiULyY55f1s1v4smFRghxaRvnuCqJdlzl8zWO1wcy5+JHwfjE2me4OI7ZpF3qHbQtQg
7hKXYTSWjzBUeId6l9GeOZnBXETRQzbo3fuWugtmLLF7mxgGQixwzEqC3mWn1CsKuofGjeYl
IgcEMEOxzM17mJ7j1RDt4iwkCV/sljpmGKMLLUTA7CF90rqZfAC1eJ6KmOmLoseDKZQ69R+o
rwXMIb4gArMMX9xjCbWovnmD1Nh4lts4l0efMdkWzZFH2EWwtGjLHmDmO3w2zzUpGiJ9xqVc
xVNveIXdsNMDa3AWcUaMsMKfsirMqlcXMa1xHep4lXuN/bLzruUi27lmbmF9o8wn45dpGX0g
GUFxi07JcXxFSeklRrcUGMELoMTKeZuHzl5uWnSep5mNuJWTO+NemL3dqh7gKxuXUpDo+5g
T+ky4ajKhZcRylw03dXO5BFO46jeze5CKb7x8GSKDmcpvDgjaiZRqQKVMu4/+kV3sFndzGaF
g6myp31Alh7GoDFOxEpoqhTwYWiQHmZfSArS15X5h56BQ8xw/ELlx8OSVe+DHpMRvUyrVzE+
EcvVP7YrLFA6wjZk60hud34NtXNbCa/codXRZNRfqcVcIYfS5n/DGMusQmzlOM3XqESUhy4i
xxKjy7h4ImszxHcdy8zO4YPUUUXmVmfGayoktIAWDCe5qVWZaHLFUOu2V1Q2Vsgb8JEPMXE0
xAoEn0mSHKzzMxkRyvAIsU51T0tOHn4qgt8B1JnJzTubFaj0ly6Y7wUfmKLdj5RXL0mCGnU
2+JbMuAmdO4I6uyeO0VAqMhITfWpwK4jx4EvNkUp3v8AU2+F2VKzKRXmYhotzMBRZBazcw17
+HQj2izFFDc3Y/E9pS9xYPEMjW5ifplgstw4iqu9Ziq7mwNojMQUc1M5Xqzgia5pW7np1My0
OIAthiMi0iXzS+3uGZRThxHRBTF8AwltPjLXbHbFteYrFu/dlgeY5mostxw1FOFu5Ec0ub3
MpyQ4MOMQyBmbxMSvBLYSoKHxMUoaGzuaAeHxKpUHrNzC37mLafQTOm05o4JdEYcxjAWYnE
dsClw21xvFvaEVrXz+BxLMQzCFFJTCY9n9UNX0mYAtVsG1PPcl8hrpD1CuYQhL2GB0NuoyQ2V
L2u6JQMnARNJOcwkRVMXieZXcvl2VU7RamTHhFAH5EyerqAq7g38D9mBXvj48x2uQTILM+I+
Y7NTL2RwZkt43NqWeqYQ8M0qdJiPEFso1IPTmU4WZMK3sSjpMplkpzDSiJ0Z4QBK3zO3LeJf
1gOR6m57mbSYckt8RqTFVUND4+mHwptN/wAYXahHEK8g2Ste73Hhm7h8viKYLRLYKzurJchX
CHXg2So7kYQWfhocRm1rUCu33GHRnZG0FNWYucgP6SIKmsCJqPuGh9RZYbIq5m3dWYy+cUoD
qbSsxCitfMqJ5YcTYbi2Uy1jif3x7mZL0wxWU44m3juXTSbRUxQeUAAibv6hkzBNce5kpbz
EHTca1LHg1uZiAfqBpLGqhhXnRBZ3DBd9sukVaXCyu7hEqpzq5EXyd1N8/UIUeZiDEMmKS17
xKUvctuBcrRdWZmVknL2lkgMufqCLzw6gAZcA9YJZID0BS3cukmctR3r03Mu50Joi8pbhxK
cHBX+Iv6KROYLsnMCGkHbEJUydtS1xyQ9sauDzbnFPkUGM8firB5qURVJQXcdEp7MTJbubyKC
hwYB/n8NE2ZVBix4dM1mpLBW409mpYYmBdSjtNSINwzHBgTO43YX+oT0C8sXWd/45XQ7weqj
1Hr9kwY6e8cEvSzkGH4HEeZtGwHMCVUTHcotysYJKQ2HJLQVZxNkg2cTbvEo87IbYzDTdjG1
QJy7mdcemAZ3YVLcdel74VCZejGZE0zXCY0bLaXkgtDunhAuEbOHuLDDWwoJyZBa4ekxk11C
qDAIszGdoYK7pqdzRTuFPQINxkz83K21Kpug7iZZWre0M0mGRv4LzFjDcFQbRbDM/aQa3S4e
I78pTf3HTFD3PLkbFP8A6WQLbefMDp3LpjGhlgAGF6dY4GruGnxko1LvqZaLTxLmqWHU8JzC
K6hXGJfo0SnMWOEsNZVfmN0vKatUW3GHYguFbZvMEIcrwxkgBRODhDV7ZIRaEu4L3yg1Bdxh
R2yKexctvQrgIVbcEo/3IFgOohi8CJRhrtiqUQkMU8kbfYX0lk1NBzOGM3FsnuHQc2YmMyRi

YzuWhl7fmWFmK5ZVUQKTKY/cyWPMepV/SWIEM8zLJcphTrQvuhpViSPTOxDT6pa8VEcsMO4Z
jBwJtJXaXthRIUhRHdzNFpW4CWpQEcjFOGW3/BLQiro+Kr2gNzbBAFVW4XHD9zckOiD1BuDm
yFI44RT3Df3xMALLcSp+QeopmWfcAZsXzsjL6IoxajaZMU+46kigr5ty7UKqjU2BHMkU8u
pN3CqauOivQLwOpbEYxfUPkLihN78iBm2Je5UnEuE5zFWIpeZleGPvLC5mUMSgPubcykriO7
YLh6MyPiC0rgRSYtoQSHQhM8DH478opTEYVNSwGuSbBAzLsJAgjRUZmonLAhqvCoJisU3NIL
hfrdS9+WTE4RHlflxGBjYaqb7lrcTbY6SQkKMdiJvQ3DU6QbfBgBiMxdCwgy1gi3qDEwdoU8
qzRLtkMLvxCo1UNh4is0S2HSFVP7UuwHwgyC3wQghDOLWluEDEepCu4WOUOqBSWq4GXxCKpu
LWOULM14n6l/pSnqIHQR8IBZFYzIQ/fZLLSi0vtBXcS2Qa8goSqyZzxBnaWUPukd5176Sri
sM6rJ9kC9k6EHmPC0gt8Syjb1UQBgYjFglVnMrfM9CxESItFoCod1g/bETUIDBxif9CEhSF7
JqWnjle46mYVW2X0FIH5MtsEuLQ7dh4huKR4ZZReAiarceQqCrIQbDMGeQXC0yR5XkqcCHEL
Qa4l1nuPQ2j7m82yiXaZvHUf0qhQgFijEFLI1QPjOxmiGrS0QXilqmYpitWoZepxxjkHufQy
9xzR3MxDnIOxjYQxDDAmcKHJDyxHgmSZhnBwEJhuZw0lcYI9TSPNeYqfuXAcTscxchp0EMzZ
d35h8gZbFAK1jciGNQRuM21D0uWhzF8CHTDsYFootSdFsOE4o1V9xM4s2jKN0S0MyV4MG3Ce
QPMumgjMiD6guBr/AMIMEQqYRxc51HNYVKmppUwa/CXx3DKooOo6yVS2QpOJmVjMeXucBOc1
vmYILMMhK8GGLO5z/iaJUGDdinEso8Te40L7RYeyeAh0lmWBgRyiqYVvRFMrDjuNDU+9I2yx
7n6RpCy33AN24nYltup2iMFHmaXlVMOLANqj0+63C5Vgcw5eZL6MyjDpEC3D8oUXuYQlbbM4
hUrZgTVRgYNj1iZWoCe5WmAaeyIW+gcCZ/rfFAHJiGJaBYKM7AsviGLtzKXxiUL1CFLkmFFz
Fgj1ROYsTljZM5ThKrx8Cl6ckycPg8YqpKGUtlXLTRDsmo7zKARrI5IjmPqI34Hcy5hrer/p7
SjYcBwTQmPqG4mcOUhmXlzdxeEZuvc5XVzIOBRFV3Jip0qJilXgA8EVyYhX2B1V4HuU7ArTu
ZFWdwa7GIsjeyEvXMa1PMIPkbtDz/SFIFieO9TikcddQnVTjzL1nAgRDNgizuXecE72NqaWj
JPzUNzaaFTV8yuBUEvTxUS+0srzG7z8NobfXxHYSWY7mc5SImGiDApmI4StfGYXHmO5jGAJs
zJfBQRMz18EZLEyPZxHJncps7ZkDxPAodg2oRxm0SFfc/zkw+4m9BUyXyMTXbMwb82K5EUT
mzuak8GYrY4hrvT+YnF9g3MipYsvYlAcjUyyF9+Y6+aznG6vEC5uyhId+VPMaOxaMcd01Hb
7lQOlckVbl1Ttd6lUa2QMHPjtANsbJ8G/Rs87eJQLiuN/huzOkNvuM1coHiXDlzKsOHmYpuqX
GY/0jMIBf8x3N/gZj2xmLtgnAR7rlCEUupZu7IXQ5csFoMOe2FY4ueQG2AAqggjJPULeVhL8
SfQI1F01DJHhC7PUvgOUqB4P9kRcrZMwjV4TGP7GqWWHPGAMQY23UMqbu9mUZ53DNJk7zovu
ISo1RVuo+oC1mFicR6EvVyy9ycn7lPwHE1fetBYZQxEWtALij6CwS1+bf3MC+Jujz8HJiwJl
N6lLPiKycJsxYMrXmYZJeSWp7nCO0t5V8oqixml/ELaIUWQm8Z+QAbLiHjG4HCBOtWor5K2D
ZHIZz73M/XEVEAbNfuVVRyY851wWsmY3XKMLFmWC1DHGTcKU4IXAvwbYVcNhZmQKBbCDkZR6
mc4DtmVhguCqWChsqbg1gz+8SmGLSdxvFjhB2Vw4RRxdZhaoWujliZRRTRHhm0zDL98o/wBZ
rKckw3C4mKq7TGOQPEGz4p9kShvpFN1bpmh18G3wUOUghLJiDqHZNxcMxZf5ThBrGUNpWW
4z0Jkpg3H5oL0yZRHshzCl5bGnRK1OhUIqzTOJiOQEE6WyaAcluo3UHJtuASqUzKwa3MQBzl
ZQlhMkt5q6l8AHxlcXbMvpBxXZbJzXlW9RBAPUElJEnLNaTe8+4Bg2XkQPSbw18EVkbxMTC
yQlsJF534mslXUWhYgbia75LhklOf3HNjePEtd6exxF5pc3G3WJL94pu2vPuBnY1v08Q6Lrx
CbSxOZOuWwsYrc/Q+RpMF8ywTUIs9PicXxax0sTGGHMycfAgKnREFyFLExJkI7SKt4jll0vm
KZvaJXteDuXg/wBTDCbZe5fEHKDsK5hdOmGLwhxAVdbitStQtug3NvEOC4xzCuCi+0YXmFAF
11LQHxiqu2kudIEwbaJ2Q3Kg0ziZPusQip4Q7g1vuFKUXuH/AAIcQtk0RxEC0D7lgJG5NcxD
WyzXICLgBZLNdITDBkOWFWirwfti80QKWA4s5hETfg5IX5AnJ2Teck6TNfxm5k/VQ34nxRB
8d3wNDMlzKDiZ6hZ3mUJ2bleeiIONm5QYrqndKb8FUVp3DBFyPV5ZbNRdwOoHeGv211Bo5ga
ThlillTQ6ZsDAjJOERUrKSD3n1mQlilczpEkILEbsjVVRKQBpRjPwgKeTMVTPwPrgMbl4j3
SoqM5ZqOdRDTbFpgvT6j3C8AYbhXK0TqFRJyZZZcYY26IWCQsmLoh8zITY5CAo8kgoa5o0VE
3cdsGSb9TgHvqXDKKLSXwzQuGjJDq4obllzFbNsBg+L3msmOpcMePqKIR3cSTFN5ZJhqMw5I
tQxKEuNaOGOuyIni8SwsxMfOpmiUguTLqUWw0TbMGR3BALxGE14L9jMKHOJcQRWf86gsKrlw
w41QjVQwAOQBzKgLcb1UBrALzDHVVyEpYzip9sWLMuX9RHeP5SIF5LrxM+qaicJQD3DmL0
dGoenLzX4M2ZuWIBTI5JR+GkUEL1iw3MiyhVHMIt+tsY18W9pgSq03djIROx+Zion7AI3W3K
P5IKVyx4lJgeixyRsqrw8Z5K5mJSKnLcCwizRGV0zzII6CU9qG2BDiWTiVFCW1KXiCsexyTI
IBsw/AmXaib1cwBxN07+P6jqmtHmZhbFzZT0CZCKup7YccbHXMaFRCK4LZTMeMBW7EER4W9E
5Z144qVh54jAawlZsge1fUKUqce5nGuhiYBFhWp7ADkmGopI4NKMgf0nBB1NrmYA5fSBmIFo
N3BzBuzqIwzniUfaVuVMpDTWZXtHYwMQkG7c4iHAwYY9Ead14IFPhjPetRZYwMtSxLPTxLwU
s4IAGyCvxEvz6jBiEzRysemK552MayqWN4jpmAi9kqZsPgKaSiESeMgrUtuH2ME2lqYMEX8GP
cwGzriWyLwGN3+5mHYxUwC8FcE8WkUVkDJwIYLaUyhs8oTlj1srpYQ2smpeSQp46jVi79T6
LkBa4QutTAfbZzAFqvKS+AGUYRH5/wBQRMFEPHF26l2dlYOoF0arj0wzE4+cCVGCBWDyHEBQ
mr1E4gqkyftm4rKHIVM0OUC4UA0S0xlqBgHRO4hKwCgqRQijUAVI/5Jiz8y3MftxaR5naY
GXWinxGioiZmlzHMeupwvx3isShhgJWhcsoTYROGJYcxymxX5j2cHUeyKI/tYgtZGLJdBhol
SiO5SLsTM3IBSOJgqQ8kUU64WwVJStfGDCYAE0epWHgkF3DnrMAId1Q04EpRayLSLXVxAfI
c9IHJSVe5inGUXo6GmoCFE/UxIqFVBYYWam3T4cQ3QFrI9dqxZvRySqG8w9RltdxlgFR0e
ydSt1K4iWNqsEVWuDeao0FS6hf8Acgxhiguf4OL5W+ZiqblsrU5JUvzFmpgalxEU5qAHC4
gqHkJy9S5a3zMjAWEwMZYClghC1aU8wblYsDxaqblhyuT3LTxI8yrFsnU0ZdruD3hXmUjsK
6j4XZeYbax5MVED26l9rGmIpBjEG9XRyywnHjc2gl5nmDvuErNv0TcJQO6Wt8oBtVmIsvKR3
7ZQMtlxToe4QDBXaE35zEauOo3oKgFic3MujcktkYljETY3Dvw+54VkbjhsGvhEjWbKmmMaMc
R7fBlPbsytfAliURwpcrLEytMR+GFb5mVo431BYMuVFbnQuUxvpBUKQFmLeaAfAwvueI7bZk
Hlq43lUsDtHPtg4C09MSkHHDHUNS8vPmDwBacJfM2CHkO315goAx0wuFXG8xA0E2TILjII1+y
UushqWepXdwXjfiFtDDKuF7VBclfKwaiZFzEUanuMtoKz4hcQITgxZmLDyuWvQ9MvV4KyQpP

NpWX5tha1Cq74VqDOqMFOl2m4uC6wYg1Q9blqS9iai5Bm+kppnCr18GihDO45mF2MyelyuDS
POP0RMzUIOfwbT0ErfxKaYI7oTckzGJkMSrPgMopgQ0R3LxOqJjbFy1Ie6XolwtOICKgpRAy
hBzbKA/uN3pw5jrMqzCVDhr46lJS9Oz4g4iWDIHSU9uJVsuY1+kajaiFjqeUEHTlblrCEsAH
GbnYBsiUs8poV6ZlWVCF75Ook5qe3UTwZnAxc1d+HqGGpdzIC+cSyq9uniNkx7TZnaTyJVlo
sR8YW3tELBzKIN9qByKoxmNexR17g9NeBmf9ab6loZ+VMSV5TzTe46lYIBLKcRqiUpZgVZxt
EalEM4JD7jK8MhZKf0QVwS6OVofVKpqDcWrc5al3LDOpe0inLxKZD+Q7lYBKKLK5mAv2yznw
YIz36Uq0VoJwKsdS1KnOZZbCBohAYDrqojIbDRwlyHE8SoiaGvCZksxpnKe5pVK9pQ4MYtm
GKGCRepNXYPNnmXqSg7epZG004Yyqj+CEcgXNfFapmWaYLMmByw/caZacHie5UobvI/MJpc5
biFC56sLNvfCA6NZvxC+MmeEMDRzGsRruOZLcQHrVxskpYyYVZLAs2yriVFbM6nMxghn4yoj
gq49XcZuMPgBUuTMTGVGDmVmAy4llRFRGJYk0IWPOU9eP/pqV1uc/MquQllqt6NTJ6N1FJmo
gWHOSs3AzKMAm+suFRTg6GJZwDtmDjROIOs7S5xLwDWXctKNytNjdA0sLUPUzYRaphVLVC9R
FaGHhOdop/QhXNu14DC3OGAKmAMXTP5lqSurWGU16gnUPc2o9qYiSskFbQEAZNYnTETDgPKH
TeaEBI5aq5207hn5ElxpTuYF20GEajyh1xQZCk8m/ExlwrFMNYLlkMQLczUEwWxkUxpd3i+A
gKLT/I5rG53CWPE8IkF6jrjUy/cZW7gv5I3C2ZuFceddyhhLiUgejcs63AWnKzk1NmEC6aIR
siiZj/ZyoQHxNNoLWmJhI1c4i5GOBOnisqhbNGAmIXRcsMkQzVEhxSPiEd88BmC+0Q1pTYAx
ywVU5l/pe5eBegzIQAwKXLRjROGZnYx672bhicekpgZdX2Jc6s2WGWiOHJq4N23MtrUPPrN
kJm4ek/actCBWETVSqx5xIINu0CXeWJviquhZicSpBYnIB4mADFPQ3A1/aFVojhiV31DJ9UF
zF1YrISNtRjI5yYwQiC5T1kUvPM1odNcP8AfyEDgsaBtlvhAiSoq6pjLGEvmIGIclSgHK1M
KKgTyZkE951KtQJMtMlcI1syFByo1FGWZUiiW0gzbdQ+YvHcW02x4yUDY3GgHolub0Jlvpj
YC7phcFBwTYFVwrdsJpocTZHEuhyMopquvgrCx7qUxLOiMvh2los4IANctQy14SVD8EZZfPs
6g5zD8y4V14hcyGMSle8llzxghz223G8qnCV5/qFmiXWcysn5ontfUJVaWgh5mDqUMWRKoYh
DqUNMq3jFVFMISPM2Y48jglyEDH1yn9cxEZ0IsqRVIIRLk58S6azi5TAU2TPZwgXbwlKouCG
pbfUu9tGSqI+Z6RKVGu0jLG4U0+IZnhSz1BZx7WDD1KVNphPM6j5m8AmHYYNR5jZNM4m4FuC
f4NCyRhalqFPIWhZu3KKgPV8EwcVsEiSK01WYMgov6hkKwWpluHs1YLOekqppjwaYqazrxMzZ
PEuUHmXGNsS12ealhY50EQWaxEMv90ViARcUrqhpqxXiYHLt0z8JpjhVirj7GKwb7qaXpWeC
cVGpz8OvfDKCSjn4Z1D7pb6XglbAvceoY0NMjyUE1Vyh98XuYZXmCOWIHjXUCIPabuPTmIcM
VniIdEt6m0+kw8mcLTIXUMr1GUMMdDqVRB4bjQ28hjZupdxgCU7S2ou1bRtCk2+4ZfHggpf5
RMAte3moR5UHnz4mBGRINdHPmUay9uIGQNKzXoGFm5YfUONUz7mdLKxxBKvrMDBYpFncDk+E
0tO7UxftpQBm+3+g7jFvds7qWcalDejEBxW4dzmUCYJihHwKmdBmTzn+Qppj9lfdcWxNmIZD
DEvdRdzBrPcU7V+Bk8iaLEo05gw1KcLubm4qeWljiUoYr/Qj1KtZm4Qu3iOb5wNVcoSuryW
Loi3HLgViNrd1XExSjSXGJdwRzrlUE2tmIm6eiZqo3C0lqW5MXiAGluUU2v8BcaHmGDl5Z+q
sc1GIBiVJUDUyh8C6jJNd9y169Sh6yjTa6gjVnUrqj9o13W+ZhbKJWdwQuJP84UHGhG0lUf
bBDR5z5gSKoisO5S4G4F9s4vcLlfdHacRtLdMNPwr/hC3EEsVG8CAG0ehfssuOubQy0E3AE
X38A35curHxA1gG2YMZwYmrDRggItbRLMNIpOccShSpufay8yqZ2z0UpYagIUBRCThKSmHbi
EQuGlGMks3Rg5Tx+KmK4ExQjz0haNnuLB9iWhl3KXR3Kx6uYXA+SGmEHDazpArJ6gtATxHFM
yHI5JT4CFJfoFWNRCwW2rzUa7E0DqIiuYr0PLqIRddvjLdfBpBrf/GharMe1oSzDZsPi7Hie
L3LxUnrYFQABp3FDVmmXJEMKZbhX0uS4IKiwoQIVdRnEesZIKOgb3MsVmCsSrEwUiyb+CQH
AUzmWEAYuZEB09JXyNXPWLF4lvG/wcJ+OTol6rG5iCDaWW81DrdKilK35YrXRzEQDPOXGIK
2I3COopdi+JhBpbheWisB2qaJW46GOJ2eLTMPwughwaSUBe9xOhTct32AZe3wzOpS3/aWth5
M1Srij2xTz/yIwMIMFMgYBgo4w4P4inCfU6vn3EFgVdLEr0ReSCMtLXmCaFjEPuOLAjcczdYs
PYHtEtRha0HfMA67UKM3rmlo2gulhyZeeIpW69wgK3tinUQzubfWNdHS5Q0HmZGomfFqDcCm
B+FCGiIuJcwKwWIWKg0cXG37GnEDX3EuAHpzAzmk3iFmIDa3ErYKtfjIaShzHZLX+B7WPqin
awKhV1Fa3/kpZeoZkgyylvUcYIDVRLxUFUSunm43KLB1M4Aqxeady34Gy0QIjY13xB2mAAI
uLFqBAray8yKQV+SFmImU9b5IRYuUhLn9moKqysDgNV1BirrU3nL5iWXbaEmjomQhWpVrjNB
8pwGWaoeUsBRvhN8o4pMmJ+ILMoFG6SdOAU416xmVJjks6HhxKZuNjtm4VAjN/E/wDwBd/F
PBFZp4ZfsGuJZUq4IRmkziPhLIF6XtGMZzY0tq4Na34ISKXEu3wO0VfHwN3W4mCKsy1kv3A+
7AWQTLHar0Rio0tSxJXzKoQOqyFag5dJU/MDZ4YIDK5UO8w0Ba6Yg8DiZYHzF41EFXUHuPw
Valq3LVCWkKdzMTiXzUy0THqyvMUNij/AAHiFNjHyMsyAmH8GuP+C/4gpYModdxtY9SuthdM
GcLeUZn4vFQApwtTEPO5tEF7MWYysYyq1cFGTMb30Nx80/RnsTAYuHBHHkjjnR2mpN1Bp1cV
wL8xFYbwxwW2hBLzqaEKRCrcbb8zYHGEdDMF8VF0DW7hAuuBSDossvaMZcy5zpQ8InRCbKp
y5mRzFsGJhg7VKVdoStiN5qZx03n42V9XLOZQ0S8W/8A8GJn2qJI0uxuAbM7rfU3r15jwc43
LKrXmFBZ3EuENzVxfzHmluo+E6qAnWbO4niG3hHLk8vzcoPmIbaMVHqXdsYiI9QAmGFdFy/Q
ZeIGRRdG4p/fDOKLlzHOKvZxYQmUUiVWHM6WnMsFodRForZcrtVEXeOKsFLq18R/M0yGPJ
wdwS5onDD5Znu02CY3VczB9EwsN8muWYyXUBRrXEOlip/wDwJW5UpRnuHko1LhW5kgijspre
Nq5ZYHHCLRGCEdWR16QFuquzU+ZxYd2gsZFhx/ExBNq3Exs27TFC+I/A6isymGiyBfhjw3p
18KzeyGIPKRSyMvfcaAtuyIbWuLj/UEAcuU8ZlgxtwAI8GblwxARulFXB5ZgU+IZOEanpmzt
6hbWlmjMVaoy2viZVDnLo81C8S0gNuqyS3mOg3HY38Yrizj/AJMW4dbv2m1WNRlMUpjSyCuaq
WMTVVBdWMBuS3z1CrmMsR1qmLB YrbGXDUQtNQG+o7KIBn7IacNwaYONEQqBgYFcDhjsNbzF
PtMRWtvx41Wo7XGfiUeGpW+JW7dXxFTVTzzMYXxNnF09RCYiuyFFRanuXcG+4tzZycPwWpY5
ziZ7RGhVLqIecfcOj37Roaxp3PqU9Mz83Ldy3xR3EsEqJTF0+FtlKev4xuVlrxLIQNkuUA1i
eKOjKv8wfMesv1PNLbuKFL/HUok5JaY60hpgsZd1RWPwFzEBzctuMxExKxWZtZifBNqJhwf
KZiuV/EbbtPTKemU9M2BJYtZT0ynqU9MrymemV0YV4YH/8im7mXDPO/ET119t1FXpnmTzI
I6Y9FMtYU8iW7qLe54mAYpiXdYIPTBNKGMqK6ZaoGMEI+cW0otSELPDN7gtcB8orwfkJfChc

GBSEMu09VFDqU9MthX8RBd1E6P4nTYL5gnUNeCcGSU9SnjM0xGBq5//2gAMAwEAAgADAAAA
ECMEHIKPKAAACHOMOKNLGAFGPOOOMIOBCNHMAMKFNALNMPBBIJPCAGCCDIGGOBJDC
NLAPG
FPNJJAFFPAIKIGFKFCGIHGHNCCAABICEOJBAENA EFDNKAPCBGHGMJCNKHIEOKGGPKLIJPC
MPBJLNDLHDLKEPKBHCFLKJADOGHLLIMPCLCAGCEAFPPKPEFOKKMKHCNCOCMODAA
NAAME
DMDFDMENMMOPDLGPFNCHEJJIHDAMENKOEKKIOFHFFMHPKEPODNGBPPDJCHINJDDKKEL
FGHN
MBDLCCFPNPLPPIDPOBLPJCHEGBKNIGMEHNJJAACOOPNPPPHPPPOKMPMNGMMLPBIHJNN
JH
JKHHHNLPPPPPPNOJBNHMPBJDLGEADOBOPHDBJDMFLLLOPLALEEJCPFMCMFMDABOPA
ONN
NMIOCFJEPHENMODIGCFCCOFCEFCMGECIHDEOGCCMNLNLPGFHHIEMKIMKOKHNBMIMLIBLE
HHM
OPMOGHOAIJPCMJCJDFBJFFFDJCIHHLNLAHPPDACMJIOPMKDBAFKLCHOIBEBIOEGAGIB
PBMIPBPBGILGPOGLOCJMKGHEJGCFODLIKBOGOKIBPOPOCHKPGEGGGLCEEKOGFLNNDEN
AB
GOLNHDHIBKJHIKANGBCJECJHEDAEPHACPIPDGLBLGENJCKDPOFNEBMKCPLPKCLLDBMN
MA
DDNHGMLMKPDECKANAMBKAAMJKOFLPNFDJFMMLFDBNCBHPFBAFGBEMMJNMBGKDNM
NKONINAD
DNMMLAOGENGDBCLMFHFAAIGJAILGCOIHDMGGBDEAGONFPPDGFHDHAPGLMAOOLEJGFPH
ABELM
HDIHMDMMPJBPCKMMJAEKPKNMJACBJJDLILANDDIJDAAGJFBMOLDOCEHJGENEJACKFFPH
EM
FOFKKNGBFGAMGKCAJABKMDKKBIILELJFIJGHKOKABIDGLFHNFEOOIHFEFOOHPKIAEPFFCK
BI
NMFONEKBDJNNJGDOAFJPHOHDBPKGFDKHGBLIEPMAEDDAPJMGHIMGPJMMFDHBJJCPKFFJM
IML
ACIAPBMOOPJDPMOBDHGAAAOMKGBDFJHLLAEINMJHFFIFIEJDPMPCLGEAOPGCGICLCHC
LO
KNCHFRLFJELBALKKFMEPDANOOILFNFEDMJHDIMMKNELAMJCMGEKEPPFNACBPHEJAAGPJ
MOPM
FPLFJOHOBIFNGBNPDHADKKMCMMAINJPPHMMLOHLAJPMODOFEMOEGIKOGILBJIDHKG
ONCO
HGBBEOHKNBPEGEMOFANJNAJCMGEGNIDPLMGLAFHFMDPANKNIBNCCOODEEEIOKPENHAH
BIPKP
NFMOBLMJBLAEJMMNLCDNHBCAEBJHKBAJDMEBHKCEOGMGBCCPMPGHLHMFIEEOPEFFFF
LGAID
DMALLMBHLJODCAJLLLHMIBKJAJOHOFIFELPMLDPDJCOFEOKGCBJECNJOHHCGAOJLOHKP
HHD
ADEGKJHBIOKHKDCGPIDPFDOFKLPOCMEDPIMFNMDLJAPAPDMMOGMHJOKGMFFGOJNMPB
LPAFE
PGEEEFIAIDEOMEEMCHNFJPHJHHKJEPDPAEMGHJBDPJFJBAJMHICOMBHOPPMKNNLJKOILIIC
CPBJHKMMAGKPCMMCKMAGGNCEDAJKKIICKLIFCPEKLGAAHHCGLLCJCDLPBEGJDGCBLBCB
BAEB
GNKAGLKNLGEGMOIKEADGANFJHHPKOHNEONKGLAKLDEKJPEFDGAMFCCGNAAFLLDILFN
AAJFF
GHIDHKPHNIJHCJJANILMDEECOGNHJMBBOLEJHHPLPOMOGENEBNDFNGADMMLOCMNGDB
PHKMP
PPPOIEHEEGOBLONJLBAJCFIHCALMAICONPPKCMGJEPCEIGNCHBCEFKLMMIJHNKJFHPPPP
OMPBFPHPDDBAMKCDMGJJOPGLNLBHEBOHNOMNFLIFOAHNNAOFGJJIAPHAAAHAHAHA
AAAIIP
HPHIIHHHHHPAAIP/8QAFBEBAAAAA AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAoP/aAAgBAwEBPx93//EABQRAQ
AA
AAAAAAAAAAAAAAAAAAKd/2gAIAQIBAT8Qfd//xAApEAEAAgICAgICAgIDAQEAAAABABEhMUF
R YXGBkaGxwdEQ8CDh8TBA/9oACAEBAAE/EE1BtmmQp9GPDWqS4hRc03MlafLuKcBsrqUJCyB7
RDDQtIw2lAkwa+ol4W1tynW4g/oNK1dLyw4i4rIrtlMs6CBvRAfkBPQv0ylKpHV6JDeFAD+
NKScaNu65SqysCr5j5j8JfNKC6rriViAxJThPGoF0yhKL5QdEUiKREptZXk5hKquuoYwQgVM
uOV1M/mxqxQvcTYRca2F4lck3YjsPEVaFvRcrqVFxcOPH0jQkBC2xRxC16yvu3EP+FwjWrG3
r/hpDzBLWaNcy9UKH5zqIVACBF4qGJG9aEW5rm4bGGEVrwahEXBPe2rF8cUZNhHy3NnY7+R
eETIw3a9fCCmEKH8XZqs1zHjMlb8HbZ1K16JicCVvJqDiAx4VaPCa8Syqouzba+VFXpSQwV/
eIvy/ANy/K25b0JjanL1BKks6BwXgj0zQExl4Zl0DwUzTaMz5dRUOTlQrRFZ0AORwI+qInFm

m7/M1lq4f1DiMy2iI7WuY6LoJuxuc0Pd3qlEK/dYldjXqF2IU597AvN7v9SDBnF2nB2YI/2E
XKCOJ9KVpeRL3cB7iBMtkVXxG6Ax2yVxXEDX6yvHAFjEzUmc+lPiUkrEhOFHKzKGYNfBED6
BfH8wOM9LMxQ8sQNjedsVJfuc2srutuHxagUoLVHqCHC+/y+pYUcMltvxURjdxzRHMC42xsG
i6gcnx+I3WJsVG0Y9Iep3jHwU9wWHh030X7jR07helecliDriBsrrcMUzYbpgcCKPKU45jwb
y8QSecI/mEPcimdHwgESAnflx9xo/ZGzwHEHocCp005qyaSS7TnZeHAuyc4tDsQDr3Fm5LEi
GYx/wJJINhYMOtuw6tVj5/EUmtq8Mtxty4FcQwx1w/fuIpYFu0Ft95hiLMBJMqzmiOSrHagL
9FRYUKaCuwNHVR1JSwlYDt0xog+xDBwBUIBbpX716zeJiP2FQZB1i8Q10j2kd4dv4hZoAVNV
RpS+IpE0Fe7oOAvB1AiwqsPbp4hNQnNfmAII6wqNzDaa4iHA9Q7bkfEA6YKrD8wGWhUALWac
yhuh2IGcnljsmqhNPgi4/Klu4DdO2XW4vhDBpdIG3gq31KMt9SkVcEHKxvPEKw1qit8nuZ0
001Y4g02N5TdeI5A9uHgDn3CeJnXJy9InzWnH3NtNABggq4rE2ZBQttqdwEAQoqVtCGN1Y01
C7rUW7nfjnPtEEo7Pa+SCDNgbC1Yj8TTDDMDTlxDOwRVWm2XBVoFqFqV5i3hzoTD8xa6iWA3w
1ET1rUhSprySdjbnY+F6iXXmhN2iRCyVi0Lx4l/uG8Qsr3AkOjMtPHcoGCuF1yB58waCSrp
aUt34SKLFrljc1kiSlp4hfhBmjVfMTePKhRmuoFjuWVnKSgFkMm8gidrivDwvzUDKOCXSfEr
GqoX2UcMILfYkw46LYoyHVS0gMs6HiKk1qL0ZEgGvMcW9UxX1BNI+pZdQowlLoCLM4gl0w17
91BvAM7z3Vg9EO5UvSaB9OYLgSS2LIT5AiRN2BoHZiWDmOrgHWziMFq4WHv+71vdDpKF85bW
bPhKz3I2NdQUBb2FdOnX5jLBIU9AVtqvuaAk3dkWis5L1GS3bwSuSzXaQy2C2L9kr4ulevmts
IxilxL45y6tha48OOQS/eNViAxMYcnzs+Jc8+ AurkOJkHAKo+fZL32mLVxfgdTzBAMGsVZZ8Z
ice70g5ivzDTZFPW91qOKNZW8L4fENAWmH1r4iQOKMYmB8SqhecAHS+fUbMk/Hev5oKWqBY+
3SKVsBYffl6hdth0k7LrPyiMRJdqj9sZA+jo7eziDTrc2H5ncy9uIUuavcyoC9XgXhYxLuIa
b4f19zD5OMByNrAdsLc+PaY8Wqmw7stxOe5go7fuPQLE1fQeY15LrBFz+vmMeg4Q6K+zNTiO
qXrwJl+JWZrOoIZDgMa7GBwDKviJE6q7si+bDyiWpXU2OzXERjwqZG9u5pj6hmQiuHtlI6z
Ct6fcr2vpwx/UKGTe+S+8w75byDifDNV1jJyt85uUaABNTcAlo3JdJxADM0iDaL5hgNSkTET
aUDysTUXGKpdsIaSVLIAG0vnUdEPTymMrqM721FDTBmH7IDKXBRHNTxjhA35X8S5e44a+A8Z
j6Qz4bvuioujtpRfo2Xa3ESVhdAVeWb0IqWG3nVL9ks3X17BT0Q4I5IdZXIvZtQdAdDo8wa
KLcLYTIGB9yFL7dHmZK03umXdyRAtn1GyeLNxZ8prrldz3E4rrNU6IF6cwsH64hl/hUJHny4
l6wFHVvEOeQ+fHQZKgRocA4gGUAtodPdx6iEGAG6dsWOJ0Nq2Xo4jY85znUr1oeDd9Ldx7ID
gXlct9Qy/B80ZzlrwfkfEuCWK4ju3I8dSrGKjDc1yoFBwIV3Yd1CEWyFRprmVewiOmE8yi22
vpT0dzCjLFIZ1q4vCqhXd6Zd/FQAcAjjsmdmy8VgBkCmoy/iU3SuR/IKVGqeho0C40AoxOax
jHE1j6ABzB7FX0DZfdTGUbJkernEQF7Q+49Qf9OuhOH31K4rLhFkCIIHqWit3d89TGR8Gmi
CKLj2RwuZQybkX/GM3NLNxnpt09zFYTvCf3LNDd4J45jWWigND7g9NW943RDPFyDKNJ6mll4
IXioMVi+7vRe2AcXjZXJYJWZ3BZ45PczikzQ6B/iVBMyWzcnVERYMKuNmBqDonMosl6TgZm
apWFILZ0iLfcw11zm/A7ma0tEEwPIMsQunfk8rizmQbUXDF85JRCkUw0H+eCQMYSv38j3B4
JxsDZAkwXoXWRRblfuKc23Dy3hoIB8I3hsdys0eIXSwOTO4R2MIAC/K/wAzUVxgVvzAQtQF
bZE63uOFO64HB4i5wYNL9nVVA+tN1GFZY6YpcTtxFZoV0+KPEdeXBq6XVxHyVYyhe31CVYcF
zTtBbiKSuzK03DEAV0qBvSX1cI3pBUDK+5ZZfej6n0EVMJwst7lShDOXtdVclpbnSqy7Ocr7
LJvDQ6uog5AUzVq+IWNQVx5GKS8YQTsvuZOuLTIE53ruDGh5hpdRe6vB5IOCYzXAJmGiyb/B
iRtSipo4t6littaEkL3qKqXYcGIJKgaUaCVL3sI5X0l+bclE5+pQjV23TolzOEtFC9TjC4oP
B2ZiMcYCG3yh8dcLLEg9XmJFMZQwF5t9HSjgvpII9RU+1TbMyXXAFFQtwyBgo44tg12mU1
B/cLI+ZTuQppqUpbEvHQ+I5UkgsXNTDpYKBexmhH1Yj5gDQqqF7OY4I40W+64lyAhC28jWiu2
VcU0MbV5nEuUym1cXBiworKuzLgcBoTGQoIpVvUrJ4tuk49y/alxzzjmAXsoG118nHAbOUqZ
PCmilBwcQu76eEPPbLJlyhi+6lq3UTfvGktC4D1ALM+0efdRT/lxjocZivK9PB1p04mxvUe9
g+eZitombJFJ8BH0EAMFFL7qdmlEA2BywQaivIUZe4F5QdlBz411M1cfw0wqX15BXDgWFC44D
gA8Q4rmwovLM3N7S/BFaHxajs6hkYYzwcVIEV2C1X9GJladGSQtXrEot/wB0Ivni4INZIVES
i6TG7FRXxXWaqSaivI3MAKiHmC+eYPr8VSpodDkCLNQZ35ms5aotKuPUadanL0Vfp6iplFBP
YnMKgyqADgWADMFOaRkpMTzqZ6qrS1inzmfqgHEzFAXuPV+1y2eAlYONaWUD5gNFG0Oo/UKo
o8xIdcMpNpCxUPBERomlzXfoxqPEwvZAsu3HRDJkFrBTnrZIHUh55gqgtSjweoAVXTgdXVN
Rz8bd6f9zUOf4ux99x85d92GRPEMCAauDRRzUPAkDBeoJy+nleYF6CaGnHMLBjbodz2ZUObt
GGfDfibd5t9YofmVt2C95j7prNul6qGy92Ypb7jq5sh1DuZHSflbRXJODGMriiP2C7VjQnzC
xVLyrV6gd6VWA0LzdRKpwjObAS/1IO1ZdVz6ixTWi0Iliq0r3w+9MvO1JaBlWJ1e1xYpfij
sguyMivWYKrBfoARlsq4Jdp0Rlv9Nh9+b13sawOTbDjblYdRVBhQxeLYxvP5RjHyFI9V7T
OEOQi9wkhMgoU0Q1XCotWG7gimbrXX5EIqgi0BxGOXBHCEfGnPgif4mUN9y14f5hwQAins+N
1FYgcEVmjQdHUv1gZSy0h5jyKcVpXmztcwJbcLXFnkBayq8F+iHWaoVedNjLTDWwlyiqJaZm
3dKjaZ1EfKUVWqowbGYY5FQZLXTLiGFmAWHbDFtoo0O1Sj8zH2wWLjOpcy6Yt2AlavF+ZWX
nDQx32Y/dcEsGU9ThS5CclIzUDqi2jkX9Q17fT6xdSgk54RTFN4S5v7jlgBXLTH7iOQRbfI
AvXIRXn7hExCu+whwhq2rAL3Y4lgXcAAaRM8R8qC1KMV+IqXJIIxczwSII44/EzRovCMXEOH
V2+vaH+XcalSljKV8t5uOjXTkfcpuUZ6xC401hub87KMq9uua+5ZhFWcl8ArhingUWKx7Kh
aD2IIXdag9z0FLlcWR9keEJm3CpKlxxV1YntI26IRZxDruDzaIVZrxD5pUMjH9SxNENy/XuJ
/CVWiqV4RgjD5ehv3UvFRQiK15llwlpP/Qbj4JDECVRLZtwdNufi4a2BnqtK5nVUCm5gMqPl
648I4kULaTHbqHctSD7VCBUaU+Y8vUIV8NAfI9EPgwLBNDrmFYMhUaO1nYGVf64qWNTpy2Sp
QTCwyHBEaiJbQHNY1aRTH115XpCQmbryvcfcZsy1kMHG+yCnzD6c0FbxGaKQ629BbIn9jT4
Kg6NQYUqSs0QGxTLrB3C60fMzlfMx5BXVWjxH1IOvcjGU2p7VY58wz5lgjyHjXxHACgscbxu
Zebjt3iV61KOtu+YqBG2QU9GmbvB+v0MELg027zzL7ZXgJpPLGQG1OSbuZ5/da9MIykrTB5g
AySmiuK4hHPektmiJZVmC+3VYnEuIHHcbvixLfuEV1Ai/ImVEpBYbGa1D/Bu1Flw3gCDH1gf

EWcwFhUNCNAahzoBrU5NWw8aID3wfiDC0ysNUaUUDcmMS0Z1jQ8+IMArHfM4PKre711EYRK
yEli+YISYRGWjuol8HC8rQjFkx3Ck4xEhBe2Ace9x5yg9hwHi2Lc6KfKWOMMcWkKuheTxmP
WCY2c1NbDxP9xl+bRZZldHqKhqu0NRMANKjCW+aZc7M3Lu2ICvmb3UCAzBjZcdil0W67GVV
7yzo1ERzC7eTolinDiu7npfRJo5dS13UAtq7TVeCZal5ejwjKkZtiqmCBWauIbDymJpCAiK
Nnl5ZgTFcaX7IxLK+ScwMQRXktSLHABb5g2E9rhvqODlSg01aIcXcKdsL5q7uXnMgpDHud3B
eA/Lfmo2iY50eYfdg6HcZYbAxAKg8FgADzfguLHEsMiADZtxuvcFHwZzuLdngx2tVPUXU+6
RrO7jtvE3Hg8liWDWhuvGjGoospXcWuGDVg6+Juc+5su1PEFEyQCVZyafcYvifV0JqBJKssv
TM1p8F2d8xnZa/N4NSigRXlz7Ymd4yBg4jHdLGZKLMpwCO58Hk6i4OIQePcdET53/GSFhU1
niVq/ReaKHycQdqIPoPmWR2RblZPzMr0Ncb7WxwCZUS1aXmPjCYHYvXiGJIQrohEvWkOha
uBRyyXSVTCrtrXWssx3AdUw6mxQ1M8LJ38wtNNhs6A2uqCGXr1wdPSUu8wLgqh68RCAUsUAB
+UZUoS26SfioNIOK3+kdxY6Pu3uKbQS+jf/iVQJTjrLuIt9ctE8+YiZaq+Xx5lrEru2MsBRZ
jWeu5aXcRsg6MVY0p0lNRKm76DADmsgP4ILSNeEprZWpflGAaK/J7ms9Lqx8DAZzA2nR5lsH
lLgHntmSKmz1SL8y1jqtSXEHRRarXiLmQlgtZGDuFcNOjzKL1abb7lwX4c1WvUXjOBbGkpy1f
mHEqbhULPTqVvmxdyRPFUWGuaiG80tQAwGRA6csw+PDDxkdc3CA5Gj2F8Zms1bm2VRLhTy/Z
8RC8uBwC8DMCshWgHcegDqWsr4iHDNk9KwqARlttJuu4nAUaJwPm2iNKtZoci7ybuKggKhpr
DfD5jxgdfghfwjzERpF6IDSLmWLzAE5roXz5mhYY5dBm+rirBauA2UiWBw91AikZBv8A4UdS
ji26SyKjuAKs8nzCVrzd5vt/iOGxj0CvqUIxhoL8BqANoG4XBjmHbKIuhm3W5i+9S6FuCB1
sCrC10+kiFi6DT8agrJO2Y2nEGi5a0Pmge56gUkJYgCOAjQMM8+cGKNM3MWgaPHMKktq+yJF
4X6QMh1DdPB5lKKTJzHhAKhi+14ljrrtYu8vxEjWKG3KKhWDH5xyBIKrfVRcCN7C9kUbd1dV
16hc2ltyXZyl+bCRsAOWpb6iF4Sqr2MdRZRnq5dltExwK8SsjLqdhqYPiCr6AiXg0hWjUNuc
BL31BVUR0n6mnADTsVKvyJVC58hhIyVA91spTCgrbadxp6lmg9qXAoyq3MDOIEIWPf0luQ
OAKbWWCJY/mB01zxY37i6H0k4WvlgLdLoQhnmwCJTqew5tiPZRatp4228QRq7KhWIXAd6FTf
lxGMNc9XiHx8tr5Qo0JUVba/mU1tEaolnzHcF8puQQPBxHCvs4FYPIJR22mmgL9ymHXuAnKA
kKreOoeJZuNmt0gZFwjphJeY4YlyTVDwv/jfnvAG16lwtxx1K/xYdndogSpOK6M6ftE4D3jW
aPA6iVbYgB56gLEyUPB7z1GBpUggu435no6JgX5IQYCinCZEY9WaBiifiM0OP1aIvljjFQV2
s+ofUKOTtfe4f0CalOfUQjnuKzZKKCaOXSEsp5hfUdTfCn9JIGLDgYbZwLx5RVRMtre4ZLaW
OQwUCQUBcrzVkBdMYjiLdAGtdGoLJYLAfZl+0PNio/bceHCnOQHfZ4jCcI0IIDnqJWFHAt1f
bECXuCwjQ/cGsmh0utz3Zr1wILCOKcJf9Qq+YgR1tybXu79xCz1lDbl5lSd6JF2cx72LwXrz
Kb5nBfNdxW68r6u9wENZddNyqYMXS0nmOZJcBTgPFeflJjaAHnvXc5GzGZ0TrxGK+GyHTNU6
gHhobimWuIBb038jY/FTstpIFrHRYs5eJTGeflbfUHQOC4Mg/cSEMGGHFTJ9CF1uY7EKau6
pAugKrwT6JZ50mu2XwikMqNjiU+h32/8bi14YpHxfUAmns9Fvb5g4/ypibdJcYY0JROreVie
yIgrnr7gQ9yS2lzXiJEoRTg2HDmKL8i9ND6xqfSEA0vm5bxQTAAsk61T6Fi3NzSzQ7E58w
XaKwfiV+DjypuyoWHuURQP1fgm7hVWvCjxzGg22Q1mKKECJku7UgSRINjvzMc4amLe/VjFv
UqoXAYTQP2iSdWvS2EQcq0aGbSdofsQWD5sJlchow2cL6bCbVUDluj4jW8ZT8/EQQFUBW0d
iKUMIQRGFWdZA5Ve/THCoaH0R7vmU+IsPBe2K1ajzcOh5giYafyNYib674HI4MzOUVMYwViV
c2uxXbvUjXyB2u3/AKgEqTdXWv1KHgWoIcUb1MjSw0lu48QLblz8sImIqtleVRHq4IN4YFz
gocnUeFZCMIvMIBVall30cw6B0qttXcBNsJsFb9wAEFXRMsl2vT3xguANgRWA+oLmiidq7h
jyVF25j/AOmnbEivLDpIIYrDtDqz+2mgIjvko7OogftnyniGybLeHpIYYtvei5xXpepUSn4
v8C0eOJhOIOgO/bM83EGF2aF6TlWw/UZQtr6liTdCth+V038TSqHXD+keux9UvimPrHXZoEK
HiVHKvfqP6qotjRj1CZ1OOb5fUFzKq7EGyV8xFLBrVxliwYZxHLthxHaSokWQYm0mwB0TN0M
EtKnToJA+IVLgEmX5IMIPyBlj4i70yizVBV0QHUnYOQihBDKW0iXUUKHYmYFpZ8dQZFFrey4
pyMDMdx0DZQOvrEq1dOP4piKsGjiKXrolvxH8wcEWb0x7gB40WynLEYKoO1NxQUry6p0vuV
Dzk5itepijSk9o4EVQZ+yjY12MwJ1+2qua4DLHDp2lcvGZSykCsuT9xeleCW2D2ynjxy31ipQ
iKXSyNe4wMVitpUhmMN654puqqNk2gxXtCMBZyHRikSAULkHogMQIQfM5W87c5/UrYgW9sv
qFbuYrNc4bUF17cQ3h3WAtFw7bxbC6oioJtjxfGAPXblXykoWVpR5nUUZg6fcb09zPolnwm
IQ1AhR1uIvtd9P8AwYBb1uLffELaNcJLB6gTIUGVF9jKAUBRyqcwdjRyeAoCLr3lrSkadl
h8QlIGK5p/cvllUZb4H/AIoxo2pFAezK9wl5muD3MB3spw+YjFhUYO78QijgS8dr0RUx4TDZ
+Iy5FauFnEsEljRWjfeA02jfVLgSU4Lzn+ZS7G7nUXQ6NhlzUViF6aI8flAHgxS4DaphuPuO
ou1f5maYISz1wrhcn8p0SxIvDK93LiPr2XDT8sF40L2iMOKcBeA2+5iiFpsfEGAgm8rhEwN
Ejdyh5/Mm8dtY8R2ICxCKq7OYCTrRl2+5RunErT9XKyy1iUXiamvrSOF7gVmVIX2bPiow4IJ
Ho2yh2y7+Bgl9eYlcVLPt5Ddw8hCvMbZ+YyKCICKjRep08vqUxmBgLYvwy24NBVqqXWRITx
BGj9RqPoVkc21nuNJhOgk/iDrfodW4moLiaJpgUGFxfq9n5g8xdiQXPNWbMEF6lrm/CoH2AgL
dhi3OIhBNf5YTca7qc1BcAGwady5x5cX9y++Cq2NQ1/gKdSjw7TI0W0crnDknGX5lr/keo44
DthCX3C8vioU6j/AiAaQw0MKW8/mXzQQXeQJLTR9BMCRgtVcVFQ4Jbc+id+UGEzu6mW10Z5
wghLSCF8P8yxklsBAS6mNMBaUdQYhSCmn8eSzoOsH6mAc6FcpGFwyC3FMFu7YAisLthMtrf
FeRPdkB4HQthggIAFRnPSy5b0DU0uiFQrMCrWuHUz0gLrQOkcLhOz3GxZB0A7xMlnwPKNXHI
2Y2Ft2TQyWaoG6gcKUtVrTIWXOW/bpeu02yuhUHQZMAhRxMw10LNYxTvgPmCmKbuBMqfMuQu
UajVO5Ww4037UwPnzDjFABzq4Z9Rq0aOcaZdNDtVDGnDiK6D7SphPZCRV1TNJSS0KM2r+4HS
6bg1cBAun5F/EKcgx1HqEtjLDLFAxtyxAKN4wRQ0wD/MY02BeY6+ej/Lki0Erg8OeEBAJpN
Q/zdq6A5hZogeJ4hcKGoH/HIIxq444oaka5qVYkANjlmKkEKyo8GKmHhNvxHnGcKbt6F4I9a
u1bOPUuOnUuMQPIQXsdRupqVujL+pe5GM5DFyKzln0ZYsoVpEWz3UpPdmy4YEYAuHhoqkvN
7t6B4I0iv9iGpGRE714NsKQzLxtYpSwszhfEah620HeGr5hAHsVbwA37czIwruCsF8c25Vc+
oIL1HQiBIXDdGHEYNXPesrGCUAvhHb7uNMgBw4xpdG/MPzDgElvCPKVYjA2OD+UUpSxxYXK1

NNk0NIAAVh9plvit2XMZYXJ6hMC3qHRACIr8TH4bhMgrVaPbMalkDBfG28zxBVggGAhV5BTv
M4ikHLx Bkh63y hilbubMd22xWyJQBtriUaxKBiK36nMXpGCFYU65HANZcjLBv/4EFMna5zLq
OgfSGv8Aiw1cLJwuSJ5j83aGHsR4lGIUhmMKkoD4XEbpEjV4GD4mBkqz7NE3RidCsLbEDTMR
brAcdyoueOsj+YkOrvYWv4lQUO54/wdJdLWBHATipj65dddPKIONtNrSzBTAm3qCxPJSjC3DY
OkIS3jY4hYS1CxOJECNX2iMjFyPcuNqALOGoy9hKVfma0QG8dmZVGGp2aM0anMlzxRqQufph
xLF7BFvXwgobYsMP9xquC2ctS1+aNsryrv4msFRKq1nA2M09M1pskQSUH3L+mJeCOVLgRIEp
CtVhRBnn9Ml/MP6BgAtefcvXgQ5rhfdZm58Kst/3iV6XSuYcUc5jLwZhOZfATvxHaaB/EuY
4MJhpV4JSgWGR0Q1kdnm5fuDWUS5V/8AABAaUcwzHSv+WosV9SxGClv7NmVBFbWdAM1EtoVP
zEGsZg9+tEXAFjKnlR8R3hUhBgE8DuY6Lhu4remiAHeN8OfxcliqAOBTPhagwByADafEfKgD
8w9crK4Gt/Eo623dQCrVJ7WgfqnkmXoohuDApwgaWjdYIYI3QjslsIXFBUTISocfxEUA0sge
8RU4ahtAlcvv8RTYWZIHmWHDWsC6+JbK+MijfxDZpBcGuX6iST3Za8m2VIXdADUWKbNXHmOC
xEeS5WBYSfMyuiWXcLucTuXAUaONRsirNOIKmG5RxD0UVexL11yY+F5OYS1Blh1olbL2Cg
vN+oKQ1ROeoo6zLlipGmOkZZimDGLxoj4NP4jYKwtxKTJRWePU2QG67mMkHTK5E8vBBx/wDV
hASxfR09stHqKpjE0iEgRYb5gORW+2xW4ISTEptf42UsHeWxeWlG7Tzda+4M1fBq8kXTQWdg
sJonnubHwPmoQAvQZob+EvGvbrotGA0fEMnRC+g3B5OqbsiNKKm+GdQIQ6DgPEtjigSIxTC
xjXyjYv+IDLaoWN02R1YtAirr5gYCJce4Q3BBSr+OI1OhK+g5uEVdYMcO+BtHsxGpb/yC2iG
FuFiacT9nD2xqGEmfBqfmCzAUcb0aiVjYvx4iyNGygeWC/K6mkbDbDqpE7DGHWGMCIIdqt2uc
CU1XiK1S8KZk9WEmpuGDI5FIVWPubzIDXPerrvDifmcMw4I93GEOFV0xrgdrf1DVW8t5i1
3/aLEwLAO/iCPTqDtfAkFkFmGyFeFFXKhNTRNITFDAMwQP/ANGUkmK3EBEYfEGiX7k6HqVb
1GGAZywc4cBZYii+BoZsruty9LBDfEdKKsmuFj87jeyx08t/NygtA8ZbrDLznUjxDZ59K9S1
OaHgwMVQT2xywNW/mCRdy2JcY6Vi0CRF018CdbGAPthmkwqgQIFUCNpm7dsBdm17XeKeIblY
sXp4zM3Wgope/wDE5wL4PK+upTpdDleRei1184f7y0PqCmVoh7JqMgsQF6w0y8vXLoeJSuqW
ZZQjSxFUVDyyhlZSceDxCc5gxJ0HUfkkBpZ1FYapCzQvEVdKwHqMxouPIG8Zq/KJ8IUyfm
CMTZNPxErjeLyDs4huu04L5lrPlbH09SrQV42XTDuW2z7gpHHNNeKIZYB1+00OolOW0LuWF
Bs1zBKEHPMoFjSrh2T3ES5eTmZtb8wSEvMshkpPENf8AwohtVXFUerdOSBk6GxeYolpy6zHi
uNQDxKhBmhlzcrAqLZbOAltYLG8ux819Qy2bCmiC9tIpDbXs1QGYIsUQYQRpqb5EIULAGMW7
Phitqi0P4l+7ACI2MA1RNC2TqLRV9EB2eSBINEL2IVBRf13EADW2LZBaMO7Su3JEIymgv3Gt
jgUQe0Y3fn278ytlNwJXdIWMQxAHbb7mMoBRkeWMy8COCjXk8RJjKA33B5Iy/nckHUJfjde4
PStHL5jCwB7RbFxxsgIMFXiPW5B2BFt3qv8AfuPOHCUSyz8I+p2PmMfYyH3zFyMo4yV7xLT0
lbM6ITyVls2lwdSvS6p5lUu52a9RDiOvsFx29GKUrYsKmt2ZSNuFqoP4hyD7TYE9x61I6eYB
App8Q2hrvmJAQ5CtsETpjyUnUVXMtMpGtsWsw1LZmnP/ACZQDNsUuy2Vjcp4NsS1vBL+UozM
eZidba2y51oyyZFlk4HiWmaTdvMQOsZRL7F0r61hvkdx3DZFMh45mZIX6RtqW7atkPSF+IQv
dU16ivqPsK4JlFksmkiLs4eZWlWb4iraKDRGynl34IBTnuK2oNXovuKwDTay9n1BxrdgK6v6
IiB6yU7V8syc1sfctS5dDUZgXPGs9/bEtX1enVnQ2QgagqbX0aHTyR4IAGjW07x9XAWtwA
0BZ0Ilz0iGxviJW1wdtTGPqVSBEXuanTCjGxpXvI8SgWCz5IBlq2PMbSnKeIze0EN3/ALim
bhnmvJ8wWYHuaXAqt+pmdOWIQfHedS3GTLVcjeLyD0e+R4azFhDiR8nhuOQUdrmmAYHuBgg
CmArL5w4gR9TENywwVy8ouavMBBai8Dw7jFIAUzT/A3FqDZZEBsDzDN1oC718Bmo4MxRYKt
fuK4o7kq18R6pJG3bxGxpgcIDD9plD5IBrz7i4aDIqeI6RS6v3AD1X3KBclRMZJCc01dy3p
1fLuJG/PuEOovi+pnAMV0XLjRL59YjFrebdEVBUJd2PxEXM2Xo5juoLt0Bwe2kSvQ7RYIXUG
deoCNgZ5ZVFSBbhqvETJdasO1xFCRHDkimX3L4hCVy1S2HbAWhswKuiDKzOGW+FjwVQUMvJL
wjODgTi4UWQwFTIQC6rekW2s3Mt6oda5MTn0m4yrTWSUOz1RpOFSuWE0St8cm5TpmCXe/Jec
rSoUZyJzRrW1YD3iUKQY+Ae60QuwPM0eW3ZB0UDGPnpbHr3yibc93zKGoN+MenCu19rPacTf
FtVfExgMERiAIFr3ZCAps3UVRbT4TF7K1WwoqiCJaadDua41gbRdvEy1uwahMf9G810S2WC
8wkdy6wBAfahdGMweXduxSRytrXxcRkSqhMlxymqGm/eZ4oaPxHs5xqQ3b3ERTKPCptmQ+YA
2tniKgwGvmPXby+SapxWzrEqnu/cdAI8IVxob+YwAW2fwhYuWudoOccxqW+J+mE3Fqxlyyo
baOXCuYnq3Ut7fLKRvg5TIMWvnOwVLGL0a+XUHzrStHesfNKO6uHPTo8qg10NF1q14qiuHZv
gjRwixt5hBdGA7bi9e5rWT+UzJxBfCceGCxyl5iQaZX1DRMLN7w5rzMIixN2zTECwy3mDATz
oigNivymoLMDjvL2Q48x94eCtbf+4ItWGk0mEYEq07Si5mg5yfMuPi8yy6s/lmcjmvuEoWXXZ
FyIEXA4tdR7PLDKqVUxEmGtl5YyGnd3iCw00pYIw4mBDiM5Rq+JYd475i43LyXVWcVKQMMcl
XggV1zCsnGIL2CuObiBeLCmVASqd4u5lS5unuXQXaYESkK5MeJaTdBXiuYtpg8fEt021H2wb
hsfqVreINfg0hoesTlqMe4gasi8JLfwSGkVYQ9TjEN6JVwjs8KVVD81xTrnQrXbBbU92e4QW
6Fs8xQopfBmdTTdd+YJUixg7C41psegEoyKj5lS3K3td3HsBrHHSdxzIXFf9cAEp3S3w/EQ
6zU00jqYAnr4uM+FkPAmjIT3Df5i4CkfeJ1R/SVC5EfphxaWt2RgCx5KqmDgmB99yrf51GS
k03fUoVBslu0hU5nhC9tRWsq9mPmY7YVOabqXNy+DqGwoPcbBMcsxbB9EVA1dBOWJdxgHB7m
OFFDNOqog00lZVjp4h2FjQSobgM2xs8QSpkKuoiUDiJ1oU2r8R1mQpZfu4WkdqMMshozh0ZjW
woDOOZSjgYrdN7KfUXLLwBt5E/EKA2g1LjAtvblK7yj6JRhe39wcK7C/UQF06jKXwTsbVR1
mU66uABW7QqWA4LxGDA0TdZiXN0aPqAAA0ifsiWaLNgtxXUtlZB0JLmWljY8QUhCNDdEYoL
1F8nUrCi5EtHnMf727LbLCimGLv2hAj8No8wWAQnnt8RXsBnRBqodDm415iDeJNwdwTzl1MY
I2BxcyaveZS5Utc6inOco6KtmXQbMVlJ6ktebmfmsYJIVEob1iCGDliGApYhfmLW/wDWJL0T
crjUswvzNWk6FgfcvaGtsPvNaA3kaz1iHF2c8QRgXuvEE0NdRvI2XuIVam2CiR3LKQIBtqFV
ydyUGW1vcokXUGilfgANjf6gEbLa7U6hBpVvkeSMxLwtrLNUUEXVwK0taMMo6Y3ah8w2qVTq
ehsGK1qh83C7oSVMaFe6fiFEP9GFc9iviXBzcK9JI1BxUZud+WZLw18w7CWMzbV7wzEZhdI
RbDRZtrqB9lZCEfsBYPBZaHSSaeCBj8i9jCKA21+YOVK+Kd34JA+2qIMylgIM5tyRyFupadx

mmqrKHedVbatgl3Uyj+4m+G+yA2w1OYuOKqI7KmfdoPMGY4uVDw1FNhUbMhMLu5SNNFQiWLD
xg0FB4qNuDV8MFERyyViKnLLHBFwsXgDK9QkhhX+XzAaKqo4qCZF6HlwqYB4I31IVXmVFAg5
hwExp0wBjaGDFJD4RDYsRjCnClZrgxUR3Lalg7EeTmIkoFquSNVGPNI7t11/LLtpcOFIdDgl
m4AllTINviXnDfQ1iPHDsZupVqhKIGmQm84LLjFYJ8QUaMHm+Yzf2/qUeBfubDzPADM2d2Zj
u3Kw0tqCuiW08ymGY7jlm0Z4xBs42i4dQrUWvSZ43fW9Sy0ltkvcAmgoKBUBVhstmx9xrLAs
rK0e5SzLLVC8Q2ThHCiZkAvyIbU23KeWKrc4XJbuVgJ8szCCnvmMV9tJSDj9EujUjGP4mExs
hFutUufUy0iCrq8xQDSLXq4mArPMx4KROv8ABbhY4Ib1Lw+cQoRx30xRdH3e10GTLmAwRvwR
V4BmApEQ5IZXdZrxOO7k77JZUqqOxE0kS0DyNxouC0RasjupfTg1LyK+4UQ51V4nMJTWoehb
2TQlm/zEpmNHiXFEZcoqI2m23xL+INHJLBSXitv8TIvLDS8IVfmj6gw1YbmT8/xA+Uv3NHY
ytNWY7L5ndAvyG8fEzetrGq3rvCRFaFzHsORZ5nCV4RAFNZ1A2J0F58EYtJVC34QBdrVe9w
gBBVu/1OHu1QQBYuYgOlPc3nxAUoGTCpuaw9QvwYqlAKwcol9AG7Bliu5YFoQRxGVx5zUWNg
q+JhzZbmYDqLYDgP2QZOaiDjFiAQuVFPawrfxEIKCITziYUNj3mOkniahGW+pkug5IzOPfLM
kUV1M/KOW9zYOBnKQTtpYnxKF3ludMHXVEK3X0iAtsDca/Fxq4bjlnlUCrC8rxAszvjQVah
FhKrGgux/MJTe1xNjrsKgiGbXuMs7Aprn+IKI13niWdSGmoqWpLtdw8F12PaWj7GMh5JcbxW
InTdQe0aibux+YEvLaFYzoO4cnmIG6bJhMrURIHIFWngR2BqKLtqUqO4y4Ghz8HEcX9Cqjuo
9qzIV0V5irZe2SrgWC0bXUxZ0sEab1HBZDpj6ulHUrnLzngQ62Dd3AoF48t8J1FoIG/UQCwy
sYYa4qXRqPT/AKQ5PA0yr/d1CQGwIwRQTcZIZTghFLKtcWM3fIrtNjEpLA+vERV6dQ6HGpii
tqEqFdEzWsGD1Ap4Rpb2RyCAgUarqNuhy+ecRzzIW6wr1Hvp6hDVAd9QaxXySxYHiFtXu6
iFhTkYtcfzMrLabJT08CdeZbHFuYjKAZnRjdpFQLV06EYcplm7gsDUQ4uVM0ImSZYOQttyBx
Lt2S8QUjsYCNBeJgOGZ9mJxHBiZe/wDiWexfzOJ1L+XFwaepYx8AAtKDwQ6j6k5auMewKvqKz
QQ6hDIE4si6ztgKCrRkDaf1E6PgMRNjtbJrxY7yKtIS4bt+yE6W5OkL13KMnLEx9BRzHLhX0
Aaj9G5WzmXUNAQRQ1WGplRvuBIjZnMky3F2gbu2x9iy35m885IVuL0mEdkxSm6JhkKr7IIL
hbiGR6cTUFm/MOJKKOWVHVvupWpzcAr1Fs5PqG4wFTG0xBfzE6QXAbIghNBgvBcsC7KMV9ws
yP3HjDOedsC8BDROIrhgZ44Zlqh0+cQsVKI6EM0u+oV2z4I7dj4hdgOoRazwEBuoV3OKOdTY
ohxUqVLRa+YWFZK1DbVtezmVMprGhWjU51Qi0vioC4P1iNaC7slQ1zUQLbthRdgZiTSz8xKO
Lv8AEdddpmmi/iIvwsJmO4BN7lqHqoVgHAbWbicCB6HLLxf2R6I222YNC7HHuEDmr7zFrBqt
xKGNuoA7A2zQw3bVvcU6ucVdnVQf6EfCZgvkZvTqApijuYIFXv8A2gCoW2wpwwTgFwsd7P1C
MDokPBwPUO8GWIRavbAx/chIhy0NMSvYITtWwA/vIzJ5smt2oxp2RUbSj4NtUvIuinmMDS0
g+3IOFxV8uPmjP3KEm2+azKapnAw+YITRSobFLTxCFWtk5HMSNO2CxpntaBenZkxUwSH+uIF
8E6NmFh3jGHtPOIE8CK+szF8GsCbJekpH6YqAUxUGFbl6liPY2hcI9k4nETULyVzUOyh5gat
V5iple67JY13J8mY2swQBWQdfEXsKisEHYnSGw7IH9Wd4cy7Iw1JSHkL5IrWc3WwXSF7rzDI
/wBylhHcxeepbGpIgmobAGzcawAwBb7gRSifmVL9v7LFRXfAI5LnqIT2iBb8pW0q8CKMAaK
a7mZqzAvvhxLIVFENL0woim6hKwaLjzGe9xFL11HbFTAGBWxJ7gSIGkUCWnAQIXLgqotFYa
o1ESj6OKjPcZ5A5JTpYIGxDpHMvAuikNuiBSVubRe0ezm6hUeWWA7JdjGlg4vzGOLArtqun
8QFEADtqv6j6RFnfMcta4ios3omsd628x0AdxxEYPdYtEX2oY/VCgePK/wCgyxKwWz7Ri1Fu
oAofDHNgg9itkS/UcfUdQusqfkiwqjeTOJvdo+OP8CGe9HuJarRzcUC7jDeY5isWe7hID
SkIcBBs2Y/kmZ2rPGpfs87dX4imVHJOwczgFBUEe+YRoVF+af5hbmj6azEu4ZMHhsbp4gUO4
4r7lGnMRJ6ZmfVTBSmcWzXESKdqbY+I+suxWbYIFCOvF7GGIOUuApzZxHTccnmHJabYYc51
HArHsHUqLbg4jaizyypi50jL7xBDDDtAbp7ljHywIdowOuODwMMKfEt4+GB1uMGG6o4I+SF
W2sy+9wMxJbe4pCMVeIFRd3WJguVxYumALeOpCP7EJXC1fX+FGP/AFi3C0wVKHcsG1/DHRWw
dyptWzeiVs5Sj3oh45dKEMyhZM7/wBxFku0xA5y81KUq9MZZ3FAYZ9uuuNquTVUq9FQUKmy
7zMBKhv4YVnty6VH4PhCuJriAp5qaKa0Qi+FLF9SgUx2Nte5kBxxErT8wVBze4+fsUEeYt5r
N0bjmSLsWNyhmhCHA1LOB1vFi/qU1Wo84MfxDyTFMeJZDOYw+enoucU5lejkeSde7UyuG5t
1mlEolw2FyTXBPBEBOaDuHAIVz4DUESqsHEwgwCDbm+46Amygmm3KxVoQma8eYnKijKU/ma
NpfWoCZZGBDBIHITumWsi81BI0DVWfENCcuMPbxDcRXIOLdTADxgOMJGgKIaxjl+GiDaeq
VEa8wBwmDLggfctreSpXgu+5WJrmu4DV0v5IG7ofwS6cJX3zGngUx3kl9NxpKgx4jhaG3oGp
x8oJGemqSwdwFTAERjJ13EOeImwPn6jiXDguLsetQoHQFGT51Pi0ZI95SZ9wiqZd6rFQOrB2
TRBSNK4YA805fM4jV5JgfTFdXL0rEqU33BW++4kr1WAl1A1OvcYpaLVdjQ5iDGHgMeqIjkD9
bTEuX0pbOivZAC6zMRACA0j6jmDKw4QS1qO1epXkcS+sRXWQ/IHC3OsqPRKWu4ezIIAb7Ti
mDWy9AuVof6lwf55aqwIWA6GA/Ua78B68RCopUfVQzbHqpsPP1FRjnxzBIAP0D+EPoXieJ
ZKSn30myAWsI1mcVoob5ZIAJqKN4pGIC8I5jtZdDKDGTpgUdn4jW+WdWMOoxiVVPJPNxuYj0
tSB45riojApmvIQn30qYFrh6I9tO6IJxWW+cuSYyugHf+kg4EU+M4ZaqouxLPluK3DBE9COL
K3D6Dm9hTt8y+VCvDBDyAC4bMIujQkRQxLMouGWgi1N9/F619hOBq/8AWZVWjflBplNRure
YntLCzV6i0mFtS6x5hxxG0gAS2UjR1Kk7byv9IAtGWcOpiBdQ8oH8ypy4J7Zf6nxDrOoQ5x8
GYZAptDueY4AOZWazCUXMWS5IbaEMMO4qJMLowhxDt8b5tS3gdGniNrU2Pj1LrZV7hObgy8e
oxZ1Rtv8wHPBRxEOAdYOYZELGIPn1Aa7wFKXXBL0KZBh5vGbluDyWtbcDMvqK0YS4QGyKF
NHMxfKxSbUORODswDwscpek1VzBAw2VXUPUjwrkofMVULVQ7le5G2uGUBUYUPMCMpPLEANqvc
w787hn8W97ilmwIwUYPCBZBJqtt/E3CL9hym62CXkVh+4zssemmfSiCgQGvviI7J0j39mcSS
1cqXKXRH9AjGH9mpe5iocURDnAcfEMuAp3y/uVXCTQe2HjY64Riq/a3A7lKxg5e42kzR8w4N
ml4jKLo3EjFNUoKSZza822SwoBUZkGDHiWfDI/cxnGC/wB9TkH0eyrhb/QjhjGbhM/mX+MR
8VBuGmUVjMcCrXHGxcVRrmWLVgaucSx0YNjofOeIKFwApKPENRLYbIy4iryVmJUciYnKbXMA
0uLwBm9+4ehdDPEqkYo4tdEGrNCiHVL4jOaAuJkIR19jLTWaxkdSx5IFIMvaQ6IwGu6e1zBD
MhicQ6inG7fcNF71agsdvjAcyp5Rg4+LcBunjRiCRS8HNxCwe2CO3LbSCV6t5TYIEpce0CAb

RWVZeZhkzbpHUBneddpv9SmaTsnTbXtlhx1IDOB/MGWyo6c/wS5tu1MEwRawHjxBE177tHel
LBza9MX5WZykC8Wp+oo6Fj/cJAvIe1hSianbUyMYO4OogLWBi8MTCmvIpWTtXSiJFLJZZVcb
joZlmbpuAkZv3Kr3fEyx8o8VM1A6tsD7JY6FqPxBVAq7xxL8eb7ZUXMVhfIdZhqzFb6lkGzP
a8xLr3xNssZoPMBIWNW6gWG4Z6fcKG1ILlqrTNW7iLHo8Ss7TXcG5EojH6iA9u3iWCNHV3U
pXi+moRHuxZqMJeCoZrkJos2GK9EtRQVvvljeELSLMQCucF7agAKsYb9EV6zyhVlgrJ0EG0g
za+Zl/gMHqPFR3BUPLIopuDFW2tvInXxNCUCDDeGIAdJKXVpmoVtMDk7tdxhFtgNHxHneNKx
jYxBVDcuva8FuBHyhUfwi5Lpfu63FcVg9UOn3BwKzGAtHpj6a9LaCk1C00TZbopwPdRuWY4T
K7dAqvGWYjakAr+SEAyYOyEvVr/RKo6HCsvdOsJA0iJZG71lmADMm/UWSg2vuEcdWcS3CjII
ZW2swsxmEA0u+5mGSREcpbSQ0w4vyRkyIPzA2pjHwStfaKm5EzXT+JgrvFYvnswijSDEY8S6
HmePwzLYoGVhCbbYY9cDkGCqMFsVTwzXcS8hMLQROelVB2PcKwIXZS+u4stCwVV8P1LzApk9
eoKwKWEa0CC3RGBKv4ygrKIOa4gag0ML0fMulaheOjKikK7WEJw2MrtVLRXUIGKVC7g0ZnDJ
LpLZ0Y7iIPp4mcxk6TSfMtbpB9QKFlu0XXxM6RI8v8A0XApCOVyu/uaV2ecomkOlyynLKpb
VFFMv5mZmxDXrqMtWUz1CEgPIhwn3H7vxCG7htHA6XJfnEWiPBto4RnuzhIAi1Dx2vqI/wCS
za246emzVPEwZSvhO5jcFfeJhLVckKpXaQLryu/lis0TaE2dYGqXSDTzAzk4p3AtgmeoFhuM
9pc7tLCN7ML1A3E3emWpfKCuU1XxmXQGD9icDEVOFId4yhlFzdySY+ZuGyfmUmN7nzZd5o
QA9ZuY1dzu6/MHgrlc/UYgr706gIVtWUBpypGjz6giP2OZRDDukqDwDdRy/agGOOCAMLvCUY
ZSLo+EZdtWGqgYjChhSIET8mIssiwunuNRvAubd8Yw+fcx/touHTBi6auF6obEHh1Bah1KGF
+cFAOBR1PENmpGDARbZqQ7HcWuBjG6ModwBXzjKehYKDNjXzHsxvUjt0+db/EbANBM6VJR6
hr0gfcCbln2S/wCpY30nMBLcgOHZzj6iT3avN1xfiCGa2rRvNnjin5hLZBfl+UdqrdnzUMyHF
bxDndPfUE2qW/cQRg517hVo5zF3PuNG2gCozRzFZs4f5jCMpWpdtXqAbVC/UJorH2x4CJbk2
HxHN2pZTip7uMPkoT1mKxbl8FkDQwn7Ll/uYjeQD4ohfVWU5C6uD6JZ7f8Fp8aj/AFI5xYUo
sGJhFsujGUCqR1QNAOoFiUcOWBZqyw6jYNUHJniNCWWCIBtZVtF4dRVgGAWfiBRBbyBNrBTX
RMlhUzjqRCzgd5jQZcF7E2TgmjclqoqjNNyB1LIGLTY8xBAF1X8xRU1ng7iGCWHI7iApliO
41sqRlVIYrqVSCSdJeY00B5Vv6iLWno219QLK51D5UgrzAxIXBi6ZuJYcjSKWiwYizL9TFN
4F+IEJTi5vYwyHRQfDFvIYB4qKIwBDNTTMPLAWq5RLGig/mE2tBWbPaHQOT3G5RhW765jGO9
VcVQa2fmIoZcwjP0ikJ2xUeGF11vYxFacnHctbCGSFd4GbJhH1oibJkuJrfPMSilrRip8ko4
vMB9nHG1KS4FpUrVruOUBq65qJAJ6UL8jHaKUIpVN/wmFaqxLOyMNDYOczAO2Yto8PiBSCU
aMLeW4BuB5xxBcUvOj1EIuFfSISFKCsW5V3XhspqXBQ1u6OyIm7JS3NxWu44XENhecwcc3em
GnzFMH42MxS0huC4O6uG8Rz/AFi5PCQFVK78kUS3R4O5gl5EQYVjXhUuA0KHZBdul3LfpSxz
vEGgJvKC/wBRquN/S0XxD8qIN+kyyZd+5RG4Dix+Y4GhR6St5pXqpVA3hKBePknX8w0Lw4fB
iKk2lQ2D4uXPzOAV3C0wnUxzYwVbXuKwgAA+oJUOX6h0G1QIONA3qU0Ww2cRHlg0QtYxY+N
y7+shFtWqVxq6gwbOYBIQhBpemF8VzTEPKi9JgE4v3EojAqILXS6JaZm5sWoCG3EwIIRUI2mdzH
hAGf5TxMfGyBz1/hgBH/AHUGwt3xDq4xMivGbjVCaplwZ4aOYS+MIBTKuUPDMWILLR2jmdzH
Qo5uZyicUuuDBUsZ0aG/zLlyUxhv1HFNQuLaG7mTB5dw1nWaEqeFl7bigKmWesf3Bim1e/
FPER8SpVdLjQVtMNeZQxLy92QWKFbcpRQj0PnuMiJm9cR8sumWDMd8sbu2L+GwpooW3xMRR
V8xgFkOuX/1hDK62kXia9Kh6ZWOWF9EN6a454YVDkesj2TASi2nszHfASOTQAehdx1dplhLR
MMRlrlCGjIfUo99AUF29fUOxdKmsxMN7cNXPgOfNxymgeVEYymLHzUzAWNeZsbKWHcrM2W9
x7nx1LNzXUANFuAl4qtrqMjnPf4hHqStrN3K82FrqX7qMbdzOyq0dfLsfEWS/OjEDG46TEP
mElkaYXZJFi5NxaYFoOUNpPHhBBRWqNQOR283uGw+zzwvrtBk5bC/bMLYsEcD0QnGQWnqNjZ
2VzBYALblAoGgQ8GYnzmOtiFPMJ9dR8XqgrumXub4Q7GYLaGLAZaCZdSxsbh6eM7PEqku2P
mMMqzTvSWG7ayoeiABZ9RoWW48oYJSVZS+upTjYeebgirsMyq1xSQ354tflWI6F26gbyn6le
Wh3BXarxcKarzGmuadkYiQXB0z0hMjfeHyZLFEP4h0PMoeBcqKbTCOGhD+YfpYh/Euu2Yj8x
U6BT6zHMqteCJk7YFA1zA70OamED58QLYHTBY9iBfBNehO2lzSiovmPO5igjxqUr07idIVzh
PXxK6yS7EpY7GKXxlcYMMDsp9S5BTQMLemWEKbSqVi4VWZpM0RoGvNGoT8Vdcllqg3tdQwV
rTSDjsgtUrahdw0jwZrqYlcKPMNbjCziEVtqxclcGi45EzrAfKAYH2AP6iZlw4Wh5hEN+pn8
qZLr1BXltv8AiZ3D376j06CemWphgraApJYA5qDZXkpiGYKIQEuzKxIFD5UXfqpQExVYAtPG
Yxm5Wo8cm4aFYbClqjomQ6me3ceWSrgFIHhyRey/3sGmvHfU5gRkIbDC88TGu4ko4dHqAT+1
3qDvxX7irMxk+JnTlufMohUvLUOA3ukyH5sbJb04OnmJctlrPgYZqwWg7dQuNUMHLGIKc
p5msIAeHlISWJM96hoedwWomMz/KhGgXik9R7lCcXHnjYmQbEisaG+4ebK28zhws/uf6Dw68
zMCpbVxeADRBeMX0Z1UdyVFnNPiVEhpuK7tuD7gyd8BKorUIFoLs8y8gvYID3ERUAjrfEcfJ
1XZHigwJycMoAAelFuVoHUtzkXPxMJIB3rr5gDKKNYBGH2ycGEgcT17P5gLEboVavEBFwR7
eiUIJEKp5e7ialK8IjQoUd4SbqXI/ZDVTDK1Nh3K0PMrQEVdep0cCS6PthYkOtgSHEEUyHu
Kk5HzKOPVIGKcwn2iawbR78iX8xkNwFeMTX7IPEp3EVwEVAjpkFuvEDDIIoAnN1FSIKmQC1G
AXr9TAN1BrGko6Cfsg27hqGr6f5mjiCB4SveqhpYqftORvE2eLlFFG1auG1ae4gnVou3zHI
K2RtlcJUEcMsMBaeYaanhApL7Yy2CU4q5Q77k3zBeHNzFl3EQGbiWRi2Dxi1ut0ytkJfmxm
wDVS6mPHVw8IL/3FQWaDzDYbCuVxWvVCu3uWAYsLu4GflqJzDQIGMwR0wh3fMvANJU61NBXYX
h79wYKi31/MYB2HuI3wZIQHzmCuaaJQdyQqdy5NEVI5maX/rzOz+/bC/E2EaCCVwgKNFSkaG
i4VwsYTe9oNHgv6lA8IUApONeY4QI+cRxAUAUUBWtrnM40K7IPATwGFWKQjyMwjZRZ3EzLee
P/Ya7JUOgv8AEVgKpa+CWU2kwXuXD0E1WlqhpljujDHPrQvtUDT6/c89bIMjzbHdF0zSDIdW
ahuUCs7gbVuoUGfzBVk7M4KmiWOy4jrWUE9zElpG67fUAlmALir8StnmX5ljLGYyqjNzq6ki
graTMWgtt5gAbVBNsG6GS+Y17VKyuRUDqkcn4MKrS7gYrUoOgdy0LLKL8wwldcy34bH3sx
k1raIU/nXdtQawVF9RZVm3hfqLs5gtxYNVNUoFK4zMi12y2Dk1NnqNoGmV8xxltZMQoLDogO
oA2auPtjL8EqIILUUVLqieoxI6uiL3KdZYEgHoASMS7tjOYVeyMUAnMdx5fpuuohNlq+Ja1M

Mfmbst1tMxflkzVayr0RxJhR51AXovsmHTYEgrPucRjMS3juoTTbaPx/jJf5hGvRUp3Kn7jMdx
KQ0aibvaZV6PYRFRn2eLg2g2bHMcw5FMomoU3bKZQu15hRAS3IXqUJcqIGkNRGquotl3YQIk
sY1W7QLLvepgIs4qA1ZOYJ8KteYtc0aQYR4aHCHMzgHFjCxeYHLhJfBYzIZcdhMjmxRfK4o
RFCx8QjEllap9wcBEg1gQYk4FYeGV1Tci8V3DjrRAxggvUH1quiZ3qiplFazCpnIkXwoKLFb
xHVWjUdismIKG7Ud4jJDOzvMykNie4YDIbDqXUvRF7lNRUbJz5iJK6t5gdlyUfEKXf8AqCy5
mSYg+LwxODxDefiE9R404nMzVQywmXhIzHiWAL1hbBqmh0blxuMPLmAvEW541BrNIAHP+FI
mLqLmmRfnMwHMoaxoXFjybVt2kYsAjYhuMDinPqUDA+R2MYdFbwNwTyZxLCrvJA6F3y7lzy
0ANQCW1FeYz/AAzUyQZW5WjFEylxRzCrEIGHvtgFCyKFZuPTOivPuIRYolcVwEtK5AL36lw0
oLei4uuovBrBg3gvmELdi2brR9SgmmOgf4R3EuZISwLQEUj0dRh3Dp4yPMB1VpaVwOGcGTGE
fEGYuCM+mfIIckZhy2K5IIGNE5it3KcLtASri5qsdQDreDtU1yhwwWOz4i5WjgwipedRV2y
8R2PIKSe6iXUOIOPXxgOwiQ1sAaDmXICK46zFU3Th7SlenBsEWvrMsrzFYVNBt2mbimOu4nA
DflwSMus34mV4dD33L2i36HUuOK33pqO2RlXQZ/MvYZYPexmG5m46Zlt8y7C7Y02Uop08Qex
IW9VfxJJaXFSYSAoGK+WYAZx8UwRPqphQtN8RgnlcBGxGnKwGNyzDei46FmEeQ6j8ecy3H
IVwghy1OwjJ1UqaLIpmLRWEEJrfEamHriFCgLSFWr+zmVLrmq9gdgl8FVIEOOteH1s7ub8oi
wdyqBC8Y8psPbdN9DFglGLNE+j+Dv4ipYKouLiNu8fU01bd2EN6sYOocixNg/EBQOjsjUdR
WJIWaGS4iN6iXyMy/EjvdVBAFARqoblgYsg1ggURlcPE2Uape4lTEG1hYcJ/3OpfVLiKNX
FrQz8DLMc0r9orPquXI+TWvKs9Ts6aEcu5jXcFmgRe3lnIBL+JkYGL7Rr5zF2tSPNtztjOJSF
TpFTQ8U7gtOcy0zoh6LRKD4gMOW4dPBHQPeoa3ekiWtrDxLU8OZQn3c3hXwsFgEvpjQHBdPc
LpLi7jLXB/EFdqzwRLFus3SaScnDiBd7tiqSFMcjzLkWDLbtLpCAQxYdMZdo8PiVt9Y+ye
jkiVRwkEbK8ZquKsW47ZT9pXqGEM2AC9eLidJmBepuWC4YRS9k4gxviiRWxdCyMtNyPUC6pc
E0/G/cmDorOBx+4zQp2uNoKrAqDI7wxihpvCogOH4Pcd6GH6ZZrhT1N8bFnz0kUA0GID3Rf
MtlLoGWasG3ESRciw0SwLwPW4ldey38xWnT+qJrH8Em5xE5Oa7JtnHVHJK2zQWRxmL6Z2u
Xc1XIUli8Q925/UPDrngen/krB8+uJQ30BQyjlDqMoZJBSBwfmXd7uUFcRifMsGGIHO5uPH6g
bhMTdy+PUNTEdmVYUEHf+sRhW3I6RyXg65jss8Q1tj/ABLxhOCYOXEC66nBzVxdRSqaJiGG
CEsLN7YJVnDLHMwb4uWy6RZ1WiahogY0QK9TIUA3bN5r49MBaXWu4Q4s03xDxYul+I+PND3C
53sgx2HHT7FQ8ZhmBTqvnOPTf9NkSA3TbCMkS7SC110jLtUhZwQnuB0eprNSDpBVQMolVbZ
puQAFphjYnFMCEWhKIYyWbbUImlbKxGstVj5HcM7AkabioTOkOIImtRIO+vxI80HOVeaWvAH
GLZe1HF/g8RCOR8kzM0PuzoC7o3gqMVweOlyxmiYp9zEnTKYAc5dnjRKIkY6m5OH+5ftUx29
55gWNZjouVEIaINJD4EBUyDkRMFuP4hl/MkJrOAV4IrhPKXcxbBaHbE2ZIsBHVc5CDuYMcI
agwVdTkcolzirjyS8gSjfUpSftXjUyKzmomzXWeyACqWfw/klGSwfoEpFbT1ESohObU2ftfF
Q6y05Jc6hs8mmIwI+hrEQzhNuMQBDtghZwIVrZClxkgIth5JZBmG05phkRdxXuA4rd+ICnI
7oEVPKIOhA8BvkzaltcWjaEqI6hB8ZINTrtVITX+1DhcjliAuy7OYxIwSb3EOccI+SFsGROR4
+0ziPNN17IGmIgkSuZw5qjqBdB7qX13GiiPjUaknRzgm9ur7IGY352tR1JnFxi4nljW8DRFdr
s7mhRXLsZgCbIIJzBjrTYlb4urzLA8wZrhXEQBjaVNCVEMAmIOctxX7qg8xm/LOPhMEBdi7
YDKoumIgoYRpgAGAWj5m8WCYt5iUIGy4moTTDI31FBQpwOY0AwYdly5bpb0y6BkKHPEsx5hl
jSQTVL4lv5hAlg/ohUV2Uc6jldVF9UzlOgJeSIAAykT8JgmfgXDfiOM+R0zI+hhTLVouRkp
NnozLRWzXQ7lLBX2HG/EtAkoDR+Ir1QuSVy2Bip8e4T0sVCHcsDGi8Sy7W6zK6W4x7qFQ1Mv
Zf8AcHEwguOECBRneuC7pQLTDxDAvFL2Qz8qg+WC8ErjqKpXexOCIdX20xiDWLV+IQNFczL
6Fq6VC2OQmAHUbbO/UYpGFeZuCWsWFQZGYfaZUqfGBicQZRioza4AOyMRrA1csI4IIOCOuxZ
8TANYRYLkTMS9rAcc/cEOoZBbhzbwXEC7R/EXMPFtnc/c1E3MzLbcNxdkzUWvY0EJXxBqLW1
QASDUxrgyd4IBMof4mQWR0Bjhh4UM/Rn1FrUL7Kr+JelKwfU4ZaxjMFxdYPLGqlnPEFgsvDL
X7HzAe0P5RzSDYyzSM5iXnQIB1xUHlls7XMOoG0BkAwQ3iIoWrLm9TcmEIB6GXKEqx7OMVG
bf6YjGrGVqnEzjXbgxE0uWHJfEA+0nggGPg3Ddqxln9TLGxWxRr4lbYT8CEC0QOftxKXzF
3KX9pcn+YbWJo4j+x58R1JYLnCtmmWJSHPuPYVxwYeLvUp8uxL2qK33FOi0blABGj7hb3pm
f13GrJQMUAaqJIAAp3KG0zm0UCKZTDLgWGXl87NQgOAOHUAugDgmpI8dYINtpaefLH8zHhHiD
7MGFvEr4IyekO6ICeSGJ3H/AAMrVKt/H3MJUc008RwVBT1Z3Oy8bf5ip3Vh9zVdUfeYkZGi
dXMApLg5gYIZOyswiHxDoM/uW38y6g7ibrLXgl2FNWYw1muYRaZByQI2x56jW4wA1ghMXhcx
Pmj0jJ54isUrtngeVFVmA8rsLPw+JxeEl6Nw+nKxz0fiU+5Et94ZwnNBi+X1UZtmcnLiUETF
mR4YggWOiRWRHLSTJgb4XEoB4cXI/eCuCV6WdMGuekmDETUb8xJoz7XLoVZaavienWHAKLAQ
c9zNpRoLhNX5GEAVW0JSgLVaI9zBdx6dxzC8TpURKG6gKVoxGCxy5nA3UrkmUosdQWqzZKU
KrVs/Mf3N40YfpKpBbWNVcY16By1AtGfUXKVRMsGIbBePcORKvW4FVIs9mpxPLeskKBXAJUY
IWgPiP8AIomZoex4TMQWCYlnXEqbQigcpLO0mEZNxyBYxGYEDZ1HD10MZprYWN2S33WpDHI9
NRHT6ZVjZb9xbNb4gBKq59ywyJskMjq5cPulVyZYbIKKzWtNEM1beGqLxUvpYwucUkxaNXWX
1AMLS8QUxDBr2gDdZIJ/UENC/g6ZbkspUqvESvUSkSXScpcOppwlEpUHmMYtVfE62D9w3ae4
oIEZWHyLjG5F1kUCVaBcZqiNHihwRsew2pexjMYKXilQXHmHRdOC4jaWBKR/ABGJSiYNNZSob
aEbdVkuBYBpH5D+5wjxM0wmaMzIv/iCGCDB11MGAlAVD/olEKsAYhmbRaI9GNeIy/QUd7GF
pROt81qcGua2c/EMRw68wxbVnqnhjApAUVTVMYhpYfKkyrVliKq2uMGwiNtuXtloSkQDYN2E
XKcMTPhgGNA4YZTZpEC1wdVLv0DL1avJXcdm5oWLQZsdeY5hnTKmo5bYAtXsrxCNFA0FNR26
oC3h4hmqCnysjCoWneJavhXnzC/2wtO3zFQpTaN7GXE8sXcYHeqGUXPKwSJHmLiOd3BFNDf
d4mJLUtw4i114NnX1OAC4LAZUAfqlkUvWIV7Y1fcyRUphxmDW1aYODk5dQhXZ1csAqa6iLJy
bYVRacrG0w1qLdUhLQti5Ep/ST8xmk1hu/8AASncJHkn6TVSb51/iG8V1UxCfmY/L/D6nv8A
UNQDQUYL8sv2WIMZxULNtl7fHsjl0kBKZKONantLWs9LPChSeRDiWEjQZgOTfIRkomyvUYg
D1JUuB7ygxAheJUcqvBcrDI+Z9Frd9bLHGOZpkBI8keMUh1fdM/IXY3/uJejkHjmX4dGmXP

WYTSOzBpQZhbzCwW6ocJGNA2f1MqS4ue6uoAoOrs4uAGzMIyqbDojyY5VCmPpTcEAZVxupqb
kKq+2MRczZXlxCliBh8x8FjK8BxL17NR4cih5amA4Pyy9/Uu5yrbhZuFGISA4c6psmIYz+Ywa
9koU4ZhbGqHoQZf4jvuXaM/MYsY8TaGIILu8QuBuAD6iAFbKUYe0BsTuPIxMIRg3cRRUNzIv
fUWbDAIoJvicQ8oyBRCVoaFi8pzKWOI9tYbhwL8Hh8SsmxtvEbkJseF/wC4mIyyt4h8LmL6
30j9mAGWQ8ZFlrBAvUDLgW+YFJpx1DQ6biHsWUGCS/GIli8uJXh14ld7J8S1HTMuk4UXHAbc
hDm17IFRkP8AyaJQLb5zMBxFh1CvyDEyglL8NS9All4mUGml4IIQQ8jGnNs8OozWC1jiUlteJ
R7W1VziKkS8EHKykX04iFb02rzEIP6DLUSmd8RilfFwBQpdQ5vxKJmQgAoyTgpmvcDMxyrFT
EmV5MPWZkmmMC6DKSjZqu4mEwkKMBDLK1rWYT3EqaavufIM/ZNZkpsguoAuocIhOAUb5iR8i
4a0bTmkWsnovklwLUoHTHAfMje1SVhlYlyFqFDsIqqW8LuExTAjGbxmAAQQtbNDLxsYtuYgTd
eT0f5IHagUo4h4Ybr9J1HTThGqhKDXS0XHBF9KxcAhj60iHTAuZS2DbCwQWOKic+C0QqGRBX
uXnE4eouTshcwN54hOF6PqJlmxexjvh1SoM1IppQRWaO9yuo3XuAhQG1e55IPiaCiXht/Nze
3MeIyBSPSAR3a58QkiDyIFJV1ek8+ZVssKsMw2VQymMdvUADKD9EKEcw0IFiclsKiGCL1mY
IOtjX71BawaxAuNLjXu7jm8msqLExLtM5dKQ0OKmr26WxiJb1bhdDuCmxXQvERpkq2AvdP
zGfujxF0mWwoKJmQsGYQoPAtkUgxMFF6i45goAoIpEdFeJaGB2agxRoZysEAqDbunxKzGIKX
wTFLoHUqF/AYoeK5QXCnJhblLoXd8yzC6q03Z5IdRqOp1Mt3OQ+5gG3RCTXQfd0xbMGQginJ
LJdmtxBK5N9y1GpU8pFjDIWtviGp8B2sR8S4Q10F15hi6LLW5q9XPHEZgvK1xElgqWVtI8Qm
pfbfzB4gxKN0OTxm4iJzh8Yx5WBkrVoU2MJEaRKTzNUzzRFZ8IYw6whbBX/sqBR/cKB4n4Ee
nUc+VC1g8yz6hyYEddwqbm99zbRvcsqhFu48ZYDzHskoNXCXYvbNxrRnCMC768MI+JMEZTXiZ
RxLnprFRxwaxTPzmavc1R1Ln53KJ+4KCqNxrNjWFTNJ8ouVZYGzgZhre7NPEQCGULQkogs3d
nEawoC9bZINJWRJ2FjEAuGTmUkAGKjWbBiM8NxFthZzuHjBS+D71MN4Hk8yye+UzZKEmA0S
xMzNeKiErdw0JkrjFhUub1KJXPYrLkC2YmL0eBGJ66mz6lnFYvVytDpUM9qxcBaA0cQNUmc
DC6GL5j3hbcvwQqZwyZiiRU9stxWmC0vcARQ191Mu+ccBxG0gFvuXEEdRdzVrkwFLArylm7r
MGccMDSuJVHeiwAphHglDHPatQWVDVzOBo7mdzbh7nQhkFBwk1Gna5DO5bKTYSt0NQ2YQVZuV
Dg8xvVhtWcxUgWqpMVPzmfvmj7mbFq2fFo9LiVxhIKZ5EweoP4oRI0jsavUiS8kyvpCuAVyQ
rc4jCvgorBZFXBLbxKIwDHaPZoHyIwlf+1Y4ZgM73CMGs8wK9P8ATEuAuKuMyzV5HTqKriCH
l3Khbe90gAWrqvjEGkZT6gz0bgHcG5e6mnmOmpWDXqbPFcop7FtPMxvFz7+IKdubZad7axNQ
O7iD5WiyFjLXtJtdw1XxDE4CqguYv4sy7JyNsd5UmZU4AeUAzQVbV5jElRvuOIXnAix8LV
sbtXc5cbi7IMVtupVQuRQMjyNohAImr8yhTzZMGPTxHWhY7YZVMrBjBCq9XqXRw3MFSKbjsZ
V5lk8sVF/SU1VX+ovk2Rfcxfnft8zJppqHpt6yYiyN0Gdeag0hbOskB9RUyDjLLQHMUSsTu+
51rFdV3B7hUFYLiZ2UfjciKqbNikMHD1EG9WUOpsae+fEsXS08qonMyQqxELoMPXbDMRVuK7
+5jS+RrFMWA0quogC9tt9wbbAUiX17QnUzAUJt3HPJF8A1cfCxeUE1bqIADDbMI1kDRei5ip
DxRZQhgN9S0iERLg0ANsZlpWZ32QuCoKmoYJUMukweLi513iniOITV6YfuE2lgbQ5jXnWxp
AcKMD9S9qHrAmrhNmV+ItLmWq4uAE25xGvOyChIWdQ01aXCK9LquyLRccyoF0cx1SsTDR8Skq
851VDhSVUgFLXj1CsziYmo4IFripA/8Ac/KYNXe4ILQ8oO4KWhFTaV1KzFHCQWZAXniAagbU
bh4CZHiJcKQMEqLSp+ycABQ5JgrAIVldiZB6ds2sghZ8xrnbmX7jplk2DFoOkEQtruVtotR
zKq8mBmAaQwDBfLkqAgbp8S/OrIXIbmSpLbbySI0ZCQYfKIzDWVpfcU9h+YQAYl3UaDvKUAc
mkiBcPzLxRUJNQ3tMkNGWty0OTaXfVZmAkYrFNymngj0wLu1owxrcbRcrIwMj4jPJQHOzmCs
104PKHKOK5grfYyowHaf9TrpTVtjySy+fMArMVzE4QTtcVTZbhUozQdxLeeh1GsK0FvuKXh
GRVqMoWzqDo5b3LspdMQxt1cEK1FPlm9ycRIXQ3iKhuazBo7f3LXNAaayrEUEFB/Mz2FN7i
a/tSxANr1GAgLKGgyUFE8VDbYQp3ZMpRzkHJFNeZJRqd3czeIAiw0h/QjQ4RY5INTGvypxp
8wQWwOnMRAwXTglVs5b4gMs1b3AI0vJv8w25qUBeTmEKNIILaYgIVQsSh7+pwYExcASV4CK
iDSFmZcEVSuWuKulXMYZmLR1BHoVINxyFW9mEqUK0IsNbM/EVwqFMcdrK3L7cqyFQGvIP7zO
JHtFUKC3KQQtgzVpGHIIHbAaZuwC+XpHZrmPTiWIN8Qx/3QoXtd1zECsK505gHWYdgPEwAbPq
GNoFUEA4ALh7iBa5keVM4rRoMxupi9NxOHkqEBbvDAOVeIDdGCYddxftY4voffmHkoLx1Eo1
31mAWmKlyq7hAitGHM164YcThmChNAb8swANgoYTFetFBuh3MYimxd2sqAC5T8AqWZtLW6q
YwYHbcB0C77it0S07lrHDSAR7k5UW31XUdklwGHXMv8kOVyMV1x5P8AGANFDtiuB57YcAFH
E8hcQFg5R5vUG5GagUC86hU/KLQUVCG+ydwwYoqZDQHucBmCgio6mcFjmVnjgxyra6rpGO6j
gqK5GpZAGs3p7irrrgWO4wAhYNVzCGT0HJ3B+Khv8MJyr2u+EqIvtplV58VDIYHgVADIFft
Km0TtMZIBzfmxQp3qNg12znIGMTB2zLBpyllr7mErLMZykbGpj7GJWF0ndxUZdS76mKUdGRX
Rzg3FTQcr7hnspeYeJa0AZmyvcrK16GQ/8lngMGsYSEZKWHDrUeIoUbuBfhOSSum5zwy8ksui
CEKq1zDiUo7YBFR0rdu4ZUBAN9x1UZBbrUzN46lWDNIrIy3bh/EfGXCE3W5TD0uo305IVq7r
8RtJWsuHTMMmaJnO3fcZluJVS1lxCCvTAJbFxAqKIKeT1DBHQp3GRsCxmUOV3ZEUKfGjJdkU
jNiPTLRAs7xzBzhdZ/ENDRTiWiQ3PCSggKdGUqRdRW43BqGk3Djw7uFzRt5GBVoDDwRUrgMv
EvmwN31DQNEO3zE8VmALwO3xEqtoqVri8yqm48la9rO8PfcNU4anNiAyLDthZTMp1NVWyz1U
FqW/swE5mWL+ITkcx1Kpi0SiGtfMWztCsO7jEo+8t551m1EbDMo0Aw+Yythsh3kSpvBMDr8
3XGDZD19SnipaVuGG2HcgVtlgeepZodYmJjou5j7Zlh0HBzA0FCOLhDNU1eCbuKqUxVXH/a4
g0KsYqMAqtuMvrWMKtDHuniGzwiSpds3NEyggKNRn4LRjNtimZK36RAqHbOsTzCJ8SsASy0
YdFuGK2BWyPIZRhw2FnNepno9Qs5Fhh2qW2VJYTPMFKQcBf5i4pCzZzC4wD2nNQrMqrWLLDd
EZhr8PyQULJukizctQLCYF5ixcZiKg3CQRvqEzuTV9zlc3PiKgFq22RqDl+jGhOQR5ZV2PNJ
HCJUwxTklf+qbaXcB61HTPUNBjcWnMopKA9L2+ZcGBp3XMV824ErzkJcKYw+IU5qCuIbcwGe
klM6A1TicRLm8zScsII6v4iiaR8EKJLHwBCB4NSwObbYq/cNXRP1CFdIKwwMywp3qVpt0ID
bhywnKxCBu6uQOHNQ2hmGLOzQ1wYYxtXKX6UKxjZurqABhyxyU4mpQs98TILVMFf5rfZEz2
u+yFDywd+5SLllwOsbjUgqqpgpvYwQCG1qIEAZLcRKKLQD47hMIKFViMO8er0S5iw/iBnS7o

D+fEowcxamQx5EKteYYZkI8aZc9rCuyGhF9iunfEDRDk7mStBomTbBjxLOUkpRcxwOCM5u8x
3FrAcnKqXKAo/IXEkgY3J2S0F1MApEXL81u9y2phkt56ih1YX3AlsVI7glIVTZ9RHqNX+Ebp
CBHs5N8Ec0WqHcdYw0ObihphU8XKpTdWVGoOQ5qM0WDH1M2Do9sZTQMxGPK5gLmsLL7uhgU
irbmNbhK0wARRcw0BS4eIw5V3CAN0uOna7MuQ7mq8kemsmswYZ8S1I6RiQNgSKEIFG5oTHuKJ
eHcsY6EhXWWTzHBXG+kf6rydQvYwWooM2Uy6vxMa7+agm7uDAS9yKxFv8wVthYf3KBjnA/zL
WGtGwvcVAhToYGG0BHnvAWKYBMBqIIAxuq3ADF04JeLi1LHgzAq5c/MvNVbuE/kLNe5E629
fFMxdgmNgFY5m0qq04hZrQZpMiQ0CQCAN+BCyMRpS8e0FxFy+j1DRCKXh3MF0G8u/mUnLVAj
ggG3ByZc3ECig9ksaLvEdKFYrG5kXKbdL+Y6NFC6m0/FQctXEMhcTijU5BMnonc1zFpWFixf
iNV+W75JxHYZmKwS04tCUAF5e4wHefiVEGtxPhUfzaPOKGF7jKquU8yy1QMynLn88QIy2qM
WErZEa6pYw7mssCzxAWMu+krIaaqZAw9IQ7xiUjBEtOYwo43UbgDcrmc/tDbKCLU8PhjVnAR
3MyCsJmgbtQfX0SeXL7uGIZxQl/qL6TpTf3FVnnS/CFK9trd6lpGDvVGwleRE2oL8Mj1G1so
7VjZ6F/UJHnmVHzKUESR1Yqg6u9QcgFRt9Ik1bZatT69wmhhf0ZfUueXEzI0AalvbsHgywGQ
s24d41mM1WjxVaxAetXIPx5l/m0Oghb3NAxAEboVoVzft9ChblslIkDvMIENtioP8ANSld
Vnp4LiiKq1Q5PqVgW9l06XiYqRHktNQee53WcDuB6WQdmeSHGgg1T6ZbZohbZ6gC6ED3nc7U
0A9kREdHysqnDqIL66m7xKbNgd+ZUGxPYWqlmKIFCwblCgFkeZeUYuerYreG8MEZOP8AB3+H
csDslHMQR1gomrQz65lNsM8hf1GRzdgmNGsLuN4UjiaYzJgccRDYvUnfADseJUQdkV+EsA
0nMsDQsqz9lRK3BcF6nQHvWIFuhscrma4RgdIIdRDUZ0sh4IV6531GpxIGQWL+ZRVWG16Ja
UrEV1WyWFjpitghw7HxC4quFPMAAeG9MaV0s68IIFwSACqcxT4llmFBIEExcimbhkdKHjMkq
EHQcxkqysLPghqIumDWNi2NZMBOKriYRONDBh9TEo+LZX8zLhSKAvUGwIrx8kAlIOAw2f+XO
QoUYyabiEhZiRUCsISn1tAs1B18iDTbiVDkFi4IU6p/HmFgyRW76ErhVxdTqRcpR0VECVrQ
aKGMxCydz0Xuc1WEtRZ04g0y3NwDIKy9sc7DruJs7178JkUKXmMiFcfcxwSXUrabxkmVQiX5
heYWE/SIARY8T3kxpJmNaaqHIFFUCEQd7j1Qig8wL1G6ZRwZEC2qLpLZqXLWEuOgFDHSHMUBR
onqjrxKRyVnmESApHNx1lzi/L+I6RjmlH3qOfAswLUWAnEMzCHaNEBI/KVi9m+3SCTpXYd+
IMvFZcxZEcDqn8o2KOVYK6johAF2qUr7KpBxBm6H3EO3oJdOdBlzWVvOQpzcEaa5qg4HuVaX1
MnS9R1ADBdxmD+CujGYzyMjNsTQCl6SMKMTcBxxUeEpwAwnjSqcyoUwJkATcps0UWSMdgGQF
wvm46xH3ybmoI8Ecdhxgdt1KK64j3FZIKaYrDLG6gELww8QzTVuomtgXyrK9hL8U8peulgHM
wODerc9pkKtZUud4gtuRx5i2vJmd/jluU3KAnXNR6xTBKMEK0pg4JBbjTCwJWqgNrbUCriFO
dQayLFct8xYKauMeQuZQ8Jjoz1HBGfxLNwAYIVPYeZqfhjLFF5biYc/dOobfUyYAXffLPUCR
tAx4j1w3HDw14lpg8xcMrUfLEMVUOD+2NRBPahLKKwPoHj4ILULG/qCVZqBshuDVZOCPKlxc
LGjRbc9TMiyG2dRZoixBwJj3irUzpzGk+Wg01ZLEa6DWLX1B0hs50Xyy9nL0SgYAJVllldRJ
EYvH/wBIFmAHVL5jMDZX+Y8gN8uSblJTWHC1J1Da2ZQFDV5QeNqlma6/xL0TiPmrusKLFyArL
h7hAtYIw6cY167dx27hU3ENB0zJKpokFThzKHapXgyMRar3Kh70zXt1icgEupWOG/aZFSesQq
6810A4YHCSnhjYIO0qnzVFDbrZ1CpbyIcSdTKlYUPYZZugmnAwBT+JXk+YDGE3ECVlJFEQ2
BkZfcMmhwwLAanGIGyWPzYSSPlx3cZCYCPmVYykNcQHlbyfELZu9aVgNQVHLyxkGghbdETUB
pfBNOikDXg+YwGBsEXlJm/UVIUZjSpH7DiJ6BwtgpQgaghj1c0ZAW+I7RRHYaGqfcIMqWDWa
tYwV1U+9Sn4kiF0PErOAIUWkw51kpBiRALXodsIewovMV23oUu93HKC+O1xKCKtqoVuknsR
VICc84I9Jq2cvXqLDuWB51M40Gkp5xdRxeRljtY0BNbBcRaT5mKAW5YIB4mXvUjZNAcYIJX
MQjY/cR1hipykBVdx38KqYRuNkozF7DwwMufQ4is0Ie25hLkUuKfSiMFp5j2bq/7lgw8DMUF
kRKcndYSL2wrXk7YQYQjErEA5Nf3CC/cu6viGzdYXnl7mbbcUvxuYcEcisUzErKyMGt9AKi
RhCiA7mKZigE26jB7AncP2JgNVx3BYkUqkt1UcFXkHJRv1tm2Ki/mW8D12ITBcG1+IgKHTLx
Zn2AgtorCy5LU17uw/uOOrM4GVGQ2V3ZofDNSS1XEeHUytrhZtMrzGhWF3bTqICEqtrB5Wx
6AWNNF4PzAcM7znvuMKFyHCncyYNA4C+JidVI/E3AOLLkn1DoeSBAHeoK2XJTNNS5ajRndxG
Ga4ho4MCKsmeEJpspsnHMOBDNYCUItzMG9Sm0Fwa1SWVV9EwxZvXcYFduWc3jJK/wCUdkeM
1UkoUdQFLzNzQu615eiJRRL5l6FEQxVeWosEsd0xRrBNiE4jt0HEUMhcBz7IEmtHC6weoSrl
gcE0ERcFtsl4ZIEy7bJxON4lzZNI+4dFUVVR9AXjMVfHfVfMNndc8lwYdpohQlOX3b1OngIT
5ifWadFKL+eIF65fDdfMuAE5LrSng1g2q+I0Nbd7fEQ/eltqcSjYGwXATMiAKBFqvioWxQzI
e4qd+PB4CVx7dDmVocotgmIPPHxFTFWdoFdPUQOgNhAwj0VKg1DIsu69QIZBUMMXLJmwvzZ
CFAyEDbtZt6lAFDT5mZ8zhrA18QThSMFYXmN5ZL0mGVZJZOBVVogLBC0h6JXXUttObzLT0u
4UNXRLKHUWswWQPWNQ1Aq+4M27aSctMMpj6lOsF5dwgHYEwjniLYcEbcJVOo1dg7jIge+IJU
4dtQzsj3cqUafKXy7v13CKVrjuFAorofGLYJ0XR7ihOVc+IM27RZLQY+ZdL4ZpLgGHTb8xm
Td1Mt0iLzY6jQjY8xd+Q36uboUbyxPSa3aLULMTdbjSwTwDqOcCgAw0bjiNRFVYteISgEli
l2Vhb+1+XNxtJsv1FK+aOxlyOGT5jCBSlbVhL64TgW3BC3KlZmsAXuJw6MUghbOvZBKVWVUD
ZEsXUCim6vmHS48A81FeFD06NXzMsGaVzcEwS9srNM5JMeMbUDHMM3ILQ2nhCE2ktDJ1Mmcs
ex0VicI8PEVjtd3FibDi5RXixDoXm50g4IAeVRk53xcZCSLmAXZGEeMRUCzS8+ZnTYy9DszF
Vli49dxKXibSNXxBoLEGmgtdxGAA4jKo9xRzxKQj9kcKBkvEX6CIZ+CCpbMnxEtAwVtIQXI
NMeHVwaUWR+YIHLDKhSMEBxiBugSpSMTb0PY4jrADCs2KOOIZNi5e7+YLhSvKqnFT2XZwRYu
itRpi4vIjBuUKyeGZAQM0haBzGthVYcLq4u81bt11Bkjqc2hpb6iTKAC1tm2WifOTH3F+KDO
Hg9MLPdmsXxGwoVjkuWaXZs9nMGwvBxBteTgmEBit0i6nDzuMVAJaJThuM5ifRFWDUurjISmGt4
IYHfmVnkGCODqVRu6QQW24Lg5S5xS5RW5yoROKSrcmUE8DqW22GGVsFKhrKDAAtSrmAaOfmNZ
oSxXrSLx7II8xXfTEEkwqUKqWxqM6cXnMtdxLfmWwFXriX0SqrNt0y1ZC4RqDnF6KlWAGCY
CZlwCPXlZeUIJaQA3MB3mYRyr8xIohVhuAllnsMQNqBMSi3fEyaOx5O4gHQqzFEsMcZLiVi
ivKO89EAeo/yNsto3NTUmpthwKtXiQHir2wihp1is9mNqsVUXXmLuTmyrOvuOQkwW1MU9xZ
4XZWD3ByER0Udse7pzK/cbOkrlrTCSm0oqM6VKhxzcyyWohejsw4u9w+4FNrW2DoLA0Bn+Jm

GLQ4DKOpRw+0h2zNqKjErHct9WV9QnsRFHiLC2HqaZqgSo+pp4TG6UcJnQzSjkFOPEBS0mIC
PTES1BbuK9t1ZEL8pbLcQxn7mw0jmYwyMoHRJiMQDyNZAHwIFreDmVsI8saEFtZbGEsvMJf
jFwQJV1D/EQXDS6o6mRhGxaB/MOjAhTPnMsbU/UvhDm8C+IpVNATFI5pzKboK+FSSCrXqoqD
xwVAYAQH2TJVbHZuANqIR11EJXDhMbH2xsR0VGhPolquqlqWqcF49wM4G1LlbiknEMhR1/MHU
AagDqBsnlyeZKKlh2NQFwLrFGbmm634VZYQjSnV2mgEKquLpQ5JOqj+WRWbDL3MLK1ALocy
9MhEcJZSd6LlW09tRhcF4XzXmABV21f0o7gQWCNvmPTTrYHGeIvdZNhuOkVQAm6LLxFLz5qW
leDMNsoAanMNZR+8GILY7GAczJ6iPEplL2uBKMPMdG0MSgKHUIKYWJxGgYGYIwsltWyWi7
DLbWCWLyIQkJEgUL3mU9qom9cDnxBWu6y8QpQKGvwdQCcHsw1sOysUHEOrRjQOrV1HXqG9JY
TcRbyBo6gTRYOr6iyysztIHBUEHY0pkRtzLM151Vv6GkZQTJRvWQNXc8SeVwr8TICVgbHY3zG
EiultXCXIBDC8yzt6hAzZDBGAdOGLHcvqY127WVJWadusTKcEW0uMXuZHcgUm+5b3YAKOIpx
AD7MQx6tZRecTfRX8h3Kn+ZLpHmVd7UKKjCBgsKIw/EXg5s4Ob7iUinXeRh3HB17pNtFNG8T
FK5LQKfC0quEqxuVf6IHqbk1a5fiVYKzJWRgA26aQcQEHOWGtMyMPgIqO1lZ/M4DZfEdflqV
8qSIE+ZYMcbGnFYhXs4gWtIAwAcjAJRbiCGbA8THRsjqANfyMEqutUxbTeSURvrl+kXLves
KNBUzJczpDgzLFVAyqCPj2nNhg9x+aqXcq9yiBPDxia1XS+PURwcHBMvYW7XUChfJO0JjU7T
n3M8Jvt5hLdQLzj23zWdzA9XkrMvh1Lza6q4UzJEGTsXAS6yIgxJwJnfVgLaLLc/BCyTgt
1e4Cxp7qWackx3CwAwfMQrmo7j9DyviXeS2m8jcn2AhsPK1LyIcooxR6gii2K1XGPUNUXjm
7f8AcRpwAVU0VCJ1BbXiLislKaPEv7cOF/shDlxSh/URodpXS8fmO/TaEbwH1OXUEANqBI+E
agB3i/MtHpUL2HxCiSAUuvMwUk8Md47iIWRZp9zAVGSVNPuHNNeOoqjy40LhLlvVzEGDBRiL
7JQ0Q34IKIWXAK3BIolh6ik2LWJL4CHlmdKCh5j7RYQvhpgWhRm/MoIackVD7hIDnc0bPTiG
c0QTpbB9v4jBK21Yz8ko4igIM3niX5bW1vMzDPHqL0SnsEBIR5YtRiC0lkbItJSIXCpuSK59
sLpdYnCsVxUdQArutpt6eomNVSE7GVIZoYHVSxfMUaBYHEAJtX13AHKJpwQeQsM+4NNLays
dnJqcY9ygcTwe4FS+WZHiMhmt83CImGwV0x4tCueb7j+QBSjO1jHBBVZXXc5hvtCUmyOe0b2
htYc4048pxs2DiL4oNRXEsG8wCqYigOsPEKbrxchXqjKEYojiaBo7rZ9zP1/YO8xcisP3FAE
946mgs2wFBruA8hCCuglRvVqhiXQsew7ghcstAtDTNAP3MRb3BZYXGcWYzDOZ6i3DXEzVY
UHQZfVBfIM0gb0T9SsHLS4DZqUZPWI5DghdZuUMUUDaG1sKzmKo37ZlwSy4qVWgNimpZqtFf
cx0DOcRy1SxWnuH8vOiqADOicHNyieiBdvdQwMAKqhb3eoaDZUzq5ydRis4KKXw94IGhC1D
YEBfjQhxXKGkuMC44VuEgvQqnOmjsiN84Rp9u5VhC1zHqIYGEILDaED2qChm4G9qHRBhClFk
NFTNojPO73UUXQEU6slC5KsaiqTKN3WiIv4IPwoaIBLs7+omEBdq9xG7k7YF/wAw9xWp5gQY
qWRhi5XNJq63AFWRAVaEc6hsubQD9ik5CAG6CQGUbW+YhWnQ8YafY8sWlhn09oy5WNZl+sE
K2balEfMuPKi8wfmKHgXKIVapiUu4bJxHLNjiEcoJmOGVfhIukUcwcCrJjBsxGzGEmbwsxJ
5BARk7nIyHcwpLitHN02YeIjnO1xMZWbyhGQwA8zBmHsGeZYnkgUroZbuiKirYqpn9x57r
qCdy1HFBMWeYFZuHZbmX1kd4eR8w0hYOMcqeYkejHgdSwKdQCvutEaKS2vBuF6Ys3p1M0VOg
ll6ywxXJXzH3UAoewYe7MVqrJADS0/qJQKz2+SKXo0SvxFDJDB26r0x2oQ4bL7lw/BxdcQG
pKSXuDHgAG2GitQ2pekIJMwuhe4XDyhdName82llamQopRK3XVdTfiBpwTeYcP3HMRlVvk3+J
Uli1pwRBSwxZnsjckmwPMB1B6DMX4Lo8SiUaNkBJXxGous/cxXFwq3xNu+CUu+yNVsc1E9sz
LBRUNHUB2+5mWNBqMUaINuqZgmxmgwcmVA08R8ULxN7IHEBAGKN8GIGcWOXUuOB1FPsIc6jk
Vt0zAG4EqoykljDKIEvrYLGLrCtXcNcrU4vb1LvlNaGYh8hVLYalgkaKhXErHGRoF+4VgDzi2
6hAsUpez08Qo4BWKBlisKpQld/iEaIAur4IZIKq+IuiC7QT18Fq0dWkttuJKvqKTGpcz+1MX
irAsl44CC+cU0imHfT2Rb4cA3nCxZGhWbdncXARGNta+otFzV/zCLtw9sdPtpCyzmGoIhFD7
PmLdNAPkGYY5W9SudSeD3xH2IuRsWLA7KKMMOIhF3GRHG/8AajTfsAPib2PPaQ4Le0W0mWAY
cA4gwYFpRyxKNco2kFZse0dNvmKi1GsNEsD3Lzr4i8lZaP4JqcPgZjIEsKvqXq2zkJUIbUAR
l5ipsumWwT7mKNS1AtmwZH7IY4SjqO/Mq6hwS3LA6gs87PUQrvqIAi3MHVgaUXX9wQICnJWI
cQ1c/uWPUGUAthQ4XzKNGGa6VKgfLsPuI2AJOGZGteBoDculBdBX4hKqzT3MtCgnOxohSzb
nbx5EYc83mUYap/LiUfa8k0tYqnLK4s/OqgNFoU5h3ocKZEnrFOyGzIJJZ0D4mE7hS7CrzK
D/lxrHuYskhSzkZEyaoYIKjbi5YoKVSswCPT8A/UEqsUHj1DwWAVuFz5GV8jHsdXCURKDil5m
DLd5WuxotLe5yTAc1CpG5XxxLotNVITNO8MSnCcgcQWwwMAGVA/MuWVcdQhKrhUeLlBQMwy
gF2quWYXUPN3GDIE0AtjfsUIJZlYsmCopsW9x2i6YgWkmYq9YU1jJMuoTdbBm5bSrmNgEEDk
dTbWOpSNLsiVqWwBNY18ke5RbVC8fNcCG0q1iD4jegpaaZbKJMNUO9VU5tqFtCnmGvwQMM7
+YcAFCy17epYugE0U9TMK20RoQ5ga5u56RmBYG5TfEpBbHdp6qHuWD2dx75iqmFrR8wAUt89
QVb/ALoQxVjC+fCUQCw7EM1EMjb0xckTQGEiG6uQZIRBW1Eyq6QuPmHuiBAnNRgrnsDlffiH
U0IYL16Nh1zcZqI6Msf1cdoYjBA51ShPKJkexiAvecpzLyCMI0R01sloPMbULAUwwkIBW2G
peSsOEjhy1Te4IILY0MVBQ2vzK0GbfFh7xuGoVbiJBXDDPMIAsuZgFzAoeZa83TqXk0kI7H
icqW8S+JbDWj0jGubgvLZBqNuJYBtiAFBxDCHUYg8xFVslCaq8xWS0fmJVAwleXqNsXUckH
PeOUgCxsP64kq5pucy00jktVKlyuto8iU5sIG/IIT/SowjNmMUrjcnHqLzqUS9X3BZ6M92
tw6dCPzGoIVVvC/UytkamIFkp/MTIQDuLXC0YEM3MCq2GcmDx6mJweEObi9xRhuu6iGzRB9
EVVhDZlks+WlVcZv2PechYkNg7ggihHjrvTioHD2fKwOhKTJcT8SgQwwMjBbUVDPIxLW
UXVkiKnVnOj/qXusueVEcomlCbwwIyuoZhrsG1j8QmerfjlcRs5aaVULtMh8xgsdKy0VeF
qMTqRXmazBF16Li4nivEwQ0bjYwggUbQFrcO5t1BlptDKFEMm+TiBbC48sW2p8wARhluS8Sw
AstTiuJQRQfuAMFcdTnKxzEno/cwI4z4iv5IBMrX6HmleDg68vbH6ZgE5IFJSk8cWCEHhXmi
VhkTt5r5j9Ow9X4PcScHgXHUpDENofXUE3+rUc0QbMQtCuYmlREap34iYuKxC3jbBxwV7B5s
IgeUjtaFwdQW1MCj1G11CpHowL9odAqweoZkc0MHhk4IRmnWuI/g5GVfiF4lvWuKjSbRhhTI
sYsKqsTweLmNFHUDsO7m2doVhrCckTa7ZjkzVJB2Uxax2eUc4qJtY78upU9CRTsAfMNQa7i6
w/Mr4UDdpbx2MajOLKuzYMNTDV6/9S5/ueMyOc4qaLGOcOoaeCd09wK28HIXcRV2jQWcmOI

mLUu4l63whg7msa9xEDEVCK/JKJC+Y9Kyu4xxOXUA1lRdxEsy1lLnBUduOs2jv7MrvDOmD1G
bRfIKAYqGkY/ZtPOIroBRM963LsTQ3BUJkrQDaw3KaDjuf8AEMACmiAAmATUNJkNd07qfmm1
BCPBLqrZe2Ej7S7x+5b/AGqFuWF8TEhGWF9bmEKQihy9zEkYW77EDEVcW3xCswUMu7Q+oAPv
yiElm1bmYix9rjglpbDAoAVBBgvFUmpYHFAY7CjHTKoukqqtMMCurA7lf8AbIREAS3ZFEws
UJkkeyzCLgIKYg3rVht4zCo+aV2vUdDtTK0PmPwHaFHuW5Hw+GCEBfdFnCIICsfEgoT0QDN
NrRTuO+5DKHzBhLKXT4uY0HhETxvT1AJ6R0QMLgWTwSly7zSEROSyOYIbHrUtsgN+IiDctbQ
ZTgu51AbzqAMovxEUXlcELEYYeuVukGY8C6ifVBqVzNueJfBWOJZixxC+DWqnOkVguuoo3QEb
RB7jQLnbAlSzpiV78yypgO0tUbteCJqbvAa8H+rmFKulpWoHA0/xEO1BB4l650dOh7FJeCjN
3e7I+JS8MBUgviCSKlK64ZcK7tSepe+KB0NfM78YCKNnUEUCy8QKroyE812xBQFbnDOOI5Ap
4hmqHcXK76ggLV5tmB+lLcvcaIprKdTXJPlu4OWNmlhmgaZigQNgRbpgf3jcw/QmRaQJUnW
iDckGbW+xfMSPAyzRolm7SDheAJE9R5QXfllRgVeaZXO1gNJ0eMBCbSE9aUMdoOyFhMd71xD
syBHpfJfNw5NabqfiY96bahYjkBwmDNwGgOWZCYHRYZJYqVL74QskVV7qWkAphcbgJsw2h5g
6w4lR5SiHi8rB8rUEAHp5hB0tWMNnjAjGAR57iUxEduZgFDASUqgJslFun5gtsYuJl1mKcLlo
aBu4VZj4QwYGeMSoVLikeVUVTmFAphXZjVXzkPBKUNnJLv5fiIGU16ieFZzxHSZtyejmIUy
mPH9Q76M89sD2ln0JxFAL3LTPmGEsANJFIXA2vLWbvCaACBmRuRl6YHqZ1hzCeVgA8wZGm9h
AgJvuCEF0rjFyZjpS5CrO4r1pbFSycA1Tipapw3KRMDkt8wG2Brg9sFmUjBpojgreVTkGcsV
fuBxV3XEqQvK6hWliKHNyo8zVcRyJZdSmAVOQTqYty1TmPxWNj1TDhNGanVRQnuAAHb3Dm75
4PBjGTIOoQmBbIU3FC5vxxrpaoOXTzB2u0YV4gfUZ5UFg0opb9wysUDmJ/coHpJVkHIZSrYI
kSxL5PEK/Oa10S5D6h4tHCcQ9KTkgGiefMEIP4l+MdfiJUXyniPxeu45QPWZpg9whavTAO3
moZpwyjzXsNw96vDmNWXlh5eeDHVu0/wCq0W1vmchxdRPoZlcrKllCyXd0/UsLtaq9zFP9
ZQ6fNRxa0zJXVUSYi5aGe78xvGGiW6qAlqXAzrU+Jah+1wckt1OUxX9TCmOVTvwTGJuehH+Y
aW18wAbGK+5hHqUKSKAEpPvKikV/ATOUCyEuLaXhFxcDZqYtcquBlulm9Xcu+6nwTMgra+eY
GhZxTqAAVhZICLRD+ELCw6pcRctubW5atqr3GwweLiXmjAumVAohxqVHacI4gcPhMnPMXEzI
fhDIMcLYvuU0a2242hzB+1DPk1uaQaZf00s4hIc35hTQ8wgQIUaAlgKgUnjqWPNc1eyWI7t8
uRImJQ5Vggq60Zhg6uMopsnUUhDeJRAdEessojrMtsFpDEervCmYFYO2JfyRA4fB11yHKcw1
waxLhs08ghZXV4Lc+YDbuxApiaOdxxwORzzHxqm8bJh+JdPEFwBYiAGQctJTCodDfEYU+6sU
csBjdJ4PMKkD32sabkFVf08TymEArcCwdbowqMdAURtkGHoSrjxpw4IIoL2FFA+IkChUBNGF
q5Q6vBKBHPDU3Nt23xKgG00wnFKjZGylE6S9gUx4IC25LIJBMWuYjYLYOmIrrKeTzKzjhvEN5
4WU6gNCiQMMEoAPKcayc+HqHozjc/iHfVaumksb8Xau+466gZQHxK51YlBhLs+y5zKrY1nCh
Ni7g9rqtW5AJz5lcYq8kA3ACDI2Freo5fh0/aCSMxtY4YwzDobI/nhlsOJU3D6rGTdcC+4
jNu7SRwDrwSokKOLzfcLds7EEwNtlM0J8VFUmeqqVY5yqrV4Nl8xg1s3WD5hXQDdYDFcfN
oFlE0/iW8D5gWYHzDcTc2uYtl+E3cyNBQ8y7hMAMef0nSBRdC0XZ3MSYuxzE00moOAlI2DDw
j5UKQaHmAlOH8mQtmnUxqgFQ7pfcAUQQu1uXVhFcvSzhYtf07714DHGX5j4LCfcCe14Jfka
0D64hwYskd+9+4d28SlgIUVMPaG1zGTsriIKnFdEPq2y9RckN0lLYOKDklp0la8rgQM7fOIJ
MMW0ZKBwQKgpL+0IqcAqEcy0Ice04dkeWVvABjuGJ4HWZRkh5BuUXZLg/uHWacdPiGbfBQ
sBI3Y2hAlWfJRgxQt28SqEuA+IK2WEooiCFsQnK3zOIHg0/u8TN8KuGniolIF8AlaB6YXdt
WkfgbGf8cxAeCt/cPDVVIIDVzjRjdueWW1V4htbOmZJTUezXiHDoeY7CzysVWtYOT1BtyCID
wuoLacvgiBDjFagQMI0aqLbdg7fKESVYAPY1DiDisglZZiDjtSK3mOwKq0GuWFEJWryjVgFJ
XfTD7Z1p+ZkqpbB5iKFRA9DKJT4EQXRroYgmFHkwMhtqxYRbIvQ6xKcN4mFQTIELNS0pM9
InHSXcrEk5RkXzG0JLUQQxMizVxqKYwFecSi+FA5QVgNQ5h5LbpeYsKjKXfxeOHJeODKObk
wtCrB2mENhoWBeo01s/jkfcDSDnzn7ikham6vW4ilgl+kM0219RzLHKDTVxJCdstx7TSPEW
Rpb7peLgORmLnQZ4Eu4JSYNKZpD9/wDErn/g1AVeoeSHV8zJl7LqWnTISOAbWBFsuWcfBMA+
MM/cVVtst8hh6Qix35iNHscQTWdXECotJo/ljXFm8ArXmJ4c5Ya1geosehRijmNIXTnBbbhZ
xbX4hy9yoVyQIJ7QvVHyXxL0aXN8xpfwNQAQi8ooGgq0HxEBU7eEPjYzE1rGGsNxAlFuKCiY
1UJhHv8AwJaDPUfG6bJdTbwuJXA5FwUFMXwg+aSiEZThWyAzJp2IJLk9uZe4fQ7gKBRalZsl
d6hS9mldMruzsYJTvc3Cq0rj2RKCbDGI4g7wPFczApZ2Oo4XCPeefcdavp2C1fmNNRWMS4d8
IQumDZwi6JZ2TDdqlQDgsLzfcW1t3/8AIFGCreIwPEC6mEbCqCISBAX1L+YXh1cKVJkUPhEW
R6GUO2eRNxB1vUEpU26dwH0jWI4CuvK4uWs1mHcDhjVBrEtlcLh1EDfx+SLNJSxahdlhqNO
LYU3EKUPIoXhWGSzRN4YX3MtBLrp8R9zSM42p0J9y/IxHz2y5HHEtU2A/MZoll73bYFWIEv6
iTvZWOsQMOFwSvwLByYK4cuSYTWbm5SETcDvSp0e47N0C8EGaGY4Ewy4oDiIglgmoFrC2WE
0BvbzD6o+CFJEtG2X6XWXFmakMoS0l6sDt5ZZUqfEEwh9ovVFg4UYyDLH9qzqptxuYc+EEA0
irpGOKUsp9YIjeUWYvUW3/50Ie3qGEh2blwgiCLW6uKCDh3NeA78Sqms0YPHYXgp15j9m8u
YQNiYo1xdxyY40wys+JVhJ01EKpoMFWINY+5nWBqnLA5gIBuFXVsZ1MqfyqrFXSsvJj06LmI
L6rphGCUvfxiWRpjIMb5vd3mAp0QbCdcQBQ+opStuJ+cfmDZcVXoSBCuJm7jcmzW4z7PQoYu
YVLMcQFcUeWlwaj4sQpKRYMaLFCmLcXhQOZQcWQoW1l+oWUleq0PF0HMNMqha4fmUtLD4h
RsAKWePVUMvVmAjdlWr/AJMuNvgNfwr+mniDZcXVA+EVcix/wDmUSq2WJtAdvKEELQ1uYnB
4qOuAUKq9VLi4MuT5ZdkBt3+KgzlIAbE41VCwliFA0jxFrCDxZ5eCXACU33GpVvs/wiicgl
53Axtz/3CXCy2/cVis5Hb0HMZ07ecWPy1w1XNyb4FAw1SGvMs7azgvzCpaYNsrGHYkoPylAc
E5YqPBgGyBA9x2qOut7jNRQ1UUZBU02S+Qc+TEmlOAmCmhdoC6stUsM/Ni8QzLrSpTMi1WA
u55ajUUyRzFEbz5V4l6wU0Q4nDhtBaz4P9S44KjFM0PnH/FI4ir/APapzgUXmLfUQNk5w28q
JklM2TmYSPnldWCMEDRWY5TiCl4PXg0wWLFtiZZrWkEgDMUNRapCTkluUudcHPmcymlFoLQI
WOLGAzcKi886XUSuohnFJtiyya4lqrg83TEzbGqtOLIwa9qtjkFt4hCGWhmCkzC1EVVZ5nU
KCOQcq+8ymdjiEYSNuDmCeXIPzBW9116l7VFQfVC8Q+AOiObXCrIuFgWymN1EHJAizPEQmg4

DcE5Weq8QITgq2vzE3IwE4jbRrpFwhsTMqVKluVJ3BRc8wRnPDA7oIwXBM/5JgOX/Ma1FO5c
uXLUq8dRQgGONSq+ilHaYJJSRe4ISXtagr1M0VQRuyBuAoyZlkuwDuNA3mZeEYHgtBXUuOIX
OJICfhFa0pQ7IIsiqi4Oo9U9MLQDTHhY0EUqtiphgLhq/RGrU5buZwoj96K8IWRGtEfc1Bg+
JqVqXIqB4Rjws/uCbgGKSqUWiMGmEEW/cp5lizi2B2F1RiGdjajSym/fUy9tq8V7jHbykwk
G5Y0L8wgDHaRmMswXiKo6VN9TEAc5DmKEXNBNDPSeEfYpNuSKCbN5jsyWndJFPrczHYV1F81
XxD+Yx46litbf/wFXfLAvEBuVZAooIdpMofxMBWsd4wb0JmMdm0RBdgG4VBF203FV768RO
ZkL0gemocIxnGUUZctt3LRXiZ0X4Jf5iSq2W1/i2CqnUsxoRb4lwZgekUHabi/MtaTgWfmEN
2EoxIUkLADmHvsUvg9QwB7ip8zU0dJcvmZYpecRrcnDo9QZYtfcw2GJwXuUAHARpiKr8vU6m
FtoOLIRBTwFCJsVNvExQH5eorwCEdrqY6BuwX8RLKQVkc/CxAikFXkeGOSG GizMv1dCIMQMB0
aWCNEchgO5eKi2gUsMAQrzi1XfUqBT/9SVK9xNCeyFsA3LsxLK1cZNMyu44V3BiYAlbQpinf
0JVYaSFiGYrWvR/vFGHPomYgHTkucIWvO33KDqhc3AaABi+4AFCo1iw8RtgPqNjTAW6Lmv8
JVmGC2gNssgwSiyaU+UBDwDRCYxWKhZror4CVrnVnChuHkBDZ4Ijv5iIUHITC+WWwwTHjQN
WdRD1AMjKX3tSxDKRIHQAr3Gr1sjQe4RZBbZbzANzGxO1KH1yuZ8YmSFoKoSgIVx3DaCOLV
9RDqFUQC2kRMCisnRM45yfZdQ3iZR3ZeElHG11A6PUGxm4PYwQlccuCDWC6JJP8AhfQFe5sl
/wDMXuIjVTVS2zQ1SDAoHbxKyZjWZToku6gM7rDGiBZS9S5vfNDuWKq5LDgTsSMVBqtWfj9J
gGyeIpy13UsoPfnBei8w+0NZzCdRuL4irMoRjNqy+KuoGoB2SoemNzly9RTjGDS5bP8A08hP
AwxcGoYZMtxC5Nr/AIKzQG77hBz11AvliFmoMBS1kYHg2buRia1nZ1EEM1yxHNg+WmUhChgw
5YvSpVLBxuiibEvvpj3gdRYLs07gEu3RwZ3x6lKELrgTjj2gfL1EegIbA4JXV66Gh1UDtPqX
aq9TpVR8/wCBGlgZV48IMw8QXp7Iwq0RB3NXH5qdCXmAy3smbaCLDHH/AHALY2UNxEwvhWA
eopfKGIjN1yQKXWmfUahL7Y4Tf3L2IjAygY1YB8RyrA8QKhbIBShouKrbLe5auf8AXZKEowf
NVELUHRcSFu0rgjCKqOhy3/i7WoxiAG/mCkG6ob7g2D7plsQPhgKhndFjSn5haNXJcem3q+
Ioc7qku3e8z/AMif+ZP/ACIXQR4ibfOXM/8AKnm/TDm+pluPySuP0Tu+pgSwPhimLhnNnqK3
N6gnP8ps2O0ZSIAeGWVVeSWaX0Mo39LBQXepT+XLhh0p+GJNNvpgrYDmkuaOvqaH5aYApO7G
BYds6Z/5TFKQ+mXqw+Itv8ECpZfUxBu6YXZPKTGbu9OZYSntrqDKUrslm7fzMM6pXEpyJ8kJ
Ay8ylZm+yOtugJLEFyjilLuGJC2Oif+RP3/ALQMAekVlzQZwgclWexWyMC1G9txu2nG1qeZ
9T/yoxSr0x8aA2T/2Q==
/9j/4AAQskZJRgABAQAAQABAAD/2wBDAAYEBQYFBAYGBQYHBwYIChAKCgkJChQODwwQFwQ
YGBcUFhYaHSUfGhshJBYWICwglYynKSopGR8tMC0oMCUoKSj/2wBDAQcHBwoIChMKChMoGhYa
KCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCj/wgAR
CAOYAjADASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAgMBAQEBAIAAAAAAAAAAAAwQBAGUGAAcI/8QAFQEB
AQAA
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAH/2gAMAWEAAhADEAAAEaXilBxB4UPRNoI1pYY11M/RcTAPbKXQ8Dx
DdRpPgWUeljdKmQ51WXSfa6EJn2PRoZgWVmvYXihDQkxuhaAX5hJHFvIT0J6ZRVpK7JUIZLkC
iaKqbYOxKnhxQOJjwCRCGIsEtSvhkiNy0eqFMqU2UNGUzJ6DPpcAfQzZLQVX1CGvTHbRjBo8
tc43qFY9YnpOb6VOZr66kczqm+PH00FYB1EpoSUIkM06jMDJEF7jKViYJGMQJk8FfEXCrKQe
uWAOQ2GG6GI9MmavtIHgVoW9a5AyUKxaD3okkorGzW3i74cmzZx9N0xUtBOECPkWueZM2XcN
pGcnZOc80UCi38ptMWSSo/MHFPXaEiOUBw6mKtwvVETxaZqDkgQ01uUtaQY/ZxdYhCsg8emx
Q0pNipn20Rr0WbWWWpICo74zquhWhBVJqWafRQeuOTUht6xbN0GYxHXrVcVpMW+zY5aeprLh
Z3XTXL6WrKJKa1jDU6kcc03pwqYzVpApqRHI5G7QcrBff5MRS1AB7yT7yQyok8e8FUIO9it
qVjvPwDgn7nrNPLYhm2j6hZbX5+GllVvXs0cUpeCg6jSoy1Wnpg6Fy+dY03naJT2iQyVuhSM
Z0+aNLW0jNtn1jTYydGiTiXNu2MQ1IzLmh5SBsdBkAPBSJESOSx4VGAV3KUSgkQldxBTJeYF
z0CXGxrGTofWSow43tqDz9vGdNhygnSUF9ILbTLp0zNcIDuAxxY97HUMwCDej4JLchUo6hLH
RBYBIawDLbY8Z9NaTlp6JUXQ2dE5iNzFMdgrkle01BeTKnlH3hI+krVBHsJMjCEG5cqWPOG8
iHoqAdlWbPmjmaTZMTZbRGUbdSlouL9vxxwW1Inne5E6HIOr5SB7r71ZfO1Wjda5hpXz1Em4Tk
tIVM/rEk5u1RLrjQY01Lga1jdcaxqXUWNemSyO2z7D5M3UPS1jnUW4vUOg9zknQxj0NsOFpC
0eUirahK0FAv2uQqsuUYIrBIHLLRMLxnbOwml0LDBetKiqahX1hld7nRn0nhuhzDKPm98Ncd
1Pz+zo8FlaUrA8kt0nMyNkQg2trjd41uW6yyc43k1t6FlNFT2mm8Lo+dJS1oIqfwY3hNLcq
ZC/YDOP0G1hXxd4Ukq4KTrioXGhU18wayqNQKpJF21gBI3zVQ6Ai680IrasDn1F9QSGWBewQ
ceGO24vdN7Rc5yzDzlSSlleBbNtUi0eJi5xTT9mHQ7+dj2b3HdquUDRwPm3CXZtnjjVfBFY
ALUdJFURpxGcMVZ2hepVwNj55UjPgSwM6EX2UiamAGofqTL0LCryLkHKbgco2RHEAoYYAUly
2WqyIOPkHc5sQL6ZwP0yzDwXc0yt3Jah1ePViEjTIVuYJFgyWU+qp+g5DpgOri6FhanQKNV
qBcHpAh+MQp5gr6RhrgrjHQFF71BUqMXfNIDHJkZiow6AqYbB6VintDFCa7+COunqsUvz+
+kJGy7QXJJKsnHIpDciAnRFzyA6PUz17LotJRMgdITER07MLUztSUajBA1mgakeFjB8dOXG2
UkHm6qGdUGBCIFyyVtdciCC6F14qBgYJQpQMK4BwricUYeWqalTGKU9ExMFpZapQEEOkmE
eWSeg+cxXz9BNZckY34uWWV01AVCLHc5+5m2ZymgCQXsxXNhN2zA08nYIXXXZXRatrewzC
npgPo5BzqRFdJQeltAK0UKAs0K9UZAKbgIwAqDcwJkVXfbAU8oH1kcsYz3jiA13IMwlen
AkCKbwvoZqtMruHMPWzFBzO2EYuAjy4Wuoao6ZwF8xsZua3PdZkhIYQWuONYtA116GLsjyX
ZEigWwKM4TC1DgPWiTuNHynlm7KBjhc/QD1NiC9SrgiU5EcQsMtPoIA2uU7HDMdHRJcYU0
tM+XwG0UV1UShPGVdo90y3s8hcXhDRB2EtVHWMdkJgQDya3O9LyYxK8Lr9Hyf0Gzg9NB0wAP
DjU9aDD01dAEOgAwBqqfy/goveJ9En0E9wWCZKIEsz0Bm9MTx9CFM9LPGPCuA94Yg1L7Ihrk
XMHwXzDQ7D5v9ANrhRk+QaSoIpbRSJ8i5aMLQ5JpdQcUaIsqaeonObQopPM0s+XxIIafOb+E
lBmltPqfzH6ZZYqfQ88Y0WLgmvo56q6KT5gyQpXO3cMj3vHvekifWppDKo7GAi60rr0UCI1C
N8okEZovBe1gHolwW3VunOKX1QgKyAoLrcAx2xsXdPmuZv4EV3uZbAiltUz6rNmdS6g+JE8E

T0QiL1IB/P08A1s8VFe0cnXSBeoU7TiOmntM0Ekwa6aEdTg7yFzrJAmcSvpdDm+m5k973j1q
+Pe8U7qDxYMseIoSBRLXgyI2amSywUzpOQRqlgh1HGNZYdQK6ekYmvidWdnevjjeT7Pih/Sw
6wRKXAB/DHUm6cnUXhldiBQd116nnei5lLhZos7nO9EgaXootbK0aYLqc+gcbWyDo38zozn
09XPM28Gh7mer5wXG1ZVKvJEtB0jrvaFbEieqJy5Ij57wjZugFQog572GB3gDzPTc+ebUcMf
Uo2c92nLux9DmhKxvnnXcYN+TvEXrJK5F11817KQwD6JnlFYXBf1IbBcx0vjmWdm5jONCK1t
WUbyT9dDl6yqYeXtYkbPRcp0dK5+hmmWelo1Oe3uZG6KVHkqwt9XIKfU6FpYP14K+nxHrePL
srmZW9TYj1yftAvja2aSIjgL+cQR2MDVPothMnDcj9K+ckVf1Iwh97v1822+sSofdOmaocIB
pKqACIyualq2BUtUGMICtZ9LTTzdzitZ089EuZ6PBIP0HMvJu5PQYtZo/TGhzPW5Jj+2BLmV
2FRI4Ns+kReLKQSAAdDDKxMEpuLmPNrGjaPFx+CAtYgZzFHRDxXzC1qdgavrwZHzb7HwUFex+
nrk2BIGkPPOSbx4wr76whNc0eAnQ1rjMLUMIFUsAPFqD2sTcNFdzCFAVpAo1edXrk7iswXcj
YIYw9PLQcR5fe95fXpqJ9W9ebBQWAFtCKVtBUJVzNt6QxQlq4d8Uc4enguhzHUBKJaRzupyX
j69DEQPnet4MxcpBc7DI18OmgXyjSpj+jSXaNWOEwpYcBtpZLR5utS0UgV1X1yZNFfosDera
5XplE5g9TjXP9TzK7hbOJxL6TkolZgC9nvE0tVM/SzdNfq3l62MQtRrPZ4D19JzIIMVJ9aSj
KZa7vBGxHM18uI9jxvQhldfPORi4z6dlcnnTZabZj3YeH8rbzivP9LgAF2RyvHWRQPjaJlb
QYNPl+m5s2arCoWjmlivj5a6HQ8p21Q6hopzo9hEvY+9mnRPAeODu0pE+LJkshZUV/EMbUzd
E+k+7ObOLndwA6xss3s4WSPRaheb3Mxo2uI05+xoZ/dQcA4dc6lcRTjhnMEXcGBbW0RFxhs9
k7OeLi6SJlpaigoT0RRhdKl696b53o+dhwbAxabXW+LvYyE+hcF21B08/PGed6rjBzy5zq3a
hOaytnA10Pegzm03CjSmknOvJOr+i/e8I8h1nAWdby29xZ2/ONqGe7mtGmSNMGpy+wY675Ts
OZ0Fh7nqumt4u8cFOhQTo6ER38xIn3RaxwBOyxAecaonna6AnDARZtZoITxhrnug580Bs1E
pLrclbOAO9rxndqtzPU8amznxQAcBR2SDADF5fquU12KxasxxRmK6yGIzY7qjcv6L97xm/Of
onz1FMHo7VvZs8+NNqsmwYNDInVH1RcqGkZbyewYO5zXRm/sYSA4OCFF2QEINth9DiXjoMNX
JJQ6TAAOa6Bmra+UKvKaAQkIdc11vJmx5pMEQRycPo+UNPvOC7krxfccqZmR0ORDZkdmujx9
3nRBGz8YrKpFEWgjXZEGzEaRcl/R3veM/wCefQ+LTjFOn56n8vZzB82XoHXZmnlGRprMmO7n
6xnNTYxuyXzoM1zPG9bD7Uxsoyg50mB0QrLuaQxzusF5Hp+cF1W0z2Nr5AFxbQPMUdL8v2X
HmxguMCM+mNfC2OdrX3edeOkmt54fK0KGTsZW8buDp5Jz76gYCRpRYBp4x1i1XLOScQdl/Rv
vQIct03OWZ3J9tyZSulU5txch3aN8wb9eTJR3wHG9xjaIRnMGbi5OhG+bGIERG470vK6xrIw
4Y9DYht4eg0YVOW54yclPltrY+6VfTqaXH9Jzpu8/wBJnCbT3TMBm7pk4HU8maO3ysxYLCw5
1nEd9SeWZASzNTHjosZ8KuYG9kmm0PPbNnGterL9zq9SxGN1OOFSbmsXJ1eaNXJ1dEHpt7Jz
WbqwZGLrZAUWxsD/AE/M9AOZ18YD0mS6A2sRU6GeTdOo4jvVjgDdWQU5fWwzonMZ86DHHJyo
j3HHg121g2B0PMjFNrILFvuGJuc1plece0DFY1UIXzdTOh/u+A+g2c/zHX8qXxdvIlv4wjVF
e6JavPMGnl9Xyi/Z/IsWb9eaeFgWRfMbsM9qc52JvlzJDYwPz5iaWN1x86383VNvQSDENZN
c0ud3MMoqcIQGjGt0NYRh6WtzyQDyWfz3hrA3uW04tzvXHJKa64jzfU8yX6AZxFeYRG04iyS
+i0Ni8MxxswJod/ynXGDi73PAMLexJZdB0IC6vWbag16/mdMSd0TbZOe09EpyOO2dZzX0n
lz5x9D+ddcdIPNsLYzOeY/0ngOyOXOLPN9jN0yunmOCOWxkDx1HD11ts6tDXYU5tfVOTo4i
HrbONjnNzINHyzCnQc87kk4e3Yt4aw2uBgwnWQBTKyNmTMKhZoO9PyXVinObnNjeNoZY7qIa
Agp0mSYgtUirsKbR9OXomaOXTNob2uW7k0kj55xXaclvG7h+AUQ1eUNbTR2jB4r6Pw0vQamT
01nkkIIMzV586FhVkt+jfMptJ7n+gwQe0Nk4fF6LmiRAYGMrQwDsL5FxrZwQDRZWGHq3SgNq
IxyGEV8miaCwlvYN5IU+i/P+vMqqueKaufGQ8u2bHL9T4w5bNXNtoeN64+gNc06H4zuOUOX
67A6szKksYbFNUppqRirx/Q86a3VcTrjPz/ruSjR7LorWU5GQAzmUTpnsjVOe+y/HvsY5k6Wa
aF6jjneU7DiaU0ef6Atx3XcedLpcjum+ALBmHynQc6cASMWB5+t4553ZsZSXQLnO5nYAOT6h
NwPx/fcqHGy6yah7iO554wq6efKHrOY6JotIvyrYHQ8wOa3L9AFilDFNyvUGgShRbkdTDOm
63530JsfPerobHP6vMll6iL5jbsL6uBo0T6j8q+lg3lt5xrK0KZfz76L8wEujwNcJz2tgrvI
9jzyb05rwkj0PDH0ScpodGMgGDeAwWhXxCCQdFMDZDx1PG9pkHJ7MINVJjlzo+U01RljI4Pp
4Za7ygBDGSTMNhd554aFbKOY2Lqm+snIHP1WTnnOmdOO6ViyxJ11jnV97OGHG2zgj3z41Pqf
zHoq6iFngH1mQ3xf7R8tjB0cxsrbsGSvezXU55HSekndIEb1eQ0DbHn64dtKoZGyolTRwJf
KmpbEUOu5+9TBC++N8/uc4PLY+jLIWbP5Xbv9LF0kRy4+oiuYF1ADoucRmq7smCXRozVdXPJ
uC43g6vOkwq6WW0aC3Sc3nDnLbuEbHU8h0x2D+HppglApznU5Z8y81nRtY2ugb+7zPXVkpZm
qU5XoeMOqqYyupQ8OiWuBSexTYpZqTbR83Y2ZzXA23ye6c7pZrYUbwkqQerENVzzFhqEPu6
WaeiLOLGXRl1g8JmAMhaAQjYahTxoKSyDphyZqTLGNXoeM7gZ5zfk+VNdbykJ62UuvX6vzu1n
10nzlocURaM/2g2Z+N2ffmp3fBdiJ553DOWjqR2R8Y1atB2OYL2ATDe9jGmig2ZA+uQOZeOu
E084o3jdLxp1OtmMnFEqvK46kZaUMfT8nb9WNPZOcd4f5w0dzTBahucMFdZhZMGrp85B03C
9NwBs38AhSYMTTpkR9VshenuT1oPnhdPNII3k+rfJnuJZZIYAkhSDen1uUHAImp5JfjntfG7
qOeF03q5CotzDYszonLaAkzeFxEuGxnyczYAc6bSEbmJqQOa+F0R8it2fOrZil0sgvWPqoG
D1iz0wjm6bKpkG0qCq2nAYytB8K3i3F97zAQmYyezN3KBLRYrr4+WdoTi+iMFba5+XaEkQ1m
kGLDVUuAsdgvNB/qznK9DjDuBoKmr1+J0YIY4ir6hNiHEKuFMVToFJAW2vFnaRiCaORsDFOG
6dYHR87uGvwxU5Zy+TpPy827uePoRwVsJQqgnqB4zoNe+WA6AnN+O15jxC4G7nGhORsDFOG
Bfe3lzHW1GpcEe6Az6ujLWjws2K6XajxfVy+krT6zjwnUTyRC1zeFGLeKXMG4NAtrwrpVuo
RoRn5+8Awa6ypms2EdeyARTBcxp02YIeYkQnQMfQANrAldFcyo1ZMth2Cl4oWisBZBQPAaH
NW18MFoIkG4OsZDwRHdeVbJ9Hi3okjG2PHz330DAOe6jIWAzxtEUpdE6ljkOicXwXtzSpfJ8
RWSHiUzjWBw2ibUOumUHYAYq3RhG8bd5cl/N6kyMZ2pnB1pMyXFzs4SgagTYJXZuYR9bXm3d
8KkY2DFJuhOWt1NTmeJ+lfPy2dprFi5zlfPzqOdHxH0YQHq1M2X1xfy0DcLWMnD0F7Txjlf
oWCdDye8b/vGBw2IUqoqaDa7ZfzMi148ICEQDvXhm75HRHM/QRHTgMfORdN4xHV846D3PuHd
wmM0S5PjVBn9UY5erEc4bXXIHm0NI2PB0NMDw5zGz45J3I3hHP388pU6on9U+Td0Ppr0GbpY

PCpc96PHIRrZott4iZprl6Qn3KzReyyJt+xdEbLSgcJSHNV6ahnN52cdHXmDm4vW5nUfsCM5
QeUWUK15vSNEJfGlvTgO7vywzrfcmayoY0Jl9tBM8hQnprJNZqe97xT16nO221xE7Dp8+S6f
lYj6D896E6v1poEMUBlr4tS1RDI2+TGIS9HayQNVp6RliEgSPVMHzW2+TOsY4h06iEHgkVg
Dh74ziZ7NcyNHLUOwpzLjvLLXF8rYg5p7VEK38odJ7n7HVX5Mx0t+ffHfUuMRS5FqwXivfR
4t6kE+jx70FMzjd/Bg2czK9s1kadhJK4YxmEy9YGLcx0+KY/V4PTx03K9p81rY1MJga0eKY0
3ryAzsK8f15mGsLEtA7pc3Y6qOdYNWsXB1uIEm9Bgp9QIzG1MM6uvM6Y/ATCQ26C0uEM0m6c
y9LzZmatrloAUkRmBaXvGfD4hWtmhbMumY2dqChFgd16hrlytWvnkD0HASKWBZ2smYYNBKB
WrCv+zmk02kD1pZ16gj+kmIMCX0IOcnbgxCaQBA8gNnU4qTswZu2K+aXB0kQvnawjA9vCOtF
z+2LV0oM4etIg04Yz40YMJzY8CvAgsBsFouuafOIZxo5DAISuycWsYdS0ldY2UdH/JQPzn2
HaLSESOAQA8vKAtf169jNVrSk0WHqEMgfQkOYL09zmmNMhIFbKDMaFFzLCqGgIWcyQnVh5J8
1VjmM+p6GdPQuiOmSpF15BXvYIypnnR+5uDoqYbocEAC0H4kBoAwfwwVqBFbVGYotlUQLapf
0WI9MHvRUv4UBBegqE9ZQXvAX1SWV1s6x0Wnwgt6JHECO1Bx0nTJZJgqzFxD2jJme05EmSQA
S0qmH7bBAmkhHWGtWn0LhLxEnonxHpgYwkgHRSgIveAchgrF6HrV8eIOSItNCGzEZ62sAy4e
ABoagKpIKVLAOpXlPTJWLRHrVtVijuH8O4VpYxetZJ9Hj0eqTW9CI9U9NZPR6pMWgr6/jeg1
CniUPe949EwR73iJ9B6Jg9HvFq+8XFMHve8TE+J97x70SRW9qWE3SM80kuIUZXImkFwzIP3v
RPPqevS9WKcwfwiF7gsMkSuNSvIao4LUipasVLwPwSKeL+pIW4im763isxJ6JgmmsAVt4it4
K+949E3BS3InJAE+pJeI8W9XxN6eLR71euOYEEoxdZ0Zn0bCB96pavpI9awL14K+mCTLlCx
iZ9JX3vF/DktWfFRlqDtZMalYgSF4CDYk62s1J9Xxb1YIwaIHVhgBEWBtBxWhIawSSlBwVmq
hZrBeYgJI5LegoOCDIEQQMZAEqmEDCYJHogvYcl/RJX0+K+tB6LVlyLwxUUhfRULlbgpv4mL
QRF4BQSABLWOx9n6omLWyIMi9cHgsDktl/F4FYvIbEx6paJpXq3oTX1oibePXHFmJFEHHWC
sVgqGQl/AkgdhlazUmaQWNDAv5qwn58xke1DGFbdqYVt25hW0zmRotBm2fsZpHgi1moE700F
haVQqjoCp6UGJB4L6kF/LMjfkPB4HQJFPF6QMYVNAAwPjYpYvFfF6HqCtly9YgqF25nU1qmR
G6sllksO3xam5GB43lPG3XJuPqjGPLL+DgrESO9LfWp4v6ton0eCeH6xitpIuDwzYcBmQMh
LxcHc0EXH6rQLwWo5jwz1KE8lvNbHrRFTWWIW9oVfH8VOnQ0IzINAasllwViB+oxpagODyL
1LAAbQhcoPDPljFqDAM2SuFipJaW9BNRwXuHwbwrkxSQuzz7FlramIMEWqdHR2wMMVDwG571
iC03kASTC4naAqvnMo7QA3kfDoByUi3ik3qVLIy5Eej0lYFctWtQnhQFpSBSi7gay4w6TYx
X2nAtICQUIREx6SknM0KRLjtEqx6NVMBDehSjWaE2vZ5Be5lzpqcMCASahMjuUn1z0sFEjysO
iVgKoklo8OrRhO96og8ggPucBfCWD+WkL6rQCHES1xeGqCoQnehYvmg0gAEE0QRo2oQAYhep
PQGxZBsolf76RzJrozWay2M8ppMijKaZ0NMVkdCK5r09Umlk9J2QDCYw4IgmtIKWEuaAOLDC
GIUyWWylEtTNDRIGNKA+HjQoOSI4fErYse+eVZWLVDYNTwRjVyahqJmDUpcKynA801zMtsp
Cq5hgWmAlBQbKRKYX0xCRYsPrCfELamYSZQhtQ5RmqIyqPxPogj3pUmXWYg9MeLeXZK+N
4nM1CGeDRTFqkKEB6wsxWBqBti7lgCeggEtWPFfek0PZ3jQLm+G5XKeoSgtRuBU14KB0KiVi
eAJPDkIoU9ooQPo6ioCYsEOcuRjzFDVD7wrX3iK+8Vj3j0e8V97xIfeJ97w/T3gbXvF0fepN
+8AB7xW3vDEe8DD7x5n3hKPeJr7xPfeln3ipfeAe94j3vF5949f3ixvePC94GT3gwvePU94t
oe8LB94v73i7XvH/xAAxEAACAgIBAwIGAgICAwEBAQABAgADBEBESBRMhECIUICMxMjM0QSQW
BhUINUJJDQET/2gAIAQEAQAUC/wDq5jxBM2YDuWHZryHSKwWY6sbmeuLfOaNPswYiK3JhGYi
bh8TFJ7Jcs+MyhspeFdVpVOYPpccUq5MLmLA0sEr5TkdeYSY08qmozkzc36bnmM/GbewoNtc
3BGfUzi0KRKjDYfGcsYwJnHiA24d+m4TKmAjWtNmbmzAYN8LbVJ5iF4vsoEM8oUv8HTLdj6H
974otk+m4I4z15LCHyVA7bPFfcBLIRCuitzgh6714AfmFIYGM3GKNlvMDms8oYqhYYfk+wst
JiIfkJCR7mMVog3CQsHJoa4K2MCCuc1Mfz6f0W+TfyJLHm/O5Vt7MxvevpWvJ7fyrtaqV3K8
spV5eGDem9eqEhl8Y+/EVyAt3hdWCysiHTQDUStYGwQvGAhvQjYVe11Bubm/TUscJNNaVQL6
/YNbDApM4JWgtJla+nH0sVp/agwnRJ3BNfOv3tHvQVz4asjtmk8jC0DMTZupK9QoJwIv2i4D
i3GKzjqEemvS240EPoCQWut4I2pzE3uAaj8jAxEQlhNwxT66ljtFq8+mo9gWMxaf3xUQv6K
pJSvgA4MPP/RfRZiTAu57RN7mvmH315O9U22cuXCPjhdfoOgU5DNY8Vm3Z7A7chU5Cqdyj
ILAVNa7a3zKRu7MOscD04wJuKpVmDcoBueIft3Ggr0Js7HuhX5dedTUchA9zN6BIW16DyRWF
neAjMSa+Rm9QvqDbzUbXps+gBmx83994TKrCoLVVsuasnUt4NXYG7VcIVpVWqTIIJynbF34N
VcHjKrg19o/eUj6+bbuf2FgUiDQHMhksBhUejUVMvFpV7T6AbiEbmoRFHYpZGBMVNzarD59A
Jz4jkTEx7WC1dgUZQZ7aUMuwzWobU5bZlmoVE9ohYmDzOBmpr1H3YSuvnZmt7QGh5yoFaqLA
y24waBbA1rGMzE+GniUoTyK1mIXEBj0xN1M/KKNxJ/RXcdCoqq3LLfIsDRT07Lz7ejrxEA4j
7QtyiqfQCWMqTluKCYzKsZifQCbA9EUu2HgjUG1UcixZxouPv442W1T5qjuD7EjRsEJJgUkh
BOPo0PyNMZeCN7oPx9NQD5CAYFwEnFZqcBAupwBNiIsPwqz4fU7FghVhPlh8wiKs4wD0/Gf
chdQnyfMXUJhOhZfueWK1hi9u/QDc8D1CEzpnIRWYzqQ5rTY3Dn3ZVkeLMbcqAsqs5o3lotX
tVdT+m+5aM8JLTJn+n98Nm1tgCdVxx88fJR0x4z4gCUIbhee1Ddo/EJBehndSHxOqm/l2Zyn
thrrjVLFq4zXoTPLQKFHLkShgrmtRiJdsyukmG1UjEsQDNKsLb9K6XsgpSuM2Zg+KA4Mut3k
fqvakd2znK7mWdXy9Nnel20Unw93EsRC85eu595x9aV9veG/iUEqYOFKLVjVGOyKmlUXS/EU
y3Feo1uveepbhdRYh8CY1e8nqZ8eRORgsndfnvndE7yzuLDas5bh9CYF2WYJnszIs1G8Kz8
oo3GZa5ZYzXVLHt8AX9K6nsK0V0xrSfrf24wIjEmV4VjJbWyww8ASDB1srBGHSbXOQtJqzg0
e2zVOXTa+TiYzSzbIWytq/Rk0B4I8wpOHnPPCmpE5LRjPK6lJtQ1w41DtXVjnIODjaTp6iV1
FmysVqnovtx7HJybcvBlnR0LW59ytaCZv5NQw7LV1s0FevRjqLyY6URrYK22E1AsuvWuF3tZ
U4h7oPuKo1gRWYsURnNeGtYe/wAT7ejTDPLp1ycWoyA1ef8AosG5W5WU4b2DqFy49KXssSyu
6V2tW2XXtsbN8K3AIUsXJwWQI0sHmptGFgDZxzftQgqUHZE5mNFXjGQGHlP Aerq+WTFqBba8
Uq4Uy+pyL+m3lv8ArsoRMW7TYVujjXCFOyvMRPeasfkWIC+hURtQBrlicTxMLhRdexFaM0HG
oWFnleKzTaUh7WaKjGVYXg3KgYkn0PoZ0Vt4mUn0+WhhWjlpY6nT8NaOutlrftb6P3eOLDzm

Xjyq5lnc4wWnjYi3ox9AWaLVoaWMITqcoWi+hbUBnITkVj/AE/01VZAor5WP4modCO0ROUA
16W3cY/1ZVXwj27CoxIpWk5JaDbGjDLDIRHLOfmadGbyyE15q9s4mT2bMCoZOdd5nVbvds
MdOnZJUnBp71uZkc1G1NFwtryFCvS/IUuUsof35mImXWfIdarBD98YaWy02PyeAntvlOq15W
SwdiJ57Q8qhSogqy2ngtl9gFeXeZTbaE+Msnx1k+McD49hF6jfy3IkWuzepeE7iJAISFFuRu
IC02KwzF5VVHtCSzdhxsGy2ItOKLbGeahn9/IWhO5sqendTa09ZUztEp0ze+FoyLAGf6j2Pw
xsgaGzV030UIYSTPtOR2NuuJeLGzsQZCcm1Ux5onN8p9ASpOUyG2ZQvFXuZj/wDm54JW3Ock
I2Rayu1geJWm77g8rgArhOyq8jVWK47bn3nGOYqlytQECy2wJGJcisCNcsWtnOlqFlrPKcey
4041WPhtJjGEzfyEgQtGabMJm5SSrLwzcXCxPh6zsVX5I7mDoFxyMQP05nhPmwbeFmSjUvh5
HfrzsUZCaO/FFX3iLLm7STHr5F2DEgCAePbPHNoEBlgGsepO1bVTOA5XKlicjXWKYfE1ua1H
aLVua1CdC3IJIWPhJ5eClAbriJUlljVYgUPIIkOQGhYmaM16mExoz+nkz7evSEdszWd1bJN
ag7m/oVoew/mgkt8gUtBSYK14zGf4nGDnH5NmSuNd1PFeyH5uo2R9MMXyqCzX2duULpdRiT
GMP0ArmLy13jtb7QLLGMa0z3WmusUqfe1ufiCeUVNel1yUi66zIajH7YtyNypDGsVIR82qw9
xQtYPmX1ixR9N1IdTNQj0M/pmjL6U64unKMNEGdNo7OJ1G/hZmt3qlQsJGqrxqrWsrP4H7it
jBTNKsLQGLG8Nh3dm7NqDpj4nCx6X3KTF8Sx+RgPYqQbKLHOyo3D9NfjNVY1czPK6iWZhP
smNj92KqorHU1uNpBsuwXU1LskRKza3spjhrYEWsNdzmN0626U4+Piqzk/JI08hRZ23MM1Dp
YW5RzxBsMU8xEbU7kY7mJsbMq2wVV9X/AE0DIgpreYK6snCO4Yv5Qw+ol35zBu71Wzi5mSBR
kVp4sPiVKBGJsdFh9sMGqwx2ak2C/KKISEDtuYuK1k+wZoF3LbAg4NYeOhffXQuRk2ZJpp7a
3ZMqqLA2IsFRsn0qBTI5kOWqBc+tpzm5ufeZIPFw0a5mWWYIWLgke1IDCynjKPudK8QQQzo
yBrc1x3Ov+D0z3VfmzIwbA8NcPf/APX9GND6Ay7z6VOa7MkCyuj62AxjHcpVW5uUrSa4LEA
VWYsa6g8yG5xFllgQciTjYm59gxgWW26iU+dTly1Qdl7nBrohrtYGSqgN3LyK6sdTZbdFrS
qXZZMXHJJtWmLRZc1acVnKWOGjp23a3jNs8p8unicxNmLXqWJt7E8qpCuSJ/xxt21ObX68dt
0k/VVQttgmK+SODdY5T+jD8ln4+mPb4wvF9zeVGy7cFRi8FPuKJ4sbmaquUsaKu47agUu2
NiBJ9ofM1qOS5rqCS6xKVycqzliUCsPkFjVi6j3Ttw3kxKdRr4Ki0NiAjvKqISCE6m9HIHO
gv1EddMIWpyKtXtyKQJoCbmRufcLYVh286lnDGoGj1PycDzfl+MgbtPb4Tg84IP5wxfQQ/b
0BmNd9T7nxWqLyNVcdubV18paxJrr5S19gDcd/FdbWtj43ZE1GISebIAFmTmLVAr5B9tXHF
IKinGX33F3WiaaydzjO3ZZOarOL2StAsCz2iPYEK3Gxri4AY72LK7G4q3166mhG7r0VHrsHO
we3n77fwC+2yviA2pgcVxq19/Ux9XB+m19TTypT0MP+FX+X9GGH0Hy0+LFXU82PRVwUvyla
cjZZErLyxxoLuWPMeh7mqqWYBhbU4bLsqDKzDaRjipTZbkyqoY6Na1kSvZrU0R9XuqsYbUr
ADWRFEgpyhslIgeY8xjbJ3HTcx+Qsrr7jVqizlQobT7nbuG2siconbK2j2p9iNxyvxH3ML3T
m8tvZXazcu05fX/AI2GoGG3GD7GMjr1WN+Xov3sOzjUlpC4laF2scCV185bZygWWPuYuKbC
iCtDNaBO4mqzLyK6F+tmnuVY4GL3ZyCAgR7H5fJTVacq814eRrIxrBwJdq2i4pFaslSiwP
6GsSvxKm7dg3ZKKOYbgFXkFL2bqy7sNYWzXnl4tq0dalP065Y/hr7cJm72IvDO6QfMokHmyeFGV
1AkpjBZYb7Yq1YobndLLhWuLiXZr14eLUAUUQGzkhYNFw4XryHxVpCq7PlqeVbaBvE21kqpd
ZSEOVmW1s63+Ft5FR9R6VIPicDajNplXxbyJNfFXSv8A66v8uK72J04g5WiOrdSO+qdR9IX2
nJplb/6+kcekhZjkkCahEM2Jzjty9RE+jX94foIiljYfCroWPyOLjStNAiM2pwLHJsTHS17
c1uSURa9w2M0d1raoGwWoarK8wJVTnNbDdF7t0qw1BAHJLO1fk1ds1APVlfYj21IQXrrgVd
C4cblBmsWL9OWkq6gy3iswP13gd3mOPJGA1QeWHvjOfIjOlnWdw/wAl17vWOo/U6g/5ufGX
46b9ukoNja1q3IAZLiXvLc/mEsY2WV6pA27H2BV8O3M4eLuKkMZ4qecrOFMKmxcn2T2Uxvdf
ugVEiUZOfDgpVVZVxfvLxssVVxG5YixAN3j/ADKmUB0bHsyCOFjdypWDA0xRp8v2uL+c02ml
/wCCuYtTlsVtm/XxRJOLAjZ7h0w7xX8O01qUNwvq8zCr/8AK0HnYfK1+Vzf/V5J/wDH4w9v
Tx7skavxxu3NXVnzCVqqxibbPFYGoX5nCwhrhqE6nLINKi5mbzntSMC0LFp7UhQuZX0/jj42
Q7YbZO5ayureYirMA/8Aj1i/fqY4dQTbRtXJXX9CskitqxG5c28HMT21brjWG2dliO3EREFu
XUswsjvZOD+2o6U18525gaWX+L98j2HafD6mf7unue0IS6wdaiDS2j10/MH0sb7do/dm/wAn
DHu6iPHzAR/e/sqmhr7zCwRTDLH0NtYb7ExK7bXvPLcZkqOmdmHgACMQIKntltD0C3xMPk+S
/+v6pcp0pv/GV/YETrgZOogsgRID0hLKI9qlZW7Vnl3rMv9dNK8PAj5KiCwtU9haaJXCRk
y+o+Lq2HcNhls6cdWmtOW4TDOIN/4zO/SP3cfp//AJ4I7mFneMmpNN0/+V1Af5OF9+oD2fIP
VWWhAyQ2d5sLGWgFpbqcxVa5srOqxQ9m2L8410RhOWgWgBaV1hZsh7LfNi/XxPHU8jzm30t8
cfqijOFOP0+xsyACf8AI1/zVOx+TVFgvksg5MMWuGzHoXL1bRTaWxkzlcWxocftYwbHUF9i
mzWV1X9pPCejZD7jie3IaH0M6M26c0xRqh1/yCPb0EhqeoAw1rBfebn/wAnD+/UP1/NX9y9
c7ixbu2fjLzDIX77z6fIyiAjCGtp22gpO+OoQYqalejFTQf3LZ9teaR/5R7kqzesE15fct0
prvsUKiz/kY96eRvJ92NUiVWJatM8pFfcCWubUIxqGrQDJO7bWc47eNEqNqftfbqn2cbn61U
6lB/yH9TOlkiy3dkydd5Dz6g/IOgbGR1GvaYy7ow11nZv8vCEzf1iH5NbNaEEqJqaE8fLuF9
497wcYzFmrq5GxY34r+NGU8pye5ZWf/N5Zlz+vD6jjU6FWLcf0/5Av0q/DNc6ylibPtfxG+72
D99hFJ3jifacPdjMvL7RjyZvtmn/ABFPnirF1Aitp3+8MM6a3HLSRaTQS2ViDiVpt6Mf8vJH
JMEftOB+Pzf5eFMsfS4zU4zjD96/zH3+bzNmcjOR13GUO3dPHUQeRLpX9te/G/kL/wC46ieG
b1v8e0zzgpP8L69ZYL02lfnrUCVP9S3+RY3H0I5N67SHjO4sLMzV+1ipMKLrinHJ/gajgqY
xaZwiMzepnT/AObn+ErThg/ahPx6X/NT30Yvg1/+wzv5OLMj9W4Zubj/AJD01NQiamvls/Em
JHEEWXyr7MPdR/Jrra3rWUtZzOqaYwsvzvgX2YtytsTrzHdfh7Bo0H61/7m94YwcywPwLrVE
aV0WkDpdzEdNQh4apC4UKqF6+wJ2lnFRD8vTvObnLymb4oyRrAQ+3BbjnYx+rV+1P/YZ4lPh
bz9Fjo8jPPR/AED59dTU1NTjNS0br4o2B+uCXfauWD3Y9qq9pKdTpVzzeofxC5SYKC+wDXp
19ycgfnb96D9XKXTIVE00YvTmNdXSghTpulkVFrFtgCvllI2Qd2OTCxEsGH0PyGdKH+dl/1
1L9PU/GDV5IPHJD8OtfarzldS/Yp+ld+g/f016qjEzU189v4WfZfsn6oJb+Ky371fvyfGV1

b+RkNy6c/IOie3qdXL069/6sLEXnKcS/XT8HHyaa8emkOyCNkVLGy1j5bGNYT6GM2o1o2xLB
YYfmM6P/ADcn9ucPpdBOqsXy9p/yOosR1Arysq/q9S/k1ryqZR2glUPbE3VOaTIIdWUfcWpv
U1NTjOM1NTx6Wj2WfZRE/H0c+3epf90/bmj35w5ZGienVIHHTa6q+oenVqnu6cg2MJZTUcuw
w2XVU1W2WVMPLMBDYBO+PjXGKMI58Ne0+EEsWqpWYqVUeYYfQ/L0Yf513nKzPOV1w+/EcGFd
5OW/PJ6XabcDsJycpi9z+zG5k1ufdv5dT+/kPyWfjZ+K/dftv0eNmN7onK3PT6dVWS5vovp
TBx6LLKXorb1y8BsQpl1PbXhoZenuW41p3GcqaX4aDIxEaY0IbI0jdZP74IWRRX7IMMMP
7YWWdEdWyF93UUvF3Vesn/Jw/FRXR3udEmN7b/ucvxj1frf8vlp1qa9T8tn4W/iJ/fo32Mso
NkTGFZWYjcm6p5mlRxx3T4nXpqdfZV6f3MRGdMUtQAKbFXu4vYot7oJ5rOSxrocgrGncaKx
21DmK/w+K2exIutaHnD9wolw1bkDVk6Hx+KY9qdIT6vVf5NAAw7P/XOBw6H+Fi8MZfMf+Nf4
2Dyn3Ho/4Sj8dTXqdQzkJselv4Xfhp7Er+Hx5bZiPL0aaxyK7rGgmC2uoZqcx+zE0ueR51
FWf8uOqETZ4Dnifx8peWV2dK/wCWvd/9JUUhWkKcr3QoxA7P9ZC/4dY+rx0eMb94mT+eX+R+
3Q/29QjYIXE9SXka/4Vg3g2fh0EfRzV/wAdPD5x5gNqFoPy3Nw/jMf8eQnKcypyaVVP03Wb
rR225iO25Z+v/wCf/pZw7GSqjEuDubMe0/Su/Gv8OK15BPdxz+wHhff1jEqa3/AJAoX/v8
xz1m+3JsxvLdrT436WXecsfJ177Rp+6EQEc5LhXLOrcaFPbu84lf7iJqW+3J/vLEyfs326
GsyG55FEavdLLxx2bjS86Av+NmoN5FQRrByq7Fc+HqlihL9CcRag9MX8Nen9+JVWLLKWVUx7
6DTImnLjCug/6/8A5/8Atvs64VK141GELURBefa45Gi53FA5Pgchdb+51Os79nA8UQmZY5Ni
j6xT3Urq/zteSpDa8t5PFSp51n7sj6llnOuuwpUDzw/s5ZoWaHyUJ7maNQ2ETzro1fDAQDv
EGkDTNkLtbz9fKHs/wCP/wAbPmaInmj0yP3+ixvvi5KvacqZTUdmu7qvHnG/Fv1H8B+aqW
jtUgruq7mXUa2v8AwiEquK3JF/8AaZP8m7fLJG3b9VMcbbBH+VWPrUjKpX/J/u0e6wRxFlv2
X7J+TfbXir+M35TUYPzzPtwaEe2hvpY3tUuLpxPCnlZq637mTlfr6GOOFnea8zzRjHaQTI/
d6Ujcs/Zh4SifC0zOx1rSf/AI9RPJcOxXsZy9gHgZx0iPbiYluQ9naw06gfr1N26OmOf+vy
On4uXVm4VmjP/wA8DxB/PyxrL/TbXfdx/j4/3VdnAx374VK78eysl/2ajeXuHh9cU1LYPtWw
h+w+1A+hZ+fHwRCPKjzmdXcYHZ100f4WT7K8e7Vy+8Uji2J+7L/AFY9rDtbk7e7DxD5MEy
P3QzG/XZ+zC+/pm/xq6zY3YRqMwcLcKtEq6hQKsyrITX3gH0+JYZFyUPcodOpfzKF9mEf/FZ
Vnw2Wl65WLR6eH+oqvDITeVaunvEtH+NjffGRUTOyWy0vIcfqnxABEP7LvKuvrTUv8Asv2q
RWhrEckSr9d/7IYw8iZX6ewzQKQvTnNzGz9umGar9nOyVC2Yn7cryj+0tkfKUHTGCZP7YZX7
ca39mF9/TP8A42dYwrTJ9rZYyL68mymqzK+IyL61SzG/Wv6sQamRaXTHt+IxL6+dqj9CzK
vgesCoV4LaGQB3MH9Z/Xcv8Ak5A1ZavuuH+PgJu5xbmZmN08cj0uho/T6EGRgC+rprFsY/m4
8NvjozL/FftU2pyBCsNveVv/AGKNqyjTgQKJID6Fkq8r0wD4bOhb/Oyj9WxxZXij6lg2cj91
kx/5H42KdrMr9h+2t1Xe3Fu/Zhfl6dQ/jdRfyMr/ABUmDQqVdU4VZtvvfG/Wv6s5+z0hf1YX
7HLWZXW3WqwKa7k/69K7MMnu5B84H6W/C7+RI/sYecj9HTFmKujUJw8XL4rBGRfT2MzXlOfC
h2mVEPip1nJdKVIH2yfbYB7THgmWP8ZUpfALgJwxcmrul2C+Tb903Mdjzsl4911n0cdv8Vl
r812qFFimZHvYnxjDnXn+Bd+zC/Z6dR/j9RrHC/HpQ0tVj3WdWoj6pe1tuRpZjn3L+rqmWLF
NSY33VxAaymJ7cxsyrj2i09t5HYwP04v55X8nM/Y/lbf0dE13sms113XXa6bku7dSuuN1fOn
I6ov+Rr3ERhAtbDOGnrHiqtTO2ulrAlUyv3a8PYBHeHfGUN4tjebcXHAu7tX99SrSu9yuRLK
bElbBb6VD5Nv3cfSDeLm91ipudqN7I250obs6mT32++IN3emf/GzrO3Lchr3pRV2q8o7qdu
VGIdW0LznVuV17q/CjwaansTtNWlqmjojpQfDnlG4P8AHwv25Xm6mgZF2eio9n6umoy28+eE
mNwiVioZdX1GrThl+K3B5nxD5iA6y99yv7KpnA8VTYqTUyvFz2cVIIIuuE5WxZJX/EW5UFdi
lel2f5DXBLMrsMfcPil2KsxBfj/ALrTlfdXDzVZ/jdwKRasvXIUhPhpvXqA+vZ+eD+30z/
AONfUtdqQwK6sHFq3Zc3tuXkmM3LGr0FPPEmsPktX7+vZXdjArarS+31Ri6rftNXY/inFOqM
M6sw6Xsy3sFa5N/cZCOGCa+5jqGxKG9vUTurnxuNytXnuoxOepa3KAzkQcv9tMTvTvjEMO+
2f8AvV1jW7DcjKARZkFhjaMp/Gqzhbk21y7IsocKt5faNQB8Rhrt3PtvPvyPvgENL6u3Cqy0
cenflGPZwOpqe233wf3emd/GnVmA6ZjsFnbNgTH5Lje22uz2fabJzMgdy7xQoTHbKuZzb3C
GQlrquM1yxMVt0YILZC6Rci74p/tBPMwMhntawifXEPYsjapZyJzJBru88RUddxd5J5WUfem
vnOC77irEcNM91uISrLogXBUTuEdo+qYaohGvc1mK4qtsx+GOYnlsb93Tl9mQ+jkfts8yv
anqDchzYS73dKE6p7VP1cCz9mF+70y3VqBMygXYnwwDCviqKJmVFcpjSmJb3acwcOo5upkj
IXbgorV4tbDIqUjpeQwxMzI42JfbzxfVRWK1z8rm2NXqZnjJXnBzFF4fLcVXC+ngMiqtsz
L5G32dHxL63V+n1uuVh5CBhLV4mn8qfxhmNMn97Zam27sl8ZhrkNVfs3Mg8af647Ud3X/wA1
6Bdys6ZyGHKE/CN3A/g700QbHMv/wDVYyc7eqe7L6SeeDmLxvwj9fnZA1kCduEK0zHAQoDL
axAp5LoTqM/44q2V9TqXR1avHXF7y2N+03ZPbfkHxHfs3lw0zLBbZWipOoPeFwnXIXSvK7p+
RZnL05UFuXjY0F5eu+tb8W/CtpbhYSKfqudHbpeUXsBVcyHv1XDM6RVIPbjWYuRV+JjTG/G
/wDd2bIEd3sprrBe603P2vTOFVMQ8YCIYfLKGaIOGI48U+wZLFTK1DA+D9+j9LTlm2vzv6RZ
xyerV8Xw/wB/04GTbNpWufWUTbma1L37196cMtKzMOkNZ0q/4ui2jvLm1WVIK1WZI0roN61t
pqULy2oizHp7IyN2KDKYU542bGcYYGS4ORkO8rBEvbjQze7kHVIg+n0jv9Yt7ltA9yeGixbz
XdeOYqhrY/dpR+nI/bmXcF71vZ6b29HYMz9eCS2JmMTfTiI1JwabjdufeNMNnicH+IR7
iordeC1LfigHbZZX56T032UodyhwR1JOuW/3PTdMcru5kWusWMuR/OsbQXChzup8V6hQ/08
HEOUmNj1YqNzWNknt3n1v36OnOj7PhfnjbbKsFhRcI7QFQVppSGWOtcqbm2V7hkrxQrLect
U4uD1DzdW5sJmsEyLP8AJwDxt6tVq/UeJ4xrPLKpssX2K1Ccy5mV+PSrUFFUU1kU9LILGPb
PhQPHTe3k2/xz+GWPdeeFLfaots17Sgf4F30un0LoOqxm7lNacMui92xawzQ2JNOa8nxm5La
TplBan/kC8c6o+zpdPdvwHvHxKowrWnIt3LjodJQ14eZX283CGzjPwbvVzlw0tTIC5VZp6cp
2hhPjErCSv6mfmgBp5j0hT1O3nkZQ/yjXzRke2KvIhP+XTc1hoIyKWbVsmSMvHHP5U1dtfQz
K+2Gg7OX5FY0kf8ABz5VOZxNC1/03DUubxloWpT8mXjkKgNWP/BzV23bnFgenWc8e722pW1U
PMhK8oFbslFy3/zc1zrCwAMX/k9C1Cv9fSFFFTH27OoltPHGs1xs8mi1Ux+thRn4SNMXT2r20

nbSYNIa/qLOcutvp7n9UffpH1LrB3sHDPm5mSmLWEJpzl1lLOI3jPzqY+E82UKSAbnofL1dS
bUlr80OLYSPtqHQhsTeX5GMwWi33IPtKkDS2jHQVt09JS2KL212LCCtp9zpz07FfK9KwaApi
1MmLatpxOFixiDOnv28q2rkRQoIVZrUDtvJuW2/HT4nOE/5FT3um0fhi94Y/1WjVNrOdk6fc
/JK1DZT2KJ1hksowL8djiuEbmph3vP5UVu5vKNK5Z9t8KOGv6wEXt2430GXeReeVp6wnbzEj
ninTf4dh9uOQpGQs5cpjX8JdUce3c3DzMdYtdRgGpexnCsT6XI dwYERdRLMygHu4zxBU1uv
poZn8lfG1ZVbTjVE2VfCYlvOXc+Ny2lOxudmkSvthsrmsHsGpygsmZeyYSaA6T7U7h1a/toGk
6UnPCftS7JLRuWRgFTjVYRBtPbJ6hs4CL5w6mpZsMmY1Ywmyz3G7hSwN9WiWzqDcMHplPaw
J1ABWpq3EQCf8h/mVzObjidO/jWn2Yy91q6ESFwIysTS1eVhBHEAPpqGt2hx9TtVrOHjg8NU
JwxGFCxhXwXFTb06bG803WdrKzAtiUsKsjr51dPY2VY7sr2n2Mxd9pN1wH3XaekZPMWtcsS
+z11u4HDLaGBwrweNLJclvFfx6ZaVxXesTuVRruOC6Pz6fx7rFNZOhoP9uKXtNR1ZdkfEWW
WGuFw6H220Szy3UPdk1LqnWpmechuKz/kY91X36sfoYP6LvtQx5qnhXTf1XjDtM9tjnvPA/
hTW1ZXwVjMl/eStuTA1gtxjKxlnfKqppHe6ipJ0q4PjdWDCu9ZvIVeNGmXCoarqWVQUvHvx7
194Sb8nUo9+NjNzhanjZYmuqvysUcnWqxsotVq+7ymN+GPitkQdNYTKq+GxXBZ+mIrs5XZrA
6yAOk0yjtudWExSq1ENv atqNRZZ+zHMP52HudQxGYUlpmsr00n/Iv4tM6od3Yf6LvxqfVv
+9lZFiHIL0CrV9p7L2ZApCAai32hBlvxa+4tazWIFbl25x8c9RsrUd2edy0TozBl6ihtqoq
ZWX3UYVpEKDIX78bGba3c++NzXuYH6QGilYvEdrNTWX4X081+o7jZVhNWRy17eLcOoNUhrqL
5KTLO8cMSuKzDKIyGmXU/wADUhMwKlpW/Na47RxbjhSWJIn54zeWPnpq9zKx/wANS3zfvgi+
Z17z06o7Nzc8in21ZZ1i4tJvfFsJasiErt2GQlqcrQxHLJzsmEVip+ox4WGdkztCdtYQgh1N
GNUDHxqZ0x FryMIPcK/NBQdt21uRQUavQCIF2G2PYIca0t2bJ0xX7RWmAVwcZ1S+/Gfp2at
h+MSfGz447sycVb6uPAVsSynFsmRXww+5xGDZW+UNTNTeDjUWZd11uEldrUEutJnCmWGtVZSB
jnzktXoY29DjRIOTq/7jmd9VG+mVtpV/In3dSP+N0z+bnY3GUmrlU4VDCsvXuTEYVZfbAnA
TYENyCECdy0zjcZ8OTBTXDDsORuHv2QUalSOJfEAZmUKLRpYSzLWTwzn4Pijg78mfGyHd
T37Jg5FrO2K2q+nOsfA8f8hoFOP0TGOTX8DufCT4Yd3MPLNw6ycKrv0xrrzOqXsTcG109m7q
Myl7rCvSLBgYdtePdMnt90rYk5giupr7c5NV0H3576q6S/B8XyDH8Mm3h0syll4hOqq/yrPK
/qTbmEdZajy9Z6dkpl4ryntWS/tpXfKWNtXbJgqQTVSvzIJ3HM/yGnw1rT4OmccWqG8yy3Ub
JplbWO7KdW0IOpbWvK8cUjeZY913TeYNaeGmvTBs/wAiMfBtRa7OWU3Q8pMfG+JSWZQMGBxU
sasrCyGrG+c8PGqWqNY5VC6H4i6PkuRk5CdruGp7MgWqaVWhkTi1sFsQvi1eJnNyo6VWbMqs
hEa/cBlSEenHkLBq37HAO3yDzsrOrLIa/i6q04lCxi4yazim+lgnFKGFQqi/HEqyk15uY9q
rHzEEOYTN5LwYt7xcGIYFpri2cn57mdclTXZjMAbN9P/AGnYdbStbGA8ozEHmZV4bg7M32es
mWYILY2Mtdf0hO5pHr5O+LyezF5MqcYMRXP/AF+omKNLTQJxQhct7LGPcb6QJtaWVco5PJK
+ATUYaDjWO4avBv+HCZQaUX44ncsabcRBOU6pXw6g86eeNX/APmrHu+46YpXJylrBxCrLfab
TkqFqx1+k17Vz/sZ4gKQpsGuWKSFrLfsfj3TO8pJyEWJnML8dXXNzcbuVjHRYECrivxvyH7d
rXuYIIFL8P8xgKgtiGfB2Q4NkOI/Hs26qx7uXYczsaOQnvOOBFDrfiJbfYkruKlUD8iDxb
IuPeOSiwXdydsRq5hWavHsL9S1dmDUxu3rHGPMc1xmHEE7Jcz2CdUQUWl/gUtrGdVTA48FpO
6ulFvinx0ucp7UrCzqVnuqpApfGWXVAGk8sJ20BxaZlItNa9Rti5oM+JxTPpPO2ZZjq0LV1w
5LxvqU2XaPltVT5t6jT3VFSrErLwVpSGyDr7nujnv15iCM+obZ3/ACGDejwV1wmkSwVibgdp
zadQpaVrjhVsrgO4wECFn+JycXLxvFIHihFY46rKlsiqst5xcW9o+PVQuRkjtZK+zHUK3+Xy
PbMlc6MBTXgBL1YHxdkalnuy+7lOVotefDqJS/aljbCq277qVDZQctTlNpg2ACBJ3ykTNsLN
k6huR16c/KnMTjbg++rH8WldXrwRjkMRuInKW7Zqvx4x8lBLTbrg2quS3dyqc6oTVBas5WG
athoQn4cQ11rE4S9IY1Vjgc1UmVWN0PXoODMbEU0pY2up4rZkdmQKB8OGas09UtUp1VJV1YC
Y/VVdrepHjk5w5XZDWjL/ThVbXsN3cw7bpT6YHXTmKqOb3ywCqrpad3M48TwsnCHjMq202r0
/MulftSwqfYallKyzI5H4O9x2eFlmzMddrQRQerJpsWztWuvbyXCLr3QRG9qJyZBqHP3Fv
Nk7mRLGygoS+xfhCYMSuPi1lfg3E7GSQUyxOWUJ3cmcskwV5Aj6xEtve9+Pj7T19jYLK2XIX
C3qG/JGx1HBGQilubzj6AzpuSMXKvuS21nrEHFVavktYCr+RyvNnTq2fL6hci2JVyaZ1/KdO
yPh4Oo1CJnUPOXKdHf8x67ZZ7ZZm+Wx8/InFTK0igVizkS9c3KDxN1iCZ/1MLRlo2cxOeACq
DmbLNxSSoGov3swLVlLVyVlVrIFURK7qbjXh8emQnJKa+C6h6lWH/7Kov36jK7au5Zcb7E8
Fnhbcf6qMk6Vkh4z7hDyRfdOpUd208g5lbKxCIYtKb7UFfitvI2VbaJr23r9TpsULqa4jJt
LC4zHxUWMcONiTsVXPjMmqKHavu21zuBrUuoimlg6xuUKx0Mso3DVZtaFUV/U6cK/wDAo13n
TxchruRSliA9bLeU/wC3oh6xizKysW1jbXO8krzmrlXVa4eo45j9UE+MzbY1WQ8XDqnvC+B
TktacqX0PuD7YWalQ6eWA12Yd620G1aDdYaaupGnq1ZLV+9bUmiJXO5O4I4AsU+eFd9CIFT
NrEVfh8Tu6hNlhyV4q45P+PpoQosvXw06f8Axm+2g4apd7vVxlkFc4AjM7gDkxyZuOPb0s7T
EXlgYvuxwQy9TWOYrHieALrucqXc+BrMbECwVHfZhrEPIR1viFwOQU41911gSsQECdwCG9Z8
Q284GrPrbdctqDim73WrPyTEv7MF4avDvHaxmZlymtRqn4Mwi/auwrO6hn05cv01yPD3+BZY
ZiszXZFlllVYqfEyDs4KdzMbc3AwMJHpXfZQT1BOTWxubw1CMkNYhph7iQZFold7tO6SOi+
bsevWQ/GYr7XlqDSpFGUSFFthIRjEosJ5agDNEXJLG1LLOqnGduDtYagZXM4TslPYkVdZr
1fuwm3Xy08zcYWin1lLF0bE2hE+Js3RfUx63WK8geYrsoW3ypDQAGOHExhK3wEqo7xp6RSi
/AMZettEq7brck6OmzqfZxnCa9HVDBUgOoV3HSOs3PvLKAZippTWOPRU1Lvpminv8RXVBej
Tq5HwqKHirqaabAldWoSBDaIF3G4D0HmaMFTmdqBcdYHpEa/xen2U21rM90ycPaf33RH9rNx
11KXAi2hubTINqZobNfjSmKPaaUeMjVsC3ECxp+Mr9zV1d2YarXC6stgBnxvbDdvIyLKK2IN
KUJqampxnGFYUNga9DHSOkI9A+jynRx9PL8yvSVNstXbwfqtirG79kNt5n1DADvuidyF4SZ4
hsUQ3JBIJGzayPiIXyGnC8z4Tc+EpgqRZqa7Gfb9qjFYiMkdyRoCVYi3Vt022N07JE+Ayo2H
kLBRkztXxmYRbNQBjX4qNVpVyrFVxslvUcbEg6oGiZjWtWnAH5t/KwnGGMu41c7Woa4aZ0Z
dY+a5C3FkpC3NMHDVJksL7vTUCxq29Nxy5hrsafCbgw6hFqECgf6Ot1cbD7qViHY/GNRuW7

OFvybM5GH3DJ6fTALqLcZq31K2/y27SrfmXZRoxVrBWcu3EvR0sEAh+cI09on0TG+HEZ6RAO
c7DxqXhpaNS+sUdvDuHNra+bVUkzNG17UaplmwJsT15Nwh50e20I+Xc3CZyENqCd1J3VhtmW
j5OLhtut14PW2jsS0FABS/Y4r9yJ59bGT04GFWRgneNIRRLWm53jW1Ngsx9wNom1TGB036K5
E+qZkXUvH7XsfFxGtavCrSaVYbVhs3ObxrEjQpshotVMPjkPWApbfPc3NxlUw1KZubnICdwT
7w1EzsiCqdmfDz4VYMAuLRXLrNL6DwQvautHJZWeYWzjGq0bB56c+rPQwflYnU/fF0y1rN+M
k+4mOdnAfYm5uESsqxtvoqiWvbPheloMGmfCYQnZxZwTT7EDgz7zXpyaZup/dKKIF8215ILj
OsEXNrMS2tprfp3HacXMFYErr3O3OE0JtROazuLFbmy4k+GQQ4tG+zjrPYJkqGnUNDKrO0Zf
LDiQwceUlnmUv27vhLZ8FZPh2E+HePU6jVrH3zTQLMu89+tW3lxZ39rNGbyCWbp4PcAmhPb
LEqsf3TKnnwJoleSwC3qYp3D6soMemWJjriZl8TKraUcWtyfL6+pV5mQ3boRnWWBLJZhUx8F
trRlpEe5YfQGdwIG0mGwQBjOxe0+DyjP+uyTEpbGBYjr4gGC1DF1HsFYtsW0dVoX4Sho67j1
8kWKYyyxfAz6zS+YTD077wX2w3WN6iWr/k5y83xW91unTtOxtr4irbvTU1SNZxcGff13CE
aNjgi/HzKjVl3pEy6WgIPpuGN5j46NMPE7eX3rO5i2i2wWLyu9+PqahEZ+IdsmlyLSNtk1T4n
c53NOFsSvZx8BfrnxNKw51Yhz1jdQeWu1r+h9dzSsqKaLjrSS2rTe3i16rO73Lv6PyD5MtNZ
Dx/Ea5jA9rSvBveYmPTjQuYfMNJJGTZTKsmuz03FM3A8cJYLum41g+DNE+ONcTqdLRLEeGGV
njboGzHA1jU8SbGp6fX1C1YmfW0V0sjVwpOMFOHOzTPhhPhbIcVhDSJ2lnbWBB6n5eAgUCdU
rPNWDqFhx7GpvU8+fnl7sd+5VNTj6j0JmZ+j7izRC0JErSgbm5udvY/XWmPbfMrCZII99Bq6
ksruSyb9NwH0sqreWdOUxsPIpKZ11Zq6hW0FivKLISNbWqn13HfIHqreXYCGDDcRO5VPiGi5
FZnY3DW6zyJzWL1DIETPVobKr11QMal1H+gwkzLqAbmOeFvUqu11N4cqRO15AU/6Lv1czUbL
xtOdrYwezC9FGz+IAa566ulCzKxmtD4vGKhWJk2oUy0MBB9D6Gbli4s6fW0+Bsqix0gyYti
ND8jQoJYjT4XKGSxJ3VWcqGCisQ8WnaSBNTINwef9nXR77qiVrPKgD34z88ffqXOfQy8+zhy
YqFbBxrrRUUqHv/Ex9JW3G56gqzJM7sbLr1f2CS4mwYrkSvLliXo02DNTXyOiNDQJetiRb7
li5g0ttb+h9TYxnesgsMrcMy1LYyUWQULFr4zXn03Nzc3N/LvUQbxmyCtVr7NcVdt0hSKZVW
Xnwp11XbEM3LJvg7VeejZq4S53Uqq8JG0K32cy8itbLhBZkGfXIIlsnanZWdtRAghQQHhCwJB
i2MsTLIiVrP4h+Qwojy3B3LMe2o1XssXJguQ+ja+VWZZXflWMxyQpTKeUiuW6kHeoVI+Qyqk
3HquWGlTqGguliv6zRcqPhZVQitsB3E+IshYmbm/RhLkDAhOnJhC7EgyttucmQRRs9utRdf
SCr8vTU4TtS/2juz7znxgsBhETMsrlObU8GmBSEEU5uWU12R8PUat1is9Z+GvhoteOLEJTi
WWCrE4k0UGV44SeQBubhtRTseQVzWjvywBhrhDb+EYJk9VCw9RqsXI7TQWLSqv3HI81KSFeB
pubm5ubE8Swx1jTU3qbJlfiDRgAnETgPUBoFyzt2TsbhwQT8HPh2jUmGpoUeNXEe2o0Z+4jB
gVBjKRDD6E+mhNw7MusuUs9rzjasNAIWtgF3N6jAkNh92VYvAKOPymPeuNVzk2vK8Gx5mVOr
8izBNT+18QGK0VpynKcpym4WhPpZqN6gxGitN/KUBgEAMVbDOzkGdi+CloqCELOIhRzBUphr
CwZnlcTOrMHBw1cKGHwZqLl2cltRvXcA3BVOCCdtZ2hAk4Qw7g9DZHYmX1Psi8QWZADi+yLQ
wAp1Ck16CKZubnKcpym5uFofMKwj1BitFaJtyuLZBhwYlcGPVOCiARtg79oJ1rYmx3Y7BOY
EewGP2ySs2VNwDySfTKqefcMs+xp3Tjug1p6cleE7h1jupTJuEGWIL0M5CE+hIhf0M53mhOIIn
ETHOEKrf4UmvqH/SZ4hCzU1BBHQWCP8mkip1O1ZV1LHeK6t6GFhGtQRsyhY3UK42YxhyDO6xn
KwzjYZ2Y1SiajIjY8KsIrMsXKMDhwmJUCEQSobNn5eoOozcl7ZnbJnZi16PB4Qwm9wf6NQR
CkZIVmoP9mvQQGfecYyCBGSfHZCg5eQ0+q07MFAgpE7U7c4TiJofMYa1MNMMAKla+JIHhGPI/
MSrjUFej3vY1vjklfIA36cfE1NQRGSMk1/o1v/SDNztrBUkAQQ6nj03/AKNTX+i9t1Aa/wBC
+vieJrwpELbg/wBJEZYVhWa+XXof1B6/aCazz6E+p8fNubm/11NTRgB3/t2dTj7f9ZEIhEI
h+U/MJvz8gM8a36fb/Rv5l+7Ns71N/6z/v16kQIERhCPk14+f++n9ibgM3Nzc3/ALNj/wDj
+xY8j/r47BhjQIEfPr5N+g+bfzcpvzv1LAQsAG24IKQj52qbWtQ+h+RRs9hp8O+jU+j49R/p
3D6EQiMifXfyH1I9BP7+QQwH5nRi1YaaO2rO+2TNNNw/MwJii2id/uVeh9NQxtmcJx9D/oPy
n7NPMJMZfEYQj5BDPv6/3P6gbU5ePv6H7T+/7dwpDhvk3OU5icvPgTfzb9Twyb9DP6+YxC/o
CN/b5VHgnCpoYYYYZ94RD6D/AEah9CZub9D6bjAOAAPI16+JXW1kFLx0Kt8n9eghPpv036bn
3n2m/X+/T+h95vU34M3P7ab9CIYZ/X+jfjqE4sJ5mjpVZgVM7bzhZFqedpyqlsT2nnaaLSTB
UTFpO+zO3qV5HB0zBG7bo9uOD3NRm2fT+twQz+hPG/UTXnXya9B9h6gTh5/Enkx4+702YflG
+S1uzGmwRaS0FI21IRmxxLEct2rVnastbsZBu7dpyNKJYK0DtRW306oLMebRH0VjgLIv60TU
4bJo5DMTYy6xPiE5fEgQZCcbF3PInairr51RGHW7CMCpg1P78wMN7jV8324YPqd+uA7hPgB4
+fkJ8FzCdjepynKcTNM0ONZPhH38Gq1rhqJ26LZ2xCxeh0W6hYcpNjJRYmZYC19havLtQNZY
Y11hnJtliR8o+T+hr0H336cxpbuU35d+JVuQ2B6E8VRxY0YeASG5zZnKb9OKcoJ2qzBWgg+2
vQbnkTgTOJmoZwadh+Pw6zsVCc6FHOutDINwbLfl37dv5jOzfMG1OXmfYk/f9NBHO5Sjj7i
DRcKw2biMoGx6fc8AwUamtQH13D5GvHjc/rQij00IfyHh1bz4M1uduydthOCTuVqO97WvsjW
tzc7m5sib0ST6a3OM4zUdgsVwYCPT+9QsBFO/Q+IfU+APQefXc35U+VC5NTL7gNSttE/nenm
mvmDTVBRVBWqk+IWN9b8coYPT7ziDCdAefk+8Wtp2oUpDdxFhv1DY7Qk7Hk70eXE+OR0xbUH
oF2PbSNT+vV15RqdQbBR9vyUwsd74kffmTBCBx/qH7/ab92zshu+6kah16Y78bLV7sBMc9R
pUOE3P73ynk+n39BAYB7W+3kTe5r3aMfdhnZXa9oTvkM1tjTewPT7QwfbP735cgDx6bm/Pi
LAFjvAPfXy4kDiY0ZRAs7Z5BdQ8RPE8Aj3ArNFpw80YxsQY2oVrQ2VowdK2RN8olbvZrjHu
XdPCV113ULIYjml1ZYQsXyGINche/UiEahHjQB4+FWLU0WuaE7oEaxzP6Hp9v7T7en3mvE8Tf
pqXJzmul3N/KUBK11hTWrr0BOhwWoR0UzS6dH2tPuNcUe7kiNapP1bH4m3J5w2Ew+i39xLku
CVWlIfGoEuaywkmDIs4/E2iG4ulfafeYJxIm4ftvyv21PsOJMNRp4Sd/c7jQQ+PU+u/X+4T
qM2h3EA+IHBXLGGBWMSpmCUs0srZATCV1wHJVPIEVI6gVep0nkTfngC5ELzue9YBpgmwo0z
Vmys11Yqwgz+/tKrzLa62JrlavDMpFFbh8ZS/wANDTUXbH23p41G8zz6LFXc4qsNi8jYTP7/
ALn/ANTlqb2P7jfebm/JabAD2aUfURaQFWkBaAs7QIbYAtZFOQ3B8httc1ifedoCBdSpdzJO
35OJ8S++4tpGO2ir6ZNxfDqw5Nrmv5MWYafdVtlRGRWy100gMIJZq6KxxoUIaEeo0tZfUrLk

fECHwahyhg3xP6qCa4xgM36j3RUEAClnLev3llgVlbc2OK2qwss7RsaxxWz1Ljszu32NwRlBk
s3CYKyWKVLOVazaFD2+bUnSMyz9y2JxYlQx+24Iiv5d5UV388pvxo6HNYl/jglgeh4q+3xzM
BNYNphYmcvHcm1njS18pr0VmEoPel9a7WA+OQi2juH1+8WozkqxrCU3CZuD7mWNqBrGgqaCn
01uNWRrKlRv7yO3O43EBuG+S8hzvu22xOQi+QPsGIg1bGGnpTdt2Po11mBNKi6j7lAtLWm12
02jvWvA8TtuCKy7fdW8lqtVveQcd9sNRgSEPA9ryVK+lazR3je57aXWampxldpQWVI6tUGnw
olWNxcwQVTQSNZ43ubm5v5B5hn3mvB+w16eRF2EWpWv0BLAHSvQHaBtsx27ZOm5aO/cEaFGU
nQnNLK2PFuYsTfyUKxx+2qg46iVijl3UUm2p4cl+T3Fm5OxPLfuEJsnaf016MyiWpxNWggOf
Si0k5dQV/VT08q7y44sJqJXqPYAGYZ+/M1NePTxPGj4nKf0TP6FbFR7YA YeSxzW4NXl18pXx
b+1yO1bZU91hpZTrU8iV3ndiKwp9ss8PD6a2dQllHkZ4qvllApNa8Sqt6YHNvUXyu8qe6TK
rfc9JHq4UhlDHsDSroH04rbVbS1fyq6vHQoRplzsR6HZmoRNTzPih5EzyIWEQe0o5i18UsLk
KDr17e8NGfaelw1LD0MVih7vKNQNmhxODTTLBc0OyQJx88Zqa0R9zv0DEL6amoAZxnAjzNSl
+MsXi58xkgHp5jrOM1K7SZZUazrxnEwCVuyj//EABQRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAKd/2gAI
AQMBAT8Bfd//xAAWEQADAAAAAAAAAAAAAAAAAABkKD/2gAIAQIBAT8BZAYzv//EAEAQAAI
B

AgQEAWYGAQIFAgcAAAABAhEhAxASMSJBUWegMnEEeyMwgZEzQlJicqGxQEMUUFOCwZLRJDRg
Y6Lw8f/aAAgBAQAGPwKvQS+vhpOs4f4K4cqorHhZSjLm5Z+KxWomrU2JavOxuNaspiL6lpVy
qi5YrzymXOHPmVfj6su/DvlapxMpE4nnd3N898r7lvCtW7fg1vd56oWYvfWZyaKw26HQ7nE
dCzL5WOFWFLGUbrlY4IVFKjpyLnlWRYvn38VWUivfguWt4HXytlxstnf5X9LNRNK2z7DLbd
DoyvM4tuWdFnVH0zpyLnCvpbOqLbmqTvnR57+Hqy/gucJfJN3ZayK88rlu+XF8zT00KJYk6
7HXKhvcvnm6dCkkVhxLxP8Aj4ax3NMmr+C2428r/IpBFZeCiuy+XEckPlYrORbwWRfPv8lv
LTF7j1O5VeYpKw5vkVeVEcRsJSuWZWLpJUZfKc7k/BY2uXWdixTdnxN+nzLlrZX2KQysVm
ykEXLRL5V+ddFmPflz2HIUCRfUbdGcCtdG07ZURqtU2ZSeeH6mhZWY7m1i5U7GrAk6lhuK
4jvl0RRfl4SrOxbfO5wHUte1YuHVihpUT4hXDdY9DuV14LXyt8hRl4cdluWtycprFEqPufD
opFJQLRZszy0KLLcSd8q4f8A6TVKLSapc8qFM9U9uhZZVR2z4nxdMu+d87vx2yUY3ZxLXP8A
wcUoosqIHwyHh4jr0ZondGuCtict8yWI16DYvkXR5UeVG2W2Vy5Y4TY2L538FtzuVeV872KQ
OrNWI/oUjZZ9X4JYr83IUUaVurluR0ke7xd+pqTND3GtsnV38d/BcUVtluOhRFIUeqzZVOF3
6CW7fI4oF6lqm5exv8i6NixV+CxVnYsX3ysXKysimGvqVeV7s6LLhVupe7KikuhKXQ1LYr+V
lFzujrRstisGUxY1YXRq93KhdNfKIN7Fcc4cvUqy04V9Ryqml0Pe4IHOfLoJRWmbNSexXEd+
Rf6MSkqrkyhh/cwodXU38V87eLv0L532LbZXOxZFZHDlSKK4j1S6FI2WUfUr1ZjruVqjTNNC
/VF2ysUStzZpwcKtOZxRSKwlvDdTKKU+6KuOjvEs1KP6kXyt4Y4K5i1qxVYeGyWmKjHsVS11
1ThX0KYUdOHS5Va16SNXvcXV1Tjwjzcl/mZhxjL3ksQ93ixsKMfw0OeDVrmicv0orG8Y2RV
u+V/DwFFd834LWOrKQOJZ0V5ZfE3KQOsijOAUUiqmrHf/aacJaY+HdfMxGe7n5hOUV1yeVDVi
8MP8kcDAWlvc60/TM0tmuO57vH+5XD+3UbSrHmuhreKGXYpyzc5Z2eex09BOUYqkx4r/IqU
Nte2wnqyccCkNXmZ8PS4cj8P+y+Hc8p5GasTfoX3KItaK3kacNUj4OhRWRbLisj4extbKz4z
4InD9zsUoVxnRgnBj9SsvFOD5MmJ8yeDLoNM9/jqsnsHyn5USnmpSrp6mmW5qjJVSLeg6M97
grV/1MP/AMn/ABHsd+sSj3ypXLf/AEr1YcfsPStGH/kpG0V4eLO25scrM4Dq2Vk71stUuBdym
FGsupxOvyMTB5yuhqS4iJqNuBPU8vcx2W5qq7+b1FppKvyxuxYUPLiqKMsUZwvTLkx4uBwz
/Phf+T32BbE5rqUluWz1S2R2NzXis+HSvc4nH7GqaTme9/o9Tj2KxaZTmUi/UpqHP2iajBFV
ShyPiKjfl8t4eHDTzYpYto8o9S9u2diiL5VdkUhtl3y4rI0wRuVfDHqcKrIvt8ixcrFtM93
j79SLIuN6nxPPI9CUudSHs8lxV1CFSzxZZ2L5VI42FaaHKPDifmie+wLYq3XU7nEygsGPLfL
0KlBj4k9h8DIxO+VYtrsWNqM1z2R+04TVLz8kVZ2KyX/AGIXv4LWWdN5dDiKzOFITqyxSctz
bKz4pFrL5FvCmtz/ACVfE+RWW7MUniz8sF/Zre7Kns8F+WHj0vysWJh7o95C2JHzRHj4Fprz
RLmrmXy0LfkRKR2WVXlbfLiKRIK1S+HErBJIqiiP1Yv+DvnRHEWkt0KYX3P/ACdWXKIIKnc
c1YhpiY6vx2yt4uHyJcRUVC5OK5sVeeXE/BZF2O2V/NE1x2MPFX4eKe+wwK7nZZa39CrElue
7h9TVUqblFuXREe7y1cjsKMaHEbFEikfPz4LZ8Tvk0KP6RNeLL6FMLbqXKFEVmcC+pcZ6Gp
eF/Jin5pcTIX4Uxy99jS38sDS6WJZbF2WXgYnye5VepPAf4mHxRHgT3jt4dX+5IqyhRb17n
7sqy8qOkcu+Wp2gaYKiLeGr2KYV+5V7dSmGlqOpWTOGyK+WHORwcU+r8NVuU/K/BVsenx0MO
HKO/QwLzZidiKlZVuShhy1QWzGTXYvdy80diOJEwvacHySuapZ657Iq8qZd8tT8p2y75KU7Q
KK0V4Kt0jIXEfoil0v0o1Yzt0KQtEq+FGm05xHCiKY8OKrF3PjPi6Ippkn4dS2Zpmy5Uu8qM
4boY/BKXQUe5hGNEUIKrGpeYZL5CeSmuRWPqjEw+cOJZ0nU0R8qy/c8tcvplVWVoll2guWVI7
5KWIdsrmmF2VxN+mTWE6z6lZtt9TTh0IM3q/6RWXFPqUjwx6lZO5SSC0RKzNGDX6FcSVEacKG
qfU1Yjob50ewu5tfqXdigzcsV5iOEWWNF9KinL9ZAa6olTzJk3livp8vSztK2emO/PLVL6F
TVLY7Fd11NK2yoixqnvNIIItyS39DSuGPRGvGek04at23NWNb9ppwU14rKezr/ALjXiP6s
pgqpXEZTDV+xxcKLffw2NM9zS8rDVAHV5qmXUqOf5p1MJfvMTtIVog2uZdiZjP5iy7lzVlyo
qx9EUUpY7GiHlypEpFHFeedy9lITDvLqapM41fU1TnRFMncXXmdFOHGEayK41+x8OOpmrGkU
w1qZxv6lssrleQ+hYqSW0hafMa4+bJRYkUZXkUzr17Kk1xVMH+Zir6kJdbGpx4a7necyGf8t
FXl+1blF5FsdmH5S+xph5S+xSOxbYpHfrnRFZHE6Hu8L+jX7TL6Dw8COMB8WakykEW4pGve
RJ61rON0XQ4LsrN26FI5WzsMucI9VaD/AElr11LykabiKs4quItl8rlj2Nq2iTiLtMouhgjj
V6emWGe0Cp8h5oojTHfqe7w/Kv7KI93h+VbvqWskaY2gv7Kysii2KytEpHKrKRyu7m+jc/Ua
PZ1XE6mvHrU04SsVm6s0wgaVFyxP2lcSE4x9D4eC/qRIPD0T6HDuUUB621LscTLZWyn0NUiu
yGrD0orJnu5rcvIRIYC0+Yu+IaNPPLDw/wAuvUYkf3VJEK8kNITDoe0vJfLteT2Pcx835pFF
ue7hv+ZlNkaMO0F/ZWWx26GqexbKsi9kVqkurPd+yqtfzHvPa5an+k0YSWHAsniYhXGemP6U
JQiVb0YfVso3LEPh4cYF7lPbGJK8kt2RxMDkyidO5q118HCNvYXvPIfBVEi7oWQ49DocL8op

Lc9Cpiph9Tgjem5bYvnhvIxpP5EFzY+aNj2cxu7+SvB7yX4kvIuh1Kf7r/oojRh+Xn3Ky2y1
TztuVZWbvYRR2gOOctWJ1NeNKpwWRR+foXVlc2zk4/IG8SCilyR8PAdC6+hwKwnN1ZOKX5SU
ZeStzXC+FLbsao2oRF32LIIIFldWzquZuaF5mNDqcJvlfwQ7kew1+8WHygh5ezsVecsp1GLE
SSRv8hyZ7yS4vyo6yZojvzZV7l/8Gua9FnRZUw7z/wAHvMeX3Pd4SpD+2bapdDViuLBrDj9T
i4pGmEaYP9CwoS1fuZSa2KQsjiZhyXlaxv+491iXw5W9Bwe3XqWuzAt5ShwiIsokVliBlit
CfckntSpYvk10ZL1O+UJdGRI2MWT2Vz2jHfUZL0PZjAWWIS9RfJc57Ll1072RpXm5sqyn9Hv
MX6LOxWbojR7PVR69SsuKRrxnSA44XDDqWuzViSt0KQt3HiYro6cMepFSlpUd0imGUB4snfi
7mDnjctclhz8yMX9UctLdzguyisyDb3K5WRCLLaY9ykKyf8ARpapZn0z3MSKdSXqWi2eXT6n
mMKX0MWdLtcjzmxk/Q9IRhwGYhPJfIS3f10w8/NleRSO5rxLt5XOxxeZ7I1YjpePhIo+PE6G
rFdX0KbFrsq7s0vhXJIWqpwLc0SJxf10f7nIFVEOzysSc151VCcDVJ8ZivpYobG9hVRE1Ym/
Q7HDVs1bNM43U8phSfOxHK5WpJdUN6b1s32Y11Zp5YcRfuZiGB2EiRilfyqJ6sWW76FZ7IpH
fkjU/OXKbvL3eD8TG/wPEx3rm+RWVo9DTC0evM4F9TuXOioEi+4+YqeQkiSSddRGOHZ0qav9
1eZdT3TjW9T30uCCdFHqUjYw5L9GWlBjWw62oLSapyLI1RsX3RTcrShN605dBuI2yxhX5mEW
3KKzKC8PtEOe5hmNiP8AO6GHh9EYnqTh+k1MqkNEvleQ/DNWHCKZd3Ny64ikcTQh2+vXPeuf
EcKqVYvXJMb50JRcaybMNqzceQpYfmMKbVMOB+J6ijBUitllgy7UySVmTW85czGhOOtyVEyi
Ze5SMLdXP0qcUanDBRiNarGLRcsmV7mHlrzP3PKHhxafpFTmez+zr1Ziv9KH3kYleHLoeS8V
i/y9y8qFjjucKSSzksR1Qo6SnJkqb6zApewialTCVs8Kb2Vh3sWlpKnuVRrLggjien0JanVZ
U5mlk4pZPKHcuXkWuR9fCl+pUG+hiY8uUTGk96Vyl/EZJZSGLwsj4tjZnlZ5DyHkr5EvaEB
jyj6mL6ns9HSsSMeZiw16pbvOdeboO4q8UxKiQ85avoYkcqs1cs6OVBOqzD9Dy6HmyetU8GG
TY5PeR7TLtku6H2dCayk/GxC+YyHgYyJFQ/LdmM8SVEeySW1Cr5DnRzj00qia55Qj+XTWh65
Ko8qcyiiddxo/NLOF7r2WT/AJDeJJRFqnKRRQv3KJCi3wm+W3iwzSRXJGK+ojB9T2vD6Opi
DfYr1fg3N/nW5Zw8LFHRWT5kHFtNsxOh7LTIY1IjD3la3LZRwlF0jG8uuVyJr6mi7fY+D7LN
y6si3P3eJzQ9eLKVd6H4Or+TOCMY+g3WorNs8pVm3yodh+p9UJdWUMN9xrliRMREmRQmLx2X
zY+FkDDfcdD2em63yww3J1J6+tvTKXaSKIsKUuUwFFdyU8fD1zUtPofDwsOPelyrksrIsXzv
lwpv5S9CPqR7yMNZL1MNx3VB4i2nEdxkU/ByOQqZK/ynmvFEg+4mTtS/M86h3ZgUxteJ22zx
IYSrKzobGlq55Sfu8TRFyvQTnJ1E310LXLyu5HBg/c4pJHxJaiq06kcLr6Ffkv8AiRRg4fS5
ho8pH1G6bGIm7wKUJN9SNN8n/oHkvFH0FcWmLk+xbCVrcQ4e1zU5zVvP5Hx1VIUMHduA9Fnf
YxPa5YkfcqVoEYxe4m8VU9THgmnBOqfUpYsrVvZHFkhWVyoV9jgiWaQ64x55HX1LJli/Hujc
nTehL9qGknYj6DZHF5RjUr1Paf4mK+kcsPJ+JW+U814LZK9KcxNOuWNR7SPZ36pjXOphLWqt
+BRn+eaFqL4879ykbx5D1Oh72Sbmtht8zc2L15FjfJmHqqLYSPyI/EL4jN28lk9O9LnteN2
HiPofQbKIT2n0MaXWwjDXh2zXynksqC98tTe8qWRpgo35ocJWalycTIIjoe0Q/vcwuzJep7
M/3oefsy/cSPQISSEymW7KtHIQ41CP6q5ehfwxIPLEkOP6mfQUkRGIljDj1yi/E814k8Wt/L
FglwcY/qRvVdfBEZE91LEhZXJywZRf8AEwpydZXiQy6EpxrqVyM47S2JJ9TClYU02fmk9z4
fsOperOHBwoIw/etaYrkOPUZExfCu5VGrZidGQoqRckJsWSrlEw2hGoxQ6HoSi96kYj9MpPr
IRJoRzOZSPh+vhjExvaZ21Wj2RLE1x0830OCWrDfleaIjy99Pck3jR93K4o4VX3OCWpybfoY
eUI2TpSo8SSvTTQnhtvStl0MT+Rbch/EVSws0YhIZXKhW7GrLTpoKEUOpXO5EjlcNlniMk92
N9RxsXqaO2T/kVH3XgXgY/Xwz10iezYD8jje93HDWiS35ChBJKK5ZxIjKldn/AA+PiU/cjRgv
hHKkrhPmjByhJbpiZP8AiYn8iisQ/iL1GLKmu5D+VLwoR5TYw9P4emw5S6kjE60NL5Db/Tkp
fqkMqNZrws9SR+Gj8NGqCynTmYWJHwz/wQrGT105GO5ebXcWSEpStMP1MmoXxKef/wBjRTZE
nzflITkq1V6mrD17vT05CcnGeG/zIS7jF1ZifyFXoQ9D6jy1uOmD5ydb68TD+44qSqPJ+BPw
4nhREsy5h1HQcH0JUMbsP0GYEe1Rk+3gWbYyWciit1fQ+H5WaY9LVF7b3MSSdsZa6dGKLLC
FFbsjgqXCIRFRtdCc/ojCpsO793iXcUYkHtJW9RZV0q9TG/kL0IH1GSxsXyryx5yMPEUr1po
2oTcLWohShLiocW2TzuVydSzNyRbNZlrFpFvX5ZQ6H7WYrW0h+hTuiMekRmNHwLwMlnIwsKN
liy4n/4JdIqiRr27FoqSW6MHVCKSsViqXHILEe011HKN5LY1YeJJYitKMIzKS8+mv1JypsiH
s85xWK26V5lCR6abEfuTptXJmJ6kfQj6D9Sj2K1cY4dka8V6mVcX9zhgTWGtMlccZ+bDeljy
WSyds5UyWSz3uXzQ2dyvKhD+SJZYi6j9RPJZxQyWcj2XDpzc2Yr2d793Iw/fx1TfXkKGHHTs
Sddjrju8rb4j9h7Vks0KtB0IHvhtjjLyv7C95jOfRTH2seuToTF/Ew/QfqY8v0xoS1J1bK
ZdxW3MeMedx1zuRLjy5Eskbc1Issq4jakmQkV1uOnIk4yuuQx1NHKgvU/7RSPUIJdRK5uJx
yaIRGPNmDj1pSWhjt/J1MOWmKjzk7mnBjPFnX0QpuideRCm1CS/aMw44nDhUomY69PqRJOTJ
SrLuM/VksN+XFVhKd+pN7QrYh11GIc8l/EhTplxif5oikk5tKhbG0yW+iJpxZuXegsLBk41K
Sni+8T3rZixF/uRWbOYllcdMmMXoUTqyPCzp65KqsWHa8TUhY2HLTj84l6YeJ/TLqsOqI0vW
xhxe1RGJEiyfRqpvQsy7Nhopks5Hs+qOqCxnTFRXOpZDnLzUO5hv9pC9dSNPc+FjcKtoxiR
xiOM9PM9EK+D6PcosHCdeaYsR2knY99hxS1b+uULPhmY3ofQ3NTb0LqcFITYoSnbSk/qYdfz
Enh21biilxSdWxualFVRg9lX1HTYUPLiz3N3GKm9CsdzzMUGxx6FPdKfcth6Rxp5kTj+l
kZTWqq3RJXhKfOPTHtj1+giAxkJfQobimi45CY/BicJ7MeJh6talS4qjXVjIrpYwmt63G+jm
ZNWrsaON2px8ib6RFRhofUrh6lhrnp0N6JKNfMzEwZ+VV/QcXR12fUp3MXKkVLFJkINsvUa
nvUWrczjQ94IGUhiaZ/tMP3jXhQykJVRhxrxcCnhrS5M7ZUoioyK0Y+5zoXIyXl/4uf1tKJC
eE6+zzWzNXs0lhYnOLEvalhSb6EqbUGyAxsLhS2lsKqNiPqWMPPrKRGS8Mst7udu4+rK1Viuu
5iYY49HUn6IxV+mhCfNMxORZwn3aKqf0vVIKT57mHixTdUmQlqe+3Qxv28RjCorLcb27ktP4
cP7N85xxKXiOm4uNQX5pUqz4ftGLKSFp5kNdYrZYNJM0TVJL+8tWuxt9S2wxnFcSSsT09BHw
otyNrlYwk0PVB/YjDYpqBgaXaJoUU4Ss2YkGvh1rFjyfoYjIvkrDGKa5Mw3C9S8SH8ssDD6R
qYUuxLwSSkq5cS8srHEOk4UPNG4/dp1lexJu861Iz6xoYeLW3Y1bKqFDarOGb+o77EtOm3Q
eG68DoYcFxsRWhLfdjTn+YcY7soj3OH9R15jgtlnHF1GkI71HXy7p9ROMpsk9EblI7sjq3xJ

iw/aorEitnzRq9nxKV5SHwao9Y17eoh+CZ9URo3o5sehugqTRfOb7Z6feS0dBjqVg7lZ7s12
ZgzX5rEhow10yj/Iiu4+yoTw3vBjEbfNLSrh2NVJGHhrm65XSHppQ4pwr0RhU/Ue0YWIpVw
5VR7P7uMIN4IKvoYmDGTWNhrWq8zDaT21DdXo6srhLh78ysaUZKqk1NcupiYkIUxcJKrZhQ1
hp8NtHsr8KLCebRKy19+RSfExzUUsN82yuPi/YUMCFZkpYjs7lJGX5bHA3pOK5GKXEz2fCX5
UIocLaKe04UZd6C17HiaWt4MeHjRo+XfwYjytCRpjFuR8Wac/wBESMdDjh9CEujKlOuVHn2E
hE4vZo09GeXdZb0PMOv/AFCHRXMVvqOPKaNqjzHmVcuDDqcSo4rLDw62lOhiwrVKVEKkYmLj
OtcGIBz2n+ZCjN2rWxqnB4zTpCS6PqN05UHCForeh7Q/+IDUdii3I4UZeZ8VOZ53iS/Ux4eH
NRmfmp90JP4WM3anM9z7O6zXmxGapSbferORWXnl/R6EX+uGrJ2JY0/yov0F4LMlg4tNdOfj
hPzRs88Q+poUrtFMOqhzY26e875xvVovuiLfmN5HBqGWIRexYiyQnkrGxiLpI9oxuiOIw5Lk
yX3EXTepYdXXdjapJlZ8JivKMsvVhG5i6VZ8SynJY0sPTPlzHCFburZX/Ji+7jqaEinQ9r/d
bJPoY0uiuUw3pkasXEbl2KOVV3J48YQ97tFl8tU4toruKHU9nS3pTL4a1T5IUZXxJ+YYjSry
505Z0NVaCxI7TWelITfqaVsao8OfuXaVa+op/qRHKSJF9z3nLL0E89JU9oXchg807sdaGxh
T7UGaFOXrZr1fc0Tjp12K4cptmIvTLExq0UpUuYT/VDKuqUayexfExn9S8sX7mLpb71NT2R3
5kesnUxYdGUMW6pUu0cOMk+5WGma7Ggp+d8TE8mkqlEKPRGC+jKmvmaeUR+hStPQ+DKnqXyn
Lkijue4kr0sxxkroZNzd/AhS5si+glkxnmRCMdiIlygmLKRiephv9p0L7E8J7wuiM/oeYpGRw
ww5ruX9mTXYLm1ddBdzDU8Se3IPZpQVIVZYdebYpcUYlpmJxVuJclxM9TDg4uyIzhtOJZx0
q5Ot+12NhNWUdzEU2xZsx8XvRD6q4u5+7kieLjefE2RHvhrKxVdcnUsqRE4i9pir7SLM0xRa
lBVyu6FiuoqVIRkmmU553qSrHnzY1JXfQioPiyqkeXJOUiM2h23JxS3kYNr1OIuRfKVmTh0N
jYsUMSUUqSZhw5ZT07w4soUcXDkcRsal/wBSjEjCi9q3OJpEMSDT0sWHLE9xXdvmYsKqlbMs
y25g4cHd8UmuZjY8xJd85y7GFL9cqkl+SRjuW2Ge9xtt2j/9sYS/+3IN9EQ9WMrlokWJwleM
t0adNYu8Zdc7JI48f7HlxJvucOFcPqUWPGH8UVliYkyqhJstA4pJMUsUbml101RaeC/5RoQ
fBX9rljTZZkozqjiliMUoqqQqQZwpEI64x6nHjfy3IIWnBW/MrFZ2PaJNUtRM+hiY1aVelM/
EsysdZak4soYbUXJ1pQ4mnLouRdmPDBVZqak11Qpe0Wxx+Toa5b0sVeG592YnBphVcqZRWPHT
GRXAkVQ9/wc1cUvyQRGWfJ06dCs7dTE9RZnc5WPZkt1AuaI/7j1SEllgfwyxX9Bdhmk6sokV
rRnuJNLHj5al90XNi0ToXbLs4VE3X2PiYn9l+L0HOCnFdzRLFUX3Qn77DI2Iyw4cdeREa6s2
qxJpvcbi7oxMPhbHGWHsNqrQbcklyufiR+5+JEXx4kHr5UOGEmlrBLxRGK/PPKGHjRtuUg6
kqKsablKcdTS1F25VPw6ntEvZ46Z8KRXEq5PqcVlQ4fadPoj25+997aO/rhQfFTZSG8fEjG
Ed1BGvlsjx1uh9yIj2fD+pBdi56LP2SfqsOR6yHk6blcWTOCFX1LcK6kVHfepjFS6nFaQJ
+8akJ+8ZVz/opHCnN+g5/Cw4rrc/+bb/Alqhtq7yZw29C4q/4JRxlC3OICsFL6MTTfS5qjp+
peKa7MjOkI33K20HvY1o+g8q0LsRTpcdJpFZPUcMDDVKJjHvQ0uY9Ccl2EqzVSXqT6VG8O
jSOLsvqY1Gt1dGrclGa/Kfhw+xjUSVZLbKgnfKrnw5vNMq60Kak0UV4PKOTf6bEK9MoyE1tl
gy7ThwodL5SfYUupxSzrzKcp29BxauPl/Mb8K2VCumxbC4KeY/DKRg0uef4U2NAMSHR0Lyu
HX6TYeod+hKkrvzJKt0PWwhFCe6HOl6GmrU0Ubv3MTbfrJrJJKkSILZYc4JaXHZEJTG6RvQtCh
ayMNNulehNfuZWWLSLflPhzUfRnHiVoe0S1WtQsyOh0lQ88jh1OuzLC9q9paUfyLgTJJa6UZS
TNWHIpOuUBkn1lmkU5FT0mspMiYr7DhHzaajJmqckj4SOloLEjTVtJM4pL6LKStnldm7ztl
eEX9DyJehw1Jj1TKKrqLhkPcVJUZHJL1MRrRuOii/qNuDv0PJkprk8Wp+Iy1zCVYzw5Ks
bbE5Thp07dy2Ej8OJtFGLFwao7sTw/JuKSjVpOxw2Y6xV5tiL5kZ7cN8sf8AiRwoc/6MLCUZ
Yvuo6U1sWqvoeY/EkcMtT7kJepECWdipXkURj/Rk32yghowz/iYKy86OKE5G1MrI0T8s/wDO
XlRuvob1OGJaB0OObN19WbnBCp5KI45ojSTqVGyxCUS5gqtOpPC5bkuTe55i2IySInVHH1
Kyx40HXFt2PZp673VH0MektOloajilHL6ijCWpV8xj6f1GHOC3RwPTU4sQwsNz1c2ugnpi9
mXjalCpNN2aPf4uG5PFdF6HvfYZq/wCXoafaFPBl+tbFYuONDqjY0xXqYVFaNheuSjnVnRZY
6/YeuSNJheo1O+G7SRKDFvIK6fy81PU4HUu1UrZqQmp7ovr/AMF6fc/KW/pHBhyZZJHHio45
yZbCTfc4IKJ8TfSLa5kfd4NLjTKSuyIPsUppRJB0HYx5yf5S9vAu+d5X6DnifhQVIoxIONay
3K1PI2adNERxHG9a0JYTcsPD1ao1PPJklCd11H7xwv0ZoXFBbVK1p2PKWjQ9jjGGrgroQ3DD
UGacaCiflZ5tdmUlV1HONelxU1xLiRj9jDFTZLkKs92b5NdVQUOgypN9CL75U/3cJfdHFFN
ehpw107lcR16lIRsedq+yL1ZWW/YvhyqcEKfQ6HHI6FqstE4IqP0PiYIPVnG5TOGEUKKqyX
KgnSUMfDpFinKTZJ9USq+Y4R55Moi4miWqXHYRryu+fQpF3K1kn2ZS7SPJM4MOnqamrsUqyV
DjxpS9S0meVnkZoa+pxKpQjDQqsxIeyQpCO8xaYxnifu5HE4f+k2j9CjVF1FR2OLnYlshjF9
SsVeR8TEocEMSb9DhwtK7l2VeU2tq1JmJlpxkREpUrSDP0Ld1Kx8ppXl6F9zVWh+NL0oeVMq
8KqZRCJvX6l0fhlMOEI96FZ3eV5Msq+pCslSu0UY0dL0SumKr2ZvUpQoTju0dMrD0o+I0cKH
pd+pui1KDU66imn6m1u5dovcolYrMtAtCMfUpqjKvQeqty0GWiKUfMiUMCnu61L/ABH1Ni6y
9zPn5WR4JaantFORcWo5r6HDLKpedDim2KcFTSTJR6safmkUMN15Fd4aXq7HG6x5GiKpHsWR
o5kE96FThlyf5crWFLdm9y8Iy+h8TA+xebh6nwsaEjqccSmHh07sVxvqhpbkJdSLFj4e+0jj
dThjQ43foUgtKypH8XWXg38F8/MVnNv6lv6Qvdwde/gc4rge9BatUmUhAvkvdKWpbU5GJ77E
xfeMxpy5kSjr9CqMKf1OUS7ZTDw268y6oavaJ/RE9MIww6EhIhHofUfZntVfzOiKvYJZacO8
hLe5ZRJE455Swk78ikiqsfGxE+xT2fCIL6HFSHYn1LKHztCVn6nHh1JaYNDi+QyUOcblCcP
yTiP3l+yKQ4F2zarwISSyo6ps4VUrOw5Tczdm55kWUpeiOHBf1OKMUc6m700TdGijhu+pqxe
CH+SmHhRp3Hi4Mb1rKJWlcvf+0vTh9Op8KMcLC5JK4pa6Ykdu48GacZc0YISsXSR8W8f22LW
Fj/ZbGi/5RNOjVL9h8KDXVzOeLPvsJNJegzUishjj+qJg8qtjIOWmJwLRhf2xsm+iODCcn1Z
xUXplc0YHs8vU/8AicZYUelTaWNL91kUjSMekVld1fyYpCP03ZWcdEe4qOtBkkepUT5OzItbM
WLLZKq2vBf75cWGkzhwYyZ+AV93ETcor6HfIF6solpPh42krHGUj5/5/3/ot/g3gVx3GWK9o
l3nqRh4eJLgkx4C/DwFt3HlVwXftlIlg4kdMynPwRxtOqnInOmJFTepx1HDhyldWyu7KyEj0J
ephwgqtiw8HjlfU711Y3E+nQ7DpsTemurmcTki2Kk/3FqSXZl6o4ZI8v2OPh9TTgYbxX15F1

RPvZHx8Vzf6Y7FMDDjA4rlUXHap8SSXYjNdBdyC/SjFjz3Kz+wunTKizfu5Rmuki+HOD6rYt
iVXRnxcP7HDP7lvBRZNSTt0IpKSi+bLYsPufiRf1Jzb3ZXPussbW+KfMrLvY0bYv+3IaxPPH
cTKPc5ZslHoWMOUupYoY+KvNTREpH6suxpbZQbrV58La9Dzt+pGainVvNpxHL2hvEXSRaCj/
ABPxKdj4dGXytlwyZWfHIkv2kJ9GX2kWJwlunlfK5SNol1I/N9jVDVFNmOZwykfHX1R8P3kv
ocGF9z4cKfQ+pJfUvNv0LSkednDCKbsaXvWmXXLVHc6MU47xIzXM7EppwS/0IYsN48Sle1x
vhSVPTLUtxSTK0OeUZZe7m6NXVCjmpGpUp2MLD/M+OWXY08zT9DSuVvDFdLDLo5oltoT/Mbf
ZldU16qpZ4bNjbNwJx6Nog+cbZSx8Pzrdcc6vYp+UTn5T8RP6ZUUC8EeU4YFeGn6aH4dDIUa
x5OK5HNlkbo86OCpicq8WdrM93N0eX7kPDxG1ButVyNM5a4vZnusZ3ja/NEVZ2/wv7RLAIN+
7rVI7FeTKcjXWXBur5cKdTmrJk6rVjm1uUnGnfJsw/vlfwU02KRf3yscV2bWysbs82eJ6E4
92SjyNsnocV0VZ2LRyqo3LuxZG9CiSzbZeYu2bVKUUVSxg4vaj8GuHnNGN9zVC5rSK4bdOg
q0sQ9o1qM48LiyFjxlw1tlpL2yucL+5uV0IuUhrLmzVWepjjzSxeSnsyntXsko/uhdFcOWo
dDExOlrs+HjUSqjfx8JJS6libKkpcjSWZHE/SVmn2ODDSLtI8xWW+VIUrJfllbLb7nHOP0Ly
bOGBaNCrmjz17E4NUMuKLGsllbcoWt2L7lzcWv1ySdGiz0yLHMolbuaMPjxf6RSMtVPNP8A
9htvThoisKFKX/8A6fvO5p9oTp+pXKxhBfxHw0+pow1Rf6DiNx5MbEubIYb4fTrQ4YnMvUvF
s2Ns75blHMpqnl4MGbLQjEvi09DixZs8tS0I5OL6iKPZl9isSmJdDK+8pLkjH0s/D+zPwWXw
ZH4My+DifY41JeqOfI2kOMXuUKbS/M+g1hLTDnM06veS7HDhT+pp92k/U0tRTfNf6LY6ZW51
FucI54r7sc6d4eudsuKZerPliyXyIYy553Ow28IXbw7m7KSpJdysF7ufY419eWWE9OpLkOX
teNpda+76nu8LgweSRZX65VFwtPqJ9fk7Fy9j8WP3LYqOG+WxtnHiQviREoyR7qLpHn3N0ba
l2LwaLgYLK+XLx7m5ui8kbnMtCTMwLhSi1IvC13LbFsk+as/kUldGr2f/wBJdaZl148qnB4F
pp3RyuqlsOKLJLwcJxOiH8TVPsbnGmkeVfU3WVrHKRxaEoS3KuLa7HIESfcvle/qbFs9zY6
F8SR5p/c5nlNstjyRNEYwX0zVdnYxIdGJ5aWacTY4dstP6vIKP5kqilVJJZY7rw01I08Ssv2
nwsOn8ji9pw4eh8XGnM/A1fU4cBROGsTfw9FUwoNbLkUjP6M8qXoVXQIJKWlvlc44o4k0Wms
+GjXs+2e2e+aUE2zikbLZP8As8qZwwiN0715EZxvGa/spnxFPylSL7myobxOX3N19ytKlsOf
2LnmYUYEoSjSpTUWL5diTWyWWxscab+p8KcoMr5vQo6l7Fr+HhKwufEwal6xZHmJ5um7LN0+
Jhp9y1UcEk/U4NX0PjOPh3oectGTOHCZ5Ei84mpzp9TqcUTzULOpX79Ck4ug5wV8N1yqi26y
ucIzD0qT4TbLctNl5yL5pHCUxEn0qWonldihBvK9hQj9TiLPw3Rwb9zVhx+xTHSPPQ4Wn4b1
RCaxG0uRomtnuTqaI7mrv4OFJsvPSuxxvUb19DgwpM8iReZSSZWU4tlFKJ1PKWgijVN18bi3a
SoPclvB5uhWTocNxxJ/KjNc14KQb+gveNRXcrGsp/reVz4VsmJGpvr+KmJFSLaoPsVhKTKSgz
iTizhmnnFk2T0qnoOUm6rqT1eatqFMRJl7HDNeDhxlot7RH7nDi4b+paj9C6bPIzb5kcaK7S
LnCYxsPzXuXdck+gmvkt/pea99KleXMphxp4NzhpXuVm0VUfseZ07nxI0OGVfFxRHolfuV0/
WJxX9TjTicMkxqaY/c1q+olSkeZtkcUufDdDzUPxTapeqLF4nlF7vFlhs44xmuxeX+HJFAW
+V1PJkujstjyGbhHu5fT5M/QteJWKoytJNlJR4sLyvqvD1N8uGMWcUJROEvf1OKxbxUNFM4Kx
PN9imqvqcUSz8fDcrKSS9S7qedjzRZWOIGyZ0+pabPM/mow5Jbq7NaKpctylrX14NvBIvsW
urIlg+14a/Je1RjRcWINKjWdWVZwrPioC/V/UC8JqPYuWOFnGb5W8N4nAWw690b27nxFQ4Zr
w3kzzG5Sdo9T4WMvqfi27F6s3fzvaMWXDFKifcacnpKJ2yolc9qjLeNjLPzo3r4dD+g7mjGh
HEjupLc95zmqRhzz0wOGH56F8do/Gky8pPLY2zusrM+JEtKvj4onBOnqXi/oUbL3N8nbw2k0
aYTPNHUL4ID4kqvwb+O1o85EchDqvZ8P/wDjjo61G+SONV6Gp3ZjSlzhTK0jzF3Xw0aqWlbu
cji8VZzR8OrNvDaJdZdcqxsykuJG+I9zqWL+HiifDI9GXRZ0PIy8TyVG/JTqfFpI2oyuotnx
OhZ5cRsbGxYpS5rx5LDj051PZ9cMNflcRa6N9NNBPCjRI+KT/KXwVP1ZtFdoFJUjHp8nb5Wy
z5HmieZHMnnyPieUsjymzOGpTEVGW+RdZrQijsdUVvUsy+e55vGtNHiz/ofwm5P80mPVKglO
luaNOBGhv9ilL6qzZ+Y4dR5mj8VF8b+i7KJGyNjynA3F16TRxJxOGj8V9jzL5NvFbKsGvqe
WL+pT3fcucWlUu/9PRONe5xULzObPKeWKytdZ3Ny2WxubHDY4uJF6xZajXg4m0UjrdeuW1S
1jUsRqpxR1F45bnmN8reHb/S7eHucOKz4uFGXdF24PuVjJPwXkzjfY4It57M2LyoXk2WjldH
Cy6OfHGi25xcTOGCTyp4bpFpF5M3LORSzb/AJFdFcKtiUk7nmZxSZd5bG3zLZnt1ylJ7FfH
xWlIXU/Bv461/wBXXLRLNl/pIwJ8l+DYrSxdVPLT/Sdy/wDoqfNdi3z6VdIX/mtv/oSz/wCQ
V/5HfKqFLn8iqv6F/HQ3ibxNin/I38nsXNypXbJLx2dCsHVF4Ufj6F5M80izL/6C25X5/f5K
qUj4qZKu/wAjv1VWfzONUypz/wCQ38N1816KF1Qo/kV/0ls6eCv+gunc2ZsVSqilHVHIPLue
UTpY28CQ68ixdlbakfEin6M1SktPqUw1PEZaEYIXv4L/AC38vqUrcVLLvWV8uheaLxnXUyL
0ypLkKKwnKm7FTD04XvicnF4dehKGGPU0LFilTfQX9oXCrohTF821ORqeJ7z3ip6GrXqiudd
yrxJKrsaJ4muMtpLkPTqqreptSn9i4ZRvyKqEissPfcXBQvC1an4dEOLwqdB2Ni5t4+HFRak
jiWSLFze+VdTRRNSRx2N/wCix3L3fj4ix3LGxZPKj37CeJOh8RnHixUI0HW3oSepvanqJqt1
pZaFbUqUw8Fae/UdUmXNzdtiidS82PjdGV1Ook27bfJtnTOo9RZN5eVs2aN8r7HC3lbYsXrl
c78ivM2vnszb759i3i8rktU7HHOkuglXjHpxKcK1ULQsb5j08KaF8R2KtnE2/FY2/0HHsd
s6FORRysec3R5y0ykkUL+Lcv8m5Y4UXVEdYINZa55Ln1IJsrbK3z+K3jr469CsuWdJnRDly
/wAHxIXYuE2OGNMrLO/grlTl4L5bHG7CerbkcCOFKheTozevgeVi/hqvDWJUq9jcpE4rlXlf
fO/goU8KrWh75U0IO5Yo9ym6KbHUub2yqdzYrlc2KHTJ6TYVZUO6OGKobORd+HlffO9suxTN
5LUjoi0kVTLMel3L7HbK+TK0K5Upck3Y+IMTrnRIOJXRxrJDIHEIzbTj0NcHaRRitfJVLVR
1z7nfK4su4zy17iucO5d2KVt8rv4EuRTx8JtUtETVuxRF+Z/4OgnucTLDqUySi7nF509y1kb
1zaxErClyK/7gqQ4xy2qKsmaa1PNvcamqvrn0Rc3FXctlvQrvl/4NTqXZZG438q2dWVKxNqZ
2RXllfLdZWKNCOIui+W1yysLrXYdLF3dIHsNtWPhXZSNXNbsuVqLNQn5CuE6XKNC1Oj6FMRl
olNNfQjplSHND9zLVQbeXfw055XK002VSmXY9Cqvnbs23KcySe7y+I7IYnFY4SgnC1C/Iub
liqd0IonY4IViccRUQ5QkmamqFnsf+5V7lqtccptQ1HCP3+HXoanseZtP+h0lqTt6GrVr/ay
TScITZmHRaWP4nFy7ENc+VjU9y49Jcpht8XhtlcbLZdy5p519xvoVI2bbL2ryHulesSxRrK+

dDikWj6MTfmZSpVOpYSdiiKNISqyobC0xuV6iqWOhWL4mS9/vyQnh2mtxcJR2Rp2Gh1ToWWd
1bPo89x++apBWE4cUTsOuUVDYfguWRQpvn3KmrSatijkV1bZ1cTXBFCj8yKRNU98o1ZwuxbL
fJb0ErRXIadjjbo9hx5j1bFFIYckrI47F+R3ytzI2aKLcen/ACU95xU2H7yMLcxunKpTLT1y
vUqPvUapKz8EUoqiNcHfnl5iurNG9yiL/Kq8mUHQ1DILfkOiOIsKRHRuOoWVsrC1XZv9Bprj
exbdE9bpPwy0ulSmJKrK6uE3HTDrcXw6UE6WRFwWl03ZetMvbdzbwUkdjetkoT8pWO3h20y
KZ6mcJ3L+DYt4FXK2VaWycqWK8hadxKDuzS987xrAfuvKXy3LiYbjtdcyW16l4rM4tzTyyu7
FVIVx0dy3nXM4IU2qh9Djduo5qmjO5TIIITNLVSSFXw6ZrOnl2Nvk9jZjLCb3ZROkS3Io/KUp
U2KqPSePrnsVR8VHCzqeU2YuC62Y287HMT4KU+TtYvHUuUoWRtYVh2HV6GxbkczRieU7csrZ
0pU//8QAKBABAICAgiCAgMBAQEBAQAAQARITFBUWFxEIGRoSCxwdHh8PEw/9oACAEBAAE/
Icibjj3AWm2KW490Rc3ErXBBbOg7j/TyJcJ/TEBEHLplfZ5h0DGG7LbnYsRbWJrEaoW4WKt8w
qb3W465NNR+UuNRdK8kGqlpIPQhwmFuSmXWuG5U9TQTUCZLHlmFyWNWNKmwL7j3WG7ZbbaEb
ZiLxLdy3cV7lu4W1KWpOZsiv6IPG+5btg/MT2wtUvU2K1wS7eEZYIfW0It1hx4i2LILfGf
Fbay3tnsiXtlk3eERvUW2y/cNxcymZ5/wCSYCLxPDA6gs8ITK3mCXZPXzBwBuSDOtW2CNGG
V1DMdtQSDICj52kReFm5gmWYFYq6nFUgd2EaQcTDQTKYysH3QnFeqYXPG0oaWQnZCHb1GuqO
pUVjKpmpMLFjHbCLh2zCXn4Mxq5AnCp/cNlrx8EIdarxMDglDli5E5m3qO9jwJ/5YpQQUfr+
Kurhd4naLnfWmJfwZxMEMG9QbQwAhjuVLEJxUrr0zMs1xAvcB9+GOYB3IXFQp3EvjMa80WX
CEBeu85np8D7YNw3gjuK/ED+x4g4BqcXXU4AZhcIcJDLJUJoYnZMjqOFpSbheYf6ZII8i9y
rISzScWPmJVvbNSRQPhmK+hB3zAXxMICyY1a4B0MwGIQMEbaU0xxxKj838aYVIV4ynRX3N
foeZuDTDB1XbmKagEZWZultkavnFOLmLYsf2kfgmIv8ADzBHeXiKZIRRWGmaQOcQ+nBxBm3U
fXwAROEyngzjMDcueKPGShncikOnE1MvIqBX1HPUs+oBLm4/SXtTuf5Ga1qbhaP/APgRDJhb
QIGMdUO57zKEJeUPEO6RXKjVrYGx8yzW+E8IB5zB8yv4OhLqOW5VICFlfPAConR3MJDb3KaC
o+dmkQk1xLcl3PZTCG0wJA3AF4oC/xTE3+xLRET/xAYxDUjBU7SVGxL9YMWi0JvilhF9Jg
VtMslMscOCCCPERKJwckpoTySpdQbnMrlWfly5nqYDBK/M53UCf2RV23A1C5hB6iP8iXJ3LW
aoLTBFls2K0oA4niidEeR+L11Eotv8AAmKTYVvZnik0iwtR3G1IwCYAmj3Ns13LCq3DsEvV
l8xk/WcwVzBthiZM+HuVov/ACMIZO5atwc3tCPHdzeUsY20yULFB7TD4e4gsFSqzUaBbIzL
ym6nZmxtS5dTIJC0HHcW5pHuJur4sDLiBt85eZGNvjTHFNwIW/A8o4grzFOXKWh43qV1M/J4
mgUPJEjN8WmmhAUfjupk3ZxEVOVPeQilxA6JgtPiw/GiZEIPF3OtK4yCgcwrIe7hdqxLoLZy
htr9KBXBWyYCTwTqF4melJ5iZtlrbaxVOEojXuWmfxGbzVuGXxBhuDW5L3KXDRzMIkuBmCD
Gc94psH9Sq4YlXUsPHKBSiVnVvBO5uhxN9syPKYGYio1CZilmWGVY9Rqvc3uCGVtngTr4t3g
mgItw+LZYi/TGUEEJh7u2WFXGxDhCS3oZVVlupWkKjqcbZN7KwiEs1WZiYKj7mBmLMfg2QCp
5mKKPMLE1kqVo4IFzBNf3DO8wEmSG0FQBvvsnt/Uq0CB6+ACsKY2RuFOspOEtW3FWbnZOXYk
sul+bHG5c3pBY4lZKvUFyfvG1VtSp+mW2gpBGqmbEYdp3Fwa8wMMVg+uDfE018Yt7+NWYhu
isRxeVlukXYnYlBhQYn4uaO93HNLTEvkoQE79wFKjoIOPBuEuGVBHBmUPuABRHuLDSNrLLx
AxI8TjDEDKY+INDhLuwEDBcAUbPgj7R1slv0ZEQqfQ0EJuBcGDFvi8w4wvLBv4zwwMqluSW
uWI6w/K+psNvb1CmXcdwwl4NO5dH7IKoxtYGEACCEuWlY6+N8mksKEuK4iOB/gfuAgWukMcL
UJAXm9WHbXXMsEeSXC1SPPp5JnSXXmgalDlvmOUeHqV1IoyjhuyW6l2Ku2G5aAqosgFysk6Q
8zfEOR+ZULX2ioKeu4RT90wYizN5bi4715V6iQ68V1NO64wz79T3GLu6JcydPMSmxYyYGMA
5l6g6YrincGdwZsg6lUD8wZq5Ypw7MRW3qLktx8xRNnngJmNepa3VqQUSrLqO4P7TpygWlVU
5KuhKAyxIKX1OMV5m2XpPniGAulMaV8Eb+5zYD26cuzhBZO+GO2wmwaznZATwy6OqhP9WzFJ
2fMxSHqe4jLoVwm6E5N/+qlp4R/rHMcdwmVyyQBxqUTKAx12rqAQmQK4ReQYrCDWL8VxAxR
yYXLWGw27il3FzywlrICLbbsiAUyHcTMb5Hf1ELrOwtHKNkRC6KfMQpRu7Y5oX4mkGosmH4H
3AQTNgQC3mpyoZlfKXcPcsbVb3M5V9ysXoqYkYFOXg4g2U8JXpvvqK8M0TYrxKsBZYnbL0IP
xBpRWhzKtb5iq+BsmbsDc8qSq1DTA0F30SoR3aEn5q5jeQK5qL4ryQOpfnOjVeHJO4dQ2Gzv
gJ+Tu7n/AIKZgBIFjaL2ESyDxS4LC1wSIDCX9QVo8SiUdFPiHoIBRZ3DzmUq+pWgEvRtH+oN
1leBLcvqWHM6HjwsqNQYLUq4D6invesyCh6i/F2x8pIZyBS217Zbf2VCVQ/LKhuVc/mlZIQ
gLLTIJdPuR0YwxlPZ3FUMLLWhOiGX+zcWQl/IMRqKGz63DPTfMqaA5EsRbH4GYHEMFjis13Y
R6knCrgzvgagnkP0QC1WeVEW/wBEcMnWaqhqCEIHVG7FGLXbvmXtMH/ijxKMULCuQ8TJmJUT
HaW4g5hhiDtMuJQ5JZdTPJAVcweYd0JEXL7hK+PuZ8xt2svkFeSYkPLCK0d1AoPhEWWfkNy/
wlsj4C5nLVTV4JxGzXiMwz3ExnldTPr34Ji00csRtr3PvwcpWmCha3Fy81UbgVKzKzGCDYT9
nK3gKh2jeJalwy09gTIB6CWXeXyYTSdqpl6THO17p7GFmCWvcQVYTGW47tidhwdjfs8SwkD/
APJEAQAqSDCdTMWuIEqJyuWjzUpjhKsFSBrPBMg9FievMZbDYaqWlqf0lbuKurQ8yowdJMS
c5swIVRX3NIwq2wUss1iAcPxCxHQEQ2ESoUWYenOblXQcCMqbiFUPfYJLq+SOB3gt1+ZjCj
tzMZx4ivf/TB/tMd7K5hk7MpN3yzeoy1FTP7TUTMrMfMohpBpi4SBK3UMAcF7galOgllvbfE
ZzyMRuwUM0uevEscr5A3RLi3FLaR21bBVZuYnSkaVz0mEk9T5IkAyIGwFgwjxKbRGodgzjD
smxUv51tB/APgdW6O4/KPiOtwZICV+E0UwnMK+4MQhTPKwEb83mZ98BzFU+h1LcrOoJyYwvb
WNyEVwisg/2MoNprmv2cSnezNDPDNugu+XROMDqIsAdmdRdzBMCsKJZ9VKbFaHULR0yAXbM
niLcGI5jsjuCZzx3OYoYcQdRVbmkNqUo7MHqWXi/UWgbpkHBRDni1XcJfNmWW+KLgVn2/zK
K4yMw+IP/wBoszopBzKR0czIW+oqryXLGchlWsjXlBfth8KQXmgXggH6E24tmIN/UXF3B7Iz
Hi+4LF5NyhdHuo/9Rc0zMUwVdHco1rg6k5rlbjZKDMthsQAgKITCBywxwEW4vPKY4bdtqXYQ
S/ArVtywQoPUwGg5Ik1fZOGI24ynydkwIMZLjOMJuBgIiqSmcqwqPxES6vdYvA+IRbsBrTLc
x4hZa8aYmaR4bEK+VqbYnECDDJrc1rZCo6TB9/c7JpprSXDJTQl+HimOIX2GJRbWGXAyRd/K
JzjNM8ED2n40TVH6hEKXELnHuXYwYSOJiqWcRWPwIAb71Nxn/wDkr1a3MviWMZ1pAydypdC
eJmVCCeEqRX1iFovBuPOkYDI6JRFa8TCEZRrmGwEKLjJf2hmiv6ijbUq3MvFSnsRSLME2tZ+

MDuEM7i1MpGFGK6SID3K6yEUW3Mw3GctSptFgrUrVBVDM697hhf4pxK/MyV8CzuGn5jeMo3J
4T/hZeSItvPfkgyw1r8xM+jUWXazp8EfeLLKWpf4JcCKKcoiVzEaf7GI4KNEyAiY/OZs6iO1
7+55SHuFAcvyJg8ys0RqOIbWGGhc8ZXW+2KahCGVXRom/qUKX+ka+6ShHuliX8EX4qAh0NzL
s4HxBDiEizQhpcpXdyxgqCvepTadTJgEq8xHhHAcjL7w4BCjNlyobHtCBeI4Mu6CyRhLE4h
87CLNkNX7Pi7a8nkThHf5J4XF08kp53BKY4hj3Idx/Oqu+I8OfLFZgmZcqKqsBlofuXa0dEF
PMrA+0zblIvZzMCPAJxEZXKMbgP5DywhQTcpw7genB5/cERnCL//AHmZT+fbFcUEXp5jY6wS
5ZSwmoDqIVMywQ7pApGdMzFMuZ3DN23UMQRspMXuUhsIS/QmAO2UWJbiALcsp1Oc2EcvJQiw
cTN+S5bae17h1UGkYaTKOqDg+fk0jxC0/hBzqv18WDJ8tHZwERM6uOiaP+hNTKZPADT3OAN4
dxG98TjE3LIhEhFjLL3jSOVjEFHUTBw1L9al7eBO8HUdGXhBtX/koIGOhM1DtS8LkPUtTU+o
CHC5ajtD+xABnrtY9/q2CXZ7eZogcxfp+Zm0ByJdR6RSBNdwy0JcK5alwgqOpcZepZaoU1ZB
u7TUIONotgXAXZC4ncEp8AOQnCYzqtQh6udgBmQalc6sF6lWSX15npH4BWgeJ5ag+K1uXCZe
r8oHjmOcViWMIrRO5m07oBnvSNVbgZNH9xrHA0RXbDuLQ0f3LEM/nZUBaxmgZqGwERfYx5nm
LbMPD+TNh8GK4dGODmXj2x2S2JfdOfcIrF4o0Q4MPOicJe/+TbKx/sCBX/UrwPgZHLt+2I45
7SteYV5mZimmJ3HmVA8S4zRK7djBhFQ7Qcyr4NsJKriUC/OC5J4Z5gfiQRsAJTumfawfgLR3
eo6WJjHPmCAqHmOv4lZgtnyWJR4WUvEumVFvyhg4u7mPqDQdS8vujh4NTfddsIsB/cf07fC
NsKOYQNP6Jr3FMktZ6ia8AOAicv+oRzY9yqPZ9J9qCf1PAidIKzL/KgHgFisb0aIafC8EU8D
jqX7/NWpeus4lPaciy9i5YTAeFDTAyF9Qv7JiyiKxFZQSoGojY49zTC2CsgNM7hIDGgW+Zm5
vxqeol61LB1cfMzBw/7lfbwmi6w0VCoT6InmEZ9cdXR/i+0Mx2/HMXtsK2gjoamW62ph4tCZ
ZwdswmIn5jt4DKvEdpn8sa7h2lnBFCptBRHaGWwezPOJa6kppa4iqA6hxL+z7nosuCPYB3ML
IQMQlRFfYLogH0iUEdJM+zo1CjTRuoBt/EoGMZcs2bc1tjsZUcoSWgyh6GZfGgTABg72nc8
A5iWN6ngGCXcLkk1L/suKNxYgRYhyN13LhPfmWHI5i0gWwzZGWK1nCiV1mEXT1LHTnN/IxeY
lifl18mHsnVQxQ9jpKuTne0Af/jEMH5hNim48E/EjBJoP3OuHUo5RCx1Mo5DH6kp8sUVM5KL
kXPqWRW3tbC5p5mF54Q79zjLT3xMxgaFwBx+YDEhyDcO2ozbcEUPCFWtbIqu0HmU/LFd6ib
hLitpZI2Ch0RLbTyzNCjXCU+rwQng0/MU39S56MC7E4wvYxpLdpUWLPyEzwxgUZyWRpTLWc
NZHSOAIAIOMIAMTMLMTa3AAeIrSYM9IahzDPxNF7PnRE0WKECxeZf1CRWtEdmh/4xaHkeCAAd
g3BU4oTEUNQz0dIdIogVid8dEzL6k3wfoI+foablGBdXjYEYb6mal5gDsFn9xgmdVKoBcyE6
r5wyqmeCVF4cRA4REANp1DRYySruH8JcTHPmAKkyYVom3Lm4Qp9x3IwK6iLETH1oAlwuYnSj
fmBZcmjKOFozdn2j07wCT74igvTcGUyq+ceVrRek7Sg6hoOIEWrM/BUrILWtnE3VhL2MW5jW
d0Q6ien+ExW0IHMOcXOEqvnYh8u+B2zKzku+2LxH8IJzvbK7GO3aBpj+4ni4I7gxwQQxFWBj
Ie2VofkyyiLowRP2nwI++Gc6IyC8vLNoVof7GTWbVBASWG0aZoCcu4rTu0oKW+RLFV811Kh
1muJR0dQFRuaYI+nNqAGcMkt5LhGP/SGWsAoH1NCTqYqt6nHEDqpTQjUMEjNwyovdFbuMRI4
C5gdA47jIIStyZVdiVBkYkwyNwuWHWECrtcqB0wrsShXVDOB1HAzbZkKvUkKIOYIhp5g4E
NRWo/aAtibyHR0Sktavr3O12WMXA++AUq/dGLFHEYEAEQew3qOxusnmX9ffxKj1OYMucyRfKT
+Ge5Z1Bpej1LFD3jq2TKd+2K4htcGYk/eTPibvvg+yI/X+tsP7txTicpmV6Zcir/AOCXHqaO
OiUUGAA1SNRoiQunuJwMxG1xAfQyDVKiV10TsLlmsv3KddvLFu6qweJ6UDapUaR6XiWzySwI
OCvadjD6gmY9RTlrY7coJreW5bkVBv7ZUXuLe5cEoPw3TPCfz2JrHq7JonUcRX0vE4gWSohn
6EFWz+WFkMt8Rs5XLo45Vi3JG+X/AilfhHglT1b/AMIuD95+5jqO4ryQyafPJgFa2NtXmGav
GkTxDuKZoy7IYsIXCZuCo48JTXmqYdZepcANTCqf+8xHU1oXMRB70TaMmmcloBIS5RFIRCJZ
GjzNHG7YijQtsJQ7VBBtWytBj50h6mBkEfMC6mIeIt+GCC7weUtsfojOgFQghYIvOSFo4GoC
Ycou7mBbJqvE0PMFQvLMp/NIIqM6Ec+b8ebHHHzGn9SEGfAZc8f5B40Kk+kDp/MMb/4SGyPb
KWeJo9zNTgHEbFh0RnCG0egjoqz2GZYUKuWbk28QrFqgVOHuMyaGfKwKHMERbmZaFdmGKw+
iZy2bCksVp+cHncwq5LMkt0ZmKfU6mmAGV/hOrAgNeCI8pAB/AhhsOCFgZMZHHioauLjmliVp
+r40Q0S8qxroHqKx5lwsaElj56+5YTIGGPTUvu8yB4SN1GYQVT0SwSpUxLmj8Dkjj8Mabh/
pFHL0HBA4iuyWNRm37xkuDk4joT9M2g7Vv6iO2jRjmdXIDYvtB9nedz4oz4y8sGwcHmbLVsZ
1H0boOk/q4h+YGXg1T1KscYQ/aeaBdTjXgh7QmgEo3TjyUssmHXeV1H29ZkEVIOvwphe/UyN
tZKXiG41sfQgWp5xCa2dGXpkzfcyZqLlGpNdDZAWEWlgoLqIO8IRZ+D8OhQAHLngzOSICH7W
wDLFhbXcScTgXjojdFkdn1P7oMKISvivh3BzXeYRabKwMvbF+nObkLte5nP5SyZd1zGqVO7
mE6/M4XfcyzRLipdo5le0X54iTe+IWHXqCjxlUyvmVlhockh+ow0BYD0eYiG+J+QJqj8fb
86rKEExjY7mNpq8JvvIcS9I9R+WKYPLhMxcmOW/4mHjPw9YCGY2Y3WLMVLMJ8B8gQYQg0Ne6Z
fmGo9zaMZtBDRssuHbA+CPqWglqfJH2qs/bZX3moF5zcOjMD7hkPkrLqNpniBabGVngldPip
7mNw6M5CWZEDJ+5DxROKIHCDqXgEGiOgeJIHNUalAI8sqFmiow8C2LeLM1Eb5irOX9pZ9S8y
+2Wv4I7FuBAEq+Ny++htQ5i1ki7CGZoeMEtPJhBVRryJYsWObiqVj4dECL7SxXYGYNsTL/SS
nq38yxVVQpfphI0kUWzpmJn1RNjXS0GdxgjThsRM14WGr7hzwYt3CYVib1PA+JoJTJNBhd5
ma0z6Z+ZntM/ECB4ppyIUXTvUSIFdRjQVKbsyIKv4xT2MxB2xV5JF1XV4lawKSgGF3KT2a8P
zUoWb7hLUoxG/QHEtqR1U1vMxJvZgoysgB2cXCSwsd3UFaaTfMXuavXdw1G+ajgK1uK1eBFA
CjGa9pyP1ICsW+oGtjHwwT92I7Oc2zEMx1IclqPsl/JeBOGfqehuKrZmYG6dm1KE5tN31LBo
xN6iZ4leEpKlffWzbMIMpgwq9fht85+QmPmgVi7XUO8DAeWMJqU4FTQfAtwCGBfw+zjb5fCA
uCURYsbxK0MtKOHEv7HhqXKr5eI2BBuLXScBu4WeWxJzj+nUp5Oc1MMH7IoFVS2mOGVHA8QP
NL7gDB+D8MSCn7lLouYjVw8+QnDcRXOmkra5zAJWZQ9oLlZBlrUthTFvfxcptMTMXiV/AW6
go1zFR9kwjW4L6Itf4IVyj2TJoPrB2rFOSBcKwzFVqWqrQPud1Ya14gCuBXwbtmRiKmyyj
m3LW6m8AYxsFIjN0DojPa8WSUQGeiazuyBAHwqKwo4uYp4GKwJ5YzyQmwBNb7/iH4fhZ4DH
+hFTronWaJc7YJR3BhuYEPuA6aiP0ExD1co70Q+qIXPUzzBPEStk4ZnjEzFy8plMz5me5n71
NbgymmWHX8LylZmPumx5jnXITdGpfilEm+ssqPkkG6IcZBDwW0u+ZqG4ipU6I2zDvaXpiwU1

dpf/AIMxhfcY3fqO8U0Som2c8XLxzTPSBIdcJ4nPEmhNvgx3GPxpBfsR2XvLBdnief8wkaPG
Y7eJSxmx9ytsIY8R1OBEqR0QTdkB8Q8T3AuYAXaMVFDXL1WuUIZSI+FIHaJ8DpmaaXxYQ7R
uhr3zMPb8DBwgDNm0uaKQcONC7s7wf2fgJn1PIBuVFO9Zild84mkpipeS0na5wQDcEYcTZJc
Izh3LVX+kDQwuKJRpg8uoZwfiFzWYcM8Fz8YIjpXnMEMfgyUSZCMV8z2RaXi8y3wwRr3MmD
ljMgz9RMgFrHkHKqjUulK+25yUs8x/gZEYqV/AfDB+OGBCm7plePjCpygpO4qIKuLbZcEW+
5s4MvycdPCMPGpYqlf8ApKgTGhfKpx4UM1HaX3NQEom24ooyhBooN5l0pPsmYuXScwjg+ZjU
9RaMMeiAyhV4Ilq18zrq8orsiOk0kM0ggiYLMoUi5bvcMawjdiaY8svgQfURDqSRzc2IblbU
yPOD1LMM723MFFcY/wArL0uc/CokESVEIz9GYmbRzhFmWa5k/cpwQMwKRhcVPmD0QfELkZ+w
TPwH11H2XACMVOE16AruphAPXEvedsOEHshhO5XbXETCXYxcpT1XF+EdhHRQKWR4+KmXfiNp
lYDgal1y8YigI+WaumpyJ80TjRP9YZRZcsGrzE616ESo271EH82Zaz9J3hhsSYAzC2eNTsMQ
WBAHuI0g5x0itwBiiNdJVWC/jKe3wqPwMPkljqh+A1N5y6gMuCEbRuRE8+odMJzZPPmDBiis
IEWVb6NJPKUgvO0/EuVtaYliWYPUbVD4gVPNgKn2BB9pOojLOO5cYcTyMcQUlicSyU80E0jD
IGEmZCudoK+0fgDVkxUMGSfgpolCtkNx4O5YLhJcLZCF3M6RFzJZj2PLU9xR0XwwwxJV+K9f
c2iJR9Hx+9KjDKZ2ntKOYof9r9ssK7w95ml8bvHughhsepUBkwyc1cKWGI15iI2nadj2N4h
1cxFp40sVzXsPJCzTmP6JN/zFwapgQc3z0xFHDTtqHLrgDmDwiFxykOE4lQhzDjNRWKczREs
Iu3hFW7dxvSFzHtqBzpwSCHOyYLxBUixQzeMRowChEIwzGJRTVvk0WplKw2zW+jMj8yQIOGVD
iNW8S2JQbqN84bqWDUasv5zwnDWjce8EYMjhzPhMomH4OAi59RkaLPwxWKT0IvCRYxEuGfpr
JDBZxChCmoyrFMibxGdK6GvCbOYRhBGURv8AN0YOEzb7kz0BtC0zKLFxC+0+r1NeW3ntkH4
SERCnMFmg3SpWuJskBQtsVf5LN0SxBXMZu2ppjhpUs7lrNpUr2zKXKI2QUWGT6HqH94ITLMO
2hxPAUwanRaFvRtB9Kqghwz8nxvcGb3g+H4Ci8zOS95hXiFXMM3DfX3O1VHcq94RX5SomLA
xcG6e5ugv1Q/oiv3y13FEyUR8DGSm7WlJRYWD3HdWS5WfjZA40Vz7hz8OENEQeQUNyyu6Ta
i+JLBL1jhmbtuYX38UIBbuVktcbWEbTxAq9QViQmcUH7xMRy1MhA/flVvqctmJS1qPqYftB
QrXKdcsoIATosw1nc7nKyNnsI+cjNDxBV41PFhHz8N7xOiuZfcfAf3EA+FcV/lH8ARHNPjz
Dcof6RUcWX4ma8TVmR+J9XHOgc64jZ3Hr1GErZW+bhGVXQOJqgKdgsP3Ku9V5JZeNEz60B8
K2RIV4JV+Y6kpB9Am9Ahmuf3yDMRItDfmbGFuAtNQzhy/jCLjODPzl7LUd3EgUZiULqY/eC
pbudbGALFE8yweY0krDbNR6t8ssDDMsjd3lzlwpJdxnBi07lzfcmNXm0oR2TeKfmE4+AQl
9+fsHzQV136GX004C+IL1yxaG94YfDY7lrTdTdyG9zAtCoklnogRbwyTiA7eYJdpej3FV
AlCWZmMEI4bc13LyBOFN34EfyMzMTgE6ZmgSoF9Zl7UTM7gwCFQsdn/IhS2lhPEPW101e5jH
QcOReRjW9OePlT7PnFWajAAjuZQ5ohiFZwmMRnoWRruA3cK65TEdp5n7EJSWLzUzXOJFaHc
staVLQvDmbvzEwhFPYojpg/U4IPupQficPXw/XI/5Di+IcvfwP6Xz/njFuLN0QINGMOAICzw
q3EMO/DrxHWZuD3DAEIX1MC6YmJa2NZ7mVdZ+dxfcKb4eI/APugFEGD3MRyjijntvlZji5cI
A/Bg/eD8E+1LD7c/uU4qDib2YmOGI1Udkf8ABAsMdRavyMGIHDuERWYfqc2ZcKoIFmsAeYAW
lm0KPESbMzAdIbRAV4mAhpUalArOSYIi8IM4plSkSvmJVbQxKOyAXhuMuvBKG/8A0z9RZvs
n16Ug1TPigIfxzVNk4h858DW+f6UEZamP8JQ9yiuZgBT4N3PfOGB1NdfTi/E1piiXfPiSq2
P9QjVtEWZwPUzVIW4KaKVVJ6jzO03aAYa+RUym82BQg0Bhu3mlbg+mA9qQY/CHawbiyctD2x
2gzFN+Zip+ZfLGeJo9JktSp8zw2TaQ4YVal6gVG3bUI90G2i6oJSHCZZyZPNVgKDFQ4hAlcy
tZjwoZUeDoKqz3xkiI2gO7Z2Yrt3UqBozVuedO6yyztEwbhbj/RKxclpTSOie5zYBTCRmF5G
YFENcZQ7fm2JxZcGy7/cJbXEV5Q627sCaUwLICHTlaT/AOkty7iAT4StGq8xfclsuPTUxxx
iwWK6d9z+/BQFSFIHFmScfRhWZScy9uJdlt4n60ZVu75m/qUHvhHagb+0ujPh5BEG+ci6jy
wIB70hzbGzEoeXG0K9MCYNgcwqtq5nFpS2qhOfcTdI6hCjuECtTM/JBYNuIlCzRGXu9QXK/K
Lh6lVaxwRVyhNDPuXfMYrq7ThO5k1QhYo9nZH9tWB8YBtPVS7qNk8Qw5hqldnk4mPb2kpUzM
Cq/lY1uCA4mzuXg438i5kFhyewxCrUqdxRdDfDN2M1dXKTdG5ybcH5QygXqzA/ItapQrhY
runjxNrtflLgpXG1AH2IyGCZhDqFeGfXKJc6ZWpId3MfBOYyEquiskw3UEgaDhCUanNx4FSS5
9J4GNwU9f5J/9mgSXVdYTXg4ZdN0MsX6SyC1+oXRUEOm4BTNTEK49x7hhaWXCt48xb3ZKox
oiu4tcDqTWdziYTxMzAM7S1ehK2oJIHGRmorN1eZiq9i1Aw1xV4fcc0BlAr8kvVdmpg+5glV
jq0WkPulXG8eam1zM9amUR3JZnj+CHp7jZMM/WWyAzhLCQLL4snlyqI/dX5TwwMT+58+8yrn
keUWDF8ASWnCVRv9Q27eYH1cMAUHbHYoVHtCpmmHCNfLSceZ7cUypDbgi5ztxcw2+YmgvQ3s
QQO8vvK1V2cQ3J9zZt9qgcVmQxcoUs44mUJGonGp06g5OYUBl6q3iZFR0DqI2azNADM/RMsu
BG1sqBSTykqbCXoFRSvqzrPRFWCWGy7jnRYUMvdbTsmwwzm0J3ITjMJgTUoD7+MdeJFNJ/KX
KmdxXCGw5kELFnME/ERs0mbXc/p/gSrJQsD0jOvFGtUYpLWgtrct5q/uZhxmVYcWQOKELHVQ
PDHdZt5FX9y+V3Zji4mtBHgN0cPxDYgiG8ZhC4FAoM4ZAIUGX7OpqgbYYTrljByewKYhpTTw
xCjqrIcKECA3mieJ9Ux1A1bDNwsfYwMfO0P9EbURIEVU4mxWuYNWHIiWDQEuKmnTAWJyqD
yZe4JqOs5rEZLQfM6QBRcCOIGf6O2Vg7tgDVg2nNuN3FaZl0Ec0g3DZbadsD4pt7uJV26cCZ
k8J5PUcmA3Mr9EzVVA4veJcbuSgORynW5n9XxqAY6DBzL2XO6uFDgdzHJzEu4XVy0EWIQU71
KcQrrQvZimGihfhGXxaZYaY1GgumMpMqSgYQMAQ4V8rxuVSUGuHWHCpd8fKf55iWtnTmAhiV
KZWf2ArUzG7m+IFhZCYIjwkRWAXnEZA3upQ1vIalXhRnom88VcmUaRRlF5SMFB8RU3C7J+pN
hEriaOZkeJDw0QopEwS1C2zzDkN6WINqnfcm+1wLsWxwriowmcsRNm4VnuO4XYgG180AtW3
QymRaXDTLzCjyCGK/BWB3RhgXgo8YB6la7IHkmDKYz+0lpH5TTK3QSyrIxKgOMQXc5JXCuDq
JMzhkYm9/jPA9SwwdITg7eVARzAHdmvippq24PYgNMBRRlxx4lQxFBaVXPI28QKXW3TAML4g
O8nLjak1GFcnN9+Jpx4IIYYbqVLCwO2Lg0TAFp/DGSm/DqYa3sRaZbAx8dfxF1eIh2HiW70r
DLj9kAMT0PqLg5nEGBOUcCJlqylX42I4OPxAnWtkcn9MmFLWb1FKOCWTzFxy1i5QUJNJOu
rUYmJUNTKiJWN5CWQw2XEaLltbvc4X7TylQ3QVTXK8WE+6MoOV1D9EaWyPDI7HqShyr5xMO
iRJSkYKf6ltpPJioQVXs3FQteHMuarWjHOLlghQFaZZxoK3mIfrZGepd/8AJ2ITrNA9xyM2

4iwmTRElFdBsax1Ayqf6YOYMHbMenK2QLKKZc0KENzG+idRntLRj4l7/wAZHSsbE6YD9qmc
7liBiCot2eIwKzGIa8GWvDC2J3EcJ2p0wYKSicDuOlizTrGLAlo6IrWHRMsuvtlxkDM6OmP
63V6lIw4OowLbNxV3k6YNaoNsQ0ZWLJK+7R9I05nHMoDPJEIZqCt4y2Cej2TJ+2O56yV2kdK
pkR2UjoPMSr9KDM8yqoI5OBIYrbKgCxupaLxEgBWBzbG5wErcC/uoEhGj+2PZbuS9S6Oz2nU
IbopjkNXKr4ZPlj5LR++JWF3qY8FQbLQPuLgdrEGBrCYBshiGnuU7Vrl+NL1scQ8rLN9ywm5
oNov9RRQRrEASxcHq+2LSKyO4q50SjnnqWhKvRGRMBlfUJqASB0XDrTsHcWpBuOxDf2sFfc8Q
gDjxFC5XaHM6EWE7UF18JjVvEvGdwjGrmsErzwoLOp7hsHcwBAU+YuD9zIBM64IZdGKlyUS
oj/MfCNJXCyciXdEIHny6Tbm8MJeDEKbA6eUpApzniWXBwrlgd7jNFQ7BEwqCYepRI0MiQZ7
QgGWe5C+LggNzf8AyR6XbMYcbKn08zCNEBNCJmNWN9xvEzpj3nN0c+FnkYjzGehG9S59kHX/
ABihsoeZgroSzLjr7IA9ImRrCljHEHZncTpDdYi4mQAtzNjHcV4i3mlfVMY4tzKu5mLr1AO9
9vwkE/Ugn7L7UCorPV0uKwg5HBHIK+cwaoYn7Uv0vMswOHqAQ1B+efZQWGOIap5jE2E1EVh
VHI5qH1SmvHKKNAHiG6bhB5wjMphz0mYUBvcuIPVJQo5IcWxXlis3eJllace59YPulrx8s3
k0E1bBb28Eb51BCqz7nuxnZG6GRmJsGwMKNyE3DkOU7mHcaDgJSXWJIEqNiBTIrgZKnuIHjY
locomTY8VrzLVA4AXDmFwdyUKAZkK3LNgOIgQ+I6MjDFwJUWzjibHmWoBYT0nCPZiETCFpE6
wXB7HYkAwe0rQ8fCbxdS5xCJgSyhhswtEfkDMJ2I1zSYJwxJJZ5qBQbO5jRoRiApQSSXVDCa
2LJY144hrNfupf8Aysl9qwhVYJcZUrn14lgasm8T1479EwKOJmYvJV+DmKjINLyQuzxdApV
+ZQ7NS6Ki3ephAywrhdq2EZamvMqTFgX+Uvc5wbGGoP3FgzWAmD0e4TXBlr0RiXuYOF/4bML
2ovzLB8fiVrDb++IXq1f+AhQ1V4A0J6mRZl08r+piLyn71OTiUSsnHE/9kUCrU/XiMKvQCBD
mHjHgB7WBWU8GcAXMWR82pihbzLYZCXlg7KQ3rBxcQniFxn0pYLae6ElwV/ahtUXDF7WZg1
iwDWb4uBof3coPsGeGOxgwDD5Fyy5XMwnbflSL7ftQlajKjo/i5bU1KkSsCKbR9xGI6i1QzIE
y48lxg3Me8TPOCPQoVR/svp9Z4R2kV0Wj6Ki608b18x9jCtV1FbPFEKkKjVcuF6nA9S6Zk7Ob
wZahk39sbAzQ4AQ6RUP0mkvAdysNoIAahP2wRA+sDW37udAGZhQgp+FEdpPLhDxvjK/XGy6O
5IPsWN0oYHi+NiRd3W4im5SMIQ87Tf/GbdR4gLehm/kiTMPbBMAviBC3DzWYX27woyENSrktq
UCa9HMtMpz4qbwf+RnXHNDsgNXNVXYwgIPIJ2pwJDj2bU9FzL1woRjzBgUmDg86CHlnJD8Y1
kLEy6WYKheSo5QIY8EXblmUin7RoCOB4lrO5DVA2WuYod4qJ8hGar6B5gUpF3tBbiO7OBcQt
dwx08piV1FKzZmJ/4SalzHsDB0RsU7ph4hhiwHEazio/FtofChIjCBv0NQL4M/LH4qhau/E
/enBFE0LWJd+ywn2pKF2Nvf1BUqfZ7nl7rEbKnrRnMe5U2XJKGDFiDVvh99yICC4bZdcox2FL
qkThV5FzxWniItujxFGwdAhj+JqM0VaY8cqURtzgyu3CasvXqpDAYSTeSbZK3cqP1YL2qg2M
N9xqEMdErc5MVKlkqfQNV/UzD+8vnrN/AYp20QCR16iOF5grghA/CkGJueblUwguHmAuC5G
4FDyIpbILX5kPKcoKi2TFN3/ACHiF06bhBPRqKWp+ZajhxY54+Kbmtugggrxlu4je4zOdglw
X4zNp4QxgO7g9a0ztTB1cpqTE2Cix7MF24C3biVIOdR0MubYmLhEF/ZDL3BuszJEF/KPNI
8VVtqD4A8TurHRG1UnqFxlgyne7vdlaqvcN8dqEEEmROV0w3CFKIQpF4c8xAt2E8yAbhCFzEE
ZVFMS4oxfEuk2bDiVsituiVykN+YV60V7CdOYjZWOCK3i2pAtWnxBgEG54kX0IAJK/0lfM
k0LLMO+eEti1mOCMBC+pZqTzNAn3Mluw3zCe3lhuB74OQCa5mENRgGvEiENai49FAULL11DT
6jaHxxMIEPZK3nMmJst5qYjIndrSc+4frMsgVwwpeeFzDIRO4utmYnu7uNtTgLzHfx6JbKt
wRRZ4ioay8VHfWvLDiYHtIBx+Z1n5jtnmK8LDcZ5gl/kqmTc3luMGOLmzKPNS3kG+avBMBc+
5b6w6iUil/KO4S95YqLowghyis/zgstOSWLze52iAmTXzNrOSiLyXDSaBuEoHoUKCMvGJkr5
2sWeXwjNkV7Spg56ioJqv5MxqmkomqwXuWm7hVHOof7gPPd0DuMlbCw8xzSADY9QB0/TG97dM
EYulSW++WHxK1fLMLFSyJpWcNBle3UPEMG8+5iPUp7UdZq3/AFLO20HHmUKrxeYfsTp3mdS8
xV0fqLWS4Bw+2co/SchUeUWf+WnLT7RP+jM23d2R2q3xRCwRThe1iPl6sc2t7x8TXhY9ssGt
dTcHzGK2WW3kfwmxrBWJcXJqJNn5Jf7X1xK9GMFuLmQAeHEZAuncyRqdLUH1llvyUiLyk1h
Y9b1TIDlcQ1uCrBLPla1M6jRM7umZxmu2YIVrtwB9huMMzqZLd/DmRxSn1LDVe17gFLs/wCh
Eeje/APyQx2QZadJk6JaLkYjxx9xOyEhxAsthUZ7pj0ZnF5UDB8fdfhbvImML48rogAcoJ
mzw19qUaGo0RJR7PTACdG0htmeoUzXu8o2kPaw/ZRiSV0AeMw518YnCh2uJInqoQsP3LdXfV
EQKfMsUgZmAaNWzWFehEOo04q5YXGBFGC5ckhS1iC1LcpwwtEnjzCXS/1CB/sYWiCaEXR3O
2o6hX+stOTgCYND4lkgOiuQC12jK2qffBLQNIa86ito52N3L/wDCaHqZDA1DUVhzZFfCh6qx
ZG+Ysy94Z+FuvxHh3y8pyhKOCiKuKbee4pNyNLmBvIMOC0Rnw9sbIKcz6VqIFdyq+k/SI5y
Spf3Jn3E6ECyith/uJR7q4i+1d/+cxPALjGS+wQivTKdESKL5h3Q4kbsxq2fhCgtDhn6tlo
ap5Z+IEaLHCo+LgvGflBio8/8JknfGCFmncsELk41LZUC7jkQ1WoPTYwzM/GQO0ETkfkF5Ru
zC26l2llRemuIVYFwazTZM9ejzKIUhjsjBb5eZaELR0T5cw8oeYLQINFQALd3UazLy1KEdN
nKkRZG81Clbyk1AQBmoUIK9QYAtTJMa5K9xplGXhLDd8aShdCQDoBHEfjzDBdykU+65jH4Id
CuLPETKx0Zn3o/gyGhX0RTnepgnslMP+ubr7niSGXb0TL8XAXcJADnlcMtBIKfiJFw5JwF8O
ZiM5R0b73UT3fZG9WTm5YAflubKX4qoGD6ooXT6g2wPciQHGYEKeQxLbBkjsieMQK7faxKDB
ozWIMxY665YVhRAXe8wqPSKG11YferWxi5pMvedymRvECfkYd2mhLlaTzGuRH9wgNmkijVqv
aWb9kGuoVrBik5chbwQF01sxHXAd4RwbNiS3zZRN+IZN2zDi2aQldVeJ2Rzm4LDqGQ5llSgZrcrS
AIRG70/mehQCSQKqMqhU0FBEG+fiDdpuUFYon6y/Ac4RLSTcVvDC4TF6mGK+Y0qeXK31Mn+0RV
yH7RMMyhFaZOCBVjUqQ2XkMC01WcMwoLnUqjg09TPWoi01Jtn+SYD/uhdl+1jQxhySnUUI5t1
HoTLzCirRKYDES1EH3Oqj1AfKMYAPyRkktli3RBIYIW/wCyi7weEr7+jDYR8EDUs5JaO0uv
PFx+pThVVdxhHS58SgLPkpaeVK2SBqvMDP66RFX7Mza/ulGcVqss0XM4UXGcPBoPJFQvP90Y
XYTkoITlwEXLP3nUdaYC/Ms+tdzKfUSjyvc8SbVkmDD6ZqIcXPoLc/qOvXID0PLMxU8jY+
QQzPuI8kHBSPoek2oW0I0supp24vQiVTysioG0nmOwYLXJKZH5X5nPI7Y2biLByVjmB0KV73
HziqH2HEuy3zUdcV4OKIRf5CLPD3L3+8PpkP9oTLhOuZesPgmYthH9x4ISFH1grXnd+ktuH

Dm/c3HFwK8EyBNrMLwUS+jg5R4YwQe2YQCpjpYcYtSUG1RLD+6VgCe6N2vmPwBQCZbQ8v1L
29GtIgw57trQZcpBpGPQc4hd1ShvEsutmeyAYaMrvzBLEb/IOzdrDlyGJevO3AUQAJt4Yobz
7gJgMzp9DFuGih9n4Ivb339SLg/GUTWCWqfRnN/70IY+dzz+JbN63Mgz2JNicy5TnTmIv8RE
E7q8+4jjFWUhgV3xO8bI/MDNrmCqEYB2iUj7VfCfcrCHjrOxNrD4IPX2sq5XZHVVeZjCe5y
x9Q5EvInWF33SHdnEWyMAwRsv8Dw5gKmh2ErgFt6iuFQR2IVJ0wS14mBn/45nn3zvzCGWjVR
HGJSQOSC/DTotwhMOguHBbejO7UF1y6IacZxBM3gwYpFSCoCYtzbkprp4Q1vAOYQGmULto
U4gn6m4zX1hCm1EdVPMNKv8AS1B5zO8okXY94zJMcYQP8Cwh7MWGE+B7DP5lhaLuzqGVQmWD
Ab6wbgonQIvtREJ2VsQzgH6nhJgSgOBmnwQWhyypRDcJJnwZjdm/LGyiinH3ybjHrCYF6dz0
QF3D2tnUIUjQtaDNsp3VV53DdjHHAWQRVZWUCLu1m5gQ141Nw2QiYrgITmxG7I7JkZcpOJ1c
1WuJVI20ZjXb2eIT9GwYnf3MJjyFZTMG/creIjbzAsueEVNZluUOEAJW5meUunRBur3H4H7
IBlmYSNJfjgh8hLKCztp+o5nv01E3RuV+CwI3BvDFcVrUQOAfpMmQ7SkwPsZloR+ZUYCNZT
PZD4f7i5vbqLuoCuZumA5AQWuNlMugtEokyuybkOYAFqidI9vcOOShtRS7S1icNPqO0h/GOn
JFhaeKBbL1BWrHWU6v8AFJn/AAmXwCHEjzKwi+Kh6GCH6nSy78yjBLjpCNOGBH7R3CER0pri
iFcP8mdoXwuoMYEL+0UG1E7OoXtFfVoxa3LgfoksL08QNHVxCm0wRc4hB9WcygpzLe5rIJVQ
3qETFZIDB5vc6h02zSqjBHliAOUEqgGBSbnYRXEMaI21xjldXG5D7Imwelhdmp5EZw3zVAC
V1Qn/MRgmj9zJwCLdkIwJb5oYb+oFlsLANinl47TuAWly0JQ5itGOJ3Ba66RsV6snqFh4iqH
4A7rNQ3yxSWY4QIui+IcO9Mwx2ctXFLtfMxQRBo+5kfoihzN8EvcownuViMG8kc+rD0S0XHF
48xCtzAMUY5kQEiQs+TyMsFvD8cYRHUxreW5wG+aHlmmaHEq88BaPzCHCoGLP3BcTH+nmAJ
o+p/xBiXzBcQUyJ7jctFF0r+oA5JhnA3MwaYDmYSruUYs9xooHMGLVXHouDscZv6JWuElj5/
pDpE8QyrpAfeIojzN1rSd3KSy3LU2dCc2Gv3Kw6Z1OA8pGupN+/qYwg4WC1pDbABGAe+YDun
jV3Nf3aZiLiYIW34IFyVma9u40KNk26E1pUF01G+xeRGA0PUWpyv8pgbthhcPwgKjvzKVdOi
aBgeLZXgykPinLpFFs01EGesNkCWWxd1Dad+cXD7EEsq/E8q8RD8zHu+YuzLyksOka/G1thq
8WV5jW16WP3GUX7KJGk1pPqJS66gdKqxUHQu+4niNvMuOYMpt3Bc/d4IJ0pjniIGUCZLBgF
fCXVczUMxWiWFsxpWiauaOfm1RW4OEDD6SUwBmYHm9JsKJzJQBRI4V0ztFxpPxoGneEOu8Z
fEX/AM8gDJLqv8sEyfAxrL/ImR+5g2cMuR1EyyqXupFr6dDplYtzyoG9yL2P2R08IBgiAfJN
IrvEzdDpgpt9R9q+kesA5eIVRL+YJtvJ69CO0OQFr6jHHQ2vmNgexxAR0NJsgb21C/aDJm5
1s8xCmSOwpfPwYSzDUY8MBqwa1GnuCNy8wXvcv1N4iF1M1LwwYXMRkDmGn1L8bjUcwN6tV1B
tFVUGyIeCdS9Sv8Asyu+wjdhRDDOsRhlWWNiBZSX9T7hKSB1Cyp+J/1GJpt8s/q8Sjv7+BbS
8s10+pXSFJUX34R5IIsghM9I2ypfhSNcZNGGuouJcR/E4ZDNUVv6M7b9RCaHScmV6uoDfTG
LAbxa5j/ABB5Zi1IePxn929Ryi6c4Lf6iGCI3hL9E2/9ZcW9nzzKhiJ6m5iURmC8TCDxA4S
3RGIJfu0Bq17VLtuwWOTZQ4+kXrKUrQZHiNXDS8EwaxK8wbFstPzCa/CNmx19JptExWCCGX0
TMD2M013maSeiPulSoNfdj4oPtTMNN1cXPUKmKv3BZAgaGwta4J5OZIECK1uCMlnkfmf/qR4
noD5S36v1KC9cHKltsM6eo9W93dsOmW92Et9WwkJ0fulZnMyBNQMdu9DUDEySYCoy4jKYwF
0LGeHmcJiu57ypqjdZnjXc8BDf8AM5DuGtdXK30tzMseZYqQ4jwAeomDDBYCT1ggSirX7gj
Kr3Myx8ptsyrdPuMPDD9y8yu4z2IjkQDY/MBIplOq/onseiJuzYXhcq3pLg4noJbRai25dYN
oq4keWoFSvnAS/hLkdKQxwO1ymisiZEcbZjgPMNznTC93qVzRjSyk12fArBPTMX6GOiRDUYVn
kvqJ18otQe9CLALwDLFAhjl7inr8ECYtlrOKTRRAnmzUIINxeY4dtDEVwQEMIT3iL6oyl4K
9RvwEbInqdAjRio7wgmzkA2qJaHRC7ZHRf7h5oW4S3cD3gET7CU5jmhKB4lvDFhMFp5va9Ss
I4hqPLDLdrFypValaJvGB+/i5bgl03CLLMGpWufkJUDjfuNQ4OAhJPYUoolX4IKxdDL+HpM
NtBMLadsTRdWUJ+gmVipeDKer56ln+yK993cq4Jc2Jo2VSMVWmpVReWmj/5kJaFlfFksldy
zt3LDLWAJoidM9IT/wAkZ/oidGSUDGxhO2cmqNeWz0ZXiMTRKd1OIJ5okS8QaKjUNTyQ5f2s
tWLFeyJepFUEEiGyhLMH4IS6X1MjETzytDOPb2bipI6iBHhJZMwptA9yti8KGmKm+uOEZ3F
HFhmfGjNsaRrD5mqPpferiDwxwX5iLalsYVgb8zPq4MR2QMyyvDXh6lOE+kLvgS2TCP2gCf3
j1WfmBmz0mR1E38bQ194jMEfSDxjck/EAx0CXeH4UFzPLLzeRZUFJsa6Rdf15/OARKhXyju
IdO4JUoYaU3R9lhrJ6GZD0xP9Lh/aTCgi8Eo69tpigPtP+CmDtAefyZeMOA2z0sY4mAmpp9cy
+q5zKEGujGcTDWZFM5EugpM0NVLUkRfMA1SDcL1Aqd9zbeUvqYZOIh0MzK8TNQTG+wzGW3Rm
MD2wHTKjZCaENEo/Jl/CobuheRLhiE8rszZXSMgB5xvDecMw1V0wOxPDCZSO4KVuasniPyEy
PaGvCoHDTWIXGAXUC4zUK4np8D4kRxH6YpLF5gnD8RF/k7iGle2y4VF6I1aebJU5iUovE5
r6Thv8zgT3PrycEKlxQU0p6j5y+ZTsiFyhTi6Hs4mJWoS5fvepQafeWHBY6iwO9Q0rGOIc/J
Fj+GqJ+6WvHMx5MyqvNR+78Rbk/a2Wap3s+iWsmoeUs6tEtJBdOhl2YgpgmEqcLGIZ7lo/Qo
4uTi4551yeZ+ZamV9W/AXOqRzKwzzmKEK8xeYszBmGy/JKUL5KZ235g2RLJTuNWAf6SXwr4h
Iv2IFV9Ywrm34YfdAaWViG/hx/BfKTTE+q+/UCmxE4MQESwepRr81lhchLnNU8bIFxLGkSFx
fFetRLyfeUevNbIKF5gG4dRtKBMbvljZjO24UEirlmuCLK9YNYfm0ITrDGMXZCrP4LjGCXBEN
vmH4cadtXJKlcdHMXpXviapPcJSYxBY3c0inVMO5rCo2umQ9Zif7CE8pOmJbr8RELPKie1iG
Gu4Ow/ubAni8tLUGcC53gxinZK+h9ReweFiBX7DLnMf43FAXgDs7jrCein4R8EeR6ggeRBUItar
uCdfl5Ykr5YuYajFrXRGPM0je2pb3zP2ExXiMP8S9y9Q9yg2CPU2IHMz0eozb43jEpH6pKqo
dRU7YLaE+S38RGsRkHfESb+DiFkYcML2wQPJ7lb9fBjniXALknBK9SsYe0M8INZF7gSvsj+
4RE869TS/AjwD6wy0+o0xs8xqRUs/hcv4X4xHxDfa5QncJ5J+YBCDIcZm09tyqtFzn8LjqDS
qCJcsixPwUSYdLurlhOOrIuf3jkmjhJYcwk3GnMsBzBx00EFwHqW4hiwFhTg+4CiB11Aor3J
4MpTZkwGU11JTj3Rp8Y6iZmsmHbw8MB0Iab0RyS8QvI8RqD4511kZ7i1W2Oc/ILZnXNRZp+k
6SATJ+1gKyj3Ktq/M2S618D4qPwuLB1x3S6GXHMFRLY5Ja2PGKxiZMs1MB6G8aYF+phBCYM/
ghWN0IvhqWg5UC7G+yKHl4d4nOiOQWUguYQ3qYy2w74mjQSLc/amX9xPd+ZahHCd4nGpJeq
IBgnaXUPdh2QkqhXrECRWNzESQ2g9wS5nUaZu4zEvpaNPETrF8wLRNdXpp95XwqlljqVHLq

PMIBXyTYynBNurkIIKT8JNlzx2DM2E185R5enfolGCeD7IAAsAgLnlwg/hH11GiJ3ON/UqP
UM1TDV/4fhljMeT+pgL+kXr29Qm5Jr4OXFZskKoffKaRpVl6YmlICxx4mfM73iV3zCzqimjF
DLBO68MQbPRMSwwF+qFYx6QHfPTNK+WfzX19k2VPwRir/JCVw6dRuWSxaXDLweJsoWjGZfpg
VA90wDLxKzVxVzuCrMqFqF0SMLWgle0OGkLUKEXpo9kEMr9xvCeIcy3G8uzOqm08KXftgpwz
pS+ByVMR9T9x7mVcdYAlTpXv/AHBnahtlx8FJSUIISbStolnhgfhWPoykvknlS3Zcp/5QKixL
hjDH5pdsCKWrL1SKDGxDGUE5/GG2epqLfq08Uuzr1LHvls0I/Nzwj4nHWdxS9S6Ioxp2RbAM
3lzcMnTmoGC+c0lnViOsNWXCTvE7TEmpdzmcxgGoQRht+MT1CPEV1kjmSwXwqEuPeDtlNXh
qKSByw23nzyZj9bMFGPX8HD+EV7+C2KwbJM5VTUrmT4CxiZiRG5VmZy9RTHpXOG28RXXAl/
dYcpEK7PUFQR7h1BFd/il7BgFljl+AMXz8jcxvuJml6mdVwHmB0RllsmKY2iQFjxcVOZd7nS
cAjOVxDEysV2TPgYJpUwzMPgtzFrcA7QNFfqLxDpTEVPKgAYJxhAIQTzKkpjIRfCf8A8MR3
ffkITUrfmcTi4VTkidmYDu+ie2yFe75gY/EIQWYmb15CNWmXpjLkMD1JK/MbNILccIN5bZjz
DwD1cY3hG5a/Eoyvk3Ke3IRMy8KbbWJSBKWzAyeg3Nz8K7joKCnAmwu4Bc0o06jcvPqc8w4q
S3hH0YItZ0oq7YqPiuRfMhQJRxKXqMX/AAMTD5D5uWy2Wy5TuJziDYY/JXMzrHBJSq3TkhLC
dtMwfXDB6X2MuWhXKTTkbtvgS9+WxNLI2s4ST/9WOqQBnJ3k7YhwwfFGM3eJjUitxKtA+ZR
3UWP0GZvsgSzuMKuPlzSirEtBDxiF+SKLckbZvM1e8MFNkMzSbi35OoHcqVKiRw+DFPBKfgK
/gy4suXL+EjAflrtLR8UBJ4ZUW+0/wAngZYru1+SAJPCoeU7meKYOJfw/FHDmcdTHN7g3FMA
0EGjxEanlrxZcuXLlzN2Npc/KScxSOUPEYjczhTAuXgRGKOKI+sof8fws4SJkuLfUAXEbMfl
IE8JUqPxUSJC2ia/iQg1KYBM6lmmo9K4QHHLOCV0I/C4sLdS5cX4vFG5Ur5w7jITqPX6iM0d
tRTC08ypUqV8pCNl3mHWZVswKuBKkgD+FK+B/wDwGYf45zCRiSppDHmLa+GLzEd8TctcDagS
oVzB2waeJxd4gVMGeJX54h05hnyh7qt/Cy/hlGLgxbhUMipa8twVxtlt8MvjiVH4fgs18c/L
+qJrqZZT1/8AzT+LoP4LFn45l/F0xE2Qwy7iV8X4g0F51XDLqjiCZG4O85i/mX3L6jFl/C/i
5cGyalCpiCVpIunHxrc4moyvj/h+T/AP0qEFcx+AqnXKfiZb8MK+MV84w8z/sFpKTq2p4T
INKnh2IJSG0WLL+H+N4hWnELcM5fivg5UnEu5zuLCXfqPxx+IoJFsd/B8X/AacOjB8ahdbq
a/AfoV8a3qMoqB5jT+FrI3H91FL6hUo4cxh8L+H5TmY5amUffxQRdBtiLYM+sk5o/Gqih7j
KwZgBUxtHsfDZNMfPuY8h7nV+af+wg9D9yytSlzibfGguEv+LwNto/GDUzIXbPwwEcSxmOu/
jcpHqpx7ZR/sqm478S7o5YUs2HRLK8MyHSMpGYsC8T3Emog8QDGIhpqBgCd6I+puctbqAG8w
6Czzm8MrOpWJ1Hc3CuotnDk7mB5u+JjMrqYcYjd+IizNiDS2j5GeP5JSBZjzEr2/hfwfFBxL
+KleluAXP2jAnSkzhyZufU/FKI1c7/UvGJRm2NEThMc3AOYleEcy6FbINX+EAYJ+S5WGiYXO
CU0Y9cTcdGG16YxsjuXbl4jTiPWCXkMbepjd7TjgVNFf1Btgh1cujG0Xsd3C1PFLaNXePgVt
Adxxvcd/Di5jqWpreyARwkuIQcIdpcv8x8splivFTiHiV4ZzKWU/AU3LJmWT8S9GNlGxNeJ
gQwOYJepfWpmbobHSp+0uWQpqdHJOa0dTldkcZHPUUVqUJNQsqvMwmIEZ9Sn3KN1MdQsly1K
5wtXFwfsRxnVbjupTLv8A0i7jInMCqG54YgKjwltu4umW0Yg5hkK3/D6y9dzt7hRkSNYE6YiZ
cf8ASoiqMxNfEupTLv8A0i7jInMCqG54YgKjwltu4umW0Yg5hkK3/D6y9dzt7hRkSNYE6YiZ
UlBxCkip8RY0P1ClwheS1cGxblLAKzmJD8JbmxqDdtUt8gnESA5ILRUebMcFFZRQnOo+v0B
Py/NJ7UFgmMbz7llkXM8EXqdllIRQZ+CPvMhJYtcvGEmHmVsuYEbzHXUxxL/co43DOYDO4t
GYZeksrDLirj+5ehdmIqqc4abjuo2Zh4Y3TIWW8zEDxL/n4XLHeNTN4LYsF56lQsneIDkM9M
5Y9oLkDjHXWco4mE2WOUROaHEW1lb5SUVC14VGISsc8TohqMLqFgK6YxfnstftEDOA/eZsof
YBHEcS+20z9oKDK+ItNIwewZKNnpMouMFx/iVGN2dfu4M6W4S80FISA3GQcjrctHhepb9Q
NQMturnmf5BuXmoy22ORm0/QwJtjmCihS/SZiB50KUmXnErbvWIPcFNwjmP3cyYUbiXXcVwa
hoC7pSNR3mXBDcuoMQANV1MNSu5Z26I3bYRkcsLgZTpthRNHXA9Iko1reZryjSu+oG3DcAlu
WHMxhODTHVGjx5huLizEHXKOjDqZJdjpCMADzuYdJd1cDDyATJARbeYkod0Td5WahgqY8/F
Dgi+JeniXXtBNtZdOTYldvgDjhKEVHbA0g5l2HwB7JlvQY7IPcAE8wGb5RFknZCtVOg7Es1q
6GKpsvbObOYA8nExu4ZYGGQ/MEbDiKKrqfDOxsZ0Avqa3xN3UDTaVgD7ncEl3EHwfcz0LMBV
DLs40Q0ALR0Oyxzj1sSgbPeEyavwibWARzAYh2yjOeIy5TdypqVcqCvEHbmbmgvM48zobnRu
MXue/f3LnHx5nGZcOC+E4wPUWn7ivUyLFZuYizDu8W0kpgE/EKMfmjVUA7zDWcyszEPfitS
gYG3FV1Lp9xajXNQgOS3glim8xVuuJWlWDEHcaPuNA2wULbgvax2y3YHHmXYDeYWI2Jlqo/U
SWou45sB1cogoNEosAcaiETA4m9LguK7tptZelVpCpsy+H7uKMyphmLjn8AS5cDuXGYoqP
YrxPydzlc9Qctkozmk3bFL1AIPZHEELzEjHE4czFXdxFXzNN4l/6UUvkBotGICp50kdguGyD
0x7D7VGVA4SZB8dxpg58xpQIiwWEprA9xxd2zZj0zTtFfqLV8wQcSwq1cQb+5gGYy4dEM1eC
CGSWMGRQsbaYeZno4MUCv6JUrKOfMZYESYwYxPYEBmxPbqYrViwaHG54AnK/zEFOjujAh75
EKSpvLLq5dZIAqB9S8oal0ldY1N7lamYXXJLdImpXqZFwPkwsGT7imlLHjFsTgMXKJ5Ch9k
rGb8R4LmoPNVAyle0imkUoCXFXRFARD5iHv5M5b/AHBBZN8xyzgaqPUkom8EAHVcXAcJLKSZ
9I3ZokysRtJhhBM28QtekvCyTsbctJJeoLS3oJh6obWH6lS3gvdfMs2l0JLcrHBFNYrXB6md
dfDTELrlLjsr841gssp3LQ40utx4o8p+KYe2JdsYy5C5vEcrG6YKrwaYg5DKiGLOJOYluQo
8YMIxvCwxcsX55nwJBrtk3FGWMLQ34Jrses0j8AyqCLDQJcppmIe4lkQ4YEWZc14g3K8MrkY
dXMmt0XL8gqaQNHHDt9kY39kNpRZAqUjjH5JTAt0ZuA2k/pxATBfhOdqJ33eoleKuzBvMvC
58lht+4TdoKvtyJHTD44l7VQ2u8JUg5hg1Ds5itCdv6gFrwxBQY41HC1Pgg2Fc8xDg7yghw
Qobnj8LqceY1IWphDncHGuh14TkmiBw5gFT/APZg5faejjiPpBEKPMw+TUvNt8Qw+EzZRWCw
5uuCZIOSKqXiOZR3ink3cz+JqIKIguVEwMdS1eYwldqoE0e2ZIQNykghoBguCDZKdr1MOiAo
vLxChX5RHRac+OZdQ1k/Ms8SOILTUG/Mt7p4UAvpQsvA8HEUKzXzGhNZnZt3DewqbxUSuD4L
Uv4X3FzL0+0u8XKUOxomTuCIorXRL1+aJg4mMN4og0h3FZmtG2EcX1HNDIuYxw9TkW2ROut3
GHFcocEPMxWLZc17LhgZTqJlaD8UxS1uJu3GqXoHERANXKMSuJmO0tUqUUgDDC7m6bWVVXUB
gNs31Kak4EIEvjECu8wsIrpEQozxqZm7C7hECjyTnd5Jd8iXhkIyuX1AcMHAcTeqg5Zi/L

WV4sYPborMRRUgrPOSFYXxKq+0SITHKlw5LcRSyPSPLj4WNsQU3HMH9QplPoJUDiUaJNJK3G
EosZV3ZqUUSLJtamMCogtuOBwc1Aa0hC7cBrp3GuWS7h09GW8RNRmJkIUWHUaMt2gAmiKNPB
B4rdRhXeh0XWx5TFo9PMVYAWi6GuozR03DBH2RdfeyBDckSwel0wwMmue33MgIdNhlignjxM
AKXMqa1rUJaLWQ5j5Fygr8wpjSYuAVTMoArZa3LlgXmPwMumOAF7qI2qo+QsimVTLvMviFw
IAdFu0YvPErEAA5eGci46JwxuOUJ3WazBHKqNp4ZiFV8Ma0zAQzBhYuMa3Cml5bjuROiOLn5
OY4cdENVhJLkK1nEHdCXyREypZ3CFBhMDiBrFuZf7m6vUDQFmITJ2Mps2oh6OpkzvWZmUiuD
T20aZ3Pgw7tHmU7ZJeIIAucKZi3gfKUot6IdM6RGMXMrfGpRpt6I4inCDWdwtp+zGeC6ZY
51DCOnuI48Ph9dgVNpxKXmyDCdGyGJXHuLYw4n5pUs9Q4Vmb1yokfumdCljZy09SpECVhXX
KfFmmpkqx5ytwQEmFeojKtcxdDK8+twLSpsZup6TVTS0hy9hxcATdV1K9BcJArH2QQGOHV
iUyoGWyK9Q9OCJ0PyjGQW1AMPgEKyaNiwoGyL3Z0xBuK+GZYk5SPE3rEKds9pZ5+YYrz28x0
XwZlKLgahAbbggVugNxSV8ymWcKlZbmbHs4irKVMYCIJJOVE1yCb1Hxz4llzkjVVoYmKtnH
wOE4YjNCZ8x0l2gyrSZTKe6JtiWrL9RljpIduVK5bRTRolqZyuNpKusxx8BdVM8IbDE5RsiQ
LliYbljCwRmGi5HUuU/MrGExusyT9TsHIMyfiJvtWIFqTobIZITglO941I2AbiBZ8vEAAUY
Y23utzF1eJfBi71UKaCiNe+b1LgzwwC+5XQcZpb05igDQEEv+3F2r3glF/aiAcOIidMDqJKL
wWw1ErrMJ50mRN46sZEVXNR6B7M5FYEPiiThuo0E1pwOYswTdTb0Qwb6jBghGMnXqporx1Gy
b9RKM7Qc4YhybS5eO1nVqPAwQQFL4nQz3Ld9zEYPMrlWXUDZLBZazUJ8ZFKO6UvSwwn6YcKo
iEMu6jcw3L3E6KCFmdwYgenEugPKIer8X1MGqZthnZHRkhquO4LCxqtUhbAOPUexG8fWVwFH
cxQR8VGIYQKDVYLir3c0H0RRw4eItbOLAW64ZXJEath9MN5VjWpZgkFOYZ9wHfiQHdfJKcSs
fHrcIWW1SRHiy9zIqIdAFKVbUOTOEQY1xLVi5R3UOR9YhljZfPwwYJRM3VR7IziwiLZ8XA/C
ZJskpkhhu7eZ4/nG+dWLge0B1DBuS8AjuF5wwY/4hU8zGll8kYOVVxzVJW7S2IDBZiuoZkK5
cS2Kwm21RLxalQgVWrfXc52siXe424zUadwW5aMZ517/wAlmiNSNcQoSycbplNg5Llh+bzA
bFh4laMSYSn1mCqVdTQLXxG1URjfsfKkbrV1qG9vNL2c1BOjC7UW9OOowqs3mf/aAAwDAQAC
AAMAAAQh2j67Kej+be/HX2yGy/6DiCWWasiQskhIUMDdbKMDKpZzBsHa+qai6O+iSqa4Qaa
d19xZ4mRV742LzIPE96iyammiGem1JF4vBzFV8R9t9jFhIOYpsTKseeiCq2uyKmlitVZrsM
GVZVvxBZ1RDI9B8UhoFPrFDsIJ4pdcCqHlzdRdwrfvzFT9/XrjxdlfJfmCOef35p/FTm3uT
EqzHrbr3ntVzDnZFRITmWjhUWey2alyO9Myr0B1thh/dhJx99tf/AMw8aZdzoHWDsUggZWbV
WacfYXfcZbZIRU+3829zUZeQEVeQe9Tkq6PmQTSVaRwFU0+3w6y7/VQ6ghpsvL3uZskDPfx
XafbRbcZcZ1QT90SYTy8soorJq4xes/CNUYTQYaxZTcedabQQ3db9Yae+uqlpRd1Wk8MPcSUX
dbVQWfcaSa14wqz3/wAscftRIVeSeci310dvnE0U20nGEIUvtRu/5OnYL/BlmfYaLv3nHtW3
X2km2MW13mPv62Ut9MPafNxVO23bLW1s9O8Vl/ftl3IXnNOO2+fqsxM7hVnAHNdCFgNcO9F
u+PW0fUmovbZermGnU7zvdUtt+0C5+X91WPu/sUF2k0cFWU01H0GF5TNJuXParOUFEH1fcP
titUuW9E3011/wAFvz0Rk3eN6zt8tP5IZHD5fX5FIHfzV97RuLFnqao9JQdCysAf5fKpj77hJ
dVN9xR1fBo+zyTc7GgxxpBnLWqg1x5Bf/wB7eUWQaR2V32fy0V44I9Y7SYVnij0ACWtd2wbf
a0TeWwdx90RQYVvVdcATcfwhLqYAP1SdWbaed2S4daVc39/X4ZTYaaTxZy+pMRAB8UUQZ10bb
aT2WbU4yRb7eT+RVWcWY0mubBIRRSetaUyUtB77fbTcXQ0SZZ+e40VR7msTCf8ee2RfR9TZW
/wBUGNP30uGW2t0iJVXQbfOKHIkV0H3nlm3OveUHM9E2uk+cU1Ulte7sXhm3VGE1ml1UIO+
11V8fP1vvH8NMMHGVIIWVVFH00Fn1E1InP18m3nWtM+udWeMX+nWkknmk0EW1nkl1kduekuEE
M3v2U90dfuUEHWVW2U6tnWt9+tEWWVleXkk2XUw3dHMMP0MvFU1Xn8IXnVV0EIIIXHn/AJII
jri5z1ZFFrJftt1JGbdnJBjDppdFZ3pJpxVRjTIFVzh7Bldt99B/LX5xNdVZ9dP1t1DW1Bdp
N9rLFnhtvR51BrKT/ZtdfnBJVDzrJV60J57XHzjV1pJIVlh5lchPp1FNJ1NjNhr9JiGd5ldT
5IHZH3vR3PZBhyaZJNRF5dBtVpySgCvbpthZhrZjfv8A3QceTSeWTdrZZQeeZXbcwWwEwbzw
a4VRcx71z1cSY5YbabWfYaawDRQW7cx4fVaa2cSeV50xzdwtUUYTR5fTSVQWfbcQ482y5XQRy
UQccYvX38da1Haa86SVZeVb0247y12Y4fwwdBUdSVXXx7WdZbbQQYcdyY18yv5y434zdWUQR
ebbT858Uaacdecfb32Uf814o6x/y2xo7bbfUceZcW79+defUa7wYfWY98ybCU+9XRiwTYTds
cQZyTXVeRST5UyW2+1//AM9GHHUWF07J2VHHXkWmkAVfddt8f9p/tv2snNvVVkXG08nGuk2
kX3jSUWEcOv2+9dfNf8AXDrZrDdBnVpPtZJ51ZZxJNVN7xfXb/7TrzbTPvlJdt9phBtJZFx
BxhFppt/bXrv7zzL/TDDfjL5FNb99ldVVIEdR9ZBfRfHLPrfnlBD7VbnHd9ZNZpJJR7Da6
3FdVJ39Dr7zPHPTp7vnnHvNxFNi9RhNDgsue9pF5tdzVBz37r5/f3zFZRdBdJJdp15mSG2uG
5ZN73f7jznBhfbn3Br1ZZF5NZ9dPD/5Rz/d9xpzbz7DLHH5n11/pPntNZN9RJjHXHDHIVhpF
17fbfL3fPfnpxZRphd1511Z5FVpJz/8AUYZTUZ5740SRQWXXXURcUdaZeUdafdZWUQdYUUVc
X3wYYQYfQwfyfYQYQXYXffYfffYYYYQXXQf/8QAIbEAAQQCAwEBAQAAAAAAAAAAAAQAQE
UAgMDFBUBGwIf/aAAgBAwEBPxBpx7YsNjqQgixrDZKPLTRJQeXOiUn86RqjUMJyLBpU6p3QocMB
fjKFCI8Pm4cSv6gjbLmzxmcce8IpyuUPEKIDMKFFrtjkKR0nPPcIcIUMGOgMEastOkKEEFAD
nwIQY1ShtKigMoYYDnOKfTywwHOJc1p2nwidAZSx4p+YFaNorTUHhi6Kxu84wioqnbGyK8/jA
+PNqVOfOlprzqH5fHwfP4n/AP/EAB8RAAIDAQEBAQEBAQAAAAAAAAAABABAgMEBBMSFQYP/a
AAGBAgEBPxB6diO10cHJU48j87PuaME/aH5f86ilxVqlRig7KJeJ8VIUIbFLKiiitQxdRYow
QmOOD+wi3HHHHR4vCyg6EORF6HY4OHynlGnQ6Hi47VDi/E48mh7FPyERWYP8ABNDzihl38oaP
lOhv7D4TWNdiR7Dlx+FWtCvsPjx8FFxGjFFwXl+w2fK7EOvsPIVHJswWcC34Dk2YKORgcTo2
KNKG3kILHkNmCjr5Y8s8PzA8h4/aM+++c5WDX2vsVns8GLKs5fhPgVlGyMjBy9PDg6GxQghj
6mhYoQ9Bg+lUOB5G1Tj7nBjp+NU8O1DBFPulG6XhEMAIy8qCE8zHHwMGVCNroYvAR6V/pvqK
WgOjpdDBk00K8Rs5HQ4UWBDh2PA8rouQ5u15hFT2YrHiUVDs+5/6k+NcX5n4HYccfR5fuGV4
j3ef7jT9S2Yf8L/xAAAnEAEAAgICAgICAgMBAQAAAAABABEhMUFRYXGBkaGxwdEQ4fDxIP/a
AAGBAQABPxAF9QuUUyDsA2HUwA8SgZMqR8Fy0x2Apcp0OtF47m27yfhRiDnWnL2TV8C74JQA

JggtEtMk81K1A0zKYDy24BQHF3EZmjG2XCvC5IQmksE1PZA1rhbx1Fz2Acdsthat2P4G4dY
kS1fZHu1tVDyQL2i7bPEHW1+2BEDdK510zGi4Iw9kbzKpHahY1Nq3dsIYHALHULlmbFgL8sR
Fwe8wLHg2RSBZILZcspkBSbNbJHUSot9xV2PlnHd+4DtfbE1J95xCQTxFIS0UDIsPSCQ15pb
lLn4GYNv3i3ZfbF60PLEeqp0Oo4xPCx1C+Ll9zaRxBcG4FqA3U7LEFObtWIQXS5hQV7jMCD2
yjf3sWP8rFKvvYXVnZgraXRG7VfcB2vtgMIPKytkInM3+Ro3eWNE26lBIZ8VMSxdYggQ2GyJ
SbO5SG2A7R0v6JzCD5Xj5IpABXYx6SMuyemIggftMBukMGo2mRjMkJtDlKW56puWZ5eZXfTE
xQ2oA7j8F1p3WYxiAbGF21NP8ylwZfde+YWAik9xsrVz6JJZfpLoo+I/ZwM0vibIGnqWQPG9
QwuXANx9S8kJWDWwBlWIIwI5JpQK5gFgrMRVW2WFmZbJMxVYFQME+3cFrddhmHRj2rK+4IF
AB4i63ArFj+mywlYXozURrG+XLAgGt5mecnRimT+CHauvKU33+JVSvZrFqYhgveOTU4JUENK
ENBZUoV5hb7lVuXnE0nfcMdfyzqWEClzZFrX15YaBvmYQEL4iFbNtOIpnXKO5a18xAqKEG5c
YQQHD/EsiTacJBwFNvHxDpJ0NMwlWfXEDK3mWCrcMSrVctumItsMIBBDJniMqstRvDk5uW9X
caxxBz6l0GHEG+V5nxLCSNtfKcmNE4jjAdoG6p2MGaDwamf9aLLmrKAQsB6eYdFbMXuXwva2
BwW8xHZcepHuNPDbeQB8QfTgOj3G0qNHAEUsp0opZ28wvj8xQUOztlg1HV9nxPIxF3HTVws5
UchgrXd7VH1lsxuTEArRXUdJu88y6pru3iFAhfFSyrwxE1Rp3FLjgKIXFEXmI0H+B7hSGG7i
LR5IO+NatXfE2GG+Mb+h4HEF8pAjiURhWcpZaJx1AHsUEJ0R1bmAh129y/IS9bU75JUsErUf
bxGu0bP4ilQ74yXjS+BCLRwuDjLQpCrHaIYDjBDjhiG8JxCVpR1Lv4l6F5DmWGjDRHmWpa1Z
qolnFgEPkhKnuF3E0vwkzbsYU/HmA7f9pYgsRub8lhTgYoyNlslBysYQcU7fUcstubMQAAB
wQLY11HwPnxHAj4w4has8cEOOPMo1I9LuK0mnyja2IXtliyumV7B7S5ETi4Dx8QqZ33KSKkj
DO8IwcTT3CryPJECqpkFVZFOagRo/wCBqDi4izslqHJ5LEgzL4jAGOkuverk3Pn2YKFRcrFo
b3XQdx/wWj3H6BocS442fEUtTAIhrYBjtgVY5XDa+eBCF6nz6jKx5Lfg8Rr3U68iZOPWcSCF
BMEEVVL+IhWUS2Rg2Qs1EwGSNeeFzGAJ7ucGDNEceq+IOJhcx0iu4VDB4eoAIC0otXqGIFnh
SwXjviFCoCewDgE3Uw4pK+55WpVNSr8OpRhnb6ha+fc6loN4QA1cobYXKyp45jONR3licKr
b3ELZdrDjEtYlbWHaKg34VgaUuuIALDzVEMRB7ZjA6sMQK4MW5IVRkXhlaUIPUAX9MuUh4gW
6lYqHbLeu3qOifS3n/LR8QpT2SpbuSmeZmGHhxZLhrgLs/8AYMAK+iBWQBWA4uaMUQywOjtk
zUYQsc6ZaBPZxAdnHwI1B8XMHBN3xH1AkOa4hEY7OoeipuxgSuGmnyGZDPquAiAtr29Rbj
k/Sa1G57qNt23ExN4IpX0uXIA7SzAfKEXj+kLhcMTFkOnMrle7PMRaOrZVQF4LSGD1EsqtZb
YtcEEeOK8+oij0VUZYeYCyoHCywtH5gAOCV7iFZ1zGzAhaHfDpGFPbFh85QppWnqKEVeLxK1
+CMpY7AlMZercorLAO4nc6EjIw8BZHF8LaExZaOqLGejNeZuAPknW1OH1GbmRXgQVaGZ6qO4
rrbhXLA0jEUcnmpTYVPVIA/5fkEAUFK8eZiwO01qWniLwPBLgDobgQkK0RE80t/MHRmFQpu
+DS5MBAHDpCIRXMBgnsFpZcW6jVwim5Y7t5uIjYegYJGkywHojke4D4PCsyq1MgevcQ2Ua5l
IS67h0QgyGmWgFP6jqN+WHCokSnW6oiP6tkZXhLgdOCGZkmR4ntTeY5cpB1M4LNoMrDrtz59
fMVreih4h9Lr4i31MnaamcjxNW47a2vEUEXQ3LgqKwXKR7Eq1r4IvwwJqnKuy4nyntiK1zEr
pACHeTvgqmSjQlaqCYoPI4zFpVr2ES5BtcaMHj2rcWBtIymXoxDNJ2RUFQXrK24IJPRYo
cCCKq3iM4fECx3MwfcNXdkUQDZv5iDiyKWK8h+ywTAWlcaum+GVMFHR0xLTbxTBKDu7jBV5
piRA8EEKx9Etc2soCAwA1Sssy3s2EjmeulNaFviACApYZFcYIXvzUbacdT8IkVYMrHzcOy4
uGM5rUQDujHeo8RtYrrcxpW3uLQIHQ/zADg6nBCOo10l/wAzfLAZ8kLi+oNqPUfUfS5CoCl
GDGp033K7yBD+F0WY8/fPKud+ZlvkZYv4I7tbmMauGwgtKTdBCNeYJfcdhiidMy/WlyOUhj
jwDpjG7THdBGzuhigh2c4hUKUUsMfcObTysS20DhMyQWdyguriWKE2y2p9TZjsMQQ4Y9TMREG
GkFLdFT8wmfKLheYIiEKbag4R2eoc2nphWrHVkvEQW0ZhS1K+SVjPILSKGg8U7jJMj/WOYbR
w9k7VObV2SrbHVksp8iOZYaDuV8t9XCC/Ok16fcDRzKxETlInn7hkjFigT1CwDfDZG8K3UEU
9CJdQK4P2mVtOWZ+EwqgIloTICKoVt/EakJxvmMLbNvTKy12xEGMcrLdl4Oo0UQ0Hj+4KN7N
x8YtPCMDbq2UtYPPUtuBsmLATQTXR+ps05hRLIz9uoCwAKI2rXWeWYYnEXUciagiYxfbVO45
wrI6hAdCFuJufbbXmCJ17HqFh/Cpf4hlTaA3CFoghNWHmaOrqJwMyrKm0PVyharjXRg8QnZV
7g+phHcXx8k6E16USy+5THEphAdLMBi7pWd+I8wxaZfMhBp0IeKeoiKGCq4MRrAaycIh8vJ
VeTUG38hFJ/MxLcH+GlXQVcaX4t0PaHKVMlxXyhXpCV4nEOBj9xmmVbrqAM/ubNEHsVMstai
2135ibgRDa7gRMatxqGzHazcKB+5+kJhpy9EA8HggZYM08wgrZ/6GaseA0RmWTcOkIqJF2u5
xgsZhYqP3HDxKtsuMj+r3AniDiDDLNeoGjwttjaKqvLDKzIFDysHCs2YPEAqaHRORfIGVIA
ymULu+k7ivBHbQw2XxFvDJMfDHPs2ClzIVnMqo6zmYgnPAPcEjwsuxuMhPtpiCruZN+pj1jJ
IZJ0kweWF1xcyvTiHRbaOmC0vSysdZvzGNcMMqyL/wBQFdz6gjTGSUGMHky5lpPZ048yrqDK
CnhHmLJJR5V1EygCjJ8y07IQ3+azLmqDoI4LhRvsz6jFkHML4z4jvQG8tZB5qOMaYlj+JdCg
0+drkijMTcKu6jZjIXyEostnsVX4h1MCcXW18x29pGgl0WZ1BGE6COgLG4L4nKkL0XitU+Z
cOastfcYQ2n51A49EMOax+LHL4IVKB4cuZzhrr1FMifZYBYZIHd/UCekDIQwtbTp7hNGDRw
Qm4jnr+0p0L71d+iKoGNpc/LEVEVjieKSOCePNGAgUbWbNe3mDqSUKWOUK5Kt5his/xFvfmP
VzdjORYvDUetoWv5j3eA4s9yznWTL8stVGCpsELgO/EfJzn0VASFbMfchZDQgcQBvhrNDHVr
FG1kL08mlnTBJn8DLNtF3X1qhoH3+5XiMEWug3FiLjGePcKj9EsXOTPDk1KvqulUhgZkzUDgJ
XIZqBwE5SD7jJAEGI4173n/rhXC26UQPc3q7mgy5wWH4igGxjgKh1quXa+YmJQA2sDkaaz7o5
GRbzMQZzGh5qL3jDp9HmOGBFycZ+Y5bjNi34mGSMhKIgtmhmVZ40jMZg1gBYShhWuYMWHBkD
zANfYNeBO2tg+Vllbx7gwxh5hMBW1QxoHjmarL9kWAL0qXLehfd3LXBc6PqZAvabSEMgtwW9
z9kU3BWR02YHA5bTL0RpyuaW/wCoyhuwBzEcC4A2mDsTvO17jjGxzGX4vtdQBfKQtbNxaMAy
hJ6xKEi0eL/8lgoAbeyZQRkfUA0yLcYxBu7ch2owXIrPhdL5hBgWhq+o/wBdnV9UCgkGDb8N
QcOgUx1oc8x7irtQIhc8Bcni4wjHTjwTqNHWHKH5SAxLdVI8lcJDEjwDaBTRE5g1U8HUdC24
rAvC5g5dk37LK0q0qipdSiRI6xFNafUvysLq8nmKC0XgFzHyL7gd54hffn3L3pbqonTY9Efi
+oXxcB3a/wBT7PtjwIPMAoWthv7marNAo9xo53PoM1diOvflhupc1Kt3aRL1fiJZKXZwhiJj

qBRGxcPYQOr6NfUmVqW49oIY+NBKdabjFZd22wRq3wbr9dS4HwVys3LtfQ4i8Ci5X2/wBT
jbi6iOfieOIqI5vNxRtYbIbnUGTGYoMcKJZdNOJfohDMeoFB3AuMqxKVSzhPNQrKhoWghBYy
MG+yejgHxERw3bdnEIYGvh4IyJRLSqsRXAl4i6sSkeGZ8E3Qy0YqVnkhc6Lux5OycPYOLER5
9QoA4SvK/MUM9opXmbqcl2QBAFme5bWxf8wF4C/bAdLtXiJLXgJdgoqrNSzrOtoRzs2CpHgh
YFQthrcX9IqS+jkgwqbW0yqk8gR9wxfrOx7jPggd34gLAYwmo4Da4qJ1ky2TiB28QpuA86t5
PM56vgzFI2Ua0f3A9c7Mnb0Q2AHUA69yzuaW1Up+0wtkXDBCQQAoJQ+HbcDG4zTLFV6auMCN
M7L+pYMb3f8AaU6UFibjLwmhx8sGtHguL8RyoKrT8E7ZcV2/xEXB0GoJNcT6GULxnKVatLT
qGSq+ZUMgh6M+YQW+mWHBNqmYXHVVfuM4vWCVVCVbHNGjMprX6I5Fpw1KVLz7epW+I2EPLz
BpOYEMYmxx+rIqKvBEpbmLer1LHvJCCIOSK3e8YpGoYNpwnJKQx5/wDIYQpXpjd+YdrhCVyS
mNBccf3hMAKy5YWgc8Sx0G0y8XzdRoMVMaWh5zbiJg+L4Fx3xi+TzNq0CuSHiCAu0G7IceRT
k+NRKFrehXRCXnRB9oawDvRbqLCqYfhMBmsIcQKji+g8xsZS8eCVSrFFbXo7iTQqas9xsluO
DwSIHKsQ2deIFDXUoh2LmZC46Vgjsr0TBgHB17iBGz4T4mbgM2alzSoFaPiPrnSAZ7ke4muD
iArrkFH+4Qkzi4PghEjqKiQoXd7gtMMcYpQZ45m9qX0MMRp31AoHPmU5LwuUiyRFG3mLoIOP
t3IWETt7XZLTFluZ85dBQvhlfk3ZpWZRxK0mA/Mdst5m/MoyaG4aBqo8tv8AkyTBuL/zGAXN
LeiLe4q58ontrAcnSGCZHid+5i1Gn2vUE2Mh3vuKXtqMbENQRgFGy3HVbzuCqv1EVK1WNQBU
PNcyodFY7RvYeVfUEswY4V/EAR2u2GKrgGbvva1MftLDeYpAAu2kWSrDRgeIFucBcxPs001D
QOKFX245YVptq7uJ2wuaErl27WN1umHUDAE2ZKTBECLs1tTxNkqzkuaV18XzEGj+OVIvh0R+
EPsdEvyFbHmBBGI+eKwHoiFVctxhSq9RyS29xRqU+4C4GEBVtleCzcIWZM7p12s2vbHKV9S8
LoYNBSyVd/dIvFS7boYITSq00JGk1eo1abCjy5RBOaI8i1mGiFPHBV9xeBoFARgWzgfPZXm
Kz40yWxJVSdMLywTD0ku0I+ZlmitTa6mEGp0D5jBAqco8xVe0PEQxk5Y12jo7e4/VpzGX446
OWa4eDc31LLdtJ1C+huXlj6ko11A8y3bjzEvYXx+gmbJXnuWe6MoaiVcCwkZ1TOZWvtg1GsG
MGiXD900e2NIC05r+CGR2tsurUa4SvjbUBAGC6Lzq8RFQNoyszagUXJ7ICB2pr2jlmw7vQlud
chysPH8ZLg1UciF38VKCLz9jiZdX46hklhFil4UEqsIydoRwzmMwN1viUjwaO5fS+zxBqm4
KCtJaWi1ytxLitmDygnPMRH6e4xfGCGhRlm29EZVaPKpaKxR4hPhcMoKpXPHJ6gwRiGjqGqv
H4g2qmOGh5wglrfEXR8pkxDRVRUMwcmieEVHs0wXCRvXYt4Sbwtl2/6k1DMZN+T4llG7THuG
WilqZqt6EqPMIuCs8yWW7S7Y54nMQBwvPmYmlqPM5YHZxLAU7Y4IzenwQ2MGh5hRS3riAIMM
+XiM2eXe5UqNc10SuIm1WXtg9DDbZpj9muVmXmZg59xGpQ3jFT/uTheA7VggJowmQeI4U29r
4IptbDL8sZlzw3/TKPgGVeyyveDuFQGw8GMT+dMBtKvGAmx0dTM4lQYXTmLl0+xMeKVzdzE
ES5mctTDt0WDTYspBYubQRQpV2+YXGKWHuDApKMhxFhXSHbF4WwEmE4oidQALZ1DALD7nIrK
ywlMHCYSsilgszFC9wReHES95TLLaeY1MY9Q0WzW482Mx+DcNBomPPcKryY/JE9YWSsI5Igd
Ng+QlxhssA5reov8PbFCNg5dTK3bgeDiOMMi4GkXvDsightXX6igs8vE21jevHQP/hcBFX2j
oI8PSJvlmXWA3Q2mx8QDriHoJhcYQWlXLGieTRCpNlt8JCGKTJz8zFwr23GQPDHDuDrUu3B7
8yqZDBX4iFBVvmYm+DjbKAo+YposyZzBK8YUPVwSzGs1+Jl7ljmEUMXJbmbpP5lDerOf3iml
7xbQ4YdsQW/4l2AiugRPB0XuPk3xcDFmzcWg7OYtkr8pXBtBEjtZbKr3KbnQwDG3qE3NlxM5
IcPeYWQHwoRXvo8xSekBhXUZCltROIKG3mG00FuVh1SrgYLzFsjUNHQMeZQBH4+me47iOQ7
jEtEP5iID0hOazTU5xYcRwvA0R1TMhFh5lohj9u5sD/c4UhcCWJku2KR00WATjguCEWNBtr
ggXx6P8AbDw676mUIMiH8krGvlrYyc4IkAKHRKIYDiUTErgvMiqFsVq5vjHzL7UXS6H9TTAg
yvjuDxx6fwQ8dnseWNGs3EE0M5h6OYksHNc+kWAczdS8nsdULsT5GGi87jLDblkOWPJ94CkE
5vdKk+ILVFK8stbG1LCKoCiARk4mTBW9QXp7lrzF7SbmARAuuoCjilb1LqW9YeZxJqXyejiO
ZtvB63RIWchCdSovCvocl61uP6KkHTCLVRIFEUOLJn1LmXqGn0115du5S7VSGXsivcPAdqiY
0qlBLs6qC7uCrqdpw8RWeotf+B1FQwsLqqiDHL4WYuTNsEbiQZ8oceJcmkSqO/z5ldAseiXm
5gfwJja+psOx+ghVkl1+TEqAO3iLYgRqsVA3BY11EBap6mIOZgCdXOOINcEyQs6XL8SgLYGL
CKWkW9ncFIS1fwOYMsShl8vBF7Wjo8qGqLbH8i8wqok5U3rmEpeKvSFZKYtd+hjpdq7mIJE
5bagmoFWfjIh0wCXW5W2ZAFwaHmNxezkY6l0eJi/yOizLkFQmBQ16lXVODqC+QpQoq7K2odd
cgNMuUKqYDSA45zAm6pyQel8K1MOGwL1KkEd7AZ2cXq2blbdD1N72qll0lamrqCvSPxF2Czj
tL8yg3PAAksl5IcqqSrUGrg4JUvM7g3/Al5uWkOScrUmULbe/mA34Ua7jnyzm5Lpfoi4VfTT
CKBauZTg+GkzwdI+AP5gEO+av5iljRyqXBJ8hG4K58S2GcGooerW2NgGIlEjQ3NwW2U1iD8h
Zb/cEJ3P+WONC7xx3fEXLWZMkLVM7e/QYIEM5J/iNeFOMvHanwVnt7gYeQIQG4B0D/0g56ZG
gIMEPBQ+YAs8Ix5Y9gPdXGq17YLEbcdR7gjAMQay02wwauekJhtMhhdKrTuIbInD1uHclL3c
GE0xXaFhD97KUQlWmyqHSLs4ZbhUcF01BSDXccDSmJUFToQ/YjI8y+hpBzjm5cNVR+NvxCIT
hfM0s3IrJeeKd2l6jjkACBtj3iIW7pL4jJKFoTb3Lo2Qo5Yym2CVMhfErl2QUXA1/gasbl6v
EK3UirNWxwBoIGAhvSB15YS4IDrtjohmcZAUykvv3HSeA0VXv75TmAYRtagBSjnuWs13wqOG
EMWblLaN5fMAK8S4yd4KzeVSrQdBt8SwtNAX9sySRytr4CdL3mEeeEA0EG/0nctz7xVnfiLW
uUpkGYiFB/Iw8YgCr+YqM/ld+4kEWAN+2Xl/4elAAOgte4+JD1tHVL2xobIMr04Jd4AX51ZB
AryZl8EHVpdmM13KbAXwxGW5FzmXj3pO5ni0H8wxKLFjUdyFY7KISVyzLFjcrQpHSATjEDXu
uIDDSQuFYMP20Cp2i4BK2Qjw3Etg1upjYsMuNI044LGys8XKQY4PMF8Btb6mcBpYwlG7yWS6pM
hq44xvmVKECqIcFtNSrdt/wCvaGkEbp5jmdRllsnf8QArYi3yPqH0eXp2yKzXUeyC6PUDGQaj
TFu1lxjV+ESpuoMfPmB+cPMJoTbVLM2NPXMFKAcmxo+st0FpjGYT1u0HUA/Nx/oOYligOW5
GI3lroxrwcTFZfFe15ipPOLB6IuPDKil8wP3mcX5Yyam8T+YfAWGK/EDnMCx5QTFfDMTEMbO
liUW1EimYLzB1WjGcS0D9xpWbywUU2JLx3MHmZZ3YOoYDockIN1JgLZcyWoLGOG1j0EajeB4
gWRyLuodK5GYfBwncKjBhyoKEjg4gUJDZed4iVDZcp6UYBdO69+IEMsbYhVRBRKTqsy2WUPb
CVujHTLUBADUYVZFCXU+4/HMJcqQt+I1AsdfM83EFjLLFm2HkQWqC1g8d/g4n5pK0ys07mUE
pzOeMWWih/uMcmB99GC6CLfr5lNGmRhfnxcs0/nwT8VoiZwKJ2hSjIBMkbjXkGoARdC5ICQ

PbgD3yx0wnZenRGsibYX/cZg1joPSW7Q1Mr46jE9dKKHSimjhvrysL0gV3wFQhyaRYn9TD/6
Ulr25i0ajgeIUyGg4fMcHW5o8CGhuOf7Ia3TTQ7iMjsC49Iqq0w7iaY2SoHmVCgCdsNg2vEI
tfmpcDwIKGXajybiKqBMV7kHqWEdtpiKYl8sacQL2iIDx82XpXIOZl0MvFGMKpTi+JYX0xmm
24om8Fg3W81L4ogHMixYSVUT5JkVtgnzOsIAOqLOdhcQYoeIFagrRfKijq8Pcp72TyFJEcVk
g3Udw49w7BPcXIj4hpqCNHSn+fyiWwhW5uSBdu5b12StLd5rTfzUeO3K112sELqbcvPUt05
wc+EwcotHolTUFNMdkAcE6YEJaVYvqMSsyVshS+GB/PxBllBgDqWojDv5IrmHJ0nQcxfvC/
6SapC8uvK4hWLWOXQu4lW6QHTH6FX6xCd47tAeYTrE9jq4gvDWoS3llHGf711+zCGHD3DkHC
ei9y6QKB+jPs6J8yx92WzJlPdtkrCW5WYevYiXMOaGIWDDlaPUWbgcBbuFr2Jf3NJK34gKs
45hikVHUZlqLxDacwNsuMhAecUSF4IFWPPmYKZ3AwRk2Wj9xqN3LxFmeYacFuvEoXYI8VGI2
k4cCyqoSndXE4+UZQqiK/UUQ5uDSmX7yxNWEReEbEQFFqoGBX5ik4yoiXar5f/r8oledicQO
iZhopNu3qfKqF7b/APINz8oujxLOxfPpHjBaA47qJY95Dc8LeH26Ev8Pb1Eu6rAObufg8s
NcRsm31C9p3+QPBKnDq3rtzFuOqKHoRj2GDJfklxuzNv8DxHryXaOfuLUzraFNdCOVOrOtwI
4qpAFh4QlgrgKyUHC1yy53KlQIFXDHSKMzqXFZ1XZ0IdHsVEWEC+rNQ8YaTYQ73QxLg7MM+a
Aa5grx4yJOWqm8V8RTRgdysahfEikdZglfH7RzU3VIA4TcBwiseYkBNWiAbfKy2MDgk9gs+S
XGXafzxCWORhGoozxDnlU+rlejTb7uUDf5NHe7DxRdQilalpQFyk8YjUeVNRbUZv7iF6O57N
lDmoQhocyrhwLf8A7/KligTa74glgqp0B0dRkEnkOieYA/LFBMF8CocN19rhgl6vPr1L4V+0
erIKripUJlpSHg5jK6Xfm18QOvL7PyGETghbb/1uM3Ep090CieDsuIBHrQeiXM3UOfARv7C3
CMXZ7XTXg7Y1sY5csJa7C7uOBnXjH1F21iK+OI5yWgroXUxCeylFwJfqIaq4PDLqaGIRBFub
XEEenE8L4lVvJDXELpOt8oTV/CC6AK5MypA30EzFa68Sq9w0SjGdssjsOIwUHZU/lFacoCvg
8ymzqbOtsCQsqHqBY7HVSkqne0GCafBK7BDjFQGOXADs3EpAOJUEPk4kW4ZqA7Vt4gswFO
dkfdjIG6v/cMtu09wchhst3mE6L3DOa39y4jnCmKhQmJtuUDu5VT4Y//ABUqVN2bl2t9DwLu
a890eJG2Nn2dxbQsALpZUJcH80QUndVfPEyqmnv1KG5FYahnnd7PBxK3u84B65YjXC1tX29S
8k8mV+1z6i2+Y1B0HEXbWb/smjTzuOWsaAtHwQ+UjEazLceqA1ce5vIVqcGBGFzqXZE1fLAF
F0NVhsJcyqTuCeQFvVgQXXLxKwdTamoxKOLycIX5RSs3QG1xAfRVOrpiXpwCkTAeSDiNi7bl
S7wgGURiC0evEVneDocMsbByOiUG0wKInjSUTNBmB6PiUppaDE04QeyCu2QxvRgsVU4A4DU
SQ86XuLoLg/UVLnYwDQfQCbliO1QG04nVzelTXeYbQ5vuEWMrJNpEgziFuFP3GUmwE9YmIMF
/iPBtoOSI+uBIB/Nz4p/h7QpHoR0OJcxduyE7Q2Z8B0xhdGujb/mZ/8A4j4IQo7WynqWq1Zb
7jo7um1LjpPoQdXKAY/b2xs+0H4dISF43CNBNkdo5LlvDw8+oyLG3pCVsXgOY4WHRzUyBcjm
IF0H3s5lddWlBewpvAUjHBVWLu5kqidEz74HyN/iAUL+BobERP4/AObZUxq+mvJ6ltzQbY9
DpnLTkaAOoi+A2oXucrtX2nMDt2MokmhomtB3Ky15FVY2LVQlMoyB8iJKii3NRVjGeiMEbTL
pUSSNqiU/ObPIDAh1RxEDARLwXLWd15gfMMqygRXd6fmFchj8xAG3LL1FFjEv2WaiDLRYR+4
aUco9dxyC17a1BbB4XlxCaDWvTNQsX4GDG3vlorOz6lLglsfijR510HVIyttfxBdMt0ymXpY
NOr/AMAjaqWxO22RyWEMXEmvCTIustxblqCB6BUTAcbRmGjWhGR14gUO5sLPKTNS0yos8gYh
+4cYqGAZlEfFgX5u2xq5AdPmE2pWDUCpABenmNZVksuc2pF33HgWoA9MqC+IMQ5OktZhwu
E0dxi7HI2AqCtuzR8nay83zDA5vJECYMX3Col0nipf8AFBOfOB+dtEAgG5jDtuLzCKLLMQli
+2RoI5dqshVfdXuLUVmgo+4fQ2ixlJFhZUIhFwZllGR19w31Av2RqNMHmGrqOekRLF7MzjmJ
9QZ3sYbWXMq17QK8nlAMIU2UdZlAQLI8HDEYyhom11VfMdDgqHiKUTm0NSsEvqJUyIN6ij6l
CWri5LNSxu5guZ6gadZBgCFoxDLgUIDLLxCnV/H+IA4ziAtmGUNBFBwH3KsoD4gOAhMVDwQd
kPk/iJBqAmAbm1VApMEOr7hldCuglYQrc1Q/qHXQApoGAJVi6COJyF3UAUKXgiANNYal4qAH
SHzhI08v1KKDTBOjKcQjwnTK6KvklvBCrVQ0EVit1HUkx+IGMppw178JmAalOphMoPdlehT
oJVvgeOIHODeCD23OYNecA4JSBR3715pwRZUewvupQNC5Zc2MUJUFgAH3Ws+ZckcIP8AhpHd
JRCqR5KhDNShZkgbp9Y00fqEfsnVsKotZ1LQrLLqAjyszUiumCLmbxBepC5fEBLHWocgytWB
Adm8WXKGx4jUmrjVqzBmplsTHklJst4m9H0ROw+ogtxQDtXmKxm7qKiAOyFAIwa39w4uwAYg
EabbCA2AcIR2WeJigoomZe/1Fa61fMbw1lQntYL+paNVAHM9oxgveUIPacfmQVd3y44gcfM
K5Ieni7rLJ8RV4FC7iOUvQfMZQlkKlqW629Sus5auWl2hzFaoHpDKo5vhlQ7y1FMVwUQBvge
OoxCGaRxM0RTVwRkgOSGFM9o0zlyAvgqMjBgK3BGGdqhYwJwXMc8ibHlDmUoa2VuP+YS50LH
xLU8kuFZclDwa9/JMQb6LQR4KpvdStqLliscKxtgZNLQLeSguEW5Zxp1A1mLiBu3qVIRYldt
V53GAVTMW6UHGU1iFdDfUcXRcFMCyCGcpQ3QSl3zMOZQe4gMZjoOYxmhKjDRc7ZYgxzILDxL
oJnachMAfP6lXs69yg78vEerReoAQKu8O31Mgo29cQCnC+Q7jYcmTDhGI6AgeBiWhcApPOTa
IHctKn3LyB0tbIBNjdPxEMi9k6hINA3C0cuuWoVaRgVHlhnvlfAwQrLLzmaU3RF1MTIoAA73
EH1EL4xoOwUXLestr8IaPgoCGUJJGp0iV9k/wBjtH9StIAHqNXLqO4LuMRwdr+kotfooMNe
g+Ij+PlsxdgqRuWYr8xByrb01/csM1yeSLIKilgigMoQ3mCvXHMxlatETVabBZmfaoW2CEjz
HUviMjvhlUwlgOP8HwgriEt3iIPCJYGDZ4jQpeoiFk0QHK20KONTGbJfEAHZA8hZgaKHfFWX
BgQCCbeoTKtt1iInBhp+YmWrBo+jqVYxucBA4oWrqDGC0Cuga4iG0LuumZyJwqEMjds3HUoz
LdwCklgVgF+0MKvdRQMAoBvTODcl+0ZGw2hL6g9ToGhBwppaHBlhVTBoyWz09KoYlswzdu
5TFjZjvWotxWvEWWDMGLg5l+S7EAA3T8orDaB9zVrRi6LKqJjlrPulDQo00x+05jK/HEG1z
h+YrNYNRb7GEBjBfGubjj94sLtG14jbA9MKCFieJbPzHVZz3L+KmlP4lXDGTAgHdK6L2g6W
kJv4p35gyGFiaOf5iaHZcCG1Zg9m5S65YDkZRRix/WZzopelieWAW8TMEtC9e5SSQMety7ar
ZRmLa1xeuDDS4utCwdS2oI1Vg2zviAuwwjOTz28PmA9vnFD8KLYC3UGtS4EXygKGMUCvWIyq
vIX8QFXyx5gGA6Ki0s9AmDDlzmKkaiWmJbKpQ22KLgLLXLq9TAUS1VUuzzA2/wAxwuDEwi2Y
IIR3AzEZd2ealA7oO2ZSvN/QI7Bydxh2h+xME5y8y8yQE60ApIA+A59wBywqeO5fhBmYuUYu
Ocnle4wbb4JUabOBMn9VQ8WUorH8witgKTFjdAHBAq+4rxPhj2sTyxI7xETmlcogjS3c+DP5
h+6UAdLMOosN5hju/EWFN8SiAir4flEu6m/mB/ZLMIkO8fuLm6JnIbPECNOzqYr0t1DxwRHS

S9hXiZam1h9k5l1Da+pfIDZb8MUKibOJRIU2b/RMiIstrIU Aqy4WXA4mjNxRYAtWIII3hJE6
QCdJYGVYIqfEvuRjOEFEOBxMHdbWU5gdBIW+Xg5yiZcXM0yTaYsNaiFmH+FQvCmWMQsXhJgA8
zcyIJMLJqWtsBjQKUeZYeu+InpXZ34hZjc8QfRQ+BcaazfeYAq1ZjbIXgiirVerm/8A4YVv
KVCqXzAxwiRGBzNMysxUMDPqKgcWZmC7SIMAwV ANLjd33Ehb2nQAxhpQs0ZmK18x+womofX
1LACQxGLS9DJL4fcCpUeRf2jUrquOpQFSFFUo7iaZEUhOD3A1SFKgMqHkQEj3YPrRWS+Y00N
HJzxGtGA0K9TJ47PIHUUODcrjUGeViZvKcPO81WUgVp8ZCwVnQHmDaO+2yoXOAguhNk1MV/
mG7VEHWY+GooFB8tSjp+0gm1buktgjUoaBZ4gzpFX2xoG8Ww14FWUPNs0EJ+aoCmIvIQ/MY
BcCrFW595bn1f7QGuzEal2kKKtscep9/44jpitrlbzEte/8vbKJdkl+oLu4MQXIbH4+Ycv
giW/n+JUyAYmNyXxKWBIWHmGksLB3UxSB5A9TD1dTUYadr6jWLWQYdTAMpj3yEEhyW24w7By
G+o4vYsOczBXGYoFmD7P1G6pQK7cOahpYUDacYuHCfk2w9Ayr6dxiUc02eIPEMX3M0YuJyF
5imFdqwaCPAXHBYtnUb5t5QalKBbuJRmW2XxUOWqblgAc7XxNCyGrjuDDoJEWXbAYxsVuC1a
QxcrA0C4YUV40SmgYKlQ2WAe9JHIK9hWGw4GUSF2H+pTd0IP4laocS1zNHymPqoomgZQ/wAD
xqNGIUpbhIhtWeIQJ65qAtfhIJDGbCcQehA2zzKG2I7gOWbs59Rf+nE8kUadwhywcoxqD8Sb
HYTt5uBhXAEWCCoWHgxuNjFQZbdjMXIJ0dD3N+wk5ijQaGrLmlT6OGHDzKosh3YLRcX1
EpW4hY7Lg9o8u2I9gjMYpku4D3kResQlgU+cQooHgZl1N1gi9qsokm2rBqXh1aqLVgfECAo
OKWX4JpbdQSiFgUzHFNSX6pdVDV1BfmFr5xfEMSt/MKFnQh0ZcETwe7i4CQIUviXi9wUA
vC/OpSxM1fqXmMKMgYRXZeYCHG16I15GR9RBw1/MpvkhUwTRxiE4HkAAAF9oRBFrLXiChqET
ZUxXww2gywEycx5hvzKlfOmbGBavCYC5uK8x+f+kqcIzSbZ8TZgV1M/AzjbJqn8ka1b1FfSO
a/OBQ3c0vuwo9dTyWdTUQrkznH8x6kScsN/HmHDyIF2Gcc5m+EjkB0XLBKHHHeIoVCzm00M16
dBRFBAA/kSNvkdw0h6li/wAgXzmFZVoMoDemuqVidTX9LE/UF+3Ko+5izY8D2xHjYD1DJtoZ
IGI1feZA1SfJUGuzQa5iZQUwCxRc4YnEul8E17VAhCV6UEQHvYJiwYxWlpwizeNvSlvzAabJ
WAgcRTiWYFikGOGIEmdRwVu9QgDxHxENFBcsEXgeoOtedMarRI/JLflJmlmPyqz5ltuVKoc
QJUbOLlkbT8EuNBJRzBhXMOIOitRYSgGtZgwKh0y6biZeYPky8xDklnQ3mAF5r9zPuIsKobi
K2wqbo6iWaGoz+dloZf1LaQsL1deWOBKkXZjXEHU90TctI76hC8Qr55o+OffyilqqbOISjNF
BBovGeZmpMchZq4tChuFce0wJotL7eoVNjil1zLvSj0cQwIRU1XXuXTWExywdQr0h9ykWmiE
VTgYVBA3w51AXHxCyrEXRkHIRK Vu8RhXWUwiZ3RrDWSIEstVTACU4j0qi9zHmhtPMW8y1xZ
oiyy6Ie+nGYr58zeIKgO8ICPxinuJqgJhL3c1i9mKtNH5IkMMkrlBKL4i1U1bTxL+xuvCI5F
wjiNosKHAYi4F/cxVoyvmKuC26SpqIjLB4/SmJ//AGhCWofWboIqY4SwxECsmSjr1BTCqEt
LYiYvoRF8t9xWy/aUZBXiLRxUVPRuvOH8wxaN1rbSMhg6Bm92Vr9IgwVv9SrUFB/Eoj4lyOZp
rM3DUdKrlsg9r26lJQdZKcovESKynJXZccrJUpydGA5AVsbuUD7iNZVEdbZgRmgGGqs/3AMh
lrjMCmsltRmFgDzCtSqZLFPiWFiwIA2woEyHK8KgPojp4nKrQPxClnLZLtQMziVTwuiEDh4i
w24lgLStE6EpzEWIOU34t7JUqKvNxbRVLUYzjXzF4ysLS4iwcQy81Y8Fqr5gfZ8cxNUws/c
YQoYHjklqtiH4A6p4RUxEU0GvbV+sbNhs8ymbdxNREr4xKIpylcbvaZrpk1HSalZ2QtXYEO
I6V1CMpccqIEHWU3EkLPzf3KM/hY6ObBHfcyNGWJFGano3LvUFjyTHRYA27i8zZ9NgHiVm6
tMGwwE1Lp+45gvCWfptV8e2VtuBjZaQ4wwrEhX2let+Fnhb1KAFgKJzjzHF1NjweEidexh
QkxIWqrqF2KzDl8QYcmqjivMN4yul7zxB0Sa4qWqQyKp3IjUcYhWuRgwIAwetwosLvHiEyWV
YyhHixim4IL7naV1KipzFXWmoLoLgVwDdQSxW0AyBEp71D2mT6h86SkuyGhUzhsX6iWW75m8
iLAC3QIFYar9S4bGKii5BgVrSXq4luzt1GpR81LlikeTXEUwiJCpeGy+wpA9wgChE8z2TnRR
AtJbTxAISwKovzBqjqpW/EwPq5vvLmQ/5GGiAfEVkDdYe1CdLhfKP2ysdWLSta7qYqALiOw/
MK02KDknm4p2gMBUWvmtVjMy1DIFBeWMoGpRt83Ke6F7KblW7WHSUbjUwtY47qb0uiOxhUR
lCx3VfmN0iU3yw91MEiOieJ8Gy5vmBRT5g4FqmTNe4Qha0CL06RDF1RFe/i9Rn1yLF0cxaH0
4DtxSWw3RC/Au4tfMKOKgtw3MpWWfxAAEYE0JViQoxppfqEQzZCG8xHLMUCB5bYjNAYruBLX
xqKPK11Bt7H6mwAJn3HjauhXH0MOVibGqZVayhgXtCaIB+cahyllasgiBejkWUfM2gwmljcr5
aT4joWZpD/LQRdmfLdk0NnTSFpvLPC4q+JT3WYNqORBl/wAIZR6RDAxYPFGCsvNy6f8AzP8A
l48ZTLjM4LLMsGXTLALQk1h7qWhIT6LFDLaaeiupZ9DXKHn/iYQGjOqZHpUri4Hx1Apwr0F
MRgskrgXsASXsmlaQ8fHQVXMfXEUGhVvDkuvctjCzizh1cRWrqU9EJnGqL4/4hI0Aj2XETGB
8Llt/wDoGBAVWr+olblRCqYNVJspJcUzZGFBSQLoCPlgoApI7c4KYsVrAzGvFZuiH4YsRfmJ
tfUAYiOobh2YhBizGrYonmC0KvSad7cwGI4qYFVxBJSkaacqEg119w5BaYy0N3HCYgyrU7le
NuqH1aWVqIES9wKOMj7gBKXZ+IIVRDOJcexwx6UYR0y2S2bhYQjC76pEhGi0euIBwGCY4dLj
4iwGgfMfxlTI+5U/ZfzBSeCLcs0Lgc1SGqvDF4ID+f8AivPQNo8IEW3NEkyStOF4D6lS7AU3
LjzLlnZVGdSCjBYUeS11UvghFwpMU4D7kWlpCrjQKTdHMZ0lmHrEdEoLTCyqY+hX0ACHnzH
oJ3BHPCXTiVwVcU+yW3vTIFcMqFn7/H4hUiheUu5eUwMhngiqF8zPMWM44Y+OLZYU6idCFYC
Aqww0NjLSwWhSOZY0N+niBS6jLBuF2REgQeVfcVqGFkoifWYDrFvi2CMLbx4IqQGmMmxiMPT
FI8a7OJgDWUMK04pLl894xKXEMJUbVtrCjxMXkO1c5mP2pDxMBUvqDwoJ1HwK4hpFHxEv65j
iVRd1b+prRss8xCbJa5IpPjPi2fUu4eQ0jUV12Ye4YMUeHcORhinzMO2g+6jCirUcZlo3tCV
gW1HbcbouPY8wKZTbeD3KgBjTLiXiRmHAZlaaFEEHge/zTvpCtLxL7GXymD2x3rySRVIB3mZ
poBZTD4lnJB2D2vJEvhK4BjD9wmChN+i2uK5QGnWiIqs3X6l8sc0C/IE4bM4VAH3KtFS3F
4C/4jMorI8tCAhatBXwpCdbvA1H1Do0rC1gydkq6ZqaL+ZnJcrjpiOmu6TS4gDJZZeqvqNoo
yFe4kYR18QkNlckxJmUN2A5KMKw/xLOC3Fyt9M+IuRtt0EYSVK18uKhZi4KMJdFuK5hGIAI
dcP1OVW8eLi+SSh6MJeml0UVTcVnH9w26OUO0YyI6l6bmBxpu5xj9eoOCv8AZBvBWT4mgVN1
TmPRhxPouiiEumAiOGCVZm0hdyXaIglWa4eoAuUHF2niHzwT8FBR5gTiwr/yRYRaoXuovBvc
V8yoNV/rMCKIrzhKg2fZPKYtmIz7xAgQUFPMuryiDiYYrmGW62WIWmmWI4IZVMmptluNw9f+
VDPD+YPPtgbx8zAUZGBLt9EXtArcL/zCe0t0wtAIWOAtZlwoHjBDsaUuVTsP1EoAK8ckOTHD

zAMcF1AFUaFVbgC/pA1ziQN9rBu9TPfVvs7yZldx7LYRxoYIBYK Gep4FzLJK4uphCc3Gj/UZ
ruYieKtDyd8syeocoe6hrEwgZwCEHgASuYkCJW4heNoFWkpwQdZO116fEEXVJnWqdSyYhg7
r9MwkFHLQ6lxZU7UIw6wQOUC2HuVBxcPQCMJ7oMGmlo0uMQGLVq8xrToMt7VDUvCDZb5YK6
gU4xGofmMN9ysUBXIJMvXgqgiLjQUOq3ACq87pYn5HEKvMjWLOJgBoVpJECIAGzp7RDSLWCW
18bfwFi8zByg8EM+GseoiOQwQLVxnNbLCPq2k/8AcSvBwNvX8DvziEsKVJMSjTRcRRhUGAnL
Z1NdoMVG+/t/ykpaVD8y1ABNgOyJGk5kYzggGGd5NeZaSgC74IMNeseSZgyY92zeuDxilRjVv
GbqaWqFPIPPj2xaesujsiBAUrpVRNN+GLzPHWzjc9tpQKoYCXj3DDpe3ssjqU2uTkIG7gNY
OY9AppuIwoyFxF9TNy7p1D8roLeCLkciGqIoyZhwHUsElhVaVXzEDL4mz3EOhh6VzM/dGlid
MVbD6k2ywhZCPX9RQCkrwXlljYq4zHmAmAW8okGXIIUxdTPEN+iNy4KmcBDpFIOC3r4gyDM
oZwSIcy5VUAeIqwFGRDUNeSekJvXMrcyofLCPFB4YipfZ2ViXGAwdnMy8ffCg9nUzV/MB5PE
O6hyf4IYooE8DiZi2Bu6l7WrcR7bdYB90DIIZBHEMgPEARDYsRRdhZRD/OTR5JhIdhYiGwPy
gFqFuuYm8L3E/f8A5N+4/cos1LhdSuAN/UEJUE6ympmTT3L8aQN4dyy6borpv8Q1xpzWy6ZQ
tVgeUQY+ncFiyHMVrdppSEqZa0RPFi38y2xBhZQIPNh6jEA4IsHBMxZcfSYQM4X66DmiGRmt
i0pr+YAOgEqIyWOCMLfBa1FQ1FQE7PMQtQ0ZYFY8kO6BENjwynIIX3vcFv8d2SqM8A/S2o
UbTpsw9XCnWmrfmX+LAzrOm4ePLqYHZyQLSjyZIONooq4lmk4GEdSMR0e1RsG7ViNNqUCyX6
aQzKMYKXMa2D52WEw8G2ClrBpIprlYTO9tiJmBo1T8RbgUQ2Q/o6gjoVDS+JQjhVdk0JAKp5
g7XVWF8XFwgYEcxnqKlsZ4UpMCqYPEJcZBjQ3AnpgXchxE8u0HVwaxR9RjtnHGNsy4Psljiq
igxqbdJ7zHp2fYlgWmRUWMV9SIXZRLcCnhijaxOKjVClz2hmmBiQcZV71AJtiC95Tp2q4s6j
8QU7Ls8QVag5DRQWLQ7Pva/BHFy+qUOSuoLtmiiGyyMQxrm5T+GX/ABRQGIgLKreO5vBmM15/
7mXcg5EeB/EJegzuskqkoVVThMzB7AfzQOTt7lFLKjaTvHFHivNMBaqML0AXzZDLAY9TUcTh
C2XN/e30tfcHGh7hdZjPvBoy5GeFurn+oBFZ/WQ7+yt+YME8e8PDuJt8Fg8XxBDfhWVjbe4v
m44CtEXn1NWNaoIXUNNCzmJvVmlCrY5mRVFD4cwto4vLikgsuqJcpXrXDIT1RvD8orBhbCaZ
Uo08RQMCPJcSNrkpiK92FuWWqWbYzy03zKYXbuWvPgCZDKWlXuE221d1cam4E6QllampIXCY
+YBFWKXJEzi76jvzlfrEQ5aAr3K+p9cIrS2od2ldFOXuIWsXlFvHuliowQ2IVqKOK14mKa5g
+qgJN4EFGfzLmrcWWQ9vmWnB4grkrCqHIYJAGP2SPIL1BbrqGVbX2zlZ8n5mSsLINyTMPBMW
f0YZVW0Sou/iYF6q7fpgRgQWRyzMCUaPt0w910Y06XiXhJlazo6TBAcM4Lv5gcAbQASzmmAg
6qDjJvKL7vzE0lcr/RE9mOnPG50zdV+Zab+BR23EITGtq5gpEcruJYCosPhAi7vySt0YAM
mZgHQc3BbbK43LrosJeeZ2RgJX1CzAuRSV6NS48j7FOFQygnZZ4tsKA4jGpAeoSIOsZRWB
KFlmvtNXXMYe2BV4uy26WYhUAlfJgYodDtiOB+tMii4FniJptmsyJby3Bsg9zMwwblgMDUa
xTRBDwqohkUAO4tkGd4jLlUrgYmAMu/JMJQ0GBEKOJxlcnksF+IBofUEx6CFmWYtqxTYaii
mCT47liJtGdixypqDRTwHJIs4Fpdv1FWD0oUDuGAXDxaxxhUsgRjFXzLk69g41C4RS4KQC
VZjtgiftcjoR4IsN9xiNUS0nmCrtUgkZ4uCC6s4Auq4gOkLUIXx5SxIAhhaY+m4yUVvwp1B
elovctNQaofwIUQF9sRfA6isB0Q6hhasP/ISjBwWw9ZuY0Ksf8HCgGLkrb61E3ZPI4lwXW/f
5YtJFR6YORfBEEeaY42shwpKD2y9XmUuzdS6QObQ8RgdalbNka+JUBMiyiHDY7cRrkVZnqNC
UR45hFPMYstnFR0+ID1mH6EOINXEWWeS3zAQpoJbXi5VJbXOKYrmtEfuliU38CJDp5f0xEmM
scEJYnJgknYUdeGEzZGDPn3BRGZZYFUfUpehpT9TFgX6JdJGScQEULEJWXq7TmNNgPkm5LMe
MkuTVvRjvNaqlzL0ABzwtQWBZXesRlzaGUt225SeCFtuX4qynMGLmCxaTrUzE0AdUQsMDDF
7gyWC5YljiAfnZOY76xONLpyVH4kkM7h0F3FeqNXOj1Mu8AX6YC5XX6h8w15JZw1dGFx/E
EBNFxjNfxGLXzIfxwbg5SoxKOKXsldqq+Ys1mFH/ANIT8czQbpohmuq3tvcwdlErlQOFwsw
fS2X4R5hvJIBwoyYQOCJ3Ahtwy/RcN51xpaHg1Dp7V9eQnEGmOzAGwdgeXVx0cuoK3c1icjB
rUb9KTFBixUZ0oJWRsw1GtVrcTswD7jPHAROJIZyQUWnjhg/wBFhSKDWScy5uXPi4suMnA+
ZSLfO8VFLGiss3c1u4LlIAfO1Knmzmu5bKfK8wT/CkhVOUZ4Yx0c8eQyxYc8G2CTWDTxAy2Zr
UPNBjK5gGcZxjqWkFcS3aswmGyGYOD2GJZfRiJwNrv0XFFF9xay4t6RgdsBIKJwKbI8ByF3U
zJUBR0dV4UvKVGzOtykDFhqEwVmuDFkFTPMKXKqgt1fMxGigAWYO4GtO6ecAPdxhl+4ZSVz1
YTR+IoI+jmWfMjvtuOkqL7oi0GdmcG4ZwanZOLyedwFhxECHg/cVRulZxpnyx8hFell0+PE
cSlc+Fi7YEXi6rMZYqqpcH6m+ZdlSPSt/wATCv8AJzYRsVie4L1DqZe7iBAUth8wRxWyH9pw
udCg8R6C5rrpMeDhAOMSORXNw4AW6/MrYIDVsZRTjLLLai0tRVZ2YNAvWb9JpXDMfavfuFCM
UZSKYRsMvByNBYSgAolc+YW4xyIwAizqIyZwQ/Ya7j1lhlTHMSqtj5hdLPMtSgGfjiCfYhxW
BNZirKNq5mbvzFblmWt/gji81ZtlUC2EK/MSCS7YmbCHF8vEiAR70Jr8wW5W13cwkHUTsxAM
EE3d1VsTY2Wp8f8AVF51qDLesi5GnylOGhpmHfPcFmm1vT5qhtbcDzcH4KU7W4+CHWmmpjK
mdtbPcoWtgZlwV8DK6XpZR4kuJnB8xxYS/yNQLAYUTr7IS6AuMX8tvolzAyPTHve4AZqM1f0
Exgriduj4gKwXiLz/GXMUteeXMS8ZOZZn0XjUstbvd0pMEzhhsYE4iUg0AURKQBrs6heF1uD
hZh0U6ItnjutRzZEY0s5JogA1xEuT5dwnZdyBEwBa7znPkoY+iCUGlhvhzhEJ5S69kGKgAtw
fwLPci1II02LRCryorR3cuYlc7h7Uo0iUsMXG0XRIptvGoyAhx/CU6gBztleJ/BiWDOhLWLu
tF41MIduZSEERwKBWqp54XCQojRyR+mGrVlSvmsQFR5YxDUvZNOWGT0WauGWVEYVHZkgC1ig
jLo8HaDmvaA/gIbqoQtAFMkLEk7FYHYdt8NnhsSg+7h7aivxKE0FnRmH8maDUUuG5iuFxiY
l4PBGiVwfHy7GIVUYQg1pb5C6+IsoJDS4L6I3Dsb2xNQL/v8x82GkrUQxUyKMx5rEQECbusi
MeTKeyZCJOoznbke2SVsOBwcSueJPXEiEuG6+xdS/wB2iCsovvlUbgD9ioS+CjCzN18y6NH6
IG0Qci4hoPL+wwR6hBCZGFzY9moU7Dooi4Lp+4k/8BqmrPsXfRiJFZLegxbAOHP+oQxXzn81
icmmrp/UFrZVrzFLF9P7liV42V8S3bCXJ8wE4KPMXO5XqclhPsI4yVY0yqhAkTd+49FagagG
J1QBMi1nNXipaablKr6mTduIt/NQKfYuoOoKTfNCGJcVudS0Q+SsjutuCgQn6kutZhoW2wNk
SlpMU3HYHVtQWUKu01OHIOwusTHKqQOGr/lhem5KK3A0uJ0ieIotlkW3HUNl+SBTms2i7dQw
I2fYy+0WbWgPXMPzkiIV+SCNYRT9F9Q9HaAS8Sr4Gxb+DUvijDmedsepyazqO5A+D4pmSxw

2Q+PFREaJYAcNmoiSE3dN0RpqRYMJq5kmwshwjHfNmEUuBMtqSOe/wCJsUKa2rD2bG10wSBa
F4YD8S4OxsIB0BZX5h19j/uepJCsqqPta/UQMzk+ZqObE7DjZqU60UiqKLXVjCRjr+0uQqrr
3ofPUwpq4dNzABd8QFJ0dXFuGN3mSDKMFjEsd9LikO7BLBx FVJZDZvXDL11F+IuiVxlXwzJp
9sZjrNUTR03Gg3bBRCqo1ov8eYltwLp5VEGhK+UXnqUVBJhyRDAiAXAw8dRtvqPwyNN+JY0m
1h6i39ghQdygXnm7fqNAiFVlhXQ5CXtgSPKR8VKIQMTiMgyiCJ7sJaHi4bYhNaL/AHLuWwN9
RV7U03au/wBRQHxZxmDZRforEKFVBhHdxIYRVAvCPGM126WEV5h5g+MlcthfXlgaDKo2+hcFE
0J0mZ9wl0aYGPt717gQysu4CxcqLzS9RafUwQ5pwbpr8E1HevzJmkB5BmXyY5jsDbmDoLx9y
I9CXtP6hzqnV6iiV1pj3jGGd5v6I1q8yotULPYRN6S6Ou23kjD4/vECu3uO5WLU13Do+uHNj
O4PKHnzA90kyPCLhqv0T9o6ToGzZy+4v0spRMejWRxA/Sgab1DpM2VepchzFGU4swAT7ZWch
gP0EeKfPtCAFptqV5VK6wfAmYyqU2JB AiyQHGNzEJiwL4m48W5fTLrhgrHtirVf8mCloy0WR
GCcS6JRuH5WpS5cFHT4IXVwQ5mcFK4zqW2WlqwHmEBzDg9xKiZUG4SkebqWCZZ6GIMBN14eZ
rIYxskKYtReLqMUCYCrB3M/Zi9XEvURYalaJuIleIzhhQXSVmYq1SaZaaiNkrzwNqYIKp09x
8aNyJ+IoKjssdYiPyWLxLC2476xEqAui0L8RPxrxDeviHnqkCFFLYDlaIRPRWyNfFwOrtISD
cKkvDzETbYjSSpCxx6mbtU5rAR7dXoWPerYvcViCKfg1BzUInofMatYi/wDpAnbwldOvbKD
rJf+z2L9IRNT0DENqoLfUFCDAA3AoDRplO68pm2EuPAC2pV4sI2voiJdkBxNZhkTcw/6S93m
FRZTn+SMKuXO3qcxBjp8VDogNP4ygeDUEAOK4FYE2RniKMkbtIGJLFo+8JF1Gu8b+o+5o6IP
iCWVVtUGcdORzFA8CnMJChsNifBeWVEDViq11+YakYct4YQKJtoGXLIduwXw3q0IwylWbYpr
RS+cwj5MI0vcIZx2xcMvPpY/SiFQbhDmCkUW80Sxk23SUYvtQhtEnqAMCYZTFQEElp3Lft3Td
czcuAoX3LLaQZOYdWVpw2Gu4kYdul+I4YwZaDiUFgd1IGiKoVCU/mKhFPBFkS5yppeIBXVDT
3F4FFKsrGwArn4g8VXYU+ISF2FL7IODcuTFDmDY1L9QIN6BUuWFFTM9IH3CtdCg6imn1OynP
m/6lgHG2Ig0V6MRmuK7ZX2Kr5i8Ab/FpwpNEQIRImR6lecVzNDVjHMTvX1ARQxUbeoBMDiQ
8/JBwtmTQgTk2C8VKImreoSbhSkHWlbVMtfPpthhMGM17RMg1WKq/LiGok7SUzXqmcKrN6mJ
ILFQ9SpwkmMxXLi2wSCEXylJC5V/OHuYJGHZLvp+0RVwnDyjHD0IGVRIsbUWJDRfzF4tO7
MspFAC5iEnkwi/3E1idDBXLg1vi4akYhxClvM09xaCd3fqWI97wXOivYwIOEQGoEPvFZC2iH
LDqLa2zVqb2076mb2wusUluRovAfizKOQHHCbGZWMnsR4xt06xAmh0W7oP8AEFWQN/Yp9TJy
slefJu5cWLaNK+o4pzwG5+EeFwDOK/JDJryKExrgDKkaLZhaUNj5ZW2MQcpuswkipvA7yqlH
coQtq+FhInB7SZfZ0+YGHABU1bbPxDZZNRveUwxBB6q4rG3e9Z8zLFGDMzVkJmVSDrsy26
aAw+JeDo4wTJ+5dKteF0R9vmOixDyQhVuB7pHDtONpUg+HUSwjsLgy0tCmUG8WSzVxyIt6Xm
t/mVJKAB+kPrjhredNk8LHYwOwhyXqrEHwCLqXqi03WRATarrdDaykWWMYnyQLEKsBii+IU
PQkvEK9tS9uCGD5Q7+2Uq3ErOsS5YqJadlCps6GZUalbuK0MnR9IGorAT5RD8wPKNwsF197
ozX5jqllybmGk8Qi2CoHc8EpywSoW4MGr99SzoCk7aZgKoK4UsBUTIuoYFpxYZRaMRHOEv3Ku
UPIXXRAJlc9fU6VRlp5JfDkhNROgC3r3Q8BfHGCPRODEVONfcsrGQykrR3EIQ144jWJPFw8YK
8NMKpW70YUbs6eazAYsu/qVzeGUZ2FQXtPbMg0BPvECCbDA8WeTcMPICHONd0yo3nD2e5Uw3
UpcCjeZX9chGBOoS3i3abI5sm2j8ys4K6ufiYRuolVF1cxIeAwjBKHFNVFci3ZhpXNjFMDxZa
O/xA0Yc4I76+zfoiEvgpGVVhE26h2whAjChFqgYUdCcCb9QOVtjV4QjpLFmYUprXxEiqmXlg
u6jucGg5ZVeBrMS+jleYXFJa0uIlggt0pmN8RxxuWDtdbWQLO413YphGhmYlbdPMijYqqoFq
jc7sxiUhDfIVyB6ZcHEM8khpFMYZxWqlhTiNW5tLjYtYnY/hTFq7BouCdHGGiZiICEIZXv8XL
GIBUXyrXzEOveYvh4ifcIBY9p1ABvsH0kF60+hKQxLasHjmevsKL/pL2IFXuN/4vMS7XIegh
dCNuIpwnDABBDrggecMIfs2txBQ072oAlevIu2uqUtkuiyuG4BU1KD8Ja6qFjupeIsUno/8
1LLnQGD3HV0qGKikDWNQpJCqCmodl2pA/csaW24ObJySrGFMqlpievsA/mB6lM4DEvw7vYw
h9wwhWuhtDKi1Sfyl9ONAX7R4CdfugVFGaJF4GmCD4IOFEC7NS1W9VRjyxgln5mkDEXErxy
E+IINqAazAmJHYp1EEVOBM561JuM5DBXcujiFpjJ0GnzCm6inunOYaqSQs6lAgCk6R1G+1FQ
H4mUOi0tYciwXTFrftUtlL3pCOoHQ2zChIsGFcCZl1aHGJIJRLlcvMUMV4Sa+5ZQE0D0zORh
JdRUkzAwPQFj7fxcWWxDHioWjwTCjVwLycsVQNgAPXiKhyq8L+IYMiZjyYBHQJOEeSIRsoov
CUyy7LQ5FxEKC3HqGyjPURtdbG3xBaDeI+ovvyDzUqFywQxop9JZxgEXirlWfMk0gtqMquMg
6lopigsI6yD5mMoLpv4gr0cH0JcEWHk2MMnhCqXp6hc7s4j3fMzxtx+SwtEOTyECBq986PqD
qr4cB+WNVcAQBYUZUGDVlxR3jN8KJAAOjq0HBRyv91GCIwF/KjVtxK6qKsWgbY4AbFpDY59
N/EWCfgFONygsrU5S8QeCYwyuQlgAAFmIYaWmXm5hI4HMNHnMb/AHEBDoWjczU4bblnF8kQ
OEXNsv1AS/gHNeotXLeAh1E/dKoYP9yhZKGG9xx8TrqOmWmNkoJhCRqgTqrIoil8SuQwrG4Em
WRLjNpWxvLZEN2AZo1FrqW5nIHB4iBW1ybhUhusQMktl35PqODFI2SX6NtEpXHR/6Q3Croy0
I6tkhqGxhZPceK/e7PhB1oa0PGyLJDSzxCaHcjuMI4wssPT6jfuO0DsQgx09QT93NQtojfcI
Exsxt9xwmrOweWNrrcxSi34le9X4zcYEuL3FrDvzN0onRTv3qNlfWgKeZii0KjCgc+VY47Z
5uCHsAmHLlxGJY74IIC1w8iKzFRVhNfeIgCi7j50bozBiI5p8xp2Ua3ziVneuX9Q9MKD8R
oiyWG8UBPZHJeno/hn3/AEGUFBmsWRuYD2R4taXjEGGa6dxSFtns1Ly/YzuYCtrPXhmIm4wN
y68ll6ltQ+zYjv99m69soUYAUHggzBnPxEiaG8VdOYmyot7LhWW6xiDsQ1aCrgDJe0hiNHp
EvmWMIEW3jGfEsh2FzfKbxYPh+4uKC8AahBiPKVVGUAs4EMAreevtOS49Ii3NeniYx/DNrDH1
MnReiNxYZqOmKIHupI8KxLjtHJZVqquH5REcRpU+oQc43Y4B9b2xvww+EtGMrYBLiH3/ABy0
7rt8NRDw19rTGe5Xp1M/OoAc0MAreZJdmLCEIoNRaEaNIucJeWyWYhSIBBBg1kv8A6oaBbiuu
0RwaMHXKxT8flYGOWXSS8qriFQvmuZsmmHyeIlqVXkIOJy/BF185vv8ASVAnAoB8EvtwAPi
7juG6OWeeEyH5mYMaz/UROIH8kIp0u1/xCxIFYZ4uOaW8+RMQaqpR3m0p8QF6UypYMTxWkue
AN9eXiYJPkyfuM3kZWtY5kCm+YuFWDBr3EysSjgPfcFGV6HMtoqs78zGuy6arpl4rcha8S1G
o5EUFkTPAypBtNpapoLMSRrYu/MS2MeaoORjwczCznNAoIWGkIOfhWzCGvIGnbKYcJpVuQJZo
OKPiHmPBuYd3kQ6kOLmtvF6gCoi0ZD0wI4HNOKmLhiRX/rFUIFGfJwS6NDA+z+YdJKcXWk7G

M7bBRm71B1aCHnxXMYFzDQXzKzsOAiYldi4uwJbMu7RCPAIL69w+gjOB4IzRSkpcFY1+Z2Uc
uYTBZJ5nAyv9/wARraAp7EvaAs0FggwVFZ+HKxahGg8vcvmm5bXiLbBd2q2BXDAmPcTomsZm
J6T2VUbUSU0C1FwabSedBUCb21qfVfzAwgZXJ6f3MncVWPY8y0eW1V/bEQRy5Fwa+8MkfRq
xthQuqgp5+JRwQ3buXfqS24vykAiogfcUmKcvh5g6V0JycS0/Ve1GIhmxj7zG8uGFVH9oKB
DLoMDnkRfgZSzEiA3mBCjkLT+YwOctl+otljFqyncTWZs3Bc6bj9Es231UfxBbW4MEzxnXmF
NKZpVnP4hxpJf/MxMLZzRg6IvN2YhZZWG3BoQbYUaO9mluYFGHInSxqkWy+DoI3yS4sUocDO
UsEofPuH4vx+EsxFHYEU6CaNangjUJEpVAuxGw+7mMomZ8CDAjIIZxuMd/CK8lkM1m5uWude
saV15gnViUvbVRGlKqV8KzEMhyHVwYClhojOllhH4cH2E4SH6Li+zcYYtXggTJLEZr5IIEs
rLcka+Ax2MiCcxIFuPSS9+Mwa8tiVrErAXDFA23DDp9PRR4YWBAAar/oEqJ0vOYQILARpXKV
szCTybi1IKQ/Yu4PTANx/LMsCq27ViWwjMMqodIsbcRQDUfTBHJWoulSqhWpXXccBdCcXczQ
kfASyqhhtFmoCZty2X3DPTcA+YFQrcOISimL8Qq3f38xAXQlvUUTC4oOrjHIMqeqhoeTjMq0
C82Pkh8WdKlaoXmmSFDWnb+ordq6leTSxVNDRVSOw2KwhKSgx3MSajU9I9cKrfcqI1VqyNeo
EUQEFsL1H/YpWgaMQXBcInDwjgc4oF1VVs0xNLwSkrTfcstoy2oP4jewP+CGG4L+0eNg+Rg6
NMyscrYhFhuX/Mx6rizzGIRarCbcPDK4KHELJU89BckfdG+BECjv5jWCvXGktenMLccpb7z
ATkhvlnmj8ysce9iu4NXrIzYqaYlgt4OMbhs0XNVdQZKm97jJ9B9iedKQXQHAFTODMdXL5B8
3BMzS7MDLpKtkVt/pK+13AasOA3HasYhK58RTLX51EDbdTF+Sw3So2ei1hXIIIdHrxGIUDeaH
MtKv4utRLTZ6qcQTE0vcV/Xy+Ylvt45gCZaODFefMVgEtXgh59quX1ltsOUpmKfDz/DD9K2A
DO67hC2OaQ2FpzVQ5TNfrIBAu8r6lNHCvfbG5tgdz6IkAdV1vtl+ZWIPD0YmKXe018x6rbGF
sqtrFRzFQkyZu0pGb9jnEBJrVS8spw+J4wL3MTkGHhEV0l70xqgprTTcScC1OSzPsTJ8JDQF
1BStm05EJMdlj9qvEawhVsPDOE7NPEREB/tRr5W2SZa7N7hYo+W7hw1ppj4FpgaSwdA2bgh
Ra1THDC1J/MsbNIXnp+YnSkLw8D6qPam31MXVtU6lWvYHzBPpDHN7YYsB8FEDA W6zqLGBXuE
uH1G0BR4gZMAL04gUgJajmWVVvw5l/AbcUwi4MLZxKMc5UEB/C+yON64yJTKreUCy940hEa
+SoxbcfFqQN+EYDmgMSO2/0Q53qrNnqUZ/4x8PJM4lteYkaYIPkPaYIFw78mUN9KLhloF3
E7oUaRKmd3ctbTromZYOKgE+HoQQpLy7PcD9MbVUfU01vOE8SOIgu1HO7Jg0/Ezj2ywyKU4y
l6yBuIsvgWyfzNXyXUE2fEV9FUcss0LsKycMZApWkNqWClkZ3LH93jUAojmtzwy3V/pCHPQ
6XfseDUv8WdN0hMq3iPGeYFUyIHUEzrMTF3pMkwymIMZAwXFueor5cjk6IFfH5aDGPrcIOIe
1Y7S0QTxMq+alQDgX6D6xCOlgsHz4IFUEujhOyArfWVNXcuhZE7YLDxFlq21AN2pZS6LrxFH
R2jHMzQvDNouANPjLJK9776Jf2bjASwbFnT0RjFjoh7iVbHGrUwdDORWZW5nC3FrcgxzNG1D
MuFWPuiNlffWBYKZeVxho48almE0Hw6fEUBHWMJ2Ef0AxnmVzYaLD7g93GIryoVBSqzoICB6
8sLhB029woiDbQowZe8zFNqs0PghbEdKwwANO0vbJcxcBTKollut7cfUMyZbuEJHijaqCi6R
CDrf3ilfwh21RZBJrRsrGYxDDHA59x7vuBX3M8gzwOSGg+IeoTJK7at47j8sRCC+2WMAQMt8Z
8CEugAthcVcy+BYswA4c4UpbcLq5fbutBNXsczLcNl8SwLTLtczN6Wvb51HPKXAUFET2nH
I8B3N9WmHyOonk1B8YGRhFbhX3kywsAFdvkIcUdr1Cdo/MXP4ijcRQDtS4+61WKMRVoR2Z
hSBAISlgPATZ07AC+mJQndskczV+IFrjKox1ELCKxp2kdjLbIneNS4KgtzUasFOlWuOVq+IV
syq4lgAhTRAQI+JVRin3OTv5cz543CBMJ8YgEsb3qZUL9NEQFCabzGWJeqXkzXy7jrlXviNn
HmWFUHF5myk4yj5d/Sah2tO7LRa1zgwTIM1y3Yoi51VRvAoNkrFNobC56rWVqzxi4xhhNunc
CeyBNc8X0wC2TmLk2NRRnTBaejzFghU0LdjFpFrDWPiWw/g/3Mnt4ath50F9phhXtXMHARhF
faJlp5P6osILq1g9wAFvDVnibiCIjwZZh5V1UZjsxYv43mCH0H0mP51CIxII7O4cW4Yqy1+H
P2mAuEyvAIjurqAaaRAU40cHc3j7mtXmCxcKtXBSyqlVhLtkBcD6m2YyTUQYV8pZURjorXMM
FkWiVwI4KSrVzsqRvllrnUO1FprDCWikhX1ifmo71kwYKtcr9x1rVthF0A/ky1W89BzCOl
G2vxBkUnpUW2Fe7g9eXpS8xLiVpvzmDp9WJQhOrhdpe2KcLuX+b2UiXIplNGUBmTJzjpNjhe
1Isog1txCIJymEqUVy7cYFk0kWNwxCcVMIwe6OSZDzhfMQTDjwwgLMrhISd0OIkK3oPZ1NRN
pynuDaTwyRNVNNxmxgOBuCd+iqLEej5QgYkrUYu8KcCYyhdBb7MSiGd4FlxcVbn+obDegDL
4D7mUSauC69MLEPYJ51/c7C/Intim4ecENFNf32i0S3eevCE5ZPqYvv+f8OOUtUQM5YR2i2s
1F0QjZziBOU14HjcQTK+5SVFtcGGiMBaLeYcQD51xfzRbisMDbEL1DxGM2G/MMW1xdcwU5+m
HHuUSD4D/uGhINSy7R7d+bl64npEVOL4QmHuCNV2fEsC0wF1LpAuFWBcV4EiFl+CZxzWUowW
AoLTfCyhgCIRFegjelq7ZmxBv5imwDXwmrgMwo/CANByjrLcSrydSwmykuYq6hwS47aBb5jo
/wCYEVS33Cqpe5Xw+o6C9KOixwB+YmF9FXieEq2Hj/EzgjIrlgQq7KA10/GGV1TxZ9nUQleg
p2nxKYy2spllkurxB2moaIrGQqtexUuqMqN3W5SFQhXpULTWoazG+BhGyoXrUuYm7jxF7ufB
CwSTZcEW52dSwzuLE+GcFsZ3dNUqXi1fMsrdsq4Qr4uOEvVAAhC0YtY1ICtbGAqWSrNkaEbJ
RmEr9GHybFo1U86ad/iNYyNaSOGHous+K7FoezXTpPugBolNue8iKj5DMRWUvhvRiDqxR5gv
JX3MCvyS3Vj3AoTV/YwvLdRTi9okw2HVZLzNYoKuOZF0ys2B6irrrK4yQ2bINbIRBhCs6YoM
TfaJFFUjwyhad01M8GUHCah23DLOo1eJR3GCjHXH8xoOKTIxz2vgH0zJpikps6hXwqiXi9S3
aEobPDCF4bBz5iUZ55mNYQImIYUcnFNv4jdYeCs8DDFS7DieVPOY8M28xDWYB0s1GpO5bsQm
FEwZi/LHRY8pAARtDLO+asthS0OnMrxr5CFQKeyaz3gRwimckWIWYwK429u07jyaW4tNBFI
C5Gx8ysQB4QhZ5VKlegWwDEdw2CUMtMcsdnI6mTu1dznA5uoiB1RcVqn4Yc/zLQnA8UX7
A8rB4By2wGjzucfj3jwqc3wuYgtHjUzCh3Mwy+OpgQoB6Sn9x2O89rPwwXvtblsaqifg7z
rYLziDwjo1RkYt7LFOgamXe4itxJu6XFPtmvtzxM8FjrZFLsZwx1nnUwr7jwnoL1BhCAKbV
NVBrFNqIZ5oK7ormK+2NmWHzLbcF0QHfMjd+VaBGQSVwQwQ4kRwtXRB8weCVt9D6ii8CKi+I
2eA7C/m5jPTiU/MrFZmrxFpW8xjHfNy2y3xK8XiDw14ioQUUs1l6ll4wnnpTaIAmdKrZl2EQ
Cj5mYLSW138S3VN5ENLHsLg8Wrw0fqG9eUbgBxGASLI1MWp1USt+RcrMlpHqBOB9wwqj3HAZ
rzKeD6jrnZFPbcLsmmngimKfViVxi4Wrc8CZYNm+URPSZTKReLDXmVxcKAN8wb3yPAYCbz2h
oKtxKqKDI9yoax15gY7g8QBATmu4ljXwWY9NsjeYKqnDmy+o3UWT4RZd4OQ2xKDuTCWrtDJ

qX5ZOgiKFIgfcEBWemfEYcgWRBKFflwrol2VC1K2f6mU5LhgjVG4KAquCSrUcK9RbMDmoUUPI
BjdrI+Y+cuFD8QsO7vPqGYkYptjg9FFagAOwMQejeRK4LXmNowcItxIrbjWBHeIqUBkMyXTB
sFMNDIkPuLp2ABWAezlLmNGLTqEGhyvyQCigtbjVFbrZ9TDsekYyvNv4gl4wFRixNNpUNp
FLTeUKcWxBkiYiV2ocJYwZ9UgnyiAweGrhXMMp95vGa8Pt/iFA5Iuv7j1EI0yLhGtgumDi6+
FXB70c1D28q+bK+37th5lXgNlb5ERT5ocr/8qr3YS0tN3JGZYsHZzG274d3Cx+CmFKX8OyZi
Veb0iMDhVKEoUu+yJiz4WBYPAsPtN6f4Sjh6XEsRXNxGtIldSPc2y8rzKssEHA6MkItDf5RK
hguSH1LZKKGjQTgVzO4C8dar7fUrtO0/Osamx3ByPhcAWNeZe6VYRYvuDvPmEARaalBJDZuIK
K7vx6nuAx+RjA/DtfcpxnJf+IsWy3DnwwBjGJkh6R1sHL/iXWjVquz3MrRor0/iMprQYqAk+
EBF1cL81LfyCwS00hmax5j41koM74EK+JelTapfuOrK3JYhsvAm9XpsSYoTg8XcTq2oNXAQt
Mozmry4pU1bc2l+GELQulXLEFeP+GJgyGNURo41LBK5jCqpTZIrynsVxPCXtl6qizhJmFq3s
yvqIXKRZEJapNRKWW0Up26t6/HMPDfUQMNUmNHcyEgTgY1KLE9xziKqpl202SiXSe5aRUF8J
c7tuxi0leTZKpTQXGqB7ISEZNOI9QEJqLpWTijEOEaRorlj4vqPMLMXYpqDvOvWy5IEDZmAo
CxcgNGsTgxUwbd01ZNxCE0/ZHQ7Baww9ywwqhZihbZYTcmLG3cE9aofqKikr3HvnfEB15bxKgD
SzojKkssCrlQBZuecXKfBwLbVUqx2NBKsN2GmJvs8XTBCmTu5WwUgY3N8zaNtyiGAM4sSxhH
RTMUqDihEhvOSoyDdkYU0oYg4K6Zl/FtjvMmenqWrDU9oxY2IROwvliN0X51LqGi0Zayo9IE
FG48oQ8rLIsx35V5jFegw09VEzQiiAFgjjq5a+7HOalDOZtD6jqzUUjHiYIrdxLVUeVgYcLD
DrZFnUVUD+W/UX0bnDy+Icx0Nwebh5FH3cPVRxDQXczID3zFrJVirZkEGrupiUM7qe2oHDO+
vzDzR5iGbRwtp1LKg48yxsZkouNalLO42fjdsq56kKMu4YwDBEKtpYs9QvX9uPtLRLnEYett
wZfU02Uw/DEQLZoo9x8AKF+cwqW3UZff1mLlG+cmDiDrJsjAbLkvSz6ObEoHBWrZT+IGRgls
HsEMWna09TMPURuPliVQ2iVn6gYr8OL+IVGc/hyiq5bwQWma9pRNziPUDv8AyS8X8SuBLJk9
iEmydRKFqjxMI603SsQwavSdMuDV3DkCnDZGUBII/iZCuAIWwITLgkFGVcOunUdQ3wSkEuva
EBhTm6g/BW248MZ09YM84bU3KVht5vuVvEXIJfEzXwwOpQBDijUy6vqKKOeTh9xydwYWBbo2
sworyioQAewhYN/1AzWYRIZiTKITsQWbKmxvpOcWDI9xuf4Wk1qNqmEfrgIcKnemArT2wwoe
9RN2aiMGEAhjwxdW+yKVgDo5tS8AytUJ5aBymJY1yiBDG8LPd8uPqBINOXb5iVfK1QssLam4
rSbjWn1CucB8wbTcKOYuMRaihikxBxANxp0Gj6zAXhUsVaBJf0IJY4rJrmY3lflJAPAJOGYw
mgS9GUGVOnh/qUBrcLzmIic81CnaIaJYvMEwCXE8RrqKmgcKicgWTH4icVimVZ4Jm5GnKcDY
1uY2LzU5CI28rTiXnOcVDY07YERwr51SA4W01qEesb0lSgItnrFfx8Ex+XkITkX3iVVENIqTB
2GLdxULHkhaFN8kBFBPLG2EfMum6uVawQmxLK5eTDL7Pm2R4l8pHsIOL8Ro9znDCV2aSWJm7
1TLvZercE+SIAYTm2YlhxRTUqBLzexllsM2YOHHEv77IEG5h5x52xECDhhdCU+hEKEO6qAw
NEUCtsxN9w4kQcVHPzEIEzeKhlVNEM04JG4PiYajNw9yszG5V+ILRoDB3LNIpMtY6Hk/wBE
ZW+GIjTeF19/IfCnFRvX1KDG49oDICJSdxZeXJwJzGMQyHI+JgNgm13nxLR2ZIBVtaCKcUy
+OagG7aXLGYQuA59MpbKe8TUfNF5zLMSqm8waga7jtO+IJFC5MFv5j3GeYioGQSFdyXWw4A
/GMtlKcBwwwMbaDncsbJzgg1jv0jWkOKKwksBNKUqRHAH5g60Kbcy0tFYWBK0lpN15lFriON
ERIqxXTUZgK1UqgfBmojsV1cdWpMkIlay11uGRZqcZ578TMUa1Ox9wTBIDP1BODc3tYVApve8
fk4AbbjOZ1HD2+ZebzRlqE9EA0nDF7Z+WNOamXMAksKikINibUSbEZG5mwexLCu4d4B4jDXR
NpV7jEpBV8HiBql8rKZALoYC4QhahouHuVBTTGQWLgRjJlugaWckxF31KlrrmEEEXkWOx4Jef2
Ka5uMmSIXd9CwsEu3A2kgzyB6g11FjGHMYta5meW/Awoiecv2iDruFj0RkC0VJuefMHH+zAY
bF52kdN1GFfQW7zWhEPbvIfeQ3NRX7kAagOYXLb4JWd5IQ1ERgMhXmoeWXohu+hzEDyTuJHf
QQLch0tyw2OFbCE/13wTsygJVPC85srMaqclHe8wf+NxRneWzTTmLBQoGd7hk6JP3gIL4psz
QsoDQYrqEgXMW/8AA8EocZrbzqDJo8zKd8kXWFqteGW5uicMti6rpQoJV8wUpHYMxkt8xLhs
VnMcAo8QYox6lRhjLD7WUgz1SFw8dRIOvs3Fnm1NPTzNXeTkmfA+FkEa/pMkX4jkv0k9k4LG
IQ2wHB1rU4CyXdGS14/ERx4T+ptuyuGJUMSwi3XMwkUfqGJXAb61G7FrLWYQvDVx5JcuUvB2
lcpt85HiI0hukob1qmORD2nNM4mUR7qVCjkgnXCCsInmEgN2A9rHBCiWF2qW3VsES1QZIDDV
BsXXmWt2QFQ8hcCFbkInVfBK1RUVjrfLFj6xWsdqw11S2Se5ToHk5e4ipCapUqYnLlmeZArc
rW4HuBdzohuyAN/ErtalpBctasRu7lqxcRDxCMuYSFM/pG4G33F8wGCwSUQ67hSjXnKoueG
SqckdLMy815SoIZLrXGJzlUtlxOIWa3CaLiOiZzMSq/CGZR9RqivFQX2RVBgrG0XvCiyJ10
9kAFQTsi9VXxGg06uN7+WAvKkMXjJQOZwM0qe5gAJ2Meih+YAOB61LVkPcLpnjceV/JnJ7L7
VOoHgTi+SDDQs8wuHMD2sZlbAhVQRxorh4gMB1DlSgirMTGouiCtMinR8Tfc7UsErihRF0MY
0DGN3KJRKAuPUHUtBxBHML8wJuXYIcrYhU1ONEDmCQVfXaomovJ1EDTS2fUUHmZSO3N7Fztx
PjBVdSpmD7ZeUHgogWC7bEW/U4gceHiOmxIplVftDNVU7jiB9x5lGDLShbZPOJa0K4yFxO
mtprDDQbzHABGxwEqCspNWFx7WrmUPR1M6Y7i6K3D7l3kdlfwhqjBabIHGHFaR7WiKfV91G2
CWiFjiC1oQc/mOCg3aJUtGYnIWYXBGAfcQZteG5UljglvF5ZfrMHixzxjzDGyG1FeYlJ8xNS
v1FLU+pcUATIP3N2JpDEXApE5iGXUvMWY5itiLcsORiOWFGRM7JmI9hKbCOksJmKfsEIZnkVS
iaeW74YaJu6e46a7178JAqR2pVaq+sfmWGCU5ZgSWQVzLwfOSxSenlRdAq6Lud0uDMwfvVTRs
HmMAH4mWa6rcAh9hhAInGJUheTcvglh2k+Ll0L4cPxCaryCmDgM3niZe3YTG+o/QMGQazR1U
ch0jhgu2UrmrWdek7JxchcItXs3QQhiITyKucfPzQlc1Mw8lLOWXYouEwcTISn5hVpeoqw
MkuF2jwTEp8RFJ3CcQGLRshWxmYWsoycMsbf8CiVLCMCyYmdxQ3F0RvFMaZ07mDEUblIWUvG
pmsozFkW+Yij6uAQB51Qq0tMzGGgvoy/JXuCd1nLC8P1DGH7haoHuCcPyyAf0JRCvvaA0Ej6
fEWyoOYwDQDpjL8glwn4MtZEmSMBVazqMxXkFLEU9zCjbZ6mWSeUcKIrcF3FGwLoktIQ+b2
wUqdvSGsJanZFzGFUw7NmVYIH5K2wk3cio1bBAvI/wCDr5joATOZRLcjUKIEQW1EoYrhhbuF
XuHeCI28EX/tLDTFQLG+fU5RKxUWs/McApq8yrI+pWcRsexpyRUdRDB1GRtULhKSRU2cqIiL
ICHPTs6X1eZQ2H6lQor6mkbxL8QWlUPM+Za40pWidiEZwio4XKtF+KQAJfMfOCdcwYJaK2jm

QiYHpiQW0lxZUZ5pI5f4NWJ5hjO4xbOo6Soktp9ItgUDT3KA3tIOIFtKxxfcVUni1TEI9k0hl
jvcP0dzfj1LzGklg6uG84qBogq1EXJcHdRR1iIRPEBmaKgUowxouyXKooUZ1AHkNy60ZmVcZ
jKgdKhgGHZMiiF8R8NmYN25HUIXaVxGqiJxGVopzyTkAhrzA0LQ5mLIUY9waU7cIq6MsDoH
YuVShVYeYoLWY4gGsx5swb11ZiJluWdsEvMcAIEZ3FflltAJynEyp5q4mXhk4gJvZuMw1Vyz
whrWppiLwwVUC2ogbUu4rfFxxInxNNxbW/xFhqeGIUFqzFiaTtmCVixmexzOYFepV6iVLC6
I9w3ZAdEvdVC/wByu0JQxIle3mUgBnzMdpHmZS/cvJLuzBJV4IzS3Bg7uCN2n3czZGjAR5Cqe
JUoOoCj3BC8/UoNkMZeI5Cb74YBAGsYhjyS4ldhi02y7mJRwxiXFRHcWuKv8GJHrNcS871
ZYRJZMDZS26jhWzkGdYDuGWMvmAi1y8x6SPLiKs8cRW1VXqcrjgzArodMdtFkopiu4qMQZH
GYme7zURFw31Af8AASvuXiDFYJlma1KroVBbiXb3MMnxHejEVVcTOY3Eoi75gth+Jbr/ABSs
D7mmcNYqWrsQFaTZWAsc3MuCmCvIS8BWLHVfhsV7jDZhqBi1hCpxnhhU3yQATzAG7Zli6i2x
Y5hnPecZMzEuqg7FzMPbYwdEOBCJ9jNFuvMMLuvHcoMuYLPRLxxGzQEMpNlaNbmTnIZmCvp
MnxPDFVMmzEo2QFZ7iglnxj8g3DURzPTDDuDCBHUoUrVxGTEtsUWPRgUmflGAvclt39S75
iJE6itxtwleYDkq7RrrJFFvt7iJRQjWxnglJSwG1igPfmKBwdwKVqoDlaYTD8MYiDht7gnY4
Y+Git1EjrEw1FG4NkW9Yi3FaagHCLhzagUg1XMCBvrmYfydTKcGSBtplRk7VkrFEHJAoYxKs
/uOx5YhVLCt/iLEUC4KioDZbK9zFAHgSIEaz1BClVkl4thRfLxHj7EQ7XpkdfxhEFmZQUg6G
ZcjWBIKssWtplhuPIOYCijcScvqLeIQ7JRzGsdQbsquohUFTXuN1aVXcS2zsl42BZ0QhX5Xu
JELi5aizN0cTZdUuwuC8HiGLZdc6JeoHp8xUAWNkq0JwXGHkjGveIrrPLzDgDqtQ10L8RvMO
buUus6CNABERgOqiKi8cMoKY5iIvZsPE6INswxaZg0IqL0mvaHEXpZbJiubq4UKedamhcNGo
9KJbbzUapbLdxSjX1UeQJCjF9S+GjbGZjHREYoswZALfyICwvgaeURKXOgmNvEyR2MkGYBYE
U4GISmQt8QCmB3zLWukBgTa8WiNWiri8pVthuqZhreY4WrqlarcteJ4QDOcnEVEUvpmBgm2j
MFmz7jsNiYA7tG01SoqNnqEChMHixJkXBmLDhZcpKAO/mFjsNsRKgkwU2PCURtJsmSbqpi8
YWC7ZiYwxdmA2Ug2Gekq3t4gxYNa+JTwyIICU7WZVoFhfUEW0NsBd6NJFQpS8waHKChSNYml
sIeAWH5BA1co9EmofM8edylAKFhImyTs3KSqQuAJmJcS9wlhqN87uCOwWzXU2uCYzZL5tpd
QCrlWHZ1KGeb6ggUXxctq1c5mdF4mBacg+Y4RhXEChtzAqfzA23COghBVLbiAkC2iWjJuXcK
NO2CFciRpeFzk2LKqmR6ibGxYINI0X7gMVsvct8TGgSzYsRtdDDsTWY8VnGmXaUUuq4t/ool
TI99pQbLzRxKGaloGJSqu8ykC0upkXt4llaCXUZkKqguKcChjEMZZjgjh1ACbVUILbWURow5
6hVBzXEJmKYI7LuAK9hCq1a6cMRIQHAcY9Mg+00CkZg0devMqUYW9oIPZ5ijqAM8xpcxmWiL
hQXhiWLD4mCBp08Q3IDDXpmPKVGrWJvPwi+WK6H6iKfuTGIvMR6cLK3a6lg43fUcVvoY3KKr
TiVorV1xMBhjaBSnDmJsiiUXOG7TOJ4ThuNUVielDLdI48xRr5biqVrNzby8wtu5QKmpYFbg
BrlnBg3hZaloMi4Izdg4xiYgKoWUFT05FhpXTyRBIPVevYKTOicig2amJM351EKv4iRWNLIG
mltkExXncZqF1EQbg7EzrMaZuH5mRV31OUNMxau/qDZZmOAdcwYZFFFTBvxAwF1hByY4t
Oeo6WghtZLgrOijlcrG9R3U01yjYRC2VUs6IWM6hZrMk3EhKLBjEYJGqcsIgc3VbjB1eR9Y
EKellQDawkAhhS7Iz7FvfqDRUYBCClRAsBgqvmXboGhSyHav8GEdAcS3iCosZzc+ZYDiAqo
NolSmtkM3BKVHqNyaJhInrbqITCNGD+JKFrarIFMDMLJkIRQ1nLLcWi/TAI+jDSOxwxwdl2g
8S4zewNzIKqncsbM9OIb0aZQG6iIAGbGKbtj1FelS7A6qahTV2+Y3KOMGFTCe0HTDsFonH
cpAGpZruZhurtDYAWqDUatr7jR68E5mdyOzHAc1LsFVOT2QGBk0VligDd4RbtBrSolXD1kP
PqFihGjk+YyMvYReo4ic+n0i1kwoRMMvx17ce5UR5ZX3mai/WRwMXhSIh9T4g9oa5yh5itHy
iOwebh/aVBRPKYXmzBjL+jADUA4c+E4q44a1GsHbEEANN7/0hhbJBY8pH2sAcuQhvdIqOGHI
oJjW9rFGCFM3iUAmA7e0pALAovhmN96FbYsRKOlbvuGnG5ORjw12i2A2c15w60vm4A1QeGFV
liWZRthhdQvXkVFIFc+JIOjgxsVbJB5UWA6gzAXF414UKZGAMFWLahlChs1L8TivcU0W2qV
TW7cBCsUpTd+Y6q7nkiAo05bNw1WQWsLgtoYawRJJ3aqgUoKOG5YhXEDytg0AHd8wkBgZjkt
pljgEYs5gBIHLzBIBemNHAWBXM02hpo1HDTi1YJgJQtJe2kww1qJ0VbpsuXUMqEHlRqOqZte
o5lnfVORxGGFLJ1/2iurH3qzuu5dDS3rW31GK4uCHxDuKQRJplbgWU3cvcv65bgr9CihTUq
AhQPcIJQ3pdsBUNpeWAZAB08HiAQFHXcbKIL3mUO81k8QLIBzKKWlaIsOJhrdQRbPgxifge
Yr3svVwqkIWfETdqO4jhoHczwu2IOE1+SPA6VjgiYld/9cKIncDyh8sKQ3olG+SaY+Y6BX9
QbJqKbIFnVq2A2Bvo3CIRYwKJb0QsyEGKLtnwwgxMI8wJtbYFWTsV7YqXDuREYDn9ZaV5wPU
RhbCfTEEQWrWxGO3TUU2ia5ipFabYAGttmqABq3uOQAXnuA0AUccRoWIO3MABpNhmLJfKGt
sCIK+QxwTihS36iILmqt37PUG6fxDyWCBVhgWyopijcYt2I27uFxWHDX6iHZWKu3YRJDqW7D
Uo6bqA8Nw3O5YhEJTCmIXbmOoVTG6AI5Z6BFTyZiw9wQHB4gIfaIG7sYP/sGnPFrrvX+HxqU
rZz1ASizeLWDVZgbkhh5gMrMp4gucCqRCVLDgYdjBXCmS6K6WJ+kRZeDnNCItQ4wzCxYsimlQ
ay2Vj4gAXW79wcCgoXbAJRzzEXBaUqKEFKXXNqzIki2k9HcsKhmUoLJ5x8Rqaho6gUij2gmj
lvxBkF3iyBwWz8wEjV8nifCBWJgSK2RidFPJK0FteRctUtZCKhSMv9QIwANuaQgyKQ012QJn
pY8glAqeC/cVaba0vzHYbGBpjCgW0wHsIRW50GHMkrszCEl2m4pNWzDSZksvHRFZt/uOIZDb
BXdVetWxqXtot5jFdXRLwhaUpFexBsZl5uIsXBwOZYFt2K6hqxx1NwwyNB3MS+M0FrxCQTfU
cbWX1FBNS9zEXE0qo41TCI2L+o/AVsyi6yufUEAf3QYSCPSOQEJeYT2LN+UxaCqvNnUmwLUep
m4XwDHPG6PjCpUO9IS7JSKBGhgoi9QBQo2LGYqWvTHdQhiP+qVLKMXdiy29y9pbORyML
UYnxmMBU50IQwF+AuPlActvMMIcFEV1RcWiWIGHOTzGblyVLJbOPMzgjOIM5i0BxLhEcFTZv
asalUokbKpgCAUFteY4o5pzSluUAGmUnEAuioWu+I3BACmHRKLV3cLLmAdEA3zp+oGYHMJvE
NrFSDspZAnFRnqEKuWVyceJXA+14h2THuswxKqai6aBbigrbvb1MnZG7BbwX7pXapeOHluci
gbGmsTASluCa4U9Qj6pXqYJNmL5haFFdJXNkYsX43AGCPSEAtmcRMTKXngiM2aQ1G2Tpogta
s11Fs/mFenOJUK5gV1fEgZuHKTxjABUsySOy+almTUwUvuELN11XDAAFEexl8yNbB19w1AYL
16ll6IpcvMdj2HUCCD0dsFBocoI2NFOiZZWD6svK3U5iAXAZs36iQA20PDBQVscNqpbJ/UFu
JzmIKcqDFRV6DRxhhgVAcqVm20VXuU0y5TIGFtm40HiYE7iLPMuLbWsgiqCpxHujB7MwUags

KwjikaM5yDWvSmc6SEmThWOYMjkYNSWMTuePkZIMaqCIqUxU6ORUEmjLitQXo5B3NeL3OVO
5BeRTu5wiP4ayVpHzkRO7jkWgZ+hLnq2bckTNaRwtM9BXzg0a9AZeJedw2VrhZIZhiOQby8N
R6DZBqUT6OSEarBGOZStToVWOJnWuFY+Ic3IG8qHd3E0sbzmo0fJCpM+BSxJVcTKzh69wqoq
93IcoidvK1H8MzhwMgABoMIZdKiioQDms2qHcrqC9Sk4rtjoothGWS7DDQPQL/hVd63H0D
a5sMiaC9Tlrv0bsNY5o1j2U3uSOVEHrGpN0bhFThe7ju5w+SOQa2RoxVaKrOJHRKWOiUsSw
TDuRV5FQ5F4T14SOXPPYrtkrN5PV5otFhZQu53TZ5AesyunHWO3KMrWaqWZqtwhqWh5GeBaB
Zx5EelR8ahw3n9As98WUiNfaNa5o1FQ5q9SKnDIY6HK1wndxI/njFapKiOGtIQgbLHSq1 wrm
OixNBMPVOVycoiOQTu47P6AAAnSMmMpnzoyoTQE4kwcmLBR4EaL88E6hYJ4ksTPhFokKZW0uc
1BFXfYXPuVUJaHNaReLiCYrVQa1yQ3lUa1yDV5T17hXNci7nEj2OI3K4ifG4mVjxkVlpWVvYc
Pa4mmhmHL3LypwqtU7lQQcfAos0NgwsdxlmbM586X6duqBDQc2WZ6860qt6il2CWIsULIMr6
PO6VRxcUaTLvRzCzqlrFfdp3CRFQbypCcqDeVRqq4RJGHO51OVzoYvOGcvEKtWpHwrEyxSCx
TcQOk4dLHISdyq3ncJy8JyodntDnknLRxnKM9esIfyeyQlQujlGHBBhLE8DzhpYQXa80Jbgm
rg81njJ2gBGjOPgeSarKaks3KV2WRHJSivDeXoRvclrlGdKgxYOJUvo1UQXmoRKi0qoor43Q
90biV8bx7muVytUXu47u47u44AfApba9hgyDLFnlO2xG4W8KKB0YTpFy22XID297TMrSGtS+
2xUKxKm4uGAXMAKjxdTk9SXLIO1LZ5zREVk7u4VUcOciw7u5Wc5U5FacioNbzTuXqVUDccqj
XIo9zVJHQSer4pVd3lLyKd3ccBPAUv1blUzPU4K863OB3heCmAwQOvxZN695vt4LR1BQzyre
YcTbXqEk59W4MKBChQjkrE+lzuJL0sfKUa5sIjkeXjnuKdFJDu7iV7XpG1zBG805qpT+RY
dyKK5vDu5Tla4RXKLNFMORUVFRRUvBAJ0ChSpbGmBWF9mE3eF36ygyefTX5PS4lfSo4d/FIO
ZxNji/ZfJTN+gYk0XyI68jbpVhKJIaENFnToSReUq16Q1HIJy9SO58I/kHiiD3xOEY+Mby8N
53Ui8scvKlJ0Eccju5BzmOHZQyEii1edC5Juj5eCFhSX83pAdYm4LNJ5rv8AB+grUqXDKTed
a4CpP1jxn1gQDRg5T8j1ORB+wxixiDZWvJZfzqRjx12oSHARQ0fdymOVYYknEfSKlj2HIqK1F
aiuzX1I007kO5FHC7hOXju7jIRTuV5GqoPexw5rmkSq1VViJw+7TLIwiNrzTaYjXnm2zxupE
3GD3qYSKDRr5fyf+3goN9M85rFwSNiKxXnQPH50/Y9Y+Jad4YTkh81bXNU06OSOvqqcgqd
xyKiNa5DkdwndwnLwiohNyoci8Jy8d3Kno5ER6DXdwvdytZKxIuVFiq26iSBylKvKtrkdqn
mmjzegUncI5xiQtzMqm5x/p8a0VeZXm2S9V8uil1mus/rHku0svVSVBLIK5ERWa85rHQyqVn
q2YXk4Xk4VOQ5O47u47uQ5O45U45O4scvDOFGO53DVXhVTh6scLycq8inNVEYj0K9W3TIRxI
XXnuryGxPOdZg/RyuMrmzKniIxAWyp1P2BxEz2J9Oy5kimdMmWKmARtatAkjJWDERTT2al
pSVuldju7jkXhOVBOVBO5Tk7jkXhO5Du7izy8JDPWLcTcJy8d3cKqcO5OF7uOa5onKhBTuU6
QOXFnmuYx2vPN/RvOfVyzitUCnXtW0LlpJ5RKSWAjQTYHhUW689rQUicCB9bhtcW31rBFG6M
1NmraUjeoEIT14Re4TIQRO4TIQ7I7u4Tu45F4s8qCU7FYmsDiJ3dx3dx3dxyoovJw5O4T14
rVLVUifKh9edaLJ6NM36pjdKtZ4+cpHgOnNBIssVILIYdarEAB4n7/4YaGJK1gnQUIVPTwPR
lLDQ1FwcSW0VEFZu7o5FQ5O4TIQTI4Tu47u45F4Tu4tIrCCCaEhIUZAH3cd3cd3cd3LycO5
FO5UKtazWKO69SRZDY5L09IYS2fULbD6FFa6qpGWrXTQwjRq62bEEDVeXaYQSDrwlCGH9Awi
7IhidelseRHh8wilK87nz53d0cncd3cJ3cd3cd3Id3cncd3cWoHjS3DQjoiwVxppQ5iQReO
ReE5eEVOOVFO7uKtWzUKNZsFYH2LDHxAXqAGTTZu8pHEbjz02FjG3zTS5wyNK5CZLE+X0yxQ
ulSTMGmLmSgi/HoA6ldsNGgZIXHs7oCXuSO7u07uORUO5O5OFTuOREO5VMY2SrVhsSnQyKU
SMVwO3s0Sgn3cci8d3cIvcIvcUqtuuZqZp6ywcM2fLAUSOSI0ED3OAUumimQFZgeVqZSu
UD+b0QNKiDpm9B19WYLYDii1oSQM2pjDbEl0WcPFzk6F5EF5O5EF5OF5vDuRReXhVRTJtbJ
UV0cbAcsNstQyuJEV4Ys0rsd3cci8Ived3cDlSiC3kiuSqKrc4sB7o9J2yKFvNvR/NpdobyB
Sy7myMBcowsKZfPkLkaVhMjrcnpzrUJZaL31SoP2NUu6fD6U0fckd3NHenUvd0cidSp3Cq3
iZWPju7jm14L1UW3oSCdrC9YqIEH0CgVky+O5apZ6u0t9VYXKnSmdrbDI1TE2BaC74HSlahb
DGihXlu+feh+fwSKNZYySpfI6N2JRkrqkaSy4ZVIvRcHCgkiV7uZ9BKnmBnp4oWVICK0i+IO
URZB4USnaF5Fju5a7nuI5UfCLymXJxWaekz4FQ3lQOORSjM2yWilgVEUFPNVLq8iRNJRzKls
S4GPGsCQCJZfY1mb4pgZCafKgnjVEtYfWZhTRfn20ii1cYfhdCWM9qszLshTSNUFXi8TGzoI
9T809JXJYU/koLa7D76ip+rWDo0XGWrYRxJpMPPUF6I1d1OkZLHcjRWohQesVXX16Bkrpa
rTQWwfZrk4mdKIKISTQ1TuThyoIvNASdgalse7Nq3U48hfqgWrhvPLMFb0Y6xg08GW7C+dA5
O3ywDCrSIU0VBK+mwu1UdGQBocVtoj2dKjrjs2SGxPsMqerTE8aQTW3BJJbdWuIG5IwJT1oh
XtxyMnaMV8Ry88ibI0q07dOiD0dFaaJxWuVbFUTIY5D6N+sUYAFOiuWfWS7Qqat8TS4rs4rA
ZblJTLBvII9DmdQWB92SyAWRuLYt07CV6JguZCybolF8UhmDCMUL/MEKDFV9RSBEZbTKssaB
ZuL2DzYjuPNzeHwFohFx10oa0R6assrnSpFzGsnioK2RpHy8QUrtMvyRSFaRtKp7VeWKB/Pn
xzkeoPjEk5pM4K13n1hClcq0qivQQyea+teV+0y47HbfG0NkjWXtPnzSXLROIWQIXUS8ZzT1
00aWmBNLbiUBs6wZl5qoUi9WcgbXnL89biHnM9og1aqWyTFEdAAI6upSqOKZw9KO17c0xUcc
zojk6NOZzBysUbTvQFh0MpDWsvIplbQJPBTRK5iq4eQaZvJaWhY0Rpw4Nnz0iZn2XyP1Repl
NRjyt3dLbPB9hcnr1IFpCSYVAs18OumlA3EiNVhEhFmKHZlkGhAMaxqn55GI59a8uc2PnvoY
Ts1xAF2OZvJX9VYokXJgdENPU16OVz4nHv3w11EQXkUXk4aoScIE7OSHp467DbFw6RSj3Fps
aFi+LIL2U1gAd59oMvVmd7kDaCbHLpcRvN50VO7pdltMzublGswHA4PRHUs0+0XSufJEJue0
tOieIxFaWQs4/WZ4J3wGiBJ7N6RMBtsVfl9Kw1sVYfdDpl3Gf0mEJOmTVR9FD1gQmg5KRFU
5VWERWEENlhWda6orMdkeN6KCNkdSCaCYk5rhc7oM7WEJbjGITrEmA/LmJQSBKB1rTQlo9II
ww1pgxgGDs6ezJMQGsTRXABI2Ujq0uTu5vRV57dEIUtGNEAINHndGuZ1eP0hkEv0IvmgGiqb
1fJaYHhqt1M/6j5J7MsLZY4jRVGOdw3uaPSNBeTh0csRI6KYkqyCRXSOqeWnbiFZ4hzmSi5L
XtMqHgA0fv5a+EQpuolHOFIIAajO7WNISvq1OdP5wq5zSASGOvZRhzoac3A6YauG1mM2B5i
dz2hCOY1WTR+iz2gXNzdRi9R0PUNN9YQ9XkkXgpTFG+3CPiNr2jFdEOhW5vclqclwluN6D
pHAXLEU9PVHiNklhixTjXzQkvOiJKVxTx9ak1lq/QkA1mQQQ+hYv0taFoFoELZ09nV4EczyC

rldVmLjpE2NaSguV1mP1Cec6POaVSWU1WeRpWogHa6OUyVEy2GbYWYJVLAAor7vz73JZGcyOT
kEa5CPIQVE45FjGw8IX7DaEV2VrtSSMcPfhJEr2THcsZVbQWjsbJo7P6LysDXI5rLfaRgoM4
FNMfDXFmnuCE02X0mSW9nNEEBw8vnTTwWRyBTbEAbSZ3QLgtV19UWAXemgVtchLaBnQNaV2
StRp5oKtlgLOp6HuKs8qtVRnOaInNEYrTkiYWI4+pqc0IAnezEsiPOcrhJ+IHOqzw8Bep1zp5
iqUppyRB49u8VV514alpslye9sZJrB2hJM6UHGgxW0wql0rFzK5fVZo0wuZ6aTOnM8OLiShjN
NnNQro3tTLlalhbOf0+dHHcragyNial59O5b7bY8p9VheXhEVpHG+sPjhSIVvdmqg1zZSnJj
iWRkx0vRRYyOv0qxebQKth0oszJYWeF55PMO1NIUHchJ4ZoyNzrXBPQsRsVDNqXkM4Le+eLe1
GN2hhwxKgVtbjNgXAZkWjCdKyZjV5jULZQEQLVKCFNhjFUy9iv0t1K11LVQ9PQnTAXSfQCZ4
9L0fQELdzBjXNpO5IXmuOcxSCeC7XTQ3YHVLalVlfx3MtkTu6HyskFAGCjVaN4VKxSgUKcUt
Qhu1GGnLirJSLgtGW/MvS/Kllbvz7fnncbbMDL1eetBCs6dFYFA7T5/RE1a/UKYyXVCfI4CM
k23U14qKsEegkr0aFwRQE9r8K9CjZwSwilrRGPjpeTjlbYIjPglchRvEc8UkQK7iCCzFTTjJ
ohcrhFUMUrEVes8LkupJTO48PBD4BbAoiLTZ2YLYL1IAkpDyP1ryQJbzA788yL0S4InbYLxA
fdRARzOf08LshjM3AS2WG86mzzG68kUyB2GPhyoi2jwF6aVjCFg4kIaevNEFFc3khrHMrlah
LzFiRvMqS5XsQx7XiOSQrtlQ6SGWnOTojzN0VTgpDNha3FMgmqG2RVzZgCt2q84a4Hp/PE1L
Sw4v+WeoearNvs0cPOTnkNoCOlqBqSWFJsVpc0E7Ne6SZ7QADRZ3QQB/PloAVjtUDWmvMi/a
pkKrajM6VK40nTLPo/1+hXZpzTm8g1e4eiOjPWrDpEeNVWnSRsjYpGCSMIFRw4BACGbrV5vR
qJk2LJNwBvoHH26Az1nBeqS5DP19tV0akZcwO7xJpm065jNxi9WUB5EebCtajQNQeWBxjOa
AkBmM8HrwcuWc9qB5izdAiuRbafENsbOfTgq7ZbCmRjFwPmajRee7VbbXsFR842dvRLTWCij
mPG058Rv5x3cOVYyEFcz1VBlsuk1G0JUXnpjYcDkQCUC/LSVdWblzI+hZPZgcRixLYkrmln
2eJ3Cef6nOaB Yh5KmaZjq6AdEKIimbKfc4GMrrsmFDgc4WrtOMCByIxZy1ORMyw0FINXxpSyU
eUGIUjTtrYuinJ6SqyyxyxxVKkaHNa4KvV8RqiiKnEXLGPfXNpqlqagLL3w5Wxha41AvScUw
85g1lhJIEDCEicJ91FM5S1gIqkkKJY1AQ6Ze5WvEfMIFyIOINNCOIbLH7igAsnoc8HjAYsGh
5nNIScUeA9AZyK4onQIC48mTiywxa8kbUmsvhXbGsTsh8D44WJ7Ka5jjQr3SxryInKhWGTv6
t8AAGkEbq5ZolyOvFhw4N29KraObWxtsdvEy9sjQW+Jzz0tMt2wWNPBg5BZogTRANCCjwbQA
iWucVJCSaCawaSoZrK6TMqfL1baanA7LzPUPi9Eg0jkTa0bMgdCBSqTFBFQpNFYiWzBFIXt95
v6GSdHIdytIZWcaVF6GrzhtSxjhM4PdYsFiI5rzajNHJOBbJmokoO3aKuf1xZfOjxfIJZsB1
LNOWQaXG11IDSGUuhCOdLxapYosLWK54WfDU+f5SwqkQPOa+pDJqFy8RZqI8vFxcZW0EUpaE
GVB3cPK8bbJDKxxG9zBdXgTZs5R91XNa0RWIann1Ilr5mtV/JnzxiI/SOMjYvOjBOV1oKvhw
p6AzA2DW2cXMa9BDgqOHYDAZ2czl7fuMDb0bkzYff8ebu9BiMQm5vL5na9JqJkHEQ5sBrpVr
Cq0qU59Mq5oZr0MBS9VrmAKICJn7ZhEpj9E4yMJYKpJ0bBLCyAnidfb0MrSu+WE9FnxWyVXN
ea/PDw5Euvtlp7oh2LpZwiO3CiGgdOcfWnElr4o9ZbjZjTjg7Fbi7qWRu27NIW7HlaOAXEH
7+SabKPLaNXSCKcNSKghSsNDRpyIsqPsUIgrSAWRvHITNQbGJfNLHpjykyntMilV09E0Wa7R
mVk2ObDyVCK5oKREhDqgs0cb2JC21XLPOXlUVXPR62qgg/n5F1dU2RB5qCYHwSCyYJUUMTe0
Ykh8v0Q9INCAqLqH1LKZfRZ8sEb48eFKd6yOml8AWnVBGhtZ9a0lWdH0pi4Ffx/oOWLEtUgKS
GTgC2TeoYnFEmjzm4RsgXBvD7yNcnR1dCu6gVwr2FSINFRKN+W6eOnLWrgeM1wewNmdxKvn
xYT0ewdkZq0tBtsJqEDmnnDbMydkwCD8dIGbPA15ARLFyOqya9f09RpIzO5/126ed6PQyAqO
w4ox6N5mGaeMyKaXPpVoXkKOIzDF1mdipkBsCSS/piF9eqTVSkltPzRzGwzqXCA+ZbVQIfLNN
LnTGofHITuoGUvkDKnmBu7BDyOa1FO5Hle7GxKWT3YBSFiWllFkgCaLQefyhVQUq6gnBsx8T
wUZskbv1kbJhCibyt4M2Aw01bqpMWGxXgBqBZCnyZmmFhoughq9GomocBOCCy/L5/q3ngEVD
lwioqUuxMQf1SUIfk4TPGAb0doaZJXryOIJnQkIOPnwMB9S89N731+nNtjNPZPPr6ignPjiZ
pYaXJUmN6tcXoS94zpMg0jlrGSJseWNZQwymvqgdQlukRRRduhaMzPjIm2f54xfQrDaUVh18
TVjnWSKMnMbOsQYHU9E1B9wVUNQLYQXmH/QAiaqw6daw8vUKQvQyFZ93x8G6fD2o9msZofW1
bgJTbYNIBNLRsFASTp6UB+Y+5VRlnOHC1pOJIXBUayyDSdNPSM+6krzl+uZTcYzVAyvlzgg
ukiKRTXrmU1LcTmSlkFmlapXh0g5BUb6JvxMcirJELQxd85KLogtKih2kixsh9SvafqIgamma
dacV68/LrCFI4ZBdVQOq2S5Rkv4wNUVtDPOPSQZ5zk0W4eVIPSPjJv7fyP18sVrY8I5xjQDn
t2iY+2ZzxYcHuqYnEmUM6cCMXbzeVym2yuenJLQyYJD4WB05ktlklhvKUFQ0UitxSF6sYLri
RnooYyZsiZMuM1YpM+Z09darBeMhJoMQEepn0GitpEoe/m7Kao7Q5UpwwhMc6I1sAAaFW2LQ
Bgv1zgGhaASgNyaTOaRF8y1xIUaoXeDJJsk4ji2jVwZQmITIU9rjJU0AMgaQXL1kkViBUsrI
laVsQQDnKJWuIQHSJXDoscwtaTGelhXpcrLoXZ3R0wXJUJ4oJyCsQIM1GTupnIfTcso8n5po
jXAL0YBHUApvqg/VoAG+vNXyS16hKcHPiCjStiktFKNLArAZ+i01VEXOICZaBp1HMNYO1A
9YrWaoJfo0yikciWspHLNsdLq300oog+cmnhuJTqWJiCnr1baGyoWMU761qhHkzu+A8uloQ2
CqaqjAnJXcR93DLMU5CRptCFao4zfnHtmCBTgLI67SOGx9SDFhw+4AHTwWgoJ8ucz3oFWzz
+gayaSDSIIDGc7FLcP5S8S2A+vqlqsoRtB0RtYiqNatWKxek01EuBpC9crTNsKkzLJWqrwpM
59UvGM45deJEZfLZiguvkyzwxwv1EFlaQ06OVcgaB2wivcRrLXJugsEUseQanNqfYmTjT8W
APah2qiw2MSWA98VU4ixWRT+LBNrVMFvWdyP2/zgpbjyombjz/dPTzfr9Can2eQv2Vz2QOxo
pBtWyxXhmKx4KRB9m1SL9wGRKF5j1ZVThFmgNALbIIOSulY5iRdAxMq5aW1lILL25VdE8Yw
G1p+IQp8YH306WgqUy9ZASpO2IEEeQAR9D19+IUFZrkyD3GxgzEgQgaGNBSlvgc8KOBWoLm
XzEdv8NCbbCSG0w5sIKreXtDnjSECUGylQO0wSRpTE0bEW22kWSCYfTLr6Cl6g6AtltwhsP
iChrFwm8G4uM2NUIQI9WWkXI0N1gDVT+fSpSc+EaMM1KZsHiagfD0rQ0XpaQW2lmutuqDuAi
jvOMUJ9ByiZstSjAbb44iacfmUXS2snMmiSrbWqNNcecnb2dCuS9CwRWraDPx1+jy+jUMXpb
Huv0UNZYiIK0jlmqzWilJ3IUK7l9juQ6vedX7ipQ7hpzuJ7vcHqHctbM9wGk7pH3u6rU3ct
Cx3A633F253BbP8Ac17WdyzQ90Uw3dQq73JCO7hlnuXq/caCfuAlbuS9mu4LZXuXbDe4yZHu
gbo+6itLuQtU7gSd7liI9x//xAA0EAACAgEDAgQFAwMFAQEBAACAawEEAAUREhMhECIxMhQg

IzAzJDRBBkBCFSU1Q1BENmD/2gAIAQEAQAUCn5ZyPCfvz/5MfNPr/wC9GR838/8Avx//AAw/
3W+b5v8APP2oj+5j/wA2IyftQObZt4bZtk/+XP2RjJyfsR67eM/Ptk/+Nv4z80eM/ZHxn5oy
MKM2+wEbZ82/9xGT8w+M/Y45HjPzR6Rk+M/Mv3f3D2wldel1Pmn5h8J+wP2J8Y8J8Z+al/uJ
nbNQZzfNma+L1OCUi+1hruKI94zqBvyifmj7Uf2oR4zOb/2to9os+uosmGVX7RVLZ9sfruPi
KJ/UwyRwLMxANAh8fTCesciYKJ+b4kSJVzGc5j9mM38J+cfCZzfwic3yJzfN/7BpczdvlL8
xM0+7h7W7nvsFGQXGxv2H2tjtBzxGy0Ji87OqZE0thQ811XuKfkTE5MxGcwxlpK4u3utFAIC
VxxOv2P7cZPzj4T82+b/AH7E7L44fcnd7en+jO1q57rvpE74M+UCxub+WcD1ie9idxWe2TPn
iSAo3KJ9SyO+af8AjnE/kyf7HbB8J+Xv4R9szglInVwvT+WR/utDuz2bcy53Ur2x+NXq6fp
2LnJL6n8jjIw94wcZ3RV923FZYrOp+v+ATk/2l+MfbH7dv8AcD6T6/8Abqcb1D81z2AW63e
aun1XP0gwo8gT5ijzcewYXub6q7zx3p1u1gh+meK9Kk/XX3UHt/slyPCcj5Z+WMjI+1a/cj6
T6unizX445p/ezZnyK/CvzVkeqfbkT9Pj5/8v+se+bd2RivUZ/RIL9S2NsPF5X/cp9v8R6ff
jI+xMZPyRkZH2nx+pX7S9bnu/qCP0Gll5rO/NP4qMb1le9X48jvhRtP+XqA9sLC74v1HvRV2
bZjC8Bni1fuwPZ96I+3MfJGRkfab+6X7Swx6h6v9XSdHnvaPFfh0zuges1hX4Y9oY73esh4es
FHZWVe6Z7Ms+3fBwsVn8r9n3oyfs7+Ex4xkZH2j/AHSvYz1CIGWfV07SS2y971fh0r8ZTtfr
7F56FYjP5H0jPTGR2XPage5n+R/de2fwXoj2z6r9v3Y+tm3hH2v+9Ptd2wi+IT7orTxdqHu
V+HTPbYj/cK2fzv5n+yMDB97Z8u+47efT+z3e4+6C9YnPUUe0vVft+/P91/2hlvsta+S6Y/S
jtd1DE/h0z1s/vq3uFfPJYhOfG2GzDRCZILJMOBzvs2h3ZX7EXoPesceYMH0R7CxXp/5l/k
j1v9q1aP01b8f/36h6J/DQnZ9uNrOnoky1C6NbKKW3MEIEbCBYOq1iVNS31QioQekiOzYmec
z2rzvXb7wye2V+4zif8Awo+wPvj3ar+zR2rqP6cT+tv+ivw1ez7ISyxdsjRVpapv3lxAjxkm
pJ5rcuYKo7r1TyPyDhnb6VPxO9y5wvWl+KcTP1PvT/Zx9gfcPv1T9ow+FVM7afH7i/7VfhX7
ai46l0+m9lhsp+Vwz21C4QG74xAFY6p6PYiG2A4Zvsc+9mafPif+VfaQjd1TtM4v3/AGY8
Y8J/soyPsD7h92p/s7c/pCLjo/8A9Go/jHssz6aXM46Re2mf6eWJ6W7R7RzUTNevK4m63QB6
usVRqSPJWNZDq0+g42O1Ce9n916MR+6r/kwX7keM/2UfPPoPujNXZA1X902o/2//wCm55o5
b5ajdLh+laOzf/SjY+CjHw+Td/qC9Woe2snDbtL6kaXmISn2rwwSl2dc/O38gfmrF9fA9f8A
wIyPnP2h6s/FrnvnuLPNXX3sMGWZ/lw6h3forUHMf6c5rtjjDfONdZVlh0jWQXULfYtNPna7
xKpycT2dd9ze99m15/VTg+75Ns2zb+7jwnx3zfD9gY78GtB9KS2FcT8BvJewJ9NaZ5zpCoN
utsn4GrO80dR+H0+q8Hq4uWUWfBE63a2XWKIXPrprPPa/MHoRd47Fc7g6PrN7HUn60+se6PT/
AMKfHfN8Z7AYx+LVf2zPxFMSij3slP6OllAph6uqFzsqV09IgvpaENlrmaxcTj9WeY2Dk2DO
3hPYecWtNVt0j9JnLHdL521veavhHuD2/wDjs9oY78WqzHwe/Jjp+lp37g5/2vTfOV5sKrd2
VLJAOIZ/ocO1fTPzz30f+nV82a+z6bQ6bb1rmA4Y7cf6VCYeM5bjql/UyuBIV1Z8APhjZGzXL
8a577HDYr+g09o9w/lXt/8AEnxZ7Qy1OyLEx8BX/d2v2unfk5baHRCNM0M169ij/nagSPFD
PV0MYGuObef+oEidGvMpfIcCxW0lo7i+EbEbQPIRhf/hGJ/D/Kfb/47Pav1vfbXl0erP6+
8W1Wj2zR6sWqmqW+q+vPTrlWMzYmBwImxcrF0LcTgRmpj8Zd19MLOqUFD6y7YSoxys/o2B9A
9lf3T7QxfrW/Blf+3/y/sG+i8uRunUP+Ir/8lfj9FVnYKZ/DaD05kyrfSEIGxbsF8Ho1Xiq/
Xkk6YfxFa00aydLTMB/Vdf8AT1J/T1W97gx8SwokekN3mI2yv+QvWJwPdV/Flf8Aty9/9g30
Xlj22PNptT/INS/YVR55cjzJpxIV29dt2ZXW1clmhVVxQI4qtNa7ZRny115EWktrMiNod5sz
urU00VT6VxnqqfOXuiN4j1p+wsr/ANuycjvH32+1Xo/PWvp//K6nP+3VgdKaoTLXxAlpYQOX
fNecrnYAdojLhYBjDJ9R75YrcL9SeNkg5LCPiaTJBXKKGKgc/mZ2yPdT9h5W9f7WfQvRM9vv
u9ivbZ9RzS/+SvzvR0Kv8Tqaz3HqeXT0yas9e5S+raiM2yVwzBQKsid8HLy/rtjp3mTsGmeQ
7kRW1DT+yVeDPX/Kn7D9K8+f+1PDxc7F9+x7F+y7g/PSLjdtfg/phfTj8WluPjXYfQ0yr9G
jogT8HuLZEiUT2l84uMiMsx5dXHhgzP2tf8ANqwiUaRY8w9ix/v/AJpFus/RP5P7We+F4Lnc
fvWPaHst/kKenIX94+N1/C/A6NqE/QcXn1T2bbaXSuoKpC2wUPkcnUZivOpJKT1NC8DUDnG3
o4/1IO2oK+pRn/U4GE9xms74hX8WPf8Azp0eT/EZ839oXphZOLnYvvWPQPbcn61sZirU/eac
mDnUD6lbUJ3ZvyvXB5X7M8dE0p/0SLiO/IoWqJbXhcVJ6pGxXVsMYMf1CETmlz5D8s3BgqLf
yUndA1nBQ71/nT8/xH+1P1n5AnePu2PQPbdn9RqjZCp4SzUbfGnpzp/TW5/UUvPqTy/War2
0BDpjKdnfC+GwLqEzzK1cJxASbLYVdu8M1Dz6XRnjl2NnLLqVXL7DhKad5Wxvofrp3hGBO4/
2RnA4bxjJtjy+MijG9PWi+HKpaU771nA9t8v12sez+lkr19bsCxZzyCyX1NJ819rPNrHb+nw
H6QM7QwjxansWQ1qIL3wz4wfmL36LUntqcZSnsa/02MHmT7XWSz0o+k4Pqr8f8AZSTGZ0Yz
przgrCSmcKuvPhuMqJgurP6v3LOD7dQn/ddYiZVqI/BaU2Nkwx1bM9tG/ce5ms//AJ+nnwsz
HwxTiFvxZXxBZDA/lZt3o+epTnyajG9WoWzCDemoJYdcBGdTga4VrYsG16fyHqj8f9kbs5zO
cdLOlnTjOE558Et822is37dv2x7LSGv1jqV1Dr1gXldnsE/q7X4dK7BX7s1r/gKZ8H19tjCM
fHTYvZ3y5W7LkUpDf4vT2ZvpjiT+9Rc7MV3p6Ivdumj1b+prgnuqE7NMeaYBgsWPWtPk/suE
ZJiOdfcrPIDr4pvMpzbuObbSguQfZue1apOCX1Ntygl3d9RC88rl+tteyn5aNX361/wQ+6uf
YS3hwwQyud6z+MW55YZx16ZdOzbHpaoc7Ypyr3o6fHHT9CXtZvj3aUKQ1M/D0HfCoo2QshUn
t/ZjISdZTilH1bYdRXwjqcVY3jxZHeYycrb8fstEcsueBnPONSYSXscK7BL6T6s/Wueq446
ajtmsTvoeVY3ULdxNvLGHBDtiJ+k+NmDP0dUnk+fx2I2yhP6BU9PT9Djcr0/qrsbW3Dsg9NV
zraOwGadZE2fej5CfAzNmc+IZnXZkWGyFgs62DtMRGbYEcR+ee2E7DaQM6ux/Ej1tVXsmtMG
hXL0U5894tm07Vh9uqf8LHfKsyGMCVY4xOEjhr2r912/y1y3Uz6miKLIXujmnT+iYP6fRp+n
dn9c1XO818r1cfiWRtxu0l2ISZpESgo8BZPIHARfYj5IDutPPDrDGDVviZYnYoAs4EMYJTGKZ
GRO8eBs831M5MjJM83ZOcd8iBjNw21hQrWXG0oTmUs+nm/Up1fy6h09w/QvIvUv+HCO61j1Z
ORgPdO0YwuZpHhm3O1WnY9KHqqoFvUt+yh+zuF040ftF1vPVFDytMaK4oXVEc2IGKt4UQUce

M8GHELXEcdssAJSo55fLHht8hr4uTHchnBjbCjcpCN5jYRHC/JtlcvBhcRDbbVdXG06k/wCJ
SRbS2wI4epKHHa9WDD/qKcPXbZxpLJyx+e17NHPqLpb9Z/mlBnutZqxfoVe6SCYKnJpYJLwT
icSHUm12nhEl7T0A/wDcVj0rbO+aX3XqfnvaeXEqv1dQqR59RP8AQB8OS1usVpp6g5gq1RIy
NkGAcjAGumWFqdYLBR1MS8zcouY/JHzP9V528J923duBHYo+rMdkRPhY8x6vqTK+adpq6uM1
aSn4XUH5GjKx2iImJ0ElxumLHH15VINvTNSb5qHlfpbOnb49O2rz3pn6qvqW9RLnUVE9MgmC
r2mIlblPh1FZjMSvHsiwK4XNV35dIKV2tWHpa03sWm9h26mu6bPJOiByuoPiFif9oyqjrt01
BVpghbn+nOpKzTJkI0erAv0JW3F012MVqlfRbxot7Ztm3hEfM+Oy/TO2P9Ex9NvoHpPvHvii
44c8QayIz4Vhan8OywWwqF1xsE19p2TWvTkV9s414zUjT00f09Mf1U6t2s+zNSZxDT43sRvM
ojpi7zaPV7hww0mY+ZUJamIaYNDrQBDsKiSUysuOayPUl8fTrdhqzmm9qeijYItqNg/9lxO
8NjHnk7vKDeWQRRIsmZJ042QYL2ghdiN10jllTJ+afBuJ9PAXksUMiDvUft/ACR4akcipibZ
XK6umnzZZtgqZtKLC4tFlclwgiZYwUi4+fhQZ07euRtZiYmrZZJ1tNjuE8ZuvmKrQ20IKrYw
XmMRA2wGoPI00G4WmMHOjC5E6qs1AjOI36cs5VGxvWgto9un1oEKmkzlidtLp6PIrsgKgrh
bOpOVznEFzAY2Ay4w10zjJ2haye5QdMMnNsn5mYrN4yJ7T74xkef+P8AJXsy12zaeRFxy6/y
cN8+FIhlJj/Th1sZwzk87bZ6TqbOoRd6bM00dq+/VLU43LWzIMrWmDibk7cKfjGaPM5NSUT
Nt6j+MIwTKN7CIPH8CQBm06t9WuyNib+OvP6ej5a92dtfuBxp1KxHiqCjx+lpKHg+qdZ0ll
Vn1DnabZ7SDgk3FJs0CrPXiMjJjwn5mYPv2yBxkeaBjD/JPpGB7Msq6yTccYRHjVTOLYSpNp
DjDa3C6s4Nc9izTtPbem3WZVb4b7onEfT0+v5cSr4vVtSUT9SXpDCwdPtIKQHb6Y4FsRg30y
lkjOAvYvLh9MT01kyWms4WLa9rJzyTW/AqdqV/vpKo+Kvz5RR7Zy2iLNBcS06cQWPnjj+pZm
woUnptQ7L0KFK4jxKPlnIxmR78HG8oLFP8AsL2h6x6eGo0viRCDUdoJHCEWY9MrGukXS6uS
8eBLie2aMnoUdfHdHH6GRPI9ZZ5i9SojKRXMnlk0MraqxWQ6jcxmjAefANVMqZhrucRZxhtl
UQ2IZmmFwt3A+Hv3I5BE/TR+KO1a/P8AteifnZ61/Zj29Cg1UzXBspDqm6dPHiWonzsaOvhR
2+SfGc38Weg/lwe+NjaUfkn3n7R9w+njrCvLldWq8DW5P6qnKujZSXWsxSpw7MXGydY9v8A
HhXmYbmjlepGrc7DYqSGEmYxYtYfCcXalOVLhPwpXGMYEwCYybaoZHFwNJeav7qM9Wkm7Av0
Z2Xe/wCL0g9nN/JX/HmtN5YtcDwtFIKhtUTPmb3mqPgt4l4TOTPyl6R+acHG+qgnmXvLbjHu
D2+N8edVW0Vr4fW0sdhujwXfDk9vM3x9ZX7bV5+sft8KsfVQHWYspYAqAMYS8OAPHBIEuyU
QpqzE2riN5a34aJWKYhYIw0jtYWMjqA9TTNMZxbYjZw/ksT3v/8AGaaW1xn7hHsOeI1pK3qL
W4lcvu2PKhEeZY9SxHYZ8SyfnnNtpiSyMZ6j6H7v8eO5B7PEoghNTKzLC5J2nhsu7sLGR1Dq
xIuuYtYpMhun6p+V09/CmEnKFZxVAjMed3AceQ7uiGAQb4opERA3SisKcMusye0LLmu25UN
OeQDPKgjStr4g8rxu50/WfHLSllwY2d7CPbq7uKdN2WBzsOgV92aiW1ZPs0seeo5ORk5OT8+
+/jHbDyJ7H69+19vCSLOc5DJyJ3ghghbHGR+ki6/m+ckdz1hfBv9Pt5I1OPLZjZ/hWCFIqJ4
LGNol814eSVL8iPUh2ZTRDOMEcRGG2Crq4lZniGnzvn9Q/n0zzRW/K4eJ0z5qqf13+qf/Cfx
TZ1UQULVcz1Gp7B3ayuuE11Rm5b8a39PByt75vnLOWb5PzvghjmWQowwXTGQXPI22mClhdsI
ZAobOc9/EC4zE743jNrU7nTWmN86W0D6XU/F6fptiatmzENr2v3HhpyuZf5f4l+rW/cNc7EX
lfYxEmzBRio2BA9tQLtpnpr072dG95+Sxfjxpf5fWq9oGe9nt/T+U3kk7Dj6daJc2PTQEdR7
C4iwpc+6XFH9Or41Jn548Z8D74Q7R04nOEYMBzGdljBzJFswdtsj5JPgIs4V5FrHCryoGMeV
plSf0n6IX6NinaJQ3NpsYoebKAcFiX1P8We5k+Yy4usl3l/MrZUwflOHzftXqDO2mfj1aeVv
Sezbee73jT/AM6f2gT9XVJ4aN4SwrJcYWsRksooitW1OxlbNqZuyovo1Ps7+MepxvERm2bY
seMPZykj3wZ2w43iPkONw3jjq1XrJrN7riFk/tNkJc2t1ljuNmOLs04d3zHBSO7p9jp2w/z
WvK9vmrtmZpKZ1q9X838WC2XcLedP7JvFyt6f2dc9bH4NP8Ayh205Xez/uj7YcedfK07OHvO
i1+Z3bPRX3YTShFaiubV7wn7hZG22COPZvnecti++emSO2R8mslks07WAMNSrdJi3yMc4sK
94zPw79uTb87280oPO/1qT+oP8dmcd2bfj61eeVZHmpaWWw05n4jfy2y+m6eTUEws/vYq9n2
u+p/AB0PdP8AxtSN72rs6uooGQW7znqJ847E2rqYKR9R5RHm1du7P6Zr9vCfHfJn7BZE9gjf
Hs4xBbz4xPKInChbI8IyysWxqenmiQnsueOLPpnMxyur6iqrZ5asrY1xmmh9Rnexp/dxT9O3
6WPW9+4pnsVDuKfKaPyct4vlsj1b6Uz7vV+4d6O22o4z/jtNGZv2P3Fe9ErlVZhrRLinT+GJ
rCOMaKxBsIqVhZdtISKUbJfP2CnwLA74w+mMzJSPyd4yfnAHvk5GDh+6MbUrsm8EKupneFnx
nflDA2b1IakA4npK/M4uB1Pp04ndF72O7he/NHkt6f2vFHGzVPug951Of0ofmsdqQd3+ji74
6PqUI+1Yn9Jy6Zob0pUxTCFUyM8MC0A4VuSwQJ7dUtzad/TdKFBPyz85F47b5M8BacmQD4R
47ZxKcGm4xxiNsHJ9YyZ2Ez17/aTh7KLfLsbHPZtYeo5QQivO5zd+nWH9vqH4y/b6j63fK9c
8NRvdra52dX9NVn6QT9bUJ40k/mn34/36f8At2luNiPMouJBA7QWCMzkK3xQRlyx205MvtgM
LD7c+P8AI9ost5SA5tm3jEePrNw+1dm8ZHhrtj4egiMf2UqeQB5HXO4H7dDTj28IU1/qb5cn
z+LVJ2svzVNV7VdrjesRfU1DAnET9LVy7q/c6t+1r/miO8ZZjzJsdIN5lKhg1JPpti7XmZcv
iLJKFiTZs2d4nzT/AExV4q+3vheI5adtgRyLw3zfl8I8Gn0g9cjFlyHw12z8RqCY72fZV/Hb
8tx3dPGTKw34VFUfp0w2xk72f+rWC2TTnerqkfoTjq6Zvuhv1KiZ86Z7awX10futV/DV/OGf
zZjzPjZiA50KP4Wxs3BIpLiMA5pNhnYYCdq64Sj7JT47+L2cYnzKpBw7+EZGR4RjSlzJnSc
eODO8ajY+PpBvJlJzP8AVflXqO/xS/MrTg3s8vMmf2emr/ALJ/Hrs7I0yd618OVW56key
IPUprYa07v1IuVpP7UfbU/cB6162I7WRzSvMmvHEbP56iQbgkIjO0S12514sY8uMV2w9Hy
z4TOTPyT4bbYRsbNtsjO/jEZGNcK/CyzBnInJfAiYz+pW+VcYmNlz5mn2jUJn4mvPIWzo
vMxLK47DdLyD6z7Ne/DpE/p7MfT0X8bvLb0wvvpNHjcp/uGea5X/d3+8UfzLjGervZZjdeJ9
X005GzxnjK3kOWZnfpwwYcQrhPWHSNSKiYzBD8k4U/YHBjP5jbiJzjkDnaIZYysvuwuA+sj
GRkeHqOrv6+pIX5HeRKO7G+7UI/UVuzLI8h0zcy9BulvKvZ/hr3s0afo2PTRZzUe12oci148
hqTie9ir+e5+Oh+VeOye6nBHS0idrNjyu1IfPkzumPqJrlvYIFujysaPKP6d1A12PCc3ycn7
EZGfzG2RMZETuyxEYcyh7t9oKec7ZEZHiuWkaS+s3jHO6zmdWPMf5L3dqfcrBzooofXewwl3
xUfSj8euTmjlst2aL+fU/wByn31T5qjyrr9OqHe3+1033Lx2D7HR5NO8tnUu2Xh51vAZ2y0

PIdPeLpsU1RghvxxxzR9Qi/WycnN/tfzkYPrZnlJxcbSZdlD8keGtu40khFZBlwVvvlYeK0
z1L1mdzHPUDeJzXDwsGP0/8A16xO56RON9ujT+s1SPR1I3ZRZs9k/QXHGmnsN2f0mmxi/Vw+
SPxn7aMfqtTHF/UoTGO+FKYOOJCDG1tNnbLexTSsITsrYLVzk/aiMj3FGek9sbHdcYceblje
V5PhHg1kkWME9j+8vOWEI82NngnSo3ayd8DDZseidgZPJzXkbB/16mW79JnzetsfSZ2u6vH1
KMeerH17H4WjsqPS/OyNOj6avVm8wMY1gDmnju3UZWC9NODY0PF3grblE1rBMQjdlRiW1xkW
jIT/AExYkq0/ZgRnOMRm++R7sj3zOT3kMZ65ZEZbZxzhnHPSHn1zEcuN5M9sVvCrVn5q0dHT
y9ilz1ZpU8a4fjHz2bP5h9L8/q9L93pp2nfutZjNNjc6kFUb5mv90Zqc/Sox9JUd2sgBdaPl
dSQBp/nb8GPTBsK1LV19O1g4HYhZ027AxKBiInchPKGxo5SrVfkx38d8/mPUfT/ADycHG4M
YMZHFp57+Fxu8j5Rts6dTBRtJT01d22bvIU/sJFWRPbKw8dNd5FaUPUvkfO6Oah+9031teTR
aEROaxG46TG7KvvR57TZ88emp+6qOyurhbzHHk6zHotWniwpkqhyQu1iOpTwfWMX+RTDquXM
ThjMAyO4HMxpl1yLaPGfm/mMj0/y8SjchjeZnB9P5xpdNY95M+o6+3qPpDGyh5TqL++lq5Hen
djp3ZYnsoOq+VcAvn30WNq6Pyj66rG1/S43PWvp6Np5cbOpx9HR4+unsylGH7steZwzuAxtJ
x5K3do9x4cW6eX09YqRMVf1OkYPqHvbMdj184psyO6/VZftbXf8AB2AODD7EDOEI7ZGfz4IH
efCPG6fNthvTUj6VbfFRtVefw6XHzOkPSr2C8/rLZiC0Cv1X2Z45bbyPp/D6en3R7tZ/f6Cr
ef6jnetX7Pv96+j/AJg/IiOK47mc7Yfck+wY72O6qeLxy/q052LWmx09EPp2bqujbcDjxosc
InkpQRFIWB6TPORjcNjsdMPI38NsDHem2Rn8+M+MeEzsMz5rLIZa1D2yvkuqMLVqFiWHTDq2
Wzxhs75P5Gedml1vhausv45o6fidQtnylfuzXI/VaHGy9YLmc+VtnzU9J7Sqfr+ilx2tlkjP
FJYGF6BtBx6THOEj3txPV5ymzr4b5t2wWnCqU+ZkbfE7GMfqT94+ZSe86VZ3+XbAHlz0xs7l
8sZPJGTMZaZsC5nKvnsW/M9FfqTqT+RO92jr4g8+xTtkzGaFXI97fteaVm7p1T4Gs54iQeu/
bW/y6W6AzVt4Zt1GetHS4ytG9xvYI9l6frdPft1T3RPZs9onzLLIAYGX05ZTyUifi9LTG82K
5KjETs1nei9rJ4vb+So3Zk/TfZiQZUfFmv4RkYOTOTOfz8sZPhEZONLjFo+APP8AQ0Y2NS5Y
d24W756A8ZY2BhSrBb5ZZ30vTGXCavqHVX/D115c6lpxqsajxwNR4kOpxJ6wXK5SP9TfdmhP
lsK/a6V66fHK83wuRvbqeYXj0nVyyzGwT6owcDJ2IBygfQt219J/CH0HL4YqdmctwD2252a/
8s+XD86wnlX0lnRt+O+2c85eH8x80+EY4+Ax5ivlydfn6GnVo42rPc9qjzKSnTa/CXnjT2zS
6JWmcoUCuzNTMrhvRFdIRXSq6iqScmnG3XrVofJG7TvnDtzsNiOLa87o0v00eN7Jeu/nYO9m
rPB+rVuQvY7N71/Wa/dSO+RG0mXGBncrYzFm19Wlp7O90POITzH2BhxyuWZ3fviPwT5uXS
dHmj+Mnw38Y+wTICcmSn12ez9QIXxETPyF06wPYy45FYQwJ4rcXf8rh+jgDynUD2ATGovTg6
9u2wizrMIcmemQwOWewaNH6m3O+OHddP9vp/YNIHaJxOxv6QkbFxBb8wsp+GsiW6V/np/jrz
5tsdkpkSuD2TPmECrtfCyWofwr1VHKy2PPI+SoXEi8jLI81607rUfsz6/IZ8IiuU7TOdFxFGO
mcmSqAGxZAMJUuPghQ92Y8ogZmSnSqH/FdOZMDE8sDETadLDqV/h6G0jLFi1dYN2THN1/wBd
IDHe15bDX/bVPWgPFDZ2FBbTLiyAmcAIGL8LJQQwr9zV8rg98R21HtKbBnkeqR4ZfT101Z
3ywuqUtPMvExuLPQZ3zfz2x3gC3HQT4t3wvCcn5Z8J8GFwJymFAAGFYEMdrCgxmslLHXGszk
ZzyEMEC2g+Aeaw1VYaaH6nKxZee0tLHbT9Rb1DoUOOOzhbjEtkpHyV6Q8suD56MbJtM3m1Mc
YjZFX9wgmN12p3hdXYVpiDe3jGZZAEWwDxXV/cT9N4dyH8WonycUZpgez7L7NmUz5peyV2H2J
sFHc+M9ON1pbi4zbyw3dC8on09SLN/EvTI8Z8Jye0T55Y+BxjuzvNPAIyZicn1iCOa1JVcLD
cEWWW1aoUIXrJciBrjGrzw5FaNKFEt1hlwZ6pbDMIMbcelySienNw93K+nX49uHVbPsqR+rn
yqHznU82eM+GiZNUZZ2WtjIYNb9xZVuxAcRe4VVOUmYjuBT0qrDks0vdc3k85jkWV0cYkSHL
DeWTO5L7CUBZE7T6HvsUzvEflQ5HzOnL1sQwrW+E6SzvOQOTMZWRg+RYmqurA7A07ngymmNh
7WGTj6bXjIzjCebJLCHfOu/gYc8IJRi58qrIzeKAYqMusOjtcblSMn0qj+p1JnEKneNP9w7
ZyjCy8vq1o3CQjYUMMhprTFlpWM22gR+mzpzfVlBkqcePaUSJ77Z6Qw+U7doLoxeh/VPpRP
nUH5N8/n5GlxG9c4QUywumWdLbw44qJLgeAKqgOE0AwmPZhCQZAlsFPriGmVdrWngAkxgz1
jyGTnJmdVu0FvjY3jomzAX0hsO4jEdQ1DxjeMqRsd0eZU9sX5Ri3MZN1mzLzYhFgGjfr8WMX
2TZJOMb1T+ICM+IVv8TXKIfGLEDMESSXxeFYTI/EBu9/Pw6ZTG22dsmMn07xmm2xRgWkFm+8
ZPgPr4TO2fELzUbXEBW20baL1CiSiv8ATjOR0jujTkolylYQCqVLg4hKgwWqkzthkSExvGd8
23xunoZhaSrHaO7mOk2Yi0m3UINtJdgyXriDsnOdPlnVWqOqExDcKbO4WxEV2kqj42HEG4p
PrYDBmHbCXxe4lkYwEnhoDJQGdKZktTY2R01sZ8CyMAXhnEuLk3PGVyWMjxwVWwwQwWdPfi
GcKMHySmMkMBjFShkORk4ObZbKVv+XPAODO+g2jRrRXV/PEYm5qK6xlqyRTXvO1VzunWX1eU
/wCsGwFEoD/GFgbMaVurCmnKzcQ5OpAGRqdbb/Vq2L1CueRZTObrZEadXGIqKjPhk58OrJp
JLP9Nr4OnVhka6hziOMqpZjNFrkTqEVJqW4mpNuZy08eoqq58ppgEOTBZ8PEQtIZ0V58OgZN
oJauws8l64zrrxThCTrBby/RbTCCgsYEqRX82M5KmXbYLuRNCjiY8Jyc0y6NbBISycjNs1Jo
mlK4iilQhix28PTNU1WiHujJ6fTHUmT0NPG4fxRLBnL4VUZwwOIFN1QwN9ZY2+G7dSZOXLEYi
Z3xStglXIVrgBQO119vpT/qA4N1UzD0zkmGQ0MGyuZlwRnWx7ijORZY2IaylrGBGchIZEbZO
NaA5HJzH7pwbBTIsTIApNKfGLUYSXDpQ5KQmYxhEtjBBMSdarlPfwqgbMXT3Welo42dOJE4
kYpnMIYE5OTGbdxIwxVp1Zijhgajq4Lhd1RYhi2gK+cz2iTGm1q60ir0nWJDQCKL+v2IKTtz
zFYg4WTLh5tsCsHWzY1M8l7Ztkjyy0U8k1WMz0E4K7SlkfEMncvDjG4TPIBkLaD5ZYx5b5
8Zxi5dlh13bBDBybWxW3kEHdZOBX6uQgNpQzE4KghGR1JBXCJyzEGPr4U8Jb6w3iFKZaldReN
SYOWV8M17+N28QIWSduowKDRH1impEmBGeVkaI+JBvuguyrLVDQ1MhWV1lgQq2GSnTIBkRt
F6yNVsXxdXa2Ux9JrsRpsjn+nKnDQsFWUCXUHdOfCMYHLUCOAwpXy4yJ2pL+oC5LJROFG05W
iTmP4jBzbB5vkoIifWaksDiSNyTxnN5jBmGK5cWm2dlvsbruvHFxxLGWwjPjWYq1znUVzKY
Ihki5BEzMO9J7wkBi7sEVakLggx0tMA0fcntXWrzMKWk1pe19MQwlbZI9mjxYMyMpzyIKa5B
mnxsdc4yqnmDZEKjflmcjL1NdsNLXwfkR5cMkMtN6AvuG4zjJph0IsGklsE837OguuLAZkT
tAlMGHIsCnImIwOb55ZniuZAFgN10nIYuYjDPaeMcSjfnRRxymW4fzgnC4ZpZW3TpBJzoznG
cCPMyCjYJ2nTmixWpUguZGm/Sq6aSGTAKM+K3FLlkXMc1Ow3ItkgE24uSQDtqCUqLSVqRUNq

zJvCSWAxNvT1PQUSJR7gKCEmCM9SM6qepFglwrShz/UBOevc4sHUHTTj4Mk3QsR/qKCKHLON
Y5m+Iwu0co3thDsWLFkvqSDR2x3kZSj4oVU1DkbBElnLOY51IyGRksLInbC3whOcQ3gwGwcF
MDF04biD6JxMFERJFUo8c9MsFsEB2hcY1QzDiMCqV4aPFahVCghlqQNLRaOOS72ZtRM1q8Eu
Uxnw48dVQwUxO2I1J6wZlthY8QzjneMS2RzUqvUyPWsRAGVpHaRUWHVg5fSYGaCA749y0gZf
FY+N1jofHB5KY5nUDfbN984bMRpPID0lZAVBsDXorjPh0zgUIBPw8ZYjpwuuwh/05c5/pqcn
TVZGngOMprx6jXIybJetq89cE+mTnyzN9s8rCqzJtqVxrrwi2z1mfA47WoxKHqZbb5UHfz04
4dM15TLgNqjXsMjQh5QDEpPUuJRqfZl9RqHSLFiW6NeXiVkJN/GZwWzBX6/Eu4QpnLJzqyJ
pbMY10SuzyrWF3rKjZvqAaMuWQXTHJPjDxJzk1Y2s6cIxT08RFDEE/flwe2CwDye+R6MnbFH
C2oYLRy7jguCRtXZnOuw5TkMGSah45xHLVMTidwOpp4mmxpQHm011xJmdTfJ+SYx6uWDM1
zZxMfh45pHaMIQzkK28W1k2I1NR1JU3vo10U1/8AWt3H8NqC3V7SjBYGME+CxcLMHbeRwc48
8BfEnntDT2mXYuwUTasnYaAOdmk6YxeDARe0wYGmyJlr5sIZx3nqd5SKbHVPk50KCNRIooO
Ctts9cZ7RWdCvOVwVsYnntgw+Ia1oT1imJucygoQYzBxPg6qBuAx6bdQlWUrq2VYZzyCzlkM
GQ8JnnGQztJjmoOHauw+CxksGN08SLjjrawwNSPr15CyoTpa1om1BaTaW55cFWLFCB1Ga9j
HKeaqjIVvBtZ8R3OxMRUJjM+Ca5lTEwUaUgDmjXkVpSpS1CsRjtIxMyQjJLQRB3YgaREZ7
Zx8yqchYuMBINjrEAb4C+IGQgKN5x+wrmeKwPqYuuM4ytEYvnnQOZBPUZaDYmJmclFhWLSFA
Q4M9cu1+tLaTNq0MG0lJbdGc+GjCrjv0BHHIMcpL+jYqiyLZlFrSrXUFZxtyjN85RjHwsDcy
w9+jxIMTxyClejac1jTYsCUSJU2EcEEzK0c8q1SHOKyFmmVSwHROM0qByrpO+JrqSLWgk
VDAL3jJOMITDb6R1YKLV1gsIyPIPjFeeRT5cXPYEiJ27sC5yhmG+9OwLWfGIPot+F7wnAMT
hC4UwJnlE4Ldsl24A6MulyxDpp2LPaAJuMoxyW4YmM2xjIBtdsMXJ5LPL4QvnhzxG9qtlrMQ
2UNQzmF2x04VqDYw9Qw3SyJiRyjacyJOBEBrlLkLkq/xzUYTbzuv7EMIJQipjAmC1cBydR
YZxf8zCdy4iMWtVrKxXCsMefTUm+L2LUKhfRVRr1EbJfQLHEJzvi6pMyaEgNdVp5Gwa4Pu
NbiKJNxrAhZFO4cyjKAaNyJRkTmZvnxAZv2t2oQCtTksZfCM02yFiDVGnjjHXKChw7W5CZ
ZckQGyZrnKI8UZd1GFym91MmTFSLBkIJknUr58DX52NJRpcdRYrv6XY6vReOTLYiGmMptxO
Knhlal1hKmmMVWXdGQqcfVWVWwKMT1hGBIuOMW+Jwk5HlzjBCtsrjVObE6Ppy1RlhUPBGlyFk
YKzVORXaTpSyrMpfDvlu9FImwICILHcuDKrWLRp4ox7cgcYKi0ztzgpZ7w24+FopjBod61k
4bc+qwUSQkvFVDqT8WTSZG6kMFQ8VPBIAOoVEJxiRXCKuKaPVIjrkKf1aice5SzB02MBYrEp
iAuW2w4L8Yu+hktaBD8ZxMowVp4urVXJsK6LqliUHpluH1ZyzYhUQ4iwm75E5MhOM6cZfDiK
bmJjHjtWfGHsYHLmXUjxHpSWREDFnUUIh+rNdDrTG4q5YXD7PVafWvO0+sD1IkXSEjYjhzfM
5LJ3VyMiiZw1b58CzZtZg4iwa8E+WGU8eeVUcpTpU4jTQHOglxXSsfE+eZiJKSmOQLHqHXN
FoWZJRlaoD44iENbI4DC5E7aHDzCmALQ6wMY1hHgVuzFcDFICW2+XEyDaf2g9xcsyrf6Wdlb
azlnpjCq1/iJavh3YUZvOebO8ZPqpcNC2gq78iZJKiQUllF5cV26uZwzUrbMZqNhy4DPTJjJf
9MnK54gt48IHjip3yF+SxnNgqLEIGIdPd8GUKiQxhr4mG4/DQbFitAFbGJC0ucO0sYyxNtTQ
lbEzOaQSwqQOH4AAG1TJTEyRBDDBTurO5h1JUucpITzfgK2tIzEiagNhy2csZE+ExyhyPwQn
5KJENDjuMV7i+HMZs2ZEMJM88eOLkerAdtKQnH1VBC2bFfRLwmNpXlwr1J4MIBAS4yOT6x4b
7YEcsII4d4w02BYNWLuWwFf8TEoKLEbZLJkNFV2gIhxQEK4sgts4DAzIwzlyyYwvNLFBRuOR
tj0tkFP6pKKIwWROc+OWrBlNtrGpXbjixNpRWTQfxxFjbU8xsWN6VxpXfLAPVM4pvTU2wR5
FiKxOMGLQ6SLHMDYx2kbPGvz2VPfOXeT6meUMXSJq7OmnlZkrV8QuBvXQYUjwkGw1GvwZld
ppMw8wjkdHb5ttoiMZGwqdEZx8vaZGI3HbOiJE6vvi1tVjBJYLInNOHjVGDosujrKrJSQBTD
G+acA85ZsO++WacGOn6dHHpCOanpsPCLbK7K1wG4L4xhgcatY5NUXFjnyMU9GKYA0FQsNMrx
krWEqQmSb2wgYU2VcckZ25iRORStdPsd650xUyGMuHKiWc9MhkwaYqUp3Mp22SDLDfLYCrAN
mWsnRWS+IjhxitsYwcodqAbriXLVLaYL158Gds3w55YHtkOeOr9OIftjzQs9jd6UXFJz3mR3
xiOWHW2jSmx8E18lk5PrSZuERsWH67dlx9Qp3wW+Zdnhk3l265Tmt0IePmUa708WWZFeVA5t
0FAMuRkxj2jEzsZjyGETI2Kx7d0SQhytEUiDOGG7qNY76t4lWkfxnoae2XV78/UrK+igZZm
mtFLisThsyyzke3lrvsspArDIYKzMQEhLlW8GTGCewwclKROAOekEziTXdWoiVnQaGSBxIF
MTTxE4UcZ7eB7xAs4YJwUKjqEwFBO/A+rZ8P53xPbI75x2zthjkZPcdSp4QyM+FBa+ZVcTzX
3ndp8BYfloyA7B08FkxjFiY6imK2V2fEMsLgMCqfHpn41XzXkpkz47V0s44E8WE3JmZyDjm1
m2SyCFipiF4HYVzBycbM6e+CMTnCbIb7H5cYzCjCBhbBnuFkcKwrHdLl8TA4q2ohG4gysNAA
K1yGu835ToeMYQjifMTIwWcTGD49c27mXCAOJzlv2EW2R2sXhaDkPwksV+v8O6nVbbdpmmrq
q3EB60Y+eeEUBkzMjFppqZqZBNfUvNlrcRi7Dgt1znNUJkCG7zyuYwtqIPGIMG+CY3bEQQB
C12Lfd4b5V1A8f8AFcfUHYosBwMD8iNhiRE59BH0yTjpsKSmd1zsRiUzizyfu+4rmOjxGFE4
vYI12+ISdpldC6inWZnPWcHvJx5kFIx64MThDhDi/AvQmkqwh0NESPYc1YCe/wDp+p8JXlgZ
uEDJd98f7oOYwvPj0SWL3W5DROEnwY8ZYN/S2B4U7ZVYc0JC4Vui6rpPyrOzrTyA5mZnTO49
xw+ZYUTj/HlxM4Q8s6U4JTip2w15ztt4MnbA2nLec4Tx6BBsZRG87ce84ITOBXM8XSACnAc
XVGBmhV4Cu90OnbBjJjOG0mHIVS4rA9o8JnbBIYLRHvHnFNWRXksfyCLbeS9HUPQu3e5mzBe0
xiwwZpXAY15jsDOa+feN4y0jy0wIgcD8CeUwflF1HRZizJU6Y9T812nxR4FMIOaXOy5OTIA4
iSuWMCVTVti+v74BzBuXBYYETGeh9yyFNbMlJkX1/hy5d+cxhnbBTg7mSahHglhHBHjk77Rzn
OE58QNwQoytcLuhJR3zbzT641nSf118W2M+JjYmyU/zzLZaQJ8Wei341c5qDGMs0MZOnVWJr
Wqkrawd8XMjPrllwhMZAcYhhwVVT3FaQak6fPENomGMfXGLJNXbT2auVHnpE6m463yadPYU8
MHZPkywUGO2075M7RzjhDpka5CWTGAHifiCXE2ZYom9QT2wcnvqg3ha+mSrQ8hISg2Clf6m
gYDVg5WtSNpQb7hhpq5i7pJEdRzq7QbDM32xjdsc+MOD3q2t8GeU5JQOPdJfyOAYc5pOly8A
pJHigAxx4AXwyzPwD+RaYcCQccdoetGqxnUCuvOoAZZsxiHhp4bY2xqozj6YmEqFTEV0nFjT
08EI6r7CSQ3wpnCzr2FvB1jnnbhdskd4geOM7wuOyxGFK3EibObd83zlnetJjcpAOOSWdXbJ
mDzkS8IyLwBUxFSntNpiEghfPGWliNSb1W17BJN9pj2EwywQ3k4ncgmMrzsphnnU3wdsAeQ1a

4suLkRfTkAwr3UIETOCMDGWC8pxyKQ6hxsAcZGfiT4dSSI98gyyJmRT7c3zfL9bmNZ0pYbIN
AH0reora0vD+AOVkmOrHpHq3GFsPLeF4WQqelm2IGN7Yjuceal8tGI6ZRHLAmsRGwxGH7wiN
0jHO7HbRvY30xnoyPnt3CMmMpR+psR+pvRHGv7SjNo5lic0yP1tr3WPWhH1Eeh+mWPWz+LTv
2yo7WYxfqHvKO23afcn2z6WMXn+NmPqL/FYjzUO9SAHltGV4jjobd9L/Fge8YjotiOimdxioM
6I3XH0f/xAAUEQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAACw/9oACAEDAQE/AQef/8QAFBEBAAAAAAAAAAA
AAA

AAAAAAAAAsP/aAAgBAgEBPwEBH//EAEAQAABAgQFAQUIAgIBAgUFAAABAgMREBIhMSJBWUWFx
MgQTIEKBlzAzQFBSYnKR0YKxFCQ0BVNjweFDYHOQ0f/aAAgBAQAGPwL/APqOzP6FpKz/AP2L
DokQlBR7mbKO8Y5ehkk8su5ui2eNzf8AXkhMjT+Wx7rKvJYizeVj6Ghd18yN8dTWRdP43Gnx
WHdF/wBNcv8ABblc7xGfUiJGbsJ47s4Zv6m5xSbwvB/Q0dpdGaGrPUjmiJJS0h16mnNER8yS
/TPLux9T2mP1MzER8CYmLx9zcVpPVERTVHQ+p9T6fpd5F+RIRVX7oi8kGIWC8fdUvBPx8E+g
xfpdsGMp90VI9JkRYMji/joskuw/I8Kng+hH9NZM9lkVI3EIkMji0aYa/BDyfQqdpY26r9Ql
bqeyz6MrMSwngsNR/H4IFfzjAl5JC/TGS8IF9Cp3RDpYkVPI/uXhUKXkq98YvuTGL9KfjD6F
SxfoPwQRVJ+RruPz8TwYyoiHkl4+C/bfpu/GH0GyukMpfXwT8jgS8lsL4vGxUj2EfT4I+MF
+IVBn0JO5UQ4/wAiBU8FTyXJ/E/gfdYLx8EPH6ZMkPwN30uVBf3IE/BWxfCR0XU9Mqkj9gb
pdRL3Ki/5FrKnULPB4LBYsp+P0yXkmSfy8k0f8yPkn4KqIjm/QKnGKc+hnqcFLtzLRWwhK5w
t6bHuqvr+Vnclgvip+MH+IT8kiQiZf8AmLyfQkymLuxU4/iW0ON3XzMS0WL0HbRnvcS0ms
I+B4PFeRfxw8r9K15GSwlPqL+4v7H0Kj7nvpbRiVPaZb1JZKfgrS72LqpNdzilmPcez6+0Pl
0M0qylN6tSY3byVKT5/7Gv8ABF4vGC7IRd8lfpUvIyWC7i/sQ/uiKJ92PLvJWIU/lo0/9ker
yvqi3/m1MlyNOU3Nr5mVL3Upr1LccoV5ZXYepGMPqU68OpSqx2YhYxPqRJ4R8/pTwyveW2FK
Pc/5FP8AuiPkt/I9npD/AJTKIPnGeEfcuMV81ynOpHPRf7eWEkvlRU9mltU9PZlanLenK9sW
Mh5H5KZNYL9JNeHsPsykyP8AYSj+9H/IpQ6zPaKv/wAuF15FfeMc7JO32VRb98OHLBdy6qUq
v8UOpLh4b2JzlzZePjilyxyy7SLEcYeclj/AEtejER10KjIKX7SPkq1P2sb66jm/IpD861X/
AEj2qXy5cpCLjqqt79hSpyumcRwxQ6SZruMdLZy1j/YzpWVRZiOCI+SGEX+lsZDyfQfkfaGF
cj4JN7vUa5UYE5ddScb9ycfZq2RxV7Hu60Ixn1N4ou3fGFSnpb/TKdeO8XxLpgmLcKxMj5xX
6SyHk73FF7ZitblHD219yjHqXe1/+irVfq9orKCKi6K2FX+plq04zXcc6DI/VizrcWXDi9D3
HqnrRraMIT19MESKQvB9cV+ksj5F5IW/eVvGFf8AsOXKEf8AZ7uPJWPPYZ+VOOeXlkoLa5K+
72PaJpbBRKDS0sSs/TG+MX0ehTqL1ZbrusLEyPkWEf0t4Zv41PyVfBLwT7yIZvxZ8TIwm+e
afgq1CTs8q3ZFzXCTlzk8ZOXy6kHJaS/6ZKLXPDK+ZUpf/q0Hnj3RePomrouTPrjH9LeHhWK
Xgrf1J+Cgqn4cZZ5Dfyx9KK1SXPS5Tp86hGEValD/ZbkZfkmsNT2f2Fej8Sr4LJWYvQjKsvp
p5L+mpbRoldWcS17StpFWkvTH7SHh4TH5+F/11+SZBdyp2ZS8FfwVPBB/NNEb+q1yhTtw8y
rLITiRvG3c95LeRmp+uOqIz580OpPkSr1F9rW18IVvctyX8WIg+UtydN+17GSe8NPoSXRjJC
wKl8wtPyKGUvJ7THoyn4K3gyLeWhQoRV4U47Eqs5fbXv4XQpvpqcL5qs8pRhH13SILtg6lP8
Gr6l0ZBS/wDb09X3eFsnLmj2uk94FiMuhTk/S+ZH+RNrHxhIQ/0llLye2RZTKxn58hOS1yK5
7xeiSsybRRP/sV2UuwsF0TFkejxr6fiQLdyUCpD5o7Cfz03qSIHZ6iIjwf5q35Kj5PbV2E+i
KhSg/StWe01e9kTUtYMIN7FSq+tkSlj8F8aU/oTXSY2vmQ7jcfRIt5YLYSwlvg0qh5Pav6
mnMke2e0v5VIRTX7i3NndlSovUkRcvVLVnE0jhaeC+Cr/a5TkutiN9jh+UVCX/Efk+o8JYL9
K9n8ntlTtYRHuxUvmbvLyUYkIIg11ZX8FOFJWjbczync+zlqSIKF5x6Eb3WhwvM+x6YpFna5
Gf7opkl2uRsRcRcmjP8AN82H0wl4wXn9IWFA9qlyeGea0gr7shHsRj3P6IrsjTsvT/klBSV2
78XI4IGS7McIjw/2SbeeHI4IrQSnm0Iw9nSipvd7tHs8t9LCXVWLDGb6rUY5PbmcOqexHxh9
P0pYezjp29RGE5Mnk6WPZV1PBH+xXY7c5Gg1W410Zo6sTLBSf8AJmaNR+7S1ikVYRIGM3yi
R95BT6uatYkqX4kt6j5eChLoIl3JLoi/YOFTnsQ8fCvyyY1tY41H3Y/eRyx5H2c/P3yEUF2I
+D2j2qppGPCme7jyZ7MVOxFlV/ukf8kXRrdMtmM0tSeR/bzenYu8NSX8WRiY6jRJ4KovUtxU
5+uO3fD6jwX5Pt3OOTZ6D0RPR/g4bounbwKpKcpW5D0s194iJR/qU8urehQ9mho3riUpbs9n
j/AquvSfSiV7H/NEKZoFz1M4dTiZph7XS7XIkX0wqigt2P2bnbUjk0lyMIXSeD/LaG+OjZrq
anCxQS8t/eRle7jwxjrLki9ScXIPZ8mxCK6CX7YEj7RL+JEX9xdHhcuWq7GemP/AOYyC6ko
fuVicP2yHhPwSqPZFSXUgSqU/Qi1b09RSg80X+V1wWhdYW+HXf7pEeh/4+Xha3Kvs68onB/i
0XoRv1KvZCKz64L+4hFi0jsZZ7GanHbcpyXQpy/kVo8m7khMn4KjS1ehV7RF1ZGIHd7k38pU
d+LkhTi9ea/KJSWgsqI6bMcYtXF6R5y6+DbT7qLnyM9G0qfQ94txVYc9S17VH8OppIsvTe6K
zEf2lh/ywTW6LL6HdbmmCbGKR7N7QtqkMPqT8FHu7leXYorqWIUI8zN+EdehNxS2X7j3U+C
vlf5P/8Aw0izRI3RyPT8FhL7jUfu1dn2uZ35mWmtDJUjfk8A2LnbYIRns9jJU9cCXgsUILpf
CPnB9hTp6wevgzLR80OctkXfMt0Z9DLOE+dCfi+lLGPwezR7HtJRRHW/WZEbk/sk/8llsccEJ
bSW6MtZuaXzF4u+LTg1Ycb8XT7/matmjNzbQ54L4MsdzTKcUV9DSByRq8ff0o6R9SQRNN20Z
KIPKXKRkai9S0Y/BYj4LiwV7KLRKCFawL+Sy2OyJt89hX5ot1PbaH7qdxp7xeEkU10gVV2I2
5SRJ9ke3Vf2gMZXX0ZwstNHCAKzLZLwZL6+SzfhiZ8NTINHu5+pL/AD9/sO6FjbC2NyMb
3nzXRCnG+V82rYbq5xVEclIN9j7Oj/kslBJkvJm6k0VKTJp8j6iLU+pk61I9tBPT6FnF/TC
3JblKXyPQjLnE8MXSbHtNL+Qxr+Qqa7I9u/iim+5NntXeZGM1KFT9y5n2VXNE4/ZZS7wLSk
6f8AdWMOJRI40KeVCCp8XXMRoe8zKXPoz3VXn6W0jUsvbaPof70Xas+a6fdx+FfDphe+kSnQ
oQvWqc+h7/221Su9W5sch0/YqLqt4G6/tHu78oH2lWpN92aSZ/7hmlbU9SkiImWI99Cp0epf
vgn0Kz/1YloXjqwV7ftZqrF42ZZXZlW62QuLjXqJFCX8iU16Zq+Ev7F+UVmp/iEuquQ7K5UZ
Wk/nq4Zb2RwVf0y3tFKE14M1KLpS/izJUnNw5ZTXPLyz7Kbie4np7TT9Mupmze49rpnua/HJ
wrO13yf32pLQXwWwbIR5zZH2u8ZW0UXyH/5Ek49DLSjZdj8Ookj7KNSPk+0rW+p9pWb+pxXk
RVOfhxaPdy9UD6FKp3IzXNFyTQ5Pe1z3n7qhJHMzSt8m4verTrE4JJv/AGNVqefTTscOz6me

Syx78yElyZRqr9pCRI9rrvJY9t/oTf7YIV+Skus8I5RXkZr6YbmpyLSX1R7ujG5m+aDzIoz
e7j90/gALP4Nsl2vrlZCnCnHLlyq727ii3ex0Rlza9j1yRw+1SReXtMjSWhwq8ipXlhB8no
R8Eb8ykmTl0G+Q3tKp/0UYO6zMzUuJd7Tl1RvocaP8A09az7nHT+qPtOHuX1qyFOPwx5JEU
xSl2x/uz2n9zjqV2S8Hs0eW+GZ8KZxayNPR0RZjTww1LLYcmQpx3myMF8qt97ozc3F8MWbrLb
6mjGILU11ZwanpkXmjhg8LIJ/xKd+TNNiUmKPIXmyPZ6EXwxjc6nHTU4nOllvRmpra+9Xg
tTnJx/kcdO7OOP0PV4JRT4WTS+QIHmW7ns66I9v+hN9SXg9jXzNXM6eVdT7SU5n2N6ci08y6
dxMh3LYVI39JYnWl8qyr7x/cLCUNnyMIThnHmWlr3Lp4Zot2Ps60vBaV2dEWQ8jUYrmx06v+
VjFdHgr7yM3UpU+UeJIS0o2WgnGcEy/C0fbRsfZ1rFp1G/KOr8H2SUTVo4rDyyKIJSSHF89
DyRPa++NKD9EUTS2WMO24ktMFIvcj7t+ncyQjbmck4Y7yZkj+SYvgzQsqz/2ZKitIzI09Qr7
M+zdpLkceE01ixlDrPiZJ81M74WEupGK2SElyPaPbKnDpal5O927141JFq8XOJq8sujL0pf
4PnZ+DK3c4I3ifa2NFdmkSF+pPpe6IVELqd8PqNIVYzmyNITQyXgbXQh31+/wBBDweC+CFZ
brRiZwt6HF6kNp2MIVXvzKIKS1iWKHaJbqyFZYq1i46k/Se7p/gx5LmbPDWxd0pfQ0c0j0yt
1ZxksnoHITNFqbXE1HLJMpuS0nEcP2k4lh1+pbuVCPjCh7NHnqxJ9Cw6k7+8epK3TCmv4/kE
X5CHgvglennrElymixGNzMuaH5KP9CK+pPG/Qs/RzFTpcNjF7NjUcVhbc46Zwlrs4tInCjU2
HYoz/aSj+4/thFC8kO5MQ5PkOryvZERbbFKC5sl4Kj7E19ZC+9zGuCNhYafC09mcXFsfM10K
rPCLsySGUJL9tiPgtjaIoQ254M4hOBnRfDhiXnuKEfSsHYyQ3Y9blaH7RTXJkVwKxn2IS6O5
fk0I91H1SJVomiLEvaJctEpuVfBBdNfyax0+GzJU+fIsZf8AImtinNcmX5MqU+juil7jxjBe
t7i6vB4uDHEzTLQR2NMJCGVIfuRJEY9NCfYbKsnhTfOOjMzHihDktWKMd5MjBciMOhIqT6L7
3TqXbfU3NzV4RyiiWZt8OhJ9Cy35F3uXXof+sMy9cBS+XZknHXmSxp3+CY0RZmW6NGcRwjYy
WH0L9yXcSKz7DH3eHDSz7V/Qu/THc87kqz2jsNnkt1JVP3v77Y1R6TbDMY7O/wAUn2HUI5HO
umpvk+Rnjutz+LNNmOEVRIdvSyUXrBoeXCKLjxksIMp32IgliyQ/ODFI+hXkNFKPV4xi9yNO
PIFFepkKa6anu4/UUL/BkXLQpU1yX5HcvJnbG6+FrUr7ZtT3kfxIH8I611M0Pw5f6Mj2exf
oNP1oy/NHcljHvisc3YjKO6KdVb7Mjj9Rj84PB+Cr5F3PZqH7Y3M19cEanvpLhjsW+Zl2S10
KMP3Svzx+TstjY2+4klDQqars3PtnDUW1+p/wCRQkpUn05GaP1RZeQOx3F+1116iXLCHKih
4rCceg10ZOm+pZ8ng8JeD64MzPwPyU13Kr6cJxJ6mhdmVPTmOFOLILkZqu7FCJD2aL7yK3tU
l6uChj8llXxWfw5J7GbLkDP90eR199obimti8dmNGWxqRgGtpYUyXZFSXJCwiyPdE49itAl5
IzwxExvB9RDGuZUF5I2tp1KvPi3FGrG5dJxZ9nUOOpe/Q6Dy/wCSftVRf0XUsvxKrt4IUoem
Ct+R7/HoZX8V50YN+CrCKsjKzKzKN80OnMyjlyRUlclPqLCDKIycf3IkjKM8sXkYvJEZJFQh
HuT7o2zLucKymjRrI2/zgveO0N2KMNKUdIodeS4vTH8jd/caFx39PwyfREqj5sizMhMzHY0L
LpcjHnJigR8YQPZ5dyMupB9SMuomXKaKffCPkWNXsyKLMquaRNMNTQcIph5kF80thRjsl+Q1
LG5v8dj3cfqZZfBKz4p8KxgSiLD3ktieXnoR7EYiGR8FOXSZTmUZIOQsIroikJEPgqxtuKfR
jvroKTV0jaw5LkftRvamuZ7qhpDm+pb5SxTclPSPZfkbIu/ue72+L3a/Dpf94w84xgiNCl6
nuK/IIUZcQyPggdmeCL6EJdCxFYU/GEcb4VezETXfCOVNiVdodObLLhprkf9Gu70KdOO0V+
Qst/usz2M3Ll8NSr83y+Ryl6nq8LEflnysMbfJDqTEkaCxpIddjL2KsOgjKRRlYemf8Cke0Q
7FiQ3UлахFeS83eRYi3tEz/wAsxCrHaS/Ma6y5JGv1Mi+KnS/5YN4R8kfBIM3+SOTZI8i
wplbwMrR7liL6j7I+o/I/HwIZUXYthdGuwrPSxeO5GtSl/ZC7n/j1/wr6PoJxd0/vrfBpjD6
Fqf+T3kt+X3E7Phhw13jHyQ8YZo/UUEs+KHkq/1JruTN9BSXIqPsSfRYsfb4ZnkXkjLCPVMX
VMsyrG22o0ti7F7JWlws9Pn8n0RaPEzUVzX45SfJEpcpSuKK2juZVsSZTXcWHknhcWC8kfJU
/qVFjYmVJlyoP4GLyeCMu1/ghWjtPfsyPvGo1IK39ke8oTvFjgXjdSWzLvStDsA/I6Iy8scz
3+49zH11dDud5bkp/wCMP6oZphUkWhgheSp/QkMfgceRIXfCY/i+h4GsZ+zz2nrHsxr54mi
/tEjWo2cVuuaM8NnuRrQ5epdURqQd4yV19/t8b+Fzsh+0+0aftj0M09uRlX1IwWy3PJXq9E
SwcSYzyUo9vgqv8AifQTH/UmW6ki4S+FpvXBOBkSLaPYeKuj3jUs0VZmanVlFn/qdF++PMvR
qKUWa6E/Z5703dePu9Pv9Wf/AE1supqM7mvqkWRJ85YN9BsnIcupTj3IrsMqdnhWfyiRjF1J
+SnEWH1+C0RVOpk2cSzdLkUth9HrijPbF8A5Pe01wc+xqXouxlqoUZPScMv5W7+H3cXpzMz
+g/3zNPoLNVuxy64QpiRp82C/mxIv+3Un2GVvliq+xFr1RZHwT/oPyX6YxWFO4tEXzRL3fqs
Xl6kyjXXwa7SH0ekl1NHdchSsMTT44vQv88fV+T7fC5dDXnqRgti22J1HtHYu+ZZBlu+t8P
BBLokJSh0RYq1foSfXCoRlLqRXXQRV//AIyRJ4/UUVgyTLD8mUdRaWJw5xwQiMfmizMjIMTO
wqq9EvUKUdn91f7iy+H3S2WrGz3s/XInN8inBeWfyY11HLrojwecPePZDbNObisFLtjUqGQ
84e0P/6Y/gYlgyQi/XD3S3ZOi9pIqQ7iwlVj6UtRH8WOJVj0Mr57Di/Bkn6ful9430Hf1z1I
w+WJCC5Iy9W8eqemP+x98FBbRQzww70RGL9XM92t2Zn6KWpbGL6iMvQ+pfse1/0FhcsZuXw
OwsZXKdXoylXXPTF00+BjiJke5NdUWG7cQ11Q/Z6j44+nuvytkVa0t3seZFuwv2I93D0x2Q7
vYdR7jNTuKo19nTL8iSp6ybsjI9aktZM1epvhTzw8h2w9r/qWxsLqvgYlJnWw7ch0364jizN
8rwWESL6oZZ8z6kalLdaoUj9fyfc/kxv9zE+hnpfHTo6ItvXl/0jSjrrqKKLYZp3hR69SNG
issUPq9C0V2lcbazSXMcalGMz0cJFKnKzIrsQj3HJVk1/1HiiUGNCHgsWmSiSg9mKXKRNC
0U/5RuLBFHwMzLzH8oMnS+Seq/JamaRIRsiv3HvJ7Hu6KHVqfiPYb+eRme+DZnmE93TM8tk
RjT1VxRtV02or78xuOxepJRRReks8x1Z7kRimSPbP6k3jcQ5R3WFyRHFvBSRmW8dSz2kh0/27
CVsEUR8iVh5tnoW6aMs+ehTn+1ia2f5DuXZcfkyv0xle5kpbdtPUf/5M70XJGae5mwjD90rH
uqcbJLDLHmZnrUeyHWrbLVkpQ+iHfQ1bLYXfLDUZ7d4KksH2Lngi/wDJ/BkojJLHKy62FIyc
pGSXJ6HvH6i5YRd7IkxDjyIlg7c0QvvHT8jomKTjaKM9TrcttEtSV5f8ARmqzuzTV4KK2Q8qb
8EKs4NU4669RzlsZYenmOrPZbF+ooS9ctZYO+kzXlhYINjGeT2tdYnkY3zZwizYWe/Iawa64
3ucWxoeCFSPqRkmOL25HjBvDwZl5FNbPUSK1L6/fXw13OSNLyZwRSOKTN7I6szz/AMDkxQpo
zy1100GnH6l5TfjkrILeW5kjsKtWXhHDYvJrCpPqOWCRIQo82yK7FfvERZcy9xaHCbsuyViF
y/RlxeDLhdhpHAUs62RoM+gkS8CZ7u22qwpvlLh+91M0ti0TRmrOpojQyU1ml2M/dVU6dD

sKFNN/8A2Os+ZZp9kXmssRKAqa5In7y3vPluWnHLT5OJuziZoKBILIQ5M7C7In3jhfHU2L9C
fgh5FbmWZnfQc3hoND7meO5wl5bsV3p0xkWw7PUhLnF3L9fh0+O3Itc546yOE4djLRjx9cPt
GWhuJwReUIxZeTuKW0Y45c+aPRmtOz7HpO5aWkjMhN4KmsfoZVuxmuHpwkNCKXZd7mvp6YI
ySP4sumnbDNA01Zdmnw94PCHbT7u5puOUt2bWNXh3FdWpUdOrLy1ZaOvgtCFjioyZtY+0vY
/DRmpcJyOWHCamqNEy139TJSWvUtzL4uchTW2PBFyNKR+EW510aYXZZiPVY0ZlkXpnHA1isN
MdfhlCrojSpE0s/j1eGb/BwK5mylmmzY1ZeVnLqazkcN2cULF8sbllyA6C0NMNTY0Pspxy9z
8WJxLPHqjo8NIotBF6krFqerNWz7KOvcvbQy1YsvcWX0n2cNT7Q1Lo1TaOKDselnDfDhRo19
TW2FmXIC67F4MvdM13xuaFnh3xThOWnJjOPP4ZZXIvdsyq9yEaauzL83Maa0LqKuKMPxN0R7
zkOEI5L5he8eo6iZZaM45uxeG47JkW1ngKUqbVz8OTPtlyifiH4h+IjSpEccydZSCPQj0I0
gjWJ6D0HDTielGtOJdOUWNqV0Rk2nNaWOKCPs1qXqaI1Ra1sNT0IvZifu2n2Nzc3M0XdGajP
Iz3ik5w5lyMpc2ZTsXEZo/C6dW/u3t2LxafwOie5aBtqXw1HS9nfF1Lzd31ZJNTqH/s0Sj4
L8lsW2L21wWZloan2gspwpJDIU1eCdsNUQcNC1rmsJHM9aN8OeHpFY3MsuZpFHpPRHHWxpK0
C+6NjW6OGLZ6TjgzubicZM4neJmh6TK0cDsy1XU0uXoyLS3Ls0fwcEpIvfnF7pkZx2ZanrrY
vKFi8DV7Ybo93SdqfNn2dN+WP3IW0uw18xmkcXIUizZmSb8GbaIn8Hu29EX2QIugkhv7nct
zI23RHMaNGq0E4bYKVSWGquaRRY0wlsZXj5DUo2Q1LmNUGK8VJGtEavvGt/J7mk9tyNvg1Z
wjoylxLYZYagxr2jfkfZI4nYvU433NNjPMhV+UVOirsvscUji1MttCWU93U+Bp9S2OhKV9vh
0RdjeN2y3PBJSSTLMdNjUuRwyZ+IzV3OKNjh3wtlfuHxGWorTNRLmKpXfiJZGWCvN7F56zwa
9nS8nvPaZakIRhshuW7G/IRpi7I0RcXlqItI4TYszh+Be85E6cJcERYtrjmmzTSJfmW+fkZK
ly8XgppCvuSLs0TL3x1ibI02HGOxY1OEXXDMi2Obme9TyxM6qXtyG7YWZZ4XHKKJilF5Ki5m
XPqKpKwC1L136jcSo+nmXjYtmS7FmtD7Na15TjqblkWlsXpPjQ1LRoRdGrL8i6VmK8kazRal
eT6i4aK+p9o1GPRDnPMsqRvkjoWU0cMkzX0LbG6FKPr5nQWGZFI9TVXLRWO+LV9MNC59oaGp
IRxF0WirszVt+mGm+GxsWauhOXMytGlrD4bwLxwqX2TLRZmlzNxo0TsXTaZkLlNATvdMt8Gp
72n6ufcRa+HEcjSRn9USpPnhmqyshNfh/wDYqNNWT5j17xsceaNd8ciTuy9V2b5FrijTa0L1
FmkW93EbireDceXUTa3OK5zNLmrNJHDqi0abPSbGhpjGhDdlvm5v49SMoS25Fpoy8ho5o45Z
iT1jfofjSsKMePKWcbM1gWfMz+zpZGfg5I2FGpGUX0fw6HY97T9D37fBuasy30MsHa+orVNO
5J1JaRgpL7OO2GmxKcFua7mm5nq2ZaKWZY3OB3NMZOr6S8NsL3LUjC3Ny1N4elF4aSLMU5cx
e74e03bj6/c9mamaOhfnhp8DzwT7jhBfZ9S1TYy3GnFqCNLZup6M9Pqi3zF6mhw4aDT2e6+G
yL3skKeV6FqdNtjn7S9/ILLRFx5Jr3eGm5eW5k5HBrcLtnp4TNH5tceXzrhMsdKszek4NR
5kZorNVYuasvF4xmaOw+Y534uaL47lkb4WZlg+IWb4tdDWSG4+gnGsk0Vv8Axo5oxHHWPZip
+1JdmWoW72Lznr0M8Vln1QsrU4mqcTU5F7Gg7JsSS05saqRzFst4iXu42MqhE4Fhc1djTU4N
ydSp9MLQ9Q6kp/QzSM7uKPUjHojdHZljHqWnsfZmiNVowcdjKbF4SaRat/k9awTU3FroXz5
hRjfU1sbmrw0Q53Fm3NNGVEp7My1PUvhbNZuzYpKpK5FRR9nJolbZnvKelZf7MstJtmtNHE
7nChXLShFjfu7GjkjhrF63+DLTjZHE7dEXI6nhZH8MHYcab0OKTvwXw2wzWzRkjuLMIJGmxKf
OOxxVJC1Ym8GT7jxeGm4s+6OCJx7GaLFTvrjeC2ly6mhb4GTjncI3tZYKXTcUlzNJ6m6ZqaS
NBxk9jU4tmcO45VItIz0tKn/AGdJIUKmj64XPSzhXCWsoXyl5GWn9pPkkQr14Wa2T5Epz210
4tps7mTPeS6DUeGI4ZjNHfPUvUdqcf9mpvZHVkmiIxyLktLLCMnyLLnhoZuhvhd78kwqHA
SU/XjpG6NdBVIPoF3Zxb4Rvhko8UhKNNuQ3KNIvonvJ6djWIC/gzqlC/g95KOpIjoNw4oj4
WrGtexasvqhTpcURTNUi5rFMeVJPG0rs1NMcklcai7HvHFZ8OwpvlscZU/kJ52pDzarlhx8
jhtlpFn6jPXeaXQstLsvV11irYvKbizu6HIuWQq3Usth3OJF0aNm5uJxp3GvaI5FysWk7o4
acThikZVHQ2L3IuHpT1OJFoTVx6jpp/7wV4If2cSUDrHoXps1OHV15Y4a4Iz09i09jfbZdz3G
XgWzLG+DvK/gtSWTuLPuiZZ7/B6m0al1ua/Dc1RlcWzZnCrks48kbt16kR5tS0Yo12LVNY
l4Gp9psZNSf2bOjwzVftsWibG5xGZCmt9SyZxGXkXjFJ4Z4muGai+Ic5StNGWUH5FFLU2sXb
OHDZ45Hsx05fTDRmWt9Ge9l6uY3S0IpbStb/Zklw+DX7p2wzMyrC7LI dokc0OI0ijMkamikaG
5uOHMcHyLKItdLIymjMk9yOthtjzG5lZbkXh6TPLcvzwSpq6jzx1P4lhDysID2mxFU/Q2ZY7
GhcWY2R6TMZY1/mRZnGrxPe+zv3tPn1Q4r7h9cdmErHF6TR4WuSm8cxod8LLbDUujvhmoLi
R9qrTRdWwuZo30FLaxePqRaeljLcs4u3U4LszKEmQhNNpvVdDRF4mWpuZYvLF7sy/K0Z4YtX
RoW+YcnuXYhXZoZrnrRkq6yReUrIUIbCkjQueeF6crf/AH+5zcsbF7HCcL06FpRwhbBr5Ufx
ZmQ1g/gzU9JCIv1NEODphqrYy1fUtzR6mpl6nuab4Ib9xMjGn630IVfa9JdDjKVi6hE4YmZQ
WY0N+HDQyvcdRT4ehdGi3OLBVJcy/wApd/Q6YKNNCTNzVC6YNMyv0siy0fUWa1+OxcsXRqKU
fih7x6ostsZU3uO+GmF8MplO+Hv4aTW50ZaQ5QIrhryJSIG+XG2CGWuaO5xx0M8Ra6Ghxaov
TWhCrBrMt0ZCdLmjJ+0mZvQtbkaGrMvLHMsmrMwplSov9mnxaCRoaGqZZl1p8OxdGhxas00
/wADwvhdYWZ35M4lj/KRaO+OmF08NMLSRnj6BwUiyJWXIfC9N8ZNc0XluxLsKHIRphqaFsNc
bluyxpjoa4rMa2LxOAvJIEVCIT17F7ZT3cKbb6l5v6Flh3Rrjphf4NHjxq8S3JihRjfqLorz
NMHhoxexHJtzPVqLLqZbaE4pCIf2khe936is7oll5jhbGixKb4bl4u6xusbM02wuJ/DY4jM
lphr9xGK2Fsi0fgaZZ4a4afA8j0OjwTbFkjdn2nre5a5v8Opph3w8k6tPVLdYa6w6Gam71+Z
ZbPBFoMuyowGt38WhleFvguliuw/g0w4tSySM0dUe9fM32+C6wdKXpXwXwVJS4ma6s0ehe
5uKrlCyUxr1LubuWcmPiOPck4svhc95EzoWDFJrUuvQ9sLwZlnw1BV08nrjd4VWVRqaFn8HY
usJNdSyJO9rEU3uJXuhGmOheWiNMNEaROJEujLX1ZklvhvinbyXckcJtrja5mfqQ09YmjNPQ
ZVFu5kluXvuaDTGM/ixqJZ7mukCTTujzhmjHMi0oascalrMyvBTjIIQqWIF/DOHN18NcdMLl
1jJxauIWVK5BZcrRaWGuNy0tDR15NHM4YHDPeUvdojmXEjPTlqOnXOFmuD1LttGWoaYastF6
DabwVWu7LIE9JwxRc4djQvKepYscHqRHNz2MVFjyE0bmXDU2LOJpFEemo2Pd3HCeLbHrq1M
1Y18DRJPG+GuHYsjXDY1OGTNWzYvLQ8i3LQWN0jMjNFuPYs5M03MstzXDc1wcSMHyZbY1kj
LQ1YnN3+BtNbsjLDd4aGrw3Z6hdceRmRaQy/cVa142xvYujMti3x5sdlhWoyNjZGxthsLRY

S+B/AsI6Y7Cwn4Hi/gmVflvv9T2nhXp6GxU0wlgYrtgtDY+h/8QAKRAAAwACAgIBBAIDAQEB
AAAAAERITFBURBhcSCBkaEwsUDB0fDh8f/aAaGBAQABPyE0pSjDCf0kL+M/D8P/ADL/AAII
ox+R+b4S+IC/kfh+H9T/AMlfrsJjy/KeQ14g0JeIP6EX+JoYx+H/AJUJ4fmeVsfA/pQvFJ5o
/ppSl+ujGNDRMdX8c/yGH4fik/lpSIKUv0CjfmFun1jX88Gv4V8vwwof8M/hohlKcFyP+FIg
hB/wQoqMsQWRgv4S836F/Gh6/iQ/FKTwg19SX0Mx/UIQamh78kN4HvWkaieV9XPhfQkQg0T6
H/NfBsQg/pU4GqLB/WsMaoY/Kl8pgTHg0ITy/qmiEN+CfiD8T+SEINedv4XRv5n0JUQxQx+U
8wQa+PAvoPy0C8rzPFEx/RP4nHbpO2Y/shPEIL+IMhCeIQXxfDGNCWPBeS0bD8N9KRfi8r6Z
9cJ9aEr0PWWqwxKc6k6p9DQQD4QvkYlg7p+gFFpI/wCCx+IQhCC+WMYyJ8JiKMUsj+uT8hFE
Qn8LIND+ie7Y05Gj2HDdbFNYS9AalOh6TEXdsPSuaBDVCfbFHIIyCRUmUNQEWmn19R96RYIb
NDKQ2nBKE+/hjGPxflEW314oXgYT8jALwN5+uj+ieNKvQxtqwPlaCq26My3wYyC/gFE7bdFq
4IZdzPhZW4KzJemJdSDyjVfYd5c/fgFy1LfYxnZhsCZobfJlF5S8+yH5Xm5CBY2DeAbA/QvK
GMYx/TSjfyxMpRBeCYn/ACVkt4EqOErHxcuh/XKBYyNtCU9sUGPnaNXAjSo5djV01eDjCWHK
R+h0r+we8C7YjwrgseTIG2e0N/jwz8mP6KUTEVxv6UvBJ4QnmlKJmgmP/AATy6siFYF6H6w8u
6PSmf0ZrqBQ234glBpXTMX9jCxGQlCacGtD4MQklGrxset8jMyyDYIUh2ZVOBf8AYeP78H4Y
/qRSi+hFKP66JiY4n/EzoeJoX7jErX0bJ0xKnqRgA3bomnODN9MX9h/sRaFzRRDU9liCVI2
JEEEF5F/Di3vBWOoGrbwPi+Q3bXIyP4MYx+X9S8oQaGbeIQaH4XleC/i/qP7RAf7D2jgf8sJX
+j4Oh6emIGAKSKu30JRNvsJnZxD8Bqw9U9C+AGCu4KJ5DDws9wJ9A9YMF9MbwMY/ofheEvogn
nsKJ+INCE/wFknwLX+RM/gowiRgGg6aL+kYu/RlfbNolK4wNpB5yEmdMYkcAnLFICE77Ga7w
Rr8iWhljB/s1eJpQ9d6GP6X4n0LwkJ9BIomJ+RP8BwvmGz5P0h3BbYvyWRdwU4AbHxDLOxij
2WkfsTwmzDEXRMLJj9BpRwUYxbM09jK/CUTInwepihjt0ayvY9+Mf8KRCCJ4IIFI+ExC8rU+
gvgv4WvpG0XfsOQ3TieqzxFuowu5jzug8HsJ80GqOgtRseMSUJZXwPwxv9isWwoQj0NNXwN/
sLATNMY+hq/ZB7/HgP6oQgkMgkQUQQ14nlMT8E/A19IQ/wCDICVjgPYd0TtVYI7+BJ4cYbXy
26JfUFrEDAeUAmTMn8ictEX6hBh1QWfxM3OwhJh/J+qEEiEIIJD8NlL4XiEJkvggl4L+FrI
ICRSpJ0tDNtymcCf/YoOZ8Jh8Q2E9iqtGgTkNnOhxsHvXv1Cpg4xYjXY1YaQVU6HuGPPNP8A
AiEiNeEJ48n4v0oTKJiEJCXi/wACV+SCyDJlVlyoj8A8X/mTd/ZmkNCExfobCoppz2xxSdlb
fi5GyqW4Wig/otMe78nYzQx8HQgQ9zoTNvdG+1M5iZbHxGodh666+teEIQQXh+H9K8rwhMT
Eylf/B15+MrXZsaQDxH/ALk2w6XsHQzYVXZj54eymKzW17GWL0slWkUZEKVi1UNQ7DZyZl4T
YnIj8QKS7MymA9IL1pRgXyNseZuv3+CF4pfCQ/LGX66LwmJif8AG1C0lyY3oQ2L2Yb/APtH
v2v6NvsfK8HQeCZU9Dr2MTerP+giGVEkMsj4UhtianDI2Lbu+xrlcmRJW4M8GPVDJOuaUouH
sNUPbQ5/BBUD+pCExfRPJsbH4hPMIQXhTEXP+I6glKq08wvW0Nv0/sxb3/qNgGxdpCHzEfT
0x8LtnclgXzo3KaHaPQZ2oqRWoxNJYgQqkZgdzY10K+C/gL8SF2XKKSZVTFzXJk/J9zQnhBo
77D/AIF9I/Bj+pfWWhoX8I2MT9AcseDu8Fj4X9iv8QI3W4ylSuAruHDIGEF9xnUG0+wryR7EnK
hTh4EMJqXAHExkA3+5YZOclHw+jUs/gXKaNyioyEhGuhlug0L90p+GH9E8QSEheWGx/QhP
ppfoXiC/gbje9mOX0KzM09jJXsYl8Nqjh/7sb4wNY8pkQUw3/uOauomxgLKbRyjPv3GpLeux
t9GagY4p7JnKMoDpgiKz4dGOrIOOXl9o1c7QIj5fYsaF1DF3LYtNbfj9ohCfQkLzSIKMZCfX
PqpRhwDKJ+WnxGwwoa5sBTit8sKs+/X+xlpWnfYV+w2pVf8AsJg4Mb0f5QOxssLhA2Oy7h+c
6Wn/ANmfuKJRj0YzKG5IXI6JoQn31AqH2nGZHMajIXJuh6Lsy/R9wNjUJYRCE8F9IylExj+m
fTPqQhijFE/I/wCE3DRHbEdtB/Awb2Cdkn1X7FsFVT9CVaiYrPt4+SxeYCCdofYQ5X/toSMQ
uB8oRDqL0bm9MZ03wMEexyXez9JoWrlCLp8m90zU7FqHo6F3doWPwV7nks1+CEIQg39D80v0
ohP4J4QheT2XyuG4YwB3gP8AeRexUUv0LF+6lq9UfHRjU+3/ACR3s/JhHJ9NNwNcY7aZgmMV
yRlnaGqs9lIG7XyLILPn+wSVa6O2x2nmjzrs02XYI/TPiEaVpoeV5DXzLxfp8K/hXhrwheG
NE87TcPudCivURwRomWsDJT7oIRpOiHfZ/TYqv8AwSsscnTfuFpGTw4NDoIylewgyRUIFSRZ
8KYkqYpQMXzdM1rLpsjZ6YyoY4aM9wWTSUJ4TFoP/FP/AakvEJ9LQnnabB4wLkTOiNq50XHZ
TbpGT7Yf0L+4wGcj/Z7ZX94cxZOMikwIL4iSjAUFVPYqdUTGLxbM/Qsq+Ln8TbozIrV05QgS
RuMjVCJN8BKDpQfL5Hq7RxH/AIn/ln1IXmfS/B+P7Tf5kh/cepl5ly5bQ+U4EaO9q/Y8lxw5
r0jI08vraGXpn8ExYy8AxGppmOuyMS6MRyXiHkRM8hZbEqD2+PTEZ0pPunbMy/ulcYx4K7M5
FvwO8TkhqzWfJfW/52cpdkJ4QvC+tjXj+8/ZOH4Np7FiH2Y+INkPEQzuMgGcAV5kCTYZX8G
PF1Kfmzoa6/REmaHTGRQbsZwtsq4XS+5iAQnoXYqq4QjSSfYfl3y2fFE9rkTMXM/mX5P7xcf
o0Rj8Dx/ke/Fj2hsfxn/ACP9X1r634Zp+Tf5j12KdLmH7M0LgIozQHh2pDSWygYvYtgd+R1Z
dKfPUGEOcjrDrhjoZp80XbJTGvFsIos2g+dqvg+HTgtLjg9wgOWzsvlzJdsQk9qFwcEINJq
exjl/jxnprT/AMH9w5/Zmsp7ZY9kFyByvalJbMjqc4K/3R0iZaQs110IBwnx4hl6rSIThwxm
f9EF05v6oTx60KyqJaJVOR7jiQl/CNgiw/4MnzTpBDhKr5DwtfkGg3/x2RPobIuf8G/aH1Cn
ujMvhZX4TDIU09kKzs9RyKsO7HGRnAknX3IWi9NUIQ6Qhdo8YE5Fy5qjXsYYIiHdbTgowt
h0IdhN8DPuXgZbOb2fkhh++afDNnx/jPA4r3f4nt+fbLfe7/AEZtcxFrkSg1v4iUYT+2Rp0H
4OFKOFj+0E5vEixULC33Rvhkr8aqrWQ3V0X7OWWEWlT9mYLK165Ew8vX8BMfBc+oTF7EcfkN
5JHa+q/4D8eER8f4H9h/cPiGvw3/AGG+8aFbV7Imxf8AY7oW1ZiDyQtzoQ7RMLr58Zgf7yM/
HkNxGlcssQRdH0yS1UDNbzBrbMseYy9XwZVi2z/owbwFsLJ85LgffA8/wAZamz2OSd2v59f
z4m/MJOZf0CR/TJRKuSR8ml2xjXVLUbL7IB2daEhFDGYAlp5EthfOjVrkbY23a0uNMapM44G
6rrt5G3SzahLdGLLy5UftH7EFVtSibBOqr0L6HCexO2J+Ye5L2UPK/BJq/xTQPXgmjDcMX83
7Z/aYn2Pdwwil7M/mdfJYnEuA5roharoWK1nRKYUwWcdJYpPFYNwdhpDkwSLDMastnuGPLSk
egki9z0VVws65M70wo6sUQhvBA2Fp5E7BwnY/VFRkwtF6n9gtPg2Xycf4jaGg1RoePsQe/8A
ApJAs9Tvoz5SDIMJD22eyMmyrPoMx68VYGb7SP8AYvSa4/BG1THMvhmXL7cVHBka9n4HapXh
vRwRti7FMSGw3sGnXQ+YiD1dPV2qFscuBdOZfDaGBh3M8MSNGAefkQ+X6KL1/hIQbHu7ehSG

svYsea/0VEs+mnkft2a2minio+Dhe/5dPGfBaP2RgU3d3yILLkZA8pUm8eq1stRmBqE5tsEN
IQ5QiSyV19Bt3gboUVr5vIpbEXwir7Ms3JW9yPtyGdlm+E0L040b34JGdPWfAaq13DEHz+Y2
S7Q9+P8AwYJDLOO5zX4HBDSfcbmrgONJ+xHse8mwn7cjMEpiVT+QHx4Cav8AzJfCzs7ZIXL
KsbVWegKj52Fz9MYnh80bgerfMIJVXQtBEtmG18jb4EMj+wOzV/8N84FrxbH2Vw74YwBgXTY
g3JBEEqotvFeh91nwxv2G8Xoc6/4r/DxWo42nMRGO3T5kSVW+RNHEEKzQzND6LJzEsj+PBPaaq
g8mB2q5fDFZVZoniBf1kflZr8Ig+1ZG/ALJ9DIs18jwyW1wQcnCMbKujL9/WUrwpmLDi99th
tuMIPpjWexHPKUN9vsc2JPQmXSswkS1fxFC9DaGNmXRSIKUpS/UvoQIO/iN/+ClqU3B5Ysije
RWFbFrkvXwr5ifVTH8T/AJzgJba/2iOJyjswxR8Bitk2KN4iPi7dPkaC4M/SDxnTpnGlue8o
f3FVN4aKDRGGAqa/IIMov0Mq6X9npIfuPVejP7IPT7GLTDGUg+SDQ/UovKRtE7Z78Ag1j8TK
N/LRCJ5d0uk7zaJJzsMhSyHJfYw4Uws7GbFNCqvoTImEyOSrv39cIQ6hawxqGIEo9x03MYX/
AGJQxR6OZHQXR88Rgj0QbsuYme08P9zV2hqdm2/0PVJ4BEbFNv8DXzL9a2e84f4E8I99oav
7V8FT5hBasxR1uDEVtWOg25DkImKrwjK9+AyCdMQzjvx/O30S+/XAsrC9j4Ah29nQhwxY/xF
Uqx7GmmYR9iZtRn+HRklaXo3hb0W6+owjVV6JdUPoXCctkujvKPQfqHD7Rk+xF9B+sUMcNw
p/BEpLs7FWRdxmfboUM8C5rOuzpoTA5kJEQo9gnp/wDceyVCNCWt6oT1MxaZ9kKtfrSTVEJt
XMSAyz0hYfiY/wBwTMYFz+5PNPRBtWXi0z34MRyV2+/F+meS8JCLF1eBhhIXMBwkumKOaE9u
mEplpH2hhlttoyjWUZgXicN2b6G4X7BPZa9j/Akhj3mj0J/8AeN86ajjXsfv1C9IQ0UrkuE+F
4HhGMA11R+U2lpiAj1EZr6gz+WjXfyWTtZocANI6DPk15Uw7kwaTCiHt4yyQri2wyjhc/Zx
F7Q3gQEtcwaqbsOJx9yhsc8+EBHTIGq/7IYZfntMth+SnKKoJ2P4w1SPYsf3shd6FHLxEvc8X
oX6UJ4JefgGif2DWU0e8YvKmJ4nTmMdfli5dOjEe8tCF21cCiz5/wBsQup4imZkYAsKR0xv
F7MrNH7IP4BPffceUcjxR+HiVEJH4LkRLmbLrmBE3LQan2jYOlgbRtlSD9IZLBUNC9goLrh
jLtNsIonml/Rf064ySA6oNtjWwX7V+g57w5iR8IX2sGYS6SgXR+Buc2Pe6LUnusGXNbzIXX
yrqf2KtQf45cEUKl8vT8NBkpGmVtQvsadeqi3bputIE2dNG1PB2cvqpEKNIFy+4LpjfJC1vA
mbpdMQ2dURzTaMMowuefDv7VdkJllm5GWulV/RgY1VhfUURn2w9ls5GHQfybmAlaxOxWnR5Q
lnKacfTFTZW0WxNNGTOIoc4IHn2sp8RWw0PwYdyRdEPaZcibMaKgYK8bH7elqO7E10wvx
kYiZq/ISezJwmQ4yAL909FAre8fZD+9Q1p8gUx4bMhNv/b4le4Y1OIJLJu0Z0btS/A8V/Zr5
HIU+0bes8pPSZwy6rUID4d6yuL0bmmC9JvPPPAlBvw/Gbdpj1CPgSTSseSyYp7Ldju0+xcYb
H7FeJWiVwLYcCX0P2iMo9U9hNy8KsGqDwg2Rw4Wx21+PCXAvstbKeg8dviFnF24iHku00NU
2417QuETC+QlnzEzLhUVGVidTUKZtdiz3lsbZcGElx0E7W07R147+iv2tMRibYtjqmYPFTyC
VwIG4rUM/vBpeXTFhJAdqJVyibdJlnY9he/DuHdvBbtvOyGZ8iyN0yKdI+MiRKMjC77Moj43
bRYpJdi7NSObIIQWBvyhBLhkbEnsWsZHncL4Lx5Yk1GuBKf9vCnV2hQra5dkh4q6ZfbJGGF
ivkHtbo2ABICfyTD33Zj92MY91/svHzSSgRVDsmf10LkzwMtC14VVjB8BLolYGVtgmfvlsRq
Phohp0/YwOZ9DZt3RoNFgaPrJ4TKjPVaXBn8UJ7c6v4LtpwVifOcCWOZKRADMGn/7Mfk8h6W
WJi+E2xJTpXbFmRj7uB6NIKmY5aEXFdsT20m0Z1ofhctIQEIIIjwkJRDORM6g8bT4Y0bWE
voKGoWaJx8C/sLE78NLSKwTHdtCXIU603TiyD9MW1mDuNI9pqZQjr2YlwzbeEJZbyITgm06J
Vv3Gr9gZYWlto4xUTKcM6yPXXKLHsBOPYxkl9cHzI1KJHTfHBW93slz9BHjmlHIQzcQneR9D
JNOXA8rlRm8Bqh8hgNc+0HS4eQvT0R1ei5KOCdITOB67+BYm5nLwWf3HDFay8twKhsh0YNCU
8IOZNPnmSfljkmhRXwJkEMHhvCQxsWwu426LE+y30z/ANIU0TQg00mhKhSd028zLIMt0x4+
PNDdWj0hcsOwF1K+WkxFWH2ZRP5GM00gdXgXJreB9wljK1ofhu7H72DDcFISlybwQirFglHm
TWJo17HxO9CDA5R/ZyRLfkHBtJgTtJGNrB7Lpi7RvCvZBivVnhqPg2LnnQ2L0LCQ+DuIXnqa
JWo+JdD2+14NKjod8ConoW+jA9mmQyqDazyj11N8ju5eoIWE45ffgS8QYxLwxBBMYQjxY+I
xoosjZTOSda2Pwk/bG3dmjwkZl5SfgzCfcC1a3mGRScvY0E4h6XKhkbtuB4qLHiSM/2Qn1K
FomWfKJe0Q9CZCJk5xt8kyWQHER/I29kCuVBwwfOQ+OFwaNtHoSymPd0PID2Qt4rvJsy7Fhk
dC8817IpMv6aNPTMFEVfQS9wS9hmCfAxWHYiLIHcnw8Qnm/ZCPmhWgKC7mSQYh+L8NnwpSm
G0aG1VgSeCN2uD4FNZ+kJg9LwiC9E35kTTaUZgKo00G/mQmQhEhBlqZXu5gpVaSNWftJgf
gRt2eMo02NjfcgY9aNiM2j5M8mMOM/yLSp7OZ6o0YaHYgprflicSQU4K7YqkvkEMf4hxZ8EN
vwFvHW8T9HYCbEi90N7xnD2ZXyUkrY+wMnzqB6Scok0mqYpk4dIm3ZO048vB6rTw2LQzRfAk
b+hVRik3Bn0ZeiQQuoFyCt8A0X6ctHRZFRaF+ULSE3H+hvEJUe1FWxDrPoRheaEr+w1b2g18
GMbVj80ppKTMCPITp4CnSjSkjZCMk+hepIuGKTSn8HAPwKwYiY8DgesVMbmss1EkY6VGKK3
gpA4k0VphJV7M1S1D71F1BSz00Fwd+KvWMhoMt9qYVbDAygbRFHxBJR9QX9iwdKDCyIbfgo
b+nklp4F3T6RkYTgftUzghnBYFyawJqJhM1eFgTM4aIxYXBR10x2Jd0/Q9jp4QzbB/4Y5BNV
HytnvePIFN/sj+xflnRz19F217BDSRexPYyUnlCjsWxbcCSbqFxyuxfY/OgaEguEhT9QgYia
k6byP51qbXLDTKUv6ZR+Cyro/Px63wiHNR+EWGds4QqJpflY9PLbIRwn/cnbloJm7HO2QnPJ
VG8HL435mTreBRa+PDcBnVTayJoy6XQ1E8iL7hNpZxi7zRd4q86FWQ4IqY3hjEcZzIplYtYX
tWVBHQeuYy11f9UV6ck7vzlvYuitfd4136lfPpnlyOrmxjldauOjfb6N3aC3Lhtl748Gn5BG
hzDd4OibsLpl/qfZdGO3jHSPB0FV6gnnWhrbbojiH7xVvZEaT1z7JI+zMo+cnUE/wAjYYUe
DxGvleWzODSywacww9t7okS4qDmTopwJAqnHNFUHOSBVOD5IxZ7OWJ4H+gStDrOdCw/NT2K9
7us7b+0JqJ2QmJzbyZg81mfB/Y3aKJsUhlG0N7EqvufEA/HXAmEai1C1lqxckxDIPPE3TF1
YwdYEyayGLivZ8DYqf208QLfL2TXBLSDAvkHHzkIruP5IF0sjg+0XwRFxUKMs4fheBsbKUnl
BIbwmkouGXQ5B9Q4ULwrG0p7ImSHoZsIXhnWszZ5x/JmTVC4hOTpjib3sM6LddMK1Kyo1Yhn
gdi1U8NQ9ibOfCsOx/1Ghr20fhBnRWRFNcmWfsiPLErXMEPMbZvEx14OTvYrn+qJfRj9gZ9
yjuRRORbXEdFydG/QuCGZ5F+S2ITTIV7M5XCCY5JBlzCfmLWNNHlj+meKMPwmdPgBM2P3LFD
3DKv4oR9AQAQLQjSpwNsuKoY/iN+ieS4WcDZDchk5VViAizoNqtGsmM+5DUmpz4nP3CDXIZuX
sxFjez9pudYefqDwoVFmaBlnuR5UofBMyGv9eVJuGbV6fjvuA+4IW01SKauF6OzyWawL/ZLn

GF9i3I6rHoVGQbDEV/Jvs/gEH60NCEITw2N18piWTX0KGBTdZZbHfsz1IK4DLB4Oj0PerKYw
hC2NDTVX4Rfw6217DkMJL/YbgLR3sGQS6egxh4xj4umflGo6LHiPYx9rz4hjKP2JVZ2PXS3b
yMk25Fm40EIMg8BD4SYvY9YfKHwiQYabo2hh7h161Og3j7CI1Fkh8yZeDfq0Kmotm6QnwXF4
JbejoStpyKxgsgxbJ+y2zK5K2KIvkUf0NwRmmzAxgtrUF2cvfo0An7L7E46fOE+hjH9eCQuR
jTXQ0Nukuv5oy0z8MqmRvzyKPcC+eITHEwYcjsmVGvd6LK+403BIeU+IeL8n3RC/gSjchvmq
Lj4eQ6anOxyJeIL92N2hhY/AZ/APWYfW3oe17FvJ3wFbYnuwEGYUqRVo9D+Gk+01R5ewT4U
dsWEJLbE13DORn3sv2YraQB+48eMDF+lvzcmrYkWRC/f0WMt2I0tCTPsNXgVbBsm3I9EdLX
5HwbDZDYPbrNyUNeF0d2DLmNIWe2IB6gN5eiamcmarDCbVRLmHkUfaGlex/hBs/eCkHp4Gsh
b8Ga21IDbuCa/AZG6568EWUjU7GwLgu33PHmncqFBr21ZtCce3snqYnmoQYz7FvKv4EjJf2T
ImP+8t8b7C5Yw2UbG/pPzDCLWclYoR0CLh5v6JORJefELHluribQmaCH2Hhm3z4Ke6YzOa3f
2PE6eGU+4L175JSFIfND1xWchFQdLzUx4WNIwM+Zm70NPhBOqq9YhCEe+B8x9/0xXYn/AANX
csJWFvvgTKCrnIdQlknBoVpDxGIq5/BmyE1WVW3FCOFs2+isRyLkXtVkXpcsQdlhv6WNF+h
9j8RuBL1jbMOeOB6ywmCZciT5Yr2cjEhlmb9zEdEEUvilifwJSGg2O+SMXWBfkerPnB19UWg
aGqegSTVvBinmKSkeJXC8oBQV0wR+AZtXJdtyjG9+DGSD8ILVeyDGdkehK2m+BuzoI8yCr0
MoWM79DCSpi5XY2x5b5xuRbWQwJIJhBPBF9Ph/U2PwmNFtn50fheiebscmIscC+BP0L0YvQz
YsiQbgm7ZG3yrecITomSk9oQkZPuH5GchtBsW/vI02iWk24cXrPoe25Id2vXj1/B4pC9h8p
rZ8yIHxc4L2yeQ/kJcKCGeovQlv2ZNGoOMwahRFmsu3idWLwe7hYaXJ2oXcJm4yGxxw7EKWw
vyEIRFeYQaGnJ8qfI3djhRaGzkyfl+hG2rCEaLAm+hPoVIN+vBPEK4EH1sJheh8G/Q9hNkRn
RRO+AuZX0Ks+h6CwhUYUYPOxW1PaNUFZ4uQ1cELLDt8GY9ny9H3aGf8AALOY1Ih9QQ3otU9D
wNCWkSM59C37hqMFKX6HX7B80Hw/wMBLguRNVTfbN1rh8FFsJHuxNexsG0n4DdauyfQ/BIcL
X1G0N6NvxcmQRwXQVEmQQpJWQ5tMy1MGJpaHsSesT0LySHKfAhVYf5FcnbjGDC+g5d2hL+Ac
vggkbtRuiMdmBvWd6ey6/cKpMnFTE6hsb98nWaG6D+60ZvfgRNul4cEEEdIakjPmZSr2Lz
7Q/SMdZ5iWaeqbXzmTOK00TVjR+hbyPAZpFU19Dfg9OlbzffKUfhrkQZtjBs7gLOy1ZjHIML
sc1pXczaN+Qlr5Em5vLb8KCEGkibJS2N88kDKs+MUXOZeHbtdFt3LQfYGYFj+CKqNVYtPgbB
ezHhaCPqKUdiGIFHJwTF3XIaH7o16QXL4OCF0KH20YjhIuqJoa14Wv0hYlrfYp465HwxdK1
pXTMh3ZC15E1sd5eN3wG4UYYYzH9aUZUaSxMWTTWym7h2f8A4KmcauhFLT+z5T+jC8CXBDwX
jC4nOjZurkfm0J/ILqaRny3Q9XSGimzXgzB8Jn4le2wxe5mh+iqQTAYqV90Lk/cEvxVerbZn
1yofPsET2PQmX0Lrw2IUy1CfghMmuVJCHHh74xVGL0fnombUWmlzhpcH2IUPZOblHDEX/wAA
vzYYYxjEXxRbUog1lDons9jm1TxuCOkdrW44D3F2VrJEIRp4dZyfauRG4jA1tfN8B+oeBvB3
B01oKPod46Cxp/Jf3iijZgiHvF/UmPZoDJ/sSR2v9kPkPukM6IRcex5CfhMP6NnwbYuU4Nzf
CMVvh0qn0ymLnEtnDnl3cVT8Jj6NyOYqXZz7QiN0AE0hf5DY+n5szGmPpmMYn4bFlzKaszIm
PyaWkLRkYY1R+vqKsSmGzYCRReBCC00liL8mPN+MM04OAubHI92MfOB7jUEVNB7OK5ZAvgYE9t
I41toOIJ5L0W10zFXsb9GxFfsfNC3ziz+U44vOeEerkyE+cEmcNVEG9KH2Cwu77otisCJLLJ
XJ90+X3B7o8ssZ59na9rAtJGzEsfJDFlpobUuG/ZSzae4w/DGxvxBELdLaHTG/FwhnSSKfKF
k+ORcs3lrhMixyW2xe4vcs8CyPXd/yOzDN0q/RRp1aQ3WbZZN2yP0j0pYRWxSX3krVYSjdv
koAuXthPfhvgjSLODFPKWX7j8hNv6M77k39wftEqOjRkk9iaePHLLEqkq4NFnkRgRrEIO6F
yHKUjJH0vCW0NT0M3BbTEiJsJy5JsmumfYEDx4bxTXop9zRR+H4PxxBROWYcJQXgZEz8iN
C5MdZJBgTgnWRLsR9jvdDoVcWtdDj/QZeUrsQlcn+wXXDwReyjdOqN7BwYIYMP8AcN7GA6fE
RnykGKPGbunoSKP7x0Rswph34LJCT6Zmt3Q1+AyfC1T7I3UMOWwX7goU9pnJrSGVsg9ctIwW
VrojNZhvw0/UuqDWE4neRlFqCDyUcjjw2Pg1Kqh1JVMca4kKUfIs3wmTFEEYaj08ckyYz1T4
yWwtGgmRBb/hgTJzUd92fSHtdhgbTYfkU9mTENn4CXzAlc7PhAmjQxCrXBKcpQfoveLgxbyc
h458hyNQS5GTHaJFQ0tF27L4NMN8QmLVx6SG36QfrK2xSEtkmPER32C5n13T6FabF21k5yd1
RhfAtIsq7Ps7BTvvp9Cedl+SMbXhr0M0k+BqzLJxiunfl+JR2dVUUbgUYkcC2XVZOkcWTQn
EhPDHji7HgevFomSKGo5B4RnaFtei1sRTsOao8f4GqduWbYM30GsHYz7bHtSaW0kh7+YEc0s
vkRLAaMJGdoksiQ90eh8Bcv3PtBep7ZU4olOkJVsWr2OkgbzMCuhl/kNDA2D0tGS7u9HoTDr
pUvgoeix1fJl6Ur2V3KJN+n5NWFycql6dl0xi/OqZ8qOZ4LjGtjG/KEb0JxGsofEu8iCYIG
vCN/ot+i+6SjZNWV6RvA6GOKQtQrnMneriDAby34Q+KWFgV/1gLvcaJlgUjIyBBGeRahI+XO
9s1YR+qG80+FoK7AtdBPtjA9BmOUbJ9iSQZQYIDyz2u4jUZ1i5XR1fr40Q18kUHGSukFxCiX
01o5Vx4yPGtEWuT1cym4QnwqCtZMpitrGyxemj/vwfgYxZKGPLM+IvD4FCQkMozQ28JELfgJ
bm5ZNj4k6RvBqX9lgXTxtfYIHSI5Gy+77fRN0TPb75E5chLnYv3zvtfA0bPpnyifPLSkmcy
O7eSevDHvFyTZARhpxmua6UMCFEgdTQ9CxEnHBot7CJp9gy86IuvPhDGDPwZUmstV9ivqi
fgah5sYgbenihWxYtd1/owXQT18IUr/DkPSmq59DZtrDpjGvFMDNW6G3GEPo2EvD8ob+RWkJ
/WRnnoIOWiw+/oUcCrLZBccKbZaZyn5ID2aj0oUL2poehTgXW2wsphY5ETvBBULITRrcizKx
XLHR5OE9GpoCT6SMc7HA1/JZFryDvvg2RZ9MzwXKREC+tdWmFTInZgWxXBzVuhvwhs/A+ioQ
+h4HYc2CUuGd9XUQtX+QXjwjBxBpkUuYfHJnsToqVyWzCv/AIj/AJazIQSjRFLIm01GFVYLT
fk5J52F4lrtwhm1mXr0N4IYHJbbDLAaVPPkbwCvg2r0PY37r/AMF9d9iSeT7r/ikadOIPgd
vxKuT04BeK9E7i6oTTnuCC+8C6hqTNkLME+DkxjZjPkp+0blufBmellziGY6bghbz0r7IQ6c
a2Zh7RCTleAzhFC67s+dwcTLyhV5SBvZCOrw4LgLU0Q6m0lWSpGoX/pCfUUAZ31v4HWIFRA3E
OxalhTjwSHvy9DKZ3ngi58kKmG8IlN3BVw0BeKLgO3G9pcj/AFldCn9oUyItfR002YB1O4T
H0etsbjzA/pm+L5Khr/AP5GIgDi3XDERUXVIqrQnzlW4BLhZEM2jOWPmHAm8DmbsRNCksW
g09TA9jXajqDaG58UyY2mRnsz+R1IsomMvoaVohRVEGZMyP2hrunXA1aToWvZiYxVyZKLg7L
Zh7V4Y/ku/RQaUpKs+HhDyx4RSjekJE+gehiK88D2PlmiwvRxJhIS9gXlr1C7ryb0MrZ2xUB
tQVIHpdpxE9B+gH2C2I3YxrU2HWTWHFmtoKIRtNITwPNZLDO87GB9mhOx6WppDpMfIkSJK0G

nsp88xedGRwwls8EOzJ14GnOTU6EyS5bG9CMV7Re+x07BBjMzOUTMN8uMdxmaqtFek2WLo+E
ElZcDBhILF2FGHkL0dDmmlgu7xr44FyMJz4WYfTPQmrfCPhzd0wm2hFtfECKJfZkfsC6skXL
/wBkVMfHQU0RvRbErzCcekYhnOQ/OF0wHdyg1TMXPkTsq2DHcj9jsXvQ0xYNEy0RnCOZ/wAi
Uih6x8ZBa7SGgM0QHZwJuQUcWw2yEtjPYBDRw7sg+bkxsAM5X7Nh7DWp2YGHq4C2rrk2cSG9
tHyT0WJtcj4uTGh3eBWKoHyjZNXmDD7FjGJbzHyhzotoaMt8+F56RsT6KEHVdEbpOCEGtdmc
sjE937Gm2oGMxDaZMT2WcDJR6DdwOPIpocWj12NUL4EXi62SYCbSGG4kNH9dMzr8kScLFFjF
u1yREzsTPhM6uQ2btrwd/FDYPPQYx6iJZvCetwWhKSeRbQVMoxLA0uIKOhMHIqMEkIT60NTZo
hZK10yj5EKfUasdzR0j0pURCr4rq2hiWXiGC0XI1dJGWMmxu7DyQn0NfjB6QRGTSUcQy9IMj
Dy0QaFz8g3eZ9IynGY+5XwXs+4pWCpocBt2ZBHiwwwnXyzfx+iFUvTbNUF1IixjbEW6QhGRh
I1b2VvVwK56Ej9rRWXthTygzB4XsfSvqGtdmfBJ1IES0slj2eTA+zYJ0EMh2g+EI6aRHLKYOB
LzMHOgCNHwyZ6EhnBu6nBgsFCxSKHyIvtAltuuw+huGjoVRpZFeST3Rpgr7Rtvr9ywhgYb0h
vKqmTMZht7i9obiVlrShRKDHjI8vQsp55ELcxdWTcGejiL9A48o1nY8JcuEYeu22QcbgMr/K
YeroZnIZzX20Tns6QtNz4FIp8j5ITQ/qYF9oc3JLZoSoy+w/vjGUf6KVUJVHPoJudLmtmsSP
ur9CMAxybkaE6moxrORFjA9I3SvktXgKDNJ1piW6mNzTA+lqKhWTSHYtGilppiz4PkSY89my
KM8ZzJI+h1THwOhMKt+xbZNDpAkj3vwXCW9CQLmG11Mk73bJo6PTE8D1DWDX5XmhJdmxX/6M
bwbiD3ofoomC6Fz7U19hPsX2DIwclo1mr0TdLEh0dMR4XYen0jE3ajGw0SaPTrEdMEZrKHLG
rTKsAcqPQoR3NAgY7UCNIY3QPWyl6L0j2csW2aDfAnTn2Dm50SIjiro1wTCWo6NEhRggm4no
elb+Tj5De30Mq3gibk/Qkm0CIzeWIbcbAe5n0Z+q9I27AwlsbtM29XpCUaYIKL2mX+RCZZK
Ng38CI3Bxs9CFtXLDHh4X9+GFz4byUKV7zksFq10PDU/AvJvlhUkURu0EzGA41E2PAM47I
t0v35GIKmtqi4TGANu6PtkHZtsW4Z+UbUAFt+0HM+QG6lL2JriooxHyYf8oapXwap+WYTRhD
/iS0PsarY28F8FRl8mrX2OLD8G2j+D45Boeuni8PwtSE2SheGfEXEc5iQ/kTwiejnTKS2mOY
fjwFM5a3IOBLiWOIeyRiT5EKsw3BWQWz4Ki5ptCkPkzWODpngUxRBbnkz1YJkaceDHKNbsIU
mPUP18zX6kzQrNQY15D5UarphK2FyzP/AGGvBIHd7B5A8pCWuInlahkCy9Ritat6dVhEnipx
4dC9pI+jmBIdeNEGIKkHtWL5AjAyPgWNjNxsAz3uEf9A0JF7HySoKKpBtN1wYFEnYoqrZbelQ
10UWzKjy4mWn2zBtBN2D+PCZJC3NB3nKGWqoYNO/gi1a9DjZ7M9oYUfY5W2H9eIn2S2kYJu1
aHnZ/QISaWvQsiPYZep7G4+6bULpjnd1JmK7oxaszr4HueRjhXwmKd8hr1ANHLVokawXnZQ
dRnCeNDhGwV9x4g3EckW7fU5KjhbFvG2+2UneVR5tGKhNyh4SRIZ9AtZnHgsjPVgu9jfyTZ
+UaXQKE1ky9UXJeT58E/GwlkiK7wTcLSRgOT7YYkydioaA+amtkdAhS+QZF35MSomXWE8wS
RJRej+2hkVPgz1VCOMYLmsnKPV+MZ62Xk+R2RTMO4TZCrXy6MPxPD7M9b2J6D9MqEunRV0T
eRlrSZDmhucjD+BS7IpaWdgmXV9GYtVW9oXJAoXMHQxJjUE12RIZBObvuhCTHIRBEK4RWnqd
inZfMHolz8DR1TF1m/Q2E2cDiiKCZ7WFzE28UeqngWRMnGV0I1rwhE1TMFKqWlqL7jgMHOKZ
THzejXJe4U+SjgUKq8N+M7cGvEG2InJUVrGOcyILLbDKc5gesm0HUmnQokuyA1L0zC2iXmL
DUqwxjOU2LkvwrlTPahrVWcS7F5hc9BAUXoj6TRC+2fgXG2XFtUVqmdaQhknBYHpV1Y1tSN
kz14YhZr2OQ3KljM6hqaloE3vJXrxEFFXvwUnWL4XCiidq6mZ+cKRzK8mpiolcs4XZWH0IzD
IaUwmWGipLGeBSqRwrrdO5GKRPFcwtDI6XUvQuvC3BBD448SS1OQ8Nly8SNXGw3aGhVtwWS
WhnLgVOK7PYEARobrrJ8qUlytr9IXFthL4Q16VHtMDfY7IPDIODIg4ZOq5JyRpfCarLS6Ej
2ZVQmOXyF0TI+2ZlAXKZImfYurPkc8DtFi1nsbVkg/ZtKHmBdQlKqNDtMWHS8cMjE0WRmmO
JJ77FmyRyM6LBkhlG9UZ9UmuEWxIwym0IXv2gBo8QRwhl7BQb/RjEk/IS2mbSVMfvEysovsO
QyQJd/2Jghej8g05fjtOnRjgY0neiGGKh+w31C+YqHiOm0Ihpo3hTFB5vCEwi8AIEWhzklbB
y/uJhrqJrQz9Yyy+RgvfcsomRs4PuY0Jlp8i36EpNqGikSPhDSiZDzRtszqeg5vaCZ0BGdok
arSEWEJTWGbVbHfy/ibGK0YlBD9geKQjbrbbMYw03XoioCdxDkUc30mcjkh7yxqboNk9kIe6
uYNdtMGvSVDB0LkxRMto/CMxVtOC8PeGQEGgmhyV1D4EG7CWWtNa4JKv6CneT5MMg5VBhRl
xo0YknXXtihNtPROBfgatu50QeA9htUSJeToWfVYNbONljeRidEMgvAIGKaQJVxtD0M43A28
tiZawPkQtM+XhKSDJXWE90/YrSnDLXg9D7gaSMfmGTJedq5cViXBDjAk5cE+mflhdoJFV5GP
63DsLANDkdpMTTI6YY0ZG4Ms+YjJBYEMo2dkqGwx4LkuvKKTltD6LJ9mQa/BFCFILo4RJYN
V7GuxYvRUhAmHIWJdjK9DvdqmfTjBD414VMrRdJots53iRDD+cm4b3n5GzYN64ZFii1iG0H
gVb2gkFjsz0s0c/Z7b8pZHYilfYquV0ZkEqJ0bC0PkNJ7VMwkYpssa6PYgW35I9MCFpfnq
eC0zmgJ8jtNGVfJdW9j2QSREiOJDfKj4RZBLtYowlbwaPQia2xC7gbOA+9gcjZYEUQ7TW5h
jpeiMildRbnh9C+edyNZSIYeFz7G/FVot0qPnJso8WfwJKuyXZs8HdY6UiSPkEmhYo+b+4ST
NuzF5dJ3EbHKvT0hwZW7EKtGYya85EETSygcMZPkJdfh0M8tF1KZLkhd+DE7+AP9JHEZrWxJ
VqihKJqqUVXI++QYyVdy9z0qMGUQxCV4FNQnssjlfAGciCuxI6LDBRi38DG3otOR6aIRyKyW
FJ8bNj5ZC2knVFJYbD1VsiHhNie+jC1yOckDNvgd0oddF4IXRMA6G5JS3gxGygIwXkFJnWv
RAJ/yM4beqEzwhve8ypJNBMYKsYOEUKWWiLRAdW3PoVECrGGNe+Bhcnym2quP3kFXnHZ7zH
TKWhgWBjkJPWaiZH2MewYnss09uEDrgL6hs9EfFg4hZNUaQ424JK5iUYdIya59IE8uS1JSTQ
tH/RG8GNXJMtp7i81UsUm0FOBmBu6xz0VrWohMg7o3jfyN6VmYDclu5XMQjgdNuP5HNRZv
YroxjUuURqjz4FH1ZjhmE/DC0mC81M30RsYO9+BTgk9r9C47NoYz6QuIEsMJgdNuP5HNRZv
tiKOAr7C3lW67aXoe+4EaIGocP5D6sN52It07yx5iMFHOhALRFuVJN6li5iH2KicwyuP8A
MUKLQ1aMd8epNYizDCUvYt2PZI3wNsuTQWgxv5YjaqQj0loRVCwLXitsVfFYMTiKQTovkKFQ
sbwaN6BIWjKk0gyTWxIWxCQestClpge4ge84ZVHHSLeUzPllisqL0UsC1XZXkkGX6GzYkl2Z
Dp2azf3BlkRF+RmZuRB5itsb2pRpKNwhyvLS65G1uH2NbBYnYO68hd4NgqXsHMw3iCqk831
mhPYcZ1Sgpnf6FrQy7RRtMILxOPYSUubwJJb0ymsswYFR09nyOyw0JNNCHOPieJvoMrk9if
CvaEVAymLdDRdsatg9n6MHOD8Iy0vowtipdu8CzRmoN9j3UiiT1CBDznI6qiTB7F4qQmKYfo
oE7GmRVsJnRbnhqtMTZUGiMji5yOmhuU3CIJK42/0VPC0QoCHUScCrckzjOCyY4Xakern2UGe

3AkkwJqb+AwrehkWkg3uHqYgDDpmWstYtC4KZ4shK1HFcMRNRi6u9sfpPgDXnnRD20uxWi
K4iu4JohjKWJXpBPwzphoYwyX6GtNxBrss/Q5pfnXI3ozqbya6FIIIE2YPlmjHyafQzaCR
lk2D9ZkJRZYkV/NbZav5DmB7GqsukMflWK6gdJzIkRWC7L4ugslLJS5CHak6OPwBUNDm0sl
pdSeH6Ft7d9DBItDOZnIYP6Q1kl21NikM+WewJWZwxcGe2eh7FqFdA000L2j1KslreC5PW0
PhLLgZ+qe3Q1R7yETZ7IyfmIthNR9jXwJB1ByskP7TDJtsmQHqdkHktY1YJzIojmxMnL+sIW
ln8oTbIM8EbGLsE2nJwhdPbK8Aqtd6mxvXqBk0sRs4W11hZwMyh3H9w7GBWqTUOC4OwlF8yt
YpXOyZbmShL1M/4LbVhi3x6ldRyhr0cKi6cxaon0h6rt2NVJPRYKomdaMhsQ5zAp7EKysg
lG2Os2xtTcRoU23a8Mbj+hdfe2K2zShPNPTZvE62g9PSd7MU+z9kjCHNUhqhozVTKrOzD9Fh
gyDY8NKZmEMYngeZtyDgnsy0Mk9qIkKj4FY0NGsUxJSBOPRrHLQ8PKCQNLh2Lgb4Mf2GQjh
EhUcxr2XT10yTPI2NPJic3UPgpaLoth89w5ULIhpOyhH6iKssKvBIwI0KCCFsSVMfYhNuTFA
/wBkXmMVWdzY8DpM9DFYEXA+Wg2+QWTMSl2gTtNMj3EFsGj+ljn7EBR2HNR4IsC9P2EwG3wY
jglttDpOU2XxbhgwdGhuGx1U6GNewsBmuSnsmh2a0LrhL5rCMJpGV4E5J0WwKVM9EMw0YmiB
+x8DZHX9E23UG2wYW8mDiqxpMGYNbgr0D7Ag485ShN8AvLfeOFjWhuOjGvDoa/FxMksA2sRe
SdOHg2WGDbeZk3sF7xpZijZeRNxj0fMsmgYI7rCNttKc9pjE25yVkaticyq6K4lPafvAZUaD
HY9u834dr9jZS05eE1528rj5DKVyJ0yWtDXRC7soqhTGKYxtg2yOIMexGJLSnrFYznzhXiex
BG5RHANU2ujQ90Xsa1b2cCMuwxrQ0LTikgrUYs1bIWHpj0BQVEq1DpdhlyPSHSJ2RH7iJoGd
YFrixRyJUKvoHsPbJ9jBBJA+wYJP4Jk25hStKQqkPZUapbDk3Qz1B7VB+qYi2y2IsvoZziE0
YTk1vCGLI7Iw3II08nWxsWUuC6UI9Zf2YconBOQLKpge7eBbMarHs0aRxpknmxtPKJEkmn
AFmYy+w9XBic8UPbYeqm834Fnlc0ezWE/A5+RrsZEFcEUcIRdDpQ9i3z0IRBpcki4se24ooh
NnWCS/sPMkOQsEu9JyLVqRpdhksJD3dvn2ROGRgTEV4EiiURZGCFrp6QLSmWipQZDR5G3bJ
tIJWya/GPp6jFQKE8q/sVbYudGEvHJHGa0iuyE6bYkUBdE2D1FWTsBQPM1hi5BUZDCFns3nm
EYOJfZegLH7DbPjrDkGalQPW+ImIOE2JZy6J7O9ChqG4NK6iD4EoSohK2hY9Q6C62xo2f0J6
YNPAsDfzK2OLlZqGpXylsBq2GRpnXsSu8qK7FTtM7Um4Tzl5eym2Y4QoIrZb9i2lgRRmwYF
u9C4UwITkp4Y7h8Qa9i6PshS6lwmxalRvY0+zwRBo6eTebMrisg0JObtYLz34WebwOM+5kcD
tYT3wxEnCysHiTVJy4qLMzFE2GDWjc4GgbJmxtNiRMalaL0xJVX3IZt9ei9NIhnmIVzIhbVv
kPiVOR73FwL86htnfQza3yVvQT3oxNFoaTZ4HuCa7YljAj2HOM9DZLeJalG7VZYKydyXQ4K9
y4Q/EtWW+B9UO022jDN5H1IIZdn5IQkVa4Y/Rsh4+4GtdwbAc2h8ucToZyhLqaD1aPHme90Q
3MH4FbPqgdw2hl7B8ukZUjGlk2IaNaORC/8AYNV7G9wLLsuCi4MbFIW/CCpvlkg5EviQxew7
aNC56Tk2MWGQk8D388j9FgZ1KzBLT2HCq7G8jyxIZYHTh65QgJx2LDBY0EvYpaj5fhU3TK2w
9C5fhJkHfAQ9bGFB0kSyh52gn9GRnA8fRGSKecEgoOde0yBLcSwxrTCxrcBZQoKuf0Jf8dG
OqUO0FXhLb+DB52PTa2I6GEhWVOF1ZHBwy1YI+4oKu5Hl3Qk4ZJlInkXsxxaQ+iK0f2iYej8
QUXMXwsPYdGrgYZ5JtwjMZhpYr6IcdDZneQ5pWm4HWjtFrQcAhqe+GJXy1PsSC8MQ2efGRR
OOU/IKkzJ6h5Wsi/wCh6ZVchyg8iZKRQGC0NVwxtQaRUXgrAaQu+Z7cODSvN9kHlrXKkYBr
k5/s8YzHyhe/gW9j80Uvh4Taaaw9IS1+LZ2vA90B0F3ErZFT2YImGg0WBjREWGXAVYexLY8
DCeYagoRKQxQpsCcuZl5MFkxwB7mRexWqhTKCSrFeyGeNBqQyui2Npj8GJU7YjTXhKwK+ApE
FG2LUKwG4PSOXtiDloNlxkmsjFFN9heCwE8VWpNRTJNmeN1Ox8kVcMY3mlZ/seU4svcxw83
KKydy0Pqn4CNJIUMShv1jho4ffhXNF2uCTBy8r6Uv2xDnxYmKZNEInKfKPrnjQbkIPzRwyE
KdyQbHpVwt5Ld5sRnJEWxyMr7EpJbEaVDvDxSo3X4WIDUxmKicnKdi2r02Y8gKJRefQ6Tnxq
NlejhdmqGxomRE8w3qNswgLVk97WEyomwvCrEkYMvXk+fALJNujS79HIn1fyJ8QcGZXo12L5
fuzKYgx220QUcmelcERksHTFZj7EzmkPVFW2IqFRLFhISRmNvkkpZDomrZmSRT520LWqcHAO
ZTc8v35b3HxScJyCWeZ9iedzQIVFpXKNpj6SrBsoeiBG5Sh4HmZuv2YXBJ0okmGLJDQLbNrN
kVrA20gzq5HPRPgdV4jfsR5D4JgCFiktkJ2jG3wdLbLYJcEYTUEAKSKrCycAd4ToatOrdaC
tM2ZUmL4poUumrMQUiLgXOSFpXtENDORKURUiLwTivY9jW7H0Xsmwln4jMZPoVdjYyOsliUh
2r29kuwg0W2kJPi9tRdTiY01poYjrj7GC+19yLDYovj59iV/LFhRRLw0SDRs2K7oVpweZN
kVeFsjGEOrfxH+IIPYpCuKLn9BxA/wDyCZh+DqBVeENJU/B/okI4LQq18m44EzFaURWEIrw
irpCtaEcVs0proUIzhC4AVXBaEy/gRSKhmoNma0QliWj9jyf0irVx4RGhbEdIVUlwitwhp
wQn7CKceN8xFbauCNvWk4rYqRCeOR+hYXfycW0lQ0rCFWnkSV0KtSNSRxfQq8I1h+CRgI
4of/2gAMAwEAAGADAAAEGPT360yALHFNE5xw43Y49y6393ecedewy3/AOGAU3kPQzjRxAnd
8uuM0mMfu+N/P3M3OfsI9Wzj21cefiTom1ec9cOG/Mdfvde9fO8sP2N/+SQyTnEeOGNO8f8A
vH//AKw4V50689zx14y1+36QCBLECOdfbbw618wzw/x1f3z75y23+bw5x08WKKOEAOXYenru
F978+y0wa5/S2wx993w45x4rWWPJSOE21/qmr792CCyL1/b5zy7xzyy57y99SFGMI2aop+0s
y+xlx2k58/2Rf29/+z28YTyxGMHKx2o/wxtx15S1/CWX+261yx79/wBNeOcOyQiTmuvNvPLP
scb/AHirBjDrfnFT779LTFXL88M0rzKja7nTHbrXTrbxJ/DXnLbvH5pL/nUg088LLn4LfGYT
f7H7jHndBRLm7LLfZbj3T7Akc4j3uQeKrfY7jv3T1DRRFb+H/wD4W0582488IFB210Fxi8BJ
P5y85Uw1Rxx7572az18108+PRGxI+N4JlBp93+x+Y831t/96zw0/wCsssFWbdP2qSHI9Anc
duuvFOR27NdMuM8dPN6OUUTMaf1OgeSvWthjMMOM89/tvcd+8ve8Off2zj2OeHKBp86E0TjN
9Mx/tfePstM+/OotNPdXV/M0g7Clec/+p/vN/TMOOM/McP8Ab/LTDLzrfDjjoDUQSP37TP4v
TahDtd3TrDTPrTDn/wD/AN//AFHMjgiIT2e0zAH/ACLf2w//ANeN/wDDE0r73zv7/HwMXG0Y
yzUI0TfyZPrDXrPzXiGaW3/AP75714Hm1eB+5TZ43FFrrw458zw0w/hioAw14z3wKj/dx8
wRJORPlvN5wQ3UbTyznGsry/c290Cw3doyeVHrrEugDUbcUd+fe8xV5ZbaxabIO8IDM/Pw3d
vPFZG+ACPPD7U/8AtXNGFd+QCpvx+8a8ymzhESE2Z9htpb8sNe9N0fdnfsL/AOCteHTFgzjb
zxFmDkWMKtkUHvzLfft3/wAEw9s0yAcqCbEk19eRTHini12MBF942572+wGEhi9KPPSo+g08
t4DRKPN7drBC5573LA0/z6w5t1JODmB296sAOENZyelJHw3UU879eV3023J112K7iLq+90sY

XLHdJAXG78/y/wDed9XfdvMxqNyOxDJnfELzUD8AVY aO9et+OM/c10tePPNfNmhNbfDdrPDv
FsdtsCPfusMOGPeWNOvE+vfMFpur7w8MihtcCNdk8u8et9334kHFsmG8jc+V8vQJhF8vS/RR
fcgssNskBGMG2MEFF+vMv/vxNA4gwu3xdyiq+Aluet3PO/mfnnV/cSdcGvPsQKLis8vuNt2P
gLbc/V2V20v/ANvrzGDD+Zr2tccgvndefGH02vpVH9lDhPDbfV/Km/3sw7z0EcQ/Dvjfbld8
v3U1RQBtFX73fz6C4HFScGKckwHXXTjjo3/vnPAEMTN57fr/AME8IF0IjrYP0IE003V3+IS2
U2ja1ba01x8wlhq42Spt/eU+cWxzwfw217dxqWEP8KYox6DjkX17lQg0+f6+x15wBxgZNY24
CGmJfK85z+Vso12swx4nc6/+5Kpc0Q4543cQbSjJm/FiHLUvuJENMN0+VicejzkgFt67W6w1
4VqjUhele7w49h5810fsn3nhJh0uA9/30gHE4bG9OMbIIAWNza2xw4lyz04+m4+5MmNJipz4
BYptqGpLuTMHFvFO6wkxixQM+rstrfpxMt8csw3HN4vJoNbyXIjy4pkFQZcp7vVRNCHsNO8
JBLWVgw/LxH0mBQq1xk/TTKG7nEc43DC2BxBdDI6snrj18q600+m8/jABHYENFKDMu4yK30P
Dlpypx5gMl6gbqygwHmtFvpt7kG92qw5z7O/74780d1QSk15qguBXFN88ns4b9rz75Gi89
hwt0rppqGigM9199+x/IOz8yyd94pQW4ri4WqyoiprorFmgnut76t79gAR1FDm83z740KFwo8
g3olvhEi69m0w6+0/wDruMNxtv8A/eb1drLLRxcnchxf7hU0bLHmD2OWYb08vjYuhCdDj9
jfejBiA+ijgfeDje+ef/ccDg/DCe//EAB4RAAIDAQEBAAQEBAAAAAERABAgMEBBMVAh
/9oACAEDAQE/EP4w4mDzC1tx+4bX85Q9BtZcBpeZw2cHTjgMccHhGTzNDwjJwYeA8Iyb/IOI
8IydCGjQoeY4EVLAAocTtaNnJ/wBhoUPAI4MGzBSho0KG3zFOjDRg0bFqhzcfHR2aNjkosKLQ
hoX8o6cfFxx0LOTwPleDR5jzGj/DMGHHQhodHHzPE+z5ZwbHnNChBDD6SMj2ijQr5DYyPMA+
bOBDQj6GPsHYa/cPH7Z4CiMOzo5NjoOJihwsnm49HAsw2rEl02e5hsQ0beTFHgeM0dGj51g2
LOHTg8x0YaEXjMHIw18ghwsDmeH2GOjYPjNHAv7YhwIfWaEOBZ8wo5FizD4Ds2bNuGCnBDF6
T5VoZnulk0NmPmIbUUGnwXEChbwI8LZy46WHHhHai0rdqLBw7JwA9OOPahEUMEWTFtWnDSgi
iioQ4cce3DAYuipRaVKGWytjk8OEx8DzFKK3l0aVijaiijjowQGhp2uw08Ex5fRyWXhWbMEO
RT04qVqKKKHax+QGzLYFDChghTRUoRDTsZfAGHgaccBigKo/slijoRdXHHg7BhEFGHLhy6VO
jStxQ8AYKlYaFCGCCGzkwUaGRBRhggv/xAAeEQACAWEBAQEBAQAAAAAAAAAARARIDBAMUE
hYP/aAAGBAgEBPxDCH5L9tcL71NcL7LqV8TRRXCu9cFpzRRWH40ocULd6XGxw8qGKFwY/A8qG
Lbl+F5UqF5EPipWLLy8vWqVDitPm9vCIDIQsPF7vbwHqhwXQnleF5QhaQvOsIWFK9iK9qhSu
C9SFDy8vxPjRQ1DFL50Vy+whiZfB+ZDj9KlafSxcF/BSxZWWhnqKKxRWE0hr9GXFQ83m8UMq
P6l/RjHFQ8sXSx5oYxOP0+aUoYocPSIjEVFI4WKKw4qa5VDhMscIcLmu7lRcOFmy8qEMvdFZ
aFh6qf0cobhDlZvS0ooYoUXLP0f9FKHD8FwxQpUIQxepiHChChp8lWvLypZfGo+ZWGOPgoUu
FCGJ7ocLioeUP4icKX3vChZYj8FwQIITY+LGOXH5LEOGL5OEOW4sQ4UsUscIQ+7Yh4cLCHI
oUXlcmVCiCyxQ3DF0qfs3CKhaYsofOpWbh8EOE5fhReGKWoovtUXiii3woooofFKFNQ2UVF
RU0Vmy4WrxUWxhl1C4PFFaUVDWkxUqLLLLYpsUVj6VhqGXDCXFFDhIFaapeHiy9UvisXF5s
TLLwhjWkyvNwAlRUvNiebi81CwlLhi1UuKxZZ9i4uFiy/BUfc1FiGKUyxwnC1WLLLL41cqa
hMahChlhb5qVmsrbQmOEKEXwbxY3DhzYoorLHF3piwhiHLhDEOEIQ5YxwhDhr/8QAKBABAIC
AgICAwADAQEBAQAAAQARITFBuWFxElGRobEgwdHh8PEw/9oACAEBAAE/EHhAXyMHwrYw2K9
S/g4lpp8PzUqVCM0+Lc0jPaNxuKxWwZMblsVistsz3G+5b3Le5ct7ivct7lvc7mfMtlvct7
lvcFW5b3Le5bUz5hcFqFrVxq3GhFRXLdzM3QNwuo3LERZVLZx88JsQ+alf4GoultkESCPx4j
GP8AiY/NRIK/NSvIG5XzT/iJc0Tc+Fij8WJLG4GYqJcwSvhgQYsNRQgbh/kx+AQQRloxnMf
hJWJUTEqVE+KiRPIInzXxVv+Bt8HyqY2l0OLFiy4ssUAlI2mv8i4MIIMIRcuDMTEa+FPkJcu
wwsIx+XXzXwqJ8JEifLK+KiSpxExAeYhE6gNxu0DKlSj7isi5ii/Agl4lZip/nUBPgQQflaS
3wfkFuJiMFAkNrKqMqPySUKu4jklUSVEiRj/AIVKf+RIQJkSj4qBEgSpUwhhFixS8xQLlo1O
IJX+DKhKiiZlsGXLixZfwcUtcyJUKxhlRJUYkr4S5Y0fCIBGO/mokCKOI9qflj4msRERHao
DWfiqjQjC4KZeIsYWG5dMcqLBOZiVKiVK+H4V4RM/Ay/hiYlQnlFbHmCvM0gLWHMyfgQiR
ipZCmPeaPhTibRPipUSVDzGViBSvgnpEsiLltJu+LmNgkQdfFQffXyvwFjucxQY7gLaRMBUP
gMuxhFZKifBCMqJKjGNxuWJaWTNIFYgzEISoENbdQKwj5TKuCJEIRJUSOhOIJ2QQ/Fm0VUds
CiYj8QLsjshnFEZX+A6njMTMuAmUoDcQgoLuWXEQ5lfcMclRf5VEfgw/AT4GECtMSVKlQblX
FBHcJuHwiRixFgnLBgm0c5RlnMbiFxxwRU0cTVpjpH42jKhEss3E+FFIXLQsZwjJB8VE+FM
pjD/ACaYVkvqITWVoGlliriNvPUTFXCDfUVsSIymVKhmiOyCMOUclKycJ2x3UKRfIBMBAzj4
gMWAmEW+AKgJGXGVHUCODDuM4iz8DBgDK1BpxFv4rMSsQMqh5ypXxfyjehtjc3gvk9scBfa5
PUfLO6e2JiWajZ9zwwqer0Y1850VG96Abjlp+EYmL4iP1KlSswUEXEENfG0cPj5YIJQERHPwq
j+DlqqZcwxOCbkclSxhpX+B+CVWNXRKNwDmDv3NblrguEFPctzLz8HENsqBKmkRAgr5NS6e1
Q3UYFzuChTT5X7jCKg7K6li3S0EJYstjj6jfggbQx9jgXniWV1WwZl60TxAmRkAp9RmCnkRI
4XL81G2Am7an0xazC4su1cGZUaJVzF1zKApAyrgDtYcWkKyxH7SppuFHS6Ox+HFFuKK3GLg
/mLzMoZGbYLKxEmImIGYtE2IDuW/BQVHpaAjNAPwLH3KhqBn4MRhRYyrjFRRNAV9RWG1Dxcet
Nph0pTxSOLiBcWBPdmc3nlOP8GELP8AoxQrjVYokd9SIFbZBq5Vp2rcQ+5oKyZcbS3ZukNKD
8Q1trZF2rtXA5lMhYDhZ5qJI8bBFJ++METYXsf9jK+OM2Jze57PEQI1blunqUQR7qIk4CHKP4
LL8GLgwpD4VHJCX8V8XUdkMMdvwKRIODIke4NlyhgJ5lQ1D5fh3KlMqLurErqLEcn2VCSjR
Hq5cDpA7KjoBierjUIUN/iZKGgBix3qUw63gMB1bnUFQPYQls54ibFxEDRzBG1IRmeVathVL
N2kT7gwgLR5lXYDaOJvn5LAtNVzufWDmVDGc+JcSf+Epn5V8VH4cox+KE2ljKJZBhFg4ljG3
wF1MkYpg18CD4BK338GOORhH4r4AEqBjDRyxjAGAzeCm/wDJXmxT7uULMkeJf/8A3wzuUs/E
sa+MfgyFyopE3NoH5lWtgDLWLywDBam4w7jc8DmUPsQEqW9yijxctume70jzbVf1Gn6sRjs3d
L9xKjrZHVS3cSNUnXOZscNCV9oJ+py+aij8Md/C+RfCsFlkqoUg1ISJEIRUgktgphnR8VhCO
5XxX+NkSTXC42HQEOdlngTIKvZua7LXkpIzkEQ6LZoujct/EQfUEqKB17l6OBpBz9Ag3uyB
cdfXgJqWU4hQn7gUsR7yIhZDefUpullQK7A2iX+/EuZ2/tGQ2y35RA3iPuVG4W/MKrwkeWKK

ovg/FpV7+MkM+5XwSmMymKBU3xAojmMK+DHEGK/gWNuaRVBxBuEqV81Ahv6o8F0GZI3Tf4ms
Zpf2NU0MT9sKu1Tp9sAEzSNIZ/0xd4r/AGXB0f6gI9xY5uJrGUcXdQmZg/JCVZVSpbHcCgZD
9xOJoPN1fmN2NICMIhX9uY05Z/SV3Fz8XHXctnL9vZ9wEN5Q/ky+RIyoI/CrgfBE+GSEqJiC
EMyxYJMtTj4YoYX87x4i+Bgy/hjXw6lBbvWF6SGF942NibPF5gCMG37lhMBYNoKICM3iL+T
PvHMB8NxlOhZYKqxNwmqgmqVYivF6g+fUXsYjnUJiykJxyhBTwr+Zizs/pO/KwVLmUNIZjGM
Zj+KjPLKhYmAVJ0Mn+RTSO4kqV8EhFQK+B8IupQ6mEWULChLj4mkiLKWUQKh8FiCVKqXB1/
DH4E77cfUF+KNr/7iU/adJ7iJ5tF7nMCDCvXIYnKDr8QCZa/3FW9j9zF2Lko0DAXIFZhGN5h
F3dxgXUzHSlcfJKg6l1ngRIUdjK/ELiwF/iKC0w/UWnJi4V04SeFz+zxoP0noaWHoTaLH4qM
cypUsmtxyghF0awwS6gpz8SjuUQEvMooBKgzMHwET4r4JUSVCL2fyYr2yi/Y/qFTREvymbjI
UcJieRwvcQqwAfmAjhj+II3IKInwH7grAtw1CcdVRERfULtEIHQxBpogVHYQDOpauAauKwX
Zp9QHAgv5iDkWn4hrUyYiW4RYW0MAxzn8T2NF4JtEIR+E/wFWZp8gtEKI1Q5qERB+I5gxJT
zBS9phJqKalMEeJtBiCV8VC5cu/jNmijMpnZiocLL+IpTYmEOtBH3cubTePIYznhgFvb9Rkr
wkZpSWg/dImVgzUWdOLMqgiYKqHZCOQEaK8akfpiBTmk1Ba2u16zaCQdGAH9wH/ycEao7/7E
C4N5qMTWYJzbRMT5In6246+EiSpr8EHwGAdfDIQguVgoyzfwMpeZpLgo7lNywiMI9ZQ/EG5p
8VKPipUr4ZfyURwvqXKwDtYcARCPPUzEGF9RTGySvEE18VT9EQHhP8ldzhB4XL8S5w2SjUor
K5qLQDaZ4IFVssjF0HCFaLYnGoDSOa3xuEY7ozHL3di7dQtkqaULn7gJeR+43Op/kfsDX7iM
XMOwGy12xEdNLpdRifCSvgIIQQRKhp+IrfjCXNpzB1/CT4SO+ZQS6AqalP8alRMSp9/wBo
3gVHbmkfqAZ3Thu+IyuLB+IANNGNB0/hFdap/IaHbFq2Ys4/4hW9ULHqRdD6hbdgcgP6g2go
WiXfKHEf9Fi+iCK/XN2iYOvWKxxBVGbfiWNm7Y9JV25iuaCMw1GxH6gDHICKdjEAZzdR0jbb
9x3fpJ3MsymVEj/gN/ILPgVA3CyKEVkWxN/BUIoMXzDQE951A+L/AMHUYv0fzBRESo7p1X9R
jpwH3HcpY3fqHC0UgCZYU/RGHkWFwwU+2Bkx439Qr70By/EaxzmoOOLUTEBoH6g9iABV/cOZ
JSoWemUyVxbg5LIGDBylXVzGFui7GFggkQh5tDFYFYQwtRliuHXqWJ2QC70xIDIEofTX7ub+
OYy50Qxix+USkFkNwoSjuSxuGo/GsUYrMCBUIkplQmCxZi+C4mXL/xdQUv/ANzAo5aZYUpQ
L9xiVAG/Mo/oF+oAbdlSAolAf0RuPeeN45WgvKhhsOWJu78utolr8yxBukPscBQHEOeoTjN9
qNGoiSjLctwwDa+q0OHuo4Wo/wCojMy5fiHorWMFmjBUszt3FmbaZyN0yw3ROTVU5u463X/X
ydx+GKLmYY7lFAWwp8GUfAo7j18AWBBQwloITBcQh/F18MuXLly4s/n/AGAu9ELpiP7gUpZX
7jMKQ3+o1RtX9J4kB+ko6Vn6lWLW+rmPNQrw1mFzX6Y0j7jtI/QS2x0dOSAeqXDmrUpYXxw
tDRY+5mgVYNMgcRC7MBq72QOg8A7z1cAPOdeWp4CpRV9tGc3c5MVCEaVCLZ3Spb2dh4gG6LT
P7ILnbb6+SRPivm0tLx8bSIthFHHUZwZeYfHkGfGTUyQZgmpKj8C/DKBehjJm1r+ZeZsQj1
uiPQsix4cEB+YUC1z/SAULUH9BMf6F/DFwzi/e5fhBMbCqiNC5wVtnuWmbrBzHxfSrcael
g0SIF6JZcgdAYQeIvn1Qr3u5TXyHCnmPggJNBVr3M1J/tWRgG1SDBG+zxUSw7hCWVRPmFtWD
FNJOJ7zae6h3eU4HSwP/AMtffPhGWITaLXwgIpUuUMs+Kjv4/SAuU38EPgQPzWBiChICcgxZ
cJcZg/Qv6h85b+4hjUuzKJIw9LZRN1DuZoiDxxcd2T9IYHR/wBEe5TP0xVFAXBAYGeLfuVa
CBsQAD9ThyFeaS3AAn1D28wqPTMAwpEMrEGtYHRKvXUmc8wrXAVbae710gPIK4V7uLxdhI59
CoIuiOlrKpQPO0avajKluIJ9SwvCkSI0bxBZPBfgwqU/LLBj4vMYyIzx8Tn5ExDcTMCBAAuMU
kGGvjUIF8FhLlqGbQGXLhL8/5N/pgROLovzcQjhqHmp90v8AccNdf6GF56CiydTxCQC4rGrWG
uCmXxlteNokITo9gAlmXoHNqxYsmTzkyf2IFvSwjGZELfZiLZc4htrKBFNJRNKXF+sdes4is
p5zIjjMDeuFQjT4uo7/th5F/5A4VIMwDjmFwG0w8FC2tBjBk2K/iX0PYPFTB/TUdWcN/uZLs
v4vwsZ4UJUSOoowRcxTKV8XAZHKBAGSowEPi4MzmPyFuOfy7M/OIMnmC9wAfcTT2ISGg1PNY
gdNEvZYsvW23DuERFsN1SL+KBMvQhc7Nx6GrKbGa/YSvpQRwYGD8w+XmDAnCFuoFDUqgvMjA
SnlRkYVjrkyNUGiKwO6qGk0JIVtQui3eXmqgUQI60j8kaH5R/MJHVdzhV7jdGZIT8dz1AJE4
kAs3R1Dy+nwpAMrAjMXy6+D8WGWYNxi/JyhFSvkPgFiupUTHqKDiKJgZLzylvmKg/VGx6RFd
eFr3GLNsHeYUwEDiBj8ze+8fxBDvBiHqDvLukRBZjqNF/cVd0NnbaQG6oj3nJFz6ft71USyX
RIPVmZZ9FndfW42QFq8XFrcDGabQVRUZsMn2hQluXWdTrAzJQnGAKcFy0GERH7RSK7pOYvli
z1EEco9lxUPUufj52l1GLv4Y/CoEqB8NypUGYmZUqV8nwWVfII/IQRjTcdzU/jhvsy8YMaw
yAfEMHqQdbg2Mi31CjNiv7hGyBPepbCut1zFq0ENpQp4Gpwn+iLkAs9gxHuxRiXT4Nv2QMBZ
AUexm5oSIHxH0C3aks6qU7WJTtKpXGzjhPJdVfyclrQ8xSc9vHGKImdhFPbz+5jXDLj7WJoP
V1b6LcB4Sf6IPYwEOSLBlY/1+FglSohNRSXK5jUvMfl+CVAuVQIwwEPH+DBH4/MqDH5hMcWj
OFAvVTPpQodXERqts+pY1yv7Yz6w+2UcsQXVGP1DEalU8bX3ZEFrC2kLX6uYAR0aq8r+Im9s
vm8xCa08XcDJydQbmQxTHUgWPECM502BsIvAde41iuqZmagtpifqJKCD4j9UzZ2pZ6iIdgEb
LkSVUzSQR2zIgFnAYXQkPxoJmnl/wCFy4vww5fwy5cfcgRfhP8AIEGfiQL+FfASoJSoMytT
9wP3P9dF11KmVcGSPdROHkU+5RqN1/Ea5cCt/Mt3dV5VAS6tdGxf0J19rnRP/hHBqsHQ0H4J
bMgAozq42zGAqzjEJDnAbDRccS+ZbVfCheLi+D8r4I581AoJV/uHb1aF2ZqvyQldNXAI/iUo
2w8HbGR+4w/dM0Yw4pyn1D4iGe5sG8Cn1Ar9FLWZ0WjVee/rPuPeYMRaL5lyslowly5cuLE/Fy
/jcuPxc4i/FEAGdy0qaWMt1LSvEGYoMUuWfB8LZnVbKRLmj1/vwTbDYj3MdmRPmqgD1D/BCf
gv5AT8K/wiyiqyzRZgrbFXS6GogM1tNq5UH7q12nVeVqx+2gNBG05zK9KcAUC8EapFhbTLE7
W1cV7IixJV02T2gzURa4kTHXAFxH/UPW/wBYEcCW4Wj0t5qNmQwdawk8516z1SOqPCCJ5w
r8QeOXqWYpkftlXlX9jlyrPyyWC+EmPl+GMqPxaEfhxfg3KITxUuW6tKISvglxS5cuDLix
RguYl4xfnR3bGJ+Zeo4K/CW5kf6hdwIv6jUnL+MLdhRurahlYOHZZvSdvONRY7b4iGaiTF0
Wyl4v3csLqZOW2VEGdHIQykEnPmx4bmJ72FWCZXQAZwEbktjVXhY1hoeJdf8iORbrxCYLYmr
4Yu8l3T1FxrIyOiPppqOMpY+mWJ0EAnS2T7YwGzbKAeIdK/8AtTX1+cypUSerJCMH5f8ADn4q
YEvfEzrv24PqU652/FQIFBBI/wCDqPwz9PMvMoPIX/TEcylHi5URd0fwSjjKufwj2uf1c7oc
7AhRH4Wfkb6lGDyaC/6S8sInLbL+pfvj2nLFLMo90Q1lnUZUDatHGPFmOPhF2XiPRAABQAB

wcQeLoPTWIEc3ryWhFWwW69R9yjb0WQKRIU8MXGeoN+I2v1NPQqu6B15MXiEa+RIKLksIT7G
ex/6RPW1H+KJKIfBGMYYowIfD8srMr45IIDlMaGrL5r4IfFy4PykSZqGg9MGTtSrqvj6jKB
b8NQrNr+DEIBu4V3cTG8HI6H9jZhU7xMRKHJ41wWIJihdnEJ5mB5OP7G6ukeeGBQMBX1Ds4j
J0kS15uB9zYsgVw4lFWbEhRoEOULgbQEPmcwGz1Fns3aWuoLBBBylyywhAs7rMbeWMwtbQ
v1FqMFh/MsB3VRmy8f5MSwa+e3+FfDFj8L8Er5r5NypUn6JqMyDT+Rf8blsGXBZbL+KiR1b
tqUPYiau2/qNYyU32gOQu/OIqq11FTKQDiZU/iFUF3NawPxF5cyXy7JXeVXrOYhxezYNf6iK
DZs1e0os33ArcEUYEIDl6meAcheLmk1CgQ8TJ8gk3AAeyxOG8a91mAVOy+WYVzudEVgf7gWg
ppzsQKDtP9gVDDTCu4q8uDoCo0Twe/BPwUSPwSnr/G4wufhI7IS6l/41Az8XMAOcxNfybcth
ljk187lSpXwfGf8AG4KgaGO8v5M+2J9okNlfVx6qXcPqK5Dk4tjdfqWBbpO1Vc/mONKkPEe
xrLeX/8AZdqUvluBKvKeXMqDnqC49STdxhqaq2y0G2VgUE1DoqBzwNfcDXgerSEhbneqrFxF
A4slHmlp5AbeUIF2PILu0trBFTA3oKfmVXE9p9KmDdQKLoQXfsGanyn6/wuMfi4sqVGV/kb+H
G4qn1HZeBMGCwhPQ/J/kMEIEqVKn5UHD3KA8j+I3BEfa/wCwNtar23cXA+AyvBUEnSbSsF3H
OICOsQlrKGVuJH1WeKlAcgSeuIISjO01azOOA7hzKFTFARvIjIQCEj7fELLAlpzeZJaBgvyx
N0Var0TJSAu38QAlfbTELhQWWzdS7gLVuKos/bEstbGIDiDwhXySm6hdgR/csCcL+ogJ6x7j
FW3Ejsdj+xn2hHdy/i4vy/4V8Pzfbw+Ce+dTD2j4gCvEU11vuLEcv/4jBlyyOilVKjtp/ULn
L9RuK5LaVmJrXdNZaaIaB1eI2gXV9RVFgc+4SZXa81LvYg33ULIWLAAqslwRJCbKvQ9RIkawr
feoBIFkjOESpb/bFa95xD6XgoeWJSwxRozlCodFInkQq1cMuYLCqyPFYlXGerai7Agau/E
5ggZY4j4rX03ZKIwGOuoHxKn7gUtKjUeF/Ys/RYNh8fL81/jcWXH/A2SsxWnRMMuC2JRMrm
W4fqJVjYI2+0r/+HHzfwqDzHj5X+zvC1qCBLN+jCrFC9GLYcgrznCv9xVGiPq2Lsik/EQEz
RrwXBTDqfQo1+raxZsROZoBaW7JipFDBu4VPIKAF+6nCJ4reox/TImNWKzncUWwIBocI9xKJ
psqaRq2Iwv7Bv0cIq61YXbdsxfht4jn1RpEXGwB5gCrRI+RZg1ZIPPgiM040eI9S4OaX4gz+
YgvtEVFPCK/An9zyeIaj8P8AksWHw/NTaJVNphcEDLbkudQKCzLhiBVLShLzhyHUTiyY+Mp2
U7I68HJH3xDZ9Dsm78SpXxcf8L+AzF+yLPyr/Zizsp9saFuwr4iaK2NF7j4oPuYb5pdt4Jsz
kl+ghO5FT+JZEw9fDGKyo/MCPhfuZ/AoBuI7ADgp7laXoapTyxnTYaDuLlQDHzH+4CqBtLK3
uWIZrFc9xP07Fvj1Cx5HfgyfsDAHQBdzUPHUiPuoBjJX5Y0BTUTcC81ADYcNxo0vGrnCAiur
PDyRUhxt4iFLppN0xLhU+PgV+Nxi/JiXGZlQjJGqm7GI+iKkC8YiNeyHdbjh4C5V4TTIir4D
JgijZKWpZeBJIAIQFeCLhbQ6r3LP/SdY3/jXxXwMoboYE9/+4tq1X82g6qxhVWoTYcE1ktz7
Y475FyxaDsf1CFNwV5zC4pXjEU+Q6/Mpk/8AhjVGqnmFgRvuwCx0A0h4ITmcZrjxBV+QvNR
N+C/bqNyIF103E/UX3D6AnoO14r2JXhe3EXQsuUWmh+2JY4M1ETwLQ14gkBsG5f/MNsQrQ
Owickt5jLWHLTud/hl3/AIXFlxYvwuXLhKhCGYdoGalJfpfDiChLeBlhdj7iSoN4WCqTQZEB
CHeoVJrkasiBJRISP3GZFoXHqY4d6lSpXzcqVKmR7xNl7ImnXTyul/loqk8EOa4hlCNYI17B
AEIPXKos4LGWOTB3ljVcNRgcKhWi092/mBmgpeeIFOs0I1QBSIMTaWV07jEQLKpviXA27GoUr
EiJrzByjq4Uc1vDlpmAAD9sRv7W/EFIOFjOxm78MAQTQvMK6BP5MRzczb1CS+J0rzUrbHi
2RXMxe4P5gDz2T7RRB8r8D8D8s9S4fAGVcB54Ri/SalnqHoZbO9xbVQiwAayMxvFZTJHN6sX
XMqQ9Zbl0EAdPmZGnDFPMRQ5QOD/AAqVK+eZR5ax+VqK9xG1fZ14rBkpOW7cqXLYmrNtm/5H
jQhvguLFXReqSPm4RfmIawEX8S/o0RCHX9Z4OPtOOC+psuFkz+gaYVfFkYlgg5GaYt07S5H
iVSECm1qo1mxF7MH+ziMweAsLpf9JQTGS16Z/wCUraSobu8wId2Ge5YvPQ/cJWzeHmOITL+U
YAyLXvgh8Kz982IGTdg3LixYsuXLv5WX515+CzMj4VDcaFFeHDVxbktsGYFHUUIIXKYhUugv
qNgC2qge4RLkACQVYAFpCJpw5vmUYNhC+1mWBTsHft/jUqHwfk9Rbm1DwX2zHLvDOWpumJyh
6ibIRwmnCAARm0kBuCjgmmWWEuu2pX7ipuEsWmpKHiEddXbAocv9wu7q8Wxv7vF/RGytneO4
sdfloXqBSw2ncXbAChriWeZSvFwjtLCOBykPaJhEEhrFYy1DYP6R7VjJqWpf/wAYAx/tKPVQ
A8G4PBIPfK6gixWooyzI7JcNo9ZTiZvJNdYZHOpnEoRY9rkmRREeRixisuUvwrtRYvxuXOO
DcYbikI7DP2g1wguoixEj27mapMqYbGnnFalQRbKtVTERYJSCVwLbDSMXMwOaqBSywhMCwV
DN/ASpqMAMJTAW11VQzSoPcGCDkN8RKNt9LgeBIKMJeueSMIKOUL4uNndyu1nUbcVQu+OA6z
YnmE1utECiUxHb3Eo5pNeYy3KIn0xh9oCLcNlVjkl0yzY86GtaATC8stwZA+TgjURRQPHiUa
LSPeYIjdioC2W8PEUq285bSUNrO/kBjnAxLaQr9RkS3v1CY0oAcGo/VIPzhgJJDd96zDBbzq
20IHtUhyHX6jRwCiuovIWYv8IJgyuS2ce/mF/I7N9JBNdweBfQv+5I2IYiHhuCE67J3Uuj3G
F+CMExKiR+YXKUK5ze4GS4alkWORlk61gN5IxisIZg1hegnksu6ikCmwJbE2nMEgrYeZROhd
nwMxMRixoXVQrJXnY/3Kx2KBmiDvFFPwDbGrd9pQgI0XiZ5OMmQ/mLgWE1vgPG2Cww2w+Biv
O2m3CorFsWomYg39o4WksRjHMBdhA+o1C1AHiNocg9Jv2VE8wrnAPzLgcoObrCvsqho52S6X
tGoOgISWDjzce0FMcVfhtepWyVEBSPANS2x2fYgY4RPU0n415QmjsHntaVGz8KkO3Ed+GoS1
MO9xoFZDkshQBBHymYDzSX7wATn8xAPJuUd1ZBsPpjZ0QC8SyV2WgyX/AK24j9RVtLIA11dR
uMZjJ7kqDgehOLgdBcEL0LMDACX7kJbHySswJVNQN6+BKhhuFRewPDCYGrEyBjwwm15lQqVH
ZFIG0a3KuVhVdLVMakmgkIgjNR8Ldz+I6bbAvcLRBS3uFd8XP8AJXfiEeKUK46Sdh0hmyYO
AtCKGAKbwWURWpXqfljxvtp/NRp8i2DhG4Hv0aKW2iKRlTFvcqnZw/8j1EWtyViMC6dFYorDu
cV+oQctA+wDURW5qnOZkTkHth+xQPTDwmoDu4KxW0VwVwMQAI9q4orDTBGNbDLW0RINuJ35ha
+wKwAnMwSI/sKLu3nljAZaHFWpHXspV+ovTq/MZbSCG9lwn1BFOKUZfIG6+c3mHYNR9BNU61
2ugYLnaVS4UlcxhSOIOJTFqbxo7qaMUWUfaTVgIp/TmlaLwi/uXK7bVnu4/zu0jheUS3W5N
fAPZLh8GpxW/JvpiGDPyWEL6hCVNpdKBKEKlSIRTShATYS5mPMJmgrg0wURC+eoqa5fuXT6B
NMsnHWKgCAgubjKduZcJsyIIsqs4rhg/ZdYxg7h18hq96uzHLs07vmALm20KeAalZsgINEo
QcmacDNnfqK4eRCQ2aJwsGNZXgYBnpZ4icqPqkJzwOLg37NnOGcoDYe4DvBWDvb3/+TUiO
DoMxLA4x53mNR4Gm84mDU8O+mBBPs6Y7wDZReKnA5QD4rmUadS2NllwOxcAGqImJhUPcQDQA
XpwwsQXpQ0CUBwX+QJ26LfO4TVtudcEQxgP8szCWngrcwXCL9ERQRS+qOjXuanEXZS+ImZms

w+5QgGQB5iE3P8AKoxqixYeVRcLF7h+49sew4SMFRMk1WiPmqYETfssVN0co9zUTQwh6YLJ
mGMUS7GsqNtLrJhuDxLQkKhmwyxwrPTEbjDUBSCBg1KkCPJmBbEpTFAVUbl1GUUvORUCtJ
i2ZHhjr0DEvQYAXIFuL3POLR1VHu7lqVINXzKIqBaQ+CFmqAKfEaTOnASxJMpnP3FVM3ZX9j
4tUsSjMnXg0vmVp3RLIwgSbHam5VcdPwVbJFoW83N0Ak22EcNtJe4mbIngm6EN0ViJsosvtq
LjyAO6u8R+GoAK21ECOIFPpLsPEmz3HRDyXEcWspmZiAfJNOO46dzCBfTZXmJIBfN6Qt6UfB
YR6uZxZgqLi8UHUM1TQ97h7QXd21Ylu5Ve87nVYL5dxMSQh/UtVtz3T8DGkquseYrAoEFmCa
PSSOgcjKXTKDZceqLbCFSttQ45iBbMjB62MuA6iB Vdq8xDccGaN0TM2reULgagkcsS+UVlrK
s+EyIFCqjSx0XjEovGXXH3lj6ci+5RotwgKsESFkwDH4hKpWaIEGDVHWts2ygyeolhnxAK3
iKPuU92X8sLQPkaAAaUancFEIjt/AB+7jbsPN/9wsHtLJcLbKC2HmNEXNGjo+EaqzL0yl1F
PuU5hrgZbcHqiBQWAPljhz6d4Jm0HGYVz4wo5XuU4hlVF9QpXqwiXS1NwrxkD4gVLStCov65
GFPI512Lsu0+WZk4iYV5g00d6C+pvz6sAcARgl7HAuWxsjXhqoS6uhpjuVKFhbK/svMvHaY8
FtH6jY0tM/UC25z9s34JV5ZTeROAudM+ApOWBNqwksBycdwbbAZf6iIMQ9wG0CEulngifLJA
eChL7WAojAOzJmreHoKgsMGFsOOZY/AMbnCXZDaA4yhX3Fs6VthPQF3ZGBocq8xKtgweYTc
CNkYW1bicrtNmCq77bKICbJL0uojnRZrsGV/FI7X7lPIqOKAlMypl/MocTiyz3PTDGISIMIM
L4EwJqVV8BDirUqu4L21G1RB9MPctA7zRuEmwSOaviZotA5BrEKi3uvfU1DyHidsHi8/Vlsu
I8F68zX9WKpXcBRNvCHmIg2RDl6YQ6G2sr6im2wVCpgVsmbfxPJpTJVutdMBihwhoseJHpiw
M3nEAWxZuOoFuUOpgeAc5iL43S05jvSleheiFr6JnvFTqwr+WWhKabDhZoqe4foSB2JQR/
AAIhlwCJ8LKsGLFndYZw3tIb9MSurd9CccA/8hgroPDuEAeOnRaXHjbnAcuipQFLVsXbHyfg
TOpYQEITFcTGJiTYF1GMOCdRo4xZGEXYB1pH8p0Yjs45uYOo3dwjmgXVRjdMLqGhqisBCVR
01sf1L6kKCU9kwcr12TX3yjuLkoGEeosU9ko7qL+akGJm1Fi2DEZ/a5zAIhauywKfzVdAgW1
kuPrYnKNaHrxEqJawXwRBFgxMirgnJQeVvUzXV0d4OY4xYS4szD+YWgKCCyfc4kPtWQ6v1Bg
O7bBPuUORYicni7gTIH/AGJwN8Uf6mCGV4VI8lybGZQlh3gbmBzb1Y2qnDpQ4m6I9Q3CIq5
rTdkBVs0i5Z/WKggq1f3DRuG3q5ZGkBgquoyXWnALgBsjn6gs/TGUaGLXNMBdyw1QpuUZOHh
T3Ep0OeYiskRZqS5bY4yikvMKczDyeO2YBDKmxysCASSuy8p3CkZacQAKuEuAwBgXaOpYoF1
XmE2BouLWwEYQjDCIJNNkOMajwiukL9RCY+TB8WZfxDoQ2PAwy5C21icJA/oLHancPo3ILwI
DhFC8Y1L7RRMX6gI7Ac75Rbeyd69wNThL3AfAHkXQfzKmlZVZrkuEpZFF33OIwNaVtiFGRB4
vMZjY0oKLZgiwN1wSk6pHSgSwl8hm1tVvcAgWgbmUiKhKD+Kg5G8iU+7iTxoL/2DbfBT+ww
BJtAK7uZ86BCnpKma3WWi/iJ6kqwqmGNAYqz+YA7BA6O4XYi2BnKEoAJa94zMjBLGVHofeZ0
1UGAA2AMrdLoX1MI5V+rho8BP1KJj3EwFdXFqURZqUVZzMryV+GFEWML4jDy0Uy1DscZglA
G2MtvMpy/cw18bDjUqm4C8wqBamMJZtFYu64JYLwGAY/cMCxqllktsEBE7MQF23Bm3A7YuVj
N3GLmcMyocSi3zxL41KngH7g/XSDaamBKqJozGUxQv2cxDOQiNZI9XyOPCKHMPqM1xCFoSi9
wgaJdGolBbDr8XAGGcJ6i/jiaOUxKS27JKHY8RVZza9RTdfOfkBesq00xhnkAYvxAgId1iG
rj0qd+hVixwAORfqpndWW9S8mqtsRLBK15fE5cQez8Q2SN9I3OuU06g8gErbfMDE4yFUhwy
yniNi0mDLBhfE76FWXC6YitswJnif1GHaqRHklVlKcVZGycR3xeLi068PDUDABYru9SmVLL6
Spu5Ze4wLdVvKwSyqteal6gDAISeignN4gjTNE3OqNwG7i5JhjbKjN7oCrvRGb2f7BvWU5ic
BXXbAcATiBxd6RbWchFa1WKbBexC7hX3Q/FO5VIAAawS42UkMFh/3KDYKJYAWhouZYcMtRdk
17MxB7lHu4jffwTkPZ/JW9QQHvxDRLOfJBLah7nKSOGliLlg+TLalZkx+X4/UCBw+owyLYS
J/3jSc1rKEjigTAioBe26VcQPDkVxfuFRkYa31C2/m2Y7Q5QmTexEqAllpNnETIgLSZTxS+Z
zCakOJHIE73Y29DHviZqaN/iY14CKQAWXVVCrIqB0FzUurGSNYgCWFDobtf1KLUVuqrE4u
FcY4t/Agi2gf0mLEIsygUQURI5ihSjruLcWoMsqXYgCFbzqANqSuR8x+LMWMTvzMvE4jUB6i
Sgi/viUe5CQv/rWXRU0W44itlgPH3Cysg7Km/aEs5alcZYC1gVCasPZmImrsb7jNtqeHqXVb
CrYxiVQle7hMVvbkwIwJ+bX3qMNdofy/ldDY4AcwkJNed9zI+Ath3OA0ykQlgslduyzkmqo
/WYcGXCS+U8Ux8g3KKIeE0zfeTbYeYbqBW19SBSvXEfdJFMUCx+aFlX7gbbpzZNAmr2XkjH
FLwTBKBuspRWcmvuGx7h+yMSOrV0JcBLQBORCHBzYqLmVc6u1gnBWu3qOpy/NFyLFTbyh40A
B1AU4KP1D0DE+4lbGuIG7NRPCUUXnmc29wC4hIku0AiQRaJTXRpyb8zVR5cj1MU51wbjLJvl
3GMqT6mKD7uIULsA/sMPDFiXvOyeZVPDRcIhi63LMg1XzK4hTWkFZsDNPG38PEFXWQu+WB7F
yFHBak9uScR66a3ZpI8aIE62xrLEF4V3HAKUT7IBtKK+KXAWuD3xKOQHZPEMgNSmZdoXKXez
ECwM/PiKZLFj6nF8aGYIC2X14lcXITHBmtFOYvbdyCoHVorsYXZhWzu4IV3SYaTBoelapQg
X3UVDYS92xvKGdcCCsMKubsUp+7IDlA4b2VKGzaQh0QObNMbiia8vUXrOhXFqonBJ18uIqqH
4s7qHsARHKssPQHCAxpKvXEVUww9Kf8AkJeZvtiPccd5I0Xkl1G2FIQO4RjmHMNIwHFx6xJ
zlqpVVIs12mZbtkCq7eY3cqBpBEDCkwOq6IWQtezGy91RiziMMiLECKsQVixLKVnuCry9kKJ
Y/2MpYi6uuIZwOBER1FFTS8+IMrd42+WJbkOumMhsim6Nstnyq6uriqFopnFy6To38KIj6e4
KhBh55zGCqKgdYiUJ1PvhJdvGBBSLxQYmiNve47qIV7IaxHF9RK/zrMGgyZQFu6lBjgoiteb
r9Q2yWyHlRRHXWGF7Jy9K/cBgZ/t3MjNAYVPaqwnJ+7IY+tSjzSmQcJTD1GL5IM4yvHgIk
stf/AIH4gXS1nTzYbcDVcfzb/tEDZCPRAoZtuwog25gupcxUcKnlEg7+QBiXbbOKDkgTEHh
glACZJUTAX/ElgfJUVgVnqYUYO3gmDJNng4JahQLvzFPIYhVSL4G4Jx1n1iUoX7UUVAIL3p
0tcURLJbR9dwWlQwyTnl7s4gKxejq6qZ3DTgLSqZtupkxfES+nqcQiFsXXUMBVAhh0wvzHZ/
KUL2xexa9xRB3nEFMhbxD0DkWrREXccioCTJBBxsLZURwosIDJpIzsXf1UauuwfzHSaC7hU3
YIkg8v8ASFZwimXd0fuAKVRXvmC/gen0sEAsF7ipRsAem8QkxiDVOagIF5ey4GF44A31KYyf
5TKsLPdB/JmZh6i8xTtGHINL+5VQsU7S3+y8ABHcRhdyoxYQpCrcSsL4ngdYjUClswWdaqr
mq+oSdaAYLwQrGg/+0Vw28PiMhONkId3MeW+4W18V7KjjFoB21DskQcBms/iFQEGpS11FFq/
vTUsBjUZt5IU/4TgDF1o3KWsQXbiNm2A8mJwlYPE88S5iW+0QISN+qlxsZv5m74nnQkKU7
V+pdBpMExtq/EbDePJBUND50xFqgOJXpSmGaf8jkVTP9y9uz+psO1/Yj38QX1G4sNDAXCWrg

cZf3Xf4jo1kF+YCXVztMXKOqQ7zlkVml4ipLlh7iuqx25WFWCWjfJlnIgc+UTG2bV5epuYP8
hHoLiudimE1owetEEGVFyywisUIEOPZiZlGfAFlywos0mUFN4ITXKqzbBbv15dRNB8eol1/I
gO0mF7haRtYZ3eV9fA8R5IqCbmtgP6PKveyFV1WeoJupOX4jqFMiWNPkIMzen9hKG6D7vmL0
5p4HzBOPFuqqXNdPRxogKgZWW9MO4ym6KPqoiZ5EIA8wA2g/2dAUyOj/5y812U8VC5dQOswd
+aHhhqtQPjxKHvj9y3LQr+ROD/7jWNU39R351v8AMY1hab+oAnGLuHZCEJj06xY+J8u21dWL
HAyYToBGMJRSkegFAD/cJItkMBBZW6DcauEBp2ss3W3VsHU2g3I410PENx4GB8ALjOsPb/J
QW2OI8rEsRyEY0iYoiNpaXWtxwRblSILxDaKBmGsIppqKSB1MSAZHCXZajxuOAKr1BVix512V
rMKlcT8wrZ9I8TBcrTBRmFV8ywdR1DY9jHIG/BIbozQt91PhEigyBpR2RLhbhxXMvxdATVP
Ew5PuXESBzTyPE2NZhp4WXb5UEcAyNpaLjn3/wDEFUlgwblLQrTx/sNdZb+oT0MvOIImPDY8k
IfYyRkKgKavEAO4DDU6ECj3BIXKblGsyLit3iH5jXclhhDAUvJx1cbphPuBfcAPcvDQ64dkW
2BqrFu7gXY+W9k2TpbxfqUbbmqGq+EX4hHG5QjVFZXHRKslHb6BD7hVGGlL/AEpkAfeNwh
xhKWBU4hIQ4YqXcBj1KLkLzMoDn/2XSiridEY1UKLImURoc+4tViteYDA3ywG6YDFkVtB
4jyIO4VNhoS5osMmAorBq2ojGZ9wdvQRPR2cPuWQHZZBb2ELdjuLXKDF9RS5zTxxAbgB5qYPL
n2RPRcfV7JrQyvlgupM8LAywZ904JTG2pd7jeTWV/Qf2EJkr/IfYD7TV5X6OozLGNzGDZK19
ypbNAsWmKlcvI/tBv42nn1Eqx5u/mV6gWTFZpMDwq3/kTw6DHbbJBsTtST20/3kYmra0ql+
GZZG8VcU12wZlc96yAp4w0nipdAe4UiJIU8WJQCnqeQPbEu+Yy2sfgWQZiSsy4qmYoblKfSn
cVP5ilDO14I98UB5ia6zFcIOx3u5509H7gPJEqUrCappl2C9WNY1ziUwAOXXuIQM8HhOiazE
KhUVMRL16oWPLhb4tUtvVRFEMmFQGN0AE/LXpPMQkci+mIDWUVGQute2pckGni4QPSg/csPw
uEZsYhocoafqJxC2ytCAl82Rz3BEUZBgsTVkV6gUylm2bTtDa3+ZZB3kRKoyJT+wK6qOQI8
oqIpty7gpcgbm8geY6QgYLRvoLjQi5wyQDIFwWMJF2XHsbfxCHQUZdDzDMg86vFxI92dGm
DwQZ5hArRoAKrKZUSZRCIlxblgRqXUdt7IbJTXD1DQFMniONK1A58y3znhdjYTYWA0+pXjKP
Vh4J9xE7lhXBlE17mGLHjohzMMPP1FDXBYI2XcIz/K51wtCEa9DLvmBboJTB5Vq61KL4Gn9q
cmCShR3YEcBSYXmDoQZvHMQLFYesRH1gl/mAiwJLleRP7Mhug/qAJiu3ogAmAZ+ipdbgyYd0
MxNSj3RKmvIJVbrL9suRrKfkjvUaQGGv/wBShdcwFBdFS1rF7eVRsjdg/sO52Kmzcl7ppWQL
F2I9QqNI3UGBbwgGXqAEKDAgeZyPGqB2M8Wgt7UwDHI7Tm4GIzrbNnuLXOniZSoxjHB8HaKB
lqEu41QHhmAZpyNqkKsjqdHCzDU7nPiPZujxFrL1CDeBEnai4GiJVb7gCUMbiYfYB5YkqkWe
0dlqNMFxgp8kFFBqMoG2OICHDS3awZAU4Qng/wBmA4AfpOSg0zA8aD3UdeBeOlaIzaJQdr5
ZDV54GY19ulqKUDohCXaXAMzQfqPzKX+SUIZD9KhRSj+DAAYBPxLxyqNxVSC8EwwaYA/uCfx
AAVUK/cqIcPMY/aJYWoWPLBUFC6O42mEPxExpJu7lcFIT1uJf/ZRU3RHmGJPKc9ROoG8ToTi5
RM0YDaiT06DhRR+5VxiDui4rDP8AgGHwOLzMiGyLeSVAdqdAMZ3LICkhNWLftQWUVYXmARiE
zYM1ygeEIAVA0BKjUordeZSTQsvrlgCKvBd/cJmNxxJRwh+yq1AW/k8wM8tzkxDJ5k9rmYnqm
YwbLqLqVP9iUyUeVxEDYMkPYrB7pSUCbNH3LhtgMqWqiBfMrFQ+EWhujABAKtVHsZkeRX2qX
Fvg+4OxDpEFcsEcwyikMoH81KUmDe6Iwl1ggcgIg1a411cRS7QVGrSQCV7gmIGzVreW4sx
RrcIvF1dw2pzDIKEwNEP5LIAV38CAicaOkIfqVWgfGCxjAFonwVZgrHMP1OWZW34o+Ba1N2E
7IEtyHmCpreNyqtxAHRPcJM1FpVZiUO5TnuHpQskzqyCYsIgd4d1HpdFs4OoShIEc2dcGaUPc
VlrEHLR/Y6sKbb7I/laPUSu8jREhYT+0tDCgLjiMgU2vzN+dTs5IMbTQ7h7w2JfXgDmaN+Zc
Xhcxrb0IXN1Bu3f8ic5VF85zGCfrZGBoICMbio+4gu7W/qMYYLTO3LOug/cSfpyJcFqF/c
JRTPELI3PFamc4DvzmOA1uhaxtXUPwRv7lu8CPqBxQ3NZeMMLVEPK77mk6sFZdWsR+taVpGv
9QvruB/iXCuW7bOL8QIwCliVe5USLUCo8S6FERscxzuMWgqzEJ5gwbph0PcO3WVWBQu5zavJ
Eqs+aaiaPz8wAXhhfthVF5vMPHNEIyXCzflL4WzHuJe5BwYizMM4hlMPy7iCqGKhVxDprC1m
/G4R2Pg9Es2XtlQcUr8wrenf4ImkHiaxdo67jWtMHRuEEYqkAW1bIFDkaIrfwKmvPWpuOqfu
IHt4+mVO8x9sEgoV1FWPZONwQqoIzI9jPuFfwa3TmUuN20/cC22RIRxt+4uD7gizcrhbqMIw
jbZedi/EZTSq6nNTa98TFbz1MUbifDmBzBQy2MMUnSotwy1wQaqMtRKwuWsVzMHVzvi2Zx
WjbwFxFXJiVczD8OFzmZFdzaLjGDuX8MsXyVU3Li2ZB3uCGXmZTUsAESyiHMu+RI0Y3C8Q
canXAeyNIstP/FS1qul4KBwEZ7WMkEUMnMYHcFTjj4dUdVigFgxaHeVrmlhAFnFR8dxAaqH0
AJi+mjxdw+YUP1AcM+YmHJIcJCCF439mH1azGVWq1cQuNsp/8Gp56i4OMfzHZdX/Aiy9eIJ+
WYtq1vxLc7RMnBM3EYoSiIN0P1mMj3S/uY8seYFzgrIULhrEGJJXNSWJeVrvYeJQPSJIZi1
ATvmXY/stqrw7itabAz5GpV81cw7H53Dqnrif9CF2sqVj5GKb8qP/RC+r2ht3KKgC93QB8Mv
EVEo5lkUHweJpGjDURVXmXeRZaQoNLzCuN1klEs1uWgs5eEo71IVK9LGoYuK3N6CIZ9yFGj
x51WZLMQ68JUHw7uCGA+C7SoHPKiTRgjm6jvVILyQ13oHriJuCywXmahusRkOxcFbQXcqzpm
lxAmyYwbetLiK+iI1KXcww4/0iq8J/cDPxb9y/Bn8GPY738KOx5aS5Xg/1Fxe08MiT2KXHM4
dUrOFgzlNILbqgJdIaiIpTGoyYoEVbdQ6jFL8y31tY9TuNr9ROQXyHXfFqk0fMXm1g5EdkNM
eKrxO4vUDhTksVy0zkhMis8iq3khcgC8iXUcdUx+R18mDzL1M9JmlMKIzh8oCVTPjafBb9x
tDkLIsvglzDbGiY6GouJINJiOoMI8MymKGLFTI5XAQbKrN3TflhVVt+PtIGymeg6hA+a4uA
zpKDXMALE+objZYIRBeGuKn2EEeqmubgAbNqx4Kd7JwuBf4hlt2/kuHan7inaV/mHdYAv1CYa
G3zllXUItDW1wvplvBAJUjIA9xw9BZ+IQGNiwl4FRM2txGYmbj0CysRqyoAEOPZ9zRjIOu
YQ2aVtZeiqX0lX6q/wfisXC2JtA0jdiQRxAQV1hzmNC2Ni+IECqWpB2hoYI+rjd1Y6DmwoV
E+zp/dzF3jfwYpRmb3MsVUCtZgDx5SitQ5j0YB18q0wbKisMyQDtiAU5B5iW4C6eIZS10Qpd
vGYJBqUOVYRArkRWtUxOn4inGAGBWXQTOD/rxARS1J0fMUGsaNV0QwZZznwRHlyzmF/EP/SE
Kppxi+4l7K7X7hZ9SjQ6nIpLEWUA5YnJ5O6uWLkBT7uAHfFFmdf6icSpf3Ar7TFTsuX6jF4y
Ip7giHDMCo0p+GJT6B6zK7wqiEFkBNdzUARsgPEJZi8xkrqGAK9XKIPMN3cau9cMS6lQ3Ij7
iqm2ZZgrWHoXiUsAB5+6nEBtm2nuHeuWU3A4vShzcL7+DzyR8eYidxvU9RopLbFf+CFQieGm
ECUao0v9RthwmEilvWUBUxCy61EoQzzCmpqKp1cvkdbRD3ZZaWw6Zhk/uagYwuKN8YPUsZ2D

ca2IH8wWDAWRPYxNaAdSjdoUjyxUsQp/xLi2oCoJ1LXk8IIKHoM23uIOtU9NhAY0qei pjhRQ
ri7iv9IUHBAACHTxGtsU1upno0kX1GEMTYqV7AsQBap6KxNiCBG+wuER2jbulOxgW+UgNSgz
a+YIG7tcS22x9MAI5FC2VtS4OiDDtY7DBRPMKw0BllwErjxLSzHe4Tju9xexjP8TFwAs98xcM
hPmpk0gbXeZnUAoXhA38fYD9ILW4meYK2wq16S7NkIz2U7Oicrq164JRMmwbxH1pcdML34+x
OPupdXMux1dRFHwRFG0siD3KQNQLisH4i2djjz+YILUVHVztzf3MuWoDDxLHiBTJOP2wjbh
iPB1B2buGE5bzb4qIN12P7iMRGI0G7/ABLfz19BhbBDC0wy+dpZ0b1VDWjjrzFNEsJlxPBK
4ultfMyWA2dLzLTwKfcLIAIOLqHulYQt+VfIdDq7S0U/eJU72QzBsRZmtKzCNQTF5JYhKxxe
yAoYf81CHYoP5Ya+EtQEpltmMcoQBapMsS7LZ6mDmp7PE3oG1guqIxjGCQ/MLhMGBw8Hi5dL
iSt8mhRhKbR7MjtFTMnDpHvUQ3aojCwpFfmomUQCUIWRJiBreFaiN5dtu1yoy2/wjU2xqyMGV
pKU14I0IAPBe4E8xBxXXwKI5iKogz3ccL7IHhKoL3ECgDkgii3PufvQoT9xWenM/aZJcAUZl
LAW8XAAVHLDdowogXdspbcZa0j8Lr+5tqXPWouxohZdmHtlzLSobV1f5jVc6ryl0V5rZv
wwVEB/Y694p+4wrdq+LxCVroCuAJRezZ5dymowPxLdWczLa0StCiNdqBblwURXE6eFqDfVND
1D0huDwQNyN9NwAWar9JvsWP3bG5S9ywpkr6iM5GMOsGJVGVtADpTL5hp2EtjWcCnwgZvNq
Yh9H+ox3sQMM15THTzDV5DblrMZkRh6ybKnVKt9RXIDT8wZLDwlKr9QitNJ9aI06DLqCALZZ
XMKzTgMLjQan7ITKzxHqZOUNX1YBshYBNJFLJfcTN8RNOog5MWIDK5EOZXz1o5vMSOjcQhNC
LhuJVrlgCy62cRchTzAZ0xe42wi/lwQgqKg5YDrTnUq9TvxIyWLZy4I24tIa4ghewIPzMHdh
mlGfy2oJOhHnmM8pgdrFNgxayNajrmi1NhKwWs+qcDKFWAujRLzglS6tQCriEQK2WZgENE
TVm4fuMazbfdQKHBv7Y/aWIKbpZQ7KuJieQz4jkeSTVdDUoEN6i3bykgLwWX5h9TAlrm4jHu
z3CmbALnHE01AfFXn9SkNOpq0EWCXu2mS8eGU2w0M3LiYnNHEMxWr9xhdRfOIo6aT6leZanrO
IEagHyG4FhahNZ5qZlrVWEl+owRQUqJluc4FVQRiRoaYImze4gf5jEzMKYulK6dS9nuaymEuN
ZjHMMV8b/UuowRDZwQOLivrQJVCy1ff5iqKAh+szKdzJ0IY+Du3bCMYyX4RER5QWEmzpAjD
tT3xB1opZ8SvE07wxFkoFLjG5o0nvAdwmS3ROeC4xHQMrulbQXTJEWtl3Y48XBihVB5jdFm
1NRrVhsxNhnREfJ/ZhmeH3MDqCFzsnIctQIFaONx6Lq4FOFdoThCO1smD4QYqm7EjHpbG0c
a8RFSsgQRsILu8j+SgBYDwzKpmOkauISsagacl/ce1yUjgWHEWTBQR8VQZel+9GAnXMqQYXi
2qBMsznHDcEvgoqPnUK4WolQaZsjOX/2Zugcy15gZITB8NEsgC8nEtlzYHazlWSh4Oo8bqT1
1DVNfL2z7Jy3glgCqNyVaYAu6PLLC2o7b5MNuhYd1mclbDxBteqpTxD/AAGE8R4gr8AUtcrF
upgG7SobQ8bobu7mLHaNp9xipIICvNxG45DK8CN0ILFo96hl6rjsXcCNmycRJUHSMkxYb74h
cgsYcILX5gP5Efu47Ac3LAOAxE7st/ULKrxONQfcmvOYVxxg+IS8kbhEKM2QoGyoQtOJiV6E
Uy07H1L6NI5fqWrqAdOcQLuQNXChY/ce35Sa+TZ+oT4yCvqNpCgX7maM1qNerKh3GKIZP/Zl
FBj6NqvtVieSIEQdfK9kYhU6nWCwnSXuklZi4HAIhfA1MceYsyZ3MeiWyeZIJVC4QmahQsrK
tiuouE3PYyytocHqFmUbVxKs2iOMZWMPBwTTiYhBcitS9pfHz4VEpNNuUXipnWMiNmWay4GN
IUUV3LLxRwq+YQgLCAAqMPZp/qHq0fAXtiSMoHC8EYSz6w9y4meS3mb49yLjLJLbmkR8JOS
+5y4edQzZUqo4tByNFwSckBRKoOPzEPWwFq4rF0LCmbjBHYsKKXfY3DzC7uJDKbmbcLk5uAR
LQzODBAJQZkpJbovRGZ4jJ0FnzOziUxDNRQCd4ibhhihurzMMbpXFpBqnfV3X713A8uMauMS
hVT7jPZgqJtGw9YWA7lg+LhSwdVw9yiL2o35MArgUPOiKfU2nd+Yy9iTxVY7hiPQFscBe9zH
bMbhtjXPM7dpNnECYEIqx7+De4AY0Vb5c+YytsOD1HZgo78wj8FeJUdYbgDoYWNy2oHiBCo
s7ugjW0bD1dh9x9mRY7BbtZ8FymtjaENNFgcl2/yIFAU7vqa2bDp9x49ArtUshkHrHDDK7fR
d4hG8x4VcXFVsZOIsDgqYpWqHHLCPGaZdyuWMC9wHwix9R1FnqHrUpCoC61+5V1FUfzKL/MY
FxlwQodJFB3COWFjI0nqqh8rIDR4ggNos6mDLXceZTcmgdRKPDHlgzaVTNxYYDRAHXZIY3jB
Yz5WuREipeoasxGiIlm8+YNEUvtZ1G1DnF3dy3gCXKYwNnpKjlyT1cNOLbRLLiLuODAKKWH
7vMPRkfdGwT/0Yie5Vb26l0YtkaRtuI9WIYulIQWjolNRPKLFImH/AGJRvcvESA9uuWKSZDSz
ykwvF1HniNg1tsCnllfQXs7vzFD0WpUHQQKrVQ8L4mQSdBwEx6fk9sTWjWRamb2pYaMUfcSO
yFwo7i112nb2TPwJft4lmNmY1vAEthZtk5CPV54ONwNKCnFxKRQqdc8wCBfCoUzVAol52YnC
wCM6MtQwOSChRdhF7H7WyzvFhh6dGIptEsb4jZitC3K1ZDq0TIuJQqVWEUdQBFFqxd8KPOd
QkscT3KVLEEeqVgdgYkLg0HcoLeLPjGzqGxEaYgGqIvNSiQBb2dQLNwX5gStcASKgYywivAsp
tRTVRnrkJE1HNQCHAA+9TTYRXdUxCLupz7i0JgP9/kwq3MtRWx0SsWTB0IuocIzSoSyAUXA
XhgjdVY7Gcll7XiZTkW5jVBVtoTGJYTS/cVJOnJl8xm6wI2a5GByDVaq6CPIMWPDyQoQkHU
XZdCC0XIYBzEO5idBbXA+qmYG0xn1EW3t4viVEcAbXqdy7qnNpAjdaVgiGm1RdBcorTAIUvn
PmPmtFGLcmHD3crfNtdxLnGLUMRxB9QxqC+2WeKOPthdQXFyp0IbViAkD+hYIQApzUTfoLqe
AitdyzPF/wAg3N2ixg1At9RNNojQ67l6MALr1GwwWSWEI9tu2DwQe84vMRiZbtm5A0TB5lfPU
FW7ltiL30cQElAGAWry7juyYfUo7qoeWpbgbo6YXg7tE2EFHi8vh6jMtl07bqIh5wwFm1Yg4
zMqSozbmEVCab6+a4gsJRURtQWY671dwd1LY1b7Q7S7lgJQm1xYDDaEqDBtdQCvYCaAPBY
e2YxFYNkk4Y1q9pLiw2AodrD4DuCq6GLHC1ZiAtzpX6lHrtXkvMOGHrrNSypewwp4md2NiWx
i2UbuFVhy4Ni/wCpWrhQpcFjVfGLjapDZqXFVt+2lq2d51KOCFUHmAYNLa/cKjoBA5UW82w2
ABvxEbyf5XmGmwbmRirZv9m4+PQqyX9e48QWwVbV+I1sugT7hYiS91G0FBicC83VRNFIF64
jFqVMGqqJZ6lF4O3L4lnTdp1748agvU3knnTJkYdZjCML43qJyM7jdwQrvMKMhFPMfiVrxYQ
qzTLaarqWE0dPYMBPZamtXLMQKw0kbKCZmE7qORlgeUqVMyxzMgmYuPVwGUu2Cyjg4YCBbh1G
BV3EG218oeg9gywBWoYVKJSsHJ4A5zERJMEVdOZZFrboiPdzpLdqUlBPLEwNAbqr5jQJo1L
cqvaCWVcXXMLwnbD0ockYo19Rw+jNgrWH+YogXlx+Jji9jcpix65QIq1FMP3M1TrXEMntB1X
uaEUBBzkZRBUSk2wWHiODtYTxC9PIN12W+YFABuUUIbdrwCqtmMxDiKORWDuDZS2HU72bXV
QLDQQMw/RIBS7mWLIlqPEB2UG/8AhGtGF+iN8pX4RKGFTbzHBC0i4l24sJqczFFVQwDD1+ot
ZUwrP1GsSX1YZ6l8PERm1QhzGlnStzFBkKF6jLRgeXZCyzsxBP9lLu0yzMWMsXzAG3Mesl
yrt+XA8wtXiaoxCotwOz3M0MwODqAjY1e44IHSqIVC/iXHwAWsI0fB5Tqo7+nyHvMqr9ldZg

uJVfxtNdmvmvTE1q4g+4tIiwZPULHZnUZbh/vbKdStXJek9kG42zM/UA1S3JiOeV+SHDW84H
5mqFc1VQ5N7DMFRgc9CNaDWPEVZiAh3LaVkdKdPhmOqchlG8GoDpGwmPSC9k5q7gVt9riyIg
9UuI+5eW3D/xERAVaDM+LmKASW21qETEchLtr8LklC7rNLCnMclw+qNoF4iNzoKz1GWAaTaX
fuKDkx5mM1eK6g6lDtI5SBh6GWRBDAMEoqawViC2ZWb1LSicDr6h0wI5xHTZMCsUxuT09xsA
tduzqW4NhipgoTVg8k26aFDKfhhJi2etxAqM9JZLp/3KIMCQZkQJKOaabhiXuf3H+3m5ohi
ByLmxr4tBexhSollqqNoSdpmoUtLH6gg81dBw+oe3hS5fEulOksrzEK5KoMwSlnQ7om/6Jd0
gDEym3NRUrHzLJU4jfUVRvIRqAU96VuBtINZWFuFGk5BNf2XBcszRtuJOeUuTzUtoMeJf4TY
RoX6LNN3W2zMcr2FcsMEW0GfUDfDpNQe6BS6mASOIBolkNbG2ZWkhhzMMmlSvuJQLzxqVVV
UiILqImzDD1i1a1hEJ7hqXw7KiVX5u7MTDKu83EfeZE4PMtkAq8MxzIOKUqDhADIRnWY6G5R
UEOyn1GiW7GFVS+0AFFkt5OsHDCRZzS8VHSLHOYSIU2QYKOEe87iEWsKydrQNlJuCql1pqCN
g9oZYHRFBUXkSXXCWxrkMQqo2oRfyQFwSLvW4rzOZ0DT1BuGjVo+4f7Z3rylVlYvd9S+9cTY
x6PaBfJR4tqUPMXpBk1d9VCuxosyQHeADVVBkVpMY6JRStLawNajTBZAwRhAtl3710BGCgsw
xdQFH8Rp0aBv7IEYWYDpuU4JaPLG39jwdeiN2E71MuDeMPxuD2BCFT8xeGVapklkAOagCsXm
AGy6EsMt3mL35VKh/P2Gkoih5qwpQGIB1LBdFLS4mbOHh9XMx/HtwQvNXaDElz2vEcjtoC0t
xmigDIIXKfkXCBJ0qX1JfMMBvgxW9vRBPiBvBmPgGIsAc4ssAr4SDGEOrijYVeInqXjb7Gvq
4xRzKvs1C39Q5zAIB4DNHc3KRYvHqIFFbV+IzMxxMdQ1bLJCLGMkxbqcQWV46iJ7G41Vf1Gk
0JvsKhmGtMSvMQtiIwpqbnsITKgbWB9oOFzRDtFc9kGg5XzAq6saZiUbhAIUoCYdk6LrTLOj
Kq0+WhkG4Q7jubVQyq2xQaDR7hjrrHCSndW31B2rXqMvYFV4gRCgsNZJBQ0i7giufQVmVNVh
csZxKcYudmeD3EXdJzCqEdggQbuXdxLMLmnd4jDPmGo1qPYWIWFLaaNGvReYyRN4YwKWwJk
VVCNwZbtHBMB5CAjNVkWWWC4VtJ5wwYtLZWz8TdyUE6doVMBWjUsChHq4EREjNckGFxQuyG
CpMUW4CNF4V+IFMlt4fzFC4HA513ZsHhLdBFIRaujVDG6uKqH3KVVnimsw56ewDHpEephtgq
SYHhAKngpA9ZNpaHxL0RYXj1+85r7lewWeiEETGGYJxYD1CsFOoIMBGDUxadZDLKP3Ggs58Y
1L9mmBU8S0eSzmV6lh4pgPCbK0ypeASm9YiBdsgb7kquVkh2LH97DiD05hNzGspqq5fPIRY
D6jEEGTmBqiYBdxqDQ5SoJlJaLi+ZjQd1cZcClJrVfWBP3U3DfFxtt2+XDMHBRXZLUdCuqAt
HkliYGXr3HiqjY4xHdy4RHEX1AaU7xI02EXAjFplizPmwiqIGYwO5eLo5hfMCpQsKxBiNBRx
uUMUbsfnBxZml1u0jMPriEiEuaXc0RRWK/ELeQBapX4hxkR8cGkEQQg4U1DITrC8hXMcdF
C63MURF2uKN3WRXJZiUvipodjGz4Bb8wpC9SDCM5Lwv8Q9byuikZ3mbJhRtM9MI4TIIvfcDq
qidPJKARKjFkxUvQbgdiniU8yVcwcG4uUDK91KRG056SJvrVR2XcNJocWz8rSx8ReP8AkHmK
UiwVf5g4Jdq104FBZfqBsPAQA4irEWh36R9jFPl6SHFNyDB8y79tpxM3LsEYIK61fuWm9Aec
R8HFhaq+IDxzDRPEq0CtMY39wgdcwP8A7U1LrlqAKgvKpcGoc1VGOFDMwS4FjEctB3DS005v
zwSCL+HqAHO1pLu0WYl6lr1CaBqI3Lcpxt1zUIKffYfSBq+ZYKAwnUqhVcZlBdqm5swi3hl
08q61O8StfjqmUL5HhmJCEwuy4jfHeLrLrWUOP0Kyh17R+hEPZwfcDN0GE3FWEA3DdFAGPa
HQiUAoiZDeaPLCZCYxdECngy9BEzCqWyuajedsJ6jo5oZrXMc60q5u9SozRU29WqBvR3xc
kTtqQ1+2FzZACH60+4bMbgG4PYIOpkOGS4jwpgu49crSYJdTKUyMApkaCJef7LVZXcNJ0Fqm
I8MAtn1EgAFK3Upr+Y4w2ncGmfJIRq0NDxG2xzHoq0sW9RZ07coKk3KDkjLDiN+PidTuoy2M
HcYyoOupzbiNjOjDH5112yEIglu+Ym6r4R1ioHhal6gUtLMC/F2bYQmg1EqBdKwCBR5hsMw
vuoppo/uJnyUDTmV974IKQKViX5WsY5EAelWi4Bt6jiRsS2eIWDuZAYTOMDipfbqMYM2LEl
cctypCbKXqX2ODK6lnRaFgdMsB1td0Wnd01TsiVgYpf1BjG8A5gfO17Er20+yGAqkLadEP1n
bormIA3DQX6jUEKtk+mFaViTgzERGFQx4qUZni+JWzlh2G9mLb734Yke2XDGTZCjvcPHbKb
gYngXLXoIOJdYUSCjKFRgEzX5lu4a6JdRARtBasTKWsUp7KIUdsrWPLK5SyW86i/I6UNbqZZ
HskafSCWd0waWXTT35hPkbhkKLh4REGM8HEWrZzmhJqtsPEZE8Wv3F5P2KI/EZERIVLMADzc
0NvwCXrvhfQdKeZuKXCvyIGjlydzNnkDrqOoCkxAXsYXcIYqEgNaKYGUeqneZVDyWw956ncv
LW7xAj8JNMw5fBWUznTwnuEJgCgCicAXv9wra2YESwa5wQM20MJKaEtmWplJZA06iVAOE7GP
WNYWljMVGxMhAx32bEft28RvpjHFZyW4JeBuJWrlTDNRhV2yzD1Wul7QW29VAwBpQyyNtsy8
THVAcvpgzKCjNQ07myKdBc8zLDnTMNwKEL+pyLI518mMN8N1mDW8of3WZYu9tsxRL7gIB/Mw
dnc3biZvBSVwRhC6toJS4NvhhP7leT1HLrxDhdXklupAVtgtsED3Bg5CW9zdr981Myy2qgLK
iruYNHA3DO/q/qls8FqxcdBi15ILXmgWD4jfGMZMaHHhQRTcPMInhdIE4bT+ICtbtIIIDuu7
YcynTkiROme6KogkzrmleJlqiGCrbnFB+4xQ0kuKekGy4JW6y1uI9AObmXdgPHzAkZy5V8Ru
xtzAdehL57viB/xBMbyVEyiu6lRekNeZTJGE5xMwFUpZESoGHIXQHhkh3YVXN9So9zLYz3Am
yQ5fmB3ihdiLcyRWm4CXRY/7LpVUF1F0YhdVzA6MwM9Y9dLXZSynQxG4sROyXfH3KxQoXrYoc
VzDGjqRWTdSjRdXf5gBBQifkQ2RgrVaiwq5luIqlpTE5caJwuo2zibxCApqMC9RqGECreiH
YgFD1KOVJBzibVerguY1Dh0yx3ff4MOFnS7jRDCqoYYoi1iW1p4IKiUy+pivKmnI8koU1Ck4
MxTwxzLay4sHUOuNtokWgsbZVRKLS8xSoGmspXeEKVVM1L7XK6jcCXmuNisHUICx7qCM4jT
HilW7PiNiuZfUDHWKG4Ne9Ztmrg2GJhwsMoOVqKwvMdROW5a7R2qox/AH6jKdDEqbEtiBLiw
sx5jpgdDxQs3JxMicNsWAnhio6dCNkT44tOnJ6Y16kewjY7e2XioLJOyOfZLrCtL1qYKXA
+HZJTq9yil+SGmsslwGw01cYF7cMLAEq7ITFjo4XBnZLrq4DLssmdR1EBCWgWUq0DfeZn0H
b8lkzSzu17cREwAFae2ZEmWCB51ANzUog3v7tA64F7mZg4HOkyoEZRz7ixTXR0QKjgJ/wAR
MdtYZuxhv5xoGppc3412bYXynZAAmwpVXcAEZOYJBmjLAWlnaoLBqILKhWDEDACJFLKl+JaE
EouHqXTWbFEZaSgj9x6EkHMuh7m8TN0GoPH5u5Z1h7gtLVxA2IC1fmcH26GK4i5FFg5YIAZk
croICIpODmM+ziC0ByTzZxZFOaO4swvCkWCg5ruMkDhcUCIFfcIkqFBKJTk1AEcagK19xkKF
8SsijaxHWDRSFtlwnGsMvbEsdMvJeJuQviKwnywwIwIwC8DMNPCqhKMSUI56YHWGmP2SvC5a
fhMZCORwgbiaVMzpgGCUshzMFQsaa5iQQcjNupaUvSPAgfFq6/SYMHGVHRGwKQbTPYQYYO
onPujcG7prUfqaKDiV1TQgjIK6r0gzV7dQ4nrX8Tflplj3hyHqNUIFmL8QdAcBluW51vjr1

Kik5Bn8Q3hqG2sxxLKcXNdcI+Jb46JhFdPEHFHYBh8NAeHc5nChmPrkFKkuZsqVi4rdxZMM1
ZX6lqS9CyyQN1zAQpeqFFxQsh1YX18QAtsKA+yAYSgB3UK7wtuXmZIGmDuLZEvqOzWKalfX
XFzWTl/Q9N5i2cW02qIWEULRmO4TasUZSMuF9O4UqrAyqEhwxwgHiBZPpFcrkcmFqzxUC4Q
s0DJW4yIKSH7Zi6IIBINvBEz5XB7RYwPFj+eCWK7GCBjoTk8Zjnme957h08OtLi5XG2ibUZj
eJTGqionqZ6p1TFXKjM7j5LnT75gkNsDK+WBx1Y9IOY5WOx04IujLy7g/FtILhLVxCr6AYGK
myx4e8iVdnKqCS1TGYNQgiL55jQbtVghHaFKuUIChbQzMGFbluWH+YNuxal6ALAGAmEfEBad
o+yOZB6jPpxSN59wsiFnxiVqibFw1golPMBkt4tgbTYRcQWeLoeiBR8DzHo6W15jWC7YOp2
fju4CsQoaxE6TjJGWiGVqPRCqlkJYzoNMNUFJIWijOVXbeYWBQqdPMwGTzDaIvJEfUsq+oQ
aZaOouYLk5YMQ5dAEUussAIHrpFV71BJWANFLzZHsTFNcRC0mAyZ6hYRz3Url/tiHLx eag
wtjyMonweamGYaiGugC4kz4BtYXC0EHP1UQYbZeKdO17NtI3D50nFRDrGeMy3QUXMPYpofw
gGxZSEXwrpKY3BvLFy8PyyAEV2AU/AjsGuaOmJmV5O/SBDCWaaJSnCJmmeAA9LE22Lx2eJS
5VKLTGgOcpTuoadExXHqccGBE4+pnQw2Sxp3fUE2UBVKcTT8rIXdo5ObYgJGgMsNlhkCXOV
rTTENG1/8zFYVvyFdQQWqq5uBmtsHMq0aZmKF2GLuIwUq+HFyPmpVAK4+In3YVcXD1DIGrTx
E0ym+IvKnXEKHmrhaeoyYowPep2nmHbwjcgkai1NILOCrVhZ2ljqYpVKZzg9rMHulVlCgXM
QUSwDzBgqGWPfM2uH1Gxui7R9TZmbtivPEogWRAP5DOnVKh7Er0dDsR1vrCuCAZ5RVd+IJd
kHKFwzQIZ6iw25QGD2RFeSzKzzFoQGioAnjzFDDMzFwHUEymi1dRscbAD6mEVldxRpntF3C+
2CP7izIZV+I2qJsgaaUBULINDDwbmSBduZd1KAAR4lhicBv6TQAN3iWxAIjVzDUajF12ROUj
niUDE/KG8wLcF9XNxADnHb7ghr0rqUZ4AeYBMHRqZwZwbsiFrTccQsSfISGYUXFjofUbUJRgV
E2ZdHiK0wsNhLkGLTKr6djTqVE4Kt43NkkbT1A1Gr/c21qwj4ZZtNq44Mthq+4xidQ0JRNpx
XCPiqqAc+ZYw4HwgVeU9zZ3LG8rD3u4XU7I84P3Be0wOIMaukIFh8o3pmWBCx+iwr2xe+GQo
/mHtLaza/cukTzS/R1UxK79bQIClSnsNoGhZB17Fo0ESHW8xH8QcPG3FcmKCyRonpUT7i9iC
xijSwoBrdx7Q7zWxcSFqLNeRBV5uuqYVZwyq4gi5pUzJWeDUS7Um2DSt8yrKuqlZXGmiGFpR
aZQ8VL2kUFLikX9FeYhA3EevEqm2Ex2FIOEA VzctTIBxjxFYtFatAHmXc/BhV6mz3ErXgVL8
Dopt7gAfrZxLCU74fUoFV7hO3OyBrFPMXiDo8Et1ty9z1QHTOYg+omtvMBTGTmuOR17DbLi/
kvbLtaxkmWdgUuINSfIRArcXpghiAdRDkOax+Zd48jhAX15HUTHvPKJbKYQwfcW+LhGpUaJ
ejcPW+IEoIOUNwrB520eJantMLhCwCO4jyuNDDVEFUBFMWOh4jW0cqWaA1pjZ20XHO17rG5
TQownMLK00h9naMRWQsPJGu4QAsXyMU1ASot9XEJpN9x/pKteoAUu53BV7gM2i7tC0s9zK2
iOO5vxVJ0+5dU93XUbyvkHETK2rxAZSHnNRWnTxE5nOrgeR2enuCgoXhbJR1DL5VfmVpoo1
fmEjogTJ4gQWUS6PJLw8U09GP0pTYB7gSh5V2vuFAooE2VKLGI7CtQvNWWRGKY6Cwdykbm
A89xGKgjitNwXHERjdN0ynEFh3KdCWGNRTO1gA+u9fiOSANAQuCVpIJxSCHfdzy8GEenzpCX
yMtDAw4QFLWX7gN1HdRMDDeGVQ8wRNkEtgPYy6fcnJHB15djVTAH0uJj4Ob1UevdUNpQdrfA+
IFenAHSN4EQdtRXIWMVBIWgICPE48xMspm8SvFhx3A47r1Ax6sEuJhmi1e5cBm9hmjlimat
bf5zEpeHk5mYDvmFWiMT1ysd0XqIToaZmoscb6jYwiFcmHZlgYselZ1fydpTws3yjs/y3cK
td8GOgWEoriSGZhrcWN5YhQrd3B9McyjzRozD3pKZmwSjEu1E1VEH6RMvEjBuz6aiKscSkmv
ErHNXuCc1xFXUx3HKNHcTUKEvQaGVsKWwd8/qCnA4kAawY4nuULYykqLODgksodvjqAvYvoh
HYkzOCs3xLkouDce36NTPLxlScy1ceYGjDrmFuxzJUW7ulSyXk1uC2KKTm4u7O+HKyzzHuFn
UHhF+leWouraNBcKrJwRfWwFtZjaerBfMVcq5NC8wtN7fnEKLOw4zK94ZocJ3A18qQaHl
hb+5Fc+IWIjSjthmrIv9soWTCgPELBBFXSS4BGKM2Q8ZUaB0MLbhDlvzKs3HhmuoWV501xC
wUa5xHpAweGUQzKjLYUohrOopaFyC5uIzqrBLl8wMleIBmMDbiVwcS/MSrjBgV+DxijbJYSq
gmW5bjF0k0N1HT2VmtQPgAoRwWq3+pSDhEw9wGGg3FehGaw/cvY/ccwpm25QhAnorcdnBcG
nt34ITZRT1KU0ymjW5iqs6JkDQO8YrlqpdHytZr6iV1/iIQSVAzTyy8sBV4WxY7wlfDVkUA
jckTGxiyUbd3m43BFCEkKFjmEy/KDzO6cDQx6gTXA9S1AUpKg5DuDF0wdm0vLZMDw2NJE3AH
COPSV1ajli3Kuz+x+ZiIe+Yls40LzwQyU2aK4GW8tKUa/MwbudJR0jVgqclSEi/dSksBovQS
qlNpHIKvYx09ZrEbFIldwDXMueArRlgI6evMQLzFX9x8w0WlylIJbJlAcXLCEwNsKvVwHOP
cZTcyN0QEXQRK6YvSoQHThZiGnPMpDM3j5b1bQOeflitwDnFSjtpa6gXpspnHE3WuuPGKDjeA
zFqc9ndDuaC7ldkGYZinUddmBK9JfZ7I0XAFwkeO4i9lRlhpm4LUqEHSENsYIFgaYJbCYBK
cqqdQ1HjiDcvyckUNZOfuHG9GZK61R8/W0wTfjiNRXdR7G4mV1VKbQIiehoYr8OVMzRaCWIA
XETiHQFB7iyjeNgyiWmG9+5foyjKLUJWIRVOVcsN3Ap3CMVFFiuCQgKAmi3zBVM8pMi133M2
ckIEAIP+o/UzSbli9iALLTqSWQY/dEiQyW15IOywWrHekdcBuH2dSeEEemJzrUK+RQh9xIEI
OddzIVRV8w2Pct+I/o1K7Lh3i8HzGwqNXLhsUlaLmHmVh8IQIRg4j0FyXiEDBPAMcxWu0j9I
3PVQ+FOKUDphL1Nv7GIsMbBctWlvibBqm50M56FrHrSjPuNd0nBGrbLhHIZsCMiiSvwyG
FgIAHBMt5HmLIEAc8Sz+m2shC412j/qWbUqQoqWC1xOUSq3i7JWAAK9oophbEctRV2UBxkR
l0eJZNOC63EB08pZVpbmT00fUAFxsHJ0yzHGrTD6ZeK4hp6MsKb0g2XsYYoJz2mYgIHKP3AY
LuRqOyx2WNSxcJFc1TMAVmyWfBRY+2ZRFp3Pr1MgqNRjojaAUO2NEuJ01E/dlkag7Si9nxx
+pU4ZqHfmb0pAP4lyrS+1xz2nB9RH+4CsrdrJVMbmAyi7S2hULNuTHEOZPDkklbD/nkYVKQ
p4gDaGpUuadxAQHbRfShFpgAjTKO9d1L709k1rGmaIbSvSMkKzQcWGO7MoloVMdKZNSjs
MumDzrT/AOTupogcWLEuCGk09wkaskaGOSUYKDCZV5WxCewwHUBYql6YWalqHa2ZEMAYTEBo
swBqEUSbuWUZTJbDiO9V6SBhmbB1ATjJCYAcOLqFOWBLYSur178IOLBpw+WEcwGH0JRNDgla
8MYiEK24GPla1ARilriWYYzL+oH4WsLNeJik4LZJe09M1CsesWVOymyWYrCUjcdR3JXBxBK
xpsqRxBjHijQIGY/cWs4EmRbwjT7+G3QBeooEowOpndldAmEpJIB9NcjOII0211EsHBuer3NsM
Da41EBKpiWcrKhAbLGYxdDy8RRhuZP8AcMjTLf5m6cZYyXxDrFNEopzeJkXMEHwMh67mQ1ck
BQdC7lzG7gkMjZGlbCqg9nqHKNBxLbLpaqppQ8s3H6OVCioN0VlbWpZDcp6RmdfaxA8xo2B
pOY6dkvdMVsyUoEK7gUcGpgRZ1LXAVaEBB4519xUcc31EbfisPiLiFypqPMqmG0LmKWFTnfm

GdHeBgtCJiwrelAXxFyIq8t1z1boewkoB8+PUZM+L4q0WPEOm4wRFiPgFA2EecJBtkM1q/Ve
RCVE2BTQwg/TDP7mgdGaNz4UoiFMj9+eyeetMWJ69gcroy6LDwsnABbkrli2EuBPKHD1Yo
2AoJmpFTlhrxClEXaY/yBwF8WePE8J68VfKkPc5TMC2cDoTOPKeo0fIqBxDuW1QjCC6Btb
PGqIV4c1rScsEr0wKBJ9N/Or2bIatlgHnb5mYhjWEIVPE8Jyav7LU1O0MrqNBHmPthI6vsg
Bu15yfx48EktWYljuRlBkvDV6nKpHT80ivQtVzWf8NYH8kvnsM3vG+gNaawoBbShoAfOx0kT
AKLCe7JDMCDX1L60McpI4HNKURFUABAmnMFI+sXP5c+mARnGp0zEVnWEEWlidQq+LERORk
aQoiXaBJYi9DNOvMZBLaonIPdYsT05w95HeyTnnhoNG7UKNaxAVUPR8fG2f0jiQXv6EPHu1G
L1w6SKed1k4aEX3shVmCoxAfI7+SUHLODMncFeIVRiCiGhMTE4yuGgH9wfd2+muXKBCeEqGmD
jCw00JnlTQCgrqh8Ccnr9hCehYL09Kcax9UwR0rgw5669Enqr2XOVOGs1SIEG1yUIJXx3ccG
HVKdAhW1ROOUvXhvz8apgoQ6BrhFjLyxOFB7d76Na1afyR/Ln1EkmFMABgLYaHmA3QKHke0
nscGW3OD59fTc4yyDL0PVXugC1DXEozNb16AxOpvGfCRPHGXrA6UIzjgp/GJIFsX5vleXz0
Sc74bmlPCShDd8EPzn9KfNhpzLnGjBxEXpjP7LHngUr8Jk/vroHmZCIOuLg1mz17dwVIG30f
L9H1IBc30ZQNq03zYPnrlvtX4zKknXs+xdh+XNZCY2AeOV3zVFwXPAR93IQktX6ZkqvsKSJf
ZSgSS1pyWxBIS88zl/ukaBnOuH0QLYaYA9FuAz5e+rfmEU3JNCNeWHPGRNix3Se1XtFwh4Y
CoNIIJF9ofC304ambRmUbeQn88GenFheGLR8k+rj165OT5noxA+FtMspQwgKPoZOV4izpOL9
n1ne+ZNVHotZVxmg5CUlgtA1fK1QVwhCre/XZ178dFwoBnCnJeH0vVt9FPyR9gH5Q+wPkYz
oaRFmy2cecyDlmMikKMwUHWQRORXGYqMIiwU98+e2s1P5113HSGHs6lb23WDQk+WdcB4Fk+f
hDoW4iSr6NhG19EcPIx1uGFkrSq+z6rixvbBi82ZHZtSFGRVnoIL/R7gF7e4DP6LwFF/u7A
W+QcPqCUBbL9gfle/jn6p+NhV77rFFmGhx8oWzRRmrhdEsMNIqagGHtTAVA59LqDwYxmp5FB
294d9oBcgJ9B4HfmFv5M+uPnUzXr6NGmOfUoAaaStAG0Wvmz6F+fSIJX6NC2jPpDbpa3Zfi8
yFJXdw4IRkqozrdoYWB1qiChrWIAvL3DcLoeUYLK9fM0xDY8hE0A+1RVslQhXdltiGLqhWL1
SCcFds3QAOKf6YAtPBYz5NXTq4MX2j8ufVxWmntlUj7Uy8S4IC6sTEC4pEl8A8Khy5kjEEKN
ms9GnZa65kfVlBzeDvokqDCOsoYRlhokdU0pBh+UBw4q3PAO5LwfwEtc9WB3kt8v0zOArrlz
VzKs/wDosAYzrKUxhsko9DgCk9gcA2gB1sIAwXTorwY7AekNt2NVcCCa4hgW4C8jMsg4Bp9r
UhNkWrpoiiAhsWu+vBe27C/pMyIb99n0EnabiWUYEIKfSuZXq5n5ZxdAIqaXiYeA0Gcv+FV/
B/CPDTaBUcUhxAUZ0u6vmRsDx816SaeGGLJfOqbmQCQI4Nh16MYiah4HAAaLgGZgVi5Y6RnYc
pk6cb8jYIML+06uOFQA0H2UIREiLQkoywiOPgHzLGePp75l+ij551DMfqYPY+/ZaDTg+mHRx
YGOO+fKB0+1cl0VOMe+gvd6LF/NfojDSHhDhsYw0MBkVusdZroGIAhk8Non3plo0annWyiI
YZrQvpmidmalmyUydl8XzsnmrCetEboOJrHs6rm84JCqm3Bmkj2h9YAUQwjqjCYjYaFoF1D5
cGPVY0UN5HRGRjfk6R2A5o3FgODRfRdMJGbtCwKBW/oJMMfOxEcO3Erh9FgwVMYKqQKBxzLM
ErcauFerQNSMgVMyOFbMRgHAHWkLpclSiVAnRzOINXKmJvZXwZsNvVzyGH64tEwvqkKMI8s
eVnh2p56SNMvrRwX74A1tAD+jUE1/x4rJlsulzcZG3ZvUvnDWj0jPl+TwMaq93zNTOpvx8
58P8G0cMGBwbLTPMNm0V2wbMMpDNmcc00cQRM2KmTUWXBnAdfCS1iTqmcPZ3ZULgxC5ZhdY
L6D+eyeUwTMOAabTM8jZVE7+jvnH6DMU9/SXz8Sn0w6HCIJpCbZrCz0ss48C+2Wmfllbac1I
dizvXCpi+iZialm2orwnaPkcx9E2MJIIdgXhoIO+qjmNIVzqmWThkCVRwb0LJ9XGNiDWzLJm
NWJipToSrMRsItcmRi3McBJooiz84/Qfy+aFLRNg7qOwDk7QksA6LmDYb777AB02o2TQbfz
+PPoUl8vaKOI8+cFgVELCthccxFnL+xayb61xsmKZppImJ+s52C+CvRpPNd4YwqsiEaFyOwX
wDKrin0YXC7pWL62aCwrcw05OYsijo6K4BDxeXBvCvmentuz4+e5kiU2HsJcMpUfrP50MtcV
6+E14+RMP5pyAbc/5+ZM8QPdUudVfZel6AFn6S+bix9fY61sojXRHs86pjWpGh5sGACOnWth
PnPvQGE4ppC8fSXLpd5tzBQ81NGMoxgZQ0J8XVdwSwFpWat4/uVLsGsCYCKevBPQ3RDrY85
no6iLgU+YM1fc0ZDSyicynZHEnsyE/W4GZ6HkYsIMWh5GA+hFo65khy1BICu4IgoaIqxDuO
ImBqzHY/nQ0M2mNgli9OXRe1HO6Jt4RwXxeqM8Y9cGcMJxd+Diw4PM4hSF4SZfY1MXOexZpD
JmBgaPKQUc2tYvRPoFswtsNGUoQqSIrBsyXqmpB+6fRlCOH2OK3r/wA5Gk+6ZEVdQzN7FI0N
uGrfMH0WmGU91SwCrvq6NbLV4efHj2atmrgmClr2eWA6qEYCuGZa5M9pFU1LgqqP3Frhg91c
cTSL1YWcv2DZTFMq2Z7me2JhogSykhJQ0u8ZFcaqosudRNK1PjTpcwCWqLOW6BAD7LLVCo2
C+R+GXUz5GfFigXX1GehfjsVY/t+BbmYA9C3gXkbRxor+alknjtQDLSliKcuLsYedUFHNDzr
xUNeW18iN7MPMkXBvDG9XzVzGuMF4Hmou8DdURMTJB9fGtozHWQFWZwJdaFycN5m9EgGYQGM
0XFmHIS0zV20EM98AB28CHNhZMWkNqyUYXM5f3ZJF/lfsj0HNbhqXy39vfEzrGdLfo0U8rOR
5uByBati7h8807FEMXV32eGiG0eh7CmmuVbFotcp8FK3TLnulwEN1alCFbgT0FIXPft460vT
M4PFgOQOxBCiM7DnN4OoxoOB6Hs6eLhHyd1/K0X6cXZJMm3hjfCxaTZ7CICESC+DOPh5I3XF
jOjnyrDyc86ZmFo1c1ATKinqODiMJLjyla64WIPZg9spTRTObBeMYuUOGbG5WMEpr+iFeUbw
KmAghGri0pmGfQ8AawIA2nIhN7ZhYgsZ62Ka03ZcXS6ybLUVQMCEebQHyt4op1PQs6YVCyOu
o5I6G44PpDYyGQuDBS+sPh76OMil2nGAfdK9njWmDKm+fJX0hn4nrunJgizF6oZq3CYVFNy2
UmLnY4874Z3NoF4zSPdsXELqUWO+k5F9BCFqOTux6qNFEtms0dAE/ozSDbRskZDjjsqkPiZ
Btj3CemDvsFVWUCQWwpHaq9jbdV7xoZZLpm11slejGW3WvZufyJ9KY2K0fBJBueWulPmaCZ
MQBCVktHz4NxpSai+jfQKiZv236iJXPHDa6nzYsG9quXew1WcLwnvT4gFMdnP0IHapYGP+Se
mjKtlQRaHkQphKfpmcjmOMUiU1RpizcZ+hYDuQMXPfYehtePsQ+QyO74gCZhsQ3n8y7H09mB
U+vGb5AZyGT6PwcrOyzqhP59jjEpz4ETrHg2ehU9w0ELmshppLlB9cE8M4sNS8dUyVEErju
LM23FGiHolmEhpxLKZR8asZYDRV9IBBfsxwyf53+w/m4DjYuFIwytwjBneQzr3qgQzcpEaEn
1z8j/Sw80g4UFjHW4YkjfWNQ+S/LkHLdiqtj3v3zI5mitEtgrjuhGpC2oTLPmElZWwgGo2a
pJ6huGmcG8BQUx5ANRj6NADCl0mLDpQuUAeQz5G8LfqiDGNpWLBrMmMaoNvyJ9U/JYAI5N45
TJ2CPQQA8L9CkxAZWZlgi+i/m/6KGwOeWCBvSOw6zBXAshCdkWFHVw5kpic6FLDJIZ1nbwoj
OrMYocj5pCh1AVFodcrFWzH0OPFnhVgDdDuwQOBn4ch0eCme+jQuX1cK+F06Dg3Fw0kQpvB4

MVlg0VfvVSVnCBg8JE54XzOeiMktCiUOvJgT98wTaB1W+DC3ONoDw6pbmNx9WtktnvwL689W
AQnM+NkbIQHnFxiGi+IblIIBy6uVieeS7JYhI0c4KhpD0IKqLHmZYIgpBjrCJQ+847MaTST5
SwBNBzsgNsBq0tNYVu+B5BVkMEdKBSLc9ZIPIaSYiv0rAqbNjGljD00vHx1cSL+g5n5GFxx
p2Nn9ojuXe6YUGJDKaHkTA1AhSO5qGVW9EEU5iVCh6hKnn1VhL/ABz4ZG4rFg7oeJg3bXyx
dp+qQOu0pzlLxAc65YK/rrousqa4DwsHqh2PvoRVtiNAA5S6tA9jVdCA Yx3zkHuqgfNGOLTI
R1bl8RQb5WK9lqQwe9JzEMgu9n4PqPAEW212zkDD2NTJJa0ZNUh8knjqwV2gHqw7888PnHkZ
I6PjrZ5GmZRWgdaooRW4CPhKgeO+pTuPnk5pG6b2DITuQYc/aFII1/OXAWKRleLuigoSRQP1
ilMUHDcyIr8RwVOHbcvjCKnoQQmTNIiTi1e9Hoqo+ynXT2wLZW/XBGIG8+KHXOHZcYfBG2Y5
uAu8n4Y/VtMQqezdcq2fXC9WH+CXyTIAIWaE5Y89kLiBdQYWsBhKaFpmAYuSQfOWKIHRkmw9
KBWgGhTSpEorqEuMKZOO5DwMGAZfKFFwSnEBagHbD59XPP35GGtqWRQ7kXs0YsgfROFGJ0/X
ZFzu0WCUKBf05G3Ar8YeHzsIX4w5d4/iOObEYt0WVFLg9pXStag4ddx8CTeiOJycaRE4xR4C
igpjDs0HRQ1BULCN6r2hjT7A88eqlkj9efBdbUFhNGal50E9gYPQ1WU46FME2UGfK+iNMQ/1
822EHC3VEPN5Y3LDT0fHGSfzZ9h3Ucb1gdeCuHy6ZrdDsmAGIkOJVQk0qgvBEN64K94bZK/X
fR2wDD4suaizFFfYF49MK9wdPIesaUASpAnKC4e/dWQszUfZNIHwgcU2Ehb0ITrDYXXZ48q
5AZw5NbF0nP0K9tyw03Uvn9uCXz/wDTC6YdTpECoZerhZvCLix8C8MSE+L4ZEWKhKfD3Dyt
e/BoU1N5MKvIL4n9IKZeuwT1AsqEj0Tgt4kFibJoHToHM9bDRcyNW0usZ0zW10W2Tt2Jr9IK
Ffa08imRtlSA/SjDdOvCMw1YIDiu2pz2NqVSflpBDWrqJTFweyJ44NuQ6KVTw6Ut8OcPmwlf
qknNH6Cso7ore4pR0dM/IjFEyr5msLCpjL4GwlYvI+Af1aqCdoiR9CDKqWTAH8HFgVpYAYBW
2bh6NN94WRjT4AFEoLLtsO6nkoGkLkFSiEOWfYZ9eAxZqSOcIPcClgyquRSE2M7DzPn2i1s
VTAA5e4fPgTnCV65wk65wj9c4X73OGI0ecG7J+cBpznBi0vnDOJOcFTcucGuPnAZnXOERPnD
L2jnDUITnAgO5w9iecB7xzh4g5w175wE0OcGqTnCzT5whC84Z6x84InfOBmDnAvd5w1TnOH/
xAAzEAACAgICAgIBAwQBBAICAwACAWEAAUREgYTFCEQFSIxByAjJDIWITMOMEEmQhc1RP/a
AAGBAQABBQL8z+IMYP45wCwJwGTGQ8sTYkcVY7/AIsL7j6ekg6AGhc6yxY3FSj1EuJcm3Vi
Yur6S2cJXOenjPVkhGemCwkdc/j8cYeTkxhZM5M5z/ZP/wAXP9vH4nOcgEs7Z2wDxZYGRg4
DOuBaz3c537YXGJfCy12ygcNIWMUuUF+xubW19vpyOCmcNXGSM5MYI/buliRyfrOcL7w04zj
6YOFH4n+zj/4+M4/tncO5yJznOcGcWeLPBPF/edcmOMF8TIM4w5wiyiuSirMhMP5z/xNsUoZ
lvV9cbS4ltOcYmRiRz/jh/f4L8TOF+CwxwoyY/8Ag4zjOM4/siM4/snCyfxGc5zkTkHgPwbP
GTe/au2YkxrGFH11I2TJLxkSstayYxE9p78YeYmBr7CG4xgNF9BJNPX5fp9ceGMwowsIvwrZ
zkzk5OEOTGcZx+J/+WY/sPCznI/MZznfO+BMzg5zkZVZKmdhhT59spZC8Vd4ybnisi5tCQNHe
M+VG3GM/WEhAbGvZXubi4Kwa+rf34RTGef3JZJ5JZz+eMmM65IZI5OT/AGz/AHRkZMZx+Jws
LOcic5znO2c/mGQuBLByI5ysqTY+OuTP1J/YNnFN+rXBY6wKim0wsK0ycXsmqxmWJuewmSEw
ONn7POuTGcZxnGcZxhBnTOMEGSOFGcZxnGT/AHXGrnGTGTGfK4WTGfxbN0c2dsngsicYU0hsO7
bGta+OU7Wko6W0r32qnpEs5iZ5zjBweMu9ejvqfb9Gf3B5BZ7c9mEeSec/jnOc4/HofznTJX
hryQwI5CsL6yZ/E/nh8xGQOdc64QYYeYUZOFH5nOcgsg8OBcBUrlcLlq2xnjGsVeJPVLbPE
sz2ZgzgONbMC1pFjcmcmc757chmSzJZkzn0355znIwcjBjGr/aX84w+MivxP94zi45zpnrz
1Y9WHHGTGSOSGdcKMnOicGcCc8h9Us8LvCjaGBV2izPZg5E5B5Id4Xru8bDX+mGR1mZztnO
c52ztnbOc5znOc7ZGRg4OBGMV3FwdSxv8z/8I/ys4wSicjji44MIKhr++mdMleEPGEOTGTH4
GcOS9bue4T1Pb207MhLILIZ9eznF4mMTzOWKxWz2mvKtJDxk52znO2c5znP45/EYODGRGLHA
jJx1ftJJ4xq+JKMn+2cn8ejnJiYwD4yGZ7c78iwOcMePx/OEFGSOEOcZGDObOt6m54js12t
PzIEJ5zgRixmcSqaVX2QmiK82mii3Fzw9oje1jKkyH45zn885zkYODGRgYv+I/ExzjAxy4L
GL6yUZP44yY/E/hTs6iyGo4kRmMGMj+DLCHnJXkDhhhhkxhRhRnGRmzT7a+UrEocXq2GqGMX
Ga/WTazZXNNol63aabrrrIJIHRaWB2OVTnlNCuxB6UYC1X6ESZiOM5/MZGDgZefgJwZzj8M
nDL7aHOSrnCVxnXOMmMmMn8errgzxn8c52yZ+8kcgPo8ZGTGFGFGdc4ywM+h3HfPdmdGwvK
VOblt351W0m94jtKNXgl2f6f7Qr+gbaicdbH2Wri+WNmT5XMtMtQty9hQBSjrz2IeP7BxI9pp
6Nz8ZpzXjKchH/HBnBzjLHI4WJV3xlQV4xETHj4wgyYwhyYzjCyMiOc9fOEmYz1kOTE5zODh
/X4KOcMMPJyMiM6Ztafx25ots7U7FxFKdG3lptVrt9Ldna2y07fov6Zv76Vo/Tv4sqnG8wVV
sDidgMBfbDcsCMY+P7ByqXQvF9in1NpV7Sdlr+0XKpKmPrALB+8ermCXxlRMsbsbsh+PJNnO/O
HOTkxhDnH5DEh9iscKrDIZq8bQ6QmvMkVSTJutJYzUnj4czljXSIsv1mByBzrm5r+ymweJ9/
RHh16H55Akq70l67FhKNmreUIrV/6acqouZzjGfVh2WY5wX9ZXA4x9vndb2xkc4Q/iMieMrz
EzqmQqdLsSC1Z14IG21nEurdC6zEq+sL+LC8shsr7ZZMxkjH3IZI51wgyxUMMkZjAn7QXMK
xc4JR11YSIU+SpaSJy/p/ZWTq+BuVwCLZQWWE/cr4kE9pJPXGJFwWlZxd/8AqlxUrbg+Q1m
jIEm3PRx+yfCBmv48TOYstnLD8aznDnJPO2SWc4eT+IwZ4yhakC0myDvS2kOfeILh7C10P4/
7k68im0iV437xo8YX4mMn8xkr5y3TW0L+v8AVhx14lnGKPNAPIPILtRWJjqDXQGNdDC2avb
ltHqJyf2+v7FPSCX2z1cZ5Vrc/8A87Y9ldBS8Lhk90liT5zxnymT126spiwDIJ6/pscSUYWT
Oc52ycn8RkYE8Zr7kLiruJS2u5W9C41yiOtWZgUo9blwVX1TbXxDPr8c4WcYWD/PbPdljq
S78QTBliVn+ls5xc84kOSpK5x1jpli13IMEY4/q5yxwV/YLqcgchOSOSOWFi1d+iWvt157FW
/bFpn7mDxKA5yK3bKXkFiivV/wBRrllzXpOcGHh/jnOcn+wcCeMwC5q75oYq3G4rLQRr/d
XfaV6XNre4LetkQangumerDVhDkznOdsM+MafYLKOSmGBPGJLmay+01qnOLKEjfv9jrN9rCj
pBnh1RPJGFYYwWNiIkkx+DHnNvrIvpscknH7jcMEEJ9wVqsrxKwnLaeh0Ovu0zmbCqWMjGRh
5P8AeM5E4BYtnXNRtirHWs17OEOWP9Ylp5F3BrvU/uVSJKryXq6SeEGTH4YzCZhfuiwH31m
MrlxmsmMvXiqyd4mQXLC1q4Vlp317Ocg/pn3kzxDvvGBnXDzceRBUXLpsFV5U69S6rXRLAga
th65p2LZdxKokp2EOob6iqzUOcPDyf7uPwOBObOKPjKFohOrbixU2KYbVFeryGDal6f3OoQU
hX9WXgnkhwsIM64ycmcicIz1DnpjnUhmZtRhhzExlfjLFiQybknHbAn6mcPDw8cwEK33k/y

5WuWE3gQ9fyOmsLtl7M0r9pUXK1cWK5f8TjjPHOH6rwTyVeru7mj8C8UYcYWCoyjOMiM4/H
H4HAXMc5Qqm9rjRp6lfyUiDlduuyOhWuGiU5P3ltPbDT9sVxhBnXDjJ/BFnbAnkft+wtkfRj
WfYs4xjO2RgZ3ztzhFhTm23NbVbT95Y27ADvgRkxlgZCLCA+PaZd9qVPKpjJLH9ZLjtmnuR
Usmvufh9idmz9DtMU/xTaLiloCfbs7P4FvzTX86+Mj8cZxnGRH2GIjKtcdFRO1LzVmnunwDG
oWBXCcZR7maySTR7C6OJifaDVlXOtG5eSOdZwwnJAsrJnmua117K72aT4z2525wPrILO+Sz
DZAxuvMxDHuOwxSOW8dsCIWvtLSP+aTvcvdtBg/oGWOmFLs9IR9h7+lpp+t+s3nRSPJWQ931
O2t2KBssXXmoG+a7BVqkZH44yBzjFRzOiqqpK3rmbLUBizxZznuKcW3PYq8Hor2FO07Fsel
9kxq6tUWq1YZb2kKE/vBrd8innwMjXdsVRhE3dhlh0mXswG8YLc9n17ME82O2rapWz2N3enY
JVcU0+gRy4lo9p2ne9hohYMVIR3qbz3xKKdVC5ZEWldTTY9a5/5brUHIIg+xWOhITsC4yqum
6ycZxkZE5H4jI+8SP3BdvGtDtP061s9d+mWxLBP6Fmd89sxg2THI2DRxOzes7LFWwtpiMIPt
SJIIAK4gsFYTDJR7ZeKYG2yecn+YnO2Af0MzObTyUK0HsOzzNtjFa0KS2EdttejJZuTGqgmjr
nXmXK5xodZrtE1qskkPe85bUuWJoelWLYbHSBTQirM6dnjiGmPiNaC/Qa6oZUFUGGHH5Jlwc
jBzSa4brN1sAcEZe/foxnBLIZ9ieduc7cZ2wCxTOJaX7enOMs85DZxH3B2xnL1+VQ3ZSeOLs
Q4UROFGD9y966i9huBYDYZcNet9cQletCw9lxtKpzLFBpqB83LYVZjHfUmX0S+++a9Yu2FOjW
r3L1D4NS++FTS2oqRtiY2PDbLLLgXkLz43sxuq/ZZRxxjAyY/MZBZGROaa6dN/kdMaWy19E7x
u2FRlB9OsQZgSi7YucHcN8BPGe2IUX3i8gucWOWbWC6eL9mSLtzhZGc4RQIt2YwnZanaOI44
50GytTwyHWBYedtlevmi18JdyjcfqFnXVvpf7Rusj2KSTcuMjmuEe1VwqS6IntE7emmuVsfT
Kdh1dLWa+5Vtr2qQTzlwv1HiJXtqgiLh/E/mMgsGsljPW/yWmUbd12SXi2F1tTFmtGDH45/H
P5j6wB9cMbhTzPsgYtz2PP5zj7Oz3ZsjGiktdc2hTco6TFtv7vxv06IVlBOIKn7tRpSts8s3
QQNdRXHwn1RYu5S1rLxbG2KRUKjY7Sp8a8dWHq1/jio2dMnfEftKUQipP+XaVpXPgOzhN0Uc
SKohd2ZSNlxOmyGFHGTk/jnlxcccZpNeta9tsi2d3AyuMsZspFeCGRnOc/gchf0Y8ZA4Zc4WE
fGNZ9Nyc/jiYe2cujYadirqvFVbHfWdnOk0rNg344ayuapMjV2nUeNTbLyXdJ0tQ1nbKhrCo
172xgp0eiZss8g3K1gIc54PpeJ8xxy65YDhOvvu1dvydVfb1alz0TsaPwnD/AL+qkiSXjO6H
fauJ5jYB7l2qhRlpEwLFZOcZP5TnlD/jv55/ATmlYC9IYU1LhycnOfwGaf7S4nP4ySwzw55w
sPCyqU7a5Wpxedu/Lq+qo2bLbzdLpjvrvUvra7v3y3NNqJss8h3SdPWZDdo/1J1cbLdtvTof
HGXM320GisBOyjf+lne3uoJU5hXb5o7j2OhZGzGsjZ0oGE2IINa34V/bV/TZ/pxsprblv7Vq
jsLq4zGzq/TUTGMTkjkjnGVNXauxrPH7QW9ndLZbCMiMiMDKu2soyyATHbJnJnBnBLILO+TO
Fh5OFkxnlV6UprR8fX7rbFptVik0k0uM0VVVDWvn7dOa7WlabttkUVGyeybZ3w1hM2WGeOe
G8D5D5YCYWg7Ta9FuxtarVK1NPyV3xdQIPNupMHNqrBEUMp5Xu/DZuqHw2Q35C70/KrVrTKF
wNgq5VW2JNqpnCowY7HVREO108HV64aJ5IOM3JHTTrS9hjE4OD+ByJyp/sUFqJpT8QMt1CRCK
NaMiSy7Z2zvHyeH+IHnN4Hu8pqr3vb0psXalSwso64JxKfWklSWV9VLC2GyRqpe13U3n29mV
mFpJxaDRo1g+SeYHcGrVks9BRnj/Al6vQ1IHPKJ+RcWr/YXZUNLlgWT8xL8s19ZVCG3TZWZ
ZMZDkuH68Ev/AddJVT1L2ROBHOF94t1eLu1upV9S7YOX4r0duHzevyP5EsicGfxUtlVb8xD
QsVA+Oi0daX3DfEW2cduZ5/Bx9IGGOdcEct/v8k137QsL9jaC/WyghkqkuY9ao33m6Nff/e
WNm31G/F1vvW010A3u5O4VCp7nCAqZ4VqOcnBHNzfv6nY1dqy+yusctfUVznITBYuUsTLIBf
RMzVtB1N3gjn8jY/iEHix6z9drKsfS7lQpfFpFQiMt67nDoFy2tI5/H4Es5wSyJyDyjZhLn
1WVzPXOEZGVnH5cPBTGSOdcAceZ/AL/r+ZpqRy2rQmc1WsaEbXd1taveeWPuyCG2TCouvHEs
muoKg3LB2cCr3KtW6lq687vcLrilZDKF1zy3TzvKvagy5LMtMgGPseqwdlp4lr0kNxx6T/n8
aLZFqdrM9oQlkz7CWw5+yH2D8UiNlf4dEh5g0dsVRiZtaAXDs9GaMnchnOQWROQWds7Yi69G
NOTn3L41B15Gc5yyP7pjJjJAzB/wCDyHx8YcK9B7H/ABqmrDa+UkzLZOvOHUKpi252wQkp
UEJg86y0qlb9ozHr/piuX+UzGGOHGdZzyCPVuvGIBcnLU8zS8FoPq6jx7VaqPOPHF6e7/H58
DmN54/NYEDfq+yYLjK6fYVlVw1vsyccc5K8EcrszdmExvU+MNPgCccZE4P5jP5zrld4wqwj49
jLEc4UZMZ1yBzy+PTuPF9hFZVvZNrrL27NydSdwr+qx6cWPZaNa8CokdGdJbMK6w+PRRY7oP
9LtV8HTjPOQnvHwucineZuLebHdpX97Yeq9Jri2+2j9uAzNxxq177WWazKlii/H9I9kdWze8h
rDC/LtUtMbKnZOgxXrufuxn85H8TGczGWEd8uVOwWKMxjEcZlCZGc5H4H8cY/wD2wGMYOGGd
M6ZA55YEu3ugvwt02HMbrtXDF+Rbb1onk5UvrgYv+Y+8WmZyvW7lvHCI1Pve2K1ghQllcs/
vMtrOn0QGXRvsFrVtdoLQ8B1Xx6GRiS4nz/xtewqIQyW9FahoYvbuxcybUZqrcsubeyUHT3V
mvOt84cvK+wVeDjBnPdEvmPopx8xATwU3hiCMckM4/MZE5BZSeKnyqVkyYs89OevJHIP/7y
8uBf43anY3iPpm7guil/iI+gCZxC+JEYgLW1XXXZaT8VXN9iLew8f1sbRjBfDjph3pnPOdWz
YbWxBYTTiNHqG728tQpVEZ1wf5ElaG0CvpL1hnOeqeIDNJH+/u/pzIXMKbxmu2bKZareBZX1
zUHNhvM4czlg5xruuNmWTI568ledc4zj8RgzlZvTDDJD0mSvCX9+Qx/3Zo+XSGEB6fymHZto
BkkPWYjEpiBxH8W7ZnJRjlk80wsVlrYqoEm1ZC3R3NXyXuduGppHYK07YNjsAnZZ4p4pGi0
86qZgq3rIhyfrPINz+k6xliRkI5JjiZnPGh7Xt4Paz0mMiMaUha298dmu2MWqHi/DNXKoz0
Y+lzNylk0TGerPTno5yKvOFRnGVuuSvOucYic7fiByV4wc8jD/unbGj6zSyDyu7hXphmRMR
i2fUnzi2cA845FZII6yKyupUurWEIubMxHxHRm1vnYDNBQKyywZP+nVeG+R+2eaz+2X1fc5
I55ne+RtEFw2Z4KZnjU6K3u3aXwROiTFkRsjGopZxMjP84s+k67aMRrdEr4+oH7jCHNLeD
F9LCrZ9PoenibNOIrdIkXI5xtfjCXxnGB9ZzktglnbCHmdyz27M/wBjOvsH7UWvvRE3KRRg
3WRgPE4kijI5mV0v3IshUgdVb2GRQR68LxHE6qgW62awFS/ObnF201cV4/eXgOsZFiCxB9cc
XthquM/+9kz22FIIM/dCgVxur9GtzZbokt1NP2I5GmGv2AwOw5z+Yph18e8bt+++nBTgsz+c
KMNETFmVxPXiZ/1Ue7Sn9ZA8w0OcarDDIHIZgzkTktm62MavVLMnJfH2BcE5XtX/AMZ1d/kW
a0XYVEk4uDXi7PGK2urSMeYUaWP8tu25nZXGRJTMJ6KdVr+meVv+RvbZc4oec1dOKms/jIL
jFHjB7Q4OMr+HXtgaf6V0wT/APx9r61q5rtdq9WexJWBYW5mv2CXhtLPY9t9bTnOeMsojX6f
xG762d8iecGeM55wv4sL5hq554wLHqTM85J9Y7SZOrNTLkdc4wTwG4LMGec/qM+Sp11c17S+

JLmJS/qdqpxiuQKnfIRG0LMIAnJGMdV7DNcAiOMhczPh/jpbbYsaA2zV6ge6WvsHyzx1Y297
kDzkJwETkiKlwr5mStaQhomW0TL17hcbFBROyr+9yl1LrRay2LJtdmPnKaJtXPPHVVVpX9QA
+4HZbatHTPXV0uFy4nnNg8KidQ5tl15SuzP/ABLLuALKyyhXRTG3cAocqIM6v3BZB4DcBueX
z77IT6zvp/c3xy5JX/GNhrxXZNcwS2zV1dtw/pl0IkHBkP6yF1kFAjcz4UQnxjxE95ZVWVXV
XufN89872kanScDMOSSj/plR+T5F68heCGSQuXFidm4mjl05FUn7IBgtzyMjrZYtF8w2jsJt
OmuV65+yf3Rng1P5nlH9R7HNrWT/AJEWJTp/HF+k9qzvFMvWQHm9P5N/SWxpVq7Z+QxGUjnr
qXLU/wD6/qBYLaa/aNv9kv8AfhfU9s78YLS389nyP7tWJROq08rB+tIh8k8FS7PEfNFsQLI
CAszGBY7YxINgtNq3nb8Y1UYXj1KQonUoV7FsU1/DJlnkv8AV00ErfLgqWapW6P9L9B8DR+n
PTkLzY353FoGCITLfx3/ADG/Hqt9dRlj2qZlijY03TWsbRqQbfare2ZwWzE/wDLP6XVx/U/
NrUv3Gv/AGtrL+TpWPtP0luzutVGq38OuQzjHPUryxunpszWL2FZjd/V5C+ld/YXV2Ky9IVP
KkV2a89IFm5zhR9zGTnObyY11qJjPFdco0sJURdOK6IPCvkl6i72wilhV3qcXOMPYj1VYkUH
YD3MvEyNptSXqfFJXVveZMTf211bNWwvCa1xzo1VNO53qnkZLyrbzUTqxCsFsxCs/brOrLvV
Vhv+ASfdyvsV3BfobgyB5gusuY5nrmPGf06r+jxzdU+RttWuSZXT8dDtKwL25a9C69AjDV
eRw8PJdad61r9c+4wfEqowvx6k0b2s+Ba9Jrz/p61d1pUzIKGvR6GUDjGjk4X1lqxFdTWGR3
ogi0tltV6tl2xu3pWha6xLPKQbYqgXcSiZhpMgWXWwu7sB6o2hNxb05nYlgt3CkwnVqnuQhk
tWboUpka28FLXhtOyo8i+Oev2rdg9TviithvWqx3h+xrvSpsmgr1lcl5FcrX/IvVtnsKXsuh
1XH1+JL6Qz9M8O59he1635ewKJido513fFr5Ua2roZ8UrmWbZ7HNP5G/Vs19+tskFIkfm6AV
d/nPFPrQeQaCDIOsr21B5MzVkyMKMPLNQRBlpwLPLNe2mnx9LSAkApKt9Vr137922zWtfZtP
/wAQPtHBFscc45zumwBp6AMyKlekshkXdul0p07cJtVFuIsEtpM9/pyrZGyG9PtSv+ult2Pn
G7ZsE0F7WMUtTKOIGUilli4ut12FFenRHBTFHjJ9v8AGKX7m+YNIopUcZ4lq/0nV+W7eKOU
zhydk6FWnPEM3FiOnERH/wB63aP1FmpfFbKt5wRRrfb9akCTrefq9K9Nvb9RVuGDhjhRnGdM
87WDUUVYeFWlqwsHsNeSrWlGbszsVayxZtFZKALgA7MtV5MLFZ1XFpNRXKzSySbXLx+BPYJf
9EXRJvkbDWFNgVRsGMTWtSA/q0nbkJKw2/ZFTWx65vhEMgPdUv8AyMstVmhUS4K3yz2IX4u2
u/uwYjiVTz4zU+T5H5ld97fDfHJuPbmxaVmxDP47bM971Y/ZsPH/AB2qdBmi1pZa8UomvYaR
1JfiN/4mw81fDNZqNf8APv8AeM2O1XqqtszezVXVvq2J9YcieSUYZDC/IQNjyC7O12eqAOvt
p9LqANvy58Pag1+1tgXeulnrEO5CfV5PSFTBq+w0gqE3NYw80C/j6g7LEPUFxmVK82WIS6pc
uUzrkGt13WShSKzftioq2V1Mm8u0bLLLQM2K+KfKjApWyf8M2DdVX1+pO0ydxJLREnrVBTV
Ggr6DbV9ejdbOpYQ6N1c+LrNuXNKzY9jGok2alfuyJgRtXa9XE+Q6+ZZZr2hYmnpNnvLs7HN
HQLXRd2yKobHct2tk/3ZSf68Z5FU9o2a5G+waSNUcO3DXNrvvaxS2BF1jkIONeZvfEdt7+T
WqKdIWScI/n2nTxL5Mb1hlpSbNNwbGtcisKIKpUjZ4YilOvJtO7sIT42KJrKckt4kbE6Ohb
2rNx5V+ntu7ULYp9QrM011OWQvmxE1dDeV0nYionbbsodxLcsXh1tflGrsreM1bwI8W1mugN
lr8behU2G012sRqkbfBDQ21742yi0HrdnjXWbu48qKTJsmQuyvSvKPx+TTT2dzZyYcXlDs4
bYZYMGYInZixcrjRK411qvSH0S22yuXJtD9Ow+RXctwY+rWJ+e5g09Xbu162sqVNFufG1U0Qy
7ThTosB8QpWdVQZFw4IGaZqVtcoV2DFFJKVqqkNv4FGGg2jXqz0FSPLGmuf11lptdBKlsMb
CnLcEQYmapuMEoO39V3ehn6//im064ytZIU66/7ii16Va58U9n7xncrqFWXrzsWtiqWddxq3
2bKqFr3eT60tbbsyf+XKNN1+xrtbW1mbrCBTEdXa2jKcwnas1dSy4PGK0zT0NKuaq4MT5LAj
th2Xadi5zFFJgSmSBvCJsH+ttmhpejK9cYXDPIpQ7ZQK/j97OosJ2EDCHpBdc6ZkMk0YHW2
WW6s1M3Haa9t66bX7QCFN33r+RHNiqVvPjDVH6dSuRcptoHg/TFawiorGmS5+VMwRpkf28a
vxzVbTxnZ66xoL4TDIqW/Wz2Ov3L1gKp01xWSU/JGloFaeEvBwWGLY3W+Od9v/UTT/NjXq2
ZDA2Y5IdXQjXVn2fQuw87LNav4ms2iCXcpbM6uanYgYptSGO20Vw2V6NhbFo1cN8w4SMTW/m
bxSLoZ6MC2uQC0xbNdyfeUQMFXSc86oHXXriaROXalvyCHB2t8qev30pCTNy7b2bLfbqBfs
mkJhVJZqCUsCFkU7RMIrtabqWuUVleMFyVsYVy45Ff02q9VbSjY5zHPglrt9vqa+4Ra8a2W
uaC7CjUzYeqvoryM/wCmrRtrVKmsOoXux5pgmVktM6vSNvR/WaCtOymu3oraB0dWWXGfzvm
daU/Wp4Zr99U9wRkDifZ205O7uOUYyJn0WuwS02D9meyVnfsukUtnH3iBTly/brLQdqzDXJJ
jKldu5onQRL69KyqenwzVtR6uK0dhM2Fu8XCbm/mz7706qW58SKJF7MOKtxcFsC4RrzavBsK
cFnWJVIVmEB7k9thq1wJ1/XBpWt/hln02mWTKWZHE3JPEmXuVrgHAR0u86vWzYnULNOxC5S
wdmIDL9mwQVjLF30tsMoqdGx8d6hU2HyM3y+2qHPHLQtpWEwWbfVqkDrtRIDjJgi8Y8dm5Bw
DjroKL5dVrTVs9byjTh/rbBLPHLFo60yrzRNwFF0BUGuDV5jrzN2qt2bBS9bXWate4DahDk
0rFVHhahmxToKG2w/S6dXF6X1Qr2aVdfs32vtBVOsVU6j7RLmvLGUbv+4z0jApXsS2zGkuWG
yfGWkvc6j/botMlqo6e1YO75prDRDPOtvZxnlm3AKflW8Aqf9RXKHSeXVdq6x47XsyTzUTdg
VqvWqQgZD/Cy0InFVWxg9OmvT3XiAEVK06g4bQPWyFtU28CUMtdsXOadXo1XrKBVZZX2EQHC
6kRiXf4GoWwbQsrOwZqY981Wz6kyclBY4/8AS2JOo7BWtcJVKxQsNOLrt6uqonxerFbUv2Sz
ZT2RXZZIKTsqbhFibaaga796revq7Idr/TyKTLCfjVx+HKtfuCOIfdUe4pe1tjXenNe2auxo
WCVsGaSqtu98qsbXC/cK+Vw0vkm05WTbIgmtyGeL+bfJrfpxtEnaCievse3GHMrev1RpaQUa
gsG0G8q/FnbnW1ZeVeowTXMz1NIQDzKf9mRDotd0UR8tjH1VdcFqzCtDH471Jfsu9trWzGV3
wptNwLjWnJ5+vopsDyFj27Gp7DPQu8WalRY1itgEbSsJVzRAa74C67KcKQbdiYDt7cuij5yi
7uJWjWjEiwFlnmt/Tn0rpbByjuQgB2k1de1k70sxsFV9Nrxqsu6HIQfQXjx8DkcwMR9IHkrJ
/wCIgImIj15ra83Lvjm1I2eQeN19vDdc2wdquuUaHm3d32wivqt55ZOq19vzEdrplO6kGmS2
p5HX4XTToCAO8frTHjtT5u8mM8k0NVB6t5KbFhPoBcsrDSNubAyyQuizVtrlbrAf5KLuK+vG1
dJGgTXRsKwCdW1FnxWu725py9Q2XfOaZLdst4SQpg5a8F1g0OuPmWO9t62v4k0ZcRMr/ACA1
F/1O3IRewrqWFJqLVelbVXbAH+8gErk+Ut+duNvdq+HeO+AWxua/Z1Tp3v8AiMZ/4wsHI5TP
iGtzT05rUo5Bnj+4+dW8IEqj7G99YeKf+vta9ixFzW7LYSrxnY2rOw8Zt0F+NSxGisan2AVU
O1xU/F8BokmyQ5e2l7dICRVbSlngqWK+f4MqOqmFyuAptk4X+UtWBHC2CjFXrN2NhZROhae

bD1NK9arXLFN1y27nRIhnkO/Upt9h/EwtlEubVr0Ksgw955dspzXu+Dajbvw0X9zr/1AvL9T
bHZklhRYHSMdENetr8FfiWt/UvI/KWfqnkWrX/09s/6gaz49/8AnIX7MaZdbJSwgLmNZX+Z
akuZ/nPHdi2le8iD5FAavNjU3PjLgGcBs70Nd5VeYR7VhQ1e9LTbv/8AR1j1iyrNpGqiNaS9
gbW3ddGk8dPtDK9ly2v21ywf6v7gnck2T3Spr7U6zXEziSuFDw3DLAK3VnVza2Mk4zGxU/US
EqflmvjubMVD8aSKNlvdj8e7OwviFuz1VOxO2remSfKNhv6QCq1cmC0glBaVym10iVsbR/
p+u10z6uxrHnNIHE+DLHV6Kh/kwo9zrVYf/Ff8Axyv6l0wQpiOzkRnRU/jVeecmZ7gPqiL5
bGlsBmF+L112tgt6Bm3XsfMkHOh2tYQDQVbt63ytuqClcRs5PYymVsEorVZYGxuu8i2dlC7b
aeiBxt8ZkCPWTBzQZza0QDj9dIk1BQTucqJbehtV+uTWb6M7pzoVvPjLsZotk6jOs2TdfPy6
F3Y66peUNIVeEfJ+F5LWM9amnDGKarULsbJdiS54FWsga6/614vRuMpvPwDI2qkI2Mixexh
dLwxYSmBLiPC7nW35p4wUbH9yTRRdcD9FQvtv6Sf6vM8RzxERzJ6h4k0W0ttQs7LWUUb3w8fU
iu6jstPvctaapJloqVkB/XdNNfcVdhU12vqUcZfGVKeK0r20Au81y6+oEZv17AmtpjUFFeZi
hTJQIWTGNog8t342CcOrOP1aNvp/bURN3UVdgY+N3VPOrcVZdYmIo3fU5GyOsnSNS3evf7sV
VIbez3ntu730Hr6yTI67Wa5C61+xFeu6ElScyt4+w6Ww8+8UmmestLW+boTm0V+3yt0zq3TM
FIW3NN/kdf8AUtOWk/Vb+u0Eb47Wn1iFPpO0tmI5w/5gfp38eMF6r22tFrblyFN3LDPUTn1
6lurs1bmluUsTT1m1uV7RkmyPva4pWo24zY9Tb5pR77E2PnX/HlIxUuZC7Y9R0ZEJUtbZYm2
K7nuQI96hxeSsKFLYNf4uVWnDamtF1AK/ZNmHiiX4ui7Y2njFzQjX21qEeI1htk2m3jiU0VL
rVbXkW0TbKnROQK7X1jnb6ndBGwXGV2/qNajoOzOLXYq+VaGPHt8lkHH7vX5p9XW/wCQMP6n
w+583T7TXsjbM8zp667sgKyPk1d8aem32V4/cyfrOvOac/Rs/MQ+PdB3+tQ3c9SbXvZZE9bZ
fubVqNcv2Wdgzueo2D6O02e11nkFJdtbEXz74n9iaaYr1W3hwWRYkrvUCs+rLBrwpcQ3Nhej
Nglpx4ARSndFZQ7DXdYjyaowRkaSq7jdNNU17GwhlSkzv8AHuVSEj8xf7rAPQqh85dRgIZf
KOp1ZCtF8htB2tUM3VUpXvGVZ256jfd74KaUU+FH5eJfQaz4gfrGFnhFyEbPz5JVhsbGYuN
/qM2xpXeRwthlJvpo1wkAYf7SXAYBdLHmpywFM9VnsVWwx/rOw35aAgjmKPoXxBnab6X2K0W
pqOajHgwYNppaFieJMDIb8LsMtdi+Q4sJ7lyVu2lA7Fsm+FMZq5+DtL0iFs3H6VUoQxa4Sob
Hpynab2toMocPQptT3sb8aKKQ/Lso01cx1+v6tFwUccUNGLsViLUA97X2ez9zuPgHQ2y9/Gn
8jfqmXPH6HlkeVIJbcZ4J37C55IT5QWwQHkegnTNs3jVY1zq3Qj1/wDtFEwMF/1kezMRyy75
yz1iYcww+2M2Wrs3FKWpSVBaOK668bAT9tIGWtUUsz8mpBITb/7Cv8AGPuj0qdP6hECLDKC
Yt7oyDtLOtfnAtsDcxNL5eWNj7CW0IERgmm0u6vUcirsKEPOV7a00xK0xGPpk0oVzrDX2luB
Wx5i252CNqpYvTE5bbJi9we0cNjZePmKN2SxtM8PCwG380+PsaWZ2Gew+/Mx914FsPZU/q
Tqx13kNk5slP7ApXWa5o3QsIQvCXElpJn5nnbi9o40eDnET1xjfpMERcmQ3tid2xT7LRetr
kSYCfr2h/gV2HFSMWWFLcl8FMIJc+xDfFKDt1ct6vUZd/pprb1+QeL00tVVQgDoNfLK+NUS
PkuHYtnEMQxVwjqlm12UDSMgCoqDCBMRLJVHV6Fco6ql3/EW8T7e712OI3VbUk7OfKmay3og
i3qrtN2vsunjFTyQZqrGlv/ANTNPG08aREZ/wApkOYpvm7WGq0gl8lqESVnzS58f8Iz0s/
8xGGQH1kd7STX+V0r6i7bVa1A169obGikBpM76pX3KhMhWEppyqENOPsZjImSykyXtqsjXL
dZYoaZoA84B6tz44qgyy/wCRXCozDfHvEM023bKNWHVd2Ou2dyXPRsOz5Udh77pFnYusSyL2
TZYOUNv93leP6tQ2e9Nnbasf8Alt+PVLZYHwFORskMp2IDwIfWeQ3+Y/p7sx8h8U2tA9Vt
wRBCQFGAqMRfbq3a++vYpGf03SWGmffs6hlEHRDoUeo+fbNZAiNh0FifGtK7Ga+wEEKe1Ztl
Yaw4u144sL1tNVIW9sgqK0ex3cYwOCj48dfE6cVbOtZDHWZMVjbPnV7d6mjaCynZU0VWUKy+
+31BNbUR8JbUfLTKn6eUWfbtPb/AJ4iDgdtJZYouGCqOyu91eVbf2RcoU7OCRphses4bXlZ
3+WvaUmNTsLlI2rbU/UdmOq8ITs9TZ1DSKAXZd8mx/Sp36bb/qvo+t9ATnTGLgob+7NOtp3v
NLZMHyfTo1Hkl20dmmXj9kQsa/1LSruwEtW2ke07Y+QwpdzarfaqbWvDARiYGNy8KcdhLILY
ucpFFlgYT67To4ytC5mtTRdkKpa3x2jfmudTZosp2LfSunac4keRwDd3S/VdbqxOtca7hTLK
7jq8ylv15QnbIngTsTLOzOPbZCflWJz3tnKeumx11NemJ2wnGsJmFya8V0yqNaMbsJ41Vj9N
pFtp22t8c8kGKXkfjI3qHw2LbTuOp2NxUDYXxcf25x3KzMIX8rPCdcunVoXP1bc+b0bBUaVG
p69ytNN03YIp6qbV8n/Tq2q279tlvflomzZ++xL0WWCtS8rNaddfh/bB0FeG2tOujRtzCtpY
EiKI+67klFbWpntwdE120ahqxVXo1Ts3NX6bl/XtHxXcheemlHzhruLJrlQ73j7fJRn3qyj
qtLZ89cYwXg89humvS9IWd4RIFC1aydLxFikpOF+2cj7mFMxNcyJtr11k2fSsCIV6LYnWVT
3qdy54TGyH+n19kVfM9T0p8iEpGLxnYodJGwteUeRWLueN0P0rX7ev+oa0bc1w+c6zY3lm
W1louZLvHyRnjqNZUvB43q96G08dpodQrLZlClpjknhVJteM9aVKueYax8n8bY7S9UcTE6Vz
s/Q5Tg7KxqtGOWsWD2m3CTqw19VSzg/gytXj1f0bTbVAr7JKHRhbC0dcGmTPIW/9+Xy0wpSY
MqerNfqiuFzVUtQNY7Y2LUPtTh29sYy69mTPP5RVdZxVli8LYs6+ySwG/VW5Ezb2KlUqVj42
M8mt07Pj+4T5MnyrRf8AUuruV266dfoysFvNgNOHfGC1CbRfAujcgV+QaT5XIHkya4JuDIV
BTktcl8WXWB9TND51W1mt2HlwXbmu8joovl5fryiLCWnudtszJedhEOTp3Wa11K23dzrdxUr
GrZUmB/UKFmpdm2eU9Sc5r9PWrOIFYBCjTa+oPx7XmclXsptpkP86bHyR93nVH0X6RcNK98V
Uf7Ms2avUI6zOdbGd9fjj1kY63TjDdE5AkyTj/hunrabTbzwBdvL2nt62TmYnnIKRyC4yULM
McmxH6nIsPa7X+TbHSFXva/yynuNmdjZauioFURsgjauxXTej4Qpb5VQsa63f67G0R/qFzYLm
FJ5F19fcpKqYJfmdzUTK1TY5Wr+pLALuAfURGOHjNBW9CPIUT7ayvc5muK9q6/j0okNhq6ao
2mte6rFNrbNFxZXS MKpu13HaOo2EHNcnLbrJzyDXRb0tafTZhfeH3TdgrJkp1LmZ/wBMu6t1
DAmKQxh6w4gUIBe1agpj771Z5rBViUpOwM5sfBamzYH9NIT13wLYgdzU3NdKSkC79Ts35kF3
AKhqmyjA2FUyCi1lmgM5ZOVgDxe/yfYFe3SapWazZVWyyUsEfpRFB0X/ALp+xyDKc/45qme/
XbOkqq6PvADGfuzr1qGlvRJQ6YlePWj2tu2BVGWYDUVcjW1YwKChyFyk9d5DZ17K+6TvaBUZ
MaSWjrrBexRaebZ7mqrVbm05lklvYONfcVDJ+tS9lbsN+dY9p2YpZb2i7OWX9xbMnmtnjYSU
zC+PTfmwiw18HgWymNfbkbHlmtZ5DW2view1bE6HYWCPRbQrRiSy11Ztw/GrDWbZteAbP1ji
JtvZlOk1+vrFcLyVpVK9HWdsa6GSgVyN23LykpyZwJ+5/dHi5962xsfKdAwOMPmK4+2yT0nO

x3IKgZkT64EScgnjBEcOYjO2AMOkkgD8e2fZg35TiWQ822RHPLj/wDyJaCkmpHEaisQpt2z
2Ta1UjivWVvq+yv++yjs6d3XSttpPxnVz6PfsYsRrKHifJ+ugyXyK5IRmVYKtdjYJnQNfad
Yeyp7CsePa7Y2dfq1eP7zTatOt3Kl+41tm1n6g5Ktxbdum6mmpWMmLbXOn481xio53YVJ6g8
PuY+4+pA/vx2x8e51lhSkJl6/cKay65SovWc+wgmBiDnE+2c7wvPIRMQznJOBxmwWTKrqrZ
r+6i2kLraexLIJ4idk/17BYDUTrtaD4tEzZMGsmPgsfLC8g2uKDtNNfQzb7dr9sgP+W110kq
1WYebIvhwzraVu6FWSuwBvUsFu5wEylbrDELbsnNTEIHZO12rp6S78MLGOSKx8rd8NNGqKQ
ut9FFhRFV/8AIPYz66ih9hXphC2MznOoc4+wPpJ+QPKI27DxZsro09WXZtdpN1sNFQqsrbgZ
FrphuT6580YO/sIiK7Uslb6SQubmw7KMWLOIuO17Gbm06qhXcxTN605g8P2HQEQVptu9Gvr
cy9yxiNvVfbisLPNcP+SbUqps3nws7j2zHIHC5vVtjCs0AWKGTU1SxEY9MF6zJi+Fuo+
VUSd2+wY167u1GksRO7c+HAZBdsf+5NdP3sH+52uVmwb7XlnPODH1P8AAfcFHWKlebdhYrN2
yvVEVFIUDNINaRscLmvsWILLFbEXiacHYfvhlewO3Spf4BZMmpWq01u8hrKFu3I5OIVQguEQ
yKFaX117S46/FRV61LTBkLwJ6pe3rXsx66iR/wBYP+dO4pNZjmPs2rtwyZyK/n1ZynZm1Wo0
FUJnbSQodXVFUVw1vsty6sHVPKx3l+Voc39TuVKcC7aO/eKpYtieQtA5sEjXsCz11WRPZhc
YuYiQMZiOJxf7SfOauPUtlzra+3txgP6YvaGvP1NbMkajJrV0A1Ta5rLU0zN9EM2NcFLguMj
7xdQDwaFbEa5TXbRkutesQlj/IMMiedVELi9b+u3fKqvc24fGP5aW0/9k59VKP518969w0ln
tIZtu+VWR6pksq734EVdp7AbsVLsULZLxb+4TYtYOsMoL7pV1bfeVqVPxHVD8e/RDXVKoMa
2EqvcsQs6v+RtiZuX/WNVNphSRfWKCWkQ+rFF9c/uOexa6uAjb2Hsgy7lnrLISc58Y4j+MW
wxwdbiMXNiJsoMlh15njkaXmWqzAzxn9tigv2OvP5z1zEKrQldm72hzZebP8eUU+ixnnduuX
7r7P8+w2v+OriRkBlz1FQtDNFo17EvIjrpsU9dN4thdhtLWNIZUNkNdVPb2sqeQDBN3UtO7
sneva7Cva22u2VJRbvZ1bu113xs2dzvOyZziLPWtSX+2w3nLDcWESmGrULrK5gXrGknituy
uuXO2VofVYsywF1iZKdeAZPoHFjE5aDjD6DI7P1QWzaWHaaeTPP5ieMG20c1FmSlsRUoU0+w
qy+57e1xj3ds11b3vTW+VdvN4iZ+9KGUkzJbpe1mu/zQK+Zq11vK7sJsHsNZASd+WtsAS6S
tUxahtlc4rhi+tZmpVrjV7+UXaMoronm/V6ZTtO1r7nmW1s5+p7DHBexMjtzHP1W0ElsbBYT
zPO8/nxzV/q+1uW/lxQgvc2QVku+xtsiAXYSuouth2iLGenpEpCffw4Mwn8gvnJ/OhCXt3B
+w3MBSVH60Xnd2Zqa/SiUDr67T5yPuaFea2vEYQvt+Wz04zXnK8h0dK7vTrFWHxNqa3xOik6
x61e7bEy116nUu2f0h52Vl3aAvnV2hLtm6pFeKtcrNy8j0qth7S+BbgbddwEARECsnEUcT+F
r7Y8emeGLVW1nuHxNkMsvPWZ5W1li1Ma+rr8dsJPCFpYSTzqEZMj/bzgFAZz+PFFft2tjOnW
YR5bP1oMuxBHJTEa7U9zttHIBHufZKO+wsYsexWU9crx1mhEPiyEtOrr3bQGPHAQ22yxZps
vbh1xp1qFiV102FWm5qYp816FNxfZb3WHcsaysnRV9huXsPXP6Ft91sHJjs9tbXOVHsxDXp/
NcP3WS7M0ISrTRNg7IYDhhY7EmiFdLMjWDOfozXYHiFtuWvG2UYanpIgrT8aAguOcAecn7/P
jo9NLubPutUA/ds2/tzUVvkWvIGy4i4rKL97NKjPFI/Jgv2BVTjV9wH6mq6UP0r3WXu2kpsq
rRmwsIClqVey3qk2FVb2jN8aTXJDHU0hstms3/vCxSGXfIZqZZ8kIdf8ANvWgq3tqoF2/Z266
yLU02dzCstOncPwse0/+JXo9j6tpaR3DrFSC4WGRPGewsAhmBhU4Pt4bTsnhUEZ8R2MrGr8
n+0YiZzV+Mt2Mbfxdupq6216/HGfubTjQn5nZmaRPaXZnu9885URNh1wloVyiTzldKC/2CTf
oi/fJ5Vepyr12bsVK0kNuk+HTfGF6tZIsWb6gtCNI3WCs1w+VVXVGBIuyiuk18ailrRXuX3T
ZoiLD0XE7KhYpn36wRSzHGRHOIHIT+2aYfduV1votUtjxrsZivHm9W65YT8VPAJq5NRM5Nc
4zxsMp3LV5Y28vlrJYWB9Qse5VT5uL+WeTyyuYfH0s/+aC9VY57EgPY1JdB497dhIjHj1L01
9m2WWVRYdqP9Fk8YU84f8Qf0JzGaZybKLNcvb8m1ZhVZTyvoIpXpxvVtYt1xM1Cr6/Zaley1
cUjFi9gOkp66vZ8jt63Wro11axTp2VhKC2NI2C0SAx/gp5lS8FMApv7c8Lp/Ju1q6KsCYg4n
yybsGyBXSAAVfppSwNcAyzW5I0MkUzJoDJj8esIXJc4JTEdJhWnmz6t+3Y2Btx1pKjs+6XAZ
rx/yifEBHx6/p+ZcZMJS/kzqF/le6Jr2T/dBYX3HrjB+sBxJNLQuBW11aK6tpPt2dfsZQ226
ddK8qwIrmwTWAGeXa2K97ZNEp0JLISXCeXLb3s12nXXzd0wWzyKtCbo4A92ev97R/wAl+pJj
4i0aNWlArqTPp8Aeeen712tU/FatSBusqrgNad1o6BdVbOvsbpvjoeskn0nqQ9Z/HsLppag
2o3lZtTLxf4aAd37A+W5WjotcfT2Zoq/Qtg3hMMytMSVh3JMLt+I/jnInOe00yIBUqbH2hvd
oTy7Ca8aldK3rImLy0yBhhLsKu+Pa2zn6KISlblePG6ybGt8g3tbSwOvJpeRakbVQY+6iJJ
tP8Afajr7G2J60K8zrAaTrVppNyQ6xr9dL5PZ09UFndvuM1tH5j7/kFenBMtbV2q0lbXBa2E
7ja+QyM3YOYFvUq/4jHKlJdyaWx/aqr/AK6DnsSx7GEXe+8IztB4p6qNa7dW/DCcj/AojKZg
85wf4L8JCIIn1O41qbC2SY110Hs+Ot7asLfECq2Vys+PmDFOK9fIdbyguadb0Jfcr789VW8
YqwyIdWoV9tXIn7Sj8C8ywisP4AEHm4+n+OjVhalO+O8yOy0R7FYvT6wSy0yKwVgt7CSXXp
k6acL169rtjBhJyZK9v0TdcHkl/iuvs3ZftioPe1fn3FcmFD1mcEuuTMnM6slj65UTAMyr0m
2TOGVm/JZOe4pztI57YwWxgxLyr6We9aoAD8n97doSVKKG+w6q7ImizzIf6rvfNjGXBitYOWD
raY6uo3ZV3qv8qy5TP26fYIUUVW2DKuUtV1XuNyjYobrrCmVdUTjoUNfRzYXVXVau5zUa2Fmh
4VRsWvXnYjlpWouxkKxKEYuekWrnSJntPja82CctB1mcrD67RhIGEZUj/Y2n/i1UR8phdGuX
9aip72OV1zx9UN2Ua4XnapJpquDUk89RroB23o9b3wux/E/zpbIBrc12s9x1mihc3TSJ7Nr2K
tTZGzsjbNZ9+wJWJWdJwXJKbtFVeaDbfE1VrMMYtfkJ1pm6zdPuYq9Nda0/0q1qL0UyDbE03
ur1Q29xjb9Np2Gjd19WUubmbi+5V9p9WTQ4/jz/KCEIYmWZ9DgzH1BpdiHPH65qaHzs2dL
4Gyv1DKjb/yPGOMox/ubj6WDJXi5ljOjC1U1Qrou9AdpE83hTCgmpLmyvuVNP23/AMt8KfAI
RHdyxZ97dNWg2NYmRk5VUs2ZWyZnJ6j41aA16cV66YfpgtVqzKmj0/Hnljq1i4gsRIYp8jb
78ZZmWLAyYdizLZW74suvVqcl169oux6zG1VIGI55o60WqfTKsXoMDlcDELI5XW+rViOB/cQ
z9uPkj+5iM0v7V6SwSG+QI/UquvH5OtZ+zCjjNYPL95PDQjtilTOUIKq49ovW85be8P1/wAz
YvmujJcd6wNaEQZ/ECpX9x22BXVYtz16SwMr1v12t+ZdfWM0Rvi6S2RrYZdbXZECsYEmCZd
IsuEw+Q9shsj9j6WvddX2Ej/AGK9sHNppFhM4xjeGLSGwAaPxis35tQQz1cQxldcuNDNjXyL
lks8fsw1zGFpD47ZcsRAYM8TBcZ25VgZr3wFfU35ItPA2H6cfiXvI6Hw7Y5WvFVwpO65NMP0

rrAQLIcwxTIZaRPy/FqKqOtY09i4EAhcwObD/JJ2+q5rNtHeEFzUpczQ0sKkyFC3XH9a9Rlt
9yFIR9PU/XP4DXrkySkvc+yDmdCWhMTMGqYreyWpfeqrIFzsavILGrGt6VS4GTRbEzafWrlj6
9nswVFh5vYkZE6gA1f0Gaj/W2DhJ9l0z7Gf8sj8f/p+A/wDU1P8A5dT/AO9an/8AMvIq6pX5
AlatqIDmsGIToxjHKD9CbHGcRi7SOLtf61NMYGpx9v8A5vz++kMSbv21lx90Y/2bAx8eRiD1
4xzajnf2AjteWHzaaF9VxE6xQx3LHv0HtxHVMQShAcQsSysA+qFBGMWI4sYzzIzGrWxkz6d
l9u1ACxmzj/Z1X/t3v8A09WUzSn/AJ//xAAUEQEAAAAAAAAAAAAAAAAACg/9oACAEDAQE/
ATff/8QAFBEBAAAAAAAAAAAAAAAAAaOP/aAaGBAgEBPwE33//EAEoQAAIBAgQEAWUEBwY
E BQQDAQECAwARBBihMRMiQVEyYXEQIOJsgQUUIJEWm2KhscHRJENyguHwNEBQUxVjc5KiRIOy
8VTC0uL/2gAIAQEABj8C/wCR1PstW1a1cGs1ubr7CdyNP+q7/gtuDWZCD5VpWVkfHLt7Nf8A
qHarBvZf2Bq3qz615V3FbVtW3/TbLW9at7Lb+0e0covViKKuNKyBir+fWrEa+zT/AKeO1Zq7
D2D2aa1zE2oa0M5Q+Zq9xcdqsNauDr2NG3/SrkgDz/AF/fQs17fh1o5BW5rVq0c15/8AS87n
KvepoxmkWRA8eUX1FNG2HkQqB4lft86Kniogw0OtOuGWR4V/+obQE+n49/8AqBRxdTuK/sWM
kS3wZrVlxM0rOunO16xESwDiEDIPnQWNQi9h/wBZUHVfBEUuEkyrHjSImkb4aeN9GQ2P/N2/
518nitrZjmY9Tnsag+0sMuSHFpmt2YaEj8qItXl/yd/0mn/IntuPZN9lznKY24kL9jRU6
Eafj21omsyjSuYf8/p+nPcV6Ve9r6VhcfDIry5MmJQbq3f253YQwDeR6W5nxUx1sCBQOFxXD
ktrHPORVjV6s9WJFctiazXqw/wCmPbe1aeYdGBbjQH2Kg07nyp8JCB91U5I418utLPImaEi4
N71mDZH8qUSNmlwz8I+nSubarii2atfZcrR0o/jDKNK2/wCW1H6U9tx7IZ4bExrqGGHqLEwC
0GI1UfKeq1Ib5J8QMqjrbqaXLpXD42ZSPCW2rM9Y1QNPvA//ABrU0bUfbaj+gCsAT507xrZl
3FHkV4taC7V1vf8ATae21XtW1air/hzdUo0MvibepsBJZhMM0QY6CSmjmLZxvm3NBqhMbfXh
jPSoCttLq2U3rFlf1RK/+6tfw7/od6X5W0NGw0o6Ufw6Vcm/6DbT8ZzVpWY1ZPFxvFtW1hWn
4WjOzC1PG45kNjS0pBtrcGvuWKIGKTnw0/X/AAHyrIRZ10sasTpR0sD0pL6cWRnH8P0+tAmk
QH9KaPaQbedH2X6fpNqNh+MUPZarCrfiXFKP2X/AJV5g1G3b1NQ62kXlv8Awp165X9uHwGP
91HGMkeIQeEdmFKcPilsQj+CzatRVkZSOHh6bWkdTqpvXEibhYsas19/MVlmRGPdhU0eNmF
+Q6VaGTIEfCRY1b9Ib1y/fGrCrmr0T+JkcXVhYinhOqHVW708R2YaVInU7eopJvmGvsuPyo
lWFvOvu7OXg/h6UyPJFK8YsvGXx/Wo5ZwVllXiG4tv8Ap1OYj0orLbOFuHpbalTSvbVtE1ED
VDqp8vYf0RH49WGIgrfoso/WDwN51dgVdTYjsaEg+tFB6ivMUX3HWrgWJo6bUqt+rk5T5UPs
nFN/bcMv9md/jX5P6f8AIA7+RrT3bfurLKM479RRhlHEi6HqPMV7phMPLf8AL2G3tt+g09qm
mSrX9mc/ojFhznn+botScVixc3zGsjVFP4TvxGUXHW1c65ojow7iibMOjfmOhoONxX7xWE
+0cp42EkCuw38jSfa2BbiYeX9aF+Fv8AkN6DndDlqE7nXWr7EVkCBXbZ1H8a96v7Cf0WIBa
Y+zWrCrfjaSRgiLuWow4Q1Yur9Wr+dZU/OkxK+NOVxTYeU2V9j2NBZBmgahJEboRdTRiYe8i
uV816imU0L9a+2IG/wC1n/KmwuKN8BiBlcNtTomsB5on3zL0/BdUZh3C/o1RBDjRjZuPMxBy
DYVvkZEY/LbQUZFKw3A2rtQnXTMbMvZv0tqU0V/RXmbn6Rjc17w5Yh4YxsK7CrDQVaiP/VSa
Gsl+VtjXAxARpejC3NC3hPahKm4oSL4W6fyoL52rEo20sTJSKu1S/Z2JIOCEZZJH3ibuDUU
sMzxEMvgkjGhq5wMpHkL0q4tvucAN3aTew1Nh3r7PFBjJHh3XKsMfbpp1qHGZMLDLOHyuS7Z77
XHf9CK+9Yj9c6+7j6+pq5PsKvqpFiK1kb1tRELjEK3iiOjH0oiCTOf8AtvytWV1KnsaP4CsU
bSMBeyC/4taDPv0X9CSSAo3Jpovs+0JaazHYelGSVY8jdTWdtFrTRaLHYVf2WY7Uq4kZWY2z
96tcSQnt0rLmBB8LUY301/KnPYilcdGqQG667Cm4oEmXwxton+bvQllmlxKg5ivgRj0W3ajN
JjpVdvjgjbKo+lm5csxut2N733r7LkK/2nPwmcnWl3qGOGUShNWkTFX9CftCbXh8sanq3+lyf
GgmXITFK3btf8G9b171xHMPjI0b1864UmJF18L5Tp5VsZI+kiC4Nfqn/APbXvJVsOiams15z
5corhYENh0vdmDc7nzPs2rUvTChrO4GRRf1o66mt/wAefEyWJ8KDxNRzf2fC9l/60Uj5mriz
aDovevKrDwjc0l4/ANB50FG/sF9tjRhJ80am47tPij4YojoPWijxMyHcWrlOZehrh/MwN/Yu
JiXQquZaKpb1NZV5sv8AGs17VeNrMaLOzZex6n9CKxYYaRORt+0dx+VESjiYWYZJkPUUUDc
SFhnikHxL+Het60cr6GgeI350zro1rsn8xV19uli1b39aLff6Vv9KtVvxtHhLTzDxP8AA9a
aVr4nEHeV/5Vdml8hX3jE+P4Y6uayrX3WP8AWnxntWc/Srn2XFAN4h1rKlg1/F1rQyk9Mt6/
UPmPUimlmPAhHUC5J9KuoYX6yEfyraYrOJFITKfjPReO8LHe21X4kpr4n9a5UA/RHO+SONe
I7dhUeHw6lMLF4VO5PzH2YAg34fLfl/Qsw+FT7bKMq9h7Lk2A611Xwj2a/izStbsOpphI5RO
kEZ1f/E1WC5E6RpsKGca9ErjTay/CnaszUABcmjO45/hHnRc6knU15Vb2eVRxM2VHbKTUMMC
R4k8P3ltTnvSyYjCXXISNAD/wC417uVf8o/rUkPG4T6lHk1Gu4rnxUBjXVY0N/4Cn+zDLyP
7yJemb22ok0dP0KyR+IdO/USaaRnmA+W/StDkjXV5DsopMDGrJh1a/G6k9yKyilv+0uxoo4
ysNwfx1ANSbk/guTYUFHhH4yzHKO6mi0VuGN5X2+neikN2zfEd64s/u1896EOETJnRllbi
Ylv3Vnb6Dt7Di5t112vRyH3Y0WrmjVhXIXDT60q+dH7sBHIF7imlxTnFP0EkhWIMf6ttu48q
uOu1KpAzKbX8qSaI5ZYmuDSYuEWWUXt2PUewsA+nTgj+gibswP76xTstkjz3zHtXAIvHhx8P
f19mXM2XtevvFssgY13np+iud/0DQ4dPvE4Fyo2X1NA4llxeK/7K/q464knu4vmbQCimHH3i
f56CzIF7DYVlj5per9azvqa86GnINzQweHtw1HMRvgnKttasq0XtZBu1GGD6mlRFLyubADqa
nEmWTHTRiZvl8hWZt2tWJTEQCzJ/A1Jh8QOJDfW+4rMpzxnVHrLtelk6OL19w1mO59Y79H/1
9lqWtN9qP6BPtDGSiHCl+nUyEdBU2IfeR27e1UG7GwpcJF+rh3b5m6n/kNaaDDkxwL+txH8
hT4L7HjyQnSSf/Wi0tsXi+19r1lvw4lWgALL1NcKla9TWZtTvhQzaCjgsHbPsz1ytbXrXfK
a9FU18648x4WFXdj1r7nghw4RpmHWrmj9pTLvpAD/wDIUeGGyi5+tRDtX32A/q1HFXulL9q4
XSQ/rEpo3XPC3iSleM54X5keiN3hP7qRIOV0Oh7VFif73wyjs1HyrStB+hhwCaQ4aJRI/aFu
T+CFpNr9e/SmWVSH/T+VdsKNh89fdcOMmFVryyDamwn2dYG+W/8AOizsWJ70FA5R4jWSMVC+
wEjSjh8O3N8T0W+G9Z5msejDxGst8sFRBS4jEIE0X5qEJcSS/DCvhSs7msu2Di/WH5vKtGk
aDYdBGbeSS9WpZl1y3BU7MO1Xh959nT9G3jPymhiINYj/8AGnw0vgbVfi0qt4JOQ03amwbH
kxS8o/aFW71r7NBRuPw5oIHkW9rjao3xUHCw0bZnaQ2FT4h95Hvp+FBxGaNT4DQniuInJ5T8

J/TR4SM2kn3t8tRpHo72UuBw5yvJq7ewd6UW942p9o0po4yB8z/AMqMspyQDvRTBix/7p/1
W5Zj+dDF48WG6xf1r7tgbZti46Vne5J1uetJgcKlSfE3YUmGhHKu5+Y96cDxynhj+dQLbbmo
9hUgPhfTL4oW3B61Y82GBR17UJE1hfwmip0cbGoZurCx9ahxMZtJCwcfSop08EyCRfrVqsK1
rQUdPwfZ+FVimWHO6qepoI0jso6E6fjnh+KP3q/zo2tYbk7CsrGWT/zi7W/KlcHiQPqkoGh/
1oskbOo3IFWZUW9mFv0OToqKKVfhfFob0qCtRtSjf2XamsbHrRZZBsvagg0QdKsBQxWlTmG
ov0psLheSI7t1NAndqSGFeJPKcqKO9ZdHxL6yy9z/T2QQg/qxdh5mmPW1qy5wPSja/hJ2q19
Gqx2Oxp8JN08BNG/SpoOtuInrWYU2FJ95g2/+Df61nPt2ratqEUK3ffWkefE4bgKbvaTpUsx
FgTZR5dP0AkXfsdjVmiKDtEQBRngl4qg2YEWK01gro2j1+qmlWwjXaNNBRDPnU2uG1/Q4tu
zgViZTvt7M1XI5Wr9mruwFGPD88IFpH5e1fKIWUVxpbZugrIvgFa1rsopvtSZeZuWEHoO/tl
jlgbs3u+uYd70wKcJRvY71oLUn76ZfOsajp5VmHTrXEW2Yb0rD4TTxX0OqmkWJc6OjLMP2K
sK86H4MXiB4ivCHletqOlbVtWv47P+qkGR/SrFSV6N0NAtIqN4Waxoq2Jdcfocd5yGp163ph
VqGd+SiGcXHSisZyJ5VsT51zczVtXEferk5Uq9TW6CsPggbcRub060qluVFFgPavCA+8R7eY
qWOZckotcVakJ1CkE1IUTS/Let8l+i17uVk+tMwezHf2wYgHIBs/+E7+wEChmoEewAKW9K1B
HPLpb26irqK2rX8fu5WX60WY5j3NDjExSj+96H1oXsQdQy6g/oMX/wCoav8AC4rtWfEyAW71
kwnKvesgzSv1rPimGb5ayxjKvsuffWwT8vYZDsKn7tUklrrHCx9On4cUW5RcG59KDb3o151h
3lqz5QFspr3WEjLfNIMxoSQA/dZ7lf2T1FeXtw0jG8kPuX+n+ILYbUGWrGgKyx7967/g1rLa
r2/RcKZM8d7ix1FOI7hfxu/c602Y8lsymkyP7xxcjtTPKxZV05B1X5qMGEAeX4pKJdrn2edZ
j7VHc1M3ZbVLjXFnxTcv+Ef6/hxMirxE4hEUfzW+I+VHM/Fk+IjYVpUUI8Oa7eQrTb2S4V9G
OqP8rVJBKuWRDIYH24+Blb7vIkg4luUMPP0/hWX7zGP81BZMSt6vFiUP1q/EVvQ0fwaey5q1
afouOu40kX+f48ZGUPUV92lNkfY9jTJITxb5KEd8ka6u1NFB7uLw6dfx+VKi9KweFlBLDLKok
akijXliDKqjoPwTSprLJ7pPU9aN2KJ8TfE9Kosq9hRRdz1p8Y45p9F/w/gP2hAtsXH47fGKS
GJDJK5yqq7k0OLHH9o/aHXMfcw//AOjXvpyV6ImiD6Ctr0AikBCKg22qJjbn3UWq8eIYeRNB
cRzL3pXRhze2SMfDb2mjWn6Hn8DAqBvVmXow6/ixTdVNZ10V9ahWRxx13v8Y/rUioeVhVj8
J/DrVhpRRDmasxpUjVnkY2Cruaw0v2lPxpTyLhlt/wDM96GEHK5iElj08vZpX3YvaLDiwH7X
U0vMmTe96Z9MI7aVwY/8Tk9BSRoLKgsB+AqRdToRWJgwRzTOSrzd4R8i/wA6yir9O/s/yGIH
agYz01WtavG3KfEtR5zchTP2Pn7MdN0MuUfQe0/pOhHY/ixvrTL13FKyHLlUoIoJiuVzpm6G
u4rTb2XPszGsi6Cta7CiuGtEzaNP8VuwpNTisSvGd6rGfmPc+VLihmkmD5ye9e4mV6m6psw+I
PM2r7Ivc08jtmkka5NW6Co4Y1LuTYKOpqOORVGLfmmI/hV/wMyn3z8qUWvd29nYDoNvZle0R
oWtXf291bcU1zzKuh7iuL/3ZXf8Af+i2/R43/F7Lj2WkHET11Fe5fifs7N+VW6+21cuprX8
qz4nlPydvX+IZY8xZvgj3+p6egrjYpgg6RoKsnKDSfac5IAPu1+bzqB/70PZfTrWbwsKNIFQ
SEfqwzj2Wq/t4IPJALfW5256aUT7OHho7920Wp5JZeNiHTKQRp+VKjxl8jaImQV93lWuGBZf
HCNRRU77g29nlWMI2RdD5nSsEnaMfocHOB4kjt6/pMe3/AJpFGiv5ewK+xxriR6irSDij9rehl
bL5PWot50KPFbIo7bmiYUVW/7jat9KzMCifPJR4Y4svVzXN171HAP1e7nsKVEGVFFgKw0HRE
zH61cbnyrbQ0ccy5YgmRPM/ixEh3Lk1cey3hjW2d+svS YXCxBVQ2A7nuakDK8uW/+Cnxcy5p
GPx9qjO16mA7+3YIsRN+4UYSbmLRT3Xp+ht1jb9HicSx8CaetSSN4nOb25xv19nDc1ddPZpX
Np6aVabBznzSaiMD9mhX/wC5KczV0UeVaylB2XSjck+tcSUWxE/M3kOg9mKtspEY+IWoDyrC
w/JGPwmpc9sPGG8T779BSmTG4kv+yFArNLI5pYekWilj600AhNpWALAWue16ilVQWnjGp+Fh
o16sHJj8TyNu57mpLNbKba07f5V9am9fb9nxcnQcS3n/ALFYa+zxN67j8eg9hHTMP36e2wB
J7CgJYyhIuL/AI4sKvxHmfYw9grMu3sA3rX23yG3pV65R7BiJf/seHN79HbtUOHP6yUFh9KZ
zsovUkp1LMW9mCiOoeVdPwlnOVRuTRdIli6DvWll1tSWYC2lRkrYK2tqGEvkMt+Hm3EgqTCs
i4afQqo2EgH/APash5WGmvSiBooHMSNhxExHhIOW9PifiPsgH944X99OgFjHEsS+ul6ksfA
yyCIYdRevu+HOUXylh1Pag1y3k3WlkXY+zM252Hemdemp864kHgbdfIPapB+yaDDY60sSC7N
pTCPXL4pOrGgrJmjJsb7imTt+In5Raj8tZhsaT3JBB4CbH8qDSQNkbUGrHUdjXLcHtV48NK4
8kNa4Scf/aNaxyD1U1e9X4jfnRjcBwCXSUd/Og5WzDIYVmc5cFGfEN837IpYYYXFGuiquwqN
VN0hRk/dTRr+uxN418u5ooTIJ2PSmV9GFcXLdYy1+x2/AzucqrqTQdjlxWj/Or+JH8ltSk
vw79en1qPmBVgMvr6UBJcrmdmPwsPiUV2VbOyb3Hf6VHNHIM7L7vOLK37Ne8HCxQ5S5Hi8m8
/OuEufDt0I+LufOhEvKg3tRHswS2uEOc0wvo8pP5U3+Gkl6rDeoZ2sOQ+LfMaVWYqT+1Ui/C
ecfX2cHPayflUsXFicsNGBp45Lc/UH2NEd00p2kiUWY5j0ubU8UkZEAcqHMXbrWTD5hcZhIn
hP0oXIN0BuOv4n8x70OkYZg2SHMNM3f6VmbVn1Zm3Y+dZbFoPij/AJrTyomhtzmINx3rjSf2
nFfFm2HpVIAUeVb13r9TC3+NayT/AGbh0kP7AsauCRQmrZdLUOV8rJ0ftvUeHgVYMOBy360
8xOVApIv1pJT8rua+zYRIzswfN5UI+GnDJ1PWiw5p4Bf/HH/AKUcWxvLize3yqPwNh4D7iI8
x+Y0gU+TCoy2u8r3Qtby0qNjIy2co6AZiextTQEtXfbiWfrkX01p5WGeRQpjtylr6gUYLPI
ExtfPYkn+VTwZFIKmvCfsL7/AMqSYsUkiPDZ0+Hy86uEsl/hOla+3EYltBGlqZSdfJt+deoq
Jd7x3ArDrLjGixRIZjMr2zdLVDxsf96jJ3cZ7fWlinKK7oFjZPCx9mMaZuGxQAO+wW29TS4b
Gk5WsjqrUEs6PHkYGOrfyrS7elSS2Yo1+UboE DmzKyUUPUCjx4UiA0AGtRRIQi5vF8vnTwZ+
KsQyJL8w/EB8WXWjlf2OgHnUEeQZMPHY3GufRkXBWwY0CBfptUsMlHkPJfsagA/4bEsVjPb9n
8/4+zll+tzHGRRv3GtHCn9qsuJvH8yG9KshuuInXJf4fOuBm92j5gw7UsTEiKpwnLWIVbWiy
Zh/SpZXdo7R2UrUOHZUFkm400vb+ICKROJA3YUiqOLFJzlwHTqKwclO2lqTsTasvXtS4ODXE
z9twKEOYZ5F4h9KnRd1vxAd9eoaqNit5igMffT0axFpM7S2YJbY1HiQqRHqvW3W1BS90ibOk1
tNelRrW0nkQIXYNrYa2tUWKzKhST3kUfKcv/AO6GHOUIPHw/CfSI98oUge7j/BjsS396SKxL
jbNI/Kv3VFGPgUCsVxhJ48ytGRtUUN7511zb0oQscutr+E0qYtDDKNOJ8LedYOclEwsSkySv
t6edGT7PwyYCJ9TiJBzN6VmxDS42fuzWfPhzAiK4sSBzDzqXDuPeRta461mViP31FiWiGlg
W8fiSuGko4JPMXNsgoCFo5P2kPNWn5fgzdegpmbUmol11bpRSOZRZVY6+VFsRiMPhderan86

yR4xsY17/wBnXN/CuHhfs/gaDNJiXAv9BeonMi8SGQTB7209aB7i9aG1HNlKUbqdDR5syjw
sw/cTXKxjEi6hj4T5GjH5XA8qGovVuLioI9OZgNfTzD77HrWd1Oe9sx1186VDY5u460YWT
L15h0p8OUZr3yt2NZcrGS/XbzqaaSyD4PCorE/auJH646fsD4RTYhtCWyLm7Gg7lc6ExZT
/d9QfWsr7vkvxOEN1PeoJgoVshBIO58xWYq4kXxRzB6eVNbhRow14snSjIsyz/sMhsaOOwY4
REK8aMdxRlfVzreoLflV/b9mxDQyDiH+NE9WNJpeOL3rfy9jjCHIKX17gZgTXEKJz8Tmrrn
bFSIEKjwhaMgmWPDJ47R/uHeljJy4aLIRKQNfEQqMvDY7DypZ8Ocw7dV9azWt0vbeoJApBeO
xuN/Zhr9c38abF4RFDgXdB8dcWAnDS/+VpauB9prx1H6uYdfwDUBRWrVEUOha2anilZ58unK
zMv0tRaLBLG62sGhAzfU1InxWHjdR4Ve9z9KkbBTRKmsS2Z2yBX63vvSRz46KUSjWBFuFt51y
lfrV2mK/4BpWkstzIormYqdTGOtWe5GxB6UZIPeW8JHSgWctlxBsOvITHqfPY1hY11Aux+IM
xUOA9I65kCG3iqPjKV11Dd64ipmXxXFTcRWcGXXTQ1mQg+tJhcqE4lwGJ370fs+Mi6crsnW
o/8AtkcM3O1LgICPLfvpfvWJLZy87WcldR3pTE1wx1D7A96AbFySki/Dh09aQQ4ZlhfXcXP
nrTJicskofKyLaH4r9LUJmAjEy8ut84v0+lculRDy9mtJGN2IWhHhw+Dt9TpV6Xi/8RNzy
eXYVHh4SUKkXMzhh5RRGFhkiTNZXZrBu9GPjByABdRovera6/nUGBjXII195bv2qy6exZoD/
All6MO1R4iE8reJPlbtUDt0lsPyomsNGy5SibUPKjCHzxtqw+W9APYjce/iwWHJszyE37UB9
7xKx3sFj61EJA87ScwMoJyirRRiGNWAYI9COwqeB2W0bsBmqKcIGAA+Xa9fq8o7Cj7pvUCkZ
n4bLtnXSveQ8TN4WT+NCWH3kZ+Nf4GlkEjI2pRNx5VmXKL7Abjyq0qIT51iZraRwmh8cl76
Vcm3bMtCxDG91A3pGuySK1j6Um4kJHnj38tKzSBYpb2z9/UUcc654cPyxi27nrWRebETqZHO
wXzpsLBsxFj+1Wfi8OUsMp+VqxIkPA+0V921lsH/AGqD346OzJz6Wa1GHiO7AG8UCWt03pLL
FCoW+eV8zfTtTjHqCvilBkM879OulCO0DmI5c02gHoKmW1lzaaUvpRYi/wAta6tWBTpxc35V
j/OVlh9KXHYhbYdD7tT8Z9k+IaQCVhyn5R2rAxK3KiX/ANa8r1xDqsXP+W1R4nFwifET+8LN
WuDi/KiYUMMnSxOppL54h5bUOLC6SjTXYioxprN6ij+DxN6UaMzan4U+Y08r6yscxNCORTV
2Nr0WOWrlYGjoRbeuIDmXypUblBFSyo10TkQDoO9RI4BVTciS9rVljGFKo5yxuXzDvYUgdmk
dCWAgQqx/wBzr7Qcg5kluFY9CKIT4VJH150ru4i08VFlxMtj1FPzGTW+c9vShmiJfr5V0tS5
UVSdMpO9OsQyQv42XQR508DjmbNq/X1oiM5kLaN0nfak7f4b1whFkJ870M6NKB9LVbEKIXsG
4ouD6UuZOHRrZhtwAk8WxGblNKJESZGBzWuPh/rUeLwyGT7OTTkdc9nrE/dwsgmazf+Wvar
yHNntzr4lpndkHwsii/h1v2qIqSyRfFbf1p4yzssrcRhbZu1IMMjhnQETKoXKR3p1M8XKc/A
w4ux781QRClOXmgW4AZCfjbpUoWIArbNEvT9k9zejJrnXwE6aVw35W8zXjy5d77VKmNw/GSS
MorHTKaOKxTcSFVOQjvSCaVeHnabL8AWa7URA6sI+SydPKnKgtM/u0A7mg6m7+FjUB+WLLV
/OnT/uukVBRsNBXvp0i9TX/FIKypNHMr6WBvekU8TFTA5sifCOxpLBopE1bDt/EUxcqWca+V
Bp9Bv50HflQaKg6D2NHsBXCKyqSPiTSmaGXMnw1Re1cTiSoH0uANPwNdJcik6q3Wngh9wPd
56yaKT3rljkAAGiRZh+dc8U19TIXTI3qpm4dIIW4hYmzLbc/XasTiMOiyyzux4bN59akUpH
Gx8eQmzfs37VqSH8zcV4WJ6dKa4cWbvmNOVfKvTpXWXILaaaU0kTWgK5iXp5TnR3BQ5etHI7
SRqhPvBbLVkBMmInsP50eJFZ/wBsa+VKgzBdyNgPwkkfHRLzZb5SebtThmuUxPFmFqgnUcPP
fMD0tUjJcR3y3v8AuqXAYK4VRwpXBOfvUZEYhMaZaqJYW7Vy6Kxvmlv/AJT5VwuFeNv1U61
YHQi4IOlZZFzyk7nf/WnwmIJOcEBWbKPoe9ZUKYV8ouE1L+RfvRkfdLhka4mAUXzdAaT3QiA
AChenn6mlK4dsRO2ojHQdzTvFh0L4iO+V9x3qOfjMsLrzcLXKaEv2hK2KhY8hgOVT60scmDh
4BBY3A0PrWESLAHCwP7viJ/GuFApAvck7k1IMXk4fB9yQxuv0700WDkaTMDq3TSsvYW9mHDG
wGIUm/pTxYIqAbzd/SizHMx6nerfwoTrDIgXUNw6Vi5JoBiEdvqKVwtvO1qbLkS/W21F5XLs
erH2e5hZx81tKiyyiZmW7ZRa2tFp5OCi9UTas6T14W3IQBKdUxKzp3K9KY2Eo0+Paozh1AiT
nAO/50Fk+zxgvrUjvCcFA/SaY/uFIqo0sKXytidTPO0nBvbhA8x/pS8SH7uQbC73fz2oyxs
08O9k8Y9aUiHhr+wtww9a3ITr3Q/orLo/ketlqwxPb4Xvm9aMfBurNmO21YjD5uDKhtb+IEH
FePrk2rGtFmIly8RmBv0r7Kw6Zs/DaXl/KpXnjRSpYqSLWoq5GXvbWlbfMxdmrlDgRi9w1A
Q2LZQunmahgw5EjppxUWUNf99TTYXAYyTEM/EZmlzAHriHags5WI9ZLaU3DayX0oW1U+KO9s
1AcVu+Vx5a0kTe+SPw26Uk8PKyG4za02SNS9+UlBw/LeuLPIZX86B3t3qV5TYMLXrBNqGWQC
3IX2jGCPuukgA+Emp44R/ZcQvOnTP3qWxy6XHRUN5ZHkBVYnQV70Lf8AZqfEMA8xPzeAdrUr
DMADuWpEbxNGHPqd/Y6+XsEUf1Py0DGuaXr11DN72Y7JepsRh1VTfudKVMY9kQ2GhlmrT3dt
yh3oHM5XqL0D93Ddjlb/ALqKlB4dKMQBukagktmvQCnOzacUDlv/vvQiMYEjcuVdvy6Gsu
XVbXTuTXEXkdVvcDQ96SbDzvhlObIPy9ayL9qZR3O9LPinkxEhW/EIGZQK4xVcQBst/D207
+VNwm4OKsWUZxOvr/KmndmGJLBOLuX/dYcP4Z5QuHcsTZtSvf8zT4bUhHKML9qV+FnHxX8S/
1oMpURttramRtCDu5oCwkH7Y6UySYaRGPxgUGww4sHddxSicnvpFIW1QcQBeFAnNm70cjrJ
28zVnbORRzhoKKxwh7i7OwqN/j7fCKfFQsFwqZ1F7UkGWYi12MfQDv60vDd5e1+UZxpsPL
indJBzZY82U0OBjJfFtLNBlsa2CHuh0NWZQwrwMDXKPrWF4sSq8sdxKo51PU0cPOLjdHGzD
vVxSi2bXakRBmYG/1oYWF+K97yuOrdqMjeOkw6MOPILeLGMZ5Susr/wArL+rnQs6DzqKZSE
KRc8akgL+VQ4yGaJuDGvmubdd6nJ8EZA063NJJGfdtcULb0F/vGF3NO52UXp5X3bWksedxm1
qXPa55riir869+oolZA19xQy2y9qd+Y5BmYIKlxBJUyG+IF4NR8Vv/7HrQPhTMCY76X7UA4V
d35971meV1c3vbb6UjZ2CtzeWn0oOYNL5Vt18q9w/kt9eave8MyW0nTrpqfOPHYt4fbiP8
FFRMlpLevL5Vw5Q2Vjplx5h306isJ9oRlq8cZICp69D9a5H5waCSeBhfKu3511UOwXrWSPL
OltVvY/nV2zRds9z++g8eJisddfdt9DWDw8lyJ4ju3nUyhlPcreFl1oy5I8PIHyZybVcq8U
aDQx2N690Xdgut9KYrygWsNqxJka54Rfr26VaKaGVI5hmynRtL6+VJiZ4S4fOzZ7MPIW3nR
ndkQTPe3K+RP51xUiLRn4PC+9M2IheEtqOKoY2ohoksBYAZlNL7k+fPvXLtRiLfq5Dt2pocT
11Rhup70wEDTR9Jitb1rBKG80NZIMPMgbdghuaWUxxxX8PGbU/SkXHYqw6xRaWr3d5GTI9KB
lcAEVkiYSdrUCUvJ0UbVaxI+Ju1R4IuVw4Odsptm9TTLFFBG2oUxjlr9Tr4tKi4gA+IKTuaN
S67kd2JfXKLXoOuki/vFa1fauSZtO+tNE8vI2hsNaK22plQEFjqL636b0VvoBYqmv+9aFoyA

vKx+i+tbZlq28GXX61w0ZWD6sOw9aBQnD2vo18vpTErH2BA/O9TFt3GXNVUklSrWCFbA3Hle
kj419B4JCCw8tLUXys+Zuotmt36fwqf7OxQdsOV5C2jK/Y1kwk3AxUV1eCb4q4aLkB030+ho
pwpDINgrVKbthpNi1v40FRVYONvDcUqmU5G+GQ7eLRMdcjKv5U/Je8p1G5qQMOIC2YXoWUy8
PoCFRT50UujlhyyKb5qvLIym17Eaj6VJjy/qzo++1cOORE5OV/4jzqKNsPHLKJMHvltc9aGK
mw8WJxUrkmHNIFu+m2tAHCNFGJc00yvdiO3oKj4WJaXKCNvF8v0qRxLnyng9Wxv38qkje3a
99jVsl17X2NSwfOAFyoHZb0HU6dxVi3MaC5DI3YVxZVRZF2vzEV7x2klotlnzSX06Vlikyf4
qEa4Y1W0zKP50ELsZScpVda/s2jDpm6VIWzS2OtGNAbdGteJzBsetcdIuFKpurQ9fpXCxHus
YviU/F5ip/of31rQhJ95H08qNwDXGVhFITbXY1lkBU+zINO9PLNcQ7Kx60yGPP1AJtb60wL5
De2XtauLdpLbgnYnvUYgiSReayDmNu5pZ5MKIYogAunXzrKGNvIP8qy/8PL8LMeUmgApjfqO
hpirG+WwsdfQ1rrJ+rucrn+eLICpcMdlGQnvfoaWTAYrHfwrICK++iEuwsuJAX4vLrRMMjT
5d02kT+tZjlmcaNKdMredqykLDPI1dPh9e9SyPadY+QMmg8qN5yBfwML/U04253oYi7rYWY
saJD3LC2uwFKZNEGq329bUAGVIOxoh5c9aZFIbmyjJdUwwylo7EkKNWp114kMqWZQVolVz
SZuJzWzW9e1SDGQojHnTLP61LklbCxvoI22byJpHVpFkH/k3y/SmDYlnYR5hEynf4qUpmyOt
wL/DRY5775t6Rj8SkW+lS4b+9jJdD38quuqXoO6GGAm47mmw+F/tUgPN930HoWpuG8eEQ/DG
mY/mav8Af3HnIX+lC78zX6SKCKyYzApNfd4j91NBhpOb/+PMLGuLCnCa2sX9KmUpktcLCO
nrTwqQ11ynXSuFHIW2Bt1q/KFXcmnG5ty1Ggj4so+P5atNhhicwsweJL9mbdcM51X0pGKeDQ
g70ZV8Nr3q7usSMN3oxRniRX2cVZR9aJrCJ2jFa82uf5br/CpIR8VlCkDpRjLBVc/q+5qGXg
zm52VtXPW3ITZ5ZMOgs1sRbK1XaIYhQOV8K3MB3IrKdevDkFqZTmmjTwk6FKY3trrp4jUZBV
ZAAbNoD3009Rq9kI2vdTY/mv+IE8N3C/GUACg9j1owYiOWfDObW+IdrUYWU/dfFHLGMr2217
1xYJCY21GQfxoXhJktcdc1Q3gXgxaiNRsaeQ4cCRbvo/MakMmimHX+Ne5DXRQc4HT0o8y5WO
Vg3w0BEWzA2XQ1HHM+iNdntRkX4K/Ed286Dts2ooxTwxzD9sXozYFbxDXhE7eIF+HGR5Dmrn
N3bUga1HBLyYmM+4xMiWuvymo0llW9gQ/DGoU6Xp7oEaXmvl0Cb1e+T47baVh3z/ABVxVvmJ
26Ej+tP9otIowuXjJGx0+tPDBiGGFvzuNOJ5DstBVsB5VrXYUvLyVmtr2oSxKdG9NqW+OmC
Yq+VJn2amaNVXFqOuxpji0CZb8qjW9Z7W7Da1EI68XproKWHMDO3UfLXGbpWu1FlNmG3nStG
AMQWy3vbN60YXmVf/KWW9Wdr+utcrIJTvoPfoIXubUq9hajLeIHKfdKwH/xt3ri34efxZflq
KQMUa9xm7fwoX+0CmUDXJ4B/Gnhg+04XGpVJv30ORguexfDtY+eNLmRiRcKb6+16F7jTKSv
ipvizdu3atZRttsCdx3v/CncgrmB23v/AJdLbXoyEN95Ga7jK0lul6KjDqpb4zqSPrSYrG50
WCUhmLXJvt6ClhaRIYH8Cq3KfWmyTSCE3ex2H1qwkEcTWBUkky8yMIVvdM2Y9RUKV8oOn8q
kmDSzOPBHmouAYrsSynmuaGoTTw33pSzHn5cnalW1s1b6DSg3TrQZT6V96gW0Mtw69Fby9aV
YcIg/wATf0r3kUCHuHYGHdNITGf91TZnt0B71zTygseHKvjyAU+hmkzZnXLZiHpTxPCyMp0J
2FSTFMseHykm+hbtUyQSe6gkE11+KM7j6GrDai3WrmtaAvV/hoGtflUerevSlwzv7wfqyevl
X3xBeW2oX4qUSScONfgTelRIYKlrAHU1LMxJu9lzdAKWEGznS1YFYFDsuuY38qk09jVMSjAW
TZgaNR4jDwovEXMEQG9cKljxtivCs2tcH/trYin5OGV1utYdBdlz5j6D2YI4+Jhl11EJ1t9a
BQZrizz2Ipo0geW5+HpTs32c6BWCBIpUDrWVcDjnJza23qV8pULyXjOm50/jVmlE8nhyOmpF
tPz2+lHIMml99q5SGA+K1qSRpMr5dwbEW21G1KjS8HC2zgXysB69aRZeYoSSzv8AFUgSZUJj
z5PiGu/IX2rw3iOIAvwmY9O96ukH3PEofDluDTRHK0Eo4qn5e61JF93QPkbZJRrv/Gvs7C5o
2k42Zgg2VReoo52yhze3nSSBxbkJyDZzUmcFkzLpOssjwczHFmA2vUS5coFhlHnSub+UY
3Nfq71B1ohuWmwr6Op086kw0wbhyrv2po5puCV5btX/Gif8AEhFX91J+2h1pxiHWLEWtnHKJ
U6386xGL+8GBwAEIscwpcNDzZbImX4r0uCyNLIaVKejMd6kwsvNa+a/VH3/I1LhJ4onKmr9K
HnRNtq18Xajm9i5xaV+ZqDqcrDW4pTa58LjsazRXVJTqw6VKwexK7iky/LV0RpLdKjvCSYxl
WhEliHGpW9e+XKx7AmoY8QTFIi9x070rzDON1LC9MwUc3UdaxGW1ymVaxhkQq4XLr7Hj1VcO
nxBd2FOgDOytyjpXELNCo6qL1NG32ILCxW6hgcp/KIIX7SdeXWwbNWQ46WXiZTLmU8u9y37r
VyTxShYrnlMwJ/ITWRo1P1tW3relgy5+Y0tv5f61mkX3eY6g7efNp3GnemTDcsHhzKuthsKk
SQF3y6jNrrXFgxK4kk+Y4Z9Gt1FutSLgsOlPwOJGkxuP8n9KijkSz3s4y/Q1KqsGmI5m2NId
3jwmdjbjq2lQxyqWjjQlh0oOMqQqLLw4r/SveCZABbRbWHnRxEcIxEWXPmdubblrKWC21Pe/l
WEZtlHhz2D0IIJKDS9ZsTLFC3bPYfvpMWv2jzA6xrdh61GV+0GVstiMptSYIXjWTQuvRhX
cV4VB7jSrHps1PCty7aFD/GuJulBxm3n0qRV5ocOOHr3rDYN+4kbhyL5Go8avhnGVv8Qryr
Q6jpQv8AWs29edRp8K8zelGtN6EaeCY5TTgqQzroPMUyyp9F0qTDYWF5CuhlEoBPoN6aWQi
CQDSPEOSTRMuXDZPIQEGVI4xMCWtfm8PlpTmd1YN1s1xQaUsMJJySK4v189aEkkllC8qgUzX
Kt60wNwttWXen4f0La5qPjy9rNMyrpdx1PIXMcvxUDDo/e9ZpcLhZWsBcprTKcDhsOzkZp
FU2t6VijmwcSyOtxkyk22l/31qRenjyHIGdea3n3p5opFlVgDvY39K1P86zFQ1vhO1YJMXKJ
FFwNNhUIw82fCh/1Vr/QGnlx+EYxT6rPGb2/rQ4ZXExJ4ZohaWoo5OJmdDyzrofrSJjZFjn+
F/mrDTxAzYcFTx0seXqKmmLXjIjRIPnwwHnU+QB5NWcTc3t5UZcVkcGoFxFDzSn0UbfWnmw2
Fyyn9Y0ti7H6175cuJKgcOZea3cUkyTGJTIPeGmlqWGCP73L5bX9aN8f91v/AHUAOB91LI2G
x07P4XksLmihwjQudLeKskmFvEdiylafECPJFI9L17qNJV6hmsV9KzOjxr3dcyfvmKvoFbYq
bih3rE/aEh53LanctU+KvjIa12X+NFB+tUW9HG1EOLW0tV6bpXNV+lcRv1kuv0loaFtMu1
DdgY82b9obig7HkAvenmnQ5XB6FTqe4qVsLgOLiGzvKD/Glf7v9nYdXuyrLiAWIoxRHBC2Z
w6SaHmv18hWIlxGIkkldKBhCBn7DzorMftE5t1ZMz/UmocFM3GgUf8A1Asy9tRRANlkYW91
8h706sl02BHzUoF2JF2UfDskN0rjyKYsMmiA9BUciDKt8o7muBnjDuNE4WtRsEPBAuzRHOCp
XvShXubXNlzVtC37jTMMrWA23ogGRSNCKKB0e1ai1IDGGLaJ0vQzxLbrlJD1mws+S+8M+xri
TRTYKbplBzLWcBMWBvJh/H9RVkcN3C6MPpQwqylmBsumlq15WmgZuJLD1A7r51xYpTncMXJ5
ZQQ+Y7i3zoCUIsZJOxqKGd2w8nDzcRtXzelYgSSPisRI2VOW2WOhHCZ45cjpUrWkhAbYR
6saRPvEX2bYm+nElb1q0OLxuKzjK2aDT1riLi8Rkt7HNEbioncYlhl1urGsRgI5eIVS4iYeE1

rfexolZ5LW8SPY/UUXVRLfxZORvy2NBh9R2rCIL/AHhogP8A3GIFraaVvrUuFY6TDMv+IU0m
HGsxzZRWRxYijqscJPjfr6UkY+0sNn35r2/91DDSzSo5syG6ketZR09l60qfDt4lfNbyNYrD
YYrnjk5sx+GlixCA5NPdRff30v2lgoxPEi8+Htzf61wkhSHE/wDbddG9KtwAreWIDKXw09rL
MjWH1r+zfaDYjJ/dSC9xUv8A4hgecdIhZvUg0n2lg5WtG15YgfCPOo3hVwVw3hVB4qfEZViGf
wkmx8/OllzSOjDIG2npVpJCXOgv0FRRICVhF9Pmoi4IvYo9iRp/v/QUr3eJ+mVwco2Nv3a/1
UmnCUXe9t7a32NHVmMI2dStw3nr+X0NBQkTtfNfXnPQ8tMGd8PvoWgnL5/lRdOIw+HQdt79q
UZuVmy5jX2Tli4hKMnETfe/86vNmKxGwBb+PnUcUOSIydJTla/8AvvRSGUpIvR7r+Xess2H9
/vxIWytSjEvDLfrOvOv1FCYAvrZO7V70ePmbz8hURel2FyEUflT/AHbDmJ0Y8PlcqVSYrEoB
YBrqf3edMsWKEGY5I+D/AL3/AHVieJH94cJeRgGve17Co1MikKtvcj5r9Vh8Koa/GnXPIT6V
eN8dPY/AnCj/ADqdJjwo7iRRNi82uzbUww+JkujeFJfT9DUCzNLGzNfNX/i+FynDyayqvwHv
6Go5Lbbq1ZGGS+x6Ue/Q19mQWsMwH5AUFPP09kU6eONga40G4GdT5G1OkTO4vba1SPlfCFZ0B
4SftDyo5MJLh1e6LMkuZiOulLh5VDwOuaHEAbj8A8qk/biNfaLx6bSVaVN+++4oNHjyoVoYr7
nG0/z7a1luPvS7r1qbUjqKUCZmS+qNrTZgijEciubXPYGnxmBVSTgv7xG8aa6q1cGQGNSDYN
4WOv5Vd0yo2yjpU2dleNbKufQDyrOfAutqZ8xSSZjcgX5a8IdbgXBubf7+p9KkUNzDQ3F7ny
89v4Ut7Zol3IP0P+9692vK2Z7Xy6Lf/AH1prKkysTpZW+vlpSfesEcp24ZN/LYeth/AIpc
3U3ta3+/yqeQoAtyVDeLXWkCtXmHdKrHUjqKaxlWTfh9qPGgeTMwCsH1Hmakflwsy/qzK+2m
9McUiTOriwGjuQajWNZ4s45WHMv+lLidZ4NswHg9aKcQsnS4vapsUze8RwLnpSRx4rOyanN
1FOJel4he5A+U0ZoikufXJ4a+6wIBii3Mptf0ooCS2xjw5y38i/1opxsPh5Fa3Dw0HFbyuW6
+ILGYcZ9oHU5ppbA/QbVdPsuOFCpYk5uoNNwsNaQ2KMr21FCXjxFi1vHe1PhMS6YqJky6pb
TtX3alEwsM8d+3a9WV1v1jk5TXBIUjUZb19IRf4jV13X2mFtTCcn+U7V9yVjFzQuYdFofZ8
EWbCQrKBU71AsUbxRa5ZTe3ofOpIp7ceDLKrA7qdDSHravT24Vv2sv51OekkJFZINpY/4Vvc
fEIWU6/KaurkHdWBpuNKzjt0pfzqJV0C60JIBmkfXh5vH3FJPHDwsTAwO2oHVT5UGikur8yE
UKUEbSSeJqIPU8IIWyumUcpNrfXtRbK0bWsxTI/3f+FDiODG+++nT+VKA4UL/APL/AH/CsxxR
UG4su4sPif7FSRripO/ga22pvf61kg+0gCdeY5beWv50kcq4bEHQE5Qdv4daxB4PuL21PL5V
iMNIhdHjYDrYUufDRSTI/6zwsPXzpmkLML6G9CZAsjqdRT21RlzAVFI3tsKxEMeXjIDYN8XIU
MMn2dh45RINY9NOxpUw8awq7c4XrWZTyUNcua4FfccLZZwM05B0UdvWso0tG3K115iR51hzz
2niK5xFCtvzv2NAXfy2dcv8Aekhw1vTife4fBAhT93wse/+anmlmbhXzDN4qEeWSwPxGk4f
hPhsKGd1J+W1BPtFcgvyPsynyNcbDf2/D/MvjH0qON2zpnFr7jWvsvPo+V9L3604tvTX9hhY
2Wdcv1rDfaEPI6PzN2pz4ua96jw0seZkXxofF603FkZuXLqenalb8hWvi60B1pbH6VB/6gq7
b5TQv4WGU16fwoMnJrWYnm9jSVveoGU5WRrg1E/Df7PxmbIpcvWpo5oBxRzrwTfc9dKDrIY
yw6H91JH4rHMRRZFIzeK4/p2rLfl2bQ21A6/770ihsy4iDdrUiYzl+JdcfTXqN6Lgg9FW3
iPTSUXvRKGHKLABxH11F/33+IRNJDDOOxjvp22+IFnwpTT+65dP9/wp8oLUXH11QMI+FFJ4
7nW3IU4XCKZGX02tONFbAhhb1ostyg3XqKdhrAixzUFB1Sg/AM0jk/QVnOEj4xWxe1zSMWGXD
262JU1mNgJNnXapt2ZVulvmpj16NiHPEZ5Xszd65YIVsCRxZ8/7qvDERW04kChMpy25if5VI
mEyS5/Hldsdf5utMW52AspPwjsKyN6GuHfkbVTUMEvML1mXWV20p4xcSr0YUNCUvYqaXG4W2
FxyEMbbN5N/WowRbhNIns1rypJI9HU5hTW1GIjzDyNTQRECddo3axY+VZcTA8Z+V1tRJBCEV
IB+rjH76NdrUHf4NBb+dQf8AqCjpb160a18QpKyA20rmPNRRpeEoFwO9HmzGtVNqhkSYPyg8
Gub+h/Onwsq2crYcQag/zpM+rAkaCma3U6+mn9aA1uevaiDKxYctv40jRvqF5Sm6nyonhHIU
17kR2/8A8mjwoc7HxL17kX/fQR+FdB/edB/vWgTh4nte+R9e3f8A3eueOZA1s3Nm0qTLJJIT
zapZj3/rSYhWtwzu7W/KsOCFu0YcnuRoQfWmYr/Z9sh707Qe8I5tTrasPIotFws1v2qSX/8A
I9aFntrc/wBKy5xEqja1ZGk4Yc8knwnyqxUm3KyHrQ14rRlB6A1aORZU2yTIGrTAYVX05ght
+VWmf3drcJdF/KsqjKg6Vw2FcSE6fLSSDdKSddxWH+Ux5qU96nC7q1rU6XtCiZmaocbhHWUQ
yFJSvSvSiay+ybBueal509DvSyKtkx14n1rxSGMeFHkzWrrzMuqncUrIdW6ey3WsKBq3EvWV
7Xv0/Bf23BKhsNRRkxYyMRINkyioxhcbFKif3Uq2qJZxwMQtsjq3bzonPnU7eVWzLSoC+p6/
vNZgWaPNZzbY0QzvvdrD8q3VF1/360uXKLC3Nax/3/GgpbhlQBm/hRcEfs2arMmZep0v2rnh
4GBj+NdNb3t51Gk+Bjk6XK00eDxMmGcdL57XrDtJEJSMys8d7MfhocaXMct1gU837650bDx3
zKw7GnWD4X8PyinZzkgwwy6dT5Vkf44xsgqy4wrKfm2H1pomce9+LxBvQ0rnQIthW+9a7961
1rTSvEB61rOorlnV/wBkUWTwncUVrDeQK0hU7Gpc+obevu8Sj3gvJf8AhWLwmkaYhsyk6eG
dMjj9/sJ9kOKY2jByyf4TX3qMZpMleILDu61mtWY9fyjgXt0oSRH1B6eySS36pNPU1PbW21C
1Drp7Mppw29kqNlvNMrXPZazyZC012T1Yj+IFXw6lwszCuhN2pkz8eIDNwpf5Gobs3tr4rd
L1qwF+bWlyF+fT6093ydfiPp6fLSFI/gLFZNfrW2UdbNWUTA73RxWbL4dbxUsKJLHNK3D8J
1vSYWE5uHpm+ZupoMtc+dSTKwaaU2aiGAdT0qTFLrGdUvureflWaR+SMc1v4UGXQOc/LXPzu
ebhnzrLBNxm3KdKskfHbLcTE5Yj5etTYbLGRbYLoGqPdp1qw6GtTWjV3qyuUq9y48q5vPeu
HNsfjrONjUbV6Go9dL608vzGskDXHn0r/wAPx2LjnxP9y48aGnw8q5ZlzYj2ibdtzSRT87Rg
4aUHqP8A9ViMA28Llfp0r0rbQ0A29BorlPiXvWdND1FYnENoxBf6dKfzt0rPOt1vIOXoa0Fq
0P1r9utLX60ILLu7m1MggHu3Ccz/ABUOLh3IXYq22tZX40TX7muNh5fvqWsysdbVHIC0S2y5
QutHLPHG3Ej/jRuYg9/ELgVwo4FEedumx/OrEFoxlqx/Ei/Sm017itXIYHtpTskqMu2aN7HXy
rE4pzMDho+UOLDMf41e/hFC2tXzWNlryf2cD99XkAEchsyN271isI8jxk82SJencX6UiRyLi
FcWzWtpUzpmJB9aiuLX5mLJY05VeLA554h0PcUrsuaSUa08nybVfvWrWq6OK0Fafaq0Y/Wss+
GimHmKzQAwN8vSuBP4fhasvStq1bLfc0Mi3Pc0IoiQDvaliglXE4qPViNhWbFOMHjVOQT9/W
gk68reCVdVceRpidgKZ+5opxg8eLWxj2yONvzFYX7ViGko4cnqNq9a1rsaF6hjguHZunaofs
qHWfOI6dF6VwYwFj4Srm+m/5ipMJFA0s5ADdltsaLySwi3w8TWi5Ph7UttPOuRMx6ZetRzy
Yd8yagBetQcVZYrEuzMLZmqPLJZRXEkdWk8/W9MyALKVussZsb0jPzOfIqCmPkshbQTr5Ug

W/DuRbvRe2WNTb1qSMR8S8TC17URtbSx6VzX/wAtL7wBtyHH86tmZuJLfmN9BoKPW9cPPkk8
6YowNt9aAufIW3pMNMwGXaocYqXniGX6UEkUck/qkbahBFyG2cB10P1qPdsjhkXU1fhjtdd/
rRQHQLnt2qRqWtL1y1qtWq8n768eZvKt6te69qsTe3s5mNXaQ29KMOHYxwHe27VNKgyG1lpj
JZZodWy/F502AxcIxWGPwN09Kkb7Dk4/z4d/GB5d6KPGysviBG1QSRGzRSCUW8qkCa8SPixH
z3FW+La3arCietbVJ9r4sWVQSI+3esV9rSQsyx/qsvz9Khx8qc18jjsDtUHHeSZsTr4uUGiy
2ToVqwXN0YeVMtvDsaVcPh4+N1d6lbE4/AYAL1mU3PoBUZhx2Gx+TWxwzZD65qMjJGuZr2Vb
AelOhgRMuwve9chmgYdUqJMwNIgo6+dBpmCL3oLGxyDc21NIy96PIXNja1S5hd81XC5qEc0M
gJl5t7fzqBoyeGQbNjP8VTJnXNFax6a03CRZXsTnfTXrSy4zFxnSLeIWPhouZJXYcyCKG3h3
sf2ulFmzlumeJfX/AP5o/Z6FIIwjBcjak+ISq0kTs9+bLZvrWrcalNms3SmmVMjZLEHa9HMS
0n7Ir7QDW5bDT0oL3oSN0ra9eE1yiuLPyL3auHhF/wA1Xdq55AK/XVytF27ULD61wb76mprf
ElqBU62vWikkOgUGjJNBFOdiGHIFffPsZ86/Fh38S+ISfZmIBjmwX0V97VPYZYZhX/nV6Cj
60DNmGGTxZR4z8gqL7LgVVPgIj2v2rDwKu9If2u9TYXSTOtmY9fOpMDOTG2HkPP8tt6abht
JmbRm1rBAIF0Oay2N633pfeZr+VfftSJp8LIt0YG2U+dO/2bgIII0kkjEhvKnhOCeMwGYW2
qTDthFxEpN+YUOJhbLF+sYAjL5f5q4ac/Zu4q7YVxgV4X/czafnRhGKdWB8ZS61xcLj3XLb
zprJbyWrbGrnEHP2jBvWGWVmvCeUTEXIRWSbh5Ywy5o8ocDW3p1oQfeTiFEJc2e1yfOrrMWL
La4fKL+Z70hkGGc2zNmxJy32q3BwOfTL77xVBNzRSQyBssYvpWIljy3FybbGopRxZEsWKx/
uriSYU8MHfc0+T9YwLMB08q+0Cepv+6kUVY821fyq/gTvWwFeNN3NXkY2rRWkerIBEK5pTW9
/a/CjaTIMzZRsk0P51a9a1zUVpcJGwZ31kI6eVXGvITjBTvhx1K9aj+0FtB9q4YZZdbCRaR4
xbFw6pfr3FFcTDJAR0dbUk+KP3fDtt87+g/nSYPBHKNKAsWyX6Du1LicQvFxsniFhF+X1oS
D9VYAAfCotO19CdcgqGLiX+8DPKRSMi8PDQDhwqvxN1NQPMADlsoHWuMRzsdvKgcUVOgNGM7
Xup7V92xEUgy6hoxvQIEtCndMlt64jq0YZbE8PavtJFs64hMvrX3gi5euHicXK4PwX0rKfB8
vSj2rPhrTItwoOYKx8PpXDlxRbL+zYk+ZpHQpl8jtWFxCcORBGaQkHvvero7tLUka3yrX3tJ
ES173HltauIyyzR5IGURmxuP3UpOHlyFcxPD87UpinMRuUUSJoGGo+neoDiMBG4WX9bGMtr9
dP50swYGKRcsh/aaqSIMwXReXlqHn5Gvr1t5muFDPmZmfZyYfSo8QkaorplbJtmHsA3Y1nds
qUIVfhr1dpCxreun51zWY17uBa0UeywrKbPjLrJJbfp58BbXXh1aaJgO9vbofYi361c6oxy
mlXrlbS+/NpUWedjhcwuCblK4Tosuk8aZxezeVS4fA4aT70TlbN4gf5UHYcXHHxaXCDy/rS3
upy7GrSSG46qbUJeI8slYSWJQDLy5wajGg+z8CLX+ZutPiZxliTREpOiW2pLVfv7Oxq9BsnD
m6gdaRApso60c2/4GZtOidHFI4FpVGvz3HSLijzt15sFXqag+z5eLokH6xxa1x8F6SSyQYcK
SojOrDrUkJEJvbMxm1Yd/wA6MjzIGZuVvvBAFxpZ/Slhix8oMvu+DM6nKoN7+ZNZjFh8Stmf
PDo1zpr6V91XiYwANPjQEED5h2pPvu5GnHDtbw/SILbPykfqzIr4ka5B6+IzkvGo1zAa/nR
jiw5jWL3vvDq1X0tq485yp0HesqcqCupr9U5rMQiD9qSuUq4/ZNe8don7FKujrJ+6tRVgNah
X5nFznrChbbvWwHHY7GnkW8hwz75baVb75Y2+IUEBwsV/AJZsf31/acNJDbrnWswq/alQ
jZLfvn8PKCZjwOHIT4bGkSWZ8Mb6So21GVHibFPbjns94bb/AFqTEyEgyNoppm8Tsepp8xs1
tqiAGVV01N9aiw8TCOKAXeTt3NF1Qx4SP9Wp3b9o0t2zv8o2FBmN9KL/AEq/VTatPZajULDQ
MpoNSo1t+Bv8DjRwdqjvEduQi18y9KlxGI5cTwyIxzMjdz2pYlvHEugW+tAsSWHm1arWk
QNcq5P8ADpV4yVbuDQ4uHTFgJkBckMPrTLEMs2H95wS3+9KkAnUX8I60EurTqNxtQV1D5AMz
E2WjPMTPIOfyHkKnXhW0zKt75b1c7VYCuazt+xrRfhZQOrtassWHw1u73rhR4GCaXbNFQJW
rRSdiM1e7sP8S2qz8p6MK6HzrD/+oKvvY0ecuy9NhQUdp10phE95OqH+VNE+jL4fXtV25f5V
HFxo45VblZ9Ft1oe7+8RttJELirRYSV/Ra4MmHkEpXNZ9NKKtoy6WoRwKZZvlfJhxHc+Ej+
CMnnOw+XzpQlr21tTJbNbRpO5qbEcPMwXLH5edXOqE5mPzGocDDoSM0lq4kmiDWnt4elZ5f1
S9O9aCw6KK8/aamj+Vr0z5MtzWulcu1Rr3almlbhvbK6L8VCLCrwrC3F+P8AOv41ZR7NfwWo
NCxEg+JdKfC4k5XbWJ2117U4kvnXfKNBUbwsJFORJa+tcOcXU7AVjFTnNwF8hagLXesrc561
x57RQ/CvesqcsAoRRCi5s+Kb/wCNOW1JpUYDU1HFCmVjy6U8ebNl6io27MDSASZM2+QVcyP8
ovsKaw4cNyBI51YjeuRGfuy02fED9rh8zUbHJGpuC3iNcXJnN7821Eta1rWvUsEUXA5SSzbC
o5JY75L4LkeZ8/KmeXCMk8l2Eak5vVqgjWX7qZVOeaU6BfLsanEOIbF4iReSRxYAfETUuJz
MRtYi2INw7K19VF6fiQZRfLa28zX3eR7oh+HaksfdRDO5qfFya52uB5dKc7ZtFFM9uBB4R
WY1f22qW+xT+dX2Wtq4UY520FcvM43as76J0ry9mnsFzc129l2NhXM4jX99ckl/Wiwa67+Yr
hNIyzJsb6NRdSqcQXZutGSSXkQeHJ++sTijqZXJH0rPbnO1feJv1fQfNWRP1I7V71rfsjc1
mVeFEPzNGJDzavRf5RXEPhiXNUjncmhSPI2Q9F3zD+VcNAXRNRGptGvmTQ5fveny35B9KAX
VoIiNI4xl/dXunsgFsh0pFdMxXmNzpWcyEnLYdEFc0iSi/8Ad9DTxwoVDbne9WEZc9711wi8
KXPYuV1NYZBHDz4n626VEOPLNLIovTbQdTS7NI0ybChz26BI+tcHNfESnlrdlXuaQG3dyaG
HiHNMBn0rhgW7mlA2qNB1OtCkXrb8NxVIRF86945t1sKz/3so0/ZWml5YI9XP8AKsqjKi7A
VdjWjVprX7XavOrnWtWsa0fNV5Kzg61kjYgdhWRxmU70UgleM91NSwyNxM/ifrWu1WOiD+FB
fgGgFWTIHIWtZ8dXP19jdqxEnV2y+wVh442LzP+ttudPCO1KmL55D/9PCbBR5nvTyHCYbgD
wXUtQEv3cf+nFS8ZiAP1iKYZ/Q1yTLLF01oJcNcc/De4+IzlzW+ZRauGq6AZiNTVit36jc
/WgNhXEPPk1ztoFTFYTDs5faZ/IB6dhU0hJkYktkTpRBk1tnsNTEjNjcs5607uerNTTzMPe
efSredZjQQkuaY9PxxPlh8RpI0XMdlpIE/Vx+LzNZu9aLeuQUEUOtAq2WSjnJsO1eHSvELIN
IYjv7LKNazYqZA3yA3rJAp/KtFtUJP6xxc1Ybmrnxms77mvKs536USa86LmgPKoE781D/DQp
ZPuqmTiWRnN7t3p2vEsfW8Y/jSAWRTrqoyoKEJH73m1uUCpbzNawQX/8oGuHELDaAFXWi0mHJ
xGXRvNIhg90dmvaiFewO4vvV7FI1GubS9Erym/I9Ld6KyuGZ90SikMawwAWOX4aKYdXSeT1
GVb6etLEFz5NwK6sf6Uq/FUEg2vdqZydCattrQjT0pU62ua03Na+21GiKtUk3xHIX+dKxuc
XifCPIxvXBX61pXever1octZuPb61ld0cf4qzPIR5V+tJ8qUg6329nirnmFazXpEi5iTr5Cl
iT0rXwoKzHwD2Zj0rfSi1CljFBe5tWQfCLU3p7MO0UqtPHzcljYVlW4KXPOo8NcozYdNk+c0

sE2SFpPkW6r2puN7mFdDKR/DvQjwcRWLYyN42oSgW05jm0T1b+VFMKM3cq6+VLh9+pbuaTO
VaK2gI5qyQyNhovITc1xuMzdLAc350dVS/8A3aXm+8TOLx5dAel6vpxTuKlMmQJiXNkB61JI
Rp4VpFP7Mx9akPnV31boKNa1ptVhRo0ajMukMQufM1LN1NE9/ZtXhq/s5a0LVfUVndgPU1z
X+laVykGtVNTsfhjqtEtsvKtcJdzQRazNRA0QewL5Vnbc1mqLsOY0586QfMfYSFAdjz0WA5
/CopuT3e5PQViGmbh4aJrGW9hRhwkueBVsW6DyWgzyFcKpsbbnyqTJZYzJw40GwUUX8IUfTt
642JkCO/gS3i/wBK4kpCxtsZLC/pRU/VyKywuqEdZD/Kk4zQNbxJk6UpijBOXU3sPSgbvE3X
qKjivwvcSdmJvakTLyRra9HKeUUKPzUZCdRvzRq7bVuBWj6146EuaGFbDxHWkQdTQhQ8o00r
KoyrVhrV3arC7Vol63F+wrV6VaOJRWlhWrfh8X51PcDw7iok62zt600zfSr1wwayjah2GtN8
grKKNTy9hYUW6sayjwoLexUOum1dkFLGvFdR4mbQKKUOpSJeWOL+Z71hw0qnEHTHDZfWpuCf
7NhoWyftMdL/AL6wUdjmKtKfqf8ASnXEJkSNVaVuwOtmcGI5sSOUGTceSLTcTOXO+feoXJ0l
HhGunc00cobKOZIJ5rd6jfAyMXk6WsPWjfvj3oWiP+IGo5lQs6nTMK4fE4C9bVYYjMvZhVpM
rVogrR7fStZK1at/bFAzZlVFI3ZaWPBFlw8ZlZqPGe5NcvitpXdq2qwsK3NXla7dqypyJ5VY
yHNXzV+prlS3tu2g/AU+G4oRjrQiU+te0fZJL8R0FZP7xtTRY+xQ3ic5jRf8qY+xGHw0GJ1O
xtXEAZGlnG7illdVRgeXMLmmkiC8Q8maVNPO1TmNI42JvfBcWotiCRhMPEikpoWa3hXzpEa
aCGKWzyJiOgtpb0o4XCyPx0NosRIMvGpN/I1x8bKHd9XLPq1ulPxPds1m5BcJbYA1JiMPK7T
ObSs5uxq31PIWe66jQUiKHI8q5rC2wtQGYd9KUxYYtpvarTZU6261e1aD8IrG4t78U2jS1EL
N/apCOLyZwvW1qNt6vXImmer4iXiSfilWjURJ5VYqT5muZrfWvFf0rQfivlDevtl7U0nX4a
13Jq1E0KjvRc7Vao0oIOIF2A9in2G7C4HLfrSRNntEMisu3nTuvhjNjft3qKBeZLE5RXAid
rHmbsg86jwmEOWe6jjSrdPL5+ZrFceJ+E0hKMw0A9aDStwkUWBfcCpBHfZ9LnS8lH+trVJ
k0Z0soPeo1tlkn52oiolQE9B1p3LHj926elNmbfpV2izdbmrKTHD5Uevc1lV5SfVjQhJ8R3P
4TWE4QGdTxftm6Uyx5pJdWkkPU+zXeshlMadlo2nC/4qGXFxg+tf8dE3/wByuV4m/wA9e+kU
Hspv7LAVZul9q09nl+Av8zmiB4VpfavYGooF2rKN/Y0x6bVenc0TVqFAR411FZNM8nQ9aZUI
bdShylDoK4jkYfD9ZB8XpRw0T8GO930uT696SficRUQgcpGttKaPhZ5oltHnOjjqtLiLusMm
uS2q+r/RWZ3ITw3+tx++iDEhN86Ze29eHhLIGVewouHzG99KMWA7dL9KHAVM7dTqazEcVvSv
eYYLf5lpcsdOy1ZYbE7l6ypZj2G1F5Ddj+A9zSRjdiBX3aPJw4iF5RfWuNhs7ySOdtgKy/F
19u9cztWkhFWXFkd1q/E4v8AmrWNq8Brm09uXr1q3WnLSpAB81feOPHNFe3LvTfsua9aLVBt
7M3U07/QVego1JpIgdvsnPn+AN1oxy5gRqrx+IVa0UynS4itJ6Us0+IjhWPRib2tRz4HlkFs
18y1DZetxsp2r7zJiODffZvi9BQwpa5m1jc/AelYyNUb/wASTKWhXqQ24omaPm4JRge9JjOZ
oWawPbSjlkJu5udqyRRnHYtuvwXh+0SJH/AO0ulcH7MwkeHT9hNfzrNjJTJ8tHhQV9DTM
Gzk8zXNv2/Cq9KiynZs1MxAWSSwUb0WkbLEo4aLffzrRSazTyJCO25o+/Hqa/4gH0FayGuW
atCD6GtdK5rOOxrlAiHYVe9/Zm/KtaBPWsmEPvL60cN9qsYpEJsCKjivfM7G46+0mlFWFZB9
aysK+8OOZtqbWhS+2/suDrTR6RT23G7ellUCALrwW1/OoffljdVbKo7UuW0QZIHvJmFkj9
K4ksmRPhdhv9KwM8R+9xwWDDTI066Vj8esfAKlCXRvH4iO9Q4UO0mb9ZIx1qfBSDII93+yam
hcEOjZP00OHl4rDpWeaTLAvic0FhyIep8TVdi0h/IVwMPZ362pldtSOIMrbg2/APmOtM3Za
nkzZeGmnqdd4a2eWNOZ+2tFjCJG5eY6ChHanIvarS4IFHYGubE3/wAK1YNIx/wlcpJWNE/K
riY/iWkgI865T7bmTm+UD2Go3FMYiIzvcnU0j4yxUaBhWDTtFf2BfZmomv8AzJN6jhH1qw2U
Ux9gX8B9gdTIYdaDnl4IFI+IdozIcwQfLXDw2G4cUWq501c0sro0vRrU4WPiQ+I9GF+te7Q
K5GfIvbyqN8wES62p7n8q++Rjll0kA6N3q3UVEjj3S9O/nQyegpsBgf/fTde8q5OZR4n7ms
+bKPOs4+PXb2AUEHpVvpXL2rEY5Q0rOqJfp51JnBu+vm1E669FrV2I9nvFI865UVR3Ips1vp
R4EZC1mxLimyeG+IRs7ZWcXtWVqzW02/B1vpTF5CrW0ynWo0MrSRHa9J5IB7CO3sFCi1NK2r
U3svW/4ww+o702LxFndtFotW5cttk3rMnEV2Wxa91rOpDyRvZs3MsgpZcMTBrcZfgPpS8VL
JI1m7Bq9TTB9VouW3Sg8kfcA5ZlZymiMGzDIPA1GGIZZ20LndBSPh13/wBajwGDT7zjm2j+
XzajNjnOlXyYr4Uos1o2TVSfzftVz01oXo2qMKbM81xSDiZVAHP/ACqyPwiebvp09nyr1Y1l
hHEl6sasKvKfdr4jXCwahiPiqxJkY/IXHxNnca69KjT+7zWAq40or0NI2ufb8AKnwhimYt61
ai/U0TQrWvEK5daAerUJ7msqSKR6+zz/AEGkT272q3DzB/h7UYyV4tvAlPmcowlydNa/VjPI
LFb6CuJbJl1t50YXXmYFiBUVYI/70Ukbnvcm9LwdRn5LHyq0mSR3GpQ7U2OhHKyjMnUGmXD
P/aZNuyedSYh5eJNeeVt6TL7+eTSOBNz61mxmVnI0jXW1MhXKrareuGhzN1IpsdhXL1ogf
U1HJb3Y8H5Uey8w8qXI2Wy+Aan1q9ZENhWWRD/M1cGLITy6+zTVq4YNK/Rbmlk6HT2Edtfag
/aFSnztUQ/aogd6y9vb3oGS6ntV43rMxzGgqimS5BWvFW9cy71t7LRgsfKjxnso+WgyRpBB8
7asauCzdPKuM/LdrJYb+ZoSKPdkXz+GnmkUFLcqqb61mMga29WLMwk1I7Uzwwkmy5h0FRTOL
sRauHETJrqX6eVSvLIT4i1+IRpHYZ/DYWoIH3G/amxKLo2r/wBadRzM/gWjHCOJi5PE3WjL
i5bSNqbatUicO5HgJ3pkeMhl3oKN/OtR96kHxPogrhWQZyPijXKorhs15IuUg9BR6ltbU5Ks
t2+HdvOsq13NZmNqsNFq5rSrX1q9SN2WpUv5j1o+VKj6ZuU0yncG3sj/AMQr1egx6V+1V2a5
7U50wWiNiKS5Atre9Kez8T9rvWVVBkNO/hUUt6k0o6Uq96h+dW915swX5RvXDULGi9FGrULR
cL/EKsjmKbV61KTPCmpNv4VeMZHjtyja1Frs8km1xpXl2iLIHr1oSEASILy239af4Z0vo
a4C3jVN7daVcQcYXHMovrWJ0srHWQfEe9GM+LLIY9/OmlyhU8NZI310vtpWeTxsdB9aDwnkb
/wCJriWLy361YjLm7HU1ebEpG52U700issqjS6bUbyLEh3Y9K0ikxrfO/h/KsqJwkHTLagEF
xNyG9GQWDJoR3tSXId25tK1rTxVqSfY034JvSn15ulMjeF9qjxAF7bntQkG0gzeyL1qHzJNa
G1Z2N/YkJJBHM1u9MqH86QdDVIFqzMOUdaCJtSjrqaYlrbStqZ+gqw8K1xSLhT1phJYx1jj
1b6mkbDxLDcnmvd9N6WmCz2GctqSayKM7NuelcTGyZYt+GOv0oulJGY9zlvTTcGU5Bohl110
riYWW9gbK+96igxKe9nJQ/MB/wDuiLg5tc/esy6zxnX9pa4ckjZ7aXGg9aCcUlGdiNKv8v8A
CienRe1OCLLe96iZ9ozf1PaiknvWzHX+VZWBpalyNeQrzSjf6U8pAw6+OaSuD9n4fLCv99J
ua3zeYrcj0rMMXKPSlbOZCD4jSLAxN3zadKESaa+FgOns8h1qynShQ/BKaEi7ipJ00ki0f8A

rTjoRmrITqpsPStKU9r1CnZPYFWhLKcv/bsOvekkiLSfNbSnY7k1fogvXhzGntpGmg9a/app
Piy2qSQ96IvzUVTQdfYobqb/AFqZ7III1r3YIi2Gbc1PkWzDUO3WgsSB8U+oJ+Af1oBTnxZ
1aUm9qLtHxMUriwHn3rCw7mRy7fTQfzrrp8QPvBtLEo98KbD8qPoVfTL/60uVjI8V03703
93MVuELchFc8ajJ2PWg635jzfs0hHbam+QeKk5x4rkUgMljf0y+dXEI5PiZv4Vf6AHw38VJ
EoAiTZegrrl71Y7GmETrodATWkaEeVe+gsO4NAWtkJ/hSrZpldb12XvWRTp+NztTCp12tlK6
+dYjBHaNja/y1cHMra+nsbS9xW2priBc17whO7H+FEMVeMeELuKud6Zj1OILJltLILsaMcFx
ENGk/pQSNbW61trXMBkKkMadzrXYedcKLW25pV6mm4knD4iG2Ua2/ITJECAAc7buzdKVALSnS
+9IXzQKNM8mzUxjEuJmzBOKwygUGbU5cv1r7QnY84Vcg8707mJvdRiMHuetMrD3fc0/C2zWt
/OmsSx6fs1I4Ugs1Qzyi+S6t5iiHa1m5GG9u1WgVl+dZAmWTc0Bm065etDE5VI6L3NaoFxD
MeoFNEBdR8RHXvVzrV28PU15fClZnP0oSLdVHWgyyMT5tV21FKoOkvJ+dTJMvuc10KnWhr0/
QH1o+Ij6U/p/KvswmNLtOAT13rEKiKihtlFq8I2rEECxy1tQORb6m9vOk9KXTpSDplr/ACVG
ALDJ09ho1qBU1tNPZHWF0HhaoRbS1/41e2vDvWDB1AbSsVoP+K/pQ5R4R0qX3a+NelYvT4qf
Shyj8q2FbVJcX5+tLjyrTXUHnG4pjlF85rWl+VMAoAv2qLSoADYZjpT1hxfs1S+lPmUNod6f
6fwo01YYk65hr9ab1r//xAAnEAEAAGICAgICAgMBAQAAAAABABEhMUFYRyXEQgZGhscHR4fDx
IP/aAAGBAQABPyE+REggf/HcB8FsZxFIXU5ma1jLs7iYEtFi/CKNCJwAaHMBGVFaW8uyXms
/CC4gOJEROh8CrcawY54j4TEjzLpj8VkaS7+HcU3EjH/AOSIQIRIwFRR/wDmPk10Xy17mbcs
YwVdx2m14mwcohoYELFV2SuUNsKvKxHsFzjqjOG4n5/gOjzLIARnFL0z+AkcfA3LjmiRiKs
JKj/APB8FSpUSKPyJJOeVVMJLPgcJvOkowXq5rwhBGTiZ7g6mfcPE9uZjI+zBLc+kmcn6yy
jJqMyJmY1ZjvcvMcWYJINENwC/IKiSpdS/hW/AxVf8AyKlSoIaizBihBFcpIEDZg5FM/vmO
Fa6IVWNPuEzj2xUm7blIXE2bqcnMDhe7MQRIAJcnEYcHVs+0AvBcJLriiVqDUFbmGKpki4gE
fiMhv5d+JK+FfKSokSJK+AgfBXw/IZRS4MUZtLxia3cskHe4+XFA+T7mUTwR0hXDMumajAkp
XlxMxsd2y+k1QFswKcnKWSz5I5SgZlXMe0p+CyKYrKuOcxv8LEEHyb+Vxf/AJD4GGKL47TH
D4D4bhucEatVhQ04fCD4M8uJaKmd2nEhk6nLZTzogFkOYTbVDQRCPH0Lh9sOUYDltgKqAqPy
ZDBNQ1LpaHzumby8xfgsWXcf/gMfi1zD4i/iH/6NFwQ2oCYmW9SpQTzszHpzEPryQedQnu1g
6w2jokTNO5KErcFL1BuljMT8FdD5mGo4b+O6Z/GHwbZPgtAICt1PBKYC/DzsomZotxRZz8Li
/wDwrOeGdT4D8CSpgTaUfDSY9JKCEORV4SP+QjRGEsmpVVv4hOi0dHxGP4ZkAzCo624hy23K
YcP/AIJu+DGGEW/gp/8AAOJbBLzCLIKpcx+DElFfy/jAR+IuRbwS9mXRInxoJhH/AOAmk4Uj
ji4mCzmt4fzUEq1LyRiLZZYJLJgoGbcK3mMwy/4ZvzMuMzg/jj8M/htDb8adCXpAZu+K4jki
fCd8KoEwzcxwC0SMz8TCI6+HpTF8VcMTJdsqKV5lqBNvJOXQGowk23/ANiJ5ZdFgUJZkIIIH
avqZyQyqNIU+ZuS3wvHwH5LPjrg1BUveEpJUvBJgr5c/GUHW8CYmo63Mcsu4YMPXLc1Kiu/
is+NgV8EKmbA4vW4W5zsPHpiQbVjp+AsfHrCV1ytvUhdINUifTNmVZKuI4YwTdy5nNo/kHE2
gjGW3Kgyy4xLWZ4Khr4V4+DM0y6Z+JPZim46jH+JkzK5YtdK/hp+GEtXkibHcBwgbw055n
FxY8xSWkKwLuGMX0dsKiKmMRsdpFibGvnpJIm2P06XYRNhHqK93Utlw+qYTLcYvnmCAjYp
hOUuFuVRM1IyipsmHxyiGPwrDbca3HOGMjGle+IBBlr8eCZJl8W9uSziPEM32RB8KB2UjN
cRoG00RT84bnD7s/iDw/qZx2plljf1N8/7ymFQhFqJmt0cXGImoaHUPWWDICeBgxL7LI/G
EU6mbPnNk5d0m1MumRHGcSJWCg7mQoh0NQT483yMoMwIJMYI7oTrQsiaiRFuXokNfG0shaMM
KX2ENkCmo2QOefc5LW3+/H+SV5dJ/wCpFs7GfuXjmlBYtbVSjbKWgKPMFllj3IEtLPgJA3Of
p7RBHUK2pWfghtgCvcA1WKEQ82XZKFi3dS2piJnRFeoMQUGjB5IJxrhIPP8q74WktGZpmTL
RFVjMLFFxRvRgu1mJsYIKB8bSQpLg4n8BxaUIPXEcl34mBTBcFXg4iYtJ8TH5MS8eAf/Su
pwhmGCKlaJ3LaC0DZ3c+zM7yf4m6sQsoDcCzCquDClucr49Ur5QXcEp9ZfK6PsjJ3CiddRBV
zCAKXywj1BW46tTFyIEZTBuUI+BvKmWC1hjUpy+AdEy3E5blcMzUdygPO4TFjmYW4TGgMxUE
6fOwECbdzMsQ+bzNE5COGIOtG4GV7d9y4I3TLdhABIEUvcBmQurgIEAUjKx/Rm8gBYmpRczN
EOYtd/DIB8IOFAavh7xsWAnTn/BPPOuSZ9pPYNYiTU5MdLDJAIBi2xKmXx3oCWlJ3JTKtfG
q+JEEMEkqjMic/EC01zIty8Mb1hWRIGiJXpn9oUn/xzvH6nUrpMrfnedwpfPcS3s6mmxzj
J/IDzCTZaM9E3k6SJCbS0+LGVr+JXBE+W7iCopKgFsrnxBhJSOe7MyTIKnmD/8AFS+4nc1h
hgBMIEyRUtcKfWjcl9EQcCJmlflMaWwlQwssLNRGZNY1ZDHS2B2MdipfAgjUQ+L3/8AERQ6
PhOIGKUvBNTxAtdZiYsYxO4lqeYdOLcUwg7ZJUEGwHL7XE/R7aG+0LuAcraw6lk2Q5+F18i+
TfzRqzD5kYVkmhRI2dysS5zmoZ4oXG5+3Aj0w5MCWREs1G7GEiBKGYsyJS3EsquJju5Uy5EC
MVRUHMvyyuhEzdsahlX4UqruC3MITMPxbfEchwF+DP0dPTClzMHcZKNUIYBnBEwHd4IGYMeF
6ZiHhMvAvCWaMu/Rj40LuEzVzjPok07w9MPPwCbyv/ipUomaaCNozVBp0JFRHnu4uNVwfyDA
Uut6jeT+oqIXvQ9rMtRLuDiyspNBxHdQ5m9maa+SrnmdSLtR2WT7bLKVngmmBG7NktNrK8Zj
y5mtcD8YHxbkdQ4rUjP+RgBZxnVg0YuANxUDhjKwXHkdwD+al398wdU6T0v8n8jPG6fJ1GqN
Of8AqJ2wRwPULdReR7a4t+N2znBL+CVKmkIq38GeJWmGMpgoInu4dH+M6i4bRY8ktG6ud6E
CgYWJK4liglgnZDLMwtNsyfAncX4jA5IXCf3iLbohOIR0kJs+4WzLYxxWRjcoYdMrVQR9Hf
X6uiVA+4rjt9mJWl/e8PxRg5aFNkBOctI/+TP8kVpDx704idjY9M0ioA8qZTFdYhmE2u0
mi7Dz8wlv7sTnqGHwEVn41bMfn7icoJYmFwqjlnu94XVKCch8cRrzIbHqEqz/JYH82WSZ
uJevmbLiwW/GfHlzeGdFXNIIGDv8XjMKRqm+c0V3UX/AN8m+s/5mWKR+2MxCSWI7/B/wzIa
Yx4eJbnTG5L9pR/Kf8yoNZjpe/oypb3TfxGWxqlr1BNys0CzpPI4lMrq81tc6nkMkwV9QDCj
c0ISwnG0fzG7bhENTaqyHIO/g5VkJxITZBpI9gLXiWvpQfaDS5bzLjccFupWPESzb6aIodXW
nPIKyD4Kfzh+o1B9jTDobl8c3A1y26l2GCyDuEDEGPRHcQDQTIbQx+39jCS21bY5IWMTJK/B
zaJQUTOHRNAdrMvmVfxOY+xLXtYv+QGKRTwTAH+5lq8D+pw9cymtOK8nUD8uHyNMFp3S2fKK
BD7XXZXB/DGIajznuYLI/5amLJg+97pp4lc5UaPUDHqa08Vj0CZ7AMSEDjBYJyg4Mwf6NB
nA6l5m8cJtLpj8TUcVTbz+NohgAs2vLpdzeUEFWalLeZi/2iY9wUf+MwOW8GebOyL0bywL6i

itzptmMd8ux/Bipmuj8H3zPx69QeDeDv4GUUkM8lpwvtUrGbBMu8xs/18TlaDxbKUBmeM0q
5T7lanYXoP7lyU2x677SihcKcQMqmeDg4/Uj6L8BObD/kTMpXMUPMFmzD4gCO3saeojCtWn
IUyGQ4Hklg9ubPDGpZoOgcRX9owFSLejMqLZ+iEFw1e+TDpmvcXgd1bCd3yvslUfDB+BwzFU
MU+6VPGpHD+BCdlrCF5qORcMC6+zX1KfJYlahTROYv30QWbbu8NLA/lfyRXYTOSIVfc+7FW
CJenouVda2GzN/D2jgS95T9y5CwReh1q4C+KX97y8S+qvQPSHUhwFuH8mzf3Ee5cHUoAy7YE
7kv0linPCHMIQsmJNbIKDo9OJSRdq5REd6ef0h9v2VlmfAcLpj+TNI+L5PRB7sAPEhKkbJtf
4jB1c8VMwngcrBPgi23Kpg+CmkNswY0k4gundHLMW9mseV5GYsI6H+aa+q+Cgncnl+Bg5zuj
84C+ypoSkWkvwAXk2kgx9m2YCw9IvmUmVIMDDDDp4c+gn/Zr9FHglCialFH3Lq2wPRxX/ADMu
TbwcES2FRL5TKfntBtVpVtFySoVLETMXAjiTQ8TYAU/YnFIRGAZ9YFMfRN9nLZX3D7OdTTS/
q6GIwQMlfH7jiK1PDweyMbKefivoggGiX9VMMIMYMU4o/iyKLxsLtnSYgetB/AX+OohANDF
IX3f9cS3F8DZd3GsYewSwxXMVfBczrn5umw0f94jkFsu4IZ7UwKwdBDJuNC/gOYphDh7CUQT
AnC+qCSSglb9dS8LvuXWqNqYTX/pCIsrBkmDa+57iCtn9y9g4rzKmrCVCQO9c2GX3CIUcb+L
5CL8NGx4PPjEJCjQtoZlRF+y/iYM5edv9xYJZuEZkud/7mbiqAEzxErvc7Zd6jcnRLgjiDHXy
LUt47uhLabRvUWAc7hmwOWX3A2TTboVQe8GeuJhtBLjLlhAuJ8AfgeV5tmWiHCNk1HDHCX
I2REsBDEMP8Ak7ZnwL1jwRymCnbM+phHnjxhZtnxE2Q46IGBl+pmiZKpSOzhz1Cqm0rVhGDQ
dywDLahnaYGFuXvm0QTDfexf098soMlCJiqnUKVZ+Y7a1QMvfhH0d/DLDbCn3KGYf2jk+T/
AIEBRXwoAONS7e0wUxcKDB8HwV8IwsNbVRMRzBfXg/EF7ixB5soeWc8x7v8AsJgiQmMYu5vU
UD8a2Ls2sdy5LJVj3NoIbVbtZhprrx/zmUtZ/YuMTN0/gP7+PSKO+h10tF7GWxgoFGJcysOE
op/xArYfsioFy76J4cUGt+Xh+hBNJ2Kn0nUDaxciBI0c/wBCOPhAdqVLRKb6CbeK/pgkX6Lj
zB/756eY2pUv4fMr/m0RWd600czAYOPw7/O/uAjsSw2uXoky4qUWwRgSoMcZ9T4wP2FbBwNf
Ckga3Qpl+ZarytmHyeI/kcoNzaYBGEcvgwsdRsyYAFUBIWB3J4/N8Rr4d4rIQXLvKx2iHuy
qPvs9MIEKOpufsyarA5sH8Uo+PBHHZovmVYgzkfTNEbnx99xrl/X/51XEvg15jlyvLxLiFY
ny6zVaHMATxmT04IXS8yuwQPtO143H4X8ZuQkWi5xtdMydNkm7PFY/qVcKTcbb/PI/JZLIND
MNIXNS5wEFEo4lfHzODIf7IHSRqBnHcXYUCIFaP0TaWkqiqYXkdonXqUEhcuYv3KfBmmH4X
CFGa8x/BzKZ5yER2P94rOr4RzKgwP7nJ88sq4KocztIy2WNEvJV6i6UKD+EvR28sTFZqpyen
9y9W3blMCivM/mWbrUcHojxVLQfWcdzLOewLvkUZrQvt/wALIBYBXiA5Wi4losJnzX9yhOLr
e0Gj3Rsf6gvKuH9QOUDydw979E7IjpEnlcac+oBr+T6IJCwCDwMUvxIO6rMJDy0dOic9v1G5
FY9HxK46hEQoj+8rgQ0qC10HawutDaC3hbi5ifgA9eEUUIYYXhZn3dWFcK/EndgubRPhWW36
Tf8AcLbQZQswmbtg9VX3CJdNx/UMFRC466Rv0Tswcx7dsaV04LIViBvqNf8AeL4qo9Mpl/gl
tsTdKg0/4RB4TLqZzB+p/oIIJwuTg6iOS3WTMq9PWjhMoW9gxOWJCMd+BCZCvcudnQemz8Tx
hnFXwver8W/MH8RHEIJYbGUGk2mCgirDkoA2rMFSZpRsCabrdAcD8SggVBqW/Fcy6lFKBELB
2MSb+u8PyS7LCKHC9kASGio+T+5wFdUfLnL5ZfA1YZrUyGqt0cQi5WvkNpkh9/Pol3LAUy15
nuOPVgaCbISMRULYbVmuO12aI0Q4RWBwcvMMF1eYPHITiWITABKGTm25xFFxCO3D2/eZMt5p7
6lX6dDwvdAEDjcviaZS4qIjdjgeyA2AQEpOpsZipTXFNQVjHBzYnUtMCc7CXS5Vo7P01KrS
YlgG1EtM43mGupmalLRrJ9jCqrXqWERqIshowF0Jps+IrlZT8T21T7HP0x7blCWPCMODUH/D
C/U0nDFD4vPnnOW1KAeGfmHaVFmmYOvDxGTG4lAka7nQ+otRY5QM0PjghR6cEx3eJDn+0wLB
9Sy4TptHbxzBBgD8BqUS1Ljiue24uYp4cpi5p0SH+ik5OYSBnpihxcvXZeiWZJ45fUoxWsdw
tLe+WGHcRYUfvB/19SpTN5PJGEEJxB8FW17gmR0LnGkeE7h6IYcSrhFILgN4sXThBf8AwoQY
ypq6qjCISXK1sBUyChfr/wBwBq9rR8fDSZX/AMWiwPCn5EGxGWINF3FOjrLQRdXAdzI1/Q
hNDhJaMwUTsSvYf9IbZx1DauuCH6PPMMXc/U3JHeVD4Mue2DTC5maNJQhQsuWF+SXoZTNAC4
2pLozKbgfcOQIVTHLDBuYfUzuLfu9X7pKYAipGIIOKBoh5ISYMy9x+Krz8KEqbgUmk2oe43S
Zcai/hZQxCOiMYSyXj4/NQw0jC7qVctLK34W3xmX4PmElz/wH5+NoCkslZcXCDSVoIcP/liV
GZX7h3co/Z4m111DADMHUN0t14U5QWJ6vzb8QHAWrlxs91Wnw8BqYblfweXDhVwlNC9OVjAA
oYPUQ5jtVv1h/qMifCpElkrvqHGBlDJtoWovhB4R4J4uyZqHNVI0VcA2RIkFOG4Iv+GrkNAx
LhEfhmPDRhaaQizCmGEOLxHIKwekztyy5nY5QmlmXjB7yZi7TyG8Vh0EJgB6Ed5wDBjyMoC7
grMyuzhJrTMe77scDzgyUVKwuYKA7QBolDNcwwPv4TZ+hbLur0/iOiJxsDhVthD/ANKNU7Ze
nP2zmYSmlH2nV5fJCSxCuApLvMbrxfiN1/jamKGcfazKoFpVR6RkVE/ifZtkhHnx4+ogIC6N
j8Kp1Qp+4WZLlvhDKpd6S1ZQwo/KIL8F2vdewJGGPocVrL5tqNTUr4gKegkcDap4eZQMdaUe
TlXWDDDF0EdM5mVNSOcwY5TAC22cGJxqX2nglK0CWnRBT0cuCt8oOCXsAS5SWvyQjOuQ1iYN
KMn6IYOpfHGDskW2DAwdFfCSmk4AqWMxJhFOa2OSctrR/pPL6lspxvovIzljP7zUdoXb/RP
ZDuVvLyDTEyI/c71w+TpgJ9ruj/ADlyML+Gf7JU1xMqiYqM2XhisYqZf4tPhJMsWwCvRaf/
AJOqk9J1IkgVvIDK/HjP+FlwHFmDkXwiMN5IQEVqilP7YNuzBwIc1jZh/wAdQ43df/Q5oSte
TMr5uXehZX0VZlfx9T5f6RfbuUh0cSrSNbUZylTjvi/iPRFoSYJkg0UX2dyhS4C5+59dGs5E
DRnmeFsLUQ5gDCfDXxRrel3z/FeUv6htsVXRa/RLGlioKeY6oTgY34hlqZv8yzVQOoQalfwK
QqjaUMtmCUED5IKNx+WZIUPMUGGuaepmYmdrw/2+ohfHRwyompXRDR0TGMG0t6GVZdE43/
AMX4fdRw2OApfxoY0teU/LGamgG4+FDzLleJSDu5MYcIote5TPtR5zArbR2F3DMIS0Io+Oa
KlzAnfcdHp0bc+ZVWL6n2k0wa1/ezWPoYN0Roj9Df1NCN6ppjJOU1JYPjRXKArj/AJMTX+c
/wB/E4gQ6xmUDiNonihBUyMR1ZtTMG+J1viMqD41EonXLY2oqHFwLuzMML1cU9weOJWG/Cf
e5mLfR+YiKeDJ+YbpbY4w+w9BERPANP8CK3HvDjwT/uoGJbMP+NS1qjV4d/4hzQD8EpUtnv/
ANCPqarrCCkAJWpYh6w2bT4r25hS3XpL/f2qAmzMKXqqlRsB+czXBD2cFcytrXv08csyLFT
IUU4DowamDy7woSxO4dL/QN/Uys07D/wgCpxMIvivEF8TOhuBs5YkV6gXMGxKfhQmcbv+Roy
WPnwm6kqZLKyBwDSA/bBLI0LHahPUO1FbSTdCu8yS8h7f9wT/wBFODRsPi2+J5DE47VayqGI
/wAb5gmZWv6ITlcHEXlj9mAnYX3WZTDRcfHvRXDH4d9FeFESctto/c4Nga2uqjX4mVQdULS

gx+Jg+c0/hrA151VCfsR/UcSuY0LVZ4IYJvF25+iVAaw/UY2MY3IXRWrgdM/dCFKlyJtC2YR
d4i3a1logGZM2k7Mn9SzHjXOegtZWe0GriWlepkuUcyw+Fq9wfrqAxXiLWangmNc04fM1zLO
IAbI2GnmC1X7mSIXpn5Jotk3KsZ5mGX3qWVsw09eQRkrJPFLhYS9rxWYheXu1bg0cGIYdOfA
bnL8KyXCoI8V6BAOPaNI7eph9i07hB00YH3GmWO99+5QPdIOxD7ghi4DQEzx/KWdyLA2Nj5m
fGMp5K/iOLDmmsefM7JjMiEZb+W/wgBqsdv9k5rfQWpbDBfmTBac86XVQCIVK7xubPnZ49zR
impwX7TOIDVdPPRKIPzPPHHWtXvZ+yFoCH0519JUP7gcXNfjx0Qsf82EiFyur7g6fBRPJNWZ
1kZid1sh0KD5fApCObdj7hL4UyxPZM+dTLdj6zzj9kbwbz/hnGb0v6j4gTviU6nghLTUSxxF
22NuHuWeh0b/ALD+oeq6Oocfy3PL9wJBHwIq4AtxnphmO6MVE8VMJhF3r5s4gLEVAXeD2mTq
8Vr8wk9tmAMVdudS5ZWkvbZ/nKoWUuPFJ/1RsjUUqvXnD6YV2UIyd3s4ZnrkkRHCa6c+Y8/F
cpLDkYK1D8OWWuLNZqyJiWFZfoP9wCbCPX/qU5aymNiY32GIUrKfsP1cu41f1uNRUofXL9
wYyEU6PLbUNFJA8cMM0x4tZjFneGC3G/QWVP3OhSN8iBLFWjmWzJAFI88/4mTiWlmGyGEyPg
WblPMrDwMqXZiDGQSZtZyfqVkXbvukLMSsev5jrmEpATeK+HNck1AcL168xM3AAIwKiG0LB
q3coYPO2/wBQLptYelI7oeFyc74humzHYw/GZceSHXm+fbAmJDxSx3LfuX3rEdYH8v6hrex
L8+o2Rkx/wAW51/h4xAjeFOJX4iRscWizP1K4abGy5n3WfVfRqK4PfJTY85GwjcoWVLWwGq7
JeZQMSrT/LANcNbHDPYpPEsRaHf7UvL6nZZGjVm8DzHW2lyvIcS2xYSYzh0CjL+Zo5KOBdfo
IkDxRxCwI5Tj+yXKD4QuUNBONADj+SvuXbhBoKu/caTi+YPI+5pOAct1XuVFyKNh5S1Lh3IK
M/UUuJZpQ0otfPk2Va9/UaC3VqW5beoGKsY19+YuOfCtLkFzHAP84pYJhVETw3fzAvbYo1Ey
14fsy2lz8b4PzARekL5+mR8OgDFBa9X+hj0PEUOXJuoPPZ7hAbB2rp5VHjN5oIpOHaxe2CQ6
xe+3/MrjETbf9xFYKi3Kx4Wcx2xtRZ46fESyYtg0yQ64Fv2CtQb1Np4YIBwLYZSml7fuBF3
CNenuyMWHEVeRznqjLkHduUfuM6nLZXWg7ohvIVXgto5LbuWiitGyvxXaUokQ8G3wQpsJR
x6s5ApZEzCALI5H8p22AVquWE9FC6mDBiBiVavWoSGwz+BFfN4+1halBGhmMlq86Iq6kw98Y
/uLb8Hs8fiU1Iw3ucRQnhrKcuiO6kwT7PB6g+g8st7qbejBHIKX7D/AfxCh4Q4TKfNHMMXP
UMIHkhw0Zree41Rb5WIFsPwN/SXLFRVWwSQB3yhbXAJ3svMv0VsdHWkqYfG9DprX5ZQAGwc
XZs/snJV4BsCuYi5VFLvIrEdRzP9sA8xw/8q5KLMC+/yXTAEsrM0PKJtwbXuVGn2SpnFBV5
ZkYtQ0faMEXsIHHh0zwDHRFfp+ZZ1DHCQewlBg6tQf2Zrnbu2r7lvJX0tGcUfyzEW1A33/mU
CyRoRk9qpkSznDrPZzml+K8wYyZFYswXsZKwOtlMLwWC/wDbqswYGzXF5X/sRiTdBYGu/wC4
9mevKVcZ2xMD+EvEot1Gy7xOgf8AGCVbYvtZXH8i9Ptmc7iAatkApvODieY6N41/7HLaidNd
q8Oo1uDre128y2kORdH/AHM/64IAqG/5eR0OJVuLLF+UsaEdgcZ7zBvTKGwLDjFo45Q2Pp3D
w85VZRjVfGp8HzN/xHMTUp7ZvW/BNfFNISWdLz2aGBOikCWnoqcCKGvRJBqBN9wR6Jao1RwP
PVwiZpjLBHB9cUQYXRqC4fEUuCMVbuDfD0z54hrQEU3hx6lNdo5z/SOpN7ZyOSzXfCKY5NPc
pgNZPPBLpupZF0yylsExTs/mCovcWeTcojDzRbsQ+YZseo7dZVuxkuYXV3WI/vEHwduFVptm
RQGWHK7TxyRfoVXB4SRhGcL61MuVMrdDnK4gbscltqN+bjhFFFqLjVdMwrg1T1PUJwuzLev
W8Qnjh7YhdK/AP8Acw6W6DzMVOC7/hr/MyMgtXQx33Eoix7F+139zWW4lmhfPmOjbm1lflfL
1rkLX+L+YACDguZNSyoq4t+8gjsdm4AgUqMYHbzDEGv3K92DaGAVFh48S3D6gShe4/8AiHKF
pyHaWIVb+ZRBuLaoTqklgxi0N+aVP3UNGQwWDSZaTMJMLedNI/UrkeVo9J+GZQrn72YqgGUQ2
zLe1ByCVNC+/9IoYKhzPRAzhRvmf/aYw01rmrw0y5Hl1yhOywvhY86Uw7Xe7iYtaLqRruzC5
cniXmOospZP3cblcb3DPQ8wdaqmgocWD3MEFsW6j/ulfdvhpby+5rpyThqvMed2Gk9/mPZDu
BYVe9xOFU+wN8x86cYtLULTuB2ad2I32nZBCRAVZhZprzMvfbLG03q4bMRBb4dA+YgZ2kEYK
66LMC8ucwqmyF6ygZP5UXWOrsg/b6I8K32srsv0mAfueIKi3hdQubCH35h1+RV/B+ag+yb3
A6K/f3MLTOkTvIrV3JSskFsNpedjjTav8SuljGzQLiZ9oN9aEdTF4CdRzceYgj3lhezpSuv
cAF3JxHrjeG11HMRWCiy25XBIbdZIFw3WRc/ZudqwwXriCi4KDejQoprcw2nqiYxorJdfcwc
XYGqXfPEWBMjyUISmEXhupnGtWjgjTaYgzsYRfrUl+yyWsMEIBwV/cF5z12OE7xBU7ltWL/U
JpGub8pBaUa9pWsgC8nWpx3gLP4PUF5kAnCe0JhhZpd6E68zJ6zoqcU6lwtqrqQvC4mHbsrl
5A60PNy5PKgRs05loIJGX/D1FwLs2h4MiueJWqBVRu3XYuJcMsk0bW47nnIyfQvJd3Kryyrrq
x75ol2tubyLRasJSP1DtHVvzOAORWiXc5ADIZpqjqujB+YzwyNhSv7hoFqZumCcBzJXAp4mX
Bo0VhTxFOVbRWLL3BrXk+iLSC3aQodFDbnjIKliqEV+Qepe5rTww/kxpmF0GJm/EZ/xKnUuh
RP6nHcH5vEt2SBKQwwL6mcYqF5eSEgy1M+A9Q1WJGbxgO2egMp/m8ytkdzTDOKO5QXhDkHfQ
WTDdeUYfye+O924hzdIYpPndM3zJrkvNXHwS3DOOM/j7lprkzC6DLH/soGI1TY/MN9XKCIjP
V+QX/bgBJ+0psdMQgIIGIOEs0coboi05LN6o1BEBOVUPEpXYiC87gPDMQ+x7hosqnB7Q6pw
uKN45zMWChA6NumpfXCzcFdcylBgBahmHS1/KxR4hrUcZaq1BzSabltd+40v9QH2n9yoIfSB
azCfXaXUMeA2tdfhq5kE4+8bbfbL4HL3sx4MlvmMEayv8mt0XjepX3rcyNXB3ASyxvyxFjmj
xvJ1W/mXKtsIa6hl/jibzDZ55jSrN2alX72MFYnGFuGCrk+hp5xBQiYRet2H5nB/Bp4WX2So
sZoR45ZLjsdstGC/Rll7s99pZb2fKBtp2/iF7VwLONLzw/mZdZkDvU2jqIWKJUAf6RwjVuf6
DzG0b2dRsbLqhrGXefmhfqK+Jd4hrJjVafVREGFQs4cTfd65LaceZajPDD7YCMdVCKVn1LZU
5Nhit1CbMv3Svghinhmogn/cE7AG6ATGDez1DhWrdphdxuegC3jNANccwrhShnWgm16xGoWW
YW8HW9r9S/Alej2bGvelj5GLMrK/4Mo00Z7P4ZMPc7Wbgb2YsrnRz3vMUQ0vUHZKgEca3pj
HuCAYZBhp9R+AVgy+b4guuyXLxO1q9NwA0VAAWBN5ayOoK6PUDjM3oAcDI7iK3hOa0Soji8U
+KjPgpc2rH1MJlnBbb2sUyk+ihxUUytMcpGxq1de8RmBefD5uUIVXiF74fMCBhtqVzfvEAH
00kT4Zqe5It+Y4en8RMI8g6sjle54Ta1BMphXBAsaSOU/wCKijVvBE17mHrMNSanHma91HgG
mLH8KdIDAX5cS356y1Gh6QhRNoGb4JapYL/wzNMqu8H9zHorEFny+h2x+lysl+uocNyUwDzO
SM9TvNUy4sQgThcaUpTAXhbrNJ/cMtctVr+kCAqOv1WorRaCeS91UuRFXMdkJOCEAs7/AIEu
J0BMOc5e5U4VwoOlb8VqDPGiAgCd+Xc8mVoCZ1R4/iZyttwDhV9xA1tfnh5OICgUy1aLy77
4IqMA1xnTueOLtmDoqcjI6lepZCiXFt+uKfMw85x1eenmeq6kvhGJAXex6JStzOyLQSAtdJc

QqR0jh08sqpyxKLCxJINcFNmqn7ZVd1LggFfhATPA5Vf6jdhjTaydxvjdJn/ADHAXpL3HlzO
YzmXV1mtXWszanUqHR+cQEVmN4OS/crb5h/RCKB6+NOJyUPIAH7dIofwzi8BemgnZKPuplzl
+8aCjy9ErTP4WDwTcBLt7gurCbMcrDTRjKx+FMIWTjxTGrN7Oz3EYgogzi8LYrhaZi/O/z
NFizmov1CJGDu0pg3rSvMLxjdt6g7XnFKzW8eJjNo1i2W9S9BuOBs1/wxHTyyuj1FqCt/wBp
coc4WUF866OCWxWduvG76Ef10s48vvyCXqMabOKOf6lwoKRYt1b3MfJWN3sLOFf9U5kqA0qs
jx/HuZr5cQJT+Wt7fBB9KdpOax8A0Y/EefNrtRtxfd6jgqaxPKhf2q5gzG0oEeSurGm8alQ9
LsV5OQcy85Bpwf6htbhbXVaS7fczL/HcrsjJwv7QuC1df3eEubwIm3vk+5o0VziFvxDDCuw6
AAy+F7gJvW3zFTKAqTxe5jzDT7OYidhU4MXg+EjbjmLjycEpLGcvVkfQJllgtGR45g3Yi3
NVQ264gMWuR1rQwLx4gAB+NO8at7nLp11sYXSkXZ+nEFOdy8uYSYNT1bJmGj/gCP9Q82aBQd
1uXQlwJ/iXHGDX7qWcLoVK9Rmrch+hZkDCEKO99+bl+9YPPsJZ5FItZ/7KSGn9owd0NGPAhC
BKgoujZXMDoTEjreV8zJElsoofcp2NLxcWRQwilj6uC7XiXSyyGvqGH5StH+aA8pRgPkSlwM
DinRXXEdXOcxVQDsDhFYywr/8hqFe6y7/wCYhdhbb0TDXWHCty6ZZp5cjqN9+o9m3LzEuUAJ
A6N9dZp8yWQ59i8NOFfjRHJJXDFHdnJg9vqPwcAwKr7HusRsuoqgdF7g78QBkhVK4Msms2W
yQZZk4Jko1juFb+E5Rse/q5aK2gbvwfTUG/wh6exjSKIEKEnMvQEbU7jqX4RliYYFMdewrgW
y1KRKKBCv4IjWEEk8wpjhRJuB3/EvGnM1+HxFyyKx8DAWREVqWX/AFQ5OVz5c3pyz9SwZe/e
xmgzxKowzWZXH4CEImw4LmGzzMzZ0YGSEHO/5qZkIyOa8afxKQt4U6ctcOpWSSwbstn5iX2P
7BM4PvFQGYrDkfpq4dx5FSidwYMjCE+DO/1Bolhzkpf4XHKQdNW7pKqbx4cXr8QrgsaUq2b
iShLpjfL1Fg01sCokXq/8vMt1YqxMdnAQ0oAqhYwa4TAyr3BYCJbngxQAJZZB2jA/8AF1wq
yCYftZhszuZODSGGU7XcT3YCYBqsnsqXJftq+7zdBL6ywoQIHTnQcZIUgonayG6ziUvohFr
Fm/95iXBwAuuW3/sb0QNkDl8nPH3KA5ps16R7/iJenTgLMoup7mp8zi04o6gFEBzXU2Pjqa4
C7Btq+tdw8cKuMcPq5nbRFTvh4+5glIRXgCv3KM+nMr30RYadRc6oc/UxD/ju2tO4DS1Bd9E
sGwra7hVWVoe3MwDdJ8YN/cp5Ao96+nqEERdAW80vEMKrwImqhJuJhb1nWpZG8Tapu3bZuJ
PRZAszo6Zt+LB6Pcl1W/c47lrn1KY95L2z80uY+2QIyXhN8yyq2y5RXLfskUxgwDr/vGWGtf
QmP2Vly0FMPNdB2wiHzcnK39SycdT7IWJzKA3C18DSXqoG01bX7Qc1C88Oa7hqxU4q2+0IWF
Zr8m4mZaEYy81WpWhZFrDnHRMnGzkQajUEOB7ZihJq7933Dhq4WmMsqveXT5Iba2nJtkfMa1
Tqb9TPWTEWfcEXIU+Hvr1Ut1DMLe5n/aNLUwDgoLoFywj5uAII7RLyExjOZmzQ7YLgzPX5m
TW1mAF7s0plmJAFJWB5rMNPDTcg5zM42R5E9eZcAGCzylh30WAW6qLA9s4lxdtAehjBUTVLF
KARcAomnEneAroAYLLa1qX8G8u3JeK7lqt4AhybYRHqb0lbv9WafraHDXBmKVFwHF713iRL
VlpdQAqoq1V1v6hfKkR9D17mSWqOaPFb/UYe7HfrxMQBkpgzt4/xFGq+X7e4nSDLudSNj+DH
OkUhr0L1zMNqIDPhtuo6eVAKH0Tm2B8LP10D4nlhMgVhtLP5J5eoAwxZrQWXRaru5liqlh8
wG9/VjYcek1hUo2rvwGX73tH9B+5pMGH3Y8kr1CVWacVzFOWUQ8jFF0nYz+J4b6ZwKcVf9
8emUw+jX518N5amB5uPkU27eW10HDp5QdSAv3HYBZuUvEtXR4Qfkk6Bx7HcNADem+jUZypq7
SAjLonwYnjp7agF6P8ASMCSbhy23GM93xNSg0iifDOLhrUpRUHN/p5hVhY9zCDtRj1DBWUH
PCLNaxcFhd0gVklcGeGs4ljGlop2lf5mTIsDp7m+EKzK8g8xrV0yvKsx/DBADcaHiGy5CHU
OfEK1oCgusBoh9KduoEdA/bGS5VhpQrGDflh57n3yKrz5nfUNOPTMGiVtNeV/qVvYCaBdK5c
wvUWesY/ox04QADsKNfUfu+rjBoqISj7L+DqJZsqm7X18x7ZwL59xR8R1iG62M0h2my1Dpoq
X2OkFYa3n/SNXeC3OK3D+YOOXT9gO5pDCnJjituPuE5R08RofXiY9LGBIOncA/4419jxST+
G2aLXAIhr4x1t/7MhIYA6m1Y6ItjH9zUVXu4I3ijI17TBO1Zivfk/cSwCnIop11Ye0Jn065e
l/MwU1Aigw+ifh6lYooBsm/3Yw5wWaPm1Ny/IXMMAfJiW2DTXxcxE2rVRaQLDxkmSMugl38D
ge5eupz3hKnYvtft/UWKFNclBp4blTRRgFrAVunX8ygCwYzJwN0/uN1RMYXLZ+TqL48NHDgg
wfOsWPsgKoAWIWDix42zKECgAlYUrLjlhiLjYiciu6981K2RDuzCycAd3LnPXwvn9P/AFzU
gDi9Mc/UvCHyttX3/MuY1AAvAoxhX5mJ4TmYosEJsmSv9oqMIGvt7SsMuPpXTxwDKvgjxWuT
cJMivNO1Sv4VrMXiXgVxeFMZZZ6zHYuKpR6TsbEm3CSykdi2vBBh7VI+oErlsFRjYNF46DQK
uJloi+ktc6u41ACEEsjf3L/D4Ko7PdR/3CHgP1WDZ9hU7jaUvkSlcLVDQb5SjS2yQdx9MyWV
QajNrM7Oj8SwpNnhHT2KejmfZwgmYCitXletLJUviDtiPKENU0q6uAcPEfJlkodK9RkJSEJ
1Xx6Sp20R234gHJtjb8o1rH2NZgFXENPmUsVomxPsrxDwkCapzcZahTyGQx3DVgC1rbKW6cM
QjKoVLWc+676jkVmtE6msbxXeZeiQrEO9FXvW4Ws8pdVz9TiZmVZ/e5rgjZpTTsHWY3QQY7j
bbAgn2jpspx6i+ebcyrdXyLZV7hozzqOxx/rNKySN34U8ocXFHB0esMrOYC4OCH0U8QYh/7K
ECfCpf4/MY7wsReh3L+qFgN0vcpWpYFNRRedzEEDhVBwjB9Io+QU76uFVntrOU/PM5XZaA8D
tD85ys+AbhrCq6vKVLi563sdKS4Mifdy9fiG09/Ccu5YcqqwZ0emUVuRoEP7S6FQODyJwoel
cccHupqjf2VAcrvpMtM5HcFgVwJet2znqaUqMu0nvHEukqLZKKYVre+GwG4HiPuVZSZajez
6mLOWfmezjdyM06SXOr9QcgLndYaeF3A02BkqpnvzE0K2qceDcXsN1HUGRS/tgYntKy/1AQU
ot4dURkE2wxEkhdWVj26ZtHTG77Za+hzeFGQRdDL9wcnzVsxS4a81kSK1NRg9sR/WI7JNMcc
3FYu2sjDFNN+knBuOBbv2vEWgVxoA+3bKcbDIL64hY+WA+r8ZIIy0diXkGY9rMy8UrQPZA1t
H1/TdTIjS+n9yg064T74Y6MaWzJTr+JkmPfuUqLHSV1AU4cY/LBq8PxXVMEKZkzNpWPK8E
KlqOsY6q5nJbGr61FOZr7f7MpaqW4+jC5ucMUQ7s2h4ZVrn9PuU4ttwrsgtS562/UQovor
y6h/x2A1RoFOTR9MBAx2YHnTGU+PzGva0PlxCPc9dqZW6/8A4skBsyllhmi5jFQHRcAm1VWJ
jzGMh01/HAgArplb6JvPAq46aNrg2DLkeWfmFl1zhslJn26mNu3ULptZ3f1OJvjCyOcZBxgd
QmZV13+Frsv+5lSoslAH+gagg0NjUm8DZUtLOK1Iw1JoiPWS8vKnT/ES5SB78PEZb9G4y5pd
rQmrino7PKwSDVjQYisCW9j4az6Zbj5ZpKBblxAVNWwvw+G+paVSYiINYMxmEWBwY1TVXium
CeJT4/U2VH5/EVxVnbct85yK7qoQpQo6zl4jroGj/UOmFtNmVb7riCtgHVT9sw6g37et/wBS
wx8pZVWocXdxaeOnVnFevSALanDXIONLcZhiKA+SELICbKqU5cZgZD4CVmjkMTLqo0ZpDdCJ
DCRFat0de4dDK+rCMH9RSAtUucCu/wCoEtKhUCy+sRbbMgDrKYJInupI5wypUaOm4ZYbY940

vuHeswD2f06YseDZ8E4imaAWgufvUxwA/SAiQ7cCf8AGowpoSw+ploZSMFyjO8dNv8AHmDh
aiKXfFLCALMW9WORBoCsCOcyz4RLsrldYXmxLajKIQWzg/ENPuPQVWXvfUcD5vPtXCZ+7IW7
+HqK1y2+En6uAAiM1EQNLpcO/wBw+NxlI30la9TG7u1uPot+JXHPJZOcuvL4lgRZolyuf7Sm
AVR5LOBC6/7PAfiIIX32J5aXy7g6QWtvMGcHmgLeRw2HIVYS2qAmQ2DSIUyulaiiKAdTywS7
o1ATM6Nd9IDvH9SnH0aqlHKbphITnttFaHPl6ildOXEHnesN+T+0MzHaDPGNeEdW3rBHC8sZ
GD0We2o06BAMO8mFhyvQ9HZnYNSD8Rtb4rcc7dkRtr6Ynct45dKjDA4WjyvfMDzo27rt0jVR
jHTdF1v2wmLKZjt5A3ncu4GPCYK5e1jd1MnXb/xAC/DSZvaq5mEGNVtgF1n8xnBf3TzcsyRc
H9zIFAbb/wBPMqQNdAlly22/tFsNjZn15iKNRrkgy4FEBuaMC+hyfZAtir2itJUCSDDtxxiO
tpSqSxj/AHAx6edIr4TxBQeZH+DpICH+JxXipqTMDDFPwIz2ZmSFVD1z/MvzFNjJ/ZKAtHSZ
Qms0v2VHScLT+HcE6dWXXVMYwSMow/vZc+o5HiVnrglFKJseMw7mnWENA4RRHm7kVtVPXcqkl
HS4p2+Y5WmB0CAQaAl6EGL44wvGdOj6IzW3dOikR9jo01AW5dl+574ojDrULXRHuY8eUE8KQ
Behly78O5VOVnly6ildsWVUg3aBzzg1ucllSGXsK6Mc11KlrN9LafBD1c4eW3Pmp+6mi4asdT
Obi04hCOB8h5Euz1OJ7JnEWjLuvaDwyE6148fxHhsqSXhll8AGybhUeYjZpgLz2Se4rdMrZ
5opXjvG4xE3WAeRGENTgpQ8KLSJqscLtCHgX0J3RgOKmVp7Ki/GbuohKDRXRzgaYzaobuw/X
MPRpjF/xMem5crLfdOmXwf8App81bmM8PJLLFUuWB2Q3CAdQFtjXvJ+1wi6AalNp9XKHsB7
R1cuzLgzdHHlzFeR34/qGpzSQCqDfKJDMtvMTsrVqL/qMa+OVjT9nyeyXxxYs3KLk4Ak8
obu0a3obRO4B5iuityBn0Wne9RFLZX7UeHU3ZkP8f5ZbojUF+L/LOn1D73M2IKFtYeEaz+/h
S8GaRvVArbEZ2LiMHOP4dTbuhYmBS81WmcQFHlgqAi4OW649pWvtZVpMofSalbTC70tOT1Tu
bUgJl7I8MPcDrMZRCnRePMqBCLSQdH1MHP6Dd/BjMzbbLOLqCj9v7PxsME7MaA4rxDbBUM0q
bCf9i6xHFKgUeYdnn7iN6I8LuJPOY9kzfyiv1+Zsfxs0KeRs9Smlilmw7JcrM0FEUpvt0JcO
wyrUhdRlIdkGs9pgi+15Qygv06gMybKhfnQOrTo0+Ib1DJtU4n5HyXBFePLxoeRv6mmrzu8J
eK5PQNMw1dGM8yjWCGJSeWY2Db1XJGyqAfrGuVuFvuPNOOg0wW7kdA69J2HnyQgrLK8wu9d
yiBkL5QwDSLf3AOqbipbFrPhgzS5V7jRjFTiWdwZlJqJiepr/bHwBJ4ZV3KX7utBpqOEHTtY
cHLuGE9mij/1KONWO86uf388YVwfpMIRsZbmDjPP2OouZK4adOl/lj5yRs122MjluXBHMIU
QRMtV8XgoIA8QUzkl80+iNqQJWp4ZflmmLvXXNnVflGtwa109LRKSW5Z9snS4SN+ztPZ3
jmHT5mBiDuWSeEezzEhN6Wb0eJgDu9H+ZxOSvNGyX4EgCvSkVVV/OA5IFj5Of8Swu7NTrX79
RUQdlqtC8CzcWMyDThg7IeIHRvfog22reZnB2vSqCu1rMSzlhgABsuASLfwIaRy7eKIGP4wd
zmYWkj2Q6bI/R9QwkMFIn0eYweSX1h/uA191MTsXU2nSL5Vp5GDNPpVz+GOhxKIsInnxEQ5h
VaBh0aNp/s1RfXU0RRy8wXhs2Y3/AGmQmK/3KrlsVytZim+IzPEmhF1Ub0Rt0wZg/nNAUDA+
oTXp5JrqCxTiJA6p9CqHWouxa17Y9PMqmfcr1K5VDB4B/ZjDdXbPhNclqRT/AJrzcQsKArpY
B+vbNSVMTcO7f7WXgBcqF+jRpv1MzDzLcZ8Oz2i5igHkZVXFz5VKi7AFW2hdubmYfOkTmjWC
opcJ7BOxm8AcYwWxeyg8KiuNXyLjwncCekf9GwzcwHLe2Jpi0pwXfNRj64qz6Moyhsgvmu
YV4u64d3j7Im7bWzrX+ZT6YK2/PqYL1gD87IICKKANOVZghpR5Tf7Sg6gYldtPiNN/aGwZTQ
R7ZTGX5dwEFGKyrNeoWoRvccEHIXwSYuZ2Qtti6W+JomXsic+EfUHYPGHG/uUJa22T4tgwAe
uiHW5nzD/wDIZI5lys8j4AQYVfGZkawvgVcVjLjZfGOpk8tR7wCw15krp4/8mJPhrCtQuCaL
mstWX28RZ4nbl8D07hxsMdUof7mWYv8AyQYFWB5cVSnPEEtVTa+/9xiOJZrR0fwgl3gMBR0y
Vh7hH10PHgfnuVKjnIS8Yxnkh6gtheocqsxv1DvfX8Aedr+otuChcTgWW+EankUjimp0/6oFn
rnERLk0C+/0+4OwQergu8/hP8QyIpBe3ZXkl+O1iwNeSwz3yV8r3GPFO59WEzYIT8hg1m2e/
OYAtloenrEonHudwhqsvcWvhfTPzkm4ayUzwc1C6cv1VYjcQFy+uXSLk9uxrEeoqgOr8RXn4
Y7JXjdHOPifeJswMZCEfkf4ZiTAyVMEbwAhLjZd7FZWogRGLt9QG2Ht5KliVFT8h/UtQ1hu
Y1IDYmlb6iy4ItHhBOIEFsFXuIPDyvoain8RtBofQmbqIHUmeQZdK9iunGDooucvLY9LqHot
mbKc11BRXQhythWm24zc9RjYinjiYqD61XWf+YQAhhBxT6jwLnFWfUN2GjQVWUfKvqdDkyr
5rGXBY1MvQLzMYVFljCB3tPhLw1Dxxatni3cX9x7gkY0EJa6crTiWxJzwHKeoPPg/wAriAoa
ycWtluzOSc4GEtfcEs4JfwfmPgQeIvJEI00FxsGpSmUh+MGvufZJXPmDcSntvJcN2Fb67Z5G
UP4gbGPTzg4Z38JLyeIhi4sqx25i2YrrLT1PX5IDC+4NP8s5PxUudlYpKunxeYUBSzlULs0J
qPGVYQLHYgdKEvUucXMTqLNYQH+5poMRTTtoTCQr+UrCQLXUVoLuH8QQPaggmmv3KGTs4scMyu
y4ZHN/5h2iU+jwT+yGa7oFI1mO3eovjgYua6goAdX2u3QznTjtQP5ITwGqucnjOpjvMdkd2
pGbk19ipl7Sr+ZUIvTuHdemaqOt9h7iqNskuiVVS5krCZeEvLgRY8B9xDaFK1t2NMe4OioX
1/okDy63i18r3iMpPAn0dhLBSHOOPqfMINPWqpMX7TctZsUYu3eX+C9SiVafTAZf5IDrVxHs
ScsvfsVbtLW3iJe214gXrNzEL08oLDHDVDEqPuGyUPVuh5g1wKVCooXAMudvIlyk2K+Iifi8
EPKxLLK9smfE6ITnmT7MfUoxRMCjXiC26NMogLCUO7HfbP6jDYVVZqFfuUak9v8ArJHaH2k2
V7Iwr5Ar6IdD4WC4eIz5TAhytlPRLqKufpKFJ/wuszWSlrS3cX3cPmtz/EdKugHhUvVvZuOW
1iULZB8LqjcbFbH7UkeaCGN+nuZnIHqZ8+ol/Ji2iVdWMquJdAVEMLvClArM2Hp6WIHrcrIg
9Z5n/OfpBG3qB7zX6O5lay65LhWvGobbW/GucDHFgbXr1DQ1rHSLILBtbsvklYUVQf/aYU
V8hJf7lzDEzWqIFQCfZOMV8Z9y3ZiCXC5FODE0KGAK9ZK6p1eYIMFyh9R9N0yH44mj3MQyp
MGI/8gWP8IDieqVhfyXEchl10oWzNVM+0YYPOT/AM/cxZz6lf8ARK0RS2fPICybH44mj3MQyp
/fcG6STxMw1VYEbbz7CGKqTuc1L4f517xrWtCgohMhg/DMVByHa5mF6JtjblNqLPgcr+bdRJ
ym1YKQYIzH5TN4w4Jp78NjOF149wCfiIzob1P2uaS4L1T65h85UGT34JILE2JV3EYBoqq1ln
7X19kfgHF1McNBgPNRzFO1du5y0JfVn9QssQ2Q0M9ZY8HCi04dTu/OIG+DSwYWHlswph2YBo
xc8yV+bzqnbrWOpnhamm3pS4BySsHXqPUpe7rqVgmumk+/EYhNfjUmVi8xU8CILs/U0DQBKb
mfg/s+pqm1c3Gtt2LP5h5019RGQHeot+4aOJX3fJG5ccoCbUL6iFWH9pTRRh+eWX5hIDgN9N
9xePdjJ0pgcyVwv9M/n5Df7SsC6KqZALKB3Lk47HAnbz0Ri+Anl/QcyoEE7Wen+oZtA7tOvY
jg+EdlD/ABGxK6S3jeIt7WoU8UpCVixeWDJK2qAYwflNgNziWtBm6bmaS239HqGCI5QHTD81

0EkVleM6lt8LB4mhiFKHOg/MwDeAf0SgdITKpsbXdW5etRXHwHd8dxKloWAXXuVRKliya1HW
G2atd9pZcCr4K8vs3qUqAsD/jF917OeckVjSKmqExzzU63rSzlWLcUd7ZTtULGjX+L9yyI
vtGi6jOd0ee1dZIFNziseYIZpVpwwNcRgqqfSU8yMG1s4QLXs5S/MO1KBx8wTKsODGJrSuC
JfF9Zn6VDU2FLzKv48ghjyMoTD1C6afUbyrXlq4aVUrzdEdExrAaEFK03B7MFjPLMPSrBYM
fhm82Frc2+Ytt5SYasH6Dc39JZa+ff2g7mjS17QPLhgNoc8xPMMgencu4JIBPY7/iodMUJ
/MQb/O+8nzD9q16IXlgNzJNcT5DBjRN5E8M1qpWruZQTRK73iLLMjhYvAmZBNWSgPBMuqcNP
RKVWnb+EC2eETFZaTQ5in8q49M439TtvFPzFmX3Ryi/eoArRC7tPKnEzykIqe68eJYZxPnzR
Tef3Advo7LOXYgtO4FOSs54/MydBqQBxQM29TLb8QMTng8PtEFGJpJUqEYUqt2QwCq3KP4Xj
cybmqUXoGpUJYXfy+ye74g1W/UKVbc1qGozizb7jftFgfB/MeJ94y46ZmYT30uN431ANH4nq
2IpwYXXx+hCkHJLFeopD++pQLlnmb4FKx8ewCmLXKno1AipdRTVFeHvWwa9Q4SBQENif4hkj
N0mGbFiyi110hIsLPIdzPvx893G+IR4AKq/LLWu1j4/MuNF2fej8DHaJVPiF5lqxql9S+4mx
idPxYU1Wof2lItDxqilGd6+VblNpexLldzLiyaGMV4mgbH95/iONE7luJgpDAHZ2UYgiPotH
Z3WPPiW6Gu+oKwdq0Swg+0IHicm8SnJ1g7CNmuoInA1DzDCnueYiEjWaiZltz1mc7vu22eC
dQKLMWc+HEXnbqGP4RFog1ePN8JdQstbch21xBMKWiL+aEetIGJSC3wXKWvwCFP7altoHF0M
SyUNR+xlblV0WvwwhedjG/V/1BGMDr7hgt8vDVQQN0uX8ZaL9k2bQBfOZhrtdY/UDyBozn1F
Q1YoC9XNCE5hRPKNKxBftOdOGjk96n8Tsq41GVsdsWZ8BB93FACOR/qV0R3kL9+OpW92tVf
dQiI8ciuUIIqvGP7WEiDtn8rExR55iNdXDqVQKUpCq457gxwiYm8WMTGxiWc/sBHa+sHqbSs
QwiqDhiNEXnLPL1cAsa3j4VzeJdFXIKcB07janUNHmsf3CwTBdnIeZsCO5YU2EbMUB5sTMW
3jpdmG9u5S9Ow8UYimbsjs7441H26AtwamZIDB/rC3hqvBKDgnVK1LQPU0QshO9EHCFxr/GP
3AxNXaD9EuijYMPu4uexAD6gwByhpFr/AOq3HoKc6DCM2dIDXAafcBXVcINvifkBsPjuJdCd
ozKwmfr25h8IjtXZ4jBIGHF4TGipNi/1AWzqWs89S/BOyOtnkHDbiGeoUuGIPFvKy8WWLDXP
0l48OvTtomUtQ6Rmo+pCZP3RECBOsO2z7kkIJPTtuHBHZywwM1Ihxg7e3qOWn8cLSb+T0zcw
tl8J/qV9vvqFLK+BhtnAwJZ4iRXYH0fEx481mnlCzeXK5YNKHmVZWGC04SS3plTiMMTHcu6
eXWO8yoqxsH8UxX0oXwZ5IVrt4htBbtIviuIdTeRwYoYmaD+5mIOl49RxCWC+Ty9TMxv5jcG8Y
5lfUZeDMZkb7hUjBqAKo5MLHFGlghO/3ENIkUwzk1hxlWqPi7Gn8EA2h2/S8EZU10flh0V1
dwHIKzoOZjmoobMbGuAg5ioebtN/7HIDYpgA4rweiVIBjvEe44Lh9J5I2+4mJcd2HWsH09zC
gFXrPXmIpMN1OUglWm11o9yzhd4+NEANsdUaS3S7q8EXxugMbDRx713nWCI88TO+DVnww7uv
3gf5jdCjQy8oWBQNITL5ieXmp62k8wF6cSkBUgdu2XkEB5NyuG90oAqfPgzQOYELzitpRgw0
swu35rykGUDuT0J0xeRlhlWL7Z2w2BWMruJdG47/APKpboP+bKh2W25f4lkw4bhNokxUPRD
9kpyq3GLYIS5jB7hJtX2j20p+wQpJBS8X9o5p81n5E59s0Jh6Zf1DSSY6/SHZgt/a5iAdR3
/eXlj/fWZTTFxyT+IkPL3E7uO6l8Q8tblsNXDbbmN7IE8c1m4dN7zEFwOmrsbORS30v7O42r
yDKF5qUwzx9dB5WftqX4IVSem9ZTIebnxFasOJySFipE8iBmalqckFRqLdU6xPuzVspLB6X1
DldsOf8AYwhNe5z4eYp1MqOsmXfCQ7EHcyJxFpmaAWW6mliJXs0S8dPmZrgXKngFJfc/nNQd
Nb0JzQXp9QfCD19QB2KuBL5wNHGI2LLrCKlFmL1jARYW1bUOBMLaTF9AnonEXYS/a5IH/wBw
aVcQqoNNN7zW444A8x7swR2TjdWV6sgwpYBR5q4YdfQoPt4rxDEGzsWluxe5BIBBRnP2O2Z
hCb9nPT1FtSmgDAepREs3TD0fuV1avcAaOIFbKLeTxKQVbaxeeP2Ym2nU7TdHjgnRNRFPcyu
UbBe53oWSPGoZKOehGbZnnSgCDII+kxXbHo5YjTCRwajcBcofexbYtWy5e4SzEe6iFdSUqji
LpHUibMoI+1YjelfIQhUMeaE+5ayOykSDhcNqhnHuYWGuS0y6SY64TeBhEatXBBDIRsAsxO
6MmWBsW+4YvSuY+8hfz0DoP0IFo2Bg/IFIMWj6V1AnngHu1Fy1TToXX5am1Zb7PX9x3j0a3
lrUvjo03P4/iOSa7ive2KMrtBeO5m+BE/AbjdHyXn0RKJIO/t2sTb117+IiA1lrP+Oje866Z
fnsV2DbKj35M1Llk6bmXmGzOcmNzKoFAqEqGGVIKJCHtMymke4DzX+6RfMdy8/hcvbKyyYFK
rmCVQIGoMy05XEPA+tJ7YZIEavo2T+NkYPqsxdZZan3KpD6ILZ9iJ2li/JCcu0IcEA7VYJd4
MZ6lQDBglp09oKloNEWf5cRgccweP2xB8pGCjoCWbpmv3OUtp6neIrkK5SeyFdSTAJ6IJwC
21HC+Iqq3lFvRN/UqjLYZuc8eiCyqzEYccGb8oRkyihFz4Q0eVL7LXVQzW4sZ+M59wqxyil9
zCt0ajKAPDVbaTloinV4CkpwdZoIFPP9EvtAU/CJIXmXdbfzKU52GE0QB/cWT+0uPjE9EQ2v
0RC1cqrUrWA2y7ZEg0buWo1xP7i06p0xUPjg9RFdq/igu9epqVG6URLTZ36IRWdwDOejsyxA
r4Mz9ThUdQHwHmfiCufxagzbLQ8K1Nm/zkem3zEFzR1q2f5Ieb5jghp15QmKjv6lxXKM5V+
qd6Bxdnd9EHMEQmhzW3+o+RvgayTIiqV+SOLvB9X3mep72v/ZEXfSirOHI/RMLDF4i2jvV
rBwCzWVNH5IG4PE7P2/Moiyr0hSrlAiAGgZURF5V+SHMeNzb78QoTBshoHATzG3sjFTA2hjB
3Lujf7H+ZRqOfuOs+YeRdIO1V1M1ITaWggHge5dgYcqFi4SSncyw1iGRaErCvPJ2xpIVMVM
Sx6C5SoTy1G6tcVCoXcuCvtvFWB7YxY9JNixFlt8/KuxpmBGnWUrinMHma2L2FE1ftAd4IV
PaZsGESwXkRcTLasMa61iYTIIDX/AO9HUSOPEPxs/WsWo8xax5pVxMcaT5Sjc626s9XJ/uZM
q9r5cpzDtgwnsflUxhqAhfCX9S0Q23rS+3BKxO6ANoxj8zOxt23p1KYt4Oxy8XBAuuRJQWs4
PcIZvbXJGwCesuA91YdTEM7bLpcijNrKYniNyloAwMLGLCoBS3zBDb4j4j9QumZaVevcu/ga
q2zxb/xKJSDhK/oxlyoX2jCX7pZC+I+CbUQy/5sIxdX9pR5sqcl9pZR+w1MB9hv5oXU8zr
Xy+drDzxNwH6QISnGZlpYuVzAtjDkQuUdD8RJZgYUgP4IHqrEPmy5ZI8xnYUqFXreYZlwwyKJ
dE/18G5GAXliVzXr+ZcToS7k+4fnmiGG7L9GYBTpSlhp35buo7cQhhaprP8AZEJbpXiZ/VMv
wF6oYaTBmB+T31rnhqpgUQcWvCXPzBhuXIV5DELL3c47z4Ijt+WRkq3BbmRm2JW6WBd182Y
NPMYKEIy+PykygZI8Np4ORWPJojibnnllV7NTHbizTwXRt9z8SxNo/aHd+pK1fav/ypKuMK
wMGhLVXHXs7wJbfiIbksAjesS4O5XDcT8aLrt19XK5c14i1m3MuBQKh0d6lr2suiYqXB2WQ
LEbmtAIONRqDyr3HLdgZJAqV2y6V77xE1kFqAbteqmdcy8iFh2JbxsetYDoIYnJz0vCOPuW
/QFDDsXVUzuobYDyDt/qZqvSdhoIZ2BcrMf/ACxG835PSLgETkTKdjYP1OyzBqiWEGuUzKyB
0iEHQ+Rj8GZgnGILjQ4gFY6eSvTmo1OJXDJvzv8Ac5zGViBDbGqP6XwssXa2kcb0GMt5Ss0

iuAxhhsqCzLF6WEO+Ml4bjt84YpDcslwS4+DMYg9fGZm8xTMC0JwCCFyWA+DXtLR0mNw4gv
65d8jU4r1ERpIGxnoYqVn2zMNspQ44+4FFx5PoOXxD/AK7MPA42CPuWgUTuMQO9s+x3MkeV
XfnLmv0muZois/wRDhBiAMMP5lmV30JiI5DLV9TjKX/nSrURg4l3vBupqCGTCwTmctjRPFEO
Yda3uJN5v+PITCUMoolz38xjjngKHntcQxkITyL15r8T3Hl8JpPPmyT3HMTkF6P8qbFcL3B
2HAftGeOY0hUBa0Sro+c7hxqV2T8JUtz7iWXXkp+FiY2/ADRWaWrlgyXbBptTR2XTuXzC3rM
GIEUJmctIPPEsv8AiF0BMrvRvPud5EzOM6ucNVFzizJ/2ZvEA0HPJXoIroZaVv1/ZHMfsXvd
xk5jmCcXhk+4YFQBpee6WFauOuqaXDCwGFg8KMO/d5jPaY9PTOFyYn8kLF7g6mEd3N8/wiNT
a9EWBl+XOp5uoBqNXHMM4JXVaXVfXqJmDZuAv8v5mcZWqCNLHm7+kgYCHTmV2exZEWXvxAFD
7iE05svMqQDjpiNUJe3wLnx+0uXQywdTsfH4IG0VHgR4cmQZ0wxx00A0QX95QruricqBwVW
URSwfan2ce2D7B+CX9gYiFO4WM5lciLcxlerYwUIQ6DIsf8AD1HoZOAf0zO1RoxHC+Cul/yj
RK79mBhtvDyQZhrWrfPd9oahaW9+OKJpWPEEiXWmXGDDF/oWaoc2R8Qr45+2KftvQPBBSEHZ
5vEW9GGDzHBj0dh7YvjiaS0kchHy+AZpqOa8iVueCWZfSza1AmwGLbs5AwKHhaA5qjnWYJg
HFkPtjzNYfhSP9Rg6gHFJ3Us/slBT+F3H59CStcVdPw7e+/8AlmIcGiCg7Kjgug5IlN03
xB+b7X3PBX9nM/JsrzUW2W4sE8ZE/LXgQYbF3JDFRI9xtmIMtHm7jhOJazUlxlGAI7PQEcbN
33z6lw2Tceft16geG5Yjx35lMEWVrtb+ktmO1WNhWUfpiVGiwLSrHiWjSDc++5fSa3/CyZks
xUbe4SKOJ8MrY1teXbucXgNvgiBKsF+A9xVDV7ZYfoZvGctc1I6uecGJBYZrawlPK0LrQX7
KXLtAnSgWXkwV1Fr3rULfcAcw4vEBgblSeIcy4hzWJkp/IEhG8xsRjS1DSswXmelopsveZk6
Ll5jkPV/JufOpR4QFH+8VI27efUubpvxLx6JSrj4UXlIF3eY+TZx/U3udvmbfKd6ikTFmBAz
lox3CS5ulqSZvq9A5JskQfZoK4CU7wUq24g7TjyX8TgTJE+FjTNzinPnxw1MMhgHwH0/4Ilo
qjPjmP4Vmv2QAMzaPNVzHKzBkXouZDEb8qjuaTFzyvcAjNj1/C9R3FzpkxwWnvxMkhIGMrhS
yFoGTvNsXRzTbwERSL4KgEy4C+dI+Ozn4PTmJUbeJZ1A8CVF14RGSLfBomleRdR3ih0gHgRw
hd6NVCDionUrTpWooJnMKeScLTbqvkXiZMN09YidWui1x+jRCem4rm2UDzDyqDuARo+5Zy9j
MyRwrJHTx1fSiK4MuWl5jsTGRS/gg7XiClvOWES1kGxlcMTC3Zm/+xE4qeh2Gbu7wGZL7Y7v
CR0fD3713Dxxuz3ACJeRpJ1BPmUYoa+ooWsBWGLXjBLkBSzw/uBgpz0jMQQ9nByjvxGuZDW5
TQap35+h5Z6T2b0H9y6V1HSH/wBlkpwqal1LHbqb8uMgbgwwR1s5Rhou8D/cpM2R5S11AdwK
qfXMIBtWxy9syL5YEJrjkZjYPE4Ln6ICzu+fgD9C8YQnuf5IqSPnkRMrWhKBdKkhkFdm+Jli
pheqLvsheArUQWTIY5Utq2OBFTUd5vsjftfAIt0annTlzxz8XF2ALec0dSweZECBoFjibtGw
lz9BO020t5zF1sUHmccRFINQ116i1g1OOQ+4vQZO4uaMJDfuFUSFQR3f+ZkxG0Du8QNtnw16
9Q5JZTyIhqlQdxaTiBq+3xCt3wOWreDxFYmJH/hFjSPEPEVVolBgGW+cA9yiT3lseDmOD/wCR
3zM/kdhalidMjXEWj7vara8F8yj2kubFM9z6N/cPwduERqNIHRZWHsvD+YSA/wIYg8oxWu
A9M3tJS2Xj3L9zONpa91PolkqyzwlVrQBjbozMQLHMN9CaV3EpbuXyhVMZx6cLyx1It/mXK
uaWWbpeKhWrlStowwL5qpUMDDwftBV4v+tcfr7VVD2Q5fkAz8RLDOZAa/aZ1ELLNf5i02zaPM
y+b1pRlfmBX4eCOPywx+urSP+bKT5LT6RvrNXXRNdDzNB+4deC9GpbdfPNBs/KKe0cTi/5oIZ
nfTFbMa0D3O8iWY0mPyh4h5oW/yiKjeCz/JOTPBf26hjNzbU5JItA6g6pbwdfSGSwaUQPjBRE
djKyqj8+iPyA2HH/AFS63eXAX2j18ha4gNTiYBx0li6iuuYLZYZqkGwrng5YgRzP/PcuVSAb
RAAsDDvmCs4qAh7zB/8AERK2Uv1UcSLmio5ArC/T6mslxlmo90e5pwGCX032rl4lQqHiU9oQ
X+6Kb/Lulb44ttfFKm9f/TzBUWnILm1HPR1gs37l+PtmGZakjxvEAQshvbcFC4Hbf/hsw9oE
9sAYrtgfa01wf9xDguAaHz5y/Uzr6EhBR/4BzU3N8oOL7TiEGGno8QUcV5zacx4wvZFWnBn2
5E/zCV2R3y4It0sMMdU9QKgeVU9Msj5wW66T78gHrtmIAKQ+2VNArboGCqyPaWL9aUQd+cs
GofVnLGMrsC7ePDLYjnlm4YC1SxNh+5a1mWILGZEQ05iXtsUChuHTrKVIP8AlzB101/uVrWX
+xCWQjG4kL9QrDNz9svVWKhossv3wQWL4PEagOwtfaTSOnxCWLxZchS65iZUIBrsy4GWbhp5
wfbPy4Mr3VjE92xHsJeRCgVcWe1vTNLp8sL2tWFKtq9y0QVzT3K9QFVWdniHI+o5nvOeDuCW
a6zr7VuZDrZ3yPUOZIV4U8xaE2FarlH7ivAQIPPvkg4MLPc4Ee03kFc+Jma5WSzwllP31OYr
K3h0+/MFr2o7iGgLz9YwzOQOKMC3bzDZtmwLpPLBZiiDl/pABBRFfVK1badFieKieUtGgFah
nAXcwZRzF7LT/hZf+YVlnmT8Dj5m+vRffw6jGftEnqogNnRdNifTLr2Mex/8AldPBSv0Y
kmIm4HiWETi7hvtFQGnKeZwPMdgpjDwRbHd4d+4HJmZ2QBKyPXBCcTwp8P9oM8bLmDyW4nIpg
3U5IOzyMvk/YsautZumw2Vc32/Maow9UFeG5k4ldt80fiI8vZTKJXlzOOZCVgK/USAp2cjcjv
JAuZmZ2sp2LpTh2pSjqXNxFpktxZ0jl5byz4HiLxCrW7N/mFCaXVpax9wsGgly4fTuCd7Lde
zAFKOZqjJjpM8sO4xsfyFwYA/uLTIUeFfi4ildaVpvogwDws+YD/AOUoOqUEWKH9IODGm5SV
Vpp+olYPOQ4aNN96QUIXhKsfj/ErVq4XM38BR2+ofznMnfl0/wAyMVKWLIUpICxZ7mBmEoI
5ynpA4BsGZcWl1uo9qVwF3yhYQL4xuAc+IAAFHEaKNPT1B1VGhREZvmYQRuWP7XsgsZORAW
pbK2i55dGuaYQgIIDbyiHRTJWb7gHKJDowagSxcK8S4Fwwkb+JPcEEIYHW4EADGA10z4j/
AELxAgc3H1KXq+TiKeJ0lWPSqzFQRgQRUsAAAd0MxImYBpiZClqXjcYotgcM09YYitmXBbco
KiGyMJubP4ka9T/ExY33GWlzhOKzszlP/9oADAMBAAIAAAwAAABARgSTjwxRgACSDhixABShA
ixRzDjDTzzgAyBzQzAiSSxjTAzTjwSxwCCzQhTADjBjyzBgRxBzihzhwzxCyCShwAADjw
gRAYjhByRyjhBjhgghzDxSTxzBRQCQzxwBwwwZDBhQjDASxwTRRbBzCBTCQDDTTTjAtAiAw
TgTxDgyQCQSDDBAzxihTahgQjCRAjgCBSDDSjwBBzDgCzxAABizxTCBShBRTygBigywyiRw
QjwBgZrZQTATiBCAzihgDDBYqgizgyRwwRhRyzgyRCgThTDSRAhRzizTxxSSwwTASRCDgx
jAyTDASABwgATiBgRABzBACygQQQgSCQAYDiAgwjDyyQCgRhCzzAzChgigzzxSjDDQBwRDhD
QhQwAsZDzSRiBSSRRtQAhQzSgSgyChDghjQCBgCBwzAywSQzABgCThBhzQBSiDRDxxQwBTyj
BxDywhCxyShiwzzzTgQwDRBTQzhiCiTDhgDwhQTCCDQxDSyCBiRiBiwwCSwhiyQgSCDxADD
iBByShTABQACxgzTywQszAjhxBjBjigxwjihDyjdGwAjwQjAhyhDxgBBQsxDCAiyDjhgwB
zDzhwAyRzTTTixBSRhhQTyBQjxjAiyACCzDjixQAgTSgTizCCQyCghTiDhRwwxDijiQwCiw

CSgShRgwwjSiCBjCABRgAxhjQhBxSxDBwDySyiiTiQwTDwzARwCQThhyijggxDRjADSzDRgA
iTzjjTTBRTSBCDATgxhDiizhSBBSBwghygsDwwAWiQiSzywTjTQQRtXBjQgCBijDDTyhRD
QAjTTDzyjAhhyiSygiAxDAxSggyhCwxAQTSjSChxiSSCyDhRBwwSjDjQgAhRCRzCRwzh
jCiwjQDBxgDQyDBADygzDQSThCCBAizDjRgjhADwiCggwyxyAjxyDgTBATryhARgBDhgT
wjDRhTzAhghDBTwwRSxzyASwCjywShwDATwxCjxQyCAQSDQRigTASTQxwSjgywCBhdGjygdB
hjSASDwQAxSDghASiSDzwhgxSBxwyARxDAASTiQRxSiQQSyggCjzTDyyhjBhSyTRRDChxwD
hywzxRjDwwQBDThAwwgSQSyCDhQyBTyBwxyDRgBzRxRBRwxxzhADxSziSyDSigjxTiizwBBT
zDwTBhwyhCwDDwSSQiwBwCDzCAAgwATRQBdiQDQxzzzAgxCAzgBxRTDDTQAahjiwigyghb
AxSiRBSjQwBwiAxjhSTTTjShgQhTCTxiyygDwSjShwgyzTgTCyDDyTDhxggiihhwThBzyCTi
hAAwzRACCwTjBhhCRhgDwCDSTwQgxggADhDhTyxSzgSARRizRxxCRCwyxxgxiwAiDAXDjBBi
RACSCixTAYzjgSzhTjTjxyQjxhgizjwSyQSAwhjAxRTTzDACRTwCBwCDyDzxyCBxwDzzyABw
CDzyADyAD//EABQRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAKD/2gAIAQMBAT8QN9//xAAUEQEAAAAAA
AAA
AAAAAAAAAACg/9oACAECAQE/EDff/8QAJxABAQACAgICAgIDAQEBAAAAAREAITFBUWFxgZGh
scEQ0eHw8SD/2gAIAQEAAAT8Q4Yc/5N2VYjgTtU8QTJJhskY4O8LVrxk2n4wKGz3nP8A0ZDx
xInk1k1QneWvvyeyIyxpEabzcDCakKkwOdCefZj/jDXxiLCG8ScL3zkFhKy4anLOFI5pjzi
GmzJetP8La+Ms8E4f/xCi+SY0wl1hRHJUCGcuSD/AIWGDX/Aj/gP8a5X4wsAFMg5ByE4mGT4
5ocZreMJBuMpvGiTPMmJFji48HfONGmc7wU8eusFEnTWKqMamsk0AodnneeVp+HHfpDAwp6
3qdYm2PjN8hxN2YRd/rDKz6ZqLv1gQb8coq9ZAY1Y6wWu8OuN2PH1/gH/G5g3wHLBcZo/xa
8hdYi8OGBvDj/wDI+2fbGzJ453m3nDfWtMx/AMHixVSmHsb84HHeRLrERJhZG14xuXMwfZv
zhna5HGALtvCw0s1h80fWIoQkCaZCknIVImBXPPc+cA9Vq48qXxmy0WecUEYeMfgMY9mIqx3
f4o4V4R85pS4HLecQzRiXLvGQOJgnvHB88S9ZpxHr/A8s284/J/+DfrGOs+GfDKZiP8AgRcv
kAzZllua29maNf3m/wBPi4zxQtx6iaTa44L5kMq7yXCnk84oYxxDXPLBVVuwccWMUDNA4jiu
FhWncTLI14Z+s4IhNz/pj/u0FWUg4uUaNDtGE2UupiTwXOUzTXGXsb6yl9ZSLhbLmsEfOBnP
iOfudreInBMjeMY63IvblWcs2S5PH+E8ZIOF1/g246Y6cvpg/gYznWEMAmIFwO3+Iqf5IDY
4E9uDVZ94Y25YOQw911SKLrLo3yoAX1YHk4E6DrthEMmHxAZ4k+HIQwPOEDRQcGFEj41iSMG
nvh3hGLQhp8Yem7ulMkC7cmFyPxIJDBxwDrGS3fjG3Vxl6xTTjjBivOM6GIbGDmwzFeMUDms
q4kyayMMuOcZpbhuKYuJv/LpclginNlhxy4oxUbyphzPeRecp7wrvODDFzIwq6K94A3zioE5
zRMNzcvB6BimqSjDNqhdz2wUrgWdk842x2jXDSGzrxOI5vfwC4+NOxA4ed12rc2jnlx++Ym
Pvbzh15cLbLlJpxhxZMtbqw7I4wxFgYibN4xbnPreKnTg3hlmTL2Y46xP8AGFYt8YY6xPGQ
6cTxiuLTj2O8Hl17kMVYIm8EG3DfnKPODj0zDglYXBzBgr2APMfzjindab7AIHnreKQnFFMp
CMnS4Xs0NHtvDwrfOaQ2T3kdIejEPghnm443ZchJEL5AcTCO+3FSAaxWrrBWAwmGJggjBvy
xKo6zeFrlVXF6xFuAW+cJifOADpzuZzhk4EwGyM2XkcQcBlrN5Efb3gEMXhzgmc/qxEKule
scU4wnrNXGOGTLUmwEMUK4rdZFdZTN+8Ff8AAqtuQ7XH4uFdtxyU/DhxwPBDg/hObAXA5nG3
jOWqaw4PB+2I2vRI+MBFOMZiGFM1h3lWxOM3NqYWM4SnqZTrR12/PeQda+MohfzhjXLuuMTR
YZUtxT5cPZd4B5zvnlJm/nFiGe8GTvTOGg45bNawW+cHeMdBBxOy5SrgQuJTFcZx1jB/iCRd
5717xeZrBXhzrnAO2KwJITN54mUcYot1jJgafOPOKvOIwu8UQYcZeMcoBiIal0n8Y8irQNZ
++7KAX7pI/7xTTrG4OKhs84SbnzkgG8i1vHLVdY38FmEak85d57xfHGC5MJOCe94njOlrKW8
s51h75fbKfvNVwbxov0YpRpvj95BKE7x91B1kezWMZUTBHERLlimbHjHcSc4znBucxx4wEN
B7wFohlKplwAMBgScuGuaXOYmKMarMVQRPExyk1gB1jM1owqipFkax90xMuxwjzqliKU611
jyZQa5Q9cnZvEl/TKrcBFxSW4YdZQL7wJQ08ZPxCEcY2LLtxP4eMUdJmsauUthWM6HA1axo7
wdzUuWPOK94djzjZkppzgLHZ6zTjpwQ1vIGUzRlxAIZ3jEx/nHImjEq4sNYX12YBaxI7wgli
jjjp2J1iIkTJJk8XJhGp7yZuni5TNGYroyhO3Kc81wz3n1k1w+WSoP6yLilzyFulVyo+esmG
gO1xOZD5SC3ya+8SUMvkGJhPealm41bk2magmOgRcExPnZcQ88ZyuGLkXyvgAV2mUNUuN1UD
zm/xhzhk7DgTnFucBhcZszf/ABpHUwPNwprmm8Ea4L6w9kmGBF84WjrJ8MfAXhrCXiZtMm2
DDvGSsfNwiDCULMQFXGDEbjE8JxgGhXH20wAJvLGsQa1je2I3WVcYy84dOeBKPE5xpyjXxj
vyqM06vyaxhI6SP8Yhvz/jG2pk8egVcX0vRg4Bj/AGiww0YINWuVEcEU3xEzXUwAib4RNInf
eOhQJXICKaUyA3NinGJqGY9HEodN3jJGTziVOfGHApCppletY2ac2byV5x7A3nCUyTCfTH
AWTDoc3AnhmjxrHoeZmpNXNAH1iKF1xmlDIHGQnGMo5xViF1hr4ymzvHoMM1sM6c5DBYXNwc
NCONuBxrGsGaypTjDF1h8DNgw5cWa3kG0fMmam5Xp6wsDkpm52jIOj8R31gPCEGpikW9Yiq/
WB8fM7KbWrfjONGq1bjGx4TE5BAwR1HyJpxgTK7c3rzkTwbgnhB5zW5xYkXKHmwGm6LjwK3e
GpJaBcLsdEN4ICKz4ZnLWbYF11iUHWCPqoTBHC3ph3W51x+sfRz1jwkwprx6Fw15IK24mXvn
EdItrkAJezHSB3mhmsOQwQcbYuaHHfGr1kMmRxdTDgjfWSNh5wTSvvNA6THASuRYOSC7+8Bn
i4MZjHQ49usp8ZxcAolETeczkhwj/WBs6rHIJ5kuwnoMwAg3Zb4j8P2J3ikfa/dQAE0XKxU
VPhcT4NqOShbgjtLC23WXJe4Xdh88ZWNQsXOF0QHCBC05w3KDrFBULuLGI1OMpmBwMiB9MFJrG
EZO+MZHhSEH2wgF10MZNgcW7DEWL0GvVAejHC6x3Rxu5nClrTi4AOMJvifhvF1nNMRPDA63h
u8AxMhecs4xyBHK4aAuExIc4XoYxKaGDwvIYZ9PjLw6TELqvRglLfkWU6O95Q0WvbAt84bIH
3IMlzZZk3iZn1Dq2JifGzI7g7+Jzjf56i4fyx+tpjWl6LLzDxlwCWfIbeOsaxYEuerhKsyq
cJ8uR8kieUHesGyCK9Fp7EXNkIdYJcSaMhXHiA11ipIMUWsNZbMha5wK885azFSYEl4yy5dE
6zW06DIWEIFcH9VChHA7Res6h1k3O8MUejFYN+8EHQY7t1piZwbVyyq7mNSXJHHYYGw5xAiY
3DiDwcMyRrZ2Y3UTO/6waLXEjlgH6YrBXGcyaPgMKAk0wLdOByeMJKi2mF/IKTCAyfGUbsu
CgcYkqO8BLtyhJunkf+Y8gckknH2I4ahQz2YacBsewjhdellSt+Qnh4mX2/ygmzCYtEQzgc
Ag5jfk8AmN8GJIAvxchWhQwEKBiFp83Jpp9414vpAY4VJgBp3mpvODVMMuXOLHY6vnL7QdDg

IzJfW8owU25xLCzQO3vBkESq9J4xQ0+S4YXDDwep4CZuRLzGLXOaVUcmHBhBDAYcmK2KrhH
7zUZhiy+sWizsMXu4auQ07wo3gCUyKNzdz4zascOZOScGU07uJQ2u5h768zHrU9Yk2vODUTf
jIdymep4Tw25R+6IW/8AlF+MQsLS4bo59z14bOPrDvVvZkGiEuU6ftrBFo+o5AOqbuHe2Kqb
BqysxLu5xJEyaoFizq59jkuik1iLyPGKSZoV24NsYO5mnbmneT+stciXOWLfOKKtZauzy4N8
86BNmABYtPmf5Ost68BpPkmMtrnwsP6FzkcDvh5Cz6OECcKXkwQUeyZEj5mEPdivw57eANiX
A2cdEMab4DXOZf3iHFDa4CHm4+citE785IafblksueBLIUNGUqh5xi0Cb9Z4VDTjbgzA1FkS
ywwWJFAcay5MHxkqsmMbMCCYgZdhBNM9mnETMdKu3ycOTf8ADnbnvEwIfgLa/ZTARaATYu78
4t0FQ+nED7QM8nnDAvpMp1DnNzKyHS5iHdMXCNbx3HYOG86xpa4LGPiXU6yhTFMRWFMe/eb
h75RQwIYm3OLOGTaZi6dPFxGyVET1jxHjEwB+3eBupqESQPXrNtiCIByfZTCSsHTJfxMfZnA
R1rWNIAWzjLwRauFOFxl/rAb1+c1okzmvOPr/GEHnOlZvZCacHx7DFZRG48mm8MhZcL4j25A
m27wGjRvYuOAA4DrAQ+Q3hbUHGPommJnK70YpID4w+Fc0iH4y1NveM0tx5QyBblx9j8CZpp
sU5w4WaxB+f05AA0+C+v3ikiKBN4gljKfIHUYuvWKOEB/mmABBV7TpwPcR5p/gd4nG4d4We9Q
7sg5xGLCIEruxPnU9Z2GQXNziUeMAHnIYmG2aJ/geV19mBHJ05eQAlbZETxi6EBP4TkW5La
4E8dj4x28Qdk8K2r0vvOWMwheIgzxR6wHgUJP16mWvnQmXmJkqMXeRQ1hUAS5uhrJ5L2z24q
y43gFx+oxy1nQQ7xAgJC6yM4Y18JecerpKXZEHbgstoXrE2QpreEOBx4WV3lscscRXELnAuO
6nHnDh2798OF+bko81842HgC8Ph+HOPlw43ZgJjHvf6GVZEiY9B4Fj2GGyd5YJ/DT4BhS2ih
rvWE3TWOt7XscXicXDveUHPS4W74n0BwTz54y183rLmN0MU24NeNYIbimsKLhgiucDzNYvJ/
jFwguA6zSpEmCSeIaFP4zXfgeFE+uBZBBidI9YWE2E31AxHybsxMmsDsUf4yF4vJMBIE8mBM
ieMeLyxohvE8TnAes6mJj6MdAW95WHAte3gp2oMTanJ8E/r/AAgH8i/vCKROMsgTCQG49HrW
VWG3rJjArNM3jV8+fAYks8F8w7ftct6FqZo0K9+HzPBI3+DIInPUQ/OVzt3QuzObG5AJv5jj
vk1ebfyE+YzT4m3mKfb+TJEUa+T0mAnKG9i4HvdYQmvrBHPWar4Ea9TFRxy3JmFzaid+dhMT
YShiPI4XLnH1OMg74xqP8KwvPXHReFxSxwWbxRW7asBTe3C3g5/gXfzgtY2hsW9jGjoxjK
HGCPw0kKvBQdbxNmUILLMgfDnBAayk1cQFCGJf8ebMTkwtmVQ1kvw4woP1j+iT45xLYSmxmM
IqmbtOsD1ZwxhphN5cGSvpg9Wtr9HT252rfdxL+5frFi0cr+sanHvyYfmW/+5WwF3A/0YCW
Q1yr+M34ioqk5zYfy3HVhbDUXheHNBUfCL/0dOQtCvSuz+8XdQI7U/5n4HHR318LrjAHCa2h
8YCwGYFfAZT5u8QwSsT9Yy3QIYC8inEpgqtl4RwqDtXdxzWt2qAfI8ecKS19rc3H/5yB8k
FhGCAAbXxg54epo5ugHFtBHa3eMnW5yrRtwX2vJmsBtyLR2LX6wDVAfoB5HIjfsYLpbuetxU
7rNt949fX994QDYx5kwYWnzMUg7MutxSiFTgqGTauaiZ/wDFx3FE74mGBbbXxj1r9v8AoMVx
SQ84gVwN65wt4h3v5wJrgYbhXE7Dzgsseyso0GJXaIK/u+3WfmnwzHo9YsdF0dvr1gtAddHN
LDnvBRvpdMSQo8O2UyiR9i/3nOhgfKfc05sVA5J4ezIjV4fT4Tdp+gLpcNp6ZomszeJoomz
R+s6+i5AWPQ3lmQAQA0QENPO4b+ayWYSo6FCTeMd2OKcOQD863hAN00wlW8Qyd6SXkVafF5j
icW+KaXyPJf8CSDCOabbwDs1geuQOdvOEdIES4LhE4tEkLKxHHR44wsL5xJmXQkdmSKny3
HL1N9E9j184MyAska12DwN98YttazeQov1TTxzmwYglcIhj5GOKIxJIT7M09FgsKD7LMFUD
0p76NepgNBLFIjKaxIKWuM5mVJ+mKGi+sRJK2axlyv0fnF7sM1k4OXhigl50nDgPBx10KG3
FISzA5scFY3EbO/WWbVzrNxHxF2R4/vaMFq0BL5mq+dYvAvVBO3DQgVa8C+DE3AdBoMisUI
A53gBLI9rtZpbKflzgiH1hRfVlav1zmp80fZPhxnsK5Jr0/Bgcu2T83rAoFQsDv35Pyajw1r
3X9ZQU1V+3/ubdJQnxuE7zocnMDyXv8A1gRBy9/IM1UxGLr14zk0rsXyJxcv5oL6csXxhUd8
XKHGH/ObM4cWVUwTyYs2n0xn0NrCBfK6HRvLzwGNMaaUNnesEIIjvX8GxgomS0d41BwOafGX
wjN471c1EHcJvwMy94ew6nf9ZJVMwizidao6rjXcvnDVe2ENiWuD5wupHXR9eXFbVeAfjLGP
BQellxqhAQBJD1iXPEpd3I0eTnJiawTzkJrPWG5OQAqajL95Tx7ZT9D4YVjMS+roDrJ9EbN
4kmFC/onp8311ksOE6DifGkzgevnH20jmw1PVe8bbURP5zWrgsMc/qYHHBRsNr0fOUuP4ode
scQN01+Iw0rNF3S+fVncSpMTIGilGFPOGw1k2cNEsdL4x4sAabRe4cZuawIe2PLE7IYTXrLI
M4PP1koK6n/LIZSZpznEJ/jyzjwG+HgCnJ4xklbG8EPIgnvHicilX3deuiBxnIOTrABu2dR1
+FI+8Wm8QlcksVQw0AbnCy2EXa94vKHTAaH2pnOROLcp4rzg/YHPT7x6AovWEh3FOb4PLgqO
4VU8uJGTPOIaLsuWVGuTag45BvAKhgIjMlu5dh+D2/eveav8JXxn3bcPaFetgD19u3F9EADv
+skn/KF5/wBusc1jrdOM1GCV3giFDNubXoyqb721uA6kwQ6wqIecLiR04i1xtyQv49V13gbR
1bre6E0404DjIKBig4NdiENuBanVj1eb5DNsa1Mw0GYjEEbizzjNoNka876OA4tlodacNM0s
Rg8OCmiuXTsvAZoqs8d5Cs0DWOFGUJgnGbsJm80Rk8A31L2i+Bu4qR7zQTS12FPN/DIGdxDd
vlej1wAg7qYj8i6N+sKIT3gA4FOrrGY5CiYVx7wMTivblN3OmOlaTLagmPA1+qq+zE7W/WQS
XWQIRecE/wAp/rNu+799r7z1WnGNBS+cpNtcg3GqXL7ZtsYcPyuKmQf7Xr9Zx2oTPh19GWAN
a7H3xi4+inrVcOUOuyuT/l/Gb5Gg1B4P95YKV1TxlhlnijBMuU3Rdx7wx1dnjEwDIvWOJqaY4
6UQ34MseP6GPoRtOQEuAwVJIXrcry5xv5fy3KdonFKJX+2OnWMkpxCnv6YvgWA02XzB+8U
iF0ax9PH3gzQD7/hofyxuzRhxEHlWBRKBMN9CYwSzRTIOMHDWS7zvY3nG0duUc1WboSe5g7X
vNa5mgg6xV0zNvc3a+ODCRN+nvCwJ5K/CzHP1kvUzphHDmmGR1m2VYuWOPwc3nJXEqnLrCXw
nyfOxR29ZUXOIOSZ3s8TiR1w0A/ExV3VALXG5ori3yJqCaYdL07yi/06d5Z8Yr+94PJXx8
YGEDqoPLFM1gl8LwMY1VRbPQyEVTrC1d9VDbvJBINleCYRh8prWauik8GSca0nGD6BP9Q9f
E7E/vNvN7W4HtXIQBCURu8Hf2ODDuTwu3uYViMtNL9HRe0xeBIjgdGrOceu751OU6ZnRhF1
Bsv2GFjkU40jivzpqI4voT5PeccrgqDznXEYyhSFzkS0LaYshnAnGWdYKodeIyARTjO6OxLB
vYCsBcK13LDhP4afblgVM+1nsdZiQP3hWwf3LSejgesfbsyC7MWHzi/eLHvGtO8kSj4xQIe5
s0xRU5S5At0YDYOpLg5A2/GKSb2gB5b1iBq0FHZxtNokOLcdbUTFOy7++W47FahQur6L2q4j
I4+C14XxrLE1YwO/nEBvATaduMGdAnGKjVdEwbCsTrlxMGVRS9J3vK4yYby5xUYkSHszX2vL
pfWId8UzyLz84OIyIM37fOJbJ1Dweb5yMzmcGpPaVPa4JB6lCMfcmOA1m3TJ12IA0Mmn4i9X
DxzBGAJj+8AeBG4f4x6xQqzhEu/EOHCgBU07QuFFg6iFA+SYiefjhlzoOvy8ZV8sVxR6BGZV

cejJpo84xhhAicf4l6m8dtYwzNHDVg+7M1rKKCoO1yOM173lGRMNYkOioJ6EYvstrtVW4VzT
rNnl/G8BrWTMj/g3rcJZEMZEyEAXrV3ih3FKuEGtmJzJsijADlFWXCZ4wGIPawwyT2hICjrW
pmijv2QbTtXRISJFXfU8fGSdIwoO8a0TKKryuWu9cpxmyfOJaL6wBdsTbyecT1qqld5cTZs
BEeDoe3K5XCcQ4V2xsoR7T5L473vBdnUOgg5T943hleAejrOFbykOE7XvwYSIDJL6B0AY7JY
z6aj6AyTJ+Hg1h15qMQ+0OHEDLvFJ4qDwk7x0dY5ZQvdu/peBy8Z/EK8/p1jvyoOjz/73hMD
1OJ6/Ye6mNleg7MA9pkvePGLt58Y4AdYuxpjKHDEHjFGLzGpgdyoYFzgo6ju6gQzVHPJLEPA
GaDxhNisMSPHsx49VCTzaLRdYFU2Aj2s5OmDCLsc5zc4yK3k8bJhkFx4LkVjJL6xu/eTtx04
zUxFuwzSYl6qnxkJ0o5WexiAEeTj/bivkLdK/wDcBIIA1w4TYV5vji/eM5tcdj33DF9VjK4z
sPrwU/K5RdUT8t+XAS7EqHD1j7YwW1mWni+85fbuaC+oPGRWzhkJoyvGTVXvL6WJ9ra6DB9g
RgZ+Q/ozWpnO5Svx/IynFUNdguYiaP5ypWKhuZ9fpgLB86l6dJ04cYrIUaG9+2bTRLpedS4
GWAiDgfeQBwzlp+6D94vIfN0l+yn3g/ks4LPwCF/0chkOacsJvrD4nfHrAyYF2mME/bLBEzd
pQ2zEY6ptOBY6Zcy769oLzkidYGI3lm8Q4IMqDj3eMiaOMPED3tR+smuom86Vx17zQ/ZYxtL
QcVS+DDFUQAPXUsvi4mIhLxnAF6Lcm0kwdgb7ySDTL6yxFCYULIiwOHVwtU55xFdBHRaft
ZzgN4khvEEisPAdBlqALrrGS9HTh84gvn7TESN8Qza463vAWOj31+RyzUqGh58nNOIjIPuYt
8AAK2zDH7HPqHnHCowgHgehyqi1L1X95GUqapA+DlegchwJNWdW64A7w9FFwxQRXTIX31e8b
Akc0jw8uDxEU1H3Lg+0QZpgL8ZKRKOhKHEmWt0Ozxl55VRwY2E4B5Mi8eIHHfP8MBAvU9ne
azKVsuV2GPXyZuDKHHyLO7lG3MBujAe2/GURt2TNbSUnqhwGIpBkN4EKrJgYJCj9OMH7sg3
rHdOsKd7Mr14IVwEYgMA4KA7Ef4w15qw+12X0rg9jptgdjk1TF2vXoRNhsQQInnN190AWpUu
8ouMSQL4srsOtjCwUTiC2HrLnjEne8Y2VJm3jKeGICG54Lwj/nNgx+4riLsVocTmAnWFQq
kOhxytw+hm2JNDHdAj/23EDFUG7/AN5FC6/2vOWjeKKr6yNxP5Bg4K9Q75xQ65fIMQwTp8bc
588gi0R08B+cDs+L6zdCrRNrp+sGs4obNg6Ek44w+PBpDl6MRCI8EfnC1aWbog/ziriwGzbM
UqsN4sZl7keDq5cMQpw+fjAygAPwR9RcDfgDopQ/rNeftdgg8a2Yij4Cd5RITDOeibMdpFwx
1IvOHaGvjA7pLAZfzr847iATTU4w9yZUuz1hYpeTFUhtyAJDlAXFdMElc0EbjBLzkhyoLOD8
BzeKlaXAc06wXFjArwraXHCr6g5M4t/nKmluMCYjdZa6yHDDYtlw1kGz0kj+jK12qmPsoIL5
wd7oqYLYOI24lJpqKfHrE1bykZ3hN261l83GZ6DyYfMdHjAqHL48TXwB38MLylgtq4JcZg+I
VyYknFrvetE+8C48sDQT4xlZmxOcrbKIAtn5FDzll+bR6BfMTA6Ox/WEIPOtdPxcLhsTsNo9
YTaFKpGhJzv5z2wcz5K34wuKeqhTdOMTalV5HFNNho3N4Yt1MD8UwRdBGOzY+6I5MctUzbCn
kcMO53iP2W8d+HaUZewCp4N17x0NPaYlgVzljessBS6Muy6IYDW1HCXqZrLmoRzr9YXnJxZh
oEQsH06x8vtUvmu8Hwax00Q2PGv4xBX+2rtX908Jlb9ZJ3ktGbUmFvFGxyzZhh0ffH8uaak
ieeH94O3AJ0ZqhcGeDDOU6BHn1iSh2VUflnKwYvHzicesSwdV62D710PPriE0G/gySkHwhg
zSsTvFoyYXcm3K2p3MTR9rm7L0ZpBrOlZ/WGFfinDr8zjJzSURR7nWPfoluHCrV/gwpCnkEU
3cQvIcUil0L6M3KdZfaboeM3SgZv+cg/wB4FB2jd8d4cJSFVK3yK4F6j4595uUI6xJqyYKH
gsWayu4EmnvFDxqurhJ+cYULcPWiYJPQ75yVgbllyweTcaQ88ZSpicOSPeBUcaz/Gap5wMQj5
MOEflq0nGqaj4wn6Q8SBL7jgBiimK2UcVcXFE12XPEyByD/ZlaPz/n6Yo0Rl4dObvDFV/pgV
HoKB5b1mk9CbDtHvvKFJKv8AWBJK+s07erLWqOFiElI5YYauWZ2FQYseE2dtcaNGQEdF8We4
yNuaYFy/jWaz2fJJE2PkJXfkaXnANezlT27TgOsRs8pPjOW8KaRR9GQbUE6BA/AYibYCIzXI
nN4eXpyiqYhon9/eO1xYIoCT/uT204fpGzVrvCzWRBJ+84ciLA+OcYAtVjF8CuaTfHHYfpgz
Nrd7wz9VmrYx+txCvTBMF3rH3BxXARvWKeQpiKLO+INHJLEgzQXFDO1ixhp3xvEFvHbSAnkA
PhxEumMRNYzgrEc18OCB7yugQPv9hMmTV+C6i9C/hyrg/W6hPqN94Jwb9PIBjokakJqr3l
N5O8iL7YW/ILgCeh5xKBu8ABezOjKMIH8yHiUs6ejErCIKcVHMubnq+CwPgP584xbwXlZg
AiY8tlqwKFej0esVo4K29fxOvOPghXH8nKeXJ0pIG/tiOXe2PEfZ9GDVgVesVR+POVKwHF6o
/dy3eVcCEJ4A/fAc3HDCA3lYcjT1dbmMh5LiXgIEOtZz5n3YMVZwABjp57wVRHChOZK7winI
LmPhxAjUNaPa69mWZ4D+C+fXOCHeGY8YTzZnprWbSLmzZvYqOcAQXnlk25mcEx9BiBcOsGGa
rjcmGzeR2tkkFZ2DuYZUb1O6Tx8O8TQwHo5xPf0wv9THUxYORHt8ZqIhn0PzvDCN2wuleQAT
sPWbqjryTWGq6K794sDk4yh1xxjAirhoDHDxdGcshX0B3cWDPYwfeOvTaTgRVq+tA3e/XLjY
uMAYUIZAR3yrgkltvbjk8ZaO5ngw8Y/YAZkkJ2UPjHbunSI4ic+sQG1Gol0eJN5EYYicwt8
tgYLGh9CAP8A3elGkxh033mkeN4R5MCiaTH8NE23aHJ3HfTunsTIDF5l4HbB3Bha7uLDVODH
LHWBljtxr9Yy2RYPWPeJ8P62YyKz/jAeT7y9vgSctAe3R55I1ACu+vOIFRV8T/TBKV8MQDZO
cCs2LkMperi5UE3l3jG1jiQM4lHF4GbvjFDKBeMhSFja8zzlhAxLxnx/WAnDkuDiq8J/DII
9p3TxgFYvQXY45t/Db839XeNzLsdKfHnFx5t6yKzVwgeOhw8hNUZjA+nrEXHzNPywCL5s53z
bMGMOKXuzKL9ntDNyD3QaeQ00L3qmKe7M1Ob2KPPxGEhsHuBR6MUpAtdtwng5fRicdERWv0M
Q2IPTX/c19pZS0e+sOZ90Jtb16hq1wE6G9GNoke8N16yhZd5Rng3YufhrxJA6Kt+W3fvGotU
Ku785qQ2xQIBZ5Zjrvl6cuD377PnrJxKPKDg/QkQTOU6cuC1yYOO500HLGJfD20XtatzkFR
R9tv+H8ZtBz6xyQ35xelOWsUCHXgCL04iUX4zsR9ZKcHvHujYpJcCn4xpUJlrpMIP95QYcrr
CyZTyFw3iwGKVGHXmf8Ac9jNjK11Y9YFDEr5wT0gOn/vTr4wmabM9VwvlRjmg8nb+MqXA84L
N66N411OL3hnQcoXDZKofE4CfxgSHnueGWvhu8sErfVO9RieFelxOUI78R2YugEjw+cLgMoR
zwy8eXL9TWwdV24N5tBmzSp7wYSCgVI6Us/GCk/XI1IpeZixVfLig9HUxVKPrDjKQvc4uStDZ
rkf8H1jWA6d4wPjLnCM1ehfB4xDhTZ94NZfhm/t8BtxWh6qoLlO5y7mQnSQY8Kqe/j3k8WJX
EgwUeect4OL4ZgozGEVrVw8minlIfIH5F7w2LFZqtvcQVc403htTDro7M9O+DPCHj7D4zXN
neAZvHktvyJgABPMMbj9MpX+GOMexRj2bwfP+KsyHecAOq5XEIPQU/rBS5q4ghzHk8ZcIkd
4AzRT04AvLYe/bGAnoah6On2uFix5b9CfzgjhdJV9DWFSZwbu8ObSXIPqH9zNSik+hW34F94
VoVcpXKm94kSiRqvp1hlb8kZ68Mngdsrtvl4fOa2UgBkAwSWGHHYfsxNCQK3M24m/hTobcVU
rYWHsAG33gsbPeHV0wtwSZZeuc0l0K/jErd0+Vz9YIII2+zeEhs6D1kLGNRqH2SB5+MsUEHZ

FTtm1eMmQsKBF26/IONZERsS+qD5nxhtZdJ8Dog4KsL6bzc9Dh483l/yaOI0fnEYDp5DX9A/
T/EVHBB1hUJbE8jGQ0x4yZETrBSgInG6/pwXHHel+TGcCbC7wAYRxBi/wCCm/wL7+sPS7zl
xD+UxqKw/LIV83G3JHFQ3X/ZIJsTgYyMPgn049A18FxcOnnznxMY6/1gJWSLegpvEKtzufkG
vziwFeKfFD6YWKOpf/cj5PYFX424cQgUX0Hm4xMBHmVp57e5kA7dYDvokCP7XFaoQ/AmWjvV
7cB2DPuH9nFEP8dCHBRcuTKFIRBo42x114YVW3ITAB4GsTgESa8uMoKTDBRA11C+TCIFGTdF
5JrdLzgztnCYbzHvkYy4JDhqP10oYPVx6kbT6dYbqRBwT3+S/eDh0R8gMhrzlkngriMNLAgf
7JkT8iYC/wa/nBZ7wIHLgs4YRZMQusJhvzgDBQpA7cW42F4h5x0tPhSf2OFBGnTn1LLZHf/g
Bm2DpYf084noo9rcC52/wnfawC3cNG44t28fB733gLg9vxis2qZDEpscGBXi/piJZHTpkIoT
ZjgjJMFwjxiUu+cURhxE3mhetU/jBIFJRtfGBCXhcOjFbDQe8IkfBUtHkbetGJQDs4NJ/Oe
haMA4twJ8jr9440UR+/5zUEJjEP4zdiRbf6Mr3hGYBsdGfRH/ujnNuj3baH6XgzWQpYUlvp
hp7uJKOTSCgvljC2h5TuqfgTuOPQeMVAR0hleYecRyIDzBlAKtkmbSDnVGG8YUHFv5hyu9
OX4wUliNVv5KbfrGpbm/LcgU5M1WF/gH+WLQXTysP3mNhXNNofw5YSYnof7wkuLG3yvQbX5
y51NQEc7L05ubmGicKPBEce1s8c48CS6HkfgO8BZcFleAOF4DnF83bHtHrs9YaSDF8Sv0GL
9fgEP7OQIH0jynoDa4JjQE958uvrEnad+Df0i/rHpGZEB0ny14tJl8ZPvIecUgXgFeWWNoz+
3CcLH0e8Y4R4C31j8NAckI0TsHJjvKyUcpQZg4xHkDx6wmjYVb9TDg5139GST26EMDPmWn+b
gJSPWvvI9neinicZDAWZ6ka9Kb11/FekHQ+dT1gN6Av/AAG3pcG10oA6Dvrbt7wDERrUUP8A
zrNotZi/R8DPvF4RDz1k6Hi48A05w8/ZnNqTk/b07Z8YJWDHJja/vK56FwYvIACiCnn9Xi4A
Ne1thY4BR3h9wBSD7AiCPGFPrJKAod1CcDy44wlp52iVp0+GIhdCSAO1hL2N4MUtZM5F3tFi
IKbyLag2dARSOAgD2w3bXTqwaIGzAve8UeABEKIX2Hb23DNpOX+cnHHrF3SLNGg/eFXgp6BP
5OEwqJfxiLawIMP7TDRhbAsXTrZXq5xbKNBwAh3MRu1R0QnqFweu3huOZDjvbnYN14yAWgSdJ
88/ri2bmlOx9eMUQOE0t6coByPOX84E9OMCBX7crBII0AuDTweYLLiYS3SY2hvl4RoCGWgn
hDAQPJmk6xnmGd4yfSgWICH6xGkooe8KNxqYvWRlDsYhLKq5tRtr1oOs5T/BEG1tздеIp3hR
F2pU/WPjZMtgYAkxWPCDtxmjsAIB8TCGqe95DidAR+kxxKdl1+WJi780TAvrCWxJsCBnKbn
i4rlxRt5BF8G7vG87UK/LtrzyY5rnpY0n6y/hjdnEf3mpx4CBO+8E9tRJ810rr4wHijzq6V7
1HtMIOLhsKN7V24W8MqkZfsAcryJPNWCKfA0ecNem6nQCyU0uC6HLcKwaDXPrCJ4RKW60gO
Ap7xNwkvERpo7pcIdCdgxKulAbAHNP0Osdwhgp2fGntTfXIGGytjXKXeC4YosVFLmb5D6yK
ZoyvkP5YvzIuvGCKvWBqAOXScvham+iYG5VIHhjmovhMYk2/TnOsz/HRflgTvD2AwRAxeHvD
zkTpiSjVrWBy7EBxvBQQ3ZBxSVPYzGqLYjgeQFfeaWMam+UNqFCbzvz5zZlSILz4wdxUz1b
zlrDKKK8XGpSoWM75TQHLm+FQRWhwU0PzgXiW0538ORxrBJS6jdnbg+M1q1mbxvGMO2CcNQ1
I6V0fMxOogBVMPTc8ooJWvyCPxj0IJOjzmpHUULx8G95LgNZOOFZnj4mFQk/kqt+A8PFW1rm
3M8Bo/6xFvVv7T04Fx3Nh8PjBf7Y09OU8OM3s5gBz4gSeb7a7aSHE+oawDKMTrLsk6MH54O
DU74vhvGF9dtNSPbiY7bW52i0IOC4pNCjD3q6cXHma3EfCjsezHfzbdIflVMTLmT2BcNwK7g
PH5jipglbWRonYH0+MLL+iDBtLAPlbieKCNRAKtAHZPmY7MLHAG8axGG0cKt33U0mkK1hQxN
RW1lqekSHCuERHVG8V2sE3vGzx4yB32mozziBJb4ipKuGsYisJc4jcnzckzDl3K/a/zj
IzCLnJCPeSRzgwHkQAGY2BY3kFPtH84KFUfAgD85w31+jf7uRReKLI1kFFhSuQ3UQWmtPunt
iViggjtE28awkHIIHnY2dkueMNNRENscPPkx2drpGPXLeHPOXQIXeuh2/bmne5kjAIREH2U
x3KhaAli3tD6uIoFIYfl8ZGkT3BiPfs9mFqzX7ChzZNesszQFGRkRZ4PjrJMr0LPfjGP8aq
+N4gqw/kB9ZUk/dvrNpzTrJvXvHWCgw0xVV5xFSkmiLFcMcKcNg1ZG3UG5r/AF9zwLS12hxc
PuElz7PnANE+zB2OY0UKXuLkg853/WPxIsZdL0M4oc8wnasehZIXvYebyHXBwi60UCig62Yc
iW43bo/OnuJkTQ57cYHa2ORAL84rXb5//BJkZXaHaieZ4cS1qZE8UaPyYVJg6ZnocO5igGkN
i0s0M2XBWJZo2Fe0cBkktZVppV28YqmCsmsJpGvhfJg8UsCsIORAOs32eaEpVgBvYprjFHU
F3bfRWg+MKZDJzmae6bjzTCOJNjTYJ3jI0kSiVc2JOB04y11bAmgCI+d728YdrxAFDBwEL2
OTWUfREirwGp4wz0VI5LhWfKUcuSV3ll4VQ1rKufuYbEgl5oXFbhVTTNP/B4MURWreHMDag
qUAbkop5w+tACAB0jG9fTGzCaClYLHLHXjEiMyYk9Cob4wMDt8h8yr2vgx/AiT65HR
xvFoArfT75K/nky/ugFHODt3mrGChunRAhOdGaU5ZMVf2E1Ukziv93N04aWneRGda5ngdn1j
JapT2a+h/GbtMk4ppk0pN1HvDmldjhBNbMV6V41zshur0jOAwPexzc4FPA+KDbzdYLAI0joCW
e/GUGAuEqR09GDDXrFBCQmVjwHjCF1nHWenrWK4RSQHbGnzlMSNw/RG/9wTxAmHc7cENaXT9
V0neWqI9kyzmlrcn7+gQqPA9c43JQoFqSXBxMTpvY0I0T1MkLSqU5aOfGOHPeLGr9zy4VB+m
C7A2b5TKKfFFlp3Zw3hNMPIAVF30sAxFzq8ENYL4a7M1HMAPziFINyA2csUfcmWYiLiYHWw
IY7cY0aHSagmkBf6vGUDQF4HugGt0mRAP6cJF0Imk69YkCSbLs7tRL6xZ4vPt3g6Xj8YRDpY
FyEGkawt3VxoFgLBYS4AZCLyJ0YS0JKvoMARVBW6FdYKA6UOJ8mUEeWCR/eAsLh6j/mYQMig
u+AGTJqnlR9Pg8rLeMqCfLC7psxfAaRIK8hpyiHa4NWUe4azS+zx15wkBVHbxa3DRd7wMTNS
QFvuWPIpjODgIMdhvUbiprbh5A964eR3gcbRFBpXsunsmTTBULHypN/WK6utE3gQhvUV3b94
wiNFef8A7dn3jqlVTXna/DhbAREoTtm91zkus2urjbjPANvAJQw+Crq+HOEC2cK7Rs6jj8
nRuVEHUQGciZTgN/IKnMvuOsCs3GyG8cjJ5wvT9qQuDuv6x6hFBUDh/M+zKYGhnfYO8cMw6i
A4kXxd2FYuhpMLwIFnkUcMleeTACMV3ppnul6MNsrl7skoAd76wybVozstO5531Y3ODSj/Oc
YNUkU1w4SHEGKUJHuo8/6xFqIhKaB/KPrGmf4SZR4Qayh6gt0A3uEOh1lmuCN0FkH0x3+/0J
30CKflgaRU+RNcUg+MRfywEUE3dVLgTsd5SG2wHOneDBQjnBs0QqKpJhMAQ9AgkK3YSQ1hYq
5RXuKOGecdxzuaQfVACasdZG9t3MQRfjP3hBqbtqHMJJSiTyzXiippB1U4xBOUTpXhXliM
NqibNaza8mePI/Bi6OsH0X6qZ1ByQ9kvzXtyEoGx6N4rwKxuhx2gbeXDrY6BgEGrbiyaZZ4C
4llueJ4J6X++MbWND7vcxp7+GLASaGD80Ci5VZeF5P8AmO0+TgRU8XvrBmTRA6N2FoX0YpNL
oqBXyF+s4QWhk7+0D7xrwIQ8AcZsJ9Z4JB6GL6xf/Z8qx8dfWBgAdo4i9Gn1jwngljz8YSIT
DdTzj90NSh5+MH0tCY/r7wkQH5HBvGW3XCQyHsVLozaTewmLIFXgxi1uo/pQKaEDpMo+uf6C

EB2BdzdQkHMfgUg0OX3ksPcTmqOOUrhZRIgVDRdT2ecjlhinug2Vy/TrjC3X2s+8YjeA+5OU
nGJPqv7uzsD4ZltJ+rFGqeDkT4zS15PA4Hcb8nOEFU6S1ttREPrD+LwIwpq+ZxiBxCvEvF4
5WZBrr66UYLVm82ZM23YRadJe8H+VrW6OlBAUqZqjbaKnkHZp3reLhsCtJ8Tp451jpbG647M
ToUgi8YyzIAABoJSikx5u8QFolbEVrw4lMEsT48G7dt/MxQhNqkG1pETZvXeRaiFc0qApIH
O8Ig0Y0ZEVCbRHRfkyuwUkLAAJzN4bHrvMdSsubshckzI2V0yocbUaK46/2OuQUwWzdxexZM
EciNjgJpNCA2jYp0Y1jAte/Tg8lqXYK2HZLw4sZu0MBGaUvadZUV/Y/AHBMuUvUFAKAKsZj
+SUuCiA7EdjDmUjTbtVwmuMH6TI0wcORKz/zjJ+kjoBAfRm6clBD+OWFUwAU+1cPh1yxLqa9
dmLqZFOecKIzgSvWMLmDuYdWQNam8ZDYXXk+Y37yfgA00cp4LwecbOF1VH7XfpOsT2d1U4x
GC1fe1W/a/nEURCHZT17YRIIUQ1k61rEbr5xuAq/bCG6GZUFbB4MkUnFHcHASINsH1hhsqID
7nbNHnEQpGkWAQm82S14wGuwwPIOm9rN1M2yuSkfoWtxWS1kjN+haPXRPAEyZKocHQ1AAVG
BkoMPEwkvrvqZP8HGF0tUvnBEe8O8Ia87NdYfXcCQObdY463gZoyJXYPJS94Mx+7ARXICa5hg
v8MdCroWvA8OLhRkmFlptwmmYsl3kKwfA4yE6TcZDZu+N4baLtEHa+WubvnGBoctPLWQHEIE
da6Qa9Ix48XbQ+Cl/GG0diV0A9xFes1toATAH5CrRwYYhwjSpQryO94pGhREEfIch4YXPIa2
/ZG40jJ7ATew0aPrh0zIgVRwIDY7IXiBmiQOVCBuaHT8MICBALezQaoVeMVZnACSbW0gDk94
7FBQIFFkezigaMY1odANjkJfnDYIjCwD5BRrKHgoL1FSjSYolGPzVgDo4Ji3W02YMBHCeznL
I6rVfkpoA893GCjWHfkYRsDABi9jeXoYoEqsYVktihRyIdCSCC2dm8oMHLRwM/7g3soICK9
A43RmWviHgH7YpIa5Z5Va4IcdYKjwBtfjEO/etGwUd1m+T4xKwFtIg/GUdk60qgrRwV2zJk+
GJYdtVd14wTSWsnMPHWYeynj0zsUxFO6a194pWQxyBp+WN34a2uSt/cMifgkiapJDw5CJKD
MsQj5DeFzWsiPuUW+h4cmOiQYgRoywCcUOXEUdIFHYR2hOQ3TpTqj4kCoAqK304e+yrsNNFn
WhLYJleAbNhxSmiWkcXH/dLUyA7mJgDbmy/J4sgAjdEgtj1V1UwcbRT5iXjCp0KWpuru/WK
x3iJ2yLr1ecHi/AE+juPbDYNoxolTbzh0MYisUtxPD3cTzaBC4g7ITtJgAsWlJnYWPJcF6F
BpoJ7Jmi1Ep/c7OcSweJALrodvLjq01pLEx2893BazS17QHel3kaQwPHhp07fODkuSwWJ0OF
78Yie3lOIRE8juFXZyVNoa+gbjCY3qJoHD842Sj1rkQ0oDEdYhsKCSDBpV8OQ2YtCh21qF1
vjjWFUMnUrSDma3ebj6QCI9Uqcs4FvjJ/FR9M4QNUuaQOpFmE0qxy6YehZjPCtIqg/fNl6ic
0o9Dap5MPPHSu07TZlUxT5Gqd+QkvjFRE1RAx6dy5cs1BY9CzlwkgGvGHloDlNu8Wx4VsDQ
jepzvjBZds1abPwTlppgmzEvjhXIFs+nADxDszfGsP3f6jvLdtarZUCdV+sGzW48JPh49mXO
oEKXtoPNyOWETaBrC3nxgMLgilFQug9zC4I0Y6lkZsMWzD5H5ZJ4t8eKuT2ZRJdJUZadL5u
LATvoNV2P4fHOW9BIe3U1uwMwBm8Nnj5LRykrWADxrD+yExGLBIXQqZMZp3jQRARF6UABiHo
Alymqjps52OXH3jopNBdEaqM1cT44ZGBCmO6CXlpMg0QhomjFsuyEJziKyPXgqqwSrAWYs74
gRqBahfeouKt+yUgWOyUHQ5yAk2jvtoP/SzH2iiNAVu+f3cK1Qxo8xrTxyODduurryIv1+s
LcUPhEU9fPePtlrF4COnwneRYJMuaJgWouNgr1cjW5wrkCwLW2mOkE/WCP1e54mwhzVYK6n
Bw03YWDPyZWnqPPGlin14zUHIcILAgIjt4N50aKsVQkSt8u8afGfHBpCVimFvgTDN8SQA02
B+VmASpctSa6KB3ec2tZpPSeN/CYGqNnH45xoJYqBt75H9YQ2y1prOYH6wetR0KgDWJ4HKnL
gN+vZ5ORuNGCKmRlsBaV79YrNIRD7eA/jDy0ApOI7o/eWIEzUepgWpMaKkkgDEMTQ3b4Sh67
cJIR1IJw7PoucQjctSL5nzzljnjIVKCKdrxiWaMQw5SGwlukubcV028V6At+MONI7xAH5gmK
5WD3JkylfuDynwLMTE3zqvv7YfeL7U3VD0PQayVjVLLyoXIoHAp2HfVH8YfmBVsdcdZX2iv
LXIoyFiiFXZxHnGrs4gejhxLPwBTIu+QI9mKhMhp1C8IWAQmakkOisjoOqxgTnC1nHLK9FG2
R9sFgpDI6WECLm8N8843QEKAQN3BPSZCQVe5A1LIpcOgmrdCONDQagF17eFhvfQghWk4KpAp
8i6kCLTVaAihZIKiWhFjqD5IUwEFfW9UqAjcNqDDMgvmcm0DO2gc5QcUweEV0Lu6wScfQ5RB
Qfd6zStAWBDtyDYfGML5nATYaqcyjlg6Cwl7ujSN9OAsGWF1KAegNcIchKE8jpai94QZGCbs
QDeuLiepU5TXqhoBrBE2f0G1tau/OSMNghXkuTxj/SXI6z47b4wUFpGO57D4MQRQrc+CLQNJ
DkM0jcamVaKE2a9MEuazw1VQPDIK5qU62AF5ghxW9mEUxoV3MldHLM6x6F9e8ibS0OUfjF4o
3TvCIqN3rjIwcvpXvAKptgol2Abxj5gs7ha/lcHG6Z8J6DDOprAfJcE+nC70EKzTulFGDGX
MfKBWvOI78zhS817Q1hyJumUq7w8lVwqI9GngGi9VwQCwA4rYAbbwUT4A1SS5144xvKJRvsQ
/FWA86YIjig/Kh4xgPSodVLytU3BrMpd7poBYPXOXt+8R2yiUIT1ghDY8+fOBOKNHkafrGwb
VQJcKmX11AUfywB4WP3Jt2Og85aQu9lf+ZMeEPH8mTiygAD7M1BfYu5I3G8YT1dGyTGHsSAW
DjCMWsmERrgftL1oaZtAAd4ZM3q5yjApWXY4JgOT3ViUR8tOMrEBgTkji0899bXkUaoIEGgV
W1AF1Wr5YmbqJliIYUvUZCVVxTI09gHQm3s9xLHZLNSkVHrLTwTGoAoKqO2wdyz7FZonQA0V
AVcjbwTzeV8qOyrzidUyhhBXb2AkZhCSRg213n3VOJnJjNTydiPhE3kAASFohWfoxrLDQRwO
gyyW4WZO2zuA7+MuRxxlcrwXHfwrLokHoVvDgLnYc9wXYfVzoQPqCJB0XuMUBmXprGO2t6Xv
NtjPU1By8qzDIJEmsdQ5qC8YxppzXa2EYBLpFwYDqKKoOsEJUgFwCyrjRgSgAcvFvoJQpouRq
ZrVHdmTAls3NdXJHsEsw0NBtsDiIKAPI4m8jNDXJIAVBYeLiTRshQangr6mC1hstlfjqZ7Ez
QeiZ45SNrnDNIGNpQvGKB+IUPOrTE3JoAFmjgd+cbDHDAQ9Hh+cREsVa7VJPguLzPvN2UdEN
HjGY7DiBS0cHbz7uxw05Z9uXrCozVsgtQqF1vGdWIBllagA8XJcq1jYZ8erjuDm0kCEU9O
ENmnl4ow33fzkzmgS03Dezpn4jMKU+/WSADdryM36b1N6HnnBBnI2PmPDgSWsg8oMPS4w2
QC0FN7DQ9mABO8lmK3GG2JdzlXJr15qLzllzbvzpxREvUAOriHnrBUgLTmXdeMlinDcoVp2R
SW4ERATfW0QLnGsvbGM9IQAA8BElycLA86EmDdCdrdZuQWEdhW2APN9FvAlvZUcmWoQhIh
gZxHbaVFXMTrH8IxfJAqDc0oe+RCgL3srdKB7tKZq1VkxbZnkEOBqYbk4CqjBBH153gxOHU
Fch9hpOsBaSdcOcAWEMrjEAXM0EPI8N1EcsODdw0J5Is8rg68ABzgSiS2yGAOsVGdwavPGS+
mKWPytdYu0x4vsjp8XBIR1A2rhtFmJAFeOgXvN09e8YZpIMSMADAOhd4rzZLTGldU4xsHUKJ
ppQ8jN/kpfGIJQI8vxig5BDeVFBQHveRbeZeNIKPadHS7yxXSFPiFsWiZKn8DaatTZavi4u
EF5IrSQMEq+NYxelSq5r2sPxxh0g81wJ1UuGF4IUBsm+PuY+iXpBtCdmx3vCAnk46q0q+jEa
ZALpPbuS8Ma3hIuvR+MNxm6j9MEJ7q5fBNTiYlsgOF81Pw5WLgISadZfC48RFaFmkFPa4k34

yBD2TYHT6uOz0L9IXIIRirZwaitfQPr5wC+KbUnjg8AduINBoEladB35wFlhk8gJX04wVX0Q
NcxEdc47TlrseTdDv5y99Qxwq2DKesmgRyVymQWSxJRYDNv6x0RHHFNFPCEbFAiU3+jCUUFv
nNfRQ07o+64MJEK+AfBYEtzSZUDKa6FhobvmmFDiLdso0tCdPOC7nuMEiwDU1d4gCvgFRc
KLQu01iLfbjEHdjOoKOzHrmupoaDZO4+iY7FqZ0oDaj49eMRZRQuAtQHANv5wsLRFIVgbsU1
uajF6CBGAI0iu9MuUGkyCdMJQCpcBQSFaIDIEw5X1lp/S6KpDvod27M34TftDxuRHWMBwJh
kXY7NOM15xc7p5IKu7qby/xDkFTf0DVzlnjGGi9Qdso+GNJpQRTcV7mURIHeaW106wuggr1p
Zo5O1zU0vxCG4tyx507x+NzyStc2K48GaKhNxDv/AM4+9EtC+TZ9Oc08QpFAGttjBDeVx0Kd
OSugskKFw/sIajZB/GJVziPMzFQbHWEVw4mgn0LKA9luXOnuwKCaGjqAaBmNgBhbabvY+plk
pNsQRZ27yH9FaRA60eITFeDcr/AoSfWFvoUWRADYtQmm8rQNEj68Y+SDYPOVTKKH+slrpP7G
RqHUaHAXVOQmgNmGFQOEu0JoZFdNwYgxYXMqDhpcjllMqkJ5dctBvEAEYTSBrtDaxPqddcFu
EB17PWPujdm19vfeCHGVOXlwYKkXEeMRsUyBzT/AH111InYETBLElrlGidNeUp8GYDdrp0e
qw+sCyDvAdrRwZt0WpN4Oio47Rj94RkFniAzS8larEoU0IQqFxeFi+kEVat8ys4ys6Lu/emk
oVeXZjpDYqG4GgyKC7IHOV14ldd4KHNjJtQTABdOsrzMM064JHJpJaF3qRyUkJEUHLwk33M
EBD6CHIHgNus1e6qrQGRERJwGimX8tsaQvDymioIGMDiHjaH7CEURdmMEqbTtMUU1QM6YHrx
uNAu8RDWGIq1HBTU6688YX3cKeSUARgNE6xHNSnwLodIEd3KICAogbaU8srKPCGEiutn5sNi
TqgYG4A8tDITNDedADyTnG0txFW1yzgNpvGBUsgFb8C+8JutSXZnp9OLu7BD+D68YxdFFuZr
esefvGLkuat+gN+B45wqOMaP2IN/OHraF+dpMDd9GT21eMdpW2WDSYNQURv1AADaaK3K5U3
e1GFNFUnrJdmOEojexHf4yAwRB9rlOKriBziKnDQk4eeG6IdY7gPWgIcYryUI2ZfQu5/DFoJ
2h0dGBFVsHOMAc2nK/GA1CaEwEQgE8U/64V/Nxptd5gavWVA7HNUg5ZY0RpcJhL7oLoqeb6z
WjAYE1Ct9sOcA6hAJUAGj0MueTDWrc16f0AHKdLIUyhTQULaaxmWibuH2AmDtOfbKIGm/jAD
eLK1EYnv4wPvV1ABvndzQcUtQnzJhjJwKVUvyGUScLjZw5uBAJs1DTWAN5CGdV0k43QmNEYJ
Wl6ja2CPBgBU0WFwQEax1k3zZ4mhWgHCFa2JPOBoCJTQASsLxDEoNNYjkkqgHRLzi52IDBVL
RRAd5JAAUXO226ca53nSwj+AYqYRh7zqqtjsgvKG8m7FxrL/ABIAXdFiODvI9AchHhBKpN4N
ZKNlBQoSnyAQ75wrqWhcNfFyRdbPGAsuZhOoeADB8OM7McnOOWDDTQcMTb7yku1GG807r2U1
FBeScYqQMWhIr0AAJk1B+L93cQrZLhHzrKb3ihV58YhpWxq2ry7wi/nPFIOuMIQo6W0Q89ZS
ivoOnxiE/US87Ppwup23RL4CPGL0YXzk7XUfGALwQ32Yx7sA5Aal9zw88Y+siU2AJNGBPXWK
6EAIrUggCbM796fLCMVavgxZklgc0faEvgwZI+Ykto/2K5F65JDSPgkfvI0nfiPwALmUeMY/
u221fWHD941B4XBAk4N3PeDRqdB34Mg0/Ho8x6wTCdSiEMiASHDxCcRMplagANUXges7xGCY
gFocWq1UajVVnzm8PoIPEsxGYZTbY13FzkAyNLJG6uJjnOFTag5AnOGc4hueQfJg81PGMvok
hG5bQG45fQ5ADRXRxOXDmOR0CvfgHdDdi8/WVYfjA+/wB/3fhH84V8B3MmN2yTVMl8Bsk4
FU0SpB5xMJVK9iDYqBVGyOL88BBDAQ2csHYCi4zMMdiuTlZSCg6LZUdDiY5i1LMCEEARiFIC
UvLkiRg8mtK8RrvjjHYDRoRUtMaBYdZQJZecpCoU3bgQcd4INxAhIaCLZEOMSIU649/AXKjA
IhTrlNVCIK8jCSiA9dTzfeqcTnKiufIpoVf/SrkHS1AbsIqBhID4xvSa2kIyrK1zchxeAIKO
6gJ/TKvaELBASTP27x6APU/p94daZi0eL4VbErXVU1h1omul0NyrxjxPpYIG410Kqrox0EDB
flrViiOecVV9nC6UFTOn9ZsBDgjS3jHHBS3CK5jxktsv0hqqwFwW AikQD1jpL+RflaccsopI
o8D4uWCOW7zxCjr5xwxfm14UeIq+hwRxxR2n8qub61druGHIMfUy28m3BAvxd+cpKDSOMZwg
QOmCZg9AZ5xtTR26cH1iVSsmKuGFSqD9uMRXS84Dg8k4Xlp5kMrQ/rLDR7i51+E+HJPQtuUA
V7dTZcOUgWVof5BSTvWb+TaQBCxygJd4Gwy9BROgBWAEUwGZh7kAIPsUHkdmO9gSAU0Qzj1T
vFtkVwiPtArqiYjv207ilZRA83HasJNMOJzXTC9SRSLtjs+sSiVWbeT8makje2Wm0/jKG1r
smzu1d9YSSqJX5PIwtm40HwlnOKlWdspDc4er7xhlRUiyJELWG5vNgORHywb1Guw6wpfZ6Jm
rcFsgJzUN5mw04GORATEBTm0gTsDRHhdtYSW7SR1KHeOpxMB8jDuooOVQctN6xYYITqdoCu
+/xk8Gd89PmtdBGXDuNCCVjB7bo84SNy5adFpfhcLfsUaIMjyc9etYQwLIIhPIpThfGCfJUb
H22iadjbxjatkIZ+CAgeR7cFRvwWyoyyt8zNn8k4QEaCK8xJdEjEjGlgTnNpcAZYuFNbSKzx
hK3bVC20WnKHxgY/vHKi0TryYUzGO/iXrHQKYDCBO9STQOPfdRmFTZa55BeLSumYvilp2oca
pHBtkX0mARW9JrAg3sSh7s/YDEH3kd/gWX0xwG8AeScBgHYEQpDk6oyXYjK7HEJiORQEs9GC
8LO7Q1eYE+8ZwMWIsR+HLRL4LpMZifxBDeBU0oFus2oOQ7cB3sB357424jRWT1gGU06O9609
YSLGFSJUnlZEEHPoF7yCkAFQzWjGThlVApAJODwZmrWaVDZJQC8bHGDdu5HA9REHQYIoW2
ATrMpL3ZBGWDyHAsVURsgGXHTGHZAJ1EJSkdbxtJioJG3DBKJzDDRZd13dAAJQbwHZbjR4XQ
D95UnSCIkk61XGpBEja6glkMQbQEA529hcY2lnYA35duRKsMDIb9iJaosOY6xYhpEk0ABuis
XBsqA76xQ2HY0amA42oZBRAoaHj4cjQj4oF0lvXI9DkljggIYumm48AyQJI4PwMEXLYn7f7w
yTbqpToMesWrB9BQJ0ncCWuJQ+Zi7Rfm0+8sgMqI80p+RgkTbuzrX9tXAYqNIV0jROVbi/dt
BJFY6LxIOS1OknooC2uqjsgUDdEBIKAKVYmGRL8C7+SCEGB1ckDJSsLdo0TZjYFbEIVvmF
8ecRxm89d1StfK4lzOAOmGo8uOXF7UaXQKVIrpwIMQeRV+4jQkNvOM+DxvQVdiE6zllkk1BC
JHTx1g0HL9RjBUT94asFVgGO8saRg1iqkeBhVDCemL3Zqb5SZQfoAoOxtenBSYSrtzig+mOK
NrzGpkRvJvbkhrwLos+/4YsV24Lye1r95XMTIBGNwSR1oOUEKHaQdjDKEv44bM9ORELEe0TJ
TV84TNRHlZAUygvOR9QhcmKG+KPhx+uSAKRg7F9XJSNBBDlLTwLzDGDruYG1MZAeJE5c3
q/lhZpYr2U4fsRzYoUQoclpTs/GW7AekdOiC0InTBCMnkKncBTTVYKcmvCKI8AQjV5xjUHyo
DUSqm+BnB+kbfwAjA0sTxwNHKM8ui74xuyhBVwh32x0jSjoOfcxcSF5NijOzKShYxycEsWIF
b0F114S2WmOtXSK7wIxA9qBS0AsQE1mmHAOgIgeQN1S6Y11NMyIrNLCUL1IP/qIVVKFAjIHe
A40ExvaPYG6YadOpX60R4doYXn00AdOcJQcXnDup2/NQlf8ATUy7rICrA20eA3gxRxxRpWLu
l84sZkeQcyMdc75xA0cKilbY0Ke2ZFpaNzBDyn6YPLohlESM3Xes2OmYUVDsEr0j94CrtacD
0BuOiiHVQX9R9mJ0spzAE6jZR84fqBYBXDNryA8OD4ZFE02vK8wZrEW3SMAG7pyEcQHJt6sD
ovfAwiKqs0QxhZUdDj3Gb9Rd6s6uPqgOAR+RxxmpZWdaTcer3nDhcu3gXT7wgnM6x1b04jj

08H1JX7uI8Jades3K3G/RDO6PsE+8vsChd4DxGT1kJiDSAajoH7cBnJdGumqzb0WA7cPa9Zx
T4ZaPW8K0pE4bvavov8AiQKn3Hzk11QuDnS/OR1u6VXD/ecNaq6SI17yrGPUfK3yecDZ+Mnu
E4+M2ixYLMHMaX3CkDKO18iYlkjVXVkggkfyweHnePt4xG2ID9ieTTxjDhClaaASiChYYdiw
dSiOaI9e8XzIjgm+BGEtqBmKg+5fmHeF7WU8O19rIPNsg1G2Ps1m+JNAQNgpFQVioJmrzb9
dEACBbYgZHUoaahsBBULKV0Zd88PQBkpoapucIwAppCg6EGQYHRkAQIDFbIFQS+dcpUVIV5K
dJ6bHW6y8JNBBAFkHfYLjijq40FjcA31DipS4tmh6Hjn7xBloogplHRbuS8Y7oHGmI3AdkjIZ
lCdCt6UDGI2KWbc4IM1WcCCBseF05N+biXAFK6cLiqAMO12fGXB5JsadwCnnNHEal2sNaoTV
Jcjb0HbXqNmthiGGtpCBpq/LcrDuNhRaG3qezEJrkFL2kRpeFmcDuMFKFQhVrbw4RknJ0bZ
wZRdbxwNSXESzkBwBO8Csncaa0AEu9BvApTmmGFDx22L85A8Y6SVrej3114dSrpESUhxWb
qLwL+YfGFZZtRFOyU2bPjATqeJ4D9GA94W/MwKJ28Hm5pAyX29mWSJJ7K/SGI5As9rDdGkKx
lFAOHRaKtubUAuBwWJBNHAvt5g/pW/yZ1+a9s3pOry41d3Y+cFex0FH5QsBTbomtT/WLk6Ad
tc5FYcG0PE8Y6UffqnDtkhbXFMJFBDSdGecWkivo3iFNstc9PyTFvmRPcd0CwJt2xqfKwQ0T
jgtGNXRl0QdCB4T2nfZ4yx1WlGia+YfWf7oyr+hjWVkb7cVco8243wbfKEEaElIHTiZ6yB0h
YjhfY2ubDjYFQDOTsfMDh7xrgK6ASdC7KxXMkjCjCRBsAmGx6wjB1WkFzPjNpJCbKhNSQL/
LATxmb6tIdNK+couXIYKwto0c5I2inFo6Das5hiLWatFIYHT+sOR5JqSG3IFew85Hgzkkqun
T8Y6ARFCLZfMeMX51rW4sdKhZtwMuj2BA2sSwNuwmUvKSTDTg0cHGFBGPNQ79bMkrCrYPCnv
g/DguR/NZB3S16A8sGBKGUlahRYiOBIRuC8Bk9aV2Zfo2MOLm0g3Yzbnkad86vPCIQck95NAq
hiRgCE9eNsbXBJBGR4Apk6Rr3jy+cZ1Q3weDXGQAvIUNG38OHvL/AEL7R9T2/hf1ROIgufW
8CSBh1iK9hyhPW+lcuOPIJ4r6xlbUmv3lnaUbf2Jkehf2FU/hv5wdtImlX5V3mhOdqtAvg8Y
iEio0UfSEMqScgjaXWlAh87ufWCDqBXOAGFwVDO/GajOYsYOPvBqvdgRD+OM3wXLjYfrFax0
XVuPiY1iQXi/X3hvNjrw/wDc3MU5A1imKXnhpZTYHI3MSyE5Iij+Qx3JCZiqnrrsLFpMYx9T
QDAQgIlcs5yg8LWJRjy1M41iMpllagh6LccAyKfVK8ADUMFOcpzJR4oZVQeejjZ2eiUFoLkT
QcswDA4BYP8AQQL4MCgfE+zNqrlecumUGMhai0AVNluMHNyATsCibfCjrfzewpGjTWFxPMQbS
G96Aq744TISTSwBoZ0aN53qPM54AQI84VnyV1/Twa2P5wWPEQ37K9P6x1KegD+SwhvJWZLHn
wYUJUFQAgcFdb8ZZITU+GBU95TV00omtA+FwyZNinTreQajvWTcA34YYbJG+mRjEuJkCIJ3u
dYLUU10dew2nK74wnUgWFQSKltgRMrVdMghlNgi6XVxw9JUa6ZLC8u3AnhDKo95K/Xyl1mg0
tdukmW31E3LID1DjFLWlwDiNRcuwxUZV0/7yOvaR6DpgYNjziqAIViDL3y331OL9GFpI/BH
X8ZyGbG+8VWCTEqPzJnKeWBpA9I4Q2STnTQ0UTrE64oHylN/WU2SIAzVvVxoygob+Q+ckCp
H3k8sBHPwx0rTEteRwsmGvSN8cEZQXJAH8Y0gT+Dclkdh6THFAJzmDgcTQVge8bIwM7Pg5+J
Ci2KB8uGppqBAj7jMNVURCuE9e8XU1kuyEqzo9byT5YOWZNJTR2YLM94UHE6cpgMFTT2Efh6m
VSyQG6exq7u/JkrQ5w1UcMCHZfhggXQ4IcY7YrKuEYBQxDYWPgPd0Ze+55tRgnEdni4IWUFS
gxtF7bAecPjTtOhFm4XhDZmqwkYdnZEOTamrhZpkg2gEoAhWBmmZFMmuhQdPwImME+wL7AFN
eGYD7R00NDuB01xvDC0xQhP2A0dfGJQr70ADhXkVE9Y0bZR71FcmRgbrYnIE9ZjGu/aBy7e
ccCo2R7OZ2GbtuSrfyeD88YnBQbJjz0ctSrNR1INeTesbhESEB5TTY63nW1AEFpctX8eMQC
4mlr4xdwcrS/eAmrQ5PjFzPIC9/GURHK8ecP0hz0UXD+NbpYkXDxb1Du3LU/kCmJ1z/ABm/
mhMYPspjEhdpO2OPaJaHQYo+QlmNA6YPky6CKpdQfD/OHIIHnk14O2cShASkqD6MEX2Qdg8/
OU97xh694+YwBFexMilfSGD0AqLy5xVwGAVV+svpENvCN+cJCUT+8bytsRa6xoLEn0wIqvUX
KPWOq8ZcuZcGdHpqaXOKjruEChADIp5cVUdwKUrQ6q+GGojYywME16FmJVOY2gBnLhQ3SYp4
/fKbfGXMferr79mtcnrAI8agBhuIujtVjQ4oXoc4O3aILcluPVGKQ4civY5oL7INEbvQU5bF
dZ42fyQkUCuwJScYQkDdWaxDUrPLlCu0vZhemDcWJGC5Kwj4YaDvbsyx0cgXtUNNC8d46RGy
mtO7AaaTnjBwL6BzFikOi7EMIVLH7ZvKIUAj5xpe6t50PSokqD6wAE1AMLbhFXJ+6QieX7I7
UPGOrAFmLoaV8zWTZuJEdyQh3w7TFt7snXaeWzXg4x4A4wLwZQ9PwM9CQd/OIEAc4xdyTDty
wuj9Ymr5t3PSOclu+17PWGYSrI8nWd4A7um/wwwnSM6FxAr2Nt6T/wB3gkei1L0+dL6Li8pq
UZ8rWK4iyXD9j6yILK1cRPJn24dj/xwjhVGC4H4o/WA0eqoCPijDiSwUTJrkQGjOVCTGogg
7DznletFeM7Ag1MMEIDiX4LhUJ3H14v1gpG7HDjONgDwXEASee2EgRf5wXRYOK9m0p4MZV/
yNJA907iLSEgz1Xqfs4n3kWi0xs+ZzjTsg3qeXuNpTZ3jtze8hhBqCductXjK2ylXg4r1gr
cRenFJ6LHnTOcriipSqRpYKq95fhEohrQulXnBY5ICWAoVcJfacmh5B6Undd9mMR3EbLP6Pg
d5bqy0pSzuUgAYOFyTerlthAA26CaAw9dLUeyYQwShGZNPAXWBZ5MeSb/AJxA+/Qd2jgQxvUz
U6o+kAchv6x19IRdE31oBHRelfjaD4FJdpXhJL7cRbeQvD47wCDkWOE3dPi+MCLJGsJQkvI
7y43hXKWH9uDoLXPWsXWHDnjd4WJLXikV0MmKeQ4NMGITthyKH4RP944hovJDwPOCPUUZ0
xp7wi0L5Lk0KB6H9GCaScdFn6Bh8HjiW7L4xAPO4Qj4q8V51j8qCzZ2enkchCbGEaE5yHhQO
w4PziEi9KhPzA/Dk/Gw6m/aLX3j8AWzH5MHitVP0yLHkPvjKaIVTxi3h9Ax3Z/7vHccUIDbe
1uRpx2Im/wC8RA7DCKL4Qb4wiKNVkg+/WGEVVOkwIRQNOs7/AAj7YbQZ5SoB7K5uS5+IANz
yXqPjH9gJACachkDyOASGMsjYsdleq5E9wD3AjT/APNTnyOdG5viInu5KWNcNQC5AKN56xS1p
DU13goQ0PI5QWmc+AAaaLdnvCdYMO5X6O3bInFtlBrQPp3e8bDpBMO0701HnEXtNjkaDHR05
UibVVzRAXsXGMcnJvK5fn/XvIn9VKh0/OU0jCU/8AJkYyWh3BfHOHKMYk8gjOQ45zL5UPISii
OmH24MQeBYzaedbwLw+TKbahlcAgYdYyO5MY5anZhvx5vgbY+BuajjiVQstL3qBHTec2do
PoShgFrEBfN3kHB5yu+LFDAqt558dRZ7MrCrZa/GMXCCQ/MxNx7Uiv8AWXx5GUXhfGHNKVJy
833IEAhV7xRdENoTgw2fCPz9YgVnQx5XQecgg02J32HO7inY3xYD9G+M+DxwuBr6YmKXSTob
zz3B9mj8Y6+EZe6VhhB3wMJ5R90Pyiv0Zt2lQ9mSukXwPRnHIUN3xgUnhveNuD2hg2capxw8
IHKEcLyPWW68nJAF+Wj5wMUKKU4JtnnRjswu9fIXn5y58BGTg/bhrAwwJ7wKpInfuorgKCEP
Q22dXAG6vZ+Q2xyUZivVHx6C+sMcB8FQx9BMnJi04W4Zbp04xkVEPQ+BWfLXJTodGkFwAQpz
vLs4dEXkbAgfHOBtIyK1E7FvRrRgyB+5ttPD8sR1pDCPfV/OAVmeUzADTb4ubligiWQVqxRy9

4oIFSyBROiNd4dinAWXew94gHs1EejDh0RHdb8uPzgKi2QN4BydFiciPNwgSgd8kAu003sZ
CdkcdcPLbqL5zXSASuetG6c+3KWwG0b45y8olwI47MfOyc5Sy2qqyj7u80GO153cdtb0HJn2
42fYZDrAuYdqMDGC9DxkEQUkMFHPXfbMoqHxlgD26YCUTm1PDiMeNZTUdJuYIHdZQ4CCRV8c
Nz0YW27RN59u3OGVGG4MRxbzkkokxhK77DvWPI4g87R0Pu4W7OafweMLbhpsbHtEpPbCxCI2k
C+d4pSSwRhTTzRPrCHRyLwZEKfgGFAuVOMeOTqEVM01SHnKNBMo5fSlzmVvTxugyPWLlQpJ5
XJsm8tqU4g6UOsAhVuQif7HxiLd3hDjG6iIm6QNv5MEdfN2uAjG/FPOIS/G14FA8kTl0huu
NIYBqYsikNsNAG73hGxeh/baJTqZdAlpWyyvktYxFCT0eibTzgCL3fiv4OcjWogOX3gFS0bp
Ut6xqehFaSuy7f6uRgao0h8CbwoSMI/oE7ml0GF7yWvr0al6HeGyjYaWCJlRf5SXB+QhTFNh
dw8BzcbelqDdN1KYwKmsVLKCGb1Ak0EHL/GXgybjRjW7yQ8iQAgj3h5Yj77ChECK65mGto4Q
4nV4d94qAJuggS2y4RXxDCUfD5Y8qtoQMN+G4oIGC8ccY2o+Qc4DGBGSV4Aw4vU8rMIWs+i
25QdFVz8DNLu1L+DF1neB1+sWWg6b/7ikHvT+GKq7XbjCGl5whQrvkMKNvWDJbCtPIQn5wl
i4PRExBywDxTKyMcIohHkcMdaYK15I8+snBtbz3YOYO3NtMHG5BHkoa1ExieoTQNJ8X+cRoc
D4XBurgAfA+mfcFwr7Q0dzyPMw1P0Nmj4srij4y8tPrTpJeCfDFogXaomedmbli1V3VBntxj
UtxZB+C416yGpRBTIP8AmNsnTwnBfnKnERAICx7xxKfwo4lvXGvLho18rIrYU74MCB3t74W
sMI+CdprDkHFTzl/Sa05HWPpUzHlh8J+MEeiAAQXTwAwCbBSwnOzXnWIYFqoYxaJ7MVcOOyV
6Nq9ZFopCESBewN68nxikKQ9Dc7Xn4mG72I6Uphphh7K5W9J0IwWj5zcKKO1wVTCthvDtqIW
yi1u1gpMnvKQOJ6MAIa8+TZGW0YT5M9DW5aYVakLSIEo7ezJorgQDL31Fo8cPgZaPqKxOfEw
9lz7sCu7kevvDN8+ENEowROs0VeZB2jg5IciQwM10S+MbgYSPa84ZASo2JhV90R2ZKBs6EO8
XAGMEY55qOvjYfUXKAeseLBAW/lcp3Xn+kMJeVIYIM4N4Fy5CdXn5lWfx96eqmQiU5InxhJk
qpty6zsq3WWZ6vv1jgCuoFd2lr711hyTR1PmeHGoKa8AUdhx8YL10Gynell+Rww3it5B4cCO
ynGGLERauiWX5Lj7Bb0ddvq9APLg5qkKQanYl6va8ljCUptW9bdPjzTIG04/1a2frECyBXch
eDVb+MO8PO6NVOHR87ybicTHo3HFe8AiEEcRLtcY7fi+J0B5x0L2BjYp1vEdtEFi0+nsy9kp
cKteLs/vIdZy7y0eb1MOTJICihwlnY+EWN8oS0ZKdZB9BHTUDg0YUEoEeorlL7yAhaVR8JQ/
GJgq0JA+P+ZlegVcdvrWcjhO63bexBdnpjzRERrDDz6cBP2rfIppq4N1gBF5tCgV0XHJYINa
A2AeXrHwsuYRw40E6eGJgJWCioUIBKsNdGJIMrXLOoQ5LJsIa3tLGRVoopHOKHMHsjSBLRY
8K6gf2J0ACdaVNvzgDe+IHzCrSfeSzBLNilGNhptlN06RqgLT7dc4RA5YQ3osp6ycBWJHOs
R4BXChvC41HwH9ucsNVnvWmiW1edzZbenCuGdRMeYZRNvysiBe+v5xeorwEPxhAqLwIYJpNB
9uFPyoNTz0sndXvNfREWqtbr6xL7wafmGVgSXWNW35xFboKjMXYWrvszR1wg9XeXSBpNLNs0
U2YECK2k4xAMwIAYHnMb0Ui3Xa9rT4xqw3NyfgUePpEvcQgaRu/JbeCZImSc3IB5Lr/28KaR
Ex7g9HWsM6Sc851ieJ4rinDmlqQx1H8YkSN4337fDb1/iEXLRrt4w+uXkrctghT0tRzgd8T
M+BQ36wgFTs7mcfW4N04JtBAFG7944sRBybB7nnKnarTp5Xbh3rHvzkTlkaOb884oOm2CKc5b
045InqOE98RT7MCgInUADvHTTUtayO0qO1zehADahrDtagrm3QJdQuUQVXEB1id2JapupOO
AQpm5a1ygV9+NiMXEok2dk052G00dZ0K00JBjCAKJ2w9alDxp2IEKNolw3uom3qs/eDWlIK
vl8gNlrdGx1p2cglDzj0k6iWbV3wTJsIt9acSFz8Mug6PeSdSgYDBgoZGxfHvk/lcE+pdX
6BrN9WULPziH0R6eeB+MYjNFD9GE3gAjMYHEiz8i52tQuSb+cC6F0QVT58/WN5JJvPV3rL9B
KRDzDzrKEprh8CiZsuU20dgan/c2k5J4nFt+c3GKLTBRwWJw4zSNDwpjLnkxGccXCaH6mcXn
nXVS/wDDCJT7OKC8kP6w7+QoeDFQB0MIBqArLB+ABzVwSH5GNoB5nA4azeoCGlIHRv8AOKIG
Z0cj454D3hSGKC8kLosA5ZiqBDdvnycnq4YNCQqOK9uPyhbwoZP0625ZqBBJ8mEqOjeUan3i
q+ARLkatVE0nw47iuRd1TGS6QObYnt94NKDwGMlo876yzd6vFv8AvLBrhWbI3slOGY6MgqSq
uwDbzNbwpuB0JtrBgoTxxh8/VS2XipVail26wVPgOgeC4YbtuZPFiohd4vPsKg8mnh8ZJLA/E
47xwJf8bLc7djtMnzxV/Tiqro13hG8xjYGioswY7qigrrvzPzcSGt6kUEpesfrVKHo2VhzwV
zSh7gQaTIOPjElw0mg8BhZBytHtUXYY7J+xGBZM8hOgo/vGd3RO8q/gYnItKj3CCfNwqiQN
5RFfzi4UScBTwjAcuhiPtOcoYX34j6hXka4vuKnCmhfPeSUmYJLK00t4phSl3yBYJ2HOuND
9nkjPhldDbqmo+R+H5y/wLWwK+BwH1xgwAG02EXa5VYSvjEqPZnNHciDxtmUigMqthDkSW4
5VbOJifnHZBES98cuU8ugYqpdCX8uJySS5DRpwWd4Syu2lKqD3XlcvzfYqthxoE87wyQaqoT
Rc1DyvrIvSF1S2Xwlawi6qor8N5yLpe5nxcS4BhPWGV9IMNDB/kgJ0qYyAE71xjq3CCsC5Qg
QdOIlB2f+W/2xwZvF6aD2zvFagbiqfZesQRdWHCq/owfVTWZpeKIt4TEC2ExbyRzhU8dZSa
q7CvIXa+1w6Dk6GAxvHvEqJO3KJ7KbxQaDwYbTXpMGihVYTABqCqyAHS5cGYEKpzd4IEcVEV
JXO32/WV+SoALVvB2EyO/wAiBNpe3WSBCCNck8XGgEwmxfHjNNI9x/php9HXteMcCoa8cATK
p/ZxiKkCy+fOEy4MeXnFYAcEBwyjSbY2z7MUquVBdXEZAIVouKDz09Odb4uQ9iCFImqzrK
X7PANHQ1r8jhWYNVO9g0HtuEcyAQeBGj84SUssVOX56uStsdSeDrZETDwJLSXzNn1txq7JGP
dfLwC2uCudxEdlwwMxLW8CkQmei5JGBvWVDWCAdAoR3u8MpQWsIHCEcUeMdazI5qL5gvAjxr
At9BJwIXl4fOTDwvR8VoXVKNCehxpq4XmObk+TQOXyxjTMOdPQTf3hpIGtd+SzJw3txzHTDv
uunDbTcgnvhdG8TBYyqrwcKap74/6DHLdDmw7w4Ee9fjff+gBERVfB25Fm9BTT6PrBFnanPi
YyQtAYPm+sVQfgGHrjLY+esnKcJSR84gEifq4OpB5c74OWFWahLhCxdhifRiEj5Pip5HEDrp
vNv11EdOBLqBkhsI+CZOe8B3O1VR+N41ABvZe/lxMS4XrzgAhbUy5W8H3zhl/k6J4A8HjAVB
vIn9YPiGXZ5Wbqau4PWOHO6VznzZdVxmyRaPEGj8v6x1JQl9q4Vn/wCnGCO+yNq6ba9STKxv
BgJRL32/TTBKV9oztNH10fGHkEbIHGnXtrV3jk2SuWuXeM4gQQcgnh4ucJoQEvfkPQd5yx6
7gTYk073hGWhagar2hq5CzpW84DshretY4sTVhtNpFVwGO0bhAIW8wQBTKVAhrSMIRZsBmbG
30MXTG15HjDkPqGA+nnzKXQ/M27CvPEXhV88H8lyUIACPRHQ4XWENRjpkXheHTstRHg/wC4
xil/Oai1COzIKtvBgC95IYwB9DErEGvo/wBYHI2U/wBzMTFCUCvhvKvgkKXZ/Z3MjAgiL5E7
WCabrgHT84S8ixc3wxNLvA+FLBzp4GzHNkzjxnrGemEDhqSBjcU9BnwCiySR6B3cHa20Knlw
h0FFH2wmog2PT04NEkTo1tJyOsnEOhwYRdgj6Y+cAYEpxPBIVHQJP55zm1UW3zj9E7fGJrU

a3ETFIDNKIBOWmsNmTzsf5yUMEPw5PCOmhp3mjN67aHdHYTzXjNMILmDVCJ06xAK2954FhTa
zE/3UnUOUJo7z0/LBFSJ3GPvBSsquF5vwdVrA0gJNKbpxfPeMueWB6rfZTF5KUK8C1XsVwKb
PSguUkzjtGTBE8YHLhmspAyyOimdg3NLFCqAEUQ6d8rblW5QHAuOuChy+sj8ms8gLNdCm3r
B20zRV0vq5v4UXBjXyf3gjT/AHhIAehMK1Q4c5XulePqli68AISYxkGpegx9Unk6MBUUr1mid
+saNp8YroOmmU/15K4dDGV0DqHbfAOeF+9HAvgkwYEDHvPvRg7dpDuuEUueTFUCvDjgSK124
C3vNN8OLQzbS4cyDou3IlqdQ4MBsbYmJPX1jfmhNH54yd03aX4ZArk0Lk3q1ObnVexvWMqn
LTa9YsKWzu+PgzaZRHQdawANLIMS8NC849OAJxgFyqpm/bpOMw7r5nGpLT9u4MtUr6f94rZZ
/NibKIOXRQDw+MR7BiQ29xFNntMC097rAtHBWWrgIwkc8pgeD15mzHQ+I39yfmAmjhbZAdY
TDFYdrVyDcXrjBDNwOos2XnQxDDe5ZIPRkSiLxYpvt25ARoFA7Dk+8UZw2tMA/scIajIU8H
kc9GFsxUG7Z06ZjW+YaRAU1A0eXNE4NxxGriqtEDrdHywxsriruxBHELzHvBDjgcrGAAP
sPWG3CwOd95T87VxUCesbM294/kBcurVQXox6STB2u6xkJLpwJaetGbjcDfdP0Y+tSEu/D7x
9Ceg24Mi+BxMIEUM1M9qZMIWDDKy4xJQr8ZdubpmDbqOof1imXYCk251cfM3jsaeVRmzF5KP
5XNn60D9GKvNzQGv6D94l5dJHV/WOYRh4Lm7qo3kc/nFShvCDxgcZcqlwT9BbnOeDkeMdIpa
stAhB9dGVLCh7ZgVQLD0BlfQJ81xxfAdfOHybGoGxFDRfm9Y+vPq+92wNgcFpgkKhYb2uv4z
U3EwHwPhXfidYBh1AfmpEzodplFxtPJSwp8XlwokyGDCZ4wIumPdjyvNrwNkwdGomzsEDs4
zdyZcji4Ibr6yLyweg8yToxXDzbrZyd051imQU33Iawy7GJZoYaDYd1xvVazsu4XwQ+sJyJc
hIna4vK9i3avN7esCYi8QL7x5ZGL4amHxAwI+MdqFo/BDCsB9IzkQdp4xLsfGJgd5fGMCpJc
gFrbLlwJy03DJonR6MpcQD2bD7lW0lbg7gg/DrOWeLAVA36xHVXelfJ7TJ1D53joPjmoD6pj
6Zo/OGVXeq2/JgB1s36hkqgdJG4w2fgVn3gG060uBMB52P1jORiIQ6nxcEVRRJ9cbZxkdXn9
Y2CGI7XKonQ9Hj5ysD6Dhbs3L49pEI95xDoPjilNdl8YoSmOgGsLDqL9HGDZmq9H/wAwAaoO
W0iyMkZeNj85bGAgLOz4Dj7xTZXLrbj8YCpeoqDF5UQNkw9IBk0NIN1nLWtzBjW10KPwEKv
sccVKBiC7VeSfjWK8IA4Aj0KD3ikmrh8pzBp7axxFqJ+AKG9Ex1gxxzEjwF08ZLiIidBCh+H
C1OQs6He26fsxKY7L8waBqHeC8tiQngI0MXVcdK0DLtd+JjSqEe6hfsVY/Hlh1gPoqaOCrug
j+MYKoPdrldDH4PGSgiWOcHXncwQo+BgEHeK4im7ZWfWDaNdVemnzvrzKWTA85Y1Q6a+Ly0+
su0Xjtms8waTQfLgZy7vD74yVx5SH4MXn6jX84ufaSnqudam3dcnIDgFfnH6J8WGyXwaygTy
K/4uFV1wjM+uKBjK0FhWLWshIRrzsB+MIp5V003+sKifC9YjosEnyBzWgcGbfppDgyISNOgY
/wAEwklAb27ZXkuHq4CO/ae385KPGsYd05wNV9Bh2fgAScWuMOYUe3Poau07reLjJeVUvh4x
OLm1du9KqDiOPv8AMiw9/wCEgxUe5oaSPRGnITIKHuKQbK+MLNL4AoQ08mp3LjvXQPHyA8E
mLWClSmp7Ly/GEF2ekpIxb0yPT5CgFRRAPLMBd1Btwk9riu09B28HjIfpeBnSbwbY+sNdV3
m6MoI+ImCTGK5+MftnCljinDvIh+TFVZWuh/WKAHjjGi9Jwrkr8/4O6hxWyyvlZ9s2qrPMA7N
gdSOIdQ70tf24IJNLw9zHRANvWMxQ43uD+W9sn4yUq63P9Y7HzCKeV316sKCT6y0JetHfml9
gYA7Fd1Y9cfX+AXs7svgyNxa0vORlmvODExIKf6Df0MZFDCEw/WQhBXMZQDKDBXJ3s7f4qu0
Z+5DBQIXkCxcQ23gyaKXR5z0t/QdY3LAj77x1eT+Mh6GxkaFojwjgHApZZOTCT5ylm2Ec8bd
uQsW1BkVDowfvSxJqQthMMDR3NtKx94Z35tF6xWacizWHOrA4UckeRiInmJCnzPY4MHmkVW
EON07MWtlak5DElO9uU5ujY1vKQn51jFTX7ToesHmOywXLm4IKL5E+cV0fOrdVwfvKcVcE/OX
VQlq07XN74NjT0BnMwbMZ8dY65rBeA85D4JKcP8AlhbrxhQEmvxxMz0Eex4ux6wSEQHxketg
N2Bw5IUquYJixrXnC4gx1/nhgFlXQ+3gwZ4j5E8rOXh2wH7wyrvHBjTdnWFFQvlp/wCOsoCQ
6x0Sop+TG2m2w6vxjzkr0X2B/wBwWtj5vA/WH1V1vnDZQwji3Db0kD5uRDRDtC5SIRL+jOlx
T5wQJBRouX18BCvjEN1H27xtK4NUUBzdAch55wE7x5kna7cKS46RtRxs79Yh4BpiKD53ryl1
gRTbVXNXoBvW8mn/AAyh1gi87XRhHNwPOzqIYMACTDsg6WJCsPNRTWRCQQqNlBqXt4Ma5yCT
ohw7IFcuSeKnSxJ1BmUBQFV6D41c/SPRMQDOiKuEvOCEjXzXlwCJgoXA9SYE44ZE1CPHoLrr
D3APLA6R1IHRJ1gPy31nJ+f8Cp5xNanZ8ecMwSf6MFKFAVA2a4EPO8RNRW39tzWnpwt6XJAK
ul68Yc04CH5TnGRBoavmxIHeg/JmqD4If1MFRbwnmbzqk9/GU1lws3hFY6meWpiZ8406v+Dt
IbU5VZDg/wAR8Zi4GeQAYt8WAAAL25rljfiZiKW/8ABUWJr1rGXAug6MZKPMnnDnJevGfnXHRv
CaVTQ84da05xldHlcviHlwlMVPjD3lu5uVIUGoI32YjEgehU0GuwYIPg7e715V4a7cIkyyujk
mKu3odBrC10nxiVadoW8BnJKV9KQqG1WjxzgYYAAXibUsA6dYYkbfEZQqb0Hwp3jbQKuqT0G
t+MMW8Jw3wfm4eBAFKmlfeUMwf1AxwLQDUGweN4H4KKlvrHO5Ct46yiKgQtTnfjHcrWCz24
fp3ot/LH4stcB4HRl/wBDydZoW7Tx5cb5AQ5rn94oN6fazyIUNEx/QRnlhNK/QT25SAJOvW
V8secXrmaQmHhy+D4GBXzjrPmdyD9YtwXiJPpcin/TCAEvDxnfd3G3ADpuBdBW4V/ZWdr1ik
+AG3DDugndzo4wZcuSGrRx8ObJqA8gcpLR33cOdE3ONuhy+cm5gGgUvMwRUOT+sQINycY0sI
CdYIR+5MgG1e08PSGDjOO7Vc6pcILQujNexYtxfWjAP4qVdGj7xbQGCJKz7O8uGtm2BtCyab
Xd5ytA61SREbd3zgE2eogylQ0Dz95vKHZrADV4TgbuJATjdxCFU0b5x42CEU3okdEIg0uH
fYULHUcCnEBTTUAPFQwtZwPgwmXms/kdv1koE5WciH8GGKJD8rQwJ9cGJ8v+sAKEqoD8d4oc
OVH7xT2V2c/LjN69Hg8ZIPJcgixefGG6SVFyEegv3iXjUFRdtnBkGKDhdBR35fOJHVkuYB3
Tv2w0jAUq4P3D9R+A+3LsWifgBcltpo6frFEY7CP4zUilBmQhPgb+LgYA+y4/nO51BW/eWwG
toPhxk4c14cK3A9/85Wd5Ps7yA5A6OJGEBlrK94+XDQ8oJG3yD4xkKz3AD0hkkOan4w54o72
vGPRym5Q+BVxmnok11rB1RVQ6O3CQgWzhHyUI30Obaude83GEMyWlqEPORge8YqanjDAOx3j
9JeHHSakjP3jlibLYQXhwjnm7w9zasjWCrs3rJpYDaCKNRe2+MCgbXkCt0eXbdExoVBEHGx
60YodxZN6ZOVjFCDkOCC9zaSjk253EXle6qe8IgPTNyfzvFb2bJs8gfeS0CaZO/ZIXlnZ37
mdZXeEjV5Tg/Nyfc3R7J25ob7YPn+rnHFHTTSaJ4wmuSEEd5a6w3w6wRaFuHav8AR0ZuHdvZ
dGWA5Dp601b8FcgUoIDeF0bL84oeiYqxyUUvjCUTYj8vd+cpJaoE/TYcfF/mWOvD9h/rDbBy
eP1cPDI7ah7y9avBj9ZTQtK/thk8A3GQJM1zyesChSoiPkgfVYXiOB1kFRZIAxz5KzNtsJ/
LfAcGOvovKk4XLox0LWh8r/plU52YGvQKfGi4ppIu+riRKI4bLwW9+jLrT76veF2RDggdYd

1rcdoAH3mugSr6wGPDOy1iItjm/QzW8Qu53lIUxLzv3gZSAFsHB8u1yJR8tXLHyabUwouxA
YgmGLbdDwYwRAOkEB0iCadYf/eGhUdFRB4+zLkKbPaiDE0a7MegoTRiKu1SHTzgmguVdC+c
VJKT4kMdGD7yolBN+jIXMDwXbDEgEyDU4A7mCtmn8xdac+MOpAZYPC877xkOiQD0HI9YkoVU
CmqLzlgfGWnYRgqAoJ3dZbQEAcAEwJQc+A24HNKANyYLMqFYWEoHg8X3cU5WJIAVXjk+bk6
A7KEezEdByOTmlIBMAeSyCfOE8LQBx4GaOBEs+sCUUuk1jJbRe6XWPL9HpHWDkAR3jgoaKuo
hQ/TnKEj8sSYMw8wL6BxYktWR5B4THohLSFbfKOPDRFPUJjPFKP24N20MyY4vwwgbjXwN4xL
Q0DnwMjSBV3F0fBjsNkQcVinywWjRLnExfOM9k7zg+M2rvGQjh2nG/KWYKCEVeWU+TX3iZTY
pNNGgamSEtSI2oQ1W8OFeyUxcAF2nL841C6hyUgu4U6TJ11VUwdDaDJzMEBkGLdc7D7uEBJX
EN2fZ8ZxUrQITd5GXDK4IsSBvXt4xhMcEJRA8vWCRO9wc+hcD7w1+j7facr3XBh/tNccLxy
cMar+Mg41jRYIy9s3njrEFG+GdY2QJfh4ubWS78Dgm4H6GuB86qfAf8AWL8XgdTt10i7cq67
t5zJ7Q/eM+FSUheW2q+vWEPL+hhGc3gMXkSDqs3JdF1Y5c3/AHQ4LGTxfO/eOSjRpX1wYuQ
WxviB5xuQurC7f1iMKVHCGH8ZCDAumkf24xu11zRe7f1jwf4pBysmPRFMUe4JjREacK9XDM
chfgAxjkZa5nWLPuv1XTlhue+vxiEB0IMJRb+BfWsa0hCX1zhhVteZ+8XyBdl6mKxg45xIb
VXNYkxxfOKey41s4HRduM0VaBv+DBaEASbY1zkW2fVf4wdtsNXps4Lp8XvDhNJa3gFtHseHK
4h0qdVpWm9YSz5XZox7Ozk44JtzbMps6HiYcNwMEM3W8frgIGJy4iMwB2EtoiqF1v1mwG/uN
fmlyJS3TiA7HnESw88XyXh+WcqCsN2xeLx6NyEWcsDIOvl+i5ey7XDa6+rylxWGbAini5QTF
Jz4XNCgQ2Rd/xgAURfTFAjt2US/YXGwDRLWa/tcaByEUhQ9tY1GLv/yHTaB85IwLteJEP6EU
fdyI8IOg8uNRkPYfGfK6GqK9uASQUEmg94riBe24h5ZR8HvHTW3eKIv5cXbNa6G5+HJMaVYD
4/8AuCYK4IuiP4ZpJsD4u/4zXBfyg/xg9LwnPOFLA5PMwholXGZTCPVoHa+JgIwaqvSdfeb
5fQb37x5HKqck4KDi44JFjNYdATwP9ZwAviT+sGkBWimaeL4wLsh6MEuXbg8vj7xcKo7ruV/
rBTrlyHR3N71iDP4egHjues0DOLLQ/hJk7iE1NaFhW9OcK0kybTp7+cp514Wx06swTK6zyrn
gB1mmfACFEnkNOIuVQkb1D3POPsSKOInsGLzjXoJexVedHGAubolOd5Aq1maCIREgefGc5q
CMsQcx7Osr+4ps+VOAZTKmqjwWno4y+ymj30fB1k5y4yTt85Bxudj/d85VqqpH2p6wcWLNzn
g08ubuFANKNBfrTDdopp0Lzd4JHXcoBhfPrAry1WAq2h0GJr07mZDCnUMPLJD+hjM03g79nN
VtOVw4UTA17zzeAuLzVVcFpqAHhW8MuijygaPvZkIt4PG5jw1ehYfyYfE+UBmGhecN/wpzjQ
zX5oD/vFoSA9kGTAQDDwveail1u+3FLwAQpMNC4SdeE5CY2qKQJu7nvBu2m69FwFphPlyZw
iqJDwmExnyoFwyAeK5pm8gYGHDSAhgyWnwSWvzMLQBb6yu8lmWtbcGAqNO1PTCrxfEIHwFed
i7F8Zu5ak7ImhyLaYZSjNqgfeJhFxOoI9NL7wHOGQC64Qu+OjFgVKmmSjWh14mGpIMt2BqsB
53IDYTULwPRNZud9+j2eRcc/yjCSfokYPjlyTnywdNTCZMpqqgHSgBvnuFuDgPEfkDWFqsM0a
LeHv3ky7gJdoDnfKY9Foxpig7b+8QzjZoXs9r+DIL8HFfej7YdPoChe/FhIuKWHBe8R3y+uQc
vesd2fke+vk+cDWkEtqGEXzjIcbzp37w1zDcUov5WmW8o4Tc19UZuLbHAT1OXWS3AqAax3E
9B3iHUNhcRlqYxjDMEhLvJsBFHLu8v6TN80ySK7PkGibDEUoj+L9YYojhoZP3HFy0bnI4C
J6FvEqX5GPFBGmOgA3Xkynuwl8GXfKGeCeGsDdqJR2K2mV1qoOmEL3uPlxuNAvJoD7xR1
fBsvbnP1xr1P7wE8RZ2CP85MkQrgqwWJ3v5x2nQBwvnbQoUL7gu1oPHOIJTY70QlycEM5BVx
HB0AkJMlTrOsbn7KYHJjcaAroHGxqVuFaKZYug94iWoCncqrBur+DBQJvGFAI4JG+MU73yhQU
iJxdHzhZeidYbOUOee28q7gIafQb1O+8eSrfSDz7avxk1mzwmkPzzlhMtgOUZOGM0ww1af/
GIwFgUku2c9ZK9bj4QPljL6sQfChfxDXFUAVq8oZ8YnoU7OAqaDnIjrHUQKfBHv1jdruSL
sTtPWl6EED0h4PzINUi3wOP3jrrbZX7m8R7ZGovhMAPYhqq7PVPvAEcCUOoe+x84zWdLmKjq
A/WSZCsJlrOiw1zkc0tHcY6F11rk0dch6zS3S4/iNwEbOmcGbbPRiuFglpctOS1wSP19HCb1
x4be/cc3kCj2mP24sgw22YBQ0w5v/wBYC6EfhZ/iZQ5ELmiEb9HnDXTWw9IUJ7c4KWcyR5ao
LdzK3VmJ0TUyQAgNFcHeHCdq9uUO8YAWvZrVxkxhoF5ye6LfOxcokqg7XlyOmeSZGjLRyuMg9
FwkYg4INKdBt+jKMTSDRSew+rgY+QiBb0AAxg2+7BFOgdudYAw5BDYgiBpeEcFnC3IStOUhX
xnOPo/dJ6KfLOWylNMQeCgMASiHiRujy5roArSGdEGt4PXrsFERpcvSYfPUF1IlgkeTjxm+7O
wFA6W+HA9N4QQPN85M2gCC2p+bDobvlfQYGM0k6EkLi7S9QEHyBtxJfj0Ou/drOhxRu1cuH
EUDXhuR6e+rYnB84D0vyYdH5cTCZw/QPGFwsLTWL600i9h4wdrVcKXb84WNqQM94aQoBUVL
8ZouVhVaNT6s+8ZdFgEHnk0RBLl2ZozbrKoyk3gwlfPO8Arp3greW8A4ci1/GV2ajKwDtpiN
nN4dK/t95wAyiNOyexwBBEWQ5xg0BqlvL+sKnQisQzbJfJvxhgSGwrkdr9d453e+DpukO7zl
zpxwBvKkPeIJsFaAcj46y4p1zyD+8Yncm52LanGAhYxssHTsyD6HuCjDAbpJj9im8oPOOWPS
fyTNDp3XGLdL1Jt0lwbXWHqMVKEvajXVwaOHXJAnoQ/K+MXxn42JqCgWTKyTAsGw6joKnGC
RGoRq97YPrBUWH3IQ9ac36mVk9BRffrJDoCUdEryHjIdZg2LKPI6jhkrTuh5vbeWjcgj4nW
h+8MwAekpBywn1j1FO7tp5vXpiBjdeV2o8DxXnNBKXbjl4DTgwGzWxK+n3gzE7Ag0XNSrowU
mRvUKdJM70XAU5SBjsHD6XCU5rcLA3hstaPM64a2C13OlXNIYGk+JhcVhqubw9v38+VGOsdn
Np7luFcFz8Az6pl/Yh5CZNIK+xjnoaKQ+s3Dt8uHOG4JwY5P/eMP5Y4prD939HEt96YhseP+
M0cBhlI5xLqIPkIaenFCRCC9AQy3SKqXFC0hAfeeTW0X85sehm0jacZVx/TVYlcGim1D4wYp
YkHwY40gCohjQ3slN7hgCAI2zeEQEZyYcKK6XEFFXgcIeGiMflgYKNpvnDkLym8K4CvQbE35
OnA56QCKo7b3iTVgYiuD594W4S9VZR19YVysQZzcfO8ZhAAILt1imokW8z1gDh0KbcMEHNQA
aMGIBFiy4Enem9fDIKGINYACEgNjzUuqginWzHl14AiWR69YGilEUvC40KugjlzreHaFCCh
YdYVixlFHh85afcxAJThmcsP8YMjqqjvswgBQEqb6w11QWJli95BRKcemEAAJoHomPiRGDn
Eg9iEJBH1gOqSu8//9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAD/2wBDAAYEBQYFBAYGBQYHBwYICChAKCgkJChQODwwQFxo
YGBcUFhYAhSUfGhshjBYWICwglYyNkSopGR8tMC0oMCUoKSj/2wBDAQcHBwoIChMKChMoGhYa
KCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCj/wgAR
CAMCAdYDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAAQUBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAwECAAUGAAAcI/8QAFaEB

AAAA

AAAAAAAAAAAAAAAAAAP/aAAwDAQACEAMQAAAB1xe4bBtIxVjmRQAYCGCKIGlogYniGDeMaJ4
T hKMC1igyRij0YgRG8PcJR/MUJLhyQihWyy0NDKSOEUa07itmNiFYA7CKM4RXIQZxiACFQ5yO
HwZufG9D4+hgyowYmKzBjzAkGNZkSnnGII5QCMKQEAMwgQjCAiMIjkiDlZlQRFQXk4dycK4
bwh45gsmLIJ5Y5AxQEJDhPEiHAviKgMZ3CFogFDNBIZAT3uA5XSZc7pHH0JFIRySwzCECZFA
jOIEGQMmixpwyjt2kcrA2ICAGcAgilgIopLiNxRjUegzncIioIRjx5RECnAUnPG4MQJQ7xEBB
IAhI5BHteS2vQYhGjUcUApGFZnrOKSOZx76A7CS16EeNMjIvJdv5kXS0K18tA00PZ3jQtzyG
gHRIXAqlhaCrkJo4jSUKXiT0bgzHtGva4e9jwpBvJzxvCkEQOQJgKqPVI5BHseTOeEOykjF3
XgaDe+cUaJw3gcfQxI8waQEgGCUlgeUev+TFW6mkFn0SEXK0Ti76mQukpuLZIWhZMgITmREJ
bYxApUIHBkxxFRw4g3hXscTSCKPeziRiSxEK0qGualQFFIRx60Jb5y6LeBMpw9jmTEdROBd
3H0FZ09qAIRJh3OcRPNfUcEeZqaURknyCjnTJhVivAlQy6IZoGqirbKEBQnAyucSpo5QCLO
hg17hz2PCua8IHBakHqKSXE/LsNk1xTOikV4OrkVwp+GEu4VcPGRQarMK0pFIPdx7vcUdwO1
Qpg54zg8htc+eQXUG3Ji27yth6RhlwWNYDULA8IvFZFuglQywjg3ueTj8YiwLSuAcvCvY8I8
c00PeZRTJVMrcvpakm7Xyr0Urc7NjIwq8WKGHcAcwkMe4HoamyKEkOQR+7j2+1qLkS4Ekk
SIMokU9xWnk8vilzosVPND2PnE2s1sUyMbVV42213B5vTetZlXca2ryCTnlmbiEWst6sjI9h
z2uH6vK7oyLxBN6H4t6oZXzHZY0q9DRmNEKdHM6ksZZVlnWkArXkqS3Xgaq5pzJvbvwE49l
sK6WTCi4ISYUgnQJWXMTnG2hztjIPOj2WcLL03zAh626unlqWqGHRi6IHS3tOUvDaXbncBqb
mpIjSMGuRSz18OtM1iikNP6D17gpsdp8qZiQCSaI9ZcGfGZosVYweKW3LS3BwBhQmKsJAyu6
Vx60UTiyZzCYUBCX4t7L4QE9g8I9nLZkdGmj8p9KtTw+405TDepee25vYii7xMKitmVZXxp
EQOZwSDqHS50hMK0HbQ9GSM81xUwJEI1dzgvTzz4U/OEqPNryZpsXqCEwgewESdUlhusdirl
U0wmV0+EVT3nK/k49TVFJ4nMJjhqP8X9mwpi/VvLkPSMnpNcYz0qoiBRCQ8trbjMGz3/AI9u
C+UNeRoNnBKuFZRS76Kcsc5c1JCXILI/VBU3+bvStrLWkDSn6QzkH3fxYdX28Mq72i0QSNOj
AaTS5w0NvBAMsKzWic6nOiyYxW9I49Nex5IYjSY8RRM/e44xsKwpT1omOsT0WHlct09fnDX
+fegVh5nbbUoGpDdM0yUwrItpDJBSND1F7UFaR1qQaK6zgs+qmA4cthd6up0JrPKZsErYEyl
JmzzmnLnCW1aEyeupjRVUmETNLSaIruCfIbOER+Fx6e5ihOY4lSIskZU2udMLndFnjtPmEPU
brzGCAGTlB00wYsIvNBh7knTepMLuDHujPR53CJaIR6nS1ZWSz1YPH77zcfLq7UK81iWmyw/
phQUm4zp5pAmOLGxHXEA1XYlmoLURQoppJ8YpCsY8spq64hGc53HqSKwUgDhpMOULmdNmjJZ
30HGEELjELjIP0LeJcyTTk+DSGJOpX+qH22a0QOU85YQRkPcXzcV2T0sYosoUpW2tbPLSzoX
F/7B5F7GMO7inPIyyCkPPWVGW7lF/c1dmUnjxp0G8lFEIwSlRDO93HqsaRCCSocsJMjTRK2
1EeVw9PnSqM6ASoE2AXCwLwslei4zNdIaFtK5xZXFcQvL3MbMZU6GoAAAnVhXTI9YYIgy5xGO
DheE1vpkFwZL+qchl1WvI9BcUxaFjobJkgJTIqF5OqtUVgLXOEuJPKY/mceoQp0ELMgzyTmJ
2PREMhfnvV8IVucnwwTWSQm4qNQAYvnnAFvBGWsd7TXQSiNCOJQHtFVZAIFBQyYi5jYeaFaG
TrRwkhAHC4JdX1Doy5NECVNLeZwJTWIWtjVmlLM9TYlajkNZOrlAxSyRa+XCM1zOPWYU6APnQ
ZZa2EeWj3EfOanPHk1bf1ZWWES0No2Z52daJJIFo6QklqLA056WWWIQhjdalYx1UjQ5TgP
m/qvjRX1N1WBIIIWDXlaXd3XW5IMMgLD+g+fgYkiMSbmmtAGmoNYUtdtMMbmbUTQil8hU11W
IHwOPYYcohBLH40bqVxbrVELHOWebKCFcRCmva0AsVjy9SEcWiuKsrbKBJL9GNJho8wofWPI
NqbsUyEQvGfT/LBQXdOT6q0rAiG41sztCVT9PEKjC+gYwzQnPAX1KctNNktCXOH2WMNJe5bT
D+izCrbjPFPy8eylPWENHCJjycGcFCTWTIpVFG4zNVs/OzQBPJIB4cgC1jyAesU0U/PWpNl
igFVbQXntJ8XtTz3DafMhaeygDkGcOFHmossbAPWo/mV6aDKWdOV40tiKOzojRzqc5qMfrsi
XGs8605dJEaQ81fZYtN8e0166EzMOyrCuRvGzGQyXhX1CVNuHKFFuYGD9RiNQSM7raQDXyIg
Sutqks7OinBbkCtiXNEaL1jxf0M836JLlc2HblCWzmlZQMIaTCDR3kQrZiyBJcsZnM5rMm
XFdLU00fmAK5eeLYvdgChWVeC53HsOrrGmWjrWEOnSjMQrCABDDWUIGOM4A8NqZqfX2Bq52e
sjNNvs6FgT3lZdU96TjPcCZXR1YO6zsg0FLY6U872ea25jprZlobBxRx7WqGTQyCdbVfOhr
5kcqc7fUgd8GSLooNGUzmvBW1Tbi1U+ER+7j6Qx2lx5XKsAh3HCJ8WbFI3S7U8s0FpZeaq11
AeWzoNmJpKfhaRpfYJICEBZVvKwPAtB00XXhdbbGLoOdaWIRawDA2MG1DIUxSQ7arLGfUXYQ
55RBhaOkMtVWccqbbWzzyg13SBCgIJB0qk0QiEXl49qpVYR4ssApI9GadIEvHU9mOsINmWF
JqsyeQlRzX1lICjykuismqxJ9fLLVAzA9LbWpqb21AeVXuK9UK8FoA8suKK6Jb2oR6O3py
df5u/Lyxq7wLmtXkzHsdFN16N5DvSJ4zscaEeJ4nch3NMD6w43bgmBy4pSkbesGc1CTOr5p
PtYNoXvnoID59tfVSnkEoQZ44jS0vtTC21FbEg0hB3pWEKewUd754Uvo2K2pFSOh5NYgQt
kaIDXT1IWgz9+Xd5nrotcNtvOypgTKgPtMYQPwjlapZZVpPigZkOQaTm8TrPJWZcxOYNgzop
C5OJVpA0Q++jXRLkdx2E3fnB5QkmINGYJb06PHXmf2RXJymro5tae94zX5cptHhNiQmtAZeo
0+SLwIWBLKp0Jl7+hti50GR0pdeT6HHCpPrzu7gxxHIUuPLGc/iMCxaVfWFXeZzRj6yyrRg
TDKsRGk/RY6wN9aZbUFs8JjvGvZPETjNcJkErAReUHpm5sStkdZEEoLc9djKM8c9Ex90SGBG
CRMl6L52SIYg++orlA6XWk4MTQDMztMkHhkBjcmInrZQkkEkavKIjuG8vD9FQ6MNXzoQNqo
VHK4TS0mLa2pZ5fSIskj+Let+OmcYEGqIEUoXHhXJellbS+trTCs2+EPVxReIGe9F88NcHN
3wXzT0PABzxCKqaKeS8pOaTNNQ6EqqDQZ4JAKwYwrBBHjkiwiFJKI8Rr2jOXi7s66cOisQEZ
OQrl14ffZ6zL2wrZp5UCxM15N6d5UUBgnHRnNGkHPJG8wesNUCnrCzoIxD010RQsdozJN1s
A7NRQF0XPRS/Wrui2zuxypNvqrQFdnLykBMMD0xOB11rVfK7uGKrQ6Aep7uL04XhxFYQkVhI
lRpo20pyGmmZGSbCfmLez3lPpn15AKFRE4wy+qdCZiZBEbiNk5JLsKqYeYoiqHaMgIRemJXW
UI4SiLeYpiTSGhF5Prr0j0t1TDeVBiPQZXWUEnNcg0ZwkcggI7hcbBW8SU5CDHkVg+i1tEdm
paA7J9iWVvXSzGeZ+j+cEbkUaqFLic6YaLzWYJ3cTJ9ZaG9LEngyuaDCSEY+G6QqHOMaU0I
xWsc0iXVVPIjKZ5bp3HivCQJ8YL1fYiivDBFQj8vGq5EJKtUhVlnXliApAZ3OHZ4Mgtp1TZG
N883nn41HINIRZpf7/zv1c8tqvmjLdNhBrijujX3FDdBBDAEhy3nn/HYRiNMXBVeUqccPZV

V4Y6JJATbfNzi3RHCIqA3OQajkGDDMMj8/jS8x5Icx5EBJjDjxJRllhQtlBtwh3BPP8Dt8QEa
rBsqIU2HpeW2Bm8d6d5+ZKs1ueIdpWTDUanzn0IGwjQ06LoDzONbRCLsjaArhaOqMsaPMFuq
ueZURo4xecTLbOSy4RzTu7hEXhjSMBc7i7LHkBSHMR4k2CLlJnLlwZAODCIW5YLzIYrZYgeN
WHGDeHs1iE4DH66sPLqjUxzJKx47WZGWekISwI99XTzDw5UYh6XN2xoaQ4DGDIDLJiV0JGU5
UgliBNM0kW+dllv3cd3IJ3NGc7iyLwZwQ8aQCITrkeKQKQSZMM49yFFBMQxmN3OMI6GUHvsD7
2WJCjivfNrygnwqZ2POMxfg9rD03Wecawuo8CKV9XMqQlVlb0uORph5QDlzwLEzzZ9SShGM
VpVGCBCKS7XNTi3UfHc8Q/gcT7GtsB0qJKEYQqH4s05/PJFgKSMqb7IGoiy4BweMP+IPGfai
NGsI5TxbMZGIgIHkVN7D5iY+LbVJpNRk7IvASK8i1VIUAJQIp6CwMMzsvKaSZQagqKq+iGf
tKviyq7iMV7JIBrycAtqq0DAdHDC3i2nwpIWTGOFjSol2yr5wdRuLQ4+DZy0zBikYM7IGeo+
sYfcHIqEdkhowrQkjyH0TKnn1BqMuXCxgnoVeYRXQTsBwJEE2IASDNc5QHo3mnpFg2klqs/
qasi2NBNJsKwjDa+apDta+cNE4Ybk4vXo0IFCQmVlpSlgcEwsp14+ufXhsfq8YUQ3iO5UPo
64h8TW1pCVwEFpZmaI8WsYByuwzRVcxqNZ5V6UZQcuElwjQ5ojiEYLIj6Fg9SXcWVGIkOeE
zsDR0waTU2JFbygbSrtADHND8nGjjy4JPc3iworukJ02tWMyhOSK9Ixe4Tf+YAkV4BCNPOW
LnlL6XmbEum18UmZ2dTFexzBaa3pSoU0En6TJ7YpMNRnwSS3lc2fFIL+KRbGAW3bYphjHhGQ
ZwTNst6gsobbUp7VcKFFaH5ONTX2EAmqSbUWdedyocUTzhveJjN5iiL0DRZEe6NwxqjiiIH
DawfBJGBqQgLLa3JkOEZSMUZxdJTWBOdK4jRbCOUGrYASuKMsZdSUsAx3juRo6FKYVJiRiyL
T2xERUDenGqhygDniKFA0gNyKNciDZsKcO87sqk5rAunz+rLZWKFkQ3CoJ4gJNGorThuaZ6
vIvoOUwBbkoDG+YTiKGSIGx50UAIZARWFCHCQkDQpFDOAQoVgMrrWvsCKxzA/N41DVcRZEcw
GVFljOfwJpUB2kLQnmFXLCBVeLLXZTYjuTh6j4R43HIjBzWMCsEcHmtPjyXekoVfHAbefndA
NYUIOLLGvWLGMRFKweaMUKEA8elqEOPYwgTyDIw3sC8nGpex5GcrDpIijk5BEXjnFpzCidn
Mklzo6a4F4aj+Ywe8LhzOYcNwxlFdRioBagAPZGBMc0t9D19ASjRCh+GokaUMrmnEMVeEexQ
7wECRZCEaPa1xAy5o/m8a14yCRjAJXIoUScdycOpb/DkTrFCHOhyS9tK2xGpzBwnsHKXgZl6
hwtUCKYMGAsI5EjTAKfJaj50J5ZlrDk58N5LWkoWKYQxF4ZytCOEoZ8d5LgyIAJYrReZxsXs
UQJWkgfMHoJRxo9gY2BqseD4yDXjsTUvjjQ46BRPEPVECofpJQHBmi4IB7CLHmRyOwzBHNU
eQLiSSK4lrGeH4XCuEgZo3D1ao5WoGrZMEicJ3cbHkURWvFG4Za21HVF7nqysJY4yHdCmDK
hyTUqNB6DQeLhhUbwvN4I1iD+FwXhqcIjQDSNBi9pyoo7uUReQereHN5BysUK5ijwkCRmMQc
ncP5ONfyoI8bhAGjkasslhXpNqHfKvBjQBSyJKL/hEFavDBmGdz0ER3AkK0HzkO53CNfwJk
gYBCtGc9BHIg/kcJy8N7uEVUHuGo5WuAbOOROVB/dxruThyogyISMNARgFhmgEewGI/A5Qi
hjRyB1EoRiNDI1RebwwIUaitH8PgiicPYrRg3oMR7RU5TnN4IjefTuO7uE71Oe1w5FUHR7GA
dzuNVytCBWODC8Q1jmiIqAxSRgEJwwNOCeYU53OORzhEe0aitOROO5O05eEe1RWq0Y17Dk5R
7QO5HcNcd3Cpyid3DVVBVVxzueMh2AyHz+NG3uBx+4C3uG93Cr3Cj7gCdw5e4IfuJA+4GXuHi
qre4Z3cIncd3cd3cIncNtUf7uGr3Cd3Cu7hq9w1O4I7uFf3DmdwLu4//xAAxEAABAwif
AwMFAICAwEAAAABAIDBBEFEBIhMRMiMiAjMwYUMEFCDRAQoUIUDX/2gAIAQEAAQUCl8
WbteNnBH15FHMIFE5FEolFatjug65v+EJvCjKB8LsukxdFF8kRD9TXeRQXO9GlafrONoUnEX
inBPCIRyKkkKORyKORX9brg/hCblGgVdAoHOQams2TvJOGQVloVvVK/vKeFFkU4IhFqIRCOZ
yORRRRTgrlHj8Tco0MwhkncSK0oRqyt6LKyf2skNynKPyRTsiiEWotRaiEUUUUUUUUcnfjG
UaGYQycjy7zyA3t6LK2dYbQIqtyb8iKcj6Ci1Oai1FqIRCIRRRRydz+AZDKP0BDJ+TvPjvP4
K/i1yBYBcSopwyOZzIRai1FqITgiEQiFZefhGQyZzkEEMnqzi9/nkPV03FFrGp1QxqQ5OpJG
3Jqk8kU5FVRLYBXTTr7+Zf+QIX/kHr/yBX36++YvvI191EvulkZYkXRo6UbIhElhWVIZWRzGQ
ybyMwhk5BP8APIZ6Cj02J1W0KSpkeruJDU/zHBuo1P4jxRRVSPZk2ddXV1f8d1dXK1FaitRT
b2yGQyCGYQyOT/kyCClqOmpZpXoC60okAxjU4Ri0h1S37So+Zvji3jRRUjbtqjGHqsXUYtbF
qYu1bKystK0laSrKxVvU0fgCbmEMjk/5MhlUzt1PIN6YB7LNaPLFsPY559u93fyoju/xp/jO
RCKxlmlyiAu9sdtKsg1aVYrddy5XctTlrcblrcTlGblMGR9AyCb6B6JPkyLw1T1BcuSea
A2TrNU1QLmRXTXnQhwo1+qfjMhY5Hc2yATmoNTY101010kY0WlhW9FtofJo3ARR9Azb6OCF+
rKb5VJOAnyEobl2zaeHqvkkZAxz3SnSrJoyaOxR5Q+aGeNMQG/R1KOI3MKEBTWIsWhaVoUka
fGiFbKyaNoB7t7lo+gZsToDFFUTu1RyujFQ+W8Fa+N0TmyR2VR8zdzSglhRhP3c14hjk3TR
25QwGSN4DVwxMTeI/IQySSYjuA3uhajB2tj1Bsli0nZPW2Tt09qe1FqIvIEN6cf5Lh3Wtk7
0DPDKcaa2frGpDby91JizXSu2OEVHTl/dWfcllXOUbC8P0MXKO5JtnVezSEhOPaU1RnYfMgh
lio7bWfEoLW6Olwapow5skJUjSFpKNwrq6snBFqc1QfJF/tyjuT07n000RnnxScmVK3r1M7X
VEow2pFLHrjVayzmmxo5urT1EhmlMatbdMFqO3dwhyGqygiMkuK8obtKHMR7TtIghlii7JB7
kapitOpumycaQFPTla6o6Nk6fgjCKrD5IHPYQRj4UXy8VtRynp/PpwVllo7qTxO6dJ9NQtK
PGNQsLX6tKwmTvqoxHMAAnDutuz4pvJR8qGB0zoomQnxP4CmlO5/cPD1dApuVf8VQLTxp1bFA
osepw2T6gBdT49TvMfSqGTUit0aLt+zdqZhzmiJsrG1RuyqhupmWRCbtJtV1QQ4en8+mldc
qu0MdV200C4waRQ18UtNiWMAu1OkXRnXVFX3TAKQWcws2a4XraoIezW6JoZG86RWi9KVZc
5Qp/izgJpQKrfixWdsE7OtUllFoDWx9JzWamN18spamWhnoq1tWwFbXjeCCQFPM0iSzoZ4QTJ
GA3T3VQTPVICPUnPooLevVVMgap39SbEf9fB8H6rcSia3DaPC46jDsVoTQvPjMmHqR2U/k3l
5srpx1nlFD0oh4ybmVnIUHUBR0TtlCdZxGe1NTSsZr2wRyFr5oWy2Zh1TVmTA44m1tdoY1o
Y7W0imq/tZKsrhrIwEFInr+Kq99RsHKpNzU+I8X8SenDIvt6audqYd5qg63UFX7M2IU7qTCs
WjgJxuxq+4m5HlBh7+xTfJHy43TUVhVP1Z5XXWq4Uj9CrWNCvqZON1H5KPIK9hicwlmhe5smG
0v2014k8Z4A8YjTPp5m6bQ0ckkUJfTT0VT14iVLlpCj2smPfObtkCn4a9tRDCFO1Sc54fT9a
arm2lOuZ+ydJYUcxaqytdM2K7n17wTGE06XU7rOhdrZP8xJaJu1jT3XCp4/tqOR11EPb/b+6
ap7lAy5rLBwTeU3Z6Cuqkh+IYRviQfdol0CqxoZS0lftPEI2oY/CWxzTVQpq7GQ1ml4XVww
QxTmlbKh5TXU19Up7HnZ+7KfGEMHFRxJyVZMZqcDohxKYB9ED0qkq2FHOY0MVon09TUC8hu

WfIfJp0uonbSb1Uvz1G7QsPj61XVnUnlUMI2O2a1St2iabTRm4Q5R88nk9PokUEEnTniqAG1
xfNTshAOEwzSy7MbK7UYoWSLGLZgcUikLXYXWwAJi8PF7GV46cosZOJB227KHdsRsybwl5ypRt
G7Q1x1upbii06qmqdrfTjfp79EqQe7xUSDu/dCSZ4x/k21TvF4P3hI92qeisPf3FjSbMaqs6
nazaa90U3hyGV1WRCmklh0SF0kh+nJOpD04y27Y1NO5yj3UrD1MeozFUA7QedDWACVNPdUGy
IuJUB2Q1DmxxfFre8S5+NHXzDTJch7rNqDpkcqWPU9tI6KVtBEIK1umptqrZm2TRd1PDI0vu
x0e0en/GPNGejTPuTyqWAQwvs1ri56EFgLXn7nfo8M4KbxljTmijiNnNN58LDAJoxSSol6Nm
9MFDtRIBkr4GviiwfrQvppYZIIPdUT2vErSE65X6lUahZ7cPhbslyDbqoeWMLaIII7UyY/4V
SbnT30UPUMFX0hBLCaXGaTp09N3VNc8OmoYtVS0Wc4slpJW6YyO1+xcWiB7gTSMvUay5SMMh
Ja0VMqYwBk4R8T4x8HlnCKxNj5q6oHSDz3UNaTHLK2FNp53KfoijqqnptpJi6epn/wAQp6dP
NT/cMbA5xmpRKatmlOC0qVu0Te6PaKJDxkCsoGJ3fVVR1PPjqvh83Fvcwwe9000Tqaxq4S6K
l7oCfdgb0p5O2TE6gxCd3Ukf5Qw9SsqN3W3oR7hlbbVswGV0o0v3JmdufH+IzsVHwiq5vt1j
uq5/LCQqOpEjKl60lRWwsFVVGv9KVUOvSTsXxOpqHNqxVnNPJX1TIHVYp6YAW2kUQ72N7I
2oN2eN2R3cFRM6kDnLVtFvBJ80LbuoNsQdGSnwBvTO2g85W6amt7Z6l2iSrl6s1O7VLIe6l2
qpXXKw9ntOjaVo1vawBtS0A2UvJ8R4R8FR5FYjLtMOmpORsuDHiUjY5Kp71G/Wqc9pftGSap
8hNa/tqqKfXI92k00po5KiMNLxvGzujj9trLODdns3a2yxCTpU1hDgB7lwqTiVvu0bFQO1Yk
1m0ze2ZnZB2VNc3TU1TA9mJTXnjGp9ONFa43kc3RCeVtDsEj9LYdi4qVtzI2wmR8W+MeUecQ
b9xWQOe1zNqMfpiM4wQqXc31SsZ2GVjnVE166N+ierUD1RbOeO6EbxN9s7SNTwiFUA1dbWy6
sRe1cqM7XVJsIXBowXur4m9hYFVsFq1ujEqpuuBjy6ilfd9LLHA17n9Rg1TVWwOUfj5S/wBk
WTipVUI8MTPJMzkbaxVzImfGx3LRcElts2BgNDRnTDT0o6FZiLbUbyEw6qiUKJ3Vo2mzou+
OXTM2Fqb4yflxPvc/pw4ZCW1rXF07mi/6a7epf7JrO+nh/7EEBry4qcADGBaspRrj+FE9zO
0z67UG81Y4EIBNcA2I7tPdM9fp6qfN3jGdx5pnOU3svrWXqJ29NaNVPA3XH2tDjdNktQRUN
0jqxooemn0ogXhPOO7DXe1KLOoJdLoB06uFits8e4BZSFW6lTTjpS2c6epjMcn/Wwqc+6CqC
TpytxZmmXEtSdUFyxPeSE71R1sCp4Oop6d4iwpvtVPLl+qf3WCM3bdTeRPad1Vi0pUfl/YTO
RIINUdfT6YsRIkqJY+m0Xa6d14SpTaLD4tnR6FVV007+oavuL+6GgdpmLcPl1LzG2mLZYtO
z2+6eJHKnHt4zVdCkFQ9dqcv+obKTzdsIHbU5jkb9uCjTSBYrsWvs+XZDYiMODi5rcJN8Mq
E5fxhQJgYzQ2Z4ax7iXRx608sjVa68iZ8jvJiahnithAW3NfuhsCfbtd4HUmgi6cTjaGvqDK
g7pSzi5phrp4DpqXR3Eb+LUtbNhf0xVamBSt9x42lbdRizPqQjRHMxgnl1pm7D5Hzed4fCm
umNJRLo1isjpG6lU5U0ml9dEY3YDIDTVXJX8YwzTSyOKmBKHe+R4YHcVPmuJX8xoJsZXTT09
n0fWkroOnOXECTYx+TVg9OHJ3dNiMoDWNl1Ux+31Pbp3aHSN95j5Yw/3FQyaBETQ4jC8PEo3
epBvpusV10+J6BOJmaHQ8HkclQGzYZmoTos67IXM/wAd3hMbtYhvJQ4O4MqKo96PjSv/AMV8
hRHUL9MLenpZUCs7vT/keoEwXcrKyc3bFGB0dW336jZ0fLtoqRnSoqqQOKSQ1EoG0o1A9ppn
aoy+4p5pNPVYSzmcvN5fp2p6tInpwuoh3/UjAa6ItijdugNMRTeExqj2AN0Aqhmun5jJ9tRj
eXXVkxilmaXOenCe/U6gI+1OhOcmQ71D09HIS+b+KZRDbN3GJbM+OqnaLRhFmqqrXtgE8rpn
UsOlhTwpW6pIX6JZtnxGNsc1mRRPjIq7MjQftqt6KawJlgcTqRLWl0miV1zUbloeMe72Ddv
AV03dHtd/CjUGtrqh+p8W6naHMeLSYcb0xCDFJsHtU2wvupk7xp3WQqWr7pfer7gruWIS7T
Rmeeo0JjbNw1rTiNdWOqpIFE/tPD7AyG6cLEe5FSFrY33me5paqvuoYzthc33FAUDY4pJ0s
OezqIANYO59X8hX/AFwbysgcV03NTW7dNMbZYozp1xTG6nKJolbVCojbTm8Up9mb5MKd7bRc
yOTtlKp9mZojvGd2RerFeGtL3RM1xTRGGWKQ/a7Xb2uYbGQ2GovYFyqU7mKQR/cEJk5cnjVB
CVgVR0qlzE8WX1AHuwkF0L54mdCD5pzdZ+ZRaoj/ANmmc5qjljITalkTRiFPLVjcZW7izslk
2kic6MyyB7cK7qSpZL8mGosdezrumVKdRq3dqYNRqSh4xnK+V1dVrQ+KI9sT0wcqkF0FPM
I3zxNYpB2NOx8Y36JJRY8NjNnQzOYXzSBdaJyi1W6c0T9LqKo61NIAR9Q4nLTVbrnfVddoY
7S7V3vcHEvY9IMdE9PiAjTamCVU9f0GSVUTHdeWVmlV0IU3XpYFWttNC/eXoNhwB3vVuzpPk
wizqp9MmsLDM66qDtOdT1ENEbjfJnkiYwrHTfko8GH25XP6T4gKR/MHv0xGsW6ZilvKNDh3M
kQRNjSVZiL4qaZC8L6//AG4nLA6iy5X1DPTS1VKyRj6+Rz5GxudG0XXTCZGCIYy6ctK00JgZ
79J2yMd04DTmygpzbEwe2opOpHRO6FZWeT/JrirySHFHW+4D02NzIXODI28NNIUvViQ8WQ8sg
XwKCWnq2yRujM3jCLqZojinqHyVFYNNRRymOV7GxzTRdVh7TP70EDrOqG5RdPW+CCRAYwmJz
ZxXMLHRIUkvTlpXdRuKdM1uHztifWHU9o0YT0wm0910HqOJzHjdEbdBjY26GoOAQbJlqTCwD
iMXTZO3XCwBM9tkzpk9/UheM2INmmAkkc8ZE3NPTAwVhAqP6yawk1NK2KogeH04qaV5ppoG1
VVJJUVN7trN1GbGkl60DHgrEIdL6eTQ6oj6Ujvcp0w3bJJoLWMnY2kfqrmXaxR1YHU3VexzK
uFro21O5q26KKJzCug0ro2XSwwGjZwP7mfbFzFZM0qF4CxWUSMUg0SwxSOBUMkIph3ppB2FHh
U7bsc1HKnj6ksrulDJ8jtiKtpMkk7hK5zS6VywaqFqh2msa6zi863c1DP8MKJ5ie4tDnhs0M
0ZjdfqMpZGxp43Z5xRMcooBGhUalK3stpLCqSYxTfUclfJSdSN0+82KxWpgy6YCFqei9Oei/
fUXKNshTYIFG0JzN6se0VWFPTzFrHRSOVLdk9QLMR4KpficpMsOjs3E5FO8B8kbpnOeyCOJw
jjqYe37eS1Mxjn4tF0aphR3JO8rf/UqIDRQSDrsb9KqLSB7TG7SJ3Ss0IjuaWhAvnfGI6dsz
y9tSzdqDiFT0VZUqHDquNVNPNdIGMC1JHJsHuTZSXoyNUkoUh3amvcmBxIpWl7SnCrdLYiq4d
1M8xvrC9xadElUQWuhX6VN8N+6XKNoYyof1JpPlerfe1DyyJT++X9dEzDwqfj1UogllxYvqF
PhNK1YITtgoFTDU7eKV7w8SbgPbIHQoNdpk5Z3R69DWMdOZtoFJlQzVBFHFR09JG2Glw+q+
5UzmVM2Oi2GxjaNpQYiwBSC6mbpbDawsmhaHINcqt6dV/hEHJ8bolJyw3GcNhEw3MmVdJ06
cqXymEU9OwRxuYZq0Ko6wZTVLHAbqqHvwnZpWNj/DVB/sVDTqhlMaY6xm7JDqc3qSI7qn3p
qcuCkqTbmljdvgt+pSYIB1abEJnQ4bQTspsPp/j+oP8A8mEppIQOUnlWHAaAqIpoQYSuibVY0
0amaHMpMKhIE2Ay6cUw59ER6WusnHZYIJqmU6kbrDOGYCOoc9rT12J0sT0wMa6budCFE1Y6P
bd5RO0unlkI16lTuu1wDmN1RnsnDmkLD2dRVChiLU74Yivp6BzKaVhLMUqJuph1pcMtY413Y
LFwziyv2v01Ud6dU+6bsoVJxigtSp3DJN2OBj+oTB9g05n0lxdIP4gEtlbpCkfqATUwpygCg

avqA6Z321xtu+ruZ+it4nrxnUqgaHys0kP1KIjY2EuQknaRr6eCYO+pdpAadI08180cLYYS1V
rNeFQqM7ApxTyqnc06p+YzvEn7jGjaD9OVTYxYXN95hulzHQ9ugj0hq+1eRfZSbthGk3c937
KCamK1xTqFfWDi2tO5paZ7IUTMEhfdF3bSu3+SPxdp3oGCaOKRoZqjKaNI+nasVFCsbmEGGf
TEAlq3orlp7J2FN4cnKXcQKFRHeEq+2Nv7zw82TpZKhmGzvw+nc/qS2umts8tlz/AG1Qm7Gm
+TjZTu0UzU8dxQQUaiULVEFiWFQ4lGz6Yo2rG2R4fgxLX17mBdRqc7u6rqVks7pT3PVEXwt1
01StGlrwXpPpuXpYkvq6bt+jn9kzkXpru7Em9PEGFMTyneNOwSQwkgwPTNBMS/nF3XrHvDGm
8hGyL3ER5S7SJ0d05hC/bXWML2FsH+xdM7pNRc/+pvJBNCiYo2KngTIw3P6tqOnQt8n2X8W2
rK37mC2wJtROMeHiaOUdIMMU7BQUR6eIL6riY/DvpYCONmKcUHLHm2qYymHZxR8cKbqp2bPj
dtG65hV1iM4+5iilKc48qjOyMYTolu1U7pNQilKpoSw/1/U3JQUahCiCi29H1VJ1HPksJRvI
BqOX8rDxpwmopNDomOsRapbtVr6lZ1MI+mpLSyFOyxxuqmYU1+xKPjgg7bxbntie28DliWLa
FFHvfbOLKbd/psqKlSkX6PmeZk5AqO6gIUTSEzxy+oSX4g7Z7e9zgeocncIPcyheXhUoMIT
TF0giaX4gpgHx0DjTVcidliLdVA1M4RWDu0muj6NWziPmqnyOjoW0IEE3i2bCMuaj1Mle14
TuH+blJ4vQ7WMLkTNZVGCowmZfVJMj5W6XR+VytRWxUnn+5ZIZIendU9PJGqU9OkwXvxa6cV
9RQdOpoJuvSuyf6NoQGX6oNoscH+dAbqeck4fTNpmYm/wDxAjdfHNj1DuPVU361ESYHKXyc
neL0figYqeMKIWUTkzKpdogn7RUE3jcl3AReFdpFyNzgVG2oNZhhjP2kipaANg+mf9+6JWIw
/cUuHVPTkuHNVTJ08O7mpjw5BpcXCwpPhxaMdZ5dUKjhDFp0jE/Amyc7I5yGzInaWtN/VUit9
+mFoSpUeP1JyfiP1AtsGkZlirtNDWmzXHUQzbcOy4UbVgxbFh9tbeg29S1oo/p3trA9FyLlj
VOWVFBV6he6xGQNwpvyOis7XpUENRVRqQ0UeiNmLofGnI1uJKxQbuCLVbOylF3aUBZX9Mgum
eBUvB8Rxl5O+OFU5T+KR2zEFjj7U9YdrJtwC43OTBqIbZjGdDCYa0dB2Ie5K4yR4IbV11qRc
n2IrMOLXUmI6FVRipofZ7iimUYpqd1TiL5TDEIxi0L2QxNsouqDHXFhxcg5FWWlaVZN7qsZ
FAq+b1F8ZUnj+gpR3zNLYYjtC7cdzYGPCbVlj5VeRoBsr7FWyp2anVrrKhl1YNhQ/8AWwu1
S1VQSS2lqrq6dnNSxVJxGI+yqo6upRMpLw0GjbjlWPVBalzqVO9rUKmGRYk1rD6qYe56LoOv
k9REBT/EljJNTpYmysjpowo42BMTQmEBNcCvqA+7X+Qsi4aScg1Ubd53apYqgiBtbFBDQv1P
f3TUJtUgq6vkVB81e4yVemy19ruKIWivvjswkrWSRqCoaxNlie/E7CT1UfoKQOenKLJ3AQ8o
5Wsf1YgDWMCFevu3FMqHFRO1KM2WOUvPWbvRX7uE27y4dKIIyabJ8xIjUR0yq6ByKZ5TeZKs
nKmb7AZqfXf7DVAbJr7HFPn9UXbUegjMqPIffsn3KqPW2NyCjKaVEHFUzSgAscPu1Du8ZhUb
FW/FZOFjIbZ+492WQGRROITuumtLk878pmzIT7s5vK0ByaLGO1q6cNqfVN2yekjNvOtVoxaf
+Ptt2U4UcbQmgKJrlali3dLUfIM4xc0wTYOvQNG0w3yiO6pDqp8iiqg2h80e1tt2ubqHzdu
5uxChKrnaqyCay59M8Zkjow4eo5DIBSedRtKPAhNCCaUxyY5ArEne5M7U/OJR9kWFstQVEHS
qJW3blHydxhjr0yunFXVX/rRCykn1ayj3lVTeQ3XCiN1AO6feYqCbSufTpGvMoo5jKXyqm3
TfABDIBAKMJvGJcv8l+IALu85G9keJx+/I0KZjRk214IjbDOESrpoUkfUij7UeXIUQvUUA9
pmUaplKe+xVIBNb8RRRTeEMpk/gcBDJgTi01itZuJI+SiyiNlgeFvrysRZeOZpvMM2NlWHP8A
fkOTFOJYWVflxOYsMiJmkjKtphYt0FT9sPaiUSgoZbLn8JTPFDhTeP8AIQTQRKNRFUXjrNxF
yHlZHbJq+mLlU+ISRh7KlhjLxHOJoiwplkhdIeol1wew5RcxNVSAKki6cBfC/bljT00NnNV1
xSPjIOIWQRUE2k8j8EfCbwpfEcNQUaKcJctakddVg1p477o5NWGRdChsnLFY7OqYy1OmJTka
bNuHYfU6CQRKLlh7KlnvFtk5YRIOg96q36Ym3TXuCjOoTOtGdw5qdtmVBnppPrKiyZlJw1Ny
i4yCuhziT7M/bs8Jh69fGinKZoe2pa6CasZB9vffWV3KmfpfQO60PSTWJqqb9TXcPVF2wXUj
dbGHS+9mtk3qEw2R4I1Iiy/VkWqnlLfwQ5MyerWTQgmZjKoJEOJRinh21FWvrL6VguGBFPUh
WKQdaGouRYIbIuJUZ7sNlFrgq6dIsS3luLA3dTeGX9xu0qPSVUt3cLLV28Ai6OyGzXHKGayG
+Qbf0RHdN5X7n5CCCByAVlp1OxpktU5mg6QEXI3ccJofs6CycpE5ALFaH2omXa6FrA/dywR
91HLZGVokVY7Z7rAO3o5O5O8W8tsVALGo3T23F7GOysphYRntexOGUEulFwtG5ON1qV0zldI
DyqfJuYUbuGrSq1z2xzMeT00bBXKo4JamqtsQnp60prE2NYjR/aYhUxe9MO5YIfeidqV0Sqn
uivYaxqZLomT942uDg1mpUzXKUBuCqo0xya7U2QXaAtRCJJQyN1T/G4q+Q8hxk3yqfJhQyao
8m7rEa7oSvqtZe02a6yJFvo5r3YmiE5qe1BiDUxqxql69JMORO2zVghtWRy6ZZU8olFwJkp9
GUBvDiL9NM0Ar3lZDWOBeLp7U4Kdmh7HJu4dEE6KysmNtrXKqg+N2QTpW8lcm8qjyJtcm8s4
QdY4s2C1xd3JKuvofzyKLvPvKEXLfkfozVO8B5ww2lKf7tP7tPliVPHrUEokErSx1G7/AB8R
3p2tDlqcE03kTwnBSs1hwLHRSWRTuNktdm4QUXxuyCl+RnCb4xeU/IGE3JrTdo2JUj7DHNej
g33Lr5fSVIIMN9T32Uk6xP3G1TNEX7jd0xffDH7VzTFMSrqZupOcSqJ/s1HfC1PC4dsQU8Jw
VQzUOFDLIlg6yJa5OAcj8HZBT8xcJvEXMvmzho3ijCDQE5ye5N75MY11ztKOEsdXHC7q6ur5
PdZVE1lLohLc1I0yyR6alx7tSw2XuxKLrU2RVgUw2Tndn7cnhUjtVMU5EJ4U8eUD1Jx+zkz4
zk1T8Q5NUSkPfHw1MctSeU9yozeoxEe6Rb0U/bTveuota1IISOVW5OdvTe7HNdcl+xa4tOE
VramOqj6M+YTvEK6duMJfemTkU4J7VLHpyjflGnYopvxnJq18YuU1M8Du9iDk1+/U2kkTnrD
BeTE36qw8ZtntC6a6bIg9ak56kkVQ66dlldVos2EXfNvJBAZBBSCN2MNDsrItVsuF1AvbJw5/
Tnuijk4J7bp40lpsdpWuaRk34zk1O4Zygv8ApHLtS1IO2kyoHCGmlOue1zpsDshuQ821oPU
ci6idKnPuJkc607QjS07mGZ8L6TEI5GVEKt4tKAVkwpzVa7mXp0e4vG+N9xdFUrEnKZ10RYx
u0kWeDGEfE5NRX9foJ+1OzK+QKOUzrq1lcLWiqZuqcnNrlrRK1qQ3y0oNVQfeqHNKtSMPLUL
lzCHNsrIhOCIBBm9hbVRvFTpKhfZvURkRctS1K6lbfKN+gmUW/k5DJ/k3x/c/8ArxcHOFrN
1SQ6lXOBlzw915sgmp/ldOKKAZq43NeNiHDRZNCbGqI76VZFOCcnNBRiatACBV87K2RUjC/
4OQy15Z4qpPsM8T6CqJuqXHJhBDJu8NTtkwLDW75BXTj7iKsrZv8GRtcKiLQmbpukJrmlQ7V
KKKKdmecggEarI2yLUVI22Q8DkEFKospjt+vTSXY+pkMs11fKIKhFmZXV1fvV0fQVUvmpzpfK
hCQnAhaionOG4siinBEI5hXVzkAEU5ORRbY/wAnIjqk8Y8ju/1VLDHT1g0HOFU40xehvKuj
ldXV1LRvnZ07AozwnMRFiFQSa6bKyITmoj0BDMopwyI2/RyCCdw3lM3f6WbPr2dGCodrm0qy
HNONUG9LMYrq6um1UcKqsQLIr3ID7GKQp7brC3bZF7QtRKLcUYwnBWWkEPS4IhNF07ZHIII

r9lRevEqsvoSr5M5w5t5PSzj0lSX6kh1tsmMans2dyqB1pA5xVklDMPwX79IyKcFZSI5BDI8
u4i8fTFG6R+OWa7NjVhvxoWGBuG8X9BRT23WlqMTSpIyrvCJvIT090FAq6vmU8eu+YG0oRyG
dgpFbSFpNs3VbqVtcWVKc0hBpKDNwNsP2jRzchx6HEBAkbohELgyXLtJWgqFuhByDldXWpXV
0VwfvfJqnRz/AGij5eqQxxKQt6nVBb1gxoK6gAoBaH004ReAuou8rStlCsiEQIEUcwroOQcg
5XV1dXTvwwgqco5nlfDyt2+ii2kxCSO+6LNTcrpjS98bRHHkSAuoE9zlZW Azurq+bk5H1AoFX
V87r93/BMd83chFMyPoZG6JmM1H3o3abgrQrKhLW1BkRLyrKwGTubq6urodxOxurq6KKIRHr
urq6uroq6v6tdlJ6CgncDjKjpusqh0NJG2oEEVZXPmRkKcdScBnCLy3yuMrr9+gEjK6v6D+K
+V1fO6CKCkKLlfMIoI+h9U5tO+qbKq1+pxK3W6dnGfcvmcv69N1f81vxy8H0BHL95EzpiFIL
q7kRlbZ2cAu/0/v8h/4Z3Txb0NRyGRRT0fRdSHOn+S/pHP5bf8M7osCO2QRX6bwnFEoo+ki6
6aEQTQGoFAq+V00/nP8Aw7KQeg5FOKKP4RkPQ3j0sDSD/wAx6Ktl+04pyKPoKPoCho/TePyn
/jPbZRT7oIclEoo+iysiFZVWVsh6DwOP8A4bhdAaSEEUfwFH0BNVsjwOP/AIZy/8QAFBEBAAAA
AAAAAAAAAAAAAAAAAoP/aAAGBAwEBPwE33//EABQRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAKD/2gAI
AQIB
AT8BN9//xAA8EAABAgMGBAQEBAYCAgMAAAABAAIDESEQEiAxQVEiMmFxBBMwgUJSkaEjQGJy
FDNQgrHBQ9FgYyQ0c//aAAGBAQAGPwL8rmq/krKFVqFNH1z+U1+Wkgj6p/L5flgj6hOA/IR
+VCPqd7Jn8uD+VCPqNwD+IDZH0dlxOXCpqdrTheW5gLnWY+I+FcrVyBci5CsnLVZrmXMFzBZ
j8wcfE5cAsqbOmEYInb8pnZX8gcFVJrVmq4TtgKGAhC8uZcy5lzhcwXMFmPzxw0rZOx1M7CU
TgOL3s4lTHmVmVmVmVms1n+UODpaVeeVSwjALHDC7+g1wGymD9OqkFXCcD8LrJi3L1DYPT
vxaTyC2UMzne3Wc1x8TEHNMxY6zOyakFIZqbs8BeaNUhhOF1sx6xQQ9L+IjcgY6NzBGSgv0
FE1zRXZVXlk8Dv8ANjipNt4V+GbztXYoTP0z9Nnvl12r39FkMalNngw+VgXHyhFslcPRGHcO
68uJNA762BxzGaN3Ja2xPZe2FrRqVPSeJuFvdHvjqlKriMlwwVcATe69/Rjx/kbld0a5ZqK7
Uq8RMysJDeJfjstLHQieYK6wSFhQCeMMgrKulKb+7EDhHdP72ansuJjlwQKd1diQ4jPur8J
wc3pZnWwXXqRquJinK0JndH0WsH8yIZoQxzOzKHVSfDvs6LzhMDqnCEyfXRRc/NA7oEaFXtx
bNO7WG2lnZ3qP+bZcxB0C/Epe16oTEyi7QZKTQT+1XoRcN2uWz9sMrSgmFHOGM+qiP8AhbWn
U914Zu9UIk6bKMGNA4dEPLk10/upOiX3HOxjldD09AT5yhZEaNP2EuHolreZF73F7zsFeY1z
g1Bz3BjJZ7pzmvcdprioNITJSKa7MBXoLq6t1xBT3sYUeyGN0V1HxOFvZMh6ON72U1A/aocK
HRRocYme4C7J2qdDkQzMTU7CNWq6bScF53IypRNolmrzRKeiaNEMbtmneYcimthN/FdQBDzD
eia2kEZozHBuub2V88MN1G12qpwwadEH4aOqzmgimJ5aeUJqnhm/+W2pQOiDdZCaeeihFNLJ
T6q7H/hhLLgKrkF1TeyKICBsAQXexrTRzuJ1gsHRFAaIBuA4IhHIHEqE52ZM7K5K54fghjOI
VcvxHO3cqgchd2THPhzF260aAJxZyuAKk8mZM1OG4HAcrWqLLZMwgDVNhQtUGDjQ8RFdzBn3
V0KE39KnoF/Jhl8tkSOCZOCrmmdrJpzTmlAEBbTlmUVRYc06LqUSgphVnCbpyKEbXzHAQE
8fCs05sPNVBoOq/EcSwZaC0lwm4ZKLdqG8KIHsq0BUxZTOytrX0TML3nRoiv0Tor8s115xXT
RvZBB2iKopyoiOi917WeycU47J562E9FKx4kzqqQ6KTcIwR Yb/8A68V19p2OoTmbKTolB9IG
hEk3ZZriY1cNLWkEhGM0cDs+hXZXm+4QZE+qmlN7XIBoFUEZ5YIbRm8oQp0GaykNAvAbKL2T
Oylumi3uiZDJT0KluESbJtFU6YI7oIHtZ+plVOyWutnCqldFP0CHVcclxKplMqJGicVKpsL
wwhua76qtoqbjeE2IRXh126ZNO6uubXclOuLy8n7KiqhY5NOIAc0rq4qv1s8K75S07yAh2T
ghC8WY/D0dqF+HFa5st0II9pqr50Yi1mQohY+HEAJIpNBqu9LGZCYumpuwXCKKWikMldahez
Q9BsPQiiukSI13sDHGv+UP4cNhvd8an4rx0RsMj1cgGTu9VVFxRPRQIWpbeKY0UM815fh+F
rfiKBcQ2KPiaum+AoI98DfmP2CJ0ar1gbs5MHZFFRBqulKbSiHGao8w1EqF1E1JMa3PNMlqg
pHIGZToyoiquc6pUqvo+Z8TKhO2GVkw3pXxlNed4qKQ0aLhM1XKy78xAT2jJgDfsoTGH4Jq
Rq4q9ehwe9SrviasdqMlfguvswutCe7ensvFRzpkFBOCgjZs7IotdLZOZuZqS8PL5Uy9maon
6JrdriVa0uOqyRbopDJT9Is6J94/iSwXHV6qlFXOyG3rNPcdV4Yy+G6jEiuGUoY/2nseZ11R
YahClzi807nZspsM2Oq02+6daURq6iLP+Rww2kL+2Sb3UQ9ULHTCM/hcmHcIP+VjSh+2yTqU
RUxm61gXVHqpenGjxOVh4U6NIM5IihC28EJapxGQoFPWahQ2Nm9pmTsqZNF0Jjk14Rack7wz
uV3FD77YHYlcNupkvEsB4Q26FTSwJJoR90FvY9ujlAfq2bSo1cqI9lePFE2TYr6Vmu6laFOC
piOJoPwRDe/7Q8sgh4RcM1NDugpq8dCn7gyCvPcGQxm4ry/C8g1Kedc1OwWTb/MZxNTY70V/
2OosKNp3NAj87IZPunF+eqLmu9jYJIDpYD0szkjWahuGyuu3mordHTsFxt96nEPEVC7YJo2S
wnF5suHVAcocVL3TpZgqTecIknKkkF7rpOakx8pfCpPaQqGbxZIIotsbNeJ8KeV/40P/AHY7
BM5Q8u6jRp/DNFzWk10XFNsxxkvwedkU1wMlxMn2XCJWQSiNwg8bWG5FDXbLO8UYnSSNoTrtV
UW0sKOJwGyhvZnBoR0V5uWi4uVynP3R6kGyGwbWTCc2ESWbsr7tTuF5fxaK9qmORG9kwvCeL
bnDMj2Qe3Ip2CfzVXIM54hmey4DdV5xJ7r3sFjSuKh6LheFORI6KF0mmKI33smF/MKB1mcB7
0sJKquik30v1OMk0nlvSVw5toi0qW6lZLXNEvnJNblvJMeNCnbZhObqEz6LoyLdyKMF3snIW
FN7LwjQ03pFxPRfygVIJDvgFtHkJpcZ1TDsVOyRyK6FRobswZjA02Vkk0K430M1muF1UX+Jd
QcTWNRhu5Ha9VddW1zk6l/If5TmjZXfhh9y42Md/aUdoVTdS5hsVMZotdyGhRl8Llebk4TQ
wRWuiX7pU2tC0tNjZrhhrawnbc7+IEMN5XHVRGzBvNpgYBZVSh8xVeY+owEaohU5KvJrvVQ
hvxFPrrxnX5QpCg0skEWnVFuoQ3CqzbetlCCU1yMIniZ/jA3un/MPupzeHdlNd7DYFibEbu3B
NB16YGmyXoadlVLRNnZR4nqtCi3s5UUXvmiocMbBdsgijzmZk7qetpAQnK3knogS2Tj8Ka
4CSY8ZOTH/Dke1uaqnEmuSm0ghVa0HomjpyUMTm7GSdbehOafsdU11wse01agiJWe9k1nVZq
losqslrK0vczmz4b4QZD5U39VVFivpDhcRPZOOTTPzdsIUm62Aq86ssgplBO/SQBgk8zOE2x
3jMBT+JVcQ5DXAzuuGqqMEQb1TkANbBIyKBeQ5u6YeiKKeOtkgq2E23icvQZtNRLpnJpE0T8
bdEyci3mEl4lvzkT7YaGooj0RKkUHwxfb0QH13VVRGjVtlx3I+lrQwE3olZKThRCI3XRNtAT
FMTUo1P1LhkQpPzVFCikc1FIJnQp3dUyX+is+v0IJFPCopNqVNyPyjBcGnoOBuJ9UXso5Mib
AzRD+R1Cp6/6U22z01RARskxxag+I283eS4Bipp0Tm7GSBTTtrkgG+EgEBt2b6LmCk8iQOQKL

IOSIOR6pp2RkJKkRoXojC81kjb2SID/wDkxdmV+6MRsNsNk6VQZEMwzJSbmcypg/NVXTku
Od5RYZ1E04IotOoXCvKauzUm5KW1heVPBxPI7hB2bT8QytKM9lwjSqEM83/dl34of3CmrpUj
kUWldW2jSpO4m7K9C4Tsq5Jzh8UnWXDY4Q4H42ReTsr0qKqe8ZNSzWauiqdRZJocKKO5tABO
mSqU42BzhIaJjtqWXIkO91ChP63SnWXmmRCIFHuuF81NxRu52hgyGJzvD+7Tk5TYfKfq05Li
Ft7xDgwHkEzXmXsinjqmOGipWG7iZ2X6gpIRRzMo5SVLAYSyFOBNp2K3CuuoU0OzFLGuTHD3
UZ0OITxHNccyFNOOsR61Co8Kjh9bK0WVmRXAxSpJTiNa89XJnJ/anDpZfgtvRFOKJFB41GHh
fMLiwcWqLW8owczB3KdHD2NcNjzIB3E1y8U0h58n7qA2DDm58zxuyUZ0Z03j/CITHbtsME88
PiZ/sIFXhkVXI0IVMswVenXayWoyXEuFwn1Wf0Vc223D2URsTmDiCwAcwqi8K3pNSeFTA3u
pUmVwia0FmRKghrZSnY4K9CfJfikURZ8uGYVbQE521soDDFO+i4nyB0VXBHVXCvH18xTHsMn
BTPayG/rKxsRmbUHN/lv4gpHSy6dFEZFB08JDobAjecWITLqKTMkLwztdxlqoPiYZBbFbVBh
aXNKA3KhdKWUXLNchWVmSoKLIUwFS6mHY2dwpNFVNyAPxUQ74PdG0vOqBd9yhNAXaM0Z/wBq
eQ6LznydGPK3ZebEaR5hkwNR4SWhagqYycJ4Gn9VhLk6Ae7F1tHE1p6qUrL5UtFWrle0mrwl
tDWNJaNzRcUGfYhQ2xobmuLsjqmn9SzVHtVYjVUwyqBn1VQqXgv5v1CrGA7KvigfdVjTTWsM
xOxU0HQ+Xog7YqmF1oGyc5Ts/8ASz7pgPC0mSnOgHCEPL/IEyd0QPmEO1K4Zuc3dXQJLjff
QLjDn9yozGcrX0sI6IObmChGh65hXgpHNUXEZ2Q9lkpuyRA0Ul+Gymrjkrsg+NEpfOnZAzCi
n4Q6iMQcdw3QVD/fZRsl/LC5AsrasX8qapCAVQnO62NPVZKbTmihhdad3UsC4c3UQaNE1gyD
Z2O8mUnczUGmjxphje1gnYQeUrdX2ZK9DUibHDY0WdFdBmo09kE9h/4ynSo5vEFDgkcURsu2
6usq4hBuqH7whhaOuDOw2VCZMlkxuuHxAPdqaYkje1Ho3Rk2wJs9K2Q4s6cruxRBNQs1xMmr
zQQf3IG1zd2g/dFAhXnBtVopfEPuFLfJXm+4VKO2VVEb2VyEFxqKP0oJ8V3/ACZJ12U+qJjM
8t0PgzmoUgM5k72P6OCGEejBPZAqKXC8btJejM52hOabGzHEKT3wC1rTrD/2nJtaIw2Vu6qp
Qc3RAigP2Xmb8yvMyVVG12Cq+4uGK0qJeIM2INielaW+Hz/egOUAVU6HW++JwdkyGzlaJWeI
b7+o0dbYXk0EhVUNZSX8PtzKeOksDn/BBH3Tnu19Hw5/9f8AuwxAwlrKIOuNPEVylSulsOuX
dTHuiw5aKc14trauuUQZHGWRc19k7a6hD+OFwmzxD9bt0e6dF+GC2Qnva9vzBPbscJxQ22th
CjB904UrXsnvOpnYwft0m+HGZ432H0GeaXNczItQm+KT3USH4dkr/DNVCPvcv3U20V+Yc45j
YqbpWRXM5hJcR8uNscLR33TolS6f2TW6RBds8P4f5jPsvFM0mDaFEw+MPysB+6ouKH9FS8L
T0U3KuV1sbYZxcJUuW5mCcrKkXzOX9RsKVYzh7IKiNkKH5bWlmo1slOi8S8btCIEA7rhNEII
bxmrj7qGdogsDzzNeJFeJHxX8DH/ADDD4/8A/NUwxJVdNX4v0xM74aWFrZrJFzvVhwG8zRfJ
UmijTbRY8ymHRJfTh5IX1Gb8ga1f3/7si0q2TIFycnNmPbBCdthjj5qfZDAYXhquyL/+lefz
Y4Y647x29CgswxpZUarq19E6lrbIMosjN1E1zHXm/4UMdVHz54qht1LxY5jqhwkhen+E6X
tg7HCf3p7dnW/wAP4aZJ2UWLE4o0s/19D9oxjaeMIZrNVwxXH4jeTnWTmq1XKjZC8sy4dVQh
F4czlMpfXhC3mFMnpW1sdo4Y1Hd0wu5hQ2x+2F37k7qAfsjPTVCD4apOqnm92bkB8xVBiqnO
+Y46Jt7PEbMsMR2zUN7NtFJzajqBZMZGyKjZtA17r8PlsjxYrZ3WURP6LXsIXMD1LTUKbag
2RpZmlnVUd53TY0V12HcHc0RYyQhKTRZCYGMOeg31YnWiMIVUOJpGZMkZkooym0hP/bg86GJN
dmRurvxat/2FNXBzOepOyNmZvLL3NAEA38WLPm5BNiRiZRBOq4VWIFomXZQv242t9EYhjDdy
q26YYe92ZTHtEwVwtyTzEdSRK9sBBqF5nhZ9t15fih/cgPDHzXXp0Kk6BE+i/EbduSr8SUa
W5UodBsp5v3UCfKWcx0s4K90G+IhXeoUjLH0HojCE3Bkq2Qx0KyxBXAnNdmGIQZ9SvE/uT4
Q3qm4pPbXcZow4cUmVVIEf9US9zjPNcJmpnJtkKBc5WiqoZHYrjY4dkGu+6hth8ssc+nrtE
5SWpVGrKzOxv7ULKDBPQJxXkZA6qHDY+9IKLSQLpp7tymYgorjqbeqJ3sMsmUXE1cm5IAtcJ
9Exreg3G/wBE4ZO1WaoqWZ29m4gAj2RsyUm0sYeUL2RNnSxqaBuonezITeESTHfMwHHEG9fW
mNLM7crX4p+g09MM9INT0tAQT11tZD0awY2RPY+svnjdnOIh7LxEtMcPtheemADrabZKKesl
JyphkCnA/T1Gn0XI4mT+KpURnXFL5ThidsDbH9GIFVtf3skcV7X1G+i7CEyGNaJrRoJK9vZn
ZVTDrdwUTC5u4Tm7G0WR3fowu72yP5AeiUcQOja2B2yprgm0tOeEY2RErXdG2RRuMER2zcMj
+YKJxRIm9LC06o7tK2dgBbog4ZHDF2nbEd7WSThZkn9aYpOy/MOxQoesq2+YMjmr8PTNZWZ
Kq8t/KcumFw3teJ62OlzRkuUrUIDrjuuy/LuEL3OGG08reI4C12RUlelJ2Diiqq8zcDp5gqg
IYQUVOU1kh6EnZerX0HXeY0CZCGZzKpbVr039uGbedtVM5WZw3xgvt1zWxslaVvcoQskcE7Z
H1B6DO81wyDGjMIEXgVvclQGqhwzzZu74jEhNnuFSpV6MfZegSscNLS0W3TYe1oCFkiutsj
gkcsQ9X8LnRvu4upVTZypkOC2byfQII+WeLIqFTKx/7Vd10tKBsY6x/7SpGhWaqLbwXXDW3
PCfVkl1s3I+ajzXCZtVvzJ7xyNZxeheaJxIXEOu4TZZaFGzpcN14ZOrb5TqS1tZ2R18Rks6qa
ALGHB0xVxnCfQIRIrKltDZw2+L7N/wB+jGY3lnfb2V6xx6Iy3UtRUWzHMvKi0OhRDs0zsvdV
Uswm98EipHDRV9M+gwOILD52b41fb0WxNW0PZRGD9wsNkNEaGotmM1J2iaiLQptywdbJHBVU
QwD1Gjgn9KIzweGZ+gejI5FNBy5Si3Y2gIPHM2uCosOCGemGYskcI9A+gE+982GENmD0q55J
7znKVsxmvKifzP8AKezY45Osu/KcUxkphSOakbR6DvQeeijD9VILWftHpkjJ1sxWSY8TBmmR
m60OKq5SVkU5ujscrOto9B3oRlJit047nAEPTYwJ79qWxOzkVJZFOYHCZyn6FQmnm85C8N/e5
X98DB19UeXy28KqpiDIZKIjHdcBQ/JjGAo8Z3xD7KTeUYBhGOrTLdHYqRfCbbyWXpTHpsxk
bhDw0Lmca9yBjWE+o7spSUx97KqiHr0Fsx6TRj8wfbVPIOnCJwn0LokNiFMwZ6rMWhA7+pU/
lhCGZ5ldGEYt6FWfy6rmyKpUKtrdxT+gt7oxnI4Gj1ZNE4mp2VDxOXEclwvP1VZ2ubhmqN+qq
fp6sj+QhwnZtOfZtvVcUNxbTBSqklU/PXGZpsNIQwZ4Jpxsp6fVcX1Co76rh+y1tbt+ZM7JG
yeCYE2k1V+Cc82lVVaq2OHXCcVsQanCbevoy/MeX4hnA4TLvlU2ZKTvqpNskFM6481QERQKp
JVB/RAcLTdvdN0T4lrmu+Vyvm+mANGqDRpbUqkyspKpJVB/TRGdSWQKYSJPaPrZW0XISZwGv
XFZWDdIf0e86jFwtDijF8U5pe7Jo0RBNFVVwNG59On9Hb5fwioWaFcbf6lRTbQqR/ruSywds
R/qedlp/Aac3nS/8cP8AWz/Wv//EACgQAQACAgICAgICAgMBAAAAAAEAESEExEEFRYXGBkaEg
scHRMPDx4f/aAAGBAQABPyERg85FR4PisXgXAsXILEwEKL29RKOnC5cuXBly+ai5j4iMowY7
xi3VRBvGGbxKpP2eY/wBcPKAIQhKK5hDUPEp/BQx/kB4PI8EyX1MTplWfPfy/wCFy4TaaS48

TF/AAy4KKXl8z9qPAnAbDygSVyQjDnmJW2YGapKh/lfgjHgkEeAg4XZNxpzBp3tf+Eh/BcGD
FFLjxBvMTM/a4EbMIIThUqVwIdt0cIFwTUIQwRIIb/HyMEEH8kM6vL/wkOb4DBiilx44P7nO
JwSJK5KgSyDam0tHRNkxZKghgiRikP8AwTyBg5GY9LUf+RWYMGH8JYmdysz9znRzUriuCJLD
E0SEJNI/ajBxJBEjBEif8VRuDFgk1h/MqVKlf8IH80sC4z9iVxuc1x8Q6lPc7G9EDoB8ZY1y
8GLIEKdzWGvclcBDiLNVwgN2+oeajyC+p5Gnl/NK9/vLN/llmyi3/wAxXv8AiI0YrUk9fkG/
+yD5OVf4QP5BzCH8DaaT9rnc4qD7x8x9ww+p6HEctcFRqQqMXw4HB8MzT1GGCfmsyP4xcuLL
lxjxcVlvLL+We5nsZ7E98sg8jgTfiQ/gbwn7vO5CWdJ3G+WCZr8RhaWEUhxMeMBZISIwwYs5
Y4NwULBBPdwku5XU/wCoh4c9fgL/APrn/Yyn/wBJ8z8y0ZPgi/EfFFRGuXs5ZWI8HBCbTSEI
ptCGE/c47nWNBbgjKHCDpioPv8k7tSgb95Ub1qECEowimnGDBZ+orPrg8AzLz0yVmevyx3Yr
irLyrtleb+Zf/wBE/wDQn/sT/wB7hvbntcRGFGskiTbg5E2msOBzFkhExK/hAbYHS14Eup6l
7TEBpqM3IisM7eoKw2w7mTjHmHaKvEY6lRjnn3O4XgS6Vy5l5qOOo+s+EXxGOuVXO2bfiWHg
PI5EN8SMN13Cw0+ZoQODCK0WwGsoqrUBIWo+I1WhtAQmNEfrx4gSMVXmdMznmMWpeIaKdTSM
TMyl9dxpsKMwleWx9VDZiglhGQQLDqUSuMVwslYCFShBm/ByIcCOZ8mYa0+pY2r56zONVXh1
AR/keVDPDCFiup2QMqczAxY80A5/8412W5Qix1HAoa+Y5tJWzUdxRWJiPqHALjD9SxSVRWmI
LSxA0ZnWk6PHCKXyg/wBXxwsXB6lAyr5oQYM/wARCEfHN2jXAn5lCP3dsFNdqyWxFKYSgJ/8
NcMASd5nzFcludQgUraug9wknYaPxBpfBAh3LXqpW5guHJ8stbl3rweZYY6Psl8NOLfofriV
KhVmmPwIHiaBD6J1UfHMeyXOo26j6S/riohxIKP3KhAQQ5R5ITxnX1B0VQxGzbpN0tVCj6j
RzsoVQGKepin4O5WsthiqDXtqLwQxoiOo/13/aNKsXkHGN25eBr6L9Es/CEdzW8TaOLhMz9R
Yo8cWv8A94lPyodRxBhs7jBm5CdcTLWl24RBEJmUPuUwKdJecjGCqGphCFQDEMGUeSEzA7D2
jdE7cEnAX+ZQHC2YbgRXsTc2W3TAykuqxii+gBMDPz0LSC/iTuPEvMf41RPMqZBqleX9TaV
MFQQ5dHiYX4Hx+hli9oKq4Bm0jEakodl+8pYW6WqEoVbtQczENwhZRivkl6SXqhSRhLLLbuD
7MFj0n7EGEMPBhCEczeAhyQ9+qP5kit9Cm+T3CVvNGkl/edob5/Gqj8WcAyDGENCzEy9Zmwq
EdmL9IquVJWNsNhpSWMzfg/ZwMLgV8VCPczeWEXFdMvgzMYpxGFfRcQrtOF0IIErgS41PLG
EO7Gb/zGwL4zBL03FG4bJQrzBLUigZlp5mQE8iQGTzDM8kOPqwYw4ghjwRS9LfoQLoP9rGB9
sfE1u7KMjl2u4HROipallc/KdpRU6PdwYHsn1phtOmDAmVA1ASXoShtZ8UWodhsXyZlSw
/wACgv4vk5M4gxcFTyNvuMnm3QSyzoQNEpJgjlbeoxFrCHur4TImAP8AKO5fu5Vto1Cw07NP
qLDUTW+A5RjJMHpFi29RVPUNp6TP4IYGWMeCeLbXrszLFIxo/wC58Uf1PXRf3FHRo2NMh2fY
8whl5fLuJs1KrrxB8yWQmxjqJUxcGT1Li9XHePENzA37R6ICSFkVle4rTrrKa4yYKvpuZydx
0eHpLjmf4Fy0Bva8ssaMeFcyFYtPmMRUqoZZyBUu+bY/311vybhk9ILX6PEQezKX9XnUS7jT
RW0IKVzgX/B4g3jIzFFJZAGWxfWVX5Q5RjKIQX731L7FZV4AiB5TepWo/wBNGa1SRq0GQ0YX
8MLp8ZgK2ugoiHV/HUynyp62xu8ZnlSbiAHuGp7uGPxDRqB/dfk+Sk9yxPMdoanUWr6uoKH
ynrRmbTGRjoQjhhnUHa6J5pi7kIq2ZhFNxWt+gWvWQ2PF0xUZ78z5wXSWGyl/SmlkaeJ0x
qUMPQHEVleoE3qVH0LxGc8TNxH8Zgbe3O4+wwSYHB9ywhYgrfnxGSGYr/1JU+YcDEat+WJ
iy0Ej6B3AkGjoiW5LMFF4/wmMOI6l0hGKrzHgaGZrwzaBpt+ozKKjngiBHKxikCr9yrircs6
DrMyNi3OnCOJgfcIM+A981Ckc/0U7oPPuVhW6jyNYqeIKXRhYe07gq6sAo+ovghxwp+Lbohc
rZf43MvVZw6lbfsvLiCPCtT3EFG0RLy7uCzSBDZemMAM5eJnAioEp1Qr/c8DmJ5U/s9Eo0zo
raUyr4qU0UjB6vEsFMVD/Vmuz2nWSAoHw/rgu0Qe85YrULhqPhJHEtXMFbI034jjUbg14UoU
MEpVeEwSo8sdQ2TqbRTuosS4QcFfhy/6eJka+r517RppaBHs7Ip1MS+u6gbABoJhbxLvMMXN
IO5dOeCwedPUYIIFaKI32RzLU03tKB3C1mXQwQSSxvuzCgDxqDLGG586z8EQGMzn9RHuh9Ew
d9pVfZYMh/vMqL0qhjMjOEUcDc/Erydcax2Ffifgs+CLUbYGujCeZerU6QWfccLttDPzBDQu
4CqNswyXyvcnsuLJevMS2VzrTuaj4jOtmUOzmYfQmjLhyDBKT23xmIyh0d+5u4xnCNWqNRyB
uAEDTtBMg0xLEeAQ/Y9YhEmvG/xCq1XaY/AjCsoHwQ4mQPUH40OR7ZvC8QSsxMATEprXUVKG
1uV4msInx2P4wI4HgErLZqWfBo1/5Iuz1TAYIdXzKpgz3+p4CtMk0JDYZWLwxkZ5s1KB8EGH
xLewnWZ1YhXPJO1vlAKaO6hIKEdPNuZq+k0OuDTfHHC4bRTNEP8AOY7YdNe83SY0grPSO1wy
Cqg+Tij/AORMIZ5WwnVFifUG302GTZ+RRtQj6kov2e5gn/PEp5I+VZ6GmWsvAYWr1BR8Q4MD
KZmGcr8Mt/nYygyPEBwFjwj57dDfc/ULRr6hH9Q6ohgU08WCOz5H4uMs2qyoVVf7SsCl1i
4ahRnHUPOUH+LCTpaz8mYBAESNqJtBuAeAeAOqB4TelIPHRnJdAaKExmlXUCPxYy1WVg7iMo
E/QCCF+YwhzFaqVj6is1Yp84/wAQB/YFitrGQf6JUyHT3f8AE+cxJnIq+DgfMy/KZMzpVonc
WGxSnqAwHOoVqY8xixuZexvxFT5IvB3X6IB6gi0IAQWT0/jPUMTOGqp+4lheZL71dR92JqwD
kfGAtQhBA3nVj4i85VzKAVCwGXUKj549UVwsuDhwJyE6Hb4nelGvLDUnRlthjMrrXwaY90xB
4P3Pxp7ZDznGFQ5+6lmRIPXvcMqPSO0rx6GWw4bZp5PiYPtU0kujHl8PvEyJnyo/VSGPG+O
5lWrY9RCpx7japmflErv6Sct02/coTS5dDrQ+4YW2phSGrD8zqB+YZiXRiETF3QX54h9gjBl
CfQJaJlYJaxvKVFJk6hP5Zi/fBuiyixizwCokfL5+ZX6zfCo9HemGX0y0p2zrgOrX9T1bhci
pplb6l0Gg6v1KrsYP73My6jC7biUV2L47faU6TCgD+YwEG5nZVcyCBg8E6FLeibn0Myi59hL
kb3PQKY7zabCNGYDLR6mOHC4hgZ/EJe9kn1NRFLbQiWPB0JskpR7mL3aY/hNuFg9VDEQRrEVS
lBmVzbbYwERGBweKSLbpsP8ASayCA69xfltk2733xJa4bueo6hoAxD5ITjZ++I77BLQ/B2e4
T5ZaZxKD4ZkmwiGwPsUi8i9fjM1TEvc/WjbgzLUB6owYWr7n+Je0pYBgfYzyNXA+pLONFAe
BlvXFCFQnFEcm6eRFYbaA/liW2dMWWlfuEWEzFOZuG8+C/iMwj1fniHJTYj3ThnNRMFLhmP
OCVC07Ia+Gty6hZIFFevUtjyht+4eBRPc0VZqVQ6vyRyPGYwGrrEx6IQkj29xl75ZLGVVys
7zKfE5liHTNBPAg19S7GI+TwlBCa/wCvEpYjdfQ9u5iAUnfgKgRwvAleGSt1GOBgWZQrIwwt
XlR74s+/mae5i7TjfcPHNK8Pc2zCsEdmGrpOZeg0RBk4Xv4nc46mcakQayiii0TQ2Zi/BMoc
HE5QQJUfZmkzGuEe2I0TNw1lQQl/APsRzR0CBRP7Dudp4yWflm66JvOv1C4QJ29n9EfJ7Pzj
pJQ38x/EVPCYviv5CfsbOtzKaVkiAh8Q1BXnqYz2l/cCq2H16/MJzLtlr7B2uM2qZ/HOtK4D

1PZHbnzBf2hOrqF82RepaPuKAN6n6uXPQyZrNo7/EqgVwhgucvcrxa6lmwVWsvtDKSzuZOLH
lMTwOeVQ3dA+ZNaW0+IqgAufk8zwFslte2P1Pgo+DIYJTdBaWSG/z6jghhY8OiNtl0A5sS+Q
wlwcf24WnqvMMHeU9MsHkzBz8JkpmywPMo3gEe1H2w4P1Kgo8sB2VeKEvL5mR10G/hjwC+C
/thlgbMaekm3wjuVG+gt+J11L7osS+Lt8QZyNQ68XuY+a9y3mTxHbVxGOHJpZmQxBpCa6H
y1EIC4117XuU/TOFuBu2dssNj0EygU16x9z/AN0KL6OgIObU3ttYgXSS9Loh8ADGDW9sQRX0
uSAGAmoHW+HzMtKs+SA2uqmQmrNuDoBAknTfrxG0mPW/hNj4n9sVtNoHrIotnliP6CLYz5rG
Kcv6juG4G8WMK/gj23IemWOJMXGPGShEG7XiOv33wrbbIgrZ8TMjMDOsyqVHqA1CMmEJhuEi
lVRRcFnpXH2W0vnCPyai1CHmEJ4E+DzDABQEtQ+2W0T+0+eoiWGCovX+8sdHzNZUtDsjXma
qB4SYUd8K66SvzPWDSOaD5wiWqVHmMeFuakYFQ/ApHaQzfEsjuBS110zbA6On11G6LcU0RB
11I00T4Fz0kx0ZW2z0TI0zVYrcZoZqi1KbdsISobhiG7IIJYQHzW4jcNvKOW+opjQfmaAKKf
0bfUMi+YP+pcoz7gOtwRusbdVeYrK0y+d0GLaQnge44EqrE8xF/HmK85v2o/dw2xUDWzki
eQQH5F5iEeUCoKfy4UffEBSiMrUIWkCptP2nR4eEWncIRD4j4himi3+Ihp7zFoHEug1cojwu
OgtE1NoNcxVBXibotwZUEmJjpAaUp1+0v4z1kU8TNGLju/U2HuJWEmF7gB7Z+DHRPgIEzUd9
j3AF2ZlnwTquWXs1FSNdmXJ4nsBKDC/li3C5pMQHxv8AUui0l/jemGfBxk9AB+Zcb2sr51B8
UJYd7VD00FcXFvMFLyIIJr6gqkPmXZefGdqeKqn7jr5xNywINNxxq954ZYaFeU96xR8E/anxS
OqhibJ6CwUKz69CEFax+0cXiXBgwYmVr3jLgA9u4GCHyuyXDSZF1K52t/L/yVgdwYemUkyhq
WXkWOoKt3CSZWpjksAwaNtzBCBuCf7muEjUNvXiORNpUYoAvBLgPRmEzCqzoblmdzpllbvgv
5Z0K7qUmZ0f8y2+KYsCD6Ms8zLuMDf4IDG2K0bCGpqlCLkoSMiQ9ooiUP0435kgCkLAGFZZU
/emWv9QIKEGjQMzaTM4QPAj52b8Spnl+rNFAyaGH7oflNWTp68zIvY/ymlGs3Lax38SEC2j
9gllaVzE9k8MQF7htGq+SlixtTLJ9/7SoemWHkkEUJbCjdtlA3r5JQ9agqYtuo9wPXc1se6j
dVTEX6XIKAgN6ZmF0HwmKi0t+VKHzF0Kom1yyCsaolYvUgbd3LsaAIR2Uoz06gusInxKCa4A
9RsQz+edsfMddHcwsUjQcRtxPxThW2eZgpeIL9jh/UwCtZbXC4/sIT1Noaq4Fnz4ihlRE8k
Cqu4kGWdjB7Wkr5in+UiPUJ2YIvf/RMbilAvWUw3XahW53OGyiroz+QlwTlEiYHcaxn3nTUM
VUZc8fUNDXcsQUtpiVpQxBlaWgdqqNRvLNiZm2Niig4ZRx3FJoa1AXEWqQtPcwCBfW51+a2k
PpvRwzNiHOFkaCStuvjK4g4o1CXKjYvcAZhd7JfINew5jPUJfoFya/qiE5/LemUDE6TT9w3N
UHQ68wPmMf0CvEKJ8YHUdDWRHS2yeTuUTG2e3+oYNjr9kSxqPia/Xmbdfj3CM6cWWpNEEs8w
gGIRBMW9QpMEVRAHDhluOwj0Nm3nqWgqJiemF0hPoghuyA/2CpUfqQHXXkIHIDbB+oNqYM0H
cBzSyz3XMcUugqZLEoPqK3Rsw19z7xS4YGX+Vm6l47gQ+vbO6O5qOO251f4GMSUxOqiOu2E
jFzZ4Z0lyT4IYU1dGTSEIv8AhUJulp6Y8CWRpN1ieZkXK+qjflEwdwI+SVNP0X81wCf2Az/o
wDr7jv5CaXZe0TZbfyiUQ4HNJpma7LjSRpMrgqQStPUMvWizOqbz7f7gJ0IfcDeg11Ki6TH/
AHf3KWmytclGmNPP5h3zQeEKDRI3Fz0S21/aynyvmVbVlcbYnnUqOX0wgiG6l8J5rWPiVTtx
ai2ncysGrtXh3D8IoiUr3EwKAdsqNG64/wC4v6YafqH0VzFO3cpXcdS1PbftFOQBgmXL3BV
yJ7yhUxrs1yh+vKa8n1DZZ0YxxPbNGNuH/KEccx+SKjqKFyX0fp+ncaoCLK0XqUok9Sgepn
jIHaYnRmdTCzoqHQP/CY839/ES2P0i9/hh+UxmmlJjQf1T7TOXj4D7iO18NRWpVhFUNX8Ewx
dT1AF8+2XFNtpVv4A6cZMYPFS4EqAh0IMSvN2j7i+gLR2l8DcehNvliYga6ip0w4NDu8zK
FgtOi/iGFVgXE6f9wjUMEJTN9/ZPZgI8y61CiA+VLFqsvO+AIW6EDtnQy/UvSnbWIYnzPmKD
bliZWFahJYpgYkQPKfOYmGNPqXP6k/0ZDH6So7Z+FMRHHiLGpTc5dxX1M1VeRG/rKQYIfkxI
bOuquifVkhg67I7iy63bIjUKNkNseAr7syuQgFwGeMfX8Q/2TowexMF+UKBRJC2pcSikXUz
aGE5gRugwzPPJ+SRwWnzojmvfiToo/VLl3y3Qg8fYip1BaGY3vxGN7Xsjc4ytxjtBMcIsz0
lPEgQmnqVGYpKufiVZq+AJlkFh08eE6pFrHQ1hI8QfJsR43LB/1iMmIz+FLNyIzG9qS6enEs
BUHQ+4Doxi/ZTrx8T0ZDB8CLw6wQvAtI8/mKrPiDngLYgl6lx9w2LCYE9COBkRdqv3A/oEHT
LnAxKG1sP7IhdSrRgsRJUUmLGuJ71cdytOiVLPgI7l7bzxL1o+UOAJMS+TsjUqPjUuszKXIsB
3+Qmx6BmM5k/yE7xYfhmctt9k2yMR8LguWVx0upQVoZ+YMviWpNYx3uCVdCDiS12OyC9J8TW
JiDy6lLfM6iDMGYiVs47Rws6JALa2Y4G4MvMjXPMuXFQ2H9x3NINEjwjrKVAUuULeyolGqH
5SfeVEzWYCXm/wC5K0NB7jBwMe+sVfYJA2F8cHZq4Jfxzu58xHU6Spq2jCLOWdR3mVQX
aGa5o7hdkmOkYIliqM5WUJQ/H9FQdhBe8iK4eaCMY5xn5KLDMHbdaSCnbuWdHc6nmggdRaHF
ROgbZTe5YQhNocDiuGF7WWDoyYg3gjbXWoLqddK3i6im0xkz+0sCaYUBws2LYA9j18TEQ4eE
Uf4IXTnlYYbtnt4ilQTAN9zIueSuo2G8cyk/slxpDpckdfIQ5Jdj1AiDC9//ABAAGKA8QAXA
Ms77GvZqGIQzwU/sIeK19Zi4rGYL7mdxJQmDeIagjkLcLDXuO2twp7CDjVpV5ijfMHQ67is/
h3LKgAtQwwhwm1hN/wCTFnLXE8pVNooLFBqY1BVqxGR8wugF/BcSbFjOtNnIvyxDFGfpDSgt
FGU3j2SpcAg4YD75jUT5o+YXKE+kdRdlZ9RzYMDydPctx+YwblIvkgm8PWqQe0ZRqOFHi4L
PiXzFph9iUkzm7xi+AErgJ/aI1MCLohN8kQETDLW+Y3nDDSbEqJOG4TY8ZhbY2/OTZOS7cOn
HJE8whvj50xkW1GYFEs/3LNJInk+XFoLCVgQ1Rii4MyBsQjpsfc6xjZmsxyPLYFDrq8lrgC
pUeCke2pqP2ceLj/QP3EOkiqXgpT3K10tzTE0S54HCWkRXXKvpgLzj2iPseYimbqHmUY6B
LKV49zJ4eMFCpVnE2ePuNMSBph4AgRXUxAhQFJNijZX3Blpma+IpuOtYyGzX43M0R8S4LhnJ
5n8MbS1yYe4SaDDDecEGplpFM7sazOybQ9IK+c2vmXuj8iJbkZslrM7PiK6+J8uA6e2C2mY
2Yb+KxLZQ8DwmTL42xXHyn+Y0mG2JVT+8cKhkyFR4id1vUbc9+B/BlbrgBqs+JkSvomzR8s
WEvohvNqeJzcg0QY8YNI8mBLSOr6gmX5Zu+ZR6q/cFcNe7i0+ol4qVzCixNJflbwE/8ADiGH
8CLmzFAR0x7oDyby3xy55TwmDiXRxd7+ZT4JX1MYMwGZmX8IiraWczJR3yMPH5G4rlnwinU0
IRxGC4xgeGeJJYyqWVA7E8+IRXDFdYqfREUtxlrd3GWhhL8eniWcdRNRiJuaaV1YaGfMWWQS
vwZf6m/zb+ZtJFXLB1tEfMFq12ezWeZiXy6RFhi1FZL51WeL0I4F6/cABgHyIHD08LeP9x2Q
ZRN3GqlypRjj8X73+VSmfAj4mVcGM7HB3mEbi7UNzOUzKFRNa4VfuiMflfygd3ojq4XUz3Vp
uOqnyl0hRfEd0dYi4QCHAfuyGED9xJZ1ndQzWrGPglWC8/wOQONCg8IohDof08qd0WjJhlHZ

LFiVDsRcp/uRHoxBatE8mEMeh/7ohC9RBD6iUI+NM6Y+4v1/NBC1EvoimidIb4TDIRFQBjYR
8WJ2P6mC8KmmfmYmi2TBeT8pZaHzL3coP/sQwKNXr8pk19IhHMycC36YrR0o8UsgJ9KjVoi
bPUSGoWMYLxrkUXqGVGoo63HXy4SgHv9AjAdv/2VeY7e2FWUXe2BF8u4IEZZPqMH1BOJXLw1
2sYiAFEWZuM1xnpn9kGC48EoEZqODPoKLBd2qKtJ9Si9pG1uVBbHU7phIV+SBay42IfSUz8R
fY/wCv3J6EWy0+6ASDIy8XY+JUWHu8RcSiS4v1CoZtRv96mLTPB+AmJRLtX+IOB0Qhs/SBF
HYhia45iMp4exkhDq4eXLGGmfPxxOHKKG80wCYCYRZk8cCZm7/xMrpFqpmPC3Hq/sEf3CL6
JZPRL2Z/20RVDHs3diOTrVvTM95g5hDImEdMv4KzTfw9S1g9UgBB02SVYo6c6mgJaoVNG5jQ
fRuBddZ0+iWdk2ow5wRVmyZ2plbrfHRLiEihPlwRMpxrFZ7IM8IIWjzV/wl119EcPMohAy/kn
YY0MCGEeqoSXhsu46hfSXZpvhrkGus3BYO3XolPkn7GVqpG+VRQksJuLFm4i1qg6yRYwkuwZ
0rZdyk0viF0hf3Fykflqp5Yh6P5abXry5Eo6ZwUiSYpMxjE/gi/l/crh4x1B2lzSPT3w3zXi
S30RVVeE3fEiE0CWbYzmBsMwd4h4V9we7AggjDLiKudeYdtM7KJ0uJJK6nqNXNHCRGu6GIGw
Kz7jwMZr4bLrczLLwZyRZ7Sh+ZnktzI9LiWusy/moO7/AKilD0bl2mV4QHodD+Cc7erXLYLG
JpNRGZud48iP1qkMHeL6TxIakazCAtliUXgJZ2AeZtUq6QAo/MoVjRCCbwltuDdtoKwYrnqA
wXjBwIq9rQ0vzBdzIthYIVviUoyiGxHbhtpS/cuF5eRmED2zlmWBQNPLwnAPVjyxOJk0m7l
pysR23Shi2PMAdx/DGCBBbKUqqawS50/PBVeNplFRDzC9/wxduC94H+BczvFcyfJuMK0msS
o9WCZzxLJ7j2WhKT/EKnqXH25giWfyPUEsJhv+DwVHXP3NksPuolxd+EG7WdfD6IC5RNIWuj
CdQOBxQz8UP3GR9T7ZNjrmqTgyXr4SpUwjnqSLseIykMuewoKTPHVLPzc7sVmI6MJ1h+ieiQ
aWv4sKz/AHCG4GrdP8GOUHXptMHMim33LGBXBVXHcTY6ly1n+GGYqV7zMP5L9k8TWqWHkjh
4IjNXBgGZntCXHg5S8ChngTFbMaeZVNnpylo1LVQlCuA7NZXBcZX4hhiV/AJDYpjK4HKahvh
c1MTHFiQIJV8bxYajdumb5WOVS6JnvIghLVF2LW4pzjpiOOAVFR5I4X0TEvZiLxtpdPjGmwy
ISvCqz4ZjcA7RT9zeJFTBaviZTypZGks9fmCOT+NcPAGis8aQMq7TIx4ctS2uKmp0EWEEx2/m
au9SwxTxltl1jGc9yYheLUvXp8MYbJUqqPXUUh3zVDPMVqgJDefmHWCosQahc1BAbjpAsW2
TBi9gTT3BNRGDuXeuWCzk/gxgjw4dz1wbjAOF0wipgUQFT6xGtjBonkinVQPLc5l0jBiYFQI
CR3DLizzNqQVZW6lWM0vt8CGxMAwnNHPnTDQUPaRvjk+WJ8oVM6qmL7pNOWMRRwwgrU2hAgJ
H+SRj53U2cYuYVMYCYMphjGAdXK3hKK9EaMzeBR5eoNZQL8mMUil1/uRPaD+5usZVbMTKEV
mUftLLyidw0JUviGdxRGkeWUxas8eoTom4iRgfmUJLOUnhj9UwCwl8Mt9TcEpPgMGmP57Rb
5Myc0ZtDgeHCM8ouX0wtbrbNow3K+Wn4IrIo4RlhTCFvRfcA6q7x2wpernhqXtqb9RxMX4Df
ZwrZgVGkdNJ8pKNhuKtg2r7i2BoSSgGTUa2H03qY2f5iUNUblqlxGZRUvXEC4sxzcpGuLvj/
B4qK+NpcyIPVvZJDHUuyPAn+7hM81H5PMqzKjiWjT5QGDNg/uVkpIwv63s8QjT0JReFls/2m
wZUJQeGk9QAjpiSUQGsrh7ie3oYgybPB5MqewWsLJXE+knWdS7nUvaFlfcrXMcrFfuXmeqRA
sjG1jhgRxMXhyrENfDxPOM8ZFbWgw806Uo4Ce0hvWCYw+4q5k0QC2Zd7QocVM5litaGT/sh
LQ8MyzvRjKALgg0zP9i4o/BzGV91A6W482PY18On8KAymhdM+ZpkMvCNmRe4ZysFg8GSU8Xv
zpkB19WmUWxhnHg0caIsIcEDEF0rI4RH10K6ieaHmRbYEs84WeMfiJyEQOvc1ng4BDMng6m
LdD+Hf4jYlWtMphwgJ5syx7fKCOMrio9mSNwrJcc8ZQ2rzOrIKCgWX9qqlMNAy/cxupw80+g3
FH0hg9y3mFzmGPc2jjQxaWqapVGRmA+GalOZ1Nc2TVNZUFsNEuZpc9ot0TsoXYR1u43CxEzH
4StmyfZxxZMX8E8kwVXX4f5CbcM+p1NW74ub2F/EoPTDVaan3wXMJDbE8piItPcfDLN6xCY
UP4jNYdJpGplsFXVS0solo3qLi21F8xRc2NRO0Tctb0nQ46Y5eeOJ8x482Zig8zXhcA4hxjA
9xqU1rDBSViWbjhiLB3yBzEE4QAmnI+w2fmVxN4myfVCZ7pCt6ksCZpV6/7inwKcDS6DEOy
8Yr8ptmhwxvhpWOXNYKIazMgTUFqNmSbZtOjaZTAR8zVvJHjFi4Cv5JQR4mWJGI5NMyEbQrv
TmZymbly0Ygh88BrCbV0MB/fKx41KEq7lAmP9ibGFZ9RzGB7al1M7j0z3pD1yD6n94XtfKUB
cxrZkmM/ul2vCSwbJia8l8lhap3Km/Dwe+OB7BMiopKXx3/qLLm3RXAiwSgXOghBxrt9oytX
pEbrUHY8+Sxn5cykrERi5S1BzMu4Hq5g6Kv4HUw/5Jb6TCDI5wyhN/pdxYvC5YMq0YI+3qGI
zJRme/jD/Beb80I63/ENSwl/w3SGy+GLfDmr4KuMW5jjYnv4viggsKp1GaDZ54qjPAP+j+pR3
DLcPaFuPFK7jRaAo6LRpJ3fmBExIvQmugK+Ed30fH8FFaqWX3L5BJSfst0ReW6Xy5RGiFrLa
BZHpwFuLmxaZkdTBKeBnl89UU/M8dYH1BgMsN15YQyrk/ol/cy7mKE+2YpnzBhoY6nQ8pIR
MoKwVEB1VNDRfx5J0tg+yVCUMecTGar4hXoe4OgfcO1wYhKvi8VRGO/SPcSrRrG8kpuCW8OA
t/ExPG00kzUo4b8JXwl1H+Efv1Yp61D5MPaGi5ZQr0BL+Zn3BrcpW5n4hZ4Mq4yp3LE1g+Yr
GEv6oz3d9amwqD5E+H8P1TPGLuLaOZtMHFwZBiJRgn3GqYt8V/iYUm8OTShG0dnuZ3NQI88K
vhWTgH04ls3ZqAdxuaittnx/ueCXLiEXFWNDjBfCiYz0QmuiZ+Y7OakuUilYT1PEjHx2U+
5LwM+MtSwnWsheoY8jbg21Ozc1hiemLwYtlm8OLMHFYlwqkOMJUDh4u2/E6cuL8QY1IHAQLZ
e/D/AADGo8UeBk8zF3oRpJ7wKgLcMPTLi7zL1/M0gleAQDIYyDROK0GBcvwrhf5ITuGk3hNZ
uCXcMwnmChxrH8CG7UipYWPUXeaoi+CVFJZKvGODgYS36cC45zDnMnSoJpxjEA216jJbLlv
6jBavmVadsqDgYYxhgQcsFhG2Iv+SN2ws30Spom8JrHiHAzRjLvDhgzvlE14WjznZyBy/mL
bLKly8suXDhLJL4KLLlxYihiu9qo0GI5tAuyK7zPbGa9Nx1mhcYMHNCJjhwJBtH5gl/ggNHI
MzIqYrqGVE5jcOlm5ikZUSVEgW1POH/6QvMN8kOJS+3PFwLxSXgosYZehmVBPBTJHwq18Ey
5IqxJNn7UWJcYx8NU9Edw4qDv4HgdwnL+Xm3MeGaxLZlSpUq56Esa6lInqYnqkaTRK17mBX
iXxcudn3GPBhhitFRaQ08IPiWe0dlZXXD1GZA+5bykoQT0LlxYxovgnavmP6LEJr9ysx1G0e
BQYMuVMMzQvYhchZ/H6SqnRh2zuHDCVMhuz5KitXzBGmLc0k9KccWViXLi4jYy4xcRYh+Yz
O4wo7nzIPb+Yapwuq8QbZFX9yypgEvMWDgSkfiMrkYoM0mSa3FbyX8E84Kg5eAQWv1E+2t+S
/wAKhgV3l4A0Kly4soseCxi8hq9eRFtW4PX9Agqx+2Y7rHY4sAwN8OSEEXwZivxKx/AhCLiX
L4rWbcjc6guy+p0JcA6nU8VUYEHMp4ojp/MCFpbAxGgk3IxCsZdQRDqW6iy5bK+osJevnTBG
0C3oInEYE6gSMjHwy7RDy7cV0JJLREzIwDooNDeIMuEDFw34GO/G0zHN8LwyMfbbqWS1OmV
6EsMqzNmP5ll5udxYsXnMBN0Jl/rJf8A6cbf66GgEf4BhBwMUP8AgQfmWbJdkYy4MuDB4s8U

eN8NcM0xrZM9ReL468X7om1 WwKoh7Dz4c+k3AKprGFRYzXhLtfgiAARnONAJeNwZXmuMEEET
gZcHkTiuXGLrgeD+A4lnB42RY4Dbwpc3G/D+IcOS+57IKFdUDYLI+68xWyklhQMDrCF+Yoj8
E6SLbd+MQ1vylxRl4whkZZB2fwCuHmK4IQg8CTnK+QZcuXFqOjqK3+G/Ix4O4rso78wy9bJ
/gAbhAT7arqW8rh57+YLuVWmDniot8cJNdxYwuMuPN6qmXyXwwRIkTmoRlwi+RZcIUUWJScG
X8G3DqQ1Li5iCMUD/cHz/wDETZBGM+y+kMvEt3XBKkOp5S4hd1mKXLI5cKGL5Lly5cY8P8CV
wqV/I4INuByuBN/GLGbIpaqXn6iK4LidkDxLORc20nBKXENcPJvYctEROE/mJUZU/rJicilR
1/JI9szBKciXMdkx1AKcJe9Ev2S5dDeIJGPHUEqlSpUqVELSpXFRIwkr+Iw4SPPcuXB1wAzK
2ILc95pTD+AlDEiR4PeVjsqwihX8AXw2S5cuXLLy5cuXLLy4sUZfLCEvh5eSHDHbKhO5rwbB
cGMSJHkeBwOOv5ihh6K3NsfxOGP/AAx/AMly+BZBmEG46xeJRRS5f8g5DgiQMZXLF/mcn/nH
klSrlyCqdnDJo+JcGVE4X/ghAcAgQJuhio8Mf53L4f4VKlfzqVwECEOcypp35bvhhvg/jE75
gVolZm6aox4Z3w/y6/g/8BOuCMOCEP4P/9oADAMBAAIAAwAAABAAYQzxQTABwhBQAiyCyjih
wRygyRAgyDggzSQryzxCxwwAxRgjQDwzjxQTzgxwRQhAxjjzTgDwzQiCBhzwWRtrjxTxQgy
RiQggjQhygSDTTSThSDhxBzjzDCgwzhzyCxBzRRyzxAwRSQghxBxTBDTWRySAQiAgASiizAg
zxCihiCyyQjRayhByxSRAgRhCjRCDggyiBAjTxQBCQTBAXxBiADwRTAiWciSCQxDhATyzxj
TQyRjCzRzDDdigiwiSRrgRhyDhzQxigARhDSyBATDwySDSjwxzSARjjTxxSRAxRASTsxiji
ARSACABiQxTyDxQAAAxQBhjjwAgAwDQjBijgwTSwwShQzSCCgADxQCyzBRChSDhBhTTBzAQS
yyQiixxAjxjBiQCBCiCyCwzBCBDwzRCQiSDySjAiSzxSciyyBigDTzShACzAhwQAAzQhx
hwgBjQTBQCgRzzyzCRDxQTyAxjwDCgixjSABjTggRxxCyQsJcxiwQSSwwBCjgghBxCgQhzw
CRRCCDhyDwRQCDBThQwBQyQSQAiwhwjQDyQxzAySDADBQiiwihyAQzBxiDyARyGajySgyg
wzBzwCwyBjzwxTCTgzSzBzChxDxwRxQjwiTRQQxwgtiByhQgjRRCjzCAwSRwyDDgSTSAyjd
zTzSjDCBjhhQzxxQQgBzzDQwTSjRQyzBggghhjiSywwBCQByCjBRDABjTThBRQhCADSThgGB
wyyjTDzADwixwTBwhRzSjBhgTQiwSwBTdyjyJDBTxDhhjSzySTRhjdGrsQgBihjRyBRzxhjz
RRRyCDiziAwAwDDQgDjCAxwSTAATyATCXTTyzizxQCSwSiBgjzSxRATxyQwCjhRTjxgCDQy
DaxRzzzhSBSTjgASRjBzDTwAgDyWATRYTDwgBBgQwhQASyARTTBxxjjTiSzSgyCAzSAwAQx
TQwCDsRDBCQxxhDgiTRjRwCjhjzDgSzyQCSHBRtQxQzBwRgRCDwCRhSQAjhzzzyBhxSDyRh
xxgyiAxCCBySyAyARiyQAzADDzBQSTdGhRzzASxSzyxjyGsgQxBhCAzRjBzGSDQzhjByjji
CDBhQgjiACASTCgDihCBTQRxDtjDRzzDSADwxDTyySiADDxRBgyThwQRzDDwghgCRhCDwxBST
TCQQAggxBDDhxAByDBDgjjhhwxIRQBjAjSDgwSBQQwgxyzQwggyRQBgwRTRxCQRSzhtxTgD
CjwTyzAwCRjxDgBgTghgQCzTxADxwDxBjABjCBTBCzGajABhwDRDyzRRRjRRwhRzSwxDtiwT
QjDjwiTBBCgQAIyWACyijjSRQRDSRjhAzSzhSAwTACCACQRBwTTwTDyzTyCzjCByAgijDiT
hDzyjwzWdjRwByywySywyAyRSjBBRBABzziySiRQgxixiyTxgjyDwCAADxxwDyAABzyCABxx
zxyCACADz//EABQRAQAAAAAAAAAAAAAAAAAKD/2gAIAQMBAT8QN9//xAAUEQEAAAAAAAA
AAA
AAAAAAAAAACg/9oACAECAQE/EDff/8QAJxABAAlcAgICAgMBAQEBAQAAAAQARITFBUWFxElG
R obHB0eHwIPH/2gAIAQEAAAT8QUscZlFu6lqji4Jm8eYoomMRMxIsSPMPwokzu40++aiywOuB
Db9/bGXP4sPwTGMXFmYEMo9QcTDChfGpJP4Q4huF6MtE5rLC5l0uRPcsrhMnJP2sYFIIMfD
EWC0xxENfOjQKED9cy0vEzr1LipZeMyi8RhZQsM2mzBBD8eUMOGBI4tiVsVi1FZ1bikDdC3
3L5j8F4gy4fArmMKHka0asFO9/8AgZe3ZZ4YsfrBJ+2/mGyUqhKGCAMnNnNQRpKhAzEV1Eac
ozFaZYSM+uYxvrlqC3iMXQVHIxKoYYfmDiD5gRyYDkjKcVd4i7wCxiy5cGHxc1m5FiXmKY//
AK5FKY96tsP3P2UZbK8IRnMCUERwRlfxF0/EPICWa8ty40XLC+4K874YWZpmzD6jmiYnEe8R
i8RBz8NKzZEGgwzSH4azP3ESJK+CEuXn5nqXMIRUFpa/gcJS4qt7g/KjK13uhQ/+F+nwJyx1
IAPqX2geCCVE+WjhMbiZJgmI+aywE410bMyMqv4d0xyjEMMM8SWvDDz8PzeJzOzPCP4onFNE
dxdx514mQG4t3etzcMSYgZg/JKxEjDFTaaizjcMkEKL5Ycy4gq4JnJtdIJg15KsMsI3MPcs
GXj8dpLLj9R+oucRczNqMcR3ieKX4YdwHIHhbxGH5yfBuaQm8GPCPBnCLMeZeIsw5kSoPjA
zP3oGllxlhIcTBXohYp7HUGXD3hPzHHlls+5aClYVymItdFxfjkr0cRWifRRmg+IjBMrEQcyh3
MKq5ssLv2hp+QYV/sGXbvpy3f9GogPQjC9pRNIT3PAnuTf2CWv7E2hh2mjKpPudKfmeCeCL6
iupfqUmokqaQmx8FQjSIsx4I8x5IahuRhiHD5SsTmD8kDB6gloLfeJuh7UzhFwNERAa0hLUV
GZPB4uBfDDUNFD2wK2bcEtYqcmVngztAwfBaMaoLX+OYbV0ww3AvMR3Edxl+Kw+Xw94xppna
fzEP9I/9SP8A2p/+lk/9IdmJa76gzKmnw4TSOjHYThOEeYskGC4OIYHU5n7EoGHKA7aeuKMf
rAg5Y83C4LjCtG14lgGgvGYmtaLhDqC0dS1I4xdQHIWYBMa3Vy1vVQTHqVGob5/eDERimhyY
g7ViP+MZZ/fLNfil+mgFpfrLNP8AWDdL9Ivqn7IDR+YeKe0FynVZ1mPQwJsvEBZTtKsNEOZ
U1hOM1mqP4FMIRYTQnLNfiqK+Fb9oraAZWDEUUPFymIbVMm2a6GIra/mOhjaziO6ZFmCAaVI
xLcCB3Yi2rEYcmKpkfJGDnzDziOmo68XKHVH76XpMAs+a1BwEvZCXFDqcBkzmOl+SdH5Uo4P
tH/vInr8yVSK/wC0/wD0YwrC1S2Fi5mqplkyq/UHyE4fHRFG8v410NSW2r44n5mKjQzmeZC
MeiNiXs7J5cYefNyAS5A8ReWdRzGTgxGYoZfCsOnwoqXEz3mE8yS4tx3/mFg9TDZCcy4U
W1+6lrWY04SUBrERWGGYeowVDkLtxhFZqN/CZ2R8I0YkrMyQ4YLCKA6gdTK+ocxPgTX46pr
DFnmJsbtoqUAKvwhuFojBo+YLoAZtioV98RwLUNHcaNjhl+d3pOjzDYkY/7jtziIaqw6qsT
NrTqXSBt3Gu44Q5lb7Qv9YnYZgZE09wWEOrUC6tXn0iYQOZtUNk8MwwIpfILVw9RyKqaAIWY
WqqFZCWyBqXGiOkSeKpixV6lNri4pJIG04bnFM76gpET4E0+OLLNAKw8EFiZhbGVFusGoHRq
V7UUwAsITyQqKjSofQwIQbE/iIuHKoyREDh+5S+ws5gOElADjEBhbQHLfyEy1p7eo9bkVwTz
RywFY3E38TBAQ9+iHW8kb98NTdGszpn0OI5JDOTxFRUUR+Y00h53QMrMQ06MCC5Y4IKRXEAK
FS5vLpjQCiva1OALhhuOIEXOLI7oVgvCL1KiB3sXtpUms1rMZNsocYED4ObQ9YMCaefUQRUC
qVDA7HLTe3RHfhtY2X9MuvlgcHixiljTZUVMsoHXdk3mhZdC91HF8hdCpPLBgmqBWrIk4jd

2LZR8HdeXcIECy1K1nUWGaYcCoW4h2cR8W1Pt/iosC/MqkbWZQcSubX4qXjxx0jzbM4SzMuj
SJ+aHArT/cSX1BeUojoZZIauDK1SyIrdUwSibQlqO0XBIK+pjii5a5tOcCb8RBdTJORJgCqr
LjWowyifkIMwMw+O5CBVJeNi/EApjOase2bYoTq4LvWP6QZfcLgKeHMs6fRs8PE5zm+D/qIa
0jdnchdY/XMfRMB4AxHjQN3hZzbTVwcSCJsvlOEcupL22LxAp5YCyxSN1FwKBVYzX6gFa9Fq
gx+q+JNDQmKJVGSrdKrGX48SNvqYq1X8qKRNfyRehDmMVMDEVFmJ1IltUAHC+yJDU8AajgE55
jIF4A2wu1jQuIvO6EIOJ7IbhM+oJgS0eZdK2ZevUWxTUo90Edw+O5K9sWbt4+oC2udTv/Ij6
rY3eB/MYQBcXTBSwcS/qCUZfcAs2R/geozQyOoSggZ8wPn2h7lnqlXvSvDN5ht6Rfho3ZpN
zLs0QKUGhLMviPbQUpleQ6JaaXV9UqCMStDLzpjukvnhYJs5maZC2EF94n4/wD2WsVX80AJ
AecQwFbruUQcr74gxWJbjkMcN7VZI+whSnp6+5fl+EcOpA7E3sgAigo2ZIXOaLzArDp3UAU
+kolZPE1RlpCLGIUrxYfniWVKIEgzB8d/MvnkOWtvgiC+W2UZ10n/d/1Mr4Sgx7YqD+kU1Hs
tiiGIHh5rn9S1fG62N64IEWNnh0y0wRqZjBf2T8DDS5cQb3GCElt/vOQtdQaqayuAgu8xsiB
Z1DpCXX7YCOXUdntT6Q/qDmXWOCQNu0QrxmHg6qfRS9r4lKTQzQixGckvOzPcQ2+Y0I8Riy
kuYuZSeckCg9bxq4K1VBc/1ZgbGoXrdttruXE3RPOtUw03N3jZFSQKRvkeIBOeYkGDzELAcS
BJTeNsC6j0aRqIKxiCH/AHIq1ahd6T4WRBBD4hjtit05WH1AZOi/6Jd9VxeDr/Yg2R6g/9jZy
o1ByPZKfEyumjFeI7sYtCMHvVZIAA3z4/qq+4zvf8kpbNB+Eziw4gurhmGm25YI5pP1EhXZ
Ckw1qAUHLVHMFAC6OIMzGEUxpfXFFW2JzPHmrlCe4Z9LctsWxEaENscB7i9dLadTNKajK9R
1UATQJRNgEgeG3f1Hc8hocnmxMchHiOOChfMq5AUkHleYZ2Or3vOJwCOBAH4jsW+IVftiUp7
XCnJBL5aK9v+Ixwxz/UK8i/MaWLNfuo4ZGbtqUSqEoeZT5AZ300/siU22hUHI/iKZbn5qDM
GfjbOow6mbBvwyhcZrIVW+URXoo7DoaIvOo/sRX46LiVnV0mPHSYkKjIlyh6suMNDUGANiWB
10vHMVVktnhg2hAPbL9AaPcXkDLgFyt1LGszZQRkx/oQKcjiNacBEHMYPEqAmV5mN6dMWU20
B8oRQ4qGVLzBtadkrelhGMljsr07ouUuTpctxKTXAb6P/tr+TAYFsOzzFSIJiCg6YQxBNZr3
BR9hmK68oXUIObAfeOH1z5MhZRY6lyl8XDjZ5EpleoLAX+pRlwRNIS5OgiykOuiMMoM42KY
eqtmiCV13EnXGL/Ma1gFPEq3MUafUB3ba+AoyCyzxDYMCuB8H3CrAYDAGiZdyvTY/ksMLyle
7r+Is6gnqyPTilvwISlyKqnW1t61MfJRURXLHOScEBoc78MW9ketuLLi1L6yJ5qWliML/EeB
uEJW9ykLvJ7j6uCyK5WUle3CMH1/KWAFaAiXd0v1HgNG5cnZiBLEPH1EeoGXiEuSrZXD+cdP
hlFJqWJzEzJC/Y9cxLRh0f8ACLmOVdF/3cMB4gscC2aA7hI1sNO/F5ZRsgcBfrEaOJwiweSV
8ybUtf5DO+KkUODBI9qguKALe8NBUK+amT3KIA7dKIZDkGpnCnQX7liCrsDmIVK/MzAyIwML
twdTMPIJb4ypSy6lmbHbA6lNVF37P9TMKuPNGvtol4iFvhADORT3JPbUyAE3fkf4CYHFXX/y
O7FW6MOLzHNw4FGFVcksfQ7fuCp5Jt3VxQ2QH6x/kWhwfqNsgVDicU/mKick/huq2/gILSfb
evUAQEmCqYtEVjOzUvMZLfbEQLWnxMIG1Z0zKUMHt4m4iWzqYKmc9we1Fb6RcyjMYTtUfZX7
qbDw+QC1/bELIE8F5/TKm70p6dSuh+ue/wA6jJ0aW+EKw6uYq1B53ANy8uHRCfyysXbMLG70
4fG3mmftfg2fUxwsDIYo96p4B9TcCgOY8TpgNs4yxirGBGYaN3KvYmReljzrc0vliuW3/AlnQ
NP5lBzUzPuMBUMxaQ9YtfjH3CRZTPV9Ee8lxL3f6sX5XKBjM8u3CDvQjKB+CNZCQV19wU5
P0lPrkU5SQOEDFGFF2jEaFc2OrxT+o4/BaZ3SH7iG8UfUHBeYlZlPDMTMBXaRbcQlWGD3LQ
HznEbBztlh1Vegsqr7PcL3Zbz5nBmJeyWzdRX15YzPuuQ1h3codIbSn5Q3DVZvG9CP4YAOOZ
EwYnS1+u2FQlZzs57loYVjgz6qJCBqkAcquZZAQAPMadZg5u/Du+7ma3faN/8RDulrxV7In2
MAyVxZLeYGE5I8pe+6CELMIB9bjEIL28wCp+J6nmX61pyiLMh29xCOCqGcVU2mjf1Awm2Zu7
/a/E8t2a9DyxEO3pefMoNSWGAAxwotEu5+X5TKXFGNC8MIDhEPO75IdknENwVXIj8xNlrywm
nstf12e2FStq/LEUvoNUeIXk2BQ56nIZqRu0P3mRKYrHIDRxGaVWbgbgagOWA2mUcxmctzMm
G1jMuCZb0TItvntABkrD1NDAd/UdPqVB0xWwCvZLYB0ZHI9VBfIG5tcamchJT22+puEILcr
/wBR8zN8gEdw7JYITN8Ny/GCHlcleI6QJ1Lxu84N34qa7IVQjz5I0uffTtdkeOmgas6HvxE
IEW7j1xNlpBCoBijmLbqHv200/dvzcu6hSwiDLDFVUNsIoKRQNR1B6GwZVnNfmBVM+N2eIOm
WrWOO7kx2808Vcu6PRy1Nf4aiYmUV+F/Bsg5WJgII4RyQTJxlzBTsWztC37gMaPNRn9xBUdp
zmYiLaWIWScEFTsZjuri98yONP8ABLFgyfuCKS0eCUVS+1yzBHZvxZatUxU3DwdmAUwQIOK
6MtdRWsXeI4BQ00DuafccqYJY4uXGOokOZf4Pugbt7uOLBTpDi9sIsYaZe2pLX4HuZXTWSzw
8EpWoaSOqP3OWO2sgql8q7ZVSawXzLf6/oSyd5jzUAhNQ8vFxblnXBVF/Q48zR2eH1HLBwqU
toIt/JBrly5UDSpRniKqMwLlanlAyrpOWHPzUVkXZAoRqL9qGIK63utwf2+5ZLb5iTTLI4CV
rwrAS7HE4op3hEV7JvrzGKW5plmmJ6kzcnTBqN7P6mEwb9rGWS7e7p/cV65w37m05AfNhBa
IK8F7nQMwDOxDsIFR0KA0SkjRgFdRGVAUBUd+j+ZQPrk1MMldpCir7zqEAbqL8sWy+CfsgW8
0IOIssyYRRyVkiFgbeGrX+YwTtTGY+gLuGpfUm07ruFd4ryzuE/FRW2WIUHF/wCYgO4VJyDh
cx3EQ3gCH9xJSpmrWT9ftM5Axz0Aiw0bEp5GCF1a5VV AunLibK7MmOvZAAJeBKFjYxHBvjhV
iXr8RU65gomT8OYCrUPBZf0fuBFVRvHX6iB1lpMJzZFGbcabg6D7azFQLsP4v+YAGwH1AUtK
xTMar4hHKbB+IjwAeVa/CyhlplavuL/8AbCELNqenairvXQFQVLs5PVS7wJNVAUHcOnecxWR
uY9CCE5gmRwZZXgPUxxRQEHJqH8syPYuG1nTLfbMS7zGp8/DBFiZviFNghyLX5tVD8wHYLeo
KrPrB9RgtrrL2xFRwvstRYRpIereCwHnhms77oysXWrO+EdqOcJfC8BLDm9j5/8AyXtmR2uK
+khwA85w252GCA861bHAKbosTqJA+Nf+E/ENCsyEscQlq4YqIYsSg1ijAqoqVPXMPkyr24g
NwL0cn4jX17ml6Lmw9/8uFW4YPX0qTihfdEHMQ/T/wDERJl9EFiXghKoCEy6Qcu5mUpLxi8
kPYn9DT9JCmiDeriBWNohImYXcS/JVsrpc+4US6ICO7UpumB9SvJZ/nMDiaPMJ3HTyWt+2MD
SBUsf0dQlqbV4ZkfVzGTeVKC8sye5fqVWwWx3Zo8sZ90PPra93Lk2UAM5cRSSkuvqYuyg+5
qlZ/9cM3jMyEK73yxO2114uFzZnro3CWFLtoCcvEsuK44qu7K/E2okH1lgJUKn5TgFINQDzD
XXkiJ7quC7NAyHcZxQjTcteoQUYbKBHDAcGC4ty6HBu5fGPNbv8AAasyS5mwCGPwxgH0T+Zdg
Xi4KHZI+j8/Rj+4a6stf1E7N/VlbbVFZ1WtTB+GwMogECI7NywS0fpCior6WLDReiW/3FX2
vmZX0zYO5Sk4H3EaagBM1cNV9Q/HIibu9ku3oILAyLRtZn03UaUt3MSeZtmI+MXuKnE6gZFx

mIGAg3YXD2GLm2veXo/zKIGYnIMD9XcLbVbLlJpd1jUVu+r3LDS1DvzGd6dkM3M6ym8vL6gv
NE4xzXbANTGLfld+IEFVm+Rbf3GFMqXGruIBFiXVF5p9TINneTNfqGDhVyFpPJaLIUNNiou
N2IhCQLSpKiBtXg+o+igZpaB6AQQ8KGM7zL4VK4j2RppBaY1qXjAGAbcgMdVulf1EuqbfNwx
4GohA8M4sDu4NuGwnNMqm2fwV+v417Nqr1hafwfqXarIGfUddrksT65nZK1roriLIL/JI0N0
5xKLzMz0pcoZu8FxFsvolgmsSh3UbcuYwWYCaDq4APXxg7jzH4b2b6s6jNVYPCPRoGLZ4y47e
R19QheIHlGfUpCMIcOpeJgLtLen+YGm2CMoxR9yztAsTpSvkOY6r8kNBCnBodL99MCqxoIL6
uKsIrBQ5HyQWgP4ShcNlebmxHqWNkVTuwvtuFhgjo4PsUxQEIODSMsMTes6lmo+GiVpK36G
JiYPdDZe1jGmhCtvRMVBajbhJgE7fwR/1iKeEz50UR2Jhk58QAKGhTFgg8b117XLJrWv8Tc
QfAMj+YbxZocFg/Nv3Ku6vHEA6dAp4jVZCgzX9wbQWyc1mAm7uGkGGfUN/iBpFaKsSMOXX1L
dHiyUg5lonAQkSvIOCFQuhM9xVtzcoK4vyR0JQZgxAcw4RcfN7PxCo3ZpTJ9f7ADB+gJm/uU
VgdOQdRTRS2wnDFYsqnCH9quUDpW5yO+2L/iY5YAvyxHhWqxr2uFeoKYG5kBQfceLMLLeRIPu
YCgFcaZ/cpEtbGMu4IPTLLxkyQFpoy+JbQ388APsqMOBleckvBomUCsKi81qJWPL6ljD+YGP
0EtMMI4MIHza/UywZl0sAshljb9ysHun6J1ZAJvGwfxAgbLbLDqwnWYWrZ/UfxKdMvArkU/U
ySmgiVuoxj/oIwTiHEVil1CCYXZL8JbVW4hg5SN5Uf8AGYJ5Wpm4a9qZxBLGjQd07hUUMLI
lZnROiVY1No9HKmmYqNyrEblRdrEINw2ZmIyulV7lFe/MdCvsktX0DMAqoNL/jUpYNVojTw3
MDXf0I8Q9jVFuhgv7YgNbU11zHdVQJFpjh7IAn7ua8jG69AKrlfzF+ov4v8Acu0wozhzUsDp
3qXgssPFxMpWsXhndDg7IRYmPNJf9TSvprx1BS7MUEYyTEeJU12EjMn9QQCjAOI+w/c7Zps/
cJgLRcE8lp/RKW7h5nE9EX8aGVCumVdq+WFrRcj/AlipGe5xAaaUyqhtYzZLzFAt4WUSsrDX
qEsqCdAp/YSogQLmSs/fTA8u37Zs2NYj4FW6UCKYr5hDVskWL1jZuOfJlYqYWu5+ImHUpo5g
hQvilyfxLuiclcVDEDWpq23bLxWJZdGNjRR81k7hCABYhbR6xNL2s9rDVEDrdWNHyY8dawrl
P6IALdY019RzsQ8HPUSbbXt8Sk4nBzUWeczrXEDcT6paoUA2SX2U1nB4WIFoYHFPTCQLb2mw
RbwU1aV/ioEQFzpgPmQ4PEavIM0NoB9yrpIIEQDdANVECpLpMxBW8PUVO1ZPuKxHhEitTKS
qXU31wz/ANTFGnRUVle/kfSh/cuDeBGUtoyUC4RXG8UjyZU7OJ7iohBr3UChxiYswVINQ4MC
/mFVtQsq+GvcJUFTskBIMpvFwXndJkO5hM93TGZx0A4qUJ1kzSLUSsv5ltdHZEJl4JcTJbMm
OHIA5nfZLr/fxOYUB7xLjYPMqHYagAhVe3/A/cfb1u2V5Xy8HmB47Tl3K8u1/wAh8ziznjEo
pcq4+oRR1544MWw4qJiHqzCEEKNKd16gEGUqhgX3GWEZwVf7iBsjd21q5gAbR2t/p/mHh2XL
TUF6zucKf7I6oZ65XV+pXTrja6jtYXvmW17PqKxNnxAsVy1DFjQRcK/MJMVEcrDKXQewsjQc
y171PCWUGhdD7l3+gAoMB5ivgdCdtV6zEzB5ZeaiKXo9twrlqF/crbXrsgNV6CMLNMfENKk0
QZDajdwmQO2Y+F/c3TqYftMo7fqDhxE2nEB6lqEARreaRw6y9D9luMhoWHCrjwRAzAh+5cmf
QqzKCB6FDQWcDcNCXPHS1wOCEOZRRomYUpzqEiA+mOGWbXAYwNcnrZLN91Lpoi7uGlaLfQ/
4jpFcdjJBW7X1yTD8xDhS+8D+N/U2BQOE0nCFU3P5jLVj1L+ylTyGIgx1vSM9WAEMjaO8+rq
BiVXfikWXrpEJLXMxAgC4QeJZsbsgKUuPS114R+4Rtiv5T+aMQIIUAbQjtdQo3XbWwidbKah
DAGMpx0IV00Yok+CDXJwOpb0teY78BLFCHM0CwkhWdS8pLmoS2zRMmT7i1wR7g+jh9CL6lgr
SAHx1ArNKDYTD0XfqOxek5Hb73HIWEEdyfuBeBRq0/bR9wkFmOVlh4eP5haDLbFMhhaA3Uzsp
29RECIWORMMYHZ7JXfg+4kXjU+yXvFTmHux2qllNRfctLATICwPhbTBcjNajv2/4sSwjm2ia
ZXF82qVvnmNQ02XfuM7A22BMz7EKVzLHwCgiC7sqUjsUfTGexDCU2DJK8zSzaGhZhhmYat0M
/uUAcBm7qo7YwhpG42Co8up/2DMIBq48PMEysb6YS3b8cM6o59Qhq3bK+21ECGifuKqo4iEN
qqZs4VKVEaK2lh6lCOoBicL8ad/Ck1ANrQ75/UNIAAwsyP0eiCAX2c8h/kXVW4i3HvxFXNSO
QIHwsUqzOs8sWwlfXU8DGoaRf0xBUFIDnpPTGsPceYybluEPVnPCR0KtDuvZxBKDSnt/qCGB
6ucEznkKfxAXyMzYjL0ry/MtzkxGGkUUKBhO/FxxnFIQK4inkNTUINIhFZWzgmSU1bZvjUr6
XTfwMYcK5cYEYwgn6izT8g7JnwYN+Q4m8Q7c710BifarP0wQRSqjOREUyXcvewVeLgfofpII
nPKOfUxKSucGz9QxukV+2AktIRerfPMVSG3GJhzzqC4e7sy46FoQ0/UfL1aqEX3KdzdcLKgg
qJkqVwcFw4mrqqUyuyWLGj8cvhlihXswc7NMNFKguwrcJjztS4eRzAqAFluGmPvDbJhgZUEL
mmC1qiDXEQHUCtkoYI2+Q6fxDQ2TxKkSTLGpmIHAA+1EK7VHEHOQ+hw/pmj6lnpRl+c0J3Re
SjD9kYAzUPcoRnUBdUddzKUsEWkpVYw7mvBWncFspBqA+4VYwWNDOAgBzNpNYHeGN7Ct4Ply
326Uz+8RqWHIhfpGXcOtA+cDb6lprLBRigW2neKjJMAZVNAQsdFnro6gChrvqcx6ur6p/iE
tnzw9wZFR5y+PUeL7DKn9M4wjEzR7ij1d9iWgTwiAWVtRiGHi2HiWgAdcsMXLFqGzSoFUGqL
HW8jKJkYg6EDTNHdXBrac1/K0Qf1cM6s0+GHIDzmE3YfqYh5svUOt0HVdDDvM4GXYIsT7r7I
3FsPuHI5nNuTzUE0blo+gQrar7CXq5XhdSvKLkeuGYC9L2/8jQXnEoY6eRC81ccEvQREmcmZ
op8R5guEciRYgOV2F/u5RHmcINUvEZspoRiEJAC+iahCzKnK+oxdSB4y8pmfBRMY4DmVIg0H
mAn5oxjxMgIR7oikYqCUQ33CFQgdHWJRSOBFr8kFmnIbC2/3E7S3K24oAymYkxAlI1YdeYL5
GfDqJI+ioCoq4TcWcy5SOoltOT8SrS6jK9sUcV7RBFdJ/eQRA5oafxHSPnO2EFtcPULf5iwD
cxBDp3DdyUsUh511fKw0zEZt33zKg9cEHfB8mYIFRvVzBfDCxDIqy8ReY0/1AXrZezg/MGg
qjnM9tXz5jQ9FOCNA4oncz9Dk/mV9w3i4T7Lmmp8N0HtYSHQg2/RFgUNV5h22gW3jL3AHLwe
IAhllkuMeHN9LimUJQvOv0wGd3Jk+5jBi5EPaOb2DYn0x1X3KCyEDuRPFdMalHjC2d2j12gt
Gn1Caq2w8XHEyD2jCCVheJs62jJi6A8o/wBRfmg20yiqtlDsQwC6L2lwaKA3yy60TlaYHUNi
vEx5jA8fLb6lgyobgptldTWjYFNK3CX21ezM1IUXTUfFg0Jwdh3HvmTCDY3KBqYNZlY+cbt3
ESN7mMhwRpnWHOSoQxbyQihqLgDUcK0tZfpgxwcQI+QW7eZh43EVfiFuQvontFiSvUoDjQ2e
DvuZDY8jGjrmvaiqSLNOGVInbQgtAyerZUbYHS0HATHIKKb5D6qP8Te6Yqwqub/84IggHX/U
HwcCoe5xGn3EoXGXJqEPVA VYV1vVaiKHUyEli8ckxmZ12TcHALEpDDIK7j07ItN/+xECfiJ
VRyeJew2s/F4Po1FelkeTZ4RuFivkr/ErDSyEPBqwfKgalVCagYa3kRlpo8sJN09QVG77YZI
KsS9kFgBnnLI/ENE6uM+4C0t6gRM9lFvns0TeywXa4RdpdmSXRA6HhyRhw5pXcaxsS6fxCs
ckK23uv3Gsd3UFpgoQvLsiepmJG5dEMNQYjHjZtdBmaOYXzoig5tb5jHORSgO1Yj6lAfA5/S

CBY5AvGbcK16W5TV+PuPFUVlruO0sk5xEfKvO0zG73AceP3BaIqnB3Mi4VJQekPRfwLuQJ/z
05PuBnT5TP8AarI8bq6UrUP1AOGUB+bqj6R0VfBFLF28RN3GAwY0dQ+yJU+awq/REm48Vv7T
eAy+cnMd30vplsKuGJafKW/9IP8AA+zbe6mQCsf1iaOI3cZhYIk06EANawcSiFPWUCr1lr9w
huQFtP2VBqUA8wQP4CHE9iqC3Y9DuC6tecf5jd0l/MdITtjdc/XwCKtWvsxL41kvHIMIEXW
ZfUoG5IFdWa8k84QlrDcrBLH2o81tCHBDU/roc5gq/EfqWIAbeYbKNh15O/EoeqjArgPMuSm
Uve7fW2CpVkaA65rnxL042/guOEhy0gH7CLhIDWwNqI9k4iLzCLtN9V/1FTAUHB34g7wLdxwf
ZmLYEal3xDzHjABQDjr1KoLqvSTFfuYIzuxb7IwkWuZd+HcNH8QoMzboeWO75zwQMVJq+pQF
gV4wlUSIUQMIp9Xa5cMA77zqxirYFvfAB3Ew/Uwdl/Vig0B5SsSPeExLZ5L/MvDn/rUvwDs
H8zOebD2McKLVgYSczVkljw7KH3Hca8IvxMjVUzJDU8GNVHp4lBOfwM/3AFvSjZHcbjt5jUC
078Jf9wApaHhjsolLRHJUoHuAqrgxUOSLEJQysddtJ6MEJCN0L4i/BF6DfYHv+oEylTCW451
TMJxtqrz4eDqUFCYA3U3ynbOjkE2eGGjOqoeQHibGZawOYW8A+2DVedC9hLb6ufRX0rHctjI
L2f+YCskeccTBYwL75cnDIZmDFx9xy5BspyRJWBzuoMLshAqsz2jqXYXVV1Dri3gVOZcZ9hA
8wsESkjq/fvn6hKgA9Byg8u97gZwZui4JSQxZTm40cGXIMjxb+oRZkYvvCMICTGgNeEcYPuL
KngIeAfqGrVACubIVBQMXUEAj8otnvYQW/TLAJSiN9IVPqCyosE9mT8n/IW+X3qZkWPQ+ING
RTjkZeSwW+pVdlie5SnbUrfMrzMrWQCnDMLuaCN+Xf6mjjDXeIEpCOBFVDIUjXLysQAtv7fw
Q08KCpTHRRy1+zs5laaFhWuQc/UWqGGm69waJSyqOgZEHUICV/Sv6gpHmZYpzuGVYmwTi4Ga
g8juVxi0mmeZQZtycX1EIDdA5emE7sFI7ssrpaNlmSW6XSYT9xYSmFMBERiuznl/1KM64jaP
FeOz93P1Sf2H2XHTpqK1CfRiO4EYVAtF+yY+AseeT+YpUx/AYJZjHMAColeLmpb2kes4WI2
cFhFbpgaW8olkaE8hwRRko4zCmhG2+pydSsvCFRYkeyF1iHMI6YpNBpLPZGxTBAHV9Xn8Q4x
QeJSLsRqsokTKFrq5SGlmFXRuGYeth23HYIReczNF7I1iDaqrawHJURMhs/SjBaEl9TDZeo
2G3hBPvcOXtdCidluZYZlax8NwY3KzGfwATwMz9yi6slw4q5hoViCIF/UUpLvtz2fxOUGis
2Tg5VGR7Elm4JfMPh5gFZ/aIK7XdFowFzRRwXnMd0MwRINFP6xM01zDmUG0V34K4IKxIw5ea
4hraJE4heyiOgVal1QNsc8RM2VzGr8/vJcBzUTVgUHMAFFbhDRzEpbujBcnMCGcwJ4epQIOm
JekFYmVfJLnCIHSyPA7gHWqjPOJV4jCk45mHgj+oZI3fJfBHTCLRjdrKXiaTmEUwmx7luYLA
NMDB07DliUvflYhstO5pxTTq2TsMXYvFdxKZiGci6jMINqo/FAodopqjYutt6jLAHxLzM7S
qCkMrW5d9I2zcUP0zhoN3yy6aBor4+3MeuW5EK3+LNuoHusv2VAtn1qAxacxx4UjTjAvLM
GwgKoAO5Oy7gcQDUAWARnaajwGwCjnvL6eQafqB2CAboy/cBaqVasoPWYtORiCS4lpvUCqNT
BcE+gi7BazB6T7dqODRICjWpRCOLupVhuGovWpUe6rVYW+sRYrFbAKlvrba7zbiFzvia9ygT
Iy8SuZe6itMwWDCwmg9tT2TNMS71AJTW28mFwfv+IM3bZmacMQhUJoiwmYIIBaZiGcQI2DjX
q73/AFLOqhtUrkM2qwr+ZblhvuKZ6wG3klquz8Gn+oMg2Js5KhfAs9hGjj5WYQb7ixdx3UTj
rG+gckNDdotCbDQpmrRZ8oHp/rH1EVM5j9LunC4lfn9StvZLQf6yxSyqmCuMSPtn1LwKoV4u
AssMbbmV3cSw1OxKv7qMCLwzXuZS34IugZtVKtdrPeoLhA+Q9RbbVBqzxCipbMGv5i1q5Ptg
UkKR5JbLIWcJxMmLoyLWGPgIbgKqgeIVCGIHTNMMy/wBhT3xNDO5Cv/7sAA9SonQyL4mqNvEs
wkTDFqIbdzG2mdG3FhSxEyYooS9Cw/UxFLhgXVtvIwUe4pCXy5gYa5LYttb7Q1poQu6TmW3b
ZSkt5wqktYwKuUnA7pgigjWYCs/1UYod1b2OpRGoKRdyiCysO6re2osejcofyEKx3zFpcfAa
fsX+pRsRvhRP6iZAQIS5kdAPxzK7Kp/TH0imcTHjqbm38wialeFI/qJTB2GJQm7qGEVHLXEN
IwNxBG1qgE1n62YvTgG14Jhuts/33DIarVQkV8LiDL4JWJhuG3qhutR5foagq1ZMBZkgJ4Ozn
YNpO8+yiMpKfYEOoCqm72qMOURGIEYh5/jsSiCK2piiXWpgXGYFFGvg3IREWP8AJEUD+RFy
LmS8wCNi8AU9yWbxeZUiIdkBByoILhq6mqnU4gLV7hRaagRq5BZFoVUBD4mqY9bqjviI2Cp
ljiwvcEntTRUD5sfqDSzJVmv6pVbY6xe5wHFvyYISpleofNz0ITszQPT/iLtsJUoWZhNAw
1KIK6amCuphQkDjhmKFKWnH1wQAwAL1EjBmaOJayqmJbGxnJL8oxhXWLBtjKopTeUeJ/BhRC
SlA6mI8WxLWYr2RUzMQjGSMmI6QgHPzwGuGBRbzUMuBpyP1EDWkHes1I1/TLLtWfUuDAXN
s8S6h4Up0E114ti7zJvkGyZEDswQwCvOFD+2UWKqv8JfMMfgukbXxSw+muBds15plz+UuuWG
5yzaPVxAdk1XDVSohbKmedr3ttB+2IFsSn2RSqpWyEsxvkqVuhKtXiUAIEGRuKHL5lkq1orp
eXzCgvRmK0x+LHrmUHuDILaPATGmU3N8TGidXEO7SuQcG9zWPV1FT8x0cyypMLmKHcefer3
3GYv4LGJaTWTomjv5Lbwl48fmKMowtcyl1hjsPiEUUtoNS4S0wqMLFXvIFiHkixRFI2BV9IV
HBz0qm5E6lryacf1CljCQX0C/sgC2mtLYv8AENq0MPOu2kFRaK0+G4p+G4stNkWWZRmC7D6g
ojXTkWWM1Xc9DLRcrvVB/cAHBr0tn6YwiNtVd21MUf3b2eCJ3V+2onn3C9jFETcu+HUOCIHw
JrTsSjcCxc0fSf5EYnygQZR9xwYMR5RDeNE3BpTilzEHMH2Q10zb1mUqMXjzMQxw8Y1xK33L
y17hrCOh8AZqC1gtn2wTUsorsulxE1XVP7hfTdsCwigR0gWBACmCDTH9E1PFQ6OZIaklQG+k
cBp3SOhd6wstmFOjdHa/mV8YdeNDK1jUvHMd5exhVv7P4g0E7hDHoTmGmbiPZGfEvFGWKspF
EwBvM3LioGjRv4CFwH/aIQvjCDywuAd8Qf4gJfFn8PERvRTsCFoxEFKWHsy3BFuCGjSQ8L9x
Xm2Hpg/iVKpIRFjqOdxUgJx5lj2Qz00Jc1BTR4kFPEGa7Zb52pb1bgCp7qcKQgltQ1BWUfsl
RCJYu8e4gmAqz+JugpdncvUJo0KhvdStnVCNIELvb65EwnFQKFj7lqeQqJ160m6hrwZC6YDu
hk0BuvxLLW/mMBvM4Li2wjDOw/OpgZotad/TNQ/9IOYqaYhxe1MA+YDM2zyS4CujXkp3jJ9R
CKU1qo1wr/Ah9qzWSDH9kDsqsZb7XL41KyLDn8rEujRrxALax/qC1QTNzmW2nREuYMPjaU9s
TmgCdTPGperIUyvidsolLtiAhSaTMPHs16mX0hpeUNE0adCCNQKrcUTdTGs4mNNIH7YyJ+2
CVKYtlFwL7Rs1Ev0VAhYvMLIG2Zh2IHS2pl5E1tw/ggkAIy4vioE880bYlBVsAJMBmAtwuG
vMoOY4Z2tauKhN9Vf7OyNDwGVWJ3HQInLRHpcX4mfKWVv6eSNIDCzJ+4NQmrEHbygwbgzC/a
vSxLE1+09FaHiEkCjZr6lwmbeEoZi0/vFxKFFebmuMxg1L/GudQamJQ5baP3LGqhAYmeoAY1
TaWdRYQtDMAZnCXFmZrpiv0mX1hFRuMN3Gqr1BdFy1moJlsVhTGgsobR+ghgKgg3zMGJblHv
TMWGLKaDac2wmr1PCG2XqUF3BUuZDoWNlqKeSGEAUzqYbBSgg1Le1DmeZcDfE0wxrcwUt0dg
8JMkgo+frt4bmbxuwae07i2phsKVVXYwP4xXZ0+I6y7sx7DdeGZwlAz3CXP2YqVNR56o1KAI

LdbbuoJcGxMin5YnrZ01Uze5goy2RhXfZGOIqaSQFMFMmJS1HgICrgTqEwzhfWIHCJmCInJc
OIO4hOLLwurlS5hu/mXbJuJyBhl5qti4BLuMhqGlleCM4I7cS8v2XAAALcNwyX8hOMCq2pWDT
xHyDe43asNQBZHqKGIZK7cHBNaeBzMW9d4bMfWJ9zR1UfxO4GKdVqIVRY7DdQHvZinligj8
Iu3xBeMhgPvn7l/+S64XTTshiLii/cxnsNpP8lhG0uleGOy049sEdu5bq4L6krtUxLGgOcJ
6MaQ8EVh9TFifAPvqaQilgV4fgJgmoxoFeIXTaSdqmDiLUQwau5Z5TDKmAqGxLl0jAgv0TJw
0pHI4ZYORN4XeJTC9rKyv2lwkAPBUQiZ9wJI9QQQvRg/mspzRv8ApAFqnVSkdSrcVvQahQBb
4hVwtnhGUaVneJl5dQ9RKLlJwnJ+IKak0yniX5AOK74qCvRF+6g2sXSAQ0wRgMwIwhp6rxUd
hoV9aIg/JDA3Uob37ipbWWW6Xg+iBIjt9pSV53RmUhf8r+oYbZnNfuLDwt+xhoD0Ddu5vcqo
hOqPmJYnZU0nZetLHOImYZYMKumbiGobTn3MzHSO5pDS8RUiZT9QAArgdovSRFCF1MAOeidO9
sJaPEtIfuXUqHA/ywckoDoLzlCFM6gLDRNX73yZVkBOP5mxl9q8y4mc4jd0yth8XDIRKU
sqIcARzWrl/c3PsiWJslkvwxgfiHtC/zHIDfEby1/JhYHO49Vlv+YLx/YELuQfc1VOZfOKU
Abh0BI7/AAXxAqKObA2J9JGnUTE0x8iVNIT4lriCxiJEqVzwwEgCWLMIpovEAmre4tiEv1Ah
EjSLLRgfcUwljKpPUppB2/AFQWrlZgEL6iFTIEESOIgdvMtcyyA28wglWYikmqXjiCPIsJl
QKzOcr1i8wFscN/if+6wjNtCMEp1MxqkX4lSghfSAA9nctyAOJYC84mEIDP1BCaC3GRyZar
JhvcLaS/CXhyncKIDxO9X8w0ojC3mOPUorMSJZAeQWzwwASHZr4GiViG9zdHtHeEdTeZc4n5
iyLV0G/yVMjCW6qE19mUIH8QgoPqEFkMAVBGMGEWpt6IWhao8zBipTvESmoovMAL0VHuIZFx
a2i0IyWsieo4zdTrcVazDcTxbjqKI4/JKXy1X1iGsDUpaCxeKVfUa0uselTUbTu5SeEj+44T
iLGMPxCZLiOQIN8ypRPqcShdU/oBEq3UXiEIEepfEZWI6lyHbDjwYgGtYzyRriO4xErDp+Ko
MG25klh9qLgCUP3MmhQo4mEA3GxZVUEUYOMyuzCEGCSaioqjxDSxnM6mdEPdcn0TWESebP8A
UavQp6cRhJwQ2Dx8ESbKt4hCJAMnPMv6mnpYqGDMCDW4wIfOWH3FBEBofMZU0TkKh2RjCiq+
JIJAKHP6YI0dheMLAtYUhrTUcw0pBsSmv3GwCUMXUk8RgNES8RER4niJsmgRUaa0zb4JOWW
qbRWOqmBirLAA1uB8qX4NDsiZ3BuMewQxOaJ1OPcwbTjWdFqxixf1maZwy2f2+pRlzbfgwd
4oge8zAb/CBKzcNvJhixxZoj1z5sqOGG7N+EFQppZr1NzML+EoiEZMZZlwtWF6eJZ2coNojT
G3ZzEWjUEJYN6xuWA1OfdP2JQt3GGwyxFSr1K64X+pcYuxf2yZdURN4pJep0gtt3PqO5z8Ij
j4VcW/EG9T6CS8ncWK9SxMyeSC70wqI9TPUNcS7YhIYhUahIDIn9TGmFB8subyIFAKkUysdS
VTKq1JHvZm8XWJexKwLcVpicbLL8puAcMFvBBTTKpOrn5Mqkj6yiedWEWOYYZsXMSjBv9isQ
bKkriW5lqWFKIjLiZrVpAvWLFsFyIylc1fMKXgHECjLYaE2+paK53tjDDGIgUjiltw9QI0zP
MctztHO9R14lWQVMTUyY13ixGAEHSgx4Y6YIPFzNjgmQhDfwAloL/KXOZ6NzPBdt5h7anmD
5SnplsA11EwO0Tgyx71LQSF4eI4gYh5H+yKFCF4wJFIHCIIsQ+FXUwkOzmsxkbCKmDXwpUM
IaR/cwljH5mwYQioYoh2aX6L/uC2qVArOCOoij8xLoo7myHpFLGk0+47op2RjnWdxlhl9Yg
Oul1HAu+TmYtILiamtRLIXEDMk6fjgiV5Q7pkiAe5jtALYKRslpmW7S0WRv1FCJkivMwQpK
048k24IFsAETMA5eo4hhHxWwbuiEDUBFPheH/CQvf6AHVoul4FzM8x0/LiK/ZSxo0iAZLMNZ
yf0w6gjXqPal5iNPxGcrbt7czPzEYV31AumLianMMEYg6Y2JIp6uVCdu0yAJ05hA+USAzkv4
gKhuGGuXkoiTYqT7F5kWS+CrY6hgqx1HdfDHUY/BXR6uLTFeJwh+IMglxkNpMaeJmTmUpH7
YgzIzv1FNNGbogkjkX4XbDcFi5VMV1/NRQ4IBMTCgKBNjDaaHp8JHKnQGnkJoJwxcwRoDoqIj
R4XqVKmUFuCdvtAaxq6lepEXGrK/MQJRPJTHsNbjEHt1BH2eRXzLzLEXyhlxMivRzEQCaavt
Ab7Vqvw9TDMD+U2AfcIkFBcJjtiZRMyyZQxmFWKIjcDheIA8DmMdfChapGvmWM9R3HmTTMFO
b6mS6CAJhLqUiEGDOEKzrC+0o/uEl6902/MuwBYvcQpTGeBZWORaGXCgmmuX9RxlYxUMAUl
7y0m+T/EzWgWcdy6fFruZavekanVHiUFcrtWMwiEdsRexCz1C3UAtoYxAVJvDQt+9zY5MPqU
hCMdVqto9xag1nxcSsoWx7ilSruswXMOmiZPAax0LW1KXr4GA+CtBMoy+JzSMtRWKLPniaEI
VXbuF4gBLJtmMOOIVhKtiXNsp5SgCMIJzEOI0XmUKoOJmEppLhEQalJqI055jqLpMngq21z
NRTJxcYGhtomlY5yWLywgDa6hnMTc1L+MH1D1TAYmYVMvtMmkF5DkOfUAbxim47Du/hS1Aj0
HUSw3MMZZliLbPj2S8aYzeZSnI2e+JUSrsajzQWOI7/RR3PP4/BCJ6Vq+pft0SMAtbQdoCwm
CniKjROLjtUeFwtUrK8pfw8XE/oQTYUnELc01EsVWlxEYxW7lhytkWywgxHdMajVNMXFx00
HmG/fKPTBW5ZxIK+CMWAFzMohHt9m3MSqQLqPjMnHrxmVcdVUrvD7jgN9DEtdBCrm0C5VxEP
mVjwJbWIOLa8J3Aq6xeHE7tvxUSmUWuE4qV1BhD4c7/NCvARs0P9lxTA8PHiOGMNP+4lVaZD
1EXKLxLW4E9WKI0OSCFpS0U2GKwL4fMSL0XheYAdJWKNkd9QPgRkC8EGi0m+4aUOR0wCpouW
UUHEsrGZ2ybXxElmGDxHoMsXttvWm25ZpCworfTsuVD3DNvE4Hcor1RLqeIL+ClggwkADHNkw
9JruIgLyiIsY3JpWR7IOsFd1L9iqwDLCICYnQE82L6GcQDxFtGtwzPdMY4mJFTHAtH6LPsJd
QtKM1YPPsgX8nBnMCzr7AhT3TT+4CJxjigi5qWA6cMuIJU4F4/mEkmQX8MvTsMRWW1sfqPU2
gfZ/iNX5bUACMtmT8R1knKWXwzzREtjEIAFYqKkuxQiVR5IBtjZmP3WiHMhqC3OADFYykecc
zf8ALPNG0LewTkMu/FOIrvD9qW+2WfAxUpEeMyIB2xEBYFEKkfdxduaqvZEYOFdR3jk/cLC1
PeYXnH9//ACVgDKoQzNETqEPwTxfYeoqhsL9ObhoPMJfFVptiX1C1+ZyOT8OZVK6lSjXjQ48
Ootf5i6fMKig1704hFyUjKawD6H/AGAToRobIn54GyKS5bn7JkeqlwwBZ9FD0w2qRx5jMSEY
zFGyY8ZrEaobiqqEpw6CCsxrM8vM1YQwXeKYJaIN+owO1KBINLihQXMzDMJ3uBuWWSuQx2sD
OYVvkPFKLQJLYrluXkA3QyxVojAtHV2H+wFLBzBKsol8oLnyq1SVEEvJwfmOGq9oe36cQ6e
WccsPxMoWrmX3aSYV7lyv8lyzF3OHPkx9ofRwLwFUFbIE/cpXE/xR0DnUACiC/YFY8MttYle
EgFTKywah3B1MWSAYm/WF4mEaYAqbQj5hdE8oPkfctbxLGGU1YK5VsXdwxitw5r4mE7VmH6j
gjGFsH0xEQMpwMothVhdZmYgAuPLAUGmL7uEhYOfHwbbUwUEcFv2yrct5ncgRJBtm/0COsJT
LY1Pm7nUmDe9XUVKgnogWIlul1PD+4WtMQvm5sWI7eL+/mLJmNoLvPHCsNBxKmUVkvk7lRT
UZgOYJTgD7Mf1PxQ3dy6wlo4ilCngRV77nIzxsxEhWzqcxL8rMb+o8sHMUV9wMS7ckZsJj1C
f+/uCBMCDADGSURBg5iNH9RiWQtSvVsAF3Y7Qt1cXZheoZYTqy9GEWLoWEdyCG5kZjCjGLP
MOZnHjc5Thmc1CfQX8H7jEHLKQ8RfbbE4mMVshVVY8w5Wkv3w/UcsSyVTKGOHJTElqLWalAi

ulgQHWJerP8Ao5IKVMVm0owCif8AY28P1Apaq34hqCvcThRI1bgXZNS6iyzaZDMB4Lna3Hi
DLmP1X9TLeYtBtKwuVNpWsx70x3ch28r/koxcw+MP6gWFErVkJ7jcyylw6tW13SXmh8RcG5X
m5QRUpeszLjWLMa6ATzu/1NYui4yogrSkFtjFtX4w5hooKMRGg6NoTeMk2qilExeWC8G0uQ
V3eyOVsYrhALe43lNSws+IszylooQxFjuc5GoHZE6gKQBSRQNiXRQHILKKAmpcLlXtLss1H
qQc9smSlrMK8saCmK0tmXlIMO1iC80x+2b6fvEHFRdsBkLTtjodmVBsD9wal/CEeaECwoXKU
CK2zmmMK9TJYKZbGMEyrOzUs6fmIVDa3GochsOk5Is4GVaeyC1HdU+CXu7fcIckQmSGihEwo
HCy47AXoqDsDOEKmR1ij4uEVYcylnGg2licTjOg6MUGiQOXGnzAABxF0hTACOCpu+CwzIZ
kxwx2fUVGX9YuhFhGeaUE5kXMqmVLwsl/iVacsKVjuH2i+pgC1a6islrLc02/hBttcuu5ceY
li4UBvOpZFYIDL25YqWYAXxAXpgpdVcuwpB2HafcUBbOfD8IELZq4ge0bXU0qH4YLgj8k6Mu
4jZVcQN6XCUyxajRV+54+ZURpyDM5DLDCZcR7JZwsqUw0wHTKs402S/Kr4hSy+SVxyTZ8dPg
b/eZeOyYCe4JKWvMNRauOUxRQIS7/Sy/xFDfGvm36xKIAynXfwyK6lAEJ8xZ+IOYQZIGaJSD
VXMdEamF+BQMVNPEWaq61+Q8SgAEUX+GN7hz3BKqZSzuAaXMqcgBoP7hsqcqUk3S1lMmjtIV
hF9MXFrOYpR1CqOuYukaNRRFw3dyilhs7jsr+Y3QuG3epsM/wXQZQF51QXFW4FHlPqcFtQpI
FywI8zSn/wC9/qCGqUshx9xCS4D4MQ+J5GZxu+ZYvuFQdT7gxR5LldiCeKRzK+opBRKnMBQk
BK3iWlkaM1HFEN1ZjMLbHR+OG4hPTIQkI5we4nVa7mGFpmObYaYDI+5bM8v3LmCQIP0V9GZv
008ITQviWOpYhluuJsM5fU3RZiiwSzyJkXTFYmo7zyhodE3C4qX8CWxTjQzqg19xZibezgPq
BAEjRlr0RLmfsQefpLO4Z/D3ufQRDe5WZcMUG5lZHaBcdJTEaB5BLUtsLojF4ZirF5RDn9
S5qxfUHOwD7I1TbLybYw6nMbm5xBpnbNwn0TEGHAM306FQ3GPbv45yhQDIsZmG2mKquo8sW
YsTT4BQEWHZgMOKjV+BUSOALVo04/OAQ5ePQihhzPR/2a+MkO4Ab2sxnQX+4sMoioCZU1fwA
upl+AxDiAaY60KeDmY+YxaxunxB3OWawhp/ZL191qJh5yRhtLmTVZhryBv8AGv1LbmZ8asNI
qG2/5iotiOqIH9Yqb5Yg1MExfMVuNmCoJUSioTxNmG48PqxqEFpLg8JcFtTKGGG8ei0N63M2Az
cqY/mMt2Yr/cUlojKG+yLyJX+yhHQCND4wrLeJRG2qMIgyRO4lZfiytxhzUezwJcAmg/Yhki
DtF5YQDZRXPvxIj03ucjFdwfMwhBB96YCAFoV3K4+wH9RHWDyUQuxDml+2aYr5XM4M5QgPcr
cSxKyHWJXMiN5e5WopoML6YgnSUx5YMWJvMkQIVN0S/zsNoNxI8wnN3G2yJVanjPxEccpYzk
Iu2+4L7jCfLkFz/5NW8QayGsR+PPZit5cyxiMxORj387YAbsUjsVBWepoLFSrS2fqG5vSomJ
FvET1mYzqaB/BbB4sfR+IKHpCdUswzEw3NRXdb9IRxAwKlyqpefArnOqXKItruqZuxcygm8d
QUpU0pXuLcGhlxFQbqpyuSuh2+JicCucWsfgyyN1iVhoj9Eut6jygW33G2phiL9EELncBLd
RF5cyyOio25Rt8ULAB0Q/IxX9kDCxZUB9ADGcxFDlnUQ9RWm5fzmLszwq1YpWYCRcG8v8A
Y2Cc5qV3KnPxVS4hAqGw/Bt0WXbmDPMIOaGxiZAZtgcA5bgwqRf3ixGd6gFAzKd+AynFdN4i
61RhOdjqL0h4iwMPRBVF8hxLjGiOhuj6smiK15sp1H85QJcaB1Kk8fEtLzExiYhbq4S/UUfu
Zl/ssYtqxM9S1ytXiZ4xeIzldfFe8QFSOJevErS2VtzyR5iywOU7EBD2Bn0maJRDajNZBCs/
N8rW2b4srmleWDiOow/BFULVe110RppSG8zghlAMseuF5wuPfnm8kMrNxmvmv88Q4E+IT9xoj
yepfZXba8wAFKZMS3Yb0YP7mDgZhmSVHwXMoDiaOPUyHvqp+WeleWOT8Vun4n5pqt/cB23A6
m/E34m+VRwzJPLK2UJmOhn4QdwrzDzJlyRe0IEHl+Ch8ghqL3Evcyi5ZFFi/JFc5sPWErBjC
jklEuNWxBAtiFDvgPzEOq1xwgdQg+WedREaRGDUUpQWvmWCJx9xj7HZ5nCMVs/aC5jhK+FEPB
LvcwnkS6P1PziVmK2gTbEKtMxEbxtEMPMzspXJWo0Ie4tRO5fDzg4MiRtDriZVEJHePgOYS
5VciNnmLn4M/a+C6FmBOWX6jWEYG2M+ohrwZQdqHBKMiP6iEoFsbXTxw17mSAb4/MTvFRUFR
qmJKKXUBtVHQUWq3wx+Zxi7W2J+O4IpZ33kzArAeJaN3nmY8zyT2RtqF4pqNSFKah5fBUoMB
ueCbMRxgUwQRVqJBHxeSGETKXqHnDzl+4DiYQwlaDYbYZaVLzFmZm48RZ1vUFHw7lCN9KcqN
Ho241FKcICjAYRtOa6qN3nfdFqVpQKuJWbcky8cpDap3ERooc+MwXTTxCjeWGEltHw4o7mOX
LXE9y3mXFbIKWPvd77j8GcWG7InzoTUIRgRVCrEhNoqcgwubiHxq5iyuCW3cUc7iwbgu7jym
kzxmENCWLiKIVmsreYuSCIF7gGQOytXAOrsuXmSjxA8r/hNNvpFZtE39WQsA5Li4vC82KGI
4x/ESnwCEu3tjDKRzmKXxCS/wYz+KkMTMpuFkWCzKMEID4W5deoYahhjrMVHiK0ahrRibi2Q
ZuIMzWaeHMEuGYQZR2rhGvD5eDHafnVMBhd2RyhV1GI+nuWxwOE1GG0iuaGosQ4Ki3FRNxi2
dRJMEtjgCOyJn/4C5bHJEi8EVBZ8DKJAgwIS4nwkprlPCaQYOYCrMkBgP4+KW4uKiogMpD
UhbKaKivoIdZVgQ8QjdQ0wlaZiulh7lnQfuEDPwhqasXT5mJiCnaQrkgteal4ZhPMY1Y1USBUc
TSozgzTuMMUQjT4VM5hmL4URCo1MRZgmUrPyDUJqCGAhFAFY8Qj4mEfjZmW8QRWu5gxaJUM3
1LtwX54VfZCqOeyXO4ep/wATTCE57jFAxqhBOUJs8sZfKGG4/E44jaFjr/8AEcPjsIoqoLCo
PEEclRZtHfwMY3C6lty0tAxGScIm0xi3LxDawwB4lBmZm0UUE8XzbzgNFeIalqubi5Td7+E
ohc48/A4lyCxS3DheYzIy4MUzDBiIRPESalxbs2EZjKdz6jFp9/BKNwgfjal4jIjYtmjs+D
LAJkc/8Awgwwt/JXxgxajuviLM8TI9Q8x8EmoszBFKixlSoFQ4iURTeJHUYy56+C4MsSXLjP
D9Tg5IQ4hhDWjER4Z/7UIbZ4oYINzdM0yuG5eL1FdRY1FLwxXwW9Rb1C4xG+FRgRvEamNE+
8MSDMDcplQlWysIbESGJKzMvEYZFEISeEqVLdRgLvmmUfAXxA8QA2TjZX/1NO//AIQLcEPj
uQgzD4ANWEourqIvg38f9CApwfF+LB8SMPh+TqM2+WXH53Iw/LtDR8u3z25zP//Z